КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

ЯНВАРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го декабря 1891 г.

Отъ Редакціи.

„Кіевская Старина“ начинаетъ одиннадцатый годъ своего изданія, и потому совершенно вправѣ поставить для самой себя вопросъ: выполнены-ли ею, и въ какой мѣрѣ, задачи научно-литературнаго журнала—вообще, и достигнуты-ли цѣли органа, посвятившаго себя разработкѣ вопросовъ края въ его историческомъ прошломъ—въ частности? Десятилѣтній періодъ существованія научнаго журнала, особенно въ провинціи,—это такой срокъ, при которомъ является полная возможность судить, какъ объ успѣшности труда, такъ и о гарантіяхъ продолженія изданія на будущее время.

Первый издатель, покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ, конечно долженъ былъ задаваться этимъ послѣднимъ вопросомъ, но исключительно руководствуясь общими соображеніями о необходимости изданія въ Кіевѣ научнаго журнала, который не былъ-бы пріуроченъ къ спеціальнымъ задачамъ университетскихъ наукъ, а носилъ-бы характеръ—скажемъ такъ—*общественно-научнаго* изданія на мѣстной почвѣ. Исторія края, такая характерная на протяженіи многихъ вѣковъ, конечно, можетъ и должна представлять интересъ въ своей разработкѣ, какъ для уразумѣнія современности, такъ иногда еще болѣе для руководства и надлежащаго направленія жизненныхъ фактовъ будущаго: „правители

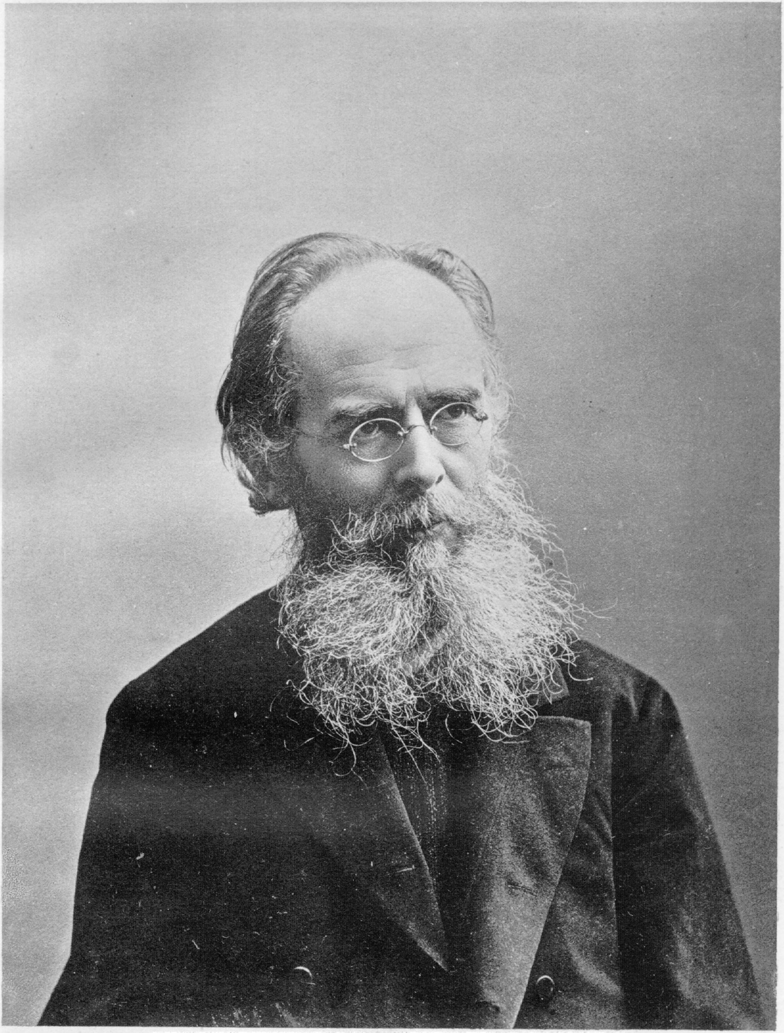
и законодатели—такъ говорилъ Карамзинъ — смотрятъ на листы исторіи, какъ мореплаватели на чертежи морей". Но и помимо этого, у перваго издателя нашего журнала должно было явиться однимъ изъ крупныхъ руководящихъ началъ то соображеніе, что Кіевъ, когда-то центръ просвѣщенія всей Руси, нѣсколько позже—центръ юго-западно-русской науки, а теперь все-таки одинъ изъ крупнѣйшихъ просвѣтительныхъ пунктовъ юга Россіи, долженъ взять на себя починъ всесторонней работы надъ уясненіемъ историческихъ, этнографическихъ, литературныхъ, экономическихъ и всѣхъ прочихъ судебъ края. Указаніе на это можно видѣть въ попыткахъ прошлаго, которыя, сейчасъ-же послѣ открытія въ Кіевѣ Университета, обнаружились въ стремленіи создать органъ для оживленія среди общества научно-литературныхъ интересовъ. На страницахъ „Кіевской Старины" было указано на то, какъ въ 1835 году, т. е. сейчасъ-же послѣ открытія Университета, явилась мысль у самой администраціи основать органъ „Кіевскія Новости", между прочимъ помѣщая въ немъ „историческія и археологическія открытія", а также сообщая факты по всѣмъ отраслямъ краевѣдѣнія („Кіевская Старина" 1884 г., № 11, стр. 532). Еще болѣе такія указанія можно видѣть въ попыткахъ М. Максимовича издавать альманахъ „Кіевлянинъ", вышедшій впрочемъ только въ трехъ книгахъ. Не лишнимъ будетъ вспомнить тѣ строки, которыми открывался „Кіевлянинъ" Максимовича въ 1840 году, такъ какъ эти-же строки вполнѣ объясняютъ и появленіе на свѣтѣ „Кіевской Старины" 10 лѣтъ тому назадъ. „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственную цѣль моего Кіевлянина. Поэтому я покорнѣй-

ше прошу всѣхъ, и особенно живущихъ въ южно-русскомъ краѣ, принять участіе въ изданіи „Кіевлянина“. Это участіе можетъ быть двоякое: во 1-хъ, сообщеніе обработанныхъ уже статей вышесказаннаго содержанія; во 2-хъ, доставленіе мнѣ самыхъ матеріаловъ, каковы напримѣръ: старинныя историческія и всякія другія записки, грамоты, универсалы, акты, листы или письма, старинныя легенды, народныя преданія и пѣсни (безъ всякой поправки), также рисунки со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ“.

Нетрудно видѣть, что эта программа изданія можетъ быть повторена и теперь отъ слова до слова, и потому должна была указывать первому издателю теоретическую потребность въ литературномъ органѣ, который продолжилъ-бы въ болѣе организованной формѣ дѣло, начатое въ Кіевѣ чуть не полвѣка назадъ.

Конечно, всѣ эти общія соображенія побуждаютъ и теперешнюю редакцію „Кіевской Старины“ продолжать нелегкое дѣло изданія научнаго журнала въ обстановкѣ провинціальной печати, такъ-какъ жатва научная все еще остается обильной и для будущихъ жателей; но кромѣ того, редакція имѣетъ возможность теперь прибавить къ этимъ общимъ соображеніямъ и тѣ результаты, какихъ достигло изданіе въ десятилѣтній періодъ его существованія. Не останавливаясь на частичномъ указаніи тѣхъ изслѣдованій, матеріаловъ, мелкихъ замѣтокъ и рецензій, которые нашли себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, мы можемъ указать на тотъ неоспоримый фактъ, что „Кіевская Старина“ этого перваго десятилѣтія является необходимымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся исторіей, литературой, этнографіей, культурой, не только мѣстной, но и общерусской, равно какъ и обще-славянской. И въ самомъ дѣдѣ, мы ви-

димъ постоянно встрѣчающіяся ссылки на нашъ журналъ въ капитальныхъ трудахъ русскихъ и славянскихъ ученыхъ, а это придаетъ намъ еще болѣе увѣренности въ томъ, что десятилѣтній трудъ редакціи былъ полезенъ для дѣла, а слѣдовательно и впредь будетъ внесенъ въ общую сокровищницу тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыя составляютъ украшеніе и славу дорогой намъ родины. Не взирая на всѣ трудности и препятствія, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, мы смѣло беремся за продолженіе начатаго дѣла, съ полной вѣрой въ то, что оно съ теченіемъ времени найдетъ сочувствіе не только въ людяхъ науки, но и въ средѣ образованной части всего русскаго общества. Gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo.



Александръ Асфанасьевичъ Потебня.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ)[1].

Ближайшимъ поводомъ къ составленію изслѣдованія о современномъ состояніи малорусской этнографіи намъ послужилъ III томъ „Исторіи русской этнографіи" А. Н. Пыпина, вышедшій въ августѣ 1891 г., всецѣло посвященный этнографіи малорусской. Новѣйшая малорусская этнографія представлена въ этомъ трудѣ слабо. Въ то время, какъ при обозрѣніи трудовъ малорусскихъ этнографовъ стараго времени указаны кое-гдѣ внутренніе мотивы ихъ дѣятельности и мѣстами сдѣлана оцѣнка добытыхъ результатовъ, обзоръ новѣйшей этнографіи, послѣ Костомарова, Кулиша и Чубинскаго, представляетъ перечень фактовъ біографическихъ и библіографическихъ, причемъ нѣтъ соразмѣрности въ ихъ изложеніи, и мѣстами статистикамъ и историкамъ отведено болѣе мѣста, чѣмъ спеціалистамъ этнографамъ. Встрѣчаются пропуски; напр., пройдены молчаніемъ труды Волкова, Омельченка, Андреевскаго. Почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ такимъ обширнымъ матеріаломъ, столь мало до сихъ поръ систематизированнымъ, въ добавокъ авторъ такъ расширилъ рамки своего изслѣдованія внесеніемъ въ него побочныхъ отраслей, историческихъ и беллетристическихъ, что несоразмѣрность частей, малочисленность самостоятельныхъ оцѣнокъ и пропуски въ матеріалахъ явились неизбѣжнымъ резуль-

[1]) Отъ души благодаримъ уважаемаго нашего сотрудника, предоставившаго намъ возможность, вмѣсто некролога, помѣстить статью, посвященную памяти *Александра Аѳанасьевича Потебни* († 29 ноября 1891 г.), и приложить къ ней портретъ его.—Ред.

татомъ принятой авторомъ системы изслѣдованія. Чтеніе книги г. Пыпина навело меня на мысль сдѣлать къ ней нѣсколько дополненій. Въ статьѣ о современномъ состояніи малорусской этнографіи я буду говорить о трудахъ А. А. Потебни, И. И. Манжуры, П. В. Иванова, г-жи Мошинской, г-жи Рокосовской, Руликовскаго, г. Андреевскаго и др., еле затронутыхъ у г. Пыпина или совсѣмъ опущенныхъ.

Я не буду останавливаться на вопросахъ, что движетъ современными этнографами въ изученіи народности: предыдущія-ли литературныя вліянія, любовь-ли къ наукѣ, или непосредственное общеніе съ народомъ и вытекающее отсюда чувство симпатіи къ нему. Тутъ легко впасть въ гаданія, въ предположенія, которыми можетъ воспользоваться и толковать по своему всякая публицистическая или національная тенденціозность. Не вижу особенной надобности въ опредѣленіи связей современныхъ этнографовъ съ прежними, связей книжныхъ и личныхъ. За немногими исключеніями, современная этнографія имѣетъ совершенно самостоятельное происхожденіе. Такіе собиратели и изслѣдователи прежняго времени, какъ Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, почти вполнѣ забыты; за исключеніемъ Потебни, никто на нихъ не ссылается и не пользуется ихъ этнографическими трудами. Сборникъ Головацкаго у насъ еще мало извѣстенъ, и рѣдко кто имъ пользуется, не смотря на громадное обиліе заключающагося въ немъ пѣсеннаго матеріала. Чаще всего въ трудахъ новѣйшихъ этнографовъ собирателей можно найти ссылки на Чубинскаго, Рудченка и Драгоманова. Вообще, связь новѣйшей этнографіи съ прежней весьма незначительна. Матеріалъ собирается, а часто и издается, особенно часто въ польскихъ этнографическихъ изданіяхъ, безъ оглядки назадъ, безъ справокъ, что было уже ранѣе собрано и издано.

Въ изложеніи современнаго развитія этнографическихъ изученій малорусскаго народа мы съ возможной внимательностью будемъ слѣдить, во первыхъ, за тѣмъ, съ какими пріемами собирается и изучается матеріалъ, и, во вторыхъ что даетъ намъ новаго современная этнографія, какъ великъ кругъ

ея открытій. Послѣдняя задача весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи ея требуются многочисленныя библіографическія справки, не только въ прошломъ русской этнографіи, но и въ современномъ европейскомъ фольклорѣ. Только при широкихъ сравнительно-этнографическихъ изученіяхъ возможна справедливая оцѣнка новѣйшихъ результатовъ малорусской этнографіи. Понятно, что тутъ исчерпывающей полноты и законченности не можетъ быть, по самому существу фольклора и по современной его научной постановкѣ.

Сравнительно-этнографическій обзоръ современнаго украинскаго фольклора долженъ объяснить космополитическіе и національные элементы южнорусской народной словесности, быта и міросозерцанія. Какъ отдѣльному человѣку полезно знакомство съ другими людьми, такъ и народность отъ общенія съ другими народностями выигрываетъ въ разнообразіи и полнотѣ своего національнаго типа и въ богатствѣ своего литературнаго достоянія. Какъ ни трудно разобраться въ разнородныхъ элементахъ, изъ коихъ сложилась украинская народная словесность, но изученіе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что словесность эта, какъ и словесность великорусская, представляетъ весьма характерное соединеніе чертъ чисто-національныхъ, спеціально своенародныхъ съ элементами инородными, причемъ чужое и свое переплелось большею частью такъ тѣсно, что нѣтъ возможности провести разграничительную черту.

А. А. Потебня.

Въ исторіи русской науки, въ частности въ исторіи Харьковскаго университета, Александръ Аѳанасьевичъ Потебня занялъ крупное мѣсто. Имя его пользуется почетной извѣстностью и за предѣлами Россіи, въ славянскихъ странахъ. Въ области филологіи А. А. Потебня безспорно первая величина, что въ особенности стало ясно со смерти Миклошича. Съ знаменитымъ славистомъ Потебня сходится по обширной эрудиціи и по разносторонности научныхъ интересовъ. Глубокое изученіе формальной старины языка у Потебни идетъ рядомъ съ философ-

скимъ пониманіемъ, съ любовью къ поэзіи и искусству. Тонкій и тщательный анализъ, выработанный на спеціально филологическихъ изслѣдованіяхъ, получилъ блестящее приложеніе въ работахъ по этнографіи, въ особенности въ капитальныхъ ртудахъ о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ.

Печатными трудами значеніе Потебни не исчерпывается. Вліяніе его, какъ человѣка и профессора, было глубоко и благотворно. На каѳедрѣ онъ всегда былъ учителемъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: въ его лекціяхъ заключался богатый запасъ свѣдѣній, тщательно провѣренныхъ и продуманныхъ, слышалось живое личное увлеченіе наукой, обнаруживалось оригинальное міросозерцаніе, въ основѣ котораго лежитъ въ высшей степени совѣстливое и деликатное отношеніе къ личности человѣка и личности народа. Въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ Потебня всегда былъ строгъ безъ малѣйшихъ уклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой нравственной требовательностью, прилагаемой постоянно и къ собственной личности, стояло доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни, въ отношеніи къ людямъ, обращавшимся за научнымъ совѣтомъ, указаніями и пособіемъ.

До послѣдняго времени, до выхода въ свѣтъ III тома „Исторіи рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, въ печати не было біографическихъ свѣдѣній о Потебнѣ. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить у г. Пыпина автобіографію Потебни въ цѣлыхъ четыре страницы (420—424), что нѣсколько удивило и порадовало его учениковъ, знающихъ, какъ въ этомъ отношеніи А. А. Потебня всегда былъ скроменъ, какъ мало, совершенно случайно и мимоходомъ онъ сообщалъ о своемъ прошломъ.

Потебня—малоросъ по происхожденію, на что уже указываетъ его фамилія. Происхожденіе и этимологическое значеніе слова „потебня“ объяснено подробно самимъ А. А. Потебней въ IV вып. „Къ исторіи звуковъ“ (40): потебня, тебенек—корень татарскій, предлогъ и грамматическая форма русскіе, означаетъ кожаныя лопасти по бокамъ казачьяго сѣдла. Фамилія казацкая. На Дону въ великорусской формѣ Тебеньковъ.

А. А. Потебня родился въ 1836 г. въ небогатой дворянской семьѣ Роменскаго уѣзда Полтавской губ., учился сначала въ Радомской гимназіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1856 г. Ко времени пребыванія А. А. Потебни въ университетѣ относится его знакомство съ студентомъ—медикомъ Мих. Вас. Нѣговскимъ, любителемъ и собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорускомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою биліотекой я пользовался, говоритъ А. А., что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія. Нѣговскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; но Потебня до послѣднихъ дней своей жизни хранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Подъ вліяніемъ Нѣговскаго укрѣпился въ А. А. живой интересъ къ малорусской этнографіи, выразившійся впослѣдствіи въ видѣ капитальныхъ научныхъ трудовъ. Въ молодости Потебня собиралъ народныя пѣсни; часть собранныхъ имъ пѣсенъ вошла въ извѣстный сборникъ Чубинскаго. Въ своей автобіографіи Потебня неоднократно упоминаетъ съ признательностью о Петрѣ Александровичѣ и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ. По совѣту П. А. Лавровскаго Потебня сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ экзаменъ „благодаря снисходительности“ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, черезъ П. Лавровскаго познакомился съ трудами Миклошича, Срезневскаго, Караджича. Въ автобіографіи Потебни нѣтъ ни малѣйшей тѣни отъ того темнаго облачка несогласія съ П. А. Лавровскимъ, научно-литературнымъ остаткомъ котораго служитъ обширная и суровая рецензія П. А. Лавровскаго во II кн. „Чтеній моск. общ. ист. и древн.“ 1866 г. на сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Для нравственной личности Потебни характерно, что онъ не отвѣчалъ своему строгому критику, хотя вполнѣ могъ это сдѣлать, подавилъ въ себѣ горечь личной непріятности, и въ 1886 по кончинѣ П. А. Лавровскаго прочелъ въ засѣданіи Хорьковскаго историко-филологическаго общества рефератъ о научныхъ трудахъ П. А. Лавровскаго,

съ безусловно объективной оцѣнкой его научныхъ заслугъ, а въ своей автобіографіи подчеркиваетъ свою признательность братьямъ Лавровскимъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе на первыхъ по времени ступеняхъ его научной дѣятельности.

Въ числѣ профессоровъ, которыхъ слушалъ Потебня, былъ А. Л. Метлинскій. Въ автобіографіи Потебня говоритъ: „Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка“. Несомнѣнно, что Метлинскій благотворно повліялъ на Потебню въ смыслѣ усиленія въ немъ живаго интереса къ малорусской народности и этнографіи. Метлинскій былъ человѣкъ простой, честный, добродушный и трудолюбивый. По словамъ его ученика Де-Пуле, дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ не дурно, кто сочинялъ стихи, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни. „Народныя южнорусскія пѣсни“, о которыхъ упоминаетъ Потебня, вышли въ 1854 г. Въ предисловіи къ нимъ Метлинскій писалъ слѣдующее: „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ по волѣ Промысла на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ“. Далѣе у Метлинскаго слѣдуетъ выраженіе, которое позднѣе Потебня по-

вторилъ, съ ссылкой на автора, какъ безусловно справедливое. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа".

Послѣ сборника Метлинскаго вышло много гораздо болѣе крупныхъ по величинѣ, болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи сборниковъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; но нѣтъ ни одного между ними, за исключеніемъ сборника историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, въ которомъ такъ живо и рельефно выступала сила и красота народной поэзіи. Метлинскій внесъ въ свою книгу вновь записанныя пѣсни, не искаженныя сторонними вліяніями; онъ не позволялъ себѣ составлять пѣсни изъ нѣсколькихъ варіантовъ и въ правописаніи держался господствующаго украинскаго нарѣчія; въ результатѣ получился сборникъ цѣльный и изящный, по внутреннему содержанію и внѣшней формѣ. Въ сборникѣ отразилась природа южнорусскаго края, народный бытъ, историческія воспоминанія. Пѣсни пошли одна за другой, какъ дикіе полевые цвѣты, выросшіе на полѣ народной жизни.

Такова была приблизительно почва, на которой у Потебни выросли и окрѣпли научные этнографическіе интересы: непосредственное чувство любви къ родинѣ — сильное и глубокое, украинскія симпатіи подъ вліяніемъ Нѣговскаго и Метлинскаго ивсеславянскія научныя сочувствія подъ вліяніемъ братьевъ Лавровскихъ.

Къ этимъ воздѣйствіямъ на Потебню, важнымъ и плодотворнымъ преимущественно по отношенію развитія въ немъ этнографическихъ интересовъ и научнаго опредѣленія ихъ, нужно еще присоединить сильное и благотворное вліяніе нѣмецкой филологической науки. Г. Соболевскій недавно замѣтилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ рецензіи на „Исторію русской этнографіи". Пыпина, что „первообразомъ" Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы", то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго—Бенфей; у Штейнталя и Бенфея окажутся свои „первообразы", по естественной

преемственности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнятъ его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго. Воздѣйствіе нѣмецкой науки на Потебню нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ сочиненіи „Мысль и языкъ" (1862 г.) и „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" (1874 г.) обнаруживается глубокое изученіе В. Гумбольдта, Штейнталя и Лацаруса, въ соч. „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ" (1865 г.) изученіе Я. Гримма. Какъ человѣкъ сильнаго ума, Потебня не подчинялся ни одному авторитету, ко всѣмъ трудамъ относился самостоятельно и критически. Такое изученіе нѣмецкой филологической науки Потебня продолжалъ до конца своей жизни. Такъ, въ 80-хъ годахъ онъ обстоятельно изучилъ и далъ отзывъ о сочиненіяхъ выдающагося новѣйшаго нѣмецкаго филолога Бругманна.

Сочиненія Потебни распадаются на филологическія и этнографическія. Строгаго дѣленія между тѣми и другими нѣтъ. Въ сочиненіяхъ филологическихъ встрѣчаются цѣнныя этнографическія замѣтки и, наоборотъ, въ сочиненіяхъ по преимуществу этнографическихъ разбросаны замѣчанія о звуковыхъ особенностяхъ и этимологическомъ значеніи отдѣльныхъ словъ. На всѣхъ трудахъ Потебни лежитъ отпечатокъ его оригинальной личности, его своеобразнаго научнаго дарованія. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеюся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Съ высоты своихъ обобщеній онъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдален-

ными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія.

О филологическихъ трудахъ Потебни есть двѣ обширныхъ статьи (Срезневскаго и Будиловича), но значеніе Потебни, какъ филолога, этими статьями далеко еще не опредѣлено, и такое опредѣленіе остается дѣломъ будущаго. Недостаточно опредѣлена философская сторона въ сочиненіяхъ Потебни, и въ особенности мало оцѣнены его громадныя заслуги по изученію лексической стороны русскаго языка. Здѣсь Потебня глубоко затрогиваетъ интересы этнографовъ (напр., въ статьяхъ о названіи болѣзней, о словахъ, заимствованныхъ малоруссами отъ нѣмцевъ, румынъ, грековъ и др.) и историковъ быта и права (напр., о древне-русскихъ юридическихъ терминахъ).

Полная оцѣнка филологической научной дѣятельности Потебни въ настоящее время уже потому не можетъ быть сдѣлана, что послѣ смерти Потебни остался въ рукописи, вполнѣ приготовленной къ печати, громадный трудъ—продолженіе его докторской диссертаціи „Изъ Записокъ по русской грамматикѣ“, и затѣмъ другой также въ высокой степени цѣнный трудъ по теоріи поэзіи. Къ этимъ трудамъ относятся послѣднія строки въ автобіографической запискѣ Потебни: „О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе (въ послѣдніе годы Потебня сильно и часто былъ боленъ), и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построен-

ный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія—для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно научнымъ въ области грамматическихъ категорій, по даннымъ преимущественно русскаго языка“...

Потебню неоднократно упрекали за изложеніе тяжелое и сухое. Это упрекъ не безосновательный, но требующій оговорки и ограниченія. Сухимъ и труднымъ для пониманія представляется его главный филологическій трудъ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ и нѣкоторыя мѣста въ другихъ его сочиненіяхъ 70 и 80-хъ годовъ. Трудность обусловливается стремленіемъ ученаго къ возможно точному философскому опредѣленію грамматическихъ и логическихъ категорій. Ранніе труды Потебни (о символахъ, о мысли и языкѣ) написаны живо, просто, ясно, и въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ его позднѣйшихъ трудовъ. Рѣчь Потебни была жива и увлекательна. Онъ и здѣсь не сходилъ съ научной почвы; но то обиліе сухихъ фактовъ, которое подавляетъ читателя въ послѣднихъ сочиненіяхъ Потебни, на его лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ облекалось всепроникающей мыслью о торжествѣ разума, правды и добра, причемъ исторія языка, пѣсенъ и обрядовъ являлась вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей человѣческой культуры.

Обращаемся къ изложенію и оцѣнкѣ этнографическихъ трудовъ Потебни, изложенію по возможности, подробному, въ виду научной ихъ важности и въ виду того, что до сихъ поръ о Потебнѣ, какъ этнографѣ, въ научной литературѣ не было рѣчи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ АНДРІЕВСКІЙ.

(эпизодъ 1789 г.).

По запискамъ Ѳеодосія Бродовича, лица, интересующіяся судьбою юго-западнаго края въ XVIII ст., ознакомились съ страннымъ дѣломъ, возникшимъ на Волыни въ 1789 году. Дѣло это представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ оригинальныхъ патологическихъ явленій общественной жизни; является оно, впрочемъ, прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ ненормальныхъ условій общественнаго быта, которыя создало для себя и для цѣлаго края польское дворянство, владѣвшее имѣніями въ юго-западной Руси. Польскіе или давно уже ополячившіеся, хотя по происхожденію русскіе, дворяне юго-западнаго края заключились въ совершенно замкнутый сословный кругъ, рѣзко очерченный и не имѣвшій никакихъ точекъ соприкосновенія съ массою населенія края. По языку, религіи, культурѣ, по подробностямъ этнографическаго быта они были совершенно чужды народной массѣ; въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ стояли къ ней враждебно. Сознавая, что народонаселеніе страны питаетъ къ нимъ крайне недружелюбныя чувства, дворяне не были въ состояніи, даже изъ побужденій сословнаго и личнаго интереса слѣдить за настроеніемъ этой массы, понимать ея стремленія и средства противодѣйствія; въ концѣ XVIII столѣтія мѣстные дворяне мало или вовсе не понимали языка окружавшаго ихъ народа и не

были въ состояніи прочесть строчки рукописи, написанной тѣмъ шрифтомъ и языкомъ, которымъ пользовались болѣе интеллигентные представители народа въ церковномъ обиходѣ, въ школѣ и литературѣ; они инстинктивно чувствовали, что находятся въ постоянной опасности, что живутъ на почвѣ, пронизанной глубокими и опасными минами, но не имѣли достаточно энергіи для того, чтобы изучить направленіе и состояніе этихъ минъ и принять мѣры защиты противъ ихъ взрыва. Чувствуя себя иноземною колоніею среди порабощеннаго края, они не запаслись ни должнымъ количествомъ гуманнаго чувства для того, чтобы смягчить поводы раздраженія, ни даже простой предусмотрительностью для того, чтобы по мѣрѣ возможности обезопасить свое положеніе. Очевидно, почва была подготовлена такимъ образомъ, что при первомъ, хотябы ничтожномъ, поводѣ безсознательная страшная паника должна была охватить дворянское общество и вызвать въ его средѣ самыя причудливыя явленія. Это и случилось въ 1789 году.

Нѣсколько фразъ, неосторожно сказанныхъ среди сеймовыхъ преній, и совершенно случайный единичный фактъ — убіеніе на Волыни помѣщика Вележинскаго его дворовыми людьми — привели въ ужасъ все дворянское населеніе южнорусскихъ воеводствъ: шляхтичи были увѣрены, что наступилъ роковой моментъ, угрожающій страшною гибелью всему ихъ сословію. Подъ впечатлѣніемъ паники и при полномъ незнаніи края возникали самыя странныя предположенія и галлюцинаціи. Принимая за положительные факты произведенія собственной фантазіи, зародившіяся подъ натискомъ страха, дворяне увѣрились въ существованіи громаднаго заговора, охватившаго будто бы невѣдомыми путями все населеніе края и готоваго вспыхнуть съ непреодолимою силою. Страстные вопли, раздавшіеся по этому поводу среди волынскихъ дворянъ, прервали ходъ занятій четырехлѣтняго сейма, на которомъ болѣе развитые представители шляхетства пытались было пріискать мѣры спасенія для распадавшагося организма Рѣчи Посполитой. На сеймѣ рѣшено было, отложивъ всѣ другія заботы, употребить экстренныя, крайне энергичныя мѣры для того,

чтобы предупредить взрывъ страшной катастрофы. Въ южно-русскихъ воеводствахъ были организованы шляхетскія коммиссіи съ неограниченною властью для того, чтобы выслѣдить, предупредить и подавить предполагаемый заговоръ и подвергнуть надлежащей карѣ его участниковъ; въ распоряженіе коммиссій предоставлены были всѣ скудныя, имѣвшіяся на лицо, военныя силы Рѣчи Посполитой. Коммиссіи принялись за свое дѣло съ судорожною горячностью, внушаемою паническимъ страхомъ. Онѣ публиковали воззванія, приглашавшія всѣхъ обывателей сообщать коммиссіямъ замѣченныя ими проявленія мнимаго заговора и предписали военнымъ командамъ арестовать всѣхъ лицъ, которыя будутъ кѣмъ бы то ни было оговорены или заподозрѣны въ участіи въ заговорѣ. Конечно, доносы въ коммиссіи посыпались кучами: многіе вспоминали разговоры, шутки, даже жесты, которые случилось имъ наблюдать въ теченіе 2—3 послѣднихъ лѣтъ и которые теперь, при освѣщеніи текущаго настроенія казались крайне подозрительными; они bona fide сообщали коммиссіямъ свои наблюденія и указывали десятки мнимыхъ заговорщиковъ; другіе пользовались смутою для того, чтобы свести счеты съ личными врагами, чтобы избавиться отъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, наконецъ для того, чтобы удалить лицъ, неудобныхъ для нихъ въ силу денежныхъ обязательствъ. Всѣ оговоренные безъ разбору были арестованы военными командами и препровождались въ города, въ которыхъ засѣдали коммиссіи. Послѣднія производили допросы и слѣдствіе, сокративъ до minimum'а, особенно въ началѣ своей дѣятельности, формы судопроизводства и, въ силу своихъ полномочій, отбросивъ закономъ предписанныя гарантіи подсудимыхъ. Въ разныхъ воеводствахъ, смотря по составу коммиссій и по степени раздраженія шляхетскаго общества, приговоры коммиссій представляютъ различную степень поспѣшности. На Волыни — въ Владимірѣ, Кременцѣ и особенно въ Луцкѣ—дворянскія коммиссіи отличаются особенно тревожнымъ настроеніемъ; въ силу того онѣ расточаютъ смертные приговоры весьма щедро, не изслѣдовавъ дѣлъ въ подробностяхъ, иногда на основаніи ясно несообразныхъ показаній. Когда пол-

года спустя волынскія коммиссіи убѣдились наконецъ, что заговора вовсе не существовало и что толки о немъ были не болѣе какъ продуктъ досужей фантазіи, оказалось, что нѣсколько десятковъ подсудимыхъ: крестьянъ, уніятскихъ священниковъ и коробейниковъ-старообрядцевъ поплатились безъ повода жизнью среди погони за фантастическою конспираціею. Гораздо хладнокровнѣе и разсудительнѣе были дѣйствія коммиссіи кіевскаго воеводства, засѣдавшей въ Житомірѣ.—Члены ея, подобно волынскимъ своимъ собратіямъ, опубликовали воззваніе, призывавшее обывателей сообщить въ коммиссію свѣдѣнія о заговорѣ. Доносы посыпались и здѣсь отъ лицъ разныхъ сословій и состояній; военныя команды и экономическіе уряды доставили массу лицъ оговоренныхъ, но коммиссія повела слѣдствіе спокойнѣе, сочла нужнымъ повѣрить факты, собрать показанія свидѣтелей и не торопилась окончательнымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Между тѣмъ количество лицъ, состоявшихъ подъ арестомъ, страшно накоплялось; наконецъ военныя власти поставили на видъ коммиссіи, что онѣ не имѣютъ достаточныхъ средствъ для наблюденія за арестантами, число которыхъ превосходитъ значительно число солдатъ житомирскаго гарнизона, и просили коммиссію ускорить рѣшеніе дѣлъ. Но коммиссія, по произведеннымъ слѣдствіямъ, пришла къ ясному убѣжденію о фиктивности предполагаемаго заговора и, не желая, съ одной стороны, подвергать жестокимъ приговорамъ очевидно ни въ чемъ неповинныхъ арестантовъ, съ другой—боясь оправдательными рѣшеніями вызвать негодованіе собственной среды, избрала уклончивый, средній путь: она препроводила и арестантовъ, и относившіеся къ нимъ документы процессовъ въ распоряженіе мѣстнаго гродского суда. Судъ этотъ долженъ былъ примѣнить къ подсудимымъ пріемы нормальнаго судопроизводства: онъ поручилъ своему инстигатору (прокурору) составить обвинительные акты, назначилъ подсудимымъ адвокатовъ, долженъ былъ дополнить слѣдствіе опросомъ новыхъ свидѣтелей и исполнить массу юридическихъ формальностей, предписанныхъ литовскимъ статутомъ. Такимъ образомъ рѣшеніе дѣлъ затянулось, и гродскій судъ приступилъ къ составленію при-

говоровъ уже тогда, когда паника среди шляхетскаго общества улеглась и когда оно убѣдилось вполнѣ въ призрачномъ характерѣ заговора; не удивительно потому, что всѣ приговоры гродскаго житомірскаго суда привели къ оправданію подсудимыхъ или къ ничтожнымъ взысканіямъ за несвоевременное произнесеніе бранныхъ или шуточныхъ словъ, за неповиновеніе экономическимъ властямъ и за другіе мелкіе проступки. Единственное дѣло, окончившееся въ житомірскомъ гродскомъ судѣ строгимъ приговоромъ, — это было дѣло по обвиненію протоіерея Алексѣя Андріевскаго. Конечно, дѣло это не имѣло ничего общаго съ мнимымъ заговоромъ, по поводу котораго было вчато, но при слѣдствіи обнаружились такіе поступки о. Алексѣя, къ которымъ тогдашнее польское дворянство не могло отнестись равнодушно. Въ процессѣ свящ. Андріевскаго пришлось натолкнуться на черты своеобразной мѣстной культуры, непонятной и конечно не симпатичной для дворянскаго польскаго общества, и за эту то культуру пришлось поплатиться ея представителю. Главный corpus delicti въ дѣлѣ протоіерея Андріевскаго составляла найденная у него при обыскѣ рукопись историко-литературнаго содержанія.

О біографіи прот. Алексѣя Андріевскаго мы знаемъ только тѣ факты, которые помѣщены въ обвинительномъ актѣ и въ текстѣ приговора, но они достаточно рисуютъ энергическую и глубоко преданную своему убѣжденію личность почтеннаго протоіерея [1]).

Въ 1789 году онъ былъ уже человѣкъ не молодой.—Еще въ 1765 или 1766 году онъ былъ рукоположенъ въ священство уніятскимъ митрополитомъ Фелиціаномъ Володковичемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ свою прежнюю фамилію Дытюкъ на новую, заимствованную, вѣроятно, отъ отчества —Андріевскій. Принадлежность его къ уніятской церкви объясняется, вѣроятно, тяжело слагавшимися въ то время для православія обстоятельствами, но она не вытекала изъ его убѣжденій, стремившихся весьма отчетливо въ другомъ направленіи. Неудиви-

[1]) Книга гродская кіевская декретовая № 812, листъ 545.

тельно потому, что при первой возможности онъ навсегда разстался съ уніею. Въ 1768 году вспыхнуло крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ коліивщины, быстро охватившее южную Украину, въ которой проживалъ молодой священникъ; польскіе паны и уніятскіе священники гибли или бѣжали изъ края, духовныя лица, расположенныя по убѣжденію къ православію, почувствовали себя на время свободными отъ духовнаго и помѣщичьяго надзора и рѣшились воспользоваться минутою для того, чтобы возвратиться къ вѣрѣ предковъ и удержать въ ней своихъ прихожанъ. Вмѣстѣ со многими другими, насильно обращенными въ унію священниками, Алексѣй Андріевскій направился въ Переяславъ, гдѣ по его просьбѣ епископъ Гервасій возсоединилъ его съ православіемъ. Но, возвратившись на родину, онъ засталъ обстоятельства измѣнившимися: быстро вспыхнувшее крестьянское возстаніе было также быстро подавлено; многочисленныя военныя и гражданскія коммиссіи судили и казнили его участниковъ; уніятское духовенство производило розыскъ о священникахъ, ѣздившихъ въ Переяславъ, нѣкоторыхъ предавало суду, остальныхъ лишало приходовъ. Многіе изъ нихъ, дѣйствовавшіе по мірскимъ побужденіямъ, являлись въ уніятскую консисторію съ повинною, объясняли свой переходъ въ православіе страхомъ грозившей отъ бунтовщиковъ опасности и подписывали отреченіе. Но среди священниковъ были также люди, руководившіеся глубокимъ убѣжденіемъ, которое они предпочли житейскимъ выгодамъ; къ числу ихъ принадлежалъ и о. Алексѣй Андріевскій; онъ отказался принести повинную, былъ лишенъ прихода и затѣмъ въ теченіе почти 20 лѣтъ велъ скитальческую жизнь. По временамъ громады селъ, болѣе энергично стоявшія за православіе, призывали его къ себѣ на приходъ, но нигдѣ ему не удавалось удержаться: то уніятское духовенство съ помощью экономическихъ властей смѣщало его, замѣняя уніятомъ, то помѣщики отказывали ему въ презентѣ, и онъ долженъ былъ уѣзжать въ новое мѣсто или оставаться вовсе безъ дѣла[1]).

---

[1]) Въ 1780 году А. Андріевскій занималъ должность благочиннаго въ Хвастовѣ и былъ избранъ окрестнымъ православнымъ духовенствомъ депутатомъ для

Наконецъ въ 1785 году судьба улыбнулась стойкому священнику; въ этомъ году состоялся актъ раздѣла украинскихъ помѣстій, принадлежавшихъ нѣкогда Вишневецкимъ, и послѣ прекращенія ихъ рода перешедшихъ къ ихъ наслѣдникамъ: Радзивилламъ, Ржевускимъ, Любомирскимъ и т. п. Въ числѣ сонаслѣдниковъ на долю князя Ксаверія Любомирскаго, кромѣ другихъ имѣній, достался ключъ Межирицкій (нынѣ въ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губ.), состоящій изъ м. Межирича и 11 окрестныхъ селъ. Кн. Ксаверій Любомирскій, генералъ-маіоръ русской службы, принадлежалъ къ небольшому кружку польской аристократіи, отличавшейся хорошимъ европейскимъ образованіемъ; люди этого кружка сознавали всѣ ненормальныя отношенія, установившіяся въ Польшѣ, и, чувствуя невозможность устранить ихъ вообще, примѣняли другіе, болѣе гуманные принципы въ своихъ имѣніяхъ. Принявъ въ управленіе доставшіяся ему имѣнія, кн. Любомирскій принялся за ихъ устройство; на первомъ мѣстѣ его экономическихъ плановъ стояли заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ: онъ облегчилъ почти на половину повинности, сложилъ дани натурою, разрѣшилъ крестьянамъ своихъ имѣній пріобрѣтать поземельную собственность, многихъ самъ надѣлялъ ею, поощрялъ занятіе промыслами и т. п.

Между прочими формами въ управленіи своихъ имѣній кн. Ксаверій Любомирскій рѣшился держаться строгой вѣротерпимости и отказался отъ всякаго давленія на религіозныя убѣжденія населенія: вскорѣ представился ему случай проявить этотъ принципъ на дѣлѣ. Въ селѣ Бабичахъ, принадлежавшемъ къ Межирицкому ключу, громада призвала на приходъ Свято-Покровской церкви свящ. Алексѣя Андріевскаго, но уніятская консисторія помимо воли громады назначила своего ставленика; помѣщикъ имѣлъ рѣшительный голосъ въ рѣшеніи этого дѣла: только на основаніи его презенты могъ удержаться на приходѣ одинъ изъ двухъ кандидатовъ. Когда громада изъ Бабичъ обра-

поѣздки въ Петербургъ—съ перечнемъ жалобъ на притѣсненія, испытываемыя отъ уніятовъ; онъ собрался въ путь, но въ Переяславѣ епископъ Илларіонъ отмѣнилъ этотъ выборъ и назначилъ вмѣсто Андріевскаго другое лицо въ составъ депутаціи. (Сообщилъ П. Г. Лебединцевъ).

тилась къ кн. Любомирскому за рѣшеніемъ вопроса, онъ выслушалъ мнѣніе крестьянъ, познакомился съ обоими кандидатами и вполнѣ оцѣнилъ нравственную личность о. Алексія; громадѣ онъ отвѣтилъ, что въ ея волѣ удержать того или другого священника — къ кому будутъ прихожане обращаться за требами, тотъ и будетъ у нихъ священникомъ; презенту-же онъ предложитъ обоимъ. Дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ, но при этомъ употребилъ своеобразный пріемъ: съ уніятскаго ставленика онъ потребовалъ за презенту непомѣрно высокую плату, отцу же Алексѣю выдалъ ее даромъ. Оставленный прихожанами и нежелавшій платить назначенной цѣны за презенту, уніятскій священникъ уѣхалъ изъ Бабичей, и приходъ остался во владѣніи свящ. Андріевскаго. Его испытанная энергія и дружелюбныя отношенія, въ которыя онъ сталъ къ кн. Любомирскому, обратили на него вниманіе епархіальнаго правленія, которое поручило ему управленіе обширнымъ Мошнянскимъ благочиніемъ. Три года пребывалъ въ этой должности отецъ Алексѣй и, благодаря какъ собственной энергіи, такъ и гуманному взгляду и поддержкѣ кн. Любомирскаго, онъ успѣлъ возстановить постепенно православіе во всѣхъ селахъ Межиричскаго ключа; въ 1788 году одинъ только приходъ при Успенской церкви въ селѣ Поповкѣ, смежной съ Бабичами, оставался во власти уніятскаго священника; хотя и здѣсь большинство жителей обращалось за исполненіемъ требъ къ отцу Алексѣю. Желая прекратить это неопредѣленное положеніе, послѣдній неоднократно совѣтовалъ крестьянамъ, приходившимъ къ нему изъ Поповки, пригласить на приходъ православнаго священника, указывая на примѣръ всѣхъ другихъ селъ Межирицкаго ключа. Наконецъ, въ 1788 году по просьбѣ громады, онъ назначилъ въ Поповку православнаго ставленника; къ несчастію для полученія презенты встрѣтилось неожиданное препятствіе: въ исходѣ 1787 года кн. Любомирскій продалъ всѣ свои украинскія имѣнія, въ томъ числѣ и Межиричскій ключъ свѣтлѣйшему князю Григорію Потемкину. Новый владѣлецъ жилъ въ Петербургѣ, и путь къ нему за полученіемъ презенты былъ слишкомъ далекъ и труденъ; назначенный-же имъ главноуправляющій полковникъ Стааль, не от-

важивался безъ инструкціи владѣльца вмѣшиваться въ дѣло. Громада села Поповки отправилась было за рѣшеніемъ вопроса къ полковнику, но тотъ далъ уклончивый отвѣтъ и посовѣтовалъ крестьянамъ для рѣшенія духовнаго дѣла обратиться въ духовное вѣдомство и указалъ имъ на Мотренинскій монастырь, игумены котораго со времени извѣстнаго Мельхиседека Яворскаго считались правителями православныхъ церквей въ южной Украинѣ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи полковника, уніатскій священникъ Поповки поспѣшилъ явиться въ Мотренинскій монастырь раньше своего соперника и заявилъ полную готовность присоединиться къ православію, но здѣсь онъ не встрѣтилъ желанія воспользоваться его готовностію; оказалось, что священникъ этотъ не внушалъ къ себѣ довѣрія, такъ какъ уже нѣсколько разъ, смотря по теченію событій, онъ переходилъ изъ уніи въ православіе и обратно. Возвратившись въ Поповку, онъ впрочемъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ; онъ отказался отдать громадѣ церковные ключи и продолжалъ отправлять богослуженіе. Поповцы обратились вновь за совѣтомъ къ благочинному; о. Алексѣй сказалъ имъ, что впредь до рѣшенія княземъ вопроса о приходѣ они могутъ отправлять богослуженія въ частномъ домѣ, необходимыя-же церковныя облаченія и книги они могутъ взять изъ церкви, гдѣ предметы эти находились въ достаточномъ для двухъ священниковъ количествѣ. Слѣдуя этому совѣту, крестьяне вошли въ церковь и, послѣ службы, потребовали отъ уніятскаго священника нужные предметы; получивъ отказъ, они помимо его запрета, взяли часть церковныхъ облаченій, свѣчей и двѣ богослужебныя книги и затѣмъ отправились слушать заутреню въ частномъ домѣ, гдѣ служилъ православный священникъ.

Между тѣмъ благочинный Андріевскій получилъ изъ экономіи весьма неутѣшительныя вѣсти. Кн. Потемкинъ, не желая раздражать мѣстнаго дворянства, отказался отъ вмѣшательства въ спорный вопросъ и потребовалъ, чтобы объ этомъ объявлено было крестьянамъ. Андріевскій обязанъ былъ заявить имъ, что дальнѣйшую борьбу изъ-за уніи крестьяне должны вести собственными сылами и не имѣютъ права впредь

ссылаться на авторитетъ или ожидать поддержки владѣльца. Извѣстіе это привело жителей Поповки въ большое уныніе; православный священникъ бѣжалъ изъ села, крестьяне бросились къ уніатскому священнику просить прощенія; послѣдній торжествовалъ и рѣшился отомстить благочинному за испытанную тревогу, благо пришло удобное время: только что отъ порядковой коммиссіи получены были объявленія объ угрожающемъ заговорѣ и воззванія о доставленіи свѣдѣній о подозрительныхъ лицахъ.

Въ началѣ апрѣля 1789 года о. Алексѣй получилъ частное извѣщеніе, что на него поданъ доносъ въ Коммиссію и что съ часу на часъ ему угрожаетъ арестъ. Отслуживъ заутреню, онъ призвалъ нѣсколько степенныхъ крестьянъ, разсказалъ имъ положеніе дѣла и просилъ защиты; онъ предлагалъ, чтобы крестьяне, когда жолнеры и уніаты пріѣдутъ арестовать его, сбѣжались по сигнальному выстрѣлу изъ пистолета и воспротивились его аресту. Крестьяне однако отказались исполнить этотъ планъ; „мы не можемъ, говорили они, оказывать сопротивленія войску; такимъ поступкомъ мы можемъ навлечь гибель на себя и на наши семейства: поляки вырѣжутъ все село безъ остатка“;— затѣмъ они совѣтовали благочинному бѣжать и укрыться на время въ какомъ-либо монастырѣ. „Никакой монастырь не охранитъ меня, сказалъ о. Алексѣй, а вы потеряли, какъ вижу, всякое мужество; не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго“. Услышавъ такія рѣчи, крестьяне прекратили разговоръ и разошлись по домамъ. На слѣдующій день произошла ожидаемая катастрофа: отрядъ жолнеровъ окружилъ домъ благочиннаго и произвелъ въ немъ строгій обыскъ. Въ качествѣ подозрительныхъ предметовъ отобраны были: 4 ружья, 2 пистолета, большой кухонный ножъ (на слѣдствіи оказалось потомъ, что отецъ Алексѣй часто ходилъ на охоту, почему и держалъ запасъ оружія) и рукописная книга на русскомъ языкѣ.

20 апрѣля благочинный былъ уже подъ стражею доставленъ въ Житоміръ и 21 съ него отобраны первыя показанія въ засѣданіи порядковой коммиссіи. Очевидно, здѣсь онъ не

потерялся и, видя трудность отстоять свое дѣло передъ лицемъ предубѣжденной экстренной коммиссіи, онъ требовалъ перенесенія дѣла въ нормальные суды и постоянно предъявлялъ апеляцію въ люблинскій трибуналъ. Тому-же методу защиты слѣдовалъ отъ имени владѣльца вызванный въ судъ представитель экономіи кн. Потемкина; но требованія ихъ не были уважены, и дѣло о. Алексѣя вмѣстѣ съ другими было передано въ гродскій судъ. Послѣдній выдѣлилъ это дѣло изъ числа всѣхъ другихъ, подвергъ весьма тщательному изслѣдованію и 6 іюня постановилъ по нему окончательный приговоръ. Судъ призналъ священника Алексѣя Андріевскаго виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: онъ отзывался объ уніи въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; побудилъ крестьянъ села Поповки унести насильно изъ церкви принадлежности богослуженія; пытался побудить крестьянъ села Бабичей оказать сопротивленіе военной командѣ и, наконецъ, совершилъ самое тяжелое преступленіе, разсказывая имъ о бунтѣ Хмельницкаго и читая неоднократно объ этомъ предметѣ отрывки изъ рукописной книги, которая и была у него задержана при обыскѣ. Эту злосчастную рукопись разсматривали и члены коммиссіи, и члены гродскаго суда, но ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи прочитать ее, такъ какъ она была писана по русски; съ большимъ трудомъ розыскали въ числѣ канцеляристовъ лице, умѣвшее читать на этомъ языкѣ, и вручили ему рукопись на разсмотрѣніе. Это оказалась одна изъ козацкихъ лѣтописей, судя по приводимому въ дѣлѣ нѣсколько разъ заглавію „Xiężka o rewolucji Chmielnickiego". Это вѣроятно былъ списокъ или лѣтописи Грабянка (Дѣйствія презѣльной и отъ начала поляковъ крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкаго), или лѣтописи Самовидца (Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго), списокъ, который о. Андріевскій переписалъ еще до своего рукоположенія въ священники и потомъ любилъ прочитывать въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Экспертъ, разсматривавшій эту книгу, далъ о ней такой отзывъ: „книга эта заключаетъ много ложныхъ разсказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить омерзеніе противъ поляковъ", въ доказательство чего онъ пред-

ставилъ суду нѣсколько отрывковъ въ переводѣ.—Это мнѣніе эксперта и рѣшило дѣло не въ пользу подсудимаго. Судъ заключилъ, что всѣ перечисленныя преступленія ясно доказываютъ, „что священникъ Андріевскій—лице вредное для края и для общества, нарушавшее общественное спокойствіе и что онъ за свои поступки, исполненные соблазна, долженъ подлежать примѣрному наказанію“;—вслѣдствіе этого судъ опредѣлилъ заключить его на 12 лѣтъ въ каменецкую крѣпость, причемъ средствъ на его содержаніе правительство отпускать не было обязано, проживать-же онъ долженъ на собственныя средства, которыя будетъ снискивать личнымъ трудомъ, работая при починкѣ крѣпостныхъ построекъ, т. е. говоря современнымъ языкомъ, онъ былъ отправленъ на 12 лѣтъ въ крѣпостныя арестантскія роты.

На этомъ прекращаются архивные источники по дѣлу протоіерея Андріевскаго. Мы не знаемъ, былъ-ли онъ препровожденъ въ Каменецъ, или, можетъ быть, кн. Потемкинъ успѣлъ своимъ вліяніемъ отклонить или смягчить исполненіе приговора. Во всякомъ случаѣ, если приговоръ и былъ исполненъ, то историческая Немезида сократила 12 лѣтній срокъ заключенія. Въ апрѣлѣ 1793 года комендантъ Каменца — Злотницкій сдалъ крѣпость русскому генералу Дерфельду, и, конечно, вслѣдъ за этою сдачею послѣдовало освобожденіе узника.

Злосчастная рукопись, съигравшая столь фатальную роль въ процессѣ, была по приказанію суда опечатана въ отдѣльный пакетъ и сдана для храненія въ житомірскій гродскій архивъ; къ несчастью при передачѣ дѣлъ этого суда въ кіевскій центральный архивъ, пакета уже не оказалось на мѣстѣ, и интересный лѣтописный списокъ можно считать утеряннымъ езвозбвратно.

В. Антоновичъ.

О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслію на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытовая и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтическаго творчества, въ которыя отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій типъ ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни подавляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человѣческаго сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтическаго слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новые пріемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движеній чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ

памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу.

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творчествѣ всѣ промежуточныя линіи до такой степени, что съ перваго взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаній, что они большею частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыя разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества.

Считаемъ не безполезнымъ съ этой точки зрѣнія остановиться на языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не измѣняется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

гаго размѣра служитъ однообразная группа стиховъ, равномѣрныхъ по объему, т. е. по количеству удареній и даже слоговъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нѣчто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждаго стиха, не разрывая представленія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха извѣстное количество слоговъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляетъ цѣльную синтаксическую единицу. Единство размѣра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальныя колѣна, причемъ каждый стихъ и даже полустишіе соотвѣтствуетъ той или другой части мотива [1]).

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможныя формы словъ, напр.:

---

[1]) Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построеніи пѣсеннаго размѣра. Нѣкоторые выводятъ размѣръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкальнаго начала, отрицая всякое значеніе ударенія. „Метрическую точку зрѣнія русской народной поэзіи, говоритъ Вестфаль, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенія русской пѣсни опредѣляются только напѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе". (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нѣчто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго вліянія мотива на размѣръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованіи Вестфаля о русской народной пѣснѣ дѣло представляется такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ. По нашему мнѣнію, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отмѣченные логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ удареніемъ. Если и трудно допустить обратное вліяніе стихотворнаго размѣра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенія между тѣмъ и другимъ, которое достигается при исполненіи пѣсни, то растяженіемъ гласныхъ звуковъ, то эвфонической вставкой междометій и союзовъ. Это обычные пріемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный размѣръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновеніи своемъ съ мотивомъ ея.

«Тее промовляе,
Виттиля *побигае*».
(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груди *поторкае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [2]).

«Старого козака конемъ побывае,
Меншого пидъ ноги *затоптае*».
(Д. объ Иванѣ Коновченко) [3]).

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастіи къ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Цѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ. Большею частію это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скудная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха. Какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшый мижъ ными пробувае—
Кишка Самійло, гетьманъ запорожскій,
Другый—Марко Рудый,
Судья войсковый,
Третій Мойсій Грачъ,
Войсковый трембачъ».
(Д. о Сам. Кишкѣ) [4]).

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскій“ не составляетъ отдѣльнаго стиха, потому что не заключаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до извѣстной степени причиной неравномѣрности самыхъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

---

[1]) Историч. пѣсни Малор. нар. Антонов. и Драгом. I, 110.
[2]) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43.
[3]) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.
[4]) Малорос. дум. и пѣс. Лук. 15.

«Годи, маты, жалуваты, годи, маты, годыты:
Прысилы мене дйты,
Якъ калыночку квиты....
Годи, маты, жалуваты:
Було мене, маты, не виддаваты:
Було мене маленькою дытыною пидъ червоною калыною
поховаты» [1]).

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдѣльныхъ моментовъ мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая оттѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенный размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думы, и возникъ онъ тамъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встрѣчаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе, чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоятъ они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, например:

(41) «Эй не зъ гора—биды мойму пану Барабашу
схотилося на славній Украини зъ кумомъ
своимъ Хмельныцькимъ велыки бенкеты всчинаты!
(13) На щобъ имъ кралевськи лысты у двохъ читаты?
(8) Не лучче бъ имъ изъ Ляхамы,
(7) Мостивымы панамы,
(15) Зъ упокоемъ хлибъ-силь вичныи часы уживаты?»
(Д. о Хмел. и Бараб.) [2]).

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

(20) «Да ставъ же братъ найменшій, пишый пихотынець, зъ
байракивъ прыбигаты,
(10) Ставъ виты тернови знахожаты,
(5) У руки бере,
(4) Къ сердцю клале,

---

[1]) Чуб. V, 564.

[2]) Народ. южнорус. пѣсни Метл., 388.

(7) Словамы промовляе
(7) И слёзамы рыдае» [1]).

(Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопъ, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдѣльной стопѣ [2]). Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причемъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляетъ нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполнѣ развитую и законченную мысль, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами большею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько внѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что это такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша I, 35.

[2]) Мы разумѣемъ тонико-риторическую, а не тонико-метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

незамысловатымъ [1]). Напѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодическій речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кромѣ того, пользуясь подвижностью стиха, для котораго не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкальнаго такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроеніемъ собственнаго чувства. Отсюда лирическій, страстный тонъ, который вноситъ особую задушевность въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самымъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* разсказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы уже видѣли, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое вліяніе на построеніе стиха. Понятно отсюда и вліяніе ея на построеніе предложеній: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновеннаго предложенія, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты*, *статы*, *могты*, *буты* (послѣдній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единст. числ. настоящ. времени).

«Ой радъ бы я до тебе прыбуваты,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *маты*».

(Д. о сестрѣ и братѣ) [2]).

[1]) О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого напѣва см. „Кіевская Старина“ 1888 г. Іюль, Приложенія.

[2]) Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.

Можно было просто сказать: *шукаты*,—рифма не была бы нарушена, но глаголъ *маты* въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголъ *статы* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Сталы* сыны до розума дохожаты,
Сталы соби молоде подружжа *маты*,
Сталы свою матиръ ридненьку, вдову стареньку, зневажаты».
(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1].

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопредѣленныхъ границъ, ограничивается, ибо придается ему начинательный оттѣнокъ.

Глаголъ *могты* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*:

«Иды ты, маты, въ свій домъ пробувати:
Можемъ мы тебе за матку стареньку почитаты».
(Дума та-же).

Но большею частію этотъ глаголъ въ соединеніи съ *бы* сообщаетъ дѣйствію условное значеніе:

«Ой *могла-бъ* мене отцева—паниматчына молытва на Чорному мори рятуваты,
Уже бъ я знавъ, якъ свою матиръ шануваты, поважаты»
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) [2].

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *есть*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *лъ*, но и съ наст. времен. изъявит. наклон.:

«Не *есть* се насъ шабля турецька *порубала*,
Не *есть* се насъ пуля янычарська *постреляла*,
А *есть* се отцева и паниматчына молытва *покарала*».
(Д. о смерти трехъ братьевъ) [3].

«Се *есть* давній бидный невольныкъ, Кишка Самійло, изъ неволи *утикае*».
(Д. о Самійл. Кишкѣ) [4].

---

1) Народн. южно-русск. пѣсни Метлинск. 345.
2) Истор. пѣсни малор. нар. Антон. и Др., I, 184.
3) Сборн. украинск. пѣсенъ Максимовича, 1848 г., 18.
4) Ibidem, 47.

При помощи *есть* въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разъединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

«Рука наша не *здийметься*,
Сердце наше не *зосмилыться*,
Булатна шабля не *йме* тебе, найменшого брата, *рубаты*»[1]).
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова).

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣетъ смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру— неопредѣленному наклоненію, которое соединяется съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логическаго начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или разсказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Встрѣчаются слитныя предложенія значительныхъ размѣровъ:

«И вже мѣни не честь, не подоба, по риллямъ спотыкаты,
Жовтихъ чобитъ каляты,

---

[1]) Запорожская Старина, Срезневскаго, I, 35.

Дорогіи сукни пилом̃ъ набываты,
А хочеться мени, маты,
Питы пидъ городъ Тягиню гуляты,
Славы—лыцарства доставаты»
(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [1]).

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ варіантовъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выраженъ въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольныхъ сказуемыхъ.

«Тогди жъ то Ивась Удовыченко, якъ одъ Хвылона, Корсуньского полковныка, благословеніе прынимавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ,
Миждо козацькимы табурамы пробигавъ,
Шлыкъ изъ себе скидавъ,
Хрестъ на себе злагавъ,
Отцеву й матчыну молытву спомынавъ,
Изъ усякимъ козакомъ сердечне прощенне мавъ,
Старого козака риднымъ отцемъ узывавъ,
На турецьки табуры пробигавъ,
Турецьки паметы поперевертавъ,
Турокъ пьятдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девьятеро живцемъ извьязавъ,
Передъ Хвылона, корсуньского полковныка, въ наметъ прыставлявъ» [2]).

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ изобиліе въ языкѣ думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ оттѣнки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прохалы* та *благалы*, *знае-видае*,

---

[1]) Украин. народ. пѣсни. Максимовича, 1834, I, 53.
[2]) Народн. южнор. пѣсни Метлин., 419—420.

плаче-рыдае, бижыть-пидбигае, жыве-прожывае, кляне-проклынае, квылыть-проквыляе, грае-выгравае,—или же въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Отець да й маты старшого сына *кляне-проклынае*,
Изъ очей *зганяе*,
Середульшого сына *штыть, жалуе, поважае*,
За гостя прынимае».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [1]).

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *срибло-злато, кумы-побратымы, кайданы-зализо*, (молитва) *отцева-матчына*, (душа) *козацька-молодецька*. Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и, такъ называемыхъ, приложеній, напр.:

«Ляхъ Бутурлакъ,
Клюшныкъ галерськый,
Сотныкъ переяславськый,
Недовирокъ хрыстиянськый.

(Д. о Сам. Кишкѣ) [2]).

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-пораненьку, мало-трохы-небагато, тяжко-важко, смутно-жалибно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, всегда опредѣляются въ думахъ самымъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата ридненьки,
Якъ голубоньки сывеньки,
Изъ города, изъ Азова, зъ тяжкои неволи, у землю хрыстиянську, до батька, до матери, до роду утикали».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) [3]).

«Робылося те дило *въ суботу, проты воскресенья, по заходи сонця»*.

(Д. объ Иванѣ Коновченкѣ) [4]).

«Якъ одъ Кумивщыны та до Хмельныщыны,

---

[1]) Истор. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драгом. I, 113.
[2]) Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.
[3]) Ibidem, I, 106.
[4]) Кіевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

Якъ одъ Хмельныцьіны, та до Брянщыны,
Якъ одъ Брянщыны, да й до сего жъ то дня,
Якъ у земли кралевській да добра не було».
(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельн.) [1]).

Тонъ выписанныхъ нами отрывковъ строго-историческій и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думахъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто иныя фразы цѣликомъ взяты изъ какого нибудь историческаго памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Паліѣ Мазепа

«до короля шведського таки речи промовляе:
«Королю Шведськый, добродію, найяснийшый мий пане» [2]).

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ оффиціальнаго письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаическій складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

«Ой на Чорному мори,
На билому камени,
Ой то тамъ сыдыть ясенъ сокилъ—билозерець....
На святее небо, на Чорнее море испыльно поглядае,
Що на святому неби, на Чорному мори, не гараздъ почынае:
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половына мисяця у тьму уступыло,—
На Чорному мори не гараздъ почынае:
Изо дна моря сыльно хвыля вставае,—
Судна козацьки, молодецьки на тры часты розбывае».
(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) [3]).

---

[1]) Записки о Южной Руси Кулиша, I, 56.
[2]) Максимовичъ. Сборникъ украин. пѣсенъ. К. 1849 г.
[3]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ., I, 3.

Видно усиліе мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гараздъ починае“, идетъ разграниченіе, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграниченіе, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаическій складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они скопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзая рѣчь встрѣчается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложенія снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточныя предложенія съ главными, напр.:

«*Якъ* иде украинськый козакъ, *то й* корчму мынае,
А жыдъ выбигае,
Та украинського козака за чубъ хватае».

(Д. о возстаніи козак. при Хмельн.) [1]).

«А *якъ* то бувъ жыдъ Янкель,
То винъ коло школы похожае,
Та по школи плаче-рыдае».

(Ibidem).

Отношенія придаточныхъ предложеній къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложеніями; напр.:

«А сребро-злато на тры часты паювалы:
Первую часть бралы,
На церквы накладалы,
На святого межыгорьского Спаса,
На Терехтемыровськый манастырь,
На святую сичовую Покровъ давалы,
Котри давнимъ козацькымъ скарбомъ будовалы,
Щобъ за ихъ вставаючы и лягаючы, мылосердного Бога благалы».

(Д. о Сам. Кишкѣ) [2]).

[1]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., II, 25.

[2]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 26.

Въ думахъ гораздо чаще встрѣчается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговськый,
Который у мене дванадцять литъ за джуру пробувавъ,
Вси мои козацьки звычаи познавъ».

(Д. о смерти Б. Хмельницкаго)[1]).

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловикъ отця свого, матиръ, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякый часъ помагае».

(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ)[2]).

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуто въ придаточное, и здѣсь уже является оно подлежащимъ придаточнаго.

«А который чоловикъ отцеву и матчыну молытву штыть-поважае,
То отцева-матчына молытва зо дна моря вынимае».

(Варіантъ той же думы)[3]).

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвеннаго дополненія предложенія главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почалы друзи, панове—молодци, жыдивъ та ляхивъ зъ Украины згоняты,
Та въ которого не було дранои, невирнои кожушыны,
То й той надивъ жыдивськи кармазыны».

(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельницкомъ)[4]).

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнъ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 397.

[2]) Ibidem, 354.

[3]) Ibidem, 349.

[4]) Историческія пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг., II, 26.

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсіи. Такихъ примѣровъ въ думахъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ поли стежкы, дорижкы,
Волоськымы головамы повымощувавъ;
Де булы въ поли глыбоки долыны,
Волоською кровью повыповнювавъ».
(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію)[1]).

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *всѣ* „стежкы и дорижкы повымощувавъ“, поэтому придаточное предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ большую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думахъ инверсіи и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими пояснительными словами, въ родѣ описательныхъ выраженій (*словамы промовляе*, *слезамы рыдае*, *добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и, что особенно важно, вполнѣ соотвѣтствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выраженію всестороннему, законченному. Оттого въ думахъ преобладаетъ, такъ называемая, періодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ матеріала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 394.

Сестра проситъ брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Братъ отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ:

«За темнымы лугамы,
За шырокымы полямы,
За быстрымы рикамы».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прыбудь же ты до мене:
Темныи луженькы, ясненькымъ соколонькомъ перелеты,
Широкыи поля малымъ—невеличкымъ перепелонькомъ перейды,
Быстрыи риченькы и озера билымъ лебеденькомъ переплывы,
Сядь-пады у моимъ двори сывымъ голубонькомъ,
Головку склоны,
Жалибненько загуды,
Нехай я буду выхождаты,
Ой по голосу познаваты,
И на хлибъ, на силь заклыкаты,
И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Братъ снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Пойды, ты, сестро, до тыхого Дунаю,
Возьмы ты, сестро писку у билу ручку,
Посий ты, сестро, на каменю:
Колы той буде писокъ на билому камени зихожаты,
Сынимъ цвитомъ процвитаты,
Хрещатымъ барвинкомъ биленькый камень устылаты,
Разнымы красными цвитамы украшаты:
Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прыбуваты,
Твого жыття пры бидносты доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата,—и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашого отця та й маткы, говоритъ она, пылы та идалы,
Тоди насъ и кумы и побратымы добре зналы,
А якъ насъ прышыбла недобра годына,
Одцуралась насъ блызькая и далекая, вся названая сердешная родына!

Тяжко, каже, братику.....

Якъ птыци пернатий въ чыстимъ поли безъ древа ночуваты,
Якъ тяжко, та важко жывий рыби безъ воды прожываты,
Якъ тяжко та важко билый камень зъ сырои земли проты себе изняты:
Ой такъ тяжко та важко на чужий сторони безъ кревнои родыны
помираты» [1]).

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, которыя должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служитъ условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *послѣдовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красотѣ и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшенныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣетъ *думой* пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью. Нерѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего разсказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семейнаго содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихый отчымъ“ прогналъ пасынка своего изъ дому. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Пошелъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ѣдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Далѣе продолжаемъ словами думы:

«Ставъ вторый отець—названый на зустричъ его выхожаты...
Отъ же то, панове-молодци, якъ же то Господь чоловикови
прывивъ,
Що зъ чужои стороны далекои прыбувавъ,
Свою матиръ старую пры смерты застававъ!
Скоро его стара маты на божий постели вздрила,
На свое лыце християнске хрестъ соби положыла:
«Чого жъ я бажала, того и дождала,
Сына свого пры смерты въ вичи повыдала!» [1])

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разсказа. Такъ начинается, напримѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одынъ козакъ самъ соби шкоду шкодывъ,
Що видъ молодои жинки у войсько ходывъ» [2]).

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, напримѣръ, начало думы о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельныцькый почынавъ,
Що изъ ляхамы, изъ мостывымы панамы, у Билий церкви замырывъ?» [3])

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ.

Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ, цари и князи, съѣхавшись въ городѣ Лебединѣ,

«Велыкымъ дывомъ дывовалы,
Одынъ до едыного словамы промовлялы:
«Про що то, панове, у земли хрыстиянськиий не стало порядку
ставаты?»
—«Про то, панове, що сталы проклятыи бусурмане хрыстиянъ
братамы называты».
—«Хто жъ тее зачынавъ?»
—«Начынавъ тее проклятый Мазепа...» [4]).

---

[1]) Чубинс. V, 849—850.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 215.

[3]) Ibidem, I, 51.

[4]) Сборн. украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г.

Раздумье царей и князей („велыкымъ дывомъ дывовалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ совѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими.

«Ставъ Алканъ-паша дороги напытки пыты-пидпываты,
Сталы *умыслы* козацьку голову клюшныка розбываты» ...

(Д. о Сам. Кишкѣ) [1])

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любитъ заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельныцького сидая голова,
Що пры ёму ни сотныкивъ, ни полковныкивъ нема:
Часъ прыходыть умираты,
Никому порады даты!» [2]).

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводитъ пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большею частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающій своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляетъ его отступать отъ обыкновеннаго теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находитъ словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героевъ, и потому является невольно у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики извѣстенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ степи одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Измученный бѣглецъ

«До Осавуръ-могылы прыбувае,
На Осавуръ-могылу зихожае,

---

[1]) Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.

[2]) Сборн. украин. пѣснъ Максимовича, 1849, 44.

Тамъ соби безпечне девьятого дня спочывокъ мае,
Девьятого дня зъ неба воды—погоды выжыдае».
На девятый день пришлось ему «на безвидди, на безхлибьи погыбаты:
«Девьять день, говоритъ онъ, хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погыбаю...
Тутъ тее промовлявъ»...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ спѣшитъ къ изображенію самаго момента смерти:

«Не чорна хмара налитала,
Не буйни витры винулы,
Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась» [1]).

Но пѣвецъ не ограничивается внѣшними подробностями картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое настроеніе. Тяжело представить ему одинокую смерть козака, не оплаканнаго отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ варіантѣ той-же думы воспроизводитъ похоронный плачъ собственной души своей въ жалобномъ кукованьи „сывои зозули", которая

«Прылитала,
Да у головахъ сидала,
Да жалибно закувала:
«Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!
Се-жъ ты ни допыла, ни доила,
А ни хороше не сходыла...
А довелося валятыся,
Звиру-птыци на поталу податыся!»... [2]).

Вообще въ думахъ мы часто встрѣчаемъ лирическое изліяніе чувствъ самого пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, *обращеній*, которыя онъ дѣлаетъ или прямо отъ себя, или же отъ лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызванныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствіе:

«Земле польска, Украино подольска!

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

[2]) Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Матеріалы, 10.

Та вже тому не ричокъ и не два мынае,
Якъ у хрыстиянский земли добра не мае»[1]).

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы разсказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хлельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрыстиянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою» [2]).

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго седержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятіе, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятіемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятіемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи
На простыи дорогы,
На ясни зори,
На руськый берегъ,
На край веселый,
Мижъ мыръ хрещеный». [3]).

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ *мыръ хрещеный*, этотъ *край веселый*, который называется въ думахъ *русскымъ краемъ*, иногда *козацькою землею*, чаще же всего *славною Украиною*.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ *степы шыроки*, по которымъ гуляютъ *витры буйни* или же ползутъ *туманы сывы*. На этихъ степяхъ растутъ *травы зелени* и синѣютъ *мо-*

---

[1]) Историческія пѣсни малорус. народа, Ант. и Драг. II, 25.

[2]) Ibidem, I, 89.

[3]) Ibidem, I, 90, 91.

гилы высоки. Озаряются эти степи иногда *пожарамы яснымы*, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся *очереты воздобни* и даже *лугы темни*. Перерѣзаны степи *балкамы глыбокымы* и *байракамы зеленымы*, которые покрыты *тернамы густымы*. Жители степей *вовки сироманьци* да *орлы сызокрыльци*. На этихъ степяхъ происходятъ боевыя схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванію *Голота*, который

«Не боиться ни огня, ни меча, ни третёго болота....
На козакови шапка-бырка,
Зверху дирка,
Травою пошыта,
Витромъ пидбыта:
Куды вие—туды и повивае,
Козака молодого прохоложае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *килыимськимъ* и высказываетъ желаніе, что бы оно

«Лито й зиму зеленило»

за то, что его

«при нещаслывий годыни сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Жывцемъ его у рукы взяты,
Да въ городъ Килію запродаты» [1]).

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясного*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритьмы мого батька и матери, говоритъ онъ, сядь-пады,
Жалибненько проквылы,
Ще моему батькови и матери бильшого жалю завдай,
Та нехай мий батько добре дбае,
Скарбы збирае,
Зъ тяжкои неволи турецькои выкупае» [2]).

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 17.

[2]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг. I, 95—96.

Соколъ въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнницами. Узналъ объ этомъ старый соколъ отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ налитавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квылывъ-проквылявъ....
То соколя зачувало,
Смутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы, и жемчугъ. Тогда

«Сокилъ налитавъ,
Та на крыла взявъ,
Та на высоку высоту пидносывъ....
«Эй, соколя мое, бездольне, безродне!
Лучше мы будемо по полю литаты,
Та соби жывносты доставаты,
А нижъ у тяжкий неволи, у панивъ, прожываты:
Эй то жъ то у панивъ слава, що исты и пыты,
Та тильки неволенъ свитъ по свиту походыты» [1]).

Вотъ этотъ *вольный свитъ* и составлялъ для козака приманку, которая влекла его въ *степы шыроки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живется, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отецъ* и *ненька-старенька* и *сестрыци-жалибныци*, и *родына кревная, сердечная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бьеться птыця объ птыци,

---

[1]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

А родына объ родыни:
Ой то такъ-то бьеться отець и маты объ своий кревний дытыни»[1]).

Зналъ онъ также, что не оставитъ его въ бѣдѣ *товарыство кревне* и *сердешне*. Съ этимъ *славнымъ, войнымъ людомъ* привыкъ онъ

«Неприятеля пидъ ногы топтаты»,

Чтобы

«славы-рыцарства достаты,
За виру хрыстиянську одностайно статы[2]),—

а въ часы отдыха

«пыты и гуляты,
Хорошии мысли маты»[3]).

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни, было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его

«Не вмре, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже[4]),—разскажетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣшится бѣдная мать, когда узнаетъ, что сына ея *по козацки поховалы,* что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходилъ копалы,
Шапкамы, прыполамы персть выбиралы,
И могилу насыпалы,
Въ семипьядни пыщали грымалы,
У сумеркы жалибно выгравалы,
Славу козацьку выхвалялы[5]),—

---

[1]) Ibidem.

[2]) Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, 56, 57. „Высока могыла“ составляла обычную принадлежность козацкихъ похоронъ, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстный стихотворецъ Климентій, жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звычаи козацкіе въ тыхъ ричахъ бываютъ,
Же въ поляхъ кладутся и могилы высыпаютъ,
Того ради, же въ войскахъ бывали и въ полю
Изъ непріятелямы на потычкахъ въ бою,
Же бъ и по смертехъ щирость ихъ не запомынанна,
Дабы хвалебно людьмы честьными вспомынанна“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

а послѣ похоронъ

«цвиленькымы, сухенькымы вiйськовымы сухарцямы помыналы»[1]).

Будетъ она

«козакамъ хусткы и рушныкы шыти даваты,
По церквамъ и по манастырямъ службы и паныхыды нанимаіы,
Заразомъ по своему сынови похоронъ и весилля одбуваты»,—

будетъ она

«крамни платкы купуваты,
Та лырныкамъ даруваты»[2]),—

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ мiромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлеченiй, манила она къ себѣ славою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетворенiе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которыя бываютъ плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думахъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимаютъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которыя снаряжаютъ его въ походъ, которыя горюютъ въ разлукѣ съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаетъ онъ о *дивчинѣ*, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и дѣтяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишенiя тѣхъ благъ жизни, которыя достаются въ удѣлъ простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни славою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религiознаго уваженiя:

«Де мужъ зъ женою живе-прожывае,
Тамъ святый Мыколай на радисть ухожае»[3]).

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строитъ всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

---

[1]) Записки югозап. отдѣла географич. общества, I, 21.

[2]) Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсенъ.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 355.

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отцеву* и *матчыну* молитву, и предсмертныя минуты его жизни, когда онъ проситъ товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру—птыци на поталу не далы“.

Отсюда глубоко скорбный, элегическій тонъ, которымъ проникнуты думы о походахъ козака въ степи. *Жалощи*, плачъ составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологіи этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату словамы промовляе*, *слизно рыдае*, козаки *жалибно выгравають*, *славу козацьку выхваляють*.

Тѣ же *жалощи* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалибно гуде*, *жалю завдае*, орлы и волки *квылять-проквыляють*. Въ изображеніи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: *„ничка темная*, *хмары темни*, *лугъ темный*, *лисъ темный*, *туманы сыви*, *голубъ сывый*, *кинь вороный и сывый*, *зозуля сывая и сызая*, *орелъ сызый*, *вовкъ сирый*, *сироманецъ*. Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненій съ явленіями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненіе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля закувала,
То вдова (мать) заплакала (или) розмовляла»
(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) [1]).

«Не сызи орлы заклекоталы,
Якъ то бидни невольникы у тяжкий неволи заплакалы».
(Д. о невольникахъ) [2]).

Иногда сравненіе разростается въ аллегорическое изображеніе печальнаго событія, появляющагося въ сознаніи лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнія, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, напримѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный*, *дывный-предывный*, будтобы сынъ ея въ походѣ женился, *понявъ соби туркеню чужоземку* [3]). Она

---

[1]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 352.

[2]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Максимовича, 1849, 10.

[3]) Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

«Въ чорному оксамыти ходыть,
Билымы пидбийкамы пидбыта,
Сылу грошей мае,
Лику ихъ не знае,
Горда, пышна,
Панщыны не робыть,
Цареви, королеви головкы не склоныть».
(Д. объ И. Коновченкѣ) [1]).

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого роковаго сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Понявъ соби панянку—
У чыстому поли могылу-землянку:
На могыли травы зелененьки
И цвиты биленьки [2]).

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
Такъ упала,
Свита божого не ввыдала» [3]).

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣстъ въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи разъѣдающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ козачества съ „ляхамы, мостивымы панамы". Широкою историческою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубійственную борьбу двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между собою въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи,—борьбу двухъ міровоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шляхетско-аристократическаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперъ, го-

[1]) Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.
[2]) Народн. южнорус. пѣсни Метлинскаго, 424.
[3]) Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

ворятъ козаки, ни въ чому воли не маемъ", ибо „вси *шляхы*, и *торгы*, и *церквы*, и *рикы козацьки жыды зарандовалы*, *а паны ляхы*

«Велыкую станцию вымышлялы,
Одъ козацькихъ, одъ мужыцькыхъ коморъ ключи одбиралы».

(Дума о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнаніи жидовъ арендарей изъ Украйны) [1]).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорбленіемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она цѣлыми потоками крови, подмывшими самыя основы польскаго государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ извѣстно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергическій. Онъ пишетъ *лысты*, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядкы козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты*, *друзи-небожата* [2]), онъ для нихъ *батько козацький* [3]). Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тильки Богъ святый знае,
Що Хмельныцкый думае-гадае».

(Д. о походѣ въ Молдавію) [4]),

Но къ замысламъ *батька своего* козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоятъ предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоеи головы пылы и гулялы,
А неприятеля пидъ нози потопталы,
А виры хрыстиянськои на поталу въ вичный часъ не подалы!

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [5]).

Съ безпощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, ibidem, 56—65; Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1849, 74.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 54.

[3]) Сборникъ украин. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г. 75.

[4]) Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

[5]) Историч. пѣсни малорус. нар. Ант. и Драг. II, 15.

«Одъ сна уставайте», приказываетъ онъ козакамъ,
«Руськый отченашъ чытайте,
Ляхивъ, мостивыхъ панивъ, у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте».
(Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) [1]).

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирическій тонъ.

Пѣвецъ воспроизводитъ обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бувъ невелыкый крамъ—
Тильки голкы да шпылькы—
Що ходывъ по за Днипромъ да дурывъ козацьки жинкы» [2]).—

И богомольный Лейба, который «бижыть,
Ажъ жывитъ дрижыть,
Якъ на школу погляне,
Его сердце жыдивське зивъяне» [3]),—

и *Сруль*, и *Гершко*, и *Шмуль*, и *Ицыкъ*, который взялъ свой *бычыкъ*, что-бы „кони поганяты

Да одъ пана Хмельныцького утикаты» [4]).

Проклинаютъ они рабина Мошку за то, что бралъ

«На Вкраини одкупу не потрошку» [5]).

---

[1]) Народныя южнорусскія пѣсни, Метлинскаго, 938.
[2]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.
[3]) Ibidem, I, 228.
[4]) Историч. пѣсни Антонов. и Драгоман., II, 27.
[5]) Ibidem., II, 28.

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они

«Догадлыви бувалы,
Уси по лисахъ, по кущахъ повтикалы» [1])

Съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія посылаетъ пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и злораднаго смѣха.

Но „не всуе поляки, по выраженію позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украини, раемъ свѣта польскаго ее наричаху и провозглашаху“ [2]). Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счыналыся велыки войны на Вкраини“ [3]), какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ, — не всѣ добились воли, не всѣ сдѣлались козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дукы-срибляныкы*, которые стремились къ порабощенію не только посполиства, но и рядоваго козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь, *смуткамы* и *печальмы* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ, гдѣ угнетаемые, часто превращались въ угнетателей. При этомъ и самый идеалъ народный не былъ поставленъ на почву правоваго порядка, обезпеченнаго матеріальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобіемъ этой матеріальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нетяги* слоняется онъ на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ килiимскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городовая знать, *значные* козаки, *дукы-срибляныкы*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дукы*. Стали они пить и гулять,

[1]) Ibidem, II, 112.

[2]) Лѣтопись Величка, Предисловіе къ I-му т.

[3]) Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Насти Горовий, шынкарци степовий“, что-бы она вытолкала *нетягу* „у потылыцю зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкарки съ козакомъ, который, повидимому, сознаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымы пьятамы у поригъ зачипае,
А козацькымы рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мыснысомъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дукы-срибляныкы*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Насти кабашний до рукъ оддававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетягѣ* хоть плохого пива. Посылаетъ Настя свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетяги*. Принесла она изъ погреба добраго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлыцю вхожае,
Свий нисъ геть одъ кинвы одвертае,
Будто те пыво воняе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «икъ порогу посувайтесь,
Щобъ було мени, козаку нетязи, де на покути изъ лаптямы систы».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *чересъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцена быстро измѣняется, *дукы-срибляныкы* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джуръ. Прибѣгаютъ джуры и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

«Батьку козацькый», говорятъ они,
«Докы тоби тутъ пустуваты?
Часъ—пора иты на Вкраини батькуваты!»

Тогда только догадались *дукы-срибляныкы*, что это былъ никто иной, какъ самъ „Ганжа Андиберъ, гетманъ запорожськый“. Дѣлаются они еще любезнѣе:

«Прысунься ты до насъ, кажуть, блыжче,
Поклонымося мы тоби нижче,
Будемъ радыться, чи гараздъ-добре на славний Украини
прожываты».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говоритъ онъ, пыйте, гуляйте!
Не мене шанують, васъ поважають».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, что-бы они его

«спомыналы
И до вику памьяталы».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дукы вы, дукы!
За вамы лугы и лукы,
Нигде, нашому брату, козаку—нетязи, статы коня попасаты» [1]).

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и безполезное для другой. Представитель безженнаго рыцарства, Ганжа Андиберъ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Украйнѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькуваты* на *Вкраини*. Здѣсь *козаки-нетяги* были безсильны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участь посполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпощенію.

---

[1]) Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Многіе изъ этихъ *нетягъ* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, котораго не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни" изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложенія козачества.

„Покидаю тебе", говоритъ козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худобу". Въ чемъ-же эта *„худоба?"*

«У комыни клоччя смуга,
А въ запичку кишка муруга» [1]).

Выѣхалъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заклятья ея, чтобы „побыло его въ чыстимъ поли тры недоли": и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ постановылы". Казалось-бы, онъ все нашелъ, чего искалъ. Но тянетъ его къ домашнему очагу. Пріѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не топыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «коло его двора нема и кола»,—
Что жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополоныкомъ диты напувае» [2])

Съ тайнымъ сознаніемъ своей вины выбѣгаетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ прывитае,
Карбачемъ по спыни затынае» [3]).

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдокъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

---

[1]) „Кіевская Старина", 1884 г., Декабрь, стр. 640.

[2]) Ibidem, 641.

[3]) Записки о Южной Руси, Кулиша, 1, 218.

«въ хливъ, по лучыну,
Та пидбыла соби очи на ключыну.
Оттакъ тая козачка добре дбала,
Свого козака покрывала» [1])

Что-же козакъ? Онъ сидитъ въ корчмѣ, да „медъ-выно кругляе,

«Корчму сохваляе:
«Гей корчмо наша, корчмо-княгыне,
Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
И сама еси неошатно ходышъ,
И насъ, козакивъ-нетягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышъ» [2]).

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ ироническаго самообличенія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроеніе въ народныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями. Свидѣтельствуетъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ народно-національнаго самосознанія, представителемъ котораго было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и измѣнчивой долей. Самое слово *козацкій* для него равнозначительно было со словами: *родной*, *свой*, поэтому онъ употребляетъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго: *козацькая земля*, *вира*, *душа*, *голова*, *козацькее тило*, *козацьки церквы*, *шляхи*, *торги*, *рики*. Но, независимо отъ этого козацкаго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзываться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ творческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттѣнки смѣха, какъ и всѣ оттѣнки горя, переплетающіеся между собою въ самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

[1]) Ibidem, 219.

[2]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 220.

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки немало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь укажемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южнорусской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковнославянскихъ элементовъ рѣчи. Они встрѣчаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычнаго русскаго полногласія, замѣняя слова: *голосъ*, *голова*, *золото*, *городы*, словами: *гласъ*, *глава*, *злато*, *грáды*,—или же прямо употребляетъ церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *персть*, *прахъ*, *устà*, *смырение*, *собрание*, *возлюбыты*, *воздыхаты*, *вкушаты*, *аще*, *паче*, *найпаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ*, *пидъ нози*, *будеши*, *рече*, и т. п.

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрощение*, *олгаты*, *у руцяхъ*, *олци*. По поводу послѣдняго слова извѣстный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „усе одно *вовки*, тильки тутъ не можно такъ казать“ [1]).

Другой кобзарь, Ѳедоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Шлыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“ [2]).

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Матеріалы, стр. 13.

[2]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Такимъ образомъ, въ сознаніи позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ старинныя слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями [1]). Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно-славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложныя слова, какъ *домодержавець*, *злосопротывна* (хвыля), *людославне* (Запорожье), *златоглави* и *златосыни* (киндякы) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственнаго настроенія, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (подданныхъ своихъ) *чигалы*, але и вѣру ихъ зломыты *умышлялы*, и власне яко зъ

---

[1]) Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ объ Ивасѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василія Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дан-годыны“ вмѣсто: „изъ день-годыны“, „ковыль-горелка“, вмѣсто „оковыта-горилка“, „герція“ вмѣсто „герць“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „едноралъ полковницкый“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсунскимъ*, то *Корсицкимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варіанта думы въ художественномъ отношеніи.

неволныкамы *поступалы*, одно податками *выдыраючи*, и работы на нихъ *вымышляючи*, за слово въ нѣвечъ *оборочаючи* и *забываючи*, и на Бога не *памятаючи*, и кровь невинную *проливаючи*".

(Слово о бездождіи, памятникъ конца XVII в.) [1]).

«То ще-то паны-Ляхы,
Мостивии паны,
По козакахъ и по мужыкахъ стациею *посталы*,
Да велыкую стацию *вымышлялы*,
Одъ ихъ ключи *поотбиралы*».

(Дума о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками) [2]).

Или: „на той.часъ христіане жидовъ незбожныхъ *выганялы*, иншихъ мечемъ *забіали*, иншихъ въ рѣкахъ *топили* и иншихъ иншою смертію розмаитою *губили*".

(Мессія праведный, І. Галятовскаго) [3]).

«Тоди то козаки.... здобу хорошу соби коло жыдивъ-рандаривъ *малы*,
На славну Украину *прыбувалы*,
Очертомъ *сидалы*,
Сребро и злато на три части *паёвалы*».

(Дума о жидовскихъ откупахъ) [4])

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ *отвѣтъ*: отъ персей матерних *отрывали* да *погубляли*, и розмаитыи имъ смерти *завдавали*.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того *не знаютъ*, они *донѣмаютъ*, ижъ то зъ ними жарти *маютъ*, за мечъ ручками *сягаютъ*, подъ мечъ головки свои *хилнютъ*, а они, окаянные, головки имъ *истинаютъ*".

(Казанья на соборъ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г. [5]).

«То ще мы, брате, недобре *вчинялы*,
По улицяхъ добрымы киньмы *гулялы*,

---

[1]) Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ, 1856 г.

[2]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

[3]) Изд. Кіевопечерской лавры, 1664 г.

[4]) Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

[5]) Матеріалы до литер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Дитки маленькии киньмы *розбывалы,*
Кровъ хрыстыянську безневынно *пролывалы*.
(Дума о бурѣ на Черномъ морѣ) [1]).

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казаньи на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроеніемъ автора, которому знакомы были не только стихотворныя произведенія старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторыя преступленія Ирода въ этомъ Казаньи напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,—горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ“ [2]). Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснить для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

П. Житецкій.

---

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

[2]) Кіевс. Старина, 1887 г. Сентябрь, 20. Можно встрѣтить иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лизогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы сынъ его Евфимъ „матки своей ни въ чемъ, ховай Боже, не раздражалъ и не *квилячи* повинность синовскую противъ нея оказовалъ, т. е оную *чтивъ, шановавъ* и *поважавъ*“. (Кіев. Стар. 1882 г., Янв. 106).

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.[1]

По порученію В. В. Тарновскаго я производилъ раскопки на Княжей Горѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1891 г. Раскопки съ внѣшней стороны были обставлены очень хорошо: на горѣ устроено помѣщеніе для рабочихъ, работы производились очень тщательно, опытными землекопами въ числѣ десяти человѣкъ, нарочно для этой цѣли выписанными. Для того, чтобы ничего не пропустить, рабочіе были расположены такимъ образомъ, что каждому рабочему съ лопатой соотвѣтствовалъ другой, перебиравшій руками вынимаемую землю; благодаря такому способу, даже самыя мельчайшія бусинки не ускользнули отъ нашего вниманія. Работамъ отчасти мѣшалъ почти постоянно дувшій на горѣ вѣтеръ, поднимавшій мелкую и ѣдкую пыль. Во время моихъ отлучекъ надъ раскопками наблюдалъ А. И. Шелюжко, которому считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность, такъ какъ, благодаря его вниманію, дневникъ раскопокъ велся безъ перерывовъ.

Относительно мѣстоположенія Княжей Горы къ даннымъ, сообщеннымъ раньше [2]), прибавлю еще слѣдующее. Кряжъ горы, въ 220 метровъ длиной, тянется по направленію сѣверо-востока. Валъ, отдѣляющій городище отъ поля, имѣетъ 16,5 мет. длины и 9,5 мет. ширины; высота его съ внутренней стороны 4 мет., съ наружной стороны рва—5,6 мет. Глубина рва—4

---

[1]) Статья эта читана въ извлеченіи въ засѣданіи Историч. Общ. Нестора Лѣтописца 8 декабря 1891 г.

[2]) См. „Княжа Гора“—„Кіевск. Стар.“ 1890, декабрь.

метра. Въ поперечномъ разрѣзѣ поверхность горы представляетъ очень небольшую ровную поверхность, отъ которой въ обѣ стороны идутъ отлогія покатости, каждая приблизительно въ 5 мет. ширины, переходящія затѣмъ въ довольно крутой обрывъ. Въ профиль Княжа Гора также не представляетъ ровной линіи: она понижается, начиная отъ вала къ срединѣ, и потомъ къ концу, выходящему на Днѣпръ, поднимается. Съ юго-восточной стороны горы ясно замѣтны слѣды дороги; сохранились они ближе къ валу; остальная же часть, направлявшаяся къ выходу оврага на Днѣпръ, разрушилась и сползла внизъ. Вообще овраги по бокамъ горы были въ древности не такъ глубоки и круты, особенно въ нижнихъ своихъ частяхъ, какъ теперь. Дорога, начинаясь на берегу Днѣпра, шла по боку горы и, постепенно поднимаясь, входила въ ровъ, отдѣляющій городище отъ поля. Вѣроятно въ валу былъ сдѣланъ въѣздъ, такъ какъ и теперь въ средней части вала замѣтно углубленіе. Что касается устья р. Роси, то, по собраннымъ свѣдѣніямъ отъ старожиловъ с Пекарей, оказалось, что не очень еще давно р. Рось впадала въ Днѣпръ гораздо ближе къ Княжей Горѣ, почти у самой ея подошвы.

По указанію проф. В. Б. Антоновича раскопки предполагалось начать у самаго обрыва къ Днѣпру и землю изъ первой выемки спустить внизъ, но, приступая къ раскопкамъ 17 мая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ затрудненій пришлось немного отступить отъ края. Раскопки велись поперечными дугообразными разрѣзами въ среднемъ въ 25 метровъ длиной; постепенно такими разрѣзами, одинъ за другимъ, была пройдена вся поверхность горы и часть вала. Разрѣзы охватывали ровную верхнюю площадку, два отлогіе ската по бокамъ и части боковыхъ обрывовъ. Остальныя части боковъ будутъ изслѣдованы въ слѣдующее лѣто. Культурный слой, перевернутый почти вездѣ предшествующими раскопками крестьянъ, залегалъ слоями различной толщины: по срединѣ иногда его совсѣмъ не было, главнымъ образомъ въ началѣ горы отъ Днѣпра; на боковыхъ отлогихъ скатахъ онъ не превышалъ 0,7 метр., въ нижнихъ же частяхъ разрѣза былъ гораздо толще—въ среднемъ 1 метръ,

что объясняется сползаніемъ земли. Подпочву составляла желтая глина съ гнѣздами рыхлаго камня; особенно много его было въ средней части. Во время раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ попадались большіе полусгнившіе корни дубовъ отъ лѣса, росшаго на горѣ сравнительно въ недавнее время.

По снятіи культурнаго слоя обнаружилась поверхность горы въ своемъ первоначальномъ видѣ; имѣла она слѣдующій видъ: вдоль всей горы по срединѣ тянется бугоръ, состоящій изъ разной величины кусковъ рыхлаго камня съ прослойками желтой глины; на первый взглядъ этотъ бугоръ похожъ на стѣну бутовой кладки; высота его въ среднемъ равняется 1 метру, ширина основанія отъ 2 до 3 метровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бугоръ имѣетъ расплывшуюся форму; тогда основаніе его гораздо шире и сливается съ остальной поверхностью горы. По обѣимъ сторонамъ бугра идутъ двѣ неширокія террасы, принимающія иногда видъ ровныхъ площадокъ метровъ въ 5 шириной. Площадки эти искусственнаго происхожденія; въ одномъ мѣстѣ можно было наблюдать, какъ покатый бокъ былъ снятъ, и получилась небольшая площадка, одной стороной прилегающая къ раздѣльному бугру, часть же несрѣзаннаго откоса въ полъ-метра толщиной составляла другую ея сторону и ясно указывала, какимъ образомъ была сдѣлана площадка. На всѣхъ такихъ площадкахъ обнаружены остатки печей. Печи простыя глинобитныя, всѣ почти плохо сохранившіяся; съ уцѣлѣвшимъ сводомъ найдена только одна. Устраивались онѣ такъ: по срединѣ площадки прямо на землѣ дѣлали изъ глины точокъ толщиной въ 0,15—0,2 снт.; точокъ этотъ располагался параллельно бугру и имѣлъ въ длину приблизительне 1½ метра, въ ширину—1 метръ или метръ съ небольшимъ. Одна изъ узкихъ сторонъ точка со стороны поля заканчивалась полукругомъ. Съ краевъ такого точка поднимался глиняный сводъ въ 0,1 метра толщиной. Такимъ образомъ получалась печь, выходившая отверстіемъ на сѣверо-востокъ. Низъ такой печи обыкновенно имѣетъ видъ гладкой потрескавшейся поверхности. Въ одномъ случаѣ на такомъ выжженномъ точкѣ найдены угли и куски пережженныхъ костей. Всѣхъ остатковъ печей, въ бо-

лѣе или менѣе разрушенномъ видѣ, обнаружено 22. Изъ нихъ, 9 находились на сѣверо-западной сторонѣ бугра, остальныя же 13—на юго-восточной. Расположены печи иногда очень близко одна отъ другой, напр.—на разстояніи всего лишь одного метра. Что касается числа найденныхъ печей, то, по всей вѣроятности, первоначально ихъ было гораздо больше; ихъ уничтожали крестьяне во время своихъ раскопокъ, чѣмъ можно объяснить и то обстоятельство, что въ одномъ мѣстѣ печи попадаются часто, а затѣмъ, на довольно большомъ протяженіи, ихъ вовсе не встрѣчается. Вообще, судя по расположенію печей въ мѣстахъ болѣе сохранившихся, первоначальное число ихъ должно было быть по крайней мѣрѣ въ два раза большее. Остатки печей обнаруживались родъ культурнымъ слоемъ на глубинѣ 0,6—1,5 метр. Начавши снимать часть вала, на довольно большой глубинѣ (2,15—2,8 метр.) нашли также 4 печи. Такимъ образомъ оказывается, что валъ былъ насыпанъ надъ остатками болѣе древняго поселка. Поселокъ этотъ состоялъ изъ небольшихъ хижинъ, иногда построенныхъ очень близко одна отъ другой. Изъ чего были сдѣланы хижины—теперь трудно сказать; остатковъ дерева, сгнившаго или обугленнаго, за небольшими исключеніями, совсѣмъ не найдено; нѣкоторое указаніе могутъ дать найденные, сравнительно въ небольшомъ числѣ, куски обожженной глины, на которыхъ съ одной стороны находятся отпечатки плетеныхъ вѣтвей — это остатки обмазки; слѣдовательно, на Княжей Горѣ были постройки плетеныя, обмазанныя глиной; но что были также и деревянныя, на это намекаютъ различнаго рода пробои, костыли и гвозди, найденные въ большомъ количествѣ; гвозди попадаются иногда очень большихъ размѣровъ—до 0,2 метр. На самой горѣ, какъ я уже сказалъ, обугленнаго дерева найдено очень мало—всего нѣсколько незначительныхъ кусковъ брусьевъ, но за то внизу оврага съ юго-восточной стороны, ближе къ выходу на Днѣпръ, въ крутомъ нижнемъ обрывѣ обнаруженъ на глубинѣ приблизительно въ полъ-метра сплошной слой мелкаго угля въ среднемъ въ 0,2 метр. толщины. Слой этотъ залегалъ на довольно большомъ протяженіи; попалъ онъ на

дно оврага вслѣдствіе сползанія горы и вѣроятно составляетъ остатки если не построекъ, то сожженнаго частокола, которымъ было обнесено городище на Княжей Горѣ. Каменныхъ построекъ на горѣ по всей вѣроятности не было; тамъ найденъ всего лишь одинъ незначительный обломокъ кирпича въ 5 снт. толщиной, на одной сторонѣ кирпича, вдоль его, параллельно расположены полукруглыя рельефныя полоски. Къ строительнымъ матеріаламъ можно было бы отнесть круги довольно большихъ размѣровъ съ дырой въ центрѣ, приготовленные изъ замѣчательно твердой кирпичной массы; такого рода круги дѣйствительно употреблялись въ велико-княжескую эпоху для постройки колоннъ, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, какъ кажется, съ особаго рода жерновами; я вернусь къ нимъ еще разъ впослѣдствіи.

Всѣхъ вообще предметовъ при раскопкахъ этого года добыто тысячи полторы. Они относятся къ двумъ эпохамъ: къ каменному вѣку—предметовъ сравнительно немного, и къ великокняжеской эпохѣ—такихъ большинство. Типичныхъ вещей бронзоваго вѣка при раскопкахъ не найдено, хотя можно было ожидать, такъ какъ между предметами съ Княжей Горы, раньше пріобрѣтенными у крестьянъ, было нѣсколько бронзовыхъ архаическаго стиля, именно: небольшой браслетъ изъ пластинки въ 1 снт. шириной, украшенный двумя рядами выпуклыхъ точекъ и, совершенно такого же характера, кольцо, безъ спайки, съ однимъ концомъ, завернутымъ спиралью.

Предметы каменнаго вѣка состоятъ изъ кремневыхъ, каменныхъ, костяныхъ и керамическихъ. Я раньше думалъ, что систематическими раскопками можно будетъ выяснить порядокъ залеганія предметовъ каменнаго вѣка по отношенію къ таковымъ великокняжеской эпохи, но при раскопкахъ оказалось, что культурный слой почти вездѣ перерытъ крестьянами, и никакой послѣдовательности въ нахожденіи предметовъ не замѣчалось. Каменныя орудія встрѣчались главнымъ образомъ ближе къ обрыву, что спускается къ Днѣпру; находили ихъ иногда почти что на поверхности. Керамическія издѣлія, особенно черепки, были разсѣяны по всей горѣ на разной глу-

бинѣ, хотя большинство найдено все таки ближе къ обрыву; много ихъ также попадалось прямо на поверхности, въ размытыхъ бокахъ горы. Болѣе опредѣленно положеніе костяныхъ орудій—они встрѣчались почти всегда въ самомъ низу культурнаго слоя, начиная съ середины горы вплоть до вала. Нѣсколько разъ костяныя острія находились среди рыбьей шелухи и костей почти что на поверхности желтой подпочвы и по нѣсколько штукъ вмѣстѣ.

Кремневыя орудія. Что кремневыя орудія приготовлялись на горѣ, на это указываютъ два ядрища со слѣдами отбитыхъ ножиковъ. Одно—темнаго кремня въ 6 снт. длиной, отъ него были отбиты три небольшіе ножика. Другое—изъ кремня пепельнаго цвѣта, со слѣдами многочисленныхъ неудачныхъ ударовъ, въ послѣдній разъ отъ него былъ отбитъ ножичекъ 4 снт. длины и 1½ снт. ширины. Здѣсь же, уже за одно, скажемъ и объ инструментахъ, служившихъ для отбивки. Инструменты эти очень просты—это, во первыхъ, кусокъ порфира неправильной овальной формы 9-ти снт. въ поперечникѣ, къ срединѣ онъ толще, болѣе же тонкіе края представляютъ шероховатую поверхность, получившуюся отъ частыхъ ударовъ о другой камень. Другой экземпляръ можетъ быть названъ отбойникомъ только предположительно; онъ изъ кварцевиднаго песчаника, неправильной круглой формы, 12 снт. въ поперечникѣ, со слѣдами отбоинъ, но не частыми. Кремень, изъ котораго приготовлялись орудія, находится въ видѣ валуновъ тутъ же въ оврагахъ. Шлифованныхъ кремневыхъ орудій не встрѣтилось—все отбивныя. Это, во первыхъ, ножъ изъ сѣраго кремня, повидимому не цѣлый, 6 снт. длины и 2 ширины; сохранилась нижняя часть съ луковицей, получившейся при отбивкѣ; обѣ стороны мелко подправлены какъ съ верхней, такъ и съ нижней стороны. Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный и рѣдкій экземпляръ пилочки (таб. I, № 1); матеріаломъ послужилъ тонкій кремневый голышъ, совсѣмъ какъ есть, въ корѣ; нѣсколькими ловкими ударами отбойника на одной изъ сторонъ сдѣлано пять зубьевъ; длина этой миніатюрной пилочки 4 съ небольшимъ снтм., ширина въ самой широкой части—2 снт.;

она вѣроятно вставлялась стороной противоположной зубьямъ въ роговую или деревянную ручку и, въ такомъ видѣ, могла служить для пиленія кости; а что пилочка была въ работѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ полировка зубьевъ. Слѣдующій разрядъ кремневыхъ орудій составляютъ тѣ, которыя принято называть скребками, названіе собственно довольно неопредѣленное; изъ такихъ орудій найдено два тонкихъ изъ темнаго кремня—одинъ овальный въ 5 и $2^1/_2$ снт. въ поперечникахъ съ кругомъ подправленными краями, другой въ видѣ правильной трапеціи съ нижнимъ основаніемъ въ 5 снт. длины и вершиной—въ $2^1/_2$ снт., обѣ параллельныя стороны подправлены; и затѣмъ, пять болѣе грубыхъ, изъ которыхъ четыре небольшіе, пятый побольше. Скребкамъ обыкновенно приписывается назначеніе служить при выдѣлкѣ кожъ для соскабливанія мяса и жиру, откуда и происходитъ ихъ названіе; но между ними, особенно на береговыхъ стоянкахъ, попадается очень много такихъ крошечныхъ экземпляровъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могли быть пригодными для вышеназванной цѣли, а имѣли вѣроятно какое ниб. другое назначеніе, которое пока трудно объяснить. Кромѣ перечисленныхъ, на Княжей Горѣ найдено еще пять небольшихъ кремней неправильной формы со слѣдами отбивки. Въ общемъ, издѣлій изъ кремня найдено очень немного.

Каменныя шлифованныя орудія встрѣтились въ бо́льшемъ количествѣ; приготовлялись они изъ мѣстныхъ кристаллическихъ породъ и изъ валуновъ, главнымъ образомъ изъ песчаника, діорита и гранита. За однимъ только исключеніемъ всѣ орудія найдены разбитыми, въ обломкахъ. Мы прежде всего остановимся на нѣкоторыхъ экземплярахъ, указывающихъ на фабрикацію орудій на Княжей Горѣ. Первое мѣсто занимаетъ часть молотка съ сохранившейся только задней частью; ширина его около 6 снт., толщина $3^1/_2$ снт.—молотокъ въ цѣломъ видѣ былъ небольшой; изломъ приходится какъ разъ на дырѣ, и тутъ можно прослѣдить за всѣмъ процессомъ сверленія: вполнѣ готовый молотокъ, кругомъ отшлифованный, начали сверлить; сверленіе производили круглой костью въ $2^1/_2$ сант. въ діаметрѣ,

полой внутри; для того чтобы ускорить сверленіе, въ нижней плоскости посрединѣ сдѣлано небольшое углубленіе; сверленіе шло успѣшно и уже была сдѣлана правильная дыра въ $2^1/_2$ снт. длины, до конца остался всего лишь 1 снтм.; но въ дырѣ оставался стержень, входившій въ полость кости, онъ вѣроятно мѣшалъ работѣ и его хотѣли удалить, и дѣйствительно, стержень былъ выбитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскололся и самъ молотокъ,—нужно себѣ представить отчаяніе владѣльца молотка, погубившаго однимъ неудачнымъ ударомъ столько затраченныхъ усилій. Три каменные стержня, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, найденные въ разныхъ мѣстахъ на горѣ, также указываютъ на мѣстное производство орудій. Они получались при сверленіи полой костью; верхняя плоскость ихъ гладкая—это часть шлифованной поверхности орудія, нижняя, обыкновенно болѣе широкая, неровная и шероховатая, получилась послѣ того какъ стержень былъ выбитъ изъ дыры; первый изъ нихъ 2 снт. длины, верхняя плоскость его 1 снт. въ діаметрѣ, нижняя—$2^1/_2$ снт. въ діам.; второй—2 снт. длины, верхняя плоскость $1^1/_2$ снт. діам., нижняя $2^1/_4$ снт.; третій—$1^1/_2$ сант. длины, верхняя плоскость $1^3/_4$ снт. діам., нижняя—немного больше. Единственный цѣлый каменный предметъ—это булава, въ видѣ шара, къ низу немного съуживающагося и сверху приплюснутаго; въ діаметрѣ въ среднемъ $5^1/_2$ снт.; очень хорошо сдѣланная дыра для ручки имѣетъ 5 снт. длины и 2 въ діаметрѣ. Затѣмъ идутъ разбитыя орудія и куски ихъ. Передняя часть топора изъ глинистаго песчаника; топоръ сломанъ какъ разъ на дырѣ, но затѣмъ изломъ зашлифованъ, такъ что остались только самые незначительные слѣды дыры; такъ какъ эта часть топора еще довольно велика, то въ ней вѣроятно предполагалось просверлить новую дыру и пустить топоръ опять въ дѣло, съ этой цѣлью и была отшлифована задняя сторона; въ теперешнемъ видѣ топоръ имѣетъ видъ треугольника въ 9 снт. длиной и $4^1/_2$ снт. въ поперечникѣ при изломѣ, толщина 3 снт.; между лезвіемъ и дырой внизу находится выемка; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что топоръ орнаментированъ: на верхней плоскости идутъ три обронныя полоски—одна посрединѣ, двѣ по краямъ; найденъ

близко къ обрыву на самомъ раздѣльномъ бугрѣ, на незначительной глубинѣ. Передняя часть большого топора; остріе полукруглое; ширина $6^1/_2$ снт., толщина тоже $6^1/_2$ снт., длина дыры $5^1/_2$ снт.; въ нижней поверхности сдѣлана выемка для ускоренія сверленія; діам. дыры $2^3/_4$ снт. Самая передняя часть острія топора полукруглая; топоръ, вѣроятно, былъ довольно большихъ размѣровъ. Задняя часть молотка, ширина 6 снт., діаметръ дыры $2^1/_2$ снт. Часть топора-молотка съ дырой въ $4^1/_4$ снт. длины и 3 снт. ширины, изломъ на дырѣ. Боковой обломокъ молотка, длина дыры $5^1/_2$ снтм. Такой же обломокъ орудія изъ песчаника, длина дыры 6 снт., діаметръ—$2^1/_2$ снтм. Обломокъ молотка въ $5^1/_2$ снт. толщины. Цѣлую группу, довольно многочисленную, составляютъ орудія, которыя можно назвать пестами. Орудія эти попадаются въ Россіи и Западной Европѣ сравнительно рѣдко, гораздо чаще—въ Сибири и Сѣверной Америкѣ [1]). Песты употреблялись для растиранія зеренъ и краски; для послѣдней цѣли они служили еще въ ранній періодъ каменнаго вѣка [2]). Песты съ Княжей Горы трехъ видовъ. Первый — грушеобразный, найболѣе подходитъ по своей формѣ къ пестамъ; цѣлый найденъ одинъ—изъ песчаника, вышина $9^1/_2$ снт., основаніе съ закругленными краями имѣетъ въ длину 7 снт., въ ширину 6; кверху пестъ съуживается и представляетъ отшлифованную кругомъ поверхность, принаровленную такъ, чтобы удобно было держать руками; затѣмъ есть еще половина такого же песта изъ песчаника и часть гранитнаго. Слѣдующій разрядъ составляютъ песты въ видѣ небольшихъ тумбочекъ, неправильной четыреугольной формы; они всѣ изъ песчаника; для растиранія употреблялась не только нижняя поверхность, но и верхняя, которая поэтому также имѣетъ закругленную форму; цѣлыхъ найдено три— въ 8, $6^1/_2$ и $5^1/_2$ снт. высоты и 4—5 снт. въ поперечникѣ; кромѣ того, есть еще одна половинка. Третій видъ, который можно отнесть къ пестамъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—это кубики

[1]) Анучинъ, „О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири", въ Трудахъ VI Съѣзда, т. I, стр. 41 и слѣд.

[2]) Оссовскій, „Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи", Труды VI Съѣзда, т. I, стр. 54.

изъ песчаника со всѣми гранями обточенными и закругленными, такъ что кубики близко подходятъ къ формѣ шара; всѣхъ найдено 5—три въ 5 снт. въ поперечникѣ и затѣмъ въ $4^1/_2$ и 4 снтм. Сюда же относится очень интересный экземпляръ въ видѣ шара съ отбитой частью; на одной закругленной сторонѣ—гладкій желобокъ—это остатки дыры; шаръ сдѣланъ изъ разбитаго каменнаго орудія. Что орудія этого рода служили для расширенія, а не для шлифовки, на это указываютъ закругленія по краямъ тѣхъ поверхностей, которыми работали; эти закругленія никоимъ образомъ не могли произойти отъ шлифованія. Для послѣдней цѣли могъ служить тоже пестикъ, въ $6^1/_2$ снт. вышины, изъ твердой породы камня; низъ его представляетъ плоскую гладкую поверхность. Къ шлифованымъ камнямъ, имѣющимъ плоскія, а не закругленныя поверхности, можетъ быть отнесенъ небольшой валунъ песчаника съ отшлифованной одной стороной, и кусокъ песчаника въ 13 снт. длины съ нижней гладкой поверхностью и верхней полукруглой. Кромѣ того, на Княжей Горѣ найдено еще около 10 кусковъ разныхъ камней въ видѣ обломковъ отъ орудій, съ одной или нѣсколькими шлифованными поверхностями.

Костяныя издѣлія, встрѣчающіяся въ здѣшнемъ краѣ сравнительно рѣдко, имѣютъ съ Княжей Горы довольно многочисленныхъ представителей. Начнемъ съ самаго простѣйшаго вида ихъ. Это острія или, какъ ихъ иногда называютъ, шила, приготовленныя изъ расколотыхъ костей (табл. I, №№ 3 и 10). Дѣлали ихъ слѣдующимъ образомъ: брали довольно тонкую круглую кость, полую внутри, раскалывали ее, и полученные куски кости съ одной стороны оттачивали на камнѣ, оттачивали при этомъ только самый конецъ, остальную же часть кости оставляли въ необдѣланномъ видѣ. Нѣсколько экземпляровъ сдѣлано изъ плоской кости (таб. I, № 5). Всѣхъ орудій такого рода найдено болѣе тридцати. Встрѣчались онѣ, какъ я уже говорилъ, большей частью въ самомъ нижнемъ пластѣ культурнаго слоя. Величина ихъ различна: начиная отъ 3-хъ снт. постепенно доходитъ до 17 снт. На одномъ экземплярѣ, въ $4^1/_2$ снт. длины, въ широкомъ нижнемъ концѣ продѣлана дырочка (табл. I, № 10). Инструменты этого рода

могли служить шилами, но вѣроятно употреблялись и для другихъ надобностей, напр. при орнаментировкѣ гончарныхъ издѣлій. Интересно одно остріе въ 10 снт. длины (таб. I, № 6); оно сдѣлано не изъ расколотой кости, а изъ цѣлой, полой внутри; болѣе тонкій конецъ отточенъ, а въ нижнее широкое отверстіе могла вставляться палка и все орудіе тогда имѣло видъ копья. Было также одно остріе или шило, приготовленное изъ кости большой рыбы. Слѣдующій затѣмъ разрядъ составляютъ четыре орудія, изъ которыхъ три имѣютъ видъ лопатокъ съ отточеннымъ концомъ, онѣ сдѣланы изъ большихъ колотыхъ костей и имѣютъ въ длину $4^1/_2$, $7^1/_2$ и 11 снтм. (таб. I, № 4); четвертое (таб. I, № 2)—изъ сплошной круглой кости, какъ кажется ископаемой, въ 12 снт. длины, съ одного конца сглажено съ двухъ сторонъ на подобіе долота, такъ что получилось лезвіе въ 3 снт. ширины, къ противоположному концу оно тоньше; вѣроятно вставлялось въ ручку и исполняло роль топора. Быть можетъ, такого сорта орудія служили для обработки дерева. Къ орудіямъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ относится нѣсколько штукъ рыболовныхъ крючковъ. Первый (табл. I, № 7), на которомъ я остановлюсь подольше, сдѣланъ изъ довольно тонкой костяной пластинки, сохранился не вполнѣ, и въ настоящемъ видѣ имѣетъ $4^1/_2$ снт. длины); довольно далеко отъ нижняго конца находится зазубрина, противоположная же ей сторона представляетъ ровную плоскость; въ нижнемъ концѣ проверчена дырочка; этотъ крючекъ представляетъ большую аналогію съ крючками, употребляемыми и теперь алеутами; но вышеописанный экземпляръ составляетъ только частъ крючка; въ цѣломъ видѣ, какъ это можно видѣть на алеутскихъ крючкахъ, эта часть приставлялась стороной противоположной зарубкѣ къ узкой костяной или перламутровой пластинкѣ, къ которой и привязывалась—внизу шнуромъ, продѣтымъ въ дыру, вверху же—поверхъ стержня (на нашемъ экземплярѣ отломаннаго); перламутровая блестящая пластинка играетъ въ этомъ случаѣ роль блесны. Другой крючекъ сохранился почти совсѣмъ (таб. I, № 15)—онъ изъ круглой кости въ 10 снт. длины; на разстояніи $4^1/_2$ снт. отъ нижняго конца (немного отломаннаго) сдѣлана

довольно большая зарубка, верхній конецъ, гдѣ прикрѣплялась леса, задѣланъ въ видѣ головки. Отъ третьяго экземпляра (таб. I, № 8), повидимому ближе всего подходящаго къ типу теперешняго крючка, сохранился только стержень, въ верхней части котораго сдѣлано кругомъ три насѣчки—для того чтобы не сползала привязанная леса. Послѣднее простѣйшее и древнѣйшее орудіе для рыбной ловли представляетъ жерлица (таб. I, № 14), въ видѣ небольшого кусочка кости, въ 6 снт. длины, кругомъ обточеннаго и къ обѣимъ концамъ заостреннаго; леса привязываласьъ посрединѣ. Трудно объяснить назначеніе костяныхъ небольшихъ конусовъ, иногда сдѣланныхъ изъ сплошной кости, иногда же (и чаще), съ отверстіемъ съ широкаго конца (таб. I, №№ 12 и 16); ихъ всѣхъ найдено 8; длина отъ 4 до $8^1/_2$ снтм.; у одного изъ нихъ, самого меньшаго (таб. I, № 12), верхній острый конецъ сточенъ въ три грани,—быть можетъ, онъ служилъ для сверленія. Изъ привѣсокъ найдена только небольшая овальная костяная пластинка 3-хъ снт. длины съ дырой у края (таб. I, № 9). Обыкновенно между перечисленными костяными предметами каменнаго вѣка встрѣчаются зубы дикихъ животныхъ съ отверстіями для привѣшиванія,—на Княжей Горѣ найдено много зубовъ, но слѣдовъ дырокъ ни въ одномъ экземплярѣ не замѣчено. Кромѣ вышеперечисленныхъ болѣе или менѣе цѣлыхъ костяныхъ издѣлій, найдено много обломковъ, о которыхъ трудно сказать что-ниб. опредѣленное.

Керамическія издѣлія. Производство ихъ сосредоточивалось также на самой горѣ; такъ, тамъ найденъ довольно большой кусокъ глины, приготовленной или оставшейся отъ выдѣлки издѣлій. Издѣлія эти состоятъ изъ посуды и такъ наз. грузилъ. Работа производилась прямо руками безъ помощи гончарнаго круга; глина сравнительно хорошаго приготовленія,—примѣсь кварца замѣчена только въ одномъ случаѣ; обжигъ также довольно хорошъ, хотя все еще остается неровнымъ. Къ сожалѣнію не найденно ни одного сосуда, относящагося къ этому періоду, цѣлымъ,—все куски, и куски при томъ недостаточные, чтобы по нимъ можно было возстановить форму этихъ первобытныхъ сосудовъ; можно лишь сказать, что въ большинствѣ

случаевъ они были большихъ размѣровъ, хотя найдена, напр., и одна очень маленькая чашечка съ густой примѣсью крупнаго кварца, относящаяся вѣроятно къ болѣе раннему періоду этой эпохи. Днища сосудовъ были двухъ родовъ: конусообразныя и плоскія, слѣдовъ клеймъ на нихъ не замѣчено. Толщина стѣнокъ въ среднемъ равняется 1 снтм. Наружная сторона сосудовъ или оставалась гладкой, лишь съ бороздками отъ лопатки, которой выглаживался сосудъ, или покрывалась орнаментомъ. Украшались орнаментомъ какъ верхнія части сосудовъ вмѣстѣ съ ободкомъ, такъ и весь сосудъ сплошь, даже и дно. Орнаменты весьма разнообразны; самый простой видъ ихъ—углубленія, сдѣланныя пальцемъ; вѣроятно, съ самаго начала такія углубленія произошли не намѣренно, вслѣдствіе поддерживанія сосуда рукою въ время лѣпки, затѣмъ уже ихъ помѣщали рядами, именно съ цѣлью украшенія; послѣ, палецъ замѣняетъ круглая палочка или кость, и углубленія съ соотвѣтствующими возвышеніями на другой сторонѣ, получаютъ правильную круглую форму; черепковъ съ орнаментомъ послѣдняго рода встрѣтилось на Княжей Горѣ очень немного; гораздо больше орнаментовъ изъ разнаго рода насѣчекъ, нарѣзовъ въ видѣ сосонокъ, треугольниковъ и т. п.; затѣмъ идутъ отпечатки веревочки, отпечатки-бороздки съ перегородками разной величины и формы; кромѣ орнаментовъ, сдѣланныхъ вглубь, очень много налѣпныхъ въ видѣ полосокъ и шишекъ. Эти простѣйшіе виды въ разнообразныхъ сочетаніяхъ даютъ громадное число орнаментовъ, такъ что положительно, что ни черепокъ, то и новый орнаментъ. На сравнительно немногихъ черепкахъ отъ верхнихъ частей сосудовъ продѣланы дыры, служившія для подвѣшиванія,—дыры воронкообразныя, что указываетъ на то, что онѣ продѣланы уже въ обожженномъ сосудѣ, тогда какъ всѣ орнаменты сдѣланы по сырой глинѣ. Грузила встрѣчаются разной формы и величины—шарообразные, въ видѣ усѣченнаго конуса, приплюснутаго шара, цилиндра съ перехватомъ посрединѣ, въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ вмѣстѣ основаніями и т. п. Онѣ всѣ ручной лѣпки и очень часто покрыты орнаментомъ такимъ же разнообразнымъ и такихъ же рисунковъ, какъ и черепки. Всѣхъ такого рода

грузилъ, какъ цѣлыхъ, такъ и сломанныхъ, найдено около сорока штукъ, хотя большихъ между ними есть всего штукъ пять, всѣ же остальныя средней величины и попадаются даже совсѣмъ небольшіе, которыя, можетъ быть, служили украшеніями. Приготовлялись также грузила изъ старыхъ черепковъ, которые обтачивали въ кружки и продѣлывали въ срединѣ дыры; найдено семь кружковъ только лишь обточенныхъ, но безъ дыръ, грузилъ же готовыхъ, сдѣланныхъ изъ черепковъ, найдено 17. Отмѣтимъ то обстоятельство, что черепки, изъ которыхъ сдѣланы грузила, двухъ родовъ,—одни болѣе грубые ручной лѣпки, другіе—изъ глины хорошо приготовленной и обожженной и со слѣдами гончарнаго круга; эти послѣдняго рода грузила нужно отнесть къ болѣе позднему времени. Скажемъ здѣсь за одно и о крупныхъ грузилахъ, сдѣланныхъ изъ камня; ихъ немного: овальной формы въ 11 снт. длины изъ мергеля, у края продѣлана дыра; четыреугольная плитка песчаника $11^1/_2$ снт. длины и 7 ширины, у верхняго, болѣе тонкаго края, дыра; неправильной формы плитка шифера также съ дырой у края; шиферная же плитка овальной формы съ косой дырой; тонкая плитка сидерита, съ отколотымъ пластомъ, въ видѣ треугольника съ полукруглымъ основаніемъ; дыра, продѣланная въ вершинѣ, состоитъ изъ двухъ сходящихся воронокъ; небольшой четыреугольный кусокъ сидерита разломанъ какъ разъ на дырѣ, которая имѣетъ такой же видъ, какъ у предыдущаго грузила. Есть еще одно грузило, тоже довольно крупное, сдѣланное изъ кирпичной массы, или даже прямо изъ куска тонкаго кирпича, оно неправильной четыреугольной формы, съ большой дырой у края, дыра носитъ ясные слѣды тренія веревкой, быть можетъ оно болѣе поздняго происхожденія. Закончимъ отдѣлъ керамики указаніемъ на небольшой желобъ неизвѣстнаго назначенія, сдѣланный изъ очень плотной глины; онъ имѣетъ видъ корытца въ 12 снт. длины, 5 ширины и 1 глубины, одна изъ узкихъ сторонъ котораго сглажена.

Къ числу предметовъ, одинаково относящихся какъ къ каменному вѣку, такъ и къ болѣе позднимъ эпохамъ, принадлежатъ пряслицы, сдѣланныя изъ сланца чернаго, сѣраго, фіо-

летоваго и розоваго цвѣта; мѣстонахожденіе этого сланца въ овручскомъ уѣздѣ волынской губ., гдѣ и обнаружены громадныя фабрики пряслицъ; на Княжу Гору пряслицы доставлялись вѣроятно уже въ готовомъ видѣ, такъ какъ слѣдовъ обработки, въ видѣ испорченныхъ и недоконченныхъ экземляровъ, не найдено. Въ заключеніе укажемъ на тѣ остатки пищи первобытнаго человѣка, которые обнаружены на Княжей Горѣ; это, во первыхъ, рыба средней величины—шелуха и кости ея довольно часто попадались въ нижней части культурнаго слоя, иногда вмѣстѣ съ костяными одудіями простѣйшаго вида; затѣмъ, пищей служили днѣпровскія раковины—Unio pictorum; онѣ встрѣчались въ разныхъ слояхъ, въ одномъ случаѣ были найдены въ довольно большомъ числѣ. Громадное количество костей разныхъ животныхъ изъ породъ нынѣ существующихъ, костей большей частью разбитыхъ, а иногда и обугленныхъ, указываетъ, что и мясная пища не была въ пренебреженіи у этихъ береговыхъ жителей; хотя конечно не всѣ кости остались отъ этого періода; вѣроятно, большинство ихъ—остатки пищи болѣе поздней эпохи; но какія изъ костей древнѣе, какія новѣе—разобраться въ этомъ теперь безъ помощи палеонтологіи, вслѣдствіе смѣшенія слоевъ, нѣтъ никакой возможности.

Предметы великокняжеской эпохи, находимые въ Юго-Западной Россіи, состоятъ главнымъ образомъ изъ дорогихъ украшеній, рѣже монетъ, и представляютъ богатые клады, порученные землѣ въ минуту опасности. Болѣе же простые предметы домашняго обихода попадаются лишь изрѣдка или въ могилахъ, или прямо въ землѣ, при какихъ нибудь случайныхъ раскопкахъ; въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе долгой живучести типовъ этихъ незатѣйливыхъ предметовъ домашняго обихода, является трудность при опредѣленіи эпохи. Въ этомъ отношеніи Княжа Гора представляетъ замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ мѣстность. Здѣсь, во время раскопокъ прошлаго лѣта, кромѣ очень богатыхъ и многочисленныхъ украшеній, найдена такая масса простыхъ бытовыхъ предметовъ, что мы можемъ съ большей или меньшей полнотой составить себѣ понятіе о всей жизни поселка на Княжей Горѣ

семь вѣковъ назадъ въ различныхъ внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что многіе предметы съ Княжей Горы, касающіеся тѣхъ или другихъ занятій и ремеслъ, поразительно сходны съ таковыми и нынѣ употребляемыми въ крестьянскомъ быту, такъ что на первый взглядъ невольно является сомнѣніе въ такой ихъ глубокой древности, но сомнѣніе это уничтожается совмѣстнымъ нахожденіемъ этихъ вещей съ типичными вещами X—XIII ст. и потомъ, тѣмъ фактомъ, что до сихъ поръ на Княжей Горѣ не найдено ничего, что можно бы было прямо отнесть къ болѣе поздней, чѣмъ мы указали, эпохѣ. Да и сами предметы, послѣ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія во всей ихъ совокупности, оказываются носящими въ себѣ черты глубокой старины. Приступая къ раскопкамъ, мы главнымъ образомъ и имѣли въ виду эти простыя, но цѣнныя для насъ, мѣдныя, желѣзныя, глиняныя вещи. Мы надѣялись, и, какъ оказалось, не напрасно, что крестьяне окрестныхъ селъ, руководствуясь въ своихъ раскопкахъ спросомъ на извѣстнаго рода вещи и матеріальной стоимостью ихъ, оставятъ на нашу долю эти заржавленные косы, серпы, ножи, крючки и т. п., и дѣйствительно такого рода вещей въ слояхъ уже перерытыхъ крестьянами, а иногда и въ нетронутомъ культурномъ слоѣ, найдено очень много, такъ что одинъ и тотъ же предметъ имѣется иногда въ очень многихъ экземплярахъ. Какъ бы въ видѣ сюрприза подъ конецъ раскопокъ открыто четыре клада, которые въ общей сложности представляютъ богатѣйшій подборъ разнаго рода украшеній, очень интересныхъ съ художественной точки зрѣнія. Хотя вещи этихъ кладовъ въ большинствѣ случаевъ уже извѣстны, но какъ дополненіе къ другимъ предметамъ, для полной характеристики состоянія культуры на Княжей Горѣ, клады эти пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Кромѣ этихъ четырехъ кладовъ съ золотыми и серебряными вещами, найденъ еще одинъ съ исключительно желѣзными предметами, служившими вѣроятно въ хозяйствѣ одного лица, здѣсь были: наральникъ, серпъ, долото, стамеска съ роговой ручкой, желѣзные тонкіе обручи отъ ведра и еще нѣсколько болѣе мелкихъ. Помимо этого, всѣ остальныя

добытыя вещи находились спорадически на всемъ протяженіи горы, на разной глубинѣ, не рѣдко на самой подпочвѣ. Большое количество найденныхъ предметовъ указываетъ на сравнительно большую населенность данной мѣстности, хотя остатковъ самихъ обитателей горы найдено не много: кромѣ довольно рѣдко попадавшихся разрозненныхъ костей и череповъ, открыто всего лишь пять цѣлыхъ скелетовъ; пока еще не сдѣлано точныхъ измѣреній ихъ, и лишь можно сказать, что вообще населеніе Княжей Горы того времени, судя по этимъ пяти представителямъ его, обладало хорошимъ сложеніемъ; черепа ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ современныхъ европейскихъ; у одного индивидуума, вѣроятно обладавшаго воинственнымъ характеромъ, нижняя челюсть была перебита почти что посрединѣ, послѣ она срослась, хотя все таки обладатель ея лишился навсегда нѣсколькихъ зубовъ. Изъ частей жилища сохранились, и то не вполнѣ, однѣ печи; мы уже знаемъ какъ онѣ устроены, а что эти печи относятся къ княжескому времени, объ этомъ свидѣтельствуютъ вещи этой эпохи, находимыя на одномъ уровнѣ съ печами, а одинъ небольшой кладъ, состоящій изъ серебряныхъ серегъ открытъ въ самомъ устьи одной печи. Постройки, вслѣдствіе недостатка въ мѣстѣ, отличались вѣроятно небольшими размѣрами, ходъ къ нимъ шелъ по остававшемуся свободнымъ возвышенному срединному бугру; кромѣ этого и тѣхъ немногихъ предположеній, которыя мы высказали раньше, у насъ нѣтъ ничего, что̀ бы ближе опредѣлило устройство и внѣшній видъ жилищъ того времени.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію мелкихъ вещей, имѣющихъ то или другое отношеніе къ жилищу. Отмѣтимъ прежде всего три желѣзные креста, 20—30 снт. длиной, съ утончающимся нижнимъ концомъ; они вѣроятно помѣщались сверху жилища или часовни; одинъ изъ нихъ найденъ на расчищенной площадкѣ, гдѣ также обнаружены и остатки печи. Всѣ три креста разной формы: первый — 18 снт. длины, верхній и два боковые конца заканчиваются кружками; 2-й—19 снт. длины, концы расширены; 3-й—27 снт. длины, подъ средокрестіемъ помѣщенъ полумѣсяцъ, вверху была еще небольшая перекла-

динка, но не сохранилась. Есть еще четвертый обломанный желѣзный крестикъ 8 снт. длины. Совершенно такого же рода желѣзный крестикъ, какъ три предыдущіе, съ заостренной нижней оконечностью я видѣлъ въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей, но мнѣ не удалось узнать, откуда онъ и при какихъ обстоятельствахъ найденъ. Есть еще три небольшіе мѣдные креста съ изображеніемъ распятія, два изъ нихъ вырѣзные, а одинъ какъ бы взятъ изъ верхней части энколпіона; съ исподней стороны ихъ придѣланы мѣдные гвозди, посредствомъ которыхъ кресты прикрѣплялись или къ дощечкамъ, и тогда исполняли роль иконъ, что встрѣчается и теперь, или же прибивались къ верхней перекладинѣ у дверей, какъ это обязательно и понынѣ дѣлаютъ всѣ старообрядцы. Изъ другихъ принадлежностей жилища найдены гвозди, пробои, завѣсы, скобы, задвижки, кольца, замки, ключи и т. д. Гвозди кузнечной работы, шляпки ихъ или круглыя или продолговатыя, на одномъ гвоздѣ шляпка состоитъ изъ четырехъ расположенныхъ крестообразно изогнутыхъ пластинокъ; на многихъ гвоздяхъ есть слѣды огня, многіе изъ нихъ найдены въ такомъ видѣ, какъ бы они находились вбитыми въ дерево, которое теперь уничтожилось, дерево повидимому было толстое, въ видѣ брусьевъ, и болѣе тонкое, въ видѣ досокъ разной толщины. Завѣсы въ большинствѣ случаевъ устроены очень просто и состоятъ изъ двухъ продѣтыхъ одинъ въ другой пробоевъ. Наружные запоры имѣютъ видъ—или желѣзной полосы съ отверстіемъ для пробоя, или желѣзнаго перекрученнаго прута, сбитаго вмѣстѣ и къ концу расширяющагося въ продолговатое кольцо; внутреннія задвижки состоятъ изъ продолговатой желѣзной полоски съ закругленными краями и съ узкимъ во всю длину отверстіемъ, такая задвижка двигалась по вбитымъ въ косякъ стержнямъ; для того чтобы не легко было ее сдвинуть, на внутреннихъ сторонахъ отверстія нарѣзывались зубья, задерживавшіе стержни. Всѣ эти предметы разной величины и совершенно сходны съ тѣми, которые и теперь мастерятъ сельскіе кузнецы. Отличаются отъ современныхъ своимъ устройствомъ замки, которыхъ въ общемъ найдено около ста штукъ, они имѣютъ видъ

желѣзнаго цилиндра съ припаянной тонкой трубочкой, въ нихъ входитъ желѣзная дужка; замки разной величины—отъ 4-хъ до 12 снт. длины; большинство на цилиндрахъ имѣетъ украшенія въ видѣ продольныхъ припаянныхъ полосокъ, зигзаговъ и поперечныхъ обручиковъ; есть также два большихъ замка у которыхъ дужка съ одной стороны прикрѣплена на шарнирѣ, другимъ же концомъ входитъ внутрь замка—какъ и теперь. Это все наружные замки, изъ внутреннихъ не найдено цѣлаго ни одного, но, какъ кажется, есть куски отъ нихъ. Ключи также отличаются своеобразнымъ устройствомъ и состоятъ изъ желѣзныхъ стержней, иногда рѣзныхъ, на одномъ концѣ которыхъ въ перпендикулярномъ, рѣже горизонтальномъ направленіи придѣланы рожки, имѣющіе сообразно съ отверстіемъ въ замкѣ разную форму, на другомъ концѣ стержня обыкновенно находится кольцо для привѣшиванія ключа; длина стержня доходитъ до 20 снт.; такихъ ключей найдено больше пятидесяти; найдены также три ключа—маленькій и 2 большихъ, такой формы какъ теперь.

Для храненія разнаго рода припасовъ возлѣ жилищъ устраивались такъ называемыя пашенныя ямы; ихъ всѣхъ вдоль по горѣ найдено 5; двѣ съ сѣверо-западной стороны бугра и три съ юго-восточной; ямы выкапывались въ желтой глинѣ, составляющей подпочву, и, благодаря присутствію камней, иногда очень плотной. Четыре изъ нихъ имѣли круглую форму, одна—четыреугольную; вотъ ихъ размѣры: съ сѣверо-западной стороны—1) глубина 1,6 мет., діаметръ 1,2 мет., на днѣ слой истлѣвшаго проса 1—$1^1/_2$ верш. толщиной; 2) глубина 1 мет., діаметръ 1—5 мет., на днѣ немного рыбьихъ костей; съ юго-восточной стороны—1) глубина 2 м., яма книзу расширяется, такъ что діаметръ вверху равняется 1 метру, а внизу 1,2 мет., 2) сейчасъ же возлѣ предыдущей ямы обнаружена другая, неправильной формы, въ 1 метръ глубиной, 3) четыреугольная яма 2,8 мет. глубиной и 2,15 и 1,4 м. по сторонамъ.

Изъ простыхъ домашнихъ орудій отмѣтимъ: кресала для высѣканія огня; онѣ сдѣланы или изъ сплошного продолговатого куска стали въ 7 снт. длиной и 2 шириной, или же съ

продольнымъ отверстіемъ въ срединѣ. Очень многочисленный отдѣлъ составляютъ желѣзные ножи—ихъ найдено около 80 штукъ; длина ихъ различна—отъ 7 и до 16 снт., всѣ они узкіе, только одинъ $4^1/_2$ снт. ширины, съ одной рѣжущей стороной; обыкновенно у тупаго края проведена одна или двѣ бороздки; ножи вставлялись въ деревянныя или костяныя ручки—на нѣкоторыхъ экземплярахъ и до сихъ поръ замѣтны слѣды приставшаго дерева, а одинъ ножъ найденъ съ цѣлой круглой костяной ручкой въ $7^1/_2$ снт. длины; у сравнительно небольшаго числа экземпляровъ ручка состояла изъ двухъ пластинокъ кости или дерева, приложенныхъ на продолженное лезвіе и скрѣпленныхъ заклепками; видно, что ножи были въ частомъ употребленіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сильно сточены; складныхъ ножей не найдено. Найденные пять экземпляровъ ножницъ по устройству ни чѣмъ особеннымъ не отличаются отъ современныхъ, только развѣ немного грубѣе; кольца, въ которыя вкладываются пальцы, сдѣланы просто изъ загнутыхъ нижнихъ концовъ; размѣры ножницъ 15—19 снтм.; есть еще ножницы для стрижки шерсти, 14 снт. длиной. Къ предметамъ домашняго обихода относятся также небольшіе мѣдные щипчики 8 снт. длиной, кромѣ того, есть цѣлый отдѣлъ предметовъ, назначеніе которыхъ пока нельзя объяснить; это, прежде всего, неглубокія мѣдныя чашечки съ круглымъ или квадратнымъ отверстіемъ въ срединѣ; въ эти отверстія вставлялись круглыя или четыреугольныя стержни въ 12 и менѣе снт. длины, нижній конецъ которыхъ представляетъ или плоскую головку, довольно устойчивую, или же развѣтвляется въ нѣсколько завитковъ; чашечекъ такихъ разной величины—отъ 5 до 10 снт. въ діаметрѣ, найдено около 15, стержней же прямыхъ три и фигурныхъ два; единственный экземпляръ такой чашечки въ 12снт. діам. найденъ укрѣпленнымъ на трехъ ножкахъ въ 3 снт. вышиной. Затѣмъ попадаются, иногда по нѣсколько одинаковыхъ штукъ, желѣзные предметы тоже съ трудно объяснимымъ назначеніемъ, таковы напр.: овальныя кольца, треугольныя звѣзды съ заостренными шипами по краямъ, и нѣкоторые другіе. Очень велико число обломковъ посуды; посуда была глиняная, деревянная и металлическая. Глиняную посуду мы раздѣляемъ на привозную

и мѣстнаго приготовленія, какъ та, такъ и другая сдѣлана при помощи гончарнаго круга; послѣдняя состояла главнымъ образомъ изъ горшковъ съ широкимъ отверстіемъ, формы близко подходящей къ современной, предназначавшихся для варки пищи; размѣры ихъ были самые разнообразные: начиная съ небольшихъ въ 7—8 снт. вышиной, горшки, или въ этомъ случаѣ макотры, доходятъ, судя по обломкамъ, до очень большихъ размѣровъ. Орнаментъ на нихъ состоитъ изъ параллельныхъ полосокъ и неровныхъ, полукруглыхъ углубленій; ушки, обыкновенно по одному, изъ прилѣпленной широкой глиняной полоски. Гораздо меньше посуды, тоже мѣстнаго приготовленія, другой, болѣе вычурной формы, съ узкимъ небольшимъ или высокимъ горлышкомъ, прямымъ или воронкой; ушки съ двухъ сторонъ, изъ куска глины съ круглымъ отверстіемъ. Сосуды послѣдняго рода являются типичными представителями великокняжеской эпохи, они часто попадаются и въ самомъ Кіевѣ [1]); недалеко отъ дер. Монастырка, что возлѣ Трактомирова, тамъ, гдѣ находятся остатки Зарубскаго монастыря, мы случайно набрели нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ кажется, на мастерскую такихъ сосудовъ, она расположена на самомъ берегу Днѣпра. На Княжей Горѣ найденъ цѣлымъ только одинъ такой сосудъ, онъ въ видѣ баклаги съ узкимъ горлышкомъ, вышина его 20 снтм. Лучше сохранились очень миніатюрные сосуды, два изъ нихъ имѣютъ форму кувшинчиковъ, приблизительно въ 6 снт. вышиной и 4 въ діаметрѣ, а три остальные—небольшихъ флакончиковъ, довольно грубой работы, $3^1/_2$ снт. вышиною и $2^1/_2$ въ діаметрѣ, на нихъ замѣтны слѣды глазировки, въ видѣ шероховатой стекловидной массы. Посуда, которую мы считаемъ привозною съ юга, состоитъ изъ большихъ амфоръ. Глина въ нихъ совершенно отличается отъ глины вышеописанныхъ горшковъ, она краснаго или пепельнаго цвѣта и очень хорошей выдѣлки, но, какъ кажется, не годится для огня, что было и лишне такъ какъ амфоры предназначались для храненія вина, меда и другихъ припасовъ.

[1]) Нѣсколько цѣлыхъ экземпляровъ хранится въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи.

Амфоры найдены въ обломкахъ, которыхъ также очень много, и лишь въ одномъ мѣстѣ подобрано много черепковъ, лежавшихъ въ одной кучѣ; они принадлежали двумъ амфорамъ, изъ которыхъ отъ одной только удалось склеить нѣсколько большихъ частей, а у другой, недостаетъ только бока и можно вполнѣ возстановить ея форму; она имѣетъ 45 снт. вышины и 30 снт. въ діаметрѣ въ самой широкой части, съ двухъ сторонъ узкаго въ 6 снт. горлышка придѣланы двѣ длинныя ручки, книзу амфора съуживается, но не оканчивается острымъ конусонъ, а переходитъ постепенно въ чашеобразное, но все таки не устойчивое, дно. Многочисленные обломки другихъ днищъ показываютъ, что онѣ были такого же устройства. На этой, лучше всего сохранившейся, амфорѣ есть нѣсколько нарѣзовъ, представляющихъ изъ себя первопачальные знаки собственности; такъ, подъ ручкой помѣщенъ небольшой прямоугольный крестъ, дальше шелъ повидимому цѣлый рядъ фигуръ: сначала въ родѣ андреевскаго креста съ параллельными полосками вверху, внизу и посрединѣ, рядомъ—остатки какъ-бы буквы М, изъ этого же вѣроятно ряда, отдѣльный черепокъ съ нарѣзами—въ видѣ четыреугольника съ поперечной вертикальной полоской и двумя косыми горизонтальными. На одномъ изъ кусковъ другой амфоры, найденной вмѣстѣ съ первой, есть знакъ въ родѣ треугольника съ закругленными углами. Затѣмъ, нѣсколько такихъ знаковъ собственности вырѣзано на найденныхъ отдѣльно трехъ ручкахъ отъ амфоръ; на первой знаки помѣщены въ двухъ мѣстахъ: вверху—въ видѣ двухъ широкихъ нарѣзовъ, и внизу ручки—въ видѣ трехъ узкихъ, косыхъ; на другой—три узкіе нарѣза сходятся подъ углами въ точкѣ; на третьей находится ясно опредѣленная мѣтка изъ двухъ буквъ М В, съ помѣщеннымъ горизонтально надъ ними андреевскимъ крестомъ. Къ числу привозной посуды несомнѣнно относится верхняя часть небольшаго сосуда, покрытая хорошей глазурью. Изъ деревянной посуды сохранились обуглившіеся куски точеной чашки въ 4 снт. вышиной и приблизительно 18 снтм. въ діаметрѣ. Были также въ употребленіи и деревянныя ведра, въ которыхъ между прочимъ сохранялись припасы; во время раскопокъ найдено нѣсколько

большихъ комьевъ обуглившагося пшена, комья эти отчасти сохранили форму той посуды, въ которой помѣщались, и посудой этой были ведра; отъ нихъ сохранились даже куски дерева, приставшіе къ комьямъ пшена. Отъ деревянныхъ сундуковъ остались только однѣ желѣзныя части—боковыя ручки, петли и оковка; оковки состоятъ изъ вырѣзныхъ пластинокъ желѣза съ дырочками для гвоздей, имѣютъ видъ онѣ или узкой полоски съ копьеобразнымъ концомъ, или болѣе вычурную форму, напр.—андреевскаго креста, затѣмъ, какъ кажется, двухъ лошадинныхъ головокъ съ крестомъ посрединѣ. Что имѣли мѣсто въ хозяйствѣ боченки и кадки, на это указываетъ съ одной стороны присутствіе инструментовъ, употреблявшихся въ бочарномъ производствѣ, съ другой—нахожденіе тонкихъ желѣзныхъ обручей. Металлическая посуда почти исключительно сдѣлана изъ мѣди; на первомъ мѣстѣ стоитъ часть небольшой чашечки, сплошь орнаментированной конусообразными шишечками съ полемъ между ними, раздѣланнымъ полосками и бисеромъ. Цѣлая узкая чашечка, украшенная орнаментомъ и отчасти позолоченная, найдена вмѣстѣ съ другими вещами въ богатомъ кладѣ. Другого характера большая широкая чашка, съ гранеными сторонами, вышиной въ $5^1/_2$ снтм. и съ діаметромъ вверху въ 12 снтм., внизу 6 снт.; она орнаментирована точками, у края ея находится три ушка для цѣпочекъ; ушки прикрѣплены заклепками въ формѣ львинныхъ головокъ, въ ушкахъ сохранились остатки желѣзныхъ цѣпочекъ, можетъ быть въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чашкой отъ вѣсовъ. Есть еще нѣсколько обломковъ мѣдной посуды, имѣвшей повидимому форму кувшиновъ и небольшихъ чашекъ. Но самый многочисленный отдѣлъ составляютъ мѣдные ведра и котелки; матеріаломъ для нихъ служила тонкая листовая мѣдь; ведра сдѣланы не изъ одного сплошнаго куска, а изъ нѣсколькихъ частей, скрѣпленныхъ между собою мѣдными заклепками; скрѣпленіе было настолько прочно, что въ такихъ котелкахъ можно было варить пищу, какъ это можно заключить по цѣлому экземпляру котелка, находящемуся въ музеѣ университета св. Владиміра. Во время раскопокъ найдены сотни кусковъ листовой мѣди съ многочисленными заклеп-

6*

ками, много также найдено ушекъ и дужекъ къ ведрамъ, онѣ большей частью желѣзныя; по дужкамъ можно судить и о размѣрахъ ведеръ; оказывается, что начиная съ самыхъ небольшихъ, они доходятъ до размѣровъ большихъ котловъ; только въ одномъ случаѣ найдена, какъ кажется, часть желѣзнаго ведра. Для большей прочности въ верхней части ведеръ по ободку вправлялся мѣдный или желѣзный прутъ. Сравнительно на небольшомъ числѣ кусковъ, главнымъ образомъ верхнихъ частей, находится несложный орнаментъ. Къ нѣкоторымъ кускамъ отъ ведеръ пристали остатки ихъ содержимаго, но безъ химическаго анализа трудно сказать что это такое.

Мы не нашли ничего, что бы дало намъ представленіе о формѣ одежды обитателей Княжей Горы. Приготовлялась же одежда прежде всего изъ холста—въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены истлѣвшія нитки, а на одномъ мѣдномъ бубенчикѣ замѣтны приставшіе кусочки холста, сохранившіеся благодаря мѣдной окиси. Найденныя ножницы для стрижки шерсти даютъ право предположить выдѣлку шерстяныхъ тканей и производство изъ нихъ одежды. Была также, какъ видно, и очень богатая одежда—въ одномъ мѣстѣ отрыты небольшіе куски золотой парчи (таб. II, №№ 34, 35 и 36) и штампованныя нашивки на одежду. Парча двухъ рисунковъ; кромѣ того, вмѣстѣ находились остатки тканыхъ золотыхъ полосокъ; серебряныя позолоченныя нашивки, въ количествѣ трехъ, разной формы: круглая (она черезъ нѣкоторое время послѣ отрытія разсыпалась), продолговатая четыреугольная (немного попорченная (таб. II, № 37) и треугольная (таб. II, № 38), у нихъ у всѣхъ по краямъ маленькія дырочки для пришиванія. Для застегиванія употреблялись небольшія мѣдныя пуговки въ видѣ шарика съ ушкомъ, бубенчики (къ одному изъ нихъ, какъ я выше упомянулъ, пристали кусочки матеріи отъ одежды), костяныя пуговицы (таб. I, № 23), ихъ найдено около 15 штукъ, но цѣлыхъ всего 5; онѣ точеныя съ круглой дырой въ центрѣ, самая большая изъ нихъ—$2^1/_2$ снт. въ діаметрѣ, верхняя часть и ободокъ украшены орнаментомъ изъ черточекъ и кружковъ. Судя по числу найденныхъ какъ раньше, такъ и во время на-

шихъ раскопокъ, образковъ и крестовъ, нужно признать твердо установившимся обычай ношенія таковыхъ. Ихъ надѣвали или прямо на тѣло, для чего предназначались обыкновенно небольшіе крестики-тѣльники, или поверхъ одежды; въ послѣднемъ случаѣ брались кресты-энколпіоны, доходящіе иногда до большихъ размѣровъ, и образки, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Крестиковъ тѣльниковъ найдено немного: одинъ янтарный съ орнаментомъ изъ кружковъ, нѣсколько мѣдныхъ, и два каменныхъ, т. н. корсунскихъ, хотя эти послѣдніе могли носиться и поверхъ платья; одинъ изъ нихъ шестиугольный (таб. II, № 3), 3-хъ снт. длины съ двумя одинаковыми поперечными перекладинками, три конца его обложены кругомъ золотой пластинкой, найденъ онъ въ кладѣ. Другой каменный крестъ, четыреугольный, 4-хъ снт. длины, обложенъ по концамъ серебряной пластинкой со вставленными камнями въ видѣ ромбиковъ, какъ кажется изъ мастики. Изъ образковъ, носимыхъ поверхъ платья, очень замѣчательны два, найденные въ кладѣ (таб. II, №№ 2 и 4); оба они золотые, круглые, въ $4^1/_2$ снт. въ діаметрѣ; каждый образокъ концентрическими кругами раздѣляется на четыре части: въ первомъ крайнемъ кружкѣ симметрично расположены 8 камней въ гнѣздахъ, слѣдующій ободокъ покрытъ орнаментомъ травами, возлѣ него ближе по срединѣ идетъ третій, въ видѣ желобка, здѣсь прежде помѣщался жемчугъ, теперь не сохранившійся, средній сплошной кружокъ занятъ изображеніями, сдѣланными византійской перегородчатой эмалью. На одномъ образкѣ (таб. II, № 2) находится погрудное изображеніе Божіей Матери съ лицомъ, немного обращеннымъ въ сторону, правая рука лежитъ на груди, лѣвая приподнята, съ лѣвой стороны головы помѣщены буквы М и А въ видѣ монограммы. На другомъ (таб. II, № 4)—повидимому изображеніе Іоанна Богослова; поза придана такая же, только въ обратную сторону, справа головы буквы І Ѡ съ титломъ наверху. Къ образкамъ придѣланы ушки, также со вставленными камнями; почти всѣ камни, можетъ быть вслѣдствіе дѣйствія огня, которому отчасти былъ подверженъ кладъ, плохо сохранились. Обратныя стороны совершенно гладкія. Позы эмалевыхъ изображеній, выражающіе

обращеніе къ кому то, даютъ поводъ предположить, что въ срединѣ между этими образками, находился еще одинъ съ изображеніемъ Іисуса Христа, до насъ не дошедшій, и тогда вся группа имѣла видъ такъ наз. „Денисуса". Цѣлыхъ четвероконечныхъ крестовъ-энколпіоновъ найдено 7 и болѣе 15 половинокъ и обломковъ, нерѣдко испорченныхъ огнемъ. Величина энколпіоновъ различна: 6—10 снт. въ длину. Изображенія на нихъ сдѣланы рельефомъ или вырѣзаны вглубь, и линіи заполнены какой то металлической массой. Есть нѣсколько типовъ крестовъ, между ними нѣсколько повидимому болѣе раннихъ чѣмъ остальные; такъ, есть половина энколпіона съ немного удлиненнымъ нижнимъ концомъ, на немъ очень грубо рѣзными линіями изображена стоящая фигура прямо, впереди ея помѣщена другая, доходящая до пояса первой, тоже прямо; быть можетъ, это изображенія Божіей Матери и Христа, вверху находится надпись буквами древней формы: ΠΑΝΑΓΙΑ; крестъ этотъ 7-ми снт. длиной. Изъ болѣе новыхъ энколпіоновъ отмѣтимъ два, оба они найдены цѣлыми. Первый сильно окисленъ, но все таки замѣтно, что по концамъ онъ былъ украшенъ повидимому эмалевыми кружками; когда его только что вынули изъ земли, то еще были ясно видны нитки, которыми онъ былъ перевязанъ накрестъ, что-бы не распадался, внутри его находилась какая то истлѣвшая масса. Превосходной сохранности другой энколпіонъ; на лицевой сторонѣ его помѣщенно рельефомъ поясное изображеніе Божіей Матери съ воздѣтыми руками, по четыремъ угламъ—левъ, телецъ, орелъ и человѣкъ; на оборотной сторонѣ, въ срединѣ на перекладинѣ расположена одежда Спасителя, надъ нею небольшой крестъ и по бокамъ его копье и губка на палкѣ, по угламъ—погрудныя изображенія святыхъ. Очень интересенъ затѣмъ вырѣзной ангелъ съ державой въ правой рукѣ и въ очень тонко отдѣланной одеждѣ (таб. II, № 8); длина его $4^1/_2$ снт., вверху придѣлано ушко, изображеніе вылито изъ мѣди, вѣроятно съ примѣсью серебра. Чтобы покончить съ отдѣломъ крестовъ и образковъ, скажемъ за одно о трехъ каменныхъ и одномъ мѣдномъ образкахъ, хотя они повидимому не предназначались для ношенія на

груди. Мѣдный образокъ состоитъ изъ пластинки въ 8 снт. длины и $2^1/_2$—4 снт. ширины, на которой помѣщается рельефное изображеніе святаго во весь ростъ съ благословляющей правой рукой и съ евангеліемъ въ лѣвой; надписей нѣтъ, вверху небольшая дырочка. Изъ каменныхъ образковъ цѣлый только одинъ (таб. II, № 13). Онъ сдѣланъ изъ сланца пепельнаго цвѣта и представляетъ изъ себя довольно толстую дощечку снт. 5 длиной съ погрудными изображеніями высокимъ рельефомъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой св. Сисинія, очень интересны надписи: НИКУЛА и СИСѢNИI. Отъ второй небольшой односторонней иконки такого же камня сохранилась только нижняя половина—здѣсь былъ изображенъ воинъ, держащій въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. Третій обломокъ составляетъ вѣроятно часть большого образка; уцѣлѣло лишь изображеніе Божіей Матери съ буквами МР и ѲУ по бокамъ; вверху, какъ кажется, изображеніе ангела и затѣмъ часть головы Спасителя; иконка эта тонкой, художественной работы. Вообще образки и кресты заслуживаютъ полнаго вниманія и всесторонняго изученія.—Очень разнообразныя украшенія, обнимающія собою почти всѣ, извѣстныя изъ великокняжеской эпохи, виды, сосредоточивались главнымъ образомъ въ 4-хъ найденныхъ кладахъ,—спорадическія находки ихъ немногочисленны. Начнемъ съ головной повязки; отъ таковой найдено всего два мѣдныхъ покрытыхъ серебромъ полукольца; въ цѣломъ видѣ повязка состояла изъ цѣлаго ряда такихъ полуколецъ, нашитыхъ на жгутъ, сдѣланный изъ какой нибудь матеріи. Кажется, часть повязки составляютъ и 4 мѣдныхъ кольца съ несовсѣмъ пригнутыми концами; они составлены изъ двойной проволоки съ частыми насѣчками (таб. II, № 17). Самый многочисленный разрядъ украшеній составляютъ серьги. Онѣ нѣсколькихъ типовъ. Самый простой—гладкая серебряная проволока, свернутая въ кольцо, одинъ конецъ проволоки обыкновенно заостренъ, другой же или остается тупымъ, или расплющивался и заворачивался спиралью; такихъ серегъ найдено болѣе 70-ти (таб. II, №№ 31 и 33). Затѣмъ идутъ серьги т. н. кіевскаго типа (таб. II, №№ 6, 15, 16, 20, 21, 23, 25, 26 и 28),

состоящія изъ большаго кольца съ надѣтыми на него тремя шариками, ажурными или сплошными, покрытыми бисеромъ; работа этихъ шариковъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ достигаетъ верха совершенства; серегъ кіевскаго типа найдено серебряныхъ—болѣе 30-ти, и 6 золотыхъ. Найдено всего двѣ серебряныя серьги, также состоящія изъ большаго кольца, но вмѣсто шариковъ, посрединѣ помѣщена большая буса въ формѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями (таб. II, № 27). Совершенно другой характеръ носятъ большія замкообразныя серьги, составленныя изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ, ихъ найдено 6 серебряныхъ и одна золотая. Серебряныя въ свою очередь раздѣляются на нѣсколько видовъ; такъ, три серьги украшены ажурнымъ ободкомъ въ видѣ арокъ, посрединѣ ихъ находятся кружки, въ которыхъ были изображенія, теперь плохо видныя; онѣ были также украшены жемчугомъ, такъ какъ для него устроенъ круглый желобокъ (таб. II, № 14). На четвертой изъ серегъ ободокъ изъ арокъ замѣненъ рядомъ припаянныхъ шариковъ, обѣ стороны ея раздѣланы чернью въ видѣ сложнаго орнамента, отчасти стертаго долгимъ ношеніемъ серьги (таб. II, № 12). Двѣ остальныя серьги не имѣютъ украшеній по ободку, на одной изъ нихъ орнаментъ также сдѣланъ чернью, а на другой наколами и изображаетъ на одной сторонѣ двухъ птицъ, съ сдвинутыми вмѣстѣ головами и разставленными врозь лапами, а на другой—въ срединѣ полумѣсяцъ и съ четырехъ сторонъ полоски орнаментовъ. Небольшая золотая серьга очень пострадала отъ огня, такъ что почти совсѣмъ уничтожилась перегородчатая эмаль, которою она была украшена; эмалью на одной сторонѣ изображена птица съ распущенными крыльями, а на другой орнаментъ. Для шеи есть нѣсколько различныхъ украшеній; такимъ прежде всего можетъ быть ожерелье (таб. II, № 18), составленное изъ узкихъ золотыхъ или серебряныхъ штампованныхъ пластинокъ, ихъ найдено около 25 штукъ, 4-хъ рисунковъ; хотя такого рода ожерелье могло служить и головной повязкой. Типичнымъ шейнымъ украшеніемъ великокняжеской эпохи являются обручи, т. н. шейныя гривны (таб. II, № 32); ихъ найдено 4,—двѣ изъ

мелко перевитой серебряной проволоки и двѣ изъ перекрученной вертикальной спиралью серебряной узкой полоски, эти двѣ послѣднія гривны пострадали отъ огня. Разнаго рода бусъ найдено болѣе сотни; бусы были: золотыя, въ видѣ миніатюрнаго боченочка (таб. II, № 10)—такихъ двѣ; серебряныя, такой же формы (таб. II, № 12)—тоже двѣ, затѣмъ болѣе 60 простыхъ стеклянныхъ или же очень красивыхъ изъ композиціи, притомъ, начиная отъ самыхъ крошечныхъ до большихъ; есть 7 бусъ изъ горнаго хрусталя, на горѣ же найдены и необдѣланные куски хрусталя, а также трехгранная буса, но еще безъ дырочки—все это указываетъ на мѣстное приготовленіе этихъ бусъ. Изъ сердолика найдено 4 бусы, изъ хальцедона 1, изъ розоваго песчаника 5 большихъ продолговатыхъ, штукъ 15 янтарныхъ, разной величины и формы, изъ мѣстнаго янтаря, и одна изъ раковины Cyprea moneta, со срѣзаннымъ верхомъ. Очень интересна буса, сдѣланная изъ кусочка черепка, съ обѣихъ сторонъ покрытаго зеленой глазурью; обстоятельство, что такимъ черепочкомъ такъ дорожили, говоритъ о незнакомствѣ съ глазировкой сосудовъ и о рѣдкости таковыхъ. Между бусами, составлявшими ожерелье, вставлялись привѣски; одна изъ найденныхъ привѣсокъ имѣетъ видъ овальнаго выпуклаго медальона, отчасти прорѣзного, орнаментъ котораго состоитъ изъ сдѣланнаго изъ шариковъ креста и сходящихся подъ угломъ прямыхъ линій, медальонъ мѣдный (таб. II, № 1); остальныя пять привѣсокъ имѣютъ форму полумѣсяца, обращеннаго концами внизъ; два такихъ полумѣсяца золотые съ орнаментомъ травами (таб. II, № 5), два мѣдные и одинъ желѣзный. Къ привѣскамъ нужно отнесть и предметы, которые можетъ быть имѣли значеніе амулетовъ; штукъ пять ихъ сдѣланы въ формѣ небольшихъ мѣдныхъ кинжальчиковъ съ дырочкой по срединѣ (таб. II, № 29), на нѣкоторыхъ дырочки нѣтъ; одинъ имѣетъ видъ крошечнаго свинцоваго топорика съ дырочкой для привѣшиванія (таб. II, № 30). Браслеты были мѣдные, серебряные, золотые и стеклянные. Отъ мѣднаго браслета, сдѣланнаго изъ витой проволоки, найденъ только одинъ обломанный конецъ. Вполнѣ и превосходно сохранившимися най-

дены два серебряные браслета, также изъ витой толстой проволоки, одинъ большой (таб. II, № 24), другой поменьше; на концахъ перваго, сдѣланныхъ въ видѣ продолговатыхъ головокъ, помѣщена чернью арабская надпись на такихъ же головкахъ другаго браслета сдѣланъ орнаментъ, тоже чернью. Неизвѣстный доселѣ, какъ кажется, типъ представляетъ изъ себя браслетъ, составленный изъ серебряныхъ полушариковъ, соединенныхъ колечками, на серебряныхъ же цѣпочкахъ къ этому браслету прикрѣплены двѣ подвѣски въ видѣ желудей (таб. II, № 24); всѣхъ звеньевъ отъ браслета сохранилось 14. Золотой браслетъ найденъ только одинъ—онъ состоитъ изъ очень изящной цѣпочки мелкими колечками (таб. II, № 9). Обломковъ стеклянныхъ браслетовъ найдены сотни, стекло въ нихъ разныхъ цвѣтовъ. Изъ двухъ найденныхъ серебряныхъ колецъ, одно слѣдано изъ завернутой серебряной полоски безъ спайки, другое изъ двухъ перевитыхъ проволокъ къ концамъ утонченныхъ, тоже безъ спайки. Два золотые кольца совершенно такой формы какъ послѣднее серебряное, притомъ одно изъ этихъ колецъ громадныхъ размѣровъ и очень массивное (таб. II, № 11). Перстней также два серебряныхъ и два золотыхъ; щитокъ одного изъ серебряныхъ гладкій, на щиткѣ другого (таб. II, № 22) выгравированъ крестъ съ орнаментомъ; у золотыхъ перстней четыреугольные щитки имѣютъ гнѣзда для камней, но сами камни не сохранились. Какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечисленія, разнаго рода украшенія были въ большомъ ходу у жителей Княжей Горы; на нѣкоторыхъ предметахъ есть ясные слѣды частаго и долгаго употребленія. Несомнѣнно, что большинство изъ указанныхъ украшеній было принадлежностью женскаго убора, хотя нѣкоторыя, какъ напр. шейныя гривны, могли носиться и мущинами. Близкое отношеніе къ украшеніямъ имѣютъ зеркала. Онѣ сдѣланы изъ сплава мѣди и олова или серебра и всѣ имѣютъ круглую форму; одна сторона гладко отшлифована, на другой въ центрѣ помѣщается ушко, въ которое продѣвается шнурокъ (въ одномъ экземплярѣ даже сохранился кусочекъ такого шнурка), поле кругомъ ушка покрывалось орнаментомъ изъ прямыхъ и кривыхъ линій. Цѣлыхъ

зеркалъ найдено 8 штукъ, затѣмъ есть еще одна половинка и нѣсколько кусковъ. Размѣры ихъ различны—отъ 15 до 5 снтм. въ діаметрѣ. Пропорція металловъ, какъ видно, не всегда бралась одинаково, такъ какъ однѣ зеркала бѣлѣе, другія—болѣе желтаго цвѣта. Какъ принадлежность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужскаго костюма, являются желѣзныя шпоры; ихъ найдено всего 4; состоятъ онѣ изъ заостреннаго стержня, прикрѣпленнаго къ дужкѣ, охватывавшей каблукъ, концы дужки загнуты и оканчиваются пряжками для ремня. Къ мужскому костюму относятся также желѣзныя и мѣдныя пряжки отъ поясовъ.

Пища состояла изъ мяса (найдена масса костей), рыбы (большое число различныхъ рыболовныхъ принадлежностей указываютъ на развитіе этого промысла), и растительныхъ продуктовъ. Изъ хлѣбныхъ растеній обнаружены рожь, просо и гречиха. Рожь найдена какъ въ видѣ обугленныхъ зеренъ, такъ и въ видѣ комьевъ муки. Мололи зерно посредствомъ особенныхъ жерновов; хотя мы не можемъ возстановить устройство мельницъ, но, по всей вѣроятности, онѣ были ручныя. Жернова приготовлены изъ очень крѣпкой кирпичной массы; кусковъ разбитыхъ жернъ найдено много, толщина ихъ различна: отъ 2 до $^1/_2$ вершка, также различны и размѣры ихъ; найденный цѣлый жернововъ имѣетъ $^1/_2$ метра въ діаметрѣ; обыкновенно одна сторона такихъ жернововъ представляетъ шероховатую поверхность, другая, предназначавшаяся собственно для размола,—гладкая. Очень распространеннымъ, какъ видно, продуктомъ было просо; оно найдено въ истлѣвшемъ видѣ на днѣ одной пашенной ямы, затѣмъ много иногда довольно большихъ кусковъ его въ видѣ сплавившагося пшена попадалась на всемъ протяженіи горы и наконецъ, въ нижней части одного разбитаго горшка, найдена перепаленная пшенная каша. Менѣе всего найдено гречихи — нѣсколько зеренъ ея сохранилось внутри одного желѣзнаго замка. Открыты, кромѣ того, куски сосуда съ приставшими къ стѣнкамъ остатками какой то жидкой пищи, которую нельзя опредѣлить безъ анализа. Упомянемъ еще о находкѣ двухъ обугленныхъ лѣсныхъ орѣховъ, въ которыхъ въ каждомъ были продѣланы три неболь-

шія дырочки—не знаю для какой цѣли, и о косточкѣ финика, также обугленной; вѣроятно финики составляли дорогое и рѣдкое лакомство. Изъ напитковъ употреблялся медъ, такъ какъ жители горы были знакомы съ пчеловодствомъ, и, быть можетъ, вино, на что намекаютъ многочисленные остатки амфоръ.

Занятія и ремесла обитателей Княжей горы характеризуются найденными орудіями и инструментами. Изъ земледѣльческихъ орудій для вспахиванія земли служило рало. Сохранившіяся желѣзныя части его состоятъ изъ наральника, въ видѣ толстаго треугольнаго наконечника, который надѣвался на дерево; величина ихъ отъ 20 до 25 снт. длины и снт. 15 ширины; по двумъ краямъ, сходящимся подъ угломъ, и посрединѣ для большей крѣпости иногда придѣлывались къ нимъ толстыя желѣзныя полосы; всѣхъ наральниковъ найдено 4—три цѣлыхъ и одинъ сломанный. Впереди наральника прикрѣплялся большой желѣзный ножъ—„чересло“, который разрѣзывалъ землю, поднимаемую послѣ раломъ; такихъ ножей найдено 6, длина ихъ 45—50 снт. и ширина 6—7 снт. Совершенно отличаются отъ современныхъ косы; онѣ сдѣланы изъ довольно толстой желѣзной полосы, приблизительно въ 40 снт. длины и $4^1/_2$ снт. ширины, и при концѣ немного загнуты; косъ найдено 3 цѣлыхъ, одна съ отломаннымъ концомъ и два обломка. Интересно то обстоятельство, что, какъ мнѣ передавали, эти косы имѣютъ большое сходство съ косами, нынѣ употребляемыми Якутами. Больше найдено серповъ, длина ихъ обыкновенно 35 снт., ширина различна—отъ 2 до 4-хъ снт.; цѣлыхъ есть 6 и 12 обломковъ. Растенія, культура которыхъ была извѣстна обитателямъ Княжей Горы, насколько можно судить по открытымъ остаткамъ ихъ, были рожь, просо, гречиха и овесъ. Три найденные заступа указываютъ на существованіе огородничества; устройство заступовъ совершенно такое, какъ и теперь: овальное желѣзко набивалось на деревянную лопату, но одинъ изъ найденныхъ заступовъ немного другой формы—желѣзко не овальное, а скорѣе треугольное; длина заступовъ 15 снт., ширина тоже около этого; есть еще одно желѣзко, повидимому отъ заступа, которое устроено иначе,

чѣмъ предыдущіе, именно такъ, что лопата не входила въ него, а оно прибивалось на конецъ лопаты. Во время раскопокъ не добыто ничего, что можно было бы отнести къ огороднымъ продуктамъ. Кромѣ перечисленныхъ, найдено еще нѣсколько разныхъ орудій, которыя могли равнымъ образомъ употребляться какъ при земледѣліи, такъ и въ огородничествѣ; сюда относятся кикри—одна въ родѣ теперешней сапы, но гораздо массивнѣе, и двѣ другихъ — узкихъ съ заостренными обоими концами въ 17 и 20 снт. длиной, и, затѣмъ, цѣлый рядъ небольшихъ желѣзныхъ лопатокъ съ втулками для деревянныхъ ручекъ; такихъ лопатокъ найдено до 20 штукъ, длина ихъ доходитъ до 13 снт. Изъ костей домашнихъ животныхъ очень часто попадались кости лошади. Отъ конской сбруи сохранились: желѣзныя удила, состоящія изъ двухъ соединенныхъ желѣзныхъ стержней и двухъ большихъ колецъ по концамъ ихъ; удилъ цѣлыхъ и сломанныхъ найдено около 15, затѣмъ больше 40 разной величины желѣзныхъ пряжекъ и столько же желѣзныхъ колецъ. Въ качествѣ привѣски въ сбруѣ могъ служить найденный желѣзный полумѣсяцъ 9-ти снт. въ поперечникѣ. Стремена того времени близко подходятъ къ современнымъ; стремя составляетъ дужка съ отверстіемъ вверху для ремня и нижняя перекладина въ видѣ сплошной овальной пластинки, на которую ставилась нога; стремена желѣзныя; изъ 8-ми найденныхъ цѣлыми, одно повидимому дѣтское. Изъ домашнихъ животныхъ были также быки,—найдены кости, и овцы, на что намекаютъ ножницы для стрижки шерсти. Очень интересны подковы для быковъ (по опредѣленію крестьянъ); ихъ найдено двѣ, представляютъ онѣ изъ себя неширокія желѣзныя полоски въ 9 снт. длиной, немного изогнутыя, имѣющія на одномъ концѣ шипъ а по срединѣ нѣсколько четыреугольныхъ дырочекъ для гвоздей. Несомнѣнно, что послѣ разбора и опредѣленія костей, будутъ констатированы и другія домашнія животныя.

Очень распространеннымъ занятіемъ между жителями Княжей Горы было рыболовство. Орудіями для него служили остроги, крючки и сѣти. Острогами били крупную рыбу; ихъ найдено 3 двухъ видовъ: съ однимъ стержнемъ, оканчиваю-

щимся зарубкой—такихъ 2, и съ двумя такими же стержнями въ родѣ вилки; остроги перваго рода имѣютъ 20 и 25 снт. длины, второго — 16 снт. длины. Но какъ видно, болѣе всего ловили рыбу удками. Крючки для удочекъ разнообразны. Есть два мѣдныхъ небольшихъ крючка въ 3 снт. длиной; затѣмъ громадное число желѣзныхъ—болѣе 120 штукъ, поперечникъ загиба у нихъ, составляющаго собственно крючекъ—отъ 2-хъ до $5^1/_2$ снт.; по величинѣ загиба дѣлался и стержень, онъ отъ $3^1/_2$ до 12 снт. длины, но есть 3 или 4 крючка, у которыхъ загибъ средней величины, а стержень удлиненъ до 14 снт. На внутренней сторонѣ крючковъ сдѣланы зарубки, лёса же прикрѣплялась или къ кольцу, которымъ оканчивался стержень (такихъ немного), или привязывалась прямо къ стержню, на концѣ немного расплющенному. Болѣе усовершенствованный видъ представляютъ 4 крючка; это обыкновенные желѣзные крючки, но впаенные въ продолговатыя овальныя свинцовыя пластинки, которыя въ данномъ случаѣ играютъ роль блесны; длина ихъ отъ $2^1/_2$ до 12 снт. Хотя остатковъ сѣтей и не найдено, но на существованіе ихъ указываетъ, во первыхъ, найденная желѣзная лапка 7-ми снт. длиной; одинъ конецъ ея снабженъ тремя крючками, а другой оканчивается кольцомъ, къ которому прикрѣплялся шнурокъ; лапка эта служила для подниманія затонувшихъ сѣтей; во вторыхъ—большія тяжелыя грузила, которыя не пригодны для удокъ; таковыми могли быть нѣкоторыя вышеописанныя каменныя и, кромѣ того, свинцовыя, уже несомнѣнно принадлежащія великокняжеской эпохѣ. Между послѣдними, есть одно очень тяжелое, въ видѣ овальнаго куска свинца съ продѣланной дырой. Слѣдующія затѣмъ свинцовыя грузила могли одинаково привѣшиваться какъ къ сѣтямъ, такъ и къ удкамъ. Между ними всего два, въ видѣ небольшого конуса, остальныя, которыхъ болѣе сорока, состоятъ изъ узкой свинцовой пластинки, свернутой въ трубочку, пластинки разной ширины — отъ 2 до 5 снт. Во время раскопокъ найдено также нѣсколько кусковъ листоваго свинца, отъ которыхъ отрѣзывались по мѣрѣ надоб-

ности полоски для грузилъ; одинъ изъ такихъ листовъ довольно большой—около 30 снт. въ квадратѣ.

На занятіе жителей охотой указываютъ найденные клыки дикаго кабана и оленьи рога, послѣдніе шли на разнаго рода подѣлки, какъ напр. ручки для инструментовъ. Можетъ быть, впослѣдствіи среди добытыхъ костей найдутся кости и другихъ дикихъ животныхъ. Для охоты употреблялись тѣ же орудія, что и для войны—стрѣлы, копья, но о нихъ дальше.

Орудія, указывающія на пчеловодство, состоятъ изъ 3-хъ желѣзныхъ прутьевъ, оканчивающихся съ одной стороны узкимъ длиннымъ ножемъ для подрѣзыванія, и съ другой—небольшой лопаткой для выбиранія меда.

Признаками гончарнаго ремесла служатъ клейма на сосудахъ. Клейма обнаружены на сосудахъ, которые мы считаемъ мѣстнаго производства; помѣщаются они всегда на днищахъ, самый простой видъ ихъ—кольцо, сдѣланное рельефомъ, такихъ болѣе всего; затѣмъ есть клеймо, довольно неясное, изъ двухъ концентрическихъ колецъ, оно помѣщено на днѣ типичной баклаги, далѣе есть еще слѣдующія клейма: кольцо, раздѣленное пополамъ прямой выпуклой полоской; кольцо съ неяснымъ изображеніемъ звѣзды въ срединѣ; неправильный треугольникъ съ маленькимъ кольцомъ въ срединѣ; правильно сдѣланный треугольникъ съ небольшими треугольниками, приставленными къ угламъ, такъ что клеймо очень напоминаетъ букву Д. Днищъ съ клеймами, сравнительно съ общимъ числомъ найденныхъ днищъ, немного.

Изъ кузнечныхъ инструментовъ найдена небольшая наковальня $6^1/_2$ снт. длины, одна сторона ея представляетъ квадратъ въ 5 снт., другая 3 снт.; затѣмъ большой молотъ 11 снт. длины съ квадратными сторонами въ 5 и 7 снт.; кромѣ того, есть еще три молотка гораздо меньше: узкій молотокъ $15^1/_2$ снт. длины съ однимъ четыреугольнымъ концомъ и другимъ, расклепаннымъ лопаткой; молотокъ 11 снт. длины, одинъ конецъ его квадратный, другой немного сплющенъ; изъ четырехъ найденныхъ напильниковъ, три плоскіе въ 14, 16 и 17 снт. длины, и одинъ—съ одной стороны плоскій, а другой—полукруглый,

24 снт. длины; какъ небольшіе молотки, такъ и напильники могли употребляться и въ другихъ ремеслахъ. Найденъ также кусокъ желѣзнаго шлака, что тоже имѣетъ отношеніе къ кузнечному ремеслу, и большой правильный кругъ въ 13 снт. діам. и 3—4 снт. толщины плохого желѣза, служившаго вѣроятно матеріаломъ.

Между цѣлыми найденными зеркалами есть одно, не вполнѣ отлитое; вѣроятно не хватило матеріала и оно осталось въ неотдѣланномъ видѣ, эта половина зеркала даетъ указаніе на существованіе литейнаго искусства; на одномъ изъ цѣлыхъ зеркалъ есть даже клеймо мастера въ видѣ буквы Т. Найдено около десяти разныхъ кусковъ литой ажурной мѣди, поправленной иногда рѣзцомъ, представляющихъ красивые орнаменты изъ крестовъ, арокъ и т. п.; пока трудно сказать, что они изъ себя представляли, такъ какъ обломки сравнительно незначительны. Найдено также нѣсколько небольшихъ брусковъ мѣди, вѣроятно служившихъ въ качествѣ матеріала. Орнаменты на мѣдныхъ пластинкахъ выбивались и посредствомъ штампа; ихъ встрѣтилось нѣсколько, какъ болѣе простыхъ, каковы—выбитые полушарики, спираль, кругъ изъ двухъ полосокъ веревочкой съ рядомъ шариковъ въ срединѣ, грубое изображеніе птички, такъ и болѣе художественной работы. Къ послѣднимъ относится небольшая мѣдная пластинка, на которой изображена въ кругѣ, изъ двухъ выпуклыхъ полосокъ съ шариками внутри, птица—гусь или скорѣе утка; всѣ особенности этой породы птицъ переданы очень реально; для симметріи круга голова у птицы повернута назадъ; всѣ части птицы вполнѣ естественны, только въ одномъ случаѣ художникъ, убоясь видно такого полнаго реализма, снабдилъ приподнятое крыло декоративнымъ завиткомъ.

Относительно того, были ли свои ювелиры на горѣ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ украшеній были привозныя, какъ напр. серебряный браслетъ съ арабской надписью и еще другія.

Изъ столярныхъ и плотничьихъ инструментовъ есть нѣсколько, которые остались неопредѣленными; изъ опредѣленныхъ есть, прежде всего, цѣлый подборъ желѣзныхъ топоровъ. Они

разной формы; у однихъ верхняя часть совершенно прямая, лезвіе ровное, въ нижней части сдѣлана выемка подъ прямымъ угломъ, у другихъ—лезвіе полукруглое и нижняя выемка изогнута кривой линіей; третій видъ, ближе всего подходящій къ теперешнимъ топорамъ, имѣетъ верхнюю и нижнюю стороны идущими подъ угломъ отъ обуха и заканчивающимися полукруглымъ лезвіемъ; въ общемъ топоры напоминаютъ теперешнія малорусскія „сокыры“. Длина топоровъ отъ 14 до 21 снтм. Цѣлыхъ найдено 8, и около 10 обломковъ. Долота сдѣланы изъ сплошнаго желѣза безъ ручки, острiе срѣзано или на одну сторону, или на двѣ; ихъ найдено три: 16, 19 и 27 снт. длины. Стамески есть маленькія и большія, ровныя и полукруглыя; онѣ вставлялись въ ручки, одна узкая стамеска въ 13 снт. длины, вставлена въ ручку изъ оленьяго рога въ 10 снт. длиной. Изъ трехъ найденныхъ буравчиковъ, не превышающихъ длиной 13 снтм., два имѣютъ крупную нарѣзку и одинъ мелкую. Отъ рубанка сохранилось только желѣзко 8-ми снт. длины и $4^1/_2$ снт. ширины. Струги состоятъ изъ желѣзной полосы, согнутой полукругомъ, съ одной рѣжущей стороной; по концамъ этой полосы приправлялись ручки; струговъ найдено 2, средней величины. Есть еще инструментъ въ родѣ струга, у него желѣзная полоса согнута въ кольцо, къ которому придѣлана ручка; этотъ инструментъ предназначался для выбиранія дерева при выдѣлкѣ корытъ, мисокъ и т. п., для этой же цѣли служили и нѣкоторые другіе изъ найденныхъ инструментовъ. Струги же, кромѣ обчистки дерева, могли употребляться для вырѣзыванія обручей; къ бочарному ремеслу повидимому должны быть также отнесены два продолговатые желѣзные бруска, потредствомъ которыхъ набивали обручи. Небольшія стамески и рѣзцы, помимо столярныхъ работъ, пригодны и для рѣзьбы по дереву, хотя остатковъ рѣзного дерева не сохранилось. За то уцѣлѣли небольшіе фрагменты кости съ вырѣзанными орнаментами. Есть также три костяные свистка въ 5 снт. длины съ вырѣзанными дырочками; въ одномъ свисткѣ такихъ дырочекъ три (таб. I, № 20). Найдено нѣсколько кусковъ кости, отпиленныхъ и распиленныхъ, предназначенныхъ для работы въ качествѣ матеріала. Загадку

представлеютъ двѣ костяныя пластинки съ острыми рожками на одномъ концѣ и съ четырьмя продѣланными въ каждой дырочками (таб. I, №№ 17 и 26). О знакомствѣ обитателей Княжей Горы съ токарнымъ искусствомъ говорятъ найденные обугленные куски деревянной чашки.

Для оттачиванія разнаго рода инструментовъ служили бруски, сдѣланные изъ обыкновеннаго краснаго песчаника. Бруски разной формы и величины; большинство ихъ—продолговатые, четыреугольные; почти всѣ сильно сточены; ихъ найдено около 50 штукъ. Въ одномъ случаѣ попался большой кусокъ песчаника, сточенный полукругомъ; онъ, быть можетъ, составляетъ часть точильнаго колеса. Орудія оттачивались какъ плоскія, такъ и острыя, оставлявшія въ этомъ случаѣ бороздки на брускѣ. Для болѣе тонкаго оттачиванія употреблялись небольшія точилки изъ темнаго и свѣтлаго сланца, нѣкоторыя изъ нихъ четыреугольныя, другія круглыя; онѣ иногда привѣшивались, и для этой цѣли въ нихъ продѣлывались дыры; найдено ихъ немного—4 или 5 штукъ.

Жители Княжей Горы занимались между прочимъ и торговлей. Изъ предметовъ, указывающихъ на это занятіе, во время раскопокъ найдена небольшая мѣдная чашечка отъ вѣсовъ $4^1/_2$ снт. въ діаметрѣ, съ тремя дырочками по краямъ. Чашкой вѣсовъ могла быть и большая, съ остатками цѣпочекъ, описанная выше. Найдено также два мѣдныхъ предмета, которые, быть можетъ, служили разновѣсками; одинъ изъ нихъ въ видѣ квадратной плитки въ $3^1/_2$ снт. и около двухъ снт. высоты, въ срединѣ сдѣлано чашеобразное углубленіе, вѣсъ $37^1/_2$ золотн.; другая въ видѣ цилиндра около $3^1/_2$ снт. въ поперечникѣ и $2^1/_2$ высоты, въ срединѣ также круглое углубленіе, вѣсъ $34^1/_4$ золотн. На торговыя сношенія указываетъ нахожденіе такихъ предметовъ какъ пряслицы, производство которыхъ сосредоточивалось въ овруцкомъ у. волынск. губ., а на сношенія съ болѣе отдаленными мѣстностями—раковина Cyprea moneta и обломокъ большой также морской раковины, бусы стекляныя и изъ композиціи, амфоры, зерно финика, серебряный браслетъ съ арабской надписью и др.

Къ сожалѣнію не найдено ни одной монеты съ опредѣленіемъ мѣста чеканки и даты, найдено только пять серебряныхъ гривенъ кіевскаго типа, которыя были мѣстною монетою. На трехъ гривнахъ, на плоской сторонѣ ихъ, находятся рѣзы, которые служили, или знаками собственности, или знаками счета; состоятъ они изъ двухъ параллельныхъ линій, перечеркнутыхъ, на первой гривнѣ одной линіей, на второй двумя, на третьей тремя, также параллельными; гривны вѣсятъ: 1) $37^3/_4$ зол. 2) 38 зол. (три полоски), 3) $38^1/_4$ зол., 4) $38^1/_2$ зол. (двѣ полоски) и 5) $38^3/_4$ зол. (одна полоска).

Къ орудіямъ войны относятся прежде всего стрѣлы; стрѣлы найдены костяныя и желѣзныя; первыя, можетъ быть, относятся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ великокняжескій, но во всякомъ случаѣ, мы сюда отнесли только тѣ костяныя стрѣлы, которыя очевидно сдѣланы не посредствомъ сглаживанія и тренія, а металлическими инструментами. Самый грубый экземпляръ представляетъ довольно большая стрѣла—около 10 снтм. длины (таб. I, № 13), сдѣланная изъ трубчатой кости. Болѣе правильно отдѣлана ромбическая стрѣла (таб. I, № 19). Вполнѣ же совершенный экземпляръ представляетъ продолговатая стрѣла (таб. I, № 21), украшенная посрединѣ и очасти по краямъ выпуклыми полосками, длина ея 5 снтм. Цѣлый разрядъ составляютъ костяныя стрѣлы, сдѣланныя изъ длинной пластинки, срѣзанной въ четыре грани, такъ что въ разрѣзѣ получается узкій ромбъ (таб. I, №№ 18 и 22); остріе у нихъ закруглено, конецъ же, который вставлялся въ древко, срѣзанъ съ двухъ сторонъ, на срѣзанныхъ плоскостяхъ нарѣзаны насѣчки для большаго укрѣпленія въ древкѣ; такихъ стрѣлъ цѣлыхъ найдено 6, самая длинная изъ нихъ—$9^1/_2$ снт. длины, кромѣ того, около десяти сломанныхъ. Кость въ этихъ стрѣлахъ хрупкая и темная, только одинъ экземпляръ не потерялъ ни цвѣта, ни крѣпости и вообще замѣчательно сохранился (таб. I, № 18). Къ стрѣламъ могутъ быть также отнесены костяные конусы, о которыхъ сказано выше, имѣющіе внизу отверстіе (таб. I, №№ 12 и 16). Громадное разнообразіе представляютъ желѣзные наконечники срѣлъ. Они разной величины и формы: ром-

бовидные, листообразные, треугольные, въ видѣ стаместки, въ видѣ тяжелаго четыреугольнаго острія и т. д. Всѣ эти наконечники имѣютъ острый нижній стержень, который вбивался въ древко; есть только 4 стрѣлы съ втулкой, въ которую вставлялось древко; всѣхъ вообще стрѣлъ найдено болѣе 170 штукъ. Для большаго удобства при натягиваніи тетивы употреблялись кольца; одно такое костяное кольцо найдено во время раскопокъ (таб. 1, № 11); на внутренней сторонѣ замѣтны слѣды отъ тетивы въ видѣ бороздокъ. Переходомъ отъ стрѣлъ къ копьямъ служатъ три плоскіе наконечника въ 7 и 9 снт. длины со стержнями, у двухъ изъ нихъ стержни эти на концѣ загнуты; наконечники эти вставлялись въ ручки и могли служить дротиками. Простѣйшій видъ копья представляетъ заостренный четыреугольный прутъ съ втулкой, въ которую вставлялась палка; есть два такихъ копья—22½ и 26 снт. длины. Затѣмъ, желѣзный прутъ принимаетъ въ разрѣзѣ видъ ромба, для ручки сдѣлана втулка, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ копьяхъ; ромбическихъ копій найдено 3—въ 25, 29 и 30 снт. длины. Изъ плоскихъ листообразныхъ копій найдено одно легкое въ 3 снт. ширины, по бокамъ втулки идетъ орнаментъ изъ двухъ рядовъ дырочекъ, копье сломано и въ настоящемъ видѣ имѣетъ 27 снт. длины; кромѣ этого, есть три цѣлыхъ, очень тяжеловѣсныхъ, въ 5 и 6½ снт. шириной и въ 33, 36 и 39 снт. длиной. Нѣсколько найденыхъ четырехгранныхъ кусковъ могутъ быть какъ отъ копій, такъ и отъ мечей. Послѣднихъ не найдено ни одного, встрѣчались только перекладины отъ нихъ и кольца отъ ноженъ. Перекладиной прежде всего можетъ быть костяной предметъ въ видѣ узкой толстой пластинки въ 6 снт. длиной, съ продолговатымъ отверстіемъ въ срединѣ (таб. I, № 24). Желѣзныя перекладины (найдено 4 штуки) сдѣланы изъ желѣзной пластинки, къ концамъ съуживающейся, въ 6, 9, 9½ и 10 снт. длиной; пластинки или ровныя, или съ пригнутыми книзу концами, въ срединѣ находится узкое отверстіе въ 2, 2½ и 3 снт. длиной. Такъ какъ мечей не найдено, то только по этимъ перекладинамъ можно судить о формѣ ихъ, именно, отверстія, продѣланныя въ перекладинахъ, съ одной стороны болѣе ши-

рокія, съ другой узкія, даютъ основаніе предположить, что клинки были не обоюдоострые, а съ одной тупой стороной, были ли они прямые, или изогнутые въ видѣ сабли—неизвѣстно. Только въ одномъ случаѣ перекладина имѣетъ одинаковые концы по бокамъ щели, во всѣхъ же другихъ случаяхъ одинъ конецъ гораздо длиннѣе другого; это обстоятельство также говоритъ въ пользу того, что только одна сторона была острая. Кажется, мы имѣемъ образецъ, хотя плохой, этого рода оружія; найденный обломокъ состоитъ изъ ручки въ 10 снт. длиной и части клинка; клинокъ, острый съ одной стороны, имѣлъ повидимому у тупого края борозду; ширина его $3^1/_2$ снт., длина сохранившейся части 11 снт. Отъ ноженъ, которыя повидимому были деревянныя, сохранилось нѣсколько желѣзныхъ ободковъ съ кольцами для привѣшиванія и желѣзные же наконечники. Къ оружію можно отнесть также желѣзную булаву, въ видѣ граненаго куба 4-хъ снт. вышины, съ дырой для ручки, и мѣдный шаръ, съ ушкомъ для ремня, ремень приклѣплялся къ ручкѣ и одрудіе имѣло видъ кистеня. Найдены только незначительные куски повидимому отъ шишака, именно, верхняя часть съ желѣзнымъ шпицемъ и кусокъ полукруглой бляхи отъ нижняго ободка.

Что касается языка обитателей Княжей Горы, то нѣкоторыя свѣдѣнія могутъ дать надписи на образкахъ и крестахъ; такъ напр., произношеніе имени Николая въ формѣ Никулы, затѣмъ названіе складныхъ крестовъ-энколпіоновъ панагіями и нѣкоторыя другія, въ общемъ немногочисленныя. Гораздо больше матеріала представляютъ эти надписи для палеографіи; даже при поверхностномъ просмотрѣ можно замѣтить, что надписи по начертаніямъ буквъ относятся къ разному времени, но все таки большинство ихъ славянскія. Вообще надписи на образкахъ и крестахъ Княжей Горы заслуживаютъ подробнаго изученія съ палеографической точки зрѣнія; въ нихъ пока заключаются единственныя указанія на эпохи, которыя пережилъ поселокъ на Княжей Горѣ.

Добытый археологическій матеріалъ не даетъ намъ никакихъ указаній касательно соціальнаго строя жизни поселка.

Только развѣ съ экономической стороны нѣкоторыя данныя представляютъ найденные клады. Кладовъ найдено четыре. Всѣ они представляютъ разную цѣнность. Самый богатый состоитъ изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ вещей; вещи слѣдующія: *золотыя*—двѣ бусы; кусокъ плетеной цѣпочки; нѣсколько продолговатыхъ бляшекъ отъ повязки; двѣ подвѣски полумѣсяцами; тяжелое витое кольцо; такое же кольцо поменьше; два перстня съ гнѣздами для камней; браслетъ изъ цѣпочки колечками; пять серегъ кіевскаго типа; небольшая замкообразная серьга съ испорченной эмалью; два образка съ эмалевыми изображеніями Божіей Матери и Іоанна; *серебряныя*—небольшая бусинка; 14 звѣньевъ отъ браслета съ двумя привѣсками въ видѣ желудей; нѣсколько бляшекъ отъ повязки; перстень съ выгравированнымъ крестомъ; замкообразная серьга; такая же серьга съ ажурнымъ ободкомъ; витой браслетъ; 4 шейныхъ обруча; *мѣдныя*—складной крестъ (энколпіонъ) средней величины; небольшая орнаментированная чашечка; 7 круглыхъ бляшекъ съ отверстіями въ срединѣ; миніатюрный кинжальчикъ съ дырочкой; кольцо изъ мѣдной бляхи; два предмета неизвѣстнаго назначенія. Кладъ этотъ пострадалъ отъ огня, нѣкоторыя вещи испорчены, а нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ расплавилось и слилось въ одну массу. Найденъ онъ недалеко отъ вала, съ юго-восточной стороны горы на глубинѣ 6—7 вершковъ, чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что огонь досталъ вещи; кладъ найденъ прямо въ землѣ безъ всякой посуды. Второй, менѣе богатый кладъ, найденъ въ небольшомъ черепяномъ кувшинѣ съ той же стороны горы и на такой же глубинѣ; онъ состоитъ изъ слѣдующихъ серебряныхъ вещей: 5 замкообразныхъ серегъ; 19 серегъ кіевскаго типа разныхъ рисунковъ; 16 серегъ изъ толстой проволоки, завернутой кольцомъ; пять шестиугольныхъ слитковъ—гривенъ кіевскаго типа; кромѣ этихъ серебряныхъ вещей еще только одна золотая серьга кольцомъ изъ тонкой проволоки. Третій кладъ, найденный безъ всякой посуды все съ той же стороны и на такой же глубинѣ, заключаетъ лишь серебряныя вещи: 33 гладкія проволочныя серьги; 7 серегъ кіевскаго типа; гладкое сереб-

ряное кольцо и серебряный перстень. Четвертый кладъ, найденный съ той же стороны при отверстіи печи, состоитъ изъ 19 гладкихъ проволочныхъ серегъ. То обстоятельство, что клады найдены на такой незначительной глубинѣ, указываетъ на поспѣшность съ какою онѣ были схоронены; три изъ нихъ, найденные безъ посуды, вѣроятно были сложены въ платки и въ такомъ видѣ зарыты. Обиліе въ одномъ и томъ же кладѣ многихъ одинаковыхъ украшеній даетъ основаніе предположить, что клады принадлежали не одному лицу, а нѣсколькимъ, и можетъ быть составляютъ имущества цѣлыхъ семей. Присутствіе въ одномъ изъ кладовъ гривенъ намекаетъ на профессію обладателя клада, именно, на профессію торговца. Другіе предметы уже прямо указываютъ на классъ ремесленниковъ, каковы напр. гончари, кузнецы, плотники и др.

Единственный изъ обрядовъ, остающійся изслѣдователямъ отъ исчезнувшаго народа, есть обрядъ погребенія. При нашихъ раскопкахъ на Княжей Горѣ тольо въ пяти случаяхъ найдены цѣлые, нетронутые скелеты. Два костяка обнаружены съ юго восточной стороны; одинъ изъ нихъ лежалъ головой на сѣверо-западъ, на разстояніи 5-ти метровъ отъ раздѣльнаго бугра, въ узкой ямѣ, на глубинѣ 1,35 мет. отъ поверхности; другой— въ такой же узкой ямѣ, на глубинѣ 1,2 мет. и на 2,6 мет. отъ бугра, головой на юго-западъ, руки у него были сложены на груди. Три остальные скелета найдены съ сѣверо-западной стороны, на глубинѣ около 1 мет. и на разстояніи 1,4 мет. отъ бугра; лежали они такъ, что голова одного приходилась у ногъ другого; головы на юго-западъ; руки у всѣхъ положены на грудь. Нахожденіе этихъ скелетовъ на горѣ среди бывшихъ жилищъ, построенныхъ очень тѣсно, затѣмъ то обстоятельство, что трупы были зарыты неглубоко, показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ нормальнымъ обрядомъ погребенія, всѣ эти признаки указываютъ на поспѣшность погребенія, вынужденную быть можетъ осадой, когда не было возможности схоронить мертвыхъ за валомъ.

Въ общемъ мы должны признать, что поселокъ на Княжей Горѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время своего суще-

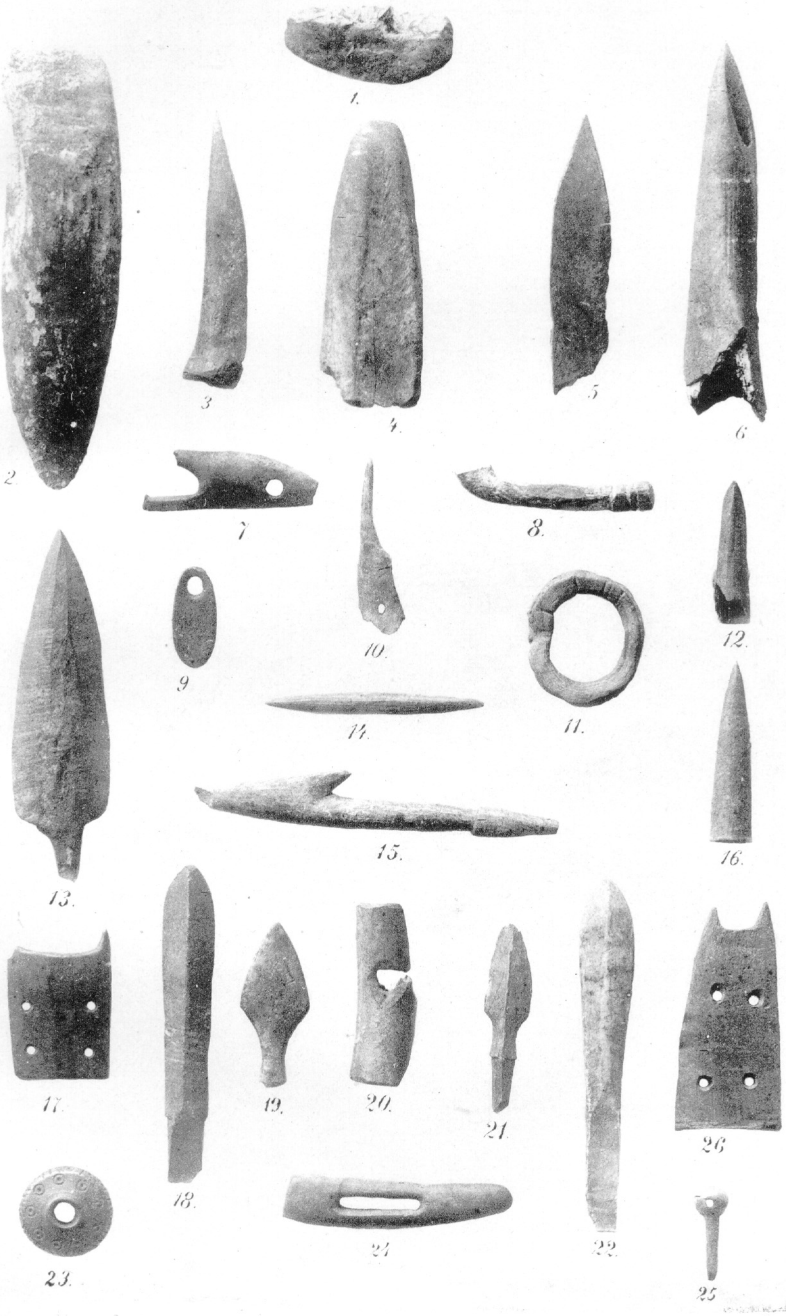
ствованія, достигъ сравнительно высокой степени культуры. Даже на самыхъ незначительныхъ вещичкахъ сказывается стремленіе къ изящному, которое въ украшеніяхъ достигаетъ полнаго развитія. Изъ другихъ, болѣе мелкихъ, чертъ характера жителей Княжей Горы отмѣтимъ большую религіозность, на что указываютъ многочисленные кресты и образки; затѣмъ, пожалуй еще домовитость въ одномъ изъ ея проявленій, именно, въ заботѣ о цѣлости своего добра, такъ какъ найденные замки составляютъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ отдѣловъ, что однако, съ другой стороны, не особенно говоритъ въ пользу строгой нравственности жителей поселка.

Жизнь поселка, прошедшая нѣсколько ступеней развитія и достигшая извѣстной полноты и разнообразія, была внезапно прекращена. Разрушеніе поселка, сопровождавшееся пожаромъ, произошло вѣроятно въ половинѣ XIII ст., такъ какъ большинство найденныхъ предметовъ относится именно къ этому времени.

Что касается того, съ какимъ собственно поселкомъ мы имѣемъ дѣло на Княжей Горѣ, то вопросъ этотъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Съ одной стороны, географическое положеніе указываетъ на городъ Родню, съ другой же, кромѣ единственнаго лѣтописнаго упоминанія о Роднѣ подъ 980 г., мы не имѣемъ никакихъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей, несомнѣнно существовавшей и развивавшейся жизни этого поселка. Быть можетъ, вопросъ этотъ объясняется вообще неполнотой свѣдѣній въ нашей первоначальной лѣтописи.

Ник. Бѣляшевскій.

Таблица I.



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Въ $^1/_2$ натуральн. величины.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Въ $^1/_2$ натуральн. величины.

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУМЪ.

(По поводу статьи г. Равиты о думахъ).

Въ польскомъ литературно-художественномъ еженедѣльникѣ „Тыгодникъ" (Варшава) за 1890 г. намъ пришлось познакомиться съ довольно любопытной въ извѣстномъ смыслѣ статьей г. Ф. Равиты „Думы" (№№ 16, 17, 18 и 19), гдѣ авторъ пытается между прочимъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое малорусская дума въ ея существѣ, какова ея древность, въ чемъ заключались причины ея появленія. Съ нѣкоторыми особенностями взглядовъ г. Равиты мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей и кстати указать степень основательности этихъ взглядовъ и права ихъ на научное вниманіе.

Статья начинается любопытнымъ признаніемъ автора, что польская литература „очень мало занимается литературою родственныхъ народовъ", что прежде всего невыгодно отзывается на ней же самой. Этотъ укоръ современному польскому обществу весьма справедливъ: кто не знаетъ глубокаго равнодушія поляковъ (я говорю о *господствующемъ* въ польскомъ обществѣ теченіи) къ инославянскимъ изученіямъ. По отношенію къ русскимъ вообще, а въ частности къ малоруссамъ такое отношеніе еще непонятнѣе, еще непростительнѣе, и г. Равита совершенно вѣрно заявляетъ, что поляки и русскіе, живя бокъ о бокъ, часто даже одною государственною жизнію (какъ во время Рѣчи Посполитой—поляки, малороссы бѣлоруссы, теперь въ Австріи—поляки и червоноруссы, а въ Россіи—поляки и всѣ три русскихъ племени), не могли не вліять другъ на друга

въ племенномъ, общественномъ и культурномъ отношеніи, а между тѣмъ факты такихъ взаимныхъ вліяній и воздѣйствій все еще не выяснены...

Въ частности, разбирая вопросъ о малорусской народной поэзіи, г. Равита болѣе или менѣе полную самородность и самобытность усвояетъ только одному ея отдѣлу—думамъ; только этотъ отдѣлъ пѣсенъ онъ считаетъ полнымъ выразителемъ духа и всего душевнаго склада южнорусскаго народа. Преклоняясь предъ художественною силою думъ, малорусской эпикѣ 18 и 19 вв. онъ не придаетъ почти никакого поэтическаго значенія, отнимая у нея „свѣжесть, силу и другія черты артистическаго творчества".

Обстоятельство это онъ объясняетъ тѣмъ, что народъ, подобно пташкѣ пѣвчей, творитъ лишь при условіи извѣстной свободы въ культурныхъ, общественныхъ, экономическихъ и проч. отношеніяхъ. Мысль эта, если даже и признать ея справедливость съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями, можетъ однако быть отнесена лишь къ 19 вѣку, но едвали къ 18, когда еще происходили и стычки съ татарами, и частыя войны съ турками, въ коихъ южнорусское козачество играло далеко не послѣднюю роль, и разныя другія обстоятельства, которыя должны были, напротивъ, будить народную мысль и чувство, напр.: колiивщина. Убійственной для духа народнаго работѣ козаковъ на каналахъ г. Равита придаетъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ преувеличенное значеніе, да наконецъ не одна же эта работа заполнила собою весь 18 вѣкъ!...

Противорѣчивыя мысли мы встрѣчаемъ въ общемъ мнѣніи г. Равиты о присущей будто-бы единственно лишь думамъ самородности и самобытности въ области южнорусской народной поэзіи. Настаивая неоднократно на такой самородности и самобытности, онъ однако самъ же заявляетъ и о томъ, что бандура, или кобза—вовсе не исключительно южнорусское музыкальное орудіе и ссылкою на мнѣніе извѣстнаго слависта Миклошича доказываетъ, что это орудіе было извѣстно не только грекамъ и римлянамъ, а позже болгарамъ, чехамъ, даже полякамъ, но и турецко-татарскимъ племенамъ, между прочимъ и

мадьярамъ; что, будучи ассирійскаго происхожденія, бандура перешла въ Южную Русь изъ многочисленныхъ греческихъ поселеній на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Думы, по мнѣнію г. Равиты, тоже по своему происхожденію стоятъ въ тѣсной, непосредственно преемственной связи съ пѣснями древнихъ греческихъ рапсодовъ; особенности этихъ пѣсенъ были будто-бы усвоены населеніемъ южной Руси главнымъ образомъ въ византійскій періодъ русской исторіи, и къ таковымъ особенностямъ, перешедшимъ въ южнорусскія думы, онъ относитъ, наприм., ритмическую форму стиха и способъ декламаціи при помощи скандованія. Позднѣйшее козачество нашло въ нихъ уже готововую этическую форму, въ которую и вложило содержаніе своей поэзіи, въ видѣ изображенія героическихъ сторонъ своей жизни, которыя оно нашло нужнымъ увѣковѣчить при помощи существовавшей уже до того думы! Въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ даже прямо утверждаетъ, что „думы въ собственномъ значеніи этого слова,—вовсе не пѣсни, а лишь декламація, речитативъ, возглашаемый и звучавшій *такъ же точно*, какъ и у греческихъ пѣвцовъ (dumy... wygłaszane tak samo, jak się wyglaszały rapsody greckie). Помимо отмѣченнаго уже нами противорѣчія, въ этихъ мысляхъ слишкомъ много преувеличенія, что́, конечно, бросится въ глаза всякому, кто имѣетъ хоть какое нибудь понятіе о предметѣ! Можно ли въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о „способѣ декламаціи при помощи скандованія“, будто бы перенятомъ южнорусскими кобзарями отъ греческихъ рапсодовъ? Какое-такое скандованіе нашелъ авторъ въ нашихъ думахъ? Развѣ не ясно для всякаго, что стихосложеніе думъ основано вовсе не на метрическомъ, а на чистомъ тоническомъ началѣ? Что стихи думъ, при всей ихъ вольности въ смыслѣ величины (я говорю о неодинаковой длинѣ стиховъ, что составляетъ въ думахъ обычное явленіе) то и дѣло риѳмуются между собою, что можно даже наблюдать въ нихъ чередованіе удареній, хотя и въ зачаточномъ состояніи? Слишкомъ рисковано, наконецъ, искать возникновенія думъ въ византійскомъ періодѣ русской исторіи, такъ какъ почти не имѣется (за исключеніемъ развѣ „Слова о полку

Игоревѣ") предшествующихъ, подходящихъ къ дѣлу, явл
Вообще мнѣнія г. Равиты о тѣсномъ, непосредственномъ
исхожденіи думъ отъ греческихъ рапсодій кажется намъ сл
комъ ужъ мало состоятельнымъ... Повидимому и самъ ав
не очень то увѣренъ въ правдоподобности этого своего мнѣ
по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ (295 стр.) онъ, на
ственный же вопросъ: какъ пѣли бандуристы (древніе п
шественники козацкихъ кобзарей?) отвѣчаетъ: не знаемъ и
когда не узнаемъ! (Nie wiemy i nie będziemy nigdy wiedzi
такой отвѣтъ является однако же довольно страннымъ,
припомнить его же предположеніе, что бандуристы суть
мые преемники греческихъ кобзарей съ ихъ „декламаціею
помощи скандованія".

Изъ другихъ мнѣній г. Равиты, неосновательныхъ
даже невѣрныхъ, отмѣтимъ еще одно, бросающееся прямо
глаза своею странностію и рѣшительно неизвѣстно на ч
основанное. Онъ утверждаетъ, что сѣверорусскія былины
заключаютъ въ себѣ ничего изъ древнихъ южнорусскихъ т
дицій, кромѣ именъ великокняжескаго времени! (do bylin, opr
nazwisk z wielkoksiążęcej epoki: Władimir, Krasnoje Sołnysz
Dobrynia i t. d. nic się więcej nie dostało). Можно ли быть
такой мѣрѣ мало знакомымъ съ этимъ вопросомъ, принима
за такую задачу, какъ опредѣленіе законовъ происхожде
произведеній народнаго творчества? (Статья г. Равиты озагл
лена очень притязательно для общедоступнаго еженедѣльн
изданія: „Очерки изъ исторіи народнаго творчества").

Кто же не знаетъ, что взгляды народа на князя Вла
міра—Красное Солнышко въ былинахъ находятъ себѣ по
полное подтвержденіе въ лѣтописяхъ, что былинный Владим
является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ двойникомъ лѣтописна
Такъ, напр., сущность отношеній лѣтописнаго Владиміра
дружинѣ отразилась и въ былинахъ, гдѣ отношенія Владим
Красна Солнышка къ богатырямъ имѣютъ тотъ же патрі
хальный характеръ. Въ дружину могъ попасть всякій „муж
(не „мужикъ": этотъ оставался при своихъ деревенскихъ
лахъ), была бы въ немъ только сила и храбрость, и къ Кра

ну Солнышку отовсюду собираются и извѣстные, и неизвѣстные богатыри, привлекаемые его ласковостію, его „почесными“ пирами, любовью къ которымъ отличался и лѣтописный Владиміръ. Былинный Владиміръ Красное-Солнышко набоженъ и часто бываетъ „у обѣденьки церковныя“; у лѣтописнаго князя Владиміра—христіанина набожность тоже является преобладающею чертою. Даже пресловутая трусость былиннаго Красна-Солнышка находитъ себѣ объясненіе въ той неохотѣ къ военнымъ походамъ, какую мы замѣчаемъ въ лѣтописномъ Владимірѣ-христіанинѣ, и въ тѣхъ неудачахъ, какія иногда случались съ нимъ (вспомнимъ, напр., его войну съ Печенѣгами, когда ему пришлось разъ даже укрываться отъ врага подъ мостомъ, гдѣ и былъ данъ имъ обѣтъ построить, въ случаѣ спасенія, церковь!).

Такихъ сопоставленій можно было бы привести еще немало, но и приведенныхъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательно указанное мнѣніе г. Равиты о былинахъ, и какъ онъ, повидимому, самъ мало освѣдомленъ въ вопросахъ о происхожденіи и характерѣ разныхъ видовъ русскаго народнаго творчества, безъ чего однако едва ли можно пускаться на такой утлой ладьѣ въ безбрежное море „очерковъ изъ исторіи народнаго творчества“.

А. Степовичъ.

ГЕТМАНЪ МАЗЕПА и ОСТЕРСКІЯ ОБЩІЯ ЗЕМЛИ.

(Изъ исторіи землевладѣнія въ лѣво-бережной Украинѣ).

Помѣщаемый ниже универсалъ гетмана Мазепы показался намъ не лишеннымъ интереса въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, онъ представляетъ собою небольшую, но характерную страничку изъ исторіи той борьбы городовъ и селъ съ монастырями за земли, которая началась еще въ XVII в. и затѣмъ красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи XVIII в.; съ другой,—онъ яркими чертами обрисовываетъ намъ и организацію власти и управленія, и ту крайнюю неопредѣленность компетенціи власти, предѣловъ ея дѣятельности и правъ, которыя существовали въ Малороссіи XVII и XVIII в. Мы займемся универсаломъ лишь съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній.

Въ мѣстности, къ которой относится нашъ документъ, борьба городовъ и селъ за земли получила особенно рѣзкій характеръ, вслѣдствіе пріобрѣтенія здѣсь, въ области кіевской и остерской сотень, монастырями громадныхъ пространствъ земли. Почти вся полоса земли по Днѣпру отъ Десны до границъ нынѣшней черниговской и полтавской губ., и даже далѣе къ югу, находилась въ рукахъ то Кіево-Печерской лавры, то Межигорскаго, то Михайловскаго, то Братскаго монастырей и т. д., пріобрѣвшихъ ее, главнымъ образомъ, путемъ дареній или и просто купли (какъ напр. с. Чернинъ со всѣми угодьями, которое продалъ Межигорскому монастырю Скуминъ Тышкевичъ въ началѣ XVII в.[1]).

---

[1]) См. Рум. опись, документы остерской сотни, т. 8, № 1, 2, 3 и сл.

Если границы, отдѣлявшія имѣнія одного монастыря отъ другого и были (какъ видно изъ документовъ) проведены болѣе или менѣе точно, то нельзя сказать того же о восточныхъ границахъ ихъ, гдѣ они соприкасались съ землями, издавна принадлежавшими на правахъ общаго владѣнія и г. Остру, и селамъ, тянувшимъ къ нему. Здѣсь стремленіе раздвинуть предѣлы собственности до береговъ Десны и овладѣть всѣмъ пространствомъ и лѣсовъ, и полей, и сѣнокосовъ, отдѣлявшихъ монастырскія приднѣпровскія земли отъ теченія Десны, становятся рано замѣтными и выражаются въ созданіи близъ Десны небольшихъ владѣній въ видѣ оазисовъ, которые могли послужить центромъ дальнѣйшаго распространенія монастырской собственности. Но большая часть мѣстности, лежавшая по обѣимъ берегамъ Десны, съ центромъ въ Острѣ, съ незапамятныхъ временъ составляла предметъ общаго пользованія[1]) и Остра, и селъ, тянувшихъ къ остерскому замку. Въ половинѣ XVI в., какъ видно изъ люстрацій, не только с. Выползовъ (или Выползковъ), но даже Чернинъ и масса другихъ составляли одно цѣлое съ Остромъ и тянули къ нему. Если временно нѣкоторыя села (какъ Выползовъ и др.) и попадали въ пользованіе либо кіевскихъ стольниковъ (напр. Яловицкаго), либо судей земскихъ (напр. Аксака), то лишь, большею частью, пожизненно[2]), и въ XVII в. (къ 1652) многія изъ нихъ уже возвращены были вновь городу, какъ напр., то же село Выползовъ [3]). Послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, общія земли, принадлежавшія Остру, были сохранены за городомъ, и въ пользованіи его жителей и жителей селъ, тянувшихъ къ нему, находились, напр., на правомъ берегу Десны большія пространства лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій, „вольныя пущи“ карпиловская, лутавская, выползовская и др. Только часть деревень мало по малу перешла въ частныя руки, благодаря раздачѣ ихъ на рангъ. Когда въ 1730 г. назначено было слѣд-

[1]) Ib., ост. сотня, документы с. Бѣликовъ и Остра, въ томѣ документовъ, относ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

[2]) Люстрація 1550 г., Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII. т. I, стр. 342.

[3]) Ib., стр. 597.

ствіе о маетностяхъ, то оказалось, напр., что села Выползовъ, Карпиловка и т. д., объявленныя было войсковыми, переходили въ XVII в., какъ ранговыя, изъ рукъ полковника Солонины въ руки знатнаго товарища Подтеребы („за службу“), затѣмъ полковника Григорія Карповича. Послѣдній, „на прошеніе монаховъ Кіево-братскаго монастыра, ордеромъ своимъ обывателемъ карпиловскимъ приказалъ, абы до монастыра Братского на опалъ дровъ привезти плитами, который ордеръ монахи Кіево-братского монастыра взявши у змѣнника Мазепи, по оному на с. Карпиловку и уѣздніе села въ подтвержденіе и въ содержаніе тѣхъ сѣлъ универсалъ мимо вѣдома полковника и старшины полковой подступно виправили“ [1]. Переходъ села Карпиловки и др. въ руки монастыря, переходъ, утвержденный гетманами до Мазепы, явился именно создателемъ оазиса, вдобавокъ закрывшаго путь изъ Остра въ „вольныя пущи“ остерскія. Уже въ 1686 году гетману Самойловичу, въ отвѣтъ на „суплѣку“, поданную ему отъ „обывателей, козаковъ и мѣщанъ“ Остра, пришлось выдать Остру охранный универсалъ. Въ виду „кривдъ“, якобы учиняемыхъ „отцомъ ректоромъ и игуменомъ братскимъ кіевскимъ“, а именно отнятія у Остра „кгрунтовъ старинних, полей, сѣножатей и пущи“, гетманъ заявляетъ, что онъ не давалъ „полювъ, сѣножатей и лѣсовъ острянскихъ пречонному отцу ректору“, и потому постановляетъ, чтобы „онъ (ректоръ) не мѣлъ ихъ въ томъ кривдити“ и чтобы остряне пущу и др. угодья „заживали и теперъ, якъ и здавна“ [2]. Но, видимо, универсалъ оказалъ мало дѣйствія, ибо и новому гетману, Іоанну Мазепѣ, опять пришлось вѣдаться съ тѣми же жалобами. И болѣе всего жалобъ вызывало то обстоятельство, что монастырь неизвѣстнымъ намъ путемъ пріобрѣлъ с. Выползовъ, чрезъ который шелъ главный путь въ „вольныя острянскія пущи“. Уже въ 1689 году протесты и жалобы жителей и старшины Остра

[1]) Слѣдствіе о маетностяхъ, кіевскій полкъ, f° 4—5. На владѣніе этими селами монастырь получилъ и утвердительную Высочайшую грамоту отъ царей Іоанна и Петра 1694 г. Р. О. докум. остерской сотни, т. 7, док. с. Карпиловки.

[2]) Универсалъ 1686 г. іюля 8 дня, Р. О. документы относ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

и остерской сотни, вынудили Мазепу издать по вопросу о Выползовѣ новый универсалъ [1]).

Новый гетманъ принялъ въ началѣ сторону Остра, призналъ справедливою „суплѣку“ его, „жебы село Выповзовъ, здавна къ городовѣ вашему належное, по прежнему знову ваше было для спокойного уездджаня въ пущу, за тымъ селомъ найдуючуюся, і для безпечного уживаня всякихъ грунтовъ і хуторовъ въ томъ селѣ маючихъ“. Онъ обратился даже къ игумену и ректору братскаго монастыря съ просьбой уступить село В. жителямъ Остра. Но „жадане“ его не имѣло успѣха. Игуменъ на отрѣзъ отказался отъ уступки, и гетману пришлось лишь оградить права и опредѣлить обязанности обѣихъ сторонъ. Монастырь,— такъ было постановлено Мазепой,—„повиненъ самими *тилко тяглими тамошними людми* виползовскими *владѣти*, а козакамъ тамъ живучимъ і вамъ всѣмъ, хтоли колвекъ якіе маетъ въ селѣ хуторѣ, кгрунта, фолварки і всякія угодія, жадного утиску і перешкоди чинити, также і до пущи здавна городовѣ вашему прислушаючой уеждчати не маетъ забороняти“.

Повидимому „справа“ о пущѣ должна была закончиться, но универсалъ Мазепы также мало обезпечилъ права острянъ, какъ и универсалъ его предшественника. „Чиненіе“ препятствій и „утисковъ“ со стороны управителей монастырскихъ, и карпиловскаго, и выповзовскаго, не только не прекратилось, но еще болѣе усилось, вызывая новыя и еще болѣе энергическія жалобы. И это тѣмъ болѣе, что монастырь сталъ ссылаться на разрѣшеніе, данное ему тѣмъ же Мазепою, на его универсалъ, котораго, впрочемъ, онъ не предъявлялъ, ибо его у него еще не было. Видимо, отдача совершилась на словахъ. Гетманъ, по крайней мѣрѣ, сталъ увѣрять въ іюнѣ 1693 года, что уже три года тому назадъ, т. е. въ 1689—90 гг. онъ будто бы отдалъ Выповзовъ монастырю, т. е. въ то самое время, когда онъ писалъ свой универсалъ въ пользу Остра. Три года шло препирательство, три года гетмана осаждали жалобами, пока онъ не послалъ грознаго универсала, отъ 27 іюня 1693 г., который мы сообщаемъ въ пол-

---

[1]) Ib. Универсалъ отъ 2 января 1689 г.

номъ его видѣ, а почти два мѣсяца позже, 4 августа 1693 же года, не выдалъ универсала и монастырю. „Да тамъ же въ острицкомъ уездѣ, писалъ гетманъ остерской старшинѣ, вновь надаемъ селце, называемое Выповзовъ, *зо всѣми до него здавна належными кгрунтами, полями, сеножатми, лесами и озерами,* для вспартя недостатковъ того брацкого монастиря кіевского, *позволяючи зъ него всякіе пожитки привлащати и звичайную повинность отъ тяглихъ людей мѣти* [1]). Строго предписывалъ онъ, „абы нѣхто зъ старшини войсковой и мѣской не важился помененному отцу ректору зо всею братьею въ тихъ добрахъ и въ пріисканію зъ нихъ всякихъ пожитковъ жадной наименшой трудности и перешкоди чинити“.

Окончательная отдача Выповзова монастырю уже не ограничилась только тяглыми людьми, какъ то значилось въ универсалѣ 1689 года. Село отдано было съ землями и угодьями, вопреки универсаламъ и Самойловича, и самаго Мазепы, и потому даже грозный тонъ универсала не содѣйствовалъ дѣлу умиротворенія. Противорѣчивыя распоряженія лишь усиливали обостренность борьбы, такъ что въ 1694 году оказалось необходимымъ послать цѣлую коммиссію для улаженія отношеній, запутанныхъ двойственною политикой гетмана [2]). Были призваны обѣ стороны, „острянскіе“ жители и чернцы братскаго монастыря, и вотъ что обнаружилось при разборѣ спора коммиссарами. Жители Остра предъявили универсалы Самойловича 1686 г., Мазепы 1689 и 1693 (іюня 27 дня), въ силу которыхъ права ихъ на выповзовскую пущу были, повидимому, поставлены внѣ всякихъ сомнѣній. „Волній и безпечній въ пущу выповзовскую по дерево вступъ, ведлугъ стародавняго уживаня, безъ жадное одъ отцевъ братскихъ перешкоди“ вытекалъ всецѣло изъ предъявленныхъ актовъ. Но намѣстникъ монастыря, отецъ Парѳеній Родовичъ, и городничій карпиловскій, отецъ Лазарь Тарасовскій,

---

[1]) Р. О., докум. остерской сотни, т. 7 док. с. Карпиловки.

[2]) Два акта этой коммиссіи, одинъ, исключительно относящійся до выповзовской пущи, отъ 24 окт. 1694 г., и второй, касающійся и другихъ спорныхъ пунктовъ, перевоза на Деснѣ и т. д. (1694 4 сентября), находятся въ Р. О., докум. относящ. до городовъ и цеховъ кіевскаго полка.

„продуктовали“ въ свою очередь универсалъ того же гетмана Мазепы и тоже несомнѣнно утверждавшій и ихъ права. Мазепа, какъ мы знаемъ, выдалъ монастырю универсалъ отъ 2 августа 1693 г. То былъ единствевный универсалъ, который 70 лѣтъ позже могъ предъявить монастырь, когда документы такого рода были потребованы Румянцевымъ. Въ 1730 г., какъ мы тоже видѣли, „подступно“ взятый универсалъ не былъ предъявленъ, и въ слѣдствіи о маетностяхъ отмѣчено: „а якого году универсалъ, о томъ не показалы“ [1]). Членамъ коммиссіи былъ предъявленъ универсалъ Мазепы отъ 14 іюня 1693 г., универсалъ, слѣды котораго затѣмъ исчезаютъ, но о которомъ коммиссары сообщили слѣдующее: „а той универсалъ дванадцями днями датою упредилъ унѣверсалъ послѣдній острянскій; о которомъ унѣверсалѣ, братству кіевскому данномъ, острянамъ і всему полку кіевскому всякое кондиціи людемъ вступъ по дерево не только до пущи карпиловское і лутавское, але і до пущи виповзовское забороняетъ і запрещаетъ“ [2]).

Остерской старшинѣ, козакамъ, мѣщанамъ и посполъству остерскому въ виду этого оставалось подчиниться рѣшенію коммиссаровъ и принять съ совершенно неожиданными ограниченіями „вѣчное постановлене“, а именно, что „острянамъ не толко до пущи виповзовское по всякое дерево волній вступъ и произдъ безъ докладу, але и до карпиловское и лутавское пущи *по лежачое дерево и по сухое* волній также *безъ докладу виздъ* маетъ бити, а *по дерево* зась *сирое* и на *будинокъ згожое* до карпиловское и лутавское пущи *повинни будутъ остряне.... зъ докладу городничого карпиловского въижджати и дерево рубати; а без докладу кождій такое дерево рубаючій грабежови подпадаетъ и подлѣгаши маетъ, а если би таковой чоловѣкъ и таковое дерево рубаючій не далъ себе в лѣсѣ албо на дорозѣ постиженій пограбити, таковаго передъ судъ належній запозвати городничому волно будетъ, а судъ слушную и неодволочную справедливость учинити повиненъ*, подъ закладомъ на кождого сее постановлене доброволне ломаючого до скарбу войскового тысячу золотих“.

[1]) Слѣдствіе о маетностяхъ, кіевскій полкъ. f° 5.

[2]) Р. О, цит. выше актъ коммиссіи.

Какъ сложились дальнѣйшія отношенія между монастыремъ и жителями Остра, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Но, несомнѣнно, они не улучшились, несмотря на „вѣчное постановлене“. Тридцать четыре года спустя, въ 1728 году, гетману Даніилу Апостолу пришлось вновь разбирать „справу“ между монастыремъ и острянами. Слѣдуя старымъ обыклостямъ, городничій карпиловскій, отецъ Іезекіиль, сталъ „заборонять острянамъ свободной уиздъ в пущу“, что и вызвало новое разбирательство спора коммиссарами, присланными какъ со стороны ректора, отца Иларіона Левицкаго, такъ и отъ полковника кіевскаго, Танскаго. Разбирательство привело къ „вѣчному постановленю“, но уже съ новыми добавленіями, показывающими что споръ между монастыремъ и Остромъ принялъ болѣе широкіе сравнительно съ прежнимъ временемъ размѣры. Было повторено вновь все то, что постановлено и въ 1694 г. относительно дровъ и строевого лѣса. Но устраненъ былъ совершенно какой либо платежъ и датокъ со стороны острянъ за право рубить строевой лѣсъ (его, этотъ платежъ, очевидно, старались ввести). Затѣмъ дозволено было козакамъ и др. жителямъ „палити уголя без докладу“, а также „рыбалкамъ по поймамъ риби уловити на московскомъ островѣ, лежачомъ за Десною, поневажъ тотъ островъ остерскій“ [1]).

Что касается до правъ собственности на земли, лежавшія вокругъ Выповзова, т. е. именно тѣ, изъ за въѣзда въ которыя шла борьба и часть которыхъ одно время была пожалована Мазепой монастырю, то ихъ удалось удержать козачамъ и мѣщанамъ Остра за собою. По крайней мѣрѣ во время составленія „Описи“ въ 1766 году, монастырь, посылая вѣдомость тяглымъ людямъ своимъ, живущимъ въ Выповзовѣ, не отмѣтилъ никакихъ земель, которыя бы принадлежали ему. „Въ томъ селе монастырскомъ, говорится въ Описи..., никакихъ монастырскихъ принадлежностей нетъ, и именно поля пахатного, зарослыхъ лесомъ земель..., вигонныхъ для скота местъ, рибнихъ ловель, футоровъ, лесовъ къ строенію годнихъ и дровя-

---

[1]) Р. О., документы, относ. до городовъ и цеховъ Кіевскаго полка.

ныхъ, сенних покосовъ нетъ". Въ селѣ сидѣли только одни монастырскіе крестьяне (33 двора), да два козака. Весь доходъ монастыря составляли, во первыхъ, денежные взносы съ крестьянъ, во вторыхъ, барщина, которую крестьяне были обязаны выполнять въ пользу монастыря. Сумма взносовъ составляла 22 р. 60 к. въ годъ со всѣхъ дворовъ, а панщину отбывалъ среднимъ числомъ по 4 дня въ недѣлю каждый дворъ.

4-го декабря 1891 г.

И. Лучицкій.

1693.

Јхъ царского пресвѣтлого величества войска запорожского гетманъ Иоанъ Мазепа.

Всѣмъ обще обивателемъ полку Киевского, яко войсковому товариству, такъ и посполитимъ людемъ, а особливе города Остра и города Козелця сотникомъ, атаманомъ, войтомъ и всѣмъ жителемъ ознаймуемъ, нижъ донесена перед нас суплѣка ваша, в которой ви прозбу свою и предложене виражаете, абисмо ми, гетманъ, села Виповзка законникамъ брацкимъ во власть не давали, именуючи великую собѣ быти в томъ кривду и шкоду, если бы оное село од мѣста Остра одийти мѣло, особливе будто до пущи волной чрезъ тое загорожена вам будет дорога. Для чего з великим прилежаниемъ договоруетеся у насъ того, щобъ тое село при городѣ Острѣ непремѣнно было заховано. Дивуемся теди ми велце тому вашому дерзновенію, же ви такою своею прикрою суплѣкою намъ докучати смѣете, хотячи нашу гетманскую в зуполной владзи будучую по своей хотѣ уняти волю. А зась намъ невольно учинити того, що укажетъ нашъ рейментарскій здоровій розсудокъ и респектъ? Сами то признаваютъ розумние люде, же то рѣчъ добрая и хвалебная, ижъ з давнихъ часовъ цари и князи и иніи земскіи владзци и панове мн҃стири ј месца святіи наданями своими ущедрали ј убогачали. А для чого ж би теперъ, за рейменту нашого, не мѣло тое дѣятися, що есть прилично и пожиточно не тилко до поцдори, але и до розширеня хвали б҃жой? За такую теди вашу прикрую суплѣку, ижъ ви волю нашу зневолити усилуете, годилося било намъ сихъ вашихъ посланнихъ зневажити и до васъ отписати сурово, лечъ, якъ вѣдаемъ, же не з совѣта всего

вашего товариства ј посполства, але од килкохъ особъ тое дѣется, которихъ часу своего обличити въ том не занехаемъ. Ј, такъ бачним разсужденіемъ нашимъ все тое вам покриваючи, ласкаве до вас одписуемъ, нехай вамъ вѣдомо будетъ, що уже тому лѣтъ три, якъ ми тое село Виповзокъ офѣровали на мнстиръ брацкій, але для того до сего часу еще им не подавали в поссесію, же било потребно намъ оное для випроваженя деревнѣ до потребной до мурованя церквей брацкой ј пустинно николской. Яко теди негодится намъ того слова нашего одмѣнити, такъ муситъ тое село бити во власти мнстира оного брацкого. Однакъ, яко тилко самыхъ людей того села тяглихъ јмъ подаемъ в послушенство, а лѣсовъ и боров вашихъ острицкихъ ј полковихъ до того села јмъ неодводилисмо ј не одграничилисмо, такъ ви не маете себѣ тим турбовати, жеби пущи до города Остра ј всего того полку кіевского належной они, законники, в потребахъ вашихъ боронити вамъ мѣли, яко жъ не машъ у нихъ столко сили, аби в томъ вамъ перечили, а до того ј ми волѣ јхъ в томъ разширатися недопустим. Якою теди пущею перед сјмъ ви до города Остра и до всего полку пожитковали, тоей и тепер без жадной трудности можете заживати, чого будте певне надежни. Що предложивши, зичимъ вам всѣмъ доброго од Господа Бога здоровя. Данъ въ Батуринѣ, юня 27 дня 1693 року.

Звишменованій гетманъ рукою власною (М. П.).

(Румянцевская опись, документы къ исторіи городовъ и цеховъ кіевскаго полка, рукоп. библіотеки университета св. Владиміра).

„Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собранныя 1776 года".

(РУКОПИСЬ А. И. ЧЕПЫ).

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ своей разнообразной дѣятельности за время своего свыше тридцатилѣтняго (1764—1796 г.г.) управленія Малороссіей, въ званіи президента малороссійской коллегіи и затѣмъ кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго генералъ-губернатора, обратилъ между прочимъ вниманіе и на народныя суевѣрія и сталъ принимать строгія мѣры противъ, такъ называемыхъ, чародѣевъ, наиболѣе способствовавшихъ, конечно, укорененію суевѣрій въ народной массѣ. Сталъ онъ такъ поступать въ первые же годы своего управленія, несмотря на то, что, при назначеніи своемъ на должность малороссійскаго генералъ губернатора, онъ былъ поставленъ въ исключительно трудныя условія: Румянцевъ принялъ новую должность въ замѣнъ уничтоженной гетманской власти, а такъ какъ въ Малороссіи оставалось не мало поклонниковъ бывшей гетманщины, то онъ долженъ былъ на своемъ лицѣ вынести всѣ непріязненныя чувства и придирчивыя требованія, которыми обыкновенно сопровождается ломка государственныхъ учрежденій» [1]).

Уже весною 1767 года былъ опубликованъ и разосланъ два раза— 19 марта и 2 апрѣля—въ полковыя канцеляріи указъ малороссійской коллегіи, которымъ предписывалось «публиковать вездѣ, дабы всякъ проѣзжающій и проходящій имѣлъ крупную осторожность отъ такихъ злодѣевъ, которые напаиваютъ людей нѣякимъ ядовитымъ питьемъ и сыскивать такихъ между шатающимися безпашпортными и проѣзжающими по какимъ либо пашпортамъ, не будетъ ли кто гдѣ та-

[1]) Чтенія въ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кн. 5, отд. III, стр. 93.

кого зелія и питія составлять, прилежно присматривать, а за поимкою представлять на уряды къ поступленію по законамъ и правамъ, обѣщая таковому, кто такого злодѣя или таковыя зелія составляющаго объявитъ и обличитъ, 20 злотыхъ вознагражденія».

Очевидно, что у этихъ «злодѣевъ», пользовавшихся въ своей предосудительной дѣятельности пріемами чародѣевъ, было желаніе вызвать волненіе въ народной массѣ съ какими-либо тайными цѣлями.

Если мы вспомнимъ современныя выше приведенному указу обстоятельства, то, быть можетъ, обнаруженная Румянцевымъ поспѣшность въ опубликованіи вышеприведеннаго указа и принятыя имъ мѣры могутъ быть съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ объяснены предположеніемъ, что пріемы чародѣйства были пущены въ ходъ съ цѣлями политическими, чтобы усилить противодѣйствіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, вызвавъ смуту умовъ. Вотъ какъ характеризуетъ настроеніе Малороссіянъ въ эту эпоху новый ея изслѣдователь г. Теличенко.

Въ первые мѣсяцы 1767 г. [1]) «вся гетманщина сверху до низу была взволнована необыкновеннымъ для нея событіемъ: императрица Екатерина II призывала своимъ манифестомъ отъ 14 декабря 1766 г всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Императрицы вызвалъ въ Малороссіи довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія Высочайшаго манифеста, послѣдній былъ далеко не всѣми понятъ въ желательномъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія Императрицы «возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья», какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, Малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста Императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи».

---

[1]) Кіевская Старина, т. XXX, стр. 164.—Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г. К. 1864. Стр. 1.

Понятно, что въ такое смутное время представителямъ оппозиціонныхъ взглядовъ было очень на руку пустить въ ходъ даже чародѣйство, чтобы увеличить броженіе, а Румянцеву необходимо было принять противъ этого энергическія мѣры, такъ какъ по культурному состоянію всѣхъ классовъ населенія тогдашней Украйны чародѣйство пользовалось правами полнаго гражданства. На правобережьи этотъ культурный «пережитокъ» [1]) до конца XVIII вѣка имѣлъ еще «свою административно юридическую санкцію [2])—въ судебныхъ процессахъ этого времени признается возможность чародѣйственнаго сношенія съ нечистымъ, или чортомъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, не говоря уже о менѣе важныхъ проявленіяхъ знахарской, колдовской силы, вѣра въ которую, если и потеряла теперь свою гражданственность, то все таки сохранилась въ народной массѣ въ формѣ различныхъ суевѣрій и повѣрій» [3]), и даже не въ одной только народной массѣ. Г. Ефименко отмѣчаетъ фактъ, относящійся ко времени всего за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по поводу подозрѣнія, взведеннаго на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г., что въ Слободской Украинѣ холеру приписывали отравленію источниковъ и что *уѣздныя полицейскія власти* вполнѣ раздѣляли народное воззрѣніе на причину холеры [4]).

Чародѣйство, помимо исключительныхъ случаевъ, какъ какія-либо тайныя политическія цѣли, имѣло большое примѣненіе въ эпоху Румянцева въ Малороссіи въ обыкновенномъ житейскомъ быту при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. И противъ подвизавшихся на этомъ поприщѣ съ болѣе невинными цѣлями Румянцевъ принималъ строгія мѣры, почему 29 февраля 1776 г. былъ опубликованъ слѣдующій указъ:

«По производству въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ судахъ дѣлъ о чародѣяніяхъ видимо, что и по сіе время не истребилось между простолюдинами таково злотворство, которое хотя ничего прямо въ себѣ не заключаетъ, кромѣ одного обмана, вселяющаго въ легковѣрныя души пустое воображеніе и страхъ, однакожъ многіе изъ простолюдиновъ по вкоренившемуся о сихъ злочинствующихъ сумнѣнію страждутъ больше нежели бъ по лживымъ ихъ вымысламъ могло что-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1891 г. Мартъ, стр. 439.

[2]) Кіевская Старина, т. XV, стр. 196.

[3]) Срв. Чубинскій. Труды этнографической экспедиціи, т. I, стр. 387 сл.

[4]) Кіев. Старина, т. VI, стр. 578 сл.

либо вредное приключиться. Я рекомендую коллегіи предписать судамъ генеральному и всѣмъ гродскимъ, также и полковымъ канцеляріямъ, что естьли-бъ кто гдѣ могъ быть примѣченъ въ чародѣйствѣ, таковыхъ тотчасъ забирать подъ караулъ въ суды и доходить въ чемъ состоитъ сей чародѣйственный ихъ промыслъ и какъ гдѣ оной употребляли и, открывъ ихъ враки, или лучше сказать сумасбродства строго наказывать по законамъ, употребляя удобовозможные способы сходные съ законами, таково злочиніе вовсе истребить, а легковѣрныхъ въ ихъ суевѣріи оберечь. Графъ Румянцевъ-Задунайскій. 1776 г., февраля 29, № 89».

Насколько распространено было во второй половинѣ XVIII в. по всей Украинѣ убѣжденіе въ дѣйствительности чародѣйства, можно судить по нѣкоторымъ, сохранившимся до нашего времени, дѣламъ по обвиненію въ чародѣйствѣ.

Въ 1767 и 1768 годахъ въ дубенскомъ магистратѣ тянулось дѣло, въ которомъ подсудимымъ былъ нѣкій мѣщанинъ Тимко Середа.

Свидѣтельскія показанія, собранныя по этому дѣлу, указываютъ, что Середа занимался постоянно чародѣйствомъ; такъ, онъ былъ приглашенъ солдатомъ Лашкевичемъ приготовить такое средство, чтобы росли дѣти у Лашкевича. Онъ сварилъ какіе-то два состава, указалъ ихъ употребленіе и часть одного изъ нихъ унесъ съ собою для другой практики. Послѣ его ухода, Лашкевичъ показалъ оставленные составы какой то бабѣ, которая признала одинъ изъ нихъ надлежащимъ, а о другомъ сказала, что его не годится и въ домѣ держать.

Главное же обвиненіе противъ Середы состояло въ томъ, что онъ сообщилъ мѣщанкѣ Духинской какой-то составъ, которымъ она облила мельника Карпа, когда тотъ въ совершенно пьяномъ видѣ лежалъ безъ чувствъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели показали, что самъ Середа похвалялся, что онъ произвелъ болѣзнь Карпа. Онъ говорилъ многимъ свидѣтелямъ: «заработалъ я въ этомъ дѣлѣ 8 злотыхъ... Я, по просьбѣ Яцька Мельника, отнялъ ему ноги... Бѣсъ его не возьметъ, а до пояса отниметъ у него движеніе, потому-что меня Яцько Мельникъ просилъ, чтобы онъ пересталъ ходить...» Приговоръ магистратскій въ актовой книгѣ не записанъ [1]).

Весною того-же 1767 г. жившій въ Кіевѣ иностранецъ, Мартынъ Шеферъ, пришелъ къ капитану Соловкову, вѣдавшему поселив-

---

[1]) Матеріалы этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 335 сл.

шихся въ Кіевѣ иностранцевъ, съ жалобой на свою жену, Аксинью Григорьеву, мѣстную уроженку, что она производила де надъ нимъ чародѣйство. При произведенномъ дознаніи выяснилось, что Аксинья дѣйствительно однажды говорила, что хотя де она намѣрена была очаровать своего мужа, но не очаровала, а въ другой разъ хвалилась, бьючи рука объ руку, что она такъ мужу своему сдѣлаетъ, что онъ не будетъ о себѣ знать, хлопецъ ли онъ или дѣвка и что она де сейчасъ пойдетъ въ квартиру и сдѣлаетъ это. Протоколъ дознанія былъ переданъ въ духовное правленіе кіево-подольской протопопіи.

Въ январѣ 1777 г. канцеляристъ Матвѣй Кудрявцевъ словесно донесъ кіевскому полиціймейстеру Семену Бутышеву о «причиненныхъ женѣ его печерскаго больницкаго монастыря поваромъ Ивкою волшебствахъ». Показанія свидѣтелей при дознаніи обнаружили, что на рождественскихъ святкахъ у Кудрявцева собрались его знакомые и изрядно выпили, послѣ чего его жена не успѣла переступить черезъ порогъ изъ сѣней въ горницу, гдѣ сидѣли гости, какъ упала и ей сдѣлалось дурно. Бывшій въ числѣ гостей поваръ Іовъ, видя это, взялъ снѣгу и, положивъ сначала себѣ въ ротъ, далъ потомъ и Кудрявцевой, вслѣдствіе чего ее «зачело мучить и подымать съ полу и на полъ, самъ же онъ пошелъ домой». Когда его вернули обратно, то, пришедши, онъ и потребовалъ стаканъ воды и «зачелъ мѣрить на правой локоть Кудрявцевой воду и послѣ вымѣриванья давать ту воду пить вопервыхъ Кудрявцевой, а потомъ Кудрявцеву и гостямъ, и потомъ сказалъ,—будешь теперь все пить и веселиться и моей хозяйкѣ ничево не будетъ, только ночью одна притчинка еще зделаитца и чтобы при ней сидѣли люди и держали крѣпко за правую руку». При производствѣ дознанія по этому дѣлу у полиціймейстера, пострадавшая отъ чародѣйства Іова показала: «требовала я для поправленія своего здоровья у вахмистра Василія Жилина ладону херувимского и свѣчи страстной, почему упоминаемый Жилинъ и послалъ жену свою за оными и принесши взяла я и пошла въ чуланъ, где сама себя окуривала при мужѣ своемъ; въ тожъ самое время на моей подушке показался лежитъ не знать откуда болшой червякъ чорной длиною съ палецъ и положила ево на жаръ, въ тотъ, въ которомъ былъ ладонъ и свеча, а кухарь Іовъ, услыша отъ ладона духъ и отъ свечи благовонной, сказалъ, что де не по моему дѣлаютъ, а я того не люблю, и зачело ево трести, и унимала, чтобы оной еще бы на нѣсколко время обождалъ, но онъ нимало медля выбѣжалъ и побѣжалъ въ свой домъ; послѣ-жъ того куренія остатние часы препро-

вождала сномъ благополучно, однако имѣю по сіе время не прежнее здоровье, а слабость во всемъ корпусѣ» [1]).

Пріемами чародѣйства пользовались у насъ на Руси въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Вслѣдстіе вѣры народной массы въ демоническое значеніе болѣзней [2]) самое широкое примѣненіе чародѣйства было въ случаяхъ лѣченія болѣзней, постигавшихъ какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, пріемы чародѣйства были въ ходу для предотвращенія могущихъ постигнуть бѣдъ, чтобы способствовать успѣху различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и чтобы повліять въ извѣстномъ смыслѣ на окружающихъ людей. Пріемы чародѣйства состояли въ знахарскихъ дѣйствіяхъ и въ словесныхъ заклинаніяхъ или шептаніяхъ, причемъ въ послѣднихъ чародѣйственная сила, по народному убѣжденію, заключается или въ таинственномъ смыслѣ произносимыхъ знахарями непонятныхъ словъ, или въ призываніи или упоминаніи Бога и христіанскихъ святыхъ, или въ заклинаніи принявшихъ образъ людей или животныхъ злыхъ духовъ.

Если бы было болѣе подготовленныхъ къ собиранію этнографическихъ данныхъ людей и если бы были средства къ изданію научнымъ образомъ всего того матеріала, который можетъ быть собранъ еще и въ настоящее время въ сферѣ народныхъ суевѣрій, то мы имѣли бы богатѣйшія данныя для изученія народнаго міровоззрѣнія и быта, такъ какъ суевѣрное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ обыденной жизни проходитъ яркой ниткой въ житейскомъ быту нашего селянина; но, къ сожалѣнію, и въ томъ, и въ другомъ, всегда ощущается недостатокъ.

Подробное изученіе народныхъ суевѣрій могло бы имѣть и практическіе результаты, такъ какъ при ближайшемъ ознакомленіи съ ними можно бы подмѣтить причины ихъ глубокаго воздѣйствія на народную психологію, разъяснить народу всю ихъ нелѣпость и замѣнить потребность въ суевѣрномъ объясненіи какого-либо явленія и въ чародѣйственномъ устраненіи его желаніемъ разъяснить себѣ истинныя причины его возникновенія и примѣнить раціональные пріемы, чтобы обусловить нормальный исходъ его.

Что касается малороссійскихъ суевѣрій, то, кромѣ изслѣдованій на основаніи архивнаго матеріала В. Б. Антоновича, Амф. Лебедева,

---

[1]) Андріевскій. Историческіе матеріалы. Вып. 9, стр. 212—223.

[2]) „Кіев. Стар." 1889 г. т. XXVII, стр. 300.

г. Сѣлецкаго[1]), да нѣсколькихъ случайныхъ современныхъ замѣтокъ и записей, пріютившихся на страницахъ «Кіевской Старины»[2]), они представляютъ еще богатое поприще для собиранія и изученія, на которомъ съ успѣхомъ работали въ послѣднее время проф. Сумцовъ въ своихъ «Культурныхъ переживаніяхъ»[3]) и д-ръ Талько-Гринцевичъ, дѣлавшій недавно докладъ въ с.-петербургскомъ географическомъ обществѣ «о народной медицинѣ». Полный библіографическій указатель записей и замѣтокъ по части народныхъ суевѣрій можно найти у М. Комарова — «Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь». (Одесса, 1890 г.), а также нѣсколько записанныхъ заклинаній.

Хотя и тѣ пріемы чародѣйства, которые могутъ быть наблюдаемы въ современномъ сельскомъ быту, являются запоздалыми культурными пережитками, передающимися изъ-устъ въ уста, а слѣдовательно, мало измѣняющими свою форму и могущими послужить образчикомъ народныхъ суевѣрій и болѣе отдаленной поры, а тѣмъ болѣе конца прошлаго столѣтія, но по счастливой случайности мы можемъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ малороссійскими суевѣріями эпохи Румянцева по современной имъ записи, составленной въ 1776 году извѣстнымъ собирателемъ археографическихъ и этнографическихъ матеріаловъ объ Украинѣ, Адріаномъ Ивановичемъ Чепой, полезная научная дѣятельность котораго остается и по-нынѣ безъ надлежащей оцѣнки, вслѣдствіе полнаго отсутствія пока какихъ-либо біографическихъ данныхъ о немъ.

Н. В. Стороженко.

Рукопись А. И. Чепы.

1. *Кровь удержать.* Первый способъ: «Ишло три калѣчечки черезъ три рѣчечки. Якъ тѣмъ калѣчечкамъ той воды не носити и не пити, такъ бы тебѣ, крове, нейти у сего раба Божого (имя рекъ), аминь (девять разъ)». Сіе переговорить трижды.

---

1) Матеріалы этнограф. etc., т. I, вып. 2, стр. 323—360.—„Кіев. Стар.“ т. XXVIII, стр. 1—21.—„Кіев. Стар.“ т. XV, стр. 193.

2) „Кіев. Стар,“ 1885 г., № 12, стр. 730; ibidem, 1883 г., № 7, стр. 586 etc.

3) „Кіев. Стар.“, т. XXVII, ст. 300—317.

Другой способъ: «На бѣломъ морѣ стоятъ бѣлые попы и бѣлые дяки. Тамъ они бѣлыя книги читаютъ и кровь замовляютъ». Трижды сказавши, плюнуть на рану.

Третій способъ: «Ѣхалъ святый Георгій на червономъ конѣ и въ червономъ жупанѣ; сострѣлся съ своимъ братомъ булатомъ; втялись они острымъ мечемъ и не втялись; втялись въ червоный камень, якъ изъ того каменя кровь не текла и рана не болѣла, такъ бы въ (имя рекъ) раба Божого кровь не текла и рана не болѣла». Трижды сказать.

2. *Выгонять черви, у скота бывающіе.* «Есть въ удовы девять сыновъ. Изъ девяти семь, изъ семи пять, изъ пяти три, изъ трехъ одинъ, а изъ одного ниодного, чтобъ выпали черви всѣ изъ (такой-то по шерсти) скотины». Сіе проговорить трижды; что и заочно можно сдѣлать, спросивши о шерсти.

3. *Предохраненіе отъ зла и легко родить.* Есъ, ели, елила, еѳеосъ, етиръ, еели, елъ, ерваонъ. Кто сіи слова при себѣ носить будетъ, тому никакое зло вредить не можетъ, а беременная женщина, имѣющая сіи слова при себѣ, легко родитъ дитя.

4. *Остановить змѣю.* Гдѣ увидишь гадину ползущую, то на томъ ея пути положи сдѣланный съ прутьевъ или стеблинокъ крестъ; гадина на то мѣсто возвратится и будетъ ползать около креста.

5. *Способы отъ ужаленія змѣею человѣка и скотины.* Первый способъ: «Господи Боже нашъ! помоги и допомоги мнѣ грѣшному человѣку, а ты змѣя, Царице Листрице, созови свои сестры и посестры, выйми свой синій зубъ и синія жилы изъ (имя рекъ) раба Божого, бѣлокураго ли, черноволосаго-ли, русаго-ли и проч.

Второй способъ, ежели злѣйшая укуситъ: Проговоря просьбу къ Богу Всемогущему, говори: «Анно, Царице Мистрице» и далѣе все такъ говорить, какъ выше написано, отъ слова: «созови» и проч.

Третій способъ, ежели наизлѣйшая укуситъ: Тоже начало проговоря къ Богу, говоришь: «Рей гадина, обитающая на бѣломъ морѣ, на кудрявомъ деревѣ, запрещается отъ Матери Божіей Пречистой Приснодѣвы Маріи, чтобъ ея команды гады, укусившая (имя рекъ) человѣка или скотину (по роду и шерсть сказать) ни чѣмъ не вредила и язва исцѣлена да будетъ силою и молитвами Матери Божіей, которая повелѣваетъ уязвленному человѣку (имя рекъ) омитись непочатою чистою водою».

Четвертый способъ: «Первымъ разомъ, лѣпшимъ часомъ, Господи Боже! мнѣ поможи и допоможи. Харіе, и ты Хавріе, и ты

веретѣльнице, въ морѣ на днѣ все возвиженіе на тебѣ, заказуйте всему гаду рябому, половому черному и всему пресмикающемуся на земли отъ раба Божіего (имя рекъ) и отъ скотины (по цвѣту шерсти) отъ бѣлой кости, жилъ и крови». Такъ говорить по трижды, рано поутру и ввечеру.

6. *Уничтожить влюбчивость и пьянство.* Когда случится увидѣть, что гадюка, или ужъ, поймавши жабу, давитъ, тогда палочкою или плетью оную жабу оборонить. И ежели кто влюбится въ кого, либо люди приманены въ шинкъ обаянно, тогда тѣхъ персонъ, тѣмъ чѣмъ жабу оборонилъ, вдарить и говорить: «якъ страшно жабѣ отъ гадюки пропадать, что она утѣкаетъ и боится, такъ бы вы втѣкали отъ дѣвки, или отъ горѣлки».

7. *Отъ неплодія.* Тотъ пупецъ, который баба при рожденіи дитяти отрѣжетъ, намочить въ водѣ и давать пить неродящей женщинѣ, станетъ родить.

8. *О ковтунѣ на головѣ.* Ковтунъ на головѣ изъ волосовъ дѣлающійся у мужчины или женщины вырѣзать ножницами, закопать въ землю и прибить осиновымъ коломъ, то никакого вреда не будетъ. Сіе можно сдѣлать надъ ковтунами у лошадей бываемыми.

9. *Отъ переломовъ конскихъ и другихъ животныхъ.* Говори: «Боже! помоги и допомоги! Сидитъ войтъ и атаманъ въ концѣ стола, а діаволъ подъ столомъ. Стали судити, кому что удѣлити: атаману рукавицы, войту нагайлицы, а жиду перелоги». Трижды сіе сказать, обойшовши себя и плевать назадъ себя за всякимъ разомъ.

10. *Чтобы потная лошадь не обпилась воды.* За однимъ духомъ три раза скать: «пейте кони ордавъ-воду Рождество Христово въ (такой-то день, надобно упоминать о будущемъ днѣ Рождества), вода вороная и кони вороные (или какой масти будутъ).

11. *Отъ лихорадки.* Первый способъ дьячка села Семеновки (пирятинскаго уѣзда) стараго Романа: «Господи благослови! Ишовъ святый Авраамъ съ святымъ сыномъ Исаакомъ золотымъ мостомъ и встрѣтили дѣвицъ простоволосыхъ семьдесять четыре и стали ихъ пытати, что вы за люди.— «Мы де Иродовы дочки идемъ въ христіанскую землю людей мучити и красну кровь выпивати». И взялъ святой Авраамъ со святымъ сыномъ Исаакомъ золотый жезлъ, стали ихъ бити и тлумити. «О святый Аврааме и Исааче! не бій насъ, не тлуми насъ». Кто сію заповѣдь будетъ знати, того во вѣкъ трясовица не будетъ держати, рабы Божіей (имя рекъ). Сіе, написавши на паперѣ, носить на шеи три дни. Потомъ спалить и выпить въ водѣ

святой вечернѣй, но предъ тѣмъ прочитати трижды — «Богородице Дѣво» и трижды Отче нашъ, и на каждой стихъ по три поклона положить.

Другой способъ: Обрѣзавъ ногти на рукахъ и ногахъ въ самомъ пароксизмѣ, привязать къ живому раку и пустить въ воду.

Третій способъ: Въ мартѣ мѣсяцѣ наловить раковъ и живыхъ налить спиртомъ или крѣпкою водкою въ банкѣ. Сей спиртъ давать больнымъ лихорадкою въ самомъ пароксизмѣ оздоровѣетъ.

12 *Отъ горячки.* Давать питье слѣдующее: мужескому полу взять у голуба и изъ подъ праваго крыла изъ медіанной жилы впустить въ сырую воду крови немного, расколотить и давать пить, женскому полу такимъ же образомъ приготовлять кровь изъ голубки.

13. *Отъ судороги у собакъ.* Ежели собака заболѣетъ судоргою, то бить его немножко мѣшкомъ, который былъ съ пашнею.

14. *Пожаръ уничтожить.* Взявши въ руки то яйцо, или писанку, что въ день Свѣтлаго Воскресенія наперёдъ отъ кого получить, оббѣжать около пожара трижды, говоря сіе: «Во имя отца и проч. Огню Лавриче! якъ твоя жена на желѣзныхъ сковородахъ испеклася, якъ она не шумѣла и не стогнала и не болѣла и своей силы не расширяла, такъ и ты, огню Лавриче! теперь своей силы не расширяй и больше не гори и не шуми по сей часъ и по мои слова». За каждымъ разомъ сказать аминь девять разъ.

15. *Предохранить домовство отъ зла, чародѣйствомъ наносимаго.* Когда въ осень на полѣ зеліе, называемое перекотиполе, качается, то взять оное зеліе, когда катится, ставши такъ, чтобы оно само въ руки вкотилось, положить оное въ округъ домовства на углахъ въ скрытныхъ мѣстахъ. Къ дому тому никакое зло отъ людей насылаемое не пристанетъ.

16. *Отъ презору очей на человѣка и птицы. Первый способъ*: Проговоря о Бозѣ, говори: «вылетѣлъ чорный воронъ изъ чорнаго моря; очи у него червоные, носъ, ногти и паногти; отогналъ онъ враки и врачища отъ (имя рекъ человѣка, жены, дитяти) стрѣченые и поперечные, мужичіе, женскіе, хлопочіе, дѣвчачіе, и всякаго рода». Сіе трижды сказать, перекрестивши себя и уреченнаго.

Другой способъ: «Ишло двѣ бабы по воду съ двумя глеками. Глеки побились, ураки минулись и яко маково зерно откатились отъ (имя рекъ) раба Божіего, или птицъ, и кто урекъ, и той утѣкъ».

17. *Отгнать волковъ и птицъ.* Волки, чтобы ничего не вредили и на нивахъ птицы не ѣли посѣяннаго зерна, то какъ скоро

оторутся плугами, снять съ плуга борозенное колесо и обнесть вокругъ хутора, надѣть его на колъ, тамъ гдѣ держится скотъ. При засѣвахъ нивъ сіе колесо вывезти съ собою и обнести вокругъ засѣяннаго поля.

18. О камнѣ жабинцѣ. Способъ сыскать оный: взявши большую жабу, называемую ропуху, заключить въ горшокъ или глекъ, въ которомъ много дырокъ навертѣть и, завязавши, установить въ гнѣздо большихъ муравьевъ, которые мясо ея объѣдятъ, тогда въономъ горшкѣ между костьми сыщется камень. Сей камень отвращаетъ отраву; ежели укуситъ кого гадина, пчелы, осы и шершни, то онымъ потереть укушенное, тотчасъ исцѣлится.

19. Что и для чего класть подъ Пасху для освященія. 1) Перецъ въ зернѣ крамовый, чтобы загодовывать птицъ и пчелъ, въ предохраненіе отъ уроковъ.

2) Морковь коренье—отъ курячей слѣпоты.

3) Хлѣбъ и соль—закармливать скотъ, коней и пчелъ.

4) Сало, хрѣнъ, яйцы, чеснокъ, масло, макъ и пшеницу--на разныя потребы и на посѣвъ. Все оное хранить годится.

20. Открывать кладъ. Кладъ выкопанный иногда покажется угольемъ, то чтобы онъ объявился, то въ то уголье положить человѣческаго калу, отчего кладъ явится въ своемъ видѣ.

21. О мудростяхъ надъ ружьемъ. Чтобы ружье неспалило, то помазать кремень медвѣжьимъ жиромъ. Чтобы исправно било и неживило, то убить пулею или дробью птицу или животное, дать полежать сутки, не вынимая пули или дроби. Потомъ оные взять и распустить съ оловомъ, надѣлать пуль и дроби и тѣмъ стрѣлять. Ружья никто неизурочитъ, ежели, убивши птицу крука, вынять желчь и оною вымазать ружье.

22. Отъ презору очей на ружье. «Господи! очисти грѣхи мои, очисти и оружіе мое. Царь желѣзо! Булатъ желѣзо! Сивъ свинецъ! Буенъ порохъ! Уроки и урочища стрѣченые и попереченые, мужичіе и жоначіе».

23. Уничтожить заговоръ ружья. «Христосъ воскресе! діавольскую силу моя пуля пронесе».

24. О водѣ отъ гусени и для росту часнику и луку. Въ чистый четвергъ набрать изъ рѣки или колодезя воды на самомъ разсвѣтѣ, держать ее, а какъ капуста сойдетъ, покропить тою водою, то не будетъ гусени. Тоже будетъ, ежели въ садахъ покропить дерево. Въ осень, когда садятъ часникъ, обмочить въ той водѣ зубки, будутъ

выростать больше головки. Въ сей же водѣ мочить сѣмена цибули, выростетъ крупная.

25. *Открыть злодпйство.* Когда что украдено, то взявъ книгу Псалтирь и сыскавъ въ 10 каѳизмѣ псаломъ—«Боже судъ твой Цареви даждь» —вложить къ самому оному псальму ключикъ отъ небольшаго желѣзнаго замка, концомъ, прищепнуть его книжкою, взять двоимъ человѣкамъ средними пальцами подъ кольцо ключика и сказавъ: «Ежели (имя рекъ, на кого подозрѣніе по имени и прозванію, уворовалъ, то изъяви его, Господи Боже!» и читать на изусть, или изъ другой псалтира упомянутый псальмъ; тутъ то, ежели именуемый виновенъ, повернется книжка, упадетъ на землю и точно тотъ виноватъ остается, якожъ на невиннаго книжка не повернется и не упадетъ.

26. *Табакъ, что бы росъ великій.* Сажаючи оный полить, только первый разъ сказать: «нехай тебе чортъ больше поливае, а не я».

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи славянофильства на Руси. Въ трудѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Исторія Университета Св. Владиміра», помѣщены нѣкоторыя выдержки изъ циркуляра Министра Народ. Просв. графа Уварова, гдѣ были изложены правительственныя воззрѣнія въ 40-хъ годахъ по вопросамъ о народности и о народныхъ началахъ. Циркуляръ этотъ имѣлъ въ виду указать тѣ точки зрѣнія, какихъ по этимъ вопросамъ должны были держаться наставники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ виду глубокаго интереса самаго циркуляра, считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ, какъ-бы въ дополненіе къ стр. 532—534 «Исторіи Университета Св. Владиміра».

Списокъ съ предписанія г. Министра Народнаго Просвѣщенія г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 27 мая 1847 года, № 696.

Въ концѣ прошлаго столѣтія родилась между соплеменными намъ народами на западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы славянскаго происхожденія, разсѣянные по Европѣ и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда либо слиться въ одно цѣлое, составить Государство Славянское. Эта мысль мало по малу овладѣла всѣми вѣтвями славянскаго племени въ Европѣ, сперва въ литературномъ, потомъ и въ политическомъ смыслѣ.

Отъ этого движенія повсюду между народами славянскаго происхожденія усилилось стремленіе къ изученію языковъ, древностей и всѣхъ памятниковъ славянскихъ племенъ; но, къ сожалѣнію, это развитіе отдѣльныхъ вѣтвей славянскихъ недолго оставалось въ мирныхъ предѣлахъ науки: скоро подпало оно искаженію, частію отъ вліянія общихъ тревожныхъ идей политическихъ, частью отъ возбужден-

ныхъ предразсудковъ религіозныхъ, частію отъ собственныхъ недоразумѣній каждаго племени. Европейское понятіе о славянствѣ раздробилось уже на столько вѣтвей, сколько находится отдѣльныхъ земель. Названіе славянства, драгоцѣнное для восьмидесяти милліоновъ, раздѣленныхъ на многіе народы, занимающихъ безмѣрное пространство, по языку своему помнящихъ единое происхожденіе и древнее родство, какъ оказывается нынѣ, употребляется во зло подъ личиною чистаго братства. Эти идеи запада о славянствѣ естественно тяготѣютъ къ Россіи, какъ средоточію племенъ славянскихъ, потому что и въ языкѣ русскихъ, и въ вѣрѣ, и въ законахъ дышетъ и бодрствуетъ древнее начало народной жизни, отъ различныхъ судебъ историческихъ давно умершее въ другихъ славянскихъ народахъ. Но и у насъ западныя понятія могутъ увлечь людей пылкихъ и непрозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній.

Для охраненія преподавателей принадлежащихъ къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, долженствующихъ проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ истинныхъ полезныхъ знаній и чувствъ любви къ престолу и вѣрѣ отъ вреднаго вліянія разрушительныхъ началъ, почитаю священнымъ долгомъ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, изложить значеніе народнаго начала въ видахъ правительства и мысли о семъ важномъ современномъ вопросѣ передать Вашему Превосходительству для конфиденціальнаго сообщенія ихъ преподавателямъ и цензорамъ, въ вѣдомствѣ Вашемъ состоящимъ.

Вопросъ о славянствѣ въ отношеніи къ намъ представляетъ двѣ стороны: одну, которую злонамѣренные могутъ употреблять на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержитъ въ себѣ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія имѣющую неоспоримое право на попеченіе правительства. Русское славянство, въ чистотѣ своей, должно выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію; но все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытію этого начала мы обязаны ближайшимъ знакомствомъ съ церковно славянскимъ языкомъ, на которомъ чтеніе священнаго писанія недавно чуждое высшимъ слоямъ общества, нынѣ понятно юному поколѣнію, одолжены знакомствомъ и съ другими славянскими нарѣ-

чіями, полезнымъ и необходимымъ для ученыхъ изслѣдованій языка отечественнаго. Этимъ же направленіемъ главнѣйшіе памятники нашей древней славяно-русской словесности вышли изъ забвенія; множество актовъ и документовъ обнародованы на иждивеніи правительства.

Но этому славянскому русскому, нами во всей чистотѣ принимаемому, должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ начяломъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ Государственное начало, на которомъ непоколебимо стоитъ тронъ и Алтарь собственно русское начало, русскій духъ наша святыня.

Въ этомъ славянствѣ мы, русскіе, должны искать своего роднаго начала, источника и народнаго просвѣщенія. Каждый народъ въ періодѣ самобытности своей вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: общій, наслѣдственный отъ народа—родоначальника, исчезающаго въ поколѣніяхъ, и частный, составляющій личность народа. Общій элементъ въ насъ есть родовой, славянскій; частный, нашъ собственный, русскій. Посредствомъ личности своей каждый народъ развиваетъ въ жизни человѣчества особую мысль Провидѣнія и содѣйствуетъ исполненію благихъ его предначертаній. Такъ всѣ славянскія государства были въ свое время славны и могущественны, и всѣ какъ бы по-очереди, пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Чехія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне даже потеряли языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней самобытности: въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и въ другихъ странахъ Германіи славянское нарѣчіе вытѣснено нѣмецкимъ, въ Мореѣ—греческимъ, въ Венгріи—мажіарскимъ. Этимъ славянамъ, утратившимъ значеніе свое, свойственно съ сожалѣніемъ вспоминать славное прошедшее. Но Россія по волѣ Провидѣнія выдержала удары судебъ и пріобрѣла самобытность: претерпѣвъ многоразличныя, долговременныя бѣдствія, внутреннія и внѣшнія, она одна возносится надъ могилами единородныхъ государствъ и своею собственною личностью представляетъ безпримѣрную Имперію по необъятности владѣній, многочисленности обитателей и могуществу народнаго духа, благоговѣйно преданная своей вѣрѣ, своему Государю, сохранившая свой языкъ, знаменіе народнаго ума, народныхъ доблестей, народнаго чувства. Тогда какъ прочіе славянскіе народы, въ изнеможеніи своемъ отъ чуждаго владычества, еще гордятся общимъ славянскимъ происхожденіемъ, Россія, не помрачившая славы предковъ, славна своими народными доблестями, славна прошедшимъ и настоящимъ.

Итакъ, независимо отъ общаго славянства, въ дѣйствительности не существующаго, а измѣнившагося въ нѣсколькихъ славянскихъ племенахъ, мы должны слѣдовать за своими судьбами, свыше намъ указанными, и въ своемъ родномъ началѣ, въ своей личности народной, въ своей вѣрѣ, преданности къ престолу, въ языкѣ, словесности, въ Исторіи, въ своихъ законахъ, правахъ и обычаяхъ мы обязаны утвердить живительное начало русскаго ума, русскихъ доблестей, русскаго чувства. Вотъ искомое начало народное и не славянорусское, а чисто русское непоколебимое въ своемъ основаніи— собственно наша народность.—Великій преобразователь Россіи не все вновь въ ней создалъ: стихіи для его творенія уже были приготовлены вѣнценосными его предшественниками. Могучею волею Петръ I совершилъ въ свое царствованіе то, для чего потребны столѣтія; но онъ совершилъ то, до чего народы достигаютъ и въ постепенномъ своемъ развитіи. Какія слѣдствія его преобразованій? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились съ европейцами въ образованности. Ломоносовъ, для пересозданія слова русскаго, тамъ же искалъ сокровищъ науки, гдѣ Петръ Великій находилъ ихъ для пересозданія государства. Чего жъ намъ ожидать отъ соплеменныхъ народовъ?—Отвѣтъ мы находимъ въ исторіи и прошедшей, и современной. Святая Русь бѣдствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престолъ и вѣру, одна подвигалась твердымъ и быстрымъ шагомъ на поприщѣ гражданскаго своего развитія, одна ополчалась противъ двадцати народовъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма.

Съ такимъ воззрѣніемъ на нашу народность, я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ представителямъ, которымъ досталось обработывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но и трудный— русскій языкъ и русскую словесность, съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для родного языка, Русскую исторію, исторію русскаго законодательства: имъ предпочтительно предъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. Преподаватели, слѣдуя видамъ и направленію

правительства, и научая ввѣренное имъ юношество тому или другому предмету, да поучать его впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этимъ способомъ будущіе члены общества составятъ одну великую семью съ одинакими мыслями, съ одинакою волею, съ одинакимъ чувствомъ.

Таково воззрѣніе Правительства на славянство вообще и на славянство въ отношеніи къ Россіи; таковы мысли о началѣ народномъ и народности, источникахъ народнаго Просвѣщенія, коими слѣдуетъ руководствоваться при направленіи умовъ учащагося юношества.

Университетъ св. Владиміра, младшій между русскими университетами, созданный щедротами Государя Императора и всегда составляющій предметъ его особыхъ попеченій, имѣетъ прекрасное, но вмѣстѣ и трудное назначеніе сливать и примирять между собою, на поприщѣ нравственнаго образованія, два доселѣ враждебныя начала, оба исходящія изъ одного корня славянскаго, соприкосновенныя во многихъ отношеніяхъ, но издавна разлученныя гибельнымъ вліяніемъ противоборства вѣковаго. На преподавателяхъ университета св. Владиміра лежитъ обязанность самаго бдительнаго вниманія,—обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ личиною славянства легко можетъ укрыться мятежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувствомъ истинно-русскимъ и чуждые ложныхъ понятій мнимаго славянства, преподаватели университета св. Владиміра внушатъ и питомцамъ своимъ, что для насъ ничего не можетъ быть славнѣе имени Русскаго, того знаменитаго нашего имени, которое съ основанія государства нашего, повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной. Да слышится въ университетахъ имя Русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго славянства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи—всю народность.

Я не скрываю предъ собою, что вышеупомянутыя уклоненія отъ прямого пути возможны; но въ тоже время и увѣренъ, и имѣлъ счастіе всеподданнѣйше выразить Всемилостивѣйшему Государю Императору увѣреніе, что учащіе и учащіеся, принадлежащіе къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, оправдаютъ ожиданія и надежды Монаршія: и это увѣреніе, съ полнымъ убѣжденіемъ въ точности его исполненія, передаю въ настоящемъ случаѣ самимъ дѣлателямъ на ученомъ поприщѣ.

Богъ намъ да поможетъ въ великомъ дѣлѣ народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависитъ настоящее и будущее Россіи!

Въ заключеніе я долженъ присовокупить, что это открытое и положительное изложеніе видовъ правительства въ дѣлѣ о началахъ русскаго просвѣщенія безсомнѣнно возбудитъ во всѣхъ благонамѣренныхъ стремленіе по мѣрѣ силъ оправдать довѣренность правительства и употребить всѣ старанія къ охраненію духа учащагося юношества отъ соблазна понятій, намъ непріятныхъ и вредныхъ. Между тѣмъ правительство, слѣдя неослабно развитіе сего важнаго, по обстоятельствамъ, дѣла тогда только было бы вынуждено обратиться къ мѣрамъ другаго рода, когда ожиданіе его могло бы оказаться тщетнымъ и мѣры кротости и довѣрія не достигли бы благой цѣли.

Ваше превосходительство не оставите обращать особенное вниманіе на содержаніе сего предписанія и повременно доносить мнѣ о наблюденіяхъ Вашихъ по вышеизложеннымъ предметамъ, равно какъ и о распоряженіяхъ, кои, по мѣстнымъ соображеніямъ, могли бы въ послѣдствіи оказаться полезными.

Письмо Ив. Носа къ прилуцкому полковнику Дм. Горленку о свадьбѣ его сына. За девять лѣтъ до событій, погубившихъ Мазепу и его союзниковъ, одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей, родственникъ его, прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко, женилъ единственнаго сына своего Андрея на дочери полковника миргородскаго, а послѣ гетмана, Данила апостола—Маріи. Самъ онъ, какъ видно изъ приводимаго ниже письма, на свадьбѣ не присутствовалъ. Въ ту осень 1700 года часть малороссійскихъ войскъ приняла участіе въ шведской войнѣ, отправясь подъ начальствомъ Обидовскаго въ Ливонію. Въ числѣ другихъ были тамъ и козаки прилуцкаго полка. Но Горленко не принималъ участія въ походѣ, остался же дома, ожидая, по малороссійскому обычаю, молодыхъ къ себѣ послѣ свадьбы.

Жениха сопровождали многіе изъ сослуживцевъ отца и, какъ бы во главѣ ихъ, полковой судья Иванъ Носъ. Ему поручено было извѣщать о всемъ ходѣ дѣла, о числѣ и персоналѣ ожидаемыхъ гостей, къ пріему которыхъ надо было приготовиться. Носъ и даетъ отчетъ полковнику въ возложенномъ на него порученіи. Тонъ письма дышетъ покорнымъ искательствомъ. Не такъ, вѣроятно, относился къ Гор-

ленку этотъ самый Носъ девять лѣтъ спустя, когда, за выдачу Меньшикову Батурина, онъ попалъ на полковничій урядъ въ Прилукѣ, а Горленко очутился въ эмиграціи. На полковничествѣ Носъ водворенъ былъ генераломъ Гинтеромъ, однимъ изъ помощниковъ князя Долгорукаго, усмирявшаго послѣ полтавской битвы мятежные полки.

Въ то время, къ которому относится печатаемое письмо, Носъ безмятежно веселился еще въ Хомутцѣ, родовомъ имѣніи Апостоловъ и въ Великихъ Сорочинцахъ, полковничьей резиденціи, гдѣ происходило вѣнчаніе. Политическая диференціація этой, однородной пока, «весельной компаніи» произойдетъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, при иныхъ обстоятельствахъ... — Сообщаемое письмо,—скорѣе записка, въ которой все дышетъ интересами данной минуты,—принадлежитъ къ числу не особенно многочисленныхъ частныхъ писемъ, ближе вводящихъ въ бытовую обстановку былой жизни, чѣмъ обильнѣе сохранившіеся, но и болѣе сухіе офиціальные документы. Оригиналъ его сохранился въ нашихъ семейныхъ бумагахъ.

В. Г.

«Мосци пане полковнику прилуцкій, нашъ велце мосцивый пане и милостивый добродѣю!

Много можетъ благословеніе Божіе и вашей милости пана и добродѣя нашего, албо, вѣмъ, за его поспѣшествомъ, щастливое во всей дорозѣ нашой зъ наймылшымъ его милостию паномъ сыномъ вашой милости панства маючи поведеніе, еще предъ заходомъ солнца въ пятокъ до Хомутця приспѣлисмо. Отколѣ, по вигодномъ ночлѣгу, службѣ Божой и снѣданю рушившися и въ полъ дороги призвойтое отъ стрѣтающаго насъ годныхъ персонъ принявши повитане, до Сорочинецъ власне на позный якобы обѣдъ, оздобне яко быти могло, вихалисмо, где, по обыкновенію веселную трактуючи церемонѣю и подарки роздавши, южъ щасливе дня нынѣшняго предо престоломъ Божіимъ дожывотная (сдай Боже на незамѣреніе Сѣта) между его милость паномъ сыномъ вм. м. панства и между ей милости панскою цоркою его милости пана полковника миргородцкого нерраздрѣшимымъ шлюбу союзомъ, при бытности тыхъ такъ годныхъ особъ которыхъ имя и число посилаемый отъ насъ вм. м. пану и добродѣевѣ доводно изъявитъ реестръ, укрѣпилася пріязнь.

Якіе зась зъ его милостю паномъ полковникомъ миргородцкимъ маютъ до дому вм. м. панства быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и вм. м. пану доносити трудно. Панъ

сотникъ хиба нашъ полковый, по отиздѣ нашомъ, который конечне сего дна на ночь до Хомутця быти старается, можетъ о маючыхъ быти особахъ вм. м. пану и добродѣеви доволно и доводно учынити извѣстно. А мы, тое тылко на сейчасъ предложивши по выиздѣ кто зъ нами въ приданѣхъ будетъ, ознаймити неомѣшкаемъ и мосцеся вашой панской навсегда, зъ найнижшыми услугами нашими, отдаемъ.

Вм. м. пану и добродѣеви всего добра сердечно жычливій и найнижшій слуга Иванъ Носъ, судья полку прилуцкого со всѣю компанѣею веселною. З Сорочинецъ, отъ 8 сентемврія 1700 року».

Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. На страницахъ «Кіевской Старины» за предыдущіе годы и въ вышедшихъ отдѣльными изданіями трудахъ А. М. Лазаревскаго собрано не мало данныхъ для изображенія того процесса, какъ малороссійская козачья старшина послѣ Хмельницкаго безъ устали захватывала въ собственность оставшіяся свободными послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины, все равно занятыя или не занятыя козаками, земли; какъ она, не довольствуясь трудомъ посполитыхъ, обращала въ подданство или, по тогдашнему выраженію, въ послушенство свободныхъ козаковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войнъ Хмельницкаго, и какъ гетманы изъ-за узкихъ личныхъ интересовъ въ чемъ могли помогали при этомъ старшинѣ. Въ недавнее время г-жа Ефименко напечатала въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ 1891 г. стр. 515—569) блестящій опытъ свода этихъ данныхъ въ одну цѣлую яркую картину.

Но до сихъ поръ не было извѣстно, чтобы со стороны гетманскаго уряда были попытки стать на сторону обижаемыхъ козаковъ и защитить ихъ хоть сколько-нибудь отъ злоупотребленій старшины. Теперь оказывается, что шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепою въ 1691 г. Выражается онъ въ предлагаемомъ вниманію читателей «Кіевской Старины» универсалѣ, который и остается скорѣе свидѣтелемъ добрыхъ намѣреній Мазепы, нежели его настойчивости въ приведеніи задуманнаго въ исполненіе. Универсалъ печатается съ современной копіи, найденной нами въ книгѣ актовъ «мѣйскаго уряда» м. Борисполя за 1612—1699 г., о которой мы сдѣлаемъ въ непродолжительномъ времени особое сообщеніе. Правописаніе оригинала оставлено въ печати безъ измѣненія.

А. Стороженко.

Пресвѣтлѣйшихъ державнѣйшихъ великихъ государей ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорожского гетманъ Иванъ Мазепа.

Ихъ же царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникови кіевскому пану Константию Мокиевскому, обозному, судии, асауломъ полковимъ, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому того полку товариству, войтомъ, бурмистромъ и всякого чину людемъ, доброго жичачи здоровя, ознаймуемъ, ижъ дошло намъ вѣдати, же нѣкоторіе зъ духовнихъ и зъ свѣцкихъ людей особи, зъ ласки Божой и монаршой и зъ респекту нашого, рейментарской маетности подъ собою маючиѣ, не поглядуючи на тутошние малороссійские обикновенія и на войсковіе порядки, не такъ, якъ би ся годило, але збитечне зъ жителями тихъ маетностей поступують, стяглихъ людей надъ мѣру обтяжаютъ, а козаковъ приневоляютъ во свое подданство. А если козакъ которий по своей старинности держится реестра войскового и пилнуетъ козацъкое службы, то такого розными способами кривдятъ, чинячи такую налогу, жеби албо зъ козацтва въ мужицтво силомоцю его притягнути, албо цале зъ житя маетности тоѣ прочъ витиснути; черезъ що многіе козаки, надъ право волности войсковой, необичнои утерпѣли тягкости. А надъ то якоби и тое дѣется, же тиѣ особы, маетностями владѣючи, вивѣдуючие о давнихъ кгрунтахъ, поляхъ и сѣножатехъ панскихъ, якие за лядское державы при дворцахъ бывали, а отъ першое войны славное памети гетмана Хмельницкаго пришли подъ область козацкую, смѣютъ оніе отъ козаковъ отнимати и приворочать подъ свою владзу. Що якъ противъ права войскового и противъ самое слушности, такъ и противъ волѣ нашое гетманское дѣется; кгдижъ що колвекъ добръ рухомихъ и лежачихъ, перших лѣтъ войни Хмельницкого, отвагою рицерства войска запорозского зостало отнято и завладѣно, и уже черезъ такъ не мало лѣтъ утверждалося козацкимъ заживанемъ, зъ того жадная рѣчъ не повинна быти отъ козаковъ отбирана. Поневажъ война оная Хмельницкаго была вщата не изъ иншихъ якихъ неуважнихъ завзятостей, тилко за вѣру чистую и за церкви благочестия достойнаго, которые до униѣ римское кгвалтовне были потягнены, а тутже и за волности войсковиѣ, которіе ярмомъ тяжкимъ были притиснени. Прото годни тиѣ отважники того и теперь заживати повинни, що имъ тогда шаблею и кровию загорнулось въ руки; а еслибы хто померъ, то потомки ихъ на томъ сидѣти маютъ. А такъ мы, гетманъ, черезъ сей нашъ унѣверсалъ, якъ духовного чина просимъ,

такъ и свѣцкимъ людемъ приказуемъ, абы власти свои надъ маетностями заживали мѣрне, такъ, якъ малоросийское несетъ обикновеніе, не чинячи подданимъ жаднихъ вымисловъ и збиточнихъ тягкостей, а особливе абы козаковъ, здавна въ тихъ маетностяхъ мешкаючихъ, жадною и найменшою кривдою не домикали, и кгрунтовъ жаднихъ здавна ими завладѣнихъ, хочъ бы такъ доводилось же за державы польское панскими найдовались, отниматъ онихъ не важилися; опрочъ хибабы такие панские давніе кгрунта пусто, а не въ подѣлу и заживаню козацкомъ найдовались, то можнобъ державцомъ нинѣшнимъ владзою своею ихъ огорнути; а що колвекъ, яко ся вышей помянуло, зъ початковихъ лѣтъ войни Хмелницкого, любъ слушнимъ подѣломъ, любъ завладѣніемъ зъ позволения старшихъ въ область козацкую пришло, зъ того конечне абы отъ козаковъ жадное рѣчи не отбирано и ничимъ ихъ, ани порыванемъ на послуги, ани витяганемъ датковъ не обтяжано; ижбы козаки всѣ въ реестру войсковомъ найдуючиеся и услугъ козацкихъ не лениво и не хилтяно щиримъ прилежаниемъ всегда пилнуючиѣ, при зуполнихъ войсковихъ правахъ и волностехъ найдовались и спокойне до всихъ духовнихъ и свѣцкихъ маетностий безъ жадное жили турбации. Бо велмибъ тое било непристойне и не справедливо, если бы козаковъ въ чиихъ же колвекъ маетностехъ живучихъ которіе одни съ продковъ своихъ, а другие своими отвагами и крвавыми працами на волности собѣ заробили, теперь подъ рейментомъ нашимъ приневоление въ подданские работы и посполитие повинности были. А претожъ, ктоби таковий, любъ зъ духовнихъ, любъ зъ свѣцкихъ особъ смѣлъ козаковъ въ подданство приневолати, албо онихъ кривдити и акимъ колвекъ обременяти обтяженямъ, одийскати зъ подданнихъ здавна владзѣ ихъ будучии кгрунта, албо вытискати онихъ зъ маетностей; противъ такого каждого мы гетманъ, звѣрхностю нашого рейментарского козаковъ бороначи, на отпоръ стати хочемъ, маючи мы въ нашемъ намѣреніи, же зъ докладомъ монаршимъ у таковаго упорного державцы маетности во общое владѣние войсковое одобрати роскажемъ. А докладаемъ тутъ и тое, же яко козаковъ въ реестрѣ войсковомъ будучихъ отъ налоговъ всякихъ и отъ повинностей посполитихъ боронимъ, заховуючи ихъ при волностехъ належачихъ, такъ и посполитихъ тяглихъ людей въ реестръ козацкий приймовати не кажемъ, жебы якъ козаки свои козацькое службы, такъ и посполитие люде свои тяглое повинности непремѣнно якъ теперь, такъ и во всѣ потомніе часы пилновали. О чомъ виразний у насъ есть монаршний

указъ, и на томъ и наше есть непремѣнное постановленіе. Всего тедя того панъ полковникъ и старшина полковая зъ сотниками осмотривати повинни, абы сее унѣверсалное виразное гетманское предложеніе наше ненарушне было заховано. А хто окажется въ якимъ колвекъ пунктѣ быти противенъ, о томъ абы намъ не закрито давано знати. Пилно и зъ великимъ потверженемъ приказуемъ и поручаемъ всѣхъ Господу Богу. Данъ въ Батуринѣ ноеврия 20 1691. Звишменованный гетманъ рукою власною.

Мѣстце печати войсковой звиклой гетманской.

Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. Поученіе это написано переяславскимъ іеромонахомъ Мисаиломъ Боначевскимъ, родомъ изъ с. Комаровки переяславскаго уѣзда, для его внучатнаго племянника и воспитанника Никиты Васильевича Дрозда-Боначевскаго, когда последній, окончивши курсъ Переяславской семинаріи, вступалъ въ Кіевскую Академію. О. Мисаилъ не только внушалъ своему питомцу правила доброй жизни, но и стремился пробудить въ немъ благородное честолюбіе, разсказывая ему о судьбахъ его предковъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Разсказъ о. Мисаила, основанный на семейныхъ преданіяхъ, имѣетъ и историческій интересъ, сообщая любопытныя подробности о потомствѣ знаменитаго ватажка времени Руины, носившаго титулъ полковника, Дрозда (см. Костомаровъ, Руина, изд. 1882 г. стр. 77—92). Заботы престарѣлаго іеромонаха не пропали даромъ: питомецъ его Никита Васильевичъ Droздъ-Боначевскій вышелъ очень образованнымъ для своего времени человѣкомъ и служилъ впослѣдствіи переводчикомъ Государственной и Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи и секретаремъ Россійскаго посольства во Флоренціи. Поученіе печатается съ копіи, сохранившейся въ с. Хоцкахъ переяславскаго уѣзда въ семействѣ Дроздовъ-Боначевскихъ, съ передачей всѣхъ особенностей ея правописанія.

А. Стороженко.

Благодать Божія присно да будетъ съ тобою, чадо Никито!
Аминь.

Зъ десятаго года возраста твоего азъ усыновихъ тя съ братіею твоею, и седмь лѣтъ до днесь пѣстовахъ тя и трудихся о воспитованіи и просвѣщеніи твоемъ. Нынѣ же зане совершилъ еси въ. Переяс-

славѣ ученіе твое и отходиши въ Кіевскую Академію, азъ е старъ сый, и Богъ вѣсть аще паки узрю тя: дніе бо лѣтъ нашихъ аще въ силахъ осмьдесятъ и множае ихъ трудъ и болѣзнь: того ради пишу тебе для всегдашней памяти сіе, може послѣднее мое наставленіе. Во первыхъ, имѣй страхъ Божій, иже есть начало всякія премудрости: сирѣчь, соблюдай заповѣди Божіи и вси христіанскіи добродѣтели, въ нихъ же до днесь утверждати тя тщихся. Не пропускай ни единого дне безъ молитвы ко Богу, яко всѣхъ благъ подателю, ниже праздниковъ безъ церковнаго его славословія. Всякую же четыредесятницу поновляй душу твою святою исповѣдію и пречистыми таинствами. Присно же обучай себѣ ко благочестію изъ священныхъ писаній; и буди исправенъ предъ Богомъ и предъ людьми вѣрнымъ словомъ, и житіемъ чистымъ. Люби родственниковъ твоихъ и добродѣющихъ тебѣ, сирѣчь усердствуй имъ и буди благодаренъ. Чествуй старшихъ, наставниковъ же и учителей своихъ слушайся со благоговѣніемъ. Съ ровными обходись тихо и не провозносися; отъ бесѣдъ же нелѣпыхъ и злыхъ уклоняйся. Нижшихъ не презирай, ниже глумися, и никому не твори, чего самъ себѣ не хочешь. Се есть начало премудрости, средина же ей—познаніе сущихъ въ поднебеснѣй и всякое полезной искусство, науками и размышленіемъ стяжаемое; а конецъ—приложеніе сихъ къ жизни, яже тѣмъ и паче оживотворяется, и благодать тебѣ и ближнимъ твоимъ; долгота бо живота, рече Царь Соломонъ, въ десницѣ премудрости, въ шуйцѣ же ея богатство и слава. Удобно же видится отъ любящихъ ю и обрѣтается отъ ищущихъ ю. Приступи убо къ ней всею душею, взыщи ю, прилѣжно учася въ Кіевѣ, да поспѣшнѣе вся сія стяжаеши; да отецъ твой и дядя Никита улучатъ черезъ тебя отраду и облегченіе подъ старость, и да весь родъ твой Дроздовъ, зъ стародавнаго своего славы и богатства достоянія низпадшій, паки черезъ тебе возстанетъ. Дрозды бо, праотцы твои, быша издревлѣ на Русѣ и подъ Литвою и подъ Ляхами благороднiи и сильнiи крѣпостію и совѣтомъ защитники отечества и православной вѣры противъ бусурмановъ и Латиновъ; по десятихъ же лѣтѣхъ приложенія Малороссіи къ Московскому Царству, еже бысть въ лѣто отъ воплощенія Господня ҂ахна (1654), сущу Гетьману Бруховецкому и велію повсюду смятенію, егда злокозненный Дорошенко за Днѣпромъ со единомышленники своими, враговъ придержавшимися и поставившими его надъ собою Гетьманомъ, искаше вси тамошніи полки покорити, а Михаилъ Дроздъ, полковникъ Братславскій, отецъ прапрадѣда твоего, храбро ему сопротивляшеся, то, оскудѣвшей силѣ

его, взятъ бысть со градомъ Братславомъ и убіенъ отъ Дорошенка за вѣрность къ царю и къ законному Гетьману, иже за то притекшую къ нему вдову Дроздову и малолѣтняго его сына Данила, прапрадѣда твоего пріа честно, и предстательствомъ старшины Адамовича, родственника ей, и Чечери, даде имъ панскій грунтъ и дворъ съ подданными и всѣми угодіями въ Хоцкомъ на помѣстье. Се начало Дроздоваго роду въ томъ селѣ купно же и вина его упадку: аще бо и бѣ уже старшій Даниловъ сынъ Гавріилъ, прадѣдъ твой, Атаманомъ, обачѣ отъ раздѣлу реченнаго грунту съ братіею несогласія ради, и отъ пожару—домъ его вельми изнеможе поставшимъ же паки воинскимъ смуткомъ и убіенну ему бывшу отъ Татаръ въ походѣ Крымскомъ, еще въ горшее паде расточеніе: дѣти бо его, сіе есть: дѣдъ твой Григорій съ братіею, осиротѣла малолѣтны, подданіи, нажившись ихъ добромъ, отступиша, сусѣдніи же паны и козаки въ долгое межгетманство при новизнахъ управныхъ и земскихъ велію часть Дроздовой земли себѣ присвоиша. Егда убо возросте дѣдъ твой съ братіею, никому же ихъ некнижнихъ заступающу, нужда имъ бѣ и самимъ уже остатокъ ей пахати, въ козаки учинившеся, въ нихъ же тако и отецъ твой Василій съ дядькомъ Никитою и ты съ братіями Андреемъ и Грицкомъ родистеся. Ты же прозываешися нынѣ Боначевскимъ ради мене, яко пѣстуна и брата твоей бабки, по роду нашему Боняку, а по просту Буняку, иже произыде отъ одного воеводы иноплеменническаго, крестившагося въ плѣну на Кіевѣ съ двоима сынами въ Литовское обладаніе, и угодивши совѣтомъ и храбростію Гетьману Предславу Ландзикронскому и кралю Сигмунду Кажиміровичу Ягайлову, восприія отъ нихъ волости на Волыни и тако живаше, откуды и Симсонъ Бонякъ, юноша и рицеръ благообразный, бѣ въ нарядѣ у краля Ганрѣя Валуя въ лѣто Господне ҂аф҃од (1574) и обрѣте благодать предъ очима его, яко же быти ему при немъ и отъити во франьскую страну, идѣже оканный преклоньса въ Латинскую ересь прошменовася Мархисомъ—по писаніямъ его во свояси, отъ нихъ же проклятъ. Востаншу же на Боняковъ гоненію, убѣжаша на сей бокъ Днѣпра въ Комаровку, идѣже воліею Божіею родъ сей до днесь во смиреніи своемъ ведется. Вся сія памятуй, да паче потщишися въ наукахъ, обаче не неради о здравіи твоемъ: есть бо главизна благодати. Иди убо и пиши мнѣ часто: сего ради даю тебѣ со крестомъ, иконою приснодѣвы Маріи и другими потребами еще и печатку мою, на ней же по синевицѣ могила, бунякъ бо есть сказуемое могила, якоже и наречеся единъ изъ сыновъ предреченнаго

воеводы, отшедшій во страны греческія. Знаменіе же рода твоего есть птица Дроздъ на червленныхъ крокваxъ съ копіемъ и шаблею, и свыше шоломъ. Богъ да благословитъ и соранитъ тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Аминь. Писахъ въ лѣто міроздания ҂ꙁ҃сп. Рождества Христова ҂аѱ҃ов (1772) Індикта є҃, мѣсяца Августа. Вуй и богомолецъ твой, Каѳедральный Екклисіархъ, Іеромонахъ недостойный Місаилъ.

Уніятская колядка. Слѣдующая колядка извѣстна въ уманскомъ уѣздѣ подъ именемъ уніятской. Въ настоящее время она приходитъ въ забвеніе, и ее можно услышать только отъ стариковъ, и то въ нѣсколько затемненномъ видѣ. Въ моемъ дѣтствѣ я долженъ былъ учить эту колядку и знать ее, какъ въ нѣкоторомъ родѣ народный катихизисъ. Въ «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифически х сказаній и пѣсенъ»—Н. Ѳ. Сумцова (стр. 145) эта колядка называется *Евангелистой пѣсней*. Колядка состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые, начиная отъ одного, идутъ до 12-ти въ такомъ порядкѣ:

«А ты, Янчыкъ навченòй
Межъ школами выбжанòй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то иденъ есть?»
—Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченóй,
Межъ школами выбжанóй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то два есть?
—Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!
«А ты, Янчыкъ навченóй,
Межъ школамы выбжанóй!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то три есть?»
—А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!

«А ты, Янчыкъ навченой и т. д.
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то четыре есть?»
—Четыре лысты Евангелысты,
А тры патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ нами!

Такимъ образомъ идутъ вопросы все далѣе, а въ отвѣтахъ повторяется все предыдущее; поэтому достаточно будетъ привести послѣдній вопросъ, чтобы знать этотъ своеобразный катехизисъ.

«А ты Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжаной!
Повидь мени, пани Янчыкъ,
Шо то дванадцять есть?»
—А дванадцять апостоливъ,
Одынадцятый самъ Господь,
Десять Божихъ прыказаній,
Девять Божихъ (чиновъ) ангельскихъ,
Восимъ Божихъ радостій,
Симъ сакраментивъ,
Шисть крали илии (sic) на Пресвентій Маріи,
Пять разъ серпеной (sic) серпы Панокъ безвинной,
Четыре лысты Евангелысты,
А три патріархи,
Два алтари Мусіевыхъ,
Иденъ сынъ Маріинъ,
Сынъ у неби сокрулюе надъ намы!»

Здѣсь непонятный шестой отвѣтъ нѣсколько объясняется изъ сопоставленія его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ галицкой колядки: шесть «грають лелію панянковъ Маріовъ». («Очерки» Сумцова, 145).

Пятый отвѣтъ, надо полагать, произошелъ изъ такого выраженія: пять разъ цѣрпяной, цѣрпи Панокъ безвинной.

Слово *выбжаной* происходитъ отъ глагола—выбжити—выводить, воспитать: *пчолы выбжили матку.*

Такія выраженія, какъ: *на Пресвентій Маріи*, *симъ сакраментивъ сокрулюе* указываютъ дѣйствительно на польское, или уніятское происхожденіе вышеприведенной колядки.

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.)

1764 г. іюня 9-го дня по указу Е. И. В. генералъ аншефъ и кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и кав. Глѣбовъ, по увѣдомленію обрѣтающагося въ Константинополѣ д. ст. сов. и резидента Обрескова о назначенномъ отъ Порты Отом. къ высоч. Е. И. В. посланникѣ Дервишъ-Эфендіѣ, усмотря изъ имѣющихся въ кіев. губ. канц. дѣлъ, что предъ симъ для встрѣчи при васильковскомъ форпостѣ оного Дервишъ-Эфендія, присланнаго въ 1755 г. отъ турецкого двора ко двору Е. И. В. посланникомъ, и для пріему и довольствія его пищею и протчимъ опредѣленъ и отправленъ былъ въ состоящій за васильковскимъ форпостомъ карантинной домъ кіев. горн. секундъ (что нынѣ преміеръ) маіоръ Ефремовъ и при немъ одинъ порутчикъ, одинъ лѣкарь да для кароулу и посылокъ ундеръ офицеровъ четыре, капралъ одинъ, гранадеръ тридцать человѣкъ, переводчикъ и два толмача, а какимъ образомъ оному маіору Ефремову въ принятіи и довольствованіи онаго посланника поступать, о томъ дана была ему инструкція; а по учиненному имъ ген. анш. и кав. Глѣбовымъ, сего іюня 2 дня опредѣленію и по посланнымъ указамъ и ордерамъ предложено находящемуся въ Кіевѣ при молд. гус. полку брегадиру Подгоричани для встрѣчи упоминаемаго турецкаго посланника нарядить изъ того молд. гус. п. сто человѣкъ гусаръ съ лошадьми и со всею принадлежащею воинскою аммуниціею и съ потребнымъ числомъ офицеровъ и по востребованіи, въ прибытіе онаго посланника къ здѣшней границѣ, быть онымъ гусарамъ во всякой готовности; васильковской погр. таможни директору Карасеву для оного жъ тур. посланника состоящій въ ниж. городѣ Кіева дворѣ Е. И. В. пѣвчаго Андрѣевскаго домъ, въ которомъ оной Карасевъ по найму имѣетъ жительство, очистить; а находящемуся при васильковскомъ форп. кіев. гарн. подполковнику Панину состоящій при томъ же форпостѣ казен. карант. домъ осмотрѣть и какъ для оного тур. посланника и для его свиты покой, такъ и для лошадей его жъ конюшни и для повозокъ сарай имѣть въ надлежащей готовности и исправности и, ежели что требовать будетъ какой либо починки, оную ему исправить; кіевскому магистрату для онаго-жъ посланника и для его свиты надлежащее число удобныхъ квартиръ въ ниж. гор. Кіевѣ отвесть и содержать оныя во всякой готовности; и для равномѣрной оного жъ тур. посланника встрѣчи отъ ген. войск. канц. требовано о командированіи изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву мало-

россійскихъ кіевскаго или переяславскаго полковъ ста человѣкъ козаковъ съ потребнымъ числомъ старшинъ,—*приказалъ:*

1-е) для встрѣчи и пріему при васил. форп. помянутаго имѣющаго сюда быть тур. посланника командировать, по прежнему примѣру, кіев. гарн. сек. маіора Гущина и при немъ одного оберъ-офицера, да для карауловъ и посылокъ изъ воинскихъ служителей добропорядочнаго и трезваго состоянія, а именно: четырехъ ундеръ-офицеровъ, одного капрала, 30 человѣкъ гренадеръ, одного барабанщика, одного флейтщика, и одного фельдшера, съ принадлежащею амуниціею; но какъ о точномъ времени сюда оного тур. посланника пріѣзду еще неизвѣстно, то быть онымъ военнослужащимъ до пріѣзду посланничего при своихъ командахъ, неотлучая однако ихъ никуда, а по пріѣздѣ онаго посланника къ здѣшней границѣ и по востребованію его Гущина означенныхъ оберъ и ундеръ офицеровъ съ командою поручить ему Гущину, о чемъ въ кіев. об. коменд. канц. и къ нему Гущину послать ордеры, а находящагося при К. Г. К. кол. ин. д. переводчика Равича и двухъ толмачей отправить въ Васильковъ въ то время, къ которому точной пріѣздъ онаго посланника назначенъ будетъ;

2-е) понеже не безъизвѣстно, что состоящій въ ниж. г. Кіевѣ Андрѣевскаго домъ нѣкоторой требуетъ подчинки, то оному сек. м. Гущину, какъ объявленной пѣвчого Андрѣевскаго, такъ и назначенные отъ кіев. маг-та въ ниж. г. Кіевѣ для тур. посланника и для его свиты обывательскіе мѣщанскіе домы, кои кіев. маг-тъ долженъ ему Гущину показать, такъ и состоящій за вас. форп-мъ каз. кар. домъ немедленно осмотрѣть и, какой въ чемъ оной пѣвчаго А-го домъ требуетъ починки и въ коликое время ту починку можно исправить и что на ту починку, на матеріалы и за работу мастеровымъ, потребно денегъ или не сыщется-ль въ ниж. г. Кіевѣ, кромѣ онаго А-го дому, такого, въ которомъ оному тур. посланнику безнужно стоять было можно, тако жъ въ какомъ состояніи каз. карант. домъ находится, и буде по усмотрѣнію его Гущина явится для постою онаго посланника какой либо и мѣщанской домъ способенъ, то оной кіев. маг-ту велѣть содержать въ готовности и чистотѣ, а кои будутъ неспособны, то вмѣсто тѣхъ требовать отъ кіев. маг-та другихъ и о томъ къ нему, генералъ-губернатору, репортовать, а между тѣмъ, какимъ образомъ оному сек. м. Гущину въ принятіи оного посланника при границѣ и въ протчемъ поступать, о томъ для дачи ему изготовить съ надлежащимъ наставленіемъ ин-

струкцію; по полученіи жъ о точномъ времени пріѣзду онаго посланника въ Кіевъ извѣстія, о заготовленіи по тракту отъ Кіева до С.-Петербурга, по числу имѣющейся при ономъ посланникѣ свиты, подводъ, куда надлежитъ писать; что жъ принадлежитъ до лѣкаря, то въ посылкѣ онаго отсюда въ Васильковъ нужды не предусматривается для того что нынѣ при томъ васил. форп., по указу медиц. кол., для предосторожности отъ повѣтренной болѣзни находятся пограничные докторъ Полѣтика да лѣкарь Лигда, которой, что до его должности принадлежитъ, яко то въ пользованія больныхъ и въ протчемъ, долженъ исправлять и въ пріѣздъ тур. посланника къ здѣшней границѣ, о чемъ къ оному доктору Полѣтикѣ послать ордеръ; а въ протчемъ надлежаще къ пріѣзду и отправленію изъ Кіева онаго посланника чинить приготовленія.

А. А.

Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ", Иннокентія Гизеля, кіевской печати 1669 года. Книга эта составлена извѣстнымъ южно-русскимъ ученымъ XVII вѣка Иннокентіемъ Гизелемъ для руководства священникамъ при совершеніи таинствъ и особенно таинства покаянія, по образцу римско-католическихъ руководствъ, извѣстныхъ подъ обычнымъ названіемъ *Casus conscientiae.* Въ 1888 году дефектный экземпляръ этой книги доставленъ въ библіотеку церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи изъ полтавской губерніи преподавателемъ Полтавскаго Епархіальнаго женскаго училища В. Ковалевскимъ. Экземпляръ этотъ представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что на поляхъ его есть значительное число рукописныхъ замѣтокъ, въ которыхъ, по поводу тѣхъ или иныхъ требованій книги, изображаются современные автору замѣтокъ недостатки дѣйствительной жизни. Замѣтки писаны въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, какимъ либо священникомъ, получившимъ школьное образованіе, и могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для изображенія религіозно-нравственнаго и соціальнаго положенія малорусскаго общества въ это время. Независимо отъ содержанія, онѣ не безъинтересны и по языку, приближающемуся къ простонародной малорусской рѣчи того времени. Представимъ параллельно, съ одной стороны, текстъ книги «Миръ человѣка съ Богомъ» или, по крайней мѣрѣ, содержаніе пунктовъ ея, которыхъ касаются замѣчанія, а съ другой—самыя эти замѣчанія:

„Миръ человѣка съ Богомъ“:	*Замѣчанія*:
Стр. 147. „Апостолъ глаголетъ: блудодѣянія ради, кійждо свою жену да иматъ“.	Добро то барзо Апостолъ святии учинилъ: бо лѣпшей терпѣти если жона перед очима и меншей раздеженіа безмѣрного; нижели щодніа залоти строити не маючи жоны своее.
Стр. 148. Форма или совершеніе брака: „Азъ тебе взимаю себѣ въ жену, азъ тебе взимаю себѣ въ мужа“.	Перед тым того николи паны не знали: ажъ Могыла есть отворил имъ очи, а пред ся и того при шлюбѣ не употребляютъ тилко чи шлюбиш: шлюбую: чи любиш: люблю а болше ничого (абы тилко взят хутшѣи ползолотого)
Стр. 149. Іерей долженъ вспытывать о соизволеніи супружескомъ „и сіе благословеніемъ своимъ іерейскимъ утвердити долженъ“.	Рѣдко то бывает хиба в розумныхъ поповъ.
—Объ исповѣди передъ бракомъ въ смертныхъ грѣхахъ.	Тому тепер смѣются простаки, навет по браку рок цѣлы не причащ... повѣдают же грѣх за...
—„Добра супружескія... первое есть чадородіе“.	То так бы мѣло быти, але не всѣ того намѣреніа.
—„Второе есть вѣрность, дабы ни одинъ отъ супружниковъ не осквернилъ употребленія супружескаго ложемъ чуждымъ“.	Рѣдко и тое живет.
Стр. 150. О томъ же.	Козаки едною жункою не контентуются, але що город то инша.
—„Жена привязана есть закономъ, в елико время живетъ мужъ ея“.	А коли покинетъ тут одного там другого а тамъ третего то попе вѣнчай рад не рад мусиш. Ажъ тут и от Бога грѣхъ. и от пастира бѣда попу.
Стр. 151. Первое препятствіе къ браку есть насилие.	Того тепер не маш хиба в неволѣ, ховай Боже.
Стр. 152. „Подобнѣ яко же до куплѣ требѣ совѣщанія вѣдающаго извѣстно о вещи извѣстной, яже та сама непремѣнно имат куплена быти“.	Много так стрелцѣ московские ошусти чинят: же барзо людеи ошукивуют.
—Не имѣющій употребленія разума не можетъ имѣть и соизволенія на бракъ.	Але свати грѣшат що такихъ зводят.
Стр. 154. Не безопасно вступать въ супружество и съ такимъ, который до брака лишался разума.	А если же хто потаит з ных недуг свой, то и паче разорятись имат супружество такое безгрѣшно.
—Жениху должно быть не менѣе 14, а невѣстѣ не менѣе 12 лѣтъ.	Тилко то у Литвѣ такихъ женят: и в Москвѣ: а у нас нѣт.
Стр. 155. „Можетъ бо кто иногда на время, чрезъ чарованіе сотворити	Того барзо мно(го) у дурной Руси же (рѣдко) живет веселе же б... которое

сице немощнымъ коего отъ супружниковъ".

Неспособные къ супружеству должны жить, какъ братъ и сестра, и неразлучаться.

Стр. 156. Чернорызци и черноризицы да не женятся".

Супругъ, безъ соизволенія другаго супруга, не можетъ поступать въ монахи.

Грѣхъ, если бы духовникъ, или врачъ, въ бѣдѣ чьей великой, не хотѣлъ просить совѣта у разумнѣйшаго [1]).

—„Изобрѣтеніе новостей неподобающихъ".

—„Аще кто изъ залога плодоноснаго пріемлетъ плоды, и истязуетъ возвращенія взаимъ данныхъ пѣнязей своихъ всецѣлыхъ".

—„Аще бы кто умалялъ честь дня святаго работою, или оставленіемъ божественныя литургіи".

—О подаяніи убогимъ.

—„Егда кто паче мѣры мыслитъ о стяжаніи богатства".

—„Насліие или хищеніе, егда кто пріобрѣтаетъ имѣнія чуждая неправеднѣ":

—Продаваніе выше цѣны.

—„О лжѣ купецкой".

—„Отпечатлѣніе писаній до иного писанныхъ; еже творити грѣхъ есть смертенъ".

—„Послушати пѣсней или словесъ студныхъ, съ сладостію и вожделѣніемъ тѣлесности, или съ бѣдою до того, смертенъ есть грѣхъ".

—„Степень нечистоты, „иже услаждаются въ ароматахъ и благоуханіяхъ женъ безстудныхъ".

—„Мерзкое употребленіе табаки".

з молод(ыхъ) не было почар(свано)... албо панна албо младенецъ.

Тото сут панове распутнаки на васъ.

.... щеринъ архимандритою былъ ... оженился.

А в Москвѣ якому не подобалас жена то пострижет тую поневоли да другую поимет себѣ за жону.

У наших попув простых тое завше есть.

Казнодѣи мудріѣ тое чинят.

Так чинят всѣ арендарѣ.

Не знают по селахъ ни недили: ни свята.

Мало тепер милосердных людей.

Всѣ купцѣ таковы и господарѣ нѣкоторые.

По—Лащовску.

О крамарѣ.

Жаден купец без того обыстися не можетъ: аж бы пересталъ торговати.

Ахъ их много ест же собѣ за намѣншіи грѣхъ того не мают.

А на веселяхъ у простакувъ що човпется срамне ест изглаголати. (О горе что не слушають и увѣщанія священническаго).

В Полщѣ того много есть.

Чтѣте табачники и разумѣйте что творите заживаючи сѣ часто.

---

[1]) Съ сего пункта и до 256 страницы нѣтъ указаній на страницы книги потому, что нумерація въ разсматриваемомъ экземплярѣ утрачена.

—Нарочитое возбужденіе похоти".

—Обжорство.

Стр. 256. Не слѣдуетъ цѣловаться съ женщинами.

—Допускается женщинѣ цѣловаться въ крайнихъ случаяхъ.

Стр. 257. Невозбранно цѣловаться образомъ честнымъ.

Стр. 258. Степень нечистоты—ножное ликованіе или плясаніе.

—Воспрещеніе плясать духовнымъ.

—Желаніе оскверниться во снѣ.

Стр. 260. Услажденіе нечистымъ сновидѣніемъ.

Стр. 265. „Аще бы кто отъ невоздержанія въ дни постныя ялъ мясо, упивался".

—„Аще бы кто, не истрезвившись добрѣ, службу совершалъ.

—О чревоугодіи и расточительности.

Стр. 266. Ядeніе человѣческаго тѣла.

Стр. 268. Объяденіе.

Стр. 269: О принужденіи къ пьянству.

—Упиться ради исцѣленія здравія извинительно.

Стр. 270. О пьянствѣ.

Стр. 272. „Къ стяжанію мудрости потребно есть воздержаніе".

Стр. 274. О блевотинѣ и отрыжкѣ.

Стр. 291. Подобаетъ духовныхъ наипаче почитать".

Стр. 292. О неустойчивости при малыхъ мученіяхъ.

Стр.327. Нелюбовь къ исправляющимъ.

Яко тые которые пют конфертативу.

Але и горѣлка недобра и горчица и воробячее мясо и bulbus родъ есть цибули.

А звлаща на ноч небезпечно много ясти.

Якъ у Москвѣ цѣлуютъ жонь пред всѣми, явне.

Грызнеровнымъ то трудно.

Як и на свѣтлое воскресеніе.

Тото на Украинѣ и похвала у мужику.

Зрите духовницы.

Бывает и таа мысль у людей.

И тое бывает лихо у молодыхъ наибарзей.

Казацкая то и цнота еще.

Тут то попы вникнѣте.

В Полской политицѣ тое живет.

Але в великій голод: и люди люде ѣдят: якъ было под Кремянцемъ Берестоцкого лѣта (Anno 1651).

А на веселяхъ и бенкетахъ: що чинят политикове.

А що ж бы то была за чест: же бы хто з неѣ не впившись пошол трезво.

Наприклад гды бы вина венгерского доброго кварту выпити.

Так те ж и есть же болшей піанства загуба людем бѣдным.

Знаменай. А нащо ж п. п. казнодѣи предъ казанемъ вино пют або горѣлку любъ правда не кождій.

А простакови то и не честь коли он не ублюется бо еще з того хвалится.

Ахъ як на Украинѣ мѣсто чести безчестіа много.

Знаменай сие лютое непостоянство. Добре чинят москалѣ хоч як мучат то оттерпится.

Простаки всѣх духовных не любят а

Стр. 328. „Ни во что же веще духовныя почитать“.

—О лѣности.

—Разсѣянность въ церкви.

Стр. 335. Сопротивленіе познанной истинѣ, напр. о геенвѣ, страшномъ судѣ.

Стр. 340. Озлобленіе убогихъ.

Стр. 344. О выкупѣ плѣнныхъ.

—О непогребеніи на св. мѣстѣ и по чину церковному богохульниковъ, ереиковъ и т. п.

Стр. 345. Невѣжду научити.

Стр. 352. „Пищею же и одеждою мѣрною должны доволными быти“.

—Отъ избытка церковныхъ имѣній нужно подавать убогимъ.

Стр. 354. Милостиня должна быть отъ праведнаго прибытка.

Стр. 355. „Лучше бы не даяти, яко да уцѣломудрятся“.

Стр. 369. „Самъ себе явѣ согрѣшая злословилъ“.

Стр. 377. Поздравленіе необязательно и по отношенію къ друзьямъ.

Стр. 382. О честолюбіи и корыстолюбіи епископовъ.

—Нужно посвящаться только ради добра церкви.

—Епископъ долженъ имѣть при себѣ учительныхъ людей, если самъ не учителенъ.

—О созваніи помѣстныхъ соборовъ.

Стр. 384. Приходской священникъ долженъ помогать въ смертоносіе, хоть и чрезъ другаго священника.

—О знаніи прихожанами молитвъ.

звлаща попувъ.

Якъ козаки.

Нашы всѣ дяки и попы сами не знают що читают.

А в москалювъ то то и справа що в церкви о всемъ размовляти.

Мало простаки тому вѣрят.

А у Москвѣ поти шелепами бют за долгъ, поки ажъ отдастъ.

Немаш тепер такихъ же бы искупилъ.

А наши попы того ничого не глядятъ абы тилко заплативъ гораздъ.

Почни тилко запорозцовъ учити сам обачишъ.

А блаваты жъ где подѣнемо не пурпуры.

Николи того у ктиторовъ не бывало и не будет.

А козаки наши в Полши церкви подрали да тут на Украинѣ мѣсто своего надают на церкви еще и хлюбятся з того (мовячи яко давъ мое то).

Тут то броварники картники гултае нехаи научатся що ходячи на тутунъ осмачка просят або на щасте пройграт.

Яко попы и чернцѣ що в корчмах упиваются.

А на Украины що дня конечне треба здоровкатися.

Тепер и жадного епископа не маш: же бы духовне для церкве тилко посвящался.

Добра, але рачей для свѣцкаго добра посвящаются.

У греков уже тепер учитела немашъ, всѣ купцѣ да кушнерѣ и епископи и митрополиты.

Того николи не маш ради злых временъ.

То южъ можнаа реч чрезъ викарiюв але сам не пуйдет.

А другий пупъ и самъ не знае що и Отче наш умѣет.

Стр. 385. Не разрѣшать имѣющаго наложницу, если не разстанется съ нею.	Москалѣ всѣ начальныи люде тут живучи на службѣ маютъ наложницы и великое лихо човпут а мусятъ ихъ попы розгрѣшати: бо заразъ бы кабалу на попа ложили або казали его окрасти или обезчестити.
Стр. 386. Обличеніе явногрѣшниковъ.	В римскомъ костелѣ тое ведется, а в нас похлѣбства много и страшно тое чинити.
—„Аще бы проповѣдали ложная нѣкая чудеса“.	У неуков попув того много.
—Въ проповѣдяхъ не слѣдуетъ заботиться о томъ. чтобы говорить новое.	Тепер тото и казнодѣя щощо нового повѣде, а без концептов и не казане.
Стр. 387. О нравоученіи въ проповѣдяхъ.	Мало тепер таких жебы нравоученіе перестерегали, а хоч хто такъ и учит: то не любят и слухати.
—О монахахъ, живущихъ внѣ монастыря.	Ест такихъ много на Вкраинѣ.
—Несоблюденіе обѣта нищеты.	А шкатула где з грошимы подѣнется. А солетерка з вудками: а барила з настоями: А ящѣ: А шаты строенне. А конѣ коласы пахолки хлопцѣ.
Стр. 391. О притираніяхъ лица.	Тое тилко в Полщѣ а въ Москвѣ, а тутъ у нас того немашъ.
Стр. 392. О блудѣ между обрученными.	А по игрищах що дѣют и необрученіи, а трудно ихъ вывести хиба бы свѣцкая власт.
Стр. 394. Грѣхъ не отдавать до науки или художества дѣтей.	Ахъ мню я в том грисѣ за моего Артемона: любо не по волѣ моей болши з немощи.
Стр. 400. „Мзду отъ господей вземше и отдѣлавше отбѣгаютъ“.	Все тое злое на Украини за законъ мают.
Стр. 405. Грѣхъ приневоливать къ супружеству.	Тое дѣлаютъ москалѣ.
Стр. 408. Грѣхъ, „аще судиша судьи неотносящееся къ нимъ.	Якъ козаки судятъ малженство.
Стр. 416. О своевольныхъ купахъ наѣздническихъ.	Якъ тепер Кнашки Мурашки.
Стр. 417. Христіанъ въ плѣнъ берутъ.	Все тое было за Хмелницкого и тепер ест.
Стр. 418. Плѣнные проклинали родителей своихъ.	Як слышу на катаргах дѣется. ховай Боже.
Стр. 419. Грѣхъ—продавать по высокой и покупать по низкой цѣнѣ.	Всѣ, всѣ Киане звлаща наибарзнѣй.
Стр. 420. Вывозятъ хорошую монету, а привозятъ худую.	Греки Москва тое чинятъ.

—Объ исповѣди и сожалѣніи о грѣхахъ.

Стр. 440. Объ исповѣди и выборѣ вопросовъ для кающагося.

Стр. 441. Объ исповѣди.

Стр. 443. О постриженіи священниковъ.

Стр. 449. О духовникахъ, не смѣющихъ обличать кающагося.

У москалюв и не знают що то жаловати за грѣхи: толко всего каюса батушку.

А у Московскихъ требниках хоч бы святіи пришолъ исповѣдатися, наслухается чого и на ум ему николи не приходило. Тото дурнота.

Нигды того ничого духовники наши не знаютъ хто не учился казус Конс-циенции иже ест сиа книга ныне.

Тепер стригутся попы щобъ панщины не робити тилко.

Такого мѣлъ небожчикъ Бруховецкии духовника з Канева Онофрія; що дрижал перед ним он: а не сповѣдаючійся панъ Бруховецкій.

Н. П.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ четвертый. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Спб. 1891.

Прекрасное изданіе гр. Толстаго и проф. Кондакова довольно быстро подвигается впередъ и въ настоящемъ выпускѣ уже приближается къ осуществленію поставленной издателями задачи «представить историческое образованіе и развитіе древне-русскаго искусства въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины» [1]. Въ первыхъ трехъ выпускахъ разсматриваются памятники народовъ, жившихъ на русской территоріи до появленія русскаго государства, въ настоящемъ выпускѣ изданіе впервые касается памятниковъ искусства христіанскаго (византійскаго) и возникшаго подъ его непосредственнымъ вліяніемъ древне-русскаго. Имя проф. Кондакова, одного изъ извѣстнѣйшихъ изслѣдователей византійскаго искусства, служитъ ручательствомъ научнаго достоинства сочиненія. Все это придаетъ настоящему выпуску особенный интересъ.

По содержанію книга распадается на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ описаны хрістіанскіе памятники Крыма: развалины Херсонеса, пещерные города Крыма, а также развалины нѣкоторыхъ другихъ храмовъ и нѣкоторые памятники древне-христіанскаго искусства, найденные въ Крыму. Во второмъ отдѣлѣ описаны многіе храмы Грузіи и Арменіи, а также древніе кресты, иконы и евангелія, въ нихъ находящіяся (особенно подробно описана Хахульская икона Божіей Матери въ Гелатскомъ монастырѣ). Въ третьемъ отдѣлѣ находится подробное описаніе Кіево-Софійскаго собора и краткія свѣдѣнія о

---

[1]) См. „Русскія древности“, вып. I, предисловіе.

Михайловскомъ и Кириловскомъ монастыряхъ; въ заключеніе представлено описаніе древнихъ кіевскихъ монетъ и печатей. Кромѣ описанія отдѣльныхъ памятниковъ, въ книгѣ встрѣчаются и общія замѣчанія о нихъ,—такъ описанію христіанскихъ базиликъ Херсонеса предпосланы общія свѣдѣнія объ этомъ типѣ храмовыхъ изданій, описанію грузинскихъ храмовъ—обстоятельная характеристика грузинской церковной архитектуры и орнаментики. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ составитель высказываетъ свое мнѣніе о ихъ древности и историческомъ значеніи, нерѣдко расходящееся съ общепринятымъ, но основанное на сравнительно археологическомъ изученіи памятника (таковы мнѣнія о древности Инкерманскихъ храмомъ и многихъ Грузинскихъ монастырей). Иногда приводятся и мнѣнія другихъ изслѣдователей, къ сожалѣнію не въ формѣ точныхъ ссылокъ, которыя могли бы послужить указаніемъ для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ; впрочемъ этотъ недостатокъ въ извѣстной степени пополняется помѣщеннымъ въ концѣ книги спискомъ источниковъ. Таково въ общихъ чертахъ богатое и разнообразное содержаніе книги. Вся книга состоитъ изъ 176 стр. съ 168 рисунками, исполненными съ обычнымъ изяществомъ, къ которому пріучили читателей первые выпуски книги. Древностямъ Крыма посвящено 35 стр. съ 28 рис.; древностямъ Кавказа 75 стр. съ 58 рис.; древностямъ Кіева 64 стр. съ 82 рисунками.

Отдавая полную справедливость указаннымъ уже достоинствамъ изданія, не можемъ не указать и на нѣкоторые недостатки. Такъ распредѣленіе отдѣловъ книги кажется намъ не совсѣмъ пропорціональнымъ значенію описываемыхъ памятниковъ для поставленной издателями задачи—представить образованіе и развитіе древне-русскаго искусства: второй отдѣлъ представляется намъ болѣе подробнымъ, чѣмъ того требовала необходимость (особенно подробное описаніе и многочисленныя, хотя и художественно выполненныя, изображенія Хахульской иконы; третій, посвященный памятникамъ Кіевской древности—слишкомъ краткимъ. Форма изложенія представляетъ тотъ-же недостатокъ, какъ въ первыхъ выпускахъ: слишкомъ много мѣста отведено описанію отдѣльныхъ предметовъ, въ ущербъ общимъ разъясненіямъ, имѣющимъ особенно важное значеніе въ виду широкаго распространенія изданія въ обществѣ. Большое неудобство для пользованія книгою представляетъ отсутствіе оглавленія и даже раздѣленія текста на главы. Не смотря на популярный характеръ изданія, нѣкоторые спеціальные термины оставлены безъ объясненія, напр.: на

стр. 63—экседра, на стр. 82—флеронъ, на стр. 23—колобій; впрочемъ послѣднее слово объяснено на стр. 35; за то терминъ «Деисусъ» объясненъ два раза—на стр. 84 и 123. На стр. 107 встрѣчается опечатка, которая можетъ привести читателя въ недоумѣніе: говоря о «крайней миніатюрности» фигуръ на одномъ крестѣ, авторъ указываетъ размѣръ фигуръ Іоанна Златоуста *«всего 0,025 милиметра»* (вѣроятно нужно читать метра, или 25 милиметровъ). Само собою разумѣется, что всѣ эти недостатки не умаляютъ значенія изданія, составляющаго одно изъ самыхъ видныхъ явленій русской исторической литературы.

Для мѣстнаго изданія особый интересъ представляетъ третій отдѣлъ книги. Большая часть этого отдѣла посвящена описанію К.-Софійскаго собора. Описаніе это представляетъ сокращенное изложеніе сочиненія гг. Айналова и Рѣдина[1]), которое составляетъ объяснительный текстъ къ изданнымъ Им. Р. Арх. Общ. снимкамъ съ мозаикъ и фресокъ Кіево-Софійскаго собора. Изслѣдованіе это, по словамъ авторовъ, «появленіемъ въ свѣтѣ обязано главнымъ образомъ проф. Н. П. Кондакову, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго оно писалось и обработывалось». Нельзя не порадоваться, что проф. Кондаковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать доступною для обыкновеннаго читателя сущность этого прекраснаго но мало-распространеннаго изданія.

«Въ современномъ видѣ церковь Св. Софіи, говоритъ проф. Кондаковъ, походитъ болѣе на церкви монастырскія, нежели на ту «митрополію»—великую церковь, какую имѣлъ въ виду создатель храма Ярославъ. Въ настоящее время самый характеръ зданія, нѣкогда залитаго свѣтомъ, необходимымъ для глубокаго тона его мозаикъ, совершенно искаженъ, по причинѣ того, что храмъ погруженъ во мракъ облѣпившими его до верху пристройками». «Первоначальный планъ собора заключалъ въ себѣ пять нефовъ и соотвѣтственно имъ пять алтарныхъ абсидъ.... Съ трехъ сторонъ образуемаго пятью нефами квадрата устроены хоры и внутри этого же квадрата заключается вся мозаическая и фресковая роспись» (стр. 114—115). Опредѣливъ такимъ образомъ объемъ древняго храма, авторъ переходитъ къ подробному описанію мозаики и фресокъ, иллюстрируемому мно-

---

[1]) Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи Д. Айналова и Е. Рѣдина. Спб. 1889. Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Имп. Русск. Арх. Общества“, т. IV.

жествомъ снимковъ. Особенный интересъ представляетъ здѣсь новое, принадлежащее проф. Кондакову, объясненіе фресовъ лѣстницъ [1]). По мнѣнію автора содержаніе лѣстничныхъ фресокъ К.-С. собора взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямого отношенія къ древне-русскому быту не имѣетъ (стр. 148)».

За описаніемъ Софійскаго собора слѣдуетъ краткое описаніе Михайловскаго монастыря и сохранившагося въ немъ мозаичнаго изображенія Тайной Вечери, а также—нѣкоторыхъ фресокъ Кирилловскаго монастыря. Не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что издатели дали далеко не полное описаніе кіевскихъ древностей. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни церкви Спаса на Берестовѣ, ни Трехсвятительской (св. Василія), ни Печерской, ни Выдубецкаго монастыря. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ церквей не сохранились въ древнемъ своемъ видѣ, но, во первыхъ, этого нельзя сказать обо всѣхъ названныхъ церквяхъ, а во вторыхъ, даже неполные остатки древне-русской архитектуры представляютъ большой интересъ для исторіи образованія русскаго искусства. Такое умолчаніе представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что нѣкоторые изъ названныхъ храмовъ упоминаются въ книгѣ, но совершенно случайно и безо всякихъ объясненій,—такъ на стр. 124 упомянута фреска ц. Спаса на Берестовѣ, на стр. 75—печерская Богоматерь.

Нельзя не пожалѣть также, что изъ христіанскихъ древностей Кіева разсматриваются одни только храмы и не упомянуты древніе барельефы, иконы, кресты и т. п., какъ это сдѣлано относительно монастырей Грузіи. Мѣстныя церкви, а также коллекціи общественныя и частныя могли-бы представить для этого достаточный матеріалъ.

Трудно согласиться съ слѣдующимъ отзывомъ автора о мозаикѣ Михайловскаго монастыря: «общій характеръ стиля ниже софійской мозаики; уже нѣтъ той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ, и мастеръ, не имѣя къ тому ни силъ, ни средствъ, ищетъ наивнаго разнообразія въ постановкѣ фигуръ; пропорціи утрированы до крайности: несоразмѣрно малы головки, руки и ноги, драпировки спутаны, и подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи мозаика отличается сѣрыми, безцвѣт-

---

[1]) Подробное излож. этого объясненія см. у Айналова стр. 102—133 съ ссылкою на ст. Н. П. Кондакова „о фрескахъ лѣстницъ К.-С. собора и въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общества“ т. III.

ными тонами и страдаетъ обиліемъ камня и шифера» (стр. 162—3). Соглашаясь съ указаніемъ на несовершенство техники (доказательствомъ можетъ служить, кромѣ сказаннаго, и сравнительная непрочность Михайловскихъ мозаикъ), мы никакъ не можемъ согласиться съ отзывомъ о концепціи фигуръ, и авторитетному мнѣнію пр. Кондакова можемъ противопоставить не менѣе авторитетное мнѣніе пр. Прахова, который въ своей рѣчи объ открытіи фресокъ Кирилловскаго монастыря [1]) говоритъ: «Сравните фрески и мозаики Софійскія, греческія XI вѣка, съ Михайловскими мозаиками и Кирилловскими фресками, русскими XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII в. стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто бóльшей естественности, бóльшей свободѣ. *Взгляните на эти двѣ мозаики: Евхаристію Софійскаго алтаря и Евхаристію Михайловскаго алтаря* и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей—вы неминуемо отдадите преимущество Михайловскому изображенію... *Стиль колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіею формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*.... Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII началомъ самостоятельной художественной дѣятельности». Намъ кажется, что достаточно взглянуть на помѣщенныя въ книгѣ изображенія Софійской и Михайловской Евхаристіи, чтобы видѣть, кто изъ двухъ ученыхъ спеціалистовъ вѣрнѣе оцѣнилъ ихъ значеніе въ исторіи русскаго искусства.

В. Щербина.

Ал. С. Фаминцынъ: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура. торбанъ, гитара. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками.

Недавно мы давали отчетъ на страницахъ «Кіевской Старины» о замѣчательной книгѣ г. Фаминцына «Гусли»; теперь приходится говорить и еще объ одной его книгѣ, пожалуй, еще болѣе любопытной и замѣчательной. Повидимому, авторъ задался цѣлію исподволь, въ рядѣ изслѣдованій, изучить и выяснить весь кругъ музыкальныхъ орудій русскаго народа на сѣверѣ и югѣ Россіи. И нужно сознаться, почтенный авторъ владѣетъ всѣми средствами для

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1883. № 3.

этого: замѣчательной начитанностью, полнымъ знаніемъ предмета, въ которомъ онъ чувствуетъ себя хозяиномъ, трезвымъ критическимъ чутьемъ и чувствомъ мѣры. Въ настоящей книгѣ, какъ намъ кажется, предметъ исчерпанъ вполнѣ.

Состоитъ она изъ 6 главъ, сообразно количеству разсматриваемыхъ «родовыхъ» музыкальныхъ орудій, и изъ музыкальнаго приложенія, въ которомъ помѣщены ноты (пѣсни и пляски) для балалайки, бандуры (изъ репертуара покойнаго слѣпца бандуриста Остапа Вересая) и гитары.

Мы разсмотримъ главнымъ образомъ тѣ результаты изслѣдованія г. Фаминцына, которые относятся къ наиболѣе занимающимъ насъ инструментамъ кобзѣ и бандурѣ. По его, вполнѣ вѣроятному, мнѣнію, хотя въ настояще время *кобза* и *бандура*, *кобзарь* и *бандуристъ*—выраженія тождественныя, «но нѣкогда существовало различіе между ними, съ теченіемъ времени утратившееся, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы нужды называть одинъ и тотъ же предметъ, тѣмъ болѣе принадлежавшій къ обиходной жизни малоруса, двумя различными именами. Притомъ же оба эти имени—не русскія, а иностранныя, исходящія изъ двухъ прямо противоположныхъ центровъ. Произойти могла такая двойственность названія такимъ образомъ: старинный инструментъ, вошедшій въ употребленіе въ народѣ, современемъ могъ замѣститься другимъ, болѣе новымъ, до извѣстной степень сходнымъ съ первымъ, но, вѣроятно, болѣе усовершенствованнымъ; имя новаго инструмента не въ силахъ было исторгнуть изъ народной памяти названія сходнаго съ нимъ прежняго, хотя и менѣе совершеннаго музыкальнаго орудія, и въ результатѣ должно было получиться перенесеніе народомъ стараго названія на новый сходный предметъ, который и оказался, вслѣдствіе того, носителемъ двухъ именъ—своего собственнаго и перенесеннаго на него болѣе древняго, чужаго»[1]).

---

[1]) Относительно взаимнаго отношенія этихъ музык. орудій, изъ которыхъ о малорусской кобзѣ собственно ничего не извѣстно, г. Фаминцынъ приводитъ сообщеніе г. Ригельмана, писавшаго въ 1785—6 г. что „игра ихъ (т. е. малоруссовъ) бываетъ болѣе на скрипкахъ, на цымбалахъ, на гусляхъ, на бандурѣ и на лютнѣ, притомъ и на трубахъ. А сельскіе по деревнямъ играютъ также на скрипкахъ, на кобзѣ (родъ бандуры) и на дудкахъ". Это свидѣтельство прямо указываетъ на первоначальную нетождественность кобзы и бандуры. (Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. 1848 г. IV стр. 87).

Что казается до названій *кобза* и *бандура*, то первое авторъ вполнѣ справедливо признаетъ турецко-татарскимъ: слово это, въ формѣ *кобза*, *кобозъ*, *кобузъ* извѣстно было несомнѣнно и древнимъ половцамъ [1]), и татарамъ. Даже у теперешнихъ минусинскихъ татаръ (въ енисейской губ.) употребляется для сопровожденія при пѣніи народныхъ богатырскихъ пѣсенъ балалайко-образное музыкальное орудіе, называемое *кобызъ*. Такъ же точно, намъ кажется, и *бзура* крымскихъ татаръ есть сокращенное кобзура. У турокъ *копузъ*—нѣчто въ родѣ гитары, снабженной одною толстою струною Въ Венгріи тоже издавна встрѣчаемъ названіе «кобзъ» или «кобозъ», каковое, напримѣръ, въ словарѣ 1604 г. переводится черезъ слова: пандура, лира. У румынъ и до сего дня употребляется струнное музыкальное орудіе «кобза», очень схожее съ лютнею.

Что же касается слова «бандура, пандура», то г. Фаминцынъ производитъ его отъ арабскаго танбура, изъ котораго будто бы по перестановкѣ, образовались, пандура или пандзура (болгарск.) и бандура (испанск. bandurria, францyск. mandore, итальянск. mandola, англ. bandore и пр.). Ненародное происхожденіе бандуры, явившейся въ Малую Русь изъ западной Европы чрезъ Польшу, выразилось и въ томъ еще, что нѣкоторыя существенныя части бандуры слывутъ у малоруссовъ подъ иноземными названіями; таковы: *дейка* (голосная доска, верхнякъ, отъ нѣмец. Decke), *бунты*, (длинныя струны, отъ нѣмецк. Bünde, навязки, лады на шейкѣ), названія струнъ: *басы*, прима, терція. Названія эти, по справедливому замѣчанію г. Фаминцына, свидѣтельствуютъ не только о заимствованіи вообще, но о заимствованіи сравнительно позднемъ [2])... Описанія, даваемыя авторомъ избраннымъ имъ музыкальнымъ орудіямъ, отличаются замѣчательною обстоятельностью и снабжены множествомъ всякаго рода рисунковъ, нотныхъ

---

[1]) Въ извѣстномъ латино-персидско-куманскомъ словарѣ 1303 г. (Codex Cumanius, неизвѣстно кѣмъ составленъ) встрѣчается слово *кобузчи* = игрецъ на кобзѣ, по переводу В. В. Радлова; тамъ же есть и слово: кобсаганъ—псаломъ, псалмопѣніе.

[2]) По поводу филологическихъ объясненій г. Фаминцына мы должны замѣтить, что они иногда не отличаются ни опредѣленностію, ни устойчивостью. Такъ, мы уже говорили выше, что слово „пандура, бандура“ онъ выводитъ, путемъ перестановки, изъ арабско-персидскаго „танбуръ“. На страницѣ же 32 въ примѣчаніи онъ самое это названіе „танбуръ“ пытается произвести, путемъ той же перестановки, изъ древняго восточнаго названія одного музыкальнаго орудія „пандура“, о которомъ упоминаютъ Атеней, Юлій Поллуксъ и друг..

примѣровъ и пр. Относительно каждаго орудія указанъ его строй, способъ игры на немъ, составныя части, разновидности, извѣстнѣйшіе представители игры и пр., такъ что читатель имѣетъ возможность получить самое полное и отчетливое понятіе о занимающемъ его предметѣ. Особенно пріятно видѣть въ авторѣ начитанность въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ и вообще то вполнѣ законное уваженіе, съ какимъ онъ относится къ свидѣтельствамъ этихъ могучихъ произведеній народнаго творчества объ изучаемыхъ имъ предметахъ. Это, впрочемъ, иначе и быть не можетъ, если хотятъ обслѣдовать предметъ съ возможною всесторонностью, полнотою и безпристрастіемъ. Въ заключеніе назовемъ тѣхъ лучшихъ представителей игры на указанныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ находимъ въ книгѣ г. Фаминцына. Изъ бандуристовъ отмѣчены имъ въ особенности Бѣлиградскій (впослѣдствіи замѣчательный лютнистъ, прославившійся и за границею), Григорій Михайловъ (дворцовый), Андрей Шутъ и знаменитый Останъ Вересай; изъ торбанистовъ указаны Григорій и Каэтанъ Видорты, Онуфрій Ворожбюкъ и Иванъ Александровъ, уроженецъ вологодской губ.

Григорій Видортъ (род. въ 1764 г.) былъ, по свидѣтельству г. Максимова (см. «Сибирь и Каторга») однимъ изъ торбанистовъ Вацлава Ржевускаго, погибшаго въ повстаніи 1831 г., и въ честь своего господина, любителя коней и украинской музыки, слагалъ пѣсни, распѣвавшіяся впослѣдствіи по Сибири сосланнымъ на каторгу его ученикомъ Ворожбюкомъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, приведенная въ книгѣ г. Фаминцына:

Гей выихавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гуляты,
Перевисывъ черезъ плечи
Сагайдакъ богатый.
Грай море! чорне море, биле море,
Сыне море, гала—гиду гу-гу-гу-гу...
Сывы кони поимали
Гнѣдые и чорны
Тишьте мене, щобъ не тужилъ,
Ревуха моторный
Грай море! и т. д. (припѣвъ).
Шахтамиръ, Тамира, (имена коней)
То мои соколы!
Колы всяду, смило иду
Не спаду николы.
Грай море! и т. д.

Григорій Видортъ умеръ въ 1831 г. уже на службѣ у Евстафія Сангушки, передавъ свое искусство сыну Каэтану, послѣднему, по словамъ г. Фаминцына, *торбанисту-художнику*. Сынъ Каэтана уже не обладалъ дарованіями дѣда и отца, но еще продолжалъ тѣшить игрою на торбанѣ и пѣніемъ прежде сложенныхъ пѣсенъ Сангушка Романа. Игра на торбанѣ представляетъ, по своему размашистому, шляхетско-удалому характеру рѣзкую противоположность жалобному напѣву бандуриста, сопровождаемому трогательнымъ наигрышемъ его тоскливаго друга—кобзы. Несомнѣнно, игра торбанистовъ отразила на себѣ общій характеръ богатыхъ домовъ польскихъ вельможъ съ ихъ разнузданною жизнію, какъ и самъ инструментъ служилъ, главнымъ образомъ, къ униженному восхваленію и льстивому возвеличенію этихъ распущенныхъ людей. Этимъ, быть можетъ, можно объяснить то любопытное обстоятельство, что торбанъ, перешедшій въ Великую Русь изъ Малой, послужилъ въ первой изъ нихъ, главнымъ образомъ, для увеселенія посѣтителей корчмы и кабака, пѣсни же торбанистовъ скоро прославились необычайной нескромностью и цинизмомъ своего содержанія.

А. Степовичъ.

---

1) Коваленко «О народной медицинѣ въ переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи», въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1891 г. IX 141—150.
2) Řehoř, Lidová léčba u haličských Malorusů, въ Časopis Musea českého 1891 г. LXV ч. 2 стр. 281—297.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ и въ Россіи обращено серьезное вниманіе на медицину народную. Въ этой области фольклора сошлись интересы представителей различныхъ спеціальностей, медиковъ и этнографовъ. Въ европейской научной литературѣ существуютъ крупныя изслѣдованія о народной медицинѣ англійскаго ученаго *Блэка* (Black), испанскаго—*Рубіо*, нѣсколько статей нѣмецкихъ ученыхъ (Яна и др.). Въ текущемъ году вышелъ обширный и цѣнный трудъ *г. Удзѣла* „Medycyna i przesądy lecznicze ludu polskiego“. Русская литература о народной медицинѣ довольно богата, но весьма разбросана. Главные труды принадлежатъ *г. Флоринскому* (лѣчебники и травники), *г. Демичу* (акушерство и гинекологія у народа) и *г. Аршинову* (о народномъ лѣченіи въ казан. уѣздѣ). Малорусская этнографическая литература въ послѣднее время дала двѣ статьи о народной медицинѣ: *г. Коваленка* «О народной медицинѣ въ Пере-

яславскомъ у. Полтавской губ. въ IX кн. Этнограф. Обозр. и статью г. *Řehoř'a* о народной медицинѣ галичанъ въ послѣдней книжкѣ Часописа Чешскаго Музея. Статьи эти взаимно дополняютъ одна другую.

Статья г. Коваленка составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ. Въ статьѣ находятся краткія замѣтки о міровоззрѣніи народа, о положеніи въ уѣздѣ земской медицины, объ отношеніи къ ней крестьянъ, о знахаряхъ и др. лицахъ, занимающихся въ селахъ лѣченіемъ помимо научно-образованныхъ врачей. Статья написана живымъ слогомъ, читается легко, но бѣдна содержаніемъ.

Гораздо содержательнѣе статья г. *Řehoř'a.* Авторъ говоритъ по своимъ личнымъ наблюденіямъ, по фактическимъ даннымъ, разбросаннымъ въ разныхъ галицко-русскихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Pokucie» Кольберга. Личныхъ наблюденій немного, и при чтеніи статьи трудно разобрать, что собственно взято авторомъ непосредственно изъ народной жизни. Въ статьѣ перечисляются и мѣстами описываются народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, болѣзней глазъ и зубовъ, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, кровотеченій, лишаевъ, чирьевъ, бородавокъ, заѣдъ, заногтицы и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ по содержанію чего-либо новаго или оригинальнаго. Указано много травъ, входящихъ въ галицко-русскую народную медицину. Вообще статья г. Р. составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. **Н. С.**

Письма Вас. Ив. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. Черниговъ 1891 года.

Это рядъ писемъ поэта пушкинской эпохи В. И. Туманскаго къ своей двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской, совершенно частнаго, даже интимнаго характера. Но этотъ самый характеръ, по своей непосредственности, сообщаетъ письмамъ бытовой, можно сказать, даже историческій интересъ: такъ проникнуты они духомъ своего времени, такъ вводятъ въ него читателя. Нельзя не признать поэтому счастливою мысль издателя книги, графа Г. А. Милорадовича, обнародовать эту частную переписку. Еще раньше, въ 1881 г. въ Петербургѣ, имъ же изданы «Стихотворенія В. И. Туманскаго». Напечатанные въ настоящей книгѣ стихи являются дополненіемъ къ прежде изданнымъ и взяты изъ оставшихся послѣ смерти автора бумагъ, альбомовъ и т. п.

В. И. Туманскій (1800—1860 г.г.) былъ внукомъ послѣдняго малороссійскаго генеральнаго писаря Вас. Григ. Туманскаго, смѣнив-

шаго А. Я. Безбородка. Онъ учился въ харьковской гимназіи, Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ и слушалъ лекціи въ Парижѣ. Въ Петербургѣ былъ близокъ съ лучшими литераторами того времени. Въ 1823 году онъ поступилъ на службу въ канцелярію новороссійскаго генералъ-губернатора М. С. Воронцова и переѣхалъ жить въ Одессу. Въ 1824 году познакомился и сблизился съ Пушкинымъ, бывшимъ тогда въ ссылкѣ въ Бессарабіи. Потомъ служилъ по дипломатической части, участвовалъ въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго трактата, былъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ. Въ 1840 году перешелъ въ Государственный совѣтъ, гдѣ оставался до 1850 г. Послѣднимъ трудомъ Туманскаго были занятія по обязанности члена комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Измѣненіе отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, задерживавшихъ матерьяльное и нравственное развитіе огромной массы населенія, онъ считалъ давно необходимымъ. Въ Комитетѣ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей, вслѣдствіе чего былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной коммиссіи. Проэктъ положенія объ улучшеніи быта крестьянъ полтавской губерніи, отличавшійся ясностью и сжатостью изложенія, писанъ имъ. Туманскій былъ избранъ депутатомъ въ Петербургъ для представленія проэкта, но не могъ принять выбора по болѣзни. Онъ умеръ до освобожденія крестьянъ, 23 марта 1860 года.

Стихи В. И. Туманскаго —(кромѣ него было еще два лица этой фамиліи, занимавшіеся поэзіей: братья Ант. Ант. и Ѳед. Ант. Туманскіе; послѣдній авторъ знаменитаго стихотворенья «Птичка»)—стали появляться въ печати съ 1817 года и мелькали въ журналахъ и альманахахъ во всю пушкинскую эпоху.

Вѣрный послѣдователь пушкинской школы, Туманскій не лишенъ былъ поэтическаго таланта, стихъ его легокъ, нерѣдко образенъ. Во всѣхъ произведеніяхъ его просвѣчиваетъ благородный его характеръ и образованіе. Это-элегіи, посланія къ друзьямъ, сонеты, сихи въ альбомы и т. п. излюбленныя по формѣ, типичныя произведенія пушкинскаго вѣка русской поэзіи. Написана имъ еще «Исторія Государственнаго Совѣта», до сихъ поръ неизданная.

Литературную извѣстность Туманскому, больше чѣмъ его собственныя произведенія, сообщила одна, посвященная ему, строфа «Евгенія Онѣгина», въ которой Пушкинъ шутитъ надъ несуществующими одесскими садами, воспѣтыми Туманскимъ. Стихотвореніе, къ которому относится эта строфа, называется «Одесса». (Стих. Туманск.

Спб. 1881, стр. 85). Въ письмахъ и стихахъ Туманскаго разсѣяны многія черты интересныя для характеристики жизни и общества юга во время пребыванія тамъ Пушкина.

Изданныя нынѣ письма Туманскаго читаются какъ романъ, да они и внушены нѣжнымъ и постояннымъ чувствомъ, которому предѣлы поставлены были, кажется, родственною близостью. На протяженіи девяти лѣтъ (1822—31) длится эта бесѣда: разсказывается много о себѣ и объ окружающемъ, но чувствуется, что остается несказаннымъ что-то, самое главное. Въ 1834 году С. Г. Туманская выходитъ замужъ. Нѣсколько раньше этого времени обрывается и переписка. Къ позднѣйшему времени относится только два письма, которыя звучатъ какой то грустной оглядкой на безвозвратно минувшую молодость.

В. И. Туманскій, внукъ генеральнаго писаря, принадлежалъ ко второму поколѣнію, смѣнившему представителей малороссійской генеральной старшины. Но по всему складу своему онъ является уже представителемъ иной общественности, удержавшимъ національныя черты развѣ лишь въ глубокихъ основахъ характера, въ южной мягкости, полировкѣ. Къ этому времени все малороссійское въ новообразовавшемся дворянствѣ давно ужъ стало синонимомъ простонароднаго. Культурнаго наслѣдства генеральная старшина потомкамъ своимъ не оставила.

Z.

Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ. — Л. Б. Вейнберга (съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова) Воронежъ. 1891.

Г. Вейнбергъ, довольно извѣстный мѣстный писатель, въ послѣднее время заявилъ себя изданіемъ *Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній* и небольшими изслѣдованіями и статьями въ воронежскихъ изданіяхъ и въ »Русскомъ Архивѣ«. На изданія его, являющіяся при сотрудничествѣ г-жи Полторацкой, уже обращено было вниманіе спеціалистовъ, какъ на важное пособіе при изученіи Воронежскаго края. Кромѣ этихъ работъ, г. Вейнбергъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ »Воронежск. Губ. Вѣдомостяхъ« статьями разнообразнаго содержанія, трактующими и о злобѣ дня, и о мѣстной жизни, а также самыми разнообразными компиляціями. Намъ кажется, что послѣднее обстоятельство отчасти вре-

дитъ г. Вейнбергу, такъ какъ заставляетъ его разбрасываться, часто говорить поверхностно, наконецъ выходить изъ области фактовъ, ему хорошо извѣстныхъ, и высказывать мало вѣроятныя гипотезы. По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ его трудѣ, о которомъ въ настоящее время мы намѣрены говорить, эти недостатки г. Вейнберга особенно ярко бросаются въ глаза.

Цѣль изданія—дать небольшой альбомъ мѣстныхъ древностей съ очеркомъ ихъ. По внѣшности изданіе очень удовлетворительно; рисунки, большею частью (хотя и не всѣ), характерные. Мысль дать такой альбомъ, даже помимо претензіи на новизну очерковъ, сама по себѣ, заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Но г. Вейнбергъ желаетъ дать намъ также »изслѣдованіе«. Изъ предисловія отъ автора мы узнаемъ, что предъ нами »трудъ еще незаконченный; это не болѣе, какъ результатъ предварительныхъ изслѣдованій; тѣмъ не менѣе, начало сдѣлано«. Экскурсіи совершались г. Вейнбергомъ »частью по собственному почину, частью же по порученію Имп. Археологической Коммиссіи и г. начальника губерніи«. Такимъ образомъ, продолженіе труда г. Вейнберга впереди; въ настоящей книгѣ онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на вопросы топографическіе, съ небольшими экскурсами въ область исторіи; археологическія изслѣдованія пока не производились.—Кромѣ предисловія «отъ автора» въ книгѣ есть еще 2 предисловія. Первое, г. Позняка, сообщаетъ намъ о томъ, что »горе людямъ, не имѣющимъ исторіи или забывающимъ ее, и что книга издана въ пользу дѣтскаго пріюта. Второе, г. Маркова, болѣе пространное, разъясняетъ значеніе древностей и отношеніе къ нимъ нашего общества. Правда, мысли г. Маркова справедливы, даже не новы, но о нихъ въ настоящее время распространяться даже въ провинціальномъ изданіи, предназначенномъ для публики, излишне.

Своимъ небольшимъ замѣткамъ о нѣкоторыхъ древностяхъ Воронежской губ. г. Вейнбергъ предпосылаетъ геологическій очеркъ побережья Дона. Главная цѣнность работы автора состоитъ въ опредѣленіи топографіи нѣкоторыхъ упоминаемыхъ древними источниками мѣстностей при верхнемъ Донѣ. Благодаря близкому и личному знакомству съ мѣстностью и сопоставленію извѣстій, опредѣленіе это ему удается вполнѣ. Г. Вейнбергъ иногда очень мѣтко опровергаетъ высказанные ранѣе взгляды по изслѣдуемымъ имъ вопросамъ. Ему удается въ первый разъ съ полною вѣроятностью установить поло-

женіе Донской бесѣды, Червленаго яра, Дивьихъ горъ [1]). Особенно любопытны пещерные памятники по Дону, *Дивьи горы*, производящія на путешественника сильное впечатлѣніе;—послѣднее отразилось на лиризмѣ при описаніи ихъ г. Вейнбергомъ. Въ нихъ сохранились пещерные храмы (Дивогорскій монастырь, Шатрище). Съ четверти XVII в. (послѣ пораженія Остряницы) явились здѣсь поселенцы изъ Украины. Наиболѣе цѣнныя изслѣдованія, отчасти затронутыя авторомъ и теперь, можно ожидать впослѣдствіи по вопросу о слѣдахъ хазарской народности въ Воронежской губ. Въ настоящее же время г. Вейнбергъ привелъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ и соображеній. Будемъ надѣяться, что ему же удастся разъяснить этотъ сложный и любопытный вопросъ, хотя для рѣшенія его необходимо изслѣдовать подробнѣе обычаи и вѣрованія, такъ называемыхъ, «субботниковъ», изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ языкъ ихъ, наконецъ обратить вниманіе на антропологическія особенности и прослѣдить, насколько возможно, всѣ извѣстія о хозарахъ [2]). Пока авторъ останавливается на указаніяхъ упоминаній объ имени хозаръ въ документахъ XVI и XVII в. «Какъ въ царскихъ грамотахъ, такъ и въ другихъ письменныхъ памятникахъ этой эпохи, въ особенности же въ земельныхъ документахъ, касающихся праваго прибережья р. Воронежа, начинаютъ появляться указанія на Казарскія городища и поля, нерѣдко съ прибавкою слова *стараго*». Далѣе г. Вейнбергъ приводитъ (изъ писцовыхъ книгъ) рядъ фамилій, какъ Шандырь, Бырынь, Салманъ, Ханинъ и много другихъ восточнаго происхожденія, равно какъ и слѣдующія прозвища, представляющія повидимому переводъ съ какого нибудь восточнаго языка: Вострая игла, Широкіе штаны, Высокій колпакъ, Вострый глазъ, Каменное ожерелье, Пробитый лобъ и другія. Необходимо знать однако, насколько эти фамиліи являются необычными по сравненію съ писцовыми книгами другихъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть твердыми точками опоры при рѣшеніи даннаго вопроса. Болѣе цѣнны

---

[1]) Какъ быстро исчезаютъ памятники древности, можно видѣть изъ слѣдующаго. При первомъ посѣщеніи г. Вейнбергомъ Донской бесѣды были имъ найдены 7 столбовъ и 1 столъ; спустя же очень непродолжительное время изъ 7 столбовъ уцѣлѣли только 2.—Окрестные жители ломаютъ ихъ для постройки шоссе.

[2]) Весной настоящаго года г. Вейнбергъ въ Императорскомъ Географич. Обществѣ читалъ рефератъ о слѣдахъ хозарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. Но онъ ничего существеннаго не прибавляетъ къ статьѣ его въ разсматриваемой нами книгѣ.

нерѣдко встрѣчающіяся въ воронежскихъ писцовыхъ книгахъ *имена*: Казаринъ, Казариновъ сынъ. Въ народномъ преданіи существуютъ указанія на жидовъ, жидовскія могилы. Въ связь съ этимъ авторъ ставитъ ересь іудействующихъ, съ которою церкви пришлось вести борьбу отъ св. Митрофана до св. Тихона († 1783 г.), епископовъ Воронежскихъ. «Субботниковъ» въ настоящее время мало; живутъ они преимущественно въ Бобровскомъ и Павловскомъ уѣздахъ.

Заканчивается книга описаніемъ памятниковъ въ Воронежѣ, сохранившихся отъ эпохи Петра Великаго.

Наиболѣе слабыми представляются намъ филологическіе экскурсы автора. Приведемъ одинъ примѣръ филологическихъ соображеній г. Вейнберга. «По поводу этого названія (Буилъ камень)—говоритъ онъ—не могу не высказать слѣдующую догадку. Не принадлежалъ ли Бу-илъ къ числу языческихъ боговъ, какъ и Ярилъ? Не произошло ли слово *иль* отъ *эль*, эль Шадай? и не слышится ли *Бу* въ польскомъ словѣ Bòg (Богъ)? Не обиталъ ли первый на возвышенностяхъ, а второй въ ущельяхъ, а послѣдній въ ущельяхъ и овражкахъ и не отсюда ли названіе бугоръ, буеракъ? Что касается втораго (?), то воронежцы еще въ концѣ прошлаго столѣтія чествовали и пиршевали кулачнымъ боемъ Ярыла подъ яромъ? Не было ли то 2 воинственныхъ злыхъ божка и не отсюда-ли смылъ словъ яр-ость и буй-ность,- также не назывался ли приближенный къ нимъ (?) бу-яр-инъ, впослѣдствіи бояринъ, какъ буеромъ — боеракъ?... Далѣе столько же произвольныхъ сближеній, безъ всякаго объясненія. Такія сближенія не имѣютъ ровно никакой цѣны: словъ, начинающихся съ слога *бу* можно подыскать пожалуй и больше 16, приводимыхъ г. Вейнбергомъ. Но подыскать ихъ безъ всякой системы, объясненій и принципа еще не значитъ высказывать «догадки, на которыя желательно, чтобы спеціалисты обратили свое вниманіе».—Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 60), понимая невѣрно простое указаніе первоначальной лѣтописи о дани вятичей и радимичей хозарамъ «по щелягу», г. Вейнбергъ говоритъ: «нѣтъ никакого основанія, полагаю, смѣшивать (?) славянское *шелягъ* съ западно-европейскимъ шиллингомъ, ибо послѣдн. не древнѣе перваго». Оспаривать эти слова едва ли нужно. Припомнимъ, что польская форма szeląg, церков. славян. СТЛѦГЪ имѣютъ суффискъ *ang* необычный въ чисто славянскихъ словахъ, что и другія слова съ этимъ суфиксомъ, напр. пѣнѧзь, кънѧѕь, витѧзь, кладѧзь заимствованы у нѣмцевъ. Церковно-славянская форма этого слова: с(ъ)тлѧзь,

стьлѧзь, стлѧгъ.—Странно, по нашему мнѣнію, сближеніе въ одномъ мѣстѣ имени *Саркелъ* съ титуломъ *епископъ Сарскій* и Подонскій.

Книга г. Вейнберга, представляющая собою не изслѣдованіе, а скорѣе путевыя замѣтки любознательнаго туриста, имѣетъ конечно значеніе, какъ объяснительный текстъ къ альбому мѣстныхъ древностей. Намъ, однако, кажется, что авторъ напрасно поторопился съ изданіемъ, не закончивъ еще своихъ работъ и изученій мѣстныхъ древностей.

Арк. Л—нко.

Bibliografia litewska od 1547 do 1701, przedstawil Maurycy Stankiewicz. Krakow 1889 (Studya bibliograficzna nad literaturą Litewską II).

Небольшая книжка подъ этимъ заглавіемъ представляетъ, тѣмъ не менѣе, очень важное и цѣнное явленіе научной литературы о Литвѣ. Въ предисловіи авторъ ея констатируетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного труда, который хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ представилъ обзоръ исторіи литовской литературы. А между тѣмъ эта литература, хотя и незначительная въ количественномъ отношеніи, не можетъ быть совсѣмъ игнорирована. Г. Станкевичъ предпринялъ поэтому рядъ изысканій, могущихъ подготовить болѣе подробное изложеніе литературнаго движенія у литовцевъ. Въ 1-мъ выпускѣ его «Этюдовъ», изложена исторія литов. библіи, напечатанной въ Лондонѣ въ 1663 г. Второй выпускъ посвященъ библіографическому обзору сочиненій, вышедшихъ на литовскомъ языкѣ съ 1547 по 1701. Всѣхъ сочиненій описано г. Станкевичемъ 59. Авторъ не ограничивается только заглавіемъ сочиненія, онъ даетъ историко-литературныя комментаріи, приводитъ цитаты изъ нихъ и т. д. Благодаря всему этому, его этюдъ получаетъ особенное значеніе. На стр. I—XVI указаны главные труды, касающіеся исторіи литературы у литовцевъ. Нѣкоторыя дополненія къ книгѣ г. Станкевича сдѣланы были въ рецензіи «Живой Старины» (1891, вып. 2). Кстати замѣтимъ, что Импер. географическимъ обществомъ печатается въ настоящее время полная литовская библіографія, составленная г. Балтромайтисомъ.

Арк. Л—нко.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—12. Сѣверный Вѣстникъ—12. Наблюдатель—12 Русскій Арх.—12 Русское Обозрѣніе—12. Русскій Вѣстникъ—12. Русская мысль—12. Историческій Вѣстникъ—12. Русская Старина—12. Biblioteka Warszawska—1—11. Ateneum—1—12. Przewodnik naukowy i literacki—1—11.

Вѣстникъ Европы XII. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—краткій отзывъ и содержаніе книги Грушевскаго: «Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія (стр. 849—851).

Историческій Вѣстникъ XII. 1891 г. *Илавайскій.* Первый Лжедмитрій. Въ статьѣ этой излагается вкратцѣ предположеніе Костомарова о личности Лжедмитрія (стр. 658—659).

Ясинскій. Мои литературные дебюты. Воспоминанія автора о первыхъ его литературныхъ дебютахъ въ «Кіевлянинѣ» и «Кіевскомъ Вѣстникѣ», касавшихся вопровъ мѣстнаго управленія въ 1870 г. (стр. 668—670).

Икскуль. Старый конногвардеецъ. Разсказъ ведется отъ имени стараго солдата-малоросса Николаевскаго времени, характеризующій любовь солдата къ Государю (стр. 676—691).

Въ отдѣлѣ критики: краткій разборъ книги Пыпина: «Исторія Русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская» (825—827).

Тамъ же краткій отзывъ о книгѣ Боцяновскаго: «Публичная библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-тилѣтія» (стр. 828—829).

Въ смѣси — краткій некрологъ извѣстнаго публициста А. А. Гатцука и ученаго архимандрита Леонида, въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ разрабатывавшихъ вопросы, касающіеся Малороссіи и ея исторіи (стр. 861—862).

Русская Мысль XII. 1891 г. *Всев. Миллеръ.*—Экскурсы въ область эпоса. Окончаніе статьи о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ (стр. 75—107).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ—рецензіи на книгу г. Романова «Бѣлорусскій сборникъ. Вып. IV» (стр. 538); Соболевскій — «Лекціи по исторіи русскаго языка (стр. 539); Корчакъ-Чепурковскаго: — «Отчетъ о состояніи врачебной помощи и народнаго здоровья въ херсонскомъ уѣздѣ въ 1890 г.» (стр. 553) и краткій похвальный отзывъ о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ: «Оповидання» Грыцька Чулая, «Робинзонъ» В. Чайченко и «Чья робота важча?» В. Чайченка (стр. 556).

Ateneum. 1891. 1—12. 2. *Sejm galicyjski r. 1890 przez d ra A. Starżyńskiego.* (стр. 274—299)

7. Разборъ книги «Archiwum ks. Sanguszków» przez A. Prachaskę.

12. Zasiedlienie Ukrainy. II (W epoce litewskiej) Przez Al Jabłonowskiego. (Начало 1888, +1 стр. 115—138, 308—319).

Biblioteka Warszawska. 1881. 1—11. 6—7. Obrona granic Rzeczypospolitej od Tatarów, przez K. Górskiego (439—461 и 93—107).

8. Intryga Salomonka, kartka z dziejów Jana Mazepy, przer Ad. Darowskiego.

9. Kupiectwo lwowskie w XVI w. przez Wł. Łozińskiego (429—453).

Przewodnik naukowy i literacki. 1891. 1—11. 1—8. Szkice geograficzne z Karpat, przez A. Behmana (стр. 1—9, 97—106, 193—202, 289—293, 385—392, 481—491, 577—585, 673—682).

2—4. Wołyń i Podole w 2 połowie XVI w. przez R. (163—172, 252—260, 342—352).

2—3. Prawne stosunki własnosti tabularnej w Galicji, prez d-ra A. Pilata (127—134, 229—229).

5. Rzut oka na starozitną przeszłość Krzemience, przez I. D. K. (435—439).

5—7. Lasy wielkiej fortuny na kresach, przez Fr. Rawitę (459—466, 543—550э 646—652).

7—10. Przejazdki po Wołyniu, obrazki z przeszlośći i z teraznijszośći, przez X (634—645, 748—757, 939—948).

9—11. Radymno, miasteczko i klucz biskupów przemyskich, przez d-ra A. Prochaskę (769—777, 865—874, 977—986).

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г. [1]).

Агеенко В. Флора Крыма. Т. I. Ботанико-географ. очеркъ Таврическаго полуострова. Диссертація на степень магистра ботаники. (Съ 2 хромол. табл., картой и 2 политип.). Спб. 1890. 8 д. 129 стр.

Акты, издаваемые виленскою археограф. коммиссіею. Т. XVII. Акты Гродчен. земск. суда. Вильно. 1890. 4 д LXXIII+559 стр.

Акты по дѣлу гор. Павловска съ именующими себя павловскими старожилами о землѣ. Производство острогожск. окруж. суда. Спб. 1891. 8 д. VII + 337 стр.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766) (Отт. изъ «Кіев. Ст.»). К. 1891. 8 д. 102 стр.

Антоновичъ Кость. Якъ вибирати посла до Ради державнои. Львôвъ. 1891. 8 д. 15 стр.

Apologie der orthodoxen griechisch-orientalischen Kirche der Bukowina. Nr. 1 und 11, beleuchtet von einem griechisch-katholischen Seelsorger in der Bukowina. Czernowitz. 1890. 8 д. 29 стр. Ц. 30 cnt.

Архивъ кн. Воронцова. Кн. 37. М. 1891. 8 д. X + 472 стр. Ц. 3 р.

Архивъ юго-западной Россіи, изд. коммис. для разбора древн. актовъ, состоящей при кіев. под. и вол. ген.-губернаторѣ. Ч. 7. Т. II. Акты о заселеніи ю.о-зап. Россіи. К. 1890. 8 д. II + II + 644 стр. Ц. 2 р,

Багалѣй Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго «Описаніе Старой Малороссіи». Спб. 1891. 8 д. 148 стр.

Бажаньскій Порфирій. Исторія руского церковного пинія. Львôвъ. 1891. 8 д. 86 стр. Ц. 50 cnt.

Balzer Oswald. Regestr złoczyńców grodu Sanockiego 1554—1638. (Materyały historyczne, wydawnictwo Towarzystwa histor. we Lwowie, t. I.). Lwów. 1891. 8 д. Стр. XVI + 263 + 2 нен.

Барановскій Мечиславъ. Наука погляду. Провидникъ методичний до Образивъ, видаванихъ Товариствомъ педагогичнимъ. ЗошитъI, часть 1 и 2 Львôвъ. 1891. 8 д. 77 стр. Ц. 40 cnt.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ №№ 1—226 „Правительственнаго Вѣстника" и №№ I—XII „Przewodnik'a Bibliograficzn'аго" за № 1891 г.

Барановскій Бол. Приписи, видносящися до испытивъ квалификацiйнихъ до шкилъ народнихъ, звичайнихъ и видиловихъ. Львôвъ. 1890. 8 д. 41 стр.

Бартошевскій І. d-r. проф. Педагогика руска, альбо наука о воспитанію. Львôвъ. 1891. 8 д. VIII + 392 стр.

\ *БаштовийІ.* Украинство на литературнихъ позвахъ зъ Московщиною.Львôвъ 1891. 16 д. 214 стр Ц. 50 cnt.

✓ *Бобровскій П. О.* Матеріалы къ исторіи русской греко-уніатской церкви, Копіи писемъ члена брестскаго капитула, виленскаго официала А. Ю. Сосновскаго въ 1826, 27 и 28 гг. (Извл. изъ Ж. М. Н. Пр. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 75 к.

Бобровскій П. І. Ант. Юр. Сосновскій, старшій соборный протоіерей. настоятель Св.-Николаевской церкви въ Клещеляхъ. (Одинъ изъ тріумвировъ брестскаго капитула). Ист.-біогр. очеркъ. (Изъ Литов. Еп. Вѣд.). Вильна. 1890. 8 д. VI + 202 стр.

✓*Бобровскій П. О.* Упраздненіе супрасльской греко-уніатской епархіи и возстановленіе виленской митрополичьей епархіи. Изслѣдованіе. (По док. арх. Св. Синода въ дѣлахъ гр.-уніатскихъ). Вильна. 1890. 8 д. 58 стр.

Bołsunowski K. Znaki pieczętne na ołowiu, plomby, znajdywane w Bugu przy mieście Drohiczynie, studium sfragistyczne. (Odb. z. Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 12 стр.

Боржевскій Л. А. Къ вопросу о пастбищныхъ сервитутахъ. К. 1891. 8 д. 11 стр.

Bostel Ferd. Zydzi ziemi Lwowskiej i powiatu Żydaczowskiego w r. 1765 (Odb. z t. VI Arch. kom. histor. Ak. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 22 стр.

Брайловскій С. Василій Ивановичъ Туманскій. Біограф. и ист.-литер. очеркъ съ приложеніемъ неизданныхъ произведеній поэта. Изд. ж. «Пантеонъ Литературы». Спб. 1890. 8 д. 48 стр. Ц. 50 к.

✓ *Брянцевъ П. Д.* Очеркъ древней Литвы и Западной Россіи. Вильна. 1891. 8 д. VI + 150 стр. Ц. 60 к.

Budzynowski dr. Kronika miasta Sambora, zebrana i wydana ku uczczeniu 500-letniej rocznicy założenia m. Sambora. Sambor. 1891. 8 д. 52 стр.

Будиловичъ А. свящ. Историческій очеркъ могилевской Св.-Параскові-евской церкви въ связи съ образомъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси (до р. Быстрицы). Варш. 1890. 8. д. 218 стр.

Bucher B. Galizische Thongefässe Mittheilungen des k. k. oester Museums t. VI. 1891. Wien. Стр. 279—281.

Бѣляшевскій Н. Княжа гора. Изд. ред. «Кіев. Ст.» К. 1891. 8 д. 9 стр.

Wapowski Bernard. De bello a Sigizwundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto a. 1508. Edidit Ios. Korzeniowski. (Odb. z t. XV Scriptores rer. polon.). Cracoviae. 1891. 8 д. 11 стр.

Верхратскій Іванъ. Мотили шкодники господарству. Львивъ. 1890. 8 д. 28 стр. съ 8 рис.

Wigura St. Złotobrody emir, powieść ukraińska. Lwów. 1891. 8 д. 1 нен. + 266 стр. Ц. 2 złr. 40 cnt.

Wickenhauser Fr. Ad. Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. Bd. II. Moldavisch und russich Kimpolonng der Lippowaner Czernowitz. 1891. 8 д. III + 109 стр.

Wickenhauser Fr. Ad. Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. IV. 2. Geschichte des Bisthums Radouz und

des Klosters Gross-Skit. Czernowitz. 1891. 8 д. 117 стр. Ц. 1 złr. 20 cnt.

Викторовъ-Пархомовичъ В. М. Чумакъ, або сыроту и осинне сонечко прыгріе. Оперетта у 3 діяхъ. К. 1891. 8 д. 120 стр.

Witkiewicz. S. Na przełęczy. Wrażenia i obrazy z Tatr. Ozdobione 135 drzeworytami w tekscie. Краковъ. 1890. 8 д. 254 стр.

Владиміровъ П. В. проф. Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Рѣчь, произн. на торжеств. актѣ Имп. унив. св. Владиміра 16 янв. 1891 г. (Отт. изъ Унив. Изв. 1891 г.). К. 1891. 8 д. 46 стр. Ц. 60 к.

√ *Волкодаевъ.* Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности зміевскаго земства. (1865—1889). Изд. зміев. уѣзд. земства. Х. 1890. 8 д. 37 стр. + 2 табл.

√ Волынскій народный календарь на 1891 г. Изд. Ѳ. И. Досинчука. (Годъ 3-й). Житоміръ. 1890. 8 д. 149 + 25 стр. Ц. 20 к.

Вся Одесса за 20 к. Путеводитель по городу и справочная книга для пріѣзжихъ. Планы города и театровъ. Изд. Н. Аксюка. (Годъ изд. 3-й). Од. 1891. 8 д. IV + 151 стр.

Въ Бескидахъ (Разсказъ изъ карпато-русской жизни). (Извлечен. изъ №№ 321 и 322 «Одесск. Вѣстн.» Од. 1890. 8 д. 12 стр.

Wysocki Włodzimierz. Oksana, szkic sielankowy. Kijów i Odessa. 1891. 8 д. 72 стр. Ц. 60 к.

Galizien und die Bukowina, ausgegeben am 29 oct. 1890 (Post-Curse IX и X.). Wien. 1890. 8 д. 38 стр. съ картами. Ц. 35 cnt.

Galizien und. Bukowina, ausgegeben am 19 Iuni 1891. (Post-Curse IX und X). Wien. 8 д. 40 стр. + 2 карты. Ц. 35 cnt.

Галя и Назаръ или добро за зло. Повѣсть, заимствованная изъ соч. Т. Г. Шевченко. М. 1890. 16 д. 106 стр.

Гамовъ И. Два брата. Дума изъ малорус. преданій. (О чемъ говорила бандура?). Гомель. 1890. 16 д. 32 стр. Ц. 15 к.

Ганкевичъ Микола. Про жиночу неволю въ историчнимъ розвою. Студія. Львôв. 1891. 8 д. 49 стр. Ц. 30 cnt.

General-Karte Neue von Mittel-Europa in 260 Blättern, hgb. von k. k. militär-geographischen Institut. Wien. 1890. Folio. 1: 1,200,000. (Oświęcim, Kowel, Kobrin, Drogiczyn, Rokitno, Żytomir, Troppau, Krakau, Radom, Lublin, Siedlce, Turka, Zamość, Łuck, Pińsk, Starokonstantynow).

√ Herb nadany miastu Lwowowi dyplomem cesarza Iósefa II dnia 6 listopada 1789, z pieczęciami rajców lwowskich z w. XIV i ławników lwowskich z w. XV, oraz wizerunkiem herbu papieża Syxtusa i herbn miasta Lwowa na dyplomie papieża Syxtusa V. z d. 15 września 1586 r. Lwów. Folio. Carton chromolitogr.

√ *Герсевановъ М. Н.* Обводнительныя и ирригаціонныя работы въ южной Россіи. (Сообщ. въ Имп. рус. технич. общ.). Изъ Зап. Имп. рус. техн. общ. 1891 г.). Спб. 1891. 8 д. 29 стр. и 2 табл.

Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій или присоединеніе Малороссіи. Историч. пов. М. 1891. 16 д. 107 стр.

Giżowski Iuliusz. Iełena, rzecz osnuta na tle stosunków ludowych na Bukowinie. Lwów. 1891. 8 д. 144 стр. Ц. 60 cnt.

√ Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края. Изд. херсон. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 16 стр. Ц. 20 к.

Глибовъ Л. И. Домырового! Жартъ въ 1 діи. Спб. 1891. 8 д. 39 стр. Ц. 15 к.

Гнѣвушевъ М. Историческая записка о состояніи находящагося подъ Высоч. покровительствомъ Ея Императорскаго Величества кіев. женскаго училища дух. вѣдомства въ теченіи перваго 25-лѣтія его существованія. 1861—1886. К. 1890. 8 д. 77 стр.

Гоголь Н. Ночь предъ Рождествомъ. Народное изд. М. 1891. 8 д. 70 стр. Ц. 20 к.

— Вій. Народ. изд. М. 1891. 8 д. 63 стр. Ц. 20 к.

— Страшная месть. Нар. изд. М. 1891. 8 д. 64 стр. Ц. 20 к.

— Вечеръ накануне Ивана Купала. М. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 к.

— Майская ночь или утопленница. М. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 15 к.

— Заколдованное мѣсто. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 32 стр. съ 6 рис. Ц. 10 к.

— Пропавшая грамота. Съ рис. Народн. изд. М. 1891. 8 д. 30 стр. Ц. 10 к.

Гоголь. Тарасъ Бульба. Шуша 1891. 16 д. 61 стр. (Переводъ на армянскій яз.)

— Тарасъ Бульба. Пов. Народ. изд. М. 1892. 8. д. 162 стр. ц. 25 к.

Годичный актъ въ кіев. дух. академіи 15 окт. 1889 г. К. 8 д. 50+39 стр.

Голубевъ С. Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (В. I.) (Отт. изъ V кн. «Чт. въ общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. VI+83 стр.

Гольбаинъ. Кистяки, образки зъ житя. Львовъ. 1891. 16 д. 98 стр. ц. 15 cnt.

Горленко В. П. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. (Отт изъ «Кіев. Ст.» 1890 г.) К. 1891. 8 д. 15 стр.

Gorczak Bronisław. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. T. III. 1432—1534. T. IV. 1535—1547. Lwów. 1890. 4 д. XII+XXXV+556 стр. и IX+XXXIII+647 стр. Ц. по 8 zlr. за томъ.

Гошкевичъ М. И. врачъ. Заболѣваемость, смертность и брачность г. Херсона въ 1889 г. (Къ матеріаламъ по медиц. статистикѣ г. Херсона). Съ табл. Херсонъ 1890. 8 д. 150 стр.

Грушевскій М. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. (Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.»). К. 8. д. 37 стр.

Дашкевичъ Н. П. Описанія Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г. (От. изъ V кн. «Чт. въ ист. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. XI+46 стр.

Deiches Ernest. Halszka z Ostroga w dramacie i historyi (Odbitka ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Dembitzer Chaim Natan. Klilath Iof, historya rabinów miasta Lwowa od r. 5278 do r. 5650, todzież najsłynniejszych rabinów i autorów Polski i Litwy od r. 1492 do r. 1692, z rozprawą o synodzie 4 krajów w Polsce i Litwie, z uwagami krytycznymi i wstępem. Kraków. 1888. 8 д. X+20 нен. стр.

Dzieduszycki Wojciech. Listy ze wsi. Serya II. Lwów. 1890. 8 д. IX+430 стр. Ц. 3 złr. 20 cnt.

Діатроповъ П. врачъ. Рождаемость и смертность населенія одесскаго градоначальства въ 1890 г. Изд. одес. гор. упр. Од. 1891. 8 д. 63 стр. и 8 табл.

Дивка-чернобрывка и сорокъ разбойниковъ. Народная казка. К. 1890. 16 д. 32 стр.

Добромильскій Д. К. Краткія свѣдѣнія о бессарабской губ. и географическія замѣтки. Для начал. народ. школъ Бессарабіи. Елисаветградъ. 1891. 8 д. 28 стр. Ц. 20 к.

Dowie Menie Muriel. A girl in the Karpathians. London. 1891. 8 д. 301 стр. Съ иллюстр. и картой Польши.

✓*Довнаръ-Запольскій М*. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст. (Изъ Унив. Изв. 1890—91 г.) К. 1891. 8 д. VII+170 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Drzewiecki Iózef. Pamiętniki 1772—1852, wydane na nowo przez ks. dra St. Pawlickiego C. R. prof. Un. Jag. Kraków. 1891. 8 д. 3 нен.+366+1 нен. стр. Съ 2 портр. Ц. 2 złr. 40 cnt.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка. А. III. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). К. 8 д. 23 стр.

Д-чъ В. М. Кузнецъ Вакула или договоръ съ дьяволомъ. Пов. изъ малорос. жизни. М. 1890. 16 д. 72 стр.

✓Екатеринославскій календарь на 1891 г. съ адресъ-календаремъ г. Екатеринослава. Екатеринославъ. 1891. 8 д. 136 стр. Ц. 25 к.

Е. С. Семейная жизнь въ Подоліи въ 1 пол. прошлаго вѣка. (Отт. изъ ж. «Кіев. Ст.») К. 1891. 8 д. 12 стр.

Житіе и успеніе св. равноапост. вел. князя кіевскаго Владиміра. К. 1890. 8 д. 44 стр.

Житіе преп. Антонія и Өеодосія печерскихъ ихъ сподвижниковъ. М. 16 д. 143 стр.

Житіе преп. Антонія и Өеодосія печерскихъ. Спб. 8 д. 16 стр.

Житія преп. Антонія и Өеодосія, чудотв. печерскихъ. М. 16 д. 36 стр.

Житія св. верховнихъ апостолôвъ Петра и Павла. Написавъ сильскій душпастиръ. Львôвъ 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 10 cnt.

Житіе св Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго. М. 8 д. 48 стр.

Житіе св. о. Николая архіепископа Миръ ликійскихъ, чудотворця. Написавъ сельскій душпастиръ. Львôвъ. 1890. 16 д. 31+1 нен. стр. Ц. 10 cnt.

Житія св., препод и богоносн. отецъ нашихъ Антонія и Өеодосія Кіево-печерскихъ. М. 16 д. 106 стр.

Житіе св. преподобно-мученика Макарія, архимандрита овручскаго, переяславскаго чудотворца. К. 1890. 8 д. 31 стр.

Житіе угодникôвъ Божихъ трехъ святителивъ: 1) св. Іоана Златоустого, 2) св. Василія Великого, 3) св. Григорія Богослова. Написавъ сельскій душпастиръ. Львовъ. 1891. 16 д. 38+2 нен. стр. Ц. 8 cnt.

Жудро Ө Исторія Могилевскаго Богоявленскаго братства. Могилевъ на Днѣпрѣ 8 д. 112 стр.

Zagrodzki Iózef. Kilka słów o dawniejszych dziejach Przemyśla z powodu 500-letniej rocznicy nadania mu prawa magdeburskiego. Przemyśl. 1890. 8 д. 26 стр.

✓*Зенкевичъ Хр. Хр*. Настоящее и прошедшее Крыма. Краткій географ. и истор.-этногр. очеркъ. В. 1. Керчь. 1890. 8 д. 53 стр., ц. 20 к.

✓*Зерцаловъ С*. Степное скотоводство въ новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. Одесса. 1891. 8 д. 97 стр.

✓*Зинченко Н*. Мысъ Өіолентъ и Георгіевскій монастырь въ Крыму (891—1891) (По поводу 1000-лѣтняго юбилея основанія монастыря). Изд. ж. «Колосья». Спб. 1891. 8 д. 22 стр.

З *Івановецъ Іванъ* Життя хлиборобивъ. Три этнографични образки. (Просвита № 134). Львовъ. 1891. 8 д. VI+38+2 стр., ц. 10 cnt.

3. *Хлебовки дьякъ*. Мандривки Ивана Войтовича по свити Божомъ. Землякамъ своимъ на хосенъ списавъ. Львивъ, 1891. 16 д. 31+1 нен. стр., ц. 8 cnt.

Iełowicki Alexander. Moje wspomnienia. Wyd. 3. Kraków. 1891. 8 д. 2+483+2 стр., ц. 1 złr. 80 cnt

Извлеченіе изъ протоколовъ совѣта кіев. дух. академіи за 1888—89 г. К. 1890. 8 д. 343+50 стр.

Ił. Uwagi na czasie I—III (Odb. z Reformy) Kraków 1891. 8 д. ц. 20 cnt. (I. Sprawa ruska, wspomnienia, spostrzeżenia, uwagi, wnioski (15).

Ienike L. Stefan Czarniecki. Urywek historyczny. Варш. 1891 8 д. 168 стр., 1 портр. и 1 рис.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. и. д. архиваріуса сего архива М. Веревкина. Вып. 21. Витебскъ. 1891. 4 д X+500+XL стр. Ц. 2 р.

Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики. Изд. херс. губ. зем. управы. Херсонъ. 1890. 8 д. 24 стр., ц. 30 к.

Историческое описаніе гор. Кременчуга съ его уѣздомъ. Сравненіе прежняго судопроизводства съ современнымъ. Кременчугъ. 1891. 8 д. 40 стр.

Календарь черниговской епархіи на 1891 г. Годъ 1-й. Черниговъ. 1890. 8 д. 334+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь черниговской губ. на 1891 г. Изд. черниг. губ. стат. ком. (Т. 5-й). Черниговъ. 1890. 8 д. 317+V стр. Ц. 1 р.

Callimachus Philippus Buonacorsi. Vita et mores Gregorii Sanocei, Leopoliensis archiepiscopi, edidit dr Ludovicus Finkel (Odbitka z Monumenta Poloniae hist. t. VI) Leopoli 1891. 4 д. 56 стр.

Каразинъ Н. Изъ русской жизни. Въ Малороссіи. (Безпл. прил. къ жур. «Сѣверъ» за 1891 г). Спб. 4 д. 6 рис.

Karwicki Iózef Dunin. Wędrówka od źródeł do ujścia Horynia. Kraków. 1891. 8 д. 142 стр. 1 złr. 30 cnt.

Карманный путеводитель по Ялтѣ и окрестностямъ. Изд. 2-е. Ялта. 1891. 16 д. 37+LIX стр. Ц. 20 к.

Karta hydrograficna Galicyi z izohietami wykreślonymi w odstępach co 100 mm. opadu za r. 1889. (Dod. do Czasop. techn.). Lwów. 1890. Folio 1: 1,250,000.

К ю И За батьковскій грѣхъ. Пов. изъ украинск. преданій. М. 1890. 16 д. 108 стр.

Keller F, C Wild-Wald-und Sumpfbilder aus Westrussland, Reiseerinnerungen. Klagenfurt 1890. 8 д. 117 стр.

Кернеренко Г. Щетынныкъ. (Зъ народного життя). Харьковъ. 1891. 16 д. 24. стр.

Кіевскій карманный путеводитель-календарь съ видами и планами города и театровъ на 1891 г. Изд. Г. Н. Шора. К. 1890. 16 д 147+56 нен. стр. Ц. 30 к.

Клаусъ А. Изслѣдованіе грузоваго движенія по дорогамъ черниговской губ. Изд. ред «Земск. сборн. черниг г.» Черниговъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Klonowicz Sebastyan. Ziemie Czerwonej Rusi, Roxolania, przekład Ludwika Kondratowicza. Złoczów. Lwów. Poznań. 1891. 16 д. 65+3 нен. стр. Ц 12 cnt.

Клоповъ А. А. Сборникъ таблицъ, относящихся къ изслѣдованію дви-

женія грузовъ по Днѣпру, его притокамъ и днѣпровско-бугской системѣ, произведенному въ 1890 г Тверь. 1891. 2 д. 97 стр.

Kolberg Oskar. Chełmskie, obraz etnograficzny. T. II, z materyałów pośmiertnych wydał dr. Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. VI+265 стр., ц. 3 złr.

— Przemyskie, zarys etnograficzny, kosztem museum im. Dzieduszyckich we Lwowie z pośmiertnych materyałów wydał dr Iz. Kopernicki. Kraków. 1891. 8 д. XX+243 стр. съ портр. автора и 4 рис.

Колесса Олександеръ. При Каменному затони. Исторична картина 3 р. 1648. Львôв. 1891. 32 д. 18 стр.

Кондратченко М. Першій снипъ. (Збирничокъ творивъ). К. 1891. 16 д. 26 стр., п. 10 к.

Костенко Ф. А. I. Помылылысь. Водев. въ 1 д. съ куплетами. II. Закохани. Вод. въ 1 д. «Хорови писни народни». Новочеркасскъ. 1891. 16 д. 66 стр., ц. 50 к.

√ *Костомаровъ Мик.* Исторични монографіи. Т. VI Гетьмановавне Ивана Виговскаго и Юрія Хмельницкаго. (Библіотека руска исторична пидъ ред. О. Барвиньского, т. XIII) Тарнополь. 1891. 8 д. 234 стр, ц. 1 złr. 60 cnt.

Котляревскій И. Энеида на малороссійскій языкъ перелицёванная. Изд. 2-е. («Дешев. библ.») Спб. 12 д. V+290 стр., ц. 20 к.

— Наталка полтавка. Малорос. опера въ 2 дѣйст. Изд. 2. (Дешев. библ.). Спб. 12 д. 59 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украин. опера. М. 1891. 16 д. 108 стр.

√ *Коханскій В.* Одесса и ея окрестности. Полный путеводитель и справоч. книга съ 3 пл. и 34 рис. Од. 1891. 8 д. XXIV+492 стр. Ц. 40 к.

Кравченко Ул. На новый шляхъ. Збирникъ поезій. (Библ. лит.-наук. кн. 12). Львовъ. 1891. 32 д. 39 стр. Ц. 10 cnt.

√ *Краевскій А. А.* Опытъ описанія скотоводства херсонской губ. и изысканія средствъ къ его улучшенію. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 26 стр.

√ Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго могилевскаго реал. училища за 1889—90 уч. г. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890. 8 д. 51 стр.

\ *Кривенко В. С.* Поѣздка на югъ Россіи въ 1889 г. Съ 14 иллюстр. (Оттискъ изъ «Истор. Вѣст.») Спб. 1891. 8 д. 59 стр.

√ *Круковскій В.* Отчетъ о состояніи черниговской гимназіи за 1888—89 уч. г. Черн. 1890. 8. д. 64 стр.

Левицькій Иванъ. Надъ чорнимъ моремъ. Повисть. Львивъ. 1891. 8 д. 279 стр. Ц. 90 cnt.

Левицькій Ив. Ем. Галицко-русская библіографія за 1889 г. Львовъ. 1890. 8 д. 1+129 стр. Ц. 1 zlr.

√ *Левицкій О. И.* Луцкая старина. (Отт. изъ V кн. «Чт. въ истор. общ. Нестора лѣт.»). К. 1891. 8 д. 37 стр.

/ *Левицкій О. И.* Опись актовой книги кіев. централ. архива № 2045 (Оффиц. изд. архива). К. 1890. 8 д. 61 стр.

Левицкій О. И. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. Вып. 2-й. (II. Матери-преступницы. III. Превелебный сватъ). К. 1891. 8 д. 32 стр.

√ *Левкій Р.* Портовый городъ Анапа. Екатеринодаръ. 1890. 16 д. 72 стр.

√ *Леонтьевъ А. Н.* Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ

херсонской губ. (Прил. къ Херс. зем. сборн.). Херсонъ. 1890. 8. д. IV+208+9+IV стр. Ц. 2 р.

Ливановъ Ѳ. В. Георгіевскій монастырь въ Крыму. Изд. 2-е 16. д. 32 стр.

Ликазъ Исаакъ. Справдешня подія. Зъ рос. мови переклала М Загирня. (Просвита № 133). Львовъ. 1891. 8 д. 37+1 стр. Ц. 10 cnt.

Лисенко М. Збирныкъ украинскихъ писень. Перший выпускъ. К. 4 д. 95 стр.

Лисовскій Н. А. Опыты изученія малорусскихъ думъ. Изд. полт. губ. стат. ком. Полтава. 1890. 8 д. 52 стр.

Ліонъ А. Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1173—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій по бессарабской губ. Вып. 1 Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.

Loziński Wł. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Wyd. 2 znacznie pomnożone. Lwów. 1892. 8 д. VI+434 стр. Ц. 10 zlr.

Лохтинъ. Днѣстровскій календарь и записная книжка на 1891 г. К. 1891. 16 д. II+14 нен. +50 стр.

Лукичъ Василь. Квитка. Илюстрованый литературный збирникъ Львовъ. 1890. 8 д. 128 стр. Ц. 30 cnt.

Луцикъ Іеронимъ Не шукай доли за морями. Львовъ 1891. 16 д. 40 стр. Ц. 10 cnt.

Лѣтопись Нестора. Ред. и прим. В. А. Яковлева (Учебная библіотека). Спб. 1891. 8 д. 86 стр. и 1 табл Ц. 35 к.

Малининъ В. Н. проф. Воззрѣнія русскаго народа на личность царя въ былевой поэзіи. Рѣчь, произн. 17 окт. въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ. К. 1890. 16 д. 16 стр.

Марина—дочь атамана запорожцевъ. Повѣсть изъ украинск. старины М. 1890 1890. 16 д. 107 стр.

Марко-Вовчокъ. Павло Чорнокрылъ. Пов. о томъ, какъ мужъ жену убилъ, и что изъ этого вышло. М. 1891. 16 д 72 стр.

√ Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскія писцовыя книги. Т. 2. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. II+296 стр.

√ Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ. (Статист.-эконом. описаніе уѣзда) Сост. статистич. отдѣл. при херс. губ. зем. упр. (Съ 2 картами и 17 приложеніями). Херсонъ. 1890. 8 д. VI+400+329 стр.

Materyały do klimatografii Galicyi, zebrane przez sekcyą meteorologiczną Komisyi fizyograficznej c k. Akad. umiej w Krakowie r. 1891 (Odb. ze Spraw. Kom. fiz.) Kraków. 1891. 8 д. 275+1 нен. стр.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые имп. археол. коммиссіею. № 6. Древности южн. Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 г. Изслѣдованіе Ю. Кулаковскаго. Съ 4 табл. рис. и 4 политип. Спб. 1891. 4 д. 30 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Matzura I. prof. Illustrirter Führer durch die Beskiden und die angrenzenden Landschaften. Teschen. 1891. 8 д. 318 стр. съ картой. Ц. 2 zlr.

Màtyàs Karol. Słowniczek gwary ludu, zamieszkującego wschodnio-południową najbliższą okolicę Nowego Sącsa (Odb. z t. IV Sprawozdań Kom. język. Ak. umiej.). Krakow. 1891. 8 д. 17+1 нен. стр.

Maciejowski W. A. Historya miast i mieszczan polskich w kra-

jach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. Do drugu przygotował Michał Rawicz-Witanowski (Odb. z. XVII Rocznika Tow. przyj. nauk pozn) Poznań. 1890. 8 д. ? стр. Ц. 3 марки.

Мельниковъ В. Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Ком. въ 3 д., 6 карт., передѣлана изъ пов. Н. В. Гоголя. К. 1891. 16 д. 57 стр. Ц 20 к.

Milkowski Z. (Jeż T. T.) La question juive. (Odb. z Bull. de l'Instit nat. genev.). Geneve. 1891. 8 д. 25 стр.

Милорадовичъ гр. Г. А. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ черниговской губ., внесенныхъ въ дворян. родосл. книгу. Чер. 1890 г. 8 д. 29 стр.

Мирославскій-Винниковъ К. П. Кыивській ярмарокъ, або симъ разъ поганый. Жартъ въ 1 діи. К. 1891. 16 д. 32 стр.

Михалевичъ И. К. Двадцатипятилѣтіе каменецъ-подольской русской публичной библіотеки. 1866—90 гг. Каменецъ—Под. 1891. 8 д. 54+XXIV стр.

Mischler E. dr. prof. Die Organiesirung der Landes-statlstik in Bukowna. Czernowitz. 1891. 8 д. 13 стр. Ц. 30 cnt.

Мордовцевъ Д. Л. Тимошъ и Фанатикъ. Истор. повѣсти. Спб. 1891. 8 д. 160 стр. Ц. 80 к.

Морозовъ А. П. Святославъ I передъ походомъ на болгаръ. Драмат. предст. изъ жизни нашихъ предковъ въ 4 дѣйств. съ хорами, пѣснями и плясками. М. 4 д. 44 стр.

Москаль захоче, той чорта обмороче. Жартъ въ 1 діи. Скомпонувавъ Ѳ. У. Музыку поклавъ В. С. Б-въ. 1891. 16 д. 32 стр.

На Великдень. Послидни дни учительства Господа нашего Іисуса Христа на земли, писля Св. Письма Нов. Зав. написавъ сильскій душпастырь. Львовъ. 1891. 16 д. 36 стр. Ц. 10 cnt.

На память прежнимъ и нынѣшнимъ воспитанникамъ петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса. 1840—90 г. (Изъ ж. «Педаг. Сб.») Спб. 1891. 8 д. 15 стр.

✓Народное образованіе въ Одессѣ въ вѣдѣніи городскаго общественнаго управленія (1873—1889). Сост. стат. бюро при одес. общ. управл. Од. 1891. 8 д. 88 стр 3 табл. и планъ гор. Одессы.

Народный календарь для Южной Россіи на 1892 г. Од. 1891. 4 д. 56 стр. Ц. 20 к.

Наумовичъ Ив. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко-рус. народн. жизни. Изд. 3-е. М. 1891. 8 д 159 стр.

Наумовичъ I. протоіерей. Псалтырникъ. Пов. изъ галицко русской народной жизни. Изд. 3-е. М, 1891. 8 д. 159 стр. Ц. 30 к.

Наумовичъ I. Г. протоіерей. Червонная Русь, ея прошлое и настоящее. Чтеніе въ торж. собр. кіев. слав. благотв. общ 17 окт. 1890. К. 1890. 8 д. 30 стр.

Nestor. Chronicon, cap. 57—67, in Romanorum sermonem convertit K. Łuczakowski. (Odb. z Spraw. gimn. rusk.). Lwów. 1891. 8 д. 19 стр.

✓*Николайчикъ Ѳ. Д.* Городъ Кременчукъ. Историч. очеркъ. Спб. 1891. 8 д. 4 + 217 + 1 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Новороссійскій народный календарь на 1892 г. Одесса. 1891. 4 д. 48 стр. Ц. 20 к.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Матеріалы для составленія тарифовъ на перевозку грузовъ по уманскимъ вѣтвямъ. Ч. I. Экономич. изслѣдованіе. К. 1891. 4 д. 570 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Экономическое изслѣдованіе района новоселицкихъ вѣтвей. К. 1890. 4 д. XVI + 232 + 289 стр.

Общество юго-западныхъ жел. дорогъ. Отчетъ по эксплуатаціи дорогъ за 1890 г. Ч. I и II. Спб 1891. 4 д. 57 + 53 печ. листа.

Огоновскій Ом. д-ръ. Моему критикови, видповидь А. Пипинови на его статю «Особая исторія русской литературы». Львовъ. 16 д. 47 + 1 нен. стр. Ц. 20 cnt.

Огоновскій Ом. Історія литератури руской. Часть III. Виддилъ I. Львôвъ. 1891. 8 д. 696 стр. + 3 нен.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1892 г. Одесса. 1891. 16 д. 32 стр. Ц. 5 к.

Olizar Gustaw. Pamiętniki 1798—1865 z przedmową I. Leszyca. Lwów. 1891. 8 д. XLIV + 300 стр. Ц. 3 złr. 60 cnt.

Описаніе Киновіи св. исповѣдника Стефана Сурожскаго (Судакскаго) или Кизильташъ въ Крыму. Θеодосія. 8 д. 32 стр.

Orzechowski Stan. Orichoviana, opera inedita et epistulae. 1543—1566. Vol. I. Edidit dr. Ioseph Korzeniowski. (Bibl. pis. polsk.). Cracoviae. 1891. 8 д. XXVIII + 740 стр. Ц. 3 złr. 60 cnt.

Орловъ Н. полк. Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 г. (Съ порт., рис. и планами). Спб. 1890. 8 д. 197 стр. Ц. 1 р.

Ossowski G. O ceramice domowej w okresie grobów kamiennych skrzynkowych. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cnt.

Ossowski G. Sprawozdanie drugie z wycieczki paleontologicznej po Galicyi w r. 1890. (Odb. ze Zb. wiad. do antrop. kr.. XV). Kraków. 1891. 8 д. 1 + 88 стр. + 5 табл. Ц. 1 złr. 50 cnt.

Ossowski G. Wykopaliny z kurhanu w Hromówce pow. Starokonstantynowskiego. (Odb. z Wiad. numizm.-archeol.). Kraków. 1891. 4 д. 16 стр. Ц. 30 cnt.

Отчетъ кіевскаго отдѣленія Импер. рус. музыкал. общества и учрежденнаго при немъ музыкальнаго училища за 1889—90 годъ. К. 1890. 8 д. 71 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1890 г. Од. 1891. 8 д. 16 стр.

Отчетъ о состояніи немировской гимназіи за 1889—90 уч. г. Немировъ. 1891. 8 д. 118 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго огруга о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1890 г. К. 1891. 8 д. V+41 стр., 43+4 вѣдомости, 65+28 стр., 30 вѣд., 50+14 стр., 41 вѣд., 14 стр., 7 вѣд., 13 стр., 27 вѣд., III+61 стр., 5+5+5 вѣд., 41 стр. 5+5+5 вѣд., 12 стр. 1+5 вѣд. 16 стр., 1+5 вѣд.

Отчетъ харьковск. отдѣленія Имп. рус. музык. общества и состоящаго при немъ музыкальнаго училища за $18^{89}/_{90}$ годъ. Хар. 1891. 8 д. 64 стр.

Памятная книжка воронежской губ. на 1891 г. Вып. 1. Изд. ворон. губ. стат. ком. Воронежъ. 1891. 8 д. VII+12 нен +147+96 стр.

Памятная книжка гродненской губ. на 1891 г. Изд. гродн. губ. стат. ком. подъ ред. А. Э. Штритера. Гродно. 1890. 8 д. 24+XXXII+295+48+62+47 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка и адресъ-календарь полтавской губ. на 1891 г. Сост. Д. А. Иваненко. Полтава. 1891. 8 д. IV+50+82+250+59+115+12 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка кіевской губ. на 1891 г. Сост. подъ ред. Д. И. Навротскаго. Изд. кіев. губ. стат. ком. К. 1891. 8 д. 213+31+70+23 стр., ц. 1 р.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа Ч. IV. Черниговская губ. Изд. управленія учебн. округа. К. 1890. 8 д. 161+XXIV стр.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Ч. V. Полтавская губ. К. 8 д. 188+XXVII стр.

Памятная книжка конотопскаго земства. 1865—1890. К. 1890. 8 д. 144 стр.

Papée Fr. dr. Scole i Tucholszczyźna Lwów. 1891. 8 д. 124 стр. съ картой и рис., ц. 1 złr. 60 cnt.

Петровскій Д. А. Харьковъ въ карманѣ. Справочная книжка и календарь на 1891 г. Изд. 2-е. Хар. 1891. 8 д. 88 стр.

— Путеводитель по Харькову Приложеніе къ справочной книжкѣ «Харьковъ въ карманѣ». Хар. 1891. 16 д. II+64 стр.

Петровъ Н. Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 34 стр.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кіев. дух. академіи за 1889 г. К. 1890. 8 д. 44 стр.

Планъ гор. Новороссійска, изд. д. чл. кубан. обл. стат. ком. Е. Д. Фелицынымъ. Екатеринодаръ. 1891 1 листъ.

Планъ города Одессы. Изд. В. Коханскаго и И. Желиховскаго. Одесса. 4 д. 1 стр.

Планъ гор. Одессы. Од. 1 д. 1 стр.

Познанскій Б. Полячка. Видѣнное и слышанное. (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). К. 1891. 8 д. 30 стр.

Paul C. M. Die Karpathensandsteine des mährisch-ungarischne Grenzgebirge (Отт. изъ «Jahrbuch der k. k. geol. Reichanstalt») Wien. 1891. 4 д. 68 стр.

Полиньскій І. Стенографія руска. Львовъ. 1891. 8 д. 39+40 стр., ц. 1 złr. 50 cnt.

Поповичъ Ом. Чума горилчана. Зъ нимъ Г. Цшоке переповивъ и тверезимъ рускимъ читальнямъ прысвятывъ... Черниивци 1890. 8 д. 72 стр.

Поповичъ Олексій, Маты удова и тры сыны, Сестра и братъ. Народны думы. К. 1890. 16 д. 24 стр.

Празднованіе 50-лѣтія профессорской дѣятельности В. А. Караваева (1840—1890). К. 1890. 8 д. 32 стр.

Преосв. Иларіонъ, еписк. полтавскій и переяславскій. (Изъ ж. «Воскресный день») М. 16 д. 18 стр.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Черному морю. Очерки и картинки. (Азовское побережье.—Закавказье.—Новороссійскій край и южный берегъ Крыма). Спб. 1891. 12 д. VI+247 стр., ц. 60 к.

Пыпинъ А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. 8 д. VIII+425 стр.

Пьянство дѣтей въ Одессѣ. Составилъ другъ дѣтей. Изд. одес. общ. для борьбы съ пьянствомъ. Од. 1891. 8 д. 21 стр.

Пятницкій А. Очеркъ исторіи кіевской митрополіи въ періодъ времени отдѣльнаго ея существованія отъ митрополіи московской (1459—1686 г.) (Отт. изъ Могил. Еп. Вѣд.). Могилевъ на Днѣпрѣ. 8 д. 72 стр.

Рабій Фр. Коротка исторія чудотворнои икони преч. диви Маріи въ пароxіальной церкви самборской. Самборъ. 1889. 16 д. 35 стр.

Равита Ф. На красномъ дворѣ. (Na krasnym dworze). Истор. ром. изъ врем. княж. Изяслава въ Кіевѣ. Перев. и изд. Ф. В. Домбровскаго. 8 д. 310 стр., ц. 1 р.

Rehman Antoni dr. Dolne dorzecze Sanu, badane pod wzlędem postaci, budowy i rozwoju gleby. (Odb. z t. XXVI Sprav. Kom. fizyogr. Ak. umiej.) Kraków. 1891. 8 д. 86 стр. съ картой.

Reichenberg Ch. N. Wie kann das Elend eines Theils der Iuden in Galizien und der Bukowina durch die Baron Hirsch'sche Zwölfmillionen-Stiftung gemildert werden, eine Studie. Wien. 1891. 8 д. 34 стр.

Ретовскій О. Указатель θеодосійскаго музея древностей. Изд. 4-е доп. и испр. Θеодосія 1891. 8 д. 24 стр., ц. 15 к.

Ржевускій Л. Краткій историческій очеркъ Оршанскаго Кутеинскаго женскаго монастыря. Орша 8 д. 8 стр.

Родословная дворянъ и графовъ Милорадовичей. Черниговъ. 1890. 4 д.13стр.

Розенштейнъ А. С. Описаніе гор. Мелитополя (таврич. г.) Мелитополь. 1891. 8 д. 13 стр.

Rolle Michał. Z życia ormian kamienieckich w XVII i XVIII w. (Odb. ze Swiata). Kraków. 1891. 8 д. 24 стр.

Романовъ Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 4. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ. 1891. 8 д. V+220 стр. Ц. 1 р.

— Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебскъ. 1891. 8 д. XV+448+3 нен. стр. Ц. 2 р.

Rocznik statystyki przemysłu i handlu krajowego, wydany przez krajowe biuro statystyczne, pod red. d-ra T. Rutowskiego (Oddiazlł statystyki przemysłu i handlu) Zeszit XII. Produkcya rolnicza na wielkiej i małej własności ziemskiej. Lwów. 1889. 4 д. 22+нен.+24+1 нен. стр.

Rocznik statystyki przemysłu i handlu krajowego, wydany przez krajowe biuro statystyczne pod red. dra T. Rutowskiego (Oddział statystyki przemysłu i handlu). Zeszyt XIII: Przemysł domowy i rękodzielniczy. I. Przemysł skórżany. Lwów. 1889. 4 д. XXVIII+65+2 нен. стр.

Русская классная библіотека, изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. В. I. Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ прим., прозаич. и поэтич. его переводы, матер. для сравн. изученія, объяснит. статьи и словарь. Спб. 1891. 8 д. VII+80 стр. Ц. 30 к.

Самійленко Володиміръ. Зъ поэзій. Частина I. К. 1890. 12 д. 47+1 нен. стр. Ц. 20 к.

Самокишъ Н. Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890. г. В. II. Спб. 4 д. 8 рис.

— Маневры въ юго-западномъ краѣ въ 1890 г. Рисунки. Вып. III. Спб. 4 д. 8 рис.

Сапуновъ А. Замѣтка о коллегіи и академіи іезуитовъ въ Полоцкѣ. Витебскъ. 1890. 8 д. 34 стр. Ц. 35 к.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. В. I. К. 1890. 4 д. 12 стр. Ц. 1 р. 85 к.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. К. 1891. 4 д. 17 стр. и 8 табл.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. 3 и 4. К. 1891.4д. 6нен.+31 стр. и XIIтабл.рис.

Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 3-й. Хар. 1891. 8 д. II+XXVII+341 стр. Ц. 2 р.

Св. Равноапостольный кн. Владиміръ и крещеніе Руси (изъ Карамзина). Чтеніе для народа. Спб. 1891. 8 д. 28 стр.

Северъ. Задля святои земли. Стежка передъ хатою. Повисть. Переклавъ зъ польского Павло Кирчивъ. Львôвъ. 1891. 8 д. 162+2 нен. стр. Ц. 50 snt.

Siemiradzki J. dr. i Dunikowski E. prof. dr. Szkic gieologiczny krolestwa polskiego, Galicyi i krajów przyległych (Objaśnienie do mapy gieolog.) [Odb. z Pamięt Fizyogr.). Варш. 1891. 8 д. 141 стр. и 1 карта.

Сидоровъ Вас. Окольной дорогой. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія (Рига. Вильна. Кіевъ. Одесса. Константинополь. Крымъ. Екатеринославъ). Спб. 1891. 8 д. II+338 стр. Ц. 1 р.

Симиренко Л. П. Опытъ изслѣдованія промышленнаго плодоводства и плодоторговли. Съ 69 табл. рис. Од. 1891. 8 д. XII+253 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Skład c. k. Uniwersytetu im. cez. Franciszka I we Lwowie i program wykladów w pólroczu zimowem 1891—92. Lwów. 1891. 4 д. 44 стр.

Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow słowiańskich. Wydany pod red. B. Chebowskiego i W. Wałewskiego, według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materyałów. Zeschyt 126. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. 401—480.

То же Zeszyt 127. T. XI. Варш. 1891. 8 д. Стр. съ 481 по 560.

То же Zeschyt 128 T. XI. Варш. 1891. 8 д. 561—640 стр.

То же Zesz. 129. T. XI. Варш. 1891. 8. д. 641—720 стр.

То же Zesz. 130. T. XI Варшава 8 д. Стр. 741—800.

Слово о полку Игоревѣ. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева (Учебная б-ка). Спб. 1891. 8 д. IX+41+2 нен. стр. Ц. 25 к.

Соколовскій Н. А., врачъ. Бѣлая Церковь, васильк. у. кіев. губ. въ медико-топогр., статист. и санитар. отношеніяхъ. (Матеріалъ для медицин. топографіи и статистики Бѣлой Церкви). Бѣлая Церковь. 1890. 8 д. III+74 стр. +30 табл. Ц. 1 р.

Сорокинъ Г., свящ. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, александрійскаго у. херс. г. Изд. ред. ж. «Кіевск. Стар.» К. 1891. 8 д. 54 стр.

Справа руска въ галицкимъ сойми р. 1890. Львивъ. 1890. 8 д. 32 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. lwowskiego gimnazyum im Franciszka Jósefa za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 77+2 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Brzeżanach za r. szk. 1891. Brzeżany 1891. 8 д. 91+2 нен. стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnasyum w Złoczowie za r. szk. 1891. Złoczów. 1891. 8 д. 105+1 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazium w Jaśle za r. szk. 1891. Jasło. 1891. 8 д. 57—118+32 стр.

Sprawozdanie VII dyrekcyi c. k. gimnazyum w Jarosławiu za r. szk. 1891. Jarosław. 1891. 8 д. 80 стр.

Sprawozdanie dyrektora c. k. IV gimnazyum we Lwowie za r. szk. 1891. Lwów. 1891. 8 д. 96 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. gimnazyum w Przemyślu za r. szk. 1891. Przemyśl. 1891. 8 д. 116 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazyum w Samborze za r. szk. 1891. Sambor. 1891. 8 д. 88 стр. съ табл. и планами.

Sprawozdanie c. k. gimnazyum w Sanoku za r. szk. 1891. Sanok. 1891. 8 д. 52+1 стр. съ табл.

Sprawozdanie c. k. gimnazyum w Stanicławowie za r. szk. 1890—1891. Stanisławów 1891. 8 д. 67 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazyum w Tarnopolu za r. szk. 1891. Tarnopol. 1891. 8 д. 95 стр.

Sprawozdanie dyrekcyi c. k. wyższego gimnazium realnego im. Franciszka Iózefa w Drohobyzzu za rok. szkolny 1891. Lwów 1891. 8 д. 105 стр.

Sprawozdanie XVIII dyrekcyi c. k. wyższej szkoły realnej we Lwowie za r. szk. 1891. Lwow. 1891. 8 д. 53 стр.

Справозданне III зъ діяльности руского товариства педагогичного Львовъ. 1891. 8 д. 8 стр.

Справданне зъ діяльности центрального видилу товариства Просвита за р. 1890. Львовъ. 1891. 8 д. 23 стр.

Sprawozdanie z czynności Zakłada nar. im. Ossolińskich we Lwowie za r. 1890. Lwów. 1890. 8 д. 68 стр.

Справочная карманная книжка по г. Харькову и календарь на 1891 г., съ видами главныхъ зданій г. Харькова Х. 1890. 16 д. IV+178 стр.

Старицькій М. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ 4 д. и 5 карт. Музыка М. Лисенка. Львовъ. 1890. 16 д. 64 стр. Ц. 30 cnt.

Сторожевскій Н. Мартинъ Пушкарь, первый полтавскій полковникъ. Житоміръ. 1890. 16 д. 27 стр.

Сторожевскій Н. К. Кочубей и Искра. Историч. монографія. Житоміръ. 1891. 8 д. 68 стр.

Стороженко А. В. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ, полтавской губ. (Отт. изъ «Кіев. Ст.») К. 1891 г. 8 д. 15 стр.

Статистическій обзоръ дѣятельности харьковскаго губ. земства 1886—1889 г. Составленъ губ. управою. Кн. 1. Х. 1890. 8 д. 109+67 стр.

Statut fundacyi br. Hirscha dla popierania szkolnictwa ludowego w królestwie Galicyi i Lodomeryi z W. Ks. Krakowskiem i w księstwie Bukowiny. Kraków. 1891. 8 д. 9 стр.

Стрѣльбицкій Уніатскіе церковные соборы съ к. XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.. Изд. 2-е. Од. 1890. 8 д. 164 стр.

Субботинъ А. П. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Отрывки изъ экономич. изслѣдованій въ зап. и юго-зап. Россіи за лѣто 1887 г. Вып. II. Бѣлостокъ, м. Острополь, м. Полонное, Бердичевъ, Житоміръ, Кіевъ, Одесса и ихъ раіоны. Изд. ред. «Эконм. Журн.» Спб. 1890. 8 д. 240 стр. Ц. 2 р.

Судебный процессъ по искамъ харьков. обществ. управленія и харьк. общества водоснабженія о контролѣ надъ поставляемой водопров. обществомъ жителямъ г. Харькова водою. Хар. 1891. 8 д. III нен. +116 стр.

Сумцовъ Н. Ѳ. Писанки. (Отт. изъ «К. Стар.»). К. 1891. 8 д. 49 стр.

Тарасенко Ив. Ганнуся. Ливобережна поема. Золотоноша. 1891 8 д. 148+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Тарасъ и Олеся. Разск. изъ малорос. старины. М. 1891 16 д. 69 стр.

Tarnowski St. hr. O Rusi i Rusinach (Odb. z Krakusa) Kraków. 1890. 8 д. 68 стр. Ц. 20 cnt.

Теличенко И. В. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху

Екатерининской коммиссіи. (Отт. изъ ж. «Кіев. Ст.») К. 1891. 8 д. 279 стр.

Терскій календарь на 1891 г Въ 2 кн. Подъ ред. П. Стефановскаго. (Годъ 1). Изд. Терск. обл стат. ком. Владикавказъ. 1890. 8 д. XV+52+259+48+104 стр.

Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому календарю на 1891 г.) Подъ ред. П. Стефановскаго. Владикавказъ. 1890. 8 д. VIII+274+176 стр.

Tomkowicz St. dr. Gotische Taufbecken aus der Umgegend von Sandez und Gorlice in Galizien (Odb. z Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst-und historischen Denkmale) Wien. 1891. 4 д. 4 стр. + табл.

Turczyński Iuliusz. Nad. Czeremoszem, nowele z życia ludu huculskiego. Kraków. 1891. Мал. 8 д. 243 стр. Ц. 1 złr. 30 cnt.

Turczyński Iuliusz. Straszna drużyna, obraz huculszczyzny z przeszłego stulecia (Odb. z. Reformy). Kraków. 1891 8 д. 157 стр. Ц. 80 cnt

Улейниковъ Л. Еврейскія земледѣльческія колоніи екатеринославской губ. въ 1890 г. Спб. 1891. 4 д. 15 печ. листовъ.

У наймы. (Образокъ зъ життя днипровского повиту 188⁷/₈ р.). Спб. 1891. 8 д. 24 стр. Ц. 10 к.

Фалькевичъ К. Два жовнѣри, повисть для старшихъ и молодшихъ. Львôвъ. 1891. 16 д. 36 стр. ц. 10 cnt.

Falkowski Iuliusz. Pamiątki po generale Benedykcie Kolyszce. Kraków. 1891. 4 д. 103 стр. и портретъ.

Фаминцынъ А. С. Домрà и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка. Кобза. Бандура. Торбанъ. Гитара. Историч. очеркъ съ многоч рис. и нотными примѣрами. Спб. 1891. 4 д. III нен.+III+2 нен. + 218 + 14 стр.

Федькивъ Кость. Квиточка, дарунокъ для молодежи. Львôвъ. 1891. 16 д. 32 стр. Ц 10 cnt.

Федьковичъ О. Повисти. Часть I. Зладивъ Михайло Пачовскій. Львовъ. 1890. 8 д. VIII + 78 стр. Ц. 25 cnt.

Флоберъ Густавъ. Легенда про Св. Юліана Милосердного, зъ французького переклавъ В. Савва. Львôвъ 1891. 8 д ? стр Ц. 10 cnt.

Франко Иванъ. Лисъ Микита. Зъ нимецького перробивъ. Львовъ. 1891. 8 д. 100 стр и 17 иллюстр. Ц. 50 cnt.

Ханенко А. И. Описаніе мѣстностей черниговъ. губ. въ предѣлахъ бывшаго стародубскаго полка. (Извлечено изъ «Календаря черн. г. на 1891 г.»). Черниговъ. 1890. 8 д. 58 стр.

— Преосв. Θеодосій (Углицкій), архіеп. черниговскій и новг.-сѣверскій, мѣстно чтимый святитель. Ист. біогр. очеркъ. (Извл. изъ «Календаря ченигов. еп.» на 1891 г.). Черниговъ. 1890. 8 д. 34 стр.

Харьковскій водопроводъ и харьковское городское управленіе. Харьковъ. 8 д. 27 стр.

Харьковскій календарь на 1891 г. Въ 2 книгахъ. Изд. харьк губ. стат. ком. (Годъ 19-й). Харьковъ. 1891. 8 д. X + 460 + 188 стр.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьков. календарю» на 1891 г. Вып. 5-й. Изд. харьк. губ. статист. ком. подъ ред. члена-секретаря ком. В. И. Касперова. Харьковъ. 1891. 8 д. 4 нен. + 172 + 210 + XV стр. и 1 карта.

Хиженяковъ В. М. О ревизіи волостей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ черниг. губ. Изд. Земск. Сборн. черниг. г. Черниговъ. 1891. 8 д. 130 стр.

Хилякъ В. Два старика. Разсказъ изъ жизни русскихъ галичанъ. Пер. А. Погодинъ. (Нар. чтенія). Спб. 1891. 8 д. 55 стр. Ц. 5 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ херсонской губ. за 1889 г. Прилож. къ общему администр. и хозяйств. отчету за 1889—90 г. Изд. херс. губ. зем. упр. Херсонъ. 1890. 8 д. 161 стр.

Холмскій народный календарь на 1891 г. К. 1890. 8 д. 214 стр.

Chociszewski Józef. Podręcznik geografii ojczystej, zawierający treściwy opis ziem dawnej Polski, z uwzględnieniem dzisiejszych stosunków i podziału politycznego, dodana krótka wiadomość o Czechach i Rusinach. Poznań 1892. 16 д. IV + 283 стр. Съ 50 рис. и 8 картами. Ц. 1 t. 25 pf.

Ziffer E. A. Die Locolbehnen in Galizien und der Bukowina im Anschlusse an die k. k. priv Lemberg Czernowitz Iassy-Eisenbahn. Wien. 1891. 4 д. съ картой и 90 план. и рис. Ц. 15 złr.

Czerwiński dr. O rusinach i do rusinów. Lwow. 1890. 4 д. 7 стр.

Чудеса, совершившіяся въ Кіево-Печерской Лаврѣ, по свидѣтельству іеромонаха оной Аѳанасія Кальнофойскаго, изложенныя въ книгѣ «Тератургимъ», имъ же составленной и напечатанной въ типографіи Кіево-Печ. Лавры въ 1638 г. К. 1890. 8 д. 48 стр.

Чугуевецъ П. А. Изъ украинскаго быта. Повѣсти и разсказы. Хар. 1891. 8 д. 298 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 5-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. К. 1891. 8 д. V + 34 + 182 + 227 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Череватенко И. Черноморець. Водевиль у двохъ діяхъ и 4 картынахъ. К. 1891. 16 д. 62 стр.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання про те, якъ одынъ чоловикъ по чужыхъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ самъ на острови середъ моря живъ. К. 1891 8 д. 63 стр.

Чайченко В. Иванъ Котляревскій, украиньскій письменникъ. Житеписне оповидане. (Просвита 132). Львôвъ. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 10 cnt.

Чайченко В Чыя робота важча? Кузьмына. Тры бажання. Казкы. К. 1891. 8 д. 16 стр. Ц. 5 к.

Чулай Г. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ грушы выкурювивъ. 2) Якъ я роя выганявъ. 3) Божый попустъ. К. 1891. 8 д. 36 стр.

Czerwiński z Fürstenhofu. O Rusinach i do Rusinów: I. Pro praeterito. II. Pro nunc et pro futuro. Kraków. 1891. 8 д. 15 стр.

Czołowski Al. Sprawy wołoskie w Polsce do r. 1412. (Ze studyów nad dziejami wołoskimi. II. Odb. z Kwartal. historycz.). Lwów. 1891. 8 д. 32 стр. Ц. 50 cnt.

Czołowski Alex. dr. Lwów za ruskich czasów. (Odb. z Kwart. hist.). Lwów. 1891. 8 д. 42 стр. съ картой. Ц. 75 cnt.

Szajnocha Wł. dr. prof. Źródła mineralne Galicyi, pogląd na ich rozpołożenie, skład chemiczny i powstawanie. (Odb. t. XXII Rozpraw Wydz. matem.-przyr. Akad. umiej.). Kraków. 1891. 8 д. 111 стр. Ц. 1 złr. 50 cnt.

Szajnocha Wl. dr. prof Die Mineralquellen Galiziens (Отт. изъ Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau. 1891. 8 д. Стр. 47—49.

Шаповаловъ Г. Волынскій справочный календарь-путеводитель на 1891 г. Житомиръ. 1890. 8 д. 99 стр. Ц. 20 к.

Szaraniewicz Iz. dr. Prähistorische und früh. mittelalterliche Erdbauten in Galizien. Mittheilungen der k. k. Central.-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst und hist. Denkmale. Wien. 1890. 4 д. Стр. 231—233.

Шеболдаевъ В. В. Очерки дѣятельности хирургич. отд. черниговск. губ. больницы за 1880. Черниговъ. 1891. 8 д. 78 стр.

Chevtchenko. T. Poésies de T. Chevtchenko. Genève et Prag. 1890 (1891) 16 д. VII + 258 стр. Ц. 4 fr.

Шематизмъ всего клира греко-католической епархіи станиславôвской на р. Б. 1891. Рочникъ VI. Станиславôвъ. 1891. 8 д. XXIII+1 нен.+320 стр.

Шематизмъ всего клира руско-католического епархій соединенихъ перемиской, самборскои и сяноцкои на рикъ отъ Рожд. Хр. 1891. Перемишль. 1891. 7 д. 280 стр.

Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem księsiwem krakowskiem na r. 1891. Lwów 1891. 8 д. XXIII + 988 стр.

Шестаковскій Ив. Несчаслыва доля. Орелъ. 1891. 16 д. 31 стр. Ц 50 к.

Шляпкинъ И. А. Св. Димитрій Ростовскій и его время. (1651—1709 г.). Спб. 1891. 8 д XIV + 460 + 102 + III стр.

Яницкій Ал. Садъ и его плекане черезъ цилый рикъ. Практична книжечка для старшихъ и молодшихы. Львовъ. 1891. 16 д. 64 + 1 стр. Ц. 20 cnt.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р
съ доставк. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за границей . . . . 12 р

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

графія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. — Исторія библіографіи.— Біографіи и некрологи библіографовъ, библіофиловъ и ревнителей просвѣщенія.— Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библіотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею. — Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи.—Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.

II. Критика. Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произведеніяхъ печати

III. Книжное дѣло. Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.—Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

IV. Извѣстія и замѣтки—о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ.

V. Смѣсь. Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и библіографіи Вопросы и отвѣты по библіографіи.

Приложенія: 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, rossica. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина П. Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число) книжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою . . . . 6 р. — к.
За границу. . . . . 7 р. — к.

На другіе сроки подписка не принимается.

Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ . . . . — р. 75 к.
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ доставкой и пересылкой . . . . . 15 р. — к.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровская линія, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

—1— Редакторъ *А. Н. Соловьевъ.* Издатель *П. П. Шебановъ.*

Открыта подписка на 1892 г. (66-й годъ изданія)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВО, не исключая понедѣльниковъ

Въ „Одескомъ Вѣстникѣ" ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Передовыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ.

слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ,—30 коп. съ перес. Програмы для среднихъ учебныхъ заведеній сост. Горбуновъ—50 к. Временныя правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники—50 коп.

Лицъ—желающихъ выписать словарь наложеннымъ платеж. контора и. ч. покорнѣйше просить высылать на почтовые расходы на 1 руб. почтовыхъ марокъ, и зачтутся въ счетъ уплаты.

Открыта подписка на 1892 годъ

на ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіи 1891 года въ „Русской Школѣ" напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній). П. В. Засодимскаго; 5) Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Н. Х. Веселя; 5) Импер. Марія Өеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. И. Быстрова; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. Н. Н. Ланге; 8) Механизмъ вниманія. Его-же; 9) Что такое общее образованіе? Проф. Н. И. Карѣева; 10) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. И. Демкова; 11) Современныя французскія идеи о воспитаніи, П. Ө. Каптерева; 12) Картинки семейнаго воспитанія. А. К. Молотова; 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. К. Н. Модзалевскаго; 14) Дѣти и птицы. Проф. Д. Н. Кайгородова; 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. М. И. Крыгина; 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нащихъ гимназій. Я. Г. Мора; Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Будаевскаго; 18) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности М. Л. Песковскаго; 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. А. И. Пуликовскаго; 22) Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Я. В. Абрамова; 23) Народное образованіе въ Московской губерніи. И. П. Бѣлоконскаго 24) Народное образованіе въ Восточной Сибири, Его-же; 25) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 26) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликсова; 27) Какія училища нужны для Петербурга К. К. Сентъ-Илера, 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. А. М. Калмыковой; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея-же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ жур-

наловъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени", а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2— Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30-го декабря 1891 г.

саломъ. Алексѣйця послалемъ въ Роменъ, а казалемъ ему взять оттуду сюда вина у 4 бутилкахъ, виходокъ (?) корѣння и сюда привезти Хелкидоцкого, а до родителки послалемъ папѣрковъ два, пурƍуючого и потного лѣкарствъ. Лѣкарство на ипохондрію началемъ у вечеру брать.

26. П. Василь, сотникъ наказний глинскій, пріехалъ у Луку. П. Андрѣй, послѣ прошку пурƍуючого, якого ему зъ аптечки далемъ скрупуловъ 3, мѣлъ sedes 8. Капитанъ 9 роти полку Інгерманландского, рано бувши у мене, сказалъ, что прійшолъ указъ къ нему—остоятись тутъ у Луцѣ, а далѣй не ити, а то для того, что всему полку стать по надъ Днѣпромъ, въ Чигириндубровѣ, Веремѣевцѣ и другихъ селахъ, казано. Послалемъ листъ до короваювского старости, жеби бранокъ овецъ 100 и барановъ 20 прислалъ у Сухоносовку; а черезъ козака глинского писалемъ листомъ до Сухомузкого и Орановского, чтобъ они зехали къ Томари для осмотру футора и слободки Семеновки продаемихъ; особливежъ до ег Орановского цедулою писалемъ о господарскихъ разнихъ интересахъ. Староста лучанскій повернувшись зъ Лохвицѣ, сказалъ что у Нещеретовомъ лѣсѣ половлени злодѣе, зъ 6 конми и 3 мѣхами соли и били въ допросѣ. У старости позичивши грошей 3 копи, послалемъ сторожа лубенского въ Прилуку, зъ листомъ до п. Федора, а казалемъ ему купить цукру голову, картъ 2 и 2 фунти родзѣнокъ свѣжихъ. Соколничій зъ конми пріехалъ зъ Ромна. Ему жъ, сторожеви, казалемъ ворочаючись, заехать до сотника срѣбранского зъ писмомъ моимъ, въ якомъ прошеніе о визиченню клявикордовъ вираженно. Въ Роменъ до самой писалемъ о присилцѣ сюда полумисковъ и Алексѣя пѣвчого.

27. Гудимъ пріехалъ зъ Ромна зъ листомъ родителскимъ и привезлъ вина 3 бутылки и 4 полумиски цѣни. Черезъ козака чорнуского послалемъ въ Чорнухи, до сотника наказного чорнуского, отвѣтъ на листъ его писанній о тертицяхъ мѣскихъ Янковскимъ затраченнихъ, жебы отшукать. Туды жъ послалемъ листъ до Орановского и въ ономъ включенній другій листъ до Томари, о томъ чтобъ позволилъ имъ осмотрѣть продаемого футора писанній, и тре-

тій листъ до атамана лубенского, о сливахъ, кущикахъ, которихъ достать 1000. Трембачъ Петро юсковскій привезлъ письмо отъ правителей зъ Глухова, чтобъ до его утрати билъ причетникъ атаманъ юсковскій. Атаманъ глинскій суплѣковалъ о своей дочерѣ, сѣдячой въ вязенню за безчиніе.

28. Солдатъ пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ колежскимъ, въ якомъ виражено тое, что въ добавку еще въ полкъ лубенскій регляментовъ и экземпляровъ о содержаніи овецъ прислано 4485, которіе давать би имѣючимъ овци до 50 числа, а не меншъ, и зъ росписками, которіе въ колегію присилать би; и оній солдатъ отсюду отправленъ въ Роменъ зъ листомъ и зъ тимъ же указомъ до правителей, чтобъ они отобравши оніе регламента, репортовали доношеніемъ колегію черезъ его. Зубко, молодикъ родителскій, поехалъ въ Глуховъ, а писалемъ черезъ его до родителки о моемъ тутъ до вовторка медленіи; да самой—о зробленню 20 завѣсъ до дверей и о сафянѣ—пошить мнѣ двѣ пари чоботъ; а до правителей листъ приложилемъ лохвицкого сотника Гамалѣи, писанній зъ Царицина, чтобъ росписали по сотняхъ, даби утѣкачовъ новихъ въ вязенне брали и увѣдомляли би насъ, если где обищутся. Такъ же и о цигану Федору, даби онъ въ Глуховъ ехалъ за циганскимъ атаманствомъ, буде похочетъ, а передомъ ко мнѣ пріехалъ бы[1]). Глинскій Василь отехалъ на время въ Глинскъ, а въ пятокъ мѣлъ бити. Григорій Андрѣенко лохвицкій явился зъ листомъ правителскимъ о учиненню зъ попа сатисфакцѣи, котораго въ Роменъ зъ тимъ отправилемъ, же тамъ будутъ судить. Самойловичъ прилуцкій зъ жителемъ зъ Ісаиемъ Фукаломъ явились и декретъ, данній въ Ромнѣ, презентовали въ справѣ ихъ. Войтъ лохвицкій, бувши тутъ, донеслъ, что злодѣи поймани и 6 коней, а давнѣйшій у Цися семій, которихъ зъ розискомъ въ Роменъ посилать. Братъ п. Андрѣй вернулся зъ мисливства дводневного и привезлъ болшъ 20 зайцовъ.

29. Фукало и прилуцкій Самойловичъ, взглядомъ шаблѣ украденной у Фукала, помирились и мировее дали мнѣ доношеніе. Зъ

---

[1]) См. статью г. Плохинскаго—Цыгане Старой Малороссіи, въ Этнографич. Обозр. 1891 г.

Ромна писма принесени отъ писара Савѣцкого о томъ, же о чомъ и обозній писалъ 21 сего октовр.; отъ родителки, о здѣланню кошари на бранки въ Андрѣевцѣ. Писалемъ въ Глинскъ до п. сотниковой о сливахъ 500. Зъ Чорнухъ подано письмо о знайденнихъ грошахъ 3 рубляхъ, жеби на церковъ, а не чолобитчику отдать. Алексѣецъ повернулся зъ Ромна; о Алексѣю Хелкидоцкомъ хорующомъ донеслъ. Отъ лукомского сотника писмо о Петру крамару, убійцѣ, проявившомся. До Ромна къ самій писалемъ о 2 коняхъ, мѣючихъ зъ Лохвицъ прислатись. Гудимъ молодикъ отклонился и отехалъ въ Роменъ. Цедулу родителскую, о здѣланню кошари, старостѣ тутейшому лучанскому далемъ и велѣлемъ въ оной выраженное исполнить. Полковникъ Шереметевъ прибулъ на свою квартиру въ Лохвицю.

30. Сторожъ лубенскій зъ Прилуки повернулся и привезлъ картъ пару и цукру голову канарского у шесть фунт. Ему жъ доплатить грошей казалемъ хлопцеви пол. 6 шага. Онъ же привезлъ отъ пана Федора писмо и въ писмѣ включеніе тестаментъ покойного п. судіи прилуцкого о селѣ Перервинцяхъ и листъ его жъ до родителя писанній о футорѣ Перервинскомъ. Зъ Чигириндуброви козакъ подалъ листъ отъ тамошней старшины о томъ, что 4 роти Інгермоланского полку, туда пришедшіе, сами берутъ у людей сѣно и дрова, также дошки байдачніе и кажутъ на раскатахъ у городѣ караулить и пушки туда звозити. Федоръ, циганъ роменскій, пріехалъ взглядомъ атаманства циганского. Надзиратель Нелидовъ билъ у мене и вечералъ. П. братъ Андрѣй повернулся зъ мисливства, где поймалъ зайцовъ 30 и лисицъ 2. Обозній повторне писмо прислалъ ко мнѣ о томъ же, о чомъ и 21 сего октовр. Цилюрикъ Ходецкій зъ Ромна зъ пявками пріехалъ. Пересталемъ пекгулокъ брать. Отписалемъ на писма, до лукомского—о Петру Кривомъ, что велено о ему розискать атаману лубенскому и Григорію Котляренку, а Мартишевскую, злѣгшуюся зъ овчаремъ, а пойманную, отпустить на поруки; объ обидахъ себѣ отъ Кодинця и Дацѣя чинячихся, жеби суплѣку написалъ, а не картки. До Чернуского отписалемъ, зсилаючись на словесное мое предложенне, о грошахъ,

если нема доводу, то отказать и чтобъ писмо до Орановского послалъ певнымъ кимъ, которое писано о зеханню его въ Перервинцѣ и переписѣ всего. До чигир., что о всемъ томъ писано до Черняховского комисара, жеби было имъ учинено облегченіе, о чомъ и до Черняховского писанъ жъ и листъ ихъ приложенъ для извѣстія. До обозного отписалемъ, что ложне хтось доносилъ прокурору, же будто скаржившимся до господина Румянцова на родителя, награжденіе не учинено, понеже Рубашному зол. 100 отложено и теперь на ратушѣ лежатъ, а ему не отдано за его отлученнемся; Богданенку наказано часть старостѣ, а часть людямъ токаровскимъ заплатить, да кудась онъ и повѣялся, то можетъ бить затимъ и не взялъ грошей тихъ; Ющенковой Данилисѣ—зол. 100, вмѣсто милостини, хочъ и купля фундаменталная есть; а перекоповскій козакъ, скаржившійся, неявился. Окончилемъ зъ тимъ, что еслибы праведно и безпристрастно сужено было, тобъ лутше и полезнѣй на сторону родителскую показалось. Братовая п. Андрѣева поѣхала въ Роменъ.

31. Пявки, лѣкарство пріймалемъ. Листи, вчорайшого дня написанніе, отправилемъ, опрочъ до обозного отписанного. Сторожъ, до маіора Кологривова зъ листомъ о баранахъ посиланній лохвицкій. повернулся, не винаймовши его въ Сумскомъ полку нѣгде. Отъ старости коровайовского получилемъ листъ отвѣтній, что бранокъ овецъ 100, а барановъ 20 отослалъ въ Сухоносовку. П. Василь глинскій пріехалъ зъ Глинска, а сказалъ, что розродилася Федору Зарудному вчорайшого дня Анастасія. Отъ канцеляристи Троцкого пріехалъ зъ листомъ слуга его, въ якомъ пишетъ о курѣнчикахъ, въ Лазуркахъ себѣ отъ правителей опредѣленнихъ, и о футорянахъ, въ Лубняхъ жиючихъ, даби ихъ старшина не обътяжали грабежами. Копію указу сенатского, до старшины енер. писанного, прислалъ о нарядѣ бунчуковихъ къ Гилянѣ и придатку къ нимъ 1500 или 2000 козаковъ, на пришлое 1725 лѣто. Іосифъ Василченко пріехалъ сюда и знову отехалъ за инструкцѣею, данною ему, о переписѣ господарей, имѣючихъ свои овци, чтобъ сюда оную привезти ко мнѣ. Зъ п. Василемъ глинскимъ сторговалисмося за конѣ вороніе въ 120 зол.

Ноевр. 1 неделя. Листъ до обозного, отвѣтній на его писмо 21 октовр. врученное мнѣ, послалемъ. Братъ п. Андрѣй поехалъ въ Роменъ. Отцемъ Федоромъ лучанскимъ п. Зарудній уличенъ зосталъ, что въ его пилъ горѣлку. Комисаръ пол. Черняховскій бувъ и о жестокости полковника Шер. говорилъ. На листъ Савѣцкого писара, о томъ же, о чомъ и обозній писалъ, писанній отвѣтъ, таковій же якъ и до обозного, послалемъ въ Глуховъ. Также и до Василя господара писалемъ, отвѣтуючи на его писмо и предлагаючи, чтобъ онъ повсякій тиждень мене увѣдомлялъ о тамошнихъ поведеніяхъ. Особливо о садовнику, винницѣ, млинахъ и грошахъ, а барзѣй о листѣ моемъ до господина брегадира писанномъ. До отца Фоми писалемъ о томъ же інтероссѣ, якій въ листѣ къ обозному виражонъ есть.

2. Петра трембача зъ писмомъ до сотника наказ. лукомскаго отправилемъ, чтобъ онъ противъ его суплѣки, якая тамъ же включена, розыскалъ и если возможно его зъ атаманомъ юсковскимъ привелъ до помѣркования; буде же нѣтъ, то прислалъ би обидвѣ сторони въ Роменъ. Ему жъ далемъ и другое писмо до Григораша, чтобъ зъехавши въ Городище, розыскалъ о пожару учинившомся въ домови тамошнего сотника, яковій супплѣкуетъ произшедшій бити отъ Саганки. П. Василь глинскій отехалъ, которому о сливахъ говорилемъ. Цись пріехалъ въ Лохвицю и ознаймилъ о 6 коняхъ, посланнихъ въ Роменъ, а о самомъ, мѣючомъ сюда въ Луку прислатись, и отехалъ знову. Черняховскій, комисаръ полковій, отехалъ въ Роменъ выправлять провіянтъ и фуражъ въ Чигириндуброву, куда и полкъ Інгермоланскій рушилъ на винтерквартеру. Писалемъ до глинского п. Василя у вечеру, чтобъ прислалъ для подему моего санѣ сюда. Тогда жъ и до роменской старшини писалемъ о учиненіи порадку подъ нинѣшное ярмарковое время и управленіи справъ всякихъ.

3. Зъ Глинска санѣ привезли. Велѣлемъ старостѣ двѣ кадки зробить, едну у 40, а другую у 60 квартъ. Старостѣ лучанскому говорилемъ, что мѣлъ конь присланъ бити отъ Цися, и о другимъ чтобъ присланъ билъ, казалемъ. По обѣдѣ виехалемъ зъ Луки и

не доежджаючи Токаровъ, стрѣтилемся зъ обознимъ, которій мнѣ показовалъ термѣну листу до прокурора писанного о челобитчикахъ родителскихъ. Пріехавши въ Токарѣ, видѣлемъ коней своихъ тамъ стоячихъ 26. Староста приблудившихся двохъ буланихъ коней, до футора Артополотского, показовалъ носатихъ чили зорозуючихъ [1]). Виехавши оттуду. пріехалемъ у футоръ Артополотскій, где кобилъ двѣ моихъ гнѣдихъ и лоша подпалое видѣлемъ. На ночъ пріехалемъ въ Андрѣевку.

4. Рано зъ Андрѣевки къ Ромну виехалемъ, а на дорозѣ подалъ мнѣ листъ козакъ перекоповскій отъ отца Совѣцкого зъ Кіева, о его помислной тамъ гостинѣ. Пріехалемъ въ Роменъ передъ службою. Бувъ прапорщикъ Інгермоланского полку, пріехавшій за провіянта отправкою къ Чигириндубровѣ. Комисарамъ полковимъ велѣленъ диспозицію учинить въ сотнѣ роменской. Псковского полку отъ прапорщика, пріехавшого конѣ покупать, приходилъ вахмистръ, требуючи сѣна для коней. Алексѣеви Холкидоцкому далемъ коней рижострокатихъ 2, должнихъ за клавицимбалъ на Москвѣ въ его взятій. Подводъ сухоносовскихъ 6 воловихъ въ Роменъ пришли, а на нихъ сира куховъ 4, масла фасокъ 10, да дробини поголовя (?) 50, що все на Засуллю Алексѣйцеви зложити казано, а подводи отпустить назадъ и на нихъ кухву горѣлки въ Сухоносовкѣ послать. Швецъ Лысій паръ двѣ чоботъ мнѣ зъ сафяна викроилъ. Коней 6 зъ Лохвицѣ присланнихъ и 2 мѣшки соли.

5. Юско Зубко подалъ мнѣ указѣ зъ вой. енер. кан. о присилкѣ двохъ мѣщанъ до пріему провіянта и надсмотрщика надъ ними значкого товариша; особливо листъ отъ Столповского зъ комплементомъ. Отъ Бяловского, о указѣ п. п. бунчуковимъ въ Гилянъ готоватись. Отправилемъ въ Глуховъ писма: 1) до швакгровъ, о доношеніи, жебы оное сочинилъ Бяловскій о ланцужку моемъ, 2) до Бяловского, о томъ же и о указѣ; 3) до Троцкого, о томъ же указѣ; до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Писмо отвѣтное до п. Павловой отправилемъ, чтобъ сюда пріехала въ Роменъ,

---

[1]) Золозуючихъ?

зъ Бабакомъ, для поради, якъ его въ Глуховъ отправить въ дѣлѣ еи зъ Кочерженкомъ. Воротелякъ Петро явился зъ Шліонска, пріехавши и дзикгарикъ мой направленій привезлъ, за которій далъ тамъ 4 таляр. битихъ безъ чвертки, а копѣйками полъ 8 копи. Антонъ принюсъ книгъ двѣ, въ Кіевѣ купленнихъ: 1) октоихъ и ярмолойчикъ, а третую рускую, позиченную отъ мене отцу ректору, алкоранъ.

6. Ездилемъ на Засулле, где коней злодѣйскихъ лохвицкихъ 3 казалемъ Алексѣйцеви взяти, а 3 оставити; еще жъ въ Лохвицѣ у Цися отобрать 2 казалемъ, а его виправилемъ разставити конѣ въ Бурумцѣ всѣ, оставивши тутъ тилко въ Токарахъ четверенъ 2, сивого и царичанского и возовихъ 10, итого 20. Ему жъ позволилемъ продать скиртъ зъ 10 сѣна, роменцямъ, зъ нимъ же для тоей куплѣ поехавшимъ туда на Кривую Руду, якое на 9 роту мѣютъ отдавать. Слѣпій сенецкій, бувши у мене зъ листомъ правителскимъ его оправдаючимъ, отпущенъ въ домъ зосталъ. Яковъ Литвишко приходилъ ко мнѣ зъ реестромъ доводячихся денегъ въ казну отъ родителскихъ добръ, болшъ 50 р. Комисари полковіе отехали отсюду въ Лохвицю. Зъ Чигириндубротской сотнѣ тамошній сторожъ привезлъ доношеніе и вѣденіе о принятихъ регламентахъ и екземплярахъ о содержаніи овецъ предлагаючихъ. П. Селецкій, сотникъ дѣвицкій, пріехалъ зъ Сулаку въ Роменъ и подалъ писма до ясневел., брегадира и мене писанніе, зъ которихъ въ послѣдномъ виражённо, что принцъ грузинскій, уходя преслѣдованія отъ Порти отаманской, удался подъ протекцѣю всемилостивѣйшого нашего государя, а съ нимъ всей компанѣи, зачисляя епископовъ 6, архимандритовъ 14 и прочіихъ монаховъ и служителей всѣхъ и женской полъ 1185.

7. Манджосъ Григорій бувъ у мене и сказалъ про сегнѣтъ, что жидови робити далъ. Онъ же и мѣнуціи мнѣ на прошлій годъ принюсъ. Отецъ Савѣцкій пріехалъ зъ Кіева, новоустроенъ протопопою Роменскимъ. Онъ же привезлъ указъ архіерейскій освятити церковъ ст. Николая и отца Іоанна паки намѣстникомъ устроити. Зъ сенецкой сотнѣ прислани утѣкачи, которихъ знову отослано туда жъ, а велено ихъ подъ арестомъ держать. Бившій комисаръ полковій

Вишневскій, бувши у мене, подалъ на писмѣ, что у его денегъ 48 руб., на неналичнихъ взятихъ. Сотникъ дѣвицкій п. Селецкій отехалъ въ Дѣвицю. Зъ Глинска въ Глуховъ послано сливъ венкгерскихъ 270, а черешенъ 80. Черезъ сторожа лохвицкого послани листи до брегадира и ясневелмож. родителскіе зъ Сулаку, и мои, и до п. Скоропадского, объ інтерессѣ челобитчиковскомъ, разговоренномъ отъ прокурора обозному. Рондзѣкъ старій чорній разобрали на новій, ременъ чили тясму обсадить, а въ немъ штучокъ всѣхъ малихъ и великихъ 145, а додѣлать потреба хвостиловъ 8, штучокъ малихъ 2, пуклинъ 1, на носѣ наконечникъ 1, и того всѣхъ имѣетъ бить штучокъ 157. Романови реестръ данъ покупокъ разнихъ и у войта велено позичить денегъ. Григорашъ Губскій, наехавши на домъ писара Савѣцкого, где греки стояли, поссорился зъ ними и побился, чего ради зъ жалобою кгреки приходили ноччю.

8. Неделя. П. Василь глинскій привюлъ коней ворониxъ пару, въ Луцѣ сторгованнихъ за 130 зол. Пос(вя)щали церковъ ст. Николая, отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ и отцемъ Стефаномъ службу Божую служили. Рано у мене бувъ надзиратель Нелидовъ, зъ которимъ о 3 колахъ вешнякахъ въ Луцѣ стоящихъ, говорилемъ. Черезъ Славѣнского отъ родителки писано до Михайла ревизора, въ Лохвицю, и до Стефана зборщика въ Лубнѣ, жеби въ казну за збори въ казну росплатились. До Василя господара въ Глуховъ писано, жеби прислалъ сюда желѣза штабного пудовъ 3 на глинскихъ подводахъ. До Алексѣйця писалемъ, жеби верхового вороного коня отослалъ въ Короваи. Лоренцовъ, прикажчикъ хоружовскій, зъ женою своею бувъ у насъ. Андрѣй Стаховичъ пріехалъ въ Роменъ и бувъ у насъ и сказовалъ о грошахъ зъ Седнева и Чернѣгова повезенних въ Глуховъ, при маіору Федору Кошелеву.

9. Отецъ Фома, протопопъ пѣратинскій, пріѣхалъ. Ходили по ярмарку и покупили дещо. Громѣчиха старая на сына своего Кирила дала суплѣку. Федоръ Заруднiй зъ узваромъ пріехалъ, которого за уши рвали. Бутурлимъ, пяний, бивъ Василця нижника.

10. Воскъ нашъ проданъ зосталъ, камень по 26 зол. и 5 копѣекъ, а воску всего било, по сказцѣ Романа, 15 камней и 8 фун-

товъ. Салогубъ прилуцкій приходилъ за своимъ зятемъ, тутъ въ полку начавшимъ теперъ жить, жеби на его респектовать, поколь обживется. Гончаръ лубенскій привюзъ двѣ статуи. Господинъ генералъ маіоръ и маіоръ отъ гвардіи Александръ Івановичъ Румянцовъ, пріехавшій въ Глуховъ 3, виехалъ зъ Глухова 6 ноевр. въ Кіевъ, а оттоль въ Цариградъ посломъ. Отъ Василя, господара, двокротніе получилемъ писма о тамошнемъ поведеніи, одно, черезъ козака, а другое черезъ сторожа Якима лукомского. Черезъ того жъ писмо отвѣтное отъ Троцкого о походѣ получилемъ бунчуковимъ. Слугамъ розданни гроши на барму именно: Роману 15, Мартину 12, Тарасу 9, Вѣжевскому пол. 8 зол.; машталѣрамъ кожухи, чоботи и рукавицѣ. Здешнему сотникови указъ на писмѣ подъ штрафомъ далемъ, жеби козаковъ определилъ до розсилки регламентовъ. У лазнѣ мился. Бутурлимъ пяний, рано прійшовши, фуріовалъ. Листовъ два отъ панеи Павловой и отъ мене до правителей о посилаючомся въ ея дѣлѣ Кирилу Бабакови за стряпчого, составили. Отъ сторожа Якима, зъ Глухова пріехавшого, извѣстилися, что сотникъ смѣловскій, виправленній зъ Сулаку зъ болъними, повернулся въ домъ свой.

11. До Василя господара писалемъ черезъ Парфененка глуховского, въ отвѣтъ на его писма, и о протчемъ домашнемъ поведеніи и чтобъ далъ мѣрницю пива шваграмъ. До русановского старости о волу моемъ, зъ Куцупѣевщини туда приблудившомся, писалемъ, чтобъ онъ видалъ его намъ. До Горба писано, жеби жителя села Тарандинецъ успокоилъ и свой грабѣжъ 6 воловъ выкупилъ. Трембачи 3 явившись побились передъ нами, съ которихъ двохъ за тое за друкъ посажено. Гончареви лубенскому полталяра далемъ и фарбъ розниxъ и 6 фунтовъ олова, на зробленне статуй, купили, а писалемъ до атамана лубенского, чтобъ ему глини возовъ 3 зъ Комишной привезено, а до старости александровского, жеби далъ ему харчи: житной, гречаной и пшеничной, ему жъ и контерфектъ (портретъ) п. судіи прилуцкого данъ. Повторе до старшини лохвицкой писано, жеби присилали зборщика до провіянта, якъ надлежитъ зъ доношеніемъ. Отецъ Фома, протопопъ пѣратин-

скій, переписавши зъ себѣ зъ книги ст. Василія Вел. литургію его, отехалъ домой, которому чорную козлину купилемъ. Золотаръ Бородатій взялъ 140 штучокъ рондзѣка для позлоти, на которую ему купилисмо 6 лотовъ живого срѣбра. Кирило Бабакъ отправленъ въ Глуховъ въ дѣлѣ п. Павловой, черезъ которого писалемъ до Василя, чтобъ онъ бувъ въ дворѣ, а конѣ его отосланибы били зъ человѣкомъ его жъ въ Тулиголови. Да въ томъ же листѣ писалемъ о шаблѣ, данной шабельниковѣ, жеби отшукалъ оную. Получилемъ листъ отъ Орановского писанній о томъ, чтобъ бувши онъ съ Сухомузкимъ въ селѣ Перервинцяхъ, зревѣдовалъ тамошніе рѣчѣ, якихъ показалось именно; людей лутшихъ 23, а въ нихъ воловъ 30, а коней 4, а пѣшихъ 6, стада дрикгант. 9, клячъ 63 и другихъ коней, всѣхъ же числомъ 184, а воловъ рабочихъ 20, четвертаковъ и третяковъ 27, коровъ 25 и протчей скотини, которой всей зъ волами будетъ на 121, такъ же и протчого дворового птаства, свиней, пашнѣ. Отъ атамана лубенского и Григорія Котляренка получилемъ писмо и інквизиціи о убійствѣ Петромъ лукомскимъ учинившомся, къ которому и самъ онъ повинился, толъко оное причитуетъ своего ума изступленію.

12. Отъ швакгровъ зъ Глухова писма, и отъ Якова Дуброви зъ Смѣлого о томъ, что денегъ 100 зол. позиченихъ, не может еще уплатити намъ, подани листи. Столповскій и Савѣцкій, писаръ, пріехали зъ Глухова. Зъ Питербурху Іванъ Перехристенко пріехалъ и писма отъ пѣвчихъ государинѣ імператрицѣ, оправдаючіе Калнѣцкого отъ клевети Василя Дейнеки, подалъ. Кузма, асаулъ артилер., зъ Лукомля пріехалъ и о тамошнемъ сотнкови, прошедшого пятка въ Лукомле пріехавшомъ, говорилъ. Трембачи два, Никола да Новотний, наказани за предерзости. Отправили писма: до Орановского, о зеханню его въ Перервинцѣ; до лубенской старшини, о Петру Крамару лукомскомъ, убійцѣ; до пѣратинского атамана, о войтови тамошнемъ, зъ наказаніемъ за его предерзости; до лохвицкой старшини, о допросѣ Нещерета въ дѣлѣ злодѣевъ. Надзиратель бувъ. Полтарацкій лѣкаръ пріехалъ въ Роменъ.

13. Сотникъ смѣлянскій пріехалъ въ Роменъ. Полторацкій

бувъ. Столповскій сватанье себѣ зъ дочерю Манджосихи Григорихи учинилъ. Листъ послали через лубенского сторожа до Славѣнского, о присилцѣ сливъ. Мартинъ молодикъ повернулся и на пробу привезлъ горѣлки простой, которая началась робитись въ Сухоносовцѣ прошлого (?). Козакъ глинскій, отпровадившій сливи въ Глуховъ, повернулся назадъ. Черезъ сторожа пѣратинского Божка писалемъ до п. Федора въ Прилуку, жеби прислалъ мнѣ копію реестру п. судіи покойного и обявилемъ, же посилалемъ въ Перервинцѣ и чтобъ прислалъ мнѣ унѣверсали на оное селце п. судіи данніе. Мартиномъ привезенни тулѣпановъ 3 и насѣння ихъ же и красолѣ, отъ Милорадовичевой Стефановой. На рондзѣкъ позолотити далемъ золотареви червонихъ два, якіе Верещацѣ казалемъ заплатить по 11 зол. Надзиратель зъ отцемъ Павломъ Свѣтомъ пробалакали и пили у насъ. Писаръ Савѣцкій, не сказавшись, отехалъ зъ Ромна къ Луговики.

14. Вовка люде принесли. Грошей 100 рублей далемъ Верещацѣ Петру, зъ которихъ 300 зол. отдалъ церковнихъ должнихъ отъ мене, а 200 еще у его обрѣтаются. На сватанню у п. Столповского вечеромъ булисмо и просидѣли. Онъ же бувъ у мене и зъ хусткою кланялся.

15. Неделя. Гарбузъ машталѣръ пріѣхалъ зъ Токаровъ отъ коней за овсомъ, а тамъ коней стоитъ нашихъ—19, а злодѣиских 3. Черезъ его до токаровского старости при писмѣ послалемъ 10 зол., на покупку овса, для тихъ же коней. Романъ молодикъ мой вчорайшого дня упившись, внѣ ума билъ и теперъ болитъ. П. Петро Тарновскій, індукторъ, бувши у насъ принюсъ око тютюну и голову цукру. Комаровскій рисовалъ многихъ на паперѣ. Зъ Глухова повернулся сторожъ лохвицкій зъ отвѣтними писмами ясневел. и брегадира о полученнихъ писмахъ родителскихъ. Получилемъ листъ зъ вой. енер. канц., жеби дать вѣденіе о селахъ державскихъ за руками державцовъ, по якимъ крѣпостямъ оніе имѣютъ.

16. П. Петро, індуктаръ, присилалъ ко мнѣ своего служителя о кухвѣ горѣлки взятой у Конотопѣ отъ тамошнего фактора,

родителской, жеби взять оную. Укази листами послалемъ въ сотнѣ о томъ, чтобъ старшина присилали вѣденія о селахъ державскихъ, почому оніе въ державѣ чіей обрѣтаются, за руками державскими. До чорнуской старшини отписалемъ на ихъ листъ, жеби утѣкачовъ держали, козакамъ кгрунтовъ своихъ продавать не давали, и зборщикъ тамошній, бувшій зъ виборомъ давнего долгу своего за войтовства его на людяхъ учинившогося, подождалъ до повороту родителского. До Горба Бурумского писалемъ, жеби сюда для старости въ Луку пріездилъ. До Орановского писалемъ, жеби въ Винницѣ сухоносовской все устроено противъ порадку винничного Сухомузкого, такъ же о куплѣ лѣса и млина. Петро Верещака отдавши 300 зол. церковнихъ долгу, еще отдалъ п. Дяченку Василю зъ моихъ же грошей 271 зол. и такъ уже п. Василю все заплачено. Особливо онъ же отлѣчилъ п. Василю глинскому, пріехавшему теперъ сюда, за кухву меду зборного, въ Глинску на мою потребу взятого, 88 зол. а за вороніе кони, у его жъ купленніе, отлѣчилъ же ему 130 зол. Онъ же п. Василь привезлъ грошей 25 зол. не сполна и отехалъ. Надзиратель приходилъ и говорилъ о подводахъ, подъ рибу до Глухова потребнихъ. Зъ мѣшечка Федко отлѣчилъ 7 копъ грошей себѣ за камень верхній, въ Глуховѣ лежавшій, а до нашего млина взятій.

17. До Орановскаго писалемъ листъ и черезъ чорнуского козака послалемъ, въ которомъ включилемъ и облѣкъ Петра Іванова Свѣтового зятя, отъ которого доводится намъ грошей 120 зол. Получилемъ отъ Булюбаша, сотника чигириндубр., писмо о чинячихся сотнянамъ тамошнимъ обидахъ отъ консистентовъ, и отписалемъ тогда жъ о томъ же и до полковыхъ комисаровъ писалемъ. До лубенской старшини писалемъ о присланню двохъ мѣщанъ въ зборщики до магазейну. У атамана требовалъ о суплѣку, взглядомъ протопопства. Въ Глинскъ послалемъ мѣди фунтъ 157, на зробленне казановъ 3 винничнихъ, сороковихъ съ трубами 9, зъ которихъ въ каждомъ ваги булобъ по 9 фунт. Ломака поехалъ за тютюнною десятиною и оному, жеби дано козака въ Глинскъ, писалемъ.

18. Мѣди остатней зважили, ажъ показалось 3 каменѣ безъ двохъ фунтовъ. Стаховичъ зъ Дорошенкомъ, бувши у мене, протестовались, что сотникъ смѣловскій побилъ жестоко слугу Дорошенкового. Онъ же Стаховичъ, узявши у мене писмо причинное до атютанта княжого о себѣ, поехалъ въ Ахтирку до князя, на услугу. До Нѣжина посланъ козакъ зъ листами, до полковника Толстого, зъ родителскимъ и моимъ. До Каратаева о сѣмени луку нѣмецкого, до Петра Тарнавіота о дрикганту и наметику (палатка) кругломъ. До Прилуки посланъ сторожъ лохвицкій зъ писмами: до п. Федора, о присланню унѣверсаловъ на селце Перервинцѣ и о книзѣ Żywoty s. Oycow[1]), зъ другимъ до обозного, питаючи, якій респектъ зъ полку показанъ щетчику ихъ. Божко повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора и реестръ привезлъ худоби, легкованной отъ небожчика судіи п. судіиной, именно: денегъ 9000 зол., воловъ рабочихъ 70, коровъ 53, назимковъ 24, коней 40, кобилъ зъ лошатами 30, дрикгантовъ 2, овецъ 400, козъ 60, свиней 200, срѣбро цѣн. мѣ. въ 100 рубляхъ; модерунокъ всякій женскій въ 1000 рубляхъ, у Переволочной камень и ступи вешняки, у Новой Греблѣ 2 колѣ млива, хлѣбъ у амахъ на 10000 зол., засѣво на прошлій рокъ 70 осмачокъ прилуцкой мѣрѣ, каретъ спаленъ, шоръ etc. на 100 рублей; всего будетъ по порахунку п. Федора въ томъ же реестрѣ виряженномъ на 40500 зол. Єлѣнскій, бувши у мене, кланялся. После Яковъ Дуброва пріехалъ.

19. Черезъ презента послали писма въ Глуховъ, въ колегію доношеніе одно, питаючись откуду барани на заводъ до спускання зъ овцами по указу, надлежитъ брати и обявляючи, что посилалемъ за оними въ слободи сторожа лохвицкого, але и Кологривова маіора и барановъ не сыскалъ тамъ. До канцеляріи енер. двѣ доношеній: 1, прося резолюціи о колодникахъ, которихъ умножилось тутъ, 2, о козакахъ новихъ утѣкачахъ, проявляючихся, о що зъ ними чинити. Черезъ его жъ, до Василя господара, о розних ин-

[1]) Żywoty Swiętych, Лазаря Барановича, напеч. въ Кіевѣ, въ 1690 г.

терессахъ и о спроданню риби, писалемъ и послалемъ грошей 50 р., жеби оніе тулиголовскому старостѣ далъ на покупку жита. Черезъ Якова Дуброву писалемъ до городничого смѣловского о томъ, чтобъ продалъ кобилъ 10 мнѣ, на плодъ, стада алоевского. Черезъ того жъ презента писалемъ до п. Скоропадского комплементъ и до Троцкого объ указѣ о бунчуковихъ. Молодикови п. Андрѣя, поехавшому въ Суми, на ярмарокъ, дала 15 зол. сама на покупки. Уманецъ Степанъ пріехалъ зъ указами зъ канцелляріи и съ коллегіи, жеби бунчуковіе готовалися въ походъ до Гилянѣ, такъ же и козаковъ полку лубенского нарадить бы 375, зъ дѣйствителнимъ сотникомъ. У лазнѣ булисмо. Асаулъ арматний Кузма отпущенъ зъ листомъ до лукомской старшины, жеби ему козаковъ въ полковихъ интерессахъ давано. Черезъ его жъ писано до старшины лубенской, жеби зехавши въ Лукомле, изслѣдовали и аппробовали розискъ о беззаконницѣ и дѣтоубійцѣ. Въ едномъ мѣшечку, зъ присланнихъ отъ Сулаку, недолѣчились 15 шаг., а въ другомъ 13 зол. Дядко поехалъ до Луки, а Опанасъ, тамошній староста, отстановленъ для чародѣянія, якъ слишно, отчасти (?).

20. Кафисму третую переведлемъ зъ інnихъ діялектовъ, противу еврейского, на славенскій. Шубу оправити казалемъ и на оправку оной мало не все футро самой пойшло. Горба бурумского жона пріехавши, сказала о ему, что умеръ. Атласъ червоний панѣ дала на кафанъ. Поехали панѣ и моя сама до Бубновъ, где мѣютъ до коммунѣи приступать. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ.

21. Коммунѣковался я и Зарудній. Прапорщикъ и протчіи були на водцѣ и отійшли. Родителка зъ моею самою повернулись зъ Бубновъ, въ Роменъ. Отъ Орановского получилемъ листъ, въ которомъ ознаймуетъ, что бувши у п. Томарѣ увѣдомились о продаемомъ футорѣ на Чумгачку и слободцѣ Семеновцѣ; у футорѣ—дворъ, хатъ людскихъ 7, а межъ ними тяглихъ 3, близъ футора лѣсъ въ довжъ—на версту, вширъ—узкій, и пустий ставочокъ, а Семеновка отъ футора у 3 верстахъ отстоитъ, где хатъ 30, межъ ними тяглихъ 12; берегъ сѣнокосній на милю, ставочокъ въ селѣ

у версту, другій ставокъ зъ млиномъ, а въ Семеновцѣ и футорѣ становится сѣна будто на 100 воз., и за тое все будто править 12000 зол. Петро Лукомскій, убійца, припроваженъ въ Роменъ и посаженъ за арештъ.

22. Неделя. Укази послани въ сотнѣ, о нарадѣ козаковъ 375 въ Гилянъ зъ бунчуковымъ товариствомъ, именно: зъ смѣлянской, ром., лох., сенец., гор , чорн , пѣр , лубен., лук., а послани въ 3 руки, Воротелякомъ, Іваномъ Ющенкомъ, и Славѣнскимъ. Особливе зъ інструкцѣею да зъ другимъ указомъ, посланъ Григор. Манджосъ до п.п. бунчуковихъ. Зъ колегіи указовъ, 2 получилемъ: 1, о томъ, чтобъ магазейнъ направить въ Веремѣевцѣ, построенній полкомъ миргородскимъ, а 2, о подрадѣ—купить роговъ пороховихъ, бичихъ или коровихъ, не малое число. Тарасъ молодикъ, повернувшись отъ коней, сказалъ, что буланіе приблудніе носатіе суть и ихъ лѣчатъ у Луцѣ. Бородатій золотаръ приносилъ позиченний рондзѣкъ, въ немъ штучокъ всѣхъ 153, а ваги фунтъ и 3 лоти, а рондзѣкъ обсаженъ на чорномъ ременѣ. Обѣдали у насъ прапорщикъ Волжинъ, отецъ протопопъ и отецъ намѣсникъ и сотникова глинская и отчасти подпіихомъ.

23. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтомъ отъ п. Федора, что унѣверсали на Перервинцѣ запечатани въ скринѣ у п. судіиной стоячой суть. Отъ обозного прилуцкого о щетчику, же ему зъ полку жадного нѣтъ респекту, и объ овцахъ чили баранахъ, копія указу колежского. Отъ п. судійной писмо и книгу полскую Żywoty swiętych ...... (?) привезено. Роднѣцкій, брата п. Андрѣя слуга, повернулся зъ сумского ярмарку и сказалъ о п. Стефану Миклашевскомъ, тамъ обрѣтаючомся, и о умершемъ п. Василеви сумскомъ. Провіянтмейстеръ Полянскій, зъ коллегіи посланній осмотрѣть магазейновъ, проехалъ въ Роменъ и бувъ у мене. Компанѣйцѣ явились зъ указомъ давать имъ мисячное и на конѣ отъ декавр. до мая, давать по два возн сѣна и 30 гарцивъ овса, албо по копѣ грошей на мисяць. Зъ вой. енер. канцел. листъ присланъ, жеби гудимовская старшина сѣлская, сотнѣ глинской, заплатили 23 рубля, 6 л., 4 д. въ походную канцелярію князя

Голѣцина, въ Ахтирку, за необявленнаго бѣглого дракгуна, а тому, которій минялся зъ онимъ дракгуномъ на платте, дать наказаніе 40 ударовъ, о которого присилкѣ сюда, такъ же и доправкѣ денегъ, писалемъ до глинского сотника.

24. Романъ молодикъ болшъ сутокъ пючи, пяній многія безчинія починилъ, между которими шинкарку обезвѣчилъ барзо, и посаженъ за друкъ. Молебенъ за именинницю государиню імператрицу, зъ семочисленнимъ стрѣлянnемъ пушечнимъ, отправивши, були всѣ у насъ на водцѣ. Братъ п. Андрѣй зъ своею женою поехали зъ Ромна въ Суми. До отца Іоанна мутинского послалемъ, черезъ смѣлянского козака, 5 зол., а просилемъ, жеби коганця на образецъ прислалъ намъ. О направленню магазейна, миргородскимъ полкомъ строенного, писалемъ до сотниковъ чигир., луком. и Іосифа Шишка. П. Зарудній далъ на себе писмо, подъ потераніемъ футора, если станетъ горѣлку отселѣ пить, кромѣ крайней нужди. Попъ бѣловодскій, Федковъ братъ, поклони посередъ церкви бивъ. Бувъ я у Павла ключника, который сталъ обмагатись въ своей хоробѣ.

25. Козакъ повернулся зъ Нѣжина, посиланий туда зъ писмами, и привезлъ сѣмя нѣмецкого луку и писмо отъ дворецкого полковничого Каратаева, а отъ Петра індуктара о продаемомъ дрикганту турецкомъ за 20 р. Посаженіе за арештъ за безчинія, наказани всѣ кіевимъ боемъ. Алексѣецъ, конюшій, пріехалъ въ Роменъ и донеслъ, что продалъ сѣна нашего людямъ пять скиртъ, за 60 таляр. Онъ же подалъ писмо отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ сухоносовской винницѣ виробылось 6 кадокъ горѣлки, якой и проба, же не худа, прислана. Тютюну въ Сухоносовцѣ зложили папушъ 3010. Лѣсокъ тамъ же въ Сухоносовцѣ купили за 10 таляр. Полковникъ Ямбурского полку, иноземецъ Гротъ, пріехалъ переѣздомъ въ Роменъ, у которого я бувши извѣстился, что отъ князя Голѣцина опредѣленъ зъ бунчуковими ити въ Гилянъ, полку его бившій маіоръ, а нинешний подполковникъ Іванъ Василіевичъ Подимовъ. Родителка мнѣ и моей самой сукна на кунтушѣ дала и протчего. Кровъ пускалемъ зъ головной жили правой руки. О Василевѣ сумскомъ иначей, что живъ, стало слишно.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи [1]). Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ [2]). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій [3]). И однако же это было лице немаловажное въ при-

---

[1]) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“—Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“. — Украинская старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г.“—Земскій сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“

[2]) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

[3]) Только въ 1771 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство?* Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванецъ", восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зило,
Климій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе съуживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ" 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письме́ннаго* человѣка [1]).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа* [2]). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грама́тки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря́* и *часосло́вця* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ [3]).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви [4]). Особенно трудно было изученіе *грама́тки.* Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу.* Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: ‹Азъ, Азъ!›
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!›
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!›
Ой ще жъ бо я не вымовывъ—попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третий разъ, що бъ вымовывъ: ‹Виде!›

---

[1]) Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

[3]) Украинск. старина, Даниловскаго, стр. 297.

[4]) Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *мо́лодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ ёго жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
«Ну-те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
И просывся, и молывся, а ще бильшъ злякався,
Бо задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... [1]).

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити" [2]).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа [3]). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковнообщественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ грамáткѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

---

[1]) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

[2]) Акты, издан. времен. коммиссіей, I, 108.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.", 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *спудеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрóванныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей [1]). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спудеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

[1]) Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
«Когда увижу твои сладчайшіи страви—
Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варени?
О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!» [1]).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслію, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *прикaзка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила къ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть?
Будь сытъ въ твоей долѣ» [2]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.

[2]) Ibidem.

Многіе изъ *эпетентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламарь* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю[1]). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ старинная народная пословица[2]). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привиллегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ[3]).

---

[1]) Украинск. старина, Даниленскаго, 298—299.

[2]) Украинськи приказки, Номиса, стр. 119.

[3]) Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣевскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настоявшея ему тогда бѣди, сямъ и тамъ тулаючися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка [1]).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Диоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принятъ онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковѣ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

---

[1]) Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ желѣзные балясы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хоръ на долъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла“.—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему также кіями и шаблями“..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ". На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись", прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши", направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру". Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка [1]).

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало" помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, где всякіе

«користы бываютъ», куда
«И соборніи нашѣ учащаютъ,

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И по шагу изъ диму рокового брали.
И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, даби клиру сопричтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще кунштп разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали,
Ми бувало всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясшы кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подпиваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
«Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись", находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Няпередъ мене зволте вмаліоваты,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове декы, мудріи вы люце,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику [1]),—отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане даче,—говоритъ мужикъ,—и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заплющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ" вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
Той намъ кіями ктитарь пекарню помаже».

Не обошлась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говоритъ одинъ изъ мужиковъ,—да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припилямъ рога,

---

[1]) Онагръ—asinus ferus.

И іонъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашого брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народъ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письмéннаго особый, политичный звычай» [1]).

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицяться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося такее,

---

[1]) Основа, 1861 г., Январь, 176.

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее,
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?
Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше" для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ"; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе"; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе"; „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки"; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку: радуйтеся! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго зближется! Востаните убо отъ ложей своихъ и восприймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, ищуще сивухи, приймутъ васъ козакы во кровы своя» [1]).

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ" юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана пидъ тиномъ" и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полу-

---

[1]) Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

пѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи". Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый" *латинникъ*, который такъ „учився добре на философіи", что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ". Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запыталы и, що знае, спробувалы". Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ". Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозопу", они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ". Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску". Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну", выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усѣ карты, далѣ Грыцько—въ обѣ ногы, мановыкомъ безъ дорогы, рукамы махае, писенку складае самъ о соби" [1]).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ" [2]). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

---

[1]) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

[2]) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по иниціативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ", которые служили для молодиковъ старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамáтки, псалтиря и часловца.

П. Житецкій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, уцѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи [1]). Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *панъ-дякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ [2]). Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій [3]). И однако же это было лице немаловажное въ при-

[1]) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в." — Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ." — Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства". — Украинская старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г." — Земскій сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ."

[2]) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

[3]) Только въ 1771 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковные приходы такъ называемые *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дьякъ, избранный громадою за *добрый гласъ*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дьяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *панъ-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*панъ-дирехторъ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство?* Кого, чему и какъ училъ дьякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ извѣстной вертепной драмѣ Климъ и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дьяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фертикъ Иванецъ“, восклицаетъ дьякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зило,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дьякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дьяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе съуживаться (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Новороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письме́ннаго* человѣка [1]).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дьякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа* [2]). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грама́тки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря́* и *часосло́вця* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика къ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ", восемь гласовъ на „Богъ Господь явися намъ" и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ [3]).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви [4]). Особенно трудно было изученіе *грама́тки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «А́зъ, Азъ!»
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»
Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!»
Ой ще жъ бо я не вымовывъ — попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третий разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

---

[1]) Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.", 1882 г. Октябрь, 35—36.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

[3]) Украинск. старина, Данилевскаго, стр. 297.

[4]) Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г, находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жъ його жвава рука по чуприни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
«Ну-те жъ, хлопци, заразъ його на лавку кладите!»
И просывся, и молывся, а ще бильшъ злякався,
Бо задалы таку хлосту, що й свита зцурався»... [1]).

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодики школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ луцкой братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити" [2]).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа [3]). Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ грама́ткѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

---

[1]) Старосв. Бандуриста, Н. Закревскаго, 1866 г., 122.

[2]) Акты, издан. времен. коммиссіей, I, 108.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черн. губ.", 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, долѫно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *спудеи* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрóванныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворѣзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кіевская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на доброхотныя подаянія съ кіевскихъ и повѣтовыхъ обывателей [1]). Сборъ этихъ подаяній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *спудеи*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондиціи* въ дома шляхетныхъ людей

---

[1]) Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпускать изъ кіевской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. деньгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Закревскаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ.* Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаяній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачѝ*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*эпетиціи*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
«Когда увижу твои сладчайшіи страви—
Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варени?
О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!» [1]).

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслію, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *прйказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога:
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила къ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть?
Будь сытъ въ твоей долѣ» [2]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1752.

[2]) Ibidem.

Многіе изъ *эпетентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ", слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламарѣ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю[1]). Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный", гласитъ старинная народная пословица[2]). Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастія въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привиллегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ[3]).

---

[1]) Украинск. старина, Данилевскаго, 298—299.

[2]) Украинськи приказки, Номиса, стр. 119.

[3]) Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣевскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настоявшея ему тогда бѣди, сямъ и тамъ туляючися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ". (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочился“ въ первой четверти прошлаго вѣка [1]).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кіевской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабилъ“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Диоклитіяне“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принятъ онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіяне“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дьяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіянамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліяніемъ слезъ не моглъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

[1]) Рукопись первой половины XVIII в., напечатанная въ „Кіевской Старинѣ“, 1885 г, Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія". Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, злобствуя на него, во время всеношной на Свѣтлое Воскресеніе Христово „пхнулъ его изъ хоръ черезъ железные балясы". „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, исъ хоръ на долъ, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мармуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла".—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла", отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ" онъ „діалогъ зъ интермедіею, на якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ". Мѣстный органистъ доминиканскаго кляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать". Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему также кіями и шаблями"..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безпокойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалевскаго, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка [1]).

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«користы биваютъ», куда
«И соборніи нашѣ учащаютъ,

[1]) Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовали
И по шагу изъ диму рокового брали.
И тамъ насъ братія собориѣйша знаеть,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаеть
Подъ нашу милость, даби клиру сопричтити,
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще кунштп разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говоритъ новый пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали,
Ми бувало всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтесь, отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду,
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясшы кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подпиваемъ».

Собесѣдники затѣмъ распрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середнои Буди", что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
«Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ рукы».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропъ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Нанередъ мене зволте вмаліоваты,
А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове декы, мудріи вы люце,
Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
Все не даетъ просвѣтку—дай же его кату!»
—«Не бойся онагрику [1]),—отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положиши».
—«Мы тобѣ, пане дяче,—говоритъ мужикъ,—и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы приготовляются затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заплющъ очи».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что малярь

«не залѣпивъ ему рота,
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
Той намъ кіями ктитарь пекарню помаже».

Не обошлась эта проказа пашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріятели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говоритъ одинъ изъ мужиковъ, «да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припиляемъ рога,

---

[1]) Онагръ—asinus ferus.

И іонъ, ... синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашого брата.
Коли бъ що добре таки, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народъ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человѣкъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письме́ннаго особый, политичный звычай»[1]).

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, „залицяться“ съ поселянками посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюша, сталося такее,

---

[1]) Основа, 1861 г., Январь, 176.

говоритъ пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы.

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее,
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуть люде?
Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше" для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературные и вообще художественные вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ,—не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ не-

достатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ"; „Отъ посланія бахусового къ пиворѣзамъ чтеніе"; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе"; „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки"; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку: радуйтеся! Се радости день приспѣваетъ, день, глаго́лю, праздника рождественскаго зближется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы,—егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, ищуще сивухи, пріймутъ васъ козаки во кровы своя» [1]).

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массой, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ" юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоить латина, привязана пидъ тиномъ" и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полу-

---

[1]) Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

пѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломыи“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на философіи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запыталы и, що знае, спробувалы“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи, „бо винъ филозопъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „филозопу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женутъ въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взялъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутку съ презенцію, мовитъ свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згризантусъ травантусъ на стерниску“. Голодныя свиньи бросились къ дверямъ и разбѣжались. Тогда „батько Грыцька за чуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разогналъ ихъ. Видитъ Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу усѣ карты, далѣ Грыцько—въ обѣ ногы, мановыкомъ безъ дорогы, рукамы махае, писенку складае самъ о соби“ [1]).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“ [2]). Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же

---

[1]) Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

[2]) Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кіевск. Акад. № 151.

латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по инициативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шпаргаловъ“, которые служили для молодиковъ старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамáтки, псалтиря и часловца.

П. Житецкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(продолженіе). [1]).

Первый печатный трудъ А. А. Потебни — магистерская диссертація „*О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи*" 1860 г. (въ 154 стр.)—давно уже вышелъ изъ продажи и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Въ ряду другихъ трудовъ А. А. Потебни это сочиненіе слабое. Здѣсь Потебня пошелъ по пути, проложенному Н. И. Костомаровымъ въ 1843 г. въ сочиненіи „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи". Костомаровъ отыскивалъ символы въ пѣсняхъ; Потебня останавливается на символикѣ въ языкѣ, причемъ располагаетъ символы по единству предполагаемаго въ нихъ основнаго представленія. По опредѣленію Потебни, символика въ языкѣ возникла изъ потребности возстановить забываемое собственное значеніе словъ, вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка. Авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ три главныя отношенія символа къ опредѣленному имъ предмету: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. Болѣе всего символизма обнаруживается въ женскихъ пѣсняхъ, въ зависимости отъ консерватизма женщины. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ обнаруживается яснѣе у русскихъ и сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ чеховъ, поляковъ, лужичанъ и хорватовъ.

---

1) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 1.

Сочиненіе Костомарова объ историческомъ значеніи русской поэзіи, повидимому, было неизвѣстно Потебнѣ, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацію. На Костомарова нѣтъ ссылокъ. Книга Костомарова богаче содержаніемъ и оригинальнѣе по методу и группировкѣ фактовъ. Сравненіе этого перваго труда Потебни съ послѣдующими его сочиненіями, свидѣтельствуетъ о быстротѣ и силѣ его научнаго развитія. Уже сочиненіе *„Мысль и языкъ“*, написанное черезъ два года, составляетъ большой шагъ впередъ, а въ сочиненіяхъ Потебни 70 и 80 годовъ трудно узнать автора книги „О символахъ въ славянской народной поэзіи“.

Въ книгѣ разсмотрѣны символическія значенія словъ: *пить, питье* (желать, стремиться, любить, цѣловать, блудъ, свадебный пиръ; женитьба, какъ символъ битвы и смерти; питье воды—слезы), *ѣда* (хлѣбы—символы мужчинъ и женщинъ), *горечь* (горе, печаль; символика горькихъ растеній, полыни и пр.), *соль* (печаль, непріятность); *сладость* (любовь, счастье, милый), *таяніе* (голодъ, жажда, печаль), *кованье, огонь* (любовь, гнѣвъ), *дымъ* и *пыль* (печаль); краткая замѣтка о заговорахъ на 31—33 стр.; *морозъ* (сближается съ огнемъ, означаетъ жажду, печаль, заботу); неудачное объясненіе слова химорода (отъ зима, хима) на стр. 36; *свѣтъ* (солнце-дѣвица, мѣсяцъ-мужчина, князь; смѣшеніе пола; красота, любовь, веселье); *бѣлый* (названія цвѣтовъ; бѣлый въ значеніи свѣтлый, красный, зеленый, красивый, милый), *зеленый* (малорус. гряный, свѣтлый, молодой, красивый, веселый), *красный, калина* (символъ дѣвства, красоты, любви), *золото* (свѣтъ, красота), *черный, черная туча, темная ночь* (печаль, вражда, смерть и пр.), *быстрота* (красота, любовь, умъ, свѣтъ, сила), *найти* (узнать, развѣдать), *поймать* (сосватать), *вода холодная* (здоровье, сила, молодость), *копать криницу* (любить, сватать), *вода въ криницѣ* (дѣвство), *вѣтеръ* (быстрота, приноситъ человѣка, гостей, уноситъ человѣка—„завіявсь“, „повіявсь“, приноситъ вѣсть, моръ—повѣтріе), *слюна* (слово, порча); гаданія вѣтромъ и водою на 84 стр.; *утопить* (погубить), *разливъ* (горе, недруги), *слезы* (роса, дождь), *лить, обливанье* и *обсыпанье* (обливанье дѣвицъ у колодца на 97;

рождественскіе обряды съ кашей на 100—102); *облако* (ткань, дымъ, символъ покрыванія, изобилія и красоты); *листья* (одежда; зеленые листья—символъ брака; опаданіе листьевъ—разлука); *рой* (густота, изобиліе, красота; символъ молодаго и поѣзжанъ); *вить, вязать, нить, путо, узда* (сватанье, дѣвица, женщина, любовь и бракъ, завиваніе кудрей—любовь и счастье; счастливыя примѣты о паукѣ и паутинѣ; обрученіе; заручины; кромѣ любви, узда, возжи, ярмо означаютъ еще неволю, нужду; рыночные обряды въ зависимости отъ символа вязанія на 132); *ключъ* и *замокъ* (символы власти, дѣвицы, росы, силы слова); *рвать* (переходъ въ ткать, плесть, чесать, рѣзать, бить); *платье* (рубаха—дѣвица, рвать ткань—любить); *дорога* (ходить по дорогѣ—любить); *орать* (любить, жениться), *равнина, поле* (воля, приволье) и *горы* (горе, неволя).

Фактическій матеріалъ почерпнутъ большею частью изъ сборниковъ Метлинскаго и Терещенка, затѣмъ изъ Гаупта, Кульды, Сахарова, Кулиша, Жеготы Паули, Караджича, Войцицкаго и статей Буслаева.

Въ диссертаціи Потебни о символахъ уже ясно и отчетливо обнаружились этнографическіе интересы автора. Потебня вкратцѣ останавливается на обрядахъ, сказкахъ, заговорахъ, примѣтахъ. Нѣкоторыя этнографическія детали, еле отмѣченныя въ диссертаціи 1860 г., впослѣдствіи были подробно разобраны Потебней. Такъ, въ томъ же направленіи символическаго толкованія языка и поэзіи написаны статьи „*О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ*“ (1864 г.), и „*Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака*“ (1867 г.). Это символическое направленіе проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Потебни, въ томъ числѣ въ лучшихъ позднѣйшихъ, напр., въ рецензіи на сборникъ пѣсенъ Головацкаго и въ сочиненіи о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, но уже въ сопровожденіи многихъ примѣровъ и съ надлежащей научной аргументаціей.

Въ 1865 г. А. А. Потебня въ „Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. рос.“ помѣстилъ обширное (310 стр.) изслѣдованіе „*О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій*“. Символическое толкованіе словъ обнаруживается во многихъ под-

строчныхъ примѣчаніяхъ, изрѣдка въ текстѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ миѳологія. Это было время господства въ Россіи миѳологической теоріи. Въ Германіи увлеченіе миѳологіей начинало уже ослабѣвать. Въ 1859 г. вышло знаменитое предисловіе Бенфея къ Панчатантрѣ, положившее начало новому направленію — ученію о литературномъ и бытовомъ заимствованіи, которое повело къ ограниченію миѳологической теоріи. Но въ Россіи въ 60-хъ годахъ ученіе это не успѣло окрѣпнуть. На поприщѣ миѳологическаго изслѣдованія повѣрій и обрядовъ Потебня имѣлъ уже талантливыхъ предшественниковъ, Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьева, отчасти Бодянскаго и Шеппинга, но Потебня не послѣдовалъ за ними въ выборѣ темъ, въ распредѣленіи матеріала и въ выводахъ. Его учителями и руководителями оказались выдающіеся представители нѣмецкой миѳологіи, Я. Гриммъ, Мангардтъ и Вольфъ. Потебня выбиралъ темы и распредѣлялъ матеріалъ самостоятельно; но въ выводахъ, въ освѣщеніи и толкованіи обрядовъ и повѣрій—обнаруживается вліяніе нѣмецкихъ образцовъ.

Сочиненіе распадается на три большія главы. Первая посвящена рождественскимъ обрядамъ (1—80); вторая трактуетъ о бабѣ-Ягѣ (81—232) и третья о змѣѣ, волкѣ и вѣдьмѣ (233—310). Каждая глава представляетъ самостоятельное цѣлое.

Излѣдованіе *о рождественскихъ обрядахъ* оказалось наиболѣе продуктивнымъ въ научномъ отношеніи, по обилію фактическихъ данныхъ и тѣсной связи ихъ съ жизнью народа. Начинается это изслѣдованіе съ описанія сербскаго *бадняка* (сожиганіе въ печи бревна), посыпанія хлѣбныхъ зеренъ, возжиганія свѣчей и чествованія плуга. Далѣе говорится о посвященіи солнцу и жертвоприношеніи свиньи, быка и оленя, отчего пошли и обрядныя кушанья: свинина, колбасы. Въ концѣ изслѣдованія собрано много матеріала объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши. Съ 1865 г. русская наука не стояла на мѣстѣ, и въ то время, какъ Потебня оставилъ шаткую почву миѳологіи и предался спеціально филологическимъ занятіямъ, всѣ части его труда о рождественскихъ обрядахъ были другими учеными исправлены, развиты, переработаны, и наконецъ въ

новое время появились самостоятельные научные труды по тѣмъ же отдѣламъ фольклора, и въ этихъ трудахъ выдвинуты новые матеріалы и новыя точки зрѣнія. Прежде всего крупныя исправленія внесены П. А. Лавровскимъ въ рецензіи 1866 г. Эти исправленія касаются преимущественно предложенныхъ Потебней толкованій отдѣльныхъ словъ (баднякъ, млинъ, ядро и др.). Толкованія обрядовъ и повѣрій, предложенныя Лавровскимъ, сравнительно съ его филологическими поправками, имѣютъ мало значенія. Обрядовое употребленіе свинины и родственные обряды подробно обслѣдованы А. Н. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ" (1880 г.); обрядовое употребленіе хлѣба разработано мной въ 1885 г. въ спеціальной монографіи „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ", причемъ трудъ А. А. Потебни былъ для меня драгоцѣннымъ пособіемъ. Позднѣе въ 1887 г. вышло сочиненіе Гуссона „Histoire du pain à toutes les epoques et chez tous les peuples", содержаніе котораго, довольно жидкое, не отвѣчаетъ громкому заглавію, интересное сочиненіе чешскаго ученаго Коштяла „Chléb v pověrach a zvycich lidu českeho" (1886), небольшая моя статейка „Starodawne sposoby przyrządzania chleba" въ „Вислѣ" 1890 г. Сюда же относится небольшое сочиненіе Штауба „Das Brod im Spiegel schweizer-deutscher Volkssprache und Sitte" (1868 г.).

Изслѣдованіе *о бабѣ-Ягѣ* до настоящаго времени сохранило большую научную цѣнность, по обилію разнороднаго этнографическаго матеріала. Въ началѣ изслѣдованія Потебня говоритъ о Гольдѣ и Бертѣ, затѣмъ сближаетъ съ этими миѳическими лицами бабу Ягу, на основаніи нѣкоторыхъ общихъ повѣрій о мыши и воронѣ. Далѣе идетъ сближеніе съ бабой Ягой Гвоздензуба, бабы Руги, бабы Коризмы, Покладней бабы и Марены. Большія сомнѣнія вызываютъ дальнѣйшія миѳическія толкованія сказокъ о лисѣ и сближеніе ихъ съ сказками о бабѣ Ягѣ. Значительный интересъ представляетъ разборъ сказки объ Ивасѣ и вѣдьмѣ, въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева объ этой сказкѣ. Большой научный интересъ имѣетъ разборъ основныхъ мотивовъ сказокъ о злой мачихѣ. Изъ частныхъ сказочныхъ мотивовъ весьма подробно разсмотрѣны: кобылья голова,

сказочныя жабы, чудесныя по быстротѣ кони, женщины-лебеди, южнославянскія вилы, связь вилы со звѣздою, мотивы о бабиныхъ дочкахъ, о черепахѣ, ракѣ, пчелѣ и щукѣ въ народной словесности, въ частности по связи ихъ съ бабой Ягой. Статья оканчивается сближеніями Яги съ Пятницей и Недѣлей, не выдерживающими научной критики. Погрѣшности въ миѳическомъ толкованіи обрядовъ и повѣрій не роняютъ статью въ научномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что подстановки неба, тучи, зимы, висящія въ воздухѣ, легко отдѣлимы отъ богатаго пущеннаго въ ходъ этнографическаго матеріала, и всякій безпристрастный и добросовѣстный этнографъ найдетъ въ статьѣ Потебни о Ягѣ цѣнное и полезное пособіе по многимъ отдѣламъ фольклора. Основныя положенія о миѳическомъ значеніи Яги вѣрны, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени ни мало не поколеблены. Г. Ганушъ-Махалъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о славянской миѳологіи (Nákres slovanskeho bajeslovi, 1891 г.), вполнѣ раздѣляетъ основное положеніе Потебни о миѳическомъ значеніи Яги, какъ образѣ зимнихъ бурь и тучъ; съ славянскими повѣрьями о Ягѣ онъ сравниваетъ древне-греческія о горгонахъ (66 — 68). Статьѣ Потебни о Ягѣ вредитъ обиліе частныхъ мотивовъ, такія сближенія (сказки о лисѣ и др.), которыя не имѣютъ связи съ сказками о Ягѣ и привлечены гадательно. Эти детали имѣютъ самостоятельную цѣнность; но въ экономіи статьи онѣ представляются часто лишними и нарушаютъ цѣльность содержанія и послѣдовательность въ изложеніи основныхъ мотивовъ сказокъ и повѣрій о Ягѣ.

Третья глава, посвященная *сближенію змѣя, волка и вѣдьмы*, представляетъ также цѣнное научное изслѣдованіе, не въ силу самаго сближенія, искусственнаго и натянутаго, а по подбору и обработкѣ сыраго этнографическаго матеріала. Строгій критикъ сочиненія „О миѳич. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ П. А. Лавровскій отдаетъ справедливость автору, что „концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его разработки“. Потебня начинаетъ третью статью съ опроверженія мнѣнія Аѳанасьева о змѣѣ, какъ громовомъ божествѣ, и говоритъ о связи змѣя съ водой, съ тучами, причемъ подро-

бно останавливается на сказкахъ о борьбѣ богатырей со змѣемъ изъ-за похищенныхъ послѣднимъ царевенъ, сказкахъ о трехъ царствахъ, сказкахъ о Кощеѣ Безсмертномъ, гдѣ Кощей замѣняетъ змѣя, сказкахъ о змѣиныхъ дочкахъ и женѣ змѣя (=туча) и сказкахъ о сватаньѣ на дочери змѣя (сказки объ Иванѣ Голикѣ и др.). Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о волколакахъ, упыряхъ и вѣдьмахъ, предположенія о миѳическомъ значеніи ихъ, приложимыя вполнѣ къ вѣдьмамъ, но большею частью ошибочныя относительно волколаковъ и упырей. Статья оканчивается интереснымъ обзоромъ растительныхъ обереговъ отъ вѣдьмъ, чеснока, крапивы, терновника и осины.

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ“ вызвало обширную (въ 102 стр.) и суровую критику П. А. Лавровскаго во 2 кн. „Чтеній московск. общ. истор. и древ.“ 1866. Рецензія Лавровскаго сильна по отрицанію, но слаба и безцвѣтна въ смыслѣ положительномъ. Рецензентъ удачно и мѣтко вскрываетъ слабыя стороны въ выводахъ Потебни, не давая своихъ собственныхъ и не восполняя этнографическаго матеріала. Слабостью положительныхъ данныхъ объясняется, что рецензія Лавровскаго не оставила въ наукѣ замѣтнаго слѣда. Лавровскій признаетъ въ сочиненіи Потебни „усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицаетъ пользы его для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ“ (102); но въ то же время Лавровскій обстоятельно обвиняетъ Потебню въ томъ, что онъ „придалъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало обратилъ вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную“, не обратилъ вниманія на христіанскія элементы и подгонялъ факты подъ предвзятую идею. Послѣдній упрекъ, подкрѣпленный многочисленными ссылками и выписками, для Потебни былъ полезенъ. Десять лѣтъ спустя Срезневскій писалъ: „Читая произведенія (Потебни 60-хъ годовъ), нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и про-

изведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріискакани соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствомъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходить къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полнаго уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ работы и пріемовъ критики, для оцѣнки важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды Потебни, нельзя не быть признательнымъ ему за нихъ, такъ же, какъ, напр., и Лавровскому за строгій разборъ части ихъ. Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній Потебни должно считать достояніемъ науки" (*Срезневскій*, Отчетъ, 17—18). Можетъ быть, не безъ вліянія критики Лавровскаго развелась въ Потебнѣ съ теченіемъ времени большая осторожность въ выводахъ. Въ послѣднихъ, самыхъ крупныхъ по величинѣ и достоинству, этнографическихъ трудахъ Потебни эта осторожность уже такъ велика, что встрѣтила осужденіе со стороны А. Н. Пыпина: „Новые труды ученаго автора, говоритъ г. Пыпинъ, въ высокой степени цѣнны для спеціалистовъ громадной массой наблюденій надъ стилемъ народной пѣсни, ея метафорическими и символическими образами, миѳологическими намеками, психологической подкладкой; жаль, однако, что авторъ все время остается только изслѣдователемъ комментаторомъ, собираетъ богатый матеріалъ любопытныхъ сопоставленій и уклоняется отъ общаго вывода о стилѣ и миѳологи-

ческомъ содержаніи изслѣдованныхъ имъ областей народной поэзіи,—вывода, который въ рукахъ многоопытнаго изыскателя могъ бы быть особливо поучителенъ, между прочимъ какъ руководство для послѣдующихъ работниковъ на этомъ поприщѣ" (Ист. русск. этногр., II, 153).

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ" къ малорусской этнографіи относится косвенно, по обилію вошедшихъ въ него (преимущественно въ первую главу) малорусскихъ повѣрій и сказокъ.

Не имѣетъ прямого отношенія къ малорусской этнографіи и другое ближайшее по времени (1866 г.) сочиненіе Потебни *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій* (въ Филол. Запискахъ и отдѣльно). Отзывъ объ этомъ сочиненіи—Срезневскаго въ его Отчетѣ, стр. 19 — 20. Основное положеніе Потебни, принятое Срезневскимъ, состоитъ въ томъ, что раздробленіе древне - русскаго языка, отличнаго уже отъ другихъ славянскихъ, на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

Въ 1867 году Потебня напечаталъ двѣ большихъ статьи этнографическаго содержанія: „*О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ*" (во II т. „Древностей" Моск. арх. общ.) въ 44 стр. и „О купальскихъ огняхъ" (въ „Археол. Вѣстникѣ" Московарх. общ.) въ 19 стр. Обѣ эти статьи, въ особенности вторая (о купальскихъ огняхъ), сохранили до настоящаго времени научную цѣнность по обилію матеріала, подбору его и выводамъ.

Въ настоящее время народныя представленія о Долѣ имѣютъ обширную научную литературу. Въ 60 годахъ матеріала было еще мало, и матеріалъ былъ очень разбросанъ. Можетъ быть, широкая научная разработка Доли обязана именно тому, что Потебней былъ заложенъ прочный фундаментъ. Въ началѣ статьи Потебня говоритъ о названіяхъ Доли и Недоли (счастье, доля,

среча, намјера, случай, притча, пригода, рокъ, лихо, бѣда, горе, журба) и объ отношеніи Доли и Недоли къ человѣку (приходятъ къ человѣку, помогаютъ или мучатъ и пр.). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, что Доля и Недоля—не олицетворенія, какъ думалъ Ѳ. И. Буслаевъ, а миѳическія существа съ объективнымъ бытіемъ. Въ доказательство этого положенія слѣдуютъ обстоятельныя указанія на связь Доли и т. п. съ несомнѣнно миѳическимъ лицомъ—домовымъ, на связь Доли и души, Доли и болѣзней, Доли и Усуда сербскихъ сказокъ. При этихъ параллеляхъ и сопоставленіяхъ собрано много матеріала о домовомъ, скандинавской фильгіи и дѣтской сорочкѣ, о народныхъ представленіяхъ о болѣзняхъ вообще, въ частности о лихорадкахъ. Въ концѣ статьи находится подробный обзоръ сербскихъ сказокъ объ Усудѣ, въ которомъ Потебня усматривалъ верховное миѳическое существо—подателя доли. Къ этой статьѣ Потебни можно примѣнить тотъ упрекъ, который Лавровскій сдѣлалъ Потебнѣ по поводу сочиненія о миѳическомъ значеніи повѣрій: полное невниманіе къ повѣрьямъ, сложившимся на христіанской апокрифической почвѣ, что въ особенности приложимо къ той части, гдѣ рѣчь идетъ о лихорадкахъ.

Съ легкой руки Потебни научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ крупныхъ изслѣдованій о народныхъ представленіяхъ о долѣ: Боровиковскаго (1867 г.), г. Крауса (1889), г. Александра Веселовскаго (1883 и 1891), г. Васильева (1890), г. Довнаръ-Запольскаго (1891) и П. В. Иванова (1892 г.). Въ ряду этихъ изслѣдованій труды Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній“ москов. общ. истор. и древн. рос. 1867 г.), г. Васильева (въ Этногр. Обозр. 1890, № 1) и г. Иванова (въ IV т. Трудовъ харьк. истор.-филол. общества) построены всецѣло на украинскомъ матеріалѣ. Въ научномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обширный трудъ г. Веселовскаго.

Статья „*О купальскихъ огняхъ* и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ и въ настоящее время представляется наиболѣе крупной и цѣнной въ научной литературѣ о купалѣ. Съ 1867 года появилось довольно много новаго матеріала; но матеріалъ этотъ не подвергался подробному научному обслѣдованію. Моя

краткая статья въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ (§ 57) и также краткія статьи г. Соболевскаго (въ Рус. Филол. Вѣстн.) и г. Ганушa-Махала (въ Nakres slov. bajeslovi) не могутъ въ совокупности замѣнить статью Потебни. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ многихъ купальскихъ обрядовъ и повѣрій; но за то тѣ немногія детали, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Потебни, разобраны имъ весьма обстоятельно. Въ началѣ статьи находится сближеніе купальскихъ костровъ съ топленіемъ и сожиганіемъ Марены—въ доказательство, что купало—праздникъ солнца. Далѣе слѣдуетъ интересный обзоръ фактовъ о добываніи огня посредствомъ тренія и о всемірномъ небесномъ деревѣ; но лучшая часть статьи—послѣдняя, гдѣ Потебня говоритъ о громовомъ и солнечномъ значеніи омелы, лѣщины, дуба, плакуна, вербы и папортника. Мнѣніе о связи этихъ растеній съ небеснымъ огнемъ, можетъ быть и несостоятельное въ нѣкоторыхъ фактическихъ деталяхъ, въ основаніи представляется весьма вѣроятнымъ. Подборъ фактовъ сдѣланъ широко, въ особенности много собрано о папортникѣ. Во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю купальскихъ обрядовъ и повѣрій прійдется серьозно считаться съ мнѣніями Потебни, прійдется пользоваться собраннымъ имъ матеріаломъ. Можно надѣяться на скорое появленіе такого спеціальнаго труда о купалѣ, въ которомъ купальскіе обряды и пѣсни будутъ разобраны во всей ихъ полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе думать, что такимъ изслѣдованіемъ подаритъ науку современная польская этнографія, можно думать въ виду того усердія, съ которымъ польскіе этнографы собираютъ матеріалъ, какъ польскій, такъ и южнорусскій. Лучшій, наиболѣе полный сборникъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ принадлежитъ г-жѣ Мошинской въ V т. „Zbiór wiadomosci do antrop. krajowej“. Въ прошломъ году г. Любичъ составилъ подробную программу (kwestionariusz) для собиранія свѣдѣній о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ (Sobótka). Эта программа вызвала уже цѣлый рядъ замѣтокъ и матеріаловъ въ журналѣ „Wisła“, въ частности въ 1 кн. „Вислы“ 1891 г. любопытный матеріалъ г. Ястржембовскаго.

Въ 1870 года Потебня въ „Филологическихъ Запискахъ“ помѣстилъ *„Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“*, вышедшія въ въ 1871 г. отдѣльно книгой въ 134 стр. Въ 1875 г. Срезневскій писалъ объ этой книгѣ: „По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки; но кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскимъ въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средство доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя также не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу“ (Отчетъ, 22). „Замѣтки“, цѣнныя въ филологическомъ отношеніи, не даютъ ничего этнографическаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Только на стр. 62—64 находится любопытная замѣтка о трехъ малорусскихъ словахъ дзыглыкъ, дженжуристый и дзиндзиверъ. Останавливаясь на славянскихъ словахъ съ дж, дз, Потебня говоритъ: „Малорусскихъ словъ съ дз, дж несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь Аѳанасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ украинскомъ говорѣ стоитъ дз, дж: дзигликъ, польск. zedlik, zedel есть нѣмец. sessel по нижненѣмецкому произношенію съ t; джиджулуха, приджиджулиться—принарядиться, откуда дженджуристый—нарядный, серб. кинджуритися—рядиться, джинджеръ—какое то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ эпитетъ человѣка, и джинджуха—стеклянная бусина, и третье слово — дзиндзиверъ, по мнѣнію Потебни, malva moschata—растеніе съ пряннымъ запахомъ (по мнѣнію другихъ—althea officinalis или malva silvestris). Отъ вы-

сокаго ствола растенія переносное значеніе дзиндзиверъ—молодецъ (въ Энеидѣ Котляревскаго и въ народныхъ пѣсняхъ). Потебня указываетъ далѣе, что въ хожденіи за три моря Аѳанасія Никитина (1468 г.) упоминается зеньзебиль (zinziber officinale), и затѣмъ, по даннымъ у Пота, указано греческое слово дзиндзиверисъ и его италіанскія и нѣмецкія искаженія (zenzevere, giengiero, ingwer, инбирь). Этими данными вообще опредѣляется происхожденіе малор. дзиндзиверъ, причемъ Потебня не берется рѣшать, перешло ли это слово прямо изъ греческаго или черезъ италіянскій, что тоже возможно.

Со времени „Замѣтокъ“, или, точнѣе, со времени „Купальскихъ огней“, т. е. съ 1867 г. и до конца семидесятыхъ годовъ, до 1877 и 1878 г., Потебня работалъ въ области спеціально филологической. Въ это время имъ были напечатаны „Записки по русской грамматикѣ“, первая часть „Къ исторіи звуковъ“ и разборъ „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ г. Житецкаго. Можно было подумать, что Потебня совсѣмъ оставилъ этнографію, и по этому поводу появились даже сожалѣнія, высказанныя авторитетными людьми науки. Такъ, Срезневскій въ своемъ академическомъ отчетѣ 1875 года писалъ: „Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, насколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились“.

Опасенія были напрасны. Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ Потебня снова выступилъ на поле этнографическихъ изученій и обогатилъ науку капитальными трудами, далеко превосходящими его этнографическія изслѣдованія 60-хъ годовъ, по методологіи, обилію фактовъ и осторожности въ выводахъ.

Второй періодъ этнографической дѣятельности Потебни охватилъ ровно десятилѣтіе, начался въ 1877 году съ объясненія одной малорусской пѣсни XVI в. и закончился въ 1887

г. объемистымъ трудомъ о колядкахъ. Этнографическіе труды Потебни этого періода стоятъ къ Малороссіи гораздо ближе, чѣмъ отмѣченные выше труды о рождественскихъ обрядахъ, бабѣ Ягѣ, Долѣ и Купальскихъ огняхъ.

Въ малорусской этнографіи выдаются по научной обстановкѣ 3 изданія памятниковъ словеснаго народнаго творчества: „Историческія пѣсни Антоновича и Драгоманова (1874 г.)", „Малор. пѣсня по списку XVI в." Потебни (1877) и „Корницкая свадьба" Н. А. Янчука (1886 г.). Каждое изъ этихъ изданій имѣетъ свои особенности; въ одномъ преобладаютъ историческія толкованія, въ другихъ филологическія; но всѣ эти изданія должны быть настольными книгами при собираніи, обработкѣ и изданіи этнографическихъ матеріаловъ, какъ образцы высокаго уваженія къ народному слову, трудолюбиваго и добросовѣстнаго изученія народныхъ пѣсенъ въ цѣломъ и въ мелкихъ подробностяхъ. Тутъ важно содержаніе и методъ изслѣдованія, пріемы издателей, самое отношеніе ихъ къ предмету изслѣдованія. У Антоновича и Драгоманова методологія отчасти заслонена и ослаблена богатствомъ самого содержанія пѣсенъ, ихъ высокими художественными достоинствами. Потебня и г. Янчукъ оперируютъ надъ матеріаломъ сравнительно мелкимъ и блѣднымъ, и потому самая работа ихъ стоитъ болѣе на виду; отчетливѣе обрисовываются всѣ ихъ пріемы и выводы.

Статья Потебни *„Малорусская народная пѣсня по списку XVI в."* (текстъ и примѣчанія) была сначала напечатана въ Филол. Запискахъ, потомъ вышла въ оттискахъ (53 стр.). Здѣсь находится разборъ малорусской пѣсни, напечатанной въ „Чешской грамматикѣ" Благослава (1571 г.) въ числѣ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Пѣсня эта—„Дунаю, Дунаю, чому смутенъ течешь"—повѣствуетъ о томъ, какъ на берегу Дуная сражались три арміи, турецкая, татарская и волоская. Стефанъ, воевода волоскій, не можетъ жениться на любящей его дѣвушкѣ, потому что она не ровня ему, и не можетъ бросить ее, потому что любитъ ее. Дѣвица бросается въ Дунай, и Стефанъ ее спасаетъ (причемъ предполагается и женитьба). Комментаріи раздѣляются на четыре главы: 1) о языкѣ, 2) о размѣрѣ, 3) о

началахъ пѣсенъ и 4) о главномъ содержаніи пѣсни о Стефанѣ. Въ первой главѣ отмѣчены чехизмы и случаи дательнаго на *ми* и *ти*, *намъ*, *вы*, *вамъ*, во второй—о размѣрѣ пѣсни о Стефанѣ въ 12 слоговъ въ стихѣ и о цезурѣ. Эта маленькая глава представляетъ зародышъ тѣхъ обширныхъ изслѣдованій о размѣрѣ пѣсенъ, какія вошли въ рецензію на сборникъ пѣсенъ Головацкаго (1878 г.) и въ сочиненія о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ (80-хъ годовъ). Въ этой главѣ Потебня высказываетъ слѣдующее положеніе, подробно развитое въ упомянутыхъ его трудахъ: „Говорить здѣсь о ямбахъ, хореяхъ и проч., хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другаго основанія кромѣ школярной рутины. Единственный метръ есть именно полустишіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтаксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва“. Въ краткой четвертой главѣ говорится о символическомъ значеніи героическаго средства дѣвицы броситься въ Дунай. Главная сила статьи заключается въ обширной третьей главѣ (14—50), трактующей о народной поэзіи съ новой стороны. Здѣсь Потебня „безъ притязаній на полноту“ отмѣчаетъ слѣдующіе пріемы: 1) начала пѣсенъ безъ приступа, съ событія или рѣчи дѣйствующаго лица, или съ краткаго и сухаго обозначенія мѣста и времени; 2) начала съ непосредственнаго воспріятія пѣвца; 3) начала съ символа; 4) начала, изображающія дѣйствія пѣвца и приводящія его къ извѣстнымъ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе пѣсни; въ силу того, что такія начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми, Потебня посвящаетъ нѣсколько страницъ заговорамъ и плачамъ; 5) начала съ подробнаго описанія мѣстности дѣйствительной или идеальной, описанія, равнаго основному содержанію пѣсни или даже переростающаго это содержаніе; 6) начала, въ которыхъ не самъ пѣвецъ видитъ поле, море и пр., а птица съ высоты полета, причемъ широкая сцена, какъ и въ началахъ предыдущаго №, представляетъ иногда тройственное дѣленіе; къ этимъ началамъ подходятъ начала со звѣзды или съ животныхъ, и 7) начала, въ которыхъ разрабатывается

внутреннее содержаніе пѣсни и мысль пѣвца внутри самой пѣсни находитъ новое движеніе мысли по спирали къ центру, своего рода einschachtelung. Такія начала встрѣчаются въ величальныхъ пѣсняхъ. Эти положенія снабжены многими примѣрами.

Въ статьѣ „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебня неоднократно обращается къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ статьи есть замѣтки о языкѣ Слова, въ концѣ—о запѣвѣ автора Слова“. Очевидно, что Потебня въ это время обстоятельно изучалъ *Слово о Полку Игоревѣ* въ связи съ народной поэзіей, преимущественно южнорусской. Результатомъ этихъ изученій было обширное изслѣдованіе о Словѣ, напечатанное въ „Филол. Запискахъ“ 1878 г. (были оттиски). По существу дѣла, этнографическій матеріалъ, приведенный въ обиліи, имѣетъ здѣсь служебное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, имѣющихъ общее этнографиееское значеніе, наприм., замѣтокъ о молоткѣ, саблѣ съ очами и о вѣщихъ перстахъ (12—14), Велесѣ, вилетѣ и пр. (22), образахъ Дива, Горя, Обиды (28—31, 36, 69, 97), сравненіяхъ князя съ солнцемъ (44), разныхъ эпитетахъ (44, 45), значеніи словъ свычай и обычай (48—50), символѣ битвы (62), символѣ погибели (79, 94), символахъ печали и слезъ (84—90), толкованіе собственныхъ именъ Роменъ (городъ по рѣкѣ, роменъ=литов. ramus, тихій, спокойный) и Оскелъ (105), толкованія словъ буй, буево и др. (112), о символѣ разлуки (114), символахъ битвы (125), символѣ любви и брака (148), о пѣніи лебедей (151). Замѣтки о символахъ, повторяющія общія мнѣнія, высказанныя въ магистерской диссертаціи 1860 г., обставлены примѣрами изъ народной словесности, что придало символическимъ толкованіямъ прочную опору.

Въ 1878 г. въ Отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ было напечатано одно изъ крупныхъ сочиненій Потебни—*рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго* (89 стр.). Это сочиненіе извѣстно лишь немногимъ спеціалистамъ. Малая извѣстность его обусловлена помѣщеніемъ въ такомъ изданіи, которое имѣетъ очень ограниченный кругъ читателей. Оттиски

были, но, кажется, въ небольшомъ количествѣ и въ продажу не поступали. Затѣмъ, эта статья Потебни съ трудомъ читается; она состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ; встрѣчаются отступленія; прокладываются новые пути для изученія пѣсенъ, требующіе отъ читателя усиленнаго вниманія, рѣчь сжатая, сильная и мѣстами тяжелая. А между тѣмъ—это единственное сочиненіе Потебни, гдѣ на ряду съ научными деталями высказались общіе взгляды и убѣжденія автора по вопросамъ объ отношеніи народности къ цивилизаціи, о значеніи денаціонализаціи и др. т. п. Самъ Потебня дорожилъ этимъ трудомъ преимущественно съ этой стороны, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ автобіографіи: „Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попадали только строки, напр., въ разборѣ пѣсенъ Головацкаго". Самыя характерныя страницы (29—34), нашедшія мѣсто въ академическомъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть переданы лишь въ сокращеніи. Основная мысль автора достаточно отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ:...... „Отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизаціи можетъ подорвать довѣріе къ націонализму въ тѣхъ, для кого это ученіе не стоитъ крѣпко и не связано неразрывно съ самымъ предметомъ ихъ занятій.... Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности не возникали бы вовсе..... Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія, она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное, отрицаніе прежняго содержанія. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли,

какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности"..... Въ этихъ словахъ заключается примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обѣимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ, во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня гуманистъ и мыслитель.

Рецензія Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ, послѣ краткихъ историческихъ замѣчаній о Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ и объ этнографической картѣ Головацкаго, слѣдуютъ замѣтки о названіяхъ горъ, перешедшихъ изъ Галиціи на сѣверъ и сѣверо-востокъ (бескéди, грунь, дилування и щелопокъ), племенныхъ галицко-русскихъ названіяхъ (гуцулы, бойки и лемки), о словахъ, свидѣтельствующихъ объ инородныхъ вліяніяхъ на галичанъ (румын. брындза, вурда, кглякгъ, струнка, греч. бескиды, колиба, нѣмец. плекати). Далѣе слѣдуетъ объясненіе обычаевъ и названій ихъ: мѣшенье (пробное доеніе коровъ, отъ корня ма—мѣрить, откуда мѣсяцъ, какъ измѣритель времени), лещадь (бирки, счетныя палочки, расколотыя съ одного конца), токма (установленіе цѣны на овецъ на сходкѣ сельскихъ старшинъ, срав. съ точно, притча, приткнути, ровно, справедливо), эти замѣтки (21, 25) любопытны по существу, въ частности, по обстоятельной аргументаціи. На 24 стр. Потебня привелъ сказку о томъ, какъ „попъ телывся", которую слышалъ въ Пенз. губ. Въ послѣднее время издано нѣсколько варіантовъ этой сказки, въ I т. „Смоленскаго Сборника" Добровольскаго (бѣлорусская), въ „Сборникѣ" Манжуры (малорусская, на стр. 94), въ Κρυπτάδια въ I т. (великорусскія). Потебня объясняетъ этой сказкой ту насмѣшливую пѣсню, гдѣ говорится, что Бойко отца своего съѣлъ, что, однако, весьма сомнительно. Сказка сама по себѣ, а насмѣшка надъ Бойками сама по себѣ, и между ними не видно ничего общаго. Галицкая пѣсенька отличается вполнѣ мѣстнымъ колоритомъ.

Вторая глава имѣетъ самостоятельное научное значеніе. Здѣсь находится оцѣнка сборника Головацкаго по полнотѣ,

правописанію и распредѣленію пѣсенъ. Въ эту главу вошло обширное и цѣнное изслѣдованіе о формальныхъ основаніяхъ дѣленія пѣсенъ. Относительно величины сборника г. Потебня говоритъ: „Изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсенъ сб. Г. бо́льшій и лучшій; всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлъ колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образцовъ значительно превосходитъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника Чубинскаго“. Потебня принятое Головацкимъ этимологическое правописаніе признаетъ неудобнымъ, по недостаточности его научнаго опредѣленія. „Изданіе произведеній устной словесности, говоритъ Потебня, должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаетъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое... Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе не есть оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко, что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее иносказаній, умышленно ничего не маскирующее, не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно, не преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ“.

Въ статьѣ о формальной систематизаціи пѣсенъ Потебня исходитъ изъ того положенія, что разряды малорусскихъ и др. сродныхъ пѣсенъ характеризуются прежде всего напѣвомъ и размѣромъ. Опредѣленіе пѣсенъ по напѣву дѣло очень трудное, требующее знанія музыки. „Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія“. Немного иначе обстоитъ дѣло съ размѣромъ, какъ болѣе простой

и легче доступной формой пѣсни. Потебня предполагаетъ, что съ опредѣленіемъ размѣра опредѣлятся широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчено будетъ отыскиваніе развѣтвленій и сліяній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно, по сродству поэтическихъ образовъ. По формулѣ, гдѣ въ скобкахъ заключенъ стихъ, дѣленія котораго по слогамъ означены цифрами, и гдѣ поставлено число передъ скобками, обозначающее сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета, — по этой формулѣ Потебня указываетъ на слѣдующіе выдержанные размѣры: колядки—$^2[5+5]$, веснянки—$^2[5+5]$ или $^2[5+3]$, коломыйки—$^2[8+6]$, талалайки—$^2[6+6]$. Свадебныя пѣсни и думы отличаются неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ. Опредѣленіе размѣра безъ привычки дѣло мѣшкотное и утомительное, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты представляются проблематичными. Потебня производилъ эту работу легко: произнося въ слухъ стихъ, онъ выстукивалъ по столу пальцами, и размѣръ быстро опредѣлялся по числу ударовъ въ зависимости отъ числа слоговъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ извѣстно, только польскій этнографъ Нейманъ усвоилъ предложенный Потебней способъ опредѣленія размѣра и съ успѣхомъ приложилъ его въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ въ VIII т. „Zbiór Wiadomości do antrop. krajowej“.

Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено началамъ пѣсенъ, указывающимъ на личность слагателя, преимущественно гуцульскихъ пѣсенъ. Эти начала (со звона, съ крика кукушки и др.), по словамъ Потебни, отвѣчаютъ выраженіямъ газетъ: „намъ сообщаютъ“, „упорно держится слухъ, что“... На этихъ же страницахъ (64—80) разбросаны замѣтки о символическомъ значеніи рѣки—рѣчи, дождя—слуховъ, купаться—женихаться, пить—любить и др., замѣтки, восполняющія примѣрами то, что уже было высказано въ диссертаціи 1860 г. о нѣкоторыхъ символахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Путешественныя записки Василья *Зуева* отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

Путешествіе въ Малороссію, изданное *К. П. Шаликовымъ*. М. 1803 г.

Другое путешествіе въ Малороссію *его же*. М. 1804 г.

Досуги крымскаго судьи или 2-е путешествіе въ Тавриду. Павла *Сумарокова*. СПБ. 1803 г.

Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы до Малороссіи. 3 части. О. фонъ *Гуна*, переводъ съ нѣм. М. 1806 г.

Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ *Левшинымъ*. Харьковъ 1816 г.

Записки русскаго путешественника А. *Глаголева* (путешествіе 1823 года). Т. 1-й. СПБ. 1837 г..

Путешественники—авторы вышеуказанныхъ сочиненій, авторы тѣхъ разсказовъ о Малороссіи, которые мы хотимъ передать въ настоящей статьѣ, отличались неодинаковыми, въ иныхъ случаяхъ даже рѣзко противоположными индивидуальными чертами, почему интересы каждаго изъ нихъ привлечены были *различными* сторонами жизни посѣщеннаго ими края; но даже при разсказѣ объ одномъ и томъ-же явленіи, оцѣнку этого явленія дѣлаютъ они съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и дѣлятся со своими читателями неоднородными впечатлѣніями.

Изъ указанныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ Малороссію академикъ *Зуевъ*. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія отличаются большою разносторонностью. Естествоиспытатель по спеціальности, главнымъ образомъ онъ говоритъ объ оро-и гидрографіи страны, ея фаунѣ и флорѣ, но старается также собрать всѣ свѣдѣнія о численности населенія,

его занятіяхъ, торговлѣ и промышленности края, сообщаетъ свѣдѣнія о городахъ и поселеніяхъ, вдается иногда даже въ филологическія изысканія; такъ, онъ даетъ краткій словарь цыганскихъ словъ.

Для князя *Шаликова*, какъ онъ самъ признается, „самою любезною буквой въ алфавитѣ является *я*". При такой привязанности къ этой буквѣ и при сантиментализмѣ, доходящемъ до каррикатурности, которымъ въ добавокъ отличается этотъ авторъ, онъ не могъ дать особенно подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи. Въ его сочиненіи, какъ заявляетъ онъ самъ, „нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній": „его не *посылали* путешествовать, онъ *добровольно* поѣхалъ—слѣдовательно, и разсказываетъ о томъ, о чемъ хочетъ разсказывать"; авторъ воздерживается также отъ описанія образа жизни въ Малороссіи, такъ какъ „бывъ обласканъ жителями, можетъ ли путешественникъ описывать нравы, образъ жизни ихъ и т. д. Бываютъ-ли такія картины безъ *черныхъ* тѣней? А можно-ли дозволить ихъ себѣ на счетъ тѣхъ людей, которыхъ гостепріимство обязало насъ благодарностью?" Вмѣсто всѣхъ этихъ описаній, которыхъ путешественникъ съ одной стороны не хочетъ, съ другой—не можетъ дать, онъ наполняетъ оба томика своихъ „путешествій" приторно-сантиментальными лирическими изліяніями по поводу красотъ природы, привязанности своей къ друзьямъ, тѣхъ или другихъ знакомствъ, по поводу, наконецъ, увлеченія какой-нибудь „нимфой". Изліянія по адресу этихъ „нимфъ" и женской красоты вообще во многихъ случаяхъ заставляютъ заподозрѣть въ нашемъ путешественникѣ полное извращеніе нравственнаго чувства. Все это дѣлаетъ „Путешествія" Шаликова не особенно цѣнными, но 2—3 описанія *праздничной* стороны жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и то косвенное освѣщеніе, которое, мимо воли автора, бросаютъ эти описанія на положеніе крѣпостнаго населенія, не позволяютъ оставить ихъ безъ вниманія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Шаликовъ является сверхъ того еще галломаномъ. Рѣзкой противоположностью Шаликову въ этомъ отношеніи былъ *Сумароковъ*. Онъ—пламенный „пат-

ріотъ своего отечества", большой поклонникъ всего своего, русскаго, особенно русской литературы, которую онъ ставитъ такъ высоко, что побѣдоносно задаетъ вопросъ: „что, неужели-же произведенія *Шакеспира* превосходнѣе драмъ *творца Семиры?*" Весьма незначительная часть „Путешествія въ Тавриду", Сумарокова посвящена Малороссіи, да и въ этой незначительной части далеко не всѣ свѣдѣнія отличаются особенно высокой цѣнностью.

Гунъ—нѣмецъ по національности, врачъ по профессіи. Какъ сына промышленной страны, его интересуютъ прежде всего вопросы промышленности, какъ врача—медико-санитарные; и по тѣмъ и другимъ вопросамъ онъ сообщаетъ относительно Малороссіи интересныя свѣдѣнія. Сообщаетъ онъ также свои этнографическія наблюденія; оцѣнку этихъ наблюденій мы сдѣлаемъ ниже, при передачѣ ихъ.

Письма изъ Малороссіи *Левшина* обличаютъ въ немъ умнаго и просвѣщеннаго наблюдателя. Значительная часть его писемъ къ другу посвящена передачѣ различныхъ историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ Малороссіи, свѣдѣній, извѣстныхъ всякому, знакомому съ исторіей, и заимствованныхъ Левшинымъ изъ лѣтописей и существовавшихъ въ его время историческихъ сочиненій; но кромѣ этихъ общеизвѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, Левшинъ сообщаетъ также много своихъ непосредственныхъ наблюденій, которыя мы и передаемъ ниже.

У *Глаголева* находимъ нѣсколько интересныхъ сообщеній по поводу вещественныхъ памятниковъ. Что-же касается его „наблюденій" надъ людьми, то, какъ увидимъ ниже, если они и представляютъ какой-либо интересъ, то исключительно для характеристики автора этихъ „наблюденій".

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о сочиненіяхъ указанныхъ нами путешественниковъ, перейдемъ къ самому разсказу ихъ о Малороссіи и прежде всего остановимся на ихъ этнографическихъ наблюденіяхъ.

Этнографическія наблюденія мы находимъ у Сумарокова, Гуна, Левшина и Глаголева. Зуевъ считаетъ этнографическія свѣдѣнія о Малороссіи общеизвѣстными и потому отказывается давать ихъ.

По *Сумарокову* малороссы народъ болѣе веселый и свободный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, „скромный, тихій, добросердечный, богомольный и гостепріимный; но праздный, трусливый, непроницательный и въ гнѣвѣ незнающій мѣры"; въ драку малороссы вступаютъ, будто-бы, по стадному чувству; они медленны въ движеніяхъ, причемъ къ медленности ихъ пріучаютъ волы (sic), любятъ выпить въ компаніи за бесѣдой, но не набрасываются сразу на вино, а напиваются по-маленьку, къ концу пріятной бесѣды. Жены малороссовъ одѣваются чисто, чуждаются черной работы, хорошія поварихи, склонны къ пьянству. При сватовствѣ жениху съ невѣстой позволяется даже спать вмѣстѣ, но цѣломудріе при этомъ не нарушается.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ наблюденій Сумарокова, просимъ только сравнить ихъ съ приводимыми ниже наблюденіями Левшина, гораздо дольше прожившаго въ Малороссіи и лучше изучившаго ее. *Гунъ*, при полномъ незнаніи малороссійскаго языка,—въ чемъ самъ признается,—былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія при этнографическихъ наблюденіяхъ. Онъ принужденъ былъ или говорить съ чужихъ словъ, или ограничиться чисто внѣшними наблюденіями. Но даже и эти внѣшнія наблюденія далеко не всегда отличаются точностью и объективностью: путешественникъ привыкъ къ европейской внѣшности своихъ соотечественниковъ, всякая другая кажется ему дикой, грубой, варварской. Все это заставило Гуна сдѣлать цѣлый рядъ курьезныхъ, а подчасъ даже прямо дикихъ замѣчаній и сравненій. Такъ, малороссы черниговской губ., благодаря своимъ темнымъ свитамъ и темнымъ усатымъ лицамъ, напоминаютъ путешественнику медвѣдя; малороссіянокъ по одеждѣ онъ не можетъ отличить отъ жидовокъ; заботы о головныхъ уборахъ кажутся ему страннымъ кокетствомъ въ женщинѣ, одѣтой въ нагольную шубу.

Что нравится путешественнику—это то, что крестьяне очень учтивы, а женщины кланяются съ важною осанкою. Возлѣ Яготина крестьяне рослы и стройны, отличаются темнымъ цвѣтомъ лица; волосы у нихъ темнорусые, острижены и подбриты; крестьяне здѣсь „добронравны, послушны, боязливы и особливую

имѣютъ склонность къ музыкѣ; но лѣнивы и непредусмотрительны". Одежда женщинъ состоитъ изъ плахтъ и „кафтанчиковъ". „Волосы заплетаютъ дѣвицы отмѣнно красиво"; головной уборъ, устраиваемый ими, можетъ прослужить недѣлю,

Возлѣ Борисполя Гунъ замѣчаетъ, что „черты женскихъ лицъ переходятъ въ правильнѣйшія и красивѣйшія".

Путешественнику пришлось быть въ шинкѣ возлѣ Шептаковъ на пиру послѣ вчерашней крестьянской свадьбы. Онъ слышалъ тамъ пѣсни, которыя нашелъ совершенно татарскими, и видѣлъ танцы, въ которыхъ принимали участіе даже 60-лѣтнія старухи. Танцы ему также не понравились: онъ находитъ, что плясавшіе „уподоблялись уязвленнымъ тарентскими или украинскими тарантулами людямъ". Женихъ и невѣста въ Малороссіи, хотя-бы ухаживанія продолжались годы, умѣютъ „сохранять высочайшее благо—невинность". Ибо „горе новобрачнымъ и всему ихъ семейству, если гости въ своемъ ожиданіи найдутся обманутыми. Музыка и танцы тогда прекращаются, неблагопристойныя пѣсни занимаютъ ихъ мѣсто; окна, двери, все, что въ домѣ находится, даже и печи, разламываются; матери новобрачной, найденной обезславленною, привязываютъ лошадиный хвостъ и такъ водятъ ее по всей деревнѣ, при осмѣяніи сбѣжавшагося народа... Гости не расходятся, хотя-бы свадьба на счетъ новобрачнаго продолжалась цѣлую недѣлю, доколѣ любопытство ихъ не удовлетворится".

Левшинъ съ большой похвалой отзывается о пламенной любви малороссовъ къ отчизнѣ и уваженіи ими памяти предковъ. Въ Бѣлоцерковкѣ онъ хотѣлъ купить у одного мѣщанина ружье съ надписью: „Бѣлоцерковскаго полка", но тотъ ни за что не хотѣлъ уступить его, такъ какъ оно ему досталось по наслѣдству. „Черта похвальная!" замѣчаетъ авторъ: „поступокъ, показывающій, что малороссіяне любятъ предковъ своихъ, любятъ славу ихъ и чтутъ память тѣхъ козаковъ, которые храбро защищались и поражали поляковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго, одержали 14 побѣдъ надъ Волохами подъ начальствомъ Свирговскаго и отличались потомъ неустрашимостью при взятіи Азова!" Такую-же любовь къ родинѣ и

гордость подвигами прѣдковъ автору пришлось наблюдать и у весьма многихъ другихъ малоросовъ.

Малороссы религіозны, честны, мужественны, удивительно терпѣливы, господа своему слову, безукоризненно хранятъ ввѣренныя имъ тайны, отличаются семейными добродѣтелями, всегда уважали и уважаютъ собственность: „воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнѣйшихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзѣніи“. Счастливая природная обстановка дѣлаетъ малоросса склоннымъ къ веселости.

Благодаря плодородію почвы, у малороссовъ нѣтъ особенныхъ стимуловъ къ труду; дешевое, вслѣдствіе свободы винокуренія, вино еще больше отвлекаетъ ихъ отъ работы.

Сравнивая полтавскихъ малороссовъ съ черниговскими, Левшинъ указываетъ на то, что меньшее плодородіе почвы черниговской губерніи заставило жителей этой губерніи искать подсобныхъ промысловъ, такъ какъ одно земледѣліе не можетъ прокормить ихъ, почему черниговцы трудолюбивѣе и предпріимчивѣе полтавцевъ; въ тоже время первые хладнокровнѣе, смѣлѣе, но также и мрачнѣе послѣднихъ; въ образѣ жизни черниговцевъ не наблюдается такой чистоты и опрятности, какъ въ Полтавщинѣ.

Женщины у малороссовъ трудолюбивѣе мужчинъ: онѣ не только исполняютъ всѣ работы по домашнему хозяйству, но часто отправляютъ и работы мужчинъ.

Къ недостаткамъ малороссовъ принадлежатъ ихъ гордость и непокорливость, неудержимый гнѣвъ, если вывести малоросса изъ терпѣнія, и нерасположеніе ихъ къ великороссіанамъ. Путешественнику приходилось слышать отзывы: „Добрый чоловикъ, да москаль“. Дѣтей пугаютъ „москалями“ и „при семъ имени устрашенное дитя перестаетъ кричать“.

Малороссы отличаются умными лицами, важной и величественной осанкой. Женщины миловидны, хотя красавицы между ними рѣдки. „Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна, пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и, по большей части, протяжны. Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи“.

Отношенія жениха и невѣсты отличаются большою непринужденностью, но обычай не позволяетъ имъ переходить за опредѣленную черту. „Восходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя заря застаетъ ихъ въ томъ же положеніи, а не рѣдко и мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ, покоящимися сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями“.

О малороссійскомъ языкѣ у Левшина всего нѣсколько словъ, не обличающихъ въ авторѣ особенно близкаго знакомства съ этимъ предметомъ.

Что касается этнографическихъ замѣчаній *Глаголева*, то они сводятся къ фантастическимъ анекдотамъ, не дѣлающимъ чести ни наблюдательности, ни остроумію автора. Малороссы у него выставляются какими то кретинами, да при томъ еще кретинами жестокосердыми. „Отъ того, кто показался малороссіянину по чему-либо страшнымъ, онъ бѣжитъ, какъ заяцъ, за плетень или за дерево и, спрятавши одно лице, думаетъ, что онъ и весь не видимъ“. Малоросъ—выродокъ среди славянъ, у которыхъ гостепріимство—національная добродѣтель. Онъ отказываетъ путешественнику въ пристанищѣ. „Упрямство въ этомъ малороссіянина доходитъ иногда до жестокосердія, не смягчаемаго ни просьбами, ни жалостью къ путешественнику, оставляемому подъ открытымъ небомъ въ ненастное время“. Фактовъ въ подтвержденіе этого авторъ не приводитъ ни одного, напротивъ того, черезъ 4 страницы послѣ только-что приведеннаго отзыва онъ говоритъ прямо противоположное по поводу богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ: „сіи пилигриммы именемъ вѣры вездѣ“ (конечно, и въ Малороссіи, черезъ которую имъ приходится проходить въ Кіевъ) „находятъ себѣ готовую трапезу и отверстое пристанище. Страннопріимные крестьяне, слѣдуя ученію Евангелія, „страненъ бѣхъ и введосте мене“, за все это не требуютъ отъ нихъ другаго возмездія, кромѣ молитвы предъ святыми угодниками“.

Всѣ почти указанные нами путешественники говорятъ о любви малороссовъ къ прекрасному, изящному, которая сказы-

вается между прочимъ въ опрятности и украшеніяхъ ихъ жилищъ. Жилища часто бѣлятся или смазываются глиной (Гунъ говоритъ, что возлѣ Яготина ихъ трижды въ недѣлю смазываютъ внутри глиной); Левшинъ говоритъ объ украшеніи малороссіянами своихъ жилищъ картинами, Гунъ указываетъ на то, что внутренность избы, а особенно образа украшаются желтыми цвѣтами, ноготками, шапочками, рутою и др. травами.

Но, заботясь о чистотѣ жилищъ, малороссы недостаточно вниманія обращали на чистоту тѣла: Гуна поражало отсутствіе бань у крестьянъ. Изрѣдка лишь приходится ему указать, что въ селѣ есть общая баня; большею-же частью, ни общихъ, ни собственныхъ бань совсѣмъ нѣтъ. Должно быть, отсутствіемъ бань объясняются наблюдавшіеся Гуномъ случаи заболѣванія чесоткой, хотя эта болѣзнь, по его словамъ, встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Наиболѣе же распространенными болѣзнями въ Малороссіи нашъ врачъ—путешественникъ считаетъ перемежающуюся лихорадку, золотуху, воспаленіе глазъ, а особенно болѣзнь венерическую, которая „сдѣлалась почти здѣшнею національною". Ему часто попадались обезображенныя лица, застарѣлыя формы болѣзни. Общій голосъ распространителями этой болѣзни называетъ проходящіе полки. Отъ венерической болѣзни малороссы лѣчатся сублиматомъ (сулемой). „Всѣ малороссіяне утверждаютъ, что ихъ отцы и дѣды также вообще знали и употребляли сублиматъ, какъ и они, изъ чего выходитъ, что Свитенова солюція[1]) была здѣсь прежде извѣстна, чѣмъ самому Свитену".

Приходится Гуну указывать также на страданія отъ укушенія тарантуловъ. Лѣчатся отъ этихъ укушеній масляными настоемъ на тарантулахъ же. Сообщеніе Гаммарда и Лафонтена, будто малороссы болѣютъ колтуномъ, нашимъ путешественникомъ опровергается.

Что касается дѣла врачебной помощи, то, по словамъ Гуна, оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи: отъ

---

[1]) По справкамъ, наведеннымъ у спеціалистовъ, „солюція" подъ такимъ названіемъ теперь не имѣетъ примѣненія.

Почепа и до Кіева, почти на разстояніи 500 верстъ, онъ не нашелъ нигдѣ „ни доктора, ни лѣкаря“; по недостатку въ лѣкаряхъ, лѣчатъ женщины, „даже дворянки, отставные офицера и жиды; но многіе благовоспитанные помѣщики имѣютъ въ своихъ деревняхъ небольшія сельскія аптечки и обученныхъ подлѣкарей изъ собственныхъ людей“. Изъ „благовоспитанныхъ“ и благорожденныхъ врачевателей—диллетантовъ Гунъ называетъ Томару, владѣльца с. Томаровки.

Даже города страдали отъ полнаго почти отсутствія врачебнаго персонала. „Во всемъ Переяславлѣ одинъ только врачъ г. штабъ-лѣкарь Захаржевскій, человѣкъ, какъ говорятъ, больной и самъ“. Гуну приходилось проѣзжать по имѣніямъ графа Алексѣя Кириллыча Разумовскаго; имѣнія эти раскинулись на громадное пространство, но врачебная часть находилась въ нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Весь врачебный персоналъ сосредоточивался въ Почепѣ и состоялъ изъ штабъ-лѣкаря, человѣка съ достоинствами, но за глубокой старостью къ врачеванію уже не способнаго, и подлѣкаря—„послѣдній есть не что иное, какъ подлѣкарь въ настоящемъ смыслѣ“. Въ Почепѣ же существовала и аптека.

При такомъ жалкомъ врачебномъ персоналѣ даже оспа была привита только ничтожному количеству дѣтей, и масса дѣтей умирала отъ натуральной оспы.

Одною изъ задачъ путешествія Гуна было внесеніе большаго порядка въ врачебное дѣло въ графскихъ имѣніяхъ. Онъ проектировалъ устройство больницъ въ Почепѣ, Шептакахъ и Яготинѣ и заведеніе лѣкаря въ каждой экономіи; лѣкарей онъ постарался выписать тотчасъ-же. Видя, какъ, вслѣдствіе неимѣнія знающихъ повивальныхъ бабокъ, страдаютъ при родахъ и затѣмъ различными послѣродовыми болѣзнями крестьянскія женщины, Гунъ предложилъ графу учредить въ Почепѣ повивальную школу, которая высылала бы ученыхъ повивальныхъ бабокъ въ каждое большое селеніе. Самъ Гунъ вездѣ, гдѣ могъ, прививалъ оспу и не только дѣтямъ, а также и овцамъ, въ виду того, что между овцами весьма распространено было заболѣваніе оспой, убивавшей цѣлыя тысячи этихъ животныхъ.

Маленькая больница и аптека имѣлась еще у генерала Гудовича въ с. Ивайтенкахъ. Гудовичъ желалъ расширить больницу и поставить ее на надлежащую ногу, почему, при помощи Гуна, и выписалъ врача.

Этотъ же самый Гудовичъ заботился не только о лѣченіи, но и о надлежащемъ питаніи своихъ крестьянъ. Живя постоянно въ деревнѣ, принуждаемый болѣзнью проводить, особенно осенью и зимой, все время въ комнатѣ, Гудовичъ хорошо изучилъ хозяйственную литературу и спеціализировался въ приготовленіи поваренныхъ травъ. Его знанія пригодились ему для изобрѣтенія особаго супа, въ составъ котораго между прочимъ входили сыръ и ветчина. Это была довольно тяжелая пища для слабыхъ желудковъ, но для людей, трудящихся на тяжелой работѣ, не можетъ быть, по мнѣнію Гуна, лучшей пищи.

Ген. Гудовичъ отличался вообще весьма гуманнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ: не смотря на всѣ громадныя выгоды, которыя ему доставляло разведеніе конопли, онъ отказался отъ разведенія этого растенія, такъ какъ „обработаніе его сопряжено съ величайшимъ для крестьянъ трудомъ, сколько тягостнымъ самимъ по себѣ, столько-же и крайне вреднымъ ихъ здоровью".

Не часто приходится Гуну говорить о такихъ гуманныхъ помѣщикахъ. Кромѣ упомянутаго уже нами Томары, онъ называетъ еще гр. Завадовскаго, на котораго крестьяне работаютъ изъ 3-хъ недѣль одну, „чего нигдѣ въ Украйнѣ не найдете". Онъ платитъ за каждую привезенную фуру песку, извести и т. п. При выборѣ мѣста для дома въ его имѣніи Тепловкѣ гр. Завадовскій просилъ гр. Разумовскаго[1]) остановиться на такомъ мѣстѣ, постройка дома на которомъ не повлекла-бы для крѣпостныхъ особыхъ затрудненій въ дѣлѣ доставленія матеріаловъ.

Заботливымъ помѣщикомъ былъ еще полковникъ Будлянскій, владѣвшій 4000 душъ въ м. Чемерѣ, с. Сребряномъ и

---

[1]) Самъ гр. Алексѣй Кир. Разумовскій не отличался особенно мягкимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. См. „Семейство Разумовскихъ" А. А. Васильчикова, т. II, стр. 109.

др. У него каждый хозяинъ имѣлъ пару воловъ, столько же коровъ, 10—15 овецъ, а иногда и лошадь. Въ хлѣбѣ изъ крестьянъ почти никто не нуждается; если же и случится у когонибудь подобная нужда, то хлѣбъ дается ему въ займы безъ росту. Изъ 3-хъ недѣль на этого помѣщика крестьяне работаютъ только одну.

Вообще же матеріальное положеніе крѣпостныхъ было не завидно. Гораздо чаще, чѣмъ о благосостояніи крестьянъ, Гуну приходится говорить объ ихъ бѣдности, указывать на недостатокъ у нихъ скота, на неприглядность ихъ жилищъ. Онъ зналъ имѣніе, гдѣ 300 душъ имѣютъ только 10 воловъ. Возлѣ Яготина стѣны крестьянскихъ домовъ состоятъ изъ плетня, обмазаннаго глиною. Окна самыхъ различныхъ размѣровъ, смотря по тому, какой величины удалось достать стекло хозяину, иногда они бываютъ не больше 2" въ діаметрѣ. Въ Бахмачѣ Гунъ былъ также пораженъ крайней бѣдностью и неприглядностью крестьянскихъ жилищъ. Онъ полагаетъ, что „между Тунгузовъ, Киргизцовъ, Чувашей и Вотяковъ, обитателей столь несправедливо хулимой Сибири, можно несравненно лучшее находить убѣжище, нежели здѣсь".

И вообще вездѣ дома—хижины, трубы на нихъ—хворостяныя, иногда связанныя соломой; при такомъ устройствѣ домовъ и отсутствіи пожарныхъ инструментовъ путешественникъ удивляется, какъ до сихъ поръ во всей Малороссіи не выгорѣли всѣ города и деревни.

Совершенно инымъ было матеріальное положеніе многихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые владѣли тысячами и десятками тысячъ крѣпостныхъ. Гунъ путешествовалъ съ графомъ Алексѣемъ Кириллычемъ Разумовскимъ, у котораго въ Малороссіи было 27135 душъ мужскаго пола, да кромѣ того еще въ Великороссіи болѣе 7000 душъ; прибавляя къ этому числу ровное число женщинъ, общее количество крѣпостныхъ гр. Разумовскаго Гунъ опредѣляетъ въ 68270 человѣкъ [1]).

---

[1]) Въ имѣніяхъ Черниговской губ.. принадлежавшихъ гр. Кир. Григ. Разумовскому, по ревизіи 1782 г. было—душъ мужескаго пола 43038, женскаго 41139,

Вмѣстѣ съ Разумовскимъ Гунъ посѣтилъ его имѣнія, а также имѣнія нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ помѣщиковъ. Эти крупные помѣщики и хозяйство вели въ крупныхъ размѣрахъ.

Въ *Ивайтенкахъ* (ген. Гудовича) на широкую ногу было поставлено овцеводство; число настоящихъ испанскихъ овецъ и барановъ достигало 1000, кромѣ того было еще много овецъ смѣшанной породы. На этомъ овечьемъ заводѣ производились опыты искусственнаго улучшенія породы, и опыты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Заводъ давалъ свыше 5000 руб. дохода въ годъ. Число головъ крупнаго рогатаго скота доходило въ Ивайтенкахъ до 1000. Существовали въ имѣніи также еще буйволы и ослы, но они служили лишь для украшенія ландшафта, а не для хозяйственныхъ цѣлей.—Мѣстный помѣщикъ стремился также къ улучшеніямъ и въ дѣлѣ хлѣбопашества; кромѣ обыкновенной пшеницы, онъ сѣялъ еще египетскую, арнаутку и др. сорта.

Въ *Баклани*, принадлежавшей къ почепской экономіи гр. А. К. Разумовскаго, на Судости кромѣ мукомольной мельницы существовала еще и маслобойня, по предположенію Гуна, единственная въ Россіи, гдѣ масло вездѣ выбивается въ-ручную. Надзоръ за маслобойней порученъ механику-англичанину. Въ 3-хъ верстахъ отъ Баклани находилась англійская ферма, гдѣ разводились новыя для края растенія: картофель, рѣпа. И въ той же Баклани, гдѣ сельское хозяйство было поставлено на широкую ногу, гдѣ поемные луга были покрыты сотнями стоговъ сѣна, жизнь народа была очень неприглядна: маленькіе дворы съ полуразрушенными службами, низкія и крайне тѣсныя жилища, почти полное отсутствіе лошадей и коровъ. Не многимъ лучше крестьянъ жили однодворцы или, какъ ихъ называетъ Гунъ, новые дворяне (ихъ было 64 семейства въ Баклани) [1].

а всего 74177. („Имѣнія въ Черниг. губ. гр. Кир. Гр. Разумовскаго", изд. Черниг. Губ. Статист. Комитета. Черн. 1891). О томъ, какъ раздѣлены были малороссійскія имѣнія гр. Кир. Разумовскаго, см. „распредѣлительную запись имѣній" гр. К. Г. Разумовскаго между его сыновьями" въ „Очеркахъ, замѣткахъ и документахъ по исторіи Малороссіи" Ал. Лазаревскаго. Кіевъ. 1892. (стр. 77—85).

[1]) О Баклани см. „*Описаніе старой Малор.*" Ал. *Лазаревскаго*, стр. 267—268.

Возлѣ *Шептаковъ*, въ 7 верстахъ отъ нихъ, находился мѣдеплавильный заводъ гр. Алексѣя Разумовскаго (одинъ изъ 3-хъ въ Малороссіи; 2-й принадлежалъ гр. Андрею Кир. Разумовскому, 3-й гр. Завадовскому). Двигательною силою на заводѣ была вода, приводившая въ движеніе молотъ и мѣхъ. На заводѣ, гдѣ работало, подъ управленіемъ мастера-нѣмца 13 человѣкъ, изготовлялись трубы для винокуренъ.

Въ Шептакахъ существовалъ овечій заводъ, гдѣ число овецъ доходило до 1000, изъ нихъ 200 было настоящихъ испанскихъ. Шерсть передѣлывалась въ сукна на собственной суконной шептаковской фабрикѣ, основанной еще фельдмаршаломъ Кирилломъ Разумовскимъ. Фабрика находилась подъ управленіемъ шведа, на ней работало около 60 человѣкъ, по *большей части дѣтей*. Другую суконную фабрику въ графскихъ имѣніяхъ нашему путешественнику пришлось видѣть въ 2-хъ верстахъ отъ Батурина, при Сеймѣ. Въ ней на 15 станкахъ работали самое разнообразное сукно, отличавшееся прочной окраской. Управлялъ фабрикой тоже иностранецъ, отецъ шептаковскаго фабриканта; при немъ состоялъ еще мастеръ—нѣмецъ. Подъ самымъ же Батуриномъ имѣлась еще свѣчная фабрика, на которой выдѣлывались прекрасныя столовыя свѣчи. Въ 1801 г. эти свѣчи были нѣсколько хуже выдѣлывавшихся тутъ же годами 18 раньше, такъ какъ тогда выписывали марсельскую свѣтильню; послѣ же французской революціи ее замѣнили сарептской. На свѣчной фабрикѣ—всѣ мастера—мѣстные жители.

Управляющимъ Батуринскимъ имѣніемъ былъ англичанинъ. Вѣроятно, ему экономія обязана была тѣмъ, что нашла возможнымъ пользоваться на винокуренныхъ заводахъ въ качествѣ топлива торфомъ, который во множествѣ былъ отысканъ подъ самымъ Батуриномъ.

Гунъ упоминаетъ еще о большой суконной фабрикѣ кн. Н. Б. Юсупова возлѣ Прилукъ, поставлявшей сукна для арміи, но самъ онъ этой фабрики не видалъ.

Въ *Яготинѣ*, принадлежавшемъ гр. Алексѣю Разумовскому, Гунъ осматривалъ чулочную фабрику, на которой съ женой и 8 крестьянскими мальчиками работалъ нѣмецъ Штромъ,

нѣкогда бывшій директоромъ громадной чулочной фабрики, стоившей до 4-хъ милліоновъ. При этомъ же имѣніи существовали мукомольныя мельницы, овечій заводъ, обширный погребъ для винъ; скирды хлѣба образовали цѣлыя удицы.

Въ Яготинскомъ имѣніи были обширныя теплицы, которыми завѣдывалъ нѣмецъ-садовникъ. Гунъ приводитъ списокъ болѣе 200 видовъ различныхъ растеній, росшихъ въ этихъ теплицахъ [1]). Графъ не довольствовался заведеніемъ теплицъ, а производилъ также опыты искусственнаго лѣсоразведенія, и эти опыты увѣнчались успѣхомъ. Онъ желалъ также ввести улучшенія въ сельское хозяйство: недовольный практиковавшимся у него, какъ и вездѣ, примитивнымъ способомъ молотьбы хлѣба, онъ мечталъ о постройкѣ англійскихъ молотилокъ.

У Алексѣя Разумовскаго существовали конные заводы въ селахъ Черняховкѣ и Андреевкѣ. Въ Черняховкѣ была кромѣ того ковровая фабрика, на которой ткались коврики для стульевъ. Въ послѣднемъ селѣ, какъ и въ другихъ графскихъ селахъ, была масса хлѣба: Гунъ видѣлъ здѣсь до 80 скирдъ, изъ которыхъ нѣкоторыя стояли уже 6 лѣтъ. Въ 18 верстахъ отъ Яготина въ деревнѣ Лозовый Яръ у графа стояло 144 скирды хлѣба; по пути отъ этой деревни до Яготина во всѣ стороны, куда хваталъ глазъ, видно было множество скирдъ сѣна.

Въ *Тепловкѣ и Драбовкѣ*, имѣніяхъ гр. Завадовскаго, существовали обширные конскіе заводы, вмѣщавшіе около 1600 лошадей. При Драбовкѣ имѣлся манежъ, одинъ изъ лучшихъ частныхъ манежей въ государствѣ. Кромѣ конскаго завода, въ Тепловкѣ существовало и овцеводство; число овецъ испанской породы здѣсь доходило до 5000; существовали также улучшенныя породы коровъ и свиней. Въ виду полнаго безлѣсья вокругъ, на квадратной верстѣ была заведена древесная школа.

Изъ помѣщичьихъ заводовъ Гунъ указываетъ еще небольшой конскій заводъ и ковровую фабрику въ имѣніи Томары—

[1]) О любви гр. Алексѣя Кир. Разумовскаго къ садоводству, особенно о его Горенскомъ ботаническомъ садѣ, содержавшемъ 2000 родовъ растеній и стоившемъ до 500.000 рублей, см. у А. А. *Васильчикова* „Семейство Разумовскихъ“ т. II, стр. 42 и слѣд. О садѣ въ Яготинѣ ibidem, стр. 110.

Томаровкѣ. Нужную для ковровой фабрики шерсть доставляли имѣвшіяся въ экономіи 500 овецъ.

Очень интересны упоминанія Гуна о межигорской фабрикѣ фаянсовой посуды, заведенной въ 1799 г.[1]) и управляемой 200 кіевскихъ гражданъ, и особенно—подробный разсказъ о палошковской глинѣ, добываемой вблизи Глухова въ дачахъ Ив. Андр. Марковича. Свѣдѣнія о глинѣ Гунъ передаетъ со словъ владѣльца—Марковича, который сообщилъ нашему путешественнику о тѣхъ льготныхъ условіяхъ, которыя онъ готовъ предложить всякому, кто пожелалъ-бы завести на мѣстѣ фабрику для приготовленія фарфоровой посуды. Глина въ Полошкахъ найдена въ началѣ царствованія Екатерины II англичаниномъ Гарднеромъ, пріѣхавшимъ въ Россію съ цѣлью завести фарфоровый заводъ и получившимъ позволеніе искать фарфоровую глину въ предѣлахъ всей имперіи. Лучшею изъ всѣхъ найденныхъ Гарднеромъ глинъ оказалась Палошковская. Слой ея начинался очень не глубоко отъ поверхности земли, но теперь (1804 г.) поверхностный слой глины уже выбранъ и ее приходится добывать на глубинѣ 2—4 саж. Марковичъ устроилъ шахты и штольни для добыванія глины, гдѣ работаетъ по 40—50 человѣкъ, которые въ зимніе мѣсяцы накапываютъ до 30.000 пудовъ. Гунъ увѣряетъ, что съ самаго начала работъ въ шахтахъ не было ни одного несчастнаго случая.

Переходя къ промышленности края вообще, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщимъ ниже въ разсказѣ о городахъ, здѣсь мы передадимъ общую характеристику малороссійской промышленности, дѣлаемую Левшинымъ.

Кромѣ земледѣлія, доставляющаго главныя средства пропитанія, очень важную статью для Малороссіи составляетъ скотоводство: въ ней очень много конскихъ заводовъ, разводится также много быковъ, овецъ и свиней. Большіе доходы даетъ садоводство и пчеловодство: число ульевъ въ Малороссіи (черниговской и полтавской убернiи) доходитъ до

---

[1]) Выдѣлка посуды началась съ 1801 г. О судьбѣ этой фабрики см. у Н. *Закревскаго* „Описаніе Кіева“ (М. 1868 г.), т. II, стр. 497—499.

500,000. Весьма развито винокуреніе, число винокуренъ въ Малороссіи достигаетъ 3000 (по словамъ Гуна, въ его время, въ Малороссіи ежегодно выкуривалось до 6 милліоновъ ведеръ водки; „смѣло можно положить, говоритъ онъ, что третіе зерно перекуривается въ горѣлку"); по числу винокуренъ черниговская губернія превосходитъ всѣ другія губерніи Россіи. Кромѣ этихъ заводовъ да еще селитроваренъ, другихъ фабрикъ и заводовъ немного; о нихъ приходится Левшину говорить въ разсказѣ о Глуховѣ, тамъ онъ указываетъ заводы стеклянные, мыловаренные, пивоваренные, а также Шостенскій пороховой заводъ [1]). Торговля, Малороссіи какъ внѣшняя, такъ и внутренняя ничтожны. Послѣдняя сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ по 3—4, иногда и больше, бываетъ въ каждомъ городѣ, даже каждомъ селеніи.

По словамъ Зуева, въ Харьковскомъ намѣстничествѣ не только въ городахъ, но и въ большихъ селахъ бываютъ ярмарки, иногда по 3—4 въ годъ; наиболѣе извѣстны Харьковскія и Сумскія ярмарки; на эти большія ярмарки пріѣзжаютъ „купцы, кромѣ россійскихъ, изъ Польши, нѣмецкой земли, Молдавіи и Греціи" и привозятъ сукна, шелковыя и хлопчато-бумажныя ткани, различные бакалейные и галантерейные товары.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о мѣновой торговлѣ на ярмаркахъ въ малороссійскихъ селеніяхъ харьковскаго намѣстничества. Одно вино и соль, говоритъ онъ, покупаютъ на наличныя деньги, другіе-же предметы получаютъ не за деньги, а въ обмѣнъ за продукты-же [2]).

Изъ различныхъ приспособленій, которыми пользуются въ своемъ хозяйствѣ малороссы, особенное вниманіе путешественниковъ, которыхъ занимали промышленные вопросы, т. е. Зуева

---

[1]) Это сравнительное обиліе заводовъ въ Глуховѣ во время Левшина стоитъ въ рѣзкой противоположности съ состояніемъ города въ 1767 г., когда жителямъ его приходилось жаловаться, что они никакихъ заводовъ „къ препитанію и снабдѣнію своему не имеютъ" („Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г." Изданіе „Кіевской Старины" 1889 г., стр. 74).

[2]) О торговлѣ въ Харьковскомъ краѣ въ XVIII. в. см. „Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в. в." Д. И. *Багалѣя* („Харьковскій сборникъ", вып. 2-й. Харьковъ 1888).

и Гуна, привлекли вѣтряныя мельницы и ямы для храненія хлѣба. Зуевъ даетъ подробное описаніе и рисунокъ несложной вѣтряной мельницы, могущей быть поворачиваемой такимъ образомъ, чтобы крылья ея при всякомъ направленіи вѣтра получали отъ него возможно большіе толчки, и вдается въ пространныя разсужденія о той пользѣ, которую повсемѣстно въ Россіи можно было-бы извлекать изъ утилизаціи силы вѣтра.—Что касается описываемыхъ Зуевымъ хлѣбныхъ ямъ, то онѣ представляютъ собою подземный погребъ, стѣны котораго вымазываются глиной и затѣмъ подвергаются обжиганію. Въ такую яму наваливаютъ зерно, отверстіе ямы закрываютъ досками и засыпаютъ землей. Послѣ этого хлѣбъ, не подвергаясь порчѣ, можетъ храниться неопредѣленно долгое время. При открытіи ямы нужно соблюдать извѣстныя предосторожности, такъ какъ скопившіеся въ ямѣ газы могутъ задушить человѣка. Хлѣбъ выбираютъ изъ ямы послѣ того, какъ она простоитъ недѣлю открытой.—Описаніе подобной-же ямы для храненія хлѣба даетъ и Гунъ. Онъ разсказываетъ также, что, когда копали фундаментъ для Почепской церкви, то нашли яму, наполненную пшеницей. И хотя заполненіе ея зерномъ произошло такъ давно, что никто изъ старожиловъ не помнитъ объ этомъ, однако зерно оказалось ни мало не поврежденнымъ.

Изъ враговъ земледѣлія и Зуевъ, и Гунъ указываютъ на саранчу, подробно разсказывая о томъ вредѣ, который она причиняетъ полямъ; къ югу отъ Кременчуга Зуеву нѣсколько разъ приходилось проѣзжать по тучамъ саранчи, покрывавшей во многихъ мѣстахъ степь. Какъ средство противъ саранчи практиковалось—топтанье ея лошадьми, выкапываніе яицъ и перепахиваніе поля, гдѣ положены были саранчею яйца.

Зуевъ называетъ также и суслика, но онъ былъ тогда только врагомъ бахчей, а не бичемъ земледѣльца, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, когда была вспахана большая часть русскихъ степей [1]).

---

[1]) Ср. „Животный міръ европейской Россіи“ пр. М. Богданова въ „Дополненіи“ къ V тому „Земля и Люди“ Реклю, стр. 113 и слѣд.

Путешествіе по пустыннымъ южнымъ степямъ доставило Зуеву поводъ высказать свои планы и предположенія о возможности воспользоваться тѣми богатствами степей, которыя до того времени лежали втуне. Но не всегда онъ былъ достаточно прозорливъ: онъ посѣтилъ знаменитый нынѣ Кривой Рогъ и высказалъ соображеніе, что тутъ, по всей вѣроятности, находятся залежи руды. Это соображеніе вполнѣ оправдалось: въ Кривомъ Рогѣ открыты теперь богатѣйшія залежи лучшей въ Россіи желѣзной руды. Но другое соображеніе Зуева, что „хотя-бы оные (металлы) и были, то пользоваться ими прочіе неудобства не позволяютъ", къ счастью, оказалось совершенно невѣрнымъ [1]).

Теперь мы перейдемъ къ разсказу нашихъ путешественниковъ о посѣщенныхъ ими малороссійскихъ городахъ.

Нѣкоторые изъ малороссійскихъ городовъ были посѣщены не однимъ, а нѣсколькими изъ нашихъ путешественниковъ. Наибольшее число ихъ въ своихъ стѣнахъ удостоилась видѣть *Полтава:* ее посѣтили всѣ, за исключеніемъ Гуна.

Зуевъ былъ въ Полтавѣ въ 1782 г., когда она была еще уѣзднымъ городомъ Новороссійской губерніи. Тогда это былъ небольшой городокъ съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, между которыми было и 2—3 каменныхъ дома. Дома стояли по бокамъ правильныхъ, но не мощеныхъ улицъ, на которыхъ въ дождливое время можно было потонуть въ непролазной грязи [2]). Внутри города на косогорѣ существовала земляная крѣпость съ баттареями, окруженная рвомъ и валомъ; другой валъ окружалъ городъ со степной стороны. Въ Полтавѣ было, кромѣ монастыря, 9 церквей; былъ въ ней и довольно большой гостиный дворъ, гдѣ торговали великорусскіе и малорусскіе купцы. Украшеніе города составлялъ воздвигнутый противъ гостинаго двора „иждивеніемъ Марченка (имя строителя Зуевъ сообщаетъ невѣрно) полтав-

---

[1]) Ср. „Земля и Люди" Реклю т. V, стр. 214.

[2]) По поводу этой грязи сложилась поговорка: „На гори Полтава, якъ пава, а въ болоти якъ жаба".

скаго жителя“ каменный столбъ, заканчивавшійся вверху большимъ вызолоченнымъ яблокомъ и имѣвшій вставленную въ пьедесталъ позолоченную мѣдную доску съ изображеніемъ полтавскаго боя.

Сумарокову, 27 іюня 1802 г., пришлось присутствовать при открытіи губерніи въ Полтавѣ. Толпы какъ полтавскихъ жителей, такъ и окрестныхъ поселянъ, облачившись въ соотвѣтственныя событію одежды и придавши должное выраженіе своимъ лицамъ, составили торжественную процессію, которая съ архіереемъ и г. губернаторомъ во главѣ, направляется къ Шведской могилѣ, у подошвы ея „первосвященникъ учреждаетъ молебствіе, воскуряется благоуханіе кадилъ, во шумѣ пѣнія совершается надъ прахомъ мужества панихида, и Полтава провозглашается губернскимъ городомъ“.

Полтава по прежнему бѣдный и маленькій городишко, въ которомъ нѣтъ „ни правильныхъ ни порядочныхъ “строеній [1]). По прежнему среди него высится земляная крѣпость, окруженная валомъ, по прежнему единственнымъ украшеніемъ города является стоящій противъ лавокъ каменный столбъ съ мѣдною доскою, на которой изображенъ полтавскій бой, но Сумароковъ не повторяетъ ошибки Зуева, и уже не Марченку, а „усердному полтавскому гражданину Руденку“ оказывается Полтава обязанной созданіемъ „сего единаго въ здѣшнихъ мѣстахъ трофея“.

А черезъ годъ, два въ этомъ, только что провозглашенномъ губернскимъ городомъ, городишкѣ веселятся на славу. Князь Шаликовъ въ 1804 г. порхалъ уже на полтавскихъ балахъ (ихъ было 4 въ теченіе недѣли, которую онъ провелъ въ Полтавѣ; наиболѣе роскошный давалъ богатый полтавскій житель „корпусу дворянства“, съѣхавшемуся изъ цѣлой губерніи по случаю выборовъ), любовался „прекрасными ножками нимфъ [2]), мель-

---

[1]) Уже присутствіе такого украшенія составляло шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ Полтавѣ 15 лѣтъ тому назадъ (1767 г.), когда полтавцы жаловались, что ихъ городъ „никакихъ публичныхъ строеній и приличнаго украшенія не имѣетъ“. (См. „Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.“ Изданіе „Кіевской Старины“ 1889 г. стр. 120).

[2]) Шаликовъ изъ любезности зоветъ такъ дамъ и дѣвицъ.

кавшими подъ тактъ „магическаго Экосеза“ или увлекательнаго „Вальса“, нашептывалъ тысячи любезностей дамамъ и, въ свою очередь, выслушивалъ отъ нихъ комплименты по адресу своего перваго „путешествія“, гдѣ онъ курилъ фиміамъ добродѣтелямъ полтавскихъ жителей.

Несмотря на то, что уже въ 1804 г. Полтава пріобрѣла нѣкоторый лоскъ цивилизаціи, и въ 1815 г. она по прежнему не велика, малолюдна; дома маленькіе, но чистые и свѣтлые, большими домами являются только казенныя зданія, особенно домъ генералъ-губернатора и дворянскій. Въ городѣ появляется уже Александровская площадь, украшенная чугунной колонной, увѣнчанной пальмовыми и дубовыми листьями и завершающейся парящимъ орломъ [1]). Этотъ памятникъ въ честь полтавской побѣды смѣнилъ прежній каменный столбъ, котораго теперь уже нѣтъ, и *Левшинъ* ничего не говоритъ ни о немъ, ни о мѣдной доскѣ съ изображеніемъ боя. О послѣдней упоминаетъ *Глаголевъ*. Онъ видѣлъ ее вдѣланною въ стѣну соборнаго храма и читалъ на ней слѣдующую надпись, сочиненную „извѣстнымъ Рубаномъ:

Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ.
Какъ въ день *Самсоновъ* Карлъ сраженъ Петромъ ниспалъ,
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы.
Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ *Петра* изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ *Самсону*;
Въ хвалу-жъ *Петровыхъ* дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

„Въ 69 лѣто отъ побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 года, отъ Рождества Христова 1778 года, въ благополучное царствованіе Екатерины Алексѣевны Вторыя Импер. Всерос.“

На Александровской площади при Глаголевѣ (въ 23 г.) уже появилось больше каменныхъ зданій, между ними была и

---

[1]) Объ этомъ памятникѣ см. у Н. *Арендаренка* „Записки о полтавской губ., составленныя въ 1846 г.“ (Полтава 1852 г.), ч. III., стр. 16—20.

гимназія; возлѣ памятника, по приказанію государя Александра I, разбитъ скверъ. Вала и стѣны, существовавшихъ при Зуевѣ, Глаголевъ уже не засталъ: на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ бульваръ.

Изъ достопримѣчательностей Полтавы Глаголеву удалось видѣть простое каменное зданіе съ надписью: „Здѣсь Петръ I отдыхалъ послѣ побѣды іюня 27 дня 1709 г.[1]). Незадолго передъ тѣмъ на этомъ-же мѣстѣ стоялъ тотъ самый ветхій деревянный домикъ, въ которомъ отдыхалъ Петръ I, но его сломала усердная не по разуму полиція, приводившая въ надлежащій видъ Полтаву для встрѣчи князя Н. Г. Репнина, назначеннаго малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. „Князь, говоритъ Глаголевъ, не могъ скрыть своего неудовольствія, узнавши о татомъ неблагоразумномъ распоряженіи полицейскихъ чиновниковъ; но они его не поняли: „Его сіятельство думаетъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, что этотъ домъ былъ, какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго". Истина неоспоримая, хотя и не нарочно сказанная!"

Кромѣ гимназіи, во время Глаголева въ Полтавѣ уже существовалъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Нашъ путешественникъ посѣтилъ его и съ восторгомъ говоритъ „объ его устройствѣ, объ успѣхахъ дѣвицъ въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣльяхъ и, въ особенности, о способахъ нравственнаго ихъ образованія, которое должно утѣшать всякаго благонамѣреннаго гражданина".

Помимо этихъ заведеній, Глаголевъ говоритъ еще о чемъ-то въ родѣ маленькой школы садоводства въ Полтавѣ: въ городскомъ виноградникѣ 30 мальчиковъ практически изучали садоводство[2]).

Всѣ названные нами путешественники, бывшіе въ Полтавѣ, съ восторгомъ говорятъ о ея красивомъ мѣстоположеніи; всѣ также они посѣтили шведскую могилу, но страницы, посвящен-

---

[1]) Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ столбъ съ соотвѣтственной надписью (воздвигнутъ при императорѣ Николаѣ).

[2]) Арандаренко говоритъ объ этомъ училищѣ уже какъ о „нынѣ упраздненомъ" (op. cit, III, 20).

ныя ей, не содержатъ ничего, кромѣ громко-патріотическихъ восклицаній или сантиментальныхъ размышленій.

О народныхъ повѣріяхъ, живущихъ среди полтавцевъ, говоритъ одинъ Зуевъ. Въ окрестностяхъ Полтавы ему пришлось наблюдать интересное явленіе: на зеленомъ коврѣ степи тамъ и сямъ были разбросаны островки, въ нѣсколько саженъ въ діаметрѣ, травы, у которой и листья, и стебли были краснаго цвѣта, хотя трава эта принадлежитъ къ тому-же виду, который растетъ вокругъ этихъ островковъ, и тамъ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, окрашенъ зеленымъ цвѣтомъ. Эту красную окраску травы народъ, по словамъ Зуева, объясняетъ вліяніемъ крови, пролитой въ этихъ мѣстахъ во время сраженій.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ свѣдѣнія о занятіяхъ полтавскихъ жителей и нѣсколько статистическихъ данныхъ о полтавскомъ уѣздѣ:

Жители Полтавы занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, бахчами и винокуреніемъ, а также продажею продуктовъ, доставляемыхъ указанными занятіями; небольшое число ихъ занимается спеціально торговлей.

Въ полтавскомъ уѣздѣ всего 34000 душъ мужскаго пола, да немногимъ меньше женскаго; все это сравнительно большое количество народонаселенія ютится въ 6000 домахъ. Главную массу жителей—болѣе 80% составляютъ козаки и владѣльческіе подданные, „прочіе суть подданные малороссійскіе, отставные штабъ и оберъ-офицеры и другіе старшины, также духовные“.

Изъ другихъ городовъ нынѣшней полтавской губерніи у нашихъ путешественниковъ мы находимъ свѣдѣнія о Кременчугѣ, Крюковѣ, Прилукахъ, Переяславлѣ и Лубнахъ. О первыхъ 2-хъ городахъ говоритъ Зуевъ. При немъ *Кременчугъ* принадлежалъ къ Новороссійской губерніи и былъ городомъ губернскимъ [1]), но въ тоже время и очень небольшимъ: въ немъ около 500 домовъ и только 2 каменныхъ, остальные-же—или неболь-

[1]) Губернскимъ городомъ онъ сталъ въ 1765 г., съ 1784 г. по 1789 Кременчугъ былъ намѣстническимъ городомъ; въ 1789 г. онъ пересталъ быть не только намѣстническимъ, но даже и уѣзднымъ, въ 1802 г. сталъ уѣзднымъ городомъ (Ср.

шіе деревянные домики, или мазанки изъ обмазаннаго глиной фашинника. Въ городѣ 2 церкви и 1 раскольничья часовня.— Главное занятіе жителей въ Кременчугѣ—торги, подряды и перевозка товаровъ на волахъ, кромѣ того разведеніе садовъ и бахчей и торговля водкой; въ городѣ, имѣется постоянный гостинный дворъ, но главная торговля сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ бываетъ—3 въ году. Весьма непріятную особенность города составляютъ тучи песку, который заноситъ цѣлыя улицы и набивается въ дома.

Жителей въ городѣ—1300 душъ. Для дѣтей этихъ жителей существуетъ 3 учебныхъ заведенія: 1) „аппробованный губернскимъ правленіемъ" пансіонъ благородныхъ дѣтей, содержавшійся французомъ Брокаромъ, гдѣ принимались на полное содержаніе дворянскія дѣти съ платой 150 рублей въ годъ; 2) училища благородныхъ сиротъ и мѣщанскихъ дѣтей женскаго пола, куда принимались дѣти не старше 5 лѣтъ и до совершеннолѣтія обучались, на счетъ казны и благотворителей, „россійской и нѣмецкой грамотѣ, рисовать, танцовать и шитью. Главнѣйшее попеченіе предоставилъ себѣ г. губернаторъ языковъ, а смотрѣніе и обученіе нѣкоторыхъ частей въ наукахъ поручилъ одной нѣмкѣ, женѣ городскаго лѣкаря". Наконецъ, третьимъ училищемъ—была городовая школа для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. На казенный счетъ ихъ учили „языкамъ и нѣкоторымъ наукамъ" [1]).

Къ новороссійской губерніи, губернскимъ городомъ которой, какъ сказано, былъ Кременчугъ, принадлежало 12 уѣздовъ: 3 на лѣвой сторонѣ Днѣпра—кременчугскій, полтавскій и новосенжаровскій (они были прибавлены къ новороссійской губерніи „для составленія нужнаго числа людей"), и 9 на правой—крюковскій, елисаветградскій, ольвіопольскій, новопавловскій, ингульскій, херсонскій, кизикерманскій, никопольскій и саксаганскій. Въ 9 уѣз-

---

„Городъ Кременчукъ" Ѳ. Д. *Николайчика*, Спб. 1891 г. стр. 63—66 и *Арандаренко* op. cit стр. ч. Ш, 125 и 126).

[1]) См. у В. Е. *Бучневича* „Кременчугъ и посадъ Крюковъ" (Полтава 1891 г.) интересную выписку изъ топографическаго описанія полтавской губ. за 1806 г., заключающую въ себѣ описаніе города Кременчуга въ 1-е годы 19 столѣтія(стр. 27—30).

дахъ новороссійской губ., лежащихъ по правую сторону Днѣпра,—5,135,937 десят. земли, жителей-же въ этихъ уѣздахъ менѣе 80000. Особеннымъ малолюдствомъ отличались уѣзды кизикерманскій—1 человѣкъ на 14 кв. верстъ, и херсонскій—1 на 30 кв. верстъ. Былъ уѣздъ (никопольскій), о которомъ Зуевъ говоритъ: „церквей и часовенъ нѣтъ, равнымъ образомъ и уѣзднаго города нѣтъ-же", въ ингульскомъ и саксаганскомъ „городу мѣсто еще только назначено, Никополь ростетъ только потому, что въ него насильно сгоняютъ запорожцевъ и заставляютъ ихъ строиться въ этомъ городѣ.

Второй изъ Полтавскихъ городовъ, посѣщенныхъ Зуевымъ, *Крюковъ*, тогда уѣздный городъ новороссійской губерніи, хотя лежалъ всего въ 3-хъ верстахъ отъ губернскаго города Кременчуга, съ которымъ соединялся „длиннымъ хорошимъ на плотахъ мостомъ", имѣлъ свое особое уѣздное управленіе, но не имѣлъ церкви. Въ этомъ „городѣ" было 200 домовъ, конечно, все деревянныхъ [1]).—Въ Крюковѣ былъ казенный садъ для дынь и арбузовъ; въ немъ разводились также различные виды тыквы; плоды одного вида, рисунокъ котораго даетъ Зуевъ, достигали фута въ поперечникѣ. Арбузы также достигали громадныхъ размѣровъ. Къ губернаторскому столу подавались арбузы вѣсомъ въ 43 фунта и „преизряднѣйшаго вкуса". Изъ сада, лучшіе арбузы и дыни посылались ко двору.—Кромѣ этого сада, въ 4-хъ верстахъ отъ Крюкова имѣлся садъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Крюковѣ существовали прекурьезнѣйшіе почтовые порядки: хотя перегонъ между нимъ и Кременчугомъ составлялъ всего 3 версты и иногда, при неимѣніи лошадей въ Кременчугѣ, ихъ пригоняли изъ Крюкова, но губернское правленіе, содержавшее почту въ новороссійской губерніи, распорядилось, чтобы всякій, ѣдущій изъ Кременчуга черезъ Крюковъ, мѣнялъ въ послѣднемъ лошадей. Лошади эти были настолько

---

[1]) Влад. Измайловъ, проѣзжавшій черезъ Крюковъ въ 1801—1802 г., даетъ слѣдующее описаніе Крюкова: „Что это такое? спросилъ я, увидя на берегу Днѣпра нѣсколько избъ, тѣсную улицу, шумную толпу народа и рогатку, которая ограничивала сіе мѣсто въ глазахъ моихъ. Это городъ Крюковъ, отвѣчали мнѣ". (Цит. по Николайчику „Г. Кременчукъ", стр. 115).

хороши, что Зуевъ, котораго тоже, не сморя на всѣ его просьбы, заставили перемѣнить лошадей въ Крюковѣ, предпочелъ ѣхать дальше на волахъ.

О *Прилукахъ* говоритъ Гунъ, при которомъ этотъ городъ представлялъ собою большую деревню и не имѣлъ правильныхъ улицъ, „хотя впредь велѣно его строить по плану" [1]) Вмѣсто садовъ и огородовъ существовали одни заросли дурмана. Некрасивъ былъ городокъ, за то все въ немъ было очень дешево: на ярмаркѣ пара гусей стоила 32 коп., пара индѣекъ—40 коп., ведро водки 2 р. 40 к., пара сапогъ—1 р. 40 к. и д. Изъ продававшихся на прилукской ярмаркѣ предметовъ особенное вниманіе Гуна привлекъ стручковый перецъ, котораго онъ видѣлъ тутъ „превеликое множество", и румяна, которыя для явнаго и сокровеннаго употребленія продаются здѣсь въ самыхъ бѣдныхъ лавкахъ".

Некрасивымъ, въ изображеніи Гуна, является и *Переяславль*: это „городъ, окруженный развалившимся валомъ и болотами. Домы его суть хижины, обросшія дурманомъ. На улицахъ множество фонарныхъ столбовъ, но ни одного фонаря". Левшинъ называетъ Переяславль городомъ „изряднымъ и довольно многолюднымъ"; въ немъ—семинарія съ 700 учащихся. Въ городѣ сохранились еще при Левшинѣ остатки старой крѣпости, пощаженной временемъ, но безпощадно разрываемой людьми для выварки селитры. Въ соборѣ Переяславскомъ показывали Левшину великолѣпное евангеліе, подаренное Мазепой, и плащаницу, 250 лѣтъ передъ тѣмъ (т. е. до 1815 г.), присланную однимъ молдаванскимъ господаремъ [2]).

Въ *Лубнахъ* и Гунъ, и Левшинъ отмѣчаютъ аптеку, доставлявшую лѣкарства для арміи [3]). За годъ передъ пріѣздомъ Гуна

---

[1]) По описанію 1786 г. въ Прилукахъ было 430 обывательскихъ домовъ, „въ томъ числѣ шинковъ третья часть" (см. А. Шафонскаго "Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе", стр. 510.

[2]) Въ 1561 г. Господаремъ Іоанномъ („Записки о Полтавской губ." Н. Арандаренко, т. III, стр. 424).

[3]) Объ этой аптекѣ и ботаническомъ садѣ при ней см. у Арендаренка, ч. III, стр. 273—274.

въ Малороссію въ Лубнахъ была построена больница для 3-хъ повѣтовъ.

Остальные города, посѣщенные нашими путешественниками, были—Кіевъ, Харьковъ и нѣкоторые города черниговской губерніи; кромѣ того Гунъ, посѣтилъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ имѣній.

Изъ названныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ *Кіевъ* Гунъ. Онъ много путешествовалъ за границей, видѣлъ города на Рейнѣ, на Дунаѣ, въ Швейцаріи, но ни одинъ изъ видѣнныхъ имъ городовъ не произвелъ на него такого впечатлѣнія красотой своего мѣстоположенія, какъ Кіевъ.

Обывательскіе дома въ Кіевѣ были небольшіе, деревянные [1]), почти всѣ одноэтажные. Улицы широкія, вымощенныя досками [2]); по нимъ, по словамъ Гуна, ѣздить было очень пріятно. На многихъ изъ этихъ улицъ была масса фонарныхъ столбовъ.—Къ лучшимъ въ городѣ зданіямъ нашъ путешественникъ причисляетъ дворецъ, губернаторскій домъ и зданіе академіи. Въ академіи обучалось около 1000 человѣкъ; такъ какъ академическая библіотека лѣтъ за 20 передъ тѣмъ сгорѣла, то при Гунѣ имѣлось въ ней „только 9000 книгъ, но и тѣ кромѣ исторіи ничего примѣчанія достойнаго въ себѣ не содержатъ и лежатъ въ безпорядкѣ". Въ городѣ существовали книжныя лавки, но въ нихъ, кромѣ книгъ церковныхъ и иконъ, ничего не было, за то иконъ „нигдѣ толикаго множества на продажу не выставляютъ, какъ въ Кіевѣ".

Гунъ упоминаетъ о кіевскихъ контрактахъ [3]), во время которыхъ „смѣло можно сравнить Кіевъ съ Лейпцигомъ". Въ контрактовомъ домѣ даются зимою балы, иногда даже спектакли.

Съ той поры какъ Кіевъ сдѣлался губернскимъ городомъ, въ немъ быстро растетъ число жителей (относительно этого

---

[1]) Въ 1797 г. Въ Кіевѣ каменныхъ зданій было—15 общественныхъ и 12 частныхъ. Закревскій op cit. стр. 115.

[2]) О кіевскихъ мостовыхъ (изъ брусьевъ) и грязи на улицахъ (въ 1787 г.) см. выдержки изъ „Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II", приводимыя у Закревскаго стр. 104.

[3]) Перенесены въ Кіевъ изъ Дубно въ 1797 г. См. Закревскій op. cit. 115—116.

числа Гунъ сообщаетъ противорѣчивыя свѣдѣнія: на 168 стр. его „путешествія“ оно равняется 30, а на 123—уже 42 тысячамъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро ростутъ цѣны: мука, лѣтъ 20 предъ тѣмъ стоившая 10 коп., поднялась до 60—70 коп. за пудъ, сажень дровъ стоитъ 7 рублей. Изъ кіевскихъ произведеній Гунъ съ восторгомъ говоритъ о кіевскомъ бѣломъ хлѣбѣ: такого вкуснаго хлѣба онъ до того не ѣдалъ; упоминаетъ о кіевскомъ „славномъ въ сахарѣ изъ плодовъ вареньи“ [2]), которое варится частью на мѣстѣ, частью привозится изъ Молдавіи и продается „по сороку рублей за пудъ и ниже“. Изъ Молдавіи привозится въ Кіевъ также вино, и это вино пьютъ въ Кіевѣ „даже и мужики“.

Что касается городскаго управленія и финансовъ, то, говоритъ Гунъ, „магдебургское и саксонское права существуютъ здѣсь и понынѣ. Доходы магистрата, говорятъ, простираются до 37000 р., сверхъ коихъ одинъ винный откупъ приноситъ думѣ 50000 рублей ежегодно“.

Гунъ посѣтилъ, конечно, кіевскіе храмы и кіевскія пещеры и видѣлъ въ нихъ все то, что каждый можетъ видѣть и теперь, но также видѣлъ нѣчто, чего никто не видѣлъ и не увидитъ: „въ Софійской соборной церкви видѣли мы *гробъ св. Софіи*, подъ которымъ теперь сдѣланъ великолѣпный помостъ, коего одна позолота стоитъ тысячи пяти сотъ рублей [3]).

При Левшинѣ Кіевъ по прежнему не изобиловалъ роскошными и грандіозными зданіями: „въ немъ мало огромныхъ строеній, но много хорошихъ, хотя небольшихъ домовъ, которые, будучи расположены на прекрасныхъ мѣстахъ, останавливаютъ и прельщаютъ глаза“. Кромѣ академіи, гдѣ число учащихся доходило до 1500, существовала уже и гимназія, гдѣ

---

[1]) По свѣдѣніямъ, приводимымъ у Закревскаго, число кіевскихъ жителей въ 1798 г. было 19,000, въ 1800 г.—30,000.

[2]) О происхожденіи производства „кіевскаго варенья“ см. Закревскій op. cit. стр. 112.

[3]) За гробъ св. Софіи Гунъ очевидно принялъ раку съ мощами Св. Макарія, митрополита кіевскаго (ср. „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской епархіи“ митрополита Евгенія. Кіевъ, 1825 г., стр. 47).

обучалось до 300 учениковъ. Дворянство жертвовало на гимназію большія деньги.

Глаголевъ даетъ лишь описаніе кіевскихъ святынь. Объ академіи онъ сообщаетъ общеизвѣстныя историческія свѣдѣнія, ничего не говоря о современномъ ему состояніи ея.

Всѣ 3 путешественника упоминаютъ о небольшомъ обелискѣ Владиміру Великому, воздвигнутомъ 5 сентября 1802 г. у Крещатицкаго колодца. На памятникѣ была надпись, гласившая, что памятникъ воздвигнутъ кіевскимъ обществомъ, „признательнымъ къ благодѣяніямъ Александра Благословеннаго, возобновившаго древнія права Кіева" (Левшинъ)[1]).

Въ *Харьковѣ* были Зуевъ и Сумароковъ. За 20 лѣтъ, которыя отдѣляютъ одно отъ другаго эти 2 посѣщенія, Харьковъ мало измѣнился. При Сумароковѣ, какъ и при Зуевѣ, за исключеніемъ 2—3 большихъ каменныхъ домовъ, остальныя постройки состояли изъ мазанокъ, улицы были немощеныя и неправильныя, хотя еще Зуеву „сказывали, что планъ городу давно подтвержденъ". Воды рѣчекъ, текущихъ черезъ городъ, при томъ и другомъ изъ нашихъ путешественниковъ одинаково заражались навозными плотинами[2]). Оба они говорятъ о харьковскомъ коллегіумѣ (или семинаріи)[3], при Зуевѣ тамъ было 500 учениковъ, при Сумароковѣ число ихъ возросло до 700. При Зуевѣ въ городѣ кромѣ того существовало еще „другое училище, называемое классы, гдѣ больше 20 человѣкъ сиротъ содержится на казенномъ иждивеніи; учители опредѣлены хорошіе, но, кажется, недостаточно присмотру". Сумароковъ нашелъ это училище значительно расширеннымъ: „Народное училище, соединенное съ прежнею казенною школою, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 600 дворянскихъ и разночинскихъ

---

[1]) См. у Закревскаго Высочайшій указъ съ замѣчаніемъ военному губернатору Феншу по поводу постройки памятника. Op. cit., т. I, стр 422.

[2]) О томъ же говоритъ авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества (М. 1788) стр. 116.

[3]) О коллегіумѣ см. въ этомъ же „Описаніи" стр. 128—137. О Харьков. коллегіумѣ имѣется трудъ проф. Лебедева: „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета".

дѣтей, которыхъ научаютъ иностраннымъ языкамъ, разнымъ познаніямъ, равно какъ и содержатъ на казенномъ счетѣ".— Кромѣ того, Сумароковъ узналъ, что у харьковскаго „протопресвитера воспитывается 12 благородныхъ отроковъ, которымъ онъ, преподавая самъ ученіе, нанимаетъ при томъ и другихъ для нихъ учителей. Предпріятіе необыкновенное въ нашемъ государствѣ! Новизна, достойная одобренія!".

О Харьковѣ Зуевъ сообщаетъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: „всѣхъ обывательскихъ домовъ около 1700, кожевенъ 126, винокуренъ 14, пивоваренъ 4, солодовенъ 7, кузницъ 40; имѣется изрядный каменной гостиной дворъ и сверхъ того множество деревянныхъ лавокъ. Церквей въ городѣ каменныхъ 6 и 5 деревянныхъ, сверхъ того мужской заштатный монастырь. Жителей въ городѣ около 6000 душъ[1]). У Сумарокова статистическихъ свѣдѣній не находимъ[2]), Зуевъ же сообщаетъ такія свѣдѣнія не только для Харькова, но и для его намѣстничества. Во всемъ намѣстничествѣ было 400691 житель[3]) дѣлившихся на войсковыхъ обывателей, малороссійскихъ подданныхъ, однодворцевъ, подданныхъ дворцовыхъ, экономическихъ и помѣщичьихъ и небольшого количества цыганъ. По своимъ занятіямъ жители еще не дифференцировались: „каждой почти изъ нихъ въ городахъ есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель". На все указанное число жителей „записныхъ купцовъ" только 60 человѣкъ. Какъ и въ собственно Малороссіи, въ харьковскомъ намѣстничествѣ было много водяныхъ мельницъ и винокуренъ: первыхъ Зуевъ насчитываетъ 1500, вторыхъ въ 7 уѣздахъ (во всемъ намѣстничествѣ уѣздовъ было 13, но для 6 у Зуева свѣдѣній нѣтъ) было до 1000.

---

[1]) По свѣдѣніямъ „Топогр. Описанія" въ 1787 г. въ Харьковѣ было „домовъ партикулярныхъ 1532, жителей мужеска пола 5338, женска 5405 (стр. 127). Тамъ-же, стр. 121—127, см. о занятіяхъ харьковскихъ жителей.

[2]) Кое-какія статист. свѣдѣнія для начала нынѣшняго столѣтія находимъ въ воспоминаніяхъ Ф. О. Рейнгардта „Г. Харьковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ" „Харьковскій Сборникъ" В. I. Хар. 1887 г.

[3]) Согласно „Топ Оп.", ко времени составленія его во всемъ намѣстничествѣ жителей муж. пола было 402,434, женскаго 394,374 (стр. 169).

Города черниговской губерніи посѣтилъ Левшинъ. *Черниговъ*[1]), по его словамъ, имѣлъ „изрядное строеніе", но отличался крайнимъ малолюдствомъ. Одной изъ главныхъ достопримѣчательностей его является старинная соборная церковь, основанная еще кн. Мстиславомъ; она была украшена знаменами малороссійскихъ козацкихъ полковъ. Въ Черниговѣ Левшинъ посѣтилъ ремесленное училище и „видѣлъ тамъ многія прекрасныя художественныя произведенія воспитанниковъ, которые принимаются изъ мѣщанъ и поселянъ и, живя на казенномъ иждивеніи, учатся разнымъ искусствамъ".

Въ *Городнѣ*[2]) путешественникъ не нашелъ ничего замѣчательнаго, въ *Новозыбковѣ*[3])—тоже, за исключеніемъ старообрядцевъ, которымъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, въ *Новгородъ-Сѣверскѣ*[4]) Левшинъ отмѣчаетъ „обширную и хорошую гимназію", въ *Глуховѣ*—строеніе его, которое „въ сравненіи съ другими малороссійскими уѣздными городами—хорошо", и заводы, о которыхъ мы уже говорили.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, главнымъ образомъ, посѣщенныхъ Гуномъ.

Яготинъ, тогда помѣстье графа Алексѣя Кириллыча Разумовскаго, Гунъ посѣтилъ какъ разъ въ то время, когда приводилась къ концу постройка новаго роскошнаго дома, флигелей и службъ и предъ домомъ разбивался англійскій садъ. Былъ здѣсь и Глаголевъ, когда имѣніе перешло къ князю Н. Г. Репнину; кромѣ разсказа о только что упомянутомъ домѣ и садѣ, Глаголевъ говоритъ о хорошей библіотекѣ и богатомъ собраніи картинъ, оставшемся послѣ графа Разумовскаго[5]).

---

[1]) Ср. описаніе Чернигова въ 1781 г. въ „Описаніи черниговскаго намѣстничества" Д. *Пащенка* (неоконченное изданіе черниг. губ. статист. комит. 1868 г.) стр. 1—6 и описаніе его у Шафонскаго op. cit. (особенно интересны свѣдѣнія о латинскомъ училищѣ—стр. 280—284, числѣ домовъ—285, жителей—291).

[2]) См. описаніе Городни у Пащенка. op. cit. стр. 99—102.

[3]) О Новозыбковѣ (прежде сл. Зыбкая) см. въ „Описаніи Старой Малороссіи" Ал. Лазаревскаго, стр 449—451.

[4]) Интересное описаніе Новгородъ-Сѣверска въ 1781 г. приведено у Ал. Лазаревскаго op. cit. стр. 211—213.

[5]) См. объ этомъ у Н. Стороженко „Отчетъ о занятіяхъ въ Архивахъ: кіевскомъ центр. и яготинскомъ кн. Н. В. Репнина" въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ за 1887 г.

Въ библіотекѣ въ ковчегѣ хранились—письмо, въ которомъ фельдмаршалъ кн. Репнинъ приносилъ Императору Александру I поздравленіе по случаю восшествія его на престолъ, и Высочайшій рескриптъ Монарха кн. Репнину. Изъ рукописей особенно замѣчательны записки о путешествіи графа Бориса Петровича Шереметева въ Италію въ 1697—1700.

Въ *Почепѣ*[1]) Гунъ отмѣчаетъ громадный барскій домъ прекрасной архитектуры; въ немъ особенно хорошъ залъ для баловъ и концертовъ; есть въ немъ и библіотека изъ 5000 томовъ, предъ домомъ прекрасный большой садъ. Изъ „историческихъ памятниковъ" въ Почепѣ Гунъ видѣлъ полуразвалившійся каменный столбъ, на которомъ при Аннѣ Іоанновнѣ „была выставлена на всенародное зрѣлище присланная изъ Петербурга голова казненнаго тамъ нѣкоего здѣшняго бунтовщика, выдававшаго себя за наслѣдника Государя Императора Петра I".

Еще большею роскошью, чѣмъ Почепскій домъ, отличался домъ съ прекраснымъ паркомъ въ *Ивайтенкахъ* генерала Гудовича. Въ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гунъ отмѣчаетъ только то, что относится къ промышленности и помѣщичьимъ доходамъ и на что уже было указано въ своемъ мѣстѣ. Эти помѣщичьи доходы бывали иногда очень велики, особенно тѣхъ помѣщиковъ, которые считали своихъ крѣпостныхъ тысячами. Весело и роскошно жили такіе помѣщики: и сами веселились, и, принимая массу гостей, давали возможность веселиться и другимъ, а своихъ крѣпостныхъ умѣли заставить доставлять себѣ не только все, необходимое для жизни, но и эстетическія удовольствія. Въ с. *Спиридоновой Будѣ* (о чемъ мы узнаемъ отъ кн. Шаликова) у помѣщика Д. И. Ширая, флигель-адъютанта кн. А. М. Голицына, былъ театръ, на которомъ давались оперныя представленія и балетъ. Въ особенный восторгъ привлекъ Шаликова балетъ. „Маренкова, Дроздова, Косаковская, Кодинцова!" восклицаетъ онъ по адресу танцовщицъ: „вы были-бы украшеніемъ самой блестящей сцены

---

[1]) Ср. „Описаніе старой Малороссіи" Ал. Лазаревскаго, стр. 298—305.

великолѣпнѣйшей столицы". Что особенно замѣчательно—это то, что „всѣ сіи плѣняющія васъ существа извлечены помѣщикомъ Буды изъ ничтожества, т. е. изъ крестьянскаго состоянія".

Особенно блестящій спектакль былъ данъ въ честь малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Предъ оперой, по обычаю добраго стараго времени, „главная актриса явилась на сценѣ и пріятнымъ, трогательнымъ голосомъ сказала рѣчь почтенному гостю"; въ послѣдней сценѣ балета глаза зрителей были поражены рядомъ символическихъ картинъ въ честь гостя: на сценѣ появился „великолѣпный храмъ съ огненною на фронтонѣ подписью: *добродѣтели и чести;* во внутренности его возвышался жертвенникъ съ пылающими сердцами передъ вензелевымъ именемъ гостя; позади его была транспарантная картина, которая изображала парящую славу и имѣющую, по обыкновенію, въ одной рукѣ трубу, а въ другой свитокъ съ его же вензелемъ и богиню правосудія съ вѣсами и съ ландъ-картою Малороссіи; внизу группы Геніевъ"... и т. д., и т. д. Высокій гость былъ растроганъ и „съ энтузіазмомъ" призналъ все это, и балетъ, и картины, волшебствомъ. На этомъ балу присутствовало и потомъ жило въ Будѣ въ теченіе 6 дней до 100 гостей.

Помѣщика Буды Шаликовъ считаетъ не только гостепріимнымъ хозяиномъ, но и блогодѣтелемъ тѣхъ своихъ „подданныхъ", которыхъ онъ превратилъ въ балеринъ. Еще-бы! онъ поднялъ ихъ на такую высоту, что онѣ могли доставлять высокое эстетическое удовольствіе гостямъ съ самыми утонченными вкусами. Это было, конечно, высокая честь для крѣпостныхъ, но многія изъ нихъ удостоивались чести еще большей. Плѣненные гости доходили до того, что забывали все различіе ранговъ и дарили ихъ своею любовью... на короткое время, конечно: князь Шаликовъ „сталъ плѣнникомъ одной (*крѣпостной*) Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы". У другихъ гостей сердце тоже не было каменнымъ: „Амуръ не оставался безъ дѣла и можно-ли Амуру не рѣ-

звиться тамъ, гдѣ Граціи? Стрѣлки его летали туда, сюда; коварной мальчикъ—enfant gâté—забавлялся" [1]).

Другой помѣщикъ, владѣлецъ Чемира (Шаликовъ называетъ этого помѣщика Б**, это полковникъ Будлянскій, о которомъ разсказано выше со словъ Гуна), имѣлъ прекрасный хоръ и огромный оркестръ. Упоминаетъ объ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ и Гунъ. Такой оркестръ былъ у Тамары (изъ 17 человѣкъ) и у Гудовича (изъ 16). Бывали у малороссійскихъ помѣщиковъ и художники изъ крѣпостныхъ. Въ Екатерининъ-дарѣ у гр. Завадовскаго Шаликовъ видѣлъ картину, на которой „магическая" кисть „собственнаго Апеллеса" изобразилъ спящую Венеру безъ всякаго покрывала до того хорошо, что заставилъ нашего путешественника предаться не совсѣмъ-таки чистымъ мечтаніямъ. Были помѣщики, которые не только доставляли эстетическія удовольствія на счетъ своихъ „подданныхъ" себѣ и своимъ гостямъ, а развивали въ эстетическомъ отношеніи и толпу, но, снисходя къ ея грубымъ вкусамъ, давалъ предъ ней не оперные и балетные спектакли, а „спектакль балансёровъ и игръ гимнастическихъ". Шаликовъ былъ на ярмаркѣ въ Ромнахъ въ циркѣ, антрепренеромъ котораго былъ богатый помѣщикъ. Между „балансёрками", которыхъ этотъ момѣщикъ заставлялъ ходить по веревкѣ, была „очевидно беременная" женщина, упавшая съ веревки въ самомъ же началѣ спектакля, „но къ счастью безвредно, говоритъ Шаликовъ: вспрыгнула на веревку опять и продолжала свое дѣло".

Не всѣ однако помѣщики только веселили себя и другихъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ; были и такіе, у которыхъ веселились и крѣпостные. По крайней мѣрѣ, у Шаликова мы находимъ слѣдующій разсказъ о сельскомъ праздникѣ по случаю окончанія жатвы.

„Ввечеру, по захожденіи солнца, на зеленомъ лугу и маленькихъ островкахъ свѣтлой рѣчки, подлѣ сосновой рощи и

---

[1]) Намъ разсказывалъ А. М. Лазаревскій (со словъ А. И. Ханенка), что у Д. И Ширая въ „Будѣ" былъ магазинъ различныхъ ювелирныхъ вещей. Плѣнники „Эвхарисъ" дарили ихъ вещами, купленными въ этомъ магазинѣ, „А Эвхарисы" обязаны были возвращать ихъ своему помѣщику.

во внутренности ея запылали смоляныя бочки, поставленныя высоко на деревахъ; нетерпѣливые поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дицы* ударили въ смычки свои;—тамъ раздались нѣжныя свирѣли, здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили рѣзвыя пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ нектаръ и амброзія ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели, поставленныя въ рощѣ; прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили вездѣ и веселились съ щастливыми поселянами. Доброй ихъ Помѣщикъ радовался искренно щастію ихъ и раздѣлялъ его съ ними въ чувствительномъ своемъ сердцѣ".

На этой идилліи во вкусѣ Делилля мы и простимся съ нашими путешественниками.

Л. Синицкій.

БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО К. XVIII В.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Къ числу весьма любопытныхъ уголковъ нашего края принадлежитъ бывшее барское староство, расположенное на водораздѣлѣ Буга и Днѣстра, въ сѣверной части нынѣшней Подольской губерніи. Своеобразныя особенности его прошлаго и настоящаго привлекаютъ къ нему вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что особенности эти не только сами по себѣ любопытны, но даютъ подъ часъ матеріалъ для изученія болѣе общихъ явленій мѣстной исторіи, нѣкоторыхъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ мѣстнаго общественнаго строя.

Любопытная исторія этого староства. Впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій оно было порубежнымъ со степью. Баръ долгое время служилъ однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ базисовъ и игралъ важную роль въ исторіи обороны и вмѣстѣ колонизаціи того края. Въ связи съ такою ролью Бара стоитъ и значеніе его въ исторіи козачества: какъ извѣстно, это было одно изъ старѣйшихъ козачьихъ гнѣздъ; здѣсь, на ряду съ нѣкоторыми другими окраинными староствами, получило оно первоначальную свою организацію. Позже мы находимъ здѣсь служилую шляхту, аналогичную въ значительной степени съ козаками. Организація этого шляхетскаго населенія также имѣетъ сходныя черты съ козачьею организаціею: вся шляхта составляла въ совокупности „барскій полкъ“, съ полковникомъ во

главѣ, съ прочими военными чинами. Изученіе исторіи и общественнаго строя староства, мнѣ кажется, можетъ дать немало данныхъ для выясненія генезиса козачества и его первоначальнаго строя.

Довольно рано—сеймовымъ постановленіемъ 1659 г., Барское староство было обращено въ наслѣдственную собственность гетмана. Ив. Выговскаго (это дѣдицтво Выговскаго составляетъ тоже одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи Барскаго староства); потомъ староство переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ закрѣпилось за князьями Любомирскими, во владѣніи которыхъ оставалось почти цѣлое столѣтіе. Въ силу этого создалось соединеніе элементовъ государственныхъ и частноправныхъ въ организаціи староства, особенно любопытное потому, что подъ властью староства, подъ его присудомъ находилось многочисленное, упомянутое выше, шляхетское населеніе, околичная шляхта, обязанная различными повинностями на замокъ. Такая судьба староства весьма сильно отразилась на положеніи ея. Сохранивъ за собою шляхетскія права, эта шляхта de facto низведена была на степень низшую даже той, на которой стояло русско-литовское боярство; въ сущности небольшое демаркаціонное пространство отдѣляло ее отъ крестьянскаго населенія старостинскихъ селъ. Весьма интересно прослѣдить это подчиненіе шляхты старостами-дѣдичами и превращеніе ея въ тяглое населеніе. Въ старостинскомъ управленіи, кромѣ обычнаго смѣшенія функцій административныхъ и хозяйственныхъ, есть также своеобразныя особенности, благодаря присутствію этого военно-шляхетскаго элемента; своеобразно также устройство шляхетскихъ селъ—околицъ, съ намѣстниками во главѣ, съ общимъ собраніемъ шляхтичей—шляхетскимъ коломъ.

Интересна сама по себѣ эта барская околичная шляхта (такъ называется она съ XVI в.)[1]. Обыкновенно у насъ съ именемъ правобережнаго дворянина, шляхтича, особенно вре-

---

[1]) Люстрація Барскаго староства 1565 г.—въ Архивѣ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, стр. 232.

мени послѣ козачьихъ войнъ, связывается представленіе о чемъ-то польскомъ, рѣзко отграниченномъ, отчужденномъ отъ народной массы, враждебномъ ей. Околичная шляхта въ значительной степени не подходитъ подъ это обычное представленіе.—Укажу на обслѣдованную въ наукѣ съ этой стороны овруцкую околичную шляхту[1]); подобно ей, и барскій шляхтичъ до конца дней Речи Посполитой сохраняетъ туземный, южнорусскій обликъ и стоитъ близко къ народной массѣ. Здѣсь мы можемъ наблюдать встрѣчу польскаго и туземнаго элементовъ, пришлой и туземной культуръ, ихъ борьбу и амальгамировку.

Я намѣтилъ нѣкоторые лишь вопросы исторіи и общественнаго строя Барскаго староства; было бы долго перечислять всѣ интересныя особенности, любопытныя данныя, сообщаемыя барскими актами. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ едва намѣчены, нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Можно пожалѣть только, что главный и обильнѣйшій источникъ для изслѣдованія ихъ—книги Барской юрисдикціи—мы имѣемъ всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія; въ особенности для изученія быта это источникъ незамѣнимый. Данныя другихъ источниковъ, каковы книги летичевскія, книги барскаго магистрата, процессы о правѣ владѣнія землями Барскаго староства и т. п. лишь до нѣкоторой степени восполняютъ этотъ недостатокъ.

Въ непродолжительномъ времени я постараюсь опубликовать наиболѣе интересные матеріалы о Барскомъ староствѣ, его устройствѣ и бытѣ, равно какъ и изслѣдованіе по этимъ вопросамъ, а въ настоящее время позволю себѣ предложить одинъ изъ эпизодовъ, именно—этнографическія данныя о барской околичной шляхтѣ.

II.

Этнографическая основа барской шляхты была несомнѣнно туземная. Я не буду здѣсь забираться во мракъ древнѣйшихъ

[1]) Акты объ овруцкой околичной шляхтѣ изданы проф. В. Б. Антоновичемъ въ IV части I томѣ Архива Юго-Западной Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о ней.

временъ и тревожить разныхъ тиверцевъ и болоховцевъ и иныхъ cruces interpretatorum русской исторіи. Обстоятельныя и связныя свѣдѣнія о занимающей насъ территоріи идутъ съ XVI в., когда разоренный татарами Ровъ (таково было первоначальное имя нынѣшняго Бара), съ окрестною территоріею, былъ въ 1537 г. отданъ Сигизмундомъ Старымъ королевѣ Бонѣ, и когда, благодаря попеченіямъ новой владѣлицы, были приняты дѣятельныя и, по тому времени, серьезныя мѣры къ расширенію и укрѣпленію колонизаціи. Отъ второй половины XVI и начала XVII в. сохранилось нѣсколько люстрацій Барскаго староства, которыя сообщаютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія относительно этнографическаго состава населенія и шляхты въ частности. На основаніи данныхъ люстраціи 1565 г. новѣйшій изслѣдователь тоговременной колонизаціи проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что туземный элементъ въ Барскомъ староствѣ составлялъ свыше 90°/₀ сельскаго населенія и около 80°/₀ всего вообще населенія староства. Туземцы составляютъ главную массу въ средѣ мѣстной шляхты; иноплеменные элементы не значительны[1]). Въ началѣ XVII в., судя по люстраціи 1615—6 г., среди мѣстной шляхты было также много туземныхъ родовъ (хотя польскій элементъ уже значительно усилился); наиболѣе многочисленные роды, составившіе основное ядро околичной шляхты, были туземные[2]). Туземное ядро это продолжало держаться весьма устойчиво и позже, несмотря на передряги, постигавшія Барское староство— во время козачины и турецкой оккупаціи.

Къ этой туземной основѣ примѣшивались разновременно, въ значительномъ количествѣ, разные иноплеменные элементы (въ этомъ отношеніи барская околичная шляхта значительно отличается отъ овруцкой, куда иноплеменная стихія проникаетъ очень мало). Самымъ многочисленнымъ ингредіентомъ былъ, несомнѣнно, польскій, особенно приходившій сюда въ большомъ числѣ въ видѣ поссессоровъ, заставниковъ, покупщиковъ земли

---

[1]) Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (предисловіе къ ч. VII, т. I Архива Ю.-З. Россіи), стр. 194—195.

[2]) Люстрація 1615—6 г. въ Źródła dziejowe t. V p. 24 squ.

и т. д. Весьма замѣтенъ, особенно въ XVIII в., элементъ волошскій—разные Бенескулы, Маймескулы, Дыдыскулы и т. д. Проникалъ, хотя въ меньшей степени, элементъ южнославянскій, татарскій (какъ извѣстно, при королевѣ Бонѣ здѣсь была устроена цѣлая колонія татаръ-чемерисовъ) и т. п. Однако эти иноплеменные насельники, въ суммѣ довольно многочисленные, весьма успѣшно претворялись и ассимилировались туземною основою, и въ половинѣ XVIII в., когда мы имѣемъ очень обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о бытѣ барской околичной шляхты, благодаря упомянутымъ выше актовымъ книгамъ барской юрисдикціи, шляхта наша въ массѣ имѣетъ очень полно и опредѣленно выраженный туземный обликъ.

Я обращусь теперь къ даннымъ этихъ актовыхъ книгъ барской юрисдикціи. Въ это время—т. е. въ половинѣ XVIII в.—околичная шляхта занимала 12 селъ барскаго староства: Елтухи (Евтухи), Галузинцы, Волковинцы, Радзеевцы (Радыевцы), Васютинцы, Петрани, Лопатинцы, Коростовцы, Сербиновцы, Степанковцы, Поповцы, Гальчинцы и Буцни; села эти находятся вокругъ г. Бара, въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ уѣздовъ литинскаго, летичевскаго и могилевскаго, подольской губерніи.

По переписи шляхетскихъ околицъ 1739 г. число околичной шляхты на дѣдичномъ правѣ, мужескаго пола, простиралось до 230, да прыймаковъ или зятьевъ (zięci), поссессоровъ, заставниковъ и разныхъ прихожихъ людей (luźni, przybyszy), жившихъ по большей части въ сходныхъ же условіяхъ, было до 180; при этомъ нужно замѣтить, что неотдѣленные сыновья обыкновенно въ реестръ не вносились. Это шляхетское поселеніе распредѣлялось между отдѣльными околицами весьма неравномѣрно: если въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ напримѣръ, въ Петраняхъ, Гальчинцахъ, Сербиновцахъ, мы находимъ всего по нѣскольку шляхетскихъ семействъ, то шляхетское населеніе такихъ околицъ, какъ Волковинцы, Поповцы, Радзеевцы, Галузинцы, считалось десятками [1]).

[1]) Перепись 1739 г. въ книгѣ барскаго замка кіевскаго центральнаго архива № 5683 л. 91 сл.; въ дальнѣйшихъ ссылкахъ указаны номера актовыхъ книгъ также кіевскаго центральнаго архива.

III.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашею околичною шляхтою, это ея фамильныя прозвища и имена.— Они очень характеристичны. Огромное большинство шляхтичей-туземцевъ носили фамиліи, тождественныя съ именемъ своего села: такъ, въ Радзеевцахъ жили, главнымъ образомъ, Радзеевскіе, въ Елтухахъ—Елтуховскіе, въ Коростовцахъ—Коростовскіе. Это впрочемъ не были только мѣстныя названія, а настоящія фамиліи: какой-нибудь Радзеевскій, переселяясь, скажемъ, въ Волковинцы, продолжалъ именоваться Радзеевскимъ, а не Волковинскимъ. Затѣмъ эти фамиліи—иногда очень многолюдныя—распадались на подфамиліи, вѣтви, семьи, которыя различались между собою патронимическими именами и прозвищами, которыя переходили часто изъ поколѣнія въ поколѣніе; патрономики всегда имѣютъ туземную форму — на *енко*; прозвища также иногда очень типичны: Шмиль, Гуць, Гава, Крымець, Снигуръ, Бацюра и т. п. Такимъ образомъ были, напримѣръ, Гавы—Радзеевскіе, Рябченки—Волковинскіе, Касьяненки—Галузинскіе, Скорописы—Елтуховскіе, Мазепы—Васютинскіе, Пантенки—Поповскіе. Отъ совпаденія прозвища съ патронимикою, или патронимики отца съ патронимикою дѣда получались двойные cognomina—напр. Карпченки—Тарасы—Волковинскіе, Іозепенки—Петренки—Радзеевскіе, Кобченки—Мордасы—Поповскіе. Подобное явленіе замѣчается и у овруцкой околичной шляхты.

Что касается именъ, то они не всегда доходятъ до насъ въ своей настоящей формѣ. Акты велись на оффиціальномъ польскомъ языкѣ, и, вѣроятно, очень часто писарь, болѣе свѣдущій въ шляхетскомъ хорошемъ тонѣ, передавалъ народныя имена въ польской формѣ, превращая какого-нибудь Грицька въ Гржегоржа, а Лаврина въ Вавженца. Однако и въ актовыхъ книгахъ имена иногда сохраняли свой настоящій видъ, особенно привилегіею пользовались въ этомъ отношеніи дамы. Затѣмъ неполонизованныя формы именъ встрѣчаются также въ метрическихъ книгахъ (я пересмотрѣлъ метрики одной изъ околицъ—Поповецкой). Конечно, ни у кого не возникнетъ сомнѣній отно-

сительно народности пана Леська Соломки—Волковинского или Оныська Гаврышенка—Елтуховскаго, или пани Матроны зъ Кочерговъ Гнетимуковой—Радзеевской или пани Палажкы Васютинской [1]) имена слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Можно съ увѣренностью утверждать, что обычнымъ языкомъ нашей шляхты былъ малорусскій. Малорусскія фразы очень часто проскакиваютъ въ актахъ, и если обыкновенно въ актахъ шляхтичи разговариваютъ по польски, то этимъ они, правдоподобно, обязаны главнымъ образомъ, тому же „писарю шляхетскому". Я укажу на одинъ любопытный примѣръ: онъ касается нѣкоего Сѣчинскаго; это была семья, тянувшая къ мѣстной аристократіи и потому больше подвергнувшаяся польскому вліянію. Отецъ нашего Сѣчинскаго былъ поручикомъ Барскаго полка, а самъ онъ былъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ с. Галузинцахъ; онъ посѣщалъ барскій костелъ, и двое братьевъ его были даже ксендзами. Такъ вотъ зять этого Сѣчинскаго, тоже принадлежащій къ мѣстной аристократіи—нѣкій Ляховецкій—жалуется на разныя обиды отъ своего шурина и между прочимъ представляетъ его разговаривающимъ съ женою по малорусски: Сѣчинскій собирается устроить ночью засаду на своего зятя и убить его, „а тою насикою буду быты, тай убью, и нихто не буде знаты", говоритъ онъ [2]). Между тѣмъ, повторяю, это былъ одинъ изъ наиболѣе полонизованныхъ субъектовъ.

Въ дѣлѣ вѣры наша шляхта, въ весьма значительной по крайней мѣрѣ степени, была тоже солидарна съ туземнымъ населеніемъ. Въ половинѣ XVIII в. шляхта, какъ и все вообще подольское населеніе, въ большинствѣ принадлежала оффиціально къ греко-уніатскому обряду. Какъ извѣстно, унія, благо-

---

[1]) Кн. № 5685 л. 97, № 5686 л. 28, 39, № 5692 л. 99.

[2]) Кн. № 5694 л. 118. Начало словъ въ документѣ передано по польски: ja kiedyś w nocy, jak Lachowecki będzie szedł od matki. usmarowawczysię zasięde na niego, żeby mnie nie poznał—очевидно писарь началъ было переводить слова Сѣчинскаго по польски, но въ концѣ концовъ перешелъ на малорусскій языкъ, между прочимъ usmarowawszysię онъ переправилъ изъ uszmarowawszysię. Въ дѣйствительности, вѣроятно, рѣчь гласила приблизительно такъ: „я колысь въ ночи, якъ Ляховецькый буде йти одъ матки, зашмаровавшись засяду на нёго, щобъ мене не познавъ".

даря весьма ловкимъ и искуснымъ маневрамъ правящихъ сферъ, въ началѣ XVIII в. была оффиціально введена на Подоліи; тѣмъ не менѣе продолжалась противъ нея глухая, болѣе пассивная, чѣмъ активная, борьба населенія въ пользу „благочестія", а съ другой стороны—скоро послѣ введенія своего унія перестала удовлетворять католиковъ и изъ покровительствуемой перешла въ положеніе презираемой и гонимой; подобно тому какъ раньше православіе, унія стала вѣрою хлопскою, вѣрою русскою, сообразно извѣстному афоризму, что Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана для пана [1]). Что до шляхты, то въ это время уніатовъ среди нея почти не существовало, шляхтичи изъ православія обыкновенно переходили прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ принадлежность барской околичной шляхты къ греко-уніатскому обряду, а не къ католичеству, свидѣтельствуетъ о весьма значительной жизненности и устойчивости въ ней туземной, національной стихіи.

Какъ сказано, въ половинѣ XVIII в. (свѣдѣнія наши идутъ съ 1730 г. до 1780-хъ годовъ) огромное большинство околичныхъ шляхтичей принадлежало къ уніи. Католики составляли меньшинство, да и тѣ не всегда были особенно ярыми католиками, часто посѣщали одинаково церковь и костелъ и дѣлали пожертвованія на тѣ и другія. Въ спискѣ обращенныхъ изъ уніи въ католичество съ 1758 по 1765 г. изъ 58 душъ, которыя приходятся на барскій деканатъ, всего около десятка найдется барскихъ околичныхъ шляхтичей [2]). Изъ метрическихъ книгъ поповецкаго прихода видно, что мѣстная шляхта, за однимъ—двумя исключеніями, крестила дѣтей по греко-уніатскому обряду [3]). Въ актахъ часто встрѣчаются упоминанія о посѣщеніи шляхтичами мѣстныхъ церквей, какъ о явленіи постоянномъ и обычномъ. На годовые кануны собиралось поголовно шляхетское населеніе даже изъ сосѣднихъ селъ [4]). Въ завѣщаніяхъ отказываются деньги на мѣстныя церкви и причтъ, на

---

[1]) Монографіи В. Б. Антоновича I с. 311 сл., 326 сл., 336 сл.

[2]) Архивъ юго-запад. Россіи ч. I т. IV, с. 574—5.

[3]) Книга № 5534, passim.

[4]) Кн. № 5689 л. 42.

заупокойныя обѣдни и на устройство поминальныхъ обѣдовъ [1]). Шляхтичи дѣлали сообща пожертвованія на украшеніе церкви, пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ вещей, на церковь же жертвовались деньги, собираемыя колядниками [2]). Къ штрафамъ въ пользу мѣстной церкви приговаривалъ урядъ за нѣкоторыя преступленія противъ нравственности. Обычнымъ наказаніемъ для провинившихся женщинъ и несовершеннолѣтнихъ — было лежать крыжемъ въ мѣстной церкви при народѣ, въ продолженіе одной или нѣсколькихъ праздничныхъ службъ; въ одномъ случаѣ провинившійся шляхтичъ присужденъ стоять въ церкви, во все время богослуженія, съ обнаженною саблею [3]).

Шляхетское населеніе принимало также дѣятельное участіе въ мѣстныхъ приходскихъ дѣлахъ. Въ околичныхъ селахъ существовали церковныя братства—они упоминаются, напримѣръ, въ Галузинцахъ, Радзеевцахъ, Степанкахъ; въ пользу ихъ также встрѣчаются пожертвованія въ шляхетскихъ завѣщаніяхъ [4]). Общимъ совѣтомъ всего села, всего шляхетскаго кола, избирали кандидатовъ на священническую вакансію и отряжали „спольнымъ коштомъ“ выборныхъ хлопотать о презентѣ и утвержденіи духовнымъ начальствомъ желательнаго кандидата [5]). На храмовые праздники также всѣмъ коломъ назначали выборныхъ варить и продавать канунный медъ, причемъ вырученныя деньги поступали на церковныя украшенія [6]).

Въ числѣ мѣстныхъ священниковъ встрѣчаются и околичные шляхтичи [7]). Изъ метрическихъ записей видно, что шляхта охотно „кумалась“ съ приходскимъ причтомъ [8]). Къ посредничеству священника прибѣгали во взаимныхъ распряхъ [9]).

---

[1]) Кн. № 5685 л. 105 об., № 5688 л. 69, № 5689 л. 34, № 5696 л. 47 об. и др.

[2]) Кн. № 5692 л. 28, 65, № 5695 л. 1295.

[3]) Кн. № 5685 л. 42, 50, 116 об.; № 5688 л. 10, 39 и др; № 5685 л. 146.

[4]) Кн. № 5688 л. 76, 5694 л. 51, 5699 л. 34.

[5]) Кн. № 5688 л. 25.

[6]) Кн. № 5684 л. 5 об., также л. 30 об.

[7]) Кн. № 5684 л. 88, 5694 л. 51.

[8]) Кн. № 5692 л. 140.

[9]) Кн. № 5534, 5536 passim.

Словомъ, церковь занимала очень видное мѣсто въ жизни шляхетской околицы. Что при этомъ на свою церковь шляхта смотрѣла какъ на своенародную, „греческую“, что она не чувствовала симпатій къ латинству и иногда рѣзко противилась его распространенію,—довольно ясно свидѣтельствуютъ два эпизода изъ барскихъ актовыхъ книгъ, а именно; проявленія такого протеста, хотя въ грубыхъ, мало культурныхъ формахъ. Въ одномъ случаѣ имѣемъ жалобу шляхтичей Будкевичей (фамилія, не принадлежавшая къ числу исконныхъ мѣстныхъ родовъ) на нѣкоего шляхтича Юркевича, что онъ въ пьяномъ видѣ вломился въ ихъ домъ, разбилъ гипсовое изображеніе Христа, попробивалъ кіемъ бумажные образа и укорялъ хозяйку (хозяина дома не было), что она держитъ у себя латинскія изображенія: „ляховко, ляцкіи образы маешъ“ [1]). Въ другомъ случаѣ священникъ с. Коростовецъ Михаилъ Людкевичъ жалуется на мѣстныхъ помѣщиковъ коростовскихъ за разныя обиды и безчестья. По собственному признанію, священникъ этотъ при своемъ посвященіи обязался архіепископу строго держаться латино-уніатскихъ догматическихъ и обрядовыхъ особенностей, но встрѣтилъ отпоръ. По его разсказу, немедленно Иванъ Коростовскій сталъ попрекать его за то, что онъ поминаетъ на ектеніи не патріарха, а папу (ty pop lacki, nie tak odprawujesz służbe, jak starzi popi, za rzymskiego papu, a nie za patryarchu Boha prosisz), а пріятель его, нѣкто Лавринъ Немишъ, придя въ церковь, приказывалъ дьяку читать о св. Духѣ не „отъ Отца и Сына исходящій“, какъ требовалъ новый священникъ, а „отъ Отца исходящій, а на Сынѣ спочивающій“. Результатомъ этихъ несогласій были разные попреки и даже побои священнику, и Коростовскій предлагалъ взять презенту на священничество вышеупомянутому пріятелю своему Лаврину Немишу [2]).

Обращаясь къ быту нашей шляхты, мы и здѣсь—въ обрядахъ, обычаяхъ, воззрѣніяхъ—находимъ много своенароднаго. Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ церковнаго характера,

[1]) Кн. № 5690 л. 24 об.

[2]) Кн. № 5689 л. 73.

какъ поминальные обѣды, канунные меды, складчины на церковныя украшенія. На Рождество отправлялись колядки [1]). На Пасху обходили почтенныхъ родственниковъ съ поздравленіемъ и „паскою" [2]). Свадебные обычаи имѣли характеръ во многомъ чисто народный; между прочимъ мы имѣемъ жалобу, въ которой отецъ невѣсты, нѣкто Зарусицкій, жалуется на Скорописа Елтуховскаго, что тотъ во время отправленія „весилля", на стыдъ ему вмѣсто обычной „червоной хоруговки", według tuteyszego zwyczaiu, повѣсилъ передъ его воротами „червоную онучку"—здѣсь указывается, очевидно, на церемонію вывѣшиванія красныхъ поясовъ на свадьбѣ, существующую понынѣ [3]). По праздникамъ молодежь развлекалась, собираясь танцовать „на музыку" у корчмы, какъ и понынѣ это ведется [4]). Для замужней женщины большимъ позоромъ считалось „свитыть волоссямъ", и мы встрѣчаемъ не мало процессовъ по поводу того, что тотъ или другой сорвалъ намитку (такъ она иногда и называется въ актахъ) съ шляхтянки и опростоволосилъ ее [5]). Кое что своенародное можно было бы указать и въ другихъ пріемахъ и понятіяхъ о безчестіи, но объ этомъ не совсѣмъ удобно распространяться.

IV.

Такая живость и устойчивость своенародной, туземной стихіи въ жизни барской околичной шляхты объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ядро ея, какъ указано было выше, состояло изъ туземцевъ, съ другой стороны—тѣмъ также, что народная, крестьянская стихія постоянно проникала въ ряды шляхты. Этотъ процессъ обновленія состава шляхты элементами простонародными, мѣстными и прихожими, и проникновенія въ ряды ея лицъ не шляхетскаго происхожденія очень интересенъ, и его

---

1) Кн. № 5696 л. 77 об., № 5698 л. 8 (№ 5699 л. 2).

2) Кн. № 5690 л. 14.

3) Кн. № 5689 л. 69.

4) Кн. № 5691 л. 117.

5) Напр. кн. № 5688 л. 213, кн. № 5689 л. 75, кн. № 5692 л. 81, 91 об. и др.

можно очень ясно прослѣдить по документальнымъ даннымъ; я ограничусь здѣсь краткими указаніями. Происходилъ онъ больше всего путемъ смѣшанныхъ браковъ; случаи выхода крестьянокъ за шляхтичей и шляхтянокъ за крестьянъ встрѣчаются не рѣдко [1]). При этомъ не только зятья prostej kondycji, попавъ „въ прыймы", незамѣтно протискивались въ ряды шляхты, но это случалось и съ пасынками—крестьянами, которые такимъ образомъ полагали начало новымъ околичнымъ родамъ, чисто народнымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ни капли шляхетской крови (таковы были, напримѣръ, Туренки, Гавы Радзеевскіе [2]). Проходили въ ряды шляхты не-шляхтичи также посредствомъ покупки или аренды грунтовъ въ шляхетскихъ околицахъ и т. п.

Этими путями не-шляхетскіе элементы проникали въ ряды шляхты въ весьма широкихъ размѣрахъ. На присутствіе ихъ между прочимъ указываютъ процессы о незаконномъ присвоеніи дворянства—zadania imparitatis, nierówności въ огромномъ количествѣ встрѣчающіеся въ барскихъ актовыхъ книгахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что дѣла эти поднимались то въ видѣ встрѣчныхъ исковъ противъ поднятыхъ обвиненій, то имѣли цѣлью отклонить притязанія на имущество, на наслѣдство. Безъ этого люди „простой кондиціи" спокойно сидѣли на шляхетскихъ грунтахъ, именовали себя урожоными и пользовались привилегіями шляхетскаго званія—околичные шляхтичи не были особенно ревнивы въ этомъ отношеніи. Но и поднятыя дѣла о „неровности" рѣдко приходили къ удовлетворительному результату, насколько можно судить по актовымъ даннымъ; въ большинствѣ случаевъ эти не легальные шляхтичи такъ и оставались при своемъ шляхетствѣ de facto.

V.

Если шляхетская масса въ общемъ очень устойчиво хранила своенародныя особенности, то нельзя все же сказать, чтобы она вовсе оставалась нечувствительной къ польскому культур-

[1]) См. напр. кн. № 5688 л. 106, 5690 л. 123 об. и др.

[2]) Кн. № 5691 л. 75, № 5692 л. 19.

ному вліянію, тѣмъ болѣе, что послѣднее имѣло весьма удобные и широкіе пути для своего проникновенія. Проводила его непосредственно въ шляхетскую среду многочисленная польская или ополяченная шляхта, являвшаяся въ околицы въ видѣ поссессоровъ, заставниковъ и т. п. Проводили его околичные шляхтичи, служившіе въ польскихъ войскахъ, что бывало нерѣдко. Вліяли чиновники мѣстной администраціи—„зверхность замковая". Вліяли наконецъ самыя юридическія формы, сословныя рамки, въ которыя введено было шляхетство.

Я не буду распространяться объ этомъ; замѣчу, что польское культурное вліяніе было въ общемъ довольно поверхностно, и проявленія его въ быту нашей шляхты зачастую мало симпатичны. Сюда относится проявляющееся иногда желаніе прихвастнуть, повеличаться своимъ шляхетскимъ достоинствомъ предъ хлопомъ, въ родѣ того, что какой-нибудь околичный шляхтичъ, очевидно ощущая зудъ въ своихъ панскихъ кулакахъ, пристаетъ къ крестьянину съ вопросами, кто изъ нихъ двухъ „старшій и лѣпшій?" [1]). Изъ этого источника истекали высокопарныя фразы о гонорѣ шляхетскомъ, фразы, въ особенномъ обиліи, въ качествѣ ratio ad hominem, высыпавшіяся въ жалобахъ по поводу какой-нибудь потасовки, заданной въ корчмѣ за порціей водки. Отсюда заимствовались quasi галантныя манеры, которыми щеголяли околичные кавалеры въ своихъ „konkurencjach o przyiazń" мѣстныхъ „дамъ". Пересаженная на околичную почву эта польская галантерея проявлялась подчасъ въ весьма грубыхъ или комичныхъ формахъ и обстановкѣ, въ родѣ жалобъ на расходы, понесенные во время „конкуренцій" и приготовленій къ несостоявшейся свадьбѣ, или въ родѣ того эпизода, о которомъ разсказываетъ нѣкій Кариченко-Волковинскій, въ своей жалобѣ: на свадьбѣ онъ былъ запрошенъ во время танцевъ (w drugą parę) однимъ изъ гостей и, „взявъ панну", направлялся w koło taneczne, но въ это время налетѣлъ на него его недругъ, одинъ изъ Гаврышенковъ Волковинскихъ, panne z rąk wydarł y w taniec iść nie dopuścił, y,

---

[1]) Кн. № 5689, л 64.

w gębe uderzywszy, za łeb pochwycił y bił do upodobania [1]).

Къ подобнымъ уже проявленіямъ этой quasi цивилизаціи относится любопытный процесъ по поводу пасквиля, составленнаго нѣкоимъ шляхтичемъ Вольскимъ, на всѣхъ дамъ, tak mężatek jako i panien, села Галузинецъ [2]). Этотъ „пашквиль" вызвалъ, конечно, противъ автора всеобщее раздраженіе; въ добавокъ сей околичный сатирикъ, придя—непрошеный—въ одно собраніе мѣстнаго общества, на пасхальныхъ святкахъ, имѣлъ неосторожность завести разговоръ на ту же тему: „dziś u mnie wszystkie panny z wizytą byli", а когда у него спросили о причинѣ такихъ странныхъ визитовъ, отвѣчалъ: gdyż mam wszystkie na regestrze. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, освѣдомившись, что и ихъ родственницы включены въ „regestr amorów" п. Вольскаго, учинили сему околичному ловеласу жестокую потасовку, а затѣмъ все шляхетское коло околицы, съ намѣстникомъ во главѣ, занесло на него жалобу зâмковой „зверхности" [3]).

Эти пріемы околичнаго обхожденія напоминаютъ одну шуточную пѣсенку, на ломаномъ польскомъ языкѣ (нѣсколько напоминающемъ языкъ нѣкоторыхъ барскихъ актовъ), записанную въ этой же средѣ и изображающую такого околичнаго cavalier galant:

Pojechał do miasta
Do krasnej kramnicy,
Kupił koperwasu,
Naszmarował licy.
Naszmarował dziegciem boty
I pojechał na zaloty—
Kijaszek u renku,
Pò zubam panienku.

---

[1]) Кн № 5696 л. 67.

[2]) Это замѣчательное произведеніе состояло всего изъ двухъ стиховъ:

Ominąwszy wszystkie domy, tudziesz jatki—
Jakie panny murwy, takiesz i mężatki.

[3]) Кн. 5694, л. 67 и 69.

VI.

Но это польское вліяніе, повторяю, не шло глубоко, ограничиваясь больше внѣшностью, пріемами; шляхетскія понятія мало выходили за предѣлы судебныхъ манифестацій и репротестацій; основы быта были туземныя, и въ общемъ масса околичной шляхты стояла ближе къ туземному крестьянству, чѣмъ къ польскому шляхетству. Съ народною массою, какъ мы видѣли, роднили ее и языкъ, и вѣра, и обычаи. Въ отношеніи образованности, развитія, шляхта, вообще говоря, недалеко возвышалась надъ народнымъ уровнемъ. Въ большинствѣ шляхтичи были неграмотны и полуграмотны; даже среди намѣстниковъ околицъ попадаются неграмотные. Въ большомъ числѣ встрѣчающіеся процессы о чарахъ, „о заданьи чаровництвъ“ обнаруживаютъ весьма невысокій уровень развитія шляхтичей. А о значительной грубости нравовъ свидѣтельствуютъ процессы о всякаго рода побояхъ, потасовкахъ, составляющіе въ суммѣ едва-ли не самый значительный процентъ среди тяжбъ; дѣла о потравахъ, захватахъ грунтовъ и т. п. обыкновенно кончались дракою. Непосредственная грубость околичнаго населенія еще усугублялась вліяніемъ шляхетской задорности и жолнерской страсти къ буйству. Болѣе воинственные шляхтичи, особенно подъ пьяную руку—żytnim liquorem glowe zagrzawszy, „находили“ на дома своихъ непріятелей, cum vario armorum genere, какъ описываетъ одинъ актъ: z kijami, drągami, istykami y od wozów luszniami [1]), и учиняли настоящія баталіи. Потасовки часто были очень жестокія и кончались иногда даже смертью одного изъ участниковъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣло обыкновенно пускались шляхетскія сабли. Нерѣдко встрѣчаются драки и между членами семействъ, особенно при вторыхъ и третьихъ бракахъ—которые были вообще весьма распространены. Любопытнымъ образчикомъ такихъ семейныхъ нравовъ является жалоба одной пани на своего третьяго мужа—Васильковскаго, что тотъ подпалъ вліянію шляхтича Родванскаго, который ему даетъ ad omne nefas wszelką poradę, между прочимъ внушаетъ,

---

[1]) Кн. № 5694, л. 72.

что Васильковскій долженъ bić żone swoie y w karności trzymać, говоря, что самое вѣрное средство побудить жену къ почтенію—это переломать ей руки и ноги: ręce, nogi iey obuchem poprzetrącaj, to dopiero poznasz jak cię ma żona szanować. П. Васильковскій, какъ видно, вполнѣ раздѣлялъ такія воззрѣнія своего друга, но осуществить ихъ на практикѣ было затруднительно, такъ какъ его супруга имѣла свои собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ очень стойко оберегала свой престижъ, какъ о томъ весьма жалобно повѣствуетъ манифестація п. Васильковскаго[1]).

Близко стояла къ крестьянской массѣ въ большинствѣ наша шляхта и въ экономическомъ отношеніи. Шляхтичи, исключая немногихъ болѣе богатыхъ, ничѣмъ не отличались отъ зажиточныхъ крестьянъ и, отстегнувъ свои шляхетскія сабли, очень непринужденно и съ успѣхомъ косили, орали и отправляли другія полевыя работы. Далеко не всѣ шляхтичи имѣли подданныхъ: часто нѣсколько семействъ, какъ выражается одинъ современный мешуаристъ, „на одномъ хлопѣ сидѣли", (да и отношенія этихъ подданныхъ къ шляхтѣ должны были значительно отличаться отъ отношеній крѣпостнаго человѣка къ настоящему помѣщику—пану). По даннымъ переписи 1739 г., *въ Радзеевской околицѣ на 48 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось 102 подданныхъ*, но это была одна изъ болѣе обильныхъ подданствомъ околицъ, а, напримѣръ, въ Волковинской околицѣ *на 110 шляхетскихъ хозяйствъ* приходилось всего 31 подданный, причемъ, напримѣръ, въ куткѣ *Тыхновичей* на 20 шляхетскихъ хозяйствъ приходился всего 1 подданный, а въ куткѣ *Сугаковичей* на 17 шляхетскихъ хозяйствъ не было ни одного подданнаго. Наконецъ, въ дополненіе къ этому, я напомню сказанное уже мною выше, что околичный шляхтичъ, подобно старостинскому подданному, несъ на себѣ тягло, будучи обязанъ „лениками и услугами" на замокъ, и подчиненъ былъ строгой опекѣ замковой „зверхности".

Послѣ всего вышесказаннаго, я думаю, не покажется голословнымъ мое утвержденіе, что околичный шляхтичъ гораздо

[1]) Кн. № 5689, л. 51, 53 об., 54.

ближе стоялъ къ туземной крестьянской массѣ, чѣмъ къ настоящимъ польскимъ дворянамъ, преисполненнымъ сознанія своихъ суверенныхъ правъ и привилегій и своего неизмѣримаго превосходства надъ „хлопствомъ", какого мы обыкновенно представляемъ себѣ говоря о польской шляхтѣ. Естественно, что мы не находимъ у нашей околичной шляхты рѣзкаго отчужденія отъ крестьянства, напротивъ—мы видимъ подчасъ ихъ въ весьма тѣсномъ и непринужденномъ общеніи. Я упоминалъ уже выше, что смѣшанные браки между шляхтою и крестьянами и крестьянками далеко не составляли рѣдкости, что шляхтичи принимали крестьянъ „въ пріймы". Шляхтичи охотно кумаются съ крестьянами; я пересмотрѣлъ метрическія записи о рожденіи Поповецкаго успенскаго прихода и поинтересовался подвести статистическіе итоги—результатъ получился весьма интересный: откинувши нѣкоторые сомнительные случаи и принявъ въ расчетъ неточности, происходящія отъ того, что мы не всегда досконально знаемъ сословную принадлежность того или другого лица, приблизительно получимъ на 100 случаевъ крестьянскихъ крестьбинъ (всего мною было пресмотрѣно ихъ до 750) около 50 такихъ случаевъ, когда всѣ кумы были крестьяне, и около 40 когда одинъ или оба воспріемника были шляхтичи. Встрѣчаются, хотя рѣже, случаи (всего около десятка), когда и у шляхтичей были воспріемниками селяне [1]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ документахъ не рѣдко указанія на то, что шляхтичи участвовали въ „весилляхъ" крестьянъ, въ качествѣ гостей, сватовъ и т. п. Выше я приводилъ извѣстіе одного документа, что шляхтянки ходили „на музыку" подъ корчму. Одна шляхтянка, нѣкая пани Претвусова, занося жалобу въ судѣ, разсказываетъ, какъ она съ другой паніей—Холевинской (обѣ пани не принадлежали къ числу туземной шляхты) пріѣхали въ Лопатинцы и, зайдя къ пану *Решттъ Лопатинскому*, застали у него шляхтичей, и между ними находился працовитый Томашко зъ Биликовецъ, *który w czapce za brat z niemi siedział*. П. Холевинская была очень удивлена этимъ и спросила у п. Претвусовой,

---

[1]) Кн. № 5534 с. 2, 42, 64, 110, 129, 148, 165, 169—170, 180.

co by to był za człek w kożuchu, co za pan brat w czapce z szlachtą wraz siedzi, на что послѣдняя объяснила, że to iest chłop. По этому случаю вышло какое-то неудовольствіе; п. Претусова объясняетъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, п. Возненко Лопатинскій, ошибкою принялъ слово хлопъ на свой счетъ; какъ бы то ни было, въ результатѣ упомянутая пани оказалась *ciężko zbita, tylko co z tym światem nie pożegnała* [1]). Подобныхъ случаевъ, „панибратства шляхтичей съ крестьянами можно было бы привесть не мало; какъ упоминалъ я выше шляхетскія понятія не проникали глубоко въ околичную среду и мало прилагались въ житейскомъ обиходѣ. Въ свою очередь и крестьяне не чувствовали особенно глубокаго почтенія къ шляхетскому достоинству и при случаѣ „мацали и окладали", по выраженіямъ актовъ, шляхтичей кулаками или кіями по ребрамъ такъ же исправно, какъ и людей prostej kondycyi.

Стоя такъ близко къ народной массѣ, околичная шляхта, естественно, не могла оставаться вполнѣ равнодушною ко всему тому, что двигало этимъ народомъ въ бурные годы Южной Руси. Дѣйствительно, мы находимъ указанія и намеки, что околичная шляхта принимала участіе и въ козацкомъ движеніи, и въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Но объ этомъ я предоставляю себѣ право поговорить въ другой разъ, а пока, подводя итогъ всему вышесказанному, мнѣ кажется я буду въ правѣ признать нашу околичную шляхту въ этнографическомъ смыслѣ южно-русскую.

М. Грушевскій.

---

[1]) Кн. № 5694, л. 28 об.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.

Картины прошедшаго, пережитаго одна за одной возстаютъ въ моей памяти какими-то безсвязными очертаніями. Отчетливы онѣ каждая сама по себѣ; такъ и остались онѣ въ памяти, запечатлѣнныя въ свѣжемъ, воспріимчивомъ мозгу, но все промежуточное, все, что могло бы эти отдѣльные эпизоды спаивать въ одно цѣлое, затерлось настолько, что съ трудомъ, и то путемъ уже чисто объективнаго разсмотрѣнія, едва можетъ быть возстановлено.

Хочется мнѣ записать нѣсколько изъ такихъ картинокъ моей отроческой поры жизни, закрѣпить ихъ на бумагѣ изъ опасенія, что и это немногое можетъ исчезнуть изъ памяти.

Живо рисуется мнѣ садъ въ усадьбѣ, въ которой жилъ мой дядя въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, занимая должность дворцоваго (pałacowego) врача при графахъ Браницкихъ, тогда еще жившихъ совмѣстно.

Въ задней западной части этого сада во всю его длину, начиная отъ двора учителя рисованія и иконописца Осмоловскаго, тянулся старый крѣпостной ровъ (fossa), на выровненномъ днѣ коего были гряды капусты. Старая-престарая, въ три ствола, груша, свѣшивающаяся надо-рвомъ, террасы малинника на одномъ склонѣ рва, бурьяны и всякая поросль—на другомъ до пограничнаго плетня; кусты бузины и густая поросль лиціума въ концѣ, противоположномъ двору Осмоловскаго, а тамъ какая то запущенная усадьба и на ней врытая въ контръэскарпъ рва заднею стѣною маленькая хатка съ двумя окошеч-

ками надъ желтою „прызьбою“ и низенькою дверью; какая то безформенная соломенная сѣрая, поросшая мхомъ крыша этой хаты....

Меня всегда почему-то очень интересовало то, что никого никогда не видно было около хатки. Вѣроятно, было что нибудь слышано мною про обитателя этой хатки, что возбуждало мое любопытство, но теперь я этого не припомню.

Мнѣ было 14—15 лѣтъ; я былъ въ 5 классѣ гимназіи. Таскаясь по бурьянамъ сада, я однажды сквозь чащу зарослей бурьяну и крапивы залѣзъ подъ большой кустъ бузины, развѣсисто росшей какъ разъ на границѣ нашего сада, нѣсколько саженей пониже хатки. Подъ бузиной было уютно; пахло ея цвѣтомъ, и было сравнительно мало сорной заросли. Почему-то мнѣ пришла охота устроить себѣ въ этомъ мѣстѣ бесѣдку, что я и сдѣлалъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Разъ какъ то, когда мы сидѣли въ этомъ своемъ убѣжищѣ, разразилась буря и прошелъ ливень. Внезапно по рву повалила вода, и мы еле могли выскочить оттуда, причемъ пришлось выбиваться уже по колѣни въ водѣ, затопившей моментально всю канаву. Братъ, почему то разувшійся передъ тѣмъ, успѣлъ схватить одинъ только сапогъ, а другой такъ и остался тамъ. Буря какъ внезапно налетѣла, такъ быстро и пронеслась; туча двинулась далѣе, и небо прочистилось. Но вода, грязная, желтоватая съ иломъ, бурнымъ потокомъ все таки неслась по рву, поднявшись почти до малинника. Когда мы вышли изъ своего убѣжища, которымъ намъ послужила раскинутая въ саду палатка, то увидѣли сбѣжавшуюся прислугу дяди, озабоченную тѣмъ, что вся капуста на днѣ рва пропала. Кухарка, прачка, кучера и „вартовый“ [1]) съ лакеемъ Михайломъ и ключницею во главѣ—всѣ ахали и, разумѣется, ничего не могли подѣлать. Наконецъ, всѣ замѣтили, что быстрота теченія стала уменьшаться, но вода не спадала, а прибывала, сейчасъ же усмотрѣли и причину этого: нашъ кустъ бузины, весь исковерканный, послужилъ основой

---

[1]) Экономія присылала къ дядѣ во дворъ поденщика, который, почему то назывался „вартовымъ“, т. е. сторожемъ.

цѣлой „загаты“, образовавшейся изъ всякаго рода сора и ила. Мущины кинулись за какими-то орудіями и стали пробивать эту загату.

Кучеръ Грыцько, помню, вдругъ сказалъ:

— Ага! и „Бувалецъ“ дома; мабуть туча загнала.

Я осмотрѣлся, къ кому относилось это замѣчаніе, и около хатки увидалъ какую то дѣвочку подростка, развѣшивавшую, очевидно, для просушки, намокшія подъ только что прошедшимъ дождемъ свитки. Она стояла къ намъ задомъ,—лица ея мы не видѣли; а затѣмъ вниманіе мое все поглотилось дѣломъ раскопки гати, которую наконецъ таки удалось пробить и развернуть въ одномъ мѣстѣ кольями и тѣмъ дать возможность стечь водѣ. О сапогѣ брата, про потерю котораго мы сказали лакею Михайлѣ, теперь не могло быть и рѣчи, и братъ, по совѣту того же Михайла, заблаговременно убрался въ свою комнату, такъ какъ сюда уже подходила тетка, дядина жена, со своею кузиною, панною Анетою, и могъ явиться и дядя, который отдыхалъ послѣ обѣда.

Забота о сапогѣ вызвала меня передъ вечеромъ опять къ тому же мѣсту въ садъ, такъ какъ брату не въ чемъ было на другой день идти въ гимназію. Я пошелъ туда вмѣстѣ съ Грыцькомъ, посвященнымъ въ наше горе и вооруженнымъ на сей разъ заступомъ. Онъ принялся ковырять между вѣтвями совершенно исковерканной наносомъ ила и бурьяна бузинѣ. Работа была не легкая, такъ какъ наносъ всякаго сора вплотную былъ залитъ еще не успѣвшимъ отвердѣть иломъ. Я, босой, въ подсученныхъ штанишкахъ, помогалъ, насколько силъ хватало, Грыцьку, но изъ этого ничего не выходило. Вдругъ надъ нами послышался чей то голосъ:

— Чого се вы шукаете?

Вопросъ принадлежалъ „дивчынѣ изъ хатки“. Она стояла довольно близко отъ насъ, очевидно, уже давно присматривалась къ нашей работѣ и, вѣроятно, изъ нашихъ разговоровъ поняла, что мы чего то ищемъ.

Мы ничего не отвѣчали, но Грыцько выпрямился, оперся на заступъ и спросилъ:

— Дидъ ще жывый?

— Жыви, та нездужають. Ледве-ледве дойшлы,—а тутъ ще й дощъ такый.... теперь лежать недужи.

Когда я посмотрѣлъ опять по направленiю къ „хаткѣ", то дивчыны уже не было около насъ.

Всѣ наши усилiя оказались тщетными; мы только напрасно пообламывали верхнiя вѣтви бузины.

Порѣшено было еще завтра поискать, и мы стали подыматься къ бесѣдкѣ. Я шелъ босой, такъ какъ сапогъ нельзя было надѣть на загрязненныя ноги, не обмывши ихъ. Поднявшись изо рва, мы оба оглянулись и увидѣли дивчыну опять около хатки; она въ одной рукѣ несла кувшинъ съ примотанной къ нему дужкой—очевидно онъ замѣнялъ ей ведро,—а въ другой—за одно ушко сапогъ. Не успѣлъ я еще всмотрѣться, какъ уже Грыцько сказалъ:

— Оце чи не винъ саме, той чобитъ!

— Наче винъ, отвѣтилъ я.

Дивчына тоже остановилась уже около самыхъ дверей.

— Ото жъ саме те, чого мы шукалы — отнесся къ ней Грыцько,—де ты ёго знайшла?

— Побиля самои цямрыны. Дывлюся—онъ чобитокъ, я й взяла. Хиба й справди вы оце ёго шукалы?

— Але жъ не ёго! звисно ёго, колы кажу, що це нашого меньшого паныча. Кыдай! Докынешъ?

Дивчына поставила кувшинъ на прызьбѣ, осмотрѣла сапогъ и, отойдя немного отъ хаты, за ушко размахнула и перебросила прямо къ намъ. Сапогъ былъ брата. Его очевидно подхватило водой и снесло до самаго колодца, что былъ пониже нашего сада.

Я такъ обрадовался найденному сапогу, что даже не сказалъ спасибо дивчынѣ, а побѣжалъ поскорѣе во флигель.

Скоро какъ то начались экзамены, и я на нѣкоторое время забылъ и про хатку, и про ея обитателей.

Долго ли это продолжалось, не помню, но разъ какъ то вышедши изъ бесѣдки, гдѣ я училъ что то, я услышалъ кашель въ сторонѣ хатки и, повернувшись въ сторону ея, увидѣлъ на

прызьбѣ стараго-престараго дѣда. Онъ былъ въ чистой, бѣлой рубашкѣ и такихъ же штанахъ, весь обросшій совершенно бѣлыми съ желтизной уже волосами и бородою. Онъ какъ бы сливался въ бѣлизнѣ съ бѣлою глиною стѣны, и только лицо выдавалось небольшимъ темнокоричневымъ пятномъ.

— Вотъ онъ, этотъ дидъ, про котораго разспрашивалъ дивчыну Грыцько—подумалъ я.

Щурилъ ли онъ только глаза при свѣтѣ солнца, или былъ совершенно слѣпъ, мнѣ не видно было, да и глазъ его затѣненныхъ низко спадающими волосами, я не могъ разсмотрѣть; дѣдъ же очевидно не обращалъ на меня вниманія.

Не помню, въ тотъ ли день, или въ какой другой, въ палатку, гдѣ я что то училъ, пришелъ лакей Михайло прибирать: онъ раскрылъ ломберный столъ и сталъ его чистить принесенною щеткою. Надо замѣтить, что этотъ Михайло, родомъ херсонецъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ товарища моего дяди. Баринъ его пріѣхалъ къ дядѣ погостить, когда еще дядя не былъ женатъ; проживши у него мѣсяца 3, онъ умеръ. Передъ смертью онъ далъ вольную Михайлѣ и передалъ ему все бывшее съ нимъ имущество—часы, деньги, платье и книги.

Михайло пожелалъ остаться на службѣ у дяди по найму. Это былъ не слуга, а другъ дома въ полномъ смыслѣ слова. Выросши при свемъ баринѣ во время его студенчества, Михайло былъ начитанный и очень развитой человѣкъ. У меня по сію пору сохранились лекціи профес. Лунина, переписанныя Михайломъ по приказанію его барина-студента. Когда Михайло умеръ, то у насъ въ домѣ всѣ, начиная съ дяди и кончая прислугой, горько плакали. Говорилъ же Михайло чисто по-русски.

— Видали бувальца? Посмотрите—стоитъ. Ему ужъ чуть не 120 лѣтъ. Что то дома сидитъ, а то онъ все ходитъ за милостыней со своею правнучкою....

Я, выглянувши изъ палатки, увидѣлъ опять на той же прызьбѣ у хатки дѣда. Онъ все такъ же сидѣлъ неподвижно, все такой же бѣлый. Меня, помню, особенно заинтересовало то, что „дивчына“ была правнучка: я до той поры въ натурѣ, такъ сказать, не видѣлъ этой степени родства.

— Какъ это съ правнучкой?! спросилъ я—А внуки его гдѣже?

— Вотъ то-то и интересно, что при немъ правнучка есть. Это его дочери внука. Вотъ знаете Евстафія, что нигдѣ не уживается? лакей, что у Добржанскаго служилъ, послѣ у учителей гимназіи?

— Знаю.

— Ну, такъ это тоже его правнукъ, братъ той дѣвочки, которая его водитъ; вѣдь онъ уже не видитъ ничего.

— Слѣпой?

— Нѣтъ! Онъ не слѣпой, а такъ ужъ отъ старости. Дѣвочка вотъ его только и поддерживаетъ, Евстафій вѣдь, знаете, какой пьяница! А, говорятъ, они вѣдь изъ шляхты, стариннаго рода, что чуть не постарше „граповъ" по знатности. Вотъ не припомню, какъ ихъ по фамиліи....

— Бувалецъ, вы сказали....

— Нѣтъ! Это старика такъ дразнятъ „бувалецъ", потому, что бывалъ, „у бувальщинѣ", у него и рука отрѣзана катомъ, вы замѣтили?

— Какъ это бывалъ „у бувальщинѣ"?—какъ это катъ руку ему отрѣзалъ?....

— А такъ! Будете учиться, сами узнаете. Было, значитъ, за что.—Онъ ходилъ въ гайдамаки.

Отъ дома послышался голосъ горничной:

— Михайло! Михайло. Идить васъ клычуть!

Михайло ушелъ, а я такъ и остался у входа въ палатку, смотрящимъ на дѣда-бувальца съ цѣлымъ роемъ неразрѣшенныхъ вопросовъ въ душѣ....

— Бывалъ „у бувальщинѣ", „катъ руку отрѣзалъ", „ходилъ въ гайдамаки", „Евстафій знатнаго роду, чуть не постарше „графовъ" (Браницкихъ)—„хатка", „правнучка"—все это стояло передо мною неразрѣшимыми загадками.

Кончились экзамены, и я отправился проводить каникулы на далекое Побужье; въ Савраньщину, въ балтскій уѣздъ.

Тамъ мнѣ пришлось отчасти и прозрѣть въ тотъ загадочный еще тогда для меня міръ историческихъ преданій Украи-

ны,—благодаря тоже одной случайности. Дѣдъ мой, куда я ѣздилъ на каникулы, былъ довольно крупнымъ посессоромъ (арендаторомъ) оброчныхъ земель (sic) находившагося въ администраціи имѣнія Мечислава Потоцкаго и былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. (Интересно, что изъ пяти сыновей этого чистой воды посессора и гречкосѣя, моего дѣда, четверо были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: два—старшій дядя и мой отецъ—сначала были въ Харьковскомъ университетѣ, а послѣ въ Виленской академіи, одинъ дядя окончилъ Дерптскій университетъ, откуда вышелъ полнѣйшимъ нѣмцемъ, и одинъ—Одесскій лицей. Изъ двухъ моихъ тетокъ одна окончила какой-то пансіонъ въ Одессѣ. Старшій дядя Андрей и мой отецъ учились еще въ Уманской Базиліанской коллегіи).

Дѣдъ мой, говорю, былъ гречкосѣй—сельскій хозяинъ и, насколько помню, на ученіе смотрѣлъ, какъ на карьерную „промоцію“, но суть жизни видѣлъ только въ пахарствѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Весь онъ былъ всегда углубленъ въ посѣвы, скотоводство и иныя отрасли сельско-хозяйственной продукціи и въ своемъ дѣлѣ былъ артистъ—всезнающій, неутомимый, предпріимчивый хозяинъ. Это былъ своего рода типъ, достойный особаго описанія. Не скоро бы мнѣ пришлось кончить, начавъ описывать моего дѣда, а потому я и спѣшу прервать эту краткую о немъ замѣтку упоминаніемъ того обстоятельства, что при всей его энергіи, онъ былъ, что называется, подъ башмакомъ у нашей маленькой, старой, безпредѣльно доброй и любящей бабки, оказывавшей ему наружную покорность и должное уваженіе, но въ сущности всегда умѣвшей поставить на своемъ. Не новый, а даже очень старый, чуть не ко времени первой прародительской четы восходящій примѣръ устойчивости женской политики въ семьѣ.

Въ густомъ вишневомъ садикѣ около дома дѣда стояла пасѣка. Пасѣчникъ, старый грекъ,—(отъ грека-ли, или переиначенное слово Грыцько, Грыкъ—не знаю), разсказалъ бабушкѣ, что около одного изъ ульевъ ночью „горятъ гроши“. На слѣдующую ночь фактъ этотъ былъ провѣренъ самою бабушкою, купно съ однимъ изъ ея сыновей. Сейчасъ же тотъ уликъ пе-

реставленъ былъ на другое мѣсто и на другой день приступлено къ разслѣдованію мѣста ночнаго горѣнія грошей. Какъ я очутился въ этой конспираціонной компаніи, не припомню. Говорю конспираціонной—потому, что все это дѣлалось тайкомъ отъ дѣдушки и всей дворни, которой лѣтомъ мало и было во дворѣ. Такъ или иначе, но я отчетливо помню, какъ дядя съ „дѣдомъ грекомъ“ въ намѣченномъ мѣстѣ сверлили землю длиннымъ *штыремъ*[1]). Вотъ наконецъ ввернутый въ землю штырь сразу безпрепятственно подался въ глубь—рѣшено въ томъ мѣстѣ копать. На глубинѣ менѣе полуаршина показалось трухлявое дерево, а далѣе и какое-то отверстіе, куда сыпалась земля, выгребаемая мною и дядей. Всѣ мы увлеклись настолько работой, что не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ дѣдушка, вернувшійся съ поля и разыскавшій насъ при этомъ дѣлѣ. Онъ сейчасъ же разругалъ всѣхъ поголовно, причемъ памятны мнѣ его наставленія, смыслъ коихъ заключался въ томъ, что „шкарбъ треба шукаты у праци, а не такъ дурныцею добувать его“.

Все таки, не смотря на разносъ дѣдушки, бабушка добилась своего: раскопали какой-то старый омшаникъ и допытались у кого-то, что тамъ дѣйствительно когда-то, „еще за давнихъ панивъ бувъ льохъ“.

На этомъ и окончились розыски „шкарба“, но во время толкованій объ этой раскопкѣ я опять услыхалъ какія то упоминанія о „гайдамакахъ“, бѣжавшихъ изъ подъ Умани, а также узналъ причину, почему дѣдъ мой такъ нетолерантно относился къ копанію „шкарба“. Оказалось, что когда то, лѣтъ 20 тому назадъ—(примѣрно около 1835 года)—пріѣзжали къ дѣду какіе-то три человѣка, „ажъ зъ-за Дунаю“ и совмѣстно съ нимъ въ теченіе нѣскольких дней разыскивали по извѣстнымъ имъ только примѣтамъ какой-то кладъ. Наскучивъ этимъ дѣломъ, дѣдъ однажды утромъ не поѣхалъ съ ними на розыски; а гости между тѣмъ вечеромъ больше не явились, и затѣмъ уже кто-то изъ чабановъ нашелъ „дви кобылячи шкуры роз-

[1]) *Штырь*—длинный буравъ, употребляемый въ западномъ краѣ при розыскахъ каменныхъ залежей, криничныхъ жилъ, а также кладовъ.

шыти" около раскопанной ямы. Шкуры эти носили отпечатки содержавшихся въ нихъ денегъ. Съ того времени дѣдъ всегда раздражался, какъ только разсказывали при немъ о кладахъ: ему эти разговоры напоминали случай съ его задунайскими гостями, которые, помимо всего прочаго, выпили за время ихъ гостеванія чуть не бочку наливки.

Тогда ли именно я услыхалъ этотъ разсказъ и въ такомъ-ли полномъ варіантѣ, или онъ сформировался у меня по позднѣйшимъ разсказамъ—незнаю, но помню, что тогда же частію отъ бабушки, частію отъ „стараго Грека" мнѣ пришлось впервые кой что узнать о гайдамакахъ, кромѣ ругательнаго значенія этого слова. Узналъ я, что гайдамаки были какіе-то разбойники, воевавшіе съ поляками, что они разорили Умань, мнѣ хорошо знакомый городъ, въ которомъ я живалъ въ дѣтствѣ, что они частію переловлены, а частію бѣжали куда-то „ажъ пидъ Турка".

Всѣ эти свѣдѣнія о гайдамакахъ, полученныя мною изъ такихъ противоположныхъ источниковъ, какими были въ данномъ случаѣ моя бабушка, потомокъ испытавшихъ мученія отъ нихъ, и „старый грекъ", если не прямой потомокъ самихъ ихъ, то во всякомъ случаѣ *носитель* въ душѣ гайдамацкихъ вѣрованій,—всѣ эти свѣдѣнія—говорю—въ моемъ воображеніи создали какой то странный образъ гайдамаки: онъ былъ для меня и страшенъ, и очень любопытенъ, причемъ отчетливо опредѣлилась національная его окраска, именно—украинская. Я искалъ моимъ пылкимъ воображеніемъ этого образа вездѣ, куда только простиралась моя память и моя фантазія. Припоминался мнѣ тогда и старый „бувалець", обитатель „хатки"; видѣлъ я этотъ типъ и въ образѣ заѣхавшаго какъ-то къ намъ сосѣдняго богатаго „выкупца" [1]) Мосципаненка, и въ фигурѣ чередника „Бацьолы", и въ невѣдомыхъ, но оповѣщенныхъ конокрадахъ, которые на Хощеватской нашей степи покушались угнать лошадей изъ табуна, и наконецъ, въ видѣнныхъ не задолго передъ тѣмъ мною закованныхъ въ кандалы участниковъ

[1]) Выкупцами звали крестьянъ, выкупившихся на волю.

крестьянскихъ бунтовъ 1855 г. на Украинѣ... Мнѣ хотѣлось видѣть этотъ страшный и интересующій меня образъ гайдамаки, и я его высматривалъ всюду, гдѣ только можно было его предположить.

Но вотъ и конецъ іюля. Отошли вишни, настали кавуны и дыни. „Черногузы" (аисты) уже совсѣмъ оперились и все выше и выше взлетаютъ концентрическими кругами въ высь неба; вотъ и „Маковій", и ломка меду на свезенной въ гречку пасикѣ... конецъ каникулъ. Братъ по малоуспѣшности остается въ селѣ, а меня собираются выряжать въ Бѣлую Церковь. Вотъ появился и придворный „кравець" Мошко. Дѣдушка досталъ изъ огромнаго, съ горбатою крышкою сундука какія-то давняго покроя одежды для передѣлки на меня; что-то кроютъ они и вымѣряютъ вдвоемъ съ Мошкой, снимаютъ мѣрку съ меня; появились и мои пропавшіе въ началѣ каникулъ сапоги, оказавшіеся въ спрятѣ у дѣдушки, такъ-какъ я все лѣто гулялъ босикомъ. Въ довершеніе всего я узнаю, что меня отправляютъ въ Бѣлую Церковь *на волахъ*, которыхъ уже въ теченіе недѣли по вечерамъ обучали ходить въ ярмѣ. Вышло это такъ: мой бѣлоцерковскій дядя просилъ дѣдушку купить для него еще на Троицкой балтской ярмаркѣ пару воловъ венгерской породы, извѣстнаго завода Подгорскаго. Волы были куплены, и вотъ дѣдъ измыслилъ способъ доставить ихъ по принадлежности. Пора рабочая, посылать лошадей и особаго человѣка въ такую пору не съ руки, а потому снаряжается возъ съ запряженною въ него парою воловъ и съ подросткомъ Прокопомъ. А чтобы Прокопу было на чемъ возвратиться назадъ, привязывается къ возу старый слѣпой конь. На возъ нагромождаются: кадушка брындзы, кадушка сыру и „фаска" масла, а кромѣ того „чувалъ" кукурузяной крупы, и тогда уже—мой чемоданчикъ и моя особа.

Помню я хорошо это путешествіе, весь тотъ путь, по которому мнѣ не разъ до того и послѣ того приходилось ѣздить, всѣ эпизоды до мельчайшихъ подробностей. Это вѣдь было крупное событіе въ моемъ отрочествѣ: оно привело меня къ сознанію моей силы духа, оно сдѣлало меня какъ-бы старѣе.

Да не посѣтуютъ на меня мои снисходительные читатели за то, что я позволю себѣ здѣсь разсказать это путешествіе. Это вѣдь страничка изъ исторіи развитія юношества той эпохи, развитія, сказавшагося въ нашихъ послѣ уже окрѣпшихъ симпатіяхъ и вѣрованіяхъ. Путемъ этихъ именно сплетеній обстоятельствъ мы дошли до нашихъ болѣе близкихъ отношеній къ народу.

Утромъ, послѣ обычныхъ прощаній, суровыхъ со стороны дѣда, и очень нѣжныхъ со стороны бабушки, при наставленіяхъ и отчасти подшучиваніяхъ дворни, тронулись мы въ путь.

Волы сначала метались изъ стороны въ сторону, но скоро, что называется, обошлись. Тѣмъ не менѣе ихъ метаніе, остановки, порывистый послѣ того ходъ причиняли намъ не мало хлопотъ въ томъ отношеніи, что нашъ слѣпой буцефалъ, привязанный сзади, неумѣвшій въ аллюрѣ сладить съ волами, постоянно то билъ лбомъ о возъ, то рвалъ поводъ: волы тронутъ—конь, потянутый поводомъ, пойдетъ и, разумѣется, шибче воловъ; ударится по своей слѣпотѣ о *„крыживныцю“* [1]), станетъ и упрется,—тогда поводъ лопнетъ. И такъ безъ конца, пока мы не устроились нѣсколько иначе: я взялъ поводъ въ руки и, сидя на возу, какою-то хворостиною останавливалъ слѣпого коня, когда было нужно, и такимъ образомъ не допускалъ наталкиваться на возъ.

Передъ вечеромъ мы доѣхали до Рыжавки, большого попутнаго села, и остановились около корчмы кормить. Скоро стали подходить къ корчмѣ возвращавшіеся съ поля косари. Всѣ они осматривали и расхваливали нашихъ воловъ. Въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ полюбоваться! Эти венгерскіе волы были крупныя животныя, прекрасной сѣрой масти, съ темными полосами вдоль по спинѣ, по переднимъ лопаткамъ и на шеяхъ. Но что особенно хорошо было у нихъ, такъ это рога: громадные, чистые притомъ почти безъ заломовъ, прямые. Косари, знатоки этого дѣла, восхищались волами, громко высказывали свои похвалы,

---

[1]) Задняя часть возовыхъ полудрабковъ.

зазывали проходящихъ мимо корчмы знакомыхъ посмотрѣть „хорошу товаряку“, разспрашивали насъ, откуда мы и куда путь держимъ, удивлялись, что *„такымъ хлопциямъ вручылы таке добро“*... Между прочимъ кто-то изъ окружавшихъ насъ сказалъ: *„Нема Максыма, а тобѣ винъ ихъ прыбравъ!“*

Меня эти слова просто напугали. По всему вѣроятію это упоминаніе относилось къ какому нибудь извѣстному вору (по-моему гайдамакѣ), тѣмъ болѣе, что присутствующіе возгласами—„о! той бы скоро справывся!“ окончательно привели меня къ мысли, что этотъ невѣдомый Максымъ успѣетъ „прыбрать“ воловъ.

Конечно, лучше всего было-бы остаться ночевать въ корчмѣ, но это соображеніе пришло мнѣ въ голову впослѣдствіи, а въ тотъ моментъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго упоминаніемъ объ этомъ зловредномъ Максимѣ, я велѣлъ запрягать, и мы сумерками тронулись изъ села.

Непривычные къ ѣздѣ волы были изморены, но я понуждалъ Прокопа погонять ихъ, стараясь, какъ можно скорѣе, удалиться отъ мѣста, гдѣ можетъ явиться страшный „Максымъ“.

Наступила ночь. Молодой мѣсяцъ низко стоялъ еще на небѣ, но уже было поздно, когда мы остановились ночевать прямо въ полѣ. Пока еще *молодыкъ* не зашелъ, мы попасли воловъ и нашего слѣпого спутника, но когда стало совсѣмъ темно, мы предприняли мѣры предосторожности: привязали воловъ къ ярму, а слѣпого къ возу.

Порѣшено было, что Прокопъ будетъ спать, а я, вооруженный дубиной, буду стеречь нашъ лагерь. Прокопъ, какъ и слѣдовало ожидать, сейчасъ же заснулъ, а для меня началось мучительное время бдѣнія.

Я ходилъ кругомъ воза. Было темно—хоть глазъ выколи. Изъ ближняго лѣса время отъ времени доносились рѣзкія хохотанья совъ, но около насъ все было тихо, только слышно было сопѣнье воловъ и мѣрное пережевыванье сѣна слѣпымъ. Хотѣлось мнѣ совсѣмъ притаиться, сдѣлаться невидимкой, чтобы никто не могъ не только видѣть насъ, но и случайно даже на насъ натолкнуться. Глаза напряженно всматривались

въ окружающую темноту, ухо улавливало малѣйшій звукъ; нервы напряжены были до-нельзя. Простое фырканье коня заставляло вздрагивать. Долго-ли, мало-ли тянулась моя очередь сторожить, я не знаю, но тогда мнѣ казалось, что я безконечно долго хожу на часахъ. Легкій вѣтерокъ сталъ разгонять облака, и кое-гдѣ на очищенныхъ клочкахъ неба показались звѣзды. Далѣе терпѣть это одинокое бодрствованіе мнѣ становилось не подъ силу, и я уже намѣревался будить Прокопа не изъ желанія заснуть, а просто чтобы еще и онъ пободрствовалъ немного.—И вотъ среди этой тишины ночной, въ тотъ самый моментъ, когда и совы перестали хохотать, въ сторонѣ лѣса послышался вой волка—унылый, протяжный, одинокій, тоску навѣвавшій; еще разъ завылъ онъ, и затѣмъ раздался цѣлый хоръ болѣе тонкихъ голосовъ.—Вой этотъ не испугалъ меня, такъ какъ онъ знакомъ мнѣ былъ раньше; напротивъ, этотъ вой отвлекъ меня отъ напряженнаго вниманія ко всѣмъ ловимымъ ухомъ до той поры звукамъ, а главное—послужилъ поводомъ разбудить Прокопа.

Разбуженный мною Прокопъ схватился и сталъ внимательно вслушиваться.

— Ой! тай багато жъ ихъ!—шепотомъ сказалъ онъ, вторя тономъ голоса моему шепоту, съ какимъ я будилъ его.

— Я зроду не чувъ, якъ воны граютъ—... добавилъ онъ и очевидно встревожился.

Но волчій концертъ тянулся не долго. Они смолкли, и опять вокругъ насъ водворилась прежняя, напрягающая нервы, ночная тишина.

Я схитрилъ, сказавъ Прокопу, что лягу спать. Лежа на возу, я не спалъ; но мнѣ легче было вдвоемъ бодрствовать, и я только притворился спящимъ. Однако не суждено было мнѣ хоть на время успокоиться въ эту ночь: Прокопъ, и безъ того робкій отъ природы, а къ тому-же теперь тревожно настроенный впервые услышаннымъ имъ волчьимъ воемъ, также очевидно съ нервнымъ напряженіемъ всматривался въ темноту.

— Щось иде!—тревожно шепнулъ онъ мнѣ. Я, разумѣется, моментально схватился на ноги и сталъ всматриваться

по указанному направленію. И дѣйствительно, я увидѣлъ идущаго къ намъ человѣка.

— Поховаймося! — шепталъ мнѣ Прокопъ; но я далекъ былъ отъ мысли прятаться. Нѣтъ, я сознавалъ обязанность защищать порученное мнѣ добро и, вѣроятно, въ силу передуманнаго мною во время моей стражи, сейчасъ же создалъ планъ защиты.

— Иды на той бикъ воза, знимай люшню и стій тамъ! Якъ „воно" пійде на мене, ты бый ёго сзаду, якъ на тебе — я бытыму бучкомъ—распорядился я, и Прокопъ безпрекословно исполнилъ приказъ.

„*Воно*" въ видѣ неясной тѣни подвигалось къ намъ; все отчетливѣе можно было видѣть, что это идетъ человѣкъ и даже съ какою-то палкою на плечѣ.

Мы затаили дыханіе—даже, кажется, и пульсъ пересталъ биться у меня. „*Воно*" все приближалось. И вдругъ проклятый слѣпой конь фыркнулъ. Словно чѣмъ-то ударило меня по нервамъ,—я весь дрогнулъ; но и шедшій къ намъ тоже остановился.—Моментъ наступалъ рѣшительный. Я поплевалъ въ руку и крѣпче сжалъ рукой конецъ бучка, повернутаго головкой внизъ. „Воно" очевидно не ожидало встрѣчи и даже не желало ея, такъ-какъ сейчасъ-же свернуло съ дороги, пошло въ сторону и мало по малу скрылось въ темнотѣ.

Можетъ быть, это былъ какой нибудь случайный прохожій, можетъ быть, какъ догадывались послѣ тѣ, кому мы разсказывали про эту встрѣчу, это былъ какой нибудь уходившій въ „мандривку" панскій мужикъ,—во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ, не искавшій встрѣчи съ нами и не предполагавшій, что группа, на которую онъ наткнулся, состояла изъ нагруженной воловой подводы съ привязанною лошадью, подъ призоромъ двухъ подростковъ 15-ти и 17-ти лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе настроенное воображеніе не переставало создавать образы какой-то угрожающей намъ опасности. Прокопу вполнѣ сообщилось мое тревожное состояніе, и мы порѣшили, что удалившійся человѣкъ непремѣнно подлѣзетъ къ намъ, подкрадется и нападетъ на насъ. Потому мы условились оба глядѣть въ разныя стороны и пристально всматриваться.

Было уже не рано; свернуло съ полночи: *„визъ“* (большая медвѣдица) на прояснившемся небѣ *дышломъ* опрокинутъ былъ внизъ.

— Онде вогонь креше! шепнулъ Прокопъ.

Я выткнулся изъ-за воза и, подождавъ немного, дѣйствительно увидѣлъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи раза два мигнувшій блескъ какъ будто-бы отъ искръ.

Впрочемъ этотъ блескъ сейчасъ-же прекратился, и я, готовый уже опять немного успокоиться, только что усѣлся на прежнее мѣсто, какъ вдругъ затрещалъ возъ, волы повскакивали, конь рванулся на поводѣ, и Прокопъ заоралъ во всю глотку:

— Вовки! Гей, тю!

Я весь вздрогнулъ, пораженный этимъ трескомъ и крикомъ, повернулся къ Прокопу и такъ и застылъ въ этомъ положеніи.

— Быйте бучкомъ! Осьде!—еще крикнулъ Прокопъ, и съ люшней кинулся отъ воза на какія-то двѣ темныя тѣни.

Это были два волка, подошедшіе къ намъ очевидно на фырканье лошади. Я тоже устремился вслѣдъ за Прокопомъ, и что же? Этотъ крикъ, эта нервная встряска были какъ бы кризисомъ нашего тревожнаго настроенія: располагающая къ страху тишина была уже нарушена, и мы перестали шептаться, перестали даже и бояться; явилась какая-то увѣренность въ самихъ себѣ. Это волки блестѣли глазами, а никто не кресалъ огня— такъ порѣшили мы и успокоились.

Небо все больше и больше стало проясняться, а вскорѣ, какъ говорятъ, „и на свитъ благословылось“. Отчетливо стало видно дорогу; на сѣрѣющемъ горизонтѣ обозначился въ своихъ очертаніяхъ лѣсъ. Мы убрали недоѣденное волами сѣно, притянули люшню, Прокопъ съ обычнымъ при этомъ „шыйканьемъ“ [1]) запрегъ воловъ; привязали мы опять слѣпого и тронулись въ путь.

Я свалился на возъ и мертвецки заснулъ, такъ что проснулся уже верстахъ въ трехъ отъ Умани, припекаемый высоко

---

[1]) Понуканіе воловъ при надѣваніи на нихъ ярма; приговариваютъ въ это время: *„шый, шый!“*

уже поднявшимся солнцемъ. Здѣсь мы напоили нашихъ животныхъ и тронулись дальше, разсчитывая кормить ихъ и отдыхать въ Умани, или лучше сказать, за городомъ около Грекова лѣса, гдѣ можно было по окружающей его канавѣ попасти воловъ на свободѣ.

Долго-ли, коротко-ли мы кормили воловъ и кормились сами,—не помню, но когда тронулись въ дальнѣйшій путь на Войтовку, то присоединились къ цѣлому обозу ѣхавшихъ изъ города поселянъ [1]), возвращавшихся съ городскаго базара. Дорогою нѣкоторые, и даже большая часть изъ нихъ, отставали отъ насъ въ попутныхъ селахъ, Войтовкѣ, Краснополкѣ, а два воза доѣхали съ нами до самой Маньковки, куда мы старались попасть къ ночи.

Всѣ наши спутники—мущины были острижены по солдатски, нѣкоторые даже въ сѣрыхъ военнаго покроя фуражкахъ, такихъ, какія теперь носятъ арестанты, а нѣкоторые даже побриты. Только на одной подводѣ ѣхалъ старый дѣдъ съ длинною бѣлою бородою, и съ такими же бѣлыми неподстриженными волосами. Онъ самъ былъ Маньковскій, и когда мы разговорились, то оказалось, что онъ зналъ моихъ родителей, которые жили на хуторѣ Гуральнѣ около Маньковки.

Проѣзжая черезъ одно изъ попутныхъ селъ, старикъ высказывалъ соболѣзнованіе о томъ, что вонъ по яру „пустуютъ“ садки и огороды потому, что начальство согнало всѣхъ „въ линію—въ юлыцю“ что до поселенія „еще за Потоцького“ тутъ хорошо жилось, что самъ онъ еле запомнитъ, какъ ихъ изъ-за Тульчина переселяли въ эти мѣста; какъ они, переселенцы, пригнанные въ Умань, долго стояли таборомъ въ городѣ „побиля замку“, какъ самый городъ отстраивался послѣ гайдамаччины; какъ устраивался „Огрудъ Софіювка“ (садъ Софіевка). Разсказывалъ онъ, какіе ярмарки бывали прежде въ Умани и т. п...

Натолкнувшись въ разсказѣ на упоминаніе про гайдамаччину, я спросилъ дѣда про нее.—Онъ мнѣ не далъ, помнится, удовлетворительнаго отвѣта, а только сказалъ, что гайдамаки

---

[1]) Въ Умани были тогда военныя поселенія.

„були соби таки вояки, козаки, чи що“; замокъ зруйновали, а писля, якъ ихъ сполохалы, разбѣжались по лѣсамъ и ушли „ажъ въ Бессарабію“,

Къ концу этого нашего разговора съ дидомъ мы подъѣхали къ Маньковкѣ и распрощались, такъ какъ дѣду нужно было ѣхать прямо по улицѣ, а намъ поворачивать вправо за огороды.

Но каково жъ было мое удивленіе, когда, вообще несловоохотливый, Прокопъ вдругъ, какъ бы передумавъ сказанное дидомъ, брякнулъ:

— Воны й доси тамъ, на Бессарабіи! Исакъ и Бацёлюкъ разсказывали, що бачылы ихъ и що хто оце зъ нашихъ натрапыться, то воны й заклыкають жыты до себе.... Тамъ десь ажъ за Дунай-ричку....“

Я весь превратился во вниманіе, но Прокопъ на этомъ и покончилъ, тѣмъ болѣе, что у насъ случилась поломка: війя (дышло воловаго воза) оказалось не цѣльное въ концѣ, а надѣланное, прихваченное желѣзной оковкой. Пришлось бѣжать черезъ огороды къ какой то хатѣ и просить помощи. Пришелъ упрошенный мною человѣкъ съ топоромъ и кое какъ поправилъ нашу поломку, послѣ чего мы уже благополучно доѣхали до двора моей тетки, бывшей замужемъ за состоявшимъ въ какой-то должности по военнымъ поселеніямъ капитаномъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

Храповицкій отмѣтилъ въ своихъ запискахъ 29 мая: „въ Старомъ Крыму Императрица спрашивала его о стихахъ, сочиненныхъ ею въ Бахчисараѣ, переписаны ли они и есть ли у него копіи? — „Есть черная", отвѣчалъ Храповицкій. — „Гдѣ она?" спросила Императрица.—„Дома", былъ отвѣтъ. Тѣмъ и кончилось.

„Сіе было поутру въ Старомъ Крымѣ", откуда пріѣхали обѣдать и ночевать въ Карасубазаръ". (См. дневн. Храповицкаго).

Въ этотъ же день Императрица писала къ графу Брюсу въ Петербургъ:

...„Я здорова, вчера обѣдала въ Ѳеодосіи, ночевала въ Старомъ Крымѣ, а сегодня сюда пріѣхала благополучно, послѣзавтра выѣдемъ за Перекопъ и уже до Кременчуга нигдѣ не остановлюсь... У насъ мѣсто и погода райская". (Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

Въ Карасубазарѣ во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, былъ большой обѣдъ на 47 персонъ; къ столу были приглашены М. В. Каховскій, И. И. Меллеръ, генералъ-маіоръ Розенбергъ, таврическій правитель Каховскій, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры военныхъ командъ, находившихся тогда въ Карасубазарѣ.

Вечеръ кончился какъ обыкновенно: свита играла въ шахматы и карты, императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и въ 9 часовъ во дворцѣ все стихло.

Все утро слѣдующаго дня, въ воскресенье 30 мая, было посвящено Императрицею на раздачу и объявленіе наградъ—

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 12.

между прочимъ и донской козакъ, бригадиръ Өедоръ Денисовъ былъ пожалованъ генералъ-маіоромъ, полковникъ Горичъ большій—въ бригадиры; правитель таврической области Каховскій получилъ орденъ св. Владиміра 2 степени. Никто не былъ обойденъ, на всѣхъ обращено было вниманіе. Сверхъ того пожалованы денежныя награды: духовенству севастопольскому при черноморскомъ флотѣ, греческому духовенству въ Өеодосіи, въ Бахчисараѣ на мечеть и дервишамъ, на училища въ таврической области, роздано бѣднымъ и увѣчнымъ и нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ, въ Тавридѣ расположенныхъ, каждому человѣку по одному рублю.

При отъѣздѣ изъ Карасубазара роздано было много драгоцѣнныхъ подарковъ между прочимъ:

Тремъ сестрамъ Миклашевскимъ серьги и перстни, стоющія 2270 р.; ханской сестрѣ съ женщинами серьги въ 2000 р., ей же штуки на кушакъ золотой съ финифтью и съ жемчугомъ на 960 руб.; 24-мъ мурзамъ перстни, стоившіе 3756 р. Уѣзднымъ предводителямъ, исправникамъ и разнымъ чиновникамъ таврической области роздано подарковъ брилліантовыми и золотыми вещами на 29,706 р. Въ томъ числѣ генералу Каховскому табакерка съ вензелемъ Императрицы въ 2500 р.— Сверхъ того ему пожалованы деньгами 10,000 р., правителю области Василію Каховскому 6000 руб., а священнику черноморскаго флота 500 р. (Изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Ея Величества).

Наградивъ всѣхъ и каждаго, Имератрица въ 9 ч. утра выѣхала съ гр. Фалькенштейномъ изъ Карасубазара; подстава была при Бочелахъ и потомъ къ обѣду на станціи Баши.

Послѣ стола, передъ отъѣздомъ Императрицы со станціи, она жаловала къ рукѣ прощавшихся съ нею татарскихъ чиновниковъ, также провожавшихъ Ее до этого мѣста мурзъ; они всѣ отпущены были въ свои мѣста, также какъ и дивизіоны вольно вступившихъ въ службу татаръ, а на мѣсто ихъ явились провожать донскіе козаки подъ начальствомъ новопожалованнаго генерала Денисова. Отъѣхавъ 45 верстъ, остановились ночевать на станціи *Бабассанъ:* здѣсь приготовленъ былъ

ужинъ въ большой палаткѣ и приглашены были еще правитель Каховскій, генералъ Денисовъ, бригадиръ Горичъ, всѣхъ было 19 человѣкъ.

На другой день въ 9 ч. утра, проѣхавъ подставу *Ушунъ*, пріѣхали въ 1 часу въ Перекопъ при пальбѣ изъ пушекъ, поставленныхъ на крѣпостномъ валу.

У крѣпостныхъ воротъ встрѣтилъ комендантъ бригадиръ Фокъ съ штабъ и оберъ-офицерами, а у дома, принадлежавшаго надворному совѣтнику Свѣрбееву, гофмаршалъ и таврическій правитель Каховскій съ чиновниками. Послѣ обѣда въ 3-мъ часу, Императрица съ гр. Фалькенштейномъ выѣхали при пушечной пальбѣ къ ночлегу на станцію при *Каменномъ мосту*. Не доѣзжая до этого мѣста, встрѣтилъ генералъ-поручикъ А. И. Иловайскій съ старшинами донскаго войска и съ 3500 конныхъ козаковъ и калмыковъ. При приближеніи къ Каменному мосту произведена пальба изъ поставленныхъ въ правой сторонѣ дороги донскаго войска полковыхъ пушекъ.—Вечеръ кончился въ разговорахъ Императрицы съ гр. Фалькенштейномъ, посланниками и свитою; нѣкоторые играли въ шахматы и карты и въ 9 часовъ, по обыкновенію, разошлись.—Ужинъ для посланниковъ, Потемкина и свиты былъ приготовленъ въ поставленной передъ домомъ палаткѣ.

Встрѣча близъ Каменнаго моста козаками подъ начальствомъ Иловайскаго произвела впечатлѣніе на австрійскаго Императора:

При возвращеніи нашемъ въ Каменный мостъ (писалъ онъ къ своему фельдмаршалу) козаки явились опять со всѣми своими принадлежностями и съ гетманомъ (онъ состоитъ въ чинѣ генералъ-поручика) во главѣ, причемъ ихъ привилегіи были торжественно несены двумя старшинами. Они опять маневрировали передъ станціею, маршировали налѣво и направо въ шесть колоннъ и потомъ выстраиваясь въ линію. На этотъ разъ они были построены по два въ рядъ; прислуга при бывшихъ тутъ двухъ орудіяхъ состояла изъ козаковъ; но эти орудія все время не трогались съ мѣста. У нихъ множество офицеровъ и нѣкоторымъ не болѣе 14—16 лѣтъ. Былъ тутъ и

отрядъ калмыковъ, стрѣлявшихъ изъ лука, впрочемъ безъ особенной ловкости. (Р. Архивъ, 1880, кн. 1-я).

Не надолго къ вечеру стихло на Каменному мосту, а рано утромъ 1 іюня началась суета, бѣготня, запряжка лошадей въ экипажи и снаряженіе походнаго обоза; Императрица вышла къ собранію въ 7 часовъ утра, и какъ только пришелъ графъ Фалькенштейнъ, тотчасъ началось оффиціальное представленіе лицъ, съ которыми прощалась Императрица, отъѣзжая далѣе въ путь; началось съ „дамскихъ персонъ“: статсъ-дама гр. Браницкая представляла жену и дочь Иловайскаго и жену Денисова, затѣмъ оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ представилъ Иловайскаго, Денисова и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ донского войска. Пожалованье къ рукѣ продолжалось почти часъ, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, при пушечной пальбѣ Императорскій поѣздъ двинулся отъ Каменнаго Моста. Передъ отъѣздомъ Императрица приказала выдать Потемкину разныхъ бриліантовыхъ и золотыхъ вещей для раздачи приказанныхъ ею подарковъ по оцѣнкѣ, сдѣланной кабинетомъ, слишкомъ на 17,000 рублей.

Иловайскій съ донскими козаками и калмыками проскакалъ 10 верстъ—возлѣ Императорской кареты, потомъ разставилъ все свое войско въ строевой порядокъ по правой сторонѣ дороги;—загремѣло ура и, отдавъ честь съ уклоненіемъ знаменъ, всѣ козаки помчались обратно къ Каменному мосту. Денисовъ съ своими козаками продолжалъ конвоировать до города Бериславля.

На берегу *Конскихъ водъ*, гдѣ таврическая область граничитъ съ екатеринославскимъ намѣстничествомъ, встрѣтили: правитель намѣстничества И. М. Синельниковъ и губернскій предводитель Лалошъ съ дворянами.—Здѣсь Императрица пересѣла въ шлюпку и, объѣхавъ островъ Тамонь, черезъ Конскіе воды и Днѣпръ прибыла къ обѣду въ 3-мъ часу въ Бериславль.

Въ этотъ день особенными рескриптами на имя кн. Потемкина Императрица изъявила свое особенное благоволеніе войску донскому и всѣмъ войскамъ, находившимся во время ея путешествія въ таврической области.

На другой день 2 іюня Императрица разсталась съ Іосифомъ II. „Сегодня, (писала она гр. Брюсу:) мы съ графомъ Фалькенштейномъ разстанемся: онъ поѣдетъ въ лѣво, а я направо". (Письмо къ гр. Брюсу при С. Ф. Журналѣ 1787 г. № 43).

„Іосифъ II и Екатерина разстались, (записалъ въ своихъ запискахъ гр. Сегюръ) возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкою" (См. Записки Сегюра).

Императоръ отправился въ Херсонъ, Императрица по направленію къ Кременчугу. Опять знаменитая шестимѣстная карета Императрицы наполнилась близкими людьми: гр. Браницкая, А. С. Протасова, У. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Кобенцель. Проѣхавъ 51 версту, остановились для обѣда на станціи при Давидовскомъ Бродѣ, потомъ черезъ Блакитную на ночлегъ въ дер. Шестерню,—не доѣзжая этой станціи за версту, поѣздъ встрѣтили расположенные въ строю полки: драгунскій смоленскій и легкоконные: херсонскій, воронежскій, ольвіопольскій, елисаветградскій и александрійскій. — Дворца здѣсь не было, Императрица и свита ночевали въ походныхъ ставкахъ, которыя возились въ путевомъ поѣздѣ.

На слѣдующій день, 3 іюня, рано утромъ выѣхали черезъ *Кривой Рогъ*, гдѣ былъ обѣдъ, въ слободу Анновку, принадлежавшую гр. А. А. Безбородку. Жители слободы поднесли хлѣбъ и соль. Здѣсь ночевали.

4 іюня, послѣ обѣда въ селѣ *Анофріевкѣ*, въ 6 часу вечера Императрица прибыла въ Кременчугъ. Не переѣзжая моста, наведеннаго черезъ Днѣпръ, ее встрѣтилъ кн. Потемкинъ съ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами. Пребываніе Императрицы назначено было въ домѣ главнокомандующаго;—до самаго дома верхами провожали Императрицу Потемкинъ, генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ, генералъ-поручикъ Самойловъ, генералъ-маіоры: Дунинъ, Аршеневскій и кн. Ратіевъ. Вечеръ Императрица провела съ приближенными, „забавляясь въ карты". (К. Ф. Жур. 1787 г.).

Съ вечера передъ домомъ горѣла иллюминація, также и въ саду, который имѣлся при этомъ домѣ.

Императрица, по словамъ гр. Сегюра, (см. записки. его) была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была совершена благополучно.

„Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она,—всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей, меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомитъ, что степи несносны, что на югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противорѣчить мнѣ—значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости“.

Но сверхъ желанія окончить свое огромное путешествіе, которое, конечно, утомляло императрицу, она спѣшила въ Москву, и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ Н. И. Салтыкова объ отъѣздѣ великихъ князей-внучатъ въ Москву къ ней на встрѣчу. На дорогѣ, при переѣздѣ изъ Бериславля въ Кременчугъ, она наконецъ получила ожидаемыя извѣстія, и изъ Кременчуга отвѣчала Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчерась и третьяго дня, ѣдучи отъ Бериславля сюда, я получила письма ваши съ Тосны и изъ Новогорода и съ большимъ удовольствіемъ увѣдомилась, что вы въ добромъ здоровьи выѣхали изъ Царскаго Села и продолжаете свой путь съ большой бодростію и весьма радостно. Разумно вы сдѣлали, что всѣмъ желающимъ видѣть Ихъ Высочества назначили мѣсто въ соборѣ, ибо ничего нѣтъ труднѣе въ дорогѣ, какъ великое людство на станціяхъ, гдѣ вмѣсто покоя найдешь духоту, что со мною разъ по пяти случится, то-есть на каждой перемѣнѣ лошадей. Подробное описаніе вашей ѣзды мнѣ очень пріятно было читать, тѣмъ паче, что все такъ происходитъ, какъ мнѣ желалось и какъ предвидѣть можно было. Я сюды пріѣхала вчерась здорова и благополучна, сегодня остановимся здѣсь, а завтра поѣдимъ далѣе къ Полтавѣ. Сейчасъ принесли мнѣ ваше письмо отъ 29 маія изъ Крестицъ. Помню я, что Валдайскія горки казались высоки, но послѣ Таврической той, на которой мы подымались шесть верстъ и спускались столько же, чаю покажутся аки бородавки. Прощайте, Богъ

съ вами. Пребываю я къ вамъ доброжелательна". (См. Р. Архивъ 1864, стр. 972).

Всѣ ожидали на другой день оффиціальнаго придворнаго выхода въ собраніе, но Императрица, утомленная переѣздами, вышла только къ обѣду, къ которому, между прочими, были приглашены кн. Ю. В. Долгоруковъ, А. Суворовъ и М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ. Вечеромъ былъ назначенъ при дворѣ балъ съ приглашеніемъ по повѣсткамъ. Передъ баломъ Императрицѣ представлены были и пожалованы къ рукѣ жены купцовъ кременчугскихъ, крыловскихъ и елисаветградскихъ. Во время бала Императрица играла въ карты съ посланниками.

Въ Кременчугѣ Императрица успокоила Сегюра дружескимъ съ нимъ объясненіемъ,—что очень обрадовало его,—такъ какъ онъ все еще продолжалъ бояться, что Императрица считаетъ его болѣе на сторонѣ Турціи, нежели Россіи. Сегюръ оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ разсказъ объ этомъ объясненіи.

Я собирался погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что Императрица требуетъ меня къ себѣ. Тотчасъ-же я отправился къ Ней и засталъ Ее въ кабинетѣ съ принцемъ де-Линемъ.

„Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала мнѣ Императрица; мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Надѣюсь, что я не обезпокою васъ, если постараюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не очень веселы".

„Да, прибавилъ, улыбаясь, принцъ де-Линь,—вы шагали такъ медленно и важно, точно вице-канцлеръ Ея Величества. Однако, не совѣтую вамъ очень разсчитывать на любезное вниманіе, которое вамъ оказываютъ, потому что я, какъ человѣкъ откровенный, долженъ сознаться вамъ, что мы только что наговорили много дурнаго на вашъ счетъ".

„Это правда, возразила Императрица;—я увѣряла, что, не смотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, принцъ подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я, совершенно съ нимъ соглаша-

ясь, прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ болѣе въ Россіи".

Разумѣется, я всячески старался выразить мою признательность:

„Я послѣдую примѣру Вашего Величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У Вашего Величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоитъ въ томъ, что Вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удостаиваете Вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣрить Ваше Величество, что такая похвала, какъ Ваша, кажется мнѣ Высочайшей наградой, какой только можетъ желать благородно честолюбивый человѣкъ".

Во время путешествія своего Императрица въ воскресные дни обыкновенно посѣщала церковь и здѣсь 6 іюня она въ сопровожденіи всей свиты слушала литургію въ соборѣ Пресвятой Богородицы; передъ выѣздомъ въ церковь Императрицѣ представлены были армянскій архіепископъ Іосифъ и старшины бывшаго запорожскаго войска.

Обѣдъ въ этотъ день былъ въ присутствіи Императрицы съ приглашеніемъ, сверхъ свиты, 33 человѣкъ, во время стола „играла инструментальная и вокальная музыка". (К. Ф. Журналъ 1727.)

Обѣдъ былъ ранній, такъ что въ 2 часа, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, Императрица выѣхала изъ Кременчуга къ станціи *Кобыляки*, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. При въѣздѣ въ это мѣстечко всѣ жители стояли по обѣ стороны улицы, какъ въ строю, священники при церквяхъ встрѣчали съ крестами при колокольномъ звонѣ; у Собора Успенія Пресвятой Богородицы Императрица вышла изъ экипажа и приложилась ко кресту, поднесенному священникомъ; у путеваго дворца встрѣтилъ Ее кн. Потемкинъ, который поскакалъ сюда впередъ, вмѣстѣ съ гофмаршаломъ кн. Барятинскимъ и правителемъ намѣстничества Синельниковымъ. У дворца поставленъ

былъ почетный караулъ отъ кирасирскаго екатеринославскаго полка.

Въ мѣстѣ *Кобылякахъ* были въ то время поселены отставные унтеръ-офицеры и рядовые, служившіе въ инженерныхъ полкахъ, отъѣзжая изъ Кобылякъ, на другой день 7 іюня, Императрица пожаловала ихъ щедро деньгами.

Когда Императорскій поѣздъ началъ приближаться къ городу Полтавѣ, началась съ крѣпости пушечная пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ; при въѣздѣ въ городъ передъ построенными тріумфальными воротами встрѣтили всѣ начальники легкоконныхъ полковъ и сопровождали Императрицу въ городъ верхами возлѣ кареты; у тріумфальныхъ воротъ комендантъ поднесъ Императрицѣ ключи отъ крѣпости, здѣсь же стояло полтавское купечество, мѣщане и ремесленники съ ихъ значками; у соборной церкви встрѣтилъ съ крестомъ и поднесъ его къ каретѣ Императрицы Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсоно-таврическій.

Помѣщеніе для Императрицы приготовлено было въ домѣ черниговскаго губернатора Милорадовича. Здѣсь у подъѣзда встрѣтили Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель екатеринославскій Синельниковъ съ дворянствомъ.

Послѣ обѣда, къ которому было много приглашенныхъ, особенно военныхъ, Императрица нѣкорое время гуляла въ саду со своею любимицею камеръ-фрейлиною А. С. Протасовой. Вечеромъ къ карточной партіи съ Императрицею приглашены были А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ.

Вечеромъ около дома и въ саду была иллюминація плошками.

На слѣдующій день 8 іюня, въ 11 часу утра, Императрица въ двухмѣстной каретѣ, въ сопровожденіи всей свиты, выѣхала осмотрѣть мѣстность полтавскаго сраженія. За каретою слѣдовали всѣ военные начальники, штабъ и оберъ офицеры легкоконныхъ полковъ, въ Полтавѣ бывшихъ,—Императрица осмотрѣла, старые редуты и шведскую могилу, и прибыла къ Кресто-Воздвиженскому монастырю; у святыхъ воротъ ожидали Императрицу духовенство: Амвросій, архіепископъ екатеринослав-

скій, Серафимъ, митрополитъ Лакедемонскій, и Калиникъ, епископъ Врестенскій; архіепископъ Амвросій сказалъ привѣтственную рѣчь, поднесъ животворящій крестъ—Императрица приложилась ко кресту, при пѣніи пѣвчихъ предшествуемая духовенствомъ взошла въ церковь къ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Амвросій; по окончаніи литургіи возглашена была вѣчная память Императору Петру I,—потомъ Императрица, посѣтивъ архіепископа Амросія въ его кельѣ, возвратилась къ обѣду во дворецъ въ 1 часу.

Въ 6 часовъ графъ Безбородко представилъ Итператрицѣ пріѣхавшаго ко двору молдавскаго господаря Александра Маврокордато—послѣ чего Императрица выѣхала съ всей свитою за городъ смотрѣть на бывшіе въ лагеряхъ полки. Войскъ было—коннаго 70 экадроновъ, пѣхоты четыре баталіона гренадеръ и четыре баталіона егерей.

Объѣхавъ всѣ полки, которые отдавали честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ, Императрица вышла изъ экипажа, и изъ палатки, для нея приготовленной, любовалась войскомъ, которое маршировало мимо палатки подъ предводительствомъ генералъ-аншефа князя Ю. В. Долгорукова—на послѣдокъ *„все войско, имѣя 40 орудій полевой артиллеріи, аттаковало непріятеля предъ собою представленнаго, причемъ во всѣхъ движеніяхъ доказало совершенное устройство и похвальную расторопность“*.—Такъ записано въ современномъ Камеръ-Фурьерскомъ Журналѣ.

„Полтавское сраженіе явилось передъ нами (писалъ гр. Сегюръ въ своемъ дневникѣ) въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла русскіе окопы, другая шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро передъ взорами Царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли изобразить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная аттака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую аттаку на лѣсъ и обходило

правый флангъ непріятеля,—все это чрезвычайно вѣрно изображало сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины; казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ Императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье: она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ.

Императрица пробыла на полѣ полтавскаго сраженія до 8 часовъ вечера; а передъ отъѣздомъ въ городъ статсъ-дама гр. Браницкая, здѣсь же въ палаткѣ, представила ей съѣхавщихся женъ военныхъ начальниковъ и дворянъ—всѣ жалованы къ рукѣ и при пушечной пальбѣ Императрица возвратилась въ Полтаву.

Въ этотъ день Потемкину пожалованъ титулъ князя Таврическаго". Преосвященному Амвросію архіепископу екатеринославскому пожалованъ брилліантовый крестъ, съ повелѣніемъ носить его на черномъ клобукѣ, подобно какъ митрополиту. (К. Ф. журналъ). Губернскій предводитель дворянства, бригадиръ Лалошъ, произведенъ въ генералъ-маіоры и уволенъ съ пенсіею по 600 р. въ годъ.—Генералъ-поручикъ Чорба получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени; генералъ-маіоръ Алымовъ и бригадиръ Николай Адабани—Владиміра 3-й степени; затѣмъ болѣе 40 человѣкъ пожалованы 4-й степенью того же ордена.

Суворову пожалована табакерка съ вензелемъ въ 3000 руб. Гетману Браницкому табакерка съ портретомъ въ 2500 руб. Высшему духовенству и на монастыри 5000 руб.

На слѣдующій день, 9 іюня, всѣ съѣхались благодарить Императрицу—къ числу награжденныхъ совершенно неожиданно Императрица присоединила генералъ-аншефа преображенскаго полка преміеръ-маіора князя Ю. В. Долгорукова и генералъ-маіора дѣйствительнаго камергера А. М. Дмитріева-Мамонова; первый пожалованъ былъ въ подполковники, а второй въ преміеръ маіоры преображенскаго полка.

Передъ отъѣздомъ всѣ откланивались, жалованы были къ рукѣ, и между прочимъ простились съ Императрицею графъ Браницкій и жена его статсъ-дама Александра Васильевна.

При выходѣ на крыльцо, здѣсь полтавскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты. Въ шестимѣстную карету были приглашены: статсъ-дама гр. Скавронская, камеръ-фрейлина Протасова, Дмитрій Мамоновъ, гр. Кобенцель и гр. Сегюръ. Проѣхавъ крѣпость, Императрица, встрѣченная у собора Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященнымъ Амвросіемъ, взошла въ церковь, отслужила молебенъ и потомъ въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи верхами генералитета и эскадрона острогожскаго легкоконнаго полка, Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ Полтавы къ обѣду на станцію *Карловку*.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поминки по А. А. Востоковѣ.

Въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго 1891 г. нашъ журналъ понесъ большія потери въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ; къ числу ихъ принадлежалъ и покойный *Александръ Александровичъ Востоковъ*, скончавшійся въ Москвѣ 13 ноября. Это былъ одинъ изъ трудолюбивыхъ и ревностныхъ подвижниковъ науки; поэтому вспомнить о немъ самомъ и его трудахъ на страницахъ „Кіев. Старины“, для которой онъ не мало поработалъ, мы считаемъ своимъ долгомъ передъ почившимъ собратомъ.

Жизнь А. А., какъ скромнаго, безкорыстнаго и неутомимаго труженника, представляетъ отрадное и поучительное явленіе въ наше время, время стремленія, не разбирая средствъ, къ богатству и почестямъ, при поверхностныхъ знаніяхъ и легкомъ отношеніи къ дѣлу. Ни того, ни другаго на своемъ короткомъ вѣку нашъ покойный сотрудникъ не искалъ и въ избраніи себѣ рода и цѣли дѣятельности руководствовался лишь желаніемъ „уразумѣть истину“.

А. А. родился 3 іюня 1857 года въ селѣ Воздвиженскомъ-Селикѣ, богородскаго уѣзда, московской губ. Происходя изъ небогатой семьи духовнаго званія, онъ, по установившемуся обычаю, долженъ былъ получить первоначальное образованіе въ духовныхъ училищахъ родной губерніи, а среднее—въ московской духовной семинаріи, этомъ лучшемъ изъ средне-учебныхъ

заведеній духовнаго вѣдомства, и притомъ въ такое время (1872 — 76 гг.), когда этого рода учрежденія становятся на высотѣ требованій современной педагогики и по программамъ своимъ не только почти приближаются къ классическимъ гимназіямъ, но имѣютъ то преимущество, что развиваютъ философское мышленіе въ учащихся. Основательно прошедшіе эту школу всегда отличаются сильной логикой; умъ ихъ обращается къ серьезнымъ и живымъ вопросамъ жизни и ищетъ отвѣта на нихъ внѣ той спеціальной науки, которая составляетъ главный предметъ занятій въ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это же исканіе отвѣта на возникающіе вопросы побудило и покойнаго А. А. перемѣнить академію на университетъ, въ который онъ могъ поступить лишь по дополнительной домашней подготовкѣ; препятствія не ослабили энергіи А. А., и черезъ два года (въ 1878 г.) онъ былъ уже зачисленъ въ студенты С.-Петербургскаго университета по юридическому факультету. Выборъ факультета сдѣланъ былъ покойнымъ А. А. послѣ строгаго обдумыванія; онъ остановился на изученіи права не ради той широкой карьеры, которую открываетъ оно законовѣдамъ, а исключительно вслѣдствіе глубокаго и вѣрнаго убѣжденія, что только юридическая наука даетъ прочную основу для дальнѣйшаго изученія народной жизни, что „вся міровая исторія въ сущности сводится къ исторіи права, какъ высшему пункту цивилизаціи, заключающему въ себѣ сконцентрированно все ея содержаніе“, что только путемъ изученія права въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи могутъ быть поняты законы развитія народной жизни, что историкъ, не получившій юридической подготовки; обреченъ или блуждать, какъ въ лѣсу, среди безчисленныхъ фактовъ политической исторіи, или начать съ азбуки изученіе права, чтобы не доходить до всего своимъ умомъ. Отъ этой то печальной участи и обезпечилъ себя выборомъ юридическаго факультета покойный А. А. Еще будучи студентомъ, онъ предпринялъ подъ руководствомъ проф. Сергіевскаго большой трудъ изданія „*Проектовъ уголовнаго уложенія Императрицы. Елисаветы Петровны, 1754—1766 г.*“, кото-

рый появился въ свѣтъ въ 1882 г., когда и самъ издатель вышелъ изъ университета со степенью кандидата правъ.

Съ окончаніемъ университета передъ А. А. открывался широкій путь къ судебной и административной службѣ; но онъ не пошелъ по этому пути, а избралъ узкіе врата и тѣсный путь, которыми идутъ немногіе къ истинѣ, путь разбора и изученія памятниковъ русской старины въ одномъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Россіи архивовъ—въ архивѣ министерства юстиціи (въ Москвѣ). Переходъ А. А. къ новому труду совершился въ 1884 году; и съ этихъ поръ онъ отдался со всѣмъ горячимъ пыломъ молодости разбору старыхъ дѣлъ, столповъ, книгъ и вязокъ; онъ весь ушелъ въ прошедшее, въ нѣмую бесѣду съ историческими дѣятелями, которые въ своемъ простомъ языкѣ и крючковатомъ почеркѣ воскресали изъ праха полуистлѣвшей бумаги и „пыли вѣковъ" въ живомъ воображеніи молодаго изслѣдователя. Особенно привлекла его вниманіе, а современемъ, можетъ быть, и вполнѣ его поглотила бы полная глубокаго драматизма и поэзіи южно-русская исторія, для которой неоцѣненный и неисчерпаемый, кажется, матеріалъ хранится въ московскихъ архивахъ. „Я такъ полюбилъ вашу козацкую исторію, что, кажется, займусь исключительно ею одной", писалъ онъ намъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ маѣ 1890 г.; „во всей исторіи Европы козачество представляетъ собою едва-ли не единственный примѣръ каждодневной, неустанной трехвѣковой борьбы за вѣру и народность со своими гонителями.

Высказанные въ письмѣ слова А. А. подтверждалъ и на дѣлѣ: изъ 35 печатныхъ работъ его четвертая часть относится къ исторіи Южной Руси и, главнымъ образомъ, козачества; всѣ онѣ были помѣщены въ нашемъ журналѣ; напомнимъ только выдающіяся: „*Козелецкая рада*" (1887 г. № 2), „*Нѣжинская рада*" (1888 г. № 5), „*Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой*" (1887, № 8), „*Судъ и казнь Григорія Самойловича*" (1889 г. № 1), „*Полтавскій полковникъ Иванъ Черникъ*" (1889 г., № 9), „*Судьба Выговскихъ и полковника Ивана Нечая*" (1890 г., № 1), „*Посольство Шакловитаго къ гетману Мазепѣ*" (1890 г.,

№ 5) и друг. Всѣ труды А. А. отличаются важностью и новизною сообщаемыхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый поставленъ въ связь съ общимъ ходомъ мѣстной исторіи въ то или другое время, и такимъ образомъ сама собою опредѣлялась его научная цѣнность. Восьмилѣтнія напряженныя работы въ Архивѣ подорвали силы А. А.; слабое здоровье его не выдержало ни тяжести самаго труда, ни тѣхъ условій, среди которыхъ приходится работать архивисту. Постоянное напряженіе зрѣнія и вниманія при чтеніи замысловатаго письма, чернила котораго уже выцвѣли, утомляетъ зрѣніе и вниманіе, а необходимость въ безпрестанныхъ справкахъ съ литературою вопроса не даютъ отдыха и въ послѣобѣденное время. Не говоримъ уже о томъ, какъ вредно дѣйствуетъ на грудь постоянное дышаніе пылью отъ гнилой бумаги; самая тщательная очистка ея не можетъ много помочь, если необходимо сохранить подгнившее мѣсто рукописи; катарры дыхательныхъ путей при чтеніи истлѣвшихъ рукописей—явленіе обыденное въ архивѣ; а какая масса хранится рукописей, переживших всякіе „повѣтрія" и „моры" (чумные, холерные, оспенные и проч.); многіе изъ занимающихся въ архивахъ рѣшительно отказываются брать бумаги, которыя имѣютъ проколы и пропитаны повидимому какой-то жидкостью (ясный признакъ того, что они подвергались дезинфекціи и пережили эпидеміи), и за версту отходятъ отъ нихъ; такая предосторожность, пожалуй, можетъ быть, и не лишняя въ виду сильной живучести всякихъ тлетворныхъ микробовъ [1]). Эти условія могли повліять и на развитіе тяжкой грудной болѣзни у А. А., который продолжалъ работать и послѣ того, когда обнаружились явные признаки неблагопріятнаго исхода. А. А. умеръ въ самую лучшую пору жизни, когда мышленіе человѣка крѣпнетъ, а дѣятельность его бываетъ болѣе обильна и болѣе плодотворна. Много начинаній, много предположеній и надеждъ прекратила смерть. Потеря его тѣмъ болѣе тяжела

[1]) Намъ извѣстенъ одинъ загадочный случай внезапной смерти ученаго, работавшаго въ архивѣ; смерть его послѣдовала отъ болѣзни горла въ теченіи 4-хъ дней, и случилась въ половинѣ мая, при весьма теплой погодѣ.

для близкихъ и знавшихъ его людей, что кромѣ своихъ обширныхъ научныхъ познаній, которыми А. А. охотно дѣлился съ каждымъ, онъ обладалъ и высокими нравственными качествами: доброе сердце, чистая и честная жизнь, отзывчивость на всякое высоко-гуманное дѣло.... все влекло къ нему!

И. Каманинъ.

Памяти кн. В. Н. Репниной.

Имя княжны Варвары Николаевны Репниной такъ тѣсно связано со многими фактами культурной жизни нашего юга Россіи, что историческому мѣстному журналу нельзя пройти молчаніемъ смерти ея, не вспомнивши болѣе выдающихся моментовъ изъ ея жизни. Пока, впрочемъ, мы ограничиваемся маленькой перепечаткой изъ „Русскихъ Вѣдомостей" некролога ея, принадлежащаго автору, который, давши намъ право на эту перепечатку, вмѣстѣ съ тѣмъ пообѣщалъ въ ближайшихъ номерахъ нашего изданія подѣлиться съ читателями болѣе обстоятельной статьей, посвященной памяти покойной княжны В. Н. Репниной.

„28-го ноября опустили въ могилу тѣло княжны Варвары Николаевны Репниной, скончавшейся на 83 году своей жизни. Скорбно отзовется вѣсть объ ея смерти въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ ее и добрымъ словомъ помянутъ ее не въ одной Москвѣ, но и въ Полтавѣ, Одессѣ и родномъ Яготинѣ. Дочь бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, незабвеннаго кн. Н. В. Репнина, В. Н. унаслѣдовала отъ отца гуманныя традиціи и посвятила всю свою жизнь служенію человѣчеству. Любовь къ народу сблизила ее въ сороковыхъ годахъ съ народнымъ украинскимъ поэтомъ Шевченко, который подолгу гостилъ въ помѣстьѣ кн. Репниныхъ, мѣстечкѣ Яготинѣ. В. Н. была не только другомъ и покровительницей, но добрымъ геніемъ и олицетворенной совѣстью поэта. Она поддерживала въ немъ вѣру въ его высокое призваніе и съ свойственной ей прямотой не разъ высказывала ему горькія истины, когда онъ сби-

вался съ истиннаго пути. Когда надъ Шевченко стряслась бѣда, и онъ, разжалованный въ солдаты, былъ сосланъ сначала въ въ Оренбургъ, а потомъ въ Киргизскую степь, В. Н. дѣятельно, хотя и безуспѣшно, хлопотала о смягченіи его участи и поддерживала его падающій духъ своими письмами. До самой смерти она свято хранила память о своемъ многострадальномъ другѣ, любила разсказывать о своемъ знакомствѣ съ нимъ и живо интересовалась всѣмъ, что писалось о Шевченкѣ въ нашихъ журналахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ В. Н. переѣхала изъ Одессы въ Москву и съ тѣхъ поръ постоянно жила въ Москвѣ. Похоронивъ горячо любимую мать, она еще съ большимъ рвеніемъ предалась благотворительнымъ дѣламъ. Дверь ея была всегда открыта для бѣдныхъ и страждущихъ. Она не ограничивалась одной денежной помощью, но принимала горячее участіе въ своихъ кліентахъ, хлопотала, писала о нихъ письма, болѣла о нихъ душой. Хотя кругъ дѣятельности покойной В. Н. былъ довольно узокъ, но смерть ея есть во всякомъ случаѣ общественная потеря, и будущій историкъ русскаго общества безъ всякаго сомнѣнія причислитъ ее къ сонму тѣхъ чистыхъ и благородныхъ личностей, которыя оказывали благотворное вліяніе на общество самымъ фактомъ своего существованія. Не ихъ ли разумѣлъ поэтъ, когда убѣждалъ насъ не горевать о милыхъ спутникахъ, животворившихъ для насъ этотъ свѣтъ своимъ присутствіемъ, но благодарить судьбу за то, что они были? В. Н. похоронена, по ея собстенному желанію, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ старымъ другомъ Г. И. Бурковской, которую она пережила нѣсколькими годами.

Н. С.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу о научномъ изданіи „Кобзаря" Т. Г. Шевченко. Давно пора уже подумать о томъ, чтобы исполнить обязательство и по отношенію къ памяти такого выдающагося поэта, какъ Т. Г. Шевченко, и по отношенію къ требованіямъ науки, заставляющей своихъ представителей, въ тотъ или иной срокъ, подвести итоги всей дѣятельности крупныхъ общественныхъ единицъ, опираясь въ этихъ итогахъ не на случайно извѣстные факты и не на субъективныя впечатлѣнія, а на кропотливо собранные и критически провѣренные матеріалы. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду ту работу надъ произведеніями покойнаго поэта, которая прежде всего должна выразиться въ приготовленіи изданія всѣхъ ихъ, изданія, достойнаго такого почетнаго имени. Изданію этому, конечно, нужно отличаться всѣми достоинствами вполнѣ научнаго труда, какъ-то: 1) текстъ произведеній долженъ быть критически провѣренъ и изслѣдованъ по многимъ варьянтамъ рукописей и печатныхъ изданій разныхъ годовъ; 2) каждое произведеніе должно быть обставлено всѣми необходимыми библіографическими, біографическими и историко-литературными справками и комментаріями. Только при выполненіи этого условія, можно разсчитывать на строго-научную разработку и оцѣнку дѣятельности и—главное—назнаніе поэта; только при такомъ обстоятельномъ освѣщеніи отдѣльныхъ произведеній писателя, можно составить и полную его біографію, которая въ то-же время будетъ служить характеристикой цѣлаго періода въ общественной жизни. Насколько трудна подобная задача,—это другой вопросъ; но въ необходимости разрѣшенія ея въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Много изданій выдержалъ уже Кобзарь Т. Г. Шевченка, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, но ни одно изъ нихъ, даже въ минималь-

ной долѣ, не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ.—Не говоримъ уже объ отсутствіи комментаріевъ къ Кобзарю, но мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ колеблющимся текстомъ его и не знаемъ, какія существуютъ основанія для этихъ разночтеній; а при малѣйшей пробѣ приложить научный методъ къ провѣркѣ ихъ, весьма часто наталкиваемся на факты очевидной порчи авторскаго текста. Не останавливаясь теперь на подробномъ указаніи этихъ колебаній и порчи текста, я приведу на выдержку нѣсколько наиболѣе характерныхъ случаевъ такого разночтенія.

Извѣстное стихотвореніе Шевченка «Чы мы ще зійдемося знову», напечатанное впервые въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867 г.), вошло во всеобщее употребленіе съ такими стихами:

. . . . Годить,
Смыритеся, молитесь Богу
И згадуйте одынъ другого,
Свою Украину любить.
Любить іи, *бо* время люте!
Въ остатню тяжкую мынуту
За неи Господа молить!

Намъ удалось это стихотвореніе свѣрить съ двумя рукописными варьянтами—автора Т. Шевченка, и въ обоихъ ихъ (не смоpя на то, что писаны они съ промежуткомъ въ 11 лѣтъ) читаемъ:

Любить іи!... *Во* время люте,
Въ остатню тяжку мынуту
За неи Господа молить,

Мы готовы склониться къ тому, что въ этомъ послѣднемъ варьянтѣ и больше силы, и больше мысли, чѣмъ въ напечатанномъ стихотвореніи, разошедшемся широко въ публикѣ, особенно благодаря музыкальной композиціи его г. Лисенкомъ.

Или напримѣръ: извѣстная поэма «Видьма», впервые напечатанная въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867), правильно отнесена къ 1847 году, а въ изданіи пражскомъ (1876 г.) напечатана уже подъ 1858 годомъ безъ всякихъ поясненій, и въ такомъ видѣ повторяется она во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ въ Россіи. Между тѣмъ, провѣрка по рукописямъ показываетъ, что написана эта поэма первоначально вь 1847 году, а въ 1858 году переписана съ довольно значительными измѣненіями.

Въ пражскомъ-же изданіи, между прочимъ, читаемъ въ этой поэмѣ стихъ 19-й такъ: «Шукай соби брата *у поли* и въ хати». Свѣ-

ряя съ рукописью этотъ текстъ, я вижу, что слово *у поли* поставлено ошибочно: въ подлинникѣ стоитъ *въ палатахъ*, но написано съ пропускомъ слога *та* (*въ палахъ*); издатель, значитъ, по догадкѣ поставилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, п. ч. теченіе всей мысли здѣсь построено на антитезѣ:

„Така моя рада, незнаемый брате!
Смырысь передъ Богомъ, людей не займай,
Шукай соби брата *въ палатахъ и въ хати*
И дбай домовыну, а славы не дбай!

До особенныхъ курьезовъ въ этомъ отношеніи дошло Львовское изданіе (Сушкевича 1867 г.), гдѣ можно встрѣтить такія искаженія: я у *прыбавкахъ* була... вмѣсто—я у *прыданкахъ* була...; кого-жъ *годуете, ськаете* (?) вмѣсто—*кого-жъ годуете есте* и пр. (Видьма).

Повторяю опять, что я теперь не имѣю намѣренія подробно указывать всѣ такія частности, касающіяся текста «Кобзаря» Шевченка,—я желаю только отрывочными фактами показать, въ какой мѣрѣ настоятельна нужда въ подготовкѣ изданія Кобзаря съ критически провѣренными текстами.

Но что-же нужно для этого сдѣлать раньше всего? Конечно, для работы по критической провѣркѣ текста является безусловно необходимо знать всю сохранившуюся наличность рукописей-автографовъ, которыя, насколько намъ извѣстно, имѣются у разныхъ лицъ иногда въ очень разнообразныхъ варьянтахъ. Это тотъ источникъ первой руки, который долженъ быть изученъ въ мелочахъ, такъ-какъ, главнымъ образомъ благодаря ему, мы можемъ установить основной текстъ каждаго произведенія и объяснить всѣ существующіе варьянты. Кромѣ того, очень цѣнны въ этомъ случаѣ будутъ и всѣ тѣ рукописи *не*—автографы, которыя переписывались современниками поэта съ подлинныхъ рукописей его самого, или писались подъ его диктовку, а въ существованіи такихъ текстовъ мы не сомнѣваемся. На послѣднемъ планѣ стоятъ всѣ печатныя изданія, какъ русскія, такъ и заграничныя, кромѣ изданій первыхъ (кончая изд. П. Симиренка, Спб. 1860 г.), т. к. многими изъ нихъ руководилъ самъ авторъ, напримѣръ—только-что упомянутымъ изданіемъ П. Симиренка. Впрочемъ, печатныя изданія, каковы-бы они ни были, не играютъ въ данномъ случаѣ роли, являясь достояніемъ каждаго интересующагося этимъ вопросомъ; мы-же имѣемъ въ виду настоящей замѣткой, насколько возможно, посодѣйствовать обнаруженію рукописнаго матеріала, для болѣе удобнаго пользованія имъ другихъ

лицъ. Въ виду этого я позволю себѣ обратиться ко всѣмъ, имѣющимъ у себя лично какія-либо рукописныя произведеній Т. Г. Шевченка, или только знакомымъ съ ними, съ предложеніемъ, во 1-хъ, опубликовать заглавія произведеній, составляющихъ автографы поэта, а также переписанныхъ съ несомнѣнныхъ списковъ, и во 2-хъ, указать, какія имѣются данныя объ этихъ рукописяхъ въ видѣ датъ, комментаріевъ, воспоминаній и пр.

Вполнѣ надѣясь на то, что, съ одной стороны, такой откликъ послѣдуетъ для интересовъ дѣла, а съ другой—что «Кіевская Старина» откроетъ свои страницы для помѣщенія всѣхъ этихъ данныхъ, я на первый разъ сообщу кратко тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось добыть изъ разсмотрѣнія двухъ книжечекъ-автографовъ покойнаго поэта, о которыхъ въ печати пока почти ничего, кромѣ неясныхъ упоминаній, не было сказано.

Хорошо, вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что, когда въ 1847 г. постигла поэта тяжелая участь, когда онъ очутился вдали отъ родины и знакомыхъ, въ ссылкѣ въ Орской крѣпости и около Арала, ему не дозволено было даже рисовать и писать (кромѣ писемъ), особенно въ первое время, на что онъ самъ неоднократно жаловался въ своихъ письмахъ. Впрочемъ, не смотря даже иногда на строгости въ наблюденіи надъ нимъ, Шевченко успѣвалъ тайкомъ удѣлять время на любимое имъ занятіе-стихотворство, дававшее успокоеніе усталой душѣ поэта. Такъ, въ стихотвореніи, открывающемъ новый 1849-й годъ читаемъ:

„Якъ ци добродіи дознають!...
Та вже жъ нехай хочъ розипнуть,
А я безъ вирши не улежу:
Уже два годы промережавъ,
И третій въ добрый часъ почну".

И вотъ, для этого *тайнаго* творчества онъ завелъ маленькую тетрадку, которую, какъ онъ выражался потомъ, сохранять приходилось ему «въ халяви» (въ сапогѣ) [1]).

Эту-то тетрадочку, какъ гласитъ преданіе, впослѣдствіи переплетенную въ хорошенькій кожаный переплетъ, мы имѣли подъ руками одновременно съ другою, составляющею, собственно говоря, какъ бы переписку первой. Разница, впрочемъ, громадная. Эта вторая книжечка представляетъ собою довольно изящный кожаный альбомъ, величиною въ обыкновенный почтовый листъ in 8⁰. Альбомъ этотъ—подарокъ по-

[1]) См. воспоминанія И. С. Тургенева (Кобзарь, Прага. 1876 г.).

эту послѣ его возвращенія изъ ссылки въ 1858 г.; сюда онъ частію переписалъ свои стихотворенія изъ маленькой книжечки, иногда безъ измѣненій, но чаще—съ довольно значительными сокращеніями и переделками, частію-же тутъ помѣщены имъ и новыя произведенія.

Маленькая книжечка открывается 1847-мъ годомъ, именно—стихотвореніемъ.

„Думы мои, думы мои,
Вы мои едыни!
Не кыдайте хочъ вы мене
Пры лыхій годыни!"

а оканчивается 1850-мъ годомъ—стихотвореніемъ

„Заступыла чорна хмара
Та билую хмару".

Тутъ сразу является вопросъ: заносились-ли въ эту книжечку только тѣ произведенія, какія создавались поэтомъ въ процессѣ его послѣдовательнаго творчества, или и тѣ, которыя вспоминались имъ на чужбинѣ изъ прежде сочиненныхъ? Вопросъ этотъ только и можетъ быть окончательно рѣшенъ послѣ собранія всѣхъ данныхъ о рукописяхъ поэта [1]). Всѣхъ стихотвореній, какъ большихъ, такъ и малыхъ, вошло сюда 126; изъ нихъ крупныя слѣдующія: Княжна, Видьма, Лилея, Сонъ, Иржавець, Чернець, Козачковскому, Москалева крыныця, Варнакъ, Сотныкъ, Марына, Петрусь, Тытаривна. Всѣ стихотворенія писаны самимъ поэтомъ и отличаются тѣмъ характернымъ мелкимъ Шевченковскимъ почеркомъ, котораго нельзя не узнать хоть разъ видѣвшему его рукопись. Въ текстѣ сдѣлано много исправленій, но въ общемъ книжечка носитъ очень чистенькій видъ, несмотря на кое-какія помарки.—Въ бо̀льшей книжечкѣ за тотъ-же періодъ находимъ меньшее количество стихотвореній—всего 85, причемъ есть среди нихъ нѣкоторыя новыя. Надо замѣтить, что въ этой книжечкѣ оказывается большой перерывъ въ писательствѣ поэта, а именно: съ 1850 г. по 1857 г. нѣтъ ничего, какъ почти нѣтъ ничего и въ печатныхъ изданіяхъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ творчество поэта въ эти годы застыло совсѣмъ? Или, можетъ быть, болѣе кропотливое разысканіе рукописей его обнаружитъ еще что нибудь, до сихъ поръ невѣдомое намъ?

Послѣ 1850 г. въ бо̀льшую книжечку входитъ рядъ стихотвореній, относящихся къ 1857—60 гг., причемъ обращаемъ вниманіе на

[1]) Вообще мы имѣемъ всѣ данныя сомнѣваться въ томъ, та-ли это самая „захалявная" книжечка, но до окончательнаго выясненія оставляемъ вопросъ этотъ открытымъ.

ту путаницу датъ, какую встрѣчаемъ здѣсь при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, сравнительно съ датами при нихъ въ маленькой книжечкѣ; такъ напр.: «Москалева крыныця», отнесенная въ маленькой книжечкѣ къ 1847 г., тутъ помѣщена подъ 1857 г. Число стихотвореній за эти 4 года—53; изъ нихъ болѣе крупныя «Неофиты», «Марія», писанная, впрочемъ, не Шевченкомъ, равно какъ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній. Послѣднимъ въ 1860 году стоитъ маленькое стихотвореніе его «Зійшлысь, побралысь, поедналысь», послѣ котораго на слѣдующей страницѣ выставленъ синимъ карандашомъ 1861-й годъ, въ самомъ почти началѣ прекратившій жизнь поэта (26 февраля).

Пусть же въ эту 31-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка хоть только начнется серьезная разработка всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для оцѣнки и познанія его. Надѣемся, что лица, имѣющія коекакіе матеріалы и свѣдѣнія по этому вопросу, не откажутъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи полезному дѣлу и на первыхъ порахъ хоть помогутъ привести въ извѣстность все то, чѣмъ можетъ располагать будущій работникъ на этомъ полѣ. Мы же съ своей стороны, давая теперь краткія извѣстія о томъ, что у насъ было подъ руками, обѣщаемъ впредь сообщать обо всемъ, что намъ станетъ вѣдомо изъ рукописей поэта.

В. Науменко.

Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости.

Хотя конецъ 1859 года и начало 1860-го были для Шевченка исключительными, благодаря тому неудавшемуся сватовству, которое онъ затѣялъ и о которомъ уже сообщено много подробностей, между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины» (1890 г. № 2),—однако среди этихъ заботъ, а потомъ и огорченій, онъ не позабылъ давняго своего мечтанія видѣть всѣхъ ближайшихъ родственниковъ своихъ свободными отъ крѣпостной зависимости. Извѣстно, что владѣлецъ ихъ готовъ былъ дать волю всѣмъ имъ, но только *безъ земли*, что, конечно, не имѣло смысла. И вотъ, послѣ личныхъ попытокъ вести переговоры съ владѣльцемъ и послѣдовавшихъ неудачъ, пришлось Шевченку обратиться къ разнымъ лицамъ за содѣйствіемъ и помощью и, между прочимъ, привлечь къ этому дѣлу «Общество для пособія литераторамъ». Всѣ хлопоты увѣнчались успѣхомъ; въ 1860 году: за нѣсколько мѣсяцевъ до акта освобожденія крестьянъ вообще получили свободу родичи Т. Г. Шевченка, о чемъ подробно было сообщено

тогда-же въ «Народномъ Чтеніи» (1860 г. кн. 5-я). Среди лицъ, принимавшихъ въ этомъ горячее участіе, были—И. С. Тургеневъ и А. Д. Оболонскій, издатель журнала «Народное Чтеніе», который и обратился къ Тургеневу за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ. Помѣщаемое ниже письмо Тургенева къ Оболонскому, еще нигдѣ не напечатанное и любезно доставленное намъ И. В. Лучицкимъ, составляетъ одинъ изъ моментовъ въ ходѣ этого дѣла, въ которомъ, какъ видно между прочимъ, принималъ участіе и Кавелинъ.

«Я пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы сказать Вамъ, что комитетъ съ удовольствіемъ и готовностію принялъ на себя написать отъ своего имени письмо къ владѣльцу родственниковъ Шевченка; поручено доставить это письмо Кавелину, а я пріѣзжалъ узнать отъ Васъ имя это(го) помѣщика, его адресъ, имена Шевченковыхъ родственниковъ и т. д, чтобы передать все это Кавелину,—и потому покорно прошу передать мнѣ всѣ желаемыя свѣденія для того, чтобы я ихъ доставилъ Кавелину. Чѣмъ Вы скорѣе это сдѣлаете, тѣмъ скорѣе пойдетъ письмо. Дружески жму Вамъ руку преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

4 марта пятница

Былъ также Я. Полонскій. **В. Н—ко.**

Письмо Т. Г. Шевченко къ А. Д. Оболонскому. Хотя печатаемое ниже письмо или—лучше сказать—записочка Шевченка не датирована, но приблизительный моментъ написанія ея можно установить на основаніи слѣдующихъ соображеній.

А. Д. Оболонскій, издатель «Народнаго Чтенія», рѣшилъ знакомить своихъ читателей съ судьбою и дѣятельностью лицъ, самостоятельно, своими талантами проложившихъ себѣ путь въ жизни, а также помѣщать въ изданіи своемъ произведенія такихъ лицъ. Съ подобнымъ предложеніемъ обратился онъ и къ Шевченку. И вотъ—результатомъ перваго была извѣстная «Автобіографія» его, первоначально набросанная рукою самого поэта (см. Кіевская Старина 1885 г. № 11), а затѣмъ передѣланная и выправленная П. А. Кулишомъ, въ какомъ видѣ и напечатана въ Народномъ Чтеніи (1860 года, № 5), а откликъ второго видѣнъ въ помѣщенномъ тамъ-же стихотвореніи поэта (Огни горять, музыка грае) въ переводѣ на русскій языкъ Курочкина (1860 г. № 6) [1]. Вѣроятно, къ этому послѣднему мо-

---

[1]) Въ 1859 г. № 5 помѣщено было тамъ-же одно малорусское стихотвореніе поэта.

менту и относятся нижеслѣдующія строки Шевченка къ Оболонскому:

«Милостивый государь Александръ Демьяновичъ! Стихотворенія, которыя вамъ нравятся, выпишите изъ прилагаемой рукописи; я не имѣю времени. Рукопись оставьте у себя до будущей субботы. Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

Предложите перевести Курочкину то, что вы найдете удобопереводимое».

В. Н—ко.

Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофъ).

Эпизодъ одного изъ очень частыхъ увлеченій Шевченка женщинами, увлеченій, доводившихъ его до сватовства, давно извѣстно намъ, какъ изъ дневника поэта, такъ и со словъ самой той личности, къ которой относилось это увлеченіе. Екатерина Борисовна Піунова (въ замужествѣ Шмидгофъ) только что начала выступать на сценѣ нижегородскаго театра какъ разъ въ тотъ моментъ (1858 г.), когда Шевченко, возвращаясь изъ ссылки, долженъ былъ остановиться въ Нижнемъ, по предписанію полиціймейстера, и—какъ оказалось—надолго. Увлекшись этой талантливой актрисой, совсѣмъ еще дѣвочкой (15 лѣтъ), поэтъ, позабылъ то, что въ данныхъ случаяхъ прежде всего нужно помнить—разницу лѣтъ (ему было тогда 44 года)—и рѣшился сдѣлать ей предложеніе, въ результатѣ котораго получился, какъ и слѣдовало ожидать, отказъ. Несмотря, однако, на этотъ разрывъ, сама Екатерина Борисовна сохранила о поэтѣ самыя теплыя чувства, что прекрасно видно изъ воспоминаній ея, нашедшихъ себѣ мѣсто въ брошюрѣ Н. Ѳ. Юшкова, изданной въ 1890 году подъ заглавіемъ «Къ исторіи русской сцены» ко дню тридцатилѣтія артистической дѣятельности уважаемой артистки. Среди этихъ воспоминаній ея мы находимъ нѣсколько строкъ, удѣленныхъ и памяти нашего поэта. Считаемъ нелишнимъ перепечатать эти строки, извѣстныя, вѣроятно, немногимъ изъ нашихъ читателей.

В. Н—ко

«1856—1857 годъ я играла въ «Нижнемъ», уже во вновь отстроенномъ театрѣ.

«Къ этому времени относится и мое знакомство съ знаменитымъ поэтомъ Тарасомъ Григорьевичемъ Шевченкомъ, осчастливившимъ меня тогда своимъ вниманіемъ и даже сдѣлавшимъ мнѣ вели-

кую честь—предложеніе стать его супругой... Тогда, 15-лѣтняя дѣвченка, я, конечно, не могла оцѣнить этого великаго человѣка, но за то всю жизнь потомъ гордилась и горжусь тѣмъ, что обратила на себя его вниманіе. У барышенъ 40-хъ—50-хъ гг. всегда долженъ былъ быть альбомъ, куда вписывались стихи на память. Былъ такой альбомъ и у меня. И чего-то, чего въ немъ не было; напр.: «Прости, въ послѣдній часъ разлуки не ломай себѣ руки и не забудь такого-то» или: «На послѣднемъ на листочкѣ напишу четыре строчки». Такъ вотъ въ такой-то альбомъ написалъ мнѣ, глупой дѣвочкѣ, и Шевченко. Привожу написанное имъ на память, ибо альбомъ мой зачиталъ одинъ изъ «любителей» литературы, выпросившій его не надолго:

Утоптала стежечку черезъ яръ,
Черезъ горы, серденько, на базаръ,
Я два шаги—три шаги пропила,
За копійку дударя найняла.
Заграй мени, дударю, у дуду,
Нехай же я свое лышенько забуду![1]).

Тарасъ Григорьевичъ бывалъ у насъ каждый день, и его всѣ ужасно любили... Мои братья и сестры положительно, бывало, его облѣпятъ, и онъ съ ними по цѣлымъ часамъ забавляется, поетъ имъ малороссійскія пѣсни. Въ одно изъ такихъ обыденныхъ посѣщеній,—вдругъ Тарасъ Григорьевичъ заявляетъ, что ему нужно что-то сообщить важное. Слухайте-ка, батько и матко» (онъ часто такъ называлъ, любя, моихъ отца и мать, и, говоря, обыкновенно мѣшалъ русскія слова съ малороссійскими) «и ты Катруся»—(такъ онъ всегда звалъ меня),—прислухай. Вы давно меня знаете, видите: вотъ я какой есть, такой и буду. У васъ, батько й матко,—есть товаръ, а я купецъ—отдайте мнѣ Катрусю!». Какъ ни любили мы Тараса Григорьевича, но тутъ вся семья свѣту Божьяго не взвидѣла—вѣдь товару-то 15-ти лѣтъ еще полныхъ не было, а купцу-то подъ 50-тъ. Да и вообще, что въ немъ было жениховскаго?—Сапоги смазные, дегтярные, тулупъ чуть не нагольный, шапка самая простая, да та-

---

[1]) У насъ имѣется превосходно сдѣланная подъ руку Шевченка копія этого стихотворенія изъ альбома Е. Б. фонъ-Шмидгофъ. Копію эту списалъ въ 1862 г. въ Харьковѣ мужъ артистки М. К. Шмидгофъ, а намъ любезно передалъ ее А. М. Лазаревскій. Видно, что Е. Б. Шмидгофъ забыла это стихотвореніе, т. к. въ приведенномъ ею текстѣ пропущены нѣкоторые стихи, а иные передѣланы, сравнительно съ той копіей, какая имѣется у насъ.

кая страшная и въ патетическія минуты Тараса Григорьевича хлопающаяся на полъ въ день по сотнѣ разъ. Послѣ долгихъ, жаркихъ разговоровъ рѣшили—ждать годъ, а то и два... Уѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ вскорѣ въ Питеръ, и кто же не помнитъ, что творилось во время его пріѣзда туда!... Много писемъ было получено моимъ отцомъ отъ Тараса Григорьевича,—а прямого отказа все не было, но.. пріѣхалъ изъ Екатеринбурга Максимильянъ Карловичъ Шмидгофъ и произвелъ на Катрусю сильное впечатлѣніе... Такъ что както на Пасхѣ послали Тарасу Григорьвичу отвѣтъ съ окончательнымъ отказомъ»... Во время пребыванія Тараса Григорьевича въ Нижнемъ въ гости къ нему пріѣзжалъ *Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ* и, по желанію Шевченка и нижегородцевъ, узнавшихъ о пріѣздѣ великаго артиста, онъ съигралъ нѣсколько спектаклей.

«Т. Г. а ему въ угоду и Михаилъ Семеновичъ,—продолжаетъ Е. Б.,—учили меня малороссійскому языку и вдолбили роль «Тетяны», въ оперетѣ «Москаль Чаривныкъ», такъ что и по сей часъ я ее, какъ «Отче нашъ», знаю. Въ «Москалѣ Чаривныкѣ» играла я «Тетяну» а въ «Мирондолинѣ»—заглавную роль. Обѣ эти роли проходилъ со мною геніальный артистъ, самъ М. С. Щепкинъ!...

Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. Читателямъ, конечно, хорошо извѣстны разнообразные портреты Т. Г. Шевченка, бо̀льшею частію приложенные къ его Кобзарю разныхъ изданій. Многіе изъ этихъ портретовъ рисованы самимъ поэтомъ въ разные годы его жизни и общественныхъ положеній. Большинство такихъ авто-портретовъ собрано въ послѣднемъ художественномъ изданіи В. В. Тарновскаго «Офорты Т. Г. Шевченка» (Кіевъ 1891 г.— сто экземпляровъ, не бывшихъ въ продажѣ); но въ коллекціи нашего уважаемаго любителя и собирателя мѣстной старины и достопримѣчательностей имѣется еще одинъ портретъ Шевченка, рисованный имъ самымъ въ молодые годы. Этотъ карандашный портретъ, благодаря любезности собственника его, предоставившаго намъ право издать его фототипіей при нашемъ журналѣ, мы и помѣщаемъ теперь, какъ очень характерный по простотѣ и выразительности физіономіи, рѣзко отличающихъ этотъ оригиналъ отъ другого, извѣстнаго уже раньше, гдѣ тоже поэтъ нашъ представленъ въ молодые годы.

Второй рисунокъ—хата, въ которой родился Шевченко, въ с. Кириловкѣ. Рисунки такой хаты были помѣщевы уже въ иллюстриро-

ванныхъ изданіяхъ, но не съ этого оригинала, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, такъ-какъ онъ находится въ альбомѣ рисунковъ Т. Г. Шевченка, принадлежащемъ тоже В. В. Тарновскому, и на немъ сдѣлана подпись со словъ самого художника [1]).

Воспоминанія о покойномъ А. А. Потебнѣ. Послѣ смерти выдающагося по умственнымъ силамъ человѣка получаютъ особую цѣну всякія воспоминанія объ особенностяхъ его нравственнаго и умственнаго содержанія: самостоятельно проявляться они уже не могутъ и становятся достояніемъ исторіи. Смерть извѣстнаго члена Академіи Наукъ и профессора Харьковскаго университета А. А. Потебни вызвала уже такого рода воспоминанія одного изъ бывшихъ его слушателей А. Горнфельда, помѣщенныя имъ въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 332 отъ 29 декабря прошлаго года). Въ виду того сильнаго вліянія, какое имѣлъ покойный сотрудникъ «Кіевской Старины» на развитіе и направленіе не однихъ только филологовъ, но вообще всего учащагося юношества, перепечатываемъ эти воспоминанія, характеризующія А. А. Потебню, какъ профессора-учителя.

Лекціи А. А. Потебни.

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся людей, чаще всего вызываетъ воспоминанія; острое чувство потери человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы остыло, отстоялось, я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкоторыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не разсчитываю дать что нибудь цѣльное и законченное вродѣ характеристики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ въ теченіе одного года, и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ память усопшаго—внести и свою долю въ матеріалы для его будущей біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ—ма-

---

[1]) Объ этомъ альбомѣ см. „Кіевская Старина“ 1886 г. № 2.

тематикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню».—«Вотъ охота,—какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно.» — «Нѣтъ, теорія словесности—и, право, хорошо.» — «Пойдемъ пожалуй.» Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіе послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ и своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя—всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала насъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на нашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ преходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете?» —и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете» —и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ: онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было разсчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, я сказалъ бы—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ бы сотрудникомъ, потому-что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь, и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ ауди-

торіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и на первый взглядъ несвязныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ не связанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню—одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ сказалъ: «искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ не было никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли, и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностью восприятія. Къ истинѣ можно вести по глухой тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ, разнообразныхъ и сложныхъ, свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной—его строго положительный методъ изслѣдованія, его основные идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни—и «Изре-

ченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма—проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, точную и остроумную causerie. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтическій, рельефный языкъ—все вело къ тому, чтобъ вполнѣ отдаться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произведеній искусства давались такія точныя, истинно научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ исходя изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню съ улыбкой объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо». «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ ука-

зать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертаціи «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя, надо надѣяться будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессіональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать койчто о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ. Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міро-

созерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка за теоретическимъ изложеніемъ специальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя—насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны, зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индифферентизмъ, что даромъ она не дается—надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приноситъ отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный удѣлъ философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій—и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровоззрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе «Обзора поэтическихъ произведеній». Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ «потокѣ событій» и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. «Мѣдный Всадникъ», «Германъ и Доротея», санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ Злосчастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики—научнаго изслѣдованія произведенія искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недо-

статковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теорій «прикладнаго» или «чистаго искусства»; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ, наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія—онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное, вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи, во всей своей цѣлостности, красотѣ и глубинѣ, ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно—дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно—дѣйствительный «переходъ мысли отъ извѣстнаго къ неизвѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партійная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе,—общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ, который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго,—и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтичной жизненностью, той недоказывающей убѣдительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру—вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той*, *настоящей*, *большой* истинѣ; намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ-же тембрѣ, въ томъ-же настроеніи. Мы не апплодировали—*это* было важнѣе рукоплесканій,—но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно—и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ—для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе,—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ.

И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете! «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудные минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, «чѣмъ люди живы».

Берлинъ, 19/31 декабря 1891.

Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ. Настоящая выставка—кажется четвертая съ тѣхъ поръ, какъ началась попытка мѣстныхъ художниковъ экспонировать свои произведенія въ Кіевѣ. Общимъ своимъ впечатлѣніемъ она довольно точно отражаетъ тотъ современный Кіевъ, стоящій на перепутьи этнографическихъ группъ, гдѣ не возьметъ преобладанія ни одинъ культурный типъ и не процвѣтетъ самобытнымъ цвѣтомъ, гдѣ разнородные элементы тянутъ каждый въ свою сторону, гдѣ въ псевдо образованномъ обществѣ такъ незначительна интеллигентная группа, гдѣ, при общемъ упадкѣ вкуса, такъ слабъ интересъ къ продуктамъ ума и воображенія Большинство картинъ какъ будто принаровлено къ неприхотливой мѣщанской обстановкѣ, а разнородныя вліянія, замѣтныя въ пріемахъ художниковъ, не даютъ никакой ясной, господствующей ноты.

По обыкновенію, включены картины художниковъ не кіевскихъ, но находящіяся въ Кіевѣ: Айвазовскаго, Крамского, Ковалевскаго и Клевера. О нихъ говорить нечего. Мѣстная производительность опять преимущественно сосредоточилась на пейзажѣ, причемъ общій уровень работъ очень, очень не высокъ. Кой-кто изъ прежнихъ участниковъ, подававшихъ надежды, присутствуетъ теперь только совершенно незначительными этюдами, какъ напр. г. Святославскій. Огромная картина г. Галимскаго «Лѣсная глушь»—вещь декоративная и явно навѣянная извѣстными работами Шишкина въ этомъ родѣ, но все же это заслуживающая поощренія попытка перехода отъ крошечныхъ эпизодовъ фотографическаго характера къ живописи въ собственномъ смыслѣ слова. Рѣшительно выдаются на выставкѣ только

три холста г. Рашевскаго: «Десна», «Dolce far niente» (прудъ въ саду и лягушки, грѣющіяся на солнцѣ) и «Къ экзамену». Въ пейзажахъ г. Рашевскаго есть несомнѣнное чувство природы, чувствуется талантливость.

Немного болѣе искренности, правды въ краскахъ и того, что французы обозначаютъ непереводимымъ словомъ abandon—и въ лицѣ «Рашевскаго мы будемъ имѣть пейзажиста, выходящаго изъ ряду. Его картина «Къ экзамену» задумана очень мило. Среди цвѣтущаго сада молодая дѣвушка растянулась на скамейкѣ, отбросивши прочь скучную книгу. Лицо ея разгорѣлось, и видно, что думы, не имѣющія ничего общаго съ школьнымъ міромъ, волнуютъ ее. Это выраженіе горячей молодости и даетъ интересъ картинѣ, и выгодно говоритъ о свободномъ вдохновеніи художника. По взгляду рутины, на подобную тему надо-бы изобразить благонравную гимназистку, да еще пожалуй въ очкахъ. Статуэтка изъ воска того же автора «Поприщинъ» болѣе чѣмъ прекрасная попытка, свидѣтельствующая разносторонность талантливой натуры художника.

Изъ кіевскихъ живописцевъ, пріобрѣтшихъ нѣкоторое имя, замѣтнѣе другихъ всегда работы г. Пимоненка. На этотъ разъ всѣ пять его картинъ довольно сѣренькаго уровня. Лучше другихъ «Сваты», съ удачными фигурами пьющихъ стариковъ и просватанной дѣвушки. Изъ жанровъ сравнительно лучшее впечатлѣніе производятъ еще этюды г. Глобы. Въ нихъ какъ будто есть присутствіе души, животворящей этотъ родъ живописи, между тѣмъ какъ ея совершенно лишены на выставкѣ всѣ другія попытки этого рода. Картины г. Платонова, постояннаго экспонента и преподавателя мѣстной школы рисованія, при неизмѣнности своихъ сюжетовъ («капризницы», «дурнушки», «замарашки» и т. п.), на этотъ разъ написаны крайне небрежно и обнаруживаютъ рѣшительный упадокъ въ работахъ этого автора, имѣющаго своихъ поклонниковъ. Еще печальнѣе въ этомъ смыслѣ пейзажи г. Вжеща. Это полная ремесленность, уже близкая къ той пачкотнѣ, образцами которой могутъ служить произведенія г. г. Будкевича, Попова, Мурашка, Эртеля, г-жи Дюлемды и другихъ, непонятно какъ допущенныя на выставку. Вкусомъ и хорошимъ рисункомъ, среди картинокъ начинающихъ авторовъ, отличаются двѣ вещицы г. Данилова, изображающія полевые цвѣты.

Особнякомъ въ этомъ царствѣ пейзажа (не лишенномъ въ общемъ нѣкотораго сходства съ зеленымъ соусомъ) стоитъ огромный холстъ г. Катарбинскаго «Оргія». Это одинъ изъ образцовъ между-

народнаго искусства, въ которомъ подвизаются Макартъ, Семирадскій и проч. Немного менѣе блеску и таланта—вотъ вся разница. Извѣстно, что художники этой группы чувствуютъ особенное влеченіе къ изображенію римской жизни временъ упадка. Г. Катарбинскій вѣренъ завѣтамъ этой космополитической группы. Картина его, быть можетъ и хорошо написанная, не имѣетъ впрочемъ ничего общаго съ попытками мѣстнаго искусства.

Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ прекрасной индивидуальности г. Рашевскаго, кіевская выставка 1892 года не даетъ ничего, что можно было-бы записать въ активъ мѣстному искусству. Но искренно слѣдуетъ желать, чтобы эти ежегодныя выставки удержались, хотя покуда они остаются еще по большей части полемъ, ждущимъ своихъ дѣлателей.

Z.

Письмо В. Ганки къ министру нар. прос. гр. Уварову. Предлагаемое письмо, по всѣмъ видимымъ даннымъ, вѣроятнѣе всего писано извѣстнымъ чешскимъ славянолюбомъ и ученымъ Вячеславомъ Вячеславичемъ Ганкою къ тогдашнему русскому министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову. Что письмо писано именно Ганкою, а не кѣмъ нибудь другимъ, это видно, во 1-хъ, изъ самаго содержанія и, такъ сказать, окраски этого письма, отмѣченнаго такимъ глубокимъ всеславянскимъ чувствомъ, какое могло быть тогда только у Ганки [1]), а во 2-хъ, изъ перваго примѣчанія къ этому письму, принадлежащаго самому писавшему его: «Мнѣ льстили, что былъ въ началѣ 18 столѣтія въ Силезіи какой то *Hancke* славнымъ поэтомъ; но я сказалъ профессору, что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имя другаго его не прославитъ».

А. С—чъ.

Ваше Высокопревосходительство Милостивѣйшій Государь.

Милостивое удовлетвореніе просьбы моей относительно продолженія пребыванія въ Прагѣ г. Иванишева для окончанія лекцій

---

[1]) Такова, напр., основная мысль письма—открытіе при русской Академіи Наукъ славянскаго отдѣленія съ шестью, какъ выражается Ганка, „мѣстами", изъ коихъ одно должно быть предоставлено, между прочимъ, малоруссамъ; эта мысль высказывалась имъ и прежде сего. Таковъ взглядъ на историческое и политическое значеніе нѣмецкаго разселенія среди славянъ и вообще стремленія нѣмцевъ на востокъ... „Этотъ (т. е. нѣмецкій) гибельный для насъ потокъ не токмо еще не остановился, но укрѣпляясь на занятыхъ имъ мѣстахъ, возрастаетъ и двигается далѣе и далѣе къ востоку Европы".

древняго права чешскаго внушаетъ мнѣ смѣлость объявить Вашему Высокопревосходительству мысли, которыя въ настоящее время для всего славянства вообще, а для Россіи особенно полезными быть считаю, если онѣ удостоятся благосклоннаго вниманія и могущественнаго покровительства Вашего.

До сихъ поръ славянскіе народы безъ всякаго пособія правительства или частныхъ лицъ болѣе или менѣе удерживали единобразіе въ языкѣ и мысляхъ, и въ тѣхъ странахъ особенно, гдѣ православіе понынѣ господствуетъ, какъ на Востокѣ и на Западѣ, хотя жъ оно такъ рано и истреблено, однако жъ еще нѣкоторые корешки свои обнажаютъ. Конечно, что отъ средоточія исходящіе лучи чѣмъ болѣе отъ него расходятся, тѣмъ разнообразнѣйшій цвѣтъ показуютъ. Все это различіе дѣлалось въ нравахъ и въ языкѣ постепенно и почти незамѣтно; но нынѣ, когда просвѣщеніе съ такимъ успѣхомъ повсюду распространяется, начинаетъ болѣе, нежели когда либо, чувствовать необходимость точной славянской терминологіи относительно наукъ, основанной на живомъ народномъ словѣ, болѣе понятной и естественной, нежели заимствованной изъ иностранныхъ языковъ, потому еще необходимѣе, чтобъ каждая отрасль великаго народа нашего безъ потери времени и излишнихъ издержекъ, какъ для ученыхъ, такъ и для учащихся, желаемаго и всѣмъ нужнаго средоточія не чуждалась. Для сего только недостаетъ высокаго покровительства и пособія. Терминологія у такъ распространеннаго народа почти полна, но она разсѣянна: тотъ имѣетъ при морѣ морскіе, тотъ въ горахъ горные, тотъ опять въ равнинахъ хозяйственные и такъ далѣе слова; сіи слова должно только другъ у друга заимствовать, и только недостающихъ предоставлять, чтобъ ихъ искусный языкоиспытатель въ духѣ славянскаго языка возсѣдалъ и такія тотчасъ всѣмъ племенамъ сообщилъ.

Исторія хорошо знаетъ, какими средствами южная Панонія, западная Славянщизна на Санѣ, Эльбѣ и Одрѣ истреблена и другіе славянскіе племена истребляются. Честь и знаменитость ихъ, полагаю, въ нашъ вѣкъ требуютъ положить всему этому предѣлы. О! сколь много къ небу взывающаго сдѣлано съ нами... Не говоря о тысячи мѣрахъ и притѣсненіяхъ, устремленныхъ прямо для уничтоженія славянства на западѣ, упомяну о нѣкоторыхъ и еще не столь начительныхъ,—и такъ напр.: Австрія отчуждаетъ Славянства познаніями или богатствомъ отличающихся своихъ подданныхъ, возвышая ихъ въ дворянство съ прибавленіемъ къ ихъ славянскому прозванію нѣ-

мецкихъ прозваній (praedicati), напр., Звѣрина *von Rüchwald*, Колина *von Jäthenstan*, Новакъ Neuberg и т. п., какъ то въ вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ ежедневно можно начитывать. Таковая суета льститъ этимъ добрымъ людямъ: они уже подписываются дарованнымъ своимъ прозваньемъ, отказываясь навсегда отъ первобытной своей фамиліи; такимъ образомъ дѣти и внуки ихъ, забывъ свое происхожденіе, дѣлаются не токмо вѣрными нѣмцами, но жесточайшими врагами всего славянскаго. Такимъ же образомъ и профессора заставляютъ студентовъ своихъ славянскія ихъ фамиліи переиначивать или искажать въ нѣмецкія, особенно если онѣ хотя нѣсколько похожи на какое-либо нѣмецкое слово, и мало найдется такихъ, которые бъ, какъ я, или Копытарь, такому переиначиванію воспротивились [1]. Такъ Клазарь долженъ быть *Plasel*, Заверталъ—*Sauerthal*, Пѣшица—*Beschützer* etc. etc. etc. и чрезъ сіе большая часть прославившихся нашихъ земляковъ къ нѣмцамъ причисляются. Нѣмцы, хотя-жъ бы въ концѣ свѣта были, имѣютъ безпрерывное сообщеніе между собою относительно сохраненія въ цѣли своей народности и врожденной имъ страсти господствовать, если же не такъ, то по крайней мѣрѣ въ литературныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ и хотя-жъ бы и на славянской земли рождены были и языкъ славянскій изучили, доколѣ у нихъ нѣмецкое прозваніе, то находятся всегда, какъ на вѣсахъ, въ безпрерывной нерѣшимости, къ какому принадлежать народу, но при первомъ удобномъ случаѣ въ свою пользу измѣняютъ.

Мое политическое мнѣніе состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Славянъ прославитъ только познаніе самихъ себя, т. е. когда каждый славянскій народъ точнѣе узнаетъ самъ себя и своихъ братей, тогда и врата Адова не одолѣютъ ихъ».

Полагаясь на могущественное покровительство вашего высокопревосходительства, я увѣренъ, что Вамъ Божіимъ внушеніемъ великій Царь такое высокое мѣсто ввѣрилъ, и что Вы къ достиженію нижеслѣдующаго достохвальнаго и толико вожделеннаго всѣми славянскими народами учрежденія прочнаго начала положить не откажитесь, говорю, какъ на сердцу у меня оно состоитъ, въ учрежденіи при Императорской Россійской Академіи шести мѣстъ Славянскаго отдѣленія, которое бы завѣдывало языкознаніемъ и литературою остальныхъ славянскихъ народовъ. Оно должно состоять изъ шести Академиковъ,

[1]) Мнѣ льстили, что былъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Силезіи какой-то *Hancke* славнымъ поэтомъ; но я сказалъ профессору: что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имя другаго его не прославитъ.

соотвѣтственно шести важнѣйшимъ нарѣчіямъ, и столько же Адъюнктовъ, которые бы вмѣстѣ работая, по выбытіи изъ своей части Академика, могли занять его мѣсто. Таковой Академикъ и адъюнктъ должны непремѣнно быть уроженцами изъ тѣхъ славянъ, которыхъ языкъ и письменность они имѣютъ за предметъ и должны не только языкъ и литературу своего нарѣчія, но и нравы и обычаи и исторію своего народа знать въ совершенствѣ и по своей части съ новыми произведеніями литературы состоять въ безпрерывныхъ наблюденіи, связи и отношеніяхъ, какъ и доставлять изъ библіотеки Академіи важнѣйшія произведенія. Начальникъ сего отдѣленія, избранный изъ числа Академиковъ, долженъ знать совершенно всѣ Славянскія нарѣчія и смотрѣть на то, чтобъ по возможности были всегда 1) *для Малорусскаго*: одинъ изъ южной Россіи и другой изъ Галиціи или Бѣлой Руси, или изъ Закарпатскихъ Русняковъ; 2) *для Сербскаго*—одинъ изъ Сербіи или Черной Горы, а другой—изъ Босніи или Булгаріи; 3) *для Иллирійскаго*: одинъ изъ Кроаціи, а другой изъ Стиріи, Каринтіи, Карніоліи или Далмаціи; 4) *для Чешскаго*: одинъ изъ Чехъ, а другой изъ Карпатскихъ Словаковъ или изъ Моравіи; 5) *для Сербскаго*: одинъ изъ Горной, а другій изъ Нижней Лузаціи и 6) *для Польскаго*: одинъ изъ Королевства, а другій изъ Княжества Познанскаго или изъ Кракова. Таковое отдѣленіе приготовляло бы кандидатовъ уроженцевъ Русскихъ на Славянскія катедры при университетахъ, которыхъ въ послѣдствіи съ большимъ успѣхомъ возможно было посылать за границу для усовершенствованія на мѣстѣ; для чего потребовалось бы менѣе времени и издержекъ, нежели нынѣ необходимо. Сверхъ того, это отдѣленіе должно заниматься разборомъ славянскихъ литературныхъ произведеній, и такимъ образомъ возможно бы издавать при академіи давно желаемую литературную всеславянскую газету. На его же обязанности состоитъ сочинить грамматики, какъ по діалектамъ, такъ и всеобщую сравнительную и составить всеобщій словарь, который бы вмѣщалъ въ себѣ соединеніе богатства всѣхъ славянскихъ нарѣчій, безъ чего очень многое, какъ въ филологіи, такъ и въ исторіи и географіи остается непонятнымъ; и сіе же отдѣленіе, наконецъ, должно написать истинную исторію славянскихъ племенъ и вѣрную географію своихъ земель съ настоящими неискаженными прозв. ніями странъ, горъ, долинъ, рѣкъ, озеръ, обиталищъ, лицъ, чиновъ и сословій [1]).

[1]) Недавно я читалъ въ „Сѣвер. Пчелѣ“ извѣстіе о сочиненіи подъ заглавіемъ: „Топографія бунцлаверскаго, кенигрецкаго и крудимерскаго округовъ“

Изученіе исторіи славянъ, нѣкогда обитавшихъ или и нынѣ еще неисчезнувшихъ въ Пруссіи, Саксоніи и австрійской имперіи, занявшихъ пространство болѣе пятнадцати тысячъ географическихъ квадратныхъ миль, чрезвычайно важно для политика и философа: изъ нея онъ увидитъ, какимъ образомъ бурный потокъ нѣмецкихъ народовъ подавилъ славянскія племена, искони аборигеновъ Европы, кои по своему просвѣщенію нисколько не уступали и не уступаютъ своимъ притѣснителямъ. Весь недостатокъ славянъ состоитъ въ томъ, что они были, какъ и нынѣ, не соединены между собою никакими политическими узами и нерѣдко враждовали между собою, бывъ подстрекаемы нѣмецкими властями. Мы, западные славяне, остатки великаго знаменитаго племени, господствовавшаго отъ Балтійскаго до Адріатическаго морей, мы нынѣ въ униженіи горько оплакиваемъ неблагоразуміе отцовъ своихъ и молимъ Бога, да прекратитъ надъ нами свое попущеніе, и да не погибнемъ совершенно. Наши взоры невольно обращаются къ Россіи, и, утѣшая другъ друга, говоримъ: Великій Государь царства русскаго есть славянинъ; Господь напутитъего быть нашимъ заступникомъ и спасителемъ. Какъ велико наше утѣшеніе и какъ велика опасность вскорѣ увидѣть свою народность невозвратимо униженную, сіе довольно извѣстно вашему высокопревосходительству. Такъ, въ австрійской имперіи славянское дворянство чеховъ, иллирійцевъ и даже въ Галиціи скоро совершенно онѣмечается, если не будетъ противодѣйствія; тоже можно сказать о купцахъ, ремесленникахъ и мѣщанахъ, и гдѣ только лишній ступень земли находится у славянъ, то тотчасъ между ними поселятся нѣмецкіе колонисты. Частныхъ заведеній для славянскаго воспитанія совсѣмъ нѣтъ; во всѣхъ публичныхъ училищахъ исключительно употребляется нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ 16 милліоновъ австрійскихъ славянъ неумолимо германизируются. Изучая еще глубокомысленнѣе исторію порабощенія славянъ, можно удостовѣриться, что этотъ гибельный для насъ потокъ не только еще не остановился, но укрѣпляясь на занятыхъ ими мѣстахъ, возрастаетъ и подвигается далѣе и далѣе къ востоку Европы... Всѣ междоусобные раздоры славянъ, всѣ недоумѣнія между ними и ихъ правительствами вѣчно обращались въ пользу нѣмцевъ. Словомъ сказать, славяне сами работаютъ на свою погибель и своимъ

вмѣсто болеславскаго, гродецкаго и хрудимскаго—и сносно ли русскому уху москаворскій телеграфъ? Такъ нѣмцы сдѣлали изъ нашихъ великолѣпныхъ именъ Болеславъ—*Bunzel*, Вячеславъ—*Wenzel*; Станиславъ—*Stänzel*; Святославъ—*Schwänzel*, Святополкъ—*Schweinbold* etc., etc., ect.

потомъ и кровію возвеличиваютъ инородцевъ, завладѣвшихъ ихъ отечествомъ [1]). Что есть для испанцевъ и англичанъ Америка, то для германскихъ народовъ всѣ безъ исключенія славянскія земли— въ этомъ сознаются и самые нѣмцы! все различіе въ томъ, что нѣмецкія завоеванія болѣе мирны, и за то стократъ несправедливѣе и тягостнѣе. Чтобы не говорили о причинѣ вліянія нѣмцевъ на судьбу Россіи, какъ ея чиновниковъ, купечества, ремесленниковъ и колонистовъ и пр., но можно сказать, оно не зависитъ ни отъ особеннаго покровительства, ни отъ случая, но отъ того собственно, что, подчинивъ подъ свою власть двадцать милліоновъ славянъ, часть литовскихъ и финскихъ племенъ, они уже, по ничѣмъ отвратимому року мирнаго занятія странъ на востокѣ Европы, имѣютъ свою неотъемлемую долю, такъ сказать, напередъ ими уже расчитанную и отмежеванную. И такъ, они, не будучи въ Россіи господствующимъ народомъ, пользуются всѣми его выгодами, прикрывая нерѣдко эгидой мнимой пользы и просвѣщенія. Они не имѣютъ никакого стыда обогащаться не счетъ простодушныхъ славянъ. Для нихъ нѣтъ отечества, но подобно жидамъ одна выгода, и еще къ тому и страсть къ господству.

Познаніе славянской исторіи еще необходимѣе для русской дипломатіи. И сколько бъ избѣжали они въ XVIII вѣкѣ погрѣшностей при раздѣлѣ Польши. Мы безпристрастные наблюдатели славы и счастія Россіи весьма хорошо знаемъ, что если бы тогдашними дипломатами изучена была собственная русская исторія, то они бы недопустили милліону малороссійскихъ козаковъ, или иначе сродному сословію южной Россіи, обитавшему на правой сторонѣ Днѣпра, чтобъ ими овладѣла польская аристократія; они бы не допустили, чтобы также исчезло старорусское дворянство; чрезъ это западныя границы имперіи обезсилены, и имя великаго народа русскаго унижено на югѣ. Къ тому же вѣку принадлежитъ незнаніе, что въ Галиціи простой народъ есть малороссійскій, чрезъ сіе Россія осталась и къ ней холодною.

[1]) Уже въ среднихъ вѣкахъ Пясты принимали въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ съ допущеніемъ и съ особеннымъ благопріятствованіемъ употреблять имъ тевтонское право; и такимъ образомъ сдѣлался исподволь statusin statu; на туземцахъ остались всѣ подати и повинности, которыя по мѣрѣ расширенія сихъ иноплеменныхъ колоній утѣснительнѣе и несноснѣе становились. Такими и еще далеко жесточайшими мѣрами, о которыхъ здѣсь умолчаю, исчезло славянство въ Нижней Силезіи и въ другихъ провинціяхъ нынѣшней Пруссіи, Саксоніи и Австріи.—См. Urkundeinsammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte in Schlesien von Tschoppe und Stanzel. Hamburg bei Perths 1832, особенно стр. 140: эта книга заслуживаетъ чтенія.

При учрежденіи вышеупомянутаго славянскаго отдѣленія невозможно сомнѣваться, что, при его средствахъ и пособіяхъ, прекрасный русскій языкъ, принявъ въ себя всѣ красоты и обиліе родныхъ братій своихъ, т. е. славянскихъ нарѣчій, развіется въ такую прелесть и силу, что съ сихъ поръ станетъ непремѣнно письменнымъ языкомъ семидесяти милліоновъ. О другихъ благопріятныхъ слѣдствіяхъ я совсѣмъ умалчиваю.

При семъ принимаю на себя смѣлость представить вашему высокопревосходительству выбитую чехами въ Прагѣ по случаю въ нашъ городъ прибытія нынѣ достославно царствующаго Императора Николая I серебряную медаль, покорнѣйше прошу милостиво оную принять и прилагаемыхъ пять таковыхъ же бронзовыхъ повелѣть доставить собраніямъ монетъ, находящихся при императорскихъ россійскихъ университетахъ. Равнымъ образомъ прилагаемый здѣсь *чешскій часопись* за 1838-й годъ.

При семъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Въ Прагѣ 1/13 генваря 1839 г.

Къ исторіи г. Кіева и его окрестностей въ XV—XVI вв.

(Маленькое прибавленіе къ трудамъ В. Б. Антоновича: «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.» [1]) и М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Населеніе Юго-Западной Россіи») [2]).

Въ недавнее время глубокоуважаемому Александру Матвѣевичу Лазаревскому удалось пріобрѣсти остатки архива извѣстнаго польскаго государственнаго дѣятеля первой половины шестисотыхъ годовъ (1604—1646) и колонизатора Сѣверщины, Александра Пясочинскаго [3])—архива, который, два вѣка спустя, хранился у его потомка Валентина Росцишевскаго въ с. Липовкѣ, кіевскаго уѣзда, и которымъ въ сороковыхъ годахъ пользовались польскіе ученые: Юліанъ Бартошевичъ, Михаилъ Грабовскій, Александръ Пржездѣцкій, а также П. А. Кулишъ [4]). Нѣкоторые документы изъ архива Пясочинскаго

[1]) См. Монографіи. Т. I, Кіевъ 1885, стр. 221—264.

[2]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. VII, Т. I, 1886, стр. 1—85 и Т. II, 1890, стр. 1—210.

[3]) Библіографическія свѣдѣнія о Пясочинскомъ см. Zrzódła do dziejów polskich 1843, т. I, стр. 209—211.

[4]) См. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, Кіевъ 1888, стр. 3—4.

были напечатаны въ Вильнѣ въ 1843—44 г. г. въ изданіи «Zrzódła do dziejów polskich» [1]). Къ А. М. Лазаревскому архивъ этотъ попалъ въ крайне жалкомъ видѣ. Многія кипы бумагъ настолько испорчены сыростью, что не поддаются прочтенію; документы о Сѣверщинѣ совсѣмъ исчезли, а уцѣлѣли только документы, относящіеся къ брацлавскимъ владѣніямъ Пясочинскаго, да и тѣ—разрознены и разбиты. Тщательная разборка и сортировка покажутъ въ будущемъ, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи Брацлавщины. Кромѣ того попадаются отдѣльные акты, не имѣющіе связи между собою. Къ числу ихъ относится и актъ, любезно переданный намъ А. М. Лазаревскимъ и нынѣ предлагаемый нами вниманію читателей «Кіевской Старины». Это—выпись изъ книгъ Люблинскаго главнаго суда, въ которыя 2-го мая 1618 г., по желанію кіевскаго земскаго писаря Федора Сущанскаго-Проскуры, занесены были три акта, представленные въ судъ двумя тяжущимися сторонами: паномъ Василіемъ Максимовичемъ Панкевичемъ и паномъ Лавриномъ Васильевичемъ Лозкою [2]).

Первый изъ записанныхъ документовъ имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ относится къ найболѣе скудному свѣдѣніями въ исторіи южной Руси времени—къ княженію въ Кіевѣ Александра (Олелька) Владимировича изъ рода князей Ольгердовичей (1440—1455), отъ котораго извѣстна была до сихъ поръ одна только грамота, обезпечивающая неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождающая жителей митрополичьихъ имѣній отъ княжескаго суда [3]). Онъ представляетъ жалованную грамоту, по которой князь Александръ Владимировичъ отдаетъ огромныя пространства земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра во владѣніе своему боярину *Олехну Сохновичу*. Изъ нея видно, что еще до нашествія Менгли-Гирея въ 1482 году земли Кіевская и Переяславская были уже пусты и лишены населенія [4]). Въ предѣлахъ нынѣшняго переяславскаго уѣзда перечислено четыре мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Старое, Бусурманское, Ярославское и Сальково) и четыре мѣста бывшихъ не укрѣп-

---

[1]) См. Zrzódła, стр. 25 и слѣд.

[2]) Этотъ Лозка, подчашій кіевскій съ 1590 г., по предположенію г. Голубева, былъ роднымъ братомъ Стефана Васильевича Лозки, мужа фундаторши кіево-братскаго монастыря Елисаветы Лозкиной. См. Голубевъ, Исторія Кіевской духовной академіи, вып. I, Кіевъ 1885, стр. 124—125.

[3]) См. Антоновичъ, Монографіи, стр. 237.

[4]) Маленькая поправка къ замѣчаніямъ о Переяславскомъ „повѣтѣ“ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича „Кіевскіе войты Ходыки“. См. Монографіи, стр. 226.

ленныхъ поселеній (селища: Булатчинъ, Круглое, Соминково и Процево). Въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи названо два мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Полствинъ и Кузяковъ) и пять мѣстъ бывшихъ поселеній безъ крѣпостной защиты (селища: Бѣлки, Мохначи, Веприки, Островы и Махновщина). Остальныя даримыя урочища названы просто землями: земля Мелеховщина надъ Здвижью и земли Труденевщина и Тригубовщина надъ Тетеревомъ. О существованіи какихъ-либо жителей въ границахъ жалуемыхъ помѣстій нѣтъ и намека; напротивъ, предполагается полное отсутствіе населенія, такъ какъ категорически заявляется, что если-бы на которомъ-нибудь «селищѣ» (мѣстѣ бывшаго поселенія) «осѣли» люди, то эти «люди» (крестьяне) безпрекословно обязаны быть «послушны» Олехну Сохновичу и его наслѣдникамъ, т. е. нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльцевъ земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ. Грамота Олехну Сохновичу относится по всему вѣроятію къ 1-му февраля 1455 года въ виду слѣдующихъ соображеній: Въ княженіе Александра Владимировича 3-й индиктъ приходился съ 1 сентября 1439 по 1 сентября 1440 г. и съ 1 сентября 1454 по 1 сентября 1455 г. Такъ какъ мы знаемъ, что Александръ вокняжился въ 1440 году, а въ 1455 году не умеръ, а только уступилъ свой престолъ сыну Симеону Александровичу, самъ-же удалился въ Печерскую Лавру, гдѣ окончилъ жизнь инокомъ въ 1484 г. [1]), то всего вѣроятнѣе полагать, что онъ наградилъ своего боярина не въ первые дни власти, а передъ отреченіемъ, которое могло послѣдовать и во второй половинѣ 1455 года. Въ такомъ случаѣ 1-мъ февраля 3-го индикта будетъ 1 февраля 1455 г.

Второй документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе внука Олехна Сохновича—Ивана Юхновича (сынъ Олехна былъ Юхно Олехновичъ), по которому онъ распредѣляетъ все свое движимое и недвижимое имущество между 4-мя дѣтьми, другими близкими лицами и нѣкоторыми кіевскими церквями. Это завѣщаніе съ замѣчательною ясностью рисуетъ намъ кіевскаго пана начала XVI вѣка во всѣхъ подробностяхъ его бытовой обстановки — нужно добавить — поразительно бѣдной и простой. Такой бытъ могъ удовлетворять только пограничнаго жителя, постоянно угрожаемаго Ордынскимъ набѣгомъ. Кромѣ того, изъ него мы узнаемъ имена восьми кіевскихъ пановъ того вре-

---

[1]) См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій. Т. II, Кіевъ 1877, стр. 229.

мени (вотъ они: Ивашко Стрыбыль, Антонъ и Ивашко Ельцовичи, Игнатъ Дедовичъ, Семенъ и Антонъ Путяшичи, Андрей Ласко и Михаилъ Половецъ), игумена Михайловскаго монастыря (о. Игнатій), священника Спасской церкви (о. Макарій) и двухъ дьячковъ (спасскій дьякъ Гришко и софійскій дьякъ Гаврило, который и писалъ завѣщаніе), также перечень четырехъ церквей, уцѣлѣвшихъ въ Кіевѣ въ эпоху найбольшаго его упадка (Святая Софія=Софійскій соборъ, святая Богородица=церковь Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ, святый Микола=пустынно-николаевскій монастырь, святый Спасъ=церковь Спаса на Берестовѣ въ нынѣшней крѣпости). Полагая на каждое человѣческое поколѣніе по 30 лѣтъ, мы относимъ завѣщаніе внука на 60 лѣтъ позднѣе времени пожалованія имѣніями дѣда, т. е. приблизительно къ 1513 году, на который падаетъ 1-й индиктъ.

Третій документъ—это раздѣльный листъ между двумя дочерьми предыдущаго завѣщателя, Маріей Ивановной Лозиной и Ириной Ивановной Сущанской-Проскуриной, получившими отцовское наслѣдство въ полномъ составѣ—вѣроятно, вслѣдствіе бездѣтной смерти на полѣ брани или въ Ордѣ обоихъ братьевъ Федора (Федка) и Василія (Васка) Ивановичей, внуковъ Юхна и правнуковъ Олехна Сохновича. Этотъ раздѣлъ относится приблизительно къ 4 іюля 1524 года (двѣнадцатаго индикта) и интересенъ, какъ доказательство, что и въ это время владѣнія потомковъ Олехна Сохновича оставались еще незаселенными. Такимъ образомъ подтверждается высказанный нами въ «Очеркахъ Переяславщины» взглядъ, что большинство селъ Переяславскаго уѣзда возникло между 1550 и 1650 г. г. [1]). Въ началѣ XVI вѣка все Переяславское побережье Днѣпра на протяженіи почти 40 верстъ, гдѣ теперь расположены села: Ерковцы, Сотниковъ (Ерковецкой волости), Старое (Рогозовской волости), Процевъ (Вороньковской волости), было еще невоздѣланною и дикою пустынею.—Независимо этого, мы находимъ въ раздѣльномъ листѣ имена трехъ пановъ (Юрій Скобейковичъ, Петръ Еловичъ и Юрій Богдановичъ) и Михайловскаго игумена (о. Кириллъ).

Составленный г. Ярмаховичемъ списокъ Михайловскихъ игуменовъ, напечатанный въ «Описаніи Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря», пополняется, благодаря нашимъ актамъ, двумя именами: о. Игнатія и о. Кирилла.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891, ноябрь, стр. 24.

Въ архивѣ Пясочинскаго сохранилась еще старинная копія печатаемой выписи польскими буквами, что дало намъ возможность провѣрить мѣстами плохо читаемый текстъ выписи сличеніемъ его съ польскою копіею. Текстъ печатается съ удержаніемъ всѣхъ особенностей правописанія; только знаки препинанія разставлены по современнымъ требованіямъ.

Отдѣльныя мѣста выписи, требующія поясненій, будутъ нами объяснены въ примѣчаніяхъ.

А. Стороженко.

Выпись съ книгъ головныхъ трыбуналскихъ воеводства киевъского.

Року Божого нароженя тисеча шестсотъ осмънадцатого м ца мая второго дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу любелского, на рокъ теперешний вышей менованый зо всихъ воеводствъ короны полское обраными и высажоными, при отправованю справы межи урожонымъ п-номъ Василемъ Максимовичомъ Панкевичомъ поводомъ, а урожонымъ его мл. п-номъ Лавриномъ Лозкою, подчашимъ земли киевъское позванымъ, о маетность въ земли Киевъской лежачую Труденевсчину [1]), прозываемые Феневичи, въ которой, кгды стороны обедве титуломъ своихъ маетности тые и другие данины продкомъ своимъ и документа у суду показали, его мл. п-нъ Өедоръ Сусчанскій-Проскура, писаръ земский киевъский, у суду будучи, бачылъ то, ижъ въ тыхъ документахъ маетности его дедичные [2]), а которые теперъ самъ из братомъ своимъ трымаетъ [3]), и другие ему по продкахъ его мл. належачие,—суть означоны. Для того жадалъ, абы тые вси данины и документа, яко ему и маетности его належачие, были до книгъ одъ стороны до акътыкованя отданы, за чимъ и мы, судъ головний трибуналский, припатривъшись [4]) тому добре видѣчи речъ слушную, тые таковые данины и документа сторонамъ помененымъ до акътыкованя подать росказалисмо, за которымъ поданемъ и пры-

---

[1]) Г. Похилевичъ по имѣвшимся у него даннымъ пріурочиваетъ землю труденевскую къ нынѣшнему мѣстечку *Иванкову* въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губ., основанному на этой землѣ около 1589 г. кіевскимъ паномъ *Иваномъ* Проскурою, вѣроятно, потомкомъ, прибавимъ мы отъ себя, Оринки Ивановны Проскуриной, которая упоминается въ 3-мъ актѣ. См. уѣзды кіевскій и радомысльскій, Кіевъ 1887, стр. 243.

[2]) Наслѣдственныя.

[3]) Держитъ (во владѣніи своемъ).

[4]) Разсмотрѣвши.

нятемъ нашимъ першое данины, но паркгамине написаное тые суть слова рускимъ писмомъ:

Я Александръ Володымеровичъ, княжа киевское, Олехну Сохновичу далъ есми, бояриму моему, городисче Старое надъ Днѣпромъ покалаурово [1]), селище Булачинъ [2]), селище Круглое [3]), селище Сошниково за Караньюзъ озерцемъ Белимъ [4]), и къ тому три городисча за Днепромъ: Бусурменское, Ярославское [5]), Сальково [6]) зъ озерцемъ Линовымъ [7]), а селисче Процево [8]); а другое именне [9]) селище Белки [10]), Мохначъ, селисче Веприки, селисче Островы надъ Ирпенемъ и Унавою, селисче Махновъщина; а землю надъ Здвиджею Мелеховъсчину, а надъ Тегеревъю Труденевъсчину и Тригубовъсчину; а на Расаве въ поли два городисча Полствинъ [11]) и Кузяковъ; а къ тому будетъ ему волъно на устью Припети два ѐзы [12]) ставити. Того всего онъ и счадки [13]) его вечне и непорушно маетъ уживати. А пакъ ли бы на которомъ селисчы люде осели, то и тые люде мають быти послушни его и счадковъ ѐго, не мовячи. Сю былъ данину далъ и писалъ у Киевѣ февраля первого дня индикта третего (1455 ?) У того листу паркгаминового привесчитая печать одна.

Другий листъ такъ се въ собе маетъ:

Я Иванъ, Юхновъ сынъ Олехновича, будучи на постели Божой, пишу сюю духовницу мою своимъ целымъ розумомъ и зуполнымъ умомъ, счо которые именни мои у киевъской земли на име:

---

[1]) Городище Старое—это нынѣшнее село Старое переяславскаго уѣзда. Покалауровымъ оно названо, вѣроятно, потому, что раньше принадлежало какому-то Калауру. Земляные валы городища сохранились и въ настоящее время.

[2]) Селище Булачинъ=вѣроятно, теперешнее с. Ерковцы, расположенное у болотистаго протока *Булатецъ*.

[3]) Для опредѣленія топографіи селища Круглаго у насъ пока нѣтъ данныхъ.

[4]) Селище Сошниково=нынѣшнее село Сошниковъ переяславскаго у. Озеро Бѣлое существуетъ и теперь въ видѣ топкаго болота, расположеннаго въ правую сторону отъ дороги изъ Сошникова въ Гусинцы.

[5]) Гдѣ находились городища Бусурменское и Ярославское, мнѣ не извѣстно

[6]) Городище Сальково=нынѣшнее с. Сальковъ.

[7]) Озеро Линово и теперь существуетъ вблизи. с. Салькова подъ этимъ-же именемъ.

[8]) Селище Процево=нынѣшне с. Процевъ переяслав. у.

[9]) Это имѣніе цѣликомъ лежитъ въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губ.

[10]) См. Похилевичъ, стр. 205.

[11]) См. Похилевичъ, стр. 154.

[12]) Езы это загражденія для ловли рыбы.

[13]) Наслѣдники.

городисче Старое за Днепромъ и селисче Булатчинъ зъ озеромъ Белина за Каранью, за Днепромъ городисча: Бусурманское, Ярославское, Сальковъское, Линово озеро, Процево селисче, Круглое и Сошниково; а на Здвиждженю Мелеховъсчина, а на Тетереви Труденевъсчина и Трыгубовъсчина, которые теперъ въ заставе у Михайла Половъца[1]), а городисче на реце Расаве у поли: одно Полстъвинъ, а другое Кузяковъ, и уходы[2]) на Ирпени: Белки, Мохначи, Веприки и Махновщина, а на Унаве Островы—тое все сыномъ моимъ Федку а Васку, который теперъ седыть увъ Орде, ино сынъ мой Федко маетъ его окупить, окупивши, ровно зъ нимъ поделить. А дочки мои, Орынку и Марію, обыдва сыны мои замужъ выдать и вина имъ: по два друбли и по саяну[3]) утерфиновому[4]) и муслинскому[5]) зъ кшталтиками[6]) оксамитными[7]) по два волы и по двѣ коровы—имъ дати маютъ. А тѣло мое гришное маетъ поховати сынъ мой Федко у церкви светое Софеи. А що есть готовыхъ грошей пять копъ, оно чотыры копы на сорокоустъ и на памети по души моей, а рубль грошей и конь бурый на церковъ светое Софеи, а вороный конь на светую Богородицу, а гнедый конь светому Миколе, а духовнику моему Спаскому однорядка моя портяновая[8]) исъ кнафликами[9]) серебрыными, а дяку Гришку жупица[10]) моя синяя, ложечка моя серебрная на церковъ светого Спаса—отказую, а шубка моя медвежая ино слузе моему Ѳедку, а поплечъному другу моему пану Ивашку Стрыбылю лукъ мой стрелчий со всѣмъ, а пану Анътону Ельцевичу ино

---

[1]) Михаилъ Половецъ—это князь Михаилъ Юрьевичъ Половецъ со сквара Рожиновскій, о которомъ разсказываетъ В. Б. Антоновичъ. См. Монографіи стр. 209—210.

[2]) Уходы=мѣста охоты и рыбной ловли.

[3]) *Саянъ*, особаго покроя одежда, заимствованная изъ Италіи. Самое названіе происходитъ отъ латинскаго *sagum* черезъ италіанское *sajone*.

[4]) *Утерфиномъ* называлось тонкое сукно. Линда переводитъ нѣмецкимъ. feines Tuch.

[5]) *Муслиномъ* называлась тонкая кисейная матерія, заимствованная у арабовъ. Названіе происходитъ отъ имени города Моссуля.

[6]) *Кшталтикъ*=нѣчто въ родѣ нынѣшняго корсета; одежда, охватывающая талію и придающая ей стройный видъ. Италіян. mamnulare нѣм. weibermiedet Вѣроятно *кшталтики* подшивались изнутри къ саянамъ.

[7]) Бархатными.

[8]) Портяновая однорядка=вѣроятно, лѣтняя одежда изъ домашняго холста.

[9]) *Кнафликъ*=пуговица.

[10]) *Жупица*—одежда въ родѣ теперешняго *жилета*. Голембіовскій въ книгѣ „Ubiory w Polsce переводитъ: kitlik bez rękawow.

шаблю мою, а пану Игнату Дедвичу шоломъ мой зо двема знаками, панцырь мой пану Семену Путятичу. А счо ми былъ виненъ Андърей Ласко рубль грошей, ино я ему тое отпусчаю. Челядь мою дворную сынъ мой Федко, наделивши усихъ, волно пустить маетъ: нехай за мене Бога просятъ. А езовисча мое, што на устьи Припети, въ заставе у чоловека церковного Васка у двохъ копахъ грошей, ино тое сынъ мой Федко окупити маетъ. Ино тая духовница моя маетъ быти держала моцно и непорочно, да коли бы се хто хотелъ нарушить, и да буди проклятъ, и да розсудится зо мною передъ милостивымъ Господомъ Богомъ на страшномъ суде. А при писаню сее мое духовницы были ихъ мл. панове киевъские: панъ Ивашко Елъцовичъ, а панъ Анътонъ Путятичъ, а панъ Андърей Ласко, а игуменъ Михайловъскій отецъ Игнатій, а попъ Спаскій отецъ Макарій, ино ихъ мл. уси на мое чоломбите печати свое приложили. А писавъ сюю мою духовницу панъ Гаврило, дякъ Софейскій, а писавъ у Киеве индикта первого (1513 ?).

А третій листъ въ тые слова писанъ;

А се мы, я Марія Федковая Лозиная, и я Оринка Сенковая Сусчанская-Проскуриная, Иванины Олехновича Юхновича, сестры родныя, поделили есмо се именями своими, которые намъ досталисе по брати нашомъ рожономъ пану Федку и пану Васку. Я Марія узяла есми собе имене за Днепромъ городисче Старое и селисче Булатчинъ зъ озерцемъ Белимъ за Караню, надъ Днепромъ городисче Бесурменское, Ярославское, Салковъское, Линово озеро и Процево, селисче Круглое и Сошниково, у Здвижени Мелеховсчину, а на Тетереви Труденевсчина и Трыгубовсчина, што было въ заставе у пана Михайла Половъца, а я тое откупила своими грошми. А я Оринка узяла есми обедве городисче на реце Расове у поли: одно Полствинъ, а другое Козяковъ, уходы на Ирпени: Белки, Мохначи, Веприки, и Махновъсчина, а на Унаве—Островы, што усе было въ заставе у пана Михайла Половъца, а сестра моя пани Марія своими грошми выкупила и противъ того собе болшую часть узела. А моемъ мы сами и дѣти наши подле сего делу нашого тые именя вечне держати и одна другой перешкоды и упоминаня жадного не чинити подъ зарукою на Господаря [1]) его мл. двадцатма копами грошей. А при томъ были панове киевъские: панъ Юрей Скобейко-

---

[1]) *Господаремъ* называется великій князь литовскій. Имъ былъ съ 1506 внукъ Ягеллы Сигизмундъ II Старый, выбраный и королемъ польскимъ.

вичъ, панъ Петръ Еловичъ и панъ Юрей Богдановичъ, а игуменъ Михайловъский отецъ Кирилъ, а писанъ у Киеве июля четвертого дня индикта дванадцатого (1524?) У того делчого листу печате притиснены чотыры. Которые жъ то выше менованые листы вси, яко одно се въ собе маютъ, за розказанемъ суду нинешнего до книгъ суть уписаны, съ которыхъ и сей выписъ подъ печатю земъскою воеводства киевъского естъ выданъ. Писанъ въ Люблине.

Мѣсто Печати.

Филонъ Стрыбыль, чашникъ и депутатъ воеводтсва киевъского.

Федоръ Сущанскій-Проскура, писаръ земский киевъский.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 1) *Записка митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго.* Іоасафъ Кроковскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1707 г. по 1718 г., т. е. въ самую тяжкую для Украины эпоху властолюбивыхъ стремленій гетмана Мазепы и грознаго суда Петра Великаго надъ его сторонниками. Послѣдніе два года митрополичьяго служенія Кроковскаго совпали съ однимъ изъ самыхъ грустныхъ событій русской исторіи—дѣломъ Царевича Алексѣя Петровича. И коварный гетманъ, и непокорный Царевичъ, были, быть можетъ, невольными виновниками злосчастной судьбы Кроковскаго—грозный царь почему то заподозрилъ митрополита въ сочувствіи Мазепѣ, а уклоненіе Кроковскаго отъ участія въ духовномъ судѣ надъ царевичемъ было ближайшимъ поводомъ царской опалѣ. Митрополитъ былъ схваченъ по пути его въ Петербургъ, въ Твери, и заточенъ въ тверскомъ архангельскомъ монастырѣ 1-го іюля 1718 г. Трагическая судьба митрополита и недостаточно выясненныя причины ея побуждаютъ дорожить всякимъ археографическимъ матеріаломъ, могущимъ хотя нѣсколько выяснить личность митрополита и характеръ его отношеній къ своимъ современникамъ, равно какъ и личности этихъ послѣднихъ. Въ виду этого мы и помѣщаемъ здѣсь письмо митрополита, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, несмотря на малозначительность его содержанія:

«Благородная мосьцѣ панѣ Ялоцкая, мнѣ велце мосьцѣ панѣ и благодѣтелко. Присланный вельможной милости панской даръ талярей сто на поминаніе въ Богу зешлого его милости пана Василія милого вельможней милости паней малжонка вдячне принявши, вельце вашмосьци паней благодарствую, готовъ будучи такъ о блаженномъ его успокоеніи, яко и о многолѣтномъ вельможной милости панской

здравіи и желаемомъ спасеніи при архіерейскихъ молитвахъ незабвенно Господа Бога благаимъ, яко есмь и навсегда пребываю, вашмосьци милостивей паней и благодѣтелки всѣхъ благъ желающій пастырь и богомолецъ Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій. З Кіева, декабря 16 дня 1712 р.».

На оборотѣ: «благороднѣй ей милости паней Маріи Василіевой Ялоцкой, мнѣ велце мосьцѣ паней и благодѣтелцѣ».

2) *Рынокъ въ г. Острѣ.* Въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія г. Остеръ, какъ «старое», такъ и «новое мѣсто»,—сгорѣлъ до основанія, «аж до щенту». Тогдашній кіевскій полковникъ, Григорій Карловичъ сталъ хлопотать о возстановленіи злосчастнаго города, вслѣдствіе чего 10 апрѣля 1690 года въ остерской городской ратушѣ состоялось засѣданіе, на которое явились всѣ остерскія власти—сотникъ Иванъ Васильевичъ Дворецкій, городовой атаманъ Иванъ Сидко, войтъ Гарасимъ Козловскій, рочный бурмистръ Василій Михайловичъ, старшій райца Матвѣй Михайловичъ, лавники и много козаковъ и мѣщанъ. Обсужденію этого многочисленнаго собранія подлежалъ вопросъ объ утвержденіи новаго плана города. Особенно занималъ всѣхъ выборъ мѣста для рынка, наиболѣе подходящей для этого была площадь на выѣздѣ къ г. Козельцу, «передъ брамою», близь церкви Воскресенія Христова, но на этой площади находились частныя постройки, такъ, по рединѣ площади —стояла «свѣтлица» Филиппа Слусара. И вотъ въ засѣданіи 10 апрѣля былъ возбужденъ цехмистромъ шевскаго цеха, паномъ Григоріемъ, вопросъ объ отдачѣ Слусару взамѣнъ его грунта усадьбы Татьяны Стефаниxи и вообще объ обязательномъ отчужденіи на предполагаемой для городскаго рынка площади всѣхъ частныхъ владѣній. Шевскій цехъ былъ особенно заинтересованъ въ снесеніи построекъ Слусаря, такъ какъ «шевци» уже выстроили себѣ на новомъ рынкѣ «комору» для продажи «ботовъ», и «будинокъ» Слусаря «ихъ шевню тыломъ заступилъ». Было постановлено «овый пляцъ Филиппа Слусаря панамъ шевцомъ въ вѣчную поссесію подати? Въ обезпеченіе безспорнаго владѣнія грунтомъ Слусаря, остерскій урядъ положилъ въ кассу магистра «вино» въ размѣрѣ 100 злотыхъ отъ имени полковника кіевскаго и 50 злотыхъ отъ остерскаго уряда, самый же актъ мѣны занесенъ въ «книгу правъ мѣскихъ ратуша острицкого» и копія съ него, за подписью сотника, атамана, войта и писаря Симеона Гавриловича Плоскаго, выдана шевскому цеху и по счастливой случайности сохранилась до нашего времени.

Н. В. Стороженко.

Листъ Тимоѳея Цыцюры. Списокъ збелорускаго писма. Листъ Тимоѳея Цыцюры найденъ въ столбцахъ московскаго стола Разряда (Архивъ Министерства Юстиціи) не въ подлинникѣ, а въ спискѣ, сдѣланномъ въ Разрядѣ, при чемъ переписчикъ, по привычкѣ считать годы отъ сотворенія міра, сдѣлалъ ошибку, написавъ 7659 вмѣсто 1659. Листъ относится къ началу гетманства Юрія Хмельницкаго.

Тимоѳѣй Цецюра полковникъ войска его царьского величества запорожского *переясловской* паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, всей старшине и черни его царьского пресвѣтлого величества, и кому о томъ вѣдати потреба, до вѣдомости доноситъ: иже выпущены зъ замку чигиринского невольники, ратные люди его царьского величества, ѣдутъ въ свои кра(и) по указу и за универсаломъ его милости пана *Юрья Хмельницкого, гетмана* войскъ его царьского величества запорожского, за которыми невольниками и мы, яко людми честными его царьского величества, пильно упрашаемъ и жедаемъ, абысте онымъ, во всемъ вѣру давше, хлѣба, соли и всякой живности и подводъ не збороняли для ласки его пресвѣтлого царьского величества и его милости пана гетмана, скоро только дая, кого мѣста и села прибудутъ, того часу абы свѣжіе подводы давали.

Писанъ въ Переяславле дня шестаго ноября 7659 (описка вмѣсто 1659) году.

Припись у листа: вашимостємъ всего добра... пріятель Тимоѳѣй Цыцюра.

(Москов. стола. столб. № 307. л. 336).

Сообщ. **В. Сторожевъ.**

Необходимыя поправки. Въ началѣ статьи моей «Современная малорусская этнографія» (1892 г. № 1) оказались слѣдующія опечатки:

На стр. 3-ей, послѣдн. строка напечатано: «формальной *старины* языка»; должно быть: «формальной *стороны* языка».

На стр. 5-ой, 20-я строка сверху напечатано: «Петрѣ *Александровичъ* и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ»; должно быть: «Петрѣ *Алексѣевичъ*». Эту опечатку (или неудачное раскрытіе сокращенія) спѣшу исправить, потому-что въ бытность студентомъ я слушалъ лекціи и пользовался просвѣщеннымъ руководствомъ глубокоуважаемаго Николая Алексѣевича Лавровскаго. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Библіографія.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Подъ редакціей секретаря этнографическаго отдѣла. Н. А. Янчукл. Москва. 1891. книги VIII, IX и X.

Въ рецензіи «Кіевской Старины» на предъидущія книги «Этнографическаго Обозрѣнія» уже отмѣченъ основной взглядъ этого изданія на задачи русской этнографіи. Не можемъ не взять его за исходную точку и настоящей замѣтки. Въ статьѣ *Д. Н. Анучина* «*О задачахъ русской этнографіи*», помѣщенной въ 1 книгѣ «Этногр. Об.» за 1889 г., ясно выражено, что современная «этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной, и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ» (стр. 28). Вполнѣ соглашаясь, что таковы должны быть «конечныя» цѣли данной науки, нельзя однако не думать, что при настоящемъ хаотическомъ состояніи этнографическаго матеріала такія «конечныя» цѣли пока что своего рода pia desideria. Самъ г. Анучинъ утверждаетъ въ названной статьѣ, что этнографъ-изслѣдователь долженъ прилагать къ извѣстному факту народной жизни или частности быта сравнительный методъ, долженъ слѣдить за варіаціями этого факта у различныхъ народностей, долженъ стараться воспроизвести его въ первоначальномъ его видѣ, однимъ словомъ—долженъ пытаться прослѣдить его исторію, происхожденіе, развитіе, видоизмѣненіе и постепенное исчезаніе или забываніе! (стр. 28). Но утверждая это, указывая такой отвѣтственный способъ излѣдованія, почтенный профессоръ какъ будто забываетъ, на сколько сомнительными могутъ ока-

заться при современномъ состояніи науки результаты подобныхъ изслѣдованій съ точки зрѣнія научной достовѣрности. Намъ кажется, что у вступающихъ на указанный путь излѣдованія необходимо должно являться опасеніе возможности злоупотребить сравнительнымъ методомъ. Для пользованія послѣднимъ вѣдь необходимо оперировать надъ величинами соизмѣримыми, другими словами—надъ данными однихъ и тѣхъ же періодовъ развитія исторической и доисторической народной жизни. Между тѣмъ во многихъ ли случаяхъ можно теперь утверждать, что по видимому даже сходные факты въ области этнографіи однородны и одновременны въ смыслѣ принадлежности къ однимъ и тѣмъ же періодамъ исторической или до-исторической жизни? Не нужны ли для этого еще большія груды этнографическаго матеріала описательнаго характера, чѣмъ тѣ, какія уже накопились въ наукѣ? Конечно, на оба эти вопроса нельзя отвѣчать иначе, какъ утвердительно, а потому и указываемый профессоромъ широкій розмахъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ не можетъ не быть рискованнымъ. Для выхода же изъ грубаго эмпиризма въ наукѣ изслѣдователямъ этнографамъ, какъ кажется, можно пока ограничиваться осторожной постановкой гипотезъ. Только при такомъ условіи можно разсчитывать, что научный матеріалъ не будетъ заводимъ въ своего рода ноты, которыми онъ могъ бы искажаться.

Позволяя себѣ высказать приведенный взглядъ на отмѣченное воззрѣніе по поводу задачъ этнографіи и ея метода, мы далеки однако отъ мысли не признавать богатства содержанія въ статьяхъ разбираемаго нами изданія и притомъ не только въ тѣхъ, которыя ближе стоятъ къ работамъ описательнаго характера, но и въ тѣхъ, въ которыхъ опасный сравнительный методъ въ полномъ ходу. Признать большую цѣнность большинства научныхъ работъ въ разбираемыхъ трехъ книжкахъ «Этнограф. Обозрѣнія» мы были бы обязаны и въ томъ случаѣ, если бы касались всего даваемаго ими матеріала, но мы, въ виду задачъ нашего изданія, сдѣлаемъ это, касаясь только тѣхъ работъ, которыя такъ или иначе относятся къ нашему малорусскому югу.

Много вниманія въ данныхъ книжкахъ «Этногр. Обоз.» удѣлено вопросу о русскихъ былинахъ. Прежде всего отмѣтимъ статью *Н. С. Тихонравова. Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.* («Этногр. Обоз.» 1891. № 1). Текстъ былинъ въ рукописяхъ, которыми пользовался г. Тихонравовъ, написанъ въ сплошную строку, и стихъ большею частью разрушенъ, тѣмъ не менѣе старое содержаніе былинъ этими

рукописями донесено къ намъ въ большей чистотѣ, чѣмъ пѣснями, записанными изъ устъ народа въ позднѣйшее время (стр. 7). Какъ въ рукописяхъ, заимствованныхъ г. Тихонравовымъ изъ его собственной библіотеки, такъ и въ извлеченныхъ изъ сборника г. Буслаева, нерѣдко, по утвержденію автора, хранятся такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ, какъ напримѣръ—версія о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими. Временемъ записанія былинъ и занесенія ихъ въ особые сборники г. Тихонравовъ считаетъ не только XVIII в., когда въ помѣщичьей средѣ было не мало охотниковъ до «исторій», но и XVII. По словамъ автора, многія изъ записанныхъ въ сборникахъ сказаній, подъ каковымъ именемъ значатся тамъ и былины, носятъ на себѣ явные слѣды копированія съ болѣе древнихъ рукописныхъ текстовъ, вѣроянo относящихся къ XVII вѣку; кромѣ того, есть и прямое указаніе на то, что такое записываніе былинъ могло имѣть мѣсто въ XVII в., такъ какъ существуетъ рукопись XVII в., принадлежащая Е. В. Барсову, и въ рукописи этой помѣщено «сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь». Варіантъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», въ томѣ XXVIII, въ № 3 подъ заглавіемъ «Богатырское слово». Нашъ же авторъ приводитъ теперь текстъ двухъ былинъ изъ сборника Буслаева («Ставръ Годеновичъ» и «Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье разбойнике») и три былины изъ собственныхъ сборниковъ (1) «Сказаніе о Іліе Муромце и о Соловие разбойнике», 2) «сказаніе о трехъ богатыряхъ о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ» и 3) «сказание о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче»). Для спеціальнаго изученія содержанія былинъ всѣ эти записи XVIII в. представляютъ немалый интересъ. Самъ же авторъ статьи къ такому изученію въ данной работѣ не приступилъ, и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сырымъ этнографическимъ матеріаламъ.

Обращаясь засимъ къ статьѣ Г. Н. Потанина «Ставръ Годиновичъ и Гэсеръ (кн. 3), мы сталкиваемся съ дальнѣйшей разработкой извѣстныхъ утвержденій г. Стасова о восточномъ происхожденіи нашихъ былинъ. Склоняясь къ тому же мнѣнію на основаніи сличенія нашего богатырскаго эпоса съ монгольскимъ, г. Потанинъ не указываетъ однако точныхъ отношеній между этими двумя эпосами; онъ

думаетъ, что согласно мнѣнію г. Стасова степной фольклоръ могъ быть и посредникомъ между нашимъ эпосомъ и какимъ-то невѣдомымъ, отъ котораго онъ произошелъ, и наконецъ, что этотъ степной фольклоръ, сходный съ нашимъ и индо-европейскимъ вообще, можетъ представлять собою и параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ, какъ это высказано г. Веселовскимъ. Въ монгольскихъ былинахъ о Гесерѣ и Алу-Мергенъ или Аджу-Мергенъ, приводимыхъ въ параллель нашей былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микулишнѣ, конечно, нѣкотораго сходства отрицать нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія крупныя отличія, которыя могутъ и исключать единство происхожденія данныхъ былинъ. Въ виду этого, быть можетъ, нѣсколько преждевременны и приводимыя г. Потанинымъ филологическія соображенія для объясненія имени Ставра и названія Гленской земли въ нашей былинѣ. Но во всякомъ случаѣ сообщаемое г. Потанинымъ содержаніе монгольскихъ сказокъ не можетъ не имѣть научнаго интереса.

Не менѣе интересна и другая статья г. *Потанина*—*«Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ»* (кн. 2), но при неменьшемъ интересѣ своемъ, она также заключаетъ въ себѣ параллели, быть можетъ нѣсколько рискованныя. Увлекшись идеей покаянія, которая приведена въ былинѣ о Буслаевѣ, о Потыкѣ-каличьемъ атаманѣ, и Потыкѣ-мужѣ Марьи Лебеди бѣлой, г. Потанинъ не только сближаетъ ихъ между собой, но и съ повѣстью о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, откуда уже оказался совершенно нетруднымъ для него переходъ къ легендѣ о царѣ Асокѣ, жизнь котораго распадалась на двѣ части—на бурную, порочную и на покаянную, исполненную подвиговъ милосердія, т. е. оказался возможнымъ переходъ ни ближе, ни дальше, какъ къ извѣстному преданію о царевичѣ Буддѣ! Между тѣмъ едва-ли все это не слишкомъ широкое сближеніе. Общность темъ, даже общность нѣкоторыхъ подробностей въ народной эпической литературѣ можетъ не вытекать изъ заимствованія и не быть обусловлена единствомъ происхожденія произведеній: все можетъ быть объяснено часто тождествомъ людей, психическимъ и вообще природнымъ; всѣ люди могутъ грѣшить и затѣмъ каяться, равно всѣ могутъ пить, ѣсть, любить и защищать своихъ ближнихъ, а потому и всѣ могутъ объ этомъ вести рѣчь въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Затѣмъ и сопоставленіе нашихъ каликъ перехожихъ, бывающихъ часто богатырями, съ какимъ-то до-христіанскимъ Пилигримомъ въ восточныхъ сказкахъ, какъ кажется, тоже излишне. Образъ каликъ связанъ съ идеей и покаянія

внѣ такой связи у насъ не мыслимъ; пилигримъ же восточныхъ преданій не есть паломникъ, а какое то сказочное существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человѣка и пр.; источникъ чудодѣйственной силы такого пилигрима иной, чѣмъ источникъ такой же силы у нашихъ былинныхъ каликъ.

О русскихъ же былинахъ идетъ рѣчь и въ статьѣ г. *Вс. Миллера «кавказско-русскія параллели»* (№ 3). Здѣсь проведено нѣсколько удачныхъ параллелей между сѣверо-кавказскими эпическими сказаніями и нашимъ эпосомъ. Приведенные разсказы о нартскихъ великанахъ во многомъ оказываются чуть не тождественными съ былинными повѣствованіями о Святогорѣ и проч., и авторъ статьи, какъ кажется, съ большимъ основаніемъ утверждаетъ, что, судя по его даннымъ, «между кавказскими и русскими сказаніями о великанахъ можетъ быть намѣчено спеціальное родство». Находитъ затѣмъ авторъ у нартовъ и ихъ Илью Муромца; таковымъ оказывается Урызмагъ, принадлежавшій къ *простому* сословію, и оказывающійся «стоятелемъ за народъ и защитникомъ вдовъ и сиротъ» и пр.

Удѣлено вниманіе въ одной изъ разбираемыхъ книжекъ и русскимъ сказкамъ. Статья, трактующая объ этомъ, принадлежитъ опять *Г. Н. Потанину* и носитъ заглавіе: *Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ.* Здѣсь авторъ сближаетъ русскія сказки о злой мачихѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сходное содержаніе. Натяжекъ въ этомъ сближеніи не чувствуется. Извѣстной великорусской сказкѣ, обработанной Пушкинымъ подъ заглавіемъ «Царь Салтанъ» и существующей какъ въ Малороссіи (см. у Рудченка въ «Народ. Южнорус. сказкахъ», II, стр. 89 сказку *Богатырь зъ бочки*), такъ и въ Бѣлоруссіи (см. «Бѣлорусскій Сборникъ» Романова 1887, вып. 3), соотвѣтствуетъ рядъ сказокъ въ Монголіи; таковы сказки объ Эрдени Хараликѣ, являющемся воплощеніемъ буддійскаго бадисатвы Арья Бало, «могущество и святость котораго таковы, что произнести одинъ только разъ его имя равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ»; такова же и сказка тангутовъ объ Егъ-таму-нцо. Затѣмъ малорусской сказкѣ «Рысь-маты» (Рудченко. Вып. II, стр. 51. Чубинскій. Труды этногр.-статист. эксп. въ запад. русскій край. Т. II, №№ 138, 139, 140, 141, 142. Драгомановъ. Малорус. нар. преданія 361) и такимъ же сказкамъ великорусскимъ (Худяковъ. Великор. сказки

II, 71—75) и бѣлорусскимъ (Романовъ. Бѣлор. Сборн., в. 3, стр. 292) найдены соотвѣтственныя черты въ только что названныхъ монгольскихъ сказкахъ. Связь, указываемая авторомъ между названными сказками, въ данномъ случаѣ заключается не только въ общности темы и идеи, но въ одинаковости цѣлаго ряда подробностей, что дѣйствительно могло быть слѣдствіемъ или заимствованія, или общности происхожденія.

Существующимъ народнымъ повѣрьямъ, являющимся какъ переживанія древнихъ миѳическихъ вѣрованій и примыкающимъ къ нимъ сказкамъ удѣлено въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обозрѣнія» не мало мѣста. Наиболѣе значительными являются статьи *Н. Ѳ. Сумцова—Мышь въ народной словесности* (№ 1) и *Заяцъ въ народной словесности* (№ 3). Обѣ статьи написаны по одному плану. Всѣ данныя народной словесности о названныхъ животныхъ г. Сумцовъ объясняетъ то при помощи миѳологической теоріи, то при помощи литературной, то наконецъ при помощи такъ называемой теоріи самозарожденія. Происхожденіе индо-европейскихъ миѳическихъ воззрѣній на мышь, напр., авторъ выводитъ изъ древнѣйшихъ восточныхъ культовъ; начало литературнымъ фабуламъ о мыши, по его мнѣнію, положено въ Индіи и Египтѣ, а также въ Греціи, и оттуда уже проникли онѣ къ намъ; наконецъ по теоріи самозарожденія авторъ объясняетъ тѣ повѣрья о мыши и зайцѣ, которыя возникли подъ вліяніемъ простыхъ наблюденій надъ природой, производимыхъ народомъ и по сей день. Не всѣ доводы автора представляются несомнѣнными въ виду отрывочности данныхъ, имѣющихся по настоящимъ сюжетамъ въ этнографич. литературѣ. При чтеніи статей, кромѣ того, невольно является желаніе имѣть повѣрья сгруппированными по народностямъ, которымъ они принадлежатъ; при такомъ условіи, казалось бы, легче было прослѣдить происхожденіе повѣрій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, представилось бы больше возможности судить о степени вѣроятности объясненій многоуважаемаго автора. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, интереснымъ статьямъ его вредитъ широта плана при независящей отъ него отрывочности матеріаловъ. Малорусскія народныя повѣрья и сказки о Зайцѣ и Мыши приняты авторомъ въ разсчетъ въ ряду другихъ индо-европ. и даже монгольскихъ матеріаловъ.

О разныхъ обычаяхъ и понятіяхъ народныхъ, стоящихъ въ связи со старыми религіозными вѣрованіями и предразсудками, даетъ намъ свѣдѣнія въ 2 № «Этногр. Обозрѣнія» *Е. И. Якушкинъ* въ статьѣ

«Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія». Въ «замѣткахъ» этихъ идетъ рѣчь и о способахъ владѣнія землей, и о бракахъ вдовцовъ и вдовъ, и о кражѣ пчелъ, и о безопасности для воровъ, и, наконецъ, о мнимыхъ преступленіяхъ. Замѣтки недостаточно снабжены фактами, особенно нѣкоторыя, напр.—о способахъ владѣнія землей и о кражѣ пчелъ, но все же въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ представляютъ интересныя научныя объясненія тѣхъ или другихъ народныхъ обычаевъ. Такъ повѣріе, будто воръ можетъ безопасно совершить кражу, имѣя при себѣ руку или даже палецъ мертвеца, по мнѣнію автора, стоитъ въ связи съ религіознымъ и военнымъ людоѣдствомъ первобытныхъ эпохъ. Съѣсть врага было дѣломъ угоднымъ богамъ, да и сообщалась приэтомъ побѣдителю храбрость съѣденнаго врага. Индѣйцы Южной Америки при нападеніи на враговъ показывали имъ для устрашенія кости побѣжденныхъ, которыхъ они съѣли. Такимъ же устрашеніемъ для обкрадываемыхъ долженъ быть теперь палецъ мертвеца или свѣча изъ человѣческаго сала, чѣмъ, по повѣрію, нагоняется на нихъ крѣпкій сонъ. Необходимостію добывать ворамъ то и др. объясняетъ авторъ преступленія раскрыванія могилъ, что имѣло мѣсто, между прочимъ, иногда и въ Малороссіи; случаи такого раскрытія могилъ были въ 1876 г. въ каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ конотопскомъ и въ 1884 г. въ переяславскомъ. Извѣстны и случаи убійствъ беременныхъ женщинъ ради поглощенія сердецъ нерожденныхъ младенцевъ; подобное питаніе даетъ де разбойникамъ полное огражденіе отъ опасностей. Возможность для воровъ обращаться съ молитвами къ святымъ, къ св. Ивану Воину, по преимуществу, и къ Богу при совершеніи кражъ, г. Якушкинъ объясняетъ тѣмъ, что воровство и грабежъ въ первобытныя эпохи не считались грѣховными дѣяніями. Отмѣчая интересъ подобныхъ переживаній, г. Якушкинъ сѣтуетъ на недостатокъ въ нашей литературѣ фактическихъ свѣдѣній объ обычаяхъ, вытекающихъ изъ указанныхъ повѣрій.

Общность воззрѣній индо-европейскихъ народовъ по нѣкоторымъ философско-религіознымъ вопросамъ въ одномъ изъ разбираемыхъ номеровъ «Этнограф. Обозрѣнія» отчетливо демонстрирована въ небольшой статьѣ *г. Александра Веселовскаго—Нѣсколько данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ* (*№ 1*). Во вновь обрѣтенныхъ италіанскихъ сказкахъ съ олицетвореніемъ Доли проводится, какъ и въ сказкахъ о томъ же у сербовъ, албанцевъ и др. народовъ, идея непререкаемости судьбы, въ силу которой бездольному не въ прокъ

ни чужая помощь, ни находка, такъ что, значитъ, счастливцы и бѣдовики родятся. Но эта суровость Доли какъ будто бы иногда и смягчается: красавицамъ въ италіанскихъ сказкахъ удается умилостивить Долю дарами или молитвами къ Богородицѣ, а въ одной грузинской сказкѣ бѣдовикъ исправляетъ свою злую долю волей, трудомъ; но наиболѣе распространенное мнѣніе на счетъ улучшенія доли—это сліяніе крови. Кровь счастливаго, влитая въ кровь бездольнаго, дѣлаетъ послѣдняго счастливымъ. Того же можно достигать вкушеніемъ женскаго молока. Затѣмъ авторъ приводитъ малорусскую сказку, изъ которой видно, что счастье можно съѣсть. Это сказка—о несчастныхъ отъ роду супругахъ, жившихъ счастливо благодаря счастливой собакѣ; отецъ жены, зная причину ихъ счастья, для того, чтобы его упрочить, велѣлъ убить собаку, а когда затѣмъ внутренности собаки поклевалъ пѣтухъ, онъ велѣлъ дочери, ея мужу и сыну зарѣзать пѣтуха и съѣсть его. Военное людоѣдство, о которомъ рѣчь была выше, связано, по замѣчанію г. Веселовскаго, съ тѣмъ же представленіемъ о передачѣ доли, храбрости и пр. отъ врага побѣдителю.

Не мало интереснаго южно-русскій этнографъ найдетъ для себя и въ другихъ статьяхъ разбираемыхъ номеровъ «Этногр. Обозрѣнія»; обращаемъ вниманіе на слѣдующія работы: *Е. О. Шарко — Изъ области суевѣрій малоруссовъ черниговск. губер. (№ 1); П. И. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ (№ 2); Г. Коваленко—О народной медицинѣ въ переясл. уѣздѣ полтав. губ. (№ 2); М. Довнаръ-Запольскій—Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ.*

Найдя такое количество подчасъ совершенно новыхъ этнографическихъ данныхъ въ разбираемыхъ книгахъ «Этногр. Обозрѣнія», нельзя не признать большой научной цѣнности этого изданія, независимо отъ допускаемыхъ имъ иногда слишкомъ широкихъ обобщеній, быть можетъ не оправдываемыхъ пока точною обслѣдованностью отдѣльныхъ этнографическихъ фактовъ, а потому и рискованныхъ.

Я. Ш.

Откликъ въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. Съ эпиграфомъ: Съ міру пониткѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к. Складъ изданія въ Одессѣ, въ редакціи «Одесскаго Листка».

Мысль объ изданіи литературнаго сборника, который продавался бы въ пользу голодающихъ, раньше чѣмъ гдѣ либо, въ началѣ

осени 1891 года, возникла среди сотрудниковъ газеты. «Одесскій Листокъ. Редакторъ этой газеты принялъ всѣ расходы на свой счетъ, чтобы весь валовой доходъ поступилъ въ пользу голодающихъ. Предполагалось сперва, что редакцію Сборника пріиметъ на себя одесское общество помощи литераторамъ, но затѣмъ редакція Одесскаго Листка предпочла дѣйствовать самостоятельно, а Общество издаетъ собственный сборникъ, причемъ расходы приняли на себя редакторы иныхъ одесскихъ газетъ и владѣльцы нѣкоторыхъ одесскихъ же типографій. Сборникъ общества, затѣянный значительно позднѣе, выйдетъ въ январѣ настоящаго года, Откликъ же Одесскаго Листка очень удачно успѣлъ выйти къ праздникамъ, когда спросъ на книги бываетъ вообще довольно значителенъ.

По содержанію Откликъ итересенъ тѣмъ, что въ немъ господствующее мѣсто принадлежитъ мѣстнымъ одесскимъ литературнымъ силамъ, но, конечно, здѣсь собрались онѣ не всѣ; многіе литераторы даютъ свои статьи въ Сборникъ общества. Мѣстный характеръ Отклика сказался, пожалуй, въ томъ, что въ немъ нѣтъ какихъ либо выдающихся произведеній, но все прилично, достаточно серьезно, всѣ статьи отличаются гуманнымъ направленіемъ; словомъ, если Откликъ и не оставитъ по себѣ слѣда въ литературѣ, то прочитанъ охотникомъ до легкаго чтенія можетъ быть не безъ интереса.

Статей, не говоря уже о стихотвореніяхъ, помѣщено въ Откликѣ много (Сборникъ имѣетъ 276 страницъ убористой печати), но мы укажемъ лишь тѣ, которыя касаются южной Руси, что для читателей «Кіевской Старины» представляетъ и спеціальный интересъ. Такихъ статей пять: «Побожески» разсказъ М. Фрейденберга изъ одесской жизни, въ которомъ, впрочемъ, почти нѣтъ спеціально одесскаго колорита; «Освобожденная душа», разсказъ М. Л. Моргулина, изъ быта крестьянъ волынской губерніи, тоже не колоритный; «Было да быльемъ поросло» очень интересный разсказъ М. Зозулина изъ прошлой жизни маленькаго южно-русскаго городка, входившаго въ составъ печальныя памяти военныхъ поселеній; «Заколдованный кладъ» малороссійская легенда, изъ цикла преданій о зарытыхъ запорожцами кладахъ, пересказанная Д. Ѳедоровымъ, причемъ къ сожалѣнію не видно, гдѣ она записана; и «Заурядное дѣло» —разсказъ В. Протопопова изъ жизни новороссійскаго крестьянства, тоже не имѣющій мѣстнаго характера. Во всякомъ случаѣ разсказъ г. Зозулина и легенда, напечатанная г. Ѳедоровымъ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія со стороны южно-русскаго читателя Отклика.

Вообще же едвали не самою интересною вещью въ Откликѣ является сравнительно большая статья М. Шимановскаго: Мои профессора и мое студенчество 1863—1867 г. Авторъ и самъ довольно крупный одесскій общественный дѣятель, членъ судебной палаты бывшій преподаватель казанскаго и новороссійскаго университетовъ, поэтому разсказъ его о себѣ не лишенъ значенія; затѣмъ и время, когда онъ былъ студентомъ петербургскаго университета, очень любопытное; авторъ встрѣчалъ въ это время и такихъ лицъ, которыя имѣли и крупное историческое значеніе, и обо всемъ этомъ хотя и не художественно, но чрезвычайно точно разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не вина автора, если ему пришлось быть студентомъ какъ разъ въ то печальное для с.-петербургскаго университета время, когда его только что покинули лучшіе профессора (достаточно назвать Костомарова, Кавелина, Спасовича, а новый подходящій составъ еще не сформировался; но все же воспоминанія автора о Рѣдкинѣ, Срезневскомъ, О. Миллерѣ должны быть отмѣчены.

Къ Отклику приложенъ листъ съ многочисленными автографами лицъ, къ которымъ повидимому, редакція обращалась съ просьбою объ участіи въ Откликѣ. Автографы же составляютъ цѣлую серію писемъ о голодѣ, содержаніе которыхъ ясно уже изъ ихъ заглавія. Важнѣе всего письмо бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина, въ коемъ онъ опровергаетъ довольно распространенный слухъ, будто онъ занятъ въ настоящее время составленіемъ исторіи прошлаго царствованія. «Судите сами, пишетъ гр. Милютинъ, возможно ли писать исторію царствованія, живя уединенно въ деревенской глуши (въ Символѣ, на южномъ берегу Крыма), безъ всякихъ матеріяловъ и не имѣя возможности работать въ архивахъ?»

А. Маркевичъ.

Щербановская волость елисаветградскаго уѣзда херсонской губ. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе. Т. И. Осадчаго. Херсонъ. 1891.

Послѣ труда священника Г. И. Сорокина о м. Дмитровкѣ александрійскаго уѣзда, это—вторая, столь же почтенная работа, вызванная програмой, изданной Херсонскимъ Земскимъ Сборникомъ. Планъ ея слѣдующій. Послѣ введенія, гдѣ авторъ указываетъ историко-этнографическія черты, которыя дѣлаютъ названную волость типическою и интересною для изученія, въ первой главѣ онъ говоритъ о топо-

графіи, рѣкахъ, водоснабженіи, почвѣ и климатѣ ея; вторую посвящаетъ историческому очерку Побужья; въ третьей занимается національнымъ составомъ, бытомъ и этнографическими особенностями каждой національности въ предѣлахъ волости; въ четвертой описываетъ семейныя отношенія, обычаи, игры, удовольствія и времяпрепровожденіе; въ пятой—вѣрованія и суевѣрія; шестую главу отводитъ общественнымъ отношеніямъ, народному образованію; въ седьмой изучаетъ населеніе въ отношеніи его состава и естественнаго прироста; въ восьмой касается земледѣлія, скотоводства и другихъ занятій населенія; въ девятой—платежей и кредита, и въ десятой—бюджета крестьянскаго хозяйства и распредѣленія хозяйствъ по степени состоятельности. Монографія г. Осадчаго отличается большимъ обиліемъ разнообразныхъ фактическихъ свѣдѣній о волости, почерпнутыхъ имъ лишь въ незначительной степени изъ литературы (въ первыхъ двухъ главахъ), въ которой, однако, онъ обнаруживаетъ значительную начитанность, большею же частію изъ личныхъ наблюденій и опросовъ жителей на мѣстѣ. Щербановская волость населена малороссами и молдаванами и, кромѣ того, въ ней живутъ въ небольшомъ числѣ великоруссы, цыгане и евреи. По словамъ автора, первыя двѣ, господствующія въ численномъ отношеніи, національности находятъ въ своихъ этническихъ особенностяхъ много точекъ соприкосновенія и постепенно, но неуклонно идутъ къ сліянію, вырабатывая, такимъ образомъ, общій типъ новоросса. Взаимное тяготѣніе ихъ выражается въ легкости заключенія браковъ малороссовъ и молдаванокъ, причемъ послѣднія охотно идутъ за малороссовъ, пріобрѣтая черезъ то большую свободу сравнительно съ той зависимостью, въ которой женщина находится въ молдаванской семьѣ, что, въ свою очередь, служитъ препятствіемъ къ выходу малороссокъ за молдаванъ; любопытно, что въ такихъ семьяхъ, гдѣ жена—молдаванка, обыкновенно дѣти, а за ними и отецъ выучивается молдаванскому языку и нерѣдко совсѣмъ омолдаваниваются.

Самый свадебный обрядъ повсюду—молдаванскій; молдаванское вліяніе наблюдается и въ убранствѣ жилищъ, и въ праздникахъ, и въ играхъ. Наряду съ этимъ, сохраняются нѣкоторые коренные малороссійскіе обычаи и вѣрованія: общественные обѣды для всей громады въ храмовой праздникъ, вечерницы, веснянки, колядки, побратимство и посестріе, гаданія и пр. Вліяніе города способствуетъ наблюдаемому сліянію народностей, уравнивая ихъ въ покроѣ костюма, въ пищѣ и пр. Къ сожалѣнію, о молдаванахъ въ трудѣ г. Осадчаго

мы нашли свѣдѣній гораздо менѣе, чѣмъ о малороссахъ, и потому не могли составить себѣ понятія, насколько сильно вліяніе послѣднихъ на первыхъ, а потому не могли и убѣдиться вполнѣ, дѣйствительно ли въ данной волости дѣло идетъ къ равноправному сліянію этихъ національностей, а не къ утерѣ малороссами своихъ особенностей и къ подчиненію молдаванамъ въ бытовомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, искренно привѣтствуемъ любопытный трудъ г. Осадчаго и пожелаемъ, чтобы и другіе представители сельской интеллигенціи столь же ревностно трудились надъ изученіемъ и описаніемъ роднаго края.

В. Ястребовъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губ.—Члена Импер. Географич. Общества А. Н. Минха. СПБ. 1890 г. (2 вып. XIX т. «Записокъ Геогр. Общ.»).

Обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на книгу, заглавіе которой мы выписали, потому, что въ ней находимъ свѣдѣнія о жизни малороссовъ въ саратовской губ. Жизнь эта, сколько можно судить на основаніи сообщенныхъ г. Минхомъ данныхъ, не отличается какимъ либо особымъ складомъ въ сравненіи съ жизнью всего южнорусскаго племени. «Малороссы тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ—говоритъ авторъ—удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили много изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная плахта стала замѣняться юбкой; но говоръ и типъ не поддается еще обрусѣнію» (стр. 8). Малороссы по численности составляютъ въ саратовской губ. вторую народность: ихъ больше, чѣмъ нѣмцевъ колонистовъ. Къ сожалѣнію, не сообщены болѣе подробныя статистическія данныя. Живутъ они въ южной части губерніи (въ уѣздахъ: саратовск., аткарск., балашевскомъ, камышинскомъ и царицинскомъ). Переселяться въ саратов. губ. малороссы начали съ XVIII в. Это были или искатели новыхъ мѣстъ (изъ Украины, изъ воронежской губ.), или крѣпостные переведенцы графовъ Воронцовыхъ и другихъ (стр. 2),

Авторъ названной книги не даетъ намъ полной картины жизни населенія края. Его трудъ есть сводъ добытыхъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени матеріаловъ. Только нѣкоторыя части обработаны подробнѣе; но и во всей книгѣ мы находимъ не мало любо-

пытныхъ замѣчаній о жизни великороссовъ, малороссовъ, нѣмцевъ, мордвы въ саратовской губ. Мы укажемъ на болѣе важныя замѣчанія о малороссахъ. Они, по словамъ г. Минха, «народъ красивый, и между дѣвушками встрѣчаются очень хорошенькія съ бойкими черными и карими глазами... Разсматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы непремѣнно видимъ, что эти двѣ народности не сближаются, а живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльныя хозяйства, снимаютъ врозь участки земли, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко». (стр. 8). Малороссы отличаются и своими «опрятными хатами», въ которыхъ никогда нѣтъ черной топки, и кушаньями; наконецъ, они сохранили въ чистотѣ и многіе родные обычаи. Конечно, вѣра въ лѣшихъ, русалокъ, чаровниковъ и т. д. обща у нихъ съ великоруссами. У г. Минха переданы нѣкоторые разсказы малороссовъ о чаровникахъ, русалкахъ (стр. 18—22), вѣдьмахъ (27). Описаніе обычаевъ рождественскихъ вполнѣ напоминаетъ общеизвѣстное провожденіе этого времени у малороссовъ. Г. Минхъ записалъ нѣсколько мѣстныхъ колядокъ и щедривокъ (94—99). Изъ другихъ обычаевъ находимъ свѣдѣнія о пасхальныхъ (101), о купальскихъ пѣсняхъ (105), вечерницахъ (110), свадьбѣ (120—124). Упоминается, между прочимъ, пьяная пирушка женщинъ, имѣющая мѣсто на Ѳоминой недѣлѣ у крестьянъ сл. Покровской (самарской губ., противъ Саратова, основан. въ 1763 г.), сопровождаемая процессіей, извѣстной подъ именемъ «ловли Хомы» (стр. 102).

Авторъ, повидимому, склоненъ въ нравственномъ отношеніи поставить выше великороссовъ. Малороссы, говоритъ онъ, не такъ цѣнятъ цѣломудріе дѣвушки, какъ русскіе: не только не зазорно, но изстари ведется обычаемъ «жениханіе дѣвушекъ съ парубками» (стр. 120). Но самъ авторъ сообщаетъ о жениханіи слѣдующее: «Бываетъ, конечно, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившіе нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіанки утверждаютъ, что дѣвушки, женихаясь съ парубками, дозволяютъ лишь цѣловаться; до грѣха же допускаютъ очень рѣдкія. Тоже самое я слышалъ въ другихъ мѣстахъ» (стр. 110).

Въ общемъ малороссы очень мало заимствовали отъ великоруссовъ. Измѣненію иногда подверглась одежда, вообще теряющая національный оттѣнокъ и въ другихъ мѣстахъ Ю. Россіи; да въ свадебномъ обрядѣ прибавился грубый обычай осмотра рубашки и подача вина въ дырявой чашкѣ (стр. 124).

Мы прочитали книгу г. Минха съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ. Жаль только, что свѣдѣнія, собранныя имъ, кратки и не исчерпываютъ быта населенія вполнѣ. **Арх. Л—нко.**

В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. С.-Петербургъ 1891.

Незачѣмъ, думаемъ, пояснять, какое важное значеніе вообще, а для историка литературы въ особенности, имѣетъ раскрытіе псевдонимовъ. Понятны, съ другой стороны, и трудности, встрѣчающіяся при работахъ такого рода: только большое знакомство съ разными изданіями, аналогіи и остроумныя соображенія позволяютъ опытному библіографу достигнуть, повидимому, весьма умѣренныхъ результатовъ: опредѣленія имени автора, не подписавшаго полностію или измѣнившаго свою фамилію. Таковы, напр., въ нашей литературѣ работы В. И. Саитова, Л. Н. Майкова. Но скромная цѣль, поставленная и достигнутая такимъ изысканіемъ, даетъ потомъ историку литературы возможность говорить болѣе полно и увѣренно о произведеніяхъ того или другаго писателя, въ силу какихъ либо обстоятельствъ скрывшаго свое имя. Вотъ почему въ з. Европѣ мы можемъ насчитать нѣсколько капитальныхъ работъ по раскрытію псевдонимовъ (см. «Энцик. Словарь» подъ редакц. проф. И. Е. Андреевскаго III, 779—780). У насъ также были попытки подобнаго рода, напр.—гг. Пономарева, Быкова, Геннади. «Опытъ» гг. Карцова и Мазаева превосходитъ всѣ прочія: у нихъ собрано до 4000 указаній.

Въ нашей краткой замѣткѣ, назначенной для журнала, посвященнаго преимущественно прошлому юга Россіи, мы не можемъ поставить себѣ цѣлью дать значительныя дополненія къ «Опыту». Этого нужно ожидатьотъ спеціальныхъ библіографическихъ изданій. Мы поэтому ограничимся замѣчаніями о планѣ изданія и о задачахъ его, какъ мы ихъ понимаемъ. Намъ кажется, что «Словарь псевдонимовъ» преимущественно долженъ преслѣдовать цѣли научныя, т. е. быть не только справочной книжкой. Между тѣмъ, если бы вы пожелали при помощи «Опыта» сразу отвѣтить на вопросъ, подъ какими псевдонимами писалъ, напр., г. Мордовцевъ, то сдѣлать этого вы не могли бы, такъ какъ нужно просмотрѣть всю книгу. Необходимо поэтому, думаемъ, кромѣ алфавита псевдонимовъ приложить алфавитъ авторовъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать и на анонимныя сочиненія того или другаго писателя.

«Библіографъ—не критикъ,—говорятъ гг. Карцовъ и Мазаевъ, и потому здѣсь помѣщены псевдонимы писателей, быть можетъ, слишкомъ

мелкихъ; разъ есть возможность сохранить ихъ настоящую фамилію, почему бы этого не сдѣлать?» Замѣчаніе это справедливо только отчасти, но не вполнѣ. Едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе раскрытіе псевдонимовъ разныхъ Арлекиновъ, Базилей Лелечкиныхъ и весьма многихъ другихъ сотрудниковъ разныхъ сатирическихъ и юмористическихъ изданій, внесенныхъ однако въ разсматриваемый словарь.—Необходимо, по нашему мнѣнію, также указывать на источники, откуда взяты составителями тѣ или другія свѣдѣнія. Относительно псевдонимовъ писателей прошлаго вѣка источники, конечно, ясны, и едва ли въ «Опытѣ» есть дополненія сравнительно съ прежними работами. Что касается раскрытія псевдонимовъ писателей новѣйшихъ, то тутъ помогли, конечно, указатели къ журналамъ (напр. къ «Историч. Вѣстнику», «Вѣстнику Европы), иногда догадки, напр., о псевдонимахъ сотрудниковъ нашего журнала. Но все-таки желательно при каждомъ отдѣльномъ случаѣ указаніе источника.

Въ заключеніе нѣсколько дополненій, сознаемся—дополненій случайныхъ. Не указаны псевдонимы (8) перваго редактора «Кіев. Стар.» Ѳ. Г. Лебединцева (о нихъ см. «Кіев. Стар.» 1888 № 5). *Волынецъ* (г. Липранди) участвуетъ также въ «Москов. Вѣдом.», «Волыни» и «Новомъ времени». Подъ псевдонимомъ *Ребровскій Н.* гр. А. Д. Блудова писала и въ «Волын. Епарх. Вѣдомост.». Не указаны 1) *С. Д.*—Дудышкинъ въ «Отеч. Зап.» 60-хъ годовъ. 2) *Н. О.*—Осиповъ, авторъ «Виргиліевой Энеиды, вывороченной на изнанку» 3) *Ходаковскій*—Адамъ Чарноцкій. См. Пыпинъ «Истор. рус. этногр.» III 4) *Слипченко Мордовець*—*Мордовцевъ* «За крашанку писанка» Спб. 1882. 5) *В.*—Л. Боровиковскій. См. Дашкевичъ въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова» 264 стр. 6) *М. М-исъ*—Моргулисъ въ «Волын. Губ. Вѣдомост.» 1865 г. (раскрыто г. Братчиковымъ) 7) *В. О.*—Омелянскій. Ibid. 70-ые годы (раскр. г. Братчиковымъ).—Невсегда выдержаны принципы при расположеніи; напр.—псевдонимъ Митро Олельковичъ нужно бы поставить подъ Олельковичъ, а не Митро. **Арк. Л—ило.**

Пересылка заказной бандеролью и наложеннымъ платежемъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: въ редакціи (Левашевская, 14, И. В. Лучицкому) и въ книжныхъ магазинахъ Н. Оглоблина, И. А. Розова, Б. Корейво, Ф. А. Іогансона и др.

Объявленія для помѣщенія въ сборникѣ принимаются въ редакціи; плата 30 руб за страницу, за полъ страницы 15 руб., за четверть страницы 8 руб.

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію „Кіевской Старины“.

„Этнографическое Обозрѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая).

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к. съ перес. 5 р. заграницу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). Адресъ редакціи: Москва, Политехническій Музей.

Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи рекомендованы для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній.

Дозволено ценз. Кіевъ, 27-го января 1892 г.

26. Єротъ, полковникъ Ямбурского полку, рушилъ зъ Ромна рано. Сторожъ лубенскій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніями двома: въ канцеллярію, о великой компанѣйцамъ дачѣ, тоесть по копѣ грошей на зимніе мѣсяци на коня, и о присилкѣ реестровъ нового полку лубенского ревизѣи, а съ третимъ въ колегію, что необискался закупщикъ циганского атаманства, писанними; да зъ писмомъ до Василя и срѣбра полтори цѣвки и шовку чорного 3 лоти, на зробленне потребъ до кунтиша. Сторожъ чорнускій посланъ въ Лохвицю, до Григорія Остапенка зъ листомъ и 100 зол., жеби оніе Рубашному далъ, ежели доводятся. Черезъ его жъ до Ороневского писалемъ о розниxъ домовихъ рѣчахъ и грошей, на покупку лѣса до футора, послалемъ 100 зол. Да черезъ его жъ писалемъ до сотника лубенского о приуготовленіи его въ Гилянъ, а до чигириндубровского о присилкѣ писемъ родителскихъ. Маляреви тутейшому, бывшого покровского попа, далемъ книжку символя для перерисовання нѣкоторыхъ лицъ и гусли маліовать. Прапорщикъ Волжинъ, бувши у мене, предлагалъ скаргу на сотника наказного здешнего, что онъ ему подводъ и козаковъ не отдаетъ. Сотникъ здешній зъ войтомъ перемовлялись передъ мною. 5 рублей далемъ своихъ Якову Дубровѣ, въ доплатку позиченнихъ имъ же грошей зол. 100, Рубашному отложеннихъ.

27. Блядки въ Несторовичевомъ шинку будучіе, осажени, скарани и пущени. Зарудній старій отехалъ въ Глинскъ, которому кафанъ старій отласовій далемъ зелен. Писалемъ до Орановского и Звѣраки о розниxъ інтерессахъ домовихъ. Отъ лубенской старшини получилемъ вѣденіе о маетностяхъ державскихъ и о томъ отвѣтъ, что въ зборщики до магазейну нѣкого тамъ вибрать. Ярошенко, повернувшійся зъ Криму, сказалъ, что Адамъ продалъ масло по 7 окъ, а тютюнъ по 17 за лева[1]). Волжинъ прапорщикъ писмо прислалъ ко мнѣ о противности здешней старшини, будто показуючойся. Получилъ отъ Шишкевича вѣдомость о походѣ. Уже килка денъ, якъ дочь моя Настуся захоровала на куръ. У вечеру Стол-

[1]) Левъ—турецкая монета.

повскій бувъ и читали житіе Ксаверія по полску. Купилемъ у сотника тутейшого меду прѣсного неповную кухву, а въ оной вѣдерокъ 10 и квартъ 10. Зъ другой кухви, другого меду показалось полъ куфи, а того доклавши, учинили повную кухву и забили, якая заважила 26 каменей сороковихъ.

28. Презентъ, посиланний въ колегію за баранами, повернулся безъ отвѣту, якого не дано. Отъ Троцкого канцеляристи получисти получилемъ вѣдомость о повторно засланномъ зъ правителствующого сенату указѣ, на имя старшини енералной написанномъ, чтобъ зъ бунчуковими вислать 2000 козаковъ въ Гилянъ, въ пріидучомъ мартѣ мѣсяцѣ. Отъ Василя, господаря, получилъ писмо, въ якомъ пишетъ, что Степану Солодовнику далъ грошей 30 зол., а онъ въ годъ по 5 р. 4 рази давать мѣетъ, и что грошей 50 рублей отъ его презента принялъ. Зъ Глухова, отъ правителей, о Грому и Гавриленку 2 писмѣ получилемъ, жеби ихъ росправить. Панѣ Іванова, бившая сотникова луб., пріехала. Козакъ отъ Івана Новѣцкого привезлъ сказку, почому они владѣютъ своими селами.

29. Неделя. Послѣ службѣ Божой, були здешніе всѣ въ насъ и войтъ сина своего представилъ. У вечеру отецъ Савѣцкій зъ п. Столповскимъ бували, просилъ къ себѣ на завтрее. Пилипу Римареви далъ Тарасъ зол. 2. Алексѣйцеви казалемъ, отобравши за сѣно, взять зъ онихъ себѣ зал. 10.

30. П. Булюбашъ, сотникъ чигириндубровскій, пріехалъ въ Роменъ и подалъ писма отъ родителя и брата п. Семена, зъ которихъ въ послѣднѣйшомъ пишется, что Гаврило зъ 4 барилами горѣлки пріѣхалъ въ Сулакъ. П. Якимъ Кулябка пріѣхалъ же и просилъ инстанцѣй за собою писменнихъ въ Лубнѣ до тамошнихъ ктиторанъ. Указъ данъ старшинѣ роменской по доношеніи отца Савѣцкого, чтобъ безчинія, такъ въ городѣ, яко и по селахъ, заборонени били.

Декабр. 1. Романа за пянство, а Войтенка за побѣгъ и разбои по шинкахъ, наказалъ. Обѣдали у насъ Булюбашъ и Якимъ Кулябка. Григорій Манжосъ пріехалъ и привезлъ росписки отъ бунчуковихъ, что они готови въ походъ до Гиляни, опрочъ нѣкоторихъ. Зъ Глинска привезенъ реестръ козаковъ до Гиляни опре-

дѣленнихъ и деньги за бѣглого дракгуна 22 рублѣ зълишнимъ. Зъ вой. енер. канцел. принесени два укази: 1, о присилкѣ новихъ зборщиковъ, въ Глуховъ, до коллегіи, а другій—о переписѣ всѣхъ въ полку козаковъ отъ болшого до меншого и бунчуковихъ, хто, где и когда въ походахъ бувалъ. Третій указъ зъ колегіи о подрадѣ вина простого на питейніе двори въ С. П. Бурху.

2. Козакъ сотнѣ глинской присланній зъ грошми за бѣглого дракгуна зъ села Гудимъ, посланъ при листѣ моемъ до правителей въ Глуховъ, а оттоль въ Ахтирку. Укази: 1, о перемѣнѣ зборщиковъ, 2, о подрадѣ роговъ килкохъ тисячъ, 3, о подрадѣ вина простого на питейніе двори Сп.-бурскіе подписани и дани писаревѣ пѣратинскому, для розсилки въ сотнѣ. Булюбашъ, сотникъ чигиринъ-дубровскій, отехалъ по службѣ. Писма отъ братовъ зъ Кіева получилемъ. Млинокъ одинъ робыти, а два направляти далемъ. Дочерѣ моей Настусѣ захоровавшой уже тому дней зъ десятокъ на горло, cataplasma прикладана: гнѣздо ластовинее, корень фіялковій и калъ собачій варили въ молоцѣ и тимъ горло обкладали, зъ совѣту Полторацкого. Медвежую шкуру стрѣлецъ смѣловскій привезлъ.

3. Листи и купчіе въ скринцѣ своей пересмотрѣлемъ. Послалемъ листи до п. Федора о присланню ко мнѣ контерфекту (портрета) панского, а до п. судіиной зъ визнанемъ моей зичливости отвѣтъ. Якимъ Кулябка отехалъ зъ Ромна. Прадка, бившій зборщикъ, приходилъ за подорожною себѣ въ Литву намѣрившому ити. Ездилемъ до Ярошенка вина кримского глядѣти, якого бутку за 200, а буту болшую за 400 зол. продавалъ. Тогда жъ и въ своемъ шинку билъ, где всякій билъ напитокъ. Дочерь моя Анастасія, въ 1722 году родившаяся, преставилася 5 години зъ четвертю по полудни, зъ хороби, якую зовутъ медики angina, которая посля кору показавшогося на тѣлѣ и якъби доспѣвшого и злущившогося по обоихъ сторонахъ горла, показалась; болѣла днів 12.

4. Павлу ключнику на розніе обрадки, до погребу оной дочери, моей далемъ 40 зол. Ілку Важниченку на покупку табаку далемъ 50 зол. Тишко сторожъ, повернувшись, далъ карту отъ Орановского о принятихъ 20 зол., а отъ Григорія Остапенка писмо

о данихъ Рубашному тожъ 100 зол. зъ роспискою отъ его данною, подъ кондиціею написанною. Сотникъ лубенскій отвѣтствуетъ, же за слабостію здоровя въ походъ ити не можетъ. Вчора преставлшойся дочерѣ моей, сегодня погребеніе чинилисмо, которая погребена въ церквѣ Успенія пресвятой Богородици на правомъ боку, передъ формами, межи Петромъ братомъ и Іоанномъ синомъ (которій 1722 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, преставился) моими, положенна. Григорашъ розискъ о спаленню дому сотницкого въ Городищу справивши, прислалъ, по якомъ на Саganку явного нѣтъ доводу.

5 Іванъ Перехристъ, повернувшися зъ Криму, сказалъ объ уже также виехавшомъ и оставленномъ отъ его Адамовѣ около Таванѣ, которій масло попродалъ по 6 окъ, тютюнъ по 14, 17 и 20 окъ за лева, и везетъ мусулесу да простого вина по кухвѣ, сафяну бунтувъ 30, да заполочи 10 окъ; а онъ Іванъ продававъ футра простіе заячіе. лапковіе, по 6 зол., а хребтовіе по 12, также кошечіе лапковіе по 12, сѣбирковіе брушковіе по 22 зол. Укази о переписѣ старшини и всѣхъ радовихъ зъ описаннемъ службы ихъ, хто въ якихъ и когда бивалъ походахъ, послани. Другіе указы, о томъ, чтобъ старшина зборщикамъ денги за медъ давали. До чорнуской старшини указъ посланъ о присланню Леонтія Янковского въ надзирателѣ надъ магазейномъ, а до Жуковского Якова послани укази и листъ, чтобъ онъ поехавши въ Лубнѣ, оттуду двохъ целовалниковъ къ магазейну вибравши, сюда прислалъ, а зъ Лукомля Лаврѣна Кодинченка въ щетчики вибравши, прислалъ же. Указъ зъ канцеляріи енер. присланъ, чтобъ дать въ оную вѣдать почому четверть муки всякой и крупъ продается, также и пудъ сѣна. А зъ колегіи о взяттю штрафа зъ сотниковъ за невисланнихъ козаковъ прошлого году въ походъ, за всякого козака по 3 руб., а всѣхъ невисланнихъ зъ полковъ показалось 178 козаковъ, а въ лубенскомъ зъ городиского сотника взять за двохъ, 6 р. Кодинецъ, сотникъ лукомскій, пріѣхавъ въ Роменъ и обѣдалъ у насъ и зъ нимъ челобитчики на Кузму, асаулу арматного, лукомцѣ.

6. Неделя. Сторожъ лубенскій, повернувшися зъ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ правителей: два указа, 1) о непре-

мѣнномъ вистатченню плати на компанѣйцовъ по прежнему, 2) о нарадѣ козаковъ въ Гилянъ и о допросѣ Самойловича и Худолѣя зъ товарищи—суть ли въ ихъ гетманскіе унѣверсали или они значковіе?—Лаврѣну Кодинцеви дано доношеніе въ канцеллярію быть ему щетчикомъ. Іванъ принюсъ, Перехристъ, шербету вишневого, якого глечикъ мнѣ дано. Писмо п. Нестеровича до п. Нестеровичевой писаное, читали, въ якомъ дата положена октовр. 9. и что надѣются родителя въ Астраханъ къ запустамъ филиповимъ. Орановскій пишетъ, что купили лѣса до винницѣ въ Сухоносовцѣ, на зрубъ, за 10 копъ. Звѣрака, писаръ чорнускій, писалъ о млинкахъ въ селѣ будучихъ, о церковномъ, также здавна оній бувъ Яковця Захарченка, а потимъ достался отцу Якиму, попови тамошнему, а попъ въ заставу отдалъ Івану Колотенку, 1717 року, за 160 зол., а отъ его въ замѣну нижше собою занятого млинка отданъ до церкви. Нелидовъ, у вечеру бувши у мене, обявилъ указъ зъ колегіи присланній къ нему о слѣдованіи козаковъ и посполитихъ, которіе бы чиншъ платили на чинъ полковничій. Черезъ Джикгиля въ Глуховъ отправили доношеніе о Петру лукомскомъ и лубенскомъ женоубійцѣ.

7. П. Василь глинскій пріехалъ и по обѣдѣ отехалъ. Казановъ два зроблено и 6 трубъ новихъ; одинъ казанъ безъ полфунта, а другій безъ полъ 3 фунта; въ трохъ трубахъ полъ 8 фунта, а въ другихъ трохъ 10 фунтовъ, итого всей мѣди въ 2 казанахъ а въ 6 трубахъ, 94 фунта и пол. До Орановского писалемъ о многихъ господарскихъ рѣчахъ. Вина кухву Андрѣй зборщикъ виторговалъ, намъ зъ родителкою, за 30 р. Атаманъ городовій роменскій, бувши у мене, сказалъ, что будто я виноватъ ему 150 зол., якіе давалъ Хведчунови и Якову Дубровѣ. Отецъ Савѣцкій просидѣлъ вчора зо мною у вечеру и розговаровали.

8. Степана Уманца, присланного зъ вой. енер. канцелляріи за спискомъ козаковъ зъ полку 375 и росписками бунчуковихъ о приуготовленіи въ Гилянъ, отправилемъ зо всѣмъ тимъ и зъ доношеніемъ моимъ въ Глуховъ. Вина кухву, зборщикомъ сторгованную, зъ родителкою передѣлили и всего вина коновъ болшихъ 7, въ которихъ

окъ по 29, а меншихъ 2, итого всѣхъ окъ—. Зъ Глинска привезено казановъ 2 и 6 трубъ, въ одномъ важитъ 40 фунтовъ, а въ другомъ 35 и полъ фунта, въ 6 трубахъ 17 фунт. До Шереметева писмо отвѣтное послалемъ и до комисаровъ. Прапорщикъ Волжинъ писалъ ко мнѣ о указѣ, къ ему присланномъ, розискать утѣкачовъ, зъ походу отъ Милорадовича утекшихъ, полку лубенского. Дѣвокъ наказовано за заліоти и Романа чуть не споткало тоежъ. У вечеру били у мене всѣ и атаманъ калиновскій привозилъ карла сина своего. У лазнѣ мился. Романа раховали сотникъ наказній Савуско и писаръ пѣратинскій и по ихъ рахубѣ показалось данного всякого напитку шинкамъ роменскому за Михайла шинкара за 74 зол., а за Дениса за 1026 зол., и шаг. 5. лохвиц. Семену за 46 зол., и 5 копѣекъ, Василеви за 334 зол., лубенскому Пилипови за 283 зол., Артемови за 819 зол., итого summ. 2582 зол., и пол. 8 шаг. Казанъ зъ 3 трубами послани въ Сухоносовку.

9. Указъ послалемъ въ сотнѣ о присланню вѣдомости почому пашня и сѣно въ сотняхъ продается. Микола трембачъ зъ указомъ колежскимъ и зъ инструкцѣею посланъ доправить у городиского сотника 6 р. за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Именини родителки отправлялисмо зъ шумомъ пянственнимъ.

10. Юско, молодикъ брата п. Андрѣя, посиланній въ Астраханъ, повернулся вчорайшого дня, а сего явился у мене и сказовалъ, что тамъ сперва горѣлку Демянъ продавалъ: гор. вѣд. по 6 и по 5 коп. и что тютюну моего, якого было болшъ 30 каменей, продали камень по полъ 7 зол., а барилъ 4 гор. Гаврило въ Сулакъ возилъ и тютюну бочку, якого тамъ не спродавши, назадъ привезлъ. Полторацкій реестръ медикаментовъ въ моей аптецѣ содержуемихъ, составилъ, якъ и нащо онихъ уживати, и оному за то червонца далемъ. Панѣ сотникова глинская сливянику обѣщала прислать. Алексѣецъ вчора заболѣвши и теперъ лежитъ. До Сенчи писано о присланню сюда писара тамошнего, якій мѣетъ въ Глуховъ ѣхать и переписивать компутъ полку лубенского. Указъ канцеляріи енер. зъ інструкцѣею моею черезъ Козенка посланъ до Худолѣя,

Самойловичовъ и Константія Лисевича допросить—ихъ до бунчука ли или до знаку полкового належатъ. Вино пересипали зъ кухви въ бочку и барило; въ бочцѣ вѣдерокъ роменской мѣри—10 безъ 4 квартъ, въ барилѣ—3 вѣдерки, въ барилцѣ—5 квартъ. Гайдаеви, ходившему до Царичина зъ Гавриломъ, четвертому, заплатилемъ 7 зол. Всего вина 263 кварти. Глинскіе гостѣ розехались, инніи рано, а инніе у вечеру. Полторацкій залѣцалъ книгу медическую Paol Sarbeidi anglicani.

11. За 4 кухви меду прѣсного зборного черезъ Алексѣйця, а за пятую черезъ Мартина, заплатилемъ 424 зол., и 4 шаги, зачисляючи сѣннія, а вѣдерокъ въ нихъ 53 и една кварта. За вино, взятое у Ярошенка, заплатилемъ черезъ Павла ключника, Андрѣеви зборщикови зол. 75. Черезъ его жъ далемъ Якови еще на покупку табаку и тютюну зол. 50. Асаулъ арматній Кузьма бувъ рано, черезъ которого послани писма до атамана лубенского и чигириндубр. и Григорія Котляренка о розиску на жалобу лукомцовъ, скаржачихся на его, асаула. А другое писмо до его жъ атамана лубенского съ товарищи, якъ окончити заводъ Ламехи и Горба. Рѣпчанского шинкара моего, бившого роменского, батко продалъ господареви дворовому лѣсъ за 17 копъ, якій въ 50 зол., за мой долгъ заарештованъ. Днѣстрови (?) рано кравцови 2 копи сцѣлнихъ далемъ (?). Золотаръ приносилъ бляхи мосіенжніе подѣланніе до шоръ моихъ, въ якихъ ваги фунт. 2 и 5 лот., а передомъ виробилъ до тихъ же шоръ въ пряжкакъ полъ 5 фунт., а еще около 2 фунт. осталось, бо взялъ всей мосіенджи фунт. 9. Меду теперъ моего на лице есть куховъ 2 и полдѣжки прѣсного. Въ Сухоносовку послали вовни рунъ 100 на тамошніе росходи, а осталось на Засуллю всей вовни 264 рунъ. Зъ тихъ куховъ една заважила 26, а другая 27 каменей 5 фунтовъ, а каменей сороковихъ.

12. Янковскій чорнускій пріехалъ зъ доношеніемъ поручнимъ, даннимъ въ вой. канцелляр., у надсмотрщики надъ магазейномъ. Алексѣецъ принюсъ ко мнѣ квѣтацію отъ старшими тутейшой о заплаченню меду 330 зол., за подписомъ руки атаманской. Порутчикъ и прапорщикъ полку Троецкого пріехали передомъ полку, ко-

торій марширует зъ слободъ въ полкъ Чернѣговскій. Микола трембачъ повернулся отъ сотника городиского зъ 6 рублями штрафними за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Занковскій зъ Чигириндуброви пріехалъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ зъ Коржовъ и явился ко мнѣ, которого за его зухвалство словесно упоминалемъ. Писаръ пѣратинскій Петрановскій поехалъ въ Пѣратинъ, отпущеній зъ поворотомъ сюда между святами, а всѣ дѣла зъ росписскою отдалъ Петру Верещацѣ. Алексѣецъ посланъ въ Кривую Руду, которому въ 14 пунктахъ наказъ данъ. Зъ Тарандинецъ козаки жаловались на атамана своего, которого розискать писалемъ до Звѣраки, въ Чорнухи. Петро Верещака и Петро Чернѣцкій раховали Дениса шинкара моего роменского и по порахунку показалось доводячихся денегъ: за гор. 4 кухви 350 зол., за медъ 580 зол., и 5 шаг., за пиво 248 зол., итого всѣхъ 1178 зол., и 5 шаг. Романъ взялъ зол. 314 зол. и шаг. 2, въ розніе руки отдалъ, 474 зол. безъ шага, итого въ отдачѣ 792 зол. и шагъ а доводятся еще отъ Дениса намъ грошей 386 зол. и шаг. 4 за весь напитокъ. Алексѣйцеви, посланному въ Кривую Руду, данъ облѣкгъ Петра Свѣтового зятя, жеби доправилъ на немъ по тому облѣкгу 120 зол. Ему жъ данъ и рецептъ взять въ аптецѣ пѣлулъ, у Лубняхъ.

13. Неделя. Тарасъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ зъ сторожемъ чорнускимъ Тишкомъ. Через сторожа чорнуского послани 2 доношеній въ колегію; одно, о поправленномъ магазейну у Веремѣевцѣ, миргородскимъ полкомъ построенномъ, сотникомъ багацкимъ, о чомъ Іосифъ Шимко мене репортовалъ; другое, о доправленнихъ 6 рубляхъ на сотнику городиском, за невисилку двохъ козаковъ въ походъ низовій и тіе денги через его жъ послани въ коллегію. А через Тараса писма: 1, до ясневельможной, взглядомъ Гилянского походу, 2, до сотника глух. Мануйловича о томъ же, 3, до швакгра, о томъ же, 4, до Кондзеровского о томъ же, 5, до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Да ему жъ Тарасу дана інструкцѣя въ 33 пунктахъ, о розних домашнихъ дѣлѣхъ. Романъ донеслъ мнѣ у вечеру, что вимѣрали кухву, данную шин-

кареви здешнему Денисови на вишинкъ зъ горѣлкою, въ якой показалось вѣдерокъ тутейшихъ 22, а квартъ 460, кварта по 4 шаги, итого грошей 184 зол. а десятину отложивши, приходитъ намъ 165 зол. и 6 шаг. Пилипъ римаръ принюсъ четверню шоръ новихъ зробленную. Обѣдали у насъ протопопъ отецъ Іоанъ Столповскій и Занковскій. Сожителница моя, еще захоровавшая позавчорайшго дня на колку и боль у боку правомъ, исцѣлѣлася пропкомъ краснимъ називаючимся specificum cephalicum (?), взявши въ чаю. Зъ Лохвицѣ писмо отъ старшини и сказки отъ державцовъ, почому хто владѣетъ селами, подани. Яковъ Жуковскій, посиланній въ Лубнѣ и Лукомле за целовалниками до магазейну и за щетчикомъ въ колегію, повернулся управившись. Отъ брата п. Андрѣя слуга его Руднѣцкій и посиланній Матвѣй повернулись. Сторожъ лохвицкій, бившій въ Астраханѣ при Гамалѣи, повернулся, отъ которого получилемъ писмо Демяна до Кирила Житнянского писанное, о стіонжцѣ, московкою ему заставленной.

14. Въ колегію Янковского и двохъ цѣловалниковъ до магазейну лубенской сотнѣ послалемъ, зъ доношеніемъ въ канцелларію, въ Глуховъ. П. Сотникова глинская прислала мнѣ барило сливяннику. Городниченко Юско, пріехавшій зъ Астрахани, говорилъ о тютюну проданномъ тамже моемъ, братовомъ и Юска, а доводится моего на 40 каменей, бо братового було 40 безъ одного, Юскового—20, а всего було 100, такъ решта 41 камень. Отцу Савѣцкому протопопѣ позичилемъ книги латинской Василія вел. Зъ Глинска отъ тамошнего сотника получилъ писмо, въ которомъ о зловленномъ хоминскомъ ковалю, о которого воровствѣ отписалемъ розискать. До Григорія Остапенка, въ Лохвицю, писалемъ, строфуючи его, что неналежне 100 зол. далъ Рубашному, а до тамошней старшини упоминаючи, что безъ подпису имонъ своихъ листъ прислали. Вѣденія о селахъ державскихъ,—хто почому держитъ, зъ Лохвицѣ присланніе для сохраненія, далемъ Верещацѣ. Пересмотровалемъ писемъ и обискались до записки потребніе именно: доношеніе Івана Остапенка роменского, въ якомъ доноситъ, что вѣдерку меду патоки заважило 76 фунт., а свѣжого меду вѣдерко 74 фунт.

Посилитель Дубовки, близъ Царицина, зовется Яковъ Івановичъ Жидковъ. Суплѣка Григорія Андрѣевича, попа чеплѣевского, въ якой виражаетъ, что за футоръ Тулиголовскій Бутурлиновскій приговорено ему дати 1000 зол., а будто недодано 200 зол. Копія суплѣки попа тулиголовского за футоръ Тулиголовскій, будто купчую его, данную ему отъ Михайла, родитель взялъ у его, а при томъ билъ Рихловского монастира іеромонахъ Силвестръ. Реестръ компанѣйцовъ въ сотняхъ полку лубенского мисячное взимаючихъ, въ якомъ оказалось онихъ: въ сотнѣ смѣлянской 16, ромен. 41, лохвиц. 23, сенецкой 15, а въ Сулаку будучихъ въ чорнуской 30, пѣрат. 36, лубенск. 49, лукомской 14, чигир. 25, итого тутъ будучихъ 95, а терковскихъ 154. Опрочъ сотнѣ глинской, въ которой на трембачовъ вибирается 14 паіокъ.

15. Родителка рано, передъ службою, отехала зъ Ромна въ Андрѣевку. Романъ молодикъ въ Лохвицю и Лубнѣ отехалъ, до шинковъ. Гусли обмаліованніе принесла жонка молярова. Исти шарую рибу самъ готовалемъ. Отецъ Савѣцкій поумедлѣлъ зде, у насъ. Зъ Чигиридуброви, отъ тамошнего сотника, пріѣхалъ сторожъ зъ писмомъ, въ якомъ ускаржается на комисаровъ полковихъ, нехотячихъ облегченя учинить оной сотнѣ въ сустентацѣи дракгунской. Отъ глинского сотника листъ поданъ о Горуновичу, ухиляючомся отъ зборщицтва и поехавшомъ въ Лохвицю, а оттуду въ Кіевъ на попи. П. Василь Дяченко зъ старшиною тутейшою бывши зде, сказали, что приговорили, жеби Андрѣй зборщикъ за грунтъ рѣпчанского чловѣка (которого синъ прошинковался у мене) заплатилъ мнѣ 50 зол., а особливе часть тихъ грошей, якїе далъ билъ господаръ Андрѣй за вирубъ лѣска тому жъ чловѣкови, якій онъ бувъ продалъ, хочай мнѣ и въ арештъ былъ отданъ.

16. До Глинского отписали о Горуновичу, жеби писалъ до отца протопопи лохвицкого, ижъ бы онъ не удержовалъ его у себе. Онъ же отписалъ о ковалю хоминскомъ, же учинится інквизиція и что казанъ мой здѣланъ будетъ на прійдучую пятницю. Отецъ Павелъ бубновскій бувъ и городничій хмѣловскій, ускаржаючись на мужиковъ противнихъ, у козацтво потиснувшихся. Василецъ

Нижникъ скаржился на Комаровского за побитте его. Бутурлимъ бувъ и отойшолъ у вечеру. Составилемъ табулу господарскую на аркушѣ многихъ рѣчій. Інтерлѣкгатору далемъ 10 листковъ злота (за якое Сеглаю заплатилемъ зол. 1) для оправи тестаменту; ему жъ казалемъ оправить на пріийдучій годъ протоколъ [1]). Лютенъ двѣ и третую бандуру далемъ маляреви помаліовать.

17. Проносное лѣкарство принималемъ pulv. purg. uj. Sedes било 11. Писмо отъ полуполковника полку Сѣбирского Арапова получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что ротѣ его четвертой стоять въ полку лубенскомъ, и жеби на половинное число декабря присилать провіянтъ и фуражъ въ Городище полку миргород. зъ полку лубенского на оную роту. Также отъ комисаровъ полковихъ полученъ листъ о томъ, что ротѣ Сибирского полку опредѣлили кватеру въ лубенской сотнѣ и чтобъ ищислить двори въ сотняхъ глинской, роменской и смѣловской, а въ прочіихъ они сами мѣютъ ищислить. Джикгилъ, сторожъ сенецкій, повернулся зъ Глухова зъ писмами ясневел., швакгровъ обоихъ, въ которихъ сожалѣніе о преставлшойся дочерѣ моей Анастасіи виражено. А отъ господара Василя о господарскихъ поведеніяхъ, именно: что риба не продана, свѣтелка цеглою вимощена и гребля въ Ясманѣ порвалася. Отъ правителей онъ же далъ указъ о присланню сентенцѣи, якъ казнить колодниковъ здѣ держимихъ и листъ о принятіи въ козаки мужиковъ монастира, а незнать якого и въ якомъ селѣ назначено. Заплатинъ секретарь померъ въ Глуховѣ.

18. Занемощѣлъ на болѣзнь на кшталтъ диссентерѣи, и столчаковъ 10 имѣлъ. Отписалемъ до полуполковника Сѣбирского полку Арапова, что ротѣ ихъ опредѣлена квартера у лубенской сотнѣ; до комисаровъ пол. писалемъ о томъ, же листѣ его подполковника и что сотнѣ глинск., ром, и смѣлов. зревѣдовать значковимъ. Грошей 50 зол. еще Илкови далъ Мартинъ на покупку табаку, и того 50 зол. Рокгѣнского человѣка уговорили на колѣсъ 20 по золотому и задатокъ далъ 10 золот. Отца Петра Лукомского синъ, будши у

---

[1]) Т. е. приготовить тетрадь для продолженія дневника въ 1725 г.

мене, зъ суплѣкою отца своего о томъ, чтоби я за нимъ интерцедовалъ до архиерея, даби ему бить попомъ на его мѣстѣ написанною, получилъ отъ мене такое писмо. До лукомской старшини, о роздачѣ и остатнего числа регляментовъ, писалемъ. Отъ Адама прійшли паробки зъ Переволочной и сказуютъ, что онъ нѣчого болшъ не везетъ кромѣ, двохъ куховъ, одной мусулесу, а другой ..... (?), 30 бунтовъ сафяну, куль заполочи, поясовъ шовковихъ десятокъ. Полторацкій бувши у мене просидѣлъ. Василь старий пріехалъ отъ панеи зъ писмомъ до мене, о моемъ приездѣ на свята въ Луку, писанномъ. Мартинъ взялъ грошей 29 зол. и полъ 7 шаг. у атамана, якіе онъ отобралъ отъ рѣпчанского человѣка, продавшого грунтъ мною заарештованный господареви на зрубъ.

19. Григорій Антоновъ, житель горошинскій, значковій товаришъ, подписался на писмѣ, данномъ мнѣ отъ горошинцювъ на степъ криворудскій, где футоръ мой. Отъ Исаии Ивановича, аптекара, получилемъ писмо о доводячихся отъ мене грошахъ въ аптеку 101 зол. и 8 шаг. П. Василь глинскій и судденко пріехали въ Роменъ и обѣдали. Комисаръ Черняховскій, пріехавши сюда, показовалъ два указа зъ колегіи къ нему присланніе: одинъ, о взиманіи офѣцерамъ половину раціоновъ и порціоновъ, а другій о недаваніи на отлучки и на комендерованнихъ на день по 5 копѣекъ. Василця старого отпустилемъ до родителки зъ листомъ моимъ: тутъ ли въ Ромнѣ, албо въ Луцѣ праздникъ отправлять, на волю полагаючи ея. Селецкій пріехалъ зъ требованіемъ, абы спалню (зимній возокъ) въ Луку санную посилать. Спалню послалемъ до родителки на всю ночъ зъ сторожемъ Джикгилемъ и листомъ обявляючимъ тое, что п. сотниковая глуховская мѣетъ завтрійшого дня зъ Гудимъ пріехать на службу сюда, въ Роменъ.

20. Неделя. Послани 4 подводи въ Глуховъ (зъ межи которихъ 2 моихъ 4 волами) и на онихъ послани рѣчи, именно: кухва меду у два каменей, бочка вина кримского, 3 барилѣ сливянику, казановъ 3 винничихъ и трубъ 10, хмелю мѣшковъ 2, завѣсковъ зъ кручками 48, тарадайка, и писано черезъ нихъ же до Василя о розних интерессахъ домашнихъ, а притомъ, жеби на тіе подводи

зложилъ 5 пуд. штабъ у Камене, кухву горѣлки, каретку спалню, колеса и шоръ пару. Денегъ, доводячихся отъ мене въ аптеку полевую, 101 зол. и полъ 9 шаг. отдалемъ присланному за тимъ нарочно ученику аптекарскому Якову Обернибѣсову, которій и росписался на томъ. Зъ Глинска котляръ глинскій привезлъ казанъ и 3 труби у 50 фунт., а мѣди еще доводится отъ его полъ 7 фунта, якую мѣдь и казанъ зъ тими трубами взявши, знову, п. Василь глинскій мѣлъ переслать до Сухоносовки оттуду, а ему, котляреви, за труби далемъ кожухъ бѣлій и гривню грошей. Указовъ 4 зъ вой. енер. канцелляріи получилемъ о присланню зборщиковъ; 2, о взяттю сказокъ у Андрѣяша и Якима Кулябки, о ихъ пріуготовленіи въ походъ до Гилянѣ; 3, о присланню вѣдомостей, о градскихъ артилеріяхъ, мѣскіе ли суть или сотенніе; 4, о присланню вѣдомостей о сторожахъ полевихъ, сколко где есть. Писмо до отца протопопи о Горуновичу глинскомъ, жеби его не укривалъ отъ зборщицтва глинского, писалемъ. Полковникъ Троецкого полку іноземецъ Heydenreych пріехалъ въ Засулле и сталъ тамъ у ктитора, где и я вечоромъ бувъ и гостивъ у его. П. Василь глинскій и Зарудній Федоръ отехали въ Глинскъ. Промеморію отъ князя Голѣцина въ вой. енер. канцелляр. писанную, послалемъ черезъ козака того, которій въ Глуховъ при возкахъ поехалъ. Костирку, третего комисара, тутъ въ Ромнѣ устроилисмо.

21. Мартинови далемъ 80 зол., жеби оніе Ілкови на покупку тютюну отдалъ, оставивши у себе на росходи рубль. Маляреви за гуслѣ и лютнѣ заплатилемъ рубля. Полковникъ полку Троецкого нѣмецъ Heydenreych былъ у мене и долго просидѣлъ. Отъ глинского п. Василя козакъ привюзъ замочокъ.

22. Родителка пріехала зъ Луки рано. Полковникъ Троецкого полку переехалъ Роменъ къ Бубнамъ. Андрѣй зборщикъ за рѣпчанскій лѣсъ принюсъ грошей мнѣ 40 зол. Зъ Селецкимъ, въ дорогу полскую, сани наложили тютюну, каменей 45, по сказцѣ Мартина молодика, а папушъ вѣхъ числомъ 1650. Гайдай подъ тіе жъ сани нанятъ засулскій, на тижденъ по 5 алтинъ. Гусенко, посиланній до Самойловичовъ и прочіихъ, повернулся и отъ меншого Са-

мойловича толко росписку привезлъ, а болшого и Лесевича въ дому не засталъ. Федору Зарудному послалемъ на его болѣнь дизурію (?) балсамовъ два: balsam. sulphur. terebinthinat., также balsam. de capaive. Послани укази въ сотнѣ повторніе о присланню зборщиковъ, о присланю вѣдомостей о сторожахъ поліовихъ, сколко ихъ есть, о пушкахъ, где и сколко ихъ есть, и оніе сотенніе или мѣскіе суть. Посланъ листъ до Самойловича старшого листъ мой, жеби листовне отвѣтствовалъ о себѣ бунчуковій ли есть или значковій? Посланъ указъ до Остапенка, Пештича, Іосифа Василченка, Григораша Шаргородского, жебы были въ походъ готовіе. Зъ Глухова листи принесени: 1, отъ ясневел., сотника глух., швакгровъ и Гурковского. Секретаръ Терентій Онисимовъ Заплатинъ померъ 17 сего декабр.

23. Горуновичъ глинскій зъ листомъ явился отца протопопи лохвицкого, жебы его отъ зборщицтва уволнить, яко причетника церковного, которого зъ листомъ въ Глинскъ до п. Васпля отправилемъ, намѣнивши и о другихъ многихъ таковихъ же людехъ способнихъ до того дѣла, въ чомъ жебы по самой слушности учинили, предложилемъ. Петро, слуга бригадира, Вельяминова, былъ у мене и отехалъ. Укази до Андріяша и Якима Кулябки, о росписцѣ отъ нихъ мѣючой взятись, что мѣютъ готови быти въ походъ до Гиляни; 2, до значковичъ, Пестича, Остапенка, Василченка и Григораша, о поготовости ихъ въ тотъ же походъ, черезъ Джикгиля послалемъ. Інструкцѣю о зборщикахъ зъ сотенъ нѣкоторихъ дано Манжосу, жеби по оной вибрани и вислани были. Тарасъ молодикъ повернулся зъ Глухова, а между инишими рѣчами донеслъ о томъ именно: 1, что за поле Солодовниково заплатилъ господаръ 130 зол., еще 100 зол. отложилъ до весни; 2, ячменю на солодъ 18 четвериковъ купилъ онъ же; 3, въ саду сварковскомъ посажено теперъ, въ осени, сливъ венкгерскихъ 204, яблучнихъ дичокъ 188, грушовихъ 178, черешенъ 63, вишенъ 63; 4, тютюну складеного въ Сварковѣ 5000, а еще некладеного столко жъ; 5, тютюну въ Тулиголовахъ складеного 500, а еще некладеного столко жъ будетъ папушъ; 6, горѣлки тамъ, въ імбарѣ, куфъ 4 повнихъ, а пятая неповная, а всѣхъ носатокъ въ нихъ 49 и квартъ 106. Мар-

тинъ гайдая въ Полщу подъ возъ нанялъ, по 5 алт. на тижденъ, и уже давъ ему задатку на 3 неделѣ. Казанне на Рождество Христово компоновалемъ.

24. Черезъ чорнуского сторожа писалемъ до Орановского, жебы на 4 казани у винницѣ робилося и щобъ казалъ на конѣ купити овса наши, въ Засуллѣ стоячіе, особливе жебы вѣдавъ, что заплатилемъ въ аптеку должніе денги 20 руб и 39 копѣекъ. Далемъ грошей 3 зол. слюсареви, на прошеніе его и на отробленне, тому що зъ Астраханѣ пріехалъ. Такъ же и Данилови татаринови копу. Коммуниковалемся. Слово о Рождествѣ Христовомъ окончилемъ у вечеру.

25. Комаровскій отъ служ(ителей) говорячи орацію, недокончилъ оной. Днѣстру кравцю, до первого рубля, еще другого рубля далемъ. Леонтій Янковскій зъ целовалниками повернулся, нѣчого нескуравши, бо еденъ зъ тихъ целовалниковъ писменний въ Конотопѣ захоровалъ. Указовъ два привезлъ зъ канцелляріи: 1, о присланню другихъ вмѣсто тихъ писменнихъ; 2, другій, о учиненіи приговору, якъ всякого зъ колодниковъ карать, чего ради и реестръ колодниковъ присланъ оттуду назадъ.

26. Посланъ листъ до старшини лубенской о Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку далъ о себѣ инакшую, то есть, что онъ готовъ будетъ въ походъ до Гилянѣ, а если якъ слишно, поехалъ онъ въ Кіевъ для поповства, то жебы навздогонъ послали за нимъ, чтобъ онъ того не дерзалъ чинити. Тогда жъ писалемъ до Романа молодика о розних приватнихъ дѣлехъ, и до Славѣнского о фурману, палубу и о 60 колесахъ. Особливе писалемъ до смѣлов., глин , сенец., луком. и чигир. о дичинѣ. Отъ полковника Троецкого полку Гейденрейха пріехалъ слуга офѣцера Подимова вишукувать лошади, збѣгшой его. Трактовани были люде здешніе у насъ.

27. Неделя. Каптенармусъ Інгермолонского полку, бувши у мене, требовалъ отсилки атаманнѣ селской сотнѣ роменской до полку, справитись зъ комисаромъ, тамъ подъ карауломъ держимимъ за провіянтъ и фуражъ. Обѣдалъ прапорщикъ и коптенармусъ; тутъ и глинскіе гостѣ. Отъ аптекара Іохемса зъ Лубенъ поданъ листъ и пѣкгулки. Остапенко и Михайло Перехристъ дали доношеніе, что

зборщики не хотятъ брати денегъ за медъ наложнихъ. Сказали глинскіе о п. Василевѣ глинскомъ, что на ногу захорувалъ.

28. Указъ до лубенской старшини посланъ о присланню еще двохъ посполитихъ чловѣка грамотнихъ, для пріему провіянту у магазейна. Писалемъ до Петрановского о его прибытіи сюда. Ілкови черезъ Мартина еще далемъ грошей зол. 100 на покупку табаку. Глинскій п. Василь пріехалъ сюда и того жъ вечора отехалъ, черезъ которого также и черезъ старого Зарудного, наказовалемъ, жебы молодий Зарудний да Яковъ Жуковскій пріехали сюда—ехать зо мною въ Ахтирку. Бѣляевъ дракгунъ Інгермоланского полку подалъ чолобитную о своемъ долгу на якомсь Солодусѣ, уже якоби давно въ Черкасскомъ за злодѣйство повѣшенномъ, доводячомся, якую далемъ слѣдовать. По прошенію тутейшой старшино писалемъ до Орановского, а въ небытности его до Алексѣйця, и продажѣ сѣна скиртъ нѣсколко, але дорогшою нѣжъ прежде ценою. Подводи, посиланніе въ Глуховъ, повернулись позно у вечеру, а що привезли зъ собою того не смотрѣли, але до завтрого отложили. Толко по сказкамъ видно, что кухву горѣлки, шори да желѣза штабъ 4 привезли, а въ нихъ пудовъ 5 и 15 фунтовъ. Черезъ сторожа лохвицкой сотнѣ послали въ Глуховъ: 1, доношеніе въ колегію о присланню указовъ до зборщиковъ, дабы они приняли денги за продажу зборного меду; 2, до ясневелможной; 3, до Скоропадского, зъ повиншованнемъ святъ писалемъ. Заборовскій бувъ зъ панею и Яковъ Дуброва. Увечеру бувъ Полторацкій и просилъ о виданне зъ церкви его скринки, которую видать изнову когды рѣчи тамъ найдуючіеся висушаться, отобрать приказалемъ атаманови Сѣнѣ. Мартинъ и Тарасъ за ночную прохадзку наказани. Авраамъ кушнѣръ, вичинивши вовна, принюсъ.

29. Кровъ зъ руки правой, головной жили, пускалемъ. Горуновичъ глинскій бувъ у мене и отправленъ зъ листомъ до п. Василя, до которого тогдажъ цедулою писалемъ о коню ворономъ его. Намѣстникъ Красногорской пустинки зъ ктиторами Колотомъ и проч. бувъ у мене и отправилемъ его зъ листомъ о нихъ до старшини чорнуской писаннимъ. Сторожъ лохвицкій ажъ теперъ отправ-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозврѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Теорбанисты, Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты.

Новыя формы жизни постоянно вытѣсняютъ старые обычаи, а съ ними и предметы, употреблявшіеся въ домашнемъ обиходѣ, или въ общественной жизни. Но какъ въ средѣ обычаевъ, вѣрованій, пріемовъ въ обращеніи и т. п. нѣкоторые изъ нихъ переживаютъ срокъ своего общаго распространенія и существованія, такъ и многіе предметы, служившіе въ пережитыя эпохи для извѣстныхъ надобностей, задерживаются въ употребленіи и долго еще могутъ служить напоминаніемъ объ отжившей старинѣ.

Кто изъ живущихъ въ Кіевѣ и въ ближайшихъ къ Кіеву уголкахъ нашего края не помнитъ напр. того времени, когда даже среди интеллигенціи необходимыми принадлежностями куренія были трубки, длинные чубуки, кресала, кремни? Кто не помнитъ, какъ въ гостинныхъ на танцовальномъ или карточномъ вечерѣ кто-либо изъ прислуги ходилъ вокругъ столовъ съ маленькимъ подносикомъ, на которомъ помѣщался особаго рода инструментъ—такъ называемые свѣчные „щипцы“, чтобы ими „снимать со свѣчей“ нагорѣвшую часть фитиля? Кто не помнитъ, наконецъ, какъ въ окрестныхъ селахъ, да и въ самомъ городѣ Кіевѣ, щепали лучинки и дѣлали изъ нихъ „сирныкы“, концы которыхъ мочили въ расплавленную сѣру съ тѣмъ, чтобы, при надобности зажечь свѣчу или „каганець“, этими „сирныками“ разворушивать „багаття“ въ печи и такимъ образомъ получать огонь?

Гдѣ теперь найдешь студенческіе кисеты для табаку съ неизбѣжнымъ кресаломъ и кремнемъ, всѣ эти панскіе „щипцы“, мужицкіе „сирныкы“, „каганци“, „багаття“ и т. п., такъ недавно еще напоминавшіе, можетъ быть, и кіевскихъ „кагановъ“ и праарійскую эпоху почитанія бога-огня? Недавно еще занимались охотою на ежей, которыхъ кололи и потрошили, чтобы добыть сало для каганцевъ; а теперь — не только въ Кіевѣ, но и въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ не найдете ничего другого, кромѣ керосиновой лампы, а главная улица города освѣщается уже электрическимъ свѣтомъ.

Многіе изъ кіевлянъ, также, вѣроятно помнятъ и „торбанъ“ или „теорбанъ“, бывшій еще не такъ давно, почти въ такомъ же употребленіи, какъ и гитара, но уже совсѣмъ почти вытѣсненный изъ обихода другими музыкальными инструментами. Въ „Кіевской Старинѣ“ (январь 1892, стр. 162) было упоминаніе со словъ г. Фаминцына о торбанѣ и торбанистахъ, какіе извѣстны этому спеціалисту музыкальнаго дѣла. Онъ упоминаетъ уже только о четырехъ торбанистахъ, изъ которыхъ два—Григорій и Каэтанъ Видорты—были изъ волынской губерніи. Имѣвъ возможность слышать исполненіе сына Каэтана, Франца Каэтановича Видорта, который, очень можетъ быть, является послѣднимъ представителемъ этого рода музыкантовъ, какъ Остапъ Вересай былъ послѣднимъ бандуристомъ, представляемъ читателямъ „Кіевской Старины“ все, что мы могли узнать отъ него о пѣсняхъ, исполнявшихся подъ акомпаниментъ торбана отцомъ его и дѣдомъ.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе самаго теорбана Видорта, который былъ осмотрѣнъ и изслѣдованъ съ технической стороны спеціалистомъ Н. В. Лисенкомъ; мы желаемъ привести только главнѣйшія пѣсни, сохраненныя Францемъ Каэтановичемъ по преданію отъ отца и дѣда, такъ какъ онѣ могутъ охарактеризовать тотъ особый оригинальный родъ словесно-музыкальныхъ произведеній, который еще недавно былъ распространенъ при дворахъ польскихъ магнатовъ Ржевусскихъ, Сангушекъ, Сапѣгъ, Браницкихъ, Потоцкихъ и др.

По разсказамъ Франца Каэтановича, дѣдъ его, выходецъ изъ Австро-Венгріи, родившійся въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, проходилъ школу игры на теорбанѣ; есть преданіе, что, бывши съ своими панами въ Петербургѣ, при дворѣ Екатерины II онъ обучалъ 6 дѣвушекъ этому искусству. Тѣмъ же занимался и сынъ его Каэтанъ при дворѣ Романа Сангушка; это—Францъ Каэтановичъ уже помнитъ, такъ какъ, родившись въ 1831 г., видѣлъ шестерыхъ надворныхъ козаковъ, обученныхъ его отцемъ игрѣ на торбанѣ и танцамъ, которыми сопровождалась эта игра. Танцы эти (14 фигуръ козака, между которыми были и „вприсяды") изучались сначала въ особой учебной комнатѣ при помощи веревокъ, прикрѣпленныхъ къ потолку; когда ученики усваивали всѣ па и фигуры козака, они учились къ этимъ танцамъ „прыгравать" на торбанахъ соотвѣтствующіе „прыгрывы". Весь этотъ хоръ или кордебалетъ изъ 6-ти душъ игралъ и танцовалъ съ торбанами въ рукахъ; послѣдніе приходилось то поднимать главнымъ кузовомъ вровень съ плечами, то опускать. Каэтанъ Видортъ училъ и сына своего Франца этому искусству; но послѣдній повредилъ себѣ ногу топоромъ, въ силу чего и оставилъ это занятіе. Пѣсни же подъ акомпаниментъ теорбана онъ перенялъ отъ отца, такъ что ему, служа по управленію имѣніями, приходилось (съ 1849 по 1881 г.) исполнять роль теорбаниста при князѣ Сангушко, съ которымъ онъ совершалъ путешествія по Австріи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Пруссіи и т. д.; нигдѣ въ этихъ странахъ не случалось уже ему видѣть такихъ теорбановъ, какой есть у него; только въ Италіи онъ встрѣчалъ мандолины, нѣсколько похожія на теорбанъ. Въ бытность князя въ Петербургѣ въ 1861 году онъ удостоился пѣть передъ Государемъ Императоромъ, который подарилъ ему за это золотые часы. Другой разъ ему случилось пѣть въ присутствіи Высочайшихъ особъ, когда въ 1878 году Великій Князь Николай Николаевичъ, отправляясь на Восточную войну, прожилъ три дня въ Славутѣ. Тутъ послѣ смерти князя Сангушка живетъ и до сихъ поръ этотъ послѣдній теорбанистъ, получая, какъ бывшій управляющій, пенсію отъ графини Потоцкой, живущей въ с. Антонинахъ

Разсказы Франца Каэтановича объ отцѣ болѣе подробны, а забытыя имъ воспоминанія о дѣдѣ Грегорѣ могутъ быть пополнены извѣстіями о героѣ „арабскихъ авантуръ", извѣстномъ Вацлавѣ Ржевусскомъ, похожденія котораго воспѣвались многими польскими поэтами и послужили темою для цѣлаго ряда повѣстей, вродѣ изданной въ прошломъ году во Львовѣ повѣсти Вигуры „Złotobrody emir". Для уясненія содержанія приводимыхъ ниже пѣсенъ, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ представителѣ отжившихъ шляхетскихъ порывовъ, въ которыхъ было много симпатичнаго, но которые въ силу своего разнообразія не представляютъ какого либо опредѣленнаго направленія польскихъ магнатовъ.

Несомнѣнно талантливый сынъ послѣдняго польскаго короннаго гетмана Северина Ржевусскаго, Вацлавъ Ржевусскій родился въ 1785 году, когда отецъ его послѣ раздѣла Польши переѣхалъ на жительство въ Вѣну, такъ какъ его имѣнія были расположены въ двухъ государствахъ—на Волыни (Ковельскій и Старо-константиновскій ключи) и въ Галичинѣ. Воспитаніе въ Вѣнѣ онъ получилъ подъ вліяніемъ съ одной стороны Клапрота, разрабатывавшаго вопросъ о переселеніяхъ народовъ, съ другой—Гаммера, занимавшагося археологіею Востока. Женившись на Розаліи Любомірской, воспитанной въ Парижѣ и бредившей Парижемъ и воспоминаніями о придворной жизни Маріи Антуанеты, Вацлавъ не оставилъ внушенной ему любви къ оріентализму и, какъ подобаетъ богатому меценату, давалъ средства на изданіе ученыхъ изслѣдованій Гаммера. Затѣмъ мы видимъ его увлекающимся идеею народнаго образованія подъ вліяніемъ извѣстнаго основателя Кременецкаго лицея Ѳадея Чацкаго. Охваченный этою идеею, въ своемъ селѣ Саврани (нынѣшняго балтскаго уѣзда) онъ открылъ даже школу для жившихъ тамъ молоканъ-великороссовъ.

Но и это увлеченіе прошло, когда онъ занялся естественными науками, а изъ нихъ болѣе всего гиппологіей, и задался мыслью улучшить существующія въ Европѣ породы лошадей при помощи доставленія сюда чистокровныхъ арабскихъ „когайлановъ". Онъ составилъ широкій планъ поѣздки въ Аравію

съ цѣлью накупить тамъ этихъ знаменитыхъ лошадей и при помощи правительствъ Европы распространить ихъ и здѣсь. Окончательное увлеченіе Ржевусскаго этимъ планомъ совпало съ временемъ Вѣнскаго Конгресса, заключившаго собою войны Наполеона. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ земляковъ Ржевусскаго:

„Народъ задавленный, истребленный войнами, народъ, который пожертвовалъ Наполеону, кромѣ золота, кровь своихъ 92,000 солдатъ, ждалъ съ тревогою, какую судьбу принесутъ ему совѣщанія конгресса; представители этого народа толпились въ передняхъ дипломатовъ, гнули съ покорностью шеи, думая такимъ поведеніемъ добиться чего-нибудь, если не для цѣлой Ржечи Посполитой, то хоть для нѣкоторыхъ ея провинцій... а онъ добивался сопровожденія коней изъ далекаго Арабистана. Косцюшко пріѣхалъ въ Вѣну, но держался въ сторонѣ, прислушивался, нельзя ли хоть крошечку свободы вымолить для своей родины; Чарторыйскій, вызванный императоромъ Александромъ, былъ здѣсь въ родѣ какого то представителя уже несуществующей Польши; прибылъ и почтенный Замойскій, и энергичный Огинскій... всякій по своему надѣялся участвовать въ рѣшеніи вопроса о будущности родины: а онъ, сынъ гетмана, представитель польскаго земства, красовавшагося тогда рубищемъ да развалинами, распространялъ славу арабскихъ рысаковъ, указывалъ на упадокъ кавалеріи—въ тотъ моментъ, когда у вѣнскихъ гостей—одно напоминаніе о войнѣ и томъ, что съ нею связано, вызывало содраганіе; словомъ—являлся въ роли тѣхъ авантюристовъ и прислужниковъ, которые осаждали квартиры великихъ міра сего, предлагая имъ съ одинаковымъ жаромъ и проэкты къ облагодѣтельствованію рода человѣческаго, и мази для самаго вѣрнаго уничтоженія мозолей. Не правда ли: горькая иронія?“ [1]).

А жена Ржевусска, съ которой онъ часто расходился, держала въ это время открытые салоны, въ которыхъ было такъ много

---

[1]) Dr. Antoni I. Opowiadania. Serya czwarta I. Warszawa. 1884. Стр. 194—195.

любимцевъ ея французовъ. Когда покончились въ Вѣнѣ засѣданія конгресса, Ржевусскій ничего не успѣлъ сдѣлать для осуществленія своихъ плановъ; ему пришлось еще нѣсколько времени посидѣть на Волыни, помогая средствами для снаряженія ботаническихъ экскурсій Андржеёвскаго; но онъ добился наконецъ милостиваго письма отъ королевы виртембергской, сестры Императора Александра I, которая благодарила его за готовность доставить ей когайляновъ изъ самой Аравіи. Въ 1817 г. онъ поѣхалъ въ Константинополь и сталъ устраивать свою поѣздку на Востокъ, которая стоила много денегъ, но за то доставила ему возможность осуществить увлеченія бедуинизмомъ и гиппофильствомъ.

Отправивши изъ Сиріи королевѣ первый свой подарокъ, Ржевусскій окружилъ себя и учеными секретарями, и спеціалистами конюхами и двинулся въ Алепъ, городъ, имѣвшій тогда 300,000 жителей, пополняя на дорогѣ свою свиту нанятыми мѣстными жителями. Принятый правителемъ города съ почетомъ, онъ основалъ свою резиденцію въ одномъ изъ его замковъ, который прозвалъ Гулистаномъ, давалъ литературные вечера съ чтеніемъ произведеній Саади, ѣздилъ переряженный бедуиномъ въ степи, розыскивая когайляновъ, волочился за женою французскаго посланника M-me Monge, наказавшею его на 15,000 піастровъ, затѣмъ за какою то леди Стэнгопъ, старушкою, представлявшеюся ему Сибиллою и т. п.

Въ этихъ арабскихъ авантурахъ себѣ онъ присвоилъ имя Эмиръ-Таджъ-Эль-Фагеръ-Абдъ-Эль-Нишана, или же иначе Золотобородаго Эмира; подписывался иногда на протоколахъ о покупкѣ арабскихъ лошадей также „невольникомъ цифры", что имѣло значеніе романтическое, ибо какая то символическая цифра, данная ему какою-то прелестною особою, преслѣдовала его и въ арабскихъ пустыняхъ. Найболѣе счастливыми и торжественными минутами въ этотъ періодъ жизни Ржевусскаго были конечно случаи, когда онъ находилъ когайляна, ведущаго очень древній родъ; одинъ изъ такихъ коней съ прозвищемъ Obeiet-el-homlu - Hejdi - Kohajlan происходилъ по документамъ своей родословной чуть-ли не отъ священнаго коня самого пророка.

Участіе Ржевусскаго со своимъ войскомъ, возросшимъ до нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, въ мѣстной революціи г. Алепа закончилось тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать самъ-другъ въ Константинополь, оставивъ своихъ коней въ Тарсѣ. Здѣсь онъ узналъ, что долги его превышаютъ уже милліонъ піастровъ, а дома, т. е. на Волыни, многія имѣнія (напр. Ковельскій ключъ) проданы за долги матери или подлежатъ продажѣ. Напрасно Ржевусскій предлагалъ Строгонову и Нессельроде въ продажу для казенныхъ конюшень и императорской придворной своихъ когайляновъ; переписка по этому поводу затягивалась, и кони, отправленные черезъ Средиземное море въ Парижъ, на занятыя деньги едва были доставлены на мѣсто въ Саврань только въ маѣ 1821.

Не имѣя, гдѣ главы приклонить въ разоренномъ имѣніи, Ржевусскій, пока кое-какъ устроилъ свои дѣла по смерти матери, жилъ вмѣстѣ со своими конями въ конюшнѣ, или въ палаткѣ, разбитой по-бедуински; но это не мѣшало ему принимать участіе въ пиршествахъ и пикникахъ пановъ гайсинскаго, балтскаго и ольгопольскаго уѣздовъ, куда онъ являлся со своею неизбѣжною палаткою и проводилъ время подъ открытымъ небомъ съ выполненіемъ какихъ то таинственныхъ обрядовъ конепочитанія. Продажа нѣкоторыхъ коней, полученіе брилліантоваго перстня отъ Его Императорскаго Величества за посланныхъ ему въ даръ пару когайляновъ вознаграждали его за перенесенныя бѣдствія.

Но 1825 годъ со съѣздомъ въ Бѣлой Церкви революціонеровъ изъ поляковъ и великороссовъ (Рылѣевъ, Муравьевъ, Тарнавскій, Карвицкій, Собанскій и др.) опять мѣняетъ родъ дѣятельности невольника цифры. Приставши къ юго-славянскому революціонному сообществу, Ржевусскій поддался настроенію нѣкоторыхъ его членовъ; особенно сильное впечатлѣніе на революціонныхъ совѣщаніяхъ произвелъ на него Тимко или Томашъ Падура, заговорившій передъ великороссами и поляками о существованіи третьей народности—малорусской и развивавшій мечты о возрожденіи козачества. Конечно, тѣ польскіе украинофилы, которые восторгались поэзіею Т. Падуры,

относились по своему къ его литературной дѣятельности: считая малорусскій языкъ лишь мѣстнымъ народнымъ говоромъ (powiatowszczyzną) литературнаго польскаго языка, нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе увлекающіеся, предсказывали этому поэту тоже мѣсто въ исторіи польской литературы, какое въ греческой литературѣ имѣлъ Гезіодъ [1]); для человѣка же практической жизни, какимъ былъ Вацлавъ Ржевусскій, въ восторженныхъ рѣчахъ поэта козацкой воли чудились лишь предводители съ конными полками, не уступающими по удали и молодечеству бедуинамъ аравійской пустыни. Участіе въ революціонномъ сообществѣ не привело Ржевусскаго къ ссылкѣ, чѣмъ поплатились другіе болѣе сознательные его товарищи; украинофильское же направленіе польской литературы, котораго держались въ то время Зоріанъ Ходаковскій, Тимошъ Заборовскій, поэты Залѣсскій, Гощинскій, Гославскій и другіе, вмѣстѣ съ пережитымъ въ теченіе прошлой жизни сдѣлало изъ бывшаго Эмира Таджъ-Эль-Фагера какого-то особеннаго „отамана Ревуху“.

Новое увлеченіе этого Ревухи привело и къ новымъ предпріятіямъ. Въ его имѣніи Саврани Падура основалъ спеціальную школу лирниковъ, бандуристовъ и теорбанистовъ; они должны были создать провинціальную литературу не то польскую, не то малорусскую, содержаніемъ которой было бы воспѣваніе козацкихъ подвиговъ. Рядомъ съ этими „рапсодами“ явились тутъ же и „барды“ подъ предводительствомъ придворнаго пѣвца Евстафія Сангушка—Грегора Видорта. Каноникъ кременецкій Янъ Комарницкій принялъ участіе въ этой образовавшейся плеядѣ и также сочинялъ пѣсни, изъ которыхъ наиболѣе извѣстною стала народу и распространилась во многихъ варьянтахъ пѣсня о разбойникѣ Кармелюкѣ. Падура сочинялъ думки о козакахъ низовцахъ, ихъ кошовыхъ, о чайкахъ, подражалъ иногда Чайльдъ-Гарольду, воспѣвалъ Романа зъ Коширы и др. магнатовъ и т. п. Пропаганда его пѣсенъ не удалась ему, не смотря на его путешествія въ свиткѣ въ народъ подъ Каневъ, Чигиринъ и на ту сторону Днѣпра до самой Пол-

---

[1]) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III. Спб. 1891. Стр. 255, 256.

тавы, гдѣ онъ былъ и у Котляревскаго. Видортъ и самъ слагалъ пѣсни и исполнялъ тѣ, которыя были положены на ноты Ржевусскимъ изъ сочиненныхъ Падурою или Комарницкимъ.

Когда пѣсня была такъ подготовлена, собирались на репетиціи, въ которыхъ участвовали, кромѣ описанной компаніи, слушатели изъ дворскихъ козаковъ; между послѣдними первое мѣсто занимали Соколъ и Жеребко, конюхи при когайлянахъ, бывавшіе и въ пустыняхъ Аравіи и въ Парижѣ; на такихъ „дискуссіяхъ“ читались и произведенія Ржевусскаго о Бобелинѣ, или же юмористическіе разсказы о безденежьи савранскаго магната, сочиненные Комарницкимъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ репетицій, пѣсни признаны были достойными распространенія, компанія переѣзжала въ Ильинцы, Антонины или Славуту, гдѣ у Потоцкихъ и Сангушковъ придворный бардъ Видортъ распѣвалъ ихъ, утѣшая собравшихся гостей.

Такъ продолжалось до смерти Ржевусскаго, который, участвуя въ возстаніи 1831, гдѣ командовалъ отдѣльнымъ эскадрономъ кіевско-подольскаго корпуса повстанцевъ, или былъ убитъ 14 мая подъ Дашевымъ, или бѣжалъ съ поля битвы и погибъ въ бѣгствѣ. Скоро послѣ того померъ и старый Видортъ, участвовавшій, по словамъ его внука, въ путешествіи Ржевусскаго на Востокъ въ качествѣ теорбаниста при его свитѣ; сынъ его, состоя при дворѣ Сангушка, продолжалъ слагать пѣсни, но уже не о козацкихъ подвигахъ, а на случай свадьбы кого-либо изъ родичей своего мецената. То-же дѣлалъ и внукъ Грегора, хотя рѣже, будучи вызываемъ въ такихъ случаяхъ во Львовъ, Краковъ, Берлинъ и т. п.

Вотъ происхожденіе пѣсенъ, изъ которыхъ только одна о Кармелюкѣ поется въ настоящее время въ народѣ; сочиненія Падуры были три раза напечатаны (подъ заглавіемъ „Pienia“ во Львовѣ въ 1842, подъ заглавіемъ „Ukrainky“ въ Варшавѣ въ 1844 г. и еще разъ въ 60-хъ годахъ). Ихъ мы не приводимъ, такъ какъ варьянты, сохранившіеся въ памяти Франца Каэтановича, очень мало чѣмъ разнятся отъ напечатанныхъ въ помянутыхъ изданіяхъ. Изъ пѣсенъ же дѣда, отца и нынѣ живущаго Франца Видорта приводимъ 4 пѣсни перваго и по одной двухъ послѣд-

нихъ. Въ „пісьні Видортовій" Грегоръ В дортъ поетъ о своей собственной дѣятельности, какъ она понимались имъ и кружкомъ, къ которому онъ принадлежалъ; въ „Путешествіи В. Ржевусскаго", „Золотой бородѣ" и „Співѣ Ревухи"—воспѣваются похожденія Эмира; пѣсня Каэтана Видорта составлена по случаю возвращенія изъ ссылки князя Романа Сангушка въ 1842—44 г., а мадригалъ Франца Видорта сложенъ по случаю бракосочетанія кого-то изъ Сангушекъ и Сапѣгъ. Всѣ пѣсни записаны со словъ самого Видорта, какъ пѣлъ онъ ихъ въ бытность свою въ Кіевѣ прошлою осенью; поетъ онъ, конечно, и другія малорусскія и польскія общеизвѣстныя пѣсни, какъ напр. про Савву Чалаго, Кармелюка, Грыця, Була Польща та стала Россія, Co kocham to kocham, A gdy przydzie co do czego и множество другихъ (Гандзя, у сусіда хата била, іихавъ козакъ за Дунай и т. п.), которыя вмѣстѣ взятыя никакъ не могутъ представить изъ себя какого-нибудь цѣльнаго репертуара. Среди ихъ всѣхъ приводимыя ниже пѣсни являются совершенно особымъ отдѣломъ; онѣ не могутъ уже пережить, очевидно, истекшаго срока своего существованія и являются теперь анахронизмомъ.

---

1. Писнь Видортова.

Не журыся мій хазяинъ,—не за взяткомъ я иду:
Оттакъ сяду, заспиваю, видспиваю та й пиду.
Видъ мисточка до столыцивъ, видъ столыцивъ до села
Для лыцаривъ для дивыцивъ Видортова писнь гула.
Стари замкы його знають: винъ диялъ давнихъ учыть васъ,
Въ його письняхъ оджываютъ змерли лита змерлый часъ.
Въ Запорожжи литъ не мало на Днипровыхъ берегахъ
Козакамъ ся проспивало о Богданахъ—козакахъ.
Хоть якъ мыло зъ нымы жыты, хоть якъ щастья иде викъ,—
Иду въ Польщу закинчыты шистьдесятый восьмый рикъ [1]).

[1]) Пѣвецъ объясняетъ, что дѣду его, помершему въ с. Кузьминѣ Староконстантиновскаго уѣзда вслѣдъ за гибелью Ржевусскаго, въ 1830-31 г. было 67 лѣтъ и что это была послѣдняя пѣсня, имъ сочиненная.

Видчыните замкы, брамы,—лядська писнь вамъ загуде:
Пожурыться спивакъ зъ вамы, пожурыться та й пиде.
Жадныхъ скарбивъ я не маю и не хочу йихъ одъ васъ;
Нехай тилько хто згадайе: «колысь Видортъ бувъ у насъ!»

2. *Podróż Wacława Rzewuskiego.*

Гей, отамане Кырылове! чы чулы вы лыхо такове?
Гей, отамане Кырыло! безъ батька намъ жыть не мыло!
Чуты въ батьковыхъ поговорахъ, що винъ йиздыть по всихъ морахъ:
То по Сынимъ, по Червонимъ, то по Билимъ и по Чорнимъ.
На пискови му не шкодыть, бо винъ лехкый хутко ходыть,
Але правда! якъ зморыться, то засыпле, якъ втомыться.
И перейихавъ килька моръ—двисти мыль за Саба-Таборъ,
Где пятдесятъ поколиння зостало жыдивъ племиння.
Тыждень тая вода грайе, пискомъ каминемъ кидайе,
Лышъ въ субботу тая вода стоить тыха и погода;
Въ той день всеньки пройжджають, лышъ не жыдъ, бо свято мають:
То и тамъ зхотивъ знаты, щобъ намъ блыжче що сказаты;
Але винъ де бувъ зайихавъ, вже самъ почавъ торопиты
И до неба тилько вздыхавъ,—не думавъ винъ довше жыты.
Тамъ ся йому показалы дыки люды, що пыщалы;
Сыру рыбу йидять, ловлять, свыщуть, ничого не говорять.
И почавъ думку думаты, щобъ дальше не йихаты,
О тимъ краю не чутыся: тяжко буде вернутыся.
Перехрестывсь, схаменувся, проты витру обернувся;
Блудыть, човпыться по мори, радъ бы въ свій край якъ найскорій.
И вже нызыну покынувъ, ставъ по звиздахъ миркуваты,
Бо вирне бы бувъ загынувъ, якъ бы не вмивъ пизнаваты;
Звизда його провадыла и самъ соби дававъ раду,
Щастьемъ, що смерть не зкосыла,—и прыбувъ до Цароградy.
Султанъ ся зъ нымъ утишайе, якъ винъ грайе и спивае,
Потимъ на двиръ выбигайе и вже на коняхъ гуляйе;
И вси задумались туркы, що майе постиль дви буркы,
Пидъ головою—кульбака, и вся його постиль така!
Коло єго богатая лежыть зброя турецькая;
Вставшы, по-турецьку убрався, зовсимъ на коня забрався.
И въ Мороку и во Фензыи, и въ Алжери и въ Кганкгези,
Всюды винъ тамъ пробувайе, бо єго весь свитъ кохайе;

Алепія и Сырія, Ерусалемъ добре знайе
И Турція, Арабія, и Персія ёго знайе.
Всюды чесно знаходыться и прыятно обходыться,
Бо тамъ злого чоловика не люблять и збавлять вика.
Где прыйиде къ баши-гана,—вкаже карту одъ Султана,
И сидають на дывану,—честь оддають, яко пану.
Кажуть въ чаши каву налляты, въ шистьохъ одну люльку курять,
Просыть, щобъ му показалы кони, котри лучши малы;
Провадыть, крычыть, брыкайе, не ижджаны винъ сидайе.
Вси туркы забулькоталы,—що такого йизьця не выдалы.
Якъ кинь майе добру расу,—винъ ся на ныхъ добре знайе,
И зъ собою возыть касу, платыть, въ Штамбулъ одсылайе,
Часто въ Стамбулъ одсылайе, бо тамъ много коней майе.
Предъ султаномъ пройиждждайе и джерыдою кыдайе.
Нельзя того и сказаты, якъ винъ соби тамъ бавыться,
Всимъ правду можна прызнаты,—во всимъ свити винъ славыться.
Самъ до себе ставъ казаты: «въ свою землю якъ прыйиду,
Уклякну, буду цилуваты, вже до иншойи не пойиду.
Не мало провыдывъ сьвита, не покрасывъ свойи лита:
Думаю вдома сыдиты и буду на хлибъ робыты!»
Гей, Ревухо, батько мылый! Нехай Богъ дасть тоби сылы,
Нехай тебе оглядайемъ, бо мы тебе вси кохайемъ.
Прыбудь до насъ якъ найскорій, щобъ не потонувъ на мори,
Бо зробышъ насъ сыротамы, якъ не будешъ жыты зъ намы.
Вывартовый крычыть: пугу! Давайте гасло другъ другу,
Въ дверахъ наставте вуха, чы не йиде нашъ Ревуха?
Бо винъ якъ въ свій край зблыжыться, то прылетыть яко птыця,
Заразъ буде смотрить кони, чы въ порядку на прыпони?
Мы що грайемъ и спивайемъ, таку хвалу йому дайемъ:
Бачылысьмо панивъ много, не бачылы такъ доброго!
Той у Бога ласку майе, що о бидныхъ памьятайе,
Винъ бидного не забуде, про тейе винъ паномъ буде.
Летимъ за нымъ, якъ до уля ройомъ за маткою муха:
Нехай жыйе, нехъ гуляйе, сердечны отець Ревуха!
Нехай жыють вси на сьвити: Вацлавъ, Рузя и йихъ диты!
Нехай жыють многи лита, нехай жыють многи лита!

3. *Золотая борода.*

Злетивъ орелъ на домброву попидъ сонцемъ витеръ гнать,
Прыйшла думка козакови давни письни засьпивать.
Але козакъ мало знайе: винъ зродывся на степахъ,
Тилькы въ полю зъ конемъ грае пры Днипровыхъ джерелахъ.
Зъ быстрымъ окомъ во вси сыли за ворогомъ лукъ стягавъ
И початокъ на могыли для любойи засьпивавъ:
«Отаманы ридни знають наше сердце, нашъ булатъ,
Воны швыдко изгадають, якъ зговорыть до ныхъ братъ.
Колыбъ Польща розумъ мала, та й не былася зъ Ордою,
Ще бъ, козаче, погуляла въ Царгороди зъ тобою.
Просты, просты, ляшый сыну! ваши земли—иншій сьвитъ,
И козакъ твою родыну ище знавъ видъ здавныхъ литъ.
Не оденъ зъ васъ бунчукъ мавъ, жвавый въ полю молодець,
Не оденъ зъ васъ турка гнавъ, кажуть люды зъ Пидгорець.
А де жъ тыйи мыли лита, а де жъ тыйи ворогы,
Що колысь зъ кинця свита биглы въ наши порогы?
Прыбудь до насъ, мылый ляше, прыбудь польське гетманя,
Дзюба въ били ручкы силяще, якъ ты всядешъ на коня,
А молодци въ кгерелыцяхъ скрычать ура назади,
Скынуть шапку, поклоняться Золотійи Бороди.
Лышъ винъ о тимъ добре знайе, сплывеmь щастя якъ вода:
Скоро зъ намы загуляйе Золотая Борода!»

4. *Спивъ Ревуцкій.*

Якъ выйихавъ Ревуха на кони гуляты,
Перевисывъ черезъ плече сагайдакъ багатый
        Грайе море Чорне мое, Биле море
        Гала-кгида-эу! Ла ла ла ла! Ла ла ла ла! Гала-кгида-гу! [1]).
Всяка птыця по повитри не потрафыть того,
Що нашъ батько Ревуха доказуеть много.
Кони сыви, половыйи, гнидыйи и чорни!
Втиште жъ мене, щобъ не тужывъ Ревуха моторный.
Духомъ зъ нёго на сывого: «скоро давай лука,
Подай стрилы, ставляй тарчу!» [2]) вже на конйи чука.

---

[1]) Припѣвъ „Грай море“ потворяется послѣ каждаго куплета.

[2]) Цѣль.

А зъ сывого на гнидого,—къ земли прыпадайе,
Свойій Рузи мылесенькій цьвиточкы зрывайе.
Джахтамиръ, Батыранъ [1])—то мойи соколы:
Колы всяду, сьмило йиду,—не уткне николы.
Ахъ ты, Кгульдо [1]) моя люба! якъ на тебе всяду.
Носышъ мене по всихъ мисьцяхъ,—николы не впаду.
Ой ёидучы на качани, выклыкае: лье-ли!
Зависывся на сидли, схватывъ шаблю зъ земли.
«Подай, Саво, коня жваво! нехай мене знають;
Колы всяду на борзимъ, жылы мни дрыкгають».
Сто турецькыхъ, сто черкеськыхъ и татарськыхъ много,
Що день що годыны прыбувайе зъ того
Грайе море и пр.

5. *Powrót z niewoli.*

Встань, козаче, лыцемъ вдарь, не журысь: дило йде въ ладъ,
Бо вже Мылостывый Царъ вертае пана назадъ.
Не плачъ, дивчя молоде, и зле людямъ не желай!
Зле мынайе, добре йде: вертайеться до насъ рай.
Що перш̌ъ було засопило, теперъ дывытыся мыло:
Вси весели, всякый радъ, що радисть иде назадъ.
О, княгинё, рида маты! Не плачъ бо иде твій сынъ,
Будешъ його цилуваты,—винъ для тебе йесть одынъ!
Нашъ князь отець добре знае, що журытысь мынувъ часъ,
Винъ вже Романа встричайе, зъ нымъ прыйиде ажъ до насъ.
А мы, ваши вирни диты, будемъ до него летиты,
Цилуваты рукы й ногы, заведемъ до васъ въ порогы.
Потимъ вси крыкнемо разомъ предъ Матир-святымъ-образомъ:
«Маты Свята! дай йимъ жыты, а мы Тя будемъ хвалыты».

Где жъ ты валяешъ, мій теорбанъ!
Мынувъ часъ одпочываты!
Знай и ты, що есть нашъ панъ,—
Треба йому ще й заграты,
А, загравшы, заспиваты
И щыру правду сказаты,
Бо безъ тебе, мылый княже,

---

[1]) Клички коней.

Дуже до насъ бида вьяже:
Отець маты зъ тяжкойи скукы
И потугы серця мукы
Хотяй о насъ памятають,
Лышъ нашой биды не знають.
Теперъ мы вси въ Твойій власти,
Къ ногамъ Твоимъ прыпадайемъ,
Що не дасы намъ пропасты,—
Мы вси о тимъ добре знайемъ!
A więc wtedy, Moscie książe,
Gdy lat chwila nie jednaka,
Nowe struny Bard nawiąże,
By zaśpiewać Krakowiaka.
Всходыть сонце въ тыхимъ ранци
Розсміявся новый сьвитъ,
Раньше твого серця бранци
Жычать тоби много литъ!
Zaśpiewajme wszyscy razem:
Nasze księstwo cnot obrazem
Kiedy u nich rozkosz taka,—
Utniem sobie ottropaka!
Шпарко лита утикають,
Беруть серце па кирмаршъ,
Щастя всимъ тщуть, ще кохають,
О, Романе батьку нашъ!

6. *Мадригалъ.*

На цьо свято, мій теорбане, нови струны навьяжу,
Буду граты що сылъ стане, а що въ серци—то скажу.
Якъ сьвижа вода зъ крыныци, такъ намъ пара всимъ мыла:
Орелъ прысивъ пры Орлыци, щобы слава зъ йихъ росла.
Ты, Леоніе [1]), духъ Гетьманьскій, свойій Гедыминси прыглянысь:
Гарна пани, цьвитъ Лытовській: мылуй, цяцькай та й дывысь!
А ты, письню моя щыра, розійдыся на ввесь свитъ,
Загуды, якъ дзьвинъ для мыра: «най вамъ Богъ благословыть!»

---

[1]) Женихъ.

Назначеніе, содержаніе приведенныхъ пѣсенъ, кованный ихъ языкъ, или „зфальшована зляшона мова“, какъ о ней выразился одинъ изъ поляковъ, дебелый стиль, дубовый стихъ, лесть и подобострастіе въ пріемахъ паренія—всѣ эти ихъ особенности объясняютъ, почему онѣ не могли стать народными, какъ стала таковою пѣсня о Кармелюкѣ. Въ послѣдней авторъ исходилъ изъ чувствъ преслѣдуемаго разбойника, изображалъ отношенія его къ окружающему—такія, какія раздѣляетъ весь народъ и слишкомъ далекія отъ желанія цѣловать руки и ноги своимъ магнатамъ: оттого эта пѣсня Комарницкаго была воспринята народною массою и до сихъ поръ поется въ разнообразныхъ варьянтахъ; пѣсни же Видортовъ и Падуры съ теоретическими построеніями, далекими отъ народнаго міросозерцанія, съ музыкальною конструкціею, въ которой второе колѣно темы иногда не поется, а доигрывается на теорбанѣ, съ сухостью сочетанія звуковъ въ рисункѣ мелодіи, противуположною той сочности, задушевности и трогательной нѣжности, какая присуща малорусской пѣснѣ, не смотря на всѣ искусственныя мѣры къ распространенію ихъ, едва ли были переняты даже свидѣтелями ихъ составленія—конюхами Жеребкомъ и Соколомъ. Если относительно таинственной смерти Вацлава Ржевусскаго въ свое время распространена была такая молва, что его убилъ подъ Жванцемъ одинъ изъ придворныхъ козаковъ за растлѣніе его невѣсты, то можно думать, что и тогда выслушиваніе пѣсень про Ревуху представителями народа при его дворѣ исполняемо было по службѣ лишь, какъ оффиціальная обязанность, или повинность. Во всякомъ случаѣ по своему особому характеру онѣ заслуживаютъ быть сохраненными, какъ историческіе документы, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ настроеніи въ 20—40-хъ годахъ текущаго столѣтія части общества юго-западнаго края.

А. Русовъ.

О ТОРБАНѢ И МУЗЫКѢ ПѢСЕНЪ ВИДОРТА.

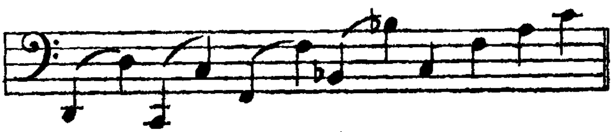
Въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи въ Украинѣ право и лѣво-бережной, былъ и, такъ называемый, *тóрбанъ* или *торбáнъ*. Инструментъ этотъ болѣе совершенной фактуры, требовавшей несравненно болѣе сложной техники исполненія чѣмъ на кобзѣ, инструментѣ сравнительно болѣе простой конструкціи, занесенъ изъ Италіи въ Польшу— и отсюда перешелъ въ Украину. Торбанъ, обладающій богатыми средствами для музыкальнаго выраженія, по праву завоевалъ себѣ исключительное мѣсто въ имущественно обезпеченномъ, шляхетскомъ сословіи, ему онъ сослужилъ службу свою, среди него отжилъ и вѣкъ свой. Въ малорусскомъ дворянскомъ обществѣ, включительно до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, онъ привился еще шире, чѣмъ въ польскомъ, гдѣ онъ обрѣтался исключительно въ рукахъ спеціальныхъ придворныхъ музыкантовъ-торбанистовъ. Въ Малороссіи, помимо торбанистовъ изъ крестьянъ при панскихъ дворахъ, очень нерѣдко игрою на торбанѣ занимались и сами паны-помѣщики; правда по большей части мелкопомѣстные. Въ болѣе отдаленную историческую эпоху Малороссіи торбанъ несомнѣнно былъ, наравнѣ съ бандурой, привиллегированнымъ инструментомъ козацкой старшины. Въ музеѣ В. В. Тарновскаго хранится торбанъ, принадлежавшій гетману Мазепѣ. Въ средѣ народа торбанъ не былъ вовсе въ употребленіи. Сравнительно широкая, виртуозная требовательность по отношенію къ играющему на торбанѣ, въ которой обязательно связывался съ игрой и пѣніемъ еще и танецъ, стѣсняла его распространеніе въ народѣ.

Вслѣдствіе этого, репертуаръ торбана состоялъ главнымъ образомъ изъ пѣсенъ, романсовъ и пьесъ плясового характера. Строгій эпическій характеръ думы былъ ему вовсе чуждъ. Съ его веселымъ, лирическимъ, салонно-удалымъ характеромъ не гармонировала также ни духовная псальма изъ репертуара бандуры и лиры, ни вообще пѣсни нравственно-религіознаго содержанія. Характерно въ роляхъ торбанистовъ праваго и лѣваго берега Днѣпра то, что, въ то время, какъ при магнатскихъ дворахъ у польскихъ торбанистовъ, въ числѣ общаго репертуара, культивировался особый родъ диѳирамбовъ въ честь пана, въ знаменательный моментъ его семейной или общественной жизни,—лѣвобережные торбанисты далѣе чисто-народнаго репертуара,—въ крайнемъ случаѣ, искусственной пѣсни, на почвѣ чистой лирики—не шли. Величальныхъ продукцій, славословій, подобныхъ Видортовымъ, до насъ не дошло. Пишущему здѣсь очень памятенъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ 40-хъ годовъ старикъ торбанистъ, *Кошовый* по фамиліи, бывшій крѣпостной его дѣда, но въ то время уже вольноотпущенный, въ обширномъ репертуарѣ котораго не было ничего подобнаго мадригаламъ и диѳирамбамъ Видорта. Торбанистъ Кошовый, глубокій въ то время старецъ, прекрасно исполнялъ лирическія, народныя пѣсни, подъ часъ съ собственными, полными украинскаго юмора, прибаутками въ пѣсняхъ комическаго содержанія. Онъ-же былъ, по отзывамъ людей, знавшихъ его смолоду, замѣчательный танцоръ виртуозъ, выдѣлывавшій передъ гостями своего пана труднѣйшіе кунстштюки,—своего рода эквилибристика на почвѣ народнаго танца. Но, во время „бучного весилля“ въ семействѣ пана, продѣлывая эти па на пальцахъ рукъ между рюмками и бокалами отобѣдавшихъ баръ, онъ оступился, упалъ и поплатился вывихомъ ноги, искалѣчившимъ его и лишившимъ съ тѣхъ поръ возможности танцовать. За прежнія услуги его удалили на покой и дали вольно-отпускную; но еще долго послѣ того его приглашали бывало по вечерамъ попѣть и потѣшить пріѣзжихъ гостей.

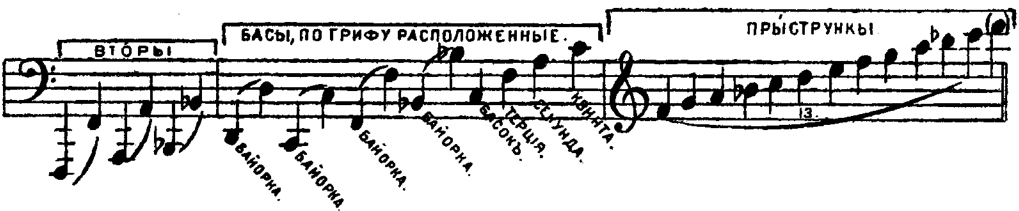
Остовъ торбана или кузовъ его, въ нижней, широкой части, напоминаетъ по формѣ *кобзу*: та-же дека (*верхнякъ*) съ

резонаторами (*голосниками*), тотъ-же овальный низъ—только оваль торбана болѣе удлиненъ, а у кобзы онъ шире. Грифъ (*ручка*) у торбана нѣсколько длиннѣе чѣмъ у кобзы и въ верхней своей части, въ шейкѣ, гдѣ накручиваются струны, загибается въ лѣвую сторону, образуя на этомъ переломѣ меньшую шейку, къ которой также прикрѣпляются басовыя струны, такъ называемыя *вторы*. Изъ всѣхъ струнъ торбана онѣ, по протяженію, самыя длинныя.

Безъ этихъ вторъ расположеніе струнъ торбана и кобзы очень подобно: тѣ же *прѝструнки* (короткія струны), укрѣпленныя на колочкахъ по окружности торбана съ правой стороны. Число приструнковъ 12—13. Настроены онѣ въ гаммѣ *фа*—мажоръ отъ $\overline{fa}$ – $\overset{\equiv}{re}$. Послѣдній звукъ часто отсутствуетъ.

Игра на пристрункахъ, какъ на торбанѣ такъ и на кобзѣ, производится щипкомъ. Высота струнъ остается неизмѣнною. За приструнками слѣдуютъ басовыя струны, расположенныя по длинѣ грифа и укрѣпленныя на колочкахъ въ шейкѣ. Басовыхъ струнъ бываетъ 12—(14) въ такой послѣдовательности:

Четыре верхніе тона имѣютъ особыя названія: верхнее *do* называется *квинта*; слѣдующій за нимъ тонъ *la—секунда;* третій *fa—терція*; и наконецъ нижнее *do—басокъ*. Остальныя 8 струнъ — басы — выстроены по парно въ октаву (Si♭ — si♭; Fa—fa; Do—do; RE—re). Всѣ струны кишечныя (*кышковѝ*); изъ числа этихъ 8 басовъ, въ октаву по-парно построенныхъ, каждая нижняя струна обвита металлическою канителью (*сухозлóтыця*, на кобзѣ). Такія струны (ихъ 4) называются *байóрками*. Техническое выраженіе о струнахъ, обвитыхъ канителью,

байо́ркы на пе́ліи намо́тани. Наконецъ, третій рядъ струнъ прикрѣпленъ въ верхней, меньшей шейкѣ. Эти 6 длинныхъ струнъ—то же басы—наз. *вто́ры.* Вторы построены, подобно басамъ на грифѣ, тоже въ октаву.

Весь строй торбана представляется значитъ въ такомъ видѣ:

Игра на вторахъ производится щипкомъ. Участіе вторъ въ исполненіи крайне незначительное. Игра на басахъ, по грифу расположенныхъ, производится ладами, т. е. укорочиваньемъ длины струнъ, придавливая ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ на гитарѣ, къ грифу. Игра на пристрункахъ производится только щипкомъ.

Всѣхъ струнъ на торбанѣ 30—31. Послѣдняго тона *re* на пристрункахъ обыкновенно не достаетъ. Встрѣчаются торбаны, имѣющіо 60 струнъ; такой торбанъ называется полнымъ торбаномъ *(ци́лый то́рбанъ).*

Строй торбана, обыкновенно мажорный, *(ве́селый)* по требованію пьесы измѣняется въ минорный строй (*жалибны́й*) опущеніемъ терціи (la) на $^1/_2$ тона внизъ.

Торбанистъ при исполненіи пользуется средствами инструмента различными способами. Мелодію, имъ исполняемую, онъ подыгрываетъ на пристрункахъ, чаще же на четырехъ крайнихъ басовыхъ струнахъ (do-fa-la-do), по грифу расположенныхъ, гармонизуя ее аккордами, добытыми помощью ладовъ на ба-

сахъ, изрѣдка добавляя къ аккордамъ основной басъ на вторахъ.—Въ прелюдіяхъ и заключеніяхъ, какими торбанистъ открываетъ и заканчиваетъ свои пѣсни, болѣе сложныя фигураціи, арпеджіи, пассажи онъ разыгрываетъ на пристрункахъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ наличнаго репертуара торбаниста Ф. К. Видорта, должно замѣтить, что онъ представленъ у него не какъ нѣчто цѣльное, подлежащее раздѣленію на извѣстные отдѣлы по содержанію текста и характеру музыки, какъ напр. у покойнаго ужъ нынѣ кобзаря О. Вересая, у котораго обширный репертуаръ складывался изъ думъ историческихъ, семейныхъ, изъ пѣсенъ „божествѐнныхъ“ (про святыхъ), нравственно-религіозныхъ, изъ пѣсенъ, наконецъ, бытовыхъ лирическихъ, комическихъ, танцевъ.

У нашего же торбаниста народная пѣсня есть номеръ случайный; онъ её знаетъ, поетъ, такъ какъ въ той средѣ, которой онъ служитъ, и эта пѣсня можетъ быть въ спросѣ, и её могутъ потребовать.

Такимъ образомъ нами записаны у него оригинальный, красивый волынскій варіантъ думы про Саву Чалого („*Ой, бувъ Сава въ Немырови въ пана на обиди*“); извѣстная бытовая пѣсня про Грыця; пѣсня про „знесення панщыны“ (*Була Польща та стала Россія*). Слыхали у него и пѣсни анакреонтическаго содержанія, малорусскую „казала мени Солоха прыйды“ и польскую „co kocham, to kocham“.

Спеціальный же, главный отдѣлъ пѣснопѣній Видорта,—это его quasi думы, дешевенькій романсикъ, пѣсенка въ куплетной формѣ съ характеромъ музыки довольно тривіальной, сродни пресловутой „Гандзя, цяця молодычка“. Музыка тутъ пріурочена къ тексту, который слагали дѣдъ, отецъ Видорты и самъ Ф. К. Видортъ.

Изъ композицій дѣда, Грегора Видорта, мною записано три номера: 1) Не журыся мій хазяинъ; 2) Гей, отамане Кырылове и 3) спивъ Ревухы.

Остальные настолько слабы, что я счелъ ихъ лишнимъ записывать.

Лучшій номеръ по музыкѣ есть спивъ Ревухы (*якъ выихавъ Ревуха на кони гуляты*). Въ немъ слышится эпическое настроеніе, удаль, бодрость духа степнаго рыцаря, отдавшагося своимъ думамъ. Такую думку можно бы было подслушать въ козацкомъ обозѣ. Принявъ во вниманіе, что авторъ этого номера, Г. Видортъ, жилъ за 100 лѣтъ и могъ, странствуя съ своимъ паномъ, Вацлавомъ Ржевусскимъ, слышать отъ современныхъ ему запорожцевъ нѣчто подобное, то неудивительно, что такое удачное настроеніе и выразилось въ этомъ лучшемъ номерѣ его композицій.

Припѣвъ этой думки „*грай море, Чорне море*", турецкіе или татарскіе возгласы „*галакгида гу!*"—все здѣсь у мѣста и иллюстрировано подходящей музыкой.

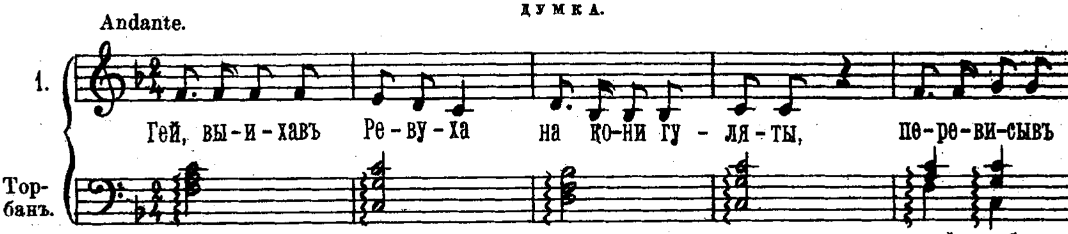
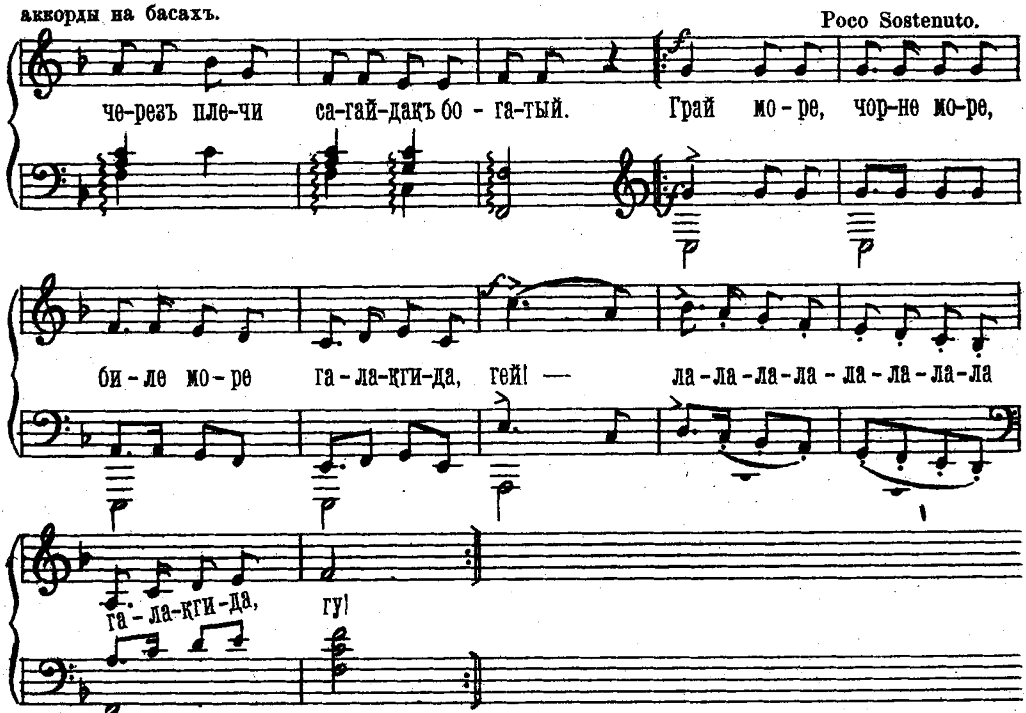
Въ лицѣ почтеннаго Ф. К. Видорта мы познакомились съ неизвѣстнымъ доселѣ типомъ придворнаго магнатскаго рапсода. Типъ этотъ, какъ оригинальное явленіе мѣстной польской жизни, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія къ себѣ, долженствуетъ быть изслѣдованнымъ, записаннымъ, оцѣненнымъ.

Но какъ странно, неестественно звучитъ малорусская рѣчь въ высокопарныхъ, часто безсвязныхъ и безсмысленныхъ, диѳирамбахъ, въ исканіи риѳмъ, въ искаженіи логическаго ударенія въ словахъ! Въ музыкальномъ исполненіи та же черта: неизмѣнный паѳосъ, ходульность, какой-то задоръ, комическая акцентуація...

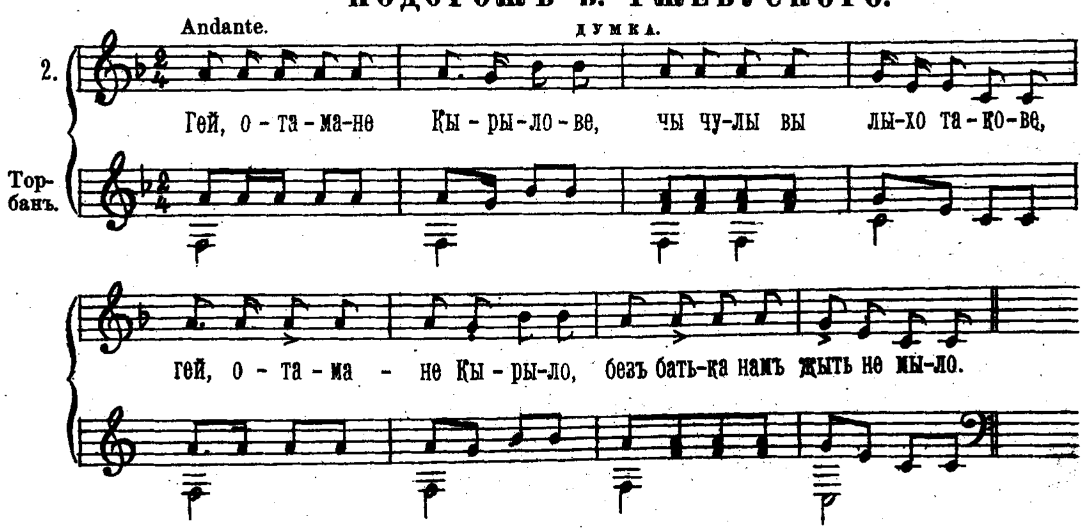
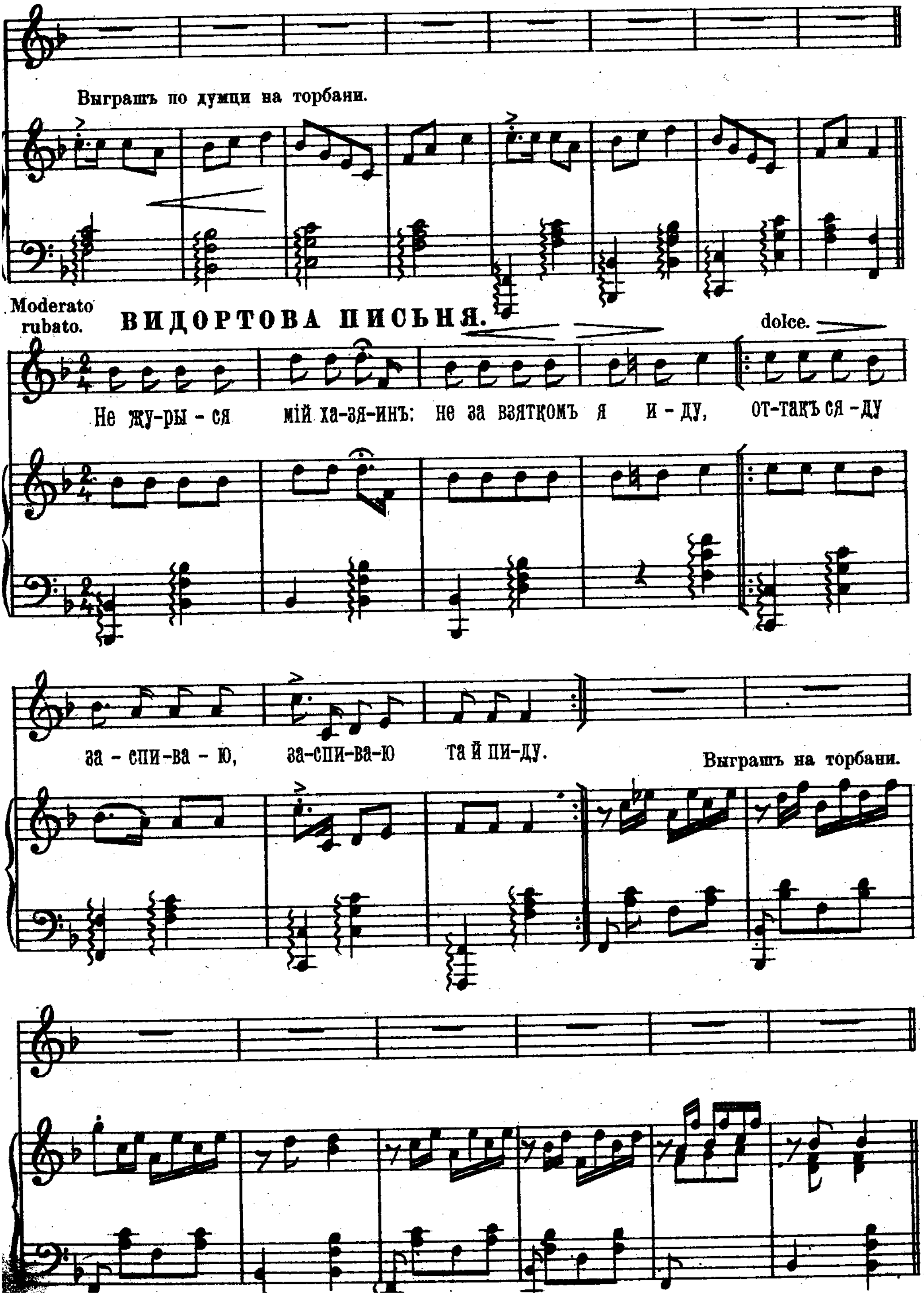
И благо, пусть бы ужъ этимъ пріемомъ руководился пѣвецъ въ исполненіи своихъ композицій, гдѣ въ самомъ текстѣ вѣчное пареніе. А то вѣдь у него и народная пѣсня подведена подъ одинъ шаблонъ... Это такъ не вяжется съ искренностью чувства народной мелодіи, съ глубиною и естественностью содержанія любой украинской пѣсни.

Мало понятно, какъ такая культурная среда мирилась съ псевдонародною декламаціей и экспрессіей. Такую неразборчивость во вкусахъ естественно было бы объяснить если не пренебреженіемъ, то полнымъ безразличіемъ къ народной рѣчи, народной мелодіи; но справка этого не подтверждаетъ: на мой вопросъ, какъ относятся слушатели—магнаты къ малорусской

СПИВЪ РЕВУХЫ.

ДУМКА.

NB. Торбанистъ подъигрываетъ мелодію на пристрункахъ правою рукою, а лѣвою беретъ аккорды на басахъ.

ПОДОРОЖЪ В. РЖЕВУСКОГО.

ДУМКА.



Выграшъ по думци на торбани.
Moderato rubato.
ВИДОРТОВА ПИСЬНЯ.
dolce.
Не жу-ры-ся мій ха-зя-инъ: не за взяткомъ я и-ду, от-такъ ся-ду
за-спи-ва-ю, за-спи-ва-ю тай пи-ду.
Выграшъ на торбани.

рѣчи въ пѣсняхъ и композиціяхъ торбаниста и не требуютъ-ли они польскаго языка взамѣнъ малорускаго, польской пѣсни взамѣнъ мѣстной, Видортъ отвѣчалъ:—наоборотъ, они требуютъ исключительно малорусскаго текста въ его исполненіи, а польскаго не требуютъ. Такое требованіе предъявлялось ему не только въ Украинѣ, но также во Львовѣ и Краковѣ.

Прилагаю образцы записанныхъ мною думокъ, пѣтыхъ Ф. К. Видортомъ.

Н. Лисенко.

Малорусскія вирши нравоучительнаго содержанія.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кириллъ Транквиліонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити зъ нихъ ораціи розмаитыи часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“ [1]). Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературнаго образованія, обязательнымъ для *письме́ннаго* человѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большею частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьнаго воззрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ виршей, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, повидимому, ничего, кромѣ глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что нѣкогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго матеріала, созданнаго особенными вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которыя находятся

---

[1]) Перло многоцѣнное, ч. I, стр. I, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

въ соприкосновеніи съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною самодѣятельностью въ области поэтическаго творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, такъ называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полукнижной формѣ. Отсюда распространилось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семейнаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніи скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному рѣшенію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ нравоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ нравоописательнаго содержанія. Первыя носили названіе *псальмъ*, вторыя—*кантовъ*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало нравоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьныхъ интермедій. Обзоръ виршеваго матеріала мы закончимъ виршами историческаго содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явленій ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ-ли первое съ идеей счастія, а послѣднее съ идеей несчастія? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ?

Все это старые вопросы, на которые есть и готовые отвѣты, но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накопляется цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этническій признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ нра-

воучительнаго содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходившіе изъ народа и не терявшіе бытовыхъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письме́нные*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религіозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроеніемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой вращается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлекается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ то-же время самая полная принадлежитъ тому-же Кириллу Транквилліону-Ставровецкому. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ „Перлѣ многоцѣнномъ" подъ заглавіемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вдячная при банкетахъ панскихъ". — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-пана, который застигнутъ былъ смертью врасплохъ. „Где мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, мурованыи, а шкатули, злотомъ нафасованыи? Где мои пресвѣтлыи, златотканныи шаты, рыси, соболе, кармазины и дорогыи шкарлаты?" Горько сѣтуетъ онъ, что „несподѣване" смерть „зъ всего" его „обнажила и межи смродливыми трупы положила". „Пріятелѣ мои", продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гойне веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, проскоки, танцѣ, веселое плясаня,—вина наливай, выпивай, проливай,—столы мои сладкими покормы покрытіи, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменитіи, а нынѣ мене все доброе и весе-

лое минуло, слава и богатство на вѣки уплынуло".—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшеніе, какъ только безплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечъ свой лютый обнажила".—„Где нынѣ", восклицаетъ онъ, „тиранове неужитыи и князи на землѣ знаменитыи,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невинныхъ злосливыи?" „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ философовъ смѣховиско строишъ, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тылько смродливая пустка зостала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешъ и предъ многими его показуешъ, яко нѣмого болвана" [1])...

Много *риторскаго языка* въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливыя дѣянія всемогущей смерти. — Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдѣльно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лиця возстраждена" [2]). Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣніи живота съ смертію, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія [3]).

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія" [4]).

---

[1]) Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

[2]) Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Ловхицѣ отъ лирника Кравченка.

[3]) Рукопись церковно-археологич. музея при кіевс. дух. академіи, β, 52.

[4]) Мы пользовались сравнительно позднимъ изданіемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанныя въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Нерѣдко встрѣчается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусилъ уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушлы мои лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Толко такъ мнѣ издалося»,
Что одинъ день прожилося».

Страшная гостья приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога“.

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,

вопрошаетъ онъ самого себя,

Чимъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадила,
Все то смерть роспорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумьи, находитъ онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслію, что „не часъ еще“ ему умирати,

«Треба вѣку доживати»,—

что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыбрался» [1]).

сказано въ предисловіи, предлагаются „аки снѣдь, иными смаками утворенная и наново приготовленная, аки одежда обветшавшая, перешита же и обновлена, или аки потемненное сребро, искушено же огнемъ и ощищенно седмерицею“ Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописяхъ представляетъ явные слѣды искаженія. Многія вирши, отмѣченныя именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почаевскими базиліанами для изданія 1825 г., поэтому онѣ совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

[1]) Сборникъ Кибальчича, № 53: „Пѣснь о покаяніи“. См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 285.

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище [1]).

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „omnia vanitas". Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру"... Она помѣщена въ Богогласникѣ подъ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнію здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанется сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жъ мѣнѣ изъ собою нѣчого не взяты!
А хотяй бымъ възялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Садженъ землѣ, четыри дощки, спасенія з неба» [2]).

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задушевностію тона [3]).

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя", говоритъ онъ словами одной вирши, разставаясь съ жизнію, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жъ мнѣ по васъ не гуляти,
Вже прийшолъ часъ мнѣ помирати» [4]).

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подъ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается". Разсказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видитъ

---

[1]) „Кіевская Старина", 1883 г., Февраль, 468.

[2]) Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покаяніи". См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 286.

[3]) Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина", 1889 г., Февраль, Сборникъ Ищенка, 1780—82 г.

[4]) Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академіи, № 489.

она тамъ своего ангела-хранителя, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее раскаяніе: „о человѣче, говоритъ ему ангелъ, собиралъ еси въ семъ мирѣ не по мѣрѣ,

Сокривалъ еси себѣ богатство,
Затворялъ еси свои врати предъ сироти,
Втратилъ еси царство» [1]).

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кыева, изъ Ерусалыма, видтиль ишло тры черныченькы"—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаетъ ихъ Божья матерь и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли,

«Якъ душа зъ тиломъ роставалася,
Роставалася, та й познналася:
Чомъ же ты, тило, чомъ не терпило,
Поставъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, недили не чтыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырий земли приты,
А ты будешъ, душе, у огни гориты» [2]).

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богогласникѣ она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на Өаворской горѣ". Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступыть,
Хто добре заробыть, той царства доступыть...

---

[1]) Ibidem.

[2]) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи, Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ послѣ разлуки ея съ тѣломъ отразилось вліяніе извѣстнаго „Слова о видѣніи ап. Павла". (См. Сумцова, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказ. и пѣсенъ", „Кіевс. Старина, 1887 г., Ноябрь, 423.

[3]) Метлинс., Народн. южнор. пѣсни, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, I т., 220. Записки Юго-запад. отдѣла географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевс. Старина", 1889 г., Сентябрь, 694.

А впадуть зори зъ высокого неба,
Займеться море й глибоки крыныци,
А зирвуться витры—а дуже буйныи,
А позносять горы, що будуть ривныи.
Затрубыть янгелъ въ янгельскую трубу:
«Вставайте, умерши, до страшного суду!»
Ой якъ прыйшла жъ душа та до свого тила:
Гришный чоловиче, здайся зъ свого дила!
Ой на Сафатовий долыни, ой тамъ будуть люде,
Тамъ прытельство вытатыся буде:
Ой братъ изъ сестрою, а мужъ изъ жоною,
А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
А сынъ видъ батька розлученый буде,
А маты зъ дочкою роздилена буде,
Що дочка заробыть, тамъ маты не буде.
Ой по ливий сторони будуть еретыкы стояты,
Ой тамъ будуть душамъ смолы пиддаваты,
А по правий сторони будуть янгелы стояты:
Ой не пыйте смоли, диждитеся воды!
Хто смолы напъеться, той въ пекло вверже̂ться,
Хто воды диждеться, въ раю зостанеться!» [1]).

Отдѣльныхъ изображеній рая и ада нѣтъ ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представленія о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которыя до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ папертей. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительнаго размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенскаго маляра и соста-

---

[1]) Записано въ с. Калюсикѣ, ушицк. у. подольской губ.

вляла собственность одной изъ сельскихъ церквей волынской губерніи.

Вотъ ея содержаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Іоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго судіи. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „пріидите, благословенніи отца моего"... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ налоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура человѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *лѣнивца до церкви*, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ,—и смерть съ косою, къ ней приближается ангелъ съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго человѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась чорная мышь, а дьяволы вцѣпились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидитъ человѣкъ съ надписаніемъ: *судія неправдивій*; дьяволы тащатъ его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лики оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду; и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

торымъ стоятъ оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рая. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которой дьяволы погоняютъ души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой перваго ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдьма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравець*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—многое множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соотвѣтствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвицы стоятъ въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дияволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дѣти тратила*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидятъ мужчина и женщина въ намиткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово-религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ бóльшей ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьныхъ вліяній.—Изъ многаго выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ рѣшается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“—и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

«Святамъ Ныколамъ пыва не варятъ,
Святамъ Рождествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свичи не сучатъ.
Ой бо вже давно, якъ правды нема,
Бо вже ся цари новоёвалы,
А царь на царя вийсько збирае,
А братъ на брата мечемъ махае,
Ой бо сынъ витця до права тягне,
Донька на матиръ гнивъ пиднимае,
Ой бо кумъ кума зводыть зъ розума,
Сусидъ сусида збавляе хлиба» [1]).

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имѣемъ предъ собою идеалъ въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно-религіозные, семейные и общественные. Что-же было душей этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйшій варіантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свити жыты,
Боронь, Боже, смерты, буде Богъ судыты!» [2]).

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильнаго и больнаго человѣка:

«Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть,
Якъ лыха годына, родына одступыть».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

«Ой якъ тяжко-важко каминня лупаты,

грустно продолжаетъ пѣвецъ,

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

[2]) Записки юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 23. — „Кіевс. Старина, 1883, Февраль, 469.

Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
Бо старая ненька дитκы годувала,
Дитκы годувала, ночи не доспала.
А тепера дитκы на те не вважають,
Беруть отця-неньку, пидъ ногы вныжають.
Бо теперъ на свити така выйшла кара,
Що по всему свиту то вже есть неправда.
Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.
Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.
Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.
Бо тепера правда скризь закрыта,
Тильки есть прымита—на хрести прыбыта» [1].

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнію „отцовъ и дѣтей". Другой варіантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зиськаты,
А звыкла неправда теперъ правдоваты!
Що вже теперъ правда слезамы рыдае,
А тая неправда зъ панамы гуляе.
Чы ты жъ, свята правда, умерла, чы ты заключена,
А чы ты, *маты ридна*, одъ насъ одреченна?
Нема въ свити правды!... Правды не зискаты!
Тильки въ свити правды, що ридный отець та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. Жалѣетъ сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отця, до ненькы". О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣтъ ни слова,—нѣтъ и жалобы на неблагодарность дѣтей. Пѣвецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

«Уже жъ кинець вику и къ намъ прыблыжывся,
Хочъ ридного брата теперъ стережыся,—
Бо винъ хочъ и ридный братъ, то правды не мие,

---

[1]) „Кіевс. Старина", 1889, Сентябрь, 683.

Винъ тильки устамы, якъ перамы, вие.
Изъ нымъ у судъ статы—правды не зиськаты,
Тильки сриблом̀ъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваетъ пѣвецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ воззваніемъ:

«Самъ Господь есть правда,
Сокрушыть неправду,
Сумырыть гордыню,
Вознесеть святыню!» [1]).

По смыслу того и другаго варіанта оказывается, что „нема правды" даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отношеній.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются эти отношенія не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ не уважаютъ и сами между собою не ладятъ. Только одно родительское чувство, а именно чувство матери, остается неизмѣнно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвиту найновнишого надъ тую макивочку,—
Да нема жъ роду найвирнишого надъ тую матиночку»,

говорится въ одной пѣснѣ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей любви и безконечнаго самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прыбыта", поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется *матерью ридною*, а мать въ свою очередь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа Бога на небѣ. Это, можно сказать, религіозное воззрѣніе на мать вылилось въ пѣсняхъ малорусскихъ съ такою силою и страстностію, что нельзя ни слушать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вишенько,
Що безъ тебе лышенько!

[1]) „Кіевс. Старина", 1883, Августъ, 769—770.
[2]) Лисенко, Збірникъ, вып. II, № 33.

Що тебе жъ ни купыты,
А ни заслужыты,
Що безъ тебе, ненько моя,
Горе въ свити жыты!
Що уже-жъ я й ходыла,
Уже жъ я й служыла,
Та не найшла тии ненькы,
Що мене родыла [1]).
«Маты наша, маты,

поется въ другой пѣснѣ,

де намъ тебе взяты?
Маляривъ наняты, матиръ змалюваты,
Поставыты матиръ на божнычокъ въ хати...
На божнычокъ гляну, то матиръ спомъяну,
Назадъ обернуся, слезами зальюся,
На бикъ оглянуся, рукавомъ утруся!» [2])

Женскія роли въ семьѣ пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Жинка для совиту, теща для прывиту,
Матинка ридна—луччє всего свиту» [3]).
(Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вмырала,
Кровъ пролывала, смертонькы бажала» [4]).

Теперь для насъ совершенно понятно, почему оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

«Кого Богъ любыть, того й награждае,
А за отця и за матку сынъ Божый карае» [5]).

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 552, № 154.

[2]) Лысенко, Збірникъ, вып. I, № 23.

[3]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 459, № 29.

[4]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 242.

[5]) Кобзарь Вересай далъ этому стиху такое названіе: „Пісня, що по нещастью жывучы на свити спивають". Зап. югозап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 24.

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

«трехъ сынивъ,
Якъ соколивъ:
Вона ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памъяты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ своихъ прогнали мать изъ дому:

«Не сыва зозуля закувала,
Якъ бидна вдова изъ свого дому выступала,
За слизамы свиту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человѣкъ, „блызькый сусида",—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ людей.

«Сталы люде тее зачуваты,
Сталы вдовыченькивъ на смихъ пидниматы».

По другимъ варіантамъ обрушились на нихъ всякія несчастія: „не ставъ имъ Господь ни въ чимъ помагаты". Тогда сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ просить прощенія у матери.

«Боже мий мылый, Боже мий едыный,
Поможы ты мени сии диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всимъ помагаты».
«Тогди жъ то вони одынъ до одного стыха словамы промовлялы:
«Гляньте, браття!
Правду святе письмо свидчыть, высвидчае,
На всякый часъ моление показуе:
Который чоловикъ отця свого, матиръ штыть, поважае,
Тому Богъ на всякый часъ помагае»[1]).

Мы понимаемъ, что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

---

[1]) Содержаніе этой думы передано по четыремъ варіантамъ, помѣщеннымъ у Метлинскаго, Народн. южнорус. пѣсни, 345—354.

женъ поэтическій замыслъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и донынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ, родыною*. При всей дробимости родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа составляетъ своего рода культъ, можетъ быть, поддерживаемый самою этою дробимостію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть единоличной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой къ этимъ са-

мымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочъ по шыю въ воду, та до свого роду,

говорится въ одной пѣснѣ,

Хочъ и обмочуся, въ роду обсушуся,
Такы зъ своимъ родомъ та повыдаюся»[1]).

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнію, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастія, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народъ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршей была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ скитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тежелое положеніе свое.

«Эй то якъ—то мени, маты, не хотилося бъ у чужий
сторони пробуваты!
Будуть мене люде знаты,
Будуть мене прышельцемъ называты»,—

говоритъ въ одной думѣ козакъ своей матери, отъѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, *хазяйскый сынъ*, *отецькый сынъ* пользуется полными правами гражданства въ своемъ околоткѣ, а *пришелецъ* есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно считаться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою" той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то *пришель-*

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V, 474.
[2]) Записки югозапад. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 14.

цевъ и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ,

говорится въ одной виршѣ,

Увесели сердце во мнѣ, —
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увиждь жену, мнѣ любиму».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прыбудте днесь, не смутѣтся,
Се бо братъ вашъ веселытся» [1]).

Еще тяжелѣе становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловикови въ чужий чужыни,
На чужий сторони,
Безъ отця, безъ ненькы, безъ сердешного роду пробуваты» [2]).

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«Я, сырота, блукаюся,

говорится въ одной изъ нихъ,

родыны не маю,
На чужыни пробуваю и викъ свий теряю.
Ой якъ орелъ по-надъ поле повитремъ носытся,
Такъ сырота на чужыни съ плачомъ веселытся.
А якъ тяжко каменеви по води плываты,
Такъ сыроти на чужыни горе пробуваты» [3]).

---

[1]) Сборникъ Кобальчича, № 64.

[2]) Метлинскій, Народн. южнорус. пѣсни, 357.

[3]) Головацкій, Народныя пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при кіевс. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

Обычное содержаніе сиротскихъ виршей — жалобы на враговъ:

«Що я кому виноватъ, за що погибаю?
Нѣгде отъ злихъ человѣкъ спокою не маю,
Ненавидятъ, гонятъ, бьютъ, живцемъ пожираютъ,
Якъ яструби на бедную птицу нападаютъ,
Нѣ скритися не могу, нѣ явно прожити,
Явно гонятъ, тайно бьютъ, подкладуютъ сѣти,
Лютимъ огнемъ, яростію палаютъ безъ мѣри,
Метаются на мене, якъ лютіе звѣри,
А що кому за вина, якая причина?
За то гонятъ, за то бьютъ, що я сиротина» [1]).

Ближе къ народному настроенію стоитъ псальма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сыритка". Начинается она размышленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дывная годына на свити настала:
Не идна сыритка безъ мамкы зосталась,
Отець пару знайде, буде въ пари жыты,
Нещасни сыроты пидуть пречъ служыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты". Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее, куда идетъ она?—„Иду, говоритъ сирота, матери шукаты".—Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочивае вона въ гроби". Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется ей на свое житье горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшыла и головоньку змыла": Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказала бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ии обсудыла". Такая ужъ доля сироты:

«Хоць сырота робыть, робота ий ни защо,
Все говорять люде: сырота ледащо».

Заканчивается эта трогательная псальма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ аду [2]).

---

[1]) Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчича № 66. См. таже Головац. Народн. пѣсни, ч. І, 357, Чубинс Труды экспедиціи, V, 448.

[2]) „Кіевс. Старина", 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

Не мало есть въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псальмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездольныхъ и безщасныхъ“. Цѣлый вѣкъ свой они искали счастія и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обрящете“, нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуетъ [1]). Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псальмъ слѣдуютъ отчасти стариннымъ представленіямъ народнымъ о доброй и лихой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи [2]). Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плинуть марне, як бистрие рѣки,
Часи молодие, як з дожджу потоки,
Все то марне минаетъ» [3]).

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы постоянно встрѣчаемъ въ псальмахъ,—и однако же составители ихъ неутомимо ищутъ доли или-же, въ крайнемъ случаѣ, сожалѣютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представленій, отчасти и донынѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайнаго сцѣпленія благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе раціональной почвѣ, они воображали, что каждый человѣкъ до извѣстной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастія заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человѣка. Эта мысль пробивается въ

---

[1]) Сюда относится псальма въ сборникѣ Кибальчича подъ № 63, а также у Головац., Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубинс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

[2]) Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни, 108, 144, 278.

[3]) „Кіевская Старина“, 1889 г., Мартъ. Эта псальма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ“ напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы видѣли во Львовѣ, у каноника о. Антонія Петрушевича, школный сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псальмы названъ нѣкто Падальскій. Въ томъ же сборникѣ есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ станѣ нашого студента“, которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

нѣкоторыхъ псальмахъ въ видѣ позднято раскаянія въ собственныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы!
Годи млиты сердцю моему зъ несносной тугы!
Якъ цвиты прекрасныи скоро одцвитають,
То такъ насъ молодыи лита скоро покыдають.
Пройшлы лита скоро, якъ быстрыи рики,
А я жыву нры нещасти черезъ уси викы.
Виють витры въ степу—запрету не мають:
Идуть мысли въ день и въ нощи—спокою не дають.
Старость моя й жызность! Не могу терпиты,
Що я не вмивъ молодымы литамы владиты».

Какъ на выходъ изъ этого положенія, псальма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи лугы, въ степы и въ пустыни" [1]).

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Велыкый лугъ—батькомъ". Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьи и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

«Не пиду у мыръ,
Пиду въ монастыръ,
Щобъ душу спасты,
Щобъ Господь простывъ» [2]).

Таковы въ общихъ чертахъ нравоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполнѣ совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

П. Житецкій.

---

[1]) „Кіевская Старина", 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псальма и въ сборникѣ церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

[2]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 372.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Сочиненіе Потебни „*Къ исторіи звуковъ русскаго языка*“ (4 части) представляетъ рядъ этимологическихъ статей и замѣтокъ, написанныхъ съ 1878 г. по 1883. Въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ рѣдко встрѣчаются ссылки на это сочиненіе, и этнографы легко могутъ упустить его изъ виду, отнести въ разрядъ сочиненій спеціально филологическихъ, по имени автора, извѣстнаго филолога, по общему заглавію, указывающему исключительно на фонетику и въ особенности потому, что самая крупная по объему часть изслѣдованія — первый выпускъ — имѣетъ исключительно лингвистическій характеръ. Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ 2, 3 и 4 части. Отмѣтимъ здѣсь все существенно важное по части фольклора, выдѣляя главное на первое мѣсто и относя къ концу статьи мелочи.

На первомъ мѣстѣ по величинѣ и научной цѣнности стоитъ статья: „*Село, деревня и т. п.*“ (IV, 1—48), статья важная для филолога, этнографа, историка, быта и права. Содержаніе статьи, въ короткихъ словахъ, съ пропускомъ всѣхъ лингвистическихъ деталей и всѣхъ выписокъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Село не позже чѣмъ въ половинѣ X вѣка имѣетъ уже значеніе населеннаго мѣста, съ жилыми и хозяйственными постройками. Между прочимъ, бытовое значеніе села, какъ усадьбы, согласно съ нынѣшнимъ малорус. оселя—дворъ, самое жилье. Основными значеніями села П. счи-

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 2.

таетъ поле, участокъ земли. Мѣстами, напр. въ Новгородскомъ краѣ, подъ названіемъ „село земли“ могъ разумѣться участокъ земли опредѣленной мѣры. Синонимомъ села въ древнихъ юридическихъ памятникахъ служитъ земля въ узкомъ значеніи слова, участокъ объединенный владѣніемъ. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются слова селище („пооралъ моего селища полосу“), участокъ, выть, обжа, волока, гоны (земля разной величины, пахатная, сѣнокосная, лѣсная). Слово деревня отъ корня дар, драти—пахать лѣсную новину первоначально означало очищенное отъ лѣса мѣсто для нивы, потомъ пахатное поле, участокъ земли съ однимъ дворомъ, причемъ говорилось: жить на деревнѣ, а не въ деревнѣ и, наконецъ, сельцо, небольшое поселеніе безъ церкви. Въ малорусскомъ языкѣ слово деревня означаетъ: 1) домъ, 2) въ собирательномъ смыслѣ—бревна и деревянныя издѣлія (возы, плуги, ярма, грабли, оси), за исключеніемъ посуды. Съ великорусской деревней (въ значеніяхъ росчисти, нивы, поселенія) сходны: дерюга (росчисть), доръ (сѣнокосъ, пастбище), дорище (земля съ покосомъ), подсѣка (росчисть), пасѣка (нива на пасѣкахъ, огороженный или заповѣдный лѣсъ, пчельникъ въ рощѣ и потомъ вообще), осѣкъ (ограда изъ срубленныхъ деревьевъ, росчисть подъ пашню), сѣча (=осѣкъ, укрѣпленіе—запорожская Сѣча, росчисть подъ пашню и подъ жилье), чертежъ (росчисть), околодокъ (дворы близъ пасѣки), пожега, починокъ (новая пашня въ лѣсу, дворъ, выселокъ), застѣнокъ. При словѣ застѣнокъ находится этюдъ объ архаическихъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ этотъ этюдъ вошли объясненія словъ и понятій волость, ополье, кругъ, круговая порука, дикая вира, сябры, волоки (пашни), стѣны (границы волокъ), и замѣтки о юридическихъ терминахъ, связанныхъ съ полѣсскимъ или волынскимъ селомъ XVI в. (чиншевые волоки, обрубъ, застѣнки—отдѣльныя нивы—росчисти=велик. дерюги, воля—большой обрубъ полей, предназначенныхъ къ раздачѣ, безъ поселенія). Нынѣ застѣнокъ, zaścianek—хуторокъ съ дворомъ.

Къ отмѣченнымъ случаямъ перехода значеній въ село, деревня, починокъ, застѣнокъ отъ незаселеннаго мѣста къ засе-

ленному Потебня добавилъ еще два слова: корчма (домъ, дворъ на корчмѣ, на корчевьѣ), dorf (др. вн. thorp, теребить, корчевать и пр.).

Сдѣлавъ обзоръ словъ село, деревня и родственныхъ, Потебня замѣчаетъ, что нѣкоторыя черты общиннаго землевладѣнія представляются болѣе древними, чѣмъ обособленіе славянскаго племени, именно: свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю съ угодьями ограничены только правами сосѣднихъ волостей (die freie mark). Въ волости сочетались три способа пользованія землей: а) земля дѣлимая повытно, поля, обрубъ въ стѣнахъ волокъ, б) особина, починки, дерюги, застѣнки и в) немѣренная земля: угодья, уходы, ухожаи и пр. Величина выти (въ поляхъ) полномочнаго земледѣльца была приблизительно одинакова въ Россіи, Англіи и Германіи.

Въ видѣ прибавленій помѣщено два небольшихъ этюда: 1) о величинѣ и протяженіи села по свидѣтельству Тацита, Прокопія, русскихъ лѣтописей, въ связи съ тѣмъ какъ расположены села въ настоящее время въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ старина уцѣлѣла. Села растянуты въ линію на большомъ протяженіи и состоятъ изъ многихъ раскинутыхъ деревенекъ, и 2) о величинѣ и дѣлимости семьи въ зависимости отъ внѣшняго положенія селъ. При разбросанности дворовъ и трудностяхъ подсѣчнаго хозяйства только большая семья, выставлявшая нѣсколько работниковъ, обезпечивала существованіе, а при извѣстномъ душевномъ строѣ удовлетворяла и душевнымъ потребностямъ. Съ увеличеніемъ населенія возникло съ одной стороны стремленіе къ селамъ, съ другой—къ дробленію семей, въ Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другого выразились довольно ясно въ малорусскихъ нравахъ и пѣсняхъ. „Малорусскому простолюдину, говоритъ Потебня, столь же ясна хозяйственная польза большихъ нераздѣленныхъ семей, какъ и образованнымъ людямъ, писавшимъ объ этомъ; но не менѣе ясна ему несовмѣстимость такихъ семей съ душевнымъ миромъ“. Далѣе приведено нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ о положеніи молодой замужней женщины въ семьѣ мужа и ея желаніяхъ,

напр. въ малорусской пѣснѣ дѣвушка требуетъ: „збудуй хату зъ лободы, та въ чужую не веды! Чужа хата такая, якъ свекруха лихая. Хочъ я буду сама жить, абы людямъ не годыть“, а замужняя женщина проситъ своего мужа любить ее, потому что она не наймычка, а кгаздыня. „Только село въ новомъ смыслѣ слова (а при болѣе сложныхъ формахъ жизни только городъ) удовлетворяетъ и любви къ личной независимости, и потребности въ обществѣ... Недаромъ село, конечно въ новомъ смыслѣ, сопоставляется (въ пѣсняхъ) съ весело. Женщинѣ можно по крайней мѣрѣ „пійты до сусиды огню“ и отвести душу.

Второе мѣсто по величинѣ, обилію фактическихъ данныхъ и научной обработкѣ ихъ занимаетъ статья „*Слѣпородъ, ślepy Mazur, Сучичь*“ (въ III, 68—83). Потебня сначала приводитъ указаніе Гримма о названіи гессенцевъ и швабовъ слѣпыми, Вельфовъ — щенятами, затѣмъ болѣе подробныя данныя изъ статьи Либрехта „Zur Sage vom Romulus und den Welfen“ о преданіяхъ римскихъ, турецкихъ и др. о вскормленіи праотца волчицей. Далѣе слѣдуетъ самостоятельный подборъ славянскихъ фольклорныхъ фактовъ: 1) польскія повѣрья и пѣсни о слѣпородахъ псахъ мазурахъ; 2) великорусскія повѣрья и сказки о слѣпородахъ вятичахъ и пошехонцахъ; 3) германскія (съ XIII в.) и русскія бранныя выраженія—zohen sun, с..... сынъ, суча дочка и пр. т. п., свидѣтельствующія о томъ, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою; 4) краткій обзоръ сказокъ о подмѣнѣ чудесныхъ дѣтей щенятами; 5) подробный разборъ сказокъ о Сучичѣ и его близкихъ родственникахъ (Иванъ Попяловъ, Поповичъ дурень, Кошкинъ, Бурхраберъ, Семилитокъ и др.). Со сказками о Сучичѣ сближены сказки о бросаніи богатыремъ сапога и свидѣтельства южнорусскихъ писателей XVII в. Эриха Ласоты и Кальнофойскаго о богатырѣ Чоботкѣ; 6) сжатый, но весьма содержательный обзоръ сказочныхъ мотивовъ о другомъ героѣ животнаго происхожденія Медвѣдкѣ, Медвѣжьемъ ухѣ и пр.

Въ статьѣ Потебни затронуто много важныхъ фольклорныхъ вопросовъ и для рѣшенія ихъ подобранъ богатый факти-

ческій матеріалъ; но матеріалъ этотъ можетъ быть еще значительно расширенъ. На с. 77 Потебня замѣчаетъ, что слово богатырь есть послѣ-татарскій переводъ болѣе древняго слова съ тѣмъ же значеніемъ: хоробръ. Это мнѣніе подробно развито *М. Е. Халанскимъ* въ дисертаціи о великорусскихъ былинахъ кіевскаго цикла (1885 г.) на стр. 15—24 (много подтвержденій изъ письменныхъ памятниковъ и былинъ). О чоботкѣ см. замѣтки г. *Халанскаго* въ соч. о былинахъ с. 101—102 и г. *Калаша* во II кн. Этногр. Обозрѣнія 1890 г. с. 256—257. Обширную литературу о Медвѣдкѣ, указанную въ выноскахъ Потебни, мы можемъ дополнить слѣдующими указаніями: *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine I № 1 (франц. сказка), *Chelchowski*, Powiesci № 34 (польск.); *Манжура*, 43; *Kolberg* Pocucie IV, 177 (малор.); *Добровольскій*, Смолен. Этногр. Сборн. с. 405 (коровій сынъ), 410 (кобылячій), 416 (собачій), *Hahn*, Grieh. und alb. Märchen № 14 (козій), 31, 41, 100 (змѣи) *Верещагинъ* 133 (вотяцкая сказка); *Садовниковъ*, сказки и преданія самарск. края § 34; *Вукъ Караджичъ* припов. № 1; *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи II 161—164 (сынъ ослицы, свиньи, быка); *Сборн. матер. о нар. Кавказа* IX, 189 (коровій сынъ).

Во II 3—12, III 123—129 *объясненіе пѣсни о соколѣ и конѣ* (споръ о быстротѣ и объясненіе, почему соколъ замѣшкался), обширный и цѣнный этюдъ по сравнительной литературѣ. Съ великор. пѣсней о соколѣ и конѣ, взятой изъ рукописи М. Е. Халанскаго, сопоставлены мал., серб., болгар., польск. и нѣкот. др. Потебня высказываетъ предположеніе, что мотивъ о посольствѣ орла (сокола) и коня и мотивъ о спорѣ коня съ соколомъ стоятъ въ тѣсной связи съ мотивомъ о смерти козака (героя вообще), находятся въ зависимости отъ послѣдняго мотива. Въ доказательство приведено много пѣсенъ изъ печатныхъ источниковъ и частныхъ неизданныхъ сборниковъ. Мотивы весьма распростанены и, судя по этому, глубоко древни. Ранѣе Потебни пѣснями о соколѣ и конѣ интересовался *Новицкій*, напечатавшій въ 76 № Кіевскихъ Губерн. Вѣдомостей 1871 г. три варіанта малорусской

пѣсни о состязаніи коня съ орломъ. Новицкій относилъ эту пѣсню къ козацкому періоду южнорусской исторіи. Замѣтка Новицкаго осталась Потебнѣ неизвѣстной. По новизнѣ варіантовъ и дѣльнымъ примѣчаніямъ издателя эта замѣтка до настоящаго времени сохранила научное значеніе и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ цѣнному этюду Потебни.

Во II 13—22 и въ III ч. 16 *объясненіе веснянки „Тума танокъ разводыть“*. (Т. не видитъ въ числѣ танцующихъ Рожи-спáжи. Мать чесала Рожу и совѣтовала ей не довѣряться тумѣ). Веснянка записана Потебней на родинѣ, въ с. Перекоповкѣ роменск. уѣзда. Указаны сходные варіанты малорус., великор., сербскіе и болгарскіе (III 16—18). Приведены разныя значенія сл. тума: человѣкъ, происшедшій отъ помѣси татарской и русской крови, ненадежный, полуумный, придурковатый. Объясненіе значенія сл. Рожа-спáжа (Роза госпожа). Любопытный подборъ малор., великор. бѣлор. и сербскихъ народныхъ пѣсенъ на мотивъ: *чесаніе и заплетанье косы и завиваніе кудрей, какъ обычный образъ материнской любви*. Къ мѣсту приведены повѣрья, что домовой, любя лошадь, завиваетъ ей косы, и гаданія на завитье волосъ. Потебня веснянку „Тумá танокъ разводыть“ и пр. сначала разсматриваетъ съ исключительно малорусской точки зрѣнія, какъ величанье дѣвицы, а потомъ привлекаетъ къ сравненію бѣлор. и серб. пѣсни и склоняется къ мысли, что въ разбираемой пѣснѣ можетъ заключаться предсказаніе замужества дѣвицы.

Въ статьѣ о веснянкѣ „Тума и пр.“ находится маленькая, но любопытная деталь: объясненіе начальнаго образа пѣсни „Ой ты, селезню, косы части! Хто жъ тоби косыци завивавъ?— Завивала мини утинка“... природнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ С. Аксаковымъ въ „Зап. руж. охотника“, что дикая утка, чтобы усыпить селезня, тихо и долго щекочетъ его спину: народъ думаетъ по примѣненію къ себѣ, что селезень любитъ искаться въ головѣ.

Во II 1—2 *замѣтка о пѣснѣ „якъ не женывся, то и не журывся“*, записанной Потебней въ волчанск. у. харьк. губ. (мужъ покупаетъ корабль и пускаетъ на немъ жену въ море,

вскорѣ проситъ вернуться, накормить сына; жена отказываетъ за побои). Потебня указываетъ на сходную великорус. пѣсню. Замѣтка краткая. Потебня, вопреки своему обычаю, не останавливается на деталяхъ пѣсни, въ числѣ которыхъ есть два характерныхъ выраженія: „ни до звичаю до йобычаю“, „мила сидыть-якъ свѣча горыть“. Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе Потебни въ началѣ замѣтки: „Смежность населеній великорусскаго и малорусскаго, напр., въ харьк. и курск. губ., какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на пѣсенность того и другаго. Не говоря объ исконномъ сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могутъ быть отнесены къ третьему разряду, не представляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Изъ этого разряда иное можетъ быть современемъ отнесено къ первому, иное—ко второму, но кое-что и окончательно сочтется образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно въ сумежьѣ“.

Въ IV 79 находится интересная замѣтка о малорусскихъ пѣсенныхъ *выраженіяхъ чистоты* (хаты, постели), именно: „Ой не литай, мудрагелю, по пидъ чорну стелю, не пороши миленькому чистую постелю“. „Милый образъ, поясняетъ Потебня, постель такой бѣлизны, что на ней будетъ замѣтна даже пылинка сажи, отбитая отъ потолка курной хаты врыломъ ночнаго мотылька“; варіантъ: „прилетивъ шершень зъ стели, та впавъ на постели“. Къ хатѣ некурной относится изображеніе чистоты вѣнка и стели (якъ паперъ била).

Въ III 21—24 *о различеніи зари и свѣта*, вообще разныхъ степеней утренняго свѣта—рядъ примѣровъ изъ пѣсенъ малор., великор., серб., словац., болг., литовскихъ. Сюда вошло объясненіе малор. загадки: „одно каже свитай Боже“ и пр. Отмѣчено нѣсколько любопытныхъ деталей въ народныхъ опредѣленіяхъ свѣта, напр.: „въ малор. различается не только заря-aurora отъ свитъ, билый день; но и въ самой зарѣ ея начало: „ще тілько зоріе“. Эти объясненія пріурочены къ выраженію Слова о п. Игоревѣ „заря свѣтъ запала“, которое П. читаетъ: заря свѣтъ заповѣдала. Комментарій выходитъ за предѣлы ча-

стнаго случая, приподнимаетъ крайчикъ завѣсы съ народнаго міросозерцанія, освѣщая цѣлый рядъ прекрасныхъ пѣсенныхъ мѣстъ.

Въ IV 83 находится *объясненіе поговорки „онъ собаку съѣлъ“* существованіемъ сказки о косарѣ, съѣвшемъ собаку на косовицѣ. Сказка записана Потебней въ Кочеткѣ зміевскаго у. (Харьк. губ.). Объясненіе сомнительное. Ранѣе не было отмѣчено сказки такого рода, и м. б. сказка сложилась подъ вліяніемъ поговорки, а не наоборотъ.

Въ IV 84—85 объясненія *поговорки „пропавъ ни за цапову душу“* (т. е. даромъ). Четыре возможныхъ толкованія, и всѣ сомнительны.

Въ IV 86 объясненіе выраженія *„за чистую бѣлку“* (пропасть) — за настоящую цѣну. Воспоминаніе о томъ времени, когда бѣличій мѣхъ замѣнялъ еще металлическую монету.

Въ III 19—20 *замѣтка о повѣрьѣ, что каня проситъ дождя*, pragnie jak kania dźdżu. Исходя изъ славян. названій для коршуна пилюхъ, П. находитъ возможнымъ объяснить повѣрье жалобнымъ крикомъ коршуна піи или пію. Такъ какъ этотъ крикъ чаще слышится въ сухую погоду, когда коршуну больше добычи (онъ кричитъ паря́), то изъ этого одного могло родиться распространенное повѣрье, что каня проситъ дождя, такъ какъ пьетъ только ту воду, что ей канетъ въ ротъ, а съ земли не беретъ. Но далѣе П. говоритъ, что повѣрье это не должно быть объясняемо изъ однихъ славянскихъ данныхъ, ибо подобное повѣрье многократно упоминается въ памятникахъ санкритскихъ относительно чатака (cuculus melanolencus) и павлина (слѣдуютъ примѣры). Жажда, приписываемая этимъ птицамъ, легко могла быть понята, какъ тоска, горе. Крикъ орла въ томъ же родѣ, но только рѣзче (затѣмъ у П. слѣдуетъ прекрасная малор. пѣсня „Ой летивъ орелъ та по надъ моремъ“). Этотъ этюдъ любопытенъ, какъ одинъ изъ многихъ характерныхъ образцовъ методологическаго пріема Потебни отъ частнаго лингвистическаго факта восходить къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явленій.

Во II ч. на стр. 5 находится интересна замѣтка о *названіи извѣстнаго созвѣздія Возомъ и Большой Медвѣдицей.*

Потебня полагалъ, что названіе созвѣздія произошло отъ скр. арка—лучъ солнца, огня, хвалебная пѣснь, арчати—испускать лучи, восхвалять пѣснею. Въ силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта въ названіи созвѣздія (мнѣніе М. Мюллера) или, что П. считаетъ болѣе вѣроятнымъ, въ силу апріорнаго заключенія отъ однозвучности словъ къ сходству обозначаемыхъ имъ предметовъ (ркша-медвѣдь), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возомъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, индійцевъ, стало представляться медвѣдемъ или медвѣдицей, къ коимъ греки прибавляли еще вожака (Арктуръ). Если вѣрно мнѣніе Потебни, что Большая Медвѣдица первоначально называлась Возомъ, то замѣна названія во всякомъ случаѣ относится къ очень древнему времени, такъ какъ названіе созвѣздія ἄρκτος (медвѣдь) встрѣчается уже у Гомера, наряду съ болѣе народнымъ и быть можетъ болѣе древнимъ названіемъ ἅμαξα—возъ (*Pictet*, Les orig. indoeurop. II 581), малор. Визъ, нѣм. Wagen. Въ параллель къ объясненію названія созвѣздія Б. М., предложенному Потебней, приведу старинное объясненіе, вычитанное мною у *Bailly* Histoire de l'astronomie 1781 изд. 2, т. I стр. 426, 441: Созвѣздія Большой Медвѣдицы и Малой Медвѣдицы имѣли большое значеніе для грековъ и въ особенности для финикіянъ во время мореплаваній. У грековъ М. М. называлась финикійскими звѣздами, какъ постоянный компасъ финикійскихъ мореплавателей. Финикіяне Б. М. называли довеве или доиве, что значитъ говорящее; такъ какъ слово доиве въ финикійскомъ языкѣ означало и медвѣдицу, то произошло смѣшеніе названій и предметовъ, и греки приняли названіе Б. М. У арабовъ и въ настоящее время созвѣздіе это называется dubbeh—медвѣдица. Это объясненіе названія созвѣздія Б. М. представляется болѣе вѣроятнымъ. Если принять его, то часть объясненія Потебни—санкритское корнесловіе—устраняется, а часть—о первоначальности названія созвѣздія Возомъ остается. Въ обоихъ случаяхъ украинское и др. тожественныя названія созвѣздія Возомъ сохраняютъ большую древность.

Во II на стр. 15—17 находится гипотеза Потебни *о значеніи и происхожденіи слова Русь*. П. говоритъ, что корень этого слова принадлежитъ корнямъ или совсѣмъ забытымъ, или крайне затемненнымъ. Принимая, что ру—ар передъ согласною, Потебня слова Рус-ь, Рус-инъ сближаетъ, за исключеніемъ суфиксовъ, съ санскр. ршабhа—быкъ (=арсабhа), зенд. аршан, аршана—самецъ, мужъ, греч. ἄρσην—мужескій, мужественный. При такомъ толкованіи рус-инъ значитъ мужъ, а рус-ь—собирательное мужи, и оба слова представляются вполнѣ туземными. Далѣе Потебня высказываетъ мнѣніе, что лѣтописное сообщеніе подъ 6370 г. о призваніи Руси заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедши въ Русь, стали называться Русью, т. е., такими же мужами, воями, какъ и туземные... Во всякомъ случаѣ вѣроятно, говоритъ П., что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, напр., такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ патріарха Никифора: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чудь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ", которые стало быть не были Русью. По моему гаданію, продолжаетъ Потебня, и на югѣ не было племени съ именемъ Руси до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русскій. Русь въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ, болѣе сталкивавшихся съ иноземцами. Переходъ слова Русь отъ значенія состоянія къ значенію народа, отъ представителей къ представляемымъ, есть предположеніе, напоминающее былое. Такъ изъ козаковъ, бывшихъ первоначально людьми малыми въ смыслѣ количества, но не въ смыслѣ бродила, вышелъ въ XVII в. „людъ козакорусскій"...

Въ другомъ смыслѣ толкуется лѣтописное мѣсто о призваніи Руси въ статейкѣ г. Соболевскаго „Нѣсколько мѣстъ въ начальной лѣтописи", помѣщенной въ V кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора". Г. С. читаетъ такъ: „Рѣша Руси (т. е. Варягамъ) чудь, словѣне и кривичи вся: земля наша велика". Очевидно, что это филологиче-

ское толкованіе ведетъ къ совсѣмъ другимъ историческимъ комментаріямъ.

Въ IV 71—80 *о названіяхъ болѣзней: дна, усовъ, гостецъ.* Дъна упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Потебня указываетъ на сходныя славянскія названія: польск. dna—ломота, чеш., слов., хорв. и хорут. dna—колика, серб. бедено. Не стоитъ ли въ родствѣ съ этими словами малор. данье? Усовь сближена съ сути, сулица и др.—означаетъ колотье. При объясненіи гостця принято во вниманіе демоническое значеніе этой болѣзни, въ связи съ повѣріями въ домоваго, der Mahr, der Alp. Въ 1891 г. вышло сочиненіе *Зибрта* „Skřitek v lidovem podani staročeskem". Здѣсь на стр. 22—31 собрано много новыхъ матеріаловъ о демонѣ колтуна въ повѣрьяхъ чеховъ и поляковъ. Приведены народныя лѣчебныя средства отъ колтуна, старинныя и современныя. Демоническія повѣрья о колтунѣ у народовъ Западной Европы, чеховъ и поляковъ изложены со многими выписками изъ старыхъ памятниковъ. Статья Потебни г. Зибрту была неизвѣстна. Статьи Потебни и Зибрта дополняютъ одна другую; въ обѣихъ статьяхъ матеріалъ богатый, новый и оригинальный. При этихъ статьяхъ моя краткая замѣтка о гостцѣ въ „Культурныхъ переживаніяхъ" не имѣетъ значенія.

Во II ч. на стр. 18, 21 и въ III 122 находятся *объясненія нѣкоторыхъ темныхъ словъ въ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азóва;* именно: *мелюсъ*—искаженіе собственнаго имени Міусъ; поле *лиліе*—блеститъ, виднѣется; *оправни* кульбаки—oprawne kulbaki—дорогія сѣдла, съ золотой или серебряной отдѣлкой; *китици* замѣна менѣе понятнаго кити, а кити—искаженное китай, kitaj (польск.)—бумажная ткань; сонце *обитріе*, не обигріе, какъ у Ант. и Драг., и не обвитріе, какъ читаетъ Кулишъ, а, по объясненію Потебни, обутрѣеть. При этомъ П. приводитъ выраженіе народное „мы обвечерѣемъ тамъ—то" въ значеніи будемъ находиться вечеромъ, обечеретися—vespere deprehendi, серб. освануги; въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія „оубутрѣвъ же Гедеонъ за утра", „обутрѣвъ Ааронъ на утріи". Итакъ, сонце обитріе—когда появилось на востокѣ, „када свине и огрине сунце".

Въ III 61—67 находится этюдъ о значеніяхъ словъ *ворпести, воропъ* и др. въ слав. языкахъ рвать, прясть, дырявить, бросать, нападать, веретено, вихорь (въ литов.). Съ этнографической точки зрѣнія интересными представляются двѣ детали. Первое названіе воропаемъ коровая въ малор. свадебныхъ пѣсняхъ. Этотъ эпитетъ, по мнѣнію П., указываетъ, что въ короваѣ символизируется женихъ, овладѣвающій невѣстою, превращающій ее изъ дѣвицы въ жену, что стоитъ въ связи съ представленіемъ коровая быкомъ въ малор. пѣсняхъ, согласно съ римскимъ „ubi tu Cajus, ibi ego Caja“ (гдѣ ты быкъ, тамъ я корова). Возможно и другое объясненіе названія коровая быкомъ, если вѣрно мое предположеніе, высказанное въ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“ (1885), что коровай—замѣна животнаго жертвоприношенія, коровы или быка. Вторая деталь: сближеніе церк.-слав. вьрпсти — рвать, пожинать, драть съ литов. warpa колосъ, по предположенію, что сжинанію или кошенію хлѣба предшествовало срѣзываніе однихъ только колосьевъ, съ ссылкой на обычай грузинскій срывать одни колосья и оставлять солому на корнѣ для скота и удобренія и на свидѣтельство Самовидца, что при Хмельницкомъ въ 1637 г. „рвали збоже“; но послѣднее обстоятельство зависѣло отъ неурожая и повторяется въ такомъ случаѣ и въ новое время. П. приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о стоколосѣ, но сказаніе это выходитъ за предѣлы славянскаго міра. Вообще, всѣ этнографическія замѣтки Потебни по этимъ двумъ деталямъ вызываютъ сомнѣнія, и собранный П. фактическій матеріалъ можетъ быть объясняемъ съ другихъ научныхъ точекъ зрѣнія.

Во II ч. на с. 27—31 *о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ языкѣ*. Потебня раздѣляетъ вопросъ о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ на два: А) о заимствованіяхъ черезъ польскій, какими считаетъ слова бавовна (bawołna, baumwolle), бйкусъ (beguss), бляха, броварь, ваги, вирша, галунъ, гаптуваты, гетьманъ, голдуваты, груба, гунство (hundsfott), кганокъ (gang), кгнитъ, дробина, дякуваты, дзигликъ, жартуваты, карбуваты, кахля, коштуваты, крамъ, кухоль, кушниръ, купервасъ, ляда, лехъ, лихтарь, любистокъ, малюваты, мандруваты, мирку-

ваты, можджиръ — мущиръ (mörser), мордуваты, муроваты, муситы, набиръ (na-barg, borgen), общеньки (hufzange), орчикъ (ortscheit), паля (pfahl), пановка (pfanne), паньчоха (bundschuh), парахвія, плиндроваты, пляшка, прасъ (утюгъ), ратуваты, ряхуваты — рахуба, римаръ, ринва, риштування, саквы, смакъ, смалецъ, спижъ (glockenspeise, бронза), списъ, стельмахъ, стусанъ, ухналь (hufnagel), шинокъ, шкода, шляхъ, шмаруваты, шоруваты, шпаруваты, шпикгуваты, цямрина, и В) о заимствованіяхъ помимо польскаго языка непосредственно отъ нѣмцевъ, селившихся на Руси изстари (приведены лѣтописныя указанія подъ 1259, 1268, 1287, 1288 гг.), къ такимъ словамъ П. съ нѣкоторыми оговорками и сомнѣніями относитъ барма-пѣна на меду, вареньѣ (bärme), бендюги-роспуски (bindwagen), рептухъ (reiftuch), рундукъ (ründung), швидко (geschwind), линтварь овчина (linde waare), чмырь — табачный сокъ (schmiere), ширитвасъ—кадка (schrotfass), бешкетъ—пакость, стыдъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить, какимъ путемъ зашло то или другое нѣмецкое слово въ малорусскій языкъ. Кромѣ Потебни, на такихъ лингвистическихъ вопросахъ останавливался, какъ извѣстно, Миклошичъ, преимущественно въ словарѣ Die Fremdwörter in d. slav. Spr. Для исторіи культуры и этнографіи представляетъ большое значеніе подборъ инородныхъ словъ, чѣмъ занимались М. и П., и въ особенности, распредѣленіе ихъ по историко-культурнымъ рубрикамъ, по разнымъ отдѣламъ народной жизни (жилище, одежда, ремесла и пр.), чѣмъ никто, кажется, не занимался. А между тѣмъ научная работа такого рода, одинъ подборъ словъ открылъ бы любопытныя стороны иноземныхъ вліяній. Не случайно же, напримѣръ, съ малорусской хатой связаны такія названія, какъ дахъ, грубка, шибка, кганокъ. Названія эти указываютъ на извѣстныя культурныя вліянія; если бы опредѣлить по древнимъ памятникамъ первые случаи появленія этихъ названій, то можно намѣтить хронологическія опредѣленія относительно возникновенія тѣхъ или другихъ инородныхъ вліяній. Что касается до порядка группировки словъ, то полезныя указанія можно найти въ статьѣ г. *Тихова* о болгарскомъ

домѣ въ IX т. „Извѣст. Казанскаго Общества истор. и арх.“ 1891 года.

Кромѣ отмѣченныхъ нѣмецкихъ словъ въ малор. яз. Потебня приводитъ съ комментаріями еще слѣдующія: личманъ—человѣкъ низшаго состоянія (leisten), квачъ (quast), верцлягъ (verschlag—молотъ у мѣдниковъ), химорода (неудачное объясненіе сл. geheime rath, geheime kunst; если не ошибаюсь, это слово цыганское и означаетъ кузнечное ремесло); не до шмыги не-до дѣла, собственно не по угольнику (schmige).

Кромѣ того, въ соч. „Къ исторіи звуковъ“ разбросаны еще краткія замѣтки о слѣдующихъ малорусскихъ словахъ и выраженіяхъ: *„лысый дидько“*—лысый чортъ въ значеніи лукавый, хитрый (II 3); *„лунь вхопыла“* (7, и въ соч. „О миф. знач. нѣкот. обряд.“ 98, въ значеніи мифологическомъ лунь вхопыла—смерть взяла—умеръ); рѣка *Рось* (санск. арш, рш—течь, оплодотворять 15); фамилія южнорусскаго писателя XVII в. *Кальнофойскаго* изъ сл. Кально—хвостьскій (II 21), *левенець*—малодецъ и др. значенія въ связи съ родственными словами въ др. языкахъ (II при объяс. пѣсни о соколѣ и конѣ, 8); *на чуд* къ думѣ про Алексѣя Поповича—на чердакъ (II 23); *Холобзда*—имя сказочнаго лица, въ родѣ Вернигоры, Объедѣла, „що снигомъ на двиръ ходыть“, отъ холода, какъ остатокъ глубокой старины (III 8); *гарный*—хорошій, по предположенію П., заимствовано отъ южныхъ славянъ, а послѣдними отъ грековъ. χαρεις, χαρειν; *гиля!*—кликъ гусей—болг. ела, греч. ἔια—ступай сюда; *нигичъ*—нисколько=болг. и тур. xur—вовсе нѣтъ; бешиха—рожа отъ румынск. bešike; *бигме* (у Котляревскаго и въ народ. пѣсняхъ)=серб. бог-ме; *кградина*—огородъ на полѣ=серб. градина—садъ; *паланка*—серб. паланка—городъ; *душманъ*—ворогъ отъ сербовъ, болгаръ, волоховъ или прямо изъ турецкаго, въ который вошло изъ персидскаго (III 14—15); *продажа*, *промыто*, и др. *юридическія слова* (III 43—54; замѣтка важная для исторіи рус. права); *зась* (въ значеніи: нѣтъ дѣла отъ за сѧ—за себя, назадъ и прочь, III 55); цуръ тоби—*пекъ* тоби (опако, назадъ, III 57), *поторочa*, *мавки*, *потерча* (бѣгущее вслѣдъ за...., потерчата—дѣти, умершія безъ креще-

нія, серб. трчати—бѣжать, III 58—60); *веремія крутыты* (сомнительное сближеніе съ верепаемъ, III 67); Прудыусъ (искаженіе прудымусъ, усачъ съ растопыренными усами III 120); *маточникъ* (у Мицкевича), островъ *буянъ*, *прей* (IV, 51—55); *Щавидубъ* (сказочный богатырь, отъ зчавити—сдавить, IV, 64); названія рѣкъ *Сула*, *Осколъ*, *Мжа* (значеніе течь, IV, 67).

Главный трудъ А. А. Потебни по этнографіи—это „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ" въ двухъ большихъ томахъ. Если бы Потебня ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполнѣ достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи въ томъ смыслѣ, какъ по отношенію къ собиранію матеріаловъ первыми по величинѣ дѣятелями представляются Чубинскій и Головацкій. Съ этими тремя именами связывается представленіе о рѣдкомъ трудолюбіи въ накопленіи матеріала и глубокомъ образцовомъ изученіи его. Достоинство „Объясненій" увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нихъ, и нашъ обзоръ содержанія и посильная оцѣнка этого труда разсчитаны на то, чтобы обратить на него вниманіе читателя и облегчить пользованіе имъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Возсоединеніе уніатовъ въ м. Ратномъ волынской губерніи въ 1838 году.

Возсоениненіе уніатовъ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ по населенію уніатскомъ поселкѣ, мѣстечкѣ, городѣ западно-русскаго края вызывало между православными и уніатами много недоразумѣній или даже враждебныхъ столкновеній. Такими столкновеніями особенно богата исторія возсоединенія уніатовъ въ м. Ратномъ ковельскаго уѣзда, волынской губерніи, этомъ „гнѣздилищѣ уніи", по выраженію архимандрита Іероѳея (впослѣдствіи волынскаго викарія), главнаго дѣятеля при возсоединеніи ратненскихъ уніатовъ. На ряду съ эпизодами и, если угодно, курьезами здѣсь мы встрѣчаемъ много важныхъ, характерныхъ данныхъ для сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ уніатовъ къ православнымъ въ періодъ возсоединенія.

Мы попробуемъ на основаніи черновыхъ бумагъ преосвященнаго Іероѳея, касающихся вопроса возсоединенія ратненскихъ уніатовъ, и III т. „Записокъ Іисифа, митроп. литовскаго" [1]), разсказать вкратцѣ исторію этого возсоединенія [2]).

---

[1]) Изданныхъ въ 1883 году Императорскою Академіею Наукъ.

[2]) М. Ратно въ половинѣ XIV в. было завоевано Гедиминомъ и долгое время оставалось подъ властью его потомковъ; затѣмъ оно перешло во владѣніе Любарта, князя волынскаго и холмскаго. Казимиръ Великій, по договору съ Ольгердомъ, въ 1366 г. закрѣпилъ его за собою и сдѣлалъ старовствомъ. Привилегіей Владислава, кор. польс. и венгерс., Ратно подчинено въ 1420 г. общему магдебургскому положенію. Въ 1433 г. оно уже упоминается, какъ принадлежащее кн. Сангушку, который получилъ его отъ короля Владислава („Archivium ks. Sanguszkow", t. I str. 32). По статистическимъ даннымъ 1569 г., въ Ратно насчитывалось уже 278 домовъ. Въ 1615 году Сигизмундъ III, въ виду большой бѣдности мѣстечка,

Русское православное епархіальное начальство давно обращало свое вниманіе на это „гнѣздилище“ и дѣлало попытки привлечь уніатовъ къ православной церкви. Попытка, сдѣланная въ этомъ родѣ лѣтомъ 1834 года, не имѣла успѣха. Когда, по распоряженію православнаго гражданскаго и епархіальнаго начальства, въ этомъ году было приступлено къ устройству въ м. Ратномъ православной церкви, прихожане „одни во всемъ ковельскомъ уѣздѣ сопротивлялись устройству церкви по правиламъ восточной церкви и переставили буйствомъ сами собою престолъ къ стѣнѣ по римскому обыкновенію“ [1]), „сняли завѣсу съ царскихъ вратъ и нарушили святотатски должное святынѣ благоговѣніе“ [2]). По этому дѣлу была назначена Высочайшей волей военносудная коммиссія, производившая слѣдствіе надъ преступниками [3]). Многіе изъ сопротивлявшихся были преданы „уголовному суду и наказанію“ [4]).

позволилъ ему „Stowanie na własną za korzyść gorzełką“. Имъ же учреждена должность „bakalarza lackiego“ при костелѣ. По даннымъ 1628 г. въ составъ ратненскаго старостваа входили села и деревни: „Zamszany, Datyń, Synow, Wiliemcze, Tur, Zdomysliany, Kortylesy, Powiet, Radostow, Szczdrogost, Wiotły, Zalosy, Glóchy, Zastawie или Przechód, Dubeczno, Krymno, Koscienie, Zerzyct, Samarowicze, Wydranica, Postupla“. Сумма „prowentu“ со всѣхъ селъ равнялась 4008 fl. Въ 1771 г. Ратно было во владѣніи Александра Любомирскаго. На сеймѣ 1773—1775 г. „podaly te dobra narodowe w posiadanie emfitentyczne spadkobiorcom Wincentego i Katarzyny z Sosnowskich Platerow“. На томъ-же сеймѣ выдѣлена особая коммиссія для точнаго обозначенія границъ ратненскаго староства. („Slownik Geograficzny królewstwa Polskiego“ т. IX. Warsz. 1888 г.). О Ратномъ, кромѣ того, упоминается въ „Archiw. ks. Sangusz.“ t. 3, стр. 89—99, т. 4. См. Указат.; „Памятники кіевс. арх. ком.“ т. III, отд. 3, стр. 317; „Арх. юго-зап. Рос.“ ч. II, т. I. стр. 374; ч. 3 т. 3 стр. 335; ч. 6, т. 1. прилож. стр. 71. Цѣнныя монографіи о Ратномъ: кн. Любомирскаго въ „Bibliot. Warsz. 1855 г. t. II str. 209—232. и Яблоновскаго.—„Lustracye krolewszczyzn ziem russkich“ str. 152—162. Въ частности, о сопротивленіи уніатовъ на Волыни въ ковельскомъ уѣздѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія можно читать статью свящ. П. Гапановича въ „Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ“ за 1886 г.

[1]) Запис. мит. Іосифа т. III стр. 364—365 (Конфиденціальное отношеніе м. Іосифа къ об.-прок. св. Син. Протасову отъ 4 мая 1838 г.)

[2]) Тамъ-же, стр. 94.

[3]) Тамъ-же, стр. 140—141 (конфиденц. отнош. м. Іосифа отъ 5 фев. 1835 г. къ м. в. д. Д. Н. Блудову съ просьбою о распоряженіи, чтобы военно-судная коммисссія, учрежденная надъ крестьянами, допустившими безпорядковъ (и) въ ратненскихъ церквахъ, не вводила въ дѣло стороннихъ обстоятельствъ.

[4]) Тамъ-же, стр. 365.

Въ 1837 г. и въ началѣ 1838 г. встрѣчаются уже случаи частнаго обращенія уніатовъ къ православію. Хотя греко-унитскій протоіерей ратненскаго деканата о. Максимиліанъ Дмоховскій и старался „раскрыть... лично въ Почаевѣ преосвященному волынскому архіепископу Иннокентію... о вредныхъ послѣдствіяхъ отдѣльнаго обращенія части ратненскихъ прихожанъ [1]), но его старанія не имѣли успѣха.

Весной 1838 г. было, наконецъ, приступлено къ коллективному возсоединенію ратненскихъ уніатовъ вслѣдствіе оффиціальнаго заявленія большей половины уніатскаго населенія (1360 душъ) о желаніи присоединиться.

Волынскій губернаторъ Масловъ особымъ отношеніемъ увѣдомилъ уніатскаго епископа Антонія о томъ, что греко-россійское духовенство, по распряженію епархіальнаго начальства, хочетъ начать присоединеніе къ православію 1360 ратненскихъ греко-унитскихъ прихожанъ и просилъ у его преосвященства соотвѣтствующихъ распоряженій.

Преосвященный Антоній „предложилъ консисторіи предписать ратненскому благочинному Дмоховскому подъ стражайшею отвѣтственностью не противодѣйствовать присоединенію къ православію ратненскихъ прихожанъ и по требованію отдать во владѣніе православнаго духовенства мѣстную ратненскую, грекоунитскую церковь" [2]) и увѣдомилъ о начинавшемся дѣлѣ м. Іосифа.

М. Іосифъ въ свемъ особомъ конфиденціальномъ распоряженіи подтвердилъ предписанія Антонія съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы церкви приходской не отдавать во владѣніе православнаго духовенства впредь до дальнѣйшаго распоряженія [3]).

Послѣднее распоряженіе м. Іосифа не имѣло, впрочемъ, значенія: оно опоздало въ своемъ исполненіи. Обстоятельства сложились иначе. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 364.

[2]) Записки м. Іосифа Литовс. т. III. стр. 364.

[3]) Тамъ-же, стр. 366 (секретное отношеніе м. Іосифа Дмоховскому отъ 6 мая 1838 г.)

Дмоховскій еще 28 апрѣля (слѣдовательно, за двѣ почти недѣли до появленія послѣдняго отношенія Іосифа отъ 6 мая) долженъ былъ сдать Воскресенскую церковь уніатамъ, по настоянію гражданскихъ и духовныхъ властей.

М. Іосифъ, какъ опытный грекоунитскій администраторъ, понималъ съ какими неудовольствіями съ обѣихъ сторонъ совершается присоединеніе къ православію въ западно-русскомъ краѣ. Онъ не безъ основаній предвидилъ въ этомъ дѣлѣ „новую суматоху, новыя затрудненія, новый расколъ“ [1]), и въ своемъ отношеніи къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову предлагалъ въ интересахъ полюбовнаго соглашенія уніатовъ съ православными слѣдующее замѣчательное мнѣніе.

„По моему мнѣнію, писалъ митрополитъ литовскій, этому дѣлу (возсоединенію ратненскихъ уніатовъ) можно бы дать самый благопріятный оборотъ. Волынское епархіальное начальство могло-бы чрезъ православнаго благочиннаго объявить ратненскимъ прихожанамъ (если можно, еще до совершенія обряда присоединенія), что начальство благодаритъ ихъ за усердіе, что оно считаетъ уніатовъ и грекоунитское духовенство принадлежащими къ православной церкви и не находитъ нужнымъ ихъ обращать. Затѣмъ оставило бы протоіерея Дмоховскаго по прежнему ихъ священникомъ, и я бы его обязалъ при семъ случаѣ не вспоминать на будущее время при богослуженіи папы и не прибавлять въ символѣ *„и Сына“*. Этотъ поступокъ далъ бы совершенно новое направленіе общему образу мыслей, и волынская епархія въ теченіи года или двухъ вмѣсто 1360 прижанъ пріобрѣла бы безъ всякаго шуму 100,000 уніатовъ, по волынской губерніи состоящихъ“ [2]).

Но мнѣніе м. Іосифа, нѣсколько расходившееся съ мнѣніемъ и планами начальства и притомъ достаточно таки запоздалое, не было принято во вниманіе. Еще раньше его проэкта, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ епархіальнымъ начальствомъ былъ командированъ въ Ратно архимандритъ Іероѳей для формальнаго присоединенія ратненскихъ уніатовъ къ православію.

---

[1]) Тамъ-же стр. 365.

[2]) Записки м. Іосифа литовс. т. III, стр. 365—366.

Начальство не безъ основанія опредѣлило для этой миссіи именно арх. Іероѳея. Какъ уроженецъ ковельскаго уѣзда (пр. Іероѳей родился въ с. Облапахъ ковельскаго уѣзда, вблизи самого Ратного имѣвшій притомъ отца уніата, онъ болѣе чѣмъ кто-либо былъ знакомъ съ духомъ и характеромъ уніи и вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣлямъ миссіи.

15 апрѣля архимандритъ Іероѳей съ діаконами и пятью пѣвчими выѣхалъ изъ м. Почаева и 17, позднимъ вечеромъ прибылъ въ Ратно. Прибывшимъ былъ оказанъ далеко нерадушный пріемъ даже со стороны православныхъ. Хотя ковельское начальство и было предупреждено о пріѣздѣ архимандрита, но тѣмъ не менѣе оно не позаботилось даже приготовить для него приличнаго помѣщенія, и о. архимандритъ долженъ былъ во все время своего пребыванія въ Ратномъ жить въ еврейскомъ домѣ. О. Максимиліанъ Дмоховскій предлагалъ, впрочемъ, свою квартиру, но о. Іероѳей не согласился на предложеніе, не желая навлечь на себя подозрѣніе въ преждевременномъ соообществѣ съ грекоунитскимъ протоіереемъ. Вскорѣ въ Ратно прибылъ ковельскій земскій исправникъ Бѣляевъ, съ которымъ особенно близко сошелся о. Іероѳей, и который оказалъ значительное содѣйствіе при возсоединеніи уніатовъ. Кромѣ Бѣляева, помощниками въ этомъ дѣлѣ явились мѣстныя административныя, гражданскія и духовныя лица: станой приставъ Лобурцовъ, благочинный священникъ о. Іона Дашковскій, священникъ о. Иванъ Михалевичъ и вообще православные священники, которыхъ, впрочемъ, тогда въ ратненскомъ округѣ было немного. Гражданскія власти оказались здѣсь далеко не лишними. Безъ нихъ можно бы сомнѣваться въ успѣхѣ миссіи о. Іероѳея: такъ значительна и сильна была оппозиція со стороны грекоунитскаго начальства. Въ своемъ отчетѣ о. Іероѳей съ большой похвалой отзывается о дѣятельности всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ возсоединеніи, и въ частности даетъ лестный отзывъ о Бѣляевѣ и Лобурцовѣ.

Присоединеніе началось съ мѣстнаго священника уніата Кульчицкаго, раньше другихъ заявившаго о своемъ желаніи перейти изъ уніи въ православіе. Неизвѣстны съ точностью мо-

тивы его перехода. Грекоунитскій протоіерей о. Максиміліанъ Дмоховскій, зорко слѣдившій за ходомъ возсоединенія своихъ прихожанъ въ Ратномъ, гдѣ, по его словамъ, имъ были положены „послѣднія силы" для служенія своей паствѣ [1]), объясняетъ переходъ Кульчицкаго въ православіе грубо-матеріальнымъ разсчетомъ. „Живя въ м. Ратномъ, доносилъ Дмоховскій м. Іосифу, священникъ Іоаннъ Кульчицкій подстрекнулъ тайно бóльшую часть тамошнихъ прихожанъ его, Дмоховскаго, къ дачѣ подписки въ томъ, что они соглашаются на принятіе православной вѣры и чтобъ у нихъ былъ священникомъ никто другой, какъ оный Кульчицкій" [2]). Конечно, этимъ словамъ Дмоховскаго, какъ человѣка, горячо заинтересованнаго въ судьбѣ своихъ прихожанъ и явно склонявшагося притомъ на сторону уніатовъ, нельзя придавать полной вѣры; во всякомъ случаѣ дѣлу возсоединенія много, кажется, повредило то обстоятельство, что о. Кульчицкій былъ человѣкомъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, небезъукоризненнаго поведенія. Въ теченіи почти всего времени своего священства (18 лѣтъ) онъ „постоянно состоялъ подъ слѣдствіемъ по различнымъ дѣламъ; по одному изъ уголовныхъ дѣлъ оставленъ Правительствующимъ Сенатомъ въ сильномъ подозрѣніи (по дѣлу о поджогѣ строеній предмѣстника Дмоховскаго, священника Полухтовича), нѣсколько разъ состоялъ въ запрещеніи и низводимъ былъ въ дьячки [3])", начато было даже дѣло „о преднамѣренномъ отъ Кульчицкаго отравленіи самого благочиннаго Дмоховскаго"... Если даже согласиться, что такая рѣзкая аттестація Кульчицкаго дана Дмоховскимъ не безъ преувеличеній и пристрастій, вполнѣ естественныхъ у человѣка, имѣющаго личныя причины вражды къ Кульчицкому, то всетаки въ Кульчицкомъ нельзя видѣть человѣка съ нравственнымъ достоинствомъ и пастырскимъ авторитетомъ. На переходъ въ православіе такого человѣка уніаты да, кажется, и всё населеніе смотрѣли какъ на конфессіональную мистификацію съ удачно разсчитанной для себя выгодой.

---

[1]) Записки Іосифа Литовскаго. т. III, стр. 375.

[2]) Тамъ-же т. III стр. 363.

[3]) Записки м. Іосифа литовск. т. III стр. 367 и 368.

О немъ пошли разные сплетни и слухи, съ которыми естественно связывалось и имя о. Іероѳея. Стали говорить, что присоединяться къ православію нужно только тѣмъ, кто чувствуетъ за собою какія-нибудь преступленія, грѣшки, что простой народъ ни въ чемъ неповиненъ... Населеніе всполошилось, слышались недовольства противъ о. Іероѳея.

Стало ясно, что присоединеніе ратненскихъ уніатовъ къ православію дѣло далеко не такое легкое, какимъ оно казалось о. Іероѳею вначалѣ. Уніаты имѣли тайнаго, но энергичнаго и дѣятельнаго защитника своихъ интересовъ въ о. Дмоховскомъ,—человѣкѣ двоедушномъ и хитромъ.

Этотъ человѣкъ, управлявшій цѣлымъ ратненскимъ деканатомъ, понялъ, что, при начавшемся въ цѣломъ краѣ стремленіи уніатовъ къ православію, выгодно заявить себя предъ начальствомъ ревностнымъ поборникомъ его государственно-вѣроисповѣдныхъ, объединительныхъ интересовъ, выступить въ качествѣ православнаго миссіонера (при своемъ уніатскомъ званіи). Ничѣмъ особенно не смущаясь, онъ подаетъ докладную записку православной администраціи о томъ, что, благодаря его заботамъ и стараніямъ, 1360 уніатовъ его прихода согласны перейти въ православіе. Заботы и старанія о. Дмоховскаго были, впрочемъ, воображаемымъ подвигомъ, а цифра 1360 уніатовъ была положена по вѣрѣ въ предполагаемую возможность такого числа прозелитовъ. О. Дмоховскій, повидимому, совершенно не ожидалъ, чтобы его докладная записка имѣла серьезныя послѣдствія; онъ разсчитывалъ только отличиться, выдвинуться предъ начальствомъ и въ крайнемъ случаѣ отдѣлываться канцелярскими отчетами о своихъ мнимо-миссіонерскихъ заботахъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. На основаніи именно этой записки и была назначена миссія о. Іероѳея. И вотъ теперь, когда дѣло стало близко къ развязкѣ, когда пріѣхавшая коммиссія приступила къ возсоединенію, о. Дмоховскій неожиданно дѣлаетъ ловкій tour de force и начинаетъ отстаивать интересы уніатовъ. Съ чисто іезуитскою хитростію онъ умѣлъ лавировать между православнымъ и своимъ уніатскимъ начальствомъ и мутить воду въ самую ясную погоду. Его спраши-

вали, почему онъ относится равнодушно къ дѣятельности о. Іероѳея. „Видя употребляемыя дѣйствующими (т. е. членами коммиссіи) средства, отвѣчалъ о. Дмоховскій, понудительныя и безнравственность въ народѣ распространяющія, видя возникающее отъ того замѣшательство между народомъ и духовенствомъ, я не нашелъ возможнымъ содѣйствовать членамъ коммиссіи и смотрѣлъ на всё равнодушно издали, за что сіи господа, вѣроятно, не засвидѣтельствуютъ обо мнѣ хорошо [1])“.

Посмотримъ. что это были за „средства, безнравственность распространяющія,“ и кто былъ причиною замѣшательства между народомъ и духовенствомъ.

Православнымъ нужны были церкви для богослуженій. Дмоховскій категорически отказалъ имъ въ этомъ. Тогда о. Іероѳей обратился за содѣйствіемъ къ свѣтскому начальству. Представленіе гражданскихъ властей, сдѣланное по предмету просьбы о. архимандрита къ Дмоховскому, не имѣло на первыхъ порахъ никакихъ послѣдствій. Дмоховскій упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что, пока присоединеніе къ православію совершенно не вполнѣ, онъ не вправѣ передавать уніатскія церкви православнымъ. Положеніе о. Іероѳея было крайне затруднительно. Наступили 23 и 24 апрѣля, одни изъ бойкихъ ярмарочныхъ дней въ м. Ратномъ (юрьевская ярмарка). Въ эти дни въ мѣстечко съѣзжается много народа. Представлялся удобный случай открыто заявить о возсоединеніи уніатовъ, но, за неимѣніемъ православныхъ церквей, эти дни остались безъ богослуженій, равно какъ не было службы и въ высокоторжественный день 21 апрѣля. „Праздники провели мы въ крайнемъ унынiи, писалъ арх. Іероѳей въ своемъ отчетѣ [2]) къ преосвящ. Иннокентію, глядя только на недоступные для насъ храмы Божіи“. Такое положеніе православной миссіи еще болѣе уси-

[1]) Записки м. Іосифа литовск. т. III стр. 374 (Отношеніе м. Іосифа отъ 1 іюня 1838 г. за № 215 къ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову съ прописаніемъ рапорта благочиннаго Дмоховскаго о порядкѣ, какимъ совершалось присоединеніе ратненскихъ прихожанъ къ православію. Рапортъ Дмоховскаго писанъ по польски; цитуется м. Іосифомъ по русски).

[2]) Не напечатанъ.

лило различные толки и сплетни въ простомъ народѣ, искусно раздуваемые и поддерживаемые приверженцами о. Дмоховскаго. „Народъ судилъ по тому, что видѣлъ, на насъ взирали какъ на *странныхъ* и пришельцевъ въ отечествѣ нашемъ, не имѣющихъ значенія", продолжаетъ Іероѳей въ своемъ отчетѣ. Полѣсскій народъ, собравшійся со всего ратненскаго деканата на ярмарку, „услыша, что благочестіе пріѣхало изъ Почаева въ Ратно, по своей простотѣ считая, что благочестіе есть лицо, насильно толпился къ жидовскимъ окнамъ и, какъ на какое чудо, смотрѣлъ на грекороссійскаго монаха въ клобукѣ и рясѣ, произнося: „ахъ, яка страшна благочестія, ще-жъ мы отъ роду таковой не бачилы" [1]). Вообще, въ Ратно присоединеніе подвигалось очень медленно. Сравнительно большій успѣхъ имѣлъ о. архимандритъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ къ ратненскому деканату. Миссіонеры ежедневно ѣздили по селамъ и деревнямъ и присоединяли уніатовъ къ православію покойно и свободно. Когда число православныхъ возросло до такого количества, что могло составить свой приходъ, о. Іероѳей потребовалъ у Дмоховскаго возвращенія православной церкви, по смыслу закона 1 февр. 1800 г. (по которому церкви, по возсоединеніи грекоуніатовъ, возвращались православнымъ), но о. Дмоховскій по прежнему продолжалъ упорствовать. Тогда, по просьбѣ о. Іерофея, исправникъ лично явился въ домъ Дмоховскаго, требовалъ возвращенія церкви, грозилъ въ противномъ случаѣ судомъ, но о. Дмоховскій, по выраженію Іерофея, „не восхотѣ ничего разумѣти„ и стоялъ на своемъ.

Правда, Дмоховскій уступалъ на время (на 21-ое апр.) православнымъ одну уніатскую церковь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы богослуженіе въ ней было совершено на уніатскомъ антиминсѣ безъ освященія. Разумѣется, о. Іероѳей не согласился на такой компромиссъ. „Священнодѣйствіе православнаго архимандрита въ уніатской церкви, коея употребленіе отъ Дмоховскаго дозволяемо было только временно", по словамъ Іеро-

---

[1]) Запис. Іосифа Литовс. III 374.

ѳея, „означало бы, что не унія присоединяется къ православію, а православіе къ уніи“.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось такое неопредѣленное положеніе вопроса о возвращеніи церквей, если-бы вмѣшательство полиціи не привело его къ концу. Ковенскій исправникъ Бѣляевъ потребовалъ у о. Дмоховскаго рѣшительнаго отчета въ своемъ упорствѣ, угрожая въ противномъ случаѣ донесеніемъ высшему начальству и судебнымъ слѣдствіемъ. Тогда Дмоховскій особымъ отношеніемъ (отъ 27 апр. 1838 г. за№ 162) увѣдомилъ Биляева, что „ключъ отъ церкви Воскресенской еще 19 числа врученъ имъ викарію священнику Іоанну Страшкевичу для отдачи желающимъ, а онъ (т. е. Страшкевичъ) по службѣ отдалъ таковой ключъ старостѣ церковному, присоединившемуся уже къ православію, съ тѣмъ, чтобы этотъ отдалъ по требованію православному духовенству“. Вся эта сложная процедура передачи ключа была выдумана протоіереемъ Дмоховскимъ для отвода глазъ полиціи. Но полиція не вѣрила протоіерею. Произведенное по этому поводу ковенскимъ приставомъ 3 стана Лобурцовымъ дознаніе раскрыло только неудавшуюся хитрость Дмоховскаго. И только тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе становилось невозможнымъ, уніатскій протоіерей вынужденъ былъ уступить и передать (27 апр.) Воскресенскую церковь о. архимандриту. 28 апр. въ ней было совершено водоосвященіе съ окропленіемъ, а 29 была впервые отслужена торжественная православная литургія съ проповѣдью на тему: „се нынѣ благословите Господа, вси рабы Господни“ и участіемъ почаевскихъ пѣвчихъ [1]).

Съ пріобрѣтеніемъ православными церкви дѣло возсоединенія уніатовъ пошло значительно быстрѣе въ Ратномъ. Ежедневно совершаемая служба при хорошемъ пѣніи и произносимыя проповѣди, по словамъ миссіонера, привлекали къ православію самыхъ упорныхъ, закоренѣлыхъ уніатовъ. „Опытъ показалъ, писалъ Іероѳей въ своемъ отчетѣ, что въ дѣлѣ присоединенія уніатовъ къ православію пѣвчіе оказали особенно важ-

[1]) Настоятелемъ возсоединенной церкви былъ утвержденъ Кульчицкій.

ное значеніе". Всѣхъ присоединившихся въ маѣ оказалось 1069 душъ.

Протоіерей Дмоховскій не могъ равнодушно видѣть такой успѣхъ православія и, несмотря на то, что 27 апрѣля передалъ православнымъ Воскресенскую церковь, 3 мая сталъ протестовать противъ своего-же собственнаго распоряженія и отношеніемъ къ Іероѳею (отъ 3 мая за № 168) заявилъ, что церковь отнята православными незаконно и сталъ требовать ея возвращенія уніатамъ. „Если сего не признать сумасшествіемъ, писалъ о. Іерофей, то онъ шутилъ надъ нами и явно издѣвался надъ распоряженіями правительства". Разумѣется, протестъ Дмоховскаго не имѣлъ значенія. Еще больше озлобился протоіерей, когда отношеніемъ пристава Лобурцова (за № 112) было ему заявлено, что прихожане его деревни Гориничь поголовно присоединяются къ православію и просятъ передать ихъ уніатскую каплицу въ владѣніе православныхъ. Отношеніемъ отъ 3 мая онъ раздражительнымъ тономъ отвѣтилъ Лобурцову, что, отдавъ одну церковь православнымъ (Воскресенскую), онъ не уполномоченъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ сдавать другому священнику Горницкую каплицу. Ему указано было на законъ 1 февр. 1800 года; но о. Дмоховскій, по своему обыкновенію, не придавалъ такимъ указаніямъ особеннаго значенія и другимъ отношеніемъ отъ 4 мая еще разъ напомнилъ православнымъ, что „ни церквей грекоуніатскихъ, ни фундуша оныхъ, движимаго и недвижимаго, онъ, безъ распоряженія своего начальства, никому во владѣніе сдавать не можетъ". Дѣло о горницкой каплицѣ „специальной эстафетой" пошло 5 мая на разсмотрѣніе губернатора. Губернаторъ 9 числа особымъ отношеніемъ распорядился немедленно передать каплицу православнымъ. При отношеніи губернатора было приложено, между прочимъ, отношеніе отъ 22 апр. уніатскаго епископа Антонія къ губернатору о томъ, что онъ (Антоній) предписалъ Дмоховскому не противодѣйствовать присоединенію ратненскаго прихода. Дмоховскій, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, поспѣшилъ сдать каплицу православнымъ, не дожидаясь даже окончательнаго распоряженія губернатора (каплица была сдана 7 мая).

Въ исторіи присоединенія ратненскихъ уніатовъ особенно характерно двусмысленное поведеніе высшаго грекоуніатскаго начальства. Оффиціально якобы покровительствуя интересамъ православія, оно, частнымъ образомъ, давало неоффиціальныя, секретныя предписанія противоположнаго характера. Въ отчетѣ арх. Іероѳея говорится, между прочимъ, что ковенскій исправникъ стороною узналъ о двусмысленныхъ продѣлкахъ уніатскаго начальства. Этимъ только и можно объяснить хитрую политику ратненскаго уніатскаго протоіерея, который, оффиціально заявляя о своей близости къ православію, въ тоже время внушалъ своимъ прихожанамъ, „щобъ воны, якъ прыйидуть попы зъ бородами, не слухалы ихъ" и стращалъ одного ратненскаго церковника (Павла Тилькевича) различными угрозами и, между прочимъ, взысканіемъ съ него суммы, издержанной на воспитаніе его сына, если онъ перейдетъ въ православіе.

Пріобрѣтеніемъ горницкихъ прихожанъ и ихъ каплицы и кончилось собственно фактическая сторона возсоединенія ратненскихъ уніатовъ. Всѣхъ присоединившихся насчитывалось 1142 человѣка, въ томъ числѣ изъ духовнаго званія 35 человѣкъ. 11 іюня о. Іерофей со своимъ штатомъ „безъ особенныхъ происшествій" возвратился въ Почаевъ. Но этимъ не кончилась еще оффиціальная сторона дѣла.

Дмоховскій не скоро могъ примириться съ фактомъ и забыть свою неудачную попытку отстоять интересы уніатовъ. Онъ поднялъ цѣлое слѣдствіе противъ о. Іероѳея, сталъ доказывать, что присоединеніе было совершено насильственными мѣрами и потому незаконно. Въ поданномъ имъ греко-уніатскому епархіальному начальству доносѣ о. Іероеей обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что разъѣзжалъ самовольно по уніатскимъ селамъ и деревнямъ, сгонялъ уніатовъ въ одно мѣсто и насильственно приводилъ къ присягѣ; что 21 апр. въ царскій высокоторжественный день не служилъ литургіи; что о. Іероѳей своими насильственными мѣрами приноситъ не столько пользы, сколько вреда дѣлу возсоединенія, такъ какъ онъ (Дмоховскій) расположилъ своихъ прихожанъ безъ насилія перейти въ православіе и т. д. Хотя всѣ эти и многіе другіе въ такомъ же

родѣ пункты диктовало Дмоховскому его раздраженное, задѣтое самолюбіе, однако доносъ достигъ своей цѣли. Уніатское епархіальное начальство снеслось по поводу его съ канцеляріей Оберъ-прокурора св. Синода и успѣло бросить тѣнь на дѣятельность о. Іероѳея. Слѣдствіемъ этихъ сношеній была особая секретная бумага изъ канцеляріи Оберъ-прокурора св. Синода (1 мая 1838 г. № 923) къ преосвященному Иннокентію о дѣятельности о. Іероѳея въ Ратномъ.

Ратненскій протоіерей Дмоховскій, сообщалъ прокуроръ, доносилъ грекоуніатскому епископу Іосифу о томъ, что арх. Іероѳей употребляетъ насильственныя мѣры при присоединеніи ратненскихъ уніатовъ и сталъ безъ всякой причины во враждебныя отношенія къ Дмоховскому, содѣйствующему интересамъ православія и приглашавшему о. Іероѳея къ себѣ на квартиру; что о. Іерофей предпочелъ оставаться въ еврейскомъ домѣ; что будто бы о. Іероѳей на слова Дмоховскаго о мѣрахъ гуманности и терпимости по отношенію къ уніатамъ отвѣчалъ: „таковыя мѣры намъ совершенно неизвѣстны, мы придерживаемся своихъ мѣръ"; что если священникомъ въ м. Ратномъ будетъ Кульчицкій, то ему—Дмоховскому—угрожаетъ опасность жизни. Кульчицкій рекомендуется въ отношеніи прокурора, какъ человѣкъ самаго неблагонамѣреннаго поведенія, о Дмоховскомъ прокуроръ напротивъ очень высокаго мнѣнія, считаетъ его однимъ изъ благонадежнѣйшихъ грекоуніатскихъ священниковъ. „Если показанное Дмоховскимъ справедливо, говорилось въ отношеніи Оберъ-прокурора, то не могу не замѣтить, что въ дѣйствіяхъ о. архимандрита Іероѳея не усматривается того духа любви и кротости, коими должна быть растворена спасительная ревность по Бозѣ. Уклоненіемъ своимъ отъ дружественнаго съ протоіеремъ Дмоховскимъ сближенія и даже оставленіемъ высокоторжественнаго дня безъ богослуженія, при имѣвшихся къ тому средствахъ, онъ конечно не могъ подать обращаемымъ въ православіе благаго примѣра, котораго православная церковь и правительство вправѣ были отъ него ожидать, равно и допущенныя имъ принудительныя мѣры земскихъ чиновниковъ могли, безъ сомнѣнія, произвести раздраженіе въ умахъ" и т. п.

Преосвященный Иннокентій потребовалъ отъ арх. Іероѳея подробнаго отчета о своей дѣятельности въ Ратномъ. Отчетъ вскорѣ былъ представленъ преосвященному (отъ 14 іюня за № 42). Вотъ его содержаніе:

Во-первыхъ, если Дмоховскимъ приготовлены уніаты къ возсоединенію, писалъ о. Іероѳей, то странно жаловаться, что мы ихъ присоединяемъ и разъѣзжаемъ по уніатскимъ поселкамъ, а разъѣзжать мы вынуждены были потому, что объ этомъ насъ просили; куда насъ не просили, туда мы не ѣздили (напр. въ д. Лучицы, Конище — недалеко отъ Ратного); да и притомъ поѣздка представлялась болѣе удобнымъ средствомъ сношенія съ уніатами. Не обременять же ихъ вызовомъ за 7 и болѣе верстъ! Да и притомъ необходимо было провѣрить семейные списки, дабы малолѣтніе не остались неприсоединенными. Мы ѣздили даже по нѣскольку разъ въ одно и тоже село, такъ какъ не всегда заставали уніатовъ дома. Что касается оповѣщеній о нашемъ пріѣздѣ въ приселкахъ и созыва желающихъ присоединиться, то это было собственно дѣло гражданскихъ чиновниковъ, которые о насильственномъ сгонѣ людей отъ насъ не имѣли распоряженія.

Во-вторыхъ, самъ Дмоховскій говоритъ, что имъ подготовлено 1360 человѣкъ къ возсоединенію съ православными, а между тѣмъ было найдено 1142 человѣка, которые заявили гражданскимъ порядкомъ о своемъ желаніи присоединиться.

Въ-третьихъ, если бы мы позволили себѣ мѣру насилія надъ уніатами, то присоединили бы или весь ратненскій приходъ, состоявшій изъ 1695 душъ, или же во всякомъ случаѣ *больше 1360* человѣкъ, но сего не случилось.

Въ-четвертыхъ, въ неотправленіи богослуженія въ Высочайшій день не мы виноваты, а Дмоховскій, не отдавшій намъ ни одной церкви и предлагавшій лишь на время уніатскую церковь, на что невозможно было согласиться.

Въ-пятыхъ, спокойствіе и удовольствіе присоединяющихся лучше всего свидѣтельствуютъ, что мы не произвели на нихъ худаго впечатлѣнія.

Въ-шестыхъ, что касается наконецъ того, почему я не перешелъ на квартиру къ о. Дмоховскому, то цѣлесообразность моего поступка оправдана послѣдствіями... Да и притомъ, домъ, въ которомъ я остановился, приличный, близокъ къ Воскресенской церкви, а о. Дмоховскій живетъ далеко, въ концѣ мѣстечка.

Епархіальное начальство вполнѣ удовлетворилось отчетомъ арх. Іероѳея.

Ѳ. Кудринскій.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.[1)]

Тетка, знавшая еще ранѣе о моей экспедиціи, встрѣтила меня съ необычайною ласковостію, заботливо распрашивала обо всемъ случившемся съ нами по пути и, несмотря на то, что я хвастался храбростію, со слезами высказывала свое неодобреніе этого способа доставленія меня въ гимназію. Николаевскій служака, дядя Л—овъ, хранившій подъ суровой оболочкой вояки самое теплое сердце, только поощрялъ меня, повторяя: ничего-съ, все это такъ и слѣдуетъ испытывать мужчинѣ.

Заботливость свою тетка выказала, какъ водится, не только ласками, но и всевозможнымъ кормленіемъ и тѣмъ еще, что, когда я, заспавшись, проснулся поздно, то оказалось, что Прокопъ уже былъ отправленъ въ путь съ какимъ-то солдатомъ изъ подначальныхъ дядѣ Л—ову, и сама она, покормивъ и напоивъ на дорогу, подвезла меня на своихъ лошадяхъ до какого-то села, кажется—Кищинецъ, гдѣ мы догнали Прокопа съ солдатомъ. Тамъ мы попрощались, и я, много разъ перекрещенный и напутствуемый наставленіями не запаздывать, останавливаться въ селѣ у зажиточныхъ хозяевъ, снабженный массою провизіи и даже деньгами, тронулся въ дальній путь. Прокопъ тоже былъ не оставленъ милостями: въ возу оказалось нѣсколько арбузовъ, дынь и, кромѣ того, коржи и узелъ яблокъ.

Онъ сталъ теперь разговорчивѣе: видно было, что и онъ осмѣлился въ пути.

---

1) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 2.

Какими-то проселками мы наконецъ выбрались на чумацкій шляхъ, на которомъ была большая *мурованная корчма.* Откуда-то на ясномъ небѣ появилась тучка, и разразился стршный ливень. Хотя не хотя нужно было укрыться въ корчмѣ, куда мы и въѣхали черезъ заднія ворота.

Неподалеку отъ этой корчмы стояли двѣ большія чумацкія валки, а чумаки толпились въ первой избѣ шинка. Слышны были возгласы, пѣніе и звуки сопилки. Я прошелъ въ комнату хозяевъ и сквозь открытую ляду смотрѣлъ на сцену чумацкой гульни.

Картина эта такъ запечатлѣлась въ моей памяти, что, будь я живописцемъ, я могъ бы и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, изобразить ее во всѣхъ деталяхъ. Изо всей этой видѣнной и памятной мнѣ картины описываю, такъ сказать, отдѣльный эпизодъ ея.

Около поставленной торчмя пустой бочки стоялъ выдѣляющійся изъ цѣлой компаніи человѣкъ. Онъ былъ, одѣтъ въ широкія пестрядиновыя шаровары, спадающія на босыя ноги. Очкуръ у него былъ изукрашенъ бляшками и пуговицами, какъ равно и припонъ спрятаннаго въ карманѣ ножа. Поверхъ заношенной холщевой съ мережками рубахи надѣта была голубая съ желтыми шнурами гусарская куртка, такая, какія тогда носили, т. е. безъ всякихъ полъ. Лице, давно небритое, у него было зарощено рыжею щетиною и торчащими врозь подстриженными усами; на непокрытой головѣ торчали тоже врозь рыжые вихры. Онъ игралъ на сопилкѣ очень искусно, причемъ лице его краснѣло не только на вздутыхъ щекахъ, но и вокругъ глазъ.

Передъ нимъ съ рюмкою стоялъ высокій, красивый человѣкъ въ суконномъ жупанѣ на опашку, въ лихо заломленной высокой бараньей шапкѣ. Онъ одной рукой держался за плечо дударя, а другою съ недопитою рюмкою размахивалъ въ тактъ пѣсни, подпѣваемой подъ сопилку:

Въ кинци гребли шумлять вербы,
Що я й насадыла...
Та немажъ мого мыленького,
Що я й полюбыла!

Отчетливо закончилъ пѣвецъ пѣсню, взмахнулъ рюмкою, поставилъ ее на дно бочки и, припавъ къ дударю, замоталъ свѣсившеюся головою... Дударь пересталъ играть, лукаво посматривалъ на пѣвца, и какъ-то особенно загримасничалъ своею небритою физіономіею.

Пѣвецъ, очевидно, понялъ мимику рыжаго, отстранилъ его отъ себя, посмотрѣлъ ему въ глаза и вдругъ, нагнувшись, поцѣловалъ его, послѣ сразу оттолкнулъ и закричалъ:

— Грай, або гроши оддай! Шинкарю! Сыпъ горилки на виру, та пышы гроши на спыну!—И потянулся къ стойкѣ, подавая шинкарю пустую бутылку.

Въ то время онъ сквозь широкое отверстіе стойки увидалъ меня и уставился глазами. Черные брови его какъ-то сдвинулись, онъ крутнулъ усы и, замотавъ головою, забормоталъ:

— А що мени началство, паны! Я самъ соби началство! Матери ихъ чортъ! А же я никому невыненъ!... Сыпъ, кажу, швыдче! Обратился онъ опять къ шинкарю. Но требованій было столько, что еврей не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ и разсчитываться, и потому, вѣроятно, и его требованіе не было исполнено сейчасъ.

Я отстранился въ глубь комнаты, не желая попадаться опять на глаза пьянаго гуляки. Но не успѣлъ я найти еще себѣ мѣсто, какъ онъ какимъ-то образомъ проникъ уже въ это отдѣленіе корчмы—и подошелъ къ стойкѣ.

— Цо се ты сюди вперлося!—кинулась къ нему хозяйка еврейка, но онъ отстранилъ ее рукой и сталъ требовать водки.

— Заразъ, заразъ! Азе бацъ, що я одмиряю! успокоивалъ его шинкарь.

Чумакъ оперся рукою въ стѣну и сталъ осматриваться; опять уперся въ меня помутнѣвшими глазами. Онъ, очевидно, что-то соображалъ; какъ-то однимъ усомъ мигнулъ и направился ко мнѣ.

— Началство! Ажъ воно от-що! А же ты москальча? Га?[1]). Якъ пакъ васъ звуть у поселянщыни—туды геть, за гря-

---

[1]) Москаль—по украински солдатъ. Москальча—солдаченокъ.

ныцею. У запорожьи—кантонысты, наче. Знаю, бачывъ. Усе таки гиряви, у такихъ шапочкахъ (на мнѣ была гимназическая фурашка съ краснымъ околышкомъ).—Знаю, бачывъ! Муштруються, якъ справжни москали!—Разъ! два! разъ два! Почастую! ходимъ! Я такый!...“ говорилъ онъ, шатаясь передо мною, прижавшимся къ окошку и не знавшимъ, что дѣлать, чтобъ избавиться отъ этого громаднаго пьянаго человѣка. Онъ уже протянулъ свою огромную ручищу, чтобы тащить меня туда, гдѣ намѣревался частувать, какъ вдругъ на выручку явилась хозяйка еврейка.

Она стала между чумакомъ и мною, заслонивъ меня и стала упрашивать его идти туда, въ общую половину. Но онъ и не думалъ отступать отъ затѣяннаго угощенія: не двигался съ мѣста, отстранялъ шинкарку и все твердилъ свое:

— Геть къ нечыстій матери! Хиба тоби жалко моеи горилки! Геть! Воно хочъ и москальча, а горилку вже мабудь вжывае, бо на то воно служба—москаль! Якъ пакъ ихъ звуть!? кантонысты?

— Яке це тоби кантонысты? Тю, дурне! Це паныцъ, а завсимъ не кантанысты! Ай вей! Яке дурне! Азе ты раздывысь!... уговаривала шинкарка. Онъ замолкъ, какъ бы что-то соображая, а послѣ отстранилъ еврейку, опять, сдвинувъ брови, уставился глазами на меня и отшатнулся...

— А! такъ це панычъ! Панычъ! Ляшеня, выходыть! Такъ и е! Панычъ! А я ще хотивъ ёго частуваты! Хвороба й его матери!

Голосъ его становился еще громче, грознѣе. Я совершенно растерялся, не зналъ, что дѣлать, слезы готовы уже были брызнуть изъ глазъ...

— Воны ляхы прокляты! Ото дывысь сюды, обратился онъ къ еврейкѣ—дывыся на того, що ото на сопилци грае! Нечоловика зробывъ зъ его проклятый ляхъ! Нимымъ ставъ! Дывысь! Малымъ ще бувъ, то якось упустывъ у спашъ воливъ, а той якъ ставъ его катать гарапныкомъ та ще сонного, такъ и онимивъ! Нимымъ ставъ—не чоловикомъ: усе тямыть и чуе, на сопилци, бачь, грае, а нимый! Прокляти!...

Все это онъ проговорилъ, перебиваемый старающеюся удалить его еврейкою. Кончилъ, потрясъ кулакомъ и пошелъ, чуть не выталкиваемый шинкаркой и явившимся къ ней на помощь мужемъ.

— Отъ яке прокляте! гайдамака! — Обратилась ко мнѣ еврейка, какъ бы извиняясь въ случившемся.

Я былъ сконфуженъ, растерянъ и чуть не плакалъ, къ счастію дождь унялся и можно было сейчасъ же ѣхать, что мы съ Прокопомъ и сдѣлали, причемъ еле удалось мнѣ уговорить повернуть возъ и выѣхать опять въ задніе ворота, мнѣ было страшно встрѣтиться опять съ кѣмъ-либо изъ подгулявшей чумацкой компаніи, что легко могло случиться при выѣздѣ въ переднія фронтовыя ворота.

Когда мы минали послѣднюю валку, то какой-то чумакъ сталъ кликать кого-то изъ своихъ, восклицая.

— Дывысь! Ото такъ волы! Ой тожъ и волы! Но мы не останавливались и ѣхали по шляху, прихватывая на колеса промоченный дождемъ верхній слой дороги.

Солнце опять свѣтило и пригрѣвало, блестѣло на лужицахъ, на неопавшихъ капляхъ росы, на стебляхъ бурьяну; чорная туча съ двумя радугами уходила на востокъ; отъ корчмы доносились выклики пѣсенъ.

Все это мнѣ до мельчайшихъ подробностей памятно, и я въ состояніи воспроизвесть въ моей памяти чувство оскорбленія, униженія, озлобленности, въ которомъ я тогда находился послѣ этого столкновенія съ пьянымъ чумакомъ — гайдамакою, по словамъ еврейки. При всей демократичности воспитанія и особенно моего путешествія на волахъ, я всетаки былъ чистокровный панычъ, паненя, и меня душила злоба за оскорбленіе, которое я принялъ лично относящимся ко мнѣ, не умѣвъ понять, что проклятія, слышанныя, мною, относились вообще къ панамъ, несомнѣнно заслуживавшимъ въ то время порицанія во мнѣніи тѣхъ, которые дѣлались нѣмыми отъ ихъ арапниковъ. Притомъ же въ этомъ столкновеніи было донельзя унижено мое самолюбіе не какъ паныча, а какъ особы, возмечтавшей уже о себѣ послѣ проведенной въ полѣ ночи, послѣ хвастовства

своею храбростію передъ теткою. Въ моихъ мысляхъ о происшедшемъ я передумывалъ на разные лады то, какъ мнѣ слѣдовало держаться съ пьянымъ, что нужно было дѣлать. Многое приходило въ голову и между прочимъ то, что слѣдовало сейчасъ же осѣдлать слѣпого и ѣхать пожаловаться дядѣ Л—ову, но противъ этого стоялъ стыдъ передъ теткою, передъ которою я такъ много хвасталъ своею храбростью. Лучшее надуманное это было: *схватить* его (пьянаго) за шиворотъ и вытолкнуть изъ корчмы! Я до того увлекся этою невозможною мыслію, что даже возстановлялъ въ себѣ всю раздраженность, чуть не ощущалъ въ своемъ сжатомъ кулакѣ шиворота чумака.

— А онде дрохва! вдругъ прервалъ токъ моихъ мыслей Прокопъ.

Дѣйствительно по степи ходилъ цѣлый табунъ дрофъ. Они ничуть не боялись насъ, а спокойно паслись, пощипывали траву, только изрѣдка приподымая головы, чтобы взглянуть на насъ. Я сталъ ихъ считать и насчиталъ болѣе тридцати, постоянно сбиваясь, потому что и онѣ не стояли, и мы двигались.

— Тай багато ихъ! удивлялся Прокопъ Исакъ разсказувавъ, що, якъ бурлаковавъ винъ на Бессарабіи, такъ тамъ десь ажъ по-биля моря волохы разъ цилисенькый табунъ загналы у хутиръ. Пообмерзало усе писля дощу пирья на нихъ, такъ и загналы наче овець...

И затѣмъ, помолчавъ немного, какъ бы передумывая что-то, добавилъ:

— Винъ богато де чого розказувавъ! Опять молчаніе, передумываніе.

— Розсказувавъ, що тамъ десь у Лымани, чи на мори йивъ таку рыбу, що зъ однымъ окомъ. Така, каже, якъ лопата... Опять молчаніе...

Табунъ дрофъ мы уже проѣхали, въ сторонѣ на степи въ какой-то балочкѣ показались верхушки вербъ и крыши хатъ.

— Отъ тутъ бы намъ попасты воливъ тай напоиты онъ тамъ у бальци, тамъ, мабуть, е вода. А то не напувалы у корчми.

Я согласился, и мы, свернувъ къ сторонѣ шляху, выпрягли воловъ и пустили ихъ на пастьбу вмѣстѣ со слѣпымъ конемъ.

Прокопъ сейчасъ же порѣшилъ пойти къ хатѣ узнать, есть ли тамъ водопой, а я остался около воза. Скоро въ сторонѣ вербъ послышался собачій лай. Это означало, что Прокопъ уже дошелъ до хаты. Кругомъ было пусто, никого ни на степи, ни по шляху не видно было. Я отъ нечего дѣлать открылъ ящикъ съ провизіей и только что хотѣлъ выбрать что-нибудь повкуснѣе, какъ опять услыхалъ усиленный лай собакъ на хуторѣ и увидѣлъ шибко идущаго ко мнѣ отмахивающагося отъ собакъ Прокопа и на фонѣ вербъ какую то женщену.

Прокопъ объяснилъ, что тамъ „у балци можно добре попасты воливъ", что „дидъ казавъ", чтобы мы ѣхали туда къ хутору попасать. Я было сталъ раздумывать, но Прокопъ уже велъ за „налыгачь" воловъ и съ обычнымъ „шый-шый" сталъ запрягать. Осталось мнѣ только взять за поводъ слѣпого и мы поѣхали къ хутору прямо по степи, безъ дороги.

По мѣрѣ приближенія къ вербамъ, балка все больше и больше открывалась передъ нами; поближе вербъ оказался густой вишневый садокъ и около него бѣлая чепурная хата, подъ вербами полуразрушенная водяная мельница, отъ которой внизъ по балкѣ шла зеленѣющая сочною травою мочажина. Около прорванной плотины свѣтлѣлъ небольшой ставокъ. Женская фигура, отгонявшая кинувшихся къ намъ двухъ собакъ, оказалась дѣвушкой, очень красивой, одѣтой въ черную только запаску; на холщевой бѣлой сорочкѣ съ мережками краснѣло „намысто добре", а когда она опустила руку, которою закрывалась отъ солнца, на темныхъ косахъ ея оказался „червоный кисныкъ".

Отгоняя не унимавшихся собакъ, дивчина проводила насъ до самой хаты, гдѣ былъ поставленъ нашъ возъ, а волы и слѣпой отведены Прокопомъ на мочажину. Изъ сада, немного времени спустя, вышелъ къ намъ сѣдой дѣдъ безъ шапки, въ бѣлой рубахѣ и такихъ же бѣлыхъ штанахъ, запущенныхъ краями въ истоптанные сапоги. Поздоровавшись, онъ распросилъ меня, откуда и куда насъ Богъ несетъ, и пригласилъ въ садокъ „полудновать". Уютность мѣста и привѣтливость дѣда и дивчины, оказавшейся внучкою его, сразу плѣнила меня, осо-

бенно когда я зашелъ въ садокъ, гдѣ между тщательно подчищенными вишнями и яблонями стояло много ульевъ.

Въ тѣни отъ хаты и высокой вербы находилась цѣлая мастерская дѣда: онъ бондарилъ; тутъ стоялъ ослонъ, валялись разные инструменты, пучки чакалу, обручи и нѣсколько кадушекъ. Между ульями на особомъ столбикѣ подъ навѣсомъ изъ двухъ дощечекъ виднѣлась иконка. Освѣженная дождемъ, недавно бывшимъ и здѣсь, зелень ярко, сочно выглядѣла; все благоухало запахомъ травы и меду.

На перевернутой вверхъ дномъ кадушкѣ дивчина послала какой-то рушникъ, дѣдъ изъ сѣней хаты въ мискѣ принесъ нѣсколько сотовъ меду и, нарѣзавъ поданный внучкою хлѣбъ, пригласилъ меня и послѣ подошедшаго Прокопа „полудновать". Онъ тутъ же усѣлся бокомъ на своемъ бондарскомъ верстакѣ, ослонѣ, а внучка приткнулась около завалинки и не спускала съ насъ глазъ, чѣмъ не мало смущала меня. Мнѣ казалось,— да это, вѣроятно, такъ и было,—она разрѣшала въ умѣ своемъ вопросъ о томъ, что мы за люди. Ей, вѣроятно, страннымъ показался особенно я, панычъ, ѣдущій въ дорогу на волахъ.

Прокопъ раньше меня всталъ отъ трапезы и не сѣлъ, не смотря на упрашиванья старика. Онъ повернулся на востокъ, помолился и поблагодарилъ поклономъ какъ дѣда, такъ и дивчину.

Мнѣ показалось неприличнымъ оставаться одному и, хотя дѣдъ хлѣборѣзнымъ ножемъ отковырялъ и подвинулъ ко мнѣ соблазнительный кусокъ сота, я все таки всталъ съ какого-то ведра, на которомъ сидѣлъ, и въ точности продѣлалъ то же, что и Прокопъ, т. е. повернулся на востокъ, нѣсколько разъ перекрестился и, степенно поклонившись дѣду и дивчинѣ, поблагодарилъ „за хлибъ-силь, за полудень". Дивчина, по просьбѣ Прокопа, вынесла изъ сѣней въ глиняномъ „кухлѣ" воды и, когда онъ сталъ пить, степенно поклонилась и сказала: „добре здоровья пывшы".

Радушіе, вся эта степенность, этотъ этикетъ—все это мнѣ чрезвычайно нравилось, скажу больше, положительно плѣнило меня.

Когда по предложенію Прокопа я хотѣлъ идти „мазать“ возъ, старикъ, понявъ, что Прокопъ самъ не управится съ этимъ дѣломъ, если зоветъ меня, сказалъ:

— Седить тутъ въ холодку, а мы вдвохъ помажемо. Ще намажетеся: дорога ще далека! — Я было вздумалъ похрабриться, но ласковое—„седить, одпочыньте“—дѣда осадило мою прыть.

Дивчина тѣмъ временемъ убрала остатки „полуденка“, снесла все въ хату и, вышедши и отставляя въ сторону кадушку, служившую намъ столомъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хиба вы не лядськои виры?

— Ни, я православный!

Она улыбнулась какъ-то лукаво и говоритъ:

— Та що славни вы, то правда, що славни; такъ мени дывно, що вы панычъ, а Богу молытесь по нашому, якъ люде, а не по лядськи?

— Бо я православный, такои жъ якъ и вы виры, греко-россійськои.

Дивчына изумленно смотрѣла на меня, она, очевидно, не понимала...

— Наша вира проста, мужицька, а вы жъ якои?

— Такои жъ, якъ и вы, тилько вона, наша вира, такъ по пысьменному зветьця—православна, греко-каѳолическая, руська вира—старался я объяснить дивчинѣ.

Она всѣ эти мои объясненія слушала съ устремленными на меня умными сѣрыми глазами и, очевидно, поняла все, но тѣмъ не менѣе еще таки спросила:

— А говіете вы до (sic) нашого попа?

— До вашого, у церкви...

— Ну! такъ!

Наступила неловкая пауза въ разговорѣ. Я попросилъ напиться, но дивчина не подала мнѣ „кухля“, а со словами—„отъ я заразъ“ кинулась въ сѣни, сейчасъ же выскочила оттуда, выплеснула изъ деревяннаго ведра воду и по тропинкѣ отъ хаты побѣжала по воду. Въ саду около ставка она запѣла не помню какую пѣсню, показавшуюся мнѣ очень мелодичною,

печальною, шевелящей душу. Очень скоро на фонѣ зеленой листвы показалась ея стройная, граціозно изгибающаяся въ сторону несомаго ведра, фигура.

Что то неопредѣленное, невыразимое шевельнулось у меня на душѣ при видѣ этой красивой дѣвушки; мнѣ такъ хорошо было здѣсь, такъ хотѣлось бы говорить съ нею, не удаляться отсюда.

Много лѣтъ послѣ у меня, много повидавшаго, много и испытавшаго, часто въ памяти возставалъ образъ этой дивчины, въ бѣлой сорочкѣ и черной запаскѣ, и не затмѣвали этого образа ни пышно убранныя красавицы, ни жизненныя встрѣчи съ женщинами.

Когда дивчина съ обычнымъ поклономъ и съ пожеланіемъ „добре здоровья пывши" подала мнѣ кухоль холодной чистой воды, то я, взволнованный и переконфуженный, не соблюлъ мало мнѣ знакомаго этикета и вмѣсто того, чтобы напившись поблагодарить, оторвалъ губы отъ кухля и сказалъ „спасыби вамъ". Вышла неловкость, такъ какъ я послѣ „спасыби" продолжалъ пить воду, и напившись сказалъ опять „спасыби". Мы обое переконфузились, и намъ было неловко, разговоръ не начинался; но эту неловкость прервалъ дѣдъ, очевидно окончившій съ Прокопомъ подмазку воза.

— Ну теперъ справылы усе! Колеса розмолоти, стари, ося передняя съ макогономъ. Такъ такы й уся справа не по товаряци! Ну та Богъ дасть зчумакуете якъ небудь... Онъ, очевидно, не досказалъ, что и чумаки то сами тоже „не по товаряци".

— Ось я вамъ затешу килкивъ—и сейчасъ же принялся тесать колки (чеки) для колесъ.

За хатою послышался лай собакъ и явился Прокопъ съ предложеніемъ идти ловить слѣпого, чтобы напоить „худобу" и запрягать „щобъ дёготь не стикавъ".

Жизнь увлекла своимъ теченіемъ меня отъ этого милаго мѣста, отъ дивчины, равнодушно усѣвшейся на „присьбѣ", и привѣтливаго дида, тешущаго „килки".

Скоро мы справились; волы были запряжены, слѣпой конь привязанъ, дидъ засунулъ въ возъ потесанныхъ штукъ шесть колковъ, а дивчина уняла расходившихся собакъ.

Мы поблагодарили за хлѣбъ-соль, за опочывокъ и тронулись, но я, увидавъ въ возу кавуны предложилъ два изъ нихъ диду—я хотѣлъ подать дивчинѣ, но не посмѣлъ.

— Та не треба, на вищо це! Вамъ самимъ пригодятьця у дорози — отказывался дидъ, но я настоялъ и подалъ ихъ, кому именно хотѣлъ—дивчинѣ.

— Ну спасыби вамъ—сказалъ дидъ, буде онукамъ гостынець, а то у насъ цей рикъ не вродылысь.

Дидъ пошелъ выпроводить насъ на „шляхъ" а дивчина понесла въ хату нашъ подарокъ.

Когда выѣхали мы изъ лощины, я оглянулся—видны были вербы, верхняя часть хаты и вершины темной зелени вишенника, но того, на кого я оглянулся, не видно было, только слышна была звонкая пѣсня.

— Це въ мене сама старша онука — сказалъ дидъ, какъ бы понявъ мое оглядыванье.—Маты іи була мамкою у панивъ, такъ оце мене й пускають зъ пасикою на млынъ. Колысь то бувъ добрый млынъ, та якъ вмеръ старый панъ, такъ усе й загуло. Два сыны десь тутъ недалеко у поселянщыни у москаляхъ служать, юнкари, скоро, кажуть, у охвыцеры выйдуть.

— Ну, тутъ оце й выпростовуйтесь зъ Богомъ на шляхъ; дорога тутъ ривна ажъ до Вороного", — напутствовалъ насъ дѣдъ. Мы еще разъ сказали ему спасибо и распрощались.

Дидъ побрелъ къ хутору — млину, а мы скоро выбрались на шляхъ. Еще разъ оглянулся я назадъ: около хутора бѣлѣлъ дѣдъ, съ двумя провожавшими его собаками.

Солнце уже давно свернуло съ полудня, но все еще свѣтило и припекало. Я растянулся на возу, закрылъ глаза и сталъ передумывать, лучше сказать перечувствывать впечатлѣнія этой нашей стоянки. Чувства злобы, вызваннаго у меня пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ, мимовольно въ тотъ моментъ волненія переносившагося на всѣхъ ему подобныхъ мужиковъ—гайдамаковъ, какъ не бывало, а напротивъ мною овладѣло теплое чувство расположенія къ тѣмъ же мужикамъ, представители коихъ—дѣдъ и дивчина—такъ обворожили меня своею привѣтливостью, чинностью въ обращеніи. Чувство униженія, испытан-

ное въ корчмѣ, замѣнилось сознаніемъ своего не то паничовскаго, не то мужскаго достоинства. Я разумѣлъ, что умѣю держать себя, какъ слѣдуетъ, со степенными людьми и главное, что меня радовало, такъ это сознаніе какой-то общности, близости съ этими прежде совершенно чуждыми мнѣ мужиками. Мнѣ вспомнилось почему-то въ эту именно пору, что вся та прислуга, кучера, кухарки, чабаны, пастухи, рабочіе, что все это вѣдь также мужики, которые не только никогда не обижали меня, не выказывали мнѣ своей враждебности, а напротивъ, какъ это на самомъ дѣлѣ и было, любили меня и были любимы также мною, что они даже въ обыденной жизни и во всѣхъ ея отправленіяхъ гораздо ближе стоятъ ко мнѣ, чѣмъ всѣ тѣ гости, знакомые моего дяди, съ которыми у меня не было ровно ничего общаго.

Такой рой мыслей копошился въ моей головѣ и въ тактъ этимъ соображеніямъ нѣтъ нѣтъ да и обрисуется фигура дивчины во всей ея плѣнившей меня прелести, уютность садка, привѣтливость старика, пока наконецъ все это не преобразилось въ дивчинъ и дидовъ въ какомъ-то пріятномъ сновидѣніи.— Всѣ они эти диды и дивчины какъ будто толпились около меня, что-то хотѣли сказать, но вмѣсто человѣческой рѣчи мычали и блеяли, какъ коровы и овцы. Все явственнѣе, отчетливѣе слышалось ихъ—му! му! бе! бе! мее! бее!—опять му!

Оказалось, что я заснулъ и, когда очнулся, то увидѣлъ себя на возу, окруженнымъ подгоняемою къ селу чередою. Изъ за облака пыли, поднятой стадомъ, виднѣлось спускающееся книзу къ огромному ставку село. По другой сторонѣ шляха скрипѣли возы, нагруженные снопами какого-то хлѣба, около которыхъ шли мужики въ соломенныхъ брыляхъ и женщины въ черныхъ запаскахъ.

Рано ли еще было гнать череду въ село, или её гнали въ другую какую нибудь улицу, но скоро она отошла отъ насъ въ сторону, за ней потянулось облако пыли и мы стали на виду у людей, сопровождавшихъ телѣги со снопами. Мужчины опять стали высказывать похвалы нашимъ воламъ, а двое даже подошли къ намъ и стали распрашивать насъ, откуда мы.

Когда я отвѣтилъ, что изъ балтскаго уѣзда изъ подъ Саврани, то одинъ изъ подошедшихъ сказалъ, что онъ знаетъ тѣ мѣста, бывалъ тамъ, когда „мандрувавъ за молодихъ литъ у Бессарабію“, онъ даже называлъ нашихъ воловъ волошскими.

Такъ въ этой компаніи мы и въѣхали въ село Вороное, гдѣ возы со снопами своротили отъ насъ въ сторону, такъ что до корчмы мы доѣхали уже одни.

Было еще рано становиться на ночевку, и мы порѣшили переѣхать греблю, чтобы поспѣть къ ночи въ Охматовъ—(мнѣ эта дорога была хорошо извѣстна).

На мосту, около большой водяной мельницы—„пытля“ (пытель—крупчатка)—намъ пришлось помучиться съ нашими волами, боявшимися шума колесъ, дощатой настилки моста, а, можетъ быть, и невидѣннаго ими дотолѣ такого большого пространства воды. Два совершенно бѣлые отъ муки человѣка по приказанію еврея, очевидно арендатора мельницы, пособили намъ перевести воловъ по мосту, причемъ они жались одинъ къ другому, поводили грозно глазами и успѣли таки сломать одинъ занозъ въ ярмѣ. Пока Прокопъ доставалъ изъ воза запасный занозъ, я долженъ былъ отвѣтить на распросы еврея, кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Помнится, что еврей почему-то называлъ меня не панычемъ, а по польски „вашець“. Это собственно непереводимое слово равносильно русскому „почтенный“ или охотноряденому полупоштенный. Онъ, вѣроятно, не могъ представить себѣ паныча въ такой обстановкѣ, а сказать мнѣ „хлопче“ не смѣлъ. Мнѣ помню понравилось это *вашецъ*, можетъ быть потому, что съ такимъ мѣстоимѣніемъ обращаются только ко взрослымъ. А мнѣ такъ хотѣлось перестать быть мальчикомъ и сдѣлаться мужчиной, взрослымъ.

По широкой и длинной—что-то больше версты плотинѣ, которою въ этомъ мѣстѣ запруженъ Тыкичъ, мы проѣхали благополучно. Влѣво отъ этой плотины широко разливалось большое плесо пруда, съ очеретомъ и кугою вдали; виднѣлись на немъ цѣлые табунки утокъ, взлетывали крячки, припахивало болотомъ. Солнце большимъ ослѣпительно яркимъ дискомъ заходило въ раззолоченныя по краямъ облачка, по ту сторону

пруда надъ косогоромъ виднѣлись какія-то не то глинища, не то осовы, можно даже было подумать, что это ямы кирпичнаго завода!

Солнце зашло, когда мы уже стали подыматься на пологую гору, подъѣзжая къ Охматову.

По селу слышалось мычаніе и блеяніе разбираемаго стада, ощущался запахъ кизяка, кое гдѣ дымились трубы, на токахъ желтѣли стожки свезеннаго хлѣба, шныряли по улицѣ двуцвѣтныя фигуры женщинъ—снизу черныя и сверху бѣлыя, потому что тогда на Украинѣ будничный костюмъ женщинъ состоялъ изъ холщевой сорочки и черной запаски.

Я, памятуя наставленія тетки, изъ ряда дворовъ сталъ выбирать для ночлега такой, какой мнѣ казался позажиточнѣе, для чего и велѣлъ Прокопу держаться по шляху поближе къ дворамъ. Но вышло вовсе не такъ, какъ предполагалось.

Мы нагнали человѣка, несущаго на плечѣ мѣшокъ муки, какъ послѣ оказалось съ мельницы. Я предложилъ ему положить мѣшокъ на возъ. Принявъ съ благодарностью это предложеніе, крестьянинъ пошелъ рядомъ съ возомъ и, разумѣется, разговорился съ нами, спросивъ, кто мы, откуда и куда держимъ путь, и предложилъ намъ ночевать у него во дворѣ. Не согласиться на это предложеніе не было основанія, такъ какъ въ силу нашего ему одолженія между нами, само собой, устанавливались отношенія взаимной любезности.

Проѣхавъ съ полверсты, мы, по указанію нашего спутника, заѣхали въ его дворъ черезъ имъ самимъ отворенныя ворота. Насъ встрѣтила цѣлая орава дѣтей различнаго возраста, при нихъ была собака, попробовавшая было лаять, но при видѣ хозяина, снимавшаго съ воза мѣшокъ, ласково завилявшая хвостомъ. Дворъ былъ просторный, отдѣленный отъ садка, огорода и гумна большою хатою и еще кой-какими пристройками. Посреди двора брошенъ былъ очевидно только что распряженный плугъ со всею снастью. Нашъ возъ уставили поближе къ хатѣ, а воловъ и слѣпаго помѣстили подъ навѣсомъ около какой-то телѣги. Пока мы устанавливались, изъ трубы показался дымокъ, и маленькая дѣвочка оповѣстила всѣхъ, что „мамка и титка качають тисто на галушки“.

Прокопъ устроился на возу и сталъ вечерять коржами и кавуномъ, а я присѣлъ на завалинкѣ рядомъ съ хозяиномъ, слушалъ его разсказъ о томъ, что ихъ два брата живутъ вмѣстѣ при старикѣ отцѣ, ни во что не мѣшающемся, а вѣдающемъ только вѣтрякъ; что братъ еще съ Петрова дня „у дорози чумакуе", а дома у нихъ только одна пара воловъ, почему они и принуждены „спрягатыся для оранки", что, вернувшись съ поля, онъ отослалъ воловъ на пашу, а самъ сходилъ вотъ къ отцу на мельницу за мукой, которой они еле намололи „оцей клунокъ", потому что вѣтру нѣтъ.

Въ продолженіи этого разсказа онъ раза три кресалъ огонь и закуривалъ коротенькую трубочку, которая то и дѣло тухла.

Я старался держать себя какъ можно солиднѣе, какъ и подобаетъ взрослому мужчинѣ, и въ свою очередь разсказалъ о томъ, что вотъ по случаю рабочей поры дѣдушка не нашелъ возможности иначе отправить меня въ гимназію въ Бѣлую-Церковь, какъ препровождая вмѣстѣ со мною и купленныхъ для дяди воловъ; что дѣдушка мой посессоръ, а дядя докторомъ при графахъ Браницкихъ, что я уже переведенъ въ 6-й классъ гимназіи и черезъ два года окончу гимназію и тогда буду тоже учиться „на доктора" и т. п. въ заключеніе же объяснилъ, что я православный, „руськой виры и говію до попа". Послѣднее обстоятельство было объяснено мною ради того, чтобы этимъ уменьшить отчужденность между мною и хозяиномъ и было результатомъ какъ разговора на хуторѣ съ дивчиною, такъ, можетъ быть, и всего перебродившаго у меня въ головѣ во время пути отъ млына до Вороного.

Хозяинъ, какъ бы что-то сообразивъ, закуривая трубку, сказалъ:

—Та, бувае! Отъ тутъ якось проживавъ у нашего попа одынъ—ляхъ, и у церкви по нашому молывся, та щей зъ дякомъ, було, спивае!...

Много времени спустя я уразумѣлъ, что въ міровоззрѣніи украинца панъ, какой бы онъ вѣры ни былъ,—тождественъ съ ляхомъ. Ces sont des synonymes.

Кто былъ этотъ ляхъ, распѣвавшій вмѣстѣ съ дьякомъ въ церкви, хозяинъ не объяснилъ мнѣ, можетъ быть, потому, что вышедшая къ намъ молодыця обратилась къ нему съ вопросомъ, собирать ли вечерять.

Мой собесѣдникъ затушилъ пальцемъ трубку, спряталъ её въ карманъ своихъ широкихъ холщевыхъ штановъ и пошелъ въ сѣни, гдѣ о чемъ то пошептался съ молодицею, и тогда уже, вышедши ко мнѣ, пригласилъ и меня, и Прокопа „вечерять“.

Мы перешли черезъ обширныя сѣни, гдѣ уже было почти темно, и вышли черезъ другія двери на ту сторону хаты. Тамъ сейчасъ же около дверей, какая то взрослая дивчина промела мѣсто, на которомъ поставила низенькій столикъ, просто стольницу, снятую со стола, и, заславъ настольникомъ, вынесла нѣсколько ложекъ. Вслѣдъ затѣмъ была внесена и поставлена другою женщиной постарше, а не той, которая выходила къ намъ, большая миска „стравы“. Крестились и усаживались прямо на землѣ, но мнѣ, по приказанію хозяина, принесли какую-то свитку и, скомкавъ ее, предложили на ней усѣсться. Вечеряли— насъ двое, хозяинъ, взрослая дивчина, младшая женщина и еще маленькій мальчикъ. Изъ разговора я понялъ, что старшая женщина вечеряетъ съ дѣтьми въ избѣ.

„Страва“ были пшеничныя, крошеныя галушки и кусочки картофеля въ юшкѣ, но безъ всякаго жиру. Хозяинъ объяснилъ, что хотя „Богъ и вродывъ“ немного рыжію, но еще не успѣли выдавить „оліи“. Но тѣмъ не менѣе кушанье оказалось очень вкуснымъ, и я ѣлъ съ аппетитомъ, хотя, соблюдая подмѣченный мною еще раньше этикетъ, клалъ отъ времени до времени ложку на столъ. Неловко ли я дѣлалъ или ужъ такъ гостепріименъ былъ хозяинъ, но только всякій разъ, когда я клалъ ложку, хозяинъ упрашивалъ меня ѣсть.

— Годуйтеся, кормиться, будте ласкови! приговаривалъ онъ радушно.

Кромѣ этихъ приглашеній, иныхъ разговоровъ не было, трапезовали молча, только молодыця что-то пошептала замурзанному хлопчику, да хозяинъ спросилъ дѣвушку, записалась-ли она у писаря.

Въ поясненіе сего обстоятельства онъ сказалъ, обратившись ко мнѣ:

— Вона одбувае панщыну на машыни, де хлибъ молотять; такъ оце якъ не допыльнувать, щобъ записалы, такъ и личуть залегли дни.

Послѣ галушекъ молодыця вынесла штуки три маленькихъ кавуновъ и хозяинъ сталъ было ихъ рѣзать, но я остановилъ его и сказалъ Прокопу, чтобы онъ принесъ съ воза нашихъ.

Сопротивленіе хозяина было устранено моею просьбою, и, когда Прокопъ принесъ три большихъ кавуна, то я предложилъ дивчинѣ отнести одинъ „въ хату" дѣтямъ.

Кавунами мы и закончили вечерю.

Луна еще не заходила, было прохладно и тихо. Я чувствовалъ себя особенно хорошо и уютно.

Хозяинъ съ Прокопомъ повели воловъ и слѣпого поить, а одна изъ молодыць, несмотря на мои протесты подъ „притилкомъ" хаты на широкой завалинкѣ послала постель, состоявшую изъ куля соломы, рядна и сложеннаго кожуха вмѣсто подушки. Вся же семья расположилась съ дѣтьми частью въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы вечеряли, а частью въ какой то, отдѣльно на дворѣ стоявшей коморѣ. Изъ разговоровъ, доносившихся изъ хаты, я узналъ, что дивчина собирается мыть голову, такъ какъ завтра „недиля" и она пойдетъ въ церковь. Изъ тѣхъ же разговоровъ я узналъ, что „батькови"—(я понялъ диду, который вѣдаетъ витрякъ)—Йосыпъ отнесъ чистое бѣлье, когда ходилъ за мукой, а Петрови откладывалось бѣльё, когда онъ „приженетьця зъ волами". Я, такъ сказать, былъ au courant всего домашняго обихода семьи; сидѣлъ на присьбѣ, любовался тишиною вечера и испытывалъ какой-то особый покой въ душѣ, былъ всею душою, всѣми моими помыслами настолько какъ бы внѣдреннымъ въ эту сельскую мужицкую жизнь, что, когда неугомонная мысль унесла меня въ Бѣлую Церковь, въ гимназію, — когда мнѣ припомнилась латинская грамматика Цумпта и алгебраическія уравненія 3-й степени, то я чуть не плюнулъ и вспомнилъ народное заклинаніе — „цуръ тоби, пекъ-тоби!"

Мои размышленія были прерваны приходомъ хозяина, усѣвшагося около меня на присьбѣ и сейчасъ же добывшаго изъ кармана трубку и кисетъ. Онъ помялъ въ ладони листокъ махорки, набилъ трубку и, выкресавъ огня, сталъ курить, какъ то особенно сквозь зубы сплевывая.

— А не знаете скилько заплатылы за волы?

Спросилъ онъ, очевидно, думая о ихъ достоинствѣ.

— Не знаю! Здаеться, що девяносто карбованцивъ.

— И цина добра, тай худоба не погана! молоди ще...

— Що! воливъ облюбовуешъ?—отозвался въ сторонѣ отъ насъ чей то мужской голосъ, и изъ за недалекаго плетня показалась фигура человѣка въ бѣлой рубахѣ.

— Лизь сюды до насъ посидиты—отвѣчалъ мой хозяинъ.

Затрещалъ немного плетень, и сосѣдъ, человѣкъ въ бѣлой сорочкѣ и штанахъ, но босой, подошелъ къ намъ.

— Але! Увесь тынъ поломавъ!—подшутилъ хозяинъ, но сосѣдъ, ничего не отвѣтивъ, снялъ брыль и поздоровался обычнымъ... „Добри-вечиръ!“

— Будьте здорови, отвѣтилъ хозяинъ—сидай!

Я тоже приподнялъ за козырекъ фуражку и тоже отвѣтилъ: „будьте здорови!“

Присѣвши, сосѣдъ сейчасъ же спросилъ хозяина, кто это у него ночуетъ и куда держимъ мы путь.

Тотъ объяснилъ ему обстоятельно, на что вопрошающій послѣ каждаго слова говорилъ: „гмъ! гмъ!“ Онъ также досталъ изъ кармана трубку и закурилъ, зажегши кусочекъ трута у хозяина.

Они начали говорить между собою о хозяйствѣ. Изъ этихъ разговоровъ я узналъ, что они спрягаются вмѣстѣ, и что „пидъ дубравою“ осталось допахать не больше, какъ на одинъ „упругъ“, что экономъ говорилъ сегодня, что „череду“ будутъ гонять „на глынще“, пока не свезутъ проса, что, хотя на глынщѣ и корму мало, за то недалеко гонять „на стійло“ и къ водѣ, такъ какъ ставъ тутъ-же.

Я вмѣшался въ разговоръ и спросилъ, не тѣ ли глинища они поминаютъ, которыя я видѣлъ, проѣзжая съ гребли по

надъ ставомъ. Оказалось, что рѣчь шла именно про эти глинища, что теперь эти глинища выровнялись, а прежде тамъ были глубокія ямы, образовавшіяся отъ выборки кирпича, который добывали мѣстные жители, такъ какъ тамъ когда то былъ большой городъ, „церквы булы", что „батько ще було зазнають", какъ въ землѣ отрывали цѣлыя стѣны (муры) и много желѣза, что въ городѣ этомъ „седивъ" какой-то князь,—что городъ былъ „звоеванный" какимъ-то „лыцаремъ",—разсказчикъ даже зналъ, какъ его звать не то Палій, не то Богунъ, или кажется Швачка что послѣ, когда этотъ „лыцарь" остался въ городѣ, такъ къ нему, „пидступыла орда", но города не могла взять, потому что онъ, этотъ лыцарь, зналъ такое слово, благодаря которому „якъ оце который стрѣльку (sic) пустыть, то вона повернеться, тай його жъ и вбье, такъ и застромыться у груды"; что „стрѣлькы" эти находили въ глинищахъ и что кто-то продалъ разъ тому „ляху", который проживалъ у попа, этакихъ стрѣлёкъ цѣлую жменю за злотого.

Я, желая показать себя, разсказалъ собесѣдникамъ про случай у насъ въ пасѣкѣ, когда мы искали „шкарбу". Съ этого рѣчь перешла на „шкарбы" и пошли разсказы, какихъ я и послѣ много слыхалъ на Украинѣ и которые такъ похожи одинъ на другой, что я не нахожу ихъ настолько типичными, чтобы съ увѣренностію сказать, слыхалъ ли я ихъ всѣ въ этотъ ночлегъ въ Охматовѣ или въ другихъ мѣстахъ.

Было уже поздно, неполный мѣсяцъ, откидывая все большія и большія тѣни отъ построекъ, наконецъ совсѣмъ скрылся, гдѣ то на селѣ лаяла собака, сопѣли наши волы.

Сосѣдъ, какъ равно и хозяинъ, притушивъ чуть не десятый разъ закуренныя трубки и пожелавъ спокойной ночи, разошлись, а я еще долго лежалъ, смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, пока, наконецъ, не заснулъ, прикрывшись своею шинелькою, такъ какъ стало свѣжѣть.

Б. Познанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

X.

1787 г. Послѣ Полтавы.

9-го іюня, во 2-мъ часу дня Императрица выѣхала изъ Полтавы[2]) и прибыла въ *Карловку*, имѣніе фельдмаршала графа Разумовскаго. На подъѣздѣ дома Ее встрѣтили прискакавшіе впередъ гофмаршалъ кн. Барятинскій и правитель губерніи Синельниковъ. Въ Карловкѣ назначенъ былъ обѣдъ, послѣ котораго, въ 3 часу, выѣхали черезъ станцію Кузминку въ Константиноградъ; при въѣздѣ Императрицы въ городъ производилась съ землянаго вала пушечная пальба, въ церквахъ колокольный звонъ;—у тріумфальныхъ воротъ встрѣчали: град-

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1892 г., № 2.

[2]) Наканунѣ, (8 іюня) она сдѣлала подарокъ Потемкину: „Князь Григорій Александровичъ! Пріемля съ особеннымъ удовольствіемъ труды и старанія ваши въ доставленіи продовольствія войскамъ Нашимъ, начальству вашему ввѣреннымъ, съ выгодою и сбереженіемъ казны, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ сто тысячъ рублей, кои вы можете взять изъ суммъ, въ распоряженіе ваше назначенныхъ, на счетъ возвращенія ихъ въ будущемъ году изъ кабинета. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. Екатерина". (Изъ дѣлъ Государственнаго архива V. 85).

Подчиненнымъ Потемкина и мѣстному дворянству Императрица въ тотъ же день, въ Полтавѣ, выразила черезъ Потемкина также особую благодарность:

„Князь Григорій Александровичъ! Во время путешествія моего черезъ губернію екатеринославскую и область таврическую, видѣвъ надлежащее устройство, ревностное и радѣтельное прехожденіе должностей вашими подчиненными, усердіе и добрую волю дворянства и прочихъ обществъ, поручаю вамъ всѣмъ имъ объявить отличное мое удовольствіе и благоволеніе". (Изъ дѣлъ Государственнаго архива. V. 85).

ское общество, тамошніе купцы и мѣщане съ хлѣбомъ и солью. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ [1]).

Изъ Константинограда Императрица написала гр. Брюсу: „Графъ Яковъ Александровичъ. Письмо ваше отъ 30-го мая я получила въ Полтавѣ, откуда я выѣхала сего утра, и сюда пріѣхала здорова. Завтра буду ночевать въ Харьковѣ. Прощайте, Богъ съ вами. Недосугъ писать“ [2]).

На слѣдующій день, 10-го іюня, Императрица передъ отъѣздомъ, по утру, жаловала къ рукѣ мѣстное дворянство и разныхъ должностныхъ лицъ; на подъѣздѣ, когда Императрица садилась въ карету, константиноградскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль „съ серебряною продолговатою рѣзною солонкою со вкладною синяго стекла“ (Камер.-Фурьер. журналъ). Императрица поблагодарила ихъ. Загремѣла снова пушечная стрѣльба, раздался колокольный звонъ и поѣздъ двинулся. Въ шестимѣстную карету приглашены были гр. Е. В. Скавронская, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, И. И. Шуваловъ, принцъ де-Линь и графъ Кобенцель. Къ обѣду прибыли въ деревню *Водолазы*, гдѣ Императрица осматривала вновь заведенныя шелковыя фабрики.

На границѣ екатеринославской и харьковской губерній выстроены были отъ дворянства тріумфальныя ворота. Здѣсь, по учрежденному порядку, была торжественная встрѣча: генералъ-губернаторъ воронежскій и харьковскій генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ, правитель харьковскій генералъ-поручикъ Норовъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій и предводители уѣздные съ дворянами—всѣ провожали верхами карету Императрицы до самого города.—При приближеніи къ городу были пушечная пальба и колокольный звонъ.

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ въ городскомъ предмѣстьѣ встрѣтили присутствующіе въ губернскомъ магистратѣ, въ верхней расправѣ и въ нижнихъ судахъ, также градской

---

[1]) К. Ф. журналъ 1787 года.

[2]) Приложеніе къ К.-Ф. ж. 1787 г. Письмо къ Брюсу.

голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ; тутъ же по обѣ стороны улицы стояли ремесленники со своими значками; внутри города, у тріумфальныхъ воротъ Императрицу встрѣтили вице-губернаторъ Пашковъ, чиновники губернскаго правленія, палатъ, верхняго и земскаго суда, также генералитетъ, а харьковскій комендантъ поднесъ ключи отъ городской крѣпости. Въ городѣ у церкви св. Димитрія Солунскаго встрѣтилъ съ крестомъ преосвященный Ѳеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ знатнымъ духовенствомъ. Императрица приложилась ко кресту, поднесенному къ каретѣ преосвященнымъ.

Переѣздъ по городу отъ первыхъ тріумфальныхъ воротъ, замедленный встрѣчами, длился довольно долго и только въ 8-мъ часу вечера *путевая* шестимѣстная карета съ знаменитыми путешественниками подъѣхала къ крыльцу дворца, гдѣ встрѣтилъ еще новый пріѣзжій—воронежскій губернаторъ Потаповъ, съ дворянствомъ и именитымъ купечествомъ съ хлѣбомъ и солью. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы, во время входа по ней Императрицы, пѣвчіе пѣли кантату, сочиненную на случай пріѣзда Императрицы въ Харьковъ.— Капельмейстеръ Сарти получилъ за это перстень въ 1000 руб. (Кн. расходная каб. Е. В.).

На слѣдующій день, въ пятницу, 11-го іюня, во дворцѣ собрались, въ ожиданіи выхода Императрицы, преосвященный Ѳеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій, Харьковскаго училищнаго монастыря настоятель и ректоръ Василій съ прочимъ духовенствомъ, воронежскій и харьковскій генералъ-губернаторъ Чертковъ, правитель губерніи Норовъ, вице-губернаторъ Пашковъ, губернскій предводитель дворянства Шидловскій съ уѣздными предводителями и дворянствомъ, городовой магистратъ съ знатнымъ купечествомъ и чиновники разныхъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій.

Незадолго до выхода пришли въ залу всѣ придворные, свита Императрицы и иностранные министры.

Въ 12-мъ часу Императрица вышла въ залу собранія и первымъ представился Ей преосвященный епископъ Ѳеоктистъ. Онъ сказалъ Ей привѣтственную рѣчь и поднесъ икону Благо-

вѣщенія Пресвятыя Богородицы и хлѣбъ съ солью „на серебряномъ съ ножками продолговатомъ подносѣ, съ круглою на ножкахъ же серебряною солонкою“ (Кам.-Фур. жур.). Потомъ подходили и жалованы къ рукѣ всѣ прибывшіе, а губернскій предводитель сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Всевожделѣнное пришествіе Вашего Императорскаго Величества мы чтимъ за верхъ матернихъ щедротъ Твоихъ; содѣлавъ блаженство наше, Ты пріемлешь подвигъ зрѣть оное, освятить Своимъ присутствіемъ и въ исполненныхъ неизрѣченною благодарностію и восхищеніемъ сердцахъ своихъ вѣрноподданныхъ начертать на вѣки образъ премудрой ихъ Самодержицы, которой благословляють они имя.

„Мы перестанемъ отнынѣ завидовать отцамъ нашимъ, удостоившимся видѣть въ странѣ своей великаго основателя Россіи, повергаясь къ освященнѣйшимъ стопамъ Августѣйшія Совершительницы ея благоденствія, величества и славы“.

„Среди восторговъ и восклицанія всего нашего края да явятся предъ Тобою плоды трудовъ Твоихъ достойными; да насладится великая душа Твоя чистою радостію отъ Своихъ благотвореній пріятнѣйшимъ утѣшеніемъ душъ великихъ“. (Изъ особенной рукописи, хранящейся въ Придв. архивѣ).

Обѣдъ состоялся на 56 персонъ въ нарочито пристроенной къ дому залѣ. Столъ сервированъ былъ намѣстническимъ серебромъ, и во время стола играла музыка съ хоромъ пѣвчихъ, составленнымъ изъ харьковскихъ воспитанниковъ. (К.-Ф. журналъ).

Вечеромъ съ 7 до 9 часовъ былъ при дворѣ балъ по повѣсткамъ. Императрица во время бала играла въ карты—съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ 10 часовъ вечера передъ дворцомъ зажженъ былъ фейерверкъ. (К.-Ф. журналъ).

Свита и нѣкоторые приглашенные, посмотрѣвъ фейерверкъ, отправились ужинать, а Императрица, удалившись въ внутреннія комнаты, окончила по обыкновенію вечеръ за писаньемъ писемъ.

„Я здорова, продолжаю путь мой и теперь нахожуся только въ 1400 отъ васъ, завтра поѣду ночевать въ Бѣл-

городъ", писала она 11-го іюня гр. Брюсу въ Петербургъ. (Прилож. къ К.-Ф. ж.).

Письмо къ Брюсу было довольно кратко—Н. И. Салтыкову она поѣздку свою описала подробнѣе:

„Николай Ивановичъ! Вчерашній день, не доѣжая Харькова за нѣсколько верстъ, я встрѣтила графа Толстаго и отъ него приняла ваши письма и весьма обрадована была благополучнымъ пріѣздомъ Великихъ Князей въ село Коломенское: графъ Толстой вамъ скажетъ, что у меня и на моемъ пути значутъ дни отдохновенія, онъ былъ свидѣтелемъ харьковскаго роздыха. Боюсь теперь, чтобъ внуки мои не скучали жить до моего пріѣзда въ пустомъ мѣстѣ и для того не связываю вамъ руки показать имъ въ самой Москвѣ все то, что примѣчанія достойно, безо всякой церемоніи, дабы они отъ духоты не имѣли излишнее безпокойство; я никакъ не могу ѣхать скорѣй, какъ распоряжено, ибо нужно, чтобъ всѣ были сыты и имѣли покой, а съ такой свитою, какъ я ѣду, когда въ день болѣе четырехъ станцій сдѣлаемъ, то всегда отстаемъ, а у насъ въ томъ теперь щегольство, что все здорово и въ цѣлости, несмотря на дальность пути и людское вранье, которое обратилось въ плевелы. Разумно вы сдѣлали, что отъ пріѣздовъ освободились; чаю, что, и условясь съ Петромъ Дмитріевичемъ [1]), можете избавиться и отъ духоты и отъ церемоніи, куда ѣхать захочете. Графъ Толстой вамъ скажетъ, что мы всѣ здоровы, но многіе весьма загорѣли отъ солнца, хотя я отъ васъ еще въ 400 верстахъ, но понеже получаю отъ васъ уже письмы въ третій день, то мнѣ уже кажется весьма близко.

Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Харьковъ, іюня 11 ч. 1787. (Рус. Архивъ 1864. Стр. 973).

На слѣдующей день, 12 іюня, народъ стоялъ толпами по улицамъ, въ ожиданіи видѣть царицу. Отъ дворца по площади къ Успенскому собору постлано было алое сукно, по которому Императрица шла пѣшкомъ въ соборъ къ молебну „передъ отъѣз-

---

[1]) Еропкинымъ.

домъ". Въ этомъ шествіи, (пишетъ очевидецъ) я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу; опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланяясь на обѣ стороны. (Изъ Записокъ Ѳ. П. Лубяновскаго. Р. Архивъ 1872 г. 101, 102). Помолившись въ соборѣ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ Императрица выѣхала изъ Харькова.

При отъѣздѣ назначены были пожалованія: епископу 2000 р., на соборъ 500 р., тремъ архимандритамъ 900 р.; на семинарію 1000 р., въ монастырь 300 р., на училище свѣтское съ пѣвчими 1000 р. (Изъ дѣлъ Арх. Каб. Е.-В. [1]).

Обѣдъ 12 іюня былъ на станціи въ слободѣ Черемошной.

До самой станціи провожали Императрицу верхами возлѣ кареты генералъ-губернаторъ Чертковъ, губернаторъ Норовъ, губернскій и уѣздные предводители съ дворянами.

Послѣ обѣда Императрица простилась съ Потемкинымъ, которому разрѣшила возвратиться въ Полтаву.

По дорогѣ въ Бѣлгородъ, на границѣ харьковской губерніи съ курскою встрѣтили курскій губернаторъ д. с. с. Аѳанасій Николаевичъ Зубовъ и губернскій предводитель дворянства премьеръ-маіоръ Похвисневъ. При проѣздѣ городомъ, у церкви

---

[1]) Мы считаемъ довольно любопытнымъ сохранившееся въ дѣлахъ архива описаніе состава поѣзда Императрицы въ харьковскомъ намѣстничествѣ: Впереди ѣхала карета шталмейстерская въ 6 лошадей, потомъ шестимѣстная карета Императрицы въ 10 лошадей, возлѣ скакалъ унтеръ-шталмейстеръ, рейтъ-пажъ и два кочюха. Потомъ слѣдовали: запасные для Императрицы карета и фаэтонъ; карета почивальная; кровать везли со всѣми принадлежностями въ особой коляскѣ, а гардеробъ въ четырехъ колясках. За ними кареты, запряженныя въ восемь лошадей каждая: оберъ-шталмейстера, генералъ-адъютанта, гофмаршала, камеръ-юнферы и камеръ-медхенъ, камердинеровъ, кофишенкская, мундшенкская. Затѣмъ коляски для вещей въ слѣдующемъ порядкѣ: гр. Скавронской, камеръ-фрейлины, оберъ-шталмейстера, графа Ангальта, оберъ-камергера, посла цесарскаго, посланника французскаго, посланника англійскаго, гр. Шувалова, гофмаршала, шталмейстера, Дмитріева-Мамонова, д. с. с. Храповицкаго, Черткова, принца де-Линя, придворной прислуги, аптекаря, лейбъ-медика; затѣмъ для утренней кухни 8 колясокъ, для вечерней кухни 8 коляс., для кондитера 3 коляски; всего было 14 каретъ и 97 колясокъ—лошадей въ нихъ 550.

св. пророка Иліи встрѣтили съ крестомъ преосвященный Ѳеоктистъ, епископъ бѣлогородскій и курскій съ духовенствомъ. Для пребыванія Императрицы въ Бѣлгородѣ былъ приготовленъ домъ бригадира Хорвата, который и встрѣтилъ Ее у крыльца; тутъ же мѣстное дворянство и купечество поднесли хлѣбъ-соль и апельсины.

Вечеръ Императрица кончила, играя въ карты съ графомъ Кобенцелемъ, оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и съ графомъ Шуваловымъ. (К.-Ф. ж. 1787).

Въ воскресенье, 13 іюня, утромъ въ 12-мъ часу, въ императорской двумѣстной каретѣ, предъ которою ѣхали впереди верхами дворяне и городничій съ своею командою, Императрица выѣхала къ литургіи въ Троицкій соборъ. У входа въ церковь Она была встрѣчена преосвященнымъ Ѳеоктистомъ, который сказалъ Ей прочувствованное привѣтственное слово. Въ соборѣ было устроено для Нея особое царское мѣсто, осѣненное великолѣпнымъ балдахиномъ. Здѣсь Екатерина прослушала обѣдню и молебенъ, въ ознаменованіе чего бѣлгородцы повѣсили въ своемъ соборномъ храмѣ портретъ Государыни, который просуществовалъ, какъ говорятъ, до 1832 года и затѣмъ былъ снятъ по приказанію начальства. (Историческій Вѣстникъ. 1886 г. Мартъ). Послѣ литургіи, статсъ-дама графиня Скавронская представляла Императрицѣ мѣстныхъ „знатныхъ дамъ". Потомъ, посѣтивъ епископа Ѳеоктиста въ его келіи, Императрица возвратилась въ домъ Хорвата и здѣсь, у крыльца, бѣлгородскіе купцы опять поднесли Ей хлѣбъ—соль.

Въ подгородной слободѣ Ямской, въ Бѣлгородѣ, сохранилось слѣдующее преданіе о проѣздѣ Императрицы: „Проѣзжала здѣсь матушка царица Екатерина. Старики наши тогда казенную ямщину держали. И отъ губернатора имъ вышелъ такой приказъ: „доставить для царицы что ни на есть лучшихъ лошадей". А лошади въ то время были кормныя, хорошія, потому сѣна было вволю, нужды въ этомъ не знали. Представили подъ царицу такихъ лошадей, что угоришь. И ямщики что ни на есть лучшіе сѣли на козлы.—„Ну, говорятъ, матушка, держись только, не вылети, не ушибись, родная!" Да какъ припу-

стять своихъ лошадей—свѣту вольнаго не стало видно. Живой рукой долетѣли до первой станціи. А тутъ и спрашиваютъ царицу: „Что, матушка—царица, хочешь новыхъ лошадей перемѣнить, или на нашихъ поѣдешь дальше-то?“ „Да вѣдь ваши, говоритъ, не довезутъ?“

„Довезутъ, Ваше Царское Величество. Мы тако слово знаемъ, что довезутъ“.

„Ну, а коли, говоритъ, вы такое слово знаете, такъ везите. Я васъ, говоритъ, награжу за это“.—Сѣли наши ребята опять на козлы, присвиснули, пригаркнули и опять скорехонько доскакали до станціи. Тутъ царица имъ по чаркѣ водки велѣла дать, да по 10 рублей деньгами.

„А на деревню, говоритъ, на вашу жалую лѣсу 800 десятинъ за то, что вы ямщики ужъ очень хорошіе...“ (См. Историч. Вѣстн., 1886 г. Мартъ).

Послѣ обѣда, въ 3-мъ часу, Императрица выѣхала на ночлегъ близъ хутора Покровскаго, а на другой день, 14 іюня, черезъ городъ Обоянь, слободу Медвянку и хуторъ Селеховъ, прибыла въ Курскъ.

По приближеніи къ городу начались пушечная пальба и колокольный звонъ; близъ городскаго предмѣстья, на горѣ, Ее встрѣтилъ генералъ-аншефъ М. Ѳ. Каменскій съ пѣхотными полками, поставленными въ строй: тульскимъ, ростовскимъ и апшеронскимъ, которые чествовали въѣздъ Императрицы троекратнымъ изъ ружей бѣглымъ огнемъ. (К.-Ф. ж.).

При въѣздѣ въ городъ, у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили магистратъ, купечество и цеховые съ ихъ значками.

По распоряженію властей, отъ самой городской заставы до Херсонскихъ воротъ, по обѣ стороны дороги разставлены были крестьянскія дѣвушки въ мѣстныхъ, разноцвѣтныхъ и довольно красивыхъ уборахъ; отъ Херсонскихъ же воротъ до Георгіевской площади стояли дѣвушки—горожанки, купеческія и мѣщанскія дочки, разодѣтыя въ лучшія свои платья. Въ рукахъ дѣвушекъ были букеты цвѣтовъ, которые онѣ бросали на дорогу, подъ царскій поѣздъ. (См. Историч, Вѣстн. 1886 г. Мартъ). У Знаменскаго монастыря Императрица выходила изъ

кареты приложиться ко кресту, съ которымъ встрѣтилъ Ее тутъ архимандритъ того монастыря Амвросій, и затѣмъ проѣхала на Красную площадь и остановилась здѣсь во „дворцѣ“. Дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ 1765 году, когда учреждена была курская губернія, и предназначался для жительства намѣстника и для пріема высокихъ гостей. Въ немъ, между прочимъ, былъ большой залъ, въ которомъ стоялъ богато убранный Императорскій тронъ; здѣсь по торжественнымъ табельнымъ днямъ намѣстникъ принималъ дворянъ и почетныхъ лицъ города. Здѣсь же, сидя на тронѣ, Екатерина принимала на другой день по пріѣздѣ знатныхъ дворянъ и военныхъ и „нѣкоторыхъ изъ нихъ удостоила милостиваго разговора“.

Губернскій предводитель дворянства, во время представленія, сказалъ Императрицѣ рѣчь:

— Никогда не престанетъ вселенная удивляться славнымъ дѣяніямъ Твоимъ и потомство наше завидовать щастію, какимъ мы подъ державою Твоею наслаждаемся, видѣвши въ вождѣленномъ здравіи премудрую Законодательницу, великую Императрицу, Всемилостивѣйшую мать нашу; да будетъ вѣкъ Твой долголѣтенъ на свершеніе воли Твоея надъ нами, ибо мы не только видимъ, но и ощущаемъ опытами колико жизнь Твоя намъ драгоцѣнна; за всѣ же изліянныя Твои на насъ щедроты приносимъ Тебѣ въ жертву сердца наши, вѣрностію и усердіемъ горящія, яко залогъ вѣчной благодарности“. (Изъ рукописи—Путешествіе Екатерины 1787 г.).

Въ Курскѣ Императрица производила смотръ войскамъ, квартировавшимъ въ то время въ городѣ, обозрѣвала окрестности, причемъ нѣкоторыя мѣста ей такъ понравились, что она подолгу любовалась ими, а слободу Стрѣлецкую, лежащую подъ горою и искрещенную заводнями рр. Сейма и Тускари, она назвала даже Венеціей. Между прочимъ, она посѣтила также курскій монастырь мужской, гдѣ сдѣлала значительныя пожертвованія.

Екатеринѣ очень понравился курскій женскій костюмъ, состоящій изъ особаго рода кокошника, сплошь расшитаго позументомъ, сарафана и рубахи, вышитыхъ шелками, и она

выразила городскому головѣ свое желаніе имѣть такой уборъ. Желаніе это было исполнено, и купчиха Сушкова доставила полный уборъ курской красавицы. Императрица пожаловала ей золотыя серьги, которыя, какъ говорятъ, до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Сушковыхъ.

Преданія разсказываютъ, что одинъ изъ крестьянъ подгородной слободы Казацкой поднесъ Екатеринѣ нѣсколько яблокъ изъ своего сада, прекрасно сохранившихся въ теченіи зимы. Милостивая гостья пожаловала ему за это сто рублей и въ разговорѣ, между прочимъ, назвала его добрымъ крестьяниномъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и начали называть этотъ сортъ яблоковъ „добрымъ крестьяниномъ“ (одна изъ разновидностей извѣстной „антоновки“).

Бывшіе въ свитѣ Императрицы сенаторы гр. Шуваловъ и т. с. Стрекаловъ, по приказанію Екатерины, произвели въ Курскѣ ревизію намѣстническаго управленія и нашли все въ замѣчательномъ порядкѣ. Императрица пожаловала награды всѣмъ служащимъ чиновникамъ.

Награждая духовенство и чиновниковъ [1]), Екатерина не забыла также горожанъ. Городу она пожаловала каменную мельницу на р. Тускори, а также и всѣ доходы, какіе получались казною отъ Коренной ярмарки. Это послѣднее пожалованіе оказалось особенно цѣннымъ для города, такъ какъ въ то время Коренная ярмарка была въ цвѣтущемъ состояніи и приносила громаднѣйшіе доходы.

Екатерина недолго пробыла въ Курскѣ и выѣхала 15 іюня послѣ обѣда, въ 3 часа, по орловскому тракту. У московской заставы для Ея выѣзда были заранѣе устроены тріумфальныя ворота, на личныя средства городскаго головы [2]) и курскаго

---

[1]) Въ Курскѣ пожаловано: на главное народное училище 1000 р.; на малыя шесть училищъ по 200 р.—всего 1200 р.; на богадѣльню 30 р.; архимандриту курскаго Знаменскаго монастыря Амвросію 500 р; на братію 500 р; игуменьямъ двухъ дѣвичьихъ монастырей 200 р; монахинямъ 400 р.; на курское духовное училище 200 р; на бѣлгородскую семинарію 800 р.; воинскимъ командамъ, находившимся въ лагерѣ близъ г. Курска 3835 р.

[2]) Городскимъ головою былъ въ то время Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ, который извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ рыльскимъ купцомъ Шелиховымъ устроилъ Россійско-Американскую компанію.

купечества. До самой границы губерніи Императрицу сопровождалъ кортежъ изъ 120 дворянъ верхами.

На ночлегъ прибыли въ село Ольховатое. Отсюда утромъ 16 іюня Императрица писала къ гр. Брюсу въ Петербургъ.

..."Я здорова, сего вечера надѣюсь пріѣхать въ Орелъ, дороги хороши и погода холодная и съ дождемъ весьма способствуетъ намъ, избавляя отъ духоты и пыли..."

Возвращаясь въ Петербургъ, Императрица вспомнила и объ Эрмитажѣ и въ этомъ письмѣ къ Брюсу прибавила:

"Птичекъ заморскихъ, наипаче inseparable пара въ клѣткѣ и колибри и иныхъ всякаго сорта по нѣсколько паръ прикажите купить и пустить въ Эрмитажъ, а inseparable беречь для Алек. Матв. Мамонова, которому еще зимою я обѣщала". (Изъ прилож. къ К. Ф. ж. 1787).

16-го іюня къ вечеру Императрица прибыла въ Орелъ.

Въѣздъ въ городъ былъ съ соблюденіемъ слѣдующаго церемоніальнаго порядка, описаннаго въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

"1) Приближаясь къ городу, началась въ ономъ пушечная пальба и у всѣхъ церквей колокольный звонъ.

2) Близъ градскаго предмѣстья, въ лѣвой сторонѣ дороги стояли два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса, баталіонъ Московскаго гренадерскаго полка и баталіонъ полка Санктпетербургскаго гренадерскаго.

3) У тріумфальныхъ воротъ, на площади, отъ купечества построенныхъ, стояли городоваго магистрата судьи и купечество, съ хлѣбомъ и солью, также градская дума и разные ремесленники съ ихъ знаками и на воротахъ была музыка.

4) У дома народнаго училища стояли учители съ ихъ учениками, которые въ рукахъ держали связанные пучки цвѣтовъ.

5) У дома, назначеннаго для Высочайшаго пребыванія, ожидали для встрѣтенія Ея Императорскаго Величества на крыльцѣ, у подъѣзда и въ сѣняхъ, чины правленія, палатъ, совѣстнаго и верхняго земскаго суда, съ прочими судами.

6) Въ томъ же домѣ, отъ парадной лѣстницы къ большой залѣ стояли по сторонамъ пути по 8 человѣкъ изъ малолѣт-

нихъ благородныхъ дѣтей, въ бѣлой одеждѣ, цвѣточнымъ сплетеніемъ украшенной, изъ коихъ одна дѣвица и одинъ мальчикъ для поднесенія Ея Величеству держали двѣ корзины, цвѣтами и плодами наполненныя.

7) Когда Ея Императорское Величество вступить изволила въ предмѣстье города, то отъ стоящихъ въ строю воинскихъ командъ отдана честь, съ уклоненіемъ знаменъ, съ музыкою и при барабанномъ боѣ; вступя же въ городъ и онымъ шествовать къ приготовленному дому для Высочайшаго пребыванія, тогда передъ каретою Ея Величества ѣхали верхами: губернскій предводитель, уѣздные предводители и довольное число дворянъ, по два въ рядъ, и близъ кареты, верхами же, ѣхали губернаторъ и правящій должность вице-губернатора; на тріумфальныхъ воротахъ играла музыка, на трубахъ съ литаврами; у дома училищнаго ученики бросали подъ карету цвѣты; прибывъ же въ домъ пребыванія и шествовавъ въ покои передъ заломъ, отъ благородныхъ дѣтей поднесены Ея Императорскому Величеству двѣ корзины съ цвѣтами и плодами. (Изъ К.-Ф. журнала, 1787).

Потомъ Императрица удалилась во внутренніе покои.

Свита Императрицы и всѣ спутники Ея были приглашены на ужинъ орловскимъ губернаторомъ Неплюевымъ.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 17 іюня, въ 11-ть час. утра Императрица вышла сперва въ комнату передъ заломъ, куда призванъ былъ курскій губернаторъ д. с. с. Зубовъ, на котораго Императрица собственноручно надѣла орденъ св. Владиміра 2-й степени. При вступленіи Императрицы въ залу начались представленія: архимандритъ Московскаго Богоявленскаго монастыря поднесъ св. икону и сказалъ рѣчь,—за нимъ орловскаго Успенскаго монастыря игуменъ Іеронимъ,—потомъ: генералъ-аншефъ Каменскій, князь Лобановъ, полковникъ егерскаго баталіона, и другіе военные; за ними подходили къ Императрицѣ губернаторы курскій и орловскій, гражданскіе мѣстные чиновники, предводители дворянства, причемъ орловскій губернскій предводитель полковникъ Давыдовъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Восхищенное безмѣрною радостію отъ Твоего къ намъ, великая Государыня, прибытія, орловское Твоего Императорскаго Величества вѣрноподданное дворянство вторично позволяетъ мнѣ въ лицѣ своемъ пасть къ освященнымъ стопамъ Твоимъ, да изъявлю предъ Тобою усердіемъ къ Тебѣ преисполненныя наши чувства, чувства благоговѣйныхъ чадъ, благословляющихъ въ Тебѣ щедроту и кротость Великія Матери Отечества".

Императрица во время представленія всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Послѣ обѣда, въ 7-мъ часу, Императрица, по просьбѣ губернатора, удостоила его посѣщеніемъ въ его домѣ. Передъ выѣздомъ изъ дворца, въ передней комнатѣ представлены были ей старшины городоваго магистрата съ знатнымъ купечествомъ и ихъ жены; отъ купечества поднесены хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и въ двухъ фарфоровыхъ корзинкахъ разные фрукты, также живыя стерляди и другая разная рыба. (К. Ф. ж.). Императрица выѣхала въ двумѣстной каретѣ, предъ которою ѣхали верхами губернскій предводитель съ двѣнадцатью дворянами. Свита и посланники слѣдовали въ особенныхъ каретахъ.

У крыльца встрѣтилъ губернаторъ Неплюевъ, вице-губернаторъ полковникъ Корнѣевъ, а въ сѣняхъ губернаторша съ „знатными" дамами; здѣсь по обѣ стороны стояли малолѣтнія благородныя обоего пола дѣти, въ бѣломъ пастушьемъ платьѣ съ перевязями, изъ цвѣтовъ сплетенными. Въ залѣ дамы были представлены статсъ-дамою Скавронскою. Губернаторъ угостилъ дорогую посѣтительницу театромъ, который былъ нарочно устроенъ въ губернаторскомъ домѣ къ пріѣзду Императрицы. Представлена была „благородными особами" русская комедія „Солиманъ II" и комическая опера „Ворожей".

По окончаніи спектакля Императрицѣ представлена дочь губернатора дѣвица Неплюева и всѣ участвовавшія съ нею въ спектаклѣ дѣвицы и жалованы къ рукѣ. Вечеръ окончился баломъ, который Императрица оставила въ 10 часовъ.

На другой день, 18 іюня, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, съ соблюденіемъ церемоніала, бывшаго при

въѣздѣ, Императрица выѣхала послѣ обѣда изъ Орла на ночлегъ въ городъ Мценскъ. При отъѣздѣ изъ Орла Императрица пожаловала на главное народное училище 1000 р. на малые два елецкое и мценское 200 р.; на монастыри орловскій мужескій Успенскій, орловскій Введенскій дѣвичій и мценскій Покровскій по 300 р. На солдатъ на 3907 ч. по 1 рублю—3907 р.; на два егерскіе баталіона 1750 р.; на штатныя команды 186 р.; въ орловскую богадѣльню 54 р.—всего 8397 руб. (изъ Приходо-расх. кн. Кабинет. Е. В.).

Г. В. Есиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ „ВІЙ".

Въ повѣсти „Вій“ обнаруживается двоякое вліяніе: въ началѣ повѣсти, незначительное, почти незамѣтное вліяніе „Бурсака“ Нарѣжнаго и затѣмъ, въ главной части повѣсти, сильное вліяніе народной сказки о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти вѣдьмы и чтеніи парубкомъ надъ ней въ церкви псалтыри. Изъ народныхъ же повѣрій заимствованъ и самый образъ Вія. Сходство „Вія“ Гоголя съ народными сказками о смерти вѣдьмы такъ велико, что повѣсть можно считать передѣлкой сказки. Сказка о смерти вѣдьмы, легшая въ основаніе „Вія“, принадлежитъ къ числу весьма популярныхъ. Она встрѣчается у разныхъ европейскихъ народовъ. Я не имѣю намѣренія останавливаться подробно на деталяхъ варіантовъ сказки, что нетрудно сдѣлать при большемъ досугѣ, и отмѣчу здѣсь только тѣ сборники, гдѣ мнѣ встрѣчалась литературная родня „Вія“:

1) *Ивановъ*, Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ, въ 3 томѣ „Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества“ 1891 г. на стр. 202—204.

2) *Чубинскій*, Труды этногр.-статист. экспедиціи въ Западно-русскій край, 1872, т. I, стр. 200—203: дьячокъ ѣздитъ на вѣдьмѣ; вѣдьма умерла, и дьячокъ, по желанію ея отца, три ночи читаетъ надъ нею псалтырь. По совѣту одной старухи, дьячокъ скрывался въ кругѣ, начертанномъ роговымъ ножомъ и потомъ въ шкафъ, гдѣ хранились ризы; вѣдьма не могла его задушить.

3) *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разсказы, 1876, стр. 71, сказка „Видьма та видьмакъ“—краткая передача того содержанія, которое развито подробно у Чубинскаго и еще подробнѣе у Иванова.

4) *Манжура*, Сказки, пословицы и пр. 1890 г.; на стр. 136—137 сказка о чтеніи надъ вѣдьмой псалтыри въ церкви парубкомъ въ теченіи 3 ночей. Дѣдъ даетъ ему совѣты, какъ избавиться отъ бѣсовъ. Мотива о ѣздѣ на вѣдьмѣ нѣтъ. Сказка краткая. Окончаніе то же, что въ сказкѣ въ сборникѣ Драгоманова.

5) *Podbereski*, Materyały do demonologii ludu ukraińskiego, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, IV. Сказка „Нареченая вѣдьма: „вѣдьма разсердилась на парубка и умерла; по требованію ея отца, парубокъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь и благополучно уходитъ отъ вѣдьмы и бѣсовъ.

Малорусскіе варіанты сходны, для сравненія съ Гоголевскимъ Віемъ прилагаю здѣсь наиболѣе подробный варіантъ изъ сборника г. Иванова:

— „Жила соби старуха, а у неи бувъ онучекъ. Ходывъ винъ на ярмарокъ, тамъ купцивна побачитъ его, шо винъ иде на ярмарокъ, та выбижитъ на вулыцю та й каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, ябъ на тоби йиздыла, йиздыла!“ Це винъ иде на ярмарокъ, вона ему такъ каже; изъ ярмарку иде, вона ему также каже, а винъ и не зна, шо ій отвичаты. Та пришовъ до дому та й хвалыться своій бабушци. „Бабушко, якъ я шовъ на ярмарокъ мимо купцивого двора, а купцивна выбижитъ, его дочка, та й каже мини: молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йиздыла, йиздыла! а я и не знаю, що ій и казаты.“—А ты, сынку, якъ пидешъ на ярмарокъ, такъ скажи ій: дивица, дивица, якъ бы ты мая кобылица, я бъ на тоби йиздывъ, йиздывъ! Отъ винъ пишовъ на ярмарокъ, вона й выбигла та й ему и каже: „молодецъ, молодецъ, якъ бы ты мій жеребецъ, я бъ на тоби йиздыла, йиздыла!“ А винъ тоди ій и каже: „дивица, дивица, якъ бы ты моя кобылица, ябъ на тоби йиздывъ, йиздывъ!“ Ихъ, вона такъ и схватылась кобылицею; винъ сивъ на неи верхомъ та й пойихавъ у чистее поле. Уже винъ на неи йиздывъ, йиздывъ и по лисахъ, и по ярахъ, и по буграхъ, та такъ іи выйиздывъ, шо зъ неи мыло впало и повернувъ до дому. Пріихавъ до двору до ін,—вона упала коло ворітъ и переробылась на дивку и здохла. Той хлопецъ прыйшовъ до дому, а тамъ вышла горнышна за ворота, ажъ лежитъ ихня панянка вмерша: ны зна нихто, шо зъ нею случилось. Та й узялы іи въ комнату, нарядылы, тай положилы на столи. А вона була *ярытныця* и батько іи ярытныкъ, и взнавъ винъ, шо то бабушкинъ внукъ іи зайиздывъ, и прыйшовъ до его наняты его читаты надъ дочкою у церкви цилу ничъ. Ну, винъ сперва не соглашався, не хотивъ идты, а бабушка ему и каже: „Иды, сыну, помолысь Богу, та й иды“. Ото тоди винъ, той онучокъ, и каже батькови ярытныци: „а скилькы вы мини даете, шо я буду чытаты?“—50 рубливъ. „Ни,

за 50 не хочу, якъ сто дасте, тоди пиду.“ — Ничого съ тобою робыты, на и сто, тилькы иды. И пишовъ соби купець до дому. Ну, дождалысь воны вечера и той убирается, внукъ, идты читаты надъ купцивною, а бабушка ему и каже: „ну гляди, сынокъ, читай та не оглядайся никуды и поставъ иззади себе Матеръ Божу.“ Отъ винъ убрався и пишовъ. Прыйшовъ у церкву, изнявъ со стины икону Матерь Божу и поставывъ иззади себе, взявъ псалтырь, ставъ у нигъ купцивны и читае. Отъ винъ тамъ читавъ, ничого ему не показуется, якъ о пивночи вдругъ пиднимается крышка зъ гроба и встае купцивна. Устала, якъ засміялась, руками сплеснула и каже: „вставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Якъ зашумилы изъ подъ полу мертвеци, та багато, багато, и почалы бигаты по церкви. Шукалы, шукалы и не найдуть ныякъ. Тутъ пивни: кукуреку, такъ ти вси мертвеци и зашумилы пидъ пилъ, а купцивна такъ и вдарылась по середыни церкви и стала не жива. Той тоди хлопець бросывъ читаты, узявъ купцивну, положивъ у гробъ, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опьять ставъ чытаты. Уже розвидняется, приходе купецъ: „ну, що читаешъ?“ — Читаю, отвичае хлопець. А купецъ тилько и сказавъ: угу, вынявъ сто рубливъ, отдавъ ему та й каже: „прыходи на другу ничь читаты.“ — Якъ дасте пивтораста рубливъ, такъ прыйду. „Ничого съ тобою робиты, дамъ, тилько прыходь“. Ну, и пишлы зъ церквы, а церковъ зачынылы. Ото той пришовъ, онучекъ, до дому, а бабушка и пытается: „якъ тамъ тоби, сынокъ, було?“ — Та ничого ще, бабушко; уставала купцивна, бигала по церкви, багато мертвецивъ зъ пидъ полу вылазыло, бигалы, шукалы мене и не нашлы. Та казавъ купецъ, шобъ прыходывъ йще на другу ничь. „Ничого, сынокъ, иды; тилько теперъ, якъ пидешъ, такъ поставышъ сзаду себе святу Покрову, тай опьять все читай, все читай, ны дывысь назадъ, шобъ тоби ны було, не оглядайся — читай.“ Ото дождалы воны вечера и пишовъ винъ читаты. Прыйшовъ у церкву, изнявъ съ стины Покрову, поставывъ сзаду себе, взявъ псалтырь и ставъ читаты. Отъ винъ чытавъ, читавъ до пивночы, и встае опьять купцивна. Устала, якъ засміется, захлопала рукамы: „уставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Такъ и зашумилы зъ пидъ полу мертвеци. Якъ нашлы его, началы коло его спиваты, грають, у палочки бьють, щобъ винъ глянувъ на ныхъ, и рукамы его достають и не достануть. А винъ все чита, все чита. Отъ пивни заспивалы, мертвеци такъ и зашумилы пидъ пилъ и купцивна вдарылась по середыни церкви. Винъ бросывъ чытати, взявъ купцивну, положивъ у труну, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опьять ставъ читаты. Дочитався до утра, прыходе батько іи и каже: „ну, шо, читаешь, малый?“ — Читаю. Винъ опьять тилько и сказавъ цему: „ну, прыходь, братъ, и на третью ничь читаты.“ — Дасте триста рубливъ, такъ прыйду. „Ничого съ тобой робыть, дамъ, тилько прыходь.“ Тоди вынувъ гроши за цю ничь, отдавъ та й ще приказуе: „ты жъ прыходь, братъ, не обманы!“ — Харашо, ни, будьты покойни, прыйду. Ото и пишлы воны зъ церквы. Прыйшовъ той хлопецъ до дому; тамъ пытается его бабушка: „якъ тоби, сыночекъ, тамъ було?“ Винъ іи разсказавъ все, якъ було. „Ище казавъ, шобъ прыходывъ на третью ничь.“ — Ничого, сынокъ, молысь Богу та й иды. Теперъ, якъ пидешъ, такъ обставышься кругомъ Спасытелямы. Прыйшовъ винъ у церкву, обставывся кругомъ Спасытелямы, взявъ псалтырь и почавъ читаты. Тилько смеркло, вона уже и встае. Устала, засміялась, захлопала рукамы: „уставайте, мои друзья пріятели, шукайте мого непріятеля!“ Такъ и зашумилы зъ пидъ полу мертвеци та й вси въ серпанкахъ и началы коло его крутыться, скакаты, доставаты его рукамы не достануть. Танцюють пе-

редъ нымъ, сміются шобъ винъ глянувъ, тоди бъ воны его розирвалы. А винъ такы все чита та чита, не дывытся на ныхъ. Ото воны доставалы, доставалы его, ничо̂го не зроблятъ—не достанутъ, та й побиглы уси зъ церквы на смиття шукаты щепокъ тыхъ, шо съ обохъ краивъ пидпалыны, и найшлы. Прыйшлы въ церкву и началы пидкопуваты тымы горилымы щепками доску, де винъ стоявъ, шобъ его зворухнуты зъ миста. Та вже отъ отъ пиднимутъ. А его бабушци такъ усю ничь не спытся, та щей бачыла вона, шо бигалы мертвеци по смиттю. Ото встала вона, одяглася, та скоришъ пидъ сидало, та за пивня, та пивня пидъ мышку, та й побигла до церквы. Прибигла де дверей, та якъ придаве пивня рукою, а винъ: кукурику та трычи. Такъ ти мертвеци такъ пидъ пилъ и зашумилы, а купцивна середъ церквы ожарылась и зробылась не жыва. Винъ іи узявъ, положывъ у труну, накрывъ серпанкомъ, зверху ще крышкою и ставъ читаты. Тутъ трохы перегодя сталы питухи спиваты, винъ тоди самъ соби и каже: слава тоби Господы! Ото винъ тамъ читавъ, читавъ и дочитався стало, слава Богу, свитаты. Воно ще рано, а купецъ вже й прыйшовъ и каже: „а шо читаешъ?“ Той хлопець ему въ отвитъ: читаю. Пишовъ той купецъ по церкви та й каже: „моя дочка була ярытныця, а цей ще похлеще моеи дочкы.“ Отъ тутъ винъ отдавъ ему 300 рублывъ; хлопець взявъ гроши и пишовъ до дому. Прыйшовъ и пытается въ его бабушка: „шо, сынокъ, якъ тоби тамъ було?“—Я думавъ, бабушко, шо це моя смерть прыйшла, ажъ воно, слава Богу, заспивалы питухи, такъ воно все счезло. А ему и каже бабушка: „це я, сынокъ, прыходыла тоби пидсобляты; такъ мини всю ничь не спится та й не спится, якъ гляну я у викно, ажъ бигаютъ по улици мертвеци; я скоришъ схватылася та за пивня, та до церквы, та якъ придавлю питуха, а винъ: кукурику.“—Спасыби вамъ, бабушко, шо спаслы мене видъ смерти! Ту купцивну заховалы, а той хлопець ожинывся, и сталы соби житы поживаты“. (Г. Купянскъ. Записала со словъ крестьянки Л. Пахомовой В. Щ.).

Къ малорусскимъ сказкамъ примыкаютъ бѣлорусскія, великорусскія, польскія и др., въ сборникахъ:

6) *Добровольскій*, Смоленскій этнографическій сборникъ, 1891, I, стр. 130.

7) *Karłowicz*, Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajow., XI. Въ сказкѣ подъ № 19 умираетъ царевна вѣдьма; по требованію ея отца, солдатъ три ночи читаетъ надъ ней псалтырь.

8) *Аѳанасьевъ*, Народныя русскія сказки, изд. 2, 1873, въ т. III, подъ № 208 сказки, очень близкія къ „Вію“: вѣдьма превращаетъ человѣка въ коня, сама возитъ его потомъ, умираетъ, чтеніе въ церкви надъ ней псалтыри. Сказки эти весьма сходны съ малорусскими сказками у Чубинскаго и Иванова, вѣдьма—купеческая дочь, читаетъ поповичъ или солдатъ; совѣты даетъ старуха.

9) *Худяковъ,* Великорусскія сказки, 1860, во II части подъ № 91 сказка о томъ, какъ умершая колдунья поднимается изъ гроба, хочетъ убить сестру, послѣднюю спасаетъ крикъ пѣтуха; подъ № 104 сходная сказка о колдунѣ: умеръ, стоялъ 3 ночи въ церкви, задушилъ 2 своихъ невѣстокъ; третья невѣстка перехитрила упыря.

10) *Chełchowski,* Powiesci i opowiadania ludowe, 1889, I, на стр. 21—28 польская сказка о панѣ—упырѣ, который разорвалъ попа въ церкви. Парень, по совѣту дѣда, избѣгаетъ опасности.

11) *Kozłowski,* Lud, piesni, podania, 1869; на стр. 350 польская сказка о панѣ упырѣ, который ходилъ по церкви и хотѣлъ убить дѣвушку, сказка почти тождественная съ великорусской въ сборникѣ Худякова.

12) *Kolberg,* Lud, VIII (krakowskie) на стр. 138 сказка о томъ, какъ парень читалъ въ церкви псалтырь надъ умершей вѣдьмой.

13) *Kulda,* Moravske narodne pohadky a povesti', 1854; на стр. 560—574 сказка, по нѣкоторымъ мотивамъ (ѣзда на вѣдьмѣ) сходная съ указанными великор., малор. и польскими.

14) *Mabinogion,* trad. en francais par Zoth, въ „Cours de littérature celtique" par d'Arboie de Jubainville et p. Zoth, 1889. Подробный отзывъ г. М. Соловьева въ „Русскомъ Обозрѣніи" 1890, XII, 867—871. Мабиногіонъ—сборникъ древнихъ кельтскихъ преданій и сказокъ, по рукописямъ XII—XIV вѣковъ. Сказка о Балорѣ напоминаетъ гоголевскаго Вія.

Проф. *П. В. Владиміровъ* къ интересномъ сочиненіи о Великомъ Зерцалѣ (1884 г.) на стр. 23 приводитъ легенду о томъ, какъ „волшебницу демоны извлекоша изъ церкви, въ ней же погребена бысть". Въ „Speculum Majus" (1256 г.) легенда эта вошла изъ сочиненія „Gwilelmus'a". Содержаніе: Въ Англіи, въ селеніи Бенелея, жила волшебница. Она узнала отъ сороки о своей скорой кончинѣ. Волшебница велѣла положить себя по смерти въ окованный желѣзомъ гробъ и поставить въ церковь. Но въ то время, какъ надъ ней пѣли священники, демоны ворвались въ церковь, подхватили гробъ, разбили его, извлекли волшебницу изъ церкви и демонъ ускакалъ съ ней на

адскомъ конѣ. Г. Владиміровъ добавляетъ при этомъ, что коротенькій пересказъ легенды помѣщенъ въ Нюрнбергской хроникѣ 1493 года съ гравюрой. Эта легенда была весьма распространена въ средніе вѣка. Недавно г. *Фалиганъ* привелъ разсказъ средневѣковаго историка Вильгельма де Мальмсбери († около 1150 г.) о томъ, какъ трупъ вѣдьмы былъ унесенъ дьяволомъ изъ церкви. *Г. Тосера* указалъ на другіе старинные англійскіе, нѣмецкіе и французскіе разсказы тожественнаго содержанія и приложилъ двѣ миніатюры (Revue des trad. popul. 1888, IX, 487—491, ст. Фалигана, и тамъ же XII, 643—647, ст. Tausserat). Этотъ разсказъ въ Англіи пользуется широкой извѣстностью подъ названіемъ The witch of Berkley (Берклейская вѣдьма). „Кто не найдетъ, замѣчаетъ г. Владиміровъ (В. Зерцало, 23), въ этой легендѣ интересную параллель, а можетъ быть источникъ къ извѣстной повѣсти Гоголя „Вій“, возникшій изъ подобныхъ же южно-русскихъ народныхъ пересказовъ“. Намъ кажется, что этотъ циклъ сказаній занимаетъ въ народной литературѣ и въ письменности самостоятельное положеніе. Сказки и легенды типа Берклейской вѣдьмы имѣютъ то существенное отличіе отъ сказокъ типа гоголевскаго Вія, что въ первыхъ нѣтъ основнаго мотива послѣднихъ—чтенія въ церкви надъ вѣдьмой псалтыри, и нѣтъ также ѣзды на вѣдьмѣ; а самое главное, что въ послѣднихъ (Вій) демоны помогаютъ вѣдьмѣ, тогда какъ въ первыхъ (Берклейская вѣдьма)—уносятъ въ адъ на мученія; а безъ этихъ мотивовъ трудно поставить данныя сказанія и легенды въ параллель и тѣмъ болѣе сомнительнымъ представляется предположеніе о родствѣ ихъ по происхожденію.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскомъ. Я зналъ покойнаго Александра Александровича Котляревскаго только какъ ученикъ учителя; ни какъ семьянинъ, ни какъ человѣкъ вообще, не былъ онъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему мои краткія воспоминанія о немъ по необходимости будутъ и нѣсколько поверхностны и мало, быть можетъ, содержательны. Я работалъ у покойнаго, главнымъ образомъ, по чешской и сербской литературѣ. Гостепріимныя двери его огромнаго книгохранилища открывались передо мною, какъ и предъ всякимъ желавшимъ у него работать студентомъ (такихъ было, къ сожалѣнію, немного, и покойный не успѣлъ образовать своей школы [1]) въ любое время. Чаще другихъ приходили къ нему на домъ для занятій А. В. Стороженко и я. Работы, которыя давалъ тогда А. А., носили преимущественно характеръ изученія сокровищъ народной словесности и жизни славянъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и пр. Составлялись иногда довольно значительныя по объему сочиненія по извѣстному «Ковчежцу» Вука Караджича, по его же превосходному Словарю и т. п. Я лично еще изучалъ подъ руководствомъ А. А. и такъ называемую перехожую литературу среднихъ вѣковъ, главнымъ образомъ, конечно, въ ея славянскихъ изводахъ; здѣсь покойный нерѣдко указывалъ лучшіе прі-

---

[1]) Произошло это, конечно, прежде всего отъ преждевременной кончины покойнаго А. А., отчасти же отъ того, что эпоха семидесятыхъ годовъ въ университетахъ, особенно кіевскомъ, не особенно благопріятствовала увеличенію состава филологическихъ факультетовъ; окончившіе гимназію юноши предпочитали тогда изученіе права и медицины... Кромѣ того, пріѣздъ А. А. въ Кіевѣ произошелъ послѣ глубокаго паденія славянской каѳедры въ университетѣ, что, конечно, неизбѣжно должно было нѣсколько отразиться на первыхъ годахъ профессорства А. А. не особенно значительнымъ увеличеніемъ числа слушателей.

емы и методы изслѣдованія. Въ то время (1877—9 гг.) онъ особенно цѣнилъ научные пріемы историко-литературныхъ изслѣдованій извѣстнаго чешскаго ученаго Вячеслава Небесскаго, и нужно признаться, что старательное ихъ изученіе, предпринятое мною по совѣту А. А., дѣйствительно принесло мнѣ очень много пользы.

Ширгѣ и разносторонности изученій покойный А. А. придавалъ огромное значеніе и самъ своей огромной начитанностію по всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ невольно подзадаривалъ своихъ учениковъ къ такому же ученому энциклопедизму. Была при этомъ для послѣднихъ, конечно, опасность разбросаться, удариться въ ширь, а не въ глубь изученій, но умѣлая рука А. А. легко и искусно направляла всѣ такія увлеченія по истинному пути и сдерживала ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, по настоянію А. А., мнѣ приходилось читать чрезвычайно много по самымъ разнообразнымъ факультетскимъ и нефакультетскимъ наукамъ: исторіи всеобщей литературы и теоріи словесности, философіи, соціологіи и политической экономіи, лингвистикѣ и пр., причемъ необходимыя книги обязательно получались отъ него же, если ихъ не бывало въ университетской библіотекѣ, что случалось очень часто. Нѣкоторыхъ книгъ, особенно уникъ, онъ, впрочемъ, не давалъ на домъ; въ такомъ случаѣ ихъ приходилось прочитывать и изъ нихъ дѣлать выписки въ самомъ его книгохранилищѣ; зато дубликаты книгъ, имѣвшіеся у А. А. въ весьма значительномъ количествѣ, онъ не только весьма охотно давалъ на домъ, но даже часто и дарилъ ученикамъ. Основательное знаніе санскрита онъ почиталъ краеугольнымъ для всякаго слависта; объ этомъ онъ прямо заявилъ мнѣ, когда, послѣ окончанія мною университетскаго курса, предположилъ провести меня въ университетъ въ качествѣ казеннаго стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по предмету славянской филологіи, что, впрочемъ, было мною, по разнымъ причинамъ, объяснять которыя здѣсь не мѣсто и не время, отклонено. Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ считалъ онъ и возможно большую начитанность въ старыхъ литературныхъ памятникахъ, на что постоянно напиралъ при своихъ частныхъ занятіяхъ съ учениками (система домашнихъ семинарій). Посредствомъ нѣсколькихъ искусно поставленныхъ вопросовъ, вставленныхъ среди бесѣды, А. А. легко удостовѣрялся въ степени основательности изученія памятника. Онъ часто, по этому поводу, жаловался, что во многихъ историко-литературныхъ работахъ, исполненныхъ даже спеціалистами, не всегда можно наблюдать дѣй-

ствительно глубокое, а не поверхностное лишь, изученіе памятниковъ... Ученое верхоглядство и легкомысліе осуждалъ онъ строго и безпощадно; тутъ бывали весьма кстати и его остроуміе, и его рѣзкій, желчный языкъ...

Библіографическія занятія А. А. считалъ крайне важными для всякаго ученаго, желающаго быть полнымъ хозяиномъ въ своей области, отчетливо знать, что и какъ въ ней уже сдѣлано, и что еще остается сдѣлать либо передѣлать...

Этимъ легко объясняется его наклонность, перешедшая потомъ уже въ страсть, къ собиранію книгъ и составленію книгохранилища, подобныхъ которому мало можно встрѣтить у частныхъ людей...

Въ этомъ былъ, впрочемъ, своего рода недостатокъ: имѣя въ своемъ книгохранилищѣ все, что ни выходило по славяновѣдѣнію и родственнымъ предметамъ, онъ нерѣдко забывалъ о необходимости снабженія и университетской библіотеки выходившими въ свѣтъ новостями или же дѣлалъ это не въ очень значительныхъ размѣрахъ...

Изъ ученыхъ славистовъ А. А. особенно цѣнилъ и уважалъ И. И. Срезневскаго, котораго называлъ всегда за его непомѣрное трудолюбіе и усидчивость въ занятіяхъ «бенедиктинцемъ» и постоянно ставилъ своимъ ученикамъ въ примѣръ необычайнаго трудолюбія и научной добросовѣстности, соединенной съ яснымъ и дѣйствительнымъ пониманіемъ настоящихъ задачъ науки... Рѣдкая лекція покойнаго А. А. проходила безъ упоминанія по тому либо другому поводу имени Срезневскаго...

Лекціи А. А. имѣли характеръ непринужденныхъ, лишенныхъ всякой аффектаціи и изысканности научныхъ бесѣдъ, которыя, если можно такъ выразиться, хозяинъ по необходимости долженъ былъ изъ своей ученой рабочей комнаты переносить въ аудиторію. Изложеніе, хотя и сопровождалось по временамъ чтеніемъ написаннаго, въ общемъ имѣло видъ устнаго преподаванія, иногда, впрочемъ, и толкованія читаемаго. Практическія упражненія состояли чаще всего въ томъ, что кто нибудь изъ учащихся читалъ сербскій или чешскій, болгарскій и пр. литературный памятникъ; преподаватель исправлялъ, объяснялъ и т. п.; читались всего чаще сербскія пѣсни В. Караджича, Краледворская и Зеленогорская рукописи, рѣже болгарскія пѣсни. Объ объемѣ, составѣ и характерѣ университетскаго преподаванія А. А. я не буду распространяться, такъ какъ это уже сдѣлано А. В. Стороженкомъ на страницахъ «Вѣстника Европы» 1890 г.

А. А. былъ превосходнымъ собесѣдникомъ, въ высокой степени по-

учительнымъ (я говорю не о тѣхъ минутахъ, когда покойный бывалъ желченъ и иногда рѣзко судилъ либо осмѣивалъ людей); послѣ каждой серьезной бесѣды съ нимъ я, по крайней мѣрѣ, уходилъ обогащенный новыми свѣдѣніями, часто ободренный, когда падалъ духомъ, и окрыленный. Иногда, если покойный А. А. замѣчалъ находившую на меня по временамъ, въ видѣ какой то болѣзни, тоску или унылость въ работѣ, смѣясь давалъ онъ мнѣ «Замогильныя записки Пиквиккскаго клуба»; онъ серьезно полагалъ, что эта прекрасная книга въ состояніи возстановить духовное равновѣсіе въ любое время и таковое его предположеніе оказывалось всегда дѣйствительнымъ и основательнымъ. Вообще у этого насмѣшливаго, впрочемъ склоннаго къ юмору, иногда суроваго на видъ человѣка, бывало много душевной теплоты и сердечнаго сочувствія...

Мнѣ приходилось слышать иногда упреки, по адресу покойнаго А. А., въ злоязычіи его; но, кажется, это можно отнести уже къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни А. А., когда онъ, удрученный болѣзнію, убитый совершавшимися тогда нестроеніями нашей общественной жизни, бывалъ дѣйствительно иногда черезчуръ ужъ желченъ и раздражителенъ. Въ общемъ же едва ли его злоязычіе и злорѣчіе переходили предѣлы добродушнаго юмора, невинной, незлобивой насмѣшки надъ тѣмъ либо другимъ человѣческимъ недостаткомъ, почему либо привлекавшимъ его вниманіе.

Покойный А. А. былъ не просто преподавателемъ славновѣдѣнія въ высшей школѣ; нѣтъ, онъ внимательно слѣдилъ и за всѣми явленіями славянской общественной, литературной и политической жизни, которую, благодаря долговременному пребыванію въ Чешской Прагѣ, зналъ и понималъ хорошо. Онъ не былъ увлекающимся черезчуръ славянофиломъ, но трезво и критически относился къ славянскому вопросу, въ которомъ любилъ и умѣлъ отдѣлять осуществимое отъ недостижимаго. Но что онъ былъ на дѣлѣ, а не на словахъ только, дѣйствительнымъ славянолюбомъ (не славянофиломъ, впрочемъ), это онъ доказалъ хотя бы въ бытность свою предсѣдателемъ Кіевскаго Славянскаго Общества во время послѣдней русско-турецкой войны... Вотъ почему я думаю, что тѣ выраженія сомнѣнія, которыя мнѣ приходилось иногда слышать, въ славянскихъ чувствахъ и мнѣніяхъ покойнаго А. А., едвали основательны и согласны съ дѣйствительностью. Скорѣе нужно думать, что только особенная, своеобразная окраска славянскихъ взглядовъ А. А. приводила нѣкоторыхъ его знакомыхъ къ вышеупомянутому мнѣнію о его рав-

нодушіи къ славянамъ. Не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ забывать, при сужденіи объ этой сторонѣ дѣла, того обстоятельства, что покойный А. А. Котляревскій былъ прежде всего ученый славистъ и только затѣмъ ужъ славянскій дѣятель и публицистъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е., какъ выразитель тѣхъ или другихъ общественно-политическихъ взглядовъ), и что, наприм., его славянскія связи и отношенія были по преимуществу все таки ученыя [1])...

А. Степовичъ.

Южнорусскій громникъ. Въ 1862 году Костомаровымъ изданъ былъ (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графомъ Кушелёвымъ-Безбородко, выпускъ III, стр. 154—155) «Громникъ двѣнадесятимъ мѣсяцамъ собрано Иракліемъ царемъ отъ звѣздозаконія», списанный изъ рукописнаго сборника Троицкой Лавры, и принадлежащій, по предположенію издателя, южнославянской редакціи. Не знаю, были ли гдѣ нибудь опубликованы подобныя произведенія русской редакціи. А между тѣмъ всякому изслѣдователю народныхъ вѣрованій и воззрѣній сразу должно быть ясно, что подобныя произведенія, какъ ни нелѣпы могутъ они казаться нашему просвѣщенному пониманію, совсѣмъ не такими казались нашимъ праотцамъ. Коренясь въ астрологическихъ суевѣріяхъ сѣдой древности и прикрываясь громкими именами, эти, церковью запрещенныя, но ея-же служителями эксплуатированныя и пропагандированныя, сочиненія должны были имѣть большое вліяніе на формировку вѣрованій и воззрѣній народныхъ, и въ свою очередь со временемъ сами должны были измѣняться и варьироваться подъ вліяніемъ разъ сложившихся вѣрованій.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось отъ одного народнаго учителя въ восточной Галиціи пріобрѣсть обширный и богатый содержаніемъ

---

[1]) Я рѣшился напечатать эти небольшія воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ, написанныя уже давно и все время лежавшія безъ движенія, только потому, что мнѣ привелось какъ то узнать, какъ цѣнитъ А. Н. Пыпинъ, приготовляющій къ печати жизнеописаніе А. А. Котляревскаго, всякія, даже самыя скромныя, замѣтки о покойномъ А. А. Я былъ тоже вызываемъ къ сообщенію таковыхъ замѣтокъ; этимъ-то обстоятельствомъ и обусловлено появленіе въ печати моихъ скромныхъ и бѣглыхъ воспоминаній, которыя, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ окажутся небезполезными, въ виду сравнительной немногочисленности сообщеній о такой во всякомъ случаѣ крупной личности и ученой силѣ, какою былъ покойный А. А.

рукописный сборникъ, писанный въ 1747—1755 годахъ священникомъ Ильею Яремецкимъ Бѣлахевичемъ, жившимъ нѣкоторое время въ православномъ монастырѣ въ Путнѣ на Буковинѣ, а также состоявшимъ приходскимъ священникомъ въ с. Волчковцахъ, въ нынѣшнемъ снятынскомъ повѣтѣ въ Галиціи. Сборникъ этотъ, который дошелъ до моихъ рукъ въ видѣ нѣсколькихъ фрагментовъ, съ недостающими то сямъ, то тамъ листами, сшитыми въ послѣдствіи какъ попало, содержитъ еще теперь безъ малаго 200 статей и отрывковъ самаго разнообразнаго содержанія, главнымъ образомъ, конечно, церковно-религіознаго. Есть тамъ житія святыхъ, слова св. отцевъ, учителей и постниковъ, описанія чудесъ (напр. очень интересная и по языку, и по содержанію коллекція описаній чудесъ св. Николая), вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, но что всего цѣннѣе въ этомъ сборникѣ, такъ это богатая коллекція разнаго рода апокрифическихъ сочиненій. Я надѣюсь вскорѣ предложить читателямъ «Кіевской Старины» болѣе подробное описаніе апокрифовъ изъ сборника Яремецкаго, а теперь сообщаю изъ того же сборника громникъ, по тексту своему совсѣмъ отличный отъ того, который напечатанъ покойнымъ Костомаровымъ.

Преданіе о громѣ Моѵсея Громовидца.

Аще загримит мсца Генваря, обилія много будет во всем мирѣ. Аще велми загримитъ, то велика будетъ пáгуба.

Аще загримит мсца Февруарія, то будет благо повсюду, но аще велми загримит, то пагуба будет скотом.

Аще загримит мсца Марта, будет пшеницѣ много, вина и масла. Аще помалу загримит, то будет немиръ.

Аще загримит мсца Апрілія, то будет овоцу [1]) много, вина и масла оскудно, пшеницѣ много. Аще велми погримит, то будет болезнь великая.

Аще загримит мсца Мая, то миру мятеж по градом будет, меду і пшеницѣ много, овоцу і вина мало. Аще помалу загримит, то смерть родящим женам чада.

Аще загримит мсца Іюня, то будетъ пагуба велика во людех, і страхи будутъ великіе. Аще велми загримит, то будет скотом смерть.

---

[1]) Фруктовъ.

Аще загримит м҃ца Іюлія, то будет Царем, Кролем и великим мужем паном смерть велми. Пшеницѣ много, а овоцу, вина и масла мало.

Аще загримит м҃ца Августа, то миру покой будет. Аще вельми загримит, то мятеж будет великая.

Аще загримит м҃ца Септеврія, то будет великая немилость во людех і молва во градѣхъ і весех.

Аще загримит м҃ца Октоврія, то будет плод велій вина пшеницѣ много, смерть женам и дѣтем.

Аще загримит м҃ца Ноемврія, то будет болезнь человѣком і туга. Обилія много, вина і овоцу мало.

Аще загримит м҃ца Декемврія, то будет великим мужем смерть. Обилія много, и пшеницѣ мало, вина і масла много.

Миронъ.

Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый 1891-й годъ помѣщена коротенькая замѣтка г. А. Л. подъ заглавіемъ «Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ с. Субботовѣ», въ которой на основаніи рисунка д-ра Деляфлиза и надписи къ нему сообщается о существованіи въ Субботовѣ камня, служившаго во время Хмельницкаго для наказанія преступниковъ. При этомъ авторъ замѣтки выразилъ желаніе знать, сохраняется ли и теперь этотъ камень. Въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось быть въ Субботовѣ и удалось видѣть и этотъ самый камень, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть въ этомъ селѣ, игравшемъ важную роль въ исторіи Малороссіи, и другіе памятники, представляющіе археологическій интересъ. Обо всемъ этомъ нахожу нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній читателямъ «Кіевской Старины».

П. А. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси» отмѣтилъ по отношенію къ Субботову ту особенность, что здѣсь, въ бывшемъ родовомъ имѣніи знаменитаго гетмана, не сохранилось въ народной памяти никакихъ слѣдовъ изъ прошлой исторической жизни. Но за то, скажемъ съ своей стороны, здѣсь прекрасно сохранился отъ разрушающаго вліянія времени одинъ вещественный памятникъ старины, свидѣтельствующій о громкомъ историческомъ прошломъ этого села. Такимъ памятникомъ является Ильинская церковь, построенная еще достопамятнымъ Богданомъ Хмельницкимъ, какъ думаютъ, въ 1651

году[1]). Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности устройства этого храма. Онъ представляетъ собою чрезвычайно массивное, похожее на крѣпость, каменное зданіе, построенное въ видѣ продолговатаго четыреугольника. Съ восточной стороны этого четырехугольника выступаетъ алтарный абсидъ въ видѣ пятигранника, вслѣдствіе чего три небольшихъ окна въ алтарѣ не могли быть расположены симметрично; съ западной — возвышается красивый открытый фасадъ. Средняя часть храма раздѣлена едва выступающими поперечными арками на три части; у самаго входа подъ хорами, покоющимися на массивныхъ, широкихъ колоннахъ, есть еще узкое почти совершенно темное пространство. Таково въ общемъ устройство этой церкви. Изъ особенностей ея можно еще указать на небольшія оконца, освѣщающія ходъ на хоры, далѣе съ хоръ на чердакъ и, наконецъ, самый чердакъ. Какъ можно судить по неправильной и чрезвычайно оригинальной формѣ этихъ оконъ, они въ свое время служили бойницами. Затѣмъ, у входа въ церковь съ южной стороны указываютъ мѣсто погребенія Богдана Хмельницкаго. Здѣсь подъ мраморнымъ памятникомъ недолго покоился прахъ гетмана; враги не оставили его въ покоѣ и послѣ смерти: они разрушили его гробницу и страшно наругались надъ его останками. Въ настоящее время не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой гробницы, и только надпись на металлической дощечкѣ, прибитой къ стѣнѣ, показываетъ намъ мѣсто погребенія гетмана.

Во время продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ неурядицъ, послѣдовавшихъ послѣ Хмельницкаго, церковь, построенная имъ, подверглась разоренію; вслѣдствіе этого, какъ можно думать, была построена другая деревянная церковь, почему въ Субботовѣ и въ настоящее время существуютъ двѣ церкви. Въ описанномъ видѣ Ильинская церковь находилась до половины настоящаго столѣтія. Наконецъ, въ 1855 г. она была реставрирована и въ настоящее время состоитъ приходскою церковью. При реставраціи для увеличенія вмѣстимости она была соединена съ колокольнею посредствомъ особой пристройки, въ видѣ корридора.

Другая Михайловская церковь болѣе поздняго происхожденія. Какъ гласитъ надпись, вырѣзанная снаружи на косякахъ входной двери, она построена въ 1786 г. «благословеніемъ преосв. Виктора еп. переяславскаго въ польской области, при священникахъ Ѳеодорѣ

---

1) Похилевичъ „Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ." стр. 681.

и Георгіи, коштомъ ктитора Павла Гребѣнка съ братствомъ». Изъ «Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ.» узнаемъ, что эта церковь создана вмѣсто болѣе древней деревянной же церкви, построенной въ 1718 г.[1]) Въ настоящее время Михайловская церковь представляетъ собою чрезвычайно ветхое зданіе, готовое обрушиться, но стоящее еще благодаря множеству деревянныхъ подпоръ, поддерживающихъ его. Мѣсто, на которомъ построена эта церковь, было въ старину кладбищемъ; подъ самой церковью и теперь еще существуетъ склепъ, въ которомъ, какъ думаютъ, погребенъ сынъ Хмельницкаго, засѣченный Чаплинскимъ[2]). Къ сожалѣнію, намъ не удалось проникнуть въ этотъ склепъ, чтобы лично осмотрѣть его и обслѣдовать.

Невдалекѣ отъ Михайловской церкви находится въ землѣ и упомянутый въ началѣ нашей замѣтки камень. Онъ имѣетъ продолговатую форму (футовъ 10 длины) и изрытъ нѣсколькими продольными бороздами. По преданію онъ служилъ во времена гетманщины позорнымъ столбомъ, на которомъ казнили преступниковъ. Въ послѣднее время крестьяне, думая, что этотъ камень внутри пустой, и надѣясь найти въ немъ кладъ, отбили отъ него довольно большой кусокъ, который лежитъ уже у самой церковной ограды. Конечно, ожиданія этихъ кладоискателей не оправдались.

Наконецъ, указываютъ еще мѣсто дома Богдана Хмельницкаго. Онъ стоялъ на склонѣ той же горы, на которой построена Ильинская церковь, за алтаремъ ея. Остатки стѣнъ этого дома существовали еще въ 1830 г.; но благодаря невѣжеству, были разобраны, и камень былъ употребленъ на постройку церкви въ Медвѣдовскомъ монастырѣ, находящемся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Субботова. Теперь на мѣстѣ дома гетмана находится крестьянская усадьба; но слѣды существованія его все таки замѣтны въ почвѣ и въ настоящее время.

Вотъ и все, что осталось въ Субботовѣ отъ старины. Наступившія сумерки не позволили мнѣ произвесть болѣе подробный осмотръ этой мѣстности, гдѣ два съ половиною вѣка назадъ произошли событія, имѣвшія важныя историческія послѣдствія. **В. П.**

Переписка кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.) Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ, состоявшій кіевскимъ генералъ-губернаторомъ

---

[1]) Похилевичъ, стр. 682.

[2]) Догадку эту сообщилъ намъ мѣстный священникъ о. І. Д.; но, къ сожалѣнію, не указалъ источника, изъ котораго она заимствована.

болѣе 15-ти лѣтъ (1738—1753), назначенъ былъ въ Кіевъ, какъ видно, вопреки своему желанію, отчисленный отъ арміи, отъ командованія полевыми полками, фельдмаршаломъ гр. Минихомъ по какой то «злобѣ» на него. Указъ о назначеніи его исправляющимъ должность *губернатора* состоялся 7-го марта 1738 г.[1]), а въ 1741 г., послѣ того какъ онъ вызванъ былъ для присутствія въ пр. Сенатѣ, января 7-го состоялся именной указъ о пожалованіи его въ полные генералы и въ *генералъ-губернаторы*, при чемъ ему вмѣсто жалованья назначалось «довольствіе съ опредѣленныхъ на тамошнихъ губернаторовъ деревень»[2]). По пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ Леонтьевъ вступилъ во владѣніе с. Обуховымъ, которымъ до сихъ поръ владѣлъ кіевскій оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Нейбушъ пополамъ съ губернаторами.

Это село Обухово[3]), принадлежавшее полковнику кіевскому Мокѣевскому, отписанное въ числѣ прочихъ маетностей, принадлежавшихъ мазепинцамъ, въ казну, было предоставлено указомъ 1708 г. въ пользованіе бывшему тогда коменданту Герсичу, по отъѣздѣ Герсича изъ Кіева д. Обуховкою владѣлъ уже безъ указа кіевскій губернаторъ князь П. А. Голицынъ, по смерти котораго кіевскій комендантъ полковникъ Парасуновъ исходатайствовалъ въ 1722 г. въ Правит. Сенатѣ разрѣшеніе владѣть этою деревнею «до указу»; а въ 1727 г. послѣдовалъ Высоч. указъ, которымъ повелѣно кіевскому вице-губернатору ген. м. Штоку «д. Обуховкою владѣть съ кіевскимъ комендантомъ пополамъ для ихъ пропитанія, пока они въ Кіевѣ у губернскихъ дѣлъ будутъ». На такомъ же основаніи владѣлъ этою деревнею и об.-ком. Нейбушъ съ 1732 г. пополамъ съ губернаторомъ Шереметевымъ, причемъ бывшему тогда же нѣкоторое время въ Кіевѣ генералъ-губернатору гр. Вейсбаху сказано было «изъ того села части во владѣніе не отдавать, потому что онъ въ воинскомъ штатѣ и какъ жалованье, такъ и раціоны получаетъ полные изъ воинской суммы, а губернаторъ Шереметьевъ и об. ком. Нейбушъ жалованье получаютъ по штату губернаторскому, а не воинское».

Леонтьевъ считалъ себя въ правѣ одному владѣть с. Обуховымъ, чѣмъ и возбудилъ жалобу ген. м. Нейбуша. По этому поводу состоялось такое мнѣніе Пр. Сената: «оному г. Нейбушу изъ того

---

[1]) Ист. мат. изъ арх. К. Г. П. вып. 1-й, стр. 171.

[2]) Сенатскій Архивъ т. II, стр. 164 и т. III, стр. 437.

[3]) Называется оно въ болѣе раннихъ документахъ *деревнею Обуховкою*, а въ позднѣйшихъ селомъ Обуховымъ.

с. Обухова во владѣніе половину отдать надлежитъ, а другою половиною владѣть генералъ-губернатору Леонтьеву; да ему же, генералъ-губернатору, для его содержанія не соизволено ль будетъ опредѣлить по штату 1725 года генералъ-губернаторское жалованье, чтобъ не было противъ оного об. ком. Нейбуша, который жалованье по тому же штату получаетъ, а сверхъ того довольствоваться будетъ отъ той половины села, ему, генералъ-губернатору, обиды[1])».

Какъ видно изъ имѣвшейся у меня въ рукахъ переписки, сохранившейся въ дѣлахъ губ. канц., Леонтьевъ, и получивъ штатное ген.-губернаторское жалованье, считалъ себя неудовлетвореннымъ и добивался зачисленія его въ штатъ арміи и выдачи ему жалованья и по воинскому штату. Объ этомъ онъ написалъ 3-го ноября 1743 письма одного и того же содержанія нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и гр. Алексѣю Разумовскому. Это то письмо вмѣстѣ съ полученными отвѣтами гр. Разумовскаго и Румянцева и помѣщается ниже.

1) «Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ.

Всепокорнѣйше вашему высокопревосходительству, милостивому государю, доношу, что получилъ я извѣстіе, въ какой силѣ сего 743 году сентября 27 дня, по разсужденію Пр. Сената, назначено по табели 720 году имѣть полныхъ генераловъ на армейскомъ жалованьи пять человѣкъ и въ то число опредѣлено быть моложея меня г. генералу и кавалеру Бутурлину, а обо мнѣ показано,—хотя де я предъ нимъ Бутурлиномъ и старшинство имѣю, токмо де отъ войсковой службы отставленъ и опредѣленъ въ здѣшнюю губернію генераломъ-губернаторомъ и для того бъ мнѣ жалованье производить по генералъ-губернаторскому окладу и полевымъ полкамъ въ командѣ моей не быть и во армейскомъ штатѣ меня не числить. А понеже я объ отставкѣ себя отъ воинской службы никогда не прашивалъ и нынѣ не желаю, но желаю вѣрно Е. И. В. служить до самой смерти моей; а въ прошломъ 738-мъ году бывшій фельтмаршалъ Минихъ, имѣя на меня злобу и отлуча меня отъ армейской команды въ кіев-

---

[1]) Ген. маіоръ Нейбушъ въ своей жалобѣ писалъ, какъ видно это изъ доклада Пр. Сената, что онъ при умаленномъ своемъ содержаніи только что и пропитаніе себѣ имѣлъ и субстанцію содержалъ изъ половины доходовъ того с. Обухова, понеже онъ собственныхъ своихъ вотчинъ и помѣстья и никакого къ пропитанію фундамента не имѣетъ, а ему де въ тамошнемъ пограничномъ городѣ Кіевѣ на одномъ жалованьи, яко безпомѣстному и совершенно бѣдному человѣку, пропитать себя съ женою и дѣтьми, также и при случаѣ пріѣзжающихъ иностранныхъ людей трактовать нечѣмъ". Сенат. Архивъ, т. III, стр. 437.

скую губернію, безъ всякаго резона старался о произвожденіи въ полные генералы младшихъ меня генераловъ-лейтенантовъ Кейта и фонъ-Левендаля, которые находились дѣйствительно въ командѣ моей, а прежде меня въ генералы пожалованы; а когда я въ прошломъ 740-мъ году взятъ былъ указомъ въ С.-Петербургъ для присутствія въ Пр. Сенатъ, то билъ челомъ о вышепомянутой обидѣ своей и пожалованъ въ полные жъ генералы; тогда онъ, Минихъ, неудовольствуясь прежде показанною мнѣ обидою, отправилъ меня въ Кіевъ генералъ-губернаторомъ, не опредѣля мнѣ никакого жалованья, ни армейскаго, ни губернскаго, о чемъ извѣстно Пр. Сенату и Гос. Воен. Коллегіи. А въ 741 году по указу изъ Пр. Сената велѣно мнѣ команду имѣть надъ армейскими украинскаго корпуса полками и жалованье получать по генералъ-губернаторскому окладу изъ положенныхъ въ штатъ доходовъ, а къ тому въ додачу по рангу полнаго генерала изъ воинской суммы; и тѣми армейскими полками я понынѣ командую и полное по рангу моему жалованье получаю третій годъ, какъ и прежде бывшіе здѣсь въ Кіевѣ гг. генералъ-губернаторы, князь И. Ю. Трубецкой, что нынѣ генералъ-фельдмаршалъ, да покойный генералъ и кав. графъ фонъ-Вейзбахъ, всегда армейскими полками командовали и, числясь въ штатѣ, жалованье по рангамъ своимъ сполна получали изъ воинской суммы, а чтобъ имъ надъ армейскими полками команды не имѣть и жалованье одно губернское получать, такова запрещенія и указу, какъ нынѣ обо мнѣ учинено, никогда не было. Того ради прошу, дабы я чрезъ милосердое ваше, милостиваго государя, къ Е. И. В. предстательство по старшинству моему вмѣщенъ былъ въ комплектъ штатнаго положенія къ арміи генераломъ по прежнему и жалованье бъ мнѣ опредѣлено было полное производить изъ воинской суммы съ прочими въ равенствѣ, чтобъ мнѣ, будучи сорокъ четыре года въ долговременной и безпорочной и на всѣхъ воинскихъ потребахъ безотлучной регулярной службѣ моей, и за раны крайней предъ другими обиды не послѣдовало и что я чрезъ помянутые многіе годы заслужилъ, того нынѣ лишенъ не былъ, въ чемъ несумнѣнную надежду имѣю, что милосердымъ вашимъ, мил. гос. моего, предстательствомъ и заступою втунѣ оставленъ не буду и со всенижайшимъ моимъ почтеніемъ остаюсь» и т. д.

2) Въ отвѣтъ на это письмо Алексѣй Разумовскій писалъ 15-го декабря изъ Петербурга слѣдующее:

«Вашего Превосходительства писаніе съ нарочно присланнымъ офицеромъ я получилъ, за которое покорно благодарствую. Что-жъ

надлежитъ до вашего прошенія, о томъ я Е. И. В. представлялъ, и хотя я на то резолюціи еще и не получилъ, однако еще напоминать буду и, что воспослѣдуетъ, о томъ В. П. безъ извѣстія не оставлю. Между тѣмъ отправился отъ меня для нѣкоторыхъ моихъ нуждъ дворецкой мой Степанъ Рыбалкинъ на Украину; того ради ежели онъ В. П-во чѣмъ нибудь касающимся до моихъ нуждъ и до положенной отъ меня на него комиссіи, въ томъ прошу его, по вашей ко мнѣ благосклонности, не оставить».

3) Румянцевъ отвѣчалъ Леонтьеву отъ 17-го декабря такимъ письмомъ.

«Государь мой милостивый сватушка Михайло Ивановичъ!

Вашего Превосходительства почтенное письмо чрезъ капитана Максимовича я въ свое время получилъ исправно, на которое симъ во отвѣтъ донести честь имѣю, что по содержанію онаго, по свойственной моей должности, со многими господами, а именно съ князь Васильемъ Владимеровичемъ, съ князь Никитой Юрьевичемъ, съ Алексѣемъ Григорьевичемъ и съ прочими о томъ просительнымъ образомъ разговаривалъ, только при общемъ всѣхъ сожалѣніи во отвѣтъ получилъ, что того нынѣ никоимъ образомъ вдругъ перемѣнить невозможно, ибо военная коллегія приписываетъ сіе разопредѣленіе Сенату, а Сенатъ учинилъ то для умѣщенія генералитету въ полное число по табели, считая васъ въ отставкѣ, почему и Всевысочайшая Е. И. В. резолюція воспослѣдовала, по силѣ которой по тому представленію не токмо В. П-ву однимъ, но и многимъ другимъ отъ команды и отъ жалованья отказано, яко же и я самъ, хотя въ положенное по штату число и введенъ съ прибытія моего сюда, не токмо какой команды, но и никакого дѣла не имѣю, ибо въ той же Всевысочайшей резолюціи именно объявлено, что обо мнѣ и о генералѣ Бутурлинѣ (коему равномѣрно жъ надъ полками отъ команды, кромѣ московскаго малаго гарнизону, отказано) будетъ разопредѣленіе учинено по прибытіи Ея Величества въ Москву; но однако, не смотря на то, отъ означеннаго генерала Бутурлина прислана послѣ того въ Сенатъ челобитная, по силѣ которой ему команда опять поручена только до прибытія въ Москву генерала Левашева, который на сихъ дняхъ туда уже и отправился, а какъ прибудетъ, то часторѣченной генералъ Бутурлинъ паки безъ команды жъ останется, развѣ впредь на то какое особливое разопредѣленіе воспослѣдуетъ, почему легко разсудить изволите, какъ скоро нынѣ сіе перемѣнить возможно. Сверхъ же того челобитная ваша прислана только партикулярно на Всевы-

сочайшее имя Е. И. В., а не въ Сенатъ или въ Военную Коллегію, гдѣ оная надлежащее свое производженіе имѣть могла, какъ то съ вышеобъявленною генерала Бутурлина челобитною воспослѣдовало. Чего для чрезъ сіе В. П-ву дружелюбно за благо принуждаю прислать какъ найскорѣе въ Сенатъ или въ Военную Коллегію вторичную челобитную, которою просить только о имѣніи вамъ команды надъ полевыми полками по прежнему, по силѣ чего уповательно надлежащее разсмотрѣніе и резолюція воспослѣдуетъ, при чемъ и я мое всевозможное стараніе прилагать готовъ, а о производженіи жалованья при томъ ничего не упоминать, но оставить то до того времени, пока Е. И. В. въ Кіевъ прибыть изволитъ, въ которое время Е. В. сами персонально всеподданнѣйше просить и умилостивить можете, въ чемъ В. П—во такъ мало сумлѣваться должны, какъ подлинно всѣ мы обнадежены, что Е. И. В., по природному своему матерису Всевысочайшему великодушію, всеподданнѣйшей вашей просьбы безъ Всемилостивѣйшаго призрѣнія оставить не соизволитъ.

Впрочемъ желаю сердечно В. П-ву со всею вашею дражайшею фамиліею добраго здравія и всякаго благополучія, а я съ женою и съ дѣтьми слава Богу здоровъ и всегда съ неотмѣннымъ моимъ почитаніемъ и вѣрнѣйшею преданностію пребуду» и т. д.

4) На поздравительное съ праздникомъ письмо къ Наталіи Разумовской Леонтьевъ получилъ отъ нея такой отвѣтъ отъ 10 января изъ Адамовки:

«Письмо ваше, мил. гос., съ поздравленіемъ торжественными праздники Рождествомъ и Богоявленіемъ Господа нашего и наступающимъ новымъ годомъ, генваря отъ 8 ко мнѣ пущенное, я съ моимъ почтеніемъ честь имѣла получить, за которое покорно благодарю и (не оставила) такими жъ прошедшими Христова торжества праздниками и текущимъ новымъ годомъ васъ, мил. гос. моего, поздравляю съ такимъ желаніемъ, да всемогущій Творецъ подастъ вамъ текущій новый годъ и впредь много слѣдующіе съ любезнѣйшею сожительницею и богодарованными чады, при всецѣломъ здравіи и всещасливыми фортунами препроводить, отъ чести же въ честь и отъ славы во славу преизойти усердно желаю и при отданіи моего поклона рекомендуя себя всегдашнему васъ, мил. гос. моего, благопріятству, съ моимъ всегдашнымъ почтеніемъ пребуду васъ, мил. гос. моего, вѣрная услужница Наталія Разумовская».

5) Въ связкѣ имѣется еще одно письмо Леонтьева къ Алексѣю Разумовскому отъ 17 января 1744 г. такого содержанія:

«Ваше, мил. гос. моего, пожалованное мнѣ писаніе минувшаго декабря отъ 15 я 29 имѣлъ честь получить и за представленіе ваше, мил. гос., Е. И. В-ву прошенія моего о вмѣщеніи меня по старшинству къ арміи полныхъ генераловъ всепокорнѣйше прошу высокою своею милостію исходатайствовать въ просьбѣ моей отъ Е. И. В. Высочайшій и Всемилостивѣйшій указъ, въ чемъ я не имѣю другой помощи себѣ, на ваше, м. г. м., предстательство и заступу благонадеженъ остаюсь. Что же изволили упоминать, яко вашъ, м. г. м., дворецкой Степанъ Рыбалкинъ отправился на Украину и дабы его здѣсь въ порученной на него комиссіи не оставить, токмо онъ Рыбалкинъ и по нынѣ на Украину не бывалъ, а какъ прибудетъ, то я, по повелѣнію вашему, м. г. м., надлежащихъ моихъ услугъ принести не оставлю и пребываю со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ».

Сообщ. **А. Андр.**

Народныя пѣсни про мужей-пьяницъ. Сообщаю здѣсь три пѣсни, которыя рисуютъ несчастную судьбу женщины, вышедшей за мужа пьяницу. Первая пѣсня имѣетъ сходство съ изданной П. Чубинскимъ (Тр. Э. Э. т. V, 1091, № 239); только приводимый мною варіантъ гораздо полнѣе рисуетъ картину. Пѣсня эта имѣетъ ту особенность, что въ ней рѣзко обозначена діалогическая форма; пѣсня записана отъ лирника въ уманскомъ уѣздѣ, и окончанія стиховъ приспособлены къ гнусливому часто голосу пѣвца.

I.

Нещасный той чоловикъ,
Що въ корчми напывся;
Жинка сыдыть—просыть Бога,
Щобъ ни съ нимъ не бывся.
Ажъ винъ иде тай до хаты.
„Давай, жинко, вечеряты,
Колы маешь що,
Колы маешь що“.
А пришовши до хатыны,
Почавъ жинку быты;
А побывши горшки-мыски,
Пишовъ до коршмы пыты.
Иде-жъ бо винъ тай думае,
Що вже грошей чорт-ма,
Жыдъ набиръ не дасть,
Жыдъ набиръ не дасть.
А пришовши до коршомки,
Схилывся на пляшку,—
Уси боги укладае въ орендаря ласку:
„Орендарю, ты мій пане,
Визьми вола ты одного,
А горилки дай,
А горилки дай!
— Ой якъ-же-жъ ты на одного
Вола будешь пыты,
А якъ прійде весна й осень,
Що будешь робыты?
— „Орендарю, ты мій пане,
А я вола розгадаю,—
—А горилки дай,
А горилки дай!
Иде-жъ бо винъ изъ коршомы.

Весело спивае.
Жинка седыть край виконця,
Слезы утирае.
— „Ой чого ты, дурна, плачешь?
Вже не буде намъ иначе:
Жыдъ вола визьме,
Жыдъ вола визьме“.

— Якъ же мени не плакаты,
Колы дрибны диты,
Сама-жъ бо я тай не знаю,
Де мени ихъ диты.
— „Не моя жъ-то голова:
Сама ты ихъ навела,—
Мусышь годуваты,
Мусышь годуваты!“

II.

Ой не знала мене маты,
Та за кого замужъ даты,—
Далъ мене за того,
За пьяныцю гиркого.
Пье пьяныця недилю,—
Я вдома ныдію,
А на другу повертае,
Мене маты посылае:
„Иды пьяныченьки шукаты!“
Та забула запытаты,
Де пьяныченьки шукаты,—
Ой чи въ поли, чи въ дорози
Чи въ шинкарки на порози.
Скоро двери одчинила,
Пьяныченьку увыдила,
Увыдила пьяныченьку,
Що хорошій на лыченьку.
„Ой, пропою, пропою,
Пропала-жъ я съ тобою!“
—Пропывъ хату щей кимнату,
Пропывъ заступъ и лопату,
Пропывъ хомутъ щей дугу,—
Пропью тебе молоду!
Якъ ударывъ пьяныченько
По билому лычку,
Обилляла кровъ чырвона
По шытому подлычку.
Не жаль мени
Квиты шыты,
Не жаль мени рукавиця,—
Якъ жаль мени лита мои,
Шо пропала молода.
Шыты квиты отперуцця,
Лита мои не вернуця.
Пропывъ штаны шей сорочку,
А самъ сивъ въ холодочку.
Десь узялася кума,
Выкупыла сорома,
Штаны—сорочку дала.
„Якъ бы-жъ мени кислый борщъ,
Якъ бы-жъ мени паривець,
То бъ я пишовъ зъ дивчатами
На похмилля у танець!“

Эта пѣсня имѣетъ много варіантовъ (см. Труды этногр. эксп. V, стр. 582—585, № 191).

III.

По городи ходыла,
Лобидоньку садыла.
„Чы я въ тебе, мій миленькій, наймычка,
Шобъ я въ тебе служила?“
Ты пшыныцю продаешь,
Мыни грошей не даешь;
А я зъ родомъ зишлася,
За цыбулю впылася.
За цыбулю та за макъ,
Пишла за-мужъ та нетакъ.
Пишла разъ та гаразъ:
Вже не пиду другій разъ.
—Чого-жъ, мыла, начуласи?
Чомъ въ кожухъ не вдилася?
—Бодай въ тоби бувъ такій духъ,
Якъ у мене есть кожухъ!
Якъ шатнулась по-пидстилъ,
Нашла чобитъ и постилъ.

Шатнулася та й пашла,
Узулася та й пишла.
Через греблю иду,
Якъ голубка гуду.
Дывуюцця вражи люды,
Шо я взута иду.—
Шинкарку навидыло:
Взяла жертки—мотовыло
И коцюбу—помыло,
Мене вдома не було.

„Ой сто кроть твою ма,—
Неначе-жъ я пыла!
Я пыла на се-се,
Шо мій пивень нанесе.
А мій пивень у шопи
Нанисъ яець три копи.
А прыставлю драбыну,
Згорну яйця въ торбыну,
Та понесу на торж къ,
Та заплатю свій довжокъ!“

(С. Молодецкое, кіевской г., уманскаго уѣзда).

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Забытый уголокъ Приворсклія. На рубежѣ между бывшей Гетманщиной и Слободской Украйной, нынѣ—между харьковской и полтавской губерніями, лежитъ этотъ забытый уголокъ, включая въ себѣ часть праваго и лѣваго побережья Ворсклы со старинными поселеніями—Опошней, Глинскомъ, Бѣльскомъ, Куземиномъ, раскинувшимися на правобережныхъ возвышеніяхъ этой рѣчки, и сл. Котельвой, расположенный на низменности лѣваго ея берега. Къ сѣверозападу отъ м. Куземина, въ 3—4 верстахъ отъ него, надъ рѣчною долиной картинно выдвигаются по склону горы скалы, камни, песчаники, за которыми въ концѣ прошлаго вѣка ютился Скельскій монастырь, упраздненный тогда же.

Мѣстность эта, по красотѣ своей, по богатству своей природы не имѣетъ себѣ равной въ Поворскліи и можетъ поспорить съ лучшими по картинности мѣстоположенія уголками Днѣпровскихъ побережій. Лѣтомъ здѣсь—желанный пріютъ для любителя дачнаго уединенія, какого врядъ ли сыскать въ тѣхъ дачныхъ районахъ, которые переполняются публикой обычно. Туристъ, поэтъ, художникъ, этнографъ много вынесли бы отсюда новыхъ впечатлѣній, запаслись бы обильнымъ матеріаломъ каждый для своихъ работъ. Но это не единственная особенность этого забытаго уголка. Въ немъ историку и археологу далась бы не плохая жатва. Достойные вниманія послѣднихъ памятники старины отчасти уже намѣчены мимоѣздомъ Шафонскимъ въ исходѣ XVIII в. и по наслышкѣ преосв. Филаретомъ въ концѣ первой половины XIX в. Послѣдній, какъ извѣстно, упоминаетъ, въ общихъ чертахъ, о городищахъ Скельскомъ и Бѣльскомъ и о валѣ, тянущемся къ юго-западу отъ Куземина. Спеціальныхъ изслѣдованій этихъ городищъ и этого вала никѣмъ еще не было сдѣ-

лано. Самое направленіе послѣдняго преосв. Филаретомъ намѣчено лишь вскользь, а о городищѣ и подземныхъ лёхахъ въ Опошнѣ онъ вовсе не упоминаетъ.

Позднѣе въ этотъ уголокъ заглядывалъ покойный проф. Н. Д. Борисякъ, къ сожалѣнію, не оставившій никакихъ воспоминаній о посѣщеніи его.

Въ мѣстныхъ преданіяхъ отъ его прошлаго уцѣлѣли лишь обрывки неясныхъ намековъ. Такъ, лёхи считаются обиталищемъ пещерныхъ поселенцевъ края, жившихъ здѣсь задолго до нашествія татаръ. Городища и валъ относятъ ко времени владѣнія этимъ краемъ литовскихъ великихъ князей, съ чѣмъ, впрочемъ, можно согласиться не безусловно, такъ какъ валъ, напр., представляетъ собой, по всѣмъ своимъ внѣшнимъ признакамъ, сооруженіе различныхъ эпохъ... Кромѣ этихъ остатковъ сѣдой старины мѣстность эта сохранила на себѣ памятники шведской войны и слѣды господства въ ней малороссійскихъ гетмановъ. Гадяцкій полкъ былъ, какъ извѣстно, опредѣленъ на булаву гетманскую. Въ данной мѣстности по направленію отъ Кузѣмина до Полтавы при гетманахъ тянулась цѣпь таможень, въ которыхъ отбиралась индукта и эвекта на малороссійскій скарбъ. Въ сл. Котельвѣ была, по преданію, и вотчина гетман Брюховецкаго. Какъ велики были ея размѣры—не извѣстно. Въ 50-хъ годахъ еще текущаго столѣтія въ Николаевскомъ приходѣ на цѣлыя версты тянулась къ сѣверной окраинѣ Котельвы обширная усадьба наслѣдниковъ купца Гудимы, состоящая изъ стариннаго фруктоваго сада, окаймляемаго левадами и рощами и замыкавшагося густою дубровою. По всему саду были лёхи, погреба, двѣ или три высокія могилы; стволы нѣкоторыхъ деревьевъ достигали больше трехъ обхватовъ. Съ переходомъ усадьбы въ руки другихъ владѣльцевъ, она постепенно стала уменьшаться; теперь много уже клочковъ отъ нея отошло подъ усадьбы мѣстныхъ обывателей; садъ и роща порѣдѣли; время уноситъ и самыя преданія о принадлежности ея вѣроломному и злополучному гетману.

Какъ видимъ, памятниковъ минувшихъ дней не мало въ нашемъ забытомъ уголкѣ. Заслуживаетъ ли онъ оставаться забытымъ—мы не беремся рѣшать. Скажемъ только, что чѣмъ позже онъ будетъ обслѣдованъ, тѣмъ слабѣе сохранятся въ немъ слѣды его прошлаго. Добавимъ еще, что мѣстные обыватели съ памятниками старины не церемонятся и, если случай подвернется, уничтожаютъ ихъ

безъ сожалѣнія: шведскія могилы давно уже бороздятся плугомъ, расконка вала тоже началась уже ради удобства проѣздовъ при рубкѣ и корчевкѣ растущаго на немъ и около него строеваго лѣса...

А. Т.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 3) *Мельницы въ г. Козельцѣ.* Самымъ важнымъ вопросомъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію чрезвычайнаго козелецкаго земскаго собранія 30 мая 1888 года былъ докладъ земской управы относительно пріобрѣтенія земствомъ козелецкой плотины съ цѣлью осушенія болотъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Остра. Докладъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія за и противъ предложеннаго управою проекта осушенія болотъ, но въ концѣ концовъ было единогласно постановлено: 1) разрѣшить управѣ кредитъ изъ суммъ запаснаго капитала земства въ размѣрѣ 12,800 р. для немедленнаго пріобрѣтенія въ собственность земства всѣхъ мельничныхъ мѣстъ съ мостами и шлюзами на р. Острѣ въ г. Козельцѣ и 2) разрѣшить управѣ не понижать уровня воды въ р. Острѣ до тѣхъ поръ, пока управа, получивъ гарантіи возврата капитала отъ возможно большаго числа владѣльцевъ осушаемыхъ чрезъ это болотъ, не доложитъ о томъ ближайшему очередному земскому собранію. Во исполненіе этого постановленія мельничныя мѣста были пріобрѣтены и въ настоящее время, если подъѣзжать къ Козельцу со стороны Кіева по шоссейной дамбѣ и мосту, едва видны вправо слѣды плотины и торчащія кое-гдѣ мельничныя пали, а р. Остеръ представляетъ собою сплошное болото, чрезъ которое перекинутъ длинный мостъ съ громадными ледорѣзами, напоминающими о быломъ разливѣ рѣки, впереди же моста красуется роскошный Растрелліевскій соборъ.

Какъ были бы удивлены обыватели г. Козельца временъ гетманьщины, не узрѣвши своихъ «млыновъ», которые доставляли столько хлопотъ и заботъ вліятельнымъ представителямъ г. Козельца того времени, свидѣтельствомъ чего могутъ служить сохранившіеся до нашего времени два универсала короля Яна Казимира и гетмана Мазепы. Изъ перваго универсала видно, что одна изъ мельницъ на козелецкой плотинѣ, между мельницами Лаврика мельника и Андрея Чуйкевича, райцы козелецкаго, принадлежала до 1657 года мѣщанину Яцьку Лапкѣ, въ августѣ же 1657 года половина этой мельницы была продана вдовою Лапки Ульяною Мартыновною и его сы-

новьями, Юськомъ и Грышкомъ, козелецкому мѣщанину Александру Ивановичу Долинскому. Въ 1663 году Долинскій купилъ у нихъ и другую половину мельницы и, чтобы лучше укрѣпить за собою право владѣнія купленной мельницей, воспользовался кратковременнымъ пребываніемъ короля Яна-Казимира въ «*мизерной* хаткѣ» (Александровичъ, Остерскій уѣздъ, стр. 58) въ г. Острѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1663 года и выпросилъ у него подтвердительный универсалъ, за собственноручной подписью короля и королевскаго секретаря Стефана Ганкевича, съ приложеніемъ большой королевской печати. Универсалъ гетмана Мазепы относится къ 1701 году и представляетъ собою разрѣшеніе тогдашнему козелецкому протопопу Петру Ѳедоровичу пользоваться пополамъ съ войсковымъ товарищемъ Іосифомъ Миткевичемъ, жителемъ козелецкимъ, войсковой частью размѣра—съ одной изъ мельницъ о двухъ колесахъ на козелецкой плотинѣ.

Какъ видимъ, воззрѣнія общественныхъ дѣятелей конца XVII вѣка и конца XIX на экономическіе вопросы значительно разнятся не въ пользу первыхъ.

4) *Первая аптека въ г. Нѣжинѣ.* Проживавшій въ г. Нѣжинѣ, отставной военный лѣкарь Михаилъ Лигда подалъ 6-го марта 1777 г. въ медицинскую коллегію прошеніе разрѣшить ему устроить въ Нѣжинѣ частную аптеку. Просьба Лигды была удовлетворена. 3-го іюля того-же года послѣдовалъ указъ, дозволяющій открыть аптеку съ назначеніемъ въ ней провизоромъ Іоганна Фридриха Матуша и разрѣшеніемъ выписывать нѣкоторыя лѣкарства «изъ-за моря», а остальныя покупать по ордерамъ провизора Матуша за наличныя деньги по установленнымъ цѣнамъ въ лубенской полевой аптекѣ. Увѣдомленіе о данномъ Лигдѣ разрѣшеніи было послано въ нѣжинскій магистратъ и полковую канцелярію, а также въ лубенскую полевую аптеку. Весною слѣдующаго года указомъ медицинской коллегіи былъ посланъ изъ Глухова въ Нѣжинъ для освидѣтельствованія вновь открытой аптеки «на наемныхъ подводахъ» на счетъ Лигды—состоявшій при малороссійской коллегіи надворный совѣтникъ лѣкарь Паульсонъ. Эта ревизія какъ бы санкціонировала существованіе «партикулярной» аптеки въ Нѣжинѣ, находившейся во владѣніи Лигды и въ 1786 г., во время составленія Шафонскимъ «Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества», въ которомъ она и упомянута при описаніи г. Нѣжина—«аптека каменная, греку (Лигдѣ?) принадлежащая—1».

Въ 1791 г. аптека эта была куплена провизоромъ Иваномъ Цигрою, а въ 1823 г. принадлежала его сыну Отто Цигрѣ. **Н. В. Стороженко.**

Современное дѣло о знахарствѣ. Приводимое ниже дѣло о чародѣйствѣ выписано мною изъ книги рѣшеній *Телеханскаго* волостнаго суда минскаго уѣзда пинской губ. во время экскурсіи моей въ Полѣсье въ 1890 г. Крестьяне вообще очень неохотно разсказываютъ о чарахъ и чародѣяхъ, и тѣмъ болѣе избѣгаютъ обращаться въ судъ. Вслѣдствіе этого этотъ образчикъ судебнаго рѣшенія не лишенъ интереса. Дѣло мы приводимъ цѣликомъ (разбиралось 28 апрѣля 1890 г.).

Крестьянинъ дер. Омельной Святовольской волости Василій Гавріиловъ Милевскій жалуется на крестьянина дер. Вульки Ивана Александрова Шабатько, что, когда сынъ жалобщика отъ простуды сильно заболѣлъ,—онъ, зная, что Шабатько занимается нашептываніемъ, обратился къ нему, и Шабатько согласился за 3 руб. вылѣчить чрезъ 13 дней съ тѣмъ, что сынъ встанетъ, а та женщина, которая это сдѣлала, ляжетъ.—Онъ купилъ ему водки, и Шабатько, получивъ 3 руб., нашепталъ на водкѣ и далъ выпить сыну, но сынъ въ срокъ не выздоровѣлъ и никакая женщина не заболѣла. Проситъ о взысканіи 3-хъ руб. Иванъ Александровъ Шабатько на спросъ пояснилъ, что дѣйствительно, по просьбѣ Милевскаго, онъ прочиталъ молитву надъ водкою (онъ просилъ дать воды, но Милевскій просилъ на водкѣ) и велѣлъ дать выпить, сказалъ ему, что сынъ его будетъ живъ и здоровъ,—и сынъ выздоровѣлъ. Срока на выздоровлѣніе не обозначалъ и суммы вознагражденія не назначалъ, а сколько онъ далъ, то и принялъ. Молитву эту по требованію онъ прочиталъ и своему мѣстному священнику и священникъ погрѣшностей никакихъ не нашелъ.

Свидѣтель крестьянинъ дер. Омельной Василій Осиповъ Коверчикъ пояснилъ, что Шабатько, потребовавъ отъ Милевскаго 3 руб. и пошептавъ на водкѣ, сказалъ: «это сдѣлала женщина, и она сейчасъ прійдетъ къ тебѣ просить чего нибудь; только ничего не давай; тогда она заболѣетъ». Но какъ онъ въ теченіи трехъ дней никого не дождался, то и требуетъ возврата денегъ. На основаніи 107 ст. общ. полож. о крестьянахъ волостной судъ предлагалъ сторонамъ кончить дѣло между собою миролюбіемъ, чего не послѣдовало, а посему: обвинялъ Ивана Шабатьку въ обманѣ людей своимъ врачеваніемъ, а Милевскаго въ томъ, что онъ по маловѣрію не обращался къ медицинской помощи, а къ «шептунамъ», судъ постановилъ: взыскать съ Ивана Шабатько въ пользу Милевскаго три рубля, а основаніи 102 ст. общ. полож. подвергнуть денежному штрафу въ

пользу мірскаго капитала телеханской волости Шабатька и Милевскаго по одному рублю каждаго.

О чемъ и объявить сторонамъ: (слѣдуютъ подписи).

Сообщ. **М. Довнаръ-Запольскій.**

Къ статьѣ г. Боцяновскаго о Житомирской публичной библіотекѣ. Въ названной статьѣ («Кіевская Старина» 1890, августъ) г. Боцяновскій далъ очень обстоятельную исторію основанія житомирской библіотеки, очеркъ ея состоянія за 25 лѣтъ, а также краткую характеристику общественной жизни г. Житомира въ пятидесятые и шестидесятые годы. Такимъ образомъ въ статьѣ г. Боцяновскаго мы имѣемъ страницу изъ жизни ю.-западнаго края въ близкое къ намъ время, страницу, набросанную живо, умѣлою рукою и съ почти исчерпанною полнотою. Съ своей стороны, мы считаемъ нелишнимъ прибавить къ ней 2—3 слова, отчасти дополняющія нѣкоторые вопросы, отчасти разъясняющія ихъ съ иной точки зрѣнія.

Характеризуя житомирское общество и его интересы (стр. 260—263), авторъ справедливо отмѣчаетъ преобладаніе польскаго и другихъ элементовъ и постоянную рознь ихъ. Факты, приводимые имъ, можно дополнить еще слѣдующими. Въ 1866 г. въ Житомирѣ докторъ Романскій читалъ лекціи по физіологіи и геологія на *французскомъ языкѣ*, пользовавшіяся, повидимому, успѣхомъ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 № 13). Открытіе *перваго* русскаго книжнаго магазина Литова въ 1865 г. привѣтствовалось мѣстною газетою, какъ пріятная *новость* (Ibid. 1865 № 38). Болѣе подробныя и любопытныя свѣдѣнія объ общественной жизни и розни въ Житомирѣ можно почерпнуть изъ статей г. Братчикова («Волын. Г. В.» 1867 и сл. годовъ). Необходимо отмѣтить и то, что еврейская часть интеллигентнаго общества города уже давно стала близка къ интересамъ русскихъ. Изъ среды евреевъ является немало дѣятельныхъ сотрудниковъ мѣстнаго оффиціальнаго органа (напр. Л. Бинштокъ, Моргулисъ). Этимъ, можетъ быть, объясняется и значительный процентъ евреевъ читателей и посѣтителей библіотеки со дня ея открытія и до послѣдняго времени.—Говоря о проектахъ и устройствѣ первыхъ провинціальныхъ библіотекъ, авторъ упоминаетъ и о бывшей въ Житомирѣ въ тридцатые годы русско-польской публичной библіотекѣ съ безплатною читальней, судьба которой остается невыясненной. Жаль, что не сообщены о ней болѣе подробныя свѣдѣнія. (Кстати, цитату 2 на стр. 256 нужно допол-

нить: 1865 г. № 12—14). При указаніи на подъемъ русскаго сознанія въ западномъ краѣ не мѣшало бы упомянуть объ открытіи въ волынск. губ. уѣздныхъ библіотекъ, напр. въ Новградъ Волынскѣ, Староконстантиновѣ («Волын. Губ. Вѣд.» 1866 №№ 13, 6, 41).

Что касается «плана» публичной библіотеки, набросаннаго гр. Плятеромъ въ письмѣ къ предводителю дворянства г. Микуличу, то авторъ, повидимому, склоненъ считать его проектомъ чисто *русской* публичной библіотеки. Неуспѣхъ его онъ видитъ въ отсутствіи общихъ интересовъ у житомирцевъ. «Польская часть общества, говоритъ авторъ, не нуждалась (?) въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того, была занята въ это время своими дѣлами». Первое утвержденіе едва ли справедливо, потому что и гр. Плятеръ, и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, проводившіе въ обществѣ проектъ библіотеки, были поляки. Дѣло библіотеки понималось гр. Плятеромъ очень широко; она должна была быть ученымъ учрежденіемъ по преимуществу, заключать въ себѣ пособія для изученія Волынскаго края. Припомнимъ слова письма: «Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки». При библіотекѣ предполагался музей изъ трехъ отдѣленій: археологическаго, зоологическаго и изящныхъ искусствъ. Предлагая во временное пользованіе библіотекѣ свое собраніе книгъ, (изъ 7.000 томовъ) гр. Плятеръ могъ предложить книги по преимуществу ученыя, серьезнаго содержанія (что̀, думаемъ, несомнѣнно изъ его словъ и занятій по мѣстной исторіи) и притомъ на иностранныхъ языкахъ.—Г. Боцяновскій думаетъ, что въ данное время польской части общества было не до библіотеки и это было время возстанія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. *Главною цѣлью всѣхъ этихъ работъ было возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польскаго общества между собой.* Средоточіемъ этихъ работъ былъ г. Житомиръ». Далѣе авторомъ перечисляются различныя польскія учрежденія и общества, дѣйствовавшія въ Житомирѣ съ этою цѣлью (стр. 266). Причины, повидимому, очень вѣскія. Но съ другой стороны, помимо цѣли библіотеки, поставленной

ея иниціаторомъ, польское общество именно и могло горячо взяться за проектъ гр. Плятера,—такъ, по крайней мѣрѣ, могла думать высшая администрація края и не совсѣмъ доброжелательно взглянуть на проектъ, идущій со стороны поляковъ, въ особенности при усиливающемся броженіи умовъ въ ихъ средѣ. Припомнимъ, что уже въ самомъ началѣ шестидесятаго года общество Качковскаго (для изданія дешевыхъ книгъ въ Житомирѣ) должно было объявить о ликвидаціи своихъ дѣлъ. Любопытенъ аналогичный случай съ слонимской библіотекой, приведенный у г. Боцяновскаго (268 стр.), открытію которой воспрепятствовала администрація изъ опасенія, чтобы сюда «не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политическій клубъ и въ орудіе своей пропаганды» (слова «Виленск. Вѣстн.»). Мы не имѣемъ никакихъ основаній и права приписывать проекту гр. Плятера какую-либо тенденцію, но высказываемъ только вѣроятное предположеніе о причинѣ неуспѣха его, зависѣвшаго, по нашему мнѣнію, отъ осторожнаго и выжидательнаго положенія администраціи края. Опасеніе за свой планъ или за будущее отчасти сквозитъ и въ самомъ письмѣ: «Въ случаѣ какихъ ниб. неожиданныхъ перемѣнъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью».

Не лишнимъ, думаемъ, будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ гр. Плятерѣ. Графъ Владиміръ-Станиславъ Бруль-Плятеръ родился въ 1831 г. на Волыни. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ попечителемъ житомирской (тогда волынской губернской) гимназіи. Онъ не мало занимался исторіей Польши и Волыни. По Estreicher'у [1]) имъ напечатаны: 1) Объ основаніи гимназіи на Волыни. Спб. 1861 г. 2) Записка объ основаніи въ Волынской губ. новаго Домбровицкаго уѣзда. Спб. 1861 г. 3) Zbiòr pamiętnikòw do dziedw polskich. 4 тома. Варшава. 1858 г. У Estreicher'а же указаны еще находящіеся въ рукописи его труды: Batoriany (6 том.), Pamiętniki Platerów (9 т.) и біографія Андрея Фрича Модржевскаго. Кромѣ того, его иждивеніемъ издано довольно много полезныхъ книгъ. Эти работы доставили гр. Плятеру «уваженіе не только на Волыни, но и во многихъ ученыхъ обществахъ Европы» [2]). Намъ еще извѣстна не-

[1]) Bibliografia polska, III, 421.

[2]) Кіевск. Телеграфъ, 1860, № 5.

большая статья его Dąbrowica (въ «Dziennik Warszaw.» 1885, № 10), въ которой вкратцѣ изложена исторія родоваго помѣстья гр. Платеровъ (въ ровен. у. волынск. губ.) [1]).

Мысль о музеѣ при библіотекѣ впервые высказана была также гр. Платеромъ. Необходимо однако отмѣтить, что важное значеніе его указано было извѣстнымъ изслѣдователемъ Волыни въ геологическомъ отношеніи г. Оссовскимъ, въ настоящее время дѣятельнымъ сотрудникомъ изданій краковской академіи. Помѣщая одну изъ его статей «Важность геогнозіи въ практическомъ ея примѣненіи вообще и въ особенности на Волыни», редакторъ «Волынскихъ Губ. Вѣд.» г. Мацкевичъ (1865, № 44, т. е. еще до открытія библіотеки) дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Настоящая статья можетъ служить практическимъ указаніемъ для осуществленія мысли объ устройствѣ музея волынской губ. Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ мы говорили, что въ Житомирѣ еще въ 1837 г. при тогдашней публичной библіотекѣ была учреждена выставка произведеній природы и промышленнаго труда волынск. губ. По разсказамъ нѣкоторыхъ, эта выставка была очень обширна и хорошо устроена; въ составъ ея входили даже чучела такихъ звѣрей, какъ лоси. Отъ нея осталось для насъ очень немного: на чердакѣ одного дома нѣсколько минералогическихъ ящиковъ съ стеклянными крышками, на чердакѣ другаго— нѣсколько моделей хозяйственныхъ орудій, да при статистическомъ комитетѣ два образчика сѣраго сукна. Въ настоящее время предположено въ волынской губ. вновь устроить волынскій музей. Само собою разумѣется, что однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ музея долженъ быть *геологическій*». Г. Оссовскому въ значительной степени и должны мы быть обязаны за практическое осуществленіе мысли о геологической коллекціи волынск. губ.) [2]).

Прошло 25 лѣтъ со дня открытія библіотеки, и эти 25 лѣтъ она прожила тихо, незамѣтно, безъ какихъ либо особыхъ попеченій о ней и значительныхъ улучшеній. Распорядительный комитетъ библіотеки собирался для обсужденія дѣлъ ея очень рѣдко, иногда, чуть ли не разъ въ годъ для подписанія отчета библіотекаря и ут-

---

[1]) Впрочемъ, редакторъ „Волынск. Губ. Вѣдом." А. Перльштейнъ, помѣщая переводъ этой статьи въ своей газетѣ (1855 № 39), замѣчаетъ, что большая часть ея есть дословный переводъ статьи М. Максимовича въ сборникѣ его „Кіевлянинъ" 1840, стр. 244—250.—О дальнѣйшей дѣятельности гр. Платера мы ничего не знаемъ.

[2]) „Тотъ же авторъ", на котораго ссылается г. Боцяновскій на стр. 281, не гр. Платеръ, какъ можно было понять по контексту, а г. Братчиковъ.

вержденія смѣты на будущій годъ. Не находилось еще лица, близко принимавшаго къ сердцу ея интересы и улучшеніе. Распорядительный комитетъ не считаетъ нужнымъ слѣдить за развитіемъ библіотечнаго дѣла въ Харьковѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Воронежѣ, Одессѣ и т. д. Тихо и мирно шли годы за годами; все дѣло храненія, выдачи, выписки книгъ, а также отчетности возлагалось на единственнаго библіотекаря, дежурившаго въ библіотекѣ отъ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, за исключеніемъ двухъ часовъ обѣденнаго перерыва. Только сравнительно недавно назначенъ былъ къ нему помощникъ. Вотъ почему (за исключеніемъ первыхъ лѣтъ) отчеты библіотеки не даютъ отвѣта на многіе весьма существенные вопросы (о распредѣленіи читателей по возрастамъ, сословіямъ, образованію, о степени популярности того или другаго писателя). Вотъ почему библіотека сдѣлала мало цѣнныхъ и достойныхъ пріобрѣтеній. Въ послѣднее время, однако, проявлена энергичная дѣятельность въ пріобрѣтеніи новыхъ книгъ. Но, по нашему мнѣнію, полезнѣе было бы пополнить прежде многое недостающее (тутъ отчасти могли бы оказать пользу отчеты и каталоги лучшихъ провинціальныхъ библіотекъ).

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя цифры о состояніи библіотеки въ послѣднемъ 1890 г., опубликованныя не такъ давно («Волын. Губ. Вѣд.» 1891, № 65). Число членовъ библіотеки въ этомъ году было 13, читателей 1042, посѣтителей 719. Требованій удовлетворено 14,354; изъ нихъ на книги серьезнаго содержанія падаетъ 2,035, на беллетрист. произведенія 7,702 и на періодич. изданія 4,617. Библіотека заключала въ 1890 г. 19,679 томовъ. Музей состоялъ изъ 681 экземпляра мѣстныхъ породъ и почвъ и 41 монеты.

Арк. Лященко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. Москва. 1891

Переселенія въ южной Россіи даже за время послѣдняго фазиса развитія нашего государства составляютъ обширный отдѣлъ его исторіи, не приведенный еще въ систематическій порядокъ, но уже подвергавшійся разработкѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Во время присоединенія Малороссіи къ сѣверной части Россіи уже обозначилось сильное движеніе населенія отъ Днѣпровскаго побережья въ слободскую Украину, шедшее рядомъ съ переселеніями съ сѣвера туда же и на Донъ; раньше того начавшееся движеніе въ Запорожскія степи не прекращалось; далѣе, съ половины XVIII вѣка, предваряя военныя экспедиціи къ Черному морю и рядомъ съ ними, шло постоянное передвиженіе населенія къ южнымъ морскимъ берегамъ материка; по уничтоженіи Запорожья, съ конца XVIII вѣка, началось переселеніе съ мѣстъ его вольностей на дальній востокъ—Кубань, которое продолжалось затѣмъ въ теченіе всего XIX вѣка и продолжается до настоящаго времени. Съ конца XVIII и начала XIX вѣка правительство начинаетъ принимать участіе въ колонизаціи Новороссіи и стремится ее регулировать. Учрежденіе конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ, переселяемыхъ въ этотъ край, рядъ указовъ о порядкѣ пріема въ среду кубанскаго войска бѣжавшихъ туда бывшихъ запорожцевъ и другихъ лицъ, институтъ военныхъ поселеній, которыя стали устраиваться съ 20-хъ годовъ истекающаго столѣтія, правила о заселеніи степей крѣпостными при помощи помѣщиковъ, имѣвшихъ право владѣнія людьми, разныя законоположенія о «бѣглыхъ» и т. п.—вся эта дѣятельность правительства, продолжавшаяся до Севастопольской войны, имѣла цѣлью

заселеніе пустыннаго «дикаго поля», пріобрѣтеннаго государствомъ надъ берегомъ Чернаго моря.

Когда законы 1861 года о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ и 1866 года о государственныхъ крестьянахъ уничтожили подневольное и несвободное положеніе этихъ группъ населенія, колонизація Новороссіи продолжалась естественнымъ путемъ и отчасти при помощи правительства, раздававшаго новопоселенцамъ участки изъ свободныхъ казенныхъ земель. Наконецъ, законами 12 іюня 1886 года о переводѣ всѣхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ (въ томъ числѣ и колонистовъ) въ состояніе собственниковъ, 19 мая 1887 года о ликвидаціи дѣлъ конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ и евреевъ и распоряженіями 1888 года о прекращеніи отвода земель подъ водвореніе переселенцевъ изъ другихъ губерній въ новороссійскія губерніи правительство закончило свои мѣропріятія, продолжавшіяся въ теченіе всего XIX вѣка.

Перемѣны, происшедшія въ экономической и соціальной жизни массы населенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ, отвлекли вниманіе и правительства, и общества отъ вопроса о переселеніяхъ; сама жизнь массы населенія, устраивавшагося вначалѣ на своихъ мѣстахъ въ качествѣ собственниковъ, не давала въ началѣ этого періода повода къ его обсужденію. Но уже въ 1876 году одинъ изъ постоянныхъ изслѣдователей экономической стороны народной жизни Ѳ. Ѳ. Воропоновъ заговорилъ о необходимости регулировать переселенія крестьянъ. Въ своей статьѣ по этому поводу, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (январь, 1876) онъ говорилъ, что «процессъ устроенія» крестьянъ на новыхъ началахъ свободной экономической жизни уже закончился, но очевидно не въ пользу увеличенія ихъ благосостоянія. Приведенныя имъ цифры относительно 9-ти южныхъ черноземныхъ губерній, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ оффиціальныхъ источниковъ, показывали, что размѣръ надѣла въ этихъ губерніяхъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ колеблется отъ 2 до $2,_7$ десятинъ, а у бывшихъ государственныхъ отъ 3 до $5,_7$ десятинъ на ревизскую душу (т. е. на душу мужскаго населенія бывшаго въ 1858 г.). Чужой земли, т. е. помѣщичьей, казенной и удѣльной, которую крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ могли бы брать себѣ въ обработку, на душу приходилось отъ $1,_8$ до $4,_4$ десятинъ.

Авторъ не бралъ въ разсчетъ новороссійскихъ губерній, а только полосу отъ подольской и волынской до воронежской и тамбовской включительно. Разсматривая отношеніе между количествомъ по-

датей и платежей за нанимаемую землю, высотою рабочей платы и доходностью земли, къ которой сталъ прилагаться свободный трудъ крестьянъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, что результаты этого труда на мѣстѣ не могутъ доставить труженику средствъ даже для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей продовольствія семьи; оттого и явились усиленныя исканія заработковъ на сторонѣ,—такъ называемые, отхожіе промыслы, а рядомъ съ ними цѣлый рядъ переселеній изъ указаннаго района на Кубань, въ ставропольскую губернію и въ Новороссію. Рекомендуя регулировать дѣло передвиженія населенія въ болѣе свободную территорію Новороссіи, г. Воропоновъ указывалъ на необходимость нѣкоторыхъ законоположеній и распоряженій, направленныхъ къ этой цѣли. Часть предлагавшихся имъ мѣръ получила осуществленіе, но они оказывались запаздывавшими, такъ какъ стремленіе къ переселеніямъ развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ осуществлялись эти мѣропріятія. Увеличеніе населенія на мѣстѣ превосходило количество земель, имѣвшихся по соображеніямъ г. Воропонова въ Новороссіи для ихъ заселенія. Труды Чаславскаго, Янсона, Григорьева и др. ученыхъ, разбиравшихъ этотъ вопросъ, доказывали съ неумолимою ясностью, что колонизація нашего народа на югъ, дошедши до естественныхъ границъ у Чернаго моря и Кавказскаго хребта, должна перелиться черезъ край и искать себѣ другого исхода. Изслѣдованія же текущей жизни по вопросу объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ, произведенныя харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и земскими статистическими учрежденіями губерній черниговской, полтавской, екатеринославской и херсонской обнаруживали, что изъ всѣхъ этихъ мѣстностей началось передвиженіе населенія за Уралъ сухопутьемъ и по новооткрывшемуся океаническому пути на Амуръ. Правительство, какъ извѣстно, въ послѣднее время отвѣтило на эту народившуюся потребность новой жизни организаціею переселенческихъ конторъ на восточной границѣ Европейской Россіи, установленіемъ правилъ для эмигрантовъ, ѣдущихъ океаномъ на Амуръ, и наконецъ, предположеніемъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Сибирь.

Таково историческое развитіе явленія, которое стало однимъ изъ главныхъ симптомовъ жизни южнорусскаго населенія въ послѣднее время. Въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали, ему отводится также одно изъ главныхъ мѣстъ среди всѣхъ разсужденій автора о положеніи крестьянъ и колонистовъ—нѣмцевъ Новороссіи. Для своего сочиненія онъ пользовался земскими статистическими работами

въ губерніяхъ херсонской, екатеринославской и таврической, т. е. тѣхъ губерній, на которыя еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Ворононовъ указывалъ, какъ на такія, куда можетъ быть направлено переселеніе. Теперь же на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ, собранныхъ подворными переписями, послѣ долгихъ и разнообразныхъ вычисленій, авторъ приходитъ къ нѣсколькимъ положеніямъ относительно законодательныхъ мѣръ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для удержанія южнорусскаго крестьянскаго хозяйства отъ полнаго разоренія. Какъ намъ кажется, главнѣйшими являются его выводы о необходимости уничтоженія общинныхъ порядковъ съ воспрещеніемъ дальнѣйшихъ коренныхъ передѣловъ, уменьшающихъ размѣръ надѣла, и предоставленіе выселенію всевозможныхъ пособій со стороны правительства въ такомъ размѣрѣ, чтобы изъ всей Россіи ежегодно могло выселяться въ Сибирь не менѣе милліона народа.

Первое положеніе намъ представляется въ его книгѣ ничѣмъ необоснованнымъ мнѣніемъ, продиктованнымъ просто личнымъ нерасположеніемъ автора къ извѣстной формѣ крестьянскаго общежитія; потому мы никакъ не можемъ раздѣлять совѣтовъ автора правительству, которое держится въ этомъ отношеніи болѣе либеральныхъ воззрѣній и предоставляетъ каждому крестьянскому обществу практиковать или душевое надѣленіе своихъ членовъ землею съ передѣлами, какія оно найдетъ нужными производить, или участковое съ наслѣдованіемъ безъ передѣловъ. Второе же предложеніе объ устройствѣ эмиграціоннаго дѣла у автора является основаннымъ на разсчетахъ, которые его и читателя приводятъ къ несомнѣнному заключенію о перенаселенности Новороссіи, или, какъ онъ выражается еще, перенасыщенности земледѣлія рабочими руками и рабочимъ скотомъ.

Для нашей цѣли является постороннимъ дѣломъ указывать на методъ и способы исчисленій, которые приводятъ автора къ такому выводу; достаточно будетъ, если скажемъ, что они зиждутся на несомнѣнныхъ данныхъ, добытыхъ сельско-хозяйственною наукою и статистикою, усовершенствовавшею за послѣднее время свои пріемы изслѣдованія. О другихъ предположеніяхъ автора, какъ помочь южнорусскому крестьянскому хозяйству, мы также говорить не будемъ, такъ какъ они относятся къ области агрономіи и чистой экономіи. Что же касается до вывода его, основаннаго на точныхъ вычисленіяхъ, о необходимости расширить эмиграцію населенія изъ Евро-

нейской Россіи, то думаемъ, что онъ подтверждается и исторіею переселеній въ Южной Россіи за послѣдніе 300 лѣтъ, почему едва ли можетъ подлежать опроверженію.

А. Гусовъ.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Съ 5-ю фототипіями. Москва. 1891.

Изданіе записокъ и сказаній иностранцевъ о Россіи въ исправномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, съ необходимыми примѣчаніями и приложеніями въ особенности, является отвѣтомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ запросовъ людей, занимающихся русской исторической наукой, такъ какъ записки и сказанія служатъ очень часто первостепеннымъ историческимъ матеріаломъ. Сознавая потребность въ такого рода изданіяхъ, Московское общество исторіи и древностей удѣляетъ не мало мѣста для нихъ на страницахъ своихъ «Чтеній»; настоящее «Описаніе путешествія» также издано имъ. «Описаніе» важно тѣмъ, что точно и обстоятельно изображая событія своего времени и будучи важнѣйшимъ источникомъ для характеристики русской жизни въ половинѣ XVII вѣка, впервые появляется въ свѣтъ въ полномъ своемъ объемѣ, такъ какъ раньше переводились только отдѣльныя части его. Переводчикомъ и комментаторомъ труда Бернгарда Таннера г. Ивакинымъ сообщено нѣсколько біографическихъ фактовъ, касающихся личности составителя «Описанія», какіе можно было извлечь изъ названнаго труда. Бернгардъ Таннеръ происходилъ изъ чешской католической семьи, жившей въ Прагѣ; онъ родился около 1650 г.; страсть къ путешествіямъ и къ изученію обычаевъ малоизвѣстныхъ народовъ завела его и въ Московское государство, куда онъ прибылъ въ свитѣ польскаго посольства въ 1678 году. Большая часть «Описанія» относится къ Москвѣ и обычаямъ ея обитателей; мы ея, поэтому, не будемъ касаться, а обратимъ вниманія лишь на ту часть, въ которой Таннеръ передаетъ впечатлѣнія, произведенныя на него строемъ жизни въ западной Руси. Въ изображеніи внѣшней стороны видѣнныхъ имъ городовъ авторъ кратокъ; о главныхъ изъ нихъ, о столицахъ, какъ Варшава и Краковъ, сказано въ «Описаніи» немного; отмѣчены только важнѣйшія святыни, храмы, дворцы, крѣпости, ратуши и проч.; въ другихъ городахъ онъ не находитъ ничего достойнаго вниманія, если не встрѣчаетъ предмета религіознаго

почитанія; нѣсколько обстоятельнѣе авторъ описываетъ Ченстоховъ, Тыкотинъ, Люблинъ, Брестъ-Литовскъ, Пружаны, Песочну, Могилевъ на Днѣпрѣ и Смоленскъ. Но несмотря на краткость описанія, иногда въ двухъ—трехъ словахъ, въ мѣткомъ эпитетѣ, въ разсказѣ о какомъ—нибудь характерномъ фактѣ, ясно проглядываетъ личное отношеніе автора къ той или другой народности въ западномъ краѣ; такъ, напр., описывая уличныя драки и безнаказанныя убійства, совершаемыя шляхтой на глазахъ у всѣхъ, путешественникъ съ ироніей замѣчаетъ, что такія преступленія называются польской вольностью; эту польскую вольность пришлось Таннеру испытать и на себѣ, когда пьяные слуги п. Сапѣги напали на него въ Краковскомъ предмѣстьи въ Варшавѣ и едва не побили камнями; говоря о виленскомъ сеймѣ, авторъ опять возвращается къ описанію безпорядковъ и безчинствъ, которые паны-шляхта производили на сеймѣ, а ихъ слуги въ городѣ.

При этомъ Таннеръ припоминаетъ выраженіе одного итальянца, часто повторяемое въ Польшѣ: «здѣсь совершается одно изъ семи чудесъ на свѣтѣ: вопятъ и бранятся точно пьяные, а все таки, наконецъ, рѣшаютъ». Таннеръ указываетъ также и на подкупы сеймующихъ даже въ его время. Такъ же мало скрываетъ онъ свою нелюбовь и къ евреямъ, къ ихъ всегдашнимъ занятьямъ корчемствомъ и торговлей; слово: «плутъ-жидъ» является у него обычнымъ эпитетомъ для еврея; задаваясь вопросомъ о причинѣ, почему паны отдаютъ предпочтеніе въ арендѣ евреямъ, онъ предполагаетъ ее въ томъ, что никто не платитъ такъ аккуратно и такой высокой аренды, какъ они; этимъ же онъ объясняетъ и ту широкую свободу, какой пользуются евреи въ Польшѣ; кстати указывается и на еврейскія плутни въ пограничной московской торговлѣ, предметомъ которой служатъ, главнымъ образомъ, мѣха; отмѣчая переполненіе западно-русскихъ городовъ евреями, авторъ «Описанія» называетъ Брестъ-Литовскъ—«грязной жидовской столицей». Но если онъ съ презрѣніемъ относится къ евреямъ изъ-за ихъ экономической дѣятельности, то въ отношеніи его къ православному населенію края лежитъ чисто религіозная подкладка; о православныхъ онъ говоритъ мало, но вездѣ ихъ называетъ не иначе какъ схизматиками, скорбитъ, что они умножаются по нерадѣнію тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и сожалѣетъ, что въ разоренныхъ московскими войсками литовскихъ городахъ храмы и домы схизматиковъ остались нетронутыми и пощажены схизматиками—непріятелями; посѣтивъ Смоленскъ, Таннеръ обратилъ свое вниманіе на ту особенность, что жители города, подчиняясь то

русской, то польской власти, усваиваютъ себѣ попеременно и обычаи то тѣхъ, то другихъ побѣдителей. Изъ политическихъ событій авторъ кратко сообщаетъ объ одномъ: о побѣдѣ надъ турками подъ Чигириномъ. Таковы тѣ немногія данныя, которыя заключаются въ «Описаніи» для характеристики западно-русской жизни въ XVII вѣкѣ. Слѣдующее за тѣмъ въ сочиненіи Таннера описаніе Москвы, ея обычаевъ, дипломатическихъ переговоровъ посольства и проч. даетъ много весьма любопытныхъ подробностей и иллюстрируется нѣсколькими изображеніями москвичей, а также видами и планомъ города. Для болѣе удобной оцѣнки правдивости Таннера и доказательства важности сообщаемыхъ имъ фактовъ, г. Ивакинъ привелъ въ извлеченіи описанія Москвы, сдѣланныя другими иностранцами, а также извлеченія изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ, касающихся переговоровъ посольства 1678 г. Все это дѣлаетъ трудъ г. Ивакина весьма цѣннымъ подспорьемъ для занимающихся русской исторіей.

И. Каманинъ.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. Прилукскій уѣздъ. Полтава. 1891.

Этотъ томъ составляетъ продолженіе изданій полтавской губернской земской управы, начатыхъ еще въ 1883 году и улучшающихся съ каждымъ годомъ. Описанія уѣздовъ, выходившія сначала, были очень коротки; первые томы состояли почти изъ однѣхъ статистическихъ таблицъ, а текстъ составлялъ только поясненіе къ нимъ; въ послѣдующихъ появились уже описанія каждаго отдѣльнаго селенія съ характеристиками сельско-хозяйственнаго экономическаго быта; затѣмъ, кромѣ очерковъ крестьянскаго и козачьяго хозяйства, къ нѣкоторымъ томамъ стали въ видѣ дополненій выходить очерки и помѣщичьихъ хозяйствъ; теперь, наконецъ, каждый томъ изданій полтавскаго земства заключаетъ въ себѣ характеристику хозяйства какъ крестьянскихъ и козачьихъ обществъ, такъ и помѣщичьихъ имѣній, имѣющихъ болѣе 50 десятинъ.

Эта двупланность изслѣдованій, установленная при началѣ работъ, отзывается невыгоднымъ образомъ и до сихъ поръ на изданіяхъ полтавскаго земства и является уже непоправимымъ недостаткомъ, такъ какъ свѣдѣнія относительно козаковъ, крестьянъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ были собраны по одной программѣ посредствомъ подворной

переписи; данныя же о помѣщичьихъ хозяйствахъ собирались отъ владѣльцевъ и разрабатываемы были самостоятельно безъ связи съ положеніемъ окружающихъ ихъ крестьянскихъ и козачьихъ хозяйствъ. Въ каждомъ уѣздѣ полтавской губерніи существуютъ, конечно, казенныя, городскія, церковныя земли и т. п.; о положеніи ихъ, способахъ и формахъ ихъ эксплуатаціи свѣдѣній вовсе не было собираемо, почему и очерковъ о хозяйствѣ на этихъ земляхъ въ «Сборникахъ» полтавскихъ вовсе не имѣется. Такая неполнота данныхъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи, отличавшая и предыдущіе томы, остается неизмѣнною особенностью и послѣдняго тома, заглавіе котораго нами выписано.

Первоначальная постановка дѣла и планъ, избранный для изложенія собранныхъ фактовъ, отзываются и на способѣ изложенія въ описательной части также невыгоднымъ образомъ. Такъ какъ очерки хозяйствъ сельскихъ обществъ и помѣщиковъ составляютъ совершенно отдѣльныя части книги, то въ многихъ случаяхъ являются излишнія повторенія; такъ напр., въ разсматриваемомъ нами томѣ два раза повторяется географическое описаніе уѣзда и его естественныхъ особенностей: разъ въ общемъ вступленіи (стр. 1—38), другой разъ въ очеркѣ помѣщичьяго хозяйства (стр. 170—179); встрѣчаются повторенія въ этихъ двухъ отдѣлахъ и относительно рабочихъ, платъ имъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ эти особенности въ общемъ планѣ изложенія, вышедшій томъ какъ по количеству предлагаемыхъ имъ свѣдѣній, такъ и по интерессу заключающемуся въ нихъ, представляетъ богатый вкладъ въ экономическую и географическую литературу о нашемъ краѣ. Подробности бытовыхъ отношеній, выраженныя въ цифрахъ, разработанныхъ съ должною эрудиціею, знакомятъ довольно обстоятельно читателя съ уѣздомъ и его жителями, среди которыхъ только $^1/_{10}$ часть мужчинъ грамотны, а число грамотныхъ женщинъ не составляетъ даже и $^1/_{100}$ части всѣхъ женщинъ. Малоземелье крестьянъ собственниковъ, у которыхъ на одно хозяйство приходится не болѣе 4 десятинъ земли, опредѣляетъ и всѣ остальныя стороны экономическаго быта, какъ напр. обработку земли супрягою, т. е. коллективнымъ способомъ приложенія труда; среди крестьянъ-собственниковъ этого уѣзда только 13% хозяйствъ пашутъ самостоятельно свою землю и нанимаемую у помѣщиковъ; другіе за неимѣніемъ скота должны нанимать себѣ орачей; а 70%, т. е. громадное большинство, прибѣгаетъ къ супрягѣ.

Такія цифры и подобныя имъ, характеризующія сельскій бытъ населенія нашего края, очень внушительны, особенно въ виду распространеннаго мнѣнія о стремленіи малорусса къ индивидуальности въ частной домашней и общественной жизни.

Р.

А. Г. Брикнеръ.—Потемкинъ. — Съ 2 портретами. Спб. 1891. 276 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ проф. Брикнера печатался сначала въ журналѣ «Новь» за 1887 годъ, а теперь, ко дню столѣтія со дня смерти Потемкина († 5 окт. 1791 г.) явился отдѣльнымъ изданіемъ, причемъ сдѣланы нѣкоторыя (правда, незначительныя) дополненія на основаніи вновь появившихся матеріаловъ.

Авторъ имѣетъ въ виду исключительно личную исторію Потемкина, оставляя почти въ сторонѣ его политическую роль и административную дѣятельность: «главное вниманіе въ послѣдующихъ главахъ, говоритъ онъ во введеніи къ своему труду, обращено на вопросъ о личномъ отношеніи Потемкина къ Императрицѣ Екатеринѣ II, и мы не имѣемъ въ виду разработки частностей роли знаменитаго фаворита» (стр. 7). Такое ограниченіе со стороны автора своей задачи нельзя назвать особенно удачнымъ, хотя оно отчасти и объясняется характеромъ тѣхъ матеріаловъ, которымъ приходилось пользоваться автору. Свои свѣдѣнія онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ Сборника Рус. истор. общества, а это общество почему-то мало интересуется внутренней исторіей Россіи, а предпочитаетъ, главнымъ образомъ, исторію дипломатическую и придворную, пользуясь при этомъ иностранными архивами. Такое, можно сказать, игнорированіе внутренней исторіи со стороны общества, располагающаго достаточными для изданій матеріальными средствами, ведетъ къ тому, что мы отлично знаемъ, сколько безплодныхъ словъ потрачено, бумаги исписано, хитростей употреблено, напр., во время Тешенскаго конгресса, т. е., знаемъ массу никому ненужныхъ вещей, а между тѣмъ ни финансовое, ни экономическое, ни административное положеніе Россіи XVIII в. намъ совсѣмъ не извѣстно. У насъ напечатана масса разнаго никому ненужнаго хлама изъ иностранныхъ архивовъ, въ родѣ имѣющихъ третьестепенное значеніе донесеній резидентовъ, а между тѣмъ драгоцѣннѣйшіе документы по внутренней исторіи Россіи лежатъ, никому неизвѣстные, подъ спудомъ, въ архивахъ центральныхъ

или же гніютъ, сжигаются и продаются на пуды въ провинціальныхъ архивахъ. Существуетъ уже длинный мартирологъ провинціальныхъ архивовъ съ драгоцѣнными документами, погибшими безвозвратно; занесемъ въ лѣтопись еще гибель одного архива. Г. Л. Скадовскій, по просьбѣ редакціи «Кіевской Старины», осмотрѣлъ херсонскіе архивы, съ цѣлью опредѣлить значеніе ихъ для исторіи Новороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Потемкина—и оказалось, что всѣ почти архивы исчезли. Въ крѣпостномъ архивѣ сохранилась и опись дѣламъ съ характерной помѣтой «украдены въ такомъ-то году»; по преданію, дѣла вывозились однимъ любителемъ старины возами. Описи дѣлъ сохранились и въ архивѣ губернскаго правленія; но самыхъ дѣлъ давно нѣтъ, они періодически сжигались и это сожженіе прекращено только недавно. А между тѣмъ здѣсь, въ архивахъ херсонскомъ, николаевскомъ, екатеринославскомъ и т. д., и должны храниться драгоцѣнные матеріалы для исторіи заселенія, управленія и расхищенія земель въ Новороссіи. Только увидятъ ли они свѣтъ?...

Книга проф. Брикнера распадается на 11 главъ и введеніе, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ литературы о Потемкинѣ. Въ *первой главѣ* разсказывается молодость Потемкина (до 1774), его участіе въ переворотѣ 1762 г., екатерининской комиссіи 1767 г., сближеніе съ Екатериной; *во второй*—Потемкинъ въ случаѣ, отношеніе къ нему Екатерины и придворныхъ (1774—1776 г.); *въ третьей*—отношенія Екатерины къ Потемкину съ 1776 по 1786 г.; *въ четвертой*—дѣятельность Потемкина до 1786 г.—въ качествѣ политика—дипломата по присоединенію Крыма, президента военной коллегіи, фельдмаршала и новороссійскаго генералъ-губернатора; *въ пятой* главѣ разсказывается извѣстное театральное путешествіе Екатерины въ 1787 г., которому раньше (Истор. Вѣст. 1885 г. іюль—сентябрь) А. Г. Брикнеръ посвятилъ отдѣльную статью и съ которымъ читатели «Кіевской Старины» могутъ подробнѣйшимъ образомъ ознакомиться по статьямъ Г. В. Есипова; *въ шестой* главѣ дѣло идетъ о началѣ турецкой войны; *въ седьмой* разсматривается дѣятельность Потемкина при взятіи Очакова; событіямъ 1789—1790 годовъ посвящена глава *восьмая*, пребыванію Потемкина въ Петербургѣ въ 1791 г.—*девятая*. Въ *десятой* подробнѣйшимъ образомъ говорится о болѣзни и смерти Потемкина, причемъ разсказывается интересная судьба его гроба, долго, какъ извѣстно, стоявшаго непогребеннымъ, затѣмъ зарытаго по приказанію имп. Павла, ненавидѣвшаго Потемкина, и открытаго опять въ полусгнившемъ видѣ въ 1873 г. особой коммиссіей Одесскаго обще-

ства исторіи и древностей. Въ *одиннадцатой* главѣ дается оцѣнка личности Потемкина, причемъ приводятся самыя разнообразныя мнѣнія о немъ какъ современниковъ, такъ и лицъ послѣдующаго поколѣнія. Отношеніе самого автора къ личности Потемкина кажется намъ недостаточно яснымъ: онъ называетъ его «баловнемъ счастья, болѣе авантюристомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, болѣе азартнымъ игрокомъ, чѣмъ героемъ» (стр. 276); но трудно сказать, что собственно разумѣетъ авторъ подъ этими слишкомъ неопредѣленными словами.

Книга проф. Брикнера написана живымъ языкомъ и читается съ интересомъ. Издана она прекрасно, что увеличило ея цѣну, а потому и сдѣлало ее для публики мало доступной. Изъ приложенныхъ двухъ портретовъ, сдѣланныхъ фототипіей Шеррера въ Москвѣ, портретъ Екатерины вышелъ удачнымъ, портретъ же Потемкина плохъ.

Z.

Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. Описаніе лубенской Покровской ярмарки 28 сент.—2 окт. 1891 года. Составилъ Я. П. Забѣло. Полтава. 1892.

Эта небольшая книжка составляетъ результатъ изслѣдованія одной изъ ярмарокъ г. Лубенъ полтавской губерніи, неудачно названной «крестьянскою», такъ какъ несомнѣнно въ г. Лубнахъ на ярмаркѣ и продаютъ товары, и покупаютъ ихъ не одни крестьяне, а и козаки, и мѣщане, и дворяне, и др. сословія. Изслѣдованіе произведено было земскими статистиками, собиравшими, по порученію губернскаго земства, данныя для переоцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ; въ виду того, что они могли посвятить изученію ярмарки одинъ свободный отъ прямыхъ своихъ обязанностей день (воскресенье), описаніе, конечно, не могло выйти полнымъ, т. е. въ немъ мы не встрѣчаемъ разсказа о томъ, какъ въ теченіе всѣхъ 5-ти дней ярмарки увеличивался подвозъ, какъ и когда шла торговля тѣми или другими товарами, когда напряженіе торговой дѣятельности усиливалось, сколько именно денежныхъ знаковъ было въ обращеніи, сколько разъ могъ обернуться одинъ и тотъ же капиталъ, какъ великъ вышелъ оборотъ ярмарки, сколько и какихъ товаровъ продано, кому и куда и т. д. Но за то наличность товаровъ въ избранный моментъ описанія ярмарки представлена г. Забѣлою на основаніи собранныхъ данныхъ весьма обстоятельно. Изъ его труда

ясно видно, откуда и какіе товары были привезены, кѣмъ (самими производителями или перекупщиками, на какую сумму; качество товаровъ охарактеризовано довольно подробно; обстановка ярмарки (карусель, балаганы, чумаки съ Дона съ рыбою и т. п.) представлена яркими красками. Въ виду того, что со времени появленія подобнаго же описанія Бориспольской ярмарки Ѳ. К. Волковымъ въ «Запискахъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества» прошло 18 лѣтъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣчалось болѣе подробнаго отчета о какой-бы то ни было ярмаркѣ, можно смѣло назвать этотъ трудъ выдающимся среди сочиненій нашей мѣстной экономической литературы. Насколько отъ подобныхъ трудовъ должны измѣниться взгляды на значеніе ярмарокъ въ нашей сельской жизни, видно изъ того, что по оффиціальнымъ отчетамъ за послѣдніе 3 года въ среднемъ привозъ на Покровскую лубенскую ярмарку считался не болѣе какъ на 40 т. рублей, тогда какъ стоимость товаровъ, находившихся на ярмаркѣ 1891 года въ день ея описанія, исчислена г. Забѣлою въ 193 тысячи рублей.

Мы не будемъ останавливаться на содержаніи этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ книги; приведемъ лишь нѣкоторыя данныя объ одномъ родѣ товаровъ, именно о книгахъ, продавцами которыхъ, явились 2 лица (изъ Лубенъ и Чернигова), привезшія ихъ всего на сумму 150 рублей. Этотъ товаръ описанъ былъ статистиками во всей подробности: въ трудѣ г. Забѣло приведены заглавія всѣхъ 405 изданій, продававшихся здѣсь, разсортированныя по издателямъ и содержанію книгъ. Оказывается, что больше всего книгъ для народнаго чтенія доставляютъ фирмы Губанова, Сытина и Прѣснова; славившіяся когда-то изданія Кіево-Печерской лавры теперь сократились въ обращеніи до 7-ми названій книгъ (мѣсяцесловы, молитвословы, часословъ и псалтырь). Несмотря на это книги духовно-нравственнаго содержанія (о Святой землѣ, житія разныхъ святыхъ, сказанія о мукахъ, слова, поученія и т. п.) составляютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ народной литературѣ; ихъ было 117 названій или 29% всѣхъ книгъ. Большинство, впрочемъ, составляютъ книги беллетристическаго содержанія, которыхъ было 229 названій ($56{,}_5$%); книги историческаго содержанія, учебники, оракулы, техническія, сельскохозяйственныя, очевидно, спрашиваются меньше всего; книгъ съ содержаніемъ послѣдняго рода совсѣмъ почти не было (собственно была только одна: «Самоучитель пчеловодства»).

Книгъ на малорусскомъ языкѣ было всего 37 названій, тогда какъ русскихъ около 370, т. е. въ десять разъ больше; несмотря

на это, по отзывамъ изслѣдователей, такія книги, какъ «Байки» Глѣбова читаются болѣе охотно и покупаются, несмотря на сравнительную дороговизну, предпочтительнѣе передъ другими книгами. Изъ сочиненій Шевченка на ярмаркѣ была только одна «Наймычка», что особенно бросается въ глаза въ виду популярности послѣдняго автора.

Мы пожелали бы въ заключеніе, чтобы земства, ведущія изслѣдованія экономической жизни, обратили большее вниманіе на изученіе ярмарокъ, на которыхъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно уловить характеръ и производство довольно большихъ районовъ, и потребленія разныхъ продуктовъ. Было бы желательно, чтобы такія работы, какъ названная, производились не ad libitum, а вошли въ постоянныя обязанности земскихъ статистическихъ учрежденій.

Р.

Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839—1888 г.

«Херсонскія Губернскія Вѣдомости» съ неоффиціальнымъ отдѣломъ при нихъ начали выходить въ свѣтъ въ 1839 году, по тетрадкѣ in 4° въ недѣлю. Въ 1864 г. неоффиціальный отдѣлъ, а потомъ и все изданіе увеличило форматъ до размѣра ежедневныхъ большихъ газетъ, а съ 1866 г. «Вѣдомости» стали печататься по два раза въ недѣлю [1]).

Редакторы неоффиціальнаго отдѣла мѣнялись часто, что видно будетъ изъ слѣдующаго списка лицъ, носившихъ это званіе съ 1848 года (ранѣе этого года редакторы не подписывали своихъ фамилій). Въ 1848—49 г. редакторомъ былъ Шидловскій, въ 1850 Михайловскій, въ 1851—53 Исаевъ, въ 1854 Затурскій, въ 1854 и 55 Будянскій, въ 1856 опять Михайловскій и потомъ Григоровичъ, въ 1857—58 снова Будянскій, потомъ, съ конца 1858 по 1860 снова Григоровичъ, въ 1861 Гербановскій, въ 1862—63 Соколовскій, въ 1864—65 Раевскій, въ 1866 еще разъ Григоровичъ, въ 1867 и 68 Гернетъ, въ 1869—73 Эйсмонтъ, въ 1874 Кожевниковъ, въ 1875 Сычевскій, въ 1876—77 Ханацкій, въ 1878 и далѣе Моисеевъ. Все это—имена, по большей части совершенно непричастныя литературѣ и наукѣ,—

---

[1]) Экземпляръ 1855 г., принадлежащій Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, оканчивается 40-мъ номеромъ (6 окт.). Вѣроятно, до конца года Вѣдомости были прекращены изданіемъ.

лица, случайно поставленныя во главѣ изданія, не отдававшія ему души своей, какъ это иногда было и бываетъ и теперь въ другихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Замѣчательно, что годы, непосредственно слѣдовавшіе за окончаніемъ крымской войны, 1856—1863, отличавшіеся реформаціонными трудами правительства, требовавшими всесторонняго изученія страны, какъ разъ отличаются необыкновеннымъ оскудѣніемъ неоффиціальнаго отдѣла Херсонскихъ Вѣдомостей. Но за то очень пріятное впечатлѣніе по обилію, разнообразію и внутреннему достоинству статей неоффиціальнаго отдѣла представляетъ кратковременное, къ сожалѣнію, редакторство Раевскаго (1864—1865 г.). Съ 1873 г. и понынѣ неоффиціальный отдѣлъ Вѣдомостей почти вовсе не заключаетъ въ себѣ статей по изученію края, уступивъ мѣсто вновь народившимся земскимъ и частнымъ изданіямъ; ни короткое редакторство извѣстнаго литератора Сычевскаго, ни долговременное—г. Моисеева не измѣнили нисколько положенія дѣла.

Насколько неустойчивымъ и случайнымъ является редактированіе неоффиціальнаго отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей, настолько же малочисленными—литературныя силы, которыми пользовалось это изданіе. Въ теченіе ряда годовъ обыкновенно господствуетъ одно какое нибудь имя. Такъ, въ 40-хъ годахъ главенствуютъ статьи Бухтѣева и потомъ Косача, въ 50-хъ—Негрескула, въ 60-хъ и 70-хъ выдается Чирковъ. Остальные сотрудники являются болѣе или менѣе случайно.

Подполковникъ топографовъ А. П. Чирковъ, членъ одесскаго общества исторіи и древностей, завѣдывавшій статистическимъ и топографическимъ отдѣленіемъ при херсонской земской управѣ, особенно обращаетъ на себя вниманіе своей неутомимостью и разнообразно направленной любознательностью. Онъ печатаетъ статьи рѣшительно по всѣмъ отраслямъ изученія херсонскаго края: по статистикѣ, топографіи, климатологіи, исторіи и археологіи. При такомъ разнообразіи и количествѣ интересовъ и работъ, не мудрено, если нѣкоторыя изъ его статей носятъ отпечатокъ поспѣшности, но, во всякомъ случаѣ, почтенная дѣятельность Чиркова заслуживаетъ полной признательности. Весьма желательно было бы опубликованіе дневниковъ курганныхъ раскопокъ, которыя производилъ онъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что общія свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя Чирковымъ въ Вѣдомостяхъ, нѣсколько неопредѣленны.

Наряду съ оригинальными статьями, встрѣчается въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Губернскихъ Вѣдомостей много перепечатокъ. Въ

первые годы существованія Вѣдомостей неоффиціальный отдѣлъ ихъ наполнялся почти исключительно перепечатками, причемъ отдавалось предпочтеніе замѣткамъ и совѣтамъ по сельскому хозяйству и домоводству, ветеринаріи и врачебному искусству, вродѣ тѣхъ, которые и теперь случается встрѣчать въ газетахъ, въ отдѣлѣ «смѣсь». Но уже въ началѣ 40-хъ годовъ появляются статьи по изученію края—оригинальныя и перепечатанныя изъ другихъ изданій—касающіяся исторіи, географіи и этнографіи. Наконецъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ преобладаютъ статьи по статистикѣ и климатологіи.

Въ общей сложности, за 50 лѣтъ существованія, въ Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ набралось довольно много матеріала по разнымъ отдѣламъ отчизновѣдѣнія, нерѣдко представляющаго научный интересъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы матеріалъ этотъ распредѣлялся равномѣрно по мѣстностямъ и по областямъ знанія. Такъ, естественно, городу Херсону и ближайшимъ къ нему мѣстамъ отведено мѣста больше (абрикосовому дереву Екатерины II въ Херсонѣ посвящено двѣ статьи и пр.), за то о многихъ другихъ, не менѣе интересныхъ мѣстностяхъ не находимъ свѣдѣній вовсе. Наибольшее число статей посвящено исторіи и старинѣ края, наиболѣе же слабымъ отдѣломъ оказывается мѣстная этнографія, хотя херсонская губернія, по многочисленности народностей, въ ней живущихъ, представляетъ обширное поприще для этнографическихъ изученій. Слѣдуетъ также пожалѣть о маломъ числѣ сообщеній по археологіи: описаній древностей, свѣдѣній о случайныхъ находкахъ ихъ и пр.

Предлагаемъ ниже списокъ статей, касающихся юга Россіи, съ изложеніемъ содержанія тѣхъ изъ нихъ, которыя представляютъ, по нашему мнѣнію, болѣе интереса, и которыя поддаются сокращенному пересказу.

1. Исторія, біографіи, некрологи, вещественные памятники старины и древности.

1840 г. № 43. О происходившей закладкѣ еврейской синагоги въ гор. Херсонѣ.

1843 г. № 5. Абрикосовое дерево, насажденное рукою императрицы Екатерины II въ Херсонѣ.

№ 14. Церковь св. великомученицы Екатерины въ херсонской крѣпости.

№ 35 и 36. Воспоминанія о баронессѣ Аннѣ Ефимовнѣ Остенъ-Сакенъ.

№ 37. Воззваніе Потемкина къ екатеринославскому дворянству.

1844 г. № 2. Первый вѣковой юбилей новороссійскаго края. *А. Скальковскаго* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 36—37. Первое пятидесятилѣтіе Одессы (1794—1844). *А. Тр.* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

№ 38. Новый документъ для исторіи города Одессы, отысканный въ архивѣ Сѣчи запорожской. *А. Скальковскаго* (изъ Од. Вѣст.).

№ 43. Некрологъ Д. М. Княжевича. *Ф. Ляликова.*

1846 г. № 7. Историческое обозрѣніе городовъ кіевской губ. съ ихъ окрестностями. Гор. Каневъ.

1847 г. № 5 и 6. Степи.—Природа и исторія степей. Курганы авторъ раздѣляетъ на 3 разряда: могильные, путеуказательные и сторожевые. Разсмотрѣвъ высказанныя въ литературѣ мнѣнія о каменныхъ бабахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что онѣ сооружались финнами.

№ 6. Списокъ нѣкоторымъ источникамъ къ изученію новороссійскаго края.

1850 г. № 27. О доставленіи свѣдѣній о древностяхъ вообще (воззваніе Импер. Археол. Общества).

1851 г. № 8, 11 и 12. Музеумъ одесскаго общества исторіи и древностей.

№ 31. О солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ.

№ 32. Нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ 16 іюля 1851 г. *Мих. Косачъ.*

№ 35. Еще нѣсколько словъ о солнечномъ затмѣніи въ Херсонѣ. *А. Соколовъ.*

№ 44 и 46. Жизнь и смерть филантропа Говарда въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 48. Днѣпръ (дума). *В. Негрескулъ.*

№ 49. Матеріалы для полной біографіи филантропа Говарда. 1. Отзывъ о Говардѣ херсонскаго градскаго главы Альбрандта.

№ 52. Продолженіе. 2. Записка ген.-м. Кобле объ англійскомъ природномъ дворянинѣ Говардѣ.

— Матеріалы для исторіи Херсона. Замѣтки Екатерины II о Херсонѣ.

1852 г. № 3, 9, 10. О пребываніи императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 7. Первое военно-учебное заведеніе въ Херсонѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 7, 8, 12, 17 и 1853 г. № 3—4. Краткая записка херсонской губернской гимназіи. Отд. I. Отъ основанія гимназіи до времени преобразованія (1815—1836 г.).

№ 9. Изъ письма къ редактору. *В. Негрескулъ.* Впечатлѣнія бывшаго воспитанника херсонской гимназіи при чтеніи «краткой записки о гимназіи».

№ 8. Матеріалы для полной біографіи филантропа Говарда. Мемуаръ 3-й. Изъ бумагъ бывшаго херсонскаго землемѣра г. Ярошевскаго.

№ 13. Продолженіе. Мемуаръ IV. Изъ бумагъ бывшаго совѣтника херсонскаго губернскаго правленія Симборскаго.

№ 29 и 38. Продолженіе. *В. Негрескулъ.*

№ 11. Замѣтка на отзывъ «Библ. д. Чтенія» о статьѣ «Жизнь и смерть Говарда въ Херсонѣ». *В. Негрескулъ.*

№ 12. Изъ письма къ помѣщику бобринецкаго уѣзда В. Г. Воробьеву *В. Негрескулъ* (о Говардѣ).

№ 15. Могила Джона Говарда. *В. Негрескулъ.*

№ 22. Матеріалы для исторіи Херсона. *В. Негрескулъ.*

№ 34—35. Матеріалы для исторіи херсонской губ. Въ приложеніи грамота, данная Хорвату 11 янв. 1752 г. (изъ П. С. Зак.).

№ 40 -41. Воспоминаніе объ Ив. Никит. Инзовѣ. *А. Стурдза.* Статья эта первоначально появилась въ «Одесск. Вѣстникѣ» (1847 г.), потомъ вышла отдѣльной брошюрой.

№ 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *Г. И. Соколовъ.*

№ 46. Историческія замѣтки. *В. Негрескулъ.* Остатки Екатерининской старины въ Херсонѣ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. *М. Косачъ.* Описаніе городка запорожскаго, изобилующаго человѣческими костями, разсказы о нападеніяхъ запорожцевъ на турецкія суда и о кровавой расправѣ съ ними турокъ.

1853 г. № 5. Семенъ Андреевичъ Порошинъ. *В. Воробьевъ.*

№ 9. Извѣстія о городищѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпръ). *Федоровъ.* По обѣимъ сторонамъ въѣзда въ м. Тягинку авторъ видѣлъ двѣ каменныя бабы съ ожерельями. По близости, въ имѣньи Пав. Як. Эрдели, случайно находили монеты Марка Аврелія и др. Преданіе о городищѣ см. въ отдѣлѣ Этнографія.

№ 38. Путевыя замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *М. Косачъ.* Подъѣзжая къ ст. Бабы изъ с. Троицкаго, авторъ издали увидѣлъ ка-

менную бабу. Близъ станціоннаго двора онъ замѣтилъ слѣды длинной земляной насыпи, тянущейся отъ балки (?) къ р. Бугу. Насыпь служила подножіемъ для кургана, на которомъ стояла каменная баба, изъ мѣстнаго известняка, $2^1/_2$ арш. высоты, съ отбитой головой, представлявшая особу женскаго пола. Поселянинъ ближайшей деревни Бѣлоусовки Прокофій Майбурнъ, бывшій запорожецъ, выкопалъ и свезъ ее къ воротамъ своего дома, но потомъ отвезъ обратно и поставилъ на прежнее мѣсто, такъ какъ баба являлась къ нему по ночамъ и настойчиво требовала этого.

1854 г. № 3, 4, 5 и 6. Новороссійскій знаменитый хозяинъ Викторъ Петровичъ Скаржинскій. *И. У. Палимсестовъ.*

1856 г. № 33 и 34. Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго. Объ устройствѣ черноморскаго флота и гор. Николаева. Записки, поданныя по кончинѣ Потемкина адмиралу Н. С. Мордвинову бывшимъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ М. А. Фалѣевымъ въ 1790 г. (Изъ «Морск. Сб.»).

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи. Планъ статьи: Исторія, топографическое положеніе, р. Ингулецъ, церкви, городскія постройки, общественная жизнь, промышленность, торговля, занятія жителей; малороссы: нравы и обычаи, народный календарь, церковныя общины (братчины), народный умъ, пословицы, загадки, одежда; великороссы: нравъ, пѣсни; цыгане (волохи), ихъ образъ жизни и занятія; евреи.— При въѣздѣ въ с. Звенигородку изъ Александріи, на правомъ берегу Ингульца, есть земляное укрѣпленіе въ видѣ прямоугольника съ бастіонами по угламъ; по преданію, это—слѣды укрѣпленнаго лагеря Карла XII времени его бѣгства изъ Переволочны.—См. «Статистика» и «Этнографія».

1859 г. № 15. Историческій обзоръ херсонской губ. (Изъ В. Э. Л.).

1860 г. № 27 и 29. Первоначальное образованіе черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній: Богоявленскъ, Воскресенскъ, Калиновка, Покровское (Копани), Березнеговатое и Висунь. (Изъ М. С. за 1860 г. № 4).

№ 45. Абрикосовое дерево императрицы Екатерины II въ Херсонѣ. *Н. Гербановскій.*

1863 г. № 33. Изъ матеріаловъ для біографіи кн. Потемкина-Таврическаго. *Свящ. Ал. Мухинъ.* О мѣстѣ первоначальнаго погребенія кн. Потемкина и обстоятельствахъ, при которыхъ тѣло его увезено изъ Херсона. (Изъ «Одесск. Вѣстн.»).

1864 г. № 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. *С.* Въ 5 верстахъ ниже Херсона есть на Днѣпрѣ Потемкинскій островъ, имѣющій верстъ 15 въ длину. На немъ, противъ впаденія Конки въ Днѣпръ,—Козацкое городище, шаговъ 100 въ длину и шаговъ 40 въ ширину. Внутри его замѣчены остатки зданія съ погребомъ, слѣды какихъ то другихъ построекъ, камни и кирпичи, обломки красныхъ кувшиновъ и горшковъ, человѣческія кости. По преданію, на островѣ въ камышахъ скрывались козаки-гайдамаки, которые вели постоянную борьбу съ турками. Послѣ одной удачной вылазки, одинъ козакъ, обдѣленный добычей и осмѣянный товарищами, изъ мести провелъ на островъ очаковскихъ турокъ въ пасхальную ночь, когда козаки, разговѣвшись, всѣ спали, мертвецки пьяные. Турки вырѣзали всѣхъ, не пощадивъ и измѣнника. Въ наше время, по слухамъ, на островѣ копали клады и находили ихъ.

№ 47—49. Козакування. Комична оперетка у дви картины.

1866 г. № 70. Предложеніе археографической коммиссіи къ лицамъ, имѣющимъ старые рукописи и акты.

№ 73 и 74. Скиѳскія могилы. Чертомлыкскій курганъ, *И. Е. Забѣлина.*

№ 74 и 75. Емел. Степ. Бондаревъ и его религіозная и торговая дѣятельность. *Прот. Григ. Сухомлиновъ.* Статья касается первыхъ временъ переселенія раскольниковъ въ херсонскую губ. и тогдашней торговли.

№ 90. Письмо въ редакцію «Одесск. Вѣстника» *А. Чирковъ.* Послѣ двухъ-мѣсячной поѣздки по сѣверной части херсонской губ., авторъ сообщаетъ о древностяхъ, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ. «...Такія самыя (каменныя издѣлія), говоритъ онъ, лежатъ у меня подъ рукою: пестъ, топорикъ съ молоткомъ и клевакъ съ топорикомъ, а у моего друга, въ имѣньи котораго (?) я въ прошедшемъ году раскопалъ 3 кургана, отыскалъ при остовахъ прекрасной работы кремневый кинжалъ и нѣсколько такихъ же трехгранныхъ стрѣлъ». Далѣе онъ перечисляетъ бронзовые предметы, добытые изъ кургана и находящіеся у него же: 3 топора особой формы (кельты?), 4 серпа, праща, конскія удила и до 500 разнообразныхъ стрѣлъ, изъ нихъ нѣкоторыя съ знаками. Въ другомъ курганѣ при скелетѣ найдены: золотыя серьги, кольца, перстни, ожерелья, разныя бусы и другія мелкія вещи. Въ третьемъ курганѣ при человѣческихъ остовахъ найдены шлемы, кольчуги, мечи, копья, сѣкиры, пращи, молотки, клеваки, стрѣлы и другіе предметы.

№ 98. Историческая замѣтка *А. Чирковъ.* О помѣстьяхъ кн. Потемкина по атласу р. Днѣпра 1786 г.

1870 г. № 4, 5, 6. Предметы археологіи въ елисаветградскомъ уѣздѣ. *А. Чирковъ.* По наблюденію автора, безчисленные курганы херсонской губ. насыпаны большею частію на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ гребней, проходящихъ между смежными балками, значительно рѣже—на отлогихъ склонахъ ихъ, и еще рѣже—на днѣ долинъ и балокъ. Изъ многократныхъ раскопокъ кургановъ онъ убѣдился, что они представляютъ могилы и кладбища древнихъ обитателей края. По словамъ его, курганы всегда расположены группами отъ 3 до 10, до 100 и болѣе штукъ вмѣстѣ, причемъ въ каждой группѣ одинъ изъ кургановъ больше и круче остальныхъ. Повсюду на горизонтѣ можно насчитать 20—100 кургановъ. Они никогда не лежатъ по прямой математически линіи. Курганы, выдающіеся по высотѣ, имѣютъ въ основаніи элиптическую форму, причемъ сѣверные склоны ихъ всегда круче остальныхъ, будучи наклонены къ горизонту подъ угломъ 30—70°, тогда какъ южные—подъ угломъ 20—35°. Наибольшіе изъ кургановъ имѣютъ 50—250 саж. въ окружности у подошвы и 3—7 саж. высоты и почти всѣ покрыты каменной бронею. Всегда почти подъ самой серединой кургана находится грунтовая четыреугольная яма, 3—4 сажень глубины, до 3 саж. длины и до 2 саж. ширины. На днѣ ея, безъ гроба, лежитъ одинъ, а иногда и болѣе человѣческихъ остововъ, лицомъ кверху, въ вытянутомъ положеніи, головой къ В.; на костяхъ бываютъ видны пятна пурпурнаго, коричневаго и др. цвѣтовъ, въ которые была окрашена одежда погребенныхъ; на шеѣ остововъ иногда находятъ золотыя, серебряныя и бронзовыя литыя, хорошей работы, ожерелья, а чаще глиняныя мозаиковыя бусы, также бусы янтарныя и нѣкоторыхъ цвѣтныхъ камней; на запястьяхъ—также золотые, серебряные и бронзовые браслеты, такого же достоинства, на пальцахъ рукъ такіе же перстни съ разноцвѣтными камнями и кольца; около ушей—серьги различныхъ формъ; находятъ также золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія одежды; съ боковъ остововъ находятъ остатки окислившагося желѣзнаго оружія разнаго рода, также бронзовыя стрѣлы разныхъ формъ скиѳскаго литья и трехгранныя, однообразной формы—литья греческаго; находятъ иногда разныя орудія изъ твердыхъ, не туземныхъ породъ камня, хорошей работы, кремневые и костяные ножи разныхъ формъ и стрѣлы; при остовахъ или надъ ними находятъ горшки и кувшины грубой скиѳской работы, часто попадаются амфоры и разной вели-

чины кувшины и другая глиняная посуда хорошей греческой работы,—бронзовыя удила, стремена, кольца, пряжки и другія принадлежности конской сбруи. Изрѣдка остовы встрѣчаются въ каменныхъ гробахъ, сложенныхъ изъ нетесанныхъ каменныхъ плитъ съ такою же крышкою; иногда же крышка бываетъ обтесана. Случалось находить могилы, покрытыя бревенчатымъ навѣсомъ, устроеннымъ на 4 столбикахъ, высотою въ 1 аршинъ, связанныхъ 4 перекладинами. Иногда на сажень выше нижняго погребенія встрѣчаются слѣды втораго, а иногда, еще выше—и третьяго, причемъ при верхнихъ остовахъ иногда находятъ такіе же самые предметы, какъ и при нижнихъ. На поверхности могилы насыпали курганъ изъ чистаго чернозема, который при этомъ крѣпко утрамбовывался; на извѣстной высотѣ курганъ покрывали слоемъ камней, толщиною 1—3 аршинъ, иногда привезенныхъ издалека, и потомъ снова сыпали черноземъ, доводя сооруженіе до желательной высоты. Очень часто и въ этомъ верхнемъ слоѣ, т. е., выше каменной брони, находятъ человѣческія кости, также остовы лошадей, овецъ, быковъ, телятъ, козъ, собакъ и птицъ, причемъ попадаются предметы, аналогичные съ тѣми, которые потомъ находятъ ниже. Замѣчательно, говоритъ авторъ, что почти въ каждомъ курганѣ, какой бы величины онъ ни былъ, въ верхней его части находятъ, сложенными въ кучкѣ, 10 коренныхъ конскихъ зубовъ. Иногда случалось находить—въ насыпи кургановъ и въ грунтовой ямѣ—человѣческіе остовы, лежащіе на боку, съ согнутыми ногами и руками (причемъ кисть одной руки находилась подъ нижнею частью лица), головою къ В. Случалось также находить человѣческіе остовы, лежащіе головами къ центру, а ногами по направленію радіусовъ окружности кургана. Попадались остовы, лежащіе лицомъ внизъ; наконецъ, въ эпидимическихъ и боевыхъ курганахъ находятся сотни остововъ, скученныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ, причемъ въ боевыхъ могилахъ находили желѣзныя кольчуги шлемы, пращи, желѣзныя ибронзовыя копья, сѣкиры, кистени и стрѣлы.

№ 73. Богданъ Хмѣльницкій въ русской исторіи (по поводу памятника ему, сооружаемаго въ Кіевѣ).

№ 75 и 76. Къ исторіи херсонской губ.—Рѣчь идетъ объ исторіи заселенія края при Потемкинѣ. Въ концѣ статьи напечатана записка подъ заглавіемъ «Какія приказанія были его свѣтлости оберъ-штеръ-кригсъ-комиссару Фалѣеву о строеніи въ гор. Николаевѣ и заведеніяхъ въ окружности онаго и намѣренія въ разсужденіи флота, адмиралтейства и мастеровыхъ».

1871 г. № 23. Археологическій съѣздъ въ память 25-лѣтія со времени основанія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

№ 32—35. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. (Изъ Смоленск. Губ. Вѣд.). Конецъ статьи вычерненъ цензурою.

№ 88. Матеріалы для исторіи и статистики Херсона.

1872 г. № 51. Продолженіе: Основаніе херсонской крѣпости.— Статья продолжается въ №№ 52 (А. Чирковъ), 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. Въ приложеніи напечатано описаніе зданій въ херсонской крѣпости (1808—1824).

№ 7. Сѣверное сіяніе въ Херсонѣ въ ночь на 24 января.

1873 г. № 6. Еще матеріалы для исторіи и статистики Херсона. *Авксентій Чирковъ.*

1876 г. № 15 и 19. Херсонъ. (Историческій очеркъ, составленный по поводу предстоящаго юбилея города, по даннымъ историческаго очерка А. Чиркова). Въ № 19 окончаніе статьи озаглавлено: «Основаніе Херсона».

№ 81—83. Краткій историческій очеркъ скотоводства въ херсонской губ.

1878. № 66—68, 70—73 и 78. Празднованіе 100-лѣтняго юбилея гор. Херсона.

№ 74 и 80. Привѣтственныя телеграммы и письма по случаю юбилея гор. Херсона.

№ 75. Слово въ день празднованія столѣтняго юбилея со времени основанія гор. Херсона, сказанное высокопреосвященнымъ Платономъ архіепископомъ херсонскимъ 8 сентября 1878 г.

1884 г. № 55 и 56. Происхожденіе и значеніе штунды въ жизни русскаго народа. Поученіе, сказанное преосвященнымъ Никаноромъ 15 мая 1884 г. въ херсонскомъ соборѣ (изъ Новор. Тел.).

Отчеты одесскаго общества исторіи и древностей печатались: въ 1843 г. № 10 и 11, въ 1844 г. № 9—12, въ 1847 г. № 25, въ 1848 г. № 27, въ 1849 г. № 20, въ 1850 г. № 22, въ 1851 г. № 24, 27, 28, въ 1852 г. № 26, 28, 29, вь 1853 г. № 45—47, въ 1858 № 16—18, въ 1859 № 12, 13, 15, 18. въ 1861 г. № 11, въ 1862 № 10, 11 и 15.

Протоколы засѣданій того же общества: 1843 № 9, 1847 № 46, 49, 1848 г. № 16, 25, 30, 35, 45, 1849 г. № 1, 3, 9, 16, 23, 41, 48, 1850 г. № 3, 12, 14, 18, 41, 43, 1851 г. № 1, 14, 17, 23, 29, 36, 48, 50

2. Географія.

1842 г. № 24. Днѣпровскія гирла. *М. Бухтѣевъ.*

№ 27. Нѣсколько словъ о Херсонѣ.

1843 г. № 29 и 30. Взглядъ на Азовское море.

1844 г. № 9 и 10. Взглядъ на гидрографію Россіи и въ особенности на бассейнъ днѣпровскій (изъ Полтав. Губ. Вѣд.).

№ 12 и 13. Описаніе днѣпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношеніи (изъ Екатер. Губ. Вѣд.).

№ 14. Гидрографическія свѣдѣнія о судоходныхъ рѣкахъ херсонской губ. *М. Бухтѣевъ.*

№ 14. О янтарѣ, находимомъ по бассейну Днѣпра въ новороссійскомъ краѣ. (Изъ Ж. Мин. Вн. Д.)

№ 33—35. Описаніе николаевской обсерваторіи.

1846 г. № 17 и 18. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 1. Замѣчанія для издателей руководствъ по географіи.

№ 28, 31, 34, 35. Медико-топографическое описаніе Николаева. *С. Я. Пе..скій.*

1847. № 5. Бѣлая Церковь. (Изъ записокъ одного русскаго путешественника).

№ 6. О днѣпровскихъ порогахъ.

№ 5—6. Степи. (См. «Исторія»).

№ 7. Краткія замѣчанія о херсонской губ. въ медицинскомъ отношеніи.

№ 8. О состояніи погоды въ херсонской губ. въ прошломъ году.

№ 16. Объ открытыхъ въ Одессѣ и въ окрестностяхъ сего города въ 1846 г. ископаемыхъ остаткахъ допотопныхъ животныхъ. *Проф. А. Нордманъ.*

1848 г. № 10. Очаковъ. (Изъ воспоминаній чиновника).

№ 30. Нѣсколько словъ о Херсонѣ. *Мих. Косачъ.*

1849. № 1—3. Первая выставка сельскихъ произведеній въ Елисаветградѣ херсонской губ. въ 1848 г. 1) Предметы хлѣбопашества, 2) Земледѣльческія орудія, 3) Образцы табаку, 4) Предметы огородничества, 5) Пчеловодство, 6) Шелководство, 7) Скотоводство, 8) Сельскія ручныя ремесла, 9) Издѣлія изъ глины.—Списокъ лицамъ, которымъ присуждены медали, похвальные листы и денежныя преміи.

1850 г. № 1. Воспоминаніе о лебединскомъ женскомъ монастырѣ. (Изъ письма въ Херсонъ). *М. Косачъ.*

№ 2. Замѣтки о Дубоссарахъ (Изъ воспоминаній чиновника). *Мих. Косачъ.*

1852 г. № 13. Замѣтка о первыхъ «езахъ» (перевозахъ) на Днѣпрѣ. *В. Негрескулъ.*

№ 14. Изъ поѣздки въ Касперовку (Новоивановку). *В. Воробьевъ.*

№ 23. Нѣчто о Елисаветградѣ (по поводу столѣтія). *В. Воробьевъ.* Авторъ видѣлъ въ елисаветградской крѣпости могилу С. А. Порошина, заросшую травою.

1853 г. № 32. Замѣтки на пути изъ Херсона въ Касперовку. *Ал. Афанасьевъ.*

№ 33. М. Катаржина (колонія). Границы, положеніе, устройство, историческія свѣдѣнія о колоніи, народонаселеніе (колонисты—болгары): костюмъ, тканье и окраска суконъ; земля; сельское хозяйство: хлѣбопашество, садоводство, винодѣліе.—Статья перепечатана въ № 33-мъ 1854 г.

№ 37. М. Большая Понятовка. Названіе, границы, положеніе и устройство, жители (малороссы), земля, сельское хозяйство: хлѣбопашество, винодѣліе, шелководство, огородничество, опытъ разведенія табаку, хлопчатой бумаги, учрежденія сельско-хозяйственныя, благотворительныя.—Статья перепечатана въ 1855 г. № 20 и 22.

№ 38. Путевыя замѣтки отъ Николаева до Вознесенска. *М. Косачъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 38, 39, 43, 44, 46—50. *1855 г.* № 2 и 3.	Выставка сельскихъ произведеній для новороссійскаго края и бессарабской области, бывшая въ Херсонѣ въ 1853 г.

1860 г. № 30 и 31. Отрывокъ изъ путешествія, совершеннаго съ зоологической цѣлью въ 1858 г. по сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ. (Изъ Вѣстн. Ест. Наукъ № 23).

1864 г. № 3. Куяльницкій лиманъ.

№ 23. Взглядъ на мѣстность Херсона въ гигіеническомъ отношеніи

№ 40. Херсонъ. Краткое географическое описаніе, составленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ херсонскомъ статистическомъ комитетѣ. Содержаніе: положеніе, пространство, климатъ, почва, произведенія почвы, народонаселеніе и подраздѣленіе его, образованіе народонаселенія, занятія жителей, торговля внутренняя и внѣшняя, ярмарки, промышленность, фабрики и заводы, средства сообщенія, доходы и расходы города, общее обозрѣніе Херсона, краткое историческое свѣдѣніе о Херсонѣ.

1865 г. № 5, 6, 15 и 16. Климатъ херсонской губ. Содержаніе: специальные выводы о климатѣ: Теплота. А. Температура воздуха. 1. Средняя суточная температура воздуха. Вліяніе климата на растительность, хозяйство, на здоровье человѣка и животныхъ: а) время цвѣтенія деревьевъ въ приднѣпровскихъ садахъ (по показаніямъ крестьянъ; свѣдѣнія, доставленныя по сему предмету гг. лѣсничими, полученныя послѣ составленія этой статьи, помѣщены въ особыхъ таблицахъ), б) время опаденія листовъ, в) вліяніе климата на сельское хозяйство и время производства сельскихъ работъ. Общія заключенія о климатѣ относительно сельскаго хозяйства.

№ 8. Библіографическая замѣтка (о книгѣ Аѳанасьева-Чужбинскаго).

№ 18. Изъ дорожнаго портфеля. *Малюкъ.* Авторъ описываетъ свое путешествіе по Крыму (Балаклава, Татарка, Байдарская долина).

№ 31. Отъ Одессы до Херсона. Отрывокъ изъ письма къ редактору. *А. Скальковскій.*

№ 32, 34, 37. Отъ Херсона до Елисаветграда. *Проѣзжій.*

№ 35, 38. Днѣстръ и Маяки.

1867 г. № 22 и 29. Днѣпръ и торговля по немъ въ предѣлахъ новороссійскаго края. *Авксентій Чирковъ*

№ 61. Солончакъ въ окрестностяхъ Николаева. *И. Шмаковъ.* (Изъ Одесск. Вѣстн.).

1869 г. № 91. Топографія елисаветградскаго уѣзда *А. Чирковъ.*

1870 г. № 27—61 и 63. О рѣкахъ херсонской губ. Содержаніе: Общій очеркъ рѣкъ, таблица рѣкъ херсонской губ., рѣка Днѣстръ.

№ 50. Фарфоровая глина въ херсонской губ.

№ 52—53. Фарфоровая глина въ херсонской губ. *А. Чирковъ.*

№ 51, 54—57 и 68. Рѣки елисаветградскаго уѣзда *А. П. Чирковъ.* Рѣчь идетъ о р. Бугѣ.

1872 г. № 21, 22, 24—28, 32, 33. Рѣка Бугъ.

1874 г. № 17. Къ статистикѣ о состояніи погоды въ Херсонѣ въ 1873 г.

1875 г. № 13. Сводъ наблюденій надъ состояніемъ погоды въ Херсонѣ и его окростностяхъ помѣсячно, за весь прошедшій 1874 г. *А. Чирковъ.*

1880 г. № 94. О землетрясеніи на югѣ Россіи.

Съ 1842 г. печатались метеорологическія наблюденія, производимыя въ херсонскомъ училищѣ торговаго мореплаванія (термо-

метръ, барометръ, гигрометръ, вѣтеръ, состояніе атмосферы,—утромъ, въ полдень и вечеромъ), съ перерывами въ 1853, 1855, 1856, 1859, 1860 и 1862 г. Впослѣдствіи печатался метеорологическій листокъ херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища.

3. Статистика.

1839 г. № 16. Статистическое описаніе азовскаго торговаго мореплаванія. Содержаніе: мѣста постройки судовъ, строительные матеріалы, мастеровые, стоимость судовъ, достоинство судовъ, экипажи, кругъ дѣйствія мореплаванія, мѣста зимовки судовъ, вліяніе объявленія Азовскаго моря практическимъ на увеличеніе мореплаванія, сравненіе стоимости постройки судовъ въ Херсонѣ и Ростовѣ.

1842 г. № 42. Рыбный промыселъ на берегахъ днѣпровскаго и бугскаго лимановъ. *М Бухтѣевъ.*

№ 46. Торговое судостроеніе въ Херсонѣ. *М. Бухтѣевъ.*

1843 г. № 7. О числѣ купеческихъ судовъ, построенныхъ въ Херсонѣ въ послѣднее десятилѣтіе.

№ 11, 12, 17. Статистическія замѣчанія о херсонской губ.

1844 г. № 12 и 13. Описаніе днѣпровскихъ пороговъ въ статистическомъ и гидрографическомъ отношеніи. См. «Географія».

1847 г. № 5. О степени населенности херсонской губ.

№ 7. Главныя ярмарки херсонской губ.

№ 31—33. Общественное образованіе новороссійскаго и бессарабскаго края въ сороковыхъ годахъ. Глава изъ приготовляемаго къ изданію Статистич. Описанія Новор. края и Бессарабіи (Изъ Ж. М. Нар. Пр.).

1848 г. № 9. Херсонъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. *Фонъ-Юнгъ 2-й.*

№ 22, 23, 25, 26 и 29. Статистическія замѣтки о херсонской губ. за 1847 годъ.

1852 г. № 43, 44, 48 и 49. Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ. *Г. И. Соколовъ.* См. «Исторія».

1854 г. № 22—24 и 26. Опытъ статистическаго описанія гор. Ананьева. Заселеніе города, фабрики и заводы, земля, хлѣбопашество.

1855 г. № 24, 25, 34—36. Опытъ статистическаго описанія тираспольскаго уѣзда. С. Богуславка.

1856 г. № 21. 22. О фруктовомъ садоводствѣ въ новороссійскомъ краѣ: общій очеркъ, климатъ и почва, выборъ почвы.

1857 г. № 44, 45. Опытъ статистическаго описанія гор. Очакова (1852); время основанія города, населеніе, число родившихся, число браковъ, число умершихъ; число строеній, количество земли, принадлежащей городу, количество садовъ, принадлежащихъ городу и жителямъ, число скота, народное здравіе, ярмарки, торги и базары, купеческіе капиталы, торговля и промышленность, число ремесленниковъ, трактиры, харчевни, питейныя дома, дороги, мосты и переправы, повинности, подати, недоимки и казенные доходы, падежъ скота.

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи. См. «исторія» и «этнографія».

№ 37. Голая пристань и Соленое при ней озеро.

1859 г. № 7. Селеніе Новоукраинское. *Прот. Патенковъ.*

1863 г. № 28. Отчетъ о состояніи и дѣятельности херсонскаго губернскаго статистическаго комитета за 1861—1862 г.

№ 35. Отчетъ статистическаго комитета гор. Николаева за 1862 г.

1864 г. № 1, 2, 4, 5, 45, 49 и 50. Матеріалы для сельско-хозяйственнаго описанія херсонской губ.: свѣдѣнія о воздѣлываніи озимой и озимо-яровой пшеницы, о воздѣлываніи ржи, ячменя, овса, гречихи, кукурузы, дынь и арбузовъ, прядильныхъ и масличныхъ растеній; сѣнокосъ: общее раздѣленіе сѣнокосовъ, степные сѣнокосы въ особенности, травосѣяніе, травокошеніе и храненіе сѣна; пастьбище.

№ 3. Историко-статистическія замѣтки о херсонскихъ шерстомойняхъ.

№ 12. Система хозяйства въ херсонской губ. Уборка полевыхъ произведеній.

№ 12, 14 и 15. Садоводство въ херсонской губ.: главные сады въ губерніи, разводимыя породы фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, крестьянское приднѣстровское садоводство вообще и доходъ отъ садоводства въ особенности.

№ 15, 16, 20 и 21. Овцеводство въ херсонской губ.: породы разводимыхъ овецъ, уходъ за овцами, главныя болѣзни, которымъ овцы подвержены въ степяхъ, главныя овчарни.

№ 17. Винодѣліе въ херсонской губ.: степень развитія винодѣлія: а) главные виноградники въ губерніи, б) разводимые сорты винограда, в) разведеніе виноградника, г) обрѣзка виноградныхъ кустовъ, д) разрыхленіе земли, закрытіе виноградныхъ лозъ на зиму.

№ 25. Лѣсоводство въ херсонской губ.

№ 31 и 33. Статистическія свѣдѣнія о посадѣ Новоархангельскѣ херсонскаго поселенія.

№ 33. Статистическія свѣдѣнія о посадѣ Новой Прагѣ херсонскаго поселенія.

1865 г. № 26, 27 и 30. Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и днѣпровскомъ лиманѣ.

№ 41. Торговля шерстью и херсонскія шерстомойни.

1866 г. № 4. Бѣглый взглядъ на состояніе сельскаго хозяйства въ херсонской губ. и на бывшую въ Херсонѣ выставку сельскихъ произведеній. Отдѣлъ I. Земледѣліе.

№ 12. Херсонскій каботажъ. А. Скальковскій.

1867 г. № 62 и 63. Очерки хозяйства въ херсонской губ. Содержаніе: значеніе поговорки о погодѣ для сельскаго хозяйства. Вода и лѣса, какъ двигатели, которыми сельскій хозяинъ противодѣйствуетъ врѣдному вліянію климата и почвы. Вліяніе засухъ и дождей на степное хозяйство южной Россіи. Небрежность обработки полей въ степной полосѣ. Преимущества паханія въ развалъ и раннихъ посѣвовъ предъ паханіемъ въ грудки и поздними посѣвами. Необходимость травосѣянія въ степномъ хозяйствѣ. Причины неурожаевъ въ херсонской губ. Необходимость и важность ученыхъ экспедицій для сельскихъ хозяевъ степной полосы.

№ 87. О мериносномъ овцеводствѣ въ Новороссіи и Малороссіи.

1868 г. № 33, 37—39. О производительныхъ силахъ и хлѣбной торговлѣ новороссійскаго края въ 1867 г. *А. Скальковскій.*

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго уѣзда, составленные лѣтомъ 1868 г. *А Чирковъ.* Содержаніе: земли неудобныя и земли подъ дорогами, земля владѣльческая, крестьянская и церковная; сельскія школы; еще о сельскихъ школахъ; мельницы вѣтряныя, водяныя, топчаки и паровыя; фабрики и заводы; ярмарки и базары; сельскія кордегардіи, этапные пункты, постоялые дворы, питейныя заведенія; административное дѣленіе уѣзда; состояніе волостныхъ правленій; пути сообщенія; занятія и бытъ жителей; наружность жителей и ихъ наряды.

1871 г. № 4, 14, 32, 37, 39, 40, 43, 47, 50, 63. Матеріалы для статистики херсонской губ. *А. Чирковъ.*

№ 88. Матеріалы для исторіи и статистики Херсона. Статья Продолжается въ 1872 г. № 51, 52, 55, 74, 76, 79, 93, 96 и 99. См. «Исторія».

№ 90, 91, 94, 95. Рыболовство въ предѣлахъ херсонской губ. и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ.

№ 99. Статистическіе очерки херсонской губ. Земледѣліе.

1887 г. Періодически: смертность и рождаемость въ Херсонѣ. *Гошкевича.*

4. Этнографія.

1843 г. № 21, 22, 23. Русскіе вольные матросы.

1844 г. № 1—12. О еврейскихъ праздникахъ.

№ 22—25. Евреи—караимы (изъ Вилен. Губ. В.).

1846 г. № 4, 5 и 10. О гаданіяхъ у малороссіянъ 24 и 30 ноября, во дни св. великомученицы Екатерины и св. Андрея первозваннаго. (Изъ Кіевск. Губ. Вѣд.).

№ 23. Свѣдѣнія о Херсонѣ и херсонской губ. Ст. 2. О херсонскомъ народонаселеніи (ст. 1 см. «Географія»).

1848 г. № 36. Семеновъ день.

№ 38. Осенняя родительская, или поминовеніе усопшихъ.

№ 52. Святки.

1849 г. № 6. Масляница.

№ 12. Встрѣча весны.

№ 14. Первое апрѣля.

№ 26. Петровки.

№ 31. Очеркъ земледѣльческихъ праздниковъ.

1850 г. № 5. Очеркъ образа жизни и нравовъ жителей нашего края (изъ Кіевс. Губ. Вѣд.).

№ 7. Исторія и происхожденіе нѣкоторыхъ обычаевъ

№ 17. О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя яйца во дни св. Пасхи.

1851 г. № 42, 43, 45 Очерки Тирасполя и его окрестностей. *Мих. Косачъ.* Содержаніе: населеніе, промыслы, жилища, утварь, достопримѣчательности города, торговля, судоходство, ярмарки.

1852 г. № 6. Религіозно—историческое значеніе избы.

№ 12 и 17. Предразсудки херсонскаго простолюдина. *В. Д. Негрескулъ.* (Отрывокъ изъ обширной статьи, представленной въ 1850 г. въ Императорское Русское Геогр. Об.) Содержаніе: пѣтухъ, курица, аистъ, мотылекъ, голубь. Часто случается видѣть мотылька, вьющимся вокругъ свѣчки: это душа усопшаго является къ роднымъ въ видѣ мотылька просить пищи, которая заключается въ милостынѣ нищимъ: родные стараются успокоить ее, раздавъ милостыню и отслуживъ панихиду.

№ 20, 21 и 30. Замѣтки объ особенностяхъ языка въ Херсонѣ и его окрестностяхъ. *В. Негрескулъ.*

№ 36. Программа для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности, составленная 2 отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

№ 47. Прогулка на Потемкинъ островъ. См. «Исторія».

1853 г. № 9. Извѣстія о городищѣ (при впаденіи балки Тягинки въ Днѣпръ). *Федоровъ.* По преданію, здѣсь жила турская царица, богатая и красивая; запорожцы произвели набѣгъ и намѣревались выкупать ее въ дегтѣ и обсыпать перьями, но одинъ молодой козакъ обманомъ освободилъ ее.

№ 33. М. Катаржина (колонія). См. «Географія».

№ 37. М. Большая Понятовка. См. «Географія».

1858 г. № 35 и 36. Историческій, статистическій и этнографическій очеркъ гор. Александріи.—Александрія дѣлится на кутки; изъ нихъ Бойковый названъ по имени осадчаго Бойка, а Богатырскій получилъ свое имя отъ богатыря, т. е. богача мѣщанина Скалозуба, очень вліятельнаго въ своей средѣ. Изъ пословицъ, приводимыхъ въ статьѣ, отмѣтимъ слѣдующія: якъ змелышъ, такъ и поисы; хто кислици поивъ, а на мене оскома напала; шило въ мѣшку не сховается; не все те перейматы, що по води плыве; жинка сало проковтнула, та на кота перевернула; у жинки волосъ довгый, та умъ короткій; не вирь ни коню въ поли, ни жинци въ воли.—Изъ загадокъ: ой за лисомъ за пролисомъ балалайка плаще (языкъ).— Одинъ старикъ, довольно умный и опытный, давалъ дѣтямъ слѣдующее наставленіе: «Богу молитесь, старшому корытесь, батька и матирь поважайте, церкови святой не забувайте, бидному помогайте и ридъ не обижайте, не крадьте, гирко дбайте, на все добро промышляйте, не мотайте, видъ лыхого утикайте, колы можно,—погуляйте, а объ тымъ, що вмыраты треба, дуже цупко памятайте». См. «Исторія» и «Статистика».

1864 г. № 3. Приглашеніе къ сотрудничеству по составленію сборника пословицъ. *М. Номисъ.*

№ 4. Городище на Потемкинскомъ островѣ. *С.* См. «Исторія».

№ 33—39 и 42. Изслѣдованіе жителей херсонской губ. въ физическомъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи (изъ Статист. описанія херсонской губ. А. Шмидта).

1865 г. № 6. Свадебные обряды у шведовъ колонистовъ. *М—къ.* Статья составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ смотрителя колоніи г. Чернявскаго.

1867 г. № 47—52, 54—57. Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

1868 г. № 3. Народные обычаи. 1) Отношеніе сельскаго населенія къ шинкарямъ евреямъ, 2) Бытъ селянина.— Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ *Ив. Титаренко.*

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь *П. Рудковскій.*

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго у., составленные лѣтомъ 1868 г. *А. Чирковъ.* Въ «Очеркахъ» есть и этнографическій матеріалъ. Содержаніе см. въ отдѣлѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандолья, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и старовѣры, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, природа и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ 1891 г. [1]).

Альбомъ видовъ Георгіевскаго балаклавскаго монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста+13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библіотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кіевск. Стар.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Врангель Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубомѣрная экспедиція 1890 года. (Переп. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣенко Е. С. проф. Историческій обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар. 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI+520 стр. +1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кіевская Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.

Колмаковъ Н. М. Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.

Колоскы. Збирныкъ казокъ та оповиданнивъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.

Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.

Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Изданіе кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV + 191 + XIII + 629+XVI+126 стр.

Къ 50-лѣтнему юбилею общества кіевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.

Л'Коротъ бне Израилъ бе-Кіевъ (Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ). Кіевъ. 1891. 8 д. 45 стр.

Марковичъ Д. В. Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчомъ хуторѣ». Три разсказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.

Медицинскій отчетъ по зміевскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.

Монтрезоръ В. Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній кіевск. учебн. округа: кіевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.

Моравскій С. Ѳедоръ Лисовскій. (1709—1722). Очеркъ изъ внутр. ист. Малороссіи въ 1 пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Кіевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.

Отчетъ асѣевской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.

Отчетъ одесскаго общественнаго еврейскаго народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.

Отчетъ по одесскому техническому училищу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.

Подолія. Историч. описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.

Richter A. Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Спб. 8 д. 288 стр.

Русскія древности въ помятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów sławiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. П. д-ръ. Послѣдніе дни высокопреосвященнаго митрополита кіевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. Ц. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ. Изд. 3-е. Спб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповидання. Од. 1891. 8 д. 76 стр. Ц. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургическаго отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

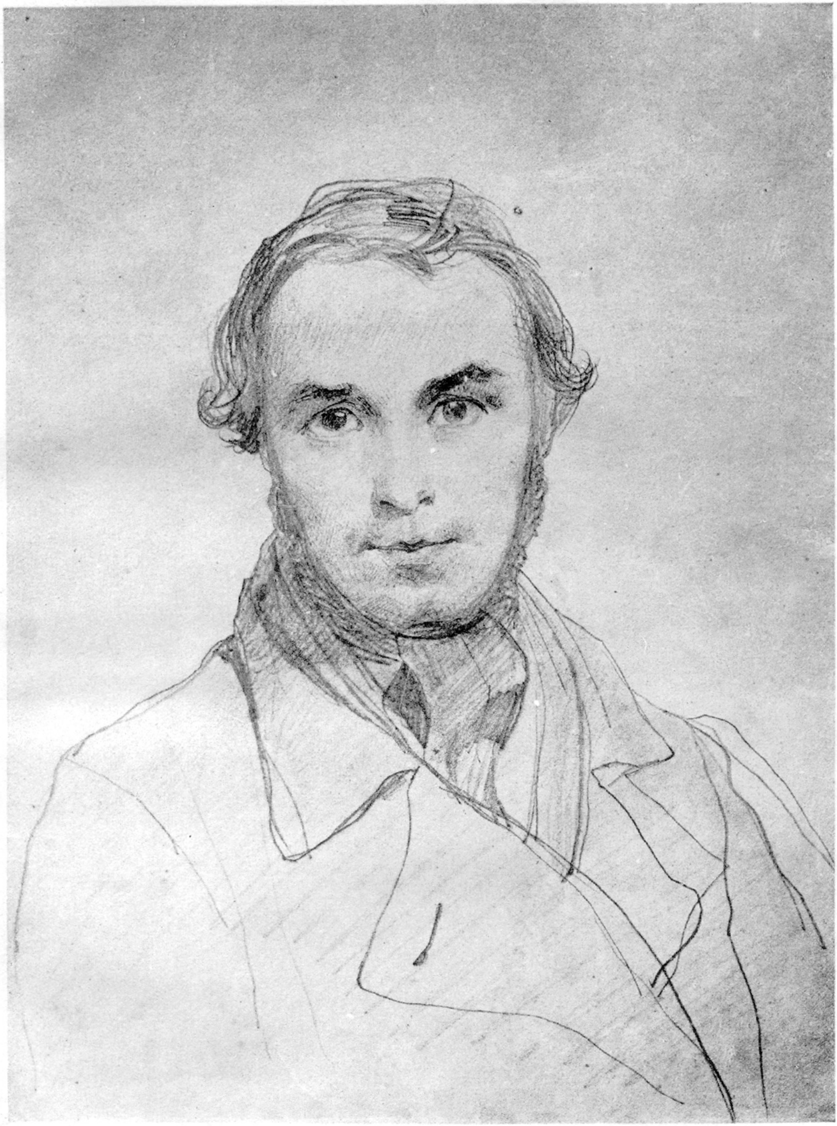
Шугуровъ Н. В. Илья Өедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Өирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

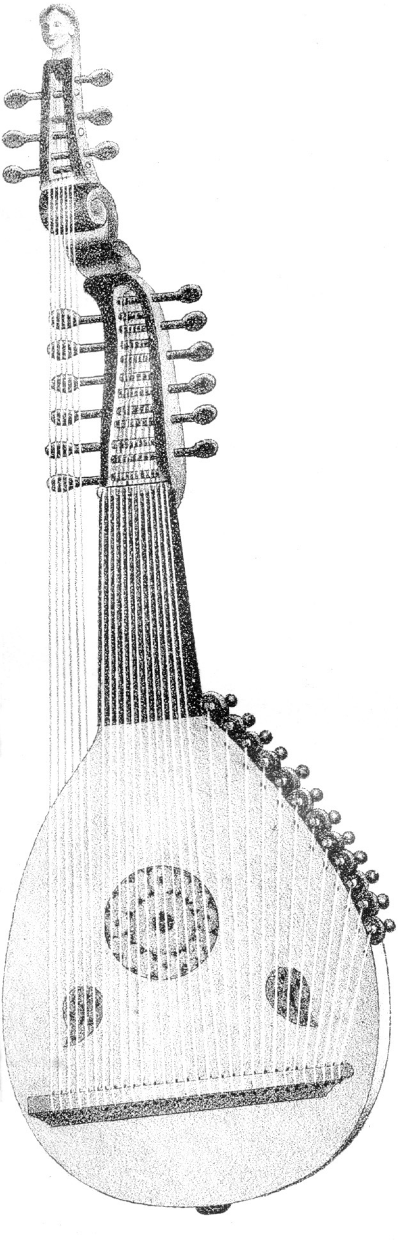
СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVI, 1892 г. Январь, Февраль и Мартъ.

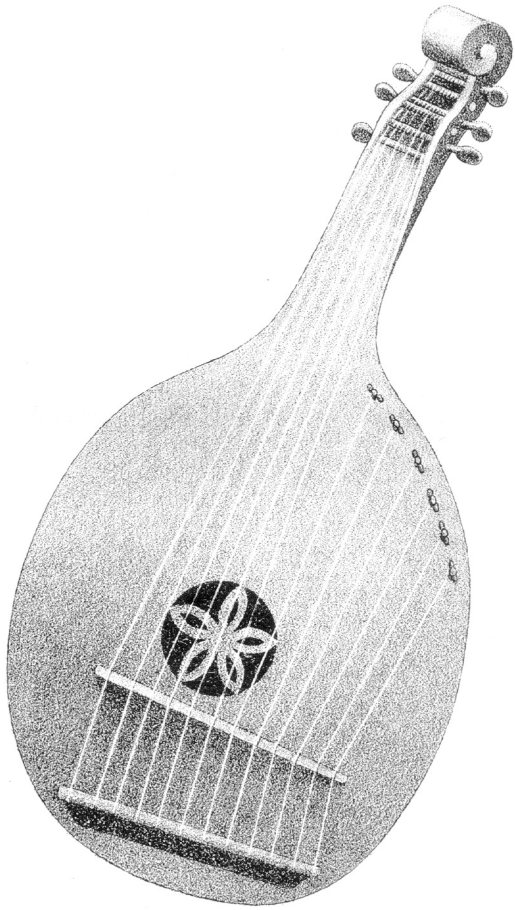
Тарасъ Григорьевичъ Шевченко



Хата Шевченка въ с. Кириловкѣ.



ТО́РБАНЪ.



КОБЗА.

ЛИТ. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, КІЕВЪ.

1868 г. № 3. Народные обычаи. 1) Отношеніе сельскаго населенія къ шинкарямъ евреямъ, 2) Бытъ селянина.—Статья написана въ отвѣтъ на приведенную программу волостнымъ учителемъ *Ив. Титаренко.*

№ 8 и 9. Народный бытъ. С. Мариновка (ананьевск. у.) и ея окрестности. Волостной писарь *П. Рудковскій.*

1869 г. № 18, 19, 21—27, 34, 36, 38, 41, 46, 47, 58, 59, 68. Статистическіе очерки елисаветградскаго у., составленные лѣтомъ 1868 г. *А. Чирковъ.* Въ «Очеркахъ» есть и этнографическій матеріалъ. Содержаніе см. въ отдѣлѣ. «Статистика».

1870 г. № 12 и 13. Программа для указанія особенностей мѣстныхъ говоровъ южно-русской рѣчи.

1871 г. № 81—83. Описаніе рыболовныхъ орудій и способа ихъ употребленія на Днѣпрѣ, Бугѣ и днѣпровско-бугскомъ лиманѣ. 1) Невода, 2) сѣти плавныя, 3) ставныя сѣти и снасти, 4) крючки, 5) сандолья, 6) коты, 7) гребли и хватки.

1873 г. № 45—47. Изъ путевыхъ замѣтокъ по херсонской губ. Содержаніе: населеніе: малороссы, великороссы православные и староверы, молдаване, нѣмцы и евреи колонисты, природа и занятія населенія.

В. Ястребовъ.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ 1891 г. [1]).

Альбомъ видовъ Георгіевскаго балаклавскаго монастыря въ Крыму (близъ Севастополя). Изд. по случаю празднованія 1000-лѣтняго (891—1891) юбилея монастыря. Спб. 2 д. 2 стр. текста+13 снимковъ.

Боцяновскій Вл. Публичная библіотека въ Житомирѣ. (По поводу ея 25-лѣтія). Оттискъ изъ ж. «Кіевск. Стар.». К. 1891. 8 д. 30 стр.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб. 1891. 8 д. 276 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 к.

Врангель Ф. Ф. баронъ. Черноморская глубомѣрная экспедиція 1890 года. (Переп. изъ Изв. Имп. русск. геогр. общ.). Спб. 8 д. 20 стр.

Гордѣенко Е. С. проф. Историческій обзоръ дѣятельности харьковскихъ земскихъ учрежденій. Вып. I. Хар. 1891. 8 д. 96 стр.

Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV ст. К. 1891. 8 д. XVI+520 стр. +1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Отт. изъ ж. «Кіевская Стар.» К. 1891. 8 д. 10 стр.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ №№ 227—283 „Правител. Вѣстн." за 1891 г.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1892 г. Вильно. 1891. 8 д. 56 стр.

Колмаковъ Н. М. Очерки и воспоминанія. Съ 1816 г. Отт. изъ «Рус. Стар.» Спб. 1891. 8 д. 92 стр.

Колоскы. Збірныкъ казокъ та оповиданнивъ. Од. 1891. 16 д. 114+II стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Малор. опера въ 2 д. Спб. 1891. 16 д. 48 стр. Ц. 7 к.

Кубанскій сборникъ. Труды кубанск. обл. стат. ком., изд. подъ редакц. Е. Д. Фелицына. Т. II. Екатеринодаръ. 1891 г. 8 д. 42+VI+60+207+27+166+53+21+35 стр.

Кубанская справочная книжка 1891 г. Сост. Е. Д. Фелицынъ. Изданіе кубанск. обл. стат. ком. Екатеринодаръ. 1891. 8 д. XXIV + 191 + XIII + 629+XVI+126 стр.

Къ 50-лѣтнему юбилею общества кіевскихъ врачей. К. 1891 г. 8 д. LXXIV стр.

Л'Коротъ бне Израилъ бе-Кіевъ (Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ). Кіевъ. 1891. 8 д. 45 стр.

Марковичъ Д. В. Омелько каторжникъ. Два платочка. На «Вовчомъ хуторѣ». Три разсказа. М. 1891. 16 д. 36 стр.

Медицинскій отчетъ по зміевскому уѣзду. Харьковъ. 1891. 8 д. 67 стр.

Монтрезоръ В. Обозрѣніе растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній кіевск. учебн. округа: кіевск., подол., волынск., черниг. и полтавской. Вып. V. К. 1891. 8 д. Стр. 419—508.

Моравскій С. Ѳедоръ Лисовскій. (1709—1722). Очеркъ изъ внутр. ист. Малороссіи въ 1 пол. XVIII стол. Отт. изъ ж. «Кіевская Старина». К. 1891. 8 д. 63 стр.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ. 8 д. 104 стр. Ц. 10 к.

Отчетъ асѣевской низшей сельско-хозяйственной школы 2 разряда зміевскаго земства за 1890 г. Хар. 1891. 8 д. 114 стр.

Отчетъ одесскаго общественнаго еврейскаго народнаго, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, училища за 1889—90 уч. годъ. Од. 1891. 8 д. 40 стр.

Отчетъ по одесскому техническому училищу при юго-западной ж. д. за 1890—91 уч. г. Од. 1891 8 д. 21 стр.

Подолія. Историч. описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія изд. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромол., 2 фотот., 46 грав. и 2 картами. Спб. 1891. 8 д. XXXI+264+99 стр.

Richter A. Geschichte der Evang.-Lutherischen Gemeinde zu Simferopol 1812—1891. Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum der Kirche. Спб. 1891. 8 д. 39 стр.

Рогова О. И. Сынъ гетмана. Ист. пов. Съ рис. Спб. 8 д. 288 стр.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Съ 168 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. 8 д. 176 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów sławiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego i W. Walewskiego według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materiałów. Zeszyt 131. Tom XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 801—880.

— То же. Zeszyt 132. T. XI. Варшава. 1891. 4 д. Стр. 913—960.

Солнцевъ И. П. д ръ. Послѣдніе дни высокопреосвященнаго митрополита кіевск. и галицк. Платона. К. 1891. 16 д. 29 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1892 г. К. 1891. 8 д. 226 стр. Ц. 25 к.

Хрущовъ И. Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ. Изд. 3-е. Спб. 8 д. 39 стр.

Чайченко В. Середъ крыжаного моря. Оповидання. Од. 1891. 8 д. 76 стр. Ц. 15 к.

Турцевичъ Ар. Хрестоматія по исторіи зап. Россіи. Учебн. пособіе для учен. старш. клас. ср. уч. зав. Вильно. 1892. 8 д. XII+776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шеболдаевъ В. Очеркъ дѣятельности хирургическаго отдѣленія черниговской губ. земск. больницы за 1890 г. Изд. ред. «Земск. сборн. черн. губ.» Черниговъ. 8 д. 89 стр.

Шугуровъ Н. В. Илья Өедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Отт. изъ ж. «Кіев. Стар.» К. 1891. 8 д. 73 стр.

Өирсовъ Н. Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. (Пробн. лекція). Казань 1891. 8 д. 14 стр.

ленъ зосталъ въ Глуховъ, зъ писмами вчора написанними, да еще въ добавку и зъ доношеніемъ въ вой. енер. канцеллярію о томъ, чтобъ обстоятельно ко мнѣ написали о жителяхъ монастира, которихъ въ реестръ козацкій принять бы, ибо не означено нѣ сотнѣ, нѣ села где они живутъ, въ томъ листѣ правителскомъ. Якову Дубровѣ, отправленному въ Глуховъ, далемъ наказъ въ 5 пунктахъ. Романъ молодикъ пріехалъ зъ Лубенъ, которому завтрійшего дня велѣлемъ возокъ зъ тютюномъ моимъ провадить до Селецкого, въ якомъ каменей 45, и папушъ 35, и, припровадивши, вручилъ би возъ и листъ къ нему писанній, зъ 4 рублями на проездъ, въ томъ же листѣ запечатанними. До его жъ Селецкого, довѣдавшись отъ отца Федора лучанского, же якоби рушилъ зъ Токаровъ въ дорогу, послалемъ сторожа лубенского, жеби остоялся а подождалъ воза моего. Указомъ імпер. велич. предложилемъ п.п. Билиму и Дяченку правленіе полковое содержати, до моего поворогу, а самъ позно уже виехалемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ, до Гадячого трактомъ и, не едучи простою дорогою до Липового, заблудилисмо по проводнику Івану Ющенку до футора сотниковой роменской, и хучай оттуду поехалисмо были къ его футору Івановому, однакъ, округъ сотничій футоръ обехавши, знову къ оному приблудились, потому что дороги не було и серенъ великій палъ, а тамъ въ томъ же футорѣ мусѣлисмо заночовати.

30. Рано поехавши оттуду, тако жъ блудили по степу, поколь около обѣдной години приблудилися до Липового, где пообѣдалисмо. Хлопецъ Вѣжевскій признался, же у футорѣ сотнички роменской, где ночовалисмо, запомнѣвъ шапки моей армянской зъ рожками баранковой, которую вишукать молодикови Івана Ющенка, отправленному отсюду, приказали. Пріехалисмо на ночъ въ Гадячъ и кватиру въ дворѣ удови Кушевской, въ городѣ, имѣлисмо. Мартинъ Штишевскій, судья и наказ. полков. гадяцкій, бувъ у насъ, которій зъ розговору сказалъ, что отъ трави лихой на степу, до Сулаку лежачомъ, найдуючойся, ратовать конѣ и бидло оною заразившоеся — медомъ патокою зъ горчицею змѣшавши и зливши въ горло коневи или скотинѣ.

31. Рано зъ Гадяча поехавши, переехалисмо черезъ Веприкъ и пріехали на обѣдъ до села Комишовъ, до замку Гадяцкого належачого, о полуднѣ, и тутъ обѣдалисмо, куда отъ Гадяча будетъ миль близъ чотирохъ. А прежде въ Гадячу почтара роменского отправилемъ въ Роменъ, зъ трома листами до родителки, самой и правителей полковихъ; въ первомъ, виразилемъ вѣдомость, отъ п. Мартина завзятую, о порушенню близъ десяти недель, отъ Сулаку родителскомъ учинившомся; въ второмъ, о Селецкомъ, жеби повторне ему предложила сама сподарить реестръ лѣкарствъ даннїй ему и если оставатимутся гроши, купилъ би каруну и полкаруну штукъ по двѣ, и Романъ би слуга вози воловіе споражалъ, и предложила би до Якова Дуброви, чтобъ ехалъ въ Глуховъ; а въ третемъ, до правителей, чтобъ колодниковъ дѣла розисковали зъ сотниками цѣлими и наказними, мѣючими на сей часъ пріѣхать въ Роменъ и оніе децедовали би зъ артикуловъ правнихъ; такъ же писали бы въ Лубнѣ о присланню целовалниковъ, а въ Лукомле о присилкѣ щетчика Лаврѣна Кодинца, а въ протчіе сотнѣ — о зборщикахъ, сторожахъ полевихъ, пушкахъ, ценѣ всякой пашнѣ и сѣна и еще о чомъ вѣденія не прислани откуду. А такъ по отправленню кушаня въ селѣ Комишахъ, пріехалисмо на ночъ до селця Злодѣевки, полковника ахтирского п. Лесевицкого, поздно барзо, куда отъ Комишовъ милъ будетъ зъ три добрихъ, и тутъ ночовалисмо въ дому полковничомъ, где слуга его Румнѣцкій приняль насъ, которій сказалъ, что духовникъ государевъ отецъ Тимофѣй [1]) вчора зъ Тростянця поехалъ въ Москву и что Василь Кондратіевъ сумскій похороненъ въ Сумахъ.

КОНЕЦЪ ПРОТОКОЛУ [2]).

---

[1]) Тимофей Васильевичъ Надаржинскій, въ монашествѣ Товій. См. нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія и его портретъ — въ „Молодикѣ“ на 1844 г. (Спб., 1844).

[2]) Этимъ оканчивается первый томъ рукописи дневника, въ которомъ находится 75 полулистовъ (150 стр.), изъ которыхъ три (20, 21 и 75) — чистые. Въ этомъ томѣ недостаетъ нѣсколькихъ полулистовъ въ срединѣ рукописи, о чемъ сказано въ текстѣ. Рукопись переплетена въ кожу, на которой, по обѣимъ сторонамъ, по краямъ, вытѣсненъ бордюръ.

Протоколъ на 1725 рокъ.

Януарій 1. Пятокъ. Рано поехавши, пріехалисмо рано жъ до Ахтирки и, рано жъ, князю Михайлу Михайловичу Голѣцину кланялся, у которого засталемъ генерала маіора Роппа, полковника Псковского полку Лоренца и Нарвского полку Димитрія Федоровича Яропкина и многихъ; и обѣдалисмо у князя и до вечора позно забавились зъ шумомъ. Яковъ Василіевичъ и Коваль сторожъ пріехали въ Ахтирку отъ родителя, зъ Царицина, зъ писмомъ ко мнѣ родителскимъ, что прибули въ Царицинъ 15 декабря, а оттуду сюда рушили 18 декабря жъ. Отъ брата п. Семена листъ поданъ же, въ которомъ пишетъ, что люде мои 4 возами едутъ сюда, а хочай и болшъ десяти лошадей купили были, однакъ разсуждаючи трудность дороги нинѣшной, мѣли подлѣйшіе продать. Пили за здорове князя Голштинского, которому цесаревна Анна Петровна въ малженство послюблена, але еще не било малженства. Извѣстилемся, что въ Гилянъ съ полковъ Слободскихъ наряжено козаковъ 1000, а коммендиромъ надъ ними пойдетъ полковникъ харковскій Квѣтка.

2. Субота. Яковъ Василченко отправленъ въ Роменъ зъ Ковалемъ сторожомъ, черезъ которого писалемъ до родителки зъ поздравленіемъ оборотомъ родителскимъ, до ясневельможной — о томъ же и до правителей полковихъ — о присланню ко мнѣ сторожъ двохъ. Музиканти княжіи были у мене, которимъ 5 зол. далемъ. Бувъ рано у князя, а оттуду у Яропкинихъ, а оттуду въ церквѣ; и знову у князя, и кушалъ у его столу, и очинъ шумни были. Яропкинъ сказовалъ, что Монсъ, бывшій при государинѣ імператрицѣ камергеръ, за нѣкоторое свое преступленіе, казненъ плахою.

3. Неделя. Рано бувъ у п. Матвѣя Федоровича Боярского, суддѣ полкового ахтирского, и тамъ же видѣлся зъ атютантомъ княжимъ Петромъ Григор. Баскаковимъ и о Гилянѣ розговаривали. Его жъ Баскакова да секретара Василія Бѣрулева обослалемъ водкою и проч., за любовъ пріятелскую. Часовъ послухавши у церкви ст. Георгія, въ господѣ кушалисмо. По обѣдѣ, поехалисмо зъ Ах-

тирки и пріехали, по заходѣ слонца, въ село замку гадяцкого Комишѣ и тутъ ночовалисмо, где дзигарикъ свой розбиралемъ и направилемъ мало.

4. Понеделокъ. Рано вставши, горѣлку паленую пили и поехали къ Веприку, куда будетъ миль 2 добрихъ, и тамъ перекусивши мало, пріехалисмо до Гадяча, у милю едну. Сторожъ лубенскій Охрѣмъ да Дмитра Постулниченка человѣкъ пріехали зъ Ромна, которихъ отправилемъ до родителя зъ писмами и брата п. Семена, въ которихъ привѣтъ виразилемъ, а особливе цедулою до родителя: о указѣ бунчуковимъ, въ походъ до Гилянѣ предлагаючомъ, о моей въ Ахтирцѣ битности писалемъ и на дорогу имъ 3 зол. далемъ и зъ подорожною. Пообѣдавши тамъ, позно уже, и поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Липовое село, въ 26 верстахъ отстоящое, и тутъ ночовали. Бутурлимъ хоружій (въ компанѣи при мнѣ бывшій зъ Яковомъ судденкомъ, Андрѣемъ молодимъ Заруднимъ, Іваномъ Ющенкомъ) въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что Калюжновскій футоръ, доставшійся намъ — самой Калюжной батковщина, а не Калюжненковъ отца, которіи и неповинни Калюжненками зватися, бо ихъ отецъ запорожецъ, родомъ зъ Нѣжина, отъ старого Калюжного матки ихъ отца принятъ зосталъ, которому и дочь свою, а ихъ матку, Калюжновну въ малженство далъ.

5. Вовторникъ. При всходѣ слонца, рушивши зъ Липового, пріехалемъ, передъ полуднемъ двома годинами, въ Роменъ, отстоячій оттуду въ 30 верстахъ. Жена моя листи зъ Глухова, писанніе ко мнѣ и безъ мене принесеніе, вручила: 1) отъ ясневелможной—отвѣтній, повѣншователній; 2) отъ Троцкого канцеляристи, о его домовомъ інтерессѣ и о посланномъ реестрѣ за рукою гетманскою бунчуковихъ; зъ войсковой енеральной канцелляріи въ колегію малороссійскую, а зъ Лубенъ отъ Петра Кулябки листъ зъ прошеніемъ на актъ веселній сина его зъ дочерю п. Турковского господара гадяцкого, мѣючій чинитися януар. 8. Писаръ Петрановскій, пріишовши, обявилъ укази, присланніе сюда на імя мое: 1) зъ колегіи о індуктѣ, закупленной прежними індукторами, Петромъ Тарнаіотомъ зъ товарищи, за прежную суму около 100000 зол., 2) зъ канцел-

ляріи енер. о учрежденіи кого зъ значковихъ, албо полковихъ особъ, въ Гилянъ коммендиромъ и чтобъ сотникъ лубенскій бувъ готовъ про запасъ; 3) о присланню щетчика; 4) о присилкѣ зборщиковъ. Посланній до Андрѣяша и Кулябки Якима повернулся и карту отъ Якима привезлъ, а отъ Андріяша не взялъ, бо не далъ. Шапку зимнюю рисюю покрилъ мнѣ Авраамъ кушнѣръ. Казалемъ старшинѣ Дмитра Постулника наказать за непослушенство, же самъ не едучи, зъ лубенскимъ сторожемъ своего футорного виславъ. У лазнѣ милемся по вечерѣ, где и кошулю новую родителка дала. Листъ отъ Орановского о козакахъ сухоносовскихъ и перервинскихъ полученъ.

6. Середа. Крещеніе. До п. Федора и до п. судійной писма отправилемъ въ Прилуку, въ которихъ о зближеннюся родителскомъ писалемъ. Григорій Манжосъ далъ доношеніе въ полковую канцелярію, что Андріяшъ росписки не далъ зъ такимъ предложеннемъ, же мѣлъ до князя Голѣцина Михайла Михайловича ехать. Шапку рисюю принюсъ Авраамъ, зробивши.

7. Четвер. До лубенского сотника и до Худолѣя писалемъ о пріуготовленнюся имъ въ походъ до Гиляни. Получилемъ листъ отъ п. сотника глуховского о присланню сказки: почему владѣю Сварковомъ и того жъ часу отписалемъ и сказку послалемъ. Золотаръ, зъ пари шоръ зорвавши бляшки, взялъ переробить, а всей мосіенджи изъ шматками у его фунт. 2. Лаврѣнъ Кодинецъ, посиланній въ Глуховъ, въ щетчики, не принятъ, того ради что за нимъ доношеніе било въ канцеллярію, а не въ коллегію и того ради отправленъ въ домъ зъ указомъ до лукомской старшини, жебы доношеніе въ колегію поручное за нимъ дано. Зборщики чорнускіе два, а еденъ чигириндубровскій непринятіе въ Глуховѣ. Указъ до всей старшини о індуктѣ закупленной посланъ въ сотнѣ. Адамъ повернулся зъ Криму и привюзъ всего товару: сафяну 30 бунтовъ, заполочи 20 окъ, вина простого и мусулесу по кухвѣ. Намѣрилемъ былъ ехать въ Глуховъ, але надѣючись скорого пріезду родителского, оставилемъ тую дорогу.

8. Пятокъ. До родителя виправленни Воротелякъ, Іванъ Ющенко, Федко Глинній и Пархомъ, атаманъ жовнинскій, и черезъ

нихъ писалемъ до родителя, а родителка сани ликгомѣни розвихъ въкупѣжъ послала. Писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной о моей въ Ахтирцѣ бытности и до правителей, п. сотника глуховского и Троцкого, о наданню мнѣ курѣнчиковъ сух(оносовскихъ) и перер(винскихъ) [1]).

Петрановскому казалемъ пописать укази въ Чорнухи и Чигириндуброву о присланню грамотнихъ въ зборщики. Віехалемъ зъ Ромна рано и пріехалемъ до футорця Березового озера, где молодий дрикганчукъ буланострокатій зчѣлгановатѣвъ (?) барзо. Оттуду поехавши, прибули въ Куцупѣевщину, где коней брата п. Андрѣя стрижаковъ и третяковъ на станѣ 32 стоить, а тамъ же воловъ моихъ самъ пересмотрѣлемъ 18, зъ которихъ двохъ велми худихъ казалемъ взять на брагу, а такъ всѣхъ воловъ останется 16. Оттуду поехавши, прибули въ Андрѣевку, где горѣлки 10 куфъ, а одинадцятая неповна, дванадцятая дана шинкарцѣ Лавринисѣ по отездѣ родителки. Тамъ же конѣ мои тарани перемѣнилемъ буланими родителскими, которими пріехавши въ Токарѣ, старосту пяного засталемъ, а горѣлки въ коморѣ 2 куфи. Перемѣнивши тамъ коней, але взявши въ помочъ пару буланихъ, пріехалемъ позно въ Луку, где засталемъ Никиту Плетюнку, войта моего сварковского, и Романа лисого, которіи и писмо дали мнѣ отъ Якова Дуброви, въ якомъ пишетъ, что на мѣсто Плетюнки учинилъ войтомъ Пантелеймона Забару; такъ же и о тютюну ознаймуеть, же въ Калюжномъ половину шнуровъ, тоесть 1200, повязалъ тютюнникъ въ папушѣ, и надѣючись около 200 каменей, а меншая половина, то есть 1000 шнуровъ, неповязани. Въ Тулиголовахъ казановъ уже мѣло устроитись 11, а дванадцятий не обискался; и о томъ пишетъ, что вдова Максимиха, сварковская подданая наша, зъ подданства перейшла до козака. Плетюнка далъ реестръ мнѣ, въ которомъ означенни пахарѣ сварковскіе: одни двосошніе зубажаліе велми, а другіе односушніе, мѣючіеся добре; именно двосушніе: Федоръ

---

[1]) Можно понимать, что Марковичъ выпросилъ у Голицына, въ Ахтыркѣ, козаковъ сухоносовскихъ и перервинскихъ себѣ въ „куренчики“.

Заика, Васко Муравей, Василь Король, итого чловѣка 3, а одно-сошніе: Андрѣй Дмитренко, невѣстка его, Евхимъ Оврученко зъ братами, Яковъ Василченко, Іванъ Пугавченко, Артемъ Ларченко, Степанъ Швецъ, Самуйло Сохаченко, итого 8 чловѣка.

9. Суббота. Рано въ Луцѣ дрикгантовъ своихъ легчанихъ трохъ осмотрувалемъ, гнѣдого, вороностјокатого и бѣлого, которіе середніе сити показались. Буланенкихъ приблудъ двохъ носатихъ осмотрувалемъ, зъ которихъ одинъ вихожуватись показался. Опанасъ, бувшій староста, зъ женою були у мене и вимѣрались отъ нанесенного на ихъ пороку. Рибу, у криницѣ задихаючуюся, ловили и цеберъ привезли при мнѣ. Пообѣдавши тамъ рано, пріехалемъ въ Сухоносовку о полуднѣ и при мнѣ Плетюнка. У винницѣ былемъ, где на 3 казани горѣлка робится, а на четвертій не починалася. Горѣлки виробили, по сказцѣ Орановского, 24 кадки, а кадка квартъ вѣдерковихъ 50, и зъ тоей горѣлки роздано на шинкъ 21: въ Лубнѣ, Лохвицю и Перервинцѣ по кухвѣ, а тутъ на лице кухва 1 горѣлки болшая. Тютюну осмотрувалемъ, которій барзо хорошій показался, а всего 3000 зъ чимсь папушъ. Отъ Черняховского писмо мнѣ врученно, въ которомъ обявляетъ, что полковникъ Шереметевъ, по указу колежскомъ, не хочетъ половинnихъ взимать раціоновъ и порціоновъ, да въ томъ же листѣ онъ же, Черняховскій, проситъ определенія себѣ двохъ или трохъ чловѣка, на послугу. У вечернѣ булисмо, которую отспѣвалисмо за попа запившогося. Подданая наша, которой синъ затратилъ грошей Ораповского 109 зол., просила респекту, въ чомъ ей отказано.

10. Неделя. Отецъ намѣстникъ Красногорскій и старшина чорнуская были у мене зъ обсилками. Бондаренки козаки приходили ко мнѣ за тимъ, что велено имъ готовитись въ походъ, а отъ нихъ братъ молодшій посланъ въ походъ низовій. Звѣраку атаманомъ чорнускимъ устроилемъ. Старшинѣ чорнуской говорилемъ, жебы по моемъ отездѣ, зъехали въ Сухоносовку и тутъ бы приговорили о млину, що край церкви, сколко за годъ прибилѣ надѣятись и тое бы отъ мене давано на церковъ, а млинкомъ владѣти мнѣ. Попъ отецъ Якимъ давалъ мнѣ суплѣку, писанную до отца

протопопи пѣратинского, въ якой громада проситъ его о тое, чтобъ поповъ синъ въ діакони посвятился. Той же старшинѣ говорилемъ, если отецъ протопопъ пѣратинскій не учинитъ мнѣ справедливости зъ отца Якима, задолжившогося мнѣ, то жебы они, зохавши въ село, учинили разсмотреніе и писмомъ росправили. Орановскому казалемъ зъ Перервинецъ въ позику взять зъ ями 150 четвериковъ жита лѣкомъ. Плетюнку старостою въ Сухоносовцѣ устроилемъ и емужъ шинки лохвицкій, лубенскій, сухоносовский и перервинскій, и футоръ Криворудскій вручилемъ. Казалемъ Алексѣйцеви 6 коней подлихъ до двора сухоносовского зъ стада вилучить для поездки старостѣ и для дворовихъ потребы. Далемъ наказъ въ 11 пунктахъ Орановскому и листъ до отца протопопи пѣратин. о дѣлѣ нашемъ зъ отцемъ Якимомъ, а Алексѣйцеви наказъ въ 6 пунктахъ, и передъ вечоромъ виехалемъ зъ Сухоносовки. Пріехавши въ Лохвицю, былъ въ шинку своемъ, где шинкаръ сказовалъ, что по порахунку Романа остался онъ за давній напитокъ виноватъ 64 зол., а вновъ взялъ горѣлки кухву у 80 зол., и меду кухву у 30 зол., и барило меду жъ по вимѣру. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно въ Луку, где Тарасъ наказанъ кіемъ, за тое что оставался въ Пузникахъ, а насъ не здоганялъ. Ходилемъ у винницю, где винника вдарилемъ за тое, что самъ спать люгъ, а водка паровала. Отецъ Федоръ приходилъ и горѣлки пробовали, ажъ худа.

11. Понеделокъ. Конѣ, бывшіе дрикганти, гнѣдого и воронострокатого поставили межъ панскими конми. Чернецъ зъ Красногорского монастирця, за кухвою горѣлки, обѣщанною отъ родителки, туда пріехалъ, которому оному видать казалемъ. Отецъ Федоръ лучанскій подарилъ мнѣ дуба болшъ двохъ саженъ должиною, которого казалемъ послать въ Сухоносовку старостѣ, на трубницю. Віехалемъ рано зъ Луки къ Андрѣевцѣ, а на дорозѣ отецъ Федоръ споткавши, доносилъ о нѣкоторомъ безчиніи, въ селѣ проявившомся. Пріехалемъ въ Андреевку, куда потомъ и родителка пріехала, и обѣдалисмо. Отъ Гамалѣйки старой Михайловой былъ листъ просителній на актъ веселній, мѣючій въ дому ихъ чинитись, внуцѣ

еи, а дочерѣ п. Івана Гамалѣи [1]), сотника лохвицкого, зъ Елисеемъ Заруднимъ узюмскимъ, януар. 29. Просилемъ у родителки жита до винницѣ сухоносовской и обѣщала хочъ зъ Журавки, хочъ зъ Савинецъ видать. Казалемъ войту и дворнику Федору винайти берестъ на трубницю до Сухоносовки. Передъ вечоромъ поехалемъ оттуду и пріехалемъ, осмой год. зъ полудня, въ Роменъ, где дякови и господареви приказалемъ де що зъ родителскихъ інтерессовъ. Обявила жена моя, же въ скринцѣ родителской, викиненой зъ свѣтлицѣ въ сѣнцѣ, знайшли грошей 70 зол., старихъ копѣекъ. Писмо отъ старости шабалиновского подано мнѣ, въ которомъ пишетъ о посланнихъ сюда трубницяхъ двохъ и двохъ кадкахъ. Отъ п. Федора прилуцкого, другое, о его отездѣ въ Глуховъ и таковимъ далъ вѣдать ему и панея его, когда родитель въ домъ повернется и прибудетъ.

12. Вовторокъ. Писаръ Петрановскій приносилъ 3 указы, безъ бытности моей сюда зъ коллегіи принесенніе: 1) о спусканню овецъ зъ сими баранами; 2) о присланню вѣдомости въ коллегію о селѣтрѣ, почему продается; 3) объ откупѣ ловлѣ рибной въ Обмачевѣ. Сторожъ чорнускій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніемъ въ колегію о селѣтрѣ. Зъ листомъ до отца протопопи глуховского объ Орановскомъ и зъ другимъ листомъ до Василя господара о домашнихъ інтерессахъ. Гаврило мой молодикъ, пасинокъ атаманскій и сторожъ глинскій, отъ родителя зъ Богучаровъ отправленніе, пріехали зъ листами; онъ же Гаврило говорилъ: 1) что коней купили мои люде 14, а 3 вози идетъ; 2) что за горѣлку первую взяли грошей 7 (?); 3) онъ, особливо, за 4 барилѣ взялъ 134 рублѣ; 4) за тютюнъ взяли 1000 зол., а въ Астраханѣ продали 30 каменей по полъ 7 зол; 5) покупки, родзѣнки, микъдали, рижу 8 каменей, баранковъ 20, шовку простого 20, а кренценого 5 фунтовъ;

---

[1]) Вдова генер. есаула Михайла Андреевича Гамалѣи, который получилъ отъ Мазепы, въ 1694 г., сс. Безсалы и Ивахники, въ 1708 г.—с. Позники и отъ Скоропадскаго въ мартѣ 1709 г.—с. Вел. Пески. За участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ Мих—лъ Г—лѣя жилъ въ Москвѣ, въ ссылкѣ, до 1715 г. Онъ живъ былъ еще въ 1723 году.

6) въ Астраханѣ моего тютюну оставилъ 1000 папушъ; 7) за горѣлку Якова прислали гроши Федоръ, а себѣ купивши, запровадили въ Сулакъ. Онъ же Гаврило посланъ до родителки зъ листами родителскимъ и моимъ, черезъ которого и о житѣ писалемъ, просячи оного до Сухоносовки. Посланъ указъ до Звѣраки о бытіи ему при правленіи атаманскомъ въ Чорнухахъ. Посланъ указъ до Гузенка, жебы зъехалъ до Самойловича за роспискою — значковий ли онъ или бунчуковий и буде бунчуковий, то жебы бувъ готовъ въ походъ. Такъ же и до Цися указъ—готовитись ему въ Гилянъ. До сенецкого сотника о присланю сюда Джикгиля съ росписками отъ значковихъ о поготовости въ Гилянъ. Сторожеви глинскому, зъ походу прійшовшому, далемъ сукна тузѣнку локотъ 5, за тое що Вѣжевского хлопця зловилъ въ осени, въ Прилуцѣ, и привюзъ въ Глуховъ. Черезъ его жъ отправилемъ писма: 1, до Петра Зарудного и Василя сотника наказного, о прибытіи ихъ сюда, а 3, до Федора Зарудного и писара глинского о зъеханню ихъ въ село Луку ради слѣдованія о безчиніи проявившомся. Лютню взялемъ и настроилемъ и, впервое, игралемъ. Вѣрши дочкамъ своимъ на привѣтъ родителскій сочинилемъ.

13. Середа. П. Василь глинскій пріехалъ и привюлъ коня вороного мнѣ, у Горуновича за 60 зол. купленного, а ему отъ мене приходится зол. 25; и Зарудний пріехалъ. Іеромонахъ Авимелехъ зъ гори Синайской бувъ у мене и обѣдалъ. Зъ канцел. енер. 3 указы принесени: два о присланню зборщиковъ таковихъ, якъ указъ требуетъ, а третій о приняттю мужиковъ нѣкоторихъ въ козаки въ Бодаквѣ, по изслѣдованію прапорщика Волжина. Зъ Сенчѣ доношеній 2 прислано: 1) о индуктѣ, а 2) о ценѣ пашнѣ. Гаврило повернулся зъ Луки и сказалъ, что родителка жита 100 четверти зъ Журавки видать обѣщала приказать до Сухоносовки. Попъ левченскій зъ суплѣкою явился на сотника наказ. роменского. Шевця Лисого наказалемъ и робить черевики зъ сафяну далемъ. Вѣрши Олесѣ на привѣтъ родителскій написани. П. судіина глинская була и просила на весѣлле дочерѣ своей, мѣючее 17 сего генваря отправоватисъ зъ сином Панченка прилуцкого.

14. Четверъ. Родитель мой пріехалъ въ Роменъ, въ ночѣ, год. зъ полночи около другой. Родителка пріехала зъ Луки, передъ службою, въ Роменъ. Молебенъ благодарственній бувъ и зъ пушечнимъ поздравленіемъ. Укази послани 2: одинъ въ пѣратинскую, а другій въ лохвицкую сотнѣ, о перемѣнѣ непринятихъ зборщиковъ и отсилцѣ въ Глуховъ. Писалемъ листъ до правителей о зборщикахъ неписменнихъ и зъ церковниковъ, что оніе въ недостатку другихъ избираются. Пробавили день и вечеръ зъ шумомъ пянственнимъ. Подводи въ Глуховъ отправлени 3, между которими отсюду пошло моихъ 4 воли, а зъ ними и Леско кухаръ, да на тихъ подводахъ два станки каретки и спалнѣ, меду прѣсного кухва, орѣховъ бочка, мѣди фунт. 20 и олова столко жъ, а велено имъ на Камень ехать для забрання оттуду переда спалнѣ. П. Семенъ братъ ночовалъ зъ нами.

15. Пятокъ. Архимандритъ гори Синайской Авимелехъ обѣдалъ. Зъ сотнѣ чигириндубровской доношенія о інтерессахъ сотенныхъ приносени, такъ же и зъ сотнѣ чорнуской. Булисмо у вечеру у п. Несторовича зъ братомъ п. Семеномъ, Заруднимъ и Василемъ глинскимъ, которій бардакъ персидскій даровалъ мнѣ. Романъ поѣхалъ въ Сухоносовку росквѣтоватись въ шинкахъ зъ Плетюнкою, которому всѣ шинки поручени. Червоного своего и еще щось Романъ и Мартинъ придали Ілкови важничому на покупку тютюну.

16. Субота. Гаврило собою данніе п. Семену денги, за 4 барилѣ водки 134 р., отобралъ и отдалъ намъ; зъ тихъ грошей пославемъ черезъ Романа до Сухоносовки 100 зол., зъ которихъ винявши 10 зол., казалемъ купить овса для коней, на Засуллю стоячихъ, зъ тихъ же грошей заплатилемъ п. Василю глинскому 25 зол., за коня вороного. Зъ тихъ же грошей Антонови, отежджаючому въ Кіевъ, по братовъ, далемъ 40 зол., на покупку минеи общой, тріодѣ постной и вина полинкового. Гаврило и Демянъ принесли отъ пана Семена грошей 8 мѣшечковъ и 4 р. П. Семенъ подарилъ мнѣ рися, а ему табакеръ золотую. Указъ зъ колегіи объ откупѣ перевозовъ чернѣговскихъ озеръ и проч. прине-

сенъ. Леонтій Янковскій зъ двома посполитими отправлени въ Глуховъ, до колегіи, на опредѣленіе ихъ къ магазейну. Гузенко повернулъся зъ Лохвицѣ и привюзъ отъ Самойловича писмо, и росписку отъ Цися, а за роспискою отъ Самойловича знову ехать ему предложено. Сторожъ чорнускій пріехалъ зъ Глухова зъ отвѣтомъ отца протопопи глуховского, что чарторійского попа дочеръ отдана замужъ. П. Андрѣй братъ пріехалъ въ Роменъ. Писалемъ до Орановского о прибытіи его сюда. П. Семенъ братъ говорилъ, что хоружій Корсунъ виноватъ намъ грошей 44 р. Казѣмиръ отправленъ въ Глуховъ зъ листами, черезъ которого писалемъ до господара о розниxъ інтерессахъ.

17. Неделя. Архимандритъ Авимелехъ воду святилъ и крестъ показовалъ, въ которомъ сказовалъ часть животворящаго древа и мощи на обоихъ сторонахъ ст. мучен. Пантелеймона, да ст. апостола Варфоломея. Яковъ Дуброва повернулся зъ Глухова и реестра господарей глуховского и тулиголовского и ключницкіе привезлъ зъ собою. Обѣдали много число людей зъ старшинами до шуму. Зъ Савѣцкимъ писаремъ поссорился. До п. Нестеровича ходилисмо.

18. Понеделокъ. Ілкови далемъ грошей еще на покупку тютюну и табаки 190 зол. Мартинъ купилъ 2 вѣдерки меду по 9 зол., на що и на иншіе потребы дано ему жъ грошей зол. 50. Орановскій пріехалъ и зъ нимъ Плетюнка. Указъ объ откупѣ въ Чернѣговѣ перевоза и протчіихъ зборовъ публѣкованъ.

19. Вовторокъ. Орановскій зъ Яковомъ Дубровою грошей въ насъ взяли 100 рублей и зъ нихъ вилѣчивши дали 100 талярь церковнихъ, а 200 зол. войту должнихъ отъ мене. Микита Плетюнка въ Глуховъ отпущенъ и ему бъ тамъ болшъ тижня не бавитись, о чомъ къ господару писано. Отецъ протопопъ Савѣцкій бувъ у мене и говорилъ о Орановскомъ и дочерѣ отца Іоанна намѣстника. Сотникъ олишевскій и наказ. полков. нѣжинскій зъ хоружимъ полковимъ нѣжинскимъ же, бывшіе въ Сулацѣ, обѣдали и отехали. У вечеру Комаровскій зъ Коленскимъ и Джулаемъ смѣшніе строили жарти. Зъ Глухова отъ Столповского писмо принесено и приложенній трактатъ мирний шахового посла Ісмаилъ Бѣка и

минѣстровъ его императорского величества. Указъ зъ канцелляріи присланъ о нарадѣ значковихъ зъ бунчуковими, вмѣсто радовихъ козаковъ, въ Гилянъ. П. Андрѣевая братовая пріехала въ Роменъ. Гаврило въ допросѣ своемъ сказалъ мнѣ: 1, что Федоръ да Демянъ въ Сулацѣ продавали горѣлки вѣдерко по 6 рублей; 2, зъ горѣлки, собою припроваженной въ Астраханъ, возилъ онъ въ Сулакъ барилъ 4 и въ нихъ вѣдерокъ роменскихъ 22; 3, да съ тоей же горѣлки продали они, насипавши куфу, короткую бажану (?) у полъ 14, албо полъ 15 вѣдерка.

20. Середа. Золотаръ приносилъ трость и срѣбро оправу, которое заважило 8 лот. Кийлянъ данъ золотареви для позлоти, а на оній и на трость данъ червоній. Родитель через мене Петрановскому далъ грошей зол. 50. Петрановскій да Орановскій зъ мѣшечка денегъ моихъ вилѣчивши 474 зол., отдали сотникови наказному Данилови Савускову, якіе онъ у Смоленска, 721 году привюзши, стратилъ на мою потребу, и въ томъ мене квѣтовалъ. Хлопцеви далемъ на росходи 10 зол. П. Василь ·глинскій пріехалъ зъ зваромъ родиннимъ, что родилась дочь ему Татіяна 18 числа. Повернулись подводи зъ Глухова, возившіе туда меду бочку, мѣдь и олово. Увѣдомилисмося, что сира 4 кухви, а масла 10 фасокъ моего на Засуллю есть. У лазнѣ милисмося. Мартинъ штабу железа далъ ковалямъ робить завѣси до дверей, до будинку сварковского. Іванъ конюшій родителскій веселле свое зъ Малашкою сего вечора началъ имѣти. Указъ зъ канцелляріи принесенъ о присилцѣ зборщиковъ писменнихъ. Доношеніе отъ старшини лубенской принесено, что Лаврентій Кодинецъ посланъ въ Глуховъ въ щетчики. Гузенко повернулся зъ роспискою Самойловича, что онъ готовъ будетъ въ Гилянъ.

21. Четверъ. 200 руб. денегъ далемъ атаману роменскому на купленне воловъ, якіе денги пѣратинскій писаръ Семенъ Петрановскій да слуга мой Демянъ въ дому его лѣчили и отдали. 100 р. зъ собою до Глухова взялемъ денегъ, а еще 4 осталось. Родитель подарилъ куницъ 21 нечиненихъ. Веселле брачное Івану конюшому отправилося въ дому родителскомъ. Сотникъ и атаманъ лубенскіе,

и лукомскій сотникъ и протчіе попріездили. Отъ родителя унѣверсали починани о содержаніи овецъ и походѣ значковихъ до Гиляни. Комисари полковіе Черняховскій и Христичъ пріехали въ Роменъ и презентовали мнѣ указъ, зъ колегіи къ нимъ отправленній, чтобъ сношеніе имѣли они зъ комисарами полку гадяцкого въ расположеніи дракгунскихъ полковъ, дабы оное было равномѣрно. Трость, оправивши, принесъ золотаръ.

22. Пятокъ. Родитель и при немъ я, брати п. Андрѣй и п. Семенъ и п. Нестеровичъ виехали зъ Ромна рано, передъ свѣтомъ, а правленіе полковое поручено п. есаулѣ Семену, черезъ Петрановского. Пріехали на обѣдъ въ Смѣлое, куда и Казѣмиръ, посиланній въ Глуховъ, зъ листами отъ родителя, повернулся зъ писмомъ отвѣтнимъ ясневелможной. Братъ п. Андрѣй зъ Смѣлого отпущенъ назадъ въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до родителки и жени своей объ Орановскомъ, дабы его одружить хочъ за дочъ отца Іоанна, хочъ за Гапку, свойственную нашу. Якову Дубровѣ далемъ пункта, почому Федора допросить. Прiѣхали оттуду передъ вечоромъ у Корсаковъ футоръ и тамъ съ полчаса забавивши, на ночъ пріехалисмо до Козацкой и тамъ до веходу мѣсяца опочили, а поехавши знову оттуду, пріехалисмо передъ свѣтомъ у Камень.

23. Субота. Рано поснѣдалемъ зъ братомъ п. Семеномъ и п. Несторовичомъ. По снѣданню скоро свѣтать стало; зъ благословеніемъ, взятимъ отъ родителя, поехалемъ и прiѣхалемъ до Тулиголовъ, где засталемъ у імбарѣ въ 7 кухвахъ великихъ 80 зъ лишкомъ горѣлки, у винницѣ на 11 казановъ стала горѣлка робитися, а винникъ Сова майстеръ, которій после Козѣ сталъ робить у винницѣ сего 16 януар. Свиней у сажу 25 обрѣтается. У винницѣ на кадку горѣлки 4 коробки жита, 1 овса, а одна солоду житного; а зъ четверти молотого борошна 4 коробки виходитъ; зъ четверика глуховской мѣри виходитъ 3 носатки и коробка молотого борошна остается, а зъ четверика жита, на солодъ зробленного, придавши овса полъ 2 четверти, виходитъ коробокъ 20, а иногда 21. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Глуховъ у вечеру,

куда потомъ и родитель пріехалъ. Засталисмо въ дому швакгровъ обоихъ, Горковского и п. Антонову.

24. Неделя. Рано булисмо у господина брегадира, которій сказовалъ намъ зъ вѣдомостей заморскихъ отъ Амстердама, что въ портѣ Либавскомъ появилась риба чрезвичайной величини, которая по одному потоку рѣки заплила у верхъ и, за убувшою водою, осталася на песку; а она въ долготу 24 аршина 6 вершковъ, самая болшая толщина 12 аршинъ, висота 3 аршина и 10 вершковъ, хвостъ кончится двома хвостами, а разстояніе одного отъ другого 4 аршина, пространство ея рота 16 аршинъ и полъ, зубовъ въ еи числомъ 495, въ должину 2 аршина 10 вершковъ, переднѣе зуби ея 1 аршинъ и полъ, у верхней части въ носѣ щетина длиною въ перстъ, очи въ ей 9 дуймовъ, то есть четверть аршина съ полвершкомъ, а разстояніемъ одно отъ другого въ 3 аршина, въ 10 вершковъ зъ полвершкомъ. По службѣ у п. сотника билисмо и тамъ по чарцѣ водки випивши, заехали до прокурора, где и обѣдалисмо. Поехавши оттуду, на ліоду зъехалисмося съ ясневелможною, п. Федоромъ п. Кондзеровскимъ, ехавшими зъ Гамалѣевки, зъ которими, въ дворъ заехавши, просидѣли доволно. Укази зъ канцелляріи енер. дани мнѣ 4: 1) о присланню нѣкоторихъ зборщиковъ, 2) пункта въ доношеніи інструкцѣи обервалтмейстерской о нерубаніи лесовъ заповѣднихъ, 3) о подозрѣніи на судей, 4) о посулахъ служителямъ.

25. Понеделокъ. Демяна допрашовалемъ о послушаніи его, и отвѣтъ его прописалемъ. Троцкій и Столповскій були у мене. Отецъ протопопъ зъ попами были у родителя. Шкляра зъ войтомъ сварковскимъ послалемъ въ Сварковъ. Былисмо въ церквѣ ст. Анастасии, а потомъ обѣдалисмо у ясневелможной. Поехавши оттуду, билисмо у брегадира и просидѣли долго. П. Федоръ зо мною ночовалъ и п. Семеномъ братомъ.

26. Вовторокъ. Тарнавскій рано приходилъ. Були рано у Кошелева и тамъ родитель листъ записалъ на себе за лошадей пару безъ данихъ (?) его Кошелевихъ въ продажу, за 28 рублей пущенних. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и ігуменія Карачевского

монастира и компанея приехавши, обѣдали. У вечеру булисмо въ Сухарева и тамъ просидѣли. Листъ отъ Столповского зъ Ярославця получилемъ зъ цедулою etc. Гаврило зъ ключникомъ были въ склепу и вина зо всякого антала по 2 бутилки взяли.

27. Середа. Отецъ протопопъ глуховскій бувъ у мене и розговорували объ Орановскомъ. Реестровъ чили наказовъ господарскихъ пересмотрувалемъ и 17 речій начиталемъ неисполненнихъ. Зъ Ромна припроважени, на 3 подводахъ воловихъ, сира куховъ 4 и масла дѣжокъ 4. На мѣстѣ рукавички суконніе купилемъ за 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалисмо у ясневелможной, где и пожекгналисмо. По обѣдѣ заехали до брегадира, где посидѣли долго и простились. До Хрипунова Лаврентія заехали, куда и Бурковскій потомъ пріехалъ и до куреня моего въ походѣ просилъся. Пріездилъ Стаховичъ просить до Кошелева въ лоти играть Заруцкая и Голубиха були у родителя у вечеру. Родитель сталъ ускаржатись на ноги опухліе и боль въ нихъ. Указовъ 3 зъ канцелляріи енер. принесено ко мнѣ, на мое имя: 1) о присилцѣ радовихъ козаковъ въ Глуховъ, нараженнихъ до Гилянѣ, для смотру, 2) о взятіи росписокъ у бунчуковихъ о пріездѣ ихъ въ Глуховъ, тожъ для смотру, въ февр. 10 числѣ, 3) о неприняттю бѣглихъ крестянъ и где бы появились они, взяттю онихъ за караули. Коленскому казалемъ отписать до старости овдоколского, писавшого ко мнѣ зъ требованіемъ наставленія о бѣглихъ крестянахъ нѣкоторого смоленского шляхтича, познавшого онихъ въ Овдоколлю, зачимъ согласно указови къ нему отписано, что самъ долженъ тую трудность отбувать. На горѣ бувъ, где казалемъ Гаврилови взять паргамѣнъ, вовни, кунтушъ легкій и прочая.

28. Четверъ. Імператорское величество Петръ Алексѣевичъ. по дѣлахъ, великій преставился, а манѣфестъ о немъ февр. 18 виражен, а преставился противъ сего числа, рано зъ полночѣ, 6 годины 20 мѣнути. П. Минѣцкій, бувши у мене, далъ карту до своего чоловѣка о видачѣ намету его, которій на своей ценѣ, то есть 100 зол., отпускаетъ. Покушавши, родитель отехалъ въ Камень, а я передамъ зъ крестяниномъ Кошелева Лоховимъ, что онъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го марта 1892 г.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.

I. ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1796—1874).

Во многихъ семействахъ сохраняются различныя преданія о жизни предшествовавшихъ поколѣній, а иногда и письменные матеріалы—старыя письма, документы, книги, рукописи и т. п. Эти остатки старины нерѣдко представляютъ довольно важные историческіе матеріалы, преимущественно для внутренней, бытовой исторіи, и потому заслуживаютъ тщательнаго сохраненія и разработки. Подобными матеріалами, сохранившимися въ моей семьѣ, нахожу небезполезнымъ подѣлиться съ читателями. Это—стихотворенія дѣда моего Евстафія Петровича Рудыковскаго и записки его младшаго брата Андрея Петровича. Такъ какъ стихотворенія старшаго брата относятся къ 30—40 годамъ, записки же младшаго относятся къ болѣе раннему времени, то помѣщаю сначала эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя относительно старшаго брата. Самые матеріалы печатаются безъ всякихъ измѣненій и сопровождаются біографическими очерками, составленными на основаніи семейныхъ преданій и сохранившихся документовъ, а также нѣкоторыми замѣчаніями относительно самыхъ сочиненій.

В. Щербина.

I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго.

Родъ Рудыковскихъ, по семейнымъ преданіямъ, происходитъ отъ переселившихся въ Польшу въ половинѣ XVIII в. хорватовъ, выходцевъ изъ Иллиріи. Фамилія Рудыковскій представляетъ полонизированную форму первоначальнаго прозвища Рудой. Послѣ переселенія въ Польшу родъ Рудыковскихъ раздѣлился на двѣ вѣтви.—Одна поселилась въ польскихъ областяхъ, приняла католицизмъ и достигла виднаго общественнаго положенія (по преданіямъ, одинъ изъ Рудыковскихъ былъ „архіепископомъ Варшавскимъ при послѣднемъ королѣ польскомъ"). Другая вѣтвь, поселившаяся на Украинѣ, осталась православною и обѣднѣла. Когда украинскіе Рудыковскіе вынуждены были обратиться за помощью къ своимъ богатымъ родственникамъ, съ ихъ стороны поставлено было необходимымъ условіемъ принятіе католицизма. Рудыковскіе не согласились на это и остались бѣдняками. Мнѣ не удалось провѣрить этихъ преданій, но по существу они не представляютъ ничего неправдоподобнаго [1]) и не противорѣчатъ встрѣчающимся въ „Запискахъ" указаніямъ на семейство автора—отца, православнаго священника, и дядю иконописца, принадлежавшихъ однако по происхожденію къ дворянскому сословію.

Объ отцѣ автора записокъ, Петрѣ Рудыковскомъ, сохранилось слѣдующее преданіе. Онъ былъ келейникомъ преосв. Павла Конюскевича („Павелъ Тобольскій"), когда послѣдній жилъ на покоѣ въ Кіево-печерской Лаврѣ [2]). Когда началась въ Кіевѣ чума, онъ сталъ проситься на родину, къ своей семьѣ. Преосвященный не соглашался, указывая на опасность, и наконецъ, положивъ паспортъ передъ иконою, велѣлъ молиться и поступать такъ, какъ Богъ укажетъ. О. Петръ взялъ паспортъ и ушелъ. Съ большимъ трудомъ выбрался онъ изъ Кіева, такъ какъ кругомъ устроены были карантины, но домой добрался не скоро: дорогою онъ заболѣлъ чумою и нѣсколько недѣль пролежалъ въ какой-то деревнѣ, въ хлѣву.

---

[1]) Преданіе объ архіепископѣ Варшавскомъ оказалось впрочемъ невѣрнымъ, но лицо, о которомъ идетъ рѣчь, могло занимать какой-нибудь другой видный постъ.

[2]) Какъ извѣстно, въ 1768—1770.

Впослѣдствіи о. Петръ былъ священникомъ въ с. Ольшанкѣ (Васильк. у.). Извѣстно, въ какомъ положеніи было въ эту эпоху сельское духовенство въ нашемъ краѣ. Семья Рудыковскихъ не представляла въ этомъ отношеніи исключенія, какъ можно видѣть изъ записокъ. Въ бумагахъ Андр. Петр. сохранилось нѣсколько писемъ отца къ старшему брату, Евстафію Петровичу. Письма эти также довольно наглядно рисуютъ тогдашняго духовенства, почему нахожу не лишнимъ помѣстить отрывки изъ нихъ въ видѣ приложенія. Письма эти представляютъ еще и тотъ интересъ, что показываютъ, какъ этотъ бѣдный и малообразованный „парохъ церкви ольшанской" заботился о воспитаніи своего старшаго сына.

У о. Петра было три дочери и два сына. Біографическія данныя о старшемъ сынѣ Евстафіи Петровичѣ мы изложимъ въ другомъ мѣстѣ. Что же касается младшаго, Андрея Петровича (1796—1874), то дѣтство его, воспитаніе въ кіевской бурсѣ и начало военной службы описаны подробно въ предлагаемыхъ его запискахъ. Другая часть этихъ записокъ, описывающая службу автора въ аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ въ новгородской губерніи, еще при жизни автора напечатана была въ „Русской Старинѣ" [1]). Послѣдующая біографія А. П. несложна. Послѣ перевода въ армію (въ Волынскій полкъ) онъ участвовалъ въ походѣ 1833 г. въ кн. Молдавію и Валахію, въ 1839 г. переведенъ въ Измаильскую крѣпость плацъ-адъютантомъ; въ 1848 г. уволенъ, согласно прошенію, за болѣзнію отъ службы „съ награжденіемъ чина маіора, мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья по 315 р. въ годъ".

Выйдя въ отставку, А. П. переселился въ Кіевъ и жилъ здѣсь до самой смерти. Просто и скромно провелъ онъ эти года. Чѣмъ-то монашескимъ вѣяло отъ всей его обстановки. Маленькая квартирка, полка съ книгами религіознаго содержанія (любимая книга его была „Училище благочестія"), токарный станокъ, доставлявшій ему необходимый моціонъ и въ тоже

---

[1]) Устройство военныхъ поселеній (изъ записокъ отставного маіора А. П. Рудыковскаго) 1820—1821 г.—„Русская Старина" т. VIII, 1873 г., кн. 10, стр. 594—6.

время подспорье къ скромному пенсіону. Развлеченій никакихъ онъ не признавалъ: „Не насытится око зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ", говорилъ онъ. За то онъ любилъ разсказывать о прошломъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о тяжелыхъ условіяхъ своего воспитанія и службы, сравнивая ихъ съ условіями новой, слагавшейся передъ его глазами жизни.

Подъ вліяніемъ подобнаго настроенія написаны и предлагаемыя записки. Этимъ объясняется нѣсколько односторонній характеръ заключающагося въ нихъ описанія кіевской академіи. При всѣхъ своихъ общепризнанныхъ недостаткахъ, школа эта и въ ту пору имѣла свои хорошія стороны: достаточно вспомнить дѣятельность извѣстнаго ея ректора Иринея Фальковскаго [1]). Но автору записокъ не пришлось познакомиться съ этими сторонами, такъ какъ онъ прекратилъ ученіе (вслѣдствіе пожара 1811), будучи въ одномъ изъ низшихъ классовъ академіи. Кромѣ того, при самомъ началѣ его ученія произошла неблагопріятная перемѣна въ управленіи академіею: вновь назначенный митрополитъ Серапіонъ [2]) устранилъ Иринея Фальковскаго отъ управленія академіею, которая, по выраженію біографа пр. Иринея, „оставлена была доживать послѣдніе годы своего двухвѣковаго существованія въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита". Въ 1817 г. кіевская академія была, какъ извѣстно, временно преобразована въ семинарію, а въ 1819 г. открыта вновь, но уже на новыхъ началахъ, подъ именемъ кіевской духовной академіи. Старая „Кіево-Могило-Заборовская академія" прекратила свое существованіе.

Главный интересъ предлагаемыхъ записокъ составляетъ подробная и неприкрашенная картина внутренняго быта древней кіевской академіи въ послѣдніе годы ея существованія наканунѣ преобразованія. Кромѣ того, записки рисуютъ бытъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1883, № 1, 5, 8—**Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій. Г. Булашева.**

[2]) См. „Кіевск. Стар." 1883 № 9—10—**Серапіонъ митрополитъ кіевскій. Ф. А. Терновскаго.**

сельскаго духовенства въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, бытъ мелкой шляхты, условія тогдашней военной службы,—словомъ, цѣлый рядъ бытовыхъ картинокъ, написанныхъ просто, безыскусственно, но потому именно и возбуждающихъ полное довѣріе.

Воспоминаніе отъ юности бурсацкой жизни до вступленія въ военную службу и до офицерскаго чина.

Предисловіе.

Не осуди меня, читатель, что не по правиламъ грамматики описалъ воспоминаніе моей юности и бурсацкой жизни. Изъ описанія увидишь начало и окончаніе моего жалкаго воспитанія и не будешь удивляться моей неграмотности. Съ этой мудростію я прослужилъ въ военной службѣ два года юнкеромъ и тридцать лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ съ Божіею помощію.

А. Р.

О бѣдность, бѣдность!
Горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствамъ воли дать!

Родился я 1796 году отъ благочестивыхъ родителей кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, въ имѣніи графа Браницкаго въ с. Ольшанкѣ, приходскаго священника Петра и матери Ксеніи. По рожденію у родителей я былъ четвертый; послѣ меня еще родилась дочь. Насъ всѣхъ было пятеро дѣтей—два сына и три дочери; самый старшій сынъ Евстафій Петровичъ, который уже находился въ г. Кіевѣ въ школахъ, а остальные дома при родителяхъ.

На годовые праздники и ваканціи старшаго сына брали домой. Однажды какъ-то отецъ опоздалъ послать къ празднику Пасхи и получилъ письмо, что сынъ заболѣлъ и желаетъ скоро видѣться. Отецъ, получивши такое письмо, не взирая на распутицу и разлитіе водъ, на требы по приходу, рѣшился ѣхать въ Кіевъ за сыномъ, поручилъ приходъ священнику другого прихода того же села, а самъ поѣхалъ. По пріѣздѣ къ первой

деревнѣ, гдѣ была плотина, около которой нѣсколько мужиковъ стояло и смотрѣло, какъ вода черезъ плотину идетъ, отецъ спросилъ у мужикозъ можно-ли проѣхать чрезъ плотину? Ему сказали, что плотину вода прорвала и что проѣхать нельзя. Отецъ не послушалъ и пустился на плотину и до перваго прорыва доѣхалъ; лошади съ повозкою и имъ снесла вода внизъ; мужики бросились и спасли лошадей съ повозкою и его, но онъ, перепуганный и простуженный, принужденъ былъ воротиться домой больной и скоро умеръ.

Матушка осталась съ пятью сиротами и не могла уже на свой счетъ содержать старшаго сына на наемной квартирѣ, подала просьбу митрополиту Кіевскому Серапіону, просила о принятіи сына въ бурсу на казенное содержаніе, а ей дать средства къ пропитанію себя съ четырьмя сиротами, при ней живущими. По каковой просьбѣ старшій сынъ принятъ въ бурсу на казенное содержаніе, а для пропитанія самой съ четырьмя дѣтьми предписано другому приходу выдѣлять половину изъ доходу двухъ приходовъ. Эта формальность такъ на бумагѣ икончилась.

Когда необходимость заставила матушку потребовать должной части, послала старшую дочь къ священнику за этимъ доходомъ, то ей дали три хлѣба и болѣе ничего. По прошествіи довольно долгаго времени послала опять требовать должной части изъ доходовъ, и на сей разъ дали два хлѣба и сказали наотрѣзъ—доходу нѣтъ никакого и дѣлиться нечѣмъ. Послѣ этого отказа матушка уже болѣе не посылала, а принуждена своими трудами изыскивать средства къ пропитанію себя съ четырьмя дѣтьми.

Послѣ смерти отца, на хозяйствѣ осталось двѣ пары воловъ, одна корова, пара лошадей; удерживался еще работникъ и одна служанка, которыхъ матушка посылала на чужія поля лѣтомъ заработывать хлѣбъ, и они заработывали на цѣлый годъ. Обстоятельства заставили продать одну пару воловъ, а другая еще осталась для посылки въ лѣсъ за дровами, въ помѣщичій лѣсъ, на что было позволеніе отъ помѣщика, одинъ разъ въ недѣлю. И такъ матушка нѣсколько лѣтъ во вдовствѣ своемъ перебивалась съ прислугой; наконецъ работникъ, же-

нившись, вышелъ на свое хозяйство, осталась одна работница и та не надолго—отошла. Осталась матушка только съ нами, продала и другую пару воловъ по необходимости; осталась корова и пара лошадей, за которыми некому было ухаживать. По смерти отца я еще прожилъ при матушкѣ три года; мнѣ ужъ было семь лѣтъ; братъ старшій велѣлъ меня привезть въ Кіевъ. Меня матушка осенью отвезла и оставила у брата, а сама возвратилась домой. Старшія двѣ дочери подросли и могли уже быть въ помощь матушкѣ по хозяйству. Братъ мой Евстафій Петровичъ пристроилъ меня тоже въ бурсѣ на казенное содержаніе. Я еще не учился; давалъ братъ время привыкнуть къ новой бурсацкой жизни. Послѣ Рождества я заболѣлъ. Меня отвели въ больницу, и я тамъ что-то долго пролежалъ. Къ празднику Пасхи матушка прислала лошадей за нами. Братъ затруднялся, что со мною дѣлать, наконецъ рѣшился меня взять больного. Я не помнилъ, какъ меня положили на сани и отправились въ путь. Дорога была распутная, снѣгу мало по дорогѣ, лошади тощія едва тащились. Не доѣхали домой за двадцать верстъ, принуждены остановиться на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ наши лошадки околѣли. Братъ нанялъ подводу, пріѣхали домой. Матушка увидѣла меня больного и узнала, что лошади пали, была крайне огорчена. Какъ праздникъ прошелъ и какъ братъ уѣхалъ въ Кіевъ, того я не помню. Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника я началъ поправляться и выздоровѣлъ. Лѣто оставался дома, а осенью меня опять матушка отвезла въ Кіевъ къ брату. Тутъ я началъ уже учить славянскую азбуку при братѣ. Но не долго продолжалось это мое житье при братѣ: духовное начальство назначило брата отъ Кіевской Академіи въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію, съ тѣмъ чтобы по окончаніи наукъ возвращенъ былъ въ академію обратно для преподаванія старшимъ ученикамъ медицинскихъ лекцій.

Братъ скоро былъ отправленъ въ С.-Петербургъ; я остался безъ всякаго надзора; хотя и просилъ братъ товарищей, но они никакого вниманія на меня не обращали. Грустно и больно мнѣ было мое сиротство и одиночество. Къ кому ни

обращусь я съ просьбою показать мнѣ урокъ, мнѣ отказываютъ, говоря: свои уроки надо учить. Медленно я подвигался впередъ въ моемъ жалкомъ просвѣщеніи. Не успѣлъ я еще выучить славянскую азбуку, какъ мнѣ подсунули латинскую. Началъ долбить a, b, c, и тутъ товарищи начали надо мною смѣяться говоря: смотрите, Рудыковскій началъ долбить a, b, c, онъ хлѣба хце [1]). Мнѣ больно было выдерживать такого рода насмѣшки, а показать урокъ никто не хочетъ. Долго что-то я эту азбуку долбилъ и, не окончивши ея, подсунули мнѣ латинскую грамматику. До сихъ поръ еще я за мою науку не получалъ награды розгами; начали задавать мнѣ уроки и выучивать наизусть, сдавать учителю; сколько я ни старался выучить наизусть заданный урокъ, не имѣлъ дара, приходилъ всегда по звонку на экспликацію со слезами, навѣрно ужъ зналъ, что будетъ: не сдалъ урока, вызываютъ на середину, и тутъ сколько угодно будетъ учителю, столько и отсчитаютъ.

Бывало, въ лѣтнее время ночь мала и хотѣлось-бы подольше поспать, но страхъ наказанія пробудитъ до сходъ солнца; взявъ книгу подъ-мышку и на дворъ, заберешься гдѣ-нибудь въ уголъ между дровъ и начинаешь долбить урокъ, и не успѣешь нѣсколько разъ прочесть урокъ, а тутъ звонокъ уже призываетъ къ развязкѣ на экспликацію. Утерши кулакомъ слезы, книгу подъ-мышку, идешь навѣрно за наградою. Такъ бываетъ: высѣкли, задали другой урокъ, съ тѣмъ чтобы и прежній повторить, и оба на завтра сдать. А не сдалъ—двойная награда!

Что дѣлать было мальчику въ одинадцать лѣтъ при такомъ безтолковомъ ученіи и при такихъ жестокихъ истязаніяхъ! Не къ кому обратиться съ жалобою и за помощью. Сѣдалище такъ уже изукрасили, что нельзя было сидѣть. Безжалостные наши учителя смотрѣли на текущую кровь хладнокровно, приговаривая: учись да не лѣнись!

При этакомъ безтолковомъ ученіи пища была самая скудная. Порція хлѣба не болѣе въ три четверти фунта на обѣдъ и ужинъ. На обѣдъ борщъ въ скоромные дни съ говядиною, но

---

[1]) Тогда польскія слова вчастую съ русскими словами мѣшали.

говядины только и доставалось философамъ и богословамъ, въ постные дни съ олеемъ; другого кушанія не бывало. На ужинъ готовилась жидкая кашица, а иногда галушки гречневыя величиною въ полфунта, и при разливкѣ въ трапезѣ клалась одна въ миску и дополнялась ухой. Мальчишки попроворнѣе заблаговременно узнавали, что галушки готовятся; приготовятъ деревянную спичку, по колокольчику собираются къ дверямъ трапезы и дожидаются, пока отворятъ двери; двери всегда зачинялись въ трапезѣ, пока пищу разольютъ по мискамъ и разставятъ по столамъ; и тогда отворяется дверь, и вся толпа, собравшаяся у дверей, разомъ бросится къ своимъ столамъ, и тѣ, которые приготовили спички, стараются схватить галушку на спичку, завернувъ ее въ полу и подъ-мышку, старается уйти назадъ, а остальные, усѣвшись около мисокъ похлебаютъ ушицы съ хлѣбомъ, у кого остался отъ обѣда, и съ тѣмъ уходятъ въ свои избы и собираются на экспликацію, т. е. на экзекуцію! Послѣ которой садятся кругомъ столовъ и занимаются уроками и письмомъ на одинъ часъ, послѣ чего ложатся спать. Въ зимнее время послѣ полуночи опять встаютъ, для чего съ вечера посылается два мальчика съ фонаремъ въ Братскій монастырь, въ келію звонаря, и тамъ ночуютъ. Звонарь встаетъ звонить къ заутрени, будитъ мальчиковъ, зажигаетъ въ фонарѣ свѣчу и отправляетъ ихъ въ бурсу. По приходѣ въ бурсу мальчики идутъ по всѣмъ избамъ и зажигаютъ свѣчи; обошедши всѣ избы, фонарь относятъ въ сеніорскую [1]), и сами идутъ въ свою избу и занимаются ученіемъ.

Изрѣдка пріѣзжалъ митрополитъ Серапіонъ во время самаго обѣда и прямо входилъ въ трапезу. Всѣ встаютъ за своими столами и пропоютъ въ одинъ голосъ: „salutamus“. Обошедши всѣ столы, остановившись посрединѣ, скажетъ: „Учитеся, дѣти, во младые лѣта, а когда придетъ старость, тогда вамъ будетъ радость!“ Съ тѣмъ и уѣзжалъ. Митрополитъ тогда жилъ въ Софіевскомъ соборѣ.

---

[1]) Изба, названная сеніорскою, въ которой жилъ сеніоръ; онъ завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ.

Во всѣхъ избахъ, гдѣ жили бурсаки не было никакой мебели, кромѣ стола во всю длину комнаты, а поподъ стѣнами лавки широкія, на которыхъ старшіе ученики спали, а прочая мелочь подъ лавками и подъ столомъ, гдѣ кто захватилъ мѣсто. Подстилки никакой; кто въ чемъ ходилъ днемъ, въ томъ и ложился, книга подъ головы вмѣсто подушки. Изнуренный днемъ заснулъ-бы, да насѣкомыя одолѣваютъ. Клоповъ ужасная бездна подъ лавками и по стѣнѣ; стѣны всѣ исписаны кровью раздавленныхъ клоповъ. Изба никогда не бѣлилась и не чистилась изъ году въ годъ. Страшное неряшество.

Въ это время свирѣпствовала болѣзнь *короста* нарывная, больныхъ отправляли въ больницу, которая находилась на берегу Днѣпра, возлѣ Ильинской церкви, и тамъ на кухнѣ лѣчились дегтемъ и принимали сѣрные порошки; прочіе больные особо въ комнатахъ лежали на кроватяхъ. Докторъ былъ Бунге, посѣщалъ всякій день, прописывалъ лѣкарства, красные камфорные порошки. Не забуду до смерти, какъ они были противны. Пища больнымъ была одна, самая тоже скудная: жидкій супъ съ картофелемъ и въ скоромные дни съ говядиной, и то золотниками; другого кушанья не бывало. Хлѣба не давалось, а давали называемое жалованіе—каждому больному по два гроша на булку. Самымъ труднымъ (больнымъ) варилась буквица съ медомъ вмѣсто чаю. Поваръ въ больницѣ былъ отставной солдатъ Семеновъ. Въ свободное время онъ занимался шитьемъ сапоговъ; въ частую онъ посылалъ двухъ мальчиковъ съ ведромъ къ Днѣпру по воду, которые лѣчились на кухнѣ отъ коросты, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ; простуживались и къ болѣзни получали простудную болѣзнь. На это никто не обращалъ вниманія.

При такой горестной и скудной жизни при изнуреніи, заболѣлъ я весной 1809 году золотухою; вся голова моя покрыта была сплошнымъ струпомъ, волоса слиплись матеріею. Меня отвели въ больницу, гдѣ я что-то долго пролежалъ, и ничего мнѣ не дѣлали. Появились на головѣ кучи вшей, которыя расползались по всему тѣлу. Бывало выйдешь на дворъ и руками отряхнешь на землю съ головы, а рубашку скинувши, тоже

руками обметешь. Въ такомъ положенiи меня застала старшая сестра, приходившая на поклоненiе. Нашла меня въ больницѣ и когда увидѣла меня, ужаснулась и зарыдала; нагрѣла воды, омыла мнѣ голову, рубаху сняла, выпарила и вымыла. Мнѣ показалось легче; но она не могла оставаться при мнѣ долго; на другой день отправилась домой, и чрезъ нѣсколько дней опять увидѣлъ на себѣ тоже. Этими насѣкомыми изобиловали всѣ больные, у каждаго на кровати бездна; одинъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати былъ тяжело боленъ и когда умеръ сняли съ него одѣяло, то кругомъ тѣла на пол-вершка кучи вшей; такъ его съ кроватью и вынесли на дворъ. И что мудренаго: бѣлья по нѣскольку мѣсяцевъ не перемѣняли, прислуги къ больнымъ никакой не было, а выздоравливающiе мальчики служили, приносили съ кухни пищу для больныхъ, горницы подметали, зимою печки истапливали, и больше ничего; а для роздаванiя лѣкарства вмѣсто фельдшера, жилъ тутъ же ученикъ риторики Рудецкiй [1]); онъ принималъ отъ доктора рецепты, посылалъ въ аптеку и раздавалъ больнымъ по назначенiю.

Въ такомъ положенiи жизнь моя юная продолжалась до 1811 года. Въ этомъ году случился пожаръ на Подолѣ, отъ котораго весь Подолъ сгорѣлъ, въ томъ числѣ Братскiй монастырь съ церковью, академическiе классы, бурса. Пожаръ этотъ случился передъ самымъ роспускомъ на вакацiи. Всѣмъ ученикамъ было объявлено не прiѣзжать въ Кiевъ, пока не исправятся погорѣвшiя зданiя; но эти зданiя что-то долго не были исправлены по тогдашней скудости матерiальныхъ средствъ.

Кое-какъ я добрался домой. Старшая сестра была уже замужемъ, и зять жилъ вмѣстѣ. Пока я оправился въ здоровьѣ, меня не употребляли ни на какiя работы. Какъ только я поправился, меня зять началъ посылать къ своимъ роднымъ на полевыя работы. Это было осенью и не по моимъ силамъ. Цѣлый день изнурялся я при одномъ сухомъ хлѣбѣ и часто безъ воды. Такъ я продолжалъ эти работы, пока поля не были за-

---

[1]) Въ книгѣ Аскочинскаго показанъ въ 1813 г. „лекарскiй помощникъ студентъ богословiя Родецкiй Θедоръ". (Кiевъ, т. II, стр. 468).

сѣяны. Зиму кое-какъ я провелъ у одного шляхтича: училъ двухъ сыновей читать и писать, какъ самъ зналъ. Тутъ я имѣлъ по крайней мѣрѣ порядочную пищу. Открылась весна, меня потребовали домой, и опять послалъ меня зять къ своимъ родственникамъ на тѣ же работы—пахать, бороновать, пока не кончились работы засѣвамъ, послѣ чего я отдыхалъ до жатвы. Настала жатва; матушка договорилась у одного зажиточнаго шляхтича съ третьяго снопа жать; матушка, двѣ сестры и я ходили на жнива, заработали хлѣба довольно, такъ что хлѣба у насъ было достаточно на цѣлый годъ до новаго года. И такъ мы года два трудились по чужимъ полямъ, пока матушка на полѣ не заболѣла. Съ трудомъ мы довели ее домой; она слегла и скоро умерла. Я тоже въ этотъ день заболѣлъ горячкою и не помнилъ, какъ матушку похоронили. Когда началъ выздоравливать, спросилъ, что я матушку не вижу; мнѣ сказали, что матушка поѣхала къ роднымъ; а когда я совершенно выздоровѣлъ, узналъ, что я круглый сирота. Въ Кіевъ не было еще призыва къ ученію, года уходятъ, что мнѣ дѣлать! Узналъ я отъ старшей сестры, что есть дядя по матери) уніатскій священникъ васильковскаго уѣзда с. Сухолисъ. Я отправился къ нему, нашелъ, и онъ меня принялъ, какъ родного сироту. У него было два небольшіе сына, которые еще не учились; онъ заставилъ меня учить читать и писать; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ занятіи. Къ сожалѣнію моему я узналъ, что дядя пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Я увидѣлъ, что тутъ не жить мнѣ, ожидалъ пріѣзда сестры, которая обѣщала пріѣхать навѣстить меня. Подъ осень она съ мужемъ пріѣхала, узнала отъ меня подробности, взяла меня съ собою и поѣхала въ г. Житомиръ, гдѣ также былъ дядя по отцу. По пріѣздѣ въ Житомиръ, сколько ни распрашивали о дядѣ, никто не зналъ; наконецъ узналъ, что онъ въ городѣ не живетъ, а что дочь его за мужемъ за двоpяниномъ Журавскимъ, котораго домъ намъ указали. Нашли и отрекомендовались родственни-

[1]) Изъ сохранившейся метрической выписи видно, что жена о. Петра Рудыковскаго была „изъ Свіентославскихъ Ксенія".

ками; насъ приняли разумѣется какъ деревенскихъ жителей. Тутъ мы узнали, что дядя въ двухъ деревняхъ занимается подрядами на новые иконостасы писать образа, и что онъ пріѣзжаетъ въ городъ для закупки матеріаловъ. Я упросился остаться и дождать пріѣзда дяди. Зять Журавскій занимался тоже подрядами мебельными; онъ держалъ у себя столяровъ, которые дѣлали мебель по заказу и въ новыхъ домахъ оконъ и дверей; самъ онъ не работалъ, а только отыскивалъ работы. Тутъ я, присмотрѣвшись къ дѣлу столярному, началъ кое-что строгать и скоро понялъ. Мнѣ дали выдѣлывать ножки къ стульямъ; жилъ я съ мастеровыми, обѣдалъ съ ними и спалъ въ мастерской, не какъ родственникъ, но какъ чужой; меня начали употреблять на разныя посылки. Вижу я, что зима недалеко, а у меня нѣтъ не только зимней, но и лѣтней одежды. Я началъ изъ обрѣзковъ дерева дѣлать разные скамейки, ящички, шкатулочки—ночью, покупая свѣчу; продавалъ и собиралъ гроши до грошей, и кое-что себѣ началъ покупать съ сапоговъ до рубашки и такимъ образомъ кое-какъ прикрывалъ наготу мою. Зять увидѣлъ мою способность къ дѣлу, былъ доволенъ мною. Тутъ мнѣ пришла охота сдѣлать скрипку, принялся и сдѣлалъ довольно порядочную, всѣ удивились; началъ учиться играть по слуху.

Зима кончилась. Въ великій постъ пріѣхалъ дядя въ городъ за покупками матеріаловъ и остановился въ домѣ дочери; ему сказали, что племянникъ здѣсь, родного брата сынъ осиротѣвшій; дядя позвалъ меня въ горницу, распросилъ обо всемъ подробно и сказалъ, что возьметъ меня съ собою. О братѣ я ничего не зналъ, живъ-ли онъ или нѣтъ, и я ему ничего не могъ сказать. Погостилъ онъ дня три, собрался ѣхать и мнѣ приказалъ быть готовымъ; распростился я съ моими товарищами по ремеслу и родными, уѣхалъ съ дядею въ деревню верстовъ за тридцать отъ города. По пріѣздѣ въ деревню меня дядя отрекомендовалъ племянникамъ, своей второй женѣ, которая косо посмотрѣла на меня и отворотилась. Старшая дочь у него была уже невѣста; та меня нѣсколько обласкала. Окинулъ я глазами все хозяйство: плохо, нищета; подали обѣдъ:

борщъ съ грибами даже безъ олеи, каша пшонная съ борщемъ, хотя былъ мясоѣдъ.

Въ это время, какъ я находился у дяди, начали проходить черезъ эту деревню полки корпуса Воронцова, который находился въ Парижѣ по взятіи его до уплаты контрибуціи. Въ этомъ корпусѣ при штабѣ служилъ и мой братъ Евстафій Петровичъ помощникомъ корпусному доктору. Проходя чрезъ Житомиръ корпусный штабъ, братъ зналъ домъ двоюродной сестры и уже прежде былъ знакомъ; прямо заѣхалъ къ ней, пробылъ дневку и тутъ узналъ обо мнѣ; а какъ я находился въ деревнѣ и въ сторонѣ отъ маршрута, не могъ заѣхать за мной, оставилъ денегъ у сестры и просилъ нанять попутчика и прислать меня въ Кіевъ, гдѣ была назначена корпусная квартира.

Между тѣмъ пока мнѣ въ Житомирѣ пріискивали попутчика, и я еще ничего не зналъ о братѣ, какъ братъ самъ въ Кіевѣ пріискалъ попутчика, и тотъ попутчикъ заѣхалъ въ Житомиръ за мной, меня тамъ не нашелъ, ему сказали, что я нахожусь въ деревнѣ по пути въ Кіевъ; попутчикъ везъ купеческіе товары, заѣхалъ за мной и подалъ мнѣ письмо. Тутъ только я по прочтеніи письма узналъ, что братъ живъ, и что я скоро увижусь съ нимъ. Какъ я тутъ обрадованъ былъ въ это время, и пока мой попутчикъ выкормилъ лошадей, я ужъ готовъ былъ въ дорогу; распрощавшись съ родными, поблагодарилъ ихъ за хлѣбъ-соль, сѣлъ въ сани, и тройка добрыхъ коней помчалась по хорошей дорогѣ. Проѣхали мы день и ночь, на другой день въ десять часовъ въ Кіевѣ и на квартирѣ у брата. Брата я не засталъ. Деньщикъ зналъ, что я пріѣду, принялъ меня, обогрѣлъ чаемъ, приготовилъ обѣдъ, накормилъ меня досыта. Братъ у себя не держалъ стола, а у корпуснаго доктора всегда обѣдалъ. Къ вечеру братъ пріѣхалъ и засталъ меня; очень былъ радъ. Увидѣлъ меня, что я ужъ парень хоть куда порядочный, сказалъ: ну, братъ, наука тебѣ не далась, надо итти въ полкъ и дослуживать шпаги, а для этого нужно тебѣ свидѣтельство о дворянствѣ; надо ѣхать въ Житомиръ къ дядѣ и съ нимъ хлопотать въ дворянскомъ собраніи, гдѣ наша родо-

словная вписанная. Дождались весны, поѣхали въ Житомиръ, отыскали дядю, объяснили причину нашего пріѣзда. Дядя сказалъ, что этого скоро сдѣлать нельзя; въ такомъ случаѣ братъ меня оставилъ у дяди, а самъ отправился обратно. Дядя отвезъ меня въ Житомиръ, написалъ просьбу предводителю дворянства, отправился со мной и подалъ просьбу правителю канцеляріи, а сей сказалъ, что черезъ недѣлю навѣдаться. Дядя поручилъ ходатайство зятю Журавскому. Тутъ потребовались деньги на расходъ; я написалъ къ брату, и мнѣ скоро высланы были деньги пятьдесятъ рублей, которые и были переданы зятю Журавскому. Въ скоромъ времени выдали мнѣ дворянское свидѣтельство. Скоро я отыскалъ попутчика и отправился въ Кіевъ; братъ былъ обрадованъ скорому и успѣшному дѣлу. Его желаніе было опредѣлить меня въ тотъ же полкъ, въ которомъ началъ свою службу; къ моему счастію все шло хорошо; полковой казначей пріѣхалъ въ Кіевъ за жалованіемъ и пріемкой годовыхъ вещей и навѣстилъ брата; тутъ братъ представилъ меня и просилъ взять съ собою и опредѣлить въ полкъ. Казначей охотно согласился, сказалъ—по пріемкѣ годовыхъ вещей дастъ знать, когда онъ отправится въ полкъ, и чтобъ я было готовъ. Черезъ недѣли двѣ онъ окончилъ пріемку, отправилъ транспортъ, и мнѣ велѣлъ приходить на его квартиру. Я собрался; меня братъ отвезъ и оставилъ у него; за лошадьми былъ послано уже, и мы скоро отправились въ дорогу. Квартира полковая была черниговской губерніи въ посадѣ старообрядцевъ Климовѣ. По пріѣздѣ въ полкъ и на другой день призвалъ аудитора, завѣдующаго полковою канцеляріею, отдалъ мое свидѣтельство, приказалъ отдать въ приказѣ по полку о зачисленіи меня на службу недорослемъ изъ дворянъ подпрапорщикомъ съ назначеніемъ въ первую гренадерскую роту, а между тѣмъ меня оставилъ при полковомъ штабѣ для обмундировки, призвалъ полковаго закройщика и приказалъ ему меня обмундировать. Мнѣ отвели квартиру у богатаго раскольника; тутъ мнѣ было очень хорошо; кормили меня отлично, и какъ я трубки не курилъ и табаку не нюхалъ, меня сажали съ собою за столъ. Я увидѣлъ у нихъ книгу, читалъ имъ, и они всѣ были мною довольны.

Казначей распорядился, чтобы меня оставить при штабѣ и чаще меня видѣть, предложилъ полковому командиру собрать изъ полка молодыхъ и расторопныхъ солдатъ въ штабъ для обученія грамотѣ, читать и писать, приготовить въ унтеръ-офицеры. Это было исполнено въ скоромъ времени. Мнѣ были они поручены обучать и въ помощь мнѣ еще дали одного юнкера. Квартира для школы была отведена, и я началъ учить. Два дня въ недѣлю были назначены для фронтовой службы и ружейной экзерциціи; тутъ и меня учили; а между тѣмъ я досталъ школу рекрутскую и самъ изучалъ правила. Такимъ образомъ я успѣвалъ въ обученіи солдатъ грамотѣ и самъ учился. И такъ до году всѣ мои ученики порядочно читали, писали и четырехъ правилъ ариѳметики знали; всѣхъ ихъ произвели въ унтеръ-офицеры, а двухъ изъ нихъ, остряковъ, прямо въ фельдфебеля.

Такъ я годъ прожилъ, училъ и учился самъ. На другой годъ меня произвели въ портупей-прапорщики, и я перемѣнилъ тесакъ на шпагу съ серебрянымъ темлякомъ, и старшіе подпрапорщики остались назади. Въ первый инспекторскій смотръ дивизіоннаго начальника Вуича, послѣ осмотра фронта и аммуниціи, были вызваны впередъ передъ фронтъ всѣ юнкера[1]), выстроились въ линію; началась экзаменовка ружейныхъ пріемовъ по одиночкѣ, и кто изъ насъ показался въ успѣхѣ, того вызывалъ впередъ; въ томъ числѣ и я былъ вызванъ, но не зналъ для чего; вызвано насъ было четыре; начальникъ дивизіи указалъ на насъ четырехъ полковому командиру, приказалъ представить въ офицеры. Тутъ полковой командиръ указалъ на меня и сказалъ, что я впродолженіи года и самъ довольно успѣлъ въ рекрутской школѣ и тридцать молодыхъ солдатъ выучилъ читать, писать и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, и всѣ они произведены въ унтеръ-офицеры и два изъ нихъ въ фельдфебеля.

Начальникъ дивизіи поощрилъ меня тѣмъ, что приказалъ меня поставить въ спискѣ къ производству первымъ; и за все

---

[1]) Коихъ было въ полку сорокъ.

это я обязанъ моему благодѣтелю, полковому казначею Саввѣ Осиповичу Циклинскому.

По производствѣ въ офицеры, уже не такъ мнѣ фортунило. На другой годъ по производствѣ въ офицеры судьба меня забросила въ поселенные войска графа Аракчеева; съ 1820 г. и по 1830 годъ служилъ я въ этихъ резервахъ, гдѣ запрещена была отставка и домовые отпуски на семь годовъ, подъ видомъ за недоведеніе нижнихъ чиновъ по фронтовой части; комплектъ офицеровъ не убавлялся, а потому и производства въ высшіе чины не было.

Подробностей моихъ неудачъ, какъ по службѣ, такъ разныхъ предпріятій я не упоминаю, нахожу излишнимъ; скажу только, что съ подпоручичьяго чина начальство нашло меня способнымъ командовать ротой, и я принялъ и командовалъ постоянно одиннадцать лѣтъ до капитанскаго чина, что это въ арміи рѣдкость: старшіе офицера оставались безъ ротъ, а младшіе командовали.

По полку, бригадѣ и дивизіи были отдаваемы приказы, лестные для меня—образцовымъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, какъ по фронтовой, такъ и по хозяйственной части, и вся эта слава принесла мнѣ столько пользы, какъ голодному запахъ жареной баранины.

Послѣ инспекторскихъ смотровъ дѣлались представленія къ наградамъ, но награды получали только полковые, баталіонные командиры и тѣ офицеры, которые были ближе знакомы съ женами командировъ, хорошо умѣли льстить и въ мазуркѣ отличались; а кто отличался на полѣ и по фронтовой службѣ, тотъ оставался незамѣтнымъ и напрасно истощалъ силы.

Кромѣ фронтовой службы, вчастую меня отрывали отъ роты и посылали въ разныя командировки, какъ-то за пріемкой годовыхъ и трехъ-годовыхъ вещей и жалованія, и за всякимъ разомъ выдавались мнѣ похвальные листы; у меня ихъ накопилось много, я представилъ при рапортѣ и просилъ занести ихъ въ формулярный списокъ, для каковыхъ и графа обозначалась въ формулярномъ спискѣ, но мнѣ и въ этомъ отказано, послѣ чего я бросилъ ихъ въ печь.

Послѣдняя моя командировка была самая важная и самая опасная. Въ 1830 году, смѣнившись съ караула въ Кіевѣ, возвратились на свои квартиры въ Харьковскую губернію. Не успѣлъ я расквартировать роту по деревнямъ, вдругъ получаю предписаніе сдать на законномъ основаніи роту назначенному штабсъ-капитану и явиться къ отрядному командиру, генералъ-маіору Коровкину для особаго порученія. Въ два дня сдалъ я роту и поспѣшилъ явиться къ отрядному командиру. Тутъ я получилъ предписаніе и требованіе въ воронежскую коммисаріатскую коммиссію на жалованіе и ремонтныя деньги для второй уланской дивизіи, кирасирскихъ кадръ и восемнадцать пѣхотныхъ резервныхъ баталіоновъ,—всей суммы на 140000 р. ассигнаціями. Меня это до крайности удивило, что мнѣ незнакомому пѣхотному офицеру дѣлается такая важная порученность. Неужели же въ кавалеріи не оказалось офицера, которому можно было-бы поручить такую порученность?

Нечего тутъ было долго разсуждать. Получивши документы, поторопился пуститься въ путь. Страхъ понуждалъ меня: о холерѣ пронесся слухъ, что въ Астрахани холера. Въ то время еще никто понятія не имѣлъ объ этой страшной эпидеміи. По пріѣздѣ въ Воронежъ и на другой день получилъ требуемую сумму денегъ, и на третій день въ обратный путь пустился. При мнѣ два конвойные были—жандармъ отъ кавалеріи и унтеръ офицеръ отъ пѣхоты. Проѣхалъ я первую станцію благополучно; на другую пріѣхалъ, и тутъ уже карантинъ учрежденъ. Меня останавливаютъ на четырнадцать дней въ дурной грязной и курной деревушкѣ Рындино, по имени помѣщика Рындина; показали мнѣ квартиру курную, мокрую, въ которой поросята и теля подъ поломъ, вонь невыносимая. Вотъ тутъ-то я ахнулъ. Зналъ я прежде, что эту деревушку населилъ помѣщикъ изъ бродягъ и что въ этой деревушкѣ дѣлались частые грабежи, при участіи и самого помѣщика. Видя себя въ такомъ положеніи, что я могъ заболѣть въ такой квартирѣ и могъ быть ограбленъ, на другой день я приготовилъ рапортъ въ коммиссію съ описаніемъ моего опаснаго положенія, просилъ

распоряженія освободить меня отъ этого карантина и снабдить меня свидѣтельствомъ, что я слѣдую изъ благополучной стороны, и чтобъ меня нигдѣ не задерживали, какъ я по казенной и экстренной надобности проѣзжаю. На четвертый день я получилъ отъ коммиссіи свидѣтельство на безостановочный проѣздъ, и губернаторомъ предписано въ карантинъ къ начальнику освободить меня безъ малѣйшаго задержанія. И такъ я благополучно пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ тоже карантинъ устраивался. Мнѣ оставалось еще ѣхать въ г. Чугуевъ въ отрядный штабъ для сдачи денегъ. Я ночью отправился. По пріѣздѣ въ штабъ, по сдачѣ старшему адъютанту денегъ, получивъ квитанцію, того же дня возвратился въ Харьковъ. Въ Харьковѣ прожилъ я недѣлю, пока пріемщики отъ баталіоновъ не пріѣхали. Раздавъ въ каждый баталіонъ деньги и получивъ квитанціи, отправился къ своей ротѣ, и тѣмъ окончилась моя командировка. Скоро опять насъ потребовали въ Кіевъ для содержанія карауловъ, а дѣйствующіе полки пошли въ помощь противъ мятежниковъ.

По прибытіи нашей резервной дивизіи въ Кіевъ и по занятіи карауловъ, вскорѣ Государь пріѣхалъ и сдѣлалъ смотръ нашей дивизіи и остался доволенъ, приказалъ отдѣлить маршевые баталіоны и отправить въ Варшаву на усиленіе дѣйствующихъ войскъ. Въ это время и меня начальникъ штаба корпуса Красовскій назначилъ съ маршевымъ баталіономъ, и тѣмъ я навсегда освободился изъ резерва и зачисленъ въ дѣйствующій полкъ.

А. Р.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма о. Петра Рудыковскаго къ сыну.

I.

Серцемъ любезнѣйшому моему сину Евстафію Рудиковскому.

Посилаетъ ся чрезъ Килила дячка, что естъ прописано въ свѣдѣтельствѣ [1]), а что не прописано то здесъ пишу для веролятія, и посилаю на греческую книжицу что ти писалъ 3 палтинѣ, я рублей два посилаю за одного купи книжицу, а другого держи на иную потребу. А на сѣно для лошадей 3 гривнѣ даю, шапка какъ здѣла; то не палощи въ той ходи что тебѣ куплена, при семъ объявляется что ми еще живи и здрави, памилости всенавишаго Бога и создателя нашего, матушка твоя Родителька Сердечно тебе поздравляетъ; сестрицѣ Алеѯада, Евгенія, Марѣяна, и братъ Андрей умило поздравляютъ, даби ти училъ ся и Богу малилъ ся; по нихъ память имѣлъ; да будетъ Благословеніе Божіе на тебѣ и буди всѣмъ смиренъ то благодать обрящешъ отъ Спасителя и Бога.

Петръ Рудиковскій родитель твой.

Въ Ольшаницѣ 10 чис.
1799.

II.

Къ сему еще и благословеніе Божіе тебѣ посилаю да обучайся и дастъ разумъ тебѣ Господь и щастіе; я еще здравъ и матушка твоя здрава, сестри твои здрави, а братъ твой Андрей болящій впек ли вкропотъ; да страждетъ лютѣ; А тебе малитъ чтобъ пошолъ ти до великомученици варвари чтобъ его исцѣлила балѣзнь поклоновъ сколко милость твоя братерска изъвалитъ вдарить за ево здавіе.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ писемъ служили для подателя свидѣтельствомъ на свободный проѣздъ и замѣняли такимъ образомъ паспортъ.

III.

Евстафію Рудиковскому.

Немалую ти мѣнѣ Печаль придалъ съвоимъ писаніемъ, что ти пророковалъ о свои смрти, и о моей, которая уже и била уже мнѣ у Германовской слободцѣ на греблѣ; все затопилъ мешковъ два, третій съ хлѣбомъ, четвертій зовсомъ, дѣжка огурцовъ, дѣжка съ саломъ и спромъ, мяса свиного стегно и плечко, свитка дячкова и сокира и сверделъ; на рублей два шкоды благодару Бога моего что мене выратовали и дячка; возъ и мешки салдаты зъбѣглися и выратовали, люде знаеми прняли на кватиру, А я воротился вдомъ свой, только что живій, води великіи заишли, а ти ожидаи доброи резолюцѣи якъ можетъ. Хозяина и хозяику якъ могтиму такъ буди петртеватъ по святахъ, приедемъ обое якъ води устанутъ, на потребу твою посилаю тебѣ гривенъ десять.

пша палъ-корца затопилосъ въ водѣ не нашли.

Петръ Рудиковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Въ 1881 г. я защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацію о свадебныхъ обрядахъ. Моими официальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ. Изъ возраженій Потебни составилось въ печати нѣсколько статей, вошедшихъ въ первый томъ его „Объясненій малор. пѣсенъ“ (Возраженія г. Кирпичникова вошли въ его критическую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв.). „Объясненія малор. и сродныхъ пѣсенъ“—капитальный этнографическій трудъ, безусловно лучшій въ малорусской этнографіи. Веснянки и въ особенности колядки здѣсь подвергнуты глубокому и разностороннему изученію. Кромѣ того, въ обоихъ томахъ „Объясненій“ разбросано множество цѣнныхъ этимологическихъ замѣтокъ и этнографическихъ этюдовъ. Это подвигъ научный, нравственный, патріотическій, подвигъ глубоко назидательный, какъ высшій образецъ безпристрастнаго, объективно-научнаго служенія родинѣ.

Сочиненіе Потебни о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ заслуживаетъ полной и мотивированной оцѣнки по частямъ. Общая высокая оцѣнка этого капитальнаго труда дана В. И. Ламанскимъ, по предложенію Географ. Общества, которое въ силу этой оцѣнки, дало Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль. Я имѣлъ случай коснуться первыхъ главъ 2 тома „Объясненій“ въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“ (1886 г.), но трудъ Потебни тогда не былъ еще законченъ. Га-

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 3.

лицкая газета „Зоря“, по поводу моей статьи о колядкахъ, обѣщала обстоятельный разборъ „Объясненій“ Потебни; но обѣщаніе это, кажется, осталось невыполненнымъ. Какъ трудно справиться съ обширнымъ изслѣдованіемъ Потебни, видно изъ рецензіи г. Неймана на 1 т. „Объясненій“, напечатанной въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1884 г. Рецензентъ отчетливо передаетъ содержаніе первыхъ 15 стр. труда Потебни, слѣдующія затѣмъ 19 стр. переданы уже неясно, сбивчиво, а отъ изложенія и оцѣнки остальныхъ 230 стран. рецензентъ отказывается и ограничивается нѣсколькими замѣчаніями о принятой Потебней группировкѣ пѣсенъ по размѣру. Г. Нейманъ—серіозный этнографъ, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ трудовъ по малорусской этнографіи, и отъ него можно было ожидать если не всесторонней оцѣнки 1 т. „Объясненій“, то, по крайней мѣрѣ, яснаго обзора его содержанія. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Нейманъ, что этотъ трудъ (Потебни), подобно другимъ (?) его трудамъ неудобочитаемъ, да, просто неудобочитаемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.... Потебня до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ (въ этомъ случаѣ П. подчинялся правописанію Рус. Фил. Вѣст.) и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, что тоже затрудняетъ чтеніе; но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою. Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія Потебни, по мнѣнію г. Неймана, много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. При этомъ г. Н. замѣчаетъ, что „всѣ работы Потебни отличаются большой содержательностью, мѣткостью сопоставленій, оригинальностью выводовъ“. „Я

не знаю другого автора, говоритъ г. Н., который въ такой степени соединялъ бы въ себѣ и замѣчательную эрудицію, и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ". Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Неймана есть много справедливаго. Не только разборъ и оцѣнка „Объясненій", но и самое чтеніе этого труда П. требуетъ отъ читателя большой научной подготовки и умственныхъ усилій. Приходится вчитываться въ детали, чтобы опредѣлить нить мысли автора, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ ничего не выдвигаетъ и не подчеркиваетъ. Такой способъ изложенія можно было бы поставить Потебнѣ въ упрекъ при другомъ матеріалѣ, болѣе цѣльномъ. Въ области же мелкихъ поэтическихъ мотивовъ осторожность Потебни представляется вполнѣ умѣстной. Эта осторожность вытекаетъ изъ образцовой научной добросовѣстности автора, тщательно устраняющаго всякую личную односторонность и тенденціозность не только въ научномъ объясненіи фактовъ, но даже въ распредѣленіи ихъ. Потебня не допускалъ насилія надъ научнымъ фактомъ, хотя бы насиліе это производилось съ благими намѣреніями. Результаты могли не отвѣчать этимъ намѣреніямъ; могла получиться безобразная, фальшивая постройка. Потебня, кстати замѣтить, не любилъ драпироваться въ тогу ученаго и говорить orbi et urbi отъ имени какой-то цѣльной и непогрѣшимой науки. Онъ терпѣть не могъ и строго осуждалъ тѣхъ людей, которые вѣщаютъ отъ имени „науки", точно ея уполномоченные; „наука, молъ, такъ говоритъ", „по выводамъ современной науки" и пр. За этими вѣщаніями Потебня усматривалъ личное самохвальство, непониманіе значенія науки, наглое стремленіе къ самозванству и къ ограниченію свободы мысли и критическаго пониманія.

Въ „Объясненіяхъ„ заключается масса пѣсеннаго матеріала всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ неславянскихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ и литовцевъ. Съ фольклоромъ романскихъ народовъ П. не былъ знакомъ и не пользовался имъ, что обусловлено было главнымъ образомъ большими пробѣлами университетской библіотеки по филологіи и фольклору роман-

скихъ народовъ, пробѣлами, лишь въ послѣднее время отчасти устраненными соединенными усиліями нѣскольких преподавателей историко-филологическаго факультета. А. А. Потебня заботился объ облегченіи читателя въ пользованіи его трудами и потому снабдилъ свои изслѣдованія 80-хъ годовъ, въ частности „Объясненія", подробными оглавленіями и еще болѣе подробными предметными указателями. Въ самомъ объемистомъ трудѣ „Колядкахъ" (II т. "Объясненій") указатель выдается по полнотѣ и детальности, причемъ поэтическіе мотивы и образы отмѣчены однимъ шрифтомъ, а объясненія отдѣльныхъ словъ— другимъ. При такомъ указателѣ матеріалъ спеціально лингвистическій отдѣленъ отъ матеріала собственно этнографическаго, слитыхъ въ самомъ изслѣдованіи по ихъ внутреннимъ родственнымъ отношеніямъ. Составленіе этихъ указателей снимаетъ вполнѣ съ Потебни обвиненіе въ невниманіи къ читателю. Трудность изученія „Объясненій" зависитъ отъ существа предмета, тонкости и глубины анализа, обилія фактовъ и глубины соображеній автора. Всѣ же частныя справки очень имъ облегчены.

Первая статья написана въ *разъясненіе пѣсенныхъ выраженій мысли „что къ чему идетъ"*, начиная съ пѣсеннаго символическаго выраженія „сосновое видеречко, дубовое донечко, ходимъ, повинчаймось мое сердечко". По мнѣнію Потебни, это выраженіе создано лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озерцо съ плавающимъ на немъ ведромъ. Символизмъ состоитъ въ мысли: мы пристали другъ къ другу, какъ дубовое дно къ сосновому ведру. Такимъ образомъ, „сосновое видеречко, дубовое донечко" есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню ровнѣ. Затѣмъ Потебня удачно выясняетъ разные символы взаимности любви: обвиваніе дерева нитью, шелковинкой, хмѣлемъ, сопилка и денце, скрипка и струны. Невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, причемъ бондарь-любовникъ, „зробыть на коновку денце"—полюбитъ дѣвицу. Вслѣдствіе обычности этого образа онъ сталъ запѣвомъ многихъ свадебныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ содержанію, но представляющимъ лишь формальное ихъ опредѣленіе, напр., „у тій чашенци солодокъ медокъ". Потебня

считаетъ глубоко-древнимъ сходство въ малор. и великор. свадебныхъ пѣсняхъ мотивовъ о золотой чарѣ, золотомъ кубочкѣ. Эта статья обнимаетъ 15 стр. Она очень цѣнна для уразумѣнія символизма народной поэзіи.

Вторая статья посвящена объясненію выраженій *„лелю-полелю"*, *„диди-ладо"*. (16—38). Потебня собралъ массу этихъ выраженій въ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ, причемъ во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ поддѣлку. Мнѣніе В. Ѳ. Миллера, Н. Ѳ. Сумцова и др. о миѳическомъ значеніи *леля* и *лады* подвергается сильному сомнѣнію. Авторъ склоняется къ мнѣнію, что лель и диди-ладо были когда-то обыкновенными словами и затѣмъ утратили свое значеніе и стали припѣвами. Сомнѣнія сильны; но положительные выводы неясны, и авторъ, по шаткости матеріала, не рѣшается на точныя опредѣленія. Достаточно ясно и опредѣленно только то, что говорится о *полелю* (17—18). Заслуживаетъ полнаго вниманія мнѣніе Потебни, что *полелю* могло явиться вслѣдствіе частаго повторенія въ пѣсняхъ лелю, какъ усиленіе его, въ виду случаевъ повторенія глагола съ приставкой предлога *по* для выраженія повторенія дѣйствія (ходить—походить и др.). На значеніе слова *ладо* брошенъ лучъ свѣта преимущественно на стр. 32 въ сближеніи съ нимъ великор. ладони, малор. игры въ ладки и въ указаніяхъ на жалобы Стоглава, игум. Памфила (1505 г.) и Густынской лѣтописи на ночныя „плесканія" на игрищахъ 23 іюня, „руками о руки или о столъ плещуще, ладо-ладо приплетающе".

Третья статья *объ игрѣ „Сѣянье проса"* (39—45). Отмѣтимъ здѣсь прежде всего автобіографическую замѣтку Потебни въ примѣчаніи на 42 стр., что его магистерская диссертація „О нѣкот. символахъ" 1860 г. написана подъ вліяніемъ соч. Костомарова „Объ истор. знач. рус. нар. поэз." 1843, что такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное на одной изъ предыдущихъ страницъ, о вліяніи диссертаціи К. на диссертацію Потебни. Итакъ за соч. Н. И. Костомарова „Объ истор. знач. нар. поэзіи" нужно признать еще одну заслугу: оно опредѣлило въ значительной степени общее символическое направленіе въ этнографическихъ трудахъ Потебни.

Въ статьѣ о сѣяніи проса П. мимоходомъ въ одномъ подстрочномъ замѣчаніи устанавливаетъ слѣдующее методологическое правило: при изученіи народной поэзіи нужно распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій. Насколько это легко и удобно въ практическомъ отношеніи— другой вопросъ. Мнѣ лично исполненіе этого правила представляется весьма труднымъ, сопряженнымъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ поэзію въ связи съ языкомъ, и что это мнѣніе не совсѣмъ личное, видно изъ того, что въ наукѣ до сихъ поръ не видно такихъ трудовъ, въ которыхъ было бы примѣнено методологическое правило Потебни. „Объясненія" Потебни представляются единственнымъ сочиненіемъ, въ которомъ поэтическіе мотивы распредѣлены по образамъ и отчасти по представленіямъ; но даже и въ этомъ трудѣ опредѣленіе параллельныхъ рядовъ представленій имѣетъ случайный, эпизодическій характеръ и встрѣчается изрѣдка (съ наибольшей ясностью на стр. 43).

Изображеніе въ пѣснѣ о сѣяніи проса земледѣльческой работы съ перваго ея шага (расчистки сѣчи, лѣсной земли), родъ хлѣба—просо, бывшее въ древности главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, припѣвъ „ой диди-ладо", широкое распространеніе пѣсни (у русскихъ и чеховъ)—все это въ совокупности привело А. А. Потебню къ мысли, что веснянка „сѣянье проса" представляетъ остатокъ глубокой старины. Потебня отмѣчаетъ при этомъ попытку Сахарова усилить еще архаичность пѣсни передѣлкой нѣкоторыхъ выраженій, и затѣмъ говорить объ уподобленіи пѣсни другимъ хороводнымъ, въ коихъ дѣвичья сторона выдаетъ мужской дѣвицу, что внесло въ пѣсню о сѣяніи проса запутанность, причемъ ассимилирующими пѣснями, по предположенію П., были пѣсни о воротахъ. Наиболѣе древней чертой П. считаетъ, что сѣютъ просо дѣвицы, а топчутъ парни, причемъ сила пѣсни заключается въ символикѣ: конь— молодецъ, садить, сѣять—любить, и отсюда собирать посѣянное или „жито жаты", „брать ленъ" значитъ бракъ, „замижъ даты". Ближайшая затѣмъ статья (45—54) объ игрѣ и пѣснѣ „*ворота*" не имѣетъ самостоятельнаго значенія и тѣсно свя-

зана съ предыдущей статьей, по сходству пѣсенъ въ размѣрѣ и отчасти по мотивамъ. Выводъ тотъ, что въ весенней игрѣ отворянье воротъ связано было съ мыслью о выходѣ замужъ, при символикѣ: ворота—дѣвица, отворять—любить, затворять—забывать.

Обширная статья о малорусской весенней *игрѣ въ Воротаря* или въ передѣланномъ названіи „Володаря" (55—126) относится всецѣло къ миѳологіи. Это одна изъ самыхъ трудныхъ статей, по массѣ матеріала, массѣ ссылокъ, массѣ отступленій и экскурсовъ. Нѣкоторыя изъ миѳологическихъ обобщеній автора поражаютъ своею неожиданностью и вызываютъ большое сомнѣніе. Всю статью можно озаглавить иначе—„о солнцѣ и преимущественно зарѣ въ веснянкахъ и заговорахъ", и это заглавіе, не исчерпывая всей сущности статьи, полнѣе указываетъ на ея главное содержаніе, чѣмъ заглавіе „Воротарь". Игра въ воротаря состоитъ въ томъ, что играющія дѣлятся на два хора, изъ коихъ второй изображаетъ городъ, а поднятыя руки одной пары—ворота, въ которыя пробѣгаетъ первый хоръ. Первый хоръ проситъ воротаря пустить въ городъ, называя себя людьми князя Романа, панскими, царскими, вообще, людьми того, кому принадлежитъ и городъ. Второй хоръ требуетъ дара. Первый предлагаетъ серебро и золото (или пчелъ и медъ), затѣмъ предлагаетъ „мизинее дитя", которое играетъ на золотой дудочкѣ и даритъ золотые перстни, и тогда слѣдуетъ пропускъ въ ворота.

А. А. Потебня указываетъ на мнѣніе Антоновича и Драгоманова, что въ игрѣ скрывается память о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ и на медовую дань, и далѣе на мнѣніе Костомарова, что въ игрѣ находится символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года. Потебня допускаетъ, что въ пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII в., но считаетъ эту черту несущественной для объясненія самой игры и замѣчаетъ, что въ сходной сербской пѣснѣ говорится о войскѣ Стефана. Болѣе важными П. считаетъ черты, допускающія миѳологическое объясненіе игры, намекающія на сватанье и бракъ. „Мизиное дитя", по обстоятельному дока-

зательству Потебни, дѣвушка, невѣста, а въ болѣе древнемъ значеніи—солнце, причемъ и всѣ аттрибуты этой миѳической личности—яблочко, золотое яичко, золотой перстень—суть образы солнца. Далѣе на 40 страницахъ идутъ разные экскурсы, побочныя детали, которыя мы упомянемъ отдѣльно, а въ настоящемъ случаѣ, въ интересахъ пониманія главнаго содержанія статьи, перейдемъ сразу съ 58 на 93 страницу къ слѣдующему какъ бы заключительному выводу: „Первоначальная сцена здѣсь (въ игрѣ въ Воротаря) не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, въ которыя восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ заря (а можетъ быть и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зари, по другому съ медомъ. Это послѣднее воззрѣніе восходитъ ко временамъ гимновъ Ведъ—явленіе не болѣе странное, чѣмъ то, что самое слово медъ даже по своему склоненію (тема на *у*) непрерывно и независимо отъ посторонняго вліянія сохраняется отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ“.

Такова основная часть статьи, съ положеніями своеобразными, оригинальными. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя детали и отступленія, большею частью имѣющія самостоятельное значеніе и мало уясняющія главное содержаніе статьи. Соображенія весьма вѣроятныя чередуются съ соображеніями сомнительными. Не входя въ подробное изложеніе этихъ деталей, мы отмѣтимъ ихъ здѣсь по возможности кратко: на с. 58—62 говорится о *символахъ солнца*—золотомъ яблокѣ, перстнѣ, яйцѣ; на с. 62—78 объ отраженіи въ пѣсняхъ, заговорахъ и сказкахъ (преимущественно литовскихъ) представленія, что *солнце мать снаряжаетъ свою дочь и выдаетъ ее замужъ;* на страницахъ 69—74 находится цѣнный этюдъ о бытовомъ основаніи пѣсеннаго выраженія „крыть лѣса алымъ бархатомъ“, какой мотивъ встрѣчается въ веснянкахъ, пѣсняхъ свадебныхъ и купальскихъ, въ былевой пѣснѣ о Ксеніи Борис. Годуновой, записанной Р. Джемсомъ въ 1619 г., наряду съ мотивомъ о потерѣ перстня въ морѣ въ пѣсняхъ великор., малор., серб., что

говоритъ о глубокой древности этихъ мотивовъ; на с. 74—78 *о небесныхъ воротахъ и трехъ воротахъ* въ связи съ свадьбой; на 79—92 въ видѣ отступленія разборъ встрѣчающагося въ болг. и серб. пѣсняхъ мотива *„Вила строитъ городъ, женитъ сына, выдаетъ дочь“*, который, по объясненію П., принадлежитъ къ величальнымъ пѣснямъ; на с. 93—99 объ ассоціаціи въ славянской народной поэзіи представленій *зоря, ключи, роса, медъ;* на с. 99—103 о томъ, что *зоря даетъ долю* (сомнительно); на с. 103—107 этюдъ: *„отпиранье небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ“* (сближеніе маловѣроятное; факты, взятые изъ заговоровъ, очень шатки); на с. 107—11 *обращеніе къ зорѣ въ заговорахъ отъ разныхъ болѣзней* (интересный подборъ фактовъ), и на 111—126 рядъ выписокъ изъ пѣсенъ о близости представленій *росы* (медовой) и *косы* (дѣвства), о противоположеніи „дивоцькой“ и „парубоцкой“ красы и о *соколѣ*, какъ символѣ жениха.

На с. 124—125 находится замѣтка Потебни по вопросу *о литературныхъ заимствованіяхъ* въ пѣсняхъ. Нужно замѣтить, что Потебня не долюбливалъ теорію литературнаго заимствованія, и сужденія его по этому поводу не всегда убѣдительны. Такъ, Потебня говоритъ, что миѳологи, начиная съ Гримма и Вольфа, всегда признавали вліяніе церковнаго преданія, что, не устраняя теоріи заимствованія, нужно опредѣлить ассимилирующую силу народа при помощи прежде познаннаго, что симпатіи къ той или другой теоріи, „становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лозъ, которыя онъ клонитъ“, зависятъ отчасти отъ свойства научныхъ данныхъ, частью отъ „пристрастій и отвращеній, навязываемыхъ впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“. Потебня несомнѣнно склонялся на сторону лозъ, не вѣрилъ въ большую силу внѣшнихъ литературныхъ давленій, признавалъ за народнымъ преданіемъ значительную устойчивость и допускалъ довольно высокую культуру въ праславянской и даже дославянской древности, когда сложилась символика народныхъ представленій. Признаніе церковнаго преданія

миѳологами положеніе спорное, къ нѣкоторымъ ученымъ, (напр., къ Шварцу) неприложимое. Потебня находилъ, что „прямолинейность объясненія въ смыслѣ литературнаго заимствованія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ, какъ и противоположная, которая состояла бы въ признаніи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ" (стр. 125). Мысль несомнѣнно вѣрная; но также вѣрно и то, что чрезвычайно трудно, да и прямо невозможно пройти между этими прямолинейностями такимъ образомъ, чтобы не уклониться въ ту или другую, и А. А. Потебня, при всей осторожности въ пользованіи фактами, при величайшей научной добросовѣстности, иногда слишкомъ склонялся на сторону туземно-языческаго преданія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на миѳологическія толкованія колядокъ христіанскаго склада (65, 75—78); веснянки „церковь одмыкана. А хто въ тій церковци? золотее дитятко.—А що жъ воно робыть? Золотого ножика держитъ.—А що жъ воно крае? Срибнее яблочко" (на 64 стр.); свадебной пѣсни (точнѣе колядки) о томъ, какъ подъ воскресенье открылось небо и „та выдно церкви и монастыри и святыи престолы, а конецъ престола Маты Христова" и пр. А. А. Потебня говоритъ при этомъ, что небо, рай представляются церковью. А не будетъ ли вѣрнѣе другое предположеніе (отъ лозъ къ вѣтру), что въ основѣ этихъ и сходныхъ пѣсенъ лежитъ прямое, непосредственное знакомство съ церковью и словесное воспроизведеніе главныхъ и обычныхъ изображеній, церковнаго потолка или купола въ видѣ неба со звѣздами, престола и пр.

Статья о малорус. весеннемъ хороводѣ „*мосты*" (127—152) представляетъ развитіе замѣтки о мостахъ, какъ символѣ любви, въ диссертаціи „О нѣкоторыхъ символахъ" 1860 г. и статьи „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака" 1868 г. Игра и пѣсня „мосты" взяты у Чубин. III 83. Игра изображаетъ сватовство и бракъ. По припѣву (ладо мое) и содержанію эта игра того же разряда, что и „просо". Потебня приводитъ много варіантовъ пѣсни и игры „мосты", малор., польск., словен., хорут. и др. Кромѣ того, приведено много малор. свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ невѣста въ ожиданіи

жениха мостить мосты, кладетъ кладки. Отсюда эти образы переходятъ къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще. Потебня подробно развиваетъ ту мысль, что въ основаніи этого символизма лежитъ миѳическое представленіе о солнцѣ, опускающемся въ море. Миѳологическое толкованіе игры „мосты" развито главнымъ образомъ въ ближайшей затѣмъ статьѣ объ игрѣ *„вербовая дощечка"* (153—171), причемъ получается сочетаніе „дѣвица-верба", „дѣвица-солнце" и „солнце-верба". Въ статьи „мосты" и „вербовая дощечка" вошли мотивы: „невѣста сама идетъ черезъ мостъ"; „женихъ переводитъ невѣсту черезъ мосты калиновые (калиновый мостъ—дѣвство) или черезъ кладку" (при этомъ приведены гаданія о мостѣ и свадебный обрядъ перехода черезъ воду); „женихъ строитъ мостъ для невѣсты"; „собираніе разсыпаннаго (жемчуга и пр.) съ милымъ"; „милый и разсыпаетъ"; „соколъ (милый) просыпаетъ жемчугъ"; „соколъ похищаетъ просыпанный жемчугъ". По этимъ мотивамъ сгруппировано множество пѣсенъ великор., серб., болг., польскихъ, преимущественно малорусскихъ.

Статьи о весеннихъ играхъ *„въ горюдуба"* и о веснянкахъ, въ которыхъ *„дѣвица тонетъ"* (172—230), также построены на миѳическомъ толкованіи и также заключаютъ въ себѣ массу пѣсенъ на мотивы: „дубрава горитъ и дѣвицы ее тушатъ"; „превращеніе утонувшей" (тѣло въ рыбы, волоса въ траву и пр.); „о выростаніи дерева изъ утонувшей дѣвицы"; „превращеніе убитой или сгорѣвшей". Исходными пунктами при объясненіи *горюдуба* служатъ символическія объясненія: огонь—любовь, горѣть—любить, жаръ—жаль (отъ любви и вообще), сырыя дрова—горе, гасить—утѣшать.

Въ концѣ сочиненія разсмотрѣно нѣсколько петровочныхъ и купальскихъ пѣсенъ, подходящихъ по размѣру и содержанію къ веснянкамъ, причемъ наибольшій интересъ представляетъ разборъ двухъ пѣсенъ: „Ой не стый, вербо, надъ водою" (Чуб. III 205) и „Ой ты, ремезе, ремозеньку" (Гол. IV 38). Объясненіе пѣсни о ремезѣ сопровождается превосходнымъ историко-литературнымъ и этнографическимъ коментаріемъ (251—258).

Не останавливаясь на этомъ экскурсѣ Потебни, подробное изложеніе котораго заняло бы слишкомъ много мѣста (мы уже пользовались ранѣе этимъ экскурсомъ въ „культурныхъ переживаніяхъ“ § 161), я въ массѣ фактическаго матеріала и сближеній выберу двѣ детали, важныхъ по существу и характерныхъ для автора, для обрисовки его нравственной личности. Для удобства пониманія передаю эти детали вкратцѣ, съ устраненіемъ мелочей, варіантовъ:

1) *Веснянка и купальская.*

Ой нестий, вербо, надъ водою,
Не пускай гилля по Дунаю:
Ой Дунай море розлывае,
И день и ничъ прыбуває
Та въ верби корень пидмывае,
Изъ верху вершокъ усыхае.
Ой стань, вербо, на рыночку
У хрещатому барвиночку,
У запашному василечку...

Щедровка, вѣроятно, изъ веснянки.

Ой ты, ремезе, ремезоньку,
Та не вий гнизда на ледоньку,
Бо ся ледонько буде розбываты,
Твое гниздо потопаты.
Вий си гниздонько на явороньку,
Явиръ ся буде розвываты
Твое гниздонько покрываты.
Ой ты Васылю, Васыленьку
Не ставъ свитлоньки у тестенька...
Ставъ си свитлоньку у батеньки и пр.

Эти пѣсенные образы, различные по происхожденію, сближены между собою, и въ народной словесности, и въ литературныхъ передѣлкахъ или подражаніяхъ у двухъ писателей малорусскаго происхожденія, Сковороды († 1794) и Капниста († 1824), съ весьма различными пріуроченіями, у Сковороды въ пользу положенія, что „Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“, у Капниста для выраженія недовольства „низкимъ предѣломъ“ въ жизни.

Стихотвореніе Г. С. Сковороды.

Ой ты птычка желтобока,
Не клади гнизда высока;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вотъ ястребъ надъ головою
Виситъ, хощетъ ухватить;
Вашею живетъ онъ кровью.
Вотъ-вотъ ногти онъ острить

—

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою.
Буйны вѣтры повѣваютъ,
Руки явору ломаютъ.

Стихотвореніе В. В. Капниста.

Къ верху жаворонокъ вьется,
Надъ горой летитъ соколъ,
Выше облаковъ несется
Къ солнцу дерзостный орелъ.
Но летаетъ надъ землею
Съ мягкой травки на цвѣтокъ
Нѣжной пылью золотою
Отягченный мотылекъ.

—

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ:
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.

А вербочки шумять низко,
Волокуть мене до сна;
Тутъ течетъ поточокъ близко,
Видно воду ажъ до дна.

—

На что жъ ме·ѣ замышляты,
Что въ селѣ родыла маты?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется;
А я буду себѣ тихо
Корататы милый вѣкъ:
Такъ минетъ мене все лихо,
Щастливъ буду человѣкъ.

Случай какъ ни потрясаетъ
Урну, все успѣха нѣтъ,
Какъ жезломъ въ ней не мѣшаетъ
Жребій мой на дно падетъ.

—

Такъ и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоятъ;
Вѣтры буйные въ долинѣ
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жъ рокъ и тутъ озлится,
Что осталося?—Терпѣть!
Болѣ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный умереть.

2) Вторая интересная деталь состоитъ въ объясненіи пѣсенъ „Ой кудро, кудро кудрявая“ (на с. 247) и пѣсни „Ой шли чумаки зъ Украины“ (на 267). Промежуточные матеріалы (отъ 247—266) опускаемъ. Объясненіе этихъ пѣсенъ бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны, на высоко-моральное достоинство малор. народной поэзіи, съ другой—на философское къ ней отношеніе самого комментатора, А. А. Потебни, умѣвшаго открывать въ народной пѣснѣ глубокую мысль и доброе гуманное чувство. Громадная масса сыраго фактическаго матеріала не поглотила всего вниманія Потебни и не обратила его въ сухого схоластика. За сухимъ матеріаломъ, самая сухость котораго обусловлена тщательностью научнаго анализа, вносящаго мелкое дробленіе пѣсенъ, за этимъ сухимъ матеріаломъ мѣстами выступаетъ гуманная личность автора, живое чувство симпатіи къ народу вообще, къ человѣку въ частности.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ты, вербице зеленая!
Хто-жъ тоби, кудро, кудри взвывъ,
Хтожъ жъ тоби, вербо, корни пидмывъ?
—Ой звыли мене темни луги,
Темни луги, крути береги;
Звыла кудрята темна ничка,
Обмыла корни быстра ричка,
Обмыла корни быстра вода...
Ой я молода, якъ ягода,
Непійду замижъ за годъ, за два,
Та пійду замижъ ажъ пьятого...
За пьяниченку проклятого.

Ой кажутъ люде, що винъ непье,
Ажъ що вечера зъ корчмы иде.
Та пропывъ коня вороного,
Иде до дому по другого,
А я молода протывъ его
Несу рублика золотого
Выкуплять коня вороного.
„Ой якъ выкупышъ, люблю тебе,
Якъ невыкупышъ, убью тебе!“
Ой не разъ, не два выкуплала,—
Мени молодой одна шана:
Зъ хаты виконцемъ утикала,
Въ вышневимъ саду ночувала

Съ соловейкомъ розмовляла:
Соловеечко якъ техъ, такъ техъ!
А я молода якъ охъ, такъ охъ!
А зозуленька куку! куку!
За що жъ я терплю таку муку?

„Какъ веснянка, говоритъ А. А. Потебня о приведенной прекрасной пѣснѣ, это—предчувствіе; какъ непріуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (лугъ-берегъ=батько-маты); подмыла корни горькая доля. Недоля настигла, какъ ни откладывалось замужество, сколько ни тратилось замужемъ любви, смиренія, предупредительности. *И за что?* Характеристичный для малорусской пѣсни вопросъ безъ отвѣта". Дальнѣйшее замѣчаніе Потебни по поводу этого вопроса отнесено къ другой пѣснѣ, заключающей въ себѣ такой же вопросъ, „Ой шли чумаки", съ 5 строки:

Ой нарву я хмѣлю зеленого,
Накладу я вогню жаркенького,
Та наварю пыва пьяненького,
Та позову сестру багатую,
А вбога-небога сака прійде;
Посажу багату въ кинци стола,
А вбогу-небогу край порога,
Напою багату медомъ-выномъ,
А вбогу-небогу гиркимъ пывомъ.
Стала сестра сестру частуваты,
Стала сестра сестри вымышляты:
„Сестро жъ моя, сестро убога?
Колы бъ ты, сестро, така якъ я;
То бъ ты сыпила де теперъ я;
Колы бъ ты, сестро, такъ робыла,
Ты бъ въ такихъ латахъ не ходыла.
Що я раненько уставаю,
По два починки напрядаю,
Та свои скрыни наповняю,
Та свои диты зодягаю".
—Сестро жъ моя, сестро багатая!
Що я ранiй тебе уставлю,
По три починки направлю,
Та чужи скрыни наповняю,
Та чужи диты зодягаю!

„Здѣсь, говоритъ Потебня, какъ и въ построенной аналогично съ этою пѣснею „Ой кудро" обнаруживается стремленіе возвыситься отъ созерцанія личной участи къ болѣе широкому весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обозрѣніи которой можно въ ряду причинъ и слѣдствій найти отвѣтъ на вопросъ „почему", нѣтъ отвѣта на вопросъ „для чего" и находится отрицательный отвѣтъ на вопросъ „за что". Родственнаго воззрѣнія надо искать не въ христіанствѣ". Далѣе у Потебни находится нѣсколько выписокъ изъ Книги Іова и Экклесіаста, между прочимъ, слѣдующее: „И обратился я и видѣлъ подъ солнцемъ, что не про-

ворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда и не искуснымъ благорасположеніе; но время и случай для всѣхъ ихъ. Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣть и какъ птицы въ силки, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно нежданно находитъ на нихъ“.

Веснянки „просо“, „воротарь“, вербовая дощечка, „мосты“, дѣвица танецъ“ и др. разсмотрѣны по общности размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4); на основаніи этого размѣра съ веснянками сближено много другихъ пѣсенъ, свадебныхъ, петровочныхъ, купальскихъ, въ предположеніи, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ вышли изъ круга веснянокъ. Все существенное въ группировкахъ матеріала дано, однако, фактическими мотивами пѣсенъ, въ особенности символикой веснянокъ. Размѣръ представляетъ весьма шаткую почву для классификаціи пѣсенъ, шаткую въ особенности потому, что стяженіе и растяженіе размѣра встрѣчаются въ пѣсняхъ весьма часто. Одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, и одинъ и тотъ же напѣвъ, какъ замѣтилъ уже г. Нейманъ въ рецензіи на I т. „Объясненій“, можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію, въ особенности въ бытовыхъ пѣсняхъ.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ нравоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встрѣчаемъ и въ нравоописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, повидимому, не совмѣстимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разсказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындою. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іереміи Тисаровскому.

«Пріймп»,

говоритъ составитель ея,

«о Архіерею великій, значный,
Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачный,
За колѧдоу и щодрый дн҃ь книжечкꙋ тоую,

Котораѧ то презъ дѣтокъ деклѧмова́на
И длѧ оутѣхи на дн҃ь тотъ з дроукꙋ выда́на» [1]).

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху южнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разныя вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго паѳоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды,—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ" [2]). Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъдорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латинскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, напримѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтьми младшаго возраста и теперь не позабытыя:

«Я малый нахолокъ,
Родывся въ вивторокъ,
А въ середу рано

[1]) Импер. публич. библіотеки церковнослав. отд. I, 8, № 12.

[2]) Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

Мене въ школу дано.
Иду зъ школы—плачу
И свита не бачу,
Очи протыраю,
На карманъ позыраю,
Васъ съ праздныкомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
Якъ у поли квиточка,
Бильшъ ничого не знаю,
Тильки азъ да букы...
Пожалуйте мени грошыкъ у рукы»[1]).

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
А въ церкви бувавъ
И обо всимъ чувавъ:
Оце и вамъ звищаю
И съ празднykомъ Хрыстовымъ поздоровляю»[2]).

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростающей молодежи.

«Пане господару»,

говорится въ одной колядкѣ,

«Мы твого двору не мынаемо,
Вставай съ постели, одчыняй двери,
Прыйде до тебе Дива Мария,
Дива Мария и Святый Мыколай:
Сяде Мыколай у конець стола
Кныгы чытаты, тебе пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малии

---

¹) Чубинс. III, 435.
²) Безсонова „Калики перехожіе“, вып. IV, 47.

Богу молыться, старшымъ корыться?
Дива Марія стане пытаты,
Чы навчаешъ ты диты малыи
Кныгы чытаты, въ церковъ ходыты,
Святе Рождество празныкомъ чтыты,
Батька, матинку вирне любыты?» [1]).

Но молодость имѣетъ свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами колядкѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничные. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тепера дождались,
Що за шесть недѣль съ ковбасою опять повидались!
Я-жъ казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
Ажъ то люди ик святкамъ все ковбаси дбали,
Лишъ почули, що Рѣздво вже не за горами,
Не схотѣли болшъ сидѣти над огѣрками,
Заразъ стали шататись мижъ скоромнымъ крамомъ:
То зъ гусми, то съ курми, то зъ битимъ товаромъ» [2]).

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ колядкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность говорить о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля

---

[1]) Чубинс. III, 384—385.

[2]) Кіевс. Старина, 1889 г., Январь, 242.

по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сближать противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія пѣсни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи разсказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ по сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ раю, какъ „врагъ злосливій и не жичливій сталъ Еву намовляти", чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изъ рая:

«Богъ зъ раю сходитъ,
Ангелъ приходитъ,
Гнѣвъ Божій обявляе,
Грозно гукаетъ,
Мечемъ дмухаетъ,
Из раю вигоняетъ» [1]).

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ ея: „чого прыйшовъ до насъ самъ Богъ?" Разсказъ начинается ab ovo. Задумалъ Сатана „зривняться зъ Богомъ" и былъ низ-

---

[1]) Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кіевс. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный варіантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пропитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая, напечатанъ недавно въ ноябрьской кн. Кіевс. Старины за 1891 г., стр. 274.

верженъ за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаетъ въ гости Адама, и самъ является у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепріимста, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепріимства: „Адамъ яблука вкусывъ“. Въ этихъ трехъ словахъ разсказана вся сцена искушенія. За то ближайшія послѣдствія этого событія воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товарищъ съ него „и сорочку знявъ“. Приходитъ Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубывъ“, отвѣчаетъ Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаешъ гаю“, говоритъ ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ болѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“,—„а щобъ не смила яблукъ красты“, говоритъ Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искуситель низвергнутъ въ пекло, „де огонь горыть“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родывся самъ“.

«Родывсь Христосъ»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гуляе,
Е нова свытка и кожухъ,
И Ева въ плахти похожае,
И зновъ радіе духъ.
Теперъ и въ васъ жупаны нови,
Бо вы Адамови ридня...
Такъ будьте жъ зъ празднывомъ здорови,
Гуляйте, пыйте, хочъ-що-дня!» [1])

Дѣйствія Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ. въ его невоздержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана учителемъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ; къ сожалѣнію, неизвѣстно, отъ кого и когда.

его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли такой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христосъ и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе разсказывается о грѣхопаденіи Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ заграе,
Такъ ажъ дерево скакае».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустами,
А сопилку положывъ безпечно пидъ головамы»

Подкрался къ нему змій и

«Вырвавъ пыжъ изъ сопилкы.
Кынеться Адамъ,—ажъ дирочкы тилькя:
Свысь, свысь! Ажъ не грае,
Тилько сыпыть, а голосу не мае».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыдень даты“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,

говоритъ Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступыть иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьмы старшыноваты,
Стала вона зъ янцыболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ въянуть, якъ у зимку свекла,
Поробылыся кобзалкы до самого пекла.
Первый Каинъ пидскобзнувся, а за нымъ другыи,
Стали вже й добри люде кобзаться, а не тилькя злыи».

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего [1]).

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдався зелененькый,
Булы кошары готовеньки,
Прывилля для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пишлы у вербняжокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не такъ, якъ на морозъ". Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края въ край шагае
Таке велыке, ще й литае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголъ божый", который приказалъ имъ идти къ Виѳлеему „въ станю":

---

[1]) Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

«Тамъ е»,

сказалъ имъ Ангелъ,

«маленькее дытятко,
Отдайте ему се ягнятко:
Оце въ сю ничъ Хрыстосъ родывся,
Сынъ Божый зъ Дивы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь", продолжаетъ разскащикъ,

«Пишлы въ кошару до овець,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани", а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани"—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягнятко,
Щобъ не голодне було твое дытятко».

Замѣтили они, что

«Биля тіеи пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденькый чоловикъ,
Якъ будьто проживъ другый викъ».

Это былъ Іосифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идить у мыръ и повидайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взявъ,
А я», заканчиваетъ разскащикъ, «оце до васъ попавъ,
Щобъ васъ съ Риздвомъ поздоровляты» [1]).

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенные. На сцену является цѣлая толпа

---

[1]) Вирша записана въ харьковской губерніи отъ И. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюнь, 44—49.

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першый Никита, самъ Бога вита»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразъ запѣли.
Якимъ из Яцькомъ, а третимъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Пилипъ з Макаромъ ишли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесъ полови.
Данило по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привизъ горѣлки чтири барилки.
А тамъ у дверець тютюнъ и перець
Хима стояла и продавала.
Андрей и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всипавъ в горѣлку.
А една Дося спекла порося,
Нимъ Бога взрѣла, порося ззѣла.
Граеть ажъ мило въ дуду Кирило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю» [1]).

Варіантъ этой вирши съ припѣвами: „Аллилуя, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки [2]), но такъ какъ этихъ припѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для произношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши-колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣлывались въ вирши-ораціи. Въ этомъ взаимодѣйствіи вліяній

---

[1]) Рукопись церковно-археолог. музея при кіевс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ ироническими выходками на счетъ Литвиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калики перехожіе“, IV № 257 См. также у Чубинскаго, Труды экспед, т. III, № 100. вар. Б.

[2]) Чубинс. III, стр. 381, № 104.

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ[1]). Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается нравоописательная сила виршей-орацій, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія нравы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, разсказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ разсказъ соединяется большею частью съ разсказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-ораціи говорится, что цари пришли въ Виѳлеемъ съ востока.

«Дары поклалы и поздравлялы
Попысьменськи, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, повидимому съ бо́льшею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сидайте жъ у насъ»,

---

[1]) Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсенъ; таковы, напримѣръ, вирши, помѣщенныя у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

говоритъ онъ имъ,

«Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангелъ повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша [1]).

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецивъ, свитськихъ панъ-отцивъ", чтобы они ему „сказалы и прослебезувалы, де Хрыстосъ родыться мавъ". Тѣ указали на Виѳлеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума*,

«Дереть рукамы, скрегоче зубамы.
А речи зовсимъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячкы, по спыни чырячки...
Ковтуны въ чуби сталы...
Пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собакы пидъ хвостомъ.
Ризачка до пупа докучала,
Дуже въ животи бурчало...
Ликаривъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ, „диявольськый гайдамака":

«Не вмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы", такъ заканчивается вирша, „звеселимся, Христу-Рождеству и Божеству поклонимся" [1]).

---

[1]) Терещенко, „Бытъ русскаго народа", ч. 7, 68–69. Отсюда перепечатана эта вирша у Безсонова, см. „Калики перехожіе", IV, 27.

[1]) Кіевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гулака-Артемовскаго около 1848 года.

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть проклятый,
Сына свого не пускае,
Малыхъ дитокъ выбывае,
Голымъ мечемъ вырубае,
Кровъ невынну пролывае...
Плаче ненька и рыдае...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немае» [1])...

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаніи малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татаре и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ", „Иродового сына дытына"...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша-колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играють,
Гори и холми радость въ себѣ мають,
Поля и дуброви
Хвалить Бога вси готови,
И вси человѣци днесь весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Aароне, старій человѣче,
Сподобилеся жить въ небѣ вѣчне,

---

[1]) Чубинс.III, стр. 359, № 87, вар. Б.

Же Богъ-Месія
Съ твоего жезла возсія.
А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,
Грай весело, а Бога ся бой, бой,
Возграй, восклицай, веліимъ гласомъ викрикай!»[1])

Вирша-орація начинается изображеніемъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, диды пыво-меды, горилку варену
Кухлыкомъ пьють, съ кнышами труть свыныну печену,
Хлопци, дивкы навпередкы бигають пидъ хаткы,
И якъ вовкы, або свынкы, скыргычуть колядкы.
Паны, купци, славни кравци, шынкарство, мищане
Объ симъ Риздви уси въ нови убралысь жупаны».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гуля и, взявшысь у бокы,
Писни гука, бье гопака въ пидкивкы шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьють, писни гудуть". Глядя на это всеобщее ликованье,

«Старенькый Бигъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:
«Празднықъ душамъ, тильки Адамъ изъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастія: „важко здыхнувъ" онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христосъ родился. Небесный посланникъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло" и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться". Съ характерными пріемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирякъ, на лавку сивъ да и надивъ на нисъ окуляры"... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

[1]) Рукопись церк.-археологич. музея при кіевс. Академіи. № 252.

«Якъ прочытавъ, Еви сказавъ: «давай варенухы!»

Подкрѣпившись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ церемоній

«Зъ гыри знима капелюху,
На пень же ставъ тай прочытавъ той лыстъ всимъ до слуху,
И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
Беруть жинокъ, ведуть въ танокъ, затыкавшы полы.
Тіи бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
Сами-жъ стари, сыдя въ шатри, одъ радости плачуть.
Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
Писню святу Спасу-Хрысту зъ псалтыри чытае.
Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и риже въ сопилку,
Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку.
Куци чорты, мовъ ти хорты голодніи, скиглять,
Лапы грызуть, що попавъ рвуть, скрутылысь и пинять.
Супига-смерть соби жъ верть-верть и ляпъ-ляпъ кистками.
Смерте, вгаймусь!..
Нашъ Богъ-Хрыстосъ чортивъ, якъ осъ, подавыть ногою,
Зъ твоихъ кистокъ, смерте, трисокъ наробыть и гною,
Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробыть до раю.
Сымъ я Хрыстомъ, паны, зъ Риздвомъ васъ поздоровляю» [1]).

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ предкамъ въ набожности религіозной. Борьба за вѣру отцевъ, за „благочестіе", какъ говорили въ старину, наполняетъ много страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочинители праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдержанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

[1]) „Кіевская Старина", 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Пономаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списанъ въ 1888 г. въ Кролевец. у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіевс. Старина", 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду". Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, на сколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разныя точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ сквозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ разъѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и треволненіями, но мы не видимъ въ то-же время принципіальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-ораціяхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вечнаго плена нашого“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша разсказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперъ же я», говоритъ онъ,—
«позволяю зъ собою сыдити,
И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы“? восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,
«не знаешъ? Якъ винъ сюда прыйде,
То весь собранный нами народъ изъ пекла выйде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души, кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крипко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человѣкъ, но Соломонъ не замедлилъ поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровався“ [1]).

---

[1]) Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ И. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ раю. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, вполнѣ народной по языку, разсказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жиды подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Хрыстосъ бувъ на роботи,
Попалывъ соби чоботы,
Покиль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Прыбигъ швыдче къ Аарону
Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла годына та,
Чы выйшлы лита Хрыста?
Ааронъ очкы надивъ
И въ быблію поглядивъ».

Догадался и дьяволъ, что Христосъ воскресъ, и потому

«Злякався, затрусывсь увесь».

Но вотъ приближается Христосъ къ аду, разсыпались стѣны ада, спрашиваетъ Христосъ дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшалъ дьяволъ кочергою въ пеклѣ, вышла Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ,

«Ажъ Христосъ злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали праотцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафетъ, Авраамъ,

«Рудый богатырь Самсонъ,
Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
Наробывъ винъ въ пекли трусу,
Крыкнувъ Навину Исусу,
Щобъ винъ сонце прыдержавъ:
Адъ затрясся, задрожавъ».

Прибѣгаютъ праведники къ дверямъ рая. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
Задзвонывъ у райскый дзвонъ».

Зовутъ всѣхъ на обѣдъ:

«Тутъ посили вси за стилъ,
Подалы и хлибъ, и силь,
Кожному по чарци пыва.
Наробывъ Давыдъ тутъ дыва,
Прыударывъ въ гусли такъ,
Що пишовъ скакать усякъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины: Сарра, Рахиль, Лія, Ревека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ раю, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслями. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслями въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ [1]). А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святый Владыко,
Може, для тебе и дыко,
Що я виршъ таку сказавъ,
Да и пысанкы не взявъ.
Не доладня наша мова,

[1]) Изъ библіотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилохія, 1885 г., л. 17-й).

Да не збрешемъ мы ни слова,
Хочъ и сердце разверны,
То не найдешъ тамъ брехни.
Ты, Всевидець и Творець,
Висы начало й конець [1])».

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержанія, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину [2]). Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержанія одного изъ варіантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполитаго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

«Заразъ тая середъ рая свобода засила,
Тутъ тышына, вся старшына не мае къ имъ дила;
Тутъ сипуга, війтъ-пъянюга, вже не докучае,
И въ пидводу тутъ изъ роду нихто не хапае.
Вси подублы, що ихъ скублы, сильскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
Счезло лыхо, жывуть тыхо, не дають подачи» [3]).

Какъ бы то ни было, только отъ нравоописательныхъ виршей не далекъ былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

---

[1]) Кіевская Старина, 1888 г., № 1-й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ И. М. Звониковымъ отъ мѣщанина кіевскаго Плекуна. Мы изложили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

[2]) Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Скальковскаго и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г., Апрѣль.

[3]) Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Варіантъ этой вирши см. Терещенко, „Бытъ рус. народа“, ч. 6, стр. 112—115;—кіевс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ [1]), который

«Бувъ ледарь завзятый,
Батька й матиръ не поважавъ,
А все тильки пывъ та гулявъ;
На улыцю до дивчатъ першымъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщій можна було втикаты,
Якъ пипъ на выходъ почне благословляты;
Зъ чужымы жинкамы женыхався,
Та старыхъ людей цурався,
За его буйною головою
Не було никому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостолъ Петръ во снѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Жинокъ понапускалы,
Щобъ козакивъ на нови грихы скушалы.
Вже де-яки почалы женыхаться,
Щобъ у пекли на викъ позостаться.
А иншыхъ сталы горилкою частуваты,
Щобъ тильки спасенія перестали прохаты.
«Будешъ мени зъ пекла», говоритъ апостолъ, «козакивъ вызволяты,
Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣніе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товктысь по пеклу" и окончилъ миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало»,

---

[1]) Ibidem, 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчинской станицѣ Черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ, Вакулы Губы, въ 1835 г.

такъ заканчивается легенда,

«И такъ було бъ и пропало,
Та козакы почалы гришыты,
Та Господа гнивыты.
Зъ сего упять чорты понаплодылись,
Та пекло почалы робыты,
Щобъ де було козацькымъ грихамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

П. Житецкій.

БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ.

Извѣстно, какое важное мѣсто въ системѣ древняго польскаго, а затѣмъ и южно-русскаго воспитанія занимали пѣніе, инструментальная музыка, драматическія представленія, диспуты и діалоги на разныя темы. Такъ въ статутѣ хелмненской школы (въ Познанщинѣ) читаемъ: 1) „На всякую субботу должны поочередно быть призначены нѣсколько человѣкъ студентовъ, которые должны произносить небольшіе разсказы или исторіи въ присутствіи другихъ. Разсказы эти могутъ относиться къ жизни какого нибудь святого, къ историческимъ событіямъ, къ описаніямъ природы, или это могутъ быть поздравленія, рѣчи на случай свадьбы или похоронъ, разсужденія для доказанія чего нибудь, или фиктивныя рѣчи сеймовыя. 2) По крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ должны быть устраиваемы въ присутствіи шляхты (т. е. отцовъ и сродниковъ учениковъ) упражнительныя пренія по образцу сеймиковъ; для того надо опредѣлить 10 или 12 учениковъ, которые бы диспутировали pro и contra о матеріяхъ политическихъ, такихъ, какія обыкновенно бываютъ предметомъ сеймиковыхъ совѣщаній“ [1]). Хотя о драматическихъ представленіяхъ въ этомъ статутѣ ничего не сказано, но существованіе ихъ неоспоримо доказываетъ рукописная тетрадь, находящаяся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2455) и заключающая въ себѣ нѣсколько школьныхъ драмъ на польскомъ языкѣ, представленныхъ въ 1760, 1761 и 1762

---

[1]) *Józef Łukaszewicz* Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie litewskiem, т. III, стр. 413.

годахъ. Замѣчу кстати, что одна изъ этихъ драмъ имѣетъ своимъ основаніемъ извѣстную исторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Особенно годичные и полугодичные экзамены въ древнихъ польскихъ школахъ были устраиваемы съ большимъ торжествомъ и при стеченіи громадной толпы публики. Настоятели этихъ школъ, обыкновенно духовные, іезуиты или піары, заботились болѣе о томъ, чтобы изъ такихъ оказій дѣлать рекламу для своихъ заведеній и своего ордена, чѣмъ о томъ, чтобы дѣйствительно показать научные успѣхи своихъ воспитанниковъ. „Диспуты по теологіи, философіи и проч. въ школѣ Любранскаго въ Познани—говоритъ Лукашевичъ [1]) оповѣщаемы были обыкновенно афишами, которыя разсылались монастырямъ, мірскимъ духовнымъ и болѣе образованнымъ познанскимъ жителямъ и приклеивались на дверяхъ костеловъ". Въ польскихъ мемуарахъ XVIII в. есть множество упоминаній о торжественныхъ экзаменахъ, диспутахъ и проч., составлявшихъ вѣнецъ польскаго воспитанія того времени. Что и въ южнорусскихъ школахъ, устроенныхъ въ XVI и XVII вѣкѣ по образцу польскихъ, существовали такіе же обычаи, объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ, а прежде всего, имѣемъ на лицо довольно значительное число школьныхъ драмъ, сочиненныхъ воспитателями Кіево-Могилянской академіи въ XVIII вѣкѣ, а также еще болѣе значительное число виршей, кантовъ, поздравительныхъ стихотвореній, сочиненныхъ для такихъ оказій и частью печатанныхъ еще въ XVII и XVIII вѣкахъ. Какъ популярны были эти студенческія торжества и какую долю культурнаго элемента вносили они въ массу южнорусскаго населенія, объ этомъ достаточно будетъ привести одно авторитетное свидѣтельство. „Во время праздника Рождества Христова,—пишетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской эпархіи"—отборные студенты (Кіево-Могилянской академіи) и ученики ходили по домамъ со звѣздами, съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христово, но послѣ сіи представленія предоставлены це-

---

[1]) Тамже, стр. 505.

ховымъ мастерамъ, а вмѣсто того представлены *діалоги*, драмы. Въ ваканціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ—пѣвали по домамъ разные канты... представляли *діалоги*, комедіи, трагедіи и пр.... Пѣвческая и инструментальная музыка на разныхъ, а паче духовныхъ инструментахъ, по общей склонности къ оной малороссійскаго народа, была любимымъ упражненіемъ академистовъ... Въ три майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи обязанъ былъ для такихъ прогулокъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя *діалоги*... Въ философіяхъ и богословіи вмѣсто экзаменовъ были годовые публичные диспуты... въ промежуткахъ пѣты бывали канты съ инструментальною музыкою. Въ давнія времена всѣ диспуты производились только на латинскомъ языкѣ. Но въ послѣдствіи *для разумѣнія и простому, въ множествѣ стекавшемуся народу*, нѣкоторыя положенія оспариваемы были и на русскомъ (мѣстномъ) языкѣ. Въ промежуткахъ также ученики низшихъ классовъ говаривали разные *діалоги* и читали стихи" [1]).

Въ этой интересной выпискѣ мы нарочно подчеркнули слово „діалоги". Какъ видно, они на ряду съ кантами, комедіями, трагедіями и стихами составляли главный продуктъ той школьной литературы. А между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, именно изъ числа этихъ произведеній нашей старой письменности до сихъ поръ ничто не было опубликовано. Кантовъ и виршей имѣется въ печати довольное количество; еще въ XVIII вѣкѣ громадная масса ихъ вошла въ составъ почаевскаго „Богогласника", хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, соотвѣтственными видамъ его уніатскихъ издателей. Изъ области школьной драмы тоже значительная часть имѣющагося матерьяла приведена въ извѣстность, благодаря, главнымъ обра-

---

[1]) Описаніе Кіево Софійскаго Собора и Кіевской эпархіи, часть II, стр. 215, 216, 218, 223, 224.

зомъ, поискамъ г. Н. Петрова. Но что касается школьныхъ діалоговъ, то о нихъ мы до сихъ поръ не умѣемъ сказать ничего положительнаго, кромѣ самаго факта, что они когда то были въ большомъ ходу. Я не знаю, можно ли причислить къ этого рода произведеніямъ опубликованный въ „Кіевской Старинѣ“ „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей“, но несомнѣннымъ кажется мнѣ то, что интересныхъ разговоровъ Сковороды, опубликованныхъ въ томикѣ его сочиненій (С.-Петербургъ, 1861) сюда причислить нельзя. Это философскіе трактаты, въ которыхъ знаменитый „духовный Богочтецъ“ въ довольно замысловатыхъ аллегоріяхъ излагалъ свои идеи и воззрѣнія для собственнаго удовольствія и назиданія не многихъ друзей—вещи отнюдь не популярныя и недоступныя массѣ обыкновенныхъ слушателей. Значитъ, за вычетомъ этихъ вещей, мы не имѣемъ въ печати почти ни одного изъ многочисленныхъ и популярныхъ когда-то школьныхъ діалоговъ и не имѣемъ даже собранныхъ извѣстій о томъ, есть ли они еще гдѣ нибудь въ рукописяхъ.

А между тѣмъ нельзя сомнѣватся въ томъ, что приведеніе въ извѣстность этихъ, хотя и скромныхъ плодовъ нашей давней письменности, могло бы представить значительный интересъ для историка южно-русской жизни и литературы: историкъ южно-русскаго просвѣщенія нашелъ бы въ нихъ драгоцѣнныя бытовыя подробности и намеки, коихъ въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ иногда и искать напрасно. Особенно діалоги, составленные на „мѣстномъ русскомъ“, т. е. на малорусскомъ языкѣ, должны представлять большой интересъ въ отношеніи языка и фразеологіи.

Все сказанное должно, кажется, быть достаточнымъ поощреніемъ для любителей южно-русской исторіи и литературы къ разыскиванію и приведенію въ извѣстность сохранившихся еще въ разныхъ мѣстахъ древнихъ школьныхъ діалоговъ, и по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на южно-русскомъ языкѣ, хотя и въ діалогахъ латинскихъ и церковно-славянскихъ могутъ попадаться очень интересныя и цѣнныя частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти строки должны служить введе-

ніемъ къ тексту одного памятника, принадлежащаго несомнѣнно къ числу школьныхъ діалоговъ и найденнаго мною еще въ 1889 году, во время археологическо-библіографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ той-же рукописи, бывшей Подгорецкаго Василіанскаго монастыря, а теперь пріобрѣтенной львовской Ставропигіей, въ которой находится также фрагментъ „Книжицы Іоанна Вишенскаго“, описанный мною въ „Кіев. Стар.“.

Къ сожалѣнію, первый листокъ рукописи, гдѣ было оглавленіе и начало нашего діалога, утерянъ, и поэтому мы ничего не знаемъ ни о его авторѣ, ни о мѣстѣ и времени его составленія. Судя по рукописи, его нужно отнесть къ тому же времени, что и весь сборникъ, т. е. ко второй половинѣ или даже къ концу XVII вѣка. Я далъ этому діалогу заглавіе „Банкетъ духовный“, какъ онъ и названъ сейчасъ въ первой фразѣ разговора.

Діалогъ состоитъ изъ трехъ частей: стихотворнаго пролога, разговора, и стихотворнаго же эпилога. Судя по содержанію, сочиненіе это должно было быть произнесено при какой нибудь торжественной оказіи, можетъ быть, при годичномъ экзаменѣ, передъ многочисленной публикой, состоявшей главнымъ образомъ изъ отцовъ и сродниковъ учениковъ. Вѣроятно, прологъ и эпилогъ произнесены были или кѣмъ нибудь изъ старшихъ учениковъ, или даже самимъ учителемъ: особенно отечески наставительный а мѣстами патріотически-грустный тонъ эпилога наводитъ на это предположеніе.

Что касается самаго діалога, то онъ очевидно былъ предназначенъ для учениковъ меньшаго возраста, какъ объ этомъ сказано и въ эпилогѣ. Къ концу разговора попадаются нѣкоторыя частности апокрифическаго характера, какъ напр.—о непорочномъ зачатіи Іоанна Крестителя и пророка Іереміи, а также о томъ, что сыны патріарха Іакова, Исавъ (здѣсь ошибочно названный Савуломъ) и Іаковъ были близнецы и ссорились еще въ матерней утробѣ.

Текстъ нашего діалога, писанный мелкимъ полууставомъ, безъ ошибокъ и поправокъ, и сохранился хорошо, за исключе-

ніемъ утеряннаго заглавнаго листка, на которомъ было также начало пролога; изъ пролога сохранилось на слѣдующемъ листкѣ только 6 стиховъ. Языкъ діалога, какъ увидитъ читатель, обыкновенный литературный языкъ Южной Руси, выработавшійся въ XVI и XVII вѣкахъ. Правописаніе не послѣдовательное, титлы рѣдко попадаются (въ моей транскрипціи онѣ совсѣмъ устранены), твердый знакъ обыкновенно поставленъ надъ строкою въ видѣ ковычки, которую я тоже пропускаю; впрочемъ, воспроизвожу текстъ безъ всякихъ измѣненій.

Миронъ.

Банкетъ духовный.

ПРОЛЬОГЪ.

. . . .
. . . .
. . . .[1]

що въ діалогу теразнѣйшомъ маемъ
пребачте теразъ, васмосцювъ жадаемъ
кволи дѣтокъ котріе суть въ школѣ.
Будемъ розмовляти и родичомъ кволѣ,
бы на насъ были потомъ бачнѣйшіе
и до своихъ домовъ пріемнѣйшіе.

Пытанье. Прошу тя брате на банкетъ духовный, бысми на квестіе (sic!) отповѣдалъ, которіе ся будутъ мною освѣдчати.

Отповѣдь. И овшемъ, брате мой, пытайсе, на вшистко ти доводне зъ волею Божею отповѣмъ.

Пытанье. Много кратъ человѣкъ каждый на свѣтъ ся родитъ, добрая бы речъ о томъ знати.

Отповѣдь. Три разы родится. Першій разъ зъ отца и матки по плоти. Другій разъ предъ Крещеніе отъ воды и Духа. Третій разъ родится на змертвыхъ стане енералного суду Христова.

---

[1]) Недостаетъ неизвѣстное число строкъ.

Пытанье. Адамъ продокъ и праотецъ нашъ бывши въ раю и по выгнаню зъ рая много становъ въ собѣ малъ.

Отповѣдь. Чтыри станы въ собѣ мѣлъ. Першій гды былъ въ раю безъ грѣха. Другій по выгнаню зъ рая, третій во благовѣстіи новаго тестаменту Ісусъ Христова, четвертый въ остатномъ судѣ.

Пытанье. Душа человѣчая много становъ въ собѣ маетъ.

Отповѣдь. Три маетъ станы. Першій въ тѣлѣ, другій безъ тѣла, третій во божественномъ тѣлѣ по змертвыхъ встаню.

Пытанье. Душа если маетъ покой завше, пытаюся.

Отповѣдь. Не завше, брате, маетъ покой и добрая душа, гдыжъ въ тѣлѣ чоловѣчомъ бывши не маетъ покою, але война уставичная, ведлугъ псалма: отъ юности моея мнози борутся со мною страсти. По смерти зась маетъ дочасный покой, а по змертвыхъ встаню вѣчный одержитъ покой.

Пытанье. Южъ о томъ досытъ. Пытаю жъ тя еще, если и крещенный, якъ жесь ся окрестилъ.

Отповѣдь. Окрестилемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Пытанье. Если есь ся окрестилъ якъ вѣришъ.

Отповѣдь. Вѣрую якъ церковъ каѳолическая вѣритъ и якъ вызнаваетъ символъ апостолскій: Вѣрую во единаго Бога и проч., при томъ статечне стою и умираю.

Пытанье. А якъ же церковъ каѳолическая вѣритъ.

Отповѣдь. Вѣритъ въ Отца и Сына и Святого Духа, въ Троицу единосущную, три персоны а божество едино, вѣритъ въ отца безлѣтнаго, Сына отъ Отца предъ вѣки рожденнаго, подъ лѣты засе зъ матери Дѣвы Маріи дѣвствомъ (sic. вм. дѣйствомъ) Святого Духа. Вѣритъ Духа Святого отъ Отца исходящого, Сыномъ посылаемаго. Вѣритъ ижъ святыя молятся завше о насъ. Пріймуетъ образъ Святыхъ для окрасы своей. Вѣритъ змертвыхъ встаню и царствію небесному.

Пытанье. Естъ ли якая таемница въ церкви.

Отповѣдь. Таемницъ въ себѣ церковъ святая замыкаетъ седмъ, которіе называются сакраментами. Першій сакраментъ крещеніе, другій помазаніе миромъ святымъ, третій евхаристіе

то есть причастіе тѣла и Крове Христовой, четвертый покаяніе любо тежъ епитемія, пятый священство, шестый малженство, седмый елеомъ святымъ остатнее помазаніе.

Пытанье. Доводне ми брате на все отповѣдаешъ. И еще тя пытаю, могутся тые сакрамента повторяти.

Отповѣдь. Не всѣ ся повторяютъ, едно чтыри.

Пытанье. А которіежъ ся повторяютъ и не повторяютъ.

Отповѣдь. Якомъ реклъ перше, чтыри сакрамента могутъ ся повторяти, то есть малженство, покаяніе, причастіе тѣла и крове христовы и елеомъ помазаніе. А трохъ не повторяютъ: крещеніа, миропомазаніа и священства. Кто бы ихъ мѣлъ любъ важился повторяти, грѣшитъ смертелне.

Пытанье. Много крещеній признаваемъ.

Отповѣдь. Три крещеній знаю. Первое пустынно слезное, второе мученическое, третее отъ воды и духа.

Пытанье. Въ старомъ законѣ кто фѣгуровалъ крещеніе.

Отповѣдь. Авраамъ отъ обрѣзанія и Мойсей отъ моря чермнаго.

Пытанье. Въ новой благодати кто впредъ крещеніе освѣдчилъ и покаяніе.

Отповѣдь. Іоаннъ Креститель на Іордани, котрый крестилъ водою але недосконале: бо самъ ознаймилъ, я васъ крещаю водою, грядый по мнѣ той васъ крестити будетъ огнемъ и духомъ; а то давалъ о приходѣ Сына Божіа знати, отъ котораго вси рѣчи досконалыми стали.

Пытанье. Въ старомъ законѣ читаемо, гды Мойсей на горѣ сынайской зъ Богомъ розмовлялъ предъ чтыри десятъ дній, що тамъ за розмова была и що за приказаня стондъ отнеслъ.

Отповѣдь. Трудная то речъ на мене таемници Божіе знати, еднакъ вкоротце ведлугъ науки моей плохой отповѣдаю. Розмовлялъ Богъ предъ ангела до Мойсея даючи знати бытность Адамову въ раю и о выгнаню его зъ рая, и о потопѣ и о Авраамѣ и якъ мѣлъ людъ Божій рядити и научати. Маемо тоей размовы пять книгъ Мойсеовыхъ. Давалъ тоежъ знати и о приходѣ Сына Божія единороднаго на земли.

Пытанье. Вижу тя брате мой, же писмо добре памятаешь, ещежъ ми повѣжъ, много приказаній Мойсей зъ горы сынайской знеслъ и на чомъ пысаныи.

Отповѣдь. Десять приказаній на камени предорогомъ перстомъ Божіимъ пысаный Мойсей зъ гори знеслъ. Первое приказаня, Я естемъ и Господь Богъ твой изведый тя отъ земли египетскія, абысь не мѣлъ боговъ опрочь мене. Вторая заповѣдь, абысъ болвановъ поганскихъ не мѣлъ и не кланялся имъ. Третяя абысь не бралъ на даремне имене Господа Бога твоего. Четвертая, памятай день святочный святити его. Пятая, чти отца твоего и матеръ, да благо ти будетъ и будеши долголѣтенъ на земли. Шестая не убиеши. Седмая не прелюбы сотвориши. Осмая не украдеши. Девятая абысъ на ближняго своего не свѣдчилъ фальшиве. Десятая абысъ не прагнулъ жены ближнего своего, анѣ маетности его, и всѣхъ речій що колвекъ маетъ ближній твой.

Пытанье. А оныежъ таблицѣ, на которыхъ приказане божое написано было, стовклися и въ порохъ обернулися, ажъ повторе росказалъ Богъ Мойсеови на гору сынайскую пойти. Но приказане, що то значило.

Отповѣдь. Значило въ моемъ плохомъ разумѣ то, же якъ першии ся таблицѣ скрушили, такъ засъ неблагодарный ласки Божей людъ жидовскій мѣлся о землю на вѣки ударити и такъ оное ударене внѣвечся обернуло, такъ власне и народъ жидовскій предъ невѣрство внѣвечся оборочаетъ. Другіе засъ таблицы, которіе въ цалѣ зостали, значило (sic!) новый людъ християнскій, которій въ цалѣ и въ ласцѣ Божой оплываютъ (sic!) вѣчне.

Пытанье. У которомъ законѣ два завѣта тую моцъ маютъ, на которихъ увесь законъ и пророци зависли, если бысь памяталъ, прошу ознаймити.

Отповѣдь. Памятаю: любити Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, то першій завѣтъ. Другій, любити ближняго своего якъ себе самого.

Пытанье. Сила цнотъ богословскихъ признаваешъ.

Отповѣдь. Три цнотѣ: вѣра, надѣа и любовъ.

Пытанье. Сила засъ грѣховъ смертелнихъ вѣдаешъ.

Отповѣдь. Седмъ грѣховъ смертелнихъ знаю, пыха, лакомство, нечистота, заздрость, гнѣвъ, обжирство, лѣнивство.

Пытанье. Много учинковъ милосердныхъ признаваешъ.

Отповѣдь. Седмъ, голодного накормити, прагнущого напоити, нагаго одѣти, въ темници сущаго свободити, хораго навѣдити, страннаго въ домъ свой пріяти, мертваго до гробу отпровадити.

Пытанье. Презъ що человѣкъ збавленный можетъ быти.

Отповѣдь. Презъ молитвы и постъ и милостиню.

Пытанье. Презъ якіе речи Адамъ въ раю согрѣшилъ.

Отповѣдь. Для пяти речий: презъ виденіе очима, презъ слухъ ушима, презъ осязаніе рукама, презъ запахъ ноздрій.

Пытанье. На якіе речи человѣкъ повыненъ завше памятати.

Отповѣдь. На чтыри, то есть на смерть, на судъ, на пекло и царство небесное.

Пытанье. Еще ся до квестій посполитыхъ людій удаймо. Пытаю тя брате, далекъ (?) земля найвыше стоитъ.

Отповѣдь. Въ единствѣ христовомъ зо чтырехъ елементовъ, поневажъ въ тѣлѣ увелбенномъ надъ всѣ небеса сѣдитъ по правици отца своего.

Пытанье. Многихъ святыхъ находимъ, которіе еще въ утробѣ матчиной освятилися, якъ бись ми о томъ выводилъ.

Отповѣдь. Напродъ опрочь самаго Христа сына Божія, которій не отъ крве але отъ самаго духа святаго плодъ пріемъ, пресвятая Богородица, Іоаннъ Креститель и пророкъ Іеремѣа.

Пытанье. Которіи дѣти сварилися первѣй, нижъ ся народили.

Отповѣдь. Сыны Ісааковы близнята Савулъ и Іаковъ нѣмъ ся народили, въ животѣ матчиномъ войну точили, бо одинъ другаго за ногу тягнулъ.

Пытанье. Кто Божіе приказане выполнилъ а естъ затрачонъ.

Отповѣдь. Іуда, бо гды ему Ісусъ Христосъ предъ страстію своею реклъ: товарищу, отправуй тое, по щось пришолъ.

Пытанье. Кто по смерти илъ и пилъ и южъ болше не умиралъ.

Отповѣдь. Ісусъ Христосъ.

Пытанье. Кто первій ся народилъ нѣжели отецъ и матка.

Отповѣдь. Дѣти Адамовы, понеже Адамъ не есть рожденъ але сотворенъ.

Пытанье. Еще ти брате едну квестію задамъ, а въ томъ и скончимо. Много водъ естъ найчистшихъ.

Отповѣдь. Пять. Первая при Крещеніи, другая Іорданская, третяя слезы, которіи за грѣхи вытѣкаютъ, четвертая слезы дѣтей малыхъ, же гды ихъ родичове за выступки карутъ и въ школѣ, пятая котрая на млинъ идетъ.

Досытъ южъ, брате мой милый, розмовляти, досытъ, бысмо часу не обавили, бо якъ вижу на все ми доводне отповѣлес. Научимся многихъ рѣчій, за що благодару Бога моего, и тобѣ за таковый банькетъ и розмову вельце дякую.

ЕПѢЛЬОГЪ.

Южъ дошелъ конецъ, на томъ теразъ стало,
Пребачте, бо ся розне мотало.
Здало бы ся было вамъ уконтентовати,
Цные слухаче, болше банькетовати.
Еднакъ кто слухалъ и писма не знаючи,
Сила зрозумѣлъ, въ памяти маючи.
Вшисткихъ заровно просимъ, пребачте,
Якъ то отъ дѣтей, ласкаве пріяти рачте.
А свое дѣти до школы давайте,
Бы ся учили въ школѣ шановати,
Родичовъ своихъ, якъ тежъ и Бога знати.
Не допущайте дѣтемъ своей волѣ,
Не поблажайте, хочь выбютъ въ школѣ.
Слезы то чистые очи вытискаютъ,
Гды капость у школѣ дѣти пріймаютъ.
Але, якъ бачу, всѣ ходятъ по воли,
Ажъ хиба сотый дасть хлопця до школы.
Для того вѣра въ Россіи угасаетъ,
Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
Предъ що подданство срогое настало,
Чемъ панство нашей Россіи упало,

Поневажъ вѣкъ свой въ пестотѣ стравили,
А въ наукахъ бы на мнѣ ся не бавили.
Жаль то незносный мѣвши та не мѣти,
Прето давайте до школъ свои дѣти.
Досыть бы на томъ молитвы умѣти,
И вѣру свою строха зрозумѣти.
При семъ и тое вамъ до слуховъ приносимъ,
За якую колвекъ працу оремусу [1]) просимъ.

[1]) Лат. Oremus—помолимся.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.

Авторъ записокъ, отрывки которыхъ мы печатаемъ на страницахъ „Кіевской Старины“,—Автономъ Акимовичъ Солтановскій родился въ 1826 году и былъ уроженцемъ Подольской губерніи. По окончаніи въ 1849 году философскаго факультета университета св. Владиміра, онъ до 1864 г. былъ преподавателемъ въ ровенской гимназіи, занимая сначала должность учителя „наукъ историческихъ“, а затѣмъ русской словесности. Въ 1864 году Солтановскій былъ назначенъ инспекторомъ каменецъ-подольской гимназіи и исправлялъ должность директора народныхъ училищъ Подольской губерніи; но оставался въ этой должности всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Приглашенный въ томъ же 1864 году на службу въ Царство Польское, онъ получилъ назначеніе начальникомъ сувалкской учебной дирекціи, а въ 1871 переведенъ въ Плоцкую, гдѣ и служилъ до своего выхода въ отставку 1 августа 1875 года. Затѣмъ онъ поселился въ гор. Брацлавѣ, Подольской губ., гдѣ и умеръ 16 іюля 1886 года, 60 лѣтъ отъ роду.

Печатаемыя нами записки любезно доставлены въ редакцію супругой покойнаго, Флорой Ивановной Солтановской. Подлинникъ ихъ, который хранится теперь въ редакціи „Кіевской Старины“, писанъ рукою самого А. А. Солтановскаго. Вся ру-

копись заключается въ 11 довольно толстыхъ тетрадяхъ, хотя, кажется, конца въ ней недостаетъ, потому что послѣдняя тетрадь обрывается неожиданно, на полусловѣ.

Записки обнимаютъ собственно время съ 1846 года (годъ поступленія Солтановскаго въ университетъ) по 1867-й, хотя авторъ говоритъ и о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи, равно какъ и о времени болѣе позднемъ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ,—но говоритъ объ этомъ при случаѣ, мимоходомъ. До переѣзда Солтановскаго въ Польшу, приблизительно до 1864 года, записки носятъ характеръ воспоминаній, а затѣмъ переходятъ въ дневникъ, отчасти, конечно, теряя отъ этого въ интересѣ, главнымъ образомъ, со стороны литературной и какъ характеристикъ, хотя фактами онѣ остаются, по прежнему, богаты.

А. А. Солтановскій, какъ видно изъ его записокъ, былъ человѣкъ наблюдательный, съ передовыми взглядами по многимъ вопросамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ умѣвшій серьозно и критически относиться къ окружавшей его дѣйствительности.

Записки А. А. Солтановскаго, думается намъ, представляютъ цѣнный матеріалъ для характеристики русскаго общества и русской администраціи въ юго-западномъ краѣ передъ возстаніемъ 1863 года. Особенно ярко у автора нарисовано состояніе средней школы, нравственнаго уровня ея учителей (характеристика ровенской гимназіи) и административныхъ порядковъ кіевскаго учебнаго округа—вѣдомства, наиболѣе близкаго автору, и съ которымъ онъ, слѣдовательно, лучше всего былъ знакомъ. Много цѣннаго содержатъ записки и для характеристики дѣйствій учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ. Приходится искренно пожалѣть, что мы, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, можемъ помѣстить только отрывки изъ этихъ замѣчательно-интересныхъ записокъ, правдивость которыхъ (за исключеніемъ мелочей, что́ объясняется простой забывчивостью) мы имѣли возможность провѣрить справками у нѣкоторыхъ современниковъ описываемыхъ авторомъ событій. Такъ, все касающееся давней кіевской жизни провѣ-

рено нами указаніями одного почтеннаго старожила кіевскаго, пребывающаго безвыѣздно въ нашемъ городѣ съ 1835 года и стоящаго довольно близко къ той средѣ, которой касаются передаваемые факты. Ему, между прочимъ, мы обязаны поправками и дополненіями, помѣщенными нами въ примѣчаніяхъ.—Ред.

Кіевъ въ 1846 году, если не считать церквей и монастырей, былъ городъ болѣе деревянный, чѣмъ каменный. На Крещатикѣ я помню только двухъ-этажный домъ почтамта и какой-то большой въ три этажа домъ, еще неоконченный; сверхъ того, нѣсколько каменныхъ лавокъ, да еще два-три дома между Институтской улицей и другой, поднимавшейся къ крѣпости мимо царскаго сада [1]). Всѣ прочіе дома были одноэтажные, деревянные, крытые гонтой, какъ напримѣръ, домики профессоровъ университета Нейкирха и Деллена. На старомъ Кіевѣ, помнится, было два или три одноэтажныхъ дома изъ камня, да двухъ-этажный домъ Анненковыхъ съ лавочкою, въ которой продавались иконы, и еще одинъ домъ между Андреевскою церковью и Михайловскимъ Монастыремъ, кажется, Должикова, и другой въ саду, противъ Михайловскаго Монастыря, въ которомъ жилъ предсѣдатель Казенной Палаты Жандръ. Были и двѣ ветхія деревянныя церкви; одна изъ нихъ—„Скорбящей Матери Божьей", которую каждую Субботу посѣщала вся кіевская знать женскаго пола, и гдѣ часто бывалъ всемогущій генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ.

Старый Кіевъ еще былъ обнесенъ тройнымъ валомъ, начинавшимся отъ Десятинной церкви, возобновленной купцами[2]) Анненковыми, и тянувшимся до Козьяго болота, съ перерывомъ

---

[1]) Нынѣшняя Александровская улица—Ред.

[2]) Десятин. церковь реставрирована была Анненковымъ, который былъ не купецъ, а помѣщикъ курской губерніи. Какъ гласила молва, самое возобновленіе храма задумано было Анненковымъ въ виду необходимости загладить этимъ какое-то темное дѣло, считавшееся за нимъ.—Ред.

въ золотыхъ воротахъ. Были на старомъ Кіевѣ запустѣлые неогороженные сады и разваливающіяся лачужки, вросшія въ землю. Одна изъ нихъ находилась противъ Софійскаго собора, подлѣ развалинъ церкви Св. Ирины. На старомъ Кіевѣ не было вовсе лавокъ. Между Золотыми воротами и университетомъ былъ пустырь, на которомъ стояли ветхіе деревянные провіантскіе магазины. Все пространство между университетомъ, валами и нынѣшней житомирской заставой, представляло пустырь, изрытый оврагами и холмами, и на немъ далеко, на возвышенномъ мѣстѣ виднѣлось зданіе обсерваторіи. За Ботаническимъ садомъ строилось большое зданіе какой-то тюрьмы [1]), а оттуда къ Лыбеди и митрополичьей рощѣ стали строиться маленькіе деревянные домики, крытые гонтой и дранью; такими же домиками застроено было все пространство налѣво до Васильковской улицы и заставы—Новое строеніе. Такъ что вся эта мѣстность представляла совершенную деревню. Только подлѣ самаго университета находился недурной домикъ профессора философіи Ореста Марковича Новицкаго и каменное одно-этажное зданіе анатомическаго театра. Оранжерея въ Ботаническомъ саду была уже устроена; но садъ только что планировался и засаживался подъ руководствомъ ученаго огородника и профессора Траутфеттера, впослѣдствіи ректора Кіевскаго университета и наконецъ директора Горыгорецкаго земледѣльческаго института. На Васильковской улицѣ тоже стояли старые деревянные дома, но было и нѣсколько каменныхъ одно-этажныхъ, напр. аптека. Было тамъ и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Передъ университетомъ былъ пустырь, заканчивавшійся деревяннымъ домишкой профессора Виленскаго университета Здановича, глубокаго старика, который ежедневно исповѣдывался и пріобщался въ костелѣ и пользовался большимъ вліяніемъ на польскую университетскую молодежь. Онъ говорилъ только по польски. На правой сторонѣ пустыря стояли два новыхъ одно-этаж-

---

[1]) Такъ называемыя нынѣ „гражданскія арестантскія роты“ по Бибиковскому бульвару, за памятникомъ гр. Бобринскому.—Ред.

ныхъ каменныхъ дома бывшаго Ровенскаго, а затѣмъ Житомирскаго директора гимназіи А—ва, котораго Бибиковъ наконецъ удалилъ за страшное взяточничество и крайне безнравственную жизнь.

По лѣвую сторону пустыря тянулся къ Крещатику бульваръ, засаженный молодыми чахлыми каштанами [1]), а за нимъ подъ старо-кіевскими валами вытягивалась улица къ Крещатику-же со вновь строющимися полутора-этажными каменными домами [2]). Прямо съ бульвара можно было, поднявшись по тропинкамъ на гору, пройти къ крѣпости черезъ такъ называемые „кресты". Кресты располагались въ оврагахъ и состояли изъ развалившихся лачужекъ и землянокъ, гдѣ жилъ самый забубенный людъ: низшаго сорта уличныя проститутки, пьяницы, воры, спившіеся отставные чиновники, строчившіе ябеды, и самые бѣдные рабочіе и ремесленники. Черезъ „кресты" проходить днемъ было небезопасно, а ночью положительно невозможно. Около крѣпости на горѣ была какая-то бѣдная часть города съ каменною церковью св. Ильи [3]), толкучимъ рынкомъ, гдѣ ежедневно продавались жителями „крестовъ" и солдатами ворованныя вещи, и гдѣ осенью и весной люди, безъ преувеличенія, тонули въ грязи. Аристократическою частью считались Липки, гдѣ жили высшіе чиновники въ собственныхъ одно-этажныхъ домахъ съ садиками и нѣсколько помѣщиковъ. Тутъ же былъ 2-хъ этажный домъ вице-губернатора, богача Фундуклея [4]), впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта, и основанное имъ какое-то женское училище; тутъ же въ особой улицѣ по направленію къ Васильковской части находилось каменное зданіе первой гимназіи, пансіонъ француза Гедуана и огромный домъ съ круглымъ фронтономъ и колоннами генерала Сулимы. Противъ

---

[1]) Тополями.—Ред.

[2]) Нынѣ Фундуклеевская ул., прежде называвшася Кадетской.—Ред.

[3]) Очевидная ошибка: вѣрнѣе всего церковь св. Ольги на Печерскѣ.—Ред.

[4]) Фундуклей жилъ не въ собственномъ домѣ, а въ нанятомъ домѣ генерала Рудзевича въ Липкахъ.—Ред.

царскаго сада [1]) шли каменные двухъ-этажные дома; въ одномъ изъ нихъ прежде помѣщался университетъ, когда студентовъ было едва нѣсколько десятковъ. Отъ Никольскаго монастыря и зданія арестантскихъ ротъ до Плацъ-параднаго поля передъ крѣпостью тянулись каменные Никольскіе ряды съ книжнымъ магазиномъ одного изъ Литовыхъ и книжною лавкою другого Литова; продавались тутъ также матеріи, ситецъ, сукно и прочее. Плацъ-парадное поле имѣло съ одной стороны крѣпость, а съ другой улицею отдѣлялось отъ двухъ-этажныхъ домовъ, изъ которыхъ въ первомъ, крайнемъ, помѣщалась гостинница, та самая, гдѣ былъ арестованъ во время царскаго смотра, по личному повелѣнію Николая Павловича, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края, владѣлецъ мѣстечка Тульчина, графъ Мечиславъ П—кій. Внизъ къ Днѣпру отъ царскаго сада и Никольскаго монастыря лѣпились по обрывамъ и оврагамъ лачужки; тамъ же среди кладбища стояла на Аскольдовой могилѣ круглая, небольшая каменная церковь. Посѣщали это уединенное мѣсто и разгульные студенты. Часто между ними и монахами Никольскаго монастыря и Лавры происходили серьезныя столкновенія.

Болѣе всего каменныхъ домовъ было на Подолѣ; тамъ сосредоточивалась вся кіевская торговля; тамъ присходила въ концѣ января мѣсяца знаменитая ярмарка, извѣстная подъ названіемъ кіевскихъ контрактовъ. На контракты свозились товары изъ всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи; пріѣзжали иностранные купцы; жиды—торговцы и факторы кишѣли тысячами на Подолѣ. Въ контрактовыхъ залахъ расположены были всевозможные товары. Въ другихъ залахъ день и ночь шла азартная карточная игра; проигрывались тысячи, десятки и сотни тысячъ, исчезали цѣлыя имѣнія. Игру часто велъ знаменитый шулеръ С—ичъ. Всѣ помѣщики, всѣ магнаты юго-западнаго и сѣверо-зап. края и даже царства польскаго являлись

---

[1]) Не противъ сада, а нѣсколько дальше—противъ теперешняго дворцоваго парка.—Ред.

сюда поиграть, покутить, а также покупать, продавать или арендовать имѣнія и послушать знаменитыхъ артистовъ: піаниста Листа, віолончелиста Серве, поляка Коссовскаго и многихъ другихъ, поочередно посѣщавшихъ Кіевъ во время контрактовъ. Конечно, не обходилось на этихъ съѣздахъ безъ политическихъ совѣщаній: гдѣ только собиралось нѣсколько польскихъ пановъ—тамъ непремѣнно затѣвались бесѣды о мѣрахъ къ возстановленію Польши и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ—отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго до Чернаго моря и Карпатовъ. О С—ичѣ разсказывали чудеса. Гдѣ-то въ Италіи онъ сорвалъ игорный домъ и съ милліонами прибылъ въ Вѣну, но тамъ все спустилъ, и самого его спустили изъ окна второго этажа на улицу. Тогда ему пѣшечкомъ, прося подаянія, пришлось пробираться къ семьѣ въ свою маленькую деревеньку въ Волынской губ. Контракты всегда выводили его изъ затрудненія. Онъ заключалъ въ Дубно условіе съ богатымъ балагулой (еврейскимъ извощикомъ). Тотъ долженъ былъ его на свой счетъ въ каретѣ доставить на контракты въ Кіевъ и всю дорогу и первые дни въ Кіевѣ содержать его по-магнатски и дать денегъ на разживу. Затѣмъ, когда фонды С—ича поднимались въ гору, онъ расплачивался съ балагулой. На Подолѣ особенно выдавались зданіе контрактовыхъ залъ и складъ стекла и хрусталя Мальцева, расположенный на набережной Днѣпра. Самая богатая лавка всевозможныхъ товаровъ принадлежала купцу Барскому, изъ кіевскихъ православныхъ мѣщанъ.

Не помню, въ 45 или въ 46 году былъ на контрактахъ и магнатъ, владѣлецъ Тульчина, крайне эксцентричный человѣкъ, графъ Мечиславъ П—кій. Одни о немъ говорили, что онъ вдовъ; другіе, что въ разводѣ съ первою женою, русскою изъ родовитыхъ вельможъ, которая не вынесла его характера и съ какимъ-то генераломъ, квартировавшимъ въ Тульчинѣ, бѣжала въ Одессу. Графъ ее преслѣдовалъ. Никто не зналъ, что тамъ произошло; извѣстно только, что П—кій высланъ былъ на жительство въ одну изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній, а спустя нѣкоторое время былъ возвращенъ въ свои имѣнія. Въ одинъ изъ означенныхъ выше годовъ, во время контрактовъ,

П—кій встрѣчалъ въ театрѣ и въ концертахъ семейство покойнаго полковника войскъ польскихъ П—о-Ш—каго, состоявшее изъ матери и двухъ красавицъ дочерей. Онѣ были совсѣмъ бѣдны, но какъ-то умѣли держаться въ высшемъ кіевскомъ аристократическомъ обществѣ и жили въ собственномъ домѣ въ Липкахъ. За старшей дочерью приволакивался генералъ-губернаторъ, и не смотря на то, что ему было больше 60 лѣтъ и не имѣлъ одной руки, онъ, какъ говорили, нравился красавицѣ и своими манерами, и своими чудными глазами, горѣвшими, какъ два раскаленныхъ угля, и своимъ богатырскимъ ростомъ, и статной фигурой. Конечно, она не могла разсчитывать на бракъ съ Бибиковымъ: у него въ Петербургѣ была жена и два взрослыхъ сына, кажется, въ Петербургскомъ университетѣ. П—кій забралъ о семействѣ Ш—кихъ справки и въ одинъ прекрасный день явился къ нимъ. Доложили Ш—кой матери, что графъ Мечиславъ П—кій пріѣхалъ къ ней по важному дѣлу. Ш — кая поспѣшила любезно встрѣтить его. П — кій прямо объявилъ ей, что ему понравилась старшая ея дочь, и онъ намѣренъ на ней жениться на слѣдующихъ условіяхъ: 1) вѣнчаться спустя недѣлю; подвѣнечное платье и все необходимое будетъ имъ доставлено къ сроку; 2) невѣстѣ сейчасъ назначается 300 тысячъ рублей, но если она родитъ ему сына, то еще милліонъ; 3) m-me Ш — кой и ея младшей дочери выдается 300 тысячъ рублей, но съ подпиской, что онѣ никогда въ жизни не позволятъ себѣ явиться къ его будущей женѣ въ Тульчинъ и никогда съ нею не будутъ вести переписки, и 4) сейчасъ послѣ вѣнчанія прямо изъ костела онъ увозитъ жену свою въ Тульчинъ. Ш — кая объявила, что предложеніе его ей очень лестно, но безъ дочери она не можетъ сказать ему ничего опредѣленнаго. П—кій объявилъ, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра явится за отвѣтомъ. Невѣста встрѣтила его на другой день согласіемъ на бракъ, и принявъ всѣ его условія, прибавила, что ей чрезвычайно понравилась его манера свататься и дѣловой характеръ сватовства, и онъ самъ нравится ей своимъ оригинальнымъ лицемъ и уже прежде обратилъ ея сочувственное вниманіе на себя въ

театрѣ и концертахъ. Мечиславъ былъ высокаго роста, но лице имѣлъ некрасивое, изрытое оспой, и страшно злые глаза. Въ Тульчинѣ Мечиславъ держалъ молодую жену взаперти въ своемъ великолѣпномъ палацѣ; самъ былъ съ нею почти безотлучно; въ костелъ возилъ ее и гулялъ съ нею въ своемъ роскошномъ саду не иначе, какъ надѣвъ на нее полумаску. Никого у себя не принималъ, отказался участвовать на вечерахъ квартировавшаго во флигелѣ его палаца генерала. Молодая скучала; она привыкла къ свѣтской жизни, къ постояннымъ развлеченіямъ, шуму, къ новымъ все лицамъ. Замѣчая ея скуку, П—кій зимою, во время генеральскихъ вечеровъ, приказывалъ противъ оконъ танцовальнаго зала, на галлереѣ, разстилать ковры и мѣха; выносились два кресла, и онъ, надѣвши на жену полумаску и закутавшись въ шубу, помѣщался съ нею въ креслахъ подъ окнами танцовальнаго зала. Отчасти, чтобы хоть этимъ поразвлечься, а отчасти, чтобы его помучить, она благодарила его за это развлеченіе и заставляла просиживать всю ночь подъ окнами зала. Нѣкоторыя лица изъ служащихъ у П—каго, а также кое-кто изъ прислуги стали принимать участіе въ ея горестномъ положеніи и, задаренные ею, передавали ея письма къ матери и сестрѣ, а также къ Бибикову по назначенію. Тѣмъ же путемъ она получала письма и отъ нихъ. Наконецъ она родила сына. Она этого ждала, чтобы получить милліонъ и бросить мужа. Но съ рожденіемъ ребенка она стала колебаться. Не смотря на ненависть къ мужу, ей не хотѣлось вдругъ разлучить отца съ сыномъ; наконецъ, она успѣла попривыкнуть къ своему положенію, и теперь всю свою любовь сосредоточила на ребенкѣ и въ безпрерывныхъ заботахъ о немъ нашла для себя развлеченіе. Ребенокъ спалъ съ кормилицей въ сосѣдней комнатѣ. Однажды на разсвѣтѣ графиню разбудилъ раздирающій душу крикъ ребенка. Въ одной рубахѣ графиня вскочила въ дѣтскую. Посинѣлый ребенокъ продолжалъ страшно кричать и метаться. Графиня схватила его на руки и замѣтила на бѣльѣ у него пятна какой-то жидкости. На вопросъ, что сдѣлали съ ребенкомъ, кормилица объяснила, что только что былъ графъ и влилъ ребенку въ ротъ ложку какой-то жидкости. При

этомъ кормилица разсказала, будто, по словамъ дворни, графъ запоилъ лѣкарствомъ сына отъ первой жены, которая его за это и бросила. Графиня моментально рѣшилась во что бы то ни стало бѣжать съ ребенкомъ. Она снеслась съ матерью и съ генералъ-губернаторомъ, и они позаботились о заготовкѣ лошадей отъ Брацлава до Кіева. Графиня не разставалась съ сыномъ и помѣстила его на ночь въ своей спальнѣ. До разсвѣта проснувшись, графиня помѣстилась подлѣ колыбели. Явился графъ съ бутылкой и ложкой. Графиня объявила, что не допуститъ поить Богъ знаетъ какими лѣкарствами здороваго ребенка. Графъ настаивалъ, объясняя, что это лѣкарство, предохраняющее отъ всевозможныхъ болѣзней. Графиня не соглашалась. Графъ пробовалъ ее оттолкнуть. Графиня оказала сопротивленіе и исцарапала ему лице. Ребенку все лицо залито было лѣкарствомъ, но въ ротъ не попало. Взбѣшенный графъ выбѣжалъ изъ спальни съ угрозой, что въ слѣдующій разъ онъ явится съ лакеями и прикажетъ графиню связать. Около полудня онъ выѣхалъ на нѣсколько дней въ свои херсонскія имѣнія. Графиня сейчасъ послала нарочнаго, чтобы лошади были готовы. На слѣдующій день вечеромъ она приказала запречь покойную дорожную карету, чтобы прокатить ребенка. Съ ребенкомъ и кормилицей на подставныхъ лошадяхъ она быстро понеслась въ Кіевъ и на слѣдующій день поручила себя и сына покровительству генералъ-губернатора Бибикова. Между тѣмъ въ Кіевъ ожидался для смотра войскъ Николай Павловичъ. Хорошо награжденный графиней кучеръ воротился въ Тульчинъ изъ Брацлава съ лошадьми только на третій день. Произошла тревога. Не знали, что дѣлать. Главноуправляющій всѣми имѣніями графа, Р—скій, находился тогда по дѣламъ въ Петербургѣ. Графу такъ и не дали знать о случившемся до возвращенія его въ Тульчинъ. Бибиковъ, желая совсѣмъ оградить графиню отъ ея мужа, приказалъ составить отъ ея имени прошеніе на имя Государя. Въ прошеніи, сверхъ указанія на неестественное обращеніе мужа съ женою и сыномъ, перечислено было нѣсколько сотъ уголовныхъ преступленій графа, слѣдствія по которымъ еще не были закончены. Графъ

обвинялся въ поджогахъ своихъ арендаторовъ и даже въ убійствахъ посредствомъ своего наперсника, исполинскаго роста придворнаго козака, который находился при графѣ неотлучно и даже ночевалъ въ его спальнѣ. Когда начались слѣдствія, означенный козакъ исчезъ безслѣдно. Говорили, будто графъ завелъ его въ подземелья, застрѣлилъ и зарылъ тамъ въ землю, чтобы спрятать всѣ концы въ воду. Нѣтъ сомнѣнія, что при подкупности тогдашнихъ чиновниковъ и судей, графъ по всѣмъ этимъ дѣламъ былъ бы совершенно обѣленъ, не вмѣшайся жена и генералъ-губернаторъ. Графъ, узнавши о побѣгѣ жены, сейчасъ помчался вслѣдъ за нею, прибылъ въ Кіевъ ночью, часа два спустя послѣ пріѣзда Государя, и остановился въ гостинницѣ противъ крѣпости, подлѣ плацъ-параднаго поля. Государь остановился въ крѣпости [1]). На другой день часовъ въ 8 Государь показался изъ воротъ крѣпости на прекрасномъ бѣломъ конѣ, съ многочисленною блестящею свитою, и стрѣлою помчался къ войскамъ, расположеннымъ на плацъ-парадномъ полѣ. Государь съ своимъ конемъ, казалось, срослись, слились въ одно. Прекраснѣе картины скачущаго всадника, какую изображалъ собою Государь, трудно себѣ и представить. Вся свита теряла при немъ. Никто не умѣлъ такъ ѣздить верхомъ, какъ Государь Николай Павловичъ. Войска встрѣтили Государя генералъ-маршемъ и громкимъ продолжительнымъ „ура". Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Государь со свитой остановился подъ самымъ балкономъ гостинницы. Войска стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Разбуженный музыкой и „ура", графъ Потоцкій, накинувъ на себя халатъ, надѣлъ свой классическій свѣтлаго цвѣта цилиндръ на голову, закурилъ

[1]) Здѣсь авторъ записокъ, очевидно, введенъ былъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ онъ говоритъ далѣе, Государь на другой день показался изъ воротъ крѣпости на бѣлемъ конѣ. Дѣло было такъ: Николай Павловичъ всегда останавливался въ генералъ-губернаторскомъ (собственно городскомъ) домѣ и на другой день очень рано отправился въ Лавру, а оттуда возвращаясь, доѣзжалъ въ экипажѣ до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ его ждалъ осѣдланный конь, и дѣйствительно онъ явился передъ войсками изъ воротъ крѣпостныхъ.— Ред.

крѣпкую американскую сигару и расположился на балконѣ, опираясь на перила и сверху разсматривая Государя и свиту, находившихся у его ногъ. Былъ вѣтеръ и дулъ прямо съ крыши гостинницы на Государя и свиту. Ѣдкій дымъ американской сыгары прямо несся въ носъ и глаза Николаю Павловичу. Государь оглянулся во всѣ стороны, ища дерзкаго, осмѣлившагося курить подлѣ него. Оглянулся Государь разъ, оглянулся нетерпѣливо другой, наконецъ взглянулъ вверхъ. „Это что за мерзавецъ?“ указалъ онъ на П—каго Бибикову. „Это, Ваше Величество, владѣлецъ Тульчина, графъ П—кій. Онъ не повинуется закону, не признаетъ надъ собой никакой власти“, отвѣчалъ генералъ-губернаторъ. „Посадить его, какъ онъ есть сейчасъ, въ крѣпость!“ повелѣлъ Государь. Бибиковъ распорядился. Засуетились жандармы, и П—каго въ халатѣ, въ открытыхъ дрожкахъ жандармъ повезъ въ крѣпость. Государь послѣ смотра посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, университетъ, университетскую оранжерею, госпиталь, Софійскій соборъ, гдѣ тогда возобновлялись древне-греческія фрески, случайно открытыя подъ штукатуркой, которая наложена была на нихъ толстымъ слоемъ базиліянами во время принадлежности Софійскаго собора этому ордену. Посѣтилъ Государь и мощи святой Варвары въ Михайловскомъ монастырѣ, и духовную академію при Братскомъ монастырѣ на Подолѣ, и наконецъ съ шефомъ жандармовъ, графомъ Орловымъ, отправился на обѣдъ къ генералъ-губернатору. При подъемѣ на лѣстницу Государь встрѣтилъ необыкновенную красавицу въ роскошномъ костюмѣ, стоявшую на колѣняхъ и державшую въ протянутой къ Государю рукѣ прошеніе. „Кто это?“ спросилъ онъ Бибикова. „Это несчастная жена того графа П—каго, котораго Ваше Величество повелѣли во время смотра отправить въ крѣпость. Она ищетъ у Вашего Величества защиты отъ своего изверга мужа, который покусился на ея личную свободу и покушается на жизнь ея и ея ребенка, своего сына“! Государь принялъ прошеніе, собственноручно поднялъ съ колѣнъ графиню П—кую и далъ ей царское слово, что серьезно разсмотритъ ея жалобу. Послѣ обѣда Государь съ Бибиковымъ и Ор-

ловымъ, разсмотрѣвъ прошеніе, повелѣлъ немедленно П—каго сослать на жительство въ одинъ изъ восточныхъ городовъ; надъ имѣніемъ его учредить администрацію и строжайше изслѣдовать всѣ преступленія графа, а о послѣдствіяхъ ему донести. По выѣздѣ Государя изъ Кіева увезли и графа П—каго, не помню, куда именно — въ Астрахань или въ Пермь. Женѣ и ребенку назначено съ доходовъ огромное содержаніе; графъ имѣлъ право распоряжаться всѣми своими средствами. Администраторомъ назначенъ по своимъ связямъ предсѣдатель Каменецъ-Подольской казенной палаты Аѳанасій Абаза, съ огромнымъ содержаніемъ и квартирой во дворцѣ графскомъ въ Тульчинѣ. Аѳанасій Абаза имѣлъ большое семейство и при небольшомъ содержаніи нуждался даже въ мелочахъ. И мѣсто предсѣдателя палаты, и мѣсто администратора онъ получилъ стараніями какой-то придворной дамы старухи. Между тѣмъ графъ П—кій просилъ объ отпускѣ за-границу для поправленія здоровья. Ему отказали. Тогда онъ записался въ купцы 1-й гильдіи и сталъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Паспорта ему не выдали, указавъ, что онъ можетъ для торговыхъ дѣлъ отправлять заграницу своихъ прикащиковъ. Графъ тогда рѣшился бѣжать. Вездѣ, отъ мѣста ссылки до границы, приготовлены были курьерскія лошади, и графъ П—кій съ чужимъ заграничнымъ паспортомъ пустился въ путь, но на одной станціи его узналъ проѣзжавшій исправникъ и арестовалъ. Послѣ этого послѣдовало распоряженіе о переводѣ его въ Вятку и объ ограниченіи его содержанія 100 руб. въ мѣсяцъ. Терпя стѣсненія и раздражаясь слухами о роскошной жизни въ Кіевѣ измѣнницы графини, П—кій прибѣгъ къ крайнему средству: онъ объявилъ, что желаетъ присоединиться къ православію. Ему разрѣшили; но оставили въ Вяткѣ. Онъ заявилъ, что желаетъ присоединить къ православію своего сына-ребенка, и просилъ, чтобы сына, какъ православнаго, отняли у католички матери и передали ему; иначе, подъ вліяніемъ католички матери и ксендзовъ, онъ выростетъ не православнымъ, а католикомъ. Въ университетской церкви въ Кіевѣ ребенокъ былъ присоединенъ къ православію; воспріемникомъ былъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ. На ходатайство

же графа отвѣчено, что для сбереженія его сына въ лонѣ православія, онъ вмѣстѣ съ матерью будетъ переведенъ на жительство въ Петербургъ. Видя неуспѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, графъ вошелъ въ частное соглашеніе съ администраторомъ Абазой, который нашелъ возможнымъ частью отъ продажи драгоцѣнностей и старинныхъ вещей, частью изъ доходовъ съ имѣнія, снабжать его крупными суммами. Графъ посредствомъ подкуповъ старался добиться отпуска за границу. Но Николай Павловичъ запретилъ разъ навсегда ходатайствовать передъ нимъ о смягченіи участи П—каго и объ отпускѣ его за границу. Спустя только нѣсколько лѣтъ адвокату П—каго Кипріану К—скому удалось войти въ секретное соглашеніе съ министромъ двора Адлербергомъ, который успѣлъ таки добиться у Николая Павловича разрѣшенія на выѣздъ графа за границу.

Графъ П—кій умчался навсегда въ Парижъ, а имѣнія свои продалъ съ Тульчиномъ графу Строганову, который женился на дочери родного брата Мечислава. Тульчинъ Строгановъ продалъ послѣ Удѣльному Вѣдомству. Сынъ П—каго, достигнувъ зрѣлаго возраста, уѣхалъ тоже въ Парижъ къ отцу, и оба они опять сдѣлались католиками; они говорятъ, еще живы до сихъ поръ. Послѣ выѣзда графини П—кой изъ Кіева въ Петербургъ, о ней замолкли всѣ слухи. Въ Кіевѣ она жила весьма роскошно. Ея рысаки, экипажи, ея бархатъ, кружева и бриліанты. въ соединеніи съ необыкновенной красотой и молодостью всѣмъ кружили головы. Бибиковъ бывалъ у нея по нѣсколько разъ въ день, и всѣ говорили, что онъ пользуется ея благосклонностью. Но она особенно любила инспектора первой гимназіи С. К. Это, дѣйствительно, былъ красавецъ-мужчина въ полномъ значеніи этого слова. Статный, высокаго роста, довольно плотный, съ черными искрящимися глазами и великолѣпными волосами цвѣта воронова крыла, которые падали ему на плечи прекрасными кудрями; онъ пользовался благосклонностью всѣхъ замужнихъ дамъ и доводилъ до безумія дѣвицъ. Однажды въ своемъ одно-этажномъ домѣ въ Липкахъ графиня сидѣла въ окнѣ, а подлѣ нея за портьерой, никому съ улицы невидимый, сидѣлъ Бибиковъ.

Въ это время, послѣ полуденныхъ занятій, возвращался съ портфелемъ изъ гимназіи С. К. Онъ поклонился графинѣ и, понявъ указаніе ея глазъ, не заговорилъ съ нею и прошелъ дальше. Графиня не выдержала: „отъ такихъ кудрей можно сойти съ ума!“ вырвалось у нея невольно. „У кого это такія кудри?“ спросилъ Бибиковъ. „Да у С. К.; онъ сейчасъ прошелъ изъ гимназіи и поклонился“. Вечеромъ С. К. получилъ приказъ Бибикова явиться къ нему въ 8 часовъ утра обстриженнымъ по солдатски, подъ гребенку; иначе завтра же его обстригутъ у генералъ-губернатора на барабанѣ. И этимъ дѣло не ограничилось. Хотя по настоянію П—кой онъ вознаградилъ его директорскимъ мѣстомъ въ Кіевѣ, но вскорѣ сосваталъ его на дочери предсѣдателя палаты и перевелъ директоромъ Нѣжинскаго лицея. Съ переходомъ Бибикова въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ С. К., по настоянію графини, назначенъ былъ Виленскимъ губернаторомъ[1]). Это мѣсто онъ занималъ до своей смерти и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго орла. С. К., главнымъ образомъ, посредствомъ женщинъ и своей красоты сдѣлалъ всю свою карьеру: онъ, по окончаніи университета, назначенъ былъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ Каменецъ-Подольскую гимназію и сдѣлался сейчасъ же львомъ среди городского женскаго общества. Въ это время губернаторствовалъ Л—въ, человѣкъ честный, трудолюбивый, понимавшій и исполнявшій добросовѣстно свои обязанности, но супруга его, уже пожилая дама, представляла собою женскій типъ особаго рода. Она на счетъ своего мужа страшно взяточничала и, не смотря на сѣдину, продолжала развратничать. У нея были и малыя, и взрослыя дѣти. Одинъ сынъ служилъ въ кавалеріи корнетомъ. Л—ва пригласила С. К. давать уроки русскаго языка ея дѣтямъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того онъ сдѣлался интимнымъ другомъ губернаторши. Такъ какъ не всегда удобно было имѣть секретныя свиданія въ губернаторскомъ домѣ, то, согласно ея желанію, С. К. по-

---

[1]) Не совсѣмъ точно. С. К. назначенъ Виленскимъ губернаторомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, а Бибиковъ вышелъ въ отставку въ 1855 году.—Ред.

далъ рапортъ о болѣзни. Губернаторша поѣхала провѣдать его сперва утромъ, потомъ вечеромъ, а послѣ стала проводить у него всѣ вечера до поздней ночи. С. К. всегда небрежно относился къ своимъ обязанностямъ въ гимназіи—пропускалъ уроки, опаздывалъ, скучалъ съ учениками, но теперь его привлекала не гимназія, а масса паціентокъ помоложе и покрасивѣе Л—вой, и онъ ей наотрѣзъ объявилъ, что служебныя обязанности не позволяютъ ему болѣе сказываться больнымъ. Однако начало было сдѣлано: Л—ва по прежнему часто продолжала его посѣщать. Л—въ упрашивалъ и усовѣщевалъ жену не компрометтировать его должность и доброе имя дѣтей; по его просьбѣ, усовѣщевалъ ее архіерей Кириллъ, даже обличалъ ее публично въ церкви; но все это не останавливало старухи [1]). С. К. состоялъ подъ покровительствомъ всѣхъ вліятельныхъ дамъ города, и между прочимъ—директорши гимназіи В—ной, и представлялъ силу, съ которой трудно было бороться самому В—ну, отставному военному. Губернаторъ совѣтовалъ В—ну сдѣлать о С. К. блистательное представленіе съ ходатайствомъ о переводѣ его въ Кіевъ старшимъ учителемъ. Но представленіе осталось безъ послѣдствій, такъ какъ по тогдашнему положенію за всякое повышеніе нужно было внести впередъ вознагражденіе по таксѣ правителю канцеляріи попечителя округа. Первыхъ кандидатовъ назначали младшими учителями, а дѣйствительныхъ студентовъ, учениковъ, окончившихъ и даже не окончившихъ гимназію—старшими учителями. Въ числѣ директоровъ и инспекторовъ рѣдко встрѣчались люди съ университетскимъ образованіемъ; они выдвигались или юбками, какъ С. К., или безшабашнымъ взяточничествомъ. Всѣ же начальствующіе въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ были или отставные военные, или воспитанники гимназій, смотрѣвшіе съ пренебреженіемъ на своихъ подчиненныхъ, честныхъ тружениковъ, кандидатовъ университета, и прозывали ихъ идіотами, а за нищету, вмѣстѣ со своими пріятелями, городскими властями, причисляли ихъ къ классу городскихъ лакеевъ. „У меня лакей

---

[1]) Она не была вполнѣ старухой, т. к. ей было только за 40 лѣтъ.—Ред.

за одни карты въ годъ имѣетъ больше дохода, чѣмъ вашъ учитель жалованья",—говаривали власти директору и смотрителю. „Да этакимъ идіотамъ и не подобаетъ больше получать!"—отвѣчали послѣдніе. Кандидатамъ математическихъ наукъ часто поручалось преподаваніе историко-филологическихъ предметовъ, а кандидатамъ философскаго факультета—математика. „Учились вы въ университетѣ и гимназіи—дожны все знать", говаривали директора. Многіе труженики не выдерживали—сбѣгали въ гражданскую службу; другіе, обремененные семействами, спивались до чертиковъ. Наградъ не было. „Баловать не слѣдуетъ, иначе и работать перестануть, и фантазіи пойдутъ. Нужно держать въ черномъ тѣлѣ, а то зазнаются и станутъ проповѣдывать дѣтямъ разныя зловредныя идеи; а усмотрѣть за этими господами некогда. На насъ лежитъ столько заботъ, что ни одинъ смертный не въ состояніи ихъ выполнить: управляй учебною частью и веди хозяйство заведенія". И хозяйничали же они! Всѣ годовые остатки смѣтныхъ суммъ, половина денегъ строительныхъ смѣтъ прямо попадали въ ихъ карманы, а въ классахъ въ зимнее время, не смотря на многолюдство, не было возможности согрѣться, хотя и ученики, и учителя не снимали съ себя верхняго платья. Управленіе учебною частью тоже представляло не мало выгодъ. Директоръ съ инспекторомъ или смотритель въ экзаменаціонныхъ спискахъ безъ всякой церемоніи исправляли отмѣтки и подписывали „переводится въ высшій классъ" всякому, кто вносилъ имъ установленное количество платы или соотвѣтственной цѣнности подарокъ. Случались такіе директора, которые хозяйничали и управляли учебною частью, не являясь въ гимназію ни разу по цѣлымъ годамъ. Даже поручали инспекторамъ вмѣсто себя присутствовать на торжественныхъ актахъ. Къ ученикамъ состоятельнымъ, оказывавшимъ хорошіе успѣхи, придирались за всякую малость въ поведеніи и больно сѣкли до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не догадывались, въ чемъ дѣло, и не выпрашивали у родителей внести за нихъ выкупное. Собрана была въ округѣ сумма въ 66 тысячъ для раздачи пособій семейнымъ учителямъ, не пользовавшимся казенною квартирою. Но ни одинъ учитель

никогда не получилъ изъ этой суммы ни копѣйки пособія, и самая сумма, при учрежденіи общей кассы и новыхъ контрольныхъ учрежденій, гдѣ-то исчезла безслѣдно. Ревизія учебныхъ заведеній производилась иногда профессорами университета по распоряженію совѣта университета. Ревизоры представляли часто отчеты о плачевноммъ состояніи учебныхъ заведеній, указывали причины ихъ. Совѣтъ обо всемъ этомъ, а также о поступленіи въ университетъ слабо подготовленныхъ воспитанниковъ доносилъ попечителю округа, и все оставалось по прежнему. Обрядъ ревизіи исполненъ, отчеты составлены, канцелярская работа сдѣлана—чего же болѣе! Л—въ, не видя успѣха отъ директорскихъ представленій, отправился самъ въ Кіевъ поздравить генералъ-губернатора съ какою-то Высочайшею милостью и вмѣстѣ исходатайствовать С. К. переводъ старшимъ учителемъ въ первую Кіевскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С...ъ ст. 1892 г. Апрѣль.

(а) Среди купечества славилась в то время красотою и институтскимъ образованіемъ M-lle Балабуха изъ семейства прославившагося торговлею сушеными фруктами и конфетами, секретъ приготовленія которыхъ переходилъ в этомъ семействѣ по наслѣдству. Бибиков не оставилъ без своего вниманія красавицу Балабуху, и ради нея бывал в церкви М. Б. Скорбящей по субботамъ. M-lle Балабуха пользовалась обширным знакомством между студентами и среди нихъ находились обыкновенно кавалеры на танцовальныхъ вечерахъ и клубахъ, восторгавшихся ухаживаніемъ Дм. Гавриловича. Проезжая по улицамъ, она перестала отвечать на поклоны влюбленной в нее молодежи, а на вечерахъ отказывалась вовсе танцовать со студентами, предпочитая военныхъ, очевидно близкихъ къ Бибикову, а также чиновниковъ его канцеляріи. Несколько сот студентов согласились наказать ее. Узнав от студента Ситачина, племянника Бибикова, что последний в ближайшую субботу обязал Балабуху приехать в цер. М. Б. Скорбящей, они по обычаю, накануне вручили священнику этой цер. записочки и деньги, прося каждый отслужить молебенъ за спасеніе (кажется имя ее было Марія) - Маріи. Священникъ принимая записки не читал, и - хотя его удивило, что студенты стекались вдругъ набожными огуломъ; но прочитавши записку одну, другую записочку, онъ не нашелъ ничего предосудительнаго и успокоился. Явилась вся знать, явилась Балабуха, причащались и ... и Бибиков. Священникъ подалъ узкій ворохъ записокъ, и начинается безконечное чтеніе этихъ записокъ, все - за спасеніе Маріи. После прочтенія штукъ 20 всѣ взоры обратились на Балабуху, Бибиков позеленелъ от злобы. Еще несколько десятков записокъ - и Балабуха упала в обморокъ; ее вынесли и усадили в карету. Бибиков назначил строгое разследованіе, распекъ священника, но тайно всего узнали, что скандалъ этотъ устроенъ студентами; чиновники и жандармы скандала не обнаружили. Спустя несколько дней, Бибиков выбрал в торжественный упа-

верситетскій залъ всѣхъ профессоровъ и студентовъ и сократическимъ способомъ, задавая студентамъ вопросы и большею частью самъ разъясняя ихъ, прочелъ имъ лекцію о томъ, какова должна быть нравственность молодого благовоспитаннаго юноши. Можно пошалить и даже терпимо есть; можно тихонько, не компрометируя предмета своей страсти, пошалить съ ними въ саду подъ кустикомъ или въ будуарѣ, особенно съ хорошенькими дамами. Съ послѣдними безопаснѣе чѣмъ съ дѣвицами, такъ какъ послѣдствія грѣха пойдутъ на счетъ мужа. Но компрометировать публично даму или дѣвицу — это верхъ безнравственности, и служитъ доказательствомъ грубыхъ, необразованныхъ нравовъ, которые не могутъ быть терпимы въ управляемомъ имъ учебномъ округѣ и университетѣ, о воспитанникахъ котораго онъ всегда лестно отзывался передъ своимъ и общимъ благодѣтелемъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Конечно — въ семьѣ не безъ урода, заключилъ Бибиковъ. Но вдругъ возвысивъ онъ голосъ до высшей степени — если ему попадется въ руки такой уродъ, то онъ даетъ честное и твердое слово, что отошлетъ тотчасъ или фельдъегеремъ или [illegible] длинную ленту черезъ плечо.

б) Имѣя сына и дочерей, онъ въ обоихъ гимназіяхъ былъ въ интимныхъ связяхъ со всѣми, безъ исключенія, учительницами, старыми и молодыми, и въ присутствіи ихъ позволялъ себѣ рукою ласкать въ неприличныхъ частяхъ по голому тѣлу и дочерей подростковъ.

в) Помню, разсказывали, что 2 монаха встрѣтились у проститутокъ со студентомъ и избили его какъ-то тамъ. Студентъ со своими товарищами сибиряками сталъ подкарауливать означенныхъ монаховъ. Однажды ночью, когда монахи раздѣли до нага проститутокъ и сами раздѣлись и разсадили ихъ у себя на колѣняхъ, — вдругъ дверь въ комнату была мгновенно выбита и передъ монахами явилось 12 здоровыхъ студентовъ. Монахи

Монахи стали просить пощады, пока студентовъ помиловали и помирились. Когда всѣ порядочно напились, исколоченный студентъ сталъ все таки требовать возмездія монахамъ. Монахи добровольно согласились быть высѣченными. Студенты высѣкли монаховъ, а их компаніи высѣкли и проститутокъ и расходившись - снова обрили бороды монахамъ и головы проституткамъ. Исторія эта надѣлала шуму, но и духовная власть и административная постарались потушить это дѣло, и виновные студенты остались безъ взысканія.

2) Адлербергъ получилъ за это изъ рукъ Калудзинскаго лично въ своемъ кабинетѣ 50т.р. и по окончаніи дѣла лично въ своемъ кабинетѣ 50т.р. Все это дошло до Ник. Н. Пав. и онъ поручилъ шефу жандармовъ погубить того ловкаго адвоката. Калудзинскій вдругъ вечеромъ получилъ приглашеніе явиться къ шефу жандармовъ. Такъ какъ въ дѣлѣ Потоцкаго принималъ участіе гр. Строгановъ, то Калудзинскій - боясь обыска и имѣя у себя 50т.р. не переданныхъ еще Адлербергу да другихъ 75т. на другіе расходы - бросился къ Строганову и вручилъ эти деньги ему на сохраненіе. Шефъ-жандармовъ накинулся на Кал., какъ онъ смѣетъ преступать Высочайшее повелѣніе и завести интригу по освобожденію графа П. Шефу извѣстно, что онъ лично бываетъ у гр. Адлерберга и др. приближенныхъ къ государю. Калудзинскій отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно ведетъ это дѣло по милліонамъ гр. П., но онъ никогда не осмѣлился бы мѣшаться не въ свое дѣло и нарушать Высоч. повелѣнія. - Я все знаю, и могъ бы все вывесть на чистую воду и Вы, милостивый государь, очутились бы въ Сибири или въ солдатахъ; но щажу вашу милость; другой разъ пощады не будетъ. Ступайте.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Рано, еще до восхода солнца, пробудившаяся жизнь села подняла меня. Выспавшійся Прокопъ уже успѣлъ подмазать возъ, и мы, поблагодаривъ хозяина за пріютъ, тронулись со двора, какъ только брызнули первые лучи восходящаго солнца. Послышался звонъ небольшого колокола; на улицѣ встрѣчались намъ празднично одѣтые крестьяне въ черныхъ свиткахъ, бабуси въ намиткахъ и дивчата въ *бындахъ* и *заквитчаныя* ярко-желтыми *гвоздыками*, „въ *царыни*[2]" мы нагнали череду, выгоняемую на пастбище. Но вотъ село, съ его сѣрыми крышами хатъ, съ позолоченными свезеннымъ хлѣбомъ токами, съ вербами и садочками, осталось позади насъ, а кругомъ пошли нивы, кой гдѣ ряды полукопенъ несвезеннаго хлѣба, и вдали рѣзко чернѣлъ вспаханный панскій ланъ.

Умостившись на возу, я заснулъ мертвымъ сномъ. Долго я спалъ и проснулся благодаря какой-то ругани. Выпутавъ прикрытую шинелью голову, я увидѣлъ физіономію Прокопа, улыбающуюся и особенно оживленную. Оказалось, что онъ дразнилъ евреевъ, которыми была набита громадная будка, ѣхавшая намъ на встрѣчу и уже минувшая насъ. Когда я приподнялся на возу и надѣлъ фуражку, то увидѣлъ въ нѣс-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 3.

[2]) *Царыною* на Украинѣ называютъ вообще поле около села, а также выѣздъ изъ села, лѣтомъ обыкновенно запираемый воротами.

кольких шагахъ отъ нашего воза остановившихся двухъ евреевъ и нѣсколько головъ торчавшихъ изъ будки. Евреи что-то оживленно говорили и махали руками, а затѣмъ воротились назадъ къ будкѣ, угрожая намъ кулаками и ругаясь.

Прокопъ хохоталъ до упаду, причемъ ротъ у него раскрывался чуть не до ушей, и все тыкалъ по направленію къ будкѣ пальцемъ. Сквозь его смѣхъ я слыхалъ произносимыя слова—„одынъ, два, три, чотыри, а пятого чорты зъилы". Наконецъ евреи усѣлись и поѣхали.

Тогда только въ отвѣтъ на мои разспросы Прокопъ объяснилъ, что при встрѣчѣ съ будкой онъ сталъ ихъ, „якъ и слидъ", считать, а они начали его ругать, угрожали побить, но отступили, увидавъ красный околышекъ моей фуражки.

— Посыкнулыся, думалы такъ соби, ажъ воно онъ що!— объяснилъ Прокопъ, очевидно вѣруя въ значеніе краснаго околышка. Почему же считать евреевъ, тыкая пальцемъ и съ такимъ характернымъ приговоромъ—„слидъ", т. е. слѣдуетъ, необходимо, онъ—и не объяснилъ.

Попасши и напоивъ воловъ и слѣпого около какой-то корчмы, мы къ полудню доѣхали въ мѣстечко Ставищи и остановились на базарѣ около лавокъ и ряда торговокъ. Базарная суета замѣтно уже затихала; возовъ пріѣзжихъ на площади было мало, да и тѣ постепенно разъѣзжались, только евреи сновали еще между лавками и около „заиздовъ" (постоялыхъ дворовъ), да виднѣлись группы мѣстныхъ жителей, между которыми замѣтно выдавались кучки дивчатъ, разодѣтыхъ въ пестрыхъ цвѣтахъ и лентахъ, и парубковъ въ зеленыхъ поясахъ поверхъ свитокъ.

При въѣздѣ на базаръ, въ открытомъ окнѣ какого-то шинка мы увидѣли низку чехони, на которую обратилъ мое вниманіе Прокопъ:

— Ой тай чехоня-жъ добра! Я, мойки[1]), разъ іи коштувавъ: чумаки стоялы на могиляньскому степу, такъ далы намъ съ Омелькомъ по едній.

---

[1]) На Побужьи, и вообще на Подоліи, употребляютъ въ рѣчи восклицанія: *мой, мой-мой, мой-ки-мой, мойки.*

Замѣтивъ такую же чехоню у какой-то торговки на базарѣ, я порѣшилъ и самъ ее „покоштувать“, и Прокопа попотчивать.

Возвратившись къ возу съ двумя чехонями, я увидѣлъ около нашего воза цыгана съ какимъ-то ремнемъ. Онъ предлагалъ Прокопу, а послѣ и мнѣ, купить у него этотъ ремень (сыромятный) на „прывій“ (кольцо, которымъ прикрѣпляется ярмо къ возовому дышлу—зію). Онъ такъ расхваливалъ, такъ соблазнялъ насъ добротностію ремня, что я уже было взялъ его въ руки и сталъ разсматривать, но въ это время Прокопъ схватилъ лежавшій около него кнутъ и со всего маху стебнулъ цыганку, подкравшуюся къ намъ и схватившую положенную мною на возъ чехоню.

Произошла неожиданность и пренепріятная исторія.

Цыганка взвизгнула отъ боли и, бросивъ чехоню, кинулась къ Прокопу, но тотъ отскочилъ и стебнулъ ее еще разъ кнутомъ. Откуда-то появилось еще двѣ цыганки; я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ подхватила брошенную рыбу и напала на Прокопа, который уже не кнутомъ а кнутовищемъ отмахивался отъ нихъ, какъ отъ собакъ. Цыганъ рванулъ бывшій у меня въ рукахъ ремень и ударилъ имъ по головѣ Прокопа, но тотъ только мотнулъ головою и кнутовищемъ наотмашъ такъ сильно ударилъ цыгана по лицу, что у него сразу показалась на усахъ и на бородѣ кровь.

Все это произошло такъ неожиданно, такъ скоро, что я растерялся и не зналъ, что дѣлать: искаженное злобою лицо, обрамленные космами черныхъ волосъ блестящіе глаза цыганокъ, ихъ какое-то шипѣніе и гортанные звуки голоса, кровь на лицѣ цыгана—все это смѣшалось у меня въ глазахъ и въ сознаніи и вызвало у меня дрожь въ колѣняхъ; но когда я увидалъ, какъ цыганки вцѣпились въ Прокопа, покрыли его собою, и какъ цыганъ тоже пригнулся къ этой кучѣ, стараясь схватить Прокопа руками, я выдернулъ изъ воза бучокъ и, замахнувшись обѣими руками, сколько моей силы стало, ударилъ имъ по спинѣ цыгана. Онъ застоналъ, какъ-то особенно выгнулся и, выпрямившись, бросился ко мнѣ. Я отскочилъ и уже

было замахнулся опять ударить его, но—устремившійся ко мнѣ цыганъ, кѣмъ-то ударенный въ ухо, полетѣлъ въ сторону, а передо мною очутился рослый козакъ[1]) въ высокой съ краснымъ верхомъ шапкѣ и въ синемъ жупанѣ. Онъ не далъ цыгану подняться, ударомъ ноги сбилъ его опять на землю и затѣмъ вмѣстѣ съ другими какими-то людьми началъ его колотить.

Тогда только я увидѣлъ, что насъ окружаетъ цѣлая толпа людей—крестьянъ, бабъ, дѣвокъ и евреевъ—и что нѣсколько человѣкъ отдираютъ вцѣпившихся въ Прокопа цыганокъ.

Я дрожалъ отъ испуга и раздраженія и принаравливался все тѣмъ же бучкомъ ударить кого-либо изъ цыганъ, но меня удержалъ какой-то еврей словами:

— Нехай, нехай! Воны сами управляться!

Наконецъ оттащили цыганокъ отъ Прокопа; лицо у него было изцарапано до крови, рубаха разорвана въ воротѣ и въ пазухѣ до пояса. Цыганки, распатланныя, безъ очипковъ и головныхъ платковъ, какъ бѣшенныя, кидались на заслонявшихъ насъ мужиковъ, но встрѣчали сильный отпоръ; одна изъ нихъ, кѣмъ то оттолкнутая, просто таки кубаремъ покатилась въ сторону; цыганъ, весь оборванный и съ окровавленной физіономіей, что-то кричалъ и унималъ цыганокъ, которыя, наконецъ, убѣдившись въ безуспѣшности своихъ нападеній, грозя кулаками и ругаясь, стали удаляться, но въ концѣ одна изъ нихъ уже далеко на площади остановилась, что-то рѣзко прокричала и, наклонившись, сдѣлала неприличный жестъ. Ихъ провожали обычнымъ тюканьемъ, а при послѣдней выходкѣ цыганки нѣсколько человѣкъ вздумали было погнаться за ними, но кто то сказалъ: „Ось иде тысяцькій зъ соцькими!“—и всѣ мы обратили вниманіе на подходящихъ къ намъ трехъ человѣкъ съ палочками въ рукахъ и съ круглыми бляхами на грудяхъ. Двое изъ нихъ были въ свиткахъ, а одинъ въ синемъ жупанѣ.

---

[1]) Козаками въ имѣніяхъ графовъ Браницкихъ въ то время назывался особый родъ экономической и дворцовой прислуги.

Подошедшему начальству не дали времени даже разспросить насъ съ Прокопомъ, а въ нѣсколько голосовъ разсказали, какъ цыгане стали „красты зъ воза“, а когда ихъ отгоняли, то они накинулись „на людей“ и вотъ какъ изцарапали парня, что его еле отняли, а то они-бъ его „загрызли“. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, и въ томъ числѣ мой защитникъ, казакъ, стояли безъ шапокъ, всѣ были оживлены, а особенно евреи, которые настаивали, чтобы цыганъ, „цихъ злодіивъ“, сейчасъ же выгнали изъ мѣстечка.

Въ числѣ особенно горячихъ предстателей за насъ я замѣтилъ толстую бабу торговку съ крупнымъ „добрымъ намыстомъ“ на шеѣ, которая, покрывая своимъ рѣзкимъ голосомъ всѣхъ, оживленно разсказывала тысяцкому.

— Я жъ сама и бачила, якъ воны прокляти й захожувалыся по-биля ныхъ; якъ вона, чортова баба, й чехоню вкрала, якъ писля до парубка прысикалася; усе своимы очыма бачила!

Тысяцкій послалъ за цыганами соцкихъ и еще какихъ-то людей, въ томъ числѣ и козака.

За ними потянула и часть публики, очевидно, жадной къ зрѣлищамъ, а самъ начальникъ куда то ушелъ съ какими то людьми.

Оставшаяся публика еще немного потолкалась около насъ, пересказывая случившееся вновь подошедшимъ; кто-то поднялъ совершенно истоптанную и запачканную пылью чехоню, кто-то принесъ въ баклагѣ воды и далъ Прокопу обмыть лицо. Сочувствіе публики было вполнѣ на нашей сторонѣ: ругали цыганъ, и кто-то даже похвалилъ меня за то, что я ловко ударилъ цыгана, опредѣливъ вѣрно мое званіе.

— А панычъ молодець! Якъ лупонувъ його бучкомъ межи плечы, такъ тилько бухнуло!

Начали расходиться. Одинъ изъ оставшихся, пожилой крестьянинъ, опершись на „ципокъ“, молча осматривалъ воловъ, а послѣ сказалъ намъ:

— Вы отъ що, хлопци: рушайте соби зъ Богомъ у свою путь, щобъ ще васъ не зупынылы, якъ що наскочить становый.

Я и самъ радъ былъ поскорѣе убраться куда-нибудь: меня конфузило это общее вниманіе; раздраженіе и испугъ на столько еще не улеглись у меня, что... мнѣ по просту хотѣлось заплакать, и я еле-еле сдерживалъ себя; бучокъ такъ и оставался еще у меня въ рукахъ.

Прокопъ, взволнованнымъ голосомъ повторявшій „отъ чортова пара! дьявольска! Щей не бый іи!...“ Хотѣли было мазать колеса, но я велѣлъ запрягать, и мы поѣхали.

Съѣхавъ съ базара въ улицу, я припомнилъ, что въ Ставищахъ живетъ хорошій знакомый моего дяди, докторъ Б—скій. На мгновеніе мелькнула у меня было мысль заѣхать къ нему—мнѣ такъ хотѣлось въ эту минуту быть при комъ-нибудь изъ знакомыхъ, подъ чьею нибудь защитою,—но я раздумалъ: мнѣ почему-то показалось, что эти „паны“ не отнесутся сочувственно ко мнѣ, ѣдущему на волахъ, мыкающемуся по базарамъ въ средѣ мужиковъ.

Странно, что въ эту тревожную минуту, когда я испытывалъ потребность сочувствія, защиты, мысли мои не уносились даже къ моимъ роднымъ, а къ ихъ дворнѣ. Я почему-то сознавалъ, что вполнѣ поймутъ мое положеніе, отнесутся сочувственно ко мнѣ не мои „родычи-паны“, а всѣ ихъ Грыцьки, Дороши, кухарка Хотына, лакей Михайло, что эти только послѣдніе раздѣлятъ вполнѣ мое раздраженіе и такъ же безкорыстно кинутся защищать меня, какъ это сдѣлали совершенно чужіе мнѣ „мужики“, козакъ, толстая баба—торговка; что „родычи-паны“ могутъ охранить меня своимъ престижемъ, но непосредственную помощь, не щадя себя, въ такихъ случаяхъ могутъ оказать мнѣ только „мужики“.

Я это мое убѣжденіе теперь только формулирую, но тогда оно у меня являлось, разумѣется, безъ всякой формулировки въ цѣломъ роѣ мыслей, долго будораживших меня, не остывавшаго отъ раздраженія.

Прокопъ, когда мы минули послѣднія хаты и плетни мѣстечка, вспомнилъ, что онъ не обѣдалъ и, доставъ хлѣбъ и кавунъ, сталъ ѣсть. Его жеваніе вызвало аппетитъ и у меня, и я тоже принялся закусывать, но и во время ѣды мысли вер-

тѣлись около столкновенія съ цыганами. Соображались всѣ подробности, непріятно вспоминался тотъ моментъ, какъ цыганъ кинулся было ко мнѣ и какъ я испугался: я сознавалъ, что не подоспѣй на выручку козакъ, сбившій цыгана съ ногъ, мнѣ бы не справиться съ нимъ. Мнѣ было обидно и стыдно за свое безсиліе, мнѣ такъ хотѣлось бы быть такимъ ловкимъ и сильнымъ, какъ тотъ козакъ, и даже такъ, какъ онъ, одѣтымъ. Припоминались другіе видѣнные мною въ Бѣлой Церкви козаки, и все въ томъ же видѣ, возбуждавшемъ у меня зависть къ ихъ статности и ловкости.

Относясь къ этимъ моимъ тогдашнимъ желаніямъ по возможности объективно, могу сказать, что въ тотъ моментъ вышеописанныхъ передумываній у меня создавался идеалъ, вызванный потребностью минуты.

Все передумывалось, соображалось—все, что произошло. На фонѣ всѣхъ этихъ размышленій нѣтъ-нѣтъ да и блеснутъ въ памяти свирѣпыя лица цыганъ, ихъ злые блестящіе глаза.—Опять всплываетъ чувство раздраженія, злобы, и такъ безъ конца.

Прокопъ тоже, очевидно, передумывалъ все происшедшее, но какъ-то благодушно, безъ особеннаго раздраженія:

— Я його проклятого такы добре мазанувъ по пыци пужалномъ! Памьятатыме!

— Сорочку, чортова, бачъ, якъ разпаювала!—Пазуха у него дѣйствительно была разорвана до самой „очкурни", и онъ складками рубахи закрывалъ загорѣлую грудь и часть живота. Отъ лѣваго глаза вдоль по щекѣ краснѣли у него полоски глубокихъ царапинъ.

— Якъ кишка пазурамы дряпонула,—объяснилъ онъ.

Но все это ничуть не смущало его и, когда впереди по дорогѣ показалась ѣдущая жидовская бричка, то онъ остановился и уже готовился опять „якъ слидъ" пальцемъ считать этихъ многочисленныхъ пассажировъ, но я положительно воспротивился этому, и мы мирно разминулись съ балагулой.

По обѣ стороны дороги желтѣли жнивья, и только на днѣ ложбины темнѣла зелень конопли на „пидметахъ", да въ сто-

ронѣ, за версту отъ насъ, чернѣлъ лѣсъ. Въ полѣ было пусто,— очевидно, и череду не гоняли въ эту сторону. Самое путешествіе, ѣзда на волахъ начинала надоѣдать. По-временамъ я слазилъ съ воза и шелъ сторонкой дороги по высохшему спорышу, иногда садился верхомъ на слѣпого и заѣзжалъ впередъ, опережая воловъ.

Въ одну изъ такихъ заѣздокъ, выѣхавъ на горку, я наткнулся на ѣдущаго четверней въ простяжъ родственника графовъ Браницкихъ, М—скаго, котораго я зналъ, встрѣчая у дяди въ домѣ. Онъ самъ, кучеръ съ длиннымъ бичемъ и сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ козакъ проводили меня глазами; но когда повстрѣчали воловую подводу, то остановились и что-то разспрашивали Прокопа, послѣ чего соскочившій съ козелъ козакъ сталъ звать меня, но я не остановился, не желая показываться пану М—скому. Оказалось, что Прокопъ не умѣлъ назвать фамилію ни дѣдушки, ни дяди, только объяснилъ, что „старшій панъ“ посылаетъ „сынови у Билу Церкву воливъ ище де що зъ панычемъ“.

Къ ночи мы доѣхали до Острой Могилы и попросились ночевать къ какому-то шляхтичу (чиншевику). Во время крѣпостнаго права эта шляхта выдавалась среди сельскаго населенія какъ своею зажиточностію, такъ и внѣшними признаками: одеждою, способомъ общенія съ людьми и даже языкомъ. Это было что-то среднее между крестьянами и панами. Они такъ же работали, какъ и крестьяне, но одѣвались не по-украински, а въ малорусскомъ ихъ говорѣ слышны были польскія слова. Между ними были и католики, и православные. Люди этого сорта мнѣ хорошо знакомы, потому что въ селѣ, гдѣ жилъ мой дѣдушка и гдѣ я провелъ дѣтство и проводилъ гимназическія каникулы, было много шляхты. Старики изъ нихъ были болѣе ополячены, чѣмъ молодежь; при ихъ католичествѣ они между прочимъ придерживались ритуала православнаго; такъ напримѣръ—тѣ, у кого мы ночевали, извинялись, что по случаю поста (спасовки) имъ нечѣмъ насъ покормить, кромѣ соленыхъ огурцовъ; на мой вопросъ объ ихъ вѣрѣ, они отвѣтили мнѣ, что они католики. Разспросивши ихъ, я узналъ, что семья эта

знаетъ моего дядю, къ коему они возили, какъ къ извѣстному доктору, свою невѣстку, больную чахоткой. Старикъ хозяинъ толково разсказалъ мнѣ, что Острая Могила—имѣніе генерала Монтрезора, который командовалъ дружинами во время царскаго смотра, бывшаго въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви передъ войною, что благодаря Монтрезору, его одинъ сынъ возвращенъ изъ военной службы „уже забритый“.

Вообще въ этомъ дворѣ на ночлегѣ обращались со мной, какъ со взрослымъ и—панычемъ.

Очень рано, еще до восхода солнца, мы стали собираться въ дорогу; но когда я хотѣлъ помочь Прокопу подмазывать возъ, то несшая съ оборы доенку молока старуха позвала одного изъ сыновей словами:

— Пуйдзь помужъ воза посмароваты; нѣхъ паничъ не всыляеться...

Среди мычанія и блеянія выгоняемаго на пастбище стада, мы выѣхали изъ села и неподалеку увидѣли большую валку чумаковъ, везшихъ громадные брусья дерева. Чумаки, очевидно, ночевавшіе здѣсь, только собирались трогаться въ путь, смазывали возы, „налыговали“ подогнанныхъ къ табору воловъ. Памятуя столкновеніе съ пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ и послѣ привѣтливости хозяевъ нашего послѣдняго ночлега, я даже отвернулся отъ табора, не хотѣлъ смотрѣть на оборванныя, дегтярныя фигуры чумаковъ.

Опять поля, то желтыя, то чернѣющія недавно взоранными боровнами; людей въ полѣ больше; они то пашутъ, то еще убираютъ, а гдѣ и возятъ хлѣбъ.

Я прикурнулъ на возу, и даже больше того,—крѣпко заснулъ. Разбудилъ меня крикъ Прокопа. Онъ затюлюкалъ на пробѣжавшаго поперекъ дороги зайца. Пришедши въ себя послѣ сна и выслушавъ замѣчаніе Прокопа, что „колыбъ чого не трапылось, що заець перебигъ дорогу“, я замѣтилъ на возу два просяныхъ снопа. Прокопъ, оказалось, взялъ ихъ съ придорожной нивы, и когда я сталъ его журить, то онъ прехладнокровно объяснилъ:

— А же я не людске, а паньске взявъ! у ихъ богато, не забиднiють!.. Що ихъ жалить! И я по малодушію, хотя и сознавалъ, что чужаго брать нельзя, промолчалъ.

Мы въѣхали въ свекловичныя плантаціи, которыя далеко растянулись въ обѣ стороны отъ обкопанной канавками дороги. Прокопъ недоумѣвалъ, что это за посѣвъ, но когда я разсказалъ ему, что это бураки, изъ которыхъ дѣлаютъ сахаръ, то онъ еще болѣе сталъ удивляться и наконецъ сознался, что онъ не знаетъ, что это такое „цукоръ, що винъ таке и дочого". Тетка снабдила меня сахаромъ, котораго не пришлось за всю дорогу вынимать; я сейчасъ полѣзъ въ мѣшокъ и показалъ Прокопу кусочекъ сахару и далъ ему попробовать. Онъ одобрилъ: „воно таке солодке, наче медъ; изъ роду я его, мойкы, не йивъ!" Но онъ все таки недоумѣвалъ, какъ изъ этого зеленѣющаго растенія дѣлаютъ сахаръ и, хотя я ему и говорилъ, что это бураки, но онъ для удостовѣренія перескочилъ ровъ и вырвалъ одинъ корень, обтрепалъ землю съ него и попробовалъ зубами. Вѣроятно, послѣ сахару онъ не показался ему достаточно сладкимъ, потому что онъ плюнулъ и замоталъ головою.

— Такъ соби буракъ! Я, къ несчастію, не могъ въ точности объяснить ему процессъ добыванія сахара изъ этихъ бураковъ.

Теперь, если живъ Прокопъ, то онъ и его потомки давно уже познакомились съ этою продукціею, такъ какъ, по всему вѣроятію, и „Могиляньскій степъ", гдѣ стояли чумаки и потчивали его „доброю рыбою чехонею", и другіе сосѣднія степи уже вспаханы и засѣяны бураками.

Перебѣжавшій намъ дорогу заяцъ все таки напророчилъ бѣду.

Проѣхали мы свеклу и уже затѣвали остановиться кормить воловъ ворованными снопами проса, какъ вдругъ что-то въ возу треснуло, и онъ сѣлъ на передокъ: оказалось, что старая передняя ось, „зъ макогономъ", т. е. съ поддѣланнымъ однимъ плечомъ, сломилась въ мѣстѣ спая. Положеніе было безпомощное, такъ какъ запасной оси у насъ не было, да если бы и была ось, то что̀ мы могли сдѣлать безъ инструментовъ и при

нашей малосильности?! Нужно было все снимать съ воза, а на немъ одной кукурузной крупы было около восьми пудовъ.

Воловъ мы выпрягли и пустили къ брошеннымъ съ воза снопамъ проса. Попробовали подважить возъ имѣющимся дрючкомъ, но такъ какъ у насъ не было настоящей „важницы“, то съ трудомъ только удалось намъ отдѣлить сломанную часть оси отъ воза, потому что колесо упиралось въ возъ, а люшня давила ось. Прокопъ только чухалъ „потылыцю“, ругалъ зайца, а я стоялъ и придумывалъ, какъ помочь горю. Оставалось сѣсть на слѣпаго и ѣхать въ село Езерно, которое мы уже минули. Тамъ въ экономіи знали дядю и, разумѣется, не отказали бы въ помощи, но я почему-то стѣснялся ѣхать туда на слѣпомъ.

Проѣхали, обгоняя насъ, двѣ жидовскихъ брыки, биткомъ набитыя евреями, равнодушно посматривавшими на насъ, промчался на лихой парѣ въ нейтычанкѣ какой то экономъ, служащій въ имѣніи графовъ Браницкихъ [1]), и только покричалъ намъ, чтобы мы не впускали воловъ въ далеко оставшуюся за нами полосу гречихи.

— Онде надиходятъ ти чумаки, що мы ихъ проихалы: воны дадуть пораду,—какъ то увѣренно сказалъ Прокопъ.

Дѣйствительно, по шляху отъ Езерной тянулась громадная валка, пыль отъ нея относилась вѣтеркомъ въ сторону и слышенъ былъ скрипъ чумацкихъ мажъ.

Я не хотѣлъ просить помощи у этихъ *непремѣнно пьяныхъ*, по моему мнѣнію, грубыхъ гайдамакъ и уже порѣшилъ было ѣхать въ Езерно, но такъ какъ ѣхать туда нужно было мимо чумаковъ, то я надумался остаться, пока они проѣдутъ мимо насъ.

Валка подвигалась все ближе; можно было уже разсмотрѣть лицо идущаго около передняго воза чумака. Это былъ высокій человѣкъ, совершенно загорѣлый и замазанный дегтемъ, запыленный, съ длинными усами и съ давно небритой бородой. Онъ медленно ступалъ по дорожной пыли своими гро-

[1]) Экономъ по русски приказчикъ въ имѣніи.

мазными чоботами и слегка помахивалъ только кнутомъ; на торчащей изъ воза палкѣ повѣшена была его изношенная шапка. И онъ, и его волы съ широкимъ ременнымъ налыгачемъ, и вся *мажа*—все это было покрыто пылью; за нѣсколько шаговъ отъ всего этого несло запахомъ дегтя.

Поровнявшись съ нами, чумакъ грубо, съ ироніей какъ бы, спросилъ насъ:

— Що! здобулы лыха, чумакы?!

Я молчалъ, оскорбляясь этимъ его тономъ, но Прокопъ спокойно отвѣтилъ.

— Та ось прыгода трапылась: ося поламалася.

Чумакъ какъ то зацмокалъ: „цьǃ цьǃ овва!", но продолжалъ идти своей дорогой около своей передней пары, за которой шли три воза безъ погонычей; на четвертомъ возу сидѣлъ чумакъ, похожій на передняго. Этотъ слѣзъ и подошелъ къ намъ, и вслѣдъ за нимъ, по мѣрѣ прихода валки, къ намъ подошло человѣкъ болѣе десяти чумаковъ разныхъ возрастовъ, и всѣ одинаково замазанные, загорѣлые, грязные. Каждый изъ нихъ, какъ бы сговорившись, цмокалъ и оввакалъ:

— Цьǃ цьǃ овва!—Нѣкоторые разнообразили выраженія своего участія или фразою—„погана справа!",—или насмѣшливымъ „отъ такъ дочумакувалыся!"—Заглядывали подъ возъ, повторяли слово „макогинъ" съ тѣми же прицьмокиваніями. Меня все это злило, и я ожидалъ только ихъ ухода, чтобы ѣхать въ Езерную за помощію, но къ моей досадѣ тотъ, что шелъ впереди всѣхъ, что-то закричалъ, и когда чумаки, стоявшіе около насъ, поспѣшно пошли къ возамъ, то я увидѣлъ, что валка тутъ же въ саженяхъ пятидесяти располагается на отдыхъ.

Это обстоятельство меня сильно смутило. Мнѣ вовсе было нежелательно такое близкое и по неволѣ долговременное сосѣдство этихъ грубыхъ чумаковъ-гайдамакъ, которые непремѣнно сейчасъ же послѣ остановки сдѣлаются пьяными, и не преминутъ, чего добраго, и нашихъ воловъ угнать, если я оставлю самого Прокопа. Раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть, я увидѣлъ идущаго къ намъ того самого грубаго иронизирую-

щаго передняго чумака, между тѣмъ, какъ другіе распрягали своихъ воловъ и копошились около возовъ. Подошедши къ намъ, чумакъ такъ же грубо и, какъ бы иронизируя, сказалъ:

— А нуте! що тутъ у васъ, чумаки, трапылось?!

Прокопъ сейчасъ же разсказалъ и показалъ все. Чумакъ молча осмотрѣлъ, почесавъ свою запыленную копну волосъ, и сталъ также цьмокать, но съ добавленіемъ раздумчиваго: „гмъ! гмъ! Отъ таке!"—Затѣмъ онъ взялъ вынутое уже Прокопомъ плечо оси, осмотрѣлъ и громко крикнулъ къ табору:

— Хведько! несы сюды сокыру и сверделъ. Я понялъ, что этотъ грубый *гайдамака* собирается помочь намъ, и чувство враждебности вдругъ замѣнилось у меня уваженіемъ къ его умѣлости.

Хведько, молодой парень, очень красивый, что я только теперь увидалъ, такъ какъ прежде по возможности избѣгалъ смотрѣть на этихъ „грубыхъ" чумаковъ, сейчасъ же исполнилъ требованіе, а затѣмъ явились еще человѣка четыре, которые помогли вынуть передокъ воза, послѣ чего передовой чумакъ принялся примѣривать „макогонъ", а когда таковой оказался совершенно никуда негоднымъ, то съ табора была принесена ось, изъ которой вышла надставка къ нашей оси. Во время этой работы Йосыпа—такъ звали передняго чумака—изъ табора пришло еще двое, трое, и всѣ они расположились около насъ, кто сидя, а кто растянувшись на землѣ; нашъ макогонъ и щепки Хведькомъ были собраны и отнесены въ таборъ на кострикъ, разведенный подъ треногомъ, на которомъ привѣшенъ былъ казанъ. Чумаки предобродушно разспрашивали насъ, кто мы и откуда ѣдемъ, не называли меня „панычемъ" и—что всего страннѣе— не восхищались нашими волами, не далеко отъ нашего воза ѣвшими принесенные Прокопомъ просяные снопы. Много времени спустя, я уразумѣлъ manière d'être этихъ моихъ благодѣтелей: всѣ они были изъ казенныхъ селъ Чигиринскаго уѣзда и не питали ни особаго уваженія, ни ненависти къ панамъ (ляхамъ тоже); воловъ же не хвалили по ихъ чумацкой „благовоспитанности", правилами коей воспрещается хвалить въ глаза хозяину его скотину, чтобы „не наврочыты" (сглазить) ее.

Чумаки курили трубки всѣ, не исключая и Йосыпа, который былъ, какъ оказалось, у нихъ атаманомъ и съ Хведькомъ, младшимъ братомъ, гналъ „симъ паровыцъ". Ѣхали они изъ Одессы, откуда везли въ Кіевъ „казьонну" хуру—дерево на лафеты, какъ значилось въ ихъ накладной, мною громко, по ихъ просьбѣ, прочитанной. Это были огромные куски—цѣлыя глыбы какого-то дерева, привезеннаго, по словамъ чумаковъ, въ Одессу на корабляхъ. На каждомъ возѣ улеглось только по одному куску этого дерева. Чумаки обратили мое вниманіе на то, что дерево это совершенно сухое и безъ малѣйшихъ трещинъ.

Пока Йосыпъ придѣлывалъ намъ ось, я имѣлъ время присмотрѣться къ чумакамъ. Правда, они были грязны отъ пыли и дегтю, нѣкоторые достаточно оборваны, съ давно небритыми бородами, но всѣ они были рослы и статны, съ серьезными, но замѣчательно добрыми лицами. Шутки и разговоры ихъ были степенны и приличны и въ обращеніи къ намъ съ Прокопомъ небыло ничего насмѣшливаго, какъ это мнѣ показалось было сначала. Изъ разговоровъ я узналъ, что они въ это лѣто дѣлаютъ третій путь, что зимовали на „запорожьи", гдѣ-то на Ингулѣ, по случаю прошлогодняго неурожая сѣна въ Чигиринщинѣ, что на „Мертвоводи" имъ пришлось простоять нѣсколько дней по случаю необходимости перемѣнить нѣкоторыхъ воловъ, что тамъ—(Мертвоводъ, т. е. Вознесенскъ)—собирается большая скотская ярмарка, что тамъ же они поймали какого-то карманщика и отодрали его батогами.

Ось наконецъ исправлена, отодранный отъ стараго макогона „пидисокъ" вдолбленъ въ ось, для чего Хведько ходилъ въ таборъ за долотомъ; общими усиліями исправленный передокъ подвернутъ подъ возъ, вдѣтъ шворень и даже было предложено помазать оси, но Прокопъ взялся самъ за это дѣло.

— Ну, теперъ зъ васъ, хлопци, могорычъ! сказалъ Йосыпъ, пока Хведько убиралъ струментъ. Я сконфуженно полѣзъ уже въ карманъ, не зная, сколько заплатить за работу, но компанія поняла мое замѣшательство и поспѣшила заявить, что „винъ жартуе, грошей не возьме, а горилки купувать тутъ

нигде"; тогда Йосыпъ все такимъ-же серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Не выймай, хлопче, грошей, а якъ Богъ донесе тебе до господы, то въ недилю поставь свичку за чумакивъ!

— Ну, що жъ рушатымете зъ Богомъ?! Тамъ у Вильшаній напоите худобу.—А то можебъ зъ нами кулишу поилы, якъ що ложки маете...—добавилъ онъ.

Я стоялъ и не могъ ничего сказать, окончательно сконфуженный этою любезностію, этимъ серьезнымъ, отчасти наставительнымъ тономъ, и даже не съумѣлъ поблагодарить этого чумазаго атамана, который пошелъ вслѣдъ за другими въ таборъ.

Мы стали собираться, а въ таборѣ чумаки мыли изъ боклага руки и усаживались обѣдать. „Воливня" ихъ порядочнымъ гуртомъ паслась въ сторонѣ, и оттуда доносились звуки сопилки, на которой игралъ очередной пастухъ.

Когда мы уже минали по шляху таборъ, тогда только я подошелъ къ обѣдавшимъ чумакамъ и сказалъ:—Спасыби вамъ, дядку Йосыпе, за вашу помичь!—причемъ снялъ фуражку.

— Богу дякуй—отвѣтилъ онъ тоже серьезно, и на мое „прощайте"—почти всѣ отвѣтили:

— Йидьте здоровы зъ Богомъ!

Отходя отъ нихъ, я услыхалъ слова—„Бачъ! паненя, а дякуе!"—Когда же я, садясь на возъ, оглянулся на таборъ, то изъ-за возовъ видно было только часть обѣдающей группы чумаковъ, не обернувшихся даже въ нашу сторону.

Опять забродили у меня въ головѣ „думки та гадки", опять я чувствовалъ, сознавалъ, что эти мужики, даже въ образѣ худшихъ до той поры въ моемъ мнѣніи ихъ представителей, чумаковъ-гайдамаковъ, все таки люди хорошіе, симпатичные, съумѣвшіе отнестись сочувственно ко мнѣ и оказать нужную помощь, что во всякомъ случаѣ они милѣе мнѣ этихъ пановъ, одинъ изъ которыхъ промчался мимо насъ, погрозивъ намъ, но не обративъ даже вниманія на постигшее насъ несчастіе. О привиллегированности моей въ вызовѣ помощи со стороны серьезнаго чумацкаго атамана Йосыпа и рѣчи быть не могло, такъ какъ онъ все время серьезно говорилъ и ко мнѣ,

какъ и къ Прокопу,—„хлопче" и даже ни разу не улыбнулся, не смягчилъ строгости выраженія своего загорѣлаго красиваго лица.

Все, говорю, это вращалось у меня въ мысляхъ, хотя точно и несформированное, но ясно и вѣрно сознаваемое всею впечатлительностію моей натуры. Одно было мнѣ ясно—это то, что всѣ эти мужики, начиная съ Прокопа и до этихъ замазанныхъ дегтемъ чумаковъ, стали мнѣ съ этого времени близкими и какъ-бы своими.

Въ Ольшанкѣ мы напоили нашу худобу и передъ заходомъ солнца подъѣзжали уже къ Бѣлой Церкви. Съ горы Зарѣчья передъ нами открылась обширная панорама всей долины Роси съ мѣстечкомъ, съ уходящею вдаль на Западъ зеленью Александріи и Голендерни, съ Рошкомъ, протягивающимся на Сѣверъ, и съ обширными левадами къ псарнѣ, внизъ по Роси. Но вотъ мы минули Зарѣчанскую церковь, мостъ на Роси и повернули влѣво за гимназіей, чтобы черезъ площадь, мимо палаца графовъ Браницкихъ, завернувъ въ переулокъ, проѣхать во дворъ къ дядѣ.

Я шелъ гордо, самоувѣренно, съ сознаніемъ своихъ новоприбывшихъ силъ, и въ ту пору въ совершеніи своего путешествія видѣлъ цѣлый подвигъ.

Борисъ Познанскій.

Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры.[1]

Матеріалъ, послужившій для настоящей замѣтки, взятъ изъ данныхъ, добытыхъ раскопками на Княжей Горѣ въ прошломъ году. Изъ всей массы найденныхъ предметовъ я выдѣляю довольно многочисленную группу, состоящую изъ вещей, тождественныхъ, вполнѣ или отчасти, съ теперь существующими, главнымъ образомъ въ крестьянскомъ быту. Какъ я уже раньше говорилъ въ общемъ отчетѣ о раскопкахъ на Княжей Горѣ [2]), предметы эти до того похожи на современные, что на первый взглядъ представляется преувеличенной ихъ древность: съ одной стороны, трудно предположить, чтобы въ XI—XIII вв., къ которымъ относятся данные предметы, культура достигла такого развитія, съ другой—какъ то не хочется вѣрить, что, не смотря на столько прожитыхъ вѣковъ, культура такъ мало подвинулась впередъ. Но, какъ бы тамъ ни было, факты, на основаніи которыхъ мы можемъ опредѣлить время распространенія этихъ предметовъ, говорятъ за ихъ древность. Главное доказательство заключается въ совмѣстномъ нахожденіи этихъ простыхъ предметовъ съ другими, несомнѣнно принадлежащими великокняжеской эпохѣ; именно, все, что относится къ украшеніямъ, является типичнымъ представителемъ данной эпохи,—всѣ эти головныя повязки, шейныя гривны, серьги, браслеты, кольца, бусы, наконецъ кресты и образки—не представляютъ, за малыми исключеніями, обусловленными прямымъ

---

[1]) Читано въ засѣданіи Ист. общ. Нестора Лѣтописца 23 февраля 1892 г.

[2]) „Кіевск. Стар." 1892 г. январь.

назначеніемъ предмета, никакого сходства съ современными, хотя не только не уступаютъ, но иногда и превосходятъ эти послѣдніе художественностью работы. Такое полное различіе украшеній XI—XIII вв. отъ теперешнихъ объясняется быстрой смѣной требованій моды, болѣе всего сказывающейся именно въ украшеніяхъ. Кромѣ украшеній, и другіе предметы съ Княжей Горы, если и не въ такой степени разнятся отъ современныхъ, то все таки носятъ очевидные слѣды своей эпохи. Итакъ, главное обстоятельство, говорящее за древность интересующихъ насъ вещей,—совмѣстное нахожденіе ихъ съ несомнѣнно древними. Другое доказательство въ пользу того же носитъ отрицательный характеръ—это отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ, прямо относящихся къ болѣе позднимъ эпохамъ; объяснить это обстоятельство случайностью трудно, такъ какъ бытъ поселка или города на Княжей Горѣ представленъ найденными вещами въ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, хоть что-нибудь да дало бы намъ указаніе на болѣе позднюю эпоху, если бы съ ней имѣли въ данномъ случаѣ дѣло. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что съ большой долей вѣроятности эти простые предметы можно отнести къ той же эпохѣ, къ которой относится и большинство найденныхъ вещей, т. е. къ XI—XIII вв.

Переходя къ характеристикѣ предметовъ, которые я имѣлъ въ виду въ настоящей замѣткѣ, нужно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ уже стали выходить изъ употребленія въ крестьянскомъ быту, замѣняясь продуктами фабричнаго производства, но недавно еще были въ полномъ ходу, многіе же вслѣдствіе простоты тѣхъ потребностей, которымъ удовлетворяютъ, живутъ и до сихъ поръ. Еще разъ оговариваюсь: матеріалъ взятъ исключительно изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, и потому перечень предметовъ неминуемо будетъ страдать отрывочностью и отсутствіемъ правильной и подробной классификаціи. Начну съ жилья.—Здѣсь сохранились только печи. Устройствомъ они отличаются отъ теперешнихъ крестьянскихъ: не имѣютъ помѣщеній подъ печью, и самое устье очень невысоко приподнято отъ земли, такъ что при топкѣ приходилось или низко нагибаться,

или работать стоя на колѣняхъ; но способъ постройки печи остался тотъ же самый, именно: печи сбиты прямо изъ глины. Другія принадлежности жилья сохранились только желѣзныя; сюда относятся гвозди разной величины, пробои, задвижки—они всѣ, по формѣ, величинѣ, способу употребленія, совершенно такія же, какъ и теперь работаются сельскими кузнецами и расходятся въ крестьянской средѣ; въ любой деревенской кузницѣ, на рундукѣ, въ лавочкѣ какого-нибудь захолустнаго мѣстечка или на ярмаркѣ, ихъ всегда можно встрѣтить на ряду съ другими нехитрыми продуктами крестьянскаго потребленія. Тѣ предметы, къ которымъ я сейчасъ перейду, также точно сходны съ теперешними произведеніями закорузлыхъ рукъ деревенскаго кузнеца, ремесло которого повидимому еще отъ временъ глубокой древности, соприкасающейся съ началомъ желѣзной культуры, пользуется нѣкоторымъ престижемъ среди обыкновенныхъ смертныхъ крестьянскаго міра. Это разнаго рода предметы, именно: домашняго обихода, орудія и инструменты—ножи, ножницы, ножницы для стрижки овецъ и замки. Эти послѣдніе двухъ родовъ: меньшинство—всего 2—3 штуки,—такого устройства, какъ и теперь, остальные же, которыхъ около сотни, типа уже отживающаго, но еще не такъ давно бывшаго въ ходу у крестьянъ. Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе сходство посуды. На Княжей Горѣ найдено нѣсколько видовъ ея; изъ нихъ амфоры и еще сравнительно незначительные по числу особаго рода кувшины не сохранились въ употребленіи у мѣстнаго народа, за то третій видъ найденной посуды, именно обыкновенные горшки для варки пищи, живутъ и теперь въ тѣхъ же нетронутыхъ временемъ формахъ. Что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ древнюю посуду, это доказывается такимъ неоспоримымъ фактомъ: одинъ изъ кладовъ, найденныхъ въ прошломъ году на горѣ, состоящій изъ 45 предметовъ, типичныхъ представителей XII—XIII ст., каковы напр. шестиугольныя гривны, серьги кіевскаго типа и др., помѣщался въ небольшомъ горшкѣ, о которомъ по первому впечатлѣнію положительно можно было-бы сказать, что онъ, не далѣе какъ вчера, купленъ на какомъ-ни-

будь базарѣ,—до того велико сходство съ современной намъ посудой. Посуда, благодаря тому, что часто попадается съ кладами, точно датированными, каковы напр. всѣ монетные клады, даетъ возможность прослѣдить и въ послѣдующее затѣмъ время, вплоть до нашихъ дней, эту замѣчательную устойчивость типа. Земледѣльческія орудія, найденныя на Княжей Горѣ, то вполнѣ сходны съ современными—это серпы, заступы, „чересла", то лишь отчасти рознятся—напр. нарольники, то совсѣмъ несходны,—какъ напр.—косы. Изъ орудій рыболовства желѣзные и мѣдные крючки—такіе же какъ и теперь; но теперь не употребляются въ здѣшнихъ мѣстахъ остроги, которыми бьютъ крупную рыбу и нѣсколько экземляровъ которыхъ найдено на Княжей Горѣ. Инструменты кузнечные—молотки, наковальня, напильники; столярные — долота, буравчики, стамески, рубанки, струги—все какъ теперь; нѣкоторое различіе представляютъ топоры, хотя иногда единичные экземпляры близко напоминаютъ современные „сокыры". Есть также различіе и въ приспособленіи желѣзныхъ инструментовъ для работы; такъ, простая, обыкновенная стамеска вставлена въ ручку изъ оленьяго рога; для той же цѣли, повидимому, предназначалось и нѣсколько найденныхъ кусковъ отпиленнаго рога. Совершенно тождественны древніе и новые инструменты для подрѣзыванія и выбиранія меда, состоящіе изъ желѣзнаго прута, заканчивающагося съ одной стороны лопаткой, съ другой—ножемъ. Нѣтъ также различія между удилами и желѣзными кольцами и пряжками отъ сбруи, вырытыми на Княжей Горѣ и нынѣ употребляемыми крестьянами. Упомянемъ еще о такъ называемыхъ пашенныхъ ямахъ, обнаруженныхъ на Княжей Горѣ; онѣ аналогичны съ такими же ямами, еще недавно служившими для храненія разнаго рода продуктовъ. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторые мелкіе предметы и тѣ, сходство которыхъ съ современными хотя и существуетъ, но не такъ ясно и очевидно. Настоящій вопросъ затронутъ мною только слегка: я не выхожу за рамки раскопокъ на Княжей Горѣ; но и тѣ немногіе факты, которые приведены, даютъ возможность признать, что тотъ „звѣриный" образъ жизни, который вели сначала наши предки, довольно рано смѣнился

жизнью, обладавшей сравнительно высокой культурой, и что если бы не внѣшнія, а послѣ и внутреннія препятствія, то культура эта несомнѣнно далеко бы ушла въ настоящее время отъ той, въ какой теперь проходитъ жизнь нашего простонародья, жизнь очень часто, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней, стороны во многомъ сходная съ давнопрошедшей стариной. Это сходство культуры даже и съ чисто внѣшней стороны еще разъ подтверждаетъ то извѣстное положеніе, что жизнь низшихъ слоевъ общества обыкновенно отстаетъ на нѣсколько вѣковъ отъ культуры верхнихъ.

Я затронулъ настоящій вопросъ, желая обратить вниманіе на то обстоятельство, какъ, благодаря очень мало измѣнившимся условіямъ жизни нашего норода, культура его, дошедшая еще въ глубокой древности до извѣстнаго предѣла, остановилась и потому даетъ матеріалъ, даже съ внѣшней стороны, для наблюденія факта устойчивости и долгой живучести формъ, выработанныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ; я думаю, что и такого рода переживанія, подобно переживаніямъ въ области нравовъ, обычаевъ, языка, народнаго міровоззрѣнія, также заслуживаютъ подробной разработки [1]).

Съ развитіемъ фабричнаго производства, съ улучшеніемъ путей сообщенія, вообще съ развитіемъ сношеній и жизненнаго оборота, предметы, въ теченіе многихъ столѣтій бытовавшіе въ крестьянской жизни, уступаютъ мѣсто произведеніямъ новѣйшей культуры. Съ этой, чисто внѣшней стороны, обыкновенно и почитается движеніе и завоеваніе болѣе высокой куль-

[1]) Во время чтенія этого реферата В. Б. Антоновичемъ было сдѣлано слѣдующее добавленіе: „У крестьянъ Южной и Западной Руси существуетъ такое повѣріе: семья, въ которой дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ, употребляютъ особый пріемъ для того, чтобы предотвратить дальнѣйшіе случаи этого бѣдствія; погребая умершаго ребенка, кладутъ на его грудь запертый замокъ и выбрасываютъ его ключъ, какъ-бы запирая такимъ образомъ смерть въ могилѣ послѣдняго ребенка. Обычай этотъ есть также обычай, относящійся къ явленіямъ переживанія весьма отдаленной старины. Въ прошломъ году, при раскопкѣ славянскаго языческаго кургана, относящагося къ VIII—X ст., я встрѣтилъ скелетъ ребенка не старше 7 лѣтъ и на грудной его клѣткѣ лежалъ желѣзный запертый замокъ, архаической формы, съ замочною скважиной въ видѣ буквы Т и безъ ключа. — *В. А.*

туры, обнимающее затѣмъ и другія стороны ея. Движеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ происходитъ очень медленно, и очень долго еще вполнѣ культурная съ внѣшней стороны жизнь заключаетъ совсѣмъ не культурное содержаніе, такъ что вышеприведенное положеніе относительно полной еще архаизмами жизни простонародья должно быть почти вполнѣ распространено на средніе классы и отчасти не высшіе, конечно, если понимать культуру въ ея настоящемъ смыслѣ.

Вышеуказанное движеніе внѣшней культуры въ низшую среду какъ разъ наблюдается въ настоящее время среди нашего крестьянскаго міра; существовало оно, конечно, и раньше, но не такъ замѣтно и не въ такихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы это движеніе было лишь чисто внѣшнимъ. Всегда, даже помимо желанія, переходятъ и развиваются и другія внутреннія стороны культуры; такъ напр., отъ простого факта перемѣны простонародной одежды на европейскую, или quasi-европейскую, происходитъ перемѣна и взгляда даннаго субъекта на себя, перемѣна иногда не симпатичная, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дающая и хорошія послѣдствія, зависящія отъ стремленія сравняться во всемъ съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежишь по платью. Эти именно несимпатичныя стороны, такъ быстро прививающіяся народу, обыкновенно и выставляются на видъ, какъ единственные результаты культуры. Но, во первыхъ, при этомъ забываются и хорошія стороны, которыя несомнѣнно существуютъ, но не такъ бросаются въ глаза, а во вторыхъ, культурнаго движенія ничѣмъ не остановишь,—нужно только дать ему извѣстное направленіе. И въ этомъ случаѣ единственнымъ надежнымъ путемъ можетъ служить какъ можно болѣе широкое распространеніе образованія, потребность въ которомъ сознается и самимъ народомъ.

Это сравненіе культуры двухъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, эпохъ, сравненіе, ведущее къ констатированію въ нѣкоторыхъ случаяхъ полной тождественности формъ у древнихъ насельниковъ приднѣпровья и теперешнихъ его обитателей, даетъ возможность затронуть настоящій вопросъ еще съ

другой стороны. Если принять во вниманіе внѣшнее различіе жизни не только большихъ этнографическихъ группъ, но даже и очень малыхъ подраздѣленій, затѣмъ если включить сюда и то обстоятельство, что время также накладываетъ свою руку на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—то наблюдаемый фактъ сходства представится довольно знаменательнымъ и не случайнымъ. Не говоритъ ли онъ намъ о послѣдовательной смѣнѣ одного поколѣнія другимъ, конечно, подвергавшейся колебаніямъ и даже довольно сильнымъ толчкамъ, но все таки не на столько могучимъ, что быони были въ состояніи въ корнѣ уничтожить основной мѣстный этнографическій типъ? Между предметами, которые я выдѣлилъ изъ числа найденныхъ на Княжей горѣ, помимо вышеуказаннаго общаго сходства съ таковыми же и теперь бытующими среди мѣстнаго населенія, замѣчается также совершенно одинаковая техника въ выдѣлкѣ ихъ, и даже тѣ попытки орнаментики, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ вещахъ, совершенно одинаковы въ своихъ мотивахъ съ нынѣ употребляемыми. Укажу еще на одинъ фактъ, констатированный при раскопкахъ и могущій также служить доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія. Я имѣю въ виду пищу древнихъ обитателей Княжей Горы. Среди разныхъ видовъ хлѣбныхъ растеній, каковы рожь, гречиха, просо, преобладающимъ является именно это послѣднее. Имъ была наполнена одна изъ открытыхъ пашенныхъ ямъ, затѣмъ оно въ большомъ числѣ встрѣчалось въ видѣ обугленныхъ комьевъ сплавившагося пшена, и наконецъ, даже найденъ горшокъ, наполовину наполненный пшенной кашей, сохранившейся благодаря огню. Если же принять въ соображеніе, что просо и теперь играетъ видную роль среди пищевыхъ продуктовъ южно-русскаго племени, то и этотъ фактъ говоритъ за однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи. Я, конечно, далекъ отъ мысли, что одними данными археологіи можно вполнѣ удовлетворительно разрѣшить этотъ спорный вопросъ, но думаю, что и они могутъ пригодиться на ряду съ фактами, добытыми другими науками.

Ник. Бѣляшевскій.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій († 9 марта 1892 г.).

(НЕКРОЛОГЪ).

9 марта въ Кронштадтѣ умеръ отъ крупознаго воспаленія легкихъ редакторъ-издатель журнала „Русская Старина“, Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Покойный родился 4 января 1837 года въ великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи; воспитаніе получилъ сначала въ полоцкомъ, затѣмъ въ константиновскомъ (дворянскій полкъ) кадетскомъ корпусахъ и, по окончаніи въ 1855 году своего образованія, поступилъ въ военную службу, гдѣ и оставался до 1861 года. Въ 1864 году, послѣ двухлѣтней отставки, М. И. поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству и служилъ здѣсь до 1882 года, сначала въ качествѣ помощника экспедитора и экспедитора государственной канцеляріи, а затѣмъ съ 1877 года, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, работалъ въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Покойный былъ, кромѣ того, почетнымъ мировымъ судьей великолуцкаго мироваго округа, гласнымъ петербургской думы и одно время въ 1883—85 гг. товарищемъ санктпетербургскаго городскаго головы.—Такова оффиціальная сторона его государственной и общественной дѣятельности. На сколько плодотворна была она—сказать мы не можемъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Отмѣтимъ только одну черту, характерную для М. И. Семевскаго, какъ общественнаго дѣятеля—это постоянное сочувствіе его основамъ реформъ прошлаго царствованія и, въ особенности, основамъ крестьянской реформы—

черту, выгодно отличающую его отъ многихъ его современниковъ. Извѣстность свою въ русской публикѣ М. И. Семевскій пріобрѣлъ, во всякомъ случаѣ, не какъ государственный и общественный дѣятель, а какъ дѣятель литературный и редакторъ-издатель историческаго журнала.

Литературная дѣятельность покойнаго началась еще въ 1856 году, когда онъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ" замѣтки о Грибоѣдовѣ, и была посвящена почти исключительно исторіи. М. И. Семевскаго нельзя, конечно, назвать ученымъ историкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, изслѣдователемъ народной и общественной жизни въ тѣхъ или другихъ ея проявленіяхъ и развитіи. Покойный былъ только собирателемъ фактовъ, характерныхъ для того или другаго лица и цѣлаго общества, и никогда не задавался ни широкими выводами, ни обобщеніями. Но эта дѣятельность заслуживаетъ признательности историка, особенно если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ появились болѣе важные труды покойнаго.

Характеръ историческихъ трудовъ М. И. Семевскаго въ значительной степени объясняется тѣмъ временемъ (начало 60-хъ годовъ), въ которое появились они: посвящены они, главнымъ образомъ, выясненію темныхъ сторонъ личности Петра и его реформы. Недавно одинъ изъ молодыхъ ученыхъ исторіографовъ бросилъ упрекъ покойному, что онъ „за пьянствомъ и казнями проглядѣлъ истиннаго Петра" [1]). Но этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ, какъ не совсѣмъ справедливъ и приводимый г. Шмурло упрекъ Н. В. Покровскаго [2]). Поскольку мы знакомы съ трудами и взглядами М. И. Семевскаго на реформу Петра, нигдѣ онъ не отрицалъ ни значенія петровской реформы, ни величія Петра, какъ общественнаго дѣятеля, какъ человѣка принципа, человѣка съ сильной волей. Онъ сознавалъ только, что Петръ съ одной только этой стороны—не истинный Петръ, и, поэтому, повернулъ оборотную сторону медали, кос-

---

[1]) Это, нѣсколько неудачное, выраженіе принадлежитъ проф. *Е. Ф. Шмурло* „*Петръ Великій въ Русской литературѣ*" Ж. М. Нар. Просв. 1889 г. № 7 стр. 113.

[2]) ibid. стр. 113—114.

нулся интимной стороны его жизни, посмотрѣлъ на него не съ точки зрѣнія безжизненнаго исторіографа, а съ точки зрѣнія человѣка, съ точки зрѣнія „началъ гуманности, нравственности и свободы“ [1]). Тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ такая оцѣнка личности Петра была еще явленіемъ совсѣмъ новымъ, но она была необходима, потому что, какъ говоритъ болѣе безпристрастный критикъ М. И. Семевскаго: „всѣ условія, всѣ вліянія, при которыхъ слагался характеръ Петра, которымъ опредѣлялась психическая жизнь этого великаго человѣка,—требуютъ весьма серьезнаго изученія“ [2]). Мы не отрицаемъ, что въ иныхъ мѣстахъ М. И. Семевскій слишкомъ ужъ сгущаетъ краски, но это, повторяемъ, объясняется тѣми условіями, при которыхъ появились его сочиненія.

Цензурный запретъ, который лежалъ на исторіи XVIII вѣка въ первую половину настоящаго столѣтія, повелъ къ тому, что историческіе дѣятели, и между прочимъ Петръ, въ рукахъ изслѣдователей являлись въ ложномъ, почти исключительно панегирическомъ свѣтѣ [3]). Не мудрено, поэтому, что какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ запретъ этотъ былъ снятъ и начался пересмотръ фактовъ, наступила реакція понегиризму и, какъ всякая реакція, она не всегда умѣла удержать надлежащую мѣру. Въ эпоху этой реакціи и выступилъ М. И. Семевскій. Ею объясняется и выборъ его темъ и затѣмъ характеръ его изслѣдованій [4]), которыя не безъ пользы, вѣдь, прошли для нашей исторіографіи.

Наибольшую же заслугу исторической наукѣ покойный оказалъ изданіемъ ежемѣсячнаго историческаго журнала „Русская Старина“. Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1870 году и за все время своего 21-лѣтняго существованія далъ массу

---

[1]) ibid. стр. 113.

[2]) *Д. А. Корсаковъ.* Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Каз 1891 стр. 427.

[3]) *Е. Ф. Шмурло* „Петръ Великій въ русской литературѣ“ Ж. М. Н. Просв. 1889 г. № 7 стр. 105 и слѣд.

[4]) Перечень статей М. И Семевскаго см. въ его книгѣ *„Слово и дѣло“* изд. 2-е.

матеріала для русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. Достаточно назвать записки кн. Щербатова „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Добрынина, Болотова, Манштейна, Пассекъ, сенатора Соловьева, проф. Ростиславова, Берга, дневникъ Никитенка, записки гр. Валуева и т. д. и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, какое значеніе имѣетъ „Русская Старина“ для разработки исторической науки. Кромѣ записокъ, въ „Русской Старинѣ“ печаталось много писемъ литераторовъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, матеріалы для ихъ біографій, для исторіи учрежденій и пр.; помѣщались также и изслѣдованія Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева В. С. Иконникова, В. И. Семевскаго и др. Вообще „Русская Старина“ отличалась самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и этимъ, конечно, она была обязана своему редактору. За одно ужъ это нельзя не помянуть добрымъ словомъ покойнаго!

По газетнымъ извѣстіямъ, „Русская Старина“, богатая библіотека и собраніе рукописей М. И. Семевскаго переходитъ къ брату его, извѣстному историку русскаго крестьянства Василію Ивановичу Семевскому.

Н. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Пасхальная вирша. Помѣщенная въ настоящемъ номерѣ статья г. П. Житецкаго «Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія», въ которыхъ идетъ рѣчь между прочимъ и о пасхальныхъ виршахъ, даетъ намъ поводъ представить еще одинъ варьянтъ такихъ виршъ, кажется, нигдѣ еще ненапечатанный. Сверхъ того, апрѣльская книжка журнала очутится въ рукахъ у читателя какъ-разъ во время Свѣтлаго праздника, а потому кстати будетъ перенестись мыслію въ то, уже отбывшее свой вѣкъ, прошлое, когда этотъ «праздниковъ праздникъ» возбуждалъ въ старинныхъ нашихъ поэтахъ, вѣроятно—*пыворизнаго* свойства, (см. стат. г. Житецкаго въ № 2-мъ текущаго года «Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи») особаго рода творчество. Въ этихъ виршахъ такъ искусно спелись два элемента—простодушный и юмористическій, что рѣшительно иногда остановишься въ недоумѣніи: насмѣшка-ли это, или наивный методъ переведенія религіозныхъ сюжетовъ въ область бытовыхъ народныхъ картинъ? Конечно, послѣ нѣсколькихъ минутъ сомнѣнія сейчасъ же является опредѣленный отвѣтъ: что сатира тутъ не имѣется въ виду, что настроеніе поэта въ моментъ такого творчества самое благочестивое, но что вся—такъ сказать—природа поэта, юмористическая по своему этнографическому типу, осложненная своеобразнымъ воспитаніемъ и школьнымъ ученіемъ, рвется наружу и выливается въ рѣчи тою характерной чертой, которая сказалась въ цѣломъ рядѣ виршевыхъ произведеній, драматическихъ піесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ анекдотовъ и, наконецъ, въ пародированныхъ поэмахъ, такъ типично представленныхъ «Энеидой» Котляревскаго, «Вояжемъ ген.-губернат. Беклешова» (см. Кіев. Стар. 1890 г. № 3), «Жабомы-

шодракивкой» Думитрашка и пр. Этой однородностью тона и пріемовъ во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ, какъ мнѣ кажется, объясняется и тотъ фактъ, что пасхальная вирша «Кажуть, буцимъ молодыци—негодяйки, лыдащыци», напечатанная въ Кіев. Стар. 1888 г. № 1—3, приписывается, по слухамъ, Котляревскому, автору Энеиды. Я имѣлъ случай, напечатавши впервые эту виршу, получить цѣлый рядъ и письменныхъ, и устныхъ заявленій, будто она принадлежитъ перу Котляревскаго, но такъ какъ всѣ эти заявленія голословны, то я отказываюсь согласиться съ ними и, ставя вопросъ для отвѣта людямъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, обращаю только вниманіе на то, что сходство тона и пріемовъ творчества могло дать поводъ къ появленію такого слуха.

Намъ любезно доставлена А. Н. Малинкою еще одна подобная-же вирша, найденная имъ въ рукописномъ сборникѣ начала нынѣшняго столѣтія. Тутъ съ особенной рельефностью выступаютъ предъ нами картины, переводящія лицъ, извѣстныхъ въ исторіи ветхозавѣтной, прямо изъ ада въ обстановку утѣхъ и радостей въ духѣ сельскаго простонароднаго быта. Что ни строчка,—вамъ сразу бросается въ глаза тотъ-же методъ онаціоналиванія церковныхъ сюжетовъ, какой видимъ у Котляревскаго по отношенію къ греческимъ героямъ и богамъ.

В. Науменко.

Нуте лышъ берите яйця;
Скажу я вамъ дыво якесь:
Бачъ, якъ будемъ циловатця,
То скажу: Хрыстосъ Воскресъ!
И винъ казавъ: обнимайте
Хлопцивъ, дивокъ, молодыць;
Тилько-жъ—казавъ—не мынайте
Старцивъ, сыротъ и вдовыць:
Щобъ хто встряне, то й цилуйся,
Чи погоныч, чи паныч,
Чи тамъ Феська, чи Маруся,
Чи богатый, чи вдовычъ.
Бигъ Святый велыть сёго дни,
Всякый щобъ теперъ бувъ братъ;
Винъ въ пекельний бувъ безодни,
Чорта звязавъ, огнерь адъ.
Скилько тамъ набыто люду,
Вси теперъ у рай чкурять;
Чорту кинулы Іуду,
Винъ тоди почавъ стогнаты
И все въ двери поглядавъ,
Да ба, не туды попався!..
Тамъ не вміють жартувать:
Чортъ велывъ въ смоли купаться,
Самъ *багачъ*[1]) ставъ пидкладать
Нитъ, тамъ не такъ *заякочешъ*, (?)
Якъ почнешъ въ смоли кыпить.
Да то лучче, якъ онъ тіи,
Що теперъ чвалають въ рай,—
И гришніи, и святіи
Все заодно въ путь чухрай.
Лишь тилько выйшли воны въ поле
На зеленый гарный лугъ,
Тай забулы свое горе.
Старыки вси силы вкругъ,
Посидавшы розмовлялы
Де-що бачъ про старыну,
Въ Сичи якъ колысь гулялы,

[1]) Тоже, что *багаття*=огонь.

Якъ бувало въ сарану;
Парубкы въ мяча гулялы;
Де якіи-жъ у жгута;
Дивки писеньки спивалы,
Мали жъ диты — у кота.
Хто хотивъ, навбыткы бывся,
Крычавъ: подай мени бойця!
Соломинъ въ правду дывывся,
Самсонъ выклыкавъ борця;
Давыдъ буцимъ на годыну
Отъ старыкивъ отлучився,
А тамъ показавъ имъ спыну,
Зъ молодижью излучывся;
На ёго глядя, вси усталы,
Вси къ гулякамъ пидошлы,
По двое въ рядъ посидалы,
Якъ дзыглыкы [1]) пиднеслы.
Биля ихъ сивъ и Аврамъ,
Дальше зъ якымсь чоловикомъ
Зъ Евою сыдивъ Адамъ;
Яковъ, Исаакъ, Ревекка,
Мусій, Ярема и Михей
Тутъ же силы недалеко,
Харко, Лысько и Овдій;
А тамъ Ной сыдивъ зъ сынами
Отъ забувсь,—чи Лотъ сыдивъ?
Нитъ! бачця винъ зъ дочкамы
Черезъ головы глядивъ.
Якъ оттакъ гарненько силы,
Втыхомырылысь на часъ.
Хлопци, дивкы ажъ радилы,
Що гулять прыходыть часъ.
Тутъ Давыдъ гусли пидстроивъ,
Козацькои якъ дернувъ!
Такъ уже никто не встоявъ,
И нежывый-бы скакнувъ.
Якъ тилько вчувъ святый Афетъ,
Що вже гусельки брынчать,
Якъ схопывся, якъ махнеть!
А за нымъ другіи всталы,
Всякъ пару соби прыбравъ,
Ставши въ танець, тай прохали,
Щобъ запорожькую гравъ.
Вси жъ тутъ отдернулы
За свій жаль парубки,
Ничого тутъ не забулы
Молодыци и дивки;
Перше навпрысядкы бралы,
Потимъ былы трепака,
А дивчата забывалы
Пидкивками гоцака;
Якъ же взялы молодыци
По своему бушувать,
Ажъ погубылы спидныци,
Такъ взяло ихъ розбырать.
Сіе забачивши Сарра
Мусила до нихъ устать;
Такъ же соромъ, имъ сказала:
Лучче-бъ „неньку“ заспивать.
Оттежъ правда! — воны силы,
Щобъ хоть трохы одпочыть,
Бо якъ хлюща попотылы,
Вся сорочка ажъ хлющить;
Одпочивши, заразъ „неньку“
Уси гуртомъ завелы;
И хлопци якусь гарненьку
Лыбонь козацькую гулы;
Тамъ всякъ утишався,
Що любо було глядить;
Давай до раю чухрать.
Уже прыйшлы щось блызенько,
Ажъ тутъ блыскавыця блысь!
Вси поклонылысь ныженько.
И всякій въ землю дывывсь;
А потимъ якъ загремило,
Такъ усякъ переляковсь;
Разивъ съ пъять перехрестылысь,
Да й пошлы роскошовать.
Нехай воны тутъ гуляють,
Нехай соби грушы рвуть,
Нехай и насъ дожыдають;
Поки жъ що — погуляймо й тутъ.

---

[1]) Маленькая скамеечка

Оттеперъ же поцилуймось,
За виршу кипку дай,
Тогди съ пляшкой полюбуймось,
То й на земли зробымъ рай.

За симъ, Батьки, выбачайте,
Бильшъ не вмію виршовать;
Чи дасте-жъ що, — дакъ давайте,
Бо мни николы васъ ждать.

Вирши на воскресеніе Христово. Выписываю здѣсь двѣ вирши на Воскресеніе Христово изъ упомянутой уже мною (Кіевская Старина, мартъ, 482) рукописи бутывинскаго священника Ильи Яремецкаго Бѣлахевича. Первая изъ нихъ обрѣтается на к. 91 verso, вторая на к. 110 v. — 111 recto (по новой нумераціи). Передаю текстъ виршей съ сохраненіемъ правописанія и удареній, причемъ однакожъ развязываю титла и переношу надстрочныя буквы въ строку.

I.

Пролíогъ на Воскресеніе Іисусъ Христово.

Днѐсь по хмурнихъ затменяхъ свѣтлость ся завила,
А по тяжкихъ ляментахъ рàдость ся всѣмъ ѿкрила.
Гди Богъ Слòво на крестѣ стояло, на крестѣ стояло,
И солнце подòбную свѣтлость ѿкривàло,
И страшніе громòве пѐруни вдаряли,
И висòкіе скàли ѿ страху трѣщàли,
Капатетазма (sic!), въ церквѣ впоюся розодрàла,
И ажъ до долу своего цѣла не зостàла.
Усе створѐня Творца на крестѣ познàло,
И въ ляментѣ великомъ три дни зоставàло.
Лечъ Ізраиль наймилшій і синъ первородній
Дàровъ Божіихъ будучи и ласки (естъ) не гòденъ,
Ѿдалъ Твòрцу за ласку незнòсніе муки,
Ото прибилъ на крестѣ Пречистіе руки.
Положился во грòбѣ животъ нескончòнній,
Три дни во грòбѣ державъ билъ Синъ Божій влюбленній;
Потомъ встàвши ѿ грòбу пресвѣтло сіяетъ,
А намъ вѣрнимъ весѐля гойне подавàетъ.
Радуйтежся всѣхъ вѣрнихъ днесь усѣ собори,
Христосъ воскресъ, спѣваймо зъ ангелскими хòри.
Веселя вамъ слухàчом зичу заживàти
И воскресшаго Христа миле оглядàти.
А потомъ бисте могли о нимъ царствовати,
Жичу оусѣмъ слухàчомъ въ небѣ на вѣки пребивати.

II.

Отроки на Воскресеніе Господа нашего Іисусъ Христа.

Днѐсь Воскресенія день, ангели спѣваютъ,
Тіе вѣсти намъ земнимъ чловекомъ подàютъ.
Днѐсь (бо) вѣмъ человѣки зъ ангели зостàли,
Гди такòго веселя нинѣ дочекàли.
Втож ѿ рàдости і я не могу стривàти,
Христосъ Воскрѐсъ ѿ мертвихъ буду викрикàти.
І Адамъ бо вѣмъ впѐклѣ тòе днесь спѣвàетъ,
Гди самъ Христос ѿ àда [южъ днесь] егò визволяетъ,
Котрій въ темнихъ пекелнихъ мукахъ зоставàлъ,
Котòрій бòлемъ великимъ Збавителя взивалъ.
Отожъ его Синъ Божій спѐкла вибавляетъ,
И пекелніе врàта мужне истирàетъ,
Оусѣхъ святихъ ѿ вѣка и во грòбѣ спящихъ
Воводитъ до палàцовъ сіонскихъ свѣтящихъ,
Наполняетъ весѐля тихъ що били всмутку
Котòріе вляментѣ и жалосномъ скутку.
Ізбранніе язици вси ся веселѣте,
А воскресшаго Христа гòйне вси слàвѣте.
День нинѣ тòй пресвѣтлій, день на триумфъ данній,
Днѐсь ѿ Господа самого ізбранній.
Днесь весѐля гойнаго днесь наполненній,
День слѣчнихъ двòровъ сіонскихъ реченній,
День, у котòрой свѣтлость вдячна восіяла,
Котòрая ѿ грòба триднѐвно повстала.
Въ тòтъ день Синъ Божій зъ моцарствомъ вихòдитъ,
Адàма всѣхъ бившихъ о нимъ произвòдитъ;
Котòрыхъ смòкъ пекелній в антиподахъ трималъ,
Тихъ Синъ Божій предвѣчній сам до неба послàлъ,
Аби вси тамъ весѐля гойне заживàли,
Зъ ангелами сполѐчне Бога оглядàли,
Імя егò святое гойне возносили,
Чимъ котòріе на земли рàдость приносили.
День бо вѣмъ той, въ котòрій самъ Богъ [отпочивàетъ і] ѿпочивалъ,
Коли Емпѣрейскіе палàци будовàлъ,
Въ той день Синъ Божій повстàлъ ѿ грòба;
Церквамъ святамъ бивàетъ свѣтлая оздоба.
Прѐто втòй день весѐля гойне заживаймо,
Воскресъ Іисусъ ѿ гроба вдячне заспѣваймо.
О востòчное солнце нинѣ засвѣтило,
Котòрое насъ спящихъ въ грѣхахъ сбудило.
Воскресъ Іисусъ ѿ грòба, солнце предсвѣтлое,

А Сынъ Ѿца любимій, слòво безлѣтное.
Восія Христе во мирѣ благодать твоя,
Ѿіми бо ѿ мèне вся грѣхи моя.
Воскресèніе поютъ Ангели на небеси,
Неизмѣрному Божію дивятся чудèси.
Триумфуетъ оувесь свѣтъ Воскресèніемъ Христовимъ,
Рàдостію наполненній и весèліемъ гойнимъ,
Же тàкъ великій монархà труди тяжкіе за насъ подиялъ,
Аби зъ нàсъ христіянъ ни единъ во àдѣ пèкелномъ не зосталъ,
Але жеби его Христосъ Синъ Божій до царствѣя запровàдилъ,
А тамъ въ гòрнемъ Сіонѣ праведника постàвилъ.

Обѣ эти вирши помѣчены въ рукописи 1748 годомъ. Однакожъ судя по тому, что текстъ нашъ представляетъ многія погрѣшности, пропуски и ненужныя вставки, нарушающія размѣръ (здѣсь собственно число слоговъ) и риему, отмѣченныя у насъ скобками, нужно полагать, что Яремецкій самъ не былъ авторомъ этихъ виршей, но списалъ ихъ изъ какого нибудь болѣе древняго подлинника, или даже изъ устъ какихъ нибудь дьячковъ или «отроковъ», которые во время праздниковъ расхаживали по домамъ обывателей, декламируя или распѣвая ихъ и получая за это извѣстное вознагражденіе, обыкновенно нѣсколько крашанокъ и «перéничку», т. е. булку бѣлаго хлѣба. Обычай этотъ сохранялся въ галицкихъ мѣстечкахъ еще до недавнихъ поръ, а можетъ быть, существуетъ гдѣ-нибудь еще и теперь; въ Дрогобичѣ я помню еще при концѣ 60-хъ годовъ мальчиковъ, ходившихъ такимъ образомъ, какъ называлось, «по ораціи». Позже обычай этотъ какъ то прекратился.

Прибавлю еще нѣсколько подробныхъ замѣчаній къ тексту виршей. Что касается содержанія виршей, то оно не представляетъ ничего особеннаго. Интересная здѣсь развѣ 17-я строка второй вирши, гдѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе объ антиподахъ какъ области духовъ враждебныхъ Богу, гдѣ томились праотцы стараго завѣта, въ ожиданіи пришествія Христова. Представленіе это, кажется, не встрѣчается у нашихъ писателей XVI—XVII вѣка, и должно быть отнесено къ вліянію западно-европейскому [1], гдѣ вопросъ объ антиподахъ составлялъ еще со временъ Данта средоточіе нескончаемыхъ теологическихъ препирательствъ. Стоитъ отмѣтить и еще одно, впрочемъ довольно сбивчивое представленіе въ строкахъ 34—35, а именно, что Богъ,

[1]) Подробно разъясняется этотъ вопросъ въ сочиненіи Іоанникія Голятовскаго „Души людей умершихъ“.—Ред.

отдыхая въ воскресеніе послѣ созданія міра, вмѣстѣ съ тѣмъ, созидавалъ «емпѣрейскіе палацы», о созданіи которыхъ въ книгѣ Бытія ничего впрочемъ не упоминается. Такъ ли должно понимать это мѣсто, а ежели такъ, откуда взялъ авторъ вирши это представленіе, я не берусь рѣшать.

Языкъ нашихъ виршей представляетъ довольно странную смѣсь церковнославянскаго съ южнорусскимъ народнымъ нарѣчіемъ. Отмѣтимъ слѣдующія особенности:

Вирша I, стр. 4, *солнце-подобную*—въ текстѣ писано раздѣльно, должно составлять одно слово: солнцеподобную, sonnenähnlich; стр. 7 «канатетазма» стоитъ вм. катапетазма, по гречески занавѣсъ, интересная перестановка звуковъ, аналогическая съ многочисленными того рода явленіями въ южнорусской нар.—рѣчи (колупітокъ вм. полукіпокъ, колупішокъ вм. полукішокъ и т. п., см. *Em. Ogonowcki*, Studien anf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, стр. 95); стр. 16 «влюбленный» вм. улюбленный—возлюбленный. Вирша II, стр. 5 «Втож» вм. отожъ, аналогическія явленія въ малороссійской нар. рѣчи очень многочисленны; какъ одно изъ болѣе рѣдкихъ, отмѣчу слѣдующее въ нар. пѣснѣ, записанной мною въ с. Лолинѣ, долинскаго пов.

Бидкожъ моя несчаслыва, бидкожъ моя, бидко!
Я сы гадавъ, що буду влій (вм. олій) исты,
Най же го исть дидько!

Миронъ.

Слѣды древнихъ поселеній. Лѣсистая мѣстность Винницкаго уѣзда, находящаяся при рѣкѣ Бугѣ и ея притокахъ Згарѣ и Бобркѣ, гдѣ расположены с.с. Гущинцы, Сопруновъ и м. Мизяковъ, представляетъ собою слѣды древнихъ поселеній. Особенно въ этомъ отношеніи богато с. Гущинцы. По лѣвой сторонѣ Буга, напротивъ Гущинецъ, находится урочище «Priська». Здѣсь, говоритъ преданіе, въ древности было поселеніе этого имени и, какъ на слѣды его, указываютъ на выпахиваемый кирпичъ, черепья и проч. По правую сторону Буга, въ верстѣ отъ села, возлѣ рѣчечки Бобрки, урочище «Селище», какъ передаютъ, тоже бывшее когда-то село. Затѣмъ сохранилось преданіе, что по теченію Буга въ 4 верстахъ отъ Гущинецъ былъ большой городъ «Билый каминь», въ которомъ находилось 7 церквей. Указываемое мѣсто на невысокомъ холмѣ имѣетъ съ восточной стороны идущій параллельно съ Бугомъ большой валъ

длиною въ 95 саженъ. По словамъ крестьянъ, здѣсь часто выпахиваются гладкіе, какъ-бы шлифованные камни (изъ описанія ихъ можно предположить, что это остатки древнихъ орудій), а также кирпичъ и черепья.

Въ смежныхъ лѣсахъ Гущинецъ, Сопрунова и Мизякова, расположенныхъ на гористой мѣстности, которая на востокѣ ограничена р. Бугомъ, на сѣверѣ Бобркой, а на югѣ Згаромъ, находится масса кургановъ и ямъ. Курганы эти разной величины, но между ними попадаются отличающіеся особенною высотой и обширностью[1]).

Въ Гущинецкомъ же лѣсу на высокомъ холмѣ, который на западѣ соединяется посредствомъ хребта съ другимъ холмомъ, на сѣверѣ имѣетъ крутой спускъ къ р. Бобркѣ, а на востокѣ и югѣ къ глубокой долинѣ, находится урочище «Замчысько» съ слѣдами древнихъ укрѣпленій (въ Мызяковѣ наз. его «Паланкою»). Представляетъ оно собою площадь, окруженную двумя валами, въ срединѣ которыхъ находится глубокая канава. Внутренній валъ выше внѣшняго и въ длину имѣетъ до 300 арш. Глубина канавы отъ 12 до 16 аршинъ. Площадь «Замчыська» въ поперечникѣ 85 арш.; поверхность ея не ровна, такъ какъ на ней есть нѣсколько бугровъ и круглыхъ ямъ. На западѣ, въ 45 арш. разстоянія отъ этихъ окоповъ, хребетъ холма пересѣкается валомъ въ 135 арш. длины, съ внѣшней стороны котораго тоже находится глубокая канава. Вблизи «Замчыська» попадаются курганы и ямы. Преданій о немъ не сохранилось.

Въ описываемой мѣстности никогда еще не было археологическихъ раскопокъ, а также расхищеній древнихъ вещей по примѣру другихъ мѣстъ; поэтому можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что археологія обогатилась-бы, если бы здѣсь были сдѣланы систематическія раскопки спеціалистами археологами.

В. Боржковскій.

Цѣлебный источникъ.—Недалеко отъ только-что упомятаго «Замчыська», въ томъ-же лѣсу, въ глубокой долинѣ, къ которой сходятся нѣсколько высокихъ холмовъ, есть минеральный источникъ «Чопова», извѣстный въ народѣ за цѣлебный. Изъ долины этой онъ

[1]) На одомъ изъ такихъ кургановъ, находящемся въ Мизяковскомъ казенномъ лѣсу, въ урочищѣ „Княжыха“ (послѣдній холмъ возлѣ Буга) была, по преданію, устроена во время татарскихъ набѣговъ „вежа“, съ которой предупреждали жителей Мизякова о приближеніи татаръ.

ручейкомъ впадаетъ въ р. Бобрку. Надъ колодцемъ этимъ стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «кырныця Попова вода помишна. 1887 г.». На крестѣ посерединѣ икона св. Николая, а по бокамъ нѣсколько меньшихъ иконокъ.

Объ источникѣ этомъ сохранилось двѣ легенды. Одна легенда говоритъ, что когда-то очень давно изъ той долины, изъ-подъ горы вытекала цѣлая рѣка и что будто бы изъ нея поднимались пары и надъ ней вѣчно носились тучи, что служило причиною частыхъ бурь, дождя и града. Это причиняло такія бѣдствія въ окружающей мѣстности, что какой-то панъ приказалъ срубить много дерева и забить имъ то мѣсто, откуда рѣка брала начало, и съ того времени остался только колодезь съ маленькимъ ручейкомъ.

Другая легенда передаетъ, что тамъ, гдѣ теперь колодезь, начиналась большая рѣка и что возлѣ нея на холмѣ стояла церковь; но во время татарскихъ набѣговъ, жители, не желая допустить разграбленія церкви, затопили въ этой рѣчкѣ всю церковную утварь, колокола и даже самое зданіе ея. Съ тѣхъ поръ рѣчка эта обратилась въ колодезь и изъ глубины его можно слышать каждый годъ на пасху колокольный звонъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ были затоплены священныя принадлежности, вода этого колодца сдѣлалась цѣлебною. Возлѣ колодца съ лѣвой стороны находится трясина, въ которую, по словамъ крестьянъ, погружается шестъ болѣе двухъ саж. длины. На трясину эту крестьяне и смотрятъ, какъ на «безодню», въ которой вмѣстилась церковь.

Между тѣмъ слава этого источника издавна уже разнеслась по окружающимъ селамъ и къ нему сходятся больные въ надеждѣ получить исцѣленіе; въ особенности водятъ къ нему золотушныхъ дѣтей. Грязь изъ колодца употребляютъ при сильныхъ головныхъ боляхъ, прикладывая её, какъ компресъ на голову. Воду пьютъ и омываются ею. Послѣ омовенія, въ знакъ того, что оставляются здѣсь болѣзни, развѣшиваютъ на вѣтвяхъ свои рубахи, платки и т. п. Въ колодезь бросаютъ деньги («такъ нибы то заплатывъ за воду», сказалъ по этому поводу мизяковскій крестьянинъ). Воду эту, какъ «свячену», берутъ въ качествѣ лѣкарственнаго средства для домашняго употребленія; пользуются ею и пасѣчники, чтобы разводить «сыту» при кормленіи пчелъ весною. Нужно замѣтить, что существуетъ въ народѣ обычай приносить съ разныхъ мѣстъ освященную воду; затѣмъ ее сливаютъ вмѣстѣ и хранятъ въ бутылкахъ. Вода эта обязательно должна быть составлена изъ трехъ источниковъ и притомъ «съ трьохъ

границъ». Мизяковскіе, напр., крестьяне для этого приносятъ воду изъ «Чоповой», а также изъ «кернычокъ» с. с. Уладовки и Заливанщины, гдѣ въ виду цѣлебности воды, установлены «отпусты».

Ежегодно и издавна происходитъ возлѣ «Чоповой» водоосвященіе, но всего только два года, какъ гущинецкіе крестьяне стали приглашать сюда крестьянъ другихъ селъ ко дню весенняго Николая, на «видпустъ». Руководитъ этимъ дѣломъ, какъ говорятъ, больше всего братство сестричекъ, которыя посылаютъ по селамъ нѣсколько человѣкъ для приглашенія, а также для собиранія съѣстныхъ припасовъ на «обидъ», которымъ угощаютъ всѣхъ присутствующихъ по окончаніи водосвятія и молебствія.

У крестьянъ есть желаніе построить когда нибудь церковь или часовню возлѣ колодца въ надеждѣ, что будутъ здѣсь установлены «отпусты» по примѣру другихъ селъ, какъ напр.: Уладовки и Заливанщины.

В. Боржковскій.

Изъ прошлаго Кіева. Допросъ въ Москвѣ стрѣльца, присланнаго изъ Кіева съ отписками.

$\frac{192}{1684}$ г. іюня въ 12 день, въ приказѣ Малыя Росіи явился изъ Кіева стольника и полковника Павлова полку Бохина стрѣлецъ Митрошка Павловъ, а сказалъ: къ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ, послалъ его изъ Кіева бояринъ и воевода Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи съ отписки тому нынѣ *осьмой день*.

Въ Кіевѣ милостію Божіею все смирно и про непріятельскихъ людей нигдѣ не слышать; да въ нынѣшнемъ же въ 192 году, а котораго числа, того не упомнитъ, до его посылки недѣли за двѣ было въ Кіевѣ по два дни о полдняхъ въ церкви *Георгія Страстотерпца* среди дня свѣщи передъ образами засвѣщались и царскія двери отворялись да и напередъ того послѣ свѣтлой недѣли въ той же церкви такожде было, а бояринъ и воеводы о томъ къ великимъ государемъ писали ли, того онъ не вѣдаетъ. А *хлѣбъ* купятъ въ Кіевѣ *кіевской мѣры* осмачку-рожъ *по десяти* и *съ алтыномъ по десяти*, овесъ *по осми алтынъ*. Великихъ государей съ казною встрѣтилъ на дорогѣ промежъ Болхова и Карачева, а больше того сказати ни про что не вѣдаетъ.

(Моск. арх. Минис. Юст., Спб. Пр. столбцы № 1587).

А. Г—скій.

Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры. Челобитная о разрѣшеніи принять православіе.

Великому государю, ц. в. кн. Петру Алексѣевичу, в. в. и м. и б. Р. самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой солдацкого строю прапорщикъ Петрушка *Крефтъ*. По моему челобитью отпущенъ былъ я изъ Переяславля въ богоспасаемый градъ Кіевъ для свиданія сродниковъ своихъ и былъ я, холопъ твой, въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ и видѣлся я, холопъ твой, съ монахомъ Михаиломъ, которой былъ въ нашей Люторской вѣрѣ, а нынѣ онъ во православной кристіянской греческой вѣрѣ; и я, холопъ твой, разговорился съ нимъ монахомъ про православную крестьянскую греческую вѣру и онъ, монахъ, мнѣ, холопу твоему, разсказалъ православную крестьянскую греческую вѣру, какъ она есть во православіи и какъ святые отцы на Седмомъ Соборѣ ее, православную греческую вѣру, установили и какъ можетъ отъ чего человѣкъ спастися, потому что, государь, въ православной крестьянской греческой вѣрѣ воспріимаютъ печать и даръ Духа Святаго и Пресвятую Богородицу и всѣхъ угодниковъ почитають и поклоняются и посты святые ты всѣ держатъ, которые на Седмомъ Соборѣ святые отцы уставили, а въ нашей Люторской вѣрѣ того нѣтъ и постовъ святыхъ ни единаго не имѣютъ, также и Пресв. Богородицы и всѣмъ угодникамъ Божіимъ не поклоняются и я, холопъ твой, узнавъ то, что православная крестьянская греческая вѣра вельми благочестива, и хочу я, холопъ твой, ее воспріять. Милосердый велик. государь.... пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, мнѣ, холопу своему, изъ Люторской вѣры приступить въ православную крестьянскую греческую вѣру. Великій государь смилуйся!

(Моск. архив. Мин. Юст. спб. прик. № 1602).

А. Г—скій.

Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1760 г. отставной сотникъ кіевскій, Павелъ Гудимъ, съ которымъ магистратъ кіевскій велъ многолѣтнюю безплодную войну изъ-за «шинкованья», которымъ, несмотря на всѣ запрещенія, занимался сотникъ въ подрывъ интересамъ магистрата, жаловался гетману Разумовскому на то, что магистратъ запрещаетъ ему производить торговлю въ рядахъ. «Имѣю я въ г. Кіевѣ, писалъ онъ, собственныя мои четыре крамныя лавки, въ

томъ числѣ двѣ состоять впустѣ чрезъ недопущеніе магистратомъ кіевскимъ торговать, и двѣ, въ которыхъ сидѣльцы мои чрезъ семь годъ разными товарами торговали безъ всякаго отъ кого либо препятствія. Нынѣ же отъ магистрата кіевскаго, по древней на мене (какъ и на всѣхъ кіевскихъ козаковъ) злобѣ и ненависти, чинится препятствіе и запрещеніе, чтобъ въ показанныхъ лавкахъ товарами не торговали, и сидѣльцовъ моихъ магистратомъ берутъ подъ караулъ, требуютъ подписокъ, дабы въ онихъ моихъ лавкахъ отнюдь не сидѣли и не торговали».

Гетманъ по этой жалобѣ далъ ордеръ магистрату не препятствовать купечеству Гудима. Но магистратъ, ссылаясь на Высоч. грамоты, «по коимъ *никому изъ ратныхъ людей* торговать въ Кіевѣ на Подолѣ не дозволено», заявлялъ, что онъ и ордера гетманскаго исполнить «нѣкакъ не смѣеть», такъ какъ и Гудимъ не иного какого званія человѣкъ, какъ воинскаго, а «до сего, сколько здѣ сотниковъ, сотенной старшины и рядовыхъ козаковъ ни было, ни еденъ съ нихъ ни самъ, ни чрезъ сидѣльцовъ никакихъ торговъ въ лавкахъ съ кіевскими мѣщаны не производили»; при томъ же и сами сидѣльцы Гудимовы показали, что торгуютъ они не въ собственныхъ Гудимы лавкахъ, а въ наемныхъ: такъ — «изъ нихъ Григорьевъ сего 760 г. марта м-ца сѣлъ наемно въ лавки здѣшняго мѣщанина Василія Копистенскаго, а Колцатій наемно въ лавки тестя его, сотника, умершаго мѣщ. Евстафѣя Михайлова». Между тѣмъ Гудимъ, видя неисполненіе со стороны магистрата гетманскаго ордера, вновь обратился въ октябрѣ того же года къ гетману съ жалобой, что де «съизнова сидѣльцевъ моихъ брато въ магистратъ подъ караулъ и держано цѣлой день, и отпущено съ тѣмъ строгимъ притвержденіемъ, что ежелибъ оніе дерзнули сѣсть въ лавкахъ, то жестоко плетьми имѣютъ быть наказаны». При этомъ Гудимъ доказываетъ, что запрещеніе «ратнымъ людямъ» торговать на Подолѣ относится къ великороссійскимъ солдатамъ, а никакъ не къ кіевскимъ же козакамъ. Съ такимъ толкованіемъ согласилась и Войск. Г. Канцелярія, которая и подтвердила вновь данный магистрату гетманскій ордеръ: «понеже зъ оной высоч. грамоты видѣть можно, какое запрещеніе до козаковъ касалось, оное именно объяснено и изображено, гдѣ надлежало,— «ратнымъ людямъ и козакамъ», а что до продажи товаровъ, о томъ именно запрещеніе учинено еднимъ ратнымъ людямъ, т. е. солдатамъ, а не козакамъ, кои въ Кіевѣ дѣйствительно жительствуютъ и землями своими владѣютъ и, по силѣ правъ малорос., всякими проми-

слами на землѣ своей по волѣ своей же пользоваться свободни; а таково запрещеніе оному обитованному сотнику Гудимѣ въ неимѣніи ему своихъ сидѣльцовъ отъ магистрата учинено неналежно, въ отмѣну высоч. грамотъ, жалованныхъ тому маг-ту, и показанному повелѣнію нашему ослушаніе несправедливо», а потому В. Г. К. и подтверждаетъ «найкрѣпчайше—въ свободной продажѣ въ крамнихъ лавкахъ товаровъ и протчомъ незапрещенномъ торговомъ промислѣ никакова препятствія ему, Гудимѣ, не чинить и сидѣльцовъ его подъ караулъ не брать и до нихъ мимо его Гудимы ничимъ не интересоваться».

А. А.

Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ.

Печатаемыя въ настоящемъ номерѣ журнала воспоминанія А. А. Солтановскаго относятся къ тому періоду кіевской студенческой жизни, который можетъ быть названъ героическимъ, и о которомъ, поэтому, существуетъ такъ много анекдотовъ, характерныхъ для своего времени.

Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями еще одной страничкой изъ той-же эпохи, которая, хотя въ мелочахъ, но не безъ рельефности, рисуетъ одинъ изъ моментовъ этой разудалой студенческой бытовой обстановки. Страничка эта—стихотворный разсказъ студента медика о своемъ неудачномъ экзаменѣ на званіе лѣкаря, когда, послѣ буйно проведеннаго пятилѣтія въ студенчествѣ, пришлось дать отчетъ, представъ предъ судилище членовъ факультета. Подписи автора стихотворенія не имѣется, равно какъ нѣтъ и указанія времени написанія; впрочемъ, послѣднее довольно точно опредѣляется слѣдующей справкой: въ числѣ экзаменаторовъ фигурируетъ Василій Кузьмичъ Курдюмовъ, который могъ быть экзаменаторомъ только въ 1849 или 1850 году, т. к. въ эти два года онъ преподавалъ *въ видѣ опыта* теоретическую хирургію, а въ другіе годы только былъ помощникомъ директора хирургической клиники. (См. Біографическій Словарь профес. универс. Св. Влад., стр. 350). Что-же касается имени автора, то хотя преданіе его и называетъ, но я боюсь основываться только на преданіи и подожду, не откликнется-ли, послѣ напечатанія стихотворенія, кто нибудь изъ современниковъ его и не дастъ-ли болѣе точныхъ указаній.

В. Н.

Вчера я видѣлъ чудный сонъ;
Его я помню очень живо,
Такъ въ память врѣзался мнѣ онъ,
Что я могу неторопливо
Вамъ все до слова передать,
Что мнѣ случилось увидать;
Я видѣлъ страшный залъ совѣта,
Гдѣ предъ зерцаломъ вкругъ стола
Сидѣли члены факультета.
Вся знаменитость тутъ была:
Цыцуринъ, Бекеръ и Матвѣевъ, и
Караваевъ, и Козловъ;
Короче, чтобы нетратить словъ—
Соборъ всѣхъ нашихъ корифеевъ,
Вѣсь сокъ ученыхъ докторовъ!
А я, какъ агнецъ предъ закланіемъ,
Стоялъ смиренно въ уголку
Съ невольнымъ сердца трепетаньемъ.
Какъ странно, на моемъ вѣку,
Средь жизни буйной, разудалой
Среди студенческихъ проказъ,
Видалъ опасность я не разъ
И нетревожился ни мало,
И не терялся никогда.
Но тутъ, признаться господа,
То чувство, что меня томило
И что тогда мнѣ грудь сдавило,
Я объяснить вамъ не берусь
Хотя однакожъ я нетрусъ.
Я помню, какъ въ былые годы,
Зажавши гривны двѣ въ кулакъ,
Я расколачивалъ обходы:
Но сердце не болѣло такъ,
Когда и въ карцеръ запирали
За эти штуки молодца,
И за Павлину угрожали
Меня стереть съ земли лица.
Я помню какъ то разъ . . . . . .
Меня купцы въ полночный часъ
Порядкомъ притузить хотѣли,
Но одному я вышибъ глазъ;
Другой, бутылкой оглушенный,
Качался долго, какъ шальной;
А я отправился домой,
Разбитый, но не побѣжденный.
И страхъ былъ чуждъ душѣ моей;
Ему не было мѣста въ ней.
Но тутъ, друзья мои, о чудо!!
Не знаю какъ и почему
Я струсилъ, и пришлося худо
И круто бѣдному уму.
Пришлося тяжкій дать отвѣтъ
За всѣ прошедшія пять лѣтъ!
Они, увы! прошли безплодно—
И въ медицинѣ я дуракъ.
Разсудокъ шепчетъ мнѣ холодный:
Ну, что жъ? пускай себѣ и такъ!
Какъ много дураковъ отмѣнныхъ
Мы видимъ на мѣстахъ почтенныхъ!
Такъ почему же какъ нибудь
Судьбѣ, къ поэту благосклонной,
Ему неприготовить путь
Хотя невинный, но спокойный,
Я негоняюся за славой,
Не лѣзу я въ профессора:
Учить другихъ мнѣ не по нраву
Да. признаюсь, и не пора.
Не таковы мои желанья,
Не то рисуютъ мнѣ мечтанья!
Люблю я тихій городокъ,
Однообразный и старинный,
Гдѣ заведенъ порядокъ чинный,
Гдѣ нѣтъ коварства и порокъ
Не запускалъ еще когтей
Въ сердца безхитростныхъ людей.
Гдѣ мода не имѣетъ власти,
Гдѣ дремлютъ пагубныя страсти,
И гдѣ до сихъ не знаютъ дней
Дипломатическихъ затѣй,
Гдѣ добродушный городничій,
Блюститель нравовъ и приличій,
Какъ древній патріархъ живетъ
И мірный судъ для всѣхъ даетъ
По долгу совѣсти и чести;
Гдѣ жители не знаютъ лести
И не знакомы душамъ ихъ
Пороки городовъ большихъ.
Гдѣ всѣ въ объятояхъ сладкой лѣни
Живутъ спокойно день за днемъ,
Не зная свѣтскихъ треволненій
И не заботясь ни о чемъ.
Тудабъ хотѣлъ я поселиться,

Въ тиши природу наблюдать,
Въ странахъ фантазіи носиться
И плотно ѣсть, и крѣпко спать.
Въ бесѣдѣ съ музой и ланцетомъ
Я былъ бы медико-поэтомъ
И жизнь чудесную-бъ повелъ;
Но возвратимся къ комитетамъ,
Куда мой сонъ меня завелъ.
Всѣ ждутъ; вотъ входитъ тихо, гордо
Деканъ своей походкой твердой,
И задрожали ву насъ сердца
Узрѣвъ врачителей творца,
Онъ сѣлъ, нахмурился и важно
Сказалъ: извольте начинать...
Студенты двинулись отважно
Патентъ желанный грудью брать.
И я подвинуся поближе
И отряхнулся молодцемъ;
Самъ думаю, ну, ну—смотри-же,
Поэтъ, не тресни въ глязь лицемъ!
Съ кого-бы начать тутъ бой открытый?
Гляжу, Курдюмовъ знаменитый
Всѣхъ ближе у стола сидитъ,
Покорный грозному велѣнью
На всѣхъ убійственно глядитъ,
Но по привычкѣ къ снисхожденью
Самъ полъ—вопроса говоритъ.
Иду, забилось ретивое;
Себя на стулъ я помѣстилъ,
Беру вопросъ, ба! что такое?
Гангрена съ истощеньемъ силъ.
„Нусъ" громогласно возглашаетъ
Почтеннѣйшій Василь Кузьмичъ.
Меня въ ознобъ и жаръ бросаетъ:
Сковалъ языкъ мнѣ параличъ
По волѣ мощнаго Зевеса.
Друзья, видали ли вы бѣса,
Когда предъ знаменьемъ креста
Онъ весь отъ морды до хвоста
Проворно въ три дуги совьется
И лапки подогнувъ, трясется,
Смиренно преклонивъ рога?
Такъ вашъ покорнѣйшій слуга,
Мрачнѣе самой темной ночи,
На долъ спустивъ сокольи очи,
Молчитъ, потѣетъ, и сопитъ,
И въ полъ безсмысленно глядитъ.
„Ну чтожъ, дождусь ли я отвѣта?"
Курдюмовъ строго возгласилъ.
Приходитъ круто для поэта!
Экспромтомъ отвѣчать нѣтъ силъ,
А спеціальныхъ знаній мало;
Но я встряхнулся, какъ бывало,
Да какъ пошелъ, да какъ завралъ!
Увы друзья! мой часъ насталъ
Ялился!.варон

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. М. 1892.

Среди изслѣдователей, обратившихъ свое вниманіе на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя и на историческое изученіе его литературной дѣятельности, г. Шенрокъ въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, безспорно, занялъ очень видное мѣсто. Разнообразныя статьи его біографическаго и историко-литературнаго характера, касающіяся Гоголя, были опубликованы имъ какъ отдѣльно («Указатель къ письмамъ Гоголя», два изданія; «Ученическіе годы Гоголя»), такъ и въ журналахъ («Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ» и др.). Настоящее его сочиненіе, заглавіе котораго выписано выше, представляетъ собою обработку въ одно цѣлое этихъ предварительныхъ опытовъ; оно расчитано на три тома, изъ которыхъ первый только что выпущенъ авторомъ въ свѣтъ, а продолженіе обѣщается въ близкомъ будущемъ. Новый трудъ г. Шенрока обладаетъ выдающимися достоинствами и, какъ по обширности и важности своей задачи, такъ и по началу ея выполненія, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, интересующагося судьбами новѣйшаго періода русской литературы.

Сочиненіе г. Шенрока даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ скромное его заглавіе. Конечно, его нельзя назвать біографіей Гоголя въ полномъ смыслѣ слова: въ изданной его части есть не мало пробѣловъ, не мало догадокъ и предположеній, которыя въ будущей біографіи великаго писателя должны быть восполнены и замѣнены фактами совершенно опредѣленными и ясными, поскольку позволятъ это матеріалы; но едва-ли теперь можно поставить это въ вину автору разсматриваемаго сочиненія, который находился въ зависимости отъ доступныхъ ему данныхъ, и нужно сказать, что данныя эти, кото-

рыхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ, исчерпаны имъ съ замѣчательной полнотой; сочиненіе находится вполнѣ на высотѣ трактуемаго имъ вопроса, въ изслѣдовательномъ отношеніи. Съ другой стороны, въ книгѣ г. Шенрока, вышедшій первый томъ которой обнимаетъ время жизни Гоголя съ начала и по 1831 годъ, читатель найдетъ на одну біографію, но и историко-литературное разсмотрѣніе произведеній изслѣдуемаго писателя, причемъ эта послѣдняя задача ставится авторомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ: онъ старается «подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь» (168). Біографическія данныя у г. Шенрока переплетаются съ историко-литературными, образуя послѣдовательный и связный разсказъ; такой, совершенно вѣрный, пріемъ позволяетъ догадываться, что, по мысли автора, «біографію» писателя надобно понимать въ обширномъ слыслѣ, по скольку произведенія писателя составляютъ неотъемлемую часть его жизни, и историко-литературный анализъ ихъ долженъ найти свое мѣсто въ его жизнеописаніи. Задачу свою по отношенію къ Гоголю г. Шенрокъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «наша цѣль по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и такъ ск. погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя; наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлію ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святыней для каждаго образованнаго человѣка» (23). Авторъ понимаетъ трудность своей задачи, припоминая слѣдующія слова С. Т. Аксакова, сказанныя имъ вскорѣ послѣ смерти Гоголя: «біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственую въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно

воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ,—ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю» (10).

Что же даетъ г. Шенрокъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя»? Книга его раздѣляется на четыре отдѣла, предшествуемыхъ двумя вступительными статьями: «вмѣсто предисловія» и «краткій обзоръ литературы о Гоголѣ». Въ первой статьѣ (1—7) авторъ высказываетъ свой общій взглядъ на Гоголя, становясь на сторону стараго и совершенно вѣрнаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ родоначальникѣ новой школы въ нашей литературѣ: «будущимъ историкамъ литературы—говоритъ г. Шернокъ—предстоитъ еще опредѣдѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы» (3); такое мнѣніе, высказанное лицомъ компетентныхъ (ср. еще стр. 339), является очень къ стати въ виду недавней попытки въ нашей литературѣ поколебать значеніе Гоголя, какъ основателя новой литературной школы,—попытки, встрѣтившей, впрочемъ, довольно единодушный отпоръ. Во второй статьѣ (9—24) представлена довольно полная библіографія по вопросу о жизни Гоголя, съ краткой оцѣнкой нѣкоторыхъ изъ указанныхъ тутъ трудовъ, между которыми особенно видное мѣсто авторъ отдаетъ капитальнымъ изслѣдованіямъ П. А. Кулиша и акедемика Н. С. Тихонравова. Статьи, содержащія историческую или эстетическую оцѣнку произведеній Гоголя, не вошли въ это обозрѣніе.

Далѣе въ книгѣ г. Шенрока—первый отдѣлъ «Предки и родители Гоголя» (27—58). Глава эта въ настоящемъ изданіи значительно расширена сравнительно съ соотвѣтствующей главой «Ученическихъ годовъ Гоголя» (М. 1887), хотя и теперь нельзя не пожалѣть, что авторъ даетъ слишкомъ мало фактическихъ указаній о литературной дѣятельности Гоголя отца, особенно о двухъ его комедіяхъ, о которыхъ г. Шенрокъ упоминаетъ лишь вскользь (стр. 46); при такомъ широкомъ пониманіи обязанности біографа, какъ это мы можемъ предполагать у нашего автора, небольшое ознакомленіе читателя съ скромной литературной дѣятельностью В. А. Гоголя было бы совершенно умѣстно. Въ этомъ же отдѣлѣ г. Шенрокъ обстоятельно говоритъ и о матери Гоголя; впрочемъ, гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой личности читатель находитъ въ послѣдующихъ

отдѣлахъ труда г. Шенрока, которому, въ числѣ другихъ біографовъ Гоголя, должно быть поставлено въ особую заслугу то, что онъ первый представилъ обильный матеріалъ для сужденія о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь и удачно освѣтилъ вопросъ о ея нравственномъ вліяніи на сына.

Второй отдѣлъ составляютъ «Ученическіе годы Гоголя» (59—148). Не касаясь достоинствъ этой части изслѣдованія г. Шенрока, очень обстоятельно рисующей предъ читателемъ этотъ любопытнѣйшій періодъ въ жизни Гоголя, позволяемъ себѣ указать на то, что авторъ не вполнѣ исчерпалъ по данному вопросу интересный матеріалъ, представляемый не однажды цитуемымъ имъ документальнымъ трудомъ профессора Н. А. Лавровскаго («Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» въ Извѣстіяхъ историко-фил. инстит. кн. Безбородко, т. III, неофф. отд., стр. 152—158 и прилож. № 3); обработкой этого, а также и другого матеріала, которымъ въ изобиліи располагалъ нашъ авторъ, г. Шенрокъ съ большей выгодой для самостоятельной цѣльности своего труда могъ бы замѣнить перепечатку разсказа г. Кулиша о школьныхъ годахъ Гоголя (стр. 81—89), хотя занимательность послѣдняго и никѣмъ не можетъ быть оспариваема. Особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отдѣлѣ главы IV-я («Воспоминанія А. С. Данилевскаго о школьной жизни Гоголя») и V-я («Переписка съ матерью. Отношенія къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ»). Исторія русской литературы обязана г. Шенроку важными въ біографическомъ отношеніи воспоминаніями о Гоголѣ его близкаго друга и школьнаго товарища А. С. Данилевскаго; эти воспоминанія добыты были нашимъ авторомъ путемъ личнаго знакомства и устной передачи отъ Данилевскаго не задолго до его смерти, и такимъ образомъ спасены отъ погибели драгоцѣнные матеріалы касательно жизни Гоголя. Но, отдавая всю справедливость цѣнности этой находки, не можемъ не высказать предположенія, что м. б. нѣкоторое пристрастіе къ ней было причиною того, что г. Шенрокомъ оставлены какъ бы въ тѣни отношенія Гоголя къ другому своему школьному товарищу и другу Н. Я. Прокоповичу. Въ другомъ мѣстѣ книги и совершенно по другому поводу г. Шенрокъ, сопоставляя эти два вліянія на Гоголя, удѣляетъ Прокоповичу скромную роль исполнителя порученій Гоголя и допускаетъ, что онъ пользовался только «въ извѣстной степени его (Гоголя) расположеніемъ» (302). Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности по этому вопросу; укажемъ

лишь изъ матеріала, прекрасно извѣстнаго и г. Шенроку, два—три мѣста, свидѣтельствующихъ о гораздо болѣе сильномъ расположеніи Гоголя къ Прокоповичу, чѣмъ это допускаетъ нашъ авторъ. Гоголь писалъ Прокоповичу: «мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами внѣшними... Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности... Ты знаешь самъ очень хорошо, что̀ я тебѣ и что̀ ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь... Я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ (письмо изъ Рима), гдѣ я живу теперь, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужею петербугскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ» (Русское Слово 1859, I, стр. 100, 103, 106, 109—110. Ср. тамъ-же стр. 119, откуда видно, что Гоголь довѣрялъ Прокоповичу самую редакцію своихъ сочиненій). Впрочемъ воздерживаемся отъ особаго упрека въ этомъ г. Шенроку, такъ какъ автору будетъ случай въ послѣдующихъ частяхъ своего труда говорить объ отношеніяхъ этихъ двухъ друзей. Въ V-й главѣ второго отдѣла нельзя не отмѣтить любопытныхъ замѣчаній г. Шенрока о слогѣ писемъ Гоголя въ школьную пору его жизни (119—123). Въ этомъ же отдѣлѣ своего труда (стр. 121, прим.) г. Шенрокъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя, во время пребыванія его въ школѣ; въ приложеніи въ книгѣ (стр. 383) онъ указываетъ на статью г. Пономарева въ «Кіевской Старинѣ» (1883, № 5), гдѣ сообщаются свѣдѣнія о гимназическомъ журналѣ «Метеоръ Литературы», въ которомъ участвовалъ и Гоголь; объ этомъ рукописномъ журналѣ (только уже съ именемъ «Звѣзда») говорится и въ другомъ мѣстѣ труда г. Шенрока (251), съ которымъ мы совершенно раздѣляемъ желаніе имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ участіи въ этомъ журналѣ Гоголя, причемъ пользуемся случаемъ заявить, въ отвѣтъ на недавнюю замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» (1890, № 11, стр. 332), будто лицейскій журналъ Гоголя «Метеоръ» находится въ библіотекѣ нѣжинскаго историко-филологическаго института, — что такое сообщеніе по справкѣ оказалось не вѣрнымъ. Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о слѣдахъ школьныхъ литературныхъ опытовъ Гоголя, мы, забѣгая нѣсколько впередъ въ обозрѣніи труда г. Шенрока, укажемъ на сообщеніе одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя (стр. 241), что на одномъ изъ гимназическихъ представленій

играли «какую-то малороссійскую піесу, сочиненную тогда же Гоголемъ». Г. Шенрокъ полагаетъ, что тутъ неточность, и что надобно разумѣть подъ этимъ комедію отца Гоголя. Можетъ быть такъ, но можетъ быть и нѣтъ: прямой смыслъ приведенныхъ словъ указываетъ на точное представленіе неизвѣстнаго автора воспоминаній—о Гоголѣ, какъ авторѣ упомянутой малороссійской пьесы; едвали бы отъ товарищей ускользнуло свѣдѣніе о томъ, принадлежитъ ли пьеса Гоголю-школьнику, ихъ соучастнику въ театральномъ представленіи, или кому другому, напр. его отцу, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи малороссійской пьесы Гоголемъ-юношей нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но, разумѣется, это опять-таки одно предположеніе.

Въ третьемъ отдѣлѣ разсказывается «Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ, 1829—1830 гг.» (стр. 151—235). Тутъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о пріѣздѣ Гоголя вмѣстѣ съ А. С. Данилевскимъ въ Петербургъ, о первыхъ впечатлѣніяхъ его въ столицѣ, объ изданіи идилліи «Ганцъ Кюхельгартенъ», о тоскѣ Гоголя по родинѣ, первой поѣздкѣ его за-границу, такъ быстро кончившейся неожиданно для самого путешественника, наконецъ, о его попыткахъ найти опредѣленное поприще дѣятельности въ Петербургѣ. Печатный первенецъ Гоголя, «Ганцъ Кюхельгартенъ» изученъ г. Шенрокомъ очень внимательно, но намъ кажется, что въ многочисленныхъ параллеляхъ автора, сдѣланныхъ съ цѣлію привести въ связь мысли и способы выраженія въ идилліи съ близкими по времени письмами Гоголя и его повѣстями, не вполнѣ соблюдено чувство мѣры; впрочемъ, нельзя отрицать, что спеціально интересующійся вопросомъ о гоголевскомъ стилѣ, о постепенномъ развитіи въ его сознаніи художественныхъ образовъ и способовъ ихъ выраженія найдетъ для себя въ этихъ сопоставленіяхъ много любопытнаго. Нельзя не назвать мѣткими и справедливыми слѣдующихъ замѣчаній г. Шенрока о Гоголѣ этого періода: «самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ самыхъ простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ

человѣкъ глубокой вѣры, и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія» 230—231).

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ книги г. Шенрока является— «Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры», 1830—1831 гг.» (239—372). Тутъ проходятъ предъ читателемъ задатки яркаго художественнаго дарованія у Гоголя въ школѣ (весьма любопытна выдержка изъ воспоминаній А. М. Стороженка) и выраженіе его въ «Вечерахъ на хуторѣ», по переѣздѣ въ Петербургъ, литературныя и свѣтскія отношенія Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ (къ А. О. Смирновой, Пушкину, Данилевскому), наконецъ постепенное расширеніе литературныхъ связей Гоголя. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе автора на два мѣста этого отдѣла. На стр. 364, забѣгая впередъ въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ Данилевскому, г. Шенрокъ разсказываетъ о томъ, какъ Гоголь съ Данилевскимъ и другимъ товарищемъ по Нѣжину И. Г. Пащенкомъ возвращался въ 1835 году изъ Малороссіи въ Петербургъ; по дорогѣ ему вздумалось разыграть, при помощи своихъ спутниковъ, сюжетъ будущей своей комедіи «Ревизоръ»: для этой цѣли Пащенко выѣзжалъ впередъ и разсказывалъ на станціяхъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ ревизоръ incognito; со своей стороны Гоголь совершенно входилъ въ роль ревизора, ихъ съ Данилевскимъ принимали на станціяхъ съ необычайной предупредительностью и вездѣ безъ задержки давали лошадей. Припомнимъ, что «Ревизоръ» вышелъ въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года. Въ виду извѣстнаго признанія самого Гоголя въ «Авторской исповѣди» (сочиненія, изд. 10-е, IV, 249), что сюжетъ Ревизора данъ ему Пушкинымъ, читатель невольно ищетъ разъясненія этого пункта и не находитъ: такъ какъ о Ревизорѣ въ трудѣ г. Шенрока будетъ рѣчь позднѣе, гдѣ онъ, разумѣется, коснется этого любопытнаго біографическаго вопроса, то, можетъ быть, удобнѣе было бы отнести туда и приведенный разсказъ о Гоголевой поѣздкѣ. Но это, конечно, мелочь. Затѣмъ, на стр. 372, въ заключительныхъ словахъ своей книги, г. Шенрокъ говоритъ: «вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта, какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся, впрочемъ, въ противоположную крайность». Такой упрекъ петербугскимъ друзьямъ Гоголя кажется намъ несправедливымъ. Гоголь явился въ Петербургъ безъ всякихъ предшествовавшихъ литературныхъ заслугъ и въ скром-

номъ департаментскомъ чиновникѣ открыть поэта, какъ это досталось на долю петербургскихъ друзей Гоголя, было несравненно труднѣе, чѣмъ признать литературныя заслуги, уже заявленныя и критикой и авторитетнымъ голосомъ выдающихся писателей, какъ это пришлось сдѣлать москвичамъ. Кромѣ того, самъ г. Шенрокъ нѣсколькими страницами ранѣе разсказываетъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ Плетневъ случая «подвести Гоголя (едва заявившаго себя нѣсколькими отрывками и неудачнымъ «Ганцомъ Кюхельгартеномъ») подъ благословеніе Пушкина, съ какимъ радушіемъ принялъ его увѣнчанный уже лаврами Жуковскій, о чемъ позднѣе писалъ ему Гоголь: «ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!...» О Пушкинѣ нечего и говорить. Наконецъ, вотъ слова самого г. Шенрока о петербургскихъ друзьяхъ Гоголя: «Велика заслуга людей, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе» (299).

Въ «приложеніяхъ» къ книгѣ, кромѣ дополнительныхъ замѣчаній къ разнымъ мѣстамъ изслѣдованія, можно найти: оффиціальныя свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя, копію съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Трощинскому о назначеніи его на должность, два доклада В. А. Гоголя Трощинскому и ненапечатанное доселѣ письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22 марта 1842 года.

Изложеніе г. Шенрока вообще очень хорошо, но придирчивая критика можетъ высказать относительно нѣкоторыхъ мѣстъ требованіе бо̀льшей точности въ ссылкахъ. Напр. на стр. 87, приводя изъ книги г. Кулиша шутливые стихи ученика-Гоголя на своего товарища Бороздина, авторъ одну строку передаетъ иначе, чѣмъ въ цитуемой имъ книгѣ, но не указываетъ, что послужило ему матеріаломъ для внесеннаго исправленія. На стр. 46—47 авторъ, приводя мимоходомъ мнѣнія двухъ критиковъ о драматическихъ піесахъ Гоголя-отца, одного изъ этихъ критиковъ называетъ «суровымъ», отзывъ другого—«гораздо болѣе авторитетнымъ»; въ виду чрезвычайной краткости замѣчаній г. Шенрока по этому вопросу (на что уже мы указали выше), болѣе точное указаніе на упомянутые отзывы было бы не лишнимъ. Цитуя въ нѣсколькихъ мѣстахъ статью «Дѣтство и юность Гоголя», помѣщенную въ «Московскомъ Сборникѣ», изд. въ 1887 году г. Шарапо-

вымъ, г. Шенрокъ называетъ автора ея г. Александра Кояловича то «профессоромъ» (15), то «покойнымъ» (89), то «покойнымъ профессоромъ» (123, 127), прибавляя при этомъ одну лишь фамилію, безъ имени, что не близко знакомаго съ дѣломъ можетъ привести къ мысли о недавно скончавшемся М. О. Кояловичѣ, профессорѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ авторѣ цитуемой статьи, тогда какъ этого на самомъ дѣлѣ не было. Но, конечно, такія недомолвки предполагаются уже, такъ сказать, въ трудѣ такого объема, какъ сочиненіе г. Шенрока и нисколько не умаляютъ его достоинствъ, не могутъ помѣшать его успѣху.

Заканчиваемъ отчетъ нашъ слѣдующими справедливыми словами автора, въ которыхъ выразилъ онъ свой взглядъ на біографическую работу: «пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже иной разъ они будутъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывать разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостію якобы безупречнаго пушкинскаго Анджело. Иначе геніальный писатель или другой историческій дѣятель, не смотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время raison d' être; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны, въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злому преступнику». (207).

Е. Пѣтуховъ.

Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ подъ редакціею А. Н. Харузина. 1890, выпуски 3, 4 и 6.

Московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи одно изъ самыхъ дѣятельныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи. Огромное количество ученыхъ силъ, которые сосредоточились

въ этомъ обществѣ, громадное количество изданій, посвященныхъ изслѣдованіямъ и собранію матеріала по всѣмъ отраслямъ наукъ составляющихъ предметъ занятій общества, организація политехническаго музея, организація и описаніе прекрасной антропологичиской выставки въ 1879 г., многочисленныя экскурсіи, предпринимаемыя на средства общества и доставляющія ему обильный научный матеріалъ—все это представляетъ рядъ такихъ заслугъ для отечественной науки, которыя высоко поставили значеніе этого общества. Не мало трудовъ и усилій положено было обществомъ на полѣ изученія антропологіи Россіи; цѣлый отдѣлъ изданій общества и цѣлый рядъ снаряженныхъ имъ экскурсій посвящены были: собранію антропологическаго матеріала и его изученію, констатировкѣ племенныхъ разнообразныхъ типовъ народностей, населяющихъ Россію и изслѣдованію взаимныхъ отношеній этихъ типовъ между собою и ихъ связи съ расами, въ доисторическое и историческое время обитавшими на обширномъ восточно-европейскомъ и сѣверно-азіятскомъ континентѣ. Конечно, это задача не легкая и, принявъ во вниманіе съ одной стороны недавнее выдѣленіе антропологіи какъ самостоятельной науки, съ другой—обширность территоріи изслѣдованія и крайнее разнообразіе ея населенія, исполненіе задачи потребуетъ значительнаго времени и большихъ усилій, но отъ изслѣдованій антропологическихъ мы въ правѣ ожидать рѣшенія на основаніи точныхъ данныхъ многихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи и формировки расъ и національныхъ типовъ, которые или вовсе не могутъ быть разъяснены инымъ путемъ или разъясняются лишь приблизительно и гадательно.

Пересматривая многочисленныя изданія московскаго общества, посвященныя антропологіи, насъ всегда поражала въ нихъ одна особенность, можетъ быть, вытекающая изъ метода изслѣдованія, принятаго обществомъ, можетъ быть также составляющая результатъ случайности: изслѣдованія антропологическія и наборъ матеріаловъ преимущественно и почти исключительно посвящены были различнымъ группамъ инородцевъ и почти вовсе не обращались къ изученію славянскаго или болѣе близкаго къ славянамъ народонаселенія имперіи. Между тѣмъ какъ мы встрѣчаемъ многочисленныя работы, описывающія южно-сибирскихъ и алтайскихъ инородцевъ, сахалинскихъ гиляковъ, башкировъ, вогуловъ, самоѣдовъ, зырянъ, лопарей, абхазцевъ, осетинъ и т. д. (Зографъ, Ядринцевъ, Нефедовъ, Тихомировъ, Кельсіевъ и др.), мы только изрѣдка находимъ небольшія, частичныя

замѣтки о русскомъ населеніи, не дающія возможности, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, представить антропологическій русскій типъ и указать на его подраздѣленія и разновидности.

Впрочемъ эта, вѣроятно случайная, односторонность стала изглаживаться въ новой серіи работъ по антропологіи, которая была выдѣлена обществомъ съ 1890 года и стала выходить отдѣльными выпусками подъ вышеприведеннымъ общимъ заглавіемъ. Въ десяти выпускахъ «Дневника антропологическаго отдѣла», вышедшихъ въ теченіи 1890 года, мы нашли три статьи, посвященныя изслѣдованію русскаго и литовскаго антропологическихъ типовъ. Въ 3-мъ выпускѣ помѣщена статья Н. А. Янчука — «Нѣкоторыя данныя къ вопросу объ антропологическомъ типѣ бѣлоруссовъ». Основаніемъ для работы г. Янчука послужили имъ-же самимъ собранныя наблюденія въ минской губерніи въ 1886 году; онъ измѣрилъ 134 лица, выбравъ исключительно такіе индивидуумы, на счетъ которыхъ не представлялось сомнѣнія въ отсутствіи помѣси племенной въ восходящихъ поколѣніяхъ. Не вдаваясь въ подробности измѣреній головы и лица, произведенныхъ г. Янчукомъ, укажемъ только главные выводы его, относящіеся къ характеристикѣ бѣлорусскаго типа. По черепному указателю лица, измѣренныя г. Янчукомъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: длинноголовыхъ 19% (въ томъ числѣ суббрахицефаловъ 13%), среднеголовыхъ 24% и короткоголовыхъ 57%; по цвѣту глазъ бѣлоруссы представляютъ рѣшительное преобладаніе свѣтлой окраски; совершенно свѣтлыхъ глазъ: сѣрыхъ, зеленыхъ, голубыхъ встрѣтилось 48%, свѣтлыхъ, испещренныхъ желтыми или карыми штрихами 42% и карыхъ только 10%, черные глаза не встрѣтились ни разу. Тѣже результаты вытекаютъ также изъ наблюденій надъ цвѣтомъ волосъ: бѣлокурыхъ и свѣтлорусыхъ отмѣчено 46%, темнорусыхъ 48%, рыжихъ 2% и черныхъ волосъ только 4%. Въ окладѣ лица бѣлоруссовъ г. Янчукъ отмѣчаетъ двѣ особенности: значительное развитіе скуловыхъ костей въ стороны, отъ котораго зависитъ значительная ширина верхней части лица, и узкіе глаза, наружные углы которыхъ нерѣдко приподняты. Вообще, судя по измѣреніямъ г. Янчука, бѣлоруссы принадлежатъ къ типу коротколицему: средній лицевой указатель ихъ $=117^1/_4$ между тѣмъ какъ средній указатель лица славянъ вообще по Топинару[1]$)=108,_3$. Но за точность этого сравненія мы не можемъ ручаться, такъ какъ верхняя точка отправ-

---

[1]) Topinard. Elements d'anthropologie génerale p. 919.

ленія продольнаго діаметра лица, какъ кажется, не тождественна у обоихъ писателей.

Въ шестомъ выпускѣ Дневника антропологическаго отдѣла помѣщена другая статья г. Янчука: «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ литовцевъ». Матеріалъ собранъ также лично г. Янчукомъ въ 1887 году въ сѣверномъ уголкѣ гродненскаго уѣзда, гдѣ имъ было промѣрено 34 литовца. Измѣренныя лица распредѣляются по черепному указателю слѣдующимъ образомъ: длинноголовыхъ 7½% (въ томъ числѣ субдолихоцефаловъ 5½%), среднеголовыхъ 24½% и короткоголовыхъ 68%. По цвѣту глазъ литовцы представляютъ типъ довольно близкій къ бѣлоруссамъ: совершенно свѣтлые глаза составляютъ 49%, свѣтлые сложные 40% и карые 11%, по цвѣту-же волосъ нѣсколько болѣе удаляются отъ бѣлоруссовъ, бѣлокурыхъ и свѣтлорусcыхъ мы встрѣчаемъ 47%, темнорусыхъ около 40%, рыжихъ 5½% и черныхъ 7½%. Въ складѣ лица литовцевъ г. Янчукъ замѣтилъ, что оно менѣе широко чѣмъ у бѣлоруссовъ, длина носа нѣсколько больше, глаза преобладаютъ широкіе и прорѣзы ихъ горизонтальны.

Значительный интересъ представляетъ статья г. Икова, помѣщенная въ четвертомъ выпускѣ дневника: «Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико и малороссами». Авторъ обладалъ довольно значительнымъ, сравнительно, матеріаломъ—онъ собралъ измѣренія 1,100 особей, частью лично (великоруссовъ и бѣлоруссовъ), частью же воспользовался матеріяломъ, собраннымъ другими компетентными лицами: д-ромъ Эмме (полтавской губ. кобыляцкій у.) и д-ромъ Дибольдомъ (кіевской губ. уманскій у.). Г. Иковъ сосредоточился исключительно на данныхъ кефалометріи и разработалъ свой сюжетъ весьма тщательно; впрочемъ въ разсматриваемой статьѣ, названной авторомъ предварительнымъ сообщеніемъ, онъ даетъ только главные выводы своей работы, обѣщая въ послѣдствіи представить полный очеркъ разработаннаго имъ матеріала.

Разсматривая всѣ три группы череповъ, г. Иковъ прежде всего изслѣдуетъ зависимость черепнаго указателя отъ возраста, причемъ онъ находитъ ту общую для всѣхъ трехъ типовъ черту, что у дѣтей брахицефализмъ развитъ сильнѣе всего, затѣмъ онъ нѣсколько уменьшается въ силу того, что до 12—13 лѣтъ длина черепа наростаетъ болѣе, чѣмъ его ширина; затѣмъ до 15—16 лѣтъ ростъ черепа вовсе пріостанавливается; послѣ достиженія половой зрѣлости наростаніе черепа вновь продолжается, но длина наростаетъ постоянно больше чѣмъ ширина; наконецъ въ старческомъ возрастѣ, послѣ 55 лѣтъ,

ширина черепа уменьшается, длина-же его остается неизмѣнною, вслѣдствіе чего у стариковъ болѣе всего замѣтенъ процентъ длинноголовости.

Сравнивая затѣмъ три типа между собою въ отношеніи черепныхъ указателей, г. Иковъ приводитъ слѣдующіе результаты черепныхъ измѣреній:

	длинноголовыхъ	среднеголовыхъ	короткоголовыхъ
У бѣлоруссовъ онъ встрѣтилъ:	23%	20½%	56½%
У великороссовъ	19%	17½	63½%
У малороссовъ полтавскихъ . .	18%	24%	57½%
У малороссовъ кіевскихъ . . .	8½%	16%	75½%

Такимъ образомъ изъ сличенія этихъ цифръ видимъ, что первыя три группы довольно близки между собою по черепнымъ указателямъ, между тѣмъ какъ группа кіевская довольно рѣзко выдѣляется слабыми остатками долихоцефализма и весьма сильнымъ развитіемъ процента брахицефаловъ. Обращая вниманіе на размѣры лица, г. Иковъ находитъ что размѣры эти гармонично совпадаютъ съ размѣрами черепа не только по отношенію къ тремъ главнымъ типамъ черепныхъ указателей, но и въ подраздѣленіяхъ этихъ типовъ на болѣе тѣсныя категоріи. Разсматривая эти категоріи подробно по подгруппамъ, установленнымъ Брока̀, г. Иковъ находитъ возможнымъ высказать весьма важныя и интерессныя заключенія о составныхъ элементахъ образованія русскаго антропологическаго типа. Типъ этотъ сложился изъ смѣшенія нѣсколькихъ типовъ: двухъ длинноголовыхъ и трехъ короткоголовыхъ. Длинноголовые типы принадлежатъ автохтонамъ каменнаго вѣка, и типическіе черепа ихъ находимъ въ курганахъ того времени; атавизмъ того времени болѣе всего сохранился у бѣлоруссовъ, что выражается найбольшимъ у нихъ процентомъ длинноголовыхъ. Изъ трехъ типовъ короткоголовыхъ, вошедшихъ въ составъ русскаго типа, одинъ—брахицефалы (по Брока), представляетъ такія характеристическія черты, которыя наблюдаются по преимуществу у поволжскихъ финновъ, мордвы, вотяковъ, кареловъ и т. п., типъ этотъ отразился болѣе всего на типѣ великороссовъ, въ меньшей степени на бѣлоруссахъ и менѣе всего на кіевскихъ малороссахъ, за то послѣдніе болѣе всего подверглись вліянію другого короткоголоваго типа: высокихъ брахицефаловъ (type celto-slave Топинара), который встрѣчается нынѣ у западныхъ славянъ, особенно у карпатскихъ горцевъ (по изслѣдованію Коперницкаго), вліянію этого типа подверглись въ болѣе слабой мѣрѣ бѣлоруссы. Наконецъ третій ко-

роткоголовый типъ (эйроцефалы по Брока) играетъ менѣе важную роль въ образованіи русскаго антропологическаго типа и происхожденіе этого типа г. Иковъ пока затрудняется указать.—Почтенный авторъ заканчиваетъ свою работу положеніемъ весьма существеннымъ, по нашему мнѣнію, для дальнѣйшаго хода развитія русской антропологіи: «для этнологіи Россіи, говоритъ онъ, важное значеніе должно имѣть тщательное изученіе подтиповъ, такъ какъ съ мнѣніемъ, что для объясненія состава славяно русскихъ группъ достаточно допустить два основные типа—согласиться нельзя».—Намъ кажется, что это мнѣніе почтеннаго автора совершенно ясно и правильно обозначаетъ тотъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій русской антропологіи, на которомъ мы въ правѣ ожидать весьма богатыхъ научныхъ пріобрѣтеній.

Всѣ три упомянутыя работы, конечно, мы можемъ разсматривать только какъ начало научной разработки славяно-русской антропологіи; и количество наблюденій, и ограниченность территорій, на которыхъ они были собраны, конечно, не даетъ авторамъ возможности ставить въ широкой схемѣ общую характеристику антропологическихъ русскихъ типовъ, но во всякомъ случаѣ наука должна имъ быть благодарна за первые вполнѣ научные и раціональные шаги въ давно желанномъ направленіи.

В. А.

Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи Казань 1892 г. Стр. 102 цѣна 50 коп.

Брошюра проф. Загоскина—это рѣчь прочитанная имъ на годичномъ актѣ Казанскаго университета. Отъ нея, по этому, нельзя требовать чего-нибудь новаго, самостоятельнаго, и она, м. б., по необходимости, является очеркомъ компилятивнымъ.

Въ исторіи смертной казни проф. Загоскинъ различаетъ три періода. Первый, приблизительно до изданія перваго судебника, характеризуется, какъ эпоха господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе; второй—эпоха господства строго—государственныхъ воззрѣній въ области уголовнаго права и системы устрашительныхъ наказаній и наконецъ третій періодъ—Эпоха реакціи противъ смертной казни и эпоха ея постепеннаго ограниченія.

Въ первый періодъ смертной казни, какъ наказанія въ нашемъ уголовномъ кадексѣ не существуетъ; отдѣльные случаи ея примѣненія вызываются только экстраординарными обстоятельствами (стр. 27)

и могутъ считаться исключеніемъ. Полное право гражданства смертной казни далъ только Иванъ III въ Судебникѣ 1497 года, хотя уже и столѣтіемъ раньше въ Двинской уставной грамотѣ 1398 года смертная казнь впервые санкціонируется свѣтскимъ законодательствомъ, какъ наказаніе за кражу, совершенную въ третій разъ.

Несомнѣнно, что въ дѣлѣ введенія у насъ смертной казни сказалось главнымъ образомъ византійское вліяніе, проводникомъ котораго явилось духовенство (стр. 19 и слѣд.). Подъ его вліяніемъ Владиміръ Св. началъ было примѣнять смертную казнь, но скоро оставилъ: такъ это шло въ разрѣзъ съ духомъ и воззрѣніемъ его народа! [1]) Но время сдѣлало свое, и тѣ изъ постановленій Кормчей, которые содержали смертную казнь и членовредительныя наказанія, и поэтому, въ первое время не примѣнялись, какъ несогласные съ воззрѣніемъ народа, скоро получили мало по малу право гражданства, оказали вліяніе на свѣтское законодательство и сдѣлались фундаментомъ, на которомъ развилась въ послѣдствіи сложная система русскихъ членовредительныхъ наказаній.

Въ западной Руси отчасти опять таки, благодаря этому же вліянію православнаго духовенства, но главнымъ образомъ, благодаря вліянію Польши и Нѣмецкаго права развилась своя система смертной казни и членовредительныхъ наказаній, которая санкціонирована, между прочимъ, въ Литовскомъ статутѣ.

Въ «Уложеніи», при составленіи котораго принималась во вниманіе Кормчая, Литовскій Статутъ и древнерусское право, кругъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній расширенъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, такъ что потомъ законодательствомъ дѣлались даже попытки къ смягченію отдѣльныхъ, установленныхъ уложеніемъ наказаній (стр. 51 и слѣд.). При Петрѣ, подъ вліяніемъ нѣмецкаго и шведскаго права, наказанія эти еще усилились, хотя въ тоже время при Петрѣ замѣчаются и нѣкоторыя попытки къ ограниченію ужасовъ уголовной практики той эпохи, и фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено на практикѣ въ гораздо болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ то допускалось Вѣнскимъ, напр., уставомъ (стр. 69). Но вообще, нужно сказать, что формы смертной казни и членовредительныхъ наказаній никогда у

---

[1]) *Проф. Сергѣевичъ* думаетъ, что вторая попытка ввести смертную казнь, и также неудачно, было сдѣлано при Ярославѣ I см. *лекціи и изслѣдов.* стр. 447, а также и *юрид. древ.* т. I стр. 107.

насъ въ Россіи не доходили до такого разнообразія и утонченности, какъ въ западной Европѣ. Смертные приговоры часто не приводились въ исполненіе отчасти въ силу права *печалованія* православнаго духовенства, а отчасти и въ силу *помилованія* въ виду какихъ нибудь торжественныхъ событій (стр. 73).

Послѣ смерти Петра начинается замѣтная реакція противъ смертной казни, окончившаяся пріостановленіемъ въ 1744 году. Хотя законодательнымъ путемъ смертная казнь никогда отмѣнена не была, но ее примѣняли послѣ этого только въ отдѣльныхъ случаяхъ (Мировичъ, Пугачевъ). Проф. Загоскинъ довольно подробно излагаетъ судьбу смертной казни съ 1744 года до изданія свода законовъ въ 1832 году и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ въ 1845 г. (стр. 75—97), гдѣ смертная казнь назначена только за важнѣйшія государственныя и карантинныя преступленія. Тогда же былъ уничтоженъ и кнутъ, какъ орудіе наказанія, и замѣненъ плетью. Послѣдняя же вмѣстѣ съ шпицрутенами, страшнымъ орудіемъ наказанія, введеннымъ Петромъ, были уничтожены уже при Александрѣ II въ 1863 году.

Законная сфера примѣненія смертной казни у насъ, въ Россіи, судами гражданскаго вѣдомства ограничивается двумя вышеупомянутыми видами преступленій и гораздо уже сферы примѣненій ея во Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи (стр. 101); хотя военные суды и у насъ могутъ практиковать смертную казнь въ самой широкой степени, и, намъ кажется, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что они иногда судятъ и въ мирное время лицъ гражданскаго вѣдомства за обыкновенныя уголовныя преступленія.

Отношеніе проф. Н И. Загоскина къ смертной казни строго отрицательное. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ.. наше отечество, еще въ концѣ первой половины прошедшаго столѣтія, вызвавшее удивленіе всей Европы (sic) пріостановленіемъ дѣйствія нормальной смертной казни, и въ теченіе полутораста лѣтъ протестовавшее въ лицѣ лучшихъ людей своихъ, противъ этого вида уголовной кары— и въ настоящее время идетъ въ области вопроса о смертной казни во главѣ великихъ культурныхъ державъ Европы» (стр. 101).... «Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX-ое столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣнчаетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ,

этимъ лучшимъ земскимъ княземъ старинной Руси: «не казните ни праваго, ни виноватаго—не губите души христіанской»! (стр. 102).— Эта вычурная тирада, думается намъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, а еще болѣе существовавшему въ то время положенію вещей... **Н. В.**

Обозрѣніе журналовъ.

Рѣшивъ въ текущемъ году дѣлать обзоръ большого количества журналовъ, а также представлять болѣе подробный отчетъ о содержаніи статей журнальныхъ, касающихся южной и западной Россіи, редакція будетъ печатать этотъ обзоръ 4 раза въ годъ, причемъ иногда, въ виду недостатка мѣста, онъ будетъ раздѣленъ на двѣ книжки, и въ концѣ будетъ указано, какіе именно номера и какихъ журналовъ были разсмотрѣны для каждаго обзора. Въ данномъ номерѣ мы помѣщаемъ первую часть обзора, окончаніе котораго дано будетъ въ № 5.

Русская мысль 1892 года январь—февраль.—На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить странную повѣсть *г. Мачтета «заклятый козакъ»* (II, 147—193). Въ этомъ разсказѣ замѣчается подражаніе Гоголю: тоже дѣдъ разсказываетъ сказку, сюжетъ, который очень несложенъ. Напился прадѣдъ разсказчика, жившій еще при Дорошенкѣ, горилки и поклялся нечистою силою. Затѣмъ вышелъ изъ шинка, поднялась сильная буря и его понесло въ стогъ сѣна. Здѣсь явился ему смертельно блѣдный и удивительно похожій на прадѣда козакъ, котораго онъ видѣлъ въ шинку и просилъ разлучить его съ жинкою, обѣщаясь устроить прадѣду счастье и извѣстность. Прадѣдъ обѣщалъ, заснулъ и только тогда проснулся, когда его разбудили посланные отъ Дорошенка. Оказалось, что прадѣдъ спалъ не на стогу сѣна, а на навозной кучѣ. Дорошенко даетъ ему порученіе свезти грамоту къ султану. Прадѣдъ ѣдетъ, на дорогѣ освобождаетъ блѣднаго козака отъ жинки—вѣдьмы, которая оказалась чудной красавицей. Здѣсь все обходится благополучно, прадѣдъ остается цѣлъ, но зато, когда пріѣхалъ къ султану и подалъ грамоту, то оказалось, что это не грамота, а бабскій очипокъ. Прадѣда хотятъ казнить, но онъ призываетъ на помощь блѣднаго козака, который и спасаетъ его: грамота нашлась. Султанъ посылаетъ Дорошенкѣ помощь, съ ней прадѣдъ приходитъ во время, и полки Самойловича разбиты. Конечно, слѣдуютъ награды и т. п....

Повѣсть эта не можетъ быть названа вполнѣ исторической, такъ какъ исторію въ ней напоминаютъ только имена, да примѣчанія автора. Не видно здѣсь также ничего типично-малорусскаго, потому что всю характеристику лицъ малорусской національности авторъ сводитъ къ тому, что они пьютъ много горилки, варенуху, говорятъ: «цуръ тобі, пекъ тобі» и ругаются какими-нибудь вычурными ругательствами.

Въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» отмѣтимъ рецензію на книги: *Ф. Щербины «Воронежское земство»* (1865—1889 г.) (II, 74); *А. Н. Барановскаго «Главныя черты климата черноземныхъ областей Россіи»* (II, 80—81); сборникъ *«Колоски Збирныкъ казокъ и повиданъ»*. Одесса 1891 г.»; *В. Чайченка «Середъ Крыжаного моря»* (II, 84—85); *«Народное образованіе въ Одессѣ»* (I, 22—23); *«Обзоръ состоянія земской медицинской помощи и болѣзненность населенія въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, херсонской губ. въ 1890 году»* (I, 34—35); *Проф. Загоскина Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи* (I, 23—25).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ.—Статья *г. Л. Весина «Неурожаи въ Россіи и ихъ главныя причины»* (I, 85—123; II 41—75), какъ показываетъ ужъ само заглавіе, посвящена одному изъ интереснѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ нашей общественно-экономической жизни.

Давши историческій очеркъ неурожаевъ въ Россіи указавъ на тотъ фактъ, что нечерноземная полоса оказывается устойчивѣе въ смыслѣ постоянства урожаевъ, авторъ разсматриваетъ причины неурожаевъ—климатическія, зависящія отъ вредныхъ животныхъ и проистекающія отъ дѣятельности самого человѣка. Конечно, послѣднія причины наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе автора, причемъ онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что поднятіе сельско-хозяйственной культуры одно не поможетъ дѣлу; «необходимъ рядъ мѣропріятій экономическаго свойства». Первое и самое главное изъ такихъ мѣропріятій должно, конечно, клониться къ тому, чтобы народъ не нуждался въ землѣ; о другихъ же мѣропріятіяхъ авторъ не упоминаетъ: это не входитъ въ задачу его статьи.

Въ 3-й книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» началась печатаніемъ очень обстоятельная статья *проф. Ѳ. И. Леонтовича «Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка»* (III, 46—76). Напечатано только начало, но изъ него уже видно, что статья г. Леонтовича, по своей полнотѣ и обстоятельности фактическихъ данныхъ, займетъ первое мѣсто между всѣми исторіями голодовокъ въ Россіи, литература которыхъ въ послѣднее время разрослась до почтенныхъ размѣровъ. Авторъ останавливается пока только на указаніи причинъ, вызывавшихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ недороды и усиливавшихъ ихъ, а также и на указаніи тѣхъ мѣръ, которыя принимались обществомъ и правительствомъ съ одной стороны для устраненія голодовокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,

а съ другой и для предотвращенія ихъ въ будущемъ. На сколько подробно проф. Леонтовичъ указываетъ основныя причины русскихъ голодовокъ, объ этомъ поговоримъ по окончаніи его статьи.

Г. В. Стасовъ въ своей статьѣ *«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи»*! (I, 84—105) возражаетъ критикамъ картинъ г. Рѣпина, въ особенности же по поводу послѣдней его картины «Запорожцы».

Замѣтка члена новгородскаго окружнаго суда *О. М. Лихтенштадта «Давность и иски администраціи»* (III, 39—48) касается вопроса: «можетъ ли отвѣтчикъ—еврей защищаться давностью противъ иска администраціи объ уничтоженіи крѣпостнаго акта?»—вопроса, который кіевская судебная палата рѣшила въ отрицательномъ смыслѣ. Указывая на отмѣну такого явно несправедливаго рѣшенія палаты гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ, г. Лихтенштадтъ отмѣчаетъ этотъ отрадный фактъ.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» отзывы о книгахъ *А. Брикнера», Потемкинъ* (II, 52) и *Н. П. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи»* (II, 59).

Русская Старина 1892 г. т. 73 январь—мартъ. *Дневникъ акад. Никитенка* продолжаетъ быть интереснымъ, хотя въ напечатанныхъ теперь частяхъ, обнимающихъ 1869 (I, 151 — 174), 1870 (II, 393 — 422) и 1871 года (III, 605—633), и сообщается сравнительно меньше фактовъ. Особенно интересенъ 1871 годъ, когда общество было заинтересовано съ одной стороны судьбою средняго образованія въ Россіи, а съ другой исходомъ процесса Нечаева. Въ этомъ же году имѣлъ мѣсто и извѣстный «инцидентъ» съ избраніемъ А. Н. Пыпина въ академію, разсказанный въ дневникѣ довольно подробно.

Г. А. Колянковскій характеризуетъ извѣстнаго оригинала слависта В. И. Григоровича, бывшаго въ послѣднее время профессоромъ новороссійскаго университета (I, 131—176).

Въ воспоминаніяхъ акцизнаго чиновника *Б. Кукеля «Изъ эпохи уничтоженія откуповъ»* (I, 177—189) описывается введеніе акцизной системы въ курской губерніи и тѣ трудности, связанныя съ доносами и подвохами откупщиковъ, которыя пришлось перетерпѣть акцизнымъ чиновникамъ вообще и г. Кукелю, какъ управляющему акцизными сборами, въ особенности. Авторъ сообщаетъ намъ также нѣсколько чертъ для характеристики извѣстнаго самодура курскаго губернатора Дена (I, 179—181 стр.).

Въ февральской книжкѣ «Русской С.» интересна статья *проф. А. С. Лебедева «Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII в.»* II, 313—339), написанная на основаніи архивныхъ документовъ курской и харьковской духовныхъ консисторій и монастырей курскаго и бѣлогородскаго. Изъ цѣлаго ряда дѣлъ, приводимыхъ авторомъ, видно, что тѣлесныя

наказанія въ XVIII в. примѣнялись широко въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, а также и по отношенію къ приходскому духовенству; подвергались имъ также по духовному суду и міряне, по крайней мѣрѣ изъ простолюдиновъ, причемъ судъ этотъ считалъ тѣлесныя наказанія вообще хорошимъ средствомъ при открытіи преступленій и «практиковалъ ихъ едва-ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ судъ свѣтскій». Кромѣ тѣлеснаго наказанія въ широкихъ размѣрахъ практиковалось также сажаніе на цѣпь.

Въ своей замѣткѣ «Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій» (1758—1768 г.), проф. В. С. Иконниковъ дѣлаетъ нѣсколько дополненій и возраженій на статью А. И. Львова «Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Конюшкевича, м. т.», приводя по своему обыкновенію, обширную литературу по затронутому имъ вопросу. Конюшкевичъ былъ, какъ извѣстно, уроженцемъ Галиціи и воспитывался въ кіевск. дух. академіи.

Для біографіи Гоголя интересна кратковременная переписка его съ И. И. Срезневскимъ (III, 751—763). Переписка эта началась и кончилась своеобразно. Желая написатъ неосуществившуюся потомъ «Исторію малороссійскихъ козаковъ», Гоголь помѣстилъ въ журналахъ объявленіе съ просьбой присылать ему матеріалы, если у кого окажутся. Въ числѣ откликнувшихся на призывъ былъ и знаменитый славитъ, только что издавшій тогда «Запорожскую Старину». По этому поводу они обмѣнялись нѣсколькими письмами; переписка эта скоро прекратилась, Гоголь охладѣлъ къ своимъ занятіямъ, а Срезневскій усвоилъ себѣ тотъ неблагопріятный взглядъ на Гоголя и его литературную дѣятельность, котораго онъ послѣ ужъ держался до самой своей смерти.

Для характеристики малорусскаго общества начала нынѣшняго столѣтія важны «Записки доктора де-ля Флиза о походѣ въ Россію въ 1812 г.» (Р. Ст. I, 51—69, II, 339—365, III, 575—605). Взятый въ плѣнъ русскими, де-ла-Флизъ долженъ былъ прожить больше двухъ лѣтъ въ мглинскомъ уѣздѣ черниговской губ.; здѣсь онъ познакомился съ очень многими мглинскими помѣщиками и описываетъ намъ образъ ихъ жизни.

Де-ла-Флизъ описываетъ, напр., помѣщичью охоту (II, 351), роскошное имѣніе гр. Завадовскаго Лялачи и образъ жизни графа (ibid. 354—357); говоритъ объ убійствѣ крестьянами Лашкевича, жестоко обращавшагося съ ними (III, 599—600), знакомитъ насъ съ темною личностью графа Петра Гудовича (III, 578) и со скромной жизнью графа В. В. Гудовича, въ домѣ котораго авторъ въ качествѣ врача прожилъ больше года, посѣщая и знакомясь съ окрестными помѣщиками, Рославцемъ, Туманскимъ, Покорскими и др., портреты которыхъ онъ нарисовалъ намъ въ своихъ запискахъ. Одинъ изъ Покорскихъ спеціально, напр., занимался собраніемъ карикатуръ на французовъ и съ удовольствіемъ показывалъ ихъ де-ла-Флизу, видя, какъ это ему не нравится

(III, 595—596). Въ домѣ другаго брата Покорскаго де-ла-Флизъ видѣлъ придворнаго шута.. «Входитъ въ комнату, говоритъ онъ, старикъ лѣтъ 60, въ придворномъ вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣтилъ ему тѣмъ же; онъ попросилъ меня не безпокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, примѣшивая къ нему нелѣпыя французскія слова. Я не зналъ, что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ какъ корова и ржетъ какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшеннаго, но г. Покорскій поспѣшилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежавшій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держатъ шутовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшенъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая минамъ и манерѣ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшилъ общество» (III, 597—598).—Вообще въ запискахъ де-ла Флиза находится много матеріала для характеристики быта малорусскихъ помѣщиковъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ 1814 г. де-ла-Флизъ покинулъ Россію.

Въ «библіографическомъ листкѣ» «Русской Старины» библіографическія замѣтки И. К. Х—скаго объ «*Отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1888 г.* (I, на оберткѣ); проф. В. И. объ *изданіяхъ Воронежскаго статистическаго комитета* (I, въ каталогѣ, стр. 7—8) А. П. *о путешествіи Бернгардта Таннера* (ibid. 13); Г. А. Воробьева о книгѣ *П. Н. Батюшкова «Подолія»* (II, на оберткѣ); *В. И. С.* о кн. *Турцевича «Христоматія по исторіи западной Россіи»* (II, 535) *Н. В. В.* о кн. пр. *Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи»* (II, 536—537); о кн. *С. М. Дубнова «объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества»* (III, 840).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. т. 47 (**январь—мартъ**). Съ январской книжки (64—100 стр.) начались печатаніемъ бурсацкія воспоминанія И. Н. Потапенко «*До и послѣ*», характеризующія жизнь бурсы въ послѣдній годъ ея существованія и имѣющія цѣлью представить хоть «смутную» картину

водворенія новыхъ формъ на развалинахъ старой бурсы послѣ ея преобразованія (стр. 64—65).

Автору, впрочемъ, недолго пришлось пробыть въ бурсѣ: за хорошій голосъ его скоро перевели въ архіерейскій хоръ, и г. Потапенко описываетъ этотъ своеобразный міръ съ его особенными традиціями, выработавшимися вѣками съ его грубостью, грубыми шутками и низкимъ нравственнымъ уровнемъ его членовъ. Здѣсь мы узнаемъ много новаго, до сихъ поръ намъ мало извѣстнаго или совсѣмъ неизвѣстнаго.

Воспоминанія И. Н. Потапенка еще далеко не кончены и обѣщаютъ быть интересными. Нѣсколько вредитъ имъ то обстоятельство, что авторъ какъ то принципіально воздерживается отъ передачи своихъ тогдашнихъ впечатлѣній, заключеній, а только передаетъ факты. Отъ этого мы съ достаточной подробностью узнаемъ внѣшнюю бурсу того времени; типъ же бурсака, его внутренній міръ остается для насъ совсѣмъ неяснымъ. Послѣднее можно даже въ упрекъ поставить человѣку, пишущему свои воспоминанія въ концѣ XIX в. да еще и литератору.

Изъ другихъ статей «Историческаго Вѣстника» отмѣтимъ ст. *проф. Д. И. Багалѣя «Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Россіи въ старину»* (январь стр. 177—196).—Это—лекція, прочитанная авторомъ въ Харьковѣ въ пользу голодающихъ и заключающая въ себѣ краткій очеркъ бѣдствій (пожаровъ, мора, голодовъ, саранчи), постигавшихъ Россію отъ начала государства до XVIII вѣка. Въ Малороссіи особенно были тяжки годы 1680 и 1690 г., когда была страшная засуха; саранча и червь истребили посѣвы и затѣмъ въ 1711 году, когда господствовали вмѣстѣ голодъ и моръ, и въ одномъ черниговскомъ полку погибло 11,830 чел. Въ Слободской Украйнѣ былъ сильный голодъ въ 1699 году и затѣмъ чума съ 1738—1739 года, когда въ Изюмѣ (харьк. губ.) умерло 6,610 чел. Подводя итогъ тому, какими средствами русское государство боролось съ бѣдствіями, проф. Д. И. Багалѣй говоритъ: «Сначала борьбу вело не государство и даже не общество, а отдѣльныя лица, всякій на свой страхъ и рискъ. Потомъ въ XVI—XVII вѣкахъ эту борьбу приняло на себя государство. Въ XVIII в. оно вооружилось опытомъ своихъ сосѣдей и пыталось дѣйствовать исключительно полицейскими принудительными средствами. Но въ XIX вѣкѣ правительство уже призвало къ содѣйствію и русское общество». (Стр. 194). Много теперь помогаетъ и наука.

Въ своей замѣткѣ *«Древній Богоявленскій храмъ въ г. Острогѣ»* (I, 226—232) М. И. Городецкій, по случаю возобновленія этого храма въ 1891 году, дѣлаетъ о немъ историческую справку [1]). Статья *М. В. С.*

[1]) Къ статьѣ приложены: видъ возобновленнаго въ 1891 г. храма и развалины прежняго, сооруженнаго въ XV в.

«Русская область въ юго-западной окраинѣ» (II, 536—554) вызвана предстоящимъ въ будущемъ году столѣтіемъ со времени присоединенія Подоліи къ Россіи. Авторъ разсказываетъ судьбу этой области, пользуясь почти исключительно недавно вышедшимъ подъ ред. П. Н. Батюшкова оффиціальнымъ сборникомъ «Подолія»[1]). *Р. И. Сементковскій* въ статьѣ *«Силуэты русскихъ администраторовъ»* (II, 499—524) характеризуетъ трехъ русскихъ администраторовъ трехъ различныхъ эпохъ — варшавскаго коменданта И. И. Тутчека николаевскаго служаку, губернатора начала 70-хъ годовъ, съ которымъ авторъ познакомился въ Лозаннѣ на водахъ и затѣмъ извѣстнаго саратовскаго губернатора А. И. Косича. Многосторонняя дѣятельность послѣдняго въ качествѣ губернатора на пользу общественную характеризуется на основаніи «циркуляровъ, указаній и рѣчей г. начальника саратовской губерніи ген.-лейт. А. И. Косича» — сборника, изданнаго въ пользу голодающихъ.

Въ отдѣлѣ «замѣтокъ и поправокъ» *Г. Н. Ширяевъ (Могила Мазепы* (I, 295—296) опровергаетъ всю неосновательность напечатанной въ «Южанинѣ» замѣтки, будто Петръ въ бытность свою въ Галацѣ разрушилъ могилу Мазепы, похороненнаго въ тамошнемъ монастырѣ. Указывая на то, что Петръ никогда въ Галацѣ не былъ, г. Ширяевъ разсказываетъ *«истинную* исторію могилы Мазепы».

Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» отзывъ г. П. П. объ *«Очеркахъ замѣчательнѣйшихъ древностей воронежской губерніи.* Изслѣдованіе члена секретаря воронежск. губерн. стат. комитета *Л. Б. Вейнберга* (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова, Воронежъ 1891 г». (I, 268).

Русскій Архивъ 1892 г. январь—мартъ. Старый гвардеецъ («Изъ памятныхъ записокъ стараго гвардейца» I, 138—141) описываетъ то тревожное настроеніе, которое было въ Петербургѣ въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Память, впрочемъ, уже измѣняетъ автору: онъ не знаетъ даже точно, когда былъ объявленъ манифестъ, и днемъ объявленія его называетъ на одной и той же страницѣ то 19, то 26 февраля. Какъ извѣстно, манифестъ былъ объявленъ 5 марта.

Г. гвардеецъ приводитъ характерный случай, какъ екатеринославскій помѣщикъ Г. В. Нечаевъ не позволилъ мировому посреднику составлять уставныхъ грамотъ на томъ основаніи, что онъ унаслѣдовалъ крестьянъ отъ отца и

---

[1]) Къ статьѣ приложено 9 рисунковъ: 1) Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ летич. уѣзда 2) портретъ гет. Сагайдачнаго 3, 4) турецкій Минаретъ и амвонъ въ К.-Подольскѣ 5) икона, изсѣченная турками 6) домъ, въ которомъ останавливался Петръ В. 7 и 8) портреты Бибикова и митр. Леонтія и 9) церковь св. Димитрія въ с. Сѣнной балтскаго уѣзда.

никто не имѣетъ права ихъ у него отнять,—а самъ, яко бы отъ себя, подарилъ крестьянамъ опредѣленный имъ надѣлъ.

Во второй книжкѣ «Архива» помѣщены два интересныхъ письма Н. И. Пирогова къ Э. Ѳ. Раденъ (1860—1862 г.), (II, 185—199), касающихся положенія дѣлъ въ юго-западномъ краѣ предъ польскимъ возстаніемъ, затрудненій, встрѣтившихся при введеніи положенія 19 февраля, и нѣкоторыхъ вопросовъ народнаго образованія [1]). Высказываясь противъ ограниченій доступа молодежи въ университетъ, Пироговъ указываетъ на ненормальность постановки какъ учебной, такъ и административной части въ нашемъ просвѣщеніи—и здѣсь видитъ причину тѣхъ волненій молодежи, которыми ознаменовано начало 60-хъ годовъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всѣ его взгляды, особенно о положеніи юго-западнаго края были вѣрны и безпристрастны, но они интересны, какъ взгляды передоваго администратора конца 50 и начала 60-хъ годовъ...

«Письма митрополита кіевскаго Арсенія къ архіепископу Костромскому Платону (II, 201—232) важны для характеристики міровоззрѣнія двухъ высшихъ іерарховъ, членовъ святѣйшаго Синода. Въ ихъ перепискѣ затрогиваются и трактуются иногда разные вопросы государственной важности, бывшіе тогда на очереди въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ напр. вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, передаются слухи, дѣлаются характеристики лицъ, сообщаются свѣдѣнія объ юго-зап. краѣ и пр., Извѣстная записка проф. Ростиславова о состояніи духовныхъ училищъ, напечатанная заграницей, вызываетъ у м. Арсенія цѣлую бурю негодованія (I, 209). Относительно университетскаго преподаванія онъ говоритъ: «не худо бы, кажется, прибавить къ сему (къ проэкту арх. Платона) еще и то, чтобы въ университетахъ и гимназіяхъ изъ духовныхъ лицъ былъ не одинъ законоучитель, но и другой наставникъ древней исторіи, а пожалуй и третій по гражданской исторіи. Тогда вліяніе духовенства на воспитаніе и образованіе имѣло бы вѣсъ достаточный». (II, 210). Это писано въ 1863 году. Все же переписка обнимаетъ періодъ съ 1856 по 1873 годы.

Въ этой же книгѣ «Архива» нѣсколько словъ посвящено «памяти Софьи Григорьевны Милорадовичъ», скончав. въ 1890 г. (II, 269—271.).

Юридическій Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ. Къ Малороссіи относятся здѣсь статьи и замѣтки г. П. Дашкевича. Во первыхъ, «Предбрачные убытки по обычаямъ малороссовъ» (II, 216—238)—статья написанная на основаніи 285 рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ въ большинствѣ случаевъ, самимъ авторомъ, покойнымъ проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ, коммис-

---

[1]) Письма говорятъ: I. О христіанской любви. О юго-западномъ краѣ II. О воспитаніи и обученіи. О крестьянахъ и помѣщикахъ.

сію по преобразованію волостныхъ судовъ и экспедиціею въ западно русскій край. Авторъ имѣетъ въ виду прослѣдить различныя гражданскія отношенія, которыя возникаютъ вслѣдствіе отказа отъ совершенія брака одной изъ сговорившихся сторонъ. — Затѣмъ двѣ замѣтки г. Дашкевича. — Одна — «Грабежъ», какъ уголовно-юридическій терминъ обычнаго права (I, 168—171) написана по поводу книги М. В. Духовскаго «Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ», въ которой авторъ терминъ «грабежъ» употребляемый народомъ въ смыслѣ самоуправства смѣшиваетъ съ современнымъ научно-юридическимъ терминомъ грабежа и отсюда приходитъ къ ложному выводу, будто «открытое похищеніе у крестьянъ считается менѣе серьезнымъ преступленіемъ и карается легче, чѣмъ похищеніе тайное — кража». Свою мысль, правда, давно уже другими высказанную, г Дашкевичъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. — Во второй замѣткѣ «Къ вопросу о способѣ собиранія и порядкѣ изданія матеріаловъ по обычному праву» (I, 171—173) тотъ же авторъ возражаетъ г. Гольметену, требующему при кодификаціи гражданскихъ народныхъ обычаевъ, изученія «всѣхъ безъ исключенія рѣшеній волостныхъ судовъ». Указывая при этомъ на богатые матеріалы по обычному праву, оставшіеся послѣ проф. А. Ѳ. Кистяковскаго и М. Харузина, г. Дашкевичъ думаетъ, что изданіе ихъ, равно какъ и собираніе новыхъ матеріаловъ должно взять на себя Императорское географическое общество, при которомъ уже больше 10 лѣтъ существуетъ особая коммиссія по обычному праву, о дѣятельности которой, впрочемъ, ничего неизвѣстно.

Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1892 г. январь — мартъ. — Кромѣ статей спеціально юридическаго содержанія, въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» отмѣтимъ обстоятельную рецензію *Г. И. Хмѣльницкаго на книгу А. Боровиковскаго «Отчетъ судьи»*. Томъ I, Спб. 1891 г. (I, 110—132), и краткую замѣтку о брошюрѣ проф. Н. П. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи». Добрая часть книги г. Боровиковскаго посвящена, какъ извѣстно, вопросу о чиншевомъ правѣ...

Кіевскія университетскія извѣстія. 1892 г. Январь. Статья проф. А. В. Романовичъ-Славатинскаго «Голода въ Россіи и мѣры правительства противъ нихъ» (27—68) является публичной лекціей, прочитанной авторомъ въ пользу голодающихъ. Она собственно не представляетъ изъ себя *полной* исторіи голодовокъ въ Россіи, а посвящена, главнымъ образомъ, голодамъ XIX столѣтія, на которыхъ авторъ останавливается подробно, указывая какъ на причины, такъ и на мѣры, принимавшіяся правительствомъ для борьбы съ ними [1]). Для этого авторъ пользовался, главнымъ образомъ, «Исторіею М—ва

[1]) Лекціи проф. А. В. Романовича-Славатинскаго вмѣстѣ съ лекціей прив.-доц. Н. М. Цитовича вышли вмѣстѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ загла-

Внут. Д.» Н. Вародинова и «Матеріалами по вопросу объ обезпеченіи продовольствія».

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета. 1892 г. Книга I (январь—февраль). О рѣчи проф. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи» (I—102 стр). см. отзывъ въ отдѣлѣ библіографіи. *Н. Н. Ѳирсовъ. Содержаніе и характеристика Галицко-Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку* (стр. 119—130; есть и въ отдѣльномъ изданіи)—слишкомъ жидкая, повторяющая общеизвѣстное статейка, являющаяся пробной лекціей автора въ университетѣ, никакого, въ сущности, научнаго значенія не имѣетъ. Содержаніе ея даже мало соотвѣтствуетъ темѣ, потому что читатель не выноситъ почти никакого представленія о галицко-волынской лѣтописи. Всѣ свѣдѣнія авторъ сводитъ къ четыремъ категоріямъ: 1) относительно княжескихъ междоусобій 2) боярства 3) отношенія къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ и 4) татарское иго; но характеръ этихъ свѣдѣній остается неизвѣстнымъ, потому что авторъ ограничивается только пересказомъ элементарнаго учебника и приводитъ по одному—по два примѣра изъ лѣтописи. Да и то не всегда. Для читателей, конечно, такая тирада, безъ фактовъ совсѣмъ недоказательна.

віемъ „Голода въ Россіи и западной Европѣ"—цѣна 1 руб. Сборъ въ пользу голодающихъ.

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежемъ, контора покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расходы ОДИНЪ РУБЛЬ почтовыми марками, кои зачтутся въ счетъ уплаты.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30-го марта 1892 г.

отъ себе еще мѣетъ на себе дать мнѣ кабалу, переговорилемъ и купить его казалемъ господаревѣ. Отехалемъ въ Сварковъ, где шкляра уговорилемъ оболони дѣлать, а ему за тое дать пару суконъ, кунтушъ тузѣнковій, да кафанъ мусулбесовій и пашнѣ всякой, але потомъ певнѣ уговорить его Василеви казалемъ. Войту Забарѣ указъ о его войтовствѣ далемъ ему и що ему чинить. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, гдѣ видѣлемъ 4 кипи тютюну зложеного, а пятую докладаетъ. Коней дрикганта вороностракатого, да верхового бѣлого оглядалемъ, але же дрикганта перелиты взяли, того ради до мѣста его попровадили, а я, побувши въ шинку калюжновскимъ, отехалемъ въ Тулиголови, куда годиною передъ полноччю пріехалемъ, бо будетъ миль 3. Реестръ мнѣ достался шкла, Архипомъ привезенного, именно: фляшки до 4 пуздерокъ, баніокъ лазебнихъ 60, бутилокъ плоскихъ 54, бутилокъ круглыхъ 46, штоповъ до столу 20, фляшъ ꙃарцевихъ 15, глековъ 15, шибъ аркушовихъ 55, опрочъ шматковъ. Еще въ Глуховѣ далъ господаръ грошей мнѣ рублей 6, которіе Вежевскимъ дани на расходъ, и того въ первомъ пунктѣ записать запомнѣлось. Въ Глуховѣ, у Кошелева, когда костми метали лоти, синъ брегадирскій Никита кинулъ вмѣсто родителя и пало 47, и же нѣхто столко не кинулъ, того ради лошадей пара припроважена до родителя.

29. Пятокъ. Въ Тулиголовахъ рано далемъ Роману дворникови, на покупку жита до винницѣ тамошней же, зол. 300. Тогда жъ, составивши наказъ, Василю господареви въ 25 пунктахъ далемъ, ему жъ Романови и грошей рублей 20, и листъ, писанній до старости овдоколского о садовнику, жебы дать ему подводу до Стародуба и о присилцѣ въ Глуховъ барилъ у полкуфи 15, алѣи, крупцювъ всякихъ и боклаговъ; сіи три рѣчи, наказъ, денги и листъ отдалемъ Романови, жебы онъ вручилъ Василеви. Въ імбарѣ горѣлки куфъ 7 великихъ, повнихъ, обрѣтается. Устроивши вижей вираженніе рѣчи, отехалемъ въ Камень, где уже не засталемъ родителя, передомъ отехавшого къ Ромну на обѣдъ въ слободку Корсакову. Тамъ малое время забавилемъ, толко наказъ до Романа въ 6 пунктахъ написалемъ: 1) чтобъ перегналъ горѣлки 4 кухви

оковитой на мяту, 2) чтобъ ліодовню въ Обложкахъ оправилъ, 3) о покриттю ступника дранню, 4) о Сов̑ѣ и Коз̑ѣвинникахъ, 5) о оберненню данних̑ъ ему грошей на единое жито, 6) о пересланню тютюну въ калюжновскій футоръ къ тамошнему тютюнникови, жебы поперевязовалъ лутше, нѣжъ тулиголовскій тютюнникъ. Посхалемъ зъ Каменя по полуднѣ, а пріехалемъ передъ смеркомъ въ слободку Корсакову, где и заночоваломъ; а зъ Каменя до Хижокъ, отколь милѣ меншъ, отъ Хижокъ до Козацкой миля 1, а одъ Козацкой до Грузской болшъ милѣ, а отъ Грузкой до слободки Корсаковой болшъ версти 1.

30. Субота. Съ полночи другой години поехалемъ зъ слободки Корсаковой до Смѣлого и, на дорозѣ зъ версту поблудивши, а потомъ винайшовши дорогу, пріехалемъ въ Смѣлое свѣтомъ; ехалемъ 6 годинъ, а миль будетъ добрихъ 4. Въ Смѣломъ служби Божой вислухалемъ и, по службѣ Божой, по чарцѣ водки сотнику и господареви, Кгресю старому, поднюсши, поехалемъ къ Ромну. На дорозѣ стрѣтилемся зъ Яковомъ Дубровою, до Смѣлого зъ Ромна ехавшимъ, и, взявши у его допросъ Юрченка, поехалемъ и пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Роменъ. Засталемъ Федора Юрченка, вчорайшого дня пріехавшого зъ обозомъ въ Роменъ. Орановскому кунтушъ легкій, зъ . . . . (?) лиштвами, позичилемъ.

31. Неделя. Человѣкъ отъ нѣжинского Самойловича, значкового товариша, пріехалъ и обявилъ мнѣ інструкцѣю, его панови данную, жебы зо всѣхъ бунчуковихъ, мешканне свое въ полку нѣжинскомъ мѣючихъ, взялъ сказки, хто, когда и въ которихъ походахъ бувалъ и хто небувалъ, за якою сказкою и ко мнѣ пріехалъ. Орановскій шлюбъ зъ Агафѣею дворовою дѣвкою и свойственною самой родителки взялъ отъ отца Савѣцкого протопопи Роменского. Брати мои Марко, Лука и Іоанъ, зъ Кіева пріехавшіе, мнѣ явилися. Коней 10, припроваженнихъ зъ Федоромъ Юрченкомъ, посъ лалемъ до Сухоносовки, а въ Токарѣ давніе тутейшіи послани конѣ и на овесъ дано 3 копи.

Февр. 1. Понедѣлокъ Пересмотрували реестровъ Юрченковихъ, и показалось облѣкговъ отъ позичившихъ денги 20, а тютюнъ 23,

а пшоно 8. Знималъ родитель серпанокъ зъ молодой и даровалъ Орановскому коня, а я по парѣ коней, кобилъ и воловъ, а самой зол. 50. П. Зарудній старий и п. Василь зъ Глинска пріехали. Подпіяхомъ. Родитель Василю Дяченку говорилъ и послушаніе судебное злецилъ. Василеви писареви за жито 15 зол. заплатилемъ, котораго задолжился я. У Демяна отобрали грошей 105 зол., и отдани Якову.

2. Вовторникъ. Родитель подарилъ мнѣ фунтъ шафрану, зъ Баки привезенного, подобно: (?). Человѣка Самойловичевого, за сказкою о службахъ моихъ пріехавшого, отправилемъ зъ сказкою моею. Демянъ въ своей скринцѣ перебиралъ дещо и видалъ реестра и полотно, и баранки, и грошей рублей зъ 20. Указъ зъ колегіи, давно ко мнѣ принесенній, о томъ, чтобъ учинить вѣдомо, сколко денегъ въ скарбцю полковомъ есть, отдалемъ Петрановскому. Указъ зъ канцеляріи енер. о виключенню радовихъ, а вписанню значковихъ на мѣсто ихъ, въ Гилянъ врученъ мнѣ на мое імя. Іванъ Івановичъ Ѳейтеръ, аптекаръ, пріехалъ зъ Лубенъ, а едетъ въ Москву.

3. Середа. Старшина чорнуская, Дроздъ и Звѣрака, пріехавши сюда, подали мнѣ карту за подписаніемъ рукъ своихъ, въ якой предложили тое, что сухоносовскіе жители за млинокъ въ годъ по 5 рублей до церкви тамошней, да поколѣщину 7 зол. заплатить. Такъ же другую купчую на грунта попа сухоносовского въ ценѣ 100 зол. Федоръ Юрченко отправленъ въ Глуховъ, черезъ которого до господара писалемъ, и послани наручники до кватирокъ и завѣсъ до дверей 12 паръ. На покупки розніе казалемъ дать Якову Дубровѣ 100 р. и зъ нихъ вилѣчити атаманови на покупку воловъ къ 200 р., первей даннимъ, и еще 20 р. Баранковъ и шовку пересмотрували, дакъ шовку кренцоного 5, а простого 30 фунтовъ, а баранковъ лутшихъ 10, сѣрихъ 2, а подлѣйшихъ 12, а давнихъ 2. По вчорайшой рахубѣ показалось доводячихся отъ п. Семена 87 руб., а панеи 10 рублей, и того 97 р Романъ пріехалъ и донеслъ, что въ обѣ ліодовнѣ лохвицкую и лубенскую набыто ліоду. У п. Несторовича обѣдалиемо и позно въ ночъ отехали. Молебенъ за царевну Анну Петровну отправлялся.

4. Четвергъ. Ездилемъ за Сулу осмотрувать воловъ моихъ, въ походъ настунуючій купленнихъ, которихъ всѣхъ куплено 60, равно и 1 прибылній, и оніе, поклейновавши, послали въ Сухоносовку. Кобили персидской и дрикгантовъ грузинскихъ осмотрувалемъ родителскихъ. Ходилемъ по ярмарку и нѣкоторіе рѣчи покупилемъ. Поприездили многіе гостѣ и на двохъ столахъ обѣдали, отъ нихъ же и госпожа Михайловая воронѣжская. Купилемъ регляментъ и букваръ Прокоповича.

5. Пятокъ. Родитель ярмаркового 20 р. далъ моей сожителницѣ. Орановскому далемъ грошей 50 зол. Тарасъ посланъ въ Сухоносовку и Лубнѣ за кунми и иншими інтерессами, которому данъ наказъ въ 12 пунктахъ, да при немъ же мѣди 16 фунт. послалемъ. Полковникъ Шереметевъ Василій Петровичъ былъ у насъ и кушалъ. Інтеллѣкгаторови далемъ копу грошей за оправку книжокъ и еще 3 книжки оправити далемъ же. П. Василь глинскій и Федоръ Зарудній пріехали. Отецъ Фома у вечеру былъ и просидѣлъ зо мною. П. Несторовичу на хоробу коробки далемъ въ папѣрку pulv. cord. rubr. ʒii. Вечералисмо сами, а родитель ускаржался на слабость свою.

6. Субота. Указъ, зъ войсковой енер. канцелляріи данній писару Сави Рагозѣнского, объ изслѣдованіи на ратушѣ здешней заводу его зъ купцами протчіими, показованъ мнѣ. Указъ зъ колегіи на імя мое о поправкѣ магазейну въ Веремѣевцу принесенъ и врученъ мнѣ черезъ сотника тутейшого наказного. Панъ Петрувскій, бувшій асаулъ, бувъ у мене и сторговалемъ у его дворъ попа сухоносовского и леваду, прозиваемую Козубовщину за 120 зол., якіе кгрунта ему отъ отца протопопи Пѣратинского и прежде судомъ консисторскимъ за долгъ его, на попу зависаючій, отданой ему вовся. П. Федоръ зъ Прилуки писалъ до родителя, что будто п. суддѣна послала въ Перервинцѣ вилучить себѣ кобили зъ лошатами зъ того стада, чего ради писалемъ до тамошнего атамана и войта, жебы нѣкому нѣчого оттуду невидавано и листъ нарочнимъ послать Орановскому далемъ. Параскеве (?) капитанъ и індуктаръ обѣдалъ у насъ. Адамъ грошей далъ 100 зол. за горѣлку мою, въ Криму

проданную. У лазнѣ былемъ. П. Василь глинскій отехалъ въ домъ. Ходилемъ по ярмарку и купилемь нѣкоторіе рѣчи.

7 Неделя. Запусти сирніе. Плетюнка пріехалъ въ Роменъ на 4 подводахъ по два конъ. Да онъ же писмо привезлъ отъ Василя господара, въ которомъ обявляетъ, что зъ шклярамъ уговорился за каждую оболону платить по 4 зол. Онъ же, Плетюнка, показовалъ квѣтацѣю, данную себѣ отъ Василя, что онъ, Василь, отобралъ отъ его доводячихся денегъ 40 зол., и уже онъ не виноватъ. Онъ же, Плетюнка, далъ писмо крепостное, отъ зятя его Федора Іванова написанное, на которомъ и онъ во свѣдителство вмѣсто себе упросилъ Орановского о подписъ руки. Онъ же, Плетюнка, радилъ взять намъ зъ собою зъ людей сварковскихъ Федка Сохаченка, да Івана Шевця. Орановскому чеховъ зъ шагами болшъ 10 р. далемъ мѣнять на копѣйки. По вечерѣ спѣвалисмо канонъ воскресенскій, когда и прапорщикъ Волжинъ зъ Несторовичомъ приходили и, випивши мало, отойшли, а по окончаніи, и ми, розійшовшись зійшлись ко мнѣ, братъ п. Андрѣй зъ п. братовою и п. Семенъ, и тутъ повторне перекусили.

8. Понеделокъ. Постъ вел. Плетюнка отправленъ въ Сухоносовку зъ наказомъ, въ 9 пунктахъ содержимимъ, которому и 60 зол. денегъ далемъ на заплаченне дворика и левади поповской п. Петровскому. У жида, отъ Дубровского пріехавшого, взялисмо двѣ штуки полуштамету, локот. 77, а ему вовну дали; вовни пудъ по 7 гривенъ, а сукна локот. по 8 шаг. До п. Федора въ Прилуку отправленъ Іванъ Войтенко—для переписѣ рѣчій покойного п. судіи и до п. судіиной о присланню грамоти писано. Чаю фунтъ за 40 алт. купилемъ у Івана Перехриста. Полянка Котляренко и протчіе отехали домой. Докупали еще до прежнихъ покупокъ декоторіе, на якіе Гаврилу далемъ 5 р.

9. Вовторокъ. Івану Перехристу, едучому до Сумъ на ярмарокъ далемъ для покупокъ 40 зол. Максиму Коржовскому на приборъ далемъ зол. 5. Шкляра, дѣлаючого окна въ Сварковѣ, женѣ далемъ грошей таляръ. Орановскій поехалъ въ Сухоносовку для отправленняся себе отъ дѣлъ. Между баранками показались лутшихъ 8, подлѣйшихъ 16, сивихъ два. Прапорщикъ Волжинъ булъ у насъ

и простился, понеже ему ехать въ Глуховъ въ колегію принесенъ указъ, которій у вечеру и компутовъ 3 прислалъ ко мнѣ черезъ своего писара при писмѣ своемъ, на якое и я отписалъ къ нему. Пива зъ Глухова бочку привезлъ ямщикъ, посиланній туда зъ Юрченкомъ.

10. Середа. Івану Перехристу еще далемъ грошей рублей 4 на покупку футра сѣбиркового; ему жъ далемъ 14 зол. чеховъ, да шаговъ розмѣнять на копѣйки. Романъ у шинкара тутейшого взялъ 40 зол. грошей, 20 Перехристу тихъ далъ, и 20 есть. Гаврило молодикъ далъ на себе облѣкгъ, что онъ за тютюнъ виноватъ мнѣ 26 руб. Сотникъ пѣратинскій, бувши тутъ, отехалъ въ домъ, а атамана зоставилъ. Вовни бранки родителской показалось 230 пудъ, а въ пудъ входитъ 21 руно. Сотникъ наказній роменскій приходилъ зъ обявленіемъ, что надзиратель едетъ въ Глуховъ, и сказку отъ себе о чиншовикахъ, якую написалъ, показовалъ, зъ кружками. Яковъ Дуброва переважовалъ астраханскіе покупки, рижу полъ 7 каменя, микгдалю безъ лушпинъ самихъ каменей 3 безъ 3 фунт., микгдалю зъ лушпинами каменей 3 и 30 фунтовъ, родзѣнокъ дробнихъ каменей 3 безъ 3 фунт. родзѣнокъ болшихъ каменей 2 и фунт. 2.

11. Четвергъ. Отъ старости перервинского Максима Захарченка, черезъ перервинскихъ козаковъ дворцевихъ, принесено писмо, въ которомъ обявляетъ, что минувшого сего февр. 6 пріехалъ зъ Глухова нѣмецъ отъ ясневелможной зъ листомъ п. Федора туда, и вибралъ самихъ лутшихъ дрикгантовъ вороностро̄катого и гнѣдого, и попровадилъ зъ собою. Также отъ судіиной прилуцкой пріехавши, ея человѣкъ зъ козаками вилучили самихъ лутшихъ кобилъ 50 зъ лошатами 29, дрикгантами двома, сивимъ и рижимъ, и особливе конемъ иждлсалимъ рижимъ и погнали къ ней. О чомъ къ старостѣ отписано, жебы онъ сюда ехалъ, а до Орановского писалемъ, чтобъ тамъ атаману и войту зъ роспискою все тамошнее господарство вручилъ, что мѣютъ въ цѣлости до указу содержати. Повторые, у вечеру, до его жъ Орановского писалемъ, чтобъ онъ въ Сухоносовку жито зъ Перервинецъ забралъ, зъ запискою, оставивши тамъ на харчъ и удѣливши до футора криворудского всякого борошна, о чомъ

и до старости сухоносовского Плетюнки писалемъ. Зъ войсковой енер. канцелляріи указъ на імя мое принесенъ, въ которомъ предложено о присилцѣ вѣдомостей зъ полку въ оную жъ канцеллярію, именно: 1) отъ полковника начавши, невичисляючи и бунчуковихъ, ажъ до самихъ радовихъ козаковъ, хто где и когда въ походахъ бывалъ и хто небивалъ; 2) о артиллеріи, по городкахъ сотенних найдуючойся, сотенная ли она, или мѣская; 3) имѣются ли въ полку лубенскомъ сторожѣ полевіе и сколко оннхъ; 4) почему въ городахъ продавалась рожъ и иншая пашня, также и сѣна возъ. Савѣцкій писаръ черезъ отца Василія капеляна отзивался зъ тимъ до родителя, что мѣетъ прійти прощенія просити. Вѣжевскій хлопецъ отобралъ у Гаврила за тютюнъ мой, проданній въ Сулаку, 200 папушъ 4 рублѣ, а отъ Антона оставшіеся гроши 12 зол отъ покупокъ въ Кіевѣ, имъ же справленнихъ. Вовни моей бранки взяли въ Москву 6 каменей и 10 фунтовъ, а було всей 130 рунъ, старой 60, а ярочой 70. Гаврило молодикъ далъ реестръ девяти рублямъ, взятимъ отсюду на проходъ, и доводится на немъ 3 рублѣ, а особливе на горѣлцѣ доводится на немъ полъ 5 ведерка, въ чомъ и самъ признался. Въ лазнѣ милемся, а передомъ огляда̀лемъ унѣверсаловъ п. Нѣсторовича, даннихъ на селце его Будки, зъ которихъ еденъ покойного гетмана Скоропадского Івана Іллича есть.

12. Пятокъ. Рано сукно бенкель штуку далемъ ступовать, въ которой показалось локоть. Родитель сюда ко мнѣ приходилъ, куда и Іванъ Вуйтенченко прійшолъ, повернувшись зъ Прилуки и привюзъ писма отъ п. Федора, поехавшого на смотръ въ Глуховъ, и судіиной, между которими п. судіиная въ едномъ своемъ писмѣ обявляетъ о унѣверсалу на Перервинцѣ, рейментарскомъ, что хочай оного и шукала у себе, однакъ незнать, где дѣвся, и развѣ впредъ чи не обшукается и проч. Да онъ же, Іванъ Войтеченко, привезъ зъ собою коней верховихъ судейскихъ 2, одного чалого, а другого сивого. Савѣцкій писаръ, бувши у пана, получилъ прощеніе и у мене и зъ тимъ отозвался, что село и урядъ въ волю родителскую пустилъ. До Ісаака Івановича Іохемса писали и послали рецептъ медикаментовъ, которого копія зде, при протоколу. Черезъ Шолудка,

козака лукомского, поехавшого въ Глуховъ на смотръ, писалемъ до господара, а черезъ человѣка заборовского послала сама въ Глуховъ до швакгровъ кавяръ, селдѣ и протч.

13. Субота. Комунѣковался родитель, я, и браття вси, и сожительница моя. Андріяшъ былъ и обѣдалъ зде. Чернецкій Петро и Афанасъ, бувшій староста луганскій, поѣхали зъ вовною въ Москву, которимъ 2 рецепти до аптеки далемъ (якихъ копія въ книзѣ memorabilium), а третій реестрикъ покупокъ за вовну мою 6 пуд. 10 фунт., мѣючихъ спорадитись. До сотника смѣловского о присланню сюда вѣдомостей писалемъ; атаманъ чорнускій говорилъ мнѣ, что Горлишинъ млинъ, въ заставѣ Колотъ своей имѣючій, уступаетъ мнѣ, а застава силна до 727 году, зъ которого надлежитъ намъ отбирать 5 частей. семую мѣрошнику а семую оной Горлисѣ, а платить въ годъ за оній.—Родителка, ездившая по футорахъ, пріехала въ Роменъ вечеромъ.

14. Неделя. Солодуха, ходившій зъ волами родителскими въ въ С П. бурхъ, повернулся. Романъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ. зъ наказомъ, даннимъ ему въ 10 пунктахъ. Да черезъ его жъ послано бочалку кавяру у 8 пудъ и рижу полъ 7 каменя, и листъ до Василя о продажѣ того и другихъ інтерессахъ. Брати Марко, Лука и Іоаннъ отехали въ Кіевъ, а при нихъ Антонъ, которому на вино полинковое далемъ 5 рублей грошей. Черезъ Романа жъ послани 22 пар. завѣсокъ до оконъ въ Сварковъ. Яковъ Дуброва пріехалъ зъ Смѣлого и говорилъ о курьеру, въ мимошедшій пятокъ проехавшомъ Смѣлое зъ С. П. бурху, а слався дому государинѣ імператрицѣ.

15. Понеделокъ. До п. Василя глинского отписалемъ, соболѣзнуючи его слабости и при томъ предлагаючи, жебы прислалъ сюда бондаровъ человѣка два и послалъ бы по наметокъ п. Минѣцкого. Петровскій мимоездомъ въ Глуховъ заходилъ до насъ. Лесковъ синъ посланъ въ Глуховъ до ясневелможной зъ листами отъ родителя и гостинцемъ шафрану 2 фунт. и отъ мене поздоравленнемъ посту. Черезъ его жъ послалемъ до господара Василя 6 лотовъ шовку и цѣвку срѣбра, жебы шмуклѣръ паски здѣлалъ до

шаблѣ, и о горѣлцѣ писалемъ, жебы, если оной скудно будетъ, зъ 6 куховъ здѣлалъ 8 переганяной. Родителка шовку у насъ взяла торгомъ 7 фунтовъ. Мартинъ реестръ показалъ воловъ 60 купленнихъ, за которіе грошей пойшло 1210 зол. и шагъ, а осталось 7 рублiовъ и, якіе всѣ у Мартина. Інтеллѣкгаторъ принюсъ 3 книжки новіе, неписанніе, оправніе. Magneca дѣйствіе показовалемъ братамъ.

16. Вовторникъ. Получена вѣдомость, что его величество Імператоръ и самодержецъ всероссійскій временное на вѣчное премѣнилъ блаженство, януар. 28. Ездилемъ до Плавинища риби ловить и, тамъ нѣкого не заставши, повернулемся назадъ на обѣдъ тощъ. Вѣдомости въ Глуховъ въ вой. енер. канцеллярію послалемъ о рознихъ інтересахъ зъ моимъ доношеніемъ. Родитель ордеръ свой далъ, п. п. п. Федору Билиму, Семену асаулѣ и Василю Дяченку судемъ полковимъ и правленіемъ полковимъ, въ отлученіи его, завѣдовати. Староста овдоколскій пріехалъ въ Роменъ, которому о крупцяхъ, посудѣ и протчемъ предлагалемъ. Перспективо далемъ золотареви здѣлать шрубокъ до оного. Тарасъ молодикъ и Алексѣецъ пріехали сюда и привезли воловъ 61 купленнихъ тутъ, реестръ которихъ показалось рижихъ 15, сивихъ 2, чорнихъ 10, бѣлихъ 2, гнѣдихъ 4, рижоперѣстихъ 2, сѣрихъ 10, половихъ 7, чорносѣрій 1, перистосѣрій 1, темносѣрій, лисій 1, чалихъ 2, гнѣдоперѣстій 1. Онъ же привезлъ купчую, отъ Колота данную, на розмѣръ отъ млинка Ярмолихи Горлихи, на полтретя году пять мѣрочокъ, шестая Горлисѣ семая мѣрочнику, а поколѣщини 6 зол. за сей годъ онъ повиненъ дать, а за протчіе я, а ему платить годъ по 8 копъ. Лѣкарства зъ Лубенъ привезени по рецепту. Въ Смѣломъ опредѣлени стрелцѣ зо мною, Василь Передеровъ, Самойло Саенко, Василь Римаренко, Стефанъ Романчукъ.

17. Середа. Рано, скоро свѣтъ, виехалъ родитель въ Глуховъ и, мало пождавши, я вслѣдъ, и на обѣдъ пріехали въ Смѣлое, куда потомъ и п. Несторовичъ пріехалъ же. Зъ Смѣлого писали въ Роменъ, до родителки родитель, а я до самой, предлагаючи, жебы

въ Кіевъ на орѣхи дали грошей зол. 10, приливаніе волоскіе. Поехавши оттуду, пріехали на ночъ въ Каменъ.

18. Четвергъ. Поснѣдавши въ Каменѣ, поехалисмо по полуднѣ въ Глуховъ, подлинно извѣстилисмося о преставленіи его імператорскаго величества зъ манѣфесту сенатского, которій такъся въ себѣ имѣетъ [1]).

Тутъ же въ Глуховѣ въ память его імператорскую отъ того времени, когда принеслася вѣдомость тая, рано и у вечеру по годинѣ по всѣхъ церквахъ звонятъ. П. полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой зъ своею панею заехалъ до насъ повидатся зъ родителемъ и отехали въ Нѣжинъ. Булисмо у ясневелможной, где мало забавивши, отехали и заехали до прокурора, где и бригадиръ, и Михайло Скоропадскій и, тамъ мало просидѣвши, въ домъ пріехалисмо. Зъ вѣдомостю сею въ Москву пріехалъ маіоръ отъ гвардіи Іванъ Іличъ Мамоновъ. Полковника чернѣговского Павла Полуботка люде минувшого дня пріехали въ Глуховъ зъ Пѣтербурха и обявили, что преставился онъ въ Пѣтербурху въ крѣпости декабр. 18 числа, третой години зъ полудня минувшого 1724 году.

19. Пятокъ. Былемъ у коллегіи, где повѣтчикъ полку лубенского Петръ Михайловъ предлагалъ мнѣ о меду зборномъ, дабы вѣденіе о немъ прислать въ коллегію. У правителей былемъ, оттоль у Яснополского, где и Косовича видѣлемъ. На мѣстѣ у лавокъ бувъ и чубукъ купивъ. Роману, дворникови моему тулиголовскому, сукна тузѣнку далемъ. Полки гварнѣзонніе, на ліоду собранніе, стояли, а имъ обявили о преставленіи імператорскомъ. Бяловскій бувъ у мене и, поговоря, отійшолъ. Николая, бывшого слугу моего, зъ П.Бурху отъ п. Чернѣговского по его преставлѣніи пріехавшого, задержалемъ на время у себе.

20. Субота. Троцкій бувъ рано и оставилъ я его, а отехалъ до Кошелева, где и родитель бувъ, откуду (повидавшись зъ маіоромъ Молчановимъ, пріехавшимъ зъ кіевского гварнѣзону въ коллегію) заехали до брегадира, где засталисмо нашихъ правителей,

[1]) Вписанный здѣсь манифестъ напечатанъ въ изданіи „Дневныхъ Записокъ" 1859 года т. І. стр. 60—61.

пуженнихъ отъ брегадира и, забавши тамъ доволно, отехали. Бувъ у мене иноземецъ зъ винами розними продажними. Войтъ мой сварковскій Забара бувъ и, де о чомъ донесши, отехалъ. Бувъ я въ вечернѣ у судейской церквѣ, где панахиду по небожчику тестеви моемъ правили, тамъ увидѣлемся зъ п. Григоріевою новгородскою, пріехавшою зъ Новгородка.

21. Неделя. Рано зобранъ бувъ полкъ лубенскій на смотръ, и первей тутъ родитель въ дворѣ осмотрѣлъ оного и потомъ и на ліоду казалъ онимъ порадне стати козакамъ, але коллеисти и правители не смотрѣли оного. У службѣ Божой у Михайла святого былисмо, где синъ брегадирскій Никита Степановичъ, стоявши купно со мною, обявилъ о себѣ, что мѣлъ сего дня ехать въ С.П.бурхъ. По службѣ Божой былисмо у ясневелможной, где брегадиръ зъ товарищи бувъ и, випивши по 2 чарки водки, отойшли, а ми обѣдали и пообѣдавши, родитель пожекгналъ ея велможность. По обѣдѣ смотръ былъ полку, а смотрѣли брегадиръ Кошеловъ, правители, Мануйловичъ и Левенецъ, козаковъ било около 400 въ Гилянъ, а по осмотрѣ брегадиръ со всѣми заходилъ до насъ и, по 2 кубка вина випивши, отехалъ, зъ которимъ и другими родитель простился, а правители, посидѣвши должае, отехали домой. Худолѣй давалъ суплѣку. отпрошуючись отъ походу у родителя. Купилисмо вина бутилокъ плетенихъ 6 буркгунского, а 6 еремѣтаржу у іноземца пополамъ зъ родителемъ, онъ же мнѣ въ придатокъ далъ 2 бутилки бупор...(?). Отъ ясневел. Савка слуга принюсъ вини и водки въ бутилкахъ родителеви. Стаховичъ, канцеляристъ, вечералъ зъ нами и много его ирритовали. Отъ Якова писмо получилемъ, зъ жалостію на тестя своего писанное. Писмо писалемъ до Якова и грошей зол. 50 послалемъ къ нему жъ черезъ п. Семена брата и штабъ желѣза 4, а въ нихъ ваги 5 пудъ, и вужищъ и наралниковъ по 4 пари. Ясневелможная ужаловалася зъ виговоромъ передъ нами на брата п. Андрѣя.

22. Понеделокъ. Отехалъ родитель въ Роменъ рано, а я остался тутъ для дѣлъ господарскихъ. Черезъ козака глинского, при тамошнемъ же сотникови найдуючогося, писалемъ, до родителя о

томъ, что увѣдомилемся о намѣреніи обозного зъ товарищи респектомъ занесення суплѣки брегадиру и что сенецкій въ С.п.бурсѣ подалъ у вишній судъ. П. Минѣцкій и отецъ Василій капелянъ п. писара енер. были зде. Ездилемъ до млина радіоновского, где жита на 3 четверики будетъ, гречки полубочокъ, пшеницѣ полтора, солоду ячного и овсяного. Жена моя пріехала зъ Ромна въ Глуховъ. Осмотрувалемъ реестровъ господарскихъ и на пріемномъ грошевомъ реестрѣ написалемъ 8 и 20 рублей, даннихъ ему на росходъ.

23. Вовторникъ. Ездилемъ въ калюжновскій футоръ и первей въ шинку былемъ, о потомъ заехалемъ до футора, где возовъ 4 воловихъ спорадити казалемъ. Тамъ же видѣлемъ воли рабочіе 27, коровъ 7, а по реестрику, отъ тамошнего дворника показанномъ, отослано въ Тулиголови воловъ 3, коровъ 4, дробязку 15. Тамъ же въ тютюнника былемъ и видѣлемъ тютюнъ увесь зложенъ въ 5 кипахъ. Поехавши оттуду и пріехавши въ Глуховъ, заехалемъ до двора ясневелможной и тамъ, по набоженствѣ, обѣдалемъ и до вечора забавилемъ. Пріехалемъ домой, где въ розговорѣ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ тое отъ его чулемъ, что обѣщаются во знакъ вдячности и зъ своихъ добръ, буде имъ верненни будутъ и мнѣ уступить часть купленнихъ и войсковихъ. Отъ писара Сави Ракгозѣнского бувъ чловѣкъ зъ писмомъ, въ которомъ требуетъ, ижъ бымъ отвѣтъ учинилъ въ канцеллярію енер. о его інтерессѣ, мнѣ полѣценномъ до изслѣдованія, которому на словахъ отвѣтъ учинилемъ, что, несправясь зъ допросомъ, въ Ромнѣ чинившимся, нелзя отвѣтствовать. Стаховичъ бувъ и просидѣли, розговоруя.

24. Середа. Ездилемъ рано до Сваркова и оглядалемъ строенія тамошнего. Казалемъ майстрови Андрѣеви передѣлать сходи на гору и оттуда повернулемся на службу въ Глуховъ. По службѣ былемъ у ясневелможной и на обѣдъ въ домъ отехалемъ. По обѣдѣ Тарасъ молодикъ далъ мнѣ реестръ, въ которомъ всѣ ижджаліе конѣ означенни суть, и онихъ числомъ 66. (Въ день 26 пч 1 ясно—тоежъ виражено. Господаръ медъ розсичовалъ. Лвовъ саржантъ отъ гвардіи пріехалъ въ Глуховъ и знову отехалъ. Куріеръ зъ Пѣтербурху пріехалъ и указъ привезлъ сюда зъ воинской коллегіи,

дабы брегадиръ съ товарищи присягу виконали на вѣрность ея величеству Государинѣ імператрицѣ. Былемъ у Кошелева и, едучи, обернулъся и передягся у п. Тарнавскаго. 4 ослонци подорожнихъ необбитихъ послани въ Роменъ. У брегадира позно бувши, (пріехалемъ въ домъ и книгъ своихъ пересмотрувалемъ.

25. Четверъ. Книги въ библіотекахъ пересмотрувалемъ, которихъ въ скринѣ показалось и зложилось 66, а въ библіотецѣ 146, въ той же библіотецѣ зъ другой сторони 44, а винятихъ въ походъ 31, итого всѣхъ 287 и болшъ, (vide день 26 № 2).

Іванъ Івановичъ Львовъ саржантъ отъ гвардіи, приехавшій сюда зъ грамотою Еропкину, зятеви п. писара енер., потребною о деревняхъ, обѣдалъ у насъ купно зъ Волжиномъ Іваномъ Афанасіевич. Шабелнику за оправу шаблей доплатилемъ зол. 1. Демянъ отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителя и наказомъ, даннимъ ему, чтобъ онъ, взявши денги, доводячіеся отъ Івана Перехриста, ехалъ до Нѣжина и Борзни для покупокъ, въ походъ мнѣ потребнихъ, которому и тутъ далемъ грошей самъ 50 зол., а ключникъ далъ 50 зол. Брегадиръ Степанъ Лукичъ Велдяминовъ и протчіе штапъ оберъ и ундеръ офѣцери и салдати присягали на вѣрность государинѣ Імператрици Екатеринѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ россійского престола. Тарнавскій и Доброницкій були зде у насъ. Господаръ кухву меду, присланную зъ Ромна прѣсного, розситилъ, и стало куховъ 4, да 2 бочки меду неповнихъ, сиченого. Дрикганта вороностирокатого козаки, зъ нами сюда пріехавшіе, попровадили въ Роменъ. Извѣстилемся отъ Тарн., что о намѣреніи нашего обозного и протчіихъ нашихъ полчанъ говорилъ п. Левенецъ.

26. Тарасъ молодикъ показалъ мнѣ реестръ всѣхъ ижджалихъ коней, итого верховихъ 8, четверенъ 4, дрикгантовъ зхорещенихъ 4, возовихъ и подмолодиковъ 24, зъ Астраханѣ пришедшихъ 12, у Орановского 2, итого всѣхъ 66. Книги пересмотрувалемъ всѣ и знову поскладалемъ, отобралемъ зъ собою 32, а оставилемъ въ скринѣ 69, въ библіотецѣ сюй сторонѣ 144, а въ другой 44, итого всѣхъ 289. Зъ Тулиголовъ черезъ Івана паробка получилемъ на писмѣ вѣдомость отъ Романа старости и Романа слуги, что простой горѣлки

въ походъ мой перегнали 144 носатки, а на досипку уже оковитой горѣлки розійшлося, простой же носатокъ 6 и квартъ 11, зъ простой зась горѣлки 144 носатокъ війшло, оковитой носатокъ 85 и квартъ 67, къ которой придавши досипку простой, то теперъ въ кухвахъ 8 всѣхъ носатокъ 91 и квартъ 78 оковитой, а простой на оную обернулось 150 носатокъ и квартъ 11, и межи тоею оковитою горѣлкою 6 куховъ зъ ганишомъ и мятою, семая кухва на самую мяту, осмая кухва зъ ганишемъ и конвалѣею. Дуплоногу и ковалю сварковскимъ казалемъ дерева на хати зъ Тулиголовъ дати. Ездилемъ ловити рибу въ радіоновскомъ ставу. Панахида по небожчику тестю била у судейской церквѣ.

27. Субота. Хлопецъ за презрѣніе росказання, что не збудилъ до утренѣ, наказанъ. Полонскому далемъ маліовать, чили рисовать дверцѣ. Поехалемъ на службу до ясневелможной и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ пріехавши, заснулемъ, бо въ головѣ боль былъ. Архипъ сварковскій, мой подданний, посланъ въ Тулиголови, где ему велено, взявши горѣлку, запровадить въ Роменъ въ 26 днѣ, 3 числѣ, помянутую и описанную. Ездилемъ на вечерню до Михайла святаго, а по вечернѣ зъ п. Левенцемъ простоялемъ доволное время. П.п. швакгри тягнули неводъ на радіоновскомъ млинѣ и витягнули риби щучокъ щось и едну болшую щуку.

28. Неделя. Рано Минѣцкій приходилъ зъ обявленіемъ вѣдомости о пріездѣ Девейзбаха Господинъ генералъ- лейтенантъ Девейзбахъ пріехалъ зъ С.П.бурху въ Глуховъ зъ манѣфестами о смерти імператорской, которій сказовалъ: 1, что імператорское величество мѣлъ лежать на ложѣ 15 денъ, а после вложенъ быти въ труну, и послѣднихъ числъ марта погребенъ быти въ церквѣ с. Апостолъ Петра и Павла между обоима синами своими посерединѣ; 2, что освобожденни наша старшина въ С. П. бурху; 3, и что зде будетъ симъ арестантамъ свобода. Былъ онъ по обѣдѣ, генералъ, у брегадира, оттуду у ясневелможной и поехалъ ноччю въ Ахтирку къ князю Голѣцину. Обѣдалемъ у ясневелможной и, отъ ґенерала позно пріехавши до брегадира, тамъ о моемъ удержаннюся отъ по-

ходу говорилося, и приехалемъ ноччю домой. Орановскій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами родителскимъ и п. Семена.

Мартъ 1. Понедѣлокъ. Панъ Скоропадскій и Минѣцкій були рано, и первой, кагве напившись, отехалъ. Полки гварнѣзонніе присягали на вѣрность государинѣ імператрицѣ. Неводничого Кочерувского уговорилемъ здѣлать до воскресенія два неводка, 1 по 6 сажень крило, а другій по 15 и за то дать ему 30 зол. и 10 квартъ горѣлки, о чомъ и до старости кучеровского писалемъ, жебы онъ ослабу ему учинилъ. Дворника калюжновского уговорили за годъ дать ему 20 зол. и кожухъ, свиту и чоботи, а годъ ему отъ Филиповихъ запустъ. Черезъ Пулверинского писалемъ до родителя о домашнихъ інтерессахъ. Здешнимъ арестантамъ нашимъ всѣмъ, именно Тарнавскому, асаулѣ переясловскому Лукашу, сотнику полковому переясловскому Добронизкому, сотникови полковому нѣжинскому Пѣроцкому, писареви полковому нѣжинскому Минѣцкому, писареви пол. стародубовскому Демяновичу, сотникови бакланскому Антипу, полковому писару полтавскому Богаевскому, тожъ полковому полтавскому асаулѣ Сибилевичу Федору обявлено въ коллегіи малороссійской свобожденіе и отпускъ на поруки, которихъ господинъ брегадиръ Румянцевъ прошлого году взялъ за арештъ и зде осадилъ. П. судіиной енер. Чарнишевой именины отправляли у ясневелможной, где кушалисмо купно зъ брегадиромъ и прокуроромъ. Пріехали въ Глуховъ зъ С. П. бурху Полунѣцкій Іванъ, писаръ пол. чернѣгов. Криштопенко, сотникъ сенецкій и прочіи служители старшинскіе.

2. Вовторникъ. Дѣдикъ, подданній мой сварковскій, бувши тутъ, оправдался противъ чолобиття вдови новогребелской. Продали кавяръ пудъ по рублю, а заважили зъ бочечкою пудовъ полъ 7. Ездилемъ у городъ и въ церквѣ Іліи Пророка присягу виконалемъ при брегадиру и протчіихъ на вѣрность государинѣ імператрицѣ и подписалемся между бунчуковими на клятвенномъ обѣщаніи, где также правителѣ и протчіе подписивались и присягали. Купилемъ коломійки локоть 11, локоть по 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалемъ у ясневелможной и до вечора просидѣлемъ. Дс п.п. судіиной и писаревой отъ ихъ сожителей писма привезени.

3. Середа. Манѣфестъ, чили указъ подъ именемъ государинѣ імператрици публѣкованъ, въ якомъ читани вини, чили погрѣшенія полковника чернѣговского Полуботка и старшини енералной, також и миргородского полковника Апостола описани, и что имъ всѣмъ жить въ С. П. бурсѣ безиздно, а имѣніе имъ движимое и недвижимое возвратить, печатанъ февр. 8; у ясневелможной обѣдалъ, где листъ читанъ п. судіи енер. о присланню туда провіянта, до самой п. судіиной писанній февр. 9. У брегадира у вечеру билемъ и о швакграхъ своихъ просилемъ. У чорномъ платтю началемъ ходить.

4. Четверъ. Рано былемъ у прокурора и о швакграхъ розговорувалемъ. У склепу былемъ и вина зъ розних анталовъ понасипалемъ. Кухву пива купилъ господаръ за полъ 6 зол. У Кошелева былемъ и оттоль домой пріехалемъ, где Полунѣцкій и Іванъ писаръ були. Отецъ протопопъ глуховскій билъ у мене и объ Орановскомъ розговорували. Пасѣчнику уздицкому по рахубѣ дача годовая показалась, именно грошей 25 зол., жита четвертей 12, гречаной муки мѣрокъ 12, крупъ гречанихъ мѣрокъ 6, сала каменей 2, соли полтора каменя, риби вялой въ постъ по части, свиту, кожухъ, шапку, чоботи.

5. Пятокъ. Были швакгрѣ у коллегіи, куда и я ездилемъ за нихъ ручитися, того ради, что имъ отпускъ по указу обявленъ. Ездилемъ до Сваркова, где Забарѣ приказовалемъ досадить високой липини, а дробную повикопувать, а Андрѣю теслѣ казалемъ еренжерѣ хати дѣлать и пріехалемъ по павечернѣ въ Глуховъ. Швакгрѣ еще крайней резолюціи о своемъ отпуску неполучили, але на завтрейшій день отложено.

6. Субота. Орановскій и господаръ въ Сварковъ ездили за дѣломъ Орановского зъ суплѣками, насвященство его жъ промуючими. Въ колегіи малороссійской за швакгровъ своихъ Андрея и Якова поручилемся. У ясневелможной обѣдалемъ, где Ясполскій господаръ въ Роменъ мнѣ будку визичилъ. Швагри мои освободились въ коллегіи. У брегадира Степана Лукича просидѣлемъ долго въ ночъ, а пріехавши оттуду, засталемъ тутъ ночуючихъ п. п. Тарнавскаго,

АКТЫ

БОРИСПОЛЬСКАГО МѢЙСКАГО УРЯДА

1612—1699 гг.

1.

Бориспольскій мѣщанинъ Стефанъ Рѣзникъ продаетъ мельницу со ставомъ въ д. Нестеровкѣ войту Павлу.

Anno 1612, januarij 15 die.

Przede mną Piotrem burmistrzem y przy zupełney ławie urzędu miesckiego Borispolskiego oczewisto stanowszy Stepan Rzeznik miesczanin Borispolsky dobrowolnie zeznał, yż on przedał młynek yz stawkiem, ktory nazywają Nesterowsky[1]), p. Pawłowy woitowy, za kop dwie y za groszy cztery litewskich, wiecznemi czasy.

2.

Грицько Федоровичъ проситъ назначить срокъ Власу для выкупа коня, принятаго имъ, какъ третьимъ лицомъ, въ обезпеченіе исправной уплаты Власу долга со стороны Ивана, Коломійцоваго свояка.

Anno Domini 1612, die 1 aprilis.

Na urzędzie przedemną Fedorem woytem Borispolskim y przy mnie będączemi Pawłem, Stepanem, Harasimem rayczami, stanowszy oczewisto Hriszko Fedorowicz y opowiadanie uczynił na opatrznego Jwana, Kołomiejczowego swoiaka, na tem, iż mu miał spłacic konia, ktorego szacowano u sthu groszach za dług od Ułasza; pozwany Jwan na żałobie iego długu swego własnego odstąpił, ktorego mienił bydz pułkopy groszy, y onego się konia wyrzekł; na czem Hriszka pa . . . . . tne założył, y prosił aby to zapi-

---

[1]) Нестеровка — деревня остерскаго у. черниговской губ. верстахъ въ 4-хъ отъ м. Борисполя.

sano przy teyże sprawie. Hryszko Fedorowicz prosił o złożenie roku ku odkupieniu tego konia Własowi, na czo urząd rok złożył od dnia dzisieyszego do tygodnia, u gdzie za tydzien nie okupi tego konia, tedy na wpad przepada u Hriszka, a Włas żadney trudnosci o tho mu zadawac nie ma czasy wiecznemi. Czo tho sobie Hriszko dał do xiąg zapisac, y iest zapisano.

3.

Бывшій войтъ Пашко жалуется на шинкаря Фартушнаго, который побилъ и выгналъ на улицу сына жалобщика съ женою, и на Матвѣя десятника, который самого Пашка ударилъ въ щеку.

Року 1614, месеца августа 11 дня.

1) Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтомъ Баришпольским, бурмистры и присежными, ставши очевисто Пашко, бывшій войтъ, на Данила Фартушного шинкара тыми словы: ижъ дей и сына моего з жоною и з иншими помочниками побили з двора и на улицу бъючи выгнали, што Пашко светками явне показав, Олексою, бывшимъ бурмистромъ; Олекса признав, же били, и до Стецка коваля Пашко ставив; Данило не схотев. Еднане приняли.

2) Тогожъ часу тотъ же Пашко жаловал на Матвея десятника, ижъ дей побивъ, до чого ся Матвей не знавъ; Пашко ставив светка Стецка коваля, на которого и Матвей призволивъ о полукопья грошей. Стецко ставши перед нами зознав, же дей Матвей Пашка ударив пястю у щоку. Еднане приняли.

4.

Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ продаетъ свою усадьбу за 12 копъ грошей литовскихъ пану Войтеху Зарѣцкому.

Року 1614, месеца августа 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставшы очевисто Грунь Ивановичъ мещա-

нин Киевский ку записованю до книг доброволное зознане учинив тыми словы: ижъ дей есми продав подварокъ свой власный, никому не пенный и ни в чом не заведенный, прозываемый Благутинский, пану Войтеху Зарецкому, за певную сумму пенезей, за дванадцатъ копъ грошей литовских, зо всимъ на все, с плацомъ з будованіемъ з огородомъ и што колвекъ естъ засевку у вогородѣ и зо всимъ на все, якъ ся сам в собе маетъ вечными часы, который подварокъ пану Зарецкому заразом поступилом в моц и в держане подав; в чомъ я самъ, жона моя и потомки наши, и жаден з близких приятел наших, пану Войтеху Зарецкому, малжонце его и потомком их, и хтожбы колвекъ тот подварокъ держав, жадной перешкоды чинити не маем и моци мѣти не будемъ; а хтобы ся вступовати мев и якую перешкоду вышей помененым чинити мев, теды я Грушъ Ивановичъ выше помененый, жона моя и потомки наши в кождого права своим власным накладомъ под виною такъ сумы пенезей 12 копъ грошей шкодъ и накладовъ на вряд и сторону заступоват маем и повинни будем. О што просил пан Войтех Зарецкий, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

5.

Мартинъ Тесля въ двухнедѣльный срокъ долженъ заплатить долгъ паніи Бабицкой.

Року 1614, месеца августа 19 дня.

Рок од дня сегоднешнего за недель две Мартинъ Тесля поспол з жоною своею маетъ заплатити две копе грошей литовских, кром накладу, панеи Бабицкой. Што про паметь до книгъ естъ записано.

6.

Урядъ оставляетъ за Семеномъ Несыномъ ниву, которую оспаривалъ у него Левко Хромый.

Року 1614, месеца августа 20 дня.

Передо мною Конъдратомъ Сеновичомъ войтом Баришполъскимъ, Останомъ, Гринцемъ, Михайломъ бурмистрами, Демком, Да-

нилом присяжными, точилася справа Семену Несыну з Левком Хромым, о ниву у Груздова гумна, которую Семенъ Несын менует своею власною, а Левко также своею, и выоравшы Левко и просо посеяв, через заруку, которую ему Несын заручив, до скрынки местской грошей дванадцать, а на вряд замковый копою грошей; Левко о заруки недбаючи сеяв; Семен Несын показав то людми, же то его нива власная. До которой нивы, для лѣпшей ведомости, посылалисмо присежъного Данила, перед которым признав Лысаковский стадникъ, же тую ниву Семен Несын копав и чистив, а не хто инший, чого объмежъ той нивы сведомъ Семен Борсукъ, Иван Дробница и иншых людей немало; которую ниву зоставилисмы при Семену Несыну, яко при его праци власной. Што про паметь до книгъ есть записано.

7.

Священникъ о. Стефанъ заявляетъ мѣйскому уряду, что пасынокъ его Панько, несмотря на предшествовавшія судебныя рѣшенія и приказанія подвоеводы, завладѣлъ его дворомъ и полемъ и не хочетъ допустить его до владѣнія собственнымъ его имуществомъ.

Року 1614, месеца сентебра 5 дня.

Постановившися передо мною Кондратом Сеновичом войтом Баришпольскимъ жаловав и оповедав господин отецъ Стефаний священникъ на Панка пасынка своего тыми словы: ижъ дей што есми мев право перед вм. о тую маетность кгвалтовне побраную за слушным показанемъ моим и переведенемъ права за сказанемъ декрету вм., штосте вм. мне наказали, яко мое власное при мне зоставили, што все на писме покажу; он того декрету вм. не принявшы, апелевав, абым до его милости нашого милостивого пана подвоеводего; я с тым декре(то)м вм., ездил есми до его милости пана подвоеводего и показалем его милости тые справы, што его милост, обачившы справы мои правныи, писати рачил до наместника своего пана Осташа, абых я при всем своем зостал, дом, пашню, поля и все што колвекъ моего есть, водлуг декрету наказали, абы мне поступил.

Нижлися и тому Панко пасынок мой спротивив, тоеи маетности моеи мне не поступив, и такъ отповедив: „Хоч горло дам, а не поступлю“. О то просив отецъ Стефаний свещеникъ, абы то было до книг записано—што есть записано.

2) Тот же господин отецъ Стефаний оповедавъ на тогож пасынка своего Панка тыми словы: ижъ дей есми ездив до его милости пана подвоеводего, тамже и Панко быв, и очевисто его милость Панку росказати рачив, абы ми двор мой, зо всею маетностъю вернув, и послати его милост рачив до наместника своего, пана Осташа, абы вернув; теды Панко, яко устному росказаню его милости пана подвоеводего, такъ теды и писаню спроти(ви)в, того двора моего и жадное речы не дав и не поступив. О што господинъ отец Стефаний просив нас, вряду, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

8.

Кузьма жалуется на Демидиху за неотдачу овечки, приблудившейся къ ея стаду.

Року 1614-го, месеца сентебра 7 дня.

Передо мною Остапомъ Безбородком бурмистром на тот час на местцу новом будучим, Михайломъ бурмистром, Пархо(мо)мъ и давными присежъными, жаловав и оповедав Кузма, на Демидиху, иж овечка моя прилучила ся до овечокъ ее; теды девки мои зпознавши овечку свою межи овечками еи, почали нять, а пастух еи дочкам моим тое овечки поймати не дав: „заплати теды мнѣ лядкиру, бо я вже тую овечку шест дней пасу“. И кгды перед нами став Демидишин зять Дмитро и с тым пастухомъ поведив тыми словы: „ижъ дей тая овечка не межи нашими овечками, але межи Тымошовыми Чоботаровыми, бо дей того Тимоша пастух в тоеж обличье, якъ и нашъ“. То есми правом до пятницы одложили, абы Дмитро того хлопъца поставив.

9.

Урядъ оставляетъ за Тишкомъ Хромымъ ниву, которую самоуправно выоралъ и засѣялъ Войтеховъ братъ Андрей.

Року 1614-го, месеца сентебра 12 дня.

Передо мною Кондратом Сеновичомъ войтом Барышпольскимъ, Остапом, Гринцемъ бурмистрами, Пархомом присежъным, ставшы очевисто Тишко Хромый поведив тими словы: „ижъ што дей есми мев спор о ниву свою власную з Андреемъ, Войтеховымъ братомъ, которую упорне поорав и посеяв“. Мы, вряд, наказали и тую ниву при Тишку зоставили, а Тишко маеть ему одорати его ниве, где ему укажеть, а до нивы Тишковы Войтехъ жадное потребы вечне мети не маеть. Што просивъ Тишко, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

10.

Панъ Водвинскій жалуется на пана Ядловскаго за нанесеніе ранъ и грабежъ имущества.

Року 1615, месеца января . . .

Передо мною Иляшом Михаиловичом[1]), началником Баришпольским, а Богданом Сеневичом войтом Барышпольскимъ и при нас будучими, бурмистром, райцы и присяжными на местцу звыклым судовом засѣлими, жаловал урожоный Миколай Водвинский з Барышова[2]), на пана Себестияна Ядловскаго в тые слова: ижъ пан Ядловский, взявшы на себе гнев напротивко мене, за которым зелживости мене не пооднокрот потыкали, и шкод немало поносилом, такъже часу недавного, нанявъшы Яска Щербину козака, направил его дѣвку мою побити; который будучи направеный от пана Ядловъского, а маючи позволене яко од уряду, перенявшы на рѣку идучую Ерынку на улицы, а праве

¹) Можетъ быть, это позднѣйшій (1637) переяславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ.

²) Барышовъ, нынѣ Барышевка—мѣстечко переясласкаго у. полтавской губ. на берегу р. Трубежа. Въ княжеское время торкскій городокъ Баручъ.

против ворот пана Ядловскаго, окрутне и немилосерне кием збил, змордовал, при котором збитю и шкод немало почынил, которые готов буду часу права перед его мость паном подвоеводим, любъ тежъ перед его мость паном воеводою, нашим милостивым паном, наказать. Также я самъ, кгдыш ехав до Барышова для пилных потреб своих и кгдым приехав до дому своего, а чуючисе быт велом никому ни въ чом не винъным, былом безпечным, якъ панъ Ядловский не ведат в який способъ взявъшы на мене злый умыслъ, а не чынячи з мене справедливости, што быв винен, але забравшы немало челяди своей, Омеляна слугу своего, Семена Бубянистого а Семена возницу, Олешка мещанина, Стася Зарецкого, праве с понделку на второкъ направивъшы их, абы ме забили, наслав на дом мой, которие нашедшы моцно кгвалтом на дом мой, а заставшы мене, учстивши слуху вашмости, спячого в постели, окруте и немилосердне киими побили и помордовали; а зоставивши на земли, в избе, на полыумерлого, челяд розогнавшы, маетности з дому моего немало побрали и розшарпали, а меновите: пулгак[1]), коштовал десет золотых; ладовница, коштовала чотыри золотых; цѣпка, коштовала осмъ золотых; пояс китайчаный, купленый за мешокъ з грошми, а у ним было десят золотых; ножи, коштовали два золотых; пуяс оправный, коштовал чотыри золотых; хустъка вышита, куплена за два золотых; товалня шовком шыта, коштовала повтора золотыхъ; хустъка безю шита, коштовала повтора золотых; шликъ лисий, хвалąндышом крытый, коштовал осмъ золотых; каитан бархановый, коштовал чотыри золотых; перстенков два сребреных, коштовали пултора золотих; листов записов на разные долги, которых . . . . съ тридцат, квитацыи пана Богуша Луцкевича, подстаростего Черкаского; рукавицы, коштовали золотый; на . . . . къ, коштовала дванадцат грошей; стрел з сагайдака взяли два десятки, купленые за два золотых; печат, коштовала золотый. А такъ мы, врадъ, выслухавъшы жалобы Миколая Водвинского, за прозбою оного, на огледане ранъ, придали вижа Пархома присяжного, который огледавши призналъ

---

[1]) Пулгак=лукъ для стрѣльбы.

ку записаню до книг, иж виделъ есми Миколая Водвинского на твари рана крывавая, на руце левой, вышей локътя рана крывавая, а на нозе левой, на голени рана крывавая, хрибет вес синий, киями побитый. От которого бою и зраненя неведати, если жив будет. Што мы, уряд, выслухавъши жалобу пана Миколая Водвинского и вижово признане казалисми до книгъ месцъкихъ Барышъполских записат, що записано.

11.

Бывшій бурмистръ Олекса жалуется на Герасима за угрозу его побить.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами постановивши(с) очевисто Олекса бывшый бурмистр жаловав и оповедав на Гарасыма тыми словы: „ижъ дей наважив на здорове мое и хотѣв мене бит, о чомъ есми и самъ не ведав у Шостака, як бы ажъ мя добрые люде остерегли, аж на завтрее мне сказали“. Якож Олекса заразомъ ставив Миска Товстобабию зятя, который ставшы перед нами поведивъ: „правда дей, панове, же Гарасим мовив на Олексу: небачный чловече, буду тебе бит, а Олекса о томъ не ведав и того не чув“. И еще Олекса ставив брата Гарасимова Андрушка Шостака и Терешка Сахненка и иншых людей сторонних, с трох копъ грошей Гарасим не приставляв; тедысмы межи ними положили заруки на его милост пана подвоеводего по сту копъ грошей литовских, а до скрынки местской три копы грошей, еслибы Гарасимъ на Олексу отповедати мел сам через себе и через когос колвекъ. О што нас вряду просив Олекса, абы то было до книг записано и есть записано.

12.

Мисько Слуханъ явился на разборъ дѣла по обвиненію его Грицькомъ изъ Дударкова въ истребленіи собаки.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Перед тым же врядомъ, Миско Слуханъ оповедавъ перед нами тыми словы: „што дей мене Грицко з Дударкова[1]) обвинив о пса, яко бых я мев где задѣть, и зложилисте нам ваша милость рокъ за недѣл две на ден сегоднешний; а иж его немаеш, прошу в. м., абы то было записано". Мы вряд пилность Мискову казали записати и волным Мискав чинили; а Миску з Грицком право волное зоставили, што про память до книг есть записано.

13.

Иванъ, Трохимишынъ братъ, жалуется на Евхима Слесаря за нанесеніе ему побоевъ.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Гринцемъ, Михайломъ, Лавриномъ бурмистрами, Васком, Демком присяжъными, ставшы очевисто Иванъ Трохимишин братъ жаловал и оповедал на Евхима слесара о збите и зранене, иж дей мене побив; до чого ся Евхим не знав. Теды Иван ставив довод до Федора Корогода; Федор Корогод поведил, жей я того не сведомъ, хто его бив, одно в мене будучы оповедавъ, и на другого здався, Ярмолу Мацишина; а ижъ Ярмола хворый, посылалисмы Демка присежъного, перед которым Ярмола поведивъ: я дей самъ там небыв. жона моя мне пришедшы казала: шла дей есми зъ Евхимом, и дав мне Евхим шапокъ две и ведро пива, послав мене наперед, и я дей зашла за пани Бабицкой двор, стала и чула есми крыкъ, же там

[1]) Дударковъ—село остерскаго у. черниговской губ.

когос на рынку перле колодкою. Мы, вряд, видечы довод водлуг права послушный, наказалисмы Ивану присегу на ранах на понеделокъ, а кгды присягнетъ, маеть его Евхимъ навезати. Што про паметь есть записано.

14.

Вишенцы забрали сѣно у Евсея Евлашенка, который косилъ его съ позволенія пана Сулимы.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполскимъ, бурмистры и присежъными, ставшы очевисто Евсий Евлашенко бондар, яко на рокъ зложоный напротивко Вишенцов [1]) за одстинене (?) ю сено, чинил пилност од поранку ажъ до вечера и того ся вм. (до) водив писанемъ его мл. пана Сулиминымъ, же тое сено од пана Сулимы [2]) мелъ, которое Вишенци своим меновали; а иж на рок зложоный справедливости Вишенци не стали, на рокъ не прибыли, и жадной ведомости о собе не дали, мы его пилност видечы, од того волным вчинили, и до книг записать казали, што есть записано.

15.

Якимъ присяжный и Левко мѣщанинъ купили что-то (въ рукописи дыра) у Павла.

Року 1617, месеца апреля 12 дня.

Ставши очевисто перед нами судом мѣским, войтом, бурмистрами и присежными зознали тыми словы Якимъ присяжный и Левко

---

[1]) Вишенцы=жители с. Вишенокъ, нынѣ остерскаго у. черниговской губ. на берегу р. Днѣпра.

[2]) Панъ Сулима, судя по времени, къ которому относится актъ (1615 г.)—извѣстный запорожскій гетманъ Иванъ Михайловичъ Сулима, разоритель Кодака († 1635). Вѣроятно, Сулима получилъ земельный участокъ отъ Станислава Жолкевскаго († 1620), а не отъ Луки, какъ предполагаетъ Лазаревскій (Сулим. Арх., стр. V). Это подтверждается извѣстіемъ Мотыжинскаго Архива, стр. 112—113.

мѣщанин Барышпольский, иж у Павла купили за дви копи и за 10 грошей у мѣсти . . . . . . Просили нас, жебы казали записат, що ест записано.

16.

Настя Васчиха, по первому мужу Антипиха, распредѣляетъ имущество, оставшееся послѣ Антипы, между собою и сыномъ отъ Антипы Омелькомъ,

Року тисеча шестсоть тридцать семого месеца марта шостого дня.

Перед нами врядом меским барышпольским передо мною Семеном Сезченкомъ войтом на тот часъ будучимъ зъ бурмистрами и райцами одностайне заселыми въ ратушу Барышпольском. Приточиласе справа мещанина нашого Барышпольского Васка Хведоровича з жоною егож Настею, першого малженства Антипихою, то ест о речи спадковые позосталые по смерти небожчика Антипи першого мужа Настиного; теды оны становшы очевисто перед нами врядом меским Барышполским вышей менованым вчынили роздѣлок вышей менованая Настя Васчиха а першого малженства Антипиха з сыном своим Омелком Антипенкомъ; которого то сына своего Омелка вышменованая Настя Васчиха зоставила въ дому отцевском, который зостал по смерти небожчика мужа моего першого Антипа; до которого дому и поле все, которое небожчикъ Антипъ працею своею розробил, мае спокойне сын мой Омелко ужывати и повинности панские оддавати, тилко помененный сын мой не мае жадное справы до того поля, которое я при собѣ и при теперешнемъ мужу своем Васку зоставую, то есть в кождой руцѣ по два днѣ, так теж и до внесеня моего, которое внесла до мужа своего Васка Хведоровича, то ест вола гнедорыжого и иншое убозство мое, которое працею своею набыла. По смерти моей не мае сын мой Омелко жадное справы до мужа моего Васка мѣти, и не мае ни през жадное право оного позывати вечными часы; тилко помененный сын мой мае вышменованные речы, то ест дом лежачый подле дому Грицка Ходорковского и подле дому Сезчыхи Медведыхи ис полем належачым до того двора,

мае спокойне уживати; волов тры, шкапу шерстю половую при нем же зоставую. Тилкож если лѣтъ доростуть дочки помененное Насти Васчыхи, которыя позоставали по смерти отца своего Антипа, мает Омелко сын Антипов оныхъ з маетности отцевской, которое позостало по смерти отца их Антипа, вывинити (дать вѣно), а болшей жадное справы нихто не мае мѣти, так помененный сын мой Омелко до мене и до мужа моего Васка, яко теж и я сама, Настя, з мужем своим не маемо одно до другого жадное справы мѣти. Што для лепшое вѣри и певности просили нас уряду вышей менованого особы вышпомененные, абы та справа была до книг нинешныхъ меских Барышполских записана. Што мы видечи реч слушную, казали до книг меских Барышполскихъ приняти и записати — што ест принято и записано.

17.

Ходося Иваниха и Лавринъ Дужченко продали свой дворъ Хведору Чабаненку.

Року тисеча шестсотъ тридцать семого месеца марта дня петнадцатого.

Перед нами врядомъ меским Барышполским, передо мною Семеном Сезченком войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском постановившысе очевисто Ходося Иванова вдова и Лаврынъ Дужченко явне, ясне и доброволне ку записаню до книг нинешных меских Барышполскихъ признали в тые слова: ижесмы, поведае, продали двур свой никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле двора Ивана Панасенка на фолварку за мѣстом, зовсим, з будованем, с пляцом, з огородомъ и з нивою одноею, которая лежит подле футора кгродского, Хведорови Чабаненкови за полшосты копы грошей литовское личбы; до которого дому не мае мѣти помененная Иваниха з братом своим Лаврыномъ, так тежъ и потомкове ихъ, жадное потребы вечными часы, тилко помененный Хведор мае оный двур вышменованый спокойне

ужывати, яко свой власный, и волно оному продати даровати и яко хотѣти тым домом оборочати вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собѣ обе стороне, абы тая справа была до книг нинешнихъ меских Баришполскихъ записана—што естъ записано и принято.

18.

Семенъ Третякъ продалъ свой огородъ пану Денису Матушкевичу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого м. марта деветнадцатого дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Яковом Терешковичом войтом на тот час будучимъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Семен Третякъ мещанин нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешныхъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому, ни въ чом не пенный и не заведеный, лежачий подле двора Гаврыла Бондара и подле огорода Миска Крамара, пану Деонисови Матушкевичу за копъ тры грошей литовскихъ, вечными часы; до которого огорода не мае мѣти помененный Семенъ Третякъ жадное потребы, ани он самъ, так тежъ и жона его и потомкове его, вечными часы; тилко помененный Матушкевич мае оный огород спокойне уживати, и волно оному продати, даровати и яко хотѣти тым огородом оборочати, яко своим власным вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности дали собе обе сторонѣ до книг меских Барышполских записати—што ест записано и принято.

Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Барышпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта.

19.

Грицько Щавій продалъ свой дворъ Мойсею Старцу.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца марта трыдцатого дня.

На вряде меском Барышполском передо мною Яковом Терешковичем войтомъ з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в

ратушу Барышполском постановившысе очевисто Грицко Щавий, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешныхъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал дом свой власный никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле двора Миска Белоуса и подле Луцка Дронницы, за полчварта копы литовское, Мойсееви Старцеви вечными часы и не мае мѣти вже жадное потребы до того двора помененный Грицко, ани он сам, так теж и жона и потомкове его вечными часы. Што для памети обу сторонѣ дали до книг меских Барышполскихъ записати—што ест принято и записано.

20.

Игнатъ Сидоренко продалъ половину своей отчины зятю своему Кондрату Яценку.

Року 1637, месеца мая 6 дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ и при мне будучих бурмистровъ одностайне лави зуполной, ставши очевисто Игнат Сидоренко, мещанин Баришполский, явне ясне и доброволне до книг нинешных меских Барышполских признал в тые слова: ижем, поведае, продал отчизну, половину в дому и в полю, за суму копъ осмъ личбы литовское, свою власную и ни в чомъ никому не пенную, лежачую подле Федка и Андрея Демченка, Кондратови Яценкови приятелеви своему и зятеви вѣчными часы; который то помененый Игнат Сидоренко не мает мѣти жадное потребы, ани теж жона его, ани потомъкове его; тилко помененый Кондрат Яценко повинен уживат у вышпомененой половици, якъ в дому, так теж и в полю; що для лепшое вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг меских Барышполских записат, що ест записано.

21.

Вдова Иваниха Угладчиха отдаетъ комору въ уплату долга мѣйской скрынькѣ.

Року 1637, мая шостого дня.

Я, Яцко Терешкович, войтъ Барышполский, з бурмистрами при мне будучими на тот час, чиню ведомо тымъ моимъ записомъ, иж Иваниха Угладчиха вдова винна будучи до скринки меское грошей готовых полсемы копы личбы литовское, прето вышпомененая Иваниха Угладчиха перед нами врадомъ меским зналас того долгу, ясне, явне и доброволне за помененый долгъ комору, лежачую подле Сапоновои, поручила на потребу мескую вѣчными часы, варуючи себе от ме(не)ного долгу. Просила нас, вряду, абы то было про паметъ записано, що ест и записано.

22.

Урядъ опредѣляетъ считать Яна Янчевскаго свободнымъ отъ обвиненія въ грабежѣ 10 талеровъ у Пуховскихъ козаковъ Савы и Герасима.

Anno 1637, die 7 mai.

Na urzędzie mieyskym Boryszpolskym przy bytnosci urodzonego jego mosci pana Jana Kucharskiego, starosty Boryszpolskiego y Baryszowskiego, przede mną Jakowem Tereszkowiczem woytom Boryszpolskym a przy mnie będącym Pawłu Hryszczenku, Jarmolie Zbolickiemu, Sidorowi Bezborodczenkowi, Omelianowi burmistrami y raycami, iednostaynie zasiadłymi na mieyscu zwykłym w ratuszu Boryszpolskom, stanąwszy oczewisto Sawa y Harasim obywatelie Puchowskie[1]), kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego, y skarzali sie na Jana Janczewskiego obywatelia Boryszpolskiego sługę wielmożnego jego mosc pana podczaszego korąnego pana naszego miłosciwego, a to w te słowa: yż, powiada, panowie urzędowie, ten

¹) Пуховка—селеніе остерскаго у. на р. Деснѣ.

pomieniony Jan Janczewsky przyiachawszy do nas na podpiłe ludzie siedzących u Icka żyda arędarza Baryszpolskiego, y nas bez dania żadney przyczyny. posiedziawszy z nami y od pasa gotowych peniędzy taliarow dziesienć bitych z chustą oberwał. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy strony żałobliwey pomienionego Sawy kozaka zaporozkiego, ktory mianował przed nami żeby iemu szkoda stała, kazalichmy stronie obwinioney Janowi Janczewskiemu na odwod y żałowanie Sawy kozaka zaporoskiego stanąc; tedy on stanąwszy przed nami urzędem wyszmianowanym powiedział w tę słowa: yżem, powiada, panowie urzędowie ja o tych taliarach, ktore mianuie Sawa kozak obywatel Puchowsky s towaryszem swoim Harasimom kozakiem woyska zaporozkiego, żebym miał od nich wydzirać; tedy ia o tych taliarach nie wiem y nie widziałem ich y od nich nie wydzirał, y nie wiem tego ieżeli byli przy nich peniądze, abo niebyli. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy oboch stron, tak stronie żałobliwey, iako y stronie odporney, schiliwszy się iednostaynie ku prawu pospolitemu, nakazalichmy urzędownie dekretem swoim, aby pomieniony Jan Janczewsky przysięgą sie odwiodł na tym, iako nieodrywał tych peniędzy od Sawy kozaka zaporozkiego y nie znał o nich y nie widział ych dnia wyszmianowanego y roku. A ysz pomienione osoby Sawa y Harasim obywatele Puchowskie kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego na tę rok dla wysłuchania przysięgy Jana Janczewskiego nie stali y pilnować nie chcieli, a pomieniony Jan Janczewsky gotowość swoię do przysięgi uczynił y pilnował według prawa pospolitego do godziny nieszporney. Tedy my, urząd wyszmianowany, wydząc niewinność onego Jana Janczewskiego uczynilichmy wolnym od tey sprawy y niemaią iuż nigdy ni przed żadne prawo y urząd pomienione osoby Sawa y Harasim Jana Janczewskiego pozywac y o szkode swoie wyszmianowane nie maią się nigdy upominać wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary y pewnosci kazalichmy do xiąg mieyskych Boryszpolskych zapisac; co iest zapisano y przyięto.

23.

Миско Москаль продалъ свой огородъ Ивану Демиденку.

Року 1637, месеца мая деветнадцатого дня.

На вряде мескимъ Баришполскимъ передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ на тотчас будучимъ и при мнѣ будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполскомъ, ставши очевисто Миско Москал признал в тые словы мовечи: ижемъ, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пенный и незаведеный, лежачий подле огорода Хомина, Ивану Демиденку, за певную суму злотых чотыри литовских, до которого огороды не мае мѣти помененый Миско жадное потребы, ани он самъ, ани теж жона его, ани потомъкове его, тилко помененый Иван Демиденко повинен ест оный огород спокойне уживат и волно ему оному продати даровати и як хотечи его обернути яко своимъ власнымъ вѣчними часы; што для лепшое вѣри и певности дали собе обѣ сторонѣ до книг нинешънихъ Баришполских записати, што и ест записано.

24.

Васко Яковенко продалъ свой огородъ Семену, зятю Ветливны.

Року 1637, месеца мая двадцатого дня.

Передо мною Яковом Терешковичом войтом Баришполским, а при мне будучим бурмистром и райцом одностайне заселыми на местцу звыклом в ратушу Баришполском ставши очевисто Васко Яковенко мещанинъ нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный лежачий подле Супруна Медведенка и подле Яска Пасченка за пят копъ грошей личбы литовское Семенови Ветливное зятеви, вечными часы, отдаляючи самого

себе, жоны и потомковъ своихъ, вечными часы, што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг местскихъ Барышполскихъ записати, што ест записано и принято.

25.

Иванъ Пустовойтенко продалъ свою ниву Ивану Окрайцовому внуку.

Року 1637, месеца мая двадцет третего дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполским, и при мнѣ будучими бурмистрами одностайне заселыми на местцу звыкломъ в ратушу Барышполскимъ, ставши очевисто Иванъ Пустовойтенко мещанин нашъ Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних меских Барышполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал ниву свою власную никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле Сидора и подле Левковои Шицкого, за певную суму грошей сто личбы литовское, Иванови Окрайцовому унукови, вечними часы, который то помененый Иванъ Пустовойтенко не мает мѣти жадное потребы, ани онъ самъ, ани жона его, ани потомъкове, тилко помененый Иван Окрайцовъ унукъ повинен ей уживат, и волно ему продати, даровати, як хотити оною ниву обернути; што для лепшои вери и певности обѣ сторонѣ дали собе до книг меских Барышполских записати, што ест записано, року и дня вышъменованого.

26.

Мѣщанка Иванпха Смолдыровна продала свою ниву Ивану Чорному.

Року тисеча шестсот тридцатъ семого месеца июня дванадцатого дня.

Передо мною Павлом Грышченком воитом Барышполским, на тот час будучим, а при мне будучими бурмистром и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполском, постановившысе очевисто

Иваниха Смолдыровна мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних меских Барышполскихъ признала в̊ тые слова: ижем, поведае, продала ниву свою власную никому ни в чом не пенную и незаведеную, лежачую подле нивы панее Карминское и подле нивы Кондрата Накалюжного, Иванови Черному за полчварта золотого вѣчными часы; што для леншое вери и певности обѣ сторонѣ лали собѣ до книг нинешныхъ меских Барышполских записати, што ест записано.

27.

Уляна Тимошыха продала свою ниву Сергѣю Прасолу.

Року тисеча шестсот трыдцать семого месеца июня семнадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским передо мною Павлом Грыщенкомъ войтомъ на тот час будучымъ, а при мне будучыми бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Уляна Тымошыха вдова мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признала в тые слова: иж, поведае, продала ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Якова Терешковича и подле нивы Хвеневои на гостынцу [1]) Вышенском за полтретѣ копы грошей литовскихъ, Сергиеви Прасолови мещанинови Барышполскому вечными часы; до которое нивы я, Уляна Тимошыха, не маю мѣти жадное потребы, ани я сама, так теж и потомкове мои, тилко помененный Сергий Прасол мае тую ниву спокойне ужывати вечными часы, и волно оному продати тую ниву и даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною; што для леншое вѣры и певности просил нас уряду меского абы тое признане было до книг меских Барышполскихъ записано. Теды мы уряд вышменованый видечы устное а очевистое признане Улянино Тимошышино, казали до книг меских Барышпольских записати, што ест записано и принято.

---

[1]) Гостынець—большая проѣзжая дорога.

28.

Уласъ Швецъ продалъ свою ниву Никону Рымарю.

Року тисеча шестсотъ трыдцать семого месеца июня двадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским, передо мною Павлом Грыщенком войтом на тот час будучимъ а при мне будучими Сидорови Безбородченкови, Наумови, Омелянови Полуляхови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто мещанин наш Барышполский Улас Швец, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нинешнихъ меских Барышпольских признал в тые слова: ижем, поведае, продал ниву свою власную, никому ни въ чом не пенную и не заведеную, лежачую подле хутора Верны Сергеенка на врочыщу Ладыжене, Никонови Рымарови мещанинови Барышполскому за коп тры литовских вечными часы, оддаляючи самого себе, жоны и потомков своихъ; до которое нивы я, Улас Швец не маю мѣти жадное потребы, так тож и потомкове мои, тилко помененый Никон Рымар мае тую ниву спокойне уживати вечными часы и волно оному тую ниву продати, даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною. А што для лепъшое вери и певности обѣ сторонѣ просили нас уряду вышменованого абы тое признане было до книгъ меских Барышполских записано; теды мы уряд видечы устное и доброволное признане Уласово Шевцово, казали до книгъ меских Барышполскихъ приняти и записати, што ест записано.

29.

Хвеско Дицковиченко продалъ свой дворъ Роману Сергiевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцатъ семого месеца июня двадцать шостого дня.

Перед нами врядом меским Барышполским, передо мною Павлом Грыщенком войтомъ Барышполскимъ на тотчас будучимъ, а при мне будучыми Сыдорови Безбородченкови, Наумови Сергеевичу,

Омелянови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Хвеско Дицковиченко мещанин Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал тыми словы: ижем, поведае, продал двор свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле Корния Бураченка, за тры копы грошей литовскихъ Романови Сергеевичу мещанинови Барышполскому вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ просили нас, уряду вышменованого, абы тое признане было до книг меских Барышполскихъ записано, што ест принято и записано.

30.

Панасъ Черняховецъ продалъ свою ниву сыну своему Ивану Панасенку.

Року 1637, месеца августа 4 дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Семеном Колодежным войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Панас Черняховецъ мещанин Барышпольский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ признал в тые слова: Ижем, поведа, продал ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле нивы Романовои Хижтя, и подле нивы Хведора Шевця, Иванови, сынови своему, за копъ чтиры грошей литовскихъ, оддаляючи самого себе и других потомковъ своихъ вѣчными часы, тилко помененый Иванъ Панасенко мае спокойне тую ниву уживати вѣчъными часы; што для лепшой вѣри и памяти обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешнихъ меских Барышполскихъ записати. Што мы, уряд, видечи устное сознане помененного Панаса Черняховца, казали до книг меских Барышполских записати — што ест записано.

31.

Федоръ Хорошій отдаетъ часть имущества пасынку своему Марку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Передо мною Яцутою войтомъ Барышполским, бурмистрами и присежными, зуполною лавою, ставши очевисто Федор Хорошій и с па(си)нком своим Марком, сознал доброволне перед нами врядом: иж што на моего пасинка отчизны его при мнѣ было, коли матку его брал, тоды отдаю корову и вола, овец осмеро, поля на чтыри дни, грошей коп двѣ мает Федор отдати пасинкови; тогды все тот Марко пасинокъ его жадное потребы до отчима и матки свое(е) мѣти не мает и позывати до жадного права вѣчными часы под зарукою на ратуш коп три. О што просили обѣ сторонѣ, абы тая их доброволная угода была до книгъ записана, што ест записано.

32.

Остапъ Ковтунъ продалъ двѣ нивы Филону Ерченку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Ставши очевисто Остап Ковтун зознал доброволне, иж продал нив двѣ своих власных, одна за Воробъевкою[1]) у островѣ, другая у Грицъкова футора Лихоносого, звороты на Логвинову тои нивки. О што просил Филон Ерчинко, абы тые нивы до книг записаны были, што ест записано, вѣчно мает уживати Филон Ерчинко, як свое власное, волно ему продати и даровати, што ест записано и принято.

33.

Криско продалъ свою ниву Митку.

Року 638, месеца мая 20 дня.

Ставши очевисто Криско перед нами врядом моским, войтомъ Яцутою и бурмистрами в ратушу, сознал доброволне, иж продал ниву свою

[1]) Воробывка—маленькая рѣчонка, протекающая по полямъ д. Кучакова и с. Сулимовки и впадающая въ р, Трубежъ.

власную, никому не заведеную на селищи збоку Денисовои, Миткови за золотых три, отдаляючи отъ себе самого, жоны и потомков и приятелей своих вѣчными часы, волно Миткови уживати як свое власное. О што просил Митко абы то было до книг записано; што ест записано.

34.

Андрей Адаменко и Ясько Яковенко помѣнялись лошадьми.

Року 638, месяца июня 13 дня.

Ставши очевисто на врядѣ меском Барышполским (передо мною) войтом Яцутою и бурмистрами в ратушу, Анъдрѣй Адаменко з Нижина подданый велможного его милости пана гетмана Потоцкого полного, сознал доброволне, иж проминял клячу сивую свою власную волную и не краденую мещанинови нашому Барышполскому Яскови Яковенку, на коня бѣлого; при котором фримарку нашом были люди добрые мещане Яков Процик, Гарасименко для лепшое вѣры и памети. О што просили обѣ сторонѣ, абысми казали до книг записати, што ест записано и принято.

35.

Раздѣлъ имущества между Мискомъ Калужнымъ и Васкомъ Сестричомъ.

Року 638, июля 30 дня.

Перед нами врядом меским Яковом войтом и бурмистрами, Миско Калужный мѣл росправу с приятелем своим Васком Сестричом о отчизну его, которую до сего часу Миско держал з ним поспол лѣт 11, тепер суд наказал, абы Миско отдал клячу сивую, вола гнѣдого, корову с телям перистую, поле все, што его власная отчизна, при Ивану зоставает, свиней двое, свиню чорную и подсвинка; озимины и ярини, што засѣяно тепер, мает Миско Ивану всее пашнѣ четвертую част; кожух новый, чоботы, чукъма бѣлая,

обране новое суконное, сорочокъ 2, портокъ 2, сукна локот 8, сермяга ест при нем. О што просил Миско и Иванъ, абы тая доброволная угода их была до книг записана, же юж Иван Сестричич его жадное потребы мѣти до Миска не мает и позывати под виною на вряд коп 3 грошей до скринки, што ест записано вѣчными часы.

36.

Раздѣлъ имущества между Яковомъ Мулярченкомъ и Фескомъ Олейниченкомъ.

Року 638, месеца июля 30 дня и перед тым же врядомъ.

Ставши очевисто Яцко Мулярченко ис своим шурином Феском Олейниченком погодилися межи собою с права, наказаного декретом правным, што Яцко держал отчизну его до лѣтъ, а тепер тот шурин его Феско осѣлъ на своей отчизнѣ; то ест, напервѣй отдал коней трое, коров чтыри, вола, свиней шестеро, гусей шестеро, за вола другого коп шест, грошей готових коп пят; комору переставити, шкуру вытяти; жупан синий, боты, панчохи, пояс шовковый и кушак, гаплы штучни, тимец жовтый, пугвици, колца; поле все, што одно отчизны его ест на всѣх руках, при Феску зоставает; а засѣвок, што ему с права наказано, тилко тое мает забрати, а Яцко при своем зоставает, што ему належит, тогды тепер ведлуг росправы и угоди, Яцко мает ниву ему выискати, што продали на хлѣбъ, а Феско мает дати жита копы двѣ своего. Феско, шурин его, до Яцка жадное потребы и трудности не мает ему у жадного права вѣчными часы; а Яцко до них под зарукою на замокъ копъ десят, а до скринки копъ 3 заплатити каждый з них. О што просили обѣ сторонѣ, абы то было до книг записано, што ест записано для памети.

37.

Иванъ Лазебный продалъ свой огородъ Демку Бубличенку.

Anno domini 1638, Ibri dnia 25.

Przede mną Iacutą woytem Baryszpolskym y burmistrami zupełną ławą stanowszy oczewisto Iwan Lazebny zeznał dobrowolne, iż przedał ogrod swoy własny Demkowi Bubliczenkowi za złt. 3 wecznemi czasy, ma go używac y darowac. O co prosili obie stronie, aby to było zapisano, co iest zapisano dla pamięci.

38.

Цыгане вымѣняли лошадей намѣстнику пану Матушкевичу.

Anno domini 1638, die 28 8bris.

Przede mną Jacutą woytem Bariszpolskim, urzędem miejskim, burmistrzami zobopolnie zasiadłymi w ratuszu, stanowszy oczewisto cyganie na imie Fesko Grydczyk, drugi Wasił Trykulenko y zeznali temi słowy, że sami frymarczyli dwoie koni, mianowicie konia siwego, bilmo na oku lewym j ucho lewe rozerzniono na wciąż, zywy stryke j w połtrosze, na klacze białą y gotowych złt. 5 przydatku; drugą kliacze bułaną, na oko liewe sliepą na kaftan kyndiakowy bawełniany, gotowych pienędzy złt. 6 j szablie, s panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na ten czas będącym; ktoresmy koni mieli: konia siwego od Iwana Wołoszyna z Dziewicy, kliacze — od Fedora Usa z Niżyna. Pry ktorym frymarku byli ludzie dobri wiary godni: Konraty Pawlęko j Anton Kysiel, Suprun Misiayło, Niczypor Hrynęko. Ktore onych cygand obrowolnie zeznanie iech do xiąg miejskich Baryszpolskich zapisali wiecznemi czasy, co iest zapisano.

---

[1]) Пуиково—озеро на поляхъ м. Борисполя.

39.

Сергѣй Москаль продалъ свою ниву около Пупкова озера Семену, зятю Свѣтличнаго.

Anno domini 1639, marta 12.

Przede mną Jacutą woytem y burmistrami, stanąwszy oczewisto Serhij Moskal, zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną na Pupkowie [1]) podle niwy o międze z Nazarem na cztyry dni y s celyną, co iest iego własnego podle teyże niwy, wiecznemi czasy Semenowi zięciowi Swietliczny za złotych pięc, oddalaiąc sam od siebie, żony y potomkow swoich, ma uzywac iako swoią własną, przedac, darowac. O co prosili obie stronie, aby to było do ksiąg miejskich zapisano, co iest zapisano.

40.

Слабиниха мирится съ невѣсткой своей Карпихой относительно поля.

Anno domini 1639, marca 29.

Przedemną Jakowem woytem Baryszpolskjm j burmistrami zupełną ławą zasiadłymi, stała się ugoda Słabynisie jz niewistką jey Karpową Połaszczyną, a to o polie, ktore dano winym Słabynisie: naprzod iedne od Głębokiego [1]), zwrota iedne na Sakowe a druge na Fomine; druga na goscincu kyiowskim o miedzie nieboszczyka Paszka, trzecia za Worobiowym zworotami na niwe Andrzeiową Deniszękową, tedy ma to Słabynicha używac tych pol, iako swoich własnych, darowac, przedac j na swoich pożytkach mic. A na potym Słabynicha do tey swoiey niewistkj Karpowey żadney potrzeby niema mic wiecznemi czasy y do pol oney należących, by zamą, poszła, to y na potym ma byc wolna zewszystkim od Słabynichy. O co prosili obie stronie, aby ta ich dobrowolna ugoda była do

---

[1]) Глубокое—село переяславскаго у. рогозовской волости.

xiąg mieyskich zapisana, co iest zapisano dla pamięci. Ona sama potomky j powinne ni maią potrzeby pod zaręką kop dziesięc, ktoby znowu to prawo podniosł napotym.

41.

Пречистенскій священникъ Симеонъ продалъ свой домъ дьяку Александру Трохимовичу.

Anno domini 1639, aprilis 26.

Naurzędzie mieyskjm Baryszpolskim przede mną Jakowem woytem, a przy mnie burmistrami zasiadłymi w ratuszu zupełną ławą stanowszy oczewisto ociec Semeon Przeczystensky zobopolnie przyznał do x(iąg) mieyskich w te słowa: iż, panie urzędzie, przedałem dom swoy własny nikomu nie zawiedziony j nie winny panu Alexandrowi Trochimowiczu diakowi swemu, tuż podle siebie, Waskowsky za kop 3 litewskich wieczniemi czasy, oddalaiąc od siebie y przyjacioł swych dalekich y blizkich, wolno mu przedac darowac y na swoy pozytek obracac. jako chcąc. O to prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano, co iest zapisano.

42.

Васко Яковенко продалъ свою ниву Олешку Рубашному.

Anno domini 1639, may 15 dnia.

Przede mną urzędem mieyskim, to iest Jacutą woytem z burmistrzami, stanowszy oczewistą Wasko Jakowenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoie własną nikomu nie zawiedzioną od Kyiowa na wyglądkach między niwamy, to iest z iedney strony Tomilękową a z drugiey strony Jarmakową, Oleszkowi Rubasznemu za złot 2, j gr. 20 polskich wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie żony j potomkow swych j przyiaciel, wolno onemu Oleszkowi używac, przedac, darowac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do xiąg zapisano, co est zapisano dla pamięci wiecznie.

43.

Иванъ Семененко продалъ свою ниву Стефану Напраснику.

Anno domini 1639, junij 15 dnia.

Przede mną Olieksiiem Hołubniczym nakaznym woytem, a przy mnie burmistrami zupołną ławą zasiadłymi w ratuszu, stanąwszy oczewisto Jwan Semenenko przyznał dobrowolnie, iż przedał niw dwie pod Głębokym, nikomu nie zawiedzione y nie winne Stepanowi Naprasnikowi za złt. 215 wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony j potomkow j powinnych swoich; wolno Stefanowi używac, darowac, przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano dla pamiency.

44.

Демянъ Копыленко продалъ свою ниву Ваську Горбаню.

Anno domini 1639, junij 26.

Przede mną Olieksą nakaznym woytem a przy mnie burmistrami Naumem y Niczyporem Bukatą j zupełną ławą, stanowszy oszewisto Demiian Kopyłenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoią własną leżącą za Worobiewką, między futorami Jarmolinym, podle niwy Hawryłkowy, Waskomi Horbanowi za złt 11, wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego, żony, potomkow j przyiacioł swych, wolno Waskowi Horbanowi przedac, iako swoie własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano — co iest zapisano.

45.

Сергій продалъ свою ниву Иліи Прасолу.

Anno domini 1639, lipca 12 dnia.

Przede mną Olieksiiem nakaznym woytem Baryszpolskim y burmistrami zasiadłymi zupełną ławą, stanąwszy oczewisto Serhy ze-

znał dobrowolnie, (iż przedał) niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, za Niesterowką, pod futorem Nesynowym Illiy Prasołowi za żłt 5. oddalaiąc od siebie samego, potomkow swoich, żony y przyiacioł, ktoby się miał odezwać, żadney potrzeby do niego miec nie będą wiecznemi czasy, wolno mu używac, przedac, darowac, iako swoie własną. O co prosili obie stronie, aby to było onego zeznanie do ksiąg mieyskych zāpisano, co iest zapisano dla pamięci y co iest przyięto.

46.

Ворончыха продала свою ниву Костюченку.

Anno domini 1639, wrzesnia 20.

Przede mną Jacutą Tereszkowiczem wojtem a przy mnie burmistrem Nawumem j Olieksiiem Hołubniczym w ratuszu, stanowszy ocze(wi)sto Iwanowa Woronczycha przyznała dobrowolnie ku zapisowaniu do x(iąg) mieyskich: iż, panie woycie, przedałam niwe swoie własną, nikomu nie zawiedzioną, podle panske(go) łanu od stawku Zołcowa, Semenowi Kosciuszenkowi za złt. 15 wiecznemi czasy, do ktory niwy nikt nie może mic potrzeby żadny s powinnych moich, bliskich j dalekich. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano—co iest zapisano.

47.

Раздѣлъ имуществъ между Луцкомъ Старымъ и его невѣсткой.

Anno domini 1639, 8 bris 30 dnia.

Przed nami urzędem mieyskim w ratuszu, przedemną Jakowem woytem j burmistrami, stanowszy oczewisto obie stronie, to iest Łucko Stary z swoią niewistką, bywszēgo syna swego Wasilia po smierci pozostałych potomkow jz żoną, uczynili miedzy sobą ugode, aby napotym mieli żaden z nich prawnego pociągu tak przy blizkich jako y dalekych w tym rozdzielie, naprzod Łuckowi wołow

dwa, owiec 7, swinij dwoie, zbożia krobka 6 wszystkiego, zasiwek kopa 6. dwor w miescie, polia dni 9 na trzy ręce, to mu wolno darowac, przedac j w swoy pożytek obrocic. a ogrodu połowica do używania, a przedac nikomu jnszemu tego ogroda tylko dzieciom niebożczyka syna Wasylia. O co prosili urzędu obie stronie, aby ta ich ugoda była do x(iąg) mieyskjch zapisana, co iest zapisano. A napotym aby żadnych turbacyi miedzy sobą nie mieli, pod winą urzędową kop 10 wiecznemi czasy.

48.

Раздѣлъ имущества между зятьями Коленка и его пасынкомъ.

Anno Dei 1640, anuarij 19.

Stanąwszy oczewisto na urzędzie mieyskjm Baryszpolskjm przedemną Hawryłem nakaznym woytem j burmistrami zupełną ławą, Bohdan zięc Kolinkow j Kuzma drugi zięc tegoż, Iwan pasynek niebożczyka Kolinka zeznali dobrowolnie, iż sie stała między nimi ugoda po smierci jégo, co komu przychodziło, tedy żona niebożczyka Kolinka is synem swoim Iwanem pooddawali, co na nich przychodziło Bohdanowi owiec czworo, Kuzmie pięcioro, niwa Kuzmie na połrozrobek, co iuż Bohdan y Kuzma zięcowie y żony ich, tak j dzieci j powinni krewni żadny potrzeby nie będą miec mogli j do prawa żadnego pozywac wiecznemi czasy do żony Kolinka niebożczyka j do syna iey Iwana, pod zaręką kop trzech, ktory by z nich miał onych turbowac. O co prosili obie stronie, aby ich ta ugoda była dobrowolnie do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano.

49.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы Евфиміей и пасынкомъ ея Герасимомъ.

Anno d(ei) 1640, marta 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j mieyskym a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na tenczas Ba-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина" выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина"**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія.[1]

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой нравоописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ немъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнію. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполнѣ самостоятельное.

Не беремся судить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси[2]. Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-орацій, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимою формой виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христово, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму[3]. Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

[2]) Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставищахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ". Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

[3]) Таковы, напримѣръ, рождественскія вирши Памвы Берынды и Кирилла Транквилліона: первыя произносились семью отроками, вторыя—пятью.

нія [1]). Такое же названіе носитъ одна изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ [2]). Есть, наконецъ, діалоги чисто бытоваго содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей", въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ наканунѣ Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопаденіи прародителей, ожидая, что имѣющій родиться Спаситель міра „дѣдькамъ дастъ доброго чоса" [3]). Къ тому же разряду діалоговъ относятся „Воскресенскіе стихы", изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла быть она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна [4]). Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причемъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устныя произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія [5]).

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный", помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Кіевской Старины за 1892 г.

[2]) Кіевская Старина, 1891 г., Апрѣль.

[3]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи, I. III, 8. 10.

[4]) Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Н. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", Кіевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. П. Галагану, имъ самимъ составленный, помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г., Октябрь.

[5]) Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. П. Галагана: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говоритъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ

Мы не будемъ останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой нравоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко.

Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожецъ. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соотвѣтствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Климъ и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына,—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитяться“ [1]). Въ первой интермедіи Георгія Кониссскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаніемъ уродившей нивы, сомнѣваясь, чтобы *мудрогели*

сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

[1]) Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по сокиринскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Маркевича намъ кажется позднѣйшимъ.

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ житье-бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самóго зъ детми годоваты» [1]).

Если бѣдный Климъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ паче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говоритъ онъ, «и роковщину, щіо школу зъучае,
Треба жъ и тимъ, що миркають щіо-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климъ, по собственной-ли винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ въ сферу соціальныхъ отношеній, оттого черты его недостаточно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по собственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мняса справлю жинци кожухъ".

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами крестьяне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жовридъ и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и тяжесть великаго поста. Въ ироническомъ тонѣ хвалятъ они своихъ женъ за то, что онѣ мастерски приготовляютъ квашу и соломаху. „Якъ наимось, говоритъ Жовридъ, соломахи въ смакъ съ березовымъ сокомъ, то хто черевомъ повзе, а иншій и бокомъ". Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

«Загадуе по тижнямъ до церкви ходиты,
Та ще рано и вечиръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табаки понюхать, того не дай Боже,
Та вже то винъ выдумае, чого и негоже».

---

[1]) Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ рукописи церковно-археологич. музея при кіевской Академіи по описанію этихъ рукописей №№ 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны въ „Древней и Новой Россіи", 1878 г., Ноябрь.

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великдень". Только что подумали они „про те Риздво, що роблять паску", какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца въѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великдень". По наружному виду это былъ

«челядинъ ѕречный,
Волы въ іого не похужѣ; та и визъ валечный,
На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка выгилярка,
У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
Въ поливяныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
Червоная застѣжка и чоботы нови,
Въ рукахъ іого червоная короговка мае,
Ковбасою винъ стихенька волы поганяе».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридъ и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ". Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынять изъ печи пасху. Говоритъ она, что

«Вже и кочергою, и заступомъ довбала,
Та ничого не вражу, дужа до череня пристала.
Охъ, тамъ же то була—вдалася,
Що якъ сажала въ пичь, то на сажинь тяглася».

Оказалось, что пасха никуда не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу". Такая же неудача постигла Педорю въ приготовленіи и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яицъ. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «пидъ
царскій вѣнецъ не пидійшла, шевлюго проклята,
Се жъ ты наробила, що не знатымемо свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣетъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ малорусской деревнѣ. Тѣ же святочныя сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропотъ мужей на торопливое „поранье" женъ передъ святками,

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *пиворѣзной* фантазіи, создавшей образъ „Великодня", ѣдущаго на возѣ „рыжыми волами", которые едва „тягнуть ногы за ногамы" [1]).

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является совсѣмъ недалекимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ разсказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и разсказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жъ, братци", восклицаетъ онъ: „цыганка якая из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!" [2]).

Какъ бы для того, чтобы рѣзче оттѣнить медленность и неповоротливость крестьянина, поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожбою. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,
«Тильки въ мене плужка,
За поясомъ пужка».
—«Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмию прясты», отвѣчаетъ она:
Изъ-за гаю выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасты».

---

[1]) Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторики. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Скаржинской. № хрон. кат. 2346.

[2]) Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ея слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбѣжное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго разсказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Сцо така втѣсная та була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорыла.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбиты,
Медъ, горѣлку и пиво умѣетъ було пити».

Боится онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае“. Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Бачу, говоритъ онъ, що и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдныхъ циганъ злодѣйствомъ порочатъ».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

дущее. Міровоззрѣніе это выражено въ немногихъ словахъ вертепной драмы:

«Явреевъ, говоритъ онъ, самъ Богъ засцисцавъ,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
Сце друге цудо винъ луцсе взробифъ,
Якъ у Цорному морю все війско затопифъ.
Мойсей, Аронъ, Давидъ—вони жъ пакъ наси святии,
Озидали-зъ Месиаса и тии,
Винъ пакъ якъ прыйде,
Кругомъ насъ обийде
И сказе такъ:
«Цесни явреи! Я царь васъ,
Теперъ и свитъ весь насъ!»

Чтобы осуществить эту мечту, еврей по неодолимому влеченію природы весь погруженъ въ мелочи жизни, которыя ведутъ къ наживѣ. Во второй воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго дьяволъ даетъ ему, какъ своему подданному, заповѣдь такого рода:

«Яждь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе».

Еврей размышляетъ, что дьяволъ хочетъ обмануть его, „що бъ з свѣта зогнати".

«А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ орандовати,
Горѣлку, медъ и пиво буду продавати,
Або по ярмаркахъ произдзатись буду
З одного да на другій с тимъ, цого не збуду».

Онъ рѣшаетъ пожертвовать одной только свининой. Въ это время является цыганъ:

«А ти, старе заткало, сцо тутъ поробляешъ»,

спрашиваетъ онъ,

«Чи витришки продаешъ, чи кѣнми мѣняешъ?»
—«Я бо не того роду, отвѣчаетъ еврей, сцобъ
кѣнми мѣняти,

Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати».
— «А сала албо ковбасъ продавать не случалось?
Коли бъ вони теперъ, то бъ то смаковалось».
— «Не кази скоромного, я й слухать не хоцу»...
— «А ти теперъ не иси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй постъ николи не зійде?»
—«Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,
не исти свинины,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,
Тамъ вѣнъ тепер исть въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жъ такъ, говоритъ онъ, вже й іого дѣдько
к собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ въ небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ»...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унизительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,
служащого хлиба:
Служащий хлибъ добрий, та тилько вымовний;
По кусочку крае, що дня вымовляе» [1]).

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаніемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сиди жъ бо, коли сѣдишъ», отвѣчаетъ ему наймитъ,
Якъ покину, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»
— «Якъ покинесъ, говоритъ еврей, то не дамъ твоеи
заплати».
— «Я из горла видеру, спокойно замѣчаетъ наймитъ,
якъ року добуду».

[1]) Чубинс., V, 1020.

Сцена оканчивается миролюбиво: наймитъ пасетъ воловъ и варитъ подорожную кашу, а еврей разбиваетъ шатеръ и торгуетъ водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ мѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣдного сина“.

«Якъ би взявъ щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно памятало, якъ то догледати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецький сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе якое“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить шличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніосъ ис товаромъ“... Не сходится онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристаетъ.

«Пѣди ти, говоритъ мужикъ, пепелюго, не видали шкапи»...
«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня здесь ругаешъ,
Какъ пападу за хахолъ, дакъ ти меня взнаешъ!»
«Ось я жъ тебе напередъ, спокойно замѣчаетъ мужикъ, хлудиною гречѣ,
Якъ писаночку, спишу помаленку плечѣ».
—«Какъ, Чупрунъ, мне тронешь», продолжаетъ горячиться ярыга, глаза растаскаю
И валоса з галови всіе повириваю!»
«На, колы хочъ, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за шапчину,
А придатку до копи колякою в спину».

Но если въ столкновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ малорусскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергіею,

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—нѣкоторымъ образомъ политическая,—нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлоповъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды". Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,

говоритъ онъ,

«Що ляхи-шилихвости людіи продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего лиха,
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха».
— «Не буйся, чоловѣче», отвѣчаетъ козакъ, «буде
самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягаты,
То вже не одважится людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и обѣщаетъ впредь не грѣшить.

«Годѣ калантирить», отвѣчаетъ ему козакъ, «зволь
шію в ярмо класти,
Да поидем до мене з жидомъ овець пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

«Бувъ у турка под руками,
А в татаровъ з кайданами,
Богъ виручивъ мя оттуду,
А тепер мѣсця не найду.
Лѣсы, поля спустошенни,
Луги, сѣна покошени,
Пороспускавъ дѣты,
Пойду знову на Сѣчъ-мати,
Пойду долѣ внизъ шукаты:
А чеи буду потугою,
А в москаля заслугою?
Чи не буде хочъ на низу добра,
Чи не трапится де поймати лиса або бобра?
Буду турковъ воевати,
Мечемъ слави добувати,
Кармазини з луданамы,
Шати брати з сутанамы.
Эгей! Коли б внять, як була козацкая слава,
Що б роспустилась всюди, якъ пѣрами пава,
И що б зацвѣла знову, як рожа, у лѣтѣ,
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣти,
Або ляховъ на той час трапится поймати
И сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козакъ живетъ добычей, ибо на родинѣ его все разорено. „Сѣчь-мати“ не потеряла для него притягательной силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ истребленіи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть враговъ, поэтому козакъ охотно принимаетъ услуги отъ москаля и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта козака явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдіи. Ляхъ на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины), подданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные зàмки и, по обыкновенію, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей. Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говоритъ ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двоихъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшенки Украину въ областяхъ держали,
Добро, вотъ покажемъ рубежи кнутомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бъ другій памятавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса. Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею смиряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ. Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдатъ прастой, не богословъ»,

говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю» [1]).

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, нѣтъ-ли гдѣ раздоровъ. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго онъ вмѣшивается съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ, толкуетъ отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя смыслѣ и затѣмъ двухъ кзендзовъ запрягаетъ, а третьяго заставляетъ погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Полтаву. Всюду онъ поспѣваетъ, вездѣ является, какъ власть имущій. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужики отдаютъ ему на расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ судья, и наказываетъ ее кнутомъ, добиваясь за это вознаграж-

---

[1]) Варіантъ Маркевича.—См. „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, 1860 г., стр. 45.

денія. Не получивъ таковаго, онъ всѣхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самаго войта, присутствовавшаго при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лице, воплощающее въ себѣ всепобѣждающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самодѣятельности.

Появляется запорожецъ въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде кращче,
Якъ у насъ, та на Украини,
Що не мае жыда,
Що немае ляха,
Не буде измины!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожецъ произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Пославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожецъ говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывысь на мене, та ба—не вгадаешъ,
Видкиль родомъ, и якъ зовуть—ни чичиркъ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *призвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *призвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни назвалъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроеніе это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

«Сами не купчуйте,
Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли пильнуйте!»[1])

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говоритъ онъ, богатъ
То казалы: Иванъ братъ,
А теперъ, якъ ничого не маю,
То нихто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридъ"...

Вотъ изъ этихъ-то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожецъ:

«Видкиль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знать прымиты:
Жинокъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкии кони намъ сусиды,
Да днипрове сремя—
Ото наше племя!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говоритъ онъ въ духѣ нравоучительныхъ виршей:

«Тамъ-то бачу, що вже не добра литъ нашихъ годына,
Скоро цвите и вьяне, якъ у поли былына».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ покориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

«Хоча жъ мени и не страшно, говоритъ онъ,
на степу вмираты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны, какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожецъ рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы“ его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавѣ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мини и не разъ»,
говоритъ онъ словами думы,

«Въ степу варыть пыво:
Пывъ турчынъ, пывъ татарынъ, пывъ и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперъ зъ похмилля
Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—моя сваха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще тряхнуть стариною:

«Гей, ну-те жъ ви, степы, восклицаетъ онъ, горить пожарамы,
Бо вже часъ кожухы минять на жупаны зъ ляхамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немощахъ безсильной старости.

«Пекъ имъ», говоритъ онъ, якъ наможуться, то мусышъ
уступыты...
Цуръ имъ! Бодай ихъ! Якъ навыклы ляхы насъ дурыты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожецъ называетъ себя по имени:

«Козакъ Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польщи ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ степахъ бобры та лысыци,
А въ шынку дивкы та молодыци.

Козакъ – душа правдывая,
Сорочкы не мае,
Колы не пъе, такъ... бъе,
Такы не гуляе»...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакѣ-голотѣ, о козакѣ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣріемъ относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ вліяніемъ того убѣжденія, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитія они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностію каждаго человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованій, не согласовавшаяся съ политическою обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованіямъ характеръ утопіи, а носителямъ этой утопіи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленія о волѣ, возможной по условіямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностію ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованіе, ни такта, ни последовательности. Нельзя отказать имъ въ энергіи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженныя родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишеніями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всесокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налѣво—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бушующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполнѣ вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло запорожецъ. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулась мысль о покаяніи:

«Де бъ то»,

говоритъ онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать попа хоть ледащычку,
Абы не пъянычку,
Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попъ исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходывъ я зъ малку по билому свиту,
Бывъ ляхивъ, жыдивъ,
Купцивъ, панивъ,
И всихъ, кого заманеться.
Правду сказать, униятськыхъ попивъ не бывъ,
А зъ ныхъ жывыхъ кожу лупывъ».

Послѣ этихъ словъ попъ убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣетъ онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынаты,
Бо вже пиду теперъ въ куринь вику дожываты».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожецъ высказываетъ свое credo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

«Гей, бандуро моя золотая!
Коли бъ до тебе жинка молодая,
Скакала бъ и плясала бъ до лыха,
Що не одынъ бы чумакъ одцурався бъ солы и миха.
Або якъ заграю, то не одынъ поскаче,
А пидождавшы одъ того весилля та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, сообщаетъ его образу глубоко поэтическій оттѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подъ звуки бандуры, которую называлъ „дружыною вирною", а передъ смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутные и жалобные звуки[1])...

П. Житецкій.

[1]) Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 445. Вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ (Кіевс. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи козака съ бандурою по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его вполнѣ народной.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1])

Вторая часть „*Объясненій малор. пѣсенъ*“—громадный томъ въ 800 страницъ—посвященъ колядкамъ и щедровкамъ, а въ связи съ ними и по поводу ихъ сдѣлано много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, царинныхъ, лазарскихъ, купальскихъ, зажиночныхъ, малорусскихъ думъ, великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ. В. И. Ламанскій въ некрологѣ Потебни (въ 1 кн. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.) говоритъ: „Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою“.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Изслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Изслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главныя измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главные успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки миѳологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена миѳологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ—почитанія и прославленія хлѣба. Во II кн. Кіевской Старины 1886 г. я представилъ уже историческій очеркъ изученія малорусскихъ колядокъ (труды Антоновича и Драгоманова, Н. П., Аѳанасьева, О. Миллера, Александра Веселовскаго), и потому здѣсь не буду останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ явленіи литературы этого предмета, „Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ“ А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Прежде (до Потебни) колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или, наконецъ, указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія „виноградья“, или колядки съ припѣвомъ „виноградье красно-зеленое“. Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4). Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рож-

дества Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ „багатои кутьи“, т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены—самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралецъ, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи, слово полазъ, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскритскимъ *усра, ушас* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: „ой рано, рано сонце сходило“, или съ однихъ словъ: „ой рано“, „ой раненько“.

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или „поколядяхъ“. Цѣль эта—„димъ звеселити“. „Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня, къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой"... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе". Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любыи, угодные".

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ „свѣтъ, зелень, веселье, слава" въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе, съ одной стороны, и его пониманіе—съ другой, о припѣвѣ „ой лелю" и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешъ", „встань гори" и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ бол-

гарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“, съ разъясненіемъ его происходенія изъ „въ(з)стани нынѣ“. При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ „ластивка“, „зозуля“, „соловей“.

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака; ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ „Три радости: Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“, насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича „Будрысъ и его три сына“ въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: „съ трехъ дорогъ три корысти“, причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, съ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“, въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“, съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ „Слову о Полку Игоревѣ“.

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: „Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“ и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле".

Въ XII главѣ мотивъ: „Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ". Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Доли и указано на значеніе словъ „молить" въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и „молитва", въ смыслѣ каши, кутьи, жертвеннаго блюда. „Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими уродобра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями",—говоритъ Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ „дѣдомъ" и съ хлѣбомъ „крачуномъ". Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова „рай". Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности рая, причемъ слово „рай" въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета „рай" объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, „зъ раю", и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца „гильца или вильца" райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное аттрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: „Обходъ съ козою", въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть „козло" или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ“, въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: „три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами“, съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апоѳеоза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми—Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: „чудесное дерево; съ него три корысти“, съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить во время колядованія „счастье“—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. „Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ установляется идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки“. При разсмотрѣніи колянаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: „птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ“. Указывая на основное религіозно-миѳическое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, Потебня выдѣляетъ возможные апокриѳическіе элементы, заимствованные изъ „Бесѣды Іерусалимской“ и изъ „Сказанія о крестномъ деревѣ“.

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ“.

Въ XVII главѣ—мотивъ: „три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть“. Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, „здравіе и веселіе“.

Въ XVIII главѣ—мотивъ: „соколъ, хортъ и конь“; соколъ несетъ рыбу, хортъ куницу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: „соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ“. Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Останавливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: „на Черномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море“, гдѣ начинается буря, затѣмъ, „въ видѣ отступленія“, останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты „за чернымъ туромъ“ въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня

усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что „газдыня“ посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти „дивнаго звиря тура--оленя“, относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ, большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ: „Куня въ дереви, дивка въ терем“. По поводу этого колядочнаго мотива приведены свадебныя пѣсни и приказки съ куницей, въ особенности обычныя при сватовствѣ. Мимоходомъ дано объясненіе пѣсеннымъ „Болоховцамъ—ловцамъ“ (переходъ отъ собственнаго къ нарицательному). Потебня опредѣляетъ по пѣсеннымъ выраженіямъ, какъ изъ образовъ охоты, ловли взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (въ преслѣдованіи звѣря). При этомъ рядъ примѣровъ значеній словъ хитрый, сочити—suchen—искать по слѣду. Замѣтки объ охотничьихъ первоначально выраженіяхъ „по горячимъ слѣдамъ“, „и слѣдъ простылъ“. Цѣнныя историко-юридическія замѣтки о „сокъ, отсочить“ въ Русской правдѣ, Судебникѣ Казимира Ягеловича и др. памятникахъ. Опредѣленіе въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ мотивовъ: охота—сватанье, звѣрь—сватъ. Разборъ частнаго пѣсеннаго мотива: куницу привозятъ тестю. По мнѣнію Потебни свадебная куница ведетъ начало не отъ куна, мн. куны въ смыслѣ размѣнной цѣнности, а отъ спеціальнаго значенія куница, шкурка mustelae, какъ плата тестю и всему роду.

Въ главѣ XXII находятся аналогичные съ XIX и XX мотивы, болѣе свадебные, чѣмъ колядочные, о змѣѣ сватѣ, причемъ подробно разсмотрѣнъ былинный эпизодъ о купаньѣ Добрыни Никитича. Сюда же отнесенъ пѣсенный образъ о „переплытіи рѣки (Дуная, моря)“ и сродные съ нимъ „перескочить“, „перейти“, „бресть“, „плыть“, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Эта богатая фактами глава составляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ предыдущихъ трудахъ Потебни.

Въ XXIII гл. разсмотрѣнъ встрѣчающійся въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мотивъ, какъ юнакъ поймалъ вилу, мотивъ величальный и свадебный.

Въ XXIV гл. величальный мотивъ о семистахъ молодцахъ, помогающихъ добыть невѣсту. Услуга ихъ сходна съ услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (въ XXII гл.). Краткія замѣтки о пѣсенныхъ „Блудцахъ“ (напоминаютъ Бродниковъ) и о связи орла и оранія въ пѣсняхъ (созвучіе).

Въ XXV гл. указано нѣсколько пѣсенъ на мотивъ: „молодецъ ѣдетъ въ горы или за горы по дѣвицу“, и

Въ XXVI гл. указаніе въ одной пѣснѣ добавочнаго мотива о посольствѣ впередъ пословъ къ матери, что-бы она приготовила пива и меду.

Въ XXVII гл. разобраны колядки и свадебныя пѣсни на тотъ мотивъ, что сама невѣста ѣдетъ къ жениху запросто, или тучей и дождемъ, или зорею, росою.

Въ XXVIII гл. мотивъ: „дѣвица въ деревѣ“; въ сербской пѣснѣ дѣвица вышла изъ-подъ коры сосны и засіяла, какъ солнце. Замѣтка о вилахъ—древесныхъ нимфахъ и о названіи самовила (вила—δρυάς, самовила—ἁμα-δρυάς).

Въ XXIX гл. разсмотрѣны пѣсни на мотивъ: дѣвица не ровня молодцу; у нея знатная (небесная) родня; пѣсни о молодцѣ съ знатной родней; миѳологическія основанія этихъ пѣсенъ—солнце мать, мѣсяцъ отецъ, звѣзды—сестрицы.

Въ главахъ XXX—XLVII сгруппированы пѣсни на мотивы: дѣвица въ плѣну; дѣвица кони пасла и погубила (=вышла замужъ); дѣвица „якъ зоря“; дѣвица мостить мостъ милому; перевозъ черезъ рѣку (молодецъ перевозитъ дѣвицу; дѣвица перевозитъ); золотая ряса (украшеніе) или роса; садъ—виноградъ, яблоки и пр. (дѣвица собираетъ съ милымъ), дѣвица стережетъ огонь; „троякій напій“; „дивча шинкарка“; три свата; дѣвица танецъ (срав. т. I Объясненій 190 и сл.); дѣвица въ лѣсу заблудилась; дѣвица ведетъ танецъ; дѣвица сгубила перстень; павяный вѣнокъ; вѣтеръ уноситъ вѣнокъ; три рыболова, молодецъ, доставая вѣнокъ, тонетъ. Изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ эти главы, значительный интересъ представля-

ютъ замѣтки о терновомъ огнѣ (стр. 434—437), о значеніяхъ рясы, росы, золотой коры (465—468), о значеніи слова грабоваты (497) и о мифическомъ значеніи пѣсенъ о сожженіи дѣвицы (506—523).

Въ XLVIII гл. разобраны пѣсни—загадки (что растетъ безъ кореня? горитъ безъ пламени? цвѣтетъ безъ синецвѣта? и т. п. съ отвѣтами: камень, золото, папоротникъ и др.). Потебня останавливается на характерныхъ свойствахъ пѣсенъ—загадокъ. Къ этой главѣ примыкаетъ небольшая XLIX глава о мотивѣ „Диво дивное" и болѣе обширная L—о неисполнимыхъ задачахъ (соткать полотно безъ берда, выорать поле безъ плуга, вымыть безъ воды, мыла и валька, построить мостъ изъ одной вѣтки, сосчитать звѣзды и др.). Въ концѣ L главы находится интересный этюдъ о повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Веселовскаго, съ указаніемъ на одну весьма сходную индійскую сказку.

Въ главахъ LI—LXXI сгруппированы и разсмотрѣны пѣсни на мотивы: золотыя ворота; дворъ на столбахъ; мѣсяцъ, солнце и звѣзды въ терему (и построеніе церкви); молодецъ въ човнѣ; рада (муживъ громада) рѣшаетъ плыть на службу къ доброму пану; молодецъ добываетъ городъ, причемъ горожане откупаются золотомъ, серебромъ, конемъ, дѣвицей (замѣтки о словахъ хоробръ, поляница); молодецъ за выслугу получаетъ скотъ или саблю, коня, дѣвицу; молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу; молодецъ играетъ и поетъ (въ былинахъ и свад. пѣсняхъ); дѣвица вышиваетъ три ширинки; молодецъ хвалится конемъ, стрѣлою, лукомъ; похвала коню; молодецъ съ конемъ говоритъ; конь чуетъ бѣду; мать (или тесть) узнаютъ N по коню, по платью (величальный мотивъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ былинѣ про Ивана Гостинаго сына); вдова отправляетъ сына на войну; вдовина дочь отправляется на войну, поединокъ съ турскимъ царемъ (замѣчаніе о пѣсенномъ „стеречи бродовъ"); отраженіе набѣга и отбитый полонъ; умная жена, вдова (прославленіе); N суды судитъ; переборъ (N перебираетъ конями, дѣвицами—величальная пѣсня). При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ Потебня ограничивается группировкой пѣсенныхъ данныхъ.

LXXII—LXXIV главы посвящены тремъ мотивамъ: девять сыновъ разбойниковъ убиваютъ зятя и входятъ въ кровосмѣшеніе съ сестрой; мать проклинаетъ сына; смерть молодца и горе матери, сестры, милой. Эти мотивы составляютъ исключеніе по печальному своему содержанію. Колядка изображаетъ обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Въ этихъ исключительныхъ мотивахъ пѣсня дѣлаетъ, что можетъ, для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

Послѣднія LXXV—LXXXVIII главы посвящены христіанско-апокрифическимъ мотивамъ колядокъ: начало свѣта; „чому не такъ е, якъ було здавна?"; Рождество и преслѣдованіе Христа жидами; Богородица съ Младенцомъ спасается отъ жидовъ при помощи чуда (быстро созрѣвшей пшеницы); рожденіе и наименованіе Христа; вдова ищетъ сына: Пречистая ищетъ Сына; N ищетъ дороги въ рай; обрѣтеніе честнáго креста; три гроба; воскресеніе; ожившій пѣтухъ; установленіе постовъ; мученіе Христа; грѣхъ ивы, осины; изъ крови—вино, изъ тѣла—церковь; рѣка изъ крови, росы, слезы; купанье Христа; Его споръ съ Петромъ; Пречистая (или Богъ) отмыкаетъ пекло и выпускаетъ грѣшныя души, кромѣ одной; св. Петръ и его мать въ пеклѣ; разлука души съ тѣломъ; грѣшная душа. Всѣ эти мотивы разсмотрѣны кратко.

Изслѣдованіе Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ затрогиваетъ массу народно-поэтическихъ мотивовъ. Какъ ни обширно это сочиненіе, нѣкоторые его отдѣлы, нѣкоторыя частныя замѣчанія Потебни могутъ быть снабжены дополненіями, особенно съ привлеченіемъ къ дѣлу сказокъ, апокриѳовъ и легендъ. Въ настоящее время можно уже указать на многія мелкія статьи и обширныя изслѣдованія, вышедшія послѣ 1887 г. и восполняющія отчасти капитальный трудъ Потебни. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо упущеніяхъ со стороны Потебни. Собрать и сгруппировать такую массу пѣсенъ, какую представилъ Потебня—это такой грандіозный трудъ, который могъ явиться только результатомъ многолѣтней добросовѣстной научной дѣятельности при громадной эрудиціи, при необыкновенной, почти феноменальной памяти. Не въ упущеніяхъ дѣло, а

въ ростѣ науки. Фольклоръ, весьма быстро развивающійся, вноситъ почти ежедневно такую массу новыхъ матеріаловъ, что было бы странно, если бы теперь, 5 лѣтъ спустя по выходѣ „Объясненій", нечего было сказать въ дополненіе къ нимъ. Ограничиваемся здѣсь нѣсколькими указаніями: Въ I т. „Объясненій" на стр. 23 въ примѣч. Потебня упоминаетъ о радостномъ восклицаніи въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ ligo. По поводу этой случайной замѣтки Потебни г. *Вольтеръ* въ VII т. „Archiv fur slav. Philologie" помѣстилъ интересную статью „Was ist ligo?" Замѣчанія Потебни объ Усенѣ (II, стр. 35—45) могутъ быть еще болѣе подкрѣплены „Матеріалами для этнографіи латышскаго племени" г. *Вольтера*, вышедшими въ 1890 г. Статьи о пѣсняхъ съ загадками и неразрѣшимыми задачами (II гл. XLVIII и L) могутъ быть расширены многими сказочными мотивами въ сборникахъ *Манжуры* (стр. 40—41), *Караджича* (148), *Zbiór wiadomości* XII 50, *Cosquin* № 32 и др. Въ особенности много дополненій можно сдѣлать къ послѣднимъ 14 главамъ (LXXV—LXXXVIII), посвященнымъ христіанскимъ мотивамъ колядокъ. Такъ, укажемъ здѣсь на прекрасное изслѣдованіе г. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ" (1891 г.), обширную статью г. *Драгоманова* „Славянскитѣ сказания за пожертвувание собственно дѣте" (въ Сборникѣ за народни умотворенія I—II), громадное изслѣдованіе американскаго ученаго *Child*'а „The english and scotish popular ballads" въ 7 томахъ (1882—1890 г.); въ I т. подъ § 22 собраны западно-европейскіе варіанты сказанія объ ожившемъ пѣтухѣ [1]). Вышли эти сочиненія, по изданіи колядокъ, вышли тогда, когда Потебня лежалъ на смертномъ одрѣ, и сколько бы ни вышло въ ближайшіе годы сочиненій на темы, затронутыя Потебнею въ „Объясненіяхъ", этотъ трудъ долго еще будетъ выситься въ видѣ грандіознаго созданія русской науки, образцоваго въ смыслѣ научной добросовѣстности, трудолюбія и эрудиціи.

Оставляя въ сторонѣ прекрасную статью Потебни о значеніяхъ множественнаго числа (въ Филолог. Запискахъ и от-

[1]) Легенда объ ожившемъ пѣтухѣ, зап. въ Олонец. губ., нап. въ IV т. Этногр. Обозр. 1891 г. стр. 197.—Прим. Н. С.

дѣльно) и небольшое предисловіе къ стариннымъ малорусскимъ лѣчебникамъ въ Кіев. Старинѣ, какъ статьи, неимѣющія прямого отношенія къ этнографіи, остановлюсь еще на послѣднемъ небольшомъ этнографическомъ трудѣ Потебни —„*Этимологическихъ замѣткахъ*“ въ III вып. Живой Старины 1891 г. (стр. 117—128). Въ статьѣ говорится о словахъ: багачъ, багатьтя; Бѣлая Русь; буртальникъ, волотъ, подоприсвѣтъ, ягуны, ярчукъ, и о сказочныхъ мотивахъ и повѣрьяхъ о кобыльей головѣ, бычкѣ-дристункѣ, и русалкахъ и петрушкѣ. Къ малорусской этнографіи относятся замѣтки:

Багатьтя—горячіе уголья; въ малор. въ значеніи богатства это слово („кажется“) утратилось, но сохранилось въ бѣлорусскомъ; сближеніе жара (горячихъ угольевъ) съ золотомъ. Выписки изъ малор. актовъ о названіи огня богачомъ. Параллель изъ Ригъ-Веды.

Бѣлая Русь—объясненія слова бѣлая въ значеніи вольная.

Бычекъ-дристунокъ малор. сказокъ; указаніе на такого же бычка въ Естест. Исторіи Плинія.

Волотъ, велетень производится изъ волотръ и сопоставляется съ санск. Вритра.

Кобылья голова, какъ остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи.

Русалки не любятъ петрушки; указано сходное повѣрье у Плинія.

Ягуны отъ яго (какъ чакавцы, штокавцы).

Ярчукъ—марчукъ, песъ, рожденный „въ Марцю“ (въ мартѣ), вѣроятно, въ какіе-либо задушные дни.

По поводу двухъ толкованій Потебни (Соловей на дубахъ и Бѣлая Русь) редакторъ Ж. Старины *В. И. Ламанскій* въ той же III кн. помѣстилъ двѣ обширныхъ статьи: 1) Прусскіе нѣмцы и суданскіе габери въ Кимре—„на дубахъ“ и 2) Бѣлая Русь. Въ послѣдней статьѣ, весьма богатой интересными фактами, находятся, между прочимъ, замѣчанія о названіи Малая Русь. Проф. *А. И. Смирновъ* въ III кн. Русскаго Филол. Вѣст. 1891 г. высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на замѣтку Потебни о волотѣ, считая ее маловѣроятной.

Этими трудами исчерпывается дѣятельность Потебни, какъ этнографа. Въ бумагахъ его, сколько мнѣ извѣстно, не осталось статей по этнографіи. Въ лекціяхъ ничего не могло сохраниться, по той причинѣ, что Потебня, кажется, никогда не читалъ лекцій этнографическаго содержанія, въ родѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ. Лекціи университетскія за мою память (съ 1870 г.) были посвящены спеціально русской грамматикѣ и чтенію древнихъ русскихъ литературныхъ памятниковъ (по Христоматіи Буслаева); въ послѣдніе годы Потебня читалъ еще лекціи по теоріи поэзіи, и этотъ курсъ былъ для студентовъ болѣе понятенъ и болѣе ихъ интересовалъ, чѣмъ спеціально филологическія лекціи. При объясненіи Слова о Полку Игоревѣ Потебня указывалъ на пѣсни народныя, но далеко не въ такой полнотѣ, какъ дѣлаетъ это онъ въ своемъ печатномъ трудѣ о Словѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, Потебня одно время читалъ еще лекціи у себя на дому небольшому кружку дамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи посвящены были исключительно нѣкоторымъ отдѣламъ теоріи поэзіи (о баснѣ, пословицѣ и пр.). Потебня очень рѣдко читалъ публичныя лекціи. За 20 лѣтъ моего знакомства съ Потебней я могу припомнить только пять такихъ лекцій. 18 ноября 1878 г. прочитана была лекція о Г. Ѳ. Квиткѣ, по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя. Лекція дала сбору 200 руб., которые пошли на изданіе сочиненій Квитки (въ счетъ 2812 р. 20 к. пожертвованій). Затѣмъ, были еще лекціи о Достоевскомъ (по его кончинѣ, какъ поминки) и о Гомерѣ (точнаго заглавія не припомню). Ни одна изъ этихъ лекцій не напечатана, и въ бумагахъ Потебни не сохранилось никакихъ записей. О лекціи П. о Квиткѣ была подробная корреспонденція въ кіевской газетѣ „Трудъ“.

Потебня неоднократно высказывалъ мнѣніе, что въ русской наукѣ и литературѣ много скрывается такихъ силъ, которыми, по разнымъ причинамъ, общество не воспользовалось, и самъ Потебня несомнѣнно былъ такой силой; многое онъ могъ бы сказать, многое освѣтить, многихъ просвѣтить, при другихъ условіяхъ нашей общественности. Правда, самъ По-

тебня былъ очень скроменъ, сдержанъ, избѣгалъ популярности; но никто и ничто въ нашей глухой провинціальной жизни и не вызывало его къ широкой общественной дѣятельности; напротивъ, обстоятельства такъ складывались, что кабинетное уединеніе и суровое аскетическое отношеніе къ окружающему міру были для Потебни единственно возможнымъ существованіемъ, и только въ чистой области науки могли раскрываться прекрасныя стороны его глубоко-человѣчной души, чувство справедливости, желаніе правды, исканіе истины и добра.

Одинъ изъ учениковъ Потебни г. Горнфельдъ такъ закончилъ свою прекрасную статью о лекціяхъ Потебни въ 335 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г. [1]): „Предо мною лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ, для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это „нездѣшнее“ спокойствіе—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи“. И оно отпало это слабое тѣло... Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя; но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Перепечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. № 2.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784-1851).

Евстафій Петровичъ Рудыковскій, старшій братъ Андрея Петровича, воспитывался въ кіевской академіи, а затѣмъ — въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Объ этой порѣ его жизни не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія находятся въ запискахъ его младшаго брата. Самый фактъ отправленія его въ медико-хирургическую академію извѣстенъ только изъ этихъ записокъ; ни въ книгѣ Аскоченскаго, ни въ собранныхъ имъ „Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и Академіи" нѣтъ никакихъ указаній на этотъ фактъ, хотя тамъ приведены фамиліи многихъ студентовъ, которые были посылаемы въ медико-хирургическую академію. Въ семьѣ Е. П. осталось воспоминаніе о хранившихся у него двухъ толстыхъ, переплетенныхъ въ кожу, рукописныхъ книгахъ: одна изъ нихъ составлена была во время пребыванія въ кіевской академіи и наполнена была проповѣдями и стихотвореніями, другая, составленная въ медико-хирургической академіи заключала въ себѣ лекціи по разнымъ медицинскимъ наукамъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось розыскать этихъ книгъ. Особый интересъ могла бы представить первая, тѣмъ болѣе, что годы ученія Е. П. совпадаютъ относительно свѣтлымъ періодомъ дореформеннаго существованія академіи — ректорствомъ Иринея Фальковскаго. Во всякомъ

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

случаѣ, можно сказать, что воспитаніе въ кіевской академіи наложило неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность Е. П.: здѣсь пріобрѣлъ онъ основательное знаніе древнихъ языковъ; здѣсь зародилась въ немъ склонность къ литературнымъ занятіямъ; академія же внушила ему глубокое религіозное чувство, не покидавшее его ни при какихъ обстоятельствахъ жизни.

По окончаніи медико-хирургической академіи [1]) Е. П. служилъ лекаремъ (впослѣдствіи штабъ-лекаремъ) въ Томскомъ пѣхотномъ полку. Онъ сопровождалъ свой полкъ во время походовъ 1812—15 г. и присутствовалъ при многихъ сраженіяхъ. Въ послужномъ спискѣ въ графѣ о походахъ противъ непріятелей сказано, что въ 1812 г. онъ „былъ при дѣйствительныхъ сраженіяхъ—августа 5 при г. Смоленскѣ; 24, 25 и 26 чиселъ того же мѣсяца въ достопамятномъ сраженіи при Бородинѣ [2]); октября 12 при бѣгствѣ непріятеля во время преслѣдованія онаго подъ г. Мало-Ярославцемъ; ноября 6 при атакѣ и разбитіи подъ г. Краснымъ непріятельскаго корпуса". Въ 1813—15 г. онъ побывалъ съ своимъ полкомъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, Силезіи, Саксоніи, Баваріи, Франціи, Пруссіи и возвратился въ Россію въ концѣ 1815 года. Въ это время завязались у него близкія отношенія съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—ген. Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ и др.

Въ 1818 г. Е. П. перешелъ на службу въ кіевскій военный госпиталь, но скоро былъ прикомандированъ къ штабу 4-го корпуса, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Въ 1820 г. онъ сопровождалъ командовавшаго корпусомъ генерала Н. Н. Раевскаго въ его путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ,—извѣстномъ путешествіи, въ которомъ принималъ участіе Пушкинъ. Е. П. описалъ эту встрѣчу съ Пушкинымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г. (№ 1). Небольшая статейка Е. П. [3])

---

[1]) Изъ послужного списка видно, что Е. П. поступилъ въ м.-х. академію въ 1806 г., а окончилъ курсъ въ 1810.

[2]) Въ 1840 г. ему былъ назначенъ за участіе въ бородинской битвѣ окладъ жалованія, который онъ тогда получалъ—500 р. асс.

[3]) „Встрѣча съ Пушкинымъ (изъ записокъ медика)".

цѣликомъ перепечатана П. В. Анненковымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“ (стр. 65—67) и съ небольшими сокращеніями въ статьѣ Липранди „Пушкинъ въ южной Россіи“ (Р. Архивъ 1866, стр. 1101—1104). Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи Е. П. также упоминается объ этой встрѣчѣ:

„О Нарзанъ, Нарзанъ чудесный!...
Съ Пушкинымъ тебя я пилъ,
До небесъ превозносилъ—
Онъ стихами, а я прозой.

Не знаемъ, къ какому времени относится знакомство съ Грибоѣдовымъ, но въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается слѣдующій намекъ на на него:

„Правъ Грибоѣдовъ, *мой пріятель*!
Слова его легли свинцомъ:
—Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!“ [1])

Отношенія съ Раевскимъ продолжались и въ Кіевѣ. Такъ, когда въ 1825 г. у Е. П. родились сыновья—близнецы Владиміръ и Иванъ, онъ, по совѣту Раевскаго, просилъ Императора Александра I быть ихъ воспреемникомъ. На просьбу эту послѣдовало Высочайшее соизволеніе; при совершеніи же крещенія воспреемниками были—Владиміра генералъ Н. Н. Раевскій и кн. М. Н. Волконская (дочь его, жена декабриста), а Ивана генералъ М. Ѳ. Орловъ (женатый на дочери Раевскаго) и генеральша Д. А. Красовская. У Раевскаго и по службѣ Е. П. встрѣчался со многими декабристами (кн. Трубецкой, Лореръ, Поджіо и др.), лѣчилъ ихъ и былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, принадлежа къ старшему поколѣнію, не былъ посвященъ въ ихъ планы.

Въ 1825 г. Е. П. оставилъ службу въ арміи и окончательно поселился въ Кіевѣ. Сначала онъ служилъ въ больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія (Кирилловская больница), а въ 1834 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, перешелъ въ военный госпиталь, гдѣ и служилъ до самой смерти, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ ординаторомъ.

Поселившись въ Кіевѣ, Е. П. пріобрѣлъ большую практику. Онъ былъ постояннымъ врачемъ у генералъ-губернато-

[1]) Знакомство съ Грибоѣдовымъ представляется довольно вѣроятнымъ вслѣдствіе близкихъ отношеній Е. П. съ ген. Красовскимъ, о чемъ см. ниже.

ровъ Желтухина и Княжнина, губернаторовъ Ковалева и Катеринича, интенданта Лашкарева. Но особенно близокъ онъ былъ съ начальникомъ 4-й дивизіи генераломъ А. И. Красовскимъ, съ которымъ его связывали не одни оффиціальныя отношенія, но и литературныя симпатіи. Красовскій, какъ извѣстно, былъ человѣкъ образованный и расположенный къ литературѣ; достаточно припомнить, что Грибоѣдовъ, благодаря ему, единственный разъ въ жизни видѣлъ на сценѣ свою комедію (въ 1827 г. въ Эривани, въ офицерскомъ театрѣ). Е. П. отдавалъ на его судъ свои стихи, какъ можно заключить изъ слѣдующаго письма, черновой набросокъ котораго сохранился на оборотѣ одного изъ патріотическихъ стихотвореній Е. П.:

„М. Г. Аѳанасій Ивановичъ! Услышавши ваше припоминаніе о старыхъ моихъ и доселѣ еще у васъ имѣющихся произведеніяхъ, я изъ любопытства отыскалъ у себя нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣвшими и, погладивши ихъ немножко отъ жесткостей, препровождаю къ вамъ для замѣны прежнихъ. Если же и новые вирши мои найдете не лучше прежнихъ, то тѣ и другіе бросьте въ каминъ“.

Таже мысль выражена въ слѣдующемъ „посвященіи“ одного изъ патріотическихъ стихотвореній:

„Красовскій—мой Герой!
Ему стихи мои и проза!
Любилъ онъ васъ читать порой,
Сѣвъ у камина въ часъ трескучаго мороза.
А я любилъ на васъ рецензіи его:
Недѣльное? въ огонь, и болѣ ничего.
Ступайте же къ нему, вотъ участь вамъ готова:
Въ каминъ или въ бюро, и болѣе ни слова“,

Въ стихотвореніи „Бандурка“ Е. П. первые свои поэтическіе опыты приписываетъ вліянію Красовскаго:

„Вотъ я—поэтомъ быть въ жизнь не имѣлъ затѣй.
Но ляховъ ты побивъ и возвратившись съ бою,
Сказалъ въ кругу друзей: „дарю тебя лихою
Бандуркой ляхскою,—ты-жъ въ струны пріударь!“
Я брякнулъ кое-какъ,—и запылалъ Пожаръ“ [1]).

---

[1]) Стих. „Бандурка“ служитъ вступленіемъ къ стих. „Пожаръ“

Приведенные отрывки довольно ясно рисуютъ отношенія, существовавшія между Е. П. и Красовскимъ.

Были у Е. П. довольно обширныя знакомства и въ средѣ духовенства. Самое замѣчательное изъ нихъ—знакомство съ митрополитомъ Евгеніемъ, о смерти котораго находимъ слѣдующую надпись на принадлежавшемъ Е. П. экземплярѣ „Кіевскаго мѣсяцеслова“: „1837 года, февраля 23 дня, во вторникъ сырныя недѣли въ 8 часовъ утра преставился Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Еѵгеній на 71 году жизни. Post quartam per unam noctem accessionem Ferbis arthritica ab Apoplexia serosa in specu vertebralis. Sit illi requies aeterna *post tot ac tantos* labores pastorales“. Въ бумагахъ Е. П. есть указанія на знакомство его и переписку съ епископами Кирилломъ (Куницкимъ) и Іереміею (Соловьевымъ). По семейнымъ преданіямъ, Е. П. часто бывалъ въ Лаврѣ и велъ продолжительныя бесѣды съ монахами. Вопросы религіи и философіи всегда интересовали его, и въ обсужденіи ихъ онъ обнаруживалъ извѣстную самостоятельность мысли. Такъ въ одномъ, имѣющемся у насъ письмѣ отъ 1822 г. (къ другу его, д-ру М. П. Ризенку)—письмѣ, которое все наполнено философскими разсужденіями съ значительною долею скептицизма, встрѣчаются, между прочимъ, такія мысли: „У васъ перестали говорить о войнѣ, и о мирѣ. А я, сказавши о мирѣ, о войнѣ потому не говорю, что признаю оную отсутствіемъ токмо мира, а не существомъ. Такъ какъ холодъ есть Absentia Caloris & Umbra Lucis. Дю-Туа, авторъ Божественной философіи, съ нѣкотораго времени взялъ меня безъ цѣны и сребра въ свою школу и открылъ мнѣ такое поле, по которому наши Иринеи и Гіацинты[1]) никогда насъ не водили и сами не ходили. Тамъ бы они упали и открыли срамоту свою“.

Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета у Е. П. явились новыя знакомства, а съ ними и новые интересы. Старый знакомый Лашкаревъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Жито-

[1]) Очевидно—Ириней Фальковскій и преемникъ его по ректорству Іакинфъ Лагановскій.

миръ. Жена его, молодая женщина, образованная и любившая общество, часто пріѣзжала въ Кіевъ и останавливалась у Е. П., у котораго тогда былъ собственный домъ. Она познакомилась съ нѣкоторыми профессорами, которые съ тѣхъ поръ начали бывать въ домѣ Рудыковскихъ. Это были К. А. Неволинъ, С. О. Богородскій, М. А. Максимовичъ. Другимъ путемъ началось знакомство съ В. А. Караваевымъ и Ѳ. С. Цыцуринымъ. Было еще старое знакомство съ семействомъ Бунге (съ д-ромъ Христіаномъ Григорьевичемъ, отцемъ Н. Х. Бунге) Въ 1845 г. одна изъ дочерей Е. П.—Марья Евстафьевна вышла замужъ за чиновника канцеляріи генералъ-губернатора Н. Я. Шульгина, братъ котораго Виталій Яковлевичъ вскорѣ получилъ кафедру исторіи въ университетѣ.

Всѣ эти знакомства и отношенія вводили Е. П. въ сферу совершенно новыхъ для него умственныхъ интересовъ[1]). Въ особенности сошелся онъ съ М. А. Максимовичемъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемыхъ стихотвореній, сестра М. А.—Елена Александровна часто и по долгу гостила въ семьѣ Е. П., что еще больше сближало его съ М. А. Весьма близкія отношенія были съ В. Я. Шульгинымъ, съ которымъ Е. П. нерѣдко засиживался до глубокой ночи въ бесѣдахъ и спорахъ. Въ бумагахъ Е. П. сохранилось два письма Шульгина, которыя могутъ до нѣкоторой степени охарактеризовать эти отношенія. Одно изъ этихъ писемъ касается какой-то рѣдкой книги, которую Шульгину удалось пріобрѣсть для Е. П. при посредствѣ надзирателя 1-й гимназіи Романовскаго. Письмо изложено въ шутливой формѣ, на латинскомъ языкѣ. Начинается оно такимъ обращеніемъ: „Viro ornatissimo, in arte medica peritissimo, de litteris humanis ac divinis bene merito Eustathio filio Petris de Rudikovski s. d. nominis tui observantissimus, tibique addictissimus, tuus ex animo totus Vitalis Schulgin“. Послѣ извиненія въ дурной латыни и сообщенія, что книга пріобрѣтена Р—мъ,

[1]) Что событія университетской жизни Е. П. принималъ близко къ сердцу, можно видѣть изъ помѣщаемаго ниже стихотворенія „На смерть ректора университета В. Ф. Цыха“.

слѣдующимъ образомъ описывается самый способъ пріобрѣтенія книги: „Ub omnes res praetiosissimae hominibusque carissimae ex-inopinato inveniuntur, ut hoc unum exemplum afferem-vitrum a Phoenicibus-ita et hic liber a Romanovscio. Seminarii Kiovensis alumnus possedebat librum, dignitatis illius inscius, vendiditque vilissimo praetio—1 et dimidium rubelus argenteus. Per quam tute librum possidas, maximamque ex illo jucunditatem haurias!“... Еще интереснѣе другое письмо, служащее отвѣтомъ на печатаемое ниже стихотвореніе „Насильный бракъ“. „До свѣдѣнія моего дошло, что *кичливая жена*, выслушавъ Вашъ безпристрастный судъ Вассаловъ, не угомонилась и подала аппеляцію во французскую Палату Депутатовъ и ожидаетъ оттуда съ первою почтою защитительной рѣчи какого-нибудь болтливаго оратора, которой списокъ постараюсь достать, списать и доставить вамъ при первомъ свиданіи. Вашъ отъ головы до пятокъ Виталій Шульгинъ“. Кромѣ приведенныхъ писемъ, нѣкоторыя указанія на отношенія къ В. Я. Шульгину можно найти въ прилагаемыхъ стихотвореніяхъ Е. П. При чтеніи этихъ стихотвореній, также какъ и стихотвореній, посвященныхъ М. А. Максимовичу, нужно имѣть въ виду, что они предназначались не для печати, а для тѣснаго семейнаго кружка. Матримоніальные намеки молодымъ ученымъ и ироническое отношеніе къ ихъ научнымъ занятіямъ были со стороны „старого Остапа“ не болѣе какъ шуткой: достаточно прочесть описаніе домашняго музея М. А. Максимовича въ „посланіи“ къ нему, чтобы видѣть, что авторъ и самъ далеко не чуждъ былъ интереса къ „святой старовинѣ“.

Духовная жизнь, такимъ образомъ, съ годами росла и расширялась. Не такъ благопріятно складывались внѣшнія условія жизни. Практика съ открытіемъ университета значительно уменьшилась. Да и годы брали свое; подъ старость трудно было аккуратно выполнять служебныя обязанности, являться на службу къ 8 ч. утра. Пришлось переселиться поближе къ госпиталю, на Печерскъ, а домъ отдать въ аренду, а затѣмъ и продать [1]). Въ тяжелыхъ условіяхъ приходилось доживать послѣд-

[1]) Домъ Е. П. находился на „Театральной улицѣ“, какъ тогда назывался Крещатикъ; принадлежавшее ему мѣсто составляло значительную часть теперешней

ніе годы. Но Е. П. не падалъ духомъ и продолжалъ свои любимыя ученыя и литературныя работы: многія стихотворенія помѣчены „келья на печерскомъ базарѣ“.

Вообще, по разсказамъ близкихъ къ Е. П. лицъ, это былъ человѣкъ идеалистическаго склада. Практическихъ способностей у него не было, и житейскія дѣла мало его интересовали. Ему предлагали въ свое время видныя мѣста въ столицѣ (напр. главнаго доктора обуховской больницы), онъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ и умеръ старшимъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Онъ имѣлъ въ свое время большую практику и умеръ бѣднякомъ. Денежными дѣлами онъ мало интересовался. Жалованіе немедленно по полученіи передавалъ женѣ, которая вела всѣ расходы; его же больше всего интересовали его научныя и литературныя занятія. Въ послѣдніе годы онъ велъ уединенную кабинетную жизнь, и до глубокой ночи засиживался за работой. Не смотря на недостатокъ средствъ, онъ не жалѣлъ денегъ на книги [1]) и имѣлъ прекрасную библіотеку, въ которой были рѣдкія старинныя изданія Библіи, (напр. Кельнское изданіе Новаго Завѣта на латинскомъ языкѣ 1670 г.; Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ Бенедикта Арія Монтана, изд. въ Амстердамѣ въ 1731) и нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей (напр. „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго—Базельское изданіе 1780 съ гравюрами Гольбейна). Вообще Е. П. былъ человѣкъ разносторонне образованный: онъ зналъ прекрасно древніе языки, которые изучилъ еще въ академіи [2]), а впослѣдствіи изучилъ и новые; онъ живо интересовался литературою, исторіею, политикою, и въ то же время не покидалъ богословскихъ занятій. Въ послѣдніе годы жизни его за-

---

усадьбы насл. пр. Меринга и всю усадьбу г. Зейделя. Въ бумагахъ Е. П. сохранилась слѣдующая замѣтка: „1842 іюля 28 совершена купчая на проданный мною домъ г.-м. К. Я. Флиге за 5114 р. 10 к.“ Такъ цѣнилась въ Кіевѣ земля 50 лѣтъ тому назадъ.

[1]) Намъ передавали, напр., такой фактъ: какъ-то на кіевскихъ контрактахъ Е. П. соблазнился латинскою библіею, стоившею 20 р., и пріобрѣлъ ее на послѣднія деньги, оставшись затѣмъ въ довольно критическомъ положеніи.

[2]) На пріемномъ экзаменѣ въ м.-х. академіи Е. П. удивилъ экзаменаторовъ, написавъ стихотвореніе на латинскомъ языкѣ.

нималъ переводъ псалмовъ съ подстрочнаго латинскаго перевода Б. Арія Монтана. Сохранилась переплетенная книга, въ которой рукою Е. П. переписанъ весь переводъ А. Монтана. Въ „предувѣдомленіи“ въ этой книгѣ говорится: „имѣвъ случай троекратно въ разныя времена, но на короткій срокъ, для просмотра только, воспользоваться рѣдкаго изданія Еврейскою Библіею съ надстрочнымъ латинскимъ переводомъ Б. А. Монтана, возымѣлъ я желаніе выписать изъ оной латинскій переводъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ или трудно переводимыхъ псалмовъ изъ Псалтыри и, продолжая при каждомъ таковомъ представлявшемся мнѣ случаѣ выписывать псалмовъ все болѣе и болѣе, нечувствительно дошелъ до того, что болѣе половины ихъ было уже мною выписано; наконецъ удалось мнѣ окончить трудъ мой выпискою всѣхъ псалмовъ“. Е. П. занимала мысль перевести эти псалмы на русскій языкъ; работа эта, кажется, была даже окончена, но мнѣ не удалось розыскать ее; въ имѣющейся же у меня книгѣ [1]) находится латинскій текстъ всѣхъ псалмовъ, на русскій же языкъ переведено всего пять. Это былъ, повидимому, послѣдній трудъ Е. П.

Въ продолженіе всей своей разнообразной и многотрудной жизни Е. П. находилъ время для работъ чисто-литературныхъ. Въ бумагахъ его сохранилось нѣсколько десятковъ стихотвореній на русскомъ и на малороссійскомъ языкахъ [2]). Самъ онъ повидимому не придавалъ особеннаго значенія этимъ своимъ сочиненіямъ и только одинъ разъ сдѣлалъ попытку напечатать одно изъ нихъ; но въ нашихъ глазахъ они имѣютъ извѣ-

---

[1]) Книга эта озаглавлена: „Liber Tehillim id est Laudum, qui apud nos dicitur liber Psalmorum. Depromptus ex Biblia Hebraica, quam ex Hebraica veritate in linguam latinam versit Santes Pagninus. Tandem hanc ejus versionem recensuit & verbum verbo redditam textui Hebraico interlinearem fecit Benedictus Arias-Montanus. Antwerpiae 1572. Perscriptus 1850 Anno cura et vigiliis Eustathii Rudikowskij Kioviae.

[2]) Не знаемъ, всѣ ли стихотворенія Е. П. дошли до насъ. Какія-то стихотворенія Е. П. еще въ семидесятыхъ годахъ увезены были въ Петербургъ однимъ изъ сыновей его, уже умершимъ, и повидимому затеряны. Неизвѣстно, были-ли это копіи имѣющихся у насъ стихотвореній, или между ними были и другія, намъ неизвѣстныя.

стное историческое значеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ несомнѣнный поэтическій талантъ автора. Всѣ сохранившіяся стихотворенія Е. П. можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) оды и стихотворенія религіознаго содержанія; 2) патріотическія стихотворенія; 3) стихотворенія на малорусскомъ языкѣ; 4) стихотворенія автобіографическаго характера. Едвали мы ошибемся, если самое зарожденіе литературныхъ наклонностей припишемъ вліянію кіевской академіи. Въ какомъ-бы состояніи она ни находилась въ годы ученія Е. П., во всякомъ случаѣ это была еще дореформенная школа, въ которой сохранились традиціи старой академіи кіевской. Извѣстно, какъ развиты были въ этой школѣ литературныя занятія, и какъ разнообразны были литературные опыты ея воспитанниковъ [1]). Въ концѣ XVIII в. работы эти были уже въ упадкѣ, но все-таки существовали, и нѣкоторыя стихотворенія Е. П. представляютъ, быть можетъ, послѣдніе образцы стариннаго кіевскаго виршеслагательства. Послѣдующая жизнь Е. П., весьма разнообразная и полная интереса, натолкнула его на новыя темы; знакомство съ выдающимися писателями и учеными должно было отразиться и на содержаніи, и на формѣ его литературныхъ опытовъ; но впечатлѣнія юности брали свое, и подъ старость Е. П. возвращается къ народнымъ малорусскимъ сюжетамъ, но приступаетъ къ этимъ сюжетамъ уже съ другими, новыми взглядами и воспроизводитъ ихъ въ новыхъ литературныхъ формахъ. Такимъ образомъ, литературная дѣятельность Е. П. представляетъ интересный образчикъ взаимодѣйствія двухъ различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія.

Первые литературные опыты Е. П. относятся еще ко времени ученія его въ Кіевской Академіи. До насъ дошло только одно, но весьма характерное стихотвореніе, написанное въ эту пору. Это „крестообразные эпиграммы на день ангела митрополита кіевскаго Серапіона“, написанные, повидимому, въ 1805

---

[1]) Обстоятельный обзоръ этихъ работъ сдѣланъ проф. Петровымъ въ статьѣ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“ (Труды К. Д. А. 1866 іюнь, ноябрь, декабрь и 1867 январь).

или 1806 году. Стихотвореніе это принадлежитъ къ числу тѣхъ „художественныхъ“ или „курьезныхъ“ эпиграммъ [1]) которыя были въ большомъ ходу въ старинной академіи, но уже со временъ Ѳеофана Прокоповича постепенно исключаются изъ курсовъ піитики, какъ „трудныя бездѣлицы“. Такимъ образомъ данное стихотвореніе, относящееся къ началу XIX ст. представляетъ интересный образчикъ литературнаго переживанія. Въ утерянной рукописной книгѣ, которую Е. П. велъ въ кіевской академіи, вѣроятно, находилось не мало подобныхъ произведеній какъ самого автора, такъ и его товарищей.

Къ подобнаго рода стихотвореніямъ близко примыкаютъ оды религіознаго содержанія. Религіозная лирика занимала Е. П. въ продолженіе всей его жизни и была выраженіемъ того религіознаго настроенія, которое проявлялось въ бесѣдахъ съ духовными лицами и изученіи священнаго писанія. Къ этому роду относятся старотворенія. „Побѣдная пѣснь Богу и Царю“ (1831), „Торжество Православія“ (1848), „Торжество Кіева при возобновленіи Кіево-Софійскаго собора“ (1850). Въ стихотвореніяхъ этихъ, кромѣ религіознаго настроенія, чувствуются отголоски политическихъ идей автора: такъ стихотвореніе „Побѣдная пѣснь“ написано подъ впечатлѣніемъ польскаго возстанія 1830—31 г.; въ стихотвореніи на возобновленіе К.-Софійскаго собора проглядываютъ славянофильскія симпатіи.

Между стихотвореніями Е. П. есть цѣлый рядъ произведеній патріотическаго характера. Всѣ они относятся къ 30—40 годамъ, и многія изъ нихъ, какъ замѣчено выше, посвящены генералу Красовскому. Вотъ заглавія этихъ стихотвореній „Балъ“ (въ Кіевѣ въ 1831 въ честь гр. Ф. В. Остенъ-Сакена); „Пожаръ“ (польское возстаніе 1830), „Крыса“ (ген. Ромарино), „Насильный бракъ“ (дополненіе къ извѣстной балладѣ гр. Ростопчиной), „Русскій вопль противъ XIX вѣка“, „Казацкія замѣтки на Вѣнскія баррикады“ (два послѣднихъ стихотворенія написаны по поводу событій 1848 г.), „1851 годъ“ (характеристика первой половины XIX стол.). Всѣ эти стихотворенія

[1]) Подробности см. у Петрова (Тр. К. Д. А. 1867, январь).

написаны въ строго-консервативномъ духѣ и представляютъ отголосокъ того настроенія, которое вызвано было возстаніемъ 1830 г. и нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина „Клеветникамъ Россіи". Оригинальную особенность нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній представляетъ проглядывающій въ нихъ юморъ (Крыса, Насильный бракъ).

Сближеніе съ профессорскимъ кружкомъ, и въ особенности съ М. А. Максимовичемъ, внесло новый элементъ въ поэзію Е. П.— элементъ народный. Проведя дѣтство въ украинскомъ селѣ, юность въ кіевской академіи и большую часть жизни въ Кіевѣ, Е. П. былъ прекрасно знакомъ съ жизнью малорусскаго крестьянина и съ народнымъ языкомъ. Школьныя традиціи, а затѣмъ военная служба натолкнули его на торжественную лирику, но достаточно было встрѣчи съ людьми другого направленія, чтобы поэзія его приняла характеръ—реальный и народный. Такимъ толчкомъ было сближеніе съ Максимовичемъ и, отчасти, съ семействомъ Шульгиныхъ, глава котораго Яковъ Игнатьевичъ былъ коренной малороссъ (настоящая фамилія его была Шульга), неумѣвшій говорить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малороссійскаго. Самъ Е. П. считалъ малороссійскія стихотворенія лучшими своими сочиненіями, а себя—малороссійскимъ поэтомъ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Е. П. къ одному изъ молодыхъ друзей его Г. И. Нечаю: М. Г. Григорій Ивановичъ. Вчера Вы въ общемъ разговорѣ объ изданіи „Ста Русскихъ Литтераторовъ" изъявили сомнѣніе объ успѣшномъ окончаніи этого изданія, въ той мысли, что едва-ли издателю удастся набрать такое число литтераторовъ. Не можете-ли Вы сообщить издателю мою мысль—недостающее число русскихъ дополнить малороссійскими. Русская публика равно восхищается и произведеніями Грицька Основьяненка. Онъ бы въ послѣднемъ десяткѣ былъ первымъ, и я не послѣднимъ. Я готовъ сообщить издателю мою пьесу „Козлы", если только передъ нею будетъ поставленъ портретъ мой, хотя и не въ Лондонѣ гравированный. Вашъ покорный слуга Остапъ".

Малороссійскія стихотворенія Е. П. довольно разнообразны. Между ними встрѣчаются сказки (3), басни (5), пьесы этно-

графическаго содержанія (2), историко-этнографическаго (1), пѣсни (2) и наконецъ одна пародія (на „Наталку Полтавку"). Кромѣ того, нѣкоторыя посланія къ Максимовичу, Шульгинымъ, Красовскому написаны на малороссійскомъ языкѣ. Характерныя особенности малороссійскихъ стихотвореній Е. П. составляютъ вѣрное изображеніе народной жизни и народныхъ типовъ, чисто украинскій юморъ, простой образный языкъ, наконецъ— легкій, изящный стихъ. Стихотвореніе „Объ Натальци Полтавци мои думки" уже вводитъ насъ въ кругъ литературныхъ понятій автора. Рѣзкая, можетъ быть мѣстами слишкомъ крѣпкая, сатира на эту сентиментальную оперетту показываетъ трезвый взглядъ на поэзію, требованіе реальнаго изображенія народной жизни и въ то-же время идейнаго содержанія. Такое именно изображеніе жизни встрѣчаемъ мы въ сказкахъ и басняхъ, которыя можно назвать лучшими изъ всѣхъ сочиненій Е. П. Сказки (казки) представляютъ совершенно самостоятельныя произведенія, написанныя въ чисто-народномъ духѣ (одна только заключительная сцена первой сказки представляетъ какъ-бы отголоски романтизма, къ которому Е. П. вообще относился иронически [1]). Изъ басенъ (байки) однѣ оригинальны, другія заимствованы изъ Крылова, но представляютъ совершенно самостоятельную переработку даннаго сюжета. Два этнографическихъ очерка („Помынъ о славній козаччини"... и „Одъ Грицька Перепеличенка" и т. д.), заключаютъ въ себѣ насмѣшку, не особенно глубокую, надъ недостатками современныхъ козаковъ и крестьянъ. Гораздо выше по идеѣ, не смотря на довольно странную форму, историко-этнографическая пьеса „Козаки въ счастьи", изображающая зарождавшуюся въ XVII ст. рознь между козаками и „выписчиками" и стремленіе козаковъ обособиться въ привиллегированное сословіе. По всей вѣроятности, стихотвореніе это навѣяно бесѣдами съ М. А. Максимовичемъ.

[1]) Въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается цѣлый рядъ романтическихъ картинъ, написанныхъ въ ироническомъ тонѣ. напр: „тамъ въ саванѣ мертвецъ въ глубокой темнотѣ бесѣдуетъ съ луной, плывущей въ высотѣ" и т. д.. оканчивающійся слѣдующею строчкою „монахъ же молится въ уединенной кельѣ и все считаетъ онъ презрѣнной суетой, *какъ я мяуканье поэзіи пустой*".

Таковы главныя черты литературной дѣятельности Е. П. Рудыковскаго. Подводя итогъ всему сказанному, нельзя, кажется намъ, не согласиться съ сдѣланною имъ самимъ оцѣнкою его литературной дѣятельности: онъ былъ поэтъ по преимуществу малороссійскій. Религіозная и торжественная лирика его представляетъ отголосокъ отживавшаго уже тогда свой вѣкъ одописательства; между тѣмъ какъ малороссійскія стихотворенія его явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка, исторіи. Не смотря на довольно преклонный возрастъ, (въ 1834 г., во время открытія университета, ему было уже 50 лѣтъ), Е. П. усвоилъ это новое направленіе, и сочиненія его могутъ быть поставлены наряду съ сочиненіями нѣкоторыхъ изъ его молодыхъ современниковъ. Предоставляя спеціалистамъ по исторіи малорусской литературы опредѣлить мѣсто, занимаемое Е. П. Рудыковскимъ среди современныхъ ему малороссійскихъ писателей, скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, его „казки“ и „байки“ наиболѣе сходны съ „приказками“ Е. П. Гребенки.

Дальше мы печатаемъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. П., которыя могутъ служить образчиками трехъ указанныхъ выше направленій его поэзіи. Въ заключеніе помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній, которыя могутъ служить дополненіемъ къ представленному выше біографическому очерку. Подобныхъ стихотвореній сохранилось довольно много; но большая часть ихъ имѣетъ слишкомъ интимный характеръ (напр. посланія къ дѣтямъ, родственникамъ и близкимъ знакомымъ). Мы помѣщаемъ только тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ— или потому что посвящены извѣстнымъ личностямъ (М. А. Максимовичу, В. Я. Шульгину и ихъ семьямъ), или знакомятъ съ литературными взглядами автора („Элегія при прощаніи съ поэзіею“), или, наконецъ, дополняютъ представленную выше характеристику его („День моего рожденія“, „Годъ 67 моей жизни“).

Крестообразные Эпиграммы на день Ангела Митр. Кiевск. Серапiона.

Сочин. и пис. Кiевск. Акад. Студентъ Богословiя Евстафiй Рудыковскiй.

II [1]).

Побѣдная пѣснь.

Въ день возшествія на Всероссійскій Императорскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Перваго, царствованія Его Величества въ седмое лѣто. 1831 года ноября 20-го дня.

Милость и судъ воспою Тебѣ Господи!
Пою и разумѣю. *Псал. 100 ст. 1.*

Пѣснь Богу.

Божія Богови!
Поемъ Господеви, славно бо прославися.
Исход. гл. 15.

Исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ,
Господи, и имени Твоему пою. *Пс. 17 ст. 50.*

Благословенъ Господь нашъ Богъ,
Премудрый, непостижимый, дивный,
Россіи возносящій рогъ,
Творящій чудеса,—Единый!
Въ началѣ всѣхъ временъ, вѣковъ,
Въ шесть дней Онъ сотворилъ вселенну,

[1]) Первымъ стихотвореніемъ помѣщаемъ крестообразныя эпиграммы, исполненныя у насъ литографіей, при чемъ обращаемъ вниманіе на то, что въ подлинникѣ онѣ написаны разноцвѣтными чернилами. Въ виду нѣкоторой трудности чтенія „крестообразныхъ эпиграммъ", считаемъ нелишнимъ развязать это стихотвореніе.

Большой кругъ:

Всякъ въ сердцѣ носитъ крестъ, кто вѣренъ рабъ Христу;
Но ты, Серапіонъ, Монархомъ оправданъ
На персѣхъ крестъ носить небесну красоту,
Да свѣтится твой свѣтъ для щастья нашихъ странъ.

Крестъ изъ прямыхъ лучей:

Да жизнь твою во вѣкъ, СЕРАПІОНЪ, хранитъ
Новградскъ СЕРАПІОНЪ Твой Тезоименитъ.

Крестъ изъ косыхъ лучей:

Чье сердце есть Престолъ Творца?
Вдовицъ Помощника, Отца.

Крестъ изъ полукруговъ:

Сіяй, Серапіонъ, въ нощи какъ твердь звѣздами:
Тебя облекъ Творецъ самъ сими чудесами.

Квадратъ:

Ты всегда готовъ,
Пастырю Христовъ,
Крестъ его носить,
Чтобъ съ нимъ въ небѣ жить.

Въ седьмый почилъ отъ всѣхъ трудовъ,
Субботу тѣмъ явивъ священну.
И надъ дѣлами рукъ своихъ
Царемъ поставилъ человѣка,—
Да зритъ Его онъ славу въ нихъ:
Законъ сей далъ ему отъ вѣка.
Святъ, непреложенъ сей законъ!
Но грѣхъ царя и чадъ рабами
Продалъ въ плѣнъ воли ихъ,—и онъ
Забытъ сталъ рабскими сердцами.
Тогда премудрый Богъ, святымъ
Храня вселенну провидѣньемъ,
Заблуждшимъ чадамъ и слѣпымъ
Избралъ вождей своимъ велѣньемъ:
„Пасите мой народъ вожди!
„Вождямъ послушны будьте, дѣти!
„Строптивый,—милости не жди!
„Лукавыхъ разорю совѣты!
„Владѣю царствомъ Я Единъ!
„Даю его—кому изволю.
„Да будетъ царь и властелинъ,
„Кто вѣренъ мнѣ, мою чтитъ волю!“
Что жъ? Вѣрны-ль тѣ Ему цари?
И вѣрны-ль тѣ царямъ народы?...
О Вышній! Самъ съ небесъ Ты зри:
Они,—какъ въ бурномъ морѣ воды,—
Мятутся и мятутъ другихъ!...
Сердца въ нихъ розны, какъ языки!...
Нѣтъ мира, нѣтъ любви у нихъ!...
Вездѣ стонъ жертвъ и бранны клики!...
Тотъ—захватилъ коварствомъ тронъ!...
Тѣ—въ звѣрствѣ и царя убили!...
Весь свѣтъ злодѣйствъ и крови полнъ!...
Такъ всѣ отъ Бога отступили!...
Творецъ отъ дѣлъ своихъ почилъ,
Отъ нашихъ нѣтъ Ему покоя.

Онъ все терпѣнье истощилъ,
Судьбы народовъ, царства строя.
Избралъ Израиля въ народъ,
Да внемлетъ онъ Его закону.
Кому-жъ внималъ сей злобный родъ?
Тельцу, Ваалу и Дагону!...
Какихъ Богъ не явилъ чудесъ
Въ Египтѣ, въ морѣ и въ пустынѣ
Израилю, чтобы принесъ
Ему онъ жертву во святынѣ?
Но попранъ имъ святый законъ,
Отвергнутъ имъ Господь великій,—
Отвергъ Израиля и Онъ,
И обратился во языки.
Растлѣній вся земля полна!...
Но вѣсть Господь и тутъ спасати
Прошли закона времена,
Открылъ Онъ царство Благодати.
Послалъ въ міръ Сына Своего
Спасти насъ, сотворить сынами.
Послушны-жъ Слову мы Его?
Онъ на крестѣ былъ распятъ нами!...
Но Богъ распятый побѣдилъ
И грѣхъ, и смерть, и силы ада;
Царемъ царей себя явилъ,
И Вѣрой въ жизнь призвалъ вновь чада.
Въ чемъ неуспѣлъ потопъ, огнь, мечъ,
Успѣла кроткая въ томъ Вѣра.
Дана ей власть все зло пресѣчь,
Но насъ спасла-ль и эта мѣра?
И вѣру оскорбили мы,
Не сохранивъ Любви завѣта.
Мы въ лонѣ Вѣры,—царства тьмы
Искали, прежде царства свѣта!...
Владиміромъ Богъ свѣтъ излилъ
На Русь небесной благодати,

Еще-жъ онъ въ гробѣ не простылъ,
Какъ сынъ его убилъ трехъ братій!...
„О Боже! умъ нашъ просвѣти!“
Такъ древле Русь воззвала къ Богу:
„Самъ воцарись надъ нами Ты!
„Самъ къ Правдѣ намъ открой дорогу!“
И Вышній праотцевъ сей стонъ
Событій утѣшаетъ вѣкомъ.
Въ тебѣ, Россія, зримъ мы тронъ,
Воздвигнутый не человѣкомъ.
Его самъ Вышній совершилъ,—
Онъ племена, народы многи
Жезломъ желѣзнымъ сокрушилъ,
И Трону далъ сему подъ ноги.
Отъ Рюрика по вѣкъ Петровъ,
Отъ дней Петра до Николая
Подъ дивный Росска Трона кровъ
Вела десница насъ святая.
Какихъ намъ Богъ давалъ Царей!
Самъ съ ними царствовалъ надъ нами!
И мы ихъ, въ радости своей,
Земными чтили божествами.
О! буди препрославленъ въ вѣкъ!
Съ Сіона, отъ горы святыя,
Ты, Боже, намъ въ сердца изрекъ:
„Израиль новый мой—Россія!“ Аминь.

Пѣснь Царю.

Кесарево Кесарени!
Величаяй спасенія Царева и творяй милость Христу своему и сѣмени Его до вѣка.
Псал. 17 ст. 51.

Благословенъ Господь нашъ Богъ!
Въ Царяхъ намъ образъ свой являя,
Вознесъ Онъ вновь Россіи рогъ,
На Тронъ возвелъ Онъ Николая.

Живи, о Царь нашъ Николай!
Живи, Царь Россамъ Богомъ данный!
Россія! болѣ не желай,—
Съ Нимъ ты взнеслась на верхъ желаній!
Шесть лѣтъ уже Ты возсѣдишь,
Земное божество, на Тронѣ;
Шесть лѣтъ творилъ Ты и творишь
Все къ нашей славѣ, оборонѣ.
Довлѣетъ Славѣ!... о! почій!...
Седьмое лѣто—дни покоя!...
Какъ въ день седьмый почилъ Святый
Творецъ, въ шесть дней весь міръ устроя.
Востокъ, югъ, западъ былъ въ огнѣ,
Съ нимъ язвы къ намъ вторгались новы;
Внутри отчизны и извнѣ
Грозили ей измѣны, ковы.
Симъ царскимъ горестямъ во слѣдъ
Ты сердцу столь драгихъ лишился,
Но духъ великій Твой средь бѣдъ,
Бывъ Богомъ твердъ не сокрушился.
Шесть лѣтъ,—съ начала до конца,—
Какъ христіанинъ Ты сражался,
Терпѣніямъ Ты ждалъ вѣнца,—
И се!—безсмертьемъ живъ вѣнчался.
Довольно Славы!—о!—почій!...
Седьмое лѣто—дни покоя!...
Узрѣлъ въ Тебѣ свѣтъ образъ—чей?
Великаго Царя—Героя!
Вложи въ ножны Твой грозный мечъ,—
Обвитъ онъ миртами, оливой,
Часъ Миру ѳѵміамъ возжечь,
Нашъ вѣкъ—покоя, вѣкъ счастливый!
Но Твой покой гдѣ?—Зритъ то Самъ,
Самъ Сердцевѣдецъ Твой—что даже
Дремоты нѣтъ Твоимъ очамъ
Покоя нашего на стражѣ.

О насъ Твой промыслъ—Твой покой;
Твой трудъ для насъ—Твоя отрада;
Лить милости на насъ рѣкой—
Единая Тебѣ награда.
Объемля сушу и моря
Недремлющимъ и быстрымъ окомъ,
Для блага Царства, Алтаря,
День—ночь Ты въ подвигѣ высокомъ.
Двуглавый Твой Орелъ не спитъ,
Всегда простерты держитъ крылы,
И хищныхъ змѣй онъ сторожитъ,
Чтобъ чадъ Твоихъ не уязвили.
Недавно Персъ и Оттоманъ
Предъ нимъ блеснули чешуями,—
И гдѣ они?—Урокъ имъ данъ!
Растерзаны Орла когтями!...
Недавно Ляхская змѣя
И къ Трону жало простирала,
Шипѣла, хвостъ вокругъ вія,—
И та Орлу покорна стала!
Монархъ! Рука Твоя колоссъ
Блаженства Росскаго свершила,
Изъ адамантовъ онъ возросъ,
А слава верхъ его покрыла.
Пусть зависть чуждыхъ на него
Теперь съ отчаяньемъ взираетъ,
Въ безсиліи грызетъ его,
Языкъ и мечъ свой изощряетъ.
Пусть изнуряется еще
Душа ея, рука кровава;
Затѣи всѣ ея вотще:
Ей вѣчный стыдъ,—намъ вѣчна слава!
Пусть злоба, числя свой урокъ,
Влечетъ къ измѣнамъ всю вселенну
Твой окруживъ сердцами Тронъ,
Слились мы всѣ въ гранитну стѣну!

Тѣмъ Россъ Твой—мощный исполинъ!
Пол-свѣта подъ его стопою;
Онъ дожилъ мудрости сѣдинъ,
Великъ онъ миромъ и войною.
Монархъ! довольно!... почивай!
Седьмое лѣто—дни покоя!
Отнынь плоды трудовъ вкушай,
Внутрь насъ еще блаженство строя.
Данъ намъ съ Престола Твой законъ?
Дана закону твердость сила?
Какъ солнце жъ да сіяетъ онъ!
Да проліется отъ свѣтила.
Сего—и теплота, и свѣтъ;
Да темныхъ просвѣщаетъ очи,
Да грѣетъ вдовъ, сиротъ въ часъ бѣдъ,
И гонитъ тьму коварства ночи!...
Тогда намъ небо на земли
Откроетъ Вышній Посѣтитель.
„Да будетъ только намъ,—внемли
„Мольбамъ Россіи всей Спаситель!
„Храни Хріста намъ Твоего
„И укрѣпляй Твоею силой,
„Храни державный Домъ Его,—
„Залогъ блаженства Россамъ милый!...
„Тебѣ Царь сердце далъ свое:
„Въ томъ сердцѣ—зри!—всѣхъ нашихъ доля:
„Да придетъ царствіе Твое
„И въ насъ Твоя да будетъ воля!

Аминь [1]).

---

[1]) Сохранился латинскій переводъ этой оды:

Benedictus Dominus noster Deus
Sapientissimus, incomprehensibilis, admirandus.
Rossiae elevans cornu
Faciens mirabilia solus!... и т. д.

III.

Торжество Кіева

при возобновленіи Кіево-Софійскаго собора 1850 года.

Возвысь главу твою сѣдую,
Священный, древній Кіевъ градъ!
Пой пѣснь Сіонскую—святую!
Ты вновь—столица всѣхъ отрадъ!
Девятый вѣкъ ты доживаешь,
Дѣлъ древнихъ славу вспоминаешь,
Что Вѣры былъ ты колыбель,
И Возрожденія купель.
Вотъ на твоемъ вновь небосклонѣ
Златое солнышко взошло!
Софійскій храмъ въ златой коронѣ!
Такъ не сіялъ ужъ онъ давно.
Едва-ль онъ былъ при Ярославѣ
Въ такомъ величіи и славѣ,
Какъ въ наши вождел̂нны дни.
Да льются въ вѣкъ на Русь они!..
Храмъ созданъ Княземъ Ярославомъ,
Царь Николай возобновилъ,—
И въ немъ, столь древнемъ, многоглавомъ
Ликъ древній всѣхъ святыхъ ожилъ!
По мановенью Николая
Свой вѣрно Солнцевъ трудъ свершая
Открылъ въ семъ храмѣ древній свѣтъ,
И вѣковой тьмы въ немъ ужъ нѣтъ!
Что вѣки отъ очей скрывало
Ликъ всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ,
То Солнцевъ сдернулъ покрывало
И свѣту въ храмъ сей путь открылъ.
Сіяй небесною вновь славой
Подъ Николаевой Державой,
Софійскій Ярославовъ храмъ!
Такъ!... Богъ во всемъ помощникъ намъ!...

Поможетъ возвратить Софію,
Что древне въ Греціи цвѣла
И украшала Византію,
И здѣшней образцемъ была;
А нынѣ?!!... тьмою Мохамета
Какъ въ рубище вдова одѣта,
Стоитъ—превращена въ мечеть!...
Доколѣ-жъ вѣрнымъ то терпѣть?....

IV.

Рыцарская баллада.

Насильный бракъ.

Текстъ баллады гр. Ростопчиной, какъ онъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ" 1872, т. V (февр. кн. стр. 297—9) съ слѣдующимъ окончаніемъ:

Вассалы.

Вас. 1. Ты правъ во всемъ, нашъ повелитель!
Всѣ правы жалобы твои
Но вышнихъ лишь судебъ Властитель
Въ нихъ можетъ вникнуть на земли [1]).

Вас. 2. Словами намъ нельзя измѣрить
Всю тайну скорби твоея,
Но можемъ чувствовать и вѣрить,
Каковъ гнетъ этотъ бытія....

Вас. 3. Мятежная твоя супруга
Тебѣ быть вѣрной отреклась,

---

[1]) Вар. Ты правъ во всемъ нашъ повелитель,
Что ждалъ покорности жены,
Но видно тайный обольститель
Расторгъ твои покоя дни.
Твоя вѣнчанная подруга
Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга....

Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга
Въ плѣнъ своевольства отдалась.

Вас. 4. Мечты, мечты ее волнуютъ
И умъ, и сердце, и языкъ,...
Воображеніе чаруютъ....
Въ ней фанатизмъ еще великъ!...
О дикой вольности мечтаетъ,
Свободу ставитъ въ томъ свою,
Былой развратъ свой вспоминаетъ,
Чтобъ отравлять любовь твою.

Вас. 3. Ты зналъ до брака всѣ тѣ козни,
Чѣмъ прежде славилась она,
Но былъ въ надеждѣ, что возможны
Раскаянья ей времена
И въ той надеждѣ далъ ей руку,
Супруги именемъ почтилъ.
Что жъ взялъ въ награду?

Вас. 2. Злую муку.
Сносить злонравье выше силъ!...

Всѣ. Терпѣніе! Отецъ нашъ! Молимъ,
Терпѣніе еще имѣй!
Жены къ любви не приневолимъ,
Щади ее ты для дѣтей.

Слуги.

Слуга 1. И такъ, ты ей не дашь разводу?...

Слуга 2. Кричи она, раззинувъ пасть,
Скачи она въ огонь, и въ воду,
Въ развратъ ей прежній не попасть.

Слуга 3. Женѣ кичливой и мятежной
Другого врачевства ужъ нѣтъ,—
Предать темницѣ неизбѣжной,
Коль дневній надоѣлъ ей свѣтъ.

Слуга 4. А если головой объ стѣну
Тамъ биться вздумаетъ она;

Кричать, точа, какъ нынѣ, пѣну,
Твоя злонравная жена,

Всѣ. Мы пеленать ее готовы
Съ привѣтной лаской, безъ угрозъ.
Пріемы эти намъ не новы,
Не таемъ мы отъ женскихъ слезъ.

Слуга 5. Авось! полѣчимъ—вразумится,
Коль нужно, пустимъ ей и кровь,
Отъ буйной воли исцѣлится,
И запылаетъ въ ней любовь.

Баронъ.

Народъ! Съ любовію пріемлю
Вашъ безпристрастный сей совѣтъ.
Что гласу истины я внемлю,
Пусть это знаетъ цѣлый свѣтъ.

V.

Крыса.

Истинное происшествіе, случившееся 17 октября 1831 года въ квартирѣ генерала Красовскаго въ Кіевѣ.

Теперь лишь я узналъ—не лжетъ, кто говоритъ,
Что на ловца и звѣрь бѣжитъ.
Вечоръ сидѣли мы съ тобою лишь вдвоемъ,
Толкуя о войнѣ, герояхъ—томъ и семъ;
Какъ вдругъ завидѣлъ крысу ты.
Злодѣйка кралася, гдѣ болѣ темноты.
По данному тобою знаку
Я долженъ весть атаку.
„Нагрянь!—возьми во флангъ!—коли, руби врага!“...
(Я помню всѣ твои командныя слова).
Но крыса предо мною,
Вмигъ съ полу да на столъ, по рамамъ окнъ—юлою;

Сигары, скляночки всѣ къ чорту прочь съ окна,
Цапъ-цапъ, царапъ—и ужъ на притолкѣ она!...
Меня вооружилъ ты саблею своей.
Не струсилъ я—ей, ей!
Ужъ саблю я занесъ, готовъ ее разить
И прямо въ сердце ей вонзить,
И ты стоишь тутъ съ свѣчкой.
Но крыса вмигъ
Прыгъ, прыгъ!...
Нашла дыру подъ печкой.
Тутъ сталъ я разсуждать,
Какъ крысу мнѣ оттоль достать!
Вдругъ мнѣ приходитъ мысль (другому врядъ пришла бы):
Не Ромарино-ль твой то въ маленькомъ маштабѣ [1]).

VI.

Годъ 1851

Вѣкъ девятнадцатый на свѣтѣ
Крылатый, мощный исполинъ
Въ виду насъ всѣхъ въ своемъ полетѣ
Годъ пишетъ—пятьдесятъ одинъ!
Примѣтно этотъ вѣкъ старѣетъ
И доживаетъ до сѣдинъ;
И онъ отъ Времени дряхлѣетъ—
Судьбы и Рока властелинъ.

---

[1]) Въ видѣ комментарія къ этому стихотворенію находимъ нужнымъ привести слѣдующую справку изъ соч. генерала Пузыревскаго „Польско-русская война 1831 г.“ (изд. 2-е, т. I, стр. 307):

„Положеніе русскаго отряда, окруженнаго съ трехъ сторонъ, казалось критическимъ, какъ неожиданное отступленіе 6 іюля Ромарино отъ Подлодова устранило опасность съ лѣваго фланга. Ромарино считалъ, какъ видно изъ перехваченнаго письма изъ Собіешина, это отступленіе весьма искуснымъ съ его стороны маневромъ. Говоря въ письмѣ о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ,... онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приписалъ, что, по только что полученнымъ свѣдѣніямъ, русская пѣхота и кавалерія переправляются, въ надеждѣ, конечно, отрѣзать его отъ Вислы, но прибавлялъ: *„à bon chat—bon rat“*.

Была его бурлива младость,
Довольно онъ побушевалъ!...
Что же затѣетъ онъ на старость?
Кто бъ намъ то нынѣ разгадалъ?
Мы жили въ первой половинѣ,
Вторую внукамъ отдаемъ
Съ заботою о ихъ судьбинѣ:
Что будетъ въ вѣкѣ семъ потомъ?
Они исторіи скрижали
Прочтутъ, узнаютъ все изъ нихъ,
Что въ этотъ вѣкъ мы испытали
Въ теченьи черныхъ дней и злыхъ.
Съ нашествіями Тамерлана
Европа испытала вся
Тьму угнетеній отъ тирана,
Защиты отъ Небесъ прося.
Потомъ вѣкъ сей вооружился
На насъ холерой, мятежемъ,
Войной!... Гладъ, моръ, пожаръ разлился!...
Сверкнулъ кровавымъ вѣкъ бичемъ,—
И все въ унынье погрузилось!...
Затрепеталъ и Умъ, и Духъ!...
Подъ игомъ бѣдствій все томилось,
Въ душевный падая недугъ!...
Затмилось зломъ добро былое,
Запала въ грудь одна любовь—
Любить Отечество святое,
И за него пролить всю кровь.
Любовь же подвиги открыла
Вождей и ратныхъ всѣхъ сыновъ,
И падши Троны утвердила,
И миръ дала Европѣ вновь
Вотъ этотъ вѣкъ чѣмъ былъ донынѣ
Богатъ въ исторіи людей:
А чѣмъ онъ будетъ при кончинѣ,
Узнаютъ правнуки позднѣй.

Но вѣкомъ всѣмъ владѣетъ Вышній
Вѣковъ и вѣчности Отецъ.
Онъ далъ уроки намъ нелишни,
Дастъ и отраду для сердецъ.
Давалъ и дастъ Монарховъ мудрыхъ,
Хранителей Руси святой,
Да въ вѣкъ хранятъ отъ суемудрыхъ
Умовъ Европы нашъ покой.
Да Алтари и Тронъ нашъ въ мирѣ
Цвѣтутъ во вѣки на землѣ,
Да воспѣваемъ мы на лирѣ
Небесну благость въ тишинѣ:
„Языки! знайте, вразумляйтесь,
„Не поднимайте буйства рогъ,
„Принявъ вѣтвь мира покоряйтесь,
„И помните,—что съ нами Богъ“!...

VII.

Объ Натальци Полтавци.

МОИ ДУМКИ.

Наталька, та Петро,—вона не згирша казка;
Есть що и въ руки взять—паперу добра вязка.
Що-жъ тутъ въ середыни?—Насылу я добывсь,
Що той-такы Петро зъ Наталкой оженывсь.
Хочь довго driршъ воны въ тимъ малы перешкоду,
И ледви вже зъ нудьги не повкыдалысь въ воду;
Та добри люде, бачь, загынуть не далы;
За щирую любовъ до купы ихъ звелы.

Брехенька хочъ куды!—нема вже що й казаты!
Але-жъ,—якъ-бы те все по-наській розскубаты,—
То мы-бъ наткнулысь тутъ не на одну бридню.
Першъ, чимъ зъ Наталкою прійшовъ Петро въ ридню,
Якъ винъ въ годованци доставсь до Терпылыхы?
Ой!—певне бувъ винъ сынъ якоись Дзюндзюрыхы,

Зъ которою водывсь Терпылыхо старый,
Повадывшись [1]) скакать винъ черезъ тынъ чужій,
Та й мусивъ дидъ такы до того доскакатьця,
Що мавъ іому и цей годованець достатьця.
А що-жъ?—пидкынулы!—бо дидъ бувъ выноватъ,
Що Дзюндзюрыси винъ знаходывсь... [2]) кумъ, чи сватъ.
А щобъ бильшъ сорому свого не выявляты,
То й мусивъ Петруся чужого колыхаты.
Отъ!—цей Петрусь рисъ, рисъ,—да и Петромъ зробывсь;
А въ дяку за хлибъ-силь зъ Наталкою здружывсь.
Старый Терпылыхо не дуже дурнемъ бувшы,
Солодку доччину зъ Петромъ розмову чувшы,
Та й ще прымитывшы Петра, що винъ не разъ
Зъ дочкою въ жмурки гра,—якъ прійде темный часъ,—
Не довго думавъ дидъ,—загарбавъ за чупрыну
Петруся,—та й зломавъ на іому винъ лищину [3]);
И не жаліючы ни трохи кулакивъ —
Винъ ребра у Петра — чи вси — переличывъ;
Та й зъ дому винъ якъ пса прогнавъ на шляхъ шырокій,
Й дорогу показавъ на вси чотыры бокы.
Петро помандровавъ, и все по свиту шлявсь,
Тымъ часомъ-же старый Терпылыхо скончавсь.
Натальци й замужъ часъ. Наталка одмовляе
Всимъ женыхамъ своимъ—тилько Петра бажае.
Стара дочку жуе, щобъ замужъ йшла прытьмомъ,
Не голосыла щобъ даремне за Петромъ.
Що може вже Петра нема давно на свити,
Або винъ ма соби другую на прыкмити;
И марне молодыхъ литъ тратыть не велыть,
Щобъ опизнывшыся въ дивкахъ не посывить.
А доненьци не те верзлося у головци,
Не йдуть еи на умъ ни женыхы, ни хлопци.

---

[1]) *Вар.*: поквапывшись.

[2]) *Вар.*: зробывся.

[3]) *Вар.*: дубыну.

Хочь гарни женыхы траплялыся еи;
Та ба!—Натальци, бачъ, не тее на уми.
Дякы и пысари—ватагою за нею, --
Вона-жъ,—то сякъ, то такъ,—всихъ одбува брехнею.
Той—нибы пьяниця; той ни—такъ же голякъ;
У сіого се знайшла,—у того те не такъ.
Самъ Возный прыступавсь,—що ажъ доставъ оскому;
Такъ що-жъ?—брыкаетця,—ни прыступу никому.
Якъ Возный зъ Выборнымъ до матери прыйшлы,
Щобъ сватать,—то дочку зарумсану знайшлы.
Що-жъ каже?—Женыха пысьменного не хоче!
И знай—що про Петра и день, и ничъ сокоче.
А ій то не Петро такъ мизкы завертавъ,
А те,—що напередъ пысьменныхъ винъ читавъ.
Петро бувъ не пысьмакъ,—та добре вмивъ складаты,—
Буки есть—бе, твердывъ: пысьменнымъ такъ не втяты.
Однакъ-же возный нашъ на тее не вважавъ;
Заславъ винъ старостивъ, та и хусткы побравъ.
А тута якъ на те-жъ Петрунечко й явывся,
Не знаты—звиткиль, якъ винъ тута очутывся.
Наталка пидняла крыкъ, галасъ якъ не свій:
„Мій сызый голубе!... Петрунечку-жъ ты мій!...
„Давно-жъ моя душа тилько тебе бажала!...
„Безъ тебе-жъ я була на вики вже пропала!...
„Охъ!—жыжкы трусяться... не вымовлю, постій!...
„На викы я твоя!... а ты на викы мій!“
Отъ и весилле вамъ!—чи вы такее чулы?
А Возному-же що?—пидъ нисъ далы дви дули!
Панъ Возный изъ зубивъ Наталку упустывъ,—
Тай губкы облызавъ—неначе медъ видъ йивъ.
Банькы повытрищавъ, та й ставъ, згорнувшы руки;
И въ глуздъ іому не йде—яки отце зъ нымъ штукы.
Здаетця-жъ не такій соби винъ іолопъ бувъ,
Щобъ,—якъ москаль казавъ,—іого хто въ лапти взувъ.
Якъ-же винъ давъ Петру изъ себе такъ накпытьця,
Щобъ цей хусткы побравъ, а той прыйшовъ женытьця!

Отъ такъ!—пысьменный бувъ,—винъ заразъ догадавсь,—
Де двое бьютьця, тамъ щобъ третій не мишавсь.
Ой мудрый!—та не те було въ іого на думци,
А тобъ винъ носа втеръ Петру й іого голубци.
Не бійсь,—винъ-бы Петра на порохъ стеръ и змявъ,—
Та по пысьменьському напередъ рожжовавъ:
Що хочъ Петро й мугыръ,—та Возного не ныжчій,—
Самъ зъ верху все вже спывъ,—іому-жъ оставывъ дрижчы.
Та й билшъ не ставъ шукать—чого не положивъ,
И заразъ для Петра Наталку одступывъ.
Та й каже: „Слухайте!—горыть во мни презильно,
„Тее-то, якъ его,—желаніе безмирно,
„Зробыть, хочь-бы не хтивъ, для всихъ прикладъ добра.
„Нехай соби вже йде Наталка за Петра.
„Я правъ моихъ до ней законныхъ одступаюсь,
„Бо щиросты въ любви зило сей удывляюсь.
„Я возный, —а процесъ сей хочу самъ програть
„И буду всимъ Петру й Натальци помагать [1]).
„Теперь я въ васъ Дружко. Готовтеся-жъ до шлюбу,
Петру овець я зъ шисть дамъ молодій на шубу".
Тутъ вси на радощахъ—ажъ плакать почалы,
Що въ Возномъ такого добродія знайшлы,—
Якъ батька ридного.—Ой! гарный це Добродій!...
Багацько ще колысь Петру винъ вчыныть шкоды.
Эй Петре!—брать не квапсь одъ Возного овець.
Побачишь самъ, зъ сього, що выйде за конець.

Ну!—що-жъ на решти?—Вже загралы и музыкы,
Весилле почалось—и бенькетъ бувъ велыкій.
Сусиды тишылысь,—вси былы тропака,
Що Терпылышына просваталась дочка.
Одна Наталка щось [2]),—якъ нибы на похмилле,
Съ пидлобья дывытьця—не мыле ій весилле.
Сумуе, зблидла вся, повисыла и нисъ.

---

[1]) *Вар.*: Безъ пошлинъ за Петра Наталку отказать.

[2]) *Вар.*: лышь.

Чого-жъ вона це пакъ маркотна ажъ до слизъ?
Эге!—чого?—Пытай!—про те вона то знае.
Вышнивкы не було?—а хто-жъ іого вгадае!
А може й не того?—Згадать не латва ричь,
Що варытьця въ горшку,—хыба полизты въ пичь.
Ій стало жаль Попа!—Прощайсь винъ зъ бородою,
Щобъ въ друге не винчавъ [1]) винъ брата изъ сестрою.
На решти вже щобъ тамъ такее не було,
Та губы молодій щось дуже надуло.

А мы соби ще разъ вернимося до казкы.
Тамъ нисенитныць тьма!—тамъ письни все, та пляски!
Стара, дочка, Петро и Возный—вси ревуть,
Единъ по едному,—якъ ты жмели гудуть.
Та письни-жъ всякому прыточени до шмыгы,
Якъ нибы на верби поростыкавъ хто фыгы.
До сватанья,—то вси спивалы писеньки.
По шлюби-жъ ни одынъ, помовклы мовъ пеньки.
Мовъ першъ тоби ввесь медъ уперлы у капусту,
А потимъ въ шулыки свынину клалы тлусту.
Це правда! билая!—якъ заткало въ кагли,
Або та,—що верзуть бувае москали.

Брехунъ брехавъ брехню, чортъ ма еи чимъ змирыть;
А я перебрехавъ коротче—щобъ повирыть.
Нехай! Колысь потимъ, якъ буду маты часъ,
То я утну брехню гарнишчую для васъ.
Я вамъ, Добродію!—скажу такую казку,—
Якъ визъ переробывсь чумацкій на каляску.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Вар.:* За те, що повинчавъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

(ОКОНЧАНІЕ).

XI.

1787 г.—Отъ Мценска.

Путешествіе Императрицы изъ Орла продолжалось черезъ село Ивановское и Желѣзницу до города Мценска, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ; до Мценска провожали Императрицу правитель Орловскаго намѣстничества Неплюевъ, губернскій и уѣздный предводители дворянства. Карета императрицы была окружена дворянами, ѣхавшими верхами, а передъ каретою скакали верхами-же почтмейстеръ Орловскаго уѣзда и 6 почтальоновъ.

Въ Мценскъ Императрица прибыла около 7 ч. вечера 18 іюня; при въѣздѣ въ городъ, стоявшіе въ строю два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса отдали честь ружьемъ; въ городѣ производилась пушечная пальба и колокольный звонъ.

У самаго въѣзда въ городъ встрѣтилъ генералъ-аншефъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменской, съ прочимъ генералитетомъ и съ штабъ-офицерами, потомъ, у тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ на городской землѣ, встрѣтили городничій, градской голова съ первостатейнымъ купечествомъ и стояли присутствующіе городоваго магистрата и цеховые съ ихъ управными значками.

У дома, приготовленнаго для Высочайшаго пребыванія, встрѣтили: гофмаршалъ и правитель губерніи Орловской съ

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1892 г., № 3.

гражданскими чиновниками, и тутъ Ея Величеству поднесли хлѣбъ и соль: мценское купечество на серебряномъ, продолговатомъ блюдѣ, съ серебряною рѣзною солонкою со вкладкою синяго стекла. Вечеромъ Императрица играла въ карты съ приглашенными къ ея столу: съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ, графомъ Сегюромъ и великобританскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ.

Съ вечера и за полночь предъ домомъ, гдѣ пребывала Императрица, иллюминованъ былъ щитъ и весь городъ освѣщенъ былъ огнями.

На другой день, 19-го іюня, въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и при колокольномъ звонѣ выѣхала изъ города. Путешествіе продолжалось чрезъ постоялые дворы *Шушлинскіе*, 28 верстъ, до назначенной для обѣденнаго стола станціи въ *Большое Скуратово*; не доѣзжая до оной 15 верстъ, близъ Шушлинскихъ постоялыхъ дворовъ, на губернской Тульскаго намѣстничества межѣ, встрѣтили правящій должность генералъ-губернатора калужскаго и тульскаго генералъ-поручикъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, правитель намѣстничества генералъ-поручикъ Иванъ Александровичъ Заборовскій и губернскій предводитель тульскаго дворянства генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ съ предводителями уѣздныхъ ближнихъ городовъ и дворянами обоего пола. Тутъ Императрица вышла изъ кареты и во время перемѣны лошадей зашла въ построенный дворецъ и здѣсь жаловала къ рукѣ встрѣтившихъ Тульскаго намѣстничества правителей, начальниковъ и губернскаго предводителя съ дворянами, потомъ, въ сопровожденіи тульскихъ дворянъ въ 1-мъ часу по полудни прибыла въ село Большое Скуратово, гдѣ Государыню встрѣтили: гофмаршалъ и Тульскаго намѣстничества правители, начальники съ дворянствомъ и купечествомъ, причемъ отъ бѣлевскихъ купцовъ поднесено хлѣбъ и соль на серебряномъ большомъ продолговатомъ золоченомъ блюдѣ съ серебряною золоченою на пьедесталѣ, хорошо выработанною, солонкою, также разные фрукты на пяти фафоровыхъ блюдахъ и живыя стерляди.

Послѣ обѣда, въ 2 часа по полудни, путешествіе продолжалось чрезъ *Малое Скуратово* и село *Сергіевское* 60 верстъ, до назначенной для ночлега станціи въ село Лопатково, принадлежащее армянину надворному совѣтнику Ивану Лазареву, куда прибыли въ исходѣ 7-го часа вечера.

Вечеръ Императрица провела предъ внутренними покоями, до 9-го часа забавлялась въ карты съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и министрами графомъ Кобенцелемъ и Фицъ-Гербертомъ. Съ вечера предъ домомъ горѣла иллюминація.

20-го іюня, въ воскресенье, при восторженныхъ крикахъ крестьянъ, столпившихся около помѣщичьяго дома, Императрица пѣшкомъ прошла въ деревенскую церковь, выслушала литургію и черезъ станцію Калѣну выѣхала въ Тулу.

За двѣ версты до города Ее встрѣтили: генералъ-губернаторъ Калужскаго и Тульскаго намѣстничествъ генералъ-поручикъ Кречетниковъ, губернскій предводитель генералъ-поручикъ Давыдовъ съ уѣздными предводителями и дворянами. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, сопровождаемый эскадрономъ Ямбургскаго карабинернаго полка, Императорскій поѣздъ вступилъ въ городъ; въ предмѣстьи встрѣчали оружейники съ значками ихъ цѣховъ, а у тріумфальныхъ воротъ ожидали присутствующіе губернскаго и городоваго магистрата, купечество, мѣщанство; у дома народнаго училища и у дома воспитательнаго выведены были ученики, а съ ними учители, надзиратели и надзирательницы; у судебныхъ мѣстъ стояли присутствующіе и канцелярскіе служители.—Когда Императрица проѣзжала черезъ крѣпость, у собора Успенскаго встрѣтилъ со крестомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря архимандритъ Павелъ съ прочимъ духовенствомъ. Императрица прикладывалась ко кресту, сидя въ каретѣ. Въ 2 часа дня Императрица прибыла во дворецъ, и здѣсь въ передней комнатѣ тульскіе и калужскіе купцы поднесли ей хлѣбъ и соль на фарфоровомъ блюдѣ, и на пяти-же фарфоровыхъ круглыхъ блюдахъ разные фрукты.

Столъ Императорскій былъ изготовленъ на 32 куверта; къ столу были приглашены: Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ,

Иванъ Александровичъ Заборовскій, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, калужскій губернаторъ Петръ Степановичъ Протасовъ и многіе дворяне.

Послѣ стола Императрица ѣздила въ двухмѣстной каретѣ осматривать арсеналъ, а вечеромъ была въ городскомъ театрѣ, гдѣ представлена была русская комедія „*Хвастунъ*“. Актерами были воспитанники и воспитанницы московскіе.

Вечеромъ иллюминація, — описанная въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

„Съ вечера предъ домомъ Высочайшаго пребыванія, по другую сторону имѣвшагося пруда, горѣла порядочно устроенная иллюминація, притомъ крѣпость, на оной башни и у церквей колокольни всѣ освѣщены были огнями, равно въ городѣ дома, какъ казенные, такъ и партикулярные были-же иллюминованы и въ то-же время, съ 9 до 12 часовъ ночи, по пруду, что передъ домомъ Ея Величества, на водѣ ходила устроенная и ельникомъ убранная пирамида, которая вся была освѣщена огнями и на которой попеременно играла духовая музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ и, какъ тихая музыка, такъ и подобное тому пѣніе, довольно пріятно было къ слушанію всѣхъ зрителей“. (Камеръ-Фурьерскій журналъ. Путешествіе 1787 г.).

Современникъ и очевидецъ пребыванія Императрицы въ Тулѣ Болотовъ (см. Р. Старина 1873. Февраль) оставилъ намъ любопытный разсказъ:

Въ Тулѣ въ маѣ мѣсяцѣ начали еще приготовленія. Небольшой каменный домъ, на оружейномъ заводѣ, въ которомъ жилъ обыкновенно намѣстникъ, перестраивали—его увеличивали пристройками.

Въ началѣ іюня начали съѣзжаться дворяне тульскіе въ Тулу—съ женами и дѣтьми видѣть Матушку-Царицу. — Дамы шили себѣ алыя русскія шелковыя платья подъ цвѣтъ тульскаго мундира. — Намѣстникъ за нѣсколько дней уѣхалъ на встрѣчу Императрицѣ; жители толпились по улицамъ, смотрѣли передѣланный вновь дворецъ, церемоніальный разводъ смѣны караула, пробныя иллюминаціи противъ дворца, за каналомъ, подлѣ крѣпости, приготовленіе къ серенадѣ. Два нарочитой величины

плоскодонныя судна, иллюминованныя, съ насаженными въ нихъ пѣвчими и музыкантами, поющими пріятные гимны, сочиненные нарочно для сего случая, разъѣзжали, тихо будучи тянуты канатами взадъ и впередъ мимо дворца, по широкому каналу, а весь народъ, которымъ оба берега канала сего были унизаны, любовался симъ зрѣлищемъ.

Въ ночь подъ 20-е іюня пріѣхалъ намѣстникъ для сдѣланія распоряженій къ встрѣчѣ Императрицы въ тотъ день. — Утро было прекрасное, лѣтнее, свѣтлое и тихое. По всей Тулѣ поднялась скачка каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Въ 12 ч. утра раздалась за городомъ пушечная пальба, возвѣщавшая приближеніе Высочайшаго поѣзда.—Наконецъ появились кареты,—вотъ и Императорская шестимѣстная.—Дамы ждутъ съ нетерпѣніемъ въ соборѣ—и Она обманула ихъ ожиданія. Остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ Ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой ко дворцу (стр. 152). Дамы всѣ съ большимъ неудовольствіемъ разъѣхались по домамъ.

Всѣ утѣшались, что увидятъ Императрицу въ театрѣ. — Дѣйствительно, вечеромъ Императрица пріѣхала въ театръ со своею свитою, едва успѣло собраться тамъ все дворянство. Минута вшествія Ея, разсказываетъ очевидецъ, (Болотовъ, стр. 152),—была восхитительная для всѣхъ...

На другой день назначенъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія балъ, гдѣ надѣялись еще разъ видѣть близко Императрицу.

21-го іюня весь день Императрица пробыла въ Тулѣ; по утру, при выходѣ въ залу въ сопровожденіи свиты, Императрицѣ говорилъ привѣтственную рѣчь сперва ученый архимандритъ Павелъ; рѣчь была не длинная, продолжалась двѣ или три минуты; не успѣла приложиться Императрица ко кресту и образу, поднесенному архимандритомъ, какъ началъ рѣчь губернскій предводитель. Потомъ намѣстникъ подвелъ Болотова съ рисунками и ландкартами. „Не успѣлъ я, преклонившись, — разсказываетъ Болотовъ,—поднесть книги свои къ Государынѣ, какъ

кто-то изъ ея придворныхъ схватилъ всѣ оныя у меня изъ рукъ и я съ тѣхъ поръ ихъ не видѣлъ, ибо онъ въ мигъ скрылся съ ними за народомъ, а куда онъ ихъ понесъ, я того не могъ уже никакъ видѣть, ибо въ самый тотъ моментъ и стали подходить къ Государынѣ наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство къ рукѣ" (стр. 158). Потомъ Императрица, предшествуемая намѣстникомъ, пошла смотрѣть оружейный заводъ. Вся толпа послѣдовала за Императрицею, всѣ старались ближе видѣть Матушку, но рѣдкимъ удавалось это счастье,—Императрица постоянно окружена была лицами своей свиты. — Съ завода Императрица возвратилась въ свои покои,—всѣ разъѣхались.

Вечеромъ вся тульская публика съѣхалась въ залу дворянскаго собранія на балъ; съ нетерпѣніемъ ожидали Императрицу. „Ѣдетъ, ѣдетъ!" — раздалось въ толпѣ. Началась суета, толканіе. Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали шествіе пріѣзжихъ въ сѣни. Загремѣла музыка, растворились двери... Всѣ были поражены: вмѣсто Государыни намѣстникъ велъ камеръ-фрейлину Анну Степановну Протасову, а за ними кавалеры и дамы изъ свиты Императорской. Войдя въ залу, они пошли танцовать большой длинной польской. Начались разспросы: „гдѣ-жъ и что-жъ Государыня-то?—Развѣ она не изволитъ быть?"—Узнали, что Императрица по причинѣ усталости и небольшого недомоганья отмѣнила свое посѣщеніе. Но вскорѣ услышали, что не усталость и нездоровье были причиною непосѣщенія Императрицею бала, а что за часъ до бала пріѣхалъ курьеръ отъ Потемкина и привезъ какія-то важныя извѣстія.— Это было извѣстіе объ объявленіи намъ войны Турціею.

На другой день Императрица выѣхала въ Москву, гдѣ ожидалъ Ея возвращенія изъ путешествія великій князь.

Г. В. Есиповъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Гора, на которой нынѣ стоитъ памятникъ св. Владиміру, какъ разъ тогда обдѣлывалась, но весьма неудачно: каждую весну дернъ сползалъ внизъ, и опять принимались за работу. По Андреевскому спуску находился одно-этажный каменный домъ Муравьева, оставившаго описаніе путешествія по святымъ мѣстамъ. Ниже въ оврагѣ шла улица въ особую часть города, называемую Кожемяки и состоявшую изъ деревянныхъ домиковъ. Отъ Подола къ Кирилловской больницѣ умалишенныхъ тянулись деревянные дома Оболони. За Лыбедью поднималась въ гору митрополичья роща съ двухъ-этажнымъ маленькимъ, узенькимъ каменнымъ домикомъ[2]). Въ немъ никто не жилъ ни зимою, ни лѣтомъ. Находился только при немъ въ видѣ сторожа старичекъ, лаврскій послушникъ. Каждый годъ перваго мая въ этой рощѣ происходило съ ранняго утра и до другаго утра народное гулянье. Продавалась водка, пиво, сбитень, чай, каленые орѣхи, изюмъ, яблоки и другія сласти. Народъ пьянствовалъ цѣлыя сутки, и часто происходили здѣсь серьезныя драки со множествомъ раненныхъ. Въ 4 часа по полудни на бѣлой лошади со свитой и нѣсколькими козаками появлялся генералъ-губернаторъ и за нимъ вся знать въ экипажахъ и на лошадяхъ. Вечеромъ генералъ-губернаторъ, знать и среднії

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

[2]) Теперь роща эта принадлежитъ Кадетскому корпусу.—Ред.

купеческій и чиновничій классъ возвращались въ городъ. Мастеровые, мѣщане и простой народъ изъ окрестностей только еще начинали разгуливаться. Встрѣчались и разгульные студенты, и купеческіе сынки, и молодые чиновники. Въ глубинѣ рощицы можно было натолкнуться на нескромныя сцены; слышались неприличныя пѣсни и шутки. Передъ разсвѣтомъ по дорогѣ въ Кіевъ, и въ рощѣ, и по оврагамъ, валялись сотни спящихъ и мертвецки пьяныхъ, большею частью полураздѣтыхъ или до-нага раздѣтыхъ жуликами. Особенно много валялось совсѣмъ нагихъ, и пожилыхъ, и молодыхъ, женщинъ и дѣвокъ. На слѣдующій день всѣ части наполнены были буянами обоего пола, подобранными полиціею въ теченіе ночи, а также ограбленными до нага. По вытрезвленіи они получали начальническое внушеніе въ видѣ десятковъ и сотенъ розогъ и отпускались по домамъ; а болѣе виновные, сверхъ того, наряжались мести улицы. Кромѣ этого веселаго и разгульнаго праздника, народъ десятками тысячъ, сдерживаемый полиціей, жандармами и войсками, присутствовалъ ежегодно на крестномъ ходѣ митрополита со всѣмъ духовенствомъ изъ Братскаго монастыря на Іордань—на Днѣпръ. За шествіемъ слѣдовали экипажи кіевской знати и въ числѣ ихъ карета съ людьми въ придворной красной ливреѣ фрейлины, графини М.

Графиня М. имѣла свой домъ въ Липкахъ; сынъ ея, тупой, здоровенный блондинъ, посѣщалъ лекціи естественнаго факультета. Была ли она бѣдна, или ужъ такова была ея натура, но о ней разсказывали слѣдующее. Жила она въ кругу знати, въ обществѣ графини Растопчиной, Судіенка, Ризнича и другихъ. Кто-то изъ этихъ богачей выдавалъ дочь замужъ; осматривали приданное, разложенное на столѣ въ особой комнатѣ. Замѣчено было, что графиня М. нѣсколько разъ любовалась брилльянтовымъ уборомъ: серьгами, діадемой, колье, браслетами и перстнемъ съ солитеромъ—цѣною въ нѣсколько тысячъ рублей. Послѣ разъѣзда гостей исчезъ солитеръ и серьги. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Бибикова, онъ призвалъ одного ловкаго сыщика и объявилъ ему, что если тотъ отыщетъ пропажу, то получитъ 1000 рублей, если же пропажи

не обнаружитъ, а только произведетъ скандалъ, то попадетъ въ Сибирь. При этомъ намекнулъ, что особенно часто этими драгоцѣнностями любовалась графиня М. Сыщикъ переодѣлся въ костюмъ лакея и сталъ посѣщать лавочку съ мелочами и сластями, которую часто въ отсутствіе графини посѣщала ея довѣренная камеристка, ища развлеченія въ обществѣ другихъ горничныхъ и лакеевъ. Сыщикъ былъ ловокъ, красивъ и не безъ юмора. Онъ сталъ тѣшить всю компанію, и горничныя въ немъ души не чаяли. Влюбилась въ него и камеристка графини. Замѣтивъ это, онъ объяснился ей въ любви и выразилъ желаніе обвѣнчаться съ нею. Начались любовныя свиданія и откровенности, и камеристка, между прочимъ, разсказала ему, что до упомянутой выше свадьбы шкатулка съ украшеніями графини была у нея на рукахъ; но съ вечера свадьбы графиня забрала шкатулку въ спальню къ себѣ, у себя хранитъ ключъ, и когда вынимаетъ или прячетъ вещи, то ее высылаетъ изъ спальни и дверь запираетъ на замокъ. Сыщикъ рѣшилъ, что тамъ-то именно и находятся украденныя драгоцѣнности. Взявши съ собою четырехъ десятскихъ и поставивъ ихъ вблизи дома графини, онъ попросилъ камеристку доложить о немъ, а самъ тутъ же спрятался за портьерой. Графиня закричала, что она не имѣетъ дѣла съ полиціею, знать не хочетъ ея агентовъ, и пусть пришедшій убирается къ чорту, иначе она отошлетъ его къ Бибикову. Крича, графиня поднялась и хотѣла выскользнуть въ спальню. Агентъ моментально выскочилъ изъ-за портьеры, загородилъ ей дорогу и объявилъ, что арестуетъ ее и произведетъ во всемъ домѣ обыскъ, если она добровольно не отдастъ исчезнувшихъ серегъ и солитера. Графиня еще пуще раскричалась: „кто смѣетъ ее арестовать? какая-нибудь пьяная полицейская сволочь! Она его упрячетъ въ Сибирь! Она сейчасъ напишетъ записку къ Бибикову, пусть онъ самъ пріѣдетъ и полюбуется на свою полицію!“ Сыщикъ хладнокровно объявилъ ей, что серьги и солитеръ у нея въ шкатулкѣ, а шкатулка находится въ спальнѣ въ такомъ-то мѣстѣ; и что онъ сейчасъ ихъ отыщетъ въ присутствіи понятыхъ и десятскихъ, которые ждутъ его распоряженія у крыльца.

Графиня смирилась, повела его въ спальню, отперла шкатулку, отдала ему серьги и солитеръ и дала еще сто рублей. Агентъ раскланялся и ушелъ къ Бибикову, который отсчиталъ ему 1000 рублей и предложилъ повышеніе въ полиціи, а съ графиней видѣлся въ тотъ же вечеръ, кушалъ у нея чай; разстались весьма любезно. Но на третій день она совсѣмъ уѣхала изъ Кіева и сына опредѣлила въ Петербургскій университетъ.

Крѣпость Кіевская только съ 1848 г. стала расширяться и охватила Никольскіе ряды. Зданіе университета было единственнымъ капитальнымъ зданіемъ въ Кіевѣ. Оно обошлось казнѣ, если не ошибаюсь, въ 2 милліона слишкомъ рублей. Строилъ его профессоръ университета, архитекторъ Б. Онъ въ то же время построилъ себѣ два хорошіе дома: одинъ на Крещатикѣ, ниже жандармскихъ казармъ, другой на Старомъ Кіевѣ, подлѣ церкви св. Ирины. Говорили, что онъ составилъ себѣ порядочное состояніе.

Студенты Кіевскаго Университета съ самаго его основанія были въ большинствѣ поляки юго-западнаго и сѣверо-западнаго края и ополяченные дѣти русскихъ чиновниковъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Меньшинство составляли малороссы. Ополяченіе русскихъ въ означенныхъ краяхъ простиралось до того, что не только въ тѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ матери были католички-шляхтянки, но даже и въ семьяхъ, прибывшихъ изъ Малороссіи или Россіи, домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ языкъ польскій; православная прислуга тоже говорила по польски. Костелы православными дамами посѣщались чаще, чѣмъ церкви. Ловкіе ксендзы во всѣхъ русскихъ домахъ были, какъ у себя дома; вели любовныя интрижки и посредствомъ русскихъ дамъ медленно, но неустанно вели трудную работу воздвиженія фундаментовъ будущаго королевства польскаго отъ моря и до моря и торжества католицизма. Въ городахъ, даже въ селеніяхъ, гдѣ довольно оказывалось католиковъ, православныя, вышедшія за католиковъ, начинали посѣщать костелы; дѣтей отъ такихъ браковъ, не смотря на законъ, крестили

ксендзы. Польскій панъ и польскій ксендзъ были сила, передъ которою по распущенности, глупости или изъ корысти преклонялось все русское чиновничество. Притомъ даже послѣ бунта 1830—31 годовъ всѣ вліятельныя мѣста по разнымъ вѣдомствамъ наполнены были способными и ловкими поляками, втиснутыми на эти мѣста съ обдуманнымъ выборомъ панами. Для полученія мѣстъ или повышеній и русскимъ приходилось искать протекціи пановъ, которой удостоивались только „dobrze myślący“. Русское православное духовенство было въ пренебреженіи; паны и чиновники, и польскіе, и русскіе, смѣялись надъ его бѣдностью, необразованностью и жадностью, надъ его мужичествомъ. Сплошное русское православное сельское населеніе именовалось „bydłem“ и изнемогало подъ панщиной, которая имѣла мѣсто даже въ годовые праздники, и канчуками экономовъ. Непокорныхъ панъ отдавалъ въ солдаты, выселялъ въ Сибирь, продавалъ, проигрывалъ въ карты и даже обмѣнивалъ на собакъ и лошадей. Всѣ суды были въ рукахъ пановъ, а всѣ судьи — поляки-паны. Всѣ дѣла съ быдломъ рѣшались въ пользу пановъ. Для быдла не существовало никакой защиты. Но быдло все таки, за немногими исключеніями, перенося и панщину, и всевозможныя истязанія, оставалось и русскимъ, и православнымъ. Нужно признаться, что въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ чиновничество вообще—и въ томъ числѣ и русское—не мало содѣйствовало подготовкѣ къ возстанію 1863 года. Каждый ксендзъ-пробощъ владѣлъ населенною православнымъ быдломъ деревнею. Когда эти деревни были впослѣдствіи отняты у ксендзовъ и замѣнены жалованьемъ отъ правительства, въ ксендзовкахъ не оказалось уже православнаго быдла: все оно совратилось въ католицизмъ и приняло названіе шляхты. Д. Г. Бибиковъ, оказалъ услугу Россіи, что не давалъ большой воли польскимъ панамъ и ксендзамъ и ввелъ инвентари, по которымъ русское быдло должно было отбывать панщину (барщину) вмѣсто семи только три дня въ недѣлю; хотя за составленіе инвентарей въ пользу Писарева, правителя канцеляріи Би-

бикова, взыскано было не съ пановъ, а съ быдла 6000 руб. сер.

Сильно ополячивали русскихъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, существовавшихъ въ юго-западномъ краѣ. До исторіи студента Гордона и до ареста Конарскаго, директора, смотрители училищъ (prefecty) были большею частью поляки, равно какъ и большинство учителей, даже русскій языкъ читали поляки. Напримѣръ, префектомъ Немировскаго 4-хъ класснаго уѣзднаго училища былъ полякъ Миладовскій; математику преподавалъ полякъ Осечковскій, латинскій языкъ—полякъ Чарнецкій, французскій языкъ — католикъ французъ Феранъ, нѣмецкій языкъ—полякъ Грудзинскій; латинскій и русскій—полякъ Булгаровскій, рисованіе и чистописаніе—полякъ Гонзаль. Врачемъ былъ полякъ Поповскій, участвовавшій въ мятежѣ 1831 года. Законъ Божій католикамъ преподавалъ ксендзъ Антониковскій, который былъ главнымъ распорядителемъ въ училищѣ и носилъ собственно названіе префекта, а Миладовскій, не знаю почему, именовался директоромъ. Учитель приходскаго училища тоже былъ полякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ собственныхъ домахъ содержалъ многолюдную ученическую квартиру, которой считался и надзирателемъ. Географію преподавали сначала тѣ-же поляки, а потомъ пріѣхалъ малороссъ Мокіевскій. Законоучителя православнаго я по фамиліи не помню. Онъ былъ какой-то чахоточный злюка и въ гимназію никогда не являлся, даже экзаменовалъ у себя на квартирѣ, возлѣ каменной церкви. Все преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ, безъ всякаго объясненія, приказывалъ выучить столько-то параграфовъ учебника и въ слѣдующій разъ по учебнику прослушивалъ. Если кто не вызубрилъ отъ слова до слова, того вздувалъ линейками. Такъ какъ православныхъ было немного, то весь урокъ оканчивался въ четверть часа; остальное время ученики шалили возлѣ церкви или шлялись по городу. Къ нему нужно было ходить во всѣ времена года, даже по грязи, доходившей до пояса. Когда въ такомъ видѣ къ нему являлись православные ученики, то на встрѣчу имъ онъ выскакивалъ въ сѣни со словами: „такихъ запачканныхъ свиней я въ чистую горницу не пускаю. Выучите

далѣе столько-то параграфовъ, и сейчасъ вонъ въ училище, а то загадите мнѣ и сѣни". Не только ученики между собою въ училищѣ, но и съ учителями разговаривали исключительно по польски, хотя преподаваніе происходило по русскимъ учебникамъ, и польскій языкъ вовсе не преподавался, какъ отдѣльный предметъ (онъ введенъ былъ во всѣ учебныя заведенія только передъ возстаніемъ 1863 года, по ходатайству генералъ-губернатора кн. Васильчикова). На ученическихъ квартирахъ, помѣщавшихся у учителей-поляковъ и у частныхъ лицъ, исключительно употреблялся въ разговорѣ польскій языкъ. Большими частными квартирами руководили dozorcy (надзиратели) изъ воспитанниковъ бывшаго виленскаго университета и кременецкаго лицея. Все это были люди дѣйствительно знающіе и образованные. Они прекрасно репетировали съ учениками и, сверхъ того, желающимъ за особое вознагражденіе преподавали французскій языкъ. За репетиторство отъ каждаго ученика была установлена плата, которая вносилась директору Миладовскому, а онъ помѣсячно въ видѣ жалованья выплачивалъ репетиторамъ. Эти репетиторы-надзиратели исполняли по очереди надзирательскія обязанности въ училищѣ, получая вознагражденіе изъ остаточныхъ суммъ училища. Всѣ они перебывали въ польскомъ возстаніи 1831 г. и воспитывали ввѣренныхъ имъ дѣтей въ исключительности польскаго патріотизма. Между ними особенно помнятся мнѣ весьма знающіе люди: Кульчицкій, Чернякъ, д'Артузи. И учителя, и репетиторы, и ученики поляки отзывались съ презрѣніемъ обо всемъ русскомъ и православномъ и всѣхъ русскихъ называли мужиками. Нужно отдать справедливость Миладовскому и составу учителей-поляковъ и дозорцевъ, что они преподавали недурно и гуманно обращались съ дѣтьми, въ томъ числѣ и съ русскими. Неуспѣвавшихъ старались развить репетиціями и обращеніемъ къ ихъ самолюбію, и за неуспѣшность, кромѣ оставленія на второй годъ въ одномъ классѣ, другихъ наказаній не было. За шалости, только крупныя, наказывалъ плеткой собственноручно самъ Миладовскій, и притомъ наказанія эти бывали весьма рѣдки. Ученика никто не держалъ, его не обнажали, не поднимали даже сюртука и не клали на

табуретъ или скамью. Миладовскій бралъ его за руку и стоящаго ударялъ два или три раза по педагогической части, по сюртуку и затѣмъ стыдилъ его, что онъ сѣченый, стыдилъ и классъ, среди котораго отыскалась личность, доведшая себя до такого позорнаго наказанія. Неужели они необразованные, грубые мужики, что не могутъ обойтись безъ плети; товарищамъ всегда возможно предупредить преступную шалость. Виновныхъ въ воровствѣ отдавали родителямъ на извѣстное время на исправленіе, главнымъ образомъ потому, что вору не было возможности жить между товарищами; презрѣніемъ и преслѣдованіемъ они могли бы на первыхъ порахъ довести его до самоубійства.

Братъ Гордона, бывшаго главнымъ руководителемъ польской политической затѣи въ Кіевскомъ Университетѣ, учился во 2-мъ классѣ Немировскаго дворянскаго уѣзднаго училища. Ему было не болѣе 11 или 12 лѣтъ. Вотъ въ одно утро на первый утренній урокъ явился во 2-й классъ попечитель кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке и сейчасъ спросилъ ученика Гордона. Разспрашивалъ, переписывается ли онъ съ братомъ и хорошо ли учится. Оказалось, что братъ никогда къ нему прямо не пишетъ, а кланяется ему и разспрашиваетъ о его поведеніи и успѣхахъ въ письмахъ къ родителямъ. Миладовскій засвидѣтельствовалъ, что Гордонъ весьма способный, развитой ученикъ и по успѣхамъ и поведенію считается въ классѣ, въ которомъ 125 учащихся, однимъ изъ первыхъ. Этимъ дѣло кончилось. Вѣроятно, на основаніи данныхъ слѣдственной коммиссіи въ Кіевѣ, явился вскорѣ на ревизію въ Немировъ профессоръ юридическихъ наукъ Өедотовъ. Пріѣхалъ онъ во время классовъ и произвелъ осмотръ вещей, бѣлья и учебныхъ пособій въ нѣсколькихъ ученическихъ квартирахъ. Затѣмъ вызваны были изъ классовъ два взрослыхъ ученика,—въ томъ числѣ Ордынскій, отданный въ солдаты,—4-го класса, одинъ взрослый третьяго и мальчикъ лѣтъ 12 второго, Гумницкій, сынъ помѣщика селенія Крапивна. Эти ученики уже въ классы не возвращались. Гумницкій и затѣмъ Гордонъ послѣ допроса отосланы были къ родителямъ, а три взрослыхъ увезены въ Кіевъ.

Послѣ вакаціоннаго времени училище было преобразовано въ гимназію. Весь прежній штатъ уволенъ, за исключеніемъ учителя Чарнецкаго. Директоромъ назначенъ былъ Кульжинскій, инспекторомъ Орда, а учителями явились на первыхъ порахъ семинаристы. Ополяченіе продолжалось и при русскомъ семинарскомъ режимѣ, и польскій языкъ до 1863 года продолжалъ быть единственнымъ разговорнымъ языкомъ учениковъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, и на квартирахъ. Иные русскіе православные студенты въ университетѣ большо льнули къ кружку студентовъ поляковъ, хотя безпрестанно занимавшихся своей польской политикой объ освобожденіи Польши, но большею частью прилично державшихъ себя, исправно посѣщавшихъ лекціи и усердно занимавшихся наукой,—чѣмъ къ кружку своихъ заднѣпровскихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и поповичей.

Въ послѣднемъ кружкѣ было много способныхъ и даже хорошо подготовленныхъ къ слушанію университетскаго курса молодыхъ людей, получившихъ хорошія начала у польскихъ учителей древнихъ языковъ, такъ какъ эти должности и за Днѣпромъ занимали поляки. Но этотъ кружокъ выдѣлялъ изъ себя много молодежи, страшно буйной, грубой, безнравственной, предававшейся грубому разврату, пьянству и творившей безпрестанные скандалы. Къ этой молодежи прильнуло и нѣсколько поляковъ, влекомыхъ къ такому образу жизни врожденными инстинктами.

Былъ еще кружокъ аристократическій, состоявшій изъ русскихъ и нѣсколькихъ поляковъ, который весь записался на 2-е естественное отдѣленіе философскаго факультета, весьма рѣдко посѣщалъ лекціи, участвовалъ во всѣхъ балахъ, вечерахъ, концертахъ, спектакляхъ, маскарадахъ; проводилъ ночи въ карточной игрѣ и кутежѣ съ кокотками. Во главѣ этого кружка стоялъ племянникъ Бибикова богачъ С—нъ. Бибиковъ былъ опекуномъ его 4000 душъ и капиталовъ и позволялъ ему кутить сколько угодно. Къ этому кружку примыкали и упомянутый уже графъ М., Р—чъ и С—ко, и свѣтлѣйшій князь Л—нъ. Но послѣднему участвовать въ кутежахъ не позволялъ гувернеръ, бывшій при немъ безотлучно, сопровождавшій его

даже въ университетъ на лекціи и просиживавшій на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ. Въ этомъ же кружкѣ состоялъ сынъ не очень состоятельнаго помѣщика кіевской губерніи полякъ К—скій, знаменитый кіевскій танцоръ, поддерживавшій свои рессурсы счастливою игрою въ карты. Были еще два брата, князья Гедройцы, очень богатые, изъ сѣверозападнаго края; но они не водились съ аристократическимъ кружкомъ, а пристали къ шляхетскому политикующему польскому кружку, который часто цѣлыми десятками собирался въ ихъ обширной квартирѣ по вечерамъ, гдѣ, разумѣется, шли трактаты о политикѣ, и читались запрещенныя сочиненія. Гедройцы внѣ лекцій, особенно по вечерамъ, ходили въ нагольныхъ тулупчикахъ или въ свиткахъ и въ этихъ костюмахъ посѣщали театръ, всегда исключительно помѣщаясь въ райкѣ вмѣстѣ съ братьей шляхтой. При ихъ помощи и руководствѣ для образованія польской молодежи учреждена была очень богатая секретная студенческая библіотека, состоявшая изъ собранія сочиненій лучшихъ польскихъ писателей заграничнаго изданія, запрещенныхъ сочиненій политическаго и соціальнаго содержанія, такихъ же брошюръ и капитальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ университетскаго образованія. Въ университетѣ находился еще настоящій аристократъ князь Коріатовичъ-Курцевичъ; но онъ былъ до такой степени пригнетенъ бѣдностью, что не только не связывался съ кружкомъ аристократовъ, но удалялся и отъ шляхетскаго кружка и спѣшилъ уничтожать конверты отъ писемъ изъ дому, чтобы товарищи не узнали о его громкомъ княжескомъ происхожденіи. Онъ жилъ въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, гдѣ болѣе бѣднымъ студентамъ за небольшое вознагражденіе отпускалась пансіонерская пища, а помѣщеніе, освѣщеніе, прислуга, отопленіе и мытье бѣлья давались даромъ.

Въ польскомъ университетскомъ кружкѣ 46, 47, 48 и 49 годовъ, при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ, который такъ строго слѣдилъ за польскими затѣями и пановъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, организовалось все то, что въ 1863 году вывело въ кіевской и волынской губерніи шляхту и пановъ въ

банды. Видную роль въ польскомъ кружкѣ, кромѣ Гедройцевъ, игралъ сынъ учителя верховой ѣзды при университетѣ Ольшанскій, который въ 63 году самъ исполнялъ эту должность и вывелъ изъ Кіева конный вооруженный отрядъ въ 60 человѣкъ, состоявшій исключительно изъ студентовъ университета. Отрядъ этотъ былъ разбитъ, а Ольшанскій пойманъ и повѣшенъ.

Изъ тогдашняго-же кружка университетскаго вышли большею частью тѣ мировые посредники, которые въ 63 году снимали въ селахъ и деревняхъ караулы для пропуска небольшихъ бандъ и одинокихъ повстанцевъ, спѣшившихъ на сборные пункты, тѣ становые пристава и ихъ помощники, а также судебные слѣдователи и акцизные чиновники, тѣ жандармскіе офицеры, которые всякое недоразумѣніе между помѣщиками и крестьянами, между властью и крестьянами, провозглашали бунтами и раздували ихъ до крайности, придавая имъ политическій оттѣнокъ. Они разсчитывали, что вооруженное усмиреніе и сѣченіе на смерть хлоповъ охладитъ преданность послѣднихъ Царю и Россіи, послѣ чего, посредствомъ золотыхъ грамотъ и широкихъ обѣщаній, легко будетъ склонить послѣднихъ идти вмѣстѣ съ поляками драться противъ русскихъ войскъ. А сколько медиковъ, домашнихъ учителей, предводителей дворянства, чиновниковъ разныхъ губернскихъ и даже столичныхъ вѣдомствъ получили закваску въ томъ-же кружкѣ и интриговали повсемѣстно въ Россіи въ пользу независимой Польши отъ моря и до моря! Въ Петербургѣ стали представлять себѣ юго-западный и сѣверо-западный край, населенный испоконъ вѣка сплошною массою русскаго народа, чѣмъ-то кореннымъ польскимъ, отобраннымъ у Польши, гдѣ живутъ хлопы готовые возстать по наущенію злоумышленныхъ людей не только противъ землевладѣльцевъ, но противъ законной русской власти. Событія во Франціи, затѣмъ въ Австріи, Пруссіи и Германіи въ сороковыхъ годахъ не мало тревожили власть. Тутъ уже не одни польскія и якобы малороссійскія затѣи, но врагъ болѣе грозный, охватившій почти всю Европу, стучался въ двери. Кіевскій университетъ, какъ порубежный, обратилъ особенное на себя вниманіе. Генералъ-губернаторъ и попечитель округа

Бибиковъ получилъ чрезвычайныя права въ управляемомъ имъ краѣ. Польскій кружокъ, продолжалъ принимать свои мѣры. Бибиковъ строго сталъ требовать аккуратнаго посѣщенія лекцій и соблюденія формы и чинопочитанія. Поляки все это исполняли съ удивительною точностью. Каждый полякъ имѣлъ всѣ пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ, и всѣ они были застегнуты; снимали шапки и прикладывали пальцы къ шляпамъ не только передъ генералами, но чуть-ли не передъ всѣми носившими эполеты. Болѣе зажиточные стали являться уже не въ райкѣ въ театрѣ, а въ креслахъ въ полной формѣ и вели себя вполнѣ прилично. Однажды между ними пронесся слухъ, что студентъ З — цкій подружился въ райкѣ съ какимъ-то пьянымъ русскимъ рабочимъ, который принялъ З — цкаго по костюму и говору тоже за русскаго рабочаго. Они вмѣстѣ вышли изъ театра. Рабочій пригласилъ З — цкаго выпить въ шинкѣ и, окончательно опьянѣвши, дорогою сталъ приглашать его явиться черезъ три дня къ университету рѣзать студентовъ, такъ какъ они поляки — враги Царя и пускаютъ черезъ трубу въ обсерваторіи на Подолъ холеру. А холера тогда сильно свирѣпствовала въ Кіевѣ, особенно на Подолѣ. З—цкій довелъ пьянаго до квартиры и на другой день объявилъ объ этомъ товарищамъ. Его сейчасъ-же нарядили въ мундиръ и съ ассистентами повезли къ Бибикову. Бибиковъ отправилъ З—цкаго переодѣтымъ въ рабочій костюмъ съ полиціймейстеромъ въ квартиру болтавшаго рабочаго. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ вчерашней выпивки, и хотя запирался, но путался въ показаніяхъ. Его арестовали и, кажется, порядкомъ высѣкли. Я думаю, что это—не болѣе, какъ польскій фортель—обратить бдительность власти въ иную сторону и дать ей почувствовать, что жизнь смирныхъ поляковъ виситъ на волоскѣ.

Кромѣ аккуратнаго посѣщеніи университета, соблюденія формы, исправности въ пуговицахъ и чинопочитанія, обращено было строжайшее вниманіе на то, чтобы профессора, особенно исторіи, философіи и словесности, читали свои предметы, строго придерживаясь предписанной программы; не смѣли зарождать въ умахъ слушателей недовѣріе или неуваженіе къ Россіи и

существующему въ Россіи порядку управленія. Профессоръ русской литературы Селинъ, весьма симпатичная личность, владѣвшій безспорно ораторскимъ талантомъ, изощрялъ все свое краснорѣчіе на древнихъ памятникахъ русской литературы, едва скользя по памятникамъ XVIII вѣка и не позволяя себѣ проникать въ XIX столѣтіе. Профессоръ всеобщей исторіи Ставровскій читалъ фактически, по гимназическому, позволяя только себѣ подолѣе останавливаться на безобразіяхъ инквизиціи, индульгенцій, католическихъ монастырей и жизни и дѣяніяхъ папъ (по Ранке), а также щекоталъ нервы своихъ слушателей изображеніемъ гаремной жизни восточныхъ властителей и описаніемъ приготовленія къ брачной ночи дѣвицъ для персидскихъ царей. Орестъ Марковичъ Новицкій прекрасно, толково и ясно излагалъ логику, психологію (онъ издалъ краткія и обширныя руководства этихъ предметовъ) и весьма сжато и сухо исторію философскихъ системъ древняго міра. Еще большею сухостью и туманностью отличалось изложеніе исторіи новыхъ философскихъ системъ Гогоцкаго. Но предполагалось упразднить эту каѳедру въ университетѣ. Старикъ Скворцовъ каѳедральный протоіерей Софійскаго собора, митроносецъ и профессоръ философіи въ духовной академіи, читалъ въ университетѣ богословіе безжизненно и скучно. Половина часовой лекціи проходила въ перекличкѣ, а на лекцію собирались оба отдѣленія философскаго факультета и юридическій факультетъ. Отсутствующимъ ставились *азики*; но такъ какъ Скворцовъ и сквозь очки не видѣлъ хорошо, то часто вмѣсто отсутствующаго *азикъ* приходился присутствующему. На окончательныхъ испытаніяхъ эти *азики* играли большую роль, такъ какъ ими Скворцовъ хотѣлъ конфузить студентовъ, не посѣщавшихъ въ теченіе года его лекцій. Впрочемъ, присутствовавшій всегда на окончательныхъ испытаніяхъ по богословію митрополитъ Филаретъ принималъ сторону сконфуженныхъ, одобрялъ ихъ отвѣты, настаивалъ на хорошихъ отмѣткахъ и заставлялъ Скворцова упрятывать книжицу съ *азиками*. Студентъ Т—бъ, юноша небольшихъ способностей, страшно самолюбивый и честолюбивый, старался всѣми способами выдѣлиться и выдвинуться

среди товарищей; онъ ухаживалъ за всѣми профессорами, и, наконецъ, на исповѣди передъ Пасхою смутилъ бѣднаго старика Скворцова, признавшись въ своемъ невѣріи. Два дня бесѣдовалъ съ нимъ Скворцовъ и къ удовольствію своему сдѣлалъ его опять вѣрующимъ и затѣмъ особенно благосклонно сталъ къ нему относиться, часто приглашая его къ себѣ въ домъ для духовныхъ собесѣдованій. О невѣріи Т—ба и чудномъ скоромъ его обращеніи заговорилъ весь университетъ и городъ. Т—бу только того и нужно было. Онъ сталъ разсказывать и въ глаза говорить Скворцову, что святая молитва его, Скворцова, болѣе на него подѣйствовала, чѣмъ его вполнѣ убѣдительныя доказательства, и что онъ, Т—бъ, имѣлъ затѣмъ сонное видѣніе, которое вполнѣ и навсегда сдѣлало его вѣрующимъ. Этими выходками онъ добился того, что его назначили учителемъ одной изъ кіевскихъ гимназій, чего не удостоивались даже первые изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ. Т—бу никогда не пришло-бы въ голову объявить себя невѣрующимъ, но самъ Скворцовъ подалъ ему эту мысль, опровергая въ аудиторіи положенія Штраусса, направленныя противъ чудесъ и Божескаго естества Спасителя міра.

Греческихъ и римскихъ классиковъ, исторію литературъ и древностей этихъ народовъ читали ординарные профессора нѣмцы Нейкирхъ и Делленъ. Греческую грамматику первому курсу читалъ адъюнктъ-профессоръ Страшкевичъ. Нейкирхъ былъ страшно сухой и пунктуальный нѣмецъ; чтеніе его отличалось необыкновенною сухостью и почти одной номенклатурой писателей, ихъ сочиненій и предметовъ старины. Чтеніе древностей и литературы греческой происходило на латинскомъ языкѣ; греческихъ классиковъ Нейкирхъ тоже переводилъ на латинскій языкъ. Къ русскимъ объясненіямъ онъ рѣдко прибѣгалъ по той причинѣ, что хотя и изучилъ русскій языкъ грамматически, но въ живомъ разговорѣ боялся передъ аудиторіей сдѣлать ошибку въ удареніи или сочетаніи словъ. Делленъ былъ прямая противоположность Нейкирху—это былъ живой, весьма симпатичный и весьма снисходительный ко всѣмъ человѣкъ, бойко и скоро говорившій по русски, хотя часто съ

ошибками, надъ которыми смѣялся вмѣстѣ съ своей аудиторіей Разъ онъ употребилъ слово *халатъ* вмѣсто *палатка*. Когда ему объяснили различіе этихъ словъ, онъ хохоталъ надъ собою и не могъ успокоиться до конца лекціи. До какой степени онъ былъ добръ, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды учителя словесности Немировской гимназіи Р—цкаго назначили преподавателемъ латинскаго языка въ одну изъ Кіевскихъ гимназій. Латинскій языкъ у него пошелъ плохо. Присутствовавшіе на испытаніи профессора университета постановили сдѣлать Р—цкому замѣчаніе и поручили это дѣло Деллену. Послѣдній пригласилъ къ себѣ Р—цкаго, напоилъ его чаемъ, деликатно высказалъ нѣсколько совѣтовъ, вообще похвалилъ его преподаваніе и на прощаніе расцѣловалъ его. Страшкевичъ старался во всемъ подражать Нейкирху.

Эстетику весьма недурно читалъ Костырь. Французскій, нѣмецкій, англійскій, и итальянскій языки читались лекторами, вовсе не говорившими по русски, и аудиторіи ихъ почти всегда оставались безъ слушателей. Былъ, кажется, на 2-омъ отдѣленіи философскаго факультета профессоръ агрономіи нѣмецъ Мерцъ, который могъ читать писанное по русски, но не понималъ ни одного слова на этомъ языкѣ. Для него кто-то перевелъ на русскій языкъ и отлитографировалъ чью-то агрономію. Мерцъ по ней и читалъ, и если на послусловѣ его заставалъ колокольчикъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, онъ оканчивалъ лекцію полусловомъ, проводя посрединѣ слова черту сверху внизъ карандашемъ, и слѣдующую лекцію начиналъ окончаніемъ слова. Напримѣръ: одна лекція оканчивалась началомъ слова: *земле*—а слѣдующая начиналась окончаніемъ этого слова: *дѣліе*. Другой профессоръ нѣмецъ читалъ: *у рыбъ семь зубъ*; но замѣтивъ улыбку на устахъ слушателей и понявъ, что сдѣлалъ ошибку, онъ поправлялся: *у рыбовъ семь зубовъ*. Опять видя неладное сочетаніе, еще разъ поправлялся: *у рыбей семь зубей*. Лекцій Мерца никто не посѣщалъ изъ его обязательныхъ слушателей; но аудиторія его часто бывала очень полна и только къ концу лекціи пустѣла до послѣдняго человѣка. Дѣло въ томъ, что студенты разныхъ факультетовъ, приходя

ранѣе начала своихъ лекцій, собирались къ Мерцу въ аудиторію и тамъ, кто писалъ, что читалъ; одни входили, другіе выходили. Но Мерцъ этого не замѣчалъ, не смѣя оторвать глазъ отъ тетрадки, чтобы не потерять строки. Разъ ректоръ Траутфеттеръ заглянулъ въ его аудиторію къ концу лекціи; но никого изъ слушателей не нашелъ; одинъ Мерцъ громко читалъ по тетрадкѣ, возсѣдая на каѳедрѣ. Траутфеттеръ, чтобы не конфузить компатріота, поспѣшилъ убраться изъ аудиторіи.

Къ концу царствованія Николая Павловича въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ введена была марширoвка и военная выправка. Бибиковъ, разъѣзжая верхомъ по Кіеву и окрестностямъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, замѣчалъ студентовъ которые не застегивали на всѣ пуговки сюртуковъ и мундировъ или не имѣли всѣхъ пуговицъ; такихъ студентовъ Бибиковъ строго наказывалъ. Разумѣется, эти кары выпадали исключительно на долю беззаботныхъ малороссовъ. Профессора и учителя не получали никакихъ наградъ и пособій. Одни ректоры удостаивались за свою административную службу Станислава 2-ой степени на шею; напр., Ѳедоровъ и Траутфеттеръ; изъ профессоровъ одинъ только профессоръ исторіи Ставровскій удостоился Станислава 3 степени въ петлицу. Никакой учитель, инспекторъ и даже директоръ не могъ удостоиться полученія Станислава 3 степени. Если же случались ордена у директоровъ и инспекторовъ, то таковые ими получены были за военную ихъ службу. Высшіе чиновники и аристократія болѣе ограничивались домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, а затѣмъ ихъ стали направлять въ училище правовѣдѣнія. На крупные шалости, буйства и кутежи студентовъ Бибиковъ смотрѣлъ сквозь пальцы и наказывалъ снисходительно, общимъ всему университету предостереженіемъ на словахъ, выговоромъ виновнымъ и рѣдко карцеромъ. Но несоблюденіе формы, дисциплины, чинопочитанія наказывалось строго.

Инспекторомъ студентовъ былъ полковникъ гвардіи Сычуговъ, потерявшій носъ въ сраженіи съ поляками въ 1831 году. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но довольно честный, добрый и снисходительный къ молодежи. Всѣ субъ-инспектора

тоже были отставные военные въ капитанскихъ или маіорскихъ чинахъ, каковы, напр.: Троцкій, князь Баратовъ, Гудимъ-Левковичъ. Они но вообще старались ладить со студентами и не позволяли себѣ въ обращеніи съ ними никакихъ дерзостей. Нѣкоторые студенты даже подружились съ Троцкимъ и Гудимой, у которыхъ были семейства, а въ семействахъ барышни; бывали у нихъ запросто и танцовали на вечерахъ. Троцкій, капитанъ артиллеріи, былъ человѣкъ бѣдный, страшно дорожилъ своимъ мѣстомъ съ кватирой, отопленіемъ и 500 р. жалованья. Онъ до того трусилъ начальства, что совершенно терялся, все перепутывалъ и готовъ былъ наврать всякихъ небылицъ.

Студентовъ казенно-коштныхъ изъ штрафгауза кормили не особенно хорошо. Сколько помнится, на каждаго студента изъ казны отпускалось по 150 р. въ годъ. Въ тогдашнее время это была очень высокая стипендія. Между тѣмъ студентамъ отпускалось въ 8 ч. утра и въ 8 ч. вечера по стакану чаю и по булкѣ. Чай былъ безвкусный, чуть сладкій и булки часто черствыя, которыя не разбирались наканунѣ и продавались за полцѣны. На обѣдъ былъ борщъ или супъ безъ говядины; говядина—отдѣльное кушанье, облитая пригорѣлымъ изъ муки и говяжьяго жира соусомъ, и третье блюдо—какая-нибудь каша; а по праздникамъ: супъ съ говядиной, жаркое, всегда прескверное, и какое-нибудь неудобоваримое пирожное Иногда припасы оказывались несвѣжими, а булки—твердыми, какъ дерево. Выведенные изъ терпѣнія студенты иногда ругали эконома Ч—скаго и однажды рѣшились побить его. Обыскали его квартиру, но онъ успѣлъ спрятаться, а на другой день занесъ жалобу исправлявшему должность попечителя, за отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, помощнику попечителя Юзефовичу. Много хлопотъ было съ этимъ дѣломъ, пока наконецъ оно кончилось сравнительно благополучно. Юзефовичъ пріѣхалъ въ университетъ на обѣдъ студентовъ. Тутъ одинъ за другимъ студенты стали выходить изъ-за стола къ Юзефовичу и приносить жалобы на эконома. Юзефовичъ потребовалъ Ч—скаго и предложилъ ему въ тотъ-же день подать въ отставку. На его мѣсто поступилъ

нѣмецъ, протеже Траутфеттера. Но нѣмецъ не доводилъ дѣла до крайности и старался поддѣлываться подъ вліятельныхъ студентовъ, которымъ постоянно жаловался на бѣдность и многочисленную семью. А Ч—скій плакался потомъ передъ студентами на свою глупость, прибавляя, что знай онъ, что дѣло такъ кончится, онъ не только не спрятался бы и не жаловался, а далъ бы полное удовлетвореніе студентамъ: самъ раздѣлся бы и легъ, чтобы студенты поучили его уму-разуму и всыпали бы ему горяченькихъ полтораста. Значитъ, ужъ слишкомъ выгодно было служить экономомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

1) нанимались девушки толпами, в видѣ прачекъ, швей,

кружевницъ, прялъ, горничныхъ забирались во дворы, для удовлетворенія похоти пановъ и паничей и подвергались глумамъ и канчукамъ, усвоивали себѣ польскій языкъ и шляхетскіе нравы.

2) на вопросъ православныхъ дѣтей: „да вѣдь самъ царь русскій! есть и князья и графы русскіе!" — „это они просто слепые и холопы ваши слепые; только одинъ полякъ-католикъ есть родовитый благородный шляхтичъ!" отвѣчали поляки.

3) два брата Чепыги, Чучманъ, Карпановскій и др., были его частные гувернантные пѣмницы, в пьяномъ видѣ являлись в гимназію на уроки. И тутъ оканчивалось гуманное обращеніе съ дѣтьми. Ордо порою ругали по обнаженному тѣлу. Были случаи, что битые послѣ сѣченія бросались на него и наносили ему оплеухи и в драке разбивали ...; изъ опѣтовъ ставили и отсылали къ родителямъ. Пошелъ ропотъ, пошли жалобы, оставляемыя попечителемъ безъ вниманія. Учителя и инспекторъ Ордо ругались вотъ матерщинами и бухтовщинами. Дурно учили, дурно обращались и вмѣстѣ съ директоромъ Кушеринскимъ брали со всѣхъ взятки и переводили изъ класса в классъ за деньги. Поляки-ученики смѣялись надъ русскими учениками, говоря: „любуйтесь вашими мужицкими порядками, своими варварскими нравами!" Конечно, это не оставалось безъ вліянія на русскихъ учениковъ: они вмѣстѣ съ поляками, проникались неповиновеніемъ и неуваженіемъ къ такому дикому режиму. Вотъ чѣмъ объясняется участіе многихъ русскихъ воспитанниковъ воз. края в польскихъ безпорядкахъ и заговорахъ. На жалобы учениковъ, что нѣмецкіе учителя ихъ не учатъ и часто марают ... и в классѣ бьютъ ... — Ордо и Кушеринскій говорили ... и втолковывали, что если пану начальнику учителемъ, то они и простую нагаю добрыми любить и почитать, какъ настоящаго учителя. Какова была дисциплина начальства — ей всякъ обязанъ покоряться такимъ образомъ

(4) Изъ группы гимназистовъ выдѣлялась и сгруппировалась несколько лучшихъ студентовъ около проф...

русской истории, еще молодого человека, Костомарова;
цель этого кружка была народно-литературная:
изучение и популяризация родного украинского ис-
торического — истории Малороссии, народных обы-
чаев, нравов, преданий, песен. Конечно, к этому
кружку примыкал вышедший из народа про-
фессор рисования Киевского университета
Шевченко, уроженец из крестьян, писавший
на малороссийском языке, а также некото-
рые члены киевской археографической комиссии.
У студентов этого кружка имелись нецен-
зурные стихотворения Шевченка, называемые:
Сон, Кавказ, [illegible] панычи и т. д.
Каких бы строгих предписаний не издавалось,
каких бы мер кары не принималось прави-
тельством, никогда национальности люди
не перестанут любить, как любого
[illegible], как [illegible]
из существующих порядков, как семью, церковь
и природу. Это доказывает история всех
народов. Но правительство, не рассчитывая
этими осложнениями, имея целью осуще-
ствление пословицы: „[illegible]
ть птицу", а не народного блага — ничему
не научаясь из истории и все с теми же
методами [illegible] и фак-
тическими противниками всякой но-
вой мысли, всякого прогресса в человеке.
Каждый писатель и поэт в России подвергался
правительственной каре за неосторожную
попытку заключить [illegible] и [illegible]
ную мысль в рамки раз навсегда опре-
деленных правительством. Княжнин
был так [illegible] Шеш-
ковским при Екатерине II, что уже до
смерти не поднимался с кровати; Пушкин
был почти в постоянной ссылке; Досто-
евский — инженер-офицер — в каторжных
работах, где его так 2 раза [illegible],
что один из [illegible] вовал-
ся в больницу. Правительство [illegible]

требовало отъ литературы одного только восхваленія одъ въ стихахъ и прозѣ и отъ вы- сшимъ правительственнымъ лицамъ и всѣмъ установленнымъ правительствомъ порядкамъ, стихи Шевченка хотя отлича- лись политическою окраской, но были совер- шенно безвредны для правительства, безза- вѣтная преданность царю и единовѣріе такъ слили малороссовъ съ русскими, что мыс- ли о какой-нибудь политической сепараціи не могло быть и мѣста. Такимъ образомъ, что мало- руссы во всей дѣйственной истор. старались не мстить своимъ бывшимъ притѣснителямъ палачамъ и гонителямъ православія — по- лякамъ, такъ думали и члены кружка. Они хотѣли въ виду поученій исторіи, тарасовой рѣчи и поэзіи сохранить народную мысль поднять угнетенный и свою и польскими пана- ми духъ народа, очистить его отъ пьянства и дурныхъ нравовъ и воскресить простоту и чистоту старинныхъ нравовъ и сознаніе человѣческаго достоинства. Поляки знали о существованіи этого кружка и, сами го- товясь къ сепараціи — чтобы ослабить въ малороссахъ приверженность къ правитель- ству и Россіи, рѣшили чрезъ этотъ кружокъ не- гласно предать въ руки правительства и бо- гатымъ постепенно подвергнуть православ- ное общество подъ кары правительства, не- прерывно готовящійся будто сепара- цію ~~правительства~~ Малороссіи. Иные компатріоты въ духѣ на службѣ, и въ кан- целяріи ген.-губернатора и губернатора, и въ полиціи, и среди жандармовъ, старались обратить вниманіе правительства на этотъ народный кружокъ, студенты поляки представляли кружокъ органи- зованную силу, среди которой не могло возникнуть коммунизма и соціализма; при- томъ всѣ, что дѣлалось политически, скры- валось въ глубочайшей тайнѣ. Настоя-

малороссамъ нечего было скрывать: они не замышляли ничего дурного противъ правительства. Они охотно давали полякамъ читать стихи Шевченка, Костомарова, разсказывали имъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Полиція, которая уже отъ поляковъ получила списокъ запрещенныхъ стиховъ Шевченка, начала искать подлинную его рукопись для обвиненія его, и чтобы лучше ознакомиться съ членами кружка подослала къ нимъ сыщика студента, нѣкоего Петрова. Поляки знали до мельчайшихъ подробностей обо всѣхъ мѣропріятіяхъ полиціи и съ затаеннымъ злорадствомъ ждали катастрофы и торжествовали успѣхъ своей политической интриги: правительство поневолѣ ослабитъ надзоръ свой за поляками и усилитъ его за малороссами. И дѣйствительно, катастрофа случилась: ночью, а вслѣдъ за донесеніемъ студента философскаго факультета (отдѣленія) явилась полиція, состоящая изъ жандармскаго полковника, полицмейстера, чиновника особыхъ порученій ген.-губернатора и помощника попечителя округа М. Юзефовича, члена археографической комиссіи, сочувственно относившагося къ костомаровскому кружку. Юзефовичъ былъ изъ военныхъ, малороссійскій патріотъ, и въ Кіевѣ имѣлъ въ Липкахъ домъ. Отыскали стихи Шевченка у студента 4 курса Посяды, у студента 2 курса Маркусова и что-то подозрительное у студента Тулуба и посадили всѣхъ подъ арестъ въ аудиторію № 7. Слѣдующаго числа въ полдень, возвращаясь изъ Петербурга въ Малороссію, Шевченко былъ схваченъ полицмейстеромъ-кавалеристомъ Соломинымъ подчаскомъ кн. Долгорукову противъ пропасти, но Долгорукъ сильно всполошилъ разными переправами по дѣлу. Станка

только была здѣсь лодка для переправы почты и курь-еровъ съ квартальнымъ надзирателемъ и двумя жандармами. Лодка четверка была этой же [illegible]. Къ прибывшимъ Шевченко перевезти его съ товарищемъ отказали; но когда Соломинъ пообѣщалъ порядочно вознаградить, полицейскій надзиратель и жандармы приняли ихъ и вещи въ лодку. Лодка собственно принадлежала Шевченкѣ; но чтобы не возбудить его подозрѣнія и не дать ему возможности скрыть бумагъ изъ своихъ вещей, его сначала не соглашались будто принять. На серединѣ рѣки квартальный надзиратель показалъ Шевченку предписаніе и объявилъ его арестованнымъ. Спустя нѣсколько минутъ Шевченко вынулъ изъ кармана пальто связку бумагъ и бросилъ по теченію. Квартальный надзиратель и жандармы замѣтили это и распорядились вынуть изъ воды связку. Соломинъ предлагалъ большія деньги, чтобы связку предоставлено было уплыть, но не успѣлъ. Квартальный надзиратель, хотя и радъ былъ получить куши, но боялся измѣны со стороны жандармовъ и требовалъ; а жандармы боялись квартальнаго надзирателя. Костомаровъ хотя и былъ встревоженъ арестомъ Посяды и Андрузскаго, но полагалъ, что это случилось по какому-нибудь другому поводу, а не за литературныя занятія; объ арестѣ Шевченка онъ ничего не зналъ и передъ вечеромъ готовился къ вѣнцу съ любимой дѣвушкой. Невѣста прибыла для вѣнчанія въ университетскую церковь; собрались ассистенты, знакомые и любопытные; но жениха долго не являлось; кто-то изъ молодыхъ профессоровъ поѣхалъ за женихомъ въ квартиру жениха и тотчасъ возвратился. Произошелъ переполохъ; невѣстѣ сдѣлалось дурно — ее безъ чувствъ вынесли изъ церкви и увезли домой. Оказалось, что Костомаровъ былъ арестованъ и увезенъ въ крѣпость въ тотъ моментъ, когда надѣвалъ перчатки, готовясь ѣхать въ церковь вѣнчаться. Спустя нѣсколько дней, Шевченко, Костомаровъ, Посяда и Андрузскій увезены были въ Петер-

друго. Поэтому было арестовано и разослано многихъ еще нѣсколько человѣкъ, между прочимъ малороссійскій писатель Кулишъ, Навроцкій. По упраздненіи учредительнаго Комитета Д.С.С. Кулішъ исключилъ малопольскаго, сблизившись съ поляками, удалилъ себя вообще понятія на казачество, Малороссію и Россію, переѣхалъ во Львовъ и сталъ издавать сочиненія, ... раньше видны и былъ ... представлялъ разбой личности; соединеніе Малороссіи съ Россіею представлялъ роковой ошибкой и убѣждалъ малороссовъ и русиновъ слиться съ поляками и за одно съ ними дѣйствовать, такъ какъ это единеніе полтора слишкомъ съ ... существовало старину и было благодѣтельно для судебъ Малороссіи. Между тѣмъ узнали, что Шевченко отданъ въ солдаты въ Оренбургскіе батальоны, а прочіе разосланы въ разные города восточной Евр. Россіи, и послѣ имъ позволено вступить въ гражданскую службу, только въ царствованіе Александра II они были помилованы: Шевченко возвратился на родину, Костомаровъ приглашенъ былъ профессоромъ русской исторіи въ СПб. университетъ; Кулішъ опредѣлился въ учредительный комитетъ въ царство польское, Посяда получилъ мѣсто инспектора учительской семинаріи; изъ Андрузскаго не было никакихъ извѣстій: онъ - помѣшался - умеръ въ ссылкѣ.

Кромѣ того, выдавались: Шумовскій, французскій (6)
подданный Малербъ, Косовскій, защищавшій Литвиновъ: Корева и Чарнецкій. Шумовскій служилъ въ 1803г. учителемъ географіи во 2й Кіевской гимназіи, а Малербъ содержалъ частный пансіонъ. Оба они не только хранили великопольскую роль среди польскаго кіевскаго населенія, среди поляковъ-студентовъ и учениковъ въ Кіевѣ, могли нѣко сношенія съ Варшавой и провинціями, а также съ поляками учителями губ. Кіевской, Подольской и Волынской. Шумовскій былъ важнымъ администраторомъ

путемъ в Оренбургъ, послѣ прощенія и получилъ мѣсто учителя-партиецъ-в Казани, в Царствѣ Польскомъ. Макарова выслали за границу, Козловскій-партиецъ-узналъ лишь отъ бдительности властей и остался учительствовать в Малороссіи, хотя во время возстанія онъ игралъ весьма заметную роль: отъ давалъ [illegible] - [illegible] и [illegible] всѣ [illegible] пол. прав. послѣ его прав[illegible] манифестаціи воспитанники получили одно[illegible] во всѣхъ заведеніяхъ.

(6) былъ [illegible] [illegible], [illegible] себѣ управляющими, малороссами

7) противъ самого царя.

(8) наука, учебныхъ заведеній, профессора, учителя, все упразднено и предано на пользованіе [illegible] по-мѣщеніемъ и направленіемъ [illegible] особенно подозрительнымъ.

9) Библіотека была размѣщена по [illegible] книгъ во многихъ квартирахъ. [illegible] [illegible], тамъ на чердакахъ помѣщены всѣ запрещенныя книги.

10 на слѣдующій день по распоряженію [illegible] собрались были на Подолѣ всѣ пришлые изъ Россіи рабочіе, около [illegible] человѣкъ, занимавшіеся в то время работами по расширенію [illegible]. [illegible] со [illegible] [illegible], [illegible] стать на колѣни и [illegible] [illegible] ихъ по всѣмъ правиламъ искусства - [illegible], что [illegible] только это человѣчество - [illegible], по данной ему царемъ власти; всѣ [illegible] - всѣхъ перевязаны и [illegible] [illegible]. [illegible], что она ни в чемъ не повинна и ничего не знаетъ.

11, напротивъ того, имъ внушалось убѣдиться [illegible], что этотъ порядокъ наилучшій, лучшаго только [illegible] [illegible] могутъ достигнуть на землѣ, гдѣ ни въ чемъ не [illegible] быть совершенства. Покоряющіеся съ любовью и смиреніемъ этому порядку, который отъ Бога, который [illegible] и которому [illegible] и церковь святая, получитъ в будущей вѣчной жизни и вѣчную награду. Своеволіе в человѣческомъ обществѣ, именуемыхъ республиками и конституціями, ведутъ къ бѣдствіямъ,

въ беспорядкахъ, въ всевозможныхъ [illegible]
на земли, и-всѣхъ смятеній-въ будущей жизни этихъ
своевольцевъ ожидаетъ таже награда, какая до-
сталась участью своевольнаго и непокорнаго
сатаны. Эти идеи смягчались въ проповѣдяхъ
въ церквахъ; смягчались начальствомъ и мно-
гда лицемѣрною, принужденною и ироническою не-
ходили изъ устъ профессоровъ. [illegible] лави-
ривали, какъ умѣли, сводя свое чтеніе до
узкихъ гимназическихъ учебниковъ. Внушалось
также, что нѣтъ державы могущественнѣе Рос-
сіи, что слова ея самодержца пугаютъ коронованныхъ
и всѣхъ властей прочихъ державъ, что всѣ они въ сово-
купности безсильны противъ Россіи, что по слову
ея повелителя русскій народъ закидаетъ шапка-
ми Европу.
Гдѣ искали-каждый въ туманѣ своевольные (12)
образы опальныхъ писателей и поэтовъ; разныхъ
образцовъ [illegible] извѣстно [illegible] и устной
народной литературы.
Но при всемъ томъ надъ этими [illegible] (13)
тяготѣетъ философіи уже висѣлъ дамокловъ
мечъ.
Объявили, что посредствомъ чтенія Евангелія и (14)
апостольскихъ посланій и церковныхъ разъясне-
ній, они признали окончательно, что Свя-
щенная книга только благочестивый пророкъ и
учитель вѣры, на которомъ почивала благо-
дать Божія; но что онъ не Богъ былъ; что ска-
занія чудеса невѣроятны; что евангелисты
и апостолы измыслили чудеса для вящаго
распространенія христіанства.
Въ это время всѣ ученые, учащіе и учащіеся воз- (15)
[illegible] превращались [illegible] въ правительств[illegible]
[illegible] принимало [illegible] и притязательно всѣми,
начиная съ будущихъ и фельдфебеля и оканчивая
трономъ. Правительство придавало значеніе
однимъ военно-учебнымъ заведеніямъ, гдѣ
посредствомъ застращиванія до смерти достигалось
удивительная дисциплина и покорность

во всемъ, даже в мысляхъ, чувствахъ и обыкновениях: мыслей и чувствъ и привычекъ и образа личности и отношений къ высшимъ, низшимъ и равнымъ. Имѣли неподдѣльную цѣну духовныя учебныя заведенiя, гдѣ стѣсненiе и регламентацiя доходило еще до болѣе грандiозныхъ размѣровъ, и достигалась тамъ дисциплина во всемъ, тамъ приниженность и покорность передъ высшими; тамъ безсердечное пренебреженiе къ низшимъ и сверхъ того наклонность къ взяточничеству, шпионству и кляузамъ. Именно учебныя заведенiя создали армiю бюрократiи; духовноучебныя — солдатами изъ числа исключенныхъ семинаристовъ, а ихъ за шалости и неуспѣшность исключали массами. Но учебныя заведенiя М. Н. Пр. считались дурными и наилучше рискованно, не приносящими государству никакой видимой пользы, а только развращавшей молодые умы, вселявшей критическое отношенiе къ существующему порядку, непокорность, самомнѣнiе и гражданскiй въ будущемъ потрясенiемъ основъ существующаго порядка, поэтому предполагалось по возможности его ограничить размѣры министерства. Такъ

16) Избѣгать учрежденiя высшихъ учебныхъ заведенiй правительство не могло, чтобы не было стыдно передъ Европой и чтобы не навлечь на себя нападенiя европейской прессы, пожалуй и безъ того не щадила Россiи и ея порядковъ. Будучи до такой степени убѣжденнымъ врагомъ ко всякому прогрессу и свободомыслiю, до такой степени былъ увѣренъ въ могуществѣ своей партiи въ СПб. и въ безконечно милостивомъ себѣ расположенiи Николая, что въ своихъ циническихъ рѣчахъ къ студентамъ позволялъ себѣ неодобрительно отзываться объ образѣ мыслей покойнаго министра А. Н. и его приверженцевъ.

„Вы думаете, господа", — говорил однажды Бибиков, беседуя саркастически с собравшимися в моей квартире университетскими, — вы думаете, что скоро в России водворится разумность жизни. Далеко еще до этого; да едва-ли когда придет время такого жития, ему позволят делать то, что он думает. Он может либеральничать сколько угодно, а вообще пить душу своим чередом, основываясь на недоверчивом злостном опыте. Что немцу и французу позволительно, то русскому сму— смерть?"

Так ограничилось наказание виновникам за 17,
уголовный варварский поступок в студенстве. Весь они вели рассказ с молодою и красивою, но очень бедною чиновницею, муж которой получал жалованья 5 р. в месяц жалованья; 2 человека у нее стояли на квартире квартирантами; другие 4 приходили к товарищам распивать чай и кутить. Кутила с ними и чиновница, а по праздникам и муж ее. Вдруг студенты эти узнали, что чиновница принимает другими аристократами студентами в номерах и ходит туда для заработка, и — что вернее всего — осмеивает их перед аристократами, называя их лакутанниками. Они заняли соседний номер, слышали проведенную ночь, лично удостоверились в преступности и измене чиновницы, не долго думая, на следующий день за вечерним чаем, они — ~~обнаживши ее~~ подняли ей юбки и рубаху и обнаженным седалищем посадили на трубку самовара. Конечно у нее оказались ожоги и ... и она пролежала ... Студенты обязаны были на свой счет ее вылечить и подверглись одному только выговору. Не то было, когда студент сен... чиновевали во время торжественного парада на Богоявление в Братском монастыре, увидев

ленно или неумышленно толкнулъ локтемъ проѣзжавшаго впередъ командира [illegible] го корпуса генерала (наслѣдника) [illegible]. Сен-[illegible]новскій былъ аристократъ, самъ пробiлся [illegible] своего генерала и это тѣмъ, в соединенiи съ [illegible] тайнымъ [illegible] аристократiи, графини Растопчиной и [illegible] тогда въ Ж/ въ графини Орловой-Чесменской, спасло его отъ [illegible] ссылки в Оренбургскiй батальонъ солдатомъ.

18) Каменноостровскiй - прошло того - [illegible] и на учебныхъ [illegible] и [illegible].

19) Студенты [illegible] на [illegible], но [illegible] не было.

20) Иосифовичъ приказалъ собрать весь университетъ в 9 ч. в торжественномъ залѣ, желая побесѣдовать на манеръ Бибикова и разыграть его особу. Студенты ждали до 10 ч. Иосифовича нѣтъ. Начали расходиться, но суб-инспектора упросили подождать еще часокъ, а между тѣмъ доложили ректору Траутфеттеру, что студенты не хотятъ ждать. Ректоръ перетрусилъ и послалъ за Иосифовичемъ. Иосифовичъ примчался в каретѣ, но отправился к ректору, а не къ студентамъ, чтобы ихъ научить дисциплинѣ и - имѣя намѣренiе подольше не пускать [illegible] университетъ и быть на облавѣ у казенно-коштныхъ, отпустилъ карету домой. Увидя отъѣзжающую карету, кто-то изъ студентовъ крикнулъ, что Иосифовичъ вѣрно не будетъ, уѣзжай. Студенты съ шумомъ [illegible] к выходу. Кто-то изъ суб-инспекторовъ помчался къ ректору. Ректоръ и Иосифовичъ съ распростертыми руками старались остановить на лѣстницѣ студентовъ, но не тутъ-то было: всѣ [illegible] разошлись, возвратились в залъ одни живущiе в университетѣ. Иосифовичъ [illegible] и [illegible] исключить изъ университета всѣхъ ушедшихъ, кромѣ того десятаго. Всѣ знали, что этого онъ не в состоянiи сдѣлать; бывшiй тогда инспекторомъ студентовъ [illegible] доложилъ, что кто-то крикнулъ «[illegible]», и всѣ бросились къ выходу. Иосифовичъ, [illegible] къ колѣнямъ [illegible] суб-инспектора Троцкаго, [illegible] и требовалъ указанiя, кто крикнулъ расходиться. Троцкiй потерялся и назвалъ студента, своего прiятеля, [illegible] у него [illegible] фамилiи со страху онъ не могъ припомнить. Иосифовичъ потребовалъ у Траутфеттера немедленно исключить этого студента изъ университета

вмѣстѣ съ полухмѣльнымъ медикомъ [illegible] Куловскимъ [illegible] во главѣ другихъ обыскивалъ квартиру Чепурновскаго. Іосифо-вичъ предохранялъ [illegible] и металъ громы почище [illegible]. Но вотъ сцена: выступаетъ v [illegible] медикъ Копер-ницкій и объясняетъ, что такой, то его товарищъ принужденъ оставить [illegible], такъ по случаю [illegible] отца онъ уже 3 года въ отпуску и его въ Кіевѣ вовсе нѣтъ; что Троицкій изъ трусости и расте-рянности назвалъ ему фамилію т. ч. студентъ этотъ средневѣковый чуть не принялъ Троицкаго; что онъ, Коперницкій, признаетъ, что [illegible] на попечителя вообще не будетъ, такъ онъ и само [illegible] равную арестуетъ и что, значитъ, можно расходиться. Троицкому сдѣла-лось дурно, онъ [illegible]. Іосифовичъ совершилъ [illegible] заговорилъ съ студентами, что онъ желаетъ съ ними побесѣдовать. Вооду-шевленный толпою, онъ явился въ столовую [illegible] хорошо приготовленными. Тутъ однимъ изъ другихъ студентовъ стали высказывать предъ столами Іосифовичу и приносила [illegible] по адресу [illegible] и оправдывать Куловскаго. Іосифовичъ оказался вооду-шевленнымъ со всѣхъ сторонъ. Ему стали дѣлать упреки, что онъ не [illegible] несмотря, что онъ и инспекторъ по-такалъ этому. Іосифовичъ, видя такое настроеніе и опасаясь насилія [illegible], сталъ [illegible] и потребовалъ Чепурновскаго на [illegible] весь свой гнѣвъ и проговорилъ тотъ же день подать въ отставку.

РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО.

Петръ Ивановичъ Калнишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только изслѣдователей запорожской старины, но и просвѣщенныхъ читателей вообще. Интересъ къ его личности обуславливается какъ значеніемъ его въ исторіи послѣднихъ годовъ Запорожья, такъ и его трагической судьбою по уничтоженіи Сѣчи.

Послѣ знаменитаго Сирка, любимца запорожцевъ, 12 разъ избиравшагося ими кошевымъ, Калнишевскій былъ едва-ли не самый замѣчательный запорожскій предводитель. Ловкій дипломатъ, даровитый администраторъ, одинаково удачно сносившійся и съ петербургскими вельможами, и съ сѣчевою „голотою", онъ одинъ былъ способенъ поддержать, даже обновить падавшее Запорожье. Десять лѣтъ подъ рядъ, съ 1765 по 1775 годъ, онъ удерживалъ за собою постъ кошевого атамана. За него, видимо, уцѣпились и крѣпко держались сѣчевые братчики, смутно предчувствовавшіе кончину милаго Запорожья. Дѣйствительно, судя по мѣрамъ, которыя принималъ Калнишевскій, онъ ясно понималъ тѣ условія, при которыхъ Запорожье могло бы еще существовать въ будущемъ.

Былое значеніе Сѣчи пропало безвозвратно. Она могла остаться только какъ болѣе или менѣе своеобразное поустройству военнопоселенческое общество, не противорѣчащее общегосударственнымъ порядкамъ и въ себѣ самомъ черпающее силы и средства для дальнѣйшаго существованія. Чтобы удержать за собою огромную запорожскую территорію, наод

было фактически овладѣть ею, т. е. ее колонизовать. Чтобы не просить у правительства хлѣбнаго жалованья и не добывать средствъ набѣгами на невѣрныхъ, надо было завести правильное земледѣліе, промыслы и торговлю. Чтобы не вооружать противъ себя всесильныхъ тогдашнихъ закрѣпостителей пріемомъ бѣглецовъ и не быть въ сомнительномъ положеніи относительно прилива соціально свободныхъ людей, надо было... переженить запорожцевъ. Послѣднее, конечно, пришлось бы отложить къ концу, предоставить времени и обстоятельствамъ.

Горячія головы „дитокъ“ могли продолжать мечтать о томъ, что козаку, какъ говорится въ думѣ,

... не честь, не подоба—по риллямъ спотыкаты,
Жовтыхъ чобитъ каляты,
Дорогіи сукни пыломъ набываты..

А всего приличнѣе:

Питы пидъ городъ Тягиню гуляты,
Славы-лыцарства доставаты.

Но у „батька“—кошевого совсѣмъ иное было въ головѣ. Калнишевскій усиленно занялся колонизаціей Запорожья. Выростали не только новые зимовники, хутора, но цѣлыя села. Народъ шелъ изъ Украины русской и польской, изъ Молдавіи, изъ Новосербскихъ поселеній и даже изъ татарскаго Буджака. Въ то-же время Калнишевскій отбылъ цѣлый рядъ депутацій въ Петербургъ, отстаивая юридически права Коша на заселяемыя земли. Много надо было ума и такта, чтобы вести запорожскія дѣла въ то время.

Эти административныя и дипломатическія заслуги Калнишевскаго на столько важны, что онѣ совсѣмъ заслоняютъ его военныя доблести. А между тѣмъ Калнишевскій, во главѣ запорожцевъ, съ честью выдержалъ первую турецкую войну, исполняя самыя отвѣтственныя порученія главнокомандующихъ. Потемкинъ, числясь уже въ то время сѣчевымъ братчикомъ, въ серединѣ войны, въ 1772 году, просилъ Калнишевскаго

внести его имя въ списки именно Кущевскаго куреня, къ которому принадлежалъ самъ Калнишевскій[1]).

Слишкомъ поздно Запорожье, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, поняло необходимость реорганизаціи. Событія политическія предупредили его. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира оно было охвачено кольцомъ отобранныхъ у Турціи земель и, не будучи готово къ новой роли, обречено было на уничтоженіе. Послѣдовало занятіе Сѣчи Текелліемъ въ 1775 году. Большинство запорожцевъ, по преданію (разсказъ извѣстнаго Коржа), разбрелось въ разныя стороны, преимущественно къ берегамъ Чернаго моря, а главные представители запорожской старшины были арестованы и отправлены Текелліемъ въ Москву. Это были: кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, войсковой писарь Иванъ Яковлевичъ Глоба́ и войсковой судья Павелъ Флоровичъ Головатый.

Сирома Калнышъ захлыпавъ гирко!
Зо всякимъ козакомъ обнимався,
Сказавъ: прощай, славне, храбре військо!
Та вже бильшъ и не вертався...[2])

Куда дѣвались затѣмъ изъ Москвы злополучный кошевой и его товарищи, никто не зналъ. Авторъ „Исторіи Новой Сѣчи“ г. Скальковскій еще въ 1841 году былъ въ невѣдѣніи относительно участи Калнишевскаго. Онъ предполагалъ ссылку его на Донъ, основываясь на словахъ пѣсни, сложенной очевидно по этому случаю:

Ой полеты, та полеты, чорная галко,
Та на Динъ рыбы исты:
Ой принесы, та принесы, чорная галко,
Одъ кошового висты...

Оказалось однако, что Калнишевскій былъ сосланъ совсѣмъ въ противоположную сторону. Подъ сильнымъ конвоемъ онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Архангельскъ и оттуда въ Соловецкій монастырь.

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, III, 127—129.

[2]) Современная пѣсня, у Скальковскаго, III, 195.

Дѣйствительно, Кальнишевскій до смерти ужъ не оставилъ святой обители. Умеръ онъ 31 октября 1803 года, выпущенный не задолго передъ тѣмъ на волю.

Въ пятидесятыхъ годахъ былъ настоятелемъ въ Соловецкомъ монастырѣ архимандритъ Александръ Павло́вичъ, малороссъ родомъ, по Высочайшему повелѣнію награжденный, говорятъ, какимъ-то военнымъ знакомъ отличія за отраженіе отъ монастыря англичанъ и удостоенный сана полтавскаго епископа[1]). Онъ узналъ о заключеніи и смерти въ Соловкахъ Калнишевскаго, нашелъ его могилу и покрылъ ее каменною плитою съ слѣдующею надписью: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной сѣчи козаковъ Атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою, доброю. Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ. Аминь. 1856. А. А.“ [2]). Не придавалъ ли преосвященный Александръ значенія личности Калнишевскаго, или причиною была иноческая скромность, только потомъ и отъ него никто ничего не узналъ объ участи послѣдняго кошевого.

Уже въ семидесятыхъ годахъ открылъ мѣсто заключенія Калнишевскаго г. Ефименко, и свѣдѣнія свои опубликовалъ въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1887 году Соловецкій монастырь посѣтилъ г. Эварницкій, нѣсколько лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ Запо-

---

[1]) Старожилы изъ духовенства Полтавской губерніи разсказываютъ много анекдотовъ объ этомъ воинственномъ, но простодушномъ и добромъ человѣкѣ. Привыкнувъ въ удаленной отъ всего свѣта обители распоряжаться по отечески, строго и безъ чиновъ, преосвященный и здѣсь не церемонился, вслѣдствіе чего часто попадалъ въ просакъ и потомъ добродушно заглаживалъ свои неосторожности.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, II, 185.

рожья, и собралъ о Калнишевскомъ самыя точныя справки. Онъ подробно описываетъ мѣста заключенія Калнишевскаго, предметы церковной утвари, имъ пожертвованные въ монастырь, извлекаетъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ монастырскихъ архивныхъ дѣлъ, приводитъ нынѣ существующія преданія о немъ у монаховъ и проч. Присоединимся къ мнѣнію г. Эварницкаго, что едвали справедливо, будто Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду; тогда при уничтоженіи Сѣчи ему должно было быть 84 года, это совсѣмъ не вяжется съ представленіемъ о бодромъ, полномъ жизни человѣкѣ, какимъ является Калнишевскій въ его дѣлахъ и писаніяхъ того времени. Да и врядъ ли 84-лѣтній старецъ выдержалъ бы 28 лѣтъ неимовѣрно тяжкаго заключенія.

Товарищи Калнишевскаго по несчастію, Глоба и Головатый, тоже умерли въ ссылкѣ: первый въ г. Туруханскѣ на р. Енисеѣ, второй въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Откуда былъ родомъ Калнишевскій?

Г. Скальковскій еще въ 40-хъ годахъ писалъ въ своей „Исторіи Новой Сѣчи“: „Хотя въ куренныхъ спискахъ Кущевскаго куреня онъ былъ записанъ подъ именемъ *Петра Калнижа*, но мы знаемъ навѣрно, что онъ происходилъ изъ козачьяго, и дворянскаго званія Малороссійскаго, изъ Лубенскаго полка. Но подобно всѣмъ Запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ [1]). Достовѣрно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ Лубенскимъ Стефаномъ Вертильякомъ, а сестра за какимъ то Лукьяновичемъ изъ с. Троцивки [2]).

„Въ 1763 г. построилъ онъ церковь въ Лохвицѣ, въ 1768 г. въ Кіевѣ, въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя Св. Петра и Павла, а въ 1770 въ Ромнахъ; въ то же время по-

---

[1]) И такъ г. Скальковскій полагаетъ, что настоящая фамилія послѣдняго кошевого—*Калнишевскій*, а *Калнишъ*—передѣлка во вкусѣ запорожцевъ. Изъ приводимыхъ ниже документовъ обнаруживается однако, что на родинѣ онъ былъ извѣстенъ только подъ именемъ *Калниша* и что передѣлкой скорѣе будетъ форма *Калнишевскій*.

[2]) Потомки Вертильяка живутъ доселѣ; одна отрасль ихъ рода имѣетъ имѣніе въ Херсонской губерніи и уѣздѣ, близъ урочища на Мѣловомъ-Оврагѣ, гдѣ

слалъ къ Іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды" [1]).

Всѣ свѣдѣнія историка Новой Сѣчи о построенныхъ Калнишевскимъ церквяхъ вполнѣ достовѣрны. Въ Межигорьѣ и въ Ромнахъ церкви его стоятъ по сей день, въ Лохвицѣ сгорѣла. Что кошевой строитъ церковь въ запорожскомъ монастырѣ, каковымъ былъ Межигорскій по преимуществу, это понятно. Но почему выборъ его падаетъ на Лохвицу и Ромны, два незначительные городка, какихъ были десятки въ его время въ Малороссіи? Утвержденіе г. Скальковскаго о происхожденіи Калнишевскаго изъ Лубенскаго полка поэтому, очевидно, основательно. Гдѣ-же его родина?

Живя въ Ромнахъ, я и занялся между прочимъ отысканіемъ родины Калнишевскаго. Разскажу здѣсь объ этихъ досужныхъ поискахъ.

У г. Эварницкаго есть выписка изъ „Полнаго собранія законовъ" (т. XXVI, № 19784), въ которой говорится, что въ спискахъ разныхъ лицъ, помилованныхъ Императоромъ Александромъ I, по вступленіи его на престолъ, былъ и „Петръ Ивановичъ Калнишевскій, *подольскій шляхтичъ*" [2]).

Прежде всего надо было обратить вниманіе на церкви. Изъ Лохвицы я получилъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ однимъ изъ священниковъ. По сохранившемуся преданію, Калнишевскій построилъ тамъ соборную церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, деревянную, которая недолго существовала и сгорѣла отъ громового удара; загорѣлась она 19 іюля 1799 года вечеромъ, какъ разъ во время всенощной наканунѣ праздника св. пророка Иліи. Что бывшую соборную церковь въ Лохвицѣ построилъ Калнишевскій, это доказывается не только

Каменская Сѣчь была. *Прим. г. Скальковскаго.* Села *Троицвки* въ Полтавской губерніи, судя по „Спискамъ населенныхъ мѣстъ", нѣтъ (это должно быть описка или опечатка), а есть село Процовка или *Процивка*, подъ г. Ромнами. Въ Роменскомъ уѣздѣ и въ настоящее время живетъ родъ дворянъ Лукьяновичей. Не разъяснитъ ли кто нибудь изъ просвѣщенныхъ членовъ этого рода своего родства съ Калнишевскимъ?

[1]) Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, II, 266.

[2]) Запорожье, II, 183—184.

преданіемъ, но и нѣкоторыми документами. Въ одномъ старомъ „дѣлѣ“ о постройкѣ нынѣшняго лохвицкаго собора есть черновая письма, писаннаго (къ сожалѣнію, мнѣ не сообщаютъ — кѣмъ) къ *черноморскимъ* старшинамъ: Ѳедору Яковлевичу Бурсаку [1]), Мокію Семеновичу Гулику (полковникъ и кавалеръ), Константину Тимофѣевичу Кордовскому (войсковой асаулъ), Козьмѣ Ильичу Бѣлому, Степану Корнѣевичу Порываю (войсковой писарь) и Евтихію Мироновичу Чепѣгѣ (премьеръ-маіоръ), въ которомъ говорится: „состроенную въ Лохвицѣ бывшимъ Запорожской Сѣчи кошовымъ Петромъ Калнышомъ знатнымъ капиталомъ соборную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь подъ самое зъ вечера отправляемое тогда заутреннее служеніе громовымъ ударомъ зажгло и все сгорѣло, вынесенъ только изломанный иконостасъ, стоющій десять тысячъ, и икона Божіей Матери чудовная, въ особомъ кіотѣ, существующая болѣе 120 лѣтъ“. Отъ стараго иконостаса, при возобновленіи его въ 1851 году, оставлены двѣ доски, бывшія въ тумбахъ иконостаса, съ надписью, которую трудно разобрать; можно прочесть только имена Петра Калныша, отца его Іоанна и матери Агафіи.

Интересенъ фактъ переписки между лохвичанами и черноморцами. Обращались-ли лохвичане за помощью къ черноморцамъ, какъ къ людямъ близкимъ къ прежнему строителю ихъ церкви, или черноморцы интересовались памятниками, оставшимися послѣ Калнишевскаго,—пока неизвѣстно.

Есть при дѣлѣ и квитанція отъ 5 октября 1763 года, въ которой говорится, что отъ господина кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго получено на церковь соборную лохвицкую 500 рублей; на какой предметъ—тоже неизвѣстно [2]).

---

[1]) Войсковой атаманъ черноморцевъ, занимавшій эту должность съ 22 декабря 1799 г. по 1816 годъ. Другія лица—его сослуживцы.

[2]) Изъ сохранившихся отъ старой церкви вещей замѣчательны: 1) евангеліе въ поллистъ, львовской печати 1601 года, въ полинялой бархатномъ переплетѣ съ серебряными накладками на верхней доскѣ и 2) серебряная чаша, „суто вызолоченная“ и имѣющая латинскую форму „пушки“, съ литыми, наложенными на ней, херувимами и слѣдующею надписью на подножіи: „Pixis ecclesiae in Bobrowniki ad fluvium Apprum vulgo Wieprz in districti Lublinensi. Anno DNI 1626“. По преданію чаша эта и чудотворный образъ Божіей Матери принесены запорожцами изъ похода.

Церковь Калнишевскаго въ Ромнахъ стоитъ понынѣ въ томъ видѣ, какъ она была построена. Это церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, стоящая на спускѣ къ Засулью. Наружностью своею зданіе сейчасъ-же подкупаетъ любителя старины: оно въ высшей степени типично: это одинъ изъ чистыхъ образчиковъ деревянныхъ малороссійскихъ храмовъ прошлаго и позапрошлаго столѣтія. Зданіе храма не велико и нѣсколько какъ будто выше, чѣмъ-бы ему слѣдовало быть, судя по длинѣ и ширинѣ [1]); словно хочетъ церковь поднять главу на столько высоко, чтобы видѣть, что дѣлается на плоскогоріи въ городѣ. Основаніе храма представляетъ собою правильный крестъ, съ обрѣзанными углами. Надъ каждою оконечностью креста самостоятельно выростаетъ придѣлъ, увѣнчанный сложнымъ, идущимъ уступами, куполомъ. Надъ серединнымъ четыреугольникомъ основанія высится главный куполъ, такой-же сложный, съ такими-же уступами, только гораздо выше четырехъ боковыхъ.

Въ томъ, что корпусъ храма отъ самаго основанія сложенъ и состоитъ какъ-бы изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, только гармонично соединенныхъ въ одно цѣлое,—сказывается характерная особенность деревянныхъ церквей стараго малороссійскаго стиля. Читатели неоднократно видѣли снимки подобныхъ церквей на страницахъ „Кіевской Старины“.

Получивъ любезное разрѣшеніе настоятеля храма о. Ѳ. Мировича, я просилъ товарища взять фотографическій приборъ (которымъ онъ, какъ художникъ-любитель, владѣетъ превосходно) и присоединиться ко мнѣ для осмотра церкви.

Былъ прекрасный іюньскій день, когда намъ отперли маленькую пристройку передъ главнымъ входомъ во храмъ. Намъ представилась массивная, почернѣвшая отъ времени, небольшая по размѣрамъ, дубовая дверь, запертая огромнымъ замкомъ и заключенная въ луткахъ съ рѣзною надписью, на половину закрытою иконами, уставленными въ этомъ маленькомъ притворѣ благочестивыми мѣщанами-прихожанами. Рѣзы надписи забились толстымъ слоемъ пыли и весьма неясно выдѣлялись на

---

[1]) Длина храма внутри 24 арш. 9 вершк., ширина 22 арш. 3 вершка.

сѣромъ фонѣ лутокъ. Мы хотѣли снять фотографію съ дверей. Священникъ приказалъ раздвинуть образки, вымыть дверь и лутки. Открыли потомъ настежъ дверь притвора и на крылечкѣ уставили приборъ. Снимокъ вышелъ довольно удовлетворителенъ. Надпись на луткахъ слѣдующая: „Во дни благополучнія державы ея императорского священѣйшаго величества благочестивѣйшія великія государины Екатерины Алеѯѣевны второй императрицы и самодержицы всероссійской при благовѣрномъ гдрѣ цесаревичѣ и велико кнзѣ Павлѣ-Петровичѣ всероссійского престола законномъ наслѣдникѣ поблагословенію святѣйшаго правительствующого духовного синода и преосвященного Арсенія архіепскпа митрополита кіевского галицкого и малія Россіи соируженъ хра сеи воимя покрова Бгоматери коштомъ и стараніемъ воискъ запорожскихъ кошевого благородного гподина Петра Калнишевского и Давида Чорного влѣто ѿ созданія мира 7272 ѿ воплощенія Бга Слова 1764".

Кто такой былъ упоминаемый въ надписи Давидъ Чорный, сотоварищъ Калнишевскаго по пожертвованію, и какую роль онъ игралъ въ войскѣ запорожскомъ, неизвѣстно. Въ „Исторіи Новой Сѣчи" Скальковскаго часто встрѣчаются въ шестидесятыхъ годахъ урядники съ этой фамиліей, напримѣръ: асаулъ Парфенъ Чорный, полковникъ перевизскій Тарасъ Чорный, атаманъ Мышастовскаго куреня Мойсей Чорный, полковникъ Николай Чорный и проч. Писарь Герасимъ Чорный и козакъ *Демидъ* Чорный ѣздили по порученію войска въ Петербургъ за полученіемъ котловъ и денегъ, пожалованныхъ Потемкинымъ [1]). Но *Давидъ* Чорный не встрѣчается ни разу. Можно предполагать, что онъ былъ уроженецъ г. Роменъ.

Вошли мы въ церковь. Свѣта довольно, хотя и пробивался онъ, можно сказать, насильно, сквозь позеленѣвшія, чуть-ли не современныя постройкѣ храма, стекла. Стѣны церкви были когда-то выбѣлены бѣлилами, но отъ времени и пыли получили какой-то неопредѣленный грязно-сѣрый цвѣтъ. Странное ощущеніе испытываешь, войдя въ этотъ храмъ. Мнѣ подтверждали это

---

[1]) Ист. Нов. Сѣчи, II, 154, 326, 327; III, 22, 28, 30, 102.

люди, не смотрѣвшіе на него съ исторической точки зрѣнія˙ Осматриваешься, точно ожидаешь, что вотъ изъ закоулковъ выйдутъ на встрѣчу къ тебѣ прадѣды..... Въ дни богослуженія иллюзія не нарушается. Приходъ Покровской церкви состоитъ изъ предмѣстьевъ г. Роменъ, населенныхъ ремесленнымъ людомъ, въ значительной степени консервативнымъ относительно платья и вообще внѣшности. Заутреня отправляется раннимъ утромъ, обѣдня совпадаетъ со временемъ раннихъ обѣденъ: надо дать время отдохнуть труженникамъ. Смотришь на эти „чумарки“ „кожухи“, на эти простыя, набожныя лица, на эту прадѣдовскую манеру молиться (при извѣстныхъ возгласахъ и пѣснопѣніяхъ точно волна пробѣжитъ по головамъ, какъ вѣтеръ по зрѣющей нивѣ)—и забываешь совершенно нынѣшнюю..... „публику“.

Красота храма—это его иконостасъ. Иконостасъ высокій, старинный. Про него мало сказать: *рѣзной*, онъ *скульптурный*. Онъ почернѣлъ отъ времени, на позолоту и починку его много потребовалось бы средствъ. Это вѣдь не то, что нынѣшніе „ажурные“ иконостасы, въ одинъ ярусъ высотою. Это массивный, многоярусный иконостасъ, воздвигнуть который могъ только фундаторъ богатый, не жалѣвшій „кошту“. Гдѣ же нынѣшнимъ прихожанамъ сравняться съ Калнишевскимъ?

Снять иконостасъ не было возможности: весь нельзя захватить на небольшомъ разстояніи отъ него, а часть не дастъ представленія о цѣломъ. Мы удовольствовались тѣмъ, что сняли заброшенныя, но весьма интересныя части его; это изваянныя изъ дерева фигуры, почти въ ростъ человѣка, пророковъ и апостоловъ. Ихъ числомъ четыре. Сняты онѣ давно съ иконостаса, по приказанію одного изъ бывшихъ полтавскихъ архіереевъ: слишкомъ ужъ, по мнѣнію преосвященнаго, выходило на католическій ладъ. Фигуры эти съ тѣхъ поръ валяются въ ломѣ и мусорѣ въ колокольнѣ. Чуть ли не второй всего разъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ извлекли ихъ для насъ на свѣтъ Божій.

Первый же разъ одна изъ фигуръ стояла нѣкоторое время на вольномъ воздухѣ и исполняла роль, о которой едва ли и во снѣ снилось создателю ея. Намъ разсказывали, что бывшій

въ Покровской церкви очень долго (1829—1874 г.) священникомъ о. Андрей Пархоменко вздумалъ утилизовать фигуру изображающую, кажется, первосвященника Аарона, такимъ образомъ: онъ приказалъ поставить ее на спускѣ, у воротъ церковной ограды, и нацѣпить ей на руку кошелекъ для сбора пожертвованій на храмъ. Дѣло было въ сороковыхъ годахъ или около того. Но не долго стоялъ у воротъ этотъ необыкновенный собиратель подаяній: однажды его испугались лошади проѣзжавшаго мимо помѣщика и понесли. Ѣдущіе получили серьезные ушибы. Съ тѣхъ поръ полиція приказала убрать фигуру.

Намъ вынесли всѣ четыре фигуры на „цвинтарь", на травку, и поставили ихъ рядомъ. Одна изъ фигуръ изображаетъ св. Іоанна Крестителя; правая рука его опущена, лѣвая приподнята; кажется, онъ въ правой рукѣ держалъ что-то, можетъ быть—жезлъ; у ногъ его агнецъ. Вторая фигура—св. евангелистъ Іоаннъ, въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, правая опущена; у ногъ орелъ. Двѣ остальныя фигуры—первосвященниковъ Аарона и Захаріи; платье и позы совершенно одинаковы, только у фигуры, стоявшей около воротъ, отбитъ палецъ и на головѣ не достаетъ первосвященнической тіары. Всѣ фигуры сдѣланы изъ липоваго дерева и позолочены.

Обращаемъ вниманіе на эти остатки церковной старины лицъ, завѣдывающихъ кіевскимъ церковно-археологическимъ музеемъ.

Но не всѣ фигуры сняты съ иконостаса: въ самомъ верху его увѣнчиваетъ вызолоченная фигура Бога Отца, къ сожалѣнію—едва видная: такъ высоко она находится, такъ почернѣла и припала пылью, и такъ слабо освѣщена позеленѣлыми и выцвѣтшими стеклами. По карнизамъ есть нѣсколько фигурокъ ангеловъ.

Приводимъ здѣсь выдержку изъ стараго описанія иконостаса.

Первая по времени, болѣе или менѣе систематическая опись всѣхъ церквей полтавской епархіи сдѣлана была въ 1827 году, по распоряженію еп. Георгія. Въ описи этого года Покровской церкви сказано (измѣняемъ пунктуацію и уменьшаемъ число прописныхъ буквъ):

Иконостасъ въ 4 ярусы, на деревѣ, позлащенный, искусной живописью написанъ [1]). Посрединѣ онаго икона съ изображеніемъ Спасителя, сидящаго на престолѣ, въ раковинѣ, искусно написанная, а надъ вратами Тайная Вечеря [2]). Врата столярною работою отдѣланныя, позлащенныя, съ изображеніемъ въ рѣзбѣ Благовѣщенія пресв. Богородицы. Въ *первомъ* ярусѣ (между колонами) намѣстныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Во *второмъ* ярусѣ праздничныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Въ *третьемъ* ярусѣ, по правую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Іоаннъ Креститель въ рѣзьбѣ позлащенный*, Спаситель, несущій агнца на раменахъ, и *Іоаннъ евангелистъ въ рѣзьбѣ позлащенный*; по лѣвую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Захарія первосвященникъ въ рѣзьбѣ позлащенный*, горящая Купина, видѣнная Моисеемъ, *Ааронъ первосвященникъ въ рѣзьбѣ позлащенный* [3]). Въ *четвертомъ* ярусѣ посрединѣ икона съ изображеніемъ Вознесенія Господня, искусно живописью написанная, въ раковинѣ позлащенной [4]); по правою сторону: пророки Іеремія, Исаія, а сверху ихъ икона съ изображеніемъ сошествія Спасителя во адъ, между *двумя искусно столярною* (sic) *работою отдѣланными ангелами позлащенными*; по лѣвую сторону: пророки Даніилъ, Моисей, сверху ихъ икона съ изображеніемъ лѣствицы, видѣнной Іаковомъ во снѣ, между *двумя искусно столярною работою отдѣланными ангелами позлащенными*. Сверху всего иконостаса *изображеніе Боготца*, *искусно*

---

[1]) Въ описи 1855 года: „Иконостасъ современный постройкѣ церкви, на деревѣ, въ 3 ярусы, по глазированному на серебрѣ малиновому полю, рѣзьбою *арламентною* (это слово, иногда въ формѣ *арламантною*, потомъ въ описи употребляется излюбленно часто) отдѣланный, вся рѣзба въ позолоткѣ, правильною живописью написанный“.

[2]) Въ описи 1855 года: „выше Тайной Вечери изображеніе горы Голгофы; на ней *въ рѣзбѣ Роспятіе на крестѣ Спасителя въ краскѣ тѣлесной*, а *предстоящіе Богоматерь и Іоаннъ Богословъ позолоченные*“.

[3]) Въ описи 1855 года упоминаются уже иконы этихъ святыхъ „на блятѣ“.

[4]) По описи 1855 года: „по сторонамъ той иконы *ангелы предсѣдящіе съ трубами, въ рѣзьбѣ фигуры человѣческой, позолоченные*“.

столярною работою отдѣланное, позлащенное, съ двумя таковыми же ангелами [1]).

Я подчеркнулъ тѣ мѣста, которыя указываютъ, сколько фигуръ въ иконостасѣ, на сколько онъ „скульптурный“.

Весь храмъ обильно уставленъ иконами въ кіотахъ и безъ нихъ, на многихъ иконахъ старинныя серебрянныя „шаты“.

А. Терещенко въ статистическомъ описаніи г. Роменъ, составленномъ въ 1859 году, говоритъ, что въ Покровской церкви „сохранились даже деревянныя, зеленой краскою окрашенныя сѣдалища для старшинъ войска запорожскаго“ [2]).

Мы сняли еще лутки южныхъ церковныхъ дверей, покрытые очень изящною рѣзьбою. Затѣмъ приступили къ съемкѣ всей церкви. Выбрать удобный для этого пунктъ было довольно трудно, такъ какъ церковь стоитъ на спускѣ и приходилось смотрѣть на нее или сверху, или снизу. Съ боковъ тоже не было подходящаго мѣста. Не смотря на то, что мы съ приборомъ взобрались на плоскую крышу сарайчика, стоящаго на дворѣ церковнаго дома, пониже церкви, фотографія все таки вышла немного снизу. Я попросилъ товарища снять церковь еще съ нѣкотораго отдаленія, что и было исполнено.

Старинными документами Покровская церковь весьма небогата. Въ ней есть рядъ описей церковнаго имущества, которыя съ 1827 года становятся вмѣстѣ и описаніями самой церкви. Самая интересная опись относится къ 1761 году и перечисляетъ предметы, принадлежавшіе еще старой церкви, тоже деревянной, стоявшей нѣсколько ниже нынѣшней. Тутъ есть еще „келѣшки“, „лихтари“, „лямпы“, „стихари полотняные“, „патрахили“, „хустки полотняныя, злотомъ и шолкомъ шитыя“ и проч. Другія описи (1774, 1809, 1827, 1830, 1836, 1843, 1855 и 1856 гг.), чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ста-

---

[1]) Въ описи 1855 года: „вверху... изображеніе Бого-Отца, въ рѣзной фигурѣ позолоченной, на облакахъ посребренныхъ, благословящаго, а въ другой рукѣ держащаго скипетръ, окруженный ангелами въ облакахъ, въ рѣзной же фигурѣ раззолоченными“.

[2]) Журналъ Мин. Вн. Д. 1861 г., ч. 48.

новятся подробнѣе, но вмѣстѣ и скучнѣе. Между прочимъ о созданіи храма въ описи 1827 года сказано: „церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы, деревянная, построена въ 1770 году иждивеніемъ мужей запорожскихъ войскъ кошеваго Петра Калнишевскаго и Давида Чернаго“,—и это выраженіе неизмѣнно затѣмъ повторяется во всѣхъ послѣдующихъ описяхъ. Почему тутъ взятъ 1770 годъ, а не 1764-й, какъ сказано въ надписи на дверяхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, по преданію, въ этомъ году церковь была окончена.

Кромѣ описей, есть еще расходныя книги, начиная съ 1756 года. Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ открылъ запись расходовъ за 1864-й и слѣдующіе годы, думалъ встрѣтить здѣсь расходы по постройкѣ церкви, но ожиданія мои не оправдались. Я прочелъ:

1764 году.

За издѣлку школнихъ сѣней дано майстрамъ	1 р. 60 к.
Куплено на школу соломи ради покритя оной за	— р. 70 к.
За направку церковного замка дано слѣсару	— р. 15 к.
За подчинку шпиталя, какъ брали въ лисици дано	— р. 20 к.

1765 года.

За оправку церковной книги дано	— р. 80 к.
За переливку звона з додачею киевскому майстру Петру Романовскому дано	6 р. — к.
На новій діаконскій стихаръ дано	5 р. — к.
За оковку звона скликалника дано ковалю	— р. 25 к.
За направку замковъ церковнихъ дано	— р. 35 к.
За направку церковного окна скляру	— р. 12 к.
За обмазку школи дано	— р. 8 к.
За поставку в школѣ печѣ дано гончару	— р. 40 к.
За поставку в церковномъ дворѣ печѣ дано гончару	— р. 80 к.
Работникамъ четыромъ человѣкамъ, которіе возили на печѣ школную и церковного двора глину и фундаменти висипали дано	— р. 24 к.
На тѣхъ работниковъ и гончара харчей и горѣлки пошло за	— р. 18 к.
За издѣлку в школѣ оконницъ и дверей да за обкиданнѣ деревомъ школнихъ приспъ дано работникамъ	— р. 30 к.
Харчей пошло на тѣхъ работниковъ и горѣлки на	— р. 24 к.

1767 года мѣсяця октября.

За постройку шпиталя покровко(го) уплачено Өедору Лисому денегъ рублей	7 р. — к.
На той же шпиталь употреблено церковной дранѣ полпята ста.	
На той же шпиталь куплено гвоздя желѣзного сотню, цена	— р. 20 к.

На той же шпиталь куплено соломи за. . . . . — р. 66 к.
За мѣсце на той же шпиталь, что роскопували, употреблено денегъ на работники и на харчъ . . . . 1 р. 20 к.
Куплено на той же шпиталь кроковъ и латъ за. . . . . — р. 87 к.
Да гончареви, что здѣлалъ в шпиталѣ пѣчъ и грубу, дано денегъ . . — р. 90 к.
На той же шпиталь куплено окошокъ за. . . . . — р. 22 к.
1767 года генваря 12 дня за постройку хати на церковномъ дворищи, где живетъ ȥонтаръ, дано теслямъ Моисѣеви и Тимошеви Овдѣенку дано . . . . 2 р. 50 к.
. . . . [1]).

Правда, эти расходы интересны, но все таки это не то, чего я ожидалъ. Должно быть ктиторы не заботились о мелочныхъ записяхъ, да, вѣроятно, и не желали опубликовывать своихъ издержекъ.

Записи расходовъ идутъ до конца прошлаго вѣка и продолжаются въ нынѣшнемъ; онѣ даютъ довольно интересный матерьялъ.

Есть еще книги, такъ называемыхъ, „указовъ". Вопреки высказанному какъ-то разъ въ „Кіевской Старинѣ" мнѣнію объ интересности этихъ книгъ, я позволю себѣ сказать, что это самый неинтересный матерьялъ изъ архивовъ нынѣшнихъ церквей. Въ огромномъ большинствѣ это циркуляры синодскіе, уже напечатанные, здѣсь же прошедшіе нѣсколько инстанцій, канцелярію митрополита, канцелярію мѣстнаго духовнаго правленія, и достигшіе церкви съ несносными приписками этихъ канцелярій. Нужно перечесть массу хлама (конечно, съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, о которой и говорилось въ „Кіевской Старинѣ"), чтобы набрести на какой-нибудь мѣстный „указъ", въ родѣ указовъ еп. полтавскаго Гедеона о необходимости цѣлодневнаго звона въ продолженіе всей пасхальной недѣли, о запрещеніи обливанія при крещеніи, о недопущеніи „бублейницъ" съ бубликами на церковный погостъ и даже въ притворы во время великаго поста, или въ родѣ слѣдующаго:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ Черниговской духовной дикастеріи протопопу

---

[1]) Постройка новаго шпиталя и на новомъ мѣстѣ показываетъ, кажется, что къ этому времени была уже выстроена новая церковь.

роменскому Трофиму Терешкевичу. По репорту вашему, съ приложеніемъ данной вамъ отъ дячка села Липоваго Івана Яременка, обижденнаго отъ васъ боемъ, мировой росписки, его преосвященство приказалъ вамъ дать указомъ знать, что означенна примирителная отъ упомянутаго дячка Яременка полученная вами росписка, хотя пріемлется, но чтобъ вы отъ нанесенія подчиненнымъ своимъ такихъ обидъ, какову причинили Яременку, и отъ другихъ подобныхъ тому озлобленій всячески воздержались, и были бы образомъ приличествующимъ разсудителному началнику, отнюдь не выступая изъ предѣловъ, ограничивающихъ власть вашу въ данной вамъ изъ дикастеріи по должности благочиннаго инструкціи. О томъ вамъ къ исполненію строжайше притвердить и притверждается. 792 года ноября 29. Дому архіерейского экономъ іеромонахъ Іоасафъ. Секретарь Семенъ.... Діаконъ Григорій Прозоровъ".

До настоящаго времени Покровская церковь не подверглась какимъ-бы то ни было передѣлкамъ, которыя-бы исказили ея наружный или внутренній видъ. Въ 1827 году подъ нее подложенъ каменный фундаментъ, при чемъ перемѣнены подвалины, перемощенъ полъ и перекрыта желѣзная крыша. Можетъ быть, церковь послѣ того бѣлилась разъ или два. Въ 1848 году вмѣсто старой колокольни построена новая.

Въ настоящее время Покровской церкви грозитъ большая опасность: ее хотятъ сломать и построить вмѣсто нея каменную. Но ей грозила года два тому назадъ еще большая опасность: ее хотѣли передѣлать.

Какъ-то вдругъ пришли къ заключенію, что церковь совершенно неудобна для богослуженія: и изъ-подъ полу дуетъ, и подвалины подгнили, и холодно, и темно, и тѣсно и, наконецъ, чуть-ли купола не грозятъ паденіемъ. Нашлись архитекторы, которые съ готовностью согласились устранить эти неудобства, руководясь вкусами обывателей. Чтобы сдѣлать церковь помѣстительнѣе, хотѣли пустить въ дѣло пріемъ испытанный, къ сожалѣнію—весьма популярный, изуродовавшій не одинъ десятокъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что къ церкви „придвигаютъ" колокольню. Это

значитъ: дѣлаютъ съ западной стороны храма зіяющую рану, проводятъ отъ этой раны заплату въ видѣ галлереи и связываютъ ее съ чуждымъ и относительно идеи христіанскаго храма вообще, и почти всегда относительно стиля даннаго храма, зданіемъ—колокольнею.

Въ самомъ дѣлѣ, кому въ первый разъ пришла въ голову неудачная мысль давать преимущество этому типу храмовыхъ зданій—большимъ колокольнямъ въ одной связи съ маленькими церквами? Что этимъ выигрывается собственно для церкви? Она становится просторнѣе? Но тутъ увеличиваетъ обширность храма нѣчто постороннее ему—галлерея, связывающая колокольню съ храмомъ. Нижній этажъ самой колокольни въ этихъ случаяхъ все таки остается какимъ-то страннымъ преддверіемъ, въ которомъ входящіе еще не снимаютъ шапокъ. А между тѣмъ здѣсь является весьма серьезное неудобство: звонъ колоколовъ надъ головами молящихся часто совершенно заглушаетъ богослуженіе. Надо полагать, что изобрѣтатели этой идеи не обошлись безъ примѣра запада. Но кто-же не знаетъ, что на западѣ колокола знаменитыхъ столичныхъ храмовъ, обширностью своею во много разъ превосходящихъ наши обыкновенныя церкви, едва равняются по вѣсу колоколамъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Если тутъ имѣется въ виду экономія, такъ и это ошибка: при такомъ способѣ постройки извѣстная высота колокольной башни заранѣе опредѣляется и становится обязательной. Въ старину, напротивъ, поступали экономнѣе: всѣ средства вкладывали только въ храмъ, постройку-же колокольни предоставляли „доброхотнымъ дателямъ“.

Что башня для колоколовъ не стоитъ въ неразрывной связи съ идеей христіанскаго храма, этого, кажется, нечего доказывать. Въ старину вмѣсто колоколовъ и рядомъ съ ними употреблялось било, не требующее никакой башни для своего подвѣшиванія. Наша русская колокольня ведетъ свое начало отъ простыхъ деревянныхъ, потомъ каменныхъ столбовъ съ перекладинами, какъ это, между прочимъ, показалъ въ своемъ рефератѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Султановъ, основываясь на изслѣдованіи колоколенъ старинныхъ городовъ

сѣверной полосы Россіи [1]). Достаточно посмотрѣть на колокольни старинныхъ церквей, хотя-бы Новгорода и Пскова, чтобы видѣть, что въ старину не полагали въ колокольняхъ большого значенія: въ этихъ городахъ при многихъ храмахъ сохранились колокольни, представляющія собою каменные столбы съ арками вмѣсто перекладинъ; иногда нѣсколько такихъ столбовъ выходятъ рядомъ изъ одной стѣны.

При Покровской церкви въ Ромнахъ колокольня по стилю не имѣетъ съ самою церковью ничего общаго. Правда, она покосилась, требуетъ починки. Но зачѣмъ-же переносить ее съ мѣста и прилѣплять къ церкви? Интересно, что для прибавленія свѣта хотѣли прорѣзать въ стѣнахъ церкви бо̀льшія окна; двери нынѣшнія собирались тоже расширить и замѣнить болѣе современными.

Были уже составлены планъ и смѣта предстоящихъ искаженій; куплены дубы, которые и теперь лежатъ около церковной ограды. Къ счастью, епархіальное начальство взглянуло на дѣло просвѣщеннѣе мѣстныхъ дѣятелей. Оно не позволило передѣлывать церкви, а разрѣшило ее сломать, если у прихожанъ есть средства построить новую, *каменную*.

Теперь все дѣло въ томъ, чтобы избѣжать опрометчивой торопливости. Во имя художественнаго вкуса, изъ уваженія къ старинѣ, ко храму, въ которомъ крестились, вѣнчались, погребались, изливали предъ Богомъ свои скорби и радости дѣды и прадѣды нынѣшнихъ покровскихъ прихожанъ, имъ бы слѣдовало серьезно подумать надъ тѣмъ, ломать ли зданіе, могущее еще, быть можетъ, пріютить ихъ внуковъ. Пусть въ этомъ случаѣ старики не слушаютъ молодыхъ, а по-стариковски обсудятъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Надо пригласить освидѣтельствовать храмъ знающаго архитектора. Можетъ быть, онъ найдетъ, что достаточно пока незначительной починки, чтобы церковь сдѣлать удобнѣе. А тѣмъ временемъ, не спѣша, можно собрать болѣе значительныя средства и замѣнить потомъ этотъ достой-

[1]) Сообщеніе г. Султанова озаглавливалось: „Историческое развитіе типа русскихъ колоколенъ“.

ный своего времени храмъ другимъ, который былъ бы на столько же достоинъ нашего времени.

Довольно тщательное знакомство съ документами, имѣющимися въ роменской Покровской церкви, не дало никакихъ разъясненій относительно мѣста рожденія Калнишевскаго. Нѣсколько времени спустя, я получилъ ихъ, откуда не ожидалъ, именно—изъ „Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей". Въ №№ 3—6 этой газеты за 1890 годъ напечатанъ былъ историко-статистическій очеркъ, подъ заглавіемъ: „Ромны", написанный г. В. Бучневичемъ. Въ одной изъ выносокъ этой статьи говорилось (въ № 4-мъ): „Родина Калнишевскаго село Пустовойтовка, Роменскаго уѣзда, гдѣ онъ пожертвовалъ на тамошнюю Троицкую церковь 100 руб. и за полученіемъ этихъ денегъ ѣздили въ сѣчь запорожскую викарный іерей того села Тимофей Яковлевъ и ктиторъ Андрей Харченко". Хотя г. Бучневичъ въ своихъ писаніяхъ [1]) обыкновенно игнорируетъ употребленіе кавычекъ и ссылокъ, но такъ какъ у него источники всегда одни и тѣ же и весьма не замысловаты, то раскрыть элементы его свѣдѣній вообще не представляетъ затрудненій. На этотъ разъ однако указанія на с. Пустовойтовку не нашлось въ его источникахъ: ни въ словаряхъ Щекатова и Семенова, ни въ статистическихъ описаніяхъ Полтавской губерніи Арандаренка и Терещенка. Надо было, при случаѣ, побывать въ Пустовойтовкѣ.

Село Пустовойтовка лежитъ всего верстахъ въ 8—10 отъ Роменъ, вверхъ по Сулѣ. Долина рѣки въ этомъ мѣстѣ не широка, версты 3—4, и почти сплошь покрыта селами. Въ настоящее время села эти разрослись на столько, что почти примыкаютъ одно къ другому вплотную. Верстахъ въ трехъ отъ Роменъ лежитъ Герасимовка, противъ нея за рѣкой Плавинище, за Герасимовкой Аксютинцы, Пустовойтовка, далѣе Будки, Волковцы, Коровинцы и проч., и такъ до пограничнаго города Харьковской губерніи Недригайлова. Ставъ за роменскимъ соборомъ на краю высокаго выступа, видишь въ сѣверовосточ-

---

[1]) См. о нихъ „Кіевскую Старину" за 1883 г. V, 161 и за 1892 г. V.

номъ направленіи эту долину, усѣянную церквами, верстъ на 20. Правый берегъ Сулы въ этомъ мѣстѣ довольно высокъ и живописенъ, и весьма интересенъ въ отношеніи доисторической археологіи, особенно, если интересоваться блестящими коллекціями. Это мѣсто, какъ разъ надъ селами Аксютинцами и Пустовойтовкой, покрыто такъ называемыми скиѳскими курганами и въ послѣдніе годы привлекло къ себѣ вниманіе археологовъ, г.г. Кибальчича, Самоквасова, Антоновича, Мазараки и др.

Село Пустовойтовка ничѣмъ не отличается отъ сотенъ малороссійскихъ селъ, хорошо извѣстныхъ читателямъ, живущимъ въ южномъ краѣ; тѣ же извилистыя улицы съ хатками внутри дворовъ, идущихъ въ перемежку съ садиками, огородами, тѣ же левады, выгоны передъ селомъ, церковь, прячущаяся въ зелени.

Сопутствовать мнѣ въ поѣздкѣ въ Пустовойтовку любезно согласился мѣстный уроженецъ В. И. Б., сообщившій мнѣ передъ тѣмъ, что въ пустовойтовской церкви есть вещи, пожертвованныя Калнишевскимъ. Мы заѣхали къ священнику о. К. Яновскому, принявшему насъ чрезвычайно радушно. Такъ какъ дѣло было за полдень, то мы, не откладывая, отправились въ церковь. Узнавъ объ этомъ, въ церковь явились о. діаконъ и учитель мѣстной школы. Всѣ эти люди, очевидно, проникнуты были любовью къ своему храму. Они съ величайшей готовностью и знаніемъ всего имущества церковнаго рылись съ нами въ старыхъ церковныхъ бумагахъ, показывали предметы церковной утвари, обращали наше вниманіе на ускользавшія отъ насъ подробности. О. настоятель любезно согласился дать мнѣ на просмотръ нѣсколько старыхъ метрическихъ книгъ, которыя я обѣщалъ возвратить въ цѣлости.

Церковь дѣйствительно оказалась построенной Калнишевскимъ и обладающей пожертвованнымъ имъ великолѣпнымъ евангеліемъ. Беремъ опись 1827 года и читаемъ:

„Церковь во имя св. Тройцы, деревянная, построена въ 1773 году иждевеніемъ кошового войска запорожскаго Петра Ивановича Калнишевскаго, о трехъ главахъ, куполы на коей

первоначально покрыты были гонтою, а вся церковь шеліовкою; но въ 1818 году мѣсяца сентября 24 дня, по дозволенію преосвященнаго Меѳодія, бывшаго епископа полтавскаго и переяславскаго, куполы и вся церковь покрыта вновъ чернымъ желѣзомъ, окрашена зеленою краскою, съ внутри выбѣлена, притворы пристроены къ церквѣ. По правую сторону пономарня, а по лѣвую ризница.

„При церквѣ на погостѣ состоитъ колоколня деревянная въ одинъ ярусъ, построенная въ 1795 году по дозволенію преосвященнаго Виктора, архіепископа черниговскаго и нѣженскаго, покрыта сверху драныо, ничемъ не окрашена, да и починки доселѣ ни въ чемъ не имѣла“.

Церковь не сохранилась въ этомъ видѣ до нашего времени. Лѣтъ пять тому назадъ она передѣлана по описанному выше популярному способу. При передѣлкѣ лутки старыхъ дверей съ рѣзною надписью выброшены и пропали безслѣдно.

Мы занялись осмотромъ евангелія. Оно московской печати 1758 года, въ листъ, переплетено въ дубовыя доски, обложенныя серебряными вызолоченными листами, по которымъ серебряная же накладная рѣзьба. Переплетъ на корешкѣ и застежки тоже серебряные. Лицевая доска весьма искусно отдѣлана: по srединѣ рельефное распятіе, по сторонамъ котораго помѣщены Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ; надъ распятіемъ св. Тройца, подъ распятіемъ Іоаннъ Златоустъ; съ боковъ—около Божіей Матери Василій Великій, около Іоанна Богослова Андрей Первозванный. По угламъ доски евангелисты: вверху Матѳей и Маркъ, внизу Лука и Іоаннъ. Подъ Іоанномъ Златоустомъ фигура ангела, а подъ нею, у края доски, рѣзная надпись: *„Сія кніга евангеліе издѣлано коштомъ воіска запорожскаго нізового судіи войскового Петра Ивиновіча Калнишевскаго“*. На нижней доскѣ по срединѣ изображеніе Спасителя на облакѣ, окруженнаго ангелами; правая рука поднята вверхъ для благословенія, въ лѣвой—шаръ. По угламъ четыре выпуклости, около полувершка въ вышину, въ качествѣ подставокъ. На внутренней сторонѣ нижней доски, внизу, у обрѣза листовъ, рѣзная надпись: *„В церковъ святотроецкую села Пустовоітовки: 1762 году: ценажъ оному пять*

сотъ рублей". По листамъ евангелія (отъ 8 до 43 стр.) внизу написано: *„Сія книга евангеліе вцерковъ свято троецкую села Пустовойтовки издѣлано стараниемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войсковою суди, нинѣ уже Кошевого атамана Петра Івановича Калнишевскаго. За здравіе его и заупокой умершихъ Іоанна, агафіи, Зѣновіи. Еще вживыхъ андрея, Параскавеи, Сімеона, Андрея и Іосифа еще в живихъ пребивающаго. Оному жъ Евангелію цена пять сотъ рублей. Подписана в сѣчѣ Запорожской 1762 году іюля 3 дня"*. На внутренней сторонѣ нижней доски есть еще какая то подпись, мною не разобранная. Длина досокъ 11 верш., ширина 7¹/₄ в., вѣсу въ евангеліи 28 фунтовъ.

Священникъ и діаконъ намъ разсказали, что церковь посѣщалъ г. Кибальчичъ и очень хотѣлъ пріобрѣсти евангеліе, но условія для этого оказались неподходящими.

Кромѣ евангелія, въ церкви есть два пожертвованныхъ запорожцами креста, совершенно одинаковые, кипарисные, въ серебряной оправѣ съ такими же подножіями, вызолоченные узорами. Кипарисъ, вставленный въ оправу, какъ въ рамочки, затянутъ съ обѣихъ сторонъ очень тонкими слюдяными листочками. На одномъ изъ крестовъ, по краямъ подножія внутри, рѣзная надпись: *„сей крестъ надалъ осавулъ воиска запорозкого низового всело пустовѣйтовку до храму пресвятыя тройци 1757 года: июля: 5: д."* На другомъ, въ томъ же мѣстѣ, такая же надпись: *„сей крестъ наданъ отъ козаковъ сѣчи запорозкой куреня Кущѣвскаго Давида Бородавки и Василя померщаго в село пустовойтовку до храму святыя троици"*. Есть и дарохранительница такой же точно работы, какъ кресты, только безъ надписи.

Осмотрѣвъ эти вещи и прочитавъ, что можно было успѣть до сумерекъ, изъ церковныхъ документовъ, мы вернулись къ священнику, отъ котораго уѣхали съ самыми лучшими впечатлѣніями.

Къ сожалѣнію, ни въ документахъ, просмотрѣнныхъ въ самой пустовойтовской церкви, ни въ метрическихъ книгахъ, прочитанныхъ дома болѣе внимательно, нигдѣ не встрѣтилось

фамиліи Калнишевскаго, или Калныша. Книги же обнимали время отъ 1723 до 1768 и отъ 1780 до 1804 годовъ.

Не смотря однако на отсутствіе имени Калнишевскаго въ пустовойтовскихъ церковныхъ книгахъ, ясно было, что сообщеніе г. Бучневича не гадательно. Чрезъ нѣсколько времени я наконецъ открылъ и самый источникъ этого сообщенія. Оно было получено г. Бучневичемъ отъ старосты роменскаго Святодуховскаго собора И. А. Курилова, который заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ архива бывшаго роменскаго духовнаго правленія.

Надо замѣтить, что архивъ этотъ могъ бы весьма пригодиться для изслѣдователя мѣстной старины, если бы не былъ въ столь жалкомъ положеніи, въ какомъ находится въ настоящее время. Помѣщается онъ въ соборной колокольнѣ, въ темной каморкѣ. Теперь по крайней мѣрѣ, благодаря старанію протоіерея собора о. А. Ельчукова и г. Курилова, въ дыру, служившую окномъ для этой каморки, вставлена рама со стекломъ; потолокъ каморки, которымъ служилъ досчатый дырявый помостъ подъ колоколами, обитъ листовымъ желѣзомъ, и въ самой каморкѣ сдѣланы полки, на которыхъ положены уцѣлѣвшія связки бумагъ. Прежде же архивъ былъ почти что подъ открытымъ небомъ: сквозь огромныя щели помоста сверху и сквозь дыру въ стѣнѣ сбоку бумаги мочило дождемъ и забивало снѣгомъ и пылью (колокольня не высока). Не мудрено, что отъ нѣкоторыхъ связокъ остались только кучи истлѣвшей бумаги. Заниматься въ каморкѣ не возможно, потому что, помимо всякихъ другихъ неудобствъ, въ ней совершенно темно.

Будучи старостой собора, г. Куриловъ разбиралъ бумаги этого архива и на основаніи ихъ составилъ „историко-статистическое описаніе роменскаго Святодуховскаго собора [1]". Онъ же сообщилъ выписку изъ дѣлъ архива и г. Бучневичу. На мою просьбу показать мнѣ самое „дѣло", изъ котораго сдѣлана выписка, г. Куриловъ отвѣтилъ, что дѣло гдѣ то въ архивѣ. Съ дозволенія о. протоіерея я полѣзъ въ каморку, попросивъ въ

---

[1]) Моя рецензія объ этомъ сочиненіи въ „Кіев. Стар." за апрѣль 1888 года.

руководители г. Курилова. Сколько мы ни рылись, искомаго „дѣла“ не нашли. „Дѣло“ же, по объясненію г. Курилова, состояло въ прошеніи причта пустовойтовской церкви о выдачѣ ему изъ роменскаго духовнаго правленія паспорта для поѣздки въ Сѣчь за полученіемъ обѣщанныхъ Калнишевскимъ на церковь 100 рублей денегъ; при этомъ въ прошеніи было оговорено, что изъ Пустовойтовки кошевой „и родомъ состоитъ“.

Но прошло нѣсколько времени, и г. Куриловъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ два другихъ „дѣла“, которыя гораздо яснѣе подтверждаютъ происхожденіе Калнишевскаго изъ Пустовойтовки. Они заключаютъ въ себѣ три слѣдующіе документа:

I. В духовное протопопіи роменской правленіе доношеніе [1]).

Войска запорожского низового господинъ кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишъ, отъ своей къ храмамъ Божіимъ горливости, вознамѣрился в селѣ вѣдомства протопопіи роменской Пустовойтовкѣ, в которомъ онъ господинъ кошевой родился, от своего собственного кошту вновъ деревянную во імя пресвятія Тройцы церковъ на мѣстѣ свободномъ вистроить; и по заказу его господина кошевого нами подписавшимися на такову церквы новой вистройку потребное число дерева уже виготовлено и майстеръ законтрактованъ, и сумма денежная в наличіи имѣется. Хотя же въ ономъ селѣ Пустовойтовкѣ нн҃ѣ находящаясь церковь не совсѣмъ еще въ крайную обедшалость приходитъ, однакъ какъ невомѣстительною для насъ биваетъ, такъ и часъ отъ часу уже приходитъ въ порчь, а по разсужденію нашему толко что до вистройки можетъ постоять; а по заказу жъ его господина кошевого и по нашему общему совѣту, вознамѣренни ми, за устроеніемъ новой церквы старую разобравъ, з дерева годного, з добавкою нового, здѣлать около новой церквы ограду. И понеже онъ господинъ кошевой атаманъ чрезъ нарочного з Сѣчи Запорожской присланнимъ к намъ подписавшимся сего года и м҃ца писмомъ заказалъ, чтобъ сего лѣта неминуемо такова вновъ

[1]) Перемѣны въ правописаніи, противъ подлинника, состоятъ только въ разстановкѣ знаковъ препинанія, раздѣленіи слитыхъ словъ и употребленіи прописныхъ буквъ.

церковь заложена била и строитись началась, о чемъ от себе и писменную к его преосвященству митрополиту кіевскому и галицкому просбу запечатанную приложилъ, с которою ми и явитись къ его преосвященству въ скорости намѣренни, то за долгъ порядка и в здешнее духовное правленіе представляя, покорно просимъ, прописанное мѣсто, на которомъ та въ новъ церковь строитись імѣетъ, и материяли освѣдителствовавъ, и отъ сего духовнаго правленія къ его ясне в Бгѹ преосвященству ж в подлежащихъ обстоятельствахъ с прошеніемъ на заложеніе архипастирского благословенія представленіе учинить.

О семъ просятъ церквы пустовойтовской троецкой прихожане: атаманъ Динисъ Сидоренко, ктиторъ Леско Стайко, Яковъ Скрипаль, Гордѣй Заворотко, Грицко Коржъ, Каленикъ Соломка, Иванъ Черевко, Кузма Донець, Кирикъ Коваленко, Грицко Любаръ; а во мѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе тоя же церкви іерей Тимоѳей Яковлевъ подписался [1]).

II. Бжїею млтїю смиренный Гавріилъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій [2]).

По благодати, дару же и власти всстагѡ и животворящаго Духа, даннѣй намъ отъ Архіерея Великаго, прошедшаго небеса, Хрїта Спасителя міра, чрезъ его намѣстники стыѧ апостолы и ихъ преемники, пастыри и учители церковные, другъ другопреемно; а по доношенію духовнаго роменскаго правленія и по прошенію села Пустовойтовки церкви стыѧ живоначалныя Тройцы священника Тимоѳея Яковлева съ прихожаны, и по письменномъ войска низоваго запорожскаго атамана кошеваго Петра Ивановича гпдна Калнишевскаго прошенію,—благословили мы въ ономъ селѣ Пустовойтовки церковь деревянную въ то жъ стыѧ живоначалныя Троицы имянованіе, во мѣсто имѣющейся нынѣ обетшалой, вновь на другомъ вигоднѣйшемъ мѣстѣ, по подобію прочихъ стыхъ церквей, по чиноположенію

---

[1]) Помѣта: „поданно 1773 года мая 25 дня, № 31".

[2]) Эти слова написаны собственноручно митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ.

церковному, протопопу роменскому Константину Крижановскому соборнѣ заложить и о заложеніи оной намъ отрепортовать; и притомъ наблюдать, чтобъ въ той церкви какъ престолъ по силѣ указа, въ ст҃ѣйшемъ правительствующемъ сvнодѣ 734 года сентября 13 д. состоявшагося, въ вышину аршина шести вершковъ и со дскою, въ длину аршина осми вершковъ, въ ширину аршина четирехъ вершковъ, такъ и жертвенникъ въ пропорцію престола и олтаря были здѣланы; по состроеніи же оной церкви и къ осщ҃енію приличное все по силѣ жъ указа, въ святѣйшемъ правительствующемъ сvнодѣ октября 9 д. 1742 года состоявшагося, изготовить, чтобъ церковныя сосуды были серебреные, а по самой необходимой нуждѣ оловяные изъ чистаго олова, и олтарныя одежды и свщ҃еннослужительскія облаченіи имѣлись хотябъ шелковые, и книгами всего церковнаго круга удовольствованна, и тѣ книги на имя той церкви по листамъ подписанны были; а когда та церковь построится, и приличествующее къ освященію совсѣмъ изготовлено будетъ, тогда оное все от духовнаго роменскаго правленія описавъ, съ достовѣрнымъ свидѣтелствомъ ту опись прислать къ намъ при доношеніи, и сколько дворового числа и въ нихъ мужеска и женска пола душъ въ наличіи въ приходѣ тоя церкви находится, обявить имянно, и какъ о осщ҃еніи оной новой, такъ и о розобраніи обетшалой церквей тогда жъ просить нашего пастырскаго благословенія, при коемъ прошеніи и прежный освященный антиминсъ для освидѣтельствованія къ намъ прислать чрезъ свщ҃енника оной же церкви; а до устроенія и осщ҃енія оной церкви свщ҃еннослуженіе въ старой по прежнему совершать. Чего въ знаменіе и сія благословителная граммата вышепомянутаго села Пустовойтовки церкви ст҃ыя живоначалныя Троицы свщ҃еннику Тимоѳею Яковлеву и фундатору оной церкви съ прохожаны отъ насъ дана, за рукою нашею, при печати каѳедральной, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ каѳедрѣ нашей Софійской митрополитанской. 1773 года, іюня 13 дня [1]).

[1]) Ниже приложена печать, теперь совершенно стертая. На поляхъ помѣта ромен. духов. правленія: „получена 1773 года іюня 18 дня". „Заложенна августа 25 дня". № каѳедральной канцеляріи 319, № ром. духов. пр. 21.

III. Въ духовное роменское правленіе доношеніе.

Вѣдомства протопопіи роменской, въ приходѣ троецкомъ пустовойтовскомъ заложенная въ прошломъ 1773-мъ году деревянная церковь, на мѣсто обветшалой, вновъ строилась всѣмъ коштомъ до единой послѣднѣйшей надобности сего села Пустовойтовки уроженца, бившей сѣчѣ кошевого атамана Петра Иванова Калниша, и состроена уже до самихъ верховъ; но какъ показанной кошевой Калнишъ сталъ отъ мѣста своего удаленнымъ, то ми нижайшіе, сколько могли до состроенія оной церкви возможности нашей, коштъ полагали, но въ совершенное оной окончаніе, по нашимъ оскудѣніямъ, такъ же и за указними нарядами и вистатченіями, оной привесть не можемъ, а остается точію оную гонтою и желѣзомъ покрыть и окожуховать, да и внутрь иконостасъ резбами и иконописствомъ отъдѣлать. Для того духовного роменскаго правленія всенижайше просимъ о таковихъ нашихъ недостаткахъ къ достройки показанной церквы и къраинему оскудѣнію въ денгахъ засвидѣтелствовавъ, къ его преосвященству, архипастиру нашому, представить, съ прошеніемъ святителского благословенія и видачи прошнурной книги и граммати на испрашиваніе въ его преосвященства епархіи отъ доброхотнихъ дателей денежного подаянія, и о семъ учинить опредѣленіе.

О семъ просятъ: іерей пустовойтовскій Тимоѳей Яковлевъ, хоружій сотенній Константиновскій Іванъ Заворотко, атамъ сѣлскій пустовойтовскій Мартинъ Потапенко и козаки: Кирило Мартиненко, Антонъ Гейко, Романъ Коваль, Григорій Любаръ, Никифоръ Ященко, Каленикъ Соломка, Якимъ Бабѣй, Сидоръ Бабѣй, Яковъ Мелешко, Ничипоръ Мелешко; посполитіе: войтъ Максимъ Чиленко, Трофимъ Черевко, Петро Черевко, Матвѣй Чиленко, Яковъ Скрипка, Петро Ревенко, Иванъ Солонинка, Тимошъ Андрѣенко, Ничипоръ Скрипка, Михайло и Иванъ Харченки, а во мѣсто ихъ випеписанныхъ козаковъ и посполитихъ неграмотнихъ, по ихъ прошенію, сотенного константиновского правленія подписокъ Иванъ Замура руку приложилъ [1]). 1780 г. мая 7.

---

[1]) Помѣта ромен. дух. правленія: „подачно 1780 года, мая 7 дня“.

Эти документы несомнѣнно доказываютъ, что Калнишевскій родился въ с. Пустовойтовкѣ. Надпись на листахъ пожертвованнаго имъ евангелія перечисляетъ его родню: Иванъ и Агафія—родители, остальные—или братья и сестры, или вообще близкіе родственники. Но я не могу себѣ объяснить, почему нѣтъ никого изъ нихъ въ церковныхъ метрическихъ книгахъ села Пустовойтовки? Не носилъ ли отецъ Калнишевскаго другой какой-либо фамиліи?

Вопросъ о средѣ, изъ которой вышелъ Калнишевскій, тоже остается пока открытымъ. На заявленіе г. Скальковскаго о дворянствѣ Калнишевскаго я смотрю, какъ на неудачное предположеніе, потому что дворянства въ нынѣшнемъ смыслѣ еще и не было въ то время въ Малороссіи. Г. Эварницкій говоритъ о какомъ то „собственномъ имѣніи" Калнишевскаго, взятомъ въ секвестръ, но не указываетъ источника, откуда онъ взялъ это свѣдѣніе.

Мнѣ кажется, что Калнишевскій вышелъ изъ простой народной среды, и главнымъ доказательствомъ этого я считаю именно его обширную церковную благотворительность. Надо проникнуться чисто народнымъ чувствомъ живого убѣжденія въ неизмѣримой важности пожертвованій на дѣло религіи, чтобы такъ, можно сказать, увлекаться этими пожертвованіями, какъ Калнишевскій. Онъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія въ Запорожьѣ. Запорожцы любили жертвовать на церкви, они гордились этимъ, потому что выносили съ собою въ Запорожье усвоенное ими въ народной средѣ чувство уваженія къ „создателямъ и благодѣтелямъ" храмовъ Божіихъ.

Подведемъ итоги выяснившейся до сихъ поръ церковно-благотворительной дѣятельности Калнишевскаго. Онъ построилъ 4 церкви: въ Межигорьѣ, Лохвицѣ, Ромнахъ и Пустовойтовкѣ, причемъ, если вѣрить письму лохвичанъ къ черноморцамъ, одинъ иконостасъ лохвицкой церкви стоилъ 10,000 рублей; надо, впрочемъ, принять въ соображеніе, что въ Лохвицѣ Калнишевскій построилъ *соборную* церковь, стоившую, должно быть, очень дорого. Онъ пожертвовалъ въ пустовойтовскую церковь евангеліе въ 500 рублей; сдѣлалъ серебряную вызолоченную „шату" на

икону Богоматери въ Самарскій монастырь, въ 161 р.; во время своего заключенія пожертвовалъ въ Соловецкій монастырь серебряный запрестольный крестъ, вѣсомъ въ 13 съ половиной фунтовъ; туда же, по освобожденіи, сдѣлалъ евангеліе въ 2435 руб.; наконецъ, будучи кошевымъ, послалъ іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды (Эварн. I, 86, II, 182—184; Скальк. II, 266). Объ этомъ пока только мы знаемъ. Но это, очевидно, далеко не все...

И Калнишевскій не ошибся. Многія изъ его пожертвованій, чутко направленныхъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей народнаго духа, проживутъ еще вѣка. Они покроютъ доброю памятью имя человѣка, столь несчастнаго при жизни.

Ѳ. Н.

Prof. M. Kowalewsky. Mariage among the early slavs. (Folk-lore, Quarterly Review of Myth, Lond. Dec. 1890).

Неутомимый изслѣдователь въ области первобытной культуры М. М. Ковалевскій, въ 1890 году помѣстилъ въ спеціальномъ англійскомъ журналѣ свою работу, представляющую собой одну изъ лекцій, читанныхъ имъ на такъ называемыхъ ильчестерскихъ курсахъ въ оксфордскомъ университетѣ. Это изслѣдованіе, не смотря на свою относительную краткость, имѣетъ, по нашему мнѣнію, очень крупное значеніе для нашей исторической науки, освѣщая одну изъ ея частей, которая до самаго послѣдняго времени, можно сказать, почти вовсе не была даже еще затронута. До настоящаго времени почти всѣ безъ исключенія русскіе историки оставались при старинныхъ воззрѣніяхъ на патріархальную семью, какъ на первобытную форму человѣческихъ отношеній, не смотря на то, что въ западно-европейской наукѣ взглядъ этотъ довольно давно уже былъ подвергнутъ критикѣ, и исторія развитія семьи была подвинута сравнительно очень далеко. Статья г. Ковалевскаго представляетъ собой первую и почти единственную попытку разсмотрѣть имѣющіяся свѣдѣнія о древней славянской семьѣ съ новой точки зрѣнія, установленной трудами западныхъ, преимущественно англійскихъ ученыхъ [1]) и выводы этой статьи, служа съ одной стороны

[1]) До извѣстной степени вопросъ этотъ разсматривается впрочемъ и въ статьѣ Ѳ. К. Волкова *„Свадебные обычаи славянскихъ народовъ"*, напечатанной въ III т. болгарскаго *„Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина"* (окт. 1890 г.), причемъ авторъ, разбирая съ точки зрѣнія свадебныхъ обрядовъ, приходитъ этимъ путемъ къ совершенно тѣмъ-же выводамъ, какъ и г. Ковалевскій.

подтвержденіемъ справедливости новой теоріи, съ другой стороны констатируютъ, какъ кажется, вполнѣ ту-же постепенность развитія семьи у древнихъ славянъ, какая существовала и у всѣхъ прочихъ народовъ.

Переводя съ буквальной точностью извѣстный отрывокъ текста начальной лѣтописи, въ которомъ описываются нравы древнихъ славянъ, г. Ковалевскій приступаетъ къ классификаціи тѣхъ фактовъ, которые можно изъ него извлечь. Прежде всего онъ указываетъ на то, что бракъ въ смыслѣ постояннаго союза между мужемъ и женою, очевидно, вовсе не былъ общимъ установленіемъ у восточныхъ славянъ. За исключеніемъ болѣе цивилизованныхъ Полянъ, ни одно изъ прочихъ племенъ не имѣло еще объ немъ и понятія.

Конечно, это еще вовсе не значитъ, чтобы восточные славяне вовсе не имѣли семьи, дѣло въ томъ, что устройство ихъ семьи не соотвѣтствовало понятіямъ объ этомъ предметѣ автора лѣтописи. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне умыкали себѣ женщинъ, предварительно съ ними сговорившись; это, разумѣется, не могло быть названо бракомъ съ христіанской точки зрѣнія— мы-же въ данномъ случаѣ имѣемъ примѣръ того, что этнологи называютъ бракомъ черезъ умыканіе. У Древлянъ, племени наиболѣе дикаго, говоритъ далѣе г. К—ій, были свои игрища, на которыхъ похищали дѣвицъ (текстъ лѣтописи (Ипат. 7) говоритъ впрочемъ только объ умыканіи у воды: „умыкаху у воды дѣвица“, не упоминая ничего объ игрищахъ); но въ лѣтописи ни слова не говорится объ уговорѣ между похитителемъ и его предполагаемой жертвой. Возможно, что игрища эти были на границахъ или окраинахъ деревень, фактъ, который указываетъ на существованіе экзогаміи, запрещавшей союзы между членами одного и того-же рода (gens). Въ описаніи лѣтописца мы видимъ господство почти безграничнаго распутства (licence) у Древлянъ, картину экзогамическаго народа, женящагося посредствомъ умыканія и находящагося въ періодѣ перехода въ семейный коммунизмъ, что очевидно изъ отношеній между свекрами и снохами. У Полянъ мы не находимъ и слѣда той ограниченной или неограниченной promiscuité, которая господству-

етъ у другихъ славянскихъ племенъ. Но, тѣмъ не менѣе, это было все таки племя экзогамическое, что видно изъ обычая приводить себѣ женъ, очевидно не принадлежащихъ къ тому-же роду. Но у нихъ женихъ уже не похищалъ невѣсту, а прямо получалъ ее изъ рукъ ея родителей, уплачивая имъ за нея извѣстный выкупъ. Относительно этого выкупа выраженіе лѣтописи, говоритъ г. К—ій, не вполнѣ ясно, и прежніе русскіе ученые почти постоянно толковали его въ смыслѣ приданнаго, которое было приносимо на другой день послѣ приведенія невѣсты. Но въ послѣднее время выяснено, что до XV стол. въ источникахъ русской исторіи приданное вовсе не упоминается и что слово *вѣно*, употреблявшееся въ древне-русскомъ языкѣ, означало только *pretium nuptiale*.

Свидѣтельство начальной лѣтописи о различныхъ формахъ брака у восточныхъ Славянъ заставляетъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго обратить на себя вниманіе, такъ какъ оно подтверждается прочей древне-русской литературой, русскими эпическими поэмами, свадебными пѣснями и обрядами и наконецъ существованіемъ ихъ и теперь въ разныхъ отдѣльныхъ уголкахъ Россіи. Древляне, говоритъ г. Ков—ій, не были единственнымъ славянскимъ племенемъ, которому приписывается первобытная свобода нравовъ, и ссылается на извѣстное свидѣтельство Космы Пражскаго, къ которому съ такимъ раздражительнымъ скептицизмомъ относится въ своемъ курсѣ Русск. Исторіи, г. Бестужевъ-Рюминъ (I, стр. 37). Въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія г. Ков—ій приводитъ свидѣтельства неизвѣстнаго автора житія св. Адальберта и русскаго монаха Памфила, жившаго въ XVI ст. и вооружавшагося противъ праздниковъ въ честь Ярила, упоминаетъ далѣе объ извѣстныхъ пунктахъ Стоглава и разсказываетъ наконецъ о современныхъ уже намъ праздникахъ Ярила, а также о переживаніи этихъ праздниковъ, которое онъ видитъ въ существующихъ до сихъ поръ великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницяхъ. Указывая при этомъ на совершенно аналогическія явленія въ нѣмецкомъ населеніи кант. Гларуса (Kilbenen), въ южныхъ мѣстностяхъ Бадена и Вюртемберга

(Kilchgang или Dorfgehen) а также въ Уэльсѣ (bundling) онъ прибавляетъ, что этихъ примѣровъ достаточно, чтобы въ сравнительной безнравственности русскаго народа видѣть не что иное, какъ переживанія первобытныхъ формъ брака, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Доказательства патріархальнаго строя семьи у древнихъ славянъ г. К—ій видитъ въ запрещеніи браковъ между лицами родственными по отцу и по дѣду, въ свидѣтельствѣ того-же біографа св. Адальберта и наконецъ въ русскихъ былинахъ (Соловей-разбойникъ, женящій своего сына на своей же дочери). Какъ на примѣры экзогамическихъ браковъ, сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣстности Архангельской губ., Сибири и Нижегородской губ., заимствуя эти свѣдѣнія изъ соч. г. Смирнова „Очерки семейныхъ отношеній и пр.“. Другимъ важнымъ доказательствомъ существованія патріархата у древнихъ русскихъ славянъ г. Ковалевскій считаетъ независимое положеніе женщинъ въ древнія времена, на которое указываютъ, кромѣ прямого свидѣтельства Космы Пражскаго, легенды о чешскихъ амазонкахъ, упоминаемыхъ тѣмъ же писателемъ, и о русскихъ *поленицахъ*, упоминаемыхъ въ былинахъ и наконецъ сравнительно недавній еще, приводимый Бопланомъ обычай, по которому въ Украинѣ дѣвушки сами себѣ выбирали жениховъ. Къ этимъ очень характернымъ фактамъ г. Ковалевскій присоединяетъ еще одно очень важное доказательство въ пользу существованія въ древней Руси патріархальной семьи, извлеченное изъ самого законодательства, а именно—наиболѣе древнюю версію перваго параграфа текста Русской Правды, которымъ мщеніе за убійство отца принадлежитъ, кромѣ его сына „братоу чадоу любо сестриноу сынови“. Въ обществѣ, организованномъ по принципу агнатическаго родства, говоритъ г. Ковалевскій, сынъ сестры не имѣетъ никакого повода вмѣшиваться въ преслѣдованіе убійцы своего дяди, такъ какъ онъ принадлежитъ къ другому роду, а обязанность мщенія лежитъ исключительно на членахъ рода, къ которому принадлежитъ убитый. Самый фактъ опущенія этой части древняго текста въ болѣе позднихъ спискахъ

указываетъ, по мнѣнію г. К—аго, на послѣдовавшее потомъ развитіе агнатическаго строя семьи, причемъ, разумѣется, упомянутый законъ не могъ имѣть болѣе мѣста. Наконецъ авторъ ссылается на существованіе подобныхъ же обычаевъ и у южныхъ славянъ, засвидѣтельствованное проф. Богишичемъ и съ его словъ Крауссомъ.

Сопоставляя затѣмъ свои выводы съ фактами, установленными Баховеномъ для Германіи и Макъ-Леннономъ для Англіи, г. Ковалевскій приводитъ для дополненія доказательствъ всей этой теоріи нѣкоторые современные обычаи русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ въ Украинѣ. Здѣсь прежде всего онъ указываетъ на то, что въ свадебныхъ обрядахъ братъ, а не отецъ является главнымъ покровителемъ и защитникомъ сестры, совершаетъ ея ритуальную продажу жениху, начинаетъ расплетаніе ея косы и проч. Къ этимъ фактамъ г. К—ій могъ бы присовокупить еще то характерное обстоятельство, что во всѣхъ рѣшительно обрядахъ украинской свадьбы изъ родителей жениха и невѣсты главная и первенствующая роль принадлежитъ не отцу, а матери, она является представительницей семьи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и семейнаго культа, главнымъ представителемъ котораго служитъ *домовый староста*—первоначально, а отчасти даже и теперь, *дядя* невѣсты съ *материей стороны*.

Разсмотрѣвши, такимъ образомъ, доказательства существованія патріархата у древнихъ славянъ, г. Ковалевскій переходитъ къ фактамъ, изъ которыхъ можно заключить о существованіи передъ этимъ болѣе ранней стадіи вполнѣ примитивныхъ отношеній между двумя полами, представляющихъ собою явленія *эндогаміи*. Какъ на такого рода факты, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста русскихъ былинъ (Михайло Казариновъ), на многочисленныя сказки о кровосмѣшеніи (Афанасьевъ—I. 211—212), на украинскія пѣсни, представляющія идеи перехода отъ эндогаміи къ экзогаміи и т. п. Съ другой стороны онъ указываетъ на то, что находящіяся въ тѣсной связи между собою экзогамія и умыканіе женщинъ—дѣйствительно и существовали въ древ. Руси, что видно изъ свидѣтельства началь-

ной лѣтописи о Радимичахъ, Вятичахъ и пр., подтверждаемыхъ множествомъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, въ которыхъ постоянно говорится о похищенiи дѣвушекъ, и не такъ давно существовавшимъ еще обычаемъ похищенiя у Южныхъ Славянъ. Приведя рядъ свѣдѣнiй, сюда относящихся изъ, Вука Кораджича и Богишича, г. К—iй упоминаетъ о свидѣтельствѣ Боплана на счетъ похищенiя дѣвицъ въ Украинѣ XVII ст. и цитируетъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ великорусскихъ и, главнымъ образомъ, украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ.

Переходя затѣмъ къ слѣдующей за умыканiемъ стадiи развитiя брачныхъ обычаевъ, г. Ковалевскiй указываетъ на браки Полянъ, у которыхъ, по свидѣтельству лѣтописи, приводили невѣсту, послѣ чего женихъ уплачивалъ родителямъ ея извѣстную сумму, представлявшую собою то, что у римлянъ называлось pretium nuptiale. Этотъ обычай Полянъ, какъ думаетъ авторъ сдѣлался современемъ общимъ обычаемъ всѣхъ славянъ и удержался у нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ. Приведя примѣръ существованiя его у нынѣшнихъ сербовъ (Вукъ Карадж․) и болгаръ—(Богишичъ) у лужичанъ, чеховъ и поляковъ, г. К—iй упоминаетъ также о знаменитыхъ ярмаркахъ, существовавшихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтiя въ Красномъ Бродѣ въ Угорской Руси. Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ о значенiи выраженiя *вѣно*, которое въ славянскомъ переводѣ библiи (эпизодъ объ Iаковѣ и Лаванѣ) употреблено также въ смыслѣ платы за невѣсту, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой платы, сохранившейся въ Великороссiи подъ именемъ кладки. Въ этомъ обычаѣ онъ различаетъ двѣ формы: одну—когда отецъ отдаетъ полученныя отъ жениха деньги (кладку) своей дочери въ видѣ приданаго, и другую—когда онъ ихъ беретъ себѣ въ качествѣ главы семьи—общины, и обращаетъ вниманiе на то, что первая изъ этихъ формъ имѣетъ переходной характеръ и указываетъ тотъ путь, которымъ pretium emptionis, употребляя терминъ римскихъ юристовъ, превратился въ dos или приданое, также точно какъ это можно видѣть и въ обычаѣ древнихъ германцевъ, у кото-

рыхъ, по словамъ Тацита, мужья давали приданое своимъ женамъ, а не отцы послѣднихъ [1]).

Такимъ образомъ, заключаетъ свою статью г. Ков—ій, русская этнографія подтверждаетъ теорію развитія брака, которая была впервые установлена англійскими учеными.

В.

[1]) Очень большой теоретическій интересъ представляетъ собой въ этомъ отношеніи обычай современныхъ болгаръ, у которыхъ, (въ Лѣсковцѣ) существуютъ эти обѣ формы pretium nuptiale, устанавливаемыя г. К—имъ: первая подъ назв. *агарлыкъ* или *баштино право*, половина котораго уплачивается во время сговора, а другая послѣ признанія невѣсты сохранившею свою дѣвственность, и вторая подъ назв. *обушта*, которая идетъ на покупку подарковъ, обыкновенно сапогъ для членовъ рода невѣсты, тогда какъ первая передается невѣстѣ и составляетъ ея приданое (*Bogišić* Zbronik sadašnjih provnih običaja u južnih Slovena. Zagr. 1874, стр. 258, 259 и 221). Кромѣ полнаго подтвержденія мысли г. К—аго, обычай этотъ указываетъ и на двойное происхожденіе этой платы, въ основаніи которой лежитъ съ одной стороны *баштино право*—jus primae noctis со стороны отца, какъ представителя рода, а съ другой—*выкупъ* или *вира* за нанесеніе обиды роду невѣсты ея похищеніемъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 году.

Іезуиты, подчинивши своему вліянію Польшу и сдѣлавши изъ нея и подвластныхъ ей Холмщины, Литвы и Бѣлоруссіи динарій святого апостола Петра, задумали тоже сдѣлать и съ Украиною. Чтобы достигнуть своего намѣренія, они около половины XVIII столѣтія наслали на Украину своихъ піонеровъ въ лицѣ Доминиканскихъ и Базиліанскихъ монаховъ, которые, поселившись при устроенныхъ ими кляшторахъ въ Бердичевѣ, Умани и Каневѣ и каплицахъ въ Коростышевѣ, Смѣлой, Фастовѣ, Лисянкѣ и Бѣлой Церкви, начали отсюда, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи въ сосѣднія мѣстечки и села для распространенія среди православныхъ ненавистной имъ уніи. Извѣстный гайдамацкій ватажокъ Максимъ Желѣзнякъ съ сподвижниками своими, начавъ въ апрѣлѣ 1768 года движеніе, извѣстное подъ именемъ колiивщины, поголовно истреблялъ не только жидовъ и ляховъ, но то же дѣлалъ и съ миссіонерами уніи. Надлежало предполагать, что времена гайдамачины никогда не изгладятся изъ памяти учениковъ Лойолы, но вышло напротивъ. Едва гайдамаки были истреблены, при помощи предводителя русскаго войска генерала Кречетникова, едва на Украинѣ было возстановленно спокойствіе и тишина, какъ въ замѣнъ истребленныхъ іезуиты наслали на Украину новыхъ миссіонеровъ уніи, которые поселились на разрушенныхъ гнѣздахъ своихъ предшественниковъ и еще до возстановленія ихъ стали предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи по сосѣднимъ мѣстечкамъ и селамъ. При въѣздахъ въ эти села и мѣстечка вкапывались высокіе дубовые столбы съ надписью на верху ихъ: *Миссія*, и за тѣмъ, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, сюда приходили проповѣдники уніи, имѣя на деждахъ своихъ нашитые кресты и предносся предъ собою статую

Богоматери. О миссіонерской дѣятельности проповѣдниковъ уніи въ мѣстечкахъ Кошоватой и Богуславѣ считаю небезъинтереснымъ дословно списать изъ вѣдомости, составленной Богуславскимъ протопопомъ о. Стефаномъ Левандовскимъ 16 августа 1779 года и тогда же отосланной въ Переяславскую духовную консисторію, подъ вѣдѣніемъ которой находилась Украина до іюня 1785 года.

«1776 года генваря 1 дня, пишетъ о. Левандовскій, владѣнія пана Молодецкаго мѣстечка Кошоватой губернаторъ Гуляницкій, по приказу унитскихъ духовныхъ властей, призвавъ вездѣ шатающагося апостольскаго миссіонера Андрея Кондратовича и другаго клирика Петра Левоцкаго въ мѣстечко Кошовату, тотчасъ велѣлъ войтамъ, асаульцямъ и козакамъ своимъ согнать не только съ самого мѣстечка Кошоватой, но даже изъ окружныхъ селъ—Луки, Лукіановки, Березнячки и Крутыхъ Горбовъ неунитскій народъ на слушаніе миссіи. Но на сей миссіи апостольскій миссіонеръ болѣе проклиналъ и хулилъ святую вѣру греческую, нежели что другое говорилъ въ пользу уніи; народъ же, слушая оное казанье, въ душѣ своей отвѣтствовалъ тою же хулою и проклятіемъ душепагубной уніи. Того жъ мѣсяца 2 числа паки оный Гуляницкій велѣлъ тѣмъ же своимъ слугамъ, а особливо полякамъ Михальскому и Кучевскому согнать не только со всѣхъ селъ губернаторства своего, но даже изъ чужихъ владѣній народъ. Но понеже благочестивый народъ не хотѣлъ идти на миссію, то жолнѣры польскіе насильственно згоняли оный и повязанныхъ людей приводили до апостольскаго миссіонера, гдѣ, съ соизволенія и приказу его особы, очень многихъ, а особенно Тихона Кальногузенка, Петра Безверхаго и Алексѣя Малюка, яко начальнѣйшихъ и ревнительнѣйшихъ по благочестію, тяжко и тиранско били батожьемъ для устрашенія прочихъ, а при битьѣ, поварачивая оныхъ на всѣ четыре стороны и отсчитывая по сотнѣ ударовъ, приговаривали: «вотъ тебѣ по сто нагаевъ за каждого изъ вашихъ четверыхъ восточныхъ патріар ховъ»! Гдѣ же козаки, асаульцы и жолнѣры не заставали хозяевъ, крыющихся отъ миссіи, то женъ и детей ихъ гвалтовно таскали до апостольского миссіонера; а согнанныхъ на тую миссію трое сутокъ держали и, никуда не выпуская, всѣхъ гладомъ и хладомъ морили, вынуждая согласіе на унію. Но согласія на унію миссіонеръ оный не достигъ ни скаредными казаніями своими, ни тяжкимъ битьемъ, ни хладомъ, ни гладомъ».

«Того же 1776 года Генваря 23 числа вездѣ шатающійся и для взятковъ и корыстей своихъ проводящій миссію апостольскій уніат-

скій миссіонеръ Петръ Кондратовичъ и клирикъ Петръ Левоцкій, прійдя въ мѣстечко Богуславъ, вытребовали отъ пана Войны, полковника Королевскихъ войскъ, пришедшихъ изъ Варшавы, и тамошняго губернатора Медушевскаго охрану для проводу своей миссіи и, по приказу онаго Войны, жолнеры изъ сельскихъ квартиръ всѣ собрались въ мѣстечко Богуславъ для устрашенія народа. Миссіонеры жъ разослали до неуніатскихъ Богуславскихъ церквей универсалъ свой для прочтенія народу и велѣнія идти на миссію, а 31 числа того же генваря зачали въ свѣжо отобранной церкви неунитской Троицкой править свою мшу. Когда же на ихъ набоженство и казанія не пошелъ народъ, то губернаторъ Медушевскій асаульцамъ и козакамъ своимъ, а полковникъ Война жолнѣрамъ своимъ велѣли насильственно вытаскивать народъ съ женами и дѣтьми изъ домовъ и сгонять на миссію, устрашая ихъ нагаями, висѣлицами, посѣченіемъ шаблями и разнаго рода карами. Тѣмъ способомъ согнано было много людей. По отправѣ того дня мши и казанья, войска королевскія, окруживъ весь народъ, погнали оный въ замокъ, куда потаскали насильственно и неунитскихъ Богуславскихъ церквей поповъ, дьячковъ, пономарей и Богуславскаго монастыря начальника отца Корнилія. Въ ономъ замкѣ всѣхъ первѣе увѣщевали, и послѣ принуждали присягать и дать подписъ на унію; а какъ ничего не успѣли, то выгнавъ поповъ вонъ съ безчестіемъ, народъ же весь удержали цѣлый день безъ воды и куска хлѣба и разными угроженіями принудили точію нѣкоторыхъ къ подпису на унію, а другихъ сами подписали. Въ таковыхъ нуждахъ и при гладѣ и хладѣ удерживая народъ, велѣно куда только миссіонеры по улицамъ не пойдутъ со процессіею своею, чтобы за ними жолнѣры гнали и народъ, окруженный ими. Видя же Война полковникъ, губернаторъ Медушевскій съ миссіонерами, что народъ являетъ къ процессіи холодность и противность, взяли съ жидовскихъ шинковъ музыку жидовскую и стала музыка играть. Такъ съ жидовскою музыкою процессія прошла по всѣмъ улицамъ Богуслава, найпаче останавливаясь супротивъ жидовскихъ шинковъ, предъ коими миссіонеры вѣру греко-неунитскую называли проклятою схизмою, а Войну и Медушевскаго восхваляли, сказуя: «вотъ души побожныя, вотъ какъ вѣру католицкую щиро утверждаютъ и расширяютъ».

«Февраля 2 дня, согнавши народъ, паки миссіонеры съ жолнѣрами и музыкою цѣлый день удерживали оный; ночной же поры, выйдя изъ Троицкой отобранной церкви съ процессіею, сперва отобрали на унію другую Пятницкую церковь, а послѣ и третью, отнявши

ключи отъ священника Власія Креминскаго. По окончаніи такой трагедійной миссіи, Медушевскій отъ убѣжавшихъ оной взялъ штрафу по 3 и 4 рубля на себя, а со всего народа вытребовалъ много денегъ на миссіонеровъ».

«Когда же народъ, по отобраніи церквей на унію, началъ ходить въ Богуславскій монастырь за своими духовными требами, то жолнѣры не точію воспрещали сіе, но и тяжко били народъ на монастырскомъ цвинтарѣ, выводя оный изъ церкви»,

Протоіерей **П. Орловскій.**

Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о м. Ратно, помѣщеннымъ въ статьѣ «Возсоединеніе уніатовъ въ мѣст. Ратно» (Кіев. Стар, 1892 г. № 3), сообщаю имѣющіяся у меня свѣдѣнія о томъ-же мѣстечкѣ, извлеченныя изъ грамотъ—Владислава III короля Венгерскаго и Польскаго, данной въ г. Будѣ въ 1440 г., и Сигизмунда III, данной въ г. Варшавѣ 21 марта 1615 г., и другихъ Польскихъ королей.

Подлинныя грамоты хранятся въ главномъ Архивѣ Царства Польскаго, куда онѣ сданы на храненіе мѣщанами м. Ратно $^{14}/_{26}$ февраля 1856 г. (книга № 56, стр. 51). Первая изъ нихъ—Владислава—писана на пергаментѣ на латинскомъ языкѣ, на ней имѣется восковая печать, привѣшенная на шелковомъ бѣлаго и розоваго цвѣта шнуркѣ, а вторая—Сигизмунда писана на пергаментѣ на польскомъ языкѣ съ восковою печатью, привѣшенною на таковомъ же шелковомъ шнуркѣ и скрѣплена Флоріаномъ Олешко, Владимірскимъ Войсковымъ Секретаремъ и писаремъ.

Желая привести м. Ратно въ лучшее состояніе, Король Владиславъ, какъ сказано въ грамотѣ его 1440 г., замѣнилъ существовавшіе до того въ мѣстечкѣ польско-русскіе и всякіе другіе законы правомъ Тевтоническимъ-Магдебургскимъ; кромѣ того жители названнаго мѣстечка навсегда освобождались отъ вѣдѣнія и зависимости воеводъ, кастеляновъ, старостъ, судей, подсудковъ и другихъ чиновниковъ, и по уголовнымъ дѣламъ—о кражахъ, зажигательствахъ, смертоубійствахъ, увѣчьяхъ и др. подчинялись вѣдѣнію своего войта, которому предоставлена грамотою полная власть судить рѣшать и осуждать по точному смыслу и разумѣнію постановленій Тевтоническаго закона. Съ тою же цѣлію установлена въ м. Ратно ярмарка въ день Успенія Пресвятой Богородицы (15 августа) и еженедѣльные торги

по вторникамъ. Въ видахъ же увеличенія народонаселенія въ мѣстечкѣ всѣ мѣщане и жители его освобождены въ теченіе 40 лѣтъ отъ всякихъ чиншей, податей, даней, налоговъ и всякаго рода уплатъ, равно отъ всякихъ работъ, свозки, подводъ и другихъ земскихъ повинностей. — Данныя жителямъ м. Ратно королемъ Владиславомъ привиллегіи преемниками его были не только подтверждены, но еще были расширены. Такъ, король Сигизмундъ I-й грамотой, данной въ 1510 г., предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ свободную рыбную ловлю на р. Припяти и рубку лѣса для домашняго обихода. Тотъ же король въ маѣ 1514 г. разрѣшилъ учредить въ м. Ратно ратушу съ лавками и мѣрами для хлѣба и продуктовъ, продаваемыхъ для общаго продовольствія, а также съ клейменными вѣсами по фунтамъ и лотамъ. Тотъ же король Сигизмундъ I-й въ 1546 г. далъ м. Ратно привиллегію на мостовой сборъ на время Богоявленской ярмарки. Въ 1554 г. король Польскій Сигизмундъ-Августъ предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ право свободно пользоваться рѣкой, а также лѣсомъ для строеній и рынка, освободилъ недѣльные (по вторникамъ) торги отъ пошлинъ, предоставивъ воеводѣ взымать пошлину только съ соли.— Стефанъ Баторій грамотой, данной въ Варшавѣ въ 1578 г., подтвердилъ всѣ привиллегіи своихъ предшественниковъ, данныя ими м. Ратно.

Данныя названными королями жителямъ м. Ратно привиллегіи, какъ можно судить изъ данной 21 Марта 1615 г. королемъ Сигизмундомъ III грамоты, имѣли благотворное вліяніе на сторой общественной жизни мѣстечка. Подъ вліяніемъ съ одной стороны Магдебурскаго права, а съ другой зажиточности жителей, въ м. Ратно заведены были при церквахъ школы для обученія грамотѣ,—устроена была больница и, кромѣ того, содержался на общественныя деньги фельдшеръ (цирульникъ). Но наступившее въ царствованіе Сигизмунда III смутное время не вполнѣ благопріятно отозвалось на благосостояніи жителей м. Ратно. Вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ войскъ, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда отъ 21 марта 1615 г., и нападенія разныхъ бродягъ, жители мѣстечка пришли въ совершенную нищету и разореніе. Почему, желая по ходатайству сенаторовъ въ предупрежденіе совершеннаго упадка мѣстечка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшенія доходовъ для казны, оказать помощь мѣстечковымъ жителямъ, Сигизмундъ III грамотой своей отъ 21 марта 1615 г. предоставилъ имъ слѣдующія льготы: во 1-хъ, предоставилъ въ ихъ распоряженіе питейные по мѣстечку сборы, поступавшіе ранѣе въ пользу

королевскаго Ратненскаго замка, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы изъ тѣхъ (питейныхъ) доходовъ ежегодно 120 польскихъ злотыхъ уплачивались въ два срока въ день св. Варфоломея и въ крестопоклонную недѣлю по прежнему Ратненскому замку, а 40 злотыхъ въ тѣ же сроки уплачивались жительствующему при церкви (какой—не сказано) учителю, который обучалъ бы дѣтей мѣщанскихъ, не требуя уже за то никакого другаго вознагражденія, развѣ бы кто добровольно что-либо ему пожертвовалъ, съ тѣмъ, какъ сказано въ грамотѣ, чтобы юношество въ томъ мѣстечкѣ не оставалось безъ образованія и наставленія въ страхѣ Божіемъ. Затѣмъ, изъ того же питейнаго дохода 20 злотыхъ ежегодно должно быть выплачиваемо въ пользу польской больницы, которая, какъ сказано въ грамотѣ, имѣетъ быть вновь построена. Остатокъ же тѣхъ доходовъ долженъ быть обращаемъ на городскія потребности и содержаніе порядка по городскимъ обычаямъ и правамъ. Во 2-хъ жители м. Ратно освобождались отъ уплаты половины чинша, который они по древнему обычаю ежегодно платили съ своихъ домовъ въ пользу Королевскаго Замка, съ тѣмъ, чтобы эта половина чинша шла на содержаніе мѣстнаго фельдшера, содержавшагося и прежде на тѣже средства. Тою же грамотою предписывалось не чинить мѣщанамъ никакихъ препятствій по сбору и расходованію питейнаго сбора ни со стороны тогдашней владѣлицы Ратненскаго староства надворной коронной маршальши Елисаветы изъ Лежинецъ, ни со стороны послѣдующихъ старостъ Ратненскихъ и ихъ слугъ. Однако же права королевскія и республики, а равно и церковныя тою же грамотою оставались неприкосновенными.—Привиллегіи, данныя этою грамотою мѣщанамъ м. Ратно, подтверждены были послѣдующими королями—грамотами короля Владислава IV отъ 26 іюня 1633 г. и 28 Марта 1637 г.,—королемъ Яномъ-Казимиромъ грамотою отъ 10 января 1650 г. королемъ Михаиломъ грамотою отъ 15 іюля 1670 г. и королемъ Яномъ III грамотою отъ 18 марта 1679 г.—Кромѣ того, тѣмъ же мѣщанамъ предоставлены были еще слѣдующія права:—грамотою отъ 25 марта 1635 г. Владиславъ IV воспретилъ постороннимъ купцамъ производить торговлю въ деревняхъ ратненскаго староства, кромѣ м. Ратно; грамотою отъ 16 марта 1637 г. тотъ же король освободилъ мѣщанъ отъ платежа мостовыхъ и вѣсовыхъ пошлинъ; грамотою отъ 15 іюля 1670 г. король Михаилъ разрѣшилъ въ м. Ратно недѣльную ярмарку на праздникъ Рождества Богородицы (8-го сентября).

До половины XVII в. евреи хотя и проживали въ м. Ратно, но видимо не пользовались никакими правами и прочной осѣдлости не имѣли. Но затѣмъ они начали понемногу селиться въ мѣстечкѣ и исподтишка пріобрѣтать отъ мѣстныхъ мѣщанъ недвижимую собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользоваться всѣми правами, данными кореннымъ жителямъ мѣстечка, отказываясь въ тоже время нести какія-либо общественныя повинности, вслѣдствіе чего таковыя всею своею тяжестію легли на остальныхъ христіанъ-мѣщанъ. По поводу уклоненія Ратненскихъ евреевъ отъ общественныхъ повинностей коренными жителями мѣстечка—христіанами заведено было въ судахъ дѣло и рѣшеніемъ мѣстнаго старостинскаго суда было постановлено, чтобы евреи, пріобрѣтшіе осѣдлость (недвижимую собственность) отъ мѣщанъ-христіанъ, несли повинности въ размѣрѣ пріобрѣтенной собственности, и это рѣшеніе старостинскаго суда утверждено было грамотою короля Яна-Казиміра 1668 г.

В.

Коринфскій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1728 г. прибылъ въ Кіевъ греческій митрополитъ Митрофанъ и, заявивъ о себѣ, что онъ бѣжалъ отъ «бесурманскаго гоненія», просилъ препроводить его въ Москву «для челобитья о позволительномъ ему въ Малой Россіи служеніи и о безбѣдномъ прожитіи». Кіев. Губ. Канц. донесла объ этомъ въ св. Синодъ, но болѣе двухъ лѣтъ не получала отвѣта, а потому и повторила свое «требованіе указа», препроводивъ и собственное м. Митрофана прошеніе, писанное въ генварѣ 1731 г.

Между тѣмъ св. Синодъ запросилъ о Митрофанѣ коллегію Ин. Д., изъ которой, на основаніи реляціи резидента Неплюева, лишь въ декабрѣ 1730 г. было сообщено, что Митрофанъ дѣйствительно былъ митрополитомъ въ Коринѳѣ, но тамъ, «живучи безъ экономіи удобной, возымѣлъ на себя не малые долги и не въ состояніи былъ платить обыкновенной дани, — того ради изверженъ со отнятіемъ чина; потомъ оной митрополитъ, прибывъ въ Константинополь, упросилъ себѣ у патріарха Іереміи прощеніе священнодѣйствовать въ чинѣ митрополическомъ; но, не имѣвъ епархіи, принужденъ былъ ретироваться въ Молдавію къ прежнему князю Михайлу, у котораго дѣтей грамотѣ училъ; оттуда ретировался въ Украину. А иного подозрѣнія, *кромѣ піянства*, никакого на него не было».

22-го февраля 1731 г. послѣдовало опредѣленіе св. Синода [1]) о дозволеніи митр. Митрофану отправлять въ Кіевѣ священнодѣйствіе и посвящать въ священническій и діаконскій чинъ только въ такомъ случаѣ, если воспослѣдуетъ отъ тамошней консисторіи предложеніе по этому предмету.

Если и было приведено это распоряженіе въ исполненіе, то во всякомъ случаѣ весьма не долго пришлось митр. Митрофану священнодѣйствовать въ Кіевѣ, такъ какъ въ томъ же 1731 г. апрѣля 13-го послѣдовало назначеніе архіепископа Рафаила, который и прибылъ въ Кіевъ 10-го октября и тогдаже устранилъ митр. Митрофана отъ священнодѣйствія, какъ видно это изъ найденнаго мною въ документахъ Губ. Канц. указа Св. Синода отъ 13-го ноября 1733 г., въ которомъ сказано:

«... по доношенію изъ оной кіевской губерніи о обрѣтающемся въ Кіевѣ турецкой области Митрофанѣ митрополитѣ Коринфскомъ, который *съ прибытія въ Кіевъ преосв. Рафаила архіепископа отъ священнодѣйствія отрѣшенъ* и живетъ между свѣтскимъ народомъ внѣ монастыря туне, не имѣя жадного себѣ пропитанія, и объ отпускѣ его изъ Кіева въ Москву,—велѣно: Е. Пр. Митрофану, митр. коринф., опредѣлить для пропитанія его и съ служительми мѣсто въ кіевскомъ заднѣпрскомъ или гдѣ индѣ монастырѣ, гдѣ пристойно по разсужденію пр. Рафаила, архіеп. кіев. и гал., священнослуженіе же тому м. Митрофану и поставленіе причта церковнаго въ священство и діаконство позволяется точію съ позволенія оного Рафаила, арх. кіев., и безъ позволенія Е. Пр. священнослуженія ему, митр. Митрофану, отправлять отнюдь не дерзать, и кіев. губ. о томъ вѣдать».

Нельзя не обратить вниманія на то, что указъ этотъ послѣдовалъ по представленію Губ. Канц.; очевидно, архіепископъ Рафаилъ,

---

[1]) П. Собр. пост. и росп. по вѣд. Пр. Исп. т. VII стр. 235. Объ этомъ указѣ упоминается въ „Описаніи К. Соф. соб. и Кіев. іерархіи“ изд. 1825 г. стр. 220: „Во время междуархіерейства кіев. епархіи управляла оною консисторія, и производство въ духовные чины по избранію и удостоенію оной, указомъ св. Синода отъ 28 февр. 1731 г. поручено было греческому коринфскому митроп. Митрофану *въ октябрѣ* 1728 г. пріѣхавшему въ Кіевъ изъ Греціи“.

О *времени* пріѣзда м. Митрофана въ Кіевъ (мартъ мцъ) приводимое въ настоящей замѣткѣ свѣдѣніе взято изъ дѣла Кіев. Губ. Канц., и оно согласно съ напечатаннымъ въ „Полн. Собр. пост. и расп. по вѣд. Пр. Исп“.

устранивши митр. Митрофана отъ священнодѣйстія, не находилъ его заслуживающимъ того, чтобы самому позаботиться о приличномъ его устроеніи гдѣ либо въ своей епархіи. **А. А.**

Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). Въ ноябрѣ 1796 г. митрополитъ Іерофей, по просьбѣ священника с. Бортничъ Тимофея Криницкаго съ прихожанами, которые, выстроивъ новую церковь, не могли по бѣдности сдѣлать для нея иконостаса, разрѣшилъ имъ взять иконостасъ изъ Кіево-Кириловской церкви, стоявшій на хорахъ «въ такомъ предѣльномъ храмѣ, въ которомъ отдавна уже нѣтъ ни Антиминса, ни престола, безъ всякой надобности, и пришедшій часъ отъ часу отъ накопившейся на немъ пыли и ражавчины къ неминуемой во всемъ порчѣ». Но церковь эта состояла въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго призрѣнія, была домовою какъ бы церковью при Инвалидномъ домѣ, а потому при исполненіи этой резолюціи митрополита вышло недоразумѣніе. Смотритель Инвалиднаго дома, не имѣя предписанія отъ своего начальства и узнавъ, что священникъ Іоаннъ Бохановскій увезъ куда-то иконостасъ, донесъ объ этомъ Приказу, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, обвинивъ священника между прочимъ и въ сопротивленіи часовому, а на другой день (28-го ноября) донесъ, что онъ нашелъ этотъ иконостасъ въ домѣ какого то мужика, отобралъ и привезъ его обратно въ Инвалидный домъ. По этому поводу правитель намѣстничества Милашевичъ обратился съ запросомъ къ митрополиту Іерофею, который, сообщая вышеприведенное свое разрѣшеніе, писалъ при этомъ, что де «ошибка одна та, что по причинѣ стекшихся во многомъ количествѣ на то время нужнѣйшихъ указныхъ дѣлъ упущено извѣстить объ ономъ Ваше Превосходительство, въ разсужденіе состоящей прописанной Кирилловской церкви на иждивеніи Приказа общественнаго призрѣнія кіевск. губ.; чего для нынѣ о всемъ вышеписанномъ Ваш. Превосх. увѣдомляя, прошу приказать, кому слѣдуетъ, невозбранять взять упоминаемый иконостасъ въ Бортницкую скудную церковь; что же касается до поступка противозаконнаго свящ. Бохановскаго съ часовымъ, буде подлинно онъ произошелъ, не оставлю безъ оштрафованія сего священника». Въ письмѣ своемъ митрополитъ, между прочимъ, заявлялъ, что и отъ предмѣстниковъ его «лишніе иконостаты даны изъ одной въ другую церковь, гдѣ въ томъ надобность состояла».

Послѣ этого письма правитель намѣстничества сдѣлалъ «надлежащее» распоряженіе, и смотритель Инвалиднаго дома передалъ 3 го декабря иконостасъ подъ росписку благочиннаго протоіерея Іоанна Мальковскаго, при чемъ, какъ въ рапортѣ смотрителя, такъ и въ роспискѣ протоіерея, иконостасъ названъ *новымъ*.

Видно, смотритель Инв. дома надв. сов. Иванъ Алексѣевичъ Суковкинъ былъ и раньше не въ ладахъ со священникомъ Бохановскимъ, которому и сдѣланъ былъ митрополитомъ строгій выговоръ съ угрозой отрѣшенія отъ мѣста и со взятіемъ подписки, что онъ будетъ «со всѣми въ ономъ домѣ находящимися офицерами, а особливо съ смотрителемъ тамошнимъ, уважая его чинъ, обходиться вѣжливымъ образомъ безъ нанесенія грубости». 20-го же декабря Суковкинъ представилъ въ Приказъ формальную жалобу отъ лица всѣхъ инвалидовъ на Бохановскаго, обвиняя его въ частыхъ отлучкахъ, въ праздности и пьянствѣ, въ пренебреженіи къ старшинамъ, заявляя, что «служба бываетъ у него только по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ, а въ прочіе дни иногда къ вечерни и бываетъ звонъ, а попа въ церкви нѣтъ, и отправляютъ вечерню дьячокъ и пономарь», что онъ «человѣкъ злой и безпокойный, наноситъ излишнія начальству затрудненія», и въ заключеніе проситъ о его удаленіи. На представленіе объ этомъ правителя намѣстничества митрополитъ Іерофей немедленно распорядился запретить Бохановскому священнослуженіе «впредь до дальнѣйшого о немъ по сему предмету разсмотрѣнія». Но въ генварѣ мѣсяцѣ 1797 г. митрополитъ уже разрѣшилъ этому священнику, священнослуженіе «въ другихъ церквахъ кромѣ Кіево-Кириловской», и «къ бытію при слѣдствіи въ Кіев. ниж. ем. судѣ о дѣлѣ Бохановскаго съ смотрителемъ инвалид. дому» командировалъ Покров. ц. свящ. Симеона Глядиковскаго. Какъ видно изъ обрывковъ переписки, самъ Бохановскій возбудилъ въ судѣ дѣло своею жалобой на помощника смотрителя прапорщика Негоицына. При слушаніи этого дѣла въ уѣздномъ судѣ депутатомъ отъ «духовной команды» былъ Царя-Константиновской церкви свящ. Иванъ Костецкій. Чѣмъ дѣло кончилось, изъ имѣвшейся у меня переписки не видно.

А. А.

Изъ архивныхъ мелочей. V (см. «Кіевскую Старину» 1890 г. № 6, стр. 544; № 5, стр. 379; № 9, стр. 497; 1892 г. № 2, стр. 349).—*Двѣ вѣстовыхъ отписки Гавріила Остаповича Бѣляша*, пол-

ковника миргородскаго и гадяцкаго, намѣстника Павла Апостола отъ 18 января (къ окольничему и воеводѣ князю Гр. Гр. Ромодановскому въ Бѣлгородъ) и отъ 19 января 1660 г. (къ Умаю Васильевичу Шамордину да наказному полковнику Василію въ городъ Сумииъ.— *Листъ гетмана Ивана Самойловича* отъ 15 сентября 1679 г.

Печатаемыя ниже двѣ вѣстовыхъ отписки о приходѣ крымскихъ и нагайскихъ татаръ, однородныя по содержанію, но различныя по формѣ, ибо адресованы къ разнымъ по служебному положенію и родовитости лицамъ, найдены въ 308 столбцѣ (л. л. 136—137) московскаго стола Разряда Архива Министерства Юстиціи въ совершенныхъ (XVII-го вѣка) подлинникахъ (вмѣстѣ съ ними находятся и списанныя въ канцеляріи разряда копіи съ нихъ). Интересна филигрань бумаги первой отписки: правильной формы двуглавый орелъ съ короной (у Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ московскомъ государствѣ» этой филиграни нѣтъ; срв. впрочемъ таблицу 100, рис. 682). На одной изъ копій читаемъ приложенную ниже приказную помѣту отъ февраля того-же года.

1.

(Въ Бѣлгородъ).

Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всѣхъ великихъ и малыхъ и бѣлыхъ Россій самодержавца и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника государя и обладателя его царскаго величества *Гаврило Бѣлашъ* на месцу Павла Апостола, полковникъ войска его царскаго величества миргородскій и гадяцкій.

Господину моему околничему и воеводѣ князю Григорію Григоріевичу *Рамодановскому*. Въ нынѣшнемъ, во 168 году ануарія 18 день, ознаймую милости твоей про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, што царь кримскій выйшолъ зъ войскомъ своимъ поганимъ и тянетъ къ *Цибульнику*, а послалъ тисячъ сорокъ татаръ и щось немного турковъ къ ляхомъ на помочь добывати *Умани*, *Кальника*, *Браславля* и иныхъ городовъ, чого имъ Господи Боже не помози. Самъ обецуетъ тянути къ *Чигирину*, къ *Корсуню* и къ инымъ городомъ. Только мѣемъ надѣю въ Господу Богу и въ его царскомъ пресвѣтломъ величеству, же тамъ дороги онымъ поганцемъ не попустятъ. Що мы авзявши вѣдомость отъ полтавскаго полковника, што нагай великій

и малый на наши городы замыслъ мѣютъ, возымали языковъ татарскихъ у помоци, и то о всемъ росказали, якъ тутъ списано. И то твоей милости ознаймивши, испрошуемъ тебе, якіи вѣсти у тебе, и намъ давай знати, а мы если що большего услышимъ, и о томъ будемъ вамъ писать, въ томъ будьте въ пильной осторожности, якъ до войни приналежитъ, по рицерску треба быти готовими, абы насъ сонныхъ непріятель въ дворахъ не ставалъ, але и овшемъ узявши Господа Бога на помощь и ужаючи на его пресвѣтлое царское величество, будемъ онымъ непріятелемъ креста святого отпоръ давать. А въ томъ буди здравъ. Писанъ въ Гадячахъ лѣта 7168 году ануаріа въ 18 день. Къ сему писму Гаврило Остаповичъ Бѣлашъ, полковникъ войска его пресвѣтлаго царскаго величества запорожскаго намѣстникъ миргородскій и гадяцкій печать приложилъ

2.

(Въ Суминъ).

Царского величества въ городъ *Суминъ* господину моему Умаю Васильевичу *Шамордину* да полковнику *Василію*, наказному задля вашего чолобитья, теперь вамъ ознаймуемъ про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, ижъ выйшолъ самъ царь ханъ зъ мурзами великими и послалъ къ ляхомъ сорокъ тисячъ татаръ и турковъ щось немного *Умани*, *Браславля*, *Кальника* и иныхъ городовъ доставать. А самъ ханъ на *Цибульникъ* тянетъ *Чигирина*, *Корсуня* и иныхъ городовъ добувать. А нагай великій и малый на наши украины городы тянетъ, чого имъ Боже не допомози, що имаемъ надѣю въ Богѣ же [1]) .... и тамъ тіи заднѣпрскіе полки дорогу имъ зарубаютъ, и вамъ бы, воеводѣ и полковнику суминскимъ быти въ добромъ береганью и готовимъ зоставить яко до войни належить, а зъ деревень и городковъ малыхъ и зъ большихъ звозилися. Тое вамъ увѣдомѣвши, Господу Богу поручаемъ васъ. Писанъ въ Гадячемъ 19 ануарія 1660 (҂аҳѯ) р.—Вамъ всѣмъ добра зичливый Гаврило Бѣлашъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожского миргородскій и гадяцкій намѣстникъ.

Помѣта: «168 г. февраля 6 д. Послать грамоты во всѣ украйные городы, велѣть ѣхать уѣзднымъ людямъ съ женами и съ дѣтьми въ городы.

---

[1]) Слова три не разобрано.

3.

Листъ гетмана Ивана Самойловича.

Іоанъ Самойловичъ гетманъ войскомъ его царского пресвѣтлаго величества запорожкимъ.

Его царского пресвѣтлаго величества воеводамъ въ великороссійскихъ городахъ остаючимъ ознамуемъ. Ижъ отъ стольника и полковника Василіа Ѳедоровича Перхурова съ запорожья высланы суть два человѣки стрелци, и при тыхъ третій нашого регменту, писаръ при немъ, стольнику найдуючимся къ Москвѣ къ великому государю съ трома турецкыми языками ниже Сѣчѣ въ бою на рецѣ Днѣпрѣ поймаными. Теды въ дорозѣ абы онымъ самымъ, и проводячимся языкомъ, корму належитого и подводъ ш..... [1]) давано пановъ воеводъ о тое жадаемъ, а старшинамъ малоросійскимъ приказуемъ. Данъ въ Шептакахъ сентября 15 року 1679. (Списано съ современнаго подлинника за подписью и печатью).

Сообщилъ **В. Н. Сторожевъ.**

Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). Божіею милостью пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государынѣ, Благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества ближнему окольничему и воеводѣ Сѣверскаго Разряду и намѣстнику Карачевскому, вельможному его милости Леонтію Романовичу Неплюеву моему велце ласковому господину и пріятелю зычливое мое и всякихъ благъ опріяючое преносылаю поздровленіе.

Вѣдомо мнѣ зъ монаршой ихъ царского пресвѣтлаго величества грамоты и зъ писма ближняго боярина и большого полку дворового воеводы ясновельможного его милости князя Василія Васильевича Голицына, Царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посельскихъ дѣлъ оберегателя и намѣстника Новгородского, такъже зъ письма вельможности вашой, же по милостивомъ пресвѣт-

---

[1]) Одно слово не разобрано.

лѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей нашихъ, ихъ царскаго пресвѣтлого величества указу, велѣно вашой вельможности ратныхъ ихъ монаршихъ людей зъ обозу отпустити и самому ити въ Сѣвескъ, а тое учинити обославшися зо мною. Теды я зъ тымъ до вашой вельможности отзывлюся, же въ томъ ратныхъ государскихъ людей зъ обозу роспуску, подхиляюся подъ ихъ монаршую премножную волю и видячи въ Малоросійскихъ краяхъ всюда совершенную смирность не желаю имъ дальшимъ стоянемъ въ обозѣ трудитися, тилько тое вашой вельможности прекладаю, яко о томъ и устне зъ вашого вельможности мовилося, же слушневъ, а бы по указу монаршому ихъ царского пресвѣтлого величества Рыльского и Путивского уѣзду дворяне были въ домахъ своихъ, никуда нерозъезджаючися, а въ Путивлѣ бъ нездовался стольникъ и воевода Семенъ Протасіевичъ Неплюевъ, маючи при себѣ армату и арматничи припасы что для построху непріятелемъ бесурманомъ и для всякого дѣла есть потребно. Да и Сѣвского Розряду ратныи ихъ царского пресвѣтлого величества люде зоставили въ домахъ своихъ зо всякою готовостью никуда не розъезджаючися, якобы въ пришлыхъ сее осени остатнихъ и зимнихъ часехъ могли по указу монаршому беззавадно тамъ поспѣшити, гдѣ позоветъ случай. Понеже и нынѣ маю я вѣдомость отъ полковника Полтавскаго, якую и до вашой вельможности послалемъ, же непріятели басурмане въ близкихъ полевыхъ ку городамъ мѣстахъ оказываются. Если прето, отъ чего сохрани Боже, мѣлибъ оныи вбѣгти внутрь Малой Росіи, то надобно при помочи Божой давати имъ отпоръ съ полнымъ малоросійскихъ и великоросійскихъ войскъ промысломъ. Что донесый, отдаю меня пріятельской и благодѣтельской вашой вельможности ласцѣ. Зъ Батурина. Мѣсяца Септебрія 25 д. року 1685.

Вашой вельможности зычливый пріятель «и слуга Іоанъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского».

(Моск. Арх. Мин. Юст., въ числѣ рѣдкихъ грамотъ, автографовъ и проч.)

А. Голомбіевскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

***Живая Старина.** Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Импер. русск. этногр. общества подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. II—IV. Спб. 1890—1891 г.*

«Живая Старина» почти вовсе не оправдываетъ названія періодическаго изданія, что видно уже изъ того, что ихъ трехъ названныхъ книжекъ только двѣ помѣчены 1891 г.; слѣдующій выпускъ (разборъ котораго отлагаемъ на послѣ) вышелъ уже въ 1892 году, и такимъ образомъ, вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ, въ прошломъ году вышло всего два выпуска; при этомъ о срокахъ выхода отдѣльныхъ книжекъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи; мало того, и поступившія уже въ продажу въ столичныхъ магазинахъ книжки у насъ, въ провинціи заставляютъ долго подождать себя. Поэтому прежде всего пожелаемъ «Живой Старинѣ» нѣсколько большаго оживленія этой формальной стороны дѣла.

Въ свое время, давая отчетъ о первомъ выпускѣ «Живой Старины», мы характеризовали теоретическіе взгляды редакціи ея и не могли не выразить своего сочувствія имъ. По одной первой книжкѣ невозможно было, конечно, заключить, насколько удачно будетъ выполняться на дѣлѣ программа, совершенно правильно поставленная теоретически. Теперь, имѣя въ распоряженіи еще три, вновь вышедшихъ книжки, мы позволимъ себѣ сдѣлать и на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ противоположность московскому «Этнографическому Обозрѣнію», «Живая Старина» оказываетъ замѣтное предпочтеніе сырому этнографическому матеріалу передъ изслѣдованіями по этнографіи и, по нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи впадаетъ въ крайность не менѣе своего московскаго собрата. Вполнѣ справедливо, что намъ

надо работать и работать надъ собираніемъ сыраго этнографическаго матеріала, котораго, что бы ни говорили москвичи, собрано до сихъ поръ постыдно-мало, но печатать его удобнѣе въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, чѣмъ въ періодическихъ изданіяхъ, предназначенныхъ для большой публики, для того круга читателей, который далеко не всегда имѣетъ средства самостоятельно оцѣнить такой матеріалъ. Въ крайнемъ случаѣ, при печатаніи сыраго матеріала, мы желали бы видѣть нѣкоторыя замѣчанія и цитаты къ нему, которыя помогли бы читателю разобраться въ немъ и извлечь изъ него что либо полезное для себя. Въ этомъ отношеніи, «Этнографическое Обозрѣніе» заслуживаетъ подражанія.

Второе наше замѣчаніе относится къ чрезмѣрному преобладанію въ «Живой Старинѣ» этнографическаго матеріала о славянахъ; правда, оно можетъ быть объяснено какъ научною спеціальностью и симпатіями ея редактора, такъ и дѣйствительной важностью изученія славянства для пониманія русской народности, какъ вѣтви ея, но, съ другой стороны, славистика преподносится въ «Живой Старинѣ» въ такомъ подавляющемъ объемѣ, что нарушаетъ архитектурную стройность изданія и глушитъ другія стороны изученія русской народности. Для примѣра укажемъ на IV выпускъ, гдѣ, въ отдѣлѣ критики и библіографіи, изъ 7 статей 6 посвящены инославянскимъ изданіямъ... Такое излишество тѣмъ болѣе странно, что славянамъ посвящено особое изданіе, тоже названное періодическимъ и выходящее подъ редакціей того же профессора Ламанскаго; излишество это кажется намъ тѣмъ менѣе удобнымъ въ изданіи, претендующемъ на общераспространенность, что и эта славистика является не рѣдко въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Такъ, во II выпускѣ мы находимъ болгарскія народныя пѣсни и сказки,—безъ перевода, безъ примѣчаній. Что будетъ дѣлать съ ними обыкновенный смертный?

При всемъ томъ, безъ сомнѣнія, «Живая Старина» заключаетъ въ себѣ много интереснѣйшаго матеріала и вполнѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ образованныхъ людей. Отмѣтимъ статьи и матеріалы, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи. Во II выпускѣ помѣщено окончаніе изслѣдованія И. Н. Жданова «Пѣсни о князѣ Михаилѣ». Въ статьѣ этой привлечены къ изученію южно-русскія пѣсни изъ сборниковъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго и Головацкаго. Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія г. Ждановъ подвергаетъ пересмотру вопросъ о томъ, кто былъ этотъ князь Михайла, фигурирующій въ пѣсняхъ? Оспаривая предположенія Антоновича и Драгома-

нова, что князь Михайло принадлежалъ къ роду Сапѣговъ, г. Ждановъ ищетъ его среди князей Друтскихъ и останавливается на Михаилѣ, сынѣ Романа князя Брянскаго (XIII в.); но историческимъ остается въ пѣснѣ, по заключенію автора, одно только имя дѣйствующаго лица, все же, что разсказывается объ этомъ лицѣ, представляетъ повтореніе странствующей баллады. Въ дополненіе къ статьѣ г. Жданова напечатана имѣющая ближайшее къ ней отношеніе сказка (запис. въ арханг. г.) объ оклеветаніи жены воротившемуся изъ отлучки мужу повстрѣчавшимися ему чернорнзцами.

Въ томъ же II выпускѣ находимъ ст. Ѳ. А. Брауна «Маріупольскіе Греки». Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что послѣднихъ потомковъ таврическихъ Готовъ слѣдуетъ искать въ маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 году изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита готѳійскаго и каѳійскаго, и получившихъ обширныя земли въ нынѣшнемъ маріупол. у. екатериносл. губ., гдѣ они основали гор. Маріуполь и 23 селенія. Съ этой цѣлью г. Браунъ предпринялъ поѣздку въ маріупольскій уѣздъ, отчетъ о которой и представляетъ названная статья. Къ сожалѣнію, ясныхъ слѣдовъ готской жизни авторъ не нашелъ ни въ словахъ маріупольскихъ Грековъ, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ. Но въ наружности ихъ онъ подмѣтилъ одну разновидность, которую считаетъ возможнымъ отнести къ готскому типу. Онъ характеризуетъ представителей ея слѣдующими чертами: «они ростомъ повыше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темноголубые, красиваго разрѣза, не такіе широкіе, какъ у грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алыя, насъ короткій, прямой». Попутно, г. Браунъ собралъ довольно много слѣдовъ «живой старины», хотя и не разъясняющей главную, поставленную имъ себѣ цѣль, но вообще интересной. Упомянемъ еще о его продположеніи, что бумаги готѳійской митрополіи должны находиться у наслѣдницы митрополита Игнатія, г-жи Хозациновой въ Херсонѣ.

Въ томъ же выпускѣ помѣщены «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго: объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ, Соловьѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Дунаѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Казаринѣ, Микулѣ

Селяниновичѣ, Берлятѣ, Буславѣ, Казимерѣ, Колыванѣ, Мамелфѣ, Путятѣ, Рахманѣ, Саулѣ, Сбродѣ, Аникѣ, Тугаринѣ, Шаркѣ, Кощеѣ, Латыгоркѣ, Афромеѣ, наконецъ о мѣстныхъ названіяхъ: крестъ Леванидовъ, городъ Кидижъ, Орѣховецъ, рѣка Смородина.

Въ III выпускѣ напечатаны «Этимологическія замѣтки» А. А. Потебни. Здѣсь подвергнуты изслѣдованію слѣдующія реченія: багачъ, багатьтя, бдынъ, Бѣлая Русь, буртальникъ, бычокъ дристунокъ, Волотъ, кобылья голова, подоприсвѣтъ, русалки и петрушки, соловей разбойникъ на дубахъ, туръ печной, ягуны, ярчукъ.

Въ отдѣлѣ «Памятники языка и народной словесности» укажемъ на слѣдующіе матеріалы:

Пѣсни крестьянъ с. Молодова гродненск. г. кобринск. у. сообщ. М. А. Саковичъ (II вып.) Вмѣстѣ съ помѣщеннымъ въ I вып., всѣхъ пѣсенъ напечатано 25; въ концѣ помѣщенъ небольшой словарикъ «непонятныхъ» словъ; библіографическихъ указаній нѣтъ.

Свадебный обрядъ въ угорской Руси (II—III вып.) неизвѣстнаго автора-угрорусса, въ значительной степени пользовавшагося, по словамъ редакціи, рукописнымъ трудомъ о. Александра Митрака, благочиннаго церковнаго округа занастасскаго. Обрядъ разсказанъ подробно, пѣсенъ не много.

Угрорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣч. Ѳ. А. Петрушевича (IV вып.). Здѣсь указаны и напечатаны: 1) молитва закляти Гостецъ болного чловѣка, 2) молитва отъ полуканя, 3) молитва томужъ втора, 4) молитва вроки лѣчити, 5) молитва томужъ, 6) молитва отъ повѣтря морового, 7) молитва коли чловѣкъ болный не можетъ спати, 8) молитва аще кого глава болитъ, 9) молитва томужъ, 10) молитва идучи до пана албо до права, 11 и 12) молитвы томужъ, 13) молитва егда хощешь обратити тучу, 14) заклинаніе егда востанетъ туча, 15) молитва аще хощеши доиво свое власное заворовати, 16) молитва становити кровъ, 17) полонъ звати свой власный на свою ниву, 18) лѣкъ отъ хробаковъ, аще у свини или у добытчати или въ якомъ имѣню, 19) лѣкъ отъ дюгу добытку и свинямъ, 20) молитва отъ звѣря добытку на поле пущати, 21) молитва отъ дюга соль баяти, 22) молитва о полоность збожу, 23) оту гоначи, 24) молитва отъ звѣря скоту забаяты, 25) молитва другая томужъ скоту, 26) молитва другая (sic) на любовь чловѣкови, 27) молитва другая томужъ, 28) молитва на святый вечеръ пчеламъ, 29) молитва вчиты пчелы на цвѣтъ, 30) молитва за пчелы, 31) молитва егда рой бѣжитъ въ поле, 32) заговоръ отъ лихорадки,

33) заговоръ отъ бѣльма, 34) начало какого-то заговора, 35) заговоръ отъ бѣльма, 36) молитва отъ госцу, 37) молитва тому же.—Замѣчанія Петрушевича касаются простонародныхъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ заговорахъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» помѣщены, между прочимъ, отзывы о слѣдующихъ сочиненіяхъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889) Э. А. Вольтера, Этнографическое обозрѣніе (Н. В.), Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в. А. Павлова (ст. Н. Волкова), Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 г., przedstawił Mauryky Stankiewicz (Б—са), В. Томашекъ, Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ (А. К. Васильева), (II вып.) Сумцовъ Н. Ѳ., Культурныя переживанія (А. С—скаго) (III вып.), Комаровъ, Новая сбирка малорусскихъ прыказокъ (Арк. Л—нка) (IV вып.).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» помѣщены замѣтки: Праздникъ «Рипей» (такъ называется въ Азовѣ «Семикъ»). Способъ лѣченія отъ сглазу С. Брайловскаго, «Бѣлая Русь» В. И. Ламанскаго (III вып.), Крестьянскія игры въ минской губ. М. Довнаръ-Запольскаго (крамнясь, золотое зерньятко, гуси-лебеди, просо, щеточка, дзенбалъ, воўкъ и овечка, цурки, палочка, шпень, козелъ, палантъ, што робишь) (IV вып.)

В. Я.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888-й годъ. Спб. 1891 г. (стр. 1—223 и приложенія: 1—77; 1—202; 1—8; 79—110 стр.).

Императорская Публичная Библіотека съ 1882 года стала выпускать въ свѣтъ свои отчеты въ болѣе обширномъ видѣ, нежели раньше, давая публикѣ возможность знать самое главное—не только перечень названій вновь поступившихъ въ данномъ году интересныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, но и краткое описаніе ихъ, благодаря чему, теперь можно идти въ библіотеку, будучи подготовленнымъ заранѣе къ тому, что составитъ предметъ твоихъ занятій. Само собою разумѣется, такая система опубликованія отчетовъ служитъ богатымъ пособіемъ для людей науки вообще, а для лицъ, живущихъ внѣ столицы, такая книга, какую мы имѣемъ теперь передъ глазами, составляетъ настоящій кладъ; было-бы только желательно, чтобы отчеты эти не такъ запаздывали, и чтобы по крайней мѣрѣ къ концу каждаго года выходилъ отчетъ за годъ предшествовавшій.

Данный отчетъ за 1888-й годъ, давая цѣлый рядъ свѣдѣній по библіотечной статистикѣ всякаго рода (что̀, конечно, имѣетъ свой интересъ), особенно любопытенъ въ четвертой главѣ «Пріобрѣтенія Библіотеки». Здѣсь мы находимъ хорошо составленную опись рукописей и книгъ, поступившихъ въ отчетномъ году въ библіотеку, причемъ иногда можно встрѣтить при такой описи даже библіографическія справки и коротенькую исторію вопроса, связанную съ рукописью. Я не буду перечислять всѣхъ этихъ пріобрѣтеній библіотеки, а укажу только на тѣ матеріалы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ, связаннымъ съ нашей южной Русью.

Укажемъ прежде всего на часть переписки гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго и сыновей его Николая Петровича и Сергѣя Петровича, которая куплена въ отчетномъ году въ дополненіе къ прежде имѣвшейся въ библіотекѣ незначительной части этой-же переписки. Тутъ, между прочимъ, въ видѣ справки, указана судьба этихъ писемъ, доставшихся послѣ смерти Сергѣя Петровича Румянцева Николаю Адріановичу Дивову, женатому на воспитанницѣ Сергѣя Петровича. Н. А. Дивовъ часть писемъ преподнесъ Императору Николаю Павловичу; остальная-же часть хранилась у него до самой смерти, а потомъ разошлась по рукамъ, причемъ еще въ 1876 г. Императорской Публичной Библіотекѣ удалось купить частицу, состоящую изъ 288 писемъ, а теперь пріобрѣтена опять значительная доля этой переписки, составляющая прекрасное дополненіе къ извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ о фельдмаршалѣ и его семьѣ. Тутъ мы находимъ 159 писемъ и записочекъ графини Е. М. Румянцевой къ мужу своему, фельдмаршалу г. П. А. Румянцеву-Задунайскому, что̀ составляетъ дополненіе къ изданной гр. Д. А. Толстымъ перепискѣ этихъ-же лицъ (СПБ. 1888 года). Затѣмъ, 256 писемъ, переплетенныхъ въ два тома, гр. Сергѣя Петровича Румянцева къ отцу, и тутъ-же оказалось одно письмо брата его Николая, очень характерное для освѣщенія подробностей, касающихся личности молодого графа. Письмо это отъ 7 мая 1779 г., напечатанное цѣликомъ въ отчетѣ, изливаетъ скорбь и сѣтованія молодого графа на то, что въ день крещенія великаго князя Константина Павловича всякія милости коснулись многихъ, а на долю его съ братомъ достались только камергерскіе ключи, между тѣмъ какъ они ожидали полученія мѣста, о чемъ просилъ и старикъ-отецъ. Дѣло въ томъ, что мѣсто, ожидавшееся графомъ Николаемъ Петровичемъ, дано было князю Бѣлосельскому, котораго первый считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя; по этому-то поводу, между прочимъ, встрѣчаемъ

слѣдующія строки: «Мнѣ ждать велятъ для того, что его послать надобно. Симъ, кажется, милостивый государь батюшка, не токмо что меня, но и васъ оскорбили; вѣдь я сынъ вашъ, ваше имя ношу. Изъявите, прошу неотступно, свое негодованіе, и оно мнѣ, конечно, во всю жизнь послужитъ и для переду щитомъ отъ такого-же рода обидъ». Вотъ въ такомъ духѣ все письмо.—Кромѣ этихъ, пріобрѣтено еще 947 писемъ въ шести томахъ графа Сергѣя Петровича къ брату Николаю Петровичу, причемъ, къ сожалѣнію, еще два тома этихъ писемъ остаются въ неизвѣстности, а также 95 писемъ разныхъ лицъ къ нему-же, въ бытность его уже канцлеромъ; тутъ мы встрѣчаемъ письма Аракчеева, Карамзина, Барклая-де-Толи и др.; письма Н. М. Карамзина (незначительныя и по объему и по содержанію), по обычаю отчетовъ Публичной Библіотеки, всегда печатавшей его письма, тутъ-же и напечатаны. Наконецъ, очень цѣнную часть составляетъ цѣлый томъ въ 244 листа, содержащій въ себѣ черновые отпуски и копіи писемъ и донесеній графа Н. П. Румянцева, преимущественно касающихся его дѣятельности дипломатической (стр. 18—36).

Нельзя не отмѣтить также богатаго собранія рукописныхъ матеріаловъ по исторіи раскола, что составляетъ 11 томовъ; между прочимъ тамъ находятся зачастую матеріалы, касающіеся раскольниковъ на нашемъ югѣ. Такъ, на стр. 41 упоминается о секретной запискѣ чиновника особыхъ порученій Сивицкаго о раскольникахъ въ радомысльскомъ и въ овручскомъ уѣздахъ, писанной въ 1855 году. Или на стр. 42 перечисленъ цѣлый рядъ документовъ, говорящихъ объ извѣстномъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ Буковинѣ и о покровительствѣ австрійскаго правительства русскимъ раскольникамъ; тутъ, между прочимъ, приведена Высочайшая резолюція (Николая I) по этому дѣлу 10 ноября 1848 года: «Сообщить г. Нессельроду съ тѣмъ, чтобы повторить мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобъ мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга, и объявить австрійскому правительству, что если Я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ крайне Мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ».

Далѣе находимъ въ этомъ-же отдѣлѣ перечень поступившихъ въ отчетномъ году отдѣльныхъ старопечатныхъ книгъ и рукописей; среди нихъ немало встрѣчается интересныхъ и для нашего юга. Такъ, между прочимъ, среди рукописей отмѣтимъ еще одинъ списокъ хронографа южно-русской редакціи, который имѣетъ ту цѣну, что со-

хранился въ полномъ видѣ, тогда какъ описанные до сихъ поръ пять списковъ всѣ съ недостающими частями. Мы имѣли возможность лично ознакомиться съ этимъ новымъ спискомъ и скажемъ о немъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала, а потому теперь ограничимся указаніемъ на то, что «Отчетъ» даетъ не только заглавіе этой рукописи, но и краткое описаніе ея, а также и нѣкоторыя библіографическія справки (стр. 119 — 124). Тутъ-же перечислены 26 документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи второй половины 17-го и первой 18-го вѣка, напримѣръ: универсалы Мазепы, Скоропадскаго, Мартиновича, Золотаренка и пр., всѣ уже напечатанные въ «Чернигов. Губ. Вѣдомостяхъ» 1858 г.

Особеннымъ богатствомъ отличаются приложенія къ «Отчету», такъ какъ даютъ, во первыхъ, цѣликомъ напечатанныя письма Филарета, митрополита московскаго, хранящіяся въ собраніи автографовъ Библіотеки (числомъ 78), а также обстоятельное описаніе 125 славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, пожертвовавшаго ихъ въ Библіотеку; это описаніе на 202 страницахъ, составляющее только 1-й выпускъ, есть трудъ одного изъ выдающихся работниковъ въ библіотекѣ И. А. Бычкова, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣломъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ въ этихъ приложеніяхъ не оказалось ничего спеціально интереснаго для нашего юга, то мы ограничиваемся только упоминаніемъ о нихъ, не останавливаясь на подробностяхъ.

В. Науменко.

В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Очеркъ. Изд. полтав. губ. статист. комитета. Полтава, 1891 г. стр. 32.

Г. Бучневичъ—авторъ извѣстный въ полтавской губерніи. На своихъ произведеніяхъ (напр. на «Справочно-адресной книгѣ г. Роменъ за 1886 годъ») онъ къ подписи своей прибавляетъ въ скобкахъ: «Авторъ книгъ: Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ и свѣдѣнія о колоколѣ Кизикерменѣ въ полтавскомъ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ» (читай: авторъ книгъ: «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ» и «Свѣдѣнія о колоколѣ и проч.»). О первой изъ этихъ книгъ была помѣщена когда то въ «Кіев. Старинѣ» (1883 г., V, 161) рецензія г. Матченка,—очень нелестная. Г. Бучневичъ уличался въ буквальной перепискѣ изъ разныхъ, большею частію старыхъ справочныхъ изданій, безъ кавычекъ, въ искаженіи текста своихъ источ-

никовъ, въ безграмотности и проч. Приговоръ рецензента былъ очень строгъ, но желаніе писать у автора оказалось сильнѣе. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Правда, г. Бучневичъ теперь не такъ развязенъ: онъ не выпускаетъ «книгъ», а пишетъ «очерки» въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ 1890 году онъ написалъ историко-статистическій очеркъ г. Ромна (Полтав. губ. вѣд., №№ 3—6), въ 1891 году—г. Кременчуга съ Крюковомъ (тамъ же, №№ 9—25). Послѣдній очеркъ изданъ полтав. губ. стат. комитетомъ отдѣльной брошюрой.

Очерки свои г. Бучневичъ составляетъ такимъ образомъ: онъ разъ навсегда запасся «источниками», представляющими для него неизсякаемый кладязь самыхъ разностороннихъ свѣдѣній о любомъ изъ полтавскихъ городовъ, и по мѣрѣ надобности черпаетъ изъ этихъ «источниковъ», разбавляя иногда почерпнутое свѣдѣніями, взятыми изъ газетныхъ статей за старые годы. Иногда эта подмѣсь освѣжаетъ, иногда портитъ «источники», смотря по тому, изъ какихъ газетъ она извлечена; газеты же берутся безъ разбора. Впрочемъ, нельзя не упомянуть, что г. Бучневичъ иногда добываетъ интересныя свѣдѣнія и путемъ сношеній съ полтавскими обывателями, имена которыхъ большею частію оставляютъ подъ спудомъ. Основные источники г. Бучневича слѣдующіе: «Записки о полтав. губ.» Арандаренка, статистическія описанія городовъ полтав. губ. А. Терещенка, «Сборникъ свѣдѣній о полтав. губ.» А. Богдановича, «Городскія поселенія Россійской имперіи», географ. словарь Щекатова, «Топограф. описаніе черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго, географ.-стат. словарь Семенова.

Полезны ли для читателей губернскихъ вѣдомостей и вообще для края описанія городовъ, составленныя на такихъ основаніяхъ? Намъ кажется, что очень полезны. Изъ личнаго опыта мы знаемъ, что въ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи не легко встрѣтить человѣка, хоть сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ своей родины. О помѣщикахъ и селянахъ не беремся судить. Для огромнаго же большинства читателей губернскихъ вѣдомостей (увы! весьма вообще немногочисленныхъ!), можно смѣло сказать, статьи г. Бучневича—настоящія открытія.

Упрекать г. Бучневича за некритическое отношеніе къ его источникамъ, или указывать на историческія погрѣшности его сочиненій нѣтъ надобности; это было бы не по адресу, судя по послѣдствіямъ рецензіи г. Матченка. Но желая большаго успѣха плодотворной,

во всякомъ случаѣ, дѣятельности сочинителя, мы осмѣлимся предложить ему отъ лица «Кіевской Старины», радѣющей объ интересахъ мѣстной исторіи (а «статистика—это остановившаяся исторія, исторія—движущаяся статистика»), нѣсколько совѣтовъ: 1) во всѣхъ перечисленныхъ выше «источникахъ» древнѣйшая исторія городовъ никуда не годится; надо остерегаться заимствованій оттуда, развѣ только гдѣ будетъ ссылка на лѣтописи, и то можно приводить самыя слова лѣтописи, а не мнѣнія авторовъ этихъ сочиненій [1]); историческія свѣдѣнія этихъ авторовъ о концѣ XVIII и XIX вв. основательны; 2) статистическія описанія «источниковъ» довольно хороши *для своего времени*, а потому при пользованіи ими никогда не надо упускать изъ виду года или годовъ, къ которымъ описаніе относится; 3) необходимо строго отмѣчать, откуда описаніе взято (и взятое мѣсто ставить въ кавычкахъ); 4) изъ «всенародныхъ», какъ ихъ называетъ авторъ, историческихъ сочиненій, исторію кн. Щербатова можно оставить, вполнѣ достаточно исторіи Соловьева и Костомарова, 5) слѣдуетъ всегда имѣть въ виду полное собраніе сочиненій Максимовича; 6) не довѣряться свѣдѣніямъ о событіяхъ раньше XVII вѣка въ исторіяхъ Б.-Каменскаго и Маркевича, а «Исторіи Руссовъ» (ошибочно приписываемой арх. Конисскому) остерегаться вовсе.

Въ брошюрѣ о Кременчукѣ и Крюковѣ авторъ поднялся выше всѣхъ предыдущихъ своихъ сочиненій. Статистико-описательная часть положительно интересна. Жаль только, что въ описаніи весьма трудно отличить, что принадлежитъ Терещенку (въ 50-хъ годахъ), что̀ сообщили автору теперь; неизвѣстно, откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣнія о числѣ десятинъ, занимаемыхъ городомъ, о числѣ его жителей, да даже о числѣ улицъ. Весьма хорошо, что авторъ просмотрѣлъ мѣстныя губернскія и епархіальныя вѣдомости за старые годы. Онъ извлекъ оттуда (изъ Полтав. губ. вѣд. за 1851 г.), напр., интересное топографическое описаніе Кременчука 1810 года. Недурно, если авторъ розыскалъ старыя корреспонденціи о городѣ и въ другихъ провинціальныхъ газетахъ, напр. въ Одесскомъ и Елисаветградскомъ вѣстникахъ, хотя въ текстѣ брошюры какъ то не видать этого, и

---

[1]) Арандаренко напр. о времени возникновенія Ромна разсуждаетъ такимъ образомъ: Римъ (отожествляемый имъ съ Ромномъ) упоминается въ „Словѣ о полку Игоревѣ"; такъ какъ Игорь, *сынъ Рюрика*, княжилъ отъ 912 до 945 года, то и Роменъ существовалъ уже въ началѣ X вѣка. Г. Бучневичъ bona fide переписалъ это въ свою „Справочно-адресную книгу" и въ „очеркъ" г. Ромна.

можно опасаться, что упоминаніе объ этихъ газетахъ при перечисленіи источниковъ сдѣлано для библіографической красоты [1]).

Объ исторической части брошюры мы говорить не будемъ: она плоха и недостовѣрна (кромѣ конца XVIII и XIX вв.), какъ въ тѣхъ оригиналахъ, изъ которыхъ списана; все ея достоинство состоитъ въ ея краткости.

Въ заключеніе нельзя не посѣтовать на редакцію Полтав. губ. вѣдомостей, что она не устраняетъ такихъ... недосмотровъ автора, какъ слѣдующій (стр. 32): «скончался (А. А. Котляревскій)... въ г. Пизѣ, *близъ Италіи*».

Ѳ. Николайчикъ.

Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I часть II, Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ СПБ. 1890 (708 стр. т. 8).

Имя г. Шейна, какъ собирателя народныхъ пѣсенъ, давно уже извѣстно русской этнографической наукѣ. Новый сборникъ его вновь свидѣтельствуетъ а неустанномъ трудолюбіи собирателя. Сборникъ замѣчателенъ своимъ обиліемъ научнаго матерьяла, и онъ тѣмъ большее значеніе имѣетъ для этнографа, что помѣщенный въ немъ матерьялъ относится къ двумъ важнѣйшимъ моментамъ народной жизни—свадьбѣ и погребальнымъ и поминальнымъ обрядамъ.

Чтобы вѣрно оцѣнить трудъ собирателя, мы должны вникнуть въ ту программу, которую поставилъ себѣ г. Шейнъ. Онъ не является этнографомъ—собирателемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. не ѣздитъ по селамъ, не записываетъ лично и т. п., но за то онъ отличается умѣніемъ возбудить массу самыхъ разнохарактерныхъ лицъ, мѣстныхъ жителей, къ собиранію матерьяловъ. Такого рода сообщенія предлагаются имъ въ настоящемъ сборникѣ. Нужно замѣтить, что это далеко не легкая работа: снестись съ сотнею и даже больше лицъ, достать отъ нихъ записи, сличить, провѣрить и наконецъ издать ихъ—не легкій и почтенный научный трудъ. Не всѣ лица передавали свои наблюденія съ одинаковою подготовкою къ дѣлу, охотой, знаніемъ, но въ ихъ простыхъ и безыскусственныхъ сообщеніяхъ

---

[1]) Пользуемся случаемъ замѣтить, что статья о Кременчукѣ въ „Нивѣ“ за 1878 годъ, № 36, ошибочно приписывается авторомъ намъ; она намъ не принадлежитъ.

легко можно подмѣтить неполноту и неточность однихъ и пополнить сообщеніями другихъ. Большое количество наблюденій, сдѣланныхъ различными лицами въ различныхъ мѣстностяхъ, имѣютъ весьма важное значеніе. Но сообщенія нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Шейна, какъ гг. Никифоровскаго, Богданова и др. отличаются полнотой и обиліемъ данныхъ. Кромѣ того, г. Шейномъ перепечатаны изъ мѣстныхъ изданій нѣкоторыя описанія свадебныхъ обрядовъ бѣлорусскихъ частей Гродненской и Тверской губ., а также описаніе свадьбы въ Борисовскомъ у. изъ извѣстнаго сочиненія гр. Тышкевича. «Opisanie powiatu Borysowskiego» и изъ «Tygodnika Wileńskiego» за 1818 годъ (всего 126 стр.); оба описанія отличаются рѣдкою подробностью, обиліемъ фактовъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, и взяты изъ вышедшихъ изъ обращенія изданій.

Таковъ общій характеръ сборника г. Шейна.

Что касается, въ частности, до системы записей, до ихъ значенія въ филологическомъ отношеніи, то разумѣется, что при сказанныхъ условіяхъ составленія сборника, мы не въ правѣ требовать и не можемъ ожидать точной и правильной записи. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніи свадебныхъ обрядовъ (500 стр.), за исключеніемъ 126 стр., перепечатанныхъ собирателемъ и 134 записанныхъ лицами, которыхъ образовательный цензъ не указанъ имъ,—изъ остальныхъ только 40 стр. записано лицами съ высшимъ образованіемъ, остальная часть матерьяла доставлена народными учителями (ок. 90 стр.), учениками среднихъ учебн. зав. (69 стр.), учениками приходскихъ училищъ и священниками и псаломщиками. Изъ описаній похоронныхъ обрядовъ (184 стр. описанія и 94 стр. причитаній)—57 стр. доставлены волостными писарями, 29 народными учителями и т. д. Изъ этихъ указаній видна, a priori, неподготовленность большинства лицъ къ научной записи этнографическаго матерьяла. Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ для характеристики языка, мы находимъ важныя неточности, по сравненію съ записями другихъ этнографовъ, въ довѣріи къ которымъ трудно сомнѣваться. Такъ, напр., почти повсемѣстно въ записяхъ сборника г. Шейна изъ могилевской губ. является мягкимъ, отсутствіе *цеканья* и *дзеканья* даже въ сѣверной части губерніи,—что трудно себѣ представить. Встрѣчаемъ формы въ пустынской волости: по*ря*докъ, *те*точка, распо*ряжаться* (р. 695); тогда какъ въ записяхъ г. Романова изъ той-же волости («Бѣлорус. сборникъ», вып. III, р. 21): уд*ару*, *ця*перъ, жани*тца* и т. д. Встрѣчаемъ важныя противорѣчія въ записяхъ разныхъ лицъ изъ одной и

той-же мѣстности (напр. ср. запись изъ велишковской волости, витебской губерніи на стр. 4. съ записью той же волости на стр. 51); даже одно и тоже лицо дѣлаетъ совершенно противоположныя показанія: напр., въ пѣснѣ изъ чаусскаго у. могилевской губерніи (р. 643)—*нясча*сныхъ и *нисца*сныхъ — различіе очень важное, какъ извѣстно, и т. д.

Однимъ словомъ, филологъ не найдетъ достаточно твердыхъ и основательныхъ данныхъ для языка въ сборникѣ г. Шейна, но за то въ этнографическомъ отношеніи онъ представляетъ, повторяемъ, весьма цѣнный вкладъ въ науку. Указаніе всего богатства сборника съ этой стороны вышло-бы изъ предѣловъ рецензіи и обратилось-бы въ цѣлую статью. Напомнимъ только, что тогда какъ свадебные обряды были, хотя и въ менѣе полномъ видѣ, извѣстны наукѣ до появленія сборника г. Шейна, похоронные и поминальные обряды и причитанія являются въ наукѣ совершенной новостью. До сихъ поръ можно было найти лишь краткія указанія о поминальныхъ обрядахъ бѣлоруссовъ въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ, похоронные и поминальные обряды бѣлоруссовъ отличаются богатствомъ ритуала, и многіе изъ нихъ ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Отмѣтимъ, напр., обрядовое употребленіе *соломы* при похоронахъ, обычай кладки въ гробъ люльки съ табакомъ, шапки, даже пищи, топоровъ, монетъ и др. вещей, обертываніе головы покойника красною матеріею; посыпаніе гроба хлѣбными зернами, почитаніе лошади, везущей покойника, обращеніе къ раньше умершимъ о принятіи въ ихъ число вновь преставившагося (см. особ. р. 534), призыванія къ ѣдѣ покойниковъ, возліянія имъ части пищи и т. д. Не меньшимъ интересомъ отличаются и причитанія,

Въ заключеніе прибавимъ еще, что въ приложеніи къ сборнику помѣщены три рисунка свадебныхъ короваевъ и 18 пѣсенныхъ мотивовъ.

М. В.

Извѣстія Таврической ученой коммиссіи № 14 (годъ пятый) подъ едакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. — Симферополь. 1891 г.

Настоящая книга «Извѣстій Таврической Коммиссіи», подобно редъидущимъ, не лишена значительнаго интереса и что важнѣе всего въ ней—это двѣ первыя статьи: 1) *Реестръ дѣламъ крымскаго двора, съ 1474 по 1779 г.*, *учиненный дѣйствительнымъ статскимъ совѣт-*

никомъ Николаемъ Бантышъ Каменскимъ въ 1808 г. и 2) *Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 г.* Обѣ статьи сообщены Ѳ. Ѳ. Лашковымъ, который оказываетъ тѣмъ громадную услугу всѣмъ занимающимся южно-русской исторіей вообще и исторіей Крыма въ частности. И хотя реестръ ужъ слишкомъ кратокъ и далеко не сообщаетъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, но хорошо и то, что есть, потому что и самая краткая опись дастъ представленіе о содержаніи книги или дѣла. Въ статейномъ спискѣ Судакова мы находимъ указанія на дипломатическія сношенія не только Крыма съ Москвой, но и съ Польшей; есть также указанія и на положеніе южно-русскаго казачества. Вообще эти документы первостепенной важности, и мы искренно порадовались бы и поблагодарили архивную коммиссію, если бы она не прекращала печатанія этого цѣннаго матеріала и на будущее время. Какъ «Реестру», такъ и «Статейному списку» почтеннымъ издателемъ ихъ предпосланы замѣчанія о содержаніи этихъ документовъ.

Въ статьѣ проф. *Н. Веселовскаго «Скиѳскій всадникъ»* описывается найденная подъ г. Симферополемъ поясная пряжка, изображающая всадника, котораго г. Веселовскій считаетъ скиѳскимъ и относитъ къ II вѣку по Р. Х. Къ описанію приложено и изображеніе пряжки.

Г. *А. Х. Стивенъ* продолжаетъ печатаніе *«Дѣлъ архива таврическаго губернскаго правленія, относящихся до розысканія, описанія и сохраненія памятниковъ старины въ предѣлахъ таврической губерніи»*. Собственно это не дѣло, а изложеніе ихъ содержанія, обстоятельное и точное настолько, что позволяетъ пользоваться имъ, какъ матеріаломъ. Изъ этихъ дѣлъ особенно интересно сообщеніе объ открытіи учителемъ евпаторійскаго училища Авраамомъ Фирковичемъ древностей и древнихъ караимскихъ книгъ». Вообще этотъ отдѣлъ матеріаловъ рисуетъ грустную картину отношенія мѣстной интеллигенціи къ сохраненію памятниковъ старины.

Г. *А. Кашпардъ* сообщаетъ о *«раскопкѣ кургановъ въ окрестностяхъ Симферополя, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ іюлѣ и августѣ 1891 г.»*, сообщаетъ подробности о найденныхъ скелетахъ и предметахъ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, что же важнаго во всѣхъ этихъ находкахъ, къ какому времени онѣ относятся.

Въ *«Керченскихъ древностяхъ»* г. *Хр. Ящуржинскій* описываетъ найденные зимой и весной 1891 г. въ Керчи очень цѣнные предметы искусства и нѣсколько памятниковъ эпиграфики.

Печатаемое г. *А. Сѣницкимъ* «*Описаніе дѣлъ таврическаго историчекаго архива*» показываетъ, что этотъ архивъ хранитъ лишь дѣла административныя да такія судебныя, которыя выдѣляются интересомъ фабулы; мы не видимъ вовсе въ «Описаніи» дѣлъ, имѣющихъ юридическій характеръ, а между тѣмъ такихъ дѣлъ тамъ должно быть очень много, потому что край имѣетъ много своихъ особенностей и населенъ инородцами; взаимодѣйствіе правъ и вліяніе русскаго законодательства было бы весьма любопытно прослѣдить; при этомъ открылось бы много новыхъ фактовъ изъ области правъ, которые охарактеризовали бы и семейную и общественную жизнь населенія.

Наконецъ въ «Смѣси» г. *Н. Ивановъ* излагаетъ содержаніе извлеченной «*изъ дѣлъ канцеляріи николаевскаго военнаго губернатора*» переписки «по рапорту контръ-адмирала Быченскаго объ отдачѣ въ распоряженіе севастопольской думы хуторовъ, состоящихъ подъ №№ 9, 10, 12 и 14; это важно, какъ для исторіи нашихъ южныхъ городовъ вообще, такъ и обывателей г. Севастополя въ частности, а равно и для вопроса о происхожденіи земель, принадлежащихъ городамъ, какъ общинамъ.

Въ заключеніе помѣщены, хотя бы они должны по обычаю занимать первое мѣсто, «*Протоколы засѣданій таврической ученой архивной коммиссіи 27 сентября и 31 октября 1891 г.*», свидѣтельствующіе о живой дѣятельности коммиссіи на пользу мѣстной науки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

(окончаніе) [1]).

Журналъ Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщенъ некрологъ *А. А. Потебни* (Современ. Лѣтоп., стр. 55—72), написанный *Владиміромъ Ламанскимъ*. Указывая заслуги покойнаго предъ русской наукой, авторъ некролога ставитъ его въ ряду первоклассныхъ русскихъ славистовъ, говоря, что въ области славяновѣдѣнія «Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней», и въ тоже время высказываетъ сожалѣніе, что съ трудами его такъ мало знакома русская публика. Сообщивъ затѣмъ нѣсколько данныхъ изъ автобіографіи Потебни, напечат. въ Ист. Этногр. Пыпина (т. III, дополненія), г. Ламанскій приводитъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1892 г., № 4.

свой отзывъ о трудахъ покойнаго, представленный имъ совѣту Императ. русск. географ. общества о присужденіи Потебнѣ высшей награды—Константиновской медали (въ январѣ 1891 года).

Въ № 2 мъ помѣщена интересная статья *А. Петрова* «Замѣтки по Угорской Руси» (стр. 439—458), составленныя авторомъ, какъ на основаніи печатныхъ матеріаловъ и статей объ Угорщинѣ, такъ и по даннымъ, собраннымъ имъ лично на мѣстѣ въ 1890 году. Указавъ на затрудненія, сопровождающія изученіе Угорской Руси, авторъ останавливается на четырехъ вопросахъ: 1) опредѣляетъ границы распространенія русскаго языка; 2) устанавливаетъ численность угроруссовъ; 3) изслѣдуетъ мѣстныя прозвища (Верховинцы, Долиняне, Гуцулы, Бойки и т. п.); 4) даетъ характеристику говоровъ Угорщины.

Въ № 2 мъ помѣщена рецензійка *А. Липовскаго* о книгѣ *г. Будиловича* «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Говоримъ мы «рецензійка», т. к. изслѣдованіе г. Будиловича, затрогивающее темой своей всю исторію Европы, конечно, не можетъ быть исчерпано четырмя страницами хвалебнаго отзыва, на которыхъ даже не указано, за что хвалятъ этотъ большой трудъ.

Въ № 2 мъ помѣщенъ некрологъ *О. Первольфа,* одного изъ видныхъ славистовъ, чеха по происхожденію, и профессора варшавскаго университа—по занятой имъ 20 лѣтъ назадъ позиціи. Некрологъ написанъ *К. Гротомъ* (Совр. лѣтоп., стр. 141—150) и исполненъ сердечнаго отношенія къ почившему.

Въ № 3-мъ помѣщена статья *Д. Багалѣя* «Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи». (стр. 1—55). Статья написана почти исключительно по неизданнымъ до сихъ поръ матеріаламъ; состоитъ она изъ двухъ главъ: 1) Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ; 2) Организація городскаго самоуправленія съ половины 17 вѣка. Первая глава опредѣляетъ роль польскаго правительства, желавшаго пріобрѣсть симпатіи мѣстнаго населенія путемъ дарованія городамъ магдебургскаго права, и даетъ характеристику этихъ самыхъ правъ городовъ на основаніи существующихъ грамотъ; тутъ встрѣчаемъ характеристику и административнаго, и судебнаго, и экономическаго, и военнаго строя городовъ въ 1-ой половинѣ 17 столѣтія. Вторая глава эти же стороны жизни разсматриваетъ съ большими подробностями, т. к. для періода второй половины 17-го и всего 18-го вѣка имѣется гораздо болѣе данныхъ, характеризующихъ этотъ строй городскаго самоуправленія; достаточно упомянуть въ видѣ богатаго источника капитальный трудъ А. Ѳ. Кистяковскаго «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ».

Въ № 3-мъ помѣщена краткая рецензія *К. Бестужева Рюмина* на книгу В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 272—275), съ большой похвалой отзывающаяся объ этомъ трудѣ уважаемаго автора.

Вѣстникъ Европы 1892 № 1—3. *Въ № 3 мъ* помѣщена рецензія о книгѣ *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 423—426), и—какъ слѣдовало ожидать—рецензія вполнѣ благопріятная для автора.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщена статья *А. Георгіевскаго* «Кіево-Подольская церковь Николая Добраго» (историко-археологическій очеркъ). Повидимому, это только начало работы, писанной на Евгеніе-Румянцевскую премію. Въ данномъ номерѣ помѣщена «лѣтопись церкви», распадающаяся на 5 отдѣловъ: 1) Невѣроятность предположенія о существованіи Добро-Николаевской церкви въ до-монгольскій періодъ; 2) храмоздатель гетманъ Кушка; 3) деревянная церковь въ 17 столѣтіи; 4) каменная церковь въ 18 столѣтіи; 5) новая каменная церковь въ 19 столѣтіи (стр. 40—103).

Тутъ же въ № 1 начинается, а въ № 3 заканчивается другая статья, писанная на Евгеніе-Румянцевскую премію «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія Кіевскаго велико-княженія» *Д. Слюсарева* (№ 1-й, стр. 104—154; № 3-й 405—456). Послѣ краткаго вступленія, идетъ послѣдовательный перечень церквей и монастырей съ историческими датами о нихъ, расположенный по княженіямъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ Изяслава Ярославича.

Въ № 3-мъ помѣщена маленькая «археологическая замѣтка» *Н. П.* о медали великаго князя кіевскаго Ярополка Владиміровича (стр. 514—520). Замѣтка эта опровергаетъ сообщенное газетами извѣстіе о найденной *монетѣ* будто бы сего князя, а относитъ ее къ *медалямъ* 18 вѣка.

Православный Собесѣдникъ №№ 1 и 2. *Н. Полетаевъ. Памяти митр. кіевскаго Евгенія Болховитинова* (Рѣчь, произнесенная на коллоквіумѣ 27 мая 1890 г. предъ защитою соч. «Труды митр. кіев. Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви). Краткая характеристика научной дѣятельности митрополита и два письма его: къ П. М. Строеву и архим. Епифанію (№ 2, стр. 242—250).

Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1 и 2. *А. С. Павловъ. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права.* (Начало въ № 11 — 12 за 1891 г.; № 1, стр. 191 — 249, № 2, стр. 425—437). Обширная рецензія на изслѣдованіе проф. Н. С. Суворова «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права».

Н. Г. «Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи (1374—1406 г.), какъ писатель». Авторъ приходитъ къ выводу, что литературныя заслуги Кипріана слишкомъ преувеличены и что вліяніе его на слѣдовавшихъ за нимъ писателей вовсе не было благотворно (№ 2, стр. 358—424).

Матеріалы для исторіи русской церкви. Черниговская епархія послѣ Батыя, именуемая Брянскою. По поводу 900-лѣтняго юбилея 992—1892. Посмертное сочиненіе *о. Михаила Діева* о черниговскихъ епископахъ и архіепископахъ до Иродіона Жураковскаго (1722), съ предисловіемъ *А. А. Титова* о предѣлахъ черниговской епархіи (№ 2, стр. 1—43).

Недѣля №№ 1—4. *В. Л. Дѣдловъ. Въ переселенческой конторѣ.* (№ 1, стр. 151—186, № 2, стр. 177—212, № 4, стр. 80—114). Характеризуя различные типы переселенцевъ, авторъ рисуетъ нѣсколько типовъ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи.

Восходъ №№ 1—3. *С. А. Бершадскій. Въ изгнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV ст.* Статья эта представляетъ дополненіе къ труду того же автора «Литовскіе евреи»; задачи ея: 1) дополнить, на основаніи еврейскихъ источниковъ, свѣдѣнія объ изгнаніи, 2) опредѣлить положеніе, въ которое поставлены были евреи въ тѣхъ странахъ, куда они удалились изъ Литвы, гл. обр. въ Польшѣ, 3) для выясненія этого послѣдняго опредѣлить наиболѣе крупныя черты общественнаго и юридическаго быта польскихъ евреевъ въ XV в. Матеріаломъ служили: печатные источники и неизвѣстные или малоизвѣстные рукописные источники, гл. обр. данныя изъ актовыхъ книгъ коронной метрики. (№№ 1, стр. 3—29, № 2, стр. 110—126. Не оконченъ).

И. Блюменфельдъ. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма II (№ 1, стр. 1—9) и III (№ 3, стр. 1—9). Описывается современное положеніе колоній.

Въ отдѣлѣ *библіографіи* рецензія на соч. А. Ліона «Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ бессарабской губерніи». Вып. 1 и 2. (№ 3, стр. 24—25).

Въ *приложеніи:* «Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708) по декабрь 1889 г.» (№№ 1—3, стр. 1—128. Не оконченъ).

Славянское Обозрѣніе 1892 г. № 1—3. *Въ № 1-мъ* помѣщены некрологи: Михаила Осиповича Кояловича, составлен. *П. Жуковичемъ* (стр. 70—79), Алекс. Аѳанасьевича Потебни, составл. *А. Б.* (стр. 80—88), Осипа Осипов. Первольфа, составл. *А. Б.* (стр. 89—91).

Въ № 1-мъ и *2-мъ*, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» помѣщено письмо изъ Львова, подписанное «Червоноруссомъ» и излагающее ходъ событій въ Галицкой Руси въ теченіе 1891 года, извѣстныхъ подъ именемъ «новая эра». (№ 1-й стр. 115—119; № 2-й, стр. 228—236).

Въ № 2-мъ и *3-мъ* помѣщенъ «Обзоръ западно-русской исторіи», составленный *И. Филевичемъ;* это — краткій отчетъ о всѣхъ появившихся въ теченіе 1891 года трудахъ по исторіи Западной Руси, подразумѣвая тутъ-же и Русь южную. Здѣсь идетъ рѣчь о книгахъ: 1) М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Населеніе юго-западной Руси отъ половины XV в. до Люблинской Уніи»; 2) А. Барбашева «Витовтъ. Послѣднія 20 лѣтъ княженія»; 3) М. Грушевскаго «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол».; 4) М. Довнаръ-Запольскаго «Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол»; 5) «Подолія». Издан. П. Н. Батюшкова; 6) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. (5-ая № 1-й стр. 255—260; № 3-й стр. 418—425).

Въ № 3-мъ въ отдѣлѣ «Лѣтопись» 8-ая глава посвящена краткому разсмотрѣнію того вопроса въ Галиціи, который поднятъ тамъ о фонетическомъ правописаніи (стр. 396—397).

Въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» упомянутыхъ уже раньше, «Червоноруссъ» помѣстилъ письмо изъ Львова, трактующее объ онѣмеченіи Галичины сейчасъ-же послѣ присоединенія ея къ Австріи, а затѣмъ излагающее исторію галицкаго возрожденія, давшаго двѣ партіи — старо-русскую и украинофильскую; потомъ авторъ указываетъ довольно подробно роль Драгоманова въ Галиціи и созданіе партіи радикальной (стр. 398—410).

Biblioteka Warszawska №№ 1—3. *A. Darowski. Misya dyplomatyczna w XVII wieku.* (№ 2, стр. 262—301). Разсказъ о посольствѣ въ Москву въ 1635 г. Александра Пясочинскаго, Льва Сапѣги и Петра Выжевича.

Ateneum №№ 1—3. *A. Pawiński. Młode lata Zygmunta Starego.* (№ 1, стр. 6—46, № 2, стр. 292—341). Живо написанный біографическій очеркъ.

Въ отдѣлѣ *рецензій* С. Лисевича на XV томъ «Akta grodzkie i ziemskie» (№ 2, стр. 388—398).

Kwartalnik Historyczny №№ 1—3. *A. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego.* Признавая, вслѣдъ за другими изслѣдователями, Юрія II тожественнымъ лицомъ съ Болеславомъ Тройденовичемъ, авторъ далѣе излагаетъ событія, послѣ смерти Андрея и Льва Юрьевичей (1324 г.), характеризуетъ политику Болеслава-Юрія и, наконецъ старается оправдать политику Казиміра В. по отношенію къ венгерскому королю въ дѣлѣ занятія Галицкой Руси. Въ приложеніи напечатаны: а) письмо Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII 1321 г. (изъ парижск. нац. б-ки); два документа, выданные королемъ венгерскимъ Людовикомъ, изъ которыхъ въ первомъ онъ предоставляетъ русское королевство пожизненно Казиміру В., оставляя за собою право выкупа Руси у мужскихъ потомковъ Казиміра (1350 г.), а во

второмъ, отъ 13 апр. 1355 г.) даетъ полномочіе матери своей кор. Елизаветѣ на принятіе присяги отъ польскихъ чиновъ и подтверждаетъ обязательства, принятыя по отношенію къ Польшѣ кор. Карломъ-Робертомъ (изъ Моск. арх. М-ва Ин. Дѣлъ); в) обязательство короля венгерскаго Людовика по отношенію къ Казиміру на случай, если бы послѣдній дождался потомства мужскаго или женскаго пола (изъ Моск. архива М-ва Ин. Дѣлъ. (№ 1, стр. 1—33).

T. Korzon. O Chmielnickim sądy pp. Kulisza i Karpowa. Авторъ указываетъ на рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ Кулиша и Карпова на Хмельницкаго. Основа такого разногласія, по мнѣнію Корзона, лежитъ въ различіи источниковъ, которыми пользовались оба историка. Корзонъ защищаетъ Костомарова и Кулиша отъ упрековъ Карпова въ утайкѣ документовъ, указывая, что часть изданныхъ Карповымъ документовъ была напечатана ранѣе (Чтенія моск., общ. ист. и др., 1847, VI), а часть представляетъ фальсификаціи. Далѣе, Корзонъ возражаетъ противъ достовѣрности донесеній московскихъ пословъ воеводъ отмѣчая замѣчательное сходство ихъ съ инструкціями, даваемыми имъ изъ приказа; такъ, онъ сомнѣвается, чтобы Хмельницкій предлагалъ тѣ же вопросы и притомъ въ такомъ же порядкѣ, какъ предвидѣла инструкція (напр. о возрастѣ и внѣшности Алексѣя Михайловича), а въ особенности, чтобы атаманы, привѣтствовавшіе посольство въ Лубнахъ, Лохвицѣ, Ромнахъ и т. д., произносили одинаково стереотипныя рѣчи, и видитъ въ этихъ донесеніяхъ поддѣлываніе подъ тонъ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ Корзонъ защищаетъ источники польскіе, которыми пользовался г. Кулишъ, причемъ указываетъ и цѣлый рядъ промаховъ этого историка. Указавъ, далѣе, ошибку г. Кулиша относительно бюджета Рѣчи Посполитой въ 50-хъ годахъ XVII ст. и оцѣнки военныхъ дѣйствій Яна-Казиміра, авторъ отдаетъ полную справедливость г. Кулишу за его пониманіе характера польскаго народа; онъ вполнѣ соглашается съ взглядомъ г. Кулиша на происхожденіе козачества и пытается подкрѣпить его собственными доводами. Г. Корзонъ довольно подробно излагаетъ мнѣніе г. Кулиша о роли духовенства въ козацкомъ движеніи, о различіи взглядовъ и симпатій высшаго и низшаго духовенства, объ отсутствіи религіозныхъ мотивовъ въ возстаніяхъ козаковъ, причемъ указываетъ на вѣротерпимость по отношенію къ православнымъ Рѣчи Посполитой, сопоставляя ее съ нетерпимостью относительно уніатовъ и католиковъ, которой проникнуты указы царя Алексѣя Махайловича, обнародованные въ Бѣлоруссіи. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ разногласіе въ сужденіяхъ г. Кулиша и Карпова о полякахъ и Польшѣ, и очень сходныя ихъ мнѣнія о козачествѣ. Переходя къ личности Хмельницкаго, г. Корзонъ отрицаетъ его шляхетское происхожденіе, его формальныя права на Суботовъ и, охарактеризовавъ его, какъ самаго дурного человѣка и общественнаго дѣятеля, считаетъ вполнѣ способнымъ на поддѣлку

родословной и документовъ на имущество. Г. Корзонъ подчеркиваетъ неясно выраженную, по его мнѣнію, у г. Кулиша конечную цѣль Хмельницкаго—стать независимымъ или по крайней мѣрѣ вассальнымъ владѣтелемъ, мысль о чемъ родилась у него подъ вліяніемъ успѣховъ дѣла, начатаго изъ личныхъ побужденій. Г. Карпова авторъ упрекаетъ за то, что тотъ выходитъ изъ границъ исторіи въ область гаданій и принимаетъ за критерій въ своихъ сужденіяхъ пользу своего государства, не возвышаясь до «универсальныхъ и общечеловѣческихъ основъ исторіографіи и философіи». Г. Кулиша авторъ обвиняетъ въ противорѣчіяхъ, отсутствіи спокойствія, чувства мѣры и критицизма.

Указавъ на нѣкоторое сходство по формѣ и методу между трудомъ г. Кулиша и Les origines de la France contemporaine Тэна, г. Корзонъ возстаетъ противъ политиканства въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Далѣе авторъ возражаетъ г. Карпову по вопросу о переяславскихъ статьяхъ и оспариваетъ положенія, что переяславская рада была поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Хмельницкаго, моментомъ, съ котораго онъ становится послушнымъ подданымъ царя Алексѣя Михайловича. Властолюбивыя и династическія мечтанія Хм—го не сбылись. Напрасно также думаютъ, что Хм—ій нанесъ смертельный ударъ Польшѣ. Исчисливъ бѣдствія, причиненныя Малороссіи преемниками Х—го, г. Корзонъ самыми мрачными красками рисуетъ положеніе края въ 2-й половинѣ XVII ст. (№ 1, стр. 34—79).

Antoni Swiątkewicz. Ostatni szturm na Smoleńsk r. 1611. Разсказъ о штурмѣ. Краткое обозрѣніе источниковъ. Въ приложеніи письмо пана Вихровскаго къ п. Станишевскому. (№ 1, стр. 93—99).

A. Czołowski. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Ruś z r. 1618 i 1624. Оба дневника извлечены изъ библіотеки кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Первый озаглавленъ: Diariusz expeditiey Jego Mości Pana Stanisława Żołkiewskiego, kanzlerza i hetmana koronnego przeciwko tatarom pod Rohatyn (1618 r.), а второй—Rozprawa szczęsliwa z tatary Jego Mości Pana Stanisława Koniecpolskiego, hetmana polnego Koronnego na Podolu pod Szmańkowcami w roku 1624 6-ta Februarii. (№ 1, стр. 99—100).

L. Finkel. Dodatek do historyi napadu tatarów w r. 1695. Письмо кор. гетмана Станислава Яблоновского къ королю отъ 9 Февраля 1695 г., писанное въ ожиданіи нападенія татаръ на Львовъ.

J. Talko-Hryncewicz. Biskup unicki Dyonizy Żabokrzycki. Разсказъ объ арестѣ Діонисія Жабокрицкаго и перечисленіе взятыхъ у него бригадиромъ Яковлевымъ вещей, основанные на рукописи подъ заглавіемъ: Regestr zabranych pieniędzy, klejnotów, rzeczy i sprzętów różnych w katedrze Łuckiej przez Jego M. Pana Petra Jwanowicza Jakowlewa,

brygadiera wojsk Najjaśniejszego Carskiego Wieliczeństwa, dnia 7 decembra przededniem kilka godzin w r. przeszłym 1709 przy wzięciu w niewolę Ojca Dyonizego Zabokrzyckiego Episcopa Łuckiego i Ostrogskiego. (№ 1, 101—105).

Въ отдѣлѣ рецензій: *Я. Карловича* на сборникъ Оск. Кольберга «Chełmękie» tt. I и II.; *А. Калины* на Gadki ludowe Górali bieskidowych z okolic Rabki» Ис. Коперницкаго; *Л. Лепшаго* на статью Ф. Бостеля «Przyczynki do dziejów złotnictwa lwowskiego w XVI i XVII w. (Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce, t. V, z 1.); *Е. Калитовскаго* на труды И. Е. Левицкаго. Галицко-русская библіографія XIX ст. т.т. I и II, «Галицко-русская библіографія за 1887 г.» и Галицко-русская библіографія за 1888 г.»; *Е.* на книгу С. Пепловскаго «Teatr polski we Lwowie (1881—1890),»; *А. П—ски*, на статью Фр. Равиты «Losy wielkiej fortuny na kresach» (Przewodnik nauk. i liter. 1891. Maj-Lied.); *С. Кентковскаго* на «Achiwun książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawacie», t.t. III i IV. *А. П—ски* на «Мемуары относящіеся къ исторіи Южной Руси, переводъ К. Мельникъ, вып. I.

Maryan Sokolowski. Muzeum XX. Czartoryskich w Krakowie. Изложена исторія музея и описаны болѣе замѣчательные изъ хранящихся въ немъ предметовъ. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о самомъ музеѣ, такъ и о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ южн. Россіи. Начало собраніямъ, составившимъ музей, положено въ к. XVIII ст. Адамомъ Чарторыйскимъ, генераломъ земель подольскихъ, и его женой Изабеллой въ ихъ имѣніи Пулавахъ. Послѣ ноябрьскаго возстанія произведенія искусства, памятники старины, монеты, медали и рукописи были перевезены въ Парижъ, а библіотека въ Сеняву, въ Галиціи. Въ 1872 г. кн. Влад. Чарторыйскій, внукъ основателей перевезъ коллекціи ихъ Парижа въ Курникъ, въ Познани. Въ 1876—80 гг. г. Краковъ уступилъ Чарторыйскому помѣщеніе для музея, который и былъ перевезенъ, равно какъ и библіотека въ Краковъ. Съ 1884 г. во главѣ этого учрежденія стоитъ авторъ статьи М. Соколовскій, который и далъ ему нынѣшнюю организацію. Музей Чарторыйскихъ состоитъ изъ: а) собственно музея, б) библіотеки, съ особенно богатымъ отдѣломъ Polonica и в) архива. Изъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ, упомянемъ о кубкѣ съ характеристическимъ восточнымъ орнаментомъ и роструханѣ въ стилѣ Возрожденія съ затѣйливымъ рисункомъ и богатой орнаментаціей. Первый, серебряный густо позолоченный, очевидно, сербскаго происхожденія, на немъ надпись славянскими литерами: *Братина думной рады князя Михаила Даниловича.* На роструханѣ видны греческія буквы, какъ бы знаки мастера. На выпукломъ днѣ его —рѣзной и позолоченный гербовый щитъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. На щитѣ какъ бы гербъ Ле-

лива: полумѣсяцъ и звѣзда, а надъ звѣздой подкова, обращенная концами внизъ и образующая съ полумѣсяцемъ какъ бы раму для звѣзды. Изъ страусовыхъ перьевъ и зигзаговъ, окружающихъ щитъ, поднимается вверхъ крестъ, около котораго двѣ большія буквы *Д. Р.* Кромѣ того на роструханѣ есть надпись старославянскими буквами, гласящая: *Пана-Думитрашка Раича сей кувшъ зробленъ року 1678 м-ца Августа дня 8. Пыты зъ него во здравіе, съ ковша сего пыты а его не просыты, а просышъ не дамъ, для себе мамъ.* Надпись прерывается тремя лавровыми вѣнками съ бюстами въ характеристичныхъ козацкихъ уборахъ, представляющими, какъ свидѣтельствуютъ надписи, Лобойка, Наливайка и Мазепу, которые держатъ въ рукахъ чаши или играютъ на торбанахъ; около одного изъ нихъ козакъ, бьющій въ бубенъ, съ обнаженной головой и съ шапкой, лежащей подъ бубномъ. У рукоятки есть большое ушко для вѣшанья сосуда на стѣну. Есть еще серебряный ковшъ московской работы, съ государственнымъ гербомъ, пожалованный, какъ гласитъ надпись, въ 1701 г. Петромъ В. какому то Никифору Иванову изъ Путивля за заслуги по таможнѣ. Замѣчательна коллекція старинныхъ поясовъ, которыхъ въ музеѣ 37, изъ нихъ 10 слуцкихъ, а именно 3 съ надписью *Лео Мажарскій въ градѣ Слуцкѣ*; 2—съ буквами *Ф. К. Р. Слуцкъ*; 3—съ фабричнымъ знакомъ *F. S.*, помѣщеннымъ горизонтально, 1 съ такими же знаками, но буквы раздѣлены звѣздочкой, и 1 съ латинской надписью *me fecit sluciae.* Въ богатой коллекціи географическихъ картъ есть не мало относящихся къ южн. и зап. Россіи.

Въ библіотекѣ числится около 100,000 томовъ, въ томъ числѣ отдѣлъ Polonica 35,000. Въ архивѣ 5070 рукописныхъ сборниковъ и 1202 документа, начиная съ XII в. Собраніе рукописей составилось первоначально изъ фамильныхъ бумагъ и пріобрѣтеній кн. Ад. Чарторыйскаго и порыцкаго собранія Тадеуша Чацкаго, пріобрѣтеннаго кн. Адамомъ въ 1818 г. Изъ рукописей отмѣтимъ: Евангеліе апракосъ, на церковнославянскомъ языкѣ, к. XIII и нач. XIV в. изъ Лавришовскаго монастыря около Новгородка Литовскаго, съ вкладными надписями в. кн. литовскихъ и миніатюрами различныхъ эпохъ до к. XV в. Изъ числа пріобрѣтеній музея за послѣдніе годы (1889 и 1890) отмѣтимъ: рукописную исторію архіепископства львовскаго Юзефовича, русское Евангеліе XVI в. съ комментаріями Феофилакта, еп. болгарскаго, и собраніе правительственныхъ документовъ, русскихъ и польскихъ, относящихся къ семейству Масальскихъ. (№ 2, стр. 229—276).

Въ отдѣлѣ рецензій: Г. Оссовскаго на статью К. Пуласскаго «Wiadomość o dwu zabytkach bronzowych, znalezionych na Podolu» (Pamiętnik fizyograficzny Г. IX Д. IV 1889). *А. Брюкнера* на „Вислу“ (т. IV №№ 2—4 и т. V №№ 1—3). *Я. Карловича* на посмертное изданіе Оск.

Кольберга Przemyskie, zarys etnograficzny". *В. Чермака* на книгу Іенике „Stefan Czatniecki". *Ф. Востеля* на брошюру М. Ролле „Z życia Ormian kamienieckich w XIV i XVIII". (Оттискъ изъ „Swiat'a".

Для даннаго обзора, помѣщеннаго въ № 4 и 5, разсмотрѣны были слѣдующія изданія и номера, при чемъ указываются даже тѣ изданія, въ которыхъ ничего не оказалось относящагося къ южной Руси: 1) Ateneum № 1—3; 2) Богословскій Вѣстникъ № 1; 3) Bibliotekа Werszawska № 1—3; 4) Восходъ № 1—3; 5) Вѣра и Разумъ № 1—6; 6) Вѣстникъ Европы № 1—3; 7) Журналъ Гражд. и Уголовн. Права № 1—3; 8) Журналъ Мин. Народ. Просв. № 1—3; 9) Историческій Вѣстникъ № 1—3; 10) Кіевскія Универси тетск. Извѣстія № 1; 11) Kwartalnik historyczny № 1—2; 12) Недѣля (книжки № 1—4); 13) Православный Собесѣдникъ № 1—2; 14) Русскій Филологич. Вѣстн. № 1; 15) Русское Обозрѣніе № 1—3; 16) Русскій Архивъ № 1—3; 17) Русская Мысль № 1—2; 18) Русская Старина № 1—3; 19) Странникъ № 1—3; 20) Сѣверный Вѣстникъ № 1—3; 21) Славянское Обозрѣніе № 1—3; 22) Труды Кіевской Духовной Академіи № 1—3; 23) Ученыя Записки Казанск. Университета № 1; 24) Христіанское Чтеніе № 1—4; 25) Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія № 1—2; 26) Юридическій Вѣстникъ № 1—3; 27) Юридическая Лѣтопись № 1—3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ"

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Въ немъ напечатаны: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя спеціально для „Сборника", **Берты фонъ Суттнеръ**, (Изъ рѣчи на конгрессѣ мира), **П. Гейзе** (стихотвореніе), **Арне Гарборга** (Смерть), **А. К. Леффлеръ, герц. ди Кайянелло** (Изъ воспоминаній о Софьѣ Ковалевской), **Пьера Лоти** (Charmeurs de serpents), **Виктора Балагера** (стихотвореніе), **Г. афъ-Гейерстама** (Исторія двухъ орловъ), **А. Стриндберга** (Укоры совѣсти), **П. Розеггера** (Чудеса), **М. Нордау** (Fin de siècle), **І. Ли** (Орлица), **Л. Захеръ-Мазоха**, („На тернистомъ пути"), **Б. Бьернсона** (Пыль), **Г. Эберса** (Стихотвореніе).

2) Статьи: профессоровъ **М. Ковалевскаго** (Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи), **М. Владимірскаго-Буданова** (Формы землевладѣнія въ Литвѣ), **П. Броунова** (Погода и ея предсказаніе), **И. Сикорскаго** (Голодъ и его послѣдствія), **В. Малинина** (Надсонъ какъ поэтъ), **П. Морозова** (Война и ея жертвы), **И. Лучицкаго** (Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи), **Т. Флоринскаго** (Эпосъ сербовъ-мусульманъ Босніи), **В. Ерманова** (Преподаваніе алгебры), гг. **А. Абрагамсона** (Двѣ недѣли въ Средней Азіи), **Р. Савельева** (О предсказаніи неурожаевъ), **Г. Бобрикова** (Матеріалы для исторіи войны 1877—78), **Л. Куперника** (Шарль Фурье).

3) Разсказъ **Вл. Короленка** („Щось буде"), **М. Альбова** (Домъ), **А. Любича** (Тучка набѣжала), **Н. Аранджи** (Изъ школьныхъ легендъ), **М. Бертина** (Ужинъ), **М. Бр—скаго** (Подъ осенній дождь), **Е. Бердяевой** (Бенефисъ), **Вас. Немировича-Данченко** (Глава изъ романа „Полымя").

4) Стихотворенія: **Б. Бьернсона, Карла Снойльскаго, Вл. Высоцкаго, Вас. Немировича-Данченко, Ф. Черниговца, П. Тулуба, С. Бердяева, А. Львовой, Л. Мунштейна, де-Эръ.**

Къ сборнику приложены фототипическіе снимки съ картинъ гг.: **Орловскаго** (Днѣпръ), **В. Васнецова** (Голова Христа), **П. Сведомскаго** („Воскрешеніе Лазаря" и

„Въ Геосиманскомъ саду“), Пимоненка (Сватанье), Бодаревскаго (Свадьба), Платонова (Дѣвушка со свѣчей) и двѣнадцать снимковъ съ видовъ Средней Азіи.

Цѣна (для неподписавшихся) 2 р. 50 к.

Съ пересылкой 2 р. 95 к.

Главный складъ изданія въ Кіевѣ въ редакціи (Левашевская, 14; И. В. Лучицкому).

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Іогансона, Корейво, Оглоблина, Розова, и въ редакціи „Кіевской Старины“, въ Кіевѣ.

Въ Москвѣ главный складъ—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Плющиха, д. Орлова).

Въ Полтавѣ: въ губернской земской Управѣ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30 апрѣля 1892 г.

Добронизкого и Лукаша, асаулу полкового переясловского, отежджаючихъ уже зъ Глухова.

7. Неделя. Рано п. Андрѣева, швакгрова, виехала отсюду зъ Глухова въ Суми. Швакгри мои оба виехали зъ Глухова у вечеру и до Рихловского монастира, по своемъ обѣщанію, перво поехали. Калюжненки давали писмо, за футоръ Калюжновскій упоминаючись. Сварковцѣ суплѣку подали мнѣ за Орановскимъ, просячи его въ попи. Семенъ, господаръ бувшій, приходилъ ко мнѣ, упоминаючись за якогось коня. Пожекгналемъ ясневелможную и протчіихъ всѣхъ и п. Левенца. Пріехалъ Верещака зъ Ромна, отъ родителя, зъ писмами до ясневел. и ко мнѣ и зъ доношеніями въ колегію и канцелярію взглядомъ заплати полковимъ служителямъ доводячойся и респектомъ умноженнихъ отъ вой. енер. канцелляріи вновъ теперъ консистентовъ; зъ листу родителского извѣстилемся, что отехалъ въ пятокъ въ Ахтирку до князя Михайла Михайловича Голѣцина. Отъ Якова листъ поданъ зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ, что горѣлки оковитой 8 куфъ припроважено въ Роменъ, барилъ зробили 32, людей наняли 27, и задатку имъ толко дали по шагу.

8. Понеделокъ. Рано писалемъ писмо до п. сотника глуховского объ Орановскомъ, которого бъ онъ архиерею писмомъ рекомендовалъ респектомъ священства. Скриню зъ книгами запечаталемъ. Виехалисмо зъ Глухова обое, зъ женою, на обѣдъ въ Сварковъ. Въ Сварковѣ теслѣ говорилемъ коморку придѣлать, мостъ черезъ Клевень просто на огородъ Жидовленка зробить и проч. По обѣдѣ приехалисмо въ футоръ Калюжновскій, где и ночовали.

9. Во второкъ. У футорѣ Калюжновскомъ гуменного жита всего неслано еще въ Тулиголови 16 четвериковъ, а всего зъ 296 копъ, 40 четвериковъ. Панюи о нѣкоторихъ рѣчахъ предложилемъ, а наказъ господару въ 18 пунктахъ, а войту Забарѣ въ 13 пунктахъ до рукъ панеи далемъ. Поехавши рано оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где въ імбарѣ горѣлки оковитой осталось 2 носатки, а простой 24 носатки въ двохъ куфахъ. Роману дворнику далемъ наказъ въ трохъ пунктахъ. Извѣстно мнѣ учинилось, что принялъ Романъ отъ тютюнника тютюну папушъ 1500, а оній въ імбарѣ

зложенъ. По обѣдѣ виехавши зъ Тулиголовъ, приехалемъ на ночъ въ Каменъ, где Шрамченка, которого братъ у Сулаку задолжился по Юрченковой позичцѣ, призивалемъ и долгъ отдать казалемъ.

10. Середа. Писалемъ до сожителници о взяттю сюда бутилокъ 6 купленнихъ съ виномъ и 9 оплѣтованихъ въ Сварковѣ, порожнихъ. До еи жъ писалемъ, чтобъ господаръ зехалъ въ Тулиголови и тамъ купчіе, Романомъ взятіе у продавцовъ на нѣкоторіе кгрунта, неисправно написанніе, переправилъ и пораднѣйшіе отъ заводцовъ отобралъ и сіе бъ записалъ себѣ до чинення къ 18 пунктамъ, а такъ теперъ, въ наказѣ его, 19 пунктовъ должно быть До Романа тулиголовского писалемъ, чтобъ онъ 3 кухви отискалъ зъ Кролевця, заплативши за оніе по копѣ, а 3 зъ Каменя, взамѣну 2 приславши болшихъ, и оніе би 6 куховъ на шинки употребились. Шрамченку говорилемъ, жебы онъ горѣлки 10 носатокъ и 100 зол. старались отдать Лазовскому, а онъ чтобъ переслалъ въ Тулиголови, приказалемъ. Поехавши зъ Каменя пріехалемъ въ Грузкую, где и обѣдалемъ, а оттуду на ночъ приехалемъ въ Смѣлое до Кгреся. Імператоръ всероссійскій Петръ Великій погребенъ въ С П. Бурсѣ, въ церквѣ Ст. Апостолъ Петра и Павла, въ крѣпости; слово при погребеніи говорилъ Прокоповичъ, архиепископъ псковскій.

11. Четверъ. Зъ Смѣлого писалемъ до своей сожителници о ея въ Роменъ пріездѣ и козаковъ трохъ послалемъ. Тогда жъ и до п. Михайла Скоропадского писалемъ. Віехавши зъ Смѣлого рано, приехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, где засталемъ родителя и родителку. Листъ отъ Плетюнки зъ Сухоносовки, марта 7 писанній, достался рукамъ моимъ, въ якомъ пишетъ: 1, о присилцѣ сюда возовъ 6 воловихъ . . . . (?) 12, полотна на мѣхи, сукна на попонки, шкуръ шкапинихъ 3, а яловичихъ 2 и важницъ 3. 2, о присланню туда соли бѣлой; 3, что горѣлки оковитой 2 кухви готовіе суть; 4., что зъ Перервинецъ взялъ свиней 25 въ Сухоносовку; 5., что зъ Колотового и церковного млинковъ розмѣръ збирается до двора; 6., что за кгрунтъ попа сухоносовского Петровскому заплатилъ 120 зол., и у его купчая и крѣпости бывшіе на оній, отобралъ при атаману чорнускомъ. Книгъ въ Ромнѣ остав-

лennихъ пересмотрувалемъ и показалось: богословскихъ 21, философскихъ 12, историческихъ 10, медическихъ 5, протчіихъ 8, и того всѣхъ 56, а зъ Глухова привезлемъ 32, и того тутъ всѣхъ 345, о чомъ зри въ февр. 26 числѣ, нумерѣ 2. Отъ Селецкого зъ Слуцка присланъ листъ 25 февр, писанній ко мнѣ, въ которомъ виражаетъ, что тютюнъ мой зъ родителскимъ зложенъ въ шпѣклѣръ, а дают за мой по 2 зол. и по полъ 8 шага, (на поляхъ: NB значитъ—7 шаговъ съ половиною) и чтобъ паробку, туда ходившому, заплатить за тиждень по полъ 8 шага, зъ которимъ пара коней моихъ, ходившихъ туда подъ тютюномъ, прійшло сюда въ цѣлости. Покупки Демяновой осмотрувалемъ, между которою и кагве окъ 5, на якую розійшлося денегъ 98 зол. и 7 шаг., зъ данних ему 100 зол. Начали кагве—и кубочокъ зсмажили. Извѣстно мнѣ учинилось, что Тихонъ Волжинъ, прапорщикъ, пріехалъ сюда въ полкъ лубенскій зъ присягами на вѣрность ея величеству и зъ обявленіями о погрѣшеніи нашихъ пп. старшинъ пѣтербурскихъ. Тожъ извѣстилемся, что генералъ-порутчикъ Девейзбахъ въ Гадячомъ квартеру имѣетъ, куда сими часи и генералша поехала.

12. Пятокъ. До старости сухоносовского писалемъ, въ отвѣтъ на его писмо, о многихъ інтерессахъ господарскихъ, а притомъ о присилцѣ сюда горѣлки оковитой и хмелю etc., а послалемъ оное писмо черезъ александровского козака. Извѣстилемся, что статуи въ Лубнахъ дѣлавшіеся, теперъ у Луцѣ суть 12. Прапорщикъ отъ енерала Вейзбаха ехалъ через Роменъ и сказовалъ о его генералской битности въ Гадячомъ обрѣтаючойся. Ездилемъ до своего шинковного двора, где видѣлемъ возовъ новихъ воловихъ 16, а еще два вскорѣ будутъ зроблени. Палубовъ новихъ, оббитихъ, 2, такъже старихъ палубціовъ 4, возовъ коннихъ 2, барилъ зробленнихъ болшъ 40, зъ которихъ не всѣ повніе и насипаніе; але въ насипанихъ барилахъ вѣдерокъ роменской мѣри 160, а еще кухва повна горѣлки. Колѣсъ воловихъ зайвихъ 4, и иншіе рѣчи подорожніе. Бондаромъ 4-мъ далемъ по золотому. Оттуду едучи булемъ на Монастирищѣ, где видѣлемъ у імбарѣ нашего сира давнего 5

дѣжокъ неповнихъ. Тамъ же приказалемъ стелмахови доробить тарадайки. Извѣстно мнѣ учинилося, что зъ Тулиголовъ воловъ моихъ прійшло сюда зъ горѣлкою 8 и оніе тутъ удержани. Демянъ поехалъ зъ спалнею до Каменя, для пріезду сюда на оной женѣ моей.

13. Субота. Перервинскій староста отправлонъ отъ родителя зъ тимъ, жебы статокъ, присланній зъ Прилуки, знову отогналъ въ Прилуку, того ради, что п. Федоръ, тайно приславши своихъ людей въ Перервинцѣ, взялъ увесь статокъ къ себѣ и лутшіе повибравши, саміе подлѣйшіе поприсилалъ и то малое число. По службѣ Божой ранной, виехалисмо зъ Ромна къ Ахтирцѣ, родитель, я и братъ п. Семенъ и асаулъ гонцювскій и пріехали въ Липовое на обѣдъ; зъ Липового писалемъ до Плетюнки о томъ: 1) чтобъ билъ у футорѣ, затимъ, же ягнята пропадають; 2) о лѣсѣ, на которого купленне 90 зол. дано Василевѣ мацковскому старостѣ, увѣдомился купленъ ли есть; 3), о коняхъ въ Лубняхъ и Сухоносовцѣ стоячихъ, чтобъ били въ добромъ досмотрѣ; 4) о перервинскомъ старостѣ ему подчиненномъ А до Якова Дуброви тотъ листъ, при другомъ листѣ къ нему писанномъ, послалемъ, чтобъ онъ отдалъ перервинскому старостѣ до отдання ему Плетюнцѣ, и о другихъ інтерессахъ къ нему Якову писалемъ. Зъ Липового, поехавши до Гадячого (куда будетъ верстъ 27), пріѣхали позно и тутъ ночовалисмо.

14. Недѣля. Рано, передъ службою, приходили къ родителю старшина полковая и Турковскій господаръ зъ поздравленіемъ пріезду и зъ нами жъ купно пошлисмо до служби Божой, которую вислухалисмо въ теплой церквѣ святого вел.-мч. Димитрія. По службѣ булисмо у господина генерала лейтенанта Девеизбаха, которій ласкаве насъ принялъ и упросивши насъ на обѣдъ, на время отпустилъ до квартери, того ради что онъ еще мши не слухалъ своей. По отправѣ мши, генералъ прислалъ своего служителя къ намъ, прося на обѣдъ, и кушалисмо оній у его. А въ томъ часѣ Алексѣецъ зъ Ромна привюзъ коня верхового моего бѣлого. По обѣдѣ, до вечернего часу у его забавилисмося, при розних розго-

ворахъ, а потомъ пожехгнавши его, заехалисмо на квартеру и оттуду заразъ виехалисмо, и приехали на ночъ до Веприка, отъ Гадяча отстоящого въ 11 верстахъ, где въ дому сотницкомъ и квартиру имѣлисмо. Алексѣецъ ускаржался на Юска конюшого, которій ему руку висше локтя обрубалъ шаблею.

15. Понеделокъ. Рано зъ Веприка поехалисмо, а пріехали на обѣдъ въ село Комишѣ, отстоящое отъ Веприка въ 21 верстахъ, и у попа квартеру имѣлисмо. Пообѣдавши тамъ, поехалисмо и пріехали въ Ахтирку передъ заходомъ слонца, отстоящую отъ Комишовъ, якъ бы въ 35 верстахъ, або мало меншъ, и стали квартирою на предмѣстѣ, у лѣвомъ кутѣ. Петро Воротелякъ, напередъ сюда въ Ахтирку присланний за кватирою, посиланъ былъ до полковника ахтирского отъ родителя зъ поздравленіемъ. Казѣмирецъ, машталѣръ, утекшій зъ Куцупѣевщинѣ, явился еще у Комишахъ родителевѣ зъ сундѣкою, жебы ему рѣчи его были вернени, въ чомъ и листъ своего нинѣшного пана Василя Осипова, ротмистра ахтирского полку, до родителя жъ писанный, вручилъ.

16. Вовторокъ. Рано булисмо у князя Михайла Михайловича Галѣцина и поклонъ ему отдалисмо, которій ласкаве принялъ насъ, а засталисмо тамъ штапъ офѣцеровъ немало, зехавшихся для нѣкоторого своего интерессу имъ. Да туда жъ при насъ пріймотъ Алексѣй Бибиковъ, мануфактурколегіи прокуроръ, пріехавшій зъ С. П. бурха до князя зъ обявленіемъ о смерти імператорской и присягами на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо у князя всѣ и подпіяхомъ. П. Михайло сумскій пріехалъ зъ Сумъ и тутже былъ, а сказовалъ себе слишавшаго отъ п. Андрѣя Полуботка тое, что будто п. полковникъ сумскій преставился, що однакъ не достовѣрно. Отъ княжихъ извѣстилемся, что въ Гилянъ наряженъ коммендиромъ Димитрій Федоровичъ Яропкинъ, полковникъ Нарвского полку, и съ нимъ еще два: штапъ офѣцеръ и другій оберъ офѣцеръ. Отехалисмо отъ князя всѣ разомъ, родитель же поехалъ просто на квартеру свою, а я заехалемъ до Василія Петровича Шереметева полковника зъ полковниками Ролондомъ, Гроковимъ и Бибиковимъ, и тамъ не бавлячись, на свою пріехалемъ квартеру. Полковникъ ахтирскій и Бибиковъ,

у его дому квартирую̆чій, обидва Алексѣи, просили на завтрейшній день тезоименитства своего къ себѣ, чого ради и удержалисмося. Леско сторожъ пріехалъ зъ Ромна зъ писмами войсковой енер. канцелляріи, асаули полкового и комисаровъ полковихъ, о виставченню провіянту и фуражу двомъ ротамъ, по ордеру оной канцелляріи, на полкъ лубенскій опредѣленнимъ, писанними и что хоружій Корсунъ пріехалъ зъ Глухова безъ резолюціи колежской на нужди полковіе, за которими туда билъ посиланъ.

17. Середа. У князя рано былисмо и кагве напившись, пошлисмо до церкви. По службѣ Божой, князь, княгиня и прочіе полковники армейскіе и мы кушалисмо у полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, для его нинешнихъ іменинъ, а по обѣдѣ опровадилисмо князя въ домъ его и пожекгналисмо, а пожекгнавши, заеуалисмо знову до полковника и тамъ мало посидѣвши, отехали, а мимоездомъ у полковника Василія Петровича Шереметева билисмо и нѣмало не бавлячись, къ своей поехалисмо квартерѣ, а недоижджаючимъ намъ оной, настиглъ насъ п. полковникъ ахтирскій и купно зъ нами пріехалъ, а после его къ намъ же пріѣхали Максимъ Тимофѣевичъ, духовниковъ синъ [1]), Василь Даниловичъ, ротмистръ полку ахтирского подпрапѣрнихъ товарищей, которіе всѣ долго просидѣли у насъ и зъ тими всѣ ми гараздъ подпіяхомъ.

18. Четверъ. Рано виехалисмо зъ Ахтирки назадъ и пріехавши къ яру, оставилисмо дорогу до Комишей идучую, а взяли у право, на гору, у самомъ яру, къ Олешнѣ и Лебедину лѣсомъ. Виехавши зъ лѣса на горѣ, пріехалисмо къ селцю, прозиваемому Чортовка, которое отъ Ахтирки будетъ у милю, и оное въ лѣвомъ боку отъ насъ было. Минувши оное селце, пріехалисмо въ городокъ прозиваемый Олешню, отъ помянутого селця якбы у полъ милѣ отстоящій; но и тамъ не зостановляючись, поехалисмо просто до Лебедина, отстоящого отъ Олешнѣ якбы у полтретѣ милѣ, а пріехавши туда въ обѣдную годину, сталисмо въ дому сотничомъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ виехавши оттуда, пріехали въ Ми-

---

[1]) Т. е. Надаржинскій, см. выше стр. 178.

хайловскихъ належачое, а въ разстояніи отъ оного обрѣтаючеесся въ милю, и тутъ ночовалисмо. Староста тутейшій въ розговорѣ сказалъ, что сего году зъ сего селця вибрали збору зъ тягла грошей 30 рублей, въ годъ горѣлки куховъ 5 вишинковалось; овецъ тутъ болше 2000, скотини на 400, зъ коней стрижчатъ есть тилко на 80, а 18 здохло отъ лѣта до сего году.

19. Пятокъ. Рано зъ Грунки віехалисмо и степомъ все ехали; не доѣжджаючи слободки Семіоновки Корсаковой, въ степу найдуючойся, а отъ Грунки отстоячой якъ би миль у полъ 3, оставилисмо шляхъ до Коровинецъ идучій и взяли влѣво степомъ, и поузъ оную Семіоновку ехалисмо, а оттуду степомъ ажъ до самого Ромна пріехалисмо, куда отъ Семіоновки будетъ миль болше двохъ, и пріехалисмо по полудни уже. Писмо отъ п. Михайла Скоропадского получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что указъ ея величества въ колегіи полученъ о отпечатеваніи дворовъ всѣмъ арестантамъ, чего ради и онъ, купно зъ прокуроромъ, въ Сорочинци едетъ, а зъ Смѣлого пишетъ, по якому писму и жена моя писала до моего швакгра п Андрѣя, жебы ехалъ въ Чернѣговъ къ дому своему. Отъ Василя господара полученъ листъ, въ которомъ, между иншими інтерессами, обявляетъ, что въ Тулиголовахъ купчіе нинѣшнимъ статтемъ побрани у продавцовъ. Извѣстилемся, что горѣлки оковитой 2 кухви зъ Сухоносовки сюда привезено, которой било вѣдерокъ тутейшихъ 32 вѣдерки и 3 кварти, пересипано оную въ барила. Засталемъ свою жену болѣзнуючую на уши, же мало слишитъ.

20. Субота. П. Минѣцкій, писаръ пол. нѣжинскій, въ Роменъ пріехалъ. Тарасъ въ Лубнѣ и далѣ, а Гаврило въ Нѣжинъ отправлени. Тарасу на овесъ для коней далемъ зол. 10, а Гаврилу на покупки талярь 20. Демянъ за огурство свое, посаженъ за друкъ. Шапку далемъ шить себѣ зъ чорного аксамиту и баранковъ 2 чорнихъ. Зъ Сулаку отъ Гамалѣи до родителя писмо, въ якомъ виражаетъ о 60 козакахъ, тамъ же умершихъ. Барма слугамъ данна, Алексѣйцю, Демяну Гаврилу, Роману, Мартину и Василю господару, Леску Кухару карунъ и 15 зол., Тарасу ка-

рунъ и 10 зол. Вѣжевскому сукно и 10 зол., Петру Кухтику сукно и 3 зол. Машталѣрамъ лутшимъ сукно и по 5 зол., подлѣйшимъ габи и по 4 зол. Коваль сторожъ, до п. Андрѣя швак гра посиланній, зъ вѣдомостю объ отпечатаваніи ихъ имѣнія, повернулся и сказалъ, что п. Андрѣй мѣлъ ехать черезъ Глуховъ въ Чернѣговъ. Тарасу данъ рецептъ въ аптецѣ взять лѣкарства числомъ 3 штуки: 1, ole. amigdal., декоктъ и пѣлули, которіе въ моемъ дефектѣ, прежде пявокъ, употребляются.

21. Неделя. Демянця освободить казалемъ и по утренѣ упомянулемъ и о нѣкоторихъ рѣчахъ допросить его казалемъ Якову. Демко Пиндюренко зъ Глухова .пріѣхалъ и коня привюлъ бѣлоногого дрикганта, вороного, да онъ же привюзъ желѣза 5 штабъ и шкуру. А въ листѣ господаръ пишетъ, что въ колегіи освобожено колодниковъ 118 чловѣкъ, по указу ея величества, въ оной колегіи 15 марта полученному. Романъ зъ шапками (которіе той же Пиндюренко привюзъ) и другими рѣчами посланъ бувъ въ Глуховъ, але стрѣвши Демка, вернулся. Будискій чловѣкъ подалъ мнѣ доношеніе, просячи о приверненне ему коня, якого у его взято у Лохвицѣ, когда его съ ворами поймали. Обѣдали у родителя зъ жен. и мужеского пола, на двохъ столахъ. Корсунъ, хоружій, домой отехалъ, а Слюзенко пріехалъ въ Роменъ зъ Сенчѣ, где Криштопенко сотникъ небилицѣ многіе якоби дѣлаетъ. Данило татаринъ въ вечернѣ пяній показался, и за то посаженъ у куну. Писма всякіе пересмотрувалемъ и на реестра зводити оніе казалемъ, п. Семену Минѣцкому и Хмелику. Зъ колегіи присланъ указъ зъ приложеніемъ печатного указу ея величества, въ якомъ вираженно, арештантовъ, чили рачей колодниковъ, зъ подъ арештовъ освобожать всякихъ, опрочъ убійства, возмущенія народного и ізмѣни. Писмо отъ Кашири, дворника криворудского, получилемъ о тамошнихъ непорадкахъ и зъ скаргою на Булавина. До его жъ отписалемъ указомъ, утверждаючи его, а до Тараса и Плетюнки писалемъ, жебы они зехавши у футоръ, поклейнали лошакѣ и похолощали и кобили на кущѣ роздѣлили бы. Салдатъ отъ прокурора зъ Сорочинецъ проехалъ, почту для его розставляючи.

22. Понеделокъ. Отъ енерала Девейзбаха писмо зъ дракгуномъ прислано до родителя о покупцѣ вина кримского, для его росходу. Кунтушъ новій, чорній, мнѣ покраяно. Шапку новую шить далемъ и на оную два баранки чорнихъ и на вершокъ чорній аксамитъ.

23. Вовторокъ. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ, ездившій въ Сорочинцѣ знимать арешту зъ дому полковника миргородского, а при немъ Михайло Скоропадскій, поворочаючись оттуду, пріехали сюда въ Роменъ, на обѣдъ. Указъ вновъ зъ собранія енералного суда, въ колегію принесеній, у нихъ же видѣлемъ, въ якомъ виражено: 1, енералнимъ — судіи Чарнишу, писару Савичу, асаулѣ Жураковскому, бунчучному Лизогубу и женѣ зъ дѣтми Полуботковимъ, хотя надлежало по ихъ винѣ такое учинить наказаніе, чтобъ ихъ зъ женами и дѣтми заслать въ Сѣбиръ въ (с)силку, а имѣніе все движимое и недвижимое взять на ея величество, однакъ ея величество ради поминовенія блаженной памяти его імпер. величества и для своего многолѣтнего здравія, пожаловала ихъ и все имѣніе имъ возвратить велѣла, (кромѣ червоннихъ и ефимковъ, которіе въ росходѣ уже, и лошадей), но жить имъ безиздно въ С.П.Бурху, и съ тогожъ имѣнія двори себѣ тамъ подѣлать, и впредъ имъ не писать сюда нѣ до кого, ниякихъ писемъ, кромѣ въ господарскихъ чили домашнихъ дѣлахъ. 2, Полковнику миргородскому Апостолу, яко въ менпомъ оказавшомуся преступленіи, тамъ же жить безиздно, толко едного зъ синовъ своихъ посилать сюда въ Украину для осмотренія своего господарства. 3, Корецкому, наказному пол. старод., Кгребюнцѣ, судіи гад., Кирпичу, асаулѣ переясл., и Валкевичу — удержатись еще въ С.П.-Бурсѣ до указу. 4. Покорскій сосланъ въ силку въ Архангельскій городъ, где по гривнѣ давать ему на день денегъ. 5. Ханенку быть учителемъ въ гварнѣзонской школѣ дѣтей офѣцерскихъ и салдацкихъ. Обѣдалъ у насъ прокуроръ и п. Михайло, а (я) у ихъ квартери до 11 год. просидѣлемъ. Орановскому далемъ 50 зол., да онъ же купилъ мнѣ спалню бѣлую за 2 зол. Іванъ Перехристъ бувъ, которому шинкаръ мой довюлъ, что онъ до Сумъ взялъ грошей 20 таляръ, опрочъ чеховъ зъ шагами, на отмѣну даннихъ.

24. Середа. Рано прокуроръ отехалъ въ Глуховъ, а прежде о сенецкомъ сотнику розговаривалъ. Родитель отехалъ въ Бубни, для пріуготовленія себе къ причастію. П. Минѣцкій отехалъ въ Глинскъ. П. Михайло Скоропадскій до своей невѣсти, дочери п. полковника миргор., далъ писмо, которое зъ двома писмами отъ родителки до п. полковниковой, а отъ мене до полковниченковъ писанними, писалемъ. Цилюрику Ходецкому еще за хлопця цилюричка далемъ 5 зол. Демянцеви, за прошлій годъ и за сей, сукна и 65 зол., далемъ черезъ Якова. Термѣни амплѣфикаціи, до всякой рѣчи служачіе, зискалемъ: 8 absolutos, 8 relatinos и по онихъ, на кшталтъ казання на страсти короткого, діялектомъ латинскимъ скомпоновалемъ. У лазнѣ милемъся.

25. Четверъ страстній, Благовѣщеніе. Отправленъ Демко Пиндюренко въ Глуховъ и черезъ него: 1) послано сукна господару, 2) а писано къ нему, чтобъ онъ взялъ къ себѣ грошей 12 зол., Вовдѣ далъ 10 зол. а сукно мѣетъ прислатись, а ключнику за все 20 зол. да 3) бутилки послани къ ему, которіе велено поросплѣтовать знову Сварковскому, а вновъ плести лутше, и нѣмецкая одна для образца послана; 4) да черезъ его жъ Діомка, послана лилѣя бѣлая и прочіе и велено ему тое все посадить въ Сварковѣ. А листъ пунктами написанъ, пунтовъ въ немъ болшъ 10. Составилемъ перемѣни, зъ якихъ бы дѣлать всякую амплифѣкацію и оніе въ книгу уписалемъ, которихъ числомъ 29. Родитель зъ Бубновъ, где коммунѣковался, повернулся въ Роменъ. Якову далемъ кунтишъ свой старий, легкій, мастю рудий. Демянъ на допросѣ давнемъ подписался. Указъ зъ колегіи, на імя мое написанній, врученъ мнѣ, о томъ, что лубенского полку два чловѣка, гусаръ и другій роменскій чили глинскій, освобожени зъ подъ караулу, по указу ея величества, а ихъ бы пустить тутъ, взявъ поруки по формѣ, которую прислано при томъ же указѣ сюда. Федоръ Івановичъ Протасіевъ у С.П.Бурсѣ померъ, по причастіи, якъ сѣлъ книгу честь и будто кинуло его заразъ и духъ вонъ.

26. Пятокъ. Слово о страданіяхъ Христовихъ слагалемъ Родитель на око лѣвое заболѣлъ, которое начало кграти. Гаврило

пріехалъ зъ Нѣжина, а привезлъ соку лимоніового бѣлого и чорного по барилцю, тютюну 8 окъ, имбричокъ малий, соломоняку и цѣни, и на тое розійшлося грошей даннихъ ему 60 зол. и 7 зол его собственнихъ. Онъ же привезлъ писма отвѣтніе отъ п. полковниковой нѣжинской и п. Якова швакгра, поехавшого въ Чернѣговъ.

27. Субота велик. Слово вчора компонованое докончилось. Коммунѣковался. Алексѣеви кунтишъ темнозелений, а Гаврилови кафанъ старий, штофовій далемъ. Тарасъ повернулся зъ Лубенъ и привюзъ лѣкарства зъ аптеки, 6 штукъ, и за оніе належитъ въ аптеку заплатить 3 рублѣ и копѣекъ 93. Зъ Глухова прибѣгъ коберникъ зъ писмами Бяловского и господара, въ которихъ обявляетъ, чтобъ прислано зъ дому родителского денегъ въ коллегію 500 р., будто неслушне забратихъ Завратинскимъ, Леонтіемъ и Занковскимъ, за що и взятъ бувъ за караулъ господаръ, але на поруки отпущенъ. Грошей на всякіе росходи Вѣжевскому далемъ 40 зол., да лихихъ придалъ къ тимъ Мартинъ болшъ 10 зол. Пилипови далемъ грошей 2 зол. а бондарямъ, робившимъ барила. чтиромъ, по золотому. Въ Сорочинцѣ посиланній козакъ повернулся зъ отвѣтами къ прокурору и мнѣ отъ полковниченковъ миргородскихъ до родителки и пана Михайла Скоропадского, отъ п. полковниковой миргородской, до его жъ отъ невѣсти его. Караулъ знятъ зъ двора Полуботкового.

28. Неделя. Воскресеніе. Зъ поздравленіемъ къ родителю и ко мнѣ приходили панове старшина полковая. Обѣдалисмо и домашніи всѣ, сожители честнѣйшіи, въ столу сидѣли.

29. Понеделокъ свѣт. Духовенство и старшина здешняя и всѣ значковіе, и мѣщане кушали у насъ и подпіяхомъ. Нестеровичъ у мене просидѣлъ до вечерни, а по вечерни уснулъ. Отъ п. Минѣцкого получилемъ листъ зъ поздравленіемъ.

30. Вовторокъ свѣт. Заборовскій Федоръ, зъ своею сожителницею, нриехалъ сюда зъ повѣншованнемъ. Отъ п. Андрея швакгра писмо принесенно, въ которомъ о своемъ пріездѣ сюда, на фоминой неделѣ мѣючомъ быти, и о протчемъ повоженню своемъ, въ переездѣ своемъ через Глуховъ и въ Чернѣговѣ, обявляетъ. Во-

нѣтовалемъ тяжко, но укрипился при вечери, когда отецъ Юс)ъ(?) пріехалъ.

31. Середа. Прапорщикъ Волжинъ, ездившій по сотняхъ за присягами, повернулся въ Роменъ. Леонтій економъ отправленъ въ Глуховъ въ інтерессѣ родителскомъ, что 500 р. колегія доправляетъ прежде собранныхъ, по указу сенатскому съ 1723 году, черезъ Володковского принесенному на родителя. Черезъ его писалемъ до ясневелможной, п. судіиной енер. и п. Михайла Скороп. и листи зъ Сорочинецъ къ нему присланніе послалемъ. Гаврило посланъ въ Чернѣговъ, которому на дорогу 2 зол. дано, а черезъ него послани писма до старой тещи и до швакгровъ и вина 4, а водки 3 бутилки. Орановскій поехалъ въ Коровинцѣ и черезъ его до п. Андрѣевой швакгровой посланъ листъ и водки бутилка и вина 2 бутилки. Кобернику киндякъ данъ и полуштамету на верхъ и грошей копу. Онъ же отправленъ въ Глуховъ и зъ нимъ кущовъ сливъ и черешенъ 36 и рузокъ на щепи 46 розниихъ, и листъ до господара о розниихъ інтерессахъ. Глинскіе гостѣ пріѣхали и зъ нами были на Монастирищу; важилемся и заважилемъ въ сукманахъ, кунтушѣ легкомъ, 5 каменъ и 3 фунт.

Априль 1 четверъ. Началъ составлять о Воскресеніи Христовомъ повѣсть отъ евангелистовъ разнихъ текстовъ. Зъ колегіи салдатъ зъ указами пріехалъ о продажѣ хлѣба зборного. У п. асаула обѣдалисмо и подпіяхомъ, и зъ Савѣцкимъ въ бесѣдѣ прикрой.

2. Пятниця. Сенецкого сотника допрашовали, что онъ пашпорту себѣ данного, не показивалъ. Корсунъ, хоружій, пріехалъ и зъ привѣтомъ бувъ у мене. До отца ігумена мгарского отвѣтное поздоровленне послалемъ. Демко Пиндюренко пріехалъ зъ Глухова и 3 лошатъ пригналъ, и листъ отъ господара вручилъ, въ якомъ пишетъ, что въ ліодъ поставилъ 18 бочокъ пива и меду 2 бочки. На Демянкови казалемъ доправить доводячіеся гроши, болшъ 20 р., опрочъ тютюнниихъ, якихъ всѣхъ будетъ около 7 р.

3. Субота. Плетюнчиха пріехала зъ Сухоносовки и привезла зъ собою полотна 3 сувои да плахотъ 4, и обявляла, что 40 коровъ дойнихъ у футорѣ. Яковъ отобралъ у Демянця облѣкъ на

24 р. и сказку о тютюнѣ. Яковъ поехалъ въ Смѣлое женитись на дочцѣ Кгресевой Микитисѣ, за которимъ до отца Самсона, городничого, писалемъ. За лѣкарства въ аптеку казалемъ Тарасови дать грошей 3 р. и 93 копѣйки; ему жъ ехать въ Сухоносовку, Кривую Руду и Перервинцѣ казалемъ и до управленяся нѣсколконадцять пунктовъ въ наказѣ далемъ. Прапорщикъ Волжинъ обѣдалъ у насъ и отехалъ въ Глуховъ, которому за интересъ високій, за которимъ ездилъ, въ честь лошадь родитель подарилъ. Обозній Шаргородскій и протчіе поприездили. Атаманъ Калиновскій при Данилу Савуску и Остапу Бондарусю прийшовши, подалъ мнѣ суплѣку—вовся своего сина отдаючи мнѣ карлика.

4. Неделя. Лубенскій атаманъ бувъ у мене зъ привѣтомъ и протчіе. Обѣдали старшина у насъ вся, и подпіяхомъ. Тарасу всѣхъ грошей далемъ 50 зол. да два рубліовика сцѣлнихъ и габи 2 штучки, машталѣрамъ по габѣ и по 5 зол. Да съ сихъ же грошей заплатить въ аптеку, да еще, на що потребно будетъ, старостѣ Сухоносовскому.

5. Понеделокъ. Каретку господара Яснопольского, черезъ Демка Пиндюренка, послалемъ въ Глуховъ и листъ къ ему жъ писанний. Черезъ его жъ и до господара писалемъ о разнихъ пунктахъ да при томъ же и новий указъ ему выписалемъ, чтобъ онъ понеделно мене о пунктахъ, даннихъ ему въ наказѣ, репортовалъ, якіе исполнени и якіе ни, и чего ради. Старшина обѣдали приватно, всѣ зде. Старшина чорнуская писали до родителя о Янковскомъ, что онъ бранилъ матерно родителя и мене, и въ томъ приговорили старшина наказаніе учинить по артикуламъ. Ездилемъ зъ братомъ п. Семеномъ на Засулле и зайцѣ травили. П. Павловая лохвицкая пріехала зъ Лохвицѣ. Зъ Кіева отъ братовъ и Кивачицкого получилемъ писма повѣншовательніе настоящого праздника. Хлопецъ родителскій Андрѣецъ признался у столу, что грошей 7 зол. винялъ зъ скринки родителской потаемнимъ способомъ. Зъ колегіи салдатъ присланъ въ полкъ лубенскій доправить на родителю, въ колегію, денегъ 300 рублей и щось еще, будто отобраннихъ у зборщиковъ и за 240 пуд. тютюну.

6. Вовтор. Днѣстрови казалемъ дать и дано рубля. Обѣдалисмо у сотника наказного Савуска и передъ вечоромъ розійшлись. П. Павлова у насъ ночовала. Зъ Сумъ отъ п. Андрѣевой писма отвѣтніе и отъ п. Антоновой поприходили, зъ подякованнемъ за обсилку.

6. Середа. Схимникъ зъ монастира Рихловского пріехалъ милостини ради и обѣдалъ у насъ. Скосиръ, атаманъ чигириндубровскій, на своего сотника ускаржался и доносилъ о 4 селахъ називаючихся Кагамликахъ, имъ сотникомъ владѣемихъ, и 6000 зол. ратушнихъ, въ его дому незнатъ где дѣвшихся. Леонтій зъ Глухова писалъ до родителя о інтерессѣ, за которимъ посланъ, ознаймуючи, что початокъ добрій, и что стрѣтилъ прокурора и п. Михайла Скоропадского, поехавшихъ въ Сорочинцѣ, на веселле ему, п. Михайлу, зъ Параскевіею, дочерію п. полковника миргородского, мѣючее чинитися. Отъ сотника вепрецкого и Балясного принесенъ листъ, въ якомъ обявляетъ, что они въ Хоролъ пріехали розискивать въ заводѣ хоролціовъ зъ футорянами нашими и чтобъ туда, на розискъ, въ присутствіе отсюду родитель отъ себе кого послалъ, до которихъ отписано, чтобъ имъ въ Лубнѣ зехать и тутъ дѣлать тотъ розискъ надлежащимъ порадкомъ. Отъ брата п. Андрѣя слуга пріехалъ зъ листами къ родителямъ и ко мнѣ, въ якимъ листѣ пишетъ, что господинъ брегадиръ за отосланніе собаки къ нему, благодаренъ и писалъ о томъ листъ зъ подякованнемъ. Родитель ездилъ на Засулле до пасѣки, а у мене по вечернѣ старшина были и просидѣли нѣкоторое время. Присланъ указъ зъ вой. енер. канцелляріи до родителя, предлагаючій, жебы присланна была зъ полку лубенского вѣдомость—въ поготовости козаки въ Гилянъ обрѣтаются ли.

8. Четверъ. Ездилемъ у пасѣку засулскую, где и своей пчоли видѣлемъ 27. У лазнѣ былемъ, а родители ездили за Сулу и забавились допозна Роману молодику отъ служби отказалемъ. Да татаринъ, при дворѣ тутъ бывшій, поехалъ зъ схимъникомъ въ Рихловскій монастиръ зъ таковимъ обявленіемъ и намѣреніемъ тожъ ему быть тамъ монахомъ.

9. Пятокъ. Пасѣчника хмѣловского уговорили до моей пасѣки за 6 копъ и свиту. Столповскій приходилъ просить на зав-

трейшій день къ себѣ на веселле. Зъ Глухова листи принесени до родителя о томъ, что непремѣнно требуютъ зъ колегіи въ оную заплатить близко 500 р. Гаврило пріехалъ зъ Чернѣгова зъ листами отъ швакгровъ и ланцужокъ у 40 червонихъ нашъ, въ арештѣ бывший, привезлъ, и обявилъ, что караулъ зъ двора Черниговского (т. е. Полуботка) знятъ у суботу страстную, прошедшого марта 27. Табулу составилемъ коней ежджалихъ.

10. Субота. Скарга отъ п. Нестеровича показалась на Архипа Леска кухара, и Дениса шинкара, что они нѣякуюсь женщину били жестоко, которіе за то посажени теперъ въ турму. Обѣдалисмо у отца протопопи Савѣцкого, где веселле Столповского началось. Отъ господара Василя принесенъ листъ подъ датою 8 апр., въ якомъ ознаймуетъ, что отъ тютюнника калюжновского отобралъ тютюну и зложилъ подъ шопію папушъ 12939, а въ нихъ ваги будто каменей 285, а выходитъ въ камень по рахубѣ 460 папушъ и 171 папушъ лишніе. Да въ томъ же листѣ и допросъ Юрченка виразилъ, что Демянъ продалъ горѣлки 20 вѣдерокъ, оковитой, у Сулаку по 4 р., якая тамъ тогда продавалась по полъ 6 р.

11. Неделя. Нижникъ Василь, пріехавши зъ Сухоносовки и Чернухъ, сказовалъ, что атаманъ чорнускій у Каната въ селѣ Сухоносовцѣ сторговалъ на мене садъ его за 60 зол. Онъ же говорилъ, что старостиха бившая лучанская Гарпина Опанасиха прошлой суботи 3 апр., зъ допущення Божого, учинилась бѣсноватою. На веселлю Столповского былисмо, которій понялъ въ малженство себѣ дочь небожчика Григорія Манжоса.

12. Понеделокъ. Лѣкарство pulverem purgantem mij и gran нѣсколко принялемъ и доволную ляксацію имѣлемъ. Отъ атамана чорнуского Звѣраки писмо принесено, черезъ козака тамошнего Григорія Николаева Лисянского, въ которомъ обявляетъ, что сторговалъ у Каната садъ намъ за 60 зол. Пересмотрувалемъ книгъ которихъ въ дорогу вибралемъ числомъ 50, а имъ реестрикъ составленъ есть. П. Демяновая журавская [1]) пріехала. Архипъ, шинкаръ

---

[1]) Жена Демьяна Якубовича, жившаго въ м. Журавкѣ.

Денисъ и Леско кухаръ наказани кіями за свою предерзость. Пасѣчника другого уговорили за тую жъ цену, 6 копъ и свиту, и задатку дали копу.

13. Вовтор. Кровъ зъ головной жили правой руки пустилемъ. Черезъ того жъ чорнуского козака до Звѣраки отписалемъ, жеби на садъ тотъ купчую прислалъ мнѣ, а на задатокъ послалемъ къ нему 20 зол., а 30—жеби староста сухоносовскій доплатилъ. Орановскій по справкѣ зъ Денисомъ, шинкаремъ тутейшимъ роменскимъ, росписку ему далъ и отъ его таковую жъ взялъ, что онъ виноватъ мнѣ еще зостаетъ 296 зол. и шостакъ, опрочъ двохъ варовъ пива теперъ ему пущеннихъ у 60 зол.

14. Середа. Родитель поехалъ на футорѣ для осмотру господарства. Орановскій по справкѣ зъ Ілкомъ Важниченкомъ показалъ тое, что онъ взялъ грошей на покупку тютюну и табаки, рознимъ часомъ, 509, а отвернувши 15 зол., вагового, еще на ему остается грошей 19 зол., а тютюну куплено каменей, „—", а табаки каменей „—". Орановскому даровалемъ пару коней бѣлихъ, которими бивало онъ ездитъ. Взялемъ у самой грошей еще 50 зол., въ дорогу. Дрикганта бѣлого оставилемъ оъ Ромнѣ, чтоби билъ схолощанъ. Родителка образокъ Хреста Господняго и Пресвятой Богородици даровала мнѣ. Передъ вечоромъ виехалемъ зъ Ромна къ Глухову, а пойшло со мною коней 12. Пріехалемъ у Смѣлее позно, и билемъ въ господѣ Якова Дуброви, которій теперъ понялъ себѣ за жену вдову доб.(родія?) Григорія Кгреся. Извѣстилемся, что вчорайшого дня переехалъ прокуроръ и п. Скоропадскій зъ своею женою черезъ Смѣлее. Въ Ромнѣ еще отправилемъ до п. Семена 3 прошки purgantum sudorifenum et cordialem albam, зъ информацѣею, якъ ихъ заживать, а въ Ромнѣ оставилемъ два родителцѣ purgan. et cord. alb. Тресцѣ зась, на кольку хоруючому, оставилемъ spermaceti. Зъ Ромна едучи, близъ Процювки зъ отцемъ Савѣцкимъ застановилемся и дещо розговорувалося.

15. Четверъ. Дощъ, якъ началъ зъ ночи ити, то до полудня ишолъ хорошій. Стрелцямъ тромъ наготовитись въ дорогу, а не чтиромъ, казалемъ Якову. Поехалемъ зъ Смѣлого и пріехалемъ

ryszpołskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpolskiego, woytem Jacutą Tereszkowiczem woytem Baryszpołskym j burmistrami zesłanemi do domu nieboszczyka Jarmoły dlia rozdziału maiętnosci pozostałej po niem iż synem jego Harasymem a pasynkem jego j żony, tamże stałasię ugoda y rozdział po dobry woli według testamentu niebożczykowskiego, żonie moiey Iewchymce Iarmolyncy wołow 4, korow dwie, owiec dziesięcioro, konj troie, zbożia, co u gumnie żyta stogow dwa, owsa stog ieden; a co na zime zasiwek iest, to maią zebrawszy po połowicy podzielic maią; j polia co iest męża iey pierwszego rozrobku, przy nij ma zostac, aż do smierci, iako swego własnego, wolno iey przedac darowac komu iey dobra wolia, do ktorego polia syn iego Harasym, ani opiekun jego Iewdak żadny mocy j pozywac o to niema wiecznemi czasy. A co się tyczy domu, w ktorym mieszkac ma żona iego Iarmolina do smierci, ogrodow j sadu, ma używac; a po smierci ma tę dom zostac przy synu jego Harasymu, jako przy oyczyczu, niewolno iey przedac. A co iesliby syn niebożczykowsky Harasym, tak y opiekun jego Iewdak miał oney Jarmołynie iake trudnosci czynic albo sromocic j na dom nachodzic, tedy z nich oboch ktoryby się tego ważył zaręky kop dwadziescia ma zapłacic na pana woiewodę, a na pana woyta kop 3. O co prosila Jarmolina urzędu zamkowego j miejskiego, aby ta ich dobrowolna ugoda byla do x(iąg) mejskich była zapisana, co iest zapisano j przyięto wiecznemi czasy.

50.

Второй раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы и ея пасынкомъ.

Anno d(ei) 1640, marca 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j meyskjm, a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkewiczem namiesnikiem Baryszpołskym od jego mosci pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpołskiego j Baryszewskiego starosty j woytem Jacutą Tereszkowiczem Barysz-

połskim j burmistrami zesłanemi do domu niebożczyka Jarmoły, dla rozdziału maiętnosci pozostałey po niem, j z maczochą swą a pasynkem iey Harasymem, synem niebożczyka Jarmoły, i tamże stała się ugoda dobrowolna z obustron według testamentu niebożczykowskiego, naprzod synowi memu Harasymu klacza iz łoszakiem wrona j łoszak, wołow 4, krow dwie, mołodykow dwa, ozymkow dwa y byczek trzeci, owiec dziesięcioro, żyta stogow dwa a owsa stog, a zasiwek na zimie po połowicy jz maczochą maią podzielic; a co iest pola oyca iego rozrobku to synowi memu, a ij polie przy niey ma zostac; a gdy wynidzie z opieki od swego strzyia Iewdaka co z nim pobrał do siebie z reiestru, jako opiekun oddac od mała y do wielia, towar y owce, fanty y co wymłoci zbożie, co zostanie. okrom tego, iesliby zwir j ziadł, albo zdechło, o co prosili, aby to było do x(iąg) zapisano wiecznemi czasy, dom ze wszystkjm posmierci maczochy iego Jarmoliney jako się ma z grodem iz sadem j co iest do niego ma przy tym zostac iako oyczyczu własnym, a maczocha jego Jarmolina żadney sprawy do swego pasynka y do Iewdaka nie miec j pozywac do żadnego prawa, ani się sromocic pod zaręką kop 20 lit. na pana woiewode. Co iest zapisano wiecznemi czasy, co iest zapisano.

51.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ивана Туцкаго Федорой и пасынкомъ ея Радькомъ.

1640, месеца марца 20 дня.

Перед нами врядом мѣским, передо мною Яцутою Терешковичом войтом Барышполским и бурмистрами зополною лавою в ратушу засѣлыми, ставши очевисто жона небожчика Ивана Туцького, Федора ис па(сы)нком своим Радком, сыном Туцкого мужа ее, сами доброволне признали ку запису до книг в тые слова: иж мы, пане вряде, погодилисмо ся з (о)бох рукъ межи собою, што ся зостало убозства по небожчику мужу моем Ивану; наперед мнѣ, жонѣ его

зосталося, кляча и вол, бычок тритяк, овец двое, свиней двое, поля половицу, сад, ведлуг шацунку людей добрых Ярмака и Степана, которые нас погодили з обох рукъ поприятелску; сплатил минѣ пасинокъ Радко пол осма копы грошей литовских, а Радкови сынови его, а пасынку моему зосталося конь и вол, овецъ двое, свиня одна, поля половица. И признаваемо обоя сторона же юж я сама, анѣ приятели мои жа́дний близкий и далекий до того Радка пасинка своего жадное потребы вѣчными часы не буду мѣти и позывати до жадного права, также и пасинок мой жадное справы до мене не мает мѣти, такъже и позывати под зарукою на вряд з обох сторонъ три копы грошей мает заплатити. Якож и просили обѣ сторонѣ, абы тая их угода была до книг записа(на), што ест записано вѣчными часы.

52.

Надѣленіе имуществомъ пріемыша Игната.

Anno D(ei) 1640, decembra dnia 12.

Przed nami urzędem miejskym stanąwszy oczewisto, Werną woytem y burmistrami Baryszpolskiemi na imie Kyryk Andryszkowicz jz Ihnatem, ktory był u nich od zrostu lat zmała, tedy co na tego Ihnata przychodziło od matki moiey przez te lata dosyc onemu się stało, napirwy owiec pięcoro, swiny dwoie, znowu podswinka, woła, pszenicy połmirky, żyta połtory osmaczky, żyta kop dwie, prosa połosmaczky, hreczky połosmaczky, owsa miech nabrał na nasienie niewim co było. A tedy teraz ten Ihnat po tym rozdziele z Kyrykiem żadnego prawa Ihnat niema popirac ani go pozywac wiecznemi czasy; że sie onemu dosyc stało pod zaręką kop 3 na zamek, a na woyta kopa, iesliby Ihnat miał turbowac Kyryka. O co prosili obie stronie aby to było, to ich dobrowolne zeznanie do x(iąg) zapisano, co iest zapisano wiecznie.

53.

Бориспольскій мѣщанинъ Гаврило Рудый продалъ хуторъ Алексѣю, зятю Збуца.

Anno D(ei) 1641, 10 brys 17.

Przedemną Werną woytem j burmistrami w ratuszu, stanąwszy oczewisto Hawryło Rudy mieszczanin nasz Baryszpolsky zeznał dobrowołnie; iż przedał dom swoy własny na futore podlie Lewczychy Krywoy Oleksiowi zięciowi Zbucowemu za kop trzy lytewskjch wiecznemi czasy, oddalaiąc od siebie samego y potomkow swych y przyiacioł wiecznemi czasy. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano j przyięto.

54.

Выдѣлъ имущества свекровью вдовѣ сына Ульянѣ Кульбаченковой

Die 24 maij, anno 1642.

Stawszy oczewisto Uliana Kulbaczenka iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy, że po smierci niebożczyka męża swego na imie Demiana Nesenenka wzięła od matki iego klaczę wroną z łoszem, wołow dwa gniadego y siadego, krowę gniadą z cielèm y nazemka letoszniego, owiec pięcioro, swiny dwoie, paszni wszelakiey młocony y niemłocony trzecią częsc, pola do wzrostu dzieci trzeciąż częsc, co ony Ulianie Kulbaczance od matki niebożczykowskiey we wszystkiem dosyc sie stało, do ktory wiecznymi czasy sama ona y żaden z powinnych iey sprawy miec nie maią y nie będą powinni. Co dla lepszey wiary do xiąg iest zapisano.

55.

Постановленіе о пыткѣ вора Сергѣя Ивановича, укравшаго разныя вещи у Евсѣя Даниленка и Павла Хромаго.

Die 8 augusti, anno 1643.

Przedemną Mikołajem Matiszkiewicem na ten czas będącym namiesnikiem Baryspolskim od iego mosci pana **Bartłomieia Iarun-**

towskiego, starosty Baryspolskiego y Bariszowskiego, y przy mnie siedzącym woytu Wernie Serhieienke z burmistrami jednostaynie zasiadłymi Iwanie Szulżenku, Tereszku Krokuszenku, Pawłu Hryszczenku, Misku Kramarcu y Wasku Bezborodku, w ratuszu Bariszpolskim stawszy oczewisto Iewsiey Danilenko uskarzał się y żałosne czynił opowiadanie na Serhieia Iwanowicza tymi słowy: że, panie urzędzie, czasu niedawnego mianowicie we czwartek, bylismy na żniwach, gdzie ten Serhiey ulazszy w chiże z bodni ukradl płacht cztyry, płotna lnianego łokci dwadziescia lantuch y wor; także y Paweł Chromy na tegoż sie Serhieia uskarżał, że on ukradł płacht dwie y zwoiew dwa płotna, pas y swite ktory stawszy sam dobrowolnie, nim na questią był dany, przyznał, że onego to iest sprawą y do tychże rzeczy przyznał. My tedy urząd wysłuchawszy obudwu stron tak powodowey, iako y obwinioney a zabiegaiąc większemu swawolenstwu y złosci iczyneniu, przychilaiąc sie do prawa pospolitego surowo artikułem na takich opisanego tymi słowy: „Iawne złodzieystwo, gdy złodziei na złodzieystwie, albo na onym mieystcu, gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc.; taiemne, gdy zlodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai, albo gdy za czyią radą y pomocą zlodzieystwo sie stało". Iawne złodzieie wedle prawa cessarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzionych czworako, taiemni-dwoiako, a iesliby nie miał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano; ałe wedle prawa saskiego maideburskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym decretem naszym, żeby był na questią wzięty, do lepszego sie znania owych rzeczy; a potym żeby według zasługi zapłatę odniosł.

56.

Палажка Гордѣева Зачепиха отдаетъ свой домъ Ивану Чорнышу за долгъ въ 19 злотыхъ.

Die 18 januarii, anno 1644.

Pałażka Hordieiewa, żona Zaczepina, będąc chorą przyznała, że Iwanowi Czarnyszewi za dwie czetwertinie winna złotych dzie-

więtnascie, w ktorym długu dom swoy ze wszystkim Czarnyszewi podaie wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, męża, potomkow powinnych y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Czornysz ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swoie własne. Przyczym był Iwan Szulżenko, Paweł Hriszczenko, Misko Piasoczynsky.

57.

Прожейчиха продала двѣ нивы Павлу, зятю Оксамитнаго.

Die 23 junii, anno 1644.

Stawszy oczewisto Kondraticha Prożeiczycha jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi slowy: że przedała niw dwie swoich własnych nikomu, ni w czym, nie pennych y nie zawiedzionych, leżącą podla niwy Szyckiego a drugą podla niwy Iwano(wy) Przyimy, Pawłowi Oxamitowemu zięciu za złt połiedynasta wiecznymi czasy, oddalaiąc samą siebie, potomkow y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Paweł ma używac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chciec obracac, iako swymi wlasnymi.

58.

Панъ Сильвестръ Высоцкій продалъ свою клуню священнику Никольской церкви Корнилію.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашем мѣскомъ в ратушу Барышпольском, передо мною Харкомъ Курандою, войтом Барышполским, и при мнѣ заедно засѣлими буръмистрами Мыскомъ Ходорковъскимъ и Савъкою Захарченъкомъ и Грыцъкомъ Малышенъкомъ, Иваном Тимошенъкомъ, становшы очевисто на врядѣ панъ Селывейстеръ Высоцкій, ижъ продалъ клуню свою отцу Корнилию священику Николъскому на

вѣчност за золотих десятъ; тоди обидвѣ особы просилы нас уряду нашего абы то было для лѣпшое вѣри записано до книгъ мѣских, що теж ест записано року и дня вышменованого.

59.

Священникъ Корнилій продалъ свой дворъ съ огородомъ пану Яцку Терещенку.

Року 1644, месеца октобра дня 4.

На врядѣ нашем мѣйском в ратушу Баришполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполскимъ и при мнѣ засѣлими бурмистрами Миском Ходорковъским, и Савъкою Захаръченкомъ, и Грицкомъ Малишенком, и Иваномъ Тимошенъком, становъше очевисто на врадѣ нашем отецъ Корнилий священикъ святаго отца Миколая, ижъ продал двуръ свой з огородомъ об межу Пархома и об межу резника Никити, за копъ дванадцат лѣчъбы литовъской пану Яцку Терошченъку на вѣчност ему и жонѣ его и потомкомъ. Теды просили нас ураду нашего абы то было записано до книг мѣскихъ, що теды записано року и дня вышменованого.

60.

Цехмистръ рѣзницкій Игнатъ жалуется на свата своего Якима Никоненка за то, что послѣдній переманилъ его сына, а своего зятя къ себѣ на жительство.

Року 1644, месеца октобра дня 23.

На врадѣ мѣйском в ратушу Барышполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Баришполским и при мнѣ заэдно засѣлыми буръмистрами Савъкою Захарченъкомъ и Мыскомъ Ходорковъским и Грицъкомъ Малышенком, становши очевисто панъ Игнатъ, цехмистръ резницкий, прекладал скаргу пред нами на свата своего Якима Никоненка в той материи, же тот помененый Ныконенко сына

вышменованого цехмистра отмовил былъ на мешкане до себе без вѣдомости отцевъскои, о чомъ была мова о всѣмъ томъ на врадѣ нашом. Теды помененый Игнат просил нас ураду нашего, абы була зарука заложена межи нимъ и сином его, абы не мешкалъ у тестя помененый сынъ Игнатынъ, що еслибы ся важилы а его на мешканя мѣлы бы приняты, закладаем на ных вини на пана полковъника золотыхъ сто а до ратуша копъ десят. Дѣялося въ ратушу року и дня вышменованого.

61.

Приговоръ по жалобѣ Гаврила Глищенка изъ Иванькова на Процика Шващенка за кражу 6-ти овецъ изъ хлѣва.

Die 25 februarij, anno 1645.

Przedemną Nikiforem Bukatą na tenczas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od jego mosci pana **Bartłomieia Iaruntowskiego,** starosty Baryszpolskiego y Bariszowskiego, y przymnie siedzącym wrzędu mieyskim Jacute Tereszkowiczu z burmistrami w ratuszu Bariszpolskim iednostaynie zasiadłymi z Steckiem cieslą, Waskem Biliłowcem, Fedorom piwowarem, Hrickiem Linnikiem, Sidorem Bezborodkiem, Pawłem Mołoczaiem y Stefanem Homonem, postanowiwszy sie oczewisto, Hawryło Gliszenko z Iwankowa[1]) uskarżał sie y żałosne czynił opowiadanie na Procika Szwaczczenka tymi słowy: że, panie urzędzie, tij iesieni przeszłey poiechałem do Hłybokiego na wesele do Hołubniczego, ten Procik Szwaczczenko przepomniawszy boiazni Bożey y niemiłosierdny sąd iego, smiał y ważył sie z obory moiey owiec szescioro ukrasć. Kazalismy tedy onemu wyszrzeczonemu Procikowi przed urząd nasz stanąc, ktory oblicznie dobrowolnie sam pryznał tymi słowy: ze panie wrzędzie, wstałem poranu y chciałem iechac do Woronkowa dla kupienia kadłuba na kapuste, obacze w swym domu szescioro owiec, ktore zaiąwszy odegnałem do Wornkowa y przedałem rzeznikowi, nie wiem na imie

[1]) Иваньковъ—селеніе переяслав у. бориспольской вол.

iak go zwano za złotych osm. Gdy tedy urząd wysłuchawszy obudwuch stron, tak powodowey, iako y obwinioney, a dobrze to w siebie uważywszy zabiegaiąc, aby się taka złosc nie mnożyła y nie szyrzyła, przychilaiąc do prawa pospolitego artykułem surowo na takich opisanego temi słowy: „złodzieystwo iest dwoiakie: jawne y taiemne; iawne, gdy złodziey na złodziestwie, albo na onym mieystcu gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc,; taiemne. gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym miestcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai albo za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało"; iawni zlodzieie wedle prawa cesarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzioney czworako, taiemni — dwoiako, tez wedle prawa Bożego w starym zakonie nagrodzeniem rzeczy kradzioney dwoiako, pięsciorako y siedmiorako. A iesliby niemiał czym nagrodzic, tedy go zaprzedawano. Ale wedle prawa saskiego maydeborskiego zlodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym dekretem naszym żeby według zasługi swey, zapłatę odniosł.

62.

Приговоръ надъ Иваномъ Шепелемъ за кражу разныхъ вещей изъ коморы Миска Курпленка.

Die 18 decembris, anno 1645.

Przytoczyłasię sprawa w miescie Baryszpolu o wykradzenie komory w miescie Miskowy Kurylenkowy, gdzie czyniąc kweres y szukanie tych pokradzionych rzeczy, znalezli u Iwana Szepela skury barannie, s ktorych słusznego dowodu żadnego nie dał y siedząc w więzieniu przefałki na gromade czynił paleniem domow y inszymi rożnymi przefałkami; a tak siła szkod gromadzie. Dla czego za(po)biegaiąc gromada takiemu swawolenstwu szkod czynieniu, y Bogu brzydkiemu uczynkowi, nakazali dekretem, żeby ten Iwan Szepel był na questią wzięty, a potym ażeby zapłatę według zasługi odniosł, ponieważ iuż do kilka razy przeswiedczony.

63.

Яцко, Демковъ братъ, заявляетъ, что онъ получилъ обратно приданое, данное за дочерью Приською при выходѣ ея въ замужество за умершаго Хальченка.

Die 20 maij, anno 1647.

Stawszy oczewisto Iacko, Demkow brat, jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisania do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy, że co był dał córce swoiey Prośce za syna Chalkowa, tedy znowu to nazad odebrał od bratow niebożczyka Iowa Chalczenka, to iest krowę z nazimkiem y woła, owiec szescioro, swiny dwoie, ktorych wiecznymi czasy wolnymi czyni, nie zostawuiąc żadnego prawa sobie y pokrewnym swoim; co dla lepszey pamięci iest do xiąg zapisano.

64.

Тимошъ Саченко продалъ свою ниву Ивашку Товстолопу.

Die 8 julij, annn 1648.

Stawszy oczewisto Timosz Saczenko iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy: żem, powiada, przedał niwę własną, nikomu niczym nie penną y nie zawiedzioną, leżącą podla niwy Artema Durnieja, Iwaszkowi Towstołopowi za złotych dziewiec y groszy połosma wiecznymi czasy, ma używac ten Iwaszko, wolno mu ią dac komu chciec, predac y gdzie-kolwiek obrocic, iako swoią. Co dla lepszey pamięci iest do xiąg ratusza Bariszpolskiego zapisano.

65.

Петръ, Сухваловъ зять, продалъ дворъ и поле Ивану Колаченку.

Roku 1649, miesiąca marta 30 dnia.

Stawszy oczewisto Piotr Suchwalow ziat' przede mną Awierkiem Wierną woytem Baryszpolskim y burmistry Hryckom Linnikom y Ias-

iem y Daniłom Statczenkom, na ymie **Antonem Harasimenkiem** sotnikom woyska iego korol mci zaporozkiego yz towaristwom swym [1]), yżem przedałem dwor ze wsim budynkiem ys polem, na ulicy Hrytkowey, z odnoy storony stoiaczy Sidora Szyszęka y Kukała Iwana, z drugiey strony stoiaczy na ymie Iwan Kołaczenko; pomieniony ten dwor Piotra Suchwałowa ziatia za kop 5 liczby litowskiey wiecznemi czasy, nikt do tego dwora niema przystempu, okrom tego Iwana Kołaczęka; a ieżeliby w kogo pola więcey tego Piotra poczuł, to y toie pole Iwanu ma byc, y nikto niema turbowac; ktorego dworu y pola zeznałem y zapisałem do xiąg mieskich tuteyszych Baryszpolskich.

66.

Яцько Горбань продалъ свой домъ мѣщанину Сидору Москаленку.

Roku 1650, miesiąca marca 30 dnia.

Przed nami urzędem mieskim Baryszpolskim, przedo mnoiu Ioskom Andrzeiowiczom woytom Baryszpolskim y przy mnie będącymi burmistrami y raicami iednostainie zasiedłymi w ratuszu Baryszpolskim, postanowiwszy się oczewisto Iacko Horban iasnie y dobrowolnie ku zapisaniu do knih mieskich Bariszpolskich przyznał tymi słowy: iż dey przedał iesmi dom swoy własny, nikomu ni w czom nie pennyi y niezawiedziony, leżący na Karpiłoku, ydący na Karpiłowkę z iedney strony Nikoła szewca, stoiący przeciwko czobotarni Honczara kozaka, dom zo wsim budynkiem Sidorowi Moskalenkowi, mieszczaninowi Baryspolskiemu, za cop cztyrnascie liczby lit., do ktorego domu wyszmianowanego Iacko Horban nie maie mieti żadney potrzeby, ani on sam, ani żona, ani dzieci iego, niema miec potrzeby ani z krewnych żaden iego wiecznymi czasy, tylko ten wyszpomieniony Sidor tot dwor prodati, darowac y iako chciec obracac na pożytek swoy. O co prosili nas wradu mieskaho wyszpomienionego, osobie wyszpomienione; te przyznanie Iackowo do xiąg

---

[1]) Въ первый разъ упоминается въ актахъ сотникъ бориспольскій Антонъ Герасименко, записанный въ реестръ (стр. 230).

mieskich Baryspolskich, było zapisano; co my widząc recz słnszną y oczewistą, przyznanie Iackowo Gorbaniowo kazali do xiąg mieskich Baryspolskich zapisac — co i est zapisano y przyniato.

67.

Гнѣдинскій козакъ Андрей Ващенко и Костюкъ Залозненко подѣлили между собою имущество, оставшееся, послѣ смерти жены Залозненка, а Ващенка свояченицы.

Anno 1651, die 8 februaryi

Stanowszy przede mną Iosifem Andrzeiewiczem woytem y przy iednostainie zasiełymi burmistry Andrzey Waszczęko kozak Hniedinski, woyska jego kr. mosci zaporozkiego y Kostuk Załoznęko, że tego Andrzeia wvszmianowanego żeny był, za tym Zołoznienkiem siostra rodna; tedy tego Załoznięka żona zeszła z tego swiata, a po niey zostało się dziecie w pieluszkach; tedy co się zostało po tey sławney pamięci iey niebożczycy, iey przyniesienia, tedy podzielilisię Andrzey z Załoznękiem od mała do welika, ieden drugiemu dosic uczynili y nie maią ieden drugiemu od tego czasu niiakiey przeszkody czynic y turbacyi promiezku sobą podnosic. Co obie strony stanowszy przede nami urzędem mieskim w ratuszu, prosili nas, abyśmo ich ugodę, y podział ich, do xiąg mieskich tuteyszych zapisali — co y zapisali y pryniali. — Działo się w ratuzsu naszym Baryspolskim, anno dom et ut supra.

68.

Заявленіе Фенны Грицихы, что Ярема напрасно обвинялъ ее въ кражѣ пояса, который она купила въ лавкѣ Кіевскаго жителя Ивана Шевченка.

Anno 1652, miesiąca junia dnia 29.

Stanowszy oczewisto przede mną Iesifem Andrzeiowiczem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry Iwanem Dziegciaręn-

kiem y Iwanem Mohilnym Fenna Hrycycha, yż będąc o niewinnosć swoie od Iaremy o poias, że iey złodzieykoiu uczynił, y za ten pas iey turbował, co ona od kogo ten pas maiąc, nalazła tu w Baryszpolu tego kramarza, toiest Iwana Szewczęka, obywatela Kiiewskiegor tedy co Iarema w niewinnosci iey turbował, tedy za tym pryznaniem wolno prawo iey z nim pociągac y swego dochadzac. Przy tym przyznaniu byli tego Iwana Fedor Siemienowicz, Iwan burmist; Dziegciaręko y mieski pisar Iwan Własowicz, ktorym Iwana y towarzystwo przynano, że Hrycycha toy pas kupiła. Co do rezolucyi większey zapisuie do xiąg mieskich ratusznych.

69.

Обвиненіе Трясчихы и Путятихы въ колдовствѣ (актъ безъ конца).

Anno 1652, miesiąca oktobra 15 dnia.

Przede mną Antonem Harasimękiem sotnikiem y przede mną Sidorem atamanem horodowym woyska jego kr. mci zaporozkiego y przy mnie zasiadłymi wrzędu mieskim, Iesifa Andrzeiewicza woyta y przy nim zasiadłymi burmistry Iwana Dziegciarenka y Klima Wakulenka, stanowszy iednostainie, iako kozaki także y mieszczanie, że panie urzędzie. że nam krzywda od tych niebożnych y zapamiętałych boiazni Bożey białogłow, od Traszczychi y Putiatichi wielka krzywda dzieie. że nam pogubili oycow, matek, braci, siostry, dziatki, y samim się nam od nich dostała. Prosimy, aby raczyli waszmosc, według swiętey sprawiedliwosci, według ich uczynkow więcei w więzieniu ich nie trzymali, y im według zasługi ich, ym karnosc dali. Przyznanie piersze Charkowo Iakubękowe na Owdieychu Traszczychu: Iak szed iednego czasu na targ, na miasto przed swiętą Pokrową y z nim yszła Traszczycha, y tak on spytał iey: czi wni miescie do Pokrowy mor ? Ona mowiła: nie, y mowiła do niego: wyidż s tego ty konta, gdzie mieszkasz, bo kiedy nie wyidziesz, to wymresz; y na kwestyi będąc, sama tych się slow przy-

znała. Drugie przyznanie Iowsiia Onanki: gdy on w gumnie żyto młocił, przyszła do niego Traszczycha, a on żyto do miecha sypał, ona mowiła do niego: Iowsieiu, weż trzy ziarni z miechu żytne precz, tedy w domu twoim nic złego nie stanie, będą żywy; y miedu y wosku, y mąki prosiła; mied y wosk wzięła a mąki nie wzieła: nie trzeba nam taki mąki, na tuiu recz nie zhoża. Trzecie przyznanie p. arędarza Kiryła Dawydowicza: Owdieicha mowiła do niego, że, panie arendarzu, wyidzi z miasta precz, na Iwankowskuiu ulicu, to będziesz żyw ze wszystką czeladzią; co też y na kwestyi tych słow przyznała się. Gdy było zezłanie urzędowne od p. setnika y od towarzystwa iego, y od pana woyta do niey, do Traszczychi, tedy ona pryznała, ktorych posyłano pred nimi, pred Wasilem Wołoczaiem y pred Pawłem Halasniękiem y przed Matwieiem Szulhoiu dobrowolnie: że, panowie, wezcie wm. Putiatichi, bo ona starszaia nasza iest, że ona dziewkoiu raditca, y w kosach chodit, mołodoiu czynitca, y po dworach chodzi y dwory nadychaie; iak iakii dwor natchnie, to wsi wymrą. Putiaticha, nię będąc na kwestyi, dobrowolnie pryznała, że y Wasilicha popadia, taka, iak ja; y Traszczycha także przyznała, y na winniczkę przyznała, że taka iest y yją Na ostaniu Stepan Traszczychu, że mowiła, że popadiu y Putiatichu y winniczku zgubcie, a nie zgubicie, te gorzei będzie z wami y w ogniu gorząc po dziesięciu raz mowiła, żeby ych aby nie puscili ni iedney....

70.

Раздѣлъ имущества Васька Ляха между сыномъ Сидоромъ, дочерью Хвеською и внукомъ Иваномъ Гаркушей.

Anno 1653, miesiąca januaryi dnia 14.

Iż był podioł przede mną Anto(no)m Harasimękiem setnikiem woyska zaporozkiego y atamanem horodowym Zdanom Krywochiżom [1]),

---

[1]) Жаданъ Кривохижа записанъ въ реестръ Войска Запорожскаго въ бориспольской сотнѣ седьмымъ. См. Реестра, ст. 230.

y przy nas Iesifem Andrzeiewiczom woytem y przy nim iednostainie zasiadłymi burmistry y Iwanu Dziegciaręku, podział niebożczyka Waska Lacha dobrem z synom Isidorem z siestrą Fieskoiu Kononichoiu, yz chłopcom Iwanom, slepoi synom; tedy sczo było połotien, chust biełych, to na try czasti rozdzielili y kożdego czast doszła, co komu przynależało, żupan Sidoru, siniy płachtu każdego doszli, co na kogo przynależało, y Harkuszy Iwanu dano na sowieść połotna suwoi, płachta za pracu ych co pochował tieło hresznoie, bo sam niebożczyk Wasko odkazał toie Sidoru woł rebyi, slepoi synu woł gniadyi, korowa ryżaia; Fesci klacza gnida, Sidoru połowaia, sołowoi woł y maly byczok swinia iemu, Fiesi swini troie, Iwanu Horkuszy swinia, pradiwo na troie y pasznia wsia na troie. Tedy co my byli na podiełu tym, tedy od mała do wiela każdego doszło, iako bratu, siestre, chłopcu; tedy do tego dobra podziału, że niema żaden pokrewnyi, iako blizki, tak y daleki przystempu miec do nich, y między nimi o toie żadney turbacyi nie maie byc; co każdemu, ktoremu podział stanoł, to y doszed, a ieden drugiemu niema żadnego słowa mowic o te dobre, co sie dzielili miedzy sobą. Co oni s trzech rąk prosili, aby ten był podział ych do xiąg zapisany, co y zapisali my, urząd, dnia wysz (napisanego), anno domini et ut supra.

71.

Пилипъ Кладиноженко[1]) продалъ свой домъ Нечипору Михайленку.

Anno 16.3, miesiąca februarу die 18.

Stanowszy przede mną Iesifem Andrzeiewiczem woytem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry, Iwanem Dziegciarękiem, Pilip Kladinożęko, yż przedał dom swoy własny, nikomu nie pienny, stoiący na ulicy Hruzdowey, wedle Saczka y Bukaty, Nieczyporu Michalęku za kop pięc liczby litew., wolno temu Michalęku ten

---

[1]) Пилипъ Кладиноженко также записанъ въ реестръ. См. стр. 231.

dom przedac, darowac y na cerkiew oddac, y samemu obladac, ani ia Pilip, ani żona moia, ani dzieci, do tego domu nie maią miec przystempu do tego domu, okrom Niczypora. Co obie stronie stanowszy przed nas, wrząd mieski, prosili, aby do xiąg tey kupli domu zapisali, co iest zapisano y przyniato, anno, die et ut supra.

72.

Павелъ Тетеря, полковникъ Переяславскій, для покрытія полковыхъ долговъ продалъ хуторъ подъ Борисполемъ (Пустовскій) козаку Хведору Дубровенку.

Року 1653, месеца июня 25 дня.

Передо мною Иесифом Андриевичем войтом и при мнѣ едностайне засѣлыми бурмистрами Олексием Литовченком, Митком, Грицком Линником, Лаврином Федоровичом, ставшы очевисто Хведор Дубровенко, козакъ войска запорозкого, покладал листъ на футур, купленый у пана полковника Переяславского, писаный тыми словы: „Вѣдомо чиню тым писанемъ нашим, иж за ознайменем сотника Барышполского Пустовскій футор, бывшій Павла Билого в Барышполю, тот теды хутор на поратунокъ долгов полку нашего продалихмо товарышови нашому Хведорови Дубровенку, обывателеви Барышполскому, за готовые грошѣ, за копъ пят литовских, з полем, зо всѣми приналежностями здавна до того хутора належачими, которого без кождого пренагабаня и турбаций спокойным держанем своим мает собѣ того заживати; на што сее писане помененому Хведорови от нас естъ даное. Писан в Переяславлю, 23 июля, 1653, а подпис руки: Павел Тетера, полковник Переяславский. О што нас уряду просил, абы был принят и в книги вписан; кото(ро)госмы казали вписат.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

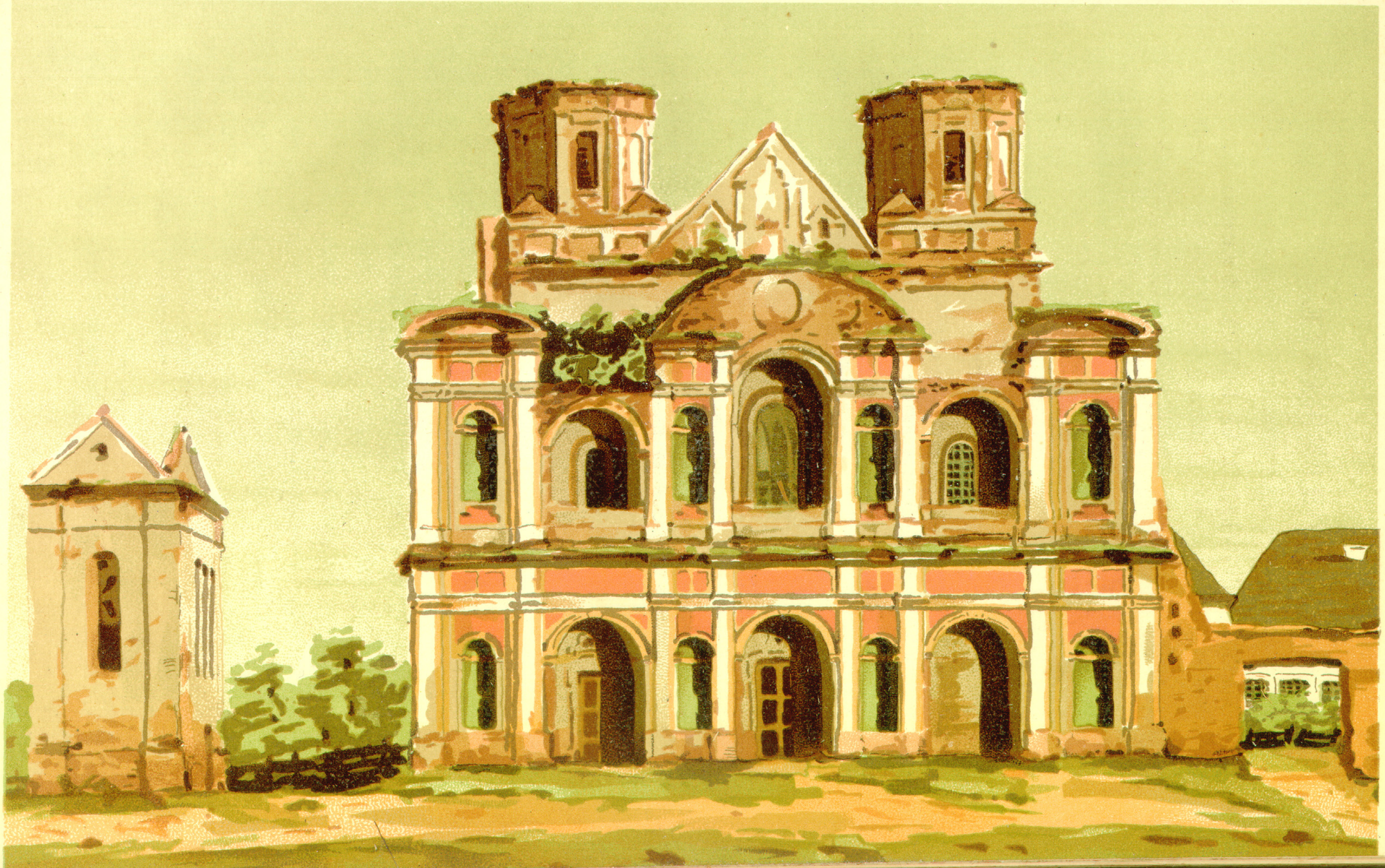
ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.



ЮБИЛЕЙНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА НА ВОЛЫНИ.

(ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОЧЕВИДЦА).

Въ половинѣ истекшаго мая Волынь праздновала девятисотлѣтній юбилей учрежденія въ ней православной епископіи или, что тоже, окончательнаго утвержденія здѣсь христіанства при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Въ теченіе трехъ дней (10—12 мая) во всѣхъ городахъ и селахъ волынской губ. совершались по этому поводу нарочито-торжественныя церковныя службы, крестные ходы, отправлялись панихиды по древнимъ волынскимъ князьямъ, православнымъ епископамъ и всѣмъ ревнителямъ православія изъ старинныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ волынскихъ, причемъ епархіальнымъ начальствомъ циркулярно было предписано священникамъ „вести въ юбилейные дни собесѣдованія съ прихожанами объ исторіи Волыни и о древнихъ священныхъ ея памятникахъ". Главное празднество происходило въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, какъ древней столицѣ волынскаго княжества и первоначальной каѳедрѣ волынскихъ епископовъ. Сюда принесенъ былъ ко дню юбилея чудотворный образъ Божьей Матери изъ Почаева, что привлекло во Владиміръ значительную массу богомольцевъ (тысячъ до 20-ти), какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ, губерній, люблинской и гродненской. Интеллигентной публики съѣхалось человѣкъ до 200, между ними преобладающая численная роль принадлежала духовенству. По программѣ празднества дворянству принадлежала самая выдающаяся роль; однако же на празднество прибыли только предводители (и то не со всѣхъ уѣздовъ), и человѣкъ 20 православныхъ дворянъ.

Мѣстныя и столичныя газеты своевременно оповѣстили обо всемъ, что происходило на этомъ торжествѣ, и намъ нѣтъ

надобности повторять подробности, по всей вѣроятности, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. Празднество носило исключительно церковный характеръ: торжественныя архіерейскія служенія и необыкновенно пышные крестные ходы съ участіемъ войскъ—въ этомъ главнымъ образомъ и состояло юбилейное торжество. Правда, 10-го числа въ тѣсной и неудобной залѣ мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей состоялось публичное собраніе, на которомъ, между прочимъ, проф. кіевской дух. академіи И. И. Малышевскимъ была произнесена рѣчь объ историческихъ заслугахъ стариннаго волынскаго дворянства; но если принять во вниманіе, что это происходило непосредственно послѣ продолжительнѣйшаго богослуженія и двухъ крестныхъ ходовъ, что рѣчи предшествовало чтеніе многочисленныхъ адресовъ и поздравленій мѣстному владыкѣ, и что въ биткомъ наполненной залѣ подъ конецъ собранія нечѣмъ было дышать, тогда сдѣлается понятнымъ, почему почтенный профессоръ-ораторъ вынужденъ былъ до нельзя сократить свою интересную рѣчь и ограничиться лишь краткимъ резюме того, что онъ имѣлъ въ виду сказать собравшимся на празднество гостямъ. Это было единственное историческое чтеніе, предложенное при томъ весьма немногочисленной публикѣ, какая могла помѣститься въ небольшой залѣ. Для простого народа мѣстное Братство также устраивало чтенія съ туманными картинами, но на темы, ничего общаго съ юбилеемъ неимѣющія.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы многочисленныя толпы народа, равно какъ и интеллигентная публика, посѣтившая празднества, не унесли глубокихъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ сознательныхъ, историческихъ впечатлѣній изъ такого города, гдѣ пріѣзжаго человѣка со всѣхъ сторонъ обступаютъ тѣни прошлаго. Современный Владиміръ-Волынскій—городъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ, но въ немъ сохранились памятники глубокой древности, краснорѣчиво говорящіе о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда этотъ, нынѣ захудалый, городъ былъ столицей обширнаго и могущественнаго Волынскаго княжества и достигалъ такого процвѣтанія, что приводилъ въ восторгъ и удивленіе иностранцевъ. Самымъ драгоцѣннымъ изъ этихъ памятниковъ несомнѣнно долженъ быть признанъ полуразрушенный,

почти сто лѣтъ стоящій въ запустѣніи, но все еще несокрушимый и величественный древній Мстиславовъ храмъ, изображеніе котораго прилагается къ настоящей книжкѣ нашего журнала. Онъ построенъ въ половинѣ XII в. волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, и съ тѣхъ поръ въ теченіе шести съ половиною столѣтій служилъ каѳедрой волынскихъ епископовъ—сначала православныхъ, а съ конца XVI ст. уніатскихъ. Въ немъ похоронены древніе волынскіе князья, начиная съ его строителя, а равно епископы и представители почти всѣхъ знатныхъ родовъ волынскихъ. Когда въ 1796 г. была закрыта владимірско-брестская уніатская каѳедра, Мстиславовъ храмъ былъ отобранъ отъ уніатовъ, но не возстановленъ, а преданъ въ жертву запустѣнію, и въ этомъ печальномъ положеніи оставался до 1886 г., когда поднятъ былъ вопросъ о его возобновленіи, въ ожиданіи котораго храмъ былъ очищенъ, подверженъ подробному археологическому изслѣдованію, и нынѣ, благодаря заботливости мѣстнаго Братства, приведенъ по возможности въ приличный видъ, подобающій христіанской святынѣ [1]). И во дни минувшихъ юбилейныхъ торжествъ развалины Мстиславова храма болѣе всего привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ прибывшихъ на празднество. Съ утра и до глубокой ночи толпы народа въ благоговѣйно-созерцательномъ настроеніи собирались подъ открытыми сводами этой вѣковой волынской святыни и съ любопытствомъ прочитывали прибитые по стѣнамъ листы, на которыхъ вкратцѣ выписаны главнѣйшія событія изъ исторіи храма. Въ сѣверной части паперти, обставленной зеленью, въ глубокихъ нишахъ, гдѣ когда-то находились велико-княжескія гробницы, теплились лампады предъ иконами; народъ усердно ставилъ здѣсь свѣчи, и было что-то трогательное въ его безмолвной молитвѣ предъ гробницами стародавнихъ правителей Волыни, самыя имена которыхъ ему пока не вѣдомы. 10-го мая, послѣ литургіи въ монастырской и васильевской церквахъ, къ храму Мстислава направился крестный

---

[1]) Весьма обстоятельно исторія Мстиславова храма изложена въ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюрѣ „*Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ*“, составленной постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала О. И. Левицкимъ.

ходъ съ участіемъ кіевскаго митрополита и четырехъ епископовъ. Около ста священниковъ двумя рядами стали отъ паперти до глубины бывшаго алтаря и дружнымъ хоромъ запѣли: „Христосъ воскресе“. Это былъ невыразимо величественный моментъ. Казалось, древнія стѣны вѣковой руины дрогнули отъ звуковъ торжественной пѣсни, вѣщающей побѣду жизни надъ смертью и разрушеніемъ. Стаи галокъ въ испугѣ и смятеніи вылетѣли изъ своихъ гнѣздъ, свитыхъ подъ арками храма, и стали безпокойно кружиться надъ головами присутствующихъ. Началась великая панихида по древнимъ волынскимъ князьямъ и епископамъ. Странно звучали изъ устъ протодіакона непривычныя имена Мстислава, Изяслава, Василька, Любарта и др.; историческіе лица и образы отдаленныхъ эпохъ, обыкновенно представляемые нѣсколько абстрактно, вдругъ какъ-бы пріобрѣтали плоть и кровь и точно живые вставали изъ мрака минувшаго; чувствовалось, что ихъ тѣни незримо витаютъ подъ этими самыми сводами, гдѣ они когда-то молились и гдѣ многіе изъ нихъ нашли для себя послѣдній пріютъ. „Еще молимся—продолжалъ протодіаконъ—о упокоеніи рабовъ божіихъ православныхъ христіанъ: князей Острожскихъ, князей Четвертинскихъ, Сангушковъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ“...—и въ памяти присутствующихъ вставали образы дѣятелей другихъ эпохъ изъ исторіи Волыни. Вообще изъ всѣхъ юбилейныхъ актовъ ни одинъ не произвелъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эта всенародная панихида по давно отжившимъ историческимъ дѣятелямъ, совершенная среди полуразрушенныхъ стѣнъ ихъ сверстника—Мстиславова храма.

Волынскій юбилей, какъ и слѣдовало ожидать, послужилъ поводомъ къ появленію нѣсколькихъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни; таковы, напримѣръ: уже упомянутое нами Историческое Описаніе Мстислава храма, О. И. Левицкаго, изданное Владиміро-Волынскимъ Братствомъ; объемистый сборникъ статей, относящихся къ исторіи православія на Волыни, изд. мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ, и нѣсколько небольшихъ брошюръ. Объ этихъ изданіяхъ редакція намѣрена дать библіографическій отчетъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери).

I. Частный пансіонъ г-жи Ко́зaковой.

Однажды въ теплый осенній день 183... года, къ дому г-жи Ко́зaковой, содержательницы частнаго женскаго пансіона въ с. Крапивно, полтавской губуберні, подъѣхала шестерней съ форейторомъ дорожняя коляска, изъ которой, съ помощью доморощеннаго лакея, проворно соскочившаго съ козелъ, вышла пожилая, средняго роста, полная дама въ траурѣ, съ двумя дѣвочками, девяти и семи лѣтъ, тоже въ траурѣ. За ними слѣдомъ вылѣзла изъ своего уютнаго сидѣнья позади экипажа и ихъ горничная, крѣпостная дѣвка, облеченная въ пестрое, клѣтчатое, домашняго тканья платье, въ темное пальто, платокъ и въ грубые башмаки на босую ногу.

На встрѣчу пріѣзжимъ, выбѣжала на крыльцо прелестная дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ длинными, черными, меланхолическими глазами, одѣтая въ сѣрое, полутраурное платьице, съ наброшенной сверху на скорую руку, пунцовой, шелковой мантильей, — что необыкновенно шло къ ея оригинальному, смугло-оливковому, съ тонкими чертами личику и изсиня-чернымъ густымъ волосамъ, гладко зачесаннымъ назадъ.

— Дома m-me Козакова?—спросила дама, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Мамаша дома,—отвѣчала дѣвочка, окидывая мягкимъ, сострадательнымъ взглядомъ траурный нарядъ посѣтительницъ,—пожалуйте!—прибавила она и повела ихъ черезъ сѣни во внутренніе покои дома.

Въ гостинной пріѣзжихъ привѣтствовала сама хозяйка—высокая, полная и красивая женщина лѣтъ сорока, съ величавой осанкой, съ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, добрыми карими глазами и темными слегка вьющимися отъ природы волосами... На ней была бѣлая батистовая распашная блуза, съ богатой вышивкой, и кружевной чепчикъ, подвязанный у подбородка пышнымъ бантомъ.

Дама отрекомендовалась Матреной Васильевной Б—ой, вдовой-помѣщицей ч—ой губ., и просила г-жу Кósакову принять ея дѣвочекъ къ себѣ въ пансіонъ.

Но на это Ольга Ивановна отвѣчала мягкимъ, хотя и категоричнымъ отказомъ, такъ какъ, по ея словамъ, у нея уже есть десять воспитанницъ и больше держать она не будетъ.

Но когда она услышала, что Матрена Васильевна, обратившись чего-то къ старшей дочери, назвала ее „Наденькой", она вдругъ заплакала и сразу перемѣнила свое рѣшеніе, объяснивъ, что она недавно потеряла уже взрослую дочь такого же имени; и что пусть эта Наденька будетъ ей напоминать ту, которой она больше не увидитъ... При этомъ она указала на висѣвшій на стѣнѣ портретъ, обернутый чернымъ крепомъ.

Такимъ образомъ Наденька и Сашенька, благодаря случайно произнесенному дорогому имени, остались въ пансіонѣ, и г-жа Кóзакова съ первыхъ же дней выдѣлила ихъ, какъ своихъ любимицъ, между другими воспитанницами.

Матрена Васильевна, послѣ дружественнаго, сердечнаго пріема Ольги Ивановны, сразу сблизившаго этихъ двухъ совершенно незнакомыхъ женщинъ, въ тотъ-же день, пообѣдавъ только здѣсь, уѣхала домой.

Пансіонъ г-жи Кóзаковой, вдовы полковника, находился въ ея собственномъ имѣніи; держала она его исключительно

для своей дочери Ашеньки, такъ какъ въ средствахъ она не нуждалась.

Обширная усадьба была живописно расположена на холмѣ надъ кручею, за которою, верстахъ въ двухъ, темнѣла густая дубовая роща.

Одноэтажный, съ желѣзной зеленой крышей домъ фасадомъ выходилъ въ огромный дворъ, посреди котораго зеленѣла бархатистая лужайка, отдѣленная низенькой рѣшеткой отъ усыпанной пескомъ дороги, идущей отъ воротъ къ дому и широкой лентой окаймляющей ее вокругъ.

Вправо отъ дома находился флигель,—а далѣе за домомъ великолѣпный, полуфруктовый садъ, красивыми террасами спускавшійся къ большому, глубокому пруду, гдѣ на берегу была устроена купальня для воспитанницъ.

Выходъ изъ дома въ садъ былъ черезъ балконъ, увитый плющемъ, и отъ него прямо лежала широкая дорожка, по сторонамъ которой возвышались среди газона яркія, пестрыя клумбы всевозможныхъ цвѣтовъ... Передъ окнами флигеля была разбита цѣлая площадка, засѣянная однѣми душистыми гвоздиками, самыхъ разнообразныхъ колеровъ... На нижней террассѣ стояли качели. Была еще въ саду, въ глубинѣ сбоку, подъ самымъ заборомъ, какая-то таинственная аллея изъ желтой акаціи, сильно запущенная, гдѣ случилось когда-то что-то ужасное, и воспитанницы боялись туда ходить... Словомъ, тутъ для дѣтей лѣтомъ было не житье, а рай!...

Въ домѣ обитала сама Ольга Ивановна со своимъ меньшимъ сыномъ Игоремъ, (ея старшій сынъ, Володенька, служилъ на Кавказѣ въ гусарскомъ полку), а во флигелѣ былъ собственно пансіонъ, состоявшій подъ непосредственнымъ надзоромъ Ашеньки, которая тамъ и жила вмѣстѣ съ воспитанницами.

Въ лѣтнее время дѣти вставали въ 5 ч. утра, (зимою въ 6 ч.) и тотчасъ шли къ пруду купаться (зимою ѳтирались холодной водою) въ сопровожденіи Ашеньки и Арины—крѣпостной довѣренной горничной г-жи Козаковой, дѣвки лѣтъ сорока, рябой и некрасивой, но которая, между прочимъ, вы-

шла впослѣдствіи замужъ за чиновника, благодаря скопленнымъ ею себѣ въ приданное за свою долголѣтнюю службу десяти тысячамъ!... (большею частью она получала дорогіе подарки отъ богатыхъ родственниковъ воспитанницъ).

Иногда барышенъ сопровождала престарѣлая ключница Марьюшка—мать Арины.

Выкупавшись, дѣвочки принимали по нѣсколько капель скипидару и бѣгали въ саду или на лужайкѣ, пока не согрѣются. Тогда имъ давали на завтракъ чернаго хлѣба съ молокомъ, послѣ чего онѣ отправлялись для какой-нибудь работы въ саду, напр., рвать малину, но съ обязательнымъ условіемъ не ѣсть ни одной ягодки: онѣ потомъ угощались ею со сливками.

Въ 9 ч. утра начинался классъ, продолжавшійся до 12, т. е., до обѣда. Послѣ обѣда сейчасъ всѣ дѣвочки ложились на голомъ полу на спинѣ минутъ на двадцать, чтобы „лопатки не выдавались"... Для этой-же цѣли имъ продѣвали сзади за локти линейку.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дѣти опять учились, а отъ 6 приготовляли уроки на завтра.

Во время рекреацій воспитанницы бѣгали въ саду или на лужкѣ передъ домомъ; зимою катались съ ледяныхъ горъ или занимались рукодѣльемъ: вышиваньемъ по бумажной канвѣ, вязаньемъ кошельковъ изъ гарусу и шелку, и т. п...

Въ 8 ч. ужинали и въ 9 ложились спать.

Въ дортуарѣ, довольно большой комнатѣ, съ трехъ сторонъ, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояли рядами кровати, и въ промежуткахъ между ними по одному стулу для платья. Постель состояла изъ сѣнника, подушки, двухъ простынь и одѣяла: лѣтомъ бѣлаго, пикейнаго, зимою ватнаго, ситцеваго, съ турецкими цвѣтами. Все было здѣсь чисто, опрятно и уютно.

Кровати Наденьки и Сашеньки, какъ привиллегированныхъ особъ, стояли отдѣльно въ углу, за ситцевой занавѣской, повѣшенной на длинномъ, кругломъ бревнѣ, конецъ котораго выступалъ впередъ и служилъ для гимнастическихъ упражненій: каждая пансіонерка, вскочивъ утромъ съ постели, подбѣгала къ бревну, прицѣплялась къ нему руками и висѣла та-

кимъ образомъ нѣсколько мгновеній, пока выдержитъ. Тутъ-же стоялъ продолговатый деревянный ящикъ, вродѣ сигарнаго, куда дѣвицы становились въ первой позиціи на нѣкоторое время...

По одну сторону дортуара была конурка Марьюшки, по другую—комната Ашеньки, куда дверь всегда была открыта и гдѣ всю ночь горѣла у образовъ лампадка.

Классная служила также и столовой. Обѣдъ состоялъ всегда изъ трехъ блюдъ, ужинъ—изъ двухъ. Лѣтомъ полагался легкій полдникъ, а по воскресеньямъ прилежнымъ ученицамъ подавалась къ завтраку чашка шоколаду. Вообще кормили здѣсь вкусно и сытно, и провизія была первой свѣжести.

Лѣтомъ пансіонерки ходили въ платьяхъ какого угодно цвѣта и матеріи, только обязательно декольте и въ бѣлыхъ передникахъ съ нагрудникомъ; зимою-же платье должно было быть непремѣнно шерстяное, зеленое или коричневое, передникъ черный, и на обнаженныя шею и руки надѣвались бѣлая пелеринка и такіе-же рукава. Поверхъ лифовъ воспитанницы носили корсажи, синіе бархатные или пунцовые сафьянные, зашнуровывающіеся сзади, со вставленными съ каждой стороны на лопаткахъ наискось по пяти косточекъ китоваго уса. Спереди былъ только высокій поясокъ, тоже зашнуровывавшійся, а грудь оставалась свободной.

Учителей было три: учитель русскаго языка, учитель нѣмецкаго и вмѣстѣ музыки, и учитель рисованья; кромѣ того, былъ еще регентъ, учитель пѣнія. Но въ воспоминаніи моей матери (Наденька) остались только Ѳома Яковлевичъ, учитель нѣмецкаго языка и музыки, добрѣйшій и симпатичнѣйшій старичокъ—нѣмецъ, да учитель русскаго языка, который, между прочимъ, когда однажды Ольга Ивановна куда-то уѣхала, въ ея отсутствіе каждый день напивался пьянъ и колотилъ ученицъ линейкой по плечамъ, такъ что одна изъ воспитанницъ, Катя Линькевичъ о которой рѣчь еще будетъ впереди, не иначе являлась въ классъ на его урокъ, какъ въ мѣховой шубкѣ.

Возвратившись и узнавъ о безобразіяхъ учителя, г-жа Козакова тотчасъ его уволила и на его мѣсто приняла другого.

Французскимъ языкомъ занималась сама Ольга Ивановна, а также слѣдила и за другими предметами. Когда-же она выѣзжала изъ дому, то на свое мѣсто приглашала одну старую знакомую нѣмку, по имени Еву Федоровну, но какъ ея фамилія—мать рѣшительно не помнитъ.

Распредѣленіе уроковъ въ теченіе недѣли было такое:

Русскій языкъ—понедѣльникъ и четвергъ.

Французскій яз.—вторникъ и пятница.

Нѣмецкій яз.—среда и суббота.

По четвергамъ былъ также танцклассъ подъ руководствомъ Ашеньки, причемъ на скрипкѣ игралъ крѣпостной человѣкъ, данный на время въ пансіонъ однимъ бѣднымъ помѣщикомъ, въ видѣ платы за ученіе его дочери.

По русски говорить вовсе не дозволялось, даже съ прислугой: надо было сперва сказать по французки, а потомъ перевести по русски. (Исторію, географію и священную исторію учили по французски). Нарушительницѣ этого правила надѣвалась на шею на шнуркѣ квадратная деревянная дощечка, съ надписью крупными буквами: „Pour avoir parler russe“, и виновная лишалась послѣдняго блюда за обѣдомъ. Обыкновенно какая нибудь изъ воспитанницъ, которой это блюдо было не по вкусу, принимала на себя дощечку... Само собою разумѣется, такія продѣлки были извѣстны начальницѣ, но она, по своей обычной добротѣ, сквозь пальцы смотрѣла на это...

Каждая ученица дежурила по очереди недѣлю, т. е. она должна была смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, приготовлять разныя учебныя принадлежности, линеять тетради, чинить карандаши, чинить перья, наливать чернило и т. п. Какъ знакъ своего дежурства, она носила на правомъ плечѣ кокарду изъ голубой ленты.

Большинство воспитанницъ имѣли своихъ горничныхъ, привезенныхъ изъ дому. У Наденьки и Сашеньки была нѣкая Авдотья, старая дѣва, страшно безобразная, скупая и злая, но,

какъ собака, преданная своимъ господамъ и яростно защищавшая интересы барышенъ, даже иногда противъ ихъ собственной воли и желанія.

Такъ напр., однажды Наденька дала надѣть въ церковь свою мантилью одной бѣдной сироткѣ-ученицѣ, гардеробъ которой былъ весьма скуденъ. Узнавъ объ этомъ, Авдотья побѣжала за несчастной дѣвушкой и подъ самой церковью сорвала съ нея злополучную мантилью.

Въ другой разъ какъ-то, въ отсутствіе г-жи Казаковой, дѣти собрались подлѣ качели. Ашенька и другая дѣвочка качались, а Наденька, стоя позади, подталкивала качели. Въ это время Ева Федоровна проходила мимо и крикнула имъ:

— Ради Бога, дѣти, поосторожнѣй!.. я за васъ отвѣчаю...

Испуганная внезапнымъ окликомъ, Наденька сразу остановилась, забывъ отскочить назадъ, и въ тоже мгновеніе, качели, сильно раскачавшись, съ розмаху ударили ее въ голову и она упала безъ сознанія, обливаясь кровью.

Ашенька такъ и слетѣла сверху, чуть не сломавъ себѣ ноги, и бросилась къ безчувственной дѣвочкѣ.

Наденьку отнесли къ пруду и стали олтивать водой.

Первыя ея слова, когда она пришла въ себя, были:

— Что скажетъ Авдотья?!..

Дѣйствительно, во что бы то ни стало, надо было скрыть отъ нея это печальное приключеніе!...

Рану перевязали, и, чтобы не такъ было замѣтно, Наденька прикрыла голову, какъ бы отъ солнца, Сашенькинымъ газовымъ платочкомъ.

Но не тутъ то было!.. Авдотья подняла страшный крикъ, что платочекъ „полиняетъ", рѣзко сорвала его съ головы Наденьки, но увидѣвъ рану, заголосила на весь дворъ, что всѣ „обижаютъ ея маленькихъ барышенъ"!...

Она была до того скупа, что напр., починяя барышнямъ платья, клала заплаты изъ лоскутковъ совсѣмъ другой матеріи, выпрошенныхъ ею у кого нибудь; обрѣзки-жъ отъ платьевъ она

бережно прятала къ себѣ въ сундукъ—конечно, не для кого иного, какъ опять таки для своихъ же „барышень“, про всякій случай...

Участь Авдотьи вышла подъ конецъ довольно печальна, вслѣдствіе неожиданно совершеннаго ею скандала: въ 45 лѣтъ, будучи дѣвицей, она родила, и была за это изгнана на вѣчныя времена изъ милыхъ ея сердцу барскихъ покоевъ...

По воскресеньямъ воспитанницы отправлялись въ кухню учиться кулинарному искусству, и даже сами носили для этого дрова; а на обязанности дежурной лежало также хлопотать въ домѣ при пріемѣ гостей.

Въ награду за прилежаніе и хорошее поведеніе, полагалась, какъ я уже говорила, чашка шеколаду къ завтраку по воскресеньямъ; кромѣ того, Ольга Ивановна брала лучшихъ воспитанницъ къ себѣ въ коляску на свою обычную праздничную прогулку въ дубовую рощу, и наконецъ, онѣ получали въ свое полное распоряженіе по нѣсколько кустовъ ягодъ. Такъ напр., Наденька и Сашенька—каждая имѣла по 14 кустовъ черной и красной смородины и крыжовнику.

Эти маленькія радости, сами по себѣ незначительныя, имѣютъ большой смыслъ въ жизни дѣтей и чрезвычайно какъ ихъ поощряютъ...

Вообще, Ольга Ивановна была прекрасная воспитательница, близко знакомая съ природой ребенка, и тепло, по матерински, относилась въ ввѣреннымъ ея попеченіямъ чужимъ дѣтямъ. За то и воспитанницы, въ буквальномъ смыслѣ слова, ее обожали, и не было для нихъ большей радости, какъ поцѣловать, хоть украдкой, бѣлую, полную красивую руку ихъ „maman“...

Ашеньку тоже очень любили за ея необыкновенно кроткій и тихій нравъ, имѣвшій оттѣнокъ какой-то мягкой, нѣжной меланхоліи. Развита и серьезна она была не по лѣтамъ.

Ея меньшой братъ Игорь, наоборотъ, былъ капризный и своенравный мальчикъ и далеко не пользовался общими симпатіями.

У него была сломана нога еще въ раннемъ дѣтствѣ, и онъ ходилъ на костыляхъ; — это было для него привиллегированнымъ положеніемъ, которымъ онъ сильно злоупотреблялъ. Такъ напр., онъ заставлялъ воспитанницъ каждый день катать себя вокругъ стола въ классной, на огромной, грифельной доскѣ, запрягая ихъ по три въ рядъ по очереди. Если импровизированные кони плохо бѣжали, онъ расправлялся съ ними костылемъ...

На головѣ онъ носилъ всегда красную, вязанную изъ гаруса шапочку, и когда его ставили на колѣни за какую нибудь провинность—что, къ слову сказать, случалось съ нимъ весьма не рѣдко—онъ снималъ ее съ головы и подкладывалъ подъ больное колѣно.

Лицомъ онъ походилъ на мать и былъ такихъ лѣтъ, какъ Сашенька. Сашеньку онъ только и удостоивалъ своей дружбы, и то вѣроятно, потому что ихъ связывали общіе интересы: у нихъ была галка, которую они гдѣ-то подняли искалѣченной и держали ее въ землянкѣ, выкопанной ими-же въ саду, куда они носили ей, подъ покровомъ непроницаемой тайны, пищу... Кромѣ того, въ концѣ сада, въ яру было множество полудикихъ яблонь, съ которыхъ они собирали фрукты, закапывали ихъ въ землю, и затѣмъ ѣли ихъ примороженными, что было очень вкусно.

Такимъ образомъ, благодаря этой почетной дружбѣ, Сашенька одна была избавлена отъ общей повинности катать маленькаго деспота на грифельной доскѣ, или на опрокинутыхъ стульяхъ, когда доску разбили.

Мать видала впослѣдствіи Игоря уже студентомъ Нѣжинскаго лицея. Онъ ходилъ уже безъ костылей, только съ тросточкой, и едва замѣтно хромалъ.

Изъ подругъ врѣзалась въ ея память болѣе другихъ Катя Линькевичъ, о которой я уже упоминала.

Ее привезли черезъ два года послѣ поступленія Б—хъ въ пансіонъ. Она была также лишней противъ положеннаго числа пансіонерокъ, но Ольга Ивановна приняла ее, склонившись на мольбы и просьбы ея матери.

Катенькѣ было тогда лѣтъ десять; собою хорошенькая, миловидная блондинка, но страшно лѣнивая... Она совсѣмъ не учила своихъ уроковъ, и на всѣ замѣчанія учителей, съ наглымъ видомъ отвѣчала:

— Да сто—зъ, езели я знаю!—и, конечно, ничего не знала.

Говорили, что мать ея, очень богатая женщина (у Катеньки былъ великолѣпный гардеробъ), не любила почему-то дѣвочки и держала ее на кухнѣ, пока ей не посовѣтовали отвезти ее въ пансіонъ Козаковой.

Помнится моей матери такой эпизодъ.

Однажды, когда г—жа Линькевичъ пріѣхала навѣстить Катеньку и ей пожаловались на нее, она, ко всеобщему изумленію, сняла съ головы чепецъ, подошла къ образамъ и торжественно стала проклинать дочь...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ребенокъ, при такихъ нечеловѣческихъ отношеніяхъ къ нему родной матери, выросъ ненормальнымъ!.. Дѣйствительно, Катенька была неисправимо порочна. Особенно въ ней была сильно развита склонность къ воровству. Никакія наказанія не дѣйствовали!.. Ее лишали послѣдняго блюда за обѣдомъ, лишали чашки шоколада въ воскресенье, ее не брали на прогулку въ рощу... Наконецъ, ее наряжали въ шутовской костюмъ и ставили на колѣни — высшая мѣра наказанія,—ничто не дѣйствовало... Она плакала, просила прощенія, и затѣмъ опять принималась за свое...

Однажды какъ-то вечеромъ Катенька стояла на колѣняхъ въ дортуарѣ за какую-то подобную провинность. Для вящаго позора на ней былъ надѣтъ шутовской нарядъ, состоявшій изъ длиннаго парусиноваго балахона и бумажнаго колпака съ ослиными ушами.

Въ это время пріѣзжаютъ гости—три сына графа Д—на, соученики Володеньки, старшаго сына г—жи Ко́заковой, и, не зная расположенія комнатъ во флигелѣ, (домъ тогда перекрашивался) по ошибкѣ прямо входятъ въ дортуаръ. Захваченная врасплохъ въ столь неавантажномъ видѣ, Катенька (большая кокетка) быстро срывается съ мѣста и прячется подъ кровать. Когда гости удалились, Катенька стала умолять Наденьку,

чтобы она походатайствовала за нее передъ начальницей, обѣщая, въ случаѣ успѣха, подарить ей давно соблазнявшую ее шкатулочку, украшенную цвѣтами изъ фольги подъ стекломъ. (Такія шкатулочки продавались тогда въ большомъ количествѣ на мѣстныхъ ярмаркахъ)

Ольга Ивановна долго не соглашалась на просьбы своей любимицы, но наконецъ сказала:

— Хорошо, я ей позволяю выйдти, но помните, Наденька, если еще разъ подобное повторится, я *васъ* накажу.

Катенька, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла, по обыкновенію рисуясь, къ гостямъ, но въ ту-же ночь украла у Наденьки подаренную шкатулочку, увѣренная что та въ собственныхъ же интересахъ не пожалуется на нее.

Впрочемъ, надобно сказать, тамъ вообще не было въ обычаѣ „ябедничать", и даже это считалось позорнымъ.

Помнятся еще матери двѣ сестры Ольшанскія, Улинька и Сонечка, генеральскія дочки.

Старшая Улинька, уже взрослая дѣвушка и замѣчательная красавица, съ синими глазами и черными, какъ смоль, волосами, была, къ несчастью, глуха, и съ нею надо было говорить черезъ рожокъ. Однако, не смотря на свой тяжкій, физическій недостатокъ, она отлично училась, прекрасно играла на фортепьяно и была очень добра.

Сонечка — меньшая, маленькая, худенькая и блѣдная съ некрасивымъ лицомъ дѣвочка, въ противоположность старшей сестрѣ, была сущій бѣсенокъ, такъ-что ее не терпѣли въ пансіонѣ. Между прочимъ, въ своихъ стычкахъ съ Наденькой и Сашенькой, она постоянно ихъ дразнила словомъ „пампу́шка", а онѣ её — „вода̀"... Дѣло въ томъ, что у Б—хъ одинъ изъ братьевъ назывался „Помпей" („пампу́шка"), а у Сонечки былъ братъ „Вадимъ" (вода̀).

Однажды ночью, когда всѣ уже спали, пріѣхалъ Володенька, котораго нѣкоторыя воспитанницы еще не видали.

Очень смуглый, съ неправильными, но пріятными чертами лица, черными, огненными глазами и черными кудрями, стат-

ный и высокій, двадцатилѣтній юноша хоть кого могъ очаровать. Когда онъ вышелъ утромъ на крыльцо въ своей полной гусарской формѣ—голубой шитый серебромъ мундиръ, съ небрежно наброшеннымъ краснымъ отороченнымъ чернымъ барашкомъ ментикомъ и въ киверѣ,—воспитанницы такъ и ахнули отъ восторга, а одна изъ нихъ, Текла Мосіенкова, сельская, простодушная панночка, закрывъ глаза руками, въ какомъ-то экстазѣ воскликнула:

— Де въ мене очи!...

Конечно, нечего и говорить, что всѣ безъ исключенія барышни были влюблены въ красавца—гусара.

Въ другой разъ Володенька неожиданно пріѣхалъ вечеромъ, когда воспитанницы еще только ложились спать. Какъ разъ въ ту пору флигель передѣлывался, и пансіонъ на время былъ переведенъ въ домъ. Не зная ничего объ этихъ перемѣнахъ, Володенька направился въ залу, открылъ двери и остановился на порогѣ пораженный. Его изумленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина:

Предполагаемая зала оказалась дѣвичьимъ дортуаромъ, и воспитанницы, собираясь ложиться, были болѣе или менѣе дезабилье и въ самыхъ непринужденныхъ позахъ... Однѣ изъ нихъ уже лежали въ постели, другія бѣгали въ однѣхъ сорочкахъ, ловя другъ дружку, третьи съ пронзительнымъ визгомъ и хохотомъ боролись и барахтались на кроватяхъ, и т. д. Словомъ—непринужденность полная!.. При видѣ неожиданнаго посѣтителя, шалуньи подняли отчаянный крикъ, и—sauve qui peut!—попрятались кто куда могъ...

Молодой человѣкъ растерянно стоялъ нѣсколько мгновеній не двигаясь съ мѣста, и потомъ, какъ бы внезапно рѣшившись, быстро и не глядя по сторонамъ, прошелъ черезъ комнату и вышелъ въ противоположную дверь. Послѣ этого, онъ тотчасъ прислалъ дѣвицамъ по огромному, румяному яблоку, вѣроятно въ утѣшеніе за невольно причиненный испугъ.

На другой день Володенька, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтился съ пансіонерками и братски расцѣловалъ каждую,

но онѣ чувствовали себя съ нимъ очень неловко послѣ вчерашняго приключенія, хотя, конечно, были теперь влюблены въ него болѣе чѣмъ когда либо. Такъ напр., онѣ рѣшились не умываться, чтобы не смыть *его поцѣлуя*, и только Ольга Ивановна, случайно узнавъ объ этомъ, заставила ихъ перемѣнить свое намѣреніе.

Въ другой разъ Сашенька потеряла въ саду свой газовый лиловый съ мушками платочекъ, и Володенька, нашедши его, отдалъ ей.

— Счастливица!.. счастливица!... зашептали съ завистью ученицы и просили Сашеньку дать имъ поцѣловать этотъ платочекъ, который побывалъ въ *его* рукахъ. Но Сашенька не согласилась на такую жертву и ревниво спрятала его къ себѣ подъ подушку.

Между тѣмъ, Володенька заболѣлъ—у него сдѣлалась обморочная лихорадка—и онъ, подавъ рапортъ о болѣзни, остался дома до выздоровленія.

Такъ какъ въ комнатѣ его было холодно, то онъ перебрался въ Ашенькину, которая была смежна съ залой, гдѣ стоялъ рояль.

Однажды вечеромъ Наденька, вообще со способностями къ музыкѣ, играла мазурку—и должно быть, очень хорошо играла, такъ какъ Володенька, когда она кончила, съ восторгомъ крикнулъ ей изъ своей комнаты:

— Еще!.. еще!.. повторите!...

— (Счастливица!.. счастливица!.. зашептали подруги вокругъ).

Наденька, поощренная, расшалилась, и, проигравъ еще разъ, вскочила, подбѣжала къ дверямъ, и, махая руками, крикнула, копируя горничную:

— Панычу, васъ барыня кличуть!....

Володенька ничего не сказалъ, но велѣлъ позвать къ себѣ Ашеньку.

На другой день, во время класса, когда Игорь и Наденька должны были отвѣчать урокъ, входитъ Володенька, суровый и мрачный, какъ туча, и заявляетъ, что онъ желаетъ присутство-

вать при урокахъ, такъ какъ онъ слышалъ, что не всѣ учатся какъ слѣдуетъ. При этомъ онъ сдѣлалъ выговоръ Ашенькѣ, что она плохо присматриваетъ за ученицами.

Ольга Ивановна, сильно встревоженная, спросила въ чемъ дѣло.

— Да это-жъ все Наденька!... закоренѣлая мужичка!... съ сердцемъ отвѣчалъ Володенька

— (Счастливица!.. счастливица!.. послышалось со всѣхъ сторонъ).

Очень взволнованная Наденька страшно путалась и сбивалась въ урокѣ и ее поставили въ уголъ. Что касается Игоря, вообще плохо учившагося и даже умудрявшагося какъ-то во время уроковъ помѣщать написанные отвѣты позади Ольги Ивановны, то Володенька самъ взялся заниматься съ нимъ, что было весьма прискорбно для послѣдняго, такъ какъ его новый учитель оказался очень строгимъ, взыскательнымъ, да и къ тому же, послѣ болѣзни, нестерпимо раздражительнымъ.

Игорь въ ту пору былъ такой жалкій, тихій, вѣчно заплаканный, что его даже искренно жалѣли его бывшіе враги!....

Впрочемъ, Володенька скоро уѣхалъ.

Случился въ пансіонѣ однажды такой скандалъ.

У Ольги Ивановны была на послугахъ крѣпостная дѣвочка Сонька, лѣтъ четырнадцати.

Воспитанницы шутя ее выучили французскому языку, французскимъ баснямъ и танцовать „цыганку“;
но русской грамотѣ она не знала.

Какъ-то ключница Марьюшка перехватила любовное письмо къ лакею, отъ имени Соньки, но неизвѣстно кѣмъ писанное.

Вышелъ страшный переполохъ.

Примѣчаютъ дѣти, что случилось что-то необыкновенное, ужасное, зловѣщее, но что—не знаютъ, а только мучаются различными догадками и предположеніями....

Наконецъ ихъ зовутъ въ домъ къ начальницѣ и кто-то изъ воспитанницъ шепчетъ:

— Тамъ Марьюшка съ розгами!...

Это производитъ панику... Дѣти дрожатъ и едва могутъ идти.. Только одна Людмила, дочь эконома С—го, которую мѣсяцъ тому назадъ взяли учить русской грамотѣ, какъ ни въ чемъ не бывало скачетъ на одной ногѣ и сама себѣ бойко припѣваетъ: „тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца"!..

Ее останавливаютъ, но она продолжаетъ свое...

Вошли въ домъ, ввели ихъ въ гостинную, гдѣ на диванѣ сидитъ начальница—больше никого нѣтъ. Дѣвочекъ поставили по росту посреди комнаты. Наденька была выше всѣхъ и потому съ нея начался допросъ.

Ольга Ивановна медлено поднялась съ дивана, подошла къ Наденькѣ, и, показывая ей какое-то письмо, которое она держала въ рукѣ, суровымъ, столь несвойственнымъ ей тономъ, спросила, не знаетъ-ли она, кто это писалъ?

Наденька тотчасъ узнала руку Людмилы, но не желая выдавать подруги, отвѣтила, что она не знаетъ кто—и въ тотъже моментъ, замѣтивъ въ сосѣдней комнатѣ черезъ открытую дверь Марьюшку съ розгами, вся вспыхнула и смѣшалась,—что подало поводъ заподозрить, что она то именно и есть та виновница... Однако, сколько ни убѣждала ее Ольга Ивановна сознаться, она только плакала—и не сознавалась....

Стали допрашивать другихъ—тотъ же результатъ: виновной не оказывалось.

Тогда позвали Соньку и она, громко рыдая, указала на Людмилу. Людмилѣ волей—неволей пришлось сознаться и въ оправданіе свое она сказала, что не знала кому пишетъ.

Тѣмъ не менѣе, ее постигло неслыханное еще въ стѣнахъ пансіона наказаніе: Марьюшкѣ приказано было ее высѣчь, причемъ Ольга Ивановна замѣтила ей въ видѣ поученія, что розги были принесены только для острастки, и еслибы она сразу созналась и не подвергала другихъ опасности быть наказанными вмѣсто нея, ее не постигло бы столь позорное наказаніе...

На праздники обыкновенно дѣтей забирали родственники домой, но одну зиму, по причинѣ страшной мятели, Наденька

и Сашенька, а также Катенька Линькевичъ остались на Рождество въ пансіонѣ.

Когда непогода утихла, Ольга Ивановна рѣшила поѣхать погостить къ родственникамъ, причемъ забрала съ собой и дѣтей.

Помѣстились они всѣ въ огромномъ возкѣ (съ ними, конечно, и Ариша)—и отправились въ дорогу по прекрасному снѣжному пути.

Сперва погостили они у графа Д—на. Онъ былъ тогда уже вдовъ и изъ трехъ его сыновей дома находился только меньшой, Саша, лѣтъ пятнадцати, да его племянникъ такого-же возраста.

Здѣсь дѣти провели время очень весело и пріятно. Графъ Д—нъ, маленькій, живой и веселый старичокъ, очень любилъ дѣтей и не разъ собственной персоной участвовалъ въ ихъ играхъ... Между прочимъ, онъ научилъ ихъ играть въ „войну“

Но Катенька Линькевичъ и тутъ отличилась: она украла какое то украшеніе у большихъ бронзовыхъ часовъ; горничная замѣтила—и вышелъ скандалъ.

Отъ графа Д—на они поѣхали къ С—мъ, затѣмъ направили свой путь къ В—ой, крестной матери Ашеньки.

Г-жа В—ая была очень богатая, но бездѣтная помѣщица, вдова-генеральша, нѣмка по происхожденію. Высокая, худая и прямая, какъ жердь, чопорная старуха, она была страшно скупа, педантична и чванлива. Ходила она всегда сильно затянутая въ корсетъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ очкахъ, и носила букли подъ кружевнымъ чепцомъ.

У нея была такая-же старая и чрезвычайно на нее похожая компаньонка и попугай, который каждому кричалъ „дуракъ“.

Дѣтямъ отвели отдѣльную комнату и туда имъ носили обѣдъ, причемъ кушанья подавались въ такомъ скромномъ количествѣ, а хлѣбъ рѣзался столь тонкими—до прозрачности—ломтиками, что они были постоянно впроголодь и съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда наконецъ оставятъ этотъ негостепріимный домъ.

Ольга Ивановна отъ времени до времени навѣдывалась къ дѣтямъ и, видя ихъ скучными и унылыми, со вздохомъ повторяла:

— Бѣдные, бѣдные дѣти!...

Но горю ихъ помочь не могла...

Здѣсь они пробыли дней пять.

Въ послѣдній годъ пребыванія Б—хъ въ пансіонѣ Козаковой, Ашенька и Наденька стали учиться ѣздить верхомъ подъ руководствомъ опытнаго берейтора.

Помнится матери слѣдующій эпизодъ, чуть не имѣвшій трагическихъ послѣдствій.

Однажды, когда Ашенька только что устроилась на сѣдлѣ, лошадь чего-то испугалась и понесла. Ольга Ивановна упала въ обморокъ. Но берейторъ не потерялъ присутствія духа и, вскочивъ на коня, стрѣлой помчался за Ашенькой вслѣдъ и изо всѣхъ силъ кричалъ ей:

— Не спрыгивайте съ лошади, или вы никогда больше не сядете на нее!...

Ашенька послѣдовала его совѣту и случай этотъ прошелъ благополучно.

Наденька и Сашенька пробыли въ пансіонѣ три года и съ глубокой печалью должны были оставить его по причинѣ тяжкой болѣзни г-жи Козаковой, которая уѣхала въ Одессу лечиться, а воспитанницъ распустила. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она возвратилась, и ученицы стали было уже собираться, какъ вдругъ ей сдѣлалось опять хуже, и она вскорѣ умерла.

Разсказывали, что Ашенька съ безпредѣльной любовью и самоотверженіемъ ухаживала за больною матерью. Но лекарство, взятое изъ аптеки по рецепту доктора, производило странное дѣйствіе: больная принявъ его, въ буквальномъ смыслѣ слова лѣзла на стѣну отъ нестерпимаго страданія и кричала, что ее хотятъ отравить...

Но Ашенька глубоко вѣрила въ цѣлебную силу этого лекарства, и на колѣняхъ, со слезами, умоляла мать принимать его дальше.

Богъ знаетъ, что это было за лекарство и не былъ ли это одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ случаевъ ошибки аптекаря, которые и теперь нерѣдко повторяются у насъ!...

По смерти матери, Ашенька, совсѣмъ убитая горемъ, уѣхала съ братомъ на Кавказъ къ дядѣ. Говорили, что она вскорѣ, по желанію родственниковъ, вышла замужъ за одного доктора, человѣка уже не молодого, была несчастлива, и года черезъ два умерла.

Вообще эта кроткая, прелестная дѣвушка, съ печатью нѣжной меланхоліи на серьозномъ личикѣ, оталась въ воспоминаніи матери, какъ существо „не отъ міра сего"...

Катенька Линькевичъ вышла замужъ за богатаго старика—генерала. Улинька Ольшанская тоже вышла замужъ и была счастлива съ любимымъ человѣкомъ.

II. Пансіонъ г-жи Принцлейнъ.

Барышни Б—ія пробыли дома нѣсколько времени вслѣдствіе болѣзни матери, а потомъ Матрена Васильевна отвезла ихъ въ Конотопъ въ аристократическій пансіонъ г-жи Принцлейнъ, рекомендованный ей Кочубеемъ.

Сперва онѣ поѣхали только посмотрѣть и попали какъ разъ на танцклассъ.

Всѣ дѣвицы были одѣты въ бѣлыя, кисейныя платья съ широкими рукавами, подобранными бантами изъ шелковой голубой ленты, и въ изящныхъ шелковыхъ голубыхъ передникахъ, составленныхъ изъ трехъ раздѣленныхъ полосъ, перехваченныхъ между собою такими-же бантами. Выходило очень эфектно!...

Наденька и Сашенька были въ восторгѣ и стали просить мать помѣстить ихъ здѣсь,—на что Матрена Васильевна, сама очарованная блестящей картиной, согласилась безъ труда.

Условіе было заключено: 500 руб. ассигн. въ годъ съ каждой (въ пансіонѣ Козаковой—300)—а черезъ недѣлю дѣвочекъ отвезли.

Это было зимою. Тутъ онѣ пробыли годъ.

Пансіонъ г-жи Принцлейнъ находился, какъ помнится матери, въ центрѣ города, но на какой улицѣ—она не помнитъ.

Домъ былъ большой, одноэтажный, съ высокими, свѣтлыми и просторными комнатами. Въ огромной залѣ, гдѣ происходили танцклассы, стоялъ рояль, и вокругъ стѣнъ тянулись длинные, безъ спинокъ, диваны, обитые ситцемъ. Такіе-же диваны были и въ классной, тоже очень большой комнатѣ, съ тремя столами посреди, скамьями, креслами для учителей и классныхъ дамъ и огромной черной доской на ножкахъ у стѣны.

Дортуары находились въ трехъ огромныхъ смежныхъ комнатахъ. Кровати, всѣ выкрашенныя въ зеленую краску, стояли въ два ряда изголовьемъ къ стѣнѣ, и всегда были покрыты, лѣтомъ и зимою, бѣлыми пикейными одѣялами.

Въ углу каждаго дортуара, за ширмами, находилась кровать классной дамы.

Вообще вся внѣшняя обстановка здѣсь имѣла внушительный, но холодный, непріютный видъ казеннаго зданія.

Форма пансіонерокъ состояла лѣтомъ изъ розовыхъ и голубыхъ платьевъ, надѣваемыхъ въ перемежку черезъ недѣлю, и, конечно, декольте; зимою—платья были шерстяныя, зеленыя, бѣлый передникъ съ лифомъ, доходившимъ до горла, и бѣлыми-же рукавами.

Ученицъ всѣхъ было тридцать шесть, три классныхъ дамы и три учителя—не считая законоучителя и танцмейстера. Два учителя были приходящіе, а одинъ, учитель музыки, жилъ въ пансіонѣ.

Г-жа Принцлейнъ — нѣмка — небольшаго роста, средней полноты женщина, весьма непріятной и даже отталкивающей наружности. Одѣта она всегда была въ шелковое, темное платье, всегда очень затянута, въ нарядной куафюрѣ и сильно молодилась, не смотря на свои преклонные лѣта и постоянную зубную боль, отъ которой она стонала и кричала на весь пансіонъ.

Мужъ г-жи Принцлейнъ, бывшій гораздо моложе ея, выглядывалъ, по воспоминанію матери, какимъ-то простымъ ремесленникомъ и не имѣлъ никакого значенія въ пансіонѣ. Это былъ маленькій, толстый и круглый человѣчекъ, съ добродушной, хотя тоже непріятной физіономіей, боявшійся, какъ огня, своей ревнивой супруги и не выходившій никуда безъ ея разрѣшенія изъ своихъ аппартаментовъ. Только изрѣдка, въ видѣ особой милости, позволялось ему поиграть въ „кошки и мышки" съ ученицами.

Дѣтей у нихъ, кажется, не было.

Наденькѣ и Сашенькѣ, послѣ пансіона Козаковой, приходилось здѣсь только непріятно удивляться и удивляться безъ конца!...

Первое, что ихъ поразило, это то—что одна изъ классныхъ дамъ оказалась бывшей подругой Ашеньки, которой двѣнадцатилѣтняя Наденька сама не разъ поправляла ошибки во французскомъ языкѣ.

Встали онѣ на другой день своего пріѣзда, какъ и въ пансіонѣ Козаковой, въ 6 ч. утра, и, совершивъ свой туалетъ, конечно съ помощью Авдотьи, отправились вмѣстѣ съ другими пансіонерками въ классную на молитву: ихъ поставили въ ряды, и одна, выступивъ впередъ, громко читала молитву, а другія повторяли вполголоса за нею.

Окончивъ молитву, сѣли завтракать.

На завтракъ полагалась тарелка розмазни на двухъ...

Ни Наденька, ни Сашенька, избалованныя хорошей пищей, не притронулись къ этому завтраку, чѣмъ возбудили всеобщее удивленіе,—и порція ихъ въ одинъ мигъ была расхватана.

На закуску подали, подъ громкимъ названіемъ „чая", по чашкѣ какой-то тепловатой, слегка подслащенной и приправленной снятымъ молокомъ водицы. Хлѣба-же къ завтраку вовсе не полагалось.

Когда оканчивали уже чай, вошла г-жа Принцлейнъ.

— Chère, maman!... chère, maman!... — повскакивавши со своихъ мѣстъ, въ одинъ голосъ радостно закричали воспитан-

ницы, только что ругавшія ее на чемъ свѣтъ стоитъ, и бросились всѣ на перебой цѣловать ей руку.

Пораженныя такимъ невиданнымъ лицемѣріемъ, Наденька и Сашенька точно прикипѣли къ своимъ стульямъ, и только, когда начальница совсѣмъ близко проходила мимо нихъ, онѣ молча поднялись, сдѣлали ей реверансъ и также молча сѣли на свои мѣста. (Онѣ, впрочемъ, и впослѣдствіи никогда не цѣловали ей руки).

Конечно, г-жа Принцлейнъ прекрасно замѣтила такое непочтеніе, оказанное ей новыми воспитанницами при всемъ классѣ, однако ничего не сказала, но только *приняла во вниманіе.*

Начались уроки. Б — хъ посадили въ приготовительный классъ, и съ ними никто не занимался, исключая законоучителя, который задалъ имъ урокъ изъ священной исторіи.

Такъ было и впослѣдствіи. Можетъ быть, желала г-жа Принцлейнъ наказать такимъ образомъ продерзость Наденьки и Сашеньки, но скорѣй это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что послѣднія слишкомъ много знали, гораздо больше, чѣмъ ея старшія ученицы, а это выходило, конечно, далеко не въ пользу ея заведенія; а тутъ черезъ полгода должны были быть экзамены, такъ не мѣшало-бы имъ нѣсколько призабыть... — разсуждала г-жа Принцлейнъ. Какъ-бы то ни было, фактъ тотъ, что ихъ не учили, не смотря на ихъ просьбы, и даже прятали отъ нихъ учебники.

Въ 12 ч. обѣдали. За столъ вмѣстѣ съ воспитанницами сѣли также и классныя дамы и учителя — въ креслахъ. Сама г-жа Принцлейнъ помѣстилась въ концѣ перваго стола, и обѣдъ ей подавался отдѣльный.

Разливала супъ одна изъ классныхъ дамъ, причемъ четыре куска говядины, находившіеся въ суповой чашкѣ, предназначались исключительно учительскому персоналу — воспитанницамъ же мяса вовсе не полагалось.

На второе блюдо подали какой-то оригинальный соусъ, состоящій изъ смѣси вареннаго картофеля и гречневыхъ галушекъ, слегка приправленныхъ протухлымъ масломъ. Это блюдо, какъ узнали впослѣдствіи горькимъ опытомъ Наденька и Са-

шенька, было изъ лучшихъ, но теперь онѣ отнеслись къ нему не съ меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ и къ завтраку.

За обѣдомъ, между прочимъ, произошла слѣдующая трагикомическая сцена, произведшая на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Въ пансіонѣ были, какъ имъ уже успѣли сообщить новыя подруги, двѣ воспитанницы—Черняева и Кириленкова, страдающія „собачьимъ голодомъ", худыя и страшныя, какъ скелеты.

Кириленкова не знала въ этотъ день своего урока—спряженія французскихъ глаголовъ—и въ наказаніе ее лишили послѣдняго блюда.

Доведенная мучительнымъ голодомъ до отчаянія, она вдругъ вскочила съ мѣста, повернулась лицомъ къ г-жѣ Принцлейнъ, и, ударяя въ тактъ по столу кулакомъ, стала громко спрягать:

— Je ne mange pas des galouches!... (галушки).

— Tu ne manges pas des galouches!.. etc., etc.

Скандалъ вышелъ огромный!... Г-жа Принцлейнъ была страшно взбѣшена и тотчасъ поставила дѣвочку на колѣни. Но та не угомонилась и, стоя на колѣняхъ, продолжала все таки свое...

На полдникъ горничная принесла на большомъ подносѣ ломти чернаго хлѣба, посыпанные солью, и роздала ихъ воспитанницамъ.

(Когда бывалъ танцклассъ, дѣвицамъ не давали полдника, чтобы онѣ легче танцовали).

Наденька и Сашенька отказались отъ своей порціи и принялись кушать бублики, которые имъ купила на базарѣ Авдотья за ихъ собственныя-же карманныя деньги. Но лишь это замѣтили старшія воспитанницы, какъ мигомъ набросились на дѣвочекъ и отняли у нихъ бублики. Которая-то невольно вскрикнула при этомъ насиліи; Авдотья услышала, разъяренной тигрицей вскочила въ комнату и чуть не расправилась собственноручно съ обидчицами.

Онѣ ея боялись послѣ этого, какъ огня, и никогда больше не смѣли уже обижать ея „маленькихъ барышень"...

На ужинъ подали кулишъ, и въ 9 ч. воспитанницы легли спать, предварительно спѣвъ хоромъ „Боже Царя храни" и „Коль славенъ"...

Постели Б—хъ какъ разъ пришлись подлѣ кровати классной дамы Ч—ой, изъ ихъ родного городка. Это была милая, симпатичная дѣвушка, съ оригинальнымъ, очень смуглымъ неправильнымъ лицомъ, но узкими, какъ щелочки, черными, блестящими, смѣющимися глазами.

Она была любима всѣми въ пансіонѣ за свой добрый, веселый нравъ, и ея близкое сосѣдство было сущимъ благодѣяніемъ для Наденьки и Сашеньки.

Жизнь воспитанницъ въ пансіонѣ Принцлейнъ была просто нестерпима. Кормили ихъ всегда впроголодь и отвратительной, несвѣжей пищей. Былъ, напр., такой случай.

Однажды подали на ужинъ супъ съ плававшими въ немъ червями и издававшій ужасное зловоніе... Конечно, никто къ нему не прикоснулся, кромѣ Черняевой и Кирилленковой, которыя пожирали его со своей обычной жадностью. Позвали начальницу, благоразумно не появившуюся на этотъ разъ къ столу. Пришедши, она обрушилась страшнымъ гнѣвомъ на воспитанницъ и потребовала, чтобы онѣ ѣли супъ,—кто-же не желаетъ, пусть встаетъ и отходитъ въ сторону. Наденька, какъ болѣе строптивая, отказалась ѣсть, но Сашенька пыталась было повиноваться, и только поднесла ложку ко рту, ей сдѣлалось дурно... Г-жа Принцлейнъ круто повернулась и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова... Этимъ дѣло и кончилось, но конечно дѣти остались безъ ужина.

Громадныя комнаты плохо отапливались, а въ зимніе долгіе вечера, когда не было уроковъ, также плохо освѣщались.

Дрожа отъ холода въ своихъ легкихъ платьяхъ, дѣвочки сбивались группами по угламъ дивановъ въ классной и залѣ, и шепотомъ передазали другъ другу разныя легенды о привидѣніяхъ, мертвецахъ, встающихъ изъ гроба, и т. п., и наконецъ о какихъ-то таинственныхъ собакахъ, будто-бы бродившихъ по вечерамъ въ полумракѣ этихъ огромныхъ, холодныхъ, пустынныхъ комнатъ.

Малѣйшій шорохъ, малѣйшій стукъ, заставлялъ дѣтей нервно вздрагивать, пугливо озираться, прижимаясь тѣснѣе

другъ къ дружкѣ, и смертельнымъ холодомъ леденилъ ихъ и безъ того окоченѣвшіе члены.

Взаимныя отношенія воспитанницъ тоже не были здѣсь простыя и дружескія, какъ въ пансіонѣ Козаковой — здѣсь дѣвицы „влюблялись“ одна въ другую, „обожали“ избранницу своего сердца, доходили чуть не до безумія въ припадкахъ ревности... У Наденьки, напр., были двѣ обожательницы—Катя Нестеренкова, очень некрасивая, рыжая, въ веснушкахъ, дѣвочка, и прелестная Ольга Филонова, приходящая, дочь учителя. Наденька, въ свою очередь была страстно „влюблена“ въ десятилѣтнюю Маню Никольскую, большую капризницу, которой она отдавала всѣ свои лакомства, и которая ею помыкала, какъ хотѣла...

Словомъ, здѣсь и „духъ“ былъ совсѣмъ иной...

Незадолго передъ экзаменами Наденька заболѣла сильно горячкой. Никакого спеціальнаго ухода за нею не было, и лежала она въ общемъ дортуарѣ, днемъ—одна одинешенька, предоставленная вполнѣ самой себѣ, ночью—среди спящихъ дѣтей. Только и ухаживала за нею во время болѣзни Ольга Филонова, дѣйствительно искренно привязавшаяся къ ней...

Когда Наденька очнулась наконецъ отъ своего долгаго забытья, она замѣтила при сумракѣ вечера, стоявшую у ея кровати на колѣняхъ фигуру дѣвочки, которая, положивъ голову на руки, горько плакала.

Это была Оля.

Потомъ, когда Наденька стала выздоравливать, она носила ей тайкомъ въ карманѣ копченыя сельди, соленые огурцы, сухія вишни, и другія незатѣйливыя, но кажущіяся необыкновенно вкусными послѣ болѣзни, лакомства... Надо еще сказать, что родители Оли были далеко не богатые люди, и эти затраты на подругу стоили ей несомнѣнно извѣстныхъ лишеній...

Мать живо помнитъ ея тонкое, изящное личико, съ большими, карыми глазами и густѣйшими, темными волосами, но что съ нею сталось впослѣдствіи—она не знаетъ...

Между тѣмъ, начались экзамены—сперва частные, такъ сказать пробные, безъ посторонней публики, а потомъ настоящіе, оффиціальные.

Первою вызвалъ директоръ Сашеньку—можетъ быть потому, что она была очень хорошенькая, бѣленькая, свѣженькая, съ темными глазами и волосами—и спросилъ, сколько она времени здѣсь?

— Полгода,—отвѣчала Сашенька.

Тогда онъ велѣлъ ей прочитать что-то изъ французскаго а потомъ перевести это по русски.

И то, и другое Сашенька исполнила блистательно, безъ ошибки.

Директоръ пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ самыхъ лестныхъ комплиментахъ передъ г-жею Принцлейнъ, говоря что если эта воспитанница такъ много знаетъ за полгода, то другихъ и спрашивать даже не стоитъ.

За тѣмъ онъ обратился къ Сашенькѣ и сказалъ ей, что она необыкновенный ребенокъ, если знаетъ столько за такое короткое время своего пребыванія въ пансіонѣ.

Но Сашенька наивнѣйшимъ образомъ возразила, что не здѣсь вовсе она пріобрѣла эти знанія, а въ пансіонѣ Козаковой, гдѣ онѣ съ сестрой пробыли три года.

У директора физіономія сразу вытянулась, онъ поднялся, холодно раскланялся и удалился, не сказавъ ни слова.

Когда г-жа Принцлейнъ, кусавшая себѣ губы отъ безсильной ярости и смущенія, проводила директора и возвратилась назадъ, первымъ дѣломъ она подбѣжала къ Сашенькѣ, бѣшено схватила ее за руку, покрутила и бросила на колѣни. Тоже самое она продѣлала и съ другой ученицей, и съ третьей... словомъ со всѣми, исключая Наденьки и еще одной, которыя случайно находились въ другой комнатѣ.

Какъ разъ въ это время пріѣзжаютъ гости и застаютъ весь классъ на колѣняхъ...

Г-жа Принцлейнъ казалась очень сконфуженной и мотивировала свою строгость тѣмъ, что дѣвицы будто-бы заглядывали въ журналъ.

На оффиціальномъ экзаменѣ, гдѣ присутствовало много посторонней публики, всѣ воспитанницы были одѣты какъ и на танцклассѣ, т. е. въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и голубыхъ шолковыхъ передникахъ что, конечно, выходило очень красиво и производило блестящій эффектъ.

Одна бѣдная Наденька, только что вставшая послѣ горячки, при своемъ не по возрасту высокомъ ростѣ, худая, желтая (еще Игорь въ пансіонѣ Козаковой называлъ ее „гробовой доской“), съ огромными, черными глазами, въ этомъ бѣломъ, воздушномъ платьѣ и въ бѣломъ съ желтыми, креповыми лентами чепчикѣ на бритой головѣ, была положительно ужасна и обращала на себя общее, далеко не лестное вниманіе...

Застѣнчивая и безъ того до дикости, теперь, когда ее вызвали, она ничего не видала вокругъ себя и едва сознавала, что говоритъ... Только и помнитъ, будто сквозь сонъ, что ей со всѣхъ сторонъ кричали:

— Довольно!.. довольно!.. она совсѣмъ больна!...

Тѣ воспитанницы, родственники которыхъ предупредительно привезли начальницѣ передъ экзаменами дорогіе подарки, получили награды. Наденька-же и Сашенька, также какъ и другія незаплатившія обычной дани,—только похвальные листы.

Помнятся матери два выдающихся эпизода изъ жизни ихъ въ пансіонѣ Принцлейнъ.

Однажды пріѣхали какія-то три дамы въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, и одна изъ нихъ молоденькая дѣвушка поразительной красоты, но какая-то странная... Ихъ сопровождалъ пожилой, сановитый господинъ.

Переговоривъ съ начальницей, загадочные посѣтители уѣхали, но черезъ недѣлю привезли дѣвушку и оставили ее въ пансіонѣ.

Новую воспитанницу звали Машей. У нея были чудные, черные глаза, блѣдное, съ тонкими, правильными чертами лицо, и длинѣйшіе — до пятъ, черные, какъ воронье крыло, волосы... Она держалась особнякомъ, была очень печальна, и вообще казалась какой-то странной, ненормальной...

Въ тотъ-же вечеръ, когда Наденька и Сашенька съ подругами забрались въ свой излюбленный уголокъ на диванѣ въ залѣ (это было зимою) и бесѣдовали тихо о привидѣніяхъ, бродячихъ собакахъ, мертвецахъ, и т. п., — онѣ вдругъ услышали въ классной испуганные крики, суету, какой-то переполохъ, и къ ихъ неописанному ужасу, въ гостинную вбѣжала Машенька, съ распущенными волосами, дико горящими глазами, и, махая руками, будто крыльями, какъ безумная, промчалась черезъ всю комнату и исчезла за дверьми.

Дѣвочки чуть не умерли отъ страха.

Ночью повторилось тоже самое. Дѣвушка бродила по дортуару, какъ привидѣніе, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами, что-то бормотала и заглядывала въ лицо спящимъ...

Паника достигла крайней степени. Дали знать родственникамъ, и на другой день Машеньку увезли. Говорили, что она продѣлывала тоже самое и въ другихъ пансіонахъ, гдѣ ее помѣщали, и осталось подъ сомнѣніемъ, была-ли она дѣйствительно помѣшанная (она потеряла недавно кого-то изъ близкихъ), или она только выдавала себя за таковую, не желая учиться?..

Другой эпизодъ—не столь печальнаго свойства.

Однажды, когда дѣвицы, по обычаю, пѣли передъ отходомъ ко сну гимны, къ ихъ дѣвичьимъ голосамъ неожиданно присоединились мужскіе басы. Оглядываются—и съ изумленіемъ видятъ двухъ юныхъ офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, должно быть, незамѣтно пробравшихся черезъ черный ходъ...

Конечно, дѣвицы подняли пронзительный визгъ и разбѣжались въ разныя стороны, а дерзновенныхъ попросили тотчасъ удалиться, пригрозивъ имъ въ противномъ случаѣ тѣмъ, что ихъ выведутъ...

На Рождество нѣкоторые изъ родственниковъ, пріѣхавъ въ пансіонъ за воспитанницами, вынуждены были пережидать нѣсколько дней, пока не утихнетъ страшная мятель, свирѣпствовавшая тогда. (Въ эту мятель погибло много народу, и въ томъ числѣ, 30 рекрутъ, которыхъ везли закованными на крестьянскихъ подводахъ).

Между родственниками были и богатые купцы, навезшіе къ празднику начальницѣ, кромѣ другихъ цѣнныхъ подарковъ, много всякой дорогой, вкусной снѣди: стерлядей, осетрины, закусокъ, сластей, и т. п.

Волей — неволей пришлось г—жѣ Принцлейнъ, скрѣпя сердце, угощать этимъ оставшихся воспитанницъ—чéго она никогда не сдѣлала бы при другихъ обстоятельствахъ.

А тутъ еще какой нибудь почтенный бородачъ, накладывая дѣвочкѣ полнѣе тарелку, добродушно приговариваетъ.

— Кушай, матушка, кушай!.. хватитъ на всѣхъ!..

Между тѣмъ, мятель успокоилась, и за Наденькой и Сашенькой пріѣхалъ старшій братъ, чтобы взять ихъ домой на праздники. Онъ только что возвратился изъ Петербурга и до сихъ поръ не имѣлъ понятія о пансіонѣ г—жи Принцлейнъ. Теперь же, побывавъ здѣсь лично и наслушавшись о немъ разсказовъ, онъ взялъ сестеръ совсѣмъ изъ пансіона, находя, что гувернантка въ домѣ будетъ для нихъ гораздо полезнѣе.

Над. М. Кибальчичъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

П. В. Ивановъ.

Въ новѣйшей малорусской этнографіи Петръ Васильевичъ Ивановъ занимаетъ видное мѣсто. Его этнографическіе сборники отличаются полнотой содержанія и ясной системой распредѣленія матеріала. Біографическихъ данныхъ о г. Ивановѣ у насъ нѣтъ, и дѣло г. Иванова, если онъ, по скромности, нигдѣ не далъ хотя бы краткихъ автобіографическихъ сообщеній. Изслѣдователю современной малорусской этнографіи нужно, однако, опредѣлить тѣ стороны въ личной обстановкѣ и дѣятельности нашего этнографа-собирателя, которыя объясняютъ своеобразный характеръ его этнографическихъ трудовъ. Нужно знать, напримѣръ, чѣмъ обусловлено то характерное обстоятельство, что г. Ивановъ ограничивается предѣлами одного уѣзда Харьковской губерніи и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ опирается на многихъ полезныхъ сотрудниковъ изъ мѣстной среды, преимущественно, изъ народныхъ учителей и учительницъ. Дѣло въ томъ, что г. Ивановъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по выходѣ въ отставку, поселился на мѣстѣ своей прежней служебной дѣятельности въ г. Купянскѣ (въ 116 в. отъ г. Харькова) и сохранилъ связи со своими прежними сослуживцами—учителями и учительницами народныхъ школъ. Г. Ивановъ возбудилъ въ нихъ интересъ къ этнографическимъ работамъ, снабдилъ ихъ программами и сдѣлался средоточіемъ, объединителемъ и орга-

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 5.

низаторомъ ихъ этнографической дѣятельности. На этнографическое поприще г. Ивановъ вступилъ недавно, въ 80-хъ годахъ. Ранѣе онъ былъ извѣстенъ своими трудами по изученію мѣстной фауны; сочиненія его по этой части печатались въ изданіяхъ харьковскаго общества естествоиспытателей.

Этнографическія изслѣдованія г. Иванова представляются весьма любопытными въ томъ отношеніи, что они являются, такъ сказать, результатомъ цѣлой школы мѣстныхъ этнографовъ; на нихъ лежитъ печать коллективнаго труда многихъ почтенныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ народу. Какъ важна такая общественная организація этнографическихъ изученій, краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ превосходные сборники г. Иванова. За четыре, пять лѣтъ г. Ивановъ далъ массу новаго, оригинальнаго и цѣннаго матеріала.

Если не ошибаюсь, первой этнографической замѣткой г. Иванова была „*Вирша на Рождество Христово*“ въ XI кн. Кіев. Старины 1882 г.—текстъ вирши, записанный бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища Лавровскимъ и маленькій къ ней комментарій г. Иванова. Вирша—бурсацкое произведеніе и къ народной поэзіи не имѣетъ никакого отношенія. Она относится къ юмористическимъ схоластическимъ виршамъ объ Адамѣ и Евѣ. Въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1892 г. П. И. Житецкій подвергъ научному анализу эту и другія родственныя ей вирши объ Адамѣ и Евѣ.

Въ XII кн. „Кіев. Старины“ 1885 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ небольшую статью „*Знахарство, шептанье и заговоры* въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи“. Это сборникъ заговоровъ и шептаній съ интересными пояснительными бытовыми комментаріями. Въ краткомъ предисловіи г. Ивановъ говоритъ: „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 шептаній и заговоровъ, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе—

цѣнными варіантами"... Для образца и помѣщено около двухъ десятковъ заговоровъ и шептаній, именно, шептанія надъ водой, отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Сборникъ этотъ составляетъ полезное дополненіе къ сборнику „Малорусскихъ заклинаній" П. С. Ефименка. Литература заговоровъ весьма обширна, если считать не изслѣдованія, какихъ почти нѣтъ (Крушевскій, О. Миллеръ), а сборники, какихъ много (главные Майкова, Романова и Ефименка). На литературѣ предмета здѣсь не останавливаюсь, и отсылаю интересующихся этимъ дѣломъ къ моему библіографическому указателю заговоровъ, изданному въ 1892 г.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ представилъ свой *сборникъ заговоровъ* въ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества. Извѣстный этнографъ П. В. Шеинъ, разсматривавшій сборникъ г. Иванова, въ своемъ о немъ отзывѣ, между прочимъ, говоритъ: „Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія и 122 заговоровъ и шептаній. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ Кіевской Старинѣ... заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота, 2) обереги отъ воровъ, клеветы, змѣи, таракановъ и пр. и 3) на разные случаи, чтобы быть въ почетѣ, передъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный оберегъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ... Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ; заговоръ примѣняется къ больному или случаю и т. п. По своему содержанію заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются двоевѣрнымъ характеромъ... Въ сборникѣ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины..." Въ заключеніе своей рецензіи г. Шеинъ признаетъ сборникъ г. И. „цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку" и находитъ, что „трудъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы его напечатали цѣликомъ". Этнографическое отдѣленіе опредѣлило имѣть въ виду этотъ сборникъ для изданія и наградить г. Иванова серебряной медалью (*Живая Старина* 1891 III).

Въ VI кн. Кіевской Старины 1886 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ статью *„Кое-что о вовкулакахъ и по поводу ихъ“*. Авторъ знакомъ съ сборниками Аѳанасьева, Чубинскаго и Драгоманова и сообщенія его представляются дополненіями. Въ статьѣ приведено три свадебныхъ оберега и нѣсколько способовъ возвращенія вовкулакамъ человѣческаго вида. Далѣе, приведены народные разсказы, чѣмъ питаются вовкулаки. Статья небольшая, но полезная при довольно скудной и крайне разбросанной литературѣ о вовкулакахъ. Главные сборники и статьи о вовкулакахъ указаны мной въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ § 121 и подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ библіографическаго указателя статей о колдунахъ и вѣдьмахъ (1891 г.).

На ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ 1887 г. покойный проф. О. Ѳ. Миллеръ доложилъ и разобралъ докладъ П. В. Иванова *„Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда харьковской губерніи на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ“*. Этотъ докладъ, сколько мнѣ извѣстно, не вошелъ въ изданные томы трудовъ седьмаго археологическаго съѣзда, и о содержаніи его мы можемъ судить по протоколу засѣданія 13 августа, когда этотъ докладъ былъ прочитанъ. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и затѣмъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не отмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ выяснилъ представленіе души въ образѣ крылатаго существа (пчелы) или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ ка-

кими-нибудь физическими недостатками имѣетъ и душу не вполнѣ совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по мнѣнію крестьянъ, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло; другіе считаютъ мѣстопребываніемъ ея грудь, третьи—утробу; иные представляютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и вѣдьмъ души нѣтъ: душа изъ нихъ вышла и ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещеными младенцы превращаются въ русалокъ („лоскотовки"), представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещеные младенцы принимаются Богомъ въ особый для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещеными и живущихъ съ ангелами. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго кладутъ на лавку, въ головахъ зажигаютъ свѣчу; на стѣнѣ вѣшаютъ рушникъ; на окно ставятъ воду или медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстіе въ потолкѣ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ; въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которой были связаны ноги покойника, берегутъ какъ лѣчебное средство. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а по мнѣнію другихъ, попарно. До 40 дней душа покойника посѣщаетъ домъ; за тѣмъ надъ ней совершается судъ, и она получаетъ опредѣленное мѣстопребываніе. На поминальные обѣды душа является и послѣ 40 дней. Душа скупаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный, онъ подъ землею; въ немъ мракъ; души грѣшниковъ питаются въ немъ пепломъ. Рай—зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Г. Ивановъ приводитъ разсказы „замиравшихъ" старухъ о загробномъ мірѣ, разсказы крестьянъ о явленіи мертвецовъ и нѣсколько плачей.

Изложивъ передъ слушателями на съѣздѣ всѣ сообщенія г. Иванова, Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указалъ, что въ нихъ встрѣчается новаго и, сопоставивъ это новое съ прежними сообщеніями, призналъ собранные г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. (*Отчеты о засѣд. съѣзда*).

Въ отчетѣ о рефератѣ Миллера не указано, какія онъ упоминалъ „прежнія сообщенія". Можно догадываться, что были указанія на труды Котляревскаго, Аѳанасьева и Барсова. Малорусская похоронная причеть только въ новѣйшее время стала обращать на себя вниманіе этнографовъ. Въ видѣ полезныхъ дополненій къ статьямъ П. В. Иванова о душѣ (1887 г.), о вѣдьмахъ (1891) и о долѣ (1892 г.), гдѣ также разбросано много замѣтокъ и матеріаловъ относительно малорусскихъ народныхъ повѣрій о душѣ, могутъ еще служить замѣтки:

С. Брайловскаго, о похоронныхъ причитаніяхъ южнорусскаго края, въ „Русск. Филол. Вѣстникѣ" 1884, т. XII.

С. Брайловскаго, „Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе въ Кіевской Старинѣ 1885, IX, 74—84.

М. К. Васильева, О малорусскихъ похоронныхъ обрядахъ въ Кіевск. Стар. 1889, VI, 635 и въ Кіевск. Стар. 1890, VIII, 317—322.

Ziemba, Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu, w Zbiór Wiadomości 1888, XII, 227—230.

Хр. Ящуржинскаго, Малорусскія причитанія надъ умершими, въ Кіевской Старинѣ 1888, I, 11—16.

Хр. Ящуржинскаго, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи, въ Кіев. Стар. 1890, I, 130—132.

Сравнительно болѣе подробная статья г. Брайловскаго въ Кіевской Старинѣ не свободна отъ поспѣшныхъ миѳологическихъ выводовъ. Такъ, на основаніи одного только выраженія „зашло мое сонечко красное" г. Б. говоритъ о миѳическомъ отождествленіи жизни человѣка съ солнцемъ. Можетъ быть, когда нибудь и было такое отожествленіе, но въ малорусской причети

оно не оставило слѣдовъ, и опровергаемое авторомъ мнѣніе Чубинскаго о бѣдности фактическаго содержанія въ малорусской причети сохраняетъ вполнѣ свое значеніе. Напрасно также сдѣланъ Чубинскому упрекъ (на стр. 74) въ недостаткѣ „спеціальной подготовки". Заслуги Чубинскаго, какъ изслѣдователя, заслонены его громадными заслугами, какъ собирателя.

Въ Харьковскомъ Сборникѣ 1888 г. (приложеніе къ Харьковскому календарю) г. Ивановъ напечаталъ небольшую статью (19 стр.) „*Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру*"—матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Въ небольшомъ введеніи г. Ивановъ различаетъ въ народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и сказаніяхъ двѣ стороны, оригинальную и заимствованную, причемъ высказываетъ слѣдующее основательное замѣчаніе: „при собираніи и изученіи этнографическихъ данныхъ, прежде чѣмъ обращаться къ далекимъ сближеніямъ и сравненіямъ, необходимо прочно установиться на родной почвѣ тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго матеріала. Затѣмъ, кромѣ записыванія изъ устъ народа сказаній его и объясненій бытовыхъ подробностей, необходимо извлечь изъ напечатанныхъ уже памятниковъ древней письменности соотвѣтствующій матеріалъ, Онъ можетъ послужить къ болѣе правильному освѣщенію существующихъ народныхъ обычаевъ и міросозерцанія народа, вообще указаніемъ тѣхъ измѣненій въ нихъ, какія внесены на глазахъ исторіи въ бытовую жизнь народа временемъ и измѣнившимися условіями гражданственности.... Встрѣчаясь при изслѣдованіи народнаго міросозерцанія съ нелѣпыми и безсмысленными взглядами и понятіями, не должно относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а слѣдуетъ, подобно естествоиспытателю, внимательно выслушивать, точно записывать и всесторонне изучать, потому что въ кажущейся нелѣпости могутъ иногда скрываться драгоцѣнныя для характеристики народнаго быта черты изъ первобытной культуры или фактъ, могущій содѣйствовать разрѣшенію одного изъ вопросовъ о древнихъ международныхъ сношеніяхъ".

Замѣчаніе г. Иванова о необходимости извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ письменности этнографическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ приложеніи къ старинной украинской письменности, почти не затронутой съ этой стороны. Я раза два—три предпринималъ съ такой цѣлью экскурсіи въ южнорусскую схоластическую литературу. Такъ, изъ „Лиѳоса" Петра Могилы мной извлечены кое-какія черты о свадебныхъ обычаяхъ и бракосочетаніи первой половины XVII в. (напеч. въ Кіев. Старинѣ 1883, XI, 510—514), изъ сочиненія Петра Могилы, Іоанникія Галятовскаго и Лазаря Барановича извлечено около двухъ десятковъ пословицъ (напеч. въ VIII кн. Кіевской Старины 1887 г.) и затѣмъ изъ старинныхъ актовъ кое-что извлечено о принесеніи разныхъ предметовъ въ церковь (въ Культ. переживаніяхъ § 2). Но предметъ этотъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ полнаго вниманія и цѣльной монографіи. Несомнѣнно, что кое-что любопытное въ бытовомъ отношеніи можно извлечь изъ старинныхъ южнорусскихъ актовъ, напр., клятвы въ духовныхъ, названія одежды и жилищъ, религіозныя легенды и т. п. Не слѣдуетъ, однако, возлагать преувеличенныхъ надеждъ на старинную украинскую письменность. Большой поживы она не можетъ дать, наприм., такой поживы, какую чешскій ученый Зибртъ въ послѣднее время извлекъ изъ памятниковъ старинной чешской литературы, обильной многими любопытными въ фольклорномъ отношеніи проповѣдями.

Г. Ивановъ представляетъ въ своей статьѣ сводъ мѣстныхъ повѣрій о небѣ, землѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ, о разныхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Въ южнорусской этнографической литературѣ такого рода свѣдѣнія были ранѣе въ значительномъ числѣ подобраны въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, въ польской литературѣ — въ сборникахъ Густавича, Сярковскаго и друг. Въ сборникѣ г. Иванова мало новаго. Значеніе этого сборника опредѣляется не обиліемъ и новизной записей, а мѣстной группировкой ихъ, на что указываетъ самъ собиратель. „Въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, говоритъ г. И., приведено весьма много подобнаго же матеріала, но, стекаясь съ огромнаго района, этотъ матеріалъ слишкомъ, такъ

сказать, расплывается по обширному пространству, не даетъ поэтому яснаго представленія о міровоззрѣніи малоросса опредѣленной мѣстности“. Съуживая границы изслѣдованія матеріаломъ, собраннымъ въ двухъ—трехъ селахъ, г. И. даетъ довольно ясную картину міросозерцанія крестьянъ этихъ селъ.

Въ сборникѣ г. И. есть любопытныя мелочи. Было бы долго перечислять ихъ здѣсь и опредѣлять ихъ научное значеніе. Ограничиваюсь двумя, тремя: „Солнце на гору зайцемъ бѣжитъ, а спускается тройкой коней“ — характерное во многихъ отношеніяхъ повѣрье, близкое къ литовскимъ повѣрьямъ о близости зайца къ солнцу, о чемъ подробно смотр. въ ст. *Н. Сумцова* „Заяцъ въ народной словесности“. Легенды о царѣ Папаримѣ— оригинальный варіантъ апокрифа объ избіеніи младенцевъ. Эта легенда вызвала спеціальное изслѣдованіе *г. Драгоманова* о сказаніяхъ на мотивъ о пожертвованіи своего ребенка въ „Сборникѣ за народни умотворенія“ 1890 г. Повѣрья о созданіи земли и горъ, отмѣченныя въ сборникѣ г. Иванова, представляютъ варіанты космогоническаго сказанія, подробно разобраннаго въ послѣднее время акад. *А. Н. Веселовскимъ* въ цѣломъ рядѣ статей. Весьма интересно, между прочимъ, сказаніе о Донѣ Ивановичѣ и Донцѣ Ивановичѣ, относящееся къ мало разработанному въ наукѣ циклу сказаній и пѣсенъ о южнорусскихъ рѣкахъ.

Въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1889 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ обширную статью „*Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ*“ (30 страницъ). Несомнѣнно, это самый подробный, вообще лучшій изъ существующихъ сборникъ повѣрій, связанныхъ съ хатой. Собранные въ статьѣ матеріалы записаны въ Купянскомъ уѣздѣ г. Ивановымъ и сотрудниками его, учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ статьи г. И. говоритъ о семейныхъ раздѣлахъ у малоруссовъ и объ участіи въ нихъ женщинъ, о выборѣ мѣста для хаты, гаданіяхъ „закладчинѣ“ и обхожденіи съ плотниками, обрядномъ подниманіи сволоки („сволоковщинѣ“), о плотникахъ—знахаряхъ, о „клинцованіи“ (вбиваніи клинчиковъ и обмазкѣ глиной) и побѣлкѣ хаты и о пе-

реходѣ въ новую хату. Далѣе идетъ весьма обстоятельный обзоръ частей хаты: печи, двери, порога, окна, и обзоръ повѣрій, относящихся къ мебели и посудѣ. Въ заключеніе приведено сто загадокъ, относящихся къ хатѣ и хозяйству малоросса. Въ статью вошло нѣсколько легендарныхъ разсказовъ, какъ Богъ научилъ людей строить хату, а ап. Петръ кузнечному ремеслу. Особенно много интересныхъ повѣрій о печкѣ, повѣрій, отчетливо отражающихъ въ себѣ древній культъ огня. При этомъ отмѣченъ рядъ лѣченій болѣзней—съ помощью печи. Въ числѣ загадокъ попадаются новыя или варіанты извѣстныхъ, интересные по миѳологической основѣ, напр., „поле немиряне, вивци нещитани, пастухъ рогатый" (звѣзды и луна). Эта загадка легла въ основу прекраснаго стихотворенія В. А. Жуковскаго.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимыя
Серброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И надочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно.
Стада поитъ вода живая
И умирать имъ не дано.
Они одной дорогой бродятъ
Подъ стражей пастырской руки.
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.

Въ статьѣ г. Иванова нѣтъ внѣшняго описанія хаты, и въ этомъ отношеніи нужно обращаться къ 7 тому „Трудовъ" Чубинскаго, а при широкихъ изученіяхъ и къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, напр., къ I т. „Pokucie" Кольберга, къ изданному херсонскимъ земствомъ описанію с. Покровскаго (Балай-тожъ) и др. Литература о хатѣ невелика и разбросана по разнымъ изданіямъ, большею частью малоизвѣстнымъ и малодоступнымъ. Особенно мало рисунковъ.

Малорусская хата не подвергалась историческому и сравнительно этнографическому изученіямъ. Если не ошибаюсь, мои замѣтки „Къ исторіи хаты", Надписи на сволокахъ", „засовка", „Печь и огонь, какъ талисманы"—замѣтки, вошедшія въ „Культурныя переживанія", представляются пока единственными попытками такого рода изученія хаты. Предметъ этотъ, однако, настолько интересенъ во многихъ отношеніяхъ, что заслуживаетъ спеціальной монографіи, въ которой были-бы собраны,

провѣрены и разобраны факты филологическіе, историческіе и сравнительно-этнографическіе, которые въ совокупности объяснили-бы, въ какой послѣдовательности и подъ какими вліяніями сложился типъ крестьянской малорусской хаты. Для такой работы матеріалъ и пособія подготовлены западно-европейскимъ фольклоромъ, давшимъ въ послѣднее время цѣлый рядъ статей и замѣтокъ объ устройствѣ жилищъ. Иностранная литература указана извѣстнымъ чешскимъ ученымъ *г. Зибртомъ* въ 4 № „Česky lid“ 1892 г. (сочиненія Мейцена, Лася и Геннинга по исторіи нѣмецкаго дома, Гейкеля—о домѣ финновъ и черемисовъ, Беценбергера—о литовскомъ, Карловича—о польскомъ и др.). О польскихъ и литовскихъ хатахъ много замѣтокъ въ журналѣ „*Wisła*“ за послѣдніе два—три года, о французскихъ—въ журналѣ *Revue* des traditions populaires. На сочиненіе *г. Тихова* о болгарскомъ домѣ мы уже указывали при обзорѣ сочиненія А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ“.

Возвращаясь къ статьѣ г. Иванова о повѣрьяхъ, связанныхъ съ хатой, мы должны замѣтить, что въ этой спеціальной области, т. е. относительно повѣрій, этотъ трудъ г. Иванова отличается полнотой содержанія и представляется цѣннымъ вкладомъ въ этнографію.

Въ томъ-же 1889 году П. В. Ивановъ помѣстилъ въ III кн. Этнографическаго Обозрѣнія статью „*Сила родительскаго проклятія* по народнымъ разсказамъ Купянскаго уѣзда Харьковской губ.“ (41—53). Въ статьѣ приведено 11 народныхъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія. Проклятый быстро чахнетъ и умираетъ, или превращается въ дерево, или въ животное (волка). *Н. А. Янчукъ* въ примѣчаніи къ статьѣ г. И. останавливается на двухъ мотивахъ о дѣвушкѣ—тополѣ и о томъ, что проклятаго сына земля не принимаетъ. При разсмотрѣніи перваго мотива г. Я. указываетъ на тѣ повѣрья о превращеніяхъ въ растенія, которыя нашли мѣсто въ „Метаморфозахъ“ Овидія. О превращеніяхъ въ растенія см. еще замѣтку Н. Сумцова въ III кн. Этнограф. Обозрѣнія 1889 г. (о розмай-зильѣ) и обширное сочиненіе *г. Мандельштама* „Опытъ объясненія обычаевъ“ (1882 г.). Г. Янчукъ

повѣрья о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями, сближаетъ съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать по смерти выставляло изъ могилы руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ все сказаніе пріурочено было къ одной плакучей березѣ подъ Грыжиной близъ Косцяны въ Познани. Интересная статья *г. Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Можетъ быть, это сказаніе проникло къ полякамъ отъ нѣмцевъ, у которыхъ сказаніе о рукѣ изъ могилы весьма популярно (*Ziebrecht*, Zur Folkskunde, 343; *Krause*, Zeitschr. f. Ethnol. 1883 стр. 83, *Decke*, Lübische Sagen § 153).

Помимо частныхъ мотивовъ, заслуживаетъ вниманія общая мысль, проникающая всѣ разсказы, мысль о высокомъ значеніи родительской власти, въ особенности материнской молитвы или проклятія. Въ народныхъ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. И., отражается, очевидно, та-же мысль, которая ранѣе, въ періодъ расцвѣта народнаго поэтическаго творчества, выразилась въ превосходныхъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ, о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, объ Ивасѣ Вдовыченкѣ (или Коновченкѣ)—это въ южной Руси, а въ Руси сѣверо-восточной—въ былинахъ объ отъѣздѣ Ильи Муромца, въ особенности характерно въ Повѣсти о Горѣ—Злосчастіи, безыменный герой которой наказуется за то, что не послушалъ наставленій родителей, ни добрыхъ людей, какъ Коновченко наказуется за то, что не послушалъ совѣтовъ ни матери, ни полковника. Этотъ народно-поэтическій мотивъ былъ такъ силенъ, что наложилъ свою руку и на старинные литературные памятники, на Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ неизвѣстнаго автора и на современную ей духовную драму Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВОКАГО (1784-1851).

VIII.

Казка.

Давнымъ давно я обищавъ,
Та й доси слова не здержавъ,
Вамъ росказаты тую казку,
Якъ визъ перевернувсь чумацькій на каляску.
    Такъ слухайте-жъ теперъ,
    Поки я ще не вмеръ;
А вмру, то будете мене вы спомынаты,
Якъ въ рукы визьмете сю казочку чытаты.

—

Давно те діялось,—ище малымъ я бувъ,
Та въ памьять вризалось, що й доси не забувъ.

—

Одъ Кыева сельце блызенько есть Глеваха.
Хто въ грязь поиде тамъ, побачыть въ очи страха;
    Такій тамъ глей, таке багно,
    Що чортъ йому тамъ знайде й дно.
    Тонуть-бы вже—такъ легче въ мори,
    А въ сій грязи,—безъ горя—горе!

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 5.

За те-жъ капуста тамъ, и рипа, й гарбузы,
Хочь цилый рикъ що день до Кыива возы.
За те-жъ тамъ мужыкы богаты,
Городъ свій всякъ зъоре, та йде чумаковаты.

—

Одынъ чумакъ такій тамъ жывъ,
Що все у Крымъ по силь на трохъ возахъ ходывъ.
Ходывъ винъ и на Динъ по рыбу осятрыну,
И грошей щось прыдбавъ,—що вже не лизлы въ скрыню.
Такій богатый ставъ,
Що й самъ не памятавъ
Винъ, скилько грошей мавъ.
Вси кажуть,—що йому нечыстый помагавъ.

—

На решти дума: атъ! Що те чумацтво? Кепство!....
Часъ намъ уже теперъ принятьця за купецство.
До Кыева, въ майстратъ,—чумакъ нашъ и купець.
Уже й панивъ ззыва до себе на ралець.
А дали и полизъ винъ въ откупы, въ пидряды.
Куды-бъ винъ на поригъ, йому якъ батьку ради.
Кому головкою кывне винъ, чи моргне,
Той заразъ передъ нымъ въ дугу себе зогне.

—

Чумакъ нашъ изъ Юрка зробывся Юрій Савычъ.
До його вси повзуть, злитаютця якъ галычь,
Якъ мухы,—де почують струпъ,
Такъ вси коло його: тупъ! тупъ!...
А винъ соби якъ ставъ грошыма брязкотиты,—
Панъ на всю губу ставъ, и панынята диты.

—

А жинка?—що й казать!
Не знають люде, якъ и звать.
Въ сели вона була—Горпына,
Теперь, бачь, стала Аграфына,
А люде вси вовуть—Графыня,—

Графыня Власовна! (Бо батько бувъ Уласъ,
Старый,—що череду въ Глеваси довго пасъ).

—

Отъ!—наша Аграфына
Зачванылась, сопе—якъ паньская дытына.
Не знае въ чимъ ходыть,—вся въ золоти, въ шовкахъ!....
Каминня дороге блещыть на ій,—ажъ страхъ!....
На шіи, и въ ушахъ,
И на обохъ рукахъ.

—

Отъ наша пани все сыдыть соби въ свитлыци.
Сыдила довго,—а потимъ—
Якъ то трапляетця и всимъ,—
Маркотно стало молодыци,
Раденька-бъ зъ дому,—такъ куды-жъ?
Робыла-бъ що, такъ-же яки-жъ
Для панеи такой тутъ знайдутця роботы?....
Пишла-бъ пекты, варыть,
Взяла-бъ що прясты, шыть,—
Такъ до мужыцькыхъ дилъ не стало бильшъ охоты.

—

Пишла до дзеркальця, поговорыла зъ нымъ,
Побачила себе въ намысти дорогимъ,
Побачила, що якъ вона похорошила!....
Та й засоромылась — що ажъ почервонила;
А слизонькы зъ обохъ и брызнулы очыць....
Занудылась! Нема знакомыхъ молодыць!....
А хочъ тамъ паньи й понаходять, —
Не знать по якому говорять, —
Ще бильшую нудьгу наводять.

—

А Юрій Савычъ де? Нема його давно!
Зъ рикъ буде, якъ пустывсь на золоте винъ дно.
То сямъ, то тамъ соби винъ тысячки все удыть,
А жинка на мишкахъ червонцивъ свитомъ нудыть.

Хотила-бъ вже й назадъ изъ города въ село,
Де такъ колысь еи все весело було;
Хотилось-бы еи въ Глеваху,
Куму побачыть, титку, сваху,
Щобъ имъ усеньке росказать:
Що въ неи на сердци; а потимъ показать
Свое намыстечко и золоти сережкы,
И сукни, и хусткы, и паньски вси мережки,
Такы увесь свій скарбъ и вси свои перстни,—
Ничого безъ того не варты, бачь, воны.

—

А якъ-же ій туды? Пишечкомъ?... Збавы Боже!
Щобъ пани пишкы йшла? Отце, якъ то буть може?
А ихаты-жъ на чимъ?.... Стоить чумацькій визъ,—
Ище стоить,—що ихъ до Кыева прывизъ.
На вози тимъ изъ повсти будка,
Не змокла-бъ наша въ ней голубка,
И сонце тамъ не докуча.
Такъ не заманышь-же, хоть дай и калача.
И зъ будкою чумацькій визъ
Теперь доводыть насъ до слизъ:
Ну, румсать наша Аграфына
И въ день, и въ ничъ. Лыха годына!...

—

Надъихавъ нашъ купець. Що-жъ? Жинчины очки
Не осушаютця,—роздулысь, мовъ баньки.
Пытае жиночку купчына:
Яка тому плачу прычына?
А жиночка мовчыть, неначе якъ нима.
Не знаю, каже, я й сама,
Що въ мене на сердци, чого мени такъ нудно,
Нудьга така,—що жыть мени на свити трудно.

—

Ззывають миськыхъ дохтуривъ,
Нимецькыхъ всихъ оптекаривъ.....
Ти вси по своему шваргочуть,

Горпыну выличыты хочуть,
И вси кругомъ неи хлопочуть.....
Попы отчытують, щобъ часомъ въ цей недугъ
Не вкравсь якій нечыстый духъ,—
И все еи що разъ святою
Покропляють водою,
А все полегкости ни на волосъ нема.

—

Графыня Власовна вже бачыть и сама
Свою лыху годыну,
Що треба лизты въ домовыну,
Що всихъ зъ ума звела и муженька-купчыну,
А ще хотилось жыть,—вхопылась за зилья,
Злякалась, чы не давъ хто часомъ ій данья,
Що таки находылы якись на неи страхи,
Неначе чорты, якись злиталысь птахи.
Давай вона все пыть чортополохъ-траву,
Курытьця ремезомъ. Смалыла и сову,
За пазуху соби уживъ, гадюкъ, жабъ клала,
И все, що знахарка яка еи казала.
Що-жъ! Все жахаетця!—скризь сонъ, и наяву!—

—

На решти снытця ій, щобъ кынуты вси лики,
Та знахаркы пытать—безносои калики.
Росказуе свій сонъ. Никому не въ догадь,
Де-бъ знахарку таку зыскать.
Пыталы, не знайшлы. Послалы до Глевахи,
Щобъ вси пріихалы и родычи, и свахы,
Та радоньку свою далы,
Чы знахаркы такои нема де въ ихъ сели,—
Якъ тутъ вона и есть! Безносая Грищиха,
Чы чари, чы прыстритъ, чы трясця, чы бешыха,—
Одъ всякого вона порадыть заразъ лыха.

—

Давай вона чымъ дужъ шептать
И въ воду угольки три-девять накыдать [1]);

[1]) *Вар.*: Девять разъ кидать.

Вода та въ горщечку потрошечку булькоче,
Шепнула ще: разъ, два!... вже якъ въ котли клекоче!....
„Ой! Панійка чогось притьмомъ бажа... и хоче!!...
„Та тутъ того намъ не достать,
„Що може сю биду прогнать....
„Чы то-бъ сказать: такее тилько зилье
„Росте въ лису... коло Трипилья.
„Його я тилько покажу
„И якъ копаты роскажу,
„А пани вже сама соби тамъ накопае
„И, не оглянувшись, митью назадъ втикае.
„Намъ треба ихаты у той конечно лисъ.
„Сидаймо, панійко, въ одинъ зъ тобою визъ".

—

—Охъ! не прыводь мене ты, знахарко, до злосты.
У визъ сидать?!! Мои рострусятця вси кости!....
Якъ тилько спамятаю визъ!!....
За серце стысне ажъ до слизъ!.... [1])
Тутъ зморщылась вона, скрывылась,
Здаетця й духу вже пустылась,
А потимъ трошкы одыйшла,
И ричь такую почала:

—

„Юрасю, серденько! Зробы мени ты ласку
„Ще передъ смертью разъ—купы мени каляску!....
„Уже-жъ мени, якъ бачь, оттакъ не пропадать,
„Поихать ще разъ въ лисъ, та зилля накопать.
„Гляды-жъ! каляска та була-бъ щобъ дуже паньска,
„Щобъ не трясла ныякъ—Виденьска, чы Варшавська.
„А той проклятый твій, оттой чумацькій визъ,
„Спалы ты на огни, щобъ винъ згоривъ и зслызъ,
„Щобъ винъ мени уже не попадавсь на очи...
„И знай, я не брешу, не примхи се жиночи.

---

[1]) *Вар*: Зариже въ жывоти до слизъ!...

„Той визъ мени — той визъ удався добре въ знакъ!....
„Винъ зачар-о-в-а-н-н-ы-й!!!...“ [1]

—

Визъ круть!—и сякъ, и такъ!....
Крутнувсь сюды й туды, а дали на опакъ....
Ще жиночка слаба не доказала казку,
Якъ визъ перевернувсь чумацькій на каляску
И коней хтось запригъ лыхую четверню —
Изъ низдръ, зъ ушей, зъ копытъ дають воны огню.
Въ каляску ту скикъ! скикъ! изъ видьмою Горпына,
Помчалысь, ажъ гуде по-надъ Днипромъ долына.... [2]
Въ короткій курточци бувъ кучеръ тутъ съ кота,
Якъ нимчыкъ выглядавъ зъ рижкамы безъ хвоста,
Червона шапочка на бакерь на рижкахъ,
Коротка люлечка вертилася въ зубкахъ,
А винъ знай вижкы натягае,
Та цупко коней поганяе.
А одъ осей, та одъ колисъ
Трышчить и падае весь лисъ....
Та якъ въ трисця воны помчалысь,
То ще и доси не верталысь.

—

Безъ воза-жъ, безъ свого, збанкрутывсь нашъ купецъ.
И що-жъ? — Повисывся, и казци тутъ конецъ.

Окт. 10 дня 1840,
въ Кыеви.

---

[1] *Вар.*: Хтось чары зъ нымъ робывъ (или: мовъ чары въ йомъ поклавъ) упыръ чы вовкулакъ.

[2] *Въ вар. вставка*: Стоить Юрко якъ стовпъ. На смерть перелякавсь,
Якъ крейда побиливъ, за голову хватывсь,
А дали винъ сплеснувъ рукамы,
Та тильки лупае очамы.

IX.

Казка.

Клымова капуста.

1.

Хочъ гримъ гремить,-та не велыкъ,
Не перехрестытця мужикъ:
А якъ пидыйметця тревога,
Тогди вже вси притьмомъ до Бога!
Такій-то вже ввесь людцькій ридъ,
Що наветь намъ самъ Богъ не вгодыть.
Якъ въ поли хлиба недоридъ,
То всякъ до Бога рукы зводыть;
А якъ зародыть Богъ и хлиба есть доволи,
Тогди друга бида,—що все дешевше соли.
„Знай тилько молоты,—ажъ прій!
„Та всеньке чисто перевій.
„Та й на базаръ везы—и жыто, и пшеныцю,
„И дармоидамъ тамъ оддай все за дурныцю;—
„На що намъ стилько Богъ пашни той уродывъ“.
Отъ урожаемъ якъ Богъ людямъ догодывъ!
Отъ такъ и все съ людьмы,—не зъ намы, изо всимы!
Що жъ Богови й робыть изъ дурнями такымы?
Коли-бъ то зъ дурнями,—а то й зъ презлыми.

2.

Такій-то бувъ торикъ въ Глеваси урожай.
Капуста тамъ була,—хочъ греблю загачай.
Вези-жъ до Кыева,—а тамъ за визъ симъ грывень!
„А що бъ надъ нею тамъ не кукурикавъ пивень“!...

3.

„Чы знаешь, жинко, що?—до Хымки мовыть Клымъ—
„Капусту збудемъ мы, та тилько погодымъ.
„Пидъ часъ негоды въ грязь тамъ буде дорожнета:
„Тогди на грошыкы разставымъ мы тенета“.

4.

Такъ же винъ и зробывъ, якъ самъ розумный знавъ.
Зъ капустою що день негоды поджидавъ;
А тамъ якъ полыло, росквасыло дорогу,
Винъ вставши до свита, та помолывшись Богу,
Капусту склавъ на два возы!...
Та заразъ и рушай—до Кыева везы....
Возы воловіи идуть—дви паровыци,
Въ дорогу жъ не бере зъ собою молодыци,
Нема й погоныча,—одынъ на двохъ возахъ:
Возыщи жъ тяжкіи—пройма ажъ Хымку страхъ.
„Узявъ бы ты мене,—до Клыма каже Хымка,—
„Погоныча нема,—такъ одбула-бъ се й жинка".
— Атъ! тамъ-то дуже треба васъ!
Возыты въ Кыевъ на показъ;
Твои очки якъ розбижатця,
То тамъ тоби не вгамоватьця,—
Черепья заразъ, та мысокъ
Накупышъ,—та й прощай зъ капустою возокъ!
Якъ иде чоловѣкъ одынъ у сири свытци,
То гроши вси його останутьця въ калытци.
А вже очипкы ти возыть,—
Щобъ тилько клопоту въ дорози наробыть...

5.

Поихавъ!... Иде винъ!... прыихавъ надъ долыну.
Зъ горы спускать... Капуста въ грязь та въ глыну!...
Якъ же се трапылось?—онъ такъ:
Клымъ въ голову забравъ, що зъ його-то й чумакъ,
Передныхъ волыкивъ винъ зводыть самъ пидъ гору,
А задни якъ попруть
У тую жъ саму пору,
Передній визъ—круть, круть!....
Обыдва разомъ повалылысь!...
На сылу самъ Клымъ одхватывсь,
А тобъ зъ душею тутъ простывсь...

6.

Стоить, сумуе Клымъ, не знае що й почать;
Давай на вси боки винъ Хымку величаты:
„Наклала!... по пять кипъ капусты на возы!....
„Иды жъ теперъ сама до Кыева везы!...
„Казавъ не треба бильшъ якъ тилько по дви сотни,
„Такъ щожъ, послухае?—ни вчора, ни сёгодни!...
—Якъ билше накладешъ—дорогше продасы!...
„Щобъ тамъ тебе взялы зъ капустою бисы!...
„Отъ видьма бисова! Ище жъ пророковала:
„Погоныча не взявъ,—бида безъ його стала!....

7.

Въ дорози жъ не стоять. Клымъ выпрягши воливъ,
Въ разъ мусывъ кынутысь до зломаныхъ возивъ.
Тамъ триснула люшня, тамъ колесо, тамъ шпыця...
Ажъ плакавъ бы,—такъ винъ не баба—не годытця.
Давай налыгачи винъ ризать на шматкы,
Та ими звязовать поломани кускы.
То сякъ, то такъ винъ все скрутывши мотузкамы,
Ще довго поравсь винъ потимъ зъ головкамы.
Покы жъ склавъ на возы, то тутъ застала й ничъ.

—

Полизъ Клымъ спать на визъ,—неначе якъ на пичъ.
И сердывсь винъ, и злывсь, ажъ питъ проймавъ холодный,
Зубами цокотавъ одъ холоду-голодный!...
Бо хлиба зъ дому винъ не взявъ
На Кыевски млынци бачъ всю надію клавъ.
Тремтивъ, тремтивъ, въ одній свытынци!
Та все читавъ молытву Хымци.
Уже лягавъ винъ сякъ, и такъ,
На вози, и пидъ визъ,—сонъ не бере ни якъ!
Не спавшы—такъ винъ и проснувся,
Очима лупнувъ, да й проснувся (sic).

8.

Свитае! Клымъ чимдужъ возы свои запригъ,
И знову йде винъ за капустою на тиргъ.

На встричу йдутъ по тійжъ дорози
Якись кацапскіи обозы;
Возы порожнякомъ,—въ возахъ кацапы сплять.
Ажъ тутъ передній—глядь:
Возы ихъ вси стоять,
Наткнулысь кони на рогатыхъ.
„Эй! слышь! я васъ, хохловъ проклятыхъ!...
„Съ дороги прочь воловъ!... хохолъ!...
„Не будь ты самъ упрямъ, какъ волъ!"
—Чого ты чванышься? ты бачъ,—я йду зъ вагою!
А ты соби иды дорогою другою.—
Тутъ вся схватылась кацапня,
Заворушылася—якъ тая порохня,—
Та вси на одного зъ кнутамы.
Давай имъ Клымъ кивать пьятами.

—

Погривъ соби винъ добре чубъ,
Покы утикъ,—сховавсь за дубъ,
Та звиттиль винъ и выглядае.
Зъ капустою возы обозъ перевертае...
Нашъ Клымъ за дубомъ безъ душы!...
Хотивъ крычать: „не воруши!"
Такъ що жъ зъ кацапами ты вдіешь?
Хотивъ бы й лаять,—не посміешь.

9.

Капуста Клымова изнову вся въ грязи,
И на бокахъ лежать поломаны возы.
„Стонадцять купъ чортивъ вамъ, бисовы кацапы!...
„Коли бъ я змигъ,—та вы въ мои попалысь лапы!...
„Васъ шисть, а я одынъ,—да й зъ голымъ кулакомъ.
„Мій лигочаный (?) батигъ не боретця зъ кнутомъ,
„А тобъ я не втикавъ одъ васъ и одъ десятка.
„Не лучився тутъ килъ,—щаслыва ваша матка.
„Ну—Хымко! яжъ тоби!... за острый твій языкъ!...
„Усяке зло мени пророчить винъ прывыкъ!!!...

„Капустонько моя!... чы зъ тебе ще що буде?!!...
„Чы знайдутця жъ таки у Кыеви ще люде,
„Щобъ за тебе мени хочъ пивъ рубля далы?...
„И я вже змордувавсь зъ тобою и волы“!

10.

Тутъ зновъ—дай лагодыть поломаны возы!
Та знову рятовать капусту изъ грязи!
А тутъ дощъ—якъ зъ видра!—а грязь, якъ каша тлуста,
Клымъ тишитця вже й тымъ, що выпралась капуста.
Якось излагодывсь, изнову йде Клымъ,
Уже и Кыевскій іому мелькае дымъ,
Уже мелькнула разъ и Кыевська дзвинныця.
Ну,—слава Богу!—тутъ вже всимъ бидамъ граныця.

11.

Такъ нитъ же бо, та й ни! не всю зна Клымъ ище биду [1]).
Въ базарній улыци болото—якъ въ аду!...
(А никуды: еи воно-бъ то можно и объихать,
Такъ Клымови жъ туды конечно треба въйхать)
Шубовсть!—зъ капустою у тую твань возы!...
Воламъ и Клымови прійшлось тонуть въ грязи.
Тутъ шкворень затрищавъ; тамъ вись переломылась.
Капуста изъ возивъ въ болото вся скотылась!...
А тутъ зо всихъ бокивъ крычать: „Пади! пади!“
И дитьця никуды!—хочъ ты тамъ пропады!...
„Мужикъ!—съ дороги прочь!“—За нымъ услидъ же тою
Дорогою тяглась карета четвернёю;
Якъ врижется вона въ ту грязь,
А кучеръ все кнутомъ всихъ коней: хлясь, да хлясь!
Ти кони—на дыбки! всю збрую перервалы,
А Клымови возы до щенту поламалы.

12.

Бижить полыція,—карету рятоваты,
Давай десятники за уши Клыма драты!
Щобъ выизджавъ винъ изъ болота.

[1]) *Въ подлинникѣ:* „не всю зна Клымъ, ный Клымъ ще биду“—очевидная описк

„Панове, змылуйтесь!—яка жъ мени охота
„Сыдить въ болоти цимъ?—Втечу, хочь прывяжы!...
„Каретамъ добре тутъ! Имъ Боже поможы!“...

13.

Зъ кареты молоди дви паньи выглядалы,
Здавалось, що кудысь на бенькетъ поспишалы.
Отъ, бачать, що имъ тутъ прійшлось бы ночевать,
Давай воны сами десятныкивъ прохать,
Щобъ перше Клыма рятовалы,
Бо ти його возы
Завязлы поперекъ дороги такъ въ грязи,
Що мисьця выихать карети не давалы.

14.

А тута,—якъ на те жъ!—хтось стадо гнавъ свыней,
Якъ вгледилы воны капусту, та до ней!...
Якъ кынутьця уси,—що ажъ въ болоти тонуть!...
Ихъ гонять, бьють,—воны жъ шаткують такъ ажъ стонуть!...
Що тилько й чуты: рохъ, рохъ, рохъ!—
А ихъ було тамъ сотъ до трохъ.
Чого жъ ще не дошатковалы,
То все на саме дно,
У тежъ таки багно,
Ногамы затопталы.

15.

Збижався весь базаръ,
На цюю дывовыжу,
Глядыть и малъ, и старъ
Та залываются одъ смиху,—ажъ не дышуть.

—

А тутъ прыскочила ище и дитвора,
Та вкрыла улыцю, якъ тая мошкара,
Капусту въ пелену—та въ ноги!—до двора!
Що жъ, Клыме, продавать капусту вже пора!“...

—

Було тутъ реготу и смиху,
Чужому, бачте, лыху.
Бо зъ лыха изъ свого нихто ще не сміявсь,
А инщій и слизми гиркыми облывавсь.
(Сёго бъ казать вамъ и не треба,
Да такъ сказалося про себе).

16.

Голосыть бидный Клымъ
Теперъ уже якъ баба,
Въ болоти сыдя якъ та жаба,
Та за капусту ту ставъ дяковаты всимъ:
„На що проклятая отця капуста й родыть?!!...
„Та и той, хто въ неи смакъ находыть!...
„Отъ—мучивсь!—отъ—прывизъ!—и думавъ, що продамъ
„Капусту чортову панамъ.
„Кому жъ отдавъ теперъ?—свынямъ!...
„Та Кыевськымъ москаленятамъ,
„Отъ-тымъ
„Чи я жъ имъ пидрядывсь возыты въ Кыевъ харчъ?...
„За що жъ теперъ куплю млынець соби, калачъ?!!...
„Я й самъ,—отъ! зъ голоду здыхаю!...
„А на чужыхъ свыней харчи я прыставляю!!!...

17.

Позбувшись Клымъ своихъ возивъ,
Забравъ батигъ винъ, та воливъ,
Прыходыть до господы,
А Хымка: „де жъ возы?—де жъ гроши?"—Годи жъ, годи!—
Дай перше йисты,—я захлявъ!...
Капусту и тебе въ дорози я проклявъ.
За грязью я й возы у Кыеви продавъ,
И гроши посадывъ,—подушне тамъ отдавъ!...
Капуста въ Кыеви теперъ такъ здешевила,
Що ни почимъ,—убый ей тамъ вража сыла!!...
На той рикъ на ей ни разу не копну;

Скопаю вси грядкы, насію тютюну;
Я осинью його въ папуши поскладаю,
Такъ вже и напередъ я знаю,
Не зъйсть його ни що, ни свыни, ни щури,
И гроши за його готовеньки беры.

18.

„Охъ!—знаемъ!—чулы мы!—йому на тее Хымка,—
„Розумный дуже ты!—дурна лышъ въ тебе жинка!..
„На що мене дурыть?
„Не лучше жъ правду говорыть?
„Возкы твои въ грязи тамъ въ Кыеви засилы,
„Капусточку мою въ тебе свынкы купылы,
„Жаль дуже,—що й тебе зъ капустою не зъйлы.
„Для ныхъ-бы може бъ бувъ и надто ты смачный,
„А жинци и диткамъ гиркій ты, та нудный!
„Що бъ ты такъ все платывъ,—та не за наши души,—
„А за свою бъ одну,—сыдивъ въ грязи по уши!"...

Останъ.

Листопада (ноября) 5 дня 1840 року
у Кыеви.

X.

Мужыча казка.

Ни се, ни те, або Гапчынъ ставокъ.

У нашихъ мужикивъ
(Не тратячи даремно сливъ
Сказати: дурнивъ—просто;
А ихъ у всякому сели штукъ буде зо сто);
Такый обычай есть, изъ прадидивъ ведетця,—
Що батько сына оженывъ,
Овечку та свыню йому тамъ оддилывъ,
Тай зъ хаты въ шыю-геть!—нехай соби човпетця;
Покы то винъ соби на хату ще зобьетця,
То зъ жинкою изъ рокъ насыдитця въ землянци.

А тамъ,—колыску прыпасай,
Хрыстыны одбувай,—
Коня, вола нема,—а думай винъ объ няньци!...
Розумны горобци, розумны ластивкы,
Що першъ воны зовьють гниздечка,
А тамъ уже кладуть яечка;
Чомъ-то не вывчатця одъ ныхъ и мужыкы?

—

Свырыдъ женывъ свого такъ Грыця.
Въ його довтипна молодыця
И самъ Грыць парень хочь куды;
И не було-бъ то имъ биды,
Та то бида, що Грыць не такъ ще розумненькій,
(А вже жъ не такъ и молоденькій,—
Боридку мавъ и усъ густенькій)
Все слухавъ жинки, слухавъ бабъ!...
А въ жинкы—кажуть-то,—яка-бъ тамъ не була-бъ,—
Волосье довгее,—а розумъ коротенькій.

—

Мынае ихъ веселью рикъ,
Давно вже Гапка няньчить сына,
А ще не скончена хатына;
Въ землянци каратають викъ,
Алежъ уже въ ихъ есть хливець
Для поросятъ и для овець.

—

Едного часу дожчъ такый полывсь въ землянку,
Що въ сылу врятовавъ Грыцько дытыну й няньку.
А на двори плыла рика,—
Не такъ-то щобъ була милка,—
Була Грыцьку по шыю.
Те дыво вгледившы, зрадила Гапка такъ,
Неначе давъ ей хтось пятакъ,
Що й розсказаты я невмію.
А дали зъ радощивъ якъ духъ перевела,
За шыю обома рукамы обняла

Грыцька,—та й каже: „Грыцю!...
(И чмокъ його то въ лобъ, то въ пыцю)
„Загатымъ мы ривчакъ от-цей.
„Послухай, серденько, Ганнуси ты своей:
То буде свiй у насъ ставокъ;
„А потимъ выстроимъ млынокъ.
„Ты будешъ-мельныкомъ!—я—буду рыбку удыть!...
„Тогди то заживемъ,—не будемъ свитомъ нудыть,
„Що въ насъ тутъ буде качынятъ!..
„Гусокъ и гусынятъ!...
„Я пирья назбыраю,
„Постиль соби прыдбаю.
И буде мягко намъ,—не такъ якъ на соломи,—
„А такъ, якъ въ паньскимъ доми;
„А лышнê продамо,
„Та купымъ мы корову,—
Зъ коровы волыкивъ колысь мы диждемо,
Та ныву выоремъ—здорову [1]),
„Насiемъ жыта и пшеныци;
Прыйдуть на толоку до насъ жать молодыци!...
„А якъ усе пожнемъ,
„И все змолотымъ мы, та въ Кыевъ повеземъ,
„Отъ тутъ-то, Грыцю,
„Згрибай ты золото въ копыцю!....
„Тогди вже годи намъ такъ гирько працювать.
„Мы пидемъ въ городъ жыть, та будемъ купцювать“!....

—Спасыби, мылая Гапусю, за цю раду,
Гатыть я ричку радъ хочъ заразъ до упаду.—
Давай воны у двохъ гатыть,
На греблю землю, гнiй носыть;
За тыждень якось загатылы,—
Ставокъ соби зробылы.
Въ ставку жъ: воды, воды!
Безъ човна й не ходы.

---

[1]) *Вар.* попову.

За скилькось днивъ въ ставку и жабы квакать сталы:
Въ Грыцька изъ радощивъ ажъ жижки задрыжалы.
—Гапусю, серденько! въ ставку вже й жабы есть!...
Ставокъ нашъ—хочъ куды!... Тоби и слава й честь!...—
Вона жъ йому на те: „Чи знаешъ же ты Грыцю;—
„Отце сказавъ ты не дурныцю;—
„Колы вже жабы есть,—то буде тамъ и рыба.
„Не будемъ черствого жовать зъ тобою хлиба.
„Хочъ буде рыбка та й маленька,
„Та зъ неи юшечка смачненька".

—

Колы жъ якъ добре прыпекло,—
Дожчу вже зъ мисяць не було,—
Такъ зъ нашого ставка зробылося болото [1]),
И жабамъ квакать тамъ мынулася охота.
А дали—высхло все, якъ напередъ було,
И щастье Гапчино въ болото загуло.
Грыцько нашъ зъ Гапкою щось зъ три дни голосывъ.
А все те одъ того,
Що винъ ни въ одного
Розумного на те порады не просывъ.
Йому бъ одъ разу всякъ сказавъ,
Щобъ ставу зъ дощовой воды не загачавъ,
Щобъ лучше винъ косывъ, та жавъ,
И даромъ часу не втрачавъ.

—

Такыхъ у насъ Грыцькивъ ище й теперъ не трохы,
Що гатять гребли тамъ, де пишки ходять блохы,
Чогожъ у ныхъ такый короткій розумокъ?
Запевно одъ того, що слухають Гапокъ.

—

Се казка простымъ мужыкамъ.
Прыточымъ мы еи й къ панамъ.
Зъ ныхъ иншимъ кныжки господарьски,

---

1) *Вар.* Зробылось три болота.

Ще гиршъ якъ Гапкы и Параскы
Забылы паморокы такъ,
Що ставлять на води витрякъ;
А въ йому въ карты якъ замелють,—
Не треба имъ воды,—
Давай шампаньського сюды!...
Та батькивщыну всю й промелють!...
Та якъ скоштують вже и редькы й часныку,—
Тогди й зостанутьця при Гапчынимъ ставку.

Остапъ.

У Кыиви
18 Лыпця 1841 року.

XI.

Байка.

Невистчына плахта.

Ма-буты чулы вы неразъ цю прыповистку:
„Якъ вынного нема, то вси вынять невистку;
„А якъ невистка спыть, або слаба до ката,
„Тогди невистчина вже плахта выновата".
Такій правдывый судъ промежъ людей ведетця,
Що чаще смырному по спыни достаетця.
Не все бачъ по коню, а й по оглобляхъ бьють.
А якъ,—згадайте,—якъ такыхъ людей зовуть?
Сто прызвищъ дайте имъ—то ще вы не вгадалы,
Хочъ бы отъ пастуха до князя всихъ згадалы.

—

Отъ я вамъ розскажу—а вы наставте ушы—
За що все за косы трясуть зъ невисткы груши?
И хто жъ трясе?—то свекоръ, то свекруха;
А якъ воны почнуть, то й мужъ ей—псяюха—
До неи жъ лизе зъ кулакомъ,
Хочъ покотысь вона клубкомъ,—
Ніякыми словамы,
Ни гиркымы слезамы

Не оборонытця вона,—ни помеломъ.
Невистци умырать прыходытця прытьмомъ!...

За що жъ въ семьй одна невистка выновата?
Сёго нихто не зна—бо покрышка ихъ хата.
Де есть невистка, въ хати тій
Пидслухать!—Прави вси и ледви не святы.
А грихъ и воркотня,—все пада на невистку,—
Неначе всимъ вона у въ очи сыпле прыску.

Чы ковбасу китъ зъивъ, чы сало у комори:
Уже невистци й горе!...
Хочъ тыждень бы вона изъ голоду здыхала,—
Не тилько щобъ не ила сала,
Чи грывня грошей десь подилась зъ капшука:
„Сяка невистка, та така!...
„Такъ, такъ!... Невисточка ту грывню просвыстала,
„Мабуть вона въ корчми въ недилю танцювала!"...
Никому не въ догадъ: чого въ ей свекрухы
Такъ часто червоніють ухы?...
Чого вона соби такая веселенька?...
Бо выпыта повненька!
Але жъ цыбулькою изъ хлибцемъ закусыла,
Щобъ духъ отбыло той—бый ей вража сыла!...
А на невистку все поклипъ,
Хочъ ій нелизе въ пельку хлибъ!

Пропало вчора козыня,
Зъ хлива сёгодни два ягнятки:
„То все невистчины ухваткы!...
„Вона проклятая хлива не зачыня!...
„Укландаетця рано спаткы!—
„А на двори блеють ягняткы!...
„А тее мусывъ вовкъ провидать!—
„Прыйшовъ ягнятокъ пообидать.

„Якъ не загнать ихъ до хлива?
„Ахъ ты!—проклята голова“...

—

Тымъ часомъ—якъ въ сели ци носятця догадки—
Невистчинъ батько спать не ставъ одъ цей загадкы.
За свекромъ доччынымъ чатуе сватъ Онысько
Глядь!—свекоръ ничью щось въ мишку несе до Прыськи!...

—

„Куды, дидусю, ты такъ пизно изъ двора?
„Уже-бъ твоимъ кисткамъ и спочивать пора.
„Куды ты?... що несешъ?—та й не въ мишку, въ плахтыни!...
—Гостынець Панъ-Отцю...—Се кавуны, та дыни...—
А дыни въ плахти тій вси разомъ ме-ке-ке!...
„Э! сватоньку, постій!... Се щось тутъ не таке!...
„Э! по ягнячому крычать у плахти дыни!...
„Святъ еси Господы! Аминь Його Святыни!...
„Не йсть, бра, въ Спасивку нашъ пипъ скоромныхъ дынь!
„Ся й стежка не къ йому... куды ты вже ни кынь,
Такъ буде тоби клынъ!...

—

—И я, бра, бачу вже, що я тутъ ошукавсь...
Я жъ на невистчини дильця не сподивавсь!...
Я думавъ зъ дому дыни взявъ,
Самъ звечора въ мишокъ въ комори ихъ складавъ,
Ажъ тутъ ягнята очутылысь!...
Та й не мишкомъ моимъ, а плахтою накрылысь!...
А плахта ся тоби ма-буты по знаку?
Ты замужъ въ ій оддавъ до насъ свою дочку?
Теперъ вона—якъ бачъ—негарно провынылась!...
Изъ кымсь-то, мае буть, оце вона здружилась;
Комусь-то припасла й гостынчикъ у плахтыни;
А я въ потёмкахъ—хапъ!—свой то буцимъ дыни...

—

„Таки-то дыни, Пане Свату,
„До Приськи носишъ ты у хату?...
„И носышъ ты що ночи!...

„Я вже прогледивъ очи,
„Поки тебе я пидстеригъ.
„Самъ Богъ мени теперъ помигъ
„Обороныть мою дытыну,
„Що въ васъ терпыть лыху годыну.
„Уси вы на свою напалыся невистку!
„Теперъ же я на васъ скажу всимъ добру вистку,—
„Щобъ зналы вси куткы,
„Якъ бидни въ свити невистки“.

—

„Винъ плахту и ягнятъ забравъ,
„И свитомъ тее все въ громадьскій судъ отдавъ.

—

Якъ плахту тамъ уже и якъ ягнятъ судылы
Про тее не чутно,
Бо діялось давно.
А свекра, кажуть-то, въ суди прохворостылы
На вси бокы,—ажъ млывъ—та вже тогди й пустылы.
Невисткамъ же усимъ полегчало на часъ,
А потимъ зновъ пишло, такъ якъ ведетця въ насъ.

—

Та ще теперъ и гиршъ ведетця;
Бо вже й чубамъ, якъ тимъ невисткамъ достаетця.
Теперъ вси Соцьки, вси Війты,
Якъ ти невистчыны плахты,—
Лупнувъ тамъ Справныкъ десь,—а имъ и не мынетця.

Остапъ.

У Кыеви,
16 Червця 1841 року.

XII.

Байка.

Въ якомусь-то сели,
Якъ водытьця, прыйшлось брать хлопцивъ въ москали.
Була громадська схидка,

А соцького Петра боялысь тамъ якъ дидька,
Бо бувъ богатый чмыръ и дужій вовкулакъ.
Винъ лышь роззявить ротъ, то вси крычать: такъ, такъ!
Тутъ ричь про некрутъ шла, а въ його сынъ бувъ злодій;
За нымъ була черга, щожъ каже нашъ добродій?
„Въ Горпыны у вдовы одынъ сынъ неборакъ,
„Його-то въ москали, бо бачьте—винъ биднякъ,
„Ни шкапы, ни вола не мае винъ въ пидводу,
„Земскихъ повинностей не одбувавъ винъ зроду,
„Та ще й лучаются покражи на сели;
„Ой, певне, що воны його рукъ не втиклы.
„А люде гримають на сына,
„Все на мого Грыцька.
„Отъ бачыте яка
„Моя лыха годына!...
„Що буцимъ-то мій Грыць
„Все краде, носыть до вдовиць,
„Та до хорошихъ молодыць
„А хто-жъ сёму повирыть,
„Щобъ кравъ мій Грыць! Давно винъ корцемъ гроши мирить.
„Ни!—винъ чужого не бажа.
„А сынъ вдовинъ мабуть не мае ни гроша.
„Якъ то ты думаешь, Тимоше?
„И вы, громада вся?—чи гоже
„Я прысудывъ, щобъ йшовъ у некруты батракъ?"...
Вси ревомъ заревлы:—його, його!... такъ, такъ!...
Одынъ Охримъ, старый, розумный и поважный,
Не даромъ на сели бувъ выборный прысяжный,
Озвавшись каже:—що, що! пане соцькій! якъ?...
Той кажешь злодій, хто биднякъ?
Якъ же то ты цёго докажешь,
Що на ввесь ротъ крычишъ и кажешь:
Той чесный хто богачъ, злодіи жъ бидняки,
Ихъ то и въ некруты! На що жъ очередны кныжкы?
У тебе здатны вси сынкы,
Чотыры хлопци—парубкы;

А бидная вдова Горпына
Одного тилько мае сына,
Та ты й того оце злодюгою зробывъ?...
Такъ знай, що я твого въ комори самъ ловывъ;
Ловывъ неразъ твого я Грыця;
Въ рукахъ його була разъ плахта и спидныця,
А въ друге сала шматъ, да пять чи шисть ковбасъ,
До ныхъ, якъ китъ, винъ выдно ласъ.
Я: „що ты тутъ, небоже?“
А винъ:—ой Боже жъ мій! ой Боже!—
Я чубъ намявши и пустывъ,
Срамыть тебе зъ нымъ не хотивъ.
У некруты його!... А вы же що громадо?
За соцькимъ вси:—„такъ, такъ!“... якъ те баранне стадо.
Не такъ отъ звалы васъ и мирковаты: що, якъ!...
У насъ не чваньсь богачъ и не внывай биднякъ [1]).
Одинъ правдывый чоловикъ
Дурну громаду всю поборе,
А де його нема, тамъ горе:
Тамъ злодій буде паномъ викъ.

XIII.

Байка. [1])

Звѣриный мôръ.

Найшли всѣ бѣды на звѣрей,
Спôткала ихъ лыха годына,
Неначе за грѣхи людей,—
Уже зъ нихъ сдохла половина!
Чи пошесть то була, чи мôръ,
Не знавъ того ни жаденъ звѣръ.
Але-жъ—якъ всѣмъ прійшло вже круто,

[1]) Повынно все буть справедлыво,
Ходы всякъ просто, а не крыво.

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлин., т. к. очевидно, авторъ хотѣлъ приблизиться къ правописанію Максимовича.

То спало зъ языкôвъ ихъ путо.
Давай воны у всѣхъ пытать,
И знахарôвъ такихъ шукать,
Щобъ имъ порадити умѣли,
И,—якъ спасаться научили.
Знайшли воны Крота.
Отшелникъ!... смирный!... чистота!...
Яка въ ёмъ доброта!...
Нема ўже лѣпшого скота.
„Смирнесенькій! порадь и зжалься ты надъ нами!
„Не бôйсь насъ, не ўтѣкай одъ насъ тѣми норами!...
„Мôръ, голодъ и жара!—сѣхъ каръ намъ не знести!...
„Якъ зубы намъ свои и якъ шкурки спасти?
„Якъ бы намъ зъ саломъ уцѣлѣти,
„Щобъ не пропали наши дѣти?
„Несчастье се насъ всѣхъ до тебе привело,—
„Спытать тебе: за що терпимъ таке мы зло?"...
Смиренный Кротъ
Одъ посту свôй засохшій ротъ
Въ велику силу мôгъ роззявить,
Два зуба выставивъ и такъ до нихъ гугнявить:
„Охъ! бѣды си лихи:
„И мôръ, и голодъ,—все за наши се грѣхи!...
„Иначе жъ зъ нашихъ шкуръ грѣхôвъ не можно збути,
„Якъ тôлько кинутись всѣмъ треба до покуты [1]),
„Хто, якъ, чѣмъ зогрѣшивъ,—все выявити треба [2]),
„И тѣмъ никóли бôльшъ не прогнѣвляти Неба".
—Такъ, такъ!—мы грѣшны всѣ!... Одъ першого Осла,
Ажъ до послѣдняго смердючого Козла...
Самъ Левъ не правъ!... не права й Кôшка!...
Лизнули въ пôстъ мясця!... забулы, що то грѣшка!...
Кроту мы всѣ свои раскажемо грѣхи.—
„Охъ ваши на мене надѣи всѣ плохи!...

---

[1]) *Вар.*: якъ тилько треба всимъ удатысь до покуты.

[2]) *Вар.*: всимъ сповидатысь треба.

„Шукайте, хто святѣйшій,
„А я одъ всѣхъ грѣшнѣйшій!...
„Глядите: отъ вамъ Вовкъ! сто разъ мене смирнѣйшій [1])
„Хиба то голодъ ўже ажъ въ сукъ его зôгне,
„Що по неволи вôнъ тогда когось давне;
„А то николи вôнъ не зробить даромъ шкоды.
„А я й безъ голоду,—щобъ мордочку свою
„Потѣшить,—все псую:
„Поля, лиса, сады, городы".
Тутъ гôрко кротикъ зарыдавъ,
Хочъ бачся и очей не мавъ,
А втершись лапкою вôнъ показавъ на воду,
И такъ сказавъ всему звѣриному народу:
„Щобъ зубки намъ свои и шкурочки спасти,
„До Щуки треба намъ грѣхи свои нести.
(Та якъ ити у тую воду
„Слѣпымъ кротамъ, не знавши броду!)
„О Щука постниця! Живе въ води сто лѣтъ,
„Разъ тôлько въ мѣсяць ѣстъ обѣдъ!..
„Вона въ свой довгій вѣкъ не зробить столько бѣдъ,
„Якъ я зроблю въ одно ихъ лѣто,—
„А все те одъ звѣрей въ моей норѣ закрыто"!...
Якъ тôлько Крôтъ одсповѣдавсь
И всѣмъ въ грѣхахъ своихъ признавсь,
То заразъ переставъ у свѣтѣ Мôръ и Голодъ,—
И де була Жара, повѣявъ топкій Холодъ.

—

Були жъ колись таки кроты,
Що ўмѣли всѣхъ звѣрей спасти.
Кроты звѣрки слѣпы, чужихъ грѣхôвъ не бачуть,
А объ своихъ таки хоть пôдъ часъ Мору плачуть.
Не такъ якъ людскіе кроты,—
Сами не грѣшны—хочь умерти,

---

[1]) *Вар.*: передо мною Вовкъ сто, двисти разъ добрійщій.

А только другимъ все грѣхами колють очи,—
Що й слухать ихъ не стало мочи.
Колибъ намъ де знайти такихъ людскихъ кротôвъ,
Тогда бъ то хлѣбъ родивъ,
А сѣно й поготôвъ:
Кроты бъ земли не рыли,
А люде бъ ихъ любили,
И люде й звѣри смирно-бъ жили;
И ѣсти мали бъ що, и Бога бъ всѣ хвалили [1]).

Року 1841 мѣсяца Червця 28 дня
У Кыевѣ.

XIV.

Байка.

Выборъ женыхивъ.

Не кыдайсь першого купця,—
Чы другій буде,—не вгадаты;
Не завше трапышъ на слипця,
Щобъ мигъ йому й гныле продаты.
Покы ще свиженькій товаръ
Чимъ дужъ його зъ рукъ треба збуты,
А на лежале весь базаръ
Не хоче окомъ намыгнуты.

---

[1]) Въ черновой рукописи это нравоученіе изложено въ нѣсколькихъ сокращенныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе обработанная слѣдующая:

Колыбъ дей намъ знайты теперъ такихъ кротивъ
Що дилъ худыхъ чужихъ не бачуть,
А о своихъ щоденно плачуть
И не таять своихъ грихивъ,
То одъ голодныхъ-бы и мы спаслись рокивъ.

Охъ!—ще не выйшла зъ головы
У мене й доси та Кулына!...
Якъ хочъ еи теперъ зовы,
Була то дивка якъ калына.

Сама билесенька якъ снигъ,
А щички й губкы червоненьки;
Ажъ бы вкусывъ, колыбъ прымигъ—
Отъ ти два яблочка повненьки!...

И що жъ за нею женыхи—
Не то ватагою—ордою,
Не яки небудь, а лыхи,
Що ажъ нема одъ ныхъ одбою.

Кулына жъ всимъ имъ на одризъ,
Що ій ити ще замужъ рано,
Що той женыхъ ще не подрисъ,
Кому на неи право дано.

Той бачишъ смирный якъ хомякъ,
А той глядыть все нибы скоса;
У всихъ що небудь та не такъ,
Одъ каждого заверне носа.

Йовтухъ, Нечыпоръ и Охримъ
Пишлы одъ неи зъ гарбузамы;
По квитци имъ прышыла всимъ,
Що ажъ заклецалы зубамы.

Петрусь бы всимъ бувъ женышокъ,—
Колыжъ—бородавка на носи!...
Павлусю бъ хтилось—такъ мишокъ
Не сміе сватацьця и доси.

Оттакъ вси женыхы пройшлы
И не верталысь до Кулынкы;
А ій годочки йшлы да йшлы—
На щичкахъ провелы морщинкы.

А тамъ уже пидъ трыдцять пять;
Якъ вся пожовкла, зблякована,

Весну другу де дивци взять;
Безъ женыхивъ зазимовала [1]).
А якъ, скажыте, сывыхъ кисъ
Дождавшись дивци, жыты въ свити?
Кулына йде доиты кизъ
Чужихъ, щобъ хлиба заробыты.
Вона тутъ стрилась зъ пастухомъ,
Уже й до сёго скалыть зубкы
И рада, що старый Пахомъ
До сывой прыгорнувсь голубкы.

XV.

Козлы.

Vitam impendere vero...
Veritas odium parit.

Щаслывъ той всякъ, хто Батька мавъ.
И ридную свою Матусенькою звавъ!...
Чому жъ не всякъ иде по батькивскій дорози,
А инши скачуть въ садъ чужій—якъ тіи козы?
Проклятымъ бачъ козломъ не овощь на уми,
Имъ кору зъ всихъ деревъ дай обгрызать зубамы.
Хочъ вышня безъ коры обгрызена й засохне,
Козлу що до того?—не сытъ винъ и не здохне.
Будь и высокій тынъ въ саду,
Козлыще вскочить на биду!...
И бьють за те козливъ, ламають имъ и рогы,
А все козлы въ чужій садъ скачуть безъ дорогы.
Такіи то козлы
Вси тіи люде злы,—
То що не женятця,—а роблятця батькамы.
Не тишатця дитьми, а чванятця рогамы.

---

[1]) *Вар.*: Давай вона й сама шукать,
Та женыхавъ вже не догнала.

Охъ!—всихъ бы тыхъ козливъ кыямы!...
Та шкуры зъ ныхъ зодрать,
Щобъ бильшъ имъ не вдалось въ чужи сады скакать.
Воны не думають о диткахъ,
Що роскыдають ихъ въ чужихъ садахъ—по клиткахъ,
На всихъ сучкахъ и виткахъ!
Кого жъ ти бидніи батьками будуть звать?...
И матерей своихъ якъ будуть шановать?...

Мѣсяца Лютого (Февраля) 2 дня
1842 року г. Кыевъ.

XVI.

Пѣсня.

(Старинная на новый ладъ).

Чи такъ у васъ, якъ у насъ,—
По полю кропывка,
По таляру молодець,
По шелягу дивка?...
Въ війско йдуть вси молодци,
Решта чумакують,
Любки бъ то у нихъ на сердци,
Да все бурлакують.
Зъ вечера нибы й любывъ,
Въ ранци—вже й забуде!...
Не боитця, що окпывъ,
Хочъ и лають люде,
А що жъ дивонькамъ робыть?
Знай—прядуть, да шіють!...
Хтилось бы то й имъ любить,
Да въ дивкахъ сывіють.
На калику одного
Десять бы знайшлося,

Колы жъ—чортъ визьмы его!—
Війно те ввелося!...
Дай, да дай—ще и поддай
За хорошу дивку;
А не то—за пичь сховай,
Колы маешь бридку.
Плюньтежъ въ очи молодцямъ,
Плюньте вы дивчата
Тимъ що дуже хвалять вамъ
Ваши оченята...
Що зозулькамы зовуть
И лебедкамы частують,
А за жонокъ не беруть,
Тилько такъ жартують.
Нехай мруть воны зъ нудьги,
Нехай васъ не бачуть;
Поки будуть вороги,
Нехай стогнуть, плачуть!...
За одну щиру любовь
Покажить имъ ласку,
А не тому, що готовъ
Здерты зъ васъ запаску.

XVII.

Пѣсня.[1]

(Харьковскимъ розмахомъ).

Зо всѣхъ пѣсень ця найкраща
Слухайте, ўважайте!
Бувъ Хведько собѣ ледащо,—
Не тѣмъ поминайте.
Пивъ, гулявъ винъ на пропале,
Не хотѣвъ робити.
Батько й мати радить стали...
Щобъ его жинити.

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлинника.

Хведь спинаетця на дыбки:
„Не хочу, не хочу!
„Всѣ дѣвчата гидки, бридки!
„Одъ нихъ въ воду скочу!“...
Мати опустила й руки,
Батько й нôсъ повисивъ!
„Не роби жъ намъ сеи муки,
„Шибенику бѣсôвъ!“
Нѣчого зъ Хведькомъ чинити,—
Выбывсь усъ гарненькій,
А щобъ сына оженити
Не думай ты, ненько!
Тôлько разъ винъ каже: „Мамо!
„Часъ менѣ жениться.
„Противъ шинку живеть прамо
„Чудо не вдовиця“!...
Матêръ пôтъ пронявъ холодный!...
Впала, обомлѣла!...
А Хведь—стрибъ! гультяй, негодный!
Зновъ до свого дѣла!...
Винъ не слухавъ ни одъ кого
Бôльшъ ни якой рады,
Взявъ вдову соби небогу—
Въ тôмъ не бачивъ вады.
Тôлько жъ черезъ мѣсяць—близько
Давъ имъ Богъ новинку!...
Хведь бѣжить купить колиску!...
„А що?... Бачишь сынку“!!...
Хведь до жинки зъ кулаками!...
Жôнка зъ макогономъ!..
А старенька—съ слизоньками
Промежъ нихъ—розгономъ!...
„Що вы, що вы, мили дѣти!...
Не злякайте внука!...
„Стрѣлки ўже не воротити
„Пущенои зъ лука...

„Вы бъ очамъ своимъ сказали:
„Помацки не лазьте,
„Бачили що куповали,
„Ѣжьте жъ—хочъ вылазьте“!

XVIII.

Одъ Грыцька Перепелыченка

до Его милосты Павла Королева (старика подагрика) повиншованье зъ именынами.

(Грыцько съ ношею за спиной входитъ къ имениннику и все говоритъ одинъ. Прочихъ лицъ нѣмыя сцены).

Магай-би Паночку!—добрыдень вамъ у хату!
Чи живъ, здоровенькій, Павлусю,—пане свату?
Я-жъ вамъ таки колысь продавъ фуръ зъ пять пшеныци.
И могорычъ пылы у ци жъ такы свитлыци.
Отъ це чи знаете (сказать, та не вбрехатысь):
Якъ причалапавъ я, щобъ зъ вамы повыдатысь?
Зобравсь я на тиргъ у Кіевъ по неволи,
Не стало до борщу а ни дробыны соли;
Колы жъ стриваюсь тутъ—чи знаете—Охрима?—
Выходыть зъ церквы винъ, ажъ тута—рыпъ дверыма—
Выходыть и Свырыдъ; да й кажуть—„що ты знаешъ?
„Въ шынку ты й вывився, а въ церкви не буваешъ.
„Сегодни пипъ казавъ святого Павла зъ Хфева [1])
„Ходимъ же на ралецъ до Павла Королева.
„Винъ же нашъ добрый Панъ! Дай йому Боже зъ неба,
„Чого винъ самъ бажа, чого йому потреба!“
А я це якъ почувъ, да й ну чимчиковаты,
Ажъ чубъ упривъ, покы добривъ до вашой хаты.
Поздоровляю жъ васъ, Добродій Именынчикъ!
А це свыняче вамъ стегенце на гостынчикъ!
А це вамъ прядивця зъ повисьмо—або й билше,
Бо ваши панночки, я чувъ, прядуть не згирше!

---

[1]) Января 15 дня празднуется память св. Павла Ѳивейскаго.

(Хозяинъ благодаритъ и проситъ садиться. Жалуется на боль въ ногахъ, а Грицько преподаетъ свои совѣты).

Отъ це жъ я и прыйшовъ,—а ти десь забарылысь.
А що жъ, Добродію? отъ це вы щось скрывылысь?
Мабуты вы слаби?... Хоруете на ноги?...
Лыха годыночька!... А що жъ? нема й помоги?...
Мабуты се прыстритъ, або була бешыха!...
Далеко до добра, а блызько намъ до лыха!...
У насъ бувае й це, що часомъ пидлываютъ,
Да й завертки въ пашни псявиры завертаютъ.
Щобъ имъ такъ щелепы назадъ позавертало
(Все добре кажучы),—щобъ имъ добра не стало.
А все жъ ихъ завертка никому не мынетьця,
Хто заразъ знахара шукать не схаменетьця.

(Старикъ продолжаетъ жаловаться на боль въ ногахъ. Общій разговоръ. Накрываютъ на столъ къ обѣду. Гости начинаютъ сходиться. Между прочимъ Грицько продолжаетъ)

Отъ я вамъ що скажу: одъ насъ тамъ дуже блызько,
Въ лису на хутори живе старый Оныськo,—
Винъ мае въ носи щось,—и ворожыть уміе!
Въ його млыни самъ чортъ ломать колись не сміе.
Винъ зъ биса ворожбытъ, одъ разу угадае:
Що? якъ?—де вкрадено?—и вси винъ чары знае.
Чы одходыть данье, чы вылыть кому волосъ;
Уже що знахаръ винъ, въ одынъ крычать вси голосъ.
А ще у насъ въ сели кырпата есть Горпына.
О! й то ще знахарка!—Тилько лыха годына,
Що пипъ заборонывъ іи вже ворожыты,
Та ще й лякавъ тяжку покуту наложыты.
Таки, бачъ, Пан-отци теперъ у насъ насталы:
Хочъ выпре зъ тебе духъ—бабы щобъ не шепталы.
Отъ вамъ колыбъ таку Горпыну запровадыть,
Вона бъ за тыждень вамъ потрапыла порадыть.
Вона-бъ насмаживши—по своему—по просту,
Приклала-бъ вамъ до нигъ кориння живокосту,

То вы бъ за килька днивъ зъ постели зволоклыся,
А миськихъ дохтуривъ и бачыть зареклыся.
Бо то все нимчура, Бигъ знае, чимъ курують,
Своими ликами на смерть людей мордують.
Изъ чыряка воны изроблять и болячку,
А трасьцю обернуть уміють на гарячку.
Та ще й червиньци имъ давай за тую ласку,
А баби надто вже колы купывъ запаску.
Отъ такъ, Добродію!—Моя такая рада,
Що вамъ тыхъ Дохтуривъ—мовлявъ москаль—не нада,
А треба знахарку, таку щобъ кмитовала,
Якъ, чимъ порадыты—да щобъ и пошептала.

(Наступаетъ время обѣда. Грицько по приглашенію принимается по очереди за все, что видитъ на столѣ).

А що жъ?—чи се уже по едній выпыть мусымъ?
Та добре жъ!—выпыймо!—та й ковбасой закусымъ.
А це ще й борщъ?... а це и каша зъ вышкваркамы?...
А це й вареныкы?... и юшка зъ галушкамы!...
А це и порося? я-жъ мяса вже не хочу,
А тильки шкурочку, бо свій живитъ наврочу.

(Пивши охотно за всякимъ блюдомъ, наконецъ начинаетъ отговариваться).

Охъ, годи-жъ пидлывать мени сей варенухи;
Бо после цеи вже почервоніють ýхи.
Та годи-жъ вамъ мене такъ дуже частоваты,
Ей-богу! билше вже не буду й коштоваты!...

(Помолясь и поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль, Грыцько прощается и уходитъ).

Спасыби-жъ Богу—й вамъ! теперъ уже прощайте.
Якъ въ Хотовъ [1]) трапытьця,—то й вы насъ не мынайте,
Прощайте—жъ!—будьте вси здоровеньки посполу!
Нехай вамъ Бигъ дае здоровье й добру долю.

---

[1]) Хотовъ—село въ 12 верстахъ отъ Кіева, гдѣ живетъ Грыцько.

(Хозяину больному въ особенности желаетъ поправленія здоровья).

Нехай же васъ Павло святый такъ умоцюе
Въ здоровьи—якъ винъ самъ соби тамъ прымиркуе.
Спасеть же васъ Господь! спалать за вашу ласку!...

(Вышедши изъ гостей и идя дорогою самъ съ собою.)

Теперъ же часъ мени шукать свою Параску!...
Вона на вози десь зъ дытыною на мисти...
Тремтыть одъ холоду!—небога хоче й исты!...
Колыбъ зарання намъ допхатьця до господы!...
Та ну жъ!—не лай стара!—Я?—пьяный?...
Годижъ!... годи!...

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

[1]) Стихотвореніе это представляетъ, повидимому, картинку съ натуры: по крайней мѣрѣ упоминаемый здѣсь П. Королевъ лицо не вымышленное (онъ служилъ въ духовной консисторіи).

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Октябрьскій брестскій соборъ 1596 года, на которомъ предполагалось соединеніе православія съ католицизмомъ въ формѣ уніи, привелъ только къ раздору.

Издавна католическое правительство Польши заботилось въ своемъ государствѣ объ уніи и до конца XVI в. не теряло надежды видѣть соглашеніе церквей съ подчиненіемъ, конечно, православія католицизму; но теперь, на брестскомъ соборѣ, стороны рѣшительно убѣдились, что такое соединеніе вѣроисповѣданій не возможно. Представители двухъ главныхъ вѣроисповѣданій въ краѣ, съѣхавшіеся въ значительномъ количествѣ на этотъ соборъ, разсорились и предали другъ друга проклятію. Для католиковъ проклятіе православныхъ не имѣло, конечно, важныхъ послѣдствій: католицизмъ былъ религіею правительственною; на его сторонѣ стояла государственная власть. Хуже, разумѣется, пришлось православнымъ. Они лишились большинства своихъ епископовъ, перешедшихъ, по личнымъ разсчетамъ, въ унію, и терпѣли по мѣстамъ насилія со стороны католиковъ. Западно-русская церковь осиротѣла въ своемъ представительствѣ. Оставшіеся два епископа не могли управиться съ ея дѣлами, да и притомъ это были люди съ далеко небезупречнымъ прошлымъ. Что касается средняго православнаго духовенства, то—не далекое (чтобы не сказать сильнѣе) по своему развитію—оно заботилось лишь о своихъ личныхъ, жи-

тейскихъ нуждахъ и интересы своей частной жизни ставило выше интересовъ общества. Кромѣ того, оно стояло въ матеріально-имущественной зависимости отъ польскихъ пановъ, привыкшихъ сильно злоупотреблять своимъ правомъ раздаянія духовныхъ мѣстъ. Но хуже всего было то, что православная, западно-русская церковь послѣ брестскаго собора не имѣла митрополита (ея прежній митрополитъ перешелъ въ унію).

При такихъ-то обстоятельствахъ, православные обратились къ константинопольскому патріарху, которому оффиціально была подчинена западно-русская митрополія, представили на его разсмотрѣніе дѣяніе брестскаго собора и просили совѣта и помощи въ неравной, тяжелой борьбѣ съ уніатами и католиками. Въ то печальное время, по нѣсколько преувеличенному извѣстію документа, „*все христіанство* подвиглось до святѣйшаго патріарха изъ разныхъ мѣстъ и о томъ знати давати ему почали, просячи о ратунокъ“.

На константинопольскую патріаршую каѳедру вступилъ тогда, послѣ смерти Іереміи II, въ званіи пока мѣстоблюстителя, александрійскій патріархъ Мелетій Нигасъ.

Принято обыкновенно думать, что Мелетій Нигасъ былъ „хорошо знакомъ съ положеніемъ западно-русской митрополіи, съ которою не разъ сносился и прежде[1])“.

Конечно, переписка патріарха Мелетія Нигаса съ разными лицами западно-русской митрополіи, составившая цѣлый томъ сочиненій въ переводѣ на русскій языкъ[2]), фактъ слишкомъ очевидный, чтобы можно было что нибудь возразить противъ него, но мы осмѣлимся высказать свое положеніе, что одного письменнаго сношенія очень недостаточно для „хорошаго знакомства“ съ какою бы то ни было страной, а тѣмъ болѣе такой, какъ западная Русь, гдѣ издавна сталкивались самые разнородные религіозные интересы, которые могли быть хорошо поняты только на мѣстѣ. Факты очень печальнаго свойства

---

[1]) Макарій—„Исторія русской церкви“, т. X, стр. 242. Мнѣніе пр. Макарія повторено многими изслѣдователями.

[2]) Второй томъ „Мелетія Нигаса“ И. И. Малышевскаго.

подтверждаютъ справедливость нашего положенія. Напримѣръ, патріархъ Іеремія II не разъ сносился съ южнорусскою митрополіею, писалъ въ нее не одно посланіе; мало того, онъ даже не малое время жилъ въ предѣлахъ западной Руси и, слѣдовательно, имѣлъ хорошій случай непосредственнаго знакомства съ дѣлами западнорусской митрополіи, и однако, при всемъ томъ, какъ скудны, неправильны были его свѣдѣнія о западнорусской церкви! Развѣ мало повредилъ онъ ея интересамъ своимъ нетактичнымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла? Если люди, постоянно жившіе въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства, порою становились въ тупикъ предъ многими явленіями ея жизни, ошибались въ ихъ дѣйствіяхъ, терялись, не знали что дѣлать и невольно приходили къ сознанію, что для участія въ дѣлахъ своей родной церкви имъ недоставало пониманія ея интересовъ, то тѣмъ страннѣе утверждать, что далекій восточный патріархъ былъ хорошо знакомъ съ южнорусскою церковью на основаніи одной переписки...

Братства... На нихъ была одна надежда. Правда, они держались дружно. Виленскіе и особенно львовскіе братчики, въ ряду которыхъ числились выдающіеся представители дворянскихъ родовъ западной Россіи, упорно отстаивали интересы какъ своихъ общинъ, такъ и вообще интересы своего православнаго края. Они не разъ заносили жалобы на несправедливыя отношенія къ нимъ уніатовъ и католиковъ въ городскія актовыя книги. Но если справедливо то, что о всякомъ дѣлѣ изслѣдователь долженъ судить по его окончательнымъ результатамъ, то должно сказать, что въ итогѣ дѣятельности братствъ оказалось, въ сущности, очень мало утѣшительнаго для православной южнорусской церкви того времени. Не прошло даже пятнадцати лѣтъ послѣ брестской уніи, какъ всѣ почти дворянскіе православные роды перешли въ католицизмъ, или протестантизмъ, и изумленный свидѣтель событія имѣлъ полное право оплакивать измѣну лучшихъ представителей православія сильнымъ энергическимъ воплемъ отъ лица своей родной, православной церкви. „Гдѣ неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, какъ-бы плачетъ южно-

русская церковь описываемаго времени, князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вышневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Копирскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, и другіе безъ числа?“ Въ „Ѳриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго оплаканы почти всѣ дворянскіе роды православной южной руси.

Князь Константинъ Острожскій... Конечно, онъ былъ вліятеленъ по своему фамильно-государственному положенію (какъ сенаторъ и потомокъ стариннаго рода), могущественъ по своему богатству и силѣ (какъ владѣтель огромнаго имѣнія, приносившаго, если вѣрить польскимъ историкамъ, до 2,000,000 злотыхъ; замѣтимъ, что „злотъ“, „злотый“, нынѣ 15 копѣекъ, въ то время цѣнился почти въ 20 разъ больше), энергиченъ и дѣятеленъ, по своему характеру и темпераменту. Въ это критическое время для западнорусской церкви онъ былъ даже назначенъ патріархомъ Мелетіемъ — экзархомъ южнорусской митрополіи на ряду съ Гедеономъ, епископомъ львовскимъ, и Кирилломъ Лукарисомъ, протосингелломъ. Но изслѣдователь потратилъ бы напрасно время, если бы, соблазнившись громкимъ, новымъ титуломъ князя-экзарха патріаршаго престола, подумалъ, что съ нимъ открылся новый какой нибудь періодъ его дѣятельности и сталъ бы искать въ его дальнѣйшей жизни какихъ либо особенно важныхъ предпріятій на защиту православной церкви. Все лучшее, что могъ сдѣлать князь Острожскій для защиты своей вѣры и народа, было имъ сдѣлано раньше (основаніе острожской типографіи и школы, заботы объ уніи безъ нарушенія сущности православія, защита національныхъ правъ своего народа на польско-литовскихъ сеймахъ, противодѣйствіе уніи на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 г.). Теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ постепенно охладѣваетъ въ своей продолжительной и тяжелой роли защитника православной церкви. Испытавъ многія средства защиты ея интересовъ, какъ законныя, такъ и незаконныя (участіе князя въ казацкихъ бунтахъ, вызванныхъ слухами объ уніи, не подлежитъ сомнѣнію), онъ утомился въ своей роли. Правда, онъ и теперь присутствуетъ на второмъ протестантскомъ сеймѣ, къ нему

по прежнему обращаются за совѣтомъ и помощью разныя братства, предъ нимъ заискиваетъ даже папа, никогда, впрочемъ, не терявшій надежды склонить могущественнаго князя Острожскаго къ своему трону, и теперь еще, по старой привычкѣ, онъ участвуетъ во многихъ церковно-общественныхъ дѣлахъ, но это уже не та горячая, энергическая дѣятельность пылкаго, рѣшительнаго князя, а спокойная, ровная и какъ бы равнодушная дѣятельность человѣка усталаго, требующаго себѣ больше внутренняго спокойствія, чѣмъ внѣшнихъ впечатлѣній. Поживъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, князь теперь сталъ предаваться меланхолическимъ настроеніямъ и часто подумывалъ о томъ, „ижъ крутно зъ свѣтомъ разставатися". Время князя миновало. Онъ тихо доживалъ свой длинный вѣкъ. Такъ яркіе лучи предъ закатомъ солнца блестятъ и свѣтятъ, но не грѣютъ. Никогда, кажется, роль экзарха не была такъ не кстати, какъ въ отношеніи къ князю Константину Константиновичу Острожскому послѣ брестскаго собора. Экзаршество было не болѣе какъ лишнимъ эпитетомъ въ длинномъ княжескомъ титулѣ. До какой степени князь Острожскій былъ безсиленъ въ своей роли экзарха, объ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что онъ не могъ выручить изъ бѣды константинопольскаго протосингелла Никифора, котораго самъ же вызвалъ въ Острогъ и котораго постигла въ западной Руси печальная судьба: онъ сдѣлался жертвою интригъ польскаго правительства, преслѣдовавшаго въ то время узко-національныя, политическія цѣли въ своемъ разноплеменномъ и крайне неопредѣленномъ, по своимъ этнографическимъ предѣламъ, государствѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу этихъ интригъ, познакомимся въ общихъ чертахъ съ жизнью Никифора.

II.

Исторія не сохранила намъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни Никифора. Поэтому, въ его біографіи намъ приходится ограничиваться предположеніями и тѣмъ немногимъ

историческимъ матеріаломъ, какой даютъ намъ южнорусскіе документы конца XVI вѣка.

По всей вѣроятности, протосингеллъ Никифоръ былъ родомъ изъ Грецiи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По обычаю того времени, онъ отправился въ Италію для обученія наукамъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ различныхъ наукъ въ падуанскомъ высшемъ училищѣ, потомъ семь лѣтъ проповѣдывалъ при одной церкви въ Венеціи. Воспользовавшись вліяніемъ своей сестры, которая была одною изъ женъ султана, онъ вошелъ въ дружеское расположеніе правителей Турціи и слылъ, вообще, за человѣка вліятельнаго („великои ваги"). Быть можетъ, вслѣдствіе этого именно своего положенія, онъ приблизился къ тогдашнему константинопольскому патріарху Іереміи II и въ 1592 году возведенъ былъ въ почетное званіе великаго протосингелла и экзарха константинопольскаго патріарха.

Въ званіи протосингелла Никифоръ два раза управлялъ константинопольской патріархіей въ 1592 — 1594 годахъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ подготовлялась въ это время унія, и до Константинополя стали доходить тревожныя извѣстія о желаніи большинства западнорусскихъ епископовъ перейти въ унію. Львовское братство въ 1592 году писало объ этомъ патріарху и просило его прислать въ западную Русь какое нибудь уполномоченное лицо для прекращенія замѣшательствъ, возникшихъ вслѣдствіе этихъ слуховъ объ уніи. Объ этомъ-же писалъ патріарху князь Острожскій и другіе защитники западнорусской церкви. Константинъ Константиновичъ Острожскій кромѣ того просилъ еще патріарха прислать ему для устройства его острожской школы какого нибудь опытнаго дидаскала, который-бы зналъ греческій языкъ и могъ хорошо поставить обученіе въ школѣ. Никифоръ согласился принять предложеніе князя Острожскаго и отправился въ югозападную Русь собственно „для наученія дитокъ". Ему-же, кажется, было поручено патріархомъ за одно устроить дѣла западнорусской церкви. Никифоръ приготовился уже къ отъѣзду, но совершенно непредвидѣнныя обстоятельства случайно задержали его въ Константинополѣ.

Случилось такъ, что валашскій господарскій престолъ, послѣ смерти воеводы Петра, оставался въ то время не занятымъ. Турецкій султанъ давно имѣлъ виды на Валахію; онъ хотѣлъ уравнять ее въ административномъ отношеніи съ другими турецкими провинціями и „посадити на то господарство своего турчина“ (Валахія пользовалась правомъ самоуправленія, но въ то-же время считалась административно-зависимою отъ Турціи). Христіанское населеніе Валахіи сильно встрѣвожилось. Оно всѣми силами старалось отстранить отъ себя турецкаго кандидата (боялось, чтобы „близко христіанъ турокъ не засѣлъ“). Протосингеллъ Никифоръ принялъ дѣятельное участіе въ положеніи Валахіи, и, благодаря его ходатайству при константинопольскомъ дворѣ, господаремъ былъ избранъ нѣкто Ааронъ—христіанинъ. Султанъ былъ умилостивленъ большими подарками, занятыми Аарономъ подъ поручительствомъ Никифора. Когда, такимъ образомъ, волошскія дѣла въ Константинополѣ были устроены, Никифоръ отправился въ Литву и по дорогѣ остановился въ Валахіи, гдѣ видѣлся съ Аарономъ и совѣщался съ нимъ объ уплатѣ долга. Въ это время онъ получилъ новыя посланія изъ Литвы, въ которыхъ православные просили его не медлить пріѣздомъ; но обстоятельства складывались очень неблагопріятно для дальнѣйшаго путешествія Никифора. Его снова задержали. Коронный польскій гетманъ Янъ Замойскій вошелъ въ Валахію съ 6,000 войска и предъявилъ своего кандидата на валашское господарство—Іеремію Могилу. Перекопскій ханъ, не желавшій, чтобы Іеремія—кандидатъ поляковъ—занималъ валашскій престолъ, послалъ въ Валахію 80,000 войска препятствовать намѣреніямъ Яна Замойскаго. Султанъ въ свою очередь тоже не легко могъ отказаться отъ желанія видѣть на валашскомъ господарствѣ своего кандидата и тоже послалъ въ Валахію свое войско подъ начальствомъ Синамъ-паши. Въ Валахіи открылись еще большіе раздоры. Ея положеніе было критическое. При такихъ обстоятельствахъ, Іеремія и валашскіе паны „съ плачомъ“ просили Никифора „яко отца“, чтобы онъ, какъ человѣкъ съ сильными связями, уладилъ какъ нибудь это дѣло и „души христіанскія изъ неволи и смерти выбавилъ“. Никифоръ, уступая

просьбамъ, взялъ на себя невыплаченный долгъ Аарона, принялъ сторону Іереміи и убѣдилъ султана и перекопскаго хана признать господаремъ Іеремію. При этомъ, онъ уговорилъ поляковъ согласиться, чтобы Іеремія, возведенный ими на валашское господарство, присягнулъ султану на вѣрноподданичество, потому что только подъ этимъ условіемъ возможно было отступленіе турокъ. Султанъ получилъ новые подарки, Іеремія остался господаремъ, и Валахія успокоилась. Никифоръ отправился дальше.

Лишь только вступилъ онъ въ предѣлы польско-литовскаго государства, его задержали пограничныя власти и заключили въ тюрьму, какъ человѣка подозрительнаго, переѣхавшаго границу въ непокойное время. Въ это время въ 1595 году вышелъ окружной королевскій указъ ко всѣмъ пограничнымъ властямъ, въ которомъ строго „заказовалось, абы жадного посла, а ни листовъ отъ патріарха константинопольскаго не пропущано“. Въ силу этого указа, Никифора и арестовали. Въ положеніи арестанта Никифоръ пробылъ больше шести мѣсяцевъ. Такъ какъ его съ нетерпѣніемъ ожидали на Волыни, то онъ „зъ везенья ушолъ“, подражая въ этомъ случаѣ, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, примѣру апостола Павла, который для блага христіанской проповѣди, „въ кошу по стѣнѣ, спустившися, утекъ“. Лѣтомъ или въ началѣ осени 1596 года онъ былъ уже у князя Константина Константиновича Острожскаго въ Острогѣ.

Прибытіе въ южную Русь экзарха Никифора—лица съ столь важными церковно-административными полномочіями—имѣло большое значеніе для православныхъ. Явившійся представитель восточной церкви напомнилъ уніатамъ о единствѣ православія, при которомъ всякое сепаративное уклоненіе епископовъ отъ восточной церкви должно быть наказано, какъ незаконное. Протосингеллъ остановился у князя Острожскаго, который съ литовскимъ дворянствомъ принялъ его съ подобающею честью и послалъ къ королю посольство съ донесеніемъ о пріѣздѣ представителя восточной церкви.

Знакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи, экзархъ встрѣтилъ множество самыхъ разно-

рѣчивыхъ слуховъ о митрополитѣ; но онъ былъ слишкомъ осторожен для того, чтобы придавать этимъ слухамъ достовѣрность. Онъ обратился къ самому митрополиту съ письмомъ, въ которомъ просилъ сказать ему что нибудь опредѣленное относительно своего участія въ уніи.

Митрополитъ ничего не отвѣчалъ на запросъ протосингелла и продолжалъ вести свою крайне неопредѣленную политику въ отношеніи къ православнымъ. Положеніе митрополита рѣшительно выяснилось на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 года.

За день до открытія этого собора Никифоръ вторично писалъ посланіе къ митрополиту отъ своего имени и отъ имени Кирилла Лукариса, экзарха александрійскаго престола, прибывшаго тоже на соборъ въ Брестъ. Въ этомъ второмъ посланіи восточные экзархи напоминали какъ митрополиту, такъ и православнымъ епископамъ, согласившимся на унію, о своемъ пріѣздѣ и приглашали ихъ для совѣщанія, съ прибавкою, что они, какъ намѣстники патріарховъ, ждутъ должнаго къ себѣ почтенія... Посламъ экзарховъ былъ данъ короткій, дипломатически-двусмысленный отвѣтъ:

— Посмотримъ..... Если намъ угодно будетъ придти, мы придемъ.

Они не явились.

Оба протосингелла были задѣты въ своемъ честолюбіи такимъ невнимательнымъ отношеніемъ митрополита къ ихъ посланіямъ. Не дождавшись ни митрополита, ни его сообщниковъ-епископовъ, православные открыли соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ экзарховъ Никифора и Кирилла въ частномъ, кажется, протестантскомъ домѣ Райскаго, гдѣ остановился князь Острожскій. Соборъ православныхъ въ протестантскомъ домѣ—явленіе странное; но для объясненія его нужно принять во вниманіе, во первыхъ, близкія, дружелюбныя отношенія въ то время православныхъ и протестантовъ западно-русскаго края, а, во вторыхъ, особое распоряженіе братскаго епископа Ипатія Поцѣя запереть въ городѣ всѣ православные храмы—обычныя мѣста соборныхъ засѣданій. Никифоръ, какъ предсѣдатель православнаго собора, заявилъ всѣмъ собравшимся для совѣщанія,

что „хотя митрополитъ и находящіеся при немъ епископы (согласившіеся на унію), поступаютъ противозаконно, но мы (православные), не подражая имъ, будемъ поступать согласно съ (церковными) правилами“.

Мы не станемъ разсказывать о дальнѣйшемъ участіи Никифора въ соборныхъ засѣданіяхъ, потому что это значило-бы разсказывать всю исторію брестскаго православнаго собора 1596 года. Замѣтимъ только, что Никифоръ съумѣлъ провести свою роль предсѣдателя очень авторитетно и тактично. Когда послѣ перваго отказа отступниковъ-епископовъ явиться на соборъ, православные потребовали ихъ осужденія, Никифоръ не согласился съ такою преждевременною и, потому, крайнею мѣрою и отправилъ къ митрополиту посольство съ вторичнымъ приглашеніемъ на соборъ. Послы воротились и передали собору, что были приняты митрополитомъ съ яростью и презрѣніемъ и отправлены безъ отвѣта“. Митрополитъ сказалъ только:

— Напрасно насъ ждете, мы не придемъ.

Православные, выслушавъ такой дерзкій отвѣтъ, снова потребовали немедленнаго осужденія отступниковъ.

— Мы должны исполнить всё, что предписываютъ правила, отвѣтилъ Никифоръ и, согласно евангельскому совѣту три раза обращаться къ заблудившему въ вѣрѣ, назначилъ третье и послѣднее посольство къ митрополиту. На этотъ разъ посольству былъ данъ такой отвѣтъ:

— Что сдѣлалось, то сдѣлалось... иначе быть не могло... мы отдались западной церкви.

Послѣ этого оставалось произнести осужденіе уніатамъ, такъ какъ намѣренія ихъ теперь стали очевидны.

Въ длинной, риторической рѣчи Никифоръ изложилъ тогда бѣдственное положеніе западнорусской церкви: пренебрежительное отношеніе митрополита къ патріарху, измѣну его православію, своекорыстное влеченіе епископовъ уніатовъ къ личнымъ выгодамъ и волненія, происшедшія по этому поводу въ православной церкви. Протосингеллъ пожелалъ подробно узнать, когда и при какихъ обстоятельствахъ измѣнилъ митрополитъ своей вѣрѣ. Тогда всталъ съ своего мѣста архимандритъ кіевскій и

вкратцѣ изложилъ всю исторію отступленія митрополита и владыкъ отъ православія.

Когда всё было разобрано и обсужено соборомъ, Никифоръ въ заключительномъ засѣданіи собора произнесъ вторую рѣчь, въ которой пунктально изложилъ главныя вины митрополита и епископовъ, отдавшихся уніи. Когда рѣчь была кончена, соборъ „сталъ налегать“ на низложеніи виновныхъ.

Тогда Никифоръ сталъ на высокомъ мѣстѣ и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой св. Евангеліе, прочелъ въ всеуслышаніе „апофасисъ“, т. е. декретъ, которымъ отступники-епископы низлагались съ своихъ мѣстъ. Этотъ декретъ былъ возвѣщенъ уніатамъ чрезъ особаго посла, которому поручалось сказать епископамъ такія слова:

— Знайте, что за ваше новомысліе, отступничество и непокорность божественнымъ и святымъ правиламъ вы низложены съ своихъ іерархическихъ званій.

Такъ „экзархъ Никифоръ, имѣя полную власть отъ святѣйшаго патріарха со всѣмъ соборомъ... Михайла Рагозу, митрополиту, со всѣми его единомышленниками уніатами, изъ достоинствъ, яко правоприсяжцовъ патріаршихъ, низвергъ и анаѳемѣ или проклятію предалъ“.

По окончаніи собора князь Острожскій увезъ Никифора съ собою въ Острогъ, гдѣ грекъ-дидаскалъ занимался на досугѣ обученіемъ дѣтей въ острожской школѣ. Но не долго продолжалось покойное пребываніе Никифора въ Острогѣ. Польское правительство и уніаты были очень недовольны вмѣшательствомъ Никифора въ дѣла западнорусской, православной церкви. Они искали повода поколебать авторитетъ предсѣдателя православнаго брестскаго собора и еще до этого собора распространяли о Никифорѣ неосновательные слухи, будто бы онъ былъ шпіономъ. Но тогда эти слухи не могли имѣть серьезнаго значенія въ виду недоказанности факта. Послѣ собора, скоро представился удобный поводъ для обличенія Никифора въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ. Его привлекли къ суду и подняли шумный, для того времени очень сложный процессъ, кончившійся печальною развязкою для подсудимаго.

Дѣло началось съ маловажныхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятельностью Никифора, обстоятельствъ [1]).

III.

Позднею осенью 1596 года чрезъ „маетность пана гетмана короннаго“ Замойскаго проѣзжалъ Янъ волошанинъ (родомъ изъ Валахіи). Его послалъ князь Константинъ Острожскій въ Валахію съ порученіемъ купить турецкихъ лошадей.

Хотѣлось ли князю усилить свою конницу, или ему понадобились лошади для пышныхъ выѣздовъ, къ которымъ онъ, какъ и всѣ знатные польскіе дворяне того времени, имѣлъ большую страсть, неизвѣстно да и не важно; извѣстно только, что волохъ былъ отправленъ съ этою именно цѣлью и имѣлъ пропускную грамоту въ самую Валахію.

Кто знакомъ съ проѣздными осенними дорогами западнорусскаго края въ настоящее даже время, этими непроходимо грязными, узкими и иногда совершенно теряющимися въ лѣсахъ и поляхъ дорогами, тому легко понять очень не веселое настроеніе путника по этимъ дорогамъ въ XVI вѣкѣ. Путь изъ Острога въ Валахію лежалъ чрезъ нынѣшнюю подольскую губернію, сѣверную часть бессарабской и Молдавію. Этою дорогою сообщались православные съ восточными патріархами, ею и отправился Янъ волохъ.

Показался Шаргородъ, въ то время очень незначительное мѣстечко, принадлежавшее имѣнію графа Замойскаго. Янъ зналъ, что здѣсь жили нѣкоторые его земляки — волошане, съ кото-

[1]) При изложеніи судебнаго процесса Никифора мы, главнымъ образомъ, пользовались данными трехъ историческихъ документовъ: „слѣдственнаго дѣла объ экзархѣ Никифорѣ“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 117, стр. 159—165), „Перестроги“ (Акты Зап. Росс. т. IV, № 149, страницы 213 — 220) и „извлеченія изъ рукописи, содержащей описаніе Варшавскаго сейма, въ февралѣ и мартѣ 1597 года“ („Матеріалы для исторіи западнорусской церкви“. Приложеніе къ 1-му тому сочиненія Голубева: „Петръ Могила и его сподвижники“, № XV, стр. 46—60).

Первые два источника, вышедшіе изъ подъ пера православныхъ апологетовъ, говорятъ о Никифорѣ, какъ о мученикѣ за вѣру православную, невинной жертвѣ польскихъ интригъ; третій источникъ съ объективною сухостью и довольно точною

рыми онъ былъ „доброй мысли“. Онъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ и отдохнуть. Онъ былъ при деньгахъ и хорошо сознавалъ, куда и зачѣмъ идетъ. Торбу свою Янъ особенно берегъ, такъ какъ въ ней, кромѣ денегъ, находились письма князя Острожскаго и кромѣ того четыре письма какого то Пафнутія монаха къ разнымъ лицамъ, жившимъ въ Валахіи и Турціи. Всё было-бы хорошо, если-бы Янъ, сознавая важность своей миссіи, остерегался выпивать лишнее по дорогѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ имѣнія гетмана Замойскаго, который находился не въ ладахъ съ княземъ Острожскимъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Въ Шаргородѣ онъ сошелся съ земляками и неожиданно попалъ на обѣдъ къ шаргородскому подстаростѣ Хржонстовскому. Подстароста принялъ его очень любезно и во время обѣда спросилъ гостя: куда онъ ѣдетъ?

— Въ Волощину, отвѣчалъ Янъ, купить князю Острожскому лошадей... У меня есть пропускной листъ князя...

Янъ, въ минуты хорошаго настроенія, былъ откровеннымъ до слабости. Онъ уже собирался подробно разсказать о своемъ посольствѣ, но земляки-друзья шепнули ему, чтобы онъ, на вся-

---

обстоятельностью разсказываетъ порядокъ судебнаго процесса надъ Никифоромъ и отношеніе къ подсудимому короля и сенаторовъ. Всѣ три источника, дополняя другъ друга, даютъ любопытную страничку изъ западнорусской общественной жизни конца XVI в. Въ изложеніи фактовъ процесса мы руководились, преимущественно, „описаніемъ сейма“, дополняя его данными слѣдственнаго дѣла, представляющаго мѣстами буквальный перифразъ „описанія“. Что касается „Перестроги“, то на этомъ произведеніи, какъ извѣстно каждому, кто только читалъ этотъ документъ, лежитъ самая большая печать свободной импровизаціи увлекавшагося автора, допустившаго въ своемъ разсказѣ много несообразностей. Къ этому источнику мы прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣкоторыя историческія данныя о Никифорѣ представляютъ еще „Апокрисисъ“, „Ekplesis“ и „Акты южной и западной Россіи“. Въ польской исторической литературѣ процессъ Никифора оставленъ безъ вниманія: Пясецкій, Нѣмцевичъ, Сѣрчинскій, Гейденштейнъ, Стебельскій ничего не говорятъ объ этомъ процессѣ. Изъ нашихъ историковъ говорили мимоходомъ о Никифорѣ изслѣдователи уніи (Соловьевъ, Макарій, Костомаровъ и др.). Изъ мелкихъ историческихъ статей о Никифорѣ отмѣтимъ статью Кояловича въ „Страникѣ“ 1860 года, ноябрь, стр. 197—217. Какъ составленная по даннымъ только „Перестроги„ и „слѣдственнаго дѣла“, она представляетъ собою почти сплошной панегирикъ протосингеллу Никифору.

Полная и обстоятельная біографія Никифора принадлежитъ пока будущему.

кій случай, былъ посторожнѣе въ словахъ. Это не скрылось отъ взгляда Хржонстовскаго. Наступило молчаніе.

— А есть-ли у тебя еще какія нибудь бумаги? спросилъ подстароста, немного погодя.

— Н—нѣтъ, никакихъ больше нѣтъ, отвѣтилъ Янъ неровнымъ голосомъ.

„Не шпіонъ-ли это...“ мелькнуло въ головѣ Хржонстовскаго.

— А денегъ съ тобою много?

— Да, есть... кое что... не особенно много...

— А сколько?

— 100 червоныхъ злотыхъ.

— Маловато, замѣтилъ подстароста. Для такой дальней дороги это маловато.

— Ничего, обойдусь какъ нибудь, а если не хватитъ, то въ Валахіи займу, сказалъ наугадъ Янъ, не сознавая самъ, зачѣмъ онъ говоритъ это.

— У кого-же ты займешь? обратился къ нему Хржонстовскій.

— У кого?!.. Тамъ у одного купца... Есть тамъ...

— Кто такой? Какъ его звать?

Янъ окончательно смѣшался.

— М... не знаю, не помню... Какъ его, того...

Подстароста усмѣхнулся. Его подозрѣнія очень правдоподобно подтверждались сбивчивостью отвѣтовъ Яна. За Яномъ велѣно было слѣдить.

Гдѣ успѣлъ Янъ-волохъ выпить, на обѣдѣ ли у шаргородскаго подстаросты, или угостили его на прощаніе земляки—неизвѣстно, но фактъ тотъ, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Шаргорода онъ былъ сильно выпивши и долго бѣгалъ зачѣмъ-то по рынку. Проѣзжая чрезъ шаргородскую торговую площадь къ выходу изъ мѣстечка, онъ самъ не замѣтилъ, какъ обронилъ на самой площади привязанную къ сѣдлу свою торбу. Её тотчасъ-же поднялъ замковый слуга. Онъ удивился, найдя тамъ „червоные“ и охотно скрылъ-бы свою находку, если бы её не замѣтили также и другіе; но „видячи же не утаится“, отнесъ её до замку, до вряду. Осмотрѣлся въ дорогѣ и Янъ, „же ему ся торба упала“, и встревожился.

— Не видѣлъ-ли кто моей торбы? спросилъ онъ проходившихъ.

Ему сказали, что она отнесена въ замокъ. Онъ вернулся къ шаргородскому подстаростѣ и началъ просить его, „абы была ему отдана“.

— Ты шпіонъ, сказалъ ему въ отвѣтъ на его просьбу подстароста: ты только разъѣзжаешь по нашей землѣ съ разными письмами да выслѣживаешь, гдѣ что дѣлается...

Яна посадили въ тюрьму, „побравши пѣнязи себѣ“. Послѣднее обстоятельство особенно смутило Яна. Онъ никакъ не могъ помириться съ пропажею своихъ червоныхъ и вспоминалъ о нихъ почти при каждомъ допросѣ.

Шаргородскій подстароста тотчасъ же далъ знать гетману Замойскому, что въ его имѣніи пойманъ шпіонъ воеводы кіевскаго, князя Острожскаго, съ очень важными письмами, писанными на греческомъ языкѣ. Гетманъ Замойскій велѣлъ немедленно прислать къ себѣ Яна.

Чтобы понять, почему такое, повидимому случайное и само по себѣ малозначительное событіе, какъ находка торбы съ иностранными письмами, могло произвести такой переполохъ, нужно принять во вниманіе, главнымъ образомъ, два обстоятельства: тревожное настроеніе того времени и вражду гетмана Замойскаго съ княземъ Острожскимъ.

Политическія столкновенія Польши съ сосѣдними государствами и вѣроисповѣдныя волненія, поднятыя недавнимъ брестскимъ соборомъ, заставляли тогда всѣхъ и каждаго прислушиваться ко всему, что имѣло или даже могло-бы имѣть подозрительный характеръ. Въ то время всякій малозначительный фактъ легко могъ быть доведенъ молвою и обстоятельствами до крупныхъ размѣровъ.

Очень можетъ быть, что шаргородское приключеніе съ Яномъ волохомъ не имѣло бы никакихъ серьезныхъ послѣдствій и прошло-бы совершенно незамѣтно въ исторіи, если-бы гетманъ Замойскій находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ Острожскимъ. Но, къ сожалѣнію, эти два могущественныхъ польскихъ магната находились въ то время во враждѣ.

Кромѣ вражды къ князю Острожскому, гетманъ Замойскій имѣлъ личныя основанія быть недовольнымъ Никифоромъ. Когда Никифоръ прибылъ въ западную Русь, гетманъ долго убѣждалъ его поступить на службу въ его школу въ Замостьи и отказать князю Острожскому. Гетманъ предлагалъ Никифору самыя выгодныя условія—матеріальное обезпеченіе и кромѣ того обѣщалъ выхлопотать ему у польскаго правительства полную власть надъ южнорусскимъ духовенствомъ. Но Никифоръ не согласился и уѣхалъ въ Острогъ. Всѣ доводы и претензіи гетмана были напрасны. Такую неудачу могъ забыть кто нибудь другой, но только не знатный полякъ, коронный гетманъ, „iego mość pan kanclerz welkiego xięstwa litewskiego, praesente regia majestate".

Гетманъ Замойскій не безъ злорадства прочиталъ письма, перехваченныя въ его имѣніи отъ его врага. Письма были, положимъ, не важны и безсодержательны, но нѣкоторымъ выраженіямъ изъ нихъ легко можно было придать серьезно-политическое значеніе. Такъ, въ одномъ письмѣ говорилось: „Я пріѣхалъ до Полски (въ Польшу) межи драпежные волки, т. е. межи псы—ляхи, которые принуждаютъ нашихъ христіанъ на свою папежскую вѣру и бьются между собою, ихъ уже до двадцати тысячь полегло (авторъ сильно преувеличивалъ послѣдствія недавняго мятежа Наливайки)". Эта фраза была повторена и въ другихъ письмахъ. Кромѣ того, въ одномъ письмѣ была еще такая приписка: „дай Богъ здоровья нашему цесарю; если бы онъ хотѣлъ на Польшу, то теперь бы удобное время".

Гетманъ почему-то призналъ эти письма составленными экзархомъ Никифоромъ и поспѣшилъ донести о нихъ королю Сигизмунду III. Король повѣрилъ донесенію... и большая грозная туча разныхъ непріятностей стала собираться надъ головою Никифора, который, ничего не подозрѣвая, спокойно жилъ въ это время въ Острогѣ у князя Острожскаго [1]).

---

[1]) По словамъ „описанія варшавскаго сейма", письма, найденныя у Яна, были отосланы волошскому воеводѣ, который, прочитавъ ихъ, отвѣтилъ, что Никифоръ, дѣйствительно авторъ писемъ, лицо очень подозрительное, что онъ шпіонъ, убѣжавшій изъ тюрьмы. Къ этому господарь волошскій прибавилъ, что онъ—господарь—просилъ даже князя Острожскаго выдать ему этого шпіона, но князь не согласился..

Слухъ о шпіонствѣ экзарха-протосингелла, председателя недавно бывшаго православнаго брестскаго собора, скоро разнесся въ краѣ. Общественное мнѣніе и безъ того было возмущено въ то время появленіемъ разныхъ „шпекговъ" (шпіоновъ) съ востока, которые, пріѣхавъ въ Польшу, часто даже безъ паспорта, выдавали себя за разныхъ пословъ, уполномоченныхъ и пользовались довѣріемъ общества для своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Король польскій вынужденъ былъ, какъ мы уже говорили, издать особый указъ, которымъ строго приказывалъ своимъ пограничнымъ властямъ контролировать каждаго, кто будетъ въѣзжать въ предѣлы польско-литовскаго государства изъ Греціи и, вообще, съ востока. Если пріѣздъ каждаго грека въ то время обращалъ на себя вниманіе польско-литовскаго правительства и возбуждалъ подозрѣнія въ политическихъ замыслахъ, то можно себѣ представить, какую сенсацію и переполохъ въ обществѣ долженъ былъ произвести слухъ объ арестѣ Яна волоха, посланнаго будто-бы съ тайными политическими извѣстіями въ турецкія области протосингелломъ Никифоромъ.

Польское начальство хотѣло немедленно судить Никифора въ частномъ областномъ судѣ (маршалковомъ), но этому воспротивился князь Острожскій. Онъ настоялъ, чтобы дѣло Никифора было разобрано публично, въ высшемъ судѣ, по всѣмъ правиламъ формально-юридическаго производства. Король согласился съ требованіемъ князя Острожскаго, и судъ надъ Никифоромъ былъ отложенъ до варшавскаго сейма 1597 года. Кн. Острожскій взялъ обвиненнаго къ себѣ на поруки съ обязательствомъ представить его въ свое время на варшавскій сеймъ.

IV.

Въ концѣ Февраля 1597 года открылся въ Варшавѣ генеральный сеймъ („вальный соймъ") „съ ихъ милостями паны

Господарь Іеремія забылъ, такимъ образомъ, услуги Никифора для Валахіи и заплатилъ за нихъ черною неблагодарностью. Какъ увидимъ, изъ Валахіи приходило (должно полагать не безъ вѣдома господаря) даже цѣлое посольство для лжесвидѣтельства на экзарха.

канцлерами корунным и литовским и съ великим логоѳетомъ земли волосской". На этомъ сеймѣ предложены были для рѣшенія разные государственные вопросы и въ томъ числѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ къ уніатамъ. Но православные депутаты открыто заявили въ засѣданіи 4 марта, что они не уполномочены приступать ни къ какимъ переговорамъ по дессидентскому вопросу до тѣхъ поръ, пока польское правительство не удовлетворитъ ихъ законныхъ требованій относительно сохраненія правъ православныхъ.

— Мы требуемъ, говорили депутаты воеводства кіевскаго, чтобы наши духовные владыки оставались при своихъ прежнихъ правахъ и чтобы ихъ не принуждали къ подчиненію папѣ.

Вопросъ о правахъ православныхъ выступилъ съ особенною силою на засѣданіи сейма 7-го марта. Одинъ изъ православныхъ депутатовъ сейма нѣкто Гулевичъ, волынецъ, особенно рѣзко и энергично настаивалъ на независимости православія въ краѣ. Отъ лица всѣхъ православныхъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ западнорусскіе епископы оставались при своей прежней вѣрѣ, а тѣ изъ нихъ, которые перешли въ унію, снова вернулись бы къ православію.

Это предложеніе очень не понравилось королю и польскимъ сенаторамъ. Не въ пользу Гулевича говорила рѣзкость, съ которою онъ говорилъ свою рѣчь.

Когда Гулевичъ кончилъ, всталъ съ сенаторскаго мѣста канцлеръ великаго княжества литовскаго Сапѣга и отвѣтилъ православнымъ, что вопросъ объ уніи долженъ быть конченъ, такъ какъ на брестскомъ соборѣ было не мало православныхъ, которые добровольно согласились подчиниться папѣ. Ораторъ вкратцѣ разсказалъ исторію брестскаго собора и заключилъ, что уніей довольны всѣ, „кромѣ Никифора митрополита греческаго, этого нарушителя общаго согласія, бунтовщика, человѣка съ очень подозрительнымъ прошлымъ".

Лишь только произнесено было имя константинопольскаго протосингелла и на защитника православія было публично высказано подозрѣніе въ шпіонствѣ, Константинъ Константиновичъ Острожскій, присутствовавшій на сеймѣ, не утерпѣлъ и

вступилъ съ канцлеромъ въ горячій споръ. Въ засѣданіи произошло замѣшательство, „контроверсія". Весь интересъ засѣданія, повидимому, сосредоточился на Никифорѣ. Заговорили о Янѣ—неудачномъ перебѣжчикѣ — и перехваченныхъ письмахъ. Король кстати напомнилъ князю Острожскому о его обѣщаніи представить Никифора на варшавскій сеймъ. Князь не отказывался отъ своего обязательства и въ тотъ же день послалъ за Никифоромъ въ Острогъ.

8 марта король съ сенаторами все напоминали князю Острожскому, чтобы онъ поторопился представить Никифора на судъ. Однако въ этотъ день онъ еще не могъ пріѣхать, и король занялся посторонними дѣлами.

Князю Острожскому, должно быть, очень надоѣли эти постоянныя напоминанія короля о Никифорѣ. Онъ и самъ ожидалъ прибытія грека. Мысль о судѣ надъ нимъ не выходила у него изъ головы и, войдя съ нѣсколькими сенаторами „do koła poselskiego", онъ прервалъ ходъ засѣданія и завелъ снова рѣчь о Никифорѣ.

Отъ своего имени воевода кіевскій просилъ депутатовъ, чтобы Никифора, какъ человѣка особыхъ исключительныхъ полномочій, судилъ самъ его величество король и чтобы ему былъ данъ особый защитникъ для оправданія.

— Прокураторъ пусть опровергаетъ все, что будетъ возведено на Никифора по клеветѣ... Но въ случаѣ, если обвиненный захочетъ самъ защищаться, то на здоровье ему, пусть самъ оправдывается, сказалъ князь.

Требованія Острожскаго вызвали разногласія въ мнѣніяхъ депутатовъ. Одни положительно не соглашались съ княземъ.

— Съ давняго времени, такіе подозрительные люди всегда судились по закону въ маршалковомъ судѣ, говорили они. Такія дѣла не касаются ни короля, ни депутатовъ сейма.

Другіе, напротивъ, защищали Никифора и считали заявленія князя Острожскаго вполнѣ согласными съ юридическими постановленіями польскаго королевства.

— Никифоръ не подлежитъ общесудебной практикѣ, отвѣчала эта партія, какъ иностранецъ и притомъ виднаго происхожденія.

Существовавшіе въ то время польскіе судебные законы до тонкостей различали происхожденіе и положеніе подсудимаго. Для иностранцевъ знатнаго происхожденія полагался особый судъ.

— А что касается защитника, то и это требованіе князя законно, потому что судебный обычай нашей страны предоставлялъ всегда польскимъ королямъ право давать подсудимымъ защитниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло (peccat) разбирается публично.

Снова поднялись „контроверсіи". Спорили до самаго вечера и не пришли ни къ чему опредѣленному. Порѣшили на томъ, чтобы на слѣдующій день поднять этотъ вопросъ наново.

9 марта днемъ король и сенаторы опять засѣли за дѣла. На этотъ разъ засѣданіе открылось длинной аудіенціей разныхъ лицъ. Сначала явился посолъ отъ воеводы волошскаго Іереміи и выразилъ отъ его лица дружескія чувства къ королю, затѣмъ представлялся какой то владыка греческій, далѣе—волошскій логофетъ, наконецъ,—шляхтичи. Всѣ они, по придворному этикету польскаго двора того времени, говорили королю привѣтствія и свидѣтельствовали свои искреннія чувства. Въ заключеніе аудіенціи, королю отъ волошскаго воеводы были подарены: пара турецкихъ гнѣдыхъ лошадей, перстень (который тутъ же былъ преподнесенъ королю), пара борзыхъ собакъ (chartów) и нѣсколько бочекъ „мальвазіи" и визины.

Въ засѣданіи присутствовалъ и князь Острожскій. Онъ ожидалъ, что вчерашній вопросъ о характерѣ суда надъ Никифоромъ придетъ сегодня къ рѣшенію, и былъ очень непріятно удивленъ, когда вслѣдъ за пріемомъ пословъ, въ залу вошли депутаты и отъ имени всѣхъ воеводствъ заявили, что протосингеллъ Никифоръ былъ шпіономъ, перебѣщикомъ между Турціей и Валахіей, что онъ ввелъ воеводство въ большіе долги, подстрекалъ общество къ разнымъ возмущеніямъ, надѣлалъ много всякихъ преступленій въ разныхъ мѣстахъ и что, наконецъ, онъ находился въ тайныхъ, интимныхъ связяхъ съ матерью турецкаго султана.

— Всенижайше просимъ вашу королевскую милость обратить вниманіе на наше заявленіе и поступить съ Никифоромъ по всей строгости законовъ, сказали послы.

Послы смолкли и ожидали отвѣта короля. Король растерялся. Переходъ отъ мальзавіи и нѣсколькихъ бочекъ визины къ протосингеллу Никифору былъ такъ непослѣдователенъ и неожиданъ, что онъ не зналъ, что отвѣтить.

— Я очень радъ... Благодарю за подарки,—сказалъ онъ,—но относительно вашихъ остальныхъ заявленій я скоро, должно быть, дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно посовѣтоваться съ нѣкоторыми изъ сенаторовъ...

Засѣданіе было закрыто.

А главнаго виновника всѣхъ этихъ замѣшательствъ все еще не было. Конечно, между Острогомъ и Варшавою разстояніе не малое, пути сообщенія XVI-го вѣка менѣе всего благопріятствовали скорости ѣзды... но, кажется, Никифоръ не спѣшилъ въ Варшаву. Словно предчувствуя въ своей душѣ неблагопріятный исходъ начинавшагося дѣла, онъ собрался и ѣхалъ не торопясь. За нимъ посылали три раза.

10 марта, король, хорошо пообѣдавши, пошелъ въ засѣданіе и благодушно спросилъ воеводу кіевскаго:

— Когда-же пріѣдетъ твой Никифоръ? Это, наконецъ, утомительно... Пора-бы...

Князь Острожскій, человѣкъ порывистый и отзывчивый, на этотъ разъ смолчалъ. Ему самому было досадно, что Никифора до сихъ поръ не было.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Правителемъ канцеляріи при генералъ-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ состоялъ П—въ, о которомъ ходило среди общества много разныхъ слуховъ, большею частью неблаговиднаго характера, порождавшихъ, конечно, и разсказы анекдотическаго свойства.

Дельсаль, бывшій инспекторомъ, а послѣ директоромъ Немировской гимназіи, разсказывалъ о П—вѣ слѣдующее. Дельсаль, служа учителемъ математики въ Винницкой гимназіи и питая страсть къ свѣтской жизни, постоянно являлся на всѣ городскія увеселенія и былъ знакомъ со всею знатью уѣзднаго города. Онъ получалъ 400 руб. жалованья, да столько же за частные уроки. Но для такой жизни, какую онъ велъ,—этихъ денегъ было мало. На него обратила вниманіе молодая жена богатаго старика доктора, и онъ съ нею скоро совсѣмъ сошелся. Это потребовало еще большихъ расходовъ, такъ что онъ очутился по уши въ долгахъ. Но вотъ умираетъ старикъ докторъ, оставивъ женѣ все движимое имущество, одинъ домъ и нѣсколько тысячъ рублей, а другой домъ и всѣ капиталы своимъ дѣтямъ отъ первой жены. Вдова поспѣшила обвѣнчаться съ Дельсалемъ. Зажили они весело и широко и въ два года прожили и домъ, и движимость, и деньги;

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1892 г., № 5.

стали умножаться долги. Продолжать службу по Мин. Нар. Просвѣщ., при широкихъ привычкахъ, оказалось невозможнымъ. Дельсаль, зная, что мѣсто исправниковъ въ то время давало дохода отъ 8000 до 12000, и что за него, кромѣ ежегодной арендной платы въ 500 р. правителю канцеляріи подольскаго губернатора и Губернскому Правленію, нужно было сейчасъ внести П—ву тоже 500 р , продалъ послѣднія золотыя украшенія съ камнями своей жены и отправился въ Кіевъ. П—въ принялъ его въ своемъ кабинетѣ весьма милостиво; но объявилъ, что теперь вакантныхъ мѣстъ исправниковъ не имѣется. Дельсаль стоялъ во время представленія у порога подлѣ столика, покрытаго клеенкой. Противъ дверей на противоположной стѣнѣ висѣло огромное зеркало, въ которомъ отражался и Дельсаль, и бывшій подлѣ него столикъ. П—въ, разговаривая съ Дельсалемъ, ходилъ по комнатѣ отъ Дельсаля къ зеркалу и обратно, и когда П—въ направлялся къ зеркалу, то въ немъ ему видно было каждое движеніе Дельсаля. Послѣдній, предупрежденный опытными пріятелями, вынулъ изъ мундира 500 р. и положилъ на столикъ подъ клеенку. Увидѣвъ это въ зеркалѣ, П—въ сталъ вдругъ припоминать, что, кажется, скоро должно очиститься одно мѣсто исправника, но навѣрное онъ не помнитъ. Пусть Дельсаль явится завтра въ 11 часовъ, тогда онъ прикажетъ забрать точныя справки. Это значило, что П—въ хочетъ удостовѣриться, положены ли полностью на столикъ 500 р. На слѣдующій день П—въ объявилъ Дельсалю, что въ самой Винницѣ черезъ три недѣли очистится вакансія исправника, и ему будетъ предоставлено это мѣсто. На вопросъ Дельсаля, можетъ ли онъ уволиться отъ должности учителя, полученъ отвѣтъ: „можете смѣло“. Дельсаль тутъ же въ Кіевѣ подалъ прошеніе объ отставкѣ и въ полной увѣренности занять мѣсто винницкаго исправника отправился во-свояси, гдѣ жидкамъ сообщилъ по секрету означенную новость. Это открыло ему неограниченный у нихъ кредитъ. Но вотъ истекли три недѣли, а назначенія нѣтъ. Вотъ пронеслись слухи о переводѣ изъ Кіева въ Петрозаводскъ П—ва. Дельсаль помчался въ Кіевъ. П—въ объявилъ, что онъ почти уже сдалъ свое управленіе и теперь

отъ него ничего не зависитъ. Дельсаль попросилъ возврата 500 руб. П—въ накинулся на него съ угрозами отдать въ солдаты, сослать въ Сибирь и пр.; но Дельсаль съ истерическими рыданіями кинулся на колѣни, объявивъ, что теперь ему и смерть не страшна, такъ какъ эти 500 р. послѣдніе рессурсы его семьи. П—въ притихъ, отперъ бюро и возвратилъ ему 500 р. На эти деньги Дельсаль у правителя канцеляріи учебнаго округа Л—ва купилъ мѣсто инспектора въ Немировѣ, а между тѣмъ до очищенія означенной вакансіи, въ виду его бѣдности, Л—въ предоставилъ ему исправлять должность субъинспектора въ университетѣ. Въ числѣ воспитанниковъ университета былъ одинъ студентъ Б—скій, квартировавшій во время бытности своей въ гимназіи у Дельсаля, большой его другъ и его жены; Дельсаль въ моемъ присутствіи передавалъ всю эту исторію Б—скому.

Дельсаль, постоянно живя въ кругу поляковъ и женившись на полькѣ, ярой патріоткѣ и фанатической католичкѣ, совсѣмъ ополячился[1]) Въ 1863 г. сталъ онъ въ качествѣ директора немировской гимназіи тѣснить русскихъ учителей и учениковъ; у себя открылъ ежедневные музыкальные вечера, на которые собиралось окрестное польское помѣщичество и ученики поляки. На этихъ вечерахъ собирались *офяры* (жертвы) на освобожденіе Польши; бывали должностныя лица польскаго жонда; раздавались прокламаціи, и организовалась повстанская банда, которая въ извѣстную ночь должна была сдѣлать подъ „довудствомъ“ графа Красицкаго нападеніе на Брацлавъ, овладѣть казначействомъ, пороховымъ складомъ и цейхгаузомъ. Зная запутанность дѣлъ Дельсаля и желая вознаградить его за преданность польскому дѣлу, нѣкоторые паны-пріятели по-

---

[1]) Вообще въ запискахъ А. А. Солтановскаго замѣчается какое-то болѣзненное желаніе все объяснять польской интригой. Такъ, и въ данномъ случаѣ весь послѣдующій разсказъ о растратѣ казенныхъ денегъ Дельсалемъ сведенъ къ этой же интригѣ. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, пусть рѣшитъ исторія; но мы считаемъ себя обязанными указать на маленькую замѣтку о Дельсалѣ г. А. Стоянова, который беретъ его подъ свою защиту и считаетъ личностью, заслуживающею доброй памяти. (Истор. Вѣстн., 1889 г. № 5).—Ред.

совѣтовали ему вынуть изъ казначейства изъ гимназическаго ящика всѣ гимназическія суммы и употребить ихъ въ свою пользу. Послѣ разгрома казначейства объ этомъ никто не узнаетъ. Между тѣмъ правительство случайно натолкнулось на заговорщиковъ, стало арестовывать главныхъ; банда не успѣла организоваться и разграбить брацлавское казначейство. Дельсаль, при помощи казначея поляка, безъ участія двухъ ассистентовъ старшихъ учителей, вынулъ деньги и успѣлъ ими расплатиться съ долгами. Окончился мѣсяцъ—пришлось платить учителямъ жалованье; Дельсаль все откладываетъ поѣздку въ Брацлавъ за деньгами. Проходитъ другой мѣсяцъ—Дельсаль не ѣдетъ подъ предлогомъ болѣзни и не посылаетъ инспектора. Учителя въ затрудненіи, ропщутъ. Но вотъ послѣдовало распоряженіе о съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ Кіевѣ. Приказано отпустить прогонныя деньги. Дельсаль рѣшительно отказался отпустить прогоны. Учитель словесности В. съ товарищемъ на свой счетъ явились въ Кіевъ и обо всемъ доложили попечителю. Учитель К. тоже прибылъ и подалъ въ отставку, причемъ объявилъ, что у него били ученики окна, угрожали его жизни, и Дельсаль не только не оградилъ его, но поощрялъ учениковъ и преслѣдовалъ его всевозможными способами за его отзывы о польскихъ безпорядкахъ. Товарищъ попечителя Михневичъ сейчасъ отправился на слѣдствіе и ревизію гимназическихъ суммъ. Л—въ [1]) телеграммой предупредилъ объ этомъ Дельсаля. Тотъ взмолился состоятельнымъ ученикамъ, они къ родителямъ, и въ теченіе сутокъ собрана была вся растраченная сумма 12000 р.; ночью казначей отворилъ Дельсалю кладовую, и онъ ее положилъ на мѣстѣ. Утромъ на слѣдующій день прибылъ Михневичъ; деньги нашлись въ цѣлости; но Дельсалю, въ виду его долговременной службы и выслуженнаго уже пенсіона позволено было подать въ отставку.

Въ Немировской гимназіи мало по малу періодъ учителей семинаристовъ окончился [2]). Стали являться воспитанники Харь-

---

[1]) Л—въ тогда уже не былъ правителемъ канцеляріи попечителя.—Ред.

[2]) См. Кіев. Стар. 1892 г. № 5, стр. 239.

ковскаго и кіевскаго университетовъ: Ерофеевъ, учитель исторіи, весьма знающій и умный человѣкъ; вслѣдъ за нимъ Ющенко, тоже учитель исторіи; Вигура, учитель словесности, впослѣдствіи адъюнктъ Унив. св. Влад., умершій въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки; Герасименко, учитель математики, и другіе. Но важнѣе всего—назначенъ былъ директоромъ Егоръ Яковлевичъ Зимовской, знавшій отлично всѣ предметы, отлично владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, любившій дѣтей, не допускавшій мысли о злоупотребленіяхъ и взяткахъ, единственный педагогъ, какихъ въ это время еще не случалось, и отличнѣйшій администраторъ [1]). При немъ инспекторомъ былъ пожилой, честный и добрый человѣкъ Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ. Зимовской его любилъ и уважалъ. Гимназія сразу во всѣхъ отношеніяхъ поднята была на должную высоту. Учениковъ, кончившихъ курсъ въ Немировской гимназіи, ни въ одномъ университетѣ при пріемѣ не подвергали повѣркѣ. При гимназіи явилась больница; въ общихъ квартирахъ во всѣхъ отдѣленіяхъ ея столъ былъ сытный, достаточный, всегда изъ свѣжихъ припасовъ. Зимовской лично каждый день пробовалъ, и во время обѣда, и во время ужина, во всѣхъ 4-хъ отдѣленіяхъ ученическую пищу, и если что оказывалось плохимъ, ученики немедля удовлетворяемы были на счетъ подрядчика. Все утро, каждый день, Зимовской присутствовалъ въ томъ или другомъ классѣ на урокахъ и самъ принималъ въ выслушиваніи и объясненіи дѣятельное участіе. Учителей держалъ весьма строго и не позволялъ ни манкированья, ни злоупотребленій. Учитель-же отвѣчалъ главнымъ образомъ за неуспѣхи класса. Въ праздники и вечернее время лѣтомъ Зимовской самъ участвовалъ съ учениками въ играхъ и про-

---

[1]) Мемуары—это такой матеріалъ, который имѣетъ цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактовъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служитъ характеристикой и мемуариста, и—еще болѣе—того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до извѣстной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній. Въ виду этого, хотя мы имѣемъ совершенно иныя свѣдѣнія о личности Зимовского, но печатаемъ этотъ хвалебный о немъ отзывъ А. Солтановскаго, предоставляя право надлежащую оцѣнку сдѣлать будущему историку нашего края и всѣхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ немъ.—Ред.

гулкахъ, а зимою упражнялъ учениковъ въ разговорномъ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Никакая грязь и непогода, а грязь въ Немировѣ доходила до брюха, не останавливали Зимовского отъ посѣщенія отдѣленій и въ ночное время. Онъ зналъ всѣхъ учениковъ по имени и отчеству, зналъ характеръ и привычки каждаго, и его трудно было обмануть или солгать передъ нимъ. Вину ученику онъ легко прощалъ, но лжи и обмана не прощалъ. Тѣлесныя наказанія при немъ были весьма рѣдки, и при употребленіи ихъ на первомъ планѣ была не боль, а пристыженіе, позоръ. И это чувствовали наказанные гораздо болѣе боли. Но ученики такого исключительнаго рѣдкаго начальника и педагога не могли терпѣть, такъ какъ гимназіи въ юго-зап. краѣ всегда проникнуты были патріотическимъ польскимъ духомъ; а Зимовской, бывши въ Житомірѣ инспекторомъ, раскрылъ какой-то политическій заговоръ, и нѣсколько учениковъ пострадали.—Вслѣдствіе этого съ самаго его прибытія въ Немировъ на него смотрѣли и паны, и русскія, и польскія уѣздныя власти, и ученики, какъ на русскаго *шпѣга* (шпіона); старались ему при случаяхъ дѣлать всевозможныя гадости, разносили объ немъ небылицы и, наконецъ, подъучили какого-то русскаго ученика 3-го класса, сына квартальнаго надзирателя изъ г. Балты, зарѣзать Зимовского. Но тотъ успѣлъ только два раза вонзить ножъ въ спину Зимовскому. Раны къ счастью оказались несмертельны. Этотъ гимназистъ былъ наказанъ въ присутствіи всей гимназіи и жандармскаго полковника розгами и отданъ въ оренбургскіе баталіоны. Поляки объявили его польской офярой и героемъ, и уже черезъ двѣ недѣли послѣ его увоза твердили, что онъ произведенъ въ офицеры.

Говоря о Немировской гимназіи, нужно разсказать и о томъ, что̀ подъ крылышкомъ Дельсаля состряпало польское возстаніе. Въ прямой зависимости отъ графа Красицкаго и его родственника, управляющаго имѣніемъ Венгловскаго, зависѣлъ гимназическій Немировскій ксендзъ Ключевскій и мелкопомѣстный помѣщикъ и мировой посредникъ, владѣлецъ села Кордышевки. На обязанности перваго было организовать вооруженное возстаніе въ Немировѣ и въ Немировской гимназіи и поддерживать

фанатическій патріотизмъ въ мѣстномъ польскомъ и католическомъ населеніи посредствомъ женщинъ; на обязанности второго лежало тоже. Они были въ постоянныхъ сношеніяхъ; всѣ прокламаціи и распоряженія получались кс. Ключевскимъ и у него до распространенія хранились. Дельсаль зналъ обо всемъ, т. к. отъ него ничего не скрывали. Нѣкоторые учителя и законоучитель сильно настаивали въ совѣтѣ на принятіи мѣръ противъ увлеченій учениковъ и дѣйствій ксендза Ключевскаго. Дельсаль находилъ это опаснымъ и безполезнымъ. Его поддерживали учителя поляки. Прочіе русскіе учителя оставались индифферентными, можетъ быть, боясь сдѣлать себя врагами директора, товарищей поляковъ и учениковъ. Ученики перестали, особенно взрослые, приготовлять уроки; ежедневно въ гимназіи въ классахъ цѣлая 1/4 часть считалась больными или неявившимися по неизвѣстной причинѣ. Большинство внѣ классовъ ходили въ конфедераткахъ, чамаркахъ и ботфортахъ, а форменное платье все украсили трауромъ. Нѣкоторые безъ разрѣшенія начальства выѣзжали на нѣсколько дней изъ мѣстечка. Учителямъ и православному законоучителю, настаивавшимъ на активномъ дѣйствіи, били стекла по ночамъ и наконецъ рѣшили по совѣту Ключевскаго отравить ихъ [1]). Былъ въ VI или VII классѣ православный ученикъ Б—кій, сирота какого-то чиновника, весьма бѣдный и загнанный нуждою, робкій, но весьма способный, прилежный, отлично успѣвавшій въ занятіяхъ. На его рукахъ осталась вдова мать, женщина болѣзненная, и нѣсколько штукъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Репетиціями онъ зарабатывалъ и кормилъ ихъ. Но польское движеніе сократило доходы. Отдавая немногое, что получалъ, семьѣ, онъ самъ почти голодалъ. Ему особенно покровительствовали православный законоучитель, который часто приглашалъ его на обѣды и чай, и учитель В—ой, у котораго онъ проводилъ все свободное время, пилъ почти еже-

---

[1]) Безспорно, въ то время въ Немировской гимназіи среди воспитанниковъ были инсуррекціонныя движенія, но доходило-ли дѣло до такихъ предѣловъ, какіе отмѣчаются А. Солтановскимъ, мы очень сомнѣваемся, тѣмъ болѣе, что самая личность ученика Б—каго представлена мемуаристомъ совершенно съ невѣрными біографическими данными, которыя доподлинно извѣстны намъ.—Ред.

дневно чай и часто ночевалъ. Товарищи поляки избрали его своимъ орудіемъ и вручили ему полученную отъ Ключевскаго банку съ ядомъ. Они объявили ему съ угрозою револьверами, что если онъ, будучи вхожъ къ В—ому и законоучителю, не отравитъ ихъ въ теченіе 4-хъ сутокъ, то немедленно будетъ казненъ. Если же донесетъ на нихъ, то ничего не докажетъ, а между тѣмъ все таки не избѣгнетъ смерти самъ, и вся семья его будетъ истреблена. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи и почти не надѣясь на защиту бездѣйствовавшей мѣстной власти, онъ въ тоже время чувствовалъ себя неспособнымъ совершить преступленіе и притомъ посягнуть на жизнь своихъ благодѣтелей. Внутреннія страданія измѣнили его, сдѣлали на себя не похожимъ, больнымъ. В—ой встревожился, сталъ допытывать его, что съ нимъ, чѣмъ онъ боленъ, хотѣлъ послать за докторомъ. Это было во время вечерняго чая. Ученикъ зарыдалъ истерически и передалъ В—ому все дѣло и банку съ ядомъ. Рѣшено было потребовать только-что назначеннаго воинскаго начальника съ командой и арестовать ученика, будто пойманнаго въ ту минуту, когда онъ вливалъ ядъ въ чай. Конечно, воинскому начальнику объявилъ В—ой всю правду, а пріемъ этотъ придумалъ для огражденія отъ мести поляковъ ученика и его семейства. Началось слѣдствіе. Многое раскрылось. Нападеніе на Брацлавское казначейство не состоялось. Графъ Красицкій былъ сосланъ и имѣніе его конфисковано. Венгловскій, кажется, умеръ въ тюрьмѣ; Ключевскій и мировой посредникъ попали въ каторжную работу. Было сослано нѣсколько учениковъ и другихъ личностей.

Окончивши въ 1849 году университетъ по 1 отдѣленію философскаго факультета и состоя на казенномъ содержаніи, я надѣялся, какъ одинъ изъ первыхъ кандидатовъ, получить мѣсто старшаго учителя съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ. Но не тутъ-то было. Л—въ, правитель канцеляріи Учебнаго Округа, принялъ меня весьма ласково и отправилъ справиться къ своему помощнику, куда я именно назначаюсь. Отъ Л—ва зависѣли всѣ назначенія по округу. Пришелъ я въ комнату помощника. Онъ

сидѣлъ и писалъ. Думая, что онъ не замѣтилъ моего прихода, я сталъ покашливать. Онъ вскинулъ на меня глаза, опять опустилъ на бумагу и продолжалъ писать. На мой поклонъ онъ не отвѣтилъ. Прождавъ минутъ пятнадцать и видя, что онъ, кончивъ одну бумагу, отложилъ ее въ сторону и сталъ перебирать другія, я объявилъ, что присланъ отъ Л—ва за справками. Отвѣта не послѣдовало, и онъ принялся за другую бумагу. Пораженный такимъ грубымъ пріемомъ, послѣ новыхъ 20 минутъ ожиданія, я направился къ выходу. „Какія еще тамъ справки?"—крикнулъ онъ рѣзко; „что собственно нужно?" Я объявилъ.—„Назначается учителемъ въ Ровенскую гимназію", проговорилъ онъ небрежно. На вопросъ мой: старшимъ? какого предмета?—онъ отрѣзалъ: „младшимъ; старшими такихъ не назначаютъ! А предметъ какой случится; это будетъ зависѣть отъ директора гимназіи". Вотъ она какова служба! А я мечталъ посвятить себя и всѣ свои знанія и силы высокой обязанности наставника юношества и составилъ себѣ весьма возвышенное понятіе объ учительской должности. Оказывается, что я въ этомъ ошибался, ибо каждый чиновникъ считалъ себя вправѣ оскорблять меня безъ всякихъ поводовъ и цѣлей.

Возвратился я въ университетъ въ свою камеру и все поразсказалъ товарищамъ. Они объяснили мнѣ, что если я желалъ лучшаго пріема, то долженъ былъ вручить помощнику Л—ва по меньшей мѣрѣ 25 руб.; а если желалъ мѣста старшаго учителя, то сразу нужно было предложить частицу отъ третнаго не въ зачетъ жалованья и отъ подъемныхъ. Такъ какъ этого я сдѣлать былъ не въ состояніи и не желалъ подвергать себя новымъ оскорбленіямъ, то въ канцелярію округа болѣе не являлся. Прошло двѣ недѣли. Я продолжалъ жить въ камерѣ и пользовался столомъ со всѣми казеннокоштными. Наконецъ педель вручилъ мнѣ требованіе за подписью Л—ва явиться немедленно въ регистратуру канцеляріи для полученія необходимыхъ документовъ по назначенію на должность. Регистраторъ съ Станиславомъ въ петличкѣ, такимъ-же, какъ и у ординарнаго профессора исторіи Ставровскаго, приказалъ мнѣ прійти дня черезъ два, и тогда онъ дастъ мнѣ на руки требованіе въ

губернское казначейство для отпуска прогонныхъ и третнаго не въ зачетъ. Послѣ трехъ дней оказалось, что онъ не успѣлъ еще приготовить требованія, но дня черезъ два оно будетъ готово. Продержавъ меня затѣмъ безъ всякаго основанія часа два, онъ, наконецъ, подъ росписку выдалъ мнѣ требованія, объявивъ, что въ канцелярію генералъ-губернатора сообщено отношеніе о выдачѣ мнѣ подорожной по казенной надобности. Прогоны и третное въ казначействѣ мнѣ выдали безъ задержки, но отношенія въ канцеляріи генералъ-губернатора не оказалось, и подорожной я не получилъ. Въ казначействѣ, которое помѣщалось въ крѣпости, всѣ деньги были отпущены мнѣ серебряными рублями. Бумажками ни за что не хотѣли отпустить, ссылаясь на то, что въ казначействѣ находятся только металлическія деньги. Навязавъ цѣлый носовой платокъ серебряныхъ рублей, я долженъ былъ пробираться съ ними цѣлыхъ три версты и чуть не былъ ограбленъ на „Крестахъ“ [1]), но успѣлъ уйти. Не знаю, было-ли и это притѣсненіе со стороны казначейства, ждавшаго тоже подачки, или и въ самомъ дѣлѣ въ это блаженное время имѣлось такое обиліе серебряной монеты.

Пришлось еще раза три побывать у регистратора канцеляріи Попечителя, который отговаривался недосугомъ и не хотѣлъ съ точностью указать, послано-ли требованіе казенной подорожной и куда именно послано. „Васъ завалили даромъ деньгами, и вамъ спѣхъ наживать въ Ровно новыя деньги“,—говорилъ онъ,—„а намъ недосугъ, насъ за мѣдныя копѣйки жалованья завалили совсѣмъ работой!“ Наконецъ секретъ указанъ: подорожную можно получить въ канцеляріи губернатора. Прождавши часа два въ этой канцеляріи, я, наконецъ, получилъ подорожную. Пришлось пробыть въ Кіевѣ еще нѣсколько дней, пока сдѣлали мнѣ вицмундирную учительскую пару.

Часто къ полякамъ студентамъ хаживалъ въ камеру какой то горбатенькій господинъ въ партикулярномъ костюмѣ, но товарищи меня съ нимъ не знакомили. Являлся онъ обыкновенно на нѣсколько минутъ, пошепчется и уйдетъ. Но едва я

---

[1]) См. №, 4 стр. 75

получилъ подорожную, какъ поляки студенты привели его въ камеру и познакомили насъ. Онъ назвался частнымъ учителемъ и предложилъ вмѣстѣ ѣхать въ Ровно. Мнѣ это было на руку. Я согласился. Казенная подорожная мало имѣла успѣха: смотрителя на станціяхъ задерживали насъ по цѣлымъ часамъ, конечно ожидая подачки, а за Коростышевомъ гдѣ-то въ полѣ на станціи насъ держалъ смотритель двое сутокъ, ссылаясь на разгонъ лошадей и на проѣздъ генералъ-губернатора Бибикова изъ Варшавы въ Кіевъ. Пришлось два дня заказывать по дорогой цѣнѣ простой обѣдъ изъ двухъ блюдъ и чай у смотрителя. Въ первую ночь проѣхалъ Бибиковъ послѣ свиданія съ Государемъ въ Варшавѣ. Затѣмъ никто не проѣзжалъ, а лошадей все таки не давали. Я пригрозилъ прописать задержку въ книгѣ. Смотритель самъ принесъ книгу и предложилъ писать что угодно и сколько угодно, прибавивъ, что нужно быть пьянымъ, чтобы не понимать, что лошади на станціяхъ не ростутъ, какъ грибы въ лѣсу. Изъ его словъ я заключилъ, что смотритель въ оправданіе свое представитъ меня пьянымъ буяномъ, что не совсѣмъ красиво шло къ началу службы. Губернскій почтъ-директоръ, какъ они себя титуловали, могъ кляузное объясненіе смотрителя станціи сообщить въ округъ и директору гимназіи. Необходимо было смириться и ждать. Далѣе на одной изъ почтовыхъ станцій, тоже стоявшей одиноко въ полѣ въ разстояніи версты отъ какого-то селенія, мы застали полковника Позняка, чиновника особыхъ порученій Бибикова, слѣдовавшаго за послѣднимъ изъ Варшавы. Станцію осаждали евреи. Познякъ занялъ себѣ пассажирскія комнаты, въ которыя насъ не пустили. Пришлось часовъ пять, въ ожиданіи лошадей, гулять подъ мелкимъ и довольно холоднымъ сентябрьскимъ дождемъ вокругъ станціи и ютиться на крылечкѣ. Евреи ходатайствовали, чтобы Познякъ остановилъ становаго пристава, который долженъ сейчасъ проѣхать мимо станціи куда-то на ярмарку, и произвелъ въ его шарбанѣ обыскъ. По словамъ ихъ, приставъ привезетъ въ шарабанѣ контрабанду на нѣсколько тысячъ. Познякъ требовалъ отъ нихъ формальнаго заявленія и подписки, чѣмъ, въ случаѣ ложнаго доноса, они подвергаютъ себя всей

строгости законовъ. Евреи колебались. Но вотъ показался ничего не подозрѣвавшій приставъ. Евреи бросились къ Позняку и дали подписку. Пристава догнали и воротили къ станціи ямщики и евреи. Контрабанда дѣйствительно была найдена на большую сумму, и приставъ арестованъ. Смотритель разсказалъ намъ, что приставъ отнялъ эту контрабанду у евреевъ, но, не сошедшись съ ними въ выкупной цѣнѣ, рѣшилъ самъ распродать ее на ярмаркахъ. Евреи все это пронюхали и, воспользовавшись проѣздомъ Позняка, наказали пристава за неуступчивость. Поздно вечеромъ смотритель далъ намъ пару какихъ-то дохлыхъ клячъ, и мы поплелись по размокшей почвѣ. Въ лѣсу ямщикъ своротилъ съ почтовой дороги, ссылаясь на крайнюю ея разстроенность, и повезъ насъ по корнямъ деревъ какими-то тропинками. Мокрыя вѣтви поминутно хлестали насъ въ лицо, и повозка готовилась опрокинуться то въ ту, то въ другую сторону. Нужно было крѣпко держаться за облучокъ, чтобы не вылетѣть. Ночь была такъ темна, что хоть глазъ выколи, и мелкій, холодный дождь продолжалъ моросить. Я замѣтилъ, что за спиной у меня сдѣлалось слишкомъ свободное пространство. Осмотрѣлся -оказалось, что чемоданчикъ мой, въ которомъ была и вицмундирная пара, и всѣ мои деньги, вывалился изъ повозки. Ямщикъ сейчасъ-же соскочилъ и хотѣлъ идти отыскивать потерянное, но мы настояли, чтобы онъ съ моимъ спутникомъ остался при лошадяхъ. Спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, я обшаривалъ дорогу, подвигаясь назадъ. Наконецъ, верстахъ въ двухъ я наткнулся на чемоданъ, взвалилъ его на плечи и поплылся обратно. Боясь заблудиться, я подавалъ голосъ спутнику и получалъ отклики. Ямщикъ, безъ сомнѣнія, закинулъ бы куда-нибудь въ кусты чемоданъ, и я бы остался и безъ денегъ, и безъ бѣлья, и безъ одежи. Это трехсотверстное путешествіе по казенной надобности длилось цѣлую недѣлю. Частный учитель Ковальскій (такъ звали моего спутника), въ дорогѣ былъ большею частью молчаливъ. Иногда только высказывалъ онъ, что пора малороссамъ быть дружнѣе съ поляками, которые теперь совсѣмъ переродились; пора всѣмъ славянамъ сблизиться и оградить себя отъ всего нѣмецкаго и татарскаго. Подъ татарскимъ

онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ все великорусское. Я не пускался съ нимъ въ споръ, и разговоръ прерывался.

Остановившись въ заѣзжемъ домѣ и вмѣстѣ трактирѣ какого-то швейцарца Ольгіати, я сейчасъ отправился къ директору гимназіи Гуго Эрнестовичу Траутфеттеру, брату ректора кіевскаго университета. Онъ принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что я буду читать географію и въ V классѣ русскую исторію. Я объявилъ ему, что не знаю, гдѣ сыскать себѣ квартиру, такъ какъ въ трактирѣ жить не по карману. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Посредствомъ фактора жидка я нашелъ одно только помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ и кухни. Оно только что было отстроено, и потому еще не успѣли его занять. За это помѣщеніе безъ стола и дровъ я обязался платить въ годъ 120 р. Это помѣщеніе было для меня страшно велико, но другаго не было. Дрова и столъ съ чаемъ должны были поглотить остальное изъ 300 р. жалованья, такъ что на платье и сапоги ничего не предвидѣлось. Послѣ я узналъ, что въ старомъ палацѣ князей Любомирскихъ, принадлежавшемъ гимназіи, были двѣ свободныя квартиры, которыя отдавались учителямъ даромъ. Но Траутфеттеръ, какъ истый, чистокровный нѣмецъ, не пожелалъ предложить мнѣ русскому одну изъ нихъ, имѣя заднюю мысль держать русскихъ учителей, особенно новичковъ, въ загонѣ и нищетѣ и, слѣдовательно, въ полнѣйшемъ повиновеніи своей волѣ. Онъ былъ въ университетѣ въ Дерптѣ, но курса не окончилъ, по случаю какой-то исторіи и дуэлей. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ не вполнѣ свободно. Взятокъ не бралъ, но дѣлалъ экономію въ свою пользу на отопленіи и ремонтахъ зданія, а также имѣлъ выгоду отъ подрядчика общихъ квартиръ. Въ сравненіи съ другими директорами онъ былъ весьма честенъ и весьма остороженъ; къ нему никто ни въ чемъ не могъ придраться. Говорили, что небольшую выгоду удалось ему извлечь изъ постройки экономическимъ способомъ зданія кухонь для общихъ квартиръ. Впрочемъ, всѣ эти выгоды были крайне ничтожны, и онъ жилъ на свои 800 р. весьма скромно и разсчетливо съ семьей. Онъ ходилъ и зимой, и лѣтомъ въ истертой, даже заплатанной мѣстами, старенькой шинелишкѣ и только

тогда рѣшился обзавестись шубкой, снаружи покрытой кожей изъ какого-то морскаго звѣрька, съ чернымъ короткимъ и шерсткимъ волосомъ, подбитой внутри короткимъ желтоватымъ мѣхомъ,—когда во время поздравленій съ новымъ годомъ какой-то пьяный поздравитель утащилъ его шинелишку, Шубки эти получались готовыми изъ Австріи послѣ венгерской кампаніи и были даже въ модѣ. Шубка стоила совсѣмъ готовая къ употребленію всего 28 р. сер. и была тепла и весьма удобна, особенно въ зимнее или осеннее время, въ оттепель и грязь. Стоило забрызганную грязью шубку повѣсить на нѣсколько часовъ и затѣмъ встряхнуть, и вся грязь сама собою осыпалась, и волосъ на шубкѣ принималъ прежній черный блестящій видъ. Эти шубки носились годы; волосъ на нихъ стирался нескоро.

По своему образованію и осторожности Траутфеттеръ не могъ имѣть особеннаго вліянія на поднятіе педагогическаго дѣла въ гимназіи, но все-таки при немъ успѣхи были недурны, учителя аккуратно посѣщали уроки, во всемъ былъ порядокъ; съ дѣтьми обращались хорошо и недурно кормили ихъ въ общихъ квартирахъ. Иногда на бутерброды и чай приглашалъ къ себѣ Гуго Эрнестовичъ учителей, бывалъ у семейныхъ учителей, и, наконецъ, по его иниціативѣ въ учительскомъ кругу завелись разъ въ недѣлю очередные бутерброды. Впрочемъ они продолжались одну только зиму, такъ какъ потеряли свой скромный характеръ семейнаго учительскаго кружка, и продолжать ихъ сдѣлалось разорительнымъ.

Инспекторъ Алекс. Дмитр. Т—овъ и учитель математики Петръ Дмитріевичъ Коленко, имѣя много знакомствъ въ городѣ, превратили ихъ въ свои очередные дни въ балы съ музыкой, на которые являлась вся чиновная знать пышно и дорого разряженная, такъ что жены и дочери учителей въ своихъ скромныхъ костюмахъ совсѣмъ стушевались. Когда пришла новая очередь для бутербродовъ, то никто не захотѣлъ ее возобновить, не будучи въ состояніи соперничать въ издержкахъ съ Т—ымъ и Коленко [1]). Траутфеттеръ самъ не бралъ взятокъ,

[1]) Здѣсь у А. Солтановскаго замѣчается маленькая неточность: у Т-ова лично вечеровъ не бывало, т. к. жена его была больна и вскорѣ умерла. Вечера-

но былъ недостаточно энергиченъ, чтобы помѣшать Т — ову и Коленку пользоваться ими. Т—овъ весьма сдружился съ Коленко; происходили всякія натяжки во время испытаній и переводовъ, случались даже подчистки мѣсячныхъ отмѣтокъ въ вѣдомостяхъ. Т—овъ кромѣ того тянулъ безплатно всю провизію для своего стола съ подрядчика общихъ квартиръ.

Въ университетѣ я жилъ на казенномъ содержаніи въ камерѣ № 8. Насъ было 8 человѣкъ: шесть человѣкъ поляковъ и два русскихъ. Поляки вели себя нравственно и серьезно занимались науками. Во взаимномъ обращеніи они были всегда приличны, и дружеское отношеніе выражалось ласкательными именами: Стасю, Олесю и т. д. Нескромныхъ разговоровъ никогда не было. Къ Богу и Его Промыслу относились съ полною вѣрою. Политическій и соціальный бытъ не только Россіи, но и другихъ государствъ подвергался осторожной критикѣ. Нѣмцевъ, особенно Австрію и Меттерниха, столько-же не любили, какъ и русское правительство. Къ русскимъ относились дружелюбно, хотя, можетъ быть, это дѣлали изъ приличія къ намъ и изъ политики. Такой кружокъ не могъ не имѣть хорошаго вліянія на меня, вынесшаго изъ семьи сѣмена вѣры въ Бога и добрую нравственность. Въ камерахъ, гдѣ жили одни русскіе, чувствовалось не то. Дружескія отношенія выражались не ласкательными именами, а грубою руганью: Частыя ссоры, даже драки, запахъ водки, похабные разговоры и соблазнительные разсказы, полное невѣріе въ Бога и безсмертіе души, особенно между медиками, характеризовали эти кружки будущей интеллигенціи, долженствовавшей на разныхъ поприщахъ служить государству и вліять на народъ.

же эти устраивались учителями холостыми въ складчину и, дѣйствительно, вскорѣ потеряли характеръ бутербродовъ. Дѣлаемъ эту поправку на основаніи словъ одной пожилой особы, бывшей какъ разъ въ то время въ Ровно и очень близко стоявшей къ учебному персоналу; этой особѣ, между прочимъ, мы обязаны нѣкоторыми поправками въ запискахъ А. Солтановскаго, относящимися къ Ровенскому періоду 1849—53 гг.—Ред.

При воспитанiи во́-время сказанное доброе слово запечатлѣвается на всю жизнь въ ребенкѣ и даже опредѣляетъ навсегда его нравственную дѣятельность. До поступленiя въ гимназiю я отлично зналъ десять заповѣдей; онѣ для меня значили не болѣе, какъ слова молитвы, которыя нужно было прочитать каждый день утромъ и вечеромъ. „Не укради“ я повторялъ безъ всякаго вниманiя, и хотя чужого не трогалъ ничего, не кралъ, но равнодушно смотрѣлъ, какъ во время зимы разбирались чужими людьми плетни, какъ полицейскiе и чиновники присвоивали себѣ чужое и въ видѣ подарковъ, и въ видѣ вымогательствъ. Мой отецъ служилъ секретаремъ земскаго суда въ то время, когда секретари были полными хозяевами уѣзда и наживали состоянiя. Между тѣмъ отецъ былъ очень бѣденъ и существовалъ съ семействомъ исключительно на свое ничтожное жалованье, которое едва давало возможность изворачиваться и въ это баснословно дешевое время, когда корецъ пшеницы стоилъ 75 коп., сажень дровъ съ доставкой 3 р., сажень сѣна съ доставкой 4 р, а сажень соломы 1 р. сер. Я часло слышалъ упреки отцу отъ знакомыхъ: Вы сами виноваты, Акимъ Ивановичъ! Самъ Спаситель сказалъ: „всякое даянiе благо и всякъ даръ совершенъ“. Вы по своей гордости пренебрегаете словами Спасителя, а у Васъ есть семья.—Отецъ отшучивался. У отца былъ прiятель, столоначальникъ магистрата Василiй Васильевичъ Мизниковскiй, имѣвшiй въ городѣ домикъ, хуторъ и сѣнокосъ съ пахатнымъ полемъ (леваду). Онъ былъ старый холостякъ, часто у насъ обѣдалъ по праздникамъ послѣ обѣдни, а иногда пилъ чай и игралъ въ карты въ игру „дружбартъ“ [1]). Кое-когда и отецъ заходилъ къ нему на чай и дружбартъ и бралъ меня съ собою для составленiя партiи. Играли безъ денегъ, для препровожденiя времени. Однажды мы заигрались до поздней ночи у Мизниковскаго. У отца была палка, а у меня не было въ рукахъ ничего. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ изъ дворовъ стали наскакивать собаки. Ночь была совершенно темная.

---

[1]) Нѣкоторое видоизмѣненiе другой, болѣе извѣстной, игры, называемой „марьяжъ“.

Боясь, что отецъ не успѣетъ своею палкою охранить и себя, и меня, я подошелъ къ чужому плетню и выломалъ кусокъ хворостины. Когда мы приближались къ дому, отецъ сказалъ мнѣ, что большой грѣхъ передъ Богомъ пользоваться чужимъ добромъ и трогать чужое. Ты крѣпко согрѣшилъ, унесши хворостину изъ чужого плетня. Я отвѣчалъ, что выломаной хворостиной я не испортилъ чужого плетня, а хворостинка эта защитила меня отъ собакъ. Отецъ возразилъ, что лучше быть укушеннымъ собакою, чѣмъ тронуть чужое. При томъ же ты самъ виноватъ: почему не взялъ съ собою изъ дома палки? Другой своимъ имуществомъ не долженъ отвѣчать за твою оплошность.—Кусокъ хворостины не составляетъ имущества, другіе же берутъ взятки, опустошаютъ чужіе сады,—отвѣчалъ я.—Другіе нарушаютъ заповѣди Божіи: „не укради“, „не пожелай чужого“, а ты, сынъ мой, этого не долженъ дѣлать! Развѣ ты замѣчаешь, что я дѣлаю такъ, какъ другіе?—Да, всѣ говорятъ, что Спаситель позволилъ даянія и дары.—Они извращаютъ смыслъ божественныхъ словъ Спасителя, они вдвое грѣшатъ, искушая меня. Благо, что не на такого напали. Всякій долженъ довольствоваться своимъ, что пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ, и тотъ тяжко согрѣшаетъ предъ Богомъ, кто позволитъ себѣ тронуть даже чужую соломинку.—Этотъ разговоръ разъяснилъ мнѣ навсегда практическое значеніе заповѣдей: „не укради, не пожелай чужого“ и охранилъ меня на всю жизнь отъ присвоенія и вымогательства и частной, и общественной, и казенной собственности. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ во мнѣ цѣлый рядъ мыслей, осмыслилъ для меня слова молитвы и заставилъ слѣдить за собою и давать себѣ отчетъ во всѣхъ моихъ словахъ и поступкахъ и такимъ образомъ навсегда охранилъ меня отъ всякихъ увлеченій. Я рано почувствовалъ брезгливость къ пьянымъ и отвращеніе ко всякаго рода опьяняющимъ напиткамъ. Женская красота, особенно красивыя формы мнѣ весьма нравились, но слѣдя за собою, я подавлялъ въ себѣ половые инстинкты. Въ университетѣ я мечталъ остаться на всю жизнь дѣвственникомъ и хотѣлъ посвятить себя служенію Богу и слабому человѣчеству, хотѣлъ поступить въ монахи и,

достигнувъ архіерейства, съ архіерейской каѳедры провозглашать правду Божію и стараться водворить между людьми царство Божіе на землѣ. Съ этой цѣлью я познакомился и даже сблизился съ нѣкоторыми лаврскими іеромонахами. Они посвятили меня во всю закулисную жизнь монастырей, во всѣ отношенія монаховъ между собою, съ низшими себя, съ высшими, съ властями, съ мірянами—и я ужаснулся. Я понялъ, что съ своими стремленіями я погибну, ничего не достигши, или же долженъ буду отказаться отъ своихъ идеаловъ и сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ неправды и силы. Я отказался отъ монашества, но велъ жизнь чисто монашескую: не зналъ ни женщинъ, ни напитковъ; избѣгалъ дѣлать другимъ малѣйшія непріятности, не курилъ, не игралъ въ карты, даже воздерживался по цѣлымъ мѣсяцамъ отъ мясной пищи. Конечно, я не отказывалъ себѣ, когда были средства, въ посѣщеніи концертовъ и театра.

Такимъ я явился на службу младшимъ учителемъ въ Ровенскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей С. И. Опатовичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

12-го апрѣля с. г. скончался въ С.-Петербургѣ протоіерей смоленскаго кладбища *Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ.* Хотя покойный большую часть своей жизни провелъ въ С.-Петербургѣ, но по своему происхожденію, первоначальному воспитанію, своимъ влеченіямъ и частію по своей литературной дѣятельности принадлежалъ Малороссіи; поэтому будетъ вполнѣ умѣстно посвятить его памяти мѣсто на страницахъ „Кіевской Старины“.

С. И. Опатовичъ родился 15 декабря 1831 года въ м. Горынгродѣ, ровенскаго уѣзда волынской губерніи, гдѣ отецъ его, также протоіерей, былъ приходскимъ священникомъ. Первоначальное образованіе Стефанъ Ивановичъ получилъ въ духовномъ училищѣ въ Клевани, а затѣмъ въ Кременецкой духовной семинаріи. Слѣдуя примѣру старшаго брата, который въ то время, окончивши академическій курсъ, былъ уже священникомъ въ ц. Покрова въ С.-Петербургѣ, онъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1853 г. и по окончаніи въ ней курса былъ назначенъ преподавателемъ въ Олонецкую духовную семинарію. Въ Петрозаводскѣ покойный пробылъ только около года: въ 1858 г., послѣ женитьбы, онъ былъ назначенъ священникомъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ и въ этой должности прослужилъ почти 34 года; за все это время онъ жилъ безвыѣздно въ столицѣ и только одинъ разъ, въ 1862 г., побывалъ на родинѣ на Волыни. Скончался

о. Опатовичъ отъ чахотки на 61-мъ году своей жизни; 15-го апрѣля громадная толпа собравшихся на кладбищѣ провожала его до могилы.

Если внѣшняя жизнь С. И. Опатовича была бѣдна перемѣнами, то за то она богата была внутреннимъ содержаніемъ. Покойный протоіерей всегда въ высшей степени добросовѣстно относился къ исполненію обязанностей своего сана; онъ много заботился о благоустройствѣ и упорядоченіи Смоленскаго кладбища; всегда внимательно и участливо исполнялъ всѣ требы; даже подъ конецъ жизни, когда чахотка окончательно подломила его и безъ того слабыя силы, онъ выполнялъ всѣ обязанности очередного священника, пока окончательно не слегъ. Чуть не ежедневное въ теченіе многихъ лѣтъ исполненіе требъ по отпѣванію и погребенію мертвыхъ, постоянное, изо дня въ день повторяющееся зрѣлище смерти, людского горя и отчаянія, казалось, должны были бы замѣтно отразиться на характерѣ о. Опатовича. Можно было бы предположить, что онъ обратится въ сухого и черстваго зрителя этихъ для него повседневныхъ явленій, что воспріимчивость и впечатлительность къ людскимъ страданіямъ и несчастіямъ въ немъ постепенно ослабѣютъ, наконецъ и совсѣмъ заглохнутъ. Но въ немъ было такъ много душевной доброты, такое глубокое религіозное чувство любви къ ближнимъ, что до конца своей жизни онъ вполнѣ сохранилъ способность глубоко сочувствовать всѣмъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ, сердечно относиться къ страданіямъ людей. И это сказывалось особенно ярко при исполненіи имъ отпѣванія: глубокое пониманіе значенія смерти сказывалось въ его служеніи,—оно глубоко трогало даже посторонних и безучастныхъ иновѣрцевъ. Въ каждомъ словѣ, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, близкимъ къ умершему, сказывалось такое теплое, сердечное участіе къ ихъ горю, что невольно успокаивало и утѣшало ихъ.

Послѣдствія душевной доброты о. Опатовича обнаружились и послѣ его смерти: занимая такъ долго доходное мѣсто священника на смоленскомъ кладбищѣ, будучи притомъ бездѣтнымъ, онъ ничего не сберегъ, не оставилъ послѣ себя ника-

кихъ средствъ. За то подолгу, годами, проживали у него неимущіе молодые люди, родственники, земляки или только близко знакомые, получавшіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы; нѣсколькихъ племянниковъ и племянницъ онъ воспиталъ на свой счетъ. Онъ всегда любилъ окружать себя молодежью; многіе учившіеся въ университетѣ, въ академіяхъ медицинской, духовной и художествъ или въ консерваторіи меньше чувствовали нужду и одиночество на чужбинѣ, благодаря о. Опатовичу, котораго постоянно посѣщали, у котораго весело проводили досужіе вечера и временами подолгу проживали; здѣсь они находили не только радушный пріемъ, но и добрый, участливый совѣтъ; здѣсь хозяинъ съ его теплымъ, религіознымъ чувствомъ внушалъ имъ бодрость душевную, уваженіе и любовь къ знанію, къ искусству, къ труду и къ трудящимся; здѣсь имъ нерѣдко оказывалась и матерьяльная помощь. Изъ среды этой молодежи нѣкоторые потомъ сдѣлались извѣстными учеными, врачами, художниками; всѣ они вѣроятно навсегда сохранятъ чувство глубокой признательности къ доброму своему пастырю. Не только молодежь, но и люди вполнѣ зрѣлые, высокообразованные и ученые, даже старше его по возрасту, подчинялись обаянію его теплоты сердечной и высоко-нравственныхъ идеаловъ: изъ числа такихъ лицъ одинъ глубокій старикъ, притомъ же католикъ, говорилъ составителю этого некролога, что въ особенно тяжкія минуты онъ всегда обращался къ Стефану Ивановичу, потому что передъ нимъ легко было открывать душу, сообщать ему всѣ свои даже наиболѣе сокровенныя, интимныя тайны. Въ числѣ лицъ, нашедшихъ пріютъ и поддержку у покойнаго, былъ и молодой землякъ и дальній свойственникъ его, Василій Степановичъ Гуглинскій (ум. аудиторомъ при окружномъ штабѣ въ Ташкентѣ въ 1891 г.?), пріѣхавшій въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Это поступленіе почему то не состоялось, но Гуглинскій прожилъ у Стефана Ивановича около шести лѣтъ. Когда въ 1861 г. стала издаваться „Основа“, Гуглинскій помѣстилъ въ ней нѣкоторыя

свои произведенія[1]), примкнулъ къ кружку ближайшихъ сотрудниковъ и руководителей журнала и очень сблизился съ ними. Черезъ него о. Опатовичъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; знакомство очень скоро обратилось въ дружбу, которая продолжалась до самой смерти историка. На вторникахъ у послѣдняго о. Стефанъ былъ всегдашнимъ гостемъ; въ свою очередь Николай Ивановичъ часто посѣщалъ на смоленскомъ кладбищѣ своего духовника, который при посредствѣ перваго познакомился и сблизился съ Д. Г. Лебединцевымъ, Ф. К. Неслуховскимъ, Д. Л. Мордовцевымъ, академикомъ А. Н. Савичемъ и другими лицами, особенно—съ причастными къ „Основѣ". Одинадцатаго мая 1862 г., въ день св. первоучителей славянскихъ, о. Опатовичъ отслужилъ послѣ обѣдни молебенъ въ храмѣ смоленскаго кладбища въ присутствіи кружка „Основы" въ память окончившагося тысячелѣтія перевода священныхъ книгъ на церковно-славянскій языкъ: это вызвало въ С.-Петербургѣ много толковъ и сплетенъ, а потомъ и непріятностей для о. Опатовича.

Покойный протоіерей былъ нѣкоторое время законоучителемъ въ приготовительномъ пансіонѣ для Александровскаго лицея Боце, въ другомъ частномъ пансіонѣ для подготовки въ разныя учебныя заведенія, особенно въ строительное училище Эмме, и потомъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ—въ Покровской женской гимназіи. Онъ обладалъ талантомъ преподавателя, и вездѣ имъ дорожили, но по слабому здоровью долженъ былъ къ великому сожалѣнію сослуживцевъ и особенно учащихся оставить педагогическое поприще. За то, когда въ С.-Петербургѣ открылись чтенія для народа, Стефанъ Ивановичъ одинъ изъ первыхъ принялъ въ нихъ участіе: онъ читалъ въ народныхъ ау-

[1]) Въ „Основѣ" за 1862 г. онъ помѣстилъ свои статьи 1) Зъ народнихъ устъ: „Війтъ Семенъ"; 2) „Передъ свитомъ" (дума) и 3) Зъ народнихъ устъ: „И наука иноди не въ науку" подъ псевдонимами В. Г-гл-ського (февраль), Михаила Чайки (май) и М. Чайки (августъ). Сверхъ того, В. С. Гуглинскій написалъ напечатанные славянскимъ шрифтомъ „Життє св. великомученика Георгія (юрія) Побидоносьця, Життє св. великомученици Варвари и Життє преподобнои матери нашои Маріи Египетскои. Питербурхъ въ печатни императорськои академіи наукъ. 1863 г.", не поступившія въ продажу.

диторіяхъ на Владимірскомъ проспектѣ въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается приказчичій клубъ, въ Горномъ институтѣ и въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Плодомъ этихъ чтеній явилась книга „Первые вѣка христіанства и распространенія его на Руси" свящ. Опатовича, съ 15-ю раскрашенными картинами. (Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи народныхъ чтеній. СПБ. 1873"). Здѣсь авторъ обнаруживаетъ талантъ просто и общедоступно, но въ тоже время очень интересно, разсказывать о событіяхъ, касающихся избранной имъ темы.

Какъ даровитаго и знающаго священника, начальство петербургской епархіи пригласило о. Стефана участвовать въ собираніи и разработкѣ историко-статистическихъ свѣдѣній по епархіи. Участвуя въ занятіяхъ и изданіяхъ учрежденной для этой цѣли коммиссіи, о. Опатовичъ работалъ въ синодальномъ и консисторскомъ архивахъ. Плодомъ его занятій здѣсь между прочимъ явился историческій очеркъ „Описаніе смоленскаго кладбища въ С.-Петербургѣ" („Русская Старина" 1873 г. т. 8, стр. 168—200); здѣсь описаны могилы писателей В. К. Тредьяковскаго, Я. Б. Княжнина, Н. И. Хмѣльницкаго и Елизаветы Кульманъ, художниковъ и артистовъ Боровиковскаго, Бортнянскаго и другихъ, а также могилы чтимой народомъ Ксеніи. Въ „Русской Старинѣ" за 1877 г. т. 18-й покойный помѣстилъ небольшой очеркъ „Евдокія Андреевна Ганнибалъ" (стр. 69—78)—это сообщеніе о бракоразводномъ дѣлѣ арапа Петра Великаго. Но самъ авторъ всего болѣе цѣнилъ свои „Оповидання зъ Святого Письма. Выпускъ першій. Церковъ Божа Патриархальна (въ семьи). Петербургъ 1863". Были написаны и слѣдующіе выпуски, но они не были напечатаны. „Оповидання" дѣйствительно представляютъ замѣчательный трудъ: авторъ мастерски владѣетъ языкомъ, просто, но крайне интересно и художественно разсказываетъ о главнѣйшихъ ветхозавѣтныхъ событіяхъ до переселенія евреевъ въ Египетъ и объ Іовѣ. Удачный выборъ терминовъ и образовъ дѣлаетъ разсказъ вполнѣ доступнымъ для пониманія дѣтей и простолюдиновъ, а глубо-

кое знаніе быта и понятій малорусскаго народа, при высокомъ нравственномъ идеалѣ автора, дѣлаетъ „Оповидання" чрезвычайно интересными и поучительными.

Послѣ С. И. Опатовича остались рукописи и обширная переписка. Онѣ находятся у его родного племянника Владиміра Константиновича Опатовича въ С.-Петербургѣ. Было бы крайне желательно, чтобы весь этотъ матерьялъ былъ поскорѣе разобранъ и чтобы все представляющее интересъ и доступное для печати было напечатано.

В. Б.

С.-Петербургъ,
18-го мая 1892 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Подольская легенда о Бунякѣ. Въ 1873 году, по распоряженію центральнаго статистическаго комитета, собранъ былъ по волостямъ богатый матеріалъ для приведенія въ извѣстность памятниковъ древности, разсѣянныхъ въ краѣ. Пересматривая данныя, относящіяся къ территоріи подольской губерніи, я встрѣтилъ въ донесеніи миньковецкой волости (ушицкаго уѣзда) оригинальную легенду, записанную волостнымъ писаремъ «отъ старожиловъ», относимую ими къ городищу, сохранившемуся у села Великой Кужелевой. Легенда эта представляетъ, очевидно, сводъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ преданій, конкретныя черты которыхъ сгладились въ народной памяти и подробности странно перемѣшались въ видѣ довольно оригинальнаго pot-pourri. Полагаю, что кужелевская легенда можетъ представить нѣкоторый интересъ, если не по содержанію, которое уже утеряло существенные архаическіе признаки, то, по крайней мѣрѣ, какъ образчикъ вывѣтриванія и интерполяціи народныхъ сказаній. Выписываю эту легенду дословно въ томъ видѣ, въ какомъ она записана была писаремъ въ 1873 году.

«Изъ разсказовъ старожиловъ оказывается, что городище въ с. Великой Кужелевой, называемое «Мистысько», въ древнія времена занято было городомъ, называвшимся Кружель; городъ этотъ разорилъ въ древности козакъ Солудывый Буйнякъ, который въ одно и то же время разорилъ мѣстечко, на мѣстѣ котораго теперь существуетъ село Тышковъ, и городъ, бывшій тамъ, гдѣ теперь находится село Городиска. Буйнякъ окончилъ свои военныя разбойническія похожденія у мѣстечка Городка (Грудка) каменецкаго уѣзда, гдѣ его побѣдилъ кожемяка Самсонъ Кириловичъ; кожемяка этотъ былъ настолько силенъ, что если бывало разсердится на кого нибудь, то въ минуты вспыльчивости въ одно мгновеніе раздеретъ двѣнадцать воловьихъ кожъ.

Когда Буйнякъ подступилъ къ Городку съ своимъ войскомъ, кожемяка Кирилловичъ въ то время спалъ; жители, разбудивъ его, просили у него защиты. Кириловичъ приказалъ себѣ сдѣлать изъ шелку толстую тесьму, на которую нацѣпилъ мельничный жерновъ и кругообразнымъ движеніемъ его уничтожилъ все войско Буйняка и побѣдилъ его самого; это-же случилось слѣдующимъ образомъ: козакъ Буйнякъ имѣлъ вѣки до самой земли, которыя, когда онъ подходилъ къ какому нибудь городу, два козака подымали ему особо устроенными вилами; тогда онъ, осмотрѣвъ городъ, отдавалъ приказъ своему войску, откуда начинать приступъ; вѣки эти имѣли такое свойство, что если кто-либо изъ непріятелей Буйняка окажется настолько сильнымъ, что приподыметъ ихъ, то тому суждено будетъ побѣдить Буйняка. На долю Кириловича выпало воспользоваться этимъ таинственнымъ свойствомъ вѣкъ—онъ приподнялъ ихъ, побѣдилъ Буйняка и прекратилъ дальнѣйшія его разрушительныя завоеванія; такимъ образомъ мѣстечко Городокъ спаслось отъ разрушенія и уцѣлѣло до настоящаго времени».

В. А.

Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ, кіевскаго уѣзда.

1. *Весняныя игры «дивчатъ» и дѣтей.* Эти игры съ пѣніемъ открываются еще за недѣлю до Благовѣщенія; на самое-же Благовѣщеніе дивчатъ вполнѣ охватываетъ какое-то поэтическое вдохновеніе, навѣянное оживленной природой весны. Церковный праздникъ Благовѣщенія блекнетъ въ религіозномъ сознаніи жителей деревни вообще и молодежи въ особенности отъ совпаденія съ нимъ во времени празднованія оживляющейся природы. Обновляющаяся природа празднуетъ свое возрожденіе въ лицѣ своихъ дѣтей,—свѣжихъ, не заклейменныхъ еще суровой жизнью «дивчатъ».—Къ обѣденному времени разряженныя «дивчата» собираются со всей деревни въ одно мѣсто,—на одинъ изъ концовъ деревни. Побравшись за руки, составивъ такимъ образомъ изъ себя живой вѣнокъ, обходятъ *навкруги* деревни съ торжественнымъ пѣніемъ веснянокъ. Слѣдующей, напримѣръ, пѣсней сопровождается игра «въ хмиль».

Ой поросты, хмелю (2), вышче мого двору;
Ой не ходы нелюбъ коло мого двору (2).
Ой якъ тяжко-важко (2) каменю та котытыся,
А ще тяжче-важче старому та женытыся (2),
Молоду жинку браты (2), що не вміе зъ старымъ спаты.

Ой поросты, хмелю (2), вышче мого двору;
Ой походы, мылый (2), коло мого двору,
Ой походы, мылый (2), коло мого двору,—
По твоимъ слидочку (2) перстыкомъ да покотыла.
Ой якъ легко, гарно (2), перстыку да котытыся,
А ще легче, краще (2) молодому та женытыся,
Молоду жинку браты (2), що вміе зъ молодымъ спаты.

Во время пѣнія этой пѣсни дивчата, побравшись за руки и перевиваясь подъ руками крайнихъ двухъ дивчатъ, изображаютъ изъ себя вьющійся хмѣль, почему игра эта и называется игрой *въ хмиль.*—А то еще въ это-же время и на «великдень» совершаются дивчатами слѣдующія игры.

Становятся дивчата въ кружокъ; одна изъ нихъ становится въ этомъ кружкѣ въ роли жены, а другая, внѣ круга съ розгою,—въ роли мужа. Кружокъ, побравшись за руки съ участіемъ «мужа и жоны», поетъ:

„Гей-же, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду.—
„Качки крячуть йисты хочуть—йды до дому".
—Тамъ у решетыньци (въ решети) послидныци,
(послидъ) То й самъ дай! (2).
„А вже тее пойилы, пойилы".—Хиба лыха зхотилы, зхотилы?
„Гей, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду!—
„Диты плачуть—йисты хочуть!" — Тамъ на полыци три паляныця
То й самъ дай! (2).
„А вже тее пойилы, пойилы!"—Хиба лыха зхотилы, зхотилы?—
„Гей, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду!—
„Дочки плачуть—замужъ хочуть, то йды до дому!"
—Тамъ въ бодныци (въ бодни) три плахтыци,
То й самъ дай! (2).
„А вже тее зносылы, зносылы". — Хиба лыха зхотилы, зхотилы?—
„А я пыва наточу, наточу, таки мылу выклычу, выклычу".
—А мы пыво попьемо, попьемо, да й мылои не дамо, не дамо.
„А я булокъ напечу, напечу, таки мылу выклычу, выклычу!"
—А мы булкы пойимо, пойимо, и мылои не дамо, не дамо.
„А я меду наварю, наварю, таки мылу выдурю, выдурю".
—А мы той медъ попьемо, попьемо, та й мылои не дамо, не дамо.

Съ послѣдними словами пѣсни «мужъ» загоняетъ «жону» розгой; «жона» убѣгаетъ подъ руками подругъ кругомъ, мужъ ее розгой погоняетъ. Въ случаѣ желанія повторить игру — выступаетъ другая пара дивчатъ для ролей мужа и жены, и игра, съ пѣніемъ и смѣхомъ, совершается прежнимъ порядкомъ.

Побравшись за руки и бѣгая по улицамъ вереницей, дивчата поютъ также:

Ой *Шумъ* ходыть,—по дорози бродыть,
А Шумыха рыбу ловыть,
Що вловыла, то й пропыла,
Дочци шубы не купыла:
„Пожды доню до субботы,
Куплю шубу, ще й чоботы“.
—Або мене замижъ дайте,
Або мени шубу зправте,
Або мене залышить,—
На папери напышить.

«У макъ» дивчата играютъ такъ: составятъ, побравшись за руки, кругъ; посрединѣ круга садится одна изъ дивчатъ — чаще изъ дѣвочекъ-подростковъ, — изображая изъ себя макъ. Весь кружокъ, дѣлая круговыя движенія то въ одну, то въ другую сторону, поетъ:

Пры дорози макъ, пры широкій макъ,
Ой макъ чыстый, головыстый, —
Молодыи молодычки, станьте въ рядъ,
Тутъ буде ладъ.

Пропѣвъ это нѣсколько разъ, схватываютъ на руки сидящій посреди кружка «макъ», подкидываютъ на воздухъ, не допуская до паденія его на землю, а подхватывая на руки.

Игра *въ качанъ* также проста.

Крайняя изъ побравшихся за руки дивчатъ стоитъ неподвижно, а другой конецъ дивчатъ обкручиваетъ ее до тѣхъ поръ, пока не составится куча дивчатъ, изображающая завившуюся головку капусты. Потомъ начинаетъ качанъ «розвыватысь» —раскручиваются въ обратномъ порядкѣ. Припѣваютъ при «завиваніи» качана:

Ой звій, Боже, качана, качана!

при «розвиваніи»:

Розвій, Боже, качана, качана.

Передъ повтореніемъ завиванія:

Качавъ, качавъ, та й зновъ почавъ.

Начиная игру въ «*заиньку*» составляютъ тоже кружокъ. Одна изъ дивчатъ становится въ кругѣ въ роли заиньки, а дивчата, дѣлая движенія вокругъ нея то въ одну сторону, то въ другую, поютъ:

Городылы заиньку зиллемъ-киллемъ,
Никудою заиньку а ни выскочыты.
Никудою заиньку а ни выстрыбнуты.
Заиньку! Чы головка болыть?

«Городылы заиньку...» поется нѣсколько разъ съ новыми вопросами: чы колиньця болять, чы пятки болять, чы плечи болять, чы реберця болять и т. п. Соотвѣтственно вопросу, дѣвушка, изображающая изъ себя «заиньку», граціозно указываетъ руками то на голову, то на колиньця, плечи и проч. По окончаніи пѣсни, «заинька» выскакиваетъ изъ своей горожи — изъ круга; дивчата гоняются за нимъ и, поймавъ, насмѣявшись вдоволь, порѣзвившись надъ этимъ «заинкомъ», начинаютъ, смотря по охотѣ, вновь эту игру, и роль «заинки» заступаетъ другая дѣвушка.

Для игры въ *ленокъ* становятся, побравшись за руки, въ рядъ. Одна изъ ряда дивчатъ идетъ къ одной изъ крайнихъ и говоритъ: «Кумко-голубко, иды до мене ленку брать!» А та ей отвѣчаетъ:— А хлиба дасы? — «А той де дила?» — Зъ козакамы на печи ззила.— «А робыть?» —А головка болыть!— «А замижъ?» —Хочъ заразъ,—и бѣжитъ отвѣчающая, переплетаясь подъ руками на другой конецъ ряда, а спрашивавшая съ розгой гонится и хлещетъ ее слегка. Къ слѣдующей, что стояла подлѣ убѣжавшей на другой конецъ ряда, спрашивающая обращается съ тѣми-же вопросами, и игра идетъ прежнимъ порядкомъ, пока всѣхъ не переберетъ.

Въ игрѣ *въ ящура*—составляютъ дивчата кругъ; въ этомъ кругу становится одна изъ проворныхъ и начинаютъ всѣ пѣть, дѣлая движенія:

Сыды, сыды, ящуре, въ горохвянимъ мисци,
Май соби жинку, якъ перепилку,
Якъ спіймемъ, обдеремъ,
Завтра по ранку, выкопаемъ ямку,
Пырогивъ напечемъ и ящура зпомянемъ.

Во время этой пѣсни «ящуръ» снимаетъ съ головъ поющихъ дивчатъ поочередно платки и надѣваетъ ихъ всѣ себѣ на шею. Потомъ ловко выпрыгиваетъ изъ кружка и безъ оглядки бѣжитъ въ какую нибудь сторону, а всѣ бѣгутъ за ней—за ящуромъ въ догонку; рѣзвая, ловкая дѣвушка— «ящуръ»—не сразу дается въ руки, а вездѣ дивчатъ за собой пообводитъ, а потомъ, натѣшившись и потѣшивши всѣхъ, сама отдается въ руки; тогда съ нея сдираютъ свои платки дивчата; избираютъ для роли «ящура» новое лицо и игра продолжается.—Въ эту игру играютъ преимущественно дивчата-«пидлитки».

2. *Между дѣтскими играми, не приноровленными ко времени, извѣстны въ д. Леоновкѣ игры: въ «ворона», въ «дрибъ соли, дрибъ», въ «блудня», въ «кота» и въ «царя»*

При игрѣ *въ ворона* одно изъ дѣтей сидитъ на землѣ и ковыряетъ пальцемъ землю; а остальныя дѣти, выбравъ изъ себя бóльшаго, становятся въ рядъ сзади выбраннаго и держатся одинъ за поясъ или одежду другаго. Передній спрашиваетъ сидящаго «ворона»:

— Вороне, вороне! що ты робышь?

— Пичку копаю,—отвѣчаетъ онъ.

— На що?

— Окрипъ буду грить!

— На що?

— Твоимъ дитямъ очи залывать.

— За що?

— Щобъ у мою капусточку не ходылы сц..., щобъ за тынъ (коп.) не выкидать.

Съ послѣдними словами сидѣвшій «воронъ» бросается на дѣтей передняго—матери, а передній забѣгаетъ при этомъ на передъ ворону и защищаетъ своихъ дѣтей; дѣти-жъ — заднія, бросаются въ обратную сторону отъ ворона и, какъ галушки, падаютъ на землю. Затѣмъ игру оставляютъ или-же вновь начинаютъ.

Въ «дрибъ соли, дрибъ» играютъ по двое и чаще дѣвочки, чѣмъ мальчики. Игра вотъ въ чемъ состоитъ. Ставъ одинъ противъ другого, берутся за руки; оперши ноги объ ноги, натянувъ руки, кружатся на одномъ мѣстѣ со словами, произносимыми на распѣвъ:

Дрибъ соли, дрибъ, на камени бибъ,—
Пидъ каменемъ бочка, Петрова дочка
Выгнала бычки въ воритнычки:
Паситеся бычки, пиду по телычки;
Бычки не пасутся,—мычки не прядутся.

Закружившись, падаютъ на землю и наблюдаютъ обманъ зрѣнія: какъ земля съ предметами кружится въ ихъ глазахъ.

Въ «блудня» играютъ преимущественно мальчики. Игра состоитъ въ слѣдующемъ. Берутъ палочку, длиною съ четверть аршина, заостриваютъ съ одного конца, а на другомъ выдѣлываютъ головку—булавку. Потомъ обводятъ ногою или-же палкой по землѣ «городокъ» — часть земли, сажня два въ окружности. Одинъ изъ играющихъ беретъ эту палочку и втыкаетъ ее въ обчерченномъ кругѣ, а въ это время другой завязываетъ глаза платкомъ или чѣмъ другимъ. Когда палочка уже воткнута, то играющіе говорятъ: «вже» и, разбѣгаясь, прячутся неподалеку. «Зажмурившійся» на четвереелькахъ или же на ногахъ ищетъ въ городкѣ палочки; нащупавъ ее, развязываетъ глаза и

старается палочкой попасть въ кого-нибудь изъ спрятавшихся, а тѣ стараются добѣжать до городка; въ томъ случаѣ, если палочка попадетъ въ кого нибудь внѣ городка, то тотъ хватаетъ палочку и старается въ свою очередь въ кого нибудь попасть; мальчикъ, не успѣвшій отбиться, «жмурится», и игра продолжается.

Игра «въ кота и мышей» сходна съ игрой въ ворона. И тутъ, какъ и въ той игрѣ, составляютъ рядъ такъ, что одинъ изъ играющихъ держится за поясъ или за одежду другого; а передній играетъ роль кота. Котъ спрашиваетъ:

— А багацько въ стози мышей?

Ему отвѣчаютъ задніе мыши:

— Копа.

— А не боятся кота?

— Ни.

— Китъ обернется,—мышу зловыть!

— А чорта ззисть,—отвѣчаютъ мыши.

Котъ старается поймать одну изъ заднихъ мышей, но тѣ всѣ оттягиваютъ его и тѣмъ не даютъ возможности свободныхъ движеній, а сами въ то-же время уклоняются въ обратную сторону отъ той, въ какую онъ бросается. Котъ и на хитрости пускается: дѣлаетъ видъ, что хочетъ въ одну сторону поворачиваться, и сейчасъ-же, когда мыши подались въ противоположную сторону, дѣлаетъ движеніе въ сторону противную и тамъ захватываетъ простоватыхъ трусихъ-мышей. Поймавъ кого нибудь, ставитъ его у себя за плечами, и игра продолжается.

Игра «въ царивъ», извѣстная почти повсемѣстно въ кіевской губерніи, извѣстна и дѣтямъ д. Леоновки. Она состоитъ въ томъ, что всѣ мальчики раздѣляются на два лагеря и каждый изъ этихъ лагерей выбираетъ изъ себя царя себѣ, преимущественно—самаго сильнаго. Дѣти того и другого лагеря, побравшись за руки, становятся другъ противъ друга на разстояніи шаговъ 20—30-ти, и начинается война между царями.— Нужно еще сказать, что каждый царь становится посрединѣ своей арміи, расположивъ около себя болѣе сильныхъ. Отдѣляется послѣ того съ одной стороны мальчикъ и бѣжитъ на непріятеля, стараясь съ разбѣгу своимъ туловищемъ разбить цѣпь непріятеля. Если ему удается это сдѣлать, то онъ забираетъ съ собой въ плѣнъ отбитую часть непріятеля, состоящую изъ 2—3—4-хъ мальчиковъ; плѣнные увеличиваютъ силу одного царя, хотя они и норовятъ попасть къ своимъ, а потому вчастую слабо сопротивляются сво-

имъ. Въ случаѣ, если разогнавшійся мальчикъ повиснетъ на рукахъ непріятеля, не разбивъ цѣпи его, то онъ самъ дѣлается плѣнникомъ. Эта игра почти нескончаема, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ, когда каждый царь останется безъ войска, онъ самъ отбиваетъ себѣ за однимъ разгономъ не малую дружину. Верхъ стыда для царя попасть въ плѣнъ.

3. *Игры парубоцтва* ограничиваются игрой «въ гылкы», что тоже—«въ бигучои» или «въ матку», и игрой «въ довгои лозы». Эти двѣ игры такъ общеизвѣстны, что о нихъ можно и не говорить.

Юр. Каковскій.

Изъ кіевскаго прошлаго. *Слухъ о намѣреніи правительства „разорить" Межигорскій монастырь.* Въ августѣ мѣсяцѣ 1684 года въ Москвѣ была получена слѣдующая отписка кіевскихъ воеводъ: «Государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, холопи ваши Алешка Салтыковъ со товарыщи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ въ 192 году іюля въ 12 день пришолъ въ Кіевъ чернецъ и мы холопи ваши велѣли его роспросить, откуды онъ и котораго монастыря, и для какого дѣла въ Кіевъ пришолъ, и ваша, в. г., проѣзжая грамота или изъ монастыря объ отпускѣ есть ли у него письмо, а въ распросѣ передъ нами, холопи вашими, тотъ чернецъ сказалъ Углицкого уѣзду Дорофѣевой пустыни строитель, Іосифомъ зовутъ Вяземской, въ Кіевъ онъ пришолъ по обѣщанію молиться въ Печерской монастырь, а вашей де вел. гос. проѣзжей грамоты у него нѣтъ и изъ монастыря объ отпускѣ письма онъ не взялъ же, потому что онъ самъ въ томъ строитель, а какъ онъ пошолъ изъ монастыря и тотъ монастырь приказалъ казначею, а какъ де онъ былъ въ Батуринѣ и ему вашъ, в. г., подданной войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ далъ проѣзжей листъ, а въ листу написано, велѣно того чернеца въ Кіевъ и назадъ изъ Кіева пропущать безъ задержанія; и того жъ числа тотъ чернецъ пошолъ изъ Кіева въ Печерской монастырь и іюля въ 26 день пришолъ къ намъ, холопемъ вашимъ, Межигорского монастыря игуменъ Ѳеодосій Васковскій и извѣщалъ словесно, а въ извѣтѣ сказалъ, сего де числа былъ онъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и въ томъ де монастырѣ пріѣзжей старецъ Іосифъ Вяземской говорилъ ему, игумену, про Межигорской монастырь, что будто къ вамъ, в. г., вашъ, в. г., подданный войска Запорожскаго обоихъ сторонъ

Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ, чтобъ Межигорскій монастырь разорить для того, что де того монастыря онъ, игуменъ, и братья молятъ Бога за короля и по тому письму вашъ, в. г., указъ есть тотъ Межигорскій монастырь разорить велѣно, а церковную утварь отдать въ Печерской монастырь, а братью разослать въ иные монастыри, а въ томъ мѣстѣ велѣно вмѣсто церкви построить часовню. И увѣдавъ де о томъ Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ и билъ челомъ вамъ, в. г., чтобъ того монастыря не разорять, а послѣ де того Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ въ другой рядъ съ животворящимъ крестомъ и вамъ, в. г., билъ челомъ о томъ-же, чтобъ того монастыря не разорять и тотъ де монастырь по вашему великихъ государей указу разорить велѣно; и онъ де, игуменъ, нынѣ отъ тѣхъ его, Старца Іосифовыхъ, словъ пришелъ въ великой страхъ. И того жъ числа мы, холопи ваши, того чернеца сыскавъ противъ извѣту Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія расправшивали и тотъ чернецъ въ приказной избѣ передъ нами, холопи вашими, въ распросѣ сказалъ: Кіево де въ Печерскомъ монастырѣ онъ Іосифъ Межигорскому игумену Ѳеодосію Васковскому тѣ вышепомянутыя слова, что онъ игуменъ намъ, холопемъ вашимъ, на него, Іосифа, извѣщалъ, говорилъ, а слышелъ де онъ, Іосифъ, о разореніи того Межигорского монастыря на Москвѣ, а отъ кого слышалъ, того не помнитъ. И того чернеца до вашего, в. г., указу мы велѣли держать за карауломъ, а Межигорскаго монастыря игумена мы, холопи ваши, вашею, в. г., милостію обнадежили и говорили ему, чтобы онъ въ сумнительство о томъ не приходилъ и былъ бы во всемъ на вашу, в. г., милость надеженъ. Великіе государи .... о томъ намъ, холопемъ своимъ, что укажете, а отписку мы, холопи ваши, велѣли подать въ Приказѣ Малыя Россіи боярину князю Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи».

Въ Москвѣ дѣлу, повидимому, придали большое значеніе, и болтливаго инока постигла печальная участь. На вышеприведенной отпискѣ читаемъ слѣдующій приговоръ, написанный рукою думнаго дьяка: «192 г. августа въ 28 день великіе государи и сестра ихъ в. г. благовѣрная царевна, совѣтовавъ со святѣйшимъ патріархомъ, указали послать свою в. г. грамоту въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ къ Ѳедору Петровичу Шереметеву съ товарыщи велѣть съ того чернца въ Печерскомъ монастырѣ монашесвую одежду снять и разстричь и противъ сей отписки про *смутныя слова* роспросить ево въ застѣнке, а роспрося, и пытать накрепко, для чего онъ изъ великоросійскихъ

городовъ пришолъ въ Кіевъ и не послалъ ли ево хто нарочно въ Кіевъ для возмущенія тамошнихъ малоросійскихъ народовъ къ измѣне или для бунту на подданного ихъ государского войска запорожскаго на гетмана Ивана Самойловича и на старшину и на Москвѣ у ково онъ живалъ и приставалъ и хто у него на Москвѣ или въ городѣхъ сродниковъ и къ которыхъ городѣхъ и хто имяны. А роспрося ево о томъ и пытавъ накрепко указали послать къ себѣ, государемъ, наскоро, а того вора разстригу велѣли держать до указу за крѣпкимъ карауломъ, чтобъ куды не ушолъ, а Межигорскаго монастыря игумена и братію призвавъ въ съѣзжую избу указали, государи, своею государскою милостію обнадежить, что никогда у насъ, государей, того, чтобъ Межигорской монастырь свесть и ево, игумена, и братію вывесть въ иные монастыри, а строеніе того монастыря и всякую утварь отдать въ Печерской монастырь не бывало и чтобъ они въ томъ на ихъ государскую милость были надежны и впредь никакимъ такимъ лживымъ словамъ и вѣстямъ не вѣрили, а у нихъ, великихъ государей, по Бозѣ такое желаніе, чтобъ и больши на той сторонѣ святыя мѣста и церкви Божіи множились, а народъ христіянской прибавлялся и расширялся и всегда они, государи, за предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, имѣютъ о томъ неусыпное свое изволеніе и желаніе».

Грамота въ Кіевъ съ изложеніемъ этого приговора была послана 31 августа 1684 года.

(Моск. Арх. Мин. Юст. Ст. Сибир. Приказа № 1587).

А. Голомбіовскій.

Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачаго двора въ мѣщанскія руки (1748 г.). При существовавшихъ въ Кіевѣ враждебныхъ отношеніяхъ между магистратомъ и козацкимъ управленіемъ, переходъ недвижимаго имущества изъ мѣщанскихъ въ козацкія руки и обратно сопровождался нерѣдко такими затрудненіями, за разрѣшеніемъ которыхъ обѣ стороны должны были обращаться къ генералъ-губернатору.

Въ 1748 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, кіевскій житель коваль Тарасъ Омельчукъ Кавуненко купилъ за 30 рублей у козака Игната Рудника дворъ, «въ парахіи Воскресенской на грунтѣ куничномъ стоячій», доставшійся этому козаку по куплѣ-же отъ кіевскаго-же жителя рѣзника Григорія Непійвода. Эта купля-продажа была записана въ магистрат-

скія книги, въ которыхъ козакъ Рудникъ своеручно «подпискою обязался, что за тотъ дворъ, яко нѣкому ни въ чомъ не пенній и не заведенный, ни откого турбаціи не будетъ».

Кавуненко, уплативши деньги за домъ сполна, позволилъ козаку Руднику жить въ немъ, пока тотъ купитъ себѣ другой дворъ.

Узнавши объ этой продажѣ, сотникъ Гудимъ выгналъ Рудника изъ дома и поселилъ въ немъ козака Андрея Кузьку «уповательно не для чего иного, точію для заведенія своего шинку».

Кавуненко обратился съ жалобой въ магистратъ, а магистратъ къ генералъ-губернатору Леонтьеву, который и далъ указъ сотнику «въ тотъ дворъ не интересоваться», такъ какъ дворъ этотъ, издавна мѣщанскій, козакъ Рудникъ продалъ добровольно и деньги получилъ сполна.

Но сотникъ, оспаривая право Рудника продавать свой дворъ «безъ вѣдома команды», писалъ въ Ген.-Губ. Канц., что дворъ этотъ находится на землѣ Межигорскаго монастыря и что «до оного двора наслѣдній сынъ въ малолѣтствіи находится, да и оной-же Игнатъ Рудникъ, забивъ страхъ Божій, оставя болную жену свою третую и оное малолѣтное дитя, полмanувъ четвертую жену и бежалъ», а потому де онъ, сотникъ, и распорядился отдать дворъ Рудника въ наймы «до зросту дитини» и для прокормленія жены его по 4 рубля въ годъ козаку сотни кіевской, деньги же, взятыя Рудникомъ у коваля Тараса, «ему Тарасу возвращени быть имѣютъ».

Ген.-губ. Леонтьевъ на это доношеніе сотника приказалъ отдать все таки дворъ Кавуненку, «конечно, для того что оной козакъ свое собственное по всѣмъ правамъ продать воленъ, а когда впредь какой либо наслѣдникъ явится, тогда и велѣть кіев. войту съ магистратомъ о томъ дворѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить».

Такъ какъ и по двумъ о томъ указамъ изъ Ген.-Губ. Канц. сотникъ Гудимъ не уступалъ Кавуненку двора, то магистратъ просилъ, чтобы было предложено содержавшему на Подолѣ караулы капитану Попову выселить козака Кузьку изъ названнаго двора «съ понужденіемъ». Генералъ-губернаторъ исполнилъ эту просьбу, и капитанъ Поповъ репортомъ отъ 16-го марта донесъ, что «козакъ Кузька изъ двора высланъ, а отданъ оный дворъ ко владѣнію Тарасу Кавуненку».

А. А.

Къ исторіи заселенія Новороссіи. Приводимое здѣсь письмо князя А. А. Прозоровскаго писано къ Л. С. Алексѣеву, который въ это время былъ «губернаторскимъ товарищемъ Новороссійской губерніи, и взято нами изъ сборника писемъ разныхъ лицъ къ Алексѣеву, находящагося въ Лубенскомъ музеѣ К. Н. Скаржинской.—*Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Евреинъ (т. е. еврей) Исакъ Осиповъ, будучи мнѣ извѣстенъ по выводу изъ Польши людей Федору Матвѣевичу Толстому, договорился со мною вывести таковыхъ же, не премѣнно въ слѣдующемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на состоящія въ Азовской губерніи мои дачи двѣсти пятьдесятъ семей; по выводѣ которыхъ и по отдачѣ въ вѣдомство моего управителя, получить отъ меня за каждую семью по пяти рублей; и въ число оныхъ взялъ уже сто пятьдесятъ рублей. На таковомъ условіи отправленъ былъ отъ меня съ нимъ же сержантъ Будаевъ для преподанія всякаго вспомоществованія по вступленіи уже оныхъ семей въ россійскую землю. Но вмѣсто того онъ Осиповъ помянутаго сержанта возвратилъ ко мнѣ съ другимъ жидомъ Маеровичемъ, при рапортѣ, и требуетъ еще денегъ шестисотъ рублей. Я хотя и имѣю надобность въ таковомъ числѣ людей, но заключая изъ сего не что другое, какъ плутовскія его намѣренія, отправить къ нему сихъ денегъ не рѣшился, а прилагая со онаго рапорта копію и адрисуя ихъ самихъ, сержанта Будаева и жида Маеровича, покорно васъ, милостиваго государя моего, прошу по всегдашней вашей о мнѣ благопріязни требованіе упоминаемаго жида Осипова разсмотрѣть и буде найтить изволите непремѣнную надобность, въ таковомъ случаѣ нѣкоторымъ числомъ денегъ его снабдить и меня удѣдомить, дабыбъ могъ я съ моей благодарностью оныя вамъ возвратить. Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ и не премѣннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга Князь А. Прозоровскій.

Марта 22 дня, 1782 году. Курскъ.

Письмо гр. П. В. Завадовскаго. Писано оно къ тому-же Л. С. Алексѣеву (см. выше), который въ это время былъ уже кавказскимъ губернаторомъ, и взято изъ того же сборника писемъ.—*Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Простите утружденіе, которое получаете отъ уповающаго на вашу благосклонность. Будучи до заводовъ изъ числа охотниковъ [1]) и со-

---

[1]) См. письмо Завадовскаго о покупкѣ жеребцовъ. К. Стар. 1890 г., сент., 493.

держа въ степныхъ деревняхъ своихъ скотъ разныхъ породъ, какъ-то англинской, голандской, желалъ бы еще къ онымъ примѣшать и калмыцкой; щитая же, что онаго достать я лучше не могу, какъ посредствомъ вашимъ, прошу васъ, милостиваго государя моего, употребить ваше стараніе — купить у калмыковъ двухъ хорошихъ и самой крупной породы быковъ изъ двухгодовалыхъ и шесть коровъ годныхъ къ заводу, и отправить ихъ въ степныя мои деревни: или прилуцкаго полку, Толмачевку, или переяславскаго—Грабовъ [1]). И какъ я не сомнѣваюся, чтобы вашимъ стараніемъ не могъ я получить самой лучшей породы, то увѣряю, что таковымъ одолженіемъ обяжете меня къ чувствительнѣйшей благодарности и взаимному угожденію, гдѣ указали бы къ тому случаи. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть имѣю честь васъ, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Издержанныя деньги здѣсь или гдѣ прикажете съ благодарностью заплачу.

Петровъ Градъ. Апрѣля 10 дня. 1788.

Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной Малороссіи. Въ весьма интересной статьѣ г. Житецкаго «Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи» («Кіевск. Стар.» 1892 г. № 2) говорится, между прочимъ, о томъ, что дякъ избирался громадою за добрый гласъ, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ, — причемъ отъ него требовались еще таланты педагога.

Относительно этого избранія въ средѣ подольскаго духовенства мнѣ пришлось узнать слѣдующее преданіе. По словамъ этого преданія, *мандровани дяки* ходили изъ села въ село, и если гдѣ было вакантное мѣсто, то тамъ, кромѣ обнаруженія своихъ познаній, какъ дяка и педагога, они должны были еще заявить себя предъ громадою своею находчивостью и остроуміемъ. Это происходило такимъ образомъ. Громада собиралась на церковномъ погостѣ возлѣ колокольни, а кандидатъ на мѣсто дяка взбирался на колокольню и оттуда произносилъ рѣчи, большею частію въ юмористическомъ духѣ. Если было нѣсколько такихъ кандидатовъ, то обыкновенно тотъ оставался, кто скажетъ что-нибудь остроумнѣе и смѣшнѣе.

Вѣроятнѣе всего, что при такомъ экзаменѣ появлялись передъ публикой *дяки*, какъ съ произведеніями собственной музы, такъ и съ

---

[1]) Должно быть—Драбовъ.

заимствованными пѣснями и разсказами апокрифическаго свойства, которые, между прочимъ, и такимъ путемъ дѣлались достояніемъ народа. Въ м. Мизяковѣ (подольск. губ.) записанъ варьянтъ извѣстной пѣсни, такъ называемой «Евангелистой», которая могла быть пѣснью экзаменной для *дяковъ* и, судя по обращенію къ *дяку*, была передѣлана для этой цѣли изъ старинныхъ варьянтовъ, распространенныхъ и въ великорусскихъ, и въ западно-европейскихъ редакціяхъ. Въ сборникѣ Кирѣевскаго, напримѣръ, помѣщенъ текстъ этой пѣсни съ такимъ обращеніемъ: «Вы рабы оные, рабы поученые, надъ школами выбраны! Повѣдайте, что есть единъ?» Приводимый варьянтъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ нѣкоторыя видоизмѣненія сравнительно съ напечатаннымъ въ «Кіевск. Старинѣ» (1892 г. № 1) Хр. Ящуржинскимъ, а также и тѣмъ, что къ 12 отвѣтамъ прибавляетъ еще одинъ—тринадцатый, что̀ служитъ указаніемъ потери первоначальнаго смысла пѣсни, основанной на толкованіи таинственнаго значенія излюбленнаго числа *двѣнадцать*. Записана она мною отъ старика крестьянина, который выучилъ ее въ молодости «одъ старыхъ людей». Такъ какъ характеръ построенія этой пѣсни хорошо извѣстенъ, то, послѣ перваго отвѣта, я приведу сразу тринадцатый, изъ котораго будутъ видны всѣ прочіе, а для сличенія помѣщаю отвѣты такой-же латинской пѣсни, помѣщенной у А. Н. Пыпина (Очеркъ литер. истор. стар. повѣстей и сказокъ русск., стр. 145), а также варьянты по записи г. Ящуржинскаго.

— Ой ты дячокъ учоный
На вси школы выбраный [1]),
Скажы мени, дячку,
Що есть трынадцять?
— Есть трынадцять—пивень запивъ,
Лыхый землю пролетивъ,
Есть дванадцять апостоливъ,
Одынадцять ученыкивъ [2]),
Десять Божыхъ прыказаня,
Девять Боже поколиня [3]),
Висимъ хоръ хоровымъ [4]),
Симъ Божыхъ сакраментивъ,
Шисть Божыхъ линіивъ,
Преднайсвентшыхъ Маріи [5]),

1) А ты Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжанôй.

Такой варьянтъ у г. Ящуржинскаго, причемъ толкованіе слова *выбжаной* (отъ *вы бжити*—воспитать) едва-ли оправдывается варьянтомъ нашимъ и великорусскимъ, гдѣ стоитъ *выбраный*.

2) Одынадцятый самъ Господь (*Ящурж.*).

3) Девять Божихъ чиновъ ангельскихъ (*Ящурж.*).

4) Восимъ Божихъ радостій (*Ящурж.*); у *Кирѣевск.*: Девять въ году радостей, Восемь круговъ солнечныхъ.

5) Шисть крали илии (sic) на Пресвятій Маріи (*Ящурж.*).

Пять ранъ терпивъ Панъ
За насъ гришныхъ хрестіанъ [1]),
Штыры листы Вангелисты,
А тры патры архировыхъ [2])
Дви таблыци Мусійовыхъ [3]),
Йиденъ сынъ Маріинъ,
Винъ въ неби крулюйе,
Надъ намы пануйе.

Латинскій текстъ.

Duodecim apostoli;
Undecim stellae,
A Iosepho visae;
Decem mandata Dei;
Novem angelorum chori;
Octo beatitudines;
Septem sacramenta;
Sex sunt hydriae
Positae
In lana Galileae;
Quinque libri Moysis;
Quatuor evangelistae;
Tres sunt patriarchae;
Duo sunt testamenta;
Unus est Deus
Qui regnat in coelis.

Сообщ. **В. Боржковскій.**

---

[1]) Пять разъ серпеной (sic) серпы Панокъ безвинной *(Ящурж.)*; изъ сличенія ясно, какъ испорчено. У *Кирѣевск.* Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ.

[2]) А три патріархи (*Ящурж.)*.

[3]) Два алтари Мусіевихъ (*Ящурж.)*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій Соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ. Собралъ и издалъ М. А. Врабель. Унгваръ (Ужьгородъ), 1890 г. 12⁰ стр. 173 + портретъ А. Духновича.

Угорская Русь—этотъ маленькій клочекъ русскаго племени, заброшенный судьбой за Карпаты и окруженный чуждымъ и враждебнымъ мадьярскимъ населеніемъ, до сихъ поръ мало изслѣдованъ какъ въ историческомъ, такъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи. Судьба надолго оторвала этотъ маленькій народецъ отъ великаго цѣлаго и предоставила ему развиваться подъ чуждыми вліяніями, которыя не могли не отразиться на немъ. Но единство вѣры сплотило угроруссовъ и дало имъ силы отстоять, если не внѣшнюю, то, такъ сказать, внутреннюю независимость. Какую значительную роль играло православіе въ сохраненіи чертъ народности, указываетъ то обстоятельство, что теперь, по свидѣтельству изслѣдователя Угорской Руси, г. Петрова [1]), всякій православный, русскій ли онъ, словакъ ли,—даже мадьяръ—всѣ называютъ себя: русскій, русинъ, руснякъ, orvosz, въ противуположность словакамъ-католикамъ и уніатамъ. Сходное съ этимъ наблюдаемъ и въ Сербіи, гдѣ католиковъ сербовъ и словаковъ называютъ однимъ именемъ «буневци» или «шокци».

Въ угроруссахъ еще живо сознаніе, что они не «Rutheni=Русины (дѣланное слово!), а русскіе, русскій народъ—оффиціально впрочемъ непризнаваемый австро-венгерскими властями. Изолированное положеніе угроруссовъ отразилось какъ на ихъ бытѣ такъ и на языкѣ.

Для лингвиста представляетъ большой интересъ нарѣчіе угроруссовъ, до сихъ поръ сравнительно мало изслѣдованное. Находясь

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., февр. 437 стр.

въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ мадьярами, вліяніе которыхъ было впрочемъ незначительно благодаря рѣзкому различію между языками мадьярскимъ и русскимъ, и будучи на границахъ перемѣшаны съ словаками, отъ которыхъ заимствовано очень много, угрорусcы приняли въ свой языкъ массу словъ, оборотовъ рѣчи, не говоря уже о внутреннихъ, фонетическихъ особенностяхъ развившихся самостоятельно въ ихъ языкѣ въ продолженіи его историческаго развитія.

Матеріаловъ для характеристики угрорусскихъ говоровъ порядочно; мы можемъ назвать «Сборникъ Угорскихъ пѣсенъ» Дешко, [1]) Угорскія народныя пѣсни, собр. Деволланомъ [2]), кое что въ пѣсняхъ, собранныхъ Я. Ѳ. Головацкимъ [3]), затѣмъ въ «Листкѣ»—единственной угрорусской газетѣ, выходящей въ Унгварѣ, въ приложеніяхъ находимъ рядъ пѣсенъ, но слѣдуетъ оговориться, что записи данныхъ весьма неточны, или по небрежности собирателей, или по несвойственной говору орѳографіи, скрывающей его особенности.

Изъ трудовъ по діалектологіи можемъ отмѣтить статью Верхратскаго, правда, характеризующую только одинъ Мармарошскій говоръ, статью Срезневскаго — неизвѣстно о какомъ говорѣ Угорской Руси, Семеновича — объ особенностяхъ угрорусскаго говора (въ сб. статей по Славяновѣдѣнію). Послѣдній трудъ по изученію угрорусскихъ говоровъ и ихъ распространенности—это выше названная статья г. Петрова (въ Журн. Мин. Нар. Просв за 92 г., февр.). Болѣе подробныя указанія на все, что писано объ Угорской Руси до 1885 г., сдѣланы г. Истоминымъ въ Сборн. Угрорусск. п. Деволлана.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, всякій сборникъ произведеній народнаго творчества даетъ много изслѣдователю діалектовъ Угорской Руси, если только записаны дѣйствительно народныя пѣсни и сохранены въ нихъ хотя бы главнѣйшія черты, главнѣйшія особенности діалекта. Правда, пѣсня не даетъ намъ такого точнаго и достовѣрнаго матеріала, какъ прозаическая запись, но за неимѣніемъ послѣднихъ и первыя могутъ сослужить службу, и великое спасибо каждому собирателю пѣсенъ, который дѣлится своимъ матеріаломъ съ обществомъ.

---

[1]) Въ „Зап. Р. Геогр. Общ." по отд. Этногр., т. I, 1867 г., здѣсь 78 №№ угрор. пѣсенъ.

[2]) ibid. т. XIII, вып. I.

[3]) Изд. Общ. Любит. Ист. и др. при Моск. Унив.; еще слѣдуетъ упомянуть сборникъ Купчанко „Пѣсни Буковинскаго народа" въ Зап. Ю.-З. Отд. Р. Географ. общ., т. II. Кіевъ, 1874 г.

Всѣ сборники народныхъ пѣсенъ, появлявшіеся въ печати до сихъ поръ, мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: во-первыхъ, «пѣсенники» содержащіе какъ особенно популярныя пѣсни, такъ и романсы, куплеты изъ водевилей, отрывки изъ оперъ, порой даже стихотворенія выдающихся поэтовъ, и, во-вторыхъ — сборники народныхъ пѣсенъ, изданные съ научной цѣлью. Содержаніе первыхъ двигается, такъ сказатъ, сверху внизъ, въ народъ; вторые же, доставляя матеріалъ лингвисту, этнографу и историку народной поэзіи, знакомятъ образованные классы съ поэзіей народа. Таковы у насъ были и есть два основные типа нашихъ сборниковъ. Къ которому же изъ нихъ можно отнести сборникъ, изданный г. Врабелемъ?

Въ посвященіи, г Врабель говоритъ такъ: «На воззваніе отличнѣйшихъ Бачванско-Русскихъ братьевъ я задумалъ, по разнимъ околицамъ и на разныхъ русскихъ нарѣчіахъ, мною собранныя пѣсни, въ маленькомъ зборнику: «Русскій Соловей» издати (?). *Желая достигнути той цѣли, чтобъ и мой* «Соловей» *увеселялъ сердце русской дружины*», т. е. эта книга ни что иное, какъ «пѣсенникъ», «христоматія» для народнаго чтенія. Но подзаглавіе ея: «собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угрорусскихъ нарѣчіахъ», указываетъ, что въ неё вошло значительное количество и народныхъ пѣсенъ, и это послѣднее обстоятельство увеличиваетъ ея цѣнность.

При выходѣ въ свѣтъ этотъ сборникъ былъ замѣченъ и на него были напечатаны рецензіи въ «Вислѣ»—польскомъ журналѣ этнографіи [1]), и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» [2]). Въ «Вислѣ» на 9 строкахъ былъ постановленъ «Русскому Соловью» обвинительный приговоръ, безъ приведенія какихъ бы то ни было мотивовъ, безъ подробнаго разбора книги. Въ Славянскихъ Извѣстіяхъ—какъ разъ наоборотъ: издатель г. Врабель и его сборникъ превознесены и возвеличены. Рецензентъ, повидимому, большой славянофилъ, но мало свѣдущій въ народной поэзіи и въ діалектологіи, наивно заявляетъ: «по этому *драгоцѣнному* изданію (т. е. по сб. Врабеля) очень удобно познакомиться *съ народнымъ русскимъ* языкомъ угорскихъ крестьянъ»... не замѣчая, что большая часть пѣсенъ подправлена въ видахъ сближенія ихъ языка съ русскимъ литературнымъ.

Будемъ радоваться возрожденію нашихъ угрорусскихъ братьевъ, но пусть это не помѣшаетъ намъ относиться серіозно къ ихъ изданіямъ.

---

[1]) Wisła, r. 1890. Zeszyt 4.

[2]) 1890 г., № 44.

Обратимся теперь къ содержанію сборника г. Врабеля. Онъ состоитъ изъ двухъ частей; въ первой (стр. 1—94) находимъ стихотворенія различнаго содержанія и достоинства: здѣсь и малороссійскія, вѣрнѣе—галицкія пѣсни, здѣсь и народныя словацкія—правда, значительно подправленныя, тутъ же находимъ переводы сербскихъ стихотвореній и *«оригинальныя»* стихотворенія мѣстныхъ авторовъ. Во второй части (стр. 95—164) находимъ пѣсни исключительно народныя «на Бачванскомъ и Земплинскомъ *русскомъ* діалектѣ», т. е. на цотацкомъ, шаришскомъ говорѣ словацкаго языка, говорѣ крайне близкомъ къ нѣкоторымъ угрорусскимъ, но несомнѣнно словацкомъ.

Независимо отъ дѣленія предложеннаго г. Врабелемъ, мы можемъ всѣ эти пѣсни разбирать по группамъ: въ первую войдутъ стихотворенія или, какъ мѣтко назвалъ ихъ рецензентъ «Wisły», «wiérszydła», довольно нескладныя, написанныя на языкѣ, представляющемъ страшную смѣсь малорусскаго, ц.-славянскаго и великорусскаго литературнаго языка; впрочемъ эта смѣсь столь же далека отъ послѣдняго, какъ и отъ мѣстнаго угрорусскаго говора и равно мало понятна какъ простому великорусу, такъ и угрорусу. Языкъ этихъ стихотвореній напомнилъ намъ творенія, блаженной памяти, старыхъ сербскихъ писателей эпохи возрожденія Сербіи—писателей «словено-русской» школы, Раича, Соларича и др., которые, уклоняясь отъ требованій жизни—писать на народномъ языкѣ, старались удержать значеніе ц.-славянскаго языка русскаго извода. Очевидно въ такомъ же или сходномъ положеніи находятся теперь и угрорусскіе писатели: не въ силахъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ традицій ц.-славянскаго языка, они отчасти дѣлаютъ уступку новымъ вѣяніямъ, отчасти же желаютъ приблизить литературный языкъ къ великорусскому, съ которымъ не достаточно хорошо знакомы, и получается странный, подъ часъ смѣшной языкъ. Вотъ живые примѣры изъ сборника Врабеля:

Въ моей древней властности
Странствую въ самотности,
И своимъ не владѣю,
О, гдѣ же ся подѣю?

Каждый больну грудь разитъ,
А помощи нигдѣ нѣтъ,
Громкій огень серце жетъ,
Сбыткуе мя кто можетъ.... (стр. 19).

Или вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія г-жи Кригеръ-Добрянской, посвященнаго обстоятельному и весьма трогательному описанію любви и изображенію вліянія ея на человѣка:

Хоть колько бѣдствъ и мученій
Терпитъ презрѣнный драгой,
Всѣ напасти наградятся
Ужъ минутою одной,

Той минутой, коль драгая
Только взглянетъ на него,
Забываетъ всѣ напасти
Страданія своего (стр. 76).

Подобныхъ стиховъ не мало найдется во всемъ сборникѣ; не думаемъ, чтобы подобные куплеты когда-либо пѣлись въ народѣ; они, конечно, никогда и не пѣлись, да и пѣться не будутъ. Особенно хороши въ такомъ же родѣ стихотворенія: «Псаломъ 132» —передѣлка изъ псалтиря, надъ которой, не смотря на явную книжность, значится «собр. М. Джуни въ Керестурѣ» и еще стихотвореніе на стр. 59 «Подувай витрику», подписанное А. Д. Впрочемъ, если откинуть въ сторону требованія метра, риѳмы и другихъ глупостей, которыя только сковываютъ свободу «поэтической» мысли, то тогда, пожалуй, и среди этихъ «wierszydeł» мы найдемъ не мало интересныхъ, напримѣръ, на стр. 68 недурно стихотвореніе:

Подкарпатскіе русины
Оставте глубокій сонъ;
Народный голосъ зоветъ васъ... и т. д.

Стихотворенія въ этомъ родѣ [1]) полны искреннаго одушевленія; прочее же—все произведенія гг. Терезіи Подгаецкой, А. Іанкура, Воробья, А. Д., Николая Нодя, П. Кузмяка, вышеназванной г-жи Кригеръ-Добрянской и др. риѳмотворцевъ.

Другая большая группа—народныя пѣсни, которыхъ въ сборникѣ довольно много. Здѣсь мы находимъ пѣсни малорусскія, сербскія и словацкія. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Если взглянемъ на этнографическую карту Галицкой и Угорской Руси, то замѣтимъ, что съ юго-запада русскіе граничатъ съ словаками, причемъ весьма трудно провести между ними какую либо строго опредѣленную границу [2]). Кромѣ того, словаки разсѣяны островами среди сплошнаго русскаго населенія. На югѣ, въ Бачкѣ, населенной отчасти православными словаками (которые именуютъ себя русскими только на основаніи вѣроисповѣданія), находятся спорадически разбросанные поселки сербовъ, переходящіе далѣе на югъ въ сплошную массу. При такой близости народностей, при постоянномъ общеніи, не мудрено, что пѣсни свободно циркулируютъ въ сродномъ населеніи, тѣмъ болѣе, что пограничные говоры русскихъ и словаковъ такъ близки одинъ къ другому, что нѣтъ возможности точно разграничить ихъ.

Русскіе вообще, а галичане и угроруссы въ особенности, какъ замѣтили Головацкій, Деволланъ и др. изслѣдователи края, отлича-

---

[1]) Напримѣръ, на стр 7 и 72.

[2]) Многіе пытались провести границу хотя бы между сплошнымъ населеніемъ словацкимъ и русскимъ, напр. Шафарикъ, Головацкій, Чернигъ, Бидерманъ и недавно г. Петровъ, но ихъ показанія мало согласны между собой.

ются особой переимчивостью; словаки же наоборотъ—отличаются удивительной стойкостью и не только сохраняютъ свою народность, но такъ вліяютъ на сосѣднихъ русскихъ и мадьяръ, что тѣ скоро забываютъ свой родной языкъ. Одинъ мадьярскій писатель по этому поводу говоритъ: «горе мадьярскому или нѣмецкому селу, гдѣ когда нибудь поселятся словаки, ибо они совершенно вытѣснятъ оттуда другія народности» [3]). Случается слышать, что если въ мадьярской деревнѣ поселится нѣсколько семействъ словаковъ — то скоро вся деревня уже говоритъ по словацки. Говорить на словацкомъ языкѣ почитается у русскихъ хорошимъ тономъ: объ этомъ неоднократно упоминаютъ и Головацкій и другіе. Этимъ и объясняется отчасти распространенность словацкихъ пѣсенъ въ средѣ русскаго населенія, которая и побудила г. Врабеля включить ихъ въ свой сборникъ, нѣсколько исказивъ ихъ языкъ и переписавъ кириллицей.

Такова, напримѣръ, пѣсня «Бѣлоградъ, Бѣлоградъ...» (стр. 151), къ которой можно указать варіантъ у Головацкаго I, 151, 157, и въ «Sborniku Slow. nar. pisni»... vyd. Matice Slov. sv. I. 1870 г., у Деволлана, стр. 107, у Дешко, 674, № 10. Затѣмъ на основаніи языка можно считать заимствованными у словаковъ пѣсни на 98, 110, 148, 149 и др. стран. и также приложенныя въ концѣ сборника (стр. 156—164) «весельны», т. е. свадебныя пѣсни и многія другія, по преимуществу записанныя въ Бачкѣ среди православнаго словацкаго населенія.

И къ этимъ пѣснямъ можно указать не мало варіантовъ, какъ въ вышеназванномъ сборникѣ Словацкихъ пѣсенъ, такъ и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, рекрутская повинность вызвала много пѣсенъ, описывающихъ наборъ рекрутовъ, стараніе послѣднихъ укрыться отъ властей, слезы и горе родныхъ. Въ сборникѣ Врабеля, на стр. 80, находимъ пѣсню «У недѣлю рано паробка поймали», записанную въ Керестурѣ, къ которой можемъ указать, помимо малорусскихъ и угрорусскихъ варіантовъ у Чубинскаго (V т., стр. 297, 466, 977, 982) и у Деволлана (стр. 98—100), варіанты и сходные мотивы въ великорусскихъ пѣсняхъ (Пермскій сборникъ, т. I, стр. 113, № 6 и записано мной въ Новгор. губ. 2 варіанта) и въ бѣлорусскихъ, въ сборникѣ Гильтебрандта (Памятн. народн. творч. Сѣв.-Зап. края) на стр. 2, 40, 59, 96, 140, 170, 177 и у Носовича, стр. 277.

---

[1]) Фейеръ въ мадьярскомъ переводѣ „Энциклоп. словаря“ Гюбнера подъ словомъ „Magyar orszag“.

Затѣмъ въ сборникѣ г. Врабеля находимъ не мало и дѣйствительно малорусскихъ, скорѣе галицкихъ пѣсенъ. Такъ, напримѣръ, два варіанта извѣстной шуточной пѣсни о капризной попадьѣ «Журилася попадонька»... почему то помѣщенные редакторомъ сборника въ разныхъ мѣстахъ—на стр. 19 и 32. Къ этой пѣснѣ можно указать не мало варіантовъ, напримѣръ, у Деволлана 155 стр., у Гловацкаго II, 565 и др., причемъ эти послѣдніе являются полнѣе пѣсни, напечатанной г. Врабелемъ.

Укажемъ еще пѣсню о несогласной спорщицѣ женѣ (стр. 40), имѣющую массу варіантовъ во всѣхъ малорусскихъ сборникахъ. Далѣе отмѣтимъ пѣсню, несомнѣнно народную, объ отравленіи невѣрнаго любовника (стр. 45), которая пользуется большой популярностью. Лучшіе ея варіанты въ сборникѣ Чубинскаго, т. V, стр. 429 и Деволлана—стр. 40—41, также см. «Пинчуки» Этнографическій сборникъ Булгаковскаго, 1890 г. стр. 83; у Головацкаго, т. I, стр. 202. Изъ великорускихъ разработокъ той темы укажемъ на пѣсни въ сб. Шейна, 1870 г., стр. 327, № 56 и 57 и у Сахарова «Сказанія Рус. народа, III, 206, и въ «Бѣлор. п.» Шейна 235, № 410. На эту же тему одинъ изъ классическихъ польскихъ поэтовъ, Іосифъ Залѣскій—słowik ukraiński, какъ называлъ его А. Мицкевичъ, написалъ стихотвореніе [1]), представляющее почти буквальный переводъ народной малорусской пѣсни.

Далѣе, на стр. 35, имѣемъ интересный варіантъ къ малорусскимъ версіямъ темы «сестра убиваетъ брата». Пѣсни на такую тему мы находимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. «Сестра островница» Српске нар. пjесме I, № 302; также см. Archiv. f. sl. Philologie 1877, II. Band. s. 731 (письмо В. Караджича къ Я. Гримму, тамъ сходная пѣсня «На рај се не гледа»); еще—у Сахарова» Сказанія рус. Народа, III, 202; «Бѣлорусскія пѣсни» Шейна, стр. 234, № 409. Укажемъ хотя на сербскую версію въ сборн. Вука Караджича; тамъ сестра убиваетъ брата, чтобы свободно жить съ любовникомъ. Укажемъ на малорусскую версію—у Чубинскаго, т. V, 432 стр., и на польскую—въ изданіи покойнаго О. Кольберга «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», томъ III, часть II, стр. 268. Имѣемъ мы разработку этой темы и въ пѣсняхъ сродныхъ народовъ, напримѣръ у литовцевъ. Приведемъ здѣсь одну изъ послѣднихъ, нигдѣ еще не напечатанную. Она записана въ Виленской губ., Трокскаго уѣзда, Кронской волости.

---

[1]) Poezye I. Zaleskiego, wyd. r. 1851, str. 154. „Ukaranie".

O ąnt kalno, ąnt aukštojo
Alenėlė linas rovie
Ir atjojo jenerolas,
Jenerolas, gražus ponas:
—Padėk dievs, Alenėlė,
—Alenėlė linas rauti!
„O taj diekui, jenerolaj,
„Jenerolaj, gražus ponaj“.
—Alenėlė, graži pana,
—Ar eisi tu už manę.
„Jenerolaj, gražus ponaj,
„Nevelyje mani brolis“.
—Alenėlė graži pana
—Nutrotike savo brolį.
„Jenerolaj, gražus ponaj
„Aš ne turiu tokiu žoliu
—Alenėlė, graži pana,
—Tu nueike į sodelį.
—Taj ten rasi tokę žolę
—Labai aukštai išbujojus
—Baltu žiedu pražidejus,
—Ir nuskinke tu tą žolę,
Ir ušvirke su arbata
Ir supilke i skleniče
—Ir nuneške i sekliče.
Da nejšgėrė ne i pusę
Ir numire mano brolis.
„Jenerolai, gražus ponai
„Dabar mudgu ženikimės“.
—Alenėlė, graži pana,
—Nutratijai savo brolį
—Nutrotisi tu ir manę.
„Reiks man dabar ubagauti
„Už broleli poteriauti[1]).

То есть въ русскомъ переводѣ:

Ой на горѣ на высокой
Аленушка ленъ таскала
И пріѣхалъ генералъ,
Генералъ, красивый панъ
—Богъ помочь, Аленушка,
—Аленушка, ленъ таскать,
„Вотъ спасибо генералъ,
„Генералъ, красивый панъ.
—Аленушка красавица,
—Не пойдешь ли за меня?
„Генералъ, красивый панъ,
„Запрещаетъ мнѣ братъ.
—Аленушка красавица,
—Отрави, своего брата.
„Генералъ, красивый панъ,
Я не имѣю такого зелья.
—Аленушка красавица,
—Ты пойди въ садикъ,
—Тамъ найдешь такую травку,
—Очень высоко разросшуюся,
—Процвѣтшую бѣлымъ цвѣтомъ.
—И сорви ты ту траву
—И свари ее съ чаемъ
—Слей въ стаканъ
—И снеси во свѣтлицу.
Еще не выпилъ и половины—
И умеръ мой братъ.
„Генералъ, красивый панъ,
„Теперь мы оба повѣнчаемся“.
—Аленушка красавица,
—Погубила ты своего брата—
—Погубишь и меня.
„Нужно и мнѣ теперь нищенствовать
„И за братца молиться.

Пѣсня эта записана на плохомъ литовскомъ языкѣ съ явными позднѣйшими чертами и испорченнымъ полонизмами языкомъ. Сходные мотивы въ литовскихъ пѣсняхъ можемъ указать въ «Литовскомъ

[1]) Пѣсня эта взята изъ рукописнаго сборника Э. А. Вольтера извѣстнаго изслѣдователя въ области литовско-латышской этнографіи и языка.

сборникѣ» и въ трудѣ г. Э. Вольтера «Матеріалы по этнографіи латышей витебской губ.» изд. Русск. геогр. обществомъ. Этотъ циклъ пѣсенъ «объ убійствѣ брата сестрой» сроденъ съ цикломъ пѣсенъ «о кровосмѣшеніи», которымъ посвящено изслѣдованіе г. Драгоманова [1]) гдѣ находимъ подробное указаніе на литературу вопроса.

Затѣмъ отмѣтимъ еще на стр. 37 сборника г. Врабеля варіантъ на тему «свекровь убиваетъ невѣстку». Эта пѣсня имѣетъ многочисленные варіанты славянскіе и литовскіе и стоитъ въ тѣсной связи съ извѣстными пѣснями о «Князѣ Михайлѣ» или «о короличкѣ», которымъ посвящено изслѣдованіе И. Жданова [2]). Угрорусскіе и малорусскіе варіанты у Купчанко I, 541 и др.; у Чубинскаго V, стр. 709—10, 711—78 и др.; у Головацкаго I, 81 и др. у него же III, 253—4; пѣсня изъ шаришскаго уѣзда съ сильнымъ словацкимъ характеромъ. Къ пѣснѣ помѣщенной на стр. 38 «о дѣтоубійствѣ можно указать варіантъ у Головацкаго II, 699 и сходный мотивъ у Купчонко—но здѣсь уже дѣйствующимъ лицомъ является поповна, да и весь характеръ пѣсни иной.

Обратимъ вниманіе еще на пѣсню стр. 43; варіантъ къ ней—въ сборникѣ Купчанко, стр. 407, № 61. Пѣсня у г. Врабеля является только центромъ дѣйствительной полной пѣсни, лишеннымъ поэтическаго запѣва и заключенія. У Купчанко пѣсня разсказываетъ, что парубокъ замѣчаетъ между двумя горами зарю, но то не заря взошла, а прошла за водой его милая. Онъ догоняетъ ее и проситъ:

„Дивчино моя, напій ми коня —Як буду твоя, напою ти два
—Не напою, бо се бою; бошь ем не твоя; —Съ кедровоі керниченьки з нового ведра

Пѣсня въ сборникѣ Врабеля представляетъ отрывокъ параллельный вышеприведенному. Далѣе у Кунчанко заключеніе, котораго нѣтъ у Врабеля: парубокъ зоветъ дѣвушку къ себѣ, она отказывается, говоря, что онъ любитъ другую. Пѣсню эту сходно съ версіей г. Врабеля поютъ и въ Бачкѣ и въ Сербіи. Извѣстны и великорусскіе варіанты ея, напр. пѣснь «Поулицѣ мостовой»... Впрочемъ ее

---

[1]) Въ Запискахъ юго-западн. отд. русск. геогр. общества, т. I, также акад. А. Н. Веселовскій: „Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ въ сказаніяхъ объ Ап. Андреѣ, Журн. Мин. Нар. Пр., т. CCXXXIX іюнь, стр. 231; и Н. Костомаровъ: „Легенда о кровосмѣсителѣ“ Современникъ 1860 г. III т.

[2]) Въ „Живой Старинѣ“ 1891 году I и II вып. Здѣсь много параллелей славянскихъ и зап. европейскихъ, но вомпогомъ нельзя согласиться съ выводами автора.

можно считать не заимствованной, а общей многимъ народомъ, такъ какъ она развивается на общемъ символѣ «вода—любовь», черпать, пить воду—любить», поить—дарить любовь (напр. объ этомъ см. у Потебни въ «Объясн. мр. пѣс., II, стр. 497—502)[1]).

Къ пѣснямъ «Ой ты дѣвчино зарученая» стр. 56) и «Набережку стояла, свои бѣлы ножки вмѣвала (стр. 113) укажемъ варіантъ у Головацкаго, II т., стр. 716 и тамже—стр. 566.

Замѣчательна пѣсня (стр. 125), видимо заимствованная у словаковъ, на что указываетъ языкъ ея: происходитъ наборъ рекрутовъ на службу «чисару» т. е. цезарю=императору (такъ передѣл. нѣмецк. Kaiser), у отца старика нѣтъ сыновей а только три дочери, и онъ предлагаетъ имъ идти на войну. Старшая дочь отказывается, средняя—также, а младшая рѣшается идти на войну.

Якъ ей власи стрѣгали,
Оба шестри плакали;
Якъ на коня шедала,
Оцецъ и мацъ плакала;
Якъ до войну ступила—
Тристо нѣмцовъ забила,

За что «панъ чисаръ» взялъ ее за себя замужъ. Пѣсня эта является интересной пораллелью къ нашимъ великорусскимъ былинамъ о дѣвушкахъ-паленицахъ[2]).

Особенно близкіе варіанты имѣемъ въ сборникахъ: Sušil. Moravské narodni pisně 1860. I. 106—7 (3 варіанта) и Bartoš. Antologie z narodnych pisni česko-slovenskich. Возможно, что пѣсня эта заимствована не у словаковъ, а изъ первоисточника, которымъ г. Созоновичъ считаетъ сербскія пѣсни. (Созоновичъ. L. стр. 171).

Интересна пѣсня о Кошутѣ (стр. 143). Русское и вообще славянское населеніе не сочувственно отнеслось къ возстанію мадьяръ и поддерживало австрійскаго императора. Русскія войска радостно привѣтствовались мѣстнымъ населеніемъ, бывшимъ подъ игомъ мадьяръ (см. пѣсню у Деволлана стр. 161—2). Хорваты также выступили на помощь имперіи подъ предводительствомъ извѣстнаго бана Еллачича. Это время оставило слѣды и въ пѣсняхъ народныхъ. У Врабеля читаемъ:

Добрѣ было въ Угерской краинѣ
Доки бывалъ Кошутъ у Будинѣ,
Якъ ся Кошутъ выбиралъ зъ Будина—
Остань здрава Угерска краина.

---

[1]) И въ его же сочин. „О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи стр. 12.

[2]) Этимъ пѣснямъ посвящено изслѣдованіе г. Созоновича: „Пѣсня о дѣвушкѣ воинѣ и былина о Ставрѣ Годиновичѣ“ Варшава 1886 г.

У Деволлана имѣемъ также пѣсню въ этомъ родѣ:

Сидитъ Кошутъ на высокой драбинѣ,
Пише письма по Угорской краинѣ,
Ци на жалость, ци на велькій зармутокъ.
(смутокъ?)

Шкода, Боже, семь Кошутовъ вербунокъ
Шкода, Боже, и Кошутаго самого,
Што винъ утѣкъ изъ орсагу своего [1]).

Варіантъ этой исторической пѣсни имѣемъ еще у Дешко, стр. 675 № 13. Въ сборникѣ г. Врабеля много пѣсенъ подходящихъ къ типу коломыекъ. Въ концѣ сборника находимъ нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, но и они почти всѣ заимствованы несомнѣнно у словаковъ, что видно изъ ихъ языка. Болѣе полное и обстоятельное описаніе свадебныхъ обрядовъ Угорской Руси и пѣсни, ихъ сопровождающія мы имѣемъ у Купчэнко, у Головацкаго (т. III, стр. 399—441) и въ журналѣ «Живая Старина» (вып. III и IV 91 года), гдѣ они гораздо обстоятельнѣе записаны.

Теперь обратимся къ третьей, довольно значительной группѣ пѣсенъ—къ пѣснямъ сербскимъ, попавшимъ въ сборникъ г. Врабеля.

Рецензентъ «Wisły», болѣе строгій и придирчивый, чѣмъ свѣдущій, заявилъ, что всѣ пѣсни, записанныя въ Коцурѣ, Бачъ-Керестурѣ, въ Спишѣ и Бачкѣ, словацкія. Отчасти онъ былъ правъ, но — только отчасти. Если мы внимательно всмотримся въ пѣсни «Бачваньски» и др., не принимая въ расчетъ, гдѣ онѣ записаны, а судя по содержанію и языку, то замѣтимъ, что большая ихъ часть—передѣлки или переводы, болѣе или менѣе удачные, сербскихъ пѣсенъ, частью народныхъ, частью литературныхъ. Быть можетъ самъ г. редакторъ сборника, быть можетъ его сотрудники перевели эти пѣсни на угрорусское нарѣчіе—но возможно, что эти пѣсни дѣйствительно записаны въ народѣ: вѣроятны оба предположенія.

Русскія поселенія въ Угріи доходятъ до Мишковца и до Гейо-Керестура; съ другой стороны, въ Бачкѣ, населенной отчасти православными словаками, разбросаны спорадически поселенія сербовъ, доходящія почти до Будина: такимъ образомъ, разстояніе между крайними пунктами русскаго и сербскаго поселенія—около 100 съ небольшимъ верстъ; если-же примемъ въ расчетъ постоянное движдніе русскихъ въ Будинъ на заработки по дорогѣ отъ Мишковца къ Будину, то намъ ни сколько не покажется удивительнымъ и страннымъ предположеніе чисто народнаго, непосредственнаго заимствованія пѣсенъ русскими у сербовъ.

---

[1]) Орсагъ=мадьярское orszag=государство; отсюда и польское orszak.

Если мы начнемъ просматривать съ первыхъ страницъ сборникъ г. Врабеля, то на 11 стран. наталкиваемся на пѣсню, видимо заимствованную у сербовъ—впрочемъ, и озаглавленную «Хорватска». Дѣйствительно, мы находимъ у сербовъ народную пѣсню того же содержанія. Сравнимъ эти двѣ пѣсни и убѣдимся, что пѣсня у Врабеля—переводъ сербской. Вотъ онѣ обѣ: у Врабеля

А чія то городина,
Чія суть ворота?
Чія же есть дѣвчина,
Что близъ оболока?
Отцова есть городина,
Мамины ворота,
А моя есть та дѣвчина,
Что близъ оболока.
Прескочу я городину,
Прескочу ворота;
Поцѣлую дѣвчиноньку,
Что близъ оболока... и т. д.

а сербская пѣсня поется такъ:

Чиjа ли je тараба [1])
Чиjа ли су врата,
Чиjе ли je оно луче,
Што кроз прозор гуче?
Татина je тараба,
Мамина су врата,
А моje je оно луче,
Што кроз прозор гуче.
Прескочиħу тарабу,
Отвориħу врата,
Польубиħу оно луче,
Што кроз прозор гуче. И т. д.

Изъ сравненія ясно видимъ, что русская пѣсня—не пересказъ, не новая разработка общей темы, а переводъ сербской и притомъ не на народный языкъ угрорусовъ, а на великорусскій, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностей сербскаго оригинала; кромѣ того, далѣе въ русской пѣснѣ находимъ слово польубецъ [2]), оставленное переводчикомъ явно для риомы, и внизу въ примѣчаніи разъясняется, что молъ это—по великорусски поцѣлуй, на угрорусскомъ нарѣчіи—побочканье, а по мадьярски—csók.

На страницѣ 27 находимъ переводъ сербской пѣсни—уже литературнаго происхожденія:

„Држте чаше сви у руци,
А ти, газда, вино вуци....“

и притомъ довольно нескладный; приведемъ первые стихи для сравненія:

Держте чарки всѣ въ рукахъ,
А ты, газдо, вина давай....

Затѣмъ въ пѣснѣ, помѣщенной на стр. 36 «И[у]услыши Боже желанія наши», записанной, по замѣчанію собирателя, въ Бачкѣ, находимъ характерный сербскій припѣвъ:

---

[1]) Тараба=заборъ.

[2]) Польубецъ отъ польубити=поцѣловать.

„И око, и чело;
Буди намъ весело".

обличающій ея происхожденіе.

Немного далѣе, на стр. 39, находимъ пѣсню, производящую впечатлѣніе не народной:

Куда гляну—всягды темно,
Про меня нѣтъ свѣтила;
Моя мила—она сама
Свѣтлость отъ мя отняла и т. д.

Даже съ перваго взгляда видно, что эти стихи—вовсе не стихи, ибо идутъ прямо наперекоръ русскому ударенію; «словено-россійскій» языкъ этого стихотворенія указываетъ на его литературное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, на обработку; очевидно, что здѣсь приспособлено и передѣлано что то чужое. Что же?—прочтя эти строки, всякій сербъ или знакомый болѣе или менѣе съ сербской поэзіей вспомнитъ навѣрное извѣстные стихи князя Михаила Обреновича:

Кудъ погледам—свуд је тамно,
За ме нема светила:
Моја драга,—она сама
Светило ми однела. И т. д.

и тогда ясно будетъ, что при различномъ удареніи въ сходныхъ словахъ искаженные на русскій ладъ стихи потеряли метръ.

Также несомнѣнно сербскаго происхожденія, и притомъ не народнаго, пѣсни, находящіяся на стр. 53 и 54 сборника Врабеля; первая изъ нихъ такъ и озаглавлена «Сербска», другая же имѣетъ помѣтку, что записана г. И. Поливкой въ Сѣдлискахъ, что указываетъ на ея распространенность въ средѣ народа. Затѣмъ на той же 54 стр. укажемъ на пѣсню видимо, по языку, русскую, но озаглавленную «хорватска», какова она и есть на самомъ дѣлѣ; сербская народная пѣсня поется:

О јесење дуге ноћи,
Рек'о драги, да ће доћи.... и т. д.

въ русской же передѣлкѣ имѣемъ:

Ой осеньски долги ночи,
Миленькій малъ ко мнѣ дойти.... и т. д.

Изъ сравненія видимъ, что сербскій оригиналъ куда выше «русскаго» искаженія.

Обратимся теперь къ пѣснѣ на стр. 72 (сербска) «Студеный мя дождикъ пере»...—Это переводъ стихотворенія извѣстнаго сербскаго поэта Дьюры Якшича [1]), переводъ весьма неумѣлый, такъ какъ даже

---

[1]) Дьюра Якшичъ особенно выдѣляется среди сербскихъ поэтовъ бурнымъ и смѣлымъ вдохновеніемъ, свободнымъ и широкимъ полетомъ мысли. Кромѣ стихотво-

въ такомъ простомъ и краткомъ стихотвореніи переводчикъ не съумѣлъ избѣжать ошибокъ. Напримѣръ, въ четвертомъ, заключительномъ куплетѣ читаемъ:

Наточи мнѣ стаканъ вина
Изъ подъ мура твоігъ? (т. е. изъ подъ стѣны?)

тогда какъ въ сербскомъ оригиналѣ читаемъ «изъ *подрума* твог», т. е. изъ пивницы, изъ погреба. Очевидно переводчикъ или не понялъ слова «подрум», или — прочелъ его невѣрно съ перестановкой средины слова, да такъ цѣликомъ и вставилъ свою ошибку въ русскій переводъ, о чемъ свидѣтсльствуетъ и примѣчаніе его на той-же страницѣ «*изподъ-мура,* сербскій изразъ значитъ: изъ пивници».

Далѣе сравнимъ также пѣсню на стр. 86 у Врабеля съ сербской, таковаго-же содержанія. Вотъ начало русской:

Я сирота и каждый мя жалуе,
Что не знаю *де* мой милый ночуе.
Гдѣ онъ днюе и *де* ночку ночуе,
И котру онъ другу милу любуе.. и т. д.

Сравнимъ это начало съ сербской народной пѣсней—

„Сирота сам и сваки ме жалуjе,
Што jа не знам где моj драги даньуjе,
Где даньуjе, где ли ноћу ноћуе,
И коjу онъ другу драгу милуjе... и т. д.

и сравненіе опять окажется далеко не въ пользу русскаго перевода, который изрядно нескладенъ и неуклюжъ, сравнительно съ сербскимъ оригиналомъ.

Затѣмъ на страницѣ 93 наталкиваемся на стараго знакомаго,— на пѣсню

Хозяину благій,
Гостолюбче драгій,
Дай мнѣ чарку полну.... и т. д,

сербскій оригиналъ которой, довольно популярный, принадлежитъ перу одного изъ старыхъ сербскихъ писателей-романистовъ — перу Милована Видаковича [1]). Его романы имѣли широкій кругъ чита-

реній эпическаго и лирическаго содержанія, полныхъ истинной художественности, онъ писалъ драмы, а прозой—новеллы. Всѣ его произведенія собраны и изданы подъ редакціей проф. Вуловича въ 10 выпускахъ 1885 г. Изъ старыхъ критцковъ его извѣстны: Дьюра Малетичь, отнесшійся слишкомъ строго и придирчиво къ поэту (Видовъ данъ 1863 г.) и Глаша Гершичь, болѣе благосклонный (Матица Сербска 1866 г.). О немъ же—статья Вуловича при послѣднемь изданіи сочиненій. Много стихотвореній Якшича стали достояніемъ всего народа

[1]) Род. 1780 г. въ нынѣшней Сербіи, ум. 1844 г. Романы его: „Прекрасный Іосифъ“, „Усамлѣный юноша“, „Велимиръ и Босилька“, „Благовонный кринъ“, „*Велимиръ у Елисіюму*“, „Млади Товія“, „Касія царица“, „Симонъ и Милена“,

телей, и нѣсколько стихотвореній, разбросанныхъ въ этихъ романахъ, особенно излюбленныя народомъ, сдѣлались достояніемъ массъ.

Также отчасти сербскаго происхожденія и тѣ пѣсни, которыя помѣщены въ сборникѣ г. Врабеля, въ отдѣлѣ народныхъ, «записанныхъ на Бачванскомъ и Земплинскомъ діалектѣ»; таковы пѣсни на страницахъ 106, 113, 115, 138, 145, 150 и др. Кромѣ того, достаточно заглянуть въ сборникъ «Бачванске песме», изданный въ Новомъ Садѣ, чтобы отыскать и указать еще варіанты къ народнымъ пѣснямъ сербскаго происхожденія. Болѣе придирчивый критикъ могъ бы набрать не мало сербскихъ оригиналовъ и параллелей къ угрорусскимъ пѣснямъ, изданнымъ г. Врабелемъ, познакомившись съ содержаніемъ сербскихъ народныхъ пѣсенниковъ, подъ заглавіемъ «Лира», которыхъ много печатается и въ Новомъ Садѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Панчевѣ...

Чрезъ ихъ посредство, вѣроятно, и знакомился народъ съ пѣснями Якшича, Видаковича, кн. Михаила Обреновича, которыя намъ удалось отмѣтить въ «Русскомъ Соловьѣ».

Наконецъ, отмѣтимъ еще и одну чисто великорусскую пѣсню, случайно попавшую въ этотъ сборникъ. Записана она—въ значительно искаженномъ и помятомъ видѣ: это извѣстная—

Чарочка моя—серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленая... (стр. 82).

которую поютъ и въ Угорской Руси, но только на нѣсколько иной мотивъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Русскаго Соловья». При его разношерстномъ составѣ онъ даетъ много интереснаго—здѣсь мы находимъ много варіантовъ и версій древнихъ, общеславянскихъ народныхъ пѣсенъ, которые мы указали выше; на основаніи данныхъ этого сборника мы можемъ судить о степени словацкаго и сербскаго вліянія, какъ въ сферѣ языка, такъ и въ сферѣ темъ народныхъ пѣсенъ угроруссовъ. Многое въ этомъ отношеніи бывшее неизвѣстнымъ и сомнительнымъ — выясняется благодаря труду г. Врабеля. Конечно діалектологическія данныя этого сборника имѣли бы большую цѣнность и достовѣрность, если бы г. редакторъ и гг. собиратели пѣсенъ не гнались за «литературнымъ», великорусскимъ правописаніемъ, а приняли болѣе подходящую «кулішовку», какъ это сдѣлали гг. Ан-

„Ива Загорица". Всѣ эти романы очень слабы, но заслуживаютъ вниманія какъ самыя распространенныя книги наряду съ сочиненіями С. М. Сарайліи.

тоновичъ и Драгомановъ, Чубинскій и нѣкоторые другіе. Было бы, безъ сомнѣнія, лучше, еслибъ они также не наложили своихъ рукъ на текстъ пѣсенъ, кой гдѣ, очевидно, подправленный. Но все же и теперь изъ этого сборника можно извлечь кой что для характеристики южныхъ угрорусскихъ говоровъ.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ сборника — отсутствіе какой либо классификаціи пѣсенъ, хотя бы по содержанію; впрочемъ это слабое мѣсто почти всѣхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Правда, въ «Русскомъ Соловьѣ» оглавленіе составлено въ алфавитномъ порядкѣ запѣвовъ, но нужно помнить, что часто одни и тѣ же запѣвы мы находимъ у пѣсенъ разнообразнѣйшаго содержанія и предугадать дальнѣйшее развитіе темы по запѣву — невозможно, хотя нѣкоторые изслѣдователи народной малорусской поэзіи и утверждали, что запѣвъ есть *зерно*, изъ котораго развивается дальнѣйшая пѣсня [1]), но какъ развивается?—это пока вопросъ и не одна изъ теорій, даже выставленная покойнымъ А. Потебней [2]) не можетъ быть названа вполнѣ удовлетворительной. А. Потебня полагалъ, что въ основаніе классификаціи народныхъ пѣсенъ слѣдуетъ класть единство мотивовъ, образовъ и размѣровъ [3]).

Изданъ сборникъ г. Врабеля изящно, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, но портятъ общее впечатлѣніе многочисленныя опечатки—на 150, въ 12°, страницахъ мы находимъ ихъ 53. Къ сборнику приложенъ портретъ покойнаго угрорусскаго патріота, свящ. А. Духновича [4]).

Пожелаемъ же угрорусскому народу не остановиться на пути къ возрожденію; надѣемся, что появятся и еще сборники пѣсенъ угрорусскихъ крестьянъ, но уже болѣе серіозно редактированные. Полные этой надежды, повторимъ вмѣстѣ съ угроруссомъ стихи (стр. 74):

...Господь дасть намъ благодать:
Слава Богу, еще въ насъ
Огень вѣры не погасъ,
Сила вѣры спасетъ насъ...

сплотитъ въ одно цѣлое и дастъ силы бороться съ усилившейся въ послѣдніе годы мадьяризаціей угорскихъ славянъ.

Владиміръ Перетцъ.

---

[1]) Такъ утверждаетъ А. Н. Веселовскій, „Прилож. къ XXXVII т. Записокъ Ак. Н“, № 4, стр. 203.

[2]) Въ Зап. Акад. Наукъ, т. 37, приложеніе 4. Отчетъ о присужд. нагр. гр. Уварова, стр. 64—152, (разборъ пѣсенъ Я. Головацкаго).

[3]) Тамъ-же, 103, 104 и „Объясн. малорус. и сродн. пѣсенъ“, I и II.

[4]) О немъ см. „Славянск. Извѣстія“, 1891 г.

Наша національная сила—козаки. (Наброски). М. Н.—Кіевъ. 1892 г.

Цѣль настоящей статьи, вышедшей недавно въ свѣтъ отдѣльной брошюрой, опредѣляется самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ: «среди военныхъ взглядъ на козаковъ самый разнообразный; нѣкоторые склонны козакамъ, въ средѣ конницы, давать мѣсто какъ чему то придаточному, менѣе чѣмъ второстепенному... Не легко читаются такія мнѣнія, какъ въ послѣднемъ номерѣ «Военнаго Сборника»! (февральская книжка, стр. 377). Въ виду этого г. М. Н. разсматриваетъ дѣйствія козаковъ, когда имъ приходилось принимать участіе въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ въ войнахъ послѣдняго времени, указываетъ на преимущества этой конницы сравнительно съ регулярной и въ доказательство приводитъ не только свои личныя наблюденія, но также мнѣнія русскихъ и западно-европейскихъ военныхъ ученыхъ; наконецъ, авторъ предлагаетъ тѣ мѣры, какія могутъ служить къ поднятію и усовершенствованію «нашей національной силы». Не считая себя компетентными въ рѣшеніи военныхъ вопросовъ, мы не будемъ касаться мнѣній г. М. Н. и позволимъ себѣ указать лишь на то, что авторъ мимоходомъ только затрогиваетъ вопросъ объ историческомъ происхожденіи козачества на окраинахъ Россіи, а между тѣмъ это вопросъ очень важный, который долженъ быть поставленъ на первомъ планѣ, потому что безъ историческаго изученія развитія этой силы не будетъ понятно ни ея настоящее значеніе, ни ея роль въ будущемъ. Теперь козачество—исключительно конница, а до конца XVIII в. оно соединяло въ себѣ всѣ роды оружія: оно имѣло свою артиллерію, а конница, когда нужно было, замѣняла собою пѣхоту; былъ даже и свой рѣчной флотъ. Боевыя качества козаковъ высоко цѣнились современниками — сосѣдями ихъ. Изученіе козачества, какъ силы военной, изученіе собственно военной его исторіи еще не начато, хотя уже матеріала накопилось для этого достаточно; съ его военной исторіей тѣсно связывается бытовая и политическая; темные вопросы одной могутъ быть рѣшены разъясненіемъ другой. Поэтому мы вполнѣ раздѣляемъ и мнѣніе автора, что «всестороннее изученіе козачества необходимо», и вѣру его, что «это—сила, имѣющая еще будущность». Желаемъ, чтобы разсматриваемая брошюра г. М. Н. была началомъ этого изученія.

А. К.

Слово о погибели рускыя земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. СПБ. 1892. («Памятники древней письменности» LXXXIV).

При изобиліи литературныхъ памятниковъ поучительнаго характера, несомнѣнно, страннымъ представляется почти полное отсутствіе въ нашей древней литературѣ произведеній поэтическихъ. Почти единственнымъ въ этомъ родѣ является «Слово о полку Игоревѣ». Детальныя изслѣдованія, однако, даютъ право думать о распространенности въ древней Руси «пѣсни», поэтическихъ сказаній. (Срвн. *И. Н. Ждановъ*. Русская поэзія въ домонгольскую эпоху, въ (Кіев.) «Универс. Извѣст.» 1879). Число такихъ поэтическихъ сказаній увеличилось еще однимъ, недавно найденнымъ, изданнымъ г. Лопаревымъ по рукописи XV в., хранящейся въ ризницѣ Псковскаго Печерскаго монастыря. По мнѣнію издателя, оно составлено около 1238 г. Къ сожалѣнію, сохранилась только небольшая часть памятника, только вступленіе, говорящее не о погибели Русской земли, а о могуществѣ ея отъ Владиміра Мономаха до Всеволода Юрьевича. Только въ концѣ дошедшаго отрывка говорится о «болѣзни крестьяномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго» [1]). Этими словами и обрывается сказаніе. Что это за болѣзнь, свойственная христіанамъ? Быть можетъ, усобицы, не позволившія русскимъ сплотиться противъ враговъ и вызвавшія «погибель земли рускыя»... «Красота наша *погыбе*»—говоритъ еп. Серапіонъ о разгромѣ татарскомъ. Лѣтописецъ почти тѣми же выраженіями характеризуетъ его въ лѣтописи: «Того же лѣта (1236) *погибе солнце* по всей земли», «се створися зло (1237) въ Суждальской земли велико, яко же тако зло отъ крещенія нѣсть было, яко же бысть нынѣ». (Лѣтоп. по Лавр. сп. Спб. 1872, стр. 486 и 490, *Лопаревъ*, стр. 16, 17).

Что касается содержанія дошедшаго отрывка «Слова», то оно представляетъ несомнѣнный интересъ. «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля руськая, и многими красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязями мѣсточьстьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами частыми, польми дивными,

---

[1]) Послѣдними словами опредѣляется время составленія слова: Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславѣ Залѣсскомъ съ 1212 по 1238, Юрій же Всеволодовичъ былъ велик. княземъ 1212—1216 и 1219—1238.

звѣрьми различными, птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, винограды обительными, домы цьрьковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами...» —такими словами начинается «Слово». Далѣе рисуются предѣлы земли русской: «...то все покорено было Богомъ крестиянскому языкоу поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Кыевьскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то Половци дѣти своя ношаху въ колыбели, а Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а Оугры твердяху камены городы желѣзными вороты...» Одни только нѣмцы «радовахоуся далече боудоуче за синимъ моремъ...» Даже «Жюръ Мануилъ царегородскыи опасъ имѣя поне и великыя дары посылаша к немоу, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ Царя города не взялъ...» [1]).

Къ тексту «Слова» г. Лопаревъ присоединилъ замѣчанія. Въ концѣ приложенъ палеографическій снимокъ всего отрывка.

Арк. Л—нко.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1891 г. и въ началѣ 1892 г.

Бабецкій А. В. Харьковъ наканунѣ новаго городоваго положенія. (Итоги самоуправленія). Харьковъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Барбашевъ А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб. 1891. 8 д. III+340 стр.

Бережковъ М. Н. Планъ завоеванія Крыма, составленный въ царствованіе государя Алексѣя Михайловича ученымъ славяниномъ Юрьемъ Крижаничемъ. (Извлеч. изъ журн. М—ва Нар. Просв. 1891 г.). Спб. 1891. 8д. 90 стр.

Бориневичъ А. С. По поводу предстоящей переписи въ Одессѣ. Одесса. 1891. 8 д. 13 стр.

Волынскій народный календарь на 1892 г. (Г. 4-й). Изд. Ѳ. Досинчука. Житоміръ. 1891. 8 д. XIII+55+55 стр.

210-е засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 23 окт. 1891 г. Одесса. 8 д. 7 стр.

Żadnowiecki L. ks. Starożytne szaty kościelne w dyecezyach Łuckiej i Żytomierskiej (z 4 swiatłodrukami). К. 1891. 8 д. 24 стр.

Календарь Черниговской епархіи на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніамина. Годъ 2-й. Черниговъ. 1891. 8 д. 234 стр.

---

[1]) Мы не удерживали ороографію памятника.

Каленченко. Хутиръ. Малороссійскій литературный збирныкъ на 1891 г. 8 д. 99 стр.

Красновъ А. Н. Матеріалы для флоры полтавской губ. Результаты флористическихъ изслѣдованій полтавской губ. (Отт. изъ Трудовъ общ. испыт. природы. Т. XXIV). Хар. 1891. 8 д. 116 стр.

Лазаревскій А. А. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. I. Съ 2 портретами. (Отт. изъ «Кіев. Ст». 1891 г.). К. 1892. 8 д. 129 стр.

Лащенковъ Ѳ. А., протоіерей. Очерки дѣятельности приходскаго попечительства сумской Николаевской церкви въ теченіе 24-хъ лѣтъ его существованія (1867 — 1890). (Отт. изъ газ. «Южн. Край»). Хар. 1891. 16 д. 18 стр.

Ліонъ А. Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ Бессарабской губ. Вып. 3-й. Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.

Новороссійскій календарь на 1892 годъ. Издаваемый одесскимъ город. обществ. управленіемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Од. 1891. 8 д. VIII+208+158+180+V стр.

О благословеніи св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ наддвѣпровскихъ кіевскихъ высотъ и о предреченіи имъ основанія на нихъ великаго города (Кіева). (По сказанію начальной кіевской лѣтописи). К. 1891. 8 д. 19 стр.

Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей. Приложенія: десятоверстная карта раіона вѣтвей и 49 табл. К. 1891. 4 д. 89+34 стр.

Панъ Щипавка, або раки. Колы не брехня то правда. Разск. изъ малорос. жизни. Изд. Е. Губанова. М. 1891. 16 д. 71 стр.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія 2-я. Вып. I. К. 1891. 4 д. 29 стр.+4 табл.+1 карта.

Сыва кобыла. Оповидання. Типомъ першымъ. Од. 1891. 16 д. 16 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego, według planu F. Sulimierskiego. Nakładem W. Walewskiego. Zeszyt 133. T. XII. Варш. 1891. 4 д. 80 стр.

Шаховской М. Л. князь. Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ 1891 г. Съ 5 картами. (Приложеніе къ отчету харьк. губ. земск. управы). Хар. 1891. 8 д. 92 стр.

Дозволено ценз. Кіевъ, 29 мая 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVII, 1892 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

на обѣдъ до Грузкой, а по обѣдѣ оттуду поехавши, пріехалъ къ перевозу передъ заходомъ слонца, где Грабовскій и компанѣйскій асаулъ случились со мною. Перевозились через Сеймъ полтори години, а пріехали въ Мутинъ уже ночной добы.

16. Пятокъ. Зъ Мутина отправленъ козакъ Роменскій въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до жени своей о своемъ прибуттю въ Мутинъ и ps.—о нѣкоторихъ интерессахъ, полѣценнихъ до справлення Мартинови. Поехавши рано оттуду, приехалемъ, передъ полуднемъ, въ Тулиголови, где 1) засталемъ въ імбарѣ горѣлки полъ-4 куфи; 2) салъ 2; 3) шинкарь тулиголовскій 2 пчоли купилъ за 7 зол; 4) отобралъ у Лозовского Романъ зол. 70, должнихъ за позиченніе Юрченкомъ у Сулаку; 5) свиней старихъ 60, подсвинковъ 40, поросятъ зъ 50. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно у пасѣку Уздицкую, буде миль 2, где пчоли по лѣчбѣ на точкахъ показалось 184, а 6 въ погребѣ пало, але и зможду сихъ болшъ 20 будетъ худихъ Зъ пятка на суботу, въ ночѣ годин: „—", родился въ Ромнѣ синъ мой Семенъ.

17. Субота. Рано, у квартерѣ, Івана Степановича Бранчанина видѣлемся и просилемъ его о людяхъ моихъ уздицкихъ, чтобъ ихъ защищалъ. Поехавши зъ Уздицѣ рано, пріехалемъ до Калюжновского млина, где въ шинку Перехриста незасталемъ, поехавшого вслѣдъ за якимсь паробкомъ, бывшимъ у его и обокравшомъ его и утекшомъ. Въ футорѣ Калюжновскомъ былемъ и увѣдомилемся что 16 четвериковъ жита въ ямѣ тамъ есть и что цѣлину, облугъ, на просо виорано. У Сварковъ на обѣдъ пріехалемъ, куда потомъ и отецъ Островскій пріехалъ. Войту о закупкѣ млиновъ княжихъ и о покупкѣ сѣна говорилемъ. Пріехалемъ у Глуховъ и былемъ у п. судіиной, немошествующей на кашель. Леонтія Янковского, будто въ інтерессномъ дѣлѣ, привезено въ колегію. Господаръ Василь донеслъ, что Юрченко взялъ грошей 99 р.

18. Неделя. У ясневелможной рано былемъ, а по службѣ, и на обѣдѣ, где брегадиръ, прокуроръ, сотникъ Мануйловичъ зъ женами были и обѣдали. По обѣдѣ былемъ у прокурора и до ночи просидѣлемъ. Савѣцкій Стефанъ и сотникъ сенецкій Криштоповъ

пріехали въ Глуховъ тожъ позивать мене якобы, а сей отъ походу отпрашуватись.

19. Понеделокъ. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость, что синъ мнѣ родился Семенъ. Черезъ Лескового, сина сторожа роменского, писалемъ, въ Роменъ до родителей, сожительници моей и до Якова о розныхъ дѣлехъ и о приборѣ въ походъ. Зъ князем Четвертенскимъ и п. Стефаномъ Миклашевскимъ видѣлемся. Обѣдалисмо у брегадира всѣ и до ночѣ прогуляли, а въ ночѣ были у прокурора и позно розехались. Привезени зъ Ромна статуи числомъ „—“ и отослани въ Сварковъ.

20. Вовтор. У п. судіиной енер. былемъ, где и ясневелможная изволила быть. Ясневелможная дала моей женѣ перстень зъ изображеніемъ Пресвятой Богородици, и писма къ ней и къ родителю казала написать. Гаврило зъ зваромъ родиннимъ посланъ въ Чернѣговъ, до швакгровъ и тещи. Обѣдалисмо у сотника глуховского. Ездилемъ до огорода Бѣлополовского, где липину и кленину казалемъ по поясъ поурѣзовать, а оттуду заехалемъ до Сухарева и тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ домой. Началемъ лѣкарства весняное заживать, прежде пявокъ.

21. Середа. Отправленъ козакъ зъ узваромъ пріездившій, чили рачей зъ листовною вѣдомостю о сину моемъ, въ Роменъ и черезъ его писма, отъ ясневел. и отъ мене до родителей и жени моей, послали и перстень отъ ясневел. Іванъ, Кгузенковъ зять, посланъ зъ писмомъ и бутилкой водки до п. Григоріевой Журавковой, въ Новгородокъ. Денегъ Юрченко привюзъ 101 р., а передомъ далъ господареви 99 р., итого 200 р., зъ которихъ взялемъ у его и у господара 150 р. до себе. 2 куфи горѣлки онъ же Юрченко привюзъ зъ Каменя, зъ которихъ сего жъ часу куфу и дано Грицку Перехристу на вишинкъ. П. Нестеровичъ зъ Ромна пріехалъ зъ узваромъ до ясневел. и до господина брегадира, у которого и былисмо. Бранчинъ былъ у мене и просилъ о сѣножатѣ Уздицкой. Стаховичъ обѣдалъ и ночовалъ со мною.

22. Четверъ. Обѣдали: п. Павлова, Островскій и Бяловскій, а п. Несторовичъ отнюсши къ ясневел. узваръ, тамъ и обѣдъ ку-

шалъ. Зъ Ромна старшина нѣкоторая пріехала зъ денгами въ колегію, за медъ зборній проданний собранними. П. Михайло Скоропадскій зъ своею женою поехалъ въ Нѣжинъ. Ночовалъ Стаховичъ со мною. Былемъ у ясневел. у вечеру.

23. Пятокъ. Листъ до родителя посланъ зъ прошеніемъ о посланню передомъ въ Царичинъ чловѣка якого для уготования судна волного. Архипу поздавани всѣ рѣчи потребніе въ походъ. Обѣдалъ у насъ п. Стаховичъ, п. Нестеровичъ, попъ Островскій и Бяловскій. Зварили пива варъ. Ездилелъ въ городъ и зъ п. Левенцемъ посидѣлемъ, а мимоездомъ видѣлемъ сенецкого сотника и Савѣцкого, подъ дворомъ войсковимъ сидѣвшихъ. Пересталемъ брать пѣкгуловъ, передъ пявками принимаемихъ.

24. Субота. Пявки приставлялемъ къ мѣстцу геморгоидалному. Савѣцкій и сенецкій сотникъ были у брегадира и жаловались въ своихъ претенсѣяхъ. Обѣдали у мене хоружій пол. нѣжинского, Троцкій и Стаховичъ. Савѣцкій зъ Сенецкимъ, бувши тутъ у мене, примиреніе получили. У п. судіиной былисмо зъ п. Несторовичомъ, по вечернѣ, и, посидѣвши мало, восвояси отишлисмо.

25. Неделя. Обѣдалисмо у ясневолможной, где и господа копеисти были и кушали. Получилемъ писмо отъ сожительници своей, въ которомъ обявляетъ, что къ прійдучой неделѣ актъ крестинний синови нашому отложенъ. П. Федоръ дядько пріехалъ зъ Прилуки. Стаховичъ ночовалъ зъ нами.

25. Понеделокъ. Сторожъ чорнускій отправленъ зъ листами до родителя, семи моей и Якова Дуброви. Обѣдалисмо у ясневел. зъ п. Федоромъ, а по обѣдѣ у Левенца были. Гаврило зъ Чернѣгова повернулся зъ писмами отвѣтними швакгровъ моихъ, въ якихъ о своемъ пріездѣ обявляютъ, и что зъ тещею мѣютъ роздѣлатися. Сотникъ сенецкій и Савѣцкій были у мене рано и сенецкій получилъ у мене писмо, за собою до родителя писанное о походѣ. Несторовичъ (черезъ которого писалемъ до родителя, цедулою, о розговорѣ нашемъ, бывшомъ зъ п. Федоромъ объ уступцѣ нѣкоторихъ добръ родителеви), сенецкій сотникъ и Савѣцкій поехали въ Роменъ. Ездилемъ до брегадира и тамъ позабавившись, до дому позно

пріехалемъ. Попъ Островскій пяній приходилъ до насъ и тутъ, по своемъ достоинству, трактованъ былъ де-чимъ. Посланъ указъ въ полкъ лубенскій о прибытіи сюда родителскомъ и протчей старшини.

27. Вовтор. Рано зъ Калюжненками приходилъ ко мнѣ канцеляристъ Романовичъ, требуючи отъ мене отвѣту на ихъ чолобитте. Былемъ у правителей и о томъ розговарилемъ, где и Олховского, зъ С.П.Бурху пріехавшого, видѣлемъ. Да зъ нимъ же Чернѣцкій Петро пріехалъ зъ Москви, которій донеслъ, что вовна въ манѣфактури продалася, пудъ по 2 р. и по гривнѣ. У ясневелмножной кушалисмо и еи велможность опроводилисмо за городъ, ехавшую до Гамалѣевки. Надзиратель Прокопій Ігнатовичъ билъ у мене и посидя, отийшолъ. Зъ полковой нѣжинской канцеляріи пріехалъ Салогубъ зъ інструкцѣею о походѣ, чтобъ намъ выходить въ оній зд 25 априля, которому на тое отъ себе и росписку далемъ. Уже позно въ вечеру Стаховичъ Андрей, канцеляристъ, поехалъ въ Кіевъ. Николай злотникъ былъ у мене и говорилъ о шаблѣ покойного п. судіи прилуцкого, у его обрѣтаючойся. Розмѣняли пѣратинскіи медовие зборщики таляри мнѣ битіе по рублю талярь, а всѣхъ таляр. 158, змежи якими 2 надачи, а взяли рублей у мене 156 и теперъ, зъ давними талярами, всѣхъ талярь 165., и тотъ мѣшокъ запечатавши, вложилемъ въ шкатулку.

28. Середа. П. Федоръ дядко подарилъ мнѣ небожчика п. судіи прилуцкого шаблю, въ якой небожчиковского срѣбра 24 лоти и полтора золотника, а п. Федорового срѣбра 4 лоти безъ золотника. Опанасъ, бувшій староста лучанскій, пріехалъ зъ Москви и за гроши взятіе за вовну мою 6 пуд., привезлъ лѣкарства мнѣ штукъ 10, отъ лѣтери А до лѣтери К. Обѣдалъ со мною князь Четвертенскій и по обѣдѣ отехалъ. Андрей Еропкинъ, зъ Цариграда отъ господина Румянцова посланний въ С.П.Бурхъ, проехалъ Глуховъ. П. Федоръ дядко отехалъ въ Прилуку. Гудименко Грицко просилъся на службу ко мнѣ и послишавши о смерти отца своего, отехалъ въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до родителя и до Якова о походѣ, и о сенецкомъ до род. Божко, сторожъ пѣратинскій пріехалъ зъ писмами отъ родителя и Якова.

29. Четверъ. Романъ, стар. тулиголовскій, бувши тутъ, сказалъ, что горѣлки есть 5 куфъ. Кутневскій бувъ рано и отехалъ. Ездилемъ въ канцеллярію енер. и тамъ зъ Іваномъ Максимовичомъ увидѣвшись, стехаломъ домой. Обѣдали у мене попи и Троцкій. Винялемъ зъ скринѣ на горѣ свѣчки восковіе, хустку зеленую и мѣшечокъ цѣномину повний. Ездилемъ въ городъ и билемъ у п. Левенца, оттуду въ колегіи, где зъ Лучинимъ, управителемъ почепскимъ, видѣлемся, и о водцѣ Максимовичу Федору, посланной отъ мене, разговарували, и отехалемъ домой, а тутъ въ церквѣ п. судіиной бувши, до п. судіиной зайшолъ и тамъ мало посидѣвши, отишолъ домой.

30. Пятокъ. Садовникъ и войтъ сварковскіе были; войтъ купчіе на огороди зъ собою привезлъ и отдалъ мнѣ. Подорожніе до Ахтирки и до Чернѣгова получилемъ. Бувъ у склепу и вина понасипалъ у одно пуздро и 1 бутилку. Виехалемъ зъ Глухова до Гамалѣевки и пріехалемъ по заходѣ слонца, и тутъ ночовалемъ.

Май. 1. Субота. Александеръ і Михайло, слуги панеи, ездившіе до Ямполя въ інтерессѣ панскомъ, сказали, что видѣли тамъ брегадира и протчіихъ колеистовъ, туда жъ ездившихъ за скарбомъ, будто винятомъ отъ простого человѣка, але нѣчого незискавши, назадъ вернулись. П. Василь Романовичъ былъ у Гамалѣевцѣ и со мною видѣлся. Поехалемъ оттуду и пріехалемъ въ Глуховъ, где пана Андрѣя швакгра, пріехавшого зъ Чернѣгова, засталемъ. Ездилемъ до брегадира и просилемъ его въ Роменъ на крестини.

2. Неделя. Билъ у брегадира и оттуду до церкви поехали. Едучи до церкви въ каретѣ зъ правителями, видѣлемъ листъ Милорадовича, въ якомъ онъ зъ Сулаку, 10 марта, обявляетъ—о непомислномъ тамъ своемъ пребываніи. По службѣ Божой, зъ брегадиромъ былемъ у прокурора, где брегадиръ обѣщался поехать въ Роменъ, на крестини, быть воспріемникомъ сину моему. Отправилемъ черезъ лубенского сторожа писма, въ Роменъ, до родителя и сожителници, о прибитіи ясневел. и брегадира, и до Петра Петровича, и п. Скоропадского, о ихъ прибуттю туда жъ. Буйволъ чудеса дѣлалъ.

3. Понеделокъ. Ездилемъ до Сваркова, где указалемъ, якъ еренжерей дѣлать. Пріехалемъ на обѣдъ въ домъ и обѣдалисмо зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Бяловскимъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ до вечора и его жъ увенеровалемъ отъ швакгровъ. Демянъ пріехалъ зъ Гамалѣевки, отъ ясневелможной, и сказалъ, что завтра будетъ въ Глуховъ сюда, а отсюду мѣетъ въ четверъ виехать, зъ Глухова, на ночъ въ Мутинъ. Зъ паномъ Андрѣемъ, швакгромъ, разговаривали о своемъ интерессѣ, которій отложилъ до пріѣзду пана Якова. Войтъ глуховскій Іванъ Івановичъ, братъ Александра, померъ. Конотопъ городъ вигорѣлъ зъ многими домами и 3-ма церквами.

4. Вовторокъ. Ясневелможная пріехала зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Зъ С.П.бурху указъ сенатскій въ колегію прийшолъ о висилки пановъ бунчуковихъ въ Гилянъ, чего ради и брегадиръ поездъ свой въ Роменъ отставилъ и съ тимъ Арсеніева ко мнѣ прислалъ. Войту Забарѣ наказъ въ 12 пунктахъ далемъ, и Андрѣю теслѣ. У ясневел. былемъ, у вечеру, и у брегадира. Асаулъ гонцювскій Михайло Кириловъ, Черняховскій и Шостакъ лубенскіе, пріехали въ Глуховъ, позванни салдатомъ отъ колегіи по дѣлу Леонтія Янковскаго.

5. Середа. Ездила ясневелможная рано до брегадира и я при ней. Обѣдалисмо дома зъ швакграми. Почепскіе коменданти были у насъ и дворъ шарфовский отдали свѣтлѣйшому князю п. п. швакгри.

6. Четверъ. У ясневелможной кушалисмо, также брегадиръ и полковникъ чернѣговскій. По обѣдѣ, пожекгналемъ ясневел. и дала 469 зол. У брегадира былемъ и писма за мною получилемъ до енерала Матюшкина, брегадира Левешова, и полковника Яропкина. Швакгри мои, въ разговорѣ зо мною, уступуютъ села Крисіокъ мнѣ, а болшъ нѣчого.

7. Пятокъ. Московское пуздерко насипали водкою мастихиною. Пожекгналемъ швакгровъ своихъ, а оставилемъ Демяна для того, чтобъ онъ увѣдомился у нихъ, когда будутъ въ Роменъ. Пріехалемъ въ Тулиголови, где наказъ давши Роману въ 7 пунктахъ, отехалемъ въ Мутинъ. Зъ Мутина послалемъ 20 зол. до Лозовского,

зъ якими жеби и отъ себе 7 копъ доводячіеся отослалъ въ Тулиголови до Романа. Перевюзшись черезъ Сеймъ, поехалемъ почтою на Конотопъ, куда отъ перевозу будетъ болшъ 20 верстъ, а оттуду до Карабутова верстъ 20, а оттуду до Хмѣлова 20 верстъ, и зъ Хмѣлова до Ромна 20 же верстъ.

8. Субота. Пріехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, гдѣ засталемъ пана Федора и пана Тарновского, и п. судіину прилуцкую, а по обѣдѣ Бурковскій пріехалъ. Тарасъ молодикъ показалъ реестри стадчнини и статку въ Криворудскомъ футорѣ, где показалосв по ищисленіи его: кобилъ 71, лошаковъ третяковъ 15, стрижаковъ 21, четвертаковъ 17, третячокъ 14, стрижачокъ 20, опрочъ нинѣшнихъ лошатъ, итого, опрочь дрикгантовъ, 158; а зъ рогатого: коровъ 91, телятъ малихъ 46, воловъ 42, бичковъ назимковъ 40, телицъ 28, и того всѣхъ, опрочъ бугаевъ, поголовья рогатого—247. Максимъ староста перервинскій донеслъ на картѣ, что тамъ обрѣтается жита немолоченого 2 скирти, пшеницѣ осмачокъ 3, овса осмачокъ 5, проса ямъ 3.

9. Неделя. Синъ мой Семенъ крещенъ зосталъ протопопою роменскимъ отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ, а воспріемниковъ било двѣ пари: панъ Федоръ, дядко прилуц., зъ родителкою, да п. Бурковскій Андрѣй зъ п. судіиною прилуцкою, дядиною. П. Михайло Скоропадскій зъ своею панею пріѣхалъ въ Роменъ. Селецкій, за тютюнъ посилавшійся въ Полщу, привезлъ лѣкарства разного штукъ зъ 12. Плетюнка пріехалъ зъ Сухоносовки и явился тутъ. Подпіяхомъ при немаломъ собраніи гостей.

10. Понеделокъ. Гостѣ у насъ всѣ обѣдали. Гостѣ всѣ порозоздилися. Плетюнку отправилемъ зъ словесною інформаціею. Козакъ, стойчикъ полковий, посланъ въ Глуховъ зъ писмами отъ п. Михайла до прокурора, а отъ мене до господара и до Кондзеровского. Архипъ пріехалъ зъ Смѣлого и обявилъ, что купили мнѣ воловъ 8. Родитель о Перервинцяхъ говорилъ мнѣ, чтобъ тамъ всѣмъ мнѣ владѣти.

11. Вовторокъ. Рано, Козелъ хлопецъ зъ почтаромъ поехали въ Глуховъ, зъ писмами въ розныхъ інтерессахъ. Вина, 60 квартъ

зъ чимсь, волоского купилемъ, по 3 шаги кварта. Козакъ дунайскій отъ князя Четвертенского зъ Глухова присланний зъ писмомъ, отправленъ и чрезъ него послалемъ до прокурора листъ и баранковъ 2, до князя листъ и баранковъ 1, до господара листъ. Покроилъ швецъ чоботъ мнѣ паръ 4 и юпку зъ сафяну. Родителка бунтъ сафяновъ видала привозу Адамового. П. судіиная прилуцкая даровала мнѣ 500 зол. и пуздерко зъ мисками и тарѣлками мѣдними. Гаврилови предложилемъ ити въ дорогу передомъ зъ возами.

12. Середа. Ездилемъ за Сулу и тамъ осмотрѣвши коней своихъ всѣхъ иждждалихъ, поехалемъ до табору, где вози мои воловіе, которихъ осталось 17, а воловъ при иихъ всѣхъ 75; да при тому жъ обозѣ Несторовичевыхъ 2 воза, а Якова 1; да съ того жъ обозу 3 вози воловихъ передомъ вылучили зъ харчею, чтобъ зъ мною ишли. Пуздра пересипали и до Монастирища ездили, где полтора пуздра родителка велѣла насипать. Панъ Андрѣй братъ даровалъ мнѣ коня верховаго, сивого. У лазнѣ милемся.

13. Четверъ. Гаврилу листи подавалемъ отъ мене писанніе, до коменданта царичанского, до Полянского, до Волинского губернатора и до Горки, архіерея астраханского. Федоръ Юрченко, явившись тутъ, далъ еще грошей 60 р., а такъ отдалъ уже 260 р., а еще мѣлъ зъ Глухова прислать 40 р., черезъ которого о томъ до Василя господара писалемъ и до п. судіиной. Леско сторожъ посланъ въ Смѣлое за стрелцями. Перебралемъ писма, купчіе и всѣ иншіе крѣпости вложилемъ въ зеленую скринку. Пуздра винніе и бутилокъ лутшого вина 7, а подлѣйшого 8, позапечатовали. Пару болдинокъ Гаврилу на дорогу далемъ. Ему жъ Гаврилу облѣкъ его на 28 р. отдалемъ. Зъ Чорнухъ отъ Звѣраки присланъ листъ и въ ономъ декретъ на лѣсъ и ниви поповскіе, закрѣпленний рукою отца Ѳомы Збриского, протопопи пѣрат.

14. Пятокъ. Коваль сторожъ до Тарнавскаго посланъ, о его прибытіи сюда. Якову на расходи 90 зол далемъ. Сухоносовскимъ мужикамъ по копѣ читиромъ далемъ. До Плетюнки писмо писалемъ и до Звѣраки отвѣтъ. Божко въ Перервинцѣ посланъ за козаками курѣнчиками. Швагри мои оба, Андрей и Яковъ Полуботки, пpі-

ехали сюда. До Лубенъ посланъ листъ и 4 р. въ аптеку и рецептъ. Спалню у Василя глинского взялемъ, а ему свою далемъ.

15. Субота. Швакгри мои Полуботки отехали въ Коровинцѣ, нѣчого неучинивши. Юско Залуский и Казѣмиръ Шпаковский послани въ Царицинъ и Астрахань передомъ, за уготованнемъ судна водного, о чомъ и я до коменданта царичанского писалемъ. Слюсаръ, що зъ Астраханѣ принюсъ 2 фузѣя, чили ручницѣ, зъ gвѣнтами, мнѣ зробленние, за которие ему далемъ толко 2 зол., до давно данних грошей. П. Семенъ братъ подарилъ рогъ на порохъ. Родитель подарилъ мнѣ въ дорогу два конѣ, сивого, прозиваемого смѣлянского, и чалого прилуцкого. Казанъ котляри, зробивши, принесли у 12 фунт. Стрелцѣ изъ Смѣлого, а козаки зъ Токаровъ по 3 чловѣка, приехали, со мною мѣючие пойти въ походъ. До родителя съ колегии указъ принесенъ ехать самому въ Глуховъ, а до асаули Семена, Василя Дяченка и Петрановского салдатъ приехалъ, взять ихъ въ Глуховъ же.

16. Неделя. Тройца Св. Прапорщикъ Волжинъ приехалъ въ Роменъ и обѣдалъ съ нами. П. Нестеровичъ посланъ отъ насъ до швакгровъ Полуботковъ, въ Коровинци, зъ уговоромъ о нашемъ дѣлѣ. Почтаръ, зъ Козломъ хлопцемъ, повернулся зъ Глухова. Наказъ пунктами Никитѣ Плетюнцѣ составилемъ, въ 30 пунктахъ.

17. Понеделокъ. Ездилисмо за Сулу и тамъ служби Божой вислухавши, обѣдалисмо. Вѣдомо учинилося, что Грицько Гудимъ поехалъ до Рибного, зъ дядкомъ своимъ, купеческимъ промисломъ, зъ горѣлкою, для чого дядиная его въ турму была посажена, а потимъ и випущена зостала. Зъ аптеки отъ Исаака Ивановича Іохемса привезени лѣкарства, за 4 р. купленние и заплаченние уже именно: Spir. Cachlearia ttij. Elixir. proprietl ttij и въ слоику прошку (про?)носного часть. Отъ п. Тарнавского до родителя принесенно писмо, въ которомъ обявляетъ о себѣ, что мѣетъ ити въ походъ, а для опроваженния его до обозу далъ бы сотникъ пѣратинский 4 козаковъ, просить. Приехалисмо зъ женою въ городъ и тутъ ночовалисмо.

18. Вовтор. Возки виправилисмо въ походъ, а приставъ—Яковъ Дуброва. Возковъ глабчастихъ, по два конѣ—3, а палубовъ, по 2 жъ конѣ—3, Палубецъ зъ сукнями, у 2 жъ конѣ, палубецъ на 2-хъ колесахъ, спалня 2 конѣ, верховихъ 4 зайвихъ, а зъ обозомъ, верхахи, поехали: Яковъ Алексѣецъ, Мартинъ, Леско кухаръ, Литвишко, Максимъ Коржовскій, да зъ ними жъ, при Якову, скринка зъ денгами, а въ ней чер. 40, тал. (битыхъ?) 150, руб. 100. П. Нестеровичъ, ездившій до швакгровъ, повернулся зъ Грунки и о ихъ укоризненномъ предложилъ виговорѣ. Родитель въ дорогу далъ мнѣ 200 р. За фузѣи слюсареви заплатилемъ. Слугамъ далемъ по 2 р., а машталѣру 2 р., другому 3 р. Отецъ Островскій пріехалъ въ Роменъ. Пунктовъ 35 составивши господареви въ наказъ, отдалемъ до рукъ паней.

19. Середа. Молебенъ о путешествіи моемъ въ церквѣ, отцемъ Савѣцкимъ и другими, отправленъ. Родитель подарилъ мнѣ перстенъ шмаракгдовий зъ 6 діяментиками, на благословеніе; такъже и кулбаку нѣмецкую. У лазнѣ милемъся. Вѣжевскому на росходъ далемъ грошей 4 р. Орановскій отъ швакгровъ Полуботковъ повернулъся зъ листомъ до отца протопопи причиннимъ—бить ему въ Коровинцяхъ. Григорий Тишенко принеслъ печатку мою на сегнѣту, у Шліонску здѣланную, за которую будто заплатилъ за злото и за камень, 10 твардихъ а за роботу 5 чвертокъ, а всѣхъ грошей налѣчилъ 9 р. безъ полкопи. Виездъ опредѣленъ бувъ мой зъ Ромна, въ походъ, у вечеру, а на ночъ за Сулу, а потимъ отложенъ на завтрейший ранокъ. О братови п. Семенови родителіе со мною розговорували и листъ отъ нихъ написалемъ до ахтирского полковника. Рекоммендаціи листовніе отъ родителя 10, до розниххъ персонъ, о мнѣ.

20. Четвер. Конѣ рано заложени были до виезду моего, а потомъ знову виложени. За перстенъ, на которомъ печатка моя зъ гербомъ, заплатилемъ Манжосу 7 р. Орановскому далемъ 5 таляр. бытихъ. Родитель взялъ себѣ печатку тую и далъ мнѣ каменецъ красній четвероуголний, которій я далъ тому жъ Григорію Манжосу, жебы въ Шліонску вирѣзано на ономъ печатку мою зъ та-

ковимъ компартиментомъ, яковій на сталной моей есть печатцѣ, на що далемъ ему червоного, 2 таляр. битихъ и рубля грошей, и для образца, випечатавши на паперѣ, печатки мою и родителскую, оніи емужъ далемъже. — Виездъ въ походъ зъ Ромна. Виехалемъ зъ Ромна по обѣдѣ, въ походъ настоящій Гилянскій, а опроважали мене: родитель, родителка, протопопъ и другихъ много очинъ присутствуючихъ, даже до села Гарасимовки, где годинъ скилка простояли, а наконецъ пожекгнавшись, отехалемъ въ Коровинцѣ на ночъ, а съ нами: жена моя, братъ съ братовою, Василь глинскій, Зарудніе Федоръ и Андрѣй, Столповскій, которій и отедетъ, Федко и другіе; а пріехалисмо въ Коровинцѣ на ночъ,

21. Пятокъ. Рано поехавши зъ Коровинецъ, пріехалисмо до Будокъ о полдни, куда будетъ миль зо три добрихъ, и тамъ обѣдалисмо и ночовалисмо. Тамже зъ отцемъ Островскимъ, трижди подпивавшомъ, тѣшились. Іванъ, конюшій родителскій, пріехалъ зъ Ромна и привюзъ бутилу вина венкгерского доброго. Черезъ козака коровинского писалемъ до родителей листъ, жекгнаючи ихъ и просячи о молитви. Сватба била въ Питербурху: цесаревна Анна Петровна отдана за голштинского князя Фридерика, а якимъ способомъ що было, тогда зри юня 13 числа.

22. Субота. Службы Божой вислухалисмо у Будкахъ и по службѣ поснѣдалисмо. Братови п. Андрѣеви даровалемъ шаблю свою и оную казалемъ отдать женѣ моей до его рукъ. Помѣнялисмося съ ними кулбаками, ему жовтую далемъ, а себѣ кгранатовую. Пожекгналемся съ нимъ, братовою, также и зъ своею женою и, поехавши зъ Будокъ, черезъ пѣщаній брудъ, где гребля на Сулѣ, пріехалемъ степомъ до Грунѣ, куда будетъ миль 3 добрихъ и оттуду виехавши, недоежджаючи Михайловки, постояли въ полѣ малое время, поколь братъ п. Семенъ, приостановившийся въ Будкахъ, нагналъ насъ, а оттуду поехавши, пріехали до Михайловки, отъ Грунѣ зъ милю добрую отстоячихъ, и тамъ заехалемъ до швакгровъ Полуботковъ и видѣлемся съ ними, также и зъ п. Андрѣевою и п. Антоновою и, малое время позабавивши у ихъ, поеха-

лемъ до Лебедина, у милю отстоячого, и, оний переехавши, на степу, недоежджаючи городка Олешнѣ, ночовали, якъ би у полъ 2 милѣ.

23. Неделя. Рано вставши барзо, поехалисмо и минувши Олешню, пріехали въ Ахтирку, отстоящую отъ Лебедина у 4 милѣ, и стали на пастовнику. зъ пріезду, п. полковника ахтирского. У князя былемъ зъ братомъ и зваромъ родиннимъ поклонилемся ему; да онъже далъ за мною писма до Матюшкина, Кропотова, и Ярошкина. А по обѣдѣ, у полковника просидѣлемъ, и оттоль зъ Стефаномъ Гамалѣею и Самойловичами пріехалемъ къ себѣ и тутъ о дѣлѣ брата зъ нимъ розговоровши, и зъ лука постерлявши и вина випивши, отправилемъ его. Князь давалъ читать обявленіе сенатское о Өедосію Яновскомъ, архиепископу новогородскомъ, первомъ вицепрезиденту синодалному, который за нѣкоторіе укоризненніе слова противъ монаршей персони и другіе причини, лишенъ епархіи и синодалного мѣста, а сосланъ въ силку въ монастирь Корѣлскій, близъ Двини реки устя.

24. Понеделокъ. Слишно намъ стало, что у Василія Даниловича умеръ синъ, куда полковница ахтирская и п. Сгефанъ Гамалѣя ездили. По прошенію п. Стефана Самойловича, отъ п. полковника ахтирского къ намъ присланного, поехалисмо на обѣдъ. У п. полковника ахтирского зговоръ здѣлалисмо: дочь ихъ Парасковію за брата п. Семена, при битности зъ ихъ сторони его: п. полковника, самой п. полковчиковой, Стефана Гамалѣи, обоихъ Самойловичовъ, Федора Гамалѣи и прочіихъ, а зъ нашей: насъ, Василя Жуковского, Федора и Андрѣя Зарудних, где и хустки всякому зъ насъ подавала панна, а оной братъ далъ дуката золотого у нѣсколко червоних. П. полковникъ ахтирскій даровалъ мнѣ фузѣю хорошую. Отехалисмо отъ п. полковника, шумни, до себе.

25. Вовтор. Билисмо у князя Голѣцина и обявили ему о учинившойся сватбѣ нашой, которою онъ насъ поздравлялъ и пожекгналисмо его. Обѣдалисмо у п. полковника и до вечора прозабавили шумни. Зъ Ромна емщикъ пріехалъ зъ 2 бутилами вина, одною водки и зъ хлѣбомъ и листами родителя, родителки и жени

моей. Сторожъ п. полковника нѣжинского пріехалъ зъ Нѣжина и о ясневелможной сказалъ, что тамъ теперъ обрѣтается.

26. Середа. Заехалисмо рано до п. полковника на чай, по которомъ и водки по нѣсколко чарокъ випили. Онъ же зъ панею своею подарилъ мнѣ слоикъ кристалний, полнъ мира святителя Христова Николая чудотворца, а брату п. Семену шаблю, полскимъ манѣеромъ зробленную. Отехалисмо предъ обѣдомъ зъ Ахтирки, а ехали поузъ левади тютюнніе государеви, очинъ великіе и поузъ мури превеликіе, изрядно зъ рѣзаного дерева подѣланніе, а пріехалисмо на обѣдъ, у двѣ милѣ отъ Ахтирки, къ урочищу и потоку, прозиваемому Веселая. Оттуду писалисмо до родителей и моей жени о сватбѣ и о протчемъ зъ комплементами, а зъ тимъ отпустилисмо Грицка коваля, сторожа роменского да Залюбовского, да имъ же и листъ п. полковника ахтирского, писанний о той же сватбѣ, вручилисмо. Поехавши оттуду, переехали село прозиваемое Купіоваха, до ратуша ахтирского належачое, а отъ Ахтирки въ трохъ миляхъ отстоящое, а оттуду еще миль зо двѣ поехавши, а не доежджаючи Богодухова, сталисмо на ночлѣгъ въ полѣ, противъ села Губаровки, якое намъ въ правомъ боцѣ було.

27. Четверъ. Рано отъ ночлѣга поехавши, пріехалисмо на обѣдъ въ мѣстечко сотенное полку ахтирского, прозиваемое Богодуховъ, и тамъ у сотника Федора Павловича сталисмо на квартерѣ и кушалисмо, а Богодуховъ отъ Ахтирки въ 6 миляхъ, а отъ Купіовахи въ 3 миляхъ отстоитъ, где поневажъ дожчъ началъ ити, того ради и переночовать тамъ резолвовалисмося. Черезъ сторожа ахтирского, опровадившаго насъ до Богодухова, писалисмо листи я и братъ, до п. полковника ахтирского, зъ благодареніемъ, за угощеніе и зъ комплементомъ о сватбѣ. Да черезъ того жъ писалемъ до родителя и вѣдомость о Феодосію приложилемъ. Сотники полку лубенского, глинскій Афанасій и лукомскій Кодинецъ, и Прийма, атаманъ лубенскій, опровадивши свои сотнѣ до обозу, повернулись и били тутже у насъ. Слуга Холодовича, воронѣжского сотника, посиланний къ нему зъ дому зъ запасомъ, повернулся зъ Дербенѣ, и обявилъ, что тамъ Шафкалъ и Усмей стали

противность свою показовать. Черезъ его жъ писалемъ до родителя, что писмо отъ атамана смѣлянского къ его особѣ писанное, читалемъ.

28. Пятокъ. Глинскій сотникъ Афанасій обѣщалъ прислаль въ слѣдъ за мною обухъ. Рано простившись мы зъ нимъ и зъ сотникомъ богодуховскимъ и женою его, виехалисмо оттуду и переехали греблю на рѣчцѣ Мерлѣ, близъ Богодухова текучой; уехали миль зо двѣ и на степу обѣдъ имѣли, а по обѣдѣ поехавши, прибули къ городку полку харковского, прозиваемому Вулшаная, которое отъ Богодухова остоитъ въ 3 миляхъ, а оттуду верстъ за 4 проехавши, приехали къ селу, прозиваемому Кутъ и оній обминувши, приехали до села називаючогося Пересѣчнее, въ 4 верстахъ отъ Кута отстоящое; оттуду якъбы у милю доехали села полковничого прозиваемого Синоницювка и проехавши оное село, якъбы у полъмилѣ отъ оного, пріехали къ монастиру харковскому, въ якимъ архимандритъ Ефремъ, постриженецъ нѣжинского монастира, а монастиръ, едучи къ Харкову, у лѣвой руцѣ на горѣ стоитъ, сооруженъ зъ древяною церковію. Минувши оній, якъби у 2 версти, сталисмо въ полѣ при дубровѣ, на ночлѣзѣ, а лошадѣ въ сѣнокосъ Лаврентія Шидловского пустилисмо. На становиску обѣдномъ купилисмо, за копу, 4 спинки осятровихъ у донцовъ, да оніе жъ донци говорили намъ, что 3000 донцовъ пошло въ Гилянскій походъ уже тому недель зо двѣ. Грошей еще 3 рублѣ Вѣжевскому далемъ на росходи.

29 Субота. Отъ ночлѣга поехавши, прибыли рано до Харкова, отстоящого отъ Олшаной въ 3, а отъ Богодухова въ 6 миляхъ, котораго имѣетъ свое расположеніе нехудое, бо на пригорбку стоитъ, рѣчка зъ пріезду нашего, подъ городомъ течетъ Лопатень, а зъ другой сторони другая рѣчка Харковка. Приехавши въ городъ, службы Божой вислухалисмо и въ церквѣ увидѣлисмося зъ п.п. Борзнами. По службѣ Божой заехалисмо до п.п. Миклашевскихъ и зъ оними повидѣвшись, виехали зъ Харкова. Купили въ Харковѣ вина волоского квартъ 8 по 3 алт. а особливо 3 кварти за приговорку Василя Жуковского. Поехавши зъ Харкова, поми-

нулисмо шляхъ у право до Печенѣгъ, а влѣво дорогу до Салтова взялисмо и миль зо двѣ проехавши, стали на обѣдъ, не доежджаючи якъби у полъмилѣ Барабашевихъ байраковъ. Тамже бунчуковіе Костенецкій и Грабовскій приходили до насъ. По обѣдѣ поехавши, прибили на ночлѣгъ до селця чили деревнѣ, прозиваемой Баба, владѣнія Петра Матвѣевича Апраксина, до Салтова належачого, а отстоящого отъ Харкова въ 4 миляхъ добрихъ, и сталисмо при селѣ на лукахъ боярскихъ. Увѣдомилисмося, что Семенъ Лизогубъ сего дня обѣдалъ у Салтовѣ у прикажчика тамошнего.

30. Неделя. Мужикъ тамошнего села, войтъ въ заводъ зъ нами увойшолъ за тое, что на онихъ лукахъ стоялисмо, и до Салтова побѣгши, прикажчику тамошнему іноземцу наговорилъ, которій заразъ пріехавши въ село первей, посилалъ, еще ноччю, своихъ мужиковъ конѣ наши отокрасть, а когда осмотрѣлись наши и недопустили того, потомъ самъ приходилъ и межи возами нашими ходячи, нѣчого нѣкому несказавши, отийшолъ, а прислалъ потимъ уже въ день того села войта и зъ нѣмъ чловѣка скилка, явне грабить конѣ, чого наши недопустили, и тогда жъ оттуду поехали. а пріехали подчасъ службы въ Салтовъ мѣстечко, отстоящое отъ того села въ 5 верстахъ, а отъ Харкова 5 миляхъ, и тамъ же, въ Салтовѣ, зъ Кандибою, Новѣцкими и прочими бунчуковими, повидѣлемся; и оттуду заразъ поехавши и переехавши мостомъ черезъ рѣку Донецъ, стали на семъ боцѣ, у версту отъ Салтова, на обѣдъ, и тутъ зъ своимъ обозомъ и зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ совокупилемъся, где и Семенъ Лизогубъ и прочіе бунчуковіе и полки стояли. Прикажчикъ салтовскій недоволенъ будучи тоей своей зачѣпки. писалъ листъ до Семена Лизогуба, ускаржаючись на мене, будто я ставши на лукахъ боярскихъ, зовсѣмъ оніе спустошилъ и за то бы я награжденіе учинилъ, якое писмо прислалъ ко мнѣ Лизогубъ черезъ середнего Бутовича и на оное отвѣтъ учинилемъ, оправдаючи себе. Видѣлемся зъ Семеномъ Лизогубомъ и прочіими бунчуковими. Поехавши по обѣдѣ, заехалисмо на дорозѣ до Баска (?) наказного полковника чернѣговского, и тамъ пива напившись, отехали, и присмотрувались, якъ честь отдавалъ полкъ чер-

нѣговскій бунчуковимъ. Рушивши оттуду, всѣ ми пріѣхали къ байраку, отъ дороги у правой сторонѣ будучому, и тутъ ми сами, зъ прочіими бунчуковими, заехали къ намъже и напившись, пива, меду и вина, нѣкоторіе зъ нихъ поехали далѣй, якъбы верстъ у 3, до рѣчки, називаючойся Костумля, переноринами идучой и тамъ перебравшись черезъ рѣчку, стали отъ Салтова въ двѣ милѣ. Панъ Федоръ дядко позабавилъ у насъ и розговорувалъ о швакграхъ моихъ, намѣрившихъ болшъ 1000 р. дать намъ денегъ по духовной небожчика тестя. Пріездилъ къ намъ Себастяновичъ прилуцкій и Яковъ, судденко глинскій, и посидя мало, отехали. Да онъ же сказовалъ, что Лизогубъ устроилъ генералѣтетъ: обознихъ двохъ Кандибу и Тарасевича, судію Кочубея Василя, писара Якубовича Якова, асауловъ—Гречаного и Жураховского, хоружого—Сулиму.

31. Понеделокъ. П.п. Миклашевскіи пріехали къ обозу нашему и повидавшись съ нами, поехали къ обозу енералному и тамъ стали. Писма черезъ брата п. Семена писалемъ до родителей, ясневелможной, брегадира, прокурора, моей жени, п. Андрѣя брата, п. Петра Апостола, п. Якова Полуботка, п. полковника ахтирского о нашемъ обращеніи, и о другихъ розниxъ потребахъ. Зъ п. Василемъ глинскимъ поминялисмося на конѣ, я у его вороного его взялемъ, а ему сивого гудимовского, жебы дома отдано писалемъ до жени. Братъ п. Семенъ, Василь Жуковскій, Федоръ и Андрѣй Заруднiи и при нихъ слуги мои Тарасъ и Максимъ Коржовскій и зъ кареткою машталѣръ Іванъ и зъ возкомъ и одноконнимъ палубцемъ, поехали назадъ, а не ехали на Салтовъ того ради, что п. Андрѣй Миклашевскій остерeглъ насъ, будто прикажчикъ салтовскій зъ позволення Лизогубового намѣренъ насъ зграбить, когда будутъ ворочатись назадъ. По отездѣ ихъ, ездилисмо до табору и тамъ были у Лизогуба и Бурковского и, позабавившись нѣкоторое время, отехали домой назадъ къ своему обозу. Тогда жъ у насъ гасло пятниця, тоесть Параскевея, на памятку п. Михайловой. Обозъ п.п. Гамалѣевъ стародубовскихъ прийшолъ и сталъ зъ нами тутже. У ночѣ дожчъ превеликій ишолъ по сторонамъ правимъ, и насъ гарадза зачепилъ, зъ блискавицею и отчасти громомъ.

73.

Самойлиха обѣщаетъ, что передастъ внуку отъ умершаго сына Ефима причитающуюся часть имущества, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Року 1654, месеца февраля 7-го дня.

На вряде местском, передо мною Иесифом Андърievичом и при мне едностайне засѣлыми бурмистрами, ставшы очевисто Грицко Киселенко зъ жоною своею Фесею, бывъшею Евъхимихою роспиралися зъ Самойлихою и з сынами еи Матфием и Якимом (о) позосталое убозстве сына еи Евъхима, которое позостало дитяти его а внукови Самойлишиному, Данилови; домагалася матка у бабки, абы тое убозство отдали дитяти. Теды па тое баба не позволила и мовила, же в тот часъ отдам, якъ внукъ зъросте; а по мне сыны мои повинны отдат, то ест меновите: коня, жупан, вола, я сама повинна тое внукови Данилови отдат, а по мнѣ сыны мои Матфий и Яким повинны тое все отдате. О што просили нас уряду, абы было для памети до книг записано—што есть записано.

74.

Раздѣлъ имущества между Остапомъ Подгайненкомъ и сестрами его Татьяною и Овдею.

Anno 1654, miesiąca maia 3 dnia.

Iż była ugoda, przed nami, przede mną **Siemienem Swietliczpym** setnikiem [1]) y Daniłą Szepielenkiem atamanom horodowym y przy mną iednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Timoszenkiem y Hrickom Małyszenkiem, y Sawką Zacharczenkiem, y Miskiem Chodorkowskim, Ostapa Podhainenka yz siestrami swemi, dwoma Tatianu, a druhoiu Owdieiu, o oyczyznowski dom y sad sławnei pamięci Andreia Banbieręka, tedy Tatiana poszła zamąż za Harasima Iesifowicza, za bywszego wuyta; tedy pozywał Iiesif yz synem Ha-

[1]) Второй по времени сотникъ бориспольскій Семенъ Свѣтличный.

rasimem Podhainięka przed panow sędziow woyskowych, tedy Iesifowi nakazano było extraktem od oiczyzny wystąpic. Tedy ten Ostap tego wysłuchawszy y opelewał do jego mosci pana hetmana dobrodzieia naszego wielkiego y pozwał Iesifa yz synem do Czehiryna, do pana hetmana. A gdy przyiechali z sobą do Czehiryna y przyszli do pana hetmana, tedy iego mosc pan hetman odesłał do panow sędziów, aby ich sprawy wysłuchali y rossądzili. Co też panowie sędziowie rozsądzili y dekretem przykryli, że sestram Ostapowym trzecia częsc w sadu obom, a dwie części y dwor ze wszystkim budynkiem y z sadem, y z polem Ostapu, iako oyczyzna iego własna, y dekretem nakazana od panow siędziów woyskowych, co też w tym dekrecie napisano y do nas, aby trzecią częsc ubozstwa z sadu oyczyzny dano dziewkam y spłacono. Tedy ja, Siemien Swietliczuyi, setnik, y ia Charko Kuranda wuit, ia, setnik, posłałem, dwoch towarzyszow na imia Antona Harasimięka y Dawyda Wiernięka, a woit dwoch burmistrow Iwana Timoszęka y wysz mianowanych ynych burmistrow o szacunek sadu tego Podgainego. Tedy sad oszacowali kop 90 z. polskich; tedy za trzecią czesz y oddał brat Ostap siestram pieniędzy Iiesifu y synowi iego Harasimu częsc tego, co przynależało na Harasimichu, siestru iego Ostapa. Iiesif Andrzeiewicz y syn iego Harasim żadnego przystępu niema miec do niego, do Ostapa, ni żony ich, ni dzieci, ni też krewnyie ych, iako blizkiie, tak dalekiie, ni do oyczyzny iego sławnei pamięci oyca iego Banbieręka żadnego przystępu, okrom Ostapa; wolno temu Ostapu ten dwor yz sadem, y z polem przedac, darowac y na cerkow oddac, y samemu obładac, iako w oyczyznie; co też y Iiesiofowi synowi dosyc się stało Harasimowi, od mała do wielika od Ostapa oyczyźny iey. A co się została siestra mnieysza, tedy przy nim ma mieszkac Owdia, y ubuzdztwo, co na niey przynależyt oyczyzny, to do wzrostu iey y do oddania zamąż iey trzymac, a oddawszy zamąż ią, to oddac ma Ostap supełnie oyczyzne iey; a oddawszy ią zamąż y oddawszy, co na niei przynależy oyczyznu iey, to wolnym ma byc Ostap wiecznymi czasy y od tey, co y ta mnieisza Owdia siestra do dwora, ni do sadu, ni do pola, niema miec żadnego przystempu, tylko Ostap Podhainy.

Co obie stronie stanowszy przed nami prosili, aby do xiąg zapisano mieskich Baryszpolskich, co iest y zapisano anno die et ut supra.

75.

Раздѣлъ имущества между Гришкомъ и его мачехою Ивановою Кравчихою.

Року 1655, маръта дня 8.

Перед нами акътами места Баришъполя, в ратуши Баришпол ским, Харку Курандѣ войтѣ, и перед нами засѣлими бурмистрами Грицку Малашенку, Миску Ходорковъским, Савцѣ Захарченку, Ивану Томиленку, ставшы очевисто Иванова Кравчиха из пасынкомъ своим, и скаржилас на пасынка своего Гришка, котрой укривдил еи в позосталой худобе небожчика мужа ее второго малженства в рупесках рухомых и лежачих; що теж мы выслухавшы обех контроверсій обох сторон, и углядевшы тое, наказали есмо, абы двадцат гроший дал за зелѣза, косу, по полуосмачка муки пшеничной, серповъ два, а въ засѣвку озимом третая част, его два работника мают бути, не еден. Што тежъ для лепшей вѣре и памети далиесмо се писанѣ с подписом рукъ наших и печатей наших року и дня выше менован(ых).

76.

Вдова Федориха Коломейчиха продала свой домъ Ивану Панушку.

Року Божего 1655, августа дня второго.

Передо мною Харком Курандою войтомъ и при мнѣ будучими бурмистрами Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковским, ставши очевисто Федориха Коломейчиха вдова, и оповѣ(ди)ла ясне и явне, иже продала дом свой власный, нигде, ни вчом не заведеный, из огородомъ и якъ се в собѣ маетъ, на улици Вишенской за золотих полодинадцати Ивану

Панушку, котри то домъ волно ему самому, жонѣ, детем и приятелем его уживат, также волно продати, дати, даровати; а я вѣчне не маю жадной справи болше мѣти, так тежъ и приятелѣ моѣ вѣчне. Счо тежъ стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг месткихъ записано; счо есть записано року и дня вышеписаного.

77.

Ониско Пусѣй продалъ свою ниву Трохиму Турукалу.

Року 1655, августа 2.

Передо мною Харком Курандою войтом и засѣлими бурмистрами Грицку Малишенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковъском, ставшы очевисто Ониско Пусѣй и оповѣл явне, жемъ продал ниву из цѣлиною в меже Михалевой пану Турукалу Трохиму, за суму певную за 20 шест, вѣчне, которую ниву волно ему самому и потомком его уживат вѣчне, также продат, дарова(т); а я и потомки моѣ не мают справы до тои нивы мѣти. Счо теж стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг местких принято и записано; счо ест принято и записано.

78.

Тимошъ Олешневичъ продалъ свой домъ Андрею Мохомору, цехмистру кушнерскому.

Року 1655, августа дня десятого.

Передо мною Харком Курандою, войтом, и при мнѣ будучими бурмистрами, Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Миску Ходорковскимъ, ставшы очевисто славетный пан Тимошъ Олешневичъ ку записаню до книг месkихъ и оповѣл ясне и явне, ижем продал дом свой власный нѣкому нѣ въ чомъ не заведенный зе всимъ будинкомъ, як ся в собѣ мает, за суму певную, за сто злотихъ и са десятъ пану Андрѣю Мохомору, цехъмистру кушнерскому и бра-

тие его всей в цеху кушнерском знайдуючых ся, вѣчне, а я Тимош выше менований, от того дому вѣчно зрекаюс не мѣти жадного приступу, также жона и приятелѣ моѣ до того дому; а пану Андрѣю више менованному и братиѣ его волно продат, дати и даровати и як хотѣть найлѣпше на свой пожиток оборочат. Счо тежъ стороны обѣ просили нас, абысъмо тое до книг местских казали писать—счо ест принято и записано року и дня вышменованихъ. Котрий то дом мѣлемъ также за гроши своѣ власны, от пана Северина Висоцкого, бывший Матюшкевичовский, стоячи перед Товстопышина, а обмеж у того Олешкевича.

79

Мировая сдѣлка между Фескомъ Меселіемъ и Юскомъ Рыжимъ по дѣлу объ убійствѣ сына Феска, Омелька.

Року 1656, ноебра дня (?)

Перед нами Харком Курандою войтом, и при мнѣ будучыми бурмистрами Григорию Малишенку, Ивану Тимошенку, Савце Захарченку, Марку Ходорковским, становшы очевисто Феско Меселій, челядник пана Пекунацкаго, поведал перед нами справу свою, которую мѣл з Юскомъ Рижом, о побитя сына его на йимя Омелки, также и перед его милостю паном судиею енералним Антоном Ждановичом, войска его царское милости зволанного от его милости пана гетмана, и просил поневаж оную успокоил и поеднал справу, абы то было и до книгъ месткихъ записано. Где ми сами, особи више менование при тим будучие, иж тая справа през пана судю, пана Стефана Сулимы, пол. пер.[1]), пана Григория Забузского, пана Богдана Калениченка, пана Тимоша Цицоренка, сотники Баришполские, и Семена Светлечного и Антона Гарасименка и инших особ немало, на тот час будучих, поеднаня сталос, и актор з позваным простились во всем, так в накладах яко и инших речах, хоч смерт, любо

¹) Степанъ Сулима, сынъ гетмана Ивана Михайловича Сулимы, убитъ въ 1659 г.

живот был сыну Юска Рижого, престо Юску Рижому мет помененого Феска во всем досит ся стало Юску Рижему; котрий то Юско Рижий просил нас, абы тое было до книг меских записано—счо тежъ мы особы виш менованые доводне тую справу виразумѣвшы и дознавшы, иж так ест, а не иначей, поневаж скуток и еднаня стало во всим Юску Рижому, иж Юско Рыжий, анѣ сынъ, анѣ жаден с приятелей, чоч бы за намовою людскою были, (до) тоеи справы не повинен мѣти жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо тежъ ми тую згоду и еднаня казалесмы и до книг меских записат, и ест записано рока и дня вышменованого.

80.

Костюкъ Залозненко продалъ свой домъ Федору Рымарю.

Року тисеча шест(сот) патдесят седмого, месеца сентебра дня осмогонадцатъ.

Передо мною Григорим Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великим, Миску Ходорковским, Ивану Тимошенку, станувшы очевисто Костюк Залозненко признал ясне и явне, жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣвчом не заведенный, стоячий в межу дому Ивана Денисенкова, за суму певну, за коп тринадцат личбы литовское, Федору Рымару, зе всим будынком, як ся в собѣ мает, и з огородом; которим тим домом Федору, як хотѣт, ведлугъ пожитку своего оборочат, также волно продати, дати и даровати; я Костюк, жона и всѣ приятелѣ моѣ не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо теж стороны обѣ просили нас, абы тое было до книг меских записано.

81.

Герасимъ Есифовичъ продалъ свой домъ своякy Грицьку Яременку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят осмого, дня двадцат третего мисеця марта.

На вряде меском пере до мною Григоромъ Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великом, Миску Ходорковъским, ставшы очевисто Гарасим Есифович, вызнал ясне и явне, же я у свояка своего Грицка Яременка узялем коп девят за дом, который то двом сестрам належал; пре то през декрет правный, я, яко старшый, спустилем свояку своему, то ест меншои свести своей, за суму вышменовану; прето вѣдомо чиню, же ея дом ис полем, що до того дому належит; теды ему волно тим домом, и полем, и садом, якъ хотѣт оборочат, продати, даровати, дати и на церков отдати, и якъ хотѣтъ на свой пожитокъ оборочатъ. А я Гарасим, жона, дѣти и приятелѣ моѣ, часы вечными до того двора и поля, саду, не мают мѣти жадного дѣла и приступу, под винами на вряд будучий зло(тых) сорок, и под обовязками правными. Теди сторона обѣ просили нас, абы тое було и до книг нинешних меских принято. Прето мы бачачи реч слушную казалисмо и записат—и ест записано.

82.

Марья Ярмолиха продала свой пляцъ Левону Филоненку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят девятого, месеца сентеврія дня 20.

Перед нами Иваном Тимошенком войтом, из бурмистрами Миску Ходорковским, Иваномъ Тихим, ставшы очевисто, Маря Ярмолиха, ку записаню до книг меских нинешних визнала ясне и явне, жемъ продала пляц свой власный, стоячий напротивко двора Миска Ходорковъского бурмистра, за золотых пят Левону Филоненку на вечност, ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем, а я Маря Ярмолиха,

до того пляцу юж не маю мѣти и мочи не буду жадного дѣла и приступу часы вѣчними. А для памяти казалисмо до книг меских записат и ест записано, року, месеца и дня више менованого.

83.

Постановленіе Гоголевскаго уряда о признаніи невиновнымъ въ кражѣ Никиты Бориспольца.

Року Божего тысеча шестсот шестдесятого месеца февраля 20-го дня.

Перед нами въ ратушу Барышполским, передо мною Иваном Тимошенком, войтом, з бурмистрами также из нами заселыми, паном **Василіем Волочаем**, сотником войска его царского величества запорозского, Барышполским, и при товариствах двох, зосланых з мѣста Гоголева, зосланых з Микитою Барышполчем для вшелякого даня вѣри, который ставшы Мыкита, обывател Гоголевский, показовал нам правный декрет с подписами руки и печатми, который декрет так ся в собѣ мает: „Мы, врад мѣста Гоголева, чиним вѣдомо сим нашимъ урадовным писаням, тепер и напотом будучим паном врадом, якого колвекъ стану, так свѣцкого, яко и духовного, аже притрафился был злий казус на Микиту Барышполчака от Грицка Сиварского пасынка, о поволаня злодейства; который то менованый Грицко, юж будучий в подозреню на злодействе, пойманый в першом разу в Барышполю, а для першого разу врад уволнившы его, аби не был каран на горлѣ, а тепер другий и третый раз поткнулся, въ Ядловце и в Гоголевѣ чтири воли украл; а будучы за третим разом злодейства, приведенный будучы перед уряд наш Гоголевский, повидѣл на правѣ же з Микитиноѣ направы волы крав. Мы, врад, записавшы, казалисмо его до вязеня дати и того за поруку кого поволан, а ведлуг права на горло осудившы оного злочинцу; а гди раз и другий был справованый от мистра, в тие слова повѣдал, як и вперед повѣдал, а кди юж был веден на смерть, отволал Микиту повѣдаючы, жом то з инших людей намовы пово-

лал, Микита нѣчого, нѣкды о том не знает. Що мы вряд видячи, же невинное поволаня и неславу нанес оный злочинца, так на его самого, дѣти, яко и на всѣ приятели, казалисмо оного Микиту, яко невинного, нѣ в чом не подойзреного уволнити, и писаня ему дати, варуючы, абы нѣхай не важилсе словами ущипливыми доганяты и безчестити так его самого, яко и всѣх приятелей, любо на подпивку, любо в дорозѣ, або на ярмарку и индей гдѣ ено трафится; а хто бы мѣл наименшим ущипливым словом вишменованому Миките, таковаго доводом и донесенем скарги до вряду, якогож колвек притрафится, повинен будетъ очищати и навязки платит сто коп на вряд, и увязеню седѣт неделю, для того що обезчестил в невинности. Що для лѣпшое вѣри, и писаня далисмо с подписом рукъ, под печатю; котороесмы прочитавшы, водлугъ прозби, казалисмо до книг меских нашихъ Гоголевских записати слово у слово". В котором-то декретѣ тыи подписи рукъ в том декрете: Петро Хоначевский наместник Гоголевский. Артем Гнѣвуш, сотник Гоголевский. Федор Кашуба, атаман городовый зо всѣмъ товариством, Данило Кега (?) войтъ зо всею громадою. И при том вписаню, были зослани Семен Гриненко, Грицко Пархоменко. Прето на жаданя пана Микиты Барышполченка и ведлуг (права) в книги ест вписано, для вшелякого даня вѣры ест вписан.

84.

Оришка Савчиха продала свой домъ Харьку Кроткѣ.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февруария дня двадцат четвертого.

На вряде меском перед нами Иваном Тимошенъкомъ войтомъ з бурмистрами Миску Ходорковъским, Иваном Тихим, постановившыся очевисто Савчиха Оришка, визнала ясне и явне до книгъ меских нинешъних, жемъ продала дом свой власный непенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, стоячий напротивко огорода Курандина, Харку Кротце за золотых одинадцат, зо всѣмъ будинкомъ,

як ся в собе маетъ. Которому то тенъ домъ от мене проданый, волно продат, дати и даровати и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочат; а я сама, дѣти моѣ и приятелѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и потреби часы вѣчными. Прето сторонe обe просили нас, аби тоe било до книг меских принято и записано—и ест принято и записано, року, месеця и дня вишъменованого.

85.

Ганна Ярошиха продала свой домъ Дмитрію Нечипоренку.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февраля дня 20 шестого.

Передо мною Иваном Тимошенком войтом, з бурмистрами, Луцку Полуляховым, Иваном Тихим, Миском Ходорковъским, ставши очевисто Ганна Ярошиха, визнала ясне и явне, жемъ продала дум свой власный не пенный и никому, ни в чом не заведеный, стоячий в межу двора Процикова, за певную сумму за зло (тых) осм Дмитру Нечипоренку, которому волно продат, дат и дароват, и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочатъ; а я не маю до того дому не маю мити жадного дела часы вечными. Прето сторони обѣ просили нас, аби тое було записано, и ест записано року, месеца и дня (вишменованого).

86.

Приговариваются къ смертной казни Юско Баюрченко и зять его Ярошъ Семеничъ за кражу лошадей.

Року тисеча шестсот шестдесятого месяца июля дня двадцат семого.

Перед нами, въ ратушу Барышполским, Григорим Малишенком войтом, Панком Черевченкомъ, Матвѣемъ Шулгою, Гарасымом Дюгтаромъ, и при бытности пана Данила Кулика Гордѣенка и иных

товаришахъ на справу нижей менованую в сем року заселыми, ставши очевисто Процик Евсѣенко, Яким Шинкар, Григорий Верещака и козаки полку Переяславъского мѣста нашего Барышполя, ускоржалися на Юска Баюрченка злочинца, у которого Процикъ Евсѣенко в Переяславѣ у Павла шинкара з конем постигнул, которого в том же Переяславлю до вязеня оддал; котрий Юско доброволне узнался, же коней двое я сам узяв, на болоню под мѣстом сивого, а гнѣдий за мною бѣгъ. Потим през декрет того враду Переяславля на Юска злочинцу бил выдан, бил трикрот тягненый. Который Юско на Ярошa Семенича зятя своего поволал: же Ярошъ, зят мой, до того мене привѣлъ и намовил, и взял коня Якимова, то не вѣдаю где, и оддал ми у озера Княжицкого, а Верешчачина коня отдал против Нестеровки, у Петровицю. Прето ми, суд, ведлуг жалобы козаков вишъменованих, схиляючися до права посполитого в статуте земском и в порадке права майдебурского описаного, сказуем оного Юска Баюрченка злочинцу, также и Яроша Семенича зятя своего, котрий его до того приводил и самъ много шкод людем в краню коней починил; так Яроша, вишъмененого злочинцу, ми, суд, сказуем на муки и на смертъ, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тим на суд Божий стали; бо еслибы хто украл, жеби злотих три стояло, або вышей, мает бути обѣшон, если теж укралбы, жебы стояло полкопы, мает бути нацехован. Прето водле роботы своей Юско злочинца и Ярош, будучий поволан од шурина своего, же ся ему в тым товаришыл, в крадeню коней, мают плату на своем тѣли и здоровя понестѣ; а для лѣпшое вѣри и далшои памяти, казалисмо оных злочинцов справу до книг меских Барышполских записат, и ест записано et ut supra.

87.

Семениха Бульская признаетъ, что она оклеветала дѣвку Зѣню.

Року тисеча шестсотъ шестдесятого мѣсяця августа дня двадцат пятого.

Передъ нами врадомъ месткимъ Барышполским Григориемъ Малышенкомъ войтом, Панком Черевкомъ, Иваномъ, Матвѣемъ Шул-

гою, Яковомъ Яцюченком бурмистрами, лавою зуполна засѣлою и з нами засѣлими, паномъ Данилом Куликомъ атаманомъ городовымъ, ставши очевисто Матвѣй Коломыецъ, также и Семениха Булская, помовила була пяная Матвѣеву братану дѣвку Зѣню нецнотливыми речами, которой казалисмы Булской, аби того доказова(ла), же помовила була про то пана Матвѣя Коломийца за тую дѣвку о проступок свой з людми зацными, передъ нами судомъ просила и тие нецнотливые слова у своѣ уста побра(ла), тыми словы мовячи: же я не говорила ти, алеж брехала, и на тим пана Матвѣя поеднала, же Матвѣй Коломиец, жона, также дѣвка вишей имено(ваная) до Семена Булского, анѣ до жоны юж не мают мѣти жадного дѣла и потребы вѣчными часы, а Булская не маеть жадныхъ похвалок и тых... *(актъ не оконченъ).*

88.

Фесько Матвѣенко продалъ свою хату брату своему Ивану Матвѣенку.

Року 1661, генвара 4-го.

Перед нами Григорием Малишенком войтом, з бурмистрами Михаиломъ Шулгою, Гарасимом Догтаром, Яковомъ Яцутенком, Максимом Поташным, ставши очевисто Феско Матвѣенко, визналъ ясне, явне и доброволне, жем продал хату свою власную, батковскую, за суму певную, за коп повчварта, Ивану Матвѣенку, брату своему, на вѣчное и спокойное ему держаня; ему волно тую хату, от мене куплену, продат, дароват, на церковь отдат и якъ хотѣть оборочать; а я тое хаты вѣчнесь зрекаю не мити до тое хаты жадного дѣла вѣчными часы. Прето стороне обе просили нас, аби тое було и записано, и ест записано.

89.

Михайленко хотѣлъ два раза получить деньги съ Веремѣя рѣзника за скотъ.

Року тисеча шестсот шестдесят первого месеця анвария дня 21.

Передо мною Дмитром Светухою полковником наказным войска его корол. милости запорозского и судею войска его кор. милости Переяславским и при мнѣ будучих особъ, славетных панов, паном Исидоромъ Поклонченкомъ атаманом, Григорием Малишенкомъ войтомъ з бурмистрами, актовалас справа Веремѣемъ резником поводом и Гаврилом Михайленком, а то в тен способъ: аже Веремѣй вынен был долгу тому Михайленку за розный товар, за который товар Веремѣй все отдал тому Михайленку од мала до веля; на которое то отдане долгу ставив людей много, а меновите на вряде мѣскому Веремѣй во всем уистился; а Гаврило Михайленко невинне у того Веремѣя набралъ товаров розных на коп сто и едну, ведлугъ реестру и слушной рахубы; котрий Михайленко, ведлугъ жалоби адверсира своего, до того браня, которое Веремѣй меновал, не узнался, але в томъ ся далъ Михайленко до книгъ меских записати в тен способъ: же мыс во всем з Веремѣемъ погодили, же юж не маем еден до другого, не маем мѣти жадного дела. Прето мы казалисмо тои угоды записаной в книгах шукат, счо ся жадным способом тое не показало, але през свою мову власную во всей винѣ зостал; бо и жаден з уряду на то не признал, тилко признали, же рахубу на то чынили, а в том южъ и сам Михайленко признал ся, же раховалесмо на ратушу, въ томъ ся Веремѣй нами, врядомъ, сведчил, и того доводил Веремѣй, яко повод, людми одними, то есть ставил Андрѣя Лисого, для подпори справы своей, котрый под сумленем, перед нами врадом признал: же у мене Гаврило Михайленко за вола едного два разы плату брал. Также Иван Пестрит, также под сумленем признал: же я два разы тому Михайленку за гречку платил. Прето мы, суд, прихиляючыс до права посполитого в статуте земском и в порядку права майдебурского записаном, наказуемъ декретомъ нашым, абы Михайленко, яко южъ

презвѣджоный в своей речи през вѣды повода своего Веремѣя, во всем, от мала до велика, тые сто коц и едну отдал и наклады правные поворочал, и за свое кламство и нецноту, караня однѣс, яко упалий у своїй речи и переконаный сведками. Счо для лѣпшои вѣри и далшой памети тепер и напотом будучым, казалѣсмо тот декрет нашъ принят до книг меских Баришполских, абы болшъ коюжъ не мѣли еден до другого жадной справи часы вѣчными; которий мы приняли, который ест слушне и досконале во всем писаный. Дѣялос року, месеця и дня вишъменованого.

Тимже паном уставуем, пану Веремѣю и пану Гаврилу Михайленку, заруку, ежели бы который мѣлъ тую справу счати, любо сами, або хто колвек с приятелюв, або похвалку пяный, або тверезый чынити,—на такового укладаем вины на его милост пана сотгетмана таляров 100, на пана полковника—таляров 100, на сотника злотых 100, на вряд меский злотых 100; которая зарука жадными людмы переконаная не минет, конечъне.

90.

Петро выдѣляетъ имущество своей невѣсткѣ.

Року 1661, месеца мая 25 дня.

Ознаймуемъ и записуемъ симъ записом нашимъ в книги мѣские, ижъ Петро Осиповъ братаничъ отправлялъ невистку свою, и дай юй третину во всюмъ господарствѣ и набытку вѣчными часы, жебы южъ болшъ межи собою не турбовалис, тилко еще в новину мает дати ис поля невѣстци своей десят коп жита, а болшей тое отдавшы, жебы юж вечными часы не турбовалис; тилко вона била винна золотихъ осмънадцет; прето девер еѣ, Петро, пренялся тое отдат, на которие осмнадцат золотих покинула она шмать не дѣланую, прето, аби южъ вѣчными часы не турбовалис. Дѣялося въ ратуши, року и дня вишеписаного.

91.

Прохоровскій житель Кирикъ Фесенко и Кіевскій житель Денисъ Купріенко помѣнялись лошадьми.

Року 1661, июня дня 26.

Перед нами Григорием Малишенкомъ войтом, з бурмистрами Матвѣю Шулгѣ, Гарасиму Догтару, ставшы очевисто Кирикъ Фесенко, обывател Прохоровскій, и Куприенко Денис, обывател Киевскій, ставши очевисто вызнали ясне, явне и доброволне, ажесмы ся конми фримарчили, я Кирил вишменованый менялем коня вороного на три ноги белокопытого, лѣтомъ осмим добеглого, на молочня, за которим еще взялем додатку копъ десят личбы литовских и грошей литовсъских. Прето я пану Денису Купреенку шлюбую, же не ест краденый, а ежели бы мѣл хто знатися до того коня, где бы мѣл пан Денис копу тратит, а я поднѣмаюс своих коп двѣ там ставит, а пану Денису волно тим конем, яко хотѣт оборочат, волно продат, дароват и фримарчит. А для лѣпшое вѣри и памяти казалесмо тое до книгъ меских записат.

92.

Максимъ Москаль изъ Кіева признаетъ, что укралъ деньги у Кіевскаго мѣщанина Ефима Саливонова.

Року Божего 1661, июня 31.

Пред нами Григориемъ Гаркушою, сотникомъ Баришполским и при мнѣ будучими паном Григорием Малишенкомъ войтомъ из бурмистрами, ставшы очевисто Евхимъ Саливоновъ мешчанин Киевъский, ускаржался нам на Максима москаля Киевъскаго, который у мене взяв грошей пят талярий литовскихъ а рудих копѣекъ коп 12, которого найшолемъ въ мѣстѣ вашомъ. Которого, на прозбу его, оддали до вязеня; которого москаля отдавшы, тен Евхим из мѣста нашого пошол, отдавшы до везенія; а бачачи же тот покинул того вязня, посилаемо до Киевского маестрату, ознаиминивъши

о томъ вязню и о той справѣ. Маестрат на нашу волю спустил. Прето мы чинимъ его от везеня волним, а тому москалеви за свое таковое турбованя волно як хотѣт чинит з тим Евхимом. Еднак признался тот москал сам в дому пана сотника виш (менованого) и при Гнату началном чоловѣку и при иныхъ людяхъ зацных, же взял тие гроши. Що ми для памяти казалисмо записат.

93.

Полковникъ Бориспольскій Григорій Горкуша забираетъ хуторъ въ Требуховѣ, оставшійся выморочнымъ послѣ смерти Кирика, его жены и сыновей.

Року тисеча шестсот шестдесят втораго, месеца февруария дня 20 четвертаго.

Я Григорый Горкуша, полковникъ на тотчас будучый Барышпольский, маючы повѣстъ о кгрунтѣ, лежачомъ в селе Требуховѣ, который пустовалъ през час немалый, то ест отумерщина, аже тот Кирикъ вимер из жоною и всѣмъ щадкомъ, а за их души жадных не було офер до Господа Бога, прето я, уподобавши тотъ кгрунтъ, а бачачы, (иж) жадные их покревние до того кгрунту не находятся, умыслилемъ, абы за ихъ души был служоный сорокоуст, то ест за самого Кирика, за жону его и за сынов его два, то ест за 4 души уедналемъ отца Симеона священника Требуховскаго за копъ 14 за тие чотири души, а на церковъ Божию далем коп шест, то ест далем за тот кгрунт Кириковский всеѣ сумы коп двадцат личбы литовское, при людяхъ зацныхъ и вѣри годныхъ, то ест при пану Николу, сотнику броварскомъ, при пану Матвѣю Молявченку, сотнику Дудерковъскому, и при пану Лукъяну Слушченку . . . . . . , при пану Яцку Антоненку, и упросилисмо их милости пановъ магистрату, абы тую мою куплю приняли и записалы до книгъ меских, для вшелякого даня вѣри каждому враду тепер и на потом будучим. Що пан Григорий Малишъ, войт, з бурмистрами, на прозбу мою тую, мою куплю казал до книг меских записат; а минѣ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

ІЮЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го іюня 1891 г.

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Вечеромъ, 10 марта, подъ конвоемъ цѣлаго отряда казаковъ, въ Варшаву въѣхалъ „рыдванъ" и остановился у королевскаго замка. Въ „рыдванѣ" сидѣлъ Никифоръ. Онъ пріѣхалъ съ двумя острожскими православными священниками.

О прибытіи экзарха тотчасъ-же было доложено королю. Среди пословъ-депутатовъ опять поднялся споръ о томъ, какъ судить Никифора. Какъ и прежде, споръ не привелъ сторонъ къ соглашенію. Наконецъ, было высказано мнѣніе, что послы не имѣютъ права вмѣшиваться въ королевскіе суды, что его величество король самъ разсудитъ это дѣло и распорядится Никифоромъ по всей справедливости польскихъ законовъ. Король, въ угоду князю Острожскому, приказалъ судить его публично (in Senatu). Въ тотъ-же день была составлена спеціальная судебная коммиссія по дѣлу Никифора, состоявшая изъ воеводъ: краковскаго, познанскаго, сандемирскаго, ленчицкаго, брацлавскаго, гетмана короннаго, маршалка короннаго и друг. Коммиссія тотчасъ-же хотѣла приступить къ допросу, но король велѣлъ дожидаться прибытія Яна волоха, и слѣдствіе отложили къ слѣдующему дню. Тутъ возникъ новый вопросъ: куда отправить Никифора,—держать-ли его подъ арестомъ въ королевскомъ

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

замкѣ, или сдать на поруки князю Острожскому? Польскіе сенаторы, затѣвавшіе обыкновенно споры по самымъ маловажнымъ предметамъ и никогда, какъ извѣстно, не приходившіе къ согласію, готовы были поспорить на эту тему, по крайней мѣрѣ, до вечера, если-бы король не прекращалъ такихъ разногласій своимъ постановленіемъ. Уважая высокій санъ представителя восточной церкви, онъ не хотѣлъ держать Никифора въ заключеніи и позволилъ ему жить у князя Острожскаго.

Наступило 11 марта.

Король не спѣшилъ открывать засѣданіе сейма. Онъ долго совѣщался по дѣлу о Никифорѣ съ княземъ Острожскимъ, наговаривалъ князя открыто сознаться въ винѣ Никифора во избѣжаніе гласнаго скандала. Но князь стоялъ на своемъ и упорно защищалъ невинность протосингелла.

Послѣ совѣщанія, король отправился на сеймъ и велѣлъ позвать дидаскала, который былъ поставленъ на судъ самого короля. Позвали и Яна волоха. Началось слѣдствіе.

Прежде всего была подробно разсказана исторія ареста Яна волоха и прочитаны вслухъ найденныя при немъ письма: первое—къ митрополиту адріанопольскому, въ которомъ говорилось, что среди собакъ-ляховъ начались теперь большія замѣшательства отъ уніи и что теперь именно самое удобное время для нападенія на Польшу. Второе письмо было адресовано къ Іереміи—сестрѣ автора—и ничего „неблагонамѣреннаго“ не заключало, въ немъ говорилось о частныхъ дѣлахъ... Третье—къ одному адріанопольскому попу — свидѣтельствовало, что самъ авторъ принужденъ скрываться среди собакъ-ляховъ, такъ какъ его будто-бы могли заподозрить въ шпіонствѣ. Наконецъ, четвертое—къ попу Эгіушу—заключало въ себѣ разсказъ о войнѣ православныхъ съ поляками и о 20,000 погибшихъ въ этой войнѣ. Кончивши чтеніе писемъ, инстигаторъ прибавилъ общія біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ и разсказалъ при этомъ много самыхъ невѣроятныхъ преступленій, совершенныхъ будто бы Никифоромъ. Онъ обвинилъ его въ шпіонствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турціей и въ самовольномъ присвоеніи себѣ ти-

тула экзарха и протосингелла. Янъ обвинялся въ сообществѣ съ Никифоромъ.

Послѣ обвинительной рѣчи нистигатора, всталъ прокураторъ Прилѣпскій и много говорилъ въ защиту Яна и Никифора. Невинность перваго онъ доказывалъ тѣмъ, что письма были даны ему какимъ-то грекомъ, ѣхавшимъ въ Москву, содержанія которыхъ Янъ не зналъ. Въ защиту втораго указывалъ на его высокое званіе патріаршаго протосингелла и экзарха, что подтверждаютъ его „litterae testimoniales". Въ заключеніе прокураторъ просилъ, чтобы судебное дѣло было переводимо на понятный для Никифора языкъ (Никифоръ не зналъ хорошо польскаго языка, нѣсколько лучше онъ владѣлъ волошскимъ языкомъ, съ которымъ имѣлъ удобный случай познакомиться во время своихъ вмѣшательствъ въ политику волошскаго воеводства).

Король уважилъ послѣднее заявленіе прокуратора.

Затѣмъ, приступили къ слѣдствію. Такъ какъ главною уликою противъ Никифора служили письма, найденныя у Яна, то съ нихъ и начался допросъ.

— Отъ кого у тебя письма? Кто тебѣ ихъ далъ? Кто тебя посылалъ въ Турцію? спросили Яна.

— Я собственно ѣхалъ въ Волощину затѣмъ, отвѣчалъ волохъ, чтобы узнать, что дѣлается съ моимъ хозяйствомъ („маетностью"), которое я оставилъ своей женѣ при неласковомъ волошскомъ господарѣ Іереміи. Кромѣ того, меня послалъ его милость князь Острожскій купить ему турецкихъ лошадей... Онъ далъ мнѣ „червоные" и пропускной листъ... Я ѣхалъ благополучно до самаго Шаргорода. Въ Шаргородѣ меня схватилъ урядникъ, обозвалъ меня шпіономъ и отобралъ мою торбу... Изъ всѣхъ моихъ денегъ онъ далъ мнѣ только два „червоныхъ"...

— А письма тебѣ кто давалъ?

— Письма далъ мнѣ одинъ чернецъ, который тутъ-же на нихъ и подписался, тотъ самый, который съ Моратомъ, мѣщаниномъ пана гетмана, отправился въ Москву. Онъ узналъ, что

я отправляюсь въ Турцію, и далъ мнѣ эти четыре запечатанныя письма къ своимъ пріятелямъ.

— А дидаскалъ Никифоръ не давалъ тебѣ никакихъ порученій?

— Не давалъ.

— И писемъ не давалъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть говорилъ что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ и ничего не давалъ мнѣ... А деньги мои у меня взяли и дали мнѣ только всего на всего два „червоныхъ"...

Князь Острожскій, внимательно прислушивавшійся ко всему, что говорилъ Янъ, былъ доволенъ его показаніями. Онъ очень желалъ, чтобы эта „справа" по неосновательнымъ подозрѣніямъ скорѣе кончилась и чтобы Никифора поскорѣе освободили. Когда допросъ кончился и сенаторы ничего не могли добиться отъ Яна для обвиненія Никифора, Константинъ Константиновичъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ королю и сказалъ:

— Вы слышали... Этотъ человѣкъ ни чемъ въ не виновенъ. Это дѣло ясное. Я поручаю его вашей королевской совѣсти... Можетъ быть, конечно, кто нибудь изъ васъ, господа сенаторы, захочетъ напиться неповинной крови, но я... не хочу... я не...

Онъ не могъ дальше говорить отъ волненія. Слезы пошли у старика изъ глазъ. Онъ вышелъ изъ засѣданія...

Яна волоха не одинъ разъ допрашивали въ этотъ день публичнымъ и частнымъ образомъ, но безуспѣшно. Янъ все говорилъ, что Никифоръ въ этомъ дѣлѣ совершенно не причастенъ и что у него отняли „червоные". Измученный все одними и тѣми-же допросами, онъ сталъ даже на колѣни и сказалъ:

— Милостивые панове! Если-бы вы даже приказывали рѣзать меня на части, то и тогда я бы сказалъ вамъ то, что

вы уже слышали, т. е., что письма далъ мнѣ одинъ монахъ, который въ Москву съ Моратомъ поѣхалъ, а отецъ протосингеллъ и княжа его милость мнѣ тѣхъ листовъ не давали и ничего о нихъ не знали.

Послѣ допроса Яна волоха, кажется, было предоставлено право голоса самому Никифору [1]). Не зная по польски, онъ говорилъ „влосскимъ языкомъ и учинилъ широкую рѣчь до короля его милости и до всего сенату", въ которой, привѣтствуя сеймъ отъ имени четырехъ святѣйшихъ патріарховъ и отъ всей святой, апостольской, каѳолической церкви, „далъ справу о себѣ, што есть за человѣкъ". Изъ рѣчи, которая, къ сожалѣнію, передана въ актахъ не собственными словами, сенаторы узнали, что Никифоръ человѣкъ видный и умный. Онъ былъ въ Падуѣ нѣсколько лѣтъ учителемъ (ректоромъ) наукъ греческихъ, его тамъ слушали „польскіе паньята", пріѣзжавшіе изъ Польши въ Италію учиться иностраннымъ наукамъ; потомъ онъ состоялъ проповѣдникомъ при одной греческой церкви въ Венеціи, это могутъ подтвердить (говорилъ Никифоръ) его слушатели, среди которыхъ было не мало вліятельныхъ особъ. Вернувшись въ Константинополь, онъ получилъ званіе протосингелла и два раза управлялъ константинопольской патріархіей; объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать его документы и всѣ христіане на востокѣ; а теперь онъ присланъ сюда отъ лица патріарха по поводу возникшихъ въ западнорусской церкви замѣшательствъ и, въ частности, по приглашенію князя Острожскаго для устройства его школы. „А что обо мнѣ здѣсь говорятъ, все это однѣ выдумки, не имѣющія никакого основанія", прибавилъ обвиненный.

Никифоръ говорилъ самоувѣренно, не терялъ присутствія духа и надѣялся блистательно оправдать себя на судѣ.

[1]) Историческія извѣстія о дѣлѣ Никифора, согласныя въ общемъ ходѣ разсказа, значительно расходятся въ частныхъ пунктахъ судебнаго процесса. Особенно много путаницы въ этомъ отношеніи представляетъ разсказъ „перестроги". Поэтому, довольно трудно установить порядокъ во времени судебныхъ засѣданій и въ ихъ содержаніи.

Такимъ положеніемъ дѣлъ была очень недовольна сторона гетмана Замойскаго. Она постаралась усилить виновность Никифора указаніемъ новыхъ обвиненій. Янъ Замойскій припомнилъ, что во время молдавской войны Никифоръ былъ посредникомъ между турками и Польшею. Это обстоятельство, вообще мало вяжущееся съ характеромъ поднятаго дѣла, дало поводъ Замойскому обвинить Никифора въ расположеніи его къ Турціи, враждебномъ отношеніи къ Польшѣ и осложнить, такимъ образомъ, дѣло новыми уликами.

12 марта въ сенатѣ происходило новое засѣданіе по дѣлу Никифора. Обвиненныхъ начали опять допрашивать. Янъ волохъ на этотъ разъ вступилъ въ свою роль далеко не съ тою смѣлостью, какъ наканунѣ. Онъ сильно струсилъ. Запуганный судебною обстановкою и серьезностью возбужденнаго процесса (а можетъ быть, въ данномъ случаѣ, не обошлось безъ угрозъ со стороны католиковъ и уніатовъ), онъ теперь высказывается не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ прежде, и своими двусмысленными отвѣтами даетъ поводъ для осужденія Никифора. На вопросъ:

— Отъ кого у тебя эти письма? онъ теперь отвѣчаетъ:

— Отъ Пафнутія, который былъ въ то время въ Острогѣ при Никифорѣ... Никифоръ зналъ объ этихъ письмахъ и одобрилъ ихъ содержаніе („za zaleceniem Nikieforza“)...

„Zalecenie“ со стороны Никифора, показанное Яномъ (подъ вліяніемъ ли страха или внушеній католиковъ—не важный вопросъ), пришлось очень кстати. Оно подтверждало подозрѣнія въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ дидаскала и бросало тѣнь на благонамѣренность въ политическомъ отношеніи самого князя Константина Константиновича Острожскаго.

Замойскому только это и нужно было. Вставши съ своего мѣста, онъ обратился къ сенату съ слѣдующими словами:

— Милостивый кролю и панове мои! Мнѣ кажется, что теперь именно очень умѣстно вспомнить о переговорахъ Никифора въ землѣ волошской съ турками и войскомъ вашего короолевскаго величества. Приблизительно за три дня предъ отсту-

пленіемъ татаръ изъ земли волошской, я получилъ письмо отъ Синамъ-паши, который, при содѣйствіи Никифора, хотѣлъ вынудить у меня слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы волошскій господарь Іеремія присягнулъ на вѣрность цезарю турецкому-во вторыхъ, онъ долженъ отдать своего сына или брата къ ту; рецкому двору въ качествѣ заложника; въ третьихъ, Никифоръ хотѣлъ, чтобы ваша королевская милость приняли обязательство защищать воеводу волошскаго отъ враговъ; наконецъ, въ четвертыхъ, убѣждая меня согласиться на всѣ эти условія, Никифоръ прибавлялъ, между прочимъ, что вмѣшательство турокъ въ дѣла Валахіи не должно представлять ничего страннаго, что если поляки признали у себя королемъ Стефана, по предложенію Турціи, то тѣмъ болѣе волохи могутъ признать воеводою кандидата, представленнаго турками.

Всѣ обвиненія были объединены въ особыхъ юридическихъ вопросахъ и „казано было, абы отецъ протосингеллъ на заданные ему артикулы отповѣдалъ". Въ эти артикулы были включены всѣ сплетни на счетъ Никифора, какія только можно было тогда собрать. Его обвинили въ нарушеніи мира не только одной короны польской, но и „всего христіанства", въ чернокнижіи, въ томъ, что онъ вошелъ въ ласку цесаря турецкаго, что онъ ввелъ землю волошскую въ неоплатные долги и совѣтовалъ турецкому султану брать дѣтей у христіанъ, что онъ привелъ на землю волошскую татарскаго царя, что онъ тайно доноситъ туркамъ всё, что дѣлается въ Польшѣ и въ письмахъ своихъ пишетъ что „поляки, какъ собаки, сами себя ѣдятъ", что онъ указывалъ туркамъ дорогу въ Польшу; что онъ убилъ одного мальчика, находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ матерью султана и что онъ, наконецъ, не имѣя никакихъ полномочій, будучи простымъ человѣкомъ, рѣшился самовольно вмѣшиваться въ церковныя дѣла рѣчи посполитой, разорвалъ церковное соединеніе латинянъ съ православными, осмѣлился низлагать митрополита и епископовъ съ ихъ садовъ и тѣмъ произвелъ большое замѣшательство во всемъ государствѣ. Это онъ дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы непріятель, воспользовавшись безпорядками Польши, тѣмъ, легче могъ овладѣть страной.

Никифоръ сильно смутился, когда ему представили цѣлый рядъ искусно сплетенныхъ подозрѣній. Онъ теперь яснѣе, чѣмъ когда либо, понялъ, что враги рѣшили преслѣдовать его систематически и неотступно. Смутное, тяжелое предчувствіе печальнаго результата своего процесса внушило ему еще большую энергію къ самозащитѣ. Никифоръ слишкомъ вѣрилъ въ себя. Онъ выступилъ съ новою рѣчью, въ которой, пунктъ за пунктомъ, опровергалъ всѣ возводимыя на него обвиненія.

— Всё это одна ложь и клевета, говорилъ Никифоръ, а если бы предположить, что и въ самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное, тогда судить о томъ, что дѣлалось въ чужой землѣ,— не ваше дѣло. Но пусть, однако, скажетъ самъ гетманъ по совѣсти, что онъ знаетъ о моихъ дѣлахъ въ Валахіи и что заставляло меня принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, я былъ посломъ въ переговорахъ Синамъ-паши и гетмана Замойскаго, но я прошу васъ, сами узнайте подробно объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь разсудите: если-бы мое вмѣшательство было своекорыстно, оно не имѣло бы такихъ послѣдствій... Стороны были очень довольны моимъ вмѣшательствомъ, татары и турки отступили, Валахія успокоилась. Само дѣло говоритъ за себя. Перебѣщикомъ я не былъ и извѣстій изъ Польши въ Турцію не посылалъ, я готовъ горло свое дать, если только это правда... Яна Волоха не я посылалъ въ Турцію. Это дѣло пана воеводы кіевскаго. А что касается подозрѣнія, что будто бы я не состою въ званіи протосингелла, то на это я вотъ что скажу: не только отъ константинопольскаго, но и отъ всѣхъ остальныхъ трехъ патріарховъ я имѣю полномочіе на это званіе и имѣю полное право въ каждой ихъ діоцезіи, гдѣ мнѣ угодно будетъ, созывать соборы, наблюдать за порядкомъ, низлагать виновныхъ съ ихъ сановъ и на мѣсто ихъ ставить другихъ. Я имѣю на это письменныя удостовѣренія, а если и имъ не вѣрите, то въ такомъ случаѣ ничего другаго вамъ не остается, какъ послать въ Константипополь и на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости моихъ показаній. Тамъ-же вы легко можете забрать справки обо мнѣ, о моемъ образованіи и прошломъ, и если всё окажется вполнѣ согласнымъ съ моими показаніями, тогда вы поймете,

какъ жестоко клевещутъ на меня мои враги. Говорятъ, что я занимаюсь чернокнижіемъ; пусть докажутъ это, пусть представятъ факты, соотвѣтствующіе обвиненію. Что касается обвиненія въ убійствѣ какого-то „хлопца“, въ интимныхъ связяхъ съ султаншею, то это такія грубыя и неосновательныя сплетни, на которыя и отвѣчать не слѣдуетъ... и т. д.

Неизвѣстно, въ какой степени понимали судьи Никифора волошскій языкъ, на которомъ онъ говорилъ свою защитительную рѣчь, но во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что протосингеллъ долженъ былъ выслушивать обвиненіе на одномъ языкѣ, а оправдываться на другомъ, значительно повредило его дѣлу. Обвиненія противъ Никифора были болѣе понятны судьямъ, чѣмъ оправданія обвиненнаго. Многіе изъ католиковъ, враговъ Никифора, совершенно не поняли его рѣчи, а кто понялъ, тотъ не желалъ оправданія человѣку, подъ авторитетомъ котораго не такъ давно, пять мѣсяцевъ тому назадъ, произошелъ раздоръ между православными и католиками изъ-за уніи.

Дѣло Никифора на сеймѣ обсуждалось и публично, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, и „prywatnie“, въ присутствіи шести лицъ. Послѣднюю форму оно приняло „по доконченію сейму, когда ся только сами канцлерове и урядницы зостали“. „Король его милость, великими просьбами будучи усилованный, росказалъ (приказалъ) приватнѣ“ тремъ сенаторамъ и двумъ канцлерамъ въ присутствіи маршалка составить новое, особое засѣданіе для спеціальнаго разбора дѣла. Процессъ длился еще три дня, по распущеніи сейма. Королю и сенаторамъ во что-бы то ни стало хотѣлось осудить Никифора. Напрасно защитникъ обвиненныхъ—панъ Прилѣпскій—повторялъ почти въ каждомъ засѣданіи свои заученныя, однообразныя рѣчи, въ которыхъ, не прибавляя ничего новаго, ограничивался повтореніемъ уже извѣстнаго, т. е. что Никифоръ писемъ не писалъ, а Янъ не зналъ, что ему дали для передачи. Ничего не помагало. Всё это было, конечно, доказательно, только не для засѣдателей польскаго сейма...

Во время частнаго засѣданія 28 марта въ залъ вошли волошскіе послы съ новыми показаніями на Никифора. Они

сказали, что султанъ турецкій подослалъ однажды въ Волощину пять шпіоновъ и что однимъ изъ нихъ былъ именно никто другой какъ Никифоръ, убѣжавшій изъ Хотинской тюрьмы. Четверыхъ шпіоновъ поймали, а Никифоръ скрылся за границу... Въ политическія дѣла Валахіи Никифоръ вмѣшивался самовольно, не имѣя на это никакихъ полномочій... и т. д.

Рѣчь волошанъ была знакома Никифору. Онъ одушевленно отвѣчалъ, что, напротивъ, необходимыя полномочія у него были и для доказательства тутъ-же показалъ письма къ нему волошскихъ знатныхъ пановъ.

Волошане разсмотрѣли письма, признали ихъ дѣйствительными, хотя и не считали подписавшихся подъ ними пановъ знатными лицами Валахіи.

Затѣмъ, Никифоръ показалъ еще письмо, писанное къ нему Іереміею, воеводою волошскимъ. Въ немъ Іеремія проситъ Никифора прибыть въ Валахію и помирить его съ Синамъ-пашею, безъ пролитія крови.

— Я принялъ просьбу Іереміи, сказалъ Никифоръ, пріѣхалъ въ Валахію, устроилъ ея спокойствіе и затѣмъ отправился въ польско-литовское королевство; на границѣ меня арестовали и посадили въ тюрьму, изъ которой я долженъ былъ уйти, такъ какъ мое присутствіе было необходимо въ западной Руси, куда меня послалъ константинопольскій патріархъ для благоустройства православной церкви. Тамъ я жилъ до сихъ поръ, ничего не подозрѣвая...

Къ такимъ отвѣтамъ обвиненнаго судьи уже привыкли и не обращали на нихъ особеннаго вниманія.

Обвиненныхъ заключили въ ратушу, въ которой сидѣлъ тогда и Наливайко. Дѣло Никифора, начатое изъ-за пустяковъ, неожиданно приняло широкіе и серьезные размѣры. Константинъ Острожскій былъ сильно раздраженъ такъ неблагопріятно сложившимися для Никифора обстоятельствами; онъ обозвалъ Яна волоха „глупымъ холопомъ“ за его послѣднее показаніе, но не предпринималъ никакихъ средствъ для защиты своего дидаскала. Замѣчателенъ фактъ, что во всё время процесса князь Острожскій стоялъ въ сторонѣ, не принималъ въ дѣлѣ

активнаго участія, а Никифоръ ни разу не попросилъ у него покровительства и защиты въ эту критическую для него минуту. Надоѣло ли князю это дѣло, или, вообще, онъ сталъ индиферентнѣе глядѣть на вещи?... Можетъ быть и то, и другое, но фактъ тотъ, что князь во всё время процесса оставался зрителемъ. Лишь только въ самомъ концѣ его онъ проявилъ себя, проявилъ очень характерно, со всею желчью своего раздражительнаго настроенія и оскорбленнаго самолюбія.

VI.

Во время одного изъ частныхъ, приватныхъ засѣданій, сенаторы, должно быть, уставшіе отъ продолжительныхъ совѣщаній, разошлись по заламъ для отдыха. Одни ушли въ комнаты короля, другіе „до другаго покóю". Въ послѣднемъ уединенно сидѣлъ князь Острожскій, еще раньше сенаторовъ пришедшій сюда. Онъ, повидимому, искалъ спокойствія своему раздраженному настроенію духа. Константинъ Константиновичъ былъ врагомъ оффиціальныхъ проволочекъ дѣла. Онъ любилъ дѣйствовать прямо и непосредственно. Іезуитская политика и судебная интрига, принятыя королемъ для осужденія Никифора, возмущали его больше, чѣмъ лживые доносы на протосингелла. Вошли сенаторы. Завязался общій разговоръ.

— Всё это сплетни („плетки"), говорили одни. Стóитъ ли изъ-за нихъ поднимать такое дѣло у короля и рѣчи посполитой? Важно то, что Никифоръ синодъ собиралъ („синодовалъ"), митрополита и владыкъ низложилъ съ ихъ урядовъ...

— Низложеніе это не имѣетъ никакого значенія, сказали другіе, потому что оно идетъ отъ простаго человѣка.

— А всё это произошло отъ того, что у Яна нашли торбу съ письмами и посчитали его за перебѣщика, прибавили третьи...

И, вообще, различные тогда шли толки по дѣлу Никифора („розное мниманье и розмова"). Иные положительно высказывались въ томъ смыслѣ, что причиною поднятаго дѣла служитъ „непріязнь гетманская (Замойскаго) напротивъ пану воеводѣ кіевскому"... и что низложеннымъ владыкамъ было очень же-

лательно осужденіе экзарха, такъ какъ въ такомъ случаѣ проклятіе („выкликаніе") его „не важное быти-бы мусѣло".

Нужно представить себѣ настроеніе князя Константина Константиновича Острожскаго, навѣянное на него такими разговорами, въ которыхъ, время отъ времени, произносилось кстати и не кстати его имя. И сожалѣніе о невинно страдающемъ Никифорѣ, и сознаніе глубокаго оскорбленія въ лицѣ Никифора, недавняго предсѣдателя православнаго собора, всему православному духовенству, и горечь отъ недобросовѣстной, хотя оффиціально-правильной, постановки судебнаго дѣла и, наконецъ, досада отъ невозможности поправить дѣло—все это слилось у него въ одинъ безразличный психическій актъ ожесточенія и озлобленія.

Сенаторы спорили свободно и непринужденно. Немного спустя („по малой хвили") „вшолъ король съ покою своего до того покою, гдѣ сенаторове съ паномъ воеводою кіевскимъ были". Константинъ Константиновичъ не могъ терпѣть дальше... Онъ всталъ и сдѣлалъ королю, въ присутствіи его сенаторовъ, рѣзкую сцену: онъ „учинилъ широкую и досыть жалостную мову до короля".

Прежде всего старикъ Острожскій напомнилъ королю про исхожденіе своей княжеской фамиліи изъ древняго рода, заслуги своихъ предковъ для рѣчи посполитой, начиная отъ Сигизмунда I, дѣда короля его милости, Сигизмунда Августа, Генриха и Стефана—королей польскихъ, которые умѣли миловать своихъ подданныхъ, снисходить къ ихъ недостаткамъ и справедливо судить жалобы.

— Я уже старъ, говорилъ князь Острожскій, и очень благодаренъ королю за его ласку ко мнѣ. Одного моего сына ты посадилъ „въ правицы", а другого „въ лѣвицы" [1]). Это меня старика утѣшаетъ. Но вотъ теперь совершенно неожиданно поднялось въ краѣ недовольство на православныхъ, и на меня, твердаго защитника своей православной вѣры, напали

---

[1]) Янушъ Константиновичъ Острожскій, старшій сынъ князя, былъ назначенъ каштеляномъ краковскимъ (1593 г.) и занималъ въ сенатѣ первое мѣсто; второй сынъ князя Александръ Константиновичъ былъ волынскимъ воеводою и старостою переяславскимъ.

со всѣхъ сторонъ враги и, въ частности, этотъ канцлеръ, гетманъ Замойскій, который, по личной ненависти ко мнѣ и зависти моему богатству, славѣ и видному положенію, гонитъ слугъ моихъ, велитъ хватать добрыхъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ, „пенязи“ отбираетъ, мучитъ и т. п. Мало того, желая навести безчестіе на меня и всѣхъ православныхъ, онъ нападаетъ на духовныхъ православной вѣры и называетъ ихъ измѣнниками. А ваша королевская милость, видя всё это, этотъ „кгвалтъ“ и нарушеніе правъ, не обращаетъ никакого вниманія на присягу свою, которою обовязался не нарушать нашихъ правъ, но напротивъ примножать и расширять ихъ. Тебѣ вовсе не желательно поддерживать насъ. Отступниковъ отъ православія ты ласкаешь, позволяешь имъ причинять намъ разныя насилія и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ слѣдовать ихъ примѣру и по прежнему держатся своей родной вѣры. Ты наступаешь на права наши, ломаешь вольности (привилегіи) наши и налегаешь на нашу совѣсть!.. Я всё это вижу и хорошо чувствую обиду, „кривду“, которую ты намъ причиняешь. Я вижу къ чему это ведетъ. Помни мое слово, что если такъ продолжится дальше, королевство польское погибнетъ, потому что недалеко уже то время, когда никто не будетъ обезпеченъ въ своихъ правахъ и свободѣ... Государство идетъ къ замѣшательству. Это бы, впрочемъ, еще ничего; не случилось бы чего нибудь похуже!.. Осмотрись кругомъ себя, ваша королевская милость, и „здоровой рады послухай“. Я уже старъ и недалеко время моей смерти; но я надѣюсь, что больше не увижу нарушенія правъ православныхъ въ нашемъ государствѣ; въ противномъ случаѣ ты дашь за насъ строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ. А что касается Никифора, то его крови я буду искать на судѣ Божіемъ“.

Острожскій замолкъ, „отступилъ трохи“, подозвалъ своихъ адъютантовъ и направился къ выходной двери, опираясь на плечо своего пріятеля. Пріятель сказалъ, что нужно-бы „почекать на колевскій отвѣтъ“; старикъ не обращалъ вниманія.

— Пане воеводо, его милость король хочетъ съ вами говорить, сказали ему.

Острожскій не хотѣлъ больше слушать короля и „пошелъ прочь“. Король смутился, растерялся и не зналъ, что предпринять. Онъ послалъ за княземъ его зятя—воеводу виленскаго—Радзивилла. Радзивиллъ подбѣжалъ къ князю и просилъ вернуться. Тотъ продолжалъ идти.

— Увѣряемъ вашу мость, сказалъ Радзивиллъ, что король очень тронутъ вашими словами и что Никифоръ будетъ освобожденъ.

Князь остановился.

— *Нехай-же соби и Никифора зъисть,* сказалъ онъ раздражительно, „въ великой жалости будучи“, и вышелъ изъ дворца.

На слѣдующій день рано князь выѣхалъ изъ Варшавы, покинувши Никифора съ нѣсколькими слугами „тамъ, на палацѣ“, котораго „королевскіи гайдуки тотчасъ-же оступили“.

Сомнительно, конечно, чтобы Никифоръ получилъ прежнюю свободу, какъ обѣщалъ король чрезъ Радзивилла, но его участь была-бы, быть можетъ, нѣсколько иная, если-бы князь Острожскій не испортилъ дѣла своею горячностью.

Дальнѣйшая судьба дидаскала очень печальна.

Оставленный „тамъ, па палацѣ“, онъ сдѣлался предметомъ сенаторскихъ разсужденій.

„Что съ нимъ дѣлать? Да кстати и съ Яномъ волохомъ?“

Высказаны были, какъ и обыкновенно у польскихъ сенаторовъ, различныя мнѣнія. Одни стояли на томъ, чтобы надъ обвиненными было вторично назначено слѣдствіе и виновные были-бы приговорены къ смертной казни. Въ такомъ родѣ высказывалось большинство. Другіе говорили, что Никифора слѣдуетъ содержать въ почетѣ („in honesta custodia“), а тѣмъ временемъ постараться-бы розыскать Пафнутія, который писалъ эти письма. Третьи наконецъ, совѣтовали снестись по этому дѣлу съ Валахіей, забрать тамъ точныя и достовѣрныя справки о степени виновности Никифора.

Король согласился съ двумя послѣдними мнѣніями и издалъ декретъ, чтобы Янъ и Никифоръ содержались въ заключеніи до нахожденія Пафнутія.

Пафнутія, конечно, не нашли; едва-ли его и искали... Никифора заключили въ крѣпость въ Малборкѣ, гдѣ онъ и скончался. Яна волоха отправили въ Варшаву; тамъ его велѣно было держать до слѣдующаго варшавскаго сейма.

Напрасно патріархъ Мелетій Нигасъ просилъ князя Острожскаго и всѣхъ православныхъ князей освободить Никифора „отъ навѣта и всякія бѣды“. Его просьба осталась безъ успѣха.

Впослѣдствіи стали ходить слухи, что Никифора будто-бы уморили постомъ.

Такъ кончилась „справа“ отца протосингелла.

VII.

Православные смотрѣли на Никифора, какъ на мученика за вѣру, и повѣствователь его „справы“ считаетъ нравственнымъ долгомъ присоединить къ своему разсказу о Никифорѣ соотвѣтствующее, назидательное поученіе православному обществу.

„И вы, православные христіане,—говоритъ онъ,—слышачи о томъ, съ терпѣливостью идите на предлежащій вамъ подвигъ, взираючи на начальника вѣры и совершителя Іисуса, Который вмѣсто потѣхи принялъ крыжъ, о встыдѣ не дбалъ“.

Судъ надъ Никифоромъ повѣствователь приравниваетъ даже къ суду Спасителя у Пилата и, для большаго впечатлѣнія на читателя, непосредственно за разсказомъ о процессѣ экзарха разсказываетъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ.

Общество слѣдило за процессомъ Никифора на варшавскомъ сеймѣ, но когда процессъ кончился, оно забыло о дидаскалѣ и не интересовалось его судьбой. Ни откуда не видно, чтобы даже православные предпринимали что либо для освобожденія и оправданія оклеветаннаго и опозореннаго предсѣдателя своего собора, представителя восточной, вселенской церкви, экзарха и протосингелла греческихъ патріархатовъ.

Прошелъ годъ.

Впечатлѣніе обиды прошло у князя Острожскаго, и онъ помирился съ гетманомъ Замойскимъ. Это было на слѣдующемъ варшавскомъ сеймѣ. „Найдовались добрые люди, которые свели

ихъ и они поедналися" въ то время, когда Никифоръ сидѣлъ „въ Малборку". Никто не подалъ голоса въ защиту бѣднаго протосингелла, только одинъ лишь Казимирскій, „добрый пріятель пана воеводы", сказалъ Константину Константиновичу, когда тотъ „итолъ въ покояхъ королевскихъ у Варшавѣ до зъеднанья зъ гетманомъ":

— Пане воеводо! Идешь еднатися зъ гетманомъ для того, ижъ обѣщался тобѣ пріятелемъ быти.... а Никифоръ *пропалъ*...

Князь не обратилъ вниманія на слова своего пріятеля. Онъ „поеднался" съ гетманомъ.

VIII.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о причинахъ печальной участи экзарха Никифора.

Эти причины лежали не въ случайныхъ личныхъ отношеніяхъ двухъ польскихъ вельможъ—Острожскаго и Замойскаго, а въ обстоятельствахъ болѣе серьезнаго характера. На варшавскомъ сеймѣ сказалось лишь общее послѣдствіе многихъ фактовъ. Корень ненависти короля и его сенаторовъ къ Никифору нужно искать въ октябрьскомъ, брестскомъ соборѣ 1596 года. Между октябремъ 1596 года и февралемъ 1597-го успѣло нарости для Никифора много непріятностей, погубившихъ его.

Никифоръ погибъ потому, что съ его авторитетнымъ званіемъ патріаршаго протосингелла и экзарха связывалась сила тѣхъ опредѣленій православнаго брестскаго собора, которыми уніатскіе епископы проклинались и канонически лишались своихъ мѣстъ.

Какъ ни индифферентно относились уніаты и католики къ патріархамъ, однако представительства ихъ въ восточной, православной церкви они отрицать не могли. Впечатлѣніе, произведенное осужденіемъ западно-русскихъ епископовъ и митрополита отъ имени восточныхъ патріарховъ на православномъ соборѣ, было сильно въ обществѣ. Еще до брестскаго собора епископы, согласившіеся на унію, предвидя неопредѣленный исходъ затѣяннаго дѣла, боялись проклятія восточной церкви. Это про-

клятіе подрывало ихъ авторитетъ въ глазахъ уніатовъ. Король успокаивалъ ихъ своими грамотами и писалъ, что проклятіе патріаршее не будетъ имѣть для нихъ никакого значенія. Но то, чего они такъ боялись, то и случилось: они были канонически низложены и на нихъ тяготѣла анаѳема восточной церкви. Чтобы ослабить сколько нибудь впечатлѣніе, произведенное опредѣленіями брестскаго, православнаго собора, поляки начали происки противъ Никифора — председателя собора. „Отступницы, боячися того, же были отъ протосингелла патріаршого зъ достоинствъ поскиданы, начали шукати дороги на протосингелла, задаючи то, же онъ николи отъ патріарха въ такой справѣ не былъ посланъ, и овшемъ самовласнѣ до Острога, по приватной справѣ своей, альбо потребѣ пріѣхалъ, то есть для науки дитокъ“. Какими именно средствами „шукали отступницы дороги на протосингелла“, это не выяснено, да и едва-ли можетъ когда либо выясниться по самому существу интриги, какъ интимнаго, скрытаго пути для достиженія опредѣленной цѣли. Во всякомъ случаѣ, ссора воеводы кіевскаго съ гетманомъ Замойскимъ и арестъ пьянаго волоха въ Шаргородѣ были очень кстати для польскаго короля и его сенаторовъ. „Когда отступницы послышали о томъ, они вельми радовалися“. Замойскій ловко съумѣлъ связать миссію пьянаго Яна волоха съ мнимыми политическими замыслами, малозначительный фактъ онъ превратилъ въ событіе важнаго, сенсаціоннаго характера, и Никифоръ отправился „до Малборку“. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему поляки такъ спѣшили судить Никифора [1]), не оставили въ сторонѣ ни одной сплетни, претендовавшей на степень обвиненія, и настойчиво требовали его осужденія, не смотря на то, что всѣ „артикулы“ были основательно опровергнуты или разъяснены обвиненнымъ. Позоръ Никифора вполнѣ согласовался съ интересами тогдашней внутренней польской политики. Польское правительство видѣло въ Никифорѣ не только виновника низложенія уні-

---

[1]) Дѣло разбиралось не болѣе десяти дней — срокъ слишкомъ незначительный для такого сложнаго и [illegible]ся [illegible] своему характеру процесса.

атскихъ епископовъ, но и будущаго противника введенія и распространенія въ краѣ уніи. Оставаясь въ западной Руси въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ восточнаго патріарха, онъ своими распоряженіями въ пользу православныхъ былъ бы главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ уніи.

Что Никифоръ погибъ не какъ политическій преступникъ, а какъ именно *защитникъ православія*, это доказывается еще характеромъ рѣчи князя Острожскаго королю. Эта рѣчь служитъ лучшимъ комментаріемъ факта съ его неоффиціальной стороны. О чемъ говорилъ раздраженный князь? Ни о Янѣ волохѣ, ни о Пафнутіи, ни о молдавскомъ вопросѣ, ни о политической неблагонадежности Никифора, менѣе всего о Янѣ Замойскомъ, но главнымъ образомъ объ уніи и притѣсненіи православныхъ („наступаешь на права наши, не хочешь насъ въ православной вѣрѣ заховати“ и т. п.). Странною и неумѣстною казалась бы рѣчь князя, если не поставить ее въ связь съ интимнымъ желаніемъ короля и сенаторовъ содѣйствовать цѣлямъ уніи чрезъ по возможности безотлагательное осужденіе Никифора. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, говорить бы князю о вѣрѣ, если бы причиною осужденія Никифора были его политическіе замыслы, или вражда Острожскаго съ Замойскимъ? Не совсѣмъ также будутъ понятны его угрозы судомъ Божіимъ изъ-за мелочей—„плётокъ“. Но однако ни король, ни сенаторы не нашли его рѣчи неумѣстною, значитъ она была кстати. Правда, князь, по своему обыкновенію, увлекся, наговорилъ много лишняго, но упрекъ королю былъ высказанъ имъ справедливо и умѣстно.

Можно только пожалѣть объ одномъ, что князь Острожскій не пожелалъ воспользоваться своимъ сенаторскимъ вліяніемъ и авторитетомъ экзарха, чтобы облегчить, насколько это можно было, участь Никифора. Къ сожалѣнію, сдѣлать это не позволяли характеръ князя и его слово не вмѣшиваться больше въ это дѣло. Роковое „нехай-же и Никифора зъисть“—рѣшило судьбу послѣдняго. Быть можетъ, князю и хотѣлось впослѣдствіи принять какое нибудь участіе въ положеніи всѣми

оставленнаго Никифора, но „амбиція“ и гордость польскаго магната, считавшаго себя въ своемъ оскорбленномъ чувствѣ выше вмѣшательства въ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оскорбленъ, удерживали его отъ участія, и князь выдержалъ свою роль до конца.

Ѳ. Кудринскій.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ,

архіепископъ минскій, изяславскій и брацлавскій, коадъюторъ кіевской митрополіи управлявшій съ 1785 по 1796 годъ всѣми православными церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго ц. Польскаго.

---

19 іюля текущаго года исполнится столѣтіе съ того времени, какъ Архіепископъ Викторъ Садковскій, по настоятельному требованію Императрицы Екатерины II, былъ освобожденъ Посполитою Рѣчью изъ тяжкаго тюремнаго заключенія, въ которомъ онъ болѣе трехъ лѣтъ томился сперва въ Несвижской крѣпости гродненской губерніи, затѣмъ въ Варшавѣ въ подземельяхъ при палацѣ графовъ Красинскихъ, а напослѣдокъ въ казематахъ при Ченстоховскомъ римско-католическомъ клешторѣ петроковской губерніи. По случаю этого приснопамятнаго событія, съ которымъ соединяется начало торжества православія надъ католицизмомъ въ предѣлахъ Польши, весьма благовременно воскресить въ памяти жизнь и великія заслуги для православной церкви преосвященнаго Виктора, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ его 9 іюня 1785 года, послѣ семидесятилѣтняго перерыва [1]), въ этомъ государствѣ была возстановлена православная іерархія, и темничныя страданія его, продолжавшіяся съ 18 апрѣля 1789 года по 19 іюля 1792 года были послѣднею великою жертвою со стороны православныхъ подданныхъ Посполитой Рѣчи за возстановленіе своихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, которыя попираемы были почти въ теченіе двухъ вѣковъ.

---

[1]) Исторія уніи старыхъ временъ Кояловича, С.-Петербургъ 1873 г. стр. 324.

По происхожденію своему преосвященный Викторъ принадлежалъ къ малороссійской дворянской фамиліи, а по мѣсту рожденія и воспитанія своего былъ кіевляниномъ [1]). Родители его жили въ подольской части города Кіева, близъ церкви Всемилостиваго Спаса, которая въ 1811 году, во время великаго пожара, сгорѣла и на погостѣ сей церкви были погребены [2]). Воспитаніе свое онъ получилъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, въ древней кіевской академіи, сперва подъ главнымъ надзоромъ Георгія Конисскаго, скончавшагося 13 февраля 1795 года въ санѣ архіепископа могилевскаго, а потомъ—Самуила Миславскаго, скончавшагося 8 января 1796 года въ санѣ кіевскаго митрополита. Оба эти приснопамятные ректора кіевской академіи, а впослѣдствіи знаменитые іерархи россійской церкви, съ отеческою любовію относились къ своему весьма способному и ревностному питомцу не только тогда, когда онъ проходилъ курсъ своего ученія, но и по вступленіи его на службу церкви Божіей въ предѣлахъ тогдашней Польши [3])

По окончаніи своего воспитанія и по принятіи монашества въ Кіево-Печерской Лаврѣ [4]), Викторъ Садковскій болѣе 15 лѣтъ состоялъ учителемъ и префектомъ въ могилевской духовной семинаріи, основанной Георгіемъ Конисскимъ въ 1767 году на средства, отпущенныя Императрицею Екатериною II [5]), исправляя въ то же время обязанность каѳедральнаго проповѣдника и члена могилевской православной консисторіи. Когда въ 1776 году капелланъ русскаго посольства при варшавскомъ королевскомъ дворѣ, игуменъ Спиридонъ Гринѣвецкій по распоряженію кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, былъ назначенъ на должность настоятеля Лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря (кіев. губерніи), то Викторъ Садковскій, по рекомендаціи преосвященнаго Георгія Конисскаго, получилъ

---

[1]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіею. Аскоченскаго т. II стр. 268.

[2]) Протоіерей Іоаннъ Леванда, его жизнь, проповѣди и письма. Кіевъ 1879 г. стр. 195.

[3]) Исторія уніи Кояловича изд. 1873 г. стр. 282. Аппеха стр. 99.

[4]) Мірское имя преосвященнаго Виктора неизвѣстно.

[5]) Кіевъ съ его древн. училищемъ-академіею, Аскоченскаго т. II, стр. 120.

назначеніе на вакансію Варшавскаго капеллана, съ производствомъ въ санъ игумена, и должность капеллана исправлялъ до ноября 1783 года [1]). Должность капеллана главнымъ образомъ состояла въ совершеніи богослуженія въ домовой церкви, находившейся при русскомъ посольствѣ и исправленіи религіозныхъ требъ, какъ для православныхъ чиновниковъ посольства, такъ и для другихъ лицъ, по разнымъ дѣламъ своимъ пріѣзжавшихъ въ столицу Посполитой Рѣчи и проживавшихъ здѣсь.

Въ продолженіе семилѣтней службы своей капелланъ Викторъ пользовался особенною благорасположенностію и уваженіемъ не только русскаго посланника графа Стакельберга, но и проживавшихъ въ Варшавѣ и ближайшихъ къ ней городахъ (Люблинѣ, Калишѣ, Петроковѣ, Опатовѣ, Познанскѣ) греческихъ колонистовъ, которые пріютились здѣсь послѣ завоеванія турками Византіи въ 1453 году и занимались торговлею. Изъ дѣлъ переяславской духовной консисторіи за 1776—1780 годы, переданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ архивъ кіевской консисторіи, видно, что православные украинскіе протопопы—смѣлянскій Іоаннъ Радзимовскій и винницкій Илія Голоскевичъ и священники—корсунскій Іоаннъ Стоцкій и Кривыхъ Колѣнъ Іоаннъ Зелѣнкевичъ, пріѣзжавшіе въ Варшаву искать у польскаго правительства защиты угнетенному на Украинѣ православію, первѣе всего являлись къ капеллану Виктору Садковскому. Въ квартирѣ его они находили для себя радушный пріютъ и гостепріимство, а въ немъ самомъ мудраго, безкорыстнаго совѣтника и самаго тщательнаго руководителя по дѣламъ своимъ. Онъ и редактировалъ ихъ жалобы, и представлялъ оныя на благоусмотрѣніе русскаго посланника; онъ былъ проводникомъ ихъ, когда они лично подавали свои жалобы польскому королю и его Постоянному Совѣту; онъ принималъ на себя трудъ защищать эти жалобы и ходатайствовать о скорѣйшемъ и справедливомъ рѣшеніи ихъ на варшавскихъ сеймахъ. Въ сентябрѣ 1779 года православное украинское духовенство, вслѣдствіе совершеннаго разоренія своего уніатами

---

[1]) Архивъ кіев. консисторіи 1784 г. дѣло № 2640.

и мѣстными польскими помѣщиками и управляющими ихъ имѣніями, не могло на свои оскудѣвшія средства выслать уполномоченныхъ изъ своей среды въ Варшаву искать правосудія у польскаго правительства, и потому меморіалъ о своемъ бѣдственномъ, беззащитномъ положеніи со всѣми потребными документами отправило по почтѣ на имя капеллана Виктора, который представилъ оный на тогдашнемъ варшавскомъ сеймѣ королю и членамъ его Постояннаго Совѣта и самымъ энергическимъ образомъ ходатайствовалъ о возстановленіи попранныхъ правъ своихъ единовѣрныхъ собратій. Услугами Виктора, когда онъ исправлялъ должность капеллана, пользовались не только православные священнослужители, но и міряне, которые весьма часто пріѣзжали изъ Украины, Литвы и Бѣлоруссіи въ Варшаву съ своими апелляціями на противозаконныя рѣшенія своихъ исковыхъ просьбъ провинціальными польскими судами.

По смерти слуцкаго архимандрита Павла Волчанскаго, кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, съ согласія варшавскаго русскаго посла Стакельберга, въ началѣ ноября 1783 года произвелъ игумена Виктора въ санъ архимандрита слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ предѣлахъ Польши, поручивши ему ближайшій надзоръ за всѣми православными монастырями и церквями, находившимися въ этомъ государствѣ. Состоя въ должности архимандрита и митрополичьяго намѣстника съ ноября 1783 г. по іюнь 1785 года, Викторъ Садковскій ознаменовалъ свою дѣятельность благоустройствомъ монастырей—Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго, двухъ Дрогиченскихъ—Преображенскаго и Троицкаго и Брестскаго Св. Сvмеоновскаго и кромѣ того не безъ успѣха ходатайствовалъ на польскихъ сеймахъ о возвращеніи этимъ монастырямъ тѣхъ угодій, которыя отчуждены были отъ нихъ самоправными сосѣдними польскими помѣщиками. Почти двадцатипятилѣтнее служеніе Виктора Садковскаго въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи было подготовительною для него школою къ поступленію на каѳедру православнаго епископа въ государствѣ, которое почти въ теченіе двухъ вѣковъ употребляло всѣ свои фанатическія усилія для совращенія всѣхъ православныхъ под-

данныхъ своихъ если не въ католицизмъ, то по крайней мѣрѣ въ унію.

Когда въ началѣ 1785 года между Россіею и Польшею состоялось соглашеніе о возстановленіи въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи православной епископской каѳедры, членамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода поручено было рѣшить вопросъ объ избраніи достойнаго кандидата на эту каѳедру. Рѣшенію сего труднаго вопроса помогъ кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, указавши на архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора Садковскаго. Голосъ кіевскаго святителя поддержалъ и русскій посланникъ при польскомъ дворѣ.

27 марта 1785 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ Святѣйшему Синоду „о бытіи въ Польшѣ особливому епископу, коадъютору кіевской митрополіи и о посвященіи въ сей санъ Виктора, архимандрита Слуцкаго монастыря". Въ этомъ приказѣ, сообщенномъ изъ Св. Синода кіевскому митрополиту Самуилу, прописано: „для пользы православной нашей церкви греко-россійской и для удобнѣйшаго охраненія исповѣдающихъ законъ нашъ благочестивый въ Польшѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: быть особому епископу викарному или коадъютору кіевской митрополіи, именоваться сему епископу Переяславскимъ и Бориспольскимъ, имѣть пребываніе ему въ Слуцкомъ благочестивомъ монастырѣ, котораго быть ему и архимандритомъ; въ сей санъ посвятить въ Кіевѣ нынѣшняго архимандрита Слуцкаго монастыря Виктора... и относительно должности его въ управленіи всѣми въ Польшѣ находящимися благочестивыми монастырями и церквами сдѣлать надлежащія распоряженія"... На основаніи сего Высочайшаго приказа хиротонія архимандрита Виктора въ епископа совершена въ Кіево-Софійской каѳедральной церкви 9 іюня 1785 года, въ праздникъ Сошествія Святаго Духа, митрополитомъ Самуиломъ при соучастіи Иларіона, епископа Новгородсѣверскаго, и находившихся въ Кіевѣ на пребываніи преосвященныхъ Серафима, митрополита Лакедемонскаго, и Кирилла, епископа Сѣвскаго [1]).

[1]) Арх. Кіевск. Консист. 1785 г. дѣло о хиротоніи архимандрита Виктора Садковскаго въ епископа.

На долю Виктора Садковскаго досталась паства, которая, по словамъ его[1]), такъ широко распространялась, какъ широка была Польша и какъ далече отстоитъ Двина отъ Днѣстра и Днѣпръ отъ границы Силезіи. Но къ симъ словамъ считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ сей весьма обширной епархіи архипастырская дѣятельность его поставлялась въ весьма затруднительное и стѣснительное положеніе 1) іезуитскими происками католическихъ и уніатскихъ духовныхъ властей, которыя игнорировали всѣ королевскія привиллегіи въ охрану православія, 2) инструкціями русскаго правительства и Святѣйшаго Синода, которыя не легко было выполнять, особенно на Украинѣ, жители которой привыкли съ мечемъ въ рукахъ, а не съ *христіанскимъ* незлобіемъ и кротостію защищать свою религію и права своей народности, и 3) самоволіемъ и корыстолюбіемъ нѣкоторыхъ православныхъ украинскихъ протопоповъ, которые, не имѣя среди себя въ теченіе 70-лѣтъ мѣстнаго архипастыря, а управляясь архипастырями заграничными, привыкли къ безначалію и произволу по отношенію къ подвѣдомственному ихъ духовенству.

Послѣ хиротоніи своей преосвященный Викторъ прожилъ въ Кіевѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, собирая въ архивахъ Кіевской и Переяславской Консисторій дѣла, касавшіяся его новоучрежденной епархіи и отсылая эти дѣла въ Слуцкъ. Наконецъ 24 Октября онъ и самъ оставилъ Кіевъ, но уѣхалъ не въ Слуцкъ, куда ему слѣдовало уѣхать для устройства своей консисторіи, а въ козацкую Украину, и притомъ—какъ лицо частное, такъ какъ на исполненіе архипастырскихъ обязанностей ему еще не выдана была королевская привилегія. Когда онъ отъѣхалъ 50 верстъ отъ Кіева и остановился въ мѣстечкѣ Фастовѣ (кіевской губерніи), здѣсь его встрѣтили иноки украинскихъ монастырей и пригласили посѣтить ихъ обители для хиротоніи въ санъ священства нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій. Приглашеніе было принято, и новый архипастырь, странствуя по Украинѣ въ теченіе пяти недѣль, посѣтилъ мона-

---

[1]) См. письмо его къ митроп. Самуилу отъ 26 января 1786 г.

стыри: Терехтеміровскій, Корсунскій, Виноградскій, Жаботинскій, Онуфріевскій, Мотренинскій, Чигиринскій, оба Лебединскіе, и Богуславскій. Въ каждомъ изъ сихъ монастырей онъ совершалъ богослуженіе, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ священства и давалъ свои наставленія священнослужителямъ церкви относительно надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей и воспрещенія ихъ пасомымъ съ мечемъ въ рукахъ возстановлять свои религіозныя и гражданскія права.

Въ украинскихъ монастыряхъ преосвященный Викторъ нашелъ крайнюю бѣдность и слѣды разоренія, произведеннаго уніатскими официалами—Мокрицкимъ въ 1766, 1767 и 1768 г. и Примовичемъ въ 1778 и 1779 г. Не мало поражала его и встрѣча такъ называемыхъ бродяжныхъ монаховъ, которые самовольно переходили изъ монастыря въ монастырь, или жили лѣтомъ по лѣсамъ въ землянкахъ и на пасѣкахъ, а зимою селились по хуторамъ и селамъ среди міряиъ и не хотѣли признавать надъ собою никакой духовной власти. Относительно таковыхъ монаховъ архипастырь отдалъ строгій приказъ настоятелю Мотренинскаго монастыря архимандриту Иринарху и уполномочилъ его лишать ихъ иноческаго званія и обращать въ помѣщичьихъ крестьянъ, если они не захотятъ поселиться въ монастыряхъ и не станутъ подчиняться монастырскимъ уставамъ. Тому же архимандриту поручено было преосвященнымъ Викторомъ и блюстительство за всѣми украинскими монастырями и протопопіями.

Изъ Мотренинскаго монастыря архипастырь, по просьбѣ Жаботинскаго протопопа Григорія Орловскаго, выѣхалъ въ мѣстечко Жаботинъ, гдѣ 28 Ноября освятилъ возобновленную къ тому времени Успенскую церковь. Предъ днемъ освященія сей церкви въ Жаботинъ (Кіев. губ.) съѣзжались всѣ священнослужители, входившіе въ составъ Жаботинской протопопіи, для принятій благословенія отъ своего новаго архипастыря и для соучастія съ нимъ въ богослуженіи [1]).

[1]) Событіе это записано протопопомъ Орловскимъ на принадлежавшемъ ему служебникѣ.

Оставивши Жаботинъ, преосвященный 1 Декабря прибылъ въ мѣстечко Смѣлу кіевской губерніи. Здѣсь встрѣтило его все духовенство Смѣлянской протопопіи и подало ему жалобу на противозаконныя дѣйствія своего протопопа Іоанна Радзимовскаго. Въ жалобѣ сей Радзимовскій обвинялся въ содѣйствіи уніатскимъ и польскимъ властямъ собирать съ православныхъ священнослужителей отмѣненные еще въ 1768 году налоги: subsidium charitativum—на содержаніе королевскаго двора, катедратикъ—на содержаніе уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго и его Радомысльской консисторіи и презенты—въ пользу помѣщиковъ при вступленіи священниковъ на приходы. Жалоба священнослужителей доказана была фактически и потому резолюціею его преосвященства Радзимовскій изъ Смѣлянской протопопіи былъ перемѣщенъ въ Ольшанскую[1]). Въ тоже время Смѣлянская протопопія была поручена протопопу Лукѣ Романовскому, который съ 1780 года оставался безъ протопопіи, такъ какъ всѣ церкви принадлежавшей ему Чечельницкой протопопіи (Подол. губ.) отняты были у него и переданы уніатскому духовенству.

Оставляя Украину, преосвященный Викторъ 7-го декабря чрезъ Мотренинскаго архимандрита Иринарха передалъ всѣмъ православнымъ украинцамъ свое архипастырское приказаніе „свято и неизмѣнно сохранять благочестіе (т. е. православіе), не входить ни въ какія препирательства съ уніатскими и польскими властями и не давать никакого повода къ враждѣ и несогласію съ ними, а тѣмъ болѣе быть вѣрноподданными пресвѣтлѣйшаго польскаго короля и Посполитой Рѣчи". Приказъ

---

[1]) Описывая свою визитацію въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, преосвященный Викторъ въ рапортѣ, посланномъ въ Св. Синодъ 29 января 1786 года, и въ письмѣ отъ того же января къ митрополиту Самуилу привелъ даже дошедшія до него слова жены о. Радзимовскаго, сказанныя ею въ отвѣтъ на просьбу одного священника о защитѣ его отъ экзекуторовъ, собиравшихъ съ духовенства отмѣненные еще въ 1768 г. налоги: „если священникамъ бѣда, то намъ хорошо; а если имъ хорошо, то намъ худо". Такъ говорила Радзимовская, потому что мужъ ея, содѣйствуя сбору этихъ налоговъ, не забывалъ и себя. См. Архивъ Св. Синода дѣло 1785 г. № 456 и Кіев. Консист. за 1786 г. № 17.

архипастыря остался не безплоднымъ; съ конца 1785 года по 1789 годъ на Украинѣ утихли всякаго рода волненія.

14-го Декабря преосвященный Викторъ прибылъ въ свою резиденцію—Слуцкій Свято-Троицкій монастырь и здѣсь безвыѣздно прожилъ до іюня 1786 года, приводя въ надлежащее устройство свою вновь открытую консисторію. Такъ какъ назначенные имъ члены и чиновники консисторіи еще мало знакомы были съ дѣлопроизводствомъ, то ему самому весьма часто приходилось и составлять болѣе важныя бумаги, и пріучать членовъ и чиновниковъ своей консисторіи къ канцелярскимъ работамъ. Трудъ этотъ оказался слишкомъ тяжелымъ для архипастыря, не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ и часто страдавшаго болѣзнію глазъ; вслѣдствіе чего онъ 29 апрѣля 1786 года за № 179 послалъ кіевскому митрополиту промеморію о присылкѣ изъ кіевской консисторіи опытнаго чиновника для занятія секретарской должности въ Слуцкой консисторіи. Преосвященный Самуилъ желалъ послать въ Слуцкъ помощника секретаря кіевской консисторіи Королева, весьма опытнаго по дѣлопроизводству. Но Королевъ, по семейнымъ обстоятельствамъ своимъ, отказался отъ поѣздки въ Слуцкъ; отказались отъ занятія секретарской должности въ Слуцкой консисторіи и повытчики кіевской консисторіи. По причинѣ сего отказа преосвященный Викторъ, не смотря на глазную болѣзнь свою, вынужденъ былъ самъ и составлять болѣе важныя бумаги, и руководить своими малоопытными чиновниками.

Въ началѣ іюня онъ, не смотря на множество епархіальныхъ занятій своихъ, отправился въ Варшаву, куда настоятельно звалъ его русскій посланникъ за полученіемъ королевской привиллегіи на исполненіе архипастырскихъ обязанностей въ предѣлахъ Польши. Въ Варшавѣ пришлось ему безъ всякихъ занятій промедлить до первыхъ чиселъ октября, такъ какъ только къ началу этого мѣсяца возвратился въ столицу Польши великій канцлеръ ея Хрептовичъ, выѣзжавшій на каникулярное время въ свои литовскія имѣнія на отдыхъ и взявшій съ собою упомянутую привиллегію изъ опасенія, чтобы фанатическіе польскіе магнаты не передѣлали ее, согласно своему

желанію поставить православнаго епископа въ самое стѣснительное положеніе, при отправленіи своихъ обязанностей. Проживая въ Варшавѣ, Викторъ посѣщалъ греческихъ колонистовъ и совершалъ богослуженіе какъ въ посольской церкви, такъ и въ домовыхъ церквахъ этихъ колонистовъ, находившихся въ Калишѣ, Люблинѣ, Познанскѣ, и Петроковѣ.

Королевская привилегія выдана была преосвященному Виктору 3 октября. Одновременно съ тѣмъ канцлеръ Хрептовичъ сдѣлалъ по всей Польшѣ публикаціи о выдачѣ ея, и съ тѣхъ поръ православныя обитатели Польши, по религіознымъ дѣламъ своимъ обращавшіеся къ заграничнымъ архіереямъ, теперь начали обращаться къ своему мѣстному епископу. Поблагодаривши короля за выданную привилегію, преосвященный Викторъ 7 октября выѣхалъ изъ Варшавы въ Слуцкъ и на пути въ свою резиденцію посѣтилъ Подлѣсскіе монастыри: Троицкій и Преображенскій въ Дрогичинѣ, Яблочинскій Свято-Онуфріевскій и Бѣльскій Свято-Николаевскій, въ которыхъ нашелъ крайнюю бѣдность и разореніе, произведенныя сосѣдними польскими помѣщиками, которые не считали грѣхомъ грабить схизматиковъ, т. е. православныхъ. Въ Слуцкѣ его ожидали кандидаты священства, въ значительномъ количествѣ пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ его обширной епархіи для принятія рукоположенія. Рукоположеніе ихъ онъ совершалъ до половины января 1787 года, т. е. до выѣзда своего въ Кіевъ, для представленія Императрицѣ Екатеринѣ II, которая къ концу сего мѣсяца имѣла прибыть въ столицу святаго равноапостольнаго князя Владиміра и прожить здѣсь до вскрытія Днѣпра, и затѣмъ отправиться по теченію его въ новороссійскій край и на Крымскій полуостровъ.

Многосложные труды преосвященнаго Виктора, по архипастырской дѣятельности, усложнялись съ одной стороны неблаговидными дѣйствіями нѣкоторыхъ украинскихъ священниковъ, не хотѣвшихъ подчиняться распоряженіямъ мѣстныхъ православныхъ духовныхъ правленій и, для избѣжанія отвѣтственности, уклонявшихся въ унію и прибѣгавшихъ подъ защиту уніатскихъ и польскихъ властей, а съ другой—самоволіемъ

бродяжныхъ монаховъ, которые, не смотря на строгій приказъ, данный имъ въ ноябрѣ 1785 года на имя Мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго, не захотѣли поселиться въ монастыряхъ и подчиняться монастырскимъ уставамъ. Для обузданія самоволія тѣхъ и другихъ архипастырь вынужденъ былъ обращаться къ содѣйствію украинскихъ помѣщиковъ, и это содѣйствіе было оказано ему, конечно, благодаря главнымъ образомъ обаятельному могуществу защитницы православія Императрицы Екатерины II, предъ которой, особенно во время трехмѣсячнаго пребыванія ея въ Кіевѣ (съ 29 января по 22 апрѣля 1787 года), не могли не преклоняться польскій король и его разнузданные магнаты, поражавшіеся величіемъ русской Семирамиды. Случаемъ этимъ благовременно воспользовался святитель Божій и, по мѣрѣ возможности, началъ возстановлять права православной церкви въ предѣлахъ своей епархіи.

20-го Октября 1786 года протопопъ Алексѣй Андреевскій, управлявшій Фастовскою и Корсунскою протопопіями, представилъ преосвященному Виктору рапортъ о неблаговидныхъ поступкахъ трехъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ: Іоанна Павловскаго, Павла Бенѣцкаго, и Андрея Чернодубравскаго. Въ этомъ рапортѣ онъ такъ описалъ ихъ проступки: „священникъ Павловскій Іоаннъ, оставивши самовольно Хилковскій приходъ годъ тому назадъ, поселился въ селѣ Шендерѣевкѣ, отнялъ у брата своего іерея Игнатія его собственный домъ и церковь Покрова Пресвятой Богородицы, самоправно литургисаетъ и требы преподаетъ и приказамъ духовнаго правленія поудержаться тамо священнослуженіемъ отнюдъ не хочетъ подчиняться, брата своего неоднократно билъ, съ прихожанами Шендерѣевскими обходится не мирно, регулы священнической не смотритъ, какъ долгъ велитъ, сумасбродствуя по ярмаркамъ ѣздитъ, бродягъ монаховъ въ домѣ своемъ держитъ, пьянствуя защищаетъ себя панскимъ дворомъ въ той силѣ, что презенту на Шендерѣевку уплатилъ двору панскому Корсунскому; а ежели въ чемъ ему Іоанну духовное правленіе Корсунское станетъ препятствовать, то вдругъ онъ прибѣгаетъ подъ протекцію Шендерѣевскаго губернатора Севрука и уніатскаго дзѣкана

Корсунскаго Яна Авраменко,—къ чему и другихъ священниковъ поощряетъ не слушаться протопопской власти. Другой Выграевскій іерей Павелъ Бенѣцкій вдовъ, двоедушествуетъ, больше къ уніи, нежели къ православію склоняется, чрезъ ежедневное пьянство домъ свой непорядочно ведетъ и дѣтей безъ призора содержитъ и власть духовную презираетъ. Третій—Андрей Чернодубравскій, Свято-Михайловскій Сухинскій вдовъ и тѣмъ же страстямъ невоздержимымъ приклоненъ, какъ и реченные іереи. А какъ съ таковыми презирателями имѣетъ впредъ поступать духовное правленіе,—о томъ прошу наставленія Вашего преосвященства, а равно и защищенія отъ двора панскаго Корсунскаго и уніатскаго дзѣкана". Такъ какъ прописанные въ рапортѣ священники находились въ селахъ, принадлежавшихъ племяннику польскаго короля князю Станиславу Понятовскому, то архипастырь на рапортѣ о. Андреевскаго написалъ такую резолюцію: „Протоіерею Андреевскому написать къ его сіятельству князю Станиславу Понятовскому просьбу отъ моего имени, чтобы онъ запретилъ, какъ дзѣкану, такъ и двору своему Корсунскому противодѣйствовать распоряженіямъ духовнаго правленія; если же поименованные попы не поудержатся отъ проступковъ, не свойственныхъ ихъ сану, то воспретить имъ священнослуженіе и удалить отъ приходовъ до чистосердечнаго раскаянія". Бенѣцкій и Чернодубравскій, послѣ подачи О. Андреевскимъ просьбы князю Понятовскому, смирились и раскаялись, а Павловскій продолжалъ свои противозаконныя дѣйствія; вслѣдствіе чего Корсунское духовное правленіе воспретило ему богослуженіе и лишило прихода, а церковные ключи, отобравши, вручило ктитору церкви. Чтобы уничтожить распоряженіе Корсунскаго духовнаго правленія, Павловскій уклонился въ унію и за помощію Корсунскаго судіи Шалѣвскаго и коммисара Яворнѣцкаго съ губернаторомъ Севрукомъ и базиліанскимъ каневскимъ Опатомъ Фузѣневичемъ гвалтомъ, противу желанія Шендерѣевскихъ обывателей, отнялъ ихъ церковь 2 декабря 1786 года и завладѣлъ ею. Донося архипастырю о такомъ противозаконномъ событіи, о. Андреевскій въ рапортѣ своемъ прописалъ, что „Шендерѣевскіе жители, будучи съ пред-

ковъ православные, перестали ходить въ церковь свою, онаго уніата съ требами не пускали въ домы свои, умирающихъ же сами стали хоронить и теперь просятъ слезно Ваше преосвященство употребить, по Вашему полномочію, средства о возвращеніи паки на православіе отнятой у нихъ церкви".

По полученіи сего рапорта, Преосв. Викторъ, находясь въ Кіевѣ, послалъ кн. Понятовскому на польскомъ яз. слѣдующее письмо:

Сіятельнѣйшій князь,
милостивый мой государь!

„Ко мнѣ поступилъ доносъ, что Иванъ Павловскій, священникъ хилковскій, противузаконно овладѣвшій шендерѣевскимъ благочестивымъ приходомъ и церковью, ведетъ себя распущенно, т. е. развлекается пьянствомъ, безъ нужды шатается по ярмаркамъ, передерживаетъ въ своемъ домѣ бродягъ монаховъ и совершаетъ разные проступки, несвойственные священническому сану. Когда-же поставленныя надъ нимъ духовныя власти хотятъ штрафовать его за таковыя дѣйствія, онъ тотчасъ прибѣгаетъ къ заступничеству губернатора Шендерѣевки Севрука, уніатскаго дзѣкана Абраменко и каневскаго опата Фузѣневича, которые, принявъ его подъ свою защиту, мѣшаютъ унять его, кому это по праву слѣдуетъ. Такъ какъ таковое незаконное заступничество прямо противорѣчитъ не только трактату, заключенному въ 1768 году между Россіею и Польшею, но и желанію вашей свѣтлости, чтобы духовенство въ подвластныхъ вамъ имѣніяхъ служило примѣромъ добродѣтелей, то я покорнѣйше прошу выше поименованнымъ губернатору, дзѣкану и опату строжайше приказать въ дѣла суда и расправы благочестиваго духовенства не вмѣшиваться и не препятствовать законному теченію сихъ дѣлъ, напротивъ, въ случаѣ надобности, оказывать потребную помощь. Въ надеждѣ, что просьба моя не останется безъ послѣдствій, честь имѣю оставаться съ должнымъ почтеніемъ и горячими молитвами вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Викторъ Садковскій, коадъюторъ кіевской митрополіи".

17 февраля 1787 г.
Кіевъ.

По полученіи прописаннаго письма, князь Понятовскій предписалъ губернатору своихъ имѣній Севруку безотлагательно возвратить православнымъ жителямъ Шендерѣевки отнятую у нихъ церковь, а уклонившагося въ унію священника Павловскаго удалить изъ Шендерѣевки,—что было немедленно исполнено и объ этомъ тотчасъ сообщено преосвященному Виктору. Послѣдній, благодаря князя за таковое распоряженіе и 2 апрѣля того-же года увѣдомляя его о назначеніи на шендерѣевскій приходъ новаго православнаго священника, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Понятовскаго „предписать всѣмъ управляющимъ его имѣніями, чтобы они ловили бродяжныхъ монаховъ и, если монастыри не пріймутъ ихъ, то чтобы снимали съ нихъ монашескую одежду, брили имъ бороды, стригли имъ волосы и обращали въ хлопство. Не нужно при этомъ бояться какихъ либо непріятныхъ послѣдствій; я прошу объ этомъ, какъ пастырь, какъ обыватель страны, уже уполномоченный на исполненіе своихъ обязанностей привиллегіею пресвѣтлѣйшаго короля, милостивѣйшаго нашего государя. Нужно еще и то имѣть въ виду, что между бродячими монахами больше всего бываетъ иноземцевъ изъ Валахіи и другихъ странъ; могутъ подъ иноческою одеждою скрываться гайдамаки, а этотъ сбродъ какъ можно строже нужно преслѣдовать“ [1]).

Письма о возвращеніи православнымъ ихъ церквей, насильственно отнятыхъ и переданныхъ уніатскимъ попамъ и объ удаленіи послѣднихъ изъ православныхъ приходовъ, а равно объ обращеніи самовольныхъ бродячихъ монаховъ „въ хлопство“ преосвященный Викторъ въ началѣ того-же апрѣля послалъ и князьямъ Любомірскимъ, Яблоновскимъ и Чарторыйскимъ, и графамъ Браницкому и Потоцкому, которые тогда владѣли всею Украиною. Письма его имѣли свои добрыя послѣдствія, хотя и не на продолжительное время. Съ конца апрѣля 1787 года гоненія и насилія за православіе на Украинѣ начали утихать, притязанія уніатскихъ официіаловъ стали ослабѣвать, прекратились отяготительные сборы съ благочестивыхъ монастырей и

[1]) Архивъ Кіев. Консисторіи за 1787 годъ, № 4666 и 5362; Аппеха 369.

церквей, а равно и православнаго духовенства; монастыри и церкви, отнятые уніатами послѣ трактатовъ 1768 года, безъ всякихъ проволочекъ были возвращаемы православнымъ. Кромѣ того, на козацкой Украинѣ, въ нынѣшнихъ чигиринскомъ, черкасскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ (кіев. губер.), начали сооружаться новые храмы, а обветшавшіе возобновляться. Что-же касается церквей собственно уніатскихъ въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, то эти церкви къ началу 1788 года стояли уже безъ прихожанъ, а священники этихъ церквей, упорно державшіеся уніи, пріютились около католическихъ костеловъ, настроенныхъ по украинскимъ мѣстечкамъ и городамъ около половины XVIII столѣтія [1]).

Пріѣхавши изъ Слуцка въ Кіевъ нѣсколькими днями раньше Императрицы Екатерины II, преосвященный Викторъ, по случаю болѣзни митрополита Самуила, имѣлъ счастіе встрѣчать ее въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 29 января и затѣмъ въ ея присутствіи, до выздоровленія кіевскаго архипастыря, неоднократно совершалъ богослуженіе то въ Софійскомъ соборѣ, то въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ числѣ другихъ знатныхъ особъ Императрица, гостившая въ Кіевѣ около трехъ мѣсяцевъ, приглашала на свои парадные обѣды и преосвященнаго Виктора. Она бесѣдовала съ нимъ объ угнетенномъ положеніи православной церкви въ предѣлахъ Посполитой Рѣчи и о заботливости своей о возстановленіи правъ своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ Польши. Ея царственное вниманіе къ польскому православному архипастырю ободряло его многотрудную дѣятельность, благотворно вліяло на поднятіе важности его служенія и давало знать, кому слѣдовало, что и онъ самъ, и паства его состоятъ подъ ея особеннымъ покровительствомъ и защитою.

Въ половинѣ апрѣля пушечною пальбою возвѣщено было о вскрытіи Днѣпра; въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ совершенно очистился отъ льдинъ, покрывавшихъ его свѣтлыя воды, и 22 числа многочисленныя толпы кіевлянъ покрыли высокіе днѣпровскіе берега, по случаю выѣзда Ея Императорскаго Ве-

---

[1]) Historia Smilanskego Parofialnego Koscëlu na Ukrainie. Vilno, 1856 roku

личества изъ Кіева въ Екатеринославъ и въ предѣлы Крыма. Между свитою ея, размѣстившеюся на 80 богато украшенныхъ галерахъ, нашелъ мѣсто и преосвященный Викторъ и отправился въ польскій городъ Каневъ, въ которомъ долженъ былъ встрѣтить русскую Императрицу польскій король Станиславъ-Августъ со множествомъ своихъ магнатовъ. Послѣднимъ весьма желательно было, чтобы архипастырь, русскій подданный, въ присутствіи своей Императрицы принесъ присягу на вѣрность польскому королю и Посполитой Рѣчи. Но таковое желаніе ихъ, по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, осуществилось не въ Каневѣ, а въ мѣстечкѣ Тульчинѣ подольской губерніи. Выполнивши 7 мая, съ разрѣшенія своей Императрицы, требуемую отъ него присягу, преосвященный Викторъ, въ присутствіи русскаго и иностранныхъ пословъ, произнесъ предъ польскимъ королемъ на латинскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „благоволеніемъ твоего королевскаго величества я, епископъ греко-восточной вѣры, поставленъ охранителемъ сего исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ, и нынѣ присягою обязалъ себя и свою совѣсть въ вѣрности и тебѣ, и православной церкви. Тебѣ, государь, небезъизвѣстно, а мнѣ не мѣсто говорить о томъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится здѣсь вѣра наша послѣ недавно заключенныхъ трактатовъ, вѣра православная, вѣра древняя, какъ обыкновенно не только ты называешь ее, но и предшественники твои польскіе короли. На твой справедливый судъ отдаю, сколько это должно безпокоить всякаго, а въ особенности меня, епископа, охранителя православія. Счастливымъ себя почитаю и радуюсь, нисколько не сомнѣваясь, что ты будешь защищать меня, какъ вѣрнаго своего подданнаго, и церковь, во главѣ которой я поставленъ“. Затѣмъ, напомнивши королю, какъ неестественно правительству допускать гоненіе на своихъ подданныхъ за ихъ вѣру, заключилъ рѣчь свою благожеланіемъ королевскому величеству долгоденствія, здоровья, мирнаго царствованія и исполненія всѣхъ желаній, свойственныхъ благочестивому монарху [1]).

[1]) Рѣчь эта напечатана на латинскомъ языкѣ въ Кіев. Еп. Вѣд. 1861, стр 87—89. Тамъ-же напечатана и присяга преосвященнаго Виктора на польскомъ языкѣ.

Польскій король 8-го мая выѣхалъ изъ Тульчина черезъ Львовъ и Краковъ въ Варшаву, а преосвященный Викторъ въ Тульчинѣ прожилъ около недѣли, и къ нему являлись протопопы брацлавскаго воеводства: грановскій Іоаннъ Строцкій, кальницкій Григорій Лѣневичъ, брацлавскій Василій Мокрицкій, бершадскаго монастыря игуменъ Іаковъ и другіе православные священнослужители. Съ ними онъ велъ свои бесѣды о терпѣливомъ переношеніи обидъ отъ польскихъ и уніатскихъ властей, о мѣрахъ къ сохраненію православія и о надеждахъ своихъ на возстановленіе его.

Во второй половинѣ мая архипастырь возвратился въ Слуцкъ, но здѣсь оставался только до начала августа. Въ августѣ онъ опять предпринялъ свое апостольское странствованіе по Украинѣ, но въ этотъ разъ оно продолжалось болѣе года и довольно часто прерывалось то неустройствомъ и опасностію тогдашнихъ путей сообщенія, то болѣзнями, то безпорядками въ протопопскихъ духовныхъ правленіяхъ, то отступленіями православныхъ священнослужителей отъ церковной дисциплины. Останавливаясь въ каждомъ изъ украинскихъ православныхъ монастырей на довольно продолжительное время, онъ сзывалъ сюда сосѣднихъ священнослужителей, убѣждалъ ихъ тщательно исполнять свои пастырскія обязанности и впредь избѣгать замѣченныхъ имъ безпорядковъ и церковныхъ неустройствъ, а по преимуществу заботиться о сохраненіи православія среди украинскаго народа. Во всѣ воскресные и праздничные дни архипастырь торжественно совершалъ богослуженіе въ монастырскихъ, а иногда и въ сосѣднихъ приходскихъ храмахъ, и для участвованія въ архіерейскомъ богослуженіи въ значительномъ количествѣ стекались не только твердо державшіеся благочестія, но и уклонившіеся въ унію. Во время бесѣдъ своихъ съ послѣдними онъ убѣдился, что они только наружно держатся единенія съ римскимъ костёломъ, а въ сердцахъ своихъ остаются глубоко православными и питаютъ твердую надежду, что русская Императрица весьма скоро возвратитъ ихъ родной край подъ власть Россіи, а ихъ самихъ въ лоно той святой церкви, къ которой и они и предки ихъ принадлежали. О таковомъ ре-

лигіозномъ состояніи украинцевъ и надеждахъ ихъ преосвященный Викторъ рапортами своими доносилъ Святѣйшему Синоду, а Синодъ докладывалъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Политическія обстоятельства России — ея войны съ Турціею и Швеціею, а главнымъ образомъ лукавыя интриги прусскаго короля Фридриха II были причиною, что исполненіе желаній и надеждъ украинцевъ Екатерина Великая должна была отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Годъ и два мѣсяца преосвященный Викторъ странствовалъ по своей весьма обширной епархіи и возвратился въ Слуцкъ только около половины сентября 1788 года. Между тѣмъ предъ возвращеніемъ его на свою каѳедру надъ нимъ и надъ паствою его начала появляться грозная, страшная туча. Туча эта не замедлила разразиться, какъ только русскія войска, квартировавшія на Украинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ Посполитой Рѣчи, двинулись въ предѣлы Россіи и оставили безъ своей защиты обитателей Польши, какъ удержавшихъ православіе, такъ и желавшихъ оставить унію и возсоединиться съ православною церковью. О таковомъ желаніи послѣднихъ весьма скоро узнали католическія и уніатскія духовныя власти и, чтобы подавить оное, стали разглашать, что на Украинѣ замышляется страшный бунтъ противъ Посполитой Рѣчи и что главный виновникъ замышляемаго бунта — схизматическій архіерей Садковскій съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, которое уже приготовило множество смертоноснаго оружія для истребленія поляковъ [1]). Ни на чемъ не основанная молва, благодаря содѣйствію враговъ Россіи, польскихъ магнатовъ—молодаго Сапѣги, Потоцкаго, Браницкаго и другихъ, начала быстро распространяться среди обывателей Варшавы. Сподвижники барской конфедераціи сочли благовременнымъ напомнить имъ о варварствахъ гайдамакъ, объ уманской рѣзнѣ и объ ужасахъ коливщины, которые померкнутъ предъ приближающеюся хлопскою рѣзнею. А досужіе, изобрѣтательные варшавскіе художники по-

[1]) См. №№ Варшав. газеты Czas съ 20—30 апр. 1789 г. Здѣсь пишется, что „дизунит. епископъ приказалъ своимъ попамъ привести хлоповъ къ присягѣ поголовно вырѣзать ляховъ на Украинѣ“.

спѣшили выдумать и выставить въ магазинахъ и на городскихъ площадяхъ даже модели вновь изобрѣтенныхъ украинцами кинжаловъ и ножей съ ужасными по виду крючками для вырѣзыванія польскихъ внутренностей и съ зубцами для увеличенія мученій. Польскія женщины при одномъ взглядѣ на эти модели падали въ обморокъ и, съ неистовымъ воплемъ обращаясь къ мужчинамъ, требовали немедленно приступить къ поголовному истребленію зачинщиковъ бунта. Предъ неистовымъ воплемъ паней и паненокъ никакое здравомысліе мужчинъ не могло устоять.

Первыми жертвами польскаго раздраженія въ концѣ 1788 и началѣ 1789 года были русскіе подданные, которые по торговымъ и разнымъ промысловымъ занятіямъ своимъ жили въ Варшавѣ. Ихъ заподозрили въ солидарности съ мнимыми украинскими бунтовщиками, немедленно заключили въ темницы и во время допросовъ подвергли жестокимъ пыткамъ, а затѣмъ казнили, не смотря на то, что во время судопроизводства къ изобличенію ихъ не было представлено никакихъ уликъ. Когда жестокая казнь производилась за варшавскими рогатками надъ невинными русскими подданными, преосвященный Викторъ, будучи чистъ предъ Богомъ и своею архіерейскою совѣстію, спокойно отправлялъ свои архіерейскія обязанности. 18 апрѣля 1789 года съ нѣкоторыми духовными лицами онъ возвращался въ Слуцкъ изъ Грозовскаго монастыря, въ которомъ въ тотъ день совершалъ богослуженіе. На половинѣ дороги его окружили польскіе жолнѣры, заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ, какъ великаго государственнаго преступника, препроводили въ несвижскую крѣпость гродненской губерніи, а отсюда въ Варшаву 9 мая того-же года. Въ варшавской газетѣ Czas $^{27}/_{15}$ мая прописаннаго года кратко описано прибытіе епископа Виктора въ Варшаву: „въ прошедшій понедѣльникъ (мая $^{21}/_{9}$) къ вечеру слуцкій дизунитскій епископъ вмѣстѣ съ своимъ официаломъ и другими пятью лицами (членами своей консисторіи) приведенъ въ Варшаву подъ карауломъ жолнѣрами Посполитой Рѣчи, при многочисленномъ стеченіи народа по городскимъ улицамъ“. Игуменъ Гавріилъ, тогдашній капелланъ рус-

скаго посольства при королевскомъ дворѣ, съ греческими, жившими въ Варшавѣ, колонистами, со слезами на глазахъ встрѣчалъ преосвященнаго Виктора и провожалъ его до самой темницы, приготовленной для заключенія его въ подземельяхъ палаца графовъ Красинскихъ. Проживая въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ съ 2 декабря 1795 года по 16 марта слѣдующаго года, отецъ Гавріилъ довольно часто разсказывалъ инокамъ сего монастыря объ этой печальной встрѣчѣ архипастыря узника и разсказы свои заключалъ слѣдующими словами: „Когда караульные жолнѣры отдѣлили преосвященнаго Виктора отъ его свиты, также закованной въ кандалы, то онъ осѣнилъ ее, а также меня и грековъ архіерейскимъ благословеніемъ, и мы пропѣли ему, какъ намъ думалось, послѣдній разъ: Ἐις πολλά ἔτη δέσποτα". Но это печальное свиданіе русскаго капеллана съ Викторомъ не было послѣднимъ. При посредствѣ дукатовъ, которыми охотно снабжали отца Гавріила греческіе колонисты— Добрычи, Самохваловы и Дучинскіе, онъ изрѣдка проникалъ въ темницу для свиданія съ узникомъ и своими сердечными бесѣдами смягчалъ тяжкія злостраданія архипастыря, который несъ крестъ свой, какъ жертву для избавленія паствы своей отъ фанатическаго польскаго ига.

Считая Виктора страшнымъ государственнымъ преступникомъ, вождемъ всего западно-русскаго народа, приготовлявшагося вырѣзать всѣхъ поляковъ, жившихъ въ западной Россіи, Посполитая Рѣчь строго воспретила допускать къ нему для свиданія кого бы то ни было изъ его пасомыхъ и немедля учредила особую судную комиссію для производства надъ нимъ суда. Члены сей комиссіи весьма часто подвергали святителя самымъ продолжительнымъ допросамъ и при допросахъ нерѣдко угрожали ему пытками и смертною казнію. Одновременно съ арестованіемъ его польскіе чиновники (сыщики) произвели самый тщательный обыскъ въ слуцкой консисторіи и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей монастыряхъ, протопопскихъ правленіяхъ, церквахъ и даже въ гробахъ православныхъ покойниковъ, съ цѣлію найти тамъ приготовленное будто-бы оружіе для истребленія поляковъ и переписку по дѣламъ задуманнаго

бунта [1]). Конечно, нигдѣ не было найдено никакихъ уликъ противъ ложно обвиненнаго святителя, такъ какъ онѣ существовали только въ одномъ воображеніи фантастическихъ польскихъ магнатовъ, произведенномъ нагло распущенною уніатскими и католическими духовными властями—молвою, которая имѣла въ виду окончательно подавить православіе въ предѣлахъ Польши. Впрочемъ, не смотря на это, преосвященный Викторъ не только не былъ освобожденъ изъ варшавской тюрьмы, но въ маѣ 1790 года переведенъ былъ для болѣе строгаго заключенія въ ченстоховскую тюрьму, которая отъ Варшавы находилась на разстояніи 260 верстъ. Сострадательный капелланъ русскаго посольства отецъ Гавріилъ, не смотря на дальнее разстояніе, нѣсколько разъ пріѣзжалъ и въ Ченстоховъ съ святыми дарами, которыми пріобщался святитель-узникъ. И греческіе колонисты, весьма любившіе Виктора, пріѣзжая по торговымъ дѣламъ своимъ въ Ченстоховъ, если не могли при посредствѣ дукатовъ проникнуть въ тамошнюю тюрьму, то всякій разъ передавали тюремному смотрителю и деньги, и разнаго рода продукты для улучшенія весьма скудной пищи, отпускавшейся архипастырю.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія преосвященнаго Виктора въ тюрьму, польское правительство, для управленія православными монастырями и церквами, учредило двѣ временныхъ консисторіи, — одну въ мѣстечкѣ Богуславѣ (кіевской губерніи), а другую въ городѣ Пинскѣ на Полѣсьѣ. Первая изъ нихъ называлась брацлавско-житомірскою греко-орэнтальною и подъ предсѣдательствомъ мотренинскаго архимандрита Иринарха Балановскаго управляла всѣми православными монастырями и церквами на Украинѣ. Что-же касается пинской, то она во главѣ бѣльскаго игумена Саввы Пальмовскаго управляла монастырями и церквами, расположенными близъ Варшавы, на Полѣсьѣ и въ Литвѣ. Той и другой консисторіямъ воспрещено было сноситься не только съ своимъ архіереемъ-узникомъ, но и съ кіевскимъ митрополитомъ, даже по дѣламъ рукоположенія кандидатовъ на священническія вакансіи. Въ основаніи этого

[1]) Арх. Св. Синода, дѣло 1789 г., № 112.

запрещенія лежало лукавое іезуитское предположеніе, что, когда въ предѣлахъ Польши поумираютъ всѣ благочестивые (православные) священники, то православные міряне вынуждены будутъ volens nollens принять унію или католицизмъ.

Въ апрѣлѣ 1790 года польскій сеймъ преложилъ свой гнѣвъ по отношенію къ православнымъ обитателямъ Польши на милость. Къ этому времени сеймовая комиссія, назначенная для изслѣдованія дѣла о бунтахъ, окончила трудъ свой, и послѣдніе дни марта 1790 года употреблены были сеймомъ на чтеніе и обсужденіе донесенія этой комиссіи. Комисія и сеймовые ораторы пришли къ убѣжденію, что Викторъ виновенъ въ замышлявшемся бунтѣ и требовали суда надъ нимъ. Судъ этотъ былъ назначенъ; поляки вздохнули свободно, и 13 апрѣля сеймовые маршалы универсаломъ пригласили всѣхъ жителей Польши принести Богу благодареніе за избавленіе Польши отъ угрожавшаго ей бѣдствія — бунта крестьянъ. При этомъ маршалы объявили, что король и чины сейма признаютъ права иновѣрцевъ и желаютъ окончательно разъ на всегда устроить духовныя дѣла ихъ [1]). Другимъ универсаломъ, послѣдовавшимъ 9 октября 1790 года, тѣ-же маршалы объявили, что они, по опредѣленію сейма, назначаютъ особую комиссію, которая должна собраться 1 декабря 1790 года и, по ношеніи съ лицами изъ диссидентскихъ исповѣданій и по полученіи отъ нихъ заявленій о желательныхъ ими перемѣнахъ и улучшеніяхъ по религіознымъ дѣламъ, составить проэктъ духовныхъ преобразованій и чрезъ три мѣсяца представить его на утвержденіе короля и сейма [2]). Проэктъ этотъ безъ замедленія былъ изготовленъ и разосланъ, кому слѣдовало, по областямъ [3]). Наскоро были собраны представители православія изъ Полѣсья, Пинска и Вильны [4]) и, разсмотрѣвъ этотъ проэктъ вмѣстѣ съ членами сеймовой комиссіи, представили сейму 2 марта 1791 года просьбу дать ходъ сему дѣлу и созвать православную конгрегацію для разсмотрѣнія этого про-

---

[1]) Relacya deputacyi do examenowania sprawy o buntu oskarżonych.

[2]) Архивн. Сборникъ, т. 5, стр. 245—247.

[3]) Тамъ-же, стр. 248—249.

[4]) Архив. Уніат. Митрополитовъ, связка 441.

экта и установленія духовнаго управленія по дѣламъ западно-русской церкви [1]). Маршаламъ поручено было созвать конгрегацію въ Пинскѣ [2]), а представитель православныхъ бѣльскій игуменъ Савва Пальмовскій отъ 31 марта 1791 года пригласилъ всѣхъ исповѣдниковъ благочестія принести Богу благодарственное молебствіе за короля и чиновъ Посполитой Рѣчи, дарующихъ имъ права, и выслать изъ своей среды уполномоченныхъ въ Пинскъ на генеральную конгрегацію къ 15 іюня [3]).

На конгрегацію явились уполномоченные отъ православныхъ монастырей, протопопій, благочиній, городовъ и братствъ. Въ числѣ ихъ было 24 монашествующихъ, 20 изъ бѣлаго духовенства и 30 изъ мѣщанъ и дворянъ. Къ конгрегаціи примкнули и иновѣрцы: представители короля и сейма, члены, составлявшіе проэктъ конгрегаціи; явились также и латинскіе ксендзы съ уніатскими попами во главѣ пинскаго бискупа Горбацкаго и его викарія Булгака. Во время публичнаго засѣданія, состоявшагося 1 іюля, были прочитаны и единогласно приняты положенія новаго устройства православной церкви въ предѣлахъ Польши. Сущность сихъ положеній заключалась въ слѣдующемъ: 1) объявлялась національная церковь въ Польшѣ, зависимая по духовнымъ дѣламъ отъ константинопольскаго патріарха, но не имѣющая права, даже по духовнымъ дѣламъ, сноситься съ какою либо другою церковію. Высшая іерархія этой церкви должна была состоять изъ архіепископа и трехъ епископовъ, которые будутъ управлять, кромѣ консисторіи, посредствомъ національнаго собора, собирающагося при архіепископѣ, и посредствомъ конгрегацій при епископахъ. 2) До приведенія этого въ исполненіе, временно учрежденныя консисторіи, пинская и богуславская, будутъ управлять всѣми православными въ королевствѣ польскомъ, на Литвѣ и на Украинѣ [4]). Но объявляя свободу церковнаго православнаго управленія въ Польшѣ, пинская конгрегація въ то-же время ограничивала общеніе западно-русской церкви съ

---

[1]) Исторія паденія Польши Соловьева, стр. 247.

[2]) Архивн. Сборникъ, т. 5, стр. 250.

[3]) Кіев. Епарх. Вѣд. 1861 г., ч. неоффиціал , стр. 379—383.

[4]) Акты пинской конгрегаціи—Архив. Уніат. Митроп. № 124.

восточно-русскою и этимъ ограниченіемъ имѣла въ виду лишить православныхъ исповѣдниковъ, подданныхъ Польши, той защиты, которую они всегда находили въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Россійскомъ Синодѣ и русскихъ государяхъ. Православные члены пинской конгрегаціи не считали нужнымъ протестовать противъ этого ограниченія, такъ какъ имъ достовѣрно было извѣстно, что Россія блистательно оканчиваетъ войну съ Турціею и, послѣ заключенія съ нею мира [1]), приступитъ къ немедленной расплатѣ съ Польшею за всѣ ея неправды по отношенію къ православнымъ своимъ подданнымъ. Проэкту, принятому православными депутатами на пинской конгрегаціи, не суждено было осуществиться, такъ какъ съ половины 1792 года и Слуцкъ со своею минскою областію, и Украина, и Волынь фактически уже были русскими областями, и распоряженіе о раздѣленіи ихъ на губерніи сдѣлано 8 декабря 1792 года.

На пинскую конгрегацію православные депутаты представили на польскомъ языкѣ составленную ими въ началѣ 1791 года „общую вѣдомость о дѣйствительномъ состояніи греко-неуніатовъ, осѣдлыхъ въ областяхъ Польши, съ показаніемъ числа монастырей, протопопій, церквей и каплицъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того-же исповѣданія“. Какъ весьма цѣнный историческій документъ, показывающій, до какого минимума доведено было православіе въ предѣлахъ Польши къ 1791 году, считаю необходимымъ списать эту вѣдомость въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенномъ въ № 11 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ.

---

[1]) Миръ съ Турціею подписанъ былъ въ Яссахъ 29 декабря 1791 года.

ОБЩАЯ ВѢДОМОСТЬ

о дѣйствительномъ состояніи греко-неуніатовъ, осѣдлыхъ въ областяхъ Польши, съ показаніемъ числа монастырей, протопопій, церквей и каплицъ, монаховъ и приходскихъ священниковъ и всѣхъ жителей того же исповѣданія, представленная 1791 года уполномоченными греко-восточнаго исповѣданія гг. коммиссарамъ, назначенымъ отъ Рѣчи Посполитой, на генеральную конгрегацію въ г. Пинскѣ.

№ по порядку.	Монастыри мужскіе и женскіе.	Начальники.	Монахи.	Монахини.	Церковная прислуга.	Прихожанъ. Муж. п.	Прихожанъ. Женск. п.	№	Протопопіи и ихъ названія.	Протопопы.	Число приход.	Церкви и каплицы.	Священники.	Прислуга церк.	Народонаселеніе протопопіи. Муж. п.	Народонаселеніе протопопіи. Женск. п	Общее число народонасел.
1	Мотренинскій Свято-Троицкій	1	15	—	6	—	—	1	Смѣлянская	1	113	113	147	226	44010	41383	
2	Лебединскій Св.-Георгіевск.	1	22	—	39	1006	1095	2	Чигиринская.	1	47	47	46	94	10914	10165	
3	Пустынно-Жаботинскій Св.-Онуфріевскій	1	18	—	6	—	—	3	Черкасская	3	46	46	46	92	14985	14380	
4	Мошенскій Св.-Вознесенск.	1	20	—	—	—	—	3	Мошенская	—	16	16	7	32	4161	4100	
5	Медведовскій Св.-Николаев-	—	13	—	6	—	—	5	Корсунская	1	7	7	12	14	3426	3409	
6	Виноградскій Св.-Успенск.	1	12	—	16	—	—	6	Богуславская	—	8	8	13	16	2971	2884	
7	Корсунскій Св.-Онуфріевск.	1	8	—	2	163	163	7	Рашковская	—	13	13	3	26	—	—	
8	Богуславскій Св.-Николаев.	1	13	—	1	—	—	8	Чечельницкая	—	3	3	2	6	—	—	
9	Ржищевскій Св. Преображ.	1	8	—	—	—	—	9	Приходъ Оржанскъ Радзивила	1	1	1	1	2	509	502	
10	Бѣльско-Подляскій Свято-Никольскій	1	8	—	4	433	304	10	Уманская въ м. Торговицѣ .	—	—	1	1	2	—	—	
11	Дрогиченскій Св.-Троицкій	—	1	—	4	59	57	11	Въ г. Люблинѣ греческая .	—	—	1	1	—	47	27	
12	ДрогиченскійСв.-Преображ.	1	2	—	—	20	44	12	Въ г. Калишѣ	—	—	1	1	—	37	20	
	Женскіе:																
13	Чигиринскій Св.-Троицкій .	1	—	39	—	—	—	13	Въ г. Познанскѣ	—	—	1	1	—	58	20	
	Лебединскій Св.-Никольскій	1	—	69	—	—	—	14	Въ г. Петроковѣ	—	—	1	1	—	51	23	
	Немировскій Св.-Успенскій.	1	—	14	—	—	—	15	Въ г. Варшавѣ.	—	—	—	—	—	37	13	
	Итого. . .	13	132	122	112	1802	1704		Итого. . .	7	254	259	287	510	81214	76926	162024

Подлинную вѣдомость подписали:

Монастыря Мотренинскаго старшій архимандритъ Иринархъ Балановскій.

Даніилъ Наттокъ-Михайловскій, игуменъ и уполномоченный лебединскаго Свято-Георгіевскаго монастыря.

Мелхиседекъ Шаховской, игуменъ и уполномоченный жаботинскаго Онуфріевскаго.

Того-же монастыря монахъ Германъ Савчинскій, повѣренный отъ монахинь чигиринскаго монастыря.

Монастыря мошенскаго игуменъ и уполномоченный Лазарь Крыловскій

Монастыря корсунскаго игуменъ и уполномоченный Самуилъ Свидерскій.

Монастыря богуславскаго игуменъ и уполномоченный Аркадій Закржевскій.

Игуменъ Давидъ Евтушевскій, уполномоченный монастырей смѣлянскаго, виноградскаго и женскаго лебединскаго Свято-Николаевскаго.

Монастыря медведовскаго уполномоченный іеромонахъ Иларіонъ.

Монастыря ржищевскаго уполномоченный іеромонахъ Варлаамъ Яновскій.

Діонисій Стефановичъ, игуменъ и уполномоченный монастырей дрогиченскихъ.

Лука Романовскій, протоіерей, уполномоченный смѣлянской, чечельницкой и рашковской протопопій.

Смѣлянской протопопіи уполномоченный Петръ Волчковскій.

Димитрій Кривицкій, протопопъ и уполномоченный чигиринскій.

Іоаннъ Крупа, каневскій протопопъ, уполномоченный отъ деканатовъ богуславскаго, корсунскаго и мошенскаго.

Θеодоръ Бетулинскій, протопопъ черкасскій и уполномоченный черкасской протопопіи.

Той-же протопопіи намѣстникъ и уполномоченный Онисимъ Видовъ.

Іоаннъ Радзимовскій, протопопъ церкви Св. Николаевской ольшанской, уполномоченный.

Никифоръ Исаіевичъ, іерей, уполномоченный протопопіи чигиринской.

Николай Дидани, всадникъ (Aeques) венгерскаго королевства и делегатъ отъ варшавскаго греческаго общества.

Амвросій Францовичъ Дучинскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго неуніатскаго общества въ посадѣ его королевскаго величества Піотроковѣ.

Анастасій Грабовскій, уполномоченный отъ греко-восточнаго общества въ г. Калишѣ.

Анастасій Маховскій неуніатъ, уполномоченный греческаго прихода въ г. Люблинѣ.

Послѣ блистательной побѣды, одержанной Россіею надъ Турціею, и заключенія мира въ Яссахъ 29 декабря 1791 года, русскія войска въ началѣ 1792 года изъ предѣловъ Турціи двинулись на Украину и здѣсь расположились въ нынѣшнихъ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой приближался. Въ это время польскій король и польскіе магнаты, видя, что участь Посполитой Рѣчи въ рукахъ русской императрицы, стали уступать требованіямъ тогдашняго русскаго посла Булгакова. По настоятельному ходатайству его, король и члены его Постояннаго Совѣта 19 іюля 1792 года сдѣлали распоряженіе освободить преосвященнаго Виктора изъ его томительнаго, болѣе чѣмъ трехлѣтняго, заключенія, и въ тотъ же день отправили свое распоряженіе къ коменданту ченстоховской тюрьмы, съ представленіемъ немедля исполнить оное. Чиновникъ русскаго посольства Юзефовичъ и капелланъ о. Гавріилъ съ нѣкоторыми греческими купцами поспѣшили въ Ченстоховъ и прибыли туда ночью наканунѣ 22 іюля. Въ этотъ день Викторъ, измученный физически и нравственно, по прочтеніи правительственнаго распоряженія о дарованіи ему свободы, на рукахъ ихъ былъ вынесенъ изъ темницы. Когда солнечный свѣтъ и свѣжій воздухъ коснулись его, окружавшимъ

казалось, что онъ начинаетъ засыпать вѣчнымъ сномъ [1]). Но Богъ черезъ добрыхъ людей сохранилъ жизнь страдальца за православіе и продлилъ ее еще на одиннадцать лѣтъ. Викторъ прибылъ въ Варшаву 25 іюля и нашелъ пріютъ въ домѣ русскаго посольства, въ квартирѣ игумена Гавріила. Онъ былъ до того слабъ, что едва могъ съ помощію другихъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Благодаря сердечной заботливости членовъ посольства, здоровье его мало по малу начало возстановляться. Въ рапортѣ, подданномъ 4 августа въ св. Синодъ, онъ спрашивалъ у Синода: „какъ мнѣ и гдѣ оставаться, и входить ли мнѣ въ отправленіе епархіальныхъ моихъ дѣлъ, или ни?“ [2]). Съ такимъ вопросомъ обращался онъ, вспомнивши, вѣроятно, при этомъ многія изъ своихъ распоряженій, вызывавшихъ естественно на этотъ вопросъ, и прежде всего вспомнившій свою окружную грамоту изъ Несвижской крѣпости, въ которой приказывалъ всѣмъ духовнымъ и мірянамъ своей паствы — быть вѣрными не кому другому, а Рѣчи Посполитой и ея панамъ, и предавалъ проклятію всякаго, кто бы изъ духовенства осмѣлился приводить народъ къ присягѣ на подданство русской императрицѣ и поминать ее въ церквахъ, во время совершенія богослуженія [3]). Впрочемъ были и другія причины вызывавшія въ немъ прописанное недоумѣніе. Его и теперь преслѣдовало разнаго рода неустройство его дѣлъ. Его консисторія не существовала; его бумаги и вѣдомости были въ рукахъ поляковъ; онъ былъ безъ средствъ [4]).

Получивши на свой рапортъ отвѣтъ Св. Синода, Викторъ 5 марта 1793 года оставилъ Варшаву и въ Слуцкъ прибылъ 20 марта. Его обширная епархія съ 13 апрѣля стала называться Минской и поручалась по прежнему ему, а онъ самъ возведенъ

---

[1]) Обстоятельство это со словъ игумена Гавріила записано протоіереемъ Кіевскаго каѳедральнаго Собора Левандою, который былъ сотоварищемъ по академіи и Виктора, и Гавріила. Смот. біографію Леванды, напечат. въ Кіевѣ 1879. стран. 239—240.

[2]) Арх. Св. Синода за 1789 г. № 112.

[3]) Аппеха, стр. 426—431.

[4]) Арх. Св. Синод. дѣло 1789 г. л. 177—217.

былъ въ санъ архіепископа[1]). Такъ какъ въ это время и онъ самъ, и его пасомые de facto находились во владѣніи не польскаго, а русскаго государства, то его прежняя боязливость и нерѣшительность въ распоряженіяхъ совершенно исчезли, онъ заговорилъ, какъ настоящій русскій человѣкъ и вѣрный пастырь. Во второй половинѣ 1793 г. и въ началѣ 1794 г. Викторъ рапортами своими доносилъ Св. Синоду о желаніи уніатовъ, проживавшихъ въ его епархіи, возсоединиться съ православною церковью и просилъ у Синода исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе осуществить это святое желаніе. 22 апрѣля 1794 года оберъ-прокуроръ св. Синода объявилъ Синоду слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Ея Императорское Величество, увѣдомився, что жители губерній Брацлавской, Изяславской и Минской, которыхъ предки, а иные и сами, исповѣдывали православную греческую восточную вѣру, но потомъ лестію и притѣсненіемъ, во время польскаго владѣнія, обращены были на унію съ римлянами, изъявляютъ нынѣ усердное ихъ желаніе возвратиться къ истиной ихъ матери церкви благочестивой, Высочайше повелѣть изволила опредѣленному въ тѣхъ губерніяхъ на должность генералъ-губернатора Тутолмину въ исполненіе такого святаго намѣренія вѣрныхъ ея подданныхъ преподавать, въ чемъ надлежитъ, отъ свѣтскаго начальства защиту и пособіе; а Св. Синоду предоставляетъ препоручить преосвященному архіепископу Минскому, Изяславскому и Брацлавскому, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту, вызывая обитающихъ въ епархіи его къ возвращенію въ благочестіе....“. По полученіи увѣдомленія о таковомъ порученіи, Викторъ разослалъ свою грамоту, въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, по всѣмъ городамъ и селамъ своей епархіи. Въ этой грамотѣ онъ писалъ: „исполняя долгъ пастыря... приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или и сами они лестію и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной церкви...

---

[1]) Собр. закон. № 17300.

Возникните чада церкви, насладитесь свободно православнаго исповѣданія. Имъ воодушевлены были предки ваши и сами изъ васъ многіе. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви матери вашея, да насладитеся тишины совсѣми, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православной вѣры, обязательства вѣрности къ государю и государству его, тщательно проходя званіе свое" [1]).

Грамота сія имѣла самыя благотворныя послѣдствія особенно на Украинѣ. Вслѣдъ за обнародованіемъ ея къ архипастырю немедленно поступили просьбы отъ всѣхъ крестьянъ, насильственно приклонившихся въ унію, о возсоединеніи ихъ съ православною церковью. Но чтобы желанію ихъ не дерзнули противодѣйствовать польскіе помѣщики и чиновники, а также латинскія и уніатскія духовныя власти, тѣмъ и другимъ генералъ-губернаторъ Тутолминъ, на основаніи Высочайшаго рескрипта, объявилъ, что всякое противодѣйствіе возсоединенію уніатовъ будетъ „принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія" [2]).

Для болѣе успѣшнаго возсоединенія уніатовъ, Викторъ въ маѣ 1794 года избралъ самыхъ способныхъ и благонадежныхъ изъ ревнителей православія украинскихъ игуменовъ, протоіереевъ и іереевъ [3]) и, не смотря на слабость своего зрѣнія и частые недуги, самъ составилъ отдѣльную инструкцію для апостольской дѣятельности каждаго изъ нихъ. Въ этихъ инструкціяхъ, подписанныхъ его преосвященствомъ 30 іюня 1794 года, съ приложеніемъ красной сургучной печати, и вслѣдъ за тѣмъ разосланныхъ, указывались и сношенія избранныхъ лицъ съ гражданскими властями, и районъ для дѣятельности ихъ, и порядокъ возсоединенія уніатовъ, какъ мірянъ, такъ и священниковъ, и образованіе приходовъ, и преобразованіе уніатскихъ церквей въ православныя, и снабженіе ихъ святыми антиминсами, св. му-

---

[1]) Арх. Св. Синод. за 1794 г. № 261 л, 1.

[2]) Тамъ же л. 30.

[3]) Списокъ ихъ напечатанъ въ Кіев. Епарх. Вѣд. № 11 1892 г.

ромъ и богослужебными книгами, и правила при опредѣленіи къ нимъ священниковъ, какъ вызванныхъ изъ пяти ближайшихъ русскихъ губерній, такъ и мѣстныхъ, возсоединившихся съ православною церковью и остававшихся безъ приходовъ за приклоненіемъ ихъ прихожанъ на унію [1]).

Священнослужители, избранные для возсоединенія уніатовъ на Украинѣ, съѣхались предъ 18 августа въ Лебединскомъ Свято-Георгіевскомъ монастырѣ [2]). Послѣ совѣщанія относительно мѣръ для успѣшнѣйшаго выполненія возложенной на нихъ миссіи, каждый изъ нихъ отправился въ указанное ему мѣсто. Миссія ихъ, съ помощію Божіею, такъ успѣшно совершалась, что предъ 20 числомъ октября кіевскій митрополитъ Самуилъ выслалъ изъ Кіева для возсоединенныхъ церквей, чрезъ корсунскаго игумена Самуила, св. антиминсовъ 1617 и заготовилъ 1000 [3]). Въ генварѣ 1795 г. отцы миссіонеры почти окончили порученное имъ дѣло и возвратились на свои мѣста.

Ходъ возсоединенія уніатовъ довольно подробно описанъ въ № 10 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1891 годъ. Здѣсь на стр. 211 и 212 показано, что, по отношенію къ св. Синоду преосвященнаго Виктора отъ 28 февраля 1795 года, присоединено къ православію 2328 церквей, священниковъ 575, прихожанъ мужескаго пола 505257, женскаго пола 494962, да нераздѣльно обоего пола 9071; а всего 1009290 и кромѣ того 3 мужескихъ монастырей и 2 женскихъ. Уніаты, не пожелавшіе принять православіе до февраля 1795 года, вошли въ лоно православной церкви въ послѣдующее за тѣмъ время.

Уніатскіе священники, принявшіе православіе, прежде опредѣленія на приходы обязательно представляли документы

---

[1]) Въ Архивѣ Кіев. Консисторіи за 1795 годъ въ дѣлахъ подъ №№ 22 и 33 находятся двѣ инструкціи, одна на имя протопопа Іоанна Крупы, а другая на имя протопопа Левандовскаго.

[2]) Онъ находился въ 200 верстахъ отъ Кіева; 1843 года послѣдовало упраздненіе его.

[3]) Архив. Кіев. Консисторіи за 1794 годъ; см. копію рапорта митрополита Самуила въ св. Синодъ отъ 20 октября 1794 г. и дѣло о заготовленіи и отсылкѣ св. антиминсовъ минскому архіепископу Виктору.

о дѣйствительности своего рукоположенія, пріучались къ отправленію богослуженія по уставу православной церкви и затѣмъ отъ игуменовъ и протоіереевъ, завѣдывавшихъ дѣломъ возсоединенія, получали приказы о вступленіи въ должность приходскихъ священниковъ. Причемъ, по распоряженію архіепископа Виктора, требовалась отъ нихъ подписка, во первыхъ, о немедленномъ устройствѣ въ бывшихъ уніатскихъ храмахъ иконостасовъ, царскихъ вратъ, престоловъ и всего внутренняго порядка по чиноположенію греко-восточной церкви, и во вторыхъ—о личной явкѣ къ преосвященному для полученія такъ называемой усыновительной грамоты[1]). Къ прискорбію нельзя пропустить при этомъ факта, что между православными протопопами, коимъ поручено было возсоединіе, нашлись корыстолюбцы, которые отъ возсоединенныхъ священниковъ, при опредѣленіи ихъ на мѣста, требовали платы[2]). Преосвященный Викторъ, узнавши объ этомъ, предписалъ главному сотруднику своему архимандриту Варламу Шишацкому[3]) преслѣдовать и карать таковыхъ корыстолюбцевъ.

Предъ началомъ возсоединенія уніатовъ, жившихъ на Украинѣ, въ Польшѣ и на Литвѣ возникла страшная революція, которую организовалъ мятежникъ Грабовскій. Въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ поляками избито было не малое число русскихъ[4]). Самому Виктору угрожала опасность попасть въ руки революціонеровъ, когда они появились въ минской губерніи. Спасая жизнь свою, онъ 20 ноября 1794 года съ консисторіею своею и ея архивомъ поспѣшилъ изъ Слуцка въ Бобруйскую крѣпость, но на пути едва не попался въ руки самого Грабовскаго. При поспѣшномъ переѣздѣ

---

[1]) Арх. Кіев. Консистор. 1795 г. дѣло № 10, 30, 33, 44, 49, 50 и 51.

[2]) Тамъ же дѣло № 10.

[3]) Онъ былъ хиротонисанъ въ санъ житомір. епископа въ Кіевѣ 3 мая 1795 г. Арх. Св. Синода д. 1795 г. № 35 л. II. Бывши могилевскимъ архіепископомъ, онъ 14 іюля 1812 г., когда французы овладѣли Могилевомъ, принесъ присягу Наполеону и за то, по опредѣленію св. Синода, лишенъ архіерейства и въ званіи монаха скончался въ сентябрѣ 1823 г.

[4]) Арх. Св. Синода д. 1795 года № 45 л. 601.

въ Бобруйскъ, онъ сильно простудился и на смертномъ одрѣ пролежалъ до половины генваря 1795 года [1]).

3 марта преосвященный Викторъ донесъ Святѣйшему Синоду о намѣреніи своемъ отправиться въ изяславскую и брацлавскую губерніи, для визитаціи своей тамошней паствы, которая съ конца августа 1794 года значительно увеличилась по числу церквей и прихожанъ [2]). Изъ Слуцка на Украину онъ прибылъ 20 марта, и здѣсь апостольское странствованіе его продолжалось шесть мѣсяцевъ.

Останавливаясь на болѣе продолжительное время въ украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ Фастовѣ, Житомірѣ, Винницѣ, Брацлавѣ, Грановѣ, Смѣлой, Богуславѣ и Звенигородкѣ и въ монастыряхъ [3]), о которыхъ мы упоминали, Викторъ довольно часто совершалъ богослуженіе, къ которому изъ сосѣднихъ мѣстъ въ большомъ количествѣ собирались священники съ своими прихожанами. Къ архипастырю обязательно являлись всѣ возсоединенные священники съ документами о дѣйствительности своего рукоположенія, совершали въ его присутствіи богослуженіе и затѣмъ, послѣ надлежащаго наставленія, получали усыновительныя грамоты. Являлись къ нему въ значительномъ количествѣ и просители съ избранными кандидатами священства. Прося о рукоположеніи послѣднихъ, они въ прошеніяхъ своихъ указывали на слѣдующія качества лица, одобряемаго ими для возведенія въ священническій санъ: „1, NN благоговѣенъ къ Богу; 2, во всемъ безпороченъ; 3, трезвенъ всегда и запиватись не охочъ; 4, въ чтеніи и пѣніи ис-

---

[1]) Объ этомъ разсказывалъ самъ Викторъ въ 1796 году, когда его перевели въ Черниговъ. „Живучи въ Слуцкѣ, многимъ смятеніемъ я удрученъ былъ, когда мятежникъ Грабовскій, за первый предметъ меня подхватить имѣвшій, не только уѣздный городъ Слуцкъ, но и губернскій Минскъ, да и всю Минскую губернію нечаяннымъ своимъ между Минска и Слуцка впаденіемъ сильно потрясъ и въ чрезвычайное привелъ уныніе... я первѣе секретнымъ бѣгствомъ хотѣлъ спастись, чуть въ г. Глускѣ въ руки его Грабовскаго не попалъ, въ два или три дни потомъ полумертвъ нагло въ крѣпость привезенъ". Арх. Св. Син. д. 1796 г. № 128.

[2]) Въ это время на Украинѣ было церквей 2328, священниковъ 1495, а прихожанъ 1,342,383. Тамъ-же д 1795 г. № 263.

[3]) Архивъ Кіевской Консисторіи за 1795 годъ дѣла подъ №№ 2, 8, 16—18, 5, 6, 7, 20, 22, 41, 47.

кусенъ; 5, къ родителямъ своимъ, къ роднымъ и внѣшнимъ почтителенъ; 6, рѣчи чистой, не горькавъ, не гугнивъ и нешепетливъ. И посему въ приходѣ нашемъ мы желаемъ его имѣть за священника и смиренно просимъ о рукоположеніи его во священника къ церкви нашего прихода" [1]). Обычай рукополагать кандидатовъ священства не иначе, какъ съ согласія и одобренія самихъ прихожанъ, практиковался на Украинѣ до конца первой четверти текущаго столѣтія.

При визитаціи украинскихъ церквей, Виктора поражали крайняя ветхость храмовъ Божіихъ, отсутствіе въ нихъ подобающаго благолѣпія, бѣдность утвари и церковныхъ облаченій, небрежность священниковъ по веденію церковныхъ записей и надзору за церковнымъ хозяйствомъ и имуществомъ и, наконецъ, обычай протопоповъ держать за собою, для увеличенія средствъ къ жизни, по два и даже по три прихода. Окончивши свою визитацію, онъ возвратился въ Слуцкъ въ концѣ сентября и въ скорости переселился съ своею консисторіею въ губернскій городъ Минскъ. Устроивая здѣсь свою каѳедру, онъ началъ тщательно заботиться объ изысканіи средствъ и для утвержденія православія среди возсоединившихся уніатовъ, и для приведенія въ возможно лучшее состояніе подвѣдомственныхъ ему храмовъ Божіихъ и ихъ священнослужителей. Но заботу эту пришлось осуществить не ему, а другимъ іерархамъ, между которыми въ 1796 и 1797 годахъ раздробилась его весьма обширная епархія.

6 генваря 1796 года волею Божію скончался кіевскій митрополитъ Самуилъ; 1 апрѣля того же года на кіевскую каѳедру былъ перемѣщенъ черниговскій архіепископъ Іероѳей Малицкій, а на черниговскую каѳедру 13 мая, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ преосвященный Викторъ. Состоя на черниговской каѳедрѣ, онъ Высочайше награжденъ былъ орденами Св. Анны и Св. Александра Невскаго 1-хъ степеней и довольно часто бывалъ въ Кіевѣ, пріѣзжая сюда помолиться на могилѣ родителей своихъ, которые погребены

---

[1]) Также № 3.

были въ Подольской части Кіева у церкви Святаго Спаса, и для свиданія съ Кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ и знаменитымъ товарищемъ своимъ по академіи протоіереемъ Кіево-Софійскаго Собора Іоанномъ Левандою [1]). 9 сентября 1799 года Викторъ погребалъ митрополита Іероѳея [2]); преемникъ послѣдняго Гавріилъ Банулеско въ сентябрѣ 1803 года уволился на покой, и въ ноябрѣ того же года получено было частное извѣстіе о назначеніи на кіевскую каѳедру архіепископа Виктора [3]), но это назначеніе не осуществилось, такъ какъ онъ самъ скончался 11 числа того же мѣсяца, въ день своихъ имянинъ.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

---

[1]) Біографія протоіер. Леванды, напечатанная въ Кіевѣ 1879 г. т. 1 стр. 195, 239, 242 и 257.

[2]) Архив. Кіев. Консист. 1799 г. № 136.

[3]) Біографія Леванды т. 1 стр. 265.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784 1851).

(ОКОНЧАНІЕ).

XIX.

Поминъ

о славній козаччини въ Малороссіи, давно колысь бувшой и теперешной декабря 20 дня 1837 года.

Булы на свити козакы,—
Колысь!... А що воны теперъ?...
Злыденны сталы мужыкы,—
Весь духъ козацькій въ ныхъ замеръ.
Не стало блызько ворогивъ,
Сусидивъ злыхъ—Татаръ, Ляхивъ;
Кругомъ бороныть ихъ Москаль.
На що жъ имъ мидь, зализо, сталь?...
Теперъ воны соби жывуть,
Неначе въ Бога за двермы;
Татаръ у гости вже не ждуть,
Що за жинкамы, за дитьмы
Ихъ,—якъ бувало въ старыну,—
Ишлы,—якъ бачишъ сарану.
Теперъ не треба имъ рушныць,
Щобъ бороныть своихъ граныць.
И зледащилы козакы

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

Одъ тыхомырья въ ихъ земли;
И списы, й шабли—вси въ кускы!...
Та й вси на пичъ—въ тепли ляглы!...
Горилку пьють, идять, да сплять!...
Линь имъ и голову пиднять.
Якъ теплу пичь покинуть?—Жаль!
Покы не згоныть ихъ москаль.
Такъ зледащившы козакы,
Воны уси свои хаты
Пообертали на шынкы,—
Щобъ блызько пыть було иты;
Усюды пляшкы, чарочкы...
Пьють зъ ными ихъ и жиночкы,
Пьють зъ ными й дити вси малы,
Щобъ выродкамы не булы...
А у такыхъ господаривъ,
Що все зъ похмилья пьють, да пьють,
Якій посходыть де посивъ?—
Колы жъ воны и не оруть?...
Чортъ-ма нигде на хатахъ стрихъ;
Де жъ хочешъ бачыть хлиба стигъ?
Нема въ ихъ хати и кота,
А дежъ тамъ имъ нажыть скота!
Скотыньци треба теплый хливъ
И пашы вдоволь щобъ було;
Безъ того жъ скотъ ихъ поколивъ,
Все вверхъ до биса дномъ пишло.
Нема овець, нема й коривъ,
А вже и не пытай воливъ;
Хиба де шкапа ще мелькне
Така що й нигъ не ворухне.
Колыбъ де киньскій хочъ копытъ,
Або товарячій де ригъ...
Усе пропыть имъ чортъ помигъ,—
Мазныцю наветь и батигъ.
Оставсь одынъ бовкунъ въ сели,

Не знайдешь билшъ, хочъ запалы.
А тутъ крычать: „Пидводу дай!“
Хочъ жинку зъ дитьми запрягай.
А тутъ весна. „Мостите шляхъ!“
А тамъ вси гребли рве вода!...
„Везите гній на сту возахъ!“
Всимъ немынучая бида.
Робы жъ, небоже, що ты хочъ,
Хочъ сядь да й плачъ,—або пидскочъ.
Зновъ жинку зъ дитьми запрягай,
А знай повынность одбувай.
Що жъ? схаменулысь Козакы?...
Хочъ литомъ за серпы взялысь?...
Ни! ще повнійщіи шынкы,
Ще дужче пыты прынялысь.
Теперъ, бачъ, зъ горя, дай ковтокъ!...
И курку, й гуску все въ шынокъ.
Вси безъ шапокъ, безъ поясивъ.—
Така покута сихъ бисивъ.
Дывытьця страшно!—голы вси!—
Въ рубцяхъ та въ латкахъ, якъ старци.
Дивчатъ знать тилько по коси,—
Въ дивочихъ свыткахъ молодци.
Вся голопупа дитвора
На смитныку коло двора
На сонци гріетця зъ Рябкомъ,
Изъ нымъ лежать соби рядкомъ.
Жинки жъ забулы прясты й ткать.
Теперъ таке въ ныхъ полотно
(Сказать бы правду—не збрехать),
Якъ въ старину було рядно.
Имъ легше прядыво пропыть,
Якъ пучками ёго крутыть,
До того жъ—грихъ бы бувъ жинкамъ
Не помогать пыть козакамъ.
Все пропылы!... А ще жывуть!...

Надходыть осинь,—тутъ бида!...
Подушне правыты идуть,—
А въ ныхъ на ныви—лобода.
Нема чого косыть, ни жать,
Ни продавать, ни пропывать:
Осталась ледви що душа.
Отъ тилько намъ и барыша!...
Яка жъ уже тамъ и душа?
Хочъ и козацькая вона,
Да що жъ?—не варта ни гроша,—
Такъ пьяна, гола и дурна.
Зовсимъ звелыся козакы,—
Остались зъ лынвы мотузкы;
И тилько въ казкахъ ще живуть,
Що козакамы ихъ зовуть.
А якъ бы мертвыхъ воскресыть?
И поробыть ихъ—хочъ людьмы?...
До щенту треба погасыть
Вси вынныци промежъ ными.
А безъ того ни въ викъ ніякъ
Не протверезытця козакъ;
Не буде чоловикомъ винъ,
Хочъ бый ёго,—хочъ плюнь, да й кынь.
Ціого жъ самого козака
Визьмы жъ лышъ тилько въ москали,—
И поступъ зъ разу не така.
Хочъ въ воду, хочъ въ огонь пошлы,
Моторный, жвавый—хочъ куды;
Нема іому нигде биды.
Чи кынь въ Гузаре—винъ усачъ,
Чи въ Гарнадеры—винъ сылачъ.
Такихъ-то ликивъ козакамъ
Годылось бы усимъ завдать.
„Не буть билшъ мужиками вамъ!
„До війська вамъ усимъ рушать!“

Сказать—да й годи.—Буде все!...
Колы жъ, колыжъ имъ прынесе
Сю зъ неба висточку Господь,
Що військовый воны народъ? [1])

XX.

Козаки въ счастьи.

Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ, найденный въ Глуховскомъ архивѣ.

Дѣялось за гетмана Павлюка
1638 року, маія . . . дня

... Воно-то діялося—такъ:
Лежу я пидъ викномъ, звычайно якъ козакъ,
Пидъ дворъ зповзлыся вивчары
Зъ самои раннёи поры.
Вже жъ я ихъ слухавъ, слухавъ...
То усъ крутывъ, то брови чухавъ,
Вертивсь на лавци сякъ и такъ,
Нейде на глуздъ ни якъ:
Що тамъ за бисъ гарчить?... курнявкать, гавкать ставъ...
Гуде, мовъ рой джмеливъ, мовъ кгездъ теля напавъ;
Крычить мовъ за живитъ завійна ухопыла,
Або объ землю бье когось нечыста сыла...
Эге!—сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гулъ!...
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти мулъ!...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай квакають: ква! ква!—нема имъ бильшъ роботы.
Що жъ се?—яка тамъ тваръ мемекае: мы! мы!
Ахъ трясьця. жъ въ ёго ма! ровняютця зъ людьми!...
Не только жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками!...
Ахъ, племя гаспидьске!—та мыжъ васъ нагайками!...
Що вы шверготчете?—по якому цей крикъ?

---

[1]) Происхожденіе этого стихотворенія и мысль его не совсѣмъ ясны, но можно думать, что оно имѣетъ связь съ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1830 г. для усмиренія польскаго возстанія въ черниговской и полтавской губерніяхъ организованы были козацкіе полки—всего до 16,000 чел.—изъ мѣстныхъ козаковъ. Послѣ усмире-

Нимота бисова! чи е у васъ языкъ [1])?
„Мы, кажуть, мы, мы, мы,—мы малороссіяне,
„Украинци зъ степивъ, (простите) слобожане [2]).
„Зъ супликою прійшли до васъ, якъ до батькивъ
„Къ козацкой старшини, до зацныхъ козакивъ,
„Щобъ вы таки далы и намъ якую раду,
„Безъ пастуха жъ не буть и намъ таки якъ стаду.
„Не мало жъ насъ такихъ, изъ нашихъ хуторивъ,
„Що зъ вамы жъ рѣзалы и Туркивъ, и Ляхивъ.
„Чимъ мы не козаки? Мы носымъ оселедци,
„И цюкнемъ шаблею, колы де доведеця.
„Ни шабель, ни ручныць не выпустымъ изъ рукъ:
„Намъ тилько покажить,—де тихъ шукать псяюхъ,
„Що хочуть скоштовать козацкои одваги,—
„А мы вже зваримъ имъ густои дуже браги.
„Мы щиро служимъ вамъ—не такъ якъ наймыты,
„Вы жъ зъ насъ глузуете,—мы все въ васъ хамуты!...
„Що все бачъ возымъ вамъ, и гинемъ при обози,
„Въ снигахъ и въ болотахъ, на сонци й на морози.
„Вы живытесь соби, де на войни грабижъ,
„А намъ же що зъ того? Все ижъ одинъ кулишъ!...
„Не доки жъ намъ ходыть и голымъ всимъ, и босымъ,—
„Пышить насъ въ козаки, Вельможность вашу просымъ!"
—Глянь,—погань що верзе!... Плюгавци, вонъ, а зась!
До козакивъ вашъ братъ николы не ривняйсь!
Такъ чванилась колысь и дулась жабалуха,
Хотила стать воломъ, та й триснула псяюха.
Одъ жабалухи цей соби бъ вамъ прыкладъ взять,
Та й бильшъ до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять!...
Чимъ же вы чванытесь?—„Отъ мы-то слобожане!"

нія возстанія малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ предлагалъ обратить это временное учрежденіе въ постоянное, но проектъ этотъ не осуществился. Въ печати, сколько намъ извѣстно, фактъ этотъ еще не былъ затронутъ, но намъ приходилось слышать, что у покойнаго А. Ѳ. Кистяковскаго были какіе-то документы, относящіеся къ этому дѣлу.

[1]) *Вар.* Чого вы крычыте ажъ ляскае въ ушахъ!...
Дывысь,—ось слухайте що тамъ за гамъ, ажъ страхъ!

[2]) *Вар.* Украинци лыхи и славни слобожане.

Вы такъ соби щось—атъ! нехрещены цыгане!
Кортыть ихъ въ козаки! Чи жъ зъ разумомъ ця ричъ!
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и сичъ.
Паскудство! пастухи! бездомни волоцюги!
Якои зъ васъ намъ ждать противъ поганъ услуги?
Васъ заразъ нападе перерва й перелякъ,
Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ [1])
А якъ де на кони побачите вы Ляха,
То швыдче всихъ зайцивъ розбижитесь одъ страха.
На що вамъ на себе ждать Туркивъ и Татаръ?
Жидивскій наймытъ васъ потре всихъ на сухаръ;
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою;
Батогъ здаетця вамъ громовою стрилою...
Отъ,—бачите сами—вамъ не прыставъ цей гамъ.
Не треба горло драть, а вгамоватьця вамъ.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте,
А лизти въ козаки?—и думки не турбуйте!...
Селите слободы, але жъ платить намъ чиншъ,
А ни?—такъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймытамы,
То справымъ вамъ штаны зъ широкими матнями,
Ремииины очкуры, ремииины й постолы
И пришвы на зиму, щобъ босы не булы . . . . .
. . . . А що тамъ дали пише,
Конець одъилы мыши [2]).

---

[1]) *Вар*: „якъ въ поли стринетця вамъ хочъ одинъ полякъ", при чемъ опущены слѣдующіе четыре стиха.

[2]) Стихотвореніе это представляетъ не воспроизведеніе архивнаго документа какъ можно-бы думать, судя по его заглавію, а такъ наз. „вольную" обработку историческаго сюжета. Исторической достовѣрности въ немъ искать нечего: ни положеніе козачества въ данный моментъ, ни личность Павлюка, насколько она затронута, ни хронологическія данныя (Павлюкъ былъ казненъ въ февралѣ 1638, а дѣйствіе происходитъ въ маѣ) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе стихотвореніе представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ возникавшую уже въ данную эпоху рознь между козаками реестровыми и „выписчиками", а также положеніе выписчиковъ, которые искали осуществленія своихъ козацкихъ идеаловъ, выселяясь въ степи приднѣпровской и слободской Украины и въ то же время составляли видный, хотя и не господствующій, элементъ въ козацкихъ возстаніяхъ.

XXI.

На кончину

Ректора Кіевскаго Университета св. Владиміра, незабвеннаго Владиміра Францовича Цыха, постигшую его на 32 году жизни 1837 года, Апрѣля 19 дня, въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы. Погребенъ 21 числа.

Въ святилищѣ Наукъ
Владиміра Святаго
Владиміръ Францовичъ, наперсникъ музъ и другъ,
Былъ перломъ дорогимъ вѣнца его златаго.
И выпалъ этотъ перлъ!...
Потерянъ безвозвратно!...
Млатъ смерти сокрушилъ и въ прахъ его весь стерлъ!...
Такъ въ мірѣ тлѣнью все причастно и превратно!...
Блестящею звѣздою
Прекрасной, лучезарной
На новый горизонтъ наукъ востекъ,—собой
Восхитилъ всѣхъ сердца, и скрылся въ мглѣ туманной
Во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.
Тебя ль, Цыхъ! зримъ мы мертва?
Ты рано вертоградъ Наукъ осиротилъ.
Миръ праху твоему, безвременная жертва!
Но Цыхъ не умеръ весь,
Въ дѣлахъ жить будетъ вѣчно.
Для пользы, для наукъ не долго жилъ онъ здѣсь,
Но Музы прахъ его кропятъ слезой сердечной.

XXII.

Стихотворенія посвященныя М. А. и Е. А. Максимовичамъ [1]).

1. Отписка

до мого доброго пріятеля М. А. М—ча на самый новый 1843 рокъ.

И ты здоровъ будь новымъ рокомъ!
И я тобѣ,—якъ ты менѣ,—

---

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлинника.

Жичливымъ хочу буть пророкомъ,
Щобъ вѣкъ твôй плывъ у тишинѣ.
Щобъ все ў тебе росло на нивѣ,
Въ садахъ, городахъ и хлѣвахъ;
Щобъ всюды всѣмъ ты бувъ щасливый
И не тягався по судахъ.
Чого жъ бажать намъ бôльшъ на старôсть,
Якъ есть хлѣбъ-сôль да тепла пêчъ?
Усе друге людская заздрôсть
Умремъ,—богатство марна рêчъ.
Не пôйдутъ зъ нами въ домовину
Червôнци наши и рубли;
Покинемъ мы у ту годину
Уси приманки на землѣ.
А тамъ тебе ўже не пôзнають,
Чи ты полковникъ, чи мужикъ;
А заразъ—„якъ ты живъ?"—спытають,—
И въ Рай, чи въ Пекло пхнуть на викъ!
Охъ! добре коли насъ по смерти
Не лайкою згадае хтось,—
Та не за те, що буде жерти
Кутю на поминкахъ, чи щось.
А скаже: „Память ёму вѣчна!
„Душѣ его дай Боже рай!
„Вона була къ добру привычна,
„Теперъ—ликуе тамъ нехай!
„Его вдова не скаже й дѣти,
„Що въ землю гроши винъ сховавъ,
„Що жъ мавъ, то знавъ куды подѣти,
„Не проѣдавъ, ни пропивавъ.
„Не всѣхъ Богъ рôвно надиляе,
„Про те винъ добре памятавъ;
„Якъ хто було въ чêмъ нужду мае,
„Винъ въ позычки,—и такъ дававъ!...
„Не закрывавсь—голубчикъ!—зъ хлѣбомъ
„Одъ добрыхъ, чесныхъ всѣхъ людей!...

„На добре все летѣвъ винъ стрибомъ,
А все недобре гнавъ зъ очей!“...
Хотѣлось бы й менѣ рôкъ новый
Почать жить краще, якъ той рôкъ,
Щобъ не злякавсь, а бувъ готовый
Иты на першій смерти крыкъ.
Та суча ёго знае маты,
Якъ утêкать намъ одъ грѣхôвъ!...
Якъ тяжко вѣкъ намъ коротаты
У Кіевѣ безъ тѣхъ рублêвъ!...
Що ступишь—то давай все гроши!...
А де у бѣса ихъ набрать?
Будь ты й розумный и хорошій,
Безъ грошей нѣчого жовать.
У Кыевѣ ни жнуть, ни сѣють,
Письменни дуже всѣ,—якъ бачь,—
А ѣсти ласощи умѣють,
На хлѣбъ не глянуть,—дай калачъ!...
Везуть до насъ усеньке моремъ,—
Проклятый кохвей той и чай!
А мы—ажъ крехчемъ соби зъ горемъ,
Та знай!—съ кабзы все утрачай!...
Де дѣлась наша варенуха,
Вышнивка, медъ нашъ варенець?...
Охъ! охъ! Украина старуха!...
Прійшовъ—вразъ зъ цукромъ твôй кôнець!...
Зачнѣмъ,—хочь зъ нового мы року,
Шавлію, буквицю варыть,
Щобъ бисову отъ ту мороку,—
Де гроши брать намъ?—уморить!

2. Посланіе

М. А. Максимовичу, 4 Февраля 1843.

На що ты прадѣдôвъ, прабабокъ
Турбуешъ кôстки въ могилкахъ?

И ввесь старинный на остатокъ
Твôй рôдъ одшукуешъ въ книжкахъ?
На що тобѣ тѣ всѣ шпаргалы,—
Гнилыê гнѣзда паукôвъ;
Гетьманскіê универсалы,
Одломки списôвъ, бунчукôвъ?...
Манатья старого шматинки
Одъ шароварôвъ и спôдницъ,
Старинны дзиглыки и скрыньки,
И сволоки зъ гнилыхъ свѣтлицъ?...
На що тоби трухлявы[1]) рамы
Зъ потретôвъ, зъ вôконъ предкôвськихъ?
Що въ кунтушахъ тоби зъ усами,
Въ корабликахъ?... Бувъ часъ на нихъ,
Теперъ настало время фракôвъ
Для оселедцôвъ и чубôвъ;
И мы пекти не станемъ ракôвъ
И зватись имьемъ козакôвъ.
Що жъ за утѣха, що за радôсть
Та вся свята старовина?
Збирать еи—якась-то заздрôсть.
Намъ бôльшъ потребна новина.
Намъ потребнѣйша жинка, дѣти,
Щобъ внуки, правнуки булы,
Щобъ въ памьяти ихъ намъ ожиты,
Якъ въ нашêй прадѣды жили.
Щобъ наша кровъ заговорыла,
Що й мы на свѣтѣ тутъ жили,
Щобъ нашъ внукъ знавъ,—де та могила,
Де наши кôсточки згнили.
Такъ поки живемо на свѣтѣ,
Грѣхъ гаять намъ даремно часъ,
Нехай же—знай!—такъ вьютця дѣти,
Якъ рôй бчолиный коло насъ.

---

[1]) *Вар.* Зацвѣвши.

От-то-то намъ потреты будуть,
И не глухи, и не нѣмы,—
Що всѣ живые не забудуть,
Що то булы за люде—мы?...

---

3. Сонъ

Февраля 1 дня 1843 года [1]).

На Михайловôй гори
Зъѣхались богатыри...
Одинъ—сокôлъ промежъ нихъ
Ясный—видно, що женихъ!...
Къ Кыеву всѣ поглядають,
Кого-сь звôдтôль пôджидають,
Не спускаючи очей,
Не доспавши сѣмъ ночей...
Глядь!... ажъ ось—плыве Днѣпромъ
Противъ Канева поромъ...
Ввесь золоченый,—блещить!...
На ёмъ панночка сидить!...
„То Елена!... то Елена!"...
На ȇй шубонька [2]) зелена,
А головка вся въ квѣткахъ;
Сама жъ въ золотѣ, въ шовкахъ!
Ей пôдъ рученьки беруть,
Заразъ въ церкôвцю ведуть,
Зъ женихомъ врядъ становлять.
На обохъ вѣнцы горять!...
Вся Михайлова гора
Молодымъ кричить: „ура!!!"
И тутъ всѣ богатыри
Принялися за пиры!...

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: „Пророческій сонъ. Мѣсяца Лютого, въ 1 день 1843 року.

[2]) *Вар.* Сукня вся.

Каневъ голову пôднявъ
Глядь!—винъ зъ роду не видавъ,
Щобъ Михайлова—гора
Такъ свѣтилась якъ зоря.
А я въ Кыевѣ сижу,
И на чудо се гляжу!...
Бачу ёго якъ теперъ...
Снилося жъ воно въ четверъ.

---

4. Въ Альбомъ

Е. А. М.

Вещь чудная—Альбомъ!
Васъ пригласятъ въ него, вы входите какъ въ домъ,
Гдѣ званныхъ множество гостей.
Тамъ шуму, говора, вѣстей!...
На разныхъ языкахъ,
И въ прозѣ, и въ стихахъ,
Отъ разныхъ слышится вамъ лицъ:
Мужчинъ степенныхъ, дамъ, дѣвицъ,
Пріятельницъ, кузинъ, сестрицъ...
Не скучно, радъ тутъ вѣкъ остаться,
Ну,—какъ въ Альбомъ мнѣ не вписаться?
„Пожалуйста, впишитесь!“
Тутъ смѣло вы въ Альбомъ садитесь,
Когда жъ неловко сѣсть,—ложитесь,
Да только берегитесь,
Съ хозяйкой вѣжливы, съ гостями будьте дружны,
Иначе—вы не нужны,
И вамъ укажутъ дверь.
На то въ Альбомахъ свой маннеръ:
Вотъ изъ Альбома вмигъ вашъ вырвется листокъ,
И вы съ нимъ тожъ,—о рокъ!...
Безъ крыльевъ полетите въ Лету,
А тамъ спасенья вамъ ужъ нѣту.
Но если чинно вы въ Альбомѣ усидите,

То вѣрное себѣ безсмертье тѣмъ дарите.
Въ подлунномъ мірѣ вашъ давно пробилъ ужъ часъ,
И слухъ объ васъ погасъ,
Въ Альбомѣ жъ вѣчно васъ
Живитъ воспоминанье.
Какое лестное за дружбу воздаянье!
На гробѣ вашемъ мхи и крапива растутъ,
За грязью надписи на камнѣ не прочтутъ
Прохожіе—а тутъ
Въ сафьянномъ, золотомъ
Альбомѣ—вы кругомъ
Отъ тлѣнья безопасны,
Безсмертію причастны;
Лежите вы себѣ,
Благодаря судьбѣ,
Межъ прозой и стихами,
Между помадой и духами,
На туалетѣ, иль на мраморномъ каминѣ,
Въ картонѣ съ чепчикомъ, иль съ лентами въ корзинѣ.
Порою горничны взвалятъ на васъ корсетъ,
Башмакъ, подвязки... нужды нѣтъ!
За то же барышня, отъ радости, иль скуки
Альбомъ завѣтный свой взявъ въ руки,
И въ немъ нашедъ меня порой,
Не можетъ не сказать: „Старикъ былъ дорогой,
„Капризенъ иногда,—но милъ,
„Со мною часто онъ шутилъ,
„Елену точно онъ любилъ,
„Какъ дочь свою родную"...
И слезку на листокъ уронитъ дорогую.

---

5. Къ стихотвореніямъ, рисующимъ отношеніе Е. П. къ М. А. Максимовичу можно отнести также стихотворную шутку „Біографія славнаго и незабвеннаго сѣраго кота Васьки", въ составленіи которой принималъ участіе и М. А. Это—цѣлая поэма изъ восьми стихотвореній, написанныхъ различными ли-

цами, жившими въ разныхъ городахъ и собранныхъ „издателемъ Е. Р.". Одно изъ этихъ стихотвореній принадлежитъ М. А. Максимовичу:

7. Эпитафія.

Миръ косточкамъ твоимъ, о незабвенный котикъ:
Ты къ смерти перешелъ отъ печки на чердакъ.
Недвижны лапочки и не мяукнетъ ротикъ,
Тебѣ ничто—ни пискъ мышей, ни лай собакъ.
Миръ косточкамъ твоимъ! Ты былъ любимецъ Оли
И воспѣвалъ тебя стихами Николай [1]),
За то ты славно ѣлъ и пилъ въ земной юдоли,
А тамъ навѣрное попалъ въ кошачій рай...

Ноября 21 дня 1842. *М. М.*
Михайлова гора.

XXIII.

Стихотворенія, посвященныя Я. И., Н. Я. и В. Я. Шульгинымъ.

1. Одъ свата Остапа до свата Якова [2])

пови шованье зъ именинами октября 9 дня 1848.

Сегодня Якова святого.
Я, вставши до свита, просывъ,
Щобъ именынныка винъ свого
Добромъ усякимъ надилывъ.
    Щобъ вы уси булы здоровы,
    Щобъ все вамъ якъ по маслу йшло,
    И щобъ не морщило вамъ бровы
    На свити ниякее зло.
Щобъ вси жилы, та поживалы,
Не знали ликъ, ни дохтуривъ,
Щобъ веселылысь, танцёвалы
Такъ... ще не маю бильше сливъ.

---

[1]) Дѣти Е. П. Рудыковскаго.

[2]) Яковъ Игнатьевичъ Шульгинъ.

Щобъ намъ ще оженить Витальця,
Та диточекъ его дождать,
Тогди жъ пійты въ крывого танця,
Та журавля потанцёвать.
Щобъ внучка наша пидростала,
Та щобъ була на дыво всимъ,
Щобъ князя въ женихи достала,
Дала-бъ намъ правнукивъ потимъ.
Всёго, всёго прошу у Бога.
Щобъ всимъ васъ разомъ надилывъ,
А якъ умремъ—туды й дорога—
Щобъ всихъ и небомъ надилывъ.

---

2. До любого мого зятька Мыколы [1]

у день его именинъ, октября 14 дня 1848 року.

Дôждавсь, Миколо, Божои ласки?
Сёгодни именинникъ ты,
Сядай же въ вôзъ, хочъ винъ и тряскій,
До Всихъ Скорбящихъ полети.
Одправь молебень, помолися,
Та митью заразъ и назадъ,
До дому скоро ты вернися,
Та учини порядокъ, ладъ.
Щобъ всѣ, тебе що поздравляли,
По горло мали ѣсти й пыть,
Бо ми сёго рôкъ цѣлый ждали,—
А въ горлѣ щось такъ и свербить.
Прочухать треба оселедцемъ,
Кавяромъ добрымъ, балыкомъ,
Та и ковтнуть гиркои зъ перцемъ
И закусить все чосничкомъ.
А що жъ твоя отце Маруся
Сидить та нянчитця зъ дитямъ?
Того-то дуже я й боюся,—
Не голодать бы ў васъ гостямъ.

---

[1]) Николай Яковлевичъ Шульгинъ.

А нужъ, Марусю, пôдтыкайся,
Рукава добре засучи,
За господарство принимайся
Усе вари, и все печи.
Не жаль сёгодни бъ и индика...
Спечи зъ начинкой порося...
А борщъ?—отъ це то рѣчь велика
Але-жъ вона тутъ ще не вся.
Борщивъ ты три, або чотыри
По старосвѣцки навары,
Щобъ у гостей ажъ прѣли гиры
Зъ борщемъ лыгавши сухари.
Поребринка и полендвиця
Зъ пелюсточками въ два борщи,
Въ борщъ шарый гуска пригодитця
Въ четвертый зъ часничкомъ лящи.
Та всѣ борщи позатовкати
Зъ цыбулькой товченымъ сальцемъ
И не забудь позаправляти
Мучицею, або пшонцемъ.
Та щобъ упрѣло все гарненько,
Не позбѣгалось у печи,
А пêчъ закрыешь ты раненько,
Якъ посажаешь калачи.
Потôмъ потравку цибулькову
До смаку добре присоли,
Та й родзинкову й шапранкову
Зъ медкомъ и зъ цукромъ пôдсмали.
А якъ зъ пôдливою индыка
На стôлъ поставишъ ты гостямъ
Тогди щобъ не було вже лика
Пряженичкамъ и всѣмъ сластямъ.
Та не скупитесь на вышнивку,
Але-жъ,—щобъ та була первакъ,
Коли-жъ нема, то мы й грушивку,
Або сливянку выпьемъ въ смакъ.

Бо буде такъ: що ложка стравы,
То и наливочки ковтокъ.
Безъ того мы не будемъ правы,
Якъ пôдвередимъ животокъ.
Наѣвшись добре, ляжемъ спаты,
Одлѣзши рачки одъ стола,
А якъ почнемъ одъ сна вставаты,
Щобъ варенуха тутъ була.
А не та кава, чай мерзеный,
Надсада тôлько животамъ.
Бодай не знавъ ихъ миръ хрещеный!
На що воны здалися намъ?
Чи наши жъ животы якъ лыки
Мочить чайкомъ та кофійкомъ?
Козацьки тельбухи велики
У нихъ все пхай четверикомъ!
Отъ такъ справляли именины
Батьки всѣ наши и дѣды!..
Миколко! хочъ до половины
Своимъ гостямъ ты догоды.
Але жъ гляды, не чванься дуже!
Прапцузьскихъ вынъ щобъ не було!
Одъ ныхъ паны голѣють дуже,
А намъ на що здалось те зло?
Намъ Економку Политичку
Виталій вчора прочитавъ:
Щобъ роскôшъ всякъ свою привычку
Назавше мôцно загнуздавъ.
Нехай уже тютюнъ та люлька
Въ забаву зостаютця намъ;
Вони потрибни якъ сосулька
Маленькимъ въ повитку диткамъ.
А бôльше щобъ ниякихъ збыткôвъ
Одъ сихъ не стало именинъ,
Хочъ-бы мы малы сто прыбыткôвъ,
Хиба, Богъ дасть, дôждемъ христинъ,

Або весильячко пôдскочить.
Пора жъ Витальця намъ женить.
Що винъ намъ голову морочить?
Чи все жъ съ кныжками буде жить?
А ну жъ, ковтнемъ ще на похмилье
По повнôй чарци заразомъ,
Та й пôйдемъ звать всѣхъ на весилье,
Бо мы не будемъ зъ гарбузомъ.
По именинахъ вразъ весилье?...
Отъ тутъ-то праздникъ!—що й казать?!!
Се жъ дубельтове намъ похмѣлье!
Ой дай же Господи дôждать!
Охъ! щось я пьяный забрехався!...
Щось нôсъ повѣсивъ нашъ женыхъ!...
Съ экзаментомъ заженихався!...
Нехай ёму стонадцять лыхъ!...
Щобъ той экзаментъ провалывся,
Винъ не дае ёму и спать.
Схудавъ ажъ бѣдный, похилывся!...
Давайте, станемъ ратовать.
Пôдсунемъ мы ёму панянку
Теплесеньку, мяґку, якъ пухъ,
Вона ёму пошепче зранку
И разомъ прожене недугъ.
А книжки ти и вси шпаргалы
Повыкидае на чердакъ.
Щобъ головы не высушали.
Отъ-такъ, Витальцю, буде, такъ!
Гисторійки зъѣдять тамъ крысы,
А горнограпію коты,
Одъ мудрости всѣ стануть лысы,
А мышъ имъ одгрызе хвосты.
Не лучше жъ крысамъ пропадати—
Одъ тихъ письменьскихъ всѣхъ трудôвъ?
А намъ на всѣ книжки плёвати,
Не тратячи багато слôвъ.

Чи правду я кажу, Миколо?
Ты—именинникъ, братъ—женихъ!
Скачи, душа, вертысь навколо,
Дôждавши радощивъ такихъ!..
Ой! дайте жъ промочить чимъ трохи,
Засохло въ горлѣ одъ брехни.
Гульнемъ, щобъ не кусалы блохи,
Щобъ радôсть бачить хочь во сни.

Старый Остапъ.

---

3. Магистру Виталію [1]

послѣ его экзамена, октября 29 дня 1848.

Ура!—ты кончилъ свой,
Виталій, славный бой;
Какъ гладіаторъ на аренѣ
Ты подбоченясь сталъ себѣ;
Всѣ апплодируютъ тебѣ...
Жаль! не былъ я на этой сценѣ.
Послушать любо!—говорятъ,
Что ты, не надѣвавши латъ,
Съ такою шелъ на бой отвагой,
Что всѣ противники потѣли смертной влагой.
И гдѣ жъ имъ до тебя
Равнять было себя?
Они всѣ—словно мошки
Полѣзли въ уши и глаза,
А ты, пріободрясь, какъ задалъ имъ туза,
Такъ всѣ они,—давай Богъ ножки!...
И гдѣ, кому съ тобой
Вступать въ неровный бой?
Прошелъ ты Альпы, Кордильеры,
Изслѣдилъ рѣки и моря,

---

[1]) Виталій Яковлевичъ Шульгинъ.

Всѣмъ пальцемъ указалъ,—гдѣ утрення заря
Красуется на всѣ манеры,
Выводитъ солнце на востокъ,
Плыветъ оно то вверхъ, то вбокъ,
Спустившись ляжетъ въ океанѣ,
Проспавшись же, какъ на диванѣ,
Спѣшитъ опять вставать заранѣ.
А какъ ты Грековъ вспоминалъ,
Да Римлянъ въ помощь всѣхъ призвалъ;
Какъ вдругъ нагрянули всѣ Ливіи, Тациты,
Ксенóфонтъ, Геродотъ, сѣдинами покрытый;
Они жъ какъ стали вызывать
На помощь всю военну рать
Героевъ Греціи и всѣхъ героевъ Рима,—
Явилась вкругъ тебя толпа необозрима!...
Герои Трои всѣ, всѣ гречески цари,
Не то что нынѣшни нѣмецки пушкари,
И Ксерксъ и Ганнибалъ, Брутъ, Фабій, Сципіоны,
Не то что нынѣшни французскіе шпіоны,—
Такъ гдѣ жъ тутъ и кому съ тобою устоять,
Увидѣвши такую рать?
Противники твои всѣ порознь зажужжали,
И думали сперва—въ расплохъ они напали;
Да видятъ у самихъ зарябило въ глазахъ,—
Напалъ на мошекъ страхъ!...
Давай онѣ кусать смѣлѣе,
У коихъ зубы повострѣе,
Чтобъ въ плѣнъ имъ не попасть.
А ты имъ истины претвердые доводы:
И дни, и числа всѣ, и годы
Поставилъ въ явную напасть.
Дошло до потасовки!
Хватилися они за новыя уловки—
На помощь Нибура и Мальтуса зовутъ...
„Друзья! вашъ тщетный трудъ!...
„Не знаетъ Нибуръ вашъ, сколь древни лапти наши,

„А Мальтусъ вамъ не дастъ безъ денегъ щей да каши.
„Да зналъ ли Мальтусъ вашъ, что русскій нашъ мужикъ
„Богатъ, и сытъ, и пьянъ, и самъ себѣ великъ?...
„И плодитъ семью безъ заботы,
„Пока достанетъ въ немъ охоты.
„Увѣренъ, что семья его числомъ сильна,
„А пищей вся земля у Господа полна.
„Не всѣмъ же соусъ ѣсть и жирные котлеты.
„Была-бъ капуста и горохъ
„А нѣтъ—съѣдимъ исландскій мохъ.
„Къ чему же Мальтусомъ лжи голода пропѣты?"...
Тутъ рѣчь твоя дошла до третьяго Ивана,—
Какъ цѣпь съ Руси онъ снялъ, да наложилъ на хана.
Сраженью тутъ конецъ,
Ты выигралъ вѣнецъ!
Противниковъ толпа вся пьяна!
Для подкрѣпленья силъ
Иной ужъ такъ хватилъ,
Что еле живъ остался...
И то ужъ честь ему, что онъ съ тобой сражался.
Ура! Виталій мой!
Magister дорогой!
Теперь по праву ты герой!
И честь тебѣ, и слава!...
Какъ вижу я, война—тебѣ одна забава;
Не выйду я съ тобой въ наукахъ на дуэль,
Лищь смѣло въ мельники могу пуститься
Надѣюсь—тутъ сто разъ случится
Тебя мнѣ посадить на мель.
Dixi [1]).

Е. Р.

---

[1]) Въ отвѣтъ на это посланіе В. Я Шульгинъ говоритъ: „Вы вызвали для поздравленія меня всѣхъ грековъ и римлянъ, потревожили всѣхъ великихъ людей: явилась такая гурьба народу, что я испугался страшно, хотѣлъ было благодарить Васъ стихами, да куда! и проза вся отъ переполоху изъ головы вышла!... Письмо адресовано „Viro humanissimo, ornatissimo, poetae praeclarissimo, ac in pugna, quam Rossi *мельникъ* vocant, bellatori egregio Domino Eusthafio de Rudykowsky".

4. Виталію Я. Ш.

По полученіи перваго выпуска его сочиненія: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“.

Изъ толстой женщины твоей
Такая, вижу, вышла крошка?!!
Предлинная фата на ней!
Одна лишь только видна ножка!
  Когда-жъ намъ явишь всю красу,
  Виталій, женщины—богини?
  Я первый ѳиміамъ несу
  На жертвенникъ ея святыни.
Величественъ обширный храмъ,
Созданью современный міра,
Открытъ поклонникамъ мужамъ,
Имъ тамъ злата играетъ лира.
  Привратники въ немъ и жрецы
  Одни благоговѣйны мужи,
  А наглецы тамъ и льстецы
  Не вынесутъ безмѣрной стужи.
Любовью тамъ сердца горятъ [1]).
И дышутъ райской теплотою,
Красамъ жены себя дарятъ [2]),
Чтобъ быть достойной ей четою.
  Узрѣвши Евины красы,
  Адамъ растаялъ [3]) весь душою,—
  Такъ пораженъ былъ въ тѣ часы
  Жены небесной красотою—
Власть женщины съ тѣхъ самыхъ поръ
Въ потомствѣ всей вселенной правитъ.
Откуда жъ могъ возникнуть споръ,
Чтобъ власть у женщины убавить?

---

[1]) *Вар*: Любовью мужа тамъ горятъ

[2]) *Вар*: Женъ красоткамъ себя дарятъ .. имъ...

[3]) Затрепеталъ.

Мы всѣ имѣли матерей
И къ матерямъ благоговѣли,
Взросли-жъ, женились,—и въ своей
Любви къ подругамъ охладѣли!...
Священны женщины права
Мужчины-дикари покрали!...
Но ты, Виталій, всѣ сперва
Открой намъ этихъ правъ скрижали;
Веди насъ въ этотъ дивный храмъ,
Гдѣ женщины сидятъ на тронахъ,
При томъ подвластны всѣ мужьямъ
И равенство хранятъ въ законахъ.
Но какъ дались тебѣ ключи,
Тебѣ отъ храма—холостому?...
Или женись, или молчи,
Иначе трепещи ты грому.
Женившись, просвѣтишь мужчинъ
И всѣхъ ихъ знать свой долгъ научишь—
Женъ уважать, какъ половинъ,
За что ты самъ вѣнецъ получишь.

Е. Р.

3 апрѣля 1850 г.
Кіевъ.

XXIV.

Элегія.

При прощаніи съ поэзіею февр. 15 дня 1843.

Прости, любимый мой конекъ,
Намъ не доѣхать до Парнаса,
А путь туда еще далекъ.
Гдѣ жъ крыльевъ взять тебѣ Пегаса?
Хоть жемчугъ превратить въ овесъ
И дать шампанское для пойла,
И тутъ никакъ бы не отвезъ
Меня конекъ мой дальше стойла.

Пора отстать намъ отъ стиховъ,
Поэзія намъ не дается.
Она была языкъ боговъ,
А нынѣ людямъ просто—врется!
За то читать насъ не берутъ!
И никогда не возьмутъ въ руки,
А если возьмутъ, такъ умрутъ,
Зѣвая во весь ротъ отъ скуки.
Бывало!... Пиндаръ прозвучитъ
Съ самой вершины Геликона,
Такъ Греція вся задрожитъ
Отъ гармоническаго звона,
О миръ!... бывало всѣхъ богинь
Съ богами вѣчно перессоритъ
И онъ же ихъ миритъ одинъ,
Никто не смѣлъ съ нимъ въ этомъ спорить.
Онъ всѣхъ ихъ на Олимпъ, на пиръ
Сбиралъ, какъ ямщиковъ въ харчевнѣ!...
Какъ тѣшился тѣмъ древній міръ,
Хоть драки были тамъ плачевны.
Героевъ, греческихъ царьковъ,
Онъ свелъ подъ Трою всѣхъ на драку,
Лили жъ они, какъ воду, кровь,
Не зная рому и араку.
Какихъ потомъ явилъ намъ Римъ
Пѣвцовъ?!... Виргилій и Горацій!...
Мы ихъ по днесь боготворимъ!...
А сколько жъ ихъ изъ прочихъ націй?...
Явились въ мірѣ Данте, Тассъ,
Жрецы поэзіи священной!!
Европа ими поднялась
Изъ тьмы невѣжества презрѣнной.
Потомъ открылся рядъ свѣтилъ:
Мильтоны, Байроны, Шекспиры!...
И кто бы блескъ ихъ помрачилъ?
Безсмертіемъ цвѣтутъ ихъ лиры

Было!... у насъ и на Руси
Явились дивные поэты.
А нынѣ—есть-ли гдѣ, спроси,
Подобныхъ даже хоть примѣты!...
Державинъ, Пушкинъ не умрутъ!
А дальше?... разъ, два, три,... обчелся!...
Чуть чуть было я,—экой шутъ!—
И самъ въ родню къ нимъ не приплелся.
Да въ пробный положилъ каминъ
Стихи мои для испытанья...
И чтожъ? Горятъ они! Аминь!...
Какого жъ ждать тутъ воздаянья?!
Узнавъ, что Музамъ я не милъ,
Прости! сказалъ я Аполлону,
И лиру въ дребезги разбилъ,
Отвѣсивъ Музамъ по поклону.
Не критикамъ обязанъ я
Тѣмъ, что съ поэзіей простился;
Въ томъ-то и слава вся моя—
Я самъ къ разсудку возвратился.
Не бывъ въ поэты посвященъ,
Въ цехъ риѳмоплетовъ не вступаю,
Парнасъ не ими населенъ,
Ословъ я самъ оттоль сгоняю.
Прошли златыя времена!...
На вѣкъ поэзія угасла!...
И чѣмъ затеплится она?...
Никто не подливаетъ масла!...
Было... къ поэмамъ клонятъ слухъ
Цари, вельможи и герои,
Свой ими восхищаютъ духъ
И въ часѣ бранномъ, и въ покоѣ.
А палъ прелестный какъ любилъ
Рондо, сонеты, мадригалы!...
Поэтъ тогда лишь ими жилъ,
Прелесты жъ ими и дышали!...

Геройство жъ и красы пѣвцы
Были не очень прихотливы;
Награда ихъ была—вѣнцы
Изъ лавра, мирты и оливы...
Иной поэтъ за милый взглядъ
Въ поэзіи сталъ исполиномъ;
А въ насъ такой огонь наврядъ
Разжегъ-бы кто карболеиномъ.
Намъ—золото давай скорѣй,
Намъ дай аренды, майоратства!...
На аукціоны у людей
Пошли душевныя богатства!..
Теперь вездѣ, куда ни взглянь,
Терзаютъ духъ одни итоги,
Разсчеты, щепетильна дрянь!...
Поэзіи жъ нигдѣ! О боги!!
Капризный и скеляжный вѣкъ!
Ты все самъ дробишь на атомы,—
Тебѣ-жъ поэтъ—не человѣкъ,
Стиховъ не напечатавъ томы.
Бѣгу... отъ риѳмъ, и стопъ, и формъ—
Ихъ не забрать и паровозу!...
Конекъ мой! на подножный кормъ!
А я пущусь пѣшечкомъ въ прозу.
И жду, покамѣсть на Парнасъ,
На акціяхъ риѳмъ, понемногу,
Устроитъ Англія для насъ
Уже желѣзную дорогу.
По ней домчимся мы какъ разъ
На верхъ Парнаса въ полъ-минуты
Намъ будутъ оды на заказъ
Туда вѣрнѣйшіе маршруты.

XXV.

День моего рожденія.

Сент. 21 дня 1848.

Шестьдесятъ и пятый годъ!
Здравствуй мой пріятель!
Вновь идти съ тобой въ походъ
Мнѣ велитъ Создатель!
Слушаю,—иду, иду,—
И несу всю ношу;
Тяжело, терплю бѣду,
А ее не брошу.
За спиною выросъ горбъ,
Голова плѣшива,
И весь сталъ въ морщинахъ лобъ,
Рожа не красива.
Нечѣмъ ѣсть, ужъ нѣтъ зубовъ,
Худо носятъ ноги,
И не вижу безъ очковъ
Столбовой дороги.
Днемъ и ночью: ахъ да ахъ!
Гдѣ мой сонъ дѣвался?
Кажется бъ упалъ да легъ,
Спалъ, не просыпался.
А какъ легъ,—болятъ бока!
Гдѣ покой желанный?
Скорчишь рожу старика
И встаешь какъ пьяный.
Такъ! не спавши и вставай
На дѣла, къ работамъ;
Богъ далъ день,—а пищу?—Знай,
Нѣтъ конца заботамъ!
Созданъ человѣкъ на трудъ:
Благо какъ есть силы;
А какъ хворости придутъ,
Какъ тутъ до могилы?...

Станешь и годамъ не радъ,
Радъ придать имъ бѣгу,
Только бы не опоздать
Къ вѣчному ночлегу.
Вы какъ мыслите, друзья?
И жена, и дѣти!
Не завраался ли ужъ я?
Можно въ эти лѣта!...
Надо намъ поговорить
Скоро о Духовной.
Но какъ нечѣмъ васъ дѣлить,
То пунктъ сей не спорный.
Повода не будетъ вамъ
За дѣлежъ браниться,
И моимъ чрезъ брань костямъ
Въ гробѣ шевелиться.
Бога въ сердцѣ я имѣлъ,—
Вотъ мое имѣнье!
Оставляю вамъ въ удѣлъ
На благословенье.

XXVI.

Годъ 67 моей жизни.

И шестьдесятъ седьмой примчался на рысяхъ!!!
Тяжелый грузъ тащу! пищу: Увы и Ахъ!!!
Да долголь мнѣ еще дежурить?
По чести—я усталъ;
И на дежурствѣ брови хмурить
Я по неволѣ сталъ...
Вѣкъ цѣлый бился, бился,
Какъ рыба бѣдная объ ледъ,
А до покоя не добился.
Глотай полынь ты,—а не медъ.

И вышло: истинны Крылова аксіомы
(Но мнѣ по слуху лишь онѣ были знакомы),
Что Мишенька зимой имѣетъ что сосать,
Коль лѣтомъ лапу въ медъ умѣлъ онъ запускать.
Что тѣмъ звѣркамъ на старость слава, честь,
У коихъ болѣе пушку на рыльцѣ есть.
Не всѣмъ же удалось быть въ жизни Муравьями.
Чтобъ къ зимѣ—старости собрать довольный кормъ:
Довольно и того—не быть чтобъ Стрекозами;
А нужно жъ имъ имѣть хоть норку или домъ,
Подъ старость гдѣ бъ могли улечься,
И хоть голоднымъ, да согрѣться.
А ты, о труженикъ! чернорабочій Волъ!
Или ярмо таскай, иль подъ обухъ пошолъ!...
На старость нѣтъ тебѣ средины,
Не жди ты корму—а дубины.
Былъ молодъ, въ силахъ—ты пахалъ,
Я кормъ тебѣ давалъ,
За то теперь отдай ты кожу
Съ говядиной... Я словъ не множу.

Сентября 21 дня 1850 года.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ въ харьковскомъ сборникѣ—сборникъ *народныхъ разсказовъ о кладахъ* (48 страницъ), записанныхъ сельскими учителями и учительницами въ Купянскомъ уѣздѣ. Малороссія—классическая страна кладовъ; здѣсь дѣйствительно ихъ много и въ особенности много народныхъ разсказовъ о кладахъ. Эта любопытная область фольклора, гдѣ warheit и dichtung переплелись между собой весьма тѣсно, впервые подробно разсмотрѣна г. Ивановымъ. До сборника г. Иванова было нѣсколько сообщеній у Чубинскаго, Руликовскаго, Кольберга, Я. Новицкаго, Драгоманова (14 разсказовъ), Кіев. Старинѣ, въ разныхъ газетахъ (напр. Харьк. Вѣд. 1887, № 146) и въ разныхъ провинціальныхъ этнографически-статистичискихъ изданіяхъ (напр., въ Опис. Черниг. епархіи Филарета V, 218). Г. Ивановъ даетъ 75 разсказовъ, записанныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ, причемъ разсказы эти распредѣлены по ясной системѣ, вслѣдствіе чего этотъ трудъ г. И. заслуживаетъ вниманія не только любителей фольклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины. Въ разсказахъ обнаруживается страсть малоруссовъ къ кладоискательству, раскрываются мѣстныя бытовыя особенности, историческія воспоминанія и кое-какія миѳологическія черты.

Въ началѣ статьи г. И. говоритъ, что повѣрья и разсказы о кладахъ могутъ послужить основаніемъ для разнородныхъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 6.

соображеній, выводовъ и сближеній. Въ нихъ можно отмѣтить черты локализаціи небесныхъ явленій, вѣры въ силу человѣческаго слова, анимизма и демонологіи. При этомъ г. И. доказываетъ мнѣніе, что нѣкоторыя повѣрья и сказки о кладахъ могли возникнуть подъ вліяніемъ изображеній на старинныхъ монетахъ на творческую фантазію народа. Такъ, на лицевой сторонѣ древнихъ кіевскихъ монетъ находится изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды колецъ, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные снурки; они легко могли быть приняты за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнію старикъ, и вызвать повѣрье, что это серебро старика, прикованнаго и стерегущаго кладъ. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, которыя также могли потомъ считаться охранителями кладовъ.

Обращаясь къ народнымъ разсказамъ, г. Ивановъ группируетъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) Разсказы о томъ, кто зарывалъ клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ. Зарывали разбойники, или татары, или турки, съ заклятіями.

2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады. Выходятъ весной или подъ большіе праздники, они являются людямъ или въ видѣ дряхлаго старика, или въ видѣ животнаго. Въ видѣ старика кладъ является въ 7 разсказахъ, причемъ въ однихъ случаяхъ старикъ служитъ прямымъ олицетвореніемъ клада, въ другихъ—даетъ деньги или совѣтъ, какъ вырыть кладъ. Въ 5 разсказахъ кладъ является въ видѣ коня, въ 2—собаки, 2—быка, 2—барана, 2—свиньи, 4—пѣтуха, 10—квочки. Нѣсколько разсказовъ о свѣчѣ надъ кладомъ, о томъ, что его можно взять только по назначенію, съ молитвою. Описаніе пріемовъ, какъ взять кладъ. Перечень 12-ти страховъ, какими черти пугаютъ людей, намѣревающихся сорвать цвѣтъ папоротника. Отмѣчено нѣсколько случаевъ упорнаго исканія клада. Приведены народныя указанія на мѣста нетронутыхъ кладовъ.

Нѣкоторые разсказы вызываютъ частныя сравненія, напр., разсказъ о томъ, какъ мужикъ для полученія заклятаго клада долженъ былъ вспахать поле двумя пѣтухами.

Во II т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (1890 г.) П. В. Ивановъ помѣстилъ „*Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ*“. Въ ряду другихъ сборниковъ малорусскихъ дѣтскихъ игръ сборникъ г. Иванова выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Всѣхъ игръ 95, именно: 15 игръ съ палками, 10 съ мячемъ, 4 съ ножичкомъ, 8 съ дощечками, камышками или косточками, 3 съ жгутомъ, 4 въ куплю-продажу, 21 съ ловлею (прятки, жмурки), 4 въ адъ и въ рай, 6 игръ съ гонкою и 13 игръ съ переговорами и припѣвками. Г. Ивановъ исключилъ воспроизводительныя игры, т. е. игры, въ которыхъ дѣти подражаютъ взрослымъ. Это исключеніе представляется неправильнымъ. На подражательныхъ играхъ можно прослѣдить, какія бытовыя и общественныя явленія въ настоящее время дѣйствуютъ на умъ и воображеніе дѣтей, что вноситъ школа. Г. Ивановъ ограничивается замѣчаніемъ, что дѣвочки воспроизводятъ обыкновенно занятія и слова матерей, мальчики-отцовъ; иногда они воспроизводятъ явленія общественной жизни, судъ и расправу, церковныя процессіи. По наблюденіямъ г. И. для взрослой деревенской молодежи игры на воздухѣ потеряли свою привлекательность. Подъ описаніемъ каждой игры указано мѣсто, гдѣ она записана. Употребляемые при играхъ термины, приговоры занесены въ текстъ буквально. Собиратель пользовался для сравненій сборниками Сахарова, Терещенка и Чубинскаго. Указываю здѣсь литературу предмета.

1) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, 1837; во 2 части помѣщено 62 игры.

2) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа, 1848, въ IV томѣ масса игръ—223, въ томъ числѣ собственно дѣтскихъ 27.

3) *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, т. III (1872 г.) 58 игръ и въ IV (1877) 28, всего 86.

4) *Сементовскій* въ Маякѣ 1843 г. XI, дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ дѣтскихъ игръ въ полтавской и черниговской гу-

берніяхъ: король, перепелка, галка, щитка, укравъ рипки, дробушка, воронъ (подробное описаніе); упоминаются игры въ хрещикъ, гуси, довголаза, горидубъ и шесть игръ въ мячъ (въ гилку, стѣнку, каши, свинку, горобця и городка).

5) *Срезневскій* въ Маякѣ 1843, XI, подробно описалъ игру въ короля; упоминаются кривой танецъ, кострубоньки и нѣкот. др.

6) *Метлинскій* въ Маякѣ 1843, XI, упоминаетъ объ игрѣ въ крашанки или на-вбитки.

7) *Максимовичъ*, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (напеч. въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., потомъ во 2 т. Собр. соч. 1877 г.). Здѣсь приведены слѣдующія дѣтскія и дѣвическія игры, съ превосходными историческими и бытовыми комментаріями: 1) дзвоныця (съ приказкой о татарахъ), 2) танци, или короготы, круговые и ключевые, 3) перепелка, 4) заюшка, 5) выступець (съ историческимъ именемъ Вишневецкаго), 6) просо сѣять, 7) шумъ (эта игра связана съ Днѣпромъ), 8) дѣтская приказка при купаньѣ въ рѣкѣ, 9) завиваніе вѣнковъ (троицкое), 10) сухой дубъ, 11) дробушки (игра эта связана съ русалками) и 12) кострубонько, (стр. 471, 474—479, 496, 505—509, 514, 521). Игры, запис. Максимовичемъ, относятся къ Кіевской губерніи, къ Наднѣпровью.

8) *Шейковскій*, бытъ Подолянъ 1860 (вып. I). Здѣсь приведено нѣсколько весеннихъ игръ и пѣсенъ, съ приложеніемъ мало идущихъ къ дѣлу замѣчаній о міросозерцаніи древняго человѣка.

9) *Свидницкій*, въ статьѣ „Великдень у подолянъ, нап. въ окт. и нояб. книжкахъ „Основы“ 1861 г., подробно описываетъ слѣдующія парубоцкія игры: 1) шила быты, 2) кашу варыты, или въ коня граты, 3) харлай, 4) довга лоза (парубоцкій и дѣвичій варіанты игры), 5) чортъ, 6) дзвоныця (то же, что „вежа“ Лозинскаго), 7) игры въ мячъ, 8) въ просо, 9) въ дзвена, 10) въ баштана, 11) въ нимця, 12) жмурки, или пижмурки (подробное описаніе), 13) кривой танецъ, 14) горошокъ, 15) заинька, 16) шумъ, 17) жельманъ (весьма подробное описаніе), 18) кострубонько, 19) колодій. Въ этнографическомъ отношеніи статья Свидницкаго (особенно сдѣланное имъ опи-

саніе дѣтскихъ и парубоцкихъ игръ) представляется весьма цѣнной.

10) *Лозинскій* въ „Зорѣ Галицкой“ 1860 г. (львовское изданіе) описалъ слѣдующія весеннія (великодныя) игры галицко-русскихъ крестьянскихъ молодыхъ людей и дѣтей: 1) мала купа, 2) вежа (становятся другъ на друга), 3) проба писанокъ, 4) млынокъ, 5) качало, 6) проба ланцюха, 7) гусакъ, 8) кручокъ, 9) воробчикъ, 10) мышка, 11) колесо, 12) дѣдъ, 13) чадо, 14) впустъ до раю, 15) галя. Кромѣ того, приложено 5 игорныхъ пѣсенъ, изъ коихъ одна относится къ игрѣ въ кострубоньку.

11) *Маркевичъ*, Обычаи и повѣрья малороссіянъ, 1860 г. На стр. 70—77 описаны игры: 1) воронъ, 2) перепелка, 3) король, 4) дурне колесо, или укравъ рипки, 5) дробушка, 6) галка, 7) щитка, 8) просо, 9) макъ, 10) деръ-деръ, и затѣмъ упоминаются горѣлки, бабки и кулачный бой. Описаніе помянутыхъ игръ почти дословно взято у Сементовскаго (изъ Маяка 1843 г.).

12) *Лисенко*, Молодощи, 1875 (Кіевъ). Здѣсь приведено нѣсколько игръ и приложены мелодіи веснянокъ и игорныхъ пѣсенъ.

13) *Bykowski* во 2 т. „Zbiór wiadom. do autrop. krajow.“. 1878 г. описалъ весеннюю дѣвичью игру „кустъ“ въ окрестностяхъ Пинска, причемъ привелъ 12 сопровождающихъ эту игру пѣсенъ. По языку пѣсни вполнѣ малорусскія. Объ игрѣ въ „кустъ“ говорится, между прочимъ, въ соч. г. Мандельштама. „Опытъ объяс. обыч.“ с. 228.

14) *Moszynska*, Kupajlo, w Zbiór wiadom. do autrop. krajow. 1881. V. Здѣсь описаны: 1) вязаніе колодокъ (съ пѣснями), 2) володарь, 3) кривый танецъ, 4) шумъ, 5) макъ, 6) зайчикъ, 7) нелюбчикъ, 8) царенко, 9) квасъ, 10) краска, 11) пижмурокъ, 12) бжолы, 13) блохи, 14) жукъ, 15) мышка, 16) жинка, 17) грибъ, 18) шулякъ, 19) гуси, 20) реготунъ, 21) хрещикъ, 22) карапусныця, 23) силь, 24) довга лоза, 25) верниголова, 26) коромысло и 27) щука. При многихъ описаніяхъ приведены игорныя пѣсни. Всѣ игры записаны въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви кіев. губ.

15) *Kolberg*, Pokucie I 1882. Въ отдѣлѣ „Zabawy na Welykden“ находятся описанія дѣвичьихъ игръ: 1) воробей, 2) огирокъ, 3) вербовая доска, 4) жукъ, 5) мужъ и жинка, 6) кострубъ, 7) дидъ и баба, 8) рынокъ, 9) перепелочка, 10) дивороюваты, 11) жельманъ, 12) жинка, 13) воротарь, 14) журыло, 15) крутый рндъ, 16) горщикъ, 17) сосненька, 18) ворота, 19) грушка, 20) сваты, 21) бильце, 22) билоданчикъ, и парубоцкія: 23) деркачъ, 24) дзвинъ, 25) хвистъ, 26) котъ, 27) лозы, 28) лубокъ, 29) перескички, 30) пынки, 31) шекало, 32) крамарь, 33) монастырь, 34) зграя, 35) Богъ и дидко, 36) дидъ, 37) шипорни, 38) плазъ, 39) вакъ и копецъ. Дѣвичьи игры сопровождаются пѣснями, къ которымъ приложены ноты. Игры №№ 1, 2, 3, 4, 9, 11, 13, 18, 23 приводятся въ нѣсколькихъ варіантахъ, такъ что всѣхъ №№ у Кольберга считается не 38, а съ варіантами 62. Описаніе игръ сдѣлано съ свойственной Кольбергу точностью.

16) *Потебня*, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 1883 г. Здѣсь находятся обширныя и въ высокой степени цѣнныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія слѣдующихъ весеннихъ игръ и пѣсенъ: 1) сѣянье проса, 2) ворота, 3) воротарь, 4) мосты, 5) вербовая дощечка и 6) горю-дубъ.

17) *Szablewska*—подробное описаніе игры „Кривой танецъ“ подъ Збаражемъ, въ Żbiór wiadom. do antrop. krajow. 1883. VII.

18) *Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, т. V. 1886 г. Здѣсь описаны дѣтскія игры и забавы въ Кубанской и Терской областяхъ. Описаніе составлено учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго начальства и по инициативѣ д—ра Е. А. Покровскаго. Этотъ сборникъ дѣтскихъ игръ почти всецѣло вошелъ въ вышедшій вскорѣ сборникъ г. Покровскаго.

19) *Покровскій*, Дѣтскія игры, преимущественно русскія (съ 105 рисунками), 1887 г. Въ этомъ громадномъ и цѣнномъ сборникѣ дѣтскихъ игръ встрѣчаются изрѣдка и малорусскія. Огромное большинство—игры великорусскія; затѣмъ есть игры вотяцкія, калмыцкія, грузинскія. Въ обширномъ „введеніи“

г. Покровскій говоритъ объ историческомъ, этнографическомъ и педагогическомъ значеніяхъ дѣтскихъ игръ. Пѣсни исключены, поговорокъ почти совсѣмъ нѣтъ; отдѣльныхъ техническихъ словъ въ сборникѣ г. Покровскаго весьма мало.

20) *Исаевичъ* собралъ въ окрестностяхъ г. Переяслава значительное число дѣтскихъ игръ, которыя напечатаны были съ предисловіемъ г. Горленка въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 г. Здѣсь находимъ: 1) Игры въ мячъ: а) высокій дубъ, или горе-дубъ, б) гилка простая, в) гилка сложная, г) гилка матковая, или матка, д) чортючка, е) каша, ж) яйца пички (великорус. ямки), з) баранъ, и) стинка № 1, і) стинка № 2; 2) Игры въ карты: а) пьяныця, б) свиня, в) видьма, г) визъ, д) дурень, е) невирный дурень, ж) хвалька, з) цыганъ, и) сыжъ, і) хвыль, к) шистъ, л) хлюстъ, м) нисъ, н) скубки, о) джгутъ, п) манахвейка, р) лава; 3) игры въ палки и кости: а) даровище, б) швайка, в) швайка съ цуркою, г) цурка, д) булка или бурда, е) школубъ или генъ-генъ, ж) тыкало, з) голый у голого, и) шапучка, і) шалахва, к) шкареберть, л) шкандыбки, м) шуль, н) скракли, о) палочки, короли, п) паци (бабки); 4) Игры „Зборная дружина:“ а) коромысло, б) рипка, в) таранъ, г) шуба, д) перевозить бабу, е) пукалка, ж) сикавка, з) плести лозу, и) довга лоза, і) сухій вовкъ, к) мала куча, л) тисна баба, или давить олію, м) куца баба, или ци-ци баба, н) квачъ, о) горилки, п) кони, р) ковзалка, репалка с) спускалка, т) крутилка, у) гуси, ф) воронъ, х) котики, ц) сучка, ч) кулачки. Итого въ короткихъ чертахъ описано 10 игръ въ мячъ, 17 игръ въ карты, 16 игръ въ палки и кости и 24 игры „Зборной дружины“, итого 67 игръ; игры въ карты составляютъ любопытную новинку въ малорусской этнографіи. Пѣсни и поговорки опущены. „Мнѣ едва ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мѣстности“ (т. е. переяславскомъ уѣздѣ), замѣчаетъ г. Исаевичъ въ концѣ своего сборника.

21) *Kopernicki* въ Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XI 1887 г., въ этнографическомъ описаніи Волыни приводитъ весеннія игры: 1) жена, 2) зайчикъ, 3) нелюбъ и милый и 4)

кривой танецъ и затѣмъ дѣтскія игры: 1) горобець, 2) рожа, 3) гуси, 4) деревце, 5) прижмурки и 6) основа.

22) *Сумцовъ*, въ сент. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. помѣстилъ краткія замѣтки о слѣд. играхъ: 1) водить тополю, 2) король, 3) кугиклы, 4) воротарь, 5) кострубонько, 6) кулачки и 7) паци (бабки).

23) *Иксъ*, Zabawy, gry i tance ludowe w okolicy Międzyrzeca podlasniego, въ Wisła 1889; между прочимъ описаны малорусскія игры въ гуль (бѣгъ парубковъ въ перегонку), кота и щура, крука, войну и кругъ съ Полынкой (Пелагеей?).

24) *Wanke (Anna)*, Halahicki, въ Zbiór Wiadomosci 1889. XIII; 14 игръ парней и дѣвушекъ: мала купа, вѣжа, млынокъ, качало, проба ланцуха, гусакъ и кручокъ (парубоцкія); воробчикъ, мышки, колесо, дидъ, чадо, впустъ до раю и галя (дѣвичьи). Подробное изложеніе содержанія этихъ игръ сдѣлано въ I кн. „Живой Старины“ 1892 г.

Для широкихъ сравненій могутъ быть привлечены великорусскія дѣтскія игры въ статьѣ г. Хрущова въ „Извѣст. Геогр. Общ.“ 1885, въ сборникѣ г. Покровскаго 1887 г., въ сборникѣ г. Тиханова въ „Матер. для изуч. крест. быта“ 1889, сербскія въ „Животерба селяка“ Миличевича III 1877 (30 игръ), болгарскія въ Сборникѣ за народ. умотв. I 1889 (14 игръ) польскія въ „Lud“ Кольберга, томы 2, 3, 5, 9, въ ст. Петрова во 2 т. „Sbiór wiadom. do antrop. krajow„, въ старинномъ соч. Голембіовскаго „Gry i zabawky“; для болѣе широкихъ сравненій драгоцѣнный матеріалъ даютъ Либрехтъ въ соч. Zur Volkskunde, Тэйлоръ въ соч. „Первобытная культура“, особенно Плоссъ въ соч. „Das Kind in Brauch und Sitte der Völker“ 1884 г. и Роланъ въ соч. „Rimes et jeux de l'enfance“ и затѣмъ французскіе сборники Тарбе, Бюжо, Пюимегра, Арбо, сборники италіанскихъ дѣтскихъ игръ Анджелети, Форнари, Дальмедичо; еврейскія дѣтскія игры въ Этногр. Обозр. 1891 II.

О дѣтскихъ присказкахъ и поговоркахъ игорныхъ см. обильные матеріалы въ Wisła 1888 и 1889 годовъ (328, 660 и др.).

Научное значеніе дѣтскихъ игръ, собранныхъ г. Ивановымъ, съ трудомъ поддается общему опредѣленію. При изученіи тѣхъ

или другихъ сторонъ фольклора можно пользоваться съ успѣхомъ этимъ сборникомъ. Я позволю при этомъ указать на свои статьи о воронѣ и зайцѣ (въ Этнограф. Обозр.), въ которыхъ нашли мѣста двѣ, какъ я думаю, весьма древнія игры, взятыя изъ сборника г. Иванова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ играхъ можно усмотрѣть остатки древняго почитанія силъ и явленій природы (дѣтскія приказки о дождѣ, обращенія къ божьей коровкѣ, или солнышку), можно подмѣтить слабыя историческія воспоминанія (набѣги татаръ), или историко-бытовыя культурныя переживанія (лукъ самострѣлъ, кулачки).

Въ III т. Сборника Харьк. Историко-Филол. Общества (1891 г.) г. Ивановъ помѣстилъ обширный *сборникъ народныхъ разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ*. Изъ краткаго предисловія г. И. видно, что сборникъ составлялся въ теченіе 14 лѣтъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ сборника приведены общія народныя понятія о вѣдовствѣ; затѣмъ слѣдуютъ 14 пріемовъ опредѣленія вѣдьмъ, раздѣленіе ихъ на родимыхъ и робленыхъ, о полетахъ ихъ на шабашъ, оберегахъ коровъ (нѣсколько разсказовъ о собакѣ ярчукѣ), много разсказовъ объ оборотничествѣ вѣдьмъ чаще всего въ бѣлую собаку, иногда въ свинью, клубокъ, копну, колесо, муху, яблоко.—Далѣе слѣдуютъ разсказы о томъ, какъ вѣдьмы обращали людей въ животныхъ, производили засуху, о смерти и посмертныхъ явленіяхъ вѣдьмы. Сборникъ оканчивается немногими разсказами объ упыряхъ. Наиболѣе обширный и цѣнный отдѣлъ—сказки о превращеніяхъ. Многія сказки въ этомъ сборникѣ г. Иванова представляютъ историко-литературный интересъ, напр.: сказка о злой женѣ и ея мужѣ, весьма сходная съ сказкой „Диковина" въ сборникѣ Манжуры, подробно разсмотрѣнной нами въ другомъ мѣстѣ, сказка о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти ея и чтеніи надъ ней въ церкви псалтыри—сказки типа Гоголевскаго Вія, уже разсмотрѣнной нами въ мартовской Кн. Кiев. Старины 1892 г., цѣлый рядъ сказокъ на тему „Гусара" А. С Пушкина и др.

Литература предмета весьма обширна. Въ томъ же III т. Сборника я помѣстилъ библіографическій указатель сочиненій

о вѣдьмахъ и упыряхъ въ 408 №№ (204 соч. на русскомъ языкѣ, 83—нѣмецкомъ, 58—французскомъ, 33 польскомъ, 11 италіанскомъ, по 6 на англійскомъ и чешскомъ, 4 болгарскомъ, 2 сербскомъ и 1 на латинскомъ). Нѣтъ надобности здѣсь пояснять, что эта библіографія далеко не исчерпываетъ предмета, чрезвычайно сложнаго и обширнаго. Отсылая интересующихся фолклоромъ къ этому указателю, я отмѣчу здѣсь, что о малорусскомъ колдовствѣ съ наибольшей подробностью, не считая г. Иванова, говорятъ Кольбергъ въ III т. „Pokucie“ Антоновичъ въ 1 т. „Трудовъ“ Чубинскаго, Драгомановъ въ Малор. нар. преданіяхъ, Чубинскій въ 1 т. „Трудовъ“, Ефименко въ Кіев. Стар. 1883 VI и XI, Кулишъ во II т. „Записокъ о юж. Руси“, Подберескій въ IV т. „Zbiór Wiadomości“, Рокоссовская въ XIII т. „Zbiór Wiadomości“, Руликовскій (ibid. т. III) и Сумцовъ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“.

Какъ минимальное условіе при изданіи новыхъ матеріаловъ о малорусскихъ вѣдьмахъ и упыряхъ, можно поставить предварительное сличеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя наиболѣе подробными сборниками Иванова и Кольберга.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Не могу не вспомнить еще одного эпизода изъ моей гимназической жизни. Гимназія была въ 17 верстахъ отъ мѣстожительства моихъ родителей. Мать въ хорошую погоду и при хорошей дорогѣ посѣщала меня почти каждое воскресенье, привозила мнѣ изъ нашего сада фрукты и иногда домашнія печенія. Все это я истреблялъ съ товарищами дня въ три. За такое потчиваніе товарищи мнѣ уступали во всѣхъ играхъ первенство. Это мнѣ льстило. Мать мнѣ иногда оставляла на сласти коп. 10, 15 сер. Сластями я тоже дѣлился съ товарищами. Но случалось иногда для поддержанія первенства угощать товарищей въ такое время, когда у меня не было ни денегъ, ни печеній, ни фруктовъ. Я рѣшился кредитоваться у еврея, всегда торчавшаго со сластями подлѣ нашей квартиры. Съ полученіемъ денегъ я расплачивался съ евреемъ, но все таки къ концу года образовался должокъ въ 45 коп. сер. Стыдясь сознаться отцу, который за мной пріѣхалъ, я молилъ Бога, чтобы мнѣ удалось ускользнуть домой, не встрѣтясь съ евреемъ и не давши ему возможности обратиться къ отцу. Это мнѣ дѣйствительно удалось; но хотя я ему надѣялся уплатить послѣ вакацій, однако совѣсть моя не была покойна. Чуть залаютъ собаки, я такъ и жду—не явился-ли еврей. Вакаціи приходили къ концу. Я началъ успокаиваться. Но вотъ однажды отецъ, возвращаясь со службы, у воротъ нашихъ засталъ противнаго еврея, который

---

¹) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 6.

поджидалъ случая увидѣться со мною. Дѣло объяснилось. Отецъ заплатилъ еврею 45 коп. и объявилъ, что если онъ посмѣетъ впередъ отпускать мнѣ въ кредитъ, то деньги ему не будутъ уплочены. Отецъ никогда меня не наказывалъ тѣлесно, не дозволялъ наказывать и матери; никогда не горячился, не кричалъ, но только становился угрюмымъ, несообщительнымъ со мною, а затѣмъ, когда я, вполнѣ сознавъ свою вину, приносилъ извиненіе, отецъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе и наставленіе. Вслѣдствіе такого обращенія отца со мною, я ужасно боялся сдѣлать ему непріятное и тѣмъ измѣнить его обращеніе со мною. Мать позволяла себѣ меня бранить, прикрикивала на меня, за то я ея менѣе боялся, менѣе любилъ и держалъ себя неосторожно и даже непочтительно въ ея присутствіи. Я тогда только смирялся и просилъ прощенія, когда она успокоившись, объявляла, что все перескажетъ отцу. И по дѣлу еврея отецъ ничего не сказалъ мнѣ, но я замѣтилъ въ немъ перемѣну относительно меня. Мнѣ было больно, и я самъ заговорилъ, обѣщая никогда не дѣлать долговъ. Отецъ добрымъ голосомъ заговорилъ со мною, и сталъ мнѣ давать наставленія. Съ тѣхъ поръ и до 60 лѣтъ жизни во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ я изворачивался такъ, что никогда не заводилъ долговъ.

Всѣ сослуживцы мои въ гимназіи, за исключеніемъ инспектора Т—ова, учителя Петра Дмитріевича К—ка и гимназическаго надзирателя П—скаго, оказались люди весьма добрые. Но почти всѣ они исполняли свои учительскія обязанности рутинно-механически. Впрочемъ, какъ я удостовѣрился впослѣдствіи, иначе они исполнять ихъ и не могли. Опредѣленная до мелочей программа, наборъ однихъ подходящихъ фактовъ, шпіонство надзирателя П—скаго, ревнивое наблюденіе Т—ова и Траутфеттера ставили учителей историческихъ наукъ и словесности въ механическихъ исполнителей программы и заставляли ихъ безъ всякихъ объясненій ограничиваться учебниками. Это рождало апатію, равнодушіе къ службѣ. П—скій вслѣдствіе полномочій отъ Т—ова постоянно подслушивалъ у дверей и позволялъ даже себѣ подъ разными предлогами входить въ классъ и прерывать занятія. Это порождало столкновенія между

учителями и инспекторомъ. Ученики за шпіонство и доносы не терпѣли П—скаго, и онъ былъ даже нѣсколько разъ ночью поколоченъ. Т—овъ употреблялъ его еще, какъ посредника при полученіи взятокъ съ учениковъ и какъ подрядчика общихъ квартиръ. Учителя языковъ и математики, хотя были менѣе стѣснены, но и они проникались общимъ духомъ апатіи и служили спустя рукава, лишь-бы благополучно отбыть ревизію попечителя округа или инспектора казенныхъ училищъ. Вообще для тѣхъ проходила благополучно ревизія, которые были хорошо рекомендуемы директоромъ и инспекторомъ, а прочимъ дѣлались замѣчанія со словъ директора и инспектора.

После венгерской компаніи введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, поглотившій все вниманіе и усердіе инспектора. Стали обучать всѣхъ безъ исключенія учениковъ равненію, выправкѣ военной и маршировкѣ. Это ежедневно поглощало нѣсколько часовъ. Инспекторъ нашъ былъ впрочемъ человѣкъ не безъ способностей, мастеръ былъ писнуть, даже стихи. Одни изъ нихъ появились въ „Сѣверной Пчелѣ" по случаю высадки союзниковъ въ Крыму. Въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ Россію незыблемымъ утесомъ, о который должны разбиться всѣ усилія Европы. Т—овъ былъ сынъ коммиссаріатскаго чиновника. Отецъ его скоропостижно умеръ. Мать съ небольшимъ сбереженіемъ поселилась въ Кіевѣ и опредѣлила сына въ гимназію. Здѣсь онъ встрѣтился и подружился съ ученикомъ Л—овымъ. Окончивъ 6 классовъ, Т—овъ опредѣлился въ гражданскую службу, но когда Л—овъ, въ должности столоначальника въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ вліяніе на дѣла округа, Т—овъ перешелъ въ учебную службу. Назначенъ былъ учителемъ въ уѣздное училище, а затѣмъ младшимъ учителемъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Онъ выдавалъ себя за родственника Л—ова, и какъ только Л—овъ достигъ должности правителя канцеляріи округа, Т—овъ сейчасъ назначенъ былъ исправляющимъ должность, а затѣмъ и инспекторомъ въ Ровенскую гимназію. Т—овъ отлично владѣлъ польскимъ языкомъ, ѣздилъ кутить и жуировать въ окрестности Каменца къ мелкопомѣстнымъ польскимъ помѣщикамъ

и управляющимъ крупными имѣніями; успѣлъ понравиться дочери какого-то управляющаго, женился на ней, и получилъ въ приданое 5000 р. сер. Эта молодая женщина скоро умерла отъ родовъ, оставивъ ему трехъ сыновей. Т—овъ все время служенія его инспекторомъ, а затѣмъ директоромъ въ Ровенской гимназіи боялся меня, какъ огня, и старался подъ меня поддѣлываться; хотя я зналъ навѣрное, что подвернись только случай, онъ поспѣшилъ бы утопить меня въ ложкѣ воды. Къ счастію у меня и по должности надзирателя общихъ квартиръ, и по должности учителя все было въ должномъ порядкѣ. Траутфеттеръ, сталъ хлопотать черезъ брата о переходѣ въ другую гимназію. Вскорѣ ему представился случай перейти на высшее мѣсто директоромъ гимназіи и училищъ Подольской губерніи. Тамъ директорствовалъ Р—енко, переводчикъ одной изъ драмъ Шекспира и, кажется, сотрудникъ „Морскаго Вѣстника". Онъ сначала служилъ директоромъ училищъ на Кавказѣ. Изъ Каменца по какимъ то причинамъ рѣшили его перевести на низшее мѣсто въ Ровно. Траутфеттеру сослуживцы не сдѣлали ни прощальнаго обѣда, ни вечера, потому что онъ былъ только сносный начальникъ, но, за исключеніемъ нѣмцевъ, никого изъ сослуживцевъ не жаловалъ и ни въ чемъ имъ не оказывалъ никакого содѣйствія. Р—енко, сухой, средняго роста человѣчекъ, блондинъ, съ огромною плѣшью, въ очкахъ, держалъ себя сановникомъ. Обошелъ классы разъ по пріѣздѣ своемъ передъ Рождеством и затѣмъ не показывался въ гимназію до самыхъ экзаменовъ. Учителямъ визита не сдѣлалъ и у себя ихъ не принималъ. Его можно было видѣть только на нѣсколько минутъ во время полученія жалованья, которое онъ раздавалъ самъ лично. Никто изъ учителей, за исключеніемъ Петра Дмитріевича Коленка, не былъ никогда имъ приглашенъ присѣсть. Р—енко пріѣхалъ въ каретѣ съ крѣпостными людьми. Визиты сдѣлалъ только высшей городской чиновной аристократіи, съ которой игрывалъ въ карты. Одинъ только Петръ Дмитріевичъ Коленко достигъ таки того, что Р—енко сталъ приглашать его къ себѣ на чай и принималъ наравнѣ съ другими своими гостями и игрывалъ съ нимъ въ карты. Посред-

ствомъ Коленка и Т—ва, Р—енко, какъ говорили, сталъ брать взятки за переводъ учениковъ изъ класса въ классъ.

Р—енко былъ въ Ровно директоромъ около двухъ лѣтъ; онъ дослуживалъ только пенсію, и въ эти два года гимназія пришла въ значительный упадокъ. Учителя дѣлались все апатичнѣе къ своимъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что Т—овъ съ Коленкомъ, подъ главенствомъ директора, отняли у нихъ почти все вліяніе, и отмѣтки учительскія въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и экзаменаціонныхъ спискахъ ровно ничего не значили: переводы рѣшительно дѣлались по волѣ директора.

Въ Ровенской гимназіи еще свѣжи были преданія о директорствѣ Аврамова. Его, однако, не смотря на многіе его недостатки, всѣ любили и хвалили. Онъ, говорятъ, бралъ взятки, но живностью и всякою провизіей, которую везли Аврамову со всѣхъ сторонъ, онъ охотно дѣлился съ учителями. Онъ велъ знакомство и въ городѣ, но учителя у него были свои люди, товарищи. Л—овъ, правитель канцеляріи попечителя округа, получалъ отъ него подарки. При Абрамовѣ учитель латинскаго языка сколотилъ капиталъ за уроки въ 12000 руб. Другимъ учителямъ жилось тоже не дурно. Не смотря на это, Абрамовъ былъ повышенъ. Его перевели директоромъ Житомирской гимназіи и училищъ волынской губерніи. При Траутфеттерѣ и Т—овѣ инспекторѣ гимназія въ учебномъ отношеніи не улучшилась, а учителямъ сдѣлалось плохо. Начальство учителей смяло и преградило имъ всякій путь къ наживѣ. На жалованье семейнымъ почти нельзя было жить—его не хватало. Я засталъ въ Ровно слѣдующихъ учителей: законоучителя протоіерея Омелянскаго, ксендза капеллана, учителя законовѣдѣнія Невгадова, учителя словесности Тихомирова, учителя исторіи Юскевича, учителей латинскаго языка: Епифановича и Славутынскаго, учителей математики: Кирилла Петровича Яновскаго и Петра Дмитріевича Коленка. Младшихъ учителей: Гриневскаго—русскаго языка; нѣмецкаго языка учителей Баландина и Виттенбурга и французскаго языка

Лемпъ [1]). Учителемъ приходскаго училища былъ молодой человѣкъ Михальскій, воспитанникъ Ровенской гимназіи. Гимназическими надзирателями были: Пухальскій и Маруничъ. Апатія, приниженность, обособленность, недостатокъ средствъ— все это способствовало тому, что учителя во время праздниковъ позволяли себѣ кутнуть до опьяненія; этому помогала и привычка, усвоенная еще въ университетѣ. Никто наукою не занимался, никто не слѣдилъ за своимъ предметомъ. Впрочемъ, повальнаго пьянства не было, а время проводили въ игрѣ въ карты въ преферансъ по небольшой. Одинъ только Коленко (Петръ) игралъ по большой. Игралъ еще по большой Яновскій [2]), который имѣлъ въ Малороссіи небольшое имѣніе и оттуда аккуратно получалъ доходы; игралъ еще Тихомировъ, проигравшій все, что имѣлъ, и Невгадовъ, получившій послѣ отца, полковника 12 года, въ наслѣдство 3000 р. Родная сестра Невгадова была за Сухозанетомъ, впослѣдствіи военнымъ министромъ, но Невгадовъ съ нею не сносился и не хотѣлъ пользоваться покровительствомъ зятя. Играли учителя въ карты главнымъ образомъ потому, что установить другой родъ развлеченія было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собранія знакомыхъ и сослуживцевъ, если только на нихъ не происходила картежная игра, никого не занимали. Траутфеттеровскіе буттерброды тоже соединены были съ игрою въ карты.

Вообще нужно сказать правду, что всѣ тогдашніе учителя были добрые люди, добрые товарищи и хорошо обращались съ учениками; исключеніе составлялъ одинъ Петръ Коленко. Нѣмцы сталкивались постоянно съ учениками, не умѣя съ ними обращаться, и ученикамъ изъ-за нихъ таки доставалось отъ начальства; но такъ какъ и ученики бывали не вполнѣ правы въ этихъ столкновеніяхъ, а иногда сами затѣвали ихъ съ умысломъ, то расположеніе учениковъ къ нѣмцамъ было такъ же хорошо, какъ и къ прочимъ наставникамъ. Одного Коленка Петра всѣ

---

[1]) Пропущенъ учитель географіи—Зражевскій или Малавскій.—Ред.

[2]) Впрочемъ, очень рѣдко.—Ред.

ненавидѣли. Траутфеттеровскій режимъ не нравился учителямъ, и кто могъ—старался перейти въ другое мѣсто. Кириллъ Петровичъ Яновскій перешелъ раньше другихъ въ одесскій округъ [1]); за нимъ послѣдовалъ туда-же Тихомировъ. О послѣднемъ я ничего не слыхалъ болѣе [2]). Кириллъ же Петровичъ Яновскій женился на весьма богатой молдаванкѣ и вскорѣ получилъ мѣсто директора Кишиневской гимназіи и училищъ бессарабской области. Онъ и гимназію и училища, по разсказамъ, привелъ въ порядокъ и, главное, открытою жизнью и милымъ характеромъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и дружбу вліятельныхъ лицъ.

Мнѣ удалось получить послѣ Тихомирова мѣсто старшаго учителя словесности русской и надзирателя общихъ квартиръ и казенную комнату. Жалованье мое возрасло до 600 р. въ годъ, такъ что я, одинокій человѣкъ, почувствовалъ себя нѣсколько обезпеченнымъ и могъ, не стѣсняясь, пособлять родителямъ. Т—овъ въ это время ко мнѣ еще благоволилъ, а Траутфеттеръ цѣнилъ мое усердіе и видимые успѣхи учениковъ, такъ что мнѣ удалось получить повышеніе по должности и надзирательскую должность, не уплативъ никому ни копѣйки взятки. Я въ карты не игралъ, не пилъ ничего, и потому только изрѣдка посѣщалъ товарищей и, порядочно скучая, весь занялся своимъ предметомъ и чтеніемъ. Принялъ безплатно въ свое вѣдѣніе гимназическую библіотеку, учредилъ по подпискѣ между учениками ученическую библіотеку, самъ раздавалъ ученикамъ книги ежедневно послѣ уроковъ. Это заняло все мое время. Поляки ученики стали заинтересовываться русскими писателями. нѣкоторые даже увлекались чтеніемъ; русскій языкъ видимо сталъ дѣлать успѣхи въ гимназіи: все менѣе и менѣе встрѣча-

---

[1]) Теперь Попечитель Кавказск. Учебн. Округа. Здѣсь, кажется, авторъ записокъ ошибается: К. П. Яновскій, насколько намъ извѣстно, ушелъ изъ Ровно, благодаря недовольству его директорствомъ Аврамова, а не Траутфеттера, о чемъ онъ самъ говорилъ, прощаясь съ знакомыми въ Ровно; но дѣйствительно, переводъ его, кажется, состоялся уже въ то время, когда Аврамовъ былъ назначенъ въ Житомиръ.—Ред.

[2]) Окончилъ службу въ должности директора Керченской гимназіи.—Ред.

лось ошибокъ въ правописаніи, стали являться замѣчательно хорошія сочиненія и по изложенію, и по языку, и по содержанію. Нѣкоторые ученики 7 класса стали представлять цѣнныя диссертаціи, обнаруживавшія начитанность и привычку пользоваться матеріаломъ. Я торжествовалъ, но начальство мало обращало на это вниманія.

Съ городскимъ обществомъ я вовсе не знакомился: оно мнѣ было не по душѣ; благодаря товарищамъ я близко ознакомился съ дѣятельностью, характеромъ каждаго изъ членовъ этого общества и общимъ его направленіемъ. Въ городѣ жилъ съ семействомъ пенсіонеръ, бывшій директоръ Иркутской гимназіи, статскій совѣтникъ Линденъ. Онъ и его супруга были страстные любители игры въ карты, потому въ ихъ квартирѣ часто сходились городскіе аристократы и холостые учителя гимназіи, бывшіе въ состояніи поддерживать игру и любившіе потанцовать. Въ этомъ домѣ бывали: Тихомировъ, Коленко Петръ, Яновскій, Юскевичъ, Невгадовъ, а изъ женатыхъ Славутынскій. Другой домъ, гдѣ бывали тѣ же учителя, былъ домъ окружнаго начальника надъ казенными имѣніями, Жуковскаго. Это были простые, добрые люди, окруженные огромнымъ семействомъ. У нихъ была дочь невѣста, Октавія, страшно избалованная родителями и довольно некрасивая блондинка. Родители готовы были выдать ее за всякаго, кто ей приглянется. Они жили открыто, каждый день въ домѣ были гости, шла карточная игра, и часто танцовали. Они пользовались общимъ уваженіемъ и любовью. Онъ не дѣлалъ притѣсненій по службѣ, но деньги и провизія и безъ того поступали въ карманъ къ окружному. Старикъ Жуковскій думалъ, что, служа честно, онъ до смерти будетъ окружнымъ, и ничего не сберегалъ. Но вотъ управляющимъ казенными имѣніями Волынской губерніи сдѣланъ какой то баронъ, нѣмецъ. Онъ сейчасъ же уволилъ одного за другимъ бывшихъ окружныхъ и на ихъ мѣста назначилъ новыхъ. Жуковскій не перенесъ этого удара—умеръ. Вдова съ огромнымъ семействомъ переѣхала въ Житоміръ и стала содержать себя трудами своихъ рукъ и кормленіемъ квартирантовъ — учениковъ гимназіи, а дочь сдѣлалась швеей и

замужъ не вышла. Пенсію вдовѣ съ дѣтьми за 35 лѣтъ службы мужа назначили въ годъ 200 руб. Аптекарь Степунковскій, какъ горячій польскій патріотъ, человѣкъ состоятельный, водился со сливками ровенскаго чиновничества и съ окрестными помѣщиками, а изъ учителей принималъ у себя одного Славутынскаго. Городничій Петре, полякъ, служившій прежде въ канцеляріи генералъ-губернатора, занималъ большое помѣщеніе, состоявшее изъ дома и флигеля, лежавшаго на самомъ берегу прудовъ. Петре былъ холостъ. Ежедневно по вечерамъ и ночамъ игралъ въ карты, но игралъ неудачно. Въ годъ, какъ говорили, проигрывалъ до 4000 р. сер. При немъ городъ былъ переполненъ контрабандой, и происходили по ночамъ неслыханныя воровства и даже грабежи. Когда его перевели въ Липовецъ, то оказалось, что всѣ купцы евреи ему должны по нѣсколько тысячъ. Мнѣ сознавался одинъ купецъ еврей, что Петре для нихъ былъ дороже родного отца, что у него будтобы во флигелѣ былъ главный складъ контрабанды, доставляемой туда по ночамъ на лодкахъ. Купцы за укрывательство и сбереженіе контрабанды платили ему порядочные проценты. Петре приглашалъ къ себѣ иногда учителей, игравшихъ въ карты, со Славутынскимъ же игралъ гдѣ нибудь ежедневно.

Сливки ровенскаго аристократическаго общества составляли дома: капитана инвалидной команды Ишлинскаго—поляка; исправника Аренса; стряпчаго, тоже поляка, товарища исправника по университету; городоваго врача, поляка изъ евреевъ Тарногродскаго; уѣзднаго врача, поляка, Левинскаго; холостяка старика уѣзднаго судьи Голубовскаго. Выше же всѣхъ, какъ нѣчто очень аристократическое, считался домъ польки, полковницы Павловой. Они жили въ собственномъ каменномъ помѣщеніи, расположенномъ въ саду. Этотъ садъ и домъ ей подарили князья Любомирскіе; она была, по словамъ однихъ, воспитанницей, а по словамъ другихъ—незаконной дочерью Любомирскаго. Говорили также, что она отличалась необыкновенной красотой, которой и плѣнила Павлова. У нея были двѣ взрослыя дочери, перешедшія за 20-лѣтній возрастъ, и сынъ. Они держались вдали ото всѣхъ, бывали у князя Любомир-

скаго, какъ свои люди, и только изрѣдка являлись у кого-нибудь изъ мѣстной аристократіи на вечерахъ. Быть принятымъ у Павловой считалось особенно лестнымъ даже аристократамъ ровенскимъ.

Ишлинскій не имѣлъ никакого состоянія, получалъ жалованья менѣе 300 руб. въ годъ, но доходы отъ продовольствія и обмундированія команды, отъ огромнаго огорода, обрабатываемаго безмездно этой командой, давали Ишлинскому порядочныя средства для жизни. Дѣтей у Ишлинскихъ не было, но страсть ихъ была хорошо и открыто жить и непремѣнно быть въ городѣ въ числѣ первыхъ. Кромѣ именинъ, онъ давалъ по балу ежемѣсячно. Ежемѣсячно вся аристократія у него танцовала подъ бальную музыку, ѣла, пила, играла въ карты,—тутъ бывали даже и тѣ, до которыхъ стали доходить подозрительные объ Ишлинскомъ слухи, и которыхъ прямою обязанностью было бы принять противъ него мѣры и обо всемъ донести высшимъ властямъ. Не знаю, знало ли обо всемъ этомъ губернское начальство, по крайней мѣрѣ ничѣмъ оно не обнаружило въ этомъ дѣлѣ своего авторитета. Евреи стали слать анонимныя жалобы и доносы на Ишлинскаго корпусному командиру внутренней стражи. Явились для дознанія разные лица играли у Ишлинскаго въ карты, пили, угощались, танцовали, и Ишлинскій оставался бѣлѣе снѣга, а всѣ жалобы и доносы оказывались злобною клеветою его враговъ. Но корпусному наконецъ надоѣло,—онъ рѣшилъ перевести Ишлинскаго въ другой городъ. Благопріятели предувѣдомили Ишлинскаго. Онъ струсилъ: съ переводомъ его все могло обнаружиться. Но еврей факторъ, принимавшій участіе во всѣхъ его злоупотребленіяхъ, боясь за собственную свою шкуру, какъ то выручилъ Ишлинскаго. Но вотъ въ городѣ расположился, какой не помню, пѣхотный полкъ. Командовалъ имъ полковникъ Бибиковъ, богатый холостякъ. Бибикову какъ то удалось раскрыть всѣ беззаконія и злоупотребленія Ишлинскаго, онъ донесъ обо всемъ генералъ-губернатору, корпусному внутренней стражи и военному министру. Ишлинская полетѣла въ корпусную квартиру, но спасти мужа уже оказалось невозможнымъ. Онъ былъ

преданъ суду и посаженъ въ Житомирѣ на военную гауптвахту. Бибиковъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ, и съ нимъ оказалось невозможнымъ бороться и замять все дѣло. До окончанія суда Ишлинскій заболѣлъ и умеръ въ военномъ госпиталѣ, а жена выхлопотала право содержать у себя на квартирѣ гимназистовъ Житомирской гимназіи, которымъ внушала ненависть къ Россіи и ея правительству. Сдѣлавшись ярою патріоткой, она имѣла у себя на квартирѣ постоянно состоятельныхъ учениковъ, завела связи со всѣмъ враждебнымъ правительству, домъ свой опять поставила на аристократическую ногу и въ манифестаціяхъ 62 и 63 годовъ играла не послѣднюю роль. Не имѣй полковникъ Бибиковъ связей—дѣло вѣроятно было-бы замято.

Городовой врачъ Т—скій, горячій польскій патріотъ, женатый на полькѣ патріоткѣ, старался держать свой домъ въ уровень съ самыми аристократичными. Онъ давалъ балы и устраивалъ карточные вечера. Около его красивой брюнетки дочери, съ манерами очень развязными, но не лишенными граціи, всегда увивались квартировавшіе въ городѣ офицеры, и наконецъ ей удалось выйти замужъ за адъютанта какого то генерала. Т—скій жилъ хорошо. Больница городская доставляла ему доходъ. Но главныя доходныя статьи Т—скаго были: 1) рекрутскій пріемъ, доставлявшій ему ежегодно тысячи четыре и 2) выдача разрѣшеній для погребенія умершихъ евреевъ. За каждое такое разрѣшеніе онъ установилъ плату по полуимперіалу золотомъ, а съ зажиточныхъ евреевъ бралъ по три и по пять полуимперіаловъ. Евреямъ эти разрѣшенія стояли поперекъ горла. Они жаловались, писали анонимныя письма, но все напрасно. Наконецъ евреи придумали ловушку Т—скому. Явилась еврейка съ воплемъ поздно ночью къ Т—скому и, подавая ему полуимперіалъ, просила разрѣшенія похоронить умершаго мужа. Т—скій выдалъ разрѣшеніе. А черезъ мѣсяцъ это разрѣшеніе было представлено при жалобѣ губернатору, съ поясненіемъ, что Т—скій за деньги, уплоченныя ему врагами жалобщика, сдѣлалъ распоряженіе похоронить его, хотя онъ никогда не болѣлъ и не умиралъ, и что его жизни теперь грозитъ опасность, такъ какъ враги, на основаніи разрѣшенія

Т—скаго, могутъ схватить и похоронить живымъ жалобщика. При этомъ указывались всѣ злоупотребленія Т—скаго. Назначено было разслѣдованіе, которое замяло все дѣло, и Т—скаго только перевели въ другой городъ.

Л—скіе были люди весьма порядочные, гостепріимные, любезные и отличались замѣчательнымъ тактомъ. У нихъ не было заносчивости и надутости другихъ чиновныхъ аристократовъ. Вечера ихъ не отличались роскошью, напротивъ были очень скромны относительно угощенія; но за то у нихъ было все прилично и весело. Двѣ дочери невѣсты, очень недурныя, Камилла и Олимпія, были музыкальныя и премилыя дѣвушки. Извѣстно, впрочемъ было, что Л—скіе сильно преданы польскому патріотизму и близки съ ксендзами. Кромѣ собственнаго дома у нихъ ничего не было. Братъ Л—скаго, студентъ—медикъ кіевскаго университета, не безъ задней мысли, познакомился со мною передъ моимъ выѣздомъ въ Ровно, просилъ передать брату письмо и просилъ бывать въ домѣ брата. Изъ учителей впрочемъ никто не ухаживалъ за Л—скими дѣвушками потому, что домъ этотъ считался во первыхъ вполнѣ польскимъ; а во вторыхъ дѣвушки привыкли къ такой обстановкѣ, которой учитель не въ состояніи имъ былъ дать. Камилла вышла замужъ за стряпчаго, а Олимпія осталась въ дѣвушкахъ и въ 1863 году принимала живое участіе въ патріотическихъ манифестаціяхъ, за что и отсидѣла въ Житомірѣ подъ арестомъ. Сынъ Л—скаго, отличный ученикъ, окончилъ гимназію съ медалью, а университетъ со степенью доктора медицины.

Былъ еще въ Ровно одинъ домъ, считавшійся аристократичнымъ, домъ Ц—скаго, который основалъ въ городѣ винную торговлю французскими винами, получаемыми прямо съ мѣста ихъ выдѣлки, и при этой торговлѣ открылъ буфетъ. Ц—скій былъ въ эмиграціи во Франціи вмѣстѣ съ вторымъ братомъ Павловой еще съ 1831 года. Братъ Павловой женился на дочери французскаго виноторговца, и по возвращеніи на родину вмѣстѣ съ Ц—скимъ сталъ торговать винами.

Хотя эта торговля пошла весьма успѣшно, такъ какъ окрестные помѣщики были охотники до хорошихъ винъ и съ

удовольствіемъ ихъ пили и покупали у польскихъ патріотовъ, но Павловой и Любомирскимъ не нравилось, что братъ торгуетъ. Поэтому, вся торговля осталась въ рукахъ Ц—скаго, а братъ Павловой взялъ аренду. Ц—скіе вели знакомство съ окрестными помѣщиками, а въ городѣ только водились съ домами Павловой, Л—скимъ и Степулковскимъ.

У инженера, маіора шоссейнаго, никто изъ учителей не бывалъ. На званіе учителя онъ и его семейство смотрѣли пренебрежительно. Былъ еще въ городѣ состоятельный человѣкъ полякъ докторъ Лямпрехтъ. Онъ не имѣлъ дѣтей и жилъ вдвоемъ съ молодою еще женою въ собственномъ домѣ недалеко отъ аптеки. Лямпрехтъ былъ глубокій старикъ и отличный докторъ и акушеръ. Онъ лѣчилъ богатыхъ помѣщиковъ и нажилъ порядочное состояніе. Въ городѣ Ровно онъ поселился на отдыхъ и весьма рѣдко выѣзжалъ въ окрестности къ больнымъ. Въ городѣ же лѣчилъ почти безвозмездно, и отъ учителей вознагражденія не принималъ, называя ихъ коллегами академиками. Лямпрехтъ въ карты не игралъ и вечеровъ не давалъ. Знакомство велъ только съ Степулковскимъ и Л—скимъ, хотя на вечерахъ у нихъ никогда не являлся ни онъ, ни его жена. Въ городѣ былъ еще состоятельный человѣкъ, глубокій старикъ казначей Лучинскій. У него были дома, садъ, большое хозяйство и собственная земля, на которой онъ производилъ посѣвъ хлѣба. Дочерей отъ перваго брака онъ уже пристроилъ, а отъ втораго брака у него былъ только одинъ сынъ гимназистъ. Лучинскій дружилъ только съ домомъ Жуковскаго, стараго сослуживца по житомірской казенной палатѣ; приглашалъ онъ къ себѣ на чай, ужины и обѣды исключительно однихъ только учителей; нѣкоторые изъ нихъ репетировали съ его сыномъ. Сынъ кончилъ гимназію и юридическій факультетъ университета.

Частью къ городскимъ жителямъ, а частью къ училищному штату принадлежалъ протоіерей Омелянскій. Онъ часто давалъ карточные и танцовальные вечера, потому что у него было двѣ дочери невѣсты. Учителя всѣ бывали на этихъ вечерахъ. Кромѣ дочерей, у Омелянскаго было еще два сына.

Оба они по окончаніи семинаріи поступили въ университетъ на медицинскій факультетъ и оба умерли отъ чахотки, служа военными докторами. Старшая дочь вышла за мужъ за подсудка уѣзднаго суда и годъ спустя умерла тоже отъ чахотки. Самъ Омелянскій, воротившись зимою изъ бани, отслужилъ въ своемъ холодномъ соборѣ вечерню, простудился и въ нѣсколько дней умеръ. Младшая дочь, полная краснощекая дѣвушка, умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца. Такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ вымерло все семейство Омелянскихъ, за исключеніемъ самой Омелянской, еще красивой, хорошо сохранившейся женщины. Омелянскій былъ некрасивъ, рябой блондинъ, высокаго роста съ жиденькой бородой. Эмеритъ [1]) учитель, полякъ Т—вичъ, содержалъ на квартирѣ учениковъ, воспитывалъ двоихъ сыновей въ гимназіи и разъ въ годъ тоже угощалъ учителей у себя. Онъ былъ страшный патріотъ; но весьма ловко велъ свои дѣла, такъ что во время возстанія и послѣ къ нему не могли придраться. Притомъ онъ состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ князей Любомирскихъ, помѣщиковъ города Ровно. Б—кіе, вошедшіе въ заговоръ готовившагося возстанія, боялись, что домъ ихъ можетъ въ случаѣ неудачи подвергнуться конфискаціи, и потому продали его разорившемуся помѣщику Д—скому, который, хотя еще пользовался своимъ имѣніемъ, чрезвычайно запутаннымъ, переѣхалъ на жительство въ городъ. Этого, кажется, требовало и участіе его въ политическомъ заговорѣ. Домъ онъ купилъ на имя жены и имѣніе тоже было переведено на ея имя, а самъ готовился въ предводители. Онъ прежде служилъ въ русской кавалеріи и знакомъ былъ съ военнымъ дѣломъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Пенсіонеръ.

Присяга на вѣрность Императору Павлу въ юго-западномъ краѣ.

6 ноября 1796 года скоропостижно скончалась имп. Екатерина и на престолъ вступилъ ея сынъ Павелъ. Въ тотъ же день былъ изданъ соотвѣтствующій манифестъ съ повелѣніемъ о приведеніи подданныхъ къ присягѣ. Тогдашній начальникъ юго-западнаго края, минскій, волынскій, брацлавскій и подольскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ, кромѣ манифеста, получилъ еще 22 ноября особое увѣдомленіе объ этомъ генералъ-прокурора гр. Самойлова и въ тотъ же день разослалъ правителямъ губерній распоряженіе съ самымъ подробнымъ наставленіемъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно происходить приведеніе подданныхъ къ присягѣ на вѣрность имп. Павлу. Распоряженіе это, обращая на себя вниманіе излишнею заботливостью о точной регламентаціи всѣхъ частностей и мелочей предстоящаго обряда, невольно заинтересовываетъ всякаго; особенно бросается въ глаза настойчивое требованіе быстроты въ исполненіи изданнаго распоряженія и тутъ, опять невольно, приходятъ на память тѣ своеобразныя и нѣсколько исключительныя обстоятельства, при которыхъ происходила перемѣна правленія.

Въ Житомирѣ Тутолминъ самъ присутствовалъ при выполненіи присяги жителями. Поджидали также изъ Острога еп. Варлаама, которому чрезъ вице-губернатора было заранѣе послано увѣдомленіе, но такъ какъ онъ къ назначенному дню не явился, то генералъ-губернаторъ, совершивъ обрядъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, просилъ Варлаама ускорить выполненіе

„со стороны духовной сего священнѣйшаго долга вѣрноподданства съ подобающею ревностію, благоговѣніемъ и порядкомъ".

Подольскому же губернатору предварительно было сообщено, чтобы онъ пригласилъ мѣстнаго епископа Іоаникія и летичевскаго католическаго бискупа Сѣраковскаго въ Винницу, удержалъ здѣсь присутствующихъ и вызвалъ отсутствующихъ предводителей дворянства, а затѣмъ ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. 22 ноября, *„тогоже самаго момента по полученіи"* увѣдомленія отъ генералъ-прокурора, Тутолминъ и дѣлаетъ это распоряженіе и предписываетъ, чтобы *„въ тужъ минуту по пріѣздѣ нарочнаго"* съ его предписаніемъ собрать чиновниковъ „всѣхъ безъ изъятія степеней и орденовъ" въ православную и католическую соборныя церкви—сообразно религіи каждаго, обнародовать чрезъ губернскаго прокурора Высоч. манифестъ и указъ сената, выполнить всѣмъ, начиная съ высшихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, лицъ въ губерніи, присягу „на непоколебимую на вѣки вѣрность" и наконецъ подписаться на особомъ листѣ. Во 2-хъ, въ присутствіи губернскихъ чиновъ, привесть къ присягѣ остальныхъ жителей города купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, господскихъ служителей и всякаго состоянія людей. Въ 3-хъ, отслужить обычный молебенъ. Въ 4-хъ, разослать изъ намѣстническаго правленія *„со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и въ тотъ же непремѣнно день* по полученіи сего ордера" во всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста манифестъ и указъ сената. Таковы распоряженія, касавшіяся губернскаго города.

Неменьшею пунктуальностью отличаются требованія, заявленныя относительно уѣздовъ. Прежде всего въ каждый уѣздъ должно назначить по „одному благонадежнѣйшему, расторопному и отличному, изъ званій болѣе уважительныхъ, чиновнику" и всѣхъ ихъ отправить „единовременно въ *тотъ же самый день*" въ уѣздные города. По пріѣздѣ каждаго изъ этихъ чиновниковъ „со всевозможнымъ и денноющнымъ неусыпнымъ попеченіемъ" въ назначенные города, они должны, по соглашенію съ мѣстнымъ православнымъ и католическимъ духовенствомъ, созвать *„ту жъ минуту"* всѣхъ жителей въ церкви и по обнародованіи манифеста, *„немедленно"* привести ихъ къ

присягѣ, а вслѣдъ затѣмъ отслужить молебенъ—словомъ, дѣйстовать тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось въ губернскомъ городѣ. Послѣ этого „собрать въ общее засѣданіе уѣздной и нижній земской суды того города и *тотъ же часъ* между членами оныхъ подѣлить греческіе, римскіе, и гдѣ еще суть уніатскіе приходы, парафіи и монастыри, и послать ихъ всѣхъ *вдругъ и немедленно* въ округу, съ тѣмъ чтобъ каждый въ части ему назначенной, переѣзжая съ *поспѣшностью* изъ одного мѣста въ другое, созывалъ въ парафіальные и приходскіе костелы, церквы и монастыри всѣхъ окрестныхъ и тутошныхъ, къ той парафіи или приходу принадлежащихъ дворянъ, чиновную и околичную шляхту, духовныхъ и поселянъ“ и, по объявленіи манифеста, приводилъ ихъ къ присягѣ. Грамотные должны были сами росписываться, а за неграмотныхъ имѣли росписаться священникъ, помѣщикъ и чиновникъ, присутствовавшій при выполненіи присяги. Въ дальнѣйшихъ пунктахъ предписанія Тутолминъ еще разъ напоминаетъ, что „каждый по сему государственному дѣлу въ уѣздъ отряженной губернской чиновникъ обязанъ ѣхать во всѣ мѣста округа ему доставшейся наблюсти, чтобъ принятіе всеподданической присяги каждымъ порознь и всѣми вообще совершено было съ подобающею важностію, благоговѣніемъ и порядкомъ, смотрѣть, дабы всѣхъ состояній вѣрноподданные непремѣнно присягнули“. Такимъ образомъ, помимо уѣздныхъ чиновниковъ, подѣлившихъ между собою всѣ приходы, должны были разъѣзжать по всему уѣзду и губернскіе чины.

Не забыты въ этомъ распоряженіи и евреи, которые должны были присягать, въ присутствіи назначенныхъ чиновниковъ, „въ школахъ, гдѣ оные токмо въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ находятся, по обрядамъ ихъ вѣры“, причемъ кагальные старшины и школьникъ должны подписаться на присяжномъ листѣ, что „всѣ вѣдомства того кагала евреи присягу вѣрноподданническую совершили“. Особо упомянуто также о пограничныхъ чиновникахъ, которые въ болѣе важныхъ пунктахъ, каковы таможни, таможенные заставы и карантины, должны были присягать въ присутствіи командированныхъ чинов-

никовъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—подъ надзоромъ и руководствомъ своего непосредственнаго начальства. Что касается владѣльцевъ, отсутствующихъ изъ мѣста своего жительства, то о нихъ должны быть составлены особые регистры, и всѣ эти лица немедленно имѣютъ быть вызваны въ губернское правленіе для привода къ присягѣ. Присяжные же листы съ подписями присягавшихъ предписывается „какъ *найскорѣе*" представить въ намѣстническое правленіе, а оттуда, послѣ надлежащей разсортировки, немедленно къ генералъ-губернатору. Наконецъ требуется, чтобы какъ въ губернскихъ, такъ и въ окружныхъ городахъ, а равно по уѣздамъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то: на публичныхъ площадяхъ, на торгахъ, при входахъ церковныхъ, полиція „пристойнымъ образомъ" выставила печатные и писанные экземпляры манифеста для общенароднаго свѣдѣнія. Въ заключеніе всего „отправляемымъ въ уѣзды чиновникамъ рѣшительно предписать, чтобы все имъ повелѣнное не далѣе какъ черезъ восемь дней было непремѣнно со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и вѣрноподданническою ревностью исполнено, подъ опасеніемъ за противное тому неизбѣжнаго предосужденія ихъ службы, и для того настоятельнѣше подтвердить имъ, чтобъ не щадили ничего отъ возможности человѣческой зависящаго на выполненіе сего толико важнаго государственнаго дѣла съ подобающею ревностію" [1]).

Та крайняя торопливость, какая въ изложенномъ предписаніи требовалась отъ администраціи, въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ еще усилилась и, напр., Варлаамъ, еп. житомирскій, въ своей резолюціи велѣлъ „нудительнѣйше начальникамъ духовенства подтвердить, дабы они со всѣми безъизъятно имъ подчиненными, дѣйствительными и праздными священно и церковнослужителями, и всѣми, также безъизъятно, ихъ взрослыми дѣтьми, вѣрноподданническій свой долгъ со всякимъ рвеніемъ и усердіемъ выполнили и по поспѣшнѣйшемъ толико важнаго дѣла совершеніи самопоспѣшнѣйше и самовѣрнѣйше въ кон-

[1]) Содержаніе этого предписанія заимствовано изъ архива волынской духовной консисторіи, ноябрьская связка 1796 года, № 614.

систорію репортовали“ (Арх. В. Д. К. № 614). Нечего и говорить, что всѣ эти столь категорическія требованія выполнялись со всевозможною точностью. Генералъ-губернаторъ Тутолминъ понималъ съ одной стороны, высокую важность самаго акта государственной присяги, съ другой—не совсѣмъ обычное положеніе края, такъ недавно ставшаго достояніемъ россійской короны, и находилъ необходимымъ точно опредѣлить въ своемъ предписаніи всякую мелочь и требовалъ отъ чиновниковъ неутомимой энергіи при исполненіи даннаго порученія.

В. Храневичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 14 декабря 1789 года въ ратушѣ города Хмѣльника [1]) собрано было засѣданіе магистратскаго суда въ необычно торжественномъ составѣ. Подъ предсѣдательствомъ ляндвойта, пана Якова Гаевскаго, на судейскихъ мѣстахъ засѣдали: бурмистръ Александръ Судылковскій, райцы: Яковъ Судылковскій и Иванъ Войтенко и депутаты отъ посполъства: Павло Охота и Денисъ Тыщенко. Коллегіи этой предстояло по требованію старостинскаго уряда постановить приговоръ по небывалому до того времени въ городѣ уголовному преступленію: покушенію на отравленіе одного изъ городскихъ обывателей его пріятелемъ во время дружеской бесѣды.

Слѣдствіе по дѣлу было произведено магистратомъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, но приговоръ не могъ состояться по встрѣтившимся юридическимъ препятствіямъ, которыя поставили магистратъ въ безвыходное положеніе.

По произведенному слѣдствію фактъ преступленія выяснился до мельчайшихъ подробностей; дѣло состояло въ слѣдующемъ: Въ числѣ обывателей города Хмѣльника былъ нѣкто Мыкита Пивоваръ, человѣкъ не первой молодости, довольно зажиточный, занимавшійся разными торговыми предпріятіями, между прочимъ онъ арендовалъ у города питейное заведеніе, помѣщавшееся въ самой ратушѣ. Семь лѣтъ назадъ Пивоваръ женился, и бракъ его былъ заключенъ при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ: жена его, Елена, отличавшаяся поразительною красотою, была по происхожденію еврейка; прельстившись горячею любовью Мыкиты, а, можетъ быть, и его

[1]) Подольской губ. Литинскаго уѣзда. Разсказъ основанъ на документахъ книги Хмѣльницкой городовой ратуши № 5778.

облеченнымъ положеніемъ, она присоединилась къ христіанству и повѣнчалась съ Пивоваромъ; супруги жили въ согласіи и дружбѣ до 1788 года, но были бездѣтны. Въ это время ихъ питейное заведеніе сталъ посѣщать гость, вновь поселившійся въ городѣ и выдѣлявшійся довольно значительнымъ для того времени и среды развитіемъ. Это былъ нѣкто Грицько Гайдошчукъ; родомъ онъ былъ крестьянинъ изъ села Воронинецъ; въ молодыхъ лѣтахъ, вслѣдствіе какой то счастливой случайности, онъ выучился хорошо читать и писать по русски и по польски и усвоилъ знаніе церковной службы. Подготовившись такимъ образомъ, онъ занялъ должность дяка въ собственномъ селѣ, исполнялъ эту должность умѣло и толково, и потому вскорѣ его стали перезывать въ другіе болѣе богатые приходы, доставлявшіе ему болѣе значительное содержаніе и доходы. Въ теченіе 14 лѣтъ, мѣняя постоянно мѣста на болѣе выгодныя, онъ перебывалъ дьякомъ въ селахъ: Клитыщахъ, Люзной, Чернятинцахъ, Глинскѣ и, наконецъ, въ мѣстечкахъ Янушполѣ и Улановѣ.

Здѣсь случилось происшествіе, которое разрушило дальнѣйшую причетническую карьеру Гайдошчука—у него завелась любовная связь, кончившаяся скандаломъ, послѣ котораго невозможно было состоять дольше въ церковномъ причтѣ. Впрочемъ отставной дьячекъ не потерялся, немедленно изъ Уланова онъ переѣхалъ въ Хмѣльникъ, гдѣ получилъ выгодную должность; онъ сталъ писаремъ у пана Синицкаго, арендатора мельницъ и питейныхъ сборовъ во всемъ Хмѣльницкомъ староствѣ; свободное отъ занятій время Гайдошчукъ проводилъ въ питейномъ ратушномъ заведеніи, гдѣ вскорѣ онъ познакомился и сблизился съ хозявами. Пивоваръ пригласилъ его посѣщать, въ качествѣ знакомаго, его частную квартиру и просилъ его, какъ человѣка грамотнаго, принять на себя бухгалтерію заведенія и записывать долги лицъ, пользовавшихся кредитомъ въ ратушномъ шинкѣ. Гайдошчукъ согласился вести записи и сталъ чаще посѣщать квартиру Пивовара, чѣмъ его заведеніе; вскорѣ впрочемъ оказалось, что услужливость его зависѣла не только отъ дружелюбныхъ отношеній къ Пивовару; онъ влюбился страстно въ его жену и сталъ ей объясняться въ любви; въ виду постояннаго отказа раздѣлять его чувства, Гайдошчукъ становился все болѣе и болѣе настойчивымъ, и объясненія его принимали крайне страстный характеръ. Во время одного изъ такихъ объясненій разговоръ принялъ слѣдующій оборотъ: «Люблю тебя болѣе собственной жизни, сказалъ писарь, и если не добьюсь твоей взаимности, умру съ горя» — «Зачѣмъ тебѣ уми-

рать», отвѣтила Елена; «еслибы любовь твоя была столь сильна, какъ ты утверждаешь, ты-бы давно уже постарался устроить такъ, чтобы умеръ мой мужъ».—«Но вѣдь это тяжкій грѣхъ покушаться на чужую жизнь».—«Конечно, отвѣтила женщина, но такіе случаи бываютъ, и, отдѣлавшись отъ препятствія, многіе счастливо живутъ и наслаждаются любовью.»

Слова эти глубоко запали въ душу влюбленнаго писаря; онъ вскорѣ освоился съ мыслью объ убійствѣ и, какъ полагалъ, придумалъ средства преступленія. Онъ вспомнилъ, что въ то время, когда онъ былъ дьячкомъ въ Янушполѣ, приглашены были маляры для украшенія церкви. Гайдошчукъ, какъ человѣкъ любознательный, часто бесѣдовалъ съ мастерами, распрашивая ихъ о свойствахъ и употребленіи красокъ. Маляры сообщили ему много техническихъ свѣдѣвій и, окончивъ работу, въ виду его интереса къ живописи, подарили ему остатки употребленныхъ ими красокъ; передавая ихъ они предупредили, чтобы съ желтою краскою—аурипигментомъ—онъ обращался поосторожнѣе, такъ какъ краска эта составляетъ сильный ядъ.—Рѣшившись на преступленіе, Гайдошчукъ розыскалъ данный ему аурипигментъ, истолокъ его въ порошекъ и сталъ носить при себѣ въ узелкѣ, поджидая удобнаго случая. Случай такой вскорѣ представился: Гайдошчукъ встрѣтилъ на рынкѣ Пивовара, завелъ съ нимъ дружескую бесѣду и пригласилъ выпить стаканъ меду; пріятели зашли въ питейное заведеніе еврея Воля Янкелевича, выпили по стакану меду, затѣмъ писарь потребовалъ цѣлую кварту напитка и, разливая въ стаканы, незамѣтно бросилъ въ стаканъ собесѣдника горсть аурипигмента. Чокнувшись, поднесли напитокъ къ губамъ, но Пивоваръ замѣтилъ какую-то необычную гущу въ медѣ, съ досадою выплеснулъ содержимое на полъ и, прикрикнувъ на хозяина за то, что онъ подаетъ гостямъ медъ, переполненный дрожжами, вышелъ изъ заведенія. Послѣ ухода гостей, еврей, обиженный выговоромъ, осмотрѣлъ стаканы и въ одномъ изъ нихъ нашелъ густой золотистый осадокъ; онъ догадался въ чемъ дѣло, отправился къ Пивовару и предостерегъ его, чтобы онъ пересталъ водить компанію съ писаремъ, стаканъ-же съ осадкомъ доставилъ въ старостинскій урядъ. Началось слѣдствіе, допросы обвиняемыхъ, разсказавшихъ всѣ изложенные факты, и затѣмъ собрана была магистратская коллегія для постановленія приговора. Обоимъ подсудимымъ угрожала по магдебургско музакону мучительная смертная казнь. Спасителемъ ихъ явился пострадавшій Пивоваръ. Пользуясь тѣмъ, что уголовное преступ-

леніе по обычаямъ магдебургскаго права, подлежало суду только въ томъ случаѣ, когда искъ предъявлялъ пострадавшій или его наслѣдники, Пивоваръ, не смотря на настоянія и старостинскаго уряда, и магистрата, отказался отъ роли истца; онъ не подалъ жалобы, не представилъ свидѣтелей, упорно отрицалъ покушеніе на свою жизнь и не явился въ торжественное засѣданіе магистратскаго суда.—Послѣдній былъ поставленъ въ необходимость прекратить уголовное дѣло и освободилъ Елену изъ-подъ ареста; не такъ легко отдѣлался Гайдошчукъ; оставивъ и по отношенію къ нему уголовное дѣло, магистратъ предъявилъ ему искъ отъ своего имени за нарушеніе общественнаго порядка въ городѣ и примѣнилъ къ нему высшую мѣру дисциплинарнаго наказанія: по приговору суда, Грицько Гайдошчукъ долженъ былъ отсидѣть 4 недѣли въ тюрьмѣ Хмѣльницкаго замка, при чемъ каждую пятницу его выводили въ одинъ изъ концовъ города и публично наказывали 50 ударами розогъ. Затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣль, если Пивоваръ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ иска, Гайдощукъ долженъ будетъ уплотить 50 гривенъ въ пользу церкви, 25 гривенъ штрафа въ магистратъ, и будетъ выпровоженъ за черту города магистратскими пахолками съ запретомъ когда-либо являться въ Хмѣльникъ.

Этотъ приговоръ магистрата былъ въ точности исполненъ, такъ какъ Пивоваръ до конца сохранилъ свой великодушный образъ дѣйствія, отплачивая своему врагу по христіанскому чувству добромъ за зло.

В. А.

Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. Въ метрикѣ коронной, хранящейся въ Варшавѣ, въ книгѣ 3, на листѣ 144, сохранилась краткая юридическая помѣтка, содержащая нѣкоторыя данныя, относящіяся къ подробностямъ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго [1]).

Помѣтка эта гласитъ, что въ 1624 г., іюля 31 выданъ былъ позовъ по жалобѣ дворянина Федора Даровскаго, владѣльца села Вырвы (нынѣ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.), требующій къ отвѣту въ гродскій судъ *Настасью, урожденную Повченскую, въ первомъ бракѣ жену Петра Конашевича Сагайдачнаго, во второмъ бра-*

---

[1]) Помѣтку эту въ копіи сообщилъ намъ обязательно г. Алекс. Яблоновскій.

къ жену Ивана Піончинскаго, за то, что она произвела заѣздъ на село Вырву и совершила въ немъ разныя насилія, причинившія истцу убытка на сумму 7,087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ претензію Даровскаго подлежащею удовлетворенію и, вслѣдствіе неявки въ судъ Настасіи Піончинской, приговорилъ ее къ баниціи. **В. А.**

Къ исторіи старинной малорусской школы. Характеристика старинныхъ «дяковъ» въ Малороссіи очень хорошо опредѣлена въ статьѣ г. Житецкаго (Кіев. Стар. 1892 г. № 2); изъ этой характеристики видно, что въ большинствѣ случаевъ типъ дяка представлялъ изъ себя своеобразно талантливую фигуру, способную обнаружить свои способности въ дѣяніяхъ какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго свойства. Эти послѣднія дѣянія и были причиною многихъ анекдотовъ о нихъ, а иногда прямо таки жалобъ на ихъ безобразія, и, конечно, вызвали приводимое ниже предписаніе митрополита Варлаама Ясинскаго съ цѣлью обуздать «сваволю дяковъ и ихъ выростковъ».

Варлаамъ Ясинскій мстію Божію православный архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи.

Превелебному в Богу отцу ігумену монастыря глуховского, пречестному отцу протопопѣ тамошнему и всему духовенству, намъ въ Духу Святомъ благопослушнымъ сыномъ при благословеніи Божомъ и при молитвахъ нашихъ архіерейскихъ ознаймуемъ, ижъ дойшло насъ отъ певныхъ особъ зжалосной скарги вѣдати о великихъ роспустахъ и сваволи дяковъ и ихъ выростковъ по школахъ въ Глуховѣ живучихъ, которые людей безчестятъ поночи ходячи, бютъ и обдираютъ, до монастыра девичого безчинно волочатся и инные тымъ подобные душевредные роспусты пополняютъ, з образою Божою, а з соблазнію людскою, а то подобно чинятъ, не мѣючи надъ собою достодолжного за свои зброднн караня. Зачимъ хотячи мы таковое безчиніе исправити, жебы болшъ престола митрополитанскаго, затрудненного по.....ими и публичными церковными дѣлами, таковыми привитными не турбовано скаргами, даемъ власть превелебному отцу ігумену глуховскому таковыхъ сваволныхъ и роспустныхъ дековъ и ихъ выростковъ, такъ тежъ и паламаровъ, смирети и жестоко карати за согласіемъ любовнымъ пречестного отца протопопы глуховского, который жебы таковой нашой волѣ не противился, пастырско желаемъ. Писанъ в катедр.....анской кіевской . . . . . . 18 д. Вишшеименованый митрополитъ рукою власною. *(Съ подлинника)*.

Шевченко въ Академіи Художествъ. О времени пребыванія Шевченка въ петербургской Академіи Художествъ записаны нѣкоторыя воспоминанія и сохранились его автобіографическіе разсказы въ прозаическихъ его новостяхъ. Но біографы поэта не обратили вниманія на одинъ источникъ, хотя сухой, но точный и дающій подлинныя даты его академической карьеры,—это сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за столѣтіе ея существованія», изданный подъ редакціей П. Н. Петрова въ 1865 году. Въ напечатанныхъ здѣсь дѣлахъ правленія Академіи, мы находимъ слѣдующія данныя, относящіяся къ двукратному въ ней пребыванію Шевченка:

1839 годъ.— «Опредѣлено записать въ списокъ удостоенныхъ по третному экзамену, происходившему 29 апрѣля 1839 года къ полученію серебряныхъ медалей перваго и второго достоинства, между другими, удостоеннаго медали второго класса «посторонняго» Шевченка (Сборникъ, т. 2, стр. 384).

1840 г. Награжденъ серебряною медалью второго достоинства за первый опытъ его въ живописи масляными красками Тарасъ Шевченко за картину его «Нищій мальчикъ, дающій хлѣбъ собакѣ». Сверхъ того положено объявить ему Шевченкѣ похвалу. (Сборникъ, т. 2., стр. 406).

1841 г. сентября 26. Опредѣлено: вольноприходящихъ учениковъ академіи за успѣхи въ художествѣ, доказанные представленными работами по живописи исторической и портретной, между ними Тараса Шевченка за картину изображающую Цыганку, наградить серебряною медалью второго достоинства (т. 2, стр. 419).

1845 г. марта 22. По двумъ прошеніямъ вольноприходящихъ учениковъ академіи Тараса Шевченка и Алекс. Волоскова, коими просятъ удостоить ихъ званія свободнаго художника, опредѣлено, поелику Шевченко и Волосковъ извѣстны совѣту по своимъ работамъ и награждены уже за успѣхи въ живописи серебряными медалями второго достоинства—то удостоить ихъ этого званія (т. 3, стр. 31).

Послѣ ссылки Шевченко воротился въ Академію, измѣнивъ, подъ вліяніемъ утеряннаго времени, родъ занятій и отдавшись гравюрѣ. Къ этимъ годамъ въ академическихъ бумагахъ относятся двѣ замѣтки:

1859 г. 16 апрѣля. По прошенію гравера Тараса Шевченка (№ 676) при которомъ, представляя двѣ исполненныя имъ гравюры проситъ удостоить его по онымъ званія академика или задать программу на полученіе этого званія, опредѣлено: Шевченка по пред-

ставленнымъ гравюрамъ признать назначеннымъ въ академики и задать программу на званіе академика по гравированью на мѣди.

1860 г. 2 сентября. Определено, въ уваженіе искусства и познаній въ художествахъ, доказанныхъ исполненными работами по заданной отъ академіи программѣ и по другимъ извѣстнымъ трудамъ, признать академикомъ по гравированію Тараса Шевченка (т. 3, стр. 329 и 355).

Къ предполагаемому „Описанію харьковской губерніи“. Нѣкоторые члены Харьковскаго Губерн. Статистическ. Комитета задумали составить «Описаніе Харьковской губерніи» и съ этой цѣлью напечатали въ «Харьковскомъ Сборникѣ» программы для собиранія различныхъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи, исторіи, географіи, археологіи, быту и языку въ этомъ краѣ. Кромѣ личныхъ работъ члены комитета надѣются, что на эти программы отзовутся и лица разныхъ культурныхъ слоевъ края, сообщая все, даже мельчайшія подробности, отвѣчающія какому-нибудь изъ пунктовъ этихъ программъ. Въ видахъ распространенія этихъ программъ, перепечатываемъ ихъ въ полномъ объемѣ, добавляя для свѣдѣнія г.г. корреспондентовъ, что отвѣты по вопросамъ программы можно присылать или въ Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ, или авторамъ программъ.

1.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи.

Харьковская губернія весьма мало изслѣдована въ этнографическомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы изданы Петромъ Вас. Ивановымъ весьма цѣнные въ научномъ отношеніи матеріалы для характеристики міросозерцанія и была крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Этнографическія данныя объ остальныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи крайне незначительны и крайне разбросаны. Если усердіемъ и трудами одного уѣзда сдѣлано такъ много, что матеріалами г. Иванова пользуются теперь не только русскіе, но и иностранные ученые, то можно по этому судить, какъ много лежитъ у насъ матеріала совсѣмъ нетронутаго и какъ сильно подвинулось бы впередъ дѣло изученія крестьянскаго населенія Харьковской губерніи, если бы примѣру г. Иванова послѣдовали многіе сельскіе учители и

учительницы, священники и другія лица, близко стоящія къ народу. Желая посильно содѣйствовать укрѣпленію и расширенію мѣстныхъ этнографическихъ изученій, я предлагаю программу для собиранія этнографическихъ матеріаловъ о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи. Программа составлена краткая, чтобы не утруждать и не запугать сложностью требованій тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть привлечены къ этому дѣлу. Къ программѣ приложено нѣсколько руководящихъ наставленій относительно способа собиранія этнографическаго матеріала.

1) Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

2) Численность и наружность жителей. Не обнаруживается ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

3) Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстныя слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка.

4) Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

5) Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенія (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями.

6) Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

7) Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское вліяніе; значеніе мѣстныхъ лавчонокъ. Способы освѣщенія.

8) Болѣзни наиболѣе свойственныя селенію. Народныя врачебныя средства. Мѣстные знахари. Отношеніе къврачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скотъ.

9) Главныя занятія: земледѣліе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и нынѣ.

10) Религіозное настроеніе народа. Сектанты. Сказанія и преданія о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпитали.

11) Умственное состояніе народа. Мѣстныя средства образованія. Отношеніе крестьянъ къ школѣ и учителю (сравн. § 4).

12) Нравственное состояніе народа. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституція.

13) Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи ребенка. О вечерницахъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебные расходы. Похоронные обряды, причитанія и поминки.

14) Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

15) Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ пасхальными писанками. Какіе рисунки бываютъ на писанкахъ. Народныя названія писанокъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

16) Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозкѣ въ клуни, печеніи хлѣба и т. п.

17) Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

18) Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярморочные.

19) Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

20) Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

21) Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ; названія ихъ.

22) Народные юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, арендъ и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

23) Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзаряхъ и лирникахъ (имя, фамилія, гдѣ учились, у кого, какія пѣсни и сказанія извѣстны).

24) Отношеніе малороссовъ къ великороссамъ, и обратно великороссовъ къ малороссамъ, къ евреямъ и цыганамъ.

Примѣчанія: 1) При описи обозначается званіе, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства автора.

2) Описатель по своимъ личнымъ наклонностямъ и по количеству и качеству имѣющагося въ распоряженіи этнографическаго матеріала одни параграфы въ этой примѣрной программѣ можетъ совсѣмъ пропустить, другіе внести отъ себя, можетъ остановиться только на одномъ параграфѣ и разработать его подробно.

3) Въ записяхъ излагается лишь фактическій матеріалъ безъ теоретическихъ разсужденій. Литературнаго изложенія не требуется.

4) Всѣ записи должны бить написаны съ широкими полями и съ обратной бѣлой стороной бумаги.

5) Подробностями не пренебрегать, какъ бы сообщаемые факты ни казались малыми и незначительными. (Наука не знаетъ мелочей въ народной жизни: для нея все одинаково важно).

6) Пѣсни, преданія, повѣрья нужно записывать точно, со словъ крестьянъ, не внося собственныхъ дополненій или поправокъ. Указывать всѣ поясненія крестьянъ, какъ бы странными и ошибочными не представлялись они.

7) При каждой пѣснѣ, сказкѣ или преданіи должно быть обозначено—когда, гдѣ и отъ кого (имя, отчество, фамилія, возрастъ) записано.

8) По каждому изъ параграфовъ программы можно получить дополненія и разъясненія, обратившись письменно къ профессору Харьковскаго университета, члену Статистическаго Комитета, Николаю Өедоровичу Сумцову.

9) Желающіе получить подробную программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній благоволятъ обратиться съ просьбой въ Этнографическій отдѣлъ Императорскаго общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ.

10) Этнографическіе матеріалы и изслѣдованія доставляются въ Харьковскій губернскій статистическій комитетъ.

Н. Ө. Сумцовъ.

2.

Программа для собиранія историко-географическихъ и археологическихъ свѣдѣній.

Нѣтъ ли остатковъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій въ селеніи или окрестностяхъ его? Нѣтъ ли пещеръ? Что въ нихъ находили?

Каковы преданія о нихъ? Не было ли раскопокъ въ послѣднее время? Гдѣ находятся найденные предметы? Нѣтъ ли старыхъ зданій, воздвигнутыхъ въ прошломъ вѣкѣ, и каково ихъ назначеніе (напр. церквей)? Нѣтъ ли старыхъ надписей на дверяхъ, потолкахъ и т. п.? Нѣтъ ли памятниковъ надъ могилами мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, съ эпитафіями, надписями на нихъ? Не было ли находокъ (за послѣднее время): старинныхъ монетъ, оружія, предметовъ домашняго быта, одеждъ, украшеній и т. п., и какова была судьба находокъ? Нѣтъ ли у кого коллекцій мѣстныхъ древностей или отдѣльныхъ предметовъ, найденныхъ въ Харьковской губ., и каковы именно (старинная посуда, утварь, украшенія)? Нѣтъ ли въ храмахъ иконъ стараго письма, церковно-богослужебныхъ книгъ, старинной стѣнной живописи, древней церковной утвари, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи колоколовъ? Нѣтъ ли во владѣльческихъ усадьбахъ или вообще у кого-либо старинныхъ письменныхъ документовъ, въ видѣ архивовъ, фамильныхъ записокъ, воспоминаній, писемъ, важныхъ для характеристики мѣстныхъ дѣятелей; извѣстно, напримѣръ, что существовали раньше записки Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ, Тевяшевыхъ, Шевича; гдѣ онѣ теперь? Нѣтъ ли экономическихъ книгъ прошлаго вѣка, важныхъ для характеристики хозяйства, документовъ, касающихся состоянія крѣпостныхъ крестьянъ? Нѣтъ ли фамильныхъ или другихъ какихъ-либо портретовъ XVII—XVIII вѣковъ, картинъ мѣстнаго пейзажа или жанра (преимущественно харьковскихъ художниковъ), альбомовъ, памятниковъ литературныхъ? Не сохранилось ли отъ стараго времени шпиталей (т. е. богадѣленъ), церковныхъ братствъ, цеховъ? Нѣтъ ли бандуристовъ или лирниковъ?

Нѣтъ ли свѣдѣній о времени основанія селеній по письменнымъ документамъ или преданію? Нѣтъ ли указаній на прежнія названія того или иного селенія? Нѣтъ ли особыхъ названій для отдѣльныхъ частей селенія? Нѣтъ ли преданій или разсказовъ о переселеніяхъ жителей? Что разумѣется въ данной мѣстности подъ терминами—село, деревня, слобода, слободка, мѣстечко, хуторъ и т. п.? Нѣтъ ли преданій объ историческихъ событіяхъ, происходившихъ въ этой мѣстности (татарахъ, запорожцахъ, шведахъ, гайдамакахъ, разбойникахъ). Нельзя ли получить свѣдѣнія о замѣчательныхъ уроженцахъ данной мѣстности и ея дѣятеляхъ? Нѣтъ ли въ окрестностяхъ селенія старинныхъ шляховъ (дорогъ)—татарскихъ, чумацкихъ и т. п. и каковы ихъ названія? Не сохранились ли въ народѣ наз-

ванія старыхъ шляховъ—Муравскаго, Изюмскаго, Калміусскаго, Бакаева, Ромодана и др. и если да, то нельзя ли отмѣтить хотя отчасти ихъ протяженія и направленія? Въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ и теперь существуютъ остатки такъ называемой Украинской линіи; желательно было-бы сдѣлать описаніе и измѣреніе остатковъ ея земляныхъ укрѣпленій (крѣпостей, редутовъ), а также и другихъ подобныхъ сооруженій (валовъ возлѣ сѣверскаго Донца и т. п.).

Какъ называетъ себя само населеніе и какъ называютъ его сосѣди? Чистое или смѣшанное населеніе (въ племенномъ отношеніи) живетъ въ данномъ поселкѣ? На сколько въ немъ сохранились старыя черты быта и на сколько оно подверглось вліянію новыхъ условій жизни (города, фабрикъ, солдатъ)? Какъ эти новыя условія дѣйствуютъ на женщинъ и мужчинъ, старыхъ и молодыхъ и т. п.? Кто проявляетъ большую устойчивость въ сохраненіи своихъ старыхъ формъ и племенныхъ особенностей—великороссы или малороссы? Каковы взаимныя отношенія между великорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ? Вліяютъ ли они другъ на друга или остаются безъ взаимодѣйствія? Если вліяютъ, то въ какихъ отношеніяхъ (въ сферѣ языка, привычекъ, костюма и т. п.? Какъ часты между ними взаимные браки и какое вліяніе они оказываютъ въ этомъ отношеніи? На какомъ языкѣ говоритъ, напримѣръ, женщина—великороссіянка, попавшая въ малороссійскую семью и наоборотъ? Каковы отношенія между великоруссами и малоруссами смежныхъ, сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ селеній? Нѣтъ ли насмѣшливыхъ прозвищъ и пословицъ у однихъ по адресу другихъ и т. п.? Каково отношеніе малороссіянъ и великороссіянъ къ евреямъ? Не вліяетъ ли мѣстное населеніе на евреевъ въ сферѣ языка, домашняго быта и т. п.? Какія складываются отношенія между туземнымъ населеніемъ и пришлымъ нѣмецкимъ—нѣмецкими колонистами, покупающими землю въ южной части Харьковской губерніи? Какое вліяніе оказываютъ нѣмцы на бытъ мѣстнаго крестьянства? Нельзя ли представить нѣсколько примѣровъ (за послѣднее время) покупокъ *нѣмцами колонистами земель въ Харьковской губ.*

Примѣчанія для собирателя:

1) Можно отвѣтить не на всѣ, а только на нѣсколько и даже на одинъ какой-либо вопросъ, но только возможно полно и обстоятельно.

2) Съ предметовъ древностей желательно имѣть снимки и рисунки.

3) За разъясненіями можно обращаться къ профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю въ Харьковскій университетъ.

4) При записяхъ нужно руководствоваться такими же правилами, какія помѣщены въ этнографической программѣ пр. Н. Ѳ. Сумцова.

Д. И. Багалѣй.

3.

Программа для описанія быта сельскаго населенія.

1) Населенныя мѣста: разнаго рода поселенія и ихъ характеръ.

2) Крестьянскія постройки: разные виды построекъ, общій планъ, матеріалъ и стоимость. Предметы обстановки и домашней утвари. Матеріалы для отопленія и освѣщенія.

3) Пища и одежда крестьянъ: описаніе той и другой съ указаніемъ происходящихъ въ нихъ измѣненій и стоимость ихъ.

4) Крестьянская семья; составъ ея и отношенія между членами семьи. Семейные раздѣлы и ихъ причины.

5) Потребности средней крестьянской семьи и средства для ихъ удовлетворенія (бюджетъ крестьянскаго хозяйства).

6) Отходъ и переселенія крестьянъ: направленіе отхода и переселеній, размѣръ, причины того и другого; вліяніе ихъ на благосостояніе крестьянскаго населенія.

7) Формы мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія: участковое, старозаимочное и общинное владѣніе землей. Отличительныя черты того или другого; время возникновенія и происходящія въ нихъ видоизмѣненія.

8) Разныя формы, въ которыхъ проявляются общественные и индивидуальные инстинкты мѣстнаго населенія, напримѣръ, земельныя и промышленныя товарищества, разнаго рода артели, цехи, братства и проч.

9) Измѣненія, происходящія въ области нравовъ, нравственности и формъ жизни сельскаго населенія; причины этихъ измѣненій.

П. С. Ефименко.

4.

Программа для собиранія данныхъ о языкѣ великорусск. населенія.

Изъ какого уѣзда, села сообщаются свѣдѣнія.

Какъ называютъ себя жители даннаго села, и какъ ихъ называютъ сосѣди.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о неударяемый*. Какъ произносятъ, напримѣръ, слова: *голова*, *хорошо*, *огурцы*, *того?*

Какъ измѣняется *о ударяемое*. Какъ произносятъ слово—*хоть?*

Нѣтъ-ли случаевъ перехода *неударяемаго а* въ *о*. Какъ произносятъ слова: *Андрей*, *Александръ*, *работникъ*, *пароходъ*, *самоваръ?*

Какъ измѣняются *ударяемые е* и *ѣ*. Какъ, примѣрно, произносятъ слова: *купецъ*, *идетъ*, *тетка*, *овесъ*, *цѣпъ*, *цѣпы*, *ослѣпъ*, *береза*, *зеленый*, *ель?* (Употребленіе звука *ё* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ сообщеніи).

Какъ измѣняются *е* и *ѣ неударяемые*. Какъ, напримѣръ, произносятся слова: *земля*, *цвѣты*, *сестра*, *ребята*, *медовый*, *лѣсной*, *смѣна*, *бѣловатый*, *зеленоватый*, *черезъ поле*, *черезъ дорогу*, *жена*, *пшеница*, *на мѣстѣ*, *еще*, *нельзя*, *человѣкъ*, *теремокъ?*

Какъ измѣняется *ы*. Напримѣръ, какъ произносятся слова: *былъ*, *была*, *не былъ*, *колыбель*, *умываться*, *крышка?*

Есть-ли случаи употребленія *в* вмѣсто *у* и наоборотъ. Какъ произносятъ слова: *ударить*, *взять*, *вдова*, *вѣсъ?*

Какому измѣненію подвергается *у*. Какъ произносятъ: *будто*, *буйная голова*, *глубоко*, *откуда*, *кукушка?*

Нѣтъ-ли случаевъ употребленія *придыханія*. Какъ произносятся слова: *онъ*, *утка*, *этотъ*.

Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятъ слова: *дѣти*, *видѣлъ*, *тѣло*, *свѣтелъ*, *мѣсяцъ*, *въ золотѣ*, *видѣть*, *знать*, *темный*, *отлетѣлъ?*

Нѣтъ ли случаевъ измѣненія *гортанныхъ г*, *к*, *х*, въ *ж*, *ч*, *ш*, и въ *з*, *ц*, *с*. Какъ произносятъ: *на рѣкѣ*, *на лугу*, *въ лугахъ*, *на берегу*, *при дорогѣ*, *въ кабакѣ*. Какъ произносятъ слова: *копейка*, *хозяйка*, *чайку*, *яблочковъ*, *корольковъ*, *рѣдька*, *палочка*, *на рѣчку*, *шапочка*, *кашка?*

Какъ измѣняются *губные*: *б*, *в*, *м*, *п*; какъ произносятся слова: *граблю*, *ловлю*, *ломлю*, *куплю?*

Нѣтъ-ли какихъ либо особенностей въ произношеніи *плавныхъ* звуковъ. Какъ, напримѣръ, произносятся слова: *вихоръ*, *грибы*, *крикъ*, *крапива*, *рама*, *завтра*, *царапать?*

Какимъ измѣненіямъ подвергаются *шипящіе* звуки *ц*, *ч*, *ш* и *щ*. Какъ произносятся слова: *цѣпь*, *цапля*, *улица*, *щека*, *щавель*, *знающій*, *большущій?*

Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ *отзвучные* или нѣтъ? Говорятъ: *дубъ* или *дупъ*, *городъ* или *горотъ*, *лугъ* или *лухъ* и проч.?

Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныя въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятъ, напримѣръ, *черный*, *бѣлый*, *синій*, *хорошій*, *добрый*, *деревенскій*, *городской*? Какъ род. пад.?

Какъ произносятъ родительный и дательный падежи мѣстоименій: *я*, *ты*, *себя*, *онъ*, *кто*, *тотъ*. Какъ произносятъ *тебѣ*, *себѣ*, *его*, *кого*, *того*?

На чтó оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 3-мъ множественнаго? Какъ произносятъ: *ведешь*, *знаешь*, *несешь*, *печешь*, *печетъ*, *ведетъ*, *несетъ*, *читаетъ*, *пишетъ*, *мутитъ*, *шумитъ*, *лжетъ*, *сѣетъ*, *пашетъ*, *учиться*, *учится*, *учишься*, *толкаться*, *толкаешься*, *толкается*, *знаютъ*, *ведутъ*, *говорятъ*, *шумятъ* и друг.?

Нѣтъ ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?

Желательно имѣть точно записанными нѣсколько обыденныхъ фразъ или пословицъ, или—небольшую сказку.

Нужно непремѣнно обозначать ударенія въ словахъ, и вообще, *всѣ слова и выраженія, взятыя изъ народнаго говора, должны быть переданы на письмѣ совершенно такъ, какъ они произносятся крестьянами.*

О малорусскихъ говорахъ.

1. Обозначеніе мѣстности, изъ которой доставлены свѣдѣнія?
2. Чистое ли малорусское населеніе или смѣшавшееся съ великорусскимъ?

I.

Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *и*: року—рикъ; овесъ—вивса; жинка; лидъ?

Примѣры перехода *е* въ *ё*: *жовтый*, *чорный лёнъ*, *синёго*, *здоровьёмъ*, *зеленый*, *его*?

Примѣры перехода *ѣ* въ *і*.

Какимъ измѣненіямъ подвергается неударяемое *о*: какъ произнóсятся, напримѣръ, слова: *горячій*, *хозяинъ*, *въ соборѣ*, *тополя*, *тоска* и др.?

Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *є*).

Какъ произносится звукъ *и*?

Какъ произносится звукъ *ы*?

Гдѣ слышатся гласные неопредѣленные или дифтонги (двугласные).

II.

Какъ произносится звукъ *г* (*g* или *h*)?

Какъ произносятся сочетанія: *жа*, *ча*, *ша*, *шу*, *чу*, *жу*, и под.?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: *г*, *к*, *х*?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: *з*, *ц*, *с*?

Какъ измѣняются губные: *б*, *п*, *в*, *м*?

Какъ измѣняются зубные *д* и *т*?

Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж*: напримѣръ, *походжено*?

Какъ измѣняются *л* и *р*?

Какъ измѣняется звукъ *ф*?

Случаи удвоенія согласныхъ: *бвзлюддя, клоччя*?

Случаи придыханія: *в—вирла, виеса*.

Нѣсколько примѣровъ разговорной рѣчи, пословицъ поговорокъ или сказку.

М. Г. Халанскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер Ак. Наукъ; вып. 48, Спб. 1890 г. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, 1890 г.—т. 3.

Читателямъ нашимъ былъ уже предложенъ отзывъ о первомъ томѣ сочиненій покойнаго славяновѣда «средняго поколѣнія» славистовъ А. А. Котляревскаго. Не имѣвъ возможности, по обстоятельствамъ, раньше предложить разсмотрѣніе слѣдующихъ томовъ, дѣлаемъ это теперь на основаніи мудраго изреченія «лучше поздно, чѣмъ никогда», а также помня чрезвычайно основательное мнѣніе покойнаго учителя о крайней важности библіографическихъ обзоровъ и отзывовъ о книгахъ для науки [1]). Въ статьѣ «На память будущимъ библіографамъ» (т. 2, стр. 109—119), конечно, идетъ рѣчь о необходимости правильныхъ, систематически ведомыхъ библіографическихъ обзоровъ; но изъ нея же вытекаетъ и нарочитая важность для повременныхъ изданій неукоснительнаго веденія сколько нибудь упорядоченныхъ книжныхъ обзоровъ... Центръ тяжести вышеуказанной статьи заключается, между прочимъ, въ слѣдующемъ вполнѣ справедливомъ положеніи, которое авторъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, взятыхъ изъ дѣйствительности т. е. примѣровъ несоблюденія означеннаго положенія. «Не только старина выдается за новое, но часто предлагаются такія мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, если бы изслѣдователь былъ знакомъ со всею предыдущею литературою предмета; часто строятся цѣлыя системы, оказывающіяся потомъ совершенно ложными, и все это только потому, что

---

[1]) Этимъ взглядомъ можно объяснить и извѣстную склонность А. А. Котляревскаго къ библіографіи склонность, переходившую въ страсть...

изслѣдователь упустилъ изъ виду какое нибудь свидѣтельство, или документъ, помѣщенный гдѣ нибудь въ старомъ, забытомъ изданіи». Разсматриваемый второй томъ на нашъ взглядъ представляетъ еще болѣе интереса, чѣмъ первый. Тутъ мы находимъ сжатый, но цѣльный и толково написанный, не потерявшій значенія даже и въ наше время, очеркъ «Сравнительное языкознаніе» (138—212 стр., 1870 г.), извѣстный обстоятельный разборъ сочиненія А. Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (256—358 стр.), произведшій въ свое время довольно значительное впечатлѣніе; разборъ книги «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова (416—432), присудившій этой книгѣ меньшую Уваровскую награду; живой, читающійся, почти какъ романъ, очеркъ «Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ» (1865 г., стр. 522—555); славянскія книжныя обозрѣнія (Успѣхи славяновѣдѣнія, 359—393); рѣчи и поминки (о В. И. Григоровичѣ, объ О. М. Бодянскомъ, О. Я. Шафарикѣ, о Н. А Ивановѣ, о С. В. Ешевскомъ). Собственно къ русской исторіи относятся слѣдующія статьи: «Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей» (73—109 стр.) и большой, основательный разборъ книги И. Забѣлина «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» (444—521 стр.). Отсылая любознательнаго читателя къ самимъ «Сочиненіямъ А. А. Котляревскаго», я нѣсколько остановлюсь только на слѣдующихъ мысляхъ этого автора, заслуживающихъ вниманія читателя. Въ статьѣ «Исторія всеобщей литературы въ Россіи» (212—243 стр.) онъ высказываетъ, между прочимъ слѣдующее, вполнѣ справедливо мнѣніе: «По неимѣнію или недоступности хорошихъ русскихъ переводовъ многихъ произведеній литературы, на историкѣ ея лежитъ также обязанность хрестоматора: конечно, можно ограничиться немногими замѣчательными отрывками, общими изложеніями содержанія произведеній; и они необходимы уже и затѣмъ, чтобы приговоры изслѣдователя не были голословны и не поражали читателя своею неудобопонятностію». Какъ вѣрна и глубоконаблюдательна эта мысль, которую я многократно слыхалъ и лично изъ устъ покойнаго Котляревскаго и затѣмъ самъ примѣнилъ на дѣлѣ въ своей книгѣ «Очеркъ исторіи чешской литературы» (Кіевъ, 1886 г.). Благородныя славянолюбивыя, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мысли автора читатель найдетъ, наприм., хоть въ его прекрасной рѣчи о В. И. Григоровичѣ, произнесенной въ засѣданіи Кіевскаго Славянскаго Общества 23 дек. 1876 г., гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующую похвалу Григо-

ровичу»:... сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что сдѣлано имъ и невидимо, хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній»; въ другомъ мѣстѣ рѣчи этотъ ученый называется «учителемъ, непоколебимо среди житейскихъ искушеній соблюдшимъ вѣру свою и другихъ въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи». Взгляды эти приводятъ насъ къ мысли, что было бы очень любопытно, ежели бы кто нибудь взялся представить характеристику славянскихъ воззрѣній А. А. Котляревскаго на основаніи его сочиненій; это было бы очень важно для освѣщенія одной изъ сторонъ сложной духовной личности покойнаго русскаго славяновѣда...

Третій томъ сочиненій К—аго состоитъ изъ двухъ крупнѣйшихъ его трудовъ: извѣстнаго изслѣдованія «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», посвященнаго гр. А. С. Уварову, и «Книги о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ» (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древностей). Труды эти, особенно первый, по своей извѣстности, не нуждаются въ какихъ нибудь объясненіяхъ и указаніяхъ, и мы заключимъ наше обозрѣніе искреннимъ пожеланіемъ имъ возможно болѣе широкаго распространенія въ нашемъ читающемъ обществѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка Курской губ. на 1892 г.—Изданіе Курскаго Губ. Статист. Комитета. Составлено Т. І. Вержбицкимъ. Ц. 1 р. 20 к.

Намъ не однажды приходилось говорить на страницахъ «Кіевской Старины» о разныхъ «Памятныхъ книжкахъ» южно-русскихъ губерній, и независимо отъ того или другого достоинства этихъ книжекъ, мы съ удовольствіемъ привѣтствовали всегда ихъ выходъ въ свѣтъ, какъ проявленіе извѣстной духовной дѣятельности нашихъ провинцій; конечно, такія книжки обращали наше вниманіе особенно въ тѣхъ случаяхъ, если въ нихъ находили себѣ мѣсто какія либо историческія или этнографическія и проч. замѣтки либо матеріалы, а не одни лишь голыя числовыя данныя статистики. Предлежащая книга составлена настолько удачно и толково, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ изданій этого рода. Прекрасная, даже изящная внѣшность, присутствіе нѣсколькихъ недурно сдѣланныхъ видовъ г.

Курска (съ описаніями ихъ) производятъ особенно пріятное впечатлѣніе. Кромѣ обычныхъ отдѣловъ (мѣсяцесловъ и разныя календарныя свѣдѣнія, статистическаго, адресъ-календаря и т. п.), мы находимъ въ книгѣ еще и недурной «Краткій очеркъ Курской губ.». «Матеріалы для описанія Курскаго края», обнимающій на протяженіи 46 страницъ историко-географическое обозрѣніе городовъ курской губ. Обозрѣніе это составлено довольно занимательно, по документальнымъ даннымъ и заставляетъ пожелать, чтобы и всѣ остальные губернскіе статистическіе комитеты русскихъ городовъ позаботились объ изданіи своихъ памятныхъ книжекъ съ подобными же обозрѣніями.. Очень пріятно замѣчаніе на 44 страницѣ «очерка», что составитель книги считаетъ эту работу только «началомъ собиранія матеріала для будущаго *всесторонняго* описанія Курскаго края», и мы вполнѣ искренне желаемъ ему полнаго успѣха въ этой полезной дѣятельности. Позволимъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы собственно адресъ-календарь, составляющій добрую половину книги и имѣющій важность и значеніе только для курянъ, печатался отдѣльной книжкою, что давало бы возможность лицамъ, интересующимися историко географическими и народоописательными данными разныхъ краевъ нашего обширнаго отечества, пріобрѣтать основную часть книги за болѣе дешевую цѣну; всего лучше бы распредѣлять матеріалъ между двумя книгами такимъ образомъ: въ первую часть помѣщать святцы, календарныя данныя и адресъ-календарь, а во вторую—статистическія данныя и историко-географическія съ народоописательными, если таковыя окажутся.

А. Степовичъ.

Южный Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомоществованія литераторамъ и ученымъ. Одесса. 1892. Стр. X+2 ненум.+256 + 2 нен. + 222.—Цѣна 2 р. 50 к.

Это—второй уже сборникъ, изданный въ Одессѣ въ пользу голодающихъ, если не считать Новороссійскаго календаря съ литературно-научнымъ отдѣломъ его, изданнаго одесскимъ городскимъ управленіемъ. «Сборникъ» напечатанъ безплатно разными одесскими типографіями, остальныя издержки по изданію покрыты добровольными приношеніями, литературный матеріалъ весь безплатный также. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ заявленіи редакціоннаго

комитета, что обиліе предложеннаго разными авторами, преимущественно мѣстными, (въ числѣ 130) литературнаго матеріала было столь велико, что половиной его не удалось воспользоваться.

«Сборникъ» раздѣленъ на два отдѣла: беллетристическій и научный. Въ первомъ помѣщено большое число стихотвореній (и на первомъ мѣстѣ два стихотворенія высокопоставленнаго поэта, пишущаго подъ иниціалами К. Р.), очерковъ, разсказовъ и пр., во второмъ 14 статей по разнымъ научнымъ вопросамъ и почему то также одно стихотвореніе.

Изъ произведеній перваго отдѣла съ мѣстнымъ интересомъ укажемъ прежде всего очеркъ П. А. Зеленаго подъ заглавіемъ «Лахтіонъ». Это, конечно, не болѣе, какъ эскизъ, набросокъ, но эскизъ, написанный съ большой наблюдательностью и очень интересный по предмету, избранному авторомъ. Лахтіонъ—собственно,—не имя и не фамилія, а кличка крестьянина Ермократа Иларіоновича Яковлева, данная, какъ это нерѣдко, по словамъ автора, случается, вслѣдствіе неудобопроизносимости христіанскаго имени. Лахтіонъ — грядущая сила, будущій милліонеръ, новый типъ крестьянина-землевладѣльца, купившаго у разорившагося помѣщика 880 десятинъ и мечтающаго еще значительно закруглить свои владѣнія посредствомъ прикупки. Живыми чертами обрисовываетъ авторъ личность этого Лахтіона, выразившуюся въ его темномъ прошломъ, послужившемъ основаніемъ его благополучія, въ его отношеніи къ наемнымъ рабочимъ, въ способѣ хозяйства, въ семейныхъ дѣлахъ и въ домашней обстановкѣ.

Далѣе, укажемъ очеркъ г-жи Антонины Саломонъ «Хема» (картинка изъ жизни галицкихъ крестьянъ). Хема—имя несчастной и добрѣйшей няньки автора. На старости лѣтъ одинокая Хема поддалась соблазну обзавестись собственнымъ угломъ и для этого выйти замужъ; замужество оказалось погибельнымъ для сбереженнаго ею капитальца, захвативъ который, ея нареченный быстро исчезъ, но Хема снова вступила въ обязанности няньки, ничего не утративъ изъ своихъ душевныхъ сокровищъ. Развитіе разсказа даетъ автору поводъ нарисовать картинку галицкой свадьбы.

Можно назвать еще «Званый вечеръ у чиновника Будищева» драматическія сцены А. П. Романовскаго, въ которыхъ, впрочемъ, мѣстный элементъ очень не великъ и, кажется является, помимо намѣреній автора. Вещица, вообще, блѣдная по содержанію и наивная по формѣ.

Есть въ «Сборникѣ» и стихи, навѣянные мѣстной природою и исторіей. Таковы стихотворенія П. А. Искры «На берегу моря въ

Люсдорфѣ», «Хаджибейскій заливъ зимой» и «На развалинахъ Херсонеса».

Обращаемся къ научному отдѣлу. Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, здѣсь мы находимъ, во первыхъ, двѣ статьи В. А Яковлева: «Къ исторіи голодныхъ годовъ въ Одессѣ» и «Когда были заложены первыя церкви въ Одессѣ»? Первая изъ нихъ имѣетъ предметомъ голодные годы 1794—95-й и 1805-й, написана по архивнымъ матеріаламъ и не лишена интереса. Вторая, посредствомъ сопостановленія извѣстныхъ уже въ печати данныхъ, переноситъ время заложенія первой церкви въ Одессѣ съ 1794 г., къ которому событіе это пріурочено г. Скальковскимъ, на 1794 г. Статья эта, въ качествѣ реферата въ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей, уже напечатана въ протоколѣ 262 засѣданія этого общества и, признаемся, мы не понимаемъ причины ея вторичнаго появленія въ «Сборникѣ».

А. А. Шапеллонъ знакомитъ читателей съ интересными мемуарами графа Рошешуара, появившимся въ Парижѣ въ 1889 году. По словамъ автора, записки эти представляютъ большой интересъ для новороссійскаго края, такъ какъ значительная часть ихъ посвящена дѣятельности горцога де Ришелье, при которомъ графъ Рошешуаръ состоялъ адъютантомъ впродолженіи семи лѣтъ, (1805—1812). Статья читается съ интересомъ, но нельзя не пожалѣть, что авторъ не почерпнулъ изъ мемуаровъ гр. Рошешуара побольше матеріала собственно о новороссійскомъ краѣ.

Статья И. К. Эйзенъ фонъ Шварценбергъ помѣстилъ въ «Сборникѣ» свои воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1844—45 г. Для новороссійскаго края статья эта представляетъ отдаленный интересъ въ томъ отношеніи, что въ означенныя годы намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказской арміей былъ кн. М. С. Воронцовъ, бывшій прежде новороссійскимъ генералъ губернаторомъ.

Г. Ящуржинскому принадлежитъ небольшая статья «Колядки о хлѣбѣ», матеріалы для которой заимствованы изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго.

Общее впечатлѣніе отъ «Сборника» благопріятное. Правда, есть въ немъ вещи и слабоватыя, но есть и написанныя съ неоспоримымъ талантомъ и знаніемъ. Пожелаемъ ему заслуженнаго успѣха, особенно въ виду благой цѣли и благородныхъ жертвъ и трудовъ, принесенныхъ для достиженія ея.

В. Ястребовъ.

Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1892 г. Стр. 1—433+14 фототипическихъ снимковъ. Ц. 2 р. 50 к.

Названіе книги «*Кіевскій* Сборникъ», по установившейся привычкѣ, даетъ право предполагать, что въ ней мы найдемъ совершенно опредѣленный характеръ статей какъ беллетристическаго, такъ и научнаго содержанія, иными словами,—что въ ней обнаружатся стремленія мѣстныхъ людей своимъ посильнымъ трудомъ и талантомъ прійти на помощь страждущимъ собратьямъ и, какъ гласитъ изрѣченіе «чѣмъ хата богата», принесть на литературный рынокъ продукты мѣстнаго производства. Къ сожалѣнію, первыя же строки предисловія къ сборнику сразу отнимаютъ у васъ надежду встрѣтить въ книгѣ этотъ мѣстный характеръ и сотрудниковъ, и темъ, такъ какъ редакторъ прямо заявляетъ, что «редакція поставила своей задачей придать сборнику, насколько то было возможно, международный характеръ». Какъ и почему на долю Кіева выпала эта роль «интернаціонализма», мы разбирать не станемъ, но, по всей вѣроятности, у редактора, помимо личныхъ симпатій, были очень основательныя причины,—заставившія его придать своему сборнику именно такой отпечатокъ. Въ виду только что сказаннаго, мѣстному научному журналу почти нѣтъ надобности останавливаться на этомъ сборникѣ въ своихъ библіографическихъ обзорахъ, такъ-какъ мѣстнаго элемента въ немъ нѣтъ; однако, разсмотрѣвъ весь сборникъ, мы найдемъ въ немъ нѣкоторыя крупицы, касающіяся и нашей украинской полосы, что нисколько не противорѣчитъ характеру международности.

Конечно, на первомъ планѣ мы должны поставить статью *М. Владимірскаго-Буданова* «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.» (стр. 357—387). Это есть какъ бы одна глава ихъ обширнаго по своей задачѣ изслѣдованія о положеніи западно-русскаго крестьянства, юридически никогда не бывшаго въ литовско-русскомъ государствѣ крѣпостнымъ, но фактически оказавшагося закрѣпощеннымъ уже въ концѣ 16-го вѣка. Данная статья только занимается разсмотрѣніемъ и уясненіемъ тѣхъ формъ землевладѣнія крестьянскаго въ западной Руси, которыя господствовали до утвержденія крѣпостнаго права. Тутъ разсматриваются такія формы землевладѣнія: 1) *Дворище*, т. е. участокъ земли, принадлежащій группѣ лицъ, связанныхъ родовымъ единствомъ; при этомъ выясняется личный составъ этихъ дворищъ (глава дворища и оп-

тужники), число лицъ въ немъ (до 40 челов.), составляющееся изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, имущественный составъ дворища (усадьба и пахатная земля), количество пахатной земли (отъ 20 до 300 десятинъ) и, наконецъ, повинностный характеръ дворищъ—*жребій и служба.* Это послѣднее даетъ поводъ предполагать, не образовались ли дворища искусственно, ради болѣе удобнаго обложенія повинностями со стороны государства; однако—говоритъ авторъ—предположеніе это не опровергаетъ вывода о естественномъ бытовомъ значеніи дворища. 2) *Сельская община*, т. е. совладѣніе нѣсколькихъ дворищъ, что и составляетъ *село.* Тутъ предполагаются древнія формы общиннаго владѣнія: во первыхъ, непосредственныя права сельской общины простираются на земли, не подѣленныя на дворища, во вторыхъ, иногда сельской общинной власти до извѣстныхъ предѣловъ подлежитъ земля, принадлежащая дворищамъ и находящаяся въ наслѣдственномъ владѣніи лицъ, которыя составляютъ дворища. 3) *Волость и ея подраздѣленія.* Волость въ Западной Руси имѣла болѣе административное значеніе, нежели частноправное, чѣмъ она и отличается отъ сѣверно-русской волости. Авторъ по этому поводу и разсматриваетъ значеніе волости административное, хотя останавливается и на имущественныхъ отношеніяхъ, которыхъ въ смыслѣ общинности тоже не лишена была западно-русская волость. Всѣ эти земельныя и имущественныя права и формы разсматриваются въ статьѣ при помощи фактическихъ справокъ изъ разныхъ актовыхъ книгъ, отчего сама статья получаетъ особый интересъ и становится болѣе удобочтомой.

Достаточно теперь только назвать остальныя научныя статьи, вошедшія въ сборникъ, чтобы видѣть, что, даже при самомъ бо́льшемъ интересѣ въ ихъ содержаніи, «Кіевской Старинѣ» не приходится останавливаться на разборѣ ихъ. Вотъ онѣ: 1) *Максимъ Ковалевскій* «Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи», 2) *П. Броуновъ* «Погода и ея предсканіе», 3) *И. Сикорскій* «Голодъ и его послѣдствія», 4) *А. Абрагамсонъ* «Двѣ недѣли въ Средней Азіи», 5) *Р. Савельевъ* «Къ вопросу о предсказаніи неурожаевъ», 6) *Г. Бобриковъ* «Матеріалы для исторіи войны 1877—78 гг.», 7) *Л. Куперникъ* «Шарль Фурье», 8) *В. Малининъ* «Надсонъ какъ поэтъ», 9) *П. Морозовъ* «Война, ея орудія и жертвы», 10) *Максъ Нордау* «Fin de siècle», 11) *И. Лучицкій* «Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Испаніи», 12) *В. Ермаковъ* «О преподаваніи алгебры». Единственная статья, которая имѣетъ хотя нѣкоторое отдаленное отношеніе къ программѣ

нашего журнала, это—маленькое сообщеніе *Т. Флоринскаго* «Новое открытіе въ области южно-славянскаго народнаго эпоса». (337—348 стр.), гдѣ говорится о совершенно невѣдомомъ до послѣдняго времени отдѣлѣ сербскаго эпоса, записаннаго изъ устъ босняковъ и герцеговинцевъ мусульманской вѣры и изданнаго Костою Хёрманомъ.

Въ отдѣлѣ беллетристики, гдѣ преобладающими явились иностранные писатели и писательницы, особенно скандинавскіе, мы встрѣчаемъ имя извѣстныхъ нашихъ двухъ беллетристовъ, Вас. Немировича-Данченка и Вл. Короленка, изъ которыхъ послѣдній далъ въ распоряженіе редактору Сборника главу изъ повѣсти «На зарѣ» подъ названіемъ «Щось буде». Уже самое заглавіе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ отрывкѣ г. Короленка. Это очень красивенькій по построенію набросокъ изъ жизни юго-западной Руси въ концѣ 50-хъ годовъ, въ тотъ моментъ, который далъ такъ много характерныхъ осложненій въ разныхъ слояхъ русскаго общества на сѣверѣ Россіи, а тѣмъ болѣе на нашемъ югѣ. Глухіе толки послѣ роковой Севастопольской компаніи о разныхъ новыхъ вѣяніяхъ и реформахъ, неясныя ожиданія какихъ-то иныхъ условій жизни,—все это заставляло трепетно озираться по сторонамъ и, при сравнительно слабомъ развитіи общества, только и вызывало многозначительное восклицаніе «щось буде!» Вотъ этотъ-то моментъ и освѣщается авторомъ, правда еще только въ общихъ набросках, требующихъ, по нашему мнѣнію, въ иныхъ мѣстахъ обработки, но и теперь производящихъ впечатлѣніе своими талантливыми росчерками. Особенно хороши мѣста въ изображеніи этюда съ *марой*, гдѣ и солдатъ очень мило выступаетъ съ своимъ залихватствомъ, и становой не менѣе рельефенъ съ той буланой кобылкой, которая послѣ приключенія съ марой появилась у него на пристяжкѣ.

Всѣ прочія беллетристическія піески, какъ нашихъ писателей, такъ и заграничнихъ, давая очень много интереснаго и рознообразнаго чтенія, по темамъ своимъ совсѣмъ не подходятъ подъ цѣли, преслѣдуемыя «Кіевской Стариной», а потому—о нихъ мы говорить не будемъ, равно какъ умолчимъ и о стихотвореніяхъ по той же причинѣ. Остается упомянуть еще о рисункахъ, изъ которыхъ иные сюжетами своими затрогиваютъ жизнь нашего юга, а именно: первымъ поставленъ фототипическій снимокъ съ картины проф. Орловскаго «Днѣпръ»,—снимокъ, заставляющій желать многаго лучшаго; нисколько не лучше и другой снимокъ съ картины г. Платонова «Ко сну»; не много лучше снимокъ съ картины г. Пимоненка «Сва-

танье», и наконецъ, далеко превосходитъ всѣхъ ихъ послѣдній снимокъ съ извѣстной картины г. Бодаревскаго «Свадьба въ *Малороссіи*».

Въ заключеніе не можемъ не выразить благодарности И. В. Лучицкому, взявшему на себя во многихъ отношеніяхъ нелегкую задачу составить литературный сборникъ въ Кіевѣ и тѣмъ снявшему съ кіевлянъ тотъ упрекъ, который, можетъ быть и незаслуженно, но былъ-бы посылаемъ по ихъ адресу за равнодушное отношеніе къ страждущимъ собратьямъ. Теперь оправданіе—на лицо: сборникъ, и содержаніемъ, и объемомъ не уступающій другимъ, находится передъ нами; остается только пожелать ему самаго широкаго распространенія.

В. Н—ко.

От ъ редакціи. Обозрѣніе журналовъ будетъ помѣщено вмѣсто іюльской въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-й и 44-й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Каштанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская, Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б. — 6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 26 іюня 1892 г.

1. юнь. Вовтор. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ нашемъ пріехали Гамалѣи Стефанъ, Василь и Григорій, и стали близъ насъ обозомъ. Потомъ поехалисмо до табору и заехали просто до п. п. Миклашевскихъ и тамъ просидѣлисмо часъ немалій. Козакъ полку нѣжинского у рѣчки Хотомлю, где обозъ стоитъ, утонулъ, купаючись, которого поховали при стрелбѣ мушкетной, да на томъ же мѣстцу еще нѣсколько козаковъ померло. Отехавши отъ п. п. Миклашевскихъ, заехали до прилучанъ п. п. Федора, Горленка и прочіихъ, где книжку писанную лѣтописную о козакахъ взялисмо для прочитання. Гасло било у насъ Марія. Зъ обозу Гамалѣевъ визивали ихъ козаки нашихъ на вкулачки, и когда наши вийшли бытись съ ними, то при нашихъ побѣда осталася и заледво розогнать возмогли онихъ отъ того бою. Книжку тую, позиченную, лѣтопись, читаючи начиталисмо: *1-mo*, что козаки отъ рѣчки прозиваемой Козара назвались, первей, козарами, а потомъ, за временемъ, прозвани козаками. *2-do*, князи ихъ козарстіи обладали кіевскою и другими странами, а взимали дань отъ двора, по бѣлковой шкурѣ, а отъ плуга по шелягу. *3-tio*, Гедимъ, вел. князь литовскій, подбилъ подъ свою область Кіевъ и другіе сторони и намѣсникомъ тамъ своимъ оставилъ князя Голшанского. *4-to*, 1471 року, Казѣмиръ четвертій, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнилъ. *5-to*, 1516 року, за Жикгмунта первого, короля полского, всѣ жители малороссійскіе стали козаками зватись. *6-to*, 1534 року, за Генриха француза, короля полского, гетманъ Свѣрчовскій, упрошенній отъ Івани, господара волоского, былъ при немъ зъ своимъ войскомъ, которого тилко на 1400 было и баталѣю имѣлъ зъ турками 14 разъ. *7-mo*, 1575 року, козаки човнами, рѣкою Днѣстромъ, на орди напавши, много онихъ въ плѣнъ взяша. *8-vo*, Тогда жъ зъ гетманомъ Богданкомъ землю татарскую повоевали. *9-no*, 1576 року, король полскій Стефанъ Баторий, сучредивши гетмана запорожского, устроилъ въ войску обозныхъ, судей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атаманы и мѣстечко Терехтемировъ далъ имъ на зимовую квартеру. Тогда козаки Азію на тисячу миль повоевали, Трапезонтъ взяли и витяли, Синопъ

збурили и подъ Константинополемъ многіе взяли користи. *10-то*, За того жъ короля, 1577 року, гетманъ запорожскій Шахъ, прийшовши въ волоскую землю, зъ войскомъ своимъ, устроилъ тамъ козака Подкову господаремъ волоскимъ, по прошенію волохъ, а Петра воеводу, господара тамошнего, изъ господарства изгналъ. Послѣди тому жъ Подковѣ, хитростію пойманному отъ поляковъ, король велѣлъ въ Львовѣ голову отсѣкти. *11-то*, Того жъ року, соборъ былъ въ Брестѣ Литовскомъ и унѣя началася. *12-do*, 1597 року, гетманъ запорожскій Наливайко, прийшовши зъ козаками на Литву, много розорилъ мѣстечокъ и сѣлъ, а потомъ, отъ гетмана коронного Жолкевского пойманний, подъ Лубнями на мѣстцу урочищѣ, прозиваемомъ Солоница, и запроваженний до Варшави, на мидяномъ волѣ роспаленномъ сожженъ зосталъ. *13-tio*, 1606 року, Петро Конашевичъ Сагайдачный, гетманомъ запорожскимъ учинившись, ходилъ подъ Кефу, турецкое мѣсто, и оного воевалъ. *14-to*, 1608 року, за Жигмунта, короля полского, гетманъ коронний Жалковский, зобравши зъ Украини козаковъ, ходилъ на Цоцору, между которими билъ и Михаилъ Хмелницкій, отецъ гетмана Богдана Хмелницкого, сотникомъ надъ козаками. *15-to*. На Цоцорѣ отъ турковъ и татаръ Жолковскій збитъ и Михаилъ Хмелницкій убіенъ, а синъ его Богданъ въ плѣнъ взятъ и, по двоелѣтномъ своемъ плѣненіи, отъ козаковъ викуплѣнъ; родомъ билъ, сказуютъ, зъ Лисянки. *16-to*. 1623 року, Османъ, царь турецкій, побѣдивши поляковъ на Цоцорѣ, прийшолъ въ годъ потомъ на полскую землю зъ многими силами, а король полскій Жикгмунтъ сина своего вислалъ противъ его Владислава, до которого призванний и гетманъ Сагайдачній прийшолъ въ помочъ зъ шестма тисачами козаковъ и переднее мѣсто удержалъ зъ великимъ турецкимъ урономъ, такъ далеце, же мусѣлъ султанъ мира просить и учинилося тогда примиреніе зъ королевичомъ. *17-то*, 1622 року, Сагайдачний гетманъ померъ, а тѣло его поховано въ Братскомъ Кіевскомъ монастирѣ, въ проводную неделю. *18-vo*, По смерти Сагайдачного, по многой войнѣ Ляховъ зъ Шведами, войска полскіе въ кіевское переведени воеводство и поставлени на консистенцію по городахъ

и селахъ бувши, многіе озлобленія жителямъ чинили; тогда гетманъ коронний Конецполскій зъ гетманомъ запорожскимъ Тарасомъ войну имѣли подъ Переяславлемъ и побѣжденни стали отъ козаковъ. *19-по.* Гетманъ запорозкій Павлюкъ зъ Поляки войну имѣлъ подъ Кумейками декавр. 6. и отъ Конецполского побѣжденъ зосталъ, а подъ Боровицею примиреніе учинилось; але скоро потомъ пойманъ Павлюкъ и запроваженъ до Варшави, тамъ въ голову усѣченъ зосталъ. *20-то.* 1638 року, козаки, устроивши себѣ гетмана Остраницю, бились знову зъ Ляхами, подъ Говтвою, Лубнями, Лукомлемъ и Жовниномъ, где другий козакъ Тимошевичъ Гуня гетманомъ обранъ зосталъ, але на рѣчкою Старцемъ пакта мирніе зъ Поляками составили. *21-то,* Отъ того часу у козаковъ вмѣсто гетмана комисаръ великій зъ лядской сторони, также и полковники были устроенни. *22-do.* 1639 року, Кодакъ городокъ надъ Днѣпромъ у низу отъ Конецполского былъ устроенъ и нѣмцами служивими осаженъ, даби зъ Украини бѣжачихъ козаковъ за пороги могли переймать. *23-tio.* Чаплинскій, подстаростѣй Івана Даниловича старости Чигиринского, отнялъ у Богдана Хмелницкого Суботовъ и самого въ вязенне осадилъ, але, на прозбу жени своей, потомъ освободилъ. *24-to.* Хмелницкій Богданъ у Барабаша, асаули енералного, о привилеяхъ довѣдавшись королевскихъ, у жени его оніе отобралъ и, зъ оними побѣгши, первей, въ Микитиномъ Розѣ 300 козаковъ сискалъ и зъедналъ себѣ, а потомъ за позволеннемъ хана Исламъ Герея мурза Тогамъ Бей помощствовалъ ему. *25-to.* Первую баталѣю Хмелницкій имѣлъ зъ Ляхами на Жовтой Водѣ, где гетмана коронного Потоцкого синъ, два рази устрѣленъ, умре, асіе било 1648 року, въ постъ великий. *26-to,* Другую баталѣю имѣлъ подъ Корсуномъ, где также Ляхи побити и оба гетмани Потоцкій и Калѣновскій въ плѣнъ достались татарамъ. *27-то.* Подъ Пилявцами била баталѣя и тамъ побѣжденни Поляки такъ, же однихъ возовъ кованнихъ осталось у козаковъ сто тисячъ. *28-vo.* Отъ того часу Хмелницкій печать войсковую устроилъ. *29-по.* Полковники во всей Украинѣ отъ Хмелницкого устроени стали: чигиринскій, черкасскій, переяславскій, каневскій, браславскій, бѣлоцерковскій,

уманскій, корсунскій, калницкій, гадяцкій и прочіи року 1649. *30-то.* Подъ Збаражемъ Хмелницкій зъ Фирляемъ, главнимъ енералом полского войска, баталѣю имѣлъ, где стисненни Поляки до такой пришли нужди, что мусѣли зъ великого голоду конскіе, собачіе, мишачіе и кошечіе мяса исти, куда и король Казѣмиръ прийшовши на помочъ, также нужду утерпѣлъ, отъ которой мусѣлъ на трактати, зъ сторони козацкой предложенніе, соизволити, между которими и тотъ билъ включенъ пунктъ, жеби митрополитъ кіевскій первій по примасѣ въ Сенатѣ имѣлъ стулецъ. *31-то.* Але когда пріехалъ до Варшави митрополитъ кіевскій Силвестръ Косовъ, не дано ему въ Сенатѣ мѣста и такъ отехалъ въ Кіевъ. *32-do.* Хмелницкій списалъ козаковъ и роздѣлилъ на 60 (sic) полковъ и сколко въ коемъ полку козаковъ, а именно; чигиринскомъ—3189, въ черкаскомъ—2989, въ каневскомъ—3120, въ корсунскомъ—3472, въ уманскомъ—3930, въ браславскомъ—2072, въ калнѣцкомъ—2046, въ кіевскомъ—2080, въ переясловскомъ—2150, въ кропивянскомъ—2059, въ остранскомъ—1958, въ миргородскомъ—3158, въ полтавскомъ—2785, въ нѣжинскомъ—985, въ чернѣговскомъ—996. *33-tio.* Отъ солтана турского прийшолъ Османъ aga до Хмелницкого зъ предложеннемъ таковимъ, дабы онъ, отступивши Ляховъ, поддался подъ солтана турского и привезлъ ему чугу, мечъ, короговъ и булаву. *34-to.* 1651 року, баталѣя била подъ Берестечкомъ, где король Казѣмиръ билъ зъ посполитимъ рушеннемъ, а войска било лядско(го) на 300 тисячъ. Тамъ же Хмелницкій и ханъ Кримскій зъ своими силами били. Але когда ханъ, оставивши козаковъ съ татари, пойшолъ въ свояси и за нимъ Хмелницкій въ слѣдъ пошолъ же, а войско при Виговскомъ и полковникахъ оставилъ, тогда козаки утѣсненни зостали отъ поляковъ и мусѣли, оставивши все, арматъ 60, утекти оттуду. *35-to.* Того жъ року, уже королю зъ посполитимъ рушеннемъ повернувшуся до Варшави, била акцѣя подъ Бѣлою Церквою, где Хмелницкій новіе пакта учинилъ. *36-to.* 1652 року, гетманъ Хмелницкій послалъ сина своего Тимоша и зъ нимъ воиска 36 тисячъ козацкого и татарского до Молдавского воеводи, дабы дочь свою отдалъ за его

Тимоша, якій путь поневажъ Калѣновскій гетманъ заступилъ билъ ему Тимошеви; того ради великая учинилась баталѣя на Батозѣ, где все войско полское побито и самому гетману голову урѣзалъ татаринъ и принеслъ предъ самого Хмелницкого, тамъ тогда зго- дившогося, и Нурадинъ Салтана. По семъ Хмелницкій, вернувшись до Чигирина, послалъ уже сина своего Тимоша зъ 20-ма тисячами коннихъ козаковъ на веселле до Яссъ, где мусѣлъ господарь от- дать дочь свою за его. *37-то*, 1653 року била война козаковъ зъ поляками подъ Монастирищемъ, где зъ козацкой сторони Богунъ Чернецкого такъ устрашилъ, убравши козаковъ въ одежу татарскую, же Ляхи, покинувши обозъ свой, утекли; а помянутій Чернецкій зъ войскомъ полскимъ того ради присланъ билъ на козаки, что из- вѣстно учинилось онимъ смятеніе между козаками, ибо когда Хмел- ницкій до солтана посилалъ своихъ пословъ, поддаючись ему, тогда полковники нѣкоторіе, не пристаючи до того, укарали его, за що Гладкому, полковнику миргородскому, и Хмелецкому голови велѣлъ отсѣкти, а Гуляницкій, нѣжинскій, у монастирѣ крился. *38-vo*. Сенаторъ полскій Радзіовскій, отъ канцелляріи отстановленний, бѣ- жалъ у шведскую землю и оттуду писалъ до Хмелницкого, жебы крѣпко стоялъ противу поляковъ, понеже и король шведскій хо- четъ бить козакамъ помощенъ. *39-по*. Адамъ Кисѣль, воевода кіевскій, умеръ. *40-то* Тимошъ, синъ Хмелницкого, тестя своего господара Мултянского, отъ венгерского князя Ракочого изгнанного, посадилъ знову на господарствѣ, але потомъ знову оний изгнанъ билъ, а Тимошъ въ Сочавѣ въ засадѣ билъ, где и убитъ зосталъ зъ армати. *40-то*. Надъ Жванцемъ баталѣя била Хмельницкому зъ самимъ королемъ Казѣмиромъ, где войско лядское до такой прийшло нужди, же мусѣли зборовскіе потвердити пакта и хану, тамъ же бившому, въ закладъ двохъ сенаторовъ отдати. *42-do*. Хмелницкій блаженной и вѣчнодостойной памяти цару Алексѣю Михайловичу поддался въ Переяславлѣ, при Василіевичу Бутурли- ну, 1654 року, януар. 16. *43-tio*. Царь Алексѣй Михайловичъ, увѣдавши отъ Хмелницкого о томъ, что король полскій и ханъ кримскій, услишавши о подданствѣ Хмелницкого великому государю

учинившомся, пріязнь между собою учинили и приговорили войною ити на Москву, послалъ боярина Срѣбрного и Хованского въ литовскіе краи, а потомъ и самъ своею особою, мѣючи при себѣ наказного гетмана Золотаренка, тудажъ пошолъ и первую имѣлъ баталѣю зъ Радивиломъ надъ рѣчкою Березицею, подъ Шкловомъ, и славную получилъ викторію, и много мѣстъ доставши и плѣнивши, повернулся назадъ. *44-to.* По смерти Исламъ Герея хана, Месли Герей ханъ зъ поляками воевали козаковъ и въ Уманѣ облегли крѣпко, которихъ хотячи освободить, Хмелницкій пошолъ туда на отсѣчъ, але зачувши о томъ ханъ и поляки, обернулись на его и между Ставищами и Охматовомъ въ полѣ (которое потомъ Дрижиполемъ названо) осадили, откуду, сквозь обозъ лядской пробившись, Хмелницкій прибѣгъ до Умани и освободилъ онихъ зъ Пушкаренкомъ осажденнихъ и, совокупившися, подъ Буки пойде и тамъ пять полковъ козацкихъ зосталъ, а поляки повернулись назадъ; татаре зась, зъ позволення лядского, народъ, поддавшийся имъ, въ неволю побравши, вернулися зъ онимъ до Криму.

2. Середа. П. п. Гамалѣи, стоявшіи зъ нами здѣ обозомъ, отехали совсѣмъ и стали купно зъ таборомъ. Послани Демянъ да Леско кухаръ въ Бурлуки до Захаржевского и въ Балаклійку до Лѣсаневича зъ листами моими, для покупки риби, пива и меду, на що п. Михайло далъ 3 р., а Заборовскій 2 р. Обѣдалисмо сами безъ всякихъ гостей. Гасло сего вечора у насъ било Потапъ.

3. Четвер. Рано сего дня поехавши зъ обозомъ, переехалисмо рѣчку Хотумлю, и пріехали на становиско обѣдное болшъ милѣ и сталисмо обозомъ своимъ у версту отъ табору, недоеждяая Бурлукъ, якби у едину версту. Обѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттоль сидѣли у п. Миклашевскихъ, Бурковского и Василя Томари, а передъ вечоромъ до своего обозу пріехалисмо, где погожую криницю у яру увидѣлисмо, изъ оной пили воду зъ шербетомъ п. Михайловимъ. Захаржевскій, владѣлецъ Бурлукъ, пріехалъ былъ въ село свое, а потомъ и отехалъ, знать збуваючи гостей. Посиланніе Демянъ да Леско повернулись зъ нѣщимъ, да риби толко достали мало. Гасло было у насъ маляръ.

4. Пятокъ. Рушилисмо зъ всѣмъ таборомъ въ предлежащій путь и пріехали въ мѣстечко Бурлуки п. Захаржевского, где я, осмотрѣвши церкви, билемъ въ дворѣ его, куда потомъ п. Семенъ Лизогубъ зъ всѣмъ товариствомъ пріехалъ и покилка кубковъ пива и меду випили; а Бурлуки отъ Салтова въ разстояніи будутъ близъ 4 миль. Поехавши оттуду, разлучилемся зъ знакомъ и самъ зъ п. Сулимою, швакгромъ, ехалемъ зъ милю добрую, а потомъ, совокупившись зъ п. Михайломъ, пріехалисмо на становиско, якъ би у 20 верстъ отъ Бурлукъ обрѣтаючееся, недоижджаючи села неподалеку будучого, називаючогося Колодяжнее, владѣніе волоховъ. Тутъ осмотрувалемъ реестровъ Мартина и Вѣжевского, взятихъ въ дорогу рѣчій. П. Іванъ Забѣла посидѣлъ у вечеру зъ нами и правилъ намъ нѣчто до нашего утѣшенія. Меду купили боклагъ, цицю и барилце. Гасло у насъ теперъ мѣрочникъ, а то въ другое на памятку Алексѣецъ.

5. Субота. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ уснувши, ходилемъ до Бурковского, оттоль до Тамари, зъ которимъ и въ свой обозъ прийшолемъ и кушалисмо вечеру. Гасло било у насъ фурда.

6. Неделя. Рано барзо рушилисмо всѣ зъ обозами въ предлежащій путь и пріехалисмо до села Колодяжного, въ владѣніи волохъ девяти человѣкъ обрѣтаючогося, которое отъ Бурлукъ якби у 3 милѣ легкихъ отстоитъ, и тамъ службы Божой вислухавши, поехалисмо далѣй и пріехалисмо до мѣстечка Каменки, полку узюмского, подъ которимъ рѣка Осколъ иде, на якой и млини суть; а въ Камянцѣ сотникомъ Горпинченко Андрей Івановичъ. Неостановляючись въ городку, виехалисмо далѣй и, верстъ зо двѣ отъ городка отехавши, стали на обѣдъ и поневажъ тамъ паши не было для коней, того ради ми, побувавши у Семена Лизогуба, поехалисмо зъ п. Михайломъ и зъ курѣнчиками нашими, Іваномъ Забѣлою, Заборовскимъ и Ѳомою Скоропадскимъ, и пріехали до села, прозиваемаго Тополѣ, въ 8 верстахъ отстоящого отъ Камянки, а до Камянки жъ належачого, и тутъ черезъ мостъ переехалисмо рѣку Осколъ и стали близко обозомъ своимъ. Гасло било у насъ Михайло.

7. Понеделокъ. Рано заехали къ намъ Костенецкій, Федоръ Чуйкевичъ, Якубовичъ и Худолѣй и, випивши водки, отехали, а мы сами, своимъ куренемъ, кушали у себе обѣдъ. По обѣдѣ Семенъ Лизогубъ зъ всѣми бунчуковими, переехавши черезъ мостъ, мимо насъ проехали и стали отъ насъ якъ би у версту обозами своими, а потомъ пріехали къ намъ Василь Гамалѣя, Федоръ Марковичъ дядко, Терновіотъ и Березинскій (которій говорилъ, что полковникъ Яропкинъ у Харкови, взялъ въ конвой себѣ зъ Прилуцкого, Гадяцкого и Миргородского полковъ по 10 козаковъ въ конвояхъ себѣ до Царицина) и Андрей Горленко и посидѣвши отехали. П. Федоръ говорилъ, что Карпѣки, бувши у князя, чули отъ его самого и въ Ахтирцѣ о ясневелможной и Квѣтцѣ, харковскомъ полковнику, розговоръ. Гасло било у насъ Роменъ.

8. Вовторникъ. Рано передъ обѣдомъ ездилисмо ободва зъ п. Михаиломъ до обозу, где, заехавши до прилучанъ, были у нихъ на водцѣ, а оттоль пошовши до Семена Лизогуба, зосталисмо на обѣдъ у его, зъ которимъ полѣтичную имѣли контроверсѣю, а потомъ, отехавши зъ обозу, пріехалисмо сами передомъ въ обозъ свой. После насъ пріехали прилучане п. п. Федоръ дядко, Андрѣй Горленко и Павелъ Раковичъ и кушали у насъ, куда заехалъ до насъ Петракій, а потомъ Синдаровскій и, по обѣдѣ, розехалися, зъ онихъ до лазнѣ нѣкоторіе, а другіи въ обозъ. Въ день заехали до насъ Василь Томара, Федоръ Сулима, п. Федоръ дядко и, посидя, розехались. Тогда жъ Василь Томара позичилъ у мене атлясъ на время. П. Андрѣй Горленко сказовалъ, когда конь якій заднимъ копитомъ переднего касается, то въ передномъ копитѣ около мичку помазать діогтемъ. Гасло било у насъ Глуховъ.

9. Середа. Обѣдали у насъ Костенецкій и Грабовскій. По обѣдѣ были у насъ Томара и Григорашъ нашъ. Черевко зъ возами своими мимо насъ ишолъ къ Царицину. У вечеру дожчъ зъ превеликимъ громомъ бувъ. Гасло било у насъ Березнее. Гаврило посиланъ билъ отъ насъ до Кандиби и Семена Лизогуба объ отводѣ намъ мѣста въ таборѣ.

10. Четверъ. Ездилъ п. Михайло въ обозъ до Семена Лизогуба за тимъ же, за чимъ вчорась Гаврило посиланъ былъ и привюзъ резолюцію его, чтобъ нашему куреню быть въ куренѣ прилучанъ, а атаманомъ надъ всѣми быть Андрѣю Горленку. Повернулся п. Михайло и пріехалъ къ намъ Худолѣй зъ Черевкомъ и Семеномъ Литвиномъ, присланнимъ зъ Ромна зъ грошми сотнянамъ роменскимъ, будучимъ у Сулаку; и обѣдалъ у насъ Худолѣй. А Черевко зъ Литвиномъ, випивши водки, отехали, черезъ которихъ писалемъ до Юска зъ товарищи въ Царичинъ, дабы они старались тамъ непремѣнно судна достать для обозу, чили багажу, при насъ обрѣтаючогося, и чтобъ губернатору дали кухву оковитой и кухву вишневой гор., а коменданту царицанскому куѳу простой. Гречаний Якимъ присилалъ асаулчика до насъ, чтобъ наши конѣ зогнанни были зъ лугу, а то по жалобѣ тутейшихъ жителей, ускаржавшихся Семену Лизогубу. Михайло, полковникъ бывшій бѣлоцерковскій, бувъ у насъ, которому по обѣтницѣ показалось. У лазнѣ милися ми, тутъ въ селѣ, а гасло было Худолѣй трусъ.

11. Пятокъ. Сего дня рано пріймолъ сюда полкъ Стародубовскій и недалече нашего обозу сталъ. Въ обѣдною годину пріездилъ Микита Холодовичъ, а после его Григорашъ до насъ. Черезъ Ѳедка готовали писма въ домъ и тогдажъ началемъ до брата своего п. Семена писать листомъ исторію нашего походу, а написалемъ полъ третя листа великого. Того жъ дня было у насъ гасло Коровинцѣ.

12. Субота. Рано до службы Божой ездилемъ, въ село Тополѣ, когда и полкъ Азовскій, стоявшій въ Узюмскомъ полку, пріймолъ, которій мѣетъ слѣдовать къ Царицину. По службѣ Божой заехали до насъ Забѣла Стефанъ, Григорашъ, Худолѣй и Березинскій и, випивши водки, розехались нѣкоторіе, а Худолѣй и Григорашъ обѣдали у насъ. По обѣдѣ рушилисмося зъ мѣстца своего зо всѣмъ обозомъ и пріехали до обозу всѣхъ и стали зъ прилучанами на малое время, поневажъ уже увесь таборъ приуготовился до порушення. Зъ обозу прилуцкого Ѳедко отпущенъ въ Роменъ зъ подорожною отъ мене, Андрѣемъ Трощинскимъ написанною, а

черезъ его писма писалисмо: 1) до родителя, 2) родителки, 3) жени о присланню вина волоского и конфектовъ, и о нашемъ інтерессѣ зъ швакграми и о протчемъ, 4) до ясневелможной, 5) до п. Семена зъ описаніемъ походу сего, а п. Михайло Скоропадскій до Петра Андрѣевича, Петра Петровича, прокурора, и протчіихъ. Рушивъся весь таборъ и, увойшовши верстъ зъ 20, прійшлисмо надъ байракъ, у лѣвой руцѣ отъ дороги отстоящій, прозиваемій Ровеніокъ, и тутъ ночовалисмо, въ срединѣ обозу, купно зъ прилучанами.

13. Неделя. Кушалисмо у себе, а у насъ п. Федоръ дядко и п. Тарноліотъ [1]). По обѣдѣ рушивши, у половинѣ дороги зогналисмо козу дикую и гонили близко, а потомъ пріехалисмо на ночъ до рѣчки, прозиваемой Красна, отстоящой отъ Ровенка въ 15 верстахъ, а отъ Тополѣ села въ 35 верстахъ. Вѣдомо учинилось, что Яковъ Якубовичъ Петровского нашего сина порубалъ шаблею лобъ, которій на его и жаловался до Семена Лизогуба. За пріездомъ нашимъ сюда, явился тутъ чловѣкъ, повернувшійся зъ рибою зъ Черкаского, которій говорилъ, что донци вийшли въ походъ да ждутъ нашего войска.

14. Понеделокъ. На семъ же становиску обѣдъ кушалисмо сами, а зъ нами п. Андрѣй Горленко и п. Федоръ дядко и Петракій. По обѣдѣ приходили ко мнѣ п. п. Миклашевскіе и Бурковскій и розговорували де о чомъ и пограли въ маріяша, а потомъ просидѣлемъ у прилучанъ, куда зъ горѣлкою приходилъ Стефанъ Забѣла и почтувалъ всѣхъ. Зъ п. Михайломъ въ первое игралемъ въ пикетъ карти. Гасло било у насъ и во всемъ таборѣ Сула.

15. Вовторокъ. Рушилисмо барзо рано зъ становиска и переехалисмо рѣчку, прозиваемую Красную, гатѣ подѣлавши своими людми, и часть нѣкоторую переехавши, нехалисмо (sic) зъ Дону людей идучихъ, которіи сказовали, что донцовъ 3000 війшло и къ нимъ 2000 колмиковъ и пушокъ 5, и мѣли ити просто до Сулаку, а 2000 знову донцовъ велено вислать до лѣнѣи, отъ Волги до Дону лежачой. Оттуду поехавши, пріехали надъ рѣчку Бѣленкую, отъ

---

[1]) Должно быть Тернавіотъ.

Красной около 15 верстъ отстоящую, такъ же плесами якъ и Красная идучую, и перебравшись на другую сторону, сталисмо на обѣдъ. Обѣдалисмо дома, а зъ нами Раковичъ и Петракій. По обѣдѣ Лизогубъ рушилъ далѣй, а ми осталисмося тутъ ночовать и зъ нами п. Федоръ дядко, Тарноліотъ, Холодовичъ, Заборовскій и Тимофѣй Скоропадскій. При порушенню табора, пріехали до Лизогуба донци, которіи то жъ о походѣ, что и вижей у 1 пунктѣ предложилось, говорили, а они сказались, что едутъ до Москви по жалованне и двохъ колодниковъ некрасовціовъ, нашихъ людей, повезли зъ собою. Гасло было у насъ Богъ. Демяну далемъ 3 р., чтобъ онъ ехалъ передомъ до Осиновой и тамъ покупки нѣкоторіе справилъ.

16. Середа. Рушилисмо своимъ обозомъ рано и въ половинѣ дороги отъ Осиновой, догналисмо таборъ, и пріехали до села чи городка Осинового, полку рибянского, а тутъ сотникомъ Сербинъ, въ которого заехавши и посидѣлисмо, а отъ его поехавши, и переехавши городокъ, и рѣчку подъ нимъ текучую, прозиваемую Гайдаръ, сталисмо у версту отъ городка. Пріехавши до табору, у п. Борковского снѣдалемъ смаженую рибу, а потомъ обѣдалисмо сами, а въ насъ п. Стефанъ Забѣла. Сотникъ сей сказовалъ, что указъ къ нему зъ Рибного принесенъ, жебы городокъ оправлялъ, и что донцы вислани зъ Черкаского къ Сулаку и на линѣю. Роменскій житель, сидѣвшій въ колегіи, принюсъ ко мнѣ тіошу бѣлужую, а онъ повернулся зъ Царицина. Гасло било у насъ Новгородокъ. Въ день сидѣли въ насъ Борковскій и, Томара, и кагве напившись, отойшли, а ми зъ прилучанами посидѣлисмо. Черезъ того жъ роменского жителя писалемъ писма теперъ до родителя и жени, до родителя—о поведеніи нашемъ и о присилцѣ бандуристи губернатору астраханскому, а до жени тожъ о поведеніи и чтобъ прислала ожинъ отсмаженихъ и увѣдомила бъ мене о всемъ домашнемъ поведеніи. Городокъ Осиновее отъ ночлѣга нашего, то есть отъ рѣчки Бѣленькой, отстоитъ въ 25 верстахъ, а отъ села Тополѣ и рѣки Оскола въ 70 верстахъ же.

17. Четверъ. Писма, писанніе до домашнихъ моихъ, отдани чловѣку роменскому. Обѣдалемъ у п. Семена Лизогуба зъ п. Ми-

хайломъ, куда и Черникъ Григорій, наказ. полтавскій полковникъ, отъ лагера своего прибувши къ намъ, прійшолъ и совокупне жъ обѣдалъ. По обѣдѣ рушили оттуду въ предлежащій путь, и мало проехавши, оглядали лошадей, колмиками зъ Саратова пригнанихъ, для ярмарку узюмского, которихъ болшъ 1000 было, и пріехалисмо на становиско, отстоящое отъ Осинового въ 12 верстахъ, при дорозѣ, до Богучаръ идучой, на горѣ при байраку, надъ рѣчкою, прозиваемою Камянка, плесами але барзо глубоко идучою, надъ которою близше, на горѣ жъ, стоялъ и полкъ полтавскій. Заразъ зъ табору зъ Лизогубомъ ездилисмо до полтавского наказного въ обозъ ихъ полковій, у которого випивши по килка кубковъ меду, зайшлисмо оттуду до обозу Кочубея, которій насъ такъ же медомъ почтовалъ доволно, и потомъ, пріехавши до табору, чай у Борковского, а кагве у Лизогуба пилисмо. Значковіе не похотѣли ѣхать передъ бунчуковими зъ знакомъ, для чого зъ виговоромъ приходили стародубовскіе при насъ до Лизогуба и Галецкій Семенъ бувъ перъвимъ заговорчикомъ и зъ п. Михайломъ перемовлялся. Въ обозѣ полтавскомъ и у п. Кочубея черезъ всю ночь стрѣляно залпомъ, бо були тамъ знать шумни. Гасло било у насъ въ таборѣ Лютенка.

18. Пятокъ. Простояли тамъ же на одномъ мѣстѣ. Демянъ посиланъ былъ въ Осиновее для покупки риби и напитку и, мало що скуравши, повернулся. Богаевскій, харковскій писаръ, явился у мене и сказалъ, что имѣетъ писма ко мнѣ, отъ Ромна въ Ахтирку, а оттуду въ Богодуховъ и въ Харковъ къ нему принесеніе. Кутневскій пріехалъ, синъ Данила Кутневского. Гасло было у насъ Лютенка.

19. Субота. Тамъ же простоялисмо, а обѣдали у насъ п. дядко и Раковичъ. Сторожъ новомлинскій, полку нѣжинского, отпущенъ зъ табору назадъ, а писалемъ черезъ его до ясневелможной, до родителей и жени своей. Харковскій Богаевскій отдалъ мнѣ писма тіе, отъ родителей и жени писанніе. Чуйкевичъ Семенъ и Василь Романовичъ приходили зъ предложеннемъ п. Семена Лизогуба до насъ, жебы бунчуковимъ давать своихъ слугъ впередъ ити имъ вмѣсто значковихъ, которимъ отказалисмо въ томъ. Якимъ

Горленко предлагалъ намъ и протчіимъ, отъ его жъ Лизогуба, о сторожѣ плецовой и полевой и приговорилисмо на полевой сторожѣ стоять значковимъ зъ радовими, а объежджати бунчуковимъ товарищамъ. Бурковскій и Томара были у насъ и просидѣли. Гасло было Батуринъ. У п. Лизогуба былисмо и поговоря отойшли. Завадовскій и Дзявулскій, бунчуковіе товарищи, во первихъ начали объежджать сторожу полевую въ ночъ.

20. Неделя. Обѣдалисмо тамъ же сами зъ п. Іваномъ Забѣлою. По обѣдѣ рушилисмо и, увойшовши верстъ зъ 5, черезъ рѣчку Камянку, стали на ночлѣгъ по близу оной. Кулачки были жестокіе, полтавскій полкъ зъ лубенскимъ и чернѣговскимъ оніе отправляли, которихъ Якимъ Горленко розогналъ заледво, а Андрѣй Горленко Петракія канчукомъ утялъ. Гасло было Лохвиця; а сторожу полевую обездили Ширай зъ Городискимъ бунчуковіе.

21. Понеделокъ. Рушилисмо оттуду рано, а уехавши верстъ зъ 20, стали на обѣдъ у вершини рѣчки, прозиваемой Богучаръ. Снѣдалисмо у п. Семена Лизогуба, оттуду у прилучанъ посидѣли. Оттуду пошовши я до п. п. Миклашевскихъ, тамъ просидѣлемъ и обѣдалемъ, и потомъ назадъ прийшолемъ до своего куреня. Чловѣкъ зъ Бурлукъ привюзъ медъ, которого купилисмо 32 ꙁарци. Гасло было у таборѣ Сосниця, а объездили (sic) сторожу полевую Василь Гамалѣя. Козаки, опроважавшіи полковника Яропкина, повернулися назадъ, а его оставили у млина Мигулиного.

22. Вовтор. Поехавши отъ ночлѣга низомъ поузъ рѣчку Богучаръ, пріехалисмо на обѣдъ верстъ у 12 и, перебравшись черезъ помянутую рѣчку, сталисмо на обѣдъ, гдѣ и ночлѣгъ имѣлисмо. Пріхавши на становиско сее, первей былисмо у п. п. Миклашевскихъ, зъ которими и въ дами [1]) игралисмо, где и Кураховскій зъ п. Михайломъ въ задіорѣ сталъ. Обѣдалисмо сами толко, да въ тую жъ пору пріехалъ въ обозъ нашъ порутчикъ азовского полку Чобуковъ, отъ полковника Яропкина зъ писмомъ, до комъмендира нашего отправленнимъ, въ которомъ виражено, что въ інструкцѣи

[1]) Шашки.

ему полковнику отъ князя генерала и кавалера Голѣцина предложено было, чтобъ онъ нашъ корпусъ въ Царичинѣ пересмотрѣлъ, а 7 юня получилъ онъ указъ ея величества, зъ правителствующого сената, дабы ему зъ нерегулярними войсками слѣдовать до крѣпости Святаго Креста съ великимъ поспѣшеніемъ, и съ тимъ указомъ для принужденія присланъ къ нему саржантъ отъ гвардіи Цизиревъ, и потому нашъ корпусъ поспѣшался бы въ самой скорости до Царичина, оставивши излишніе всѣ тягости и прихоти. Для чего мы умислилисмо обозъ воловій передомъ отправить къ Царицину, а онъ, порутчикъ, 18 юня зъ Царицина виехалъ и сталъ зде въ палатцѣ тутъ винайденной, зъ Себестіяновичемъ, а п. Лизогубъ отвѣтъ на листъ той до Яропкина намѣрилъ отправить через Василя Томару, бунчукового товарища. Гасло было Сеймъ.

23. Середа. Поехавши рано зъ ночлѣга, пріехалисмо къ байракамъ, у правой руцѣ стоячимъ, и тутъ на обѣдъ сталисмо особно, а уехалисмо верстъ около 15. Вози воловіе свои отправилисмо зъ приставомъ Потапомъ, передомъ, къ Царицину. Демяна да Гаврила, зъ козакомъ токаровскимъ, послалисмо передомъ къ Царицину для покупки 4 верблюдовъ, 2 фунтовъ чаю и пуда цукру и для наняття судна водного, на що онимъ далисмо пополамъ зъ п. Михайломъ я 80 р., а поехали они при заходѣ слонца и писалемъ через нихъ до Юска, Казѣмира и Гаврила и до Якова Івановича, поселителя слободки Дубовки. Василь Томара позно поехалъ зъ обозу въ путь свой до Царицина, зъ писменнимъ отвѣтомъ до полковника Яропкина таковимъ, что сколко можемъ столко поспѣшаемъ, а лишнихъ у насъ тягостей и прихотей нѣтъ. Да ему жъ полѣцено упомянутись о суда водніе. Осталось у мене грошей 17 р. зъ полтиною. Гасло било у нашемъ обозѣ Іванъ, а въ таборѣ—Конотопъ.

24. Четверъ. Рано присмотрувалисмося слонцу сходячому зъ тоей причини, что Іванъ Забѣла заложился зъ другими товаришами, будто слонце на сей день для святаго Предтечи играетъ и зеленô бываетъ. Поехавши всѣ мы рано, сталисмо у байракъ, на лѣвой сторонѣ стоячихъ, якъ бы у 40 верстъ отъ ночлѣга, бо близко

7 годинъ уставичне ѣхалисмо. Тутъ въ насъ обѣдалъ, съ нами, Семенъ Лизогубъ, п. Федоръ дядко, Рощаковскій и мы, а по обѣдѣ и порутчикъ пріехалъ къ намъ. Передъ вечеромъ поехалисмо своимъ обозомъ и порутчикъ зъ нами, и пріехали надъ вершину рѣчки Тихенкой, черезъ которую переехавши, сталисмо подъ горою, а протчіе бунчуковіе на той сторонѣ, и при горѣ, и въ низу стояли; отъ становиска обѣднего будетъ верстъ около 20. Орановскій рукоположенъ въ Кіеви въ пресвитери на село Коровинци до половини парохіи.

25. Пятокъ. Пріймалисмо обыдва, зъ п. Михайломъ, проносное лѣкарство въ конфектѣ и легкую ляксацію имѣли. Къ обѣду пріехалъ п. Семенъ Лизогубъ зо всѣми бунчуковими и, не доежджаючи рѣчки, на горѣ сталъ обозомъ. Рушилъ онъ же зо всѣмъ таборомъ передъ вечоромъ и мимо насъ поехалъ далѣй, и сталъ ночовать оттуду за 7 верстъ, и мы на томъ же мѣстѣ переночовалисмо. Попа отца Федора, запившогося и оставшогося отъ обозу, а блукавшого по степу, козакъ припроводилъ до нашего куреня.

26. Субота. Рано пріехалисмо до становиска цѣлого табору, за 7 верстъ отстоящого, и тутъ засталисмо нерушаючихъ, и побудили прилучанъ и Миклашевскихъ. Обѣдалисмо у Лизогуба, а по обѣдѣ просидѣлисмо у себе и у п. п. Миклашевскихъ, и въ дами пограли. Сторожъ гадяцкій пріехалъ зъ Царицина и привезлъ писма отъ Юска ко мнѣ и отъ губернатора Волинского до родителя.

27. Неделя. Рано Лизогубъ рушилъ со всѣми, а мы приоставшись, отправили сторожа гадяцкого, вчора зъ Царицина въ обозъ нашъ пріехавшого, а писалемъ до родителя и листи губернаторскій и Юсковъ приложилемъ зъ прошеніемъ о присланне бандуристи господину Волинскому, и до жени о своемъ повоженню и что сегодня передомъ поеду до Царицина зъ п. Михайломъ для повиданняся зъ губернаторомъ, мѣючимъ на сихъ часахъ до Саратова ехать. По отправѣ листовъ, поехалисмо оба и пріехали до табору, надъ Тихенькою ставшого, на обѣдъ, отъ ночлѣга на 10 верстъ отстоящого, и тутъ у Лизогуба обѣдалисмо. По обѣдѣ переклалисмося у возки 2 легкіе, которіе зъ нами пойдутъ при спалняхъ и рушилъся та-

боръ, а пріехалисмо и стали тожъ надъ Тихенкою у близшого млина, прозиваемого Мигулиного, на той же рѣчцѣ построенного, а отъ обѣдного становиска въ 15 верстахъ отстоящого. Тутъ мы пожекгнавшись зъ Лизогубомъ и протчіими, поехалисмо въ предлежащій путь до Царицина и, проехавши верстъ зъ 6, оставилисмо дорогу у лѣво до манастирця Мигулинского, взяли у право до мосту, на Тихенкой будучого, до которого едучи, минулисмо у правой руцѣ дворець чернецкій монастирскій и, переехавши черезъ мостъ, тутъ же неподалеку сталисмо на ночлѣгъ, где и Себестіяновичъ стоялъ у 2 верстахъ, а ехали зъ нами порутчикъ Петръ Филиповъ Чобуковъ, Худолѣй, Голенковскій, Кулябка Іванъ и прочіи. Прислухалисмося утѣшной контроверсѣи курѣнчиковъ нашихъ Забѣли и Заборовского и отъ оной ссорѣ произшедшой о годности бунчуковихъ къ шляхетству. Порутчикъ Чабуковъ сказовалъ, что въ дворѣ чарнецкомъ, который мы у правой руцѣ проминули, стоитъ учрежденная почта отъ лѣнѣи, межи Волгою и Дономъ обрѣтаючойся до Рибного, да на той почтѣ онъ бывши извѣстился, что вчорайшого дня проехалъ порутчикъ отъ князя Голѣцина до линѣи, за тимъ жебы донци всѣ зъ станиць были виведени и поставлени при линѣи для осторожности. Тихенкой рѣчки такое состояніе: вершина оной прописана у 24 числа, идетъ она переноринами, у лѣвой сторонѣ по надъ нею гори, ажъ до толь, поколь она въ Донъ близъ манастира Мигулинского упадаетъ, всей будетъ должини ея на 38 вер.

28. Понеделокъ. Конь половий, лошакъ, якимъ Вѣжевскій ехалъ, захромалъ велми, которого когда прежде зашкварованя саломъ промивали ногу, то онъ спинившись копитомъ Якова ранилъ. Оставивши мы оба зъ п. Михайломъ обозъ свой Якову, сами виехалисмо въ предлежащій путь до Царицина, да зъ нами Данило Галенковскій молодій до обозу своего, передомъ виправленного, поехалъ. Лескови кухареви на розніе кухарскіе потребы далемъ 10 зол. Ехали ми верстъ зъ 40 и стали на обѣдъ на степу, а вода у лѣвой руцѣ была за версту отъ насъ, у байраку. По обѣдѣ поехавши верстъ болшъ 10, наехали на обозъ воловий полку лубенского, где Кгригорій Котляренко приставомъ и тутъ заночовалисмо. Кап-

юж од сего часу и дня, юж волно будет тим футором владет, яко властностю, волно ми юж будет продат, дароват, на церков оддат и яко хотѣт ведлуг наилѣпшого своего пожитку оборочат, часы вѣчными. Дѣялос в ратушу Барышполским, року, месеця и дня вишменованого.

94.

Бурмистръ Максимъ Таратута жалуется на козака Тишка за кражу жупана изъ мельницы отца Бакума, священника Свято-Пречистенскаго.

Року 1662, месяца новебра дня 22.

На врадѣ мѣском в ратуши Баришполскомъ перед нами Григорием Горкушою сотникомъ Баришполскимъ, Даниломъ Куликомъ атаманомъ городовимъ, паном Григорием Малишемъ войтомъ, Феску Бездѣтку, Василемъ Радошевскимъ, Федором Сенявскимъ бурмистрами, ставшы очевисто пан Максимъ Таратута бурмистръ, ускаржался на Тишка, козака з Березны, о украдене жупана з млина господина отца Бакума, священника свято-пречиского, в тие слова: пане рада! тен козакъ, будучи з нами тилко он еден, и немного з нами побувавшы, пошол, и в мене жупан новый изгиб. Прето мы, вислухавши тоеи жалобы, казалисмо шукат на томже часѣ, который жупанъ у его господѣ нашолся, перед коими у Максима атамана курѣнного; прето мы, углядѣвшы в реч слушную, же его то справа власная, же тот козак сотни Таганской жупан украл, а не хто инший. Тутже стоячи и Тимошъ козакъ не мог виводу з собѣ дати слушного, кидаючи то так, то онъ-як; а мы яко вряд, постерегаючи такого злодѣйства, казалисмо его березиною пробит. Которая справа до книг мѣских, для памети ест записана. А атамана Максима Курѣнного волным чинилъ от себе тот Тимошъ.

95.

Списокъ церковнаго имущества, отобраннаго отъ Свято-Никольскаго священника Корнилія, по приказанію сотника Григорія Гаркуши.

Року 1663, месеца ануарыя дня 21.

Вѣдомо чыним тым писанем нашымъ, теперъ и на потомъ будучимъ, ижъ мы, будучы выслаными до отца Корнилия священника святониколского для отобраня всялякого добра, отъ пана Григория Гаркуши сотника на тотчас будучого и всего посполства. Отобралисмо на перед крестъ сребный с столцем сребрным, кадилницу сребрную, келѣхъ сребрный 1, таблицъ 7 сребрных, а гривенок розне робленыхъ пят, мыска срѣбная, звѣзда срѣбная, крестиков малых 7, ягнусок еденъ; манѣсто коралове, крижиков сребныхъ два; червоный золотый; перетенков два: еден щирозлотный, а другий срѣбный; другое манѣсто копѣйковое из кришталями, локот чотыри и чверть; манѣсто третое коляровое изъ кристалями; Евангелие напрестолное, сребром оправне; аировъ два: еденъ злотомъ гафтованый атласовый червоный, а другий жовтый; воздушковъ малыхъ два; кныга трофолой друкованый шестодникос; апостолъ Острозского друку; двѣ триоди, постная и цвѣтная, друкование; евангелие учителное; служебнык великий Киевский; мѣнея общая ключ; ермолой; псалтыра друкованая; паника(ди)ло спѣжовое; дзвонов пят; в Михала святого 6, а в Глѣба-Бориса еден дзвон старший; лихтаров 3 мосендзовых; лямпа срѣбная великая; лихтар спѣжовый стѣновый; замков 2: нутраный и надверный; у Мохомора грошей копъ пят литовское личбы, литовских; рызъ троѣ, ядомашковиѣ червониѣ, 2 атласовѣ друкованѣ, 3 нендзи убогой; нарукъвиц двоѣ; воздушков 4; петрахил злотоглавный; френдзлюв 2; завѣсовъ малых и великих семдесят и два; стихаров 2; полмисок 1, великий; лоханя мосендзова великая; лихтар спѣжовый другий; келѣх цѣновый един (с) сакраментом, оставилисмо у отца Есифа, а ложку отцу Корнилию; келѣх оловяный з позлотою малярскою; аир атласовый, злотом афтованый; крестъ деревяный; кадилниця мосенъзова, отда-

лесмо. Пархомъ Малый. Федор Ковбаса, Мойсѣй Бурмак, Гаврило Михал(енко), Моисий Таратута бурмыстры. Пылип Скудеда, Сава Василевич, писар мѣский.

96.

Козакъ Омелько удостовѣряетъ, что продалъ мѣщанину Ониську Рудченку коня не краденаго и не доморослаго, а купленнаго имъ въ Переяславѣ у москаля.

Anno Domini 1663, miesiąca februaris die 5.

Przed nami urzędem mieskiem Chryckiem Maliszękiem woytem z burmistrami Wasylem Radiszewskim, Fedorzem Syniawskim, Feskiem Bezditkiem, Maximem Taratutą burzmistrami, stawszy oczewisto Omelko kozak woyska iego carskiego weliczestwa zaporozkiego, setni Słynkowey, wyznał iasnie, iawnie y dobrowolnie, w te słowa, żem przedał klacze białą za pewną y gotową sumę, za kop dwadziescia, liczby litewskiey panu Oniskowi Rudczenkowi mieszaninowi Baryszpolskiemu, slubuiąc mu, że nie kradziona y nie domorosła, ale kupiona w Pereiasławlu w moskala; przeto ten Onisko Rudczenko prosił nas, abysmo te kupie iego zapisali do xiąg mieskich; y dla lepszey wiary y pamięci kazał tego kozaka, ktory te klacze przedał yz iego zięciém, to iest Artuchiem, ktory mieszka na ulicy Chryszękowey, ktory slubował, że ta klacza kupiona, iako powiada moy szuryn. Co my urząd bacząc słuszne kupie, kazalismy zapisac y iest zapisano et ut supra.—Pry toi kupli buły mohorycznyki: Ониско брат Веремѣев. Мартин Ратушенко. Кузма Флигосенко.

97.

Маляръ Даніилъ продалъ свой домъ Ивану Андрійченку.

Року 1663, июня дня пятого.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтом з бурмистрами, из намы засѣлыми бурмистрами, паномъ Василием Носачомъ сетником,

Юськомъ Безъдѣткою, Даниломъ Куликомъ и инъшимъ товариствомъ, ставшы очевисто славетный пан Даниел маляр до книг мѣских нинешних ку записаню признал в тие слова: иж продалем домъ власный не пенъный и нѣкому нѣ в чом не заведеный зе всѣмъ будинком, як ся в собѣ мает, за певную и готовую суму за золотых пятдесят и пившеста, пану Ивану Андрѣйченку, до которого дому я Даниел не маю мѣти жадное потребы, и потомкове моѣ; толко помененый Андрѣй(ченко) мает оный двор спокойне уживати, и волно оному тот двор продати, даровати и як хотѣти оборочат, яко своим власным вѣчными часы. Што для лѣпшое вѣри и певности просили нас ураду выш менованого, абы тое признаня било до книг мѣских записано. Теди врад, видячи устное признаня Даниела, казали до книг мѣских Барышполских записати—што ест записано.

98.

Раздѣлъ огорода между Ганною Шолудченковою и ея ятровкою Романихою.

Року 1663, месеца июля дня 13.

Перед нами Евстафием Подгайнымъ, войтомъ з бурмистрами, ставши очевисто Ганна Давидиха Шолудченкова из Романихою ятровкою своею, мѣвши межи собою турбацию (о) огородъ в межѣ Гапонихи и Щербинихи. Прето мы углядѣвши сторонъ обох жалоби и на прозбу их казалисмо пану бурмистру (и) иншимъ людемъ, абы оглядѣвши того огорода и подѣлъ напол, безъ кривды межи ними учинили; що теж по подѣле пришовшы на вряд просили насъ, абы тое было до книг мѣских записано. Прето Ганна Давидиха мает спокойне и вѣчне, того огорода половину держат; а Романиха также из мужемъ своим половину тогож огорода; любо теж волно половину огорода из садом продат, дати, даровати як хотѣти оборочат часы вѣчными. А Ганна Давидиха не мает ню в чом ятровки своей вѣчными часы турбоват о наменшую рѣчъ; якож ся ей во всем сталося ятровки вишменованой. Прето стороне обѣ просили нас, аби тое было записано и ест записано.

99.

Судъ присуждаетъ возвратить Грицихѣ дворъ, который взялъ у нея въ залогъ въ 10 копахъ деверь ея Денисъ. Въ случаѣ смерти дитяти ея отъ Грицька дворъ долженъ перейти къ Денису.

Року 1663, июля 20 дня.

На вряде мескомъ перед нами Евстафием войтом из бурмистрами, такъже и от пана Василия Носача сотника зосланными на справу ниже менованую паномъ Лукияномъ Коленкомъ, Андрием Колошенцом и иншими особами, ставшы очевисто Вувдя, по першому мужу Грициха, а по другом мужу Тишчиха из мужомъ своимъ, ускаржалася на Дениса девера своего, же он маючи двор еи власный на ню належачий, из сыном еи Грицком в долгу взятий, в копахъ десяти, не маючи на то жадною запису . . . .
Прето мы, вислухавшы сторон обохъ, приворочаемъ тот двор знову Грицисѣ из сыномъ еи, наказавшы Грицисѣ из мужемъ, аби Денису деверу своему гроши отдала, то естъ копъ десят, а по отданю грошей, южъ болше Денис до того дому не маетъ мѣти жадного дѣла и потреби, вѣчне до того двора не упоминаючы; а Грицисѣ невѣстце волно тимъ двором яко власным своим, яко хотѣт оборочат собѣ. Що для памяти просили нас, абы тое было до книг мѣских записано; що мы на прозбу их казалисмо записат и ест записано року, месеца и дня вишменованого, а меновите, дитяти небожчика Грицка, яко батковсчина, а по смерти дитяти, ежели мѣло бы умерти, знову мѣет брат небожчика Грицъка отложит, яко ближший над иншие тие коп десят за тот двор, яко теж иншое убозство, которое тепер ест на дитя отбрано, а не на кого иншого, так убозство лежачое, яко и рухомое, на которое мѣет реест пан Денис, щос после брата остало и якъ що невѣстка на дитя отобрала, а не на себе; але власне мѣет по смерти дитяти спадати на Дениса, яко близшого зе всѣх по брату. Що ест записано.

100.

Савва Коваль продалъ свой дворъ Яцку Танчику.

Року тысеча шестсот шестдесят третего месеца октобра 1-го дня. Перед нами Евстафием Подгайным, войтомъ на тотчас Барышполскимъ и зо мною засѣдаючими едностайне в магистратѣ бурмистрами Алексѣем Литовкою, Яковом Яцутенком, Мартином Плющиком, Левком Трохименком, ставшы очевисто, ясне, явне Сава Ковал вызнал в тые слова: ижем продал дом свой власный, никому ни в чом не пѣнный и не заведеный, зо всым будинком, якъ ся в собѣ мает, Яцку Танчику за готовую суму... личбы литовское и за осмачку жита; которому тот двор волно оному дат, продат и кому дароват, або заставит и як хотѣт обладат. А я оного двора вѣчне зрекаюся вѣчными часы, аби с потомковъ моихъ, або с приятелей не мел жаднои потребы. Теды стороны просили нас, абы тое до книг записано.

101.

Универсалъ гетмана Бруховецкаго о томъ, чтобы никто не обижалъ козака Павла Рустановича, котораго онъ беретъ подъ свою защиту.

Иванъ Бруховецкій гетманъ зо всѣмъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества запорозскимъ.

Паномъ, полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству, такъ старшимъ, яко и черни войска его царского пресвѣтлого величества запорозского, а особливе сотнику, атаману и войту и всему посполству мѣста Боришполя до вѣдомости вашимъ милостямъ доносимъ: иж взялисмо подъ оборону нашу пана Павла Рустановича, козака полку Переяславского, хотячи того всего по вас мѣти, сурово приказуем, абысте помененому Павлови, тамъ в Боришполю в дому его и фолваркахъ, в конях и волах, и во вшеляких добрах, и в полях засѣяных, не важилис и не могли на-

меншое кривды и шарпанины чинити; а еслибы що и позабирано было по сей час, и тое все зараз поворочано было конечне, без жадное одволоки, ежели самъ тамъ захочет мешкати, албо тамъ кого пошлетъ, аби тех добръ его власных до з . . . . безпечнемъ здоровя своего былъ и нѣ от кого кривды и премовекъ не поносил; также хто ему зостают в долгу винным, и тое отдавано было. Того всего той тамошний сотникъ, атаманъ и войтъ повиненъ постерегаючи, абы нас наменшая скарга отъ его не доходила; а еслибы Рустанович в чом мѣлъ кривду понести, теди за донесенемъ до нас скарги, онаго сурово на горлѣ карати без отпусту. Що иначей аби не было, под ласкою нашою и срокгимъ каранямъ войсковымъ. Дан в таборѣ под Переяславлемъ, юлия дня 24, 1663 года. Иванъ Бруховецкий звишменований гетманъ.

102.

Яцко Винниченко купилъ фольваркъ и грунтъ у Федора Капитаника.

Року Божего 1664, месеця 24 априля.

Перед нами Евстафиемъ Подгайнимъ войтом з бурмистрами засѣлими нижей описаними, становшы очевисте, ижъ Яцъко Винъниченко купил пулфарокъ до того и грунътъ належачий, у Федора Капитаника, то ест за суму за злотих полских шест. Мы узнавшы тое водлугъ наших реляций, яко судовых, зезнаемъ подлугъ нашого суду. Дѣялося 1664, месеца 24 априля. Евстифий войтъ. Алексий Сухоступский. Яковъ Яцутенко.

103.

Левко Трохименко заявилъ, что онъ выдѣлилъ пасынка своего Гаврила.

Року тисяча шестсот шестдесят четвертого месеца июля дня двадцат пятого.

Передо мною Евъстафиемъ Подгайнымъ и при мнѣ засѣдаючими едностайне в маестратѣ бурмистрами Яковомъ Яцютенкомъ,

Иваномъ Тихимъ, Мартиномъ Плющикомъ, Алексѣемъ Сухоступъскимъ, пришедши пред вряд нашъ Левъко Трохименъко визъналъ явъне и доброволне, ижъ изъ Гавриломъ пасинъкомъ своим еднание учинили, теды напрод Левъко дал пасынку своему пашнѣ мирокъ три всехъ, шкапу рижую дал ему и вола рижого, телицу и овецъ четверо, свиний двое далемъ ему, пулкопы конопелъ, полкопы ліону, сорочку жоноцкую и плахту далемъ ему, все то пооддаваломъ ему. Теды просил нас, абы тую справу казалисмо до книг мѣсткихъ записат, абы болшъ не турбовалъ Левъка Трохименка, бо было притомъ людей зацънихъ и вѣри годныхъ; былъ при томъ Курыло резникъ, Молявъчанка два были и инных немало было. Теды естъ и записано в року и дня вишъзаписанномъ. (Писалъ Симион писар мѣсткий. Нижей подписаный полковый Переяславскій тот выпис вынятый с книг мѣских). А мы прето уряд войсковый Барышполский, вырозумѣвши з него, же во всѣхъ пунктах ест виражный, который яко слушъный и правдивый, цале ствержаем, а варуем, жебы юж болшей Гаврило з братом своим пасынка Левка Трохименка отчима свого в каждого суду и права под зарукою сто талярей; на що для лѣпшой вѣры и поваги, и печат полковую притиснено до того выпису. 1664 месеца апрѣля 27 дня. Юрий Миколаевич судя полку Переяславского, Тимушъ Хведоренко атаман Барышполский, Хведор Забузкий есаул полковый.

104.

Козакъ Стефанъ Чудновецъ заявилъ, что онъ отдаетъ свой домъ Даніилу Маляру съ тѣмъ, что послѣдній долженъ сдѣлать въ церковь Бориса и Глѣба образъ св. Николая и 2 хоругви и дать на церковь св. Пречистой 10 таляровъ.

Року 1664, октобра дня 15.

На вряде мескомъ, перед нами Григоріем Малишом войтом з бурмистрами, Ониску Крамару, Феску Бездѣтку, Василию Радишевским, Максимом Таратутою, Хведором Синявским, паном Данилом Куликом сотникомъ на тотчас будучим, с атаманом городовым

Сахном Розвискою, также и панами ктиторами Моисѣем Бурмакою, Федором Ковбасою, ставшы очевисто ку записаню до книг мѣских нинешни(х), Степан Чудновецъ, козакъ войска запорожского, вызналъ ясне, явне и доброволне в тие слова: жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, который пред тим менилем на церкве Божіе отдати за доброе здоровие свое и жоны своей, также и родичовъ своих, и ведлуг тогож сумленя своего, продалем пану Даниелю малярови в тен способъ: же становил з ремесла своего образ до светих страстотерпцовъ Божиихъ Глѣба и Бориса, образ святого Николи, в сумѣ в золотих шестдесят, и корогов мѣет ставит до церкви, двѣ, в копах дванадцат, то ест всеѣ сумы талярей 30, а ведлуг его сумленя тую роботу собѣ меновал зл. 130; прето пану Даниелю малярови тим домом зо всѣмъ будинкомъ, яко в собѣ мается, волно якъ хотѣт оборочат, продат, дароват, любо тежи на церков отдат, волно заставити як хотѣт, ведлуг свого пожитку оборочат, часы вѣчными; а я, Степан Чудновец, жона и пріятеле моѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, абы тая купля была до книг меских записана; що ми бачачи слушност, казалисмо записат, и ест записано.

А с тоѣ сумы панове ктиторе мают отдати талярей десят на церков святую Пречисту; а гда тое отдане будет, тогди и то. . . .

105.

Юсчиха Безлюдиха заявила, что она помѣнялась дворомъ и пляцомъ съ войтомъ Остафіемъ Подгайнымъ.

Року тисеча шест сот шестдесят пятого, месеца марта дня девятогонадцат.

Передо мною Давидом Верненком атаманом городовым, на тот час будучимъ, и пред нами бурмистрами Хведором Синявъскимъ, и при нас сидячих товариствѣ Сахну Розвалци, Миску Шкураенку и при Гарасиму Дюгтяру ктитору Глѣбоборискому,

ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне, без примусу жадного, тилко з доброи волѣ, иж измѣняла двур свуй власний ни в чомъ никому незаведеный, стоячий в мѣстѣ, край Волочаѣхи, з вуйтом Евстафѣмъ Подгайнымъ на двур, и пляц на пляц, тилко вуйтъ зберет комору; и додалъ вуйтъ Юсчиси чверть жита и золотихъ 4, гроший, а жито на тотъ час было по чтыри золотих а осмачку мѣетъ дати в новину, теди вуйту якъ своим добром, як хтѣт оборочат, дат и продат и колвѣкъ кому дароват. Теди просит Евстафѣй Подгайний нас, абисмы казали в книгах мѣских записат — що теж ест и записано. Было на тотчас людей и вѣри годних: был Гарасим Костенак (?), Яцко Поташко. Дѣлалося в Баришполѣ року и дня виш(менованого). Писалъ Симеон, писар меский.

106.

Разводъ Лукьяна Лихолапа, съ женою за то, что она осрамила его, укравши одежу у Носачихи.

Року тисеча шестсот шестдесят пятого месеца мая дня двадцат третего.

Перед нами зосланными от пана полковника, Павлом Косинченком а Хведоромъ Стрѣлою, и при мнѣ Давиду Верненку атаману городовым, на тот час будучимъ, и при мнѣ Евстафѣю Подгайным войтом на тотчас будучомъ, и при мне сидячих в магистратѣ едностайне бурмистровъ Матвѣю Шумѣ, Роману Мовчану, Хведору Синявъскимъ и при иных людехъ зацных и вѣры годных, при Симиону Светличном, Сидору Полонченку, Верне старом, Веремѣю Левченку, ставши пред вряд наш едностайне Лукян Лихолап, обывател Боришполский, просил нас, абы мы дали ему писания, иж бы он напотом не мѣл жадной домовки, иж в небытности его, жона его взяла курту в Носачихи способом крадення. Теди право на тое было и даровано еѣ всѣмъ жадною карностю, Носачиха . . . . . . вая мовит: же я не настою, а мир вес ед-

ностайне крикнулъ: же той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ нащо? Теди питалисмо Лихолапа, мужа еѣ, чи приймеш еѣ собѣ за жону, якъ былисте впрод и тепер бути. Теди Лукиян отповодил иж пане вряде! я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгди она с тих злих речий виводу себѣ не даст, а ежелибы дала вывод, же не она тому ест причинцею, можнабы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣть; а дѣти моѣ, при мнѣ нехай зостают. И просил нас о писания. А болшъ он неслави на собѣ не мочи носит, як цнотливымъ былъ, и тепер цнота его ни в чомъ не нарушона. иж он як зацным пред ним был и тепер зацный. А еслибы хто мѣл важится ему на цноту, на собѣ сам понесетъ. Теди мы зосланние выслухавши мовы его: „иж я цураюся еѣ", казалисмо оное дѣло признат и писару записат, що теж и ест записано. Было на той справѣ людей зацних, и вѣри годних, былъ при том Ониско Рудченко, Петро Перехристъ. Дѣялося в Бориснолѣ року и дня вишъписаного. Писал Симеонъ писар рукою власною. Павел Косиченъко. Григорий Стрелка писар городовий Переяславъский. Зосланные на тую справу для прислуханя и роспоряженя оною, казалисмо руки свои подписатъ до того декрету, для лѣпшого сведецтъва.

107.

Иванъ Депта купилъ хату у Дениса Кузьменка.

Anno domini 1665, miesiąca augusta dnia dziewiątego.

Przede mną Eustafem wuytem na tenczas będącym, a przy mnie będących burmistrzow Matwiem Szulhoin, Romanom Mowczanom, Chwedorem Syniawskim, Andruszkiem Łysym, stanowszy przed nami oczewiscie Ywan Depta, prosił urzędu naszego yż by do xiąg był przyniaty ten zapis w ten sposob: isz kupił za swoie pieniądzy yzbę ze wszystkym prawem od Denisa Kuzmenka za złotych dwadziaścia, tylko pola, nalieży do tego dwora młyniszcze. Tedy on prosił yż na wieczne czasy nie wtrącał się w to, wolno

Ywanu Depcie dac, przedac y darom komu dac, a ia nie mogę, ani żona ma y ni żaden z pokrewnych mych w to. Tedy my urząd słysąc, kazalismy pisarzu w xiążkie zapisac, co też iest y zapisano. Działo się w ratuszu Baryszpolskim roku y dnia wyszopisanego

Pisał Simien pisar mieskij ręką własną.

108.

Иванъ Соколъ купилъ ниву у Гапки, Самойловой сестры.

Предо мною Евстафием Подгайным, на тотчас будучим войтом, и при мне заседаючим бурмистрами Матвѣю Щоце, Хведору Синявским, Андрею Малому, зознал ясне, явне и доброволне Иван Сокол тими словы, жемъ купил ниву у Гапки Самойлови сестри за готову суму готових грошей личби литовскои, золотихъ дви. Но счо просил нас, абисмо тое казали до книг меских записат. Ивану Соколу волно ему, якъ свое власное, волно дати, дароват, любо на церков дат. Был при том делу Лаврѣн Дудка, Андрей Даниленко и иншихъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ. Що есть и записано.

109.

Богданъ Дегтяревичъ продалъ свой пляцъ Ивану, Гордѣенковому внуку.

Року 1666, месеца марта дня 13.

Передо мною Евстафѣемъ Подгайнимъ вуйтом на тотчас будучом и при мнѣ сидячих бурмистров Матвѣя Шулги, Романа Мовчана, Хведора Синявского, Андрушка Лисого, пришедши пред вряд наш славетне урожоний панъ Богданъ Дегтяревич вызнал ясне, явне и доброволне в тот способ, ижъ продал пляцъ свой Пузѣковский, лежачий на киевском гостинцу, Васил Залузненко помѣжку, за готовую суму за золотих девят Ивану, Гордѣѣшоному унуку. И просил нас вряду Иван, абисми казали писару записат, иж бы вѣчними часы не моглъ его Богданъ турбоват, не вин, не жаден

с покревних его. Било притом людей зацних и вѣри годних, бил при том Дорош ктитор Пречиский, повберчие в рогу том сидячие, Хвеско Товстенко, Иван Матюш, Еско дяк Михайловский и з иших немало зацних людей било. Дѣялос в Барышполю року и дня вишписаного.

110.

Веремѣй Левченко продалъ огородъ Тимошу Щербиненку.

Року 1666 месеца апрѣля 5 дня.

Перед нами врядом мѣским Баришъполским, передо мною Веремѣемъ Левченком войтом Баришъполским и при мнѣ будучими буръмистрами, Есифом Зѣниченком, Марком Левченком, Федором Никузою, Анъдрѣем Щербиненком, ставши очевисто Веремѣй Левченко, ку записаню, ижъ продал огород Чорнушинский за пят коп Тимошу Щербиненку вѣчными часы, волно ему будет дароват и продат не повинен его о то туръбоват, що для памяти казалисмо до книг мѣстских Баришъполскихъ записати—што естъ записано.

111.

Дѣло объ убійствѣ довбиша изъ полка Думитрашка-Райчи Василія Иваномъ Кученкомъ.

Року от Нароженя Сына Божого тисеча шестсот шестдесят девятого, месеца ноеврия 14 дня.

На уряде войсковомъ на тот час будучи в Баришполю, мною **Иваном Нонаковичом**[1]) сотником Баришполским, Василием Волочаем атаманом городовым Баришполским и при битности пана Григория Рубаника и Ивана Лужецкого з раменя его милости пана Думитрашка Райчи, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, Переяславского, на тую нижей выроженую

[1]) Потомки сотника Новаковича до сихъ поръ проживаютъ въ Борисполѣ.

справу висланих; также и пред славетными особами, паном Романом Мовчаном вуйтом Баришпулским, Романом Пятником, Алексѣемъ Литовкою бурмистрах, с притомностю иних многих особъ и товариства, на туюю справу едностайнс заселих, приточилас справа межи двома особами, то ест межи . . . . . а то в такий способ: иж в року нинейшом 1669-мъ, ноевриля числа 11, именем зовемии Гнатко Буримко и другий Гришко Скрипченко, обивателѣ Баришпулские, за пилною потребою своею поехали были до бору; а не далеко отехавши от фолварковъ обачили труп чловечий въ ровѣ, свѣжо забитый и тиранско замордований; котрие будучи такъ доброго сумненя, взяли оний труп на свой воз, з тим вернулися и впровадили до мѣста. О которое забитя оного небожчика в мѣстѣ Боришполю стался опит, а о збойци пилное отшуканя; где натихмѣстъ з межи посполства пришедши именем зовемий Карпъ Котлярчикъ приглядуючися, оного забитого опознал, же тот небожчик десятого числа ноевриля з другим чловеком особистым, на едном возѣ в бору ехали, простуючи ку Боришполю; а кгди з тих слов оного Котлярчика пилный опит о таком збойци стался, аж винайдено таковото в господѣ юж пяного, меновите у Яцка Окрайца, которого снат же невинная кров затримала и обявила а таким способом, же пріехавши въ господу тот збойца Иван Кученко купил казан горелчаний у Сидорничихи за злотих девят и шест грошей литовских в Баришпулю, а справуючи собѣ и иншое дѣло хотѣл выехать з мѣста; але му Богъ не допомогл, зостал поиманым. А кгды бкл от нас уряду питаний, яко и тепер потвержал, з яких то мѣр он такое забойство учинилъ и як з тим небожчиком знался и з якое причины, абоби з намови, або з чиею помочю тот злий учинок пополнил. Теди так оний вишвспомнений збойца доброволне сам до того своего злого дѣла сознаючися признал и повѣдѣл, же мешкаючи с тамтого бока, под Мотовиловкою час немалый, отишол був на мешканя под Кремянецъ, а потом вернувшися от тамтои пришов на Заднѣпря до Броваров; а мешкаючи там ездив до Киева в потребе своей, а злучившися с тим то небожчикомъ в Киеви, взял его на свой возок; который то не-

божчикъ менил себе по имени Василий а з кампанѣи пана полковника довбишъ. А пытался Думитрашки, а за перевоз до Броварув, або и далей, мѣв ему заплатити; аже мя правѣ грѣхъ споткав, учинилем тое забитство з причины тогож небожчика, кгдиж он первой до мене, которого подолѣвши пришиб обухом, потом хотячи тот свой учинок утаити и до остатка до смеръти оного праве привел и в ров уринул, где от Боришпулских людей и найден. Зачим мы, вишпомененый уряд, вирозумѣвши и пилно вислухавши добровolного признаня менованого збойци, поневаж сам свой злий учинок на собе визнал, казалисмо тое до книг мѣских Баришпулских записати, що ест и записано, року и дня вишменованого.

112.

Судъ надъ укравшими чужія вещи во время пожара въ м. Борисполѣ Кондратомъ Федоренкомъ, Фескомъ Федоренкомъ и Юркомъ Андрѣенкомъ. *(Актъ не оконченъ)*.

Року Божого 1669, месеца ноеврия 17 дня.

На вряде нашом права майдебурского и ратуша Барышполского, предо мною Иваном Новаковичом сотником и при пану Василю Волочаю атаману городовом Баришполским на тот час будучим, так теж и зосланим от боку его милости пана Думитрашка Раича пана полковника нашого Переяславского пана Леска Коломийченка и Олекси пушкара для прислуханя тоеи важнои справы так теж и пред Романом Мовчаном войтом Баришполским и при мнѣ засѣдаючих в лавѣ бурмистровъ паном Олексѣю Литовки и Роману Пятнику и при бытности славетне урожоных козаков, яко мещан на имя Матвѣя Шулги, и Лаврѣна Федоровича, и Давида Верненка, и Данила Михайленка, и иних людей зацных и вѣри годних, приточилас справа под час презреня Божого, як мѣсто наше горѣло, и там зас многие люди, едни Бога боячис ратовали людей в таком великом утрапеню, а тот зас Бога запамяталий на имя Кондрат Федоренко ис Феском Федоренком и с Юрком Андрѣенком и с по(мо)чниками своими убоства чужое позабѣрали в

чти годливых козаков, на имя в Кирила Дюгтяренка в другого Костюка, которое то убозтво в звишменованых злочинцов в ѣх схованях понаходили, що и вес мир под тое каране Божое своих убозтв поотпалое, казалѣ до судов правних засѣсти и ведлуг права майдебурского а в статуту оказанной таких карат, теди ми уряд наш увес звишопѣсанний, казалисмо писару статут отворит пред звишописанним урядом, яко и людми зацними, и там в статуту указует в артикулѣ 20 и 6 роздѣле 14, а гдеби теж найдено по огню хотяй би теж в обчого чловека знайдено, щоби в той час сгинуло, коли горѣло, если там, под тамтим правом, у которого такую речъ знайдут, мѣют справедливости просити на злодея, а коли ся слушне не виведет, аби бил на горло скаран, ведлуг звишописаного роздѣла.

113.

Грицько Плугатарь укралъ копу овса съ нивы у Каленика Лещенка.

Року Божого 1670 октобра 17-го дня.

Передо мною **Федором Волком** сотником Барышъпольским на тотчасъ будучим, и при Василию Волочаю атаману, и при Иосипу Анъдроничепку вуйту, и при Федору Синявскими бурмистру, и при иниших зацних мещанех, так теж и козакохъ, при тои справѣ будучих, приточилася справа межи Калеником Лещенко, у которого на ниви овса копу украдено; теди свидки признали пред нами же: Грицко Плугатар приходил до Лещенка у дом прохати, перший свѣдок Иесипъ Дранникъ, другий свѣдокъ Петро Скабий, третий Иванъ Дубинич погоничъ Лещенковъ, же що повѣдил, же Каленикъ Лещенко на том мѣстъцу сиялъ овес и казал зженником пожат; теды зженники нажали копу и снопув два. У килка дни том овесъ з нивы згинулъ; теды у Плугатара знайденый. И приходил у дом Плугатар просит Лещенков. Що мы уряд выслухавши тую справу казалисмо записат що теж у записано. Писано року и дня вышей писаного.

114.

Раздѣлъ имущества между вдовой Ганкой и свекромъ ея Паньномъ Черевченкомъ.

Року Божого 1670, месеця неевриня 18 дня.

За вѣдомостю его милости пана Думитрашки Райчи полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорозского Переяславского, приточилас справа пред суд нашъ, мене Юря Миколаевича судю полкового Переяславского и при битности славетних панов и товариства пана Хведора Забузкого осавула полкового, пана Петра Романенка, панов Олехвѣра, Максима сотников, пана Тимофѣя Хведоренка атамана городового Баришовского и притомностю пана Ивана Новаковича сотника Баришполского, Василя Волочая атамана городового Баришполского и з иними особами Баришполскими, яко теж и иншими персонами при сей справѣ будучими, иж скаржилас жалобливе Ганка вдова обивателка Баришпол-ская на Панка Черевченка свекра своего, обивателя тож Баришполского в тои мѣре, же онъ свекор по смерти малжонка еи а сына своего отправуючи еи отъ себе на свое господарство, любо через суд всего уряду Баришполского, ведлуг слушности давши юй бидла овечок, пашнѣ бив удѣлив, теди тое иначей судом же уряду Баришполского отменит афектовав, и що правѣ мнѣ дал овечок, бидла, свиней и пашнѣ тое, жеби знову по половицѣ поделивши от мене отобрати и кому иному до зросту дѣтей моих отдати; а собѣ зоставилъ свекор муй овечек девятеро, и к тим казан и грошей золотих пят, на знак памятки сина своего а малжонка моего, я в том не пречу, тилко забегаючи кривды своеи жеби мене в тои худобѣ, з которою мене от себе отправил, знову не ущербляв и не нарушил, на том милостей ваших правного варунку и россужденя покорне прошу. Панко Черевко за приволанем невѣстки своеи Ганки, отповѣд такую даючи, повидѣл: Пане уроде! иж яко уряд наш Баришполский, сотник, атаман з товариством, войт з мещани, чинил межи нами росправу, и я на том не пречачи, овшем, ведлуг наказу, свою невѣстку отправилем и далем юй овец семнадцят, ко-

рову, волов два, свиней трое, жита осмачок шест, овса три осмачки, гречки осмачку, гороху полосмачки, засѣву жита осм. три, поля на пахане нив пят, хату в мѣстѣ, жебы собѣ, где пойдет замуж зобрала з плецу, а поки не пойдет, жебы в нои мешкала спокойне; до господарства тиж, яко потребную реч, далем юй и жорна. А собѣ, через узнаня суду и уряду нашого, зоставилем овец девятеро, казан горѣлчаний, грошей золотих пят на отправу небожчиковскую, тое на увагу милостий ваших пущаю. Зачим я, увес уряд вишменований, уваживши, поневаж оная Гапка давала справу, що з небожчиком малжонком своим, любо при свекру, през лѣт десят мешкали, однак з особна працею своею худобки собѣ нажила, а тепер би знову не того, що дал, половицу на дѣти усилует отобрати, наказалисмо з одностайнего а праве згодного суду нашого, нинешним декретом нашим, аби оний Панко, поневаж що на знак сыновний памятки от невѣстки своей отобрал, на том жебы и переставал, не чипаючи юж болшей невѣстки своей; также и оная Гапка невѣстка его, що собѣ з отправи от свекра своего худоби, котрая ся вишшей меновала отдержала, на той абы переставала и тим ся контентовала, и яко хотячи тую власност свою ку доброму пожиткови своему обернула и користовала, не вимагаючи юж болшей едно на другом, так Панко на невѣстцѣ своей, любо бы и безпомошне ся зостала; яко теж и тая Гапка свекра своего из своими потомками, его самого и по нем потомков его, не турбовала, але жеби кождое з своего ся тѣшачи, без всяких турбаций и правних заводов жили спокойне, под закладом вины на упорную сторону коп литовских сто до шкатули войсковой. Который то декрет для вѣри и далшого межи ними (?) покритим нашим писмом ствердивши, при подписѣ и притисненям печати судевой полковое, выдалисмо. Писан в Баришовцѣ, року и дня звишменованого.

Юрий Миколаевич, судя полку Переяславского.

Тимош Хведоренко атаман Баришовскій.

115.

Утвержденіе раздѣла между братьями Федоромъ и Борисомъ Бурмаченками и вдовою дяди ихъ Мойсея Бурмачихою.

Року 1673, месеца Ноеврыя дня 6.

Становили очевисто перед нами, передо мною Иваном Новаковичомъ, на тотчасъ бывшим сотником, Нестором Помашным атаманом городовым и при нас будучи заселыми на тот час Давыда Верны и Тишка Петровича Москаленка; также и при нас заселыми на тот час Федора Романовича войта и колекги его Андрея Мухомора и Федора Бездетки, и Федора Козокола, и Грицка Березенка, также и мещан при них будучих Федора Задыхайла, Федор Бурмаченко и Борис Бурмаченко, иж будучи позосталис по отцови своему и през час немалый будучы жыли из собою и робили до купы заробляючы собе збирали; потомъ подруже собе зналежши упатрыли собе же не пожити в одном месте промежку собою, чынили подел промежку собою пры людех добрых и вери ходних, мяновите: пры Василю Костенку а при Васылю Радишевскому и при Олексу Прасолу, мяновите: Федору брату двор Чудкончовский з винъницою, из колодезем и иле що до того двора приналежит; яко що ест поля во всехъ рукахъ и зо всею теперешнею озимою по половине; кобыла вороная томуж Федору, корова старая половая, бык перестый и корова рыжая половая свиней отдавшы Федор брату Борису четверо, то вси его; Борису брату плац дедовский и батковский зо всим и з садомъ, кобыла рыжая, корова гнедая, вол один седый, другий рыжий, назимков двох, то Борису; а що ест кон гнедый, того продавши, то долги мают поплатити. Матфею брату корову самотрет, кобыла, свиней двое; на . . . . ниве жыта отнут, на Голубенченковой ниве жыта отнут, половину нивы за Груздовкою, на Капустине нивя на тры дни, на Салковской дорозе а два дни, на Кнегинине уся нива; тое все Матвѣю. Моисеисѣ дяд(ино)й, отрубом двор у мѣсти, под ратушы, зо всим будинком и плец; корову ребую ис телем, до того подтелок; свиней трое, старая одна, малых двое; у засове, ув озимине и в ерыне четвертая

част жыта на три дни до жнив дали; тое все еи Бурмачисе дошло, що приналежало. Що и те Бурмаченки ставовшы, так и Мойсеиха Бурмачиха, видечи, же подѣл ровный стал каждому, же од мала, до веля каждому дошло заровно, просили нас ураду, абы мы до книгъ мейских записали подел ихъ, и тое положили утвердити в записе, абы братя Бурмаченки от того часу, за ойцызну, за подел один до другого не мают мѣт жаднои справы вечными часы; также и лядиная не мает мет жадной справы о той подел. Которий той подел ихъ чуючы, и просечы ихъ, абы до книгъ месских майдобурскихъ записали, що мы казали за писат; що ест записано року и дня вышей писаного.

Пашня, що ест готовая Федор з братом Борысом мает поделитися по половине.

116.

Степанъ Дегтярь продалъ хату Феску Кирилишиному зятю.

Книги за Харка Куранду.

Року 1674, месеца априля 12 дня.

Передо мною Харком Курандою и при мнѣ едностайно засѣлыми бурмистрами Иваном Тимошенком, Грицком Малишенком, Савъкою Захарченком, Миском Ходорковъским, ставшы очевисто Степан Догтяр сознаалъ доброволне, ижъ продал хату в мѣсти, которая лежитъ берегъ Шнурчихи, Фескови Кирилипому зятю за полсема золотого; уже ему от того часу волно тои хати спокойне заживат, продат, дат, дароват и яко (в) наилѣпъши свой пожитокъ обернут; а я вже самъ, жона и дѣти, и всѣ приятели мои до тои хаты жадное справы вѣчъными часы мѣти не маемо. О што просили нас, абы тое было до книгъ записано що есть записано.

117.

Васько съ шуряками купилъ ниву у Сидора Чирвы.

В року 1674, месеца июля дня 4-го.

Оповѣдал нами урядомъ, предо мною Павлом Стетченком войтомъ з бурмистрами Андрѣемъ Мурмаркою, Хведором Синявъским, Грицькомъ Лапѣгою, Василѣм, в лавѣ засѣдаючих, мовячи: „Пане враде! купилисмо ниву заедно изъ шуръяками своими Гришкомъ и з братом его Иваномъ, в Сидора Чирви, жителя Трипулского на днюв чотири, за золотых два, при могоричниках Хвеску Рубашномъ и инших (не)мало людей зацъных; который то Чирва признал, же свое власное прадал, нѣкому не пенъная нива, не заведеная, але его власная; до которой то нивы не повиненъ такъ реченый Сидоръ впоминатся, жона его и дѣти его вѣчными часы. А Басковѣ з шуръяками тая нива по половинѣ зостават повинъна, волно им тоеи нива любъ продат, заменят и на свой пожиток оборочат, якъ своим власнымъ. На що для лѣпное вѣри поставилисмо помѣж ними, з едного боку Хвеска Рубашного, а з другого боку Левка Куменка. (Мы, вряд) учувши доброволное их признане впросили нас, абы до книг месцкихъ приняли и записали, що ест и записано. Писанъ в ратушу Бориспольскому року и дня вишъписаного.

Звышъменованый врадъ Бориспольский. Евстафий Васченъко, писаръ, рука власная.

118.

Мойсеиха Бурмачиха продала свой дворъ Харку Шаповалу.

В року 1676, месеця апрѣля дня 22.

На вряде мѣста Борисполя, пред нами, предо мъною Ионисимомъ Миневичомъ войтом из бурмистрами Грицко Мовчан, Пилипъ Василенко, Анъдрею Мурмарцѣ ключнику и завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника, Ивана Шорсткого атамана городового и при могоричниках Хведору Синявскому на тен час побѣрчого, и

при товариству, сторони козацькой Тишко Тарануха а Миско Шкурка, Иван Бугай, Сомко Винъникъ, могоричники и прислуханя тоеи купли, яко тижъ и продажѣ, Романъ Пятникъ и инъших людей зацнихъ и вѣри годнихъ. Чинила явно и доброволне Мойсеиха Бурмачиха бывшая, а в тот час Дмитриха, ижъ, мовит, пане враде! продалашъ дворъ свой зо всѣмъ, такъ комора из сѣнъцами, стоячий близко ратуши, а з другой стороны Нагишенкова, за суму готових гроший, золотих пятдесят, которой то суми далам готових гроший копъ десят, а мѣю отдат о Нароженю Христовимъ копъ десятъ безъ полкопѣ, даст ли Господъ в року 1677 мом; который то двор не пѣнний, не заведений, але свой власний позосталий по мужу своем Моисею Бурмацѣ, который то дворъ легкую пану Харку Шаповалу вѣчность, волно ему тот дворъ изъ жоною своею Маръею продат, дароват, заменят, у своим дѣтем задержат, и на свой пожиток обернут; а я, такъ сама, яко родичи мои в тот дворъ впручатся (не мают); а хтобы мѣл, повинен мененный Харко до мене вдаватся. Мы тежъ яко вряд, обохъ сторонъ, которие просили нас, абы до книг мѣских принято, що ест и записано. Писан врадовне року и дня вишписаного.

А хто бы мѣл въ тот двор впират, на такого заруки на их милост закладам, заруки золотих 100, во южъ право было на тое от родичов.

119.

Василь Осипенко долженъ отдать корову сестрѣ своей Ганнѣ, женѣ Марка Демченка.

В року 1676, месеця марта дня 31.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Бориспольскомъ, пред нами, предо мъною Иваном Новаковичомъ сотникомъ Бориспольским, Иваном Шорстким атаманомъ городовымъ и при нас товариству, Иван Горкун, Прокопъ Семененко, зосланого до книгъ запису, Лукян Гриненко, Яцко Анътоненко, инъшого товариства немало и при быт-

ности пана Онисыма Миновича войта из бурмистрами Грицко Мовчанъ, Пилип Василенко, Анъдрей Мурмарко ключникъ, припозвалъ был Марко Демченко Василя Осипенка по смерти отца и матки его, шурина своего, таким способомъ: ижъ вспоминался, яко звычайного за дѣвкою бывает, который то отецъ его дал был ему корову за дочкою своею Ганною, сестрою его; теди того часу не принял в посягу, по смерти отца его вспоменулся в шурина своего Василя. Зачимъ наказалисмо ис права, жебы дал оную корову мененной сестрѣ его, що такъ ся и стало, же мусилъ дат; зачимъ погодилъ Василь зятя в вѣчност, который болшъ не повиненъ турбоват, такъ жона и дѣти его, приятелѣ близкие и далекие вѣчни(ми) часы. А еслибы теразнѣйшого, любъ потомные часы Господь Богъ Василя обернулъ, яко теразъ часи небезпечние, любъ па войнѣ, любъ где колвекъ Богъ духа приймет, отписует убозство свое жонѣ своей Хими позосталое, на що мают росправит люде; част мает зостават жонѣ, част мает зостават на церков Рождества Богородици. А если даст Господъ потомство мънѣ, то оному повинен вес . . . . . зостават, такъ двор, зо всѣмъ приналежачим, яко и поля и лес где ест, а и тое припоминку зостает, еслибы мѣлъ Господъ Богъ изъ неволѣ бисурманской Пылипа, брата его старшого, мает част зостават отцевщины и оному; а если южъ по смерти зоставатимет, вся мает част тая мененная на церковъ Пресвятой Богородици зостават, що потверъжаю повторе и проклятство кладет, еслибы еще мѣла, такъ кости отца их и матки порушат, любъ и Василя турбоват, любъ сестра его и хто колвекъ, такового зватимут на страшный судъ, пред нелицемѣрного Судию, который будетъ судит живых, и проклят будет в семъ и в будущем вѣцѣ. Що для лѣпшое вѣри и певности казалис(мо) до книгъ мѣских записат, що есть и записано. Писано року и дня вишписанного.

120.

Кіевская жителька Галя Семениха Дяденчиха выдаетъ росписку жителямъ м. Борисполя въ полученіи денегъ за порохъ, взятый у ея мужа во время войны «першого шеремета».

Року Божого тисеча шѣстсотъ семъдесятъ семого, месеца марта дня 24.

Я, Галя Семениха Дяденчиха, жителка Киевъская, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому бы о томъ потреба будетъ, ижъ я вишъменованная Семениха изгодившися о дулг слушный вчинивши изъ жителми Богоспасаемого града Борисполя, такъ козаками яко и мещани, за порохъ, котории брали в Семена Дяденка мужа моего небожчика, подъчас войны першого шеремета, который наступуючи на оно реченное мѣсто Бориспол, при котором и мы зостаючи, зо всѣмъ своим маеткомъ, мѣлисмо порохъ, зачимъ того часу, до того пришло давалисмо тот порох не рахункомъ, бо кожному о здоровя и о души шло, хто тилко на тое способний был до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы, брали не вагою, зачимъ мнѣ позосталой по мужу своем, давалам позов на ихъ в мѣсто Бориспол, такъ до ясне велможного его милости пана Ивана Самойловича, пана гетмана его царского пресвѣтлого величества запорозского, якож и до его милости Войци Сербина, полковника Переяславского, от которих писма отримавшы показала, абы мени за тот порох погодили и заплатили; зачимъ тепер, завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника Бориспольского, Ивана Шорсткого атамана городового, Йонисима Миневича войта и бурмистрами Грицком Мовчаномъ, Пилипом Василенком, Анъдрѣем Мурмаркою, квитую, отримавши от них за тот порох суму цѣлую. которая мнѣ належна была, такъ козаков, мѣщан, якъ жон и дѣтей ихъ, не повинъна южъ болшъ поновлят за тот порох, такъ я сама, яко и приятелѣ мои, близкии и далекии, вѣчними часы; на що для лѣпшои вѣри и невности и правного попартя. казалам до книг мѣских записат, що ест и записано прилюдне зацних вышей писанихъ. Писан в ратушу Бориспольском, року и дня вышписаного.

При том квитованом писмѣ были люди добрие, Хвеско Нехорошенко хоружий сотни Бориспольской, Микита Левоненъко атаманъ курѣнный пихотный, Грицко Васиченко, Апанас Гапоненко, Иля Радивоненко, Степан Вовнянка, Гордѣй Грищенко, товариство. Мищане: Евхим Буръпѣй, Тимушъ Приймакъ и инших людей зацних немало.

Звишменований вряд Бориспольский Евстафий Ващенко, писар на тот час.

121.

Жалоба Ивана Марченка на Танчичку Яциху за нанесеніе обиды словами.

В року 1678, месеца июля дня 4.

Ставъши очевисто, пред нами врадом, предо мъною Лукяном Гриненкомъ, атаманомъ городовымъ, Анъдреемъ Муръмаръкою войтомъ и при буръмистрахъ Григорию Мовъчану, Ивану Гусаку ключнику, и при бытности Ониска Рудъченка Семен Попович шинъкаръ и инших людей зацних много, прекладал жалобу Иван Ларъченко на тотчас бурмистръ в лавѣ засѣдаючий, мовячи: пане враде! дала мнѣ безчестя Яцыха Танъчичъка, жителка Бориспольская, таковим способомъ: трафилос, мовит, мнѣ едъного часу изъ губилем был своего власного быка, которого знайшолемъ изъ Яцковим товаромъ Танъчиковым в полю, при пастуху его, и сталемъ питати: „где ти того быка взял?“ Которий хлопецъ признал: в нас той бык, кажет, и ночует. Теди пыталемъ его: чомужъ вы старъшому не ознайжет, мили?—Я, кажет, по килка разий въ старъшого опитывалемъся, не признался старший, жебы такого быка ознаймовал. Но тое хлопецъ отказал: и я господару своему казал, жебы старшому того быка ознаймил, теди мнѣ казал: непотреба, мовячи, небоже, ознаимоват старъшому; якъ ознаймимо, то в чоловѣка болшъ будет коштовати, а то якъ познает, волно ему будет взяти. На що мы врядъ, давъную его рѣч, що и с щого почотокъ тои справѣ стался, випитавъшы, казалисмо людей поставит. Теди поставил Стецъка Былиловъця

и Сахна Розвалку и Петра Сугоняку, которие признали, мовячи: Пане враде! была то правъда, ижъ Яцъко турбацию мѣлъ за того быка, за враду Лукяна Гриненка наказного сотника, в тот час на врадѣ были сего гетмана наставъляли, пана Ивана Самойловича, а атаманом былъ Ониско Рудъченко, которого, якъ моглъ годити изъ людми просил за тое, же в чужого быка вклепался, именно реченного Ларъченка, Остапъ Шолудъко, Стецъко Былиловецъ, Давидъ Веръненко и иншие, за реченный проступокъ Танъчиков просили и впросили. Мы тихъ выслухавъши яко врадъ першую справу, такъ от самого Ивана и от признаних питалисмо, що за причина тому, що тиразнѣйшого часу позовъ даешъ безбытности мужа еи Танъчика жону его; теди признал: словами, каже, пане враде, злими побликов ла Яциха, мовячи: ти, каже, в нас купил быка за чехъ. За тое еи слово, позовъ далемъ, нехай мнѣ того доводитъ, жебимъ где, в кого, такъ дешево быка купилъ. На що, выслухавъшы жалобу его, казали издаватис на людей, що признал Грицъко Мовчанъ, Анъдрѣй Мухомор, Петро Новенъко признали в тие слова: говорила, кажут, пане враде, же якобы Иванъ купилъ в пастуха их Танъчикова быка за чехъ. На що казалисмо Танъчицъцѣ того доводит, чого и не довела, и такъ щекаючи якъ непоцътивою губою, и знову в свои уста побрала; для чого ис плачемъ людъми зацными годила из Остапомъ Шолудъченкомъ, Стецком Билиловцем, Стецкомъ Давиденком и зъ иншими людъми, Хвеском Гриценкомъ, Иваном Сухолѣсенкомъ, много. При той тежъ справѣ положилисмо премежъку ними за руку на пана полковника Переяславъского талярей сто, жебы не тилко отъ Яцъка Танчика, або от жоны его мѣлъ Иван оние слова, але естлибы от людей якие похвалки перечулъ, що бы мѣли они говорити, такой заруки не вводит. Мы тежъ, яко врадъ, вислухавъшы его жалобу и признане людъское, просили нас, абысмы оную ихъ справу до книгъ мѣских приняли и записали, що ест и записано. Писан в ратушу Бориспolском, року и дня вишъменованого.

Звишъменований вряд Бориспольский. Евстафий Ващенко, писар мѣский.

122.

Споръ между Иваномъ Кармазенкомъ и Пархоменками изъ-за грунта въ Иваньковѣ.

1678.

Приточилас справа пред вряд наш, **Лукяна Гриненка** сотника Борисполскаго, Василя Москаленка атамана городового, Ониска Рудъченка, такъже на тотчас без бытности атамана, наказним атаманомъ, Анъдрея Мурмарка войта из бурмистрами Грицка Мовчана, Ивана Ларъченка, Ивана Гусака, и при товариству Ивана Шорсткого, Илъи Слипенкого и иншого много промежку Ивана Каръмазенка и Пархоменков, Грицка, и Хомы, и Анъдрѣя, за грунътъ, таковимъ способомъ: Трафилось еще живым будучи Муръмарцѣ, купил был в попа Иванковского отца Хведора, пляцъ за готовую суму ис хоромами, а попу тому зостался за сорокоуст, подчас Дрижиполского року; который тот пляцъ продал был Анъдре Муръмарченку зостался по родичах. Теди поживъшы час який, або и килка лѣтъ, продал Карпу Прасолу, а Каръпъ писару Микчасу, а в писара купил Паръхом небожчикъ, за що позосталие сини его реченние тимъ ся контентовали, на чомъ застали отцевщину. Теды помененний Каръмазенко изъ жоною своею перечувъши от людей призацних, же болшъ его грунту мѣло быти, доходил своего и призвавъши до нас враду становил свѣдки, Конона Прасола у Каръпа также Прасола, которие признавали, по якую межу тот грунтъ зоставал. Щежъ на томъ Пархоменки не контентуючися, ставили своѣ свѣдъки, за що мѣлъ туръбацию и Конон реченный, щожъ еще при томъ же поставившися Ониско Миневич и Анъдрий Литвин, и тиежъ признали, же слово волово на томъ была межа; иншихъ много в тожъ признавали. Которимъ свѣдетствомъ ище не контентуючися, Пархоменки давали позов на Конона за свѣдецство. Теди видечи Конон невинност свою, мусилъ копати землю, шукати межи граничноѣ; теди знашолъ стародавний погребъ, при межи зостаючий, (ко)торий копалъ Карпъ, тамъ жіючий; зачимъ ажъ му-

силъ земълею от того позву отпертис. Що мы, яко вряд углядѣвшы в самую слушност наказалисмо на тои городит, а им до згоди и до поеднаня прийти, щожъ такъ и стало, погодивъшися, руки подавали, же южъ един другого, сторони обѣдвѣ турбоватся не повинни, такъ они сами, яко жони, дѣти и приятелѣ близкие и далекие вѣчными часы. Для правного попертя и заруку казалисмо положит на его милост пана полковника Переяславъского, талярей десят, а на нашъ вряд талярей пят. На що для лѣпшой вѣри и и певности, просили насъ, абы до книг мѣскихъ приняли и записали. Писан в ратушу Бориспольскомъ року 1678, месеца декабра 11. Остафий Ващенко, писар на тот час.

123.

Грицко Остаповичъ, сынъ Тихаго, а зять Товстаго, продалъ грунтъ и гай Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню.

Року 1680 месеца ануария 8-го.

Становшы очевисто пред нами, предо мъною Лукяном Гриненком сотникомъ Бориспольскимъ, Василем Москаленкомъ атаманомъ городовымъ, Григорием Березенкомъ войтомъ и при бурмистрахъ Грицку Мовчану, Евхиму Ключнику, Семену Яценъку и при товариствах изъ ураду приданых, Василю Щербаненку, Юску Поташку, Якиму Лобку и при могоричниках Грицку Онищенку, Ивану Коломийцю, Якиму Бураку и инших мищан много, чинил вѣдомо Грицъко Остапович Тихого синъ, а зят Товстого, мовячи: Пане враде! Продалемъ кгрунтъ тестювский Хвеска Товстого позосталый по смерти его гай ис сѣножатями, якъ в собѣ мает, взювъшы от самого гаю по гостинецъ Баришовский и по мочилы, или где ест кгрунътъ Богдановский або Косиполе славетнимъ пану Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню, за готовую суму, золотыхъ двадцет личбы Литовъской; который бы то кгрунтъ продалем доброволне на долги тестювские, нѣ от кого не намовлен, толко имъ тим кгрунтомъ продат, дароват, заминят и своим дѣтям задержат; а я такъ

самъ, жона и дѣти могъ неповинъни втручатис вѣчными часы. А хтобы мѣлъ ис приятелей близких и далекихъ в тот крунтъ впираючис доходит, я повинен отповѣдат. На що для лѣпшой вѣри и певности просили враду, абы до книгъ мѣстскихъ принято и записано, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполской року и дня вишписаного. Звишменованный вряд Борисполский. Евстафий Василевич писар рукою.

124.

Татьяна Лесиха продала ниву Филиппу, Давиденкову сыну.

Року 1682, месеца мая.

Передо мною **Хведором Хвилоновичом,** сотником Барисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовым и при нас вуйтом Андрѣемъ Му . . . . ., Грицком Мовчаном бурмистромъ, Калеником Цѣпиком ключъником, Юском Тищенком рочними бурмистрами, и при Гапону Тарану атаману курѣнном и при Роману Рудченку и при Совѣ Мойсѣю, и при инших людех зацных, чинила вѣдомо ясне, явне, доброволне до запису, до книг мѣских Татияна Лесиха, на тот час вдовою будучи, мещанка Борисполская, мовячи: Пане враде! Продалам ниву, лежачую за мостком, межи дорогами двома к лѣсу Вернину, на гоней двое, пану Пилипу, Давиденковому сыну, за готовие гроши, золотих полчварта, свое поле власное, свекровское; волно тому Пилипу Давиденку тое поле продат, даровати и заменяти, и на свой пожиток обернувши дѣтем своим задержати; а я такъ сама, реченная Татяна, якож и дитина моя и приятелѣ моѣ не повинни втручатис вѣчными часы. На що для лѣпшои вѣри и певности просили нас, яко враду о запис, що (ест) записано. Писано в ратуши Борисполской при людне, року и дня вишей писанного. Роман Стефанович писар козацький, рукою.

125.

Катря Мухомориха продала свой дворъ Хведору Ивановичу.

Року 1682, месеца мая дня 6-го.

Пред нами, предо мъя Василемъ Москаленкомъ сотникомъ наказнымъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ и за вѣдомомъ Ивана Малинъского войта, Ивана Гусака ключника ратушного и при бытности Исака Шкуръки, Ивана Шепеленка, Хвеска Безлюдного и иныхъ многихъ, чинила вѣдомо и сознала ясно, явно до книгъ мѣскихъ, мовячи: Пане враде! Я Катра Мухомориха жителка Бориспольская, будучи при старости лѣтъ моихъ а позоставшися по мужу моемъ, видячи, же нѣчимъ контентоватис, продаламъ дворъ свой, лежачий промежку отця Корния и Яремина ткача, за готовие гроши личъби литовской, пану Хведору Ивановичу (за) золотих пятнадцат; от которого двора отдаливъши себе самою и сыновъ моих Семена и Гаврила, и Ивана, приятелей наших близких и далеких на вичност; волно пану Хведору Ивановичу в том дворѣ будинокъ становити, жити, продати, даровати и заменяти, и на свой пожиток дитем своим задержати. О що просилам, яко вряду, абы до книг миских Бориспольских принято было и записано; що и записано. Писан в ратушу Бориспольском року и дня вишъ писаного, за ураду Хведора Хвилоновича, сотника Бориспольского. Звышъменованный урад Бориспольский. Романъ Степанович, писар козацкий.

126.

Багнюкъ оштрафованъ отнятіемъ коня за то, что шинковалъ, хотя шинковой промыселъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ отданъ былъ въ аренду полковому переяславскому писарю Петру Максимовичу.

Року 1683, месеца мая 30 дня.

Запис до книгъ мѣскихъ Бориспольскихъ. Предо мъною Хведоромъ Хвилоновичомъ сотникомъ Бориспольскимъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ, Иваномъ Малинскимъ войтомъ, Иваномъ Семеновичомъ ключникомъ ратушнымъ и за вѣдомомъ такъ то-

вариства и иных, заславъши нас ясне велможний его милость панъ гетманъ универсаломъ своимъ казал всѣмъ вычитавши загрозит, бы прешкоды ани жаднои в арендѣ горѣлчаной, в которомъ панъскомъ универсалу вручено и подано в посессию его милости пану Петру Максимовичу на тотчас писару полковому Переяславскому мѣстечко наше за его власную суму до скарбу войскового отплатит; зачимъ излецивъши панъ Пѣтро, Ивану Петровичу свое такъ господарство и шапарство, приказовал, бы якъ належитъ перестерегалъ в потайныхъ шинкахъ; онъ тежъ, яко вѣрний слуга пана своего, постерегал потаемныхъ шинковъ, аже не поеднокротъ знаючи о Тимошу Багнюку, жителю нашому, же он потаемно шинки дѣет, упоминал его, мовячи: знай певне, же тебе я зъ горѣлкою шинковною поймаю; и такъ он тое легцеважачи шинковал. Для чого, яко господар тому панъскому добру, дважди поймал, от него купленую у фляшкахъ из горѣлкою людей, которие пред врядом признали от власного Багнюка купленую горѣлку ношовали. Теди мы, врадъ, видечи, же тот Багнюк воли панской противен, казалисмо по указу пана писара полкового, взявъши коня сивого отдат; на що панъ писар, яко ласкавый пан, взял тего коня, що напил был Багнюк в воренде талярей два, а до того що ему перешкоду дѣялъ в воpендѣ, а що болшого, такъ казали и худобою подаровавъши, казал для лѣпшой вѣри и правного попартя в книги мѣские записат, що ест и записано. Писано в ратуши Бориспольской, року и дня вишписанного.

127.

Раздѣлъ гая между Дудорковскими жителями братьями Осѣемъ и Гришкомъ Корніенками и сестрою ихъ Хвесею, причемъ сотникъ взялъ клинокъ гая въ поссессію.

Року тисеча шестсот осемдесят пятого месеца генъвара 26 дня.

Ставши перед мене Хведора Хвилоновича сотника Бориспулского, Ивана Шорсткого атамана городового, при товариществу

Степану Билиловцу, Василю Москаленъку и при бытности Ивана Малинского и при инших многихъ Огѣй и Гришко Корніенъки, жителѣ Дудорковъские, оповѣдали нам ураду, же ойцѣ их отходячи на он свѣтъ, не росправив сыновей своих гаями, прото мы, видячи прозбу так реченных Корніенъковъ, якожъ причину от чернъцюв свято-Троецких, бы их слушне, ведле правди святой подѣлили. Прото я вишреченый сотникъ, взявши из собою Романа Стефановича, писара козацъкого, Степана Ворочаенка, хоружого нашого, и зѣхавшы до села Дудоркова, казали тамошнимъ жителем изийтися, припитуючися, ежели свѣдоми о тих гаях; тоди признали двѣ жителѣ Дудорковские, же то отец их з давных часов оными гаями владнѣл и пожитковалъ. Для чого ми, врад взявши ис собою Грицъка Тишченъка войта тамошнего, отца Романа священника, Тишка Старого и Ивана зятя его, Петра Козорѣзенъка, и Матвѣя Маняченъка, обихавшы тот гай, вдѣлили част вышпомененому Огѣю Корженъку, помежъ Олексѣя Хиленкового, а з другой стороны Панъка Черевка и помежъ Сотницкого, и подорожку, знаки поробыли; и с того тижъ гаю оддѣлили Гришку менъшему Корніенъку помѣжъ Гордѣевого по озеро и по дорогу; до того тиж Хвесѣ Корніенкѣ, сестрѣ их, дали тогож подѣлу частку гаю, помѣжъ Огѣя брата еѣ и Гордѣевого; оние зас стороны всѣ три, слушне промежку ними подѣл от нас бачачи, на томъ зостали, которому, где, вказано, и принявши из собою погоду, из доброи волѣ своей, вдѣлили мнѣ мененному сотникѣ, со всѣхъ сторон трох, прилюдне, помененых жителех Дударкувских, такъ священнику, атаману и войту Матвѣю Мулявцѣ и Тишку Старому, и при Ивану зяти Тишковомъ, и при инших в посессию, въ држане вѣчное, яко старшому своему, частку гаю тогож называемимъ Клинъкомъ. Ми тежъ, уряд, прибувши ис того села Дударкова до мѣстечка нашого, объснившы такъ товариству, казалисмо онихъ сторонъ письмомъ укопътенътовати, варуючы тепер и на потомные часы, би кождый зъ них оним гаемъ частю подѣлу вольно держали, которому будетъ потреба продать и дароват и заменят, и яхъ хотя владнутъ, жонѣ и детемъ своим на вѣчност задержати; на що для лѣпшой вѣри и певности просили нас, яко

враду о запис, на що и даем при печати нашой войсковой и руцѣ писарской. Писанъ въ Борисполю, року и дня вишписаного. Григорий Талѣржевский писар мѣский рукою.

128.

Судъ надъ ворами Ониськомъ Голянкою и другими.

1686.

На враде мескомъ вратушу Борисполскомъ, пред нами перъсонами засѣлими, на тотчас будучою старшиною **Федоромъ Филоновичомъ Магировскимъ**, сотникомъ Борисполскимъ, Кономомъ Сеничомъ наказнымъ сотникомъ, Иваномъ Горкуномъ атаманомъ городовымъ, Хведоромъ Проскурнею войтомъ, Иовомъ Карпенкомъ бурмистромъ, Гарасимомъ Шевцемъ ключникомъ, едностайне въ лавѣ засѣдаючимъ рочными бурмистрами, а при насъ обополныхъ сторонъ зацне славетных товариstви и мѣщанъ именъно тут написаныхъ: Васил Москалъ, Степану Бублику, Ивану Сахненку, Микитѣ Леоненъку, Роману Павлюченъку, Сидору Коваленъку, Евхиму Игнатенъку, Ивану Безбородченъку, Миску Копилу, Стефану Волочаю. Стефану Билиловцю, Микитѣ возному, Ивану Колѣнъку, Ивану Куранъдѣ, Каленику Просолу, и мещанахъ Павлу Пятнику, Хведору Курандѣ, Каленику Прасоловому зятю, Пархому Первушу, Степану Исаенъку, Ивану Исаенъку, Ивану Гусаку, Гаврилу Клименъку, Гаврилу Мухомору и многихъ персонъ зацныхъ и вѣри годныхъ людях радилисмос еднокупне, яковымъ кшталтомъ из проступъными а явъными злочинцами, о нимъ за ихъ расколъ вчинити кару. А же всѣ еднокупно, такъ товариство, якожъ мещане изговорили, мовячи до насъ враду: покы тимъ злочинъцюмъ сидячимъ держати ихъ сторожею, бавите мещанъ и прикладн свѣчками на каждую ночь свѣтячы, тратити мѣские гроши, на которыхъ вже коштовало золотых болшъ десятка. Прото мы, врядъ, выслухавъшы пораду еднополную казалисмо одозватис тимъ, в которыхъ шъкоду и крадецство починили злочинъцы; овожъ тие, ани един изъ них до нас враду на судъ скаръги не уносили, на очевистое людъского

всего народу и въизду нашого на торгъ пятничный тихъ злочинъцовъ слузѣ мѣскому казали до принтеля дати и питати, в кого зломислнымъ своимъ злодѣйскимъ способомъ, кому шкоды починили, призналъ Ониско Голянка злодѣй: мы, кажет, вкрали изъ Михалемъ Збегълымъ кобылу в . . . . Бориспольского и продали в Фастове за золотыхъ осмъ: и знову в Ковбасенка вкрали кожуховъ два в окъно вытягши и продали барзо за малие гроши на пристани Киевъской, съ тымъ же и ярмолукъ ис тымижъ кожухами; воловъ три тожъ Голюнка признал, же вкрали на Груздовъцы ис Коротенъкомъ Иевдоховыхъ два и Пѣтакового едного; всѣ тие в Киеви продали из Коротенъкомъ, в Киевѣ платье музское—изъ Жабским; тежъ признался Голюнка, же по крали в Колѣнка и в Яцути, ищо тожъ в Гордѣя свиту вкрали и пироги ис погреба, то все из Жабским; а особливе Жабский овичку вкралъ у Верненка; а грошей вкралъ полчварта ста золотыхъ у своего шурына коваля; и многие пакости людям чинили. Про що за всѣ ихъ проступъства казали мѣскому слузѣ волати по мѣсту, бы кождый, коли крывъда сталас, впоминалис и инстикговали на тихъ злочинцовъ; теди ани единъ изъ них не инстикговалъ и на смертъ ихъ и на душу не вотовали, тилко водле кари казали ихъ впродъ привязавъшы публичне соцкому бити, и од чести людской отлучити. Аже увес народ на оних молодыхъ злочинцовъ, стали говорити, такъ станы старие и середъние, якожъ и меншие, бы були пущини на покаяние, мовячи, ежели послѣ сего не покаются на своихъ головахъ отнесутъ изгибелъ, понѣважъ нихто на ихъ не инстикгуетъ, еднакъ карани и быти пред слугу мѣского посторонками, из мѣста преч выбитие и вигнание зостали, пригрозивъши кождому из мешканцовъ нашихъ и еден, не тилько ис принятеловъ и кревънихъ ихъ не держали и не приймовали въ доми, але и кождому приказали, бы сусѣдъ сусѣда престерегалъ, такихъ зломыслъных надъзвычай преступцовъ и злодѣевъ не держати, але цѣле и в уизду нашомъ и по селахъ не мѣти и не приймовати. Тое ихъ злодѣяние документомъ выписавъши до книгъ мѣскихъ вписати писарови нашому приказали. Писано в ратушу мѣскомъ року 1686, месеца июня 15 дня.

129.

Священникъ церкви Рождества Богородицы Іоаннъ продалъ свой домъ священнику церкви Свв. Бориса и Глѣба Григорію Евфиміевичу.

Року тисяча шестсот осмдесят семого месяца февраля дня девятогонадцат.

Передо мною Федоромъ Филоновичом сотником Бориспольским, Лукияном Гриненком атаманом городовим и при нас будучи товариства Иванъ Шорсткий, Васил Москал, Гапон Таран, Давиду Верненку и инших много, так тежъ и при урадѣ мѣскомъ в ратуши засѣдлом, Ивану Малинском вуйту и при немъ будучихъ бурмистровъ Пилипу Груздовъскому, Ивану ключнику ратушному, Прокопу Ехименку и иншим разним людем при томъ ни урати засилихъ нижей подписаних, чинилъ оповедъ ясне, явне и доброволне тепер и на потомние часы священно иерей Иванъ презвѣтер храму Рожества Пресвятои Богородицы, въ таковый способъ, мовячи: Пановрадє! продалемъ домъ мой власный, никому не заведенний и не стопенний, на предмѣстю, за брамою Киевскою стоячий, з одной стороны, помѣжний Федор Куранда, з другои стороны Матвѣй Ткач и по дорожку, которая лежит на Груздовку прозываемую улицу; а тотъ думъ зо всѣмъ тим кгрунтомъ и будинкомъ, якъ (ся) в собѣ маетъ, священному іерею Григорию Евфимиевичу презвѣтеру церкви святихъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, за готовую суму золотых пядиятдесят, монети доброй, отдаючи оному, вѣчне тимъ домом владнут, якото своим власным, волно теж ему запродавати и вѣчне продати, любо даровати, албо съ ким заменяти и якъ хотѣти, ведлуг умыслу своего на пожитокъ свой оборочати, жонѣ своей и дѣтом своим задержати, тежъ варую и вѣчне записую, аби священному иерею Григорию въ его власном дому зо всѣмъ его будинком, нихто жадноѣ перешкоди и утиску не важилсе чинити, яко не повиненъ я, ани жона моя, анѣ потомокъ мой, такъ тежъ кревние моѣ, близкие и далекие, сикцессий собѣ жадных вынаходити. Давши тежъ волю до всего того кгрунту з будинкомъ на немъ стоячимъ от мене

священно-иерея Иоана Василиевича проданного священно-иерею Григорию Евфимиевичу симъ записом при урадѣ мѣском отвержаю и вѣчные записую, що я просилем ураду, жебы было и до книг мѣских записано—що есть и записано. А священно-иерею Григорию, даю сей мой выпис врадовне, выписавшы съ книгъ перед урадом вышописанном, при печати мѣской и козацкой и руцѣ писарской. Писан въ ратуши Бориспολской року и дня пышъописанного. Роман Стефановичъ писаръ козацкий Бориспольский.—Тут тежъ устне прошоние мещане о подпис своихъ рукъ, Андрий Борсук, Стецко Исаенко, Каленик Прасолов зят, Панъко Киселювъ зят, Левко Олексѣенко, Стецко Якименко, Омелько Ковбаса, имена свои подписали, будучи при томъ записѣ.

130.

Духовное завѣщаніе Варвары Микитихы Зѣньчихи.

1687 сентября 28-го.

Во имя Отца и Сына и (Духа) Святого Аминь.

Я, раба Божия Варвара Микитиха Зѣнъчиха, чиню вѣдомо сымъ моим тестаментомъ, такъ стану свѣцкого и духовного, ижъ длуговъ жаднихъ по собѣ не зоставляю. Напрод вручаю душу мою Господу Богу а тѣло землѣ, которое мает бити поховано ведле звичаю християнъского при храмѣ святыхъ князей роскихъ Бориса и Глѣба, при том роспаражаю дѣти своего першого мужа Яцка, Василя и Кирила, поважъ жиючи я ис вторым мужем симъ Микитою лѣтъ болшъ тридцати, теди угледѣвши, мужъ мой Микита на лѣта ихъ двоихъ поженивши и подѣлъ промежку ихъ учинилъ прилюдне, при Миску Верненъку и Хомѣ Верненку от их рукъ, а од руки мужа моего пры Гордѣю ктитору Борисоглѣбскому, далъ имъ на всѣхъ трохъ воловъ два, коровы двѣ, а що за их отцевщини зоставало грошей готових, отдал золотих полчвартанадцетъ, Кирѣю не жонатому дал на жупанъ золотих десет и жита копъ десет, томужъ дал свиней двое и курту шептуровую мене матки их

оних до себе взяли, проте отдѣливши мужъ мой ихъ сынов моих, волнимъ зостает, не повинъни позосталие дѣти мои мужа моего, кождый из них турбовати и слова моего касовати, костей моих порушати. А который бы мѣлъ, любъ из синовъ моих, албо ис кревних наших, слова моего касовати и кости мои порушати, такового буду на страшный судъ Божий позывати. На щом упросила от Филоновича сотника на тот час Ивана Шорсткого атамана городового, писара мѣсцкого, который писалъ при отцу Матвѣю священнику Святониколскому и при Ивану Самуйленку, Яцку Цибару, Василию Ярмоленъку, при печати, туюжъ душеотходницу для далшого часу вѣри данъня, (аби) вписали въ книги мѣсткие ратушние. За упрошенъемъ врадъ, **Ивана Шорсткого** на тотчасъ **сотника,** Григория Кириченка атамана городового, и за Прокопия Рубашного войта, Стецъка Саенъка, Мартина Чурака, Ивана Безлюди ключника, за рочнихъ бурмистровъ и при людях инших зацних и вѣры годних, при Гордѣю ктитору, Борисоглѣбскому, Ваську Сугоняцѣ и при Григорию Голубничомъ устне запрошоными въ ратушу для записанъя, що ест и записано септевра 28, 1687 року

Писар Григорий Миколаевич рукою власною

131.

Мартинъ Нестеренко продалъ грунтъ въ Кучаковѣ и три нивы подъ Лебединомъ Алексѣю Скорику и огородъ въ Кучаковѣ Андрею Бабиченку.

Року 1688, месяца мая 9 дня.

За враду сотництва Ивана Шорстъкого, на тотчас сотника Барышполского, Гордѣя Ковалювского атамана городового, а перед мене Стецка Исаенъка войта, Евлаха Груздувского, Тараса Дужченъка Полуляховского, Ивана Безлюди ключника ратушного рочных бурмистровъ, и при мещанех Петру Юсковичу Скабѣенку и Гнату Романовичу Мовчаненку и Пархому Вовку, Леску Долѣ, Тарасу Верещацѣ, на тотчас въ ратуши мѣской засѣдлыми будучы. Приходили перед нас врадъ, стороны, Алексѣй Скориченъко да Андрѣй

Бабиченко, жителѣ Баришпольские, една сторона, а другая сторона Мартинъ Нестеренъко втожъ мешканецъ Баришполский, который мѣючи грунтъ свой по змерломъ родичу своем (мат)чиного племя дядковский, лежачий въ селѣ Кучаковѣ ему власне належитый помѣжъ Романа Слусара зъ едной стороны, а з другой—помѣжъ садки, и который то огород из трома нивами подъ Лебединъ лежачими, продал реченому Алексѣеви Скорикови за первую суму, зазолотих тринадцеть и за шест грошей монетою готовою доброю, а другий огород продал из займищемъ Андрѣю Бабиченъку [1]) за золотихъ вусѣмъ. Тeды нас, яко враду обѣдвѣ сторони просили до кънигъ мѣских о запис; аже мы, видячи помененую того Мартина добровольную продажу, а другой сторони скутечную куплю, казалисмо до книг мѣскихъ записати. Дѣялося звишмененого року и дня.

Григори Михайловичъ писар мѣсткий рукою.

132.

Судъ надъ ворами Петромъ Тарасенкомъ, Конономъ Космаченкомъ и другими.

1696.

На врядѣ мѣскомъ в ратушу Бориспольскомъ, предъ нами врадомъ, Феодоромъ Магировъскимъ сотникомъ на тотчас будучим, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Тарасомъ Власенком войтомъ, Иваномъ Темеренкомъ бурмистромъ, Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ, и при нас зостаючихъ на тотчас засѣлих в ратушу, Иване Сахненъку, Павлу Яковенку, Хведору Найдюшку и Панасу Захарченку, Матвѣю Проценъку, Гришку, Хомѣ Прожейку атаманѣ курѣнъном, для прислуючихъся права и при товариству Василю Москалю, Гапону Тарану, Сидору Коваленку, Каленику Левченъку и при многихъ такъ товариства и мещанъ, (яко и иных людей

---

[1]) До сихъ поръ одно урочище въ Кучаковскомъ лѣсу носитъ названіе „Бабичевой Дубинки“.

зацных), ставъши передъ суд наш Васил Налуйченко, Иванъ Колѣнъко и всѣ зацние товариство скаржилися на пойманихъ злочинцовъ, котрыхъ изъ лицемъ ознаймовали, и же в нихъ двохъ домохъ, из вовъторка на середу, комори повикрадали, такъ збожа, сала и инъшие хванъти, и що могли тамъ захватили, которих на йми доводемъ слушнымъ еще без жадной кари выпитовали. Признался напрод Петро Тарасенко, же они якъ би два ходили до Василя Налуйченка изъ Конономъ Костюченъком красти и тамъ побрали такъ збоже, якожъ сало, которое тоижъ ночи, отнюс до Василя Дудъченъка в домовку тому перший доводъ, якъ знайшли впродъ нушкомъ збоже в загатахъ [1]), такъ в Горькуновихъ, яко жъ пшено в Щегловѣ и полотъни, тогди вже тому признавъшися тот Петро Тарасенко, якожъ и Кононъ Костюченъко, же тоижъ ночи з ними ходили и Лаврѣнъ Лотота и Василъ Дудъченко, всѣ чотири разомъ, такъ до Налуйченка, якожъ и до Колченъка, Тогди наочне сказалъ Петро на брата Лавърѣна Тарасенъка: „чого вже маем таитися“, а Кононъ на Дудъченка тожъ посвѣдчилъ, же всѣ чотыри тоей ночи крали. Которихъ взглянувъши ис саксона на онихъ злочинцов, якои достойни кари, тоди згди казали впродъ слузѣ мѣскому поблице [2]) на мѣстѣ ихъ бити поврозами; тогди всѣ чотири злочинци висвѣдчаючы еден на другого, признались, якъ ходили першъ до Налуйченка, тамъ Кононъ Костюченъко продравъшы стрѣху, намъ тромъ выдавалъ, такъ збоже, сало, полотъно и що моглъ занять и во тъми покравъши, иншие позагатахъ збоже поховали были, мало взявъшы из собою; пришовъшы до Колѣнъка, тамъ у комору впершися, тожъ сала покрали и иншіе разѣ, которимъ всѣ чотыри злочинъци признались, же тие сала всѣ три, такъ Колѣнъково, якожъ Налуйченково отнесли до Тарасова сына Василя, еднакъже Налуйкового сала дошукавшис, изнайшлось в дому Тараса Дудъченка, которое самъ онъ Тарасъ Дудъченко своими руками далъ с своей комори Налуйченково сало, а тихъ двохъ Колѣнъко-

[1]) Загатой называется около Борисполя огорожа, устроенная изъ соломы, поддерживаемой кольями.

[2]) Publice.

выхъ не моглъ дошукатис и винайти. Прото тихъ злочинцовъ всѣхъ чотирохъ, кгди слуга мѣский бючи поврозомъ през мѣсто до стовпа привязавъшы, ведле права, якъ в саксонѣ посвѣдчаетъ, казалисмо онихъ злочинъцовъ отдаливъши от места сродзе бить и нещадъно карат. Тогди оние злочинци в сему злому своему учинку признались, не тилко сегорочному, а бо тилко що в сихъ двохъ персонъ покрали, але еще и що прошлого року шкоди тежъ в Колѣнъка сала покрали, якожъ в купцовъ Виницкихъ сливи сухие и иные овощи, всему тому злому своему вчинку явъному, злодѣйскому вчинку, признались. За що на голоси люду посполитого, всенародъного, казали онихъ слузѣ мѣскому крѣпко выбити изъ мѣста, и оголосити, жеби нихто не важилъся такихъ злодѣевъ до домовъ приймовати и в мѣстѣ их не держати; а их жилища то ест домовки, росхитити и роскидати, бы не мѣли нигде пристанища и прибѣжища, яко злиѣ и небоячиеся Господа Бога проступъци. А онимъ персонамъ, такъ Ивану Колѣнъку, взираючи на ихъ згубу од тихъ злочинъцовъ наказалисмо позосталимъ родителемъ нагородить, що не могли чого добра ихъ дошукатис; якож и Налуйченку, що оние были незбожние злочинци покрали, все свое доброе побрати, а чого не винашлос тихъ нагородити. Которихъ злочинцовъ виволавъши из мѣста казалисмо все достовѣрно виписавъши, до книгъ мѣскихъ чорныхъ вписати. Писано в ратушу Бориспольскомъ року 1696, месеца априля 27 дня.

А на потомъ по виписаномъ правѣ, признал Конон Костючокъ, же всѣ чотири крали тие комори, такъ в Налуйка, якожъ и в Колѣнъка сала покравъшы отнесли до Тараса Дудъченка изъ синомъ его Василем, еднакъ Налуйково винашли и самъ Тарасъ Дудъка своими руками видалъ с комори своей тое сало Налуйково, а Колѣнъкового не сказалъ.

За которие сала Колѣнъку казалисмо мы, врадъ, Костючковъ двуръ изъ огородомъ ариштоват, нимъ за его сало улстится тот Костючокъ. Тут же выражал на том контентъ Колѣнъко.

133.

Иванъ Личенко зарѣзалъ быка у Сеньковскаго жителя Цыбули.

Року 1697 месеца июля 26 дня.

Пред нами врадомъ на тот час будучим **Миколаем Корабаномъ** сотникомъ наказнимъ, Василем Москалемъ атаманомъ городовим, и при бытности Грицка Онисименка бурмистра, Процика Евхименка ключника ратушного и при товаристви Грицку атаману курѣнному сотницкому Роману Павленъку, Василю Колѣнъку, Хведору Бубну, Трохиму Гриценку, Грицку Головцѣ, Грицку Вакуленку и при Стецку Билиловцю, Гарасиму Костанцю, Иовѣ Карпенку, Богдану Якубенку и при многих зостаючихъ зацнихъ людех, позов давал Иванъ Цибуля жител Сенковский за своего быка на Личенка Исая, овъчара, же его быка гнал из овечками своими до футора, де по (?) на его слѣду того быка знайшол. Прото мы врадъ доволне доходячи по жалобѣ его, казали становити свѣдка, которого поставил Бублика; ставши очевисто Тимошъ Бубликъ признал под сумленемъ души своей, мовечи: Пане враде! мы там поблизу орали при футори где тие изгони пасут, ажъ над вечеръ гналъ Исай Личенко быка полового из своими овечками до футора; аже на потомъ тен Иван жител Сенковский приходил нас же пытати такого быка; мы сказали, же такого быка гнал з овечками Личенко. Тогди тот Иванъ Цибуля, приихавъшы самотрет изъ чередникомъ и пастухомъ питалис Исая Личенка, где той быкъ подѣлся, що ти гналъ з овечками до футора? тохди он сказалъ, що звѣръ изъилъ того быка, и привюл их до падла, ажъ того быка задъ увес обълуплен, да стегна поотрѣзовано, а перед не луплен. Про то тот Цибула изъ тими чередникомъ и пастухомъ для свѣдецттва скуру тую взяли и до нас привезли до враду, которой огледали прилюдъне килкакротне, ажъ немал того быка звѣръ моглъ погубит, тилко рѣзъ, бо и телбуги снайдени цѣлие у водѣ близъ падла. Овожъ гди конъчилос право, знову тотже Тимуш Бублик на очевисто ув очи Личенку говорил: „От ти кажешъ, же своего гнал быка, да твуй гнидый и менший, а се половый и болший“,

и розгорнувъши скуру: „От се власний Цибулин был быкъ“. Прето мы взявъшы пораду своимъ при нас будучим товариствомъ, высилали Романа Павленька и Храпъка, и тамъ вызнали пастухи и чередъникъ, и стадникъ, же то падло бачили, задъ без шкури взято, а перед зовсѣмъ из шкурою лежал, а телбухи окроме у воде; не звѣръ изъилъ, тилко сколото, до мяса задъ взято, которое близко футора и зостал, где лиг . . . . всѣхъ тихъ сторон документомъ виведъшы не могли на Личенку лиця явного, которому любо не знайшли лиця, ведле доводу, же он того быка гналъ, на его слѣду падло рѣзаное знайшли, наказали правомъ нашим, бы того Цибулю погодил. Прото тот Иван Личенко заплативъшы Цобули быка вовсемъ мусилъ просити, яко могучи, и погодивъшы примежку собою. вѣчисте поеднались. Теди мы врадъ, вислухавъшы, ведле правъды обоих сторонъ, прикривъшыся декретомъ нашимъ, казали писарови нашому записат. Писано в ратушу Борисполскомъ, року и дня вишъписаного.

134.

Судъ надъ двумя Василями (зять Дирявощоковъ и зять Левковъ), обокравшими хлѣбную яму у дочери Косинскаго Марьи.

В року 1697, месеца марта 15 дня.

Предъ нами урадом Борисполскимъ Феодоромъ Магировскимъ сотником, Микитою Лево(не)нкомъ атаманомъ городовимъ, Гаврилом Клименкомъ войтомъ, Иваномъ Курандою ключникомъ, приходилъ жаловатис Косинский старый из дочкою своею Марею Острилихою вдовою, в которой покрадено жито изъ ямы, которая была в хлевѣ исхована и освѣдчили намъ враду, же молотили з молотъники в неѣ, Мари, зяти Левъков ктитора Михайловъского из зятемъ Диравощокого, обадва на йимя Васѣли, мовачи, же тие тилко знали, же вона в тую яму змолотивъши сыпала; тогди мы врадъ на жалобу Косинского з дочкою его, посылали есаулъчиков нашихъ и придавъшы посторонного наших товаришов, бы ихъ, Левъка двуръ

истресли; которие пойшовъшы до Левъка знайшли лице, покраденое жито, такъ на городѣ, яко и в сѣнъцяхъ; которихъ тихъ злочинъцовъ обохъ, гди приведено предъ врядъ наш до ратуши, доброволъне признались, без кари будучи, же тот Диравощоков зятъ Василь, в ночѣ откопал яму, а откопавъши, пришовъши сказал тожъ Василю, зятю Левъковому и Левъку своему господару; теди они всѣ три поймавши злодѣйскимъ способомъ тое жито, колко было в тий ямци, выкрали и переносили до Левъка; который тожъ признался Левъко, же з ними ходил вкупѣ и крали заедъно в ночѣ. За которое ихъ явъное злодѣйство, ведле саксону глядячи, ведле права святого, же побоимъ не признались, тилко першъ впали в явъное злодѣиство, казалисмо слузѣ мѣскому тихъ злочинцовъ до стовъпа привязавъшы, публице, на мѣстѣ, поврозами през слугу мѣского бити, питаючися шкодъ болшъ; тогди болъши не признались, кроми того жита, же в дочки Косинского покрали; которыхъ достатечъне слуга мѣский бючи в стовъпа якъ потреба было, яко явъныхъ злочинъцовъ, отдаливъши ихъ отъ чести казали публице всего мира из мѣста вигнати; а вигнавъшы приказали кождому з народу жителей наших в мѣсти не приймоват, и на фолъваркахъ не держатъ, яко доводныхъ, явныхъ злочиньцовъ. А виволавъшы ихъ з мѣста, казали (т)ихъ злочинъцовъ до книгъ мѣскихъ чорнихъ записат, що и записано.—Писано в ратушу Бориспольскомъ року и дня вишъписаного.

135.

Судъ надъ ворами Грицкомъ Жигалкою и другими.

Року тисеча шестсот деветдесят осмого ноеврия месяця во ден пятый.

По росказаню его царского пресвѣтлого величества войска запорозского полковника Переяславъского Ивана Мировича, будучи мы висланые Василей Барановский а Константин Яскович Следъзинский, сполне изъ урадомъ мѣскимъ Феодоромъ Магировскимъ

сотникомъ на тотчас будучимъ а Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, из Гаврилом Клименкомъ войтомъ и Богданомъ Якубенъком бурмистромъ, засѣдлисмо на справу злодѣевъ оказавъшихся жителей Бориспольскихъ; о чомъ кгди учинилисмо инъквизицию, теди явъно оказалося на Грицка Жигалченка, же украл пару волувъ в Березанѣ, а продалъ в Киевѣ, о чомъ и отецъ его зналъ, Иванъ Жигалка, жиючи изъ сыномъ въ едной хатѣ. За якое дѣло злочинное правомъ нашимъ полковимъ, з мѣста росказалисмо Грицка вигнати катови, давши кару, а отця, Ивана Жигалъку, на худобѣ з увагою каралисмо, же сына своего не учил. На томже мѣсцю и тогож часу выводилисмо инквизицию, мы всѣ вишъописаные висланные и уряд мѣский о злодѣя Ивана Миколаенъка и на Павла брата его, якие вкупѣ жили и въ едной хатѣ; теды на Ивана Миколаенъка оказалося скутечне и певъне всѣмъ въявъ, же украл коня цыганского и продалъ подданному Видубицкого монастыря, и того коня циганъского познал и на правѣ нашом инстинкговал на Ивана, о чомъ и Павло знаючи, еднакимже оказалъся, яко и братъ его, злодѣемъ; бо у Павла, на ярмарку тутже Бориспольскомъ, Кузма Братченко, ковал, чоловикъ честный, познал власную свою шкапу, якая шкапа и пропала в рукахъ москалей, цале па вѣки, бо он Павел з москалями державъ переводъню купно куними миняючи; якимъ дѣломъ и торгомъ минялницкимъ они сами сказали же бавятся давно. Прото мы врадъ, ведлуг права святого росказалисмо, абы Павло вины злодѣйские на его милост пана полковника отдал копъ три; якую вину отибравшы не каралисмо болшей, тилко вязенемъ, а брата его Ивана из мѣста, посполу з Грицкомъ Жигалъкою обнажонихъ з мѣста катъ выгнал, выбивъшы у принкгера. Для чего до сихъ книг чоръныхъ мѣскихъ доводне всѣхъ чотирох злочинцов уписавъши для снадънейшого увѣдомленя до всякого права и суду, як того укажетъ потреба, симъ пашимъ згоднымъ, всѣхъ нас, вишей описаных особъ декретомъ узнаемъ. Дѣялося в ратуши Барышпольскомъ року, месяця и дня вишей писаного.

136.

Судъ надъ ворами Максимомъ Скуберенкомъ и другими.

Року 1698 месеца декавря 21.

Предъ нами врадомъ Хведоромъ Магировъскимъ сотникомъ Бориспольскимъ, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Гаврилом Клименъкомъ войтомъ, Богданомъ Якубенкомъ бурмистром Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ и при нас на тотчас будучих на судѣ, Григорию Гордѣенъку, Ивану Сахненъку, Павлу Яковенъку, Гришку Захарченъку, а Панасу Рудковому, Назару Тимушенъку, Хведору Бубну, Ильи Храпченъку товариству, а при мещанахъ Яцку Литовъцу, Стецку Исаенку, Процику Евхименъку и при многихъ на тот час зостаючихъ, доводъ слушный и явъное показалос злодѣйство на Максима Скуберенка и на Юрка сусѣда его, иже запомнѣвши Господа Бога и боязни его святой ис порады дъяволскои кусилис в ночѣ пошовшы до Гната Рабченка, мещанина, покрали гречку ис куфи болшъ нежели осмачокъ три, подчас дорожнети, о которой слѣдомъ дошли на тихъ злочинцяхъ, которие тие злочинци и сами на собѣ явъно своему явному злодѣйству призналис, же ни от кого не научени, а тилко сами на тое кусилис, аже за их злодѣйский проступокъ читали взгляду ис саксона, такъ описуотъ: ежели за першое проступъство саксонъ описуетъ поврозами привязавъшы до слупа, выбить из мѣста, яко злочинъцу вигнатъ, бы ихъ злие непорадки от ихъ не дѣялос, которих слузѣ мѣскому казали бити без фолкги карати; а ихъ явъный проступокъ записат и до книгъ чорныхъ, як злочинцовъ записат. Писано в ратуши Бориспольскомъ року и дня вишъписаного.

Тотже Максимъ Скуберенко, же такъ его за гречку карали, знову призналъся своему явъному злодѣйству же покрал пчоли в Яцути Грицка, и многие пакости людем Бориспольцом де що в кого на . . ча крадено. Тогди всѣ народи на его голосами мовили, бы

такого злого и явъного злочинъцю и признавъцю не держали в мѣстѣ, але жилищо его на старшину взяти, бы тамъ болшъ жиючи, не чинил шкод народу. Видячи мы врядъ на такъ народъное жаданне приказалисмо не щадячи его, такъ проч из мѣста слузѣ мѣскому вигнати, бы южъ и не звался призванцемъ Бориспольскимъ.

Приложение.

Копія.

Zygmunth III

z Bożey łaski król Połski Wielkię Xiąże litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmądskie, Infłamskie, y Swedski, Gotski, Vandalski dziedziczny król. Oznaymuiemy tim listem naszym, wszem wobecz y każdemu zosobna komu to wiedzieć należy, isz my za prszyczyną niektórych PP. Rad naszych, imieniem Wielmożney Zophiey . . . . . . Wielmożnego niegdy Jana Daniłowycza, Woiewody Ruskiego, małżonki pozostałey, donas na seymie teraznieyszem . . . . . . chcąc, aby miasteczko iey Dziedziczne Baryszpol nazwane prszez niegdy Wielmożnego Stanisława Żołkiewskiego . . . . . rza y Hetmana koronnego oyca swego założone w woiewodztwie kijowskim leżacze dla dostatków y pożytków . . . . sć y w nich pomnożenie brać mogle, pozwolamy miasteczku temu, aby wnim targy wkażdym tegodniu wponiedziałok, ... czwartek, a iarmarki wkażdym roku na swięta ruskie, pierwszy na Wodochryszcze, drugy na Ilia, według . . . . ruskiego prszypadaiącze wiecznemy czasy odprawowane były, iednak bez szkody y ublizenia ynszych . . . . . . miasteczek temu prszyległych. Na które targy y iarmarki ludziom którego kolwiek stanu y condiciey bedączy . . . . . . i onego miasteczka Baryszpola zewszystkiemy handlamy towarami y rzeczami iakiemi kolwiek wol . . . . ę prszyiezdzać y tam biespiecznie y spokoynie każdému kupować, prszedawać, towary zatowary zamienia . . . . . ystkie potrszeby bezżadney prszesz-

kody y zatrudnienia odprawować. Dla tego wszysci ci którzy do tego . . . . zka na targy y iarmarki prszyiezdżać, y stamtąd odiezdzać będą, takiego bespieczenstwa iakiego wszys . . . . . . zagleitem naszym wobronie naszey bedączy zażywaio zażywać, zana byle iaczy nie byli, których prawo pospolite prszywiliowane wiecznemi czasy, którzy między dobremi ludzmi mieysca mieć niemogo. Naco dla lepszey wiary ręko się naszo podpisawszy pieczeć wielką koronną prszyłożyć roskazaliśmy. Dan w Warszawie na Seymie wielkim koronnym dnia XXVII miesiąca stycznia roku panskiego MDCXXIX panowania krolewstw naszych polskiego XXXXII Swedskiegu XXXVI roku.

Sigismundus Rex Pavlus Koludzki.

Мѣсто печати кролевской на шнуре шелковомъ приложеной въ кришкѣ желѣзной.

Сподлинного сводилъ козакъ и житель Бориспольскій Гаврило Лукіановъ сынъ Храпченковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1)]

Однимъ изъ лучшихъ трудовъ г. И. представляется рядъ его статей въ 2 и 4 кн. Этнограф. Обозр. 1890 г. и во 2 кн. 1891 г. подъ заглавіемъ „*Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ*“. Это сборникъ и въ то же время изслѣдованіе. И по содержанію и по пріемамъ изложенія трудъ интересный, одинаково полезный и для этнографа и для изслѣдователя народной словесности, въ особенности по вопросахъ о воздѣйствія на нее апокрифической литературы. Въ Россіи есть только одинъ сборникъ легендъ Аѳанасьева, да и тотъ попалъ въ index librorum prohibitorum и составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. И въ настоящемъ случаѣ я не имѣю его подъ руками и сужу о его содержаніи только по обширной рецензіи А. Н. Пыпина въ „Современникѣ“. „Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія, говоритъ г. Ивановъ, опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, насколько отражается въ немъ характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа. Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство

[1)] Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

личности, протестующее противъ фатализма, стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ, братская любовь къ людямъ, исключающая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,— вотъ важнѣйшія нравственныя черты, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ". (Этногр. Обозр. 1891, II, 110).

„Нравоучительный элементъ легендъ, замѣчаетъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, раскрываетъ передъ нами идеалъ не только той среды, гдѣ легенда получила свое начало, но и того общества, гдѣ она пользуется наибольшимъ распространеніемъ, такъ какъ самый фактъ сохраненія и распространенія ея въ томъ или иномъ мѣстѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она соотвѣтствуетъ извѣстному настроенію народа, удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ его".

Всѣ эти замѣчанія, въ сущности основательныя и справедливыя, могутъ быть односторонне понятыми, если относить ихъ исключительно къ малороссамъ. Точно такія же легенды, какія встрѣчаются среди малороссовъ, съ чертами стремленія къ общественной справедливости, исканія правды на землѣ, съ чертами любви къ людямъ, встрѣчаются и у другихъ культурныхъ народовъ, напр., французовъ; въ области легендъ національныя особенности народа несомнѣнно проявляются, но сравнительно въ немногихъ легендахъ; любопытно, что въ легендахъ вполнѣ отсутствуетъ какое-либо вліяніе вѣроисповѣдныхъ различій народовъ.

Отмѣчаемъ вкратцѣ содержаніе легендъ, нашедшихъ мѣсто въ статьѣ г. Иванова, съ указаніемъ на нѣкоторыя однородныя явленія въ словесности другихъ народовъ.

Въ началѣ статьи (1890, II, 143—144) г. Ивановъ дѣлаетъ цѣнное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ и повѣрьяхъ ап. Петръ является подъ именемъ *св. Поныдилка* въ положеніи райскаго привратника или проводника душъ черезъ огненную рѣку. Г. Ивановъ привлекъ къ сравненію апокрифъ о хожденіи Богородицы по мукамъ. Вѣрованіе въ св. Поныдилка

стоитъ въ связи съ обычаемъ „понедилкованія"—поста замужнихъ женщинъ по понедѣльникамъ. Объ этомъ обычаѣ была замѣтка г. *Василенка* въ 1 кн. „Кіевской Старины" 1887 г. и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе *Чернышова* въ 4 кн. „Кіев. Стар." 1887 г. Чернышовъ возводитъ начало обычая въ глубокую древность, въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, когда обычай этотъ могъ имѣть значеніе брака „на три четверти", т. е., нѣкотораго нарушенія супружескаго цѣломудрія женщины въ пользу тѣхъ мужчинъ, съ которыми она ранѣе жила. Это объясненіе обычая, хотя и обставленное широкими историко-культурными комментаріями, представляется сомнительнымъ. Сообщеніе г. Иванова о Понедилкѣ бросаетъ на обычай понедилкованія новый свѣтъ, и даетъ мнѣ поводъ высказать предположеніе, что въ обычаѣ понедилкованія отразилось сильное вліяніе на народную мысль такихъ апокрифовъ, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ" и „Павлозо Видѣніе", въ частности легендъ объ ап. Петрѣ.

Легенда о св. Петрѣ и злой женѣ представляетъ варіантъ легенды, напечатанной въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова подъ № 27. Содержаніе легенды въ короткихъ словахъ состоитъ въ томъ, что было одно время, когда женщины верховодили въ семьѣ, по желанію ап. Петра, и въ это время одна злая женщина, нанося побои мужу, прибила и странника—ап. Петра, ночевавшаго въ ея домѣ. Г. Ивановъ усматриваетъ въ этой легендѣ отзвукъ существовавшаго нѣкогда главенства женщинъ. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе о простой шуткѣ. Подобнаго рода легенды встрѣчаются у другихъ народовъ. Въ польской легендѣ Спаситель и ап. Петръ заночевали въ корчмѣ, когда была тамъ свадьба. Парубки разбудили ап. Петра, спавшаго на кровати съ краю, и заставили его танцовать. Послѣ танцевъ усталый ап. Петръ легъ къ стѣнѣ, чтобы его не безпокоили. Парубки сказали: „Давайте заставимъ танцовать и другого странника, что спитъ у стѣны, и, не обращая вниманія на протесты ап. Петра, снова заставили его танцовать, а Спаситель все время спокойно почивалъ (*Wisla* 1891, 625). Эта польская легенда совпадаетъ съ малорусскими по нѣкоторымъ мотивамъ. Съ малорусской ле-

гендой тожественна бѣлорусская о томъ, что у женщинъ была отнята власть за грубое обращеніе съ ап. Петромъ одной злой женщины, въ Смолен. Этногр. Сборникѣ *Добровольскаго* подъ № 62, и польская сказка въ *Przegląd Akademicki* 1881, II, 146.

Легенды о богатомъ и бѣдномъ, какъ богатый отказалъ Спасителю въ ночлегѣ, или отказался въ дорогѣ подвезти усталаго Спасителя, а бѣдный принялъ, и у бѣднаго же, по волѣ Господа, волки съѣли единственную корову. Ап. Петръ негодуетъ на несправедливость Спасителя. Спаситель сказалъ, что съ этой коровы должна была начаться моровая язва. Легенды такого содержанія весьма популярны. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды, причемъ во второй встрѣчается нѣсколько вставныхъ мотивовъ, именно мотивъ о своеобразномъ наймѣ бѣднаго въ работники („за великодный обидъ"), оригинальный мотивъ о побратимствѣ бѣдняка съ ангеломъ, который передавалъ своему побратиму рѣчи Спасителя и ап. Петра. Въ сходной легендѣ, вкратцѣ сообщенной г. Ивановымъ, работнику вмѣсто ангела помогаетъ смерть, ставшая ему названной сестрой послѣ того, какъ онъ далъ ей разговѣться пасхой, полученной имъ вмѣсто платы за цѣлый годъ работы. Четыре легенды разбираемаго мотива напечатаны въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова, 110—120.

Легенда о краткой, но искренней молитвѣ представляетъ варіантъ двухъ легендъ о томъ, какъ святые молились въ старину, изданныхъ въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова, стр. 141—142, изъ которыхъ одна записана г. Мурашкомъ въ черниг. губ., другая г. Манжурой въ екатеринос. губ. Свожу всѣ три легенды: св. ап. Петръ (у г. Ив.), дѣдъ или просто человѣкъ (въ друг. варіантахъ) замѣтилъ, что какой-то человѣкъ (у Манжуры голый) перепрыгиваетъ черезъ пенекъ съ одной стороны на другую и обратно, приговаривая: „Оце тоби, Господи, а се мини, Господи!" Ап. Петръ обучаетъ его молитвамъ. Странный богомолецъ съ трудомъ ихъ усваиваетъ. Когда ап. Петръ удалился, богомолецъ забылъ молитвы, побѣжалъ за нимъ, чтобы подучиться, нагналъ его при переходѣ черезъ рѣку и пошелъ по водѣ, какъ пó суху. Увидѣвъ это, ап. Петръ ска-

залъ пустыннику: „молись, какъ молился", и поклонился ему. Въ варіантѣ г. Манжуры приведена мораль легенды: „молысь по своему та одъ серця". Г. Ивановъ замѣчаетъ, что „настоящая легенда представляетъ лучшее объясненіе, почему расколъ старообрядчества не имѣлъ успѣха въ Малороссіи". Подъ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго этнографа скрывается практическій выводъ болѣе широкій, чѣмъ позволяютъ сравнительно-литературные факты. Эта прекрасная и поучительная легенда не чужда и великоруссамъ, не смотря на развитіе среди нихъ раскола старообрядчества. Графъ Л. Н. Толстой передалъ великорусскій варіантъ этой легенды въ разсказѣ о трехъ старцахъ, только и знавшихъ, что восклицать: „трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!" Проѣзжавшій случайно архіерей научилъ ихъ молитвамъ, которыя были ими усвоены съ большимъ трудомъ. Забывъ нѣсколько словъ изъ молитвы, старцы побѣжали за архіереемъ по морю, какъ по-суху.

Основная мысль русскихъ легендъ о краткой молитвѣ разработывается также въ легендарной словесности западно-европейскихъ народовъ. Такъ, существуетъ граціозная французская легенда (изъ Нижней Бретани) слѣдующаго содержанія: Одна молодая дѣвица (Францеза Арбайль) потеряла отца и мать. Она жила въ бѣдной хижинѣ подъ соломенной крышей, и все ея имущество состояло изъ кошки, цыпленка и прялки. При всемъ томъ она была всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по праздникамъ утромъ ходила въ церковь, вечеромъ участвовала въ хороводахъ и пѣла. Родители ея были люди порочные и не выучили ее молитвамъ. Она не знала даже молитвы „Отче нашъ" (ni Pater, ni Noster, comme on dit). Однако она ежедневно утромъ и вечеромъ произносила слѣдующую молитву собственнаго сочиненія: „Да благословитъ Богъ мой домъ и мой очагъ, и да будетъ пресв. Богородица охранительницей моего ложа, а апостолы охранителями моего порога". Въ селѣ стали замѣчать, что по ночамъ у хижины дѣвицы бываетъ много мужчинъ. Про дѣвушку пошли дурные слухи. Мѣстный священникъ даже сдѣлалъ ей внушеніе относительно соблюденія нравственности. Дѣвушка не признавала за собой никакой

вины. Когда, однажды, священникъ ночью пошелъ посмотрѣть, что за люди собираются на ея дворѣ, то увидѣлъ, что 12 апостоловъ стояли на охранѣ ея дома. Мораль же: краткая, но искренняя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ большія молитвы, не отъ сердца сказанныя (*Luzel*, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 144—147).

Легенда о томъ, какъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ поле пахалъ (Этн. Об. 1890, IV, 72—74) удачно сопоставлена съ колядками о пахаціи поля Христомъ и ап. Петромъ. *Н. А. Янчукъ* въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 73) указалъ много изслѣдованій и сборниковъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ эту легенду.

Легенда о томъ, какъ ап. Петръ пожелалъ, чтобы скупецъ подавился хлѣбомъ, нашедшая мѣсто въ сборникѣ г. Ив., встрѣчается также, какъ указалъ г. Янчукъ на 78 стр., въ сборникахъ великорусскихъ легендъ Аѳанасьева, Садовникова и Иваницкаго. Въ сходной французской сказкѣ ап. Петръ скрылъ отъ Христа кусокъ хлѣба. Христосъ, поддерживая разговоръ, не даетъ ап. Петру времени съѣсть хлѣбъ. (*Luzel*, Légendes chrétiennes, I, 17).

Легенда о стоколосѣ тожественна съ ранѣе напечатанными у Чубинскаго I. 84, 154 и Драгоманова, 14. Объ этой легендѣ см. въ ст. *Н. Сумцова* „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ" стр. 11—12 и статьяхъ *А. Ивановскаго и В. Каллаша* въ VII кн. Этногр. Обозр. 263—265.

Легенда о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ представляетъ, какъ указалъ уже г. Янчукъ, варіантъ легендъ въ сборникахъ Аѳанасьева и Драгоманова. Эта легенда интересна по символической картинѣ ада и рая (криница съ жабами и криница съ чистой водой), возникшей, быть можетъ, подъ вліяніемъ апокрифическаго Видѣнія ап. Павла или другихъ родственныхъ ему апокрифовъ о загробномъ мірѣ. Эта легенда стоитъ въ связи съ разобранной выше легендой о богатомъ и бѣдномъ. Сходныя легенды у Драгоманова, 110—120.

Легенда о Маркѣ богатомъ приведена въ сборникѣ г. Иванова въ двухъ варіантахъ. Г. Янчукъ указалъ въ примѣчаніи

на варіанты въ сборникахъ сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова и Романова. Марко богатый проситъ къ себѣ въ гости Христа и ап. Петра. Когда они пришли въ видѣ нищихъ, Марко не узналъ ихъ и отослалъ къ бѣдной вдовѣ. Господь сказалъ, что къ сыну бѣдной вдовы перейдетъ все состояніе Марка. Маркъ покупаетъ ребенка и бросаетъ его въ лѣсу на снѣгъ; но ребенокъ былъ спасенъ проѣзжими купцами. Когда онъ выросъ, Маркъ взялъ его къ себѣ въ работники и отправилъ къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ находился приказъ убить его; но старикъ (ап. Петръ) переписалъ на дорогѣ письмо, и жена выдала за молодаго человѣка дочь Марка. Наконецъ, Марко посылаетъ зятя на заводъ, гдѣ жили черти, и приказываетъ чертямъ разорвать перваго пришедшаго. Зятя удержала молодая жена, и когда Марко пошелъ на заводъ, то вышелъ первый и былъ разорванъ чертями. Въ варіантѣ Марко бросаетъ ребенка въ море два раза; первый разъ его спасли рыбаки, во второй монахи.

Сказки о Маркѣ богатомъ встрѣчаются у многихъ народовъ подъ другими только заглавіями и большею частью съ замѣной Марка дьяволомъ. Такъ, извѣстна французская сказка такого содержанія „Le fils du diable“ (*Cosquin*, I, 158—165), французская легенда „Saint Etienne“ (ib. II, 231—233), сказка индійская (*Минаевъ*, § 46), греческая (*Hahn*, № 68), чешская, вестфальская, венеціанская, занзибарская (*Cosquin*, II, 233) Обыкновенно сказки начинаются съ того, что дьяволъ (=Марку) покупаетъ ребенка, и послѣдній дѣлается силачемъ, нигдѣ не можетъ ужиться и разгоняетъ самихъ чертей въ аду. Въ малорусской сказкѣ Марко посылаетъ зятя на заводъ, чтобы его разорвали черти; во французской—хозяинъ мельницы посылаетъ работника на мельницу, гдѣ было 12 чертей; черти разбѣжались отъ страху, и работникъ притащилъ домой мельницу. Сказки о Маркѣ проклятомъ (или богатомъ) переплетаются со сказками о необыкновенномъ наймѣ силача работника.

Легенда о врачѣ и смерти въ сборникѣ г. Иванова связана съ именемъ ап. Петра. Бѣдный крестьянинъ накормилъ ап. Петра и получилъ отъ него такое зелье, что сталъ видѣть

смерть у кровати больныхъ и предохранять отъ нея, переворачивая больныхъ головой туда, гдѣ были ноги. Такъ онъ спасъ отъ смерти многихъ больныхъ и нажилъ большія деньги; но въ концѣ концовъ самъ умеръ. Эта легенда встрѣчается у многихъ народовъ, большею частью безъ ап. Петра. Такъ, намъ извѣстны сходныя сказки: великорусская (*Садовниковъ* §§ 88, 92, 104), сербская (*Караджичъ* 145), польская (*Ciszewski* въ IX т. Zbior wiadomosci), ново-греческая (*Carnoy et Nicolaides*, 144, 172), монгольская (*Потанинъ* IV, 498). Къ этому циклу сказокъ тѣсно примыкаютъ сказки и легенды о томъ, какъ Богъ старику или старухѣ возвратилъ молодость (сварилъ въ горячей водѣ или въ кузницѣ выбилъ на наковальнѣ молотомъ); таковы французскія легенды у *Luzel* I, 34, 39 и *Cosquin* 30, ново-греческая у *Nicolaides* 61, индійская у *Минаева* § 42, цѣлый рядъ великорусскихъ и малорусскихъ. Слабый малорусскій варіантъ у *Чубинскаго* II, 355. Полный варіантъ у *Драгоманова* 403—406.

Легенды объ ап. Петрѣ и волкахъ, въ которыхъ ап. Петръ распоряжается волками и назначаетъ, что имъ ѣсть. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды. Эти легенды или относятся къ Юрію, и имя ап. Петра представляется случайной замѣной, или представляются искаженіемъ одного мотива легендъ о богатомъ и бѣдномъ, гдѣ также фигурируетъ волкъ.

Легенда о возникновеніи лжи (или о цыганахъ). Цыганъ просилъ ап. Петра спросить у Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „що знавъ, кажы, не знаю; що чувъ, кажы, не чувъ; що бачывъ, кажы, не бачывъ; що бравъ, кажы, не бравъ". Легенда записана въ сл. Радьковскіе Пески купян. уѣзда. Г. Ивановъ склоненъ усмотрѣть въ этой легендѣ мнѣніе малороссовъ о цыганахъ, какъ народѣ лживомъ. Это мнѣніе не исключительно малорусское и не характерно для малороссовъ, Во французской легендѣ у Христа и ап. Петра была корова, которая производила часто потраву въ сосѣдскихъ поляхъ, такъ что Христосъ послалъ ап. Петра на базаръ продать корову. Цѣна назначена была небольшая, и покупатели находились; но ап. Петръ всякому покупателю сообщалъ, что корова

норовистая, и никто ее потому не купилъ. Когда корова была приведена домой, Христосъ выбранилъ ап. Петра и сказалъ, что въ этой странѣ нельзя продать коровы, не скрывъ отъ покупателей ея недостатки (*Luzel*, I, 15—16). Бѣлорусская сказка о томъ „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“ (*Добровольскій* I, 290) заключаетъ въ себѣ также мотивы воровства и лжи въ другой литературной обработкѣ.

Легенды о солдатѣ, съѣвшемъ сердце овцы, приведены въ сборникѣ г. Иванова въ трехъ варіантахъ. Въ двухъ варіантахъ солдатъ, а въ третьемъ священникъ присоединился въ дорогѣ ко Христу и ап. Петру. Спаситель поручилъ солдату зажарить на ужинъ овцу (въ вар. козу), но не ѣсть у нея сердца. Солдатъ овцу зажарилъ и сердце съѣлъ. На вопросъ Спасителя, гдѣ дѣлось сердце овцы, солдатъ отвѣтилъ, что у ней не было сердца. Вскорѣ Спаситель съ ап. Петромъ и солдатомъ проходили черезъ рѣку, и солдатъ сталъ тонуть. Спаситель нѣсколько разъ спрашивалъ у него, не онъ ли съѣлъ у овцы сердце, но солдатъ отвѣчалъ отрицательно и все болѣе и болѣе погружался въ воду. Спаситель извлекъ его изъ воды. Вскорѣ Христосъ нашелъ мѣшокъ съ деньгами и раздѣлилъ деньги на 4 части, сказавъ, что двѣ части получитъ съѣвшій сердце. Тогда хитрый солдатъ признался съ цѣлью получить двѣ части. Въ третьемъ варіантѣ священникъ похищаетъ у Спасителя просфору. Во второмъ варіантѣ г. Иванова находится посторонній мотивъ о лѣченіи дочери богатаго человѣка; въ первомъ варіантѣ также особый мотивъ о томъ, какъ Христосъ смолотилъ у одного крестьянина хлѣбъ, спаливъ его солому, а хитрый солдатъ, подражая Спасителю, спалилъ весь хлѣбъ и поплатился за свое корыстолюбіе.

Эта легенда принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Г. Янчукъ указалъ на варіанты въ сборникахъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Драгоманова. Добавимъ еще слѣдующія указанія: Встрѣчается нѣсколько французскихъ сказокъ на эту тему; крестьянинъ съѣдаетъ печенку барана въ сказкѣ Le foie de mouton у *Cosquin*'а № 30 или сердце ягненка въ сказкѣ Porpant у *Luzel* № VIII; въ обѣихъ французскихъ сказкахъ на-

ходится мотивъ о возвращеніи молодости или лѣченіи болѣзней Христомъ и солдатомъ. Къ этимъ французскимъ сказкамъ ближе стоитъ второй варіантъ г. Иванова. Съ первымъ варіантомъ (объ утопавшемъ солдатѣ) весьма сходна польская сказка изъ-подъ Кракова, въ которой роль солдата играетъ жидъ, укравшій сыръ (*Wisła* 1891, 626). Въ польской сказкѣ нѣтъ мотивовъ о лѣченіи и чудесной молотьбѣ. Въ испанскихъ сказкахъ солдатъ или крестьянинъ получаетъ отъ Христа наказаніе за такую же провинность; въ швабской и гессенской сказкахъ отъ ап. Петра; въ сказкахъ италіанскихъ выступаетъ таинственный старикъ. Эта легенда встрѣчается у старинныхъ писателей, напр., у Монтана (1551 г.). Въ италіанской новеллѣ XIII в. о Богѣ и жонглерѣ, послѣдній съѣдаетъ козлиныя почки. Въ одной персидской поэмѣ XIII ст. христіанскаго происхожденія повторяется тотъ же эпизодъ о похищеніи хлѣба (*Cosquin* I, 285—288). Одинъ варіантъ этой легенды проникъ и въ *Gesta Romanorum*, гдѣ поваръ, съѣвшій сердце кабана, увѣряетъ потомъ короля, что кабанъ былъ безъ сердца.

Эпизодъ *о чудесной молотьбѣ*, извѣстный по русскимъ сказкамъ въ сборникахъ Аѳанасьева, Драгоманова и Иванова, встрѣчается также въ западно-европейскихъ сказкахъ, напр., во французскихъ въ Légendes chrétiennes *Luzel* I, № 6 и въ Contes populaires de la Haute-Bretagne *Sebillot* (пересказана вкратцѣ у Люзеля).

Сказаніе о томъ, почему на хохлѣ чортова голова въ сборникѣ г. Иванова вставлено въ число малорусскихъ народныхъ легендъ. Эта легенда, повидимому, зашла въ Малороссію изъ Великороссіи, какъ насмѣшка надъ малоруссами, и въ Малороссіи удержалась, какъ объясненіе происхожденія браннаго выраженія „чортова голова". Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что однажды чортъ бился съ хохломъ; ап. Петръ въ гнѣвѣ снялъ имъ головы. Господь приказалъ понадѣвать имъ головы, и ап. Петръ по ошибкѣ чорту надѣлъ голову хохла, а голову чорта на хохла. Г. *Янчукъ* въ примѣчаніи на стр. 92 указалъ на аналогичный чешскій разсказъ, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь роль хохла играетъ баба (Roubovana baba). Аналогичная бѣлорусская

сказка „якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортомъ“ напечатана въ Смоленскомъ Этнографическомъ сборникѣ г. *Добровольскаго* стр. 288. Сказка эта почти дословно сходна съ чешской и малорусской. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь насмѣшку надъ женщиной въ pendant къ стариннымъ поученіямъ о злыхъ женахъ, и затѣмъ мѣстную передѣлку ея въ насмѣшку надъ малороссами.

Два сказанія о происхожденіи великоруссовъ и малоруссовъ построены на апокрифахъ о сотвореніи человѣка и также получили ироническое значеніе. Ап. Петръ лѣпилъ малороссовъ изъ пшеничнаго тѣста, а ап. Павелъ великороссовъ изъ желтой глины („отымъ вони и руды“). Собака съѣла пшеничныхъ хохловъ и об.....а глиняныхъ великороссовъ. Когда Петръ погнался за собакой и ударилъ ее на ярку палкой, то тамъ появился хуторокъ, а въ лободѣ, гдѣ лежала собака, появилась цѣлая слобода. Въ другомъ разсказѣ свадебные поѣзжане посмѣялись надъ Господомъ и Петромъ и были за то обращены—одни въ вѣчныхъ хлѣборобовъ малороссовъ, другіе въ вѣчныхъ лапотниковъ великороссовъ и третьи въ медвѣдей. Насмѣшки, очевидно, обоюдоострыя, но такъ какъ малороссамъ отдается въ этихъ разсказахъ нѣкоторое предпочтеніе, то, можно думать, что и разсказы сами возникли въ Малороссіи. Кое-какія сходныя черты въ другихъ разсказахъ указаны въ Этногр. Обозр. 1890, IV, 94 въ подстрочномъ примѣчаніи.

Въ сказаніи о происхожденіи малороссовъ отъ собаки, можетъ быть, скрывается глубоко-древняя черта—тотемизмъ. См. по этому поводу статью *А. А. Потебни* „Слѣпородъ“ и пр. въ „Къ ист. звуковъ“ III, 68—83 и мою замѣтку объ этой статьѣ на одной изъ предыдущихъ страницъ.

Малорусскія легенды, нашедшія мѣсто въ 3-й части статьи г. Иванова (во 2 кн. Этногр. Обозрѣнія 1891 г.), художественны и оригинальны. Вообще, это лучшія страницы этнографической дѣятельности г. Иванова. Въ этихъ легендахъ, большею частью связанныхъ съ двумя растеніями украинской флоры, съ дикимъ цикоріемъ (Петривъ батигъ, Cichorium intybus) и васильками (Ocymum basilicum), чувствуется свѣжее дуновеніе народной

жизни, поэтическое созерцаніе природы, мѣстами пробиваются черты широкаго гуманизма.

Въ началѣ 3 главы приведенъ одинъ заговоръ, начинающійся словами: „ишовъ судья, за нимъ пырысудья“. Г. Ивановъ остроумно замѣтилъ, что въ этомъ заговорѣ (отъ переложовъ) и др. подобныхъ названіе *пересудья* относится къ ап. Петру.

Г. Ивановъ сообщаетъ три легенды о растеніи Петровъ батигъ (дикій цикорій). Въ одной легендѣ ап. Петръ отгонялъ этимъ растеніемъ дѣтей, пристававшихъ въ дорогѣ къ Спасителю. Въ другой—сгонялъ имъ съ жита жуковъ. Въ третьей легендѣ ап. Петръ употребилъ дикій цикорій вмѣсто батога, когда пасъ овецъ. Далѣе у г. Иванова слѣдуетъ легенда о томъ, что нѣкогда овцы дрочились, а рогатый скотъ не страдалъ отъ слѣпней, и ап. Петръ, обидѣвшись на пастуха рогатаго скота, который (пастухъ) не далъ ап. Петру воды, сдѣлалъ такъ, что слѣпни оставили овецъ и стали кусать скотину.

Слѣдующая затѣмъ легенда повѣствуетъ объ установленіи ап. Петромъ поста по просьбѣ женщинъ, недовольныхъ тѣмъ, что мужики поѣдали всѣ ихъ молочные запасы.

Слѣдующая далѣе легенда представляетъ варіантъ сказанія о Долѣ: По волѣ Спасителя красивая и трудолюбивая дѣвушка достается въ жены лѣнивому парню. Близкая сказка въ сборникѣ Аѳанасьева (III, 425) указана самимъ г. Ивановымъ. Варіанты легенды у Драгоманова 123 и въ сборникѣ разсказовъ о Долѣ г. Иванова 1892 г.

Далѣе приведена легенда о томъ, что ап. Петръ допускаетъ въ рай людей различнаго вѣроисповѣданія, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи, такъ какъ, по морали легенды, всѣ люди дѣти одного Бога. Г. Ивановъ приводитъ народный варіантъ этой легенды и передачу ея интеллигентнымъ лицомъ въ видѣ историческаго анекдота, связаннаго съ именемъ Фридриха Великаго. Легенда имѣетъ нѣмецкую основу. Она возникла, повидимому, внѣ Малороссіи; характерно, однако, для нравственной личности малороссіянъ, что она ими усвоена и сохранена. Проникающая легенду идея о вѣротерпимости, очевидно, пришлась малоруссамъ по сердцу.

Г. Ивановъ привелъ 4 народныхъ разсказа *о василькахъ*, а въ XII кн. Этн. Об. (1892 г.) добавилъ еще одинъ разсказъ. Во всѣхъ разсказахъ обнаруживается дѣйствіе народной этимологіи: цвѣтокъ связанъ съ именемъ Василія; въ одномъ разсказѣ цвѣтокъ получилъ названіе отъ имени Василька, который посадилъ „пахучее зилье" на мѣстѣ, гдѣ былъ закопанъ крестъ Господень, въ другомъ (Этн. Об. 1892, I, 192) отъ имени дѣда Василька названъ его внучкой, по случайной звуковой ошибкѣ, въ третьемъ отъ имени св. Василія Великаго, будто бы любившаго эти цвѣты, въ четвертомъ отъ имени Василія Блаженнаго, тѣло котораго будто нашли на кладбищѣ въ пахучей травѣ (василькахъ) и въ пятомъ отъ имени мальчика Василька, превратившагося въ это растеніе. Съ первой малорусской легендой (объ обрѣтеніи креста) весьма сходна болгарская духовная пѣсня (указана П. В. Ив.). При изложеніи 4-ой легенды (о Василіи Блаженномъ) г. Ив. попутно сообщаетъ преданіе, какъ Василій Блаженный выплеснулъ въ Москвѣ въ окно вино, поднесенное ему царемъ, и затушилъ горѣвшій въ Іерусалимѣ монастырь. Въ историко-литературномъ отношеніи интересенъ разсказъ подъ литерой г (о превращеніи мальчика въ растеніе). Главное содержаніе состоитъ въ томъ, что водяной ужъ женился на дочери лѣсника красавицѣ Машѣ. Это варіантъ чрезвычайно сложнаго цикла сказаній на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Варіанты Кулиша и Эрленвейна указаны г. Ивановымъ. Предполагая со временемъ посвятить этимъ сказаніямъ особую монографію, я теперь не останавливаюсь на нихъ.

Въ концѣ статьи приведено *двѣ сказки на мотивъ сказки о золотой рыбкѣ*, весьма извѣстной въ обработкѣ Пушкина. Въ одной сказкѣ липа даетъ мужику разныя блага, за то, что онъ не срубилъ ее („стала въ пригоди" по малорусскому выраженію), огородила дворъ, старуху жену обратила въ молодую и красивую, поставила его старшиной, становымъ, исправникомъ и, наконецъ, губернаторомъ. Но мужикъ и тѣмъ не удовольствовался и захотѣлъ быть царемъ. Тогда липа обратила его въ медвѣдя, а жену его въ медвѣдицу. Въ другой сказкѣ, болѣе близкой къ Пушкинской, роль золотой рыбки или липы играетъ

таинственный кумъ; онъ даетъ бѣдному мужику пшеницы, денегъ, ставитъ его „начальникомъ", потомъ царемъ и даже богомъ, но съ условіемъ молчать, что бы онъ не увидѣлъ внизу. Мужикъ, замѣтивъ, что братъ утащилъ у брата пшеницу, выбранилъ его, нарушилъ такимъ образомъ обѣщаніе, и былъ обращенъ въ медвѣдя, жена его обратилась въ медвѣдицу, а дѣти въ медвѣжатъ. Здѣсь всѣ требованія идутъ отъ жены мужика, какъ въ сказкѣ Пушкина.

Въ обѣихъ сказкахъ люди обращаются въ медвѣдя. Г. Ивановъ замѣчаетъ при этомъ, что въ купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ общераспространенный разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту. Оборотничество въ медвѣдя встрѣчается часто въ повѣрьяхъ и сказкахъ малоруссовъ и друг. народовъ. Я нашелъ его въ III т. „Pokucie" *Кольберга*, въ I т. Смолен. Этногр. Сборника *Добровольскаго* (288, 640), у *Чубинскаго* I, 51, *Драгоманова* 5, *Zbiór wiadomosci* II, 165, *Этногр. Обозр.* 1890, III, 143; IV, 94, 262; 1891, II, 129, *Сборн. матер. для изученія Кавказа* IX, ч. 2, 107, *Живой Старинѣ* II, 158, въ Faune populaire *Ролана*, у *Верещагина* (о вотякахъ, 70), въ „Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи" *Потанина*, въ статьяхъ о культѣ медвѣдя г. *Ядринцева* и г. *Гондати*. Имѣемъ ли мы въ малорусскихъ сказаніяхъ о превращеніи человѣка въ медвѣдя остатокъ культа медвѣдя или странствующій литературный мотивъ, основанный на инородномъ культѣ или возникшій въ видѣ объясненія характерной ступни медвѣдя, напоминающей ступню человѣка, отвѣтить на эти вопросы затруднительно, и я лично болѣе склоняюсь на сторону послѣдняго предположенія.

Для опредѣленія содержательности и научнаго значенія составленнаго г. Ивановымъ сборника легендъ нужно принять во вниманіе, что этотъ отдѣлъ народной словесности по разнымъ причинамъ былъ въ забросѣ. Не считая отдѣльныхъ легендъ, вошедшихъ въ сборники Аѳанасьева и Чубинскаго, только въ „Малор. нар. пред." (1876) собрано ихъ значительное число, именно 10 №№. Сравнивая легенды, вошедшія въ этотъ сборникъ, съ легендами въ сборникѣ г. Иванова, нельзя не отдать

послѣднему сборнику прямого предпочтенія; здѣсь и легендъ гораздо болѣе, и распредѣлены онѣ въ извѣстномъ порядкѣ. Изъ „Малор. пред.“ при сборникѣ г. Иванова можно выдѣлить по оригинальности не болѣе 2 или 3 легендъ, именно подъ № 22 (о нахожденіи подковы), № 23 (о пьяницѣ) и № 25 (о беззаботномъ человѣкѣ). Легенда подъ № 24 (какъ Богъ научилъ прясть жену мужика) представляетъ варіантъ нѣсколько грубыхъ сказокъ въ сборникахъ *Рудченка* II, № 66 и *Манжуры* (стр. 100).

Въ 4 томѣ Сборника Харьк. истор.-фил. общ. напечатана статья *П. В. Иванова „Народные разсказы о Долѣ“*. Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злочастіи, Сречѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1867 г. и отдѣльно), Аѳанасьева (въ Поэт. воззр. т. III, гл. XXV), Потебни во 2 т. „Древностей“ Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ „Розысканіяхъ вып. V; гл. XIII и въ Этногр. Обозр. 1891 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.). Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго къ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго метаріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьмахъ), и статья „Народные разсказы о Долѣ“ представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распредѣлены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сбор-

ника сырыхъ матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрія и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ человѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами.

Г. Иванову, работающему въ глухомъ городкѣ, остались неизвѣстными наиболѣе крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потебни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ, не выходя изъ малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, добытыхъ на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ въ нѣкоторымъ выводамъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западноевропейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Изслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособіе: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ изслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ изслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ, г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подкрѣпленіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то, что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чре-

звычайно рельефно выступаетъ замѣчательно архаичное народное повѣрье о доляхъ умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ изслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родоваго быта. Четвертая глава изслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно-христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки, собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обиліи.

Въ статьѣ г. Иванова встрѣчаются интересные детали. Трудно, напр., было думать, что въ народной словесности можетъ оказаться разсказъ или повѣрье на мотивъ лермонтовскаго „Ангела“:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слёзъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Въ сборникѣ г. Иванова находится такое повѣрье о долѣ ангелѣ: когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери, то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтъ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизнь человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно возстановляются въ памяти его, если человѣкъ будетъ

упражняться въ размышленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ).

Дополненія.

1) *Біографія П. В. Иванова.* П. В. Ивановъ родился въ 1837 г. въ г. Чугуевѣ (харьков. губ.). По окончаніи курса въ харьковской губернской (нынѣ 1-й) гимназіи въ 1856 г., служилъ вольноопредѣляющимся въ крымскомъ пѣхотномъ полку на Кавказѣ. Съ 1862 г. былъ учителемъ и смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Купянскѣ, а съ 1877 г. инспекторомъ народныхъ училищъ. Въ 1884 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Съ 1871 г. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при харьков. университетѣ и съ 1884 г. членомъ Историко-филологическаго общества при харьков. университ. Не считая этнографическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ" Общества испытателей природы помѣщены слѣдующія статьи г. Иванова: 1) 1871, IV, Перечень вида клоповъ (Hemiptera heteroptera) въ окрестностяхъ г. Купянска; 2) 1872, VI, Перечень перепончатокрылыхъ (Hymenoptera monotrocha) въ окрестн. г. Купянска; 3) 1874, VIII, Списокъ тентрединидъ въ окр. г. Купянска; 4) 1876, X, Описаніе стрекозъ въ окр. г. Купянска; 5) 1881, XV, Списокъ насѣкомыхъ, причиняющихъ въ окрестностяхъ г. Купянска вредъ хлѣбамъ; 6) 1885, XIX, Списокъ кобылокъ (cicadina) въ окрестн. г. Купянска и 7) 1888, XXI, Списокъ прямокрылыхъ (orthoptera) въ окрестностяхъ Купянска.

2) *Сотрудники П. В. Иванова.* Г. Ивановъ внесъ въ науку народовѣдѣнія массу новаго матеріала и занялъ видное мѣсто среди этнографовъ-собирателей. Крупные результаты достигнуты г. Ивановымъ при ближайшемъ участіи многихъ сотрудниковъ, составившихъ какъ бы мѣстную школу народоизученія. Самъ г. И. высоко цѣнитъ это участіе и вездѣ указываетъ на

него. И мы, заканчивая свой обзоръ этнографическихъ трудовъ г. И., считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь сотрудниковъ его. Въ сборникѣ дѣтскихъ крестьянскихъ игръ (1890 г.) г. И. выражаетъ благодарность слѣдующимъ лицамъ, доставившимъ ему матеріалы, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ: Х. Г. Сильченковой, А. А. Склобинской, А. А. Склобинской 2-й, В. Н. Свѣтъ, М. Е. Аксененковой, А. А. Ковалевской, Е. П. Гингазовой, В. И. Шовчениной, А. В. Венедиктову, М. Д. Скубаку, А. В. Бабакову, А. Д. Панкратьеву, г. Марусову и Г. Е. Коломійцеву. Въ другихъ сборникахъ г. И. упоминаются еще М. Нетреба, Д. Калининъ, Г. Близно; затѣмъ встрѣчаются записи крестьянъ Бувальца, Рудича, Сухоносова и друг. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлой группой мѣстныхъ дѣятелей этнографовъ, почтенныхъ тружениковъ просвѣщенія, работающихъ на двѣ стороны—вверхъ—для людей науки и внизъ—для простаго народа—явленіе исключительное въ нашей провинціальной жизни, отрадное и поучительное.

Изъ сотрудниковъ г. Иванова самостоятельно выступали въ печати:

В. Н. Свѣтъ въ 1 кн. Этногр. Обозрѣнія 1889 г. небольшая статья о черничкахъ (92—101) въ малорусскомъ селѣ Тарасовкѣ купян. у. харьков. губер. Чернички—дѣвушки, давшія обѣтъ безбрачной жизни. Г-жа Свѣтъ говоритъ о черничкахъ, живущихъ въ одиночку и общинами. Статья содержательная и прекрасно изложена.

М. Д. Скубакъ въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1890 г. (49—56) помѣстилъ статью „Одежда крестьянъ сел. Араповки купянскаго уѣзда“—описаніе одежды, опредѣленіе стоимости ея и сборничекъ повѣрій и примѣтъ, связанныхъ съ одеждой.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній священника о. Никифора Хмѣлевскаго[1] объ упраздненномъ базиліанскомъ училищѣ, въ г. Умани.

Базиліанское училище, греко-уніатскаго вѣдомства, я помню съ 1820 г. Заведеніе это основано было въ Умани вмѣстѣ съ базиліанскимъ монастыремъ графомъ Францискомъ-Салезіемъ Потоцкимъ въ 1766 г.; на содержаніе училища Потоцкій подарилъ два селенія: Грежановку и Ксендзовку, находящіяся вблизи Умани, съ принадлежащими къ нимъ землями и лѣсами. Доходы съ этихъ селеній всякій годъ употреблялись исключительно на содержаніе сего училищнаго заведенія. Въ нихъ жили два прокуратора—монахи завѣдывающіе хозяйствомъ. Имѣнія эти пожертвованы были навсегда въ пользу училища.

Базиліанскіе монахи составляли штатъ преподавателей училища. Ректоромъ былъ въ 1830 г. іеромонахъ, окончившій курсъ академіи, Литинскій, а въ 1832 г. Скибовскій Антоній, который по присоединеніи въ 1840 г. къ православію остался православнымъ архимандритомъ въ Тригурскомъ монастырѣ (около

---

[1]) О. Никифоръ Хмѣлевскій родился въ 1814 г. въ с. Россошѣ, (гайсинскаго у. под. губ., гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Съ 1821 по 1831 г. воспитывался въ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ; затѣмъ, въ 1839 г. онъ присоединился къ православію, былъ рукоположенъ въ священника и въ 1856 получилъ приходъ въ с. Ольшанкѣ (уманскаго у.), который занималъ въ теченіи 30 лѣтъ. Благодаря его энергіи и умѣнію ладить съ людьми и обстоятельствами онъ успѣлъ значительно обстроить свой бѣдный приходъ: возвратилъ церковную землю, захваченную въ началѣ столѣтія помѣщиками, построилъ церковь, которой не было вовсе въ приходѣ, домъ для помѣщенія причта и т. д.

Житомира); инспекторомъ былъ Андрушкевичъ, тоже іеромонахъ, профессора были всѣ іеромонахи; всякій изъ нихъ преподавалъ отдѣльный предметъ: латинскій языкъ—Дашкевичъ, географію—Козловскій, Куфинскій—музыку и т. д., всѣхъ преподавателей было восемь душъ, 9-й префектъ, 10-й ректоръ и 2 прокуратора въ селеніяхъ. Всѣ они держали очередныя служенія, которыя ежедневно совершались. Кромѣ выполненія монашескихъ обѣтовъ, главною обязанностію всѣхъ, какъ начальствующихъ, такъ и учащихъ, было воспитаніе юношества въ повиновеніи и преданности обрядамъ и уставамъ римско-католической религіи, безусловной покорности старшимъ, а въ особенности—родителямъ. Въ случаяхъ нарушенія порядка училищнаго, ученикъ не имѣлъ права объясняться, выгораживать себя, а долженъ былъ слушать и выполнять то, что ему было внушаемо. И случаевъ ко внушенію было много; профессора имѣли такую ревность преподавать наставленія ученикамъ, что малѣйшій проступокъ ученика, или неожиданная встрѣча съ профессоромъ вызывали цѣлый ворохъ наставленій отъ него съ текстами изъ св. Евангелія, посланій апостольскихъ, историческими примѣрами и т. п. и все это на польскомъ языкѣ. Требовали, чтобы каждый ученикъ училищную инструкцію зналъ наизусть и соблюдалъ ее какъ святыню, какъ требованіе религіи.

Въ училищѣ учениковъ во всѣхъ семи классахъ съ приготовительнымъ было до 800 душъ и болѣе. Всѣ они были римско-католическаго исповѣданія; греко-уніатскаго исповѣданія о. Никифоръ, помнитъ, Хмѣлевскихъ 3-хъ, Савицкаго 1, Козловскаго 1, Свидерскаго, а православныхъ всѣхъ было 13 душъ, которые въ великій постъ исповѣдывались въ уманскомъ Николаевскомъ соборѣ православнымъ священникомъ. Въ томъ же самомъ зданіи состоялъ *конвиктъ* (общія квартиры, пансіонъ), т. е. на содержаніи монастырскомъ были дѣти болѣе богатыхъ и знатныхъ родителей, по преимуществу помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами свыше 100 душъ [1]). Конвикторы зани-

---

[1]) Оригинальная подробность нравовъ шляхты юго-западнаго края во время крѣпостное: шляхетское общество, въ силу установившихся нравовъ, распалось на

мались преимущественно иностранными языками, музыкою, танцами и фехтованіемъ. На все это имѣлись свѣтскіе заграничные преподаватели. По окончаніи курса Базиліанскаго училища такіе воспитанники поступали въ заграничныя учебныя заведенія. Средняго состоянія ученикамъ, окончившимъ 7 классовъ училища, если замѣчали, что ученикъ хорошаго, нравственнаго направленія, не выдавали свидѣтельствъ для полученія права на поступленіе на какую либо стороннюю должность, а оставляли таковыхъ при училищѣ для пользы учениковъ низшихъ классовъ, т. е. въ качествѣ репетиторовъ и размѣщали по квартирамъ такъ, что безъ надзора репетитора не было ни одной квартиры; да и хозяинъ не имѣлъ права держать на квартирѣ учениковъ, если не заявилъ себя и своего дома съ нравственной стороны предъ начальствомъ училища. Репетиторъ квартирный былъ обязанъ смотрѣть за подчиненными ему учениками по религіозной части, нравственной; также за здоровьемъ ученика, за сномъ его, имуществомъ, учебными принадлежностями, объяснять ученику урокъ, выслушать его и, если ученикъ не зналъ урока, то заставить его выучить; репетиторъ имѣлъ право *положить* ученика и два раза его ударить, а *пали* дать пять разъ; при молитвахъ утреннихъ и вечернихъ онъ всегда присутствовалъ; молитвы всегда произносились на польскомъ языкѣ вслухъ однимъ изъ учениковъ, всѣ слушали,

---

двѣ категоріи: помѣщиковъ настоящихъ (obywatele), владѣвшихъ помѣстьями свыше 100 душъ м. п. и мелюзгу (собственно szlachta), владѣвшую болѣе мелкими помѣстьями или вовсе не имѣвшую помѣстій. Первая категорія относилась ко второй съ презрѣніемъ, обзывая ее сволочью (szuja), вторая попрекала первую въ панствѣ и, руководясь конечно завистью, утверждала, будто паны измѣняютъ народному дѣлу, разрушая предками созданный принципъ шляхетскаго равенства. Эта борьба двухъ категорій шляхетства особенно рѣзко проявилась въ промежутокъ времени 1840—1850, когда во многихъ городахъ юго-западнаго края образовали т. н. *рессурсы* (т. е. нѣчто въ родѣ дворянскихъ клубовъ съ танцовальными вечерами, карточною игрою и т. п.) Основатели рессурсъ поставили цензъ 100 душъ для права участвовать въ клубѣ (впрочемъ тотъ-же цензъ давалъ право голоса на дворянскихъ выборахъ). Мелкопомѣстные шляхтичи и особенно судовые панычи (kancelarzyści), которыми кишѣли уѣздные города, со скрежетомъ зубовъ встрѣтили это ограниченіе, но такъ и не добились участія въ рессурсахъ, гдѣ танцовали и играли въ карты исключительно „obywatele“, а „szuja“ вовсе не допускалась.

стоя на колѣняхъ, а репетиторъ, тоже стоя на колѣняхъ сзади учениковъ, наблюдалъ за общимъ порядкомъ и вниманіемъ учениковъ къ молитвѣ. Если ученикъ шелъ по необходимости въ городъ, то репетиторъ обязанъ былъ осмотрѣть его штатный костюмъ, пуговицы, сапоги и дать ему на руки записку—на сколько времени онъ отпущенъ и посылалъ съ нимъ благонадежнаго ученика, чтобы тотъ не опоздалъ или не былъ кѣмъ либо обиженъ.

Исправленіемъ нравственности учениковъ, ихъ поведенія, а также съ цѣлію усиленія занятій ихъ по учебной части, служила въ училищной практикѣ *марка* т. е. запись, это была книжечка, въ которую записывались шалости и проступки противъ нравственности, именно: грубое непочтеніе къ старшему, неопрятность, гнусность, неприличное выраженіе словомъ, несоблюденіе порядка за столомъ во время обѣда или ужина и т. п. Если книжечка съ записью о проступкѣ ученика побудетъ у него часъ, то за вину, кромѣ классическихъ уроковъ, ученикъ долженъ выучить на память 10 *вокабуловъ* на языкѣ, какой будетъ ему назначенъ: французскомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ и разобрать эти слова по склоненіямъ. Въ случаѣ же, если ученикъ сдаетъ книжечку другому до часа времени, то наказывается по мѣрѣ вины. Такихъ книжечекъ или марокъ на каждыя три квартиры была одна. Къ обязанностямъ репетитора относилось: утромъ, по выслушаніи уроковъ квартирантовъ, составлять квартирную эррату, въ которой означались поведеніе и успѣхи по предметамъ. Также была общая для всего класса эррата. Каждаго дня утромъ всякій репетиторъ, подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ, приводилъ учениковъ въ костёлъ, гдѣ каждый становился на свое мѣсто. Если же я, примѣрно, сынъ греко-уніатскаго священника, то я долженъ явиться за 10-ть минутъ до Богослуженія къ очередному священно-служащему профессору, сотворить молитву: „Laudetur Iesus Christus“ и постучать въ келейныя двери, на что онъ отвѣчаетъ: „in secula seculorum amen“, отворяетъ двери и я съ нимъ прихожу въ *закристію*, одѣваю его въ облаченіе и провожу съ колокольчикомъ въ костёлъ для отправленія читанной *мши*, такъ назы-

ваемой *примаріи*. По выслушаніи Богослуженія, на которомъ знающіе поютъ группою Божественные гимны, всѣ отправляются по классамъ и сдаютъ свои уроки авдиторамъ въ продолженіи получаса. По первому звону колокольчика всѣ садятся на мѣста; по входѣ профессора прислуживавшій при совершеніи *мши* читаетъ въ классѣ на латинскомъ языкѣ молитву: „Veni Sancte Spiritus etc“. Разсмотрѣвши эррату общую, профессоръ по алфавиту вызываетъ учениковъ на средину класса говорить урокъ и затѣмъ требуетъ передать его своими словами. Переспросивши такимъ образомъ нѣсколько десятковъ учениковъ, профессоръ проходитъ между скамьями и, смотря каждому пристально въ глаза, усматриваетъ незнающихъ урокъ, записываетъ и вызываетъ на средину отвѣчать. Дѣйствительно оказывается, что изъ числа вызванныхъ 30 человѣкъ, едва 5 или 6 знаютъ урокъ. Тогда профессоръ смотритъ въ эрраты, справляются какъ тамъ они записаны и вызываетъ для справки самихъ авдиторовъ. Незнающіе должны до окончанія занятій по классу стоять на колѣняхъ и выучить непремѣнно урокъ, если же не выучатъ, то нѣкоторыхъ, для примѣра другимъ, наказывали розгами, но наказывали въ томъ случаѣ, если ученикъ былъ замѣченъ въ шалости въ костёлѣ, классѣ или на квартирѣ; если иногда бывали оторваны пуговицы при одеждѣ, или она замарана, сапоги нечисты, сумка для классныхъ принадлежностей не въ порядкѣ, если книгъ всѣхъ ученикъ не имѣлъ, если онъ былъ разсѣянъ, то выводили его на середину класса при двухъ присутствовавшихъ *каляфакторахъ*[1])—силачахъ; профессоръ велѣлъ раздѣвать виновнаго и, сообразно съ виновностію, читалъ ему нотацію. Раздѣваніе его производилось медленно и, если виновный обнаруживалъ раскаяніе и обѣщалъ исправиться относительно успѣховъ въ наукахъ и въ нравствен-

[1]) Каляфакторомъ въ базиліанскихъ и іезуитскихъ училищахъ назывался избранный въ каждомъ классѣ школьнымъ начальствомъ ученикъ, великовозрастный и потому превосходившій товарищей физическою силою. Онъ, по приказанію начальства, обязанъ былъ въ классѣ исполнять роль палача надъ товарищами и отчасти класснаго служителя: производилъ сѣченіе, подавалъ мѣлъ и т. п., въ награду за эти услуги онъ получалъ даровое содержаніе въ конвиктѣ.

номъ отношеніи, то всё наказаніе ограничивалось раздѣваніемъ при 200 иногда ученикахъ; если же виновный старался оправдаться и профессоръ находилъ, что оправданіе его не правдоподобно, то его клали и самъ авдиторъ его наносилъ ему одинъ или два удара розгою *на голо*. Вообще, при такихъ случаяхъ внушалось ученикамъ послушаніе, смиреніе, кротость и повиновеніе начальствующимъ. Такой порядокъ или пріемъ былъ принятъ при наставленіи учениковъ первыхъ 4 классовъ. Въ остальныхъ трехъ классахъ вину ученика, а тѣмъ болѣе сопротивленіе его, излагали на четвертушкѣ или полулистѣ бумаги, прикалывали на спинѣ виновнаго и поручали двумъ *калефакторамъ*—силачамъ подъ руки провести виновнаго по старшимъ классамъ. Приведши въ классъ, его ставили спиною къ ученикамъ и профессоръ вслухъ читалъ вину ученика; классный же профессоръ, вставши съ каѳедры и съ жестомъ обращаясь къ ученикамъ, поднимавшимся съ мѣстъ на ноги, обличалъ виновнаго приведеннаго, стыдилъ его и дѣлалъ нравственныя назиданія всему классу въ томъ смыслѣ, чтобы каждый изъ нихъ избѣгалъ подобныхъ проступковъ и не поддавался искушенію.

На всѣ классы были назначены тайные смотрители изъ лучшихъ по поведенію учениковъ 5-го класса, такъ называемые *окультусы*, имѣвшіе отъ училищнаго начальства свидѣтельства, которыя хранили при себѣ на всякій случай; они отправлялись секретно по квартирамъ, переодѣваясь въ различные костюмы. При посѣщеніи квартиры заходили прежде всего въ комнаты хозяина подъ различными предлогами и высматривали какъ ведутъ себя ученики и поведеніе каждаго записывали; они же по очередно ходили въ театръ, клубъ, на танцовальные вечера, въ садъ Софіевку, высматривать учениковъ. Ученики, посѣщавшіе подобныя собранія, преимущественнодѣти состоятельныхъ родителей, одѣвались для этого въ цивильное платье. Такихъ то нарушителей инструкціи училищной, подмѣченныхъ окультусами, водили по классамъ и *презентовали*. Всякій мѣсяцъ неожиданно посѣщала квартиры ревизія, состоявшая изъ префекта или профессора, 2 учителей

и 4 каляфакторовъ. На квартиру, заподозрѣнную по доносу тайныхъ окультусовъ, въ 9 или 10 ч. ночи неожиданно являлись означенныя лица и по входѣ въ квартиру ставили 2 каляфакторовъ на дверяхъ, а 2-хъ во дворѣ подъ окнами и профессоръ отъ репетитора требовалъ свѣдѣній о нравственномъ состояніи учениковъ и велѣлъ подавать квартирную эррату о мѣсячномъ ихъ поведеніи. Просмотрѣвши эррату, онъ требовалъ списковъ одѣянія, бѣлья, библіотеки и имущества всякаго ученика. У кого оказывалось цивильное одѣяніе, кромѣ штатнаго, велѣлъ забирать каляфакторамъ. Книги, запрещенныя инструкціею, и все вообще противузаконное отбиралось для продажи съ публичнаго торга въ пользу бѣдныхъ учениковъ, хорошо обучавшихся. Если же хозяинъ оказывался пособникомъ ученикамъ въ нарушеніи инструкціи училища, то закрывали квартиру, а репетиторамъ дѣлали публичный выговоръ въ присутствіи всей училищной корпораціи въ первый разъ, а во второй разъ отказывали отъ репетиціи.

Въ 1831 или 1832 г. послѣ польскаго возстанія былъ вызванъ въ С.-Петербургъ ректоръ училища Скибовскій и, какъ помнится, по подозрѣнію въ участіи въ возстаніи польскомъ учениковъ старшихъ классовъ. По оффиціальномъ закрытіи училища всѣ ученики были удалены изъ него; нѣкоторые изъ нихъ пошли въ повстаніе, а профессора были размѣщены по монастырямъ православнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ приняли православіе, а одинъ, именно Іануарій Дашкевичъ, не принялъ православія и находился въ подольской губерніи, балтскаго уѣзда, въ с. Семидубахъ у помѣщицы Богуцкой; съ нимъ мнѣ приходилось видѣться въ 1857 году; посѣщалъ онъ церковь тамошняго прихода, служить никогда не служилъ и пріобщался св. таинъ въ св. четыредесятницу возлѣ св. престола въ своемъ габитѣ и епитрахили. При погребеніи его былъ споръ: католическіе ксендзы настаивали, чтобы погребать его, по желанію помѣщиковъ, по католическому обряду,

но православные священники, опираясь на томъ, что онъ уніатскій монахъ, пріобщался св. таинъ возлѣ св. престола въ православномъ храмѣ, одѣли его какъ священника и отпѣли надъ нимъ священническое погребеніе въ с. Курячахъ[1]) подольской губерніи.

Свящ. **Вик. Илляшевичъ.**

[1]) Или въ с. Семидубахъ.

Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія.

I.

Далеко не каждому университету пришлось быть съ перваго дня своего существованія такимъ истинно просвѣтительнымъ центромъ, какимъ былъ университетъ харьковскій. Первый провинціальный университетъ, основанный послѣ московскаго и одновременно съ далекимъ казанскимъ, харьковскій возникъ въ ту счастливую эпоху, когда въ русскомъ обществѣ господствовало наибольшее довѣріе къ просвѣщенію, къ прогрессу. Основанный не столько по предписанію администраціи, сколько по почину самого общества въ лицѣ его достойнаго представителя В. Н. Каразина, харьковскій университетъ сразу сталъ не только правительственнымъ но и общественнымъ учрежденіемъ, никогда не терявшимъ живой связи съ окружающей его общественной средой. Съ самаго начала своего существованія онъ сталъ во главѣ народнаго просвѣщенія огромной области, простиравшейся отъ курской губ. до Чернаго моря и равной почти темъ теперешнимъ учебнымъ округомъ — одесскому, кіевскому и харьковскому. Принявъ въ наслѣдство отъ добраго стараго времени слушателей изъ прекраснаго коллегіума, сослужившаго не мало пользы просвѣщенію Слободской Украйны, да изъ нѣсколькихъ давно закрытыхъ полковыхъ школъ въ полтавской и черниговской губ., харьковскій университетъ дѣятельно принимается учреждать новыя училища и подготовлять для нихъ преподавателей и ру-

ководителей. Рядомъ съ этимъ университетъ занимается развитіемъ печатнаго слова,—онъ беретъ на себя иниціативу издательской дѣятельности въ глухой провинціи, продолжая и въ этомъ дѣятельность коллегіума и пользуясь тогдашней свободой цензуры. Онъ дѣлится съ обывателями всѣми своими научными интересами, стараясь пробудить въ нихъ любозна тельность, пріучить ихъ къ книгѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ своего учрежденія, когда число читающихъ и даже грамотныхъ людей въ Харьковѣ было такъ ничтожно, университетская типографія за одинъ 1815 годъ выпускаетъ 27 изданій самаго разнообразнаго содержанія; за 1818 годъ издается 16 книгъ; вообще же за все первое десятилѣтіе жизни харьковскаго университета его типографія выпустила 210 изданій, что составляетъ половину всего количества вышедшихъ за это же время по всей Россіи книгъ. Изъ нихъ 90 принадлежало перу профессоровъ, 16 студентамъ, а остальные случайнымъ и постороннимъ писателямъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти книги расходились между обывателями, свидѣтельствуетъ о пробужденіи сознательныхъ умственныхъ запросовъ въ тогдашней сонной атмосферѣ. Въ теченіе всего перваго пятидесятилѣтія харьковскаго университета, при содѣйствіи его лучшихъ профессоровъ, издавалось нѣсколько газетъ и журналовъ [1]): „Украинскій Вѣстникъ"—подъ редакціей проф. Филомофитскаго, при ближайшемъ сотрудничествѣ талантливаго поэта и переводчика—профессора Гонорскаго; Масловичемъ издавался „Харьковскій Демокритъ"; подъ редакціей Бецкаго—„Молодикъ"; харьковскимъ книгопродавцемъ Лангеромъ издавался „Харьковскій Еженедѣльникъ"; редактируемый Склабовскимъ научный „Украинскій журналъ" пользовался репутаціей лучшаго провинціальнаго журнала; учи-

---

[1]) Совсѣмъ не то видимъ мы, оглядываясь на прошлое кіевскаго университета. Открытый спеціально изъ особыхъ разсчетовъ тогдашней администраціи края, онъ все первое время своего существованія больше преслѣдуетъ задачи политическія, чѣмъ широко просвѣтительныя. Лишенный сразу всякой самостоятельности, онъ не былъ общественнымъ научнымъ центромъ. Первая попытка основанія ученаго журнала по предложенію Максимовича въ 1839 г. не осуществляется на дѣлѣ. Университетъ печатаетъ въ своей типографіи одни учебники да рѣчи профессоровъ (см. Шульгинъ, Къ исторіи Кіевск. Унив.).

тель гимназіи Вербицкій издавалъ съ 1817 года газету „Харьковскія Извѣстія". Кромѣ этой періодической прессы, въ Харьковѣ постоянно выходили сборники и альманахи, какъ научнаго, такъ и художественнаго содержанія. Такой оживленной литературной дѣятельности въ Харьковѣ положенъ былъ внезапно предѣлъ отнятіемъ у университета цензуры, и съ 50-хъ годовъ мы ясно видимъ продолжающійся почти и до сихъ поръ упадокъ литературной дѣятельности въ той обширной территоріи, которая не такъ давно вся объединялась подъ общимъ названіемъ Слободской Украйны. Профессоръ Стояновъ въ своей біографіи Каченовскаго придаетъ этому отсутствію періодической прессы въ городѣ, имѣющемъ 150,000 жителей, три высшихъ учебныхъ заведенія, самое отрицательное значеніе и видитъ въ современной мертвой тишинѣ нашей провинціальной литературы одну изъ главныхъ причинъ, погубившихъ не одну талантливую, богато одаренную натуру, не находящую никакого примѣненія своимъ силамъ [1]).

II.

Первымъ толчкомъ, какъ мы уже говорили, къ развитію въ Харьковѣ журнально-литературной дѣятельности было основаніе харьковскаго университета [2]), совпавшее съ золотымъ вѣкомъ нашей цензуры. По уставу 1803 г. „цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать единственно университетамъ, коль скоро они въ округахъ открыты будутъ". Окончательно выработанный въ 1804 г. цензурный уставъ лучше всѣхъ послѣдующихъ удовлетворялъ даже самымъ взыскательнымъ требованіямъ и смѣлымъ надеждамъ: цензура всѣхъ книгъ ввѣрялась въ руки комитета изъ профессоровъ и магистровъ. Главное управленіе университета только въ рѣдкихъ случаяхъ

---

[1]) Стояновъ. Воспоминанія о Каченовскомъ. Харьк. 1870.

[2]) Изъ изданій, выходившихъ въ Харьковѣ еще раньше, мы можемъ указать на стихотворенія Сковороды, богословскія рѣчи профес. Духовной Академіи и еще на народные календари, издававшіеся при ректорѣ Прокоповичѣ между 1800—1820 годами.

вмѣшивалась какими либо распоряженіями отъ своего имени. Первые годы харьковскій университетъ (1805—1809), весь поглощенный заботами о собственномъ устройствѣ, о прісканіи профессоровъ и привлеченіи слушателей, еще мало пускаетъ въ ходъ свои издательскія права и больше пользуется свободой слова въ живыхъ рѣчахъ, читаемыхъ профессорами не только на актахъ, но и при открытіи разныхъ училищъ своего обширнаго округа и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Первое десятилѣтіе харьковскаго университета является однимъ изъ самыхъ радужныхъ, исключительныхъ періодовъ въ исторіи нашего умственнаго развитія, когда лучшая часть общества рука объ руку съ правительствомъ шла на встрѣчу свѣту знанія, прогресса и гуманности, когда самое даже бѣдствіе 12-го года только сблизило насъ съ Западной Европой и дало возможность непосредственнаго знакомства съ ея утонченной жизнью и возвышенными нравственными принципами. Вѣра въ просвѣщеніе, убѣжденіе въ необходимости общественной реформы и довѣріе къ облучшимъ силамъ человѣка проникало все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе и живительными лучами будило нашихъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ прадѣдовъ, призывало къ новой, лучшей жизни. Это настроеніе всецѣло отразилось на всѣхъ рѣчахъ, которыя произносились профессорами харьковскаго университета и вмѣстѣ съ учебниками выходили въ свѣтъ, какъ первыя его изданія. Во всѣхъ ихъ прославляется просвѣщеніе, раскрываются передъ слушателями успѣхи человѣческаго ума по всѣмъ отраслямъ науки; таковы — рѣчь, читанная на актѣ 1811 г. „о преимуществѣ и силѣ истиннаго и совершеннаго просвѣщенія“, (въ которой ученый мужъ восторженно восклицаетъ: „о преславный и божественный свѣтъ истины! о когда бы ученые никогда не забывали, что обязанность ихъ есть питать и хранить тебя....!“), и „о пользѣ и вліяніи наукъ на благосостояніе рода человѣческаго“;—рѣчь директора училищъ Войска Донскаго—„о достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова“, въ которой попадаются такія философско-лирическія мѣста: „что можетъ быть для человѣка занимательнѣе, какъ само человѣчество? Разумъ отличаетъ человѣка отъ жи-

вотнаго. Слово—сила. Человѣкъ всегда пребудетъ великъ. Его силы, воскрылясь даромъ слова, превозносятъ его надъ всѣми тварями и превознесутъ всегда выше и выше. Но сила слова—въ добрѣ, добродѣтель есть несомнѣнная спутница всѣхъ занимающихся изящными науками. Хвала поэтамъ!"

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 1811—12 г. говорится: „О значеніи естественныхъ наукъ въ общежитіи", „О пользѣ наукъ и въ особенности естественныхъ", „О величіи изящныхъ наукъ", „О пользѣ всемірной и отечественной исторіи", „О важности общественнаго воспитанія". Другія рѣчи передавали публикѣ всевозможныя научныя свѣдѣнія: „О дѣйствіи сходствомъ противоположности матерій електрической и магнитной", „О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ совершенной порчи", „О теплотворной матеріи и ея дѣйствія". Въ 1816 году была сказана интересная лекція Архангельскимъ „О точныхъ наукахъ", гдѣ подробно и разносторонне разсматривались достоинства математики и опровергалось очень горячо то предположеніе, что науки приносятъ вредъ. „Не науки, не искусства, не художественныя произведенія причиною зла, между людьми свирѣпствующей. Источникъ ихъ чистый, цѣль благородная, дѣйствіе святое. Необузданное самолюбіе человѣческое всему злу виной!"

Всѣ эти рѣчи читались не для однихъ учащихся, а для публики въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; университетъ пользовался всякими случаями, чтобы привлечь въ свои стѣны обывателей и занять ихъ умъ великими интересами науки. Праздновались не только дни акта университета но и день восшествія на престолъ Императора, въ 12—15 годахъ дни наиболѣе славныхъ побѣдъ.

Для привлеченія публики на актахъ не только читались рѣчи и отчеты, но разыгрывались цѣлыя симфоніи и ораторіи, устраивались пышныя иллюминаціи съ фигурными вензелями Императора. И все это носило не формальный казенный характеръ, а наивно восторженный, соотвѣтствовавшій общему при-

поднятому патріотическому настроенію тогдашней эпохи. Такъ, въ 1814 году на актѣ исполнялась ораторія въ трехъ частяхъ, гдѣ два хора прославляютъ русскаго Царя—„Царя славы силы“. Одинъ хоръ русскій вопрошаетъ горделиво:

Скажите намъ, цари, народы,
Что были ваши всѣ права,
Когда внимали безъ свободы
Наполеоновы слова?

Другой хоръ, изображающій французовъ, смиренно отвѣтствовалъ:

Мы о величіи мечтали
И свѣтомъ овладѣть желали
И думали—Наполеонъ
Взошедъ на древній галльскій тронъ
Законъ всему дастъ свѣту и т. д...

Послѣ чего описывались всѣ несчастія, постигшія народы отъ воцаренія Наполеона, и прославляется русскій Царь. Легко представить себѣ, какимъ умиленіемъ наполнялись при такихъ „симфоніяхъ“ сердца обывателей, для которыхъ Александръ I являлся въ сіяніи героя освободителя и вѣстника мира. Всѣ эти ораторіи, рѣчи, въ печатномъ видѣ и устной передачѣ, быстро распространялись въ тогдашнемъ обществѣ, а вмѣстѣ проникали вглубь провинціи и просвѣщеніе и гуманныя начала. Правда, эти первые начатки культуры иногда выражались и уродливыми формами слѣпаго подражанія Европѣ и чисто внѣшняго лоска, какъ мы это видимъ изъ правдивыхъ очерковъ талантливѣйшаго изобразителя тогдашней провинціи [1]) Квитки, но все же это были первыя сѣмена прогресса, первые шаги общества изъ мрака къ свѣту. Въ провинціи нарождался мало по малу классъ интеллигентныхъ людей, прислушивающихся къ тому, что дѣлалось на Божьемъ свѣтѣ, людей, уже нуждавшихся въ книгѣ, журналѣ, газетѣ, и мы видимъ, что Харьковскій университетъ, чутко прислушиваясь къ запросамъ окружающей его среды, скоро улавливаетъ этотъ новый интересъ общества и спѣшитъ его удовлетворить, переходя отъ рѣчей и учебниковъ къ изданію болѣе разностороннихъ печатныхъ произведеній.

---

[1]) См. 4-й томъ соч. Квитки. Украинскіе дипломаты, Ярмарка и др.

III.

Самая старая изъ изданныхъ харьковской университетской типографіей книгъ—„Бабушка и внучка“—повѣсть въ стихахъ неизвѣстнаго автора—помѣчена 1811 годомъ. Мы нигдѣ не могли ее найти. Хотя мы не знаемъ заглавій другихъ издававшихся около того же времени книгъ, но очевидно, что она не первая, такъ какъ въ архивѣ харьков. университета находится слѣдующая оффиціальная бумага отъ того же 1811 года, полученная совѣтомъ университета отъ Алексѣя Разумовскаго, тогдашняго министра просвѣщенія:

Дѣла харьковскаго совѣта университета съ цензурнымъ комитетомъ! Дѣло № 2598. „Предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующія мѣры: 1) наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца. 2) Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія либо частныя или публичныя извѣстія, буде бы поступили впредь въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи. 3) Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ лицъ никакого объявленія, ежели оное не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи. 4) Ежели представлены будутъ отъ частныхъ лицъ прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія, пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности, да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію. Алексѣй Разумовскій. Августа 17. 1811 года. Петербургъ“.

Въ этомъ же 1811 году была запрещена, тоже по предложенію Разумовскаго, одна книга (Дѣло за № 2593) „Предлагаю харьковскому университету сдѣлать распоряженіе, чтобъ въ случаѣ представленія въ цензурный комитетъ онаго перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго о условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами и проч. не было дано дозволенія на печатаніе сей книги“. Ал. Разумовскій.

Это являлось только ослабленіемъ цензурной самостоятельности университета, а слѣдующая бумага, пришитая къ тому же дѣлу за № 2593, прямо уже имѣетъ видъ вмѣшательства въ оцѣнку учебниковъ, издаваемыхъ университетомъ для надобностей ввѣреннаго ему округа: „Совѣту харьковскаго Императорскаго университета. Вслѣдствіи представленія совѣта за № 358, предлагаю оному совѣту, учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣта найдена будетъ полезная для университета или гимназій до напечатанія оной, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе. Ал. Разумовскій".

Дальше въ дѣлахъ архива мы не находимъ дѣлъ, относящихся до изданія той или другой книги, но зато много дѣлъ, касающихся различныхъ періодическихъ изданій, о которыхъ рѣчь впереди. Что же касается до книгъ, издаваемыхъ въ это далекое время университетской типографіей, то до насъ дошли только заглавія ихъ, но самихъ книгъ не находится уже ни въ библіотекахъ, ни въ архивѣ харьковскаго университета. Древнѣйшія видѣнныя нами книги—переводъ поэмы Делиля „Сады" 1814 года и стихотворенія Нахимова 1815, извѣстнаго поэта и сатирика. Обѣ книги отпечатаны на толстой синеватой бумагѣ старинными выпуклымъ шрифтомъ. Стихотворенія Нахимова и теперь читаются еще съ интересомъ, особливо его коротків басенки, отличающіяся тонкимъ юморомъ и наблюдательностью. Память о Нахимовѣ, какъ о веселомъ, остроумномъ шутникѣ, сохранилась еще до сихъ поръ въ средѣ харьковскихъ старожиловъ. Особенной популярностью пользуются его сатиры на „канцеляристовъ" и „палатныхъ" чиновниковъ. Въ 1809 году при харьковскомъ университетѣ назначены были курсы для чиновниковъ; безъ диплома, выдаваемаго по окончаніи этихъ курсовъ, нельзя было получить чина. Нахимовъ, бывшій тогда студентомъ, осыпалъ ихъ сатирами своими:

Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.

Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы,
А чинъ асессорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ,
Быть можетъ навсегда прости, любезный чинъ!?!...

Среди писателей, особливо часто издававшихъ свои сочиненія, намъ попадаются имена многихъ профессоровъ: Гонорскаго (Опыты въ прозѣ, 1818 г.) Склабовскаго (Опыты въ стихахъ, 1819 г. и Злорѣчіе, стих. 1823 г.), учителя Вербицкаго (Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій, 1822), Левшина (Письма изъ Малороссіи 1816) и писательницы Любови Кричевской (Мои свободныя минуты—стихот. 1817 г.) Нѣтъ добра безъ награды, драма, 1826 г., Графъ Гореній, повѣсть 1837 г. Болѣе полный списокъ книгъ, издававшихся въ Харьковѣ, можно найти въ указателѣ Чирикова (см. Харьков. Сборн. 1889 г.).

IV.

Обратимся теперь къ древнѣйшимъ періодическимъ харьковскимъ изданіямъ.—„Харьковскимъ Извѣстіямъ“ и „Украинскому Вѣстнику“. Въ архивѣ не сохранилось той бумаги, которою совѣтъ университета разрѣшалъ выходъ въ свѣтъ этихъ изданій, но по другимъ дѣламъ мы видимъ, что эти изданія вызывали не мало заботъ какъ со стороны цензурнаго комитета, такъ и университетскаго совѣта. Такъ, мы видимъ, что въ дѣлѣ подъ № 98 въ 1816 г. кандидатъ Вербицкій, издатель „Харьковскихъ Извѣстій“, получилъ позволеніе помѣщать въ своихъ листкахъ перемѣны, случающіяся въ университетѣ и въ его учебномъ округѣ, а также въ подвѣдомственныхъ ему ученыхъ обществахъ. Въ 1818 году видимъ, что правленіе университета „мнѣніемъ положило, что „Харьковскимъ Извѣстіямъ“ довольно будетъ на первый разъ издавать одинъ листъ въ недѣлю, каковыхъ отпечатать 600 экземпл., кромѣ прибавленій объ извѣстіяхъ и объявленій отъ частныхъ лицъ, за кои деньги будутъ получаться особо, все же будетъ стоить 1500 р., а что касается до числа

пренумерантовъ, то сего напередъ опредѣлить нельзя, о чемъ оному совѣту имѣетъ честь донести Деканъ Успенскій" (см. Дѣло за № 1987).

Затѣмъ въ томъ же году получается бумага отъ департамента нар. просв., въ которой отъ попечителя требуются подробныя свѣдѣнія, „чего будетъ стоить годовое изданіе сихъ извѣстій по примѣрному расчисленію и можно ли надѣяться на число пренумерантовъ на сей журналъ; равнымъ образомъ, можетъ ли быть отъ него какая либо польза? Обо всемъ томъ, равно какъ и о содержаніи самыхъ „Харьковскихъ Извѣстій“ увѣдомить меня обстоятельно. Что же касается до предполагаемаго заимствованія политическихъ извѣстій изъ варшавскихъ газетъ, то я нахожу нужнымъ замѣтить, что оныя не суть сами первоначальными источниками таковыхъ извѣстій, а потому лучше почерпать сіи извѣстія изъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ. Подлинное подписали министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Голицынъ и директоръ департамента Поповъ“. (См. дѣло № 704). Со всѣми этими вопросами попечитель Карнѣевъ обращается къ университету, предлагая донести ему: „о числѣ пренумерантовъ, о цѣнѣ за годовое изданіе и о томъ, не будутъ ли сіи Извѣстія въ убытокъ университету“. На это секретарь правленія университета Джунковскій отвѣчалъ, что онъ обращался для предписанія „пренумерантовъ“ къ губернаторамъ, архіереямъ, предводителямъ дворянства, смотрителямъ и директорамъ. Изъ этого мы видимъ, что университетъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ этой первой еженедѣльной газеты и боялся, чтобы изданіе ея „не ввело его въ убытки, а потому и обращается съ просьбой о выпискѣ ея ко всѣмъ оффиціальнымъ покровителямъ просвѣщенія“.

Посмотримъ однако, какъ отнеслось само общество къ новой газетѣ. Въ первомъ же № мы встрѣчаемъ письмо къ издателямъ отъ читателя; въ немъ столько наивной симпатіи и добродушной простоты, какой мы не видимъ теперь въ отношеніяхъ между читателями и редакціей, а потому мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь дословно: „Спасибо вамъ, милостивые государи, за доброе намѣреніе ваше вспомоществовать намъ въ на-

шей промышленности и нашихъ экономическихъ работахъ. Какъ часто два сосѣда на 5 верстахъ имѣютъ надобность одинъ купить, другой продать испанскую шерсть, кирпичъ, холстъ и пр., и, не находя средствъ объявить о семъ, всякій изъ нихъ терялъ свои выгоды. Теперь выйдетъ совсѣмъ другое, только запаситесь, господа издатели, терпѣніемъ и равнодушіемъ. Сначала можетъ быть васъ и покритикуютъ и не пожелаютъ присылать вамъ объявленій; листы ваши могутъ быть тощи, но со временемъ (въ мартѣ или апрѣлѣ) вы будете доставлять намъ цѣлыя дести различныхъ извѣстій. Дай Богъ вамъ часъ добрый! Не унывайте. Слыхалъ я, что и Московскихъ Вѣдомостей при началѣ изданія не расходилось въ годъ болѣе 600 экземпляровъ, а теперь? Итакъ, терпѣніе гг. издатели! Впрочемъ отъ всего сердца желаю, чтобы Харьковскія Извѣстія занимательны были не только для сей губерніи, но и для всего полуденнаго края. Пребуду всегда усерднымъ читателемъ листовъ вашихъ" [1]).

Изъ этого письма мы сразу видимъ, что придавало большую цѣнность газетѣ, а именно: справочныя свѣдѣнія для купли и продажи тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Это объясняетъ намъ, почему и редакторы такъ хлопотали о полученіи этихъ свѣдѣній. За объявленія о куплѣ, наймѣ, продажѣ, пропажѣ они платили по 20 к. отъ печатной строки, между тѣмъ какъ всѣ остальныя статьи, замѣтки, и извѣстія не оплачивались вовсе или случайными вознагражденіями. Годовая плата съ подписчиковъ была 10 р. въ годъ (съ пересылкой 12 руб.); выходили „Извѣстія" одинъ разъ въ недѣлю. Въ отвѣтъ на привѣтствіе читателя редакторы въ слѣдующемъ же № „пріятнѣйшимъ долгомъ поставляютъ изъявить чувствительнѣйшую благодарность тѣмъ благомыслящимъ особамъ, кои обѣщали приложить возможное попеченіе, чтобъ поддержать изданіе сіе, столь необходимое для здѣшняго края, а тѣмъ порицателямъ, которые и не видѣвши (?!?) еще „Харьк. Извѣстія", вздумали называть оныя *чудовищными*, обязанностію считаемъ напомнить, что критика ихъ ни мало не опасна. Издатели въ семъ случаѣ по-

[1]) См. 1-й № „Харьков. Изв". 1817. г.

слѣдуютъ совѣту любезнаго баснописца Крылова, который говоритъ:

Хулители на что ни взглянутъ
Подымутъ вѣчно лай
А ты себѣ своей дорогой ступай.
Полаютъ да отстанутъ!"

Намъ неизвѣстно, какова была эта критика „хулителей", но, разсмотрѣвъ газету за 6 лѣтъ ея существованія, мы видимъ, что она старается удовлетворить и желаніямъ подписчиковъ, выраженнымъ въ приведенномъ выше письмѣ, и придать въ то же время разнообразное содержаніе газетѣ. Объявленія мы встрѣчаемъ самыя разнородныя: и о театральныхъ представленіямъ, и о книгахъ, поступившихъ въ продажу, и о крѣпостномъ человѣкѣ, бѣжавшемъ отъ своего помѣщика и укравшемъ при этомъ хомутъ, и объ открывающихся пансіонахъ, и о томъ, что въ университетѣ продается студенческій мундиръ и при немъ шпага, и о цѣнахъ на главные продукты, о состояніи торговли на главныхъ базарахъ и ярмаркахъ какъ харьковской, такъ и близко отъ нея лежащихъ губерній, и давала даже свѣдѣнія по всему югу Россіи изъ Нѣжина, Ѳеодосіи, Таганрога, Одессы, Екатеринодара и т. д.[1]). Но кромѣ торговыхъ свѣдѣній, газета слѣдитъ и за умственной жизнью того края, сообщаетъ объ всѣхъ открывающихся училищахъ, ученыхъ обществахъ, описываетъ крупнѣйшія событія, смерть выдающихся лицъ; сообщаютъ, что въ окрестностяхъ Батурина убитъ черный медвѣдь, что въ рѣку Донъ обвалилась большая часть горы; описываются всѣ удовольствія г. Харькова, при томъ съ особымъ умиленіемъ говорится о благотворительныхъ балахъ и собраніяхъ: „Весьма восхитительно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ многіе спѣшили въ сіе собраніе, коего предметъ былъ столь благодѣтельный, столь благородный...!"

Пишется о всѣхъ полкахъ, проходившихъ черезъ городъ Харьковъ; описываются всѣ акты и празднества не только въ университетѣ, но и въ другихъ заведеніяхъ; съ особенной лю-

---

[1]) Тутъ-же печатается объявленіе отъ учителя музыки, который берется въ 4 года шестерыхъ мальчиковъ обучить игрѣ на скрипкѣ и віолончели, такъ что они могутъ играть симфоніи разныхъ виртуозовъ на скрипкѣ, квартеты, квинтеты и т. п.

бовью сообщается все касающееся Института Благородныхъ Дѣвицъ, этого любимаго дѣтища харьковскаго общества, выхоленнаго имъ на свои собственныя средства и уже въ 1820 г. принятаго Императрицей въ свое вѣдѣніе.—„Весьма желательно, говорятъ „Харьков. Извѣстія", чтобы любители просвѣщенія посѣщали сіе примѣрное въ здѣшнемъ краѣ заведеніе во всякое время, какъ въ часы учебные, такъ и въ обѣденное время. Только личнымъ обозрѣніемъ можно удостовѣриться въ справедливости, что чистота, устройство и порядокъ въ семъ заведеніи примѣрны и содержаніе во всѣхъ частяхъ приличны званію и состоянію благородныхъ дѣвицъ!"

Много было свѣдѣній объ урожаяхъ хлѣбовъ по всему югу; помѣщались метереологическія свѣдѣнія изъ села Крутикъ отъ В. Н. Каразина, также свѣдѣнія о смертности и рождаемости, и наконецъ въ 1818 году печатается статистическое изслѣдованіе края; „Краткая вѣдомость о слободско-украинской губерніи за 1816 годъ, составленная на основаніи предписанія Министра Внутр. Дѣлъ отъ 4 ноября 1817 года, о предметахъ, принадлежащихъ государственному хозяйству, о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею и переселеніи оныхъ и о разныхъ частяхъ хозяйства и промышленности". Иногда попадались и бытовыя описанія, весьма наивныя по своему лиризму, какъ напр.: „Примѣрные помѣщики", отрывокъ изъ котораго мы позволяемъ себѣ привести здѣсь: „На границѣ слободско-украинской и воронежской губерніи познакомился я съ двумя истинными сынами отечества и настоящими друзьями человѣчества. Эти родные братья помѣщики свято исполняютъ заповѣди Божьи въ разсужденіи ближняго. Крестьянъ почитаютъ не за рабовъ, а за дѣтей, вдовъ и сиротъ ублажаютъ, бѣгутъ на помощь къ священнику, упавшему въ яму въ полночь, съ лѣкарствомъ, вправляютъ ногу и проводятъ съ нимъ всю ночь, мирятъ двухъ враждовавшихъ помѣщиковъ" и т. д. въ томъ же хвалебномъ тонѣ.

для помѣщиковъ, дабы имѣть у себя для препровожденія времени, особливо же въ длинные осенніе и зимніе вечера, пріятную и небольшихъ издержекъ требующую музыку.

Изъ другихъ мѣстъ Россіи, не южной, газета мало имѣла свѣдѣній и ограничивалась перепечатками, да и то въ случаяхъ экстренныхъ, напр.—по поводу путешествія Государя[1]). Въ столицахъ газета тоже не имѣла своихъ корреспондентовъ, а потому прибѣгала къ выпискамъ изъ частныхъ писемъ, такъ напр.: объ актѣ въ Императорской академіи, причемъ издатели дѣлаютъ къ такимъ выпискамъ свои предисловія: „Издатели Хар. Извѣстій узнали по слову и чувствамъ почтеннѣйшаго украинца и не могли не украсить симъ прекраснымъ отрывкомъ своего украинскаго періодическаго изданія".

Извѣстія изъ заграницы въ первые годы выхода газеты носятъ еще какой-то наивно-сказочный характеръ и лишены достовѣрности, какъ напр.: „Изъ Марселя пишутъ отъ 28 мая что дей алжирскій велѣлъ отрубить головы англійскому, шведскому и сардинскому консуламъ. И хотя слухи о семъ нѣсколько между собой разнствуютъ, однако всѣ согласны, что французскому консулу не сдѣлано никакого вреда". Или: „На островѣ Итакѣ *кажется* (!) произошло нѣкоторое возмущеніе между тамошними богатыми корсарами". „Изъ Копенгагена пишутъ: прибывшіе сюда корабельщики разсѣяли слухъ, будто бы островъ Мадера поглощенъ вулканическими изверженіями. Надѣются, что слухъ сей не подтвердится". „Изъ Парижа пишутъ: вчера и сегодня его величество король нашъ трудился въ кабинетѣ своемъ съ герцогомъ Ришелье долѣе обыкновеннаго". „Изъ Италіи пишутъ, что одна женщина въ Римѣ

---

[1]) Съ особеннымъ умиленіемъ передаетъ редакція, какъ въ Порховѣ „Императоръ между выѣхавшими на встрѣчу узналъ нашего Ивана Мироновича Мягкаго и весьма милостиво принять изволилъ отъ него крендели и яблоки, разспрашивалъ о жатвѣ и урожаѣ. На станціи Сорокиной Государь, узнавши, что почти въ самый часъ Его туда пріѣзда у станц. смотр. родила жена, тотчасъ пошелъ къ родильницѣ, поздравилъ съ новорожденной дочерью, приказалъ наименовать ее Александрой и удостоилъ быть воспріемникомъ. Пожаловалъ родильницѣ 100 руб. и отцу новорожденной 100 р., да матери отца 50 р. Разнощикъ мужикъ съ яблоками закричалъ: „Государь, купи у меня яблоковъ!" Александръ отвѣтствовалъ: „Охотно!" и приказалъ взять 10 яблокъ и заплатилъ 25 руб. Читая мое письмо, прибавляетъ корреспондентъ: вы подумаете конечно, что читаете отрывокъ изъ исторіи Петра I или Генриха IV".

разрѣшилась отъ бремени уродливымъ ребенкомъ съ рыбьей головой".

Кромѣ того, для доставленія интересныхъ извѣстій редакція и тутъ прибѣгала къ выпискамъ „изъ партикулярныхъ писемъ", напр., приводится извлеченіе изъ письма одного путешественника про Карлсбадъ: „Природа для блага человѣчества нѣсколько уже тысящелѣтій безпрестанно дѣйствуетъ въ подземной своей лабораторіи и никакой умъ человѣческій не можетъ проникнуть таинствъ ея... тутъ видишь людей всѣхъ націй, различныхъ языковъ, нравовъ и одѣяній, здѣсь видишь королей, графовъ, князей, герцоговъ, ученыхъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и наконецъ жидовъ. Не взирая на такое безчисленное разнообразіе, благопристойность въ обхожденіи нимало не нарушается: прохаживаясь пьютъ, разговариваютъ, шутятъ, смѣются, опять пьютъ и расходятся. Французы, пишетъ дальше путешественникъ, на все народъ гораздъ... но тутъ голодному надо имѣть терпѣніе. Я всегда во время обѣда проклиналъ французовъ. То́ ли дѣло благословенная Малороссія и лучшее ея кушанье—борщъ! Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше".

Въ концѣ года было напечатано, что „съ сего времени, получая заграничныя новости ближайшимъ путемъ и непосредственно, будутъ въ состояніи сообщать почтеннѣйшей публикѣ полуденныхъ губерній хотя нѣкоторыя изъ нихъ прежде всѣхъ другихъ газетъ". Съ этихъ поръ размѣръ заграничныхъ извѣстій все болѣе и болѣе разростается и обращается на политическую жизнь западной Европы. Подъ мягкой цензурой университетскаго совѣта, въ газету попадаютъ извѣстія и о засѣданіяхъ англійскаго парламента, и о волненіяхъ въ Италіи, о звѣрствахъ турокъ въ Греціи. Этотъ отдѣлъ скоро началъ наполнять всю газету, а внутреннія извѣстія, мѣстные вопросы все отступали на задній планъ, такъ что газета съ первой же страницы занимала своихъ читателей сообщеніями изъ иностранныхъ газетъ. Такое исключительное содержаніе конечно соотвѣтствовало тому жгучему интересу, съ какимъ и само тогдашнее общество слѣдило за западно-европейской жизнью въ 20-хъ годахъ.

Для развлеченія своихъ читателей Вербицкій ввелъ съ перваго же года отдѣлъ „смѣси", гдѣ печатались анекдоты, въ родѣ напр. такого: „одинъ бережливый человѣкъ никогда не ставилъ точки надъ буквой і, желая уменьшить расходъ на чернила"; помѣщались разсужденія „о поцѣлуяхъ!" и разсужденія почему то называемыя „критическими", напр.: „Иные вѣрятъ чертямъ, другіе боятся чертей, а многіе походятъ на чертей!" или: „Многіе живутъ чужимъ умомъ, многіе живутъ чужими деньгами, а и того болѣе, которые живутъ чужимъ трудомъ". Тутъ же были и стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Я пѣсней бабочки плѣнился.
Ахъ, еслибъ я былъ мотылькомъ,
Я въ поле бъ не леталъ ни за однимъ цвѣткомъ,
Но слушая тебя, вокругъ тебя бъ рѣзвился".

Въ 4-мъ № одинъ острякъ изъ г. Переяслава даетъ трагикомическое изображеніе человѣческой жизни: „Свѣтъ—есть театръ, на которомъ люди составляютъ актеровъ. Случай сочиняетъ пьесу, нечаянность раздаетъ роли, политики подводятъ машины, а философы бываютъ праздные зрители, богачи и вельможи занимаютъ ложи, бѣдняки—партеръ, женщины доставляютъ прохлажденія; несчастные чистятъ подсвѣчники, глупость играетъ въ оркестрѣ, а время опускаетъ занавѣсъ и закрываетъ оной. Піэса имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Свѣтъ желаетъ быть обманутымъ, слѣдовательно пускай обманывается". Прологъ состоитъ изъ слезъ и вздоховъ, въ первомъ дѣйствіи показываются глупыя изображенія людей; тогда иные одобряютъ пьесу плескомъ, другіе освистываютъ и т. д.".

Въ другомъ № дается рецептъ для хорошаго романа въ новѣйшемъ вкусѣ: „возьми древній до половины развалившійся замокъ; длинный темный переходъ со многими дверями, изъ коихъ нѣсколько было бы потайныхъ. Три мертвыя въ крови дымящіяся тѣла, три скелета, задавленную женщину съ тремя кинжальными ранами въ груди. Разбойниковъ по произволенію, любовнаго шептанія, скрытыхъ вздоховъ какъ можно больше...".

Такимъ образомъ то шутками, то сообщеніями своими газета харьковскаго университета доставляла своимъ читателямъ

разнообразное и въ своемъ родѣ занимательное чтеніе. Посвященная южному родному краю, она носитъ впрочемъ свой мѣстный областной колоритъ только въ первые годы. Впослѣдствіи же, переполненная политическими извѣстіями изъ западной Европы, она принимаетъ шаблонный и подражательный характеръ, мало чѣмъ отличаясь отъ тогдашнихъ столичныхъ листковъ. Гораздо болѣе яснаго направленія придерживался другой университетскій органъ—„Украинскій Вѣстникъ“, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

V.

„Украинскій Вѣстникъ“ выходилъ подъ редакціей трехъ выдающихся литературныхъ дѣятелей того времени: профессора Филомофитскаго, учителя Гонорскаго и знаменитаго писателя Г. Ѳ. Квитки. Впослѣдствіи редакторомъ его сталъ профессоръ Склабовскій, тоже извѣстный литераторъ. Редакція была одушевлена самыми искренними желаніями содѣйствовать своимъ журналомъ всестороннему подъему науки и литературы. Кромѣ того, въ этомъ органѣ чувствуется объединяющее всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ горячее чувство любви къ своему родному краю, желаніе узнать его и познакомить съ нимъ читателей. Мѣстная исторія, географія, этнографія составляютъ главное его содержаніе и по богатству и цѣнности передаваемыхъ свѣдѣній, и по удѣляемому имъ мѣсту.

Мы не имѣли въ рукахъ всѣхъ 4-хъ годовъ этого изданія, но знакомы съ 1816 (первымъ годомъ), 1817 и 18 (не всѣ книги) и 1819, и видимъ впрочемъ, что съ каждымъ послѣдующимъ годомъ мѣстное содержаніе замѣняется болѣе общимъ, такъ что въ 1819 году вмѣсто прежнихъ изслѣдованій по южнорусской исторіи, являются изслѣдованія о религіи индусовъ, о бытѣ китайцевъ, и даже открывается новый отдѣлъ, болѣе умѣстный въ газетѣ, чѣмъ въ журналѣ искусства и науки,—отдѣлъ „Смѣси“, или краткаго обозрѣнія заграничныхъ происшествій, гдѣ событія политическія перемѣшивались съ анекдотами. Очевидно, редакторы дѣлали уступку вкусамъ читателей,

такъ какъ изданіе не находило себѣ достаточно интеллигентной среды для распространенія въ ней. Задача редакціи была, конечно, не коммерческая, а чисто образовательная, культурная; имѣлось въ виду развить наилучшими словесными образцами переводной литературы вкусъ какъ читателей, такъ и читателей познакомить ихъ съ родиной и воспитать героическое чувство любви къ ней. Тогдашнее общество было совершенно неподготовлено къ такому чтенію, а потому, чтобы пріохотить читателей, редакція, какъ мы это видѣли изъ дѣлъ университета, разсылаетъ свой журналъ даромъ. Совѣтъ университета боясь лишнихъ расходовъ, проситъ у редактора „Украинскаго Вѣстника“ Филомофитскаго точнаго отчета о веденіи имъ этого журнала, и онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: Втеченіе перваго 1816-го года изданія, онъ, желая заохотить къ подпискѣ на оный, принужденъ былъ большую половину экземпляровъ изъ числа 350 разослать даромъ. Въ 1817 г. напечатано Украинскаго Вѣстника 500 экземпляровъ, издержки всѣ равнялись 4578 р., число сускривентовъ было 297. Отъ оныхъ собрано денегъ 5346 р., слѣдовательно выигрышъ въ 1817 году отъ изданія Украинскаго Вѣстника былъ въ 768 р. Въ 1818 году уменьшено число экземпляровъ, судя по прежней подпискѣ, до 400, и издержки на то, стоили 3789 р. Число сускривентовъ было 244, отъ оныхъ денегъ получено 4392 р. (слѣдовательно, выигрышу на 603 р.). Въ 1819 году еще уменьшено число экземпляровъ до 350, издержки не то простирались до 3764 р. Число сускривентовъ было 253, сумма отъ нихъ 4554 (выигрышу на 790 р.). Бумага выписываема была прямо съ фабрикъ. На значительную сумму выписывается иностранныхъ газетъ и журналовъ, что при изданіи университетскаго журнала не входитъ въ число издержекъ, къ тому же высшее учебное заведеніе можетъ имѣть больше довѣрія отъ сускривентовъ и средствъ увеличить число ихъ, чѣмъ частный человѣкъ“. (См. Дѣло № 1552, Архивъ хар. ун.). И несмотря на то, число „сускривентовъ“ никогда не доходило даже до 300 человѣкъ. Но все таки, несмотря на слабую отзывчивость тогдашняго общества, журналъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ литераторовъ и

вызывалъ иногда охоту писать даже у лицъ, не занимавшихся до того времени никакимъ писательствомъ. Изъ извѣстныхъ писателей въ журналѣ участвовалъ Квитка, писавшій подъ псевдонимомъ Фалурденъ Повинухинъ „Письма къ издателямъ," полныя весьма тонкаго юмора, направленнаго на нравы современныхъ ему помѣщиковъ. Въ нихъ осмѣивается стремленіе ихъ непремѣнно приглашать въ свой домъ гувернера или управителя „изъ французовъ", которые заводятъ „новые порядки", основанные на послѣднемъ словѣ цивилизаціи и приводящіе къ полному обнищанію помѣщика, и развращаютъ весь женскій персоналъ дома, отъ самой помѣщицы до послѣдней судомойки во дворѣ. Письма эти написаны въ такомъ комическо-сатирическомъ тонѣ, что читаются и теперь не безъ удовольствія. Въ стихахъ особенно отличались Кричевская, Райдаровскій и Гонорскій своими гладкими переводами почти со всѣхъ европейскихъ языковъ. Кричевская писала въ сантиментально-лирическомъ тонѣ, господствовавшемъ въ то время. Мы приведемъ образчикъ поэзіи этой писательницы, которая удостоивалась отъ редакціи „Укр. Вѣстн." всегда самаго лестнаго вниманья.

О дружба, искренность—священны!
Гдѣ можно васъ теперь найти?
Гдѣ люди тѣ нелицемѣрны,
Сотрудники въ прямомъ пути?
Свѣтъ создалъ новые законы
И власти нѣтъ его препоны!
И чувства стали всѣ—обманъ
И то, что жизнь намъ украшало,
Что намъ блаженство доставляло
Любовь и дружба—есть романъ и т. д.

Вотъ какимъ еще несовершеннымъ языкомъ высказывала первая харьковская поэтесса свои благородныя сѣтованья на бренность дружескихъ узъ, а современники умилялись и наперерывъ читали сборникъ ея стихотвореній, изданный подъ заглавіемъ „Мои Свободныя Минуты" въ пользу Института Благородныхъ Дѣвицъ [1]).

[1]) При первомъ стихотвореніи, присланномъ Кричевскою въ редакцію, напечатано и письмо ея къ редактору, въ которомъ такъ и сквозитъ чистосердечный

Писалъ въ „Укр. Вѣстн." стихи и Срезневскій[1]), обыкновенно выступавшій съ псалмомъ или одой подражаніемъ Горацію. Оды переводилъ также и Филомафитскій. Нѣкто Сомовъ переводилъ цѣлые отрывки изъ трагедій Вольтера, а Гулакъ-Артемовскій заслужилъ благодарность редакціи за то, что своими „прекрасными подражаніями восточной или лучше священной поэзіи знакомитъ съ обиліемъ и благозвучіемъ славянскаго языка". Увы! какъ бѣдны и некрасивы кажутся намъ теперь эти подражанія послѣ звучныхъ и красивыхъ стиховъ Лермонтова и Пушкина.

Смутися тварь!... Сіонъ источникъ слезъ пролей!
Взбуди строптиву дщерь плачевною трубою;
И гнѣвъ мой возвѣсти горѣ моей святѣй.
Да возтрепещется всякъ враждебный мнѣ языкъ!
И да всколеблются вселенныя основы:
Господь грядетъ...

Благозвучнѣе другихъ кажутся намъ стихи Склабовскаго, въ которыхъ гораздо болѣе простоты и искренняго чувства, какъ напр. этотъ его романсъ:

страхъ начинающей писательницы передъ публичнымъ выходомъ на литературное поприще. Мы приводимъ его здѣсь съ его ореографіей: „Вы хотѣли милый другъ и братъ, чтобы нестройный мой голосъ былъ слышенъ въ Украйнѣ: чувствую большое удовольствіе; хотя, испытывая себя, долго не смѣла рѣшиться исполнить желаніе ваше. Доселѣ все, что я писала въ свободныя минуты моей жизни, читали однѣ друзья мои; а для сердца любящаго насъ все въ насъ любезно.—Но что я предложу такому множеству читателей, меня не знающихъ? Не будутъ ли онѣ имѣть право сказать: какое самолюбіе, и чемъ я оправдаю себя? Они того не знаютъ, что изъ угожденія такому другу какъ вы, можно подвергнуть себя нѣсколькимъ осужденіямъ,—они не знаютъ, что я не имѣла случая учиться; читала только стихи и по навыку писала для тѣхъ, которые, не входя въ подробные размѣры стопъ, измѣряютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пишу по ихъ сердцу. Вотъ минуты, когда я мечтаю присвоить себѣ названіе писательницы. Но благодарю Бога, минуты такого ослѣпленія рѣдки; и я отъ чистаго сердца прошу своихъ почтенныхъ читателей — прощать мои безчисленныя ошибки, поправлять ихъ, а больше всего не думать, чтобы я имѣла дерзкую мысль занять собою публику, забыла когда нибудь свое правило: „изъ доброй воли не итти на судъ людей". Вы—другъ мой—требуете того; повинуюсь вамъ, и могу увѣрить васъ, что всего дороже цѣню ту честь, которую вы мнѣ дѣлаете, помѣщая меня среди истинныхъ дарованій и почтенныхъ писателей, украшающихъ Украинскій Вѣстн., вами издаваемый. Любовь Кричевская.

[1]) Отецъ извѣстнаго академика Изм. Ив. Срезневскаго, бывшій профес. россійскаго краснорѣчія.

Полный мѣсяцъ надъ рѣкою
Всталъ—задумчиво глядитъ,
На брегу одна съ тоскою
Дѣва юная сидитъ:
Рветъ вѣнокъ изъ розъ душистыхъ,
Связанный ея рукой,—
И въ потокъ бросаетъ чистый,
Окропя его слезой и т. д.

Среди всѣхъ этихъ подслащенныхъ романсовъ и черезчуръ торжественныхъ одъ попадаются эпиграммы и сатиры, но довольно наивныя.

Печатая всѣ эти стихи, редакція однако не помѣстила ни одного беллетристическаго произведенія въ прозѣ мѣстныхъ авторовъ и весь этотъ отдѣлъ наполняла образцами западной литературы. Это дѣлалось ею сознательно, что и объяснено въ статьѣ „Нѣчто о нашей живописной прозѣ и о нынѣшнемъ состояніи русской словесности вообще.“ „Одинъ по многимъ отношеніямъ уважаемый человѣкъ изъявилъ мнѣ свое удивленіе, пишетъ въ ней Гонорскій: почему въ нашемъ журналѣ такъ мало оригинальныхъ произведеній, и все большею частью переводы? Я могъ бы на это отвѣчать ему очень кратко во всякое время, особенно при нынѣшнемъ состояніи нашей словесности, лучшій иностранный отрывокъ, удачно переведенный, полезнѣе дюжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ. Но я удержался отъ рѣзкаго тона какого нибуоь всемірнаго цѣнителя и объяснилъ причину сего почти такъ, какъ теперь буду излагать ее моимъ читателямъ. Вольтеръ говоритъ: „когда какая нибудь нація начинаетъ выходить изъ первобытной своей грубости, то съ удивленіемъ смотритъ, какъ Аврора своими алыми перстами отверзаетъ врата востока и разсыпаетъ топазы и рубины по пути солнца и зефиръ вьется около Флоры и Амуръ играетъ оружіемъ Марса“. Благоразумный почитатель нашей живописной прозы могъ бы сказать тоже самое и о нашей словесности, т. е. о нашей провинціальной, украинской. Онъ этимъ показалъ бы,—что у насъ нѣтъ еще вѣрнаго вкуса, но вмѣстѣ призналъ бы въ насъ стремленіе къ пріобрѣтенію онаго и мы остались бы ему благодарны за его къ намъ вниманіе“.

Затѣмъ идутъ жалобы на ропотъ ничего не понимающихъ въ литературѣ и хладнокровіе „тѣхъ, для кого наши писатели проливаютъ потъ и чернилы,“ и наконецъ очень ясное критическое отношеніе къ существовавшимъ въ то время направленіямъ литературнымъ, которыхъ отмѣчается три: славянолюбцевъ, Карамзинистовъ и наконецъ тѣхъ „у которыхъ нѣтъ начальника, но есть свое уложеніе т. е. правила здраваго вкуса, основанныя на примѣрахъ древности и времянъ новѣйшихъ.“ Этимъ то послѣднимъ и сочувствуетъ больше всего редакція „Украинскаго Вѣстника“, и оставаясь послѣдовательной, она предлагаетъ своимъ читателямъ образцы лучшей современной и классической западной литературы. Въ числѣ переводчиковъ мы особенно часто встрѣчаемъ имена Глафиры Шумлянской, Александры Коростовцевой и Александры Каменской, владѣвшихъ нѣсколькими иностранными языками.

Таковъ былъ чисто литературный отдѣлъ разсматриваемаго нами журнала. Мы уже говорили, что въ научномъ отдѣлѣ онъ больше всего занимается мѣстными вопросами, и дѣйствительно—мы встрѣчаемъ въ немъ интересныя изслѣдованія по мѣстной исторіи, напр.: „Историческія замѣчанія о Малороссіи, отъ смерти гетмана Богдана Хмѣльницкаго до Полтавскаго сраженія“.

Грибовскаго: „О Малороссіи“—Ил-я—Кв-ки, статья, на которую дѣлалъ свои возраженія въ томъ же журналѣ Марковъ; „О гетманѣ Хмѣльницкомъ“; затѣмъ обстоятельная статья „О Литвѣ“; эти статьи можно считать почти первыми у насъ пробами областнаго изученія исторіи, первыми начатками нашей этнографіи. Такъ напр. въ письмахъ Левшина „о малороссахъ“ мы находимъ подробную характеристику этого народа, его быта и душевныхъ особенностей, напр.: „Малороссіяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель сія часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнихъ малороссіянъ;—оно и теперь здѣсь въ омерзеніи“. Или въ др. мѣстѣ: „чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся. Ежели сердца ихъ созданы любить другъ друга, то они бросаются на колѣна передъ

отцомъ съ матерью и съ свойственнымъ языку сердца краснорѣчіемъ умоляютъ соединить ихъ. Съ той минуты, въ которую нѣжныя чувствованія сердецъ увѣнчаются согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе жениха и невѣсты—названія, дающія имъ право всегда быть вмѣстѣ и позволяющія нѣкоторыя невинныя шутки. Возходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда застаетъ ихъ въ томъ же положеніи"... Въ этомъ сантиментализмѣ нельзя не видѣть начатковъ того будущаго народническаго романтизма, который сослужилъ не малую службу какъ нашей литературѣ, такъ и общественнымъ условіямъ жизни. Не надо забывать, что это писалось въ эпоху крѣпостничества, когда такое любовное отношеніе къ народу являлось крайнимъ либерализмомъ и когда на народъ смотрѣли какъ на безчувственнаго скота, не живущаго никакими человѣческими влеченіями.

Областной отдѣлъ былъ богатъ и непосредственными описаніями различныхъ мѣстностей Южной Россіи: Херсона, Екатеринослава, Святогорской обители подъ Харьковомъ, Полтавы, Зміевскаго уѣзда, раскопокъ каменнаго угля въ Бахмутѣ,—все это служило темой для „живописныхъ описаній", надъ которыми главнымъ образомъ упражнялись Вернетъ, Корнеліусъ, Левицкій и другіе. Въ 1819 году мы замѣчаемъ въ содержаніи журнала рѣзкую перемѣну: вмѣсто статей изъ мѣстной исторіи и бытописаній появляются статьи общаго содержанія, напр.: „Періоды или вѣки міра по счисленію извѣстнѣйшихъ индѣйскихъ книгъ", или „Объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность" и т. п. Изъ бытописаній помѣщены: „Описаніе Грузіи" Тюльпина и „Путешествіе по Швейцаріи". Переводы заполняютъ почти весь журналъ; переводятъ и легкія и серьезныя вещи, статьи о критикѣ, о значеніи литератора берутъ изъ польской словесности; чувствуется, что умственные запросы расширяются, и для удовлетворенія ихъ редакція журнала обращается къ готовымъ опредѣленіямъ и положеніямъ западноевропейской науки и литературы. Въ 10-й книжкѣ „Украинскаго Вѣстника" мы находимъ малорусское произведеніе—комическую поэму Гулакъ-Артемовскаго „Солопій та Хивря";

университетскій органъ не пренебрегъ народнымъ языкомъ и помѣстилъ его рядомъ со всевозможными подражаніями классической и новѣйшей художественной литературѣ и даже напечаталъ при этомъ на малорусскомъ языкѣ все обращеніе—письмо Г.-Артемовскаго къ редактору. Очевидно, свѣжесть и юморъ этой реальной сатиры плѣнили и развитой на чуждыхъ образцахъ художественный вкусъ редакторовъ „Украинскаго Вѣстника“ [1]).

Намъ не удалось познакомиться съ содержаніемъ послѣднихъ годовъ „Украинскаго Вѣстника“—позднѣе 1819 года [2]); Но среди бумагъ Харьковскаго Архива намъ попалась одна за 1825 годъ, помѣченная № 3913, въ которой новый редакторъ журнала В. Склабовскій доноситъ, „что на будущій 1826 годъ заниматься изданіемъ журнала на томъ же положеніи, какъ было до сего времени, находитъ для себя невозможнымъ, ибо средства и пособія, доставляемыя ему какъ редактору, вовсе не соразмѣрны съ его по сей части трудами и отвѣтственностью передъ читателями“. И журналъ прекратилъ свое существованіе.

VI.

За годъ почти до закрытія „Украинскаго Вѣстника“ харьковскій университетъ затѣялъ новое изданіе „Украинскій Журналъ“, которое пользовалось въ столичной прессѣ аттестаціей лучшаго научнаго провинціальнаго органа. Редакторами его [3]) университета назначилъ Гулака-Артемовскаго и Склабовскаго, но первый отказался по болѣзни и такимъ образомъ на попеченіи Склабовскаго оказалось единовременно два журнала. Вотъ программа

[1]) Вообще талантъ Гулака-Артемовскаго очень почитался современниками. Въ надгробной рѣчи Станиславскаго мы читаемъ о немъ слѣдующее: „не одни только юноши, всегда склонные къ восторженности, съ жадностью и наслажденіемъ читали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего вѣка поэтическія оды и баллады Артемовскаго; сановные государственные люди, какъ Репнинъ, Паскевичъ, и мног. др. услаждали ими свои досуги“. (См. Харьк. Сбор. 1890, стр. 94).

[2]) Котораго мы видѣли 8 книгъ.

[3]) См. Дѣло за № 3142. Хар. ун. арх.

этого новаго ежемѣсячнаго изданія, какъ она высказана въ дѣлахъ самого университета (Д. № 69, 1823 г.):

„Сіе періодическое изданіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующія четырехъ родовъ статьи:

I. Все, что касается до историческихъ извѣстій, успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ, земледѣлія,торговли, промышленности и др. достопамятностей такъ называемой Украины.

II. Всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ то: разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, жизнеописанія знаменитыхъ мужей, путешествія, всякаго рода изслѣдованія о свойствѣ языковъ и т. д.

III. Всѣ роды стихотворствъ, совмѣстныя обширности сего періодическаго изданія.

IV. Смѣсь, какъ то: библіографіи или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченія изъ оныхъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ сочиненій. Любопытные анекдоты и другія мелкія сочиненія, которыя почему либо не могутъ быть помѣщены въ первыхъ двухъ статьяхъ, особливо же краткія статьи нравственныя, также все по учебной части примѣчанія достойное относительно Имп. харьк. университета и его учебнаго округа, Института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся.

Главная цѣль сего журнала способствовать по возможности распространенію всеобщаго вкуса ко всему полезному, изящному, и пріятному, а посему въ ономъ будутъ помѣщены только такія сочиненія, которыя бы доставляли читателямъ и пользу и вмѣстѣ удовольствіе. Въ изданіи сего журнала могутъ участвовать всѣ наличные члены университета, но впрочемъ и произведенія постороннихъ особъ будутъ принимаемы съ благодарностью и помѣщаемы въ семъ журналѣ, если только оныя по своему содержанію и слогу будутъ соотвѣтствовать цѣли оного. Въ мѣсяцъ (выходитъ) двѣ книжки, каждая не меньше трехъ печатныхъ листовъ. Цѣна въ годъ 20 р., а съ пересылкой въ другіе города 25 р.“.

Мы не можемъ провѣрить, насколько удачно осуществилась эта широкая программа въ самомъ журналѣ, потому что

намъ удалось увидѣть всего двѣ книжки его за 1825 годъ. Но содержаніе ихъ гораздо дальше отъ мѣстныхъ изслѣдованій и областныхъ извѣстій, чѣмъ у предшественника его „Украинскаго Вѣстника", особливо въ первые годы его существованія. Мы видимъ въ „Украин. Журналѣ" спокойное научное изложеніе главныхъ теорій, занимавшихъ тогдашнихъ ученыхъ и литераторовъ. Вотъ перечень статей въ разсмотрѣнныхъ нами 2-хъ книжкахъ:

1) Разсмотрѣніе XII книги Небесной Механики Лапласа. 2) О баснѣ и баснописцахъ, древнихъ и новыхъ—переводъ съ французскаго Семена Викулина, очень обстоятельная статья, изобилующая образцами басенъ разныхъ писателей, приводимыхъ въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій или въ передѣлкѣ нашихъ баснописцевъ. 3) Поэмы Дидактическія перев. съ франц. Василія Якимова. Всѣ эти статьи написаны тяжелымъ языкомъ; гораздо интереснѣе ихъ является самостоятельный разборъ поэмы Рылѣева 4) Взглядъ на поэму, подъ названіемъ Войнаровскій. Трудно давалась критика нашимъ старымъ публицистамъ, да и относились къ ней крайне подозрительно. Изъ статьи, помѣщенной въ „Укр. Вѣстн." 1819 г., мы можемъ отчасти составить себѣ понятіе, какого взгляда на критику придерживались лучшіе писатели въ Харьковѣ въ то время: „Критика полезна, необходима, пишетъ Гулакъ-Артемовскій (переводя Красицкаго „Изъ критики"), когда она находится въ надлежащихъ предѣлахъ благоприличія, но бывъ употреблена во зло, она такъ далеко простерла владычество свое, а яремъ ея до толикой степени отяготѣлъ на умахъ порабощенныхъ ея деспотизму, что нельзя не изнемочь подъ бременемъ ея. Существеннѣйшій корень зла сокрывается въ дерзости сатириковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что вооружаются противу заблужденій, устремляются даже съ вооруженной рукою противъ заблуждающихся, посягаютъ на честь ихъ и имя, превращаютъ въ личность то, что должно быть общимъ... Ремесло критика и безъ того уже ненавистно и производитъ едва ли не омерзѣніе къ тому, кто себя посвятилъ оному, слѣдственно онъ долженъ умѣть смягчая его дѣлать не столько отвратительнымъ!" Вотъ, очевидно, чтобы не возбуждать „омерзѣнія," критики того вре-

мени принимали сладчайшій тонъ, и если дерзали не восхищаться разбираемымъ произведеніемъ, то дѣлали это осторожно, напр., по поводу г-жи Сталь „Укр. Вѣстн." говоритъ: „еслибы я осмѣлился здѣлать замѣчанія на послѣднее сочиненіе г-жи Сталь, то сказалъ бы, что сужденія во многихъ мѣстахъ не вмѣстимы ея полу"... Такъ и въ статьѣ о Войнаровскомъ нѣтъ критики произведенія, а только изложеніе его содержанія со многими выписками. Изъ этихъ выписокъ видно однако, что автору сильно нравится поэма и что онъ сочувствуетъ вложенной въ нее любви къ родинѣ, къ Украйнѣ, уважаетъ Рылѣева именно за то, что онъ „старается соединить въ себѣ оба сіи священныя названія: *Поэтъ* и *Гражданинъ*!" Затѣмъ идутъ 5) статья о Поэзіи и краснорѣчіи у древнихъ въ особенности у грековъ и римлянъ—гдѣ восторженно „повѣствуется" о Гомерѣ, Виргиліи и о ихъ продолжавшемся до тѣхъ поръ вліяніи на писателей; 6) О необходимой и тѣсной связи наукъ изящныхъ съ точными (переводъ съ польскаго), 7) переводъ съ французскаго—Объ Энеидѣ Виргилія. Изъ одного этого перечня статей видно, какъ сильно „Украин. Журналъ" развивалъ въ своихъ читателяхъ вкусъ къ классической литературѣ. Про свое, мѣстное и тутъ писалъ одинъ Вернетъ, продолжавшій свои „Выписки изъ моего путешествія по изюмскому уѣзду", „посвященныя всѣмъ тамошнимъ дворянамъ, почтившимъ меня хлѣбомъ-солью". Но тутъ тоже больше отвлеченныхъ разсужденій, о тщетѣ человѣческаго счастья, о любви къ родинѣ даже у лапландца, чѣмъ конкретныхъ описаній.

Кромѣ всего этого, въ журналѣ былъ еще отдѣлъ „Внутреннихъ извѣстій",—гдѣ сообщается о проѣздѣ Государя черезъ Новгородъ Сѣверскъ, отдѣлъ „Смѣси" съ анекдотами и разсказами изъ переводной литературы, объявленія (даже на франц. языкѣ) о выходѣ столичныхъ и заграничныхъ журналовъ, и наконецъ—стихи. Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ поэзіей, помѣщавшейся въ „Укр. Вѣстн.": и языкъ глаже, и содержаніе интереснѣе; такъ, мы имѣемъ прекрасный переводъ съ чешскаго Гулака-Артемовскаго „Царскій столъ", преданье о Любушѣ, а въ мелкихъ стихотворе-

ніяхъ исчезаетъ подражательный сентиментализмъ и является романтическое настроеніе, какъ отзвукъ того романтизма, который уже охватывалъ всю столичную литературу.

„Украинскимъ Журналомъ" заканчивается правильная періодическая издательская дѣятельность харьковскаго университета. Это совпадаетъ съ измѣненіемъ какъ общественнаго настроенія, такъ и цензурныхъ правилъ въ особенности. Уже въ 1819 году, по словамъ Сухомлинова, „правленіе училищъ, сообразуясь съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ, почло нужнымъ обозрѣть предметъ цензуры во всей его обширности и сдѣлать для него установленія, сообразнѣйшія прежнихъ съ обстоятельствомъ и временемъ" [1]).

Цензура изъ университета переходитъ въ руки цензурныхъ комитетовъ, которые учреждаются совершенно независимо отъ университетовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Вильно. Магницкій составляетъ секретную инструкцію, которою цензора должны руководиться наравнѣ съ новымъ цензурнымъ уставомъ. Всякія философскія ученія подвергается самой строгой цензурѣ, извѣстія изъ заграницы воспрещаются, всѣ нравственныя ученія должны проповѣдывать одинъ источникъ всякихъ понятій у человѣка—Божественное Откровеніе. Харьковскій университетъ подъ тяжелымъ правленіемъ попечителя Карнѣева весь проникается этимъ духомъ смиренномудрія [2]). Карнѣевъ прямо „не допускалъ возможности предоставить разуму свободное поле дѣятельности". Онъ надѣется „разогнать мракъ философическаго заблужденіи, основаннаго на кичливости разума", путемъ распространенія Божественной философіи Дютца, которая обязательно покупается для гимназій харьковскаго округа. Подъ этимъ реакціоннымъ вѣяніемъ литературная дѣятельность харьковскаго университета какъ бы замираетъ; по указателю книгъ и брошюръ, выходившихъ въ Харьковѣ—Чирикова мы видимъ постепенное уменьшеніе книгъ, изданныхъ университетомъ, а именно:

---

[1]) Сухомлиновъ. Къ ист. просвѣщ.

[2]) См. Щелковъ. Изъ исторіи харьков. ун. Ж. М. Нар. Пр., 1890 г., кн. 10.

въ 1824 году вышло 13 книгъ и брошюръ, въ 1825—12, въ 1826—всего 6, а въ 1827—1 (и то только обязательно издаваемыя рѣчи, произнесенныя на торжественномъ актѣ университета), въ 1828—4 (тоже только рѣчи и конспектъ римскаго правовѣдѣнія). Мы могли бы и заключить этой мертвой петлей нашъ обзоръ харьковской литературы начала нынѣшняго столѣтія; но заглянемъ еще немного далѣе, въ тридцатые годы, чтобы прослѣдить, какъ возродилось то литературное направленіе, котораго держался „Украинскій Вѣстникъ“ и какое собственно и составляетъ жизнь и задачу всякой провинціальной прессы, это—областное изученіе края со всѣхъ точекъ зрѣнія, изученіе народа и выясненіе его нравственной физіономіи. Эту задачу и преслѣдовала позднѣйшая харьковская литература 30-хъ и 40-хъ годовъ. Первымъ дѣятелемъ, прямо ступившимъ на этотъ путь, былъ И. И. Срезневскій, начавшій съ 1833 года издавать свою „Запорожскую Старину“. Это—маленькія, въ восьмую долю листа книжечки, выходившія въ 33—34—35 и 38-мъ годахъ, и представлявшія богатое собраніе лѣтописей, думъ, пѣсенъ и разсказовъ изъ исторіи Малороссіи. Въ предисловіи къ первой книжкѣ Срезневскій говоритъ: „Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую—бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа — воиновъ, который своей храбростью и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юговостокъ Европы и даже Малую Азію, особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни и характеромъ будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства“. Не видя достаточнаго количества лѣтописей, по которымъ можно было бы изучить интересовавшій его народъ, Срезневскій обращается къ народнымъ преданіямъ, къ пѣснямъ и думамъ бандуристовъ. Знакомясь съ ними, онъ приходитъ въ восторгъ отъ ихъ художественной красоты: „И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, пишетъ онъ въ томъ же предисловіи, въ которыхъ старина запорожская отразилась такими вѣрными

живописными очерками,—старина, исполненная жизни, хотя и грубой, но величественной, поэтической!... Въ этихъ пѣсняхъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто, подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья".

Это романтическое увлеченіе красотою малорусскихъ народныхъ произведеній проникаетъ всѣ этнографическія изслѣдованія того времени. Жаль только, что это самое увлеченіе помѣшало точности изслѣдованій Срезневскаго и отняло достовѣрность у изданныхъ имъ матеріаловъ. Но не смотря на это, всѣ лица, сколько нибудь одушевленныя особымъ горячимъ патріотизмомъ, встрѣтили изданіе Срезневскаго съ восторгомъ и мы видимъ изъ числа лицъ, оказывавшихъ помощь Срезневскому при собираніи матеріала, что работа его пользовалась сочувствіемъ самыхъ развитыхъ представителей науки и просвѣщенія какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его стѣнъ (тайн. сов. А. Ѳ. Квитка, ст. сов. Цебриковъ, Курдюмовъ, Венелинъ, профессора: Даниловичъ, Павловскій и мн. др.).

Укажемъ еще на два сборника, вышедшіе въ разсматриваемый нами періодъ 30-хъ годовъ —„Украинскій Альманахъ" (подъ редакціей проф. Шпигоцкаго) и „Утренняя Звѣзда"—сборникъ, изданный Петровымъ и вышедшій въ 1833 году. Въ „Украинскомъ Альманахѣ" не только помѣщены 9 народныхъ малорусскихъ пѣсенъ и двѣ думы, но и оригинальныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ („Козакъ" Боровиковскаго и „Малороссійская баллада" Шпигоцкаго) и даже очень недурно переведенъ отрывокъ изъ Пушкинской „Полтавы", подъ заглавіемъ „Марія" (переводъ Шпигоцкаго).

Вслѣдъ за этими сборниками въ Харьковѣ опять оживаетъ литературная дѣятельность. Областное направленіе, одушевленное романтическимъ народничествомъ, которое поддерживалось и всей тогдашней русской литературой, проявляется въ сборникахъ, въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ и въ развитіи оригинальной малорусской литературы. Но это литературное движеніе относится уже къ 40-мъ годамъ, разсмотрѣніе кото-

рыхъ не входитъ въ нашу статью. Мы хотѣли только отмѣтить то вниманіе, съ какимъ харьковскій университетъ съ самаго начала своего существованія относился къ родному краю, какъ много поработалъ онъ для изученія этого края и для пониманія населявшаго его народа.

Мы хотѣли указать, что то романтическое народническое литературное движеніе, которое дало въ 40-хъ годахъ такіе роскошные плоды, жило въ харьковской литературѣ съ самаго начала ея существованія, благодаря живой связи, сразу установившейся между харьковскимъ университетомъ и краемъ, для котораго онъ долженъ былъ быть (и былъ таковымъ въ дѣйствительности) ядромъ просвѣщенія. Оглядываясь на всѣ тѣ статьи, которыя пришлось перечесть въ этихъ старыхъ журналахъ съ ихъ толстой синей бумагой и съ невзрачными выпуклыми буквами, мы конечно видимъ въ нихъ много наивнаго, даже иногда нелѣпаго съ научной точки зрѣнія; но рядомъ съ этимъ отъ этихъ старыхъ страницъ вѣетъ на насъ чистосердечная вѣра въ просвѣщеніе, любовь къ своему дѣлу и ничѣмъ не прикрываемая горячая привязанность къ своему родному краю. Эти черты отличаютъ харьковскую журналистику въ періодъ ея зарожденія и эти же черты характеризуютъ и первыхъ профессоровъ харьковскаго университета, стараніями которыхъ создалась самая богатая у насъ харьковская областная пресса.

С. Р.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Князья Любомирскіе не сообщались съ городской аристократіей. У нихъ бывала только Павлова, Т—овъ съ женой (Софьей Павловной), Б—іе, такъ какъ Б—ая была дочерью управляющаго его имѣніями Стечинскаго, уже покойнаго и Т—ичъ. Кромѣ того, приглашался иногда на чай исправникъ, какъ лицо нужное. Имѣнія Любомирскихъ, какъ говорили, доставляли въ годъ 50000 руб. чистаго дохода. Но этой суммы недостаточно было на уплату однихъ процентовъ по долгамъ, заведеннымъ главою семейства княземъ Казиміромъ Любомирскимъ. Семейство состояло изъ вдовы, княгини Любомирской, второй жены покойника отца Казиміра, князя Казиміра, его супруги и двоихъ дѣтей: сына и дочери. Вдова была прежде актрисой вѣнскаго театра. Это была видная еще красивая пожилая дама, отличавшаяся въ молодости необыкновенной красотой. Ей назначено было покойнымъ пожизненное содержаніе, и другіе члены семейства относились къ ней, какъ къ чужой. Она жила въ Ровно, пока не переѣхали на постоянное жительство въ свой домъ остальные члены, и затѣмъ удалилась въ Варшаву. Князь Казиміръ былъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ. Но безпутная жизнь въ столицахъ и заграницей сдѣлала его дряхлымъ, сѣдымъ старикомъ и подвергла страданію позвоночнаго хребта. Онъ уже не могъ самъ ходить; его возили въ креслахъ. Страданія его были такъ велики, что онъ

[1)] Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

не кричалъ, а просто ревѣлъ и рычалъ отъ боли, и ревъ его далеко слышенъ былъ изъ дому на улицу. Въ страданіяхъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, онъ кончилъ въ Ровно свою жизнь. Онъ издерживалъ десятки и сотни тысячъ на актрисъ и разныхъ кокотокъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и разстроилъ все свое громадное состояніе. Онъ писалъ въ молодости стихи польскіе и самъ полагалъ ихъ на музыку. Онъ славился, какъ отличный музыкантъ. Жена его—племянница бывшаго генералъ-губернатора Гурьева. Отличалась она величественной осанкой и необыкновенной красотой. Она не была богата, но Любомирскій Казиміръ состоялъ подъ надзоромъ полиціи; желая отъ него избавиться, онъ поступилъ въ канцелярію генералъ-губернатора, конечно бывалъ у него, какъ магнатъ, на вечерахъ и, пораженный красотою племянницы, сдѣлалъ предложеніе и сейчасъ былъ освобожденъ отъ надзора. Любомирская была православнаго исповѣданія, но подъ давленіемъ фанатической родни мужа и той среды, въ которую попала, она перестала посѣщать церковь, а затѣмъ стала исповѣдываться у ксендзовъ. Дѣти по закону должны были быть православными, но ихъ крестилъ ксендзъ. Кто то изъ православнаго духовенства возбудилъ дѣло. Поручено было мѣстному протоіерею доносить въ консисторію ежегодно объ исполненіи Любомирскою исповѣди. Любомирская ежегодно доставляла объ этомъ протоіерею свидѣтельство какого то сельскаго священника за подписью всего причта, а сама продолжала исповѣдываться съ дѣтьми въ костелѣ. Любомирскіе вели знакомство только съ крупными польскими магнатами, хотя ихъ средства до того истощились, что въ лавкахъ часто не хотѣли евреи отпускать имъ говядину подъ роспиской. Они оставили огромный старый палацъ, находившійся на островѣ среди прудовъ, и жили въ небольшомъ каменномъ домѣ, на Романсовой улицѣ. Палацъ оставили за невозможностью, по недостатку средствъ, ремонтировать его, равно какъ и разрушившіеся два моста, которыми островъ соединялся съ городомъ. Этотъ палацъ они пожертвовали Министерству Нар. Просв. на нужды мѣстной гимназіи. Гимназическое начальство совсѣмъ не ремонтировало палаца, и онъ болѣе и болѣе разрушался.

Въ великолѣпномъ, большомъ, расписанномъ фресками залѣ устроили гимназическую каплицу (часовню). Странно было смотрѣть, какъ на католическое богослуженіе съ потолка зала глядѣли миѳологическіе нагіе боги, богини и амуры. На первомъ этажѣ помѣщались три учительскія семейства и надзиратель Пухальскій, да во флигелѣ еще одно семейство. Пухальскій сильно опустошилъ этотъ великолѣпный палацъ; онъ отыскивалъ 60000 червонцевъ, которые, по преданію, одной изъ Любомирскихъ были гдѣ то запрятаны. Онъ разбиралъ мраморные камины, разбивалъ стѣны, срывалъ паркетъ, квадратъ котораго въ свое время обошелся каждый въ 25 руб. сер., обрывалъ бронзовую оковку и пр.

Оранжерея, отличавшаяся огромными апельсиновыми и лимонными деревьями, посаженными въ грунтъ и приносившими массу хорошихъ фруктовъ, была запущена, оставаясь безъ садовника, и наконецъ деревья эти, да и другія растенія вымерзли. Огромный фруктовый садъ [1]), подлѣ оранжереи, вслѣдствіе плохой огорожи, обгрызли еврейскія козы, и онъ совсѣмъ уничтожился. До освобожденія крестьянъ въ домѣ Любомирскихъ продолжала состоять въ бездѣльи огромная дворня. Былъ и дворецкій, и лакеевъ штукъ 12-ть, и козачки, и козаки, и охотники, и начальникъ охоты, и псарня, и придворный живописецъ, и повара, кучера и форейторы, и много всякой другой челяди. Все это тѣснилось во флигелѣ подлѣ дома. Князь Казиміръ не имѣлъ никакихъ отношеній къ гимназіи, хотя отецъ его построилъ для помѣщенія ея двухъэтажное каменное зданіе, причемъ и у строителя зданія Р—е одновременно выросъ двухъэтажный каменный домъ и большой одноэтажный флигель. Говорятъ, что потомъ князю Р—е поднесъ къ подписи какую то бумагу, и князь, не зная что подписываетъ, скрѣпилъ своею подписью дарственную запись Р—е на мѣсто, на которомъ послѣдній произвелъ свои постройки. За эти продѣлки Р—е потерялъ мѣсто, но онъ въ немъ болѣе и не нуждался. Домъ его сейчасъ былъ нанятъ подъ общія квартиры для гим-

---

[1]) Очевидно, забыто авторомъ записокъ: садъ былъ очень невеликъ.—Ред.

назіи и большая наемная плата совершенно обезпечивала его семейство.

Изъ городскихъ жителей я помню еще отставнаго полковника Голтвинскаго, служившаго въ полку, которымъ командовалъ Пестель. Но Голтвинскій въ заговорѣ не участвовалъ; онъ былъ старый холостякъ и нигдѣ не бывалъ. Велъ онъ жизнь весьма скромную, посѣщая аккуратно богослуженія. Секретарь полиціи В—ль имѣвшій собственный домъ съ садомъ, и большое семейство, тоже иногда являлся на карточныхъ вечерахъ у чиновниковъ и позволялъ себѣ крупную игру, хотя жалованье получалъ грошевое. Жила еще около аптеки вдова бывшаго когда-то въ Ровно городничимъ Фонъ-Фридриксъ. Она вела знакомство большое всегда съ учительскимъ кружкомъ, разсчитывая, что, можетъ быть, кто-нибудь изъ учителей женится на одной изъ ея двухъ дочерей. M-me Фридриксъ получала особую, не въ примѣръ другимъ, пенсію, вполнѣ обезпечивавшую ея содержаніе.

Мѣстный ксендзъ каноникъ, Морозъ, бывалъ также часто на вечерахъ у знати; онъ въ карты не игралъ, но зато пилъ немилосердно. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, полный, краснощекій и необыкновеннаго здоровья. Онъ былъ, какъ и всѣ ксендзы, фанатикъ. Но любилъ ѣсть хорошо, пить безъ мѣры, повеселиться и пошутить въ компаніи. Онъ могъ трое сутокъ ѣсть и пить пуншъ, не ложась спать. Только на разсвѣтѣ чтобы освѣжиться, онъ раздѣвался до нага и, покрывшись плащемъ, выбѣгалъ въ садъ. Повалявшись въ снѣгу, онъ вытирался простыней до суха, становился совершенно трезвымъ и опять начиналъ пить. Говоря о Морозѣ, я вспомнилъ объ одномъ вечерѣ у окружнаго Ж—скаго. Послѣ ужина Ж—скій, казначей Л—скій, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ молодости въ казенной житомірской палатѣ, и Морозъ сидѣли въ небольшой комнатѣ, назначенной для куренья, и пили пуншъ. Л—скій повелъ разговоръ о давно минувшемъ времени, когда югозападный край былъ подъ намѣстничествомъ Вел. Кн. Константина Павловича. Разсказывалъ онъ о необыкновенной раздражительности и вспыльчивости Вел. Князя, имѣвшихъ для многихъ ро-

ковыя послѣдствія. Между прочимъ, передалъ онъ одинъ такой случай; жаль только, что я не замѣтилъ фамилій дѣйствующихъ лицъ. Служилъ въ губернскомъ житомірскомъ правленіи въ теченіе многихъ лѣтъ старшимъ совѣтникомъ нѣкій господинъ, успѣвшій нажить солидный капиталъ. При немъ мѣнялись одинъ за другимъ губернаторы, и наконецъ назначенъ былъ нѣкто, братъ адъютанта В. Князя. Новый губернаторъ объѣхалъ сейчасъ всю губернію въ сопровожденіи жида фактора, необходимаго ему для особыхъ услугъ: черезъ посредство его шла плата отъ чиновниковъ за занимаемыя ими должности. Кто не хотѣлъ платить или у кого не было средствъ, того немедленно удаляли отъ должности. Въ числѣ послѣднихъ былъ какой то стряпчій съ огромнымъ семействомъ, состоящимъ изъ 14 душъ дѣтей и жены. Стряпчій въ то время получалъ, кажется, не болѣе 200 рублей ассигнаціями въ годъ жалованья. Стряпчему приходилось съ семействомъ совсѣмъ пропадать; онъ былъ русскій, слѣдовательно на какую нибудь помощь со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ поляковъ разсчитывать не могъ. Къ счастью, онъ приходился родней упомянутому совѣтнику. Послѣдній въ одномъ изъ своихъ домовъ въ Житомірѣ далъ пріютъ семейству стряпчаго, пособляя ему и деньгами, а самого заставилъ переписывать для себя разныя бумаги и употреблялъ въ качествѣ адвоката по процессамъ, которые ему приходилось вести съ своими должниками.

Губернаторъ между тѣмъ сталъ выкапывать дѣла, которыя сулили ему большую добычу, въ теченіе полугода онъ успѣлъ совершить болѣе 180 уголовныхъ преступленій. Губернскихъ чиновниковъ онъ не рѣшился обложить прямой данью, и сталъ періодически брать у нихъ деньги въ видѣ займа безъ росписки, на честное слово. У болѣе состоятельныхъ занималъ больше. У совѣтника разъ занялъ 10.000 ассигнаціями, черезъ мѣсяцъ 5000, а затѣмъ черезъ мѣсяцъ потребовалъ еще 5000. Совѣтникъ отказалъ. Губернаторъ сталъ его тѣснить и давалъ такіе порученія, которыя пахли уголовщиной. Совѣтникъ поспѣшилъ выйти въ отставку; но рѣшился отомстить губернатору. Онъ составилъ доносъ на губернатора, подробно исчисливъ его злоупотребленія

и преступленія и поручивъ своей роднѣ обиженному стряпчему, отъ своего имени доносъ этотъ вручить лично Вел. Князю въ Варшавѣ. Должно быть стряпчій проболтался, такъ-какъ черезъ фактора губернаторъ узналъ о доносѣ и распорядился, чтобы полиція день и ночь слѣдила за стряпчимъ, и если послѣдній направится въ Варшаву, то чтобы немедленно его арестовала и отобрала доносъ. Совѣтникъ посредствомъ своихъ благопріятелей полицейскихъ принялъ свои мѣры. Разнесся слухъ, что стряпчій опасно заболѣлъ и лежитъ при смерти. Другъ совѣтника, частный врачъ, сталъ посѣщать больного и день, и ночь по нѣсколько разъ. Полиція успокоилась.. Между тѣмъ стряпчій, переряженный простымъ мужикомъ, успѣлъ ускользнуть изъ города, а тамъ на заранѣе заготовленныхъ перемѣнныхъ лошадяхъ благополучно переѣхалъ Бугъ и оказался внѣ сферы власти губернатора. Тогда разнесся слухъ, что стряпчій вдругъ выздоровѣлъ и исчезъ. Губернаторъ послалъ погоню; но было уже поздно. Опасаясь правдиваго доноса, губернаторъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ своего брата адъютанта отвратить грозу. Адъютантъ распорядился въ управленіи намѣстника, чтобы ему сейчасъ дали знать, если явится изъ волынской губерніи личность съ извѣстными примѣтами. Полиція его просьбѣ насторожила уши. Когда стряпчій явился въ управленіе, адъютантъ принялъ его весьма ласково, разспросилъ его обо всемъ подробно и обѣщалъ представить его В. Князю, когда это окажется возможнымъ, и приказалъ ему ежедневно навѣдываться въ управленіе.

Однажды В.. Князь былъ чѣмъ то сильно раздраженъ, а въ это время къ нему не подворачивайся. Онъ кричалъ на всѣхъ и носился какъ вихрь по заламъ. Адъютантъ еще ранѣе предупредилъ Вел. Князя, что изъ волынской губерніи долженъ явиться мелкій чиновникъ съ омерзительнымъ ложнымъ доносомъ на губернатора, такъ какъ этотъ дѣльный администраторъ не понравился всѣмъ волынскимъ взяточникамъ и негодяямъ. Адъютантъ уже нѣсколько разъ заглядывалъ въ управленіе, поджидая стряпчаго, и едва послѣдній явился, потащилъ его въ пріемный залъ В. Князя, и самъ отправился доложить. Стряпчій ни живъ, ни мертвъ стоялъ съ доносомъ въ рукахъ. До него

все ближе и ближе доносился крикъ В. Князя. Наконецъ, какъ молнія, налетѣлъ на него самъ В. Князь. „Что у тебя? Доносъ на волынскаго губернатора?“ „Точно такъ, Ваше Высочество!“ еле отвѣтилъ стряпчій, напуганный выраженіемъ лица и голоса В. Князя. В. Князь разорвалъ доносъ на мелкіе клочки и разметалъ по залу. Затѣмъ В. Князь совсѣмъ забылъ объ этомъ случаѣ. Стряпчій воротился въ семью. Губернаторъ опять приказалъ полиціи зорко слѣдить за стряпчимъ и совѣтникомъ. Послѣдній сталъ убѣждать стряпчаго отправиться въ Петербургъ и подать доносъ на губернатора и жалобу на В. Князя Государю Императору. „Тебѣ все равно; ты перенесъ худшее; не казнятъ же тебя за жалобу и доносъ; пожалуй, сошлютъ куда нибудь, — я не оставляю ни тебя, ни твоего семейства, и послѣ моей смерти оно будетъ обезпечено“. Стряпчій поддался, и съ жалобой на В. Князя и доносомъ на губернатора очутился въ Петербургѣ. Губернаторъ поднялъ трусъ, опять извѣстилъ брата; но стряпчій канулъ, повидимому, какъ въ воду. Встрѣтивъ однажды Николая Павловича на улицѣ, стряпчій бросился на колѣни, поднялъ высоко надъ головою бумагу, Государь приказалъ ему слѣдовать ко дворцу. Прочитавъ жалобу на В. Князя, онъ сказалъ стряпчему, если ты жалуешься ложно, то ты пропалъ; но если твоя жалоба основательна, тебѣ оказана будетъ защита и тебя вознаградятъ. Затѣмъ приказалъ арестовать и накормить стряпчаго, а черезъ часъ фельдъегерь мчалъ стряпчаго въ Варшаву и везъ собственноручное письмо Государя къ В. Князю. Стряпчій струсивъ всю дорогу молилъ Бога, чтобы его В. Князь приказалъ сразу казнить. Фельдъегерь примчался ночью и просилъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія немедленно о себѣ доложить В. Князю. В. Князя разбудили. Прочитавъ письмо Государя, В. Князь измѣнился въ лицѣ, сейчасъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія, а на адъютантѣ своемъ оборвалъ эполеты. Въ ту же ночь слѣдственная коммиссія съ стряпчимъ отправилась въ Житоміръ. Стряпчему удалось извѣстить обо всѣмъ совѣтника. Едва коммиссія прибыла въ Житоміръ, какъ совѣтникъ явился къ ней и предложилъ, какъ опытный и подробно знающій всѣ дѣла губерна-

тора чиновникъ, принять его въ дѣлопроизводители. Коммиссія состояла изъ двухъ генераловъ и нѣсколькихъ другихъ чиновъ. Спустя двое сутокъ совѣтникъ повелъ такъ слѣдствіе, что губернатору никакъ нельзя было уже увернуться. Губернаторъ ночью явился къ совѣтнику съ повинною, принесъ ему долгъ 15000 и сверхъ того предлагалъ еще 30000, если онъ его успѣетъ хоть нѣсколько обѣлить передъ коммиссіей. Совѣтникъ не согласился. Черезъ двѣ недѣли коммиссія кончила свое дѣло и увезла губернатора подъ арестъ въ Варшаву. Стряпчій былъ освобожденъ, награжденъ пенсіею и Станиславомъ въ петлицу; кромѣ того, ему возвращено было мѣсто. Губернаторъ по суду угодилъ въ арестантскія роты въ Вильно, а братъ его адъютантъ разжалованъ въ солдаты.

Вообще говоря, жизнь уѣзднаго города Ровно до крымской войны была весьма не красива. Излюбленнымъ развлеченіемъ, наполнявшимъ весь досугъ, а досуга было много, была карточная игра. Играли днемъ, играли ночью, играли въ страстной четвергъ и пятницу, играли во время производства дѣлъ и слѣдствій; играли во время рекрутскихъ наборовъ, на свадьбахъ, поминкахъ, крестинахъ, играли почти непрерывно; карты мерещились во снѣ и похмѣльи. Другаго разговора никогда не было, какъ только о картахъ, о карточной игрѣ. Горсть учителей, въ такомъ кругу, лишена была всякаго значенія и добрая часть ихъ цѣликомъ посвящала себя и свой досугъ карточной игрѣ. Этому способствовали и директора и инспектора гимназій. Досуга у нихъ была бездна: они по цѣлымъ мѣсяцамъ могли безнаказанно не являться въ гимназію и управлять ею изъ своей квартиры. Скажу еще нѣсколько словъ о тяготѣвшемъ надъ православнымъ народомъ дворянскомъ помѣщичьемъ классѣ, принадлежавшемъ къ чуждой народу католической религіи и чуждой народу польской національности. У польскихъ помѣщиковъ, ихъ крѣпостной православный народъ именовался bydło (скотъ), а также хамы. До инвентарей, введенныхъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, по которымъ ра-

бота на помѣщика полагалась только въ теченіе трехъ дней съ души, народъ работалъ всю недѣлю, не исключая и праздниковъ. Свой хлѣбъ обрабатывали болѣе по ночамъ. Крѣпостной человѣкъ—это лицо, стоящее внѣ закона: сѣчь его можно было сколько угодно. Сѣкли крѣпостныхъ паны и пани, сѣкли ихъ управляющіе, сѣкли экономы, сѣкли полицейскія и всякія другія власти, сѣкли за преступленія и проступки, сѣкли по суду и безъ всякаго суда. Польская магнатка Ст—ая въ сѣверо-западномъ краѣ воскрешала застѣнокъ со всевозможными пытками. Однажды она провѣдала, что лакей, ея любимѣйшій фаворитъ, завязалъ связи съ ея красавицей горничной, дѣвушкой лѣтъ 16-ти. Изъ ревности она взяла горничную въ комнату пытокъ; ставила ее босыми ногами на раскаленную жаровню и т. п. Лакей бѣжалъ въ Петербургъ и подалъ Николаю Павловичу доносъ на звѣрство Ст—ой. Назначенный Государемъ изъ Петербурга слѣдователь раскрылъ всю истину. Ст—ая посажена была въ тюрьму, гдѣ вскорѣ скоропостижно скончалась. Говорили, будто она сама отравилась. Помѣщикъ луцкаго уѣзда Зенонъ Ч—кій изъ Забороля (Омелянки) по праздничнымъ днямъ сочинилъ для себя слѣдующее развлеченіе. Онъ приказалъ выкопать длинный и весьма глубокій и широкій ровъ; по одну сторону рва устроенъ былъ барьеръ. Ко рву собирали дѣвокъ и приказывали прыгать черезъ ровъ. Которая счастливо перепрыгивала—то получала рубль, а которая попадала въ ровъ—получала 25 розогъ. Послѣ крымской войны обратили наконецъ вниманіе на этого сумасброда, и имѣніе его отдали въ администрацію. Разъ онъ, весною проѣзжая черезъ прудъ, обломался и тонулъ. Крѣпостные спасли его. Зенонъ того же дня пересѣкъ своихъ спасителей, и поставилъ около пруда крестъ (фигуру) съ надписью:

Pan (Bóg) pana od śmierci zbawił
Pan Panu krzyż postawił!

кто то внизу прибавилъ:

Nie bóisie panie Zenonie;
Co ma wisieć, nie utonie!

Крѣпостныхъ и мѣщанъ могъ сѣчь, сколько угодно тотъ, у кого они состояли въ услуженіи.—Будь это чиновникъ, шляхтичъ, или даже еврей. Жаловаться было некому. Евреи почтосодержатели пороли ямщиковъ ежедневно. Евреи корчмары тоже драли своихъ пахолковъ (сторожей, разсыльныхъ), которые назначались имъ изъ экономіи, пороли наймычекъ служанокъ изъ христіанъ. Запрещено было въ городахъ и мѣстечкахъ евреямъ имѣть христіанскую прислугу, а между тѣмъ не было зажиточнаго еврейскаго семейства, у котораго ея не было бы. Я самъ помню дѣло объ одномъ почтосодержателѣ евреѣ въ селеньи Крапивнѣ, кажется, липовецкаго уѣзда, который не только до полусмерти, засѣкалъ ямщиковъ; но одного въ пьяномъ видѣ, немилосердно высѣкши, въ трескучій морозъ приказалъ нагого привязать къ столбу, около котораго гоняли лошадей и облить водою. Ямщикъ моментально умеръ. Началось слѣдствіе. Еврею оно обошлось тысячи въ три, но ямщикъ признанъ былъ умершимъ отъ загорѣвшагося въ немъ спирта и удара апоплексіи. Хотя духовенство было враждебно настроено противъ польскихъ пановъ и ксендзовъ, стремившихся всѣми путями окатоличить своихъ православныхъ крестьянъ, хотя оно убѣждало своихъ прихожанъ крѣпко хранить вѣру отцовъ и не поддаваться панамъ; но все таки волей неволей они стояли за существующіе порядки. Ополяченіе и окатоличеніе главнымъ образомъ совершалось въ средѣ панской дворни, и если мѣстный священникъ слишкомъ горячо заступался за свою паству, то полиція, оплаченная паномъ, представляла такого священника высшей власти, какъ революціонера, возбуждающаго крѣпостныхъ противъ панской власти. Ходатайство пана у секретаря консисторіи и членовъ рѣшало судьбу упрямаго попа: если онъ имѣлъ средства и самъ дарилъ консисторію, ему дѣлали выговоръ и перемѣщали въ другой приходъ; въ противномъ случаѣ оставляли за штатомъ или ссылали въ монастырь, а иногда даже сажали и въ тюрьму. Во многихъ селеніяхъ существуетъ множество католическихъ дворовъ, именующихъ себя шляхтою. Это все совратившаяся изъ православія панская дворня. Въ ксендзовкахъ, т. е. селеніяхъ и деревняхъ, принадлежавшихъ католическимъ приходамъ

всѣ православные дворы огуломъ совращены, и въ нихъ и теперь нѣтъ ни одной православной души. Теперешніе жители ксендзовокъ по большей части дѣйствительно польскаго и католическаго происхожденія; хотя не знаютъ почти ни слова по польски и говорятъ только на мѣстномъ украинскомъ нарѣчіи. Это потомки незаконнорожденныхъ дѣтей ксендзовъ. Многочисленная женская прислуга на пробоствахъ часто мѣнялась ксендзами. Возвращались въ семью и женщины и дѣвки забеременѣвшими. Мѣста ихъ занимали другія красивыя женщины и дѣвки. На ксендзовскихъ огородахъ и въ садахъ все лѣто работали дѣвки изъ ксендзовокъ, и многія изъ нихъ послѣ работы оказывались беременными. На такихъ по приказанію и благословенію ксендза должны были жениться сыновья болѣе зажиточныхъ крѣпостныхъ. Въ случаѣ протеста ксендзъ сѣкъ ихъ розгами въ деревнѣ, а въ крайнемъ случаѣ требовалъ къ костелу въ праздничный день и публично передъ народомъ сѣкъ на паперти веревками отъ костельныхъ колоколовъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ согласіе жениться на забеременѣвшей отъ ксендза дѣвкѣ. Съ польской революціи 1831 года эти порядки начали проходить. Но было уже поздно. Ксендзовки окатоличились, и жители ихъ стали себя считать польскою шляхтою, хотя продолжали употреблять и употребляютъ до сихъ поръ свой природный языкъ.

До революціи 1831 года русскій чиновникъ въ судѣ и полиціи составлялъ рѣдкость. Жандармы тоже состояли изъ поляковъ. Судья, подсудки избирались панами изъ своей среды; такъ называемый (родъ прокурора) писарь, секретарь и архиваріусъ назначались правительствомъ изъ поляковъ, дѣтей панскихъ оффиціалистовъ. Судъ былъ гласный. При открытыхъ дверяхъ адвокаты защищали дѣла. Сессіи суда назывались каденціями. Русскій въ этихъ судахъ никогда не оказывался правымъ.

Полиція извѣстна была подъ названіемъ земскаго суда. Она состояла изъ капитанъ-исправника, раненаго капитана или маіора въ отставкѣ, часто полуграмотнаго, часто даже поляка; изъ четырехъ засѣдателей помѣщиковъ, служившихъ по

выборамъ польскаго дворянства, подписывавшихъ свои фамиліи по подписямъ карандашемъ, сдѣланнымъ на русскомъ языкѣ секретаремъ суда; изъ секретаря и столоначальниковъ. По всѣмъ происшествіямъ слѣдствіе производилось въ земскомъ судѣ, для чего виновные вызывались въ судъ. Иногда же исправникъ совмѣстно со стряпчимъ и однимъ изъ засѣдателей производилъ слѣдствіе на мѣстѣ, напр.—въ случаяхъ грабежа, убійства. Слѣдственное дѣло отправлялось въ уѣздный судъ. Дѣлопроизводство въ земскомъ судѣ производилось исключительно на русскомъ языкѣ, почему секретарь и столоначальникъ назначался правительствомъ изъ русскихъ семинаристовъ. Исправникъ тоже назначался правительствомъ. Въ уѣздномъ судѣ письмоводство тоже велось на русскомъ языкѣ; но каденціи велись на языкѣ польскомъ. Какъ въ земскомъ, такъ и въ уѣздномъ судѣ всю суть составляли секретари. Секретарь земскаго суда вполнѣ управлялъ уѣздомъ. Исправникъ производилъ слѣдствія, разъѣзжалъ по помѣщикамъ, которые посылали ему цѣлые обозы всякой всячины, водворялъ повиновеніе крѣпостныхъ предержащей панской власти, кутилъ съ ксендзами, словомъ—катался, какъ сыръ въ маслѣ, а секретарь управлялъ уѣздомъ. Засѣдатели почти никогда не являлись въ судъ. Каждый изъ нихъ въ домѣ секретаря держалъ коннаго стойчика. Такіе стойчики каждую ночь по очереди возили въ кожаныхъ сумкахъ бумаги засѣдателямъ для подписи. Исправники были всецѣло въ рукахъ пановъ, такъ-что, при первыхъ приготовленіяхъ къ возстанію 1831 года, когда имъ случалось проѣзжать мимо кузницъ панскихъ, на которыхъ открыто приготовлялись пики и оттачивались палаши, и когда ямщики, указывая на это, предупреждали ихъ, что паны готовятся бунтовать противъ царя, то они запрещали ямщикамъ выдумывать небылицы и болтать вздоръ, грозя за клевету наказаніемъ. Крестьянъ же, которые доносили объ этомъ, сѣкли нещадно за распространеніе тревожныхъ слуховъ. Не смотря на сплошное русское и православное населеніе югозападнаго края; несмотря на массу въ немъ православнаго духовенства и православныхъ церквей и относительно ничтожную въ немъ горсть поляковъ пановъ и

ихъ оффиціалистовъ, а также ксендзовъ,—свѣдѣнія объ этомъ краѣ Петербургскаго правительства были столь не точны, что край этотъ признавался въ Петербургѣ вполнѣ польскимъ и католическимъ. Такой взглядъ не вполнѣ исчезъ и до революціи 1863 года. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что русскіе, занявшіе послѣ 1831 года мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ этого края, съ переводомъ Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ и назначеніемъ въ Кіевъ князя Васильчикова генералъ-губернаторомъ, снова стали замѣняться поляками. Такъ что въ ровенской гимназіи передъ 1864 годомъ, кромѣ капелана, въ педаготическомъ совѣтѣ гимназіи числилось шесть поляковъ католиковъ и шесть протестантовъ учителей.

Одинъ панъ около Ровно, забылъ я его фамилію, холостякъ лѣтъ 60-ти и довольно богатый, устроилъ изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ оркестръ и пѣвческій хоръ. Дѣвки всѣ были на подборъ--статныя, свѣжія, красивыя отъ 14 до 20 лѣтъ. Одѣвались онѣ всегда въ мужской костюмъ, весьма красивый, придуманный паномъ. Музыкантши носили коричневый костюмъ съ золотыми галунами, а пѣвцы голубой съ серебряными галунами. Онѣ жили въ особыхъ флигеляхъ въ саду, который былъ обнесенъ высокой оградой. При посвященіи католической каплицы въ 1861 году [1]), построенной на гимназическомъ дворѣ, присутствовалъ этотъ панъ со своимъ оркестромъ и хоромъ. Каплица строилась на добровольныя пожертвованія пановъ. Сборомъ пожертвованій занимались: княжна Любомирская, Павлова, гимназическій капелланъ Творовскій и жена директора гимназіи Софья Т — ва, дочь Павловой. Тумановъ же исходатайствовалъ у генералъ губернатора Васильчикова разрѣшеніе построить каплицу на гимназическомъ дворѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ученикамъ далеко ходить въ дурную погоду въ городскую каплицу, лежавшую на католическомъ кладбищѣ въ предмѣстьи „Воля“. Это отчасти была правда. Огромный городской каменный костелъ совсѣмъ уже разрушался и отправ-

---

[1]) Построена она значительно раньше, въ 56—57 году

лять въ немъ богослуженіе было запрещено. Въ подвалѣ этого костела находился родовой склепъ князей Любомирскихъ. Ихъ набальзамированные трупы, одѣтые въ богатые контуши, весьма хорошо сохранились. Органистъ за небольшое вознагражденіе охотно показывалъ ихъ любопытнымъ. Поляки воспользовались гимназической каплицей въ 1862 и 1863 году чтобы совершать въ ней манифестаціи, пѣть запрещенные гимны, и въ погребѣ нѣкоторое время хранили порохъ и разное оружіе для повстанцевъ. Вслѣдствіе представленій Т — ва въ ровенскую гимназію проникло не малое число учителей изъ поляковъ: учитель польскаго языка, учитель математики Скольскій, учитель французскаго языка Вронскій; учитель польской литературы Гродецкій, учитель чистописанія и рисованія Глинскій; учитель естественныхъ наукъ Тушецкій и эти учителя, съ согласія Т—ва, завели порядокъ при началѣ и окончаніи уроковъ читать съ колѣно-преклоненіемъ молитву на польскомъ языкѣ, которая до сихъ поръ читалась по русски. Православныхъ учениковъ насмѣшками и притѣсненіями заставляли тоже преклонять колѣни. Къ началу манифестаціи ровенская гимназія приняла характеръ совсѣмъ польскаго учебнаго заведенія. Русскій элементъ совсѣмъ ослабѣлъ въ педагогическомъ совѣтѣ. Директоръ и поляки составляли рѣшающее большинство, такъ какъ протестанты оставались нейтральными и всегда голосовали съ большинствомъ. Протестантовъ было тоже довольно: французскаго языка учитель швейцарецъ Лемпъ; нѣмецкаго языка Дихеръ и Фанцъ; математики Гвайтъ и Венертъ и латинскаго языка Редеинъ. Русскіе учителя были только слѣдующіе: 1) законоучитель протоіерей Клюковскій; 2) русской словесности Солтановскій; 3) русскаго языка Ив. Коленко; 4) исторіи Трофимовъ; 5) учитель математики Ив. Суворовъ; 6) законовѣдѣнія Невгодовъ. Преподаваніе географіи раздѣлено было между наличными учителями русскими и поляками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

1808—1860 годы.

Въ южной части м. Богуслава, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, надъ р. Росью расположенъ въ очень живописной мѣстности богуславскій Свято-Николаевскій монастырь.—Похилевичъ въ своемъ „Сказаніи о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи“ (изд. 1864 г. стр. 553), основываясь на „Исторіи русской іерархіи“ епископа Амвросія и на историческомъ извѣстіи кіевскаго мѣсяцеслова о монастыряхъ кіевской епархіи, предполагаетъ, что богуславскій монастырь существуетъ около 3-хъ столѣтій и основанъ въ половинѣ XVI вѣка, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ малороссіянамъ и ихъ православному духовенству многія преимущества и привилегіи на строеніе церквей и монастырей.

Монастырь первоначально былъ возлѣ с. Хохотвы, въ урочищѣ, называемомъ нынѣ „Монастырище“, гдѣ теперь хуторъ монастыря, и церковь въ немъ была во имя Рождества Богородицы. Монастырь сей сожженъ Орликомъ въ концѣ XVII вѣка, одновременно съ сожженіемъ прочихъ украинскихъ монастырей и разореніемъ жителей правобережной Украины, отказавшихся отъ плановъ Мазепы. По разореніи онъ возстановленъ Самусемъ, богуславскимъ козацкимъ полковникомъ. Около 1740 года онъ перенесенъ ближе къ Богуславу, на нынѣшнее свое мѣсто и названъ Николаевскимъ, по сооруженной въ немъ церкви во имя святителя Николая. Въ половинѣ XVIII вѣка онъ захваченъ

уніатами; но въ 1768 году, во время народнаго возстанія за гонимую православную вѣру, уніатскіе монахи бѣжали изъ Богуслава, и монастырь сдѣлался опять достояніемъ православныхъ. Впослѣдствіе, возвратившись, базиліане построили себѣ каплицу возлѣ церкви Св. Троицы въ мѣстечкѣ [1]).

Трудно найти живописнѣе мѣстность, какъ мѣстность нынѣшняго богуславскаго монастыря.—Рось, пройдя между камнями чрезъ м Богуславъ, расширяется, принимаетъ тихое и плавное теченіе, направляясь однимъ краемъ къ горѣ съ плоскимъ конусомъ, которая съ другой стороны огибается роскошнымъ лугомъ и лѣсомъ; минуя монастырскую гору, Рось у ея подошвы устремляется чрезъ каменистый порогъ и производитъ вѣчный шумъ и плескъ водъ. На этомъ то конусѣ устроенъ монастырь; съ 1820 по 1880-й годъ существовало здѣсь духовное уѣздное училище, переведенное изъ г. Богуслава послѣ пожара, случившагося чрезъ годъ по открытіи училища. Бывшій настоятель богуславскаго монастыря, игуменъ Ѳеодоръ въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, задавшись грандіозной мыслью раздѣлить Рось у самой подошвы конуса на 2 рукава, которые бы, огибая монастырь кругомъ, оставили его на живописнѣйшемъ островѣ, прорылъ по лугу во всю его длину глубокую канаву. Къ сожалѣнію, игуменъ Ѳеодоръ не достигъ своей цѣли, хотя затраченный капиталъ не пропалъ даромъ: низменный болотистый лугъ, послѣ проведенія канавы, образовалъ площадь, благодарнѣйшую для сѣнокоса и огородовъ. Впослѣдствіи, когда для монастыря наступили скорбныя времена, за удаленіемъ игумена Ѳеодора и вслѣдствіе недосмотра, канава осунулась и теперь представляетъ лишь слѣдъ гигантскаго труда.

Мѣстность подъ монастыремъ и вокругъ него каменистая, но на горѣ и скатахъ ея имѣется достаточно прекрасной земли, на которой разведены сады и огороды [2]). На горѣ, гдѣ мо-

---

[1]) Полное историческое свѣдѣніе о богуславскомъ Николаевскомъ монастырѣ помѣщено въ Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1867 годъ.

[2]) Игуменъ Ѳеодоръ захотѣлъ построить и построилъ на р. Роси, у монастырскаго берега, мельницу, но когда экономія графовъ Браницкихъ не дозволила примкнуть монастырскую плотину къ своему лѣвому берегу, о. игумену пришла

настырь занимаетъ 2 десятины, устроены 2 церкви (3-я старая бывш. теплая), келіи настоятеля и братіи. Все это окружено теперь большою каменною оградою, за которой огороды, лугъ, роща занимаютъ около 5 десятинъ; кромѣ этого въ хуторѣ монастырь имѣетъ около 40 десят.,—вотъ все его имущество, и это скудное убѣжище содержитъ 60 человѣкъ братіи.—Въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ монастырь имѣлъ 300 д. земли и с. Хохотву. Въ самые тяжелые годы татарскихъ набѣговъ, Коліивщины и общаго разоренія Украины, богуславскій монастырь сохранилъ свое достояніе, переданное въ наслѣдіе братіи, но въ XIX столѣтіи, во время самое спокойное, особенно въ 50 годахъ, монастырь лишился всего своего достоянія. Не татары, не гайдамаки разорили монастырь, а пострадалъ онъ отъ непорядковъ дореформеннаго суда. Объ этихъ печальныхъ дняхъ и будетъ наша рѣчь.

Въ 1799 г. богуславское староство было куплено отъ князя Понятовскаго б. гетманомъ польскимъ, а потомъ генераломъ отъ кавалеріи, Ксаверіемъ Браницкимъ [1]). Администрація Браницкаго стала приводить въ извѣстность свои земли. Началась съемка, и богуславскій монастырь съ своей стороны пригласилъ повѣтоваго землемѣра Лопухина снять на планъ всю монастырскую землю; Лопухинъ произвелъ „начерно“ съемку въ присутствіи повѣреннаго со стороны экономіи Браницкаго, по указанію свидѣтелей—старожиловъ с. Хохотвы. Всего монастырской земли было вокругъ на 5 верстъ и особо мѣрою 706 саж., за что уплочено землемѣру 10 руб. на матеріалы. Браницкій, разсматривая планы своихъ земель, обратилъ вниманіе на то, что въ чертѣ его владѣній существуетъ православный монастырь, владѣющій 300 десят. земли, и потребовалъ отъ монастыря документы на право владѣнія землею. Настоятель монастыря отвѣтилъ, что документы были, но во время пожара въ

мысль провести р. Рось каналомъ вокругъ монастырской горы, чтобы здѣсь на своей землѣ устроить мельницу; но изъ этого проекта не вышло ничего, кромѣ истребленія луга и непосильнаго долга.

[1]) Женившемся на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, фрейлинѣ императрицы Екатерины II-й, племянницѣ свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина.

1787 г. сгорѣли. Браницкій, основываясь на томъ, что въ дарственномъ документѣ князю Понятовскому не сдѣлано никакой оговорки о постороннихъ владѣльцахъ въ богуславскомъ староствѣ и что внутри богуславскихъ имѣній не можетъ находиться чья либо земля, самоправно овладѣлъ въ 1808 г. всею монастырскою землею,—какъ отмежеванною по указанію старожиловъ на „Монастырищѣ“ и „Чернечьемъ Яру“, такъ и не отмежеванною, находящеюся при самомъ монастырѣ, оставивъ монастырю только 2 десятины въ сажнями подъ церковными зданіями.—Настоятель монастыря началъ искъ; всѣ богуславскіе повѣтовые, земскіе верхніе и нижніе суды и кіевскій главный судъ были на сторонѣ Браницкаго.

Однако братія не унывала и дѣло поступило въ Сенатъ, который рѣшеніемъ 12 октября 1822 г. призналъ: „дѣло сіе, яко заключающее искъ о церковной землѣ, на основаніи Высочайше конфирмованного въ 25 день іюня 1811 г. общаго учрежденія министерствъ, препроводить къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія на его заключеніе“. Министръ, соглашаясь съ рѣшеніемъ кіевской казенной палаты и съ заключеніемъ тамошняго гражданскаго губернатора, мнѣніемъ полагалъ: „всѣ угодія, находящіяся въ безпрерывномъ владѣніи богуславскаго Николаевскаго монастыря, оставить навсегда въ пользованіи его, подвергнувъ Браницкаго законному взысканію за самовольное завладѣніе оными; Николаевскому же монастырю предоставить право установленнымъ порядкомъ отыскивать убытки, понесенные отъ завладѣнія землями Браницкимъ и отъ вовлеченія онаго въ тяжбу“. Казалось бы, дѣлу конецъ; но въ дѣйствительности возникли новыя комбинаціи, на сцену явились нежданныя для монастыря новыя препятствія, задерживавшія спокойное и безспорное владѣніе землею, возникли такія увертки со стороны повѣренныхъ Браницкаго, присущія духу того времени, что приходится только удивляться, какъ могъ бѣдный монастырь перенести эти невзгоды и упорно при полномъ безденежьи вести свое дѣло.—Настоятели монастыря не жалѣли своихъ трудовъ и своихъ

личныхъ средствъ и стремились достигнуть своихъ законныхъ и справедливыхъ правъ.

Гр. Браницкій и его администрація остались крайне не довольны выше указаннымъ рѣшеніемъ Сената 1822 года. Монастырь же желалъ воспользоваться взысканіемъ убытковъ за непользованіе землею въ теченіе 15 лѣтъ, и начались взаимные иски. Главный кіевскій судъ, получивъ при указѣ Сената отъ 29 января 1823 г. за № 199 все подлинное дѣло для исполненія, не нашелъ нужнымъ привести его въ точное исполненіе, а препроводилъ въ кіевское губернское правленіе, извративъ совсѣмъ смыслъ подлиннаго рѣшенія, причемъ существенныя слова рѣшенія опустилъ и такъ старался повернуть дѣло, что за монастыремъ должно остаться только 49 десятинъ и 1283 квадр. сажня.—Низшія судебныя учрежденія, какъ богуславскій земскій судъ, исполняя указъ губернскаго правленія, препроводилъ конторѣ гр. Браницкаго требованіе, что бы она не препятствовала богуславскому Николаевскому монастырю пользоваться присужденными ему Сенатомъ землями;—на требованіе же монастыря привести въ исполненіе указъ Сената, богуславскій земскій судъ отношеніемъ отъ 18 іюля 1823 г. за № 2216, увѣдомилъ, что до присылки *плана*, формальнаго *ввода*, онъ не находитъ возможнымъ исполнить просьбу монастыря.—При настоятельныхъ-же просьбахъ монастыря исполнить рѣшеніе Сената, контора гр. Браницкаго отвела участки монастырю въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего опять начались жалобы. Благодаря постояннымъ и упорнымъ жалобамъ монастыря, при поддержкѣ преосвященнаго митрополита Евгенія, составлена была коммиссія изъ уманскаго уѣзднаго землемѣра, члена уѣзднаго суда, духовнаго депутата и уѣзднаго стряпчаго, которая, начавъ свои дѣйствія 10 декабря 1834 г. и окончивъ 22 апрѣля 1835 г., признала за богуславскимъ монастыремъ право на 290 десятинъ земли, при чемъ это право основала на планѣ 16 іюня 1806 г. и допросѣ богуславскихъ жителей—старожиловъ. Землемѣръ всю эту землю снялъ на планъ и, по подписи всѣхъ лицъ присутствовавшихъ, передалъ монастырю. Монастырь опять сталъ пользоваться принадлежавшей ему

издавна землею. Но недолго владѣлъ монастырь этими землями; явился на сцену планъ землемѣра Лопухина, подписанный только имъ однимъ, по коему плану за монастыремъ значилось только 49 десятинъ земли, и экономія графа Браницкаго, основываясь на этомъ планѣ, доказывала, что монастырю слѣдуетъ дать только 49 десятинъ, и тогда лишь исполненъ будетъ указъ Сената. По поводу этихъ разнорѣчій начались опять иски, новыя жалобы, пошли опять всякія разслѣдованія, а при порядкахъ прежняго дореформеннаго суда иски эти затянулись на цѣлое десятилѣтіе, при чемъ управленіе графини Браницкой не стѣснялось уже въ изысканіи всякихъ средствъ запутать дѣло [1]).

Всѣ эти неправильныя дѣйствія администраціи гр. Браницкой помѣщены въ рапортѣ члена коммиссіи, духовнаго депутата,—благочиннаго священника о. Симеона Левицкаго митрополиту Филарету на пристрастныя дѣйствія пристава и уѣзднаго стряпчаго.

Не буду приводить цѣликомъ этого рапорта, а скажу только, что въ 13 пунктахъ его отмѣчены самыя разнородныя несправедливости, допускавшіяся приставомъ и стряпчимъ при производствѣ слѣдствія, начиная съ того, что въ засѣданія коммиссіи являлись лица непричастныя къ ней, но вліявшія на ходъ слѣдствія въ пользу администраціи гр. Браницкой, и кончая тѣмъ, что умышленно предлагались свидѣтелямъ запутанные вопросы и такимъ путемъ вылавливались неудачные отвѣты ихъ, могшіе служить во вредъ интересамъ монастыря.

---

1) При чтеніи этой тяжбы нужно знать, что гетманъ Ксаверій Браницкій умеръ въ началѣ XIX вѣка, а его жена графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, племянница князя Гр. Ал. Потемкина—православная, скончалась въ 1838 году; почти 5 лѣтъ владѣлъ ея имѣніемъ сынъ ея графъ Владиславъ Браницкій, а по смерти его—управляли главноуправляющіе изъ поляковъ до 1851 года. По раздѣлу Богуславское имѣніе досталось графу Константину Владиславовичу Браницкому, который занимался не хозяйствомъ, а охотою. Управляющими въ Богуславскомъ имѣніи были до 1854 года Домбровскій и Узембло—поляки. Они то съ адвокатами своими ограбили и разорили Богуславскій монастырь.

Этой бѣды однако не случилось бы, еслибы игуменъ Ѳеодоръ не раздражнилъ ихъ своими бумагами и затѣями.—Ред.

Въ заключеніе своего рапорта депутатъ духовный, о. Симеонъ Левицкій, писалъ такъ: „Видя такое противное указамъ, правдѣ и выгодамъ монастыря, а полезное только для экономіи гр. Браницкихъ дѣйствіе коммиссіи, я своимъ отзывомъ въ коммиссію отъ 2 мая сего 1847 г. за № 63 просилъ оную прекратить производство этого дѣла впредь до распоряженія начальства, потому что я намѣренъ о неправильномъ началѣ онаго дѣла донести начальству. О чемъ доношу Вашему Высокопреосвященству и присовокупляю, что дѣло это мнѣ кажется очень запутаннымъ“.

По рапорту о. Симеона Левицкаго были потребованы подлежащимъ начальствомъ объясненія отъ стряпчаго и пристава, но тѣмъ и закончилось дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ за незаконныя дѣйствія; цѣль же разслѣдованія,—запись въ дознанія нужныхъ, хотя и ложныхъ, свѣдѣній и узаконеніе ихъ для возможнаго отнятія гр. Браницкимъ земли отъ монастыря—была достигнута. Да и неудивительно: стряпчіе и полиція были на сторонѣ Браницкихъ, а суды имъ вторили. А между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что о. игуменъ Θеодоръ, вступивъ въ управленіе монастыремъ въ 1845 г., горячо принялся за защиту монастырскихъ интересовъ; не жалѣлъ онъ времени, трудовъ и собственныхъ скудныхъ средствъ, сталъ всѣми законными средствами отстаивать право обители, писалъ много и во всѣ учрежденія, перо его работало безъ устали; замѣтно по оставшимся отъ него копіямъ, что онъ изучилъ дѣло и искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ притязаній монастыря на земли, вѣрилъ въ справедливость, искалъ ее вездѣ. Но эта горячность, эта искренняя преданность дѣлу при плохомъ знаніи законовъ и юридической практики не помогали ему: на каждомъ шагу администрація гр. Браницкаго сочиняла новые документы, игуменъ Θеодоръ возмущался, доказывалъ ихъ подложность, но на это не обращали вниманія, и въ 1854 году Сенатъ окончательно призналъ за монастыремъ право только на 49 десятинъ. Игуменъ Θеодоръ вездѣ видѣлъ измѣну, особенно въ кіевской консисторіи, перомъ своимъ не щадилъ секретаря ея, а кому неизвѣстно, какое значеніе тогда имѣли секретари! И вотъ, со-

ставлено было опредѣленіе консисторіи о преданіи суду игумена Ѳеодора за оскорбленіе секретаря консисторіи. Управленію Браницкихъ было извѣстно это гоненіе, и администрація ихъ рѣшила ни въ чемъ не дѣлать уступокъ монастырю. Въ 1857 г. послѣдовало распоряженіе, по ходатайству духовнаго вѣдомства, войти въ соглашеніе съ управленіемъ гр. Браницкихъ. Игуменъ Ѳеодоръ не соглашался на „панську ласку“ и за это несогласіе поплатился ужаснымъ и насильственнымъ захватомъ монастырскаго имущества. Вотъ какъ совершился этотъ захватъ. Помню хорошо, что въ 1859 г., кажется 24 іюня, мы дѣти еще спали въ своей квартирѣ и были свободны отъ учебныхъ занятій. (Пишущій эти строки былъ ученикомъ богуславскаго духовнаго училища и жилъ въ монастырскихъ домахъ, предназначенныхъ для учителей и учениковъ училища). Вдругъ крикъ людей и ревъ скота насъ разбудили, и мы увидѣли истинно поражающую картину. Несмѣтная масса крестьянъ вокругъ монастырскихъ земель, сотни возовъ съ волами и лошадьми вступили на монастырскія поля и огороды. За монастыремъ на лугу стояли хозяйственныя постройки монастыря: домъ для рабочихъ съ большею кухнею, клуня для склада хлѣба, большіе сараи для коровъ, воловъ, телятъ, свиней и особо птичій дворъ. Вокругъ строеній по лугу надъ Росью была посѣяна пшеница, которая въ этомъ году удалась, какъ нельзя лучше; на горѣ за рощею былъ посѣянъ овесъ. И вотъ масса народа прибыла съ возами, волами, плугами; начался грабежъ монастырскаго имущества: одни косятъ пшеницу, овесъ (пшеница была еще зеленая), другіе забираютъ на возы скошенное и везутъ невѣдомо куда, третьи разбираютъ монастырскіе хозяйственные дома и строенія; все это мгновенно складывается на возы, вывозится; плугъ дѣлаетъ борозду, — отводитъ новую межу для монастырскихъ земель; на межѣ забиваютъ колья, рубятъ монастырскія деревья, которыя вышли за черту, однимъ словомъ—ловко и умѣлою рукою уничтожалось монастырское имущество, гибли безслѣдно труды послушниковъ и рабочихъ монастыря. Среди этой массы подневольныхъ истребителей монастырскаго добра, безпрерывно шныряли шустрые наѣздники-панки на графскихъ

быстроногихъ коняхъ, на бѣгу дѣлая распоряженія, давая приказанія, тогда какъ звѣзды большой величины засѣдали на главномъ дворѣ въ м. Богуславѣ, поминутно принимая донесенія о ходѣ варварской атаки. Замѣтно было, что работа эта подготовлена была давно, точно указано было, *кому, гдѣ* и *что дѣлать*, опредѣленно высчитано было *гдѣ* и *сколько* нужно было назначить крестьянъ, причемъ, гдѣ нужно было поставить двухъ-трехъ рабочихъ, ставилось десять, пятнадцать человѣкъ, чтобы смести все, свезти все въ одинъ день и не оставить слѣда монастырскаго имущества и потраченныхъ трудовъ.

Я, въ числѣ другихъ мальчиковъ, подбѣгалъ къ крестьянамъ, косившимъ пшеницу, слыхалъ, какъ оставшись наединѣ, они бранили своихъ пановъ, но время было крѣпостное, возражать нельзя было, и потому работали они дружно.

Къ вечеру не осталось и слѣда пшеницы, не осталось слѣда строеній на заднемъ монастырскомъ дворѣ; уничтожена была даже дорога, по которой изъ с. Хохотвы можно было ѣхать въ монастырь возлѣ полей. Такъ безжалостно, такъ несправедливо покончила экономія гр. Браницкихъ споръ съ Богуславскимъ монастыремъ за землю.

Игуменъ Өеодоръ во время разграбленія не показывался изъ келіи и только Богу молился. Можно представить себѣ, каково было нравственное состояніе этого энергичнаго, пылкаго и въ высшей степени справедливаго настоятеля въ этотъ злосчастный день. Намъ дѣтямъ вчужѣ до слезъ горько было видѣть это грозное нашествіе;—до слезъ было жаль и нашего смотрителя и монастырскаго добра. Глубоко возмущало это насиліе и насъ маленькихъ школьниковъ. Долго съ замираніемъ сердца мы смотрѣли на эти сцены; казалось, что еслибы только намъ позволили, мы бы мгновенно бросились на этихъ здоровенныхъ мужиковъ, въ особенности хотѣлось въ клочки разорвать командировъ-ляшковъ, поминутно показывавшихся и исчезавшихъ среди пятитысячной толпы работавшихъ крестьянъ. У всѣхъ насъ была одна мысль, всѣхъ давило одно чувство. „Пойдемъ не дадимъ“—сказалъ одинъ изъ насъ. „Тамъ въ канавѣ я собралъ большую кучу камней“, подхватилъ другой, и

мы бѣгомъ бросились въ канаву. Но лишь только мы наклонились къ кучѣ камней, какъ кто-то изъ насъ вспомнилъ: „А смотритель?“ Какъ будто стыдно стало намъ, что мы могли забыть такое важное слово, что такая простая мысль только теперь могла прійти намъ въ голову, когда карманы наши были наполнены камнями; всѣ мы казались опущенными въ воду, камни выпали изъ рукъ. Еще за минуту передъ тѣмъ, каждый изъ насъ представлялъ себя библейскимъ Давидомъ; еще за минуту каждый изъ насъ былъ убѣжденъ, что, попадая камнемъ въ голову „панка“ и мужика (непремѣнно въ самый лобъ, иначе „панокъ“ опять вскочитъ на коня, а мужикъ поднимется и опять станетъ косить пшеницу, разрушать клуню и проч.), онъ можетъ уложить на мѣстѣ полсотни человѣкъ, а насъ десять—пятнадцать человѣкъ (не важно, что намъ было отъ 10 до 16 лѣтъ), а потомъ, видя нашъ успѣхъ, выбѣгутъ товарищи: наконецъ выйдутъ эти большіе послушники монастырскіе. Теперь все рушилось предъ нами, все спуталось въ головѣ, вся картина исчезла. „Пойдемъ къ смотрителю, онъ позволитъ“—рѣшили мы, возбужденные, разгоряченные, прямо безъ доклада очутились въ пріемной строгаго, раздражительнаго, но всегда справедливаго смотрителя. Вышелъ онъ къ намъ въ своей неизмѣнной черной скуфейкѣ, подавленный, уничтоженный, смертельно блѣдный, блуждающимъ взоромъ обвелъ насъ, но даже не спросилъ: „что нужно?“ Мы сами рѣшились нарушить тягостное молчаніе: „Ваше высокопреподобіе! уже разрушаютъ клуню. Позвольте намъ; и Кудрицкій съ нами пойдетъ[1]) (безъ него таки страшно было); а тамъ за Росью много мѣщанъ,—они не боятся графа, какъ крестьяне, они за нами“ заговорили мы разомъ. Мы увѣрены были, что этотъ человѣкъ, почти незнавшій середины въ обращеніи съ нами, или обласкаетъ насъ и, конечно, позволитъ, или же сердито прогонитъ и даже подвергнетъ наказанію. Ничего подобнаго не случилось; помолчавъ съ минуту, какъ будто онѣмѣвъ отъ этого нравственнаго пораженія,

[1]) Кудрицкій—большого роста послушникъ, съ необыкновенно большими курчавыми волосами, которые никогда не были знакомы съ гребенкой; онъ—казалось—однимъ своимъ бычачьимъ голосомъ могъ разогнать толпу.

онъ наконецъ спокойно сказалъ: „нельзя идти; не позволю, Боже храни, Господь ихъ накажетъ, вдесятеро отниметъ; графа не станетъ, а монастырь останется. Ступайте по квартирамъ, а туда не показывайтесь“. Только теперь мы поняли все безуміе нашей затѣи и пошли заниматься своимъ дѣломъ.

Возобновлялъ ли свою жалобу игуменъ Θеодоръ на это насиліе, неизвѣстно. Но скоро онъ былъ удаленъ отъ должностей настоятеля монастыря и смотрителя училища. Послѣ него не было кому возражать, и погибло на вѣки дѣло монастыря о землѣ.

Тяжелый день 24 іюня, окончательное и насильственное разореніе монастыря и удаленіе отъ службы такъ сильно потрясли нравственную и честную душу игумена Θеодора, что онъ нѣсколько времени находился въ отдѣленіи душевно-больныхъ при Кіево-Кириловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ, откуда бѣжалъ пѣшкомъ въ монастырь и затѣмъ высланъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, черниговской г., гдѣ, находясь подъ сильнымъ надзоромъ, не переставалъ составлять проекты объ отнятіи монастырской земли; но всѣ его проекты, и даже по слухамъ сочиненіе „О монашествѣ“, представленное въ кіевскую духовную академію, были оставлены безъ вниманія, какъ произведенія душевно-больного человѣка. Игуменъ Θеодоръ умеръ въ 1889 г. въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ на 75 году жизни, какъ честный, справедливый, но забытый людьми человѣкъ. Въ 1860 годахъ богуславское имѣніе, доставшееся по раздѣлу внуку гетмана, графу Константину Браницкому, пріобрѣло удѣльное вѣдомство и купило въ границахъ, какія указалъ гр. Браницкій.

Разобравъ исторію монастырскаго спора за землю, невольно задаешься вопросомъ: дѣйствительно ли монастырь не имѣлъ права на 300 десятинъ земли и почему, если его дѣло было справедливо, онъ не выигралъ его въ судахъ. Здѣсь прежде всего нужно помнить, что гр. Браницкій былъ великая сила, самъ по себѣ, что велѣніямъ его самого и его управляющихъ всѣ власти подчинялись безъ разсужденій, слѣдовательно на сторонѣ гр. Браницкаго была сила, власть, безмолвная покорность служащихъ чиновниковъ, знаніе законовъ, а его повѣренные не брезгали и подлогами. Ничего по-

добнаго у монастырской братіи не было, и нужно только удивляться, какъ эта братія съ 1808 г. по 1860 г. вела такъ энергично дѣло за спорную землю съ такой силой, какъ гр. Браницкій. Изъ имѣющихся при монастырѣ копій этого спорнаго дѣла видно, что митрополиты Евгеній и Филаретъ интересовались судьбою этого дѣла, даже Святѣйшій Синодъ требовалъ свѣдѣній о положеніи дѣла, но „поперекъ дороги, какъ писалъ игуменъ Ѳеодоръ, стояли секретари консисторіи, которыхъ можно было администраціи гр. Браницкаго подкупить". По моему личному мнѣнію, дѣлу вредилъ также и самъ игуменъ Ѳеодоръ своею горячностью и своими писаніями. Никому не довѣряя, онъ самъ сочинялъ и писалъ всѣ нужныя по дѣлу бумаги. Онъ, какъ педагогъ, по тому времени былъ хорошъ, но какъ юристъ— совсѣмъ плохъ. Прочитавъ массу его прошеній, писанныхъ лично и поданныхъ въ разныя судебныя и административныя учрежденія, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ памяти его, какъ наставника, я долженъ однако сказать, что ничего не понимаю въ нихъ. Каждое прошеніе его, на 10 или болѣе листахъ, наполнено постоянными повтореніями, придирками къ словамъ, но дѣла нѣтъ. Прочитавъ такое прошеніе, нельзя понять, „чего онъ хочетъ и о чемъ проситъ". Если такое прошеніе поступало къ митрополиту, невольно приходилось терять терпѣніе при чтеніи его и черезъ это погибало дѣло. Справедливость-же была на сторонѣ монастыря: разъ монастырь владѣлъ тѣми землями два столѣтія по документамъ, а съ 1787 г. безъ документовъ по случаю пожара, кто же могъ отнять ту землю отъ монастыря? Затѣмъ, указъ Сената 1822 г. вполнѣ узаконилъ за монастыремъ это право. Извращеніе смысла рѣшенія Сената кіевскимъ главнымъ судомъ, умышленный пропускъ существенныхъ словъ рѣшенія и непередача всего дѣла о спорной землѣ въ кіевское губернское правленіе для исполненія можно было бы легко доказать и на этомъ основать свое право, но нужно было въ данномъ случаѣ дѣйствовать опытнымъ юристамъ, а не многоглаголивымъ игуменамъ, хотя-бы и исполненнымъ самыхъ лучшихъ стремленій.

П. Клебановскій.

БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за прошлый 1891 годъ была помѣщена весьма интересная замѣтка г. Падалки: „Каменный затонъ и Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ“ (стр. 361—383). Въ концѣ этой замѣтки авторъ ея совершенно справедливо называетъ „остатки старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера“ *замѣчательными*, прибавляя при этомъ, что „вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ-археологъ“. Я не „спеціалистъ-археологъ“ и не имѣю въ виду сказать „вѣскаго слова“ объ этихъ остаткахъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что всякое новое слово о нихъ крайне желательно, такъ какъ остатки эти дѣйствительно представляютъ глубокій интересъ какъ для археологическихъ, такъ и для историко-географическихъ изысканій. Въ виду этого, я и рѣшаюсь, въ дополненіе къ замѣткѣ г. Падалки, сообщить тѣ свѣдѣнія о Бѣлозерскомъ городищѣ на Днѣпрѣ, которыя были добыты мною при личныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ, а равно и при обработкѣ относящагося къ нему литературнаго матеріала. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду отдѣлять „остатки старины“ у Каменнаго затона отъ подобныхъ же остатковъ подъ с. Большой Знаменкой, такъ какъ считаю ихъ за остатки одного и того же весьма обширнаго поселенія, которое и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ на Днѣпрѣ.*

Описываемое городище находится въ мѣстности, занятой такъ называемыми *кучугурами* или холмами сыпучаго песка, лежащими при Бѣломъ озерѣ или Бѣлозерскомъ лиманѣ, на

лѣвомъ берегу Днѣпра, немного ниже м. Никополя, въ предѣлахъ мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи. По окраинамъ этихъ Бѣлозерскихъ кучугуръ лежатъ два огромныхъ села: Большая и Малая Знаменка, изъ коихъ послѣднее гораздо чаще называется Каменкой. Мое личное знакомство съ Бѣлозерскимъ городищемъ относится къ лѣту 1888 года, когда я имѣлъ случай провести нѣкоторое время въ с. Каменкѣ. Въ первое время моего пребыванія въ названномъ селѣ я занимался исключительно только геологическими изслѣдованіями его окрестностей, но затѣмъ, благодаря знакомству съ мѣстнымъ народнымъ учителемъ, Д. Я. Сердюковымъ, и нѣкоторымъ его указаніямъ, я обратилъ также свое вниманіе и на описываемое городище, которое и постарался изучить съ возможно большею подробностью.

Мѣстность, гдѣ расположено Бѣлозерское городище, представляетъ довольно своеобразныя орографическія особенности, имѣвшія, повидимому, немаловажное значеніе въ его исторической судьбѣ. Съ юга къ ней подходитъ открытая степь, къ долинѣ Днѣпра обрывающаяся рѣзко выраженнымъ уступомъ, средняя высота котораго надъ уровнемъ моря достигаетъ 85 метровъ, хотя непосредственно къ югу отъ Бѣлозерскаго городища она не превышаетъ 70 метровъ. Уступъ этотъ, сложенный изъ породъ третичнаго возраста, прикрытыхъ значительными толщами лёса, представляетъ *древній* берегъ днѣпровской долины и идетъ отъ с. Балокъ мимо с. Днѣпровки къ с. Большой Знаменкѣ.

Между этимъ уступомъ и заливной долиной Днѣпра разстилается довольно обширная равнина въ видѣ надлуговой террасы, возвышающейся метровъ на 10—12 надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра. Къ югу, въ сторону только-что упомянутаго уступа, описываемая терраса нѣсколько понижена и на ея поверхности замѣчается здѣсь рядъ углубленій, извѣстныхъ подъ именемъ *падовъ*, отчего, вѣроятно, и с. Днѣпровка часто называется Падовкой. Въ геологическомъ строеніи этой террасы, какъ это слѣдуетъ изъ моихъ личныхъ изслѣдованій и изъ болѣе детальныхъ изслѣдованій петербургскаго геолога, Н. Соколова, принимаютъ участіе по преимуществу песчанистыя по-

роды, каковы, напримѣръ, лёссовидный сильно песчаный суглинокъ, глинистый песокъ, чистый кварцевый песокъ и т. п. Всѣ эти породы, прикрытыя сверху сильно песчанистымъ черноземомъ толщиною до 0,5 метра, принадлежатъ къ *древнимъ* рѣчнымъ отложеніямъ Днѣпра, при чемъ теперешнее, сравнительно высокое положеніе ихъ надъ ея среднимъ уровнемъ указываетъ на то, что во время ихъ образованія, т. е. приблизительно въ началѣ послѣтретичнаго періода, уровень Днѣпра былъ нѣсколько выше, чѣмъ теперь. Сверхъ этого, по словамъ Н. Соколова[1]), существуютъ нѣкоторыя данныя, заставляющія предполагать, что вслѣдъ затѣмъ уровень Днѣпра опустился ниже уровня настоящаго времени, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, образованіе значительныхъ озеровидныхъ расширеній или лимановъ въ устьяхъ балокъ, впадающихъ въ Днѣпръ, напримѣръ, Бѣлозерскаго, Рогачинскаго и др. Изъ числа этихъ лимановъ наибольшее значеніе имѣетъ для насъ лиманъ Бѣлозерскій, лежащій въ предѣлахъ описываемой террасы и представляющій довольно обширный водоемъ длиною въ 8 и шириною до 5 верстъ. Лиманъ этотъ составляетъ расширенную часть устья Бѣлозерской балки. Берега его не высоки, но по большей части обрывисты, особенно сѣверо-восточный. Глубина его незначительна и не превышаетъ 2,5 аршинъ, но при всемъ томъ онъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ рыбы, которая вылавливается изъ него съ незапамятныхъ временъ.

Съ сѣвера вся вышеописанная надлуговая терраса омывается р. Конкою и притоками Днѣпра, извѣстными здѣсь также подъ названіемъ Конокъ. За ними лежитъ уже заливная долина Днѣпра, покрытая чрезвычайно запутанной сѣтью его рукавовъ, протоковъ и множествомъ озеръ. Долина эта называется обыкновенно *Днѣпровскими плавнями*. Поверхность ея возвышается не болѣе 1,5—2 метровъ надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра, благодаря чему всѣ плавни сплошь покрываются водою во время весенняго половодія, образуя при этомъ обширное озеро ши-

---

[1]) „Общая геолог. карта Россіи". Листъ 48. Труды Геолог. Комитета, т. IX. № 1, Спб., 1889 г., стр. 187.

риною до 20, а длиною въ нѣсколько десятковъ верстъ. Вся эта долина заполнена *новѣйшими* рѣчными или, такъ называемыми, аллювіальными отложеніями, характеръ которыхъ чрезвычайно разнообразенъ. По словамъ Н. Соколова, здѣсь можно встрѣтить всевозможные переходы „отъ почти чистаго кварцеваго песка, нерѣдко довольно крупнаго, отлагающагося по преимуществу въ главномъ руслѣ рѣки и въ протокахъ съ болѣе сильнымъ теченіемъ, до тончайшаго ила, состоящаго изъ мельчайшаго песка и глины, съ болѣе или менѣе значительною примѣсью органическихъ остатковъ, отлагающагося въ плёсахъ, затонахъ и старыхъ рукавахъ съ ослабѣвшимъ теченіемъ (назыв. здѣсь „рѣчищами“)“ [1]). На всемъ обширномъ пространствѣ, занятомъ securities заливною долиною Днѣпра, встрѣчается довольно богатая древесная, луговая и болотная растительность, которая въ древности несомнѣнно была еще болѣе богатой, на что, между прочимъ, указываютъ весьма обильныя торфовидныя скопленія растительныхъ остатковъ, нерѣдко встрѣчающіяся въ аллювіальныхъ отложеніяхъ Днѣпровскихъ плавней. Въ области, занятой ими, у с. Малой Знаменки (Каменки), въ устьи одной изъ многочисленныхъ Конокъ также находится довольно значительное расширеніе или затонъ, извѣстный подъ именемъ *Каменнаго затона*. Затонъ этотъ, чрезвычайно удобный для стоянки судовъ, составляетъ совершенно естественное расширеніе одного изъ прежнихъ протоковъ Днѣпра, при чемъ въ настоящее время верхняя часть этого протока почти совершенно засорена и представляетъ только сравнительно ничтожную „течію“. Объ искусственномъ происхожденіи Каменнаго затона не можетъ быть и рѣчи. Что же касается его названія, то оно несомнѣнно произошло отъ того, что въ устьи его существуютъ довольно мощные выходы различныхъ кристаллическихъ каменныхъ породъ, образующихъ выступы въ видѣ сплошныхъ каменистыхъ массъ, рѣзко отличающихся отъ развитыхъ по сосѣдству съ ними рыхлыхъ и даже сыпучихъ породъ новѣйшаго происхожденія.

---

[1]) Ibid. стр. 183.

Итакъ, идя съ юга, мы имѣемъ въ описываемой мѣстности три послѣдовательныхъ уступа, образованныхъ открытою степью, надлуговою террасою и заливною долиною Днѣпра. Своимъ происхожденіемъ всѣ они обязаны размывающей и намывающей дѣятельности днѣпровскихъ водъ. Что же касается времени ихъ возникновенія, то, въ геологическомъ отношеніи, оно должно быть пріурочено къ эпохамъ новѣйшимъ или такъ называемымъ послѣтретичнымъ, но, въ отношеніи исторической хронологіи, оно несомнѣнно выходитъ изъ ея предѣловъ. Другими словами, уже въ доисторическую эпоху, ко времени возникновенія здѣсь человѣческой осѣдлости, вполнѣ опредѣлились всѣ тѣ физико-географическія особенности, какими характеризуется описываемая мѣстность въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ только кучугуръ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, образовались сравнительно недавно, т. е. уже въ историческое время. Такимъ образомъ, и тогда уже существовала маловодная и неудобозаселяемая открытая степь, а также—многоводные и почти необитаемые днѣпровскіе плавни. Слѣдовательно, и тогда уже, какъ и теперь, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства осѣдлаго поселенія являлась здѣсь вышеуказанная надлуговая терраса и особенно тѣ части ея, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру.

Ближайшее изслѣдованіе мѣстности дѣйствительно убѣждаетъ насъ, что нѣкогда здѣсь существовало обширное человѣческое поселеніе. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, я остановлюсь еще на одной весьма характерной особенности описываемой мѣстности, выражающейся въ громадныхъ скопленіяхъ дюннаго сыпучаго песка. Наиболѣе обширное изъ такихъ скопленій находится между с. Ивановскимъ и с. Водянымъ, гдѣ сыпучіе пески занимаютъ площадь болѣе 60 квадр. верстъ (или слишкомъ 6,200 десятинъ). Общій характеръ мѣстности, занятой этими песками и называемой здѣсь кучугурами, холмистый, при чемъ отдѣльные песчаные холмы поднимаются до высоты 4—6 метровъ, рѣдко болѣе. Преобладающая форма этихъ холмовъ удлиненная, изрѣдка дугообразная или подкововидная. При удлиненной формѣ, песчаные холмы чаще всего

бываютъ вытянуты съ востока на западъ, сообразно направленію господствующихъ здѣсь восточныхъ вѣтровъ. Вслѣдствіе этой-же причины, болѣе крутые склоны ихъ по большей части обращены къ западу. На всемъ своемъ протяженіи кучугуры состоятъ изъ желтовато-бѣлаго, хорошо отвѣяннаго, почти чистаго кварцеваго и довольно мелкаго песка. Матеріаломъ, изъ котораго образовались и понынѣ образуются кучугуры, служатъ сильно песчанистые лёссовидные суглинки и древніе рѣчные слоистые пески, изъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, и состоитъ вся вторая или надлуговая терраса, а также и новѣйшія песчаныя отложенія заливной долины Днѣпра. Будучи лишаемы своего естественнаго растительнаго покрова, эти рыхлыя, сильно песчанистыя породы легко разрушаются вѣтромъ, отвѣивающимъ изъ нихъ песокъ, который и скопляется затѣмъ въ видѣ характерныхъ холмовъ по пути господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Подъ вліяніемъ этихъ вѣтровъ происходитъ постоянное передвиженіе песковъ къ западу и юго-западу, почему въ настоящее время они представляютъ весьма серьезную опасность для с. Водяного и с. Днѣпровки, угодья и пашни которыхъ ежегодно все больше и больше заносятся сыпучимъ пескомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что кучугуры представляютъ собою не искуственныя, а вполнѣ естественныя образованія и что, по времени своего возникновенія, они принадлежатъ къ новѣйшимъ образованіямъ, т. к. есть полное основаніе думать, что они возникли уже въ историческую эпоху, когда, при участіи человѣка, мало по малу былъ разрушенъ тотъ растительный слой, который представлялъ надежный естественный покровъ для развитыхъ здѣсь рыхлыхъ песчаныхъ отложеній. Весьма возможно даже, что въ описываемой мѣстности въ болѣе древнія времена была развита болѣе обильная древесная растительность, присутствіе которой, конечно, сильно мѣшало развѣиванію почвы и выдуванію изъ нея песка. Въ настоящее время въ кучугурахъ встрѣчается лишь крайне жалкая растительность и только въ послѣдніе годы здѣсь стали производить усиленныя посадки шелюги (Salix acutifolia), заросли которой значительно способствуютъ укрѣпленію песковъ. Совершенно

подобный же характеръ и подобныя же условія образованія представляютъ кучугуры между с. Малою Знаменкою (Каменкой) и с. Большею Знаменкою. Эти кучугуры съ большимъ удобствомъ можно назвать *Бѣлозерскими*, т. к. они непосредственно подходятъ къ Бѣлозерскому лиману. Площадь, занятая ими, составляетъ 620 десятинъ. Съ сѣвера они омываются Днѣпромъ, съ востока и запада р.р. Конками, съ юга Бѣлозерскимъ лиманомъ, а съ юго-востока къ нимъ прилегаетъ с. Каменка. Поверхность ихъ холмиста и въ настоящее время значительно укрѣплена обширными зарослями шелюги. Тѣмъ не менѣе въ углубленіяхъ между отдѣльными холмами или въ такъ называемыхъ „котловинахъ выдуванія“ вѣтеръ не прекращаетъ своей работы, мало-по-малу обнажая глубже лежащіе слои. При такой работѣ вѣтра, здѣсь легко обнаруживается, повидимому, вполнѣ опредѣленный подпочвенный горизонтъ, заключающій въ себѣ множество культурныхъ остатковъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существованіи на этомъ мѣстѣ обширнаго человѣческаго поселенія и впослѣдствіи занесенныхъ кучугурами. Именно эти-то остатки древняго поселенія я и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ*.

На всемъ протяженіи вышеописанной надлуговой террасы трудно указать болѣе удобное и лучшее мѣсто для поселенія, чѣмъ то которое занято Бѣлозерскимъ городищемъ. Близость къ Днѣпру обезпечивала за нимъ удобства сообщенія, а изолированность его положенія представляла несомнѣнную выгоду въ стратегическомъ отношеніи. Доступы къ нему были свободны отъ естественныхъ преградъ (лиманъ, протоки Днѣпра и крутые берега) только съ юго-востока, съ стороны с. Каменки, и съ юго-запада, со стороны с. Большой Знаменки, но за-то мы видимъ здѣсь сильныя искусственныя укрѣпленія въ видѣ валовъ и насыпей, которыя будутъ описаны ниже. Вся мѣстность, занятая Бѣлозерскимъ городищемъ, представляетъ столько весьма важныхъ практическихъ удобствъ, что она несомнѣнна была-бы заселена первыми русскими поселенцами, появившимися здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія, если-бы этому не препятствовали скопленія сыпучаго песка въ видѣ кучугуръ, сдѣлав-

шихъ ее совершенно необитаемой. Итакъ, не на открытой степи, не на Днѣпровскихъ плавняхъ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ надлуговой террасы, а только здѣсь могла возникнуть прочная и удобная человѣческая осѣдлость, съ остатками которой мы теперь и имѣемъ дѣло въ Бѣлозерскомъ городищѣ.

Если не считать старинныхъ указаній на существованіе этого городища, разсѣянныхъ въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ и т. п., то болѣе обстоятельное описаніе его мы въ первый разъ встрѣчаемъ у Г. И. Спасскаго въ его примѣчаніяхъ на „Книгу, глаголемую Большой Чертежъ“ [1]). Однако, данное имъ описаніе Бѣлозерскаго городища все-таки крайне поверхностно и заключаетъ въ себѣ лишь немногія существенныя указанія. Съ несравненно большею обстоятельностью Бѣлозерское городище было описано графомъ А. Уваровымъ, который на основаніи нѣкоторыхъ весьма остроумныхъ наведеній готовъ считать его за остатки древняго греческаго поселенія на Борисѳенѣ, города Серимона [2]). Нѣсколько позднѣе, его описываетъ также А. Терещенко, который, опровергая мнѣніе о нахожденіи здѣсь Герраса, склоненъ видѣть въ Бѣлозерскомъ городищѣ остатки татарскаго поселенія [3]). Затѣмъ, у Н. Вертильяка мы встрѣчаемъ описаніе той части этого городища, которая лежитъ у с. Большой Знаменки, по лѣвой сторонѣ протока изъ Бѣлозерскаго лимана [4]). А. Чирковъ въ своемъ очеркѣ днѣпровскихъ городищъ только упоминаетъ о Бѣлозерскомъ городищѣ, обѣщая при этомъ дать впослѣдствіи особое описаніе его [5]). Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщаетъ также проф. Ф. К. Брунъ, кото-

---

[1]) „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“. Изд. по порученію Имп. общ. ист. и др. россійскихъ Г. И. Спасскимъ. М., 1846 г., примѣч. 129, стр. 260.

[2]) „Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. СПБ., 1851—56 г., выпускъ I, стр. 20—30 и табл. V и VI.

[3]) „Очерки Новоросійскаго края“. Жур. Мин. Нар. Просв., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 31—34.

[4]) „Описаніе Бѣлозерскаго городка“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. IV, 1858 г., стр. 143.

[5]) „Краткій очеркъ городищъ, находящихся по Днѣпру и его лиману“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. VI, стр. 550.

рый, вопреки мнѣнію графа А. Уварова, хотя и считаетъ его тоже за остатки греческаго города, но только не Серимона (Serimum), а Сорона (Sarum), бывшаго, по Птоломею, четвертымъ городомъ, считая отъ устья Борисѳена [1]). Наконецъ, послѣднее указаніе на Бѣлозерское городище мы находимъ въ замѣткѣ г. Падалки, давшей поводъ и мнѣ коснуться того-же предмета. Изъ вышеизложеннаго нетрудно видить, что Бѣлозерское городище, несмотря на то, что оно было давнымъ-давно извѣстно археологамъ, до сихъ поръ еще не привлекло къ себѣ ихъ достаточнаго вниманія и не было подвергнуто ими систематическому изученію, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ, какъ по своей обширности, такъ и по тѣмъ находкамъ, какія издавна дѣлаются въ немъ мѣстнымъ населеніемъ.

Расхищеніе культурныхъ остатковъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ систематически производится уже болѣе ста лѣтъ. Такъ, еще въ 1772 году новороссійскій губернаторъ Чертковъ въ письмѣ къ запорожскому кошу отъ 30 ноября писалъ слѣдующее: „Близь Александровской и Никитинской, на пространствѣ 30 верстъ, между рѣками Кучугумомъ и Конскою, по направленію къ Великимъ пескамъ, найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ жженой кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены мрамором ъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими татарами и другими народами; то дабы скорѣе окончить постройку днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только *не воспрещать* выбирать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, *но еще поощрять* отысканіе другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду по 5 руб. за кирпичный и по 10 руб. за известковый запасъ“. Кошъ отвѣчалъ на это, что подобная работа давно уже извѣстна войску и назначена имъ на постройку въ Сѣчи каменной церкви, вмѣсто деревянной [2]). По словамъ Г. И. Спасскаго, въ Бѣлозерскомъ

[1]) „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ“. Древности Геродотовой Скиѳіи, СПБ., вып. II, 1872 г., стр. LXXVII—LXXX.

[2]) „Исторія Новой Сѣчи“. Скальковскаго, Одесса, 1846 г., стр. 129.

городищѣ „въ 1831 году, почти на самомъ высокомъ берегу Днѣпра, въ полусаженной глубинѣ, вырытъ изъ подъ песковъ каменный помостъ въ 15 саженъ длиною и 6 шириною и около аршина толщиною, состоявшій большею частью изъ тесаныхъ камней, и нѣсколько, также сооруженныхъ изъ камня и кирпича, поваренныхъ печей (?), можетъ быть служившихъ и для обжиганія приготовлявшейся глиняной посуды, чего теперь не утвердить, ни отвергнуть нельзя, потому что все это *разрушено* и употреблено окрестными жителями въ строенія, равно какъ и прежде того открытые фундаменты и другіе остатки бывшихъ нѣкогда зданій“ [1]). И до сихъ поръ жители с. Каменки и с. Большой Знаменки пользуются изъ Бѣлозерскаго городища строительными матеріалами, какъ они сами говорили мнѣ объ этомъ. Точно также здѣсь ежегодно дѣлаются находки монетъ и различныхъ вещей, да „безъ надобности“ на нихъ не обращаютъ никакого вниманія и обыкновенно отдаютъ ребятишкамъ для забавы. Единственное исключеніе дѣлается, конечно, для золотыхъ вещей, но онѣ попадаются сравнительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе, и онѣ чаще всего безплодно ускользаютъ изъ рукъ спеціалистовъ. Такова, напримѣръ, находка, сдѣланная ребятишками въ день Спаса Преображенія въ 1845 г., когда въ одномъ песчаномъ бугрѣ были найдены разныя золотыя вещи, а именно: пуговицы, кольца, птички, выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ и т. п. Молва говоритъ, что находка эта составляла на вѣсу около $1^1/_2$ пуда [2]). Воспоминаніе о ней и до сихъ поръ еще живо въ средѣ мѣстнаго населенія. Однако, изо всей этой находки только нѣсколько вещицъ попало въ руки А. Терещенко; все же остальное безвозвратно погибло для науки въ рукахъ алчныхъ и невѣжественныхъ людей. Короче сказать, если теперь же не будутъ приняты серьезныя мѣры къ огражденію Бѣлозерскаго городища отъ расхищенія, то изъ него вскорѣ исчезнутъ и послѣдніе остатки старины, которые пока еще довольно многочисленны въ немъ.

---

[1]) „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“, примѣч. 129.

[2]) „Очерки Новор. края“, стр. 32.

Разнообразные культурные остатки встрѣчаются здѣсь не только на пространствѣ, занятомъ кучугурами, но и внѣ ихъ какъ по направленію къ с. Большой Знаменкѣ, такъ и вплотъ до огромнаго вала, проходящаго черезъ с. Каменку отъ берега рѣки Конки до Бѣлозерскаго лимана. Около Конки валъ этотъ въ настоящее время почти совершенно сгладился, но ближе къ лиману онъ ясно видѣнъ, особенно начиная съ ярмарочной площади. Повидимому, въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ былъ очень высокъ и ровъ его находился снаружи отъ городища, т. е. со степной стороны. Общее направленіе вала почти прямое съ сѣверо-востока на юго-западъ; только подходя къ лиману, онъ нѣсколько поворачиваетъ, направляясь перпендикулярно къ его берегу. Близь ярмарочной площади валъ въ одномъ мѣстѣ рѣзко прерывается и образуетъ узкій проѣздъ, который мѣстное населеніе называетъ „желѣзными воротами". По словамъ старожиловъ, перерывъ этотъ существовалъ уже въ то время, когда мѣсто это стало заселяться первыми поселенцами изъ Россіи, т. е. въ концѣ прошлаго столѣтія. Культурные остатки древняго поселенія попадаются только на внутренней сторонѣ вала, т. е. по направленію къ кучугурамъ и въ самихъ кучугурахъ, но ихъ совершенно нѣтъ на сторонѣ его, обращенной къ степи.

Я не буду останавливаться на описаніи остатковъ земляныхъ укрѣпленій по лѣвому берегу протока изъ Бѣлозерскаго лимана, близь с. Большой Знаменки, такъ какъ они неоднократно были уже обстоятельно описаны, напримѣръ, г.г. Вертильякомъ, Падалкой и др. По поводу нихъ я повторю только, что я не считаю ихъ за остатки отдѣльнаго городища, такъ какъ, и по мѣсту своего нахожденія, и по характеру находимыхъ въ нихъ вещей, они тѣсно примыкаютъ къ городищу у Каменнаго затона, въ чемъ легко убѣдиться при внимательномъ изученіи описываемой мѣстности.

При тщательномъ обзорѣ всего пространства, въ предѣлахъ котораго находятъ древніе культурные остатки, я убѣдился, что всѣ они должны быть пріурочены къ вполнѣ опредѣленному подпочвенному горизонту, который въ видѣ ясно выраженнаго

зольнаго слоя мощностью до 1 аршина встрѣчается на всемъ этомъ пространствѣ, залегая или у самой поверхности почвы, или на нѣкоторой глубинѣ, достигающей мѣстами 2 аршинъ. Слой этотъ мало по мало разрушается вѣтромъ, который отвѣиваетъ отъ него песокъ, а всѣ болѣе тяжелыя вещи, заключающіяся въ немъ, остаются на мѣстѣ, при чемъ чаще всего это происходитъ въ углубленіяхъ между песчаными холмами или въ „котловинахъ выдуванія". Такимъ образомъ, вѣтеръ какъ-бы просѣиваетъ зольный культурный слой, результатомъ чего и является мѣстами массовое скопленіе заключающихся въ немъ предметовъ.

Въ мѣстахъ такого скопленія ихъ вся почва на протяженіи десятковъ и даже сотенъ квадратныхъ саженъ, буквально завалена битою черепицею и обломками глиняныхъ амфоръ, отъ которыхъ чаще всего попадаются ручки и съуженныя книзу днища. Кромѣ этихъ обломковъ, здѣсь довольно часто находятъ бронзовыя стрѣлки различныхъ типовъ, стрѣлки изъ зубной эмали домашнихъ животныхъ, кремневыя стрѣлки, кости и зубы различныхъ животныхъ, куски ржаваго желѣза, бусы, черепки терракотовой посуды, черепки горшковъ чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ узоромъ, множество кусковъ сплавленной бронзы, обломки ножей съ бронзовыми рукоятками, обломки свинца, битое стекло и т. п. Изрѣдка попадаются золовыя вещицы и монеты, какъ на это указываютъ гг. Терещенко, Вертильякъ, Спасскій и графъ Уваровъ. Послѣдній подробно описываетъ ихъ, и на основаніи этого описанія мы должны признать ихъ за остатки греческой культуры. Къ числу характерныхъ находокъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ слѣдуетъ отнести также, повидимому, искусственныя громадныя скопленія гранитныхъ обломковъ. Мѣстами мнѣ лично приходилось наблюдать что такіе обломки гранита лежатъ плотно другъ около друга, образуя подобіе мостовой, какъ это хорошо можно видѣть, напримѣръ, за огородомъ Ѳомы Лещенко, около пристани на Днѣпрѣ. Здѣсь груды камня выступаютъ въ видѣ насыпи, имѣющей значительное протяженіе. Мы не знаемъ ни одного естественнаго агента, дѣйствіемъ котораго можно было бы объяснить

образованіе подобныхъ скопленій гранитныхъ обломковъ. Слѣдовательно, они могли возникнуть здѣсь только при участіи человѣка, который пользовался для своихъ строительныхъ цѣлей выходами гранита на берегу Каменнаго затона и строилъ изъ этого матеріала фундаменты зданій, мостовыя и т. п. Дѣйствительно, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ кучугурахъ встрѣчаются также остатки какихъ-то зданій, а также какія-то особыя сооруженія въ видѣ погребовъ. Весьма возможно, что послѣднія вовсе не погреба, а могильные склепы, такъ какъ въ нихъ нерѣдко находили кости людей и разнообразныя вещи. Такъ, по словамъ графа Уварова, недалеко отъ с. Каменки случайно была открыта могила, которая „внутри была обложена большими четырехугольными плитами изъ бѣлаго камня. Въ ней лежалъ человѣческій скелетъ, а вокругъ него были разбросаны золотыя украшенія, которыя, вѣроятно, пришиты были къ истлѣвшему платью“ [1]). Вообще, несмотря на безпощадное расхищеніе строительныхъ матеріаловъ, ихъ все еще весьма много въ Бѣлозерскомъ городищѣ, при чемъ особенно обильными они становятся въ тѣхъ частяхъ его, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру или къ его протоку, р. Конкѣ. Наиболѣе часто остатки зданій встрѣчаются на землѣ Ѳомы Лещенко, гдѣ находятъ тонкіе квадратные кирпичи, бутовый камень, перегнившее дерево и т. п. Очевидно, что и прежде, какъ и теперь, мѣсто это было особенно привлекательно для человѣка, который пользовался имъ какъ удобною пристанью, для чего оно служитъ и въ настоящее время. Тутъ же неоднократно находили и цѣльныя амфоры нерѣдко весьма большихъ размѣровъ. Здѣсь же чаще всего попадаются и монеты, особенно послѣ весенняго половодья, когда находятъ ихъ въ тонкомъ слоѣ песка, покрывающемъ выходы кристаллическихъ породъ. Въ дополненіе къ вышеперечисленнымъ находкамъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, я долженъ еще прибавить, что мною были найдены здѣсь остатки литейной мастерской, на существованіе которой указываетъ обильное скопленіе шлаковъ и въ

[1]) „Изслѣд. о древн. Юж. Россіи“. Стр. 22.

особенности присутствіе разрозненныхъ кусковъ болотной желѣзной руды.

Весьма многія изъ вышеуказанныхъ вещей были лично найдены мною въ Бѣлозерскомъ городищѣ въ 1888 году. Изъ этихъ вещей, а также изъ находки г. Сердюкова составилась небольшая коллекція, которая и передана мною въ даръ Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ. Вещи эти до сихъ поръ еще остаются неописанными и не мнѣ, конечно, браться за это описаніе. Тѣмъ не менѣе, не могу не отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ наиболѣе характерныя и имѣющія отношеніе къ послѣдующему изложенію. Такъ, изъ числа стрѣлокъ мы имѣемъ изъ Бѣлозерскаго городища стрѣлки кремневыя, стрѣлки изъ зубной эмали, стрѣлки бронзовыя и желѣзныя. Изъ посуды мною были найдены черепки съ одной стороны чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ орнаментомъ, а съ другой—черепки необыкновенно тонкой греческой работы. Что-же касается украшеній, то и здѣсь рядомъ съ бусами очень грубаго вкуса и работы попадаются такія изящныя издѣлія, какъ рельефныя изображенія на золотыхъ пластинкахъ, о которыхъ упоминаютъ гг. Терещенко, Спасскій, гр. Уваровъ и др., а также найденная мною весьма изящная металлическая овальная пластинка съ вогнутымъ изображеніемъ крылатой *Нике*. Если же ко всему этому прибавить находки греческихъ, римскихъ, татарскихъ и турецкихъ монетъ, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что въ Бѣлозерскомъ городищѣ мы имѣемъ смѣсь различныхъ культуръ, такъ сказать, археологическій конгломератъ, что еще болѣе возвышаетъ интересъ научнаго изученія этой мѣстности.

Мѣсто это, повидимому, давно уже было покинуто человѣкомъ, который оставилъ его, быть можетъ, подъ вліяніемъ необходимости отступить подъ напоромъ песковъ, постепенно заносившихъ его. По крайнѣй мѣрѣ, уже старинные путешественники свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о древнемъ городищѣ. Такое указаніе, между прочимъ, мы находимъ у Эриха Лассоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 году. Запорожцы хорошо знали это городище, называвшееся у нихъ „Свя-

тымъ“ [1]), и, вѣроятно, съ ихъ словъ были записаны различныя свѣдѣнія о немъ, какія мы находимъ, напримѣръ, въ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“. По словамъ А. А. Скальковскаго [2]), въ первой половинѣ прошлаго столѣтія противъ Микитина—рога (Никополя), на мѣстѣ теперешняго с. Каменки, существовало козачье поселеніе „с. Камянное“ или „Крымская Каменка“, названная „Крымской“ потому, что она была расположена на лѣвой, т. е. крымской стороны Днѣпра, по ногайски же это поселеніе называлось „Крименды — Базаръ“. Здѣсь на берегу Бѣлозерскаго лимана и далѣе вверхъ по Бѣлозерской балкѣ жили запорожцы отдѣльными зимовками отчасти для рыболовства и охоты, а отчасти для содержанія мостовъ и переправы черезъ Днѣпръ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, живя по сосѣдству съ Бѣлозерскимъ городищемъ, запорожцы пытались такъ или иначе объяснить его происхожденіе. Объясненія эти носили, конечно, легендарный характеръ и, между прочимъ, одно изъ нихъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому, дошло и до нашего времени. Такъ, мнѣ лично, въ бытность мою въ с. Каменкѣ въ 1888 году, пришлось встрѣтиться съ девяностолѣтнимъ старикомъ, фамилія котораго Бутринъ, а народное прозвище „Юрза“. Къ сожалѣнію, онъ страдалъ глухотою, что крайне затрудняло разговоръ съ нимъ. На мой вопросъ: „не знаетъ-ли онъ чего-либо про старину этихъ мѣстъ?“—Юрза разсказалъ приблизительно слѣдующее:

„Извѣстное дѣло, давно это было,—еще при туреччинѣ. Жила за этимъ валомъ (мы какъ-разъ сидѣли на немъ), въ городкѣ, около Днѣпра, гречанка, Бѣлозорія по прозванію; у ней и постройка, и лавки всякія были, хорошо она жила! И вѣры-то она была христіанской. Только, вдругъ пришелъ со степи Мамай съ войскомъ, увидалъ городокъ Бѣлозоріи, узналъ про красоту ея и затѣялъ на ней жениться. Сталъ пословъ посылать, а та и слышать не хочетъ,—ужь дюжій-то нехристь Ма-

[1]) „Нѣсколько новыхъ документовъ о Запорожской сѣчи и ея земляхъ“. А Шмидта. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. Т. IV, 1858 г., стр. 468.

[2]) „Поѣздка по запорожскимъ урочищамъ“. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1846 года, XIII, стр. 66.

май былъ, а она, стало быть, какъ слѣдуетъ, крѣпко за христіанскую вѣру стояла. Сталъ тогда Мамай войной и силой своей грозить. Испугалась Бѣлозорія, видитъ не устоять ея городку противъ силы Мамаевой и пошла она на хитрость. Завела съ Мамаемъ переговоры, а сама начала корабли строить. Настроила кораблей, сколько было надо, сѣла на нихъ съ своимъ народомъ, снесла на нихъ все богатство свое, да и уплыла въ море по Днѣпру. А Мамай хоть и видѣлъ это, да сдѣлать ничего не могъ,—народъ-то его по корабельному дѣлу ничего не смыслитъ. Обозлился тогда Мамай и разорилъ со зла городокъ Бѣлозоріи. Оттого-то и находятъ въ кучугурахъ черепки, да камень и вещи разныя. Отъ Бѣлозоріи и лиманъ-то нашъ называется Бѣлозерскимъ, а отъ Мамая въ Большой Знаменкѣ рѣчку стали называть Мамасовкой".

Разсказъ Юрзы весьма близко совпадаетъ съ разсказомъ, записаннымъ у г. Вертильяка, а также въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" съ тою только разницею, что у г. Вертильяка Бѣлозорія называется „Суркою". Имя это и теперь слышится въ названіяхъ нѣкоторыхъ окрестныхъ урочищъ. Такъ, на картѣ запорожскихъ урочищъ, приложенной къ вышецитированной замѣткѣ г. Шмидта, окрестныя возвышенности названы „Мама-Сура", и рѣчка въ с. Большой Знаменкѣ тоже „Мама-Сура", Юрза же назвалъ ее „Мамасовкой". Объясненіе происхожденія этого названія мы находимъ у г. Скальковскаго [1]). Изслѣдованія, произведенныя имъ на мѣстѣ, убѣдили его въ томъ, что „Мама-Сура" было козачье поселеніе на крымской сторонѣ, при устьѣ рѣчки, впадающей въ Днѣпръ немного ниже Бѣлозерки, которая по-татарски называлась „Мамай-су". Близь этой рѣчки, Мамайки или Мамасовки (въ разсказѣ Юрзы) есть довольно высокая гора—„Мамай-Дагъ" (Мама-Сура). Названіе же „Мамай-су" присвоено Бѣлозерской балкѣ, вѣроятно потому, что на ней издавна были расположены аулы нагайскихъ мурзъ Мамайскаго рода. Впослѣдствіе же названіе это было исковеркано запорожцами на свой ладъ и обратилось въ „Мамай-Сурка" или „Мамай-Сура".

---

[1]) „Поѣздка по запорожскимъ урочищамъ". Стр. 66.

Весьма характернымъ въ разсказѣ Юрзы является то обстоятельство, что Бѣлозорія была „гречанка". Очевидно, и народъ ея былъ также греческаго происхожденія. Не есть-ли это отголосокъ еще болѣе древнихъ сказаній о Бѣлозерскомъ городищѣ, въ которыхъ болѣе точно опредѣлялась національность его прежнихъ обитателей? На древность ихъ указываетъ также и сказаніе, записанное въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ", гдѣ Бѣлозерское городище прямо пріурочивается къ „славному старинному городу", который „былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа ѳранковъ, которые въ то время тутъ жили, а потомъ оный народъ вышелъ въ нѣмецкую землю". Затѣмъ, какъ въ этомъ сказаніи, такъ и въ разсказѣ Юрзы, Мамай и татары являются уже болѣе поздними пришельцами—разорителями, а потому я думаю, что они никогда и не жили здѣсь осѣдлою жизнью. Слѣдовательно, имъ и нельзя приписывать болѣе грубые остатки, находимые въ Бѣлозерскомъ городищѣ, какъ это дѣлаетъ графъ Уваровъ, который прямо говоритъ [1]), что на развалинахъ болѣе древняго города здѣсь поселились татары. Еще опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ выражается г. Терещенко, который на основаніи находки въ Бѣлозерскомъ городищѣ татарскихъ монетъ и „внимательнаго обозрѣнія" этой мѣстности „убѣдился, что здѣсь было городище татарское" [2]). Позволю себѣ замѣтить на это, что даже самое „внимательное обозрѣніе" этой мѣстности не даетъ ровно никакихъ указаній относительно національности древнихъ обитателей его. Что же касается татарскихъ монетъ, то ихъ присутствіе среди культурныхъ остатковъ Бѣлозерскаго городища, конечно, даетъ нѣкоторое указаніе на пребываніе здѣсь татаръ, но отнюдь не доказываетъ, чтобы они имѣли на мѣстѣ Бѣлозерскаго городища постоянную осѣдлость. По всей вѣроятности, пребываніе ихъ здѣсь было временное. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что у Каменнаго затона издавна существовала переправа съ одного берега Днѣпра на другой. Гораздо болѣе убѣдительны указанія графа Уварова

---

[1]) „Изслѣд. о др. Юж. Россіи". В. I, стр. 21 и 26.

[2]) „Очерки Новор. края". Ж. М. Н. Пр., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 34.

на грубый характеръ работы и отдѣлки черепковъ посуды, которая встрѣчается въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ черепками изящной посуды несомнѣнно греческаго происхожденія. Но грубость этой посуды еще ничего не говоритъ за принадлежность ея татарамъ, а указываетъ только на то, что посуда эта принадлежала какому то народу, стоявшему на довольно низкой ступени развитія, который жилъ здѣсь или одновременно съ народомъ болѣе культурнымъ, т. е. греками, или же заселялъ это мѣсто въ эпоху болѣе раннюю. Кремневыя стрѣлки и стрѣлки изъ зубной эмали, которыя мнѣ удалось найти въ Бѣлозерскомъ городищѣ и которыхъ графъ Уваровъ, очевидно, не зналъ для этой мѣстности, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ татарами, а съ какимъ то народомъ, культура котораго была очень низкой. Все это заставляетъ насъ признать, что предметы болѣе низкой культуры, находимые въ Бѣлозерскомъ городищѣ, вовсе не татарскаго происхожденія и что древность ихъ заходитъ гораздо дальше эпохи татарскаго нашествія, ко времени котораго древнее поселеніе, бывшее на мѣстѣ этого городища, было уже, вѣроятно, разрушено и занесено пескомъ.

Что же касается археологическаго значенія болѣе культурныхъ остатковъ Бѣлозерскаго городища, въ числѣ которыхъ преобладающую роль играютъ вещи несомнѣнно греческаго происхожденія, то подобный анализъ этихъ находокъ и въ особенности монетъ заставилъ графа Уварова признать, что на мѣстѣ этого городища процвѣталъ нѣкогда греческій городъ, время существованія котораго онъ полагаетъ между VI или V столѣтіями до Р. Х. и II столѣтіемъ послѣ Р. Х. По словамъ графа Уварова, найденныя здѣсь „монеты занесены были на берега Борисѳена, вѣроятно, торговлею и доказываютъ намъ, что существовавшій тутъ городъ былъ въ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми главнѣйшими поселеніями береговъ Понта Евксинскаго, т. е. съ Ольвіей, Пантикапеей, Херсонисомъ и Истромъ. Впослѣдствіи, когда въ торговлѣ, подъ вліяніемъ римскаго владычества, распространились монеты императорскія, то, вѣроятно, посредствомъ тѣхъ же сношеній, дошли онѣ и до бе-

береговъ Днѣпра. Положеніе греческаго города на самомъ Борисѳенѣ было весьма полезно для грековъ въ отношеніи торговли. Онъ служилъ мѣстомъ соединенія торговли южной съ торговлею сѣвера. Греческіе купцы, по преимуществу, вѣроятно, ольвійскіе, привозили сюда свои товары; они или мѣняли ихъ на произведенія скиѳскія, или продавали ихъ скиѳамъ. Греки умѣли выбрать мѣсто для учрежденія города. Они поселились на томъ мѣстѣ, до котораго судоходство по Борисѳену было безопасно и имъ извѣстно. Съ юга и съ запада они были отчасти окружены лѣсами, отчасти полями; однимъ словомъ, они имѣли тутъ всѣ удобства жизни. Это мѣсто и доселѣ еще такъ удобно для торговли и до такой степени лежитъ на самомъ пути между югомъ и сѣверомъ, что и теперь тутъ пролегаетъ дорога изъ Крыма въ Россію" [1]). Нельзя не согласиться, что всѣ эти соображенія графа Уварова весьма правдоподобны и что внѣшнія удобства этой мѣстности даже и теперь дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодной для торговли, благодаря чему всѣ окрестныя селенія лѣваго берега Днѣпра замѣтно тяготѣютъ къ естественной и удобной пристани, расположенной въ Каменномъ затонѣ, откуда ежегодно сплавляются милліоны пудовъ хлѣба въ черноморскіе порты. Въ виду всего этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что Бѣлозерское городище, которое графъ Уваровъ считаетъ за остатки греческаго города Серимона (Serimum—Σέριμον), нѣкогда представляло собой греческую факторію, составлявшую одинъ изъ крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ греческихъ поселеній по Борисѳену и расположенную почти на рубежѣ тогдашняго цивилизованнаго міра.

Рядомъ съ этимъ, однако, весьма возможно также допустить, что Бѣлозерское городище представляетъ собою остатки не греческаго, а какого либо скиѳскаго поселенія, куда такъ или иначе находили себѣ доступъ вещи греческой работы, а также и монеты, но я, какъ не спеціалистъ, не рѣшаюсь взяться за рѣшеніе этого вопроса, хотя и думаю, что такое предположеніе мало вѣроятно. Едва-ли не единственнымъ указаніемъ въ

---

[1]) „Изслѣд. о древн. Южн. Россіи". В. I, стр. 26—27.

пользу его правдоподобности могло-бы служить присутствіе въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ многочисленными остатками греческой культуры такихъ грубыхъ вещей, какъ кремневыя стрѣлки или черепки посуды весьма примитивной работы. Однако, присутствіе подобныхъ вещей можетъ быть одинаково хорошо объяснено какъ при томъ предположеніи, что нѣкогда существовавшее здѣсь поселеніе было исключительно скиѳское, такъ и принимая Бѣлозерское городище за остатки одного изъ греческихъ городовъ, съ которымъ скиѳы несомнѣнно находились въ постоянныхъ и весьма дѣятельныхъ сношеніяхъ. При этомъ, конечно, между ними могли быть и такія племена, которыя стояли на весьма низкихъ ступеняхъ культуры. Эти-то послѣднія, посѣщая для торговыхъ или какихъ-либо иныхъ цѣлей греческую факторію, и могли занести въ нее въ большемъ или меньшемъ количествѣ предметы своего незатѣйливаго домашняго обихода, остатки которыхъ мы находимъ теперь рядомъ съ остатками греческой культуры.

Такимъ образомъ, значеніе болѣе грубыхъ вещей, находимыхъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, остается крайне неяснымъ. При этомъ необходимо еще замѣтить, что лично я не могу утверждать, встрѣчаются-ли оба рода остатковъ въ одномъ и томъ-же культурномъ горизонтѣ, или же вещи болѣе грубой работы залегаютъ нѣсколько глубже вещей греческаго происхожденія. Разъясненіе этой подробности составляетъ уже предметъ болѣе спеціальныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, которыя и покажутъ намъ, представляютъ-ли остатки греческой осѣдлости въ Бѣлозерскомъ городищѣ первоначальное человѣческое поселеніе на этомъ мѣстѣ, или же ему предшествовало болѣе древнее поселеніе, время возникновенія котораго, быть можетъ, относится еще съ доисторической эпохѣ.

Ограничиваясь вышесказаннымъ, позволю себѣ замѣтить, что цѣль моей настоящей замѣтки я буду считать вполнѣ достигнутой, если мнѣ удастся обратить вниманіе археологовъ-спеціалистовъ на Бѣлозерское городище, которое вполнѣ заслуживаетъ его какъ по своему научному интересу, такъ и въ виду опасенія за дальнѣйшую сохранность его. Необходимо

поспѣшить съ систематическимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ этого замѣчательнаго памятника сѣдой старины, такъ какъ иначе время и человѣческое невѣжество угрожаютъ навсегда отнять у науки тѣ цѣнные археологическіе матеріалы, которые скрыты въ немъ подъ грудами сыпучихъ песковъ.

В. Соколовъ.

Москва, 8 апрѣля 1892 года.

Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши).

Отъ редакціи. Приступая къ печатанію новаго отдѣла изъ записокъ М. Чайковскаго, отдѣла, относящагося ко времени пребыванія автора записокъ въ Турціи, редакція считаетъ необходимымъ для большей ясности разсказать вкратцѣ о пребываніи Чайковскаго въ Зап. Европѣ до его отъѣзда въ Константинополь.

После перехода австрійской границы часть повстанцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Чайковскій, направилась въ г. Брюнъ въ Моравіи, гдѣ они были радушно приняты мѣстными жителями—чехами, среди которыхъ были распространены панславистскія воззрѣнія, мало понятныя, повидимому, для польскихъ эмигрантовъ. Но пребываніе въ Брюнѣ было непродолжительно, такъ какъ австрійское правительство находило неудобнымъ оставить бывшихъ повстанцевъ на своей территоріи. Эмигранты отправились черезъ Баварію въ Швейцарію. Баварскій король воспротивился проѣзду ихъ черезъ Мюнхенъ и они направились черезъ Ульмъ, гдѣ были торжественно встрѣчены нѣмецкими либералами. Но оказалось, что и поляки и нѣмцы совершенно расходились въ своихъ симпатіяхъ и идеалахъ и потому плохо понимали другъ друга. Въ Швейцаріи повстанцы поселились въ Шафгаузенѣ, откуда совершили поѣздку въ Аренсбергъ, мѣстопребываніе Людовика-Наполеона и его матери королевы Гортензіи. Самого принца тамъ въ это время не было, но эмигрантовъ очень любезно приняла его мать. Во Франціи въ то время повсюду высказывались горячія симпатіи къ Польшѣ и полякамъ, и выходцы поспѣшили перебраться въ эту дружественную страну.

Они перешли границу у крѣпости С.-Луи. Здѣсь эмигранты получили свѣдѣнія, что часть бывшихъ повстанцевъ находилась въ Безансонѣ, часть въ Авиньонѣ, а часть въ Буржѣ; не военные эмигранты проживали въ Шатору, а главари, сеймъ и ржондъ народовый имѣли мѣстопребываніе въ Парижѣ. Чайковскій съ товарищами направились въ Буржъ. Тамъ, по словамъ Чайковскаго, было болѣе 4,000 поляковъ, изъ которыхъ 1,500 было солдатъ, живших въ казармахъ. Польскіе эмигранты во Франціи тотчасъ раздѣлились на множество политическихъ партій, особенно это раздѣленіе усилилось, когда, послѣ безпорядковъ, произведенныхъ эмигрантами въ Буржѣ, французское правительство распорядилось размѣстить поляковъ по многимъ городамъ. Изъ Буржа Чайковскій съ товарищами совершили поѣздку въ Парижъ и видѣлись тамъ съ главами польскихъ эмигрантовъ. Въ Парижѣ они застали своихъ соотечественниковъ раздѣлившимися на партіи, которыя сходились между собою развѣ только въ непріязни къ князю Адаму Чарторыйскому. Пребываніе Чайковскаго въ Парижѣ было непродолжительно и онъ возвратился въ Буржъ, гдѣ и женился на дѣвицѣ де-Габаре. Изъ Буржа Чайковскій переселился въ Фонтенбло, и, вмѣстѣ съ товарищами, несъ военную службу въ стоявшемъ тамъ гусарскомъ полку. Здѣсь онъ подружился съ Кипризли-Мегметъ-пашей, служившимъ во французской арміи, и здѣсь же написалъ сочиненіе о кавалеріи, которое впослѣдствіе и было напечатано во французскомъ военномъ журналѣ. Черезъ годъ Чайковскій снова возвратился въ Парижъ. Здѣсь онъ очутился въ затруднительномъ положеніи: деньги были прожиты, а субсидіи отъ французскаго правительства, которая выдавалась другимъ эмигрантамъ, Чайковскій не получалъ. Въ поискахъ за средствами къ жизни онъ рѣшился было поступить въ банкирскую контору, но одинъ изъ его пріятелей-французовъ уговорилъ его попытать свои силы на литературномъ поприщѣ; Чайковскій написалъ по-французски разсказъ изъ украинской жизни, разсказъ этотъ былъ напечатанъ и за нимъ послѣдовали другіе. Отъ разсказовъ Чайковскій перешелъ къ газетнымъ статьямъ политическаго характера. На его разсказы обратилъ вни-

маніе Мицкевичъ и уговорилъ его писать по-польски. Такъ началась литературная дѣятельность Чайковскаго. Въ это время Ч—скій сошелся съ Адамомъ Чарторыйскимъ и представилъ ему свою политическую программу, которая состояла въ слѣдующемъ: необходимо, не обращая вниманія на мнѣнія эмигрантовъ, установить правительство, которое являлось бы польскимъ правительствомъ, перенесеннымъ изъ родной страны въ Парижъ, и вело бы иностранную политику, при чемъ должно обратить вниманіе: во 1-хъ на Римъ, какъ центръ католицизма, во 2-хъ на Востокъ, т. е. на турецкое правительство, которое „до конца сохраняло миръ съ Польшей и ни однимъ актомъ не признало ея раздѣла, и на христіанскихъ подданныхъ султана, изъ которыхъ одни такіе же славяне, какъ и поляки, а другіе враждебны государствамъ, раздѣлившимъ между собою Польшу (?)“. Такая политика придастъ большое значеніе кн. Адаму въ глазахъ европейскихъ дворовъ и народовъ. Въ то же время надо организовать заграницей польскую военную силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ч—скій сообщилъ Чарторыйскому, что онъ „не вѣритъ въ возможность возстановленія Польши собственными силами, потому что поляки не имѣютъ и не могутъ имѣть средствъ для борьбы съ могущественными врагами, которые господствуютъ въ странѣ, особенно при разладѣ сословій въ польскомъ обществѣ, при отсутствіи цемента, который могъ бы его соединить, при взаимной непріязни между панами и хлопами, при отсутствіи людей съ общепризнаннымъ высшимъ общественнымъ положеніемъ, которые стали бы во главѣ возстанія, при народномъ легкомысліи, которое можно назвать политической незрѣлостью, при несчастномъ политическомъ недомысліи, которое есть тяжкая кара за наши грѣхи; каждое возстаніе должно повлечь за собою рядъ несчастій, которыя постепенно все больше и больше будутъ закапывать гробъ Польши на вѣки. Потому то я всегда былъ врагомъ конспирацій и пропаганды, вызывающихъ возстанія въ Польшѣ. По моему убѣжденію, должно было дѣйствовать для блага Польши за границей, дабы приготовить тамъ силу, которою можно бы было воспользоваться въ случаѣ войны между европейскими государствами, какъ средствомъ заставить ихъ заняться польскими дѣлами“.

Чарторыйскій согласился съ этой программой и оба они съ Чайковскимъ стали дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, вступивъ въ сношенія со славянами и румынами, жившими въ Парижѣ, съ одной стороны и съ французскимъ правительствомъ, относившимся къ нимъ благосклонно, съ другой. Съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность Чайковскаго была связана съ дѣятельностью Адама Чарторыйскаго. Въ качествѣ его представителя Чайковскій ѣздилъ въ Римъ и въ Германію.

Въ это время одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Чарторыйскаго, Владиславъ Замойскій, составилъ планъ воспользоваться жившимъ въ Парижѣ черногорскимъ княземъ Васовичемъ для польскаго дѣла на Востокѣ. Этотъ Васовичъ былъ выдвинутъ какъ кандидатъ на черногорскій престолъ. Въ Васовичѣ приняли участіе „змартвыхвстанцы“ и іезуиты, такъ какъ этотъ авантюристъ выражалъ готовность принять католичество и способствовать распространенію власти св. престола на балканскихъ славянъ. Дворы англійскій и французскій сначала отнеслись къ этому предпріятію двусмысленно, что дало поводъ предполагать въ нихъ сочувствіе. Чайковскій не одобрялъ этого рискованнаго шага, который могъ вооружить противъ поляковъ Турцію, но его протесты не имѣли успѣха, пока предпріятіе не рушилось вслѣдствіе недостатка денегъ и настояній европейскихъ кабинетовъ. Тогда рѣшено было послать Чайковскаго въ Константинополь съ цѣлью разузнать на мѣстѣ о положеніи дѣлъ и о томъ, какую пользу можетъ извлечь Чарторыйскій и его партія изъ Турціи. Чайковскій черезъ Римъ, Неаполь, Мальту и Аѳины прибылъ въ Константинополь.

I.

Царьградъ.—Знакомство съ Людвигомъ Звѣрковскимъ.—Французское посольство.—О. Леленъ.— Гузревъ-паша.—Риза-паша.—Султанъ Абдулъ-Меджидъ.

Мы пріѣхали въ Стамбулъ ночью и я рѣшилъ ночевать на пароходѣ. Ночь я провелъ, сидя на своемъ багажѣ, не ради того, чтобы прислушиваться къ вою псовъ европейской столицы

могущественныхъ султановъ, которому отвѣчалъ вой шакаловъ съ азіатскаго берега, и не ради того, чтобы любоваться ночнымъ движеніемъ на черномъ фонѣ Золотого Рога, а потому что мнѣ какъ то странно было очутиться на Востокѣ, не имѣя ни одного знакомаго, безъ знанія языка и обычаевъ. Янычары, потому что Богъ знаетъ покончили ли они свое существованіе или преобразовались въ другой мусульманскій орденъ, чума, которая разгуливала по оттоманской имперіи, грозная власть русскаго посольства, о которой я слышалъ столько вымысловъ на Западѣ,—все это безпокоило меня и проносилось въ моемъ воображеніи. Въ такомъ настроеніи я заснулъ на скамьѣ и мнѣ приснился сладкій сонъ...

Разбудилъ меня Равскій [1]), говоря:

— Посмотрите, послушайте!

Я не успѣлъ еще раскрыть глаза, какъ въ ушахъ у меня раздались возгласы муэзиновъ, этихъ соловьевъ Ислама, призывающіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Голосъ ихъ былъ такъ сладокъ, звонокъ и сердеченъ, что я подумалъ, должно быть мусульмане очень сердечный народъ, если ихъ зовутъ такимъ голосомъ къ молитвѣ. Мнѣ вспомнилась Польша и я уже ухомъ и сердцемъ примирился съ тѣмъ Востокомъ, къ которому принадлежатъ славяне и который принадлежитъ славянамъ. А когда я увидѣлъ этотъ городъ, похожій на нашъ старый Кіевъ, то сказалъ въ душѣ, что ему дѣйствительно принадлежитъ имя Царьградъ, потому что это столица не только царства славянскаго, но царства всемірнаго. На фонѣ города, среди зданій различныхъ родовъ и цвѣтовъ, окруженныхъ рощами кипарисовъ и садами, полными цвѣтовъ, бѣлыя мечети съ стройными минаретами, съ блестящими куполами, были какъ бы планетами и кометами между звѣздами небеснаго свода. Міръ неодушевленный и полуодушевленный былъ дивенъ, очарователенъ. Міръ одушевленный не уступалъ ему: разнообразные уборы, одежды, разноцвѣтные люди на коняхъ, въ арбахъ, на каикахъ, на лодкахъ, пѣшкомъ; на мосту, на улицахъ, на морскомъ бе-

---

[1]) Спутникъ Чайковскаго.

регу толпы людей тѣснили одна другую и въ своемъ непрестанномъ движеніи приливали и отливали безъ начала и безъ конца. Я понялъ восхищеніе Магомета Завоевателя, когда, глядя на этотъ богатый коверъ, на эти два изумруда, оправленные въ бирюзу и раздѣленные другъ отъ друга бирюзою, онъ задумалъ увѣнчать его бриллiантомъ султанскаго господства и исполнилъ это. Этотъ коверъ чудной работы сталъ владѣніемъ калифовъ ислама, падишаховъ обширнаго міра, но въ жилахъ этихъ падишаховъ текла теперь уже кровь сербская, кровь славянская. Съ такими мыслями я сошелъ съ парохода и высадился на берегъ въ Тофане.

Это было въ концѣ октября 1841 г.

Я розыскалъ Людвига Звѣрковскаго, извѣстнаго въ Стамбулѣ подъ именемъ Ленара, якобы француза, который служилъ офицеромъ въ 7 пѣхотномъ полку. Человѣкъ храбрый, оросившій не одно поле битвы своею кровью, онъ считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ полка. Высланъ онъ былъ на Востокъ своимъ двоюроднымъ братомъ Валентіемъ Звѣрковскимъ и кружкомъ людей, мечтавшихъ о соединеніи эмигрантовъ подъ знаменемъ шляхетской демократіи, апостолами которой были: воевода Антонъ Островскій, посолъ Ледуховскій, генералъ Дверницкій, Іоахимъ Лелевель. Его отправленіе совпало съ миссіей генерала Хржановскаго—Кинга [1]). Цѣлью вождей шляхетской демократіи было помѣшать дѣйствіямъ кн. Чарторыйскаго, или, по крайней мѣрѣ, слѣдить за ними и пользоваться сообщеніями о нихъ для борьбы въ польскихъ и французскихъ газетахъ съ политикой кн. Адама. Были для этого собраны деньги и Звѣрковскій былъ хорошо обезпеченъ.

Я не былъ знакомъ съ Звѣрковскимъ, но, зная его по слухамъ, прямо отправился къ нему, безъ всякихъ околичностей сказалъ ему кто я, какая цѣль моего пріѣзда и предложилъ дѣйствовать сообща по приказаніямъ и отъ имени князя Адама. Онъ принялъ мое предложеніе и съ тѣхъ поръ до самой смер-

---

[1]) Агентъ князя Ад. Чарторыйскаго, ранѣе Чайковскаго ѣздившій въ Турцію.

ти его, въ 1857 г., мы были съ нимъ неразлучными друзьями и политическими единомышленниками.

Поляковъ въ Стамбулѣ было немного, да и тѣ скрывались подъ чужими именами: Корчакъ, Ленаръ и т. п., даже унтеръ-офицеръ Антонъ Ольшевскій назывался синьоръ Антоніо, а два Яна, одинъ стекольщикъ—Iani Timoti, другой поваръ Jean de France. Такъ боялись русскаго посольства. Ген. Хржановскій, жившій подъ именемъ англичанина Кинга, и его свита усиливали эту боязнь, тогда какъ русскому посольству и во снѣ не мерещилось преслѣдовать поляковъ на стамбульскихъ улицахъ или даже просто заниматься ими. Ежедневно появлялись новые басни объ арестахъ, заключеніи и высылкѣ ихъ; были свидѣтели, которые якобы слышали крики бѣдныхъ поляковъ и видѣли собственными глазами, какъ ихъ вели закованныхъ, точно медвѣдей въ сморгонскую академію, и все это въ то время, когда русскимъ посламъ былъ Титовъ, одинъ изъ самыхъ лойяльныхъ, самыхъ благородныхъ дипломатовъ въ Европѣ, человѣкъ сердечный и добрый, женатый на литвинкѣ Хрептовичъ, которая заботилась обо всѣхъ, и полякахъ, и не полякахъ.

Въ тотъ же день я отправился во французское посольство. Посолъ графъ де-Путуа, какъ говорили, побочный сынъ Людовика—Филиппа, представлялъ типа стараго французскаго дворянина. Онъ былъ не въ ладахъ съ англійскимъ посломъ лордомъ Понсонби и его женой. Я былъ хорошо принятъ и самимъ посломъ и всѣми членами посольства. У посла я познакомился съ о. Леленъ, настоятелемъ лазаристовъ, человѣкомъ лѣтъ 35, хорошо воспитаннымъ и образованнымъ, не фанатикомъ, заботившимся не только о пользѣ церкви, но и о благѣ людей. Послѣ обѣда мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Ени-кіой къ доктору Константину Маркополи, который былъ врачемъ и довѣреннымъ лицомъ бывшаго великаго визиря Гузревъ-паши. У меня были письма къ этому визирю, жившему въ изгнаніи, и къ его секретарю.

Вечеръ былъ проведенъ пріятно и не безъ пользы для меня. Хозяинъ дома былъ тотъ самый Костаки, о которомъ такъ много говорили и писали, приближенный и даже совѣт-

никъ Гузрева, черкеса по происхожденію, умомъ и ловкостью возвысившагося изъ невольниковъ до сана великаго визиря. Султанъ Махмудъ очень его любилъ и довѣрялъ ему. Гуссейнъ-ага былъ побѣдителемъ взбунтовавшихся янычаръ, а Гузревъ въ конецъ искоренилъ ихъ. Онъ много сдѣлалъ для проведенія реформъ въ Турціи; посылалъ за границу на свой счетъ много мальчиковъ, изъ которыхъ вышли потомъ полезные дѣятели.

На самомъ дѣлѣ Гузревъ былъ только исполнителемъ замысловъ Решида-Мустафы-паши, замѣчательнаго турецкаго государственнаго человѣка, и Фети-Ахмедъ-паши, зятя султана Махмуда. Эти люди, связанные узами дружбы, не были еще такъ извѣстны, чтобы стать иниціаторами реформы, но они нашли черкеса, податливаго и готоваго на все, чтобы только удержать власть, и воспользовались имъ для блага страны. Гузревъ въ сущности не имѣлъ никакихъ убѣжденій, но онъ не былъ фанатикомъ въ религіи, потому что, кажется, ни во что не вѣрилъ, и реформа его не пугала. У него не было ни политическаго смысла, ни человѣческаго сердца, какъ почти у всѣхъ черкесовъ, вышедшихъ изъ невольниковъ въ сановники. Во внѣшней политикѣ онъ старался угодить всѣмъ дворамъ и не вѣрилъ въ силу и могущество Турціи.

Ради успокоенія религіознаго фанатизма, который былъ придавленъ, дремалъ, но не былъ уничтоженъ, Решида-Мустафу-пашу, бывшаго душею реформы, назначили посломъ въ Парижъ и въ Лондонъ, а Ахмедъ-Фети-паша, при всѣхъ своихъ добрыхъ желаніяхъ, не имѣлъ возможности управлять Гузревъ-пашей и чужеземцами, призванными для проведенія реформы. Военная организація существовала на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Инструкторы, между которыми были люди знающіе и добросовѣстные, безъ дѣла слонялись по улицамъ и по кофейнямъ Перы, потому что имъ некого было учить. Комитетъ возрожденія Турціи заявлялъ о себѣ смѣшными и неудачными распоряженіями, напр. о вывозѣ изъ Стамбула собакъ и кошекъ на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ и о выдѣлкѣ тамъ изъ ихъ кожъ лайки, а изъ мяса и костей—сала и т. п. Въ это время сгруппировалась и другая партія, сознавшая необходимость ре-

формы и благопріятствовавшая ей, партія болѣе національная, опиравшаяся на мѣстныя силы и также не фанатическая въ религіозномъ отношеніи. Душею этой партіи былъ Гассанъ-Риза-паша, бывшій пажъ и любимецъ султана Махмуда, человѣкъ большихъ способностей, хотя и лишенный образованія. Его единомышленниками были: Мегметъ-Али-паша, зять умершаго султана, Халиль-паша, другой зять султана Махмуда, черкесъ, землякъ Гузрева, Реуфъ-паша, впослѣдствіе великій визирь, женатый на сербкѣ-христіанкѣ, Ага-Гуссейнъ-паша, побѣдитель янычаръ, и Неджибъ-паша, глава многочисленнаго и вліятельнаго въ Стамбулѣ семейства, находившійся въ родствѣ со всѣми правящими лицами. Риза-паша и его единомышленники съ большимъ уваженіемъ относились къ Решидъ-пашѣ, признавали его превосходство и считали самымъ способнымъ человѣкомъ для дипломатическихъ сношеній; Гузрева и его сторонниковъ они считали неспособными осуществить реформы.

Молодой султанъ Абдулъ-Меджидъ-ханъ былъ человѣкъ добрый и кроткій и даже хорошо воспитанный, съ дѣтства онъ учился французскому языку и порядочно владѣлъ имъ, любилъ свою родину и обладалъ умѣньемъ выбирать людей. Онъ оказывалъ большое довѣріе Ризѣ-пашѣ, которому удалось добиться удаленія Гузрева и Фети-Ахмеда-паши и назначенія Реуфъ-паши садразамомъ, а себя сераскиромъ. Первымъ дѣломъ новаго сераскира было устройство войска въ дѣйствительности, а не на бумагѣ.

Докторъ Маркополи посовѣтовалъ мнѣ, прежде чѣмъ приступать къ какимъ бы то ни было дѣйствіямъ, увидѣться съ Гузревомъ-пашей и выразилъ готовность отвезти меня въ Родосто-Теквардагъ, гдѣ Гузревъ жилъ въ изгнаніи, и представить пашѣ. Но, чтобы не компрометировать ни себя, ни его, мы уговорились выѣхать отдѣльно и встрѣтиться въ Родосто.

На вечерѣ у Маркополи я узналъ также отъ грековъ, что черкесы продали множество поляковъ, которыхъ подговорили дезертировать изъ русскаго войска, туркамъ и даже армянамъ и грекамъ, владѣльцамъ чифликовъ, выдавая этихъ поляковъ за своихъ невольниковъ, и что эти бѣдняки пашутъ теперь

землю, и исполняютъ различныя работы, что ихъ продавали даже въ Египетъ, Тунисъ и Триполи и что они боятся объявить о своей національности, страшась еще худшаго. Ни одно посольство не оказывало покровительства, не выдавало паспорта поляку, даже французское. Поляки были истинными паріями въ Стамбулѣ и въ Турціи. Мнѣ даже совѣтовали, чтобы я выбралъ народность и фамилію не польскую, но я на это не согласился. Сохраненіе своей національности и польской фамиліи я считалъ за первый шагъ въ своемъ дѣлѣ, за первый камень зданія, которое я намѣренъ былъ возвести.

II.

Свиданіе съ Фети-Ахмедъ-пашей.—Поѣздка въ Родосто.—Свиданіе съ Гузревъ-пашей.—Поиски козацкихъ куреней.—Козаки-некрасовцы.

На другой день я съ родственникомъ Маркополи, французомъ, учителемъ французскаго языка въ медицинской школѣ, секретаремъ и пріятелемъ Фети-Ахмеда-паши, а потомъ чтецомъ султана Абдулъ-Меджида, отправился въ Арнаутъ-кіой, гдѣ былъ дворецъ султанши, жены Фети-Ахмеда, въ которомъ онъ и жилъ, такъ какъ, въ качествѣ мужа султанши, не былъ отправленъ въ ссылку, а оставался инкогнито во дворцѣ. Онъ не могъ открыто принимать гостей и выѣзжать со свитой, приличной его сану. Я былъ знакомъ съ Фети-Ахмедомъ еще въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ турецкимъ посломъ, и еще тогда пользовался его расположеніемъ. Онъ принялъ меня очень ласково, но сказалъ, что не видитъ для меня возможности что нибудь сдѣлать, что онъ очень расположенъ къ полякамъ и польскому дѣлу, но что о немъ здѣсь и говорить нельзя, этого не допустятъ три державы, а за ними тянетъ и Англія, что на Францію разсчитывать нельзя, что, наконецъ Франція, какъ и Турція, боится трехъ державъ.

Вечеромъ мы съ Равскимъ отправились на парусномъ суднѣ въ Родосто и на слѣдующій день ночью пріѣхали туда. Мы были задержаны до разсвѣта въ кофейнѣ, пока явился карантинный врачъ англичанинъ и мы получили разрѣшеніе въѣ-

хать въ городъ. Въ кофейнѣ сидѣлъ какой то арабъ въ бурнусѣ и чалмѣ и пристально всматривался въ насъ. По пріѣздѣ доктора этотъ арабъ предложилъ черезъ него намъ свое гостепріимство, такъ какъ мы, по его словамъ, очень ему понравились, хотя и не обмѣнялись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Мы не могли отказаться отъ такого любезнаго приглашенія. Нашъ хозяинъ оказался арабомъ изъ Сиріи, женатымъ на венгеркѣ,—и однимъ изъ зажиточнѣйшихъ жителей Родосто. Дома онъ представилъ намъ свое семейство и предложилъ старшаго сына въ качествѣ драгомана, что было для насъ очень кстати, такъ какъ мы ни слова не знали ни по турецки, ни по гречески, а сынъ нашего хозяина говорилъ съ грѣхомъ пополамъ по французски и мы могли объясняться съ его помощью.

Вскорѣ мы встрѣтились съ Маркополи и онъ представилъ насъ Гузреву—пашѣ. Послѣдній встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, какъ посла его друга кн. Адама Чарторыйскаго, но тоже заявилъ, что для успѣха польскаго дѣла въ Турціи нельзя ничего сдѣлать.

По возвращеніи нашемъ отъ Гузрева—паши намъ былъ принесенъ отъ него обильный обѣдъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ водки и вина и мы устроили великолѣпное пиршество для всѣхъ сосѣдей.

Я много слышалъ о козацкихъ поселеніяхъ около Енось. Въ 1827—28 гг., какъ я узналъ въ Родосто, эти поселенія были перенесены въ Анатолію, въ окрестности Бандермы и Миголича, надъ озеромъ Маніовскимъ, и тамъ основано было большое селеніе въ 1000 домовъ, названное Биневле или Маніоскіой. Но на озерахъ Сырджа Юмурджина, которыхъ числомъ 7, козаки сохранили свои рыбныя ловли, а ихъ курени находились въ урочищѣ Ючъ-евле—„три дома“. Я рѣшился поѣхать туда, а потомъ пробраться въ Биневле.

Я съ Равскимъ и нашимъ драгоманомъ Сайхомъ выѣхали на почтовыхъ изъ Родосто. За нами почтальонъ, по турецки сируджи, велъ коня, навьюченнаго нашимъ багажемъ. Мы ѣхали по прошлогоднимъ стеблямъ бурьяна, по степи, подобной нашимъ украинскимъ, и къ вечеру прибыли въ Кешаны.

На восходѣ солнца мы выѣхали изъ Кешанъ искать козацкіе курени. Дороги не было, вездѣ разстилалась необозримая степь, покрытая травой и бурьяномъ, зеленые луга, а надъ озерами заросли тростника, которыми озера такъ обросли, что надо было подъѣхать близко, чтобы увидѣть ихъ обширную водную поверхность, вздымаемую вѣтромъ, какъ море, и на нѣкоторыхъ острова, покрытые группами деревьевъ и кустарниками. Въ тростникѣ слышится шорохъ и хрюканье стадъ дикихъ кабановъ, которые бѣжали отъ насъ; въ одномъ изъ этихъ стадъ было нѣсколько сотъ головъ, такъ что наши лошади дрожали отъ страха. Ни мусульмане, ни христіане не охотились на кабановъ, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не ѣдятъ ихъ мяса.

Въ Ючевле мы нашли козацкіе курени. Это были шалаши изъ тростника и вѣтвей, довольно многочисленные, на самомъ берегу озера Сырджа, на склонѣ небольшого пригорка, на которомъ, среди развалинъ обширнаго села, уже поросшихъ травой, стояли три домика, или скорѣе мазанки; въ одной изъ нихъ была корчма, которую держалъ еврей изъ Бердичева, въ двухъ другихъ помѣщались лавочки съ краснымъ товаромъ, гдѣ торговали грекъ и армянинъ. Козаковъ мы застали въ корчмѣ за водкой и виномъ, познакомились съ ними и послѣ нѣсколькихъ словъ и нѣсколькихъ чарокъ водки, которыя Равскій выпилъ однимъ духомъ на удивленіе старымъ козакамъ, и подружились.

Это была артель козаковъ изъ села Биневле, донскихъ выходцевъ, которыхъ называли Игнатъ-козаками или некрасовцами, а иногда кубанцами. Предки ихъ вышли съ Дону послѣ Булавинскаго бунта подъ предводительствомъ Игната Некрасова и поступили на службу къ татарскимъ ханамъ. Они сторожили Кубань и крѣпость Анапу. По занятіи Россіей Крыма и береговъ Чернаго моря, эти козаки съ семьями и имуществомъ перешли въ турецкіе предѣлы и дошли до Синопа, откуда на лодкахъ переѣхали на Дунай, гдѣ имъ было отведено для поселенія урочище близь Задунайской сѣчи. Они составляли въ султанскомъ войскѣ отборную конницу. Но они не могли поладить съ буйными запорожцами и, послѣ нападеній

на ихъ поселенія запорожцевъ, послѣ насилій и убійствъ, переселились съ Дуная въ окрестности Еноса и на берегу семи озеръ основали семь большихъ селеній. Численность ихъ должна была быть значительной, такъ какъ во время войны съ Россіей въ 1827—28 гг. они выставили 2500 всадниковъ, подъ начальствомъ войскового или походнаго атамана Ивана Солтана, и были въ большой милости у сераскира Мехмеда-Решидъ-паши, оборонявшаго Шумлу. Когда некрасовцы были подъ Шумлой, полковникъ Мухановъ, высланный генераломъ Роттомъ съ полкомъ улановъ и двумя орудіями къ Дарданелламъ, взялъ крѣпость Еносъ и потомъ посѣтилъ селенія некрасовцевъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ, потому что одни козаки, какъ некрасовцы, такъ и запорожцы, имѣли привилегію звонить въ церквахъ въ колокола. Послѣ этого посѣщенія старшины, забравши всѣхъ жителей и имущество, переправили ихъ на азіатскій берегъ, на азіатскія озера Маніосъ и тамъ основали село Биневле. Семь же селеній надъ озерами были сожжены ими самими и козаки вернулись изъ подъ Шумлы не на берега озеръ Сырджи, а на берега озера Маніосъ.

Рыболовство, ловля пьявокъ и торговля въ разносъ была единственными занятіями этихъ козаковъ. Двумя первыми отраслями промышленности занимались сообща подъ начальствомъ старшинъ въ пользу общины. Торговать могъ всякій на свой страхъ, но съ вѣдома и съ позволенія властей. Ловля рыбы и пьявокъ производилась, какъ повинность. Восемь мѣсяцевъ ловили рыбу, а четыре пьявокъ. Отъ Дуная до греческой границы, въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, и по берегу моря до Смирны всѣ озера были заарендованы у правительства козаками-некрасовцами; они арендовали озера даже въ Египтѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи Саввы Чалого. Имя Саввы Чалого пользуется довольно громкою, но, насколько намъ кажется, незаслуженною извѣстностью, благодаря прекрасной народной пѣснѣ, описывающей его убіеніе гайдамаками, состоявшими подъ начальствомъ Игната Голого. Пѣсня эта послужила мотивомъ для біографіи Саввы Чалого, не лишенной фантастическаго колорита, какъ въ сочиненіяхъ г. Скальковскаго (Исторія Новой Сѣчи т. II, стр. 131—135 и Наѣзды Гайдамакъ, стр. 46—49), гдѣ, впрочемъ, авторъ пересказываетъ лишь этнографическія данныя въ крайне сдержанномъ тонѣ, такъ еще болѣе въ сочиненіи г. Мордовцева, (Гайдамачина, стр. 67—83), въ которомъ авторъ, на основаніи данныхъ народной пѣсни, давъ широкое поле развитію субъективныхъ гипотезъ, составилъ изъ мотивовъ пѣсни цѣлую этическую картину мнимой дѣятельности Саввы Чалого, не отвѣчающую исторической дѣйствительности. Благодаря актамъ, изданнымъ въ III томѣ, III-ей части Архива Юго-Западной Россіи [1]), біографія Саввы Чалого получила реальную историческую, хотя весьма не полную обстановку.—Изъ архивныхъ данныхъ личность Саввы Чалого обрисовывается далеко не въ привлекательныхъ чертахъ.—Родомъ изъ мѣщанъ м. Комаргродка (подольской губ. ямпольскаго у.), онъ поступилъ въ надворную милицію мѣстнаго владѣльца, кн. Четвертинскаго, и вскорѣ достигъ должности сотника; затѣмъ въ 1734 году, во время общаго въ Подоліи крестьянскаго возстанія, онъ примкнулъ къ нему, но, вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ угнетавшею народъ шляхтою, онъ ограбилъ въ собственную пользу нѣсколько мѣстечекъ. Когда крестьянское возстаніе было усмирено, онъ бѣжалъ въ запорожскія владѣнія и затѣмъ, провѣдавъ,

---

[1]) См. стр. 69—72, 111, 194, 197, 229, 237, 244, 289, 353.

что польскій региментарь Малинскій не только обнародовалъ амнистію бывшимъ участникамъ возстанія, но призывалъ ихъ въ польскую службу по найму для усмиренія дальнѣйшихъ крестьянскихъ возстаній, Савва Чалый явился одинъ изъ первыхъ съ повинною въ лагерь регментаря въ 1736 году, принесъ требуемую присягу, получилъ чинъ полковника козаковъ, составленныхъ изъ раскаявшихся гайдамаковъ, и сталъ вести дѣятельную борьбу съ бывшими товарищами по возстанію 1734 года. Въ 1738 онъ перешелъ въ частную службу къ владѣльцу Немирова, коронному гетману Іосифу Потоцкому, въ качествѣ полковника козаковъ его надворной милиціи; Потоцкій, желая обезпечить и поощрить вѣрность Саввы, отдалъ ему въ пожизненное владѣніе два села въ окрестности Немирова и поручилъ ему защиту отъ гайдамаковъ своихъ обширныхъ владѣній. Савва не только ревностно преслѣдовалъ и отражалъ отряды гайдамаковъ, но сталъ врываться въ запорожскую территорію, разорялъ и грабилъ запорожскіе зимовники и въ 1740 году даже разрушилъ Бугогардову паланку и сжегъ бывшую въ ней церковь. Эти подвиги Чалого вызвали въ запорожцахъ и гайдамакахъ желаніе мести; одинъ изъ бывшихъ товарищей его, гайдамацкій ватажокъ Игнатъ Голый, собралъ небольшой отрядъ братчиковъ и въ самый день Рождества Христова внезапно ночью окружилъ домъ Саввы въ селѣ Степашкахъ и убилъ полковника. Этотъ фактъ, произведшій вѣроятно на современниковъ сильное впечатлѣніе, и послужилъ сюжетомъ народной пѣсни, благодаря которой имя Саввы Чалого и сохранилось въ народной памяти. Въ пѣсенномъ пересказѣ между прочимъ есть эпизодъ, разсказывающій, какъ «Савиха молодая кризь викно тикала» и спасла при помощи слугъ грудного ребенка. Изъ довольно неточныхъ указаній польскихъ мемуаристовъ извѣстно было, что вдова Чалого вышла впослѣдствіи замужъ за какого то польскаго офицера, уѣхала на родину мужа въ Моравію, куда увезла и спасеннаго ею сына. Послѣдній извѣстенъ былъ впослѣдствіи, какъ одинъ изъ весьма энергичныхъ партизановъ, предводительствовавшихъ отрядомъ барскихъ конфедератовъ подъ именемъ Саввы Цалинскаго.

Пересматривая недавно одну изъ гродскихъ винницкихъ книгъ [1]), мы встрѣтили документъ, поясняющій исторію семьи Саввы Чалого. Не скоро послѣ его смерти, только черезъ 10 лѣтъ, его вдова собиралась уѣзжать изъ родного края вмѣстѣ со вторымъ мужемъ. Же-

---

[1]) Книга Винницкая записовая № 4638, листъ 803.

лая покончить счеты по имуществу съ семьею перваго мужа, она заявила въ гродскую книгу отчетъ объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти Саввы и объ употребленіи ею этого имущества. Документъ этотъ, заключающій много подробностей о судьбѣ семейства Саввы Чалого, о его родственныхъ связяхъ, имущественномъ положеніи и бытовой обстановкѣ, мы прилагаемъ въ возможно точномъ переводѣ.

В. А.

1753 года, іюля 14 дня явилась лично передъ урядомъ гродскимъ Винницкимъ вельможная ея милость пани Аполонія Вичфинская, жена ловчаго перемышльского, представила для записи въ гродскія винницкія книги нижеслѣдующій списокъ всего движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти покойнаго Саввы, полковника милиціи гетманской, своего перваго мужа; при чемъ она принесла присягу въ томъ, что списокъ этотъ составленъ правдиво, точно и согласно во всемъ съ истиною. Содержаніе списка слѣдующее: *Регистръ вещей, лошадей и скота, оставшихся послѣ смерти покойнаго мужественнаго Саввы, гетманскаго полковника, и послѣ разграбленія и сожженія до тла его дома гайдамаками въ 1743 году.* Стадо лошадей, остававшееся послѣ смерти моего мужа, гайдамаки немедленно угнали. Подъѣздъ, отправившійся за ними въ погоню, отнялъ этихъ лошадей и доставилъ ихъ въ Умань, но изъ Умани мнѣ возвратили только 30 головъ; часть этихъ коней и кобылицъ тотчасъ раздѣлили между собою родственники покойнаго мужа, изъ оставшихся-же у меня я дала: одну кобылицу его милости пану Лупинскому, который взялся вести дѣла моего мужа при дворѣ гетмана, относительно его долговъ, данныхъ ему во владѣніе селъ и другихъ претензій; двѣ кобылицы я дала его милости пану коммиссару Галецкому для устройства тѣхъ-же дѣлъ; 8 коней я отдала племянницѣ покойнаго мужа, Варварѣ Матвѣевнѣ, нынѣ Добровольской; одного коня дала гречину, мужу другой племянницы покойнаго Саввы; одну кобылицу я подарила игумену въ Лебединѣ за то, что онъ обучалъ грамотѣ Василька Чалого; одного коня съ сѣдломъ взялъ Шамрай; одного коня у меня украли въ Немировѣ. Нѣсколько лошадей я продала, желая прилично помянуть душу покойнаго мужа, такъ какъ другихъ средствъ для этого у меня не было; остальныя лошади подохли. Изъ числа денегъ, вырученныхъ мною за проданныя лошади я выдала на разные расходы упомянутому гречину 682 злотыхъ. Остальныя вещи: Наборъ обоевъ—находится понынѣ у меня;

турецкая сабля досталась пану Лупинскому въ вознагражденіе за веденіе дѣлъ, зависѣвшихъ отъ гетмана. Сабля въ серебряной позолоченной отдѣлкѣ—осталась у меня. Конскій уборъ, серебряный, черкескій—остается у меня. Три малые котелки для варенія пищи, шерстяные обои, старый коверъ, желтыя сафьяновыя кожи, купленныя за 100 злотыхъ (изъ нихъ только одну я дала пану Лупинскому)—всѣ эти вещи я продала за 100 злотыхъ, деньги—же взяла у меня упомянутая Добровольская, племянница покойника. Отъ Іося Бершадскаго я получила готовыхъ денегъ 20 червонцевъ; изъ нихъ Добровольская взяла безъ моего вѣдома 8 червонцевъ, остальные—же я израсходовала на содержаніе свое, сына и Добровольской. Отъ еврея Шаи Немировскаго я получила 38 червонцевъ, но деньги эти во время моей тяжкой болѣзни разобрали себѣ родственники покойнаго мужа, часть-же я израсходовала на дорогу, вслѣдствіе необходимости ѣздить нѣсколько разъ къ пану гетману. 12-же червонцевъ числятся понынѣ за названнымъ евреемъ. Воловъ оставалось 12; ихъ заграбилъ Ладыжинскій губернаторъ (управляющій), подъ предлогомъ какой-то неизвѣстной мнѣ претензіи; я должна была выкупить ихъ и уплатила 320 злотыхъ. Изъ числа этихъ воловъ: 3 были зарѣзаны для похороннаго обѣда, 2 взяли евреи за долгъ, остальные издохли. Оловяной посуды осталось 10 штукъ—которыя находятся у меня, а нѣсколько штукъ взяла вышеупомянутая племянница моего мужа. Самопаловъ оставалось два: одинъ взялъ Шамрай, а другой я отдала судебному субделегату за производство взысканія съ наслѣдниковъ пана Байбузы. Корова была одна—досталась племянницѣ. Свиней 5 я отдала ей-же. Сукна гайдамаки оставили 4 локтя—ихъ взялъ Чалый и ничего за это сукно не уплатилъ. Панцырь одинъ, перегорѣлъ во время пожара—находится у меня, равно какъ одна старая повозка, двѣ пары старой упряжи и кусокъ стараго ковра. Другую повозку и пару упряжи я отдала той-же племянницѣ покойнаго мужа. Двѣ пары чехловъ для пистолетовъ; изъ нихъ одну пару я отдала повѣренному по дѣламъ, пану Залевскому, за веденіе дѣла и производство взысканія съ крестьянъ.—Никакихъ векселей, данныхъ на имя покойнаго мужа у меня нѣтъ, суммъ денежныхъ, занятыхъ у него безъ росписокъ, я не получала и ни отъ кого не требовала. Регистръ этотъ составленъ мною правдиво, во удостовѣреніе чего подписуюсь, какъ неграмотная, знакомъ креста святого Аполлонія Вичфинская †.

Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. Послѣ смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, внезапно послѣдовавшей 1 іюня 1718 года въ г. Твери на пути въ Петербургъ, на кіевскую митрополію 14 мая 1722 года былъ назначенъ злосчастный Варлаамъ Ванатовичъ, но безъ производства въ санъ митрополита. И преемникъ его Рафаилъ Заборовскій, вступившій на кіевскую каѳедру 15 апрѣля 1731 года, возведенъ былъ, по Высочайшему указу Елисаветы Петровны, только 11 іюня 1743 года. преосвященный Рафаилъ медлилъ принести Ея Величеству всеподданнѣйшую благодарность за возвращеніе кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. И потому преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, первенствующій членъ Св. Синода, нижеслѣдующимъ письмомъ своимъ, отъ 11 ноября 1743 года, напомнилъ кіевскому архипастырю о необходимости принести таковую благодарность.

«Преосвященнѣйшій Рафаилъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи, мой о Христѣ возлюбленный братъ и сослужитель! По полученіи мною словеснаго указа объ учиненіи справки, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ обрѣтаются мощи святыхъ страстотерпцевъ, благовѣрныхъ россійскихъ князей Бориса и Глѣба [1]), изволила Ея Императорское Величество спросить меня о полученіи Вами указа о возвращеніи кіевскому престолу митрополитанскаго титула по прежнему. На что я Ея Императорскому Величеству отвѣтствовалъ: получилъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Отъ онаго вопроса такую вношу консеквенцію, что ваше преосвященство еще до сихъ поръ за таковую Превысочайшую милость Ея Императорскому Величеству не благодарствовалъ. Ежели подлинно такъ есть, какъ я консекторую, то совѣтую вашему преосвященству благодарить вскорѣ и безотлагательно, да не рекутъ: не благодаренъ; да и прочіимъ можете къ полученію милости заградить источникъ милосердій.

Вашего преосвященства моего о Христѣ возлюбленнаго брата вседоброжелательный братъ и слуга, смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій.

Санктъ-Петербургъ
Ноября 11 дня 1743 года".

По полученіи прописаннаго письма, митрополитъ Рафаилъ отправилъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ слѣдующее письмо:

[1]) Переписка по этому предмету напечатана мною въ 10 № за текущій годъ.

Всемилостивѣйшая, всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая Государыня моя!

Хотя по полученіи Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости въ превращеніи по прежнему епархіи кіевской митрополитанскаго титулу которымъ мнѣ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ именоваться повелѣно, умедлилъ я должнаго всеподданнѣйшаго моего принесть благодареніе Вашему Императорскому Величеству, но, разсуждая въ томъ воздаяніи благодаренія быти всеподданнѣйшую должность мою, безъ нанесенія утружденія Вашему Императорскому Величеству, и уповая на единую высокоматернюю Вашего Императорскаго Величества милость, со всенижайшимъ моимъ до земли челопреклоненіемъ дерзаю всеподданнѣйше принесть благодареніе съ тѣмъ всеусерднѣйшимъ желаніемъ, да всемилостивый Господь сохраняя Вашего Императорскаго Величества дражайшіе здравіе въ долготу лѣтъ, всегда даруетъ полезная промышляти и устроевати о церквѣ своей святой и всей всероссійской Имперіи, Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни моей, всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ Рафаилъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи.

11 генваря 1744 года г. Кіевъ.

Письма эти хранятся въ архивѣ Кіевской духовной Консисторіи въ связкѣ № 4 за 1744 годъ.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Отъ своихъ родителей я слышалъ преданіе, что полтораста лѣтъ тому назадъ уволенный отъ службы уніатскій епископъ Рыло прибылъ на жительство въ г. Умань къ Потоцкому, съ которымъ былъ знакомъ и ранѣе. Сей послѣдній изъ состраданія къ нему, назначилъ ему для жительства за городомъ, урочище въ лѣсу называемое *Поливярня*, получившее названіе отъ глины, пригодной для дѣланія поливяной посуды. Водворившись тутъ, Рыло завелъ при помощи Потоцкаго фруктовый садъ и велъ уединенную жизнь. Его любила знать польская и собиралась къ нему изрѣдка для полученія назиданія. Въ одно время при такомъ собраніи епископъ, будучи въ восторженномъ состояніи, пропѣлъ

имъ сентиментальный польскій романсъ. Потоцкій, будучи доволенъ пѣснію подарилъ ему пожизненно села *Цибермановку и Помойникъ*, [1]), сказавъ насмѣшливо: «*бабрайся тамъ до смерти*».

Свящ. **Викторъ Ильяшевичъ.**

Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). Обращеніе свободныхъ обывателей козаковъ въ «подданныхъ» на лѣвой сторонѣ Днѣпра заставляло многихъ «привлекаемыхъ въ подданство» бросать свои родные грунта и, нарушая свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, бѣжать на правый берегъ въ Польшу, въ предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Во 2-мъ вып. моихъ «Ист. матер. изъ арх. Кіев. губ. Пр.» я помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, объ этомъ бѣгствѣ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра (стр. 60—110). Но жалобы на это бѣгство встрѣчаются гораздо раньше указанныхъ годовъ. Дѣла по отысканію бѣглецовъ, возбуждаемыя главнымъ образомъ старшиною Переяславскаго полка, производились, между прочимъ, въ Кіев. губ. Канц. и въ пограничной коммиссіи. Въ такого рода дѣлахъ мнѣ и встрѣтилось приводимое ниже доношеніе переяславскаго полковника Сулимы, писанное имъ 26-го октября 1760 г. на имя гетмана.

«Многіе здѣшняго полку и города Переяслова разнаго званія и достоинства люде и протчіе обыватели Полк. Пер. Канцеляріи представляютъ жалобы, что ихъ служители и служанки, будучи въ службѣ, починя знатныя шкоды, воровства и другія шалости и безчинія, бѣгаютъ въ г. Кіевъ, и хотя объ отпускѣ и состояніи ихъ никакихъ свидѣтельствъ у нихъ не бываетъ, но, учрежденные при г. Кіевѣ караулы безвозбранно прошедъ, скрываются у разныхъ кіевскихъ жителей, а наче по тамошнимъ монастырямъ, гдѣ таковымъ бѣглецамъ, понеже имъ о ихъ состояніи и спросу нѣтъ, и пристань подается; сыскать же ихъ хозяевамъ, за таковымъ укрывательствомъ, (развѣ случайно) никакъ не возможно, отчего хозяева принуждены терпѣть немалыя разоренія; а отъ такова несвѣдомыхъ людей тамо въ Кіевѣ принятія и защищенія съ оного г. Кіева и многіе воровства и разбои начали происходить. Того ради Вашей Ясновельможности о томъ представляя, нижайше прошу повелѣть отъ К. Губ. Канц. истре-

---

[1]) Села вблизи г. Умани.

бовать, чтобъ на учрежденныхъ при г. Кіевѣ караулахъ крѣпкое смотрѣніе чинено и чрезъ оные никого безъ пашпортовъ и другихъ вѣроятныхъ свидѣтельствъ пропускаемо не было, но если гдѣ тамо каковые бѣглецы покажутся, оныхъ задерживая отсылано бъ въ тѣ мѣста, откудова они бѣжали; да и въ г. Кіевѣ всѣмъ жителямъ, а паче тамошнимъ монастырямъ таковыхъ бѣглецовъ принимать и ихъ защищать запретить; сколько жъ нынѣ тамо гдѣ у кого или при какомъ монастырѣ служителей и служанокъ есть, откуду оные и какого состоянія и есть ли какіе вѣроятству подлежащіе виды, справиться и затѣмъ явившихся бѣглецовъ отослано бъ по ихъ мѣстамъ туда откудова оные и побѣгъ учинили, къ поступленію съ ними по жалобамъ и впрочемъ въ силу Е. И. В. указовъ и правъ малороссійскихъ; на что отъ В. Я. имѣю ожидать въ резолюцію высокоповелительнаго ордера.»

Согласно съ этимъ доношеніемъ и писано было отъ Ген. Войсковой въ Кіев. Губерн. Канцелярію 9-го ноября.

А. А.

Указъ изъ Канцеляріи московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина.

По указу Е. И. В. въ канцеляріи университета опредѣлено: о сыску самовольно отлучившагося изъ университета присланнаго во оной по имянному Е. И. В. высоч. указу съ прочими для обученія наукъ и бывшаго на казенномъ содержаніи ученика *Ивана Сычевскаго*, котораго отецъ Василій Сычевской и мать нынѣ находятся въ г. Кіевѣ и жительство имѣютъ своимъ дворомъ, въ Кіев. Губ. Канц. послать указъ, предписавъ при томъ, чтобъ къ сыску его Сычевского отъ оной Губ. Канц. въ Кіевѣ въ домѣ оного отца его и въ другихъ жительствахъ отъ той Губ. Канц. употреблены были возможные способы, и по сыску допроса о покраденномъ имъ у ученика изъ казеннаго содержанія Насаченкова платьѣ и прочемъ, чему при семъ прилагается реестръ, и сколько можно оныя отыскавъ, обще съ нимъ Сычевскимъ прислать въ университетъ при оказіи непродолжительно, а если въ сыску не явится, репортовать. И. К. Г. К. учинить о томъ по Е. И. В. указу.» Подлинный подписалъ: Михайло Херасковъ. Въ приложенномъ реестрѣ увезенныхъ Сычевскимъ вещей Данилы Насаченкова значится:

Пара платья осиноваго цвѣту цѣною въ	30 р.	—
Кирейка малиновая суконная въ.	8 р.	—
Полупуховая новая шляпа	1 р.	—
Пара шелковыхъ чулковъ	1 р.	—
Четыре тонкихъ рубахъ съ простынею въ.	3 р.	50 к.
Образъ на доскѣ Іоанна Златоустаго	2 р.	—
Новые башмаки въ	—	35 к.
Всего на	45 р.	85 к.

А. А.

„Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). Въ 1723 г. князь Трубецкой провѣдалъ, что въ магистратскомъ погребѣ хранится какой то табакъ, никому, такъ сказать, не принадлежащій, и приказалъ подполковнику Щепотину забрать этотъ табакъ. Магистратъ не допустилъ Щепотина къ осмотру своего погреба безъ письменнаго о томъ приказанія губернатора и объяснялъ въ своемъ доношеніи, что де тотъ табакъ «послѣ морового повѣтрія, якъ люде посходилися въ Кіевъ, [1]) въ ратушномъ ліоху въ трехъ бочкахъ въ бумагахъ печатныхъ явился, и отъ того времени по сейчасъ въ ліоху стоитъ, а чій тотъ табакъ и хто его въ ліохъ поставилъ и за чиимъ вѣдомомъ, про тое мы неизвѣстны; и дабы майстратови Кіевскому о оный табакъ отъ кого на потомъ не было якое трудности и турбаціи, хто его именно отбирати будетъ, на тое у Сіятельства Вашего покорно просимъ письменного указу».

Табаку этого «въ картузахъ» оказалось двѣ полныхъ бочки, а въ третьей половина «гнилого и картузы отъ мышей поѣдены.» Когда табакъ доставленъ былъ въ Губ. Канц., его тамъ оцѣнили два москвитина Иванъ Афанасьевъ и Василій Тертичниковъ по 20 к. картузъ и затѣмъ тогда же его продано было 284 картуза, за которые и выручено всего 56 р. 80 к. [2]).

---

[1]) Моровая язва была съ марта 1710 до января 1711 г.

[2]) Купили этого табаку, между прочимъ, оберъ-комендантъ *Штокъ* 40 картузовъ на 8 руб., служитель его Афанасьевъ 60 карт., маіоръ Фонъ-деръ-Берхъ 55 к., Переяславскій комендантъ Яковлевъ 3 к., ратушный писарь 2 к.

По всей вѣроятности, табакъ этотъ былъ провезенъ контрабанднымъ путемъ кѣмъ либо изъ магистратскихъ, почему и подлежалъ конфискаціи въ казну.

А. А.

Святочные подарки отцу протоіерею. Изъ Еленскаго Духовнаго Правленія 5 части благочинному честному отцу Федору Коцубѣнскому предложеніе. Извѣстно честности Вашей, что нѣсть власть, поставленная аще не отъ Бога и они отъ Бога учинены суть, и повиноватися власти не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть и воздать должное. Ему же бо урокъ, ему же честь и ему дань. И какъ во всѣхъ имперіи Россійской станахъ, (въ) духовныхъ правленіяхъ имѣются власти надъ духовенствомъ протоіереи, какъ и въ здѣшнемъ духовномъ правленіи, коимъ все вѣдѣнія его священство объ Воскресныхъ и Рождественскихъ святъ, собравшись единогласно приносятъ даръ своему начальнику съ поздравленіемъ торжественнаго праздника. Почему честности Вашей черезъ сіе объявляется въ находящемся вѣдѣніи Вашемъ всему священству сіе въ скорости разослать съ тѣмъ, чтобы они, не пренебрегая своей власти, пріѣхали-бы съ принесенными дары и поздравленія праздникомъ къ нашему начальнику г-ну протоіерею неодмѣнно, ибо, какъ апостолъ написалъ: «хощеши ли не боятися власти, благое твори и имѣти будеши отъ него похвалу и честь. Аще злое убойся, небобезъ ума мечъноситъ.» Присутствующій Іерей Георгій Сулима. Генваря 8 дня 1798 года № 14.

(Извлеченъ изъ архива въ балтскомъ уѣздѣ подольской губ. Балта, въ концѣ XVIII вѣка, именовалась Еленскъ).

П. Китицынъ.

Библіографія.

Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ). Составилъ членъ братства О. И. Левицкій. Кіевъ. 1892 г.

«Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго братства»). Кіевъ, 1892 г.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось девять вѣковъ со времени учрежденія на Волыни православной епископіи. Явленіе это представляется важнымъ не только по своей древности, но и по тому значенію, которое оно имѣетъ для мѣстнаго православнаго населенія, долго находившагося подъ гнетомъ уніи и лишь сто лѣтъ тому назадъ возвратившагося къ отеческой вѣрѣ. Празднованіе памяти этого событія указало на необходимость историчекой справки, на необходимость оглянуться на пережитое время, полное фактами національно-религіозной борьбы. Трудъ сдѣлать такую справку принялъ на себя членъ Св.-Владимірскаго братства О. И. Левицкій, заявившій себя нѣсколькими выдающимися печатными трудами по исторіи Волыни и, особенно, мѣстной церковной исторіи.

Такъ какъ предметомъ празднованія служило учрежденіе епископіи, а эта послѣдняя обусловливала существованіе каѳедральнаго храма, то поэтому храмъ является живымъ памятникомъ и свидѣтелемъ былой жизни; его исторія есть исторія и волынской епископіи и вообще мѣстной церковной жизни. Такимъ образомъ, г. Левицкій, поставивъ себѣ цѣлью историческое описаніе перваго, напоминаетъ отчасти и вторую. Сообщаемыя авторомъ данныя о судьбѣ храма заимствованы имъ изъ источниковъ не для

всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ, какъ напр., неизданные документы изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива, консисторскія дѣла, современная текущая переписка правительственныхъ учрежденій края и, наконецъ, личное участіе въ экспертной коммиссіи, производившей изслѣдованіе мѣстныхъ древностей; все это дѣлаетъ разсматриваемый трудъ весьма важнымъ, интереснымъ и полезнымъ руководствомъ не только въ дни празднества, но и во всякое другое время для мѣстныхъ дѣятелей. Когда рѣчь заходитъ о времени учрежденія епископіи для волынскаго края, самъ собою возникаетъ вопросъ и о храмѣ, и такъ какъ учрежденіе епископіи несомнѣнно принадлежитъ Владиміру св., то и построеніе храмовъ, развалины которыхъ сохранились до сихъ поръ, а имена строителей забыты, приписывается ему же; таковы, напр., развалины Успенскаго собора и Васильевской церкви въ г. Владимірѣ-Волынскѣ, двѣ церкви въ с. Зимномъ, Васильевская церковь въ г. Овручѣ и Дмитріевская въ г. Луцкѣ; современныя сказанія, относящія время сооруженія этихъ церквей къ X-му вѣку, опираются на преданіе. Авторъ рѣшительно отрицаетъ преданіе и главнымъ основаніемъ сказаній считаетъ домыслы мѣстныхъ изслѣдователей, въ доказательство чего приводитъ и примѣры. Археологическое изученіе г. Левицкимъ храмовъ, вмѣстѣ съ проф. А. В. Праховымъ и проф. В. Б. Антоновичемъ, приводитъ его къ заключенію, что на Волыни не сохранилось построекъ времени св. Владиміра, и наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, такъ какъ храмы, воздвигнутые просвѣтителемъ Россіи, могли быть только деревянные, потому что каменно-строительное искусство было еще очень мало развито въ ту пору на Руси. Такого-же мнѣнія авторъ и относительно епископской каѳедры въ г. Владимірѣ-Волынскомъ; изъ изученія данныхъ лѣтописи онъ дѣлаетъ выводъ, что Успенскій храмъ былъ построенъ кн. Мстиславомъ Изяславичемъ между 1157—1160 гг. и притомъ раньше другихъ древнихъ храмовъ Волыни. Обращаясь къ исторіи храма, г. Левицкій различаетъ въ ней три періода: первый—древне-русскій, когда съ распространеніемъ и усиленіемъ православія на Волыни и водвореніемъ здѣсь потомковъ Мстислава Изяславича храмъ становится «отнимъ» для князей, которые при жизни соревнуютъ въ украшеніи и обогащеніи фамильной для нихъ святыни, а по смерти ихъ бренныя останки находятъ въ ней послѣдній пріютъ. Это былъ лучшій періодъ въ исторіи города и храма. Второй періодъ былъ уже неблагопріятенъ для г. Владиміра и его каѳедры. Первый съ переходомъ Волыни подъ власть литовскихъ

князей долженъ былъ уступить свое первенство г. Луцку, а Успенскій храмъ, хотя и получалъ пожертвованія отъ православныхъ литовскихъ князей, въ то же время подвергался частымъ разореніямъ со стороны татаръ, раздѣляя участь цѣлаго края, и со стороны своихъ владыкъ, которые видѣли въ епархіи лишь доходную статью. Съ подчиненіемъ волынскаго края Польшѣ и распространеніемъ уніи здѣсь храмъ раньше другихъ былъ захваченъ уніатами, и съ этихъ поръ начинается для него третій, польско-уніатскій, періодъ. Уніаты воспользовались значеніемъ храма для православія и прежде всего позаботились упрочить власть свою надъ нимъ и при его посредствѣ надъ православнымъ населеніемъ: въ виду этого уніаты поддерживали благолѣпіе храма, и до XVIII вѣка Успенскій храмъ оставался неприкосновеннымъ, сохраняя свой древній видъ и служа теперь каѳедрой не только епископа, но и кіевскаго уніатскаго митрополита. Съ XVIII в. въ храмѣ начинаются перестройки, которыя постепенно измѣняютъ прежній его видъ, приближая его по внѣшности къ католическому костелу; передѣлка привела къ тому, что храмъ началъ разрушаться, и въ такомъ видѣ возвращенъ Россіи; первое время онъ былъ занятъ военными складами и «мерзость запустѣнія стала водворяться въ мѣстѣ святѣ». Но съ начала текущаго столѣтія и мѣстная духовная власть, и епархіальное начальство, и высшая администрація принимаютъ мѣры къ реставраціи этого славнаго памятника старины; однако до сихъ поръ дѣло не доведено до конца. Поэтому, въ заключеніе, авторъ высказываетъ такія благожеланія: 1) «долгъ исторической справедливости—возвратить этой вѣковой святынѣ ея первоначальное назначеніе, а не оставлять ее въ нынѣшнемъ плачевномъ видѣ, скорѣе напоминающемъ полуразрушенный латинскій костелъ, нежели православный храмъ; 2) «задача нашего времени—возстановить Мстиславовъ храмъ по возможности въ его первоначальномъ видѣ, со строгимъ соблюденіемъ особенностей древнерусскаго церковнаго стиля,» и 3) наконецъ остается желать, чтобы одновременно съ возобновленіемъ Мстиславова храма были приложены заботы и объ учрежденіи при немъ русской школы, которая могла бы возвратить г. Владиміру его древнее значеніе религіозно-просвѣтительнаго центра на юго-западной окраинѣ русскаго міра.» Отъ всей души желаемъ, чтобы все выраженное авторомъ со временемъ исполнилось и, особенно, чтобы городъ сталъ такимъ просвѣтительнымъ центромъ края въ будущемъ, какимъ былъ онъ въ первый періодъ своего существованія. Это послѣднее желаніе главное и

существенное; къ нему приложится уже и все остальное. Къ сожалѣнію, авторъ, высказывая его и посвящая цѣлую VI-ю главу на указаніе просвѣтительнаго значенія г. Владиміра въ польско-уніатскій періодъ, когда процвѣтала тамъ базиліанская школа, лишь мимоходомъ, въ двухъ словахъ, говоритъ о таковомъ же значеніи города въ древнѣйшій русскій періодъ его исторіи. Правда лѣтописныя данныя объ этомъ скудны, но все же онѣ сообщаютъ кое-что и для исторіи просвѣщенія, для котораго особенно, напр., важна была дѣятельность кн. Владиміра Васильковича.

Въ концѣ книги приложенъ обстоятельный списокъ владиміро-волынскихъ епископовъ, изъ числа которыхъ трое причислено къ лику святыхъ; есть также новыя, доселѣ неизвѣстныя имена. Для составленія списка авторъ воспользовался не только всѣми новоизданными матеріалами, но также и сырыми архивными, что обезпечиваетъ, на сколько возможно въ настоящее время, полноту его и достовѣрность.

Прекрасному изложенію книги соотвѣтствуетъ ея изящная внѣшность; если первое составляетъ заслугу автора, отличающую его и въ другихъ работахъ, то вторая дѣлаетъ честь заведенію г. Кульженка, отчетливо и красиво исполнившему хромолитографическіе и фототипическіе снимки плана и фасада Успенскаго собора, приложенные къ «Описанію». Изданіе сдѣлано на средства Св.-Владимірскаго владиміро-волынскаго братства, которое, кромѣ разобранной нами книги, напечатало еще *«Краткую опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскѣ». (Кіевъ. 1892 г.).* Изъ этой описи мы видимъ, что въ древлехранилищѣ находится 38 предметовъ: образовъ [1]), крестовъ, антиминсовъ, священническихъ одеждъ изъ древнихъ храмовъ Волыни и много самыхъ разнообразныхъ остатковъ, найденныхъ на мѣстѣ развалинъ этихъ храмовъ во Владимірѣ, Луцкѣ и окрестныхъ селахъ; вблизи Мстиславова храма и при раскопкѣ замка, сооруженнаго, по предположенію, королемъ Казимиромъ, найдено 66 предметовъ; здѣсь находимъ и кресты, и образки, и деньги, и оружіе, и другіе предметы, и сбрую и проч. Подъ рубрикой: «акварельные рисунки, фотографическіе снимки и брошюры,» кромѣ предметовъ

---

[1]) Для образца къ описи приложена литографическая копія „образа Благовѣщенія, писаннаго въ 1579 г. Ѳеодосіемъ изъ Самбора по заказу Матрены Иваницкой."

этого рода, встрѣчается не мало и такихъ, которые подъ указанную рубрику вовсе не подходятъ; напр. проектъ проф. А. В. Прахова, серебряная таблица ex voto 1653, изнанка серебрянаго оклада евангелія, надгробіе Козѣки, древній крестъ и проч. Всѣхъ такихъ предметовъ 94.

Въ древлехранилищѣ находятся еще рукописи и скоропечатныя книги, числомъ 32; изъ рукописей древнѣйшія не восходятъ далѣе XV в., а изъ старопечатныхъ книгъ мы находимъ нѣсколько виленскихъ изданій работы Петра Мстиславца; по содержанію это въ большинствѣ рукописныя или печатныя священныя и богослужебныя книги; есть сборникъ визитъ 174 церквей.

«Краткая опись» предметовъ и рукописей древлехранилища сдѣлана довольно обстоятельно, но въ распредѣленіи археологическаго и археографическаго матеріала мы не видимъ никакой опредѣленной системы.

И. Каманинъ.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. Подъ ред. Н. А. Янчука. Книги XI и XII. (1891, № 4 и 1892, № 1).

Въ настоящей книжкѣ нашего журнала мы даемъ отзывъ только о двухъ номерахъ «Этногр. Обозрѣнія», а не о трехъ, какъ то можно было бы ожидать, въ виду того, что второй номеръ этого изданія за текущій годъ сгорѣлъ весной во время бывшаго пожара въ типографіи Левенсона въ Москвѣ и можетъ быть возобновленъ издателями только при выпускѣ третьяго номера уже осенью.

Предлежащія книжки заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго по южно-русской этнографіи. Въ этомъ отношеніи выдающееся мѣсто въ названныхъ книжкахъ принадлежитъ статьѣ галицкаго писателя г. *В. Охримовича* подъ заглавіемъ »*Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи*». Хотя, вообще говоря, малорусской свадьбѣ посчастливилось въ нашей этнографической литературѣ, такъ какъ обрядъ этотъ со всѣми подробностями былъ записанъ этнографами—собирателями много разъ въ разныхъ концахъ южно-русскаго края и подвергся значительной научной обработкѣ со стороны такихъ литературныхъ дѣятелей въ области этнографіи, какъ Костомаровъ, Янчукъ, Сумцовъ и др., тѣмъ

не менѣе г. Охримовичъ умѣлъ сдѣлать свою работу по данному сюжету въ высшей степени интересной, обративъ въ ней вниманіе на такую сторону дѣла, которая его предшественниками была мало затронута. Онъ слѣдитъ въ свадебномъ матеріалѣ за всѣми чертами, свидѣтельствующими о существованіи въ предѣлахъ малорусской семьи матріархата и на основаніи добытыхъ такимъ образомъ данныхъ сближаетъ развитіе семьи у насъ съ развитіемъ ея у другихъ индо-европейскихъ народностей и у остальныхъ рассъ. Исходными положеніями г. Охримовича въ его изслѣдованіи являются слѣдующія заключенія о развитіи семейныхъ отношеній, извлеченныя имъ изъ работъ европейскихъ ученыхъ Бахофена, Моргана, Макъ-Леннана, Жиро Телона, Даргуна и мн. др. «Моногамія, читаемъ у г. Охримовича, со всѣми ея основными признаками—только временная форма семьи и брака; ей предшествовали, а равно могутъ и смѣнить ее другія формы. Первобытныя же формы семьи и брака, предшествовавшія моногаміи, какъ безпорядочное сожительство, кровосмѣсительство, пуналюанская («своиста») семья, основывались на поліандріи (многомужествѣ) и полигаміи (многоженствѣ): цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала такая же группа общихъ мужей. Очевидно, что при такомъ устройствѣ отцовство (отцевская власть, paternitas) не могло имѣть никакого значенія; гдѣ не было постояннаго, всѣми признаннаго мужа, тамъ не могло быть опредѣленнаго общепризнаннаго отца. Зато материнство имѣло большое значеніе: только тѣ считались кровными родственниками, у которыхъ была общая мать, бабушка по матери, прабабушка и т. д. Только дѣти отъ одной общей матери считались братьями и сестрами, дѣти же одного отца—чужими и могли вступать въ бракъ между собою; словомъ, порядокъ родства шелъ по женской линіи. Согласно съ этимъ и система названій родства, родовое устройство, половая организація, запрещеніе брака, право наслѣдованія—всѣ эти семейныя и общественныя начала основывались на родствѣ по женской линіи. Дѣти причислялись къ роду матери, но не отца; дѣти наслѣдовали по матери имя, семейныя божества и имущество, но не могли наслѣдовать по отцу. Такъ какъ отецъ и мужъ не могли имѣть тогда никакого значенія, то о власти мужа и отца, о подчиненности жены не могло быть и рѣчи. Въ замѣнъ этого братъ и дядя были ближайшими родственниками каждой женщины: они замѣняли ей отца и мужа, заботились о ней, о ея дѣтяхъ, защищали ихъ. Мужчины составляли главную продуктивную силу, однако каждый изъ нихъ ра-

боталъ не на своихъ дѣтей, а на своихъ сестеръ и племянницъ, сестры и племянницы наслѣдовали послѣ нихъ. Женщины имѣли рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ; они принимали также участіе въ общественныхъ собраніяхъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ. Такое устройство въ соціологіи принято называть *матріархальнымъ* въ противоположность позднѣйшему—патріархальному.»

Въ изслѣдованіи своемъ относительно проявленій матріархата въ малорусской семьѣ г. Охримовичъ даетъ слѣдующія заключенія: 1) Въ пѣсняхъ мать продаетъ дочь замужъ; матери, а не отцу достаются подарки въ качествѣ платы за невѣсту. 2) Мать получаетъ благодарность за выданную дочь. 3) Старшинство матери сказывается и при расчесываніи косы, положеніи вѣнка и иныхъ родственныхъ обрядахъ. 4) Мать воспитательница дочери; въ обрядахъ, напоминающихъ умыканіе (Raubehe) мать одна, а не отецъ, защищаетъ дочь-невѣсту отъ наѣздниковъ-бояръ, мать, а не отецъ, отправляется въ погоню за увезенной дочерью. 5) При женитьбѣ сына гостинецъ («балецъ») за воспитаніе его достается только матери. Мать, отправляющая сына на войну и научающая его, чтобы «напередъ війска не вырывався, а позадъ війська не зоставався»—это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ образовъ въ малорусскихъ колядкахъ. Наоборотъ, отецъ, научающій сына при отправленіи его на войну,—это образъ въ древнѣйшей малорусской поэзіи или совсѣмъ неизвѣстный и небывалый, или во всякомъ случаѣ исключительный. 6) Мать самосостоятельная хозяйка дома (господыня); мать—старшая жрица; мать—самостоятельная собственница имущества. Авторъ имѣетъ при этомъ въ виду встрѣчу молодыхъ матерью, благословеніе ею молодой хлѣбомъ и солью, одариваніе ею зятя. 7) Для жениха невѣста является женою, для свекра—невѣсткою, а для свекрови—слугою, невольницею. 8) Кромѣ свадебной матери, есть еще одинъ очень важный свидѣтель матріархальнаго времени; это свадебный братъ, именно братъ невѣсты. Въ матріархальныя времена права и обязанности брата по отношенію къ сестрѣ и ея дѣтямъ были приблизительно таковы, какъ въ настоящее время права и обязанности мужа по отношенію къ женѣ и дѣтямъ. Громадное значеніе брата, именно брата невѣсты, въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ сильно напоминаетъ эти отдаленныя матріархальныя времена и въ нихъ только находитъ свое объясненіе. Наиболѣе сильно и выразительно замѣчается оно въ двухъ очень важныхъ и распространенныхъ обрядахъ: въ выкупѣ невѣсты и расплетаніи косы невѣсты. То, что теперь

осталось лишь обрядомъ, когда-то было жизненной правдой, и то, что теперь составляетъ свадебную драму, было драмою жизни. А было все это правдою и жизненною драмою именно во времена женитьбы черезъ умыканіе (Raubehe) и покупку (Kaufehe). Оба эти періода отразились въ обрядѣ выкупа очень вѣрно и наглядно, и именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняли они другъ друга въ своемъ историческомъ развитіи. Дружко и бояре сначала силою хотятъ взять невѣсту, а братъ защищаетъ ее: это намекъ на умыканіе невѣсты. Потомъ дружко и бояре покупаютъ невѣсту, а братъ торгуется и продаетъ ее: это отголосокъ періода купли невѣстъ. Почему важнѣйшая и труднѣйшая обязанность (братъ грудью защищаетъ невѣсту) и наибольшее право (братъ продаетъ невѣсту, какъ свою собственность) принадлежитъ брату, а не отцу или кому другому, это мотивируютъ подруги невѣсты. Братъ, по ихъ словамъ, сестру свою «не рикъ, не два годувавъ, тай не тры одягавъ» и т. п.

Разрушеніе матріархата, по утвержденію г. Охримовича, заключалось уже въ обрядахъ умыканія и купли невѣстъ. Умыкавшій и покупавшій становился мало по малу главою женщины, а затѣмъ и семьи. Отсюда слѣдуетъ вести поэтому начало патріархата. Само собою, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій и въ обрядахъ свадебныхъ должны были происходить соотвѣтственныя измѣненія. Г. Охримовичъ этимъ объясняетъ, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстностяхъ въ свадебныхъ обрядахъ играетъ большую роль отецъ, чѣмъ мать, и вообще мужчины большую роль, чѣмъ женщины. Но сводя статистику пѣсенъ съ преобладаніемъ матери надъ отцемъ и противоположныхъ онъ приходитъ къ заключенію, что первыхъ безконечно больше. «Гдѣ отецъ, читаемъ затѣмъ у г. Охримовича, числомъ пѣсенъ и обрядовъ беретъ перевѣсъ надъ матерью, тамъ слѣды старины очень скудны и бѣдны, тамъ весь свадебный матеріалъ сокращенъ, урѣзанъ и такъ сказать захудалъ. Такъ, напр., въ Лолинѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси свадебная мать пользуется наибольшимъ почетомъ, на свадьбѣ поется 181 пѣсня, а въ Угновѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси отецъ въ наибольшемъ уваженіи, число свадебныхъ пѣсенъ сокращается до 28 (почти до $^1/_7$). Что же касается всей Галиціи, то я замѣчалъ, что въ горахъ, гдѣ всякая старина дольше сохраняется, значеніе матери и въ обрядахъ, и въ пѣсняхъ гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ значеніе свадебной матери болѣе уравнено съ значеніемъ отца». «Важно также и то, замѣчаетъ г. Охримовичъ далѣе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

свадебная мать имѣетъ большое преобладаніе надъ отцемъ, тамъ и значеніе брата выступаетъ сильнѣе и рельефнѣе, а тамъ, гдѣ больше значенія имѣетъ свадебный отецъ, значеніе брата стушевывается. Въ Буковинѣ (Купчанко), въ кобринскомъ уѣздѣ, въ Гостомлѣ кіев. у., въ Угновѣ жолковскаго у. свадебный отецъ имѣетъ большое значеніе, свадебный братъ очень малое,—и тамъ очень мало остатковъ первоначальнаго семейнаго строя. Наоборотъ, въ Лолинѣ долинск. у., въ Бориспольѣ переясл. у., въ Чашникахъ и Дубровкѣ лепельскаго у. и т. д. свадебная мать и братъ имѣютъ большое значеніе — и тамъ остатковъ первоначальнаго строя семьи очень много.»

Изслѣдованіе г. Охримовича было написано первоначально по малорусски и переведено на русскій языкъ уже въ редакціи «Этногр. Обозрѣнія.» Статья производитъ самое пріятное впечатлѣніе не только по своему содержанію и методу работы, но и по изложенію, вполнѣ стройному, ни на минуту не дающему читателю забыть основной темы автора. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ данная работа г. Охримовича стоитъ въ числѣ немногихъ наиболѣе симпатичныхъ научныхъ галицкихъ изслѣдованій.

Значительный интересъ въ области малорусской этнографіи представляетъ въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обозрѣнія» и статья *проф. Н. Ѳ. Сумцова «Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки»*. Статья заключаетъ въ себѣ сводъ пѣсенъ и сказокъ различныхъ европейскихъ народовъ о невѣрности жены, разоблаченной случайнымъ благопріятелемъ обманываемаго мужа. Малорусской сказкой на эту тему, какъ извѣстно, воспользовался для своего «Простака» Гоголь-отецъ и для «Москаля-чаривныка» Котляревскій. Г. Сумцовъ, приведя пѣсню о гостѣ Терентіи въ ея олонецкой записи, отмѣтилъ совершенно убѣдительно всю неосновательность заключенія покойнаго Безсонова, будто пѣсня эта была непремѣнно новгородскаго происхожденія; единственнымъ поводомъ для такого заключенія было наименованіе Терентія гостемъ—купцомъ. Обиліе версій данной пѣсни и распространенность ея повсюду въ Европѣ требовало иного вывода. Такой выводъ, по мнѣнію почтеннаго автора, данъ въ 1875 г. извѣстнымъ французскимъ ученымъ *Гастономъ Парисомъ* въ брошюрѣ «*Les contes orientaux dans la littérature française du moyen âge*» (рус. перев. Шепелевича 1886 г.). «Что касается безчисленныхъ сказокъ, пишетъ Гастонъ Парисъ,—почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ хитрость и вѣроломство женщинъ, то онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ

происходятъ изъ Индіи и имѣютъ свой raison d'être въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей—таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами разсказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иноки, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько расхваливая мистическую красоту дѣвственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ разсказы были съ удовольствіемъ собраны западными клириками, расположенными смотрѣть почти такъ же на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишенныя свободы, образованія, сознанія собственнаго достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней каррикатурой. Благодаря злобѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны». (19—20).

Спору нѣтъ, что такое объясненіе причинъ возникновенія сказокъ о невѣрности женъ весьма вѣроятно; но въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ авторомъ разбираемой статьи, не указано никакой связи европейскихъ пѣсенъ и сказокъ интересующаго насъ содержанія съ буддійскими цѣлями и стремленіями, и потому выводъ Гастона Париса о происхожденіи сказокъ про невѣрность женъ и ихъ уличеніе кажется столь же произвольнымъ, какъ и выводъ Безсонова, хотя онъ и болѣе интересенъ, и основанъ на большой учености.

Малорусская жизнь затронута и въ статьѣ г. *А. Верхова. «Народныя колыбельныя пѣсни»* (1892, № 1). Авторъ прекрасно выясняетъ громадное значеніе для этнографа колыбельныхъ пѣсенъ. «Кругъ предметовъ и понятій, читаемъ въ статьѣ, захватываемыхъ колыбельною пѣснею, весьма широкъ: все, что входитъ, такъ сказать, въ составъ души человѣческой, здѣсь отражается съ большею или меньшею степенью яркости». Почему это такъ—намъ уясняетъ весь складъ нашей крестьянской жизни и съ частности положеніе въ ней женщины. «Вотъ, говоритъ авторъ, сидитъ мать надъ колыбелью

своего дѣтища, источника ея надеждъ и упованій Сначала, будучи занята все еще хозяйственными хлопотами, она думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе усыпить ребенка, прервавшаго ея работу. И она въ задумчивости затягиваетъ какой-нибудь мотивъ пѣсни. Мало-по-малу мысли ея обращаются къ ребенку. Конечно, первымъ долгомъ ея при такомъ оборотѣ мыслей является необходимость познакомить ребенка съ окружающимъ его міркомъ. Являются на сцену сначала одушевленные предметы, какъ напр. «киця», «гули» и т. п., а затѣмъ и неодушевленные, какъ колыбель. Эти пѣсни составляютъ какъ бы первый періодъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Здѣсь личныя чувства матери почти незамѣтны. Отдаваясь все сильнѣе и сильнѣе своимъ мыслямъ, мать обдумываетъ и будущую судьбу малютки во всѣхъ періодахъ его жизни. Мысль все еще вертится около ребенка, но въ составъ пѣсни уже входятъ въ болѣе или менѣе значительной дозѣ чувства и побужденія матери. Это дальнѣйшая ступень къ расширенію матеріала колыбельныхъ пѣсенъ. Уносясь все далѣе и далѣе волною своихъ мыслей, мать забываетъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ и даже о дорогомъ ея сердцу малюткѣ: она входитъ въ область своихъ воспоминаній и раскрываетъ передъ нами свое міросозерцаніе и свои духовныя сокровища. Это заключительный періодъ въ колыбельной пѣснѣ, періодъ не въ смыслѣ опредѣленнаго срока времени, а въ смыслѣ порядка смѣняющихся душевныхъ настроеній».

Соотвѣтственно такимъ указаннымъ тремъ періодамъ авторъ и намѣренъ разсмотрѣть этнографическій матеріалъ, представляемый колыбельными пѣснями великорусскими, малорусскими и бѣлорусскими. Въ разбираемой теперь статьѣ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе пока надъ первымъ періодомъ, т. е. надъ пѣснями, ведущими рѣчь о мірѣ, доступномъ пониманію ребенка.

Можно было бы сказать, что авторъ вполнѣ исчерпываетъ обрабатываемый имъ этнографическій матеріалъ, но трудно не замѣтить, что работа его получила бы въ смыслѣ этнографическомъ еще большую округлость, если бы въ ней не былъ смѣшанъ матеріалъ разныхъ народностей и еслибъ напротивъ этнографическія картины послѣдовательно были извлечены изъ пѣсенъ каждой отдѣльной русской народности.

Мысль о рѣзкой этнографической обособленности этихъ народностей легко можетъ придти на умъ всякому, хотя бы при чтеніи разбираемыхъ книжекъ «Этногр. Обозрѣнія», заключающихъ въ себѣ между прочимъ двѣ очень цѣнныхъ статьи по бѣлорусской этногра-

фіи. Разумѣемъ статью *А. Е. Грузинскаго* — *«Изъ этнографическихъ наблюденій въ рѣчицкомъ уѣздѣ минской губерніи»* (1891, № 4) и статью *Н. Я. Никифоровскаго.* — *«Очерки Витебской Бѣлоруссіи. 1) Старцы»* (1892, № 1). Обѣ статьи трактуютъ о своего рода братствахъ нищихъ старцевъ, пѣніе которыхъ доставляетъ духовное удовлетвореніе бѣлорусскому народу. Характеристика этихъ старцевъ сама собой вызываетъ для сравненія образы нашихъ кобзарей и лирниковъ и напоминаетъ о многихъ этнографическихъ отличіяхъ между бѣлоруссами и малоруссами. Къ тому же въ № 1 за текущій годъ мы находимъ еще и статью *А. П. Малинки.* *«Прокопъ Чубъ»*. Характеризуемый въ ней Чубъ (изъ с. Мокіевки нѣжин. у.), представляетъ собою не то кобзаря, не то лирника; онъ не поетъ уже думъ, какъ пѣли кобзари, но въ его бытовыхъ пѣсняхъ, часто юмористическаго содержанія, нѣтъ и слишкомъ уличнаго, подчасъ циничнаго тона лирницкихъ пѣсенъ. Отъ него авторомъ записаны и приведены въ статьѣ слѣд. произведенія: *«Сонъ Богородицы»*, *«Про Егорыя»*, *«Чумакъ»*, *«Про мищанку»*, *Про «Хому та Ярему»*, *«Про вдову»*, *«Про тещу»*. Чубъ является типичнымъ малороссомъ, мало похожимъ на характеризуемыхъ въ предъидущихъ статьяхъ бѣлорусскихъ пѣвцовъ Романа, крестьянина дер. Сенской рѣчицкаго у. минской губ, Арона Заброду изъ деревни Крупейки того же уѣзда и губерніи и «Сумона (Семена) сляпого» витеб. губерніи.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить окончанія статьи *В. Ѳ. Миллера «Кавказско-русскія параллели» Ш.* (1891, № 4). Въ данной статьѣ авторъ ищетъ въ кавказскихъ народныхъ разсказахъ параллелей нашимъ Добрынѣ и Алешѣ Поповичу, причемъ главное вниманіе его обращено на превращеніе Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и на несостоявшійся бракъ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ. Въ числѣ другихъ параллельныхъ сказаній въ данномъ случаѣ привлечена къ дѣлу турецкая сказка объ Ашикъ-Керибѣ, «пѣвцѣ-странникѣ». которую слышалъ Лермонтовъ на Кавказѣ. Обиліе параллелей на Кавказѣ русскимъ былиннымъ и сказочнымъ сюжетамъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что «гигантскій горный хребетъ Кавказа, представляющій широкую труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ искони убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи, а также тѣмъ, что «и съ сѣвера, и съ юга отбившіяся съ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и про-

живали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей.» Русскій міръ не прерывалъ сношеній съ этимъ міромъ и во времена хазарскаго могущества, и затѣмъ при существованіи русскаго княженія въ Тмутаракани, и при широкомъ разливѣ на востокѣ половцевъ и др. кочевниковъ вплоть до поселенія по Кубани черноморскихъ казаковъ, бывшихъ запорожцевъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что большая часть сближеній почтеннаго автора между русскими и кавказскими сюжетами оказываются лишенными натяжекъ и представляютъ достаточную научную достовѣрность, избавляя его отъ рискованныхъ заключеній, свойственныхъ многимъ другимъ фольклористамъ.

Я. Ш.

Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI.

Г. Регель, издавшій въ означенномъ сборникѣ нѣсколько документовъ, касающихся русской исторіи, на греческомъ языкѣ, присоединилъ къ нимъ рядъ своихъ замѣчаній и соображеній въ видѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ статей. Сборникъ этотъ составился совершенно случайно. Авторъ производилъ изысканія въ библіотекахъ и архивахъ Патмоса, Рима, Мадрида, Лондона и Москвы для византійской исторіи XII столѣтія. Ему пришла мысль выдѣлить матеріалы, касающіеся русской исторіи, и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго сборника. Документы и матеріалы изданы съ дипломатическою точностью; статьи автора написаны на французскомъ языкѣ; оглавленіе сдѣлано по латыни. Намъ казалось-бы, что г. Регель могъ-бы съ успѣхомъ воспользоваться и языкомъ русскимъ, во первыхъ потому что изданные матеріалы имѣютъ интересъ главнымъ образомъ для историка Россіи, а не универсальный; во вторыхъ потому, что для человѣка ученаго и за границей знаніе русскаго языка является болѣе и болѣе обязательнымъ, и примѣровъ такого знанія мы можемъ указать уже не мало.

Нѣкоторые документы извѣстны были давно, но г. Регель вновь помѣщаетъ ихъ въ своемъ сборникѣ въ виду того, что ему удалось найти новые варіанты. Къ числу такихъ матеріаловъ надо отнести Бандуріеву легенду о крещеніи Руси. Она была издана; ею пользовались русскіе ученые, но дѣло въ томъ, это эта извѣстная редакція не имѣла начала. Г. Регелю удалось найти на о—вѣ Патмосѣ въ мо-

настырѣ Св. Евангелиста Іоанна копію съ началомъ. Въ русской исторической наукѣ, какъ извѣстно, этой легендѣ не придается никакого значенія. Г. Регель, сличая найденную имъ рукопись съ «Житіемъ св. Владиміра» и русскою лѣтописью, приходитъ къ заключенію, что авторомъ этой легенды былъ не грекъ, какъ предполагали до сихъ поръ, а русскій человѣкъ. Доводы, приводимые г. Регелемъ въ пользу своего мнѣнія, кажутся намъ вполнѣ основательными. Эту чисто славянскую основу легенды взялъ уже въ готовомъ видѣ грекъ и, соединивъ ее съ сообщеніями греческихъ источниковъ, постарался сдѣлать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе понятной для греческой публики, при чемъ спуталъ два разсказа о крещеніи Руси—при Аскольдѣ и при Владимірѣ Св.

Весьма интересны письма іеромонаха Исидора, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ кіевскомъ. Найдены они г. Регелемъ въ ватиканской библіотекѣ, въ особомъ греческомъ кодексѣ. Особенно замѣчательны два письма къ извѣстному итальянскому гуманисту Гварино. Личность Исидора выступаетъ тутъ въ новомъ свѣтѣ. Самый характеръ его дѣятельности является въ новомъ видѣ. Не матеріальныя выгоды руководятъ Исидоромъ на Флорентійскомъ соборѣ; не былъ онъ также и тайнымъ носителемъ католическихъ убѣжденій, а былъ православнымъ, но, главнымъ образомъ, по своему образу мыслей, по своему образованію Исидоръ является гуманистомъ. Вотъ почему для него, при всемъ его православіи, политическое положеніе Византійской имперіи, судьба его отечества, стояли выше, имѣли большую цѣну, чѣмъ всѣ догматическія разногласія между востокомъ и западомъ. Намъ кажется, что этотъ взглядъ на Исидора, устанавливаемый, благодаря новооткрытымъ письмамъ, г. Регелемъ является вполнѣ правильнымъ и единственно объективнымъ для историка.

Въ VI главѣ г. Регель подвергаетъ пересмотру старый вопросъ о происхожденіи русскихъ царскихъ регалій. Автору удалось найти въ Московскомъ Архивѣ соборное постановленіе о присвоеніи царскаго титула русскимъ государямъ при Иванѣ IV. Г. Регель послѣ тщательнаго анализа всѣхъ имѣющихся данныхъ пришелъ къ выводу, что легенда о присылкѣ регалій Владиміру Мономаху есть позднѣйшее произведеніе, постепенная подтасовка фактовъ, окончательно выработавшаяся ко времени Ивана IV. Анализируя самый документъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что на этой рукописи было первоначально нѣчто иное, чѣмъ тамъ есть: текстъ былъ подчищенъ и измѣненъ такимъ образомъ, что получилось полное согласіе текста

съ сложившейся уже къ этому времени въ Москвѣ легендой о присылкѣ регаліи Владиміру Мономаху; первоначально-же въ посланіи говорилось о Владимірѣ Св., которому въ дѣйствительности могли быть доставлены регаліи царями Василіемъ и Константиномъ.

О цѣломъ рядѣ интересныхъ документовъ говоритъ г. Регель въ VI главѣ: «Посланія греческихъ патріарховъ въ Россію (1557—1613)». О соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха 1561 г. мы тотчасъ говорили. Тутъ-же разсматриваются документы такого-же характера, касающіеся учрежденія въ Россіи патріаршества; посланія александрійскаго патріарха Мелетія Пегаса, собранные г. Регелемъ какъ въ различныхъ архивахъ заграничныхъ, такъ и находящихся въ Россіи, и извлеченные изъ ранѣе существовавшихъ изданій, и др.

Для исторіи смутнаго времени имѣетъ, по нашему мнѣнію, огромную важность посланіе іерусалимскаго патріарха Софронія къ лже-Дмитрію I. Не важно, конечно, что Софроній признаетъ Дмитрія истиннымъ сыномъ Ивана IV, но нельзя также соглашаться съ издателемъ въ томъ, будто документъ интересенъ лишь по взглядамъ, существовавшимъ на востокѣ, на обязанности русскихъ государей. Г. Регель не обратилъ вниманія на нѣкоторыя выраженія, находящіяся въ этомъ документѣ. Между прочимъ патріархъ пишетъ: «ἐὰν δὲ εἰςακούσῃ κύριος ὁ θεὸς τὰς παρακλήσεις καὶ λιτανείας καὶ δεήσεις ἡμῶν, καὶ καταξιώσει σε ταχέως, ἵνα καθίσῃς εἰς τὸν θρόνον τοῦ πατρός σου.....», или: (мы возсылаемъ денно и нощно всякія моленія) ὧν ἐπακούσῃ κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ἡμῶν στηρίξῃ καὶ διαφυλάττῃ καὶ διαδκέπῃ καὶ κατευοδώσῃ τὴν βαδιλείαν σου ταχέως ἐπὶ τὸν θρόνον σου». Эти выраженія могутъ указывать или на то обстоятельство, что Дмитрій обратился къ патріарху, или что до Софронія дошла вѣсть о Дмитріи въ то время, когда онъ не былъ еще коронованъ, но былъ уже въ Москвѣ, или еще и совсѣмъ въ царствѣ московскомъ не былъ. Но именно слѣдующимъ мѣстомъ окончательно подтверждается послѣднее: «δεόμεθα.... ἵνα (ὁ θεὸς) δώσῃ τὸν θρόνον τοῦ πατρός σου, τῆς βαδιλείας σου, χωρίς πολέμος καὶ αἱματοχυσίες... Такимъ образомъ, Дмитрій сталъ извѣстенъ въ Іерусалимѣ еще какъ претендентъ на московскій престолъ до начала военныхъ дѣйствій въ Сѣверщинѣ. Патріархъ Софроній ни единымъ поздравленіемъ, ни однимъ выраженіемъ радости не показываетъ, что Дмитрій уже въ своемъ царствѣ, а напротивъ говоритъ, что молитъ Бога о томъ, чтобы это занятіе прародительскаго престола произошло безъ войны, безъ кровопролитія. Этотъ документъ былъ извѣстенъ въ русской литературѣ

и раньше, но намъ кажется, что должной оцѣнки ему всетаки не было сдѣлано. Приверженность (внутренняя) Дмитрія къ католичеству уже значительно поколеблена въ русской наукѣ. Его заигрываніе съ іезуитами и папой (до принятія католичества включительно) является политической комбинаціей. Указанный документъ еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Дмитрій, завязавъ прочныя связи съ западомъ, въ то-же время втягиваетъ въ свою политику и востокъ. Не забудемъ, что масса документовъ погибла, и что связи Дмитрія до выступленія на арену открытой борьбы съ Годуновымъ остаются для насъ въ силу этого неизвѣстными.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о рядѣ документовъ, изданныхъ тутъ-же г. Регелемъ. Это акты о поставленіи епископовъ въ различныя русскія области митрополитомъ Өеогностомъ между 1328 и 1347 годами. Матеріалы эти были уже разъ изданы г. Васильевскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ русскомъ переводѣ съ рукописи г. Регеля. Теперь послѣдній издалъ ихъ въ подлинникѣ съ своими небольшими замѣчаніями. Между этими актами мы находимъ о поставленіи Аѳанасія во Владиміръ на Волыни (1328 г.), Өеодора въ Галичъ (1328 г.), Трифона въ Луцкъ (1331 г.), Павла въ Черниговъ (1332 г.) и др.

П. Г.

Библіографическая замѣтка.

Въ Ягичевомъ «Archiv für Slavische Philologie» за 1891 г. вып. 1 находимъ слѣдующія двѣ замѣтки, небезынтересныя для читателей «Кіевской Старины»: 1) Eine kleinrussische Version der Lenorensage (Южно-русскій пересказъ сказанія о Ленорѣ) и 2) Ein Beitrag zur Kenntniss böhmischer Heiliger bei den Russen (Къ вопросу о распространеніи чешскихъ святыхъ на Руси). Малорусскій изводъ Ленорпнскаго сказанія записанъ въ Коломеѣ (Галиція) и со стороны содержанія не представляетъ ничего особеннаго: общеизвѣстный разсказъ о приходѣ изъ могилы мертваго жениха за невѣстою, о ея бѣгствѣ отъ него, послѣ того, какъ они пришли къ гробу, и смерти. Вторая замѣтка знакомитъ насъ съ новооткрытымъ малорусскимъ изводомъ житія «Пустынника Іоанна, хорватскаго королевича», заключающимся въ рукописи 17 вѣка. Это житіе было уже

извѣстно въ другомъ старорусскомъ изводѣ, который былъ сообщенъ еще Востоковымъ. (Описаніе рус. и слав. рукописей Рум. муз. стр. 778; хронографъ 17 вѣка); оно было даже переиздано, вмѣстѣ съ житіемъ св. Людмилы, г. Г. Иречкомъ, приложившимъ также переводъ и объясненія, изъ которыхъ слѣдовало, что мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ чешскимъ святымъ, перешедшимъ на Русь. Изводъ, отысканный г. Муркомъ, составителемъ указанной замѣтки, и перепечатанный имъ въ «Archiv'ѣ»,—отличается отъ прежняго въ выгодную, такъ сказать, сторону; наприм., вмѣсто испорченнаго прилагательнаго «Маворскій», въ которомъ г. Иречекъ предполагалъ «баворскій» или «моравскій», тутъ находится именно этотъ послѣдній, конечно, наиболѣе правильный обликъ (Боривой кнзь мура́вскій христиханінъ был правия греческия стыя вѣры и т. д.).

А. С—чъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Русская Старина 1892 года № 4 и 5 (апрѣль и май). На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить довольно обширный и обстоятельный некрологъ покойнаго редактора — издателя журнала М. И. Семевскаго (I—XXXVIII). Некрологъ этотъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью покойнаго какъ общественною, такъ и литературною, причемъ сообщается и списокъ его сочиненій и переводовъ.

Записки Никитенко, напечатанныя въ апрѣльской книжкѣ журнала (IV стр. 141—177), продолжаютъ знакомить насъ съ полузабытыми фактами недавняго прошлаго. Въ 1872 году, который обнимаетъ послѣдняя часть записокъ, былъ выдвинутъ вопросъ о реальныхъ училищахъ и Никитенко сообщаетъ намъ съ одной стороны судьбу проекта въ Государств. Совѣтѣ, а съ другой и отношеніе общества къ реальному образованію.—Кромѣ этого сообщается нѣсколько данныхъ для исторіи академической: жизни смерть П. П. Пекарскаго, выборъ въ члены академіи М. И. Сухомлинова и С. М. Соловьева и т. д.

Г. Анатолій Е—шовъ въ своей замѣткѣ «Платонъ митрополитъ кіевскій и галицкій» (†1891) сообщаетъ нѣсколько характерныхъ случаевъ, когда

покойный архипастырь съ терпимостью относился къ другимъ вѣрамъ и исповѣданіямъ (V, 435—440).

Въ отдѣлѣ библіографіи замѣтки о книгахъ А. Г. Брикнера «Потемкинъ» и Н. Д. Брянцова «Польскій мятежъ» 1863 г. (май на обертке).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 4, 5 и 6 (апрѣль, май и іюнь). И. Н. Потапенко продолжаетъ въ своихъ бурсацкихъ воспоминаніяхъ «До и послѣ»... сообщать характерныя бытовыя черты изъ жизни того класса духовенства, который группируется возлѣ епархіальнаго архіерея и составляетъ его, такъ сказать, дворъ. Поэтому особенно интересна статья въ майской книжкѣ, гдѣ г. Потапенко описываетъ путешествіе архіерея по епархіи.

Статья М. Ѳ. Ладвинскаго «Переселенческое движеніе въ Россіи» интересна по статистическимъ даннымъ, сгруппированнымъ авторомъ и показывающимъ до какихъ колоссальныхъ размѣровъ развилось у насъ это движеніе. Главнѣйшими причинами его, по мнѣнію автора, являются недостатокъ земли, дурное качество надѣловъ и дороговизна арендъ. Сообщаются данныя и о переселенческомъ движеніи въ южныхъ губерніяхъ (май стр. 449—466).

Ф. А. Витбергъ. Н. В. Гоголь въ 1831 году (іюнь стр. 662--675). Авторъ старается опредѣлить точно хронологически время знакомства Гоголя съ Пушкинскимъ кружкомъ и подчеркиваетъ громадное вліяніе, которое имѣлъ на Гоголя Пушкинъ.

Ученые труды академика М. И. Сухомлинова (6 марта 1852—6 марта 1892 г.) съ библіографическимъ ихъ указаніемъ (апрѣль, стр. 239—245).

Въ отдѣлѣ библіографіи отзывы о книгахъ: «Очерки литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430» сочиненіе А. Барбашева Спб. 1891 г. (іюнь). *Глинская Рождество-Богородицкая пустынь* (курской губерніи, путивльскаго уѣзда). Курскъ 1892 г. *«Памятная книжка курской губерніи* на 1892 годъ. Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. Г. Вержбицкимъ Курскъ 1892 г. *Іерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи до настоящаго времени Н. Д. Лютова* 1892 г. (іюнь). *Н. П. Загоскинъ* Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, Казань. 1892 г. Матеріалы для біографіи Гоголя В. И. Шенрока. Томъ первый. Москва 1892 г. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году.—Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Ольгерда Вильчинскаго. Спб. 1892 г. (апрѣль)—Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Изслѣдованіе К. И. Арабажина. Кіевъ. 1891 г.—И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Кіевъ. 1891. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II

Н. П. Семенова. Томъ III, часть 2. Спб. 1892 г.—Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Изд. 3-е (май).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. № 4—6 (апрѣль, іюнь). *Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка* проф. Ѳ. И. Леонтовича (IV, 33—63 и V, 41—60).—Авторъ разсматриваетъ мѣры, къ какимъ прибѣгали съ древнихъ временъ для прекращенія голодовокъ. Такими мѣрами были: 1) организація управленія сельскимъ хозяйствомъ, 2) развитіе сельско-хозяйственной культуры; 3) хлѣбныя запасы; 4) милостыня; 5) работы частныя и общественныя; 6) подвозъ хлѣба; 7) податныя льготы и разныя финансовыя мѣры; 8) мѣры обезпеченія продовольствія не свободныхъ людей. 9) мѣры противъ хлѣбной спекуляціи (кулачестаа); 10) хлѣбная экспропріація 11) запрещеніе хлѣбнаго экспорта; 12) запрещеніе винокуренія; 13) сокращеніе служебныхъ окладовъ.—Въ заключеніе авторъ, основываясь на прошломъ, дѣлаетъ нѣсколько соображеній и для настоящаго, выдвигая на первый планъ сельско хозяйственную культуру и другіе палліативы и совершенно почти умалчивая о главной причинѣ нашихъ голодовокъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — о ненормальности нашего экономическаго строя.—Тѣмъ не менѣе, по своей обстоятельности и богатству матеріала, статья проф. Ѳ. И. Леонтовича должна занять первое мѣсто между всѣми «исторіями голодовки», появившимися въ послѣднее время.

Дневникъ Маріи Башкирцевой № 4—6 (апрѣль—іюнь) важный, преимущественно, въ психологическомъ отношеніи. Башкирцева—уроженка харьковской губерніи, воспитывалась и прожила большую часть своей жизни заграницей; умерла очень рано. Въ 1876 г. она посѣтила родину, харьковскую и полтавскую губерніи (№ 4 и 5). Въ майской книжкѣ интересна характеристика лицъ высшаго полтавскаго общества: Башкирцева даетъ суровые отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ здравствующихъ и играющихъ и въ настоящее время видную роль въ полтавскомъ свѣтѣ.

Изъ статей общаго содержанія отмѣтимъ статью проф. *П. Г. Виноградова* «Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи», который дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу положеній, высказанныхъ въ книгѣ Льва Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques» о значеніи рѣкъ для цивилизаціи (VI, 33—44).

Въ «*Областномъ отдѣлѣ*» статья *Ѳ. Крюкова* «Козачьи станичные суда» (№ IV, 27—40), въ которой авторъ указываетъ на достоинство и недостатки этихъ судовъ, на ихъ компетенцію, составъ, судопроизводства и пр.

Въ статьѣ г. *И. Бѣлоконскаго* «*Земство и народное хозяйство. I. Статистика*» излагается исторія статистическихъ работъ въ Россіи. Видное мѣсто въ нихъ, какъ извѣстно, занимали наши южно-русскія земства (V).

Въ отдѣлѣ *«Изъ провинціальной печати»* «Замѣтка о сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Кіевѣ» и критика циркуляра черниговскаго губернатора о сельскихъ сходахъ, въ которомъ «Сѣверный Вѣстникъ» видитъ проведеніе тенденцій, проповѣдуемыхъ «Гражданиномъ» (IV).

Въ майской книгѣ въ этомъ же отдѣлѣ замѣтки о тревогѣ въ юго-западномъ краѣ, вызванной слухами о летающихъ воздушныхъ шарахъ. Здѣсь же замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи; о нѣмецкой и еврейской эмиграціяхъ.

Въ іюньской книгѣ «Процессы г. Харькова съ харьковскимъ обществомъ водоснабженія, какъ матеріалъ къ ученію объ акціонерныхъ компаніяхъ».

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» отзывы о книгѣ *В. Е. Постникова* «Южнорусское крестьянское хозяйство». Москва. 1891 г. (апрѣль); *А. Н. Пыпина* «Исторія русской этнографіи».

Русскій Архивъ № 4—6 (апрѣль—іюнь) 1892 г. Замѣтка Н. Я. Скарятина «Г. Ѳ. Скарятинъ и графиня Потоцкая» относится къ извѣстному дѣлу гр. Мечислава Потоцкаго, жестоко обращавшагося съ своею женою. Дѣло это и арестъ Потоцкаго разсказаны, между прочимъ, въ Запискахъ Солтановскаго, печатающихся въ «Кіевской Старинѣ». Г. Скарятинъ имѣетъ цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ участіе въ дѣлѣ Потоцкаго Г. Ѳ. Скарятина, на котораго, по словамъ автора замѣтки, набросилъ тѣнь Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ (IV, 533—535).

В. Н. Каразинъ и господство надъ природою (V, 75—91). Изложена коротенькая внѣшняя біографія Каразина и его записка, читанная въ обществѣ естествоиспытателей 15 марта 1815 года, въ которой проводится мысль о необходимости измѣнить способы изученія метереологіи, а также и мысль о возможности воспользоваться электрическими силами верхнихъ слоевъ атмосферы для потребностей человѣка. Здѣсь же разсказана и судьба записки Каразина, противъ которой возсталъ академикъ Фуссъ, когда ему было поручено разсмотрѣть ее и высказать свое мнѣніе.

Кіевскія Университетскія Извѣстія 1892 г. № 2 и 3 (февраль и мартъ). *В. Истоминъ. Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ.* Авторъ подъ именемъ реакцій разумѣетъ гайдамацкія возстанія въ XVIII вѣкѣ; причины ихъ усматриваетъ въ соціальномъ и экономическомъ положеніи крестьянъ въ Польшѣ, на что уже было указано давно въ извѣстномъ сочиненіи проф. В. Б. Антоновича о гайдамакахъ. Вообще статья г. Истомина даетъ очень мало новаго; заслуга автора заключается только въ томъ, что онъ иллюстрируетъ давно извѣстныя положенія новыми фактами, извлеченными изъ неизданныхъ документовъ кіевскаго центральнаго архива, глав-

нымъ образомъ, изъ актовъ книги пограничныхъ судовъ кіевскаго воеводства. Къ статьѣ 3 незначительныхъ приложенія для исторіи гайдамацкихъ возстаній І-й половины XVIII в.

И. М. Каманинъ. Матеріалы для исторіи кіевской городской общины (№ 2). Во 2 № «Извѣстій» напечатано только 8 документовъ, касающихся охраненія торговли кіевскихъ мѣщанъ, отбыванія натуральныхъ повинностей и выборовъ въ общественныя должности.

Библіографъ 1892 г. № 1—3. Краткая замѣтка «По поводу десятилѣтія «Кіевской Старины» *К—нъ* (№ 3-й, стр. 123—126).

Библіографическія Записки 1892 г. № 1—5. Въ отдѣлы «Критическія замѣтки» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. В. Теличенко* «Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи». (№ 1, стр. 45—46); 2) «Подолія. Историческое описаніе». Изд. *П. Н. Батюшковымъ*, (№ 2, стр. 144); 3) *В. Ѳ. Миллеръ* «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». I—VII. (№ 3, стр. 227—229); 4) *М. Грушевскій* «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца 14-го столѣтія». (№ 5, стр. 377—378).

Вѣстникъ Европы 1892 г. № 4—6. *Русская Ривьера. А. Петрушевскаго* (№ 4, стр. 620—649). Небольшая сравнительно статья представляетъ краткій очеркъ южнаго берега Крыма, давая кое-какія свѣдѣнія этнографическія, географическія, топографическія, статистическія, но болѣе всего обращается вниманіе на характеръ жизни ялтинскаго общества.

Теорія обще-славянскаго языка. А. Пыпина. (№ 4, стр. 762—804 № 5, стр. 302—341). Эта обширная статья, подобно многимъ другимъ того-же автора, представляетъ прекрасный разборъ извѣстнаго сочиненія А. Будиловича «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Статья г. Пыпина не есть исключительно рецензія,—это самостоятельное разсужденіе, написанное по поводу названнаго труда г. Будиловича, причемъ очень обстоятельно разсматриваются всѣ частные вопросы, затронутые авторомъ, и выясняется существо самаго главнаго вопроса—объ общеславянскомъ языкѣ.

Иранскіе источники русской былины. А. Пыпина (№ 6, стр. 702—742). Эта статья написана по поводу извѣстнаго сочиненія Всевол. Миллера «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». Хотя былевой эпосъ, котораго въ данномъ случаѣ касается статья, носитъ названіе *великорусскаго*, но, какъ извѣстно, великорусскія былины такъ тѣсно связываются съ вопросомъ о южнорусскомъ происхожденіи ихъ, что вполнѣ понятно помѣщеніе этой статьи въ наше журнальное обозрѣніе.

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Перев. съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. профес. Н. И. Карѣева (№ 4-й, стр. 874—880). 2) Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. *И. В. Лучицкаго.* (№ 5 й, стр. 416—420). 3) *И. М. Собѣстіанскій.* Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. (№ 6-й· стр. 847—854).

Журн. Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 4—6. *Къ Біографіи Франциска Скорины. И. Шляпкина* (№ 4, стр. 382—385). Это—маленькая замѣтка, приводящая три подлинныхъ акта на латинскомъ языкѣ, которые хранятся въ падуанскомъ университетѣ; изъ нихъ опредѣляются лѣта Скорины, имя его отца и время полученія имъ степени доктора медицины въ Италіи въ 1512 году.

Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» помѣщена коротенькая рецензія о книгѣ г. *Эварницкаго* «Історія запорожскихъ козаковъ. Т. I» (№ 6-й, стр. 363—364).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1892 г. № 2. Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» помѣщенъ разборъ книги *М. А. Дикарева* «Воронежскій этнографическій сборникъ» или правильнѣе говоря—статьи его подъ заглавіемъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украинскимъ нарѣчіемъ» (стр. 314—322).

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 4—6. *Замѣтка Архимандрита Евлогія* объ остаткахъ древней Всеволодовой церкви въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ представляетъ маленькую поправку къ ст. г. Слюсарева «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями» (№ 4-й, стр. 651—652).

Новооткрытый кіевскій проповѣдникъ второй половины 18-го вѣка. Н. Петрова. (№ 5-й, стр. 93—126). Статья эта представляетъ обстоятельное описаніе одного рукописнаго сборника проповѣдей 17-вѣка, доставленнаго въ церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи. Послѣ подробнаго указанія всѣхъ внѣшнихъ примѣтъ рукописи, авторъ останавливается на опредѣленіи существенныхъ вопросовъ, касающихся ея, а именно: 1) времени составленія и произнесенія проповѣдей (предѣльными годами оказывается 1679—1696); 2) мѣста произнесенія ихъ (въ большинствѣ случаевъ монастыри и церкви г. Кіева и его окрестностей); 3) автора этихъ проповѣдей, при чемъ г. Петровъ почти убѣжденъ, что авторомъ долженъ быть признанъ извѣстный Варлаамъ Ясинскій. Въ заключеніе дается краткое описаніе всѣхъ проповѣдей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ.

Кіево-подольская церковь Николая Добраго. А. Георгіевскаго (№ 5-й, стр. 127—167). Это есть продолженіе отмѣченной уже въ прошломъ обзорѣ журналовъ (см. Кіев. Стар. 1892 г. № 4) статьи, писанной на тему, предложенную Духовной Академіей для соисканія Евгеніе-Румянцевской преміи: въ данномъ номерѣ помѣщена глава «Священно-и церковнослужители».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-й и 44-й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Каштанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б. — 6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30 іюля 1892 г.

ралъ Вологоцкого полку зъ дракгуномъ тутъ же явились намъ и сказали о себѣ, что они зъ Яика отправлени отъ капитана отъ гвардіи и полковника, 12 мая, по жалованно, а оной капитанъ посланъ туда зъ 300 чловѣка дракгунъ для розиску о проявившомся тамъ бунтѣ отъ козаковъ яицкихъ противъ государства россійского, отъ которого хотѣли они отторгнутися. Едучимъ намъ отъ ночлѣга, гори и рѣка Донъ у лѣвой руцѣ били, а сей ночлѣгъ имѣетъ противъ станицѣ — — —, за полъ милѣ отъ насъ отстоячой.

29. Вовторникъ. Ст. Ап. Петра и Павла. Тутъ же мы розвелисмося, а зъ нами Галенковскій и Григорій Котляренко. По обѣдѣ рушилисмося и, проехавши верстъ зъ 20, наехали въ яру криницю барзо холодную, текучую и тутъ малое время забавилисмося. Оттуду проехавши верстъ зъ 40, стали на ночлѣгъ надъ рѣчкою, у правой руцѣ намъ бывшою, надъ которою увидѣлисмо и полкъ Нѣжинскій и Аѳанасія Дорофѣевича зъ Флемъ (?) стоячихъ, тогда жъ дожчъ зъ громомъ былъ.

30. Середа. Рано поехалисмо оттуду и, проехавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ противъ станицѣ донской, Роспопинъ прозиваемой, у 2 версти отъ насъ стоячой. Въ тую жъ станицю ездилисмо оба передъ обѣдомъ зъ п. Михайломъ и, бувши у атамана, знову до своего намету пріехалисмо и тутъ кушалисмо, а атаманъ ліодомъ и рибою вялою намъ у насъ кланялъся. По обѣдѣ нашемъ пріехалъ полкъ Нѣжинскій и сталъ на ночлѣгъ, а ми, рушивши зъ полъверсти, знову тутъ же стали на ночъ. Старикъ донецъ, едучи въ поле зъ станицѣ, призванъ къ намъ былъ, который въ разговорѣ своемъ сказалъ себе быти осмдесятолѣтна, въ сей же станицѣ родившогося, але тѣломъ бодръ крѣпко. Онъ же сказалъ: 1) что станицѣ начинаются на Дону висше Мигулинского монастирця, и первая станиця — Казанка; 2) а станиць всѣхъ на Дону 52, на рѣчцѣ Хопру 26, на рѣчцѣ Медведицѣ 15, по Донцу 12, по Бузулуку 13, и того всѣхъ станиць 107; 3) въ станицѣ сей, Роспопѣнъ, по переписѣ показалось дворовъ на сотню; 4) атаманъ въ Черкаскомъ главний Андрѣй Івановичъ Лопатѣнъ, по указу госу-

даревомъ устроенъ; 5) а по станицямъ сами межи собою, кого хотятъ, поставляютъ своими атаманами; 6) донцовъ 3000 пошло весною въ Кгилянъ и имъ жалованя дано государева по 5 р.; 7) а всегда имъ зъ казни дается жалованне по 8 гривенъ, да за аршинъ сукна по 4 гривни, да по четверти муки; 8) разсуждалъ онъ, старикъ, что во всѣхъ станицяхъ на 20000 боевихъ козаковъ донскихъ можетъ винайтися; 9) теперъ висилаются 2000 козаковъ на Яикъ, а чего ради они сами не знаютъ, толко не зъ причини ли той, что тамъ прочулися бунти отъ нѣкоторихъ по розиску Захаріева капитана.

Юль. 1. Четверъ. Рано рушилисмося, и уехавши верстъ около 30, сталисмо на обѣдъ, а по обѣдѣ, также около 30 верстъ уехавши, сталисмо на ночлѣгъ на степу у лѣвой сторонѣ при байракахъ, въ которихъ и криницѣ были.

2. Пятокъ. Поехавши мы оттуду рано, и уѣхавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ между байраками, где увидѣлисмо и донцовъ килкохъ чловѣка стоячихъ, которіе виехали на Яикъ. Сюда къ намъ пріехалъ Юско молодикъ, да Демянъ мой зъ словеснимъ предложеннемъ отъ господина губернатора Артемія Петровича, чтобъ мнѣ поспѣшать въ Царицинъ, бо мѣетъ въ Саратовъ скоро виеждьжать, и потому мы скоро рушилисмося въ предлежащій путь, але же, по ихъ же сказкамъ, не безтрудной на станицѣ Качалинѣ есть черезъ Донъ переездъ, того ради близше на станицю Лавлю разсудилисмо ехать и, проехавши мало, взялисмо у лѣво и пріехали до Дону, отъ обѣда верстъ у 10 отстоящого. Переправивши черезъ Донъ возки пороломъ, а конѣ уплинъ при каюкахъ, засталисмо на сей сторонѣ Дону обозъ Кандиби и протчіихъ и тутъ заночовалисмо у станицѣ Лавлѣ.

3. Субота. Тутже обѣдалисмо зарання, а по обѣдѣ поехалисмо и, переехавши черезъ рѣчку Качалинъ, у 10 верстахъ отъ Лавлѣ отстоящую, оставилисмо дорогу столповую у лѣво до Царицина, а сами у право верхами поехалисмо до лагеру, где брегадиръ Ветеранинъ стоитъ надъ лѣп... (?) и, пріехавши въ таборъ, чили лагеръ великороссійскій, булисмо, первей, у полковника Кроншлотского

полку Петра Івановича Бутурлина, где зъ полуполковникомъ Алексѣемъ Веровкинимъ увидѣлемся; тамъ посидѣвши мало, пойшлисмо пѣши до брегадира, у которого ласкаве приняти зосталисмо и тамъ застали п. Василя Томару, еще зъ рана туда заехавшого, который заразъ и отехалъ въ путь, а мы, тамъ посидѣвши чимало, отехали и, еще до полуполковника Веровкина заехавши, тутъ просидѣли часъ, а потомъ отехавши, доехали возковъ и будокъ своихъ, оттуду поехавши, уехалисмо отъ лагера верстъ 20 и сталисмо на ночъ купно зъ Томарою, Гамалѣею и Дорошенкомъ.

4. Неделя. Рано барзо рушилисмося зъ ночлега и на дорозѣ стрѣтилисмося зъ возами воловими, родителскими и нашими, а моихъ возовъ 18, зъ рибою и протчее, чего зде именное есть изображеніе зъ реестра Гавриловего: риби вялой сули 8000, чабака 7000 зъ лишкомъ, еще жъ сули 450, чабака 2000 и 300 и того всей (сули 8450) чабаковъ 9300 и зъ лишкомъ, а подъ тимъ и при томъ возовъ воловихъ 18, конний 1, воловъ 75, коней 3, сокиръ 6, а при сему обрѣтается подданий нашъ Федоръ Сурайченко. Пріехалисмо до Царицина, отъ Лавлѣ въ 61 верстахъ отстоящого, а отъ лагеру въ 56, при линѣи будучого, и сталисмо на квартерѣ, отведенной въ новомъ городѣ, не подалеку рѣки Волgи. Едучи осмотрувалисмо линѣи, которая въ ширину будетъ на 4 саженя, але у глубину болше двохъ сажень не будетъ ровъ; по надъ ровомъ 4 городка, чили крѣпости. Рано былисмо у губернатора астраханского Артемія Петровича Волинского и милостиво приняти у его былисмо; тутъ же увидѣлисмося и зъ коммендиромъ нашимъ означеннимъ полковникомъ Яропкинимъ. Обѣдалисмо у дворанина Михаила Івановича Бакулина, куда зъ губернаторомъ и семею его Александрою Лвовною водою на шлюпцѣ ездилисмо, да зъ нами жъ былъ Еропкинъ, полковникъ харковскій Квѣтка, оберъ-іеромонахъ отецъ Давидъ и протчіе; по кушанню, игралисмо въ карти, потомъ, пріехавши назадъ, осмотрували конюшни Артемія Петровича, между которою (sic) конь жеребецъ сивострокатий, дивной шерсти, же мало оной и есть, а полемъ (?) будто на вишляфованой якой матеріи. После вечералисмо у Артемія Петровича и на квартеру отойшлисмо

свою. Куріеръ отъ Матюшкина зъ Гиляни повернулся и сказалъ — тамъ все благополучно и что тамошніе жители, прежде у гори збѣгшіе, теперъ начали на свои прежніе поворачатись жилища. Тогда жъ явился и слуга сина Милорадовичевого, зъ Сулаку пріехавшій.

5. Понеделокъ. Рано былисмо на суднѣ, на которомъ нашъ багажъ зложенъ, а оттуду пошедши, были у полковника Яропкина, а отъ него у Артемія Петровича и кушали тамъ же. Прошеніе на писмѣ въ 5 пунктахъ подалемъ Артемію Петровичу, о суднѣ тутъ и Астраханѣ, верблюдахъ и протчемъ, вина волоского на 5 р. купислисмо у двѣ барилцѣ. Передъ вечоромъ у губернатора жъ были и тамъ ужинали, онъ же въ разговорѣ зъ нами сказовалъ про персидскую страну: 1) что тамъ толко пшениця да ячмѣнь родится, а дважди въ лѣто, въ маи и октовиріи, 2) а землю, отъ упаловъ солнечнихъ вмѣсто каменя изсохшую, первей лопатками желѣзними острими первей (sic) издираютъ, а после орутъ мякшую, 3) въ Гиспаганѣ окгроди израдніе зъ частими фонтанами, 4) дни жаркіе барзо, а ночи такъ же вопроки холодніе лѣтомъ, 5) наехалъ онъ рѣку, до Шамахи едучи отъ Испагана, которая розлившись, когда станетъ упадать, то остаючаяся вода на травѣ засихаетъ и биваетъ чистою селѣтрою. Два комисара пріехали, одинъ зъ Гиляни, а другій зъ Баки сегодня, и сказуютъ, что тамъ слава Богу все благополучно и жители тамошніе, прежде позбѣгавшіе, стали на свои жилища возвращатись.

6. Вовторокъ. Обѣдалисмо у себе сами и Томара позабавился у насъ. Далемъ грошей Демяну 30 р., да Юскови на судно въ Астрахань 15 р., да Гаврилови 6 р., итого 51 р., Юско зъ писмами Артемія Петровича отехалъ въ Астрахань почтою. У насъ были князь Андрей Григоріевъ Волконскій, порутчикъ Кроншлотского полку, комендированний къ Артемію Петровичу зъ 80 дракгунами въ Саратовъ, капитанъ Степанъ Федоровъ синъ Кондиревъ, да саржантъ Симеоновского полку Петръ Івановъ синъ Цизеринъ. У вечеру былисмо у Яропкина, а оттуду у Артемія Петровича, вечерали и, по вечери, играли въ карти.

7. Середа. Обѣдалисмо у Артемія Петровича и по обѣдѣ позабавили и зъ нами Томара и Дорошенко. По обѣдѣ тіе жъ гостѣ великороссійскіе и Томара были у насъ и, позабавивши, отойшли. У Артемія Петровича знову былемъ, который изволилъ говорить о 5 верблюдахъ, мнѣ уступленнихъ, и о Гаврилу слузѣ п. Михайла, козака Узюмского полку похитавшемъ (?) и о протчомъ, а потомъ, отойшовши я оттуду зъ п. Михайломъ, у лазнѣ въ себе милемся.

8. Четверъ. Рано поехавши я въ городъ, службы Божой слухалемъ, а по службѣ былемъ у Артемія Петровича и Еропкина и кушалемъ тамъ же, а по обѣдѣ у Селиванова, которій и взглядомъ судна обнадежилъ насъ; да потомъ у насъ бувъ капитанъ Банѣнъ и Томара. Гаврилу въ 10 пунктахъ далемъ інструкцѣю, едучему въ Астрахань, и листи два, еденъ до Gорки архиерея, а другій до Юска.

9. Пятокъ. Рано судно, на которомъ первій мой багажъ зложенъ былъ, затонуло и часть немалая багажу моего замокла, а то зъ причини Кондирева капитана, что излисше тяжару на судно взялъ. Яковъ зъ обозомъ пріехалъ до Мечетной и сталъ тамъ, а тутъ на время бувъ. У Артемія Петровича былемъ и, нѣкоторое время пробивши, ходилемъ зъ Петромъ Васил. велблюдовъ, намъ опредѣленнихъ, осмотрувать пяти. У вечеру Василь Томара съ нами просидѣлъ, а за судномъ посилалемъ до Селиванова и осмотрували оного по предложенню бережного, зде бывшого.

10. Субота. Рано обѣдалисмо у себе сами. Верблюдовъ 5 приведено къ намъ при Гаврилу, слузѣ п. Михайла, по указу Артемія Петровича. Былисмо потомъ у Еропкина, а оттуду у Артемія Петровича, где покушавши игралисмо въ карти, оба, Василь Гамалѣя и князь Андрей Волконскій, и Гамалѣя програлся. Гаврило, слуга мой, зъ багажомъ моимъ первимъ отпустился въ Астрахань судномъ зъ капитаномъ Кондиревимъ. Прійшовши ми зъ Василемъ Томарою домой, просидѣли и после вечерню отпѣли.

11. Неделя. За верблюди заплатилисмо оба по 30 р. и по 12 ал. присланному чловѣку отъ Петра Василіевича порутчика. У службы Божой булисмо, а по службѣ війшовши, кушали у Яроп-

кина и въ карти играли. Показовалъ Яропкинъ листъ, въ якомъ пишетъ Семенъ Лизогубъ, что онъ вчорайшого дня прибылъ до перевозу къ Дону. Оберъ іеромонахъ пріехалъ сюда зъ синода до Колмицкого Петра Петровича, которого служитель латинщикъ у Артемія Петровича тумани отнеслъ (?). Отійшовши мы отъ полковника, были у Томари и, просидѣвши чимало, прийшлисмо до себе. Демянъ купилъ вина волоского у двѣ барилцѣ, а въ нихъ умѣстилось квартъ 22.

12. Понеделокъ. Вчорайшого дня обѣдалисмо вси на двохъ столахъ у Артемія Петровича, понеже дочери его Аннушки день былъ рожденія. По обѣдѣ поигравши въ карти, прийшлисмо до своей квартери, а отсюду зъ Дорошенкомъ былисмо у отца Лѣнкевича на суднѣ, а оттоль у полуполковника Толстеина. Данило Івановъ синъ Опачининъ, капитанъ посиланний отъ Яропкина до Лизогуба, повернулъся сюда. Молитвенникъ мой отдалемъ Артемію Петровичу.

13. Вовтор. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ были у Артемія Петровича, а оттуду у Данила Опачинина и играли въ карти. Артемій Петровичъ виехалъ зъ Царицина къ Саратову, водою, для примиренія Петра Петровича Колмика зъ прочіими его свойственними, а зъ нимъ жена его Александра Лвовна опровважать поехала жъ, да въ дорогу жъ князь Волконскій Андрей да порутчикъ Ярмолаевъ и оберъ-іеромонахи оба, отецъ Давидъ и отецъ Лѣнкевичъ. По отездѣ его, былисмо у Еропкина, оттуду у Опачинина и въ домъ прийшлисмо. Гварнѣзоновъ кіевского и глуховского солдати, коммендированніе до Сулаку, прибули сегодня водою сюда зъ гори. П. Михайло небилицѣ провадилъ. — Достался намъ реестръ, въ екомъ виражено, что на сватбѣ цесаревны Анны Петровны зъ голштинскимъ княземъ пожалованы нѣкоторіе чиновники, той сватби приличніе на той часъ, а инніи въ чини вовсе. (*Засимъ слѣдуетъ, опускаемый здѣсь, списокъ лицъ, получившихъ награды*).

14. Середа. Вина волоского квартъ 20 купилъ Демянъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ були у Еропкина и, въ карти погравши, були потомъ у губернаторши. Поехалисмо до Артемія Петровича зъ

Еропкинымъ, я, п. Михайло и п. Гамалѣя Василь, Опачининъ и Цизиринъ я, черезъ рѣчку Мечетную, близко у Волgу упадаючую, и инние поточки переехавши, доехали до Артемія Петровича у 20 верстахъ отъ города, тамъ вечералисмо и по вечерѣ играли въ карти. Артемей Петровичъ далъ писма до Астраханѣ о мнѣ до Івановского, Полтева и Трифонова, а поехалисмо назадъ шлюпкою полъ 3 часа на низъ, а било болшъ 20 верстъ водою. Ночовалъ у насъ п. Василь Гамалѣя, который едучи еще туда такъ жаждою роспалился, же табакерою воду пилъ, понеже и кунтушъ и каѳанъ роспасавши, акиярижка на конѣ приgалъ.

15. Четверъ. Сегодня обѣдали у насъ Василь Гамалѣя и Дорошенко, а по обѣдѣ приходили до насъ Опачининъ капитанъ и Цизеринъ, и Костенецкій явилъся у насъ же. Милисмося у лазнѣ оба, зъ п. Михайломъ. Демянъ молодикъ уговорилъся зъ человѣкомъ рускимъ, астраханскимъ жителемъ, на судно взять нашъ запасъ въ Астрахань и припроводить туда въ цѣлости, а ему за то отъ воза по рублю дать волового. Куріеръ до Еропкина полковника зъ Питербурху пріехалъ, а зъ чимъ еще ми не извѣстилисмося.

16. Пятокъ. Сегодня рано конфектъ ляксуючихъ принималисмо оба, я 2 ложечки малихъ зъ верхами и имѣлемъ sedes 9, а то зъ тихъ мѣръ, что вчорайшого чи еще позавчорайшого дня рибою спортилемъся. Куріеръ Зѣновіевъ нѣякійсь, вчорайшого дня пріехавшій зъ С. П. Бурху до полковника Еропкина зъ сенатскимъ указомъ, чтобъ онъ поспѣшалъ зъ тими въ походъ до Сулаку, которіи въ его суть командѣ, а для малороссійскихъ войскъ оставилъ бы кого зъ штапъ или оберъ офѣцеровъ, отправленъ зъ отвѣтомъ, что онъ, уже дождавшись бунчуковихъ и козаковъ, совокупно со всѣми пойдетъ въ надлежащій походъ. Обѣдали у насъ Костенецкій, Покотило и Грабовскій, а по обѣдѣ Опачининъ зъ капитаномъ, отъ линѣи пріехавшимъ, посѣщали насъ и, посидя мало, отехали въ лагеръ полковника харковского Квѣтки, сина своего меншого въ домъ отпускаючого.

17. Субота. Казалемъ Демяну, жебы Леску кухару далъ зол. 5 на расходъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посылалисмо сво-

ихъ людей на ту сторону Волги, до колмиковъ, для покупки коней, которіе повернувшись сказали, что конѣ дешевою ценою продаются, а всего лутше рускіи промишленики чили баришники мѣняютъ на конѣ колмикамъ свои товари, именно чоботи жовтіи и красніи, крашанину, киндяки и протчіе симъ подобніе, високую цену онимъ ставлячи. На судно, у четверъ еще Демяномъ сторгованное, поскладалисмо свои рѣчи. Былисмо передъ вечоромъ у Еропкина, который писмо показовалъ намъ о(тъ) князя Голѣцина, зъ Ахтирки писанное къ нему зъ тимъ предложеннемъ, жебы онъ по указу Ветеранина брегадира, если нужда необходимая указоватиметъ, оставилъ при линѣи козаковъ для неспокойства колмикъ, однакъ знову то отрѣшаетъ, тимъ что полкъ Азовскій моглъ прийти туда къ линѣи, которой нарочно для того отъ его сіятелства коммендировалъся. Такъ же и Худолѣя видѣлисмо, и Василь Гамалѣя зъ нами жъ былъ. Десанъ, князь колмицкій, переехавши черезъ Дунъ, былъ у лагерѣ въ Ветеранина и такъ якбы кушалъ, а при немъ ассистенцѣи было на 200 чловѣка.

18. Неделя. По службѣ Божой былисмо у Яропкина на водцѣ, а зъ нами харковскій полковникъ Квѣтка и офѣцери, а потомъ п. Михайло осталъся тамъ же обѣдать, а я въ квартерѣ своей, зъ Дорошенкомъ и Худолѣемъ, обѣдалемъ. По обѣдѣ былемъ у полковника Еропкина, где играли у карти они зъ п. Михайломъ, програвшимъся тогда. Тогда жъ принесено писмо къ Еропкину полковнику отъ брегадира Ветеранина, что онъ зъ собою взялъ нашихъ малороссійскихъ козаковъ 600 и пріехалъ къ крѣпости, при линѣи, по серединѣ отъ Волги до Дону обрѣтаючойся, прозиваемой Грачевская, ради неспокойства калмикъ.

19. Понеделокъ. Сегодня Лизогубъ зъ нѣкоторими бунчуковими передъ обѣдомъ пріехалъ сюда передомъ и обѣдалъ у Еропкина, а обозъ остался при Дону. Были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій, Ширай, Дорошенко и послѣдніе зъ нихъ обѣдали у насъ. Судно на пп. Миклашевскихъ и курѣнчиковъ нашихъ приторговалисмо у тутейшого хозяина по рублю отъ воза двоволового и 10 ведръ московскихъ вина. Былисмо у Еропкина, который показовалъ

доношеніе, написанное въ сенатъ о томъ, что брегадиръ Ветеранинъ писалъ къ нему о учрежденіи форпостовъ нашими козаками, для неспокойства калмикъ, такъ же въ томъ же дѣлѣ, что и Артемей Петровичъ писалъ къ нему, а доношеніе тое послалъ въ Питербурхъ, черезъ салдата гвардіи, повернувшогося зъ Баку, который сказалъ, что Матюшкинъ пріехалъ въ Баку при ему еще и что теперъ въ Гиляни смирно, потому что, когда нѣкоторое число гребенскихъ козаковъ и грузинцовъ, партіями ходившихъ, сожгли деревень непріятельскихъ 140 и болшъ, въ тотъ часъ стали поворочатися гилянскіе жители на свои мѣста и присягу виконивать государинѣ імператрици. Онъ же сказовалъ, что турки Гиспагань взяли.

20. Вовторникъ. Сегодня вѣдомость учинилася, что посиланная партія дракгунъ 300, донцовъ 2000 и слободскихъ козаковъ зъ полуполковникомъ Василіемъ Івановимъ Засѣтскимъ розбила калмицкого владѣлца Нѣтаръ-держу, брата Десанового, и калмикъ на 40 чловѣка убито, а самъ владѣлецъ ушолъ на лошадѣ у одной рубашкѣ. Обѣдалисмо у себе и у насъ Дорошенко и Ломиковскій; по обѣдѣ ходилъ п. Михайло въ лагеръ нашъ, а я до Селиванова комменданта, и тамъ доволно посидѣвши, отийшолъ и зайшолъ до Опачинина, где многихъ нашу браттюю засталъ, зъ которими скоро и отийшолемъ. Риби вялой въ три вози воловихъ понакладали мнѣ Яковъ и Демянъ, а именно: сули 2000, чабаковъ 1000, а сомовъ 100, за всю грошей дано 25 р., 3 алт., 4 д.

21. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Ширай и Якубовичъ на квартерѣ, а п. Михайло захоровалъ на кшталтъ фебри. До 30 р., даннихъ Демяну, еще далемъ 13 р. и 20 к. для росплатки за рибу, вчорайшого дня въ числѣ 3 означенную. Ездилемъ въ лагеръ нашъ и тамъ у Кочубея зъ полуполковникомъ Толстеинимъ и Лизогубомъ были и подпивали, а по отездѣ ихъ я зъ Кочубеемъ на свою пріехалемъ квартеру.

22. Четверъ. Сегодня кушалъ у насъ Андрей Миклашевскій, оба Гамалѣи стар. (?). Брегадиръ Ветеранинъ пріехалъ въ Царицинъ и былъ у Яропкина, куда я ходилъ, а п. Михайло, немощенъ будучи, въ дому остался. Тогда жъ и п. Федоръ дядко

пріехалъ. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко за караулъ взяти по доношенію ченця нѣякогось монастира Мигулинского. Хлопецъ Вѣжевскій и у (о)бѣда, и у вечеру за упрамость каранъ.

23. Пятокъ. По утру были у нашей квартерѣ п. Федоръ дядко и Раковичъ и кушали, тако жъ и арестантъ Андрей Горленко зъ капитаномъ Аненковимъ и Василь Томара, о каменю нонъ дубѣти (?) сказивавший; а по обѣдѣ капитанъ Опачининъ зъ Павловимъ, порутчикомъ Азовского полку, и Андреемъ Миклашевскимъ пріездили до насъ въ гостѣ. Надъ вечеръ Андрей Горленко зъ тимъ же капитаномъ, Кандиба, Борковскій, Тернавскій були у насъ и, посидя мало, отойшли. Брегадиръ Ветеранинъ надъ вечеръ отехалъ зъ Царицина до своего лагеру.

24. Субота. Кушали сегодня у насъ п. Федоръ дядко, Тернавскій; а по обѣдѣ Горленко и протчіе были. По обѣдѣ жъ ходилемъ, чи ездилемъ, до Еропкина, оттуду былемъ у Миклашевскихъ, а оттоль, зъ нами жъ и Кочубеемъ, у Семена Лизогуба и зъ нимъ пожекгналемъся я и всѣ протчіи товариство. Такъ же и зъ Горленкомъ у нашей квартерѣ, до которого много товариства пріездило, а то для того, что они завтра мѣютъ быть отослани въ Ахтирку до князя Голѣцина.

25. Неделя. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко попроважени отсюду за карауломъ до лагеру къ брегадиру господину Ветеранину, а оттуду въ Ахтирку до его сіятелства князя Голѣцина. По службѣ Божой кушали наши курѣнчики. Отъ князя зъ Ахтирки пріехалъ куріеръ до полковника господина Еропкина зъ указомъ взять у бунчуковихъ и полковниковъ вѣдомость, чего ради въ пути было медленіе и когда зъ домовъ своихъ рушились и потому всѣ, такъ же и мы оба зъ п. Михайломъ, далисмо отъ себе на писмѣ тое, что по указу вийшлисмо зъ домовъ первихъ числъ мая и, совокупясь зъ полками малор. близъ Барабашевихъ Байракъ, слѣдовали совокупно, а не порознь, ибо такъ велено указомъ зъ вой. енер. канцелляріи. У полковника былисмо Еропкина, а оттуду дома и вечералисмо зъ Томарою и Дорошенкомъ у себе.

26. Понеделокъ. Сегодня рано смотръ былъ намъ бунчуковимъ, которихъ осматривалъ полковникъ Яропкинъ у двѣ версти отъ города. Обѣдали у насъ Томара, Дорошенко и Ломиковскій. Черезъ куріера, присиланного сюда зъ Ахтирки, послалисмо писма пакетомъ до ахтирского полковника и листъ къ нему, такъ же къ родителю, родителцѣ, женѣ и ясневелможной и къ Михайлу Семеновичу. По обѣдѣ были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій зъ товарищи. Далемъ хлопцеви Вѣжевскому 3 р. на росходи приватніе.

27. Вовторокъ. Сего дня полковникъ Еропкинъ окончилъ смотръ всѣмъ полкамъ нашимъ. Былемъ у колмицкихъ кибѣтокъ, для присмотренияся ихъ состоянія, и увидѣлемъ у нихъ многіе вещи ихъ состоянія, единого негодованія и смѣху достойніе: 1) молитву абизъ ихъ отправлялъ сѣвши долѣ, а межи ногами книгу читаючи, писмо незнать якого язика, толко подобное персидскому; 2) бурханъ показовали свой, который вмѣсто икони почитаютъ и кланяются ему, шкурка заячая, да при ногахъ и ушахъ чирвонимъ шовкомъ обязанная и арканъ зъ мякой шерсти верблюжой и на ономъ ремѣнніе капшучки маленкіе и тое все въ каптурку повстномъ, чему при мнѣ и кланялся колмикъ; 3) на зиму для препитанія сушатъ килка разнихъ скотинъ, здохлихъ найболше; 4) пѣніе ихъ на кшталтъ лобурского, простимъ голосомъ, безъ всякой мелодіи; 5) по переспѣванню, книжку абизъ обвертѣвъ у 3 матерійки и, въ мѣсто благословенія, до всякого зъ колмикъ къ головѣ прикладивалъ и тое все чинили зъ благоговѣніемъ, але нѣкоторіе, смотря на насъ, зъ того всего смѣючихъся, и сами смѣялися. П. Федору дядку позволилисмо въ своемъ суднѣ до Астрахани водою ехать. Обѣдали у насъ наши курѣнчики. Сего дня по обѣдѣ бунчуковіе и всѣ полки переправились черезъ городъ за линѣю. Былисмо у Еропкина и, увѣдомившись о походѣ нашемъ пріидучого четверга, былисмо потомъ у Миклашевскихъ, где и панчохи волосяніе за 7 зл. купилъ мнѣ Цизиринъ. Оттуду былисмо у Селиванова и посидя отойшли домой. Приходили до насъ козаки Чернѣговскаго полку, зъ Сулаку зъ болними повернувшіеся сюда, которіи сказовали, что въ Сулаку смирно, и зъ началнихъ всѣ живи, а еще донци не прийшли, а они 5

недель якъ оттуду. У лазнѣ милисмося оба, а передомъ були у насъ п. Федоръ дядко, Томара, Дорошенко и Худолѣй.

28. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Дорошенко и Ломиковскій, а Томара просидѣлъ. Верблюдовъ ми своихъ 4-хъ навючивши послалисмо до лагера бунчуковихъ, где и наметъ нашъ розбитъ за линѣею, куда и самъ я ездилъ и, посидѣвши у Кочубея, заехалемъ до харковского полковника Квѣтки и, тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ въ квартеру. Писма Якову поотдавалемъ свои до ясневелможной при термѣнѣ листу до государинѣ імператрици, до родителя, родителки о себѣ, до жени о розниxъ интерессахъ господарскихъ и о присланню сюда виправи на весну вѣдомостей господарства, винъ у бутилкахъ и проч., до п. Павловой, Кондзеровского, братовъ п. Андрѣя и п. Семена.

29. Четвер. У полуполковника рано былисмо, а оттуду у полковника Еропкина, где и куріера видѣлисмо, пріехавшого зъ С. П. Бурха къ нему зъ указомъ о поспѣшеніи нашемъ и виходѣ въ предлежащій маршъ. Обѣдали у насъ въ дому п. Федоръ дядко, Яковъ Якубовичъ, а по обѣдѣ Томара былъ и фузѣею раздратованний п. Михайла хлосталъ. Виправивши мы передомъ возки до лагеру, сами заехалисмо до полковника (где атестатъ бунчуковихъ за Фаемъ, что онъ боленъ, видѣлисмо) и, простившись зъ полковницею, заехалисмо потомъ до Селиванова (где до Артемія Петровича писмо написавши, отдалемъ салдату посилаючомуся) и, попростившись зъ нимъ, пріехалисмо въ лагеръ, за линѣею стоячій, и тутъ зъ товариствомъ заночовалисмо, при утѣшеніи жартовномъ п. Василя Гамалѣи, а лагерь отъ города у версту обрѣтается.

30. Пятниця. Якова Дуброву отправилемъ въ домъ, а Вѣжевскому далемъ 3 р. безъ гривни на росходи. Полковникъ Еропкинъ, едучи верхомъ, зъближился къ нашому лагеру и казалъ намъ и полкамъ нашимъ маршировать рекгулярно и, переехавши черезъ рѣчечку малую, прозиваемую Олшанка, отстоящую отъ Царицина въ 7 верстахъ, пройшлисмо еще верстъ зъ 6, и близъ полковъ слободскихъ сталисмо обозомъ всѣ фѣкгурою баталіонъ декари (декаре?) четвероуголно, по сторонахъ трохъ полки наши, а на передѣ

полки слободскіе, въ серединѣ дракгуне, а по самой серединѣ полковникъ Еропкинъ зъ присутствующими себѣ опредѣлилъ место, а ниже въ линѣи двѣ—бунчуковіе всѣ. Дощъ мочилъ тяжко, а мы зъ Еропкинимъ у полковника харковского Квѣтки былисмо, откуду Еропкинъ поехалъ въ Царицинъ, оставивши на писмѣ ордеръ всѣмъ коммендирамъ о заводѣ сторожи полевой, лозону (лозунга?) нестрѣляннюю, о непропусканню лошадей за полевую сторожу. Гасло—Управи.

31. Субота. Сего дня на вчерайшомъ становиску дновалисмо, а обѣдали совокупно у едного столу зъ Миклашевскими и Гамалѣями. По обѣдѣ отправилемъ Алексѣйця въ Царицинъ зъ писмомъ до Селиванова и верблюдами, чтобъ онихъ взялъ въ соблюденіе до повороту людей нашихъ зъ Астраханѣ, а ему казалемъ возъ воловій тамъ достать зъ ярмами. Гасло—Боже!

Августъ 1. Неделя. Сегодня обѣдалисмо совокупне зъ Миклашевскими и Гамалѣями въ наметѣ ихъ. Алексѣецъ повернулся зъ Царицина зъ отвѣтнимъ писмомъ отъ Селиванова, что онъ верблюдовъ принять не хочетъ, которого знову послалемъ въ Царицинъ зъ повторнимъ о томъ же писмомъ. По обѣдѣ полковникъ Еропкинъ пріехалъ къ намъ и подполковникъ Манштейнъ и оберъ офѣцери и тогда рушилисмо зъ становиска, а прійшлисмо до рѣчки Сарпи, зъ степу у Волгу текучой, при которой и чагарники, и, не доходя ей мало, сталисмо на ночлѣгъ въ той же фѣкгурѣ, то-есть баталѣонъ декари. Отъ Царицина до становиска сего, то есть до рѣчки Сарпи, верстъ 25. Слишно, что будто донци мѣли зъ кубанцами акцѣю, не доходя Терку и хорошо показались противъ кубанцовъ, со стидомъ ихъ. Слава Богу! Гасло—поспѣшествуй.

2. Понеделокъ. Сегодня взялъ Еропкинъ полковникъ бунчуковихъ молодихъ къ себѣ и къ полуполковнику по едному чловѣку на ординансъ, такъ же и зъ значковихъ и радовихъ козаковъ. Поехавши мы рано зъ ночлѣга, ехалисмо степомъ верстъ 30 и стали годины 3 зъ полудня на урочищѣ, прозиваемомъ Перелоги, близъ рѣчечки, отстоящомъ отъ Царицина въ 55 верстахъ. Обѣдалисмо у наметѣ Гамалѣи зъ Миклашевскими. По обѣдѣ и передъ обѣдомъ Опачининъ билъ въ куренѣ нашомъ. Гасло Москва.

3. Вовторокъ. Поехалисмо рано зъ ночлега и пріехалисмо на становиско, називаючееся по рѣчцѣ Дубовцѣ, отстоящой отъ Царицина въ 77 верстахъ. А между тимъ житель царичанскій обявилъ, что колмики уже третій день, якъ перевозились зъ за Волги на сюю сторону, при Дубовцѣ рѣчцѣ, за которими харковскій асаулъ комендерованъ билъ въ 40 человѣкъ и капралъ за ними гонитъ, а никого видѣть не могли. Алексѣецъ рано пріехалъ зъ Царицина и обявилъ, что онъ зъ дячкомъ царичанскимъ уговорился за то, что верблюдовъ нашихъ, которихъ передержитъ черезъ два мисяца, дать за всякого по рублю и далъ задатку 25 зл. Гасло—Коломна.

4. Середа. Рано поехалисмо зъ ночлега и на дорозѣ зайдалисмо (?) зъ Еропкинимъ, а пріехали на ночлѣгъ при урочищѣ, прозиваемомъ Везовка, которое отстоитъ отъ Царицина въ 90 верстахъ. Гасло—.

5. Четвер. Сегодня рано рушивши зъ мѣста, переехалисмо черезъ тую рѣчку и долго замедлѣли, поколь обозъ весь переправился, а после зъ Кочубеемъ и прочіими посидѣли и закусили, а пріехали до урочища, прозиваемаго Сухій Байракъ, и тутъ стали на ночлѣгъ, якое становиско отъ Царицина въ 108 верстахъ отстоитъ мѣранихъ веровками. Вечерню передъ Преображеніемъ правилисмо у наметѣ Еропкина и спѣвали многіе, а попъ при насъ бывшій рускій совершалъ. Гасло—.

6. Пятокъ. Сегодня праздновалисмо день Преображенія Господня и утреню, зъ часами и молебнемъ, отпѣли въ наметѣ полковника Еропкина. Обѣдали у насъ Еропкинъ, харковскій полковникъ, полуполковникъ, Кандиба, Кочубей и прочіе, а по обѣдѣ игралисмо у карти. 4-го часа зъ полудня поехалисмо, и прибули на ночлѣгъ до урочища, прозиваемаго Пади, второй години въ ночъ, а становиско сіе отъ Царицина отстоитъ въ 120 верстахъ. Лозонъ былъ Чабаксаръ.

7. Субота. Сегодня дожчъ рано началъ ити, ради которого, а барзѣй для того, что вчорайшаго дня въ ночѣ уже лошади государеви, пригнаніе сюди, спужавшись чогось, утонули 24, а другихъ тожъ немалое число виратовано, однакъ уже зъ дефектами (остано-

вились?). Козакъ полку лубенского умеръ и похованъ. Козаковъ двохъ, а третего драгуна спуженніе лошади мало не до смерти притоптали. Левенцевого чловѣка бито за тое, что вистрелилъ, а Левенецъ самъ, за то, что бранилъ п. Миклашевскаго Андрѣя, привязанъ былъ до колеса. Донци пріехали къ намъ отъ Сулаку, которіе сказуютъ себе 4-го дня зъ Астраханѣ, а другой неделѣ зъ Сулаку и что донцевъ 3000 еще туда не прійшли; и Матюшкинъ енералъ тамъ обрѣтается, куда и енералша Матюшкинова поехала. Казань гасло было.

8. Неделя. Сегодня рано поехавши, уехали верстъ 20 и пріехали до Чорного Яру, такъ городка прозиваемаго зъ деревянимъ валомъ, якій городокъ отъ Царицина отстоитъ въ 141 верстѣ и, пріехавши туда, былисмо тамъ у кабаку и пили пиво. Едучи до Чорного Яру вибѣгалисмо коньми моими, между которими сивий мой скоръ показался. Въ Чорномъ Яру на мѣстѣ коменданта умершого управляетъ прозиваемій порутчикъ (sic). Отъ Чорного Яру поехавши верстъ въ 12, стали близъ Волги на становиску, откуду посилалемъ Мартина въ Чорний Яръ покупать зъ Алексѣемъ пива, хлѣба, овса и діогтю; и пива рубліовъ за 2 купили, такъ же и протчего, а пріехали они сюда въ таборъ третей години или болшъ въ ночъ. А становиско сее зовется Солоновскій Падъ. Гасло было Калуга.

9. Понеделокъ. Сего дня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 17 и стали на становиску, отстоящомъ отъ Чорного Яру въ 32 верстахъ, а полковникъ Еропкинъ за болѣзнь свою, на палцѣ учинившуюся, въ кибѣтцѣ ехалъ; а становиско Грачовка, отъ Чорного Яру 49. Петро Мандрика, значковий полку чернѣговского козакъ, отъ горячки сегодня померъ и на вчорайшомъ становиску сегодня рано похованъ. Игралисмо у Еропкина въ палатцѣ его въ карти и 3 р. вигралъ. Гасло было Саратовъ.

10. Вовторокъ. Сегодня о пятомъ часу зъ полночи рушивши и минувши урочище, отъ ночлѣга отстоящое въ 15 верстахъ, прозиваемое Ветлюная Лучка, где доволно паши было, прибули на другое становище, прозиваемое Полозовъ базаръ, а ишлисмо 13 часовъ уставичне, а пришли передъ вечоромъ 33 версти. День бувъ хо-

лодний, а у вечеру и у ночѣ дожчъ ишолъ. Минувши Ветляную Лучку, пріехали противъ селища на томъ боку Волgи, где рибалки живутъ. Ради такъ долгого маршу, много воловъ и коней поприставало. Гасло было Харковъ. Отъ Чорного Яру версти 62.

11. Середа. Сего дня простоялисмо до обѣда, а по 10 часу рушивши, пріехалисмо до становиска, прозиваемого Копанская Лучка, отстоящого отъ вчорайшого ночлѣга въ 14 верстахъ, а отъ Чорного Яру въ 8 верстахъ. Игралисмо зъ п. Михайломъ и Гамалѣею въ карти у полковника Еропкина и програлисмося оба. Гасло было Астрахань. Ординарци Янъ Миклашевскій и Домонтовичъ.

11. Четверъ. Сего дня тутъ, на семъ становиску, перестоялисмо, а у полковника Еропкина обѣдалисмо и по обѣдѣ, игралисмо въ карти у его жъ и виграломъ, потомъ у его жъ вечерали. Ординарецъ Василь Гамалѣя. Лозонъ Ахтирка.

13. Пятокъ. Сего дня рано рушивши, пришлисмо на становиско, прозиваемое Ерокъ подстепний, за 14 верстъ отстоящій отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Чорного Яру 90 верстъ, и тутъ ночлѣгъ имѣлисмо. Яжъ въ наметѣ своемъ былемъ, а п. Михайло и Гамалѣя играли въ карти у полковника. Гасло было Полтава.

14. Субота. Сегодня барзо рано, двома годинами передъ свѣтаннемъ вставши, пошлисмо и, пройшовши верстъ 17, сталисмо на обѣдъ въ урочищи „ “ (?), отстоящого отъ Чорного Яру въ 107 верстахъ, где Еропкинъ полковникъ провожатаевъ козаковъ чорноярскихъ при насъ батожемъ казалъ быть, за то что близко стали. По обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 15 и прійшовши до урочища, отъ Чорного Яру отстоящого въ 12 верстахъ, тутъ на ночлѣгъ сталисмо. Ходилисмо зъ лагера на гору пѣши и зъ переспектива дивилисмося на ту сторону Волgи, за которою увидѣлисмо городокъ, прозиваемий Селитраний, где комендантомъ. „ “ Вечерню отпѣли въ наметѣ Опачинина соборно. Лозонъ Кіевъ. 3 овци и корову Еропкину, 3 овци подполковнику, а 2 Опачинину далъ. Татаре зъ писмомъ отъ криксъ-комисара пріехали зъ Астраханѣ до Еропкина, о увѣдомленіи о насъ Матюшкина писанимъ. Ординарецъ Дзявулскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.[1)]

Въ XIX-мъ столѣтіи орденъ св. Анны остался единственнымъ памятникомъ нашихъ старыхъ связей съ голштинскимъ герцогствомъ, нынѣ потонувшимъ въ морѣ германской имперіи. А между тѣмъ Голштинія и голштинцы играли далеко не послѣднюю роль въ судьбахъ нашего недавняго прошлаго. Бракъ дочери преобразователя Россіи съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ впервые привелъ въ соприкосновеніе интересы русской имперіи съ интересами этого небольшаго нѣмецкаго княжества, а тридцать пять лѣтъ спустя этимъ послѣднимъ удалось, правда на короткое время, взять даже рѣшительный перевѣсъ надъ коренными и существенными интересами русской земли. Въ короткій промежутокъ правленія Петра Третьяго голштинцы безъ войны овладѣли дворомъ, арміей и высшимъ обществомъ столицы, въ полгода успѣли поработить русскія силы своимъ эгоистическимъ, узко-національнымъ интересамъ, поработить на столько, что уже въ половинѣ 1762 г. Европа съ часу на часъ ожидала диковиннаго зрѣлища—войны сѣвернаго гиганта съ тщедушной Даніей изъ-за

---

1) Харьковскій Историческій Архивъ. Дѣла Малороссійской Коллегіи №№ 230, 662, 681, 2920, 21890, 21081 и 26826.

Полное собр. законовъ т. XV. № 11416 и т. XVI №№ 11587 и 11610.

Карповъ. Опис. Высочайшихъ указовъ въ XVIII в. (изъ архива Сенат.) т III.

Истор. описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ 1842 г. III. (стр. 196 - 234).

Исторія Руссовъ стр. 251.

Брикнеръ „Исторія Екатерины II“.

Брикнеръ „Петръ III-й“ (до вступленія на престолъ) изъ Р. Вѣстн.

крохотнаго лоскутка земли, оттянутаго ею у герцоговъ голштинскихъ еще въ то время, когда этимъ послѣднимъ и во снѣ не снилось ихъ будущее величіе. Вліяніе голштинцевъ отразилось въ это время на всѣхъ сторонахъ государственной жизни и отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи. Вездѣ русскій человѣкъ, получившій послѣ реформы нарочитую способность подражанія и приспособленія, спѣшилъ приспособиться къ попавшимъ въ „случай“ пришельцамъ. Гвардейскій офицеръ приспособлялся къ выправкѣ голштинскихъ сателлитовъ молодаго императора, государственный человѣкъ—къ ихъ полическимъ идеаламъ и симпатіямъ, высшее общество—къ ихъ капральскимъ манерамъ и своеобразному тону. „Braver soldat“ со всѣми его специфическими особенностями сталъ излюбленнымъ идеаломъ всѣхъ жаждущихъ карьеры и способныхъ къ приспособленію, а носителемъ и, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ этого идеала явилась для россійскихъ карьеристовъ приближенная дружина государя—его голштинское войско.

Голштинское войско вмѣстѣ съ голштинской короной досталось Петру Өедоровичу въ 1739 году по наслѣдству отъ его отца Карла Фридриха. Не смотря на воинственныя замашки покойнаго герцога, на его страсть къ экзерциціямъ, вахтъ-парадамъ и всякой солдатчинѣ, ему не удалось довести свою армію до размѣровъ сколько-нибудь внушительныхъ, и въ моментъ его смерти голштинское войско представляло собою силу во всѣхъ отношеніяхъ ничтожную. Но вмѣстѣ съ войскомъ Карлъ-Фридрихъ передалъ своему наслѣднику и свою горячую любовь къ этому войску, и стремленіе создать изъ него могучую и грозную для враговъ Шлезвига и Голштиніи силу стало завѣтнымъ желаніемъ юнаго герцога. Желаніе это не оставило Петра Өедоровича и тогда, когда онъ превратился въ наслѣдника россійскаго престола. Напротивъ, теперь желаніе это еще болѣе усилилось. Вдали отъ Голштиніи, голштинское войско, какъ и все голштинское, сдѣлалось еще милѣе сердцу великаго князя, а заботливость державной тетки, старательно удалявшей отъ него все, что могло поддерживать его нѣмецкія симпатіи, только разжигала это желаніе. Долгое время доступъ къ Ора-

ніенбаумскому двору былъ накрѣпко закрытъ для нѣмецкихъ подданныхъ великаго князя. Только въ 1755 г. запретъ этотъ если и не уничтожился, то все же смягчился значительно. Наслѣдникъ тотчасъ же воспользовался удобнымъ моментомъ, и лѣтомъ этого же года первый отрядъ голштинскихъ солдатъ былъ уже въ Ораніенбаумѣ.

Его прибытіе встрѣчено было съ необыкновеннымъ восторгомъ. Петръ Θедоровичъ почти совсѣмъ покинулъ свой ораніенбаумскій дворецъ и съ утра до ночи проводилъ время въ лагерѣ голштинцевъ. Великій князь, бывшій шефомъ кирасирскаго полка и подполковникомъ Преображенскаго, теперь почти не снималъ съ себя голштинскаго мундира. Усвоеніе всего облика „честнаго и храбраго нѣмецкаго офицера“ стало предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній. Ораніенбаумскій дворецъ и его окрестности, пропитались запахомъ крѣпкаго кнастера; попойки, за которыя тяжело расплачивалась хилая натура Петра Θедоровича, стали явленіемъ постояннымъ. Окружающіе великаго князя далеко не раздѣляли его увлеченія. Если въ высшемъ придворномъ обществѣ его поведеніе встрѣчало насмѣшливо-снисходительные отзывы, за то въ низшихъ слояхъ слышался нескрываемый ропотъ. Особенно недовольны оказывались солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, поочередно державшихъ караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ. По словамъ Екатерины II, голштинское войско въ представленіи нашихъ солдатъ являлось сборищемъ измѣнниковъ, запроданныхъ прусскому королю. Придворная прислуга, принужденная вмѣстѣ съ гвардейцами Ингерманландскаго полка таскать на себѣ кушанья изъ дворцовой кухни въ ораніенбаумскій голштинскій лагерь (для пропитанія голштинцевъ особыхъ запасовъ въ началѣ сдѣлано не было), втихомолку обзывала голштинскихъ солдатъ грубою сволочью. Прибытіе голштинскаго войска еще болѣе повредило авторитету великаго князя, вообще не любмаго за его нѣмецкія симпатіи. Но Петръ Θеодоровичъ мало обращалъ вниманія на общественное мнѣніе. Съ теченіемъ времени его пристрастіе къ голштинскому войску ничуть не ослабѣло, и не смотря на скудость своихъ средствъ, онъ

дѣлалъ все, что былъ въ состояніи, для его усиленія и блеска. На мундиры и аммуницію голштинцевъ тратятся крупныя суммы; для голштинскаго войска отовсюду, по возможности безъ лишняго шуму и огласки, приглашаются солдаты и офицеры: проходимцы россійскаго и иностраннаго происхожденія смѣшиваются въ его рядахъ съ представителями даже аристократическихъ фамилій, каковы напр. братья Скоропадскіе изъ Малороссіи. Въ 1756 г. голштинское войско состояло уже изъ 3 мушкатерскихъ полковъ, одного артиллерійскаго и одного гренадерскаго баталіоновъ, 2 кавалерійскихъ полковъ и инвалиднаго корпуса. Но недостатокъ средствъ и нерасположеніе къ голштинцамъ Государыни много вредили успѣху дѣла и становились на пути широкимъ планамъ великаго князя. Въ декабрѣ 1761 г. Петръ Ѳедоровичъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ силъ и средствъ Русской имперіи, и широкіе планы не могли, конечно, встрѣтить теперь себѣ ни малѣйшаго препятствія. Съ первыхъ же дней новаго царствованія начинается цѣлый рядъ распоряженій о вербункахъ въ голштинскую службу въ Россійской имперіи и заграницей.

Распоряженія эти отразились и на жизни Малороссіи, возбудивъ въ сотняхъ юныхъ сердецъ честолюбіе и несбыточныя надежды, которымъ суждено было разлетѣться въ прахъ и сдѣлать молодыхъ мечтателей, по выраженію историка этого времени, „притчею во языцѣхъ“. Во главѣ правительства въ Малороссіи стояла въ то время войсковая генеральная канцелярія. Еще въ октябрѣ прошлаго года гетманъ отозванъ былъ въ Петербургъ. И по смерти своей благодѣтельницы ясновельможный продолжалъ оставаться на берегахъ Невы, предпочитая придворную атмосферу Петербурга, пропитанную запахомъ пива и кнастера, чистому воздуху скучнаго Глухова. Высоковелительный гетманъ обоихъ береговъ Днѣпра, генералъ-аншефъ, президентъ академіи наукъ и кавалеръ разныхъ орденовъ всѣмъ своимъ пышнымъ титуламъ предпочелъ званіе подполковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, въ качествѣ таковаго, принималъ теперь весьма дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ парадахъ и воинскихъ экзерциціяхъ. Члены ге-

неральной канцеляріи Кочубей и Журавка, генеральный писарь Безбородко да подскарбій Гудовичъ вершили межъ тѣмъ въ Глуховѣ дѣла Малороссіи, и только важнѣйшія изъ нихъ восходили на „высокую резолюцію" гетмана, при которомъ для дѣлъ этихъ имѣлась особая походная канцелярія. На первыхъ порахъ перемѣна правительства и наступленіе новыхъ порядковъ мало отражались на внутренней жизни Украйны. Произошли только кое-какіе перемѣны въ личномъ составѣ малороссійскихъ чиновниковъ. На полковничьи мѣста въ 3 полкахъ были присланы изъ Петербурга новыя лица, съумѣвшія снискать себѣ расположеніе при новомъ дворѣ. Въ Стародубъ именнымъ указомъ 3 января назначенъ голштинскій генералъ-маіоръ оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ Карновичъ съ чиномъ бригадира россійской службы. Полковничій урядъ въ Черниговѣ занялъ бывшій гофъ-фурьеръ Петръ Милорадовичъ, а въ Гадячъ прибылъ вновь пожалованный бригадиръ Крижановскій. Эти лица были для Малороссіи первыми ласточками наступающей шлезвигъ-голштинской эры.

Первое распоряженіе о голштинскихъ вербункахъ, коснувшееся Малороссіи, послѣдовало не раньше конца января. 31-го числа гетманъ получилъ сенатскій указъ, предписывавшій произвести въ Эстляндіи, Лифляндіи и Малороссіи наборъ охочихъ людей для голштинскаго войска. Въ Малороссіи, впрочемъ, записываться въ рекруты могли только поляки и волохи, но не туземцы, „дабы службѣ малороссійской отъ того умаленія не послѣдовало". Гетману предписывалось наблюдать за точнымъ исполненіемъ указа и оказывать вербовщикамъ зависящее содѣйствіе. Указъ этотъ сдѣлался извѣстенъ въ Глуховѣ 19-го февраля.

Но уже 1 февраля волоховъ и поляковъ показалось мало. Голштинская пѣхота и конница, по мнѣнію Государя, нуждалась въ гораздо большемъ количествѣ новобранцевъ, чѣмъ та скромная цифра, которая могла набраться въ силу январскаго указа. 1 февраля командиру голштинскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіору Іоганну Христіану Ферстеру поручено было укомплектовать свой полкъ новобранцами изъ Украйны и бли-

жайшихъ къ ней мѣстъ. Въ указѣ, писанномъ, разумѣется, по нѣмецки, уже ни слова не говорится о какихъ либо изъятіяхъ и исключеніяхъ. Въ голштинцы могъ поступать всякій желающій, и генералъ Ферстеръ долженъ былъ только слѣдить за тѣмъ, чтобы его подначальные, которымъ будетъ поручено вербованіе, не причиняли жителямъ Малороссіи насилій и обидъ.

Въ тотъ же день состоялся и указъ объ укомплектованіи голштинской кавалеріи. Новопожалованный гадячскій полковникъ, какъ бывшій голштинецъ, прекрасно зналъ слабую струну Императора и въ знакъ благодарности за богатый гадячскій урядъ, доставившій ему и обширныя маетности, и громадную власть, предложилъ свои услуги по части набора рекрутъ для голштинской кавалеріи. Недавній выкрестъ изъ іудеевъ, Крижановскій не успѣлъ еще потерять присущей этому племени коммерческой сметки: быстро сообразивъ, что вербованіе—гешефтъ очень выгодный, онъ предложилъ Государю выставить на своемъ иждивеніи цѣлый полкъ гусаръ, такъ наз. Цабольтицкій, для легкой голштинской кавалеріи. Предложеніе, конечно, было принято съ радостью, и Крижановскій получилъ патентъ на вербованіе.

4 февраля Крижановскій уже предъявилъ свой патентъ гетману, патентъ же, выданный Ферстеру, въ походной канцеляріи его ясновельможности почему то былъ явленъ только въ мартѣ, тотчасъ же переведенъ на русскій языкъ, и вѣсть о прибытіи вербовщиковъ скоро облетѣла всѣ десять полковъ. Малороссія стала ожидать гостей.

Въ апрѣлѣ явились и гости. 17 числа въ генеральную войсковую канцелярію господами офицерами голштинскаго Ферстерова полка былъ предъявленъ выданный имъ патентъ, и вербованіе началось.

Число господъ офицеровъ голштинской службы, прибывшихъ въ Малороссію для вербованія, было не велико: документы генеральной канцеляріи сохранили намъ имена прапорщика Берлира (француза), поручика Гофмана и маіора Стефани. Съ ними прибылъ сержантъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Берлиръ съ подначальными своими остался въ Глу-

ховѣ, Стефани уѣхалъ въ Кіевъ, что же касается Гофмана, то ни свѣдѣній о мѣстѣ его пребыванія, ни какихъ либо указаній на его дѣятельность не сохранилось. Наборы охочихъ людей въ военную службу были въ Малороссіи явленіемъ обыкновеннымъ: и гусарскіе полки, и компанейскіе контингенты комплектовались здѣсь путемъ набора охотниковъ, въ которыхъ никогда не бывало недостатка. Но теперешній вербунокъ представлялъ собою нѣчто чрезвычайное, и по охотѣ, съ какою украинцы спѣшили записаться въ число новобранцевъ, голштинскіе наборы могутъ быть сравнены развѣ только съ позднѣйшей пикинеріей. Но пикинерская горячка охватила низшіе слои населенія, людей необезпеченныхъ, „гультяевъ", голштинскій же вербунокъ привлекъ къ себѣ преимущественно высшіе классы украинскаго общества. Причина этого необыкновеннаго успѣха кроется въ предшествовавшей исторіи страны. Давно уже привыкли гетманцы взирать на Петербургъ со страхомъ и уваженіемъ. Еще со времени Петра пріучились они къ мысли, что только оттуда всякая власть получаетъ твердую силу и крѣпость, что только тѣ люди, кои получили свою инвеституру на берегахъ Невы, могли безбоязненно и безнаказанно хозяйничать въ странѣ и держать свое имя „честно и грозно". Еще при жизни великаго преобразователя Россіи могли видѣть они доказательства этому въ лицѣ свѣтлѣйшаго Александра Даниловича, безбоязненно обращавшаго въ холопство сотни привилегированныхъ козачьихъ семействъ съ ихъ старшиною; видѣли эти доказательства и на полковникахъ, присланныхъ къ нимъ изъ Петербурга, на примѣрѣ же знаменитаго сотника протопопа Лисовскаго могли наглядно убѣдиться, что даже мелкая-сошка, попавшая въ фаворъ, можетъ сколько угодно трепать за чубы смиренныхъ людей, безъ всякаго за свои безчинства возмездія. Ходъ послѣдующей жизни служилъ только къ вящшему утвержденію этой истины въ сознаніи гетманцевъ. Примѣръ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, превратившагося изъ деревенскаго хлопця въ первую персону въ государствѣ; гетманскій бунчукъ, прикрывавшій голову его ясновельможнаго брата, наконецъ, новоиспеченные полковники,

сразу выскочившіе въ вельможи и магнаты—все это такіе факты, которые не могли не привести малорусское общество къ мысли, что Петербургъ есть тотъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются на русскую землю и уряды, и значеніе, и маетности. Какъ ни кратковременно было правленіе новаго Государя, но въ Малороссію уже успѣли проникнуть слухи о его симпатіяхъ, и мечта попасть въ голштинцы, любимѣйшее и ближайшее войско Императора, стала завѣтной мечтой не одной пылкой молодой головы.

Не удивительно поэтому, что вербованіе пошло успѣшно, успѣшно на столько, что уже спустя немного дней однимъ Берлиромъ набрано было въ Глуховѣ и его окрестностяхъ болѣе 200 человѣкъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ маіоръ Стефани и низшіе разосланные по городамъ и мѣстечкамъ агенты. Новобранцамъ, въ знакъ принятія ихъ въ голштинскую службу, надѣвался на шею красный галстучекъ, такъ наз. обрончикъ, и выдавалось мѣсячное жалованье. При наборѣ не обращалось большого вниманія на то, къ какой національности принадлежалъ рекрутъ, былъ ли онъ вполнѣ свободенъ, или его удерживали на родинѣ служебныя или другія обязательства; разъ молодой человѣкъ удовлетворялъ условіямъ физической годности, подлежащія власти, въ вѣдѣніи которыхъ онъ доселѣ находился, принуждались выдавать ему „абшидъ", освобождающій новобранца отъ ихъ юрисдикціи. Господа голштинскіе офицеры требовали такихъ абшидовъ нерѣдко „неотступно и съ угроженіемъ", а перечить этимъ требованіямъ малороссійскіе урядники не рѣшались. Когда въ маѣ Берлиръ обратился въ войсковую генеральную канцелярію съ требованіемъ о выдачѣ абшидовъ поименованнымъ въ его реестрѣ 28 лицамъ, то генеральная канцелярія, не ожидая конца начатымъ было справкамъ, поспѣшила огуломъ удостовѣрить ихъ малороссійское происхожденіе и свободу, ибо всякая задержка, по мнѣнію канцеляріи, могла быть признана за обиду не только для господъ офицеровъ, но и для той вышней команды, отъ которой они посланы.

Обаяніе этой вышней команды дѣйствовало одинаково на всѣ классы малорусскаго общества и привлекало въ ряды голштинцевъ все новыхъ и новыхъ новобранцевъ. До сихъ поръ лучшею дорогой для молодого человѣка, желающаго выйти въ люди, была канцелярія. Положеніе канцеляриста было въ то время почетнымъ и выгоднымъ. Не говоря уже о приношеніяхъ челобитчиковъ, само правительство гетманское вполнѣ обезпечило канцеляріи жалованьемъ и тѣми маетностями, кои были на нихъ отписаны. Канцеляристы зачастую попадали въ войсковые товарищи, получали чинъ сотника къ мѣсту, назначались полковыми хорунжими, эсаулами и писарями, а сыновья извѣстныхъ фамилій прямо изъ канцелярій выскакивали въ бунчуковые товарищи, а то и въ полковые судьи. Такимъ образомъ канцелярская карьера была очень и очень заманчива, и не даромъ и при канцеляріяхъ высшихъ учрежденій, и при полковыхъ постоянно толпились сотни золотой украинской молодежи, ни гроша не получавшей за свое усердіе и даже платившей нѣкую дань генеральному писарю, особенно со времени Безбородка, обложившаго канцеляристовъ—кандидатовъ на „вакансовые уряды“ опредѣленнымъ въ свою пользу оброкомъ. Но теперь, съ прибытіемъ голштинскихъ вербовщиковъ, всѣ прелести канцелярской службы забылись: карьера Разумовскихъ и tutti quanti не давала спать молодымъ честолюбцамъ; мечта о близости къ источнику всякихъ милостей переходила въ дѣйствительность. И дѣйствительные канцеляристы, и „обрѣтающіеся въ канцеляріяхъ въ чаяніи вакансовыхъ урядовъ“ бросали теперь свои перья и въ своихъ богатыхъ жупанахъ спѣшили стать въ одинъ строй съ пропившимися оборванцами въ дырявыхъ полушубкахъ. Спѣшили сдѣлать карьеру и питомцы Кіевскаго коллегіума и „школьники“ всякаго рода, предпочитая голштинскую службу духовной и чиновной карьерѣ на родинѣ. Даже лица, находившіяся при особѣ самого ясновельможнаго, не смотря на всѣ выгоды своего званія и на затруднительность отказа отъ этой, тоже въ своемъ родѣ придворной, службы, мѣняли ее на службу въ голштинскомъ войскѣ. И графскій пѣвчій, и компанеецъ, состоящій при надворной корогвѣ, бѣ-

жали записываться въ списки новобранцевъ, и тщетно сама экономическая канцелярія, вѣдавшая маетности и дворъ его ясновельможности, пыталась остановить это бѣгство.

Привлекала голштинская служба и низшіе классы. Привилегированное званіе реестроваго козака къ этому времени утратило почти всю свою былую заманчивость. Старшинскій классъ, болѣе и болѣе пріобрѣтающій силы, стремится съузить права реестровыхъ, елико возможно, а путемъ скупли грунтовъ, часто принудительной, быстро подвигается впередъ обезземеленіе этого сословія. Удивительно ли поэтому, что лишенный грунта реестровый предпочиталъ голштинскую службу положенію подсусѣдка, какимъ онъ неизбѣжно сталъ бы на родинѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ „свободныхъ и ничѣмъ не обовязанныхъ лицъ", принимались на службу и подданные разныхъ владѣльцевъ и монастырей, которые при отсутствіи въ Малороссіи юридическаго признанія крѣпостнаго права также шли за людей вольныхъ. И на козаковъ, и на поспольство особенное вліяніе оказывали блага матеріальныя: обѣщанія хорошаго вознагражденія, выдаваемое впередъ мѣсячное жалованье и слухъ о льготахъ остающимся на родинѣ родичамъ новобранца. Слухъ этотъ, пущенный, очевидно, голштинскими вербовщиками и нашедшій себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ одномъ изъ майскихъ ордеровъ гетмана, встрѣченъ былъ въ массѣ козачества и поспольства съ полнымъ довѣріемъ. И отъ самихъ новобранцевъ, и отъ ихъ семействъ подаются въ это время въ генеральную канцелярію прошенія о тѣхъ или другихъ льготахъ остающимся въ Малороссіи родичамъ новобранцевъ. Самъ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную канцелярію отъ имени подначальныхъ ему новобранцевъ съ просьбою, „чтобы домовъ ихъ и отцевъ ихъ ни въ какіе наряды, командираціи и другія тяжести, а особливо домовъ ихъ въ постой было не употребляемо". Не имѣя никакихъ точныхъ указаній по этому вопросу, генеральная канцелярія не могла, безъ сношенія съ Петербургомъ, разрѣшить его ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ и своею медленностью еще болѣе способствовала укрѣпленію слуха.

Мы не знаемъ, много ли казенныхъ денегъ привезли съ собою господа голштинскіе офицеры, но уже черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную войсковую канцелярію съ требованіемъ 2000 руб. на необходимыя издержки по набору. Требованіе это поставило генеральную канцелярію въ затруднительное положеніе. До сихъ поръ распоряженія на этотъ счетъ изъ Петербурга не получалось. Въ патентѣ, выданномъ Ферстеру, говорилось глухо о томъ, что власти должны оказывать вербовщикамъ всякое содѣйствіе, но простирается ли это содѣйствіе до отпуска денегъ, спеціально предназначенныхъ на войсковые расходы,—генеральная канцелярія не знала. Но отказать требованіямъ лица, присланнаго по именному Е. И. В. указу и при томъ по дѣлу столь близкому сердцу Государя, глуховское начальство, конечно, не рѣшалось. Члены канцеляріи сочли поэтому возможнымъ на половину удовлетворить просьбу голштинскаго прапорщика и о самой просьбѣ поспѣшили представить на высокоповелительную резолюцію ясновельможнаго. Но тысяча рублей, отпущенная скарбомъ, оказалась недостаточной. Черезъ недѣлю Берлиръ снова обратился въ генеральную канцелярію съ требованіемъ денегъ. Въ своемъ доношеніи онъ извѣщаетъ канцелярію, что выданныя деньги уже издержаны на отправку въ столицу и на жалованье набраннымъ имъ рекрутамъ, а также людямъ, навербованнымъ въ Кіевѣ маіоромъ Стефани; набору больше чинить не изъ чего, а потому и проситъ выдать ему 500 рублей. Вновь послѣдовалъ отъ генеральной канцеляріи рапортъ гетману, 500 же рублей выданы Берлиру.

Скоро отозвался и маіоръ Стефани. Онъ потребовалъ для уплаты набраннымъ имъ въ Кіевѣ рекрутамъ, а также для отправки ихъ до самаго Ренбова 1500 руб., которые и были безпрекословно выданы.

Благодаря охотѣ украинцевъ и щедрости голштинскихъ офицеровъ, наборъ рекрутъ для голштинской пѣхоты шелъ быстро и успѣшно. Не менѣе успѣшно велось и порученное Крижановскому дѣло комплектованія кавалеріи. Въ короткій срокъ гадячскій полковникъ набралъ цѣлый полкъ легкоконныхъ гу-

саръ, составивъ его, по словамъ автора „Исторіи Руссовъ“, изъ козацкихъ дѣтей своего полку, заводской и всякой другой сволочи. Крижановскій велъ дѣло на свои личныя средства и, конечно, соблюдалъ свою выгоду: чѣмъ проще были новобранцы, тѣмъ дешевле они стоили. Дѣло велось безъ излишней огласки, такъ сказать домашнимъ способомъ, и это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказало гадячскому полковнику большую услугу при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Несмотря на успѣхи вербованія, число новобранцевъ въ глазахъ вышней команды, казалось далеко недостаточнымъ. Вскорѣ потребовался новый наборъ, окрещенный глуховскими канцеляристами именемъ „набора великорослыхъ“. Въ маѣ гетманъ получилъ Высочайшее повелѣніе о доставкѣ для голштинской службы 50 человѣкъ изъ малороссовъ „неувѣчливыхъ, собою взрачныхъ, мѣрою таковыхъ, какіе обыкновенно великорослыми почитаются“. Немедленно предписано было нарядить нарочныхъ во всѣ 10 полковъ, чтобы изъ каждаго полка выбрать по 5 человѣкъ годныхъ; выбирать ихъ предписывалось, если можно, изъ „безмѣстныхъ людей, неосѣдлыхъ, т. е. изъ школяровъ и разныхъ бродящихъ“, а въ случаѣ недостатка— и изъ козачьихъ подпомощниковъ. При наборахъ запрещалось всякое принужденіе. Срокъ назначался 6-ти лѣтній съ правомъ по истеченіи этого времени получить абшидъ или, въ случаѣ согласія, остаться на службѣ. Новобранцамъ обѣщалось освобожденіе домовъ ихъ отъ повинностей. Генеральная канцелярія сама должна наблюдать за наборами и исполнить гетманскій ордеръ въ возможно короткій срокъ. Что касается до расходовъ, то они должны быть произведены на счетъ малороссійскаго скарба примѣнительно къ расходамъ голштинскихъ офицеровъ, посланныхъ для вербованія.

Гетманскій ордеръ полученъ былъ въ Глуховѣ 17 мая, и тотчасъ же отдано приказаніе о присылкѣ великорослыхъ изъ каждаго полка въ двойномъ противъ требуемаго количествѣ. Полковникамъ и полковымъ старшинамъ предписывалось, въ виду важности дѣла, самимъ слѣдить за ходомъ набора со всевозможной тщательностью, не полагаясь на подначальныхъ. Въ

каждый полкъ послано по 2 подорожнія и по 30 руб. денегъ на необходимые расходы. Новобранцевъ предписывалось доставить въ Глуховъ не позже 17 іюня. Въ самомъ Глуховѣ и его окрестностяхъ руководство наборомъ взяли на себя члены генеральной канцеляріи. Распоряженіе, въ которомъ замѣшанъ „высокій Е. И. В. интересъ", исполнялось, конечно, съ необычайной поспѣшностью, а потому, вслѣдъ за полученіемъ ордера, чины полковыхъ канцелярій, „усердствуя по своей присяжной должности", разъѣхались по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ, чтобы самимъ приняться за исполненіе важнаго порученія. На этотъ разъ усердіе полковыхъ урядниковъ превосходило нормы требованій самой генеральной канцеляріи. Почти въ каждомъ полку старались набрать большее число великорослыхъ, чѣмъ требовалъ ордеръ. Кіевская напримѣръ, канцелярія, какъ видно, хотѣла повести дѣло совсѣмъ en grand; она снеслась съ митрополитомъ Арсеніемъ, подъ командою котораго находилась академія и школы, и только по просьбѣ преосвященнаго рѣшила не трогать молодцеватыхъ студентовъ кіевской академіи, довольствуясь великорослыми школярами; возбудила вопросъ о вербованіи въ голштинскую службу кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, „яко людей вольныхъ"; вошла въ сношеніе съ кіевскою губернскою канцеляріей и магистратомъ, и наконецъ потребовала отъ генеральной канцеляріи увеличенія выданной на вербованіе суммы, мотивируя свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что для отправки набранныхъ „ласковымъ образомъ" великорослыхъ въ Глуховъ потребуется не малый конвой. Впрочемъ, генеральная облава на кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, задуманная кіевской полковой канцеляріей, не удалась: получивъ за свое усердіе чувствительный репримандъ изъ Глухова, кіевскіе урядники принуждены были ограничиться скромными размѣрами требованій гетманскаго ордера. Не менѣе усердствовали и другія канцеляріи: всѣ онѣ прислали свыше указаннаго числа людей. Одинъ только нѣжинскій полковникъ, вѣроятно въ силу своей близости къ ясновельможному родичу, не спѣшилъ исполненіемъ высокоповелительнаго ордера.

Наборъ „великорослыхъ"—наборъ демократическій. Гетманскій ордеръ исполнялся буквально, и въ списки новобранцевъ исключительно вносились люди, отъ поступленія коихъ въ голштинское войско не могло бы произойти „умаленія малороссійской службѣ". Понятно поэтому, что въ спискахъ этихъ панычей, этого цвѣта украинскаго служилаго сословія, вовсе не встрѣчается; не встрѣчается даже реестровыхъ козаковъ, за 2—3 исключеніями, и то изъ числа тѣхъ, у которыхъ дома оставалось 3—4 брата къ службѣ годныхъ. Въ число „великорослыхъ" попадаютъ главнымъ образомъ подпомощники и подсусѣдки; остальная часть—люди вполнѣ безмѣстные: дьячекъ, ищущій парафіи, школяръ, до тридцати лѣтъ бродившій отъ пана къ пану въ качествѣ мандрованнаго педагога, поповскій сынъ, не попавшій на парафію, злополучный „удовинъ сынъ", которому все равно цѣлый вѣкъ пришлось бы провести въ батракахъ или подсусѣдкахъ, странникъ безъ роду—безъ племени, всю жизнь бродившій изъ монастыря въ монастырь и зашедшій теперь въ Кіевъ поговѣть Петровскимъ постомъ—весь этотъ бездомовный людъ, кромѣ колоссальнаго роста и соотвѣтствующаго ему аппетита ничѣмъ не владѣвшій, счелъ голштинскую службу лучшимъ выходомъ изъ своего скитальческаго положенія. Но какъ среди рекрутъ, навербованныхъ голштинскими офицерами, главную роль играла интеллигенція сытая и обезпеченная, панская, такъ и среди „великорослыхъ" доминирующее положеніе занимала тоже интеллигенція, но интеллигенція голодная и бездомовная. И здѣсь грамотные составляли 25% общаго числа „великорослыхъ"; великорослые школяры и дьяки являлись представителями своихъ неграмотныхъ товарищей, получали за нихъ харчевыя деньги, расписывались на почтовыхъ станціяхъ, вели расходныя вѣдомости за своихъ приставовъ, хотя и выбранныхъ изъ значковыхъ товарищей и даже сотниковъ, но зачастую не очень „письменныхъ".

Въ какомъ то чаду прошла для новобранцевъ короткая дорога въ Глуховъ. Спѣшили попасть къ сроку, остановки дѣлались лишь для ночлега по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ въ квартирахъ, отводимыхъ сотниками и атаманами, днемъ же

останавливались только для перемѣны подводъ. Этими короткими остановками новобранцы пользовались для закупки провизіи. Не забывалась,. конечно, и жидовская корчма, и въ то время, какъ выборный товарищъ бѣгалъ по селу, раздобывая продукты для немудреной трапезы, остальные успѣвали и выпить изрядно на мѣстѣ и захватить на дорогу не малый запасъ. Были Петровки, а потому столъ новобранцевъ особою изысканностью не отличался. Свѣжая рыба, борщъ, „буханци" составляли своего рода лакомство; обыкновенно и снѣдали, и обѣдали, и полудновали, и вечеряли соленой рыбой съ хлѣбомъ и квасомъ. Но за то эта скудная трапеза обильно запивалась питіями всякаго рода. Несмотря на недавнія мѣры, ограничившія свободу винокуренія, горѣлка была дешева—кварта стоила всего 8 коп.— а потому новобранцы, получавшіе значительныя по тому времени кормовыя деньги (иногда до 10 коп. на человѣка въ сутки), имѣли полную возможность не стѣснять себя въ этомъ отношеніи. И не стѣсняли.

Встрѣчаясь съ такими, напр., документами, какъ реестръ расходовъ переяславскаго пристава, современнику остается только дивиться безпримѣрной крѣпости головъ „великорослыхъ", подъ жаркими лучами іюньскаго солнца умѣвшихъ безнаказанно пить отъ зари до зари. Но хмель не всегда способенъ былъ выгнать грустную думу изъ сердца. По мѣрѣ удаленія отъ родныхъ мѣстъ, многимъ взгрустнулось по родинѣ и волѣ. Пользуясь безпросыпнымъ пьянствомъ товарищей и безпечностью подвыпившаго начальства, затосковавшій новобранецъ давалъ иногда тягу, и по пріѣздѣ въ Глуховъ злополучный приставъ не всегда представлялъ въ генеральную канцелярію показанное въ спискахъ число „великорослыхъ".

Къ 17 іюня въ Глуховъ собралось 110 „великорослыхъ". Здѣсь были представители всѣхъ полковъ, кромѣ нѣжинскаго (нѣжинцы прибыли значительно позже и вмѣстѣ съ присланными изъ другихъ полковъ добавочными рекрутами были оставлены, такъ сказать, про запасъ), но наибольшее число видныхъ и статныхъ молодцовъ оказалось среди полтавцевъ, такъ что почти всѣ „великорослые", привезенные изъ Полтавы, вошли

въ списокъ избранныхъ. Послѣ осмотра было отобрано 50 человѣкъ, наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ гетманскаго ордера, остальные же отпущены по домамъ съ приказомъ явиться немедленно въ случаѣ новаго требованія. Выбранныхъ генеральная канцелярія тотчасъ же снабдила необходимой обувью и одеждой и распорядилась выдачею подорожней на 55 подводъ; сопровождать ихъ въ Петербургъ назначенъ полтавскій эсаулъ Бенковскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ, солдатомъ и жолдакомъ. На дорогу Бенковскій получилъ изъ малороссійскаго скарбу 500 руб. и инструкцію, предписывавшую ему вести великорослыхъ „денно и нощно", „наблюдая, дабы оные въ пути побѣгу учинить не могли, уговаривая притомъ, чтобы они содержали себя порядочно, не пьянствуя и никакихъ шалостей не дѣлая, отъ которыхъ ихъ удерживать безъ строгости". На кормъ полагалось въ дорогѣ по 10 коп. на человѣка въ сутки, но если сверхъ этого потребуются какіе либо расходы на одежду или обувь, то Бенковскій и такія требованія долженъ былъ удовлетворять, однакъ безъ излишества, разсуждая въ томъ крайнюю надобность". Унтеръ-офицеръ долженъ былъ ѣхать впередъ и заготовлять на станціяхъ нужное число подводъ. Въ случаѣ побѣга кого либо изъ новобранцевъ, воеводы и мѣстные помѣщики обязаны были оказать Бенковскому содѣйствіе.

18 іюня „великорослые" распрощались съ родною Украйной.

Движеніе дошло теперь до своего апогея. Съ гикомъ и гамомъ летѣли ямскія телѣги, увозя на сѣверъ новоиспеченныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ голштинской арміи. Привѣтливо отпирали имъ двери встрѣчные трактиры, и плохо приходилось „штатскому" обывателю, навлекшему на себя гнѣвъ молодыхъ искателей фортуны.

Переворотъ 28 іюня, посадившій на русскій престолъ Семирамиду Сѣвера, круто поворотилъ въ другую сторону и внѣшнюю, и внутреннюю политику Россіи и сразу оборвалъ на полусловѣ торжественные звуки „Deutschland, Deutschland über alles", лившіеся въ теченіе 6 мѣсяцевъ изъ восторженныхъ сердецъ петербургскихъ нѣмцевъ. Предметъ вчерашнихъ

нѣжнѣйшихъ заботъ, голштинское войско вдругъ превратилось въ предметъ посмѣянія, стало „притчею во языцѣхъ“. Съ перемѣной обстоятельствъ сразу измѣнилось и содержаніе гетманскихъ ордеровъ. Уже 1-го іюля, когда на петербургскихъ улицахъ не успѣло еще смолкнуть ура гвардейцевъ и народа, гетманъ, не ожидая распоряженія свыше, счелъ необходимымъ предупредить послѣдствія своихъ недавнихъ распоряженій. Посланнымъ въ этотъ день въ Малороссію ордеромъ предписывалось немедленно распустить по домамъ набранныхъ по послѣднему гетманскому приказу рекрутъ, буде же новобранцы уже отправлены изъ Малороссіи, немедленно послать курьера съ приказаніемъ вернуться въ Глуховъ. Но распоряженіе это пришло слишкомъ поздно. Въ то время какъ совершалось „Петербургское дѣйство“, ничего не подозрѣвавшіе „великорослые“ на 55 подводахъ катили по направленію къ сѣверной столицѣ, и хотя ихъ стремительность сократили нѣсколько московскіе почтовые чиновники, отнявшіе у нихъ цѣлыхъ 25 подводъ, тѣмъ не менѣе 11 іюля Бенковскій представилъ своихъ молодцевъ въ походную канцелярію его ясновельможности. Но молодцы теперь оказались лишними и въ сопровожденіи сержанта Киселева, уже пѣшкомъ и получая по 3 коп. въ день на пропитаніе, поплелись обратно въ Малороссію.

Не заставило себя долго ждать и общее распоряженіе о голштинскихъ наборахъ. Сенатскимъ указомъ 1-го іюля предписывалось вербованіе солдатъ для голштинской службы повсемѣстно въ имперіи прекратить, вѣдомости же о числѣ и званіи навербованныхъ рекрутъ немедленно доставить въ сенатъ и военную коллегію, а самихъ вербовщиковъ выслать за конвоемъ въ ту же коллегію, отобравъ имѣющіяся при нихъ деньги. Тѣмъ же указомъ велѣно было приступить къ немедленному разсмотрѣнію званій новобранцевъ: записанныхъ въ подушный окладъ или бѣглыхъ крѣпостныхъ отдавать по наказаніи помѣщикамъ, крестьянъ государственныхъ и монастырскихъ—отправлять въ ихъ волости, а купцовъ—отослать въ магистраты тѣхъ городовъ, къ которымъ они приписаны, что же касается „малороссіянцевъ“, а также людей, которые по справкамъ и освиды

дѣтельствованіи ихъ паспортовъ окажутся дѣйствительно вольными и ни за кѣмъ незаписанными, то такихъ, въ случаѣ ихъ согласія, разослать на службу въ ближайшіе полевые полки. Каждому изъявившему согласіе на поступленіе въ военную службу предписывалось сверхъ обычнаго жалованья выдавать по 15 руб. единовременно; срокъ службы въ указѣ объявлялся 10-ти-лѣтній, по истеченіи котораго продолженіе или оставленіе службы зависѣло отъ вольнопоступившаго.

Голштинское войско подверглось аресту. Голштинцы нѣмецкаго происхожденія отправлены на родину, но, какъ извѣстно, далеко не всѣмъ удалось увидѣть родную Голштинію: большая часть изъ нихъ потерпѣла кораблекрушеніе. Самъ принцъ Георгъ, глава и начальникъ голштинскихъ сателлитовъ бывшаго Императора, отправленъ уже на 3-й день послѣ переворота администраторомъ въ Голштинію. Русскіе голштинцы изъ Ораніенбаума переведены были въ Петербургъ и отданы въ смотрѣніе генералъ-поручику Василію Ив. Суворову. Участь большей части изъ нихъ была плачевна; между голштинцами великорусскаго происхожденія свободныхъ людей оказалось очень мало, а такъ какъ кормить на казенный счетъ бѣглыхъ холопей до возврата владѣльцамъ, а тѣмъ паче развозить до мѣстъ ихъ жительства показалось накладнымъ, то уже 13 числа іюля состоялось сенатское распоряженіе, которымъ предписывалось всѣхъ неразобранныхъ голштинскихъ солдатъ зачислить въ полевые полки, съ предоставленіемъ ихъ бывшимъ помѣщикамъ права забирать ихъ оттуда, уплативъ слѣдуемыя за ихъ содержаніе деньги; имена этихъ злополучныхъ воиновъ, для свѣдѣнія ихъ отсутствующихъ владѣльцевъ, пропечатаны были въ академической газетѣ. Участь малороссовъ, „яко людей вольныхъ и ни за кѣмъ не записанныхъ“, была гораздо легче. Оказавшихся въ Ренбовѣ украинцевъ [1]) немедленно препроводили къ гетману, который отечески снабдилъ ихъ нужными паспор-

[1]) Кромѣ приведенныхъ изъ Малороссіи, въ ряды голштинцевъ попало не мало рекрутъ изъ числа малороссійскихъ посполитыхъ, производившихъ земляныя работы въ Кронштадтѣ, Ригѣ, Нарвѣ—изъ такъ наз. 8000 набора посполитыхъ для войны съ Фридрихомъ.

тами и отправилъ на родину. Впрочемъ, и изъ числа ихъ нашлось четверо, пожелавшихъ остаться въ военной службѣ. 4-го іюля эти четыре охотника были доставлены гетманомъ въ военную коллегію, гдѣ и приняты подъ именемъ колодниковъ.

Эти четыре „колодника“ были, повидимому, единственными среди малорусскихъ голштинцевъ охотниками поступить на службу „въ полевые россійскіе полки“. Въ Глуховѣ по крайней мѣрѣ такихъ охотниковъ не оказалось. Когда генеральная канцелярія, получивъ сенатскій указъ 1 іюля, поручила глуховскому сотенному правленію объявить его содержаніе находившимся въ Глуховѣ новобранцамъ Берлира, изъ 311 человѣкъ изъявили согласіе на поступленіе въ военную службу всего 14, но и эти черезъ нѣсколько времени взяли назадъ свое согласіе и просили объ отпускѣ по домамъ.

Голштинское войско перестало существовать. Сателлиты бывшаго императора, еще мѣсяцъ назадъ гордые своимъ новымъ званіемъ и полные надеждъ, брели теперь пѣши, въ простыхъ зипунахъ, по направленію къ Украйнѣ. Позоренъ и несносенъ казался молодымъ честолюбцамъ возвратъ на родину, еще такъ недавно ими легкомысленно покинутую. И таясь отъ людей, подъ кровомъ ночи пробирались они подъ родную стрѣху батьковской хаты.

Послѣ роспуска новобранцевъ глуховскому начальству оставалось только исполнить указъ въ отношеніи лицъ, которымъ было поручено вербованіе. Сейчасъ же по полученіи сенатскаго указа генеральная канцелярія поспѣшила отобрать отъ голштинскихъ офицеровъ и ихъ подначальныхъ подписки о невыѣздѣ изъ Глухова, а затѣмъ, въ силу того же указа, распорядилась отобраніемъ отъ нихъ денегъ. Но деньги оказались у одного Берлира: у него отобрано 650 руб., которые и возвращены въ скарбъ, у остальныхъ же вербовщиковъ денегъ не оказалось. Предусмотрительный маіоръ Стефани, лишь только почуялъ приближающуюся грозу, поспѣшилъ заранѣе скрыться, такъ что всѣ поиски генеральной канцеляріи оказались тщетными.

Не забыло глуховское начальство и Крижановскаго. Посылая ему копію съ сенатскаго указа, генеральная канцелярія

предписывала ему немедленно сдать управленіе полкомъ полковой старшинѣ, которая и должна выполнить указъ 1 іюля въ отношеніи набранныхъ Крижановскимъ рекрутъ, самъ же полковникъ долженъ немедленно представить выданныя ему для вербованія деньги и явиться въ Глуховъ, откуда онъ, въ силу указа, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Но положеніе Крижановскаго оказалось очень выгоднымъ. Государю онъ обѣщалъ набрать полкъ на свой счетъ, въ надеждѣ получить изъ казны деньги по представленіи рекрутъ. Денегъ изъ малороссійскаго скарбу онъ также ни разу не получалъ, самое же вербованіе велъ безъ излишней огласки, почти неоффиціально. Сама генеральная канцелярія также, повидимому, мирволила богатому гадячскому полковнику, и когда на ея предписаніе Крижановскій отвѣтилъ, что денегъ онъ на вербованіе ни откуда не получалъ, а потому и вербованія не производилъ, то генеральная канцелярія сочла возможнымъ вполнѣ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ и, не производя дальнѣйшихъ разслѣдованій, оставила гадячскаго полковника въ покоѣ.

Къ концу іюля въ Малороссіи были подведены послѣдніе счеты съ голштинцами. 31 числа господа голштинскіе офицеры и ихъ подначальные распрощались съ Украйной. За карауломъ унтеръ-офицера глуховскаго гарнизона везли теперь недавнихъ тріумфаторовъ къ отвѣту предъ грозными членами военной коллегіи.

О возвратѣ 2446 руб., истраченныхъ на неудавшуюся затѣю, гетманомъ дѣлались представленія куда слѣдуетъ, но возвращены ли эти деньги въ малороссійскій скарбъ—неизвѣстно.

Д. Миллеръ.

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текущія явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Лямента* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещ(с)ано... мешч(н)а остр(з)о(ж)кн, що ся (м) н вла(с)не придало на днь урочи(с)таго свята з ма(р)тв(х)ы в(с)отания пна спа(с)ителя нашаго в понедело(к) в процесии иду(м)чн по(д) при(з)ндъ еи мило(с)ти пнеи воеводиной виле(с)нкои". Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костелъ при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на що(ж) ся ва(м) (з)ышло, презацные (о)т(т)цеве»,

обращается сочинитель *Лямента* къ оо. іезуитамъ,

«Же те к тому привели поцтивую матрону,
Же естъ тѣло порушеное отца еи з гробу?
Сна ся нынѣ млтвы даремне мовляютъ,
Бо тѣла людские покою в гробѣхъ не маю».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновеніе между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было проѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру ѣхать прямо на толпу, причемъ „возница поча людей бичовати“, замѣчаетъ сочинитель *Лямента*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвали,
Кыи побрали».

Въ свою очередь

«Слузи и всѣ дворяне,
Видячи, же не жартъ, кинулися на них едностане,
Шабель добывшы»,

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Лямента* не упоминаетъ. За то онъ разсказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраху въ вала з мосту падали,
Шыи ламали».

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признаты“, онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«Нѧ звичѧ пѧъски на цвитаръ утѣкаетъ,
Бытва ся размножає».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Мещанъ зацныхъ в колоду посажано,
А наубогшыхъ в темницу загнано,
Абы роправы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, кгдѧ розмовити з сосѣды,
Бо потаемнои здрады поно завсѣгды:
Тамъ по окнами и в ночи слухають,
що розмовляютъ.
Подъ чѧ яръмаку нѣкгды славного,
А теперь, реку, южъ занедбалого,
На самую взгарду звести и казано,
Жебы стинано.
Тамъ килку мещанъ мечемъ прыкро стято,
Четвертому ушы и носа утято,
А оные трупы ховать заказали,
Псомъ торъгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналъ, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человѣкъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ извѣстная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Острогу, мѣсто справедливое,

заканчиваетъ разсказъ свой сочинитель *Ляментa*,

Въ тобѣ бывали мѣшканцы цнотливые,—
Ты было хлѣбомъ зажкде прыходневы,
Ты убогому маткою было студентови,—
В тобѣ хто мешкалъ, нѣгды не шкодовалъ, хто ся шановалъ.

Тер҃а не ст҃утежъ! На що южъ прыходытъ!
Снаги ся южъ на тое, подобно, заводытъ,
Жебы южъ было в нѣвечъ оберънено,
Зъ грунту знищоно!» [1]).

Въ основѣ *Лямента* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскія [2]). Написанъ *Ля-ментъ* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ иниціалами Н. М. и называющій себя „найнызшимъ служебныкомъ з служебныковъ" знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубогшеи школы" За исключеніемъ „Лямента", мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „найубогшей" школѣ. Какъ и вездѣ, политикой въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкусившіе высшаго знанія. И нашъ ляментующій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польской литературой.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злоденствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впе-

[1]) Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины Я. П. Андріевскаго.

[2]) Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Еды мещане обрася зухвалы,
А для едного вшитки вины зосталы,
Же ся на пола пнъ-ского замѣрылъ
Снадъ го ударилъ".

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: Snadź go uderzył.

чатлѣніямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскіи, во училищахъ кіевскихъ учащиися“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при въѣздѣ его въ Кіевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками [1]). Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующіе школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и нравоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братіи не принимали никакого участія въ сочиненіи и распространеніи виршевыхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношеніи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, попы и дякы»,

говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ,

«Погынулы въ Украини жыды й полякы» [2]).

Хотя и сказано давно, что inter arma silent Musae, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломы взлелеянныхъ, конець копія вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянія и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣятельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условій для народ-

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича, т. I.

[2]) Украинскія народныя пѣсни, Максимовича, 1834 г., 125.

наго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи найболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣемъ хмельнищину и гайдамаччину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельнищину, дѣйствуютъ и въ гайдамаччинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадьбъ и костеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“ [1]).

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жиди и прочіи народи подъ такими види“ [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чигирине, мѣсто Украинне, не меншую славу.
Теперъ въ собѣ маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву.
Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмелницького чигиринського, давного запорожця [3])».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хотя жъ бувъ панъ Хмельныцькый,
Жытель чыгырынськый,
Козакъ лейстровый,
Пысарь вийськовый,

---

[1]) Костомаровъ, Исторія козачества по памятникахъ южнар. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

[2]) Лѣтопись Грабянки: похвала вѣршами Хмелницкому отъ народа малороссійскаго.

[3]) Лѣтоп. Ерлича, 312.

Лыцарь добрый,
Та померъ,—
А тильки его слава козацька—малоцецька
Не вмре, не поляже»... [1]).

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки соприкосновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпався хмель изъ мѣха
И наробивъ ляхамъ лиха,
До жовтои водицѣ
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на нагахъ стати,
Волимо утѣкати» [2]).

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варятъ вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумилы и не галкы закрычалы:
Тожъ козакы зъ ляхамы пыво варыть зачыналы» [3]).

Но это пиво не по вкусу пришлось ляхамъ: они начали уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дожыдаете»,

говорятъ имъ козаки,

«Нашого пыва не допываете?» [4]).

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *куркоидами* [5]),—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Историч. пѣсни малорус. народа, Ант. и Дрогом. т. 2, в. I, 29.

[2]) Костомаровъ, Исторія козачества по памятникамъ южнор. народнаго творчества, отд. оттискъ, 279.

[3]) Закревскій, Старосв. бандуриста, 81.

[4]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

[5]) Та-же статья Костомарова отдѣльный оттискъ, 279.

«Нехай христіяне, ваши подоляне, пороспложують куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ, въ тяжкихъ кайданахъ, до смерти сидите,
Якъ мы одъ васъ, такъ вы одъ насъ, теперъ потерпите» [1]).

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣннику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькый,
Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцькый?
Не вмивъ ты есы въ Камяпськимъ Подильци пробуватн,
Печеного поросяты, курыци съ перцемъ та съ шапраномъ
ужываты,
А теперъ не зумиешъ ты зъ намы, козакамы, воюваты,
И жытнёи соломахы зъ туслукомъ уплитаты.
Хиба велю тебе до рукъ крымському хану даты,
Щобъ навчылы тебе крымськи нагаи сырои кобылыны жоваты» [2]).

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмельницкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Filologie, въ нашей транскрипціи [3]). Въ подлинникѣ вирша эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute oy postył bym ia sim ponediłkow osmuiu nedilenky w roku 1651“. Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о

---

[1]) Лѣтоп. Ерлича, 313.

[2]) Зап. о. Юж. Руси, Кулиша, I, 223.

[3]) 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et novâ à P. Hermanno Hugone“. На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, напримѣръ, изъ такихъ выраженій: „вельмы ж мы дыво да на Осолиньского, що *нас* воюетъ", — „Аж бачат Ляхы, що на нас страхы" и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсѣмъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пак въ дорозі короля погромыты".

«Хан згоду радыт, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Коземиру, юж тобі мыру с козаками не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козаками».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣлъ, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходыт, войско выходыт, Хан и Хміль с козакамы».

Поляки обнаружили мужество

«Не як під Пілявцямы,
Не утікают, кров проливают, и на Татар не дбают».

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польскоі корони", палъ Осолинскій, „якъ лях давный и юнак славный", — едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страх на Хана, слалъ онъ до Гетмана" съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упросилъ его остаться.

«Въ пйатныцю рано ушиковано войско до бою было,
Ляхамъ выгода, а нам негода: небо солнце закрыло».

Когда приготовились уже къ бою,

«Довго стоялы, почать боялы, з Ляхамы ся не былы,
Аж бачат Ляхы, що на насъ страхы, и до нас скочылы».

Разсказывается далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Завязалась ожесточенная битва:

«Крык труб повстанет, гук за тым встанет, дымы день ясный тмылы,
Стрільці-янчаре, а з діл пожары непрестанно світылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Хан утікает,
Ляхы гонылы, татаровъ былы, Хан ся не оглядает.
Тут зась козакы, хотя й юнакы, ой різко утікалы,
Ляхы гонылы и йіх стынали, аж табур розорвалы,
И гды бы почі тьма на помочі козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто дал знаты, козацькая завыла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не дает, з очу зганяет: «выдайте мы гетмана,
Панов слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

На все согласны козаки, только не согласны они отъ старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ возовъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Ляхы позналы, всі в шыку сталы и на нас пыльновалы,
Козаки же «понеділка ждали,
А в понеділок одбіглы ділок и борошна усёго,

Перебывайім да погибайім, щасливъ, що выйшов с того.
Тыйі плывают, до тых стріляют, ставыще залывают,
А другых в нетрі, в лісі, як вепрів дикых, забывают»...

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо, безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсенъ, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ этотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсенъ историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, напримѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перебийносѣ: „Не дывуйтеся, добрии люде, що на Вкраини повстало". По размѣру она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ варіантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *з.лякнешъ*, *спаднешъ* [1]),—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность*, *юнакъ* [2]). Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранной нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти

[1]) Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

[2]) Лисенко, Збір. украинс. пісенъ, I, 28.

слова и формы ясно указываютъ на виршевое происхожденіе этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни [1]).

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ Анналахъ польскаго историка Сарницкаго подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестикуляція при исполненіи думъ. Самое названіэ этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: elegiae, quae dumas Russi vocant [2]). Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій филóсофъ Petrycy [3]). Въ одномъ польскомъ стихотвореніи (Іеронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псáлмами [4]). Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго", невѣста Тимофея

---

[1]) Считаемъ необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, затронутаго издателями Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа еще въ 1874 — 1875 гг. Предполагали они въ концѣ изданія помѣстить эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заподозрѣнныя думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволяемъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, которые когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказанныя нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ вліяніяхъ на пѣснотворчество народное.

[2]) См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

[3]) Słownik języka polskiego, Linde, 1807 г., I, 549.

[4]) Iagić, Gradia za Historiju slovinske narod. poesije, 76.

Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую*[1]). Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть elegia rycerska, niby zamyślona pieśń[2]). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *довга, поважна пѣсня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе" [3]); 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпическаго содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегіи; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей дума существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Грабянки и Велички собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *вѣршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣятъ и похлѣбца лядскій", состоявшій при королѣ Собѣсскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣснь* такую". Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы—пѣсни*:

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

[2]) Słownik, Linde, 1807, I, 549. Рачовскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, назвалъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Ozgelbranda, т. VII, 591.

[3]) Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. II. Послѣсловіе, 10.

«Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
Самойловича Ивана!
Що заказалъ христіяномъ,
Пойти противъ бѣсурманомъ!
О тожъ бачишъ, о тожъ бачишъ, що ся стало:
И безъ тебе ся надало
Королевѣ и Полякомъ,
Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго тоей *пѣсни албо думи*", не безъ досады прибавляетъ лѣтописецъ [1]).

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому разряду произведеній полукнижнаго, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Некрашевича и многихъ другихъ большею частію безъименныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во всенародное употребленіе.

Мы остановимся на пѣсняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамаччины.

Вотъ предъ нами страдальческій образъ мліевскаго ктитора Данила Кушнира, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Мліевѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своими непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта святыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ региментаря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣкли ему голову и вбили на колъ для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ [2]). Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, 535.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г., кн. 2.

искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки [2]).

«Учынылы вражи ляхы у Вильшани славу
Да отнялы Данылу Млиевському главу.
Тило его повелилы огнемъ испалыты,
Главу его а до пали изъ гвоздьемъ прибыты.
Вражи сыны жыдыченькы тоди израдилы,
Якъ ктытора Даныила на пали узрилы.
А у той часъ страхъ велыкый людямъ завдавалы,
Усихъ людей до едности на виру навертали.
Сподивалысь на йгомена, що винъ зарятуе,
А винъ тильки издячы по Украини да ляхивъ дратуе.
Заплакалы стари люде и малыи диты:
Горе, горе намъ на свити, що нигде прожыты!»

Игуменъ, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквами на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивленіе вмѣшательству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

---

[1]) Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ П. А. Лукашевича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г. Кіевс. Старина, 1886 г. Январь.

Приступили, говорится въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали ся сходити
Всѣ ляхи до купи: «що будемъ робити?»
Единъ мовитъ: «биймо!» десять: «утѣкаймо!»
А сто каже: «всѣ до духа москалямъ поддаймо!»
Москалѣ волаютъ, абы виходили
Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ били;
Панъ староста Блонскій сердца добувае,
Староста Снятинскій отъ страху вмлѣвае.
Почали стрѣляти, на пляцъ виходити,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекти.
Мусѣли ся бити увесь день доволѣ,
А въ вечеръ зостали москалямъ въ неволѣ.
Любилисте, ляхи, добре людей грабовати,
Любите жъ въ неволѣ у насъ зоставати.
Любилисте исти гуси, кури много,
Днесь сидѣть въ неволѣ, не ижте николи» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ таже язвительная нота укоризны ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполнѣ свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напримѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зібравъ війска сорокъ тысячъ“ [2]), — тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена всего тысячью человѣкъ. Разсказывается въ ней далѣе, что послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились въ Умань.

---

[1]) Рукописн. сборн. Кибальчича, № 77.

[2]) Лисенко, Збірник писень, I, 23.

«Въ Умань же мы пишлы,
Тай почалы штурмоваты,
Тамъ багато панивъ найшлы,
Та давай имъ нижкы росправляты».

Хотя слова „мы пишлы“ даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пишовъ Швачка голкою шыты,
Ляхивъ, жыдивъ по Умани лупыты;
А нашъ Нежывый цокоче,
Ажъ Умань зубамы скриготче.
А Журба ходячы зажурывся,
Що, головко бидна, Умань загорився.
Та въ бандуру мицно грае,
Себе, козака, писнею розважае».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣйствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльные *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сотникѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣйствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говоритъ предводителямъ гайдамацкимъ:

«Слухай, Максыме, Швачко й Нежывый,
Бодай же кинець вашъ бувъ нудный та гиркый! [1]).

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

---

[1]) Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, 147—152. Кіевс. Стар., 1882 г., Сентябрь.

«Литавъ же я на степахъ,

говоритъ онъ,

Якъ орелъ крылатый,
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвидь мордатый».

Ждетъ онъ неминуемой смерти, и вспомнились ему зловѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьмы мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе!»

Жалѣетъ онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ каминнямы воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дибровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ии знаты,
Та полетивъ на родыну...
Теперъ же мени не спийматы
Тую щаслывую годыну»...

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастіи, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говоритъ онъ,
Годи птахомъ въ поли литаты,
Пора себе въ желиза заковаты,

Пора въ Бога прощения заробляты,
Колы бъ далы прощения заробыты,
Бога молытвамы вмолыты,
А тоди хоть умираты:
Не страшно въ домовыну съ покутою лягаты» [1]).

Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народнымъ настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе народную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующіе школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной

[1]) Кіевская Старина, 1882, Сентябрь.

жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилось въ старину, „збройно и оружно". Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержанія. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно ощутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во всемъ его объемѣ виршей нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

П. Житецкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1])

И. И. Манжура.

Записи Ивана Ивановича Манжуры часто встрѣчаются въ лучшихъ этнографическихъ изданіяхъ, сборникахъ и изслѣдованіяхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Г. Манжура собиралъ великорусскій и малорусскій этнографическій матеріалъ; но такъ какъ районъ его экскурсій губерніи екатеринославская и харьковская, въ которыхъ великорусское населеніе встрѣчается лишь мѣстами, спорадически, то и собранные г. Манжурой матеріалы почти исключительно малорусскіе. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ екатеринославской губерніи, переданы г. Манжурой извѣстному этнографу П. В. Шеину. Въ „Русской Старинѣ" г. Манжура напечаталъ три великорусскія историческія пѣсни: „Осада Смоленска", „Взятіе Хотина (Кистрина?)" и „Новороссія". Большая часть малорусскихъ этнографичеекихъ матеріаловъ поступила въ 70-хъ годахъ въ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго Общества и, по закрытіи отдѣла, была издана отчасти въ „Малор. народ. преданіяхъ и разсказахъ", отчасти въ „Политич. писняхъ украинскаго народа". Въ 80-хъ годахъ большой матеріалъ (пѣсни и сказки) поступилъ въ харьковское историко-филологическое общество, которое издало главную часть—сказки, анекдоты и пр. и готовитъ къ изданію сборникъ пѣсенъ. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны г. Манжурой въ „Кіевской Старинѣ", „Этнограф. Обозрѣніи",

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 8.

„Живой Старинѣ“, „Степи“ и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“. Въ общей сложности матеріалы, собранные г. Манжурой, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей г. Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній г. Манжуры „Степовы спивы та думы“. А. А. Потебня высоко ставилъ г. Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ „Сборника харьк. историко филол. общества“ и издалъ „Степови думы“. Въ прошломъ (1891 г.) году Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при московскомъ университетѣ избрало г. Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О новѣйшемъ трудѣ г. Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ „Этнограф. Обозрѣніи“, „Wisła“ и „Revue des traditions populaires“.

Въ III т. „Исторіи рус. этногр.“ г. Пыпина на стр. 410 находится краткая замѣтка о небольшихъ статьяхъ г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“. Мы изложимъ сначала біографію г. Манжуры, затѣмъ остановимся на изданныхъ имъ пѣсняхъ и мелкихъ повѣрьяхъ и, наконецъ, разберемъ по возможности подробно его сборникъ сказокъ.

Біографическій очеркъ составленъ нами по свѣдѣніямъ, отчасти полученнымъ отъ г. Манжуры, отчасти извлеченнымъ изъ его стихотвореній въ „Степовыхъ спивахъ“. И. И. Манжура—мой товарищъ по гимназіи; но мы рано пошли разными путями, и своихъ скудныхъ воспоминаній я сюда не вношу.

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 г. Семейная обстановка не благопріятствовала успѣшному ходу его развитія. Отъ отца И. И. Манжура унаслѣдовалъ болѣзненное состояніе, лишившее его на всю жизнь обезпеченнаго положенія и житей-

скаго довольства. Въ стихотвореніяхъ „Старый музыка“, „Босяцка писня“ и въ особенности въ стихотвореніи „Незвычайный“ ярко просвѣчиваютъ автобіографическія черты. Первоначальное образованіе г. Манжура получилъ во 2 харьковской гимназіи. Увольнившись изъ 5 класса, онъ поступилъ въ ветеринарный институтъ, но вскорѣ оставилъ институтъ и въ 1870—1871 годахъ поселился у своего товарища по гимназіи И. А. С. въ его имѣніи въ екатеринославской губ. Съ этого времени, первоначально при содѣйствіи г. С., начались этнографическія экскурсіи г. Манжуры по екатеринославской и харьковской губерніямъ. Г. Манжура вошелъ въ самую глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ и на пасѣкахъ и посредствомъ самаго тѣснаго сближенія съ народомъ пріобрѣлъ то тонкое и обстоятельное знаніе его жизни, рѣчи, внѣшняго быта, которое обнаруживается въ его этнографическихъ записяхъ и степовыхъ думахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ г. М. пріобрѣлъ сравнительно бо́льшую осѣдлость и проживаетъ большею частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ (въ смыслѣ изученія его) г. Манжура не прерывалъ, и нынѣ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ личной жизни, онъ все еще продолжаетъ свои записи, какъ можно убѣдиться изъ его этнографическихъ замѣтокъ въ „Кіев. Старинѣ“, „Этногр. Обозр.“ и „Живой Старинѣ“ прошлаго и текущаго года.

Этнографическіе матеріалы г. Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ „Малор. нар. преданія и разсказы“ (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей г. Манжуры. По признанію редактора этого сборника *г. Драгоманова* отъ г. Манжуры поступило „особенно много и все превосходнаго качества“. Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ „Рус. Стар.“ 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ „Древ. и Нов. Россіи“ 1877 г. Г. Манжурой сообщены апокрифическіе разсказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), разсказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и на-

сѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ „Кіев. Стар.", „Степи", „Этногр. Об." и „Жив Стар.". Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ „Кіев. Стар." 1888, VIII, 50—53 и въ „Живой Стар." 1892, I, 80 напечатаны г. Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ „Кіев. Стар." г. Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе лыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ „Кіев. Стар." 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда *о Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментаріемъ г. Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены нами при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой „юги" (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли". Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ „Кіев. Стар." 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка г. Манжуры къ вопросу *о кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканные, стричанные и одкупные).

Въ „Кіевск. Стар." 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову*; въ „Кіев. Ст." 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ*; въ „Живой Старинѣ" 1892, II, 78—79 три разсказа объ *упыряхъ*—варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ „Степи" (1885—1886) и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ" (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Манжуры, напр. въ 51 № „Степи" 1886 статейка *о Купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ г. Манжуры „*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ*" напечатанъ въ III т. Сборника харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника находится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, „Довгомудыкъ" и „Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ".

Сказка „Довгомудыкъ" (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка „Баринъ, пѣтухъ и жорновы" записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣ-

тухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ—въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (Zawiliński, Z powiesci i piesni № 5).

Во французской сказкѣ, записанный въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцевъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однѣхъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ „Fraschmeuseler“ Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin*, Contes popul. II, n. 45). Очень любопытный японскій

варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ *„День“* 1891, № 1270 и въ *„Москов. Вѣдом.“* 1891 № 332.

Сказка „Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ“ имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьяго рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того, какъ баранъ сбилъ себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расчину, и, наконецъ попадья сказала попу, послѣ тото какъ онъ отрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка „O śwince pyrdce“: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакѣ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski*, Powiesci i opowiadania, I, n. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ *„Wisła“* 1890, II кн.

Весьма сходыя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошъ и блоха или мышь, въ испанской—муравей, сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей

курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ: Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева и, узнавъ о несчастіи воробья, сбилъ свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: „жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога“ и пр. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки „Павукъ та соплякъ“ и „Бблоха та муха“, въ которыхъ городъ противоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня „Блоха и муха“ записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими. Таковы сказки: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Киріакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ее богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказоч-

ныя мотивы этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), чеховъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аѳанасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ Jean de l'Ours—французскихъ Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Joan de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы) итальянской сказки. Коварные друзья Киріака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ миѳическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстныя особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку, находится краткое описаніе свадьбы: „зійшлысь бабуси, липлять шишки, коровай, все шо тамъ треба". Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червоныя черевички.

Болѣе мѣстно—народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ г. Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка „Двѣ доли" имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, „Дидъ та ракъ"—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія; „Божа

тростка“—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующіе литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). „Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ та и то бъ до дому дійшовъ, а ты на чотырёхъ та недойдешь?—та взявъ и скынувъ его зъ воза“ (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: „ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можеть прійти домой, если захочешь; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ“, и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько разсказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ не закрытыхъ и не перекрещеныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка „Вѣдьма прячетъ зори“ представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ „Кіев. Стар.“ 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью „Сказанія о займѣ дней“ въ „Рус. Филол. Вѣстникѣ“ 1891, № 3.

Въ сборникѣ г. Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка „Якъ вовкы въ хати завелысь“ ранѣе была уже

извѣстна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kulberg'a* („Pokucie", IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка „Якъ чоловикъ у коробку стукавъ": Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: „Мини здается, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало". Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ распрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: „Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ чья рука вѣрнѣе броситъ". Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. „Чего ты такой веселый сегодня?" спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣріе, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнію народа, „дорога", т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: „якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли" (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй пред-

ставляется народное повѣрье: „якъ смалыты ракову шкаралущу, то гадюки позлазятся до вогню“ (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: „якъ колютъ къ Риздву кабана, замѣчають косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша“ (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій: „юга—це Петро вивци жене“ (157) разъяснено г. Манжурой въ сентябр. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: „Сишненко (февраль) казавъ: „якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ“ (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяцъ, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ „Romania“ 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ „Сны и ихъ значеніе“. Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обращено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ „Этногр. Обозр.“ 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голубы—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь,

горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря--ссора, судъ-хлопоты, орелъ—свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣріями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуютъ 400 приказокъ и присловій съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про „нюхаривъ", бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрёзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., „хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы" (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобитъ, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): „Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu" (глаза), или „J'accraupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme" (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Κρυπτάδια, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ г. Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари очень бѣдны въ количественномъ отношеніи и очень неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Получается довольно безобразная мѣшанина. Г. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментаріемъ, именно, слова: „кумъ", „дубъ", „клейно", „гуркало", „пашенна яма", „прытьмо" и „пужарь". При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. По недосмотру, одно лишь слово „луданы" остав-

лено безъ всякаго объясненія. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растеній: волыкъ, дженчыкъ, келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежань, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарѣ приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ), изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя г. Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ одно малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что могли быть изданными и въ Россіи, при данныхъ цензурныхъ условіяхъ, разумѣется, безъ внесенія въ нихъ политическихъ комментаріевъ, большею частью весьма безпочвенныхъ и шаткихъ. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей г. Манжуры: варіанты къ напечатаннымъ въ 1 т. „Истор. пѣс. малор. нар." Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватаньѣ), начало пѣсни „Павлечко коника сидлае", пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня „Та ще не свитъ", относимая или къ 1775 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ „Кіев. Стар." 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки „Стоитъ яворъ надъ водою" и пр. (Относятъ ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня („Зажурилась Украина" и пр.) представляетъ варіантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей г. Манжуры пѣсню про Морозенка

(„Та литае воронъ“), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую козака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго пріуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣчается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щоголева „Орелъ“.

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ „Кіев. Стар.“ (1883, I) напечатана пѣсня *„про украинскую гетеру“*; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ „Объясненіяхъ“, II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь „типъ свободной украинки“, какъ та „Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна“ (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку *о нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великороссовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказокъ, свидѣтельствующихъ, что независимо отъ возмож-

ныхъ заимствованій, можетъ быть даже на ряду съ ними, на украинской почвѣ развилась оригинальная литература о происхожденіи табака, о куріяхъ и нюхаряхъ, въ зависимости отъ сильнаго распространенія табака среди малоруссовъ и въ особенности среди запорожцевъ [1]). Извѣстны частыя упоминанія о табакѣ и трубкѣ въ популярныхъ народныхъ пѣсняхъ, изображенія люльки на популярной картинкѣ съ играющимъ на бандурѣ запорожцемъ. Въ „Кіев. Стар." 1888, II, 20, *Я. П. Новицкій* помѣстилъ небольшой разсказъ о пустынникѣ, въ которомъ демонъ научаетъ монаха пить водку и курить табакъ. Въ „Екатериносл. Губ. Вѣд." 1889 г. № 63, г. *Эварницкій* сообщилъ народную приказку о нюхаряхъ. Въ VIII кн. „Кіев. Стар." 1890 года г. *Катрухинъ* напечаталъ народный разсказъ о происхожденіи табака изъ слезъ женщины. Для сравненія укажемъ на великор. и бѣлор. матеріалъ въ статьѣ *П. В. Шеина* „Приговоры и причети о табакѣ" въ I вып. 48 т. „Трудовъ этногр. отд. Общ. люб. естеств.". При широкомъ изученіи предмета нужно было бы привлечь еще довольно многочисленныя старинныя легенды о табакѣ (у *Костомарова*, *Тихонравова* и др.).

Кромѣ сборника сказокъ, изданнаго Харьк. истор.-филол. обществомъ, въ распоряженіи общества находится еще большой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Манжурой въ екатер. и харьк. губерніяхъ, колыбельныхъ, дѣтскихъ, свадебныхъ, семейно-родственныхъ, колядокъ, думъ, присказокъ и приспивокъ, всего 1135 №№. Если напечатать сборникъ цѣликомъ, то выйдетъ книга въ $1/2$ или даже $3/4$ V тома „Трудовъ" Чубинскаго; но такое изданіе, слишкомъ обременительное для Общества, и для науки было бы мало полезно, такъ какъ, при ближайшемъ пересмотрѣ, многое окажется уже извѣстнымъ въ печати въ близкихъ варіантахъ. Нагромождать извѣстный матеріалъ въ настоящее время крайне неблагора-

---

[1]) Пристрастіе запорожца къ люлькѣ прекрасно характеризуется въ слѣдующемъ анекдотѣ: Принесли запорожскому отаману паску на Велыкдень, а отаманъ вмѣсто того, чтобы разговляться, сказалъ: „нехай, козаки, пасха постое, а мы перше люльки поцупимъ" (*Эварницкій*, Запорожье, II, 14).

зумно, такъ какъ и безъ того уже сдѣлано не мало прегрѣшеній этого рода, только затрудняющихъ успѣшное развитіе этнографіи. Въ послѣднее время Общество приступило къ разбору этого обширнаго сыраго матеріала и подготовляетъ его къ печати. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи далеко уступитъ сборнику сказокъ. Историческія пѣсни малочисленны и малозначительны; колядки схоластичны; есть кое-что цѣнное и любопытное въ отдѣлѣ пѣсенъ семейно-родственныхъ, въ присказкахъ и приспивкахъ. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ при тщательной редакціи составитъ цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу.

Оригинальныя стихотворенія г. Манжуры (суровые отзывы были въ „Кіев. Старинѣ“ и „Зорѣ“) и нѣсколько передѣлокъ народныхъ сказокъ для народнаго чтенія оставляю въ сторонѣ, такъ какъ эти труды г. М. выходятъ за предѣлы нашего изслѣдованія.

Н. Ө. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры.

30 августа сего 1892 г. имѣло совершиться въ Черниговѣ празднованіе 900-лѣтія со времени основанія мѣстной архіерейской каѳедры [1]. Основаніемъ для сего принято свидѣтельство Степенной книги, въ которой сказано: „Владиміръ посла въ Царьградъ къ патріарху Фотію изъ Корсуня. Фотій созываетъ соборъ и избираетъ на превысокій престолъ нѣкоего мужа свята *Михаила,* иже бѣ родомъ Сиринъ, и абіе посла его къ боголюбивому князю Владиміру, съ нимъ же и 6 епископовъ и прочая священнодѣйственные чиновники и причетники. Егда же Михаилъ прійде въ Корсунь, Владиміръ благочинно его срѣте“... Далѣе повѣствуется, что митрополитъ Михаилъ, по прибытии въ Кіевъ съ княземъ Владиміромъ, низвергъ идоловъ, крестилъ сыновъ Владиміра и кіевлянъ; потомъ съ 2 епископами отправился въ Суздальскую область, гдѣ княземъ Владиміромъ основанъ тогда г. Владиміръ; послѣ сего митрополитъ Михаилъ съ 6-ю епископами и съ Добрынею ходилъ въ Новгородъ и крестилъ его, наконецъ онъ крестилъ ростовскую землю съ 4 епископами. По сказанію той же Степенной книги, по смерти митрополита Михаила, прибылъ въ Кіевъ митрополитъ *Леонтій* отъ патріарха Николы Хрисоверха въ лѣто 7,499-е (991-е отъ Рожд. Хр.). „Сей Леонтій послалъ въ Новгородъ епископа Іоакима корсунянина, въ Черниговъ Неофита, въ Ростовъ—Федора, во Владиміръ—Стефана и въ иные грады епи-

---

[1]) По обстоятельствамъ времени отложено на 15-е мая 1893 г.

скопы“ [1]). Въ позднѣйшихъ спискахъ Степенной книги, вмѣсто Леонтія, поставленъ Михаилъ. Никоновская лѣтопись повторяетъ сказаніе Степенной книги [2]), прибавляя епископа Никиту, поставленнаго митрополитомъ Леонтіемъ въ Новгородъ.

Но Степенная книга, очевидно, смѣшиваетъ перваго русскаго митрополита съ епископомъ Михаиломъ, посланнымъ въ 862 г. въ Кіевъ отъ патріарха Фотія для крещенія Кіевской Руси при Аскольдѣ и Дирѣ, и императора Василія Македонянина, современника патріарха Фотія, отождествляетъ съ императоромъ Василіемъ Болгаробойцею, современникомъ св. Владиміра. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что при св. Владимірѣ, вскорѣ послѣ его крещенія, были уже у насъ епископы и митрополитъ, такъ какъ въ древней нашей лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, говорится въ 996 г. о епископахъ, съ которыми Владиміръ совѣщался объ установленіи казни для разбойниковъ [3]). Первоначальная Новгородская лѣтопись и древнѣйшіе списки Владимірова Устава полагаютъ прибытіе 1-го митрополита Леонтія въ Кіевъ въ 991 году; слѣдовательно къ сему же времени нужно отнести и учрежденіе первыхъ епархій въ русской церкви, кромѣ епархіи кіевской, которая не могла не начаться одновременно съ крещеніемъ кіевлянъ при св. Владимірѣ въ 988 году. Если для крещенія Руси при Аскольдѣ и Дирѣ признано было въ Константинополѣ послать епископа, какъ свидѣтельствуетъ о семъ самъ патріархъ Фотій, то тѣмъ болѣе требовалось сдѣлать это спустя 100 лѣтъ, когда крещеніе принималъ вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ такой могущественный князь, какимъ былъ Владиміръ, вступавшій притомъ въ родство съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. За учрежденіемъ митрополичьей каѳедры въ Кіевѣ, должна

---

[1]) Степен. книга 1775 г. стр. 140—152. Степенная книга составлена изъ разныхъ лѣтописей по мысли и начертанію моск. митрополита Макарія (1542—1564 г.) въ царствованіе Іоанна IV. Степенною названа потому, что въ ней означены степени или поколѣнія государей (всего 17) до 1559 г.

[2]) Тоже повторено въ Густынской лѣтописи, Синопсисѣ, Палинодіи и въ предисловіи къ печатному Патерику Печерскому.

[3]) Лѣтопись по Ипат. списк. С.-Петерб. 1871 года, стр. 87.

была получить свое начало и іерархія черниговской области или епархіи, такъ какъ Черниговъ, послѣ Кіева, былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Руси.

Иной вопросъ, кто былъ 1-мъ епископомъ черниговскимъ. Степенная книга, какъ упомянуто выше, говоритъ, что митрополитъ Леонтій, прибывши въ Кіевъ въ 991 г., посла въ Черниговъ—*Неофита*, въ Владиміръ—*Стефана*, въ Бѣлгородъ—*Никиту*. Но древняя наша лѣтопись упоминаетъ объ этихъ епископахъ не въ концѣ X, а въ концѣ XI вѣка, именно о Неофитѣ черниговскомъ епископѣ и Никитѣ бѣлгородскомъ епископѣ говоритъ въ 1071 г., а о Стефанѣ волынскомъ епископѣ въ 1091 году, раньше же о епископахъ этого имени на тѣхъ каѳедрахъ въ ней не говорится. Въ Румянцевскомъ Хронографѣ и въ Синодикахъ монастырей Любечскаго, черниговскаго Елецкаго и Новгородъ-сѣверскаго хотя первымъ въ ряду черниговскихъ епископовъ стоитъ „Неофитъ", но за нимъ слѣдуютъ епископы Іоаннъ (1089—1091 г.) и Ѳеоктистъ 1113 г., извѣстные въ эти годы изъ древней лѣтописи, тоже и въ Синодикѣ черниговскаго Спасскаго собора, съ тою только отмѣною, что первымъ черниговскимъ епископомъ стоитъ здѣсь Исаія, а Неофитъ вторымъ. Такимъ образомъ можно думать, что имена первыхъ черниговскихъ епископовъ намъ неизвѣстны. Въ „Описаніи черниговской епархіи"—преосв. Филарета черниговскаго, епископъ Неофитъ 1071 г. названъ Неофитомъ 2-мъ, а Неофитомъ 1-мъ признается епископъ этого имени, бывшій, по сказанію Степенной книги, при митрополитѣ Леонтіѣ; а между Неофитомъ 1-мъ и Неофитомъ 2-мъ поставлены: Мартирій и Ѳеодулъ, взятые изъ Никоновской лѣтописи. Но Неофита 2-го нѣтъ ни въ Степенной книгѣ, ни въ Никоновской лѣтописи, ни въ древнихъ Синодикахъ черниговской епархіи.

Древнѣйшій храмъ Чернигова, Спасскій соборъ.

Учредители епископской каѳедры въ г. Черниговѣ, безъ сомнѣнія, позаботились устроить здѣсь и епископскій храмъ, соотвѣтствующій достоинству города и епархіи, захватывавшей

въ свой кругъ Курскъ и Рязань. Но первый каѳедральный здѣсь храмъ, вѣроятно, былъ срубленъ изъ дерева, и уже сынъ св. Владиміра Мстиславъ, утвердившись на черниговскомъ княженіи, заложилъ въ Черниговѣ обширный каменный храмъ св. Спаса, но не успѣлъ окончить до своей смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Стѣны этого храма были выведены, по выраженію лѣтописи, выше, чѣмъ можетъ достать человѣкъ, стоя на конѣ [1]). Окончаніе Мстиславова храма приписываютъ въ Черниговѣ Святославу Ярославичу, бывшему черниговскимъ княземъ съ 1054 по 1073 годъ, а подъ конецъ жизни (1073—1076 г.) захватившему кіевскій великокняжескій престолъ старшаго брата своего Изяслава. Чтобы примирить свое предположеніе объ окончаніи черниговскаго собора Святославомъ съ тѣмъ фактомъ, что Ярославъ, по кончинѣ Мстислава, сталъ единовластителемъ русской земли и былъ таковымъ до своей смерти въ теченіе 20 лѣтъ, описатели черниговскаго Спасскаго собора строятъ новое предположеніе, будто Ярославъ поручилъ черниговское княжество сыну своему Святославу тотчасъ по смерти Мстислава [2]). Но они опускаютъ изъ виду, что Святославъ, родившійся въ 1027 г. [3]), въ годъ смерти Мстислава имѣлъ только 7 лѣтъ отъ роду и слѣдовательно не могъ распоряжаться постройками, и игнорируютъ лѣтопись, которая ясно говоритъ, что Ярославъ раздѣлилъ русскую землю между своими сыновьями при смерти своей и въ это время далъ Святославу въ удѣлъ Черниговъ [4]). Остается признать, что черниговскій Спасскій соборъ окончаніемъ своимъ обязанъ великому князю кіевскому Ярославу, который въ то же время приступалъ къ постройкѣ Кіево-Софійскаго собора [5]) и не могъ допустить,

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

[2]) Описаніе черниგов. епархіи—Филарета, кн. 5. стр. 3. Тоже буквально въ Описаніи черниг. соборовъ—графа Милорадовича.

[3]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

[4]) Тамъ же, стр. 113.

[5]) Заложеніе Кіево-Соф. собора слѣдуетъ признать въ 1034 г., послѣ побѣды надъ печенѣгами, а не въ 1036 г., такъ какъ подъ симъ годомъ говорится въ лѣтописи не только о заложеніи, но и украшеніи золотомъ и иконами.

чтобы гробъ брата его Мстислава оставался долго въ неоконченномъ соборѣ.

Черниговскій Спасскій соборъ стоитъ на возвышенномъ берегу Десны, въ бывшемъ кремлѣ Чернигова, онъ представляетъ собою весьма внушительное зданіе въ формѣ удлиненнаго прямоугольника въ 15 саж. высоты, съ 3 закругленіями на восточной сторонѣ и съ 6-ю куполами. Съ западной, сѣверной и южной стороны были при немъ одноэтажныя паперти, но отъ нихъ остались только фундаменты съ закругленіями у алтарныхъ стѣнъ. Храмъ внутри раздѣлялся на три корабля и имѣлъ хоры, которыя, примыкая къ западной стѣнѣ, продолжались на крещатыхъ сводахъ по сѣверной и южной сторонамъ до 1-й пары столбовъ, поддерживающихъ главный куполъ. Но, къ крайнему сожалѣнію, обновители собора въ 1792—1798 г. признали за лучшее выломать боковыя части хоръ, оставивъ только западную ихъ часть. На сѣверной и южной сторонахъ уцѣлѣли отъ хоръ между передними столбами только четыре колонны внизу и четыре надъ ними, по парѣ, внизу и вверху на каждой сторонѣ, всего 8 штукъ [1]). Нижнія колонны, какъ говорятъ, были круглыя краснаго мрамора; нынѣ онѣ обложены кирпичемъ съ отшлифовкой штукатурки подъ мраморъ; эта обкладка сдѣлана для предохраненія этихъ колоннъ отъ разрушенія послѣ пожара, бывшаго въ соборѣ въ 1750 году, когда онѣ потрескались отъ сильнаго огня. Верхнія колонны сложены изъ кирпичей и каждый изъ нихъ, подобно верхнимъ колоннамъ Кіево-Софійскаго собора, состоитъ изъ 3-хъ пилястръ съ полуваликомъ посрединѣ каждой пилястры. Въ промежуткахъ между верхними колоннами, которыя правильнѣе назвать столбами, въ нижней ихъ части вставлены парапеты краснаго шифера съ рисунками, подобныя парапетамъ на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. На одной изъ переднихъ колоннъ до пожара 1750 г. видны были высѣченныя въ мраморѣ греческія

---

[1]) А не 16-ть, какъ значится въ Описаніи черниг. епархіи—Филарета черниговскаго, и повторено въ позаимствованномъ изъ него „Описаніи черниговск. соборовъ"—графа Милорадовича и Черниговск. Епарх. Извѣстіяхъ 1892 года.

буквы φι, по толкованію мѣстныхъ археологовъ значащія *510*, а съ прибавленіемъ къ этимъ цифрамъ *6* (тысячнаго числа, якобы опущеннаго для краткости письма) 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра или 1002 отъ Рождества Христова. Послѣдней цифрой якобы указывался годъ заложенія этого храма или по крайней мѣрѣ годъ, въ которомъ высѣчены эти колонны. Толкованіе довольно мудреное, а намъ проще кажется, что буквами φι (510) означенъ здѣсь счетъ колоннъ, высѣченныхъ въ извѣстной мѣстности, или вообще изготовленныхъ кусковъ мрамора.

Стиль всей постройки зданія византійскій. Кирпичъ въ стѣнахъ собора тонкій, квадратный, растворъ извести желтоватый, смѣшанный съ толченымъ кирпичемъ; ряды кирпичной кладки смѣняются рядами булыжнаго камня вложеннаго въ растворъ извести; слой извести между кирпичными рядами около 2 вершковъ. На сѣверо-западномъ углу уцѣлѣла башня или вежа, которою всходили на хоры, подобная существующимъ при Кіево-Софійскомъ соборѣ, при великой церкви Кіево-Печерской Лавры, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и при соборахъ древнихъ новгородскихъ монастырей Юрьевскаго и Антоніевскаго. Но верхняя часть этой башни передѣлана въ стилѣ готическомъ, совершенно отличномъ отъ византійскаго. Для симметріи въ прошломъ столѣтіи придѣлана и другая башня на юго-западномъ углу собора въ томъ же стилѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ двѣ такія башни на фасадѣ зданія даютъ собору видъ римско-католическаго храма или кирхи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Спасскій соборъ былъ расписанъ фресковою живописью по стѣнамъ; но пока слѣдовъ ея не обнаружено. Иконостасъ собора въ 3 яруса, рѣзной въ стилѣ рококо съ позолотой, устроенъ въ 1798 г. при преосвященномъ архіепископѣ Викторѣ Садковскомъ, а стѣны расписаны въ 1818 г. при преосвященномъ архіепископѣ Михаилѣ Десницкомъ. Нельзя сказать, чтобы иконостасъ, при всей художественности своей, соотвѣтствовалъ архитектурѣ этого храма.

Въ отдѣльномъ кіотѣ помѣщается замѣчательная мозаическая икона Св. Христова Николая въ золоченой рамѣ съ эма-

левыми украшеніями, пожертвованная собору дворянствомъ черниговской губерніи въ ознаменованіе 25-лѣтія славнаго царствованія императора Николая Павловича. Стоимость этой иконы съ кіотомъ исчисляется въ 7,750 рублей.

Въ Спасскомъ соборѣ погребены черниговскіе князья:

1) Въ 1034 г. Мстиславъ Владиміровичъ [1]).

2) Въ 1076 г. Святославъ Ярославичъ.

3) Въ 1078 г. Глѣбъ Святославичъ, убитый на Заволочьи: „положенъ за Спасомъ".

4) Въ 1115 г. Олегъ Святославичъ „у гроба отца своего".

5) Въ 1150 г. св. Игорь Ольговичъ „положенъ у Спаса въ теремѣ" [1]).

6) Въ 1198 г. Ярославъ Всеволодовичъ, сынъ вел. князя кіевскаго Всеволода Ольговича; „положенъ въ церкви св. Спаса, въ епископіи".

7) Въ 1245 г. Михаилъ Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Святославича Чермнаго) и бояринъ его Ѳеодоръ, умученные въ Ордѣ. Мощи этихъ мучениковъ находились въ семъ соборѣ до 1572 г., а въ этомъ году, по повелѣнію царя Іоанна IV, взяты въ Москву и находились сначала въ храмѣ ихъ имени на Тайницкихъ воротахъ, потомъ въ Срѣтенскомъ соборѣ, наконецъ положены въ соборѣ Архангельскомъ, гдѣ и нынѣ находятся.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105. [2]) Тамъ же, стр. 139. [3]) Тамъ же, стр. 140. [4]) Тамъ же, стр. 203; [5]) Тамъ же, стр. 283; [6]) Тамъ же, стр. 474.

[1]) Подъ теремомъ, въ которомъ положены мощи св. мученика Игоря Ольговича, убитаго мученически 1147 г. въ кіевск. Ѳеодоровскомъ монастырѣ, нужно разумѣть сѣнь или балдахинъ, устроенный внутри собора для положенія сихъ мощей, подобный серебряному терему, который хотѣлъ устроить посреди Вышгородской церкви Владиміръ Мономахъ для мощей св. мученикъ князей Бориса и Глѣба. (Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 202). Потому въ лѣтописи сказано не о погребеніи Игоря Ольговича, а о перенесеніи *мощей* его „отъ Семена, исъ Копырева конца", въ Черниговъ братомъ его Святославомъ Ольговичемъ въ 1150 г. Гдѣ эти мощи нынѣ, неизвѣстно. Исканіе фундаментовъ терема внѣ стѣнъ собора и всякія другія о немъ предположенія напрасны.

Помѣщики и духовенство въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

(БЫТОВОЙ ОЧЕРКЪ).

Въ историческихъ судьбахъ южной и западной Россіи духовенство играло весьма замѣтную и очень часто благородную роль. Дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ этой средѣ, не разъ оказывала рѣшительное вліяніе на ходъ событій, и неудивительно, если этимъ лицамъ принадлежатъ многія свѣтлыя страницы въ исторіи. Возьмемъ, напр., такую крупную фигуру, какъ Петръ Могила. Одно преобразованіе на европейскій ладъ кіевской академіи, получившей съ тѣхъ поръ прочную организацію и ставшей центромъ южно-русской образованности, можетъ составить неувядаемую славу. А развѣ менѣе славна его дѣятельность на польскихъ сеймахъ, гдѣ онъ, аристократъ по рожденію, выступалъ на защиту правъ народныхъ? Припоминаются и личности другаго склада, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, истаго демократа, этого анахорета—публициста, громовыя посланія котораго звучали рѣзкостью и горячностью глубоко-убѣжденнаго человѣка и производили необыкновенную сенсацію своею крайнею смѣлостью. Несомнѣнно, что благородные порывы подобныхъ дѣятелей, возбуждая и воодушевляя все общество къ напряженной дѣятельности, особенно были дороги той средѣ, въ которой и для которой они работали. Они давали ей руководящія идеи, возбуждали энергію, старались поднять эту среду на подобающую высоту.

Были однако среди южно-русскаго духовенства и теченія другаго рода. Возвеличивая подвиги такихъ лицъ, какъ Петръ Могила, исторія записала на своихъ скрижаляхъ также имена Кирилла Терлецкаго, Ипатія Потѣя, которые изъ своекорыстныхъ побужденій измѣнили народнымъ стремленіямъ и втолкнули народную жизнь въ совершенно чуждыя для нея рамки. Принятая и подписанная ими унія съ римско-католическою церковью была источникомъ большого народнаго горя. Да и сами уніаты очутились въ довольно комическомъ положеніи: ни отъ своихъ, какъ слѣдуетъ, не отстали, ни къ католикамъ по надлежащему не пристали. Но формально они все таки были ближе къ католикамъ, и это обстоятельство особенно неблагопріятно отразилось въ быту сельскаго духовенства. Издавна существовавшее патрональное право помѣщиковъ связывало руки духовенству и ставило его въ большую зависимость отъ своихъ патроновъ. Тяжесть этой зависимости сдѣлалась особенно ощутительною въ то время, когда вслѣдъ за присоединеніемъ западно-русскаго края къ Россійской имперіи было поведено дѣло возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, или, какъ въ то время говорили, возвращеніе ихъ „на благочестіе". Духовенство тогда увидѣло себя поставленнымъ между двухъ огней: съ одной стороны, народныя симпатіи и убѣжденія командированныхъ высшею духовною властью лицъ влекли его къ „благочестію"; съ другой, оно слышало угрозы помѣщиковъ запечатать церковь и обратить въ костелъ, или отнять у священника церковныя земли и т. п. Если мотивы перваго рода брали верхъ и священникъ съ прихожанами присоединялся къ православію, то эти угрозы во множествѣ случаевъ приводились въ исполненіе; иногда просто между помѣщикомъ и священникомъ возникали недоразумѣнія, которыя, съ теченіемъ времени, все больше и больше осложнялись разными побочными фактами и наконецъ выростали въ слѣдственное дѣло. Обращаясь къ подобнымъ дѣламъ конца прошлаго столѣтія, извлеченнымъ изъ архива волынской духовной консисторіи, мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ отношеніяхъ между священниками и помѣщиками.

I.

Въ то, не столь далекое отъ насъ, время порядокъ опредѣленія на приходъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ теперь. Если теперь кандидатъ священства, кромѣ прошенія къ мѣстному архіерею, отъ воли котораго всецѣло зависитъ его судьба, ничего больше въ рукахъ не имѣетъ, то тогда онъ являлся съ цѣлымъ ворохомъ документовъ, носившихъ большею частью названіе „презентальныхъ бумагъ", или просто „презентъ". Сюда входило представленіе благочиннаго, или духовнаго правленія, заручное прошеніе отъ прихожанъ, посвидѣтельствованное тѣмъ же благочиннымъ, разныя одобрительныя свидѣтельства отъ сосѣдей, или отъ лицъ, у которыхъ кандидатъ состоялъ раньше на службѣ, увольнительныя школьныя свидѣтельства, если они имѣлись, и т. д. Къ числу этихъ бумагъ принадлежала одна, носившая спеціальное названіе „презенты": это именно рекомендація, или просто согласіе со стороны помѣщика. Во времена уніи этотъ документъ имѣлъ громадное, почти рѣшающее значеніе, такъ что безъ него едва ли какое-нибудь ходатайство могло увѣнчаться успѣхомъ. Съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1794—95 годахъ „презента" начинаетъ, повидимому, терять свою прежнюю силу, хотя формально она все таки не изгнана изъ числа необходимыхъ „бумагъ". Поэтому въ брацлавской духовной консисторіи всякаго кандидата обязательно допрашивали, имѣетъ ли презенту отъ мѣстнаго владѣльца; не смотря на часто встрѣчающійся отрицательный отвѣтъ, его однако рукополагали. Въ волынской духовной консисторіи такого вопроса не предлагали, но ходатайству помѣщика за извѣстнаго кандидата мѣстное начальство придавало особенный вѣсъ. Подобное ходатайство всегда удовлетворялось и кандидатъ могъ быть увѣренъ, что не потерпитъ фіаско. Въ ставленническихъ дѣлахъ того времени нерѣдко можно встрѣтить такую резолюцію: „священ. Лаврисевичу по желанію двора и прихожанъ быть навсегда въ любомльскомъ приходѣ" [1]), или „свящ. Анишкевича въ схóд-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 485.

ство желанія житинскаго владѣльца и прихожанъ на житинскій приходъ перевесть" [1]). Такимъ образомъ архіерей, какъ видно, считалъ крайне важнымъ ходатайство помѣщика за излюбленнаго кандидата, если каждый разъ съ торжествомъ указывалъ на это обстоятельство.

Бывали и такіе случаи, что какой-нибудь, напр., Горскій назначенъ и уже рукоположенъ на приходъ въ м. Полонное. Но онъ не торопится къ мѣсту своего новаго служенія и не уѣзжаетъ изъ Острога, гдѣ происходила вся процедура возведенія его въ священство. Въ ближайшемъ къ Острогу м. Межиричѣ, расположенномъ отъ города всего въ $^1/_2$ верстѣ, вакантно священническое мѣсто и онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ попасть именно сюда, а не въ Полонное. И вотъ отъ имени громады старшій братчикъ подаетъ архіерею прошеніе въ этомъ смыслѣ. Священникъ, вѣроятно, соображалъ, что его стремленія нѣсколько уклоняются отъ обычной нормы, что поэтому трудно разсчитывать на достиженіе цѣли безъ посторонней поддержки. Онъ, конечно, старается заручиться этого рода поддержкой—и что же? Достаточно было письма къ епархіальной власти даже не самого помѣщика гр. Ферзена, которому тогда принадлежало это мѣстечко, а только его управляющаго, чтобы хлопоты новорукоположеннаго священника не пропали даромъ [2]).

Но всѣ подобные случаи носятъ спорадическій характеръ и не являются выраженіемъ какого-нибудь строго и точно установленнаго принципа. Слѣдовательно быть или не быть извѣстному кандидату на томъ или другомъ приходѣ не зависѣло абсолютно отъ воли помѣщика. Однако, въ силу установившихся традицій, властная рука помѣщика постоянно напоминала о себѣ и не разъ крѣпко давала себя чувствовать. Это послѣднее надо разумѣть не въ переносномъ только, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ, что̀ мы въ своемъ мѣстѣ и подтвердимъ соотвѣтствующими фактами. А теперь мы хотѣли бы

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 540.

[2]) Ibid № 571.

обратить вниманіе на то общеизвѣстное обстоятельство, что польскіе помѣщики отличались необыкновенною своенравностью. Это черта, въ полной мѣрѣ проявлявшаяся въ отношеніяхъ ихъ къ крестьянамъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовала и на духовенство. Какія причудливыя формы принимали иногда панскіе капризы, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Схабѣцкій, владѣлецъ с. Янковецъ, житомирскаго уѣзда, установилъ у себя такой порядокъ, что дьячки должны были нести парикмахерскія обязанности. На случай надобности онъ и требовалъ ихъ къ себѣ. Исполненіе этихъ обязанностей было особенно затруднительно въ воскресные и праздничные дни. Помѣщику и его прислугѣ съ утра надо непремѣнно побриться, а дьячкамъ какъ разъ въ это время необходимо быть въ церкви... Что тутъ дѣлать? Но помѣщикъ не останавливается надъ этимъ вопросомъ, а велитъ насильно брать изъ церкви дьячковъ. Случилось, что дьячокъ не хотѣлъ пойти въ дворъ для исполненія своихъ обязанностей и получилъ за это 50 плетей. Тому же помѣщику вздумалось однажды заказать литургію въ праздникъ Рождества по новому стилю. Священникъ получилъ увѣдомленіе объ этомъ уже послѣ полуночи и заявилъ, что онъ не приготовился и потому не можетъ служить. Тогда помѣщикъ велѣлъ нѣсколькимъ изъ своихъ крѣпостныхъ идти къ дому священника, всю ночь до разсвѣта стучать въ окна и двери и кричать:—„Добродзю, добродзю! чи буде завтра служба?“ Тѣ, не смѣя ослушаться панскаго приказанія, все это разумѣется продѣлали съ пунктуальною точностью [1]).

Вообще паны не могли помириться съ тѣмъ взглядомъ, что личность священника для нихъ неприкосновенна; они смотрѣли на него, почти какъ панъ на подданнаго, и иногда практиковали по отношенію къ нему такія же мѣры взысканія и наказанія, какими усмиряли своихъ крѣпостныхъ. Не ограничиваясь этимъ, строчили еще отъ имени громады жалобу на священника и обвиняли его предъ начальствомъ въ разныхъ проступкахъ. Въ 1796 году крестьяне с. Сарнъ ровен. уѣзда

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 499.

подали еп. Варлааму прошеніе съ обвиненіемъ свящ. Тарановскаго въ вымогательствахъ, побояхъ, присвоеніи церковныхъ денегъ. Священникъ при слѣдствіи кое-что, болѣе мелкое, признавалъ, что̀ покрупнѣе—отвергалъ, но большею частью оправдывался тѣмъ, что все это было еще во времена уніи. Когда стали допрашивать свидѣтелей, то оказалось, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ тайная пружина помѣщика Прушинскаго, который давно уже хочетъ выжить священника и однажды какъ то заявлялъ благочинному: „я его за 5 денежокъ зъ Сарнъ выкидаю". Такъ, по крайней мѣрѣ, показали свидѣтели. „Свидѣтелие съ громады на тое признали, что правдиве священникъ отповѣдаетъ, а то помѣщика робота, понеже онъ хотѣлъ его еще въ уніӣ будущаго казнити, ӣ зъ Сарнъ вигнать, яко ӣ чинилъ, же въ темници его держалъ, ӣ разныі обиди ему діелалъ, ӣ теперь хощетъ тое самое діелать"[1]). Кромѣ содержанія подъ арестомъ, возможны были и наказанія другаго рода. Помѣщикъ с. Губчи староконст. уѣзда Грохольскій, взводя на священника обвиненіе въ разныхъ мнимыхъ провинностяхъ, совсѣмъ не подтвердившихся потомъ на слѣдствіи, въ родѣ того, напр., будто священникъ „безъ числа прихожанъ здирае за самоменше дѣло" и т. п., добавляетъ: „въ чемъ я онаго попа и наказовалъ"[2]). Не извѣстно, какъ здѣсь понимать наказаніе: въ смыслѣ ли евангельскаго наученія, или въ видѣ внушенія розгами; но если помѣщикъ, не стѣсняясь ничѣмъ, заключалъ священника въ „темницу", то на этотъ разъ не будетъ слишкомъ смѣлой гипотезой предполагать, что при случаѣ могли быть пущены въ ходъ и розги. Послѣ этого мы нисколько не удивимся, если узнаемъ, что иногда панъ, въ пылу запальчивости, обращался къ священнику съ такою, напр., угрозою: „я тебе убью, какъ у Корчовки убылъ панъ попа, и пропадешь, какъ собака!"[3]).

Стремленія пановъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ западно-русское духовенство простирались на все духовное со-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 534.

[2]) Ibid. № 651.

[3]) Ibid. № 621.

словіе. Благодаря этому, дѣло принимало иногда, на теперешній взглядъ, нѣсколько странный оборотъ. Въ нашихъ матеріалахъ есть указаніе, что нѣкоторые паны вербовали изъ дѣтей духовенства кадры своей прислуги. Эта вербовка имѣла какъ будто характеръ періодическій и отличалась нѣкоторыми аттрибутами рекрутскихъ наборовъ. Захваченные такимъ образомъ поповичи должно быть исполняли роль лакеевъ. Вотъ отрывокъ изъ біографіи свящ. Корниловича. Онъ велъ свое „происхожденіе отъ родителей статьи духовенской“: его отецъ былъ уніатскимъ священникомъ въ м. Острополѣ. Корниловичъ рано осиротѣлъ, но не смотря на это, все таки былъ отданъ въ любарское училище и уже два года обучался въ инфимѣ латинскому языку. „При выборѣ же кн. Любомирскимъ ко услугамъ его изъ священническихъ дѣтей, въ числѣ протчихъ и онъ взятъ былъ насильно“. Впослѣдствіи онъ получилъ свободу отъ этой службы, обучался церковному уставу при дьячкахъ, затѣмъ три года находился въ уніатской рожищской семинаріи и наконецъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ былъ рукоположенъ въ священство [1]). Какъ относились помѣщики къ другимъ лицамъ духовнаго сословія, напр., дьячкамъ, мы отчасти видѣли: они то возлагали на нихъ совсѣмъ не свойственныя имъ обязанности, то угощали плетьми. А между тѣмъ это были большею частью сыновья или братья тѣхъ же священниковъ. Они должны были благодарить судьбу, если въ лицѣ этихъ послѣднихъ имѣли, по праву родства, естественныхъ защитниковъ. Но бывало и такъ, что они ни въ какомъ родствѣ ни съ кѣмъ изъ старшихъ членовъ клира не состояли—и тогда это былъ самый несчастный народъ, какіе то козлы отпущенія, которыми помыкалъ всякій; на нихъ, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валились. Священникъ заставляетъ ихъ работать на себя, помѣщикъ предъявляетъ свои дикія требованія, за неисполненіе которыхъ наказываетъ плетьми, а дьячку хоть разорвись. Вслѣдствіе этого случалось, что дьячекъ никакъ не могъ удержаться въ приходѣ [2]).

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 655.

[2]) Ibid. № 499, 427 и др.

О пономаряхъ нечего и упоминать, такъ какъ они весьма часто были изъ крѣпостныхъ, „грамотѣ не изучены“ и слѣдовательно къ духовному сословію принадлежали лишь номинально [1]).

Не только личность священника и другихъ духовныхъ лицъ не считалась неприкосновенною въ глазахъ помѣщика, но и имущество ихъ не всегда было гарантировано отъ его посягательствъ. У помѣщика, напр., идетъ работа въ полѣ—боронье, „бороны волочатъ“, а лошади священника въ это время пасутся,—онъ велитъ забрать ихъ и употребить въ работу на своемъ полѣ. А вотъ другой фактъ. Помѣщики собирали тогда особую подать, подъ названіемъ „коминкове“, которую платили и священники. Съ священника слѣдуетъ, положимъ, 6 злотыхъ, но помѣщикъ требуетъ 12,—и тотъ долженъ заплатить [2]).

Сдѣланныя нами бѣглыя замѣчанія о положеніи духовенства въ его отношеніи къ помѣщикамъ заставляютъ насъ придти къ тому выводу, что это положеніе было не изъ завидныхъ. Картина въ общемъ довольно печальная, свидѣтельствующая о томъ, какъ принижено было это сословіе и отдано на волю всевозможныхъ капризовъ. Естественно поэтому рождается вопросъ, гдѣ основаніе такихъ ненормальныхъ отношеній. Чѣмъ руководствовался помѣщикъ, если онъ по своему произволу могъ казнить и миловать священника? Одинъ ли произволъ игралъ въ этомъ случаѣ роль, или сюда примѣшивалось еще что нибудь другое? Не было ли основаній для такого образа дѣйствій въ самомъ строѣ церковно-бытовой жизни?

II.

Для правильнаго пониманія обычныхъ отношеній между духовенствомъ и помѣщиками въ концѣ прошлаго вѣка необходимо имѣть въ виду господствовавшія издавна традиціи. Согласно этимъ традиціямъ, панъ, хотя по вѣрѣ былъ и чуждъ

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 655.

[2]) Ibid. № 499.

народу, все же считался первымъ лицомъ въ приходѣ. Это зависѣло отъ того, что онъ нерѣдко бывалъ фундаторомъ церкви; но еслибы даже онъ и не принималъ прямого и непосредственнаго участія въ ея сооруженіи, то вѣдь строили эту церковь крестьяне, которые составляли его собственность. Ему же принадлежали и результаты ихъ трудовъ, а слѣдовательно церковь, воздвигнутая ими, должна была входить въ сферу вѣдѣнія помѣщика. Во вторыхъ помѣщикъ надѣлялъ церковь землею, которая шла въ пользованіе причта; въ третьихъ, онъ иногда дѣлалъ пожертвованія въ церковь и т. д. Все это вмѣстѣ взятое было для него достаточнымъ основаніемъ считать церковные интересы прихода близкими себѣ, вмѣшиваться въ эти дѣла и придавать своему голосу первенствующее значеніе. Этого тѣмъ легче было достигнуть, что предъ нимъ настоящіе члены прихода, какъ его подданные, были совершенно безгласны. Потому-то помѣщикъ не обинуясь могъ обращаться въ церковную „карбону", какъ въ свой собственный карманъ, и брать оттуда деньги на свои личныя надобности. Хорошо еще, если онъ оставлялъ „письменный реверсъ" во взятіи денегъ, тогда это имѣло хотя видъ одолженія, а не самовольнаго распоряженія церковными суммами [1]). Впрочемъ, одинъ помѣщикъ, на обвиненіе въ обираніи церкви, простодушно объяснялся, что онъ, еслибы даже и желалъ, не могъ пользоваться церковными деньгами, потому что ихъ никогда не бываетъ и „карбона" всегда пуста [2]). Такъ процвѣтали тогда, подъ патронатомъ помѣщиковъ, сельскія церкви! Но если была возможность чѣмъ-нибудь попользоваться, то съ какой же стати стѣснять себя? У помѣщика, напр., балъ, а тутъ не хватило свѣчей: онъ посылаетъ въ церковь и велитъ оттуда „и послѣдніи свѣщы до дому своего брать" [3]).

Существовалъ давній обычай, перешедшій, какъ наслѣдіе уніи, и въ послѣдующія времена, что за каждымъ богослуже-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 499.

[2]) Ibid. № 54.

[3]) Ibid. № 499.

ніемъ имя помѣщика возносилось въ молитвенныхъ призыванiяхъ на эктеніяхъ [1]). Этотъ обычай служилъ какъ бы всенароднымъ признаніемъ патрональныхъ правъ помѣщика въ отношеніи къ мѣстной приходской церкви и ея служителямъ. Къ священнику помѣщикъ обращался на „ты" и при случаѣ дѣлалъ, подобно „духовной персонѣ, моральныя" увѣщанія. Когда однажды происходили частые раздоры между двумя священниками, то помѣщикъ одному изъ нихъ сдѣлалъ замѣчаніе въ такихъ выраженіяхъ: „чего ты, ксенже Корниловичъ, съ ксенземъ Томковичемъ клуцѣшься?" [2]) Подобное обращеніе едвали могло благотворнымъ образомъ влiять на развитіе въ духовенствѣ самосознанія, уровень котораго и безъ того былъ не высокъ. Даже при самыхъ благодушныхъ отношеніяхъ между священникомъ и помѣщикомъ, когда послѣдній не отказывалъ первому въ удовлетвореніи разныхъ случайныхъ просьбъ и бросалъ ему изрѣдка мелкія подачки, въ видѣ воза дровъ и т. п.,—и тогда въ этихъ отношеніяхъ было много холопскаго. Въ лучшемъ случаѣ священникъ пользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами и только, но нравственная приниженность оставалась во всей силѣ, а когда рождались какія-нибудь недоразумѣнія, она всецѣло сказывалась и являлась тогда во всей своей неприглядной наготѣ.

Попадались иногда между священниками рѣдкія единицы, которыя, быть можетъ, и не сознавая вполнѣ, чувствовали тяготу этой нравственной приниженности, ея ненормальность и, хотя въ грубой формѣ, но все таки подчасъ заявляли стремленіе высвободиться изъ-подъ панской опеки.—„У меня ваши паны ничего не составляютъ, у меня есть власть", громогласно заявлялъ одинъ священникъ передъ громадой, стоявшей толпой по выходѣ изъ церкви, и чтобы на дѣлѣ оправдать свое заявленіе, пересталъ поминать на богослуженіяхъ имя помѣщика [3]). Такъ же настойчиво и упрямо огрызались священники и въ томъ случаѣ, когда помѣщики возбуждали предъ епархіальною

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 453.

[2]) Ibid. № 655.

[3]) Ibid. № 453.

властью разныя обвиненія противъ нихъ. Если, напр., помѣщикъ указывалъ, что священникъ небрежно ведетъ церковное хозяйство, опустошилъ своимъ скотомъ „цвынтарь и на ономъ шпалеръ, съ насажденія разныхъ деревъ сдѣланный", уничтожилъ, то священникъ въ свою очередь предъявлялъ на слѣдствіи встрѣчное обвиненіе противъ помѣщика и заявлялъ, что онъ грабитъ церковь [1]). Особенно много обвиненій противъ помѣщиковъ стало возбуждать духовенство тогда, когда началось возсоединеніе уніатовъ и изданы были извѣстные Высочайшіе указы, въ силу которыхъ всякое противодѣйствіе этому дѣлу квалифицировалось, какъ тяжкое уголовное преступленіе. А одинъ священникъ служилъ даже обѣдню, спеціальное назначеніе которой было молиться о ниспроверженіи и истребленіи уніатовъ и латинянъ. Онъ проклиналъ унію и латинство и за это Богъ тяжко наказалъ, но не священника, какъ бы слѣдовало, а ни въ чемъ неповинную громаду: чрезъ нѣсколько дней выпалъ градъ необычайной величины и совершенно истребилъ посѣвы [2]). Такъ, по крайней мѣрѣ, жаловался помѣщикъ; священникъ оправдывался, что хотя онъ дѣйствительно служилъ, но никакихъ особыхъ молитвъ, противныхъ православной вѣрѣ, не прибавлялъ, а лишь отклонялъ народъ отъ торжественнаго празднованія Божьяго Тѣла, Десятой Пятницы, памяти

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 427.

[2]) Ibid. № 543. X. Kałaydowicz 13 Julia, Roku teraznieyszego, miał mszą w cerkwi Zaborolskiey, na pobidę Uniatow y Rzymskiego Obrządku ofiarowaną. Wiklinał w czasie mszy Unią y Rzymski Obrządek, za co Bog ukarał zaraz gromadę, poniewaž 17 Julia grad wielkosci niepraktykowaney wybił wszystkie zboža w Zaborolu y okna wytłukł.—Фактъ весьма характерный въ бытовомъ отношеніи! До сихъ поръ среди украинцевъ, населяющихъ западно-русскія области, сильно убѣжденіе, что священникъ можетъ совершать службы подобнаго рода. Является, напр., крестьянинъ и заказываетъ обѣдню.—О здравіи или за упокой?—спрашиваетъ батюшка.—Ни, то на черну службу!—Иной новичекъ становится втупикъ. Что за оказія, думаетъ, какая такая „черная служба"? А! это, вѣроятно, за упокой, черныя ризы, значитъ, надо надѣвать. Опять начинаются разспросы и тутъ то крестьянинъ рѣшается повѣдать свое горе: у него украли лошадей, или такой-то предполагаемый имъ злой человѣкъ наслалъ болѣзнь на кого-нибудь изъ его семьи—и вотъ онъ твердо вѣритъ, что заказанная обѣдня будетъ способствовать раскрытію преступленія и что надъ его обидчикомъ непремѣнно стрясется бѣда.

Іосафата и запрещалъ въ эти дни колокольный звонъ. Не дозволялъ также звонить „въ отвращеніе бывшаго града“, такъ какъ въ кіевской епархіи, гдѣ онъ раньше служилъ, это запрещено указами благочинныхъ.

Какъ ни велико было у духовенства рвеніе стряхнуть лежавшее на его плечахъ бремя панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, достигнуть этого было невозможно, потому что сама епархіальная власть отчасти поддерживала существовавшія традиціи. Всякая жалоба помѣщика, нерѣдко явно несправедливая, непремѣнно вызывала строжайшее разслѣдованіе. Это, съ одной стороны, было хорошо, такъ какъ у священника являлась возможность оправдаться и выйти чистымъ изъ бѣды; но, съ другой стороны, это было крайне затруднительно. Вѣдь свидѣтелями по дѣлу бывали, почти исключительно, крестьяне, которые стояли въ зависимыхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Боясь впасть у него въ немилость, послѣдствія которой были бы для нихъ весьма печальны, они могли давать пристрастныя показанія. Представители власти сознавали это, но другаго способа къ раскрытію истины не находили. Бывшій тогда волынскій губернаторъ Шереметевъ писалъ въ 1795 году епископу житомирскому Варлааму: „Какова бы ни была къ помѣщику людей его привязанность, но показаніе ихъ подъ присягою должно безъ сомнѣнія быть свидѣтельствомъ ихъ безпристрастія“ [1]. Дѣйствительно, трудно было иначе доискаться правды, и нужно сказать, что бывали рѣдкіе случаи поразительнаго безпристрастія. Тотъ самый помѣщикъ, который „наказовалъ попа“ за разныя мнимыя провинности, ссылался въ своихъ обвиненіяхъ на громаду и выставлялъ себя въ жалобѣ какъ будто защитникомъ ея. Но громада съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвергла всѣ обвиненія помѣщика.—„Ктось то несправедливе выдумалъ“, простодушно и единогласно показывали всѣ крестьяне, „чтобы нашъ священникъ былъ пьяница. То якась напасть! Мы того не знаемъ, не вѣдаемъ и первый разъ слышимъ о томъ. То знаемъ достатечне, что онъ до корчмы не ходитъ, а коли бу-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 54.

ваетъ у своихъ прихожанъ на оказіи, мы считаемъ это для себя за счастье. Онъ насъ не здирае и еще часомъ спомагае, по божому зъ намы обходится. За требы беретъ—кто что даетъ, какъ чыя сыла. Онъ для насъ прикладный и хиба за тое помѣщикъ на него нападаетъ, что за свою працю вѣрную—за взятіе пчелъ упоминается".

Брацлавская духовная консисторія, гдѣ разсматривалось это дѣло, какъ видно, не меньше нашего была поражена такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла и въ февралѣ 1797 года сдѣлала довольно интересное постановленіе по этому поводу. Она пишетъ, что обо всемъ этомъ слѣдовало бы сообщить въ брацлавское намѣстническое правленіе для привлеченія къ суду помѣщика Грохольскаго за ложный доносъ на священника Багриновскаго; однако потомъ отказывается отъ этой мысли по слѣдующимъ мотивамъ: „Со входящихъ въ сію консисторію дѣлъ усмотрѣно, что многіе помѣщики въ разсужденіи нетерпиливости своей православнаго греко-россійскаго исповѣданія вѣры крайне невинно угнетаютъ разнообразными выды, то понеже въ семъ дѣлѣ крестьяне своими показаніями вопреки воли помѣщика подвергнули себя его гнѣву, на случай же взысканія съ Грохольскаго за несправедливый доносъ на Багриновскаго, онъ, яко полную власть имѣющій надъ своими крестьянами, не променетъ всячески мстить, для того снисходя по человѣколюбію и состраданію къ невинно страждущему въ крестьянствѣ люду, оставить сіе дѣло безъ дальнѣйшаго можнѣйшаго бы движенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ консисторія предписываетъ внушить священнику, дабы онъ, во избѣжаніе подобныхъ доносовъ, „старался быть латвымъ, учтивымъ и то бы имъ чинимо было безъ и малѣйшаго поврежденія чести священства или упущенія должности своей" [1]).

Вотъ какой примирительной политики должна была держаться даже высшая епархіальная власть! Роковыя обстоятельства были настолько неотразимы, что нечего было и думать о радикальномъ измѣненіи установившагося порядка ве-

---

[1]) Арх. вол. дух. коп. № 651.

щей. Само собою понятно, что низшія церковно-административныя инстанціи смотрѣли на этотъ порядокъ, какъ на нѣчто вполнѣ незыблемое. Здѣсь взглядъ на помѣщика, какъ на исключительно компетентнаго и полноправнаго распорядителя церковныхъ дѣлъ, не омрачался никакими уступками. Одинъ благочинный такъ прямо и называлъ помѣщика въ оффиціальной перепискѣ „rządca cerkiewny". Правда, помѣщикъ счелъ ниже своего достоинства это наименованіе и остался имъ недоволенъ. „Nie byłem ja rządcą cerkwi, писалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, ale tylko kollatorem; są na to bratczyki, którzy cerkiew w porządku utrzymuią" [1]). Во всякомъ случаѣ, если благочинный и употребилъ непонравившійся помѣщику терминъ, то суть дѣла нисколько не измѣняется; напротивъ, этимъ еще ярче обрисовывается указанный нами взглядъ, господство котораго довольно рѣзко обнаруживалось и при производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ.

Помѣщикъ, взводя разныя обвиненія на священника, на ряду съ дѣйствительными проступками, обыкновенно указываетъ и разныя невинныя мелочи, которыя только въ его глазахъ являются правонарушеніемъ, но съ точки зрѣнія каноническихъ законоположеній никоимъ образомъ наказуемы быть не могутъ. Между тѣмъ на дѣлѣ и эти невинныя мелочи ставились въ счетъ. Консисторія, получивъ доносъ, обыкновенно отсылала его въ духовное правленіе, которое уже отъ себя поручало произвести слѣдствіе или кому-либо изъ „присутствующихъ", т. е. своихъ членовъ, или благочинному. Вотъ тутъ-то и открывалось, какъ высоко цѣнились прерогативы панскаго верховенства надъ приходской церковью. Слѣдователь всегда принимаетъ доносъ цѣликомъ и вовсе не дѣлаетъ надлежащаго различенія невинныхъ мелочей отъ дѣйствительныхъ проступковъ; вмѣстѣ съ послѣдними онъ и первыя возводитъ въ криминалъ, требуя отъ священника объясненія одинаково какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ. Вотъ, напр., вопросъ, предложенный слѣдователемъ обвиняемому священнику: „Для чего безъ вѣдомости

---

[1]) Арх. вол. дух. коп. № 534.

своего помѣщика и прихожанъ самохотно съ своей стороны ктитора обралъ, съ коимъ цѣлости церковной не смотришь и порядка не чинишь" [1]). Выборъ церковнаго ктитора (то же, что теперь староста) безъ участія прихожанъ, конечно, дѣло предосудительное, но причемъ тутъ помѣщикъ, который, какъ иновѣрецъ, вовсе не долженъ бы вмѣшиваться въ такія дѣла? Еще подобный же случай. Было уже замѣчено, что одинъ священникъ, возсоединенный изъ уніи, пересталъ поминать своего помѣщика за литургіей, ибо это вовсе не было для него обязательно. Между тѣмъ на слѣдствіи и такое невинное упущеніе засчитывается священнику въ вину, такъ что каждый свидѣтель подробно допрашивается и по этому пункту [2]).

Естественно, что всѣ эти обстоятельства крайне невыгодно отражались на положеніи духовенства. Гибельныя послѣдствія такого порядка вещей въ достаточной степени обнаружились какъ во время возсоединенія уніатовъ, такъ и непосредственно послѣ него.

III.

Хотя возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ прикрывалось религіозными мотивами и имѣло, повидимому, исключительною цѣлью возвращеніе народа „къ праотеческой вѣрѣ", однако нельзя отрицать, что въ основѣ его лежали политическія соображенія. По крайней мѣрѣ, заинтересованныя стороны такъ все это и понимали. Оффиціально объ этомъ не заявлялось, но въ конфиденціальной перепискѣ представителямъ власти не было надобности скрывать свои взгляды на этотъ предметъ и они, не стѣсняясь, высказывали ихъ. Такъ напр., генералъ-губернаторъ Тутолминъ въ письмѣ къ епископу житом. Варлааму, указавъ на нѣкоторыя нетактичныя дѣйствія духовенства, требуетъ, „дабы отнюдь не дѣлали они никакихъ въ семъ дѣлѣ утѣсненій, не токмо пользы не приносящихъ, но вяще

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 499.

[2]) Ibid. № 453.

вредъ причиняющихъ, и по предмету обращенія уніатовъ и вообще по политическимъ видамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выясняетъ, что „дѣло обращенія къ православію предпринято для произведенія въ народѣ желаемой къ намъ приверженности и для соединенія его съ древними россіянами неразрывнымъ вѣры союзомъ" [1]). Что касается поборниковъ уніи, то они считали возсоединеніе уніатовъ особымъ проявленіемъ тиранства во вновь пріобрѣтенномъ краѣ и старались тѣмъ или другимъ способомъ противодѣйствовать ему. Такъ, когда православное духовенство, собравшись на благочиннический съѣздъ, призвало уніатскаго декана Галятовскаго и упрекало его въ томъ, что онъ у возсоединенныхъ прихожанъ совершаетъ разныя требы, то дзеканъ въ свое оправданіе сказалъ: „когда бъ и вы подпали подъ такое тиранство, то и вы бъ то чинили" [2]).

Горько и тяжко было польскому шляхетству лишиться политической самостоятельности, но фактъ совершился, и однимъ изъ его прямыхъ послѣдствій явилось возсоединеніе уніатовъ. Трудно было мириться съ мыслью, что такъ скоро и легко разрушается то, на созданіе чего потрачены были вѣка упорной борьбы и неимовѣрныхъ усилій. Одновременно съ этимъ сглаживались въ значительной степени слѣды политической отдѣльности края. Естественно поэтому, что у пановъ было сильное желаніе такъ или иначе помѣшать успѣшному ходу возсоединенія. Обычнымъ средствомъ были застращиванія и угрозы; но они же были и самой безобидной вещью въ томъ, конечно, случаѣ, если не приводились въ исполненіе. Замѣчательно, что даже такіе знатные, богатые и родовитые паны, какъ князь Сангушко не брезгали прибѣгать къ подобнымъ не очень красивымъ пріемамъ. Когда благочинный изяславскаго округа игуменъ Виссаріонъ обратился къ громадѣ м. Славуты съ увѣщаніемъ о присоединеніи, то она дала подписку такого условнаго характера, что „мы и радыбъ присоедынитца православію, но ради угрозъ владѣльцовъ нашихъ не желаемъ".

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 463.

[2]) Ibid. № 41.

Угрозы состояли въ томъ, что кн. Іеронимъ Сангушко обѣщалъ отнять у громады приходскую церковь и обратить ее въ католическую каплицу, а княгиня, при проѣздѣ черезъ мѣстечко, громко всѣмъ говорила, что „кто пристанетъ на схизму, будетъ каранъ моцно безъ милости". Тотъ же князь велѣлъ въ с. Миньковцахъ взять изъ церкви чудотворную икону Богородицы [1]). Лица, завѣдывавшія возсоединеніемъ, въ своихъ донесеніяхъ о ходѣ этого дѣла сплошь и рядомъ заявляютъ, что „прихожане желаютъ присоединиться, но дѣдичи и поссессора до церквей ключей не отдаютъ и не допускаютъ, называя своими, почему оныя и припечатаны", что вообще „шляхетскихъ селъ никакъ добровольно пригласить къ присоединенію не можно, а потому и успѣвать вовся нѣтъ способа" [2]). Когда же, не смотря на всѣ ухищренія, церковь все таки присоединялась къ православію, помѣщикъ пользовался всякимъ, самымъ, казалось бы, ничтожнымъ обстоятельствомъ, чтобы возвратить ее въ прежнее состояніе и иногда, хоть временно, достигалъ цѣли. Случилось, напр., священнику, наблюдавшему приходъ въ одномъ селеніи кременецкаго уѣзда, поѣхать въ гости къ сосѣду. Помѣщикъ тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ этого прихода, отнялъ у „старшаго брата" (т. е. старосты) ключъ и опять обратилъ церковь въ унію, такъ что въ ней стало совершаться уніатское богослуженіе. Священникъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, и тотъ пріѣхалъ произвести на мѣстѣ разслѣдованіе. Но помѣщикъ отдалъ приказъ эконому и нѣсколькимъ подданнымъ выйти „къ церкви и плебанальному дому съ цѣпами, кіями и другимъ орудіемъ", дабы не допустить вторичнаго присоединенія церкви къ православію. Однако церковь не долго оставалась въ уніи и въ скоромъ времени, вѣроятно, при помощи земской полиціи, поступила снова въ вѣдѣніе православнаго причта. При этомъ епархіальное начальство предписало благочиннымъ наблюдать, чтобы впредь священники никуда не отлучались

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 41.

[2]) Ibid. № 26

изъ своихъ приходовъ [1]). Такимъ образомъ дѣло обошлось сравнительно довольно легко для священника: его интересы почти не пострадали. Подобныхъ случаевъ было особенно много въ дубенской округѣ. Мѣстный благочинный въ одномъ только 1798 году разослалъ болѣе тридцати бумагъ по этимъ дѣламъ въ нижній земскій судъ и разныя другія правительственныя мѣста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ паны должны были довольствоваться самымъ кратковременнымъ торжествомъ, такъ какъ церкви скоро вновь перешли въ православіе.

Не вездѣ подобныя дѣла оставались безъ замѣтнаго вліянія на положеніе духовенства. Гораздо чаще бывало такъ, что они затрагивали самые насущные его интересы. Панъ старался по возможности насолить священнику и лишить его тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыми онъ раньше пользовался. Такъ, въ силу давно установленнаго обычая, крестьяне давали священникамъ „роковщину", или, какъ по мѣстамъ ее называли, „скопщину" [2]). Кустинскій священникъ Бродовичъ, 13 лѣтъ состоявшій на приходѣ, все время безпрепятственно пользовался этимъ доходомъ, но по возсоединеніи помѣщикъ запретилъ прихожанамъ дѣлать въ пользу священника сборъ роковщины. Напрасно священникъ пожаловался своему начальству; дѣло отъ того нисколько не улучшилось. Наконецъ, „не имѣя никакой впредъ отрады", онъ просилъ перевести его въ другое мѣсто, но начальство утѣшило его увѣдомленіемъ, что „о претерпѣваемой имъ обидѣ сообщено гражданскому губернатору" и тѣмъ дѣло кончилось [3]). На ряду съ роковщиной другимъ главнымъ источникомъ къ пополненію священническаго бюджета служили доходы съ церковной земли. Къ умаленію этого источника и направлены были усилія пановъ. Нѣкоторые

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 105.

[2]) Роковщина въ разныхъ мѣстахъ имѣла различныя формы: крестьяне давали хлѣбъ либо зерномъ, либо снопами. Въ первомъ случаѣ обыкновенно каждый хозяинъ ежегодно давалъ „полкорца (т. е. два четверика) жита или другой пашни" (Арх. вол. дух. кон. № 81); во второмъ случаѣ давали „отъ полволоки снопов пятнадцать, а отъ четвертыны—снопов восемь". (ibid. № 543).

[3]) Арх. вол. дух. кон. № 445.

въ этомъ случаѣ дѣйствовали косвеннымъ путемъ, прикрываясь разными юридическими основаніями; другіе прямо, безъ обиняковъ, отнимали у священниковъ церковные „грунта“ и присоединяли къ своимъ владѣніямъ. Въ с. Темногайцахъ кременецкаго уѣзда помѣщикъ Сѣраковскій еще во времена уніи построилъ каплицу, снабдилъ ее землею „по шнуру въ каждую руку“ [1]) и приписалъ къ мѣстной церкви. Приходскій священникъ и пользовался этою землею. Во время возсоединенія помѣщикъ оставилъ каплицу за собой, обратилъ ее изъ изъ уніатской въ католическую, а землю, принадлежащую къ ней, отнялъ у священника. Брацлавская духовная консисторія, изображая опрометчивость послѣдняго, въ своемъ постановленіи говоритъ, что „нѣтъ уже и надежды каплицу на благочестіе присоединить, а посему оной проситель и резона не имѣетъ просить о грунтахъ“ [2]). Помѣщикъ Целецкій, также отнявшій часть церковной земли, оправдывался тѣмъ, будто эта земля еще въ 1791 году неправильно захвачена была священникомъ; слѣдовательно, онъ лишь возвратилъ принадлежащее ему по праву [3]). Но странно, почему онъ только въ 1795 году надумался возстановлять свои владѣльческія права, нарушенныя еще четыре года тому назадъ? Почему онъ молчалъ все это время и дозволялъ священнику свободно располагать частью своего имѣнія? Гораздо проще поступилъ владѣлецъ с. Войтовецъ чудновскаго повѣта графъ Илинскій; онъ не нуждался ни въ какихъ уловкахъ, ибо безъ дальнихъ разсужденій отнялъ всю землю у свящ. Назаревича, который, въ продолженіе двадцатилѣтняго пребыванія своего на приходѣ, безпрекословно ею пользовался. Священникъ безъ земли не могъ существовать и потому его перевели въ другое мѣсто, а церковь приписали къ сосѣднему селу [4]).

---

[1]) „Шнуръ“, или 6 дней пахоты, равняется 3—4 десятинамъ, а всего слѣдовательно десятинъ 10—12.

[2]) Арх. вол. дух. кон. № 601.

[3]) Ibid. № 54.

[4]) Ibid. № 454.

Хотя здѣсь духовенство и терпѣло матеріальный ущербъ, но честь и достоинство оставались при немъ и не подвергались униженію со стороны помѣщика. Были случаи, когда помѣщикъ не ограничивался нанесеніемъ имущественнаго вреда духовенству; ему было мало этого и онъ наровилъ еще всячески поиздѣваться надъ нимъ. Онъ пускалъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы сочинить что-нибудь поостроумнѣе. Таковъ былъ Людвикъ Бардецкій, владѣлецъ с. Авратина чудновской округи. По возсоединеніи онъ сталъ называть священника жидомъ, который отдалъ свою душу дьяволу. Такимъ же эпитетомъ чествовалъ и церковно-служителей. Дворовыхъ своихъ людей онъ не пускалъ къ исповѣди и причастію въ православную приходскую церковь, а отсылалъ въ любарскій базиліанскій монастырь. Онъ отнялъ у священника всѣ пахатныя и сѣнокосныя земли, присоединилъ къ своимъ и велѣлъ пахать крестьянамъ; при этомъ отдалъ имъ строжайшій приказъ—ни подъ какимъ видомъ, даже за плату, не давать священнику и церковно-служителямъ ни снопами, ни зерномъ хлѣба изъ предстоящаго сбора. Запретилъ также вывозить дрова для отопленія. Больше всего доставалось пономарю, какъ низшему члену клира; къ тому же онъ былъ, вѣроятно, изъ крѣпостныхъ. Наканунѣ пасхи помѣщикъ призвалъ его въ дворъ и вволю изругалъ не только его самого, но и его вѣру. Безмолвно выслушавъ все, пономарь просилъ, наконецъ, позволенія уйти, такъ какъ было время звонить къ вечернѣ. Тогда Бардецкій далъ приказъ принести конскіе шоры и самъ надѣлъ ихъ на шею пономаря; надѣта была именно та часть упряжи, которая, какъ показали крестьяне, называется „подогоніе“ [1]). Въ такомъ нарядѣ онъ велѣлъ довести его въ конюшню, поставить въ стойло и потребовалъ отправлять здѣсь благочестивую службу. Какъ ни принуждали пономаря, онъ, согласно наивному заявленію священника, при всемъ своемъ желаніи не могъ удовлетворить панской прихоти, потому что былъ совершенно негра-

[1]) Для незнакомыхъ съ принадлежностями конской сбруи напомнимъ, что польское слово *ogon* значитъ хвостъ; отсюда понятно, что́ такое „подогоніе“.

мотенъ. Помѣщикъ, вдоволь натѣшившись, отослалъ его пасти конское стадо и тотъ на другой день, т. е. въ свѣтлый праздникъ, вмѣсто исполненія своихъ причетническихъ обязанностей, отправился съ табуномъ лошадей въ поле. Не особенно жаловалъ панъ и дьячка. Придравшись за то, что онъ не заплатилъ денегъ въ „пропинацію или шинькъ“, помѣщикъ однажды насильно взялъ его изъ священническаго дома, всячески ругалъ, а наконецъ велѣлъ снять верхнюю одежду и посадить въ колоду. Ночью дьячекъ ушелъ изъ-подъ ареста и, должно быть, припоминая изъ библіи, что такія мѣста, какъ церковь, всегда пользовались правомъ убѣжища, разсчитывалъ скрыться въ притворѣ. Но нарочно посланные за нимъ шесть человѣкъ подданныхъ и тутъ нашли его, схватили, причемъ не обошлось безъ драки, и въ концѣ концовъ привели, въ изорванной рубахѣ, предъ грозныя очи помѣщика. Послѣдній приказалъ „нещадно бить его плетьми“, а потомъ посадилъ въ колоду, гдѣ и продержали дьячка болѣе сутокъ. Расправляться такимъ же образомъ съ священникомъ было нѣсколько затруднительно, но все таки и ему панъ угрожалъ побоями, приговаривая: „я бивалъ не только благочестивыхъ поповъ, но и архимандритовъ“ [1]).

Скорбь о потерянной политической независимости и ненависть къ новому режиму возбуждала пановъ не только къ издѣвательствамъ, но и къ ужаснѣйшимъ насиліямъ, жертвою которыхъ являлось возсоединенное духовенство. Ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ, надо объяснять звѣрское обращеніе помѣщика м. Краснополя житомирскаго уѣзда Гижицкаго съ протоіереемъ Зражевскимъ, который явился сюда для присоединенія прихожанъ. Совершивъ присоединеніе, протоіерей велѣлъ священнику на слѣдующій день служить и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ церковь. Какъ только началась литургія, вдругъ въ церковь врывается помѣщ. Гижицкій съ отрядомъ своихъ подданныхъ. Онъ хватаетъ антиминсъ съ престола, сбрасываетъ агнецъ съ жертвенника и велитъ пришедшему съ нимъ уніат-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 31.

скому попу совершать службу, а затѣмъ обращается къ протоіерею, ругаетъ его, поноситъ архіерея и издѣвается надъ православіемъ, называя его жидовскою вѣрою. Протоіерей хотѣлъ было возражать и защищаться, но на него напали, схватили и поволокли на площадь. Здѣсь помѣщикъ съ своими братьями, прибѣжавшими на эту сцену, стали бить и всячески терзать протоіерея; они рвали ему бороду, таскали за волосы, такъ что онъ дошелъ до безчувствія и не помнитъ, что съ нимъ было. Между тѣмъ помѣщикъ, въ увлеченіи дошедшій до крайней степени остервенѣнія, не зналъ, что дальше предпринять. Когда протоіерей очнулся, то услыхалъ, что помѣщикъ выражалъ желаніе или затравить его собаками, или повѣсить; онъ приказывалъ то звать собакъ, то принести веревку. Протоіерей сообразилъ, что смерть стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу: онъ залился слезами, палъ въ ноги помѣщику и сталъ просить у него помилованія. Тотъ, видно, былъ тронутъ мольбами старца, а можетъ быть, просто отлегло отъ сердца; во всякомъ случаѣ, звѣрское настроеніе его прекратилось и мысли приняли сатирическое направленіе. По требованію помѣщика, подали повозку, въ которой пріѣхалъ протоіерей, и онъ запрегъ протоіерея въ корень, а православнаго священника съ протоіерейскимъ секретаремъ въ пристяжныя. Поглумившись вдоволь онъ велѣлъ выпроводить ихъ за околицу. И вотъ протоіерей въ такомъ видѣ долженъ былъ отправиться во-свояси [1]).

IV.

Была еще одна сфера, на почвѣ которой происходили столкновенія между помѣщиками и священниками. Мы разумѣемъ экономическую сторону дѣла, которая, по видимому, столь далека отъ интересовъ вѣры. При всемъ томъ, церковно-религіозные мотивы примѣшивались и сюда, такъ что въ этихъ столкновеніяхъ мы можемъ замѣтить сплетеніе самыхъ разно-

---

[1]) Фактъ этотъ, заимствованный изъ арх. вол. дух. кон. № 4 за 1794 годъ, изложенъ о. Варваринскимъ въ „Вол. Еп. Вѣд.“ 1871 г. № 6.

родныхъ элементовъ. Чаще всего обнаруживался помѣщичій контроль по поводу той самой обыденной сдѣлки между священникомъ и прихожанами, которая извѣстна подъ именемъ „платы за требоисправленія“. Обыкновенно жалобы на священниковъ за пресловутое вымогательство подавались самими помѣщиками, или если и прихожанами, то подъ прямымъ вліяніемъ и непосредственнымъ руководствомъ помѣщиковъ. Нѣкая, напр., Златолинская жалуется архіерею на священника с. Тесова Кудржинскаго за то, что онъ не хотѣлъ хоронить бабы, пока не дадутъ ему вола. „Дневной грабежъ! возмутительное вымогательство!“ воскликнетъ всякій, не ознакомившійся съ дѣломъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что баба, имѣвшая одного только вола, завѣщала его передъ смертью на погребеніе. Громада должна была оцѣнить этого вола и продать; изъ вырученныхъ денегъ одинъ рубль употребить на устройство поминальнаго обѣда, а остальныя распредѣлить между братчиками и причтомъ, который, въ дополненіе ко всему, обязывался совершить двѣнадцать заупокойныхъ литургій [1]). По смерти завѣщательницы, ея воля была исполнена и громада оцѣнила вола. Священникъ, во вниманіе къ правамъ помѣщицы, предложилъ роднымъ отправиться къ ней съ воломъ и спросить, не пожелаетъ ли она купить его и заплатить деньги, положенныя громадой по оцѣнкѣ. Помѣщица взяла вола, но вовсе и не думала платить денегъ, а заявила, что она отдастъ его своему подданному, который также имѣетъ только одного вола [2]). Какъ ни почтенно стремленіе помѣщицы увеличить благосостояніе ея подданнаго, но оно внушено не какими-либо высокогуманными, альтруистическими побужденіями, а чисто эгои-

---

[1]) Это изъясненіе дѣла можно признать вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностію. До сихъ поръ еще зачастую дѣлаются подобныя завѣщанія. Какой-нибудь бодрый старикъ завѣщаетъ или деньги, или что нибудь изъ хозяйства, а то большею частью ульи съ пчелами на похороны. Деньги поступаютъ на храненіе въ церковь, а другіе предметы, еще при жизни старика, переходятъ въ вѣдѣніе причта. Иногда, задолго до смерти завѣщателя, пчелы, напр., изведутся, но онъ все таки считается свято исполнившимъ свой долгъ.

[2]) Арх. вол. дух. кон. № 586.

стическимъ разсчетомъ имѣть лишнюю рабочую силу, правоспособную къ отбыванію барщины. Отсюда и возникла жалоба на священника, будто онъ отказался погребать женщину, пока не получитъ за это вола. Подобнымъ же образомъ надо объяснять и обвиненія въ томъ, будто священникъ „безъ числа съ прихожанъ здирае за самоменше дѣло" [1]), или „że zdzierstwo nieznosnie czyni od gromady" [2]), тѣмъ болѣе что эти обвиненія нерѣдко не только не подтверждались, но на слѣдствіи открывалось нѣчто совсѣмъ противоположное, какъ это уже было указано раньше. Между тѣмъ мѣстные обычаи служили иногда весьма благодарной почвой для возникновенія такихъ обвиненій. Если, напр., прихожанинъ устраивалъ по извѣстному поводу обѣдъ и звалъ священника, то это уже считалось достаточной платой для него за совершеніе требы. Въ обвинительныхъ пунктахъ гориногродской громады встрѣчаемъ, между прочимъ, такой пунктъ: „Obiad gdy ktury z ludzi sprawuie na tym gdy iest batiuszka prucz jedzenia kaze sobie dać złot jeden, a u nas tego zwyczaju nie było" [3]).

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и воспоминаній достаточно извѣстно, какими жесткими, мучительными сѣтями крѣпостное право опутывало всю жизнь, всѣ отправленія быта крестьянина, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложилось оно даже на такую интимную область, какъ заключеніе брачныхъ союзовъ. Помѣщикъ не спрашивалъ у своихъ крѣпостныхъ объ ихъ сердечныхъ влеченіяхъ, а женилъ и выдавалъ замужъ по своему произволу, какъ ему вздумается; безъ его разрѣшенія приходской священникъ не могъ никого обвѣнчать, и по сю пору въ церковныхъ архивахъ, какъ грустное воспоминаніе о быломъ, хранятся массы помѣщичьихъ записочекъ, заключающихъ въ себѣ его согласіе на каждый въ отдѣльности бракъ между его подданными. Если-бы священникъ захотѣлъ нарушить эту пре-

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 651.

[2]) Ibid. № 543.

[3]) Арх. вол. дух. кон. № 657. Какъ ореографію, такъ и образъ выраженія этой ткрады оставляемъ на отвѣтственности составителя пунктовъ, который, какъ видно, былъ недостаточно силенъ въ польской грамотѣ.

рогативу панской власти, то помѣщикъ принималъ свои мѣры. Однажды священникъ с. Янковецъ житомирскаго уѣзда Кузьмицкій хотѣлъ было совершить бракъ противъ воли помѣщика. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ нѣсколько человѣкъ своихъ подданныхъ къ церкви,—и тѣ должны были стоять у входа съ кіями и во чтобы то ни стало не допустить заключенія брака; они имѣли полномочіе взять невѣсту даже отъ аналоя изъ церкви [1]). Тѣмъ болѣе противодѣйствія встрѣчали намѣренія и планы духовенства въ томъ случаѣ, когда подданная извѣстнаго помѣщика выходила замужъ въ другое село, или за человѣка вольнаго. Здѣсь не только нарушались права помѣщика, но наносился прямой ущербъ его экономическимъ интересамъ: онъ лишался рабочей силы, лишался своей собственности. Но такъ какъ подобныя закононарушенія происходили секретно, то предупредить ихъ не было возможности, а оставалось только заявить по начальству жалобу на дѣйствія священника. Такія жалобы, дѣйствительно, и встрѣчаются. Помѣщикъ с. Саличевъ новоградволынскаго уѣзда донесъ мѣстному епископу Варлааму, что свящ. Игнатовичъ самовольно обвѣнчалъ его дѣвку, которая къ тому же не православнаго, а католическаго вѣроисповѣданія, „а супругъ ея и не принадлежащій до никакого обряда". Священникъ откровенно сознался, что онъ дѣйствительно обвѣнчалъ отставного поручика Шилинда, по профессіи лѣсничаго, вѣроисповѣдоніе котораго ему неизвѣстно. Сдѣлалъ же это потому, что женихъ настойчиво просилъ его, увѣряя, что за это ничего не будетъ. Уличенный, кромѣ того, еще и въ другихъ подобныхъ же проступкахъ, священникъ былъ приговоренъ консисторіею къ слѣдующему наказанію: его оштрафовали положеніемъ ежедневно, въ продолженіе недѣли, по 25 земныхъ поклоновъ и мѣсячной монастырской епитиміей, но по манифесту 20 апрѣля 1801 года, изданному имп. Александромъ I вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ былъ освобожденъ отъ наказанія [2]).

---

[1]) Арх. вол. дух. коп. № 499.

[2]) Ibid. № 600

Къ этой же категоріи относится и довольно любопытное дѣло о женитьбѣ поповича с. Билашева дубенскаго уѣзда Спольскаго на крестьянской дѣвушкѣ, его односельчанкѣ, подданной Дунина-Карвицкаго. Чтобы подобный бракъ состоялся, женихъ долженъ былъ дать выкупъ помѣщику, заплатить, какъ тогда говорили, „куницу", или „куничныя деньги". Въ настоящемъ случаѣ помѣщикъ требовалъ пятнадцать червонцевъ, тогда какъ поповичъ могъ предложить всего четыре. Однажды онъ встрѣтился со священникомъ м. Воркoвичъ Пискуновымъ; зашла рѣчь о женитьбѣ, и поповичъ повѣдалъ ему свое горе. Но Пискуновъ повелъ успокоительный разговоръ, обѣщалъ помочь и, сославшись на то, будто онъ имѣетъ указъ духовнаго начальства, предписывающій вѣнчать такіе браки, выразилъ твердое желаніе благословить и этотъ бракъ. Въ условленный день, подъ вечеръ, онъ прибылъ въ с. Билашевъ. Вмѣстѣ съ отцомъ жениха Пискуновъ отправился къ родителямъ невѣсты; здѣсь, какъ кажется, все было улажено и браковѣнчаніе предположено совершить на слѣдующій день. Дѣло было поставлено такъ, чтобы показать видъ, будто все произошло помимо воли и даже совершенно безъ вѣдома родителей невѣсты. Отецъ ея долженъ былъ на это время совсѣмъ уѣхать изъ села на мельницу, понятно, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи была возможность выгородить его отъ отвѣтственности и неизбѣжныхъ придирокъ со стороны помѣщика. На другой день, призвавъ невѣсту въ домъ священника, Пискуновъ сказалъ:—„слыште, я имѣю дозволеніе отъ власти духовной бракъ благословить тебѣ, Мелашко, съ поповичемъ. Когда желаешь, ходить въ церковь; сповидь получите, по исповѣди обвѣнчаю васъ".—Не могу я того учинить, отвѣчала дѣвка, хотя такъ кажете, понеже панъ мой владѣлецъ не дозволяетъ быть мнѣ въ супружествѣ съ поповичемъ.—„Знай, опять началъ убѣждать Пискуновъ, тебя панъ отдасть за калѣку, или за кого схощетъ. Теперь маешь часъ иты за того, кого любышь. Ходить въ церковь, призовите люде"! И такимъ образомъ поповичъ былъ обвѣнчанъ. Помѣщикъ заявилъ, конечно, жалобу, дѣло тянулось долго, но кончилось ничѣмъ; самъ помѣщикъ, съ теченіемъ

времени, отказался отъ всякихъ претензій, выразилъ только нежеланіе имѣть этого поповича священникомъ въ своихъ владѣніяхъ. Дѣйствительно, архіерей отказалъ поповичу въ его просьбѣ по этому предмету [1]).

Принятый тогда порядокъ отбыванія воинской повинности сопряженъ былъ съ матеріальнымъ ущербомъ для помѣщиковъ. Отдавая въ рекруты молодаго парня, помѣщикъ навсегда долженъ былъ отказаться отъ всякихъ правъ на него, т. е. на его личность и трудъ. Естественно поэтому общераспространенное стремленіе помѣщиковъ воспользоваться сдачей въ рекруты, какъ мѣрой наказанія, или сбывать лишнихъ, вообще негодныхъ членовъ общества. Къ числу такихъ лицъ помѣщикъ относилъ и церковниковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ иногда бывало по нѣсколько человѣкъ при церкви; ихъ-то онъ и захватывалъ, подчасъ даже силою, для сдачи въ рекруты. Изъ-за этого происходили бѣгства церковниковъ изъ одной епархіи въ другую, а также столкновенія между помѣщиками и священниками. Тотъ самый помѣщикъ Каминьскій, который грозилъ убить „попа, какъ собаку", напалъ ночью съ войтомъ и десятниками „гвалтовно" на его домъ, выбилъ окошко, поотбивалъ въ жиломъ домѣ замки, а въ „коморѣ" разбилъ дверь, шарилъ по всѣмъ угламъ, искалъ церковника, чтобы схватить его въ солдаты, а наконецъ грозилъ сжечь всю усадьбу церковную. По заявленію священника, земскій судъ назначилъ слѣдствіе при двухъ духовныхъ депутатахъ и, допустивъ много неправильностей, сдѣлалъ самого же потерпѣвшаго во всемъ виновнымъ; только разъясненіе священникомъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій суда дало ему возможность оправдаться предъ своимъ начальствомъ [2]). Подобнымъ же образомъ помѣщичьи приказчики съ восемью дворовыми людьми напали, во время литургіи, на церковь въ с. Порохнѣ староконстантиновскаго уѣзда, произвели большое смятеніе и съ крикомъ вытащили за волосы одного молодаго парня. Это было во время рекрутскаго на-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 654.

[2]) Ibid. № 621.

бора, но къ сожалѣнію, слѣдствіе по этому дѣлу не производилось и потому подробности его неизвѣстны [1]).

Въ ряду даней, собиравшихся помѣщиками съ крѣпостныхъ, была одна, носившая названіе „очкове“, или „десятина“, и подлежали ей только владѣльцы пасѣкъ. Состояла она въ томъ, что десятый улей, по выбору помѣщика, поступалъ въ его пользу и тутъ же уничтожался на медъ. Духовенство, которое почти всегда, въ числѣ другихъ угодій, получало и хуторъ для помѣщенія своей пасѣки, обыкновенно освобождалось отъ этой дани. Южно-русскій пасѣчникъ—крестьянинъ, такъ любовно относящійся къ своей работницѣ—пчелѣ, не могъ равнодушно видѣть ея безпощадного истребленія, и вслѣдствіе этого ему трудно было избавиться отъ искушенія пристроить своихъ пчелъ такъ, чтобы укрыть ихъ отъ зоркихъ очей помѣщика. Такимъ надежнымъ, по его мнѣнію, убѣжищемъ являлась пасѣка священника. Но взоръ помѣщика, тѣмъ или другимъ путемъ, проникалъ и сюда—и тогда уже всѣ безъ разбора ульи поступали въ его пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ заявлялъ на священника жалобу за укрывательство чужихъ пчелъ. Такъ было въ с. Бражинцахъ лабунскаго уѣзда, гдѣ священникъ Корниловичъ держалъ у себя три улья пчелъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ крестьянамъ. Хотя онъ и объяснялъ дѣло тѣмъ, что въ этихъ ульяхъ находились подаренные имъ по разнымъ поводамъ рои, которые имѣли оставаться въ его пасѣкѣ только до осени, но это нимало не помогло: пчелы давно уже были уничтожены [2]).

На защиту интересовъ крестьянъ съ этой же стороны вздумалъ было выступить и свящ. с. Пашукъ заславскаго уѣзда Голиновскій. Село это составляло владѣніе Городищскаго кармелитанскаго монастыря, на мѣстѣ котораго помѣщается въ настоящее время женскій православный монастырь. Однажды экономъ вмѣстѣ съ двумя дворовыми пасѣчниками отправился ревизовать крестьянскія пасѣки съ тѣмъ, чтобы получить съ

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 620

[2]) Ibid. № 655.

нихъ слѣдуемую десятину. Зашелъ онъ между другими въ усадьбу Михалюка, гдѣ былъ священникъ съ шестью крестьянами. Когда онъ считалъ ульи, хозяинъ сталъ доказывать, что онъ не долженъ бы давать десятины, такъ какъ его пасѣка находится не въ лѣсу, а на его же усадьбѣ. Экономъ не обратилъ вниманія на это заявленіе и требовалъ слѣдуемой дани; но тутъ возвысилъ голосъ священникъ и съ апломбомъ заявилъ, что никто, кромѣ самаго пасѣчника, не долженъ засматривать въ ульи и считать ихъ.—„Minęły czasy abyscie sami sobie wybierali. Dosyc iuz waszego panowania! Do mnie teraz pasieki nalezą nie do skarbu". Обращаясь затѣмъ собственно къ эконому, онъ сталъ его прогонять и ругать.—Won skurwy synu, szelmo, kanalio, piiaku, złodzieiu, czarowniku, bestyo, rakaszu! Nie będziesz tutay roskoszował, wysadziłem ja jednego, wysadze y ciebie, poydzesz precz". Вслѣдъ затѣмъ произошла драка, въ результатѣ которой оказалась жалоба на священника, подкрѣпленная довольно интереснымъ письмомъ на латинскомъ языкѣ, которое было послано архіерею о. кармелитами. Но впослѣдствіи священникъ удовлетворилъ истцовъ и на запросъ начальства отвѣтилъ, что онъ живетъ съ ними въ мирѣ [1]).

До какой мелочности вообще доходили обвиненія помѣщиковъ можно видѣть изъ одной жалобы, въ которой, въ числѣ другихъ претензій къ священнику, указывалось на то, что онъ держитъ „постороннюю водку и частуетъ ею крестьянъ" [2]).

Да и чего только не натерпѣлось въ ту эпоху духовенство! Онъ такъ невысоко стояло въ культурномъ, правовомъ, соціальномъ, экономическомъ и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, что ничего не стоило совершенно безнаказанно оскорбить его. Вотъ, напр., что было съ священникомъ с. Голубного ровенскаго уѣзда Новоселецкимъ. Поручикъ рижскаго полка Евреевъ самовольно занялъ въ его домѣ квартиру. Священникъ

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 443.

[2]) Ibid. № 499.

воспротивился этому и сослался на Высочайшіе указы, которыми священическіе дома освобождены отъ постоя. Но это нисколько не смутило военнаго героя. Онъ тотчасъ велѣлъ взять священника „подъ калауръ", связать его и затѣмъ привязать „въ корчемныхъ жидовскихъ сѣняхъ до столпа". Привязанный священникъ часа два простоялъ такимъ образомъ. Кто знакомъ съ внѣшнимъ видомъ еврейскихъ корчемъ въ юго-западномъ краѣ, тотъ легко можетъ представить себѣ, что это за картина была, когда служитель религіи, точно преступникъ, стоялъ у позорнаго столба, для потѣхи праздныхъ зѣвакъ. Священникъ пробовалъ было заявить жалобу на такое самоуправство, и благочинный въ октябрѣ 1796 года дѣйствительно донесъ объ этомъ фактѣ волынской духовной консисторіи. Но только чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1806 году, здѣсь обратили вниманіе на это дѣло и постановили, что такъ какъ свящ. Новоселецкій „доселѣ никакого дальшаго иску не имѣлъ за причиненную ему обиду", то дѣло прекратить и сдать въ архивъ въ числѣ рѣшенныхъ дѣлъ [1]).

Все это было возможно только благодаря тому, что духовенство, какъ въ тискахъ было сжато всевозможными опеками; въ духовную среду ни откуда не вносилось элементовъ возвышающихъ, облагороживающихъ ее. Но даже и при этихъ условіяхъ является безпримѣрнымъ безобразный поступокъ клинецкаго эконома Моравскаго съ двумя священниками, да еще и благочинными. По откровенному объясненію самихъ потерпѣвшихъ, дѣло произошло такимъ образомъ. Моравскій обѣщалъ благочинному Луцкевичу дать „корецъ гречки и работницу въ услуженіе". Взявъ съ собою благоч. Высоцкаго, Луцкевичъ и отправился къ Моравскому за обѣщанными подарками. Началось угощеніе и всѣ выпили преизрядно, чего не скрываютъ и о.о. благочинные. Они прямо заявляютъ, что выпили до излишества, но имѣя въ виду снять съ себя часть отвѣтственности, добавляютъ, что сдѣлали это „первѣе по его (т. е. Моравскаго) ласкательному убѣжденію, а затѣмъ и принужденію". Въ раз-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 570.

говорѣ зашла рѣчь объ иконѣ свят. Николая, находящейся въ придворной каплицѣ. Моравскій увѣрялъ, что она „чудовная", но Высоцкій усумнился въ этомъ.—„Еслибы она была чудовная, то бы не раскололась",—такъ аргументировалъ онъ свое сомнѣніе. Надо замѣтить, что Высоцкій еще раньше проявлялъ радикализмъ въ этомъ направленіи. Когда-то онъ проѣзжалъ близъ с. Гуничъ овручскаго уѣзда и здѣсь, вблизи „каплички", лежала при дорогѣ статуя католическаго святаго (вѣроятно Яна). Эту-то статую, которая будто бы была разбита „донцами", онъ вмѣстѣ съ ѣхавшимъ съ нимъ мальчикомъ, проходившимъ науку у дьячка, вымазалъ дегтемъ. При всемъ томъ весьма возможно, что и Луцкевичъ вставилъ въ разговоръ объ иконѣ нѣсколько своихъ словъ. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ оба эти священника оказались жестоко высѣченными. Сперва Моравскій принялся за Луцкевича и сѣкъ его плетьми „до своего удовольствія", а потомъ тоже самое продѣлалъ и съ Высоцкимъ. Послѣдній чувствовалъ себя крѣпко оскорбленнымъ и выразилъ твердое намѣреніе жаловаться, но Луцкевичъ удержалъ его отъ этого. Онъ находилъ, что въ этомъ случаѣ даже стыдно подавать жалобу, и разсчитывая сохранить все въ секретѣ, рѣшилъ претерпѣть „Христа ради". Но секретъ случайно обнаружился, и епископъ Варлаамъ потребовалъ обоихъ священниковъ къ отвѣту. Онъ объявилъ Луцкевичу строжайшій выговоръ и взялъ подписку, „дабы впредь получше памятовалъ святость іерейскаго сана и особо возложеннаго на его званія, а потому и велъ бы себя осторожнѣе и благоговѣйнѣе". Вмѣстѣ съ тѣмъ за безчестіе и побои онъ велѣлъ подать жалобу на Моравскаго. Относительно же другаго священника Варлаамъ написалъ слѣдующую резолюцію: „нанесенное Римскія церкви святынѣ съ вѣдома и допущенія іерея Высоцкаго поруганіе можетъ причинить величайшія мнѣ и консисторіи безпокойства. За таковъ поступокъ наказать его поклонами, коими однако онъ не отдѣлается, естли паче чаянія взойдетъ на его отъ католиковъ представленіе [1])".

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 562.

Несомнѣнно, что во всей этой печальной, а въ то же время и комической, исторіи виноваты сами священники, допустившіе себя до состоянія невмѣняемости и потому совершенно напрасно сочинившіе, для собственнаго успокоенія, софизмъ будто они терпятъ Христа ради. Но во всякомъ случаѣ это фактъ довольно замѣчательный. Значитъ, со стороны, напр., Бардецкаго было не пустое хвастовство, когда онъ говорилъ, что „бивалъ не только поповъ, но и архимандритовъ!“ А слѣдовательно, рука помѣщиковъ дѣйствительно была тяжела для духовенства не только въ переносномъ, но въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ.

В. Храневичъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Возвращаюсь къ прежнему. Я упомянулъ, что спутникомъ моимъ изъ Кіева въ Ровно былъ какой то частный учитель К—скій. Оказалось, что онъ не случайно ѣхалъ со мною, а имѣлъ порученіе при помощи знакомства со мною сблизиться съ учениками гимназіи и вліять на нихъ въ духѣ возрожденія Польши. Въ это время кромѣ капеляна-старичка, всѣ учителя, гимназіи были русскіе, за исключеніемъ трехъ учителей языковъ протестантовъ. Покамѣсть я жилъ въ домѣ Луковскаго съ учителемъ Сохансвимъ, К—скій былъ у меня не былѣе двухъ разъ въ теченіи года; но когда я перешелъ въ качествѣ надзирателя въ казенное помѣщеніе въ общихъ квартирахъ, К—скій сдѣлался ежедневнымъ моимъ гостемъ. Это меня стѣсняло, хотя онъ никогда не оставался болѣе получаса. Сначала я ничего не подозрѣвалъ. Но потомъ сталъ замѣчать, что К—скій входитъ ко мнѣ только для вида, а предварительно шмыгаетъ по учебнымъ комнатамъ, и во время гуляній на гимназическомъ дворѣ бесѣдуетъ съ учениками высшихъ классовъ. На вопросъ мой: откуда у него знакомство съ учениками? Онъ отвѣчалъ, что онъ часто видится съ ихъ родителями, которые посредствомъ него передаютъ дѣтямъ своимъ поклонъ, посылки и порученія. Вслѣдъ за тѣмъ я сталъ находить у учениковъ польскія историческія книги и узналъ, что имъ подноситъ ихъ К—скій. Отобравши эти книги, я отослалъ ихъ К—скому съ просьбою

1) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 8.

не смѣть болѣе являтся ни ко мнѣ, ни въ общія квартиры. Въ отвѣтъ на это я получилъ вызовъ на дуэль. Пришлось обо всемъ сообщить директору Траутфеттеру. Полиція сдѣлала К—скому внушеніе, и онъ, по совѣту поляка городничаго Петре, куда то уѣхалъ, и я съ нимъ болѣе не встрѣчался.

При началѣ крымской войны, да и вообще въ прежнее время, въ обращеніи было масса золотой и серебряной монеты. Полуимперіалъ стоилъ 5 р. 15 к. на серебро. Когда же начиналась война полуимперіалъ упалъ до 5 рублей. Евреи мѣняли охотно безъ лажа за кредитные билеты. Казначейство наполнилось золотомъ. Чиновникамъ все жалованье отпускалось золотомъ. Въ гимназическомъ сундукѣ въ казначействѣ хранилось болѣе 8000 золотомъ. Вдругъ золото стало подниматься въ цѣнѣ. На границѣ поймали нѣсколько евреевъ, перевозившихъ боченки золота въ Австрію. Попался, какъ говорили, винницкій казначей, промѣнявшій евреямъ все золото изъ казначейства на фальшивыя кредитки. Появилось множество фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Особенно много было польскихъ рублевыхъ билетовъ, обращавшихся въ волынской губерніи. Директоръ Р—нко вмѣстѣ съ инспекторомъ Т—вымъ и учителемъ Петромъ К—ко отправились въ казначейство и забрали все хранившееся въ гимназическомъ сундукѣ золото, оставивъ вмѣсто него кредитки, особенно польскія. Кое что перепало Т—ву и К—ку; но вся сумма перешла къ Р—ку, который успѣлъ продать евреямъ золото по 5 рб. 75 кп. и заработалъ на немъ нѣсколько тысячъ рублей. При полученіи жалованья учителя стали просить золота, спрашивали: куда изъ сундука дѣвалось золото? Р—нко грозно объявилъ, что это надлежитъ вѣдать начальству, что подобные вопросы указываютъ на неуваженіе къ начальству, что неуваженіе можетъ пахнуть бѣлою лентою черезъ плечо, особенно въ настоящее военное время. Пошли пожертвованія на войну со стороны дворянства. Р—ко. При выдачѣ жалованья учителямъ, объявилъ, что всѣ теперь жертвуютъ, что тотъ измѣнникъ отечеству и врагъ Государю, кто не жертвуетъ, и сталъ удерживать изъ мѣсячнаго жалованья каждаго по пяти рублей.

Отставной солдатъ, директорскій сторожъ, жена котораго занималась стиркою бѣлья у учителей, получилъ въ сосѣднемъ съ квартирою директора гимназическомъ домѣ учительское помѣщеніе. Жена его стирала бѣлье на все семейство Р—ки и его прислугу. Сторожъ пользовался казенными дровами. Отъ неумѣренной топки печей у сторожа загорѣлось въ трубѣ. Въ томъ же домѣ помѣщался учитель словесности Солтановскій съ семействомъ.

Онъ былъ на урокахъ, когда загорѣлось. Дали знать въ гимназію. Прибѣжавшіе нѣсколько сотъ учениковъ успѣли потушить пожаръ; но у Солтановскаго оказалось много порчи въ посудѣ и мебели, которыя выбрасывались черезъ окна на улицу. Въ общихъ квартирахъ и классахъ между тѣмъ топили со страшной экономіей. Въ нихъ было холодно и сыро. На урокахъ и ученики и учителя кутались въ шинели и имѣли на ногахъ калоши. Р—ко продолжалъ порядокъ, заведенный еще Траутфеттеромъ,—отапливать зданіе гимназіи соломой. Вскорѣ послѣ перваго пожара ночью сгорѣли сараи, принадлежащіе гимназіи, и находившіеся между домомъ, въ которомъ жилъ директорскій сторожъ, и двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ подъ гонтой, называемымъ оранжереей, въ которомъ помѣщалось нѣсколько учительскихъ квартиръ, приходское училище и на второмъ этажѣ гимназическая библіотека. Пожаръ произошелъ отъ того, что сторожъ съ женой поздно вечеромъ собирали повѣшенное на чердакѣ для просушки бѣлье Р—ко. Ходили безъ сомнѣнія со свѣчею, тамъ же ее зажигали, и такимъ образомъ запустили въ разный валявшійся тамъ хламъ огонь. Въ сараѣ ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ гимназическихъ скамеекъ и директорской дорожной кареты. Карету спасли, зданіе сгорѣло до тла. Загорѣлось помѣщеніе, въ которомъ жилъ Солтановскій; ученики успѣли вынести изъ его квартиры все его имущество и сложили въ переулкѣ во рву безъ всякаго присмотра, такъ какъ испуганная жена Солтановскаго съ груднымъ ребенкомъ бѣжала къ сослуживцамъ, а Солтановскій, какъ библіотекарь, посланъ былъ Р—ко въ библіотеку съ приказаніемъ спасать книги по первому требованію

Р—ка. Зданіе оранжереи нѣсколько разъ загоралось и было спасено самоотверженностью ученика VI класса Леванды, который съ топоромъ въ рукахъ приказалъ себя держать товарищамъ за ноги, а самъ, вися въ воздухѣ, изъ слуховаго окна рубилъ балку, лежавшую на карнизѣ окна и уже пылавшую. Отъ нея огонь сталъ сообщаться крышѣ. Огненные языки отъ близь лежащаго сарая достигали балки и Леванды; на немъ обгорѣло платье; но ему удалось обрубить горѣвшую балку и скинуть ее внизъ на землю. Этимъ зданіе было спасено отъ огня, особенно послѣ того, какъ Леванда, бросился на крышу и вездѣ по краю обрубилъ тлѣвшую гонту и сбросилъ ее внизъ. Р—ко послалъ на словахъ приказаніе Солтановскому выносить библіотеку въ смежный клубный садъ. Такъ какъ въ библіотеку тѣснились евреи и всякіе темные люди, искавшіе наживы, то Солтановскій поставилъ изъ учениковъ стражу при дверяхъ и на лѣстницѣ съ приказаніемъ прогонять постороннихъ. Другіе же ученики въ простыняхъ, изъ общихъ квартиръ таскали книги въ садъ, гдѣ тоже поставлена была изъ учениковъ стража. Солтановскій объявилъ ученикамъ, что онъ отвѣчаетъ за всякую пропавшую книгу и просилъ ихъ поберечь и книги и его самого. Книги уже выносили, когда лакей Р—ки по лѣстницѣ поднялся къ окну библіотеки и вышибши окно, закричалъ: скорѣе, скорѣе виносите! Баринъ приказалъ. Уже загорается крыша. Пожаръ былъ раннею весною въ темную холодную безлунную ночь. Солтановскій, по выносѣ книгъ, отправился въ садъ сторожить ихъ, такъ какъ иззябшіе ученики стали расходиться. Р—ко никого не послалъ ему въ помощь. Ученики явились по зову Солтановскаго и по его распоряженію принесли простыни. Къ утру сталъ накрапывать холодный дождь. Солтановскій въ одномъ легкомъ пальто, въ которомъ успѣлъ выскочить изъ своей квартиры во время пожара, оставался въ темнотѣ одинъ при кучѣ книгъ и промокъ до нитки. Онъ не зналъ, что дѣлается съ его имуществомъ. Оказалось, что еврей портной, занимавшійся мелкою починкою въ общихъ квартирахъ, видя всю мебель и рухлядь Солтановскаго сваленными въ переулкѣ во рву, по собственному доброму побужденію, взялся охранять ихъ.

Когда опасность миновала — всѣ разбрелись и Р — ко первымъ отправился спать, не сдѣлавши ни какихъ распоряженій на счетъ библіотеки, которая была вынесена по его приказанію, и не любопытствуя даже узнать, гдѣ сложены книги, и кто ихъ охраняетъ. Едва въ девять часовъ Солтановскому, окоченѣвшему отъ холода, удалось поймать гимназическаго сторожа, проходившаго къ женѣ черезъ клубный садъ на завтракъ. Посланный Солтановскимъ сторожъ привелъ опять учениковъ съ простынями, и книги внесены были и свалены на полу въ кучу. Такъ какъ это былъ день воскресный и дежурство Солтановскаго въ общихъ квартирахъ, то онъ при помощи учениковъ, внесши и свои вещи изъ переулка въ квартиру, не передѣваясь отправился дежурить въ общія квартиры. Часа въ два явились директоръ и инспекторъ. На заявленіе Солтановскаго, что онъ нуждается въ отдыхѣ, что нельзя ли его на эти сутки замѣнить другимъ, что ему нужно разобраться съ своими вещами, которыя чуть ли не всѣ переломаны, испорчены дождемъ и грязью или расхищены, директоръ Р—ко отвѣчалъ, что это къ службѣ не относится, что Солтановскій за дежурство въ общихъ квартирахъ черезъ сутки получаетъ 200 руб. вознагражденія, дежуритъ не даромъ, кажется, замѣнить его не кѣмъ. А между тѣмъ легко было командировать на сутки одного изъ гимназическихъ надзирателей, ничего не дѣлавшихъ по случаю воскреснаго дня. На замѣчаніе Солтановскаго о той поспѣшности и суматохѣ, которою сопровождалась въ ночное время выноска книгъ, Р—ко грозно объявилъ: за пропажу вы сами и отвѣтите своимъ жалованьемъ. Вамъ никто не велѣлъ выносить книгъ. Нужно было ждать моего приказанія. Да вѣдь вы прислали это приказаніе черезъ Ивана К—ка, а затѣмъ лакей вашъ, взобравшись по лѣстницѣ и вышибивъ окно, вашимъ именемъ приказалъ поскорѣе спасать книги, такъ какъ загорается зданіе. К—ку Ивану, отвѣчалъ Р—ко, я не дѣлалъ никакихъ порученій и кажется даже не видѣлъ его на пожарѣ, а лакея вамъ не слѣдовало слушать, вы должны были ждать письменнаго распоряженія. Ваша рухлядь гроша не стоитъ. Можете быть покойны, ее описывать не станутъ. Отвѣтите сво-

имъ жалованьемъ! И такъ за безвозмездное завѣдыванье библіотекой, за потерю почти всей рухляди, за благоразумныя распоряженія при выносѣ книгъ изъ загорѣвшагося зданія, за понесенныя въ эту ужасную ночь труды полученъ былъ одинъ только высокомѣрный выговоръ съ угрозой денежнаго взысканія. Р—ко вслѣдъ за пожаромъ вошелъ къ попечителю съ ходатайствомъ о выдачѣ ему пособія въ 500 рублей, такъ какъ все его имущество, оставшееся, будто бы, не распакованнымъ сгорѣло въ сараѣ. Ему выдано было 450 рублей, затѣмъ онъ донесъ, что учитель словесности Солтановскій, завѣдующій библіотекой, вопреки его Р—ка приказанію, вынесъ всѣ книги въ клубный садъ изъ зданія, которому не угрожала опасность. Книги всю ночь валялись въ саду безъ досмотра, и вѣроятно добрая половина ихъ была расхищена во време ночной суматохи. Черезъ двое сутокъ послѣ пожара Солтановскій одинъ, безъ посторонней помощи принялся за разборъ и установку книгъ на полкахъ по отдѣламъ и каталогамъ. Эта работа длилась два съ половиною мѣсяца. Нужно было работать въ сырой, холодной, нетопленной комнатѣ; ползать по полу, лазить по лѣстницамъ; работать до полуночи, потому что утро занято было уроками. Работа совершалась черезъ каждыя сутки, проводимыя Солтановскимъ на дежурствѣ въ общихъ квартирахъ. Ученики гимназіи оказались на столько благородными и добросовѣстными, что всѣ книги найдены были въ цѣлости, за исключеніемъ трехъ ничтожныхъ брошюръ, стоимостью въ 60 к., вѣроятно затоптанныхъ ночью въ грязь. Р—ко вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на жительство, гдѣ по слухамъ вскорѣ опредѣленъ былъ цензоромъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и за отличіе пожалованъ прямо орденомъ Станислава I степени. Т—въ, заступившій мѣсто Р—ко, донесъ о состояніи библіотеки. Послѣдовало распоряженіе исключить три брошюры въ 60 коп. изъ капиталовъ, не взыскивая стоимость ихъ съ библіотекаря Солтановскаго. За свои потери и труды Солтановскій не удостоился даже простой благодарности. Между тѣмъ напряженная работа безъ отдыха, холодъ и сырость въ библіотекѣ и сознаніе сдѣланной

Солтановскому обиды, были причиною жестокой лихорадки, уложившей его на три недѣли въ кровать. Такъ какъ по болѣзни онъ не могъ самъ исполнять обязанностей дежурнаго надзирателя въ общихъ квартирахъ, то часть его очередей принялъ на себя его сослуживецъ, надзиратель и учитель Зражевскій, которому послѣ пришлось уплатить днями дежурствъ, а часть исполнены были гимназическимъ надзирателемъ, которому Т—въ выдалъ по рублю сер. за дежурство изъ жалованья Солтановскаго.

Т—въ кончилъ всего шесть классовъ гимназіи, и Л—въ объявилъ ему, что представленіе его въ директоры можетъ потерпѣть фіаско въ министерствѣ. Будь Т—въ изъ военныхъ, да еще съ раною, тогда можно было бы уладить дѣло, а теперь почти невозможно. Но Л—въ посовѣтовалъ Т—ву посредствомъ Любомирскихъ похлопотать у польскихъ магнатовъ, чтобы они просили В—ва написать министру сверхъ представленія письмо, что Т—въ своею педагогическою полезною дѣятельностью заслужилъ всеобщую любовь родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ Ровенской гимназіи, что назначеніе его директоромъ они почли бы за особенную къ нимъ милость правительства, и были бы увѣрены, что дѣти ихъ воспитываются подъ надежнымъ руководствомъ и надзоромъ. Любомирскіе переговорили съ панами и получили ихъ согласіе. Писать долженъ былъ князь Сангушко, извѣстный милліонеръ, владѣлецъ Славутскаго имѣнія и многочисленныхъ заводовъ и фабрикъ. Сангушко просилъ представить ему отъ имени всѣхъ магнатовъ сочиненное на французскомъ языкѣ письмо, для подписи. Т—въ сочинилъ письмо по русски; на французскій языкъ перевелъ его учитель французскаго языка Лемпъ. Это письмо, подписанное Сангушко, Т—въ отправилъ В—ву и мѣсяца черезъ $1^1/_2$ былъ назначенъ директоромъ Ровенской гимназіи.

Не смотря на все полонофильство Т—ва, мелкопомѣстные помѣщики, арендаторы, оффиціалисты и чиновники, воспитывавшіе дѣтей въ Ровенской гимназіи, крайне были смущены и недовольны назначеніемъ его директоромъ гимназіи. Они знали его, какъ взяточника и вымогателя, лишеннаго высшаго обра-

зованія. Они возмущены были продѣлкой магнатовъ и Сангушки. Магнаты никогда не воспитывали своихъ дѣтей въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они, послѣ домашняго воспитанія, отправляли дѣтей оканчивать образованіе въ Краковскій университетъ, въ Парижъ, Италію или Швейцарію. Во время вакацій Т—въ поѣхалъ въ Кіевъ благодарить князя В—ва и Л—ва и повезъ съ собою своего друга, учителя Петра К—ко. Послѣ вакацій получено распоряженіе о назначеніи К—ка инспекторомъ гимназіи, не смотря на то, что онъ пользовался всеобщею ненавистью и товарищей и учениковъ, былъ плохимъ учителемъ и безсовѣстно бралъ взятки. Невгодовъ и Епифановичъ, служившіе давно уже и притомъ съ похвалой, были сильно оскорблены этимъ назначеніемъ. Всѣмъ оно пришлось не по душѣ, такъ что съ первыхъ же дней начальство гимназическое, директоръ и инспекторъ, оказались въ самомъ ненормальномъ и враждебномъ отношеніи къ заведенію, которымъ они должны были руководить.

Т—въ и К—ко раздѣлили между собою управленіе Ровенской гимназіей. Т—въ принялъ на себя хозяйственную часть; Петръ Дмитріевичъ К—ко педагогическую и дисциплинарную. У учителей на урокахъ ни тотъ, ни другой никогда не бывали. Хозяйственную свою дѣятельность Т—въ началъ съ ремонтировки своего помѣщенія, зданія гимназіи и перемѣны подрядчика въ общихъ квартирахъ—Келбша. Келбшъ, отставной капитанъ, полякъ, продовольствовалъ общія квартиры въ теченіи многихъ лѣтъ, чуть ли не съ основанія ихъ. Продовольствовалъ онъ добросовѣстно, всегда поставляя свѣжую провизію. Но гимназическія власти въ лицѣ директора и инспектора становились все требовательнѣе и вымогали отъ него болѣе, чѣмъ онъ могъ давать. Послѣ перваго мѣсяца продовольствія директорскаго дома при новыхъ условіяхъ Келбшъ объявилъ себя банкротомъ и отказался продовольствовать общія квартиры. Т—въ принялъ вмѣсто Келбша подрядчикомъ какого то еврея изъ Дубно. Этотъ еврей и зимою и лѣтомъ говядину возилъ на простыхъ возахъ, ничѣмъ неприкрытую, пыльную, грязную и вонючую изъ Дубно, верстъ за сто отъ Ровно. Эта говядина сваливалась го-

рою въ ледникъ или анбаръ и служила для продовольствія квартиръ въ теченіи цѣлой недѣли до новаго транспорта. Директору и инспектору, разумѣется, доставлялась другая свѣжая провизія. Ученики ничего не хотѣли ѣсть, съ трудомъ нѣкоторыхъ удавалось принудить сидѣть за столомъ. Т—въ и жена его выходили, пробовали, находили все отличнымъ, и объявляли буфетчику, что это все капризы и фантазіи надзирателей, что они еще взбунтуютъ учениковъ. Дѣти довольствовались чаемъ, какой нибудь кашей, и разными печеніями, покупаемыми у разносчиковъ, торчавшихъ вѣчно на гимназическомъ дворѣ. За право торговли печеніями на гимназическомъ дворѣ пекари платили Т—ву опредѣленную пенсію. Доносы десятками сыпались въ округъ. Явился наконецъ для разслѣдованія инспекторъ казенныхъ училищъ изящный М—скій. Я увѣренъ, что у Т—ва онъ не взялъ взятки. Но видя связи Т—ва съ польскою аристократіею, тогда всесильною, и не желая ссориться съ Л—вымъ, онъ ничего не открылъ. Все оказалось, какъ должно, а доносъ фальшивымъ. М—скій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Любомирскихъ въ обществѣ знати. Тамъ ему и внушили, что все это пустяки, что Т—въ отличный директоръ. Для очистки совѣсти М—скій явился въ столовую, попробовалъ кушанья, нашелъ ихъ отличными, и дѣйствительно онѣ были отлично приготовлены изъ свѣжей провизіи. Потомъ вдругъ обратился къ надзирателю и учителю Солтановскому и громко, чтобы всѣ дѣти слышали, улыбаясь Т—ву, спросилъ; „скажите, правду, это всегда такъ кормятъ, или это только ради моего пріѣзда“? Солтановскій отвѣчалъ: „я причастенъ къ лицамъ наблюдающимъ, при томъ я одинъ могу ошибаться. Спросите учениковъ, ихъ показаніе будетъ вѣрнѣе“. М—скій сдѣлалъ гримасу и отошелъ, не спросивъ учениковъ. Вѣроятно, Т—въ представилъ М—скому Солтановскаго, какъ поджигателя, возбуждающаго учениковъ протестовать противъ продовольствія. Мнѣ, впрочемъ, послѣ разсказали, будто бы дѣло это и князья Любомирскіе и Т—въ перенесли на политическую почву. Келбшъ былъ полякъ, служилъ въ молодости въ польскомъ войскѣ, отличался патріотизмомъ; живя на одномъ

дворѣ съ учениками, имѣлъ на нихъ нехорошее вліяніе. За это Т—въ его устранилъ. Но устраненіе его вызвало неудовольствіе въ ученикахъ, которые стали придираться къ новому подрядчику безъ всякихъ основаній. Солтановскій, конечно, не сочувствуетъ ничему польскому, но изъ угожденія ученикамъ, желая пріобрѣсти у нихъ популярность, присоединился къ ихъ протестамъ и даже самъ сталъ науськивать учениковъ на подрядчика. Конечно, этому М—скій не вѣрилъ; но это дало ему воможность извернуться въ щекотливомъ дѣлѣ. Солтановскаго оставили на мѣстѣ, можетъ быть, опасаясь, чтобы онъ снова не поднялъ этого дѣла. По выѣздѣ М—скаго опять пошли прежніе порядки. Дѣти были возбуждены, и потеряли вѣру въ начальство, послѣ изслѣдованій М—скаго продовольствіе ничуть не улучшилось. Въ ожиданіи проѣзда Государя Т—въ поролъ горячку, чтобы разрѣшено было поболѣе денегъ, на побѣлку зданія, на окраску половъ скоровысыхающею краскою. Изъ зданія гимназіи, гдѣ на второмъ этажѣ помѣщалось одно отдѣленіе общихъ квартиръ, учениковъ переселили въ домъ Рыльке. Тамъ они спали на землѣ покотомъ, на соломѣ, ничѣмъ не прикрытой, въ теченіи двухъ недѣль. Кровати ученическія наново окрасили, и ко дню пріѣзда въ городъ Государя покрыли новымъ бѣльемъ и вновь купленными однообразными бѣлыми фланелевыми одѣялами. Буфетъ, кромѣ мѣстнаго серебра, наполнился серебромъ изъ дома Любомирскаго и отъ Чарторыйскихъ. Около буфета и день и ночь караулили по очереди по два служителя подъ наблюденіемъ буфетчика.

Во время пріѣзда Государя городничимъ былъ Ч—скій, побочный сынъ графа Ч—ва. Онъ допился до того, что не могъ уже ничего пить, кромѣ простой сивухи. Гостей же заливалъ исключительно шампанскимъ. Въ гостяхъ онъ безпрырывно требовалъ букашку затопить, т. е. рюмку сивухи. Его за то и прозвали букашкой. Онъ въ присутствіи дамъ позволялъ себѣ самые свободные шутки и анекдоты. Онъ былъ человѣкъ свѣтскій, отлично образованный, весьма честный, съ благороднымъ образомъ мыслей, но опустился до нельзя. Онъ называлъ себя несмѣняемымъ до смерти городничимъ, предоставлялъ полиціи дѣ-

лать, что угодно, самъ ни во что не вмѣшивался; но къ мерзостямъ былъ строгъ; его боялись. Въ городѣ при немъ воровство совсѣмъ вывелось изъ моды. Жена его жила на особой половинѣ квартиры, съ мужемъ почти не видѣлась и ни съ кѣмъ въ городѣ не познакомилась. Это была статная, полная, еще красивая и моложавая дама. Говорили, что она знатнаго происхожденія и хорошо воспитана. Ее можно было только встрѣтить на прогулкѣ въ фаэтонѣ или каретѣ. Ч—скій получалъ отъ неизвѣстнаго лица крупныя суммы ежегодно и истрачивалъ ихъ на угощеніе шампанскимъ и на роскошный столъ.

Онъ караулилъ пріѣздъ Государя въ винномъ магазинѣ Ціолковскаго, потчуясь поминутно сивухой. Ему сообщенъ былъ порядокъ, въ которомъ должны были слѣдовать экипажи царскаго поѣзда. Пронесся фельдъ-егеръ. Ч—скій не обратилъ вниманія. До пріѣзда Государя еще оставался цѣлый часъ, и впереди должно было проѣхать нѣсколько свитскихъ экипажей. Вдругъ въ городѣ послышалось: ура! Не вѣря ушамъ, Ч—скій вскочилъ на лошадь и встрѣтилъ царскую карету уже на мосту среди города. Онъ поскакалъ впередъ къ дому Любомирскаго, гдѣ было отведено Государю квартира. Любомирскій только еще облачался для встрѣчи Государя съ хлѣбомъ и солью. Военный караулъ еще не явился. Государь и государыня, вошедши изъ экипажа, обошли пустую свою квартиру и черезъ балконъ отправились гулять по саду. Это было, кажется, 1 сентября 1857 года. По возвращеніи они увидѣли у дверей князя Любомирскаго съ хлѣбомъ и солью. „Что вамъ угодно? Кто вы? Хозяинъ дома, князь Любомирскій? Извините, теперь я здѣсь хозяинъ“! сказалъ Государь; но хлѣбъ поднесенный, хотя и не въ пору, принялъ и поблагодарилъ. Между тѣмъ сталъ прибывать багажъ, собралась вся свита, размѣстившаяся въ городѣ. Послѣдній царскій фургонъ застрялъ на обломавшемся мосту въ городѣ. Офицеръ, сопровождавшій его, напустился на Ч—скаго, крича, что его за эту небрежность разжалуютъ въ солдаты, что это могло случится съ царской каретой и проч. Ч—скій отвѣчалъ ему: „довольно болтать вздоръ! Меня не разжалуютъ — я безсмѣнный городничій Ч—скій! Не вѣрите—спросите Адлерберга,

онъ меня знаетъ. Лучше пойдемъ и разопьемъ бутылку шампанскаго". Подхватилъ подъ руку офицера и потащилъ къ Ціолковскому. Государь хотѣлъ въѣхать незамѣтно, безъ всякихъ овацій. Съ этой цѣлью поспѣшилъ и на послѣдней станціи измѣнилъ порядокъ слѣдованья экипажей и поѣхалъ съ Государыней впереди поѣзда. Государь возвращался изъ заграницы съ большою свитой. Его между прочими сопровождали министръ двора графъ Адлербергъ и сынъ его генералъ, Государыню сопровождали двѣ фрейлины. Онѣ помѣстились въ квартирѣ директора Т—ва, а министръ двора въ домѣ учителя Епифановича. Т—въ страшно струсилъ, узнавъ, что Государь намѣренъ посѣтить гимназію. Дворъ весь ужиналъ у Государя. Разошлись въ 12 часовъ. Т—въ явился къ Адлербергу узнать, гдѣ Государю угодно видѣть гимназистовъ. Адлербергъ уже спалъ, но Т—ву приказано было явиться въ 12 часовъ по полуночи. Адлербергъ въ три часа отправился во дворецъ и приказалъ Т—ву ждать себя на крыльцѣ. Затѣмъ объявилъ, что Государь перемѣнилъ свою волю. Въ гимназіи не будетъ. Государь къ ночи спѣшитъ въ Житоміръ. Учениковъ приказалъ привести на дворъ своего помѣщенія. Въ четыре часа ученики были приведены и построены передъ дворцомъ. Стало разсвѣтать. Экипажи придвинулись къ выходу. Государь прошелъ по маленькой домовой оранжереѣ и, остановившись у окна, смотрѣлъ на учениковъ. Въ пять часовъ онъ съ Государыней сѣлъ въ карету. Ученики и народъ грянули—ура! Этимъ все кончилось. Ученики въ однихъ мундирахъ порядкомъ продрогли. Адлербергъ сдѣлалъ Т—ву замѣчаніе за то, что дѣтямъ не позволилъ накинуть шинелей.

Когда въ день пріѣзда разошелся весь дворъ по квартирамъ, къ Государынѣ явились двѣ дамы съ прошеніемъ. Государь принялъ ихъ прошеніе передалъ Государынѣ и выпроводилъ дамъ. Дамы, потревожившіе Государыню были: сестра подсудка, бойкая женщина, и молоденькая вдова маіора. Мужъ ея не выслужилъ пенсіи. Она просила у Государыни единовременнаго пособія. Ей прислано было 100 рублей серебромъ.

Долженъ сдѣлать отступленіе, такъ какъ проѣздъ Государя ознаменовался необыкновенною его гуманностью и самымъ ми-

лостивымъ обращеніемъ. Государь овладѣлъ сердцами всѣхъ. Онъ возбуждалъ общую симпатію. Всѣ безбоязненно стремились увидѣть Его; всѣ по собственному внутреннему побужденію Его привѣтствовали восторженно. Въ присутствіи Его не чувствовалось страха. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Государя въ Кіевѣ случилась скандальная исторія. Командиръ полка нѣмецъ полковникъ, Б—нъ, который ожидалъ скораго производства въ генералы, шелъ по троттуару съ женою и ея комнатной собаченкой. Повстрѣчался имъ студентъ съ тросточкой въ рукахъ. Собаченка кинулась на студента и разорвала ему брюки. Студентъ ударилъ ее тросточкой. Собаченка взвигнула. Б—нъ наговорилъ студенту дерзостей. Товарищи студента явились къ попечителю съ жалобой на Б—на требуя чтобы онъ извинился, на что онъ однако несогласился. Черезъ нѣсколько дней при разъѣздѣ изъ театра, когда Б—нъ вышелъ на подъѣздъ, толпа студентовъ мгновенно его окружила; повалила на землю и избила палками. Пока опомнилась полиція и жандармы, студенты успѣли всѣ скрыться. Никто не былъ арестованъ. Избитаго Б—на на рукахъ перенесли въ сани и отвезли на квартиру. В—въ назначилъ строгое слѣдствіе. Арестовали обиженнаго студента и депутатовъ, требовавшихъ отъ Б—на извиненія. По подозрѣнію еще арестовали нѣсколько человѣкъ. Наконецъ В—въ предалъ арестованныхъ военному суду. Два приговорены были въ солдаты, а нѣсколько человѣкъ въ арестантскія роты. Государь приказалъ вмѣнить имъ въ наказаніе сидѣніе подъ арестомъ и всѣхъ простилъ, сдѣлавъ выговоръ вообще студентамъ за дѣйствіе скопомъ. Студенты чуть не носили Государя на рукахъ въ его переѣздахъ по Кіеву. Но все это не помѣшало польскимъ студентамъ продолжать затѣянное ими патріотическое подготовленіе къ будущей революціи, которая была уже не за горами.

Какъ то случился проѣздъ черезъ Ровно въ Варшаву министра народнаго просвѣщенія Норова. Онъ ѣхалъ открывать тамъ университетъ. Его, кромѣ директора департамента, сопровождали еще два генерала и новый инспекторъ казенныхъ училищъ кіевскаго округа. Министръ высокій, брюзгливый, не-

привѣтливый старикъ, безъ одной ноги, на костылѣ. Онъ до такой степени безпричинно брюзжалъ, что дѣти не рѣшились занести ему жалобу на Т—ва и К—ка. Онъ экзаменовалъ только одинъ часъ седьмой классъ изъ словесности, французскаго языка, и исторіи русской и всеобщей. Сдѣлавъ учителю нѣкоторыя замѣчанія онъ прибавилъ обращаясь къ окружному инспектору: „Очень жаль, что округъ назначаетъ учителями словесности молодыхъ людей, молодымъ молодое недозрѣлое и нравится!“ „Буду имѣть честь слова в. в. п-ва передать попечителю округа“, отвѣчалъ тотъ. Пообѣдавши у Т—ва и приказавши заказать фотографическія снимки съ зданія гимназіи и стараго палаца, Норовъ укатилъ далѣе. Инспекторъ остался для производства повѣрки успѣховъ по всѣмъ предметамъ. Побывавъ на урокахъ русскаго языка и словесности, вечеромъ онъ пригласилъ однако на чай учителя словесности къ К—ку, пригласилъ и учителя чистописанія. Съ первымъ все толковалъ, что-то о значеніи знаковъ препинанія; о томъ что нельзя слѣпо слѣдовать авторитетамъ. Нуженъ свой собственный взглядъ. Хотя тоже большая самонадѣянность иногда ни къ чему не ведетъ. Нужно примѣняться иногда къ взглядамъ начальства и проч. и проч. Учителю чистописанія инспекторъ дѣлалъ внушенія по случаю плохихъ успѣховъ учениковъ въ этомъ предметѣ.

После смерти министра Норова и водворенія въ министерствѣ Головнина, послѣдовало распоряженіе, чтобы совѣты гимназій представили свои замѣчанія на проектъ новаго устава. Образована была въ совѣтѣ коммиссія изъ учителей: Солтановскаго—словесности, Суворова—математики, Невгодова—законовѣдѣнія, Андрущенка—математики и Трофимова—исторіи. Эта коммиссія работала по ночамъ. Между прочимъ, она обратила вниманіе на сухое и неумѣлое преподаваніе въ гимназіи Закона Божія мѣстными протоіереями, которые, исполняютъ свою обязанность, какъ придаточную, совершенно небрежно, а нѣкоторые, какъ протоіерей К—скій, заявляютъ себя грубымъ обращеніемъ съ православными учениками. Имѣя это въ виду, коммиссія проектировала допустить къ преподаванію Закона Бо-

жія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и лицъ свѣтскихъ, имѣющихъ собственныя познанія и ученую богословскую степень, а также отличающихся нравственными качествами и педагогическими способностями. При этомъ коммиссія сослалась на уставы царствованія имп. Екатерины II, допускавшіе къ преподаванію Закона Божія лицъ свѣтскихъ. Другою крупною новостью было упраздненіе общихъ ученическихъ квартиръ. Ученикамъ позволялось жить у родителей, родственниковъ и частныхъ лицъ, которымъ дозволено будетъ мѣстнымъ начальствомъ содержать ученическія квартиры.

Какъ то скоро послѣ всѣхъ этихъ происшествій пожаловалъ на ревизію гимназіи самъ попечитель округа Ребиндеръ. Это былъ сухощавый, высокаго роста мужчина. Онъ прежде служилъ на Кавказѣ. Говорили, что онъ страшно страдаетъ печенью, и вслѣдствіе этого непомѣрно раздражителенъ, что у него всѣ привычки восточнаго деспота, что онъ просто удаляетъ отъ должности, если ему не понравится физіономія служащаго. Мы ожидали грозы, ожидали, что онъ раскассируетъ весь составъ педагогическаго совѣта. Но крѣпко ошиблись. Онъ побывалъ у всѣхъ учителей на урокахъ. Былъ со всѣми вѣжливъ; хорошо и ласково обходился съ дѣтьми, и, собравши на прощаніе всѣхъ учителей, сказалъ имъ: „Я знаю, что труды ваши очень тяжелы, что вы просто несете крестъ въ этой мѣстности, гдѣ интеллигенція противъ правительства, слѣдовательно, и противъ васъ. Вознагражденіе за ваши труды недостаточное. Но пособить этому невозможно. Впрочемъ, я разрѣшилъ директору по очереди представлять къ денежнымъ наградамъ, не свыше 400 руб. въ годъ. Мужайтесь и продолжайте исполнять ваше высокое дѣло съ энергіей. Внутреннее сознаніе исполненнаго долга будетъ для васъ лучшею наградою. Прощайте!“

Прежде учителямъ не выдавалось никакихъ наградъ. Т—въ послѣ отъѣзда попечителя увѣрялъ, что Ребиндеръ былъ такъ милостивъ вслѣдствіе его отличной рекомендаціи всѣхъ служащихъ. Т—въ сдѣлался весьма любезенъ со всѣми. Только К—ка, который началъ дѣйствовать противъ него, онъ не

могъ терпѣть. Вскорѣ мы узнали, что Ребиндеръ по болѣзни выѣхалъ совсѣмъ изъ Кіева, а на его мѣсто назначенъ баронъ Николаи, впослѣдствіи занимавшій, впрочемъ недолго, постъ министра народнаго просвѣщенія. Николаи не долго заставилъ себя ждать. Онъ прибылъ на ревизію въ Ровно послѣ обѣда. Сейчасъ собралъ 3 высшихъ класса гимназіи и задалъ темы для сочиненій по русской словесности. Сочиненія писались подъ его личнымъ наблюденіемъ. При свѣчахъ ученики одинъ за другимъ по его вызову читали ему ихъ громко на весь классъ. Выслушавъ учениковъ V класса онъ похвалилъ ихъ и поблагодарилъ учителя. Шестымъ классомъ онъ остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ пожалъ руку Солтановскому. Седьмой классъ привелъ его въ восторгъ, онъ расцѣловалъ нѣсколько учениковъ, расцѣловалъ и учителя Солтановскаго, прибавивъ: „Я этого вамъ не забуду". Ученикамъ объявилъ, что если кто изъ нихъ при поступленіи въ университетъ будетъ въ чемъ нуждаться, пусть прямо, не стѣсняясь, обратится къ нему.

Послѣ этой ревизіи, Т—въ не смѣлъ не представить къ наградѣ учителя Солтановскаго. Представлять слѣдовало двоихъ; но онъ представилъ трехъ. Самъ пригласилъ Солтановскаго прочитать подписанное и заномерованное представленіе и сказалъ: „Не думайте, что я не цѣню вашей службы!" Однако Солтановскій остался безъ награды. Въ будущемъ году повторилась таже исторія. Попечителемъ округа былъ уже извѣстный операторъ и педагогъ Ник. Иван. Пироговъ. Солтановскій, не говоря никому ни слова, послалъ Пирогову письмо, прося указать ему тѣ его недостатки, по которымъ въ округѣ исключается его имя изъ наградного списка, дабы онъ могъ исправить эти недостатки. Черезъ 10 дней Т—въ прибѣжалъ въ гимназію съ телеграммой Пирогова и вызвалъ Солтановскаго изъ класса. „Вы писали попечителю?"—„Да, писалъ!"—„Не могли подождать до будущаго года! Такъ нельзя безпокоить начальство! Счастье ваше, что все сошло благополучно. Пожалуйте послѣ уроковъ ко мнѣ и получите 200 руб. наградныхъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти А. В. Марковича.

Двадцать пять лѣтъ назадъ, въ 1867 г., умеръ Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, одинъ изъ тогдашнихъ малярусскихъ—выражаясь по теперешнему—фольклористовъ [1]). Умеръ онъ въ Черниговѣ и въ тамошней газетѣ о его смерти напечатано было слѣдующее „извѣстіе“: „Въ ночь съ 31 августа на 1 сентября скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни надзиратель VI акцизнаго округа А. В. Марковичъ. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей, которые и въ обществѣ, и на служебномъ поприщѣ пользуются общимъ сочувствіемъ. Смерть его—конецъ тѣхъ тяжкихъ страданій, которыми сопровождались послѣдніе дни его жизни“.

А—сій В—чъ М—чъ былъ незаурядный знатокъ духовной стороны народной жизни и особенно прилежно изучалъ народную музыку. Но по живому, нервному характеру А—сія В—ча ему трудно было приняться за какую нибудь систематическую работу и потому никакихъ почти работъ послѣ него неосталось.

Молодой поры жизни А. В. мы вовсе не знаемъ, познакомившись съ нимъ лишь въ 1861 г. Знаемъ только, что онъ участвовалъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ и за это участіе долженъ былъ пожить нѣкоторое время въ Орлѣ [2]). Тамъ,

[1]) Отъ англійскаго термина folk-lore (буквально-народовѣдѣніе).

[2]) См. о жизни А—сія В—ча въ Орлѣ у Петрова—Очерки исторіи украинск. литературы XIX стол.,—стр. 374.

въ Орлѣ, А. В. и женился на дѣвицѣ Вилинской, ставшей впослѣдствіи извѣстной писательницей подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка. Жена А—сія В—ча великороссіянка по рожденію и въ Малороссіи передъ тѣмъ никогда, какъ говорятъ, не жила; и тѣмъ не менѣе въ 1857 году ею былъ изданъ рядъ разсказовъ изъ народной малорусской жизни, обратившихъ на себя общее вниманіе какъ вѣрностью изображенія послѣдней, такъ и задушевностью изложенія. Близкіе пріятели А—сія В—ча допытывались у него (когда онъ поселился въ Черниговѣ, въ 1861 г.)—гдѣ, когда и какъ супруга его такъ хорошо изучила малорусскую народную жизнь?—А. В. не любилъ этихъ вопросовъ и всегда отвѣчалъ коротко, что, молъ, талантъ... И такими своими отвѣтами еще болѣе увеличивалъ сомнѣніе пріятелей...

Въ 1861 г. А. В. пріѣхалъ въ Черниговъ на службу по крестьянскому дѣлу, получивъ должность члена отъ правительства мировыхъ съѣздовъ, которымъ Положеніе 19 февраля 1861 г. имѣло въ виду поручить нѣчто въ родѣ прокурорскаго надзора за дѣятельностью съѣздовъ мировыхъ посредниковъ. Никакихъ опредѣленныхъ обязанностей этимъ чиновникамъ законъ не указывалъ, но центральная губернская власть указывала, что эти правительственные члены съѣздовъ должны, по возможности, вліять на безпристрастное разрѣшеніе острыхъ вопросовъ, доходившихъ, чрезъ мировыхъ посредниковъ, до съѣздовъ. Такимъ образомъ должность эта требовала прежде всего такта и спокойнаго отношенія къ дѣлу. Но А. В. такимъ чиновникомъ стать не могъ; онъ вѣчно кипятился и свою миссію исполнить положительно былъ не въ силахъ. Помнимъ хорошо, какъ горячился онъ по вопросу о введеніи „Великороссійскаго положенія“ въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ черни-

говской губерніи, особенно въ глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ тогдашній предводитель дворянства В. И. Туманскій совсѣмъ былъ обратнаго взгляда на этотъ вопросъ. Разумѣется, никакого результата мораль А—сія В—ча тутъ имѣть не могла и ему приходилось, что называется, лишь бить руками объ полы.— А тутъ стали вводить (въ нач. 1862 г.) акцизную реформу. Акцизнымъ начальникомъ въ черниговской губ. былъ назначенъ Ф. П. Рашевскій, который и началъ, очень умѣло, подбирать въ новое учрежденіе чиновниковъ. Соблазняясь большимъ (по тогдашнему) жалованьемъ, много тогда ушло въ акцизъ способныхъ людей, могшихъ принести гораздо большую пользу на другихъ поприщахъ. Ушелъ тогда въ акцизъ и А—сій В—чъ, нуждаясь въ деньгахъ, которыя нужно было ему часто посылать семьѣ (женѣ и сыну), жившей въ это время заграницей, кажется, въ Парижѣ и все собиравшейся оттуда вернуться къ своему pater familias. Перейдя на службу въ акцизъ, М—чъ поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, откуда не рѣдко слалъ намъ писанія о своемъ печальномъ житьѣ-бытьѣ. Приводимъ здѣсь одно такое письмо, писанное въ сентябрѣ 1862 г., въ которомъ хорошо видится и самъ А—сій В—чъ и его умѣнье владѣть малорусской рѣчью.

„Не даромъ сердце мое може десять разъ згадувало васъ самимъ милымъ спо̂минкомъ; а коли бравъ и жаль, що я одбився отъ васъ самохитью,—можно бъ зъ вами и доси товаришуваты. То знову ничого не думалося, а такъ ваше обличья передъ моею душею свитилось зиркою. И скольки разъ ладнався до васъ озватись, та все щось перебье, то дило, то бездилья. Не знаю, якъ буде дали, може й погано, а до якого часу — ничого не вигорило дуже лихого. Заверталося, правда, чорзна навищо, та моя щирость розигнула карлючку. Спасиби Богу, и на сторони никому ще не вникся и кривды отъ кого другого на себе ще не бачивъ . . . .

Живу я у Лакиды въ двори. Якъ, мовляли, живу я? Мало добра, якъ и всюди. Самъ живу, безъ семьи, да уже и не пріидуть: грошей у ихъ и въ мене нема; зима заходить. . А тутъ ище халепа: моя пани такъ гришми вбога, що ажъ

ничогисинько не мае, ни на довги, ни на выиздъ, ни на життя. Якійсь Лобко выдавъ — вона читала у Сив. Пчели, на Парижи,—2-гу часть Народнихъ Оповиданій. Вона не тильки ни одъ кого грошей, а спросу, а вистки не мае. Коли до рукъ випаде, поспитайте, хто це промишляе хлибомъ чужимъ? Поспитайте, братику! Чомъ не порятувать! Я й самъ поспитаю, та не надія добитьця чого небудь. Да взнавши ще й порадьте. Справивъ бувъ на ти гроши, що за третину году взявъ жалуваня наперидъ, родича привести семью [1]). Той гроши потративъ и не поихавъ. Такій мій таланъ. Теперъ усего беру 80 чи 90 руб. Дожидавши (семью) узявъ квартиру добру. Добрый чоловикъ заплативъ хозяину 50 цилк. за мене, та мебели трохи заставивъ своеи. Отъ и отдавай що мисяцю, то й на 40 цилк. хиба чи застанется зъ розъиздомъ. И съ чого жъ мени уворвать, щобъ порятовать дружину зъ дитиною? Нехай бы Михайло [2]) спогадавъ за ихъ. Може бъ ми одробили, якъ чорна хмара перейде наша.

Чи не набралося присливья трохи, щобъ гостинчика мини прислать.—Я коло пословиць мордуюсь и вже мовъ бы й начисто иде. Якъ скинчу, за музику писенъ визьмуся.

Мене,—бачите я якій,—аби зачепили—брязнули. Я якъ розмеленый струментъ або визъ глабчастый, дробинястый: загуркаю и затуркаю другого. Я якъ чума, що до неи и приступати не треба!“

Пишетъ здѣсь А—ій В—чъ о своихъ занятіяхъ пословицами и музыкою пѣсенъ; но ничего изъ этихъ занятій не вышло. Личный характеръ его, а еще болѣе плохо сложившіяся обстоятельства частной жизни мѣшали его работамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что свое собраніе пословицъ А. В. передалъ М. Т. Симонову (Номису), включившему ихъ въ извѣстный свой сборникъ, а пѣсенную музыку А. В. блестяще показалъ любителямъ при постановкѣ въ Черниговѣ двухъ оперетокъ,

---

[1]) Не помнимъ — о какомъ родичѣ говорится. Знаемъ, что у А. В. былъ братъ, служившій, кажется, лѣсничимъ.

[2]) Михаилъ Матв. Лазаревскій, умершій въ одинъ годъ съ А. В—чемъ.

исполненныхъ любителями: „Наталки-Полтавки“, въ 1862 году (см. „Основу“ 1862 г., мартъ) и „Чаръ“ (К. Тополи) въ 1866 г. Знатоки говорили, что исполненіе музыкальной части въ этихъ опереткахъ представлялось верхомъ совершенства. Но нужно же было и видѣть А — сія В — ча на репетиціяхъ этихъ опереток... До усталости бился онъ, бранился, кричалъ пока та или другая партія не была наконецъ разучена... Особенно много труда положилъ А. В. при постановкѣ оперетки „Чары“, никогда передъ тѣмъ не игранной. Въ этой опереткѣ главную партію пѣла замѣчательная пѣвица Мел. Авд. Загорская (рожд. Ходотъ), которую А. В. встрѣтилъ въ одномъ глухомъ хуторѣ.—Дружескія отношенія М. А. Загорской скрасили послѣдніе годы жизни А — сія В — ча, такъ и не дождавшагося своей семьи....

Музыка поставленныхъ А — сіемъ В — чемъ опереток, сколько мы знаемъ, не сохранилась: партитура писалась на скоро, на листочкахъ, которые потомъ безслѣдно растерялись.

Для полноты свѣдѣній, упомянемъ, что одна работка А—сія В—ча таки была напечатана; это былъ мастерски записанный имъ, въ 1854 г., отъ старухи-крестьянки разсказъ о родинахъ и крестинахъ, помѣщенный въ переложеніи на русскій языкъ въ Запискахъ Черниг. Статист. Комитета (II, 341—347).

Умеръ А. В. въ черниговской больницѣ, въ полной бѣдности. Похоронили его пріятели вмѣстѣ съ семьей тогдашняго черниговскаго губернатора кн. С. П. Голицына. Большая могила насыпана была надъ прахомъ А—сія В—ча (около Ильинской церкви, близъ Троицкаго монастыря) и высокій дубовый крестъ былъ поставленъ на ней. Но теперь, говорятъ, креста давно уже нѣтъ и могилы найти нельзя...

А. Л.

24 августа.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. *(Сахно-Устимовичи и Апостолы).* Родоначальникомъ теперешнихъ Сахно-Устимовичей былъ Устинъ Сахненко (т. е. сынъ Софонія)—«житель и товаришъ сотни Уласовской», какъ онъ значится въ актѣ 1691 г., по которому Яковъ Скоробогатько, житель м. Городища (теперь Градижскъ), продалъ хуторъ свой, на Кагамлыкѣ лежащій, зятю своему Устину Сахненку. Въ 1704 г. Сахненко былъ уже власовскимъ сотникомъ, какъ видно изъ универсала Мазепы, даннаго въ этомъ году Сахненку на освобожденіе его отъ пчелинаго налога. «Пчоляная десятина» установлена была, повидимому, Мазепою, такъ какъ болѣе раннихъ свѣдѣній объ этомъ налогѣ мы не встрѣчали.—Приднѣпровскіе жители миргородскаго полка имѣли свои земли и на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, на привольи, занимались и пчеловодствомъ. Имѣлъ тамъ свои пасѣки и Устинъ Сахненко, на которыя съумѣлъ выпросить у гетмана освободительный универсалъ: «зъ певныхъ респектовъ, окриваючи мы, гетманъ, ласкою нашою п. Устина Сахненка, сотника власовского, увольняемъ его пасѣки, на томъ боку съ пчелами будучими, отъ даваня роковой обыклой десятины, подъ такою еднакъ кондиціею, дабы онъ при своихъ пасѣкахъ чужихъ пчолъ не утаевалъ и не заборонялъ до оддаваня десятинной повинности; а если бы мѣло на его тое перевестися, чтобы утаевалъ чужии пчолы, то не толко одъ тоей пасѣки, лечъ и отъ уряду сотницкого, будетъ отдаленъ»,—грозилъ Мазепинъ универсалъ. Вмѣстѣ съ гетманомъ, милостивъ къ Сахненку былъ и мѣстный миргородскій полковникъ, которымъ въ это время былъ будущій гетманъ Данило Апостолъ. У послѣдняго Сахненко выпросилъ, въ 1705 г., «листъ» на безхозяйный «кутъ Каювченковскій». Въ «листѣ» этомъ читаемъ: «Всѣмъ... а особливе старшинствуючимъ въ Уласовцѣ, Городищѣ и

Крыловѣ... ознаймуемъ, ижъ прекладалъ намъ п. Устимъ Сахненко, теперешній сотникъ уласовскій, же кутъ Каювченковскій, лежачий отъ дороги, що иде зъ Уласовки до Крылова, ажъ по рѣчку Цибульникъ, не мѣетъ своего власного господара и произвоитого наслѣдника, и просилъ насъ, абы, за вѣдомомъ нашимъ, обнявши кутъ оный, владѣлъ имъ такъ, якъ бы власнымъ купленымъ кгрунтомъ. Яко теды пустовскіе, а иле лежачіи добра, *некому инному въ полку нашомъ* належитъ вѣдати *и диспоновати* (распоряжаться) *тылко намъ, яко господареви, по милости Божой и рейментарской*, того миргородского полку, такъ уважаючи давнѣ значнѣ въ войску запор. прислуги п. Устима Сахненка..., кутъ оный Канювскій (sic), яко пустовщину, позволяемъ ему обняти и такъ власне держати и владѣти въ часы потомнѣ, якъ бы мѣлъ за гроши...» Приведенный «листъ» Апостола обращаетъ на себя вниманіе высказаннымъ здѣсь взглядомъ полковника на его власть относительно раздачи земельныхъ угодій въ предѣлахъ полка. «По милости Божьей и гетманской» Апостолъ считаетъ себя полноправнымъ распорядителемъ вольныхъ земель («пустовщинъ»). Такіе размѣры власти могли присвоивать себѣ далеко не всѣ полковники; при Мазепѣ «лежачіи добра» могли раздавать лишь тѣ изъ полковниковъ, которые долгою своею службою «войску» пріобрѣтали особый у гетмана почетъ; такими полковниками были—Данило Апостолъ, Яковъ Лизогубъ, Михайло Миклашевскій, Дмитрій Горленко... Пробывъ на сотничествѣ около десяти лѣтъ, Сахненко настолько разбогатѣлъ, что сынъ его Василій могъ жениться на близкой родственницѣ Данила Апостола, въ то время уже гетмана. Женился Василій Устиновичъ Сахненко на дочери гетманскаго племянника—Якова Васильевича Апостола. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о семьѣ Павла Апостола и не знаемъ—какіе еще были у него сыновья кромѣ будущаго гетмана. Изъ бумагъ Сахно-Устимовичей видимъ, что, кромѣ Данила, Павелъ Апостолъ имѣлъ еще и сына Василія. Сынъ послѣдняго—Яковъ былъ женатъ, повидимому, на единственной дочери миргородскаго полковаго есаула Василія Лагоды. Лагода былъ державцею хорольскаго села Аврамовки, которое получилъ отъ своего полковника Апостола, какъ видно изъ его «листа» 1699 г., которымъ Данило Апостолъ, повидимому, усмирялъ какое то волненіе аврамовскихъ посполитыхъ: «.... ознаймуемъ, ижъ яко передъ симъ, зъ ласки войсковой и *нашой*, села Аврамовки люди посполитые послушенство отдавали п. Василію Лагодѣ, асауловп нашому полковому, такъ и теперъ на томъ есть воля наша,

абы цѣле и непремѣнно въ томъ селѣ тягліе знайдуючіеся люде ему, п. асаулови, во всемъ належите, безъ жадной спречности, отдавали послушенство, а естли бы хто мѣлъ быти упорнымъ и противнымъ сей волѣ нашой зъ тихъ помянутихъ людей тяглыхъ села Аврамовки, таковий знатному, неотступному подлѣгати будетъ караню, цѣле декляруемъ». Черезъ три года послѣ этого Аврамовка находилась уже во владѣніи зятя Лагоды—Якова Апостола, къ которому перешла, повидимому, послѣ смерти тестя и, нужно полагать, съ согласія полковника, того же Данила Апостола. Въ «листѣ» послѣдняго, написанномъ въ 1702 г., читаемъ: «Вамъ войтовѣ и всѣмъ посполитимъ людямъ с. Аврамовки приказуемъ и неиначей мѣти хочемъ, абысте якъ въ работизнахъ, такъ и въ иныхъ обыклыхъ повинностяхъ были послушниками п. Якову Василіевичи братаничеви нашему неиначей, але власне такъ, якъ и предъ симъ отдавалисте всякое послушенство небожчику (покойному) п. Василію Лагодѣ, тестевѣ его, которое абысте и вышереченному братаничеви нашему, а небожчиковому затеви, теперъ отдавали...»

Мазепина измѣна и послѣдовавшая за нею «руина» вызвала во многихъ мѣстахъ по Малороссіи,—значительныя крестьянскія волненія. Заволновались въ это время и аврамовцы, какъ видно изъ слѣдующаго «листа» Данила Апостола (29 іюля, 1709 г.)—«п. Яковъ Апостолъ, знатн. тов. полку нашого, прекладалъ намъ о томъ, же вы, подъ его державою зостаючи, послушенства отдавати не хочете... прето яко таковое самоволство сурово вамъ ганимо, такъ пилно и грозно чрезъ сей листъ нашъ всѣмъ приказуемъ, абы вы, подъ неотмѣнною державою его п. Якова Апостола зостаючи, належитое подданимъ обикновеніемъ во всемъ ему, безъ жадной спреки, послушенство отдавалисте... повторе и подесяте грозно вамъ всѣмъ приказуемъ...»

Кромѣ маетности, Д. Апостолъ надѣлилъ племянника и урядомъ, поставилъ его полковымъ есауломъ. Но Яковъ Апостолъ не долго пожилъ: въ 1717 г. видимъ уже вдову его съ «осиротѣлою дитиною»—ходатайствующею предъ дядею умершаго мужа—объ оставленіи за нею Аврамовки въ прежнемъ послушаніи. Вопросъ о наслѣдованіи войсковыми маетностями былъ вопросъ очень трудный въ старой Малороссіи. Права наслѣдованія въ такихъ маетностяхъ собственно не было, такъ какъ онѣ давались войсковымъ чиновникамъ только въ личное владѣніе, за службу и на время службы. Но отсутствіе точнаго закона и разныя личныя отношенія властной стар-

шины къ семьямъ умиравшихъ державцевъ—давали возможность не только дѣтямъ умершихъ, но и ихъ вдовамъ удерживать за собою такія маетности... При такомъ положеніи дѣлъ вдовѣ Якова Апостола нетрудно было выпросить у близкаго родственника мужнину маетность для «осиротѣлой дитины», которая, будучи дочерью, даже и въ будущемъ не могла обѣщать какихъ либо «прислугъ войску запорожскому».—Распоряженіе полковника о передачѣ аврамовскихъ крестьянъ въ послушаніе вдовѣ умершаго ихъ державцы выражено слѣдующимъ «листомъ»: «Вамъ, пану сотникове хорольскому, атаманови городовому зъ товариствомъ и войтови тамошнему зо всѣмъ посполствомъ, особливе однакъ атаманови села Аврамовки и войтови тамошнему зо всѣми жителями тамошними..., ознаймуемъ, ижъ будучи передъ нами овдовѣлая жена покойного братанича нашего пана Якова Апостола зъ дитиною, по нему небожчику позосталою, просила нашего себѣ призрѣнія, дабы мощно было ей слободне на тихъ всѣхъ угодьяхъ, которыми покойный мужъ еи владѣлъ, прожити и тымъ всѣмъ, що небожчикъ заживалъ, безъ жаднаго препятствія, користовати; прето мы тому прошенью еи панеи Яковововой давши мѣстце и респектуючи на услуги мужа еи, барзѣй тежъ на осиротѣлую дитину уважаючи, яко оную зъ позосталою дитиною подъ нашу беремо протекцію, такъ и вамъ всѣмъ старшинѣ, зо всѣми тоей сотнѣ жителями, о семъ обявляючи, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, абы тоей овдовѣлой милаго братанича нашего женѣ нѣхто зъ васъ жадного нѣ въ чомъ утиску и обиженя, а въ заживаню добръ, по небожчику позосталихъ, перепоны чинити не важился. Аврамовскіе тежъ жители, якъ за живота, предчасы, покойному пану Якову около работизнъ его господарскихъ, отдавали послугу, такъ и по смерти неотмѣнно женѣ его тоежъ послушенство во всемъ, безъ жадного сопротивленья, по прежнему, жебы отдавали пилно и грозно приказуемъ и неиначей мѣти хочемъ» (24 августа 1717 г.). Кромѣ того, на этомъ же листѣ сдѣлана слѣдующая интересная приписка, какъ видно, выпрошенная вдовою уже послѣ написанія документа,—«такъ же и тие люде городовые хорольскіе, якіе слухали покойного пана Якова, безъ всякого отмаганя и отговорокъ теперъ женѣ его належную послугу, въ чомъ потреба укажетъ, до волѣ нашои, конечне, жебы отдавали, грозно приказуемъ». Можно догадываться, что эти «хорольскіе городовые люди» были чѣмъ нибудь въ родѣ «куренчиковъ»,—(если бы шла рѣчь о подсосѣдкахъ, то было бы добавлено—«жіючихъ въ хатахъ небожчика»),—которые «слухали» Апостола потому только, что онъ

былъ однимъ изъ полковыхъ урядниковъ; тѣмъ не менѣе и этимъ людямъ «грозно приказывалось»—попрежнему «отдавать послугу» вдовѣ умершаго урядника... А потомъ эти «городовые люди», конечно, были записаны, въ ревизскіе книги, за наслѣдниками Якова Апостола и стали ихъ крестьянами, какъ и всѣ прочіе...

Въ 1731 г. дочь Якова Апостола, Марья, была уже женою сына Устина Сахненка, Василія, къ достаткамъ котораго присоединила имѣнія какъ своего отца, такъ и дѣда Лагоды. Мужъ Маріи Яковлевны писался въ актахъ Устименкомъ, а потомки его, соединивъ въ своемъ прозвищѣ Сахненковъ съ Устименками, стали писаться Сахно-Устимовичами, сохранивъ такую форму своего прозвища и по настоящее время.

А. Л.

Оффиціальные документы по дѣлу Виктора Садковскаго.

1) Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барона Биллера къ русскому посланнику при варшавскомъ королевскомъ дворѣ Булгакову изъ Бреста-Литовскаго отъ $^{12}/_{24}$ сентября 1792 года.

«Ваше Высокопревосходительство! Важнѣйшее извѣстіе, какое я могу вамъ, милостивый государь, имѣть честь доставить, есть полное удовлетвореніе, которое главная конфедерація двухъ народовъ опредѣлила переяславскому епископу, архимандриту слуцкому, который, какъ мнѣ сказывали, нашелъ убѣжище въ посольскомъ дворѣ вашего высокопревосходительства,—послѣ чего несправедливѣйшее гоненіе перестало ожесточаться противъ него.

Главная конфедерація двухъ народовъ прислала ко мнѣ при семъ приложенное съ надписью къ сему добродѣтельному прелату письмо, которое ваше высокопревосходительство сдѣлайте одолженіе доставьте ему. Оно содержитъ въ себѣ все то, что есть любезнѣйшаго для души несправедливо гонимой, т. е. объявленіе его невинности, произнесенное всѣмъ народомъ.

Что же касается до вступленія его въ епископскую должность, заглажденія претерпѣннаго имъ неправосудія и вознагражденія какихъ либо потерей въ его имѣніи и доходахъ, то конфедерованная респу-

блика старалась и будетъ стараться о всѣхъ сихъ розничныхъ предметахъ. Она предварительно поручила господамъ коронному и литовскому гетманамъ дать епископу пристойное количество стражей для препровожденія его въ прежнюю епархію. Онъ имѣетъ быть переведенъ туда на иждивеніи республики и получитъ обратно свою должность и имѣнія. Ежели тѣ, которые со времени его отрѣшенія управляли его имѣніемъ, не возвратятъ ему всего того, что слѣдуетъ ему по праву, то онъ можетъ прямо отнестись къ главной конфедераціи, которая сдѣлаетъ ему скорое правосудіе.

Господину кастеляну Оч(ж?)аровскому, который завтра отправится въ Варшаву, поручено отъ господъ гетмановъ дать провожатыхъ, коль скоро сіе будетъ потребовано. Повелѣніе къ скарбовой комиссіи будетъ также дано сегодня.

Наконецъ, я имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству копію съ записки, которую главная конфедерація мнѣ присылаладля увѣдомленія меня о удовлетвореніи сдѣланномъ переяславскому епископу».

2) Записка генеральныхъ маршаловъ конфедераціи двухъ народовъ дѣйствительному статскому совѣтнику барону Биллеру изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Ниже подписавшіеся маршалы конфедераціи двухъ народовъ имѣютъ честь объявить его превосходительству барону Биллеру, что при первомъ открытіи ихъ главныхъ собраній, на коихъ можно было разсуждать о дѣлѣ господина епископа переяславскаго, конфедерація двухъ соединенныхъ народовъ, розбирая сіе дѣло по кардинальскимъ законамъ его отечества, совершенно нарушеннымъ взятіемъ подъ стражу помянутаго епископа безъ суда и доносу, равно какъ и наглою обидою, причиненною сему достойному прелату, прочтя въ то же время съ почтеніемъ воспоминаніе о семъ дѣлѣ въ объявленіи Ея Императорскаго Величества, почла долгомъ сдѣлать ему явное удовлетвореніе публичнымъ обнародованіемъ несправедливаго поступка и совершеннаго возстановленія его юридикціи и правъ на имѣнія, которыя состоятъ въ его владѣніи, при оказаніи ему явныхъ знаковъ почести. Почему мы просимъ господина барона, чтобы онъ благоволилъ взять на себя трудъ препроводить къ своему двору сіе опредѣленіе, увѣряя его въ то же время, что правосудіе и почтеніе къ

его августѣйшей Монархинѣ будетъ всегда словомъ нашего соединенія».

Подписали: «Станиславъ Феликсъ Потоцкій, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, маршалъ литовской конфедераціи».

3) Письмо отъ господъ маршаловъ генеральной конфедераціи къ Виктору, епископу переяславскому, изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Превелебнѣйшій епископъ переяславскій, архимандритъ слуцкій! Правосудіе само собою призываетъ должность народной власти. Конфедерація двухъ народовъ, не ожидая отзыва съ вашей стороны, милостивый государь, и будучи увѣрена о несправедливомъ поступкѣ съ вами, равно какъ и въ безукоризненности вашихъ дѣяній, соглашается на ваше возвращеніе къ своей юридикціи и своимъ вольнымъ опредѣленіемъ постановляетъ, чтобъ вамъ немедленно были возвращены ваши права и имѣнія, утвержденныя на неоспоримыхъ основаніяхъ и чтобы ваши доходы, кѣмъ либо удержанные, были возвращены сполна. Имѣя удовольствіе васъ, милостивый государь, увѣдомить о семъ рѣшеніи, сходственномъ съ основаніями законовъ и свободы нашего народа, равно какъ и съ самою справедливостію, мы объявляемъ вамъ, что поелику вы находите насъ расположенными возстановить вашу честь, то равномѣрно увидите насъ готовыми доставить вамъ скорое правосудіе касательно потерей, причиненныхъ вашему имѣнію, по первой просьбѣ, которую вы намъ учините и по увѣдомленію виновныхъ, сіе учинившихъ. Учинено въ Брестѣ-Литовскомъ 22 сентября 1792 года».

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи, коронный маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

4) Резолюція, возвращающая преосвященному Садковскому, епископу переяславскому, архимандриту слуцкому, юридикцію его и вотчины.

«Генеральная конфедерація вольныхъ соединенныхъ обоихъ народовъ.

Поелику декларація Ея Величества Императрицы отъ 18 мая 1792 года съ трогательнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о содержаніи

подъ арестомъ преосвященнаго Садковскаго, епископа переяславскаго, слуцкаго архимандрита, то, по принятіи сего дѣла въ наше разсмотрѣніе, высоко почитая всякій отзывъ великой Монархини къ нашей націи и оказанное Ея Величествомъ въ сіе наипаче время благотворительное вспомоществованіе для возстановленія національной свободы, мы возвращаемъ упомянутому преосвященному Садковскому, уже освобожденному, его юридикцію и всѣ вотчины, которыми онъ владѣлъ въ областяхъ республики, предоставляя ему право поискивать доходовъ своихъ, кѣмъ бы то ни было по сіе время задержанныхъ, законнымъ порядкомъ въ подлежащихъ судахъ. Для возвращенія же его въ свои вотчины поручаемъ гетманамъ обоихъ народовъ дать конвой, какого требуетъ личная безопасность его особы. Дана на засѣданіи въ Брестѣ-Литовскомъ 15 сентября 1792 года».

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

Бенедиктъ Гулевичъ, писарь земскій коронной конфедераціи.

27 сентября 1792 г. сія резолюція подана и записана въ акты сконфедерованной земли Варшавской, въ чемъ свидѣтельствую. Регентъ земскій варшавскій Викторинъ Германъ.

Копіи прописанныхъ актовъ русскій посланникъ Булгаковъ сообщилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а преосвященный Викторъ при своемъ рапортѣ отъ 11 октября 1792 года въ Святѣйшій Синодъ.

5) На основаніи синодальнаго указа, послѣдовавшаго отъ 10 декабря того же года на имя кіевскаго митрополита Самуила, преосвященный Викторъ вступилъ въ управленіе своею епархіею. Но предъ возвращеніемъ въ свою слуцкую резиденцію, онъ счелъ нужнымъ послать къ паствѣ своей слѣдующую грамоту, въ которой кратко описывается его тюремное заключеніе:

«Божіею милостію смиренный Викторъ Садковскій, православный епископъ переяславскій и бориспольскій, коадъюторъ митрополіи кіевскія и слуцкого Свято-Троицкаго благочестиваго монастыря архимандритъ.

Мы, пастырь, всечестнымъ отцамъ архимандриту, игуменамъ съ братіею, честнымъ отцамъ протоіереямъ съ присутствующими въ духовныхъ правленіяхъ, и всѣмъ восточныя греко-неунитскія церкве паствы нашея духовнымъ и мірскимъ возлюбленнымъ намъ о Христѣ

чадомъ благодати Господа нашего Іисуса Христа, любве Бога и Отца и причастія Святаго Духа пастырски желая, предлагаемъ.

По неиспытаннымъ Божіимъ судьбамъ, по коимъ Онъ, играя на кругѣ земномъ и утѣху свою имѣя съ сынами человѣческими, иногда допущаетъ сатанѣ и избраннѣйшихъ своихъ рабовъ сѣяти, аки пшеницу, взнесени были предъ симъ въ здѣшнемъ государствѣ на насъ вовсе напрасная (какъ нынѣ уже и цѣлому свѣту извѣстно) клевета о нѣякомсь, имѣвшемъ якобы произойти отъ насъ, а по наущенію нашему и отъ единовѣрныхъ паствы нашея духовныхъ и мірскихъ грековосточныхъ неунитскихъ исповѣдниковъ противу своего отечества бунтѣ, къ чему де и нѣякіясь орудія будто въ заготовленіи и въ сохраненіи были. Что о такомъ всѣмъ государственнымъ и Божіимъ законамъ противномъ злѣ и сущему отечества врагу свойственномъ предпріятіи мы никогда ниже помышляли, въ томъ домашній нашъ судія, совѣсть епископская не имѣетъ зазрѣнія во всякое время сослаться не только на Испытующаго сердца и утробы Всевышняго, но и на всѣхъ васъ, безъ изъятія съ тѣмъ истиннѣйшимъ доказательствомъ, что отъ насъ, гдѣ только въ Украинѣ и въ Литвѣ довелось паствы нашея мѣста посѣщать, вездѣ какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ внѣдряемы были довольно убѣдительныя наставленія, межъ прочаго, хранить святѣйшую къ своему отечеству вѣрность съ должнымъ властямъ и помѣщикамъ своимъ повиновеніемъ, яко отъ сего все ваше благоденствіе непосредственно зависитъ.

А по сему сколь помянутая клевета не умножалась, даже съ разсѣяніемъ уже страшныхъ и сильно намъ съ размѣрными такому злу слѣдствіями грозившихъ вѣстей, не могла однакъ духа нашего, всегда непорочностію ободряемаго, и малѣйше поколебать. Почему, бывъ въ состояніи отъ грядущаго зла себя бѣгствомъ спасати, въ оное не вдались; но напротиву того, во всей толикой молвы время небоязненно отправляли мы, по долгу нашему, публичныя въ резиденціи нашей, въ городѣ Слуцкѣ, церковныя богослуженія. По сему какъ тогожъ города, такъ и окрестныхъ его мѣстъ съ разнаго чина, достоинства и религіи обивателями обращались мы не устами только говоря: *благо же благо же*, а сердцемъ: *пожрохомъ его*, но дружески и чистосердечно. Почему на остатокъ и что за высочайше жалованнымъ намъ отъ его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего Государя, привиллегіемъ и по учиненной нами на вѣрное подданство, какъ его королевскому величеству, такъ и высокимъ Рѣчи Посполитой станомъ торжественной въ городѣ Тульчинѣ присягѣ,

паства намъ здѣсь вручена, силою чего, по примѣру каждаго вѣрноподданнаго обивателя, выходить или выѣзжать, куда пожелаемъ, свободу мы имѣли, всѣ тѣ яко пустыя разглашенія отражая, отлучились было мы изъ города Слуцка въ мѣстечко Грозовъ, за три мили отъ онаго отстоящее, въ тамошній нашей слуцкой Троицкой архимандріи приписный монастырь въ несовершенномъ нашемъ здравіи на краткое время для отдохновенія.

Но на другой того день т. е. 1789 года апрѣля 18 числа, при возвращеніи нашемъ паки въ Слуцкъ, схвачены мы съ бывшими при насъ военною вооруженною командою на пути, и первѣе посажены въ Несвѣжскомъ замкѣ, потомъ отвезены въ Варшаву, наконецъ изъ Варшавы въ Ченстоховскую крѣпость; вездѣ содержаны мы были подъ крѣпчайшею стражею: въ Несвѣжѣ двѣ недѣли, въ Варшавѣ три лѣта и мѣсяцъ, а въ Ченстоховѣ пять недѣль.

Но по благости тогожъ Всевышняго Провидца, вѣдущаго неповинныя и, искусивъ ихъ, могущаго и избавляти отъ напасти, настоящаго года іюля 19 числа изъ того угнѣтавшаго и удручавшаго насъ арешту ставши уволены, отъ пресвѣтлой конфедераціи генеральной обоихъ народовъ сентября 14 числа получили мы резолюцію и листъ съ признаніемъ нашей невинности, касательно выше выраженной клеветы, и съ возвращеніемъ насъ къ нашимъ имѣніямъ и юрисдикціи.

На какомъ основаніи мы, вступивъ въ отправленіе нашихъ епархіальныхъ дѣлъ и положивъ за Божіею помощію намѣреніе вскорѣ выѣхать изъ Варшавы въ городъ Слуцкъ къ прежней нашей резиденціи, о томъ всѣмъ паствы нашея возлюбленнымъ о Христѣ сынамъ извѣщаемъ, пастырски повелѣвая монастырскимъ настоятелямъ въ монастыряхъ, а протоіереямъ и всѣмъ вѣдомства ихъ священникамъ въ приходскихъ церквахъ, по божественной въ воскресные или праздничные дни литургіи, чтеніемъ сіе обнародовать. Чего ради и копіи резолюціи и листа пресвѣтлой конфедераціи генеральной съ переводомъ на россійскій языкъ у сего прилагаются. Дано въ Варшавѣ 1792 года ноября 30 дня за подписомъ нашимъ и при печати нашей».

(М. П.)

Смиренный Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, архимандритъ слуцкаго благочестиваго Свято-Троицкаго монастыря».

Копія грамоты сей 2 генваря 1793 года препровождена кіевскому митрополиту Самуилу изъ г. Слуцка намѣстникомъ тамошняго

Троицкаго монастыря игуменомъ Кипріаномъ, а копіи прочихъ вышепрописанныхъ документовъ препровождены тому же митрополиту при письмѣ преосвященнаго Виктора отъ 6 октября 1792 года изъ Варшавы и при указѣ Святѣйшаго Синода отъ 10 декабря того же года за № 1680. Копіи эти хранятся въ архивѣ кіевской духовной консисторія между дѣлами за 1792 годъ.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ „городскихъ надобностей“. Высоч. указомъ 15 іюля 1759 г. въ г. Кіевѣ отмѣнены были денежные сборы, производимые магистратомъ, съ привозныхъ съѣстныхъ припасовъ, сборы за вѣсы, мѣры, бойни, за мѣста и за мосты, каковые сборы, по сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, составляли 559 р. 66 к. Въ замѣнъ этихъ отрѣшенныхъ сборовъ, указомъ Пр. Сената отъ 17-го февр. 1756 г. опредѣлено было отпустить изъ Кіев. Губ. Канц. ежегодно кіевскому магистрату изъ таможенныхъ сборовъ по 479 р. 66 к. [1]). на строеніе палисадника, содержаніе на Подолѣ мостовыхъ улицъ, карауленъ и пр. Для контроля производимыхъ изъ этой суммы расходовъ выдавалась изъ К. Губ. Канц. магистрату особая книга, а для фактической повѣрки и свидѣтельствованія разнаго рода «строеній и исправленій» командировался ежегодно особый офицеръ, который

---

[1]) „. . . . кіев. магистрату изъ числа собираемыхъ въ тотъ могистратъ издревле, по жалованнымъ грамотамъ, съ привозныхъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, за вѣсы, мѣры, за бойни, за мѣста и мосты, могистратскимъ коштомъ строенные, по сложности трехъ лѣтъ изъ 559 р. 66 к., за выключеніемъ 80 р., что оной магистратъ повсягодно платитъ въ К. Софійскій катедральный монастырь, достальныя деньги 479 р. 66 к. (которыми, какъ оной магистратъ представляетъ, строитъ нижній г. Кіевъ наз. Подолъ, т. е. палисадникъ, караульни и мосты, содержитъ почту, ставитъ подводы и другіе расходы чинитъ) на вышеписанное содержаніе надлежитъ отпускать изъ новоучрежденныхъ таможенъ изъ внутреннихъ 13-ти коп. пошлинъ съ того времени, какъ оной магистратъ, по силѣ состоявшагося имен. о уничтоженіи въ Малой Россіи индукты и эвенты іюля 15 д. 1754 г. указу, тѣ въ Кіевѣ сборы сбирать оставилъ . . . . А чтобъ тѣ деньги держалъ точно на то содержаніе, въ томъ смотрѣніе имѣть Кіев. Губ. Канц., которой для записки повсягодно тѣхъ денегъ давать прих. и расх. книги, а по прошествіи года по тѣмъ книгамъ оныя деньги свидѣтельствовать“.

Упоминаемые здѣсь 80 р., прежде отпускавшіеся магистратомъ въ Софійскій м—рь, теперь выдавались этому м—рю изъ Кіев. Губ. Канц.

и представлялъ обстоятельный рапортъ объ этомъ свидѣтельствованіи въ Губ. Канц.

Кажется, что этотъ контроль надъ расходованіемъ вышеупомянутой суммы и былъ первымъ формально узаконеннымъ вмѣшательствомъ губернской администраціи въ «экономію» города, въ магистратское хозяйничанье.

Съ 1766 года отпускалось уже магистрату изъ тѣхъ же таможенныхъ сборовъ по 1209 р. 12 к. [1]), для полученія которыхъ за весь годъ и отправлялся изъ магистрата въ Губ. Канц. кто либо изъ довѣренныхъ урядниковъ.

Въ рукахъ у меня находились расходныя книги на 1780-й годъ и рапорты объ освидѣтельствованіи произведенныхъ на Подолѣ магистратомъ строеній и исправленій за 1762, 1780 и 81-й годы.

Въ 1762 году свидѣтельство палисада, карауленъ, мостовъ и пр. производилъ инженеръ капитанъ Бибиковъ, рапортъ котораго знакомитъ въ извѣстной мѣрѣ съ тогдашнимъ состояніемъ городскихъ улицъ, городскаго палисада, карауленъ и рогатокъ. Изъ него видно, что главная Подольская улица начинавшаяся отъ «Крещатскихъ воротъ», далеко не вся была вымощена, «отъ рынку мимо Братскаго м—ря влѣво къ Воскресенскимъ воротамъ и отъ рынку-жъ мимо Петропавловскаго м—ря къ Ерданской рогаткѣ мосты ветхи, съ Воскресенской улицы къ Днѣпру по набережной Николаевской ул. мостъ починки требуетъ, а по прочимъ улицамъ, кромѣ вышеписанныхъ, ни по которой мостовъ не имѣется». Палисадъ оказался во многихъ мѣстахъ ветхимъ, гнилымъ, изъ четырехъ карауленъ только одна была въ совершенной исправности. Изъ вѣдомости, представленной въ маѣ м-цѣ 1781 г. секундъ-маіоромъ Андреемъ *Токаревымъ*, объ осмотрѣ

---

[1]) Видно это изъ имѣвшагося у меня предложенія ген. губ. Воейкова отъ 30-го іюля 1769 г.: „... К. Губ. Канц. имѣетъ приказать подлежащіе, въ силу присланнаго ко мнѣ изъ Пр. Сената 766 г. іюля отъ 31-го д. указа, вмѣсто отрѣшенныхъ по указамъ 754 и 755 годовъ, собираемыхъ кіев. магистратомъ на разные городовые нужные издержки, тожъ и на строеніе повелѣннаго для граждан запаснаго могазейна, на нынѣшній 769 годъ денегъ 1209 р. 12 к. во оный магистратъ изъ имѣющейся въ К. Губ. Канц. таможеннаго сбору суммы, какъ по тому указу повелѣно, отпустить и отдать тѣ деньги присланному для пріема оныхъ того жъ маг-та лавнику Ивану Дмитровичу, записавъ въ расходъ, съ роспискою". На тотъ же указъ 31-го іюля 1766 г., какъ видно, обыкновенно ссылался магистратъ, командируя для пріема денегъ своихъ уполномоченныхъ (такой рапортъ у меня имѣлся 1781 года, когда за пріемомъ денегъ и зашнурныхъ книгъ командировалъ б. лавникъ Иванъ Косачинскій)".

имъ улицъ, карауленъ и палисадниковъ «съ показаніемъ, что противу прошлаго 780 г. вѣдомости починкою исправлено и что нынѣ исправить слѣдуетъ», видно, что въ этомъ году «главныхъ мостовыхъ улицъ» на Подолѣ было семь:

1) Рождественская отъ Крещатской рогатки шла чрезъ весь городъ мимо Покровской церкви, чрезъ извощицкую площадь мимо Братскаго монастыря до Воскресенской башни, откуда продолженіемъ ея была Введенская ул.

2) Отъ Рождественской церкви шла улица мимо епископскаго Переяславскаго подворья.

3) Набережная Никольская до р. Днѣпра.

4) Борисо-глѣбская отъ житняго ряду до торговыхъ бань.

5) Спасская отъ гостиннаго двора до Днѣпра.

6) «Идущая поузъ академическія школы до бровара монастыря Братскаго».

7) Духовская отъ старыхъ бурсъ до Днѣпра.

Карауленъ по вѣдомости показано четыре:

1) Рожественская, 2) Воскресенская, 3) Кожемяцкая, 4) Ерданская.

Всѣ эти улицы показаны въ вѣдомости въ общемъ исправными. О дорогѣ на старый городъ сказано такъ: «дорога отъ Доброго Николая къ Андрею Первозванному, что въ старой Кіевъ, въ прошломъ 780 годѣ между горъ распространена, фошинникомъ утверждена, пескомъ усыпана, имѣющіеся ключи заглушены, но нынѣ, хотя то починкою было исправлено, къ лутчему жъ утвержденію отъ показанного магистрата промоины и выбоины мѣстами фошинникомъ наслать, землю поровнявъ и сверху пескомъ усыпать, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для распространенія дороги наплывающую землю отъ горъ очистить, да и ключъ въ одномъ мѣстѣ заглушить».

Изъ одной справки Губ. Канц. видно, что такое освидѣтельствованіе на Подолѣ производили: въ 1767, 68 и 69 годахъ подполк. Андрей *Панинъ*, въ 1770 и 71-мъ секундъ маіоръ *Осиповъ*, въ 1772-мъ сек. маіоръ Михайло *Степановъ*, въ 1773 г. неизвѣстно, въ 1774 поручикъ *Новогородцовъ*, въ 1775 не свидѣтельствованы, въ 1776 г. пор. Новогородцовъ, въ 1777 сек. маіоръ *Суровцовъ*, въ 1778 и 79-мъ сек. маіоръ Епанчинъ, въ 1780-мъ инженеръ поручикъ *Крутовъ*.

А. А.

Пререканіе кіевской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г.

Кіевская градская дума въ первый же годъ своего существованія по новому городовому положенію вошла въ пререканіе съ администраціей по весьма важному вопросу о томъ: куда должны поступать собираемые въ пользу города на Васильковской таможнѣ доходы,—въ градскую ли думу или въ приказъ общественнаго призрѣнія? Дѣло это возникло въ 1785 г., но и черезъ два года оно нисколько не подвинулось въ своемъ рѣшеніи. Сущность же его, какъ можно судить по одному сохранившемуся документу, состояла въ слѣдующемъ.

Въ сентябрѣ м-цѣ 1785 г. кіевскій губернаторъ Ширковъ предложилъ магистрату, уже доживавшему свои послѣдніе дни и тогда же преобразованному по новому городовому положенію въ градскую думу,—построить вновь на указанныхъ имъ мѣстахъ колодцы, а старые надлежащимъ образомъ исправить. При этомъ самъ же губернаторъ указалъ на источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнуты средства для этихъ расходовъ, предписавъ обратиться въ казенную палату и истребовать отъ нея «потребное число изъ суммы, на таможняхъ въ пользу городовъ собираемой». Согласно съ этимъ предложеніемъ, дума 4-го ноября того же 1785 г. просила казенную палату сообщить ей «о количествѣ собранныхъ, за силу Е. И. В. 1782 г. въ 22 д. сентября состоявшагося указа, въ Васильковской таможнѣ въ пользу сего города денегъ» и доставить ихъ въ думу. Казенная палата отвѣчала, что де «какъ собираемыя въ Васильковской таможнѣ въ пользу городовъ пошлинныя и другія деньги поступаютъ приходомъ въ здѣшній приказъ общественнаго призрѣнія, и каз. палата до оныхъ никакова касательства не имѣетъ, то и отнеслась бы дума къ Е. П. г. губернатору». Когда же дума обратилась къ губернатору съ просьбой сдѣлать распоряженіе о причисленіи названныхъ денегъ къ городскимъ доходамъ, тогда губернаторъ въ мартѣ 1786 г., сославшись на 5 и 6 п. упомянутаго выше указа отъ 22-го сентября 1782 г. и на 146 ст. город. положенія [1]), увѣдомилъ думу, что деньги эти «въ вѣдомство думы не слѣдуютъ», такъ какъ де онѣ, поступая въ приказъ общ. пр., «употребляются на распространеніе въ семъ городѣ полезного и отдаются остатки въ проценты». Губернаторъ

---

[1]) Хотя по этой 146 ст., писалъ губернаторъ, и повелѣно: „въ которомъ городѣ есть портовая или пограничная таможня, тамъ, по указу отъ 22 сент. 782 г. опредѣляются городу въ доходъ собираемыя съ привозныхъ товаровъ съ каждаго

очевидно, отрицалъ право городской думы распоряжаться этими деньгами, полагая, что право это принадлежитъ приказу общ. пр. Городская дума, вновь обсудивъ этотъ вопросъ въ общемъ собраніи и признавъ, что именно указанныя губернаторомъ статьи ясно предоставляютъ упоминаемыя деньги въ доходъ *города*, «дабы непричисленіе ихъ къ градскимъ доходамъ не имѣло быть признано нерадѣніемъ градской думы и упущеніемъ ея должности», просила губернатора представить этотъ вопросъ на разрѣшеніе намѣстнику гр. Румянцову или же разрѣшить ей самой обратиться къ нему по этому дѣлу. Губернаторъ долго ничего на это не отвѣчалъ. Между тѣмъ въ апрѣлѣ м-цѣ 1787 г., согласно послѣдовавшему высоч. рескрипту объ учрежденіи оспопрививательнаго института, городская дума должна была, по указанію губернатора, пріобрѣсть для этой цѣли домъ вице-губернатора Александра Федоровича Башилова, и рапортомъ отъ 5-го августа представила губернатору, опять сославшись на 4 и 6 п. им. указа 22 сентября 1782 г., что за этотъ домъ «слѣдуетъ уплатить съ тѣхъ въ пользу города въ таможнѣ собираемыхъ денегъ» и при этомъ, «усугубляя прежнюю свою просьбу», просила губернатора предписать, кому слѣдуетъ, «какъ собранные до сего, въ силу вышепрописанныхъ всевысоч. узаконеній, въ Васильковской таможнѣ деньги къ причисленію къ городскимъ доходамъ въ сію думу доставить, такъ и впредь, сколько оныхъ собраться можетъ, доставляемо было бъ».

Губернаторъ, указывая главнымъ образомъ на то, что собираемыя въ пользу городовъ на таможняхъ сборы имѣютъ опредѣленное назначеніе, на содержаніе такихъ учрежденій въ городѣ, которыми завѣдываетъ приказъ общ. пр., заявлялъ, что эти сборы «въ число вступаемыхъ собственно городскихъ доходовъ отданы быть не могутъ, но принадлежать приказу общ. пр.», а потому «и не имѣла дума резона полагать на заплату г. ст. сов. Башилову за домъ изъ собираемыхъ въ таможнѣ доходовъ», сославшись затѣмъ на высоч. повелѣніе объ устройствѣ больницы для заразительныхъ болѣзней на счетъ «здѣшнихъ городскихъ доходовъ», губернаторъ говоритъ, что доходы эти «нынѣ за упраздненіемъ монастырскихъ шинковъ и присвоеніемъ

пошлинного рубля по двѣ копѣйки, а съ отвозныхъ по копѣйкѣ", но такъ какъ де эти доходы собираются въ пограничной таможнѣ не въ городѣ, а внѣ его, въ Василькоѣ, то потому они и не должны поступать въ город. думу. Но въ 6 п., какъ писала и дума, ясно сказано, что гдѣ таможни находятся не въ городахъ, но внѣ ихъ, тамъ этотъ доходъ поступаетъ въ пользу губернскаго города той губерніи.

въ пользу города всей вообще винной продажи, по всѣмъ его частямъ, знатно умножиться должны и ко многому полезному для здѣшняго общества пособствовать могутъ, такъ и на заведеніе прививанія оспы слѣдуетъ нужныя деньги заимствовать изъ городскихъ же доходовъ».

Только послѣ этого отвѣта губернатора, городская дума обратилась 11-го сентября 1787 г. съ репортомъ къ гр. Румянцову, мотивируя это обращеніе тѣмъ же опасеніемъ, «дабы недоставленіе до сего означенныхъ денегъ въ вѣдѣніе городской думѣ не могло причтено быть ея нерадѣнію или пропущенію должности, закономъ ей предписанной».

Репортъ этотъ подписали градской глава Евфимъ Митюкъ и гласные: Григорій Радзицкій, Александръ Лебединскій, Матвѣй Мединцовъ и Василій Стефановичъ.

А. А.

Къ исторіи Кубанскаго войска. 30 іюня 1892 года исполнилось 100 лѣтъ съ того времени, когда Екатерина II пожаловала черноморскимъ казакамъ войсковыя земли на правой сторонѣ р. Кубани.

Въ грамотѣ отъ 1 іюля 1792 г. между прочимъ было сказано, что таврическому губернатору поручено: «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и казаковъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и въ Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются противъ ихъ воли».

Въ концѣ грамоты выражена увѣренность въ томъ, что войско «употребитъ усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на эту землю изъ области между Днѣстромъ и Бугомъ», которая въ 1787 г. была назначена для переселенія запорожцамъ.

Въ своихъ запискахъ А. Туренко говоритъ, что 3 іюля 1787 г. Екатерина II, проѣзжая въ Тавриду, позволила старшинамъ запорожскаго войска: Сидору Бѣлому, Антону Головатому и другимъ поселить казаковъ между рѣками Днѣстромъ и Бугомъ. Полагаемъ, однако, что столѣтіе черноморскаго или кубанскаго войска слѣдуетъ считать съ 30 іюня 1792 года, когда была дана грамота на занятіе земли по р. Кубани, какъ сказано въ исторіи войска [1]). Замѣтимъ, что войсковой атаманъ, генералъ-маіоръ З. Чепѣга и полковой судья А. Го-

---

[1]) См. „Черноморскіе казаки". С. П. 1858 г. стр. 185.

ловатый, такъ много потрудившіеся для войска, скончались въ январѣ 1797 г., какъ поясняетъ Туренко [1]).

Въ этой замѣткѣ мы пользуемся перепиской екатеринославскаго намѣстническаго правленія съ алексопольскимъ [2]) городничимъ, княземъ Манвеловымъ: «о высылкѣ служащихъ въ черноморскомъ войскѣ старшинъ и казаковъ, начатой въ 1790 году. Правитель намѣстничества сообщилъ, что атаманъ черноморскихъ казаковъ, бригадиръ З. Чепѣга, проситъ выслать въ войско старшинъ и казаковъ, отпущенныхъ въ домовые отпуски въ екатеринославскую губернію. Поэтому правленіе предписало, 26 февраля 1790 г., исправникамъ и городничимъ выслать этихъ казаковъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы имъ не дѣлать при этомъ никакихъ обидъ и притѣсненій, и донести о томъ правленію, подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе. При указѣ не былъ приложенъ спискъ старшинъ и казаковъ.

Спустя два дня, правленіе сообщило алексопольской управѣ благочинія, что князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій прислалъ правителю намѣстничества, при ордерѣ отъ 13 февраля 1790 г., копію Высочайшаго повелѣнія о наименованіи его «великимъ гетманомъ» казачьихъ войскъ и приложило копію этого повелѣнія для свѣдѣнія. Несомнѣнно, что князь Г. А. Потемкинъ очень интересовался титуломъ гетмана. Это видно изъ того, что онъ старался обнародовать этотъ указъ. На это также указываетъ письмо повѣреннаго князя, М. Гарновскаго, отъ 21 марта 1790 г. къ В. С. Попову [3]), управлявшему канцеляріей Потемкина. Извѣстно, что въ то время пользовался расположеніемъ Екатерины II графъ П. А. Зубовъ, о которомъ Гарновскій долженъ былъ извѣщать Попова.

Далѣе правленіе сообщило 2 іюля 1790 г., алексопольскому городничему, что бригадиръ З. Чепѣга требуетъ: «выслать къ нему полкового старшину, арміи поручика Запоревскаго, предварительно отобравъ на мѣстѣ отъ него всѣ письменныя наставленія и другія бумаги, какія у него явятся; ему же, Запоревскому, объявить, чтобы онъ слѣдовалъ въ кошъ, а въ случаѣ сопротивленія отправить туда подъ присмотромъ».

Вѣроятно, атаманъ Чепѣга узналъ о томъ, что командированный имъ въ екатеринославское намѣстничество для вызова запорож-

---

[1]) См. „Ист. зап. о войскѣ черном.“ А. Туренка. Кіевск. Стар. 1887 г.

[2]) Алексополемъ названо было тогда м. Нехворощь полтавск. губерніи.

[3]) См. „Русскую Старину“ 1876 г. „Записки Гарновскаго“.

цевъ на службу, старшина Заноревскій записываетъ въ козаки не принадлежащихъ къ нимъ людей и «другія тому подобныя несправедливости дѣлаетъ, а тѣмъ наводитъ черноморскому обществу и ему, Чепѣгѣ, порокъ и нареканіе», какъ сказано въ сообщеніи. Очевидно, Заноревскій слишкомъ увлекся и потому вызвалъ неудовольствіе своего начальника. На это городничій, кн. Манвеловъ, донесъ, 21 іюля 1790 г., что въ г. Алексополѣ поручика Заноревскаго «не сыскалось». 28 іюля того же года правленіе сообщило алексопольской управѣ благочинія, что князь Потемкинъ прислалъ рапортъ атамана Чепѣги, въ которомъ послѣдній донесъ ему, что «возвратившіеся изъ домовыхъ отпусковъ старшины и козаки жалуются на отягощенія и разоренія въ селеніяхъ, семействамъ ихъ чинимыя». Вслѣдствіе этого князь Потемкинъ предписалъ исключить семейства козаковъ, служащихъ въ черноморскомъ войскѣ, изъ подушнаго оклада и позволить имъ переселиться на землю, назначенную имъ между Днѣстромъ и Бугомъ. Тогда же намѣстническое правленіе разослало указы въ суды и управы благочинія «о непремѣнномъ онаго Его Свѣтлости повелѣнія исполненіи» и предписало доставить ему именныя вѣдомости обо всѣхъ поступившихъ въ черноморскіе козаки людяхъ и ихъ семействахъ. Потомъ казенная палата, 7 сентября 1790 г., послала въ алексопольскую управу благочинія подтвержденіе о доставленіи вѣдомости жителей г. Алексополя, поступившихъ въ черноморскіе казаки. Затѣмъ правленіе, 30 сентября 1792 г., прислало въ алексопольскій уѣздный судъ двѣ копіи грамотъ,—данныхъ черноморскому войску 30 іюня и 1 іюля, и поручило копіи съ нихъ разослать въ присутственныя мѣста. Изъ этого распоряженія видно, что грамоты были присланы правителю намѣстничества при именномъ указѣ 15 іюля 1792 г., и что войсковое начальство увѣдомило его, что козаки, живущіе на земляхъ между Бугомъ и Днѣстромъ, будутъ въ томъ же году переселяться на Фанагорійскій островъ. Поэтому правитель предписалъ исправнику херсонскаго уѣзда принимать слѣдовавшія туда команды того войска на Бугѣ, въ Соколахъ, и проводить ихъ въ Бериславъ до границы таврической области. 7 іюня 1794 г., исправникъ Андрей Шошинъ сообщилъ въ алексопольскую управу благочинія, что намѣстническое правленіе поручило ему изслѣдовать о черноморскомъ козакѣ Никитѣ Остроухѣ и его отцѣ, Иванѣ, «кто изъ нихъ съ бывшихъ запорожцевъ и изъ не бывшихъ въ ономъ, съ какого званія въ черноморцы поступили». Никита Остроухъ предъ-

явилъ Шошину свидѣтельство отъ жителей г. Алексополя [1]) Ѳедора Перескока, Василія Кудры и другихъ о томъ, что отецъ его Иванъ служилъ въ звонковскомъ куренѣ запорожскаго войска двадцать лѣтъ. Но исправникъ потребовалъ, чтобы управа выслала восемь свидѣтелей на 11 іюня къ нему, въ с. Плавещину, для снятія съ нихъ показаній подъ присягою. На это уже городническое правленіе отвѣтило исправнику, что отправляетъ четырехъ свидѣтелей: Ѳедора Лымаря и другихъ; старшина Данильченко и Перескокъ находились въ отлучкѣ, а Василія Кудру и Савву Ярошенка «по крайней ихъ старости и дряхлости выслать никакъ не можно». Поэтому правленіе увѣдомляетъ, что остальныхъ свидѣтелей, если показаній первыхъ будетъ недостаточно, можно допросить на мѣстѣ. Переписка окончилась указомъ намѣстническаго правленія отъ 23 августа того же года, посланнымъ исправляющему должность городничаго, уѣздному судьѣ, секундъ-маіору Миркалову о томъ, что начальникъ черноморскаго учебнаго флота, вице-адмиралъ І. М. де-Рибасъ, требуетъ собрать «черноморскаго войска козаковъ, кои остались здѣсь отъ переселенія войска на Тамань, для употребленія на лодки при ввѣренномъ ему флотѣ». Вслѣдствіе распоряженія генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго, де-Рибасъ отправилъ для этого полкового эсаула Черненка, а потому правленіе предписало исправникамъ и городничему оказывать ему помощь, но при этомъ поручило наблюдать «дабы не служившіе первое на дѣйствительной службѣ въ бывшемъ запорожскомъ, а потомъ и черноморскомъ, имъ Черненкомъ отнюдь взяты не были и тѣмъ бы не послѣдовало между казенными поселянами и помѣщичьими подданными поводу къ побѣгу». Правленіе предписало также исправнику, по прибытіи эсаула Черненка, потребовать отъ него именной списокъ о принадлежащихъ къ гребной флотиліи козакахъ и, по удостовѣреніи въ томъ, отпустить этихъ козаковъ, давъ имъ на проходъ билеты. Затѣмъ о тѣхъ, которые окажутся не служившими въ запорожскомъ войскѣ, не отдавая ихъ, донести правленію съ объясненіемъ: кто свидѣтельствуетъ о нихъ изъ мѣстныхъ жителей. Въ этомъ случаѣ правленіе боялось, чтобы Черненко не повторилъ того, что допустилъ Заноревскій.

Сообщаемыя свѣдѣнія безъ сомнѣнія доказываютъ, что полководцами Екатерины II запорожцы признавались вполнѣ способными

---

[1]) Алексополемъ въ 1794 г. называлось м. Царичанка кобылякскаго уѣзда, полтавской губерніи.

для сухопутной и морской войны. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые выставляютъ запорожское войско, не пригоднымъ для военныхъ дѣйствій.

Прилагаемъ копію указа намѣстническаго правленія. Указъ Е. И. В. С. В. Изъ екатеринославскаго намѣстническаго правленія алексопольской управѣ благочинія.

По указу Е. И. В. екатеринославское намѣстническое правленіе, по сообщенію господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника правителя екатеринославскаго намѣстничества и кавалера, въ коемъ написано, что его свѣтлость высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ екатеринославскій, таврическій и херсонскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій въ ордерѣ къ нему, послѣдовавшемъ отъ 13 числа сего февраля подъ № 717, далъ знать, что Е. И. В. благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть его свѣтлости именоваться великимъ гетманомъ Императорскихъ козацкихъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ,—препроводить изволилъ для надлежащаго въ губерніи, имъ правимой, предложенія экземпляры Высочайшаго Е. И. В. о томъ повелѣнія, съ коихъ экземпляровъ, прилагая при томъ сообщеніи восемнадцать, требуетъ: разослать оные въ надлежащія присутственныя мѣста екатеринославской губерніи для свѣдѣнія о изложенномъ Е. И. В. повелѣніи. Приказали: объ ономъ для свѣдѣнія въ палаты и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить, а въ прочія присутственныя мѣста послать указы съ приложеніемъ по одному экземпляру въ палаты и верхнія мѣста подлинные, а въ уѣздныя—копіи. Февраля 28 дня 1790 года № 4160.

Подлинный подписалъ: Александръ Тибекинъ.

П. Китицынъ.

Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ. М. Чайковскій въ той части своихъ записокъ, которая посвящена пребыванію его заграницей, передаетъ интересный разсказъ объ одномъ изъ польскихъ магнатовъ гр. Мечиславѣ Потоцкомъ; впрочемъ, разсказъ этотъ едвали не принадлежитъ числу ходячихъ анекдотовъ, пріурочиваемыхъ то къ тому, то къ другому лицу. Вотъ этотъ разсказъ:

Мечиславъ Потоцкій, какъ и всѣ Потоцкіе, былъ удивительный оригиналъ: крайняя скупость совмѣщалась въ немъ съ величайшей

расточительностью. Въ его имѣніи Тульчинѣ, какъ и вездѣ въ Россіи въ то время, была монополія на продажу водки. Козаки пана Потоцкаго держали караулы, чтобы не пропускать водки въ мѣстечко. Скупой и недовѣрчивый п. Мечиславъ заподозрилъ ихъ добросовѣстность и однажды сообщилъ женѣ, извѣстной красавицѣ Дельфинѣ Потоцкой, о своемъ намѣреніи переодѣться крестьяниномъ и попытаться провезти въ мѣстечко водку съ цѣлью испытать вѣрность стражниковъ. Этотъ разговоръ услыхала случайно находившаяся въ сосѣдней комнатѣ горничная, возлюбленный которой находился въ числѣ стражниковъ. Дѣвушка предупредила своего жениха о замыслѣ пана. Козакъ сообщилъ о немъ товарищамъ и они сообща составили планъ дѣйствій. Подъ вечеръ на дорогѣ показался одноконный возъ, съ сидящимъ на немъ крестьяниномъ, въ которомъ козаки узнали пана. Они тотчасъ остановили возъ и приступили къ обыску. Крестьянинъ клянется, что у него нѣтъ никакой контрабанды и, наконецъ, предлагаетъ полтинникъ за пропускъ безъ осмотра. Козаки выругали соблазнителя и попотчивали его нагайками, а когда нашли на возу водку, принялись бить его безъ милосердія. Графъ не выдержалъ и сталъ кричать: «я вашъ панъ!», но козаки продолжали колотить его, приговаривая: «мало того, что крадешь панскія деньги, и подкупаешь панскихъ слугъ, да еще и выдаешь себя за пана!» Избитаго привезли они пана въ контору, гдѣ его узнали и отвезли въ палацъ. Пришлось звать доктора. Графиня при видѣ такого печальнаго исхода предпріятія своего мужа не могла удержаться отъ улыбки. Графъ выздоровѣлъ, но не могъ забыть улыбки жены, заподозрилъ ее въ соучастіи съ козаками и разошелся съ нею.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891.

Мало по малу мысль о необходимости разработки русской исторіи по областямъ приводится въ исполненіе. Русская историческая литература въ настоящее время обогатилась новымъ трудомъ по областной исторіи, заглавіе котораго мы выписали. Писать исторію Кіевской земли значитъ писать исторію всей Руси вслѣдствіе того значенія, какое имѣлъ Кіевъ въ древне-русской жизни. Отсюда вытекаетъ трудность задачи. Историку приходится слѣдить за политической жизнью всѣхъ древне-русскихъ областей, если онъ желаетъ вполнѣ уяснить ходъ историческихъ явленій. Кромѣ того, самая постановка темы несомнѣнно затрудняла изслѣдователя. Дѣленіе исторіи на періоды, конечно, и необходимо и естественно. Но несомнѣнно также и то, что тамъ, гдѣ возможно избѣжать этого, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, хронологическій объемъ задачи не особенно великъ, тамъ подобное дробленіе не только не является необходимымъ, но даже, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ считаться нежелателнным въ интерессахъ науки. Развѣ то, что явилось въ политической жизни полянскаго племени и всей Руси послѣ смерти Ярослава, есть нѣчто рѣзко особенное, могущее служить рѣзкою гранью? Конечно, нѣтъ. Принято шаблонно начинать удѣльно-вѣчевой періодъ со смерти Ярослава, а изложеніе исторіи этого періода — такъ называемымъ завѣщаніемъ Ярослава. Но дѣло въ томъ, что «вѣчеваго» періода этотъ князь не создалъ, да и не могъ создать, а удѣльный порядокъ начался гораздо раньше него. Для уясненія происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка необходимо связать между собою явленія до и послѣ смерти Ярослава. Итакъ историку достав-

ляла, какъ намъ кажется, не малыя затрудненія самая постановка темы. Третье обстоятельство, которое должно было значительно отягчать изслѣдователя—это богатство литературы, посвященной разработкѣ детальныхъ вопросовъ древней русской исторіи.

Не смотря на указанныя затрудненія, которыя пришлось преодолѣвать автору «Очерка исторіи Кіевской земли», послѣдняя представляетъ во многихъ отношеніяхъ полезный вкладъ въ нашу историческую литературу. Г. Грушевскій съумѣлъ представить исторію Полянской земли въ ясномъ разлѣдованномъ видѣ, насколько, конечно, позволяли ему количество и характеръ источниковъ. Изложеніе автора легкое, живое и образное. Дѣлаемыя имъ характеристики историческихъ дѣятелей даютъ живые образы далекаго прошедшаго, хотя мы и не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Къ числу весьма удачныхъ мѣстъ въ работѣ г. Грушевскаго нужно несомнѣнно отнести объясненіе происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка, хотя оно и не вполнѣ исчерпываетъ вопросъ; характеристику исторіи вѣча и Кіева въ удѣльный періодъ; характеристику отдѣльныхъ періодовъ въ развитіи удѣльно-вѣчеваго порядка; особенно же хорошо очерчена политика Андрея Боголюбскаго. Нельзя отрицать того, что работы предшественниковъ послужили автору для уясненія себѣ многихъ явленій древне-русской жизни, но въ приведенныхъ мѣстахъ внесено г. Грушевскимъ много своего оригинальнаго, явившагося результатомъ и самостоятельной разработкой первоисточниковъ.

Трудъ г. Грушевскаго распадается на 6 главъ: 1) Географическій очеркъ, 2) Кіевская земля до смерти Мстислава, 3) Борьба за Кіевскій столъ (1132—1169), 4) упадокъ Кіевскаго стола, 5) общественное устройство и бытъ Кіевской земли въ до—монгольскій періодъ и 6) Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.—Авторъ воспользовался всѣмъ, что когда либо было сдѣлано въ русской наукѣ по исторической географіи, и историческій очеркъ Кіевской земли отличается полнотою и тщательностью разработки. Правда, въ немъ немного самостоятельнаго. Во многихъ мѣстахъ авторъ почти не приводитъ данныхъ лѣтописи цѣликомъ и не анализируетъ ихъ, а лишь указываетъ на существующія мнѣнія. Иногда передавъ ихъ, авторъ говоритъ, что онъ несогласенъ съ ними, но въ большей части случаевъ или мало обосновываетъ или совсѣмъ не обосновываетъ своего несогласія. Сказанное приходится отнести не только къ географо-топографической части работы г. Грушевскаго, но и къ другимъ ея отдѣламъ. Къ числу удачныхъ соображеній нужно отнести

опредѣленіе мѣстонахожденія города Товарова, какъ и замѣчанія автора относительно города Торческа. Что касается доводовъ г. Грушевскаго о городѣ Юрьевѣ, то въ этомъ мѣстѣ именно яснѣе всего выступаетъ сказанное нами выше: г. Грушевскій не анализируетъ самъ лѣтописныхъ извѣстій, а что касается найденной на берегу р. Роси георгіевской панагіи, то, вѣроятно съ этимъ согласится и самъ авторъ, она могла быть занесена при всякихъ переполохахъ куда-нибудь и еще подальше. Говоря о доисторической колонизаціи славянскихъ племенъ, авторъ воспользовался и данными археологіи. Мы думаемъ, эти данныя блестяще подтверждаютъ давно уже установившееся въ наукѣ мнѣніе о Прикарпатьи, какъ первоначальномъ мѣстопребываніи славянскаго племени. Эти данныя довольно ясно указываютъ также путь движенія отдѣльныхъ русско славянскихъ племенъ. Поэтому нѣтъ никакой возможности предполагать, будто древлянское населеніе къ югу отъ рѣки Припети было разрѣжено дреговицкими колонистами. Наоборотъ, дреговицкія поселенія представляютъ здѣсь остатки отъ племени дреговичей, постепенно, при движеніи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вытѣсненнаго древлянами. Этимъ объясняется также нахожденіе дреговицкаго, древлянскяго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ совмѣстно въ углу между р. Припетью и Днѣпромъ. Тутъ именно археологія рисуетъ намъ процессъ колонизаціи: сѣверяне, двигаясь впереди, сзади были тѣснимы дреговичами. Между р. Припетью и Днѣпромъ сѣверянское племя должно было задержаться на нѣкоторое время, какъ передъ сильною естественноюграницею; когда племя дреговичей потѣснило сѣверянъ, то послѣдніе перешли за Днѣпръ, причемъ часть могла остаться и на старомъ мѣстѣ. Затѣмъ древляне, вытѣснивъ дреговичей съ южнаго побережья р. Припети, при чемъ часть послѣднихъ осталась на южномъ берегу, перешли въ своемъ движеніи и р. Припеть и въ видѣ отдѣльныхъ поселковъ могли явиться въ углу между рр. Припетью и Днѣпромъ. Такова вполнѣ ясная и простая картина колонизаціи русско-славянскихъ племенъ. Намъ кажется также, что можно было бы совершенно не касаться вопроса о происхожденіи термина «Поляне», тѣмъ болѣе, что прозванія эти должны были явиться еще на ихъ прародинѣ въ Прикарпатьи. По поводу географической части работы г. Грушевскаго приходится сказать тоже, что можно сказать и относительно работъ другихъ историковъ, вполнѣ основательно начинающихъ исторію той или иной области съ ея географическаго очерка. Цѣль, которой въ этомъ случаѣ задаются, очень проста: опре-

дѣлить съ бо́льшей или меньшей вѣроятностью политическую границу земли, перечислить всѣ населенныя въ древности мѣстности,— вотъ и все Все это необходимо для полноты труда и важно для объясненія самой политической жизни земли. Но вотъ на это то последнее обстоятельство и мало обращается вниманія: обыкновенно географическій очеркъ является чѣмъ-то совершенно отрѣзаннымъ отъ остальныхъ частей работы, органической связи между ними нѣтъ никакой. Намъ кажется, что въ значительной мѣрѣ многія событія древняго періода нашей исторіи вытекали изъ географическихъ обстоятельствъ. Не говоря уже о безконечныхъ пограничныхъ распряхъ между областями, даже такой запутанный вопросъ, какъ волынскій, въ значительной степени объясняется причинами чисто географическими и условіями доисторической колонизаціи. Мы утверждаемъ, что политическую жизнь населенія, его бытъ, необходимо ставить въ тѣсную органическую связь съ территоріальными условіями.

Переходимъ теперь къ другимъ главамъ труда г. Грушевскаго. Въ общемъ надо сказать, что изложеніе уважаемаго автора носитъ нѣсколько догматическій характеръ. Дѣло въ томъ, что, группируя факты, давая ихъ объясненіе, авторъ часто употребляетъ выраженія: «правдоподобно», «я думаю» и т. д., при чемъ изъ самой группировки фактовъ не видно основанія для «правдоподобія». Мысль, пришедшая автору для объясненія того или иного событія, настолько сильно дѣйствуетъ, что не оставляетъ мѣста для другихъ комбинацій. Такъ, напримѣръ, разсматривая фактъ высадки изъ поруба Судислава братьями, авторъ упускаетъ изъ вида самое простое его объясненіе: Судиславъ могъ заявить требованія не на одну Псковскую область, а на главенство во всей Русской землѣ, какъ дядя. Исторія столкновенія братьевъ съ Всеславомъ Полоцкимъ авторомъ не выяснена. Причина понятна. Уважаемый авторъ не можетъ тутъ ничего объяснить междукняжескими отношеніями, а на условія чисто этнографо-географическаго характера онъ не обратилъ должнаго вниманія. Не можемъ не указать также на нѣкоторыя случайныя неточности, на которыхъ авторъ основываетъ свои объясненія фактовъ. Къ числу такихъ случайныхъ погрѣшностей, какъ мы думаемъ, авторъ вмѣстѣ съ нами отнесетъ старшинство Давида Святославича передъ Олегомъ, утвержденіе, будто Всеволодъ Ольговичъ былъ во время занятія кіевскаго стола не старшій среди Ольговичей.

Намъ казалось бы, что пишущій исторію Кіевской земли *долженъ бы былъ* поставить себѣ задачей, отрѣшившись отъ всѣхъ мнѣ-

ній и споровъ, — выяснить на основаніи данныхъ первоисточниковъ главные факторы событій удѣльно-вѣчеваго періода. Г. Грушевскій прекрасно выясняетъ основной мотивъ дѣятельности Изяслава, Святослава и Всеволода, опредѣляя его собираніемъ земли, стремленіемъ изъять какъ можно больше областей изъ рукъ младшихъ князей. Авторъ вполнѣ вѣрно смотритъ на эти событія и не видитъ тутъ основанія въ родовомъ бытѣ. Но смотря вѣрно на основу явленій, авторъ даже противорѣчитъ себѣ. Это сейчасъ-же сказывается въ объясненіи борьбы кіевскихъ князей съ изгоями.

Наравнѣ съ сторонниками родоваго быта, г. Грушевскій ведетъ начало изгойства опять таки изъ родоваго быта, а на всю эту борьбу смотритъ съ точки зрѣнія кіевскихъ князей, такъ что изгои или князья, которыхъ сдѣлали изгоями, являются если не кругомъ виноватыми, то по крайней мѣрѣ легкомысленными смутителями родной земли. При этомъ авторъ смѣшиваетъ мнѣніе Русской земли съ мнѣніемъ кіевскаго земства. Не признавая двигателемъ событій родовой бытъ, авторъ тѣмъ не менѣе называетъ Всеволода узурпаторомъ потому, что онъ (будто бы) не былъ старшій въ родѣ Ольговичей. Для объясненія многихъ событій г. Грушевскому приходится волей неволей прибѣгать къ теоріи родоваго быта. Это противорѣчіе явилось естественно: родовой бытъ и старшинство, необходимое для великокняженія, смѣшаны. Г. Грушевскій вполнѣ вѣрно указываетъ основной мотивъ политики кіевскаго земства—стремленіе выдѣлиться въ особую политическую единицу съ излюбленной княжеской семьей во главѣ; такой излюбленной семьей являлась несомнѣнно линія Мстиславичей; на встрѣчу этому стремленію идутъ и Мстиславичи, стараясь сдѣлать кіевскую землю своею отчиною. Откуда вывели они такое новое свое право? По нашему крайнему разумѣнію, авторъ упустилъ изъ вида важный моментъ въ исторіи древней Руси—попытку установленія наслѣдственной власти, выразившуюся въ передачѣ великокняжескаго стола Мономахомъ сыну Мстиславу. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ увѣренъ въ согласіи вѣча, но вѣче въ этомъ случаѣ руководилось тѣмъ основнымъ мотивомъ, который отмѣченъ, какъ сказано, авторомъ, —удержать у себя одну княжескую линію. Болѣе отдаленными перспективами оно, конечно, задаваться не могло. Изъ этой попытки Мономаха ничего не вышло, благодаря именно тому, что Мстиславичи вывели отсюда лишь отчинность Кіева въ ихъ семьѣ вполнѣ согласно съ стремленіемъ вѣча.

Эта вотчинность Полянской земли съ Кіевомъ, созданная или, лучше, выдвинутая Мстиславичами и кіевскимъ земствомъ иногда заслоняетъ отъ автора мотивы политическихъ событій и ставитъ его въ недоумѣніе. Всеволодъ Черный садится въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ, но всѣ пригороды земли Кіевской остаются за Мономаховичами. Авторъ недоумѣваетъ предъ этимъ, повидимому, дѣйствительно страннымъ фактомъ. Между тѣмъ дѣло объясняется, по нашему мнѣнію, довольно просто. Основной цѣлью борьбы была не отчинность, а великое княженіе. Въ указанный моментъ Кіевъ выдѣляется одинъ; онъ былъ теперь безъ земли, безъ области, городомъ великаго князя, гдѣ могли смѣняться князья на основахъ княжескаго права. Кіевъ переставалъ быть городомъ земли Полянской—онъ становился городомъ земли Русской? Это былъ важный моментъ въ нашей исторіи. Но этотъ важный переворотъ удержался лишь на короткое время. Если мы бросимъ взглядъ назадъ, на весь удѣльный періодъ, то увидимъ, что эта самая идея созданія центра, обособленнаго отъ интересовъ областныхъ, центра обще-русскаго,—эта идея существуетъ у князей. Ея существованіемъ, хотя смутнымъ, объясняется избраніе для рѣшенія самыхъ важныхъ обще-русскихъ дѣлъ мѣстъ незначительныхъ, не областныхъ городовъ. Гдѣ рѣшается дѣло Олега, Давида Игоревича и т. п.? Эти незначительные городки могли считаться болѣе или менѣе нейтральными. Если-бы эта идея въ сознаніи древне-русскаго общества оформилась, мы не видѣли-бы тѣхъ страшныхъ броженій, которыя потрясали русскую землю болѣе двухъ-сотъ лѣтъ. Идея жила смутно и ясное выраженіе получила лишь въ томъ знаменательномъ фактѣ, о которомъ мы говорили выше. Идея на минуту осуществляется, ее признаютъ и Ольговичи, и Мстиславичи, спокойно владѣющіе пригородами и допускающіе Рюрика на столъ черниговскій. Но умираетъ Рюрикъ, разражается галицкое дѣло, и самъ Всеволодъ выступаетъ на старую дорогу, стараясь выгнать Мстиславичей изъ ихъ удѣловъ.

Какъ особнякомъ въ цѣломъ трудѣ г. Грушевскаго стоитъ географическій очеркъ Полянской земли, такъ отрѣзана ото всего остальнаго и глава, посвященная общественному устройству и быту Кіевской земли въ до-монгольскій періодъ. Эти главы—I и V-я, по нашему мнѣнію, должны стоять непосредственно одна подлѣ другой. Точно также V-я глава должна предшествовать остальнымъ. На нашъ взглядъ политическія событія несомнѣнно вліяютъ на бытъ и промышленность страны, но по большей части лишь въ смыслѣ

отрицательномъ, т. е. при правильномъ, спокойномъ развитіи политической жизни въ древній періодъ вліяніе ея сводится на нѣтъ, а всѣ потрясенія, конечно, задерживаютъ культурное развитіе населенія. Наоборотъ, бытъ, зародыши котораго принесены изъ прародины и подвергаются измѣненіямъ подъ новыми географическими условіями, промышленность, зарождающаяся всецѣло подъ вліяніемъ этихъ условій,—они въ значительной степени оказываютъ вліяніе на ходъ историческихъ событій, обусловливая даже заранѣе отношенія двухъ сосѣднихъ племенъ. Припомнимъ, что значительныя предпріятія князей противъ половцевъ обусловливались чисто промышленными условіями, что колебанія политики В. Новгорода въ значительной степени зависѣли отъ его торговыхъ отношеній къ сосѣднимъ областямъ и государствамъ, — припомнимъ эти факты, и намъ необходимо придется подумать: не связана-ли попытка отнятія Всеволодомъ у Святославичей Курской области съ какими-нибудь чисто торговыми нуждами кіевскаго населенія; не добивались-ли кіевскіе князья покорности Полоцка ради Двинскаго торговаго пути (не говоримъ уже тутъ о другихъ причинахъ, чисто географическаго свойства) и т. д. и т. д... Разъ все это такъ, то очеркъ промышленности и вообще быта населенія долженъ въ изложеніи предшествовать очерку его политической исторіи. Все сказанное нами не относится лишь къ разбираемому труду, а только выражаетъ нашъ личный взглядъ на распредѣленіе матеріала въ трудахъ, подобныхъ разбираемому. Мы должны сказать, что для уясненія вліянія выше указанныхъ факторовъ на политическія судьбы Полянскаго племени авторомъ сдѣлано весьма мало. Въ общемъ VI-я глава представляетъ одну изъ лучшихъ частей труда г. Грушевскаго. Авторъ воспользовался всѣмъ, чѣмъ было можно; его картина полянскаго быта нарисована живо и на нашъ взглядъ вполнѣ вѣрно. Съ авторомъ можно однакоже не согласиться въ отдѣльныхъ взглядахъ, какъ напр. на то мѣсто Русской Правды, гдѣ говорится о смердьи холопѣ. Авторъ придерживается мнѣнія, что смерды были полусвободнаго состоянія, а мы готовы слѣдовать толкованію г. Сергѣевича, что и у смердовъ могли быть холопы. Въ перечисленіи повинностей пропущенъ «повозъ». «Полюдье» авторъ считаетъ почему-то военнымъ постоемъ. Для такого толкованія фактовъ нѣтъ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ выраженіе «а князь былъ въ полюдьи», что никоимъ образомъ не можетъ быть истолковано: «и князь былъ въ военномъ постоѣ». «Εἰς τὰ πολύδια» Константина Б. также противорѣчитъ взгляду автора.

Шестая глава посвящена судьбамъ Кіева и его области отъ нашествія татаръ до XIV ст. Намъ кажется, что авторъ здѣсь именно показалъ свое умѣнье обращаться съ историческими матеріалами, критически разрабатывать и установлять ясно свои взгляды на цѣлыя эпохи и на отдѣльныя явленія. Съ выводами можно не соглашаться, можно отчасти спорить и съ методомъ автора, но должно признать несомнѣнную заслугу его въ разработкѣ исторіи этого темнаго періода русской исторіи. Въ этой главѣ г. Грушевскій подвергаетъ снова самому тщательному пересмотру вопросъ о томъ: запустѣла-ли южная Россія послѣ татарскаго нашествія. Вопросъ дебатировался не разъ въ русской исторической литературѣ. Г. Грушевскій снова и со всѣхъ сторонъ пересмотрѣлъ его и, намъ кажется, вполнѣ основательно пришелъ къ отрицанію теоріи запустѣнія. Что касается гипотезы объ отсутствіи въ кіевской области князей до XIV ст. то, на нашъ взглядъ, она не вполнѣ еще подтверждается фактами. Предположеніе автора, что князь Өедоръ былъ не болѣе какъ татарскій посаженникъ, основанное лишь на томъ, что около него постоянно находится баскакъ,—это предположеніе слабо, такъ какъ ко всѣмъ главнѣйшимъ князьямъ и во всѣхъ областяхъ были приставлены эти ханскіе чиновники.

Совсѣмъ инымъ намъ представляется выдвинутое г. Грушевскимъ мнѣніе о постепенномъ высвобожденіи общинъ изъ-подъ вліянія княжеско-дружиннаго. Мы въ нашихъ работахъ пришли къ тому-же самому выводу. Оставляя болѣе подробное изложеніе нашего взгляда до болѣе удобнаго времени, мы скажемъ только, что не сходимся съ авторомъ въ одномъ пунктѣ. Г. Грушевскій главную роль отводитъ въ этомъ новомъ явленіи сельскому элементу, а мы признаемъ усиленіе городскаго населенія. Города въ лицѣ своихъ вѣчъ проявляютъ огромную силу и принимаютъ на себя рѣшенія политическихъ вопросовъ.

Вотъ все, что въ главномъ мы хотѣли сказать по поводу труда г. Грушевскаго. Въ заключеніе не можемъ не пожелать автору успѣшнаго движенія по научному пути, начатому удачно.

П. Г.

Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1892 годъ. Выпускъ 6-й.—Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Цѣна вмѣстѣ съ Календаремъ 1 р. 20 коп. Харьковъ. 1892 г. Стр. 194+179+X.

Нашему журналу нѣсколько ужь разъ приходилось говорить о сборникѣ, заглавіе котораго мы выписали, отмѣчать его достоинства и недостатки и указывать на него, какъ на отрадное явленіе нашей провинціальной жизни среди темнаго мрака, окутавшаго ее въ послѣдніе годы.

«Харьковскій Сборникъ» издается ежегодно, нѣсколько ужь лѣтъ подъ рядъ, и сдѣлался такимъ образомъ какъ бы періодическимъ изданіемъ, выработавъ если не разъ опредѣленную программу, то опредѣленныя традиціи, которыя служатъ его характернымъ признакомъ и отличаютъ его отъ другихъ подобнаго рода изданій въ родѣ напр. Черниговскаго календаря, въ которыхъ издатели не знаютъ сами, что хотятъ дать публикѣ, и поэтому каждый выпускъ ихъ не только не похожъ на другой, въ чемъ еще была бы небольшая бѣда, но часто содержитъ такой хламъ, который, въ хорошемъ случаѣ, безполезенъ для читателей. Такое изданіе ведется, очевидно, для того только, чтобы издать что-нибудь.

Въ Харьковѣ дѣло обстоитъ иначе. Изданіе, начатое такимъ человѣкомъ, какъ П. С. Ефименко, не могло, конечно, носить характера случайности. Сразу была поставлена опредѣленная цѣль—строго научное изслѣдованіе губерніи, сразу же были привлечены и люди, которые стали содѣйствовать этому, которые способствовали выработкѣ и вырабатывали извѣстныя традиціи изданія, на своихъ плечахъ выносили его—и результатомъ этого было то, что, при перемѣнной чуть ли не для каждаго выпуска редакціи, сохранилось единство «Сборника», сохранилась его содержательность, и его статьи, за исключеніемъ немногихъ, безъ чего, конечно, при такого рода изданіяхъ нельзя обойтись, имѣли опредѣленный характеръ, были строго научны и давали много цѣннаго фактическаго матеріала, а подчасъ и цѣнныя выводы. Въ особенности, это нужно сказать про статьи статистико-экономическаго содержанія, занимающія обыкновенно большую часть «Сборника»; другіе же отдѣлы, напр. историческій, находили мало работниковъ и не всегда были содержательными.

Предъ нами 6 выпускъ «Сборника», изданный подъ редакціей г. Иванова, и выпускъ этотъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами

мнѣніе о харьковскомъ изданіи: та же серьезность статей, та же умѣлость ихъ подбора. Большинство ихъ, по обыкновенію, посвящено статистико-экономическимъ изслѣдованіямъ харьковской губерніи.

Согласно разъ принятой программѣ и 6 выпускъ распадается на два отдѣла—литературно-научный и статистико-экономическій. Мы ужь разъ имѣли случай говорить по поводу неудобства такого рода дѣленія, тѣмъ болѣе, что заглавія придуманы редакціей для отдѣловъ очень неудачно. Статистико-экономическій отдѣлъ, напр., почему то отличается отъ научнаго, какъ будто статистико-экономическія работы, ужь по природѣ своей, работы ненаучныя; тогда какъ *научность* «Харьковскаго Сборника» и все его значеніе и заключается именно въ подобнаго рода работахъ. Неудачное дѣленіе «Сборника» порождаетъ и для читателя массу недоразумѣній. Почему, напримѣръ, статья г. Иванова *«Забытые труды по изслѣдованію народной жизни»* (Кадастръ харьковской губерніи), которая, какъ увидимъ ниже, по характеру своему, является *статистико-экономической*, отнесена въ отдѣлъ *литературно-научный*? Ужь не потому ли, что статистико-экономическія данныя относятся къ 50-мъ, а не къ 70—80 г. текущаго столѣтія? Если—да, то резонъ очень странный. Курьезно также видѣть продолженіе статьи г. Л. О. Павловича *«Очеркъ растительности харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей»* въ отдѣлѣ *статистико-экономическомъ* (мы ужь разъ указывали на это), тогда какъ статья представляетъ перечень растеній съ чисто ботаническими замѣчаніями и никакого касательства ни къ статистикѣ, ни къ экономикѣ не имѣетъ.—Вообще редакціи, обѣщающей улучшенія въ изданіи, слѣдуетъ обратить свое вниманіе на эти недостатки, тѣмъ болѣе что если она видитъ необходимость дѣленія «Сборника» на отдѣлы (для удобства, конечно, читателей), то отдѣлы должны быть строго разграничены и менѣе общи, чтобы читатель сразу зналъ въ какомъ отдѣлѣ, что онъ можетъ найти. Въ этомъ только случаѣ отдѣлы перестанутъ быть пустой формальностью, нужной только для приданія изданію извѣстнаго болѣе почтеннаго и научнаго вида.

Сдѣлавъ эти замѣчанія, перейдемъ теперь къ содержанію 6 выпуска «Харьковскаго Сборника», тѣмъ болѣе, что онъ дастъ читателю много любопытнаго и поучительнаго. Дѣленія на отдѣлы, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, мы придерживаться не будемъ. На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить полную глубокаго интереса статью самого редактора «Сборника» В. В. Иванова *«Забытые*

труды по изслѣдованію народной жизни. Кадастръ харьковской губерніи стр. (1—67). О ней мы ужь упоминали выше.

«Работа кадастровыхъ коммиссій, организованная министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, имѣла въ виду «уравненіе денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ» (стр. 1)... Чрезмѣрное накопленіе недоимокъ побудило правительство обратить вниманіе на несправедливость и обременительность подушной системы сборовъ. Выходомъ изъ такого положенія представлялась замѣна прежней системы новою,—подоходною. Необходимость уясненія источниковъ народнаго дохода и ихъ энергіи привела къ кадастру и изученію хозяйственнаго быта крестьянъ. Министерство остановилось на идеѣ создать «народный кадастръ», называя этимъ терминомъ упрощенныя работы сравнительно съ кадастрами западныхъ государствъ, и разсчитывало этимъ путемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ «безъ особыхъ усилій и потрясенія народныхъ привычекъ», хотя вся финансовая реформа, разъ подати раскладывались и взимались по ревизскимъ душамъ, и разсчитана была на измѣненіе этихъ привычекъ. Благодаря этимъ упрощеннымъ работамъ и тому обстоятельству, что во многихъ губерніяхъ было общинное землевладѣніе, значительно облегчавшее трудъ измѣренія и оцѣнки, вся работа была произведена сравнительно быстро и не дорого (стр. 4)... Министерство сформировало «отдѣльные отряды межевыхъ чиновъ и агрономовъ изъ числа молодыхъ людей, спеціально для сего образованныхъ», предоставляло имъ трехгодичные сроки для всесторонняго изученія и описанія каждой губерніи и, перемѣщая ихъ изъ одной губерніи въ другую, расходовало на нихъ среднимъ числомъ по 60 т. руб. на губернію» (стр. 1). Изслѣдованія начались въ 1842 году въ с.-петербургской губерніи. Общее наблюденіе за работами было поручено центральной коммиссіи при департаментѣ сельскаго хозяйства подъ предсѣдательствомъ Жеребцова. Работъ по измѣренію земель и опредѣленію ихъ качества и доходности, а также по регистраціи промысловъ и уясненію зажиточности отдѣльныхъ домохозяевъ завершались составленіемъ оцѣнокъ, которыя предъявлялись крестьянскимъ обществамъ и, согласно возраженіямъ, исправлялись». Съ 1845 года началось введеніе новой системы сборовъ (стр. 5).

Кадастровыя изслѣдованія напоминаютъ собою современныя земскія работы по изученію народной жизни и, во всякомъ случаѣ, на первыя нужно смотрѣть, какъ на прототипъ послѣднихъ (стр. 3). Разница между ними, конечно, та, что земство имѣло въ виду всѣ

группы населенія, тогда какъ кадастровыя работы относились только къ одной категоріи крестьянства, къ крестьянамъ государственнымъ (стр. 2)

«Статистическія работы кадастровыхъ коммиссій распадались на четыре части: составленіе измѣрительныхъ таблицъ [1]), подворныхъ списковъ, хозяйственныхъ описаній отдѣльныхъ поселеній и платежныхъ вѣдомостей. При сплошномъ измѣреніи всѣхъ угодій по извѣстнымъ разрядамъ, въ измѣрительныя таблицы заносились всѣ обособленные клочки, находящіеся въ общинномъ и личномъ владѣніи. Онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для исторіи крестьянскаго землевладѣнія, для изученія его формъ, дробности, узкополосности и пр.

Подворные списки заключаютъ въ себѣ слѣдующія показанія: именно домохозяевъ, число у каждаго изъ нихъ ревизскихъ душъ и наличныхъ, а также работниковъ (изъ членовъ семьи) мужскаго и женскаго пола, число рабочихъ лошадей, воловъ, гулеваго скота крупнаго и мелкаго, не нанимаетъ ли домохозяинъ работниковъ, не нанимается ли самъ въ работники, арендуетъ ли землю, или отдаетъ, сколько десятинъ и по какой цѣнѣ, чѣмъ занимается каждый изъ работниковъ семьи въ разное время года, имѣются ли промышленныя заведенія и какія именно, имѣются ли пчелы и сколько ульевъ, количество недоимокъ. Хозяйственное описаніе отдѣльныхъ поселеній производилось по слѣдующей программѣ: положеніе поселенія, положеніе дачи, воды, дороги, способъ владѣнія землею, количество земли, разряды по качеству, хозяйство, урожайность, цѣнность земли подъ посѣвами, выгонъ и пастбище, постройки, отопленіе и освѣщеніе, сады и огороды, мірскія оброчныя статьи, народонаселеніе, скотоводство, занятія крестьянъ, стоимость найма рабочихъ, подати и повинности, винная пошлина, натуральныя повинности, недоимки, зажиточность крестьянъ и ихъ нравственность» (стр. 2—3).

По такой широкой программѣ производились кадастровыя изслѣдованія. Немудрено, конечно, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый и драгоцѣнный матеріалъ о жизни государственныхъ крестьянъ и ихъ экономическомъ положеніи, и только обстоятельствами времени, когда вообще боялись гласности, а о крестьянствѣ и говорить было нельзя, можно объяснить, думается намъ, тотъ фактъ, что кадастровыя изслѣдованія «остались неизвѣстными и не произвели никакого

---

[1]) Кадастровые отряды занимались, при своихъ изслѣдованіяхъ, топографическими и даже межевыми работами (стр. 2).

впечатлѣнія на литературу». Врядъ ли поэтому исторически-вѣрно такое заключеніе г. Иванова: «славянофилы и западники, ломая свои копья по вопросу о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, много говорили о народѣ, его душѣ и правдѣ, но они и *не подозрѣвали* (sic) о существованіи разносторонниxъ свѣдѣній о крестьянской жизни; въ пылу литературнаго турнира они *не замѣчали* (?!) работъ, производившихся на ихъ же глазахъ». Упрекъ этотъ, во всякомъ случаѣ, скороспѣлъ и безосновательно брошенъ въ глаза нашей литературы, такъ какъ у г. Иванова врядъ ли найдется много реальныхъ фактовъ для подтвержденія своей мысли. Думаемъ, не по винѣ литературы, славянофиловъ и западниковъ «обширные труды кадастровыхъ коммиссій сдавались въ мѣстные архивы, а въ Журналѣ М. Г. И. появлялись лишь общія описанія отдѣльныхъ губерній, составляемыя *членами кадастровыхъ отрядовъ*», т. е. чиновниками (стр. 3). Если теперь, въ большинствѣ случаевъ, только, при извѣстныхъ усиліяхъ можно попасть въ провинціальный архивъ, то что же говорить про то время, когда на занимающагося даже исторіей смотрѣли съ подозрѣніемъ, а о занимающемся настоящимъ ужъ и говорить нечего. Можетъ быть, благодаря отчасти этому «и до настоящаго времени матеріалы кадастровыхъ коммиссій остаются забытыми, ими не пользуются, о нихъ не упоминаютъ» (стр. 3). Поэтому нельзя искренно не поблагодарить г. Иванова, что онъ, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, извлекъ изъ забвенія и напомнилъ о существованіи драгоцѣнныхъ матеріаловъ для изученія народной жизни. По его пути, можетъ быть, пойдутъ изслѣдователи и это тѣмъ болѣе желательно, что, по вѣрному замѣчанію г. Иванова «уясняя современное состояніе народнаго хозяйства, изслѣдователи не имѣютъ исходнаго момента для сравненія» (стр. 3), а такимъ моментомъ и могутъ послужить данныя кадастровыхъ изслѣдованій. Мы вполнѣ сочувствуемъ мысли г. Иванова о необходимости изданія этихъ матеріаловъ. Земства наши, говоритъ онъ, должны посмотрѣть на работы кадастровыхъ отрядовъ, какъ на прототипы своихъ собственныхъ» —земства, поэтому, и должны заняться изданіемъ ихъ. Но пока мы дождемся подобныхъ изданій, нельзя, повторяемъ, не пожелать, чтобы лица, имѣющія возможность воспользоваться данными кадастровыхъ изслѣдованій, познакомили бы насъ съ ними такъ, какъ сдѣлалъ это авторъ разбираемой нами статьи. Вся его статья, обнимающая 67 страницъ, состоитъ изъ 4 главъ. Въ *первой*, изъ которой мы сдѣлали выше выписки, авторъ говоритъ о необходимости изданія

кадастровыхъ матеріаловъ, дѣлаетъ очеркъ кадастраціи губерній, общую оцѣнку финансовой реформы и касается затѣмъ старозаимочнаго вопроса, который былъ обостренъ кадастраціей и о которомъ авторъ обѣщаетъ представить особую статью. *Вторая* глава посвящена доходамъ и доходамъ и налогамъ и раскладкѣ ихъ. Итоги кадастровыхъ работъ представлены здѣсь въ видѣ общей оцѣночно-платежной таблицы, которая указываетъ на источники народнаго дохода и ихъ энергію съ одной стороны и опредѣляетъ мѣру ихъ сближенія съ другой (стр. 15). За таблицей слѣдуетъ объясненіе ея.—Раскладка налоговъ послѣ введенія новой финансовой реформы сдѣлалась болѣе уравнительной. Г. Ивановъ цифрами доказываетъ значеніе этой реформы, до которой «вся тяжесть прежней системы сборовъ выпадала на бѣдныхъ, а зажиточные крестьяне пользовались привилегированнымъ положеніемъ» (стр. 27). *Третья* глава касается земли и формъ землевладѣнія, скотоводства, роста народнаго богатства и платежей. Здѣсь авторъ допускаетъ сравнительный методъ, сопоставляя статистическія данныя кадастровыхъ изслѣдованій, сгруппированныя имъ въ таблицы, съ довольно нагляднымъ объясненіемъ, съ данными земской статистики 80-хъ годовъ. Конечный выводъ, къ которому онъ приходитъ въ этой главѣ, таковъ: «повинности въ виду расширившихся потребностей государства, увеличивались, а богатство края въ отношеніи земли и скота уменьшалось. Въ періодъ кадастра населеніе государственныхъ крестьянъ находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ послѣднее время» (стр. 45).—*Четвертая* и послѣдняя глава посвящена кустарнымъ промысламъ, распредѣленію ихъ и доходности.—Здѣсь мы находимъ данныя о пришлыхъ кустаряхъ, объ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ воинскихъ чинахъ, частью водворенныхъ въ поселеніяхъ государственныхъ крестьянъ, частью только временно проживающихъ въ нихъ; объ ученикахъ, находящихся у ремесленниковъ; о кустаряхъ прошлаго вѣка, современныхъ кустаряхъ и затѣмъ соображенія г. Иванова о факторахъ кустарничества.—Авторъ и въ этой главѣ примѣняетъ сравнительный методъ и высказываетъ иногда весьма вѣскія соображенія и замѣчанія. Онъ отмѣчаетъ напримѣръ, значительное паденіе мѣстныхъ промысловъ въ позднее время и относительное процвѣтаніе ихъ въ прошломъ вѣкѣ [1]). «Мѣстное кустарничество, говоритъ онъ,

---

[1]) „Въ 20 поселеніяхъ въ прошломъ столѣтіи жило 1810 ремесловыхъ хозяйствъ. Въ періодъ кадастра въ тѣхъ же самыхъ поселеніяхъ жило 757 ремесленниковъ, т. е. въ $2^1/_2$ раза меньше“ (стр. 55).

въ своемъ историческомъ развитіи, по всей вѣроятности, переживало отдѣльные періоды упадка и процвѣтанія въ тѣ промежуточные моменты, о которыхъ у насъ не имѣется свѣдѣній, привозные кустарнаты и пришлые кустари то подавляли мѣстные промыслы своею конкуренціей, то, нужно полагать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, способствовали ихъ возникновенію» (стр. 55). Говоря о факторахъ кустарничества, изслѣдуя и сравнивая данныя харьковской статистики, г. Ивановъ приходитъ къ заключенію, что «кустарные промыслы развиваются на почвѣ хозяйства слабыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи». «Чѣмъ больше въ поселеніи несамостоятельныхъ хозяйствъ въ отношеніи земледѣлія, тѣмъ больше развиты въ немъ кустарные промыслы на счетъ батрачества и отхода, чѣмъ меньше этихъ хозяйствъ, тѣмъ меньше развито кустарничество и больше развиты батрачество и отхожіе промыслы» (стр. 66).

Вторая статья «Харьковскаго Сборника», на которую мы должны обратить вниманіе читателя—это «*Рождаемость, брачность и смертность харьковскаго населенія*» *д-ра К. Бобрицкаго* (стр. 1—46). Медико - статистическія данныя, которыми пользовался авторъ, относятся къ 1885—1889. Матеріалами для него служили выборки изъ метрическихъ книгъ, данныя санитарнаго отдѣленія харьковской городской управы и мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета. На стр. 45—48 изложены выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Бобрицкій. Болѣе интересные изъ нихъ слѣдующіе: 3) количество рожденій для Харькова представляется очень малымъ въ сравненіи съ другими городами западной Европы и Россіи. Это объясняется, по всей вѣроятности, массой пришлаго элемента, рабочихъ, учащихся и др. лицъ, остающихся въ Харьковѣ только временно; 4) число незаконнорожденныхъ въ Харьковѣ велико, что сильно отражается на смертности дѣтей въ раннемъ возрастѣ; 7) плодовитость браковъ въ Харьковѣ незначительна; 8) коеффиціентъ смертности за 1885—1889 г. тоже не великъ, что г. Бобрицкій объясняетъ неправильностью счисленія населенія Харькова. 9) Число смертныхъ случаевъ *pro mille* населенія съ каждымъ годомъ какъ бы уменьшается, что можетъ до нѣкоторой степени (помимо другихъ причинъ) указывать на улучшеніе санитарныхъ условій г. Харькова. 12) Количество смертныхъ случаевъ лѣтомъ увеличивается. 17) Смертность въ Харьковѣ отъ инфекціонныхъ заболѣваній довольно значительна. 19) Общіе итоги движенія населенія г. Харькова указываютъ на относительно малый приростъ населенія и на

существованіе однихъ и тѣхъ же санитарныхъ условій, выражавшихся количествомъ смертныхъ случаевъ. 20) Увеличеніе населенія г. Харькова происходитъ не путемъ естественнаго роста населенія, а зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пришлаго элемента.

Много характеристическихъ данныхъ заключаетъ въ себѣ и обстоятельная статья г. И. И. Арсеньева *«Платежная способность и хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ волчанскаго уѣзда»* (стр. 79—136). Авторъ — податной инспекторъ 4 участка харьковской губерніи и его статья составляетъ извлеченіе изъ отчета объ его служебной дѣятельности, что, конечно, въ извѣстномъ отношеніи увеличиваетъ ея интересъ. Авторъ всесторонне изслѣдуетъ вопросъ, и его выводы и данныя говорятъ объ обременительности крестьянъ сборами въ пользу казны, земства и крестьянскихъ обществъ. Чтобы подойти къ такому окончательному заключенію онъ предварительно опредѣляетъ количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, указываетъ на отношеніе его ко всему пространству волчанскаго уѣзда, останавливается на способахъ владѣнія и пользованія этой землею, на величинѣ надѣловъ у различныхъ разрядовъ крестьянъ, на крестьянской арендѣ и ея условіяхъ, на заработной платѣ, отхожихъ промыслахъ; изслѣдуетъ различные виды платежей, падающихъ на крестьянство, подробно останавливается на различныхъ видахъ и характерѣ мірскихъ повинностей, указываетъ на отсутствіе правильнаго счетоводства у крестьянъ, на характеръ общественныхъ займовъ, на роль должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, старшины, писаря и сборщиковъ, отмѣчаетъ ихъ ненормальную постановку, характеризуетъ ихъ дѣятельность по разверсткѣ денежныхъ повинностей между плательщиками, по взиманію денежныхъ сборовъ и по дѣлопроизводству въ этомъ случаѣ. Какіе печальные случаи могутъ быть въ этомъ послѣднемъ отношеніи, когда сборщикъ податей или староста неграмотный, объ этомъ этомъ говорятъ стр. 130 и слѣд. статьи г. Арсеньева, гдѣ онъ указываетъ различные виды растратъ податныхъ общественныхъ денегъ: въ этомъ случаѣ неграмотные старосты и сборщики являются иногда просто только козлами отпущенія.—Статью свою г. Арсеньевъ иллюстрируетъ множествомъ цифровыхъ данныхъ, и изъ всего видно, что авторъ очень хорошо знакомъ съ предметомъ и хорошо изучилъ то, о чемъ говоритъ. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы статья его обратила вниманіе лицъ, которые интересуются положеніемъ нашего народа вообще и крестьянства въ частности: въ ней они найдутъ много поучительнаго

Статья г. Арсеньева хотя и носитъ заглавіе мѣстнаго изслѣдованія, но она имѣетъ общій интересъ: всѣ ея положенія можно примѣнить къ любой мѣстности Россійской Имперіи, иллюстрируются они только данными волчанскаго уѣзда.

Въ заключеніе «статистико-экономическаго» отдѣла помѣщенъ обзоръ г. В. В. Иванова *«Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ и продовольственномъ отношеніи за 1891 г.»*. Подобные обзоры печатаются почти въ каждомъ выпускѣ «Харьковскаго Сборника» и касаются земледѣлія, скотоводства, сельско-хозяйственныхъ цѣнъ и народнаго продовольствія. Обзоръ этотъ въ настоящее время, тѣмъ болѣе любопытенъ, что неурожайный 1891 годъ захватилъ отчасти и харьковскую губернію и ей приходилось обращать свое особенное вниманіе на продовольственный вопросъ.

Статей историческаго содержанія въ 6 выпускѣ «Харьковскаго Сборника немного. *Прот. Н. Лащенковъ* помѣстилъ окончаніе статьи, начатой въ 5 выпускѣ «Сборника» *«Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ харьковскій, по письмамъ къ его другу валковскому помѣщику Н. Н. Романовскому* (1851—1861)» (стр. 68—145), гдѣ сообщаются данныя для характеристики извѣстнаго церковнаго историка и богослова. Ученой дѣятельности покойнаго архіепископа г. Лащенковъ почти не затрагиваетъ, а касается его дѣятельности какъ администратора и человѣка. Симпатіи автора статьи, конечно, какъ въ большинствѣ случаевъ это бываетъ, на сторонѣ своего героя, арх. Филарета, котораго онъ готовъ представить невинною жертвою интригъ, хотя сообщенныя факты не всегда говорятъ то, что хочетъ видѣть въ нихъ г. Лащенковъ, и дѣло, напр., объ оскорбленіи гр. Девьера (стр. 110 и слѣд.) говоритъ далеко не въ пользу знаменитаго ученаго архипастыря.—Въ концѣ статьи (стр. 145—185) приложены и самыя *«письма преосвященнаго Филарета къ Романовскому»*. Письма эти, большею частью, безсодержательны, касаются частныхъ дѣлъ; общественные же вопросы въ нихъ рѣдко затрогиваются. Въ одномъ письмѣ отъ 24 іюня 1858 года, когда подготовлялась крестьянская реформа, Филаретъ, напр., пишетъ Романовскому: «тѣмъ, что Господь посылаетъ каждому изъ насъ, не надобно тяготиться. Вамъ, какъ помѣщику, назначены теперь особенныя хлопоты. Не тяготитесь ими. Тяготясь ими, вы по многимъ отношеніямъ становитесь виновными передъ своею совѣстію. Во первыхъ, вы разстраиваете тѣмъ свое слабое здоровье. Далѣе идете противъ воли Божіей, возмущаетесь противъ Господа. Если правительство убѣдилось историческимъ ходомъ

дѣлъ, что необходимо должна быть перемѣна въ дѣлахъ крестьянскихъ, а противящійся власти, противится волѣ Божіей: что же значитъ ваше возмущеніе противъ началъ правительства, какъ не возмущеніе противъ воли Божіей. Поберегите свою душу. Вы говорите что то и другое выйдетъ дурно, что и для помѣщиковъ, и для крестьянъ было бы лучше, если бы сдѣлано было по вашему? Мечта самолюбія! Кто вамъ далъ право думать, что правительство—врагъ вамъ, и что оно менѣе васъ заботиться о томъ, какой отвѣтъ придется ему дать за свое дѣло? Нѣтъ теперь уже извѣстно, что правительство много и много думало о дѣлѣ, выслушало и обсудило 100 проэктовъ. Мнѣ страшно за васъ особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Пусть польскій панъ, пусть австрійскій магнатъ, пусть лифляндскій дворянинъ были столько жестоки къ людямъ, работавшимъ на нихъ столѣтія, что сказали имъ наконецъ: вы свободны, чтобы умирать съ голоду; намъ до того дѣла нѣтъ; для васъ нѣтъ у насъ ни клочка земли! Но русскій дворянинъ, русскій христіанинъ, упорно хочетъ сдѣлать тоже самое! Это непостижимая задача. Гдѣ же наше православное, братолюбивое христіанство? Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напр., на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствіе. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій: Это вамъ предоставлено; но не осуждайте святого дѣла. Притомъ вы ошибаетесь, если думаете, что правительство не имѣетъ въ виду невыгодныхъ послѣдствій сосѣдства съ безпечнымъ хохломъ и не приготовило средствъ оградить покой вашъ. Будемъ думать какъ можно лучше о другихъ и какъ можно хуже о себѣ: это будетъ во всякомъ случаѣ выгодно для насъ. Простите, Господа ради, что говорю непріятное. Говоритъ любовь».—Но такихъ писемъ, къ сожалѣнію, очень немного, большинство же до того безсодержательны, что невольно раждается вопросъ, стоило ли всѣ ихъ печатать?...

Чтобы кончить нашъ разборъ «Харьковскаго Сборника» назовемъ еще двѣ статьи, помѣщенныя въ немъ.—Замѣтку *О. В. Спѣсивцева «Случайная археологическая находка»*, въ которой онъ знакомитъ съ результатами своихъ поисковъ въ окрестностяхъ сел. Райгородка, и продолженіе *«Очерковъ растительности харьковской губ. и сосѣднихъ съ нею мѣстностей» Л. О. Павловича.*—Въ концѣ «Сборника», въ видѣ приложенія, помѣщена статья «Холера и мѣры личной предосторожности».

Въ заключеніе намъ остается пожелать болѣе широкаго распространенія «Харьковскому Сборнику» (цѣна съ календаремъ 1 р. 20 к.), какъ изданію серьезному и очень полезному. Нельзя не порадоваться тому, что изданіе его стало, кажется, на твердую ногу: по крайней мѣрѣ, редакція объявляетъ о своемъ намѣреніи нѣсколько улучшить свое изданіе. Въ календарѣ предполагается расширить отдѣлы посвященные харьковской губ. и г. Харькову, ввести новый отдѣлъ практическихъ и общеинтересныхъ свѣдѣній; въ Сборникѣ—удѣлять большее мѣсто разработкѣ и изданію цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ прошлому края, и болѣе всестороннему освѣщенію переживаемаго настоящаго. Печататься изданіе будетъ на лучшей бумагѣ» Часъ добрый!

Н. В.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. Издана подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1892.

Для исторіи южной Руси каждая книга «*Чтеній* въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» привноситъ довольно много существенныхъ свѣдѣній, то въ сообщеніяхъ и изслѣдованіяхъ членовъ Общества, то въ достовляемыхъ ими сырыхъ матеріалахъ первой руки. Если въ видахъ болѣе точной характеристики даннаго Общества принять въ разсчетъ еще и то, что въ «*Чтеніяхъ*» его печатаются не всѣ рефераты его членовъ, и что менѣе спеціальные изъ этихъ рефератовъ находятъ себѣ мѣсто въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ «*Кіевской Старинѣ*», то, конечно, нельзя не признать, что для изученія прошлаго нашего края «Общество Нестора Лѣтописца» дѣлаетъ не мало. Несомнѣнно въ кругъ его задачъ входитъ прошлое всей русской земли, и мы отъ времени до времени встрѣчаемъ въ «Чтеніяхъ» рефераты, относящіеся къ сѣверо-восточной и западной Россіи, тѣмъ не менѣе однако интересъ къ исторіи южной Руси въ немъ преобладаетъ, ибо кому же, кромѣ южно-русскихъ ученыхъ, наиболѣе сподручно вести работы по исторіи этого края, тѣмъ болѣе, что дѣлателей на исторической нивѣ сѣверо-восточной и западной Руси довольно и помимо южно-русскихъ ученыхъ, да наконецъ и собственная то наша историческая нива велика и обильна и превосходитъ наши наличныя ученыя силы.

Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, эту малочисленность нашихъ научныхъ дѣятелей, быть можетъ, слѣдовало бы пожелать даже вящей организаціи научныхъ работъ въ нашемъ историческомъ обществѣ. Быть можетъ, слѣдовало бы пожелать, чтобы были предпринимаемы, кромѣ работъ по собственному почину и производимыхъ единичными силами, еще и работы, такъ сказать коллективныя, по тѣмъ историческимъ вопросамъ, которые Общество признало бы наиболѣе настоятельно требующими разрѣшенія въ виду современнаго состоянія науки. Тогда, по всей вѣроятности, возможно было бы Обществу избѣжать тѣхъ упрековъ, какіе иногда теперь на него падаютъ, упрековъ въ мелочности, въ погонѣ за буквой и въ упущеніи существенныхъ цѣлей историческаго изученія. Такого рода упреки были между прочимъ высказаны и въ «*Кіев. Старинѣ*», въ рецензіи на предъидущій томъ «*Чтеній*» Общества. При условіи господства въ «Обществѣ» исключительно личной инициативы отдѣльныхъ работниковъ и при отсутствіи руководящихъ указаній отъ «Общества», какъ цѣлаго, приведенныхъ выше упрековъ, какъ кажется, не всегда несправедливыхъ, избѣгнуть невозможно, да и «Общество», какъ таковое, рискуетъ слабо достигать своихъ цѣлей—всесторонняго изученія исторіи русской земли. Высказывая однако вышеприведенное пожеланіе, мы хорошо знаемъ, что осуществить его нелегко, и что задержкой для его осуществленія можетъ быть и весьма основательное опасеніе ослабить личную инициативу членовъ, замѣнивъ ее своего рода менторствомъ однихъ надъ другими.

Обращаясь къ разбираемой VI книгѣ «*Чтеній*», мы въ ней находимъ въ отдѣлѣ «сообщеній и изслѣдованій» нѣсколько работъ, дающихъ матеріалъ для уясненія серьезныхъ вопросовъ давней южнорусской жизни. Такъ, для вопроса объ экономическомъ соприкосновеніи двухъ русскихъ народностей у насъ въ Кіевѣ въ половинѣ XVIII в. читатель получаетъ много интереснаго изъ статьи *А. А. Андріевскаго «Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата»*.

Изъ статьи этой мы узнаемъ, что кіевскій магистратъ, чуть не съ самого присоединенія Кіева къ Россіи, заботился объ огражденіи мѣстной торговли отъ конкурренціи великороссіянъ. Въ указахъ Петра В., въ силу малороссійскихъ ходатайствъ, была запрещена розничная продажа въ Кіевѣ *пріѣзжимъ* въ Кіевъ торговымъ людямъ. Но великорусскіе купцы тѣмъ не менѣе являлись въ Кіевъ для торговыхъ цѣлей и на Подолѣ, главной торговой части города, къ

которой особенно относились приведенныя запрещенія, заводили лавки для розничной продажи, всячески обходя законъ. Образъ дѣйствій ихъ въ этомъ случаѣ сильно напоминаетъ образъ дѣйствій евреевъ въ наши дни. То они нанимали лавки у мѣстныхъ жителей и назывались ихъ приказчиками, то выступали фиктивными заводчиками, устраивая «для куріозитету», по выраженію документа, какой-нибудь шолковый заводъ, то принимали на себя обязанности завѣдыванія казенными кабаками, соляными и табачными складами. Само правительство при этомъ обособляло великороссійскихъ купцовъ въ Малороссіи, какъ чужестранцевъ, предоставляя имъ право на особый судъ. Такъ, по долговымъ дѣламъ съ малороссами великороссійскіе купцы въ Кіевѣ должны были имѣть судъ по вексельному уставу въ кіевской губернской канцеляріи, а въ Глуховѣ и полкахъ—у великороссійскихъ командировъ. Торговля, даже розничная, на Подолѣ оказывалось открытой для великороссійскихъ купцовъ часто и потому, что терминъ *«пріѣзжіе торговые люди»* допускалъ толкованіе, не согласное съ тѣмъ смысломъ, какое ему придавалъ магистратъ, ходатайствуя о подтвержденіи своихъ привилегій. Нерѣдко, напримѣръ розничными торговцами въ Кіевѣ оказывались великороссійскіе купцы, пріобрѣвшіе осѣдлость въ Кіевѣ. Кіевскіе генералъ-губернаторы, являвшіеся въ Кіевѣ представителями центральной власти, смыслъ указовъ не всегда толковали одинаково. Въ однихъ случаяхъ они оставляли торговлю за великороссіянами, разъ они были не пріѣзжіе и осѣвшіеся въ Кіевѣ люди, въ другихъ считали торговлю великороссіянъ въ Кіевѣ незаконною и предписывали изслѣдовать, какъ напр. генералъ-губернаторъ Леонтьевъ—на какомъ основаніи тотъ или другой купецъ торгуетъ на Подолѣ, «и для чего кіевскіе мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные *о нето-рговаціи великороссійскимъ людемъ* указы, въ наемъ имъ отдавали».

Отмѣченное выше совпаденіе между великороссійскими купцами въ Кіевѣ и современными торговцами евреями сказывается и въ другой сферѣ. Являясь въ казенныхъ кабакахъ «надзирателями» и вѣрными сборщиками», состоя затѣмъ головами и цѣловальниками при продажѣ казенной соли и наконецъ получивъ въ свои руки табачный откупъ и таможни, великороссійскіе купцы извлекали изъ такого своего положенія всякія стороннія выгоды и съ спокойною совѣстью обращались даже къ контрабандѣ.

Авторъ даетъ читателю и нѣкоторое указаніе на условія жизни кіевскаго мѣщанства, затруднявшія успѣшную конкурренцію его

въ торговлѣ съ великороссійскими купцами, которые, если и несли повинности, то только денежныя, не отрываясь отъ своего купечества ни для какихъ общественныхъ службъ, тогда какъ болѣе имущественные торговцы изъ кіевскихъ мѣщанъ несли довольно сложныя обязанности, которыя и отрывали ихъ отъ собственныхъ «купеческихъ промысловъ».

Всѣ приведенныя выше положенія г. Андріевскій извлекъ изъ ряда документовъ кіевскаго губернскаго правленія, которые и напечатаны имъ въ приложеніи къ статьѣ. Въ виду интереса выводовъ было бы желательно, чтобы и документы того же рода, имѣющіеся въ распоряженіи автора въ отрывкахъ, какъ видно изъ его ссылокъ, также подверглись тщательной обработкѣ. Для намѣченнаго выше вопроса объ экономическомъ соприкосновеніи въ нашемъ краѣ въ прошломъ двухъ русскихъ народностей это имѣло бы не малое значеніе.

Другой статьей VI тома «*Чтеній*», затрогивающей существенные политико-культурные вопросы въ прошлой жизни нашего края, можетъ быть названа статья *В. И. Щербины «Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.»*. Статья эта особенно можетъ быть пригодна для тѣхъ изъ начинающихъ работниковъ въ области южно-русской исторіи, которыхъ могло бы путать тожество административныхъ терминовъ современныхъ съ прошлыми и давало бы поводъ думать объ одинаковости функцій хотя одноименныхъ, но въ сущности различныхъ учрежденій; имѣемъ въ виду главнымъ образомъ термины губернія, губернаторъ, генералъ-губернаторъ. Г. Щербина въ самомъ началѣ своего реферата предотвращаетъ такое недоразумѣніе. «Административное устройство Кіева и приписанныхъ къ нему малороссійскихъ городовъ, со времени присоединенія его къ Русскому государству и до учрежденія кіевскаго намѣстничества, читаемъ мы у него, представляло большія отличія отъ устройства какъ остальной Малороссіи, такъ и областей великорусскихъ. Съ самаго момента присоединенія своего къ Россіи городъ этотъ, вслѣдствіе своего важнаго политическаго и стратегическаго значенія, а также и своего историческаго прошлаго, обращалъ на себя особое вниманіе русскаго правительства и возбуждалъ въ послѣднемъ стремленіе тѣснѣе связать его съ русскимъ государствомъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было назначеніе для Кіева особыхъ правителей—воеводъ, впослѣдствіи переименованныхъ въ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Прави-

тели эти не могли имѣть той власти, какую имѣли одноименные съ ними правители областей великорусскихъ; они были собственно начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ; но при назначеніи ихъ правительство имѣло въ виду и иную, болѣе широкую, задачу: они должны были служить представителями государственной власти въ краѣ и подготовлять болѣе тѣсное сближеніе его съ Россіей. Осуществленіе этой задачи представляло большія трудности. Объединительныя стремленія правительства встрѣчали противовѣсъ въ общемъ положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ особыхъ правахъ козацкаго и мѣщанскаго населенія Кіева. Послѣднее препятствіе было устранено довольно легко. Полковое правленіе кіевскаго полка было перенесено въ г. Козелецъ, въ Кіевѣ же остался только сотникъ, что низвело Кіевъ на степень второстепеннаго пункта козацкаго управленія. Что же касается кіевскаго мѣщанства, представлявшаго богатую общину, пользовавшуюся съ конца XV столѣтія Магдебургскимъ правомъ, то правительство, еще при самомъ присоединеніи города къ Россіи, подтвердило права мѣщанства, признаніе которыхъ не противорѣчило установившемуся въ московскомъ государствѣ обычаю и представляло даже извѣстную выгоду для правительства, какъ ограничсніе козацкаго управленія. Труднѣе было побороть общій порядокъ вещей, борьба затянулась надолго и окончилась только въ царствованіе Екатерины II измѣненіемъ всего политическаго строя Малороссіи; тогда и Кіевъ былъ подчиненъ общей административной системѣ, установленной учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года».

Затѣмъ г. Щербина по договорнымъ статьямъ гетмановъ съ русскими государями слѣдитъ за размѣрами власти воеводъ и указываетъ на тѣ пререканія, какія имѣли мѣсто по дѣлу о воеводахъ въ Малороссіи между козаками и русскимъ правительствомъ. Права малороссійскихъ воеводъ простирались, по утвержденію автора, только на военное управленіе, но постоянное подтвержденіе этихъ ограниченій, постоянныя жалобы на воеводъ, наконецъ неоднократныя возстанія показываютъ, что de facto власть воеводъ принимала часто болѣе широкіе размѣры, да и само правительство старалось расширить ее и распространить на большее количество городовъ.

Далѣе мы узнаемъ, что воеводы были переименованы въ губернаторовъ съ введеніемъ въ началѣ XVIII в. раздѣленія Россіи на провинціи и губерніи. Кіевская губернія при этомъ обнимала большую часть теперешнихъ губерній Харьковской, Курской и Орлов-

ской; изъ малороссійскихъ же городовъ къ ней приписаны были только Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ и Нѣжинъ, т. е. именно тѣ города, въ которыхъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были великорусскіе воеводы. Новые губернаторы вполнѣ замѣняли воеводъ и роль правителей играли только въ тѣхъ городахъ Кіевской губерніи, которые въ составъ Малороссіи не входили и были великорусскими. При гетманѣ Скоропадскомъ стольникъ Измайловъ, затѣмъ Протасовъ и наконецъ бригадиръ Вельяминовъ, стоявшій во главѣ малороссійской коллегіи, способствовали возвышенію власти кіевскихъ губернаторовъ или, какъ ихъ теперь называли, генералъ-губернаторовъ. Но особенно широкое значеніе пріобрѣтаетъ власть кіевскихъ губернаторовъ (генералъ-губернаторовъ) съ 30—40 годовъ XVIII столѣтія, причемъ своего исключительнаго характера она и тогда не лишалась. Авторъ объясняетъ тогдашнее усиленіе ихъ власти возроставшимъ значеніемъ Кіева вслѣдствіе колонизаціи новороссійскихъ степей и гайдамацкихъ движеній въ Польшѣ, вызывавшихъ вмѣшательство русскаго правительства. Только съ 1787 г. Кіевская губернія получаетъ устройство, аналогичное съ устройствомъ другихъ губерній.

Основныя положенія автора не подлежатъ оспариванію вслѣдствіе ихъ документальности. Можно только пожалѣть, что, стремясь къ краткости, авторъ не далъ въ своей работѣ характеристикъ хотя бы только наиболѣе видныхъ представителей воеводской, а потомъ губернаторской власти. Конкретныя лица, разъ они введены въ разсказъ, естественно оживляютъ изложеніе исторіи учрежденій. Къ статьѣ приложенъ полный списокъ воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ за время съ 1654 по 1775 г., а также грамоты о назначеніи губернаторовъ Гулица и Леонтьева.

Въ VI книгѣ *«Чтеній»* имѣется и статья, являющаяся желательнымъ пополненіемъ зачатковъ литературы по исторіи малороссійскихъ городовъ; разумѣемъ статью *А. М. Лазаревскаго «Историческій очеркъ Батурина (1625—1760)»*. Имѣющійся въ распоряженіи автора матеріалъ не далъ ему впрочемъ возможности представить очеркъ бытовой исторіи батуринскихъ горожанъ. Мы здѣсь узнаемъ только такъ сказать внѣшнюю, политическую сторону жизни Батурина. Прежде всего авторъ весьма убѣдительно отрицаетъ основаніе Батурина Стефаномъ Баторіемъ, что было измышлено вслѣдствіе созвучія въ словахъ, и доказываетъ, что̀ не далѣе сорока верстъ на западъ отъ Путивля, т. е. примѣрно около границы теперешняго конотопскаго уѣзда была до XVII в. русская «сторожа», а такъ какъ

«сторожа» высматривала непріятеля среди «полей», то значитъ къ западу отъ сторожевыхъ становъ и были только «поля», т. е. пустыя незаселенныя земли; въ этой мѣстности до XVII в. никакихъ поселеній не было да и быть не могло вслѣдствіе полной беззащитности ея. Основанъ же Батуринъ на самомъ дѣлѣ въ 1625 г., по распоряженію короля, Матвѣемъ Стахорскимъ, управляющимъ лѣвобережными имѣніями Александра Пясочинскаго. Свѣдѣніе это запмствовано авторомъ у г. Руликовскаго, который пользовался неизвѣстно гдѣ теперь находящимся архивомъ Росцишевскихъ. Гетманскою резиденціей Батуринъ сталъ съ 1669 г., побывавъ предварительно въ нѣсколькихъ частныхъ рукахъ. Батуринъ былъ расположенъ въ центрѣ лѣвобережной Малороссіи, на чертѣ, отдѣляющей Полѣсье отъ степей— и потому казацкая рада, избравшая Многогрѣшнаго гетманомъ, назначила Батуринъ его резиденціей вмѣсто разрушеннаго Переяслава. При Самойловичѣ въ Батуринѣ имѣлся уже гетманскій замокъ. При Мазепѣ укрѣпленія Батурина, по заявленію Кочубея, были ничтожны, такъ какъ гетманъ ихъ не исправлялъ и занимался только своимъ пригороднымъ подворкамъ Гончаровкой. Послѣ измѣны Мазепы Батуринъ подвергся разоренію со стороны русскаго войска. Въ развалинахъ Батуринъ пребывалъ долго. Впрочемъ уже гетманъ Даніилъ Апостолъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о перенесеніи изъ Глухова гетманской резиденціи въ Батуринъ. Дозволено это было однако только въ 1750 г. гетману Кириллу Разумовскому. Палаты для Разумовскаго, по его порученію, строилъ извѣстный Тепловъ на мѣстныя средства и мѣстными силами. По уничтоженіи гетманства въ 1764 г. Екатерина II подарила Разумовскому батуринскій гетманскій домъ и прочія воздвигнутыя Тепловымъ зданія. Съ 1776 г. Разумовскій жилъ въ Батуринѣ и умеръ въ немъ въ 1803 году.

Сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній о бывшей гетманской резиденціи не лишенъ интереса и значенія для людей, занимающихся исторіей гетманщины.

Переходя за симъ къ статьѣ *Н. Н. Оглоблина «Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго»*, мы не можемъ, конечно, не признать весьма естественною пытливость автора опредѣлить, въ какіе тартарары могли въ XVII и XVIII вѣкѣ попадать такіе видные малорусскіе дѣятели, какъ напримѣръ бывшій гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ Многогрѣшный; для характеристики той поры это имѣетъ большое значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что правила ne quid

nimis забывать не слѣдуетъ, и что поэтому не должно изслѣдователямъ всегда вникать во всѣ подробности жизни важныхъ людей въ такіе ея періоды, когда она ровно никакого историческаго интереса не представляетъ. Изъ статьи Н. Н. Оглоблина мы именно узнаемъ и то, что можетъ имѣть интересъ, и то, что совершенно безразлично для какихъ бы то ни было историческихъ выводовъ. Въ статьѣ нашего автора прежде всего мы находимъ весьма интересный пересказъ о томъ, какъ долго Многогрѣшный томился въ тюремномъ заключеніи, какъ его хотѣли было изъ «тюремныхъ сидѣльцовъ» сдѣлать козакомъ и отдать въ «пѣшью козачью службу», какъ этому помѣшали побѣги его товарищей по несчастью и «частокротныя» прошенія врага его гетмана Самойловича, какъ онъ «скитался межъ дворъ и помиралъ чуть не голодною смертью», какъ наконецъ попалъ въ «дѣти боярскіе» съ опредѣленнымъ жалованіемъ, а потомъ сталъ «сѣдокомъ», по выраженію одного китайскаго документа, т. е. сѣлъ на приказѣ въ Селенгинскѣ въ товариществѣ съ сыномъ Петромъ и сталъ ревностно охранять свой селенгинскій острогъ съ его населеніемъ отъ бунтовавшихся противъ русской силы мунгаловъ и табунутовъ и какъ наконецъ закончилъ жизнь постриженіемъ въ монахи, что̀ случилось въ 1696 году. Но рядомъ съ этими данными, имѣющими значеніе, авторъ приводитъ и другія, и именно подробности стычекъ Многогрѣшняго и его сына съ табунутами и мунгулами, что̀ уже едвали интересно. Нельзя при этомъ надивиться необыкновенной обстоятельности Н. Н. Оглоблина при передачѣ содержанія документовъ о службѣ Многогрѣшнаго, найденныхъ вновь въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и заключающихъ въ себѣ именно эти ненужныя подробности.

Къ числу статей, затрогивающихъ серьезные историческіе сюжеты южной и западной Руси, принадлежитъ и живо написанная статья *проф. И. В. Лучицкаго* съ двойнымъ заглавіемъ «*По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтки къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью*». Не касаясь сперва повода, по которому написана данная статья, отмѣтимъ въ ней вторую и третью главы, какъ такія, которыя сами по себѣ даютъ много читателю независимо отъ цѣлей, къ какимъ онѣ направлены. Во второй главѣ идетъ рѣчь о клеймахъ и ихъ употребленіи въ средніе вѣка и новое время. Авторъ, пользуясь довольно значительной западно-европейской литературой по данному вопросу, выводитъ происхожденіе клеймъ изъ тѣхъ условныхъ мѣтокъ на всякаго рода

одушевленыхъ и неодушевленыхъ предметахъ въ обиходѣ сельскихъ хозяйствъ и вообще въ промыслахъ, какія и теперь въ ходу у насъ сплошь и рядомъ. Съ усложненіемъ экономическихъ отношеній, узнаемъ мы далѣе, всѣ такія мѣтки пріобрѣли и юридическую силу. Установленіе при этомъ знаковъ не было вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ требовалось, чтобы знакъ, усвоенный кѣмъ-либо, былъ принятъ и признанъ сосѣдями, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ имъ на всемъ протяженіи округа. Знаки такіе уже издавна въ Германіи назывались Hofmarken, Hausmarken. Они переходили по наслѣдству и въ случаѣ распаденія рода на нѣсколько семействъ одно только наслѣдовало знакъ безъ измѣненій, у остальныхъ же онъ получалъ тѣ или другіе придатки. До XVI в. въ употребленіи было два типа знаковъ: или это были геометрическія начертанія самого разнообразнаго вида, или это были изображенія какихъ-либо фигуръ—человѣческой ли головы или лица, птицъ, звѣрей, орудій всякаго рода (топора, пилы, угольника и т. д.). Владѣльцы товаровъ, пересылавшихся съ развитіемъ торговли при посредствѣ нанятыхъ лицъ, стали снабжать свои товары своими Hofmark'ами и Hausmark'ами. Каждый купецъ приэтомъ въ нотаріальныхъ книгахъ заявлялъ о своемъ знакѣ, заносилъ изображеніе его въ торговыя книги. Завелись у купцовъ прусскихъ сперва, а потомъ и у другихъ кольца съ ихъ знаками и печати. До XVI в., повторяемъ, знаки геометрическіе и фигурные преобладали, на печатяхъ же XVI и XVII в. стали уже попадаться и буквы (инициалы). Во всемъ районѣ Ганзы на товарахъ и въ торговыхъ сдѣлкахъ было въ ходу употребленіе печатей со знаками и товарныхъ пломбъ.

Далѣе въ третьей главѣ профессоръ съ фактами въ рукахъ доказываетъ, что Ганза еще въ 1346 г. въ одну изъ своихъ Willkuren внесла постановленіе, въ силу котораго изученіе русскаго языка сдѣлано было обязательнымъ для молодыхъ людей купеческаго званія (не старше 20 лѣтъ), и что вообще она очень была заинтригована торговыми сношеніями съ Русью, и это не только съ Новгородомъ, но и съ сѣверо-западною и южною Русью. Сперва Торнъ, а потомъ Данцигъ являлись посредниками Ганцы въ этой торговлѣ. Лѣсъ и лѣсные продукты были главными предметами вывоза изъ Руси и Литвы; кромѣ того, отсюда же шли мѣха, воскъ, кожи, хлѣба, пряжа и пенька. Обратно везли обработанные продукты «Hosen und Mützen» или такіе, какъ сельди.

Путь шелъ для торговцевъ все время по рѣкамъ. Главною артеріею служила Висла, затѣмъ Наревъ до Пултуска, наконецъ З. Бугъ, гдѣ торговый путь захватывалъ Нуръ, Дрогичинъ, Мельникъ и доходилъ до Брестъ-Литовска. Были впрочемъ еще и другіе пути. Торговля Данцига съ Волынью и Луцкомъ усилилась послѣ паденія связей Данцига съ Ковно и Литвой. По З. Бугу торговля эта началась еще въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка. Длилась она и въ послѣдующіе вѣка, а въ XVII и XVIII в. Данцигъ торговалъ и съ лѣвобережной Украиной.

Всѣ эти свѣдѣнія изложены авторомъ по поводу тѣхъ объясненій, какія приводились членами Виленской Археологической Коммимиссіи, учеными чешскими, принадлежащими къ пражскому ученому Обществу Славянскихъ Древностей, и нѣкоторыми учеными изъ археологическаго великобританскаго института относительно массы свинцовыхъ пломбъ, найденныхъ лѣтомъ 1864 г. на берегу р. Буга подлѣ г. Дрогичина гродненской губерніи бѣльскаго уѣзда. Перечисленные ученые терялись въ догадкахъ при этомъ: одни называли пломбы чуть не ятвяжскими канцелярскими печатями, другіе признавали ихъ торговыми знаками, но сдѣланными какимъ-то дрогичинскимъ мастеромъ, и только англійскіе ученые признали ихъ весьма распространенными торговыми пломбами, фабриковавшимися всюду въ районѣ ганзейской торговли. Г. Лучицкій, примыкая къ послѣднему мнѣнію, имѣлъ въ виду облечь его въ плоть и кровь и уясненіемъ значенія клеймъ въ торговлѣ среднихъ и новыхъ временъ, и точнымъ опредѣленіемъ путей, какими шла эта торговля, причемъ Дрогичинъ оказался городомъ, гдѣ могла быть товарная пристань.

Въ общемъ г. Лучицкій высказалъ много несомнѣннаго, но, какъ утверждаютъ люди, тоже компетентные въ археологическихъ вопросахъ, характеръ дрогичинскихъ пломбъ не совсѣмъ таковъ, чтобы ихъ безъ затрудненій причислить ко торговымъ клеймамъ, и потому, по ихъ мнѣнію, побиваемые авторомъ противники не убѣждаются его доводами и не признаютъ себя крайними невѣждами. Да и въ нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ автора можно усмотрѣть преувеличенія по вопросу, напр., о торговлѣ Данцига съ Волынью съ конца XIV вѣка; ссылаясь на акты кіевск. центр. архива, описи которымъ уже составлены, можно кажется утверждать, что Волынь очень слабо откликалась на торговые зазывы Ганзы. Конечно, въ такихъ возраженіяхъ г. Лучицкому есть доля истины, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, данная работа его богата и несомнѣн-

ными данными, а ужъ во всякомъ случаѣ послѣ ея прочтенія мало найдется охотниковъ раздѣлять мнѣніе г. Леопардова по поводу злополучныхъ пломбъ—будто онѣ были занесены въ Дрогичинъ или въ мѣстность, гдѣ возникъ позже городъ, христіанами, бѣжавшими сюда отъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами; если принять еще въ разсчетъ, что христіане эти, по утвержденію г. Леопардова, должны были быть славянами, и что г. Леопардовъ Южный Бугъ смѣшиваетъ съ Западнымъ, то тѣмъ болѣе адептовъ у его мнѣніи не будетъ.

Въ статьѣ проф. *В. З. Завитневича* *«Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье»* читатели VI книги *Чтеній* получаютъ рядъ очень точныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скучныхъ протоколовъ произведенныхъ имъ раскопокъ, а кромѣ того, и попытки установить нѣкоторыя этнографическія различія у древнихъ русскихъ славянъ по различнымъ типамъ погребенія. Многія заключенія автора оспариваются другими археологами въ виду неопредѣленности многихъ данныхъ добытыхъ пока раскопками. Есть впрочемъ у автора догадки и соображенія, съ которыми прямо таки нельзя согласиться въ виду полной произвольности и недостаточной логичности. Имѣемъ, напримѣръ, въ виду догадки автора объ исчезновеніи деревянныхъ столбовъ, поддерживавшихъ сосуды съ прахомъ покойниковъ (стр. 22).

Много произвольного встрѣтитъ читатель разбираемаго тома *Чтеній* и въ *«Археологическихъ замѣткахъ» проф. А. И. Соболевскаго.* Замѣтки относятся къ русскимъ лѣтописямъ и болѣе всего къ начальной, и всѣ почти основаны на довольно гадательной филологіи.

Въ отдѣлѣ *Матеріаловъ* въ данномъ томѣ чтеній помѣщены слѣдующіе: *Святаго Кирилла, ексарха Александрійскаго, игумена, наука о противной уніи»* (сообщилъ *А. С. Крыловскій*); *«Росписной списокъ г. Кіева 1700 г.* (сообщилъ протоіерей *П. Г. Лебединцевъ*); *Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и Записки Іоасафа Горленка, епископа бѣлгородскаго* (сообщилъ *В. П. Горленко*); *«Брань честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами и пр.» Іоасафа Горленка* (сообщилъ В. П. Горленко); *«О разборѣ архива графа П. А Румянцева-Задунайскаго» (Записка М. О. Судіенка)* (сообщилъ *В. С. Иконниковъ*) и наконецъ *«Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры» (конца XV и начала XVI ст.)* (сообщилъ *С. Т. Голубевъ*).

За недостаткомъ мѣста отмѣтимъ здѣсь только по поводу сообщенія А. С. Крыловскаго, что «наука о противной уніи» по языку

есть если не самостоятельный трудъ какого-либо западно-русскаго писателя конца XVI или начала XVII вѣка, то во всякомъ случаѣ переводъ съ греческаго, сдѣланный на тогдашній западно-русскій книжный языкъ. Сочиненіе это могло быть даже переведено въ Москвѣ, если ужъ г. Крыловскому такъ угодно связать его съ сѣверною Русью, но все же человѣкомъ западной Руси, не отвыкшимъ отъ своей книжной рѣчи и не усвоившимъ тогдашняго московскаго русскаго языка. Что до почерка рукописи, признаннаго г. Соболевскимъ за обычный великорусскій, то по почерку рукописи опредѣлять автора ея нельзя во всѣхъ случаяхъ: авторъ или переводчикъ могъ быть одной народности, а переписчикъ другой.

Прибавимъ въ заключеніе, что въ данномъ томѣ *Чтеній* помѣщены еще рѣчи, произнесенныя въ годичномъ засѣданіи Общества Нестора профессорами *П. В. Владиміровымъ* и *Н. П. Дашкевичемъ*. Первому принадлежитъ рѣчь «*Историческіе сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова*», а второму—«*Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова*». Рѣчи вполнѣ соотвѣтствуютъ юбилейному торжеству по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Рѣчь Н. П. Дашкевича печатаніемъ не окончена и пока устанавливаетъ то несомнѣнно вѣрное положеніе, что до сихъ поръ русская критическая литература предавалась о Лермонтовѣ толкамъ вкривь и вкось, не сдерживая своихъ сужденій никакимъ опредѣленнымъ критеріемъ. Съ интересомъ наконецъ читается помѣщенная въ *Чтеніяхъ* краткая *поминка по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ*, принадлежащая перу *А. І. Степовича*.

Я. Ш.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи—№ 15 (годъ шестой). Подъ редакціею правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь. 1892 г.

Настоящая книга «Извѣстій» столь же богата содержаніемъ, какъ и предшествующія. Мы находимъ здѣсь прежде всего продолженіе печатаемаго Ѳ. Ѳ. Лашковымъ «*Реестра крымскаго двора старыхъ лѣтъ дѣламъ, въ столпахъ содержащимся, съ 1579 по 1700 г.*», о цѣнности котораго для людей науки мы уже сказали при разборѣ № 14 «Извѣстій»; теперь прибавимъ лишь, что и продолженіе мы прочли съ неменьшимъ интересомъ, какъ и начало. Весьма было бы

полезно, если бы Коммиссія выпустила въ свѣтъ отдѣльные оттиски этого реестра.

«Ордера графа Платона Александровича Зубова правителю Таврической области въ 1793 году», сообщенные г. Кирѣенкомъ, содержатъ въ себѣ распоряженія Зубова о развитіи хлѣбопашества, промысловъ, русской морской торговли, о поддержаніи козачьей черноморской флотиліи и проч., какъ о предметахъ первостепенной важности для края, который началъ незадолго передъ тѣмъ заселяться русскими людьми; поэтому напечатанные ордеры послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для мѣстной исторіи той эпохи; одно неудобство—нѣтъ описей при каждомъ ордерѣ; читатель для того, чтобы найти нужный ордеръ, волей - неволей долженъ терять безполезно время на прочтеніе всѣхъ ихъ отъ начала до конца.

И въ этомъ номерѣ, какъ и въ предъидущемъ, мы находимъ новый *«Статейный списокъ»*; на сей разъ г. Лашковъ даетъ намъ списокъ *Семена Безобразова*, посланнаго въ Крымъ въ 1593 г. памятнику этому издателемъ предпослано небольшое предисловіе, гдѣ изложены обстоятельства, при которыхъ совершилась отправка посольства, и указаны результаты, которыхъ оно достигло. Нѣтъ необходимости, намъ кажется, говорить о важности этого документа для политической исторіи Московскаго государства и Крымскаго ханства. «Статейный списокъ» содержитъ не мало любопытныхъ подробностей и для исторіи южной Россіи; отмѣтимъ, между прочимъ, подробности о походѣ татаръ подъ г. Константиновъ и произведенныхъ ими на Волыни разореніяхъ, а также о намѣреніи хана перенести свою столицу изъ Бахчисарая на берега Днѣпра у перевоза Кашнина, называемаго также Ебулаемъ (по-русски Добрый перевозъ) и лежащаго выше пороговъ; въ другомъ же мѣстѣ «Списка» говорится, что этотъ перевозъ ниже пороговъ (сравн. стр. 80 и 82). Ошибка ли это въ подлинникѣ, описка ли копіиста или типографская опечатка? Разобраться трудно. Въ предисловіи же издателя мы не видимъ разъясненія этого недоразумѣнія.

Въ *«Керченскихъ древностяхъ»* г. *Ящуржинскій* описываетъ три коллекціи археологическихъ предметовъ: гг. Цѣхановскаго, Савицкаго и свою собственную. Болѣе обстоятельное описаніе предметовъ дано авторомъ только для двухъ послѣднихъ коллекцій. Въ коллекціи самаго автора, большей изъ описываемыхъ, изъ 20 предметовъ упомянуты два кирпича (матеріалъ, величина, назначеніе и мѣсто нахожде-

нія не обозначены) съ подписями и донышко сосуда [1]); остальные— всѣ клейма (на амфорныхъ ручкахъ?) съ подписями и изображеніями боговъ, людей, животныхъ, птицъ и т. п. Въ коллекціи г. Савицкаго 14 клеймъ (т. е. амфорныхъ ручекъ съ клеймами?); всѣ они также съ подписями и изображеніями представителей всѣхъ царствъ природы. Но кромѣ клеймъ, у г. Савицкаго хранится еще известковый камень, пріобрѣтенный владѣльцемъ въ Тамани; камень имѣетъ $17^1/_2$ с. (?) высоты, 16 с. (?) ширины и 9 с. (?) толщины [2]). На этой-то известковой глыбѣ сохранились остатки лишь пяти словъ отъ бывшей когда-то на ней надписи. О коллекціи г. Цѣхановскаго сказано очень мало, а между тѣмъ, по словамъ г. Ящуржинскаго, она состоитъ «изъ большаго количества бусъ, между которыми (между бусами?) обращаютъ вниманіе изображенія (на чемъ? на бусахъ?) Пріама, гермы, Бахуса» и проч. и, наконецъ, *кукишъ* (курсивъ у автора). Къ сожалѣнію, г. Ящуржинскій, при слишкомъ большой краткости описанія «керченскихъ древностей», не дѣлаетъ никакихъ заключеній ни о важности самыхъ предметовъ, ни о важности надписей на нихъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что работа г. Ящуржинскаго носитъ слѣды большой спѣшности.

«*Описаніе дѣлъ Таврическаго историческаго «архива»*, печатаемое А. И. Сѣницкимъ, продолжается и въ разбираемой нами книжкѣ. Не будемъ останавливаться на нелѣпости дѣленія архивовъ на историческіе и неисторическіе: всѣ архивы безъ исключенія могутъ служить исторіи; если же и требуется для архива опредѣленіе, то оно должно быть или географическое, смотря по территоріи, которую обнимаютъ старыя дѣла, или оно должно заимствоваться отъ учрежденій, при которыхъ архивы состоятъ. Посмотримъ лучше, что историческое выбирается для этихъ *историческихъ* архивовъ. Изъ печатаемой описи мы видимъ, что для храненія въ архивѣ выбираются главнымъ образомъ дѣла выдающіяся, не имѣющія себѣ подобныхъ, исключительныя по содержанію; заурядныя же дѣла, составляющія большинство, въ которыхъ-то и слѣдуетъ искать особенностей мѣстной жизни, выбрасываются (или точнѣе—откладываются для продажи въ магазины и лавки на обертку). Куда же годятся и для какихъ историческихъ

---

[1]) Кирпичи и донышко отнесены авторомъ почему-то къ клеймамъ.

[2]) Авторъ означаетъ мѣру высоты, ширины и толщины буквой *с*; мы читаемъ ее сажень, хотя *с* можетъ означать и сантиметръ. Слишкомъ ужь экономное сокращеніе словъ даетъ поводъ къ недоразумѣнію.

задачъ потребуются такія отрывочныя дѣла, которые имѣютъ значеніе только въ общей массѣ? Все почти уничтожается. Напр., изъ 5135 дѣлъ, которыя были разсмотрѣны, отобрано всего только 12 дѣлъ! Желательно было бы поэтому узнать, изъ какихъ источниковъ можно будетъ заимствовать матеріалъ для исторіи одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ русской жизни—крестьянскаго, когда дѣла объ ищущихъ вольности [1]) и закрѣпощеніи уничтожаются, такъ же какъ и дѣла о бѣглыхъ и передержательствѣ, объ отпускаемыхъ на волю, о продаваемыхъ; не видимъ мы также дѣлъ о скоропостижно умершихъ, *якобы* отъ побоевъ нанесенныхъ управляющимъ имѣніемъ, и многихъ другихъ дѣлъ, касающихся народнаго быта; всѣ дѣла, рисующія семейную жизнь: отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ и дѣтей между собой, должны быть безусловно сохранены, а мы опять-таки въ описи ихъ не видимъ, какъ не видимъ дѣлъ объ убійствахъ, самоубійствахъ и дѣтоубійствахъ; между тѣмъ они рисуютъ общественную нравственность. Не говоримъ уже о другихъ вопросахъ: административныхъ, юридическихъ и проч., для которыхъ едва-ли что-нибудь останется. Правда, каждое изъ указываемыхъ нами дѣлъ въ отдѣльности ничтожно, но въ общей массѣ это одна изъ чертъ большой картины мѣстной жизни. Такихъ дѣлъ набирается множество, но чтобы сберечь побольше мѣста, если ихъ негдѣ хранить, нужно только изъ каждаго дѣла отдѣлить экстрактъ, доклады, со всѣми наиболѣе важными документами или показаніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Экстракты занимаютъ иногда полъ листа всего, хотя въ болѣе старыхъ дѣлахъ доходятъ до 5 и болѣе листовъ; отбрасывать можно дѣла, но лишь по ничтожнымъ явленіямъ жизни, какъ, напр., оскорбленія, мелкія кражи, но и изъ нихъ слѣдуетъ все-таки выбрать характерныя; можно также отбрасывать дѣла переносимыя по апелляціи въ высшіе суды или такія гражданскія дѣла, документы по которымъ записаны въ актовыхъ книгахъ: продажи, уступки, завѣщанія и проч.; всѣмъ же уничтоженнымъ дѣламъ обязательно должна быть составлена опись, чтобы можно было судить о количествѣ дѣлъ извѣстнаго рода. Если же изъ каждой тысячи дѣлъ будетъ сохраняться одно—два дѣла, то смѣло и вѣрно можно предсказать, что скоро у насъ не будетъ ни матеріала для мѣстной исторіи, ни необходимости въ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду

---

[1]) Вѣдомость объ ищущихъ вольности сохранена, а два дѣла отброшены; между тѣмъ слѣдовало поступить какъ разъ наоборотъ.

не одну Таврическую ученую архивную коммиссію, но и всѣ другія, гдѣ также идетъ огульное уничтоженіе старыхъ дѣлъ, собиравшихся вѣками. Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ архивовъ, что задачи будущихъ историковъ намъ неизвѣстны и что уничтожая дѣла на нашъ взглядъ малозначущія, мы быть можетъ лишаемъ возможности изслѣдовать такіе вопросы, важности которыхъ теперь просто не понимаемъ и не подозрѣваемъ. Лучше сохранить десять неважныхъ дѣлъ, чѣмъ одно важное уничтожить.

Въ печатаемомъ описаніи, мы не замѣчаемъ никакой системы; хронологическая никуда не годится и ее рѣшительно надо оставить, замѣнивъ расположеніемъ дѣлъ по содержанію и территоріи. Сказанное о разборѣ архивовъ наводитъ на мысль о необходимости объединенія дѣйствій коммиссій и выработки обстоятельной программы для выбора дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи. Однако, въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что коммиссія, какъ показываютъ это ея протоколы, имѣла въ весеннемъ полугодіи два засѣданія и что вслѣдствіе такой рѣдкости ихъ ей приходилось разрѣшать по 30 вопросовъ.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Восходъ № 4—8. *Бершадскій С. А. Въ изгнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія.* Главы III, IV и V. (№ 4 стр. 117—137, № 6 стр. 32—53, № 7 стр. 50—65, № 8 стр. 18—27).

Литературная хроника: *Не-еврей. Литературный іезуитизмъ.* Разборъ книги С. Я. Диминскаго «Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе» (№ 4 стр. 12—35, № 5 стр. 17—29).

Никитинъ В. Н. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Западномъ краѣ. Гл. XX—XXI (№ 6 стр. 97—115).

Блюменфельдъ Ис. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма IV и V. (№ 7 стр. 1—12, № 8 стр. 1—9).

Гр. Ос. Новое объясненіе источниковъ древнерусской литературы. Разборъ статьи Г. М. Бараца «Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы», напечатанной въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи». № 7 стр. 28—35).

Biblioteka Warszawska № 4—8. *K. Gorski. Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z wielkiem księztwem Moskiewskiem za Batorego* (№ 4, стр. 93—117).

Antoni I. Dzieje osadnictwa tatarskiego na wołoskiem pograniczu. Краткій очеркъ исторіи татарскихъ поселеній въ вел. кн. Литовскомъ и исторія татарскихъ поселеній въ Подоліи. (№ 5 стр. 202—222, № 6 стр. 381—406, № стр. 83—117).

Kozłowski Stanisław. Henryk Sienkiewicz jako powieściopisarz historyczny. (№ 6 стр. 526—543, № 7 стр. 119—137, № 8 стр. 337—354).

Kwartalnik Historyczny № 3. *I. Korzon. Nowa książka o Koliszczyznie.* Разборъ книги Я. Н. Шульгина «Очеркъ коліивщины по неизд. и изд. документамъ 1768 и ближ. г.г.». Авторъ отрицаетъ всякое значеніе книги г. Шульгина и дѣлаетъ рядъ нападеній на «тенденціональность» историковъ «кіевской школы», къ которымъ онъ причисляетъ и автора разбираемой имъ книги. (Стр. 527—540).

A. Czołowski d-r. Relacya o obłężeniu miasta Lwowa przez Bohdana Chmielnickiego 1648 roku. Текстъ документа съ краткимъ предисловіемъ. (Стр. 543—550).

F. Bostel. Stacye królewskie na Rusi w r. 1524. (Стр. 550—552).

Въ отдѣлѣ *рецензій* разобраны слѣдующія книги: 1) *F. Bostel Żydzi ziemi lwowskiej ip owiatu żydaczowskiego w r. 1765* (рец. *I. S. Fraenkel.* Стр. 623—625). 2) *Budzynowski M. Kronika miasta Sambora* (рец. L. Dziedzicki. Стр. 625). 3) *Papée. Skole i Tucholszczyzna* (рец. A. Czołowski. Стр. 625—628).

Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи.

Абель В. И. д-ръ. Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ. Изд. одес. гор. общ. управ. Од. 1892. in—8. 94 стр. + 2 плана.

Авенаріусъ Н. Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ. (Отт. изъ Зап. Имп. рус. археолог. общества). Спб. 1892. in—8. 12 стр.

Archiwum komisyi historycznej, t. VI. Kraków, nakł. Akademii umiej. 1891. in—8. IV+463+1 стр. (Żydzi ziemi lwowskiej i powiatu żydaczowskiego w r. 1765, zestawił F. Bostel (стр. 357—378): Wiadomości o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań, przez d-ra A. Blumenstoka 379—463 стр).

Bieliński St. d-r. Sprawa kredytu melioracyinego dla rolników w Galicyi. (Odbitka z Ekonomisty Polsk.). Lwów. 1891. in—XII+73 стр.

Blumenstok Alfr. Wiadomość o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań. (Otb. z t. VI Archiwum Kom. hist. Akad. umiej.) Kraków. 1891. in—8. 87+1 стр.

Bułharyn Tad. Mazepa, romans historyczny. Lwòw, in — 8. 359 стр.

Витбергъ Ѳ. А. Н. А. Гоголь и его новый біографъ (По поводу книги Н. Шенрока. «Матеріалы для біографіи Гоголя» т. 1. М. 1892). Спб. 1892. in—8. 40 стр. ц. 30 к.

Havliček Borowsky K. Krest Sv. Vladimira, legenda z ruskè historiè. 3—ti vydání. Praha. 1891. in—8. 47 стр.

Гоголь Н. В. Тарасъ Бульба. Пов. (въ сокращ. видѣ). Приспособлена для чтенія въ народн. аудиторіяхъ. Изд. учрежденной по Высочайшему повел. М-ромъ Н. Пр. постоян. комм. по устройству нар. чтеній. Изд. 2-е. Спб. 1892. in—8. 58. стр. ц. 5 к.

Hryncewicz-Talko Iul. dr. Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrzeżeń (Odb. ze Zbioru wiadomości do antropol. kraj. XVI, I). Kraków. in—8. 62 стр.

Dan Dimitrie. Amenii orientali diu Bucovina (Popoarele Bucovici, I). Czerniowce. 1891. in—8. 45 стр.

Daszkiewicz Silv. Die Lage der gr.-or. Ruthenen in der Bukowinaer Erzdiöcese, zugleich Antwort auf die Apologien des Bukowinaer gr. or. Metropoliten Silvester Masariu Andriewicz. Czernowitz. 1891. in—8. 171 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Atlas geologiczny Galicyi, text do zeszytu IV. Kraków, wydawnictwo Kom. fisyograf. Akad. umiej. 1891. in—8. 63 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Geologischer Atlas von Galizien, IV (Nadb. z Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau. in—8. 47—58 стр.

Ермиловъ В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біограф. очеркъ съ портр. М. 1892. in—8. 60 стр. ц. 40 к.

Żarnowiecki Longin ks. Starożytne skaty kościelne w dyecezyach łuckiej i żytomierskiej, opisał... mgr teologii, proboszcz monasterzyski, dziekan humański. Kijów. 1891. in—8. 24+1 стр.+4 фототипіи.

Жизнь преп. Антонія Печерскаго, любечскаго и кіевскаго чудотворца. (983—1073). Изд. 2. М. in—16. 34 стр.

Житіе преп. и богон. отецъ Антонія и Ѳеодосія кіево-печерскихъ, первоначальниковъ иноческаго общежитія въ Россіи. Изд. 2-е Е. Губанова. М. in—16. 35 стр.

Зерцаловъ С. А. ветер. врачъ. Степное скотоводство въ Новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. (Изъ «Зап. Имп. Общ. сел. хоз. южн. Россіи». за 1891 г.). Од. 1892. in—8. 81 стр. ц. 50 к.

Императорское православное палестинское общество. Его ученые и литературные труды. III. Жизнь и странствовованія Василія Григорьевича Барскаго. Сост. Ѳ. Грековъ (Палеологъ). 1892. in—8. 44 стр. ц. 15 к.

Календарь Черниговской губ. на 1892 г. Изд. черниг. губ. статист. ком. (Годъ 6). Черниговъ. 1891. in—8. 361+V стр. ц. 1 р.

Календарь черниговской епархіи на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніамина. (Годъ 2). Черниговъ. 1891. in—8. 234 стр. ц. 1 р. 25 к.

Карабчевскій Н. Положеніе винодѣлія въ Крыму и его нужды. (Изъ ж. «Вѣстн. винодѣлія»). Спб. in—8. 15 стр.

Kętrzyński W. Die Grenzen Polens im X Jahrhundert. (Отт. изъ Anzeiger der Akad. d. Wissensch) Krakau. in—8. 91—97 стр.

Кіевскій сборникъ. Въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1892. in—8. 2+II+433 стр. ц. 2 р. 50 к.

Котляревскій И. П. Москаль — чаривныкъ. Малорос. опера въ 1 дѣйств. Изд. Ф. Іогансона К. in—64. 127 стр.

Коханскій В. Одесса и ея окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга съ 4 планами, 4 картами и 62 рис. (3 годъ изданія). Од. 1892. in—8. 352+202 стр.

Кочубинскій А. Рецензія на книгу г. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». Спб. 1892. in—8. 97 стр.

Краткій обзоръ дѣятельности горнаго управленія южной Россіи за 1891 г. Составленъ по оффиц. даннымъ горн. управленія южн. Россіи. (Приложеніе къ ж. «Горно-заводскій Листокъ». №№ 7 и 8). Хар. 1892. in—8. 62 стр.

Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Изд. Св.-владимірскаго братства. К. 1891. in—8. 19 стр.

Крымскій Е. С. Охота на птицъ и звѣрей въ Малороссіи, Украйнѣ и Волыни. Съ приложеніемъ статьи о ружьяхъ и охотничьихъ собакахъ: лягавыхъ и гончихъ. Изд. 2-е дополненное. Звенигородка. 1892. in—8. XII+64 стр. ц. 50 к.

Кудрявцевъ Николай. Геологическій очеркъ Орловской, Курской и Черниговской губ. Спб. 1892. in—8. IV+881 стр.+2 табл.+2 карты.

Latkowski Iul. Mendog, król litewski. (Odb. z t. XXVIII Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akad. umiej). Kraków. in—8. 154 стр. + карта.

— Mendog, roi de Lithuanie. (Отт. изъ Bulletin de l'Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 82—91 стр.

Левицкій О. И. Историческое описаніе владиміро-волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ пол. XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Изд.

Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. К. 1892. in—8. 132 стр.+рис.

Lemberg. (Aus «Oester. Städteduch», IV.) Wien. in—8. 10 стр.

Lengnik W. Geschichte der Evang.-lutherischen Gemeinde zu Jekaterinosslaw 1791—1891. Festrede zum 25—jahrigen Jubiläum des Bethauses. Спб. in—8. 8 стр.

Leszczyc I. N. Gustaw Olizar, marszalek gub. kijowskiej, 1798—1865, życie i prace (Odb. z Pamiętnika). Lwów. in—8. 32 стр.

Limanowski Bol. Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem... z rysunkami Wlodz. Tetmajera. Lwów. in—8. 154+2 стр.

Липранди. А. П. (*А. Волынецъ*). 900-лѣтіе православія на Волыни. Очеркъ. Хар. 1892. in-8. 49 стр. ц. 75 к.

Liske X. dr. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy-pospolitej polskiej, z archiwum t. zw. bernardyńckiego we Lwowie w skutek fundacyi sw. p. Alex. hr. Stadnickiego wydane staraniem galicyjskiego wydziału krajowego. T. XV. Lwów. 1891. in—4. XIII+720 стр.

Луцыкъ Іеронимъ. Проклятіе матеры, оповиданне для народа (Выдавництво народне, XI. 3). Львовъ. in—16. 20 стр.

Матеріалы для статистики Одессы. Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 г. Составлено стат. бюро при одес. гор. управѣ. Съ прилож. очерка врача П. Н. Діатроптова—Рождаемость и смертность въ Одессѣ въ 1890 г. Изд. одес. гор. обществ. управленія. Од. 1892. in—8. VI+201 стр.

Метелица. Малороссійскій пѣсенникъ. Изд. И. Сытина. М. 1892. in—16. 138+V стр.

Милорадовичъ Г. А. графъ. Сборникъ черниговскаго дворянства (Капиталы для пособія на воспитаніе и другіе. Правила о стипендіяхъ и стипендіатахъ. Программы). Черниговъ. 1892. in—8. 44+II стр. ц. 20 к.

Mischler E. dr. prof. Mittheilungen des statistischen Landesamtes des Herzogthums Bukowina. Heft 1. Czernowitz. in—8. 201 стр.

Mitrofanowicz M. Praktische Grammatik der kleinrussischen, ruthenischen Sprache fur den Selbstunterricht, kurzgefasste theoretisch-praktische Anleitung die kleinrussische Sprache in kürzester Zeit durch Selbstunterricht sich anzueignen, mit zahlreichen Uebungsaufgaben, Gesprächen, Lesestücken, einem kleinrussisch-deutschen und deutsch-kleinrussischen Wörterverzeichnisse. (Bibliothek der Sprachenkunde. XXXVI). Wien. 1891. in—8. VIII+184 стр.

Могыла въ поли. Исторични оповиданне, напысавъ сильскій душпастыръ. (Выдавництво народне. X. 12). Львовъ. 1891. in—16. 38 стр.

Орѣшниковъ А. Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. Съ 3 табл. М. 1892. in—8. 39 стр.

O . . . . Jósefina. Zofia Ołołkiewiczówna, księżniczka słucka, powieść historyczna, napisana originalnie przez . . . Lwów. in—8. 320 стр.

Ossowski G. Rapport sur une excursion paléoethnologique faite en Galicie en 1890. (Отт. изъ Bulletin de l' Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 27—29 стр.

Ostrożyński Wlad. dr. Galicyjskie Towarzystwo kredytowe ziemskie, jego powstanie i półwiekowy rozwóy. Lwów. in—8. XI + 389 + 1 стр.

Отчетъ о дѣятельности православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Константиновича, за 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. Петроградъ. 1892. in—8. 29 стр.

Отчетъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1891 г. К. 1892. in—8. 42+94+26+52+14+13 13+68+42+9+15 стр.+табл.

Отчетъ Харьковскаго городского ремесленнаго училища за 1891 г. Хар 1892. in—8. 22 стр.

Оце галушки! що въ ротъ—то спасибо! Разск. изъ малорос. старины. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 70 стр.

Повистки дви: I. Марко зъ Добровлянъ. II. На Кредитъ. (Выдавництво народне, XI, 4). Львивъ. in—16. 36 стр.

Polek J. dr. Die Anfänge des Volksschulwesens in der Bukowina, ein Beitrag zu einer Geschichte der Bukowinaer Militärverwaltung. Czernowitz. 1891. in—12. 104 стр.

Polek J. dr. Repertorium der landeskundlichen Literatur der Bukowina. (Отт. изъ Mittheilungen des statist. Landesamtes). Czernowitz. in—8. 41 стр.

Polek Joh. dr. Rückblick auf die Forschungen zur Landes—und Volkskunde der Bukowina seit 1773, von . . . . Custos der k. k. Universitäts-Bibliothek in Czernowitz. Vortrag gehalten in der constituirenden Versammlung der Mitglieder des Bukowiner Landas-Museums in Czernowitz. am 21 Februar. 1892. Czernowitz in-8. 32 стр.

Poradowska Marg. Mischa, Sittenbild aus Galizien, aus dem Französischen von August Scheibe. (Allgem. Romanbibliothek, VIII, II). Stuttgart. in—8. 160 стр.

Равноапостольные просвѣтители Россіи—Благовѣрная княгиня Ольга и св. Вел. Князь Владиміръ. Изд. И. Сытина и К°. М. in —16. 35 стр.

Радкевичъ Г. О мѣловыхъ отложеніяхъ Волынской губ. (Изъ минерал. каб-та унив. св. Влад.) К. 1892. in—8. 20 стр.

Родословная гр. Милорадовича. 1891 г. (годъ 6) Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Тоже. 1892 г. (годъ 7). Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Rocznik statystyki Galicyi, wydany przez krajowe biuro statystyczne (oddzial statystyki przemyslu i handlu), pod kierunkiem d-ra Tad. Rutowskiego, rocznik III. 1889—91. Lwów. 1891. in—8. 328+XI стр.

Siemiradzki J. i Dunikowski E. Szkic geologiczny królestwa polskiego, Galicyi i krajów przyleglych. (Odb. z Pamiętnika fizyogr). Warszawa. 1891. in—8. 146 стр.+карта.

Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów slowiahskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego wedlug planu T. Sulimierskiego. Nakladem W. Walewskiego do końca. tomu X. Tom XII Zeszyt 135. Варш. 1892. 161—240 стр. Zeszyt 136. Варш. 1892. in-4. 241—320 стр.

Слово о полку Игора, переложывъ зе старорусского и пояснывъ селян .. (Выдавництво народне, X, II). Lwòw. 1891. in—16. 40 стр.

С. Н. Празныкъ въ Грановци, оповиданне для народа, написавъ Н. С. (Выдавництво народне, XI, 2) Львивъ. in—8. 32 стр.

Soltan Abgar. Jòsef Jerzy Hordyński-Fed'kowicz, poeta rusiński na Ukraine, szkic literacki. (Odb. z Przeglądu polsk.). Kraków. in—8. 32 стр.

Справоздане директора ц. к. гимназіи академичнои у Львови за рикъ шкильный 1891. Львивъ. in—8. 19+52 стр. (Содержаніе: Nestoris Chronicon, cap. 57—67. in Romanorum sermonem conversa a Const. Luczakowski).

Стамати К. К.—Воспоминанія объ охотѣ по Бессарабіи. Съ 6 картинами. Изд. 2. Кишиневъ. 1891. in—8. 89 стр. ц. 40 к.

Угодники Божи значнійши, котрыхъ память обходитъ руско-католицка церковь въ мисяцахъ цвитни, маю и червци, написавъ сельскій душпастыръ. (Выдавництво народне, XI, 5). Львивъ. in—16. 40 стр.

Угодники значнійши Божи, котрыхъ память обходыть руско-католицка церковъ въ мисяцяхъ сичню, лютомъ и марти, напысавъ сельскій душпастыръ. (Выдавництво народне, XI, I). Львивъ. in—16. 36 стр.

Улезко Н. Отчетъ черниговской городской лѣчебницы за 1890 г. Изд. ж. «Земскій Врачъ». Черниговъ. 1892. in—8. 20 стр.

Czehryński Daniel. Na Podolu, kartka z życia. Kraków. in—16. 125.

Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 144 стр.

Czołowski Alex. dr. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta: 1. Najstarsza księga miejska, 1382—1389. Wydat . . . Lwów. in—4. VII+152+1 стр.+1 сним.

Шевыревъ Ив. Вредныя лѣсныя насѣкомыя южной Россіи. Наблюденія 1891 г. I. Насѣкомоядныя птицы и степные лѣса (2 отчета лѣсному департаменту). Спб. 1892. in—8. 28 стр.

Шематизмъ всего клира греко-католической епархіи станиславовской на рикъ Божій 1892. VII. Станиславивъ. in—8. XXII+1+186 стр.

Szemityzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z wielkiem ks. krakowskiem na r. 1892. Lwów. in—8. XXIII+995 стр.

Schematismus universi Venerabilis cleri Ruthenorum catholicorum dioeceseos Premisliensis, Samboriensis et Sanocensis pro a. D-ni 1892. Premisliae. in—8. 252 стр.

Эварницкій Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. I. Съ 22 рис. Спб. 1892. in—8. VII+542 стр. Ц. 4 р.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Имп. одес. общества исторіи и древностей. Изд. 3-е дополн. и испр. Од. 1892. in—8. 95 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 28 августа 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVIII, 1892 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

15. Неделя. Сегодня на томъ же становиску часовъ вислухавши, кушалисмо у полковника харковского Квѣтки. А по обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 12 и стали на ночлѣгъ въ урочища „ “, отъ Чорного Яру 134 верстъ. Гасло было Чернѣговъ. Рано зъ вчорайшого становиска послалъ Еропкинъ Ѳалецкого, зъ товарищи и зъ татари, въ Астрахань передомъ. Ординарецъ Якимъ Кулябка.

16. Понеделокъ. Рано, передъ свѣтомъ, поѣхалисмо и, увойшовши верстъ 21, стали на ночлѣгу при урочищѣ „ “, на лугу у Волɡи. Обѣдалисмо сами куренемъ, у полатцѣ п. Миклашевского, а по обѣдѣ подполковникъ билъ у тимъ же куренѣ, а у полковника играли у карти п. Михайло и Василь Гамалѣя, которій и програлся. Отъ урочища сего до Чорного яру верстъ 155. Ординарцъ Пекалецкій да Дмитрашко.

17. Вовтор. Рано уставши, поехалисмо въ предлежащій путь и, уехавши верстъ 22, сталисмо на ночлѣгъ. Отъ Чорного Яру 177 верстъ.

18. Середа. Сегодня рано жъ, поехавши верстъ зъ 15, стали на лугу и отдохнули, а ми, передомъ оттуду зъ п. Андрѣемъ Миклашевскимъ и п. Михайломъ поехавши, пріехали на берегъ Волɡи, отъ ночлѣга вчорайшого верстъ 26, и тутъ перевезшись черезъ рѣчку Солянку, уехали еще верстъ 2 и стали противъ Астраханѣ, куда я передомъ, а потомъ и протчіе перевезлися. Отъ Чорного Яру 205 верстъ. Перевюзшись, я бувъ у архиерея Ѳорки и у его до ночи забавилемъся, и любително трактованъ былемъ; а оттуду пойшовши на квартеру п. Стефана Миклашевского, тутъ ночовалемъ.

19. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Любима Совѣтовича Полянского и потомъ на своей квартерѣ, при березѣ, а оттоль на квартерѣ п. Стефана Миклашевского; оттуду шлюпкою зъ Опачининомъ переехалисмо на той бокъ къ лагеру, и були у Еропкина и перекусили у его жъ, а потомъ зъ нимъ же знову переехалисмо въ Астрахань, и былисмо зъ нимъ у коменданта Митрофанова, а оттуду у Безобразова Івана Григ., полковника, куда князь Василій Алекс. Урусовъ и Полянскій и протчіе поприездили и просидѣли. Оставя ихъ тамъ, я былемъ по всѣхъ радахъ, индийскихъ, арменскихъ и

московскихъ, и въ нихъ осмотрѣлемъ индиянъ, малюючихся на чолѣ фарбою чирвоною и играючихъ, напримѣръ дакъ (?) въ четвереуголномъ сукнѣ да костями метались. Оттуди прийшовши въ квартеру п. Стефана, а оттуду знову у п. Федора дядка, дойшлемъ до своей квартерѣ, где засталемъ п. п. Миклашевскихъ и протчіихъ. Купилемъ табакерку и перспективъ.

20. Пятокъ. У полковника Безобразова былемъ рано, а оттуду пошовши, зайшолемъ до Томари, где и обѣдалемъ. Туда жъ прийшолъ секретаръ капитана морского флота фонъ Вердина, Яковъ Павловичъ, который въ разговорѣ о Гилянѣ сказалъ, что тамъ въ юнѣ, юлѣ, августѣ, септевріи и октовріи мѣсяцахъ превеликіе жари бываютъ, ради которихъ тамошніе жители збѣгаютъ у гори, где воздухъ холоднѣйший. Ращъ городъ гилянский, такъ многолюдний, что въ ономъ самихъ дворовъ гостинныхъ 73, а поселеніемъ темнимъ, потому же въ лѣсахъ частихъ живутъ тамъ люде; зъ Астраханѣ туда пріехать можно въ 7 день, когда добрая погода. Подъ часъ гарячости люде умираютъ. Оттуда пошовши, я зъ Тамарою былемъ въ аптецѣ и купилемъ фунтъ дерева sassafras за 15 копѣекъ, а 2 фунта куреня за 24 коп., на затички до бутилокъ. Откуду былемъ у подполковника нашего Топстейна, а оттуду у князя Урусова, Алексѣя Василіевича, которому и листъ родителскій отдалемъ. Да туда жъ, къ намъ сидячимъ, пришли полковники Безобразовъ да Еропкинъ, откуду со всѣми пошлисмо до Полянского, и тамъ я мало посидѣвши, прийшолъ на свою квартеру. Ездилемъ одноколкою Полянского до судна своего буси, и оной осмотрѣвши, оглядного мастерамъ далемъ полкопи.

21. Субота. Рано былемъ у п. Федора дядка, а оттуду у Стефана Миклашевского, куда и Полянскій прийшолъ, откуду пошовши зъ п. Михайломъ, переехалисмо на ту сторону Волги до лагера. Смотръ былъ болнимъ чиненъ отъ полковника Еропкина и штапъ лѣкара, почому оставлени болніе: бунчуковихъ 19 чловѣка, радовихъ изъ старшини 24 и дракгунъ число нѣкоторое, и оніе злѣцени Безобразову. Обѣдалисмо тамъ же у Еропкина, который мнѣ водою ити въ Сулакъ опредѣлилъ. Доношеніе Еропкину по-

далъ Кандиба, за подписаніемъ его, Якима Горленка, Тарасевича и Івана Забѣли, а въ ономъ виразилъ, что зъ болнихъ бунчуковихъ, отъ Царицина водою до Астраханѣ приехавшихъ и тутъ остаючихся, притворили нѣкоторіе себѣ болѣзни и чтобъ безъ освѣдительствованія ихъ никого не оставлять зде, такъ же и водою никого непускать, развѣ кого бы они приговорили. Приехалемъ на ночъ сюда въ Астрахань, до своей квартери.

22. Неделя. Сегодня рано былемъ у Еропкина, стоявшого у Безобразова квартерѣ, а служби Божой слухалемъ у соборной епископской церквѣ, а по службѣ былисмо многіе бунчуковіе у архиерея на водцѣ, а оттуду зъ Опачининомъ обѣдать пошлисмо до Безобразова. При вечерѣ полковникъ Еропкинъ прийшолъ къ судну, близъ квартери нашой стоявшему, и простившись со всѣми и я зъ нимъ сѣлъ у судно, зъ п. Михайломъ и Василемъ Гамалѣею, отехалъ въ лагеръ. П. Андрѣй Миклашевскій просился у Еропкина водою ити, але не позволилъ. П. Михайло повернулся зъ лагеру и пріехалъ къ намъ на ночъ. Опачинину 6 бутилокъ вина черезъ Мартина послалемъ.

23 Понеделокъ. Сегодня рано п. Михайло, п. Миклашевскій, Григорій Гамалѣя, Іванъ Миклашевскій, простившись со мною, отехали до лагеру. На розніе потреби вилѣчилемъ зъ мешечка 15 р. и далъ Гаврилу, а осталось 80 р. Былъ у насъ Якимъ Кулябка, который сказовалъ, что еще наши не рушали зъ лагеремъ въ маршъ. Мартинъ коней двохъ, сивого верхового и сивенкого, сюда припровадилъ, а потимъ и буланого п. Федорового, которого знову туда жъ велѣлемъ отпровадить въ лагеръ. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ Якубовичемъ, а по обѣдѣ былемъ у п. Стефана Миклашевского, а оттуду у полковника Андріяна Петровича Дебринея, сего дня отъ С. П. Бурга, сюда въ Астрахань, пріехавшого, а оттуду у коменданта Митрофанова, которому и листъ Артемія Петровича далемъ; а пошедши оттуду, купилемъ футро 1 сѣбирковое за 4 р., а два лапковихъ сѣбирковихъ же за 2 р. и смолки черной полчетверти за 16 л.; оттуду прамо у архиерея былемъ, а посидя съ нимъ до ночи, отийшолъ на свою квартеру.

24. Вовторокъ. Сегодня рано былъ я у Полянского и оттуду въ церквѣ Николая ст. на службѣ Божой, где зъ Зазѣтскимъ подполковникомъ видѣлемся. Обѣдалемъ у себе зъ Дмитріемъ ꙁречиномъ, а передъ вечоромъ были у мене на квартерѣ полковникъ Дебриней, маіоръ инженѣръ и садовникъ государинѣ, и посидѣвши доволно, отойшли. Казѣмирови денегъ 20 р. далемъ на розніе потреби; до буси Гаврило умовилъ работниковъ до буси на годъ по 13 р. на ихъ харчи. Сего дня полковникъ Еропкинъ зъ бунчуковими и всѣми козаками земнимъ путемъ рушилъ до Сулаку и, у войшовши верстъ 12, сталъ на ночлѣгъ. У лазнѣ милемся у Афанасія Сергѣевича Крашенинникова, посадского здешнего первого астраханского, отколь зъ Якубовичемъ идучи, зайшолемъ до Стефана Миклашевского, а потомъ и въ квартеру; зачулемъ отъ Якубовича, что якобы его мать пошла замужъ за Буцкого, суддю полкового полтавского. Мартинъ, отправадивши до лагеру буланого коня ступака, повернулся назадъ. Козаковъ смѣловского стрелця и токаровского отправилемъ въ Царицинъ зъ конми моими всема, давши имъ карту подорожную и листъ до Якова Івановича у Дубовку, чтобъ тамъ они ждали прибуття Юска конюшого, да имъ же на дорогу и рубля грошей. Сегодня помаршировавшая наша компанѣя землею до Сулаку увойшла верстъ 12 и стала на ночъ у рѣчечки по лѣвой сторонѣ, при урочищи Безскал татар.

25. Середа. Сегодня рано заходилемъ до п. Федора дядка, а оттуду до соборной церкви, где и службы Божой слухалемъ, а по службѣ ходилемъ въ ради индѣйскіе да арменскіе, где купилисмо две штучки на чекмени сукна за 4 р. зъ полтиною. Рано Димитрій грекъ принюсъ шафрану паляничокъ 5 и фунт. 1 за 2 р. и 5 л. и чубукъ тростяній за 2 гривни. Іванъ Тарновіотъ приходилъ ко мнѣ и посидя отойшолъ. Работникамъ 10 чловѣкамъ, умовленнимъ вчера черезъ Гаврила до буси, на годъ по 13 р. всякому, далемъ теперъ черезъ его жъ Гаврила половину денегъ, то есть 65 р. Особливе ему жъ на росходи далемъ 10 р. Вѣжевскому въ росходъ далемъ рублей 2. Сегодня кампанѣя наша земная увойшла верстъ 15 отъ становиска перваго, а отъ Астраханѣ 27, и стали при

болотѣ у лѣво въ урочища, прозиваемаго по татарску Бакъ Клушунъ, а въ лѣво были озера солоніе.

26. Четверъ. Сегодня рано козаки роменскіе зъ Гудименкомъ пріехали сюда въ Астрахань, а зъ дому отъ Ромна отпущени юля 17, и писма зъ нѣкоторими посилками попривозили: писма отъ родителей и червон. 20, писмо отъ ясневел. и червонихъ 10, отъ жени писмо, отъ п. Семена брата, отъ Петрановского, отъ Афанасія, глинского сотника, отъ сина его Василя кожухъ (?), отъ Орановского и отъ прокурора 2 писмѣ до мене и до п. Михайла. Да съ тихъ же писемъ вѣдомости: 1) 5000 козаковъ идутъ сюда въ Сулакъ на перемѣну прежнимъ, а коммендѣромъ обозний прилуцкій Михайло Григоріевичъ [1]). Томара, суддя чернѣговскій, зъ Савѣцкимъ на розграниченне до Черкасского поехали. Да п. Михайлу жъ ясневел. прислала 100 р. и Заборовскому Матею столко жъ. Черезъ дворецкого Еропкинового, зъ табору сюда за покупкою вина пріездившого, послалемъ до п. Михайла писма зъ дому, до его належачіе, и бутилку водки мастихини и о себе писмо. Былемъ у соборной церквѣ на молебнѣ, за великую княжну Наталію Алексѣевну, самимъ здешнимъ архиереемъ отправляемимъ, а на службѣ Божой и тутъ зъ Полтевимъ видѣлемся. Шевцю тутейшому далемъ сафянъ свой жовтий и казалемъ зробить 2 пари чоботъ колмицкихъ за 8 гривенъ и очернить. Былемъ у дядка п. Федора, которій на ноги и на диссенторію хоруетъ. Дебринея обислалемъ 2 барилцями, водкою полинковою и вишневкою. Переехалемъ къ архиерею на ночъ и тутъ въ келіи близъ трапези, по лѣвой сторонѣ, идучи зъ церкви до архиерейскихъ полатъ, обрѣтаючихъся, ночовалемъ купно зъ Якубовичемъ. Якубовичъ же, прийшовши ко мнѣ, сказивалъ, что Еропкинъ полковникъ до полковника Безобразова писалъ, чтобъ оставшихся бункуковихъ и протчіихъ козаковъ, забывши въ колодки, присилалъ до лагору. Сегодня наша компанѣя земная увойшла 33 версти отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ 60, и стали въ урочища, прозиваемого по татарску Джурукъ Узанъ.

---

[1]) Огроновичъ.

27. Пятокъ. Зъ архиереемъ розговоръ былъ о латвости достать колмикъ и татаръ къ крещенію, которимъ хто воспріемникомъ будетъ, тотъ и имѣть ихъ у себе можетъ. Попи арменскіе були у архиерея и приносили просфири свои, на подобіе оплатковъ кругліе, величиною зъ рубль сцѣлний, тонкіе, а по серединѣ Христосъ роспятий зъ приписомъ словъ нѣякихъ, по бокамъ низко. Да они жъ всѣ, и не толко архиерей, въ митрахъ служатъ, а депенденцію мѣютъ до своего патріарха, въ Великой Арменѣи обрѣтающогося, а не до папи. Молитву передъ исповѣдію исповѣдающему приличную скомпоновалемъ. Зъ полученной у архиерея книги Goar. (?) нѣсколько молитвъ Якубовичъ зъ латинского на руский діялектъ перевелъ. За 7 л. Вѣжевскій мнѣ панчохи волосяніе купилъ. Ночовалемъ у архиерейской келіи, мнѣ отведенной при трапезѣ. Сегодня наши, увойшовши 26 верстъ отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ, 86, стали въ урочища прозиваемого Бассудъ.

28. Субота. Коммунѣковалемъся у трапезной церквѣ архиерейской. По обѣдѣ, ездилемъ зъ Якубовичемъ до слободи татарской, где заехавши до едного бухарца, посидѣлемъ у мазанцѣ его, котораий сказовалъ, что де Бухаръ черезъ Яикъ и Хиву отсюду ездятъ на верблюдахъ у полтора мѣсяця, а зъ Бухаръ до границъ индійскихъ у мѣсяцъ, становлятся жъ землею, самимъ степомъ. Оттуду поехавши, заехалемъ до едного татарина, игравшого у балабайку, до которой два татарчата танцовали въ присѣдки, на подобіе простого козацкого танцу; поехавши оттуду заехалемъ до полковника Безобразова, тамъ посидѣлемъ мало, а оттуду пріехалемъ въ монастиръ и вечералемъ у Рощаковского. Сегодня наши увойшли бунчуковіе и проч. землею 24 версти отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Астраханѣ 110 и стали въ урочища Дидалѣ по татар.

29. Неделя. На всенощной и на утренѣ былисмо у соборной церквѣ, а обѣдалисмо у архиерея. Службы же Божой вислухалисмо у грузинской церквѣ, въ которой еденъ архимандритъ зъ палицею безъ митри зъ 3-ма священниками служилъ, кромѣ киріе елейзон, все своимъ язикомъ спѣвали; а женскій полъ подобіемъ платка турецкого имѣютъ и всѣ помаліовани не толко лицемъ и бровами,

але и вѣками округъ очей. По тий церемонѣй, у архиерея застালисмо Безобразова съ товарищи, на водцѣ бывшого. Передъ вечоромъ ездилисмо зъ архиереемъ въ сади его и государеви, два послѣднихъ при рецѣ Котумѣ, где и полати деревяніе; туда жъ пріехали къ намъ Івановскій, а посля Безобразовъ и протчіе офѣцери и Андрѣй Іванов. Змѣевъ, подполковникъ. Оттуду поехавши, приехали къ архиерею, зъ которимъ посидѣвши мало, отойшлисмо до своей квартери и тутъ ночовали. Куріеръ зъ П. Бурху до Еропкина пріехалъ землею черезъ Астрахань. Сегодня компанѣя наша увойшла 16 верстъ, а отъ Астрах. 126, и перейшла 2 брода по черево коневи, отъ заливи морской и стали у урочища Джурилѣ.

30. Понеделокъ. Сегодня обѣдалемъ у своей квартерѣ зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ. По обѣдѣ Тернавскій былъ у насъ, а по отездѣ его, ездилемъ водою, Кутумовою рѣчкою, до лазарета и противъ оного въ стоящой квартерѣ п. Федора дядка посѣщалемъ и, посидя съ нимъ, отехалемъ въ свою квартеру и отсюду ходилемъ до Полянского и у его вечералемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ ночлѣга 28 верстъ, а отъ Астраханѣ 154, стали въ урочища, прозиваемого по татарску Алазанъ Тарне.

31. Вовтор. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство въ конфектѣ и доволно, болшъ 10, столцовъ было. При вечеру ходилемъ до Томари, где штапъ лѣкаръ билъ, Кгуревъ капитанъ, Тернавскій и лѣкаръ, и оттуду пришлисмо зъ Тернавскимъ до одного капитана и посидѣвши мало, отойшлисмо до нашей квартери, где Тернавскій и ночовалъ. Шапку за 4 р. сторговалемъ мнѣ зробить. Сегодня наши, увойшовши отъ вчорайшого ночлѣга 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 179, стали въ урочища Ала Бугара.

Септевр. мѣсяцъ. 1. Середа. Сегодня рано кровъ зъ головной жили зъ правой руки пускалемъ. Конюшому п. Андрѣя Миклашевского казалемъ, чтобъ Гаврило далъ 10 р. на потребу пана его. Ездилемъ водою до Ишайка, где церковъ каменная и дворецъ архиерейский рѣчкою Луковкою (?), куда и архиерей пріехалъ землею, и тамъ забавилисмо до вечера, а у вечеру водою пріехалисмо сюда и билъ архиерей въ моей квартерѣ и, посидѣвши мало, оте-

халъ. Якубовичъ на жолудокъ захоровалъ билъ тяжко. Сего дня наши, увойшовши 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 204, а на початку маршу у версту перебравшись черезъ бродъ, отъ мора заходячій, глубиною въ черево коневи, стали въ урочища Ясубасъ, при морскихъ заливахъ солонихъ.

2. Четвер. За шапку сегодня заплатилемъ 4 р. Гаврилу на покупку потребъ до буси далемъ 40 р. Якубовичъ у мене позичилъ 6 р. а почалемъ мѣшокъ п. Михайла, въ моемъ зась мѣшку 3 р. недолѣчени. Обѣдали у мене Максимовичъ, сотникъ чорнускій, и Полунѣцкий; по обѣдѣ ходилъ я до Томари, а оттуду до полковника Безобразова и тамъ ужиналъ. Зеленецкій, Іванъ Забѣла и Яковъ Жураковскій, пріехали зъ Царицина въ Астрахань. Сегодня наши рушивши, а увойшовши зъ полъверсти, переходили 2 брода отъ мора и всего увойшли верстъ 23, а отъ Астраханѣ 227, и стали въ урочища Денбасъ.

3. Пятокъ. Сего дня рано Якубовичъ жестоко захоровалъ на диссентерію, вомѣти и фебру, а зъ причини—позавчорайшого дня бывшого, что дулѣ и шапталу чили босковки илъ. П. Андрѣя Миклашевского слузѣ конюшему Гаврило далъ 5 р. въ позику. Рано былъ у мене Степанъ Забѣла, а по обѣдѣ Семенъ Карпѣка и посидѣвши отийшли. Ходилемъ самъ пѣши до буси своей, которая еще вчора вся висмолена зостала, да зъ Яномъ Новѣцкимъ видѣлемся, которій въ разговорѣ сказалъ, что полубусокъ нанялъ зъ ихъ куреня до Сулаку за 60 р., а Карпѣка зъ товарищи другое наняли судно за 105 р. у татаръ. Листи сегодня до дому писалемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ отъ ночлѣга 17, а отъ Астраханѣ 244, пришли до рѣки Куми (которая неподалеце Кабарди взялась, а впадаетъ въ море Каспѣйское, тамъ на примѣръ озера розлившогося, смакъ води солон. кгурковат.) и тамъ ночлѣгъ имѣли.

4. Субота. Сегодня рано осмотрувалемъ своей водки, которая пополамъ зъ водою заледво можетъ поднятись и барилъ 36 цѣлихъ, зъ которихъ двѣ отпечаталемъ и въ онихъ гор. (?) неповно, одно на корхъ, а другое на 3 палцѣ неполно. Обѣдалъ у мене Криштофъ македонянинъ, здешній купчинъ, которій сказовалъ: 1) что

Мирвейцъ родомъ зъ Кандавагаръ провѣнцѣи, царству персидскому прилеглой, але близъ Индіи обрѣтаючойся, до которой зъ Гиспагану будетъ езди на 2 мисяца и болшъ; 2) Шамаху, сказуетъ, уже тому килка лѣтъ якъ збунтовавшись, взялъ тамошній незнатний чловѣкъ Даутъ Бекъ; 3) да въ городѣ жъ, прозиваемомъ Шамахъ, въ той же провинцѣи будучомъ, будетъ домовъ на 70000; 4) въ Мизондаранѣ, кромѣ инныхъ овощей, и цукеръ дѣлается, толко не можетъ такъ дѣлатся якъ належитъ, за недоумѣніемъ въ томъ тамошнихъ; 5) въ Астрабадѣ мало чего есть зъ такимъ вещей, якъ у Гилянѣ и инде, але воздухъ здоровій; 6) въ Гилянѣ воздухъ нездоровій, потому что отъ землѣ гори Сивозъ (?) заступили Гилянъ и потому тамъ вѣтровъ мало; да тутъ же воздухъ отъ води, жаромъ солнечнимъ до засмердѣнія запсовавшейся, заражается; а найпаче тамъ где рижъ родится, потому что тамъ вездѣ канали покопани и водою упущенною наполнени, которая долго стоячи портится и воздухъ заражаетъ; 7) бухарци подобіемъ калмиковъ живутъ и въ нихъ за безстрашіе, что всякъ зъ ханомъ владѣтелемъ ихъ за брата есть, всегда междоусобіе разногласное (sic). По обѣдѣ ходилемъ до Полянского, которій на завтрейшій ранокъ приобѣщалъ людей дать до спусканья на воду буси моей. А оттуду былемъ у у Тамари, и чаю у его напившись, зайшолемъ до полковника Безобразова, где засталемъ подполковника Змеіова, да при мнѣ жъ пріехалъ зъ Сулаку за 8 день служитель морской до Безобразова. Составилемъ термѣну тестаменту до жени. Сегодня наши перебирались черезъ рѣку Куму, глубиною по черево коневи, и увойшовшы 39 верстъ, а отъ Астрах. 283, стали въ урочища Исунъ Бѣракъ, где жадной води не было.

5. Неделя. Сегодня рано ходилемъ до церкви и, службы Божой вислухавши, повернулемся зъ Степаномъ Забѣлою до своей квартери, откуду посилалемъ до Тарнавского и Івана Тарноліота, зъ которими обѣдалемъ; а по обѣдѣ ходилемъ зъ ними жъ до штапъ лѣкара, куда потомъ и полковникъ Безобразовъ пріехалъ и, посидѣвши до вечера, прийшолемъ до своей квартири. Буса моя начала спускатись на воду, але остановка учинилась.

6. Понеделокъ. Сегодня рано буса моя на воду спущенна зостала. Билемъ у Тамари, где Каневского и Тарноліота засталемъ, зъ которими, до квартири своей прийшовши, обѣдалемъ, а по обѣдѣ ходилемъ до лѣкара Карла Павловича и, у его посидѣвши, ходилемъ до буси, а оттуду переехавши черезъ рѣку Кутуму, билемъ у Бурковского, и посидя мало, заходилемъ до дядка п. Федора и оттуду Тарнавскій и Максимовичъ, опроводивши мене до берега, отойшли, а я до своей пріехалемъ квартери. Сегодня наши увойшли отъ позавчорайшого ночлѣга и отъ вчорайшого верстъ 69, а отъ Астраханѣ 352, и стали въ урочища Кизларъ, сие есть дѣвка. Тогда з брода переходили по черево конѐви, и четвертую заливу морскую болшую, въ ширъ съ полтори версти, по сѣдло коневи, глубокую, а вода солоная, а остатній бродъ билъ води солодкой, тамъ трава худая начала показоватись трохъ видъ, на примѣръ полиню.

7. Вовторокъ. Сегодня рано пересмотрувалемъ аптеки родителской, зде оставленной, и зъ оной по части взялемъ медикаментовъ именно: rad. beroa . . . . (?), spermaceti, pulv. . . . . (?) ol. anisi. Обѣдали у мене Тернавскій и Максимовичъ и приседѣлъ Тарноіотъ; а по обѣдѣ у Маслова, полковника бывшого астраханского, а нинѣшнего гилянского коммендацта, сюда на время пріехавшаго. Гаврилу 20 р. далемъ еще на росходи. По щоту зъ реестра Гаврилового въ росходѣ гор. вѣдеръ нашихъ 25, а есть 186. Билемъ у вечеру у Поланского, у которого извѣстилемся, что еще сегодня пріехалъ куріеръ зъ С. П. Бурга до Еропкина.

8. Середа. Сегодня рано былемъ у архиерея, у котораго увѣдомилемся, что у синодѣ псковскій архиепископъ новагородскимъ устроенъ, а тверскій отецъ Лопатинскій вице-президентомъ въ синодѣ поставленъ. Архирей служилъ у церквѣ Рождества Пресвятой Богородици, бо празникъ тамъ билъ, а мы, вислухавши въ соборѣ службы Божой, пришлисмо до моей квартери зъ Тернавскимъ и Семеномъ Карпѣкою и тутъ кушалисмо. Атютантъ господина генерала Матюшкина иноземецъ Іоганъ „ “ пріехалъ зъ Сулаку и, пообѣдавши у штапъ-лѣкара, до которого и ми тогда ходилисмо, при

насъ же и отехалъ до С. П. Бурха. Былемъ на суднѣ, которимъ идетъ Семенъ Карпѣка, нанявши подъ разніе багажи за 105 р., а судно—буса мѣрная; а бувши я отдалъ листъ ему Карпѣцѣ до п. Михайла Скоропадского, о моемъ зде медленіи писанний, за нескорою додѣлкою буси моей. Былъ у мене Масловъ зъ прочіими своими офѣцерами, которому водки и табаку отослать казалемъ Гаврилу. Сегодня наши, рушивши зъ ночлѣга позавчорайшого, увойшли 30 верстъ, а отъ Астрах. 382 и стали въ урочища Кайпунъ Бугоръ.

9. Четверъ. Сегодня рано принесенъ ко мнѣ листъ Гавриломъ отъ канцелляріи губернской, писанний отъ пана Михайла зъ походу отъ урочища, прозиваемого Алабуксара, отстоящого отъ Астраханѣ въ 174 верстахъ, а въ листѣ дата 31 августа, въ якомъ пишетъ, же лошадѣ стали и что къ прийдучому числу, сего сент. 3-му, мѣютъ стать у Куми рѣки, да при томъ и листъ до своей жени прилагаетъ. Гаврилу далемъ еще грошей на росходи 20 р. Обѣдалъ со мною Іванъ Тарноліотъ, а по обѣдѣ былъ у мене п. сотникъ чорнускій и, отшедшимъ имъ, я ездилъ до буси своей водою, а оттуду былъ у п. Федора дядка, и повернувшись былемъ у Тамари и, посидѣвши мало, прийшолемъ до квартери своей. Козаку Василеви казалемъ дать 3 р. и со мною моремъ ехать казалемъ ему жъ. Семенъ Карпѣка рано маршъ воспріялъ водою до Сулаку судномъ, на которомъ многихъ бунчуковихъ багажъ поскладанъ. Осмотрувалемъ лѣкарствъ своихъ, кромѣ аптеки обрѣтаючихся, которихъ показалось певное число, именно: 1) трави на декоктъ прежде пявокъ, 2) spir. cochlearia; 3) spir. antiparalyti; 4) elixir puri p. . . . 5) Unguent. antiparaliti; 6) r. purg. cum pelulis adhibenda sub. lit. D; 7) electuar. laxat.; 8) pilula cum vulgar. decoctio, другій слоикъ зъ такими жъ пилулами lit D; 9) pilula cum ra. suburo 6; 10) essen. sangu. purifica; 11) philonium romanum; 12) sat. vol. oleos; 13) reguies Nicolai; 14) ungv. antiparalit., такихъ якихъ sub n-ro *5 to*; 15) cremr. tr.; 16) lapis prunella. 17) spir. antiparalyt. такій якій sub n-ro *3-tio*. 18) essen. sang. purifi sub. lit K.; 19) eplastr de miscellag. st. iej.; 20) pi-

lul. cum vulg. decocto, такіе якіе sub n-ro *8-vo.* 21) species pro decocto vulgar.; 22) pilula l. . . . . ; 23) oleum anesi; 24) pulv. italy contra phtisi; 25) essen. pectoral., 26) elixir ol. . . . . ; 27) elixir pestil. . . . . Заездилемъ до птичого двора, где видѣлемъ барани, чапури, лебедѣ и рябіе чапури зъ тонкимъ, а остримъ и долгимъ носомъ, та еще заперскіе (?) дикіе гуси дивной композитури: шіи долгіе отъ лебедних, да тоншіе, носъ долгій горбатій, на низъ закривлений, бѣлочорній, корпусъ—пѣрье бѣлое, да по концамъ крилъ фабры рожевой пѣре и ноги тонкіе, а високіе, збитъ того жъ коліору рожевіе. Сегодня наши, увойшовши 34 версти, отъ Астрах. 416, стали въ урочища Курдюковъ Дупъ.

10. Пятокъ. Сегодня буса наша рушила зъ мѣста своего и, минувши квартеру мою, стала на якорахъ. По вѣдомости Мартина показалось: бутилокъ плетенихъ именно: зъ бургунскимъ 3, зъ еремѣтари. 3, зъ полин. 3, зъ рен. солод. 3, зъ церков. 6, зъ красним 10, зъ рен. твердимъ 22, зъ водкою францyз. 6, порожнихъ 7, итого зъ виномъ бутилокъ 50, зъ водкою франц. 6, а порожнихъ 7, всѣхъ бутилокъ, повнихъ и порожнихъ, 63. А вина барилъ: 1 церковного, 1 ренского, 3 полинкового, четвертое неповно, волоского отъ ясневел. одно, сотницкого одно, купленного одно, и того 9. 5 р. Мартину на розніе покупки, а 6 р. Василеви зъ Лескомъ кухаремъ, на кури и гуси, далемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ становиска 24, а отъ Астрахан. 440 верстъ, пришли къ рѣцѣ, Терекъ прозиваемой, и перебралисъ черезъ оную не подалеце городка Курдюкова, собою въ ширъ и довжъ по 40 саженъ будучого, въ право; тутъ гори кавказскіе стали видни, будто облаки.

11. Субота. Сегодня рано далемъ Гаврилови зъ мѣшка Заборовского рублей 30. Демянъ принюсъ зъ аптеки 3 лѣкарствъ—elixir vitriol. mynsichti, essen. pectoral., elixir pestilenteal. aa ℥iij, а далъ 30 зл. Билемъ у Томари, которій подарилъ мнѣ пороховницю роговую, а оттуду заходилемъ до Безобразова, который далъ мнѣ писмо до Еропкина отъ Волинского; оттуду пошовши зъ Дорошенкомъ, кушалисмо у себе, и въ лазнѣ милисъ у Крашенинникова. Безобразовъ подорожный пашпортъ далъ Юску.

12. Неделя. Сегодня рано былемъ у архиерея, а оттуду у церквѣ соборной, а по службѣ былемъ же у архиерея, и, поводковавши, отойшолемъ и обѣдалемъ у Любима Совѣтовича Полянского; да у его жъ были на обѣдѣ полковники Безобразовъ, Пѣцъ и комендантъ, Митрофановъ, секретаръ губернскій, и протчіи; по обѣдѣ зась прійшолъ я до своей квартири.

13. Понеделокъ. Сегодня рано билъ я у Полянского, а потомъ билъ у насъ Полунѣцкій и, по отходѣ его, обѣдалемъ зъ Якубовичемъ. Кравецъ рускій покроялъ гусарку, суконную зъ футромъ сѣбирковимъ и обранне зъ черкаского чили шамаханского сукна. Сегодня наши отъ Терку рушивши, увойшли 41 версту, а отъ Астрах. 481, и стали въ урочища, прозиваемого Баксай, тутъ брода топкіе перейшли.

14. Вовтор. Сегодня рано былемъ у Безобразова полковника, которій зказовалъ, что получилъ онъ отъ генерала Матюшкина писмо о присилки бунчуковихъ и протчіихъ въ Сулакъ, буде оздоровѣетъ кто зъ нихъ. Юску писма до дому подавалемъ до розныхъ персонъ; ему жъ далемъ 6 р. для того, что зъ сихъ же денегъ надобно въ Царицинѣ покровскому дячку дать 3 р. безъ гривни, за 4 верблюди, да харчовалъ конѣ, данніе стрелцу смѣловскому и козаку токаровскому, числомъ 7., гнѣдихъ 2, рижихъ старихъ 2, сивихъ 2 и Вѣжевского еденъ бѣлогубий, поколь оніе до дому запроводятся. У архиерея зъ Рощаковскимъ обѣдалемъ, а оттуду заходилемъ до Тамари, где немедлячи, прийшолемъ до своей квартири шуменъ зѣло (?). Гаврила п. Михайлового исповѣдали. Сегодня наши, увойшовши 29, а отъ Астрах. 510 верстъ, стали у озеръ, прозиваемихъ Толмы, где худой трави много.

15. Середа. Юско и Казѣмиръ сегодня отправленни зъ писмами и поехали въ Царичинъ, да у Юска жъ фузѣю за 2 р. зъ полтиною взялемъ. Безобразова пожекгналемъ и листи у его взялемъ до Еропкина и до Ушакова Костантина, атютанта генерала Матюшкина. Демяну на потреби розніе зъ мѣшка Заборовского далемъ 6 р. У Томари билемъ, которій далъ чубукъ тростяній, а прийшовши до дому, обѣдалемъ зъ Дорошенкомъ, отцемъ Петромъ,

священникомъ рождественскимъ, Максимовичомъ, сотникомъ чорнускимъ, и Яковомъ Жуковскимъ. Черезъ Максимовича, отехавшого сегодня къ Царицину, домой писалемъ до родителей и жени. Купилемъ чубукъ слоніовий за рубль, а пугвиць 48, за 8 гривенъ. У архиерея былемъ и пожекгналемъ его, да его жъ за Кондрата слугу его, прогнѣвившого его нѣкоторимъ словомъ, перепросилемъ. Ему жъ архиерею testamentum до жени далемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ 9, а отъ Астраханѣ 519 верстъ, прийшли къ прорвѣ Сулацкой, бо Сулакъ, у верху отъ крѣпости Ст. Креста прорвавшись, туда потеклъ.

16. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Полянского, и оного 2 вѣдерками водки обослалемъ. Ездилемъ до церкви арменской, где засталемъ уже на концу службы: 1) которую отправлялъ попъ зъ діакономъ; 2) але попъ въ ризахъ подобнихъ плащу, спереду застебнулся, въ митрѣ подобной архиерейской, зъ крестомъ; 3) на концу службы прочиталъ Евангеліе и по прочтеніи, посредѣ церкви ставши, давалъ евангеліе цѣловать всѣмъ, а по цѣлованіи евангелія и руки его, отъ малого хлопца принималъ всякъ даръ; 4) олтаръ на примѣръ католицкого, толко за запоною великою, которая весь олтаръ заслоняетъ, а когда потреба оную отнимаютъ, отъ земли високъ у аршинъ, а долъ церкви вистиленъ коберцами; 5) женскій полъ на задѣ въ церквѣ, за оградою решотками здѣланою, стоитъ, по дару (?) ходятъ, укривши лице и все тѣло бѣлимъ полотномъ; 6) архиерейская митра подобна бѣскупской инфулѣ; 7) попи въ церкви въ плащахъ матеріальнихъ темного коліору въ церквѣ стоятъ; 8) протопопъ арменскій въ розговорѣ со мною говорилъ себе нѣчимъ отъ насъ неразнствуючихъ, кромѣ календаря, по которому и свята неравно съ нами и пости имѣютъ, же Благовѣщеніе апр. 5 дня, а Рождество купно зъ Богоявленіемъ, 1 генваря празднуютъ; 9) люде и попи въ церквѣ сидятъ и кленчатъ, и стоятъ, когда что важнѣйшое, отправляется; 10) сказалъ, что патріярховъ у себе въ Арменіи имѣютъ двохъ, одного на мѣстѣ святого Григорія арменского, а другого меншого честію. У того жъ протопопи, по его прошенію, былемъ и по чарцѣ водки виоивши, пріехалемъ до своей

квартери. Обѣдали у мене Полянскій и капитанъ, здешній комисаръ. Рощаковскій зъ отцемъ Соколовичомъ посѣщали мене, а по отходѣ ихъ, ездилемъ до пана Федора дядка, зъ которимъ и зъ п. Раковичемъ пожегнавшись, отехалемъ до квартири своей. По щоту показалось, что неповніе барила долили трома барилами, а зъ нихъ розійшлось на досипку водки вѣдеръ 19 и квартъ 7. Остается барилъ тутъ 5, водою нерозведенихъ, а самою горѣлкою досипленихъ, а въ нихъ водки вѣдеръ 21 и полъ кварти, да остается жъ барилъ 9 водою досипленихъ, а въ нихъ вѣдеръ 42 и квартъ 12 и полъ кварти, а всѣхъ вѣдерокъ 63 и 13 квартъ.

17. Пятокъ. Сегодня рано Тернавскій, Полунѣцкій и Забѣла Степанъ были у мене и, посидѣвши мало, отойшли восвояси. Зъ мѣшка Забор. винялемъ грошей 10 р. Гаврилови, да еще жъ 10 р. винялемъ, зъ которихъ тутъ на харчъ далемъ Демянови 3 р., 30 зл. Андрушцѣ, при Демяну остаючомуся, да за 4 кулѣ солоду (который зъ собою взялисмо) 4 р. заплатилисмо, да кравцю за гусарку и обранне 25 зл. Мартину на барилка 1 р. и на другіе мѣлкіе потреби розійшлись. Демянъ далъ карту рѣчій зъ нимъ оставленихъ зде, а въ ней написано: барилъ гор. 14, а въ нихъ вѣд. 63 и квартъ 13, муки жит. и пшенич. куѳъ 5, пшона куѳъ 2, товчи куѳъ 1, бокуну кулей 5, тютюн. кул. 5, муки пшенич. кул. 2, сала полъ-бочки, овса кулей 3, тютюну молодецкого кул. 3. Былемъ вечоромъ у Полянского и черезъ Демяна получилемъ подорожную отъ Безобразова.

18. Субота. Сегодня рано былемъ у Алексѣя Василіев. Івановского, где и Петра Петровича Посевита, француза, садовника государского, засталемъ, зъ которимъ оттуду ходилемъ до склепу мурованого государевого, въ кремлѣ обрѣтаючогося, и тамъ осмотрувалемъ винъ государевихъ здешнего винограду. Зъ тихъ же винъ розних купилемъ у 4 барилцѣ 7 вѣдеръ, по рублю вѣдро. Заходилемъ до службы Божой и после зъ Тернавскимъ и Полунѣцкимъ пришлисмо до моей квартери, где зъ нами и зъ Рощаковскимъ кушалисмо; да до насъ же посредѣ обѣда прийшолъ Івановскій и кушалъ тутъ же. Посланникъ государевъ італѣянецъ, називаючійся Фліоръ Белевеци,

у бухарского хана 6 лѣтъ обрѣтавшийся, пріехалъ въ Астрахань, до которого, стоячого квартерою у садовника помянутого, ходилемъ зъ Тернавскимъ и прочіими, бывшими на обѣдѣ у мене, где онъ въ розговорѣ своемъ сказалъ намъ: *1-mo*, что онъ зъ Бухари 7 день ѣхалъ до Хиви, а зъ Хиви до границь россійскихъ сталъ въ 25 день; *2-do*, въ Хивѣ видѣлъ Чибишова, брата подполковници Ниловой, еще за походу Бековича князя Черкаского тамъ въ полонъ взятого, чому будетъ лѣтъ 8, въ роботѣ найдуючогося, такой, что надъ 6 чловѣками, рижъ товкучими, надзирателемъ есть; *3-tio*, у Хивѣ и у Бухарахъ, теперъ по два хана, чего ради у ихъ междоусобная брань; *4-to*, Бухари граничатъ зъ индійскимъ государствомъ, въ которомъ есть імператоромъ Мугolъ, подъ своею властію нѣсколько імперій содержачій, вѣрою махометанинъ, где и жителей тамошнихъ болше того махометанъ, а не идолопоклонниковъ; *5-to*, проехалъ зъ великимъ небезпеченствомъ черезъ Хиву, где хочай билъ и удержанъ и виговорувано ему, что будто ихъ посланнихъ бывшій прежде у государя, отруенъ зосталъ зде, однакъ потомъ отпущенъ зосталъ.—Оттуду пойшовши, мы зайшли до Томари зъ капитаномъ Гуревимъ и Каневскимъ и протчіими и, пожекгнавшись, прийшолемъ до своей квартири, але знову ходилемъ видѣтись зъ прежде реченнимъ посланникомъ, у дому подполковници Ниловой, и посидѣвши тамъ мало, прийшолемъ до дому и тутъ голову и увесь обмилемся. А отъ посланника листъ принеслъ человѣкъ его Николай, до Матюшкина енерала писанний. Сеей ночи перейшолемъ на бусу, посередъ рѣки Кутуми на якорѣ стоячую и тутъ заночовалемъ. Далемъ Демянови наказъ въ 8 пунктахъ: 1) о надзираніи багажу, 2) о частомъ репортованню мене, 3) о покупцѣ сули, судна на оніе и работниковъ найму къ тому жъ до Царицина, 4) о коняхъ нашихъ двохъ тутъ оставленнихъ, 5) о татарчатахъ и комличатахъ, жебы ихъ достать, 6) о купленню барилковъ, 7) о збуттю надлежащею, 8) о данню гор. (?) отцу Петру Рождественскому и хозяйцѣ нашей, чили хазяинови. Да тотъ же посланникъ Benevеci сказалъ и сіе, что у Бухарѣ суть шляхта, на примѣръ мурзи, котории хана и поставить и скинуть силни, але зъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

1892 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIX, 1892 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го сентября 1892 г.

По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Древніе монастыри въ г. Черниговѣ.

1) *Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь.*

Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь находится на юго-восточной окраинѣ г. Чернигова, составляющей продолженіе той береговой возвышенности, на которой стоялъ его кремль съ Спасскимъ соборомъ. Въ древнихъ лѣтописяхъ онъ не называется ни Елецкимъ, ни Успенскимъ, а называется только „Богородичнымъ“ [2]). Въ первый разъ о немъ упомянуто по случаю прибытія преподобнаго Антонія изъ Кіева въ Черниговъ на Болдину гору, въ которой онъ поселился, ископавъ для себя въ ней пещеру. Опредѣляя мѣстность этой пещеры, лѣтописецъ говоритъ: „и есть монастырь св. Богородицы на Болдиныхъ горахъ и до сихъ дней“ [3]). Затѣмъ подъ 1177 годомъ въ лѣтописи упоминается черниговскій „игуменъ св. Богородицы“ Ефремъ, посланный Святославомъ Ольговичемъ къ Всеволоду Суздальскому съ черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ [4]). Когда и кѣмъ основанъ этотъ монастырь, въ лѣтописяхъ не упоминается. Бывшіе настоятелями сего монастыря въ 17 вѣкѣ, Зосима Прокоповичъ и Іоанникій Голятовскій, основаніе его и построеніе

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 9.

[2]) Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 136.

[3]) Лѣтопись по Ипат. сп. стр. 411.

[4]) Исторія Рос. Іерархіи. Томъ 6, стр. 492. Опис. Черн. Еп. кн. 3, стр. 2 и 3.

въ немъ каменнаго Успенскаго храма приписали черниговскому князю Святославу Ярославичу; то же повторено въ Исторіи Росс. Іерархіи и въ „Описаніи Черниговской Епархіи“. Но монастырь могъ явиться здѣсь и раньше времени Святослава Ярославича, въ княженіе Ярослава (1034—1054 г.) и даже при св. Владимірѣ. Что же касается сооруженія существующаго донынѣ древняго каменнаго храма во имя Успенія Пресвятой Богородицы, то едвали можно считать Святослава Ярославича создателемъ его, такъ какъ въ древней лѣтописи о немъ не значится и такъ какъ въ немъ не погребенъ ни онъ и никто изъ его сыновей по существовавшему тогда обычаю погребать создателей храмовъ въ сихъ храмахъ, а ихъ ближайшихъ потомковъ въ *отни* монастырѣ [1]). Въ черниговскомъ Богородичномъ монастырѣ погребенъ въ 1196 г. Трубчевскій князь *Всеволодъ* (Буй-туръ) *Святославичъ*, сынъ черниговскаго князя Святослава Ольговича, воспѣтый въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и умершій въ Олговичахъ; „приложися, говоритъ лѣтопись, къ *отцемъ своимъ* и дѣдамъ“. Его проводили до гроба „епискупъ черниговскій и вси игумени и попове и вся братья во Олговичехъ племени, съ великою честію и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ“. Изъ этого факта погребенія и словъ лѣтописи „приложися ко отцемъ своимъ и дѣдамъ“ слѣдуетъ заключить, что Богородичный храмъ Елецкаго монастыря сооруженъ Олегомъ Святославичемъ или однимъ изъ Ольговичей, княжившихъ потомъ въ Черниговѣ—Святославомъ Ольговичемъ или братомъ его вел. кн. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, бывшимъ предъ тѣмъ 12 лѣтъ на черниговскомъ княженіи. На это указываетъ и сходство архитектуры этого храма съ архитектурой Кіево-Кирилловскаго, созданнаго тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ.

Въ нашествіе Батыя, при разореніи Чернигова, несомнѣнно пострадалъ и Богородичный монастырь, хотя лѣтописи о семъ въ частности не говорятъ и о дальнѣйшемъ существованіи его

---

[1]) Помыслы Святослава Ярославича были устремлены болѣе къ Кіеву, въ Копыревомъ концѣ котораго онъ соорудилъ храмъ св. Симеона, но въ Кіевѣ ему пришлось княжить только 3 послѣдніе года жизни и не въ немъ возлечь своими костьми.

не упоминаютъ до 17 вѣка, когда онъ становится извѣстнымъ подъ именемъ *Елецкаго Успенскаго*. Черниговскіе историки, начиная съ Іоанникія Голятовскаго, полагаютъ, что *Елецкимъ* онъ названъ по образу Божіей Матери, обрѣтенному на еловомъ деревѣ и будто это обрѣтеніе случилось на мѣстѣ Богородичной церкви въ 1060 году, еще до переселенія преподобнаго Антонія въ Черниговъ. Но если бы монастырь получилъ названіе Елецкаго Успенскаго въ началѣ своего существованія и притомъ отъ иконы, обрѣтенной на ели и на ели изображаемой до нынѣ [1]), то на этой иконѣ надлежало бы быть Успенію Божіей Матери. Между тѣмъ на Чудотворной иконѣ сего монастыря нѣтъ Успенія Божіей Матери, а изображена Божія Матерь сидящею и держащею на своихъ колѣнахъ стоящаго младенца Іисуса. Изъ чего слѣдуетъ, что основаніе черниговскаго Богородичнаго монастыря и его названіе „Богородичнымъ" произошло независимо отъ обрѣтенія иконы на ели и гораздо раньше этого событія. Могъ Богородичный монастырь получить названіе Елецкаго и просто отъ мѣстности своей, покрытой еловымъ лѣсомъ, подобно монастырямъ кіевскому Спасскому на *Берестовѣ* и московскому Спасскому на *Бору*, получившимъ названіе отъ берестоваго и сосноваго лѣса.

Въ 1611 году, по взятіи Чернигова предводителемъ польскаго войска Горностаемъ, одновременно съ черниговскимъ замкомъ сгорѣлъ и Елецкій монастырь, а иноки его вмѣстѣ съ московскимъ отрядомъ войскъ удалились въ Москву. Спустя 12 лѣтъ послѣ этого опустошенія, монастырь Елецкій пришелъ уже въ такое запустѣніе, что меньшіе куполы его, бывшіе надъ хорами и по бокамъ, обвалились; наконецъ упалъ и большой куполъ съ сильнымъ грохотомъ. Въ это бѣдственное время принялъ монастырь въ управленіе, по грамотамъ Сигизмунда III и Владислава IV, извѣстный въ проповѣднической литературѣ подъ именемъ „Транквилліона" Кириллъ *Ставровецкій* и въ санѣ архимандрита управлялъ имъ съ 1623 г. по 1646 г., устроивъ въ маетности сего монастыря и собственную типогра-

---

[1]) Лѣтоп. Ипат. сп. стр. 467.

фію. Но въ послѣдніе 10 лѣтъ,—съ 1637 года, онъ былъ только номинальнымъ настоятелемъ Елецкаго монастыря, который отданъ уніатскимъ архимандритамъ; будучи вытѣсненъ изъ монастыря своего, жилъ онъ въ какой то монастырской „маетности“, можетъ быть, въ томъ хуторцѣ, который былъ при св. озерѣ и который упомянутъ въ монастырской описи, составленной при св. Димитріи Тупталѣ. Впрочемъ, уніаты владѣли Елецкимъ монастыремъ не долѣе 1649 г., т. е. до изгнанія изъ всей Малороссіи латинскихъ и уніатскихъ священниковъ и монаховъ Богданомъ Хмельницкимъ. Съ этого времени до 1669 г. запустѣлый Елецкій монастырь, съ его угодіями земельными, состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и владѣніи черниговскихъ преосвященныхъ Зосимы Прокоповича и Лазаря Барановича [1]). Наконецъ преосвященный Лазарь, желая поднять изъ развалинъ знаменитый Елецкій монастырь, избралъ въ настоятели его мужа, по выраженію архіерейской грамоты, „отличнаго и способнаго къ службѣ Божіей, опытнаго въ наукахъ св. Писанія и искуснаго въ жизни иноческой, почтеннаго господина о. Іоанникія *Голятовскаго*, бывшаго ректоромъ и игуменомъ кіевскаго Братскаго монастыря“, и вручилъ ему этотъ монастырь въ полное распоряженіе со всѣми принадлежащими къ нему имѣніями, съ согласія гетмана Демьяна Игнатовича (Многогрѣшнаго) и другихъ особъ духовнаго и свѣтскаго сословія, причемъ возвелъ его въ санъ архимандрита, въ надеждѣ что „подъ его ревностнымъ управленіемъ процвѣтетъ то пустынное мѣсто, какъ кринъ красный во славу Господа Бога, славимаго въ Тройцѣ и въ похвалу Пречистой Госпожи Богородицы“. Архимандритъ Голятовскій, дѣйствительно, ревностно принялся за возстановленіе ввѣреннаго ему монастыря: въ короткое время, съ 1670 по 1674 г., по его словамъ, „очищенъ былъ щебень какъ около церкви отъ разрушенныхъ стѣнъ, такъ и въ самой церкви св. Богородицы, исправлены фрамуги подъ хорами, и столбы между окнами въ большомъ куполѣ; закрытая землею церковь очищена и, бывъ доселѣ ненакрытою, покрыта. Въ ней жили неразумныя

---

[1]) Жившихъ тогда не въ Черниговѣ, а въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

звѣрята и птахи—гнѣзда себѣ чинили“ [1]). Возстановлены были и куполы [2]), которыхъ барабаны, какъ видно изъ словъ обновителя, сохранились, лишившись только своихъ верхнихъ частей. Значительную помощь ему въ этомъ дѣлѣ оказалъ черниговскій полковникъ Василій *Дунинъ-Борковскій*, который на свой счетъ соорудилъ каменную трапезу съ церковью во имя св. апостолъ Петра и Павла и сдѣлалъ значительныя пожертвованія церковною утварью. Сверхъ того Іоанникій Голятовскій, отправившись въ Москву, испросилъ для своего монастыря отъ щедротъ царя Алексѣя Михайловича св. сосуды, священническія облаченія, крестъ, евангеліе и денежное пособіе. Скончался онъ въ глубокой старости въ 1688 г. въ семъ же монастырѣ и погребенъ подъ настоятельскимъ мѣстомъ въ обновленномъ Успенскомъ храмѣ. Преемниками Голятовскаго въ управленіи Елецкимъ монастыремъ были не менѣе ученые и извѣстные святостію жизни: *Ѳеодосій Углицкій* (1688—1696 г.), бывшій потомъ архіепископомъ черниговскимъ, *Іоаннъ Максимовичъ* (1696—1697 г.), изъ черниговскихъ архіепископовъ пожалованный въ санъ митрополита Тобольскаго, св. *Димитрій Туптала* (1697—1700 г.), впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій, и *Іероѳей Малицкій* (1744 — 1788 г.), скончавшійся въ санѣ митрополита кіевскаго.

Древній храмъ Пресвятыя Богородицы, во имя ея Успенія, имѣетъ въ основаніи своемъ форму удлиненнаго прямоугольника съ 3-мя абсидами или алтарными закругленіями на восточной сторонѣ. Длина его $14^1/_2$ саж., ширина 8 саж., верхъ вѣнчаютъ 5 куполовъ, которые сохранили свою прежнюю форму, не смотря на бывшія поврежденія. Въ 2-хъ абсидахъ храма устроены два престола: средній во имя Успенія Божіей Матери и южный во имя архистратига Михаила, а сѣверная абсида составляетъ придѣлъ жертвенника. Хоры примыкаютъ къ западной стѣнѣ, съ боковыми выступами по сѣверной и южнымъ стѣнамъ; на южномъ продолженіи хоръ устроенъ престолъ во имя

---

[1]) Скарбница стр. 7.

[2]) Тамъ же стр. 13 и 14.

св. Георгія. Всходъ на хоры проходитъ въ сѣверной стѣнѣ, освѣщаясь щелеобразными окнами, подобно всходу на хоры въ церкви Кіево-Кирилловскаго монастыря. Бывшій подъ хорами, на южной сторонѣ, придѣлъ съ престоломъ св. Іоанна Предтечи обращенъ въ ризницу. Размѣры храма, его планъ, устройство лѣстницы, ведущей на хоры, и самыя хоры съ придѣломъ на нихъ подтверждаютъ сходство этого храма съ Кіево-Кирилловскимъ храмомъ Всеволода Ольговича. Къ южной стѣнѣ алтарной части пристроенъ въ 17 вѣкѣ малый каменный храмъ, въ видѣ палатки, во имя апостола Іакова, въ которомъ погребенъ козацкій полковникъ *Яковъ Лизогубъ*. Вокругъ алтаря главнаго храма есть довольно надгробныхъ памятниковъ, надъ могилами разныхъ лицъ.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о. Голятовскимъ въ его „Скарбницѣ", главный Успенскій храмъ въ древности окружали каплицы или крытыя галлереи, подобныя бывшимъ въ его время при великой церкви Кіево-Печерской Лавры, и слѣды ихъ упора въ стѣны Успенскаго храма видны были при немъ. На внутреннихъ стѣнахъ церкви сохранялась древняя фресковая живопись, которой „не могли истребить или испортить ни дождь, ни снѣгъ" [1]) во время долговременнаго запустѣнія. Подлѣ церкви были находимы въ грунтѣ земли таблицы и куски олова, которыми она была покрыта въ древности. При исправленіи зданія ея былъ найденъ подъ церковною дверью гробъ изъ плитъ краснаго камня. Оказалось также нѣсколько каменныхъ гробовъ подъ хорами, но въ разрушенномъ состояніи, съ недостающими плитами, которыя унесены. При постройкѣ каменной церкви въ 1676 г. вырытъ въ глубокой ямѣ круглый оловяный образъ Божіей Матери, стоящей съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ; на оборотной сторонѣ медальона было изображеніе св. Василія Великаго, въ омофорѣ, съ греческою подписью его имени.

Въ особомъ кіотѣ находится *чудотворная икона Божіей Матери,* называемая Елецкою. Архимандритъ Іоанникій Голя-

---

[1]) Профессоръ Кіев. университета А. В. Праховъ въ іюнѣ сего года удостовѣрилъ существованіе этой фресковой живописи подъ слоями побѣлки. Подъ хорами, въ южной стѣнѣ, открытъ имъ аркосоль съ каменнымъ гробомъ.

товскій описываетъ ее такъ въ своей „Скарбницѣ": „намаліовано дерево еловое з галузьями (вѣтьвями) зелеными; межь тыми галузьями высоко сидячая Божія Матерь, на своихъ колѣнахъ дидятко Христа стоячого подъ пахи лѣвою держачая, правою рукою за ноги Христа держитъ, а Христосъ въ лѣвой рукѣ держитъ хартію". Безъ сомнѣнія на иконѣ, обрѣтенной въ древности на еловомъ деревѣ, не было изображенія ели подъ стопами Божіей Матери; въ такомъ видѣ она могла быть написана только послѣ обрѣтенія, въ воспоминаніе той иконы, которая оказалась на еловомъ деревѣ; слѣдовательно имѣющаяся нынѣ въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ и признаваемая чудотворною икона Божіей Матери не та, которая снята съ еловаго дерева въ древнее время. Это подтверждаетъ и бывшій настоятель сего монастыря, о. Голятовскій. Въ своей „Скарбницѣ" онъ пишетъ, что „образъ Божіей Матери привезъ въ генварѣ 1676 года до Чернигова з великой Россіи, з мѣста Владиміра, нѣкто Никита Федоровичъ Козелъ на ярмарокъ, а Константинъ Мазопета, купивши сей образъ, отдалъ до церкви Богородицы Елецкой" [1]). При этомъ о. Голятовскій поясняетъ, что „такій образъ у московскихъ обывателей называется Богородица Елецка отъ того, что въ Черниговѣ есть образъ, найденный на елинѣ, а объ этомъ московскіе обыватели вычитали у нѣкоего Лѣтописца Русскаго". По другому сказанію подлинная икона Божіей Матери Елецкая во время войны съ польскимъ королемъ Баторіемъ взята въ Москву князьями Барятинскими, потомками Святослава Черниговскаго, а въ 1687 г. была въ крымскомъ походѣ съ княземъ Даніиломъ Барятинскимъ и на обратномъ пути изъ похода отдана симъ княземъ, бывшимъ въ смертной болѣзни, въ харьковскій Успенскій соборъ [2]). Но и на этой иконѣ Божія Матерь изображена также въ вѣтвяхъ еловаго дерева и въ томъ же видѣ, какъ на иконѣ, купленной Мазопетою у Владимірскаго торговца Козела. Слѣдовательно, нужно считать утраченною подлинную икону, обрѣтенную нѣкогда въ

---

[1]) Скарбница, стр. 2.

[2]) Опис. Харьк. Епархіи, кн. II, стр. 10—12.

Черниговѣ на еловомъ деревѣ. Въ западной части Елецкаго Успенскаго храма положенъ благотворитель этой обители, генеральный обозный *Василій Андреевичъ Дунинъ-Борковскій*.

Въ югозападномъ углу церкви указываютъ нынѣ *келію преподобнаго Николы Святоши*, сына черниговскаго князя Давида Святославича. Но ни въ лѣтописи древней, ни въ Патерикѣ печерскомъ не говорится, чтобы Никола Святоша былъ инокомъ въ какомъ либо другомъ монастырѣ, кромѣ Кіево-Печерскаго, въ который онъ поступилъ послѣ кратковременнаго княженія въ Луцкѣ, на Волыни. А въ исторіи росс. іерархіи говорится, что въ западной части Успенскаго храма Елецкаго монастыря— „подобіемъ циркули бывшій прежде католицкій придѣлъ, нынѣ палатка ризничая". Слѣдовательно, за 100 лѣтъ предъ симъ не было и преданія о келіи преподобнаго Николы Святоши въ Елецкомъ монастырѣ.

Площадь Успенскаго храма обставлена со всѣхъ сторонъ каменными зданіями. На сѣверъ отъ него колокольня въ формѣ восьмиугольнаго столба, вышиной въ 16 сажен.; на западной сторонѣ—трапеза, на восточной сторонѣ—братскій корпусъ; на южной сторонѣ—настоятельскій домъ съ домовою церковью; по скату горы—фруктовый садъ.

Въ мѣстной черниговской печати недавно заявлено объ открытіи въ Елецкомъ монастырѣ—подъ настоятельскимъ домомъ—*ближнихъ пещеръ* преподобнаго Антонія печерскаго (въ pendant ближнимъ и дальнимъ кіевскимъ), въ которыхъ якобы жилъ преподобный Антоній, прежде чѣмъ ископалъ другую пещеру на Болдиной горѣ, отдѣленной ложбиной отъ Елецкаго монастыря. Но ни въ древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ записяхъ не упоминается о существованіи какой либо пещеры въ семъ монастырѣ.—Въ лѣтописи говорится объ одной пещерѣ, которую ископалъ себѣ преподобный Антоній на Болдиной горѣ и въ которой онъ поселился по прибытіи изъ Кіева въ Черниговъ. Не было о таковой пещерѣ и преданія въ семъ монастырѣ, потому что не довѣдался о ней и такой любознательный собиратель свѣдѣній о Елецкомъ монастырѣ, какимъ былъ Іоанникій Голятовскій, І-й настоятель

его по изгнаніи уніатовъ. Выдаваемый за пещеру преподобнаго Антонія подвалъ подъ настоятельскими покоями, съ широкими, сложенными изъ толстаго кирпича, входами, съ нишами по бокамъ, и камерами, облицованными такимъ же кирпичемъ, нисколько не подходитъ къ типу кіевскихъ пещеръ и не могъ быть мѣстомъ для жительства подвижниковъ по своей сырости. Наконецъ при самомъ простомъ обозрѣніи нельзя не видѣть, что это хорошій хозяйственный погребъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ погребовъ, устрояемыхъ въ подвальныхъ этажахъ большихъ домовъ для заготовленія разныхъ припасовъ на зимнее время. Нужно сказать и то, что преподобный Антоній, любившій уединяться даже отъ братіи монастырской, не сталъ бы копать себѣ пещеру на монастырскомъ дворѣ, и впослѣдствіи, изъ уваженія къ великому подвижнику, не стали бы строить жилой домъ надъ его пещерою, но устроили бы молельню или церковь.

Другое недоразумѣніе явилось относительно принадлежащаго Елецкому монастырю озера, называемаго „святымъ“. Названіе этого озера дало поводъ предположенію, будто въ немъ совершилось крещеніе черниговцевъ при св. Владимірѣ. Но слово „святый“ говоритъ не о крещеніи, а о „священіи“; словомъ этимъ дается знать, что здѣсь что-то святилось и, по всей вѣроятности, въ этомъ озерѣ, какъ ближайшемъ къ Елецкому монастырю бассейнѣ воды, совершалось когда нибудь торжественное освященіе воды 6 января съ крестнымъ ходомъ изъ сего монастыря, подобно тому, какъ, въ давнее время, на сѣверной окраинѣ Кіева совершался 6 января отдѣльный отъ городскаго, крестный ходъ изъ монастырей Кирилловскаго и Іорданскаго для освященія воды на озерѣ, находящемся на Оболоньи Днѣпра, которое отъ сего получило названіе Іорданскаго, и ближайшій къ нему женскій св. Николаевскій монастырь сталъ называться тоже Іорданскимъ [1]).

---

[1]) Нужно сказать и то, что въ черниговской губерніи не одно святое озеро. сть святое озеро и близъ Рудни, на Деснѣ.

2) Черниговскій Ильинскій монастырь и 3) бывшій св. Троицкій монастырь, нынѣ черниговскій архіерейскій домъ.

Черниговскій Ильинскій монастырь находился близъ монастыря елецкаго, въ разстояніи одной версты отъ него, на *Болдиной горѣ,* отдѣляющейся ложбиной отъ той возвышенности, на которой стоитъ Елецкій. Это и есть та гора, которую избралъ преподобный Антоній въ жилище себѣ, удаляясь отъ гнѣва в. князя кіевскаго Изяслава за нѣкоторый знакъ благоволенія, оказанный его сопернику Всеславу. Сохранилась до настоящаго времени и та пещера, которую здѣсь ископалъ и въ которой жилъ нѣкоторое время преподобный. Она находится на сѣверной окраинѣ горы и дѣлится на двѣ равныя части. Первая, значительно большая, состоитъ изъ сравнительно просторнаго хода, обдѣланнаго кирпичемъ и прерывающагося тремя подземельными пещерами, которыя отдѣланы въ стилѣ ренесанса (XVII—XVIII вѣка). За этою отдѣланною кирпичемъ частью идетъ болѣе короткая часть пещеръ, оставшихся въ ихъ первобытномъ видѣ; онѣ выкопаны въ плотной глинѣ и не облицованы кирпичемъ (тѣмъ же, изъ котораго сдѣлана облицовка ведущихъ къ нимъ ходовъ), заподлицо съ первоначальною поверхностью глиняныхъ стѣнъ, а не поверхъ ихъ. Эта отдаленнѣйшая часть пещеръ по видимому умышленно удержана въ первоначальномъ ихъ видѣ, причемъ характерною ихъ особенностію является, кромѣ оголенности глиняныхъ стѣнъ, еще крайняя ихъ узкость, такъ что мѣстами одному только человѣку можно пройти въ нихъ. Далѣе неправильность профилей какъ вертикальныхъ стѣнъ, такъ и повершающихъ полукруглыхъ потолковъ. На концѣ развѣтвленіе пещеръ, причемъ въ одномъ направленіи ходъ образуетъ поворотъ къ самому себѣ, описывая неправильную линію, нѣсколько приближающуюся къ сторонамъ четвероугольника, и въ этой части усматривается расширеніе хода въ видѣ короткой лежанки, а въ другомъ мѣстѣ въ видѣ полукруглой ниши. Въ одномъ мѣстѣ, выглаженномъ и потемнѣвшемъ отъ времени, замѣтно изображеніе креста съ буквами: IС. XР. НI. КА. Эти отдаленнѣйшіе, необ-

лицованные ходы представляютъ разительное сходство съ кіевскими пещерами, поскольку послѣднія остались безъ облицовки, и вообще оставляютъ впечатлѣніе глубокой древности.

При входѣ въ пещеру стоитъ каменная, небольшихъ размѣровъ церковь *Ильинская*, примыкающая къ сѣверной ея сторонѣ. Въ длину она имѣетъ съ притворомъ 7 саж., въ ширину 7 аршинъ и значительно высока, съ открытымъ куполомъ. Хотя она, подобно ходамъ пещеръ, облицована въ стилѣ ренесанса, но въ основѣ своей представляетъ кладку великокняжеской эпохи, въ чемъ убѣждаетъ обнаженная стѣна алтарнаго полукружія подъ восточнымъ окномъ. Судя по архитектурѣ сводовъ и оконъ, можно думать, что она сохраняетъ свой первоначальный видъ, только получила два наращенія—съ южной стороны въ видѣ низкой палатки для помѣщенія пономарни, а съ западной стороны—въ формѣ высокаго притвора. Создатели ея не безъ особеннаго намѣренія посвятили ее имени пророка, который укрылся въ пещерѣ горы Хоривъ (3. Царст. 19, 9), чтобы скрыться отъ гнѣва Іезавели, подобно преподобному Антонію, удалившемуся въ пещеру Болдиной горы отъ гнѣва Изяслава.

Въ древнихъ лѣтописяхъ черниговская Ильинская церковь не упоминается. Въ *печатномъ* печерскомъ патерикѣ читается такъ въ житіи преподобнаго Антонія: „возлюби (Антоній) мѣсто близъ града въ горѣ Болдыни и ту, пещеру ископавъ, живяше въ ней, на немъ же мѣстѣ созданъ бысть послѣди и монастырь".

Въ предисловіи къ елецкому синодику сказано: „и тамъ (у пещеры) збудовася мурована св. Иліи пророка церковь". Въ предисловіи къ книгѣ „Руно орошенное св. Дмитріемъ Ростовскимъ написано": „церковь св. пророка Иліи въ землѣ россійской року 1069, змурована благочестивымъ княземъ черниговскимъ Святославомъ Ярославичемъ, а при ней и монастырь близко богоспасаемаго града Чернигова, отъ котораго отлеглый стоитъ якобы за версту при горахъ Болдиньскихъ, гдѣ преподобный отецъ нашъ Антоній печерскій презъ немалый часъ, ушовши зъ Кіева, отъ гнѣва Изяслава князя кіевскаго,

жилъ и выкопалъ пещеру". Нужно, впрочемъ, думать, что Ильинская церковь построена и монастырь при ней устроенъ уже по возвращеніи преподобнаго Антонія въ Кіевъ, такъ какъ раньше это было бы несогласно съ его любовію къ пустынному уединенію. Судьба Ильинскаго монастыря до начала 17 вѣка неизвѣстна. О состояніи его въ половинѣ 17 вѣка такъ писалъ игуменъ Зосима въ просительномъ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу: „и нынѣ де тотъ монастырь оскудѣлъ потому, что отъ ляховъ и отъ татаръ разоренъ". Тоже значится и въ царской грамотѣ 1667 года. Возобновленіемъ своимъ онъ обязанъ заботливости игумена своего *Зосимы Тишевича* (1649—1689 г.) и усердію козацкаго полковника *Стефана Подобайлы*, который въ 1654 г. убитъ подъ г. Старымъ Бышевымъ во время войны съ поляками и погребенъ въ семъ монастырѣ.

При Ильинскомъ монастырѣ съ половины 17 вѣка по 1820 годъ существовала типографія, устроенная архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, въ которой издано много богослужебныхъ и другихъ полезныхъ книгъ. Она пріобрѣла такую извѣстность, что императоръ Петръ I-й въ 1720 г. вызывалъ изъ нея типографовъ въ Петербургъ для устройства типографіи въ Александро-Невской лаврѣ.

Тѣснота Болдинской горы и умноженіе числа монастырской братіи побудили преосвященнаго Лазаря Барановича перенести монастырь съ Болдиной горы на болѣе просторную, сосѣднюю гору, прилегающую къ южной ея сторонѣ и отдѣленную отъ нея только небольшимъ оврагомъ. Здѣсь, при царственной помощи и при содѣйствіи гетмана Ивана Мазепы и другихъ благотворителей, сооруженъ имъ обширный и великолѣпный храмъ во имя св. Тройцы—длиною въ 17 саж., шир. въ 11 саж., съ настоятельскимъ двухъ этажнымъ домомъ, трапезною церковью и братскими келліями. Постройка ихъ начата въ 1679 г., а окончена уже при просвѣщенномъ преемникѣ Лазаря Барановича, архіепископѣ Ѳеодосіи Углицкомъ въ 1695 году. Съ Ильинскимъ монастыремъ новый монастырь соединенъ перекинутымъ чрезъ оврагъ мостомъ на каменныхъ столбахъ съ крытою галлереей, (теперь несуществующими), и потому на-

званъ Троицко-Ильинскимъ. Но соединенный монастырь просуществовалъ едва 100 лѣтъ: по штатамъ 1787 года онъ закрытъ. Въ зданіяхъ его предположено было помѣстить имѣвшій быть открытымъ въ Черниговѣ университетъ, но новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1790 года Троицкій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ, а древняя церковь Ильинскаго монастыря обращена въ приходскую съ причисленіемъ къ ней 2-хъ ближайшихъ деревень.

Иконостасъ Троицкаго храма въ 5 ярусовъ, рѣзной изъ дерева, съ 16-ю колоннами въ нижнемъ ярусѣ. Стѣны расписаны св. картинами по мысли и подъ наблюденіемъ преосвященнаго архіепископа черниговскаго *Михаила*, скончавшагося въ санѣ петербугскаго митрополита.

Въ отдѣльномъ кіотѣ у одного изъ столбовъ, поддерживающихъ своды главнаго купола, помѣщается весьма почитаемая черниговскими и окрестными жителями *икона Божіей Матери*. Первоначально она находилась въ Ильинской церкви, и потому называется *Ильинскою;* покрыта серебряною, вызолоченною ризой, а вѣнецъ и ея ожерелье украшены драгоцѣнными камнями. „Образъ сей, какъ значится въ книгѣ „Руно орошенное", маліовалъ *Григорій Константиновичъ*, въ иноцѣхъ *Геннадій*, маляръ дубенскій, року отъ рождества Христова 1658 и въ томъ же монастыру Ильинскомъ, за игуменство *Тишевича* (Зосимы) Господь Богъ прославилъ ее славными и великими чудесами". Чудеса эти описаны св. Димитріемъ Ростовскимъ и Іоанномъ Максимовичемъ.

Въ ризницѣ, бывшей монастырской трапезѣ, находится значительное количество богатой церковной утвари, какъ то: св. сосудовъ, крестовъ, митръ и панагій. Въ библіотекѣ довольно большое собраніе старинныхъ книгъ славянской печати.

Подъ просторными сводами Троицкаго храма погребены преосвященные черниговскіе:

Епископъ Ираклій—1765 г.

Архіепископъ Викторъ Садковскій, † 1803 г.

Архіепископъ Филаретъ Гумилевскій, † 1866 г.

Архіепископъ Нафанаилъ Савченко, † 1875 г.

Изъ древней Лѣтописи видно, что въ Черниговѣ были еще церкви: *св. Михаила*, на княжемъ дворѣ, которую заложилъ въ 1174 г. князь Святославъ Всеволодовичъ, и св. *Благовѣщенія*, „юже бѣ создалъ тотъ же князь Святославъ Всеволодовичъ и святи мѣсяца марта 1186 года". Отъ нихъ не осталось и фундаментовъ. Полагаютъ, что княжій дворъ былъ къ востоку отъ Спасскаго собора, на краю черниговскаго кремля. Судя по тому, что церковь Благовѣщенія была въ Кіевѣ на Золотыхъ воротахъ, а Золотыя ворота съ Спасскимъ вблизи ихъ храмомъ въ Кіевѣ и Владимірѣ (на Клязьмѣ) стояли къ западу отъ главнаго городского собора, нужно полагать, что черниговская Благовѣщенская церковь находилась противъ западной стороны Спасскаго собора и не особенно далеко отъ него.

П. Л.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ болѣе или менѣе ясное отраженіе виршевыхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи поэтической формы думъ, считаемъ необходимымъ всмотрѣться въ техническіе пріемы, которыми руководствовались творцы думъ при самомъ построеніи ихъ.

Для распознанія этихъ пріемовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ думахъ, сходныхъ по содержанію съ пѣснями.

Найболѣе удобный матеріалъ для этого сравненія представляютъ думы болѣе ранняго сложенія—изъ эпохи, предшествовавшей войнамъ Богдана Хмельницкаго.

Предъ нами—цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ борьбу козаковъ съ татарами и турками на морѣ и на сушѣ. Собственно говоря, въ этихъ картинахъ боевыхъ сценъ мало—преобладаютъ сцены, въ которыхъ дѣйствующія лица испытываютъ на себѣ тяжелыя послѣдствія разореній и погромовъ татарскихъ или же стремятся къ освобожденію себя отъ этихъ послѣдствій. Однимъ изъ нихъ была неволя татарская, та самая неволя, которая хорошо извѣстна была всей средневѣковой Европѣ въ борьбѣ ея съ мусульманскимъ міромъ. Не наше дѣло разсказывать здѣсь объ этой неволѣ по историческимъ документамъ, касающимся южной Руси [1]). Довольно для насъ простой ссылки на общеизвѣстный фактъ, что татары уводили въ плѣнъ цѣлые десятки

[1]) См. объ этомъ Историч. пѣсни малорус. народа Антоновича и Драгоманова, т. I. 73—74.

тысячъ людей обоего пола изъ городовъ и селъ южно-русскихъ. Нерѣдко и козакамъ удавалось производить такія же опустошенія въ Крыму. Такъ, въ 1675 г. знаменитый кошевой запорожскій Иванъ Сирко вторгнулся въ Крымъ съ 20 тысячами войска и захватилъ въ плѣнъ 13 тысячъ человѣкъ. Любопытно, что въ составѣ этихъ плѣнниковъ большинство (7 тысячъ) было христіанъ, которые раньше попали въ неволю татарскую. Не менѣе любопытно и то, что 3 тысячи изъ этихъ христіанскихъ плѣнниковъ не пожелали возвращаться на родину, потому что „тамъ, въ Крыму, говорили они, мѣютъ уже свои осѣдлиска и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ, ничего своего не имущи" [1]). Происходило, по видимому, этническое смѣшеніе элементовъ самыхъ разнородныхъ. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ Сирко приказалъ безпощадно истребить всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые заявили желаніе возвратиться въ Крымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, какъ на враговъ своей родины. Когда кровавая расправа была окончена, онъ „до мертвыхъ труповъ, говоритъ лѣтописецъ, вымовилъ такія слова: „спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бесурманами размножаться на наши христіанскіи молодецкіи голови" [2]). Вотъ на этой почвѣ глубокихъ нравственныхъ потрясеній, сопровождаемыхъ физическими страданіями, и развивалось поэтическое творчество народное, выдвигая однородныя темы, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ думахъ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ предъ собою цѣлые ряды плѣнниковъ и плѣнницъ неодинаковыхъ нравственныхъ качествъ, неодинаковой душевной силы. Но то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы. Послѣдній мотивъ явственно слышится въ думѣ о побѣгѣ невольниковъ то изъ тем-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II. 376.

[2]) Ibidem, 377.

ницъ, то изъ каторги турецкой, напримѣръ, въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ или же въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ по варіанту Котляревскаго. Но такъ какъ для этихъ думъ почти невозможно подобрать соотвѣтствующихъ параллелей въ пѣсняхъ, то мы должны изъ цѣлаго ряда невольницкихъ думъ выбрать думу, болѣе элегическаго, чѣмъ торжествующаго характера.

Остановимся на думѣ о Марусѣ Богуславкѣ.

Немало есть народныхъ пѣсенъ о плѣнницахъ, которыя помирились съ своимъ положеніемъ. Конечно, это были тѣ изъ нихъ, которыя красотой своей могли расположить къ себѣ суровыхъ похитителей своихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигали въ новой средѣ выдающагося положенія. Такова, напримѣръ, была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I, имѣвшая большое вліяніе на султана [1]). Для уясненія поэтическаго образа „дивкы-бранкы, Маруси попивны Богуславкы“, не лишено нѣкотораго значенія то обстоятельство, что эта Роксолана по своему происхожденію тоже была поповна, только не изъ Богуслава, а изъ Рогатина. Реализмъ этого образа поддерживается и пѣсней народной, въ которой сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ

«Туркы воювалы,
Билу Челядь забиралы,
И въ нашоп попаденькы
Взялы воны тры дивонькы» [2]).

Но дѣло не въ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ сближеніяхъ. Гораздо важнѣе тѣ пѣсни, въ которыхъ плѣнницы, подобно Марусѣ Богуславкѣ, отказываются отъ своего рода-племени. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ о „дивкѣ-бранкѣ, Маріанкѣ“, которую татаре уводятъ въ плѣнъ. Съ дороги она пишетъ къ отцу своему письмо, въ которомъ проситъ его, чтобы онъ не тосковалъ:

«Нехай тато не сумуе,
Най ми посагъ не готуе...

---

[1]) О другихъ султаншахъ изъ малороссіянокъ см. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни малорус. народа, Т. I. 236—237.

[2]) Головац. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 49.

Ой бо вже я иду полемъ,
Та вже лисомъ зелененькымъ,
Та й зъ Турчыномъ молоденькымъ,
Чы зъ Турчыномъ, Арабыномъ,
Чы зъ невирнымъ Татарыномъ» [1]).

Пѣсня эта только намекаетъ на поворотъ симпатій, вызванный неволею въ душѣ плѣнницы. Есть другая пѣсня, въ которой настроеніе это мотивируется болѣе опредѣленнымъ образомъ. Разсказывается въ ней о встрѣчѣ матери съ дочерью въ плѣну у татаръ. Въ одинъ изъ набѣговъ татаринъ захватилъ мать своей жены, не подозрѣвая того, что это была его теща. Пріѣзжаетъ онъ домой и отдаетъ женѣ своей „невильныцю, ажъ до смерти робитныцю". Заказано было ей:

«Оченькамы стадо пасты,
Рученькамы кужиль прясты,
Ноженькамы колысаты».

И вотъ плѣнница-мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

«Люлю, люлю, Татарчатко,
По доненьци унучатко,
Бодай стадо выздыхало,
Бодай кужиль спопелила,
Бодай дытя скаменило»!

Докладываетъ объ этомъ слуга своей хозяйкѣ: прибѣжала она „боса, безъ пояса",

«Та вдарыла по лыченьку
Свою ридну матусеньку».

Не била я тебя, говоритъ мать дочери, когда кормила тебя своею грудью.

«Маты моя ридненькая!
Скыдай зъ себе свои латы,
Вбирай дорогии шаты,
Будешъ зъ намы пануваты»,

[1]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, I. 22.

говоритъ ей дочь.

«Лишши вбоги мои латы,
Нижъ дороги твои шаты:
Волю дома бидоваты,
Якъ въ чужыни пановаты»,

отвѣчаетъ мать.

Пѣсня заканчивается обращеніемъ дочери къ слугамъ, чтобы они отвезли мать въ родные края [1]).

Глубокою стариною вѣетъ отъ этой пѣсни, хотя бы уже потому, что она встрѣчается не только въ малорусской, но въ великорусской и даже бѣлорусской редакціи [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго сложенія ея, замѣтимъ только, что неволя татарская знакома была всему русскому міру, поэтому и пѣсня о двухъ плѣнницахъ, матери и дочери, могла проникнуть въ самые отдаленные углы его. Что касается до малорусской редакціи ея, то она представляетъ особенный интересъ по своему отраженію въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Намъ рисуетъ эта дума ту-же плѣнницу, которая не можетъ разстаться съ обстановкой своей неволи, но глубже и шире развиваетъ драматическій мотивъ, лежащій въ основѣ пѣсни, а главное—переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную.

Семь-сотъ козаковъ, говоритъ дума, сидятъ въ каменной темницѣ, сидятъ они уже тридцать лѣтъ, солнца праведнаго не видятъ. Приходитъ къ нимъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка", и спрашиваетъ ихъ: отгадайте,

«Що въ наший земли хрыстиянськии за день тепера»?

Не могутъ отгадать козаки-невольники, и говоритъ имъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка":

«Що сегодня у наший земли хрыстиянський Велыкодная субота,
А завтра святый празднык роковый день Велыкъ-день».
«То тоди ти козакы тее зачувалы,

---

[1]) Ibidem, I, 42—43

[2]) Библіографію этой пѣсни см. Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, т. I, 286—296.

Билымъ лыцемъ до сырои земли прыпадалы,
Дивку-бранку,
Марусю-попивну Богуславку,
Клялы-проклыналы»

за то, что она извѣстіемъ этимъ дала еще болѣе почувствовать имъ горечь неволи. Тогда Маруся утѣшаетъ ихъ обѣщаніемъ освободить ихъ изъ неволи,—когда „панъ турецькый“ поѣдетъ въ мечеть и отдастъ ей, Марусѣ, ключи отъ темницы. И вотъ въ самый день праздника, „въ роковый день Велыкъдень“, она

«Темныцю видмыкае,
Всихъ козакивъ, бидныхъ невольныкивъ, на волю выпускае
И словамы промовляе:
«Ой, козакы, вы бидни невольныкы!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городы хрыстиянськи утикайте,
Тилькы прошу я васъ одного города Богуслава не мынайте,
Моему батьку и матери знаты давайте:
Та нехай мій батько добре дбае,
Гуртивъ, велыкыхъ маеткивъ нехай не збувае,
Велыкыхъ скарбивъ не збырае,
Та нехай мене, дивкы-бранкы, зъ неволи не выкупае,
Бо вже я потурчылась,
Побусурменылась
Для роскоши турецькои,
Для лакомства нещасного» [1])...

Все сдѣлала Маруся, что могла, для своей далекой родины, возвратила ей семь-сотъ защитниковъ ея, но убѣжать съ ними не могла. Грустно сознаетъ она свое пристрастіе къ „лакомству *нещасному*“, и мы невольно поддаемся обаянію ея словъ, въ которыхъ слышится мольба о состраданіи къ ея немощи.

Что же представляетъ эта трогательная дума сравнительно съ пѣснями о плѣнницахъ?

Ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія ничто иное, какъ матеріалъ

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Т. I, 210.

для самой композиціи. Само собою разумѣется, что матеріалъ долженъ былъ существовать раньше композиціи, поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній.

То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ татарами и турками.

Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся, это одинокая смерть козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины. Безъ сомнѣнія, это тоже одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ народной поэзіи. Встрѣчается онъ у сербовъ и даже у грековъ, но въ редакціяхъ русскихъ онъ разработанъ, такъ сказать, топографически, примѣнительно къ степному раздолью, на которомъ происходили роковыя встрѣчи русскихъ наѣздниковъ съ татарскими и турецкими. Характерная принадлежность этого раздолья по малорусскимъ пѣснямъ—степныя могилы, на которыя любуются хищныя птицы въ ожиданіи новыхъ жертвъ боя, надъ которыми насыпаны будутъ свѣжія могилы:

«Сокилъ зъ орломъ та й злитаеться,
Сокилъ орла та й пытаеться:
Чымъ же той свитъ закрашаеться?
Чы горамы, чы долынамы,
Чы велыкымы та могыламы?»[1]).

Вслѣдъ за этой прелюдіей начинается сама пѣсня объ умирающемъ козакѣ на одной изъ этихъ могилъ. Такихъ пѣсенъ въ народной малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Это пѣсни о *рубаныхъ козакахъ*. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботою ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ, но чаще всего является вѣстникомъ добрый конь козака, который спрашиваетъ своего хозяина:

«Кому мене учаешъ,
Кому коня покыдаешъ?

---

[1]) Чубинскій, Труды этногр.-статистической экспедиціи, V, 943.

Чы турчыну, чы татарыну?»
«Тебе турчынъ, отвѣчаетъ ему хозяинъ, не пиймае,
А татарынъ не всидлае,
Бижы, коню, все лугамы,
Та все бытыми шляхамы»,

прибѣги на дворъ къ моей матери, будетъ она спрашивать тебя обо мнѣ, скажи ей, что я

«женывся,
Та понявъ соби паняночку,
Въ чыстимъ поли земляночку:
Що куды витеръ не вие,
А сонечко не грие,
Безъ виконець, безъ дверець,
Тамъ спыть твий сынъ молодець» [1]).

Вотъ обычная схема этихъ пѣсенъ, но бываютъ иногда легкія отступленія отъ нея. На вопросъ матери о сынѣ конь отвѣчаетъ зловѣщимъ предложеніемъ посѣять песокъ на камнѣ: когда взойдетъ желтый песокъ и расцвѣтетъ зеленымъ барвинкомъ, тогда и сынъ ея воротится домой [3]). Этотъ послѣдній мотивъ встрѣчается иногда въ пѣсняхъ и думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины. Обыкновенно въ этихъ пѣсняхъ младшая сестра спрашиваетъ брата—козака, когда его въ гости ждать: онъ отвѣчаетъ загадкой о пескѣ, посѣянномъ на камнѣ [3]), или же о млиновомъ камнѣ и павиныхъ перьяхъ: когда млиновый камень начнетъ плавать, а павиныя перья начнутъ тонуть, тогда онъ воротится домой [4]). Тотъ же мотивъ широко развитъ въ думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины, съ тѣмъ же симпатичнымъ образомъ младшей сестры и съ тѣми же загадочными отвѣтами козака [5]).

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, 94?.

[2]) Ibidem, 941, 942, 943, 953; Головацкій, Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси I, 97—98; III, 45—46.

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 890; Закревс. Старосвѣтскій бандуриста, 62-63.

[4]) Чубинс. Труды экспедиціи, 881; Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. III, 12.

[5]) Максимовичъ, Украинс. народныя пѣсни, 1834, 62. Лукашевичъ, Малорос. и червонорус. думы и пѣсни, 59. Кулишъ, Записки о южн. Руси. I. 14.

Но какъ пѣсни, такъ и названныя сейчасъ думы вращаются исключительно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Не выходятъ изъ этой сферы и нѣкоторыя думы о смерти одного или нѣсколькихъ козаковъ въ степи (большею частію трехъ, иногда двухъ братьевъ). Есть, однакоже, одна прекрасная дума, въ которой тотъ же образъ умирающаго козака всецѣло проникнутъ суровою поэзіею козацкой жизни. Мы разумѣемъ думу о Ѳедорѣ безродномъ. Только одинъ варіантъ этой думы (А. А. Котляревскаго) связываетъ героя ея съ отцемъ-матерью, и то въ видѣ напоминанія объ нихъ, сдѣланнаго слугою умирающаго козака:

«Ты въ мене, говоритъ онъ своему слугѣ,
Отець и маты ридненьки, и братъ и сестрыця вирненьки»[1]).

Въ остальныхъ варіантахъ мы видимъ обстановку козацкой смерти строго козацкую, войсковую.

«Надъ сагою днипровою лежыть Ѳедоръ Безридный,
Безплеминный,
Постреляный,
Порубаный,
На раны смертельнии знемаганный»[2]).

Онъ отдаетъ на память о себѣ джурѣ своему коня, оружіе и все свое имущество козацкое, но при этомъ онъ хочетъ убѣдиться, будетъ-ли джура имѣть видъ настоящаго, браваго козака. Онъ приказываетъ ему сѣсть на коня и проѣхать передъ нимъ, и когда джура исполнилъ его желаніе, тогда только онъ рѣшилъ, что счеты его съ міромъ окончены.

«Ой благодарю тебе, Господа мылосердного, говоритъ онъ,
А що не ледай—кому моя худоба буде доставаты!»[3])

Затѣмъ проситъ онъ джуру посмотрѣть, не ѣдутъ-ли козаки Днипромъ-Славутою, и даетъ ему отеческое наставленіе, какъ онъ долженъ встрѣтить козаковъ *по козацькому звычаю:*

---

[1]) Костомар. Исторія козачества въ памятникахъ народнаго пѣснотворчества, отд. от. 14.

[2]) Метлинс. Народ. южнор. пѣсни, 440.

[3]) Записки юго-зап. отдѣла географ. общества, I, 19.

«Шлычокъ на копию исткладай,
А самъ ныжько уклоняй,
Напередъ Господу Богу
И батькови кошовому,
Отаману вийськовому,
И всему товарыству кревному и сердешному» [1]).

Джура передаетъ козакамъ просьбу умирающаго товарища, чтобы они

«Тило козацьке, молодецьке въ чыстимъ поли поховалы,
Звиру-птыци на поталу не подалы» [2]),

Дальше слѣдуетъ трогательная картина козацкихъ похоронъ. Одинъ изъ варіантовъ думы заканчивается характернымъ обобщеніемъ въ козацкомъ духѣ:

«То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийська козацького не вмирала!» [3])

Такимъ образомъ, и въ этой думѣ мы видимъ однородные поэтическіе мотивы, разбросанные во многихъ пѣсняхъ.

Перейдемъ теперь къ думѣ, болѣе массивной по содержанію, чѣмъ двѣ разобранныя нами думы, и въ то же время однородной съ ними по архитектурному построенію. Мы разумѣемъ думу объ Ивасѣ Коновченкѣ [4]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Максимовичъ, Украинскія народ. пѣсни, 1834, 4.

[4]) Событіе, о которомъ разсказывается въ этой думѣ, М. А. Максимовичъ относитъ къ 1634 году, „когда заднѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на татаръ и разбили ихъ подъ Тягиномъ". По его предположенію, корсунскій полковникъ Филоненко былъ сыномъ Филона Чигая (Украинс. народныя пѣсни, 1834 г., 51). Но въ 1634 г., замѣчаетъ Костомаровъ, край праваго берега Днѣпра представлялъ безлюдную пустыню, между тѣмъ „обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго: спокойное пребываніе іудеевъ въ краѣ—это черта времени до жесточайшаго избіенія жидовъ при Хмельницкомъ". (Исторія козачества въ памятникахъ южнорус. пѣснотворчества, отд. оттискъ, 67). Разсматривая думу въ стилистическомъ отношеніи, мы тоже готовы отнести ее скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ XVII в.

Нужно сказать прежде всего, что это самая живучая дума. Сохранилась она во множествѣ варіантовъ и поютъ ее даже на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, вообще говоря, думы встрѣчаются рѣдко [1]). По словамъ одного лирника, думу эту заставляютъ пѣть родители непокорныхъ дѣтей и „парубки“, которымъ очередь идти въ солдаты [2]). Сущность думы заключается въ изображеніи столкновенія между матерью и сыномъ, между семейнымъ строемъ жизни и общественнымъ. Старая Коновчиха—это не та мать, о которой поется въ пѣснѣ:

«Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вийсько оддала» [3]).

Только въ одномъ варіантѣ думы о Коновченкѣ она благословляетъ сына въ походъ противъ турокъ, но и то—скрѣпя сердце [4]). Въ остальныхъ варіантахъ она, какъ представительница семейнаго начала, страстно желаетъ, чтобы сынъ ея оставался при ней. Такая мать чаще всего встрѣчается въ пѣсняхъ. Нерѣдко она проклинаетъ своего сына за то, что онъ хочетъ промѣнять домашній очагъ на опасности боевой жизни [5]). То же дѣлаетъ и Коновчиха. Въ думѣ этому проклятію пред-

---

[1]) Галицкій варіантъ этой думы представляетъ уже историческую пѣсню съ обыкновеннымъ стихотворнымъ размѣромъ, который выдерживается довольно правильно сначала до конца, и для котораго иногда конецъ предыдущаго стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго:

„Ой рано, ранесенько и коника сидлае,
И коника сидлае, и на Бога не гадае“.

Историческая дѣйствительность въ этомъ варіантѣ едва замѣтна. Вмѣсто полковника Хвилоненка являеття гетманъ. Событіе представлено въ идеальномъ отдаленіи. (См. Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 9—12).

[2]) Какъ въ народной поэзіи прилаживается старое къ новому, можно видѣть изъ варіанта, записаннаго въ к. подольской губерніи:

„А якъ же я буду, говоритъ Коновченко, *охвыцерськои*, лыцарськои, козацькои славы—памяты попиматы,
То буду я отъ *государя* честы й славы надияты“.
(„Кіевс. Стар.“ 1889 г. Сент. 676).

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 882.

[4]) Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни, 1834, 53.

[5]) Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. I. 100.

посланъ цѣлый рядъ подробностей, не существующихъ въ народныхъ пѣсняхъ;—именно характерный разговоръ матери съ сыномъ послѣ того, какъ этотъ послѣдній горячо откликнулся на призывъ полковника Хвилоненка въ „охотне вийсько".—Есть у насъ хозяйство, есть у насъ чѣмъ жить, говоритъ мать сыну. Но юноша пренебрегаетъ скромной долей „хлѣбороба"; онъ боится, что будутъ козаки „на пидпытку" его „зневажаты",—будутъ его „полежаемъ, домотуромъ, гречкосиемъ узываты" [1]). Онъ проситъ свою мать, чтобы она купила ему коня. Коновчиха отказала ему въ этомъ и отправилась въ церковь, а всю козацкую зброю заперла, оставила только „шаблю булатну, та пыщаль семыпйадну". Взялъ это оружіе Ивась и отправился „пихотою у вохотне вийсько". Въ воротахъ встрѣчается онъ съ матерью:

«Эй, говоритъ онъ, не подобало бъ тоби козаку молодому и дорогы переходыты,
Подобало-бъ тоби въ кутку сыдиты,
Та хоть чужую дытыну малую колыхаты,
А бы-якъ съ упокоемъ хлиба-солы ужываты».

Вотъ уже послѣ этого мать разразилась проклятіемъ. Но мать—какъ мать: на третій день она одумалась:

«Рукы до Бога здиймае,
Господа зъ небесъ благае:
Дай мени, Боже, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть разъ у вичи повыдаты».

Купила она коня и послала съ нарочнымъ, чтобы онъ Ивася догналъ и коня ему отдалъ. Глубоко тронутъ былъ юноша этою всепрощающею любовью матери.

«Я жъ думавъ, говоритъ онъ, що мене маты у доми клене-проклынае;
Ажъ вона обо мни велыкое старание мае,

---

[1]) Метлинс. Народныя южнорус. пѣсни, 415. Въ изложеніи думы мы будемъ держаться этого варіанта: онъ совмѣщаетъ въ себѣ подробности, сближающія его

Дай мени, Боже, сей походъ сходыты,
Знавъ бы я, якъ свою матюръ у доми споважаты!»

Но это дѣло далекаго будущаго, когда утихнутъ молодыя страсти. Впереди Ивасю предстоитъ доказать свою козацкую отвагу. Вызываетъ полковникъ охотниковъ „у первому рази на герци погуляты“. На этотъ вызовъ откликается Ивась:

«Ты дытя молоде, отвѣчаетъ ему полковникъ,
Розумомъ не дийшле,
У походахъ не бувало,
Крови хрыстиянскои не выдало».
«Возьмы ты, отвѣчаетъ ему Ивась, утя старе́е,
А друге младее,
Пусты ты на воду:
Чы не равно буде плысты младе,
Якъ бы старе?»

Выѣзжаетъ Ивась на герць:

«Турокъ пйатдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девйатеро жывцемъ извйазавъ,
Передъ Хвылона, Корсунського полковныка, въ наметъ прыставлявъ».

Этотъ успѣхъ вскружилъ голову отважному юношѣ. Пьетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ „медъ та оковыту горилку“.

«Якъ ставъ у соби нещасный хмель зачуваты,
Ставъ у другый разъ у Хвылона, Корсунського полковныка, благословення прохаты».

Не совѣтуетъ ему полковникъ

«Хмельному на герци гуляты».

Невольно припоминается при этомъ совѣтъ матери сыну изъ пѣсни:

«Ой, ты сыну мий, ты дытыно моя,

съ остальными, при этомъ лучшія картины, разбросанныя въ другихъ варіантахъ, въ немъ соединены, какъ бы въ фокусѣ.

Не пый, не пый та горилочкы, бо зведе зъ ума».
«Я горилкы напйусь, отвѣчаетъ ей сынъ, и ума наберусь».

Въ думѣ этотъ семейный мотивъ переведенъ въ бытовую обстановку козацкой жизни. Почти то же отвѣчаетъ полковнику Ивась, что и сынъ матери въ пѣснѣ.

«Сталы его туркы въ хмелю познаваты,
Сталы по камышахъ засидаты,
Сталы его зъ коня збываты»,

Отправляетъ полковникъ козаковъ на выручку Ивася, но они застали его едва живымъ. Это былъ уже *рубаный* козакъ:

«Вже жъ винъ и очыма не гляне,
И рукамы не здиме,
И ногамы не пийде,
Тилько стыха словамы промовляе:
По малу, братцы! Не вразьте моихъ смертельныхъ ранъ:
Не булатнымы шаблямы мене рубалы,
Не ордынськымы стрилами зъ коня сбывалы,
Се мене отцева молытва, та матерыни слезы побылы».

Привезли Ивася въ таборъ козацкій. Послѣдней просьбой его было не посылать тѣла его на родину, не сокрушать сердца матери, и безъ того горемъ убитой, но тамъ же на полѣ битвы, „по козацьки поховаты“. Слѣдуетъ затѣмъ уже извѣстная намъ картина похоронъ козацкихъ. Дума заканчивается разсказомъ о томъ, какъ старая Коновчиха встрѣтила войско козацкое, возвращавшееся изъ похода, какъ она съ боязливымъ предчувствіемъ своего горя разспрашивала козаковъ о своемъ сынѣ, какъ они отвѣчали зловѣщими намеками о женитьбѣ козака на „препышной паннѣ“—степной могилѣ. Этотъ щемящій сердце образъ „препышной панны“, знакомый намъ изъ пѣсенъ о *рубаныхъ* козакахъ, поставленъ въ непосредственную связь съ пиромъ, который устроила мать погибшаго героя для его товарищей по оружію: пиръ этотъ въ одно и то же время былъ „похоронъ и весилля“.

Ярко взошла и быстро закатилась звѣзда молодаго Ивася. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это былъ самый симпа-

тичный образъ громадной силы, которая въ разцвѣтѣ молодости гибнетъ безплодно для общаго блага. А все же, какъ говоритъ дума, „слава его не вмре, не поляже". Это и есть задушевная мысль творца думы, который имѣетъ въ запасѣ поэтическую формулу для соединенія въ одномъ лицѣ „козацкой славы съ грѣхомъ Ивася, сознающаго въ предсмертную минуту, что „матерыни слезы его побылы". Глубоко мотивированъ въ думѣ этотъ контрастъ психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, которые расходятся въ своемъ настроеніи не по эгоизму личныхъ страстей, а только по роковой необходимости, вытекающей изъ разности положенія и возраста. Въ концѣ концовъ—мать Ивася не переставала любить его ни на минуту, даже и тогда, когда проклинала,—въ свою очередь Ивась умѣлъ цѣнить свою мать и отвѣчать на любовь ея любовью. Творецъ думы въ глубинѣ картины поставилъ мать, какъ живую душу семьи, а на переднемъ планѣ изобразилъ козацкое товариство „кревне и сердешне", и всю эту толпу привелъ въ дивное согласіе высоко поднятыхъ человѣческихъ стремленій.

Сложный это процессъ творчества. И въ этой думѣ, какъ въ двухъ предыдущихъ, онъ повторяется съ правильностью строго выдержаннаго метода. Можно различать въ немъ два предшествующіе момента: поэтическое настроеніе, почерпаемое изъ пѣсенъ, и впечатлѣніе отъ событія, сходнаго съ содержаніемъ пѣсенъ. Оба эти момента сливаются въ одинъ цѣльный актъ поэтическаго вдохновенія, который въ отличіе отъ амплификаціи пѣсеннаго матеріала мы называемъ концентраціей или же, такъ сказать, сгущеніемъ его.

Теперь вопросъ въ томъ, что преобладаетъ здѣсь—пѣсенные мотивы или же событіе, изображаемое въ думахъ?

Мы думаемъ, что во всѣхъ думахъ историческаго содержанія исходной точкой творчества было событіе, но въ однѣхъ оно располагало къ возсозданію извѣстныхъ уже поэтическихъ образовъ, въ другихъ—нѣтъ. Если это событіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, много разъ воспроизведенныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, то поэтическіе мотивы этихъ послѣднихъ какъ бы сами собою напрашивались въ думу, со-

ставляя, такъ сказать, декоративную отдѣлку ея, разработанную иногда со всею тонкостью психическаго анализа, свойственнаго думамъ. Отмѣченная именемъ лица, затронутаго событіемъ или же принимавшаго въ ходѣ его личное участіе, дума снабжалась реальными подробностями козацкаго быта и являлась такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ пѣсни. Если же событіе было совсѣмъ не заурядное или же слишкомъ извѣстное поэту, который могъ быть очевидцемъ и даже непосредственнымъ участникомъ его, то пѣсни теряли свое импонирующее значеніе. Могли быть такіе случаи, что по поводу громкаго и притомъ свѣжаго событія не успѣли еще сложиться и самыя пѣсни. Тогда творецъ думы предоставленъ былъ самому себѣ и долженъ былъ искать вдохновляющаго настроенія въ самомъ событіи. Таковы, напримѣръ, думы, изображающія эпоху Богдана Хмельницкаго: онѣ отличаются сухимъ реализмомъ, въ которомъ слышится безпощадно жосткій смѣхъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нѣтъ въ нихъ почти ничего, что напоминало бы тонкій и нѣжный рисунокъ народныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то представляютъ думы болѣе ранней эпохи: онѣ извлекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ самые задушевные лирическіе звуки,—событіе же, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ думахъ, представляется обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Но, какъ бы рѣзко ни отличались эти два типа думъ по своему внутреннему строю, мы должны сказать, что во всѣхъ думахъ неизмѣнной остается поэтическая форма ихъ, не имѣющая ничего подобнаго въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ.

Снова ставимъ вопросъ: откуда эта форма?

Намъ кажется, что происхожденіе ея до нѣкоторой степени опредѣляется психическимъ строемъ самихъ думъ, въ которомъ отчасти можно разгадать индивидуальный образъ поэтовъ, слагавшихъ думы.

Въ дополненіе къ тому, что сказали мы объ этомъ предметѣ въ первой главѣ нашего изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Строй этотъ глубоко народный. Нѣтъ въ немъ ни одной ноты, которая чужда была бы народному міровоззрѣнію, на-

роднымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ. Главная нота въ думахъ— это идея свободы отъ насилій всякаго рода надъ личностью человѣка. Представителемъ и защитникомъ этой свободы былъ козакъ, и въ этомъ словѣ заключается основной нервъ поэтическаго настроенія господствующаго въ думахъ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія козачества, слово это осталось въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи не столько воина, сколько удалаго добраго молодца и вообще любезнаго народному сердцу человѣка. Въ думахъ воспроизводится именно тотъ моментъ въ жизни козачества, когда оно не превратилось еще въ привиллегированное сословіе, когда послѣдній человѣкъ изъ народной массы легко могъ сдѣлаться козакомъ, т. е. свободнымъ человѣкомъ. Только одна дума о Ганжѣ Андыберѣ изображаетъ сословную рознь въ средѣ самаго козачества, но всѣ симпатіи ея на сторонѣ большинства, презираемаго „дуками-серебряниками", и самъ Ганжа Андыберъ есть безпощадный врагъ привиллегій козацкихъ. Однимъ словомъ, думы въ этомъ отношеніи поютъ то же, что и позднѣйшая гайдамацкая пѣсня:

«Вызволь же насъ, мылый Боже, та изъ тои неволи,
Та дай ще разъ засияты козацькои воли» [1]).

Но идея свободы является въ думѣ не въ видѣ безграничныхъ пожеланій, а въ видѣ опредѣленныхъ и ясныхъ стремленій къ сословной равноправности и экономической полноправности. Это и есть чисто народная или же, точнѣе говоря, крестьянская струя, которая сообщаетъ козацкимъ представленіямъ о свободѣ демократическую окраску. Точкой соприкосновенія между крестьянскими и козацкими интересами была религія, но она уже представляетъ нѣчто болѣе сложное въ культурномъ отношеніи, чѣмъ соціально-экономическіе интересы крестьянской массы. Что касается до козацкихъ представленій о свободѣ, то они, совмѣщая въ себѣ все предыдущее, стояли уже на ступени національнаго самосознанія. Здѣсь уже ясно выдвигалась болѣе широкая идея о народѣ, который имѣетъ

[1]) Гловац. Народн. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 17.

свои порядки жизни, отличающіе его отъ другихъ народовъ, и который живетъ на извѣстной территоріи. Дума раздвигаетъ эти предѣлы до самой Вислы:

«Эй, ляхы жъ вы, ляхы, мостывни паны...
Колысь наши диды надъ сею ричкою козаковалы,
Да въ сий ричци скарбы поховалы»... [1]).

Пѣсня ограничивается теченіемъ Случи:

«Ой чы бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По костяную могылу»... [2]).

Но дѣло не въ тѣхъ или другихъ границахъ, а въ проснувшейся національной потребности поставить эти границы. Это было уже дѣломъ козацкаго режима, который далъ организацію разрозненнымъ движеніямъ народной массы и съ успѣхомъ направилъ эти движенія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если же въ думахъ выражается не только народное, но и національное настроеніе, то очевидно, что и творцы думъ были люди, проникнутые тѣмъ и другимъ настроеніемъ, т. е. совмѣщали въ себѣ элементы крестьянскій—простонародный и козацкій культурно-народный или же національный.

Къ тому же выводу мы должны придти, если припомнимъ данныя, указанныя нами выше и относящіяся къ техникѣ поэтическаго выраженія въ думахъ. Не говоря уже о томъ, что творцы думъ, какъ мы видѣли, охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ, они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтическаго представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Мы разумѣемъ тотъ душевный складъ, свойственный малороссіянамъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ явленіямъ жизни и выражается то въ элегическомъ, то въ сатирическомъ настроеніи, то въ соединеніи одного съ другимъ. На этой почвѣ народнаго темпера-

[1]) Кулишъ, Зап. о Южн. Руси. I, 56.
[2]) Лысенко, Збирникъ украинс. писенъ, I, 28.

мента только и могли возникнуть думы, которыя самымъ названіемъ своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Очевидно, творцы думъ выходили изъ народа или же, во всякомъ случаѣ, принадлежали ему. Но, всматриваясь пристальнѣе и глубже въ эту народную психическую ткань, лежащую въ основѣ думъ, мы должны сказать, что она въ значительной степени культивирована. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы изучаемъ явленіе этнографическое, на которомъ лежатъ свѣжіе еще культурные слои. Правда, это не есть свѣжесть современной культуры, въ движеніи которой народъ не принимаетъ активнаго участія. Это — старомодная культура, но въ ней есть одно любопытное качество, которое даетъ ей право на вниманіе и уваженіе: она была создана инициативой и силами самого народа не ради пустой прихоти, а ради высокихъ интересовъ нравственныхъ, не лишенныхъ общечеловѣческаго значенія. Вотъ почему мы не видимъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ, и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль. Напротивъ того, въ поэтическомъ стилѣ думъ мы смѣло можемъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность ихъ, полную гармонію между природой и искусствомъ. Самый языкъ думъ представлаетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ, книжнаго строя къ народному. Не могло все это случиться само собою, въ безсознательномъ порывѣ наивнаго творчества. Думы—не простыя пѣсни, навѣянныя мимолетными впечатлѣніями жизни, пропѣтыя для того, чтобы выразить приливъ или отливъ субъективныхъ ощущеній въ данную минуту. Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной. Знали это творцы думъ и, конечно, должны были приготовиться къ этимъ отвѣтамъ надлежащимъ образомъ,—должны были найти для своихъ мыслей болѣе или менѣе широкое основаніе въ культурной обстановкѣ своего времени, должны были согласовать эту обста-

новку съ міровоззрѣніемъ народнымъ. А это уже дѣло болѣе или менѣе сознательнаго искусства... [1]).

Высказанныя нами соображенія проливаютъ тусклый свѣтъ на безъименныхъ представителей этого искусства. Попытаемся дойти къ нимъ еще ближе.

П. Житецкій.

---

[1]) Убѣжденіе, что дума не простая пѣсня, что въ ней нельзя употребить всякое заурядное слово, перешло и къ позднѣйшимъ исполнителямъ думъ. См. объ этомъ Запис. о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Я. П. Новицкій.

Яковъ Павловичъ Новицкій[2]) происходитъ изъ стариннаго малорусскаго дворянскаго рода черниговской губ., перешедшаго въ началѣ текущаго вѣка въ александровскій у. екатеринославской губ. Я. П. родился въ с. Аулахъ екатеринославскаго уѣзда въ 1847 г. въ зажиточной помѣщичьей семьѣ. Онъ росъ и учился съ крестьянскими дѣтьми. Съ ними проводилъ лѣтнія ночи въ степи на попасѣ лошадей и въ плавняхъ на рыбной ловлѣ. Впечатлѣнія дѣтства были сильны и подготовили почву для позднѣйшихъ этнографическихъ изученій. О прочности симпатій г. Н. къ мѣстному краю говоритъ, между прочимъ, слѣдующая замѣтка г. Эварницкаго въ 1 т. „Запорожья": „Въ г. Александровскѣ я хотѣлъ розыскать Я. П. Новицкаго, извѣстнаго южнорусскаго этнографа; но Новицкій въ то время былъ на Хортицѣ. Хортица—это его постоянная лѣтняя дача. Тамъ онъ беретъ себѣ въ наемъ небольшой клочокъ земли подъ бакчу и, забившись въ курень, проводитъ въ немъ цѣлые дни и ночи" (стр. 146). Первоначальное образованіе г. Н. получилъ въ александровскомъ уѣздномъ училищѣ и дополнилъ его впослѣдствіи домашнимъ чтеніемъ. Въ 1868 г. Я. П. Н. случайно познакомился съ покойнымъ общественнымъ дѣятелемъ и педагогомъ барономъ Н. А Корфомъ и, подъ его вліяніемъ, по-

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1892 г. № 9.

[2]) Въ „Ист. рус. этнографіи". г. Пыпина не упоминается.

шелъ въ народные учители. Въ теченіе 9 лѣтъ г. Н. состоялъ учителемъ; въ 1877 г., при измѣнившихся условіяхъ земской школы, онъ перешелъ на короткое время въ черниговское земское статистическое отдѣленіе и подъ руководствомъ А. А. Русова, П. П. Червинскаго и В. Е. Варзера занялся описаніемъ борзенскаго уѣзда. Въ 1878 г. Я. П. Н., по приглашенію предводителя дворянства александровскаго у., занялъ должность секретаря александр. уѣзднаго училищнаго совѣта и въ 1886 г. въ добавокъ должность секретаря предводителя дворянства. По избранію земства съ 1881 г. онъ состоитъ попечителемъ и экзаменаторомъ нѣсколькихъ школъ александровскаго уѣзда. На страницахъ разныхъ газетъ г. Новицкій помѣщалъ замѣтки по общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ: въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, „Петерб. Вѣдом.“ (при Коршѣ), Странѣ, Народной школѣ.

Въ дѣтствѣ, юности, во время учительства, г. Н. много разъ посѣщалъ старинныя наднѣпрянскія села екатеринославской губ. и бесѣдовалъ съ старожилами. Съ молодыхъ лѣтъ онъ усвоилъ похвальный обычай заносить въ записную книгу наблюденія свои надъ окружающей крестьянской средой, и по временамъ дѣлился ими съ читающей публикой. Съ теченіемъ времени въ печати накопилось много интересныхъ записей г. Новицкаго.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ часть его записей поступила въ юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества; 48 сказокъ и преданій было напечатано въ извѣстномъ сборникѣ „Малор. народ. преданія и разсказы“ (1876 г.). Сюда вошли „Песиголовцы—людоѣды“ (384), „Черти и табачники“ (13), „Премудрый Соломонъ и злая мать его“ (105), Мужикъ, попъ и цыганъ“ (160), „Болтливая жена“ (173), нѣсколько разсказовъ о запорожцахъ (210, 414 и сл.), о южнорусскихъ степяхъ въ старину (240), о Медвѣдкѣ, Вернигорѣ и Крутывусѣ (255), Иванѣ Царевичѣ (271) Тремсынѣ (286), Охѣ (326), Трехъ Кондратахъ (332), нѣсколько сказокъ о дурняхъ (338 и сл.), о мальчикѣ-мизинцѣ, бычкѣ—третьячкѣ, объ упыряхъ и вѣдьмахъ (391 и сл.). Почти $^1/_3$ сборника составлена изъ матеріаловъ,

доставленныхъ г. Новицкимъ. Этотъ трудъ г. Н. уже сослужилъ полезную службу; имъ многіе пользовались и, несомнѣнно, многіе еще будутъ пользоваться. Сборникъ этотъ настолько извѣстенъ, что нѣтъ надобности здѣсь долго на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что къ современной литературѣ мы собственно относимъ книги, вышедшія въ 80-хъ годахъ. Гораздо менѣе извѣстно то, что напечатано г. Н. именно въ эти годы. Г. Новицкій въ теченіе многихъ лѣтъ относился съ неослабнымъ вниманіемъ къ окружающей его народной жизни въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губ. Свои новѣйшія этнографическія записи г. Н. печаталъ въ „Екатерин. Губ. Вѣд.", въ „Екатер. Юбилейномъ листкѣ", въ „Днѣпрѣ", въ „Степи"—такихъ изданіяхъ, которыя очень мало распространены и мало извѣстны. Въ „Кіев. Старинѣ и въ „Этнограф. Обозрѣніи" изрѣдка были замѣтки объ этнографическихъ трудахъ г. Н., преимущественно въ „Кіев. Стар." 1888 г., когда существовалъ подробный библіографическій отдѣлъ; но замѣтки эти были случайны, и теперь ихъ трудно разыскать. Статьи г. Новицкаго, многочисленныя, но весьма краткія, распадаются на три разряда: о школахъ, о мѣстныхъ архивныхъ документахъ, и народныя пѣсни, разсказы и преданія. Статьи первыхъ двухъ разрядовъ не подлежатъ разсмотрѣнію и будутъ только названы. На статьяхъ этнографическихъ мы остановимся и дадимъ краткій обзоръ ихъ содержанія, придерживаясь хронологическаго порядка печатанія ихъ.

Скальковскій въ „Исторіи Новой Сѣчи" и Надхинъ въ „Памяти о Запорожьѣ" отчасти предупредили г. Новицкаго въ пользованіи народными преданіями и пѣснями о Запорожьѣ. Такъ, у Скальковскаго есть пѣсни про Алешковскую Сѣчь и Савву Чалаго. Эти записи малочисленны и требуютъ критической провѣрки. Такъ, пѣсня про Орлика, нашедшая мѣсто въ концѣ I т. „Ист. Новой Сѣчи", фальшивая какъ уже было указано въ печачи.

Въ газетѣ „Днѣпръ" 1884 г. №№ 130, 138 и 146 г. Новицкій напечаталъ рядъ замѣтокъ, „*Запорожье въ памятникахъ народнаго творчества*". Въ легкой повѣствовательной формѣ

авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія по Новороссіи въ 1882 г., разговоры съ дѣдами о старинѣ, о порогахъ, о пчеловодствѣ. „А давно, диду, было то-то“—такъ авторъ обыкновенно начинаетъ свои разспросы—и затѣмъ идутъ повѣствованія дѣдовъ о старинѣ, объ обиліи меду, о чупринахъ (какъ воловый батогъ), о лыцаряхъ запорожцахъ, которые и въ водѣ не тонули, и въ огнѣ не горѣли, и пуля ихъ не брала, о чародѣяхъ („галдовникахъ“), о заклятыхъ кладахъ, о „нюхаряхъ“ и „куріяхъ“, о нахожденіи въ Днѣпрѣ стариннаго оружія, роговъ тура, янтаря, объ обиліи звѣрей и птицъ въ старину и о дикихъ коняхъ.

По прекращеніи газеты „Днѣпръ“ статьи г. Н. подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ заняли цѣлый рядъ №№ газеты „Степи“ 1885 и 1886 г., именно—въ 1885 г. № 2: разсказы двухъ дѣдовъ с. Ольчинскаго маріупольскаго у., Пилипа и Андрія, въ 1876 г. о запорожцахъ, какъ они появились (изъ бѣглыхъ невольниковъ), о предѣлахъ запорожскихъ владѣній, объ уничтоженіи Сѣчи Екатериной II, объ уходѣ запорожцевъ въ Турцію и о знахарствѣ ихъ („христіанская земля въ сапогахъ“—повторяется въ пѣсняхъ про Савву Чалаго). Эта замѣтка была перепечатана г. Новицкимъ въ Кіев. Старинѣ 1885 СХ, 350—352.

Въ №№ 5, 6 и 7 „Степи“ находится описаніе деревни Маркусовой (Павло-Кичкаса) по разсказамъ дѣда Дмитра Бута. Бутъ (по женѣ, по отцу Калениченко, по дѣду Малый) сообщилъ много воспоминаній о запорожской старинѣ. Въ началѣ статьи находится краткій очеркъ современнаго положенія с. Маркусовой (мѣстоположеніе, населеніе, экономическій бытъ), затѣмъ слѣдуютъ преданія о Екатеринѣ II и Потемкинѣ, о возникновеніи деревни, о происхожденіи степныхъ могилъ и исчезновеніи каменныхъ бабъ (мамаевъ), о границахъ татарскихъ и запорожскихъ владѣній, о зміѣ, св. Космѣ и Даміанѣ и зміевомъ валѣ, о жизни запорожцевъ, о полозахъ, кладахъ и народныя объясненія названій днѣпровскихъ скалъ, пещеръ и балокъ. Въ концѣ статьи замѣтка о слѣдахъ побоища на островѣ Прусовомъ. Въ ряду этихъ сообщеній выдаются въ этнографическомъ отношеніи:

Сообщеніе о Екатеринѣ II и Потемкинѣ. По словамъ Бута, Екатерина пользовалась любовью тогдашняго населенія; ее называли „Милостыва Царица“, „Цариця маты“, за то Потемка считается основателемъ закрѣпощенія народа и заселенія запорожья нѣмцами. Запорожцы „велыкый гнивъ положили на Потемку“, и, уходя на чужбину, по словамъ Бута, приговаривали: „бодай тоби, Потемко, такій викъ, якъ у зайца хвистъ“.

Сообщеніе о панѣ Курикѣ, характерное для исторіи заселенія Новороссіи. Курика принималъ всѣхъ бѣглыхъ, а когда ихъ собралось много, то и закрѣпостилъ ихъ.

Сообщеніе о предѣлахъ татарскихъ (отъ Синего моря безъ малу не до Лубнивъ) и запорожскихъ (на С. по Орелъ-ричку, на Ю. по Конскую, на В. до Донщины, на З. до Сынявки и Буга).

Сообщеніе (легенда) о томъ, какъ святые кузнецы Косма и Демьянъ поймали громаднаго змѣя, что пожиралъ людей, запрягли плугъ и провели валъ. Когда они дошли до моря, змій отъ усталости лопнулъ и изъ него полѣзли жабы, ящерицы и черепахи. Это преданіе давно уже извѣстно въ печати (см. Аѳанасьева, Потебню, „Zapiski“ Руликовскаго и др.).

Сообщеніе о пищѣ и одеждѣ запорожцевъ и отрывокъ пѣсни о казакѣ Голотѣ („живъ соби козакъ Голота“), извѣстной по прежнимъ сборникамъ.

Сообщеніе о змѣяхъ полозахъ („довжинею бильше оглобли а товщинею якъ кроква“, котился колесомъ, ѣлъ зайцевъ, ягнятъ).

Въ № 10 замѣтки о шляхахъ, селѣ Кичкасѣ и преданіе о козакѣ Сагайдакѣ (со словъ кр. Ром. Булата), какъ заперся ватажекъ Сагайдакъ въ своей землянкѣ, отстрѣливался отъ царскихъ войскъ и задохся отъ дыма въ запаленной у его землянки соломы. Этнографическаго интереса эта замѣтка не имѣетъ. Варіантъ преданія см. въ „Запорожьѣ“ Эварницкаго (II, 233).

Въ № 12 разсказы про запорожцевъ Скута, Хозу и Шутя (нарядъ, вооруженіе, удаль и пр.). Интересно преданіе о набѣгахъ татаръ и какъ запорожцы отбивали у нихъ плѣнни-

ковъ. Тутъ же приведенъ отрывокъ исторической пѣсни „по тимъ боци огни горять, никому тушиты; по симъ боци орда суне, никому спиниты. Зажурилась Украина“...—слѣдующіе затѣмъ стихи вошли въ I т. „Истор. пѣс. мал. нар.“ Ант. и Драг. 73 и 274. Любопытно, что въ варіантѣ г. Н. сохранился мотивъ частный, что говоритъ въ пользу бо̀льшей древности этого варіанта. Не лишено интереса также оригинальное преданіе, какъ запорожцы очистили отъ вшей хлопца, заворачивая его въ сырую баранью шкуру, поставили его „куховаромъ“, и хлопецъ по звону колокольчика на дубѣ узнавалъ, что гайдамаки возвращаются домой,—одно изъ чародѣйствъ гайдамаковъ. Они еще далеко, а колокольчикъ уже звонитъ. Варіантъ преданія о Семенѣ Паліѣ.

Въ № 19 интересныя преданія о запорожскомъ казакѣ Матвѣѣ Шутѣ, о его наружности, одеждѣ, отношеніи къ первымъ колонистамъ нѣмцамъ. Отъ потомковъ М. Ш. г. Новицкій записалъ пѣсни про руйнованья Сичи, про Калныша, сотника Харька, Савву Чалаго, Морозенка, Перебыйниса, Лебеденька, про Днѣпръ и др. Въ статьѣ приведена г. Новицкимъ одна только пѣсня (про Днѣпръ) „Ой не самъ я иду слободою“. Варіантъ этой пѣсни, весьма испорченный и краткій, напечатанъ въ V т. „Трудовъ“ Чубинскаго стр. 1013. Варіантъ г. Н. начинается тѣми словами, которыми оканчивается варіантъ Чубинскаго.

У Чубинскаго братья героя пѣсни въ Самарѣ и Петербургѣ, у г. Н. въ Сичи и „десь“. У Чуб. въ Днѣпръ упали 44 рѣчки и еще „одна ричка копирочко (?)“; у г. Н. 704 и Синявочка. Рѣчка Синявочка спрашиваетъ у Днѣпра, чѣмъ онъ красенъ, „чи своею довжиною, глубиною, шириною, чи крутыми берегами, жовтыми песками та темными лугами“. Днѣпръ отвѣчаетъ, что онъ славенъ козаками, бурлаками и рыбалками. „Они его увеселяютъ и отъ него добычъ маютъ“. Пѣсня отличается искусственностью. Должно быть здѣсь мы имѣемъ дѣло съ виршей въ честь Днѣпра, сложенной въ старину и проникшей въ народъ. Въ особенности подозрительными представляются послѣдніе стихи въ варіантѣ г. Н.: „Жалуется Лиманъ морю,

що Днипръ узявъ свою волю, свои гирла прочищае—Лиманъ море засыпае“. Повидимому, здѣсь сочетались двѣ пѣсни—народная, гайдамацкая объ арестованіи ватажка и литературная—похвала Днѣпру. Трудностью переработки литературнаго содержанія объясняются неясности варіанта Чубинскаго. Къ этому разряду не общенародныхъ, а сословныхъ стихотвореній, возникшихъ при общеніи грамотности съ народностью, относится историческая пѣсня „Ой рико Стиру“... (въ Archiv f. slav. Philol“. Ягича II, 298). См. объясненіе этой пѣсни въ рецензіи Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго 59—60.

Въ 28 № Екат. Губ. Вѣд. 1887 года г. Н. помѣстилъ *программу* для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Программа приспособлена къ мѣстнымъ новороссійскимъ условіямъ. Всѣхъ §§ 12. Описаніе селъ въ предѣлахъ этой программы дало бы цѣнный вкладъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Въ № 9 Екатериносл. Юбилейнаго листка 1887 г. г. Новицкій помѣстилъ сообщенія (малосодержательныя) одной старухи о *Половицѣ* (старинное названіе Екатеринослава), а въ № 29 *разсказы дѣда Кравца—заики* о запорожцахъ, обращеніи старшинъ съ голотою, куреніи водки, знахарствѣ запорожцевъ. Сюда вставлена записанная отъ дѣда Логвина Несвата пѣсня объ отношеніи голоты къ дукамъ изъ цикла думъ о Ганжѣ Андыберѣ (въ I т. Зап. Кулиша).

Ой хмарытця, туманытця, 'дрибенъ дощикъ иде,
Веселая бесидонька де голота пье.

Дуки пьютъ горилку въ шатрѣ, а голота на дождѣ; атаманъ (безъ имени) присоединяется къ голотѣ. Тогда богачъ посмѣялся надъ голотой и за то былъ прибитъ (одынъ взявъ за руку, другій за чуприну, третій въ дула бье“).

Въ №№ 52, 53, 58, 62 и 63 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. напечатана статья г. Н. „*Къ исторіи народнаго образованія въ Екатериносл. губ.*“ (первыя приходскія училища и училища г. Александровска).

Въ №№ 24, 25 и 27 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. Я. П. Н. напечаталъ *описаніе слободы Вольной Гупаловки* Александров-

скаго уѣзда. Въ оттискахъ статья составила брошюрку въ 22 стр. Сначала авторъ останавливается на исторіи заселенія и движеніи населенія, затѣмъ на воспоминаніяхъ стариковъ о привольной степи, о птицахъ и животныхъ, о запорожскихъ урочищахъ, объясненія названій ихъ и преданія о нихъ. Такъ, съ названіемъ могилы „Вовча“ связано сказаніе о желѣзномъ волкѣ, зарытомъ въ той могилѣ. Въ той части могилы, гдѣ зарыта голова волка, есть криница. Нѣсколько разсказовъ о находкахъ денегъ и оружія, о кладахъ, оберегаемыхъ древнимъ старикомъ, о происхожденіи каменныхъ бабъ (плевали на солнце и за то окаменѣли, ходятъ по ночамъ въ гости одна къ другой и надѣются ожить), о долговѣчности и силѣ запорожцевъ, рисующихся уже великанами, о поборахъ сторожевыхъ казаковъ съ чумаковъ (разстилали на дорогѣ свиту, и чумаки клали сухари, сало, рыбку), о холодной зимѣ съ 1824 на 1825 г.—„драной“ (снимали крыши на прокормъ скоту), о тяжелыхъ годахъ голода, цынги (1849), наводненій и др. бѣдствій. Въ статьѣ приведена *пѣсня про „руйнуванье Сичи“*. „По той бочокъ Базавлука лагери стоялы“: казаки пьютъ и гуляютъ, а одинъ изъ нихъ будитъ своего отца Харька и передаетъ ему просьбу людей выѣхать на границу и проситъ царицу вернуть степи „по прежни граныци“. Харько проситъ:

Ты, царыця мылостыва, змылуйся надъ нами,
Верны степы, край веселый зъ темными лугами.

Получивъ отказъ,

Пишовъ назадъ Харько батько темными лугами,
Та умывся Харько батько дрибными слезами.
Ой вы хлопци запорожци, що вы наробылы,
Степы добри, край веселый тай занапастыли.

Г. Н. замѣчаетъ при этомъ, что въ другомъ варіантѣ, менѣе полномъ, записанномъ имъ отъ 90 л. старика, Царица, внимая слезамъ Харька, обращается къ сенаторамъ: „сыны мои, сенаторы, що вы наробыли и пр.“. Пѣсня оканчивается просьбой казаковъ атаману поставить ихъ на башту для защиты Сѣчи если не кинжаламы, то кулаками. Пѣсня цѣльная, вполнѣ выдержанная, весьма художественная—чуть ли не лучшая изъ

напечатанныхъ историческихъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII вѣка. Въ этой пѣснѣ про руйнованье Сѣчи жаботинскій сотникъ Харько, коварно убитый поляками въ 1766 г. (см. *Костомарова* Ист. козач. по пѣснямъ 156—160), еще болѣе идеализированъ, чѣмъ въ преданіяхъ и думахъ, ему собственно посвященныхъ (*Метлинскій*, 526; *Головацкій* I, 21, *Кулишъ*, Зап. о юж. Руси I, 96; *Rulikovski*, въ Zbior Wiadom. III, 144). Въ пѣснѣ про руйнованье Сѣчи Харько — довѣренное лицо всего народа („люде" его посылаютъ), посолъ къ царицѣ, патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, оплакивающій паденіе Сѣчи. Въ думахъ Харько ватажекъ, котораго захватили въ пьяномъ видѣ и казнили. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что въ Харькѣ пѣсенъ про руйнованье Сѣчи можетъ быть скрывается не жаботинскій сотникъ, убитый въ 1766 г., а запорожскій старшина Харько Чепига, игравшій впослѣдствіи важную роль. Въ одной пѣснѣ обращаются къ Грицю, по предположенію *Костомарова*, къ Потемкину (Ист. казач. въ пѣсняхъ, 208). Въ варіантѣ, запис. *Д. И. Эварницкимъ* (см. Запорожье II, 201—202), мѣсто Харька занимаетъ Калнышъ, послѣдній кошевой запорожья.

Въ Кіевской Старинѣ 1888, XII, 142 г. Н. сообщилъ три народныя преданія: 1) *отчего у насъ зимуютъ воробьи* (вар. у Драгоманова), 2) *почему евреи не ѣдятъ свинины и любятъ курей* (куры выгребали сѣно, въ которомъ спрятался Христосъ) и 3) *откуда взялись камни* (пастухи и овцы окаменѣли).

Въ 80 и 84 №№ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. г. Н. напечаталъ статью: „*статистико-экономическое состояніе г. Александровска* и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г." (были оттиски).

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 годовъ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ „*Изъ области народныхъ преданій и разсказовъ*", именно: 1) „*Драная зима*" во 2 № 1888 г. (1813 г.)—холодная, когда снимали крыши на прокормъ скоту; такихъ „драныхъ" зимъ насчитываютъ нѣсколько, и объ одной изъ нихъ (1825 г.) была уже замѣтка г. Н. въ статьѣ о Вольной Гупаловкѣ. 2) *О пріемѣ запорож-*

цевъ Екатериной II (въ № 3)—запорожцы пили много чаю и потомъ переворачивали чашки, а затѣмъ, когда имъ дали одну большую ложку на всѣхъ, то они, выѣвъ горшокъ борщу, его перевернули на скатерти вверхъ дномъ. 3) Разсказъ о томъ, *какъ литвины воевали серпъ* (въ № 4)—варіантъ украинской сказки, напечатанной г-жей *Мошинской* въ „Zbiór wiadomości" IX. 143. Литвины, въ разсказѣ г. Новицкаго, приняли серпъ за людоѣда, стрѣляли, кололи, по ошибкѣ убили своего товаща и, когда въ Пслѣ топили серпъ, то и сами утонули. Это варіантъ многочисленныхъ разсказовъ о глупости того или другаго народа (печенѣги, пошехонцы и пр.); 4) нѣсколько разсказовъ *о характерствѣ запорожцевъ* (въ №№ 5 и 6)—ловили ядра, плыли по Днѣпру на повсти (войлокѣ), наводили ману на поляковъ, уходя отъ нихъ, такъ что поляки козацкія копья принимали за лѣсъ и возвращались, заговаривали ружья; потребуетъ запорожецъ кухель воды, вскочитъ въ него и очутится за 100 верстъ; 5) преданіе—*почему въ Днѣпрѣ стало мало рыбы* (въ № 9): ушла за запорожцами; 6) преданіе *о Семенѣ Паліи* (въ № 10). Этимъ преданіемъ уже воспользовался В. В. Каллашъ въ своей монографіи о Мазепѣ и Паліѣ. Содержаніе преданія. Молодой казакъ Семенъ нечаянно спалилъ куринь кошеваго и, боясь наказанія, бѣжалъ. Въ степи во время грозы онъ замѣтилъ, что дьяволъ дразнилъ Бога и прятался за скалу отъ удара молніи. Семенъ выстрѣлилъ въ дьявола. Дьяволъ просилъ его вторично выстрѣлить; но Семенъ зналъ, что другой ударъ будетъ въ пользу дьявола, и не стрѣлялъ. Апостолъ (безъ имени) далъ ему ружье, бьющее безъ промаха, и посовѣтовалъ возвратиться къ кошевому. Кошевой простилъ Семена и прозвалъ его Паліемъ („за те шо спалывъ куринь"). Вторая часть преданія представляетъ варіантъ преданія, зап. Менчицемъ и напечат. въ „Малор. пред. и разск." стр. 202—204, съ тѣми особенностями, что въ варіантѣ г. Н. о замурованномъ въ тюрьмѣ Паліѣ Петру сообщаетъ 16 л. мальчикъ, что въ войскѣ шведовъ оказывается „баба химоридныця", которая дала совѣтъ перековать лошадей „назадъ гаками" (зубьями) и бѣжать. Съ появленіемъ Палія шведы бѣ-

жали. Петръ предлагаетъ Палію въ награду деньги и „панскія области", но Палій сказалъ: „Дай мини милу Украину, за которую я 20 литъ страждавъ; бильше у тебе не прошу ничого". Получивъ въ даръ Украину, Палій „вывивъ всихъ ворогивъ, тоди и самъ Богъ-зна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый, и якъ Господь ему веливъ, миняется якъ мисяць: старіе и молодіе". Этотъ варіантъ замѣчателенъ сильной идеализаціей героя и обиліемъ сказочныхъ мотивовъ. Варіанты см. далѣе у Эварницкаго и Руликовскаго; 7) *о чумакахъ*, платившихъ сторожевымъ запорожцамъ, при видѣ копья, воткнутаго на шляху (въ № 11); 8) *оплакиваніе (ироническое) тещи* зятемъ за то, что она дочкѣ давала вареники, а зятю сыроватку (въ 16 №); 9) *о жидѣ-шпіонѣ* (въ № 17), котораго сначала связали со свиньей, такъ что носъ его пришелся ко хвосту свиньи, потомъ повѣсили за ноги; 10) *о велетняхъ* (великанахъ, въ № 18); одинъ велетень забралъ въ жменю крестьянина съ погоничами, плугомъ и 8 парами быковъ; 11) *о полозахъ* (въ № 25), душившихъ людей; 12) *о химородникѣ* Феськѣ, который могъ наносить человѣку болѣзнь, выжимая бѣлый сокъ изъ черной рѣдьки (№ 26); 13) *о происхожденіи каменныхъ бабъ* изъ людей, плевавшихъ на солнце (№ 27); 14) о демоническомъ *происхожденіи камней*, трехголовыхъ *змѣяхъ*, истребленныхъ великанами, и полозахъ (№ 29); 15) *о татарскихъ набѣгахъ* и трусливыхъ солдатахъ изъ бѣлоруссовъ (№ 52); 16) о названіи запорожцевъ *кіями*, о наборѣ ихъ княземъ Амлыномъ для войны съ турками и о разореніи Сѣчи (въ Екат. Губ. Вѣд. 1889 г. № 2); 17) *о раздѣлѣ запорожскихъ земель* и первыхъ поселенцахъ великорусскихъ (въ № 16), жены которыхъ были недовольны новыми мѣстами; 18) *о татарскихъ набѣгахъ* (№ 19), рвали подушки для показанія пути, убивали дѣтей, снимая имъ головы или придавливая лавкой къ стѣнѣ; см. варіантъ у Эварницкаго; 19) *о долголѣтіи у запорожцевъ* (№ 23), интересный анекдотъ: были въ одной семьѣ дѣдъ 130 л., сынъ 110 и внукъ 90 л. Заѣхалъ къ нимъ панъ. Дѣдъ сидѣлъ на печкѣ, сынъ на припечкѣ, а внукъ вышелъ изъ хаты. Сынъ отъ старости былъ на память слабѣе дѣда. Панъ и спраши-

ваетъ старика, сидѣвшаго на припечкѣ, „шо ты за чоловикъ?"—Запорожецъ!—„А то шо на печи?"—А катъ его зна шо воно за чортяка!... Стико зазнаю, все у насъ живе... Дѣдъ съ печи и обзывается до пана: „Оттакъ, якъ бачешъ, чоловиче; забувъ еретычний сыну, шо я ему и батько"; 20) *объ уходѣ запорожцевъ*, исчезновеніи острова Дубоваго, оскудѣніи звѣрей, птицъ и рыбъ, огненномъ змѣѣ; невидимое чудовище плакало и бросало камни на Хортицу (№ 28).

Всѣ эти сообщенія въ отдѣльности очень кратки, въ 20, 30 печатныхъ строкъ. Переданы они живымъ народнымъ словомъ, причемъ въ самомъ языкѣ разсказчиковъ обнаружились архаическія черты. Возьмемъ на выдержку одинъ примѣръ: 70 лѣтъ старикъ Осипъ Шутъ на о. Хортицѣ разсказываетъ со словъ своего дяди Матвѣя Шута о татарскихъ набѣгахъ: „На зори передъ свитомъ чуемо—земля стогне, клекитъ десь. Поприпадалы до земли, слухаемо—орда йде. Мы посидлалы коней та назустричъ. Сталы добигать до ордынського шляху, ажъ люды ячать; мы туды стико духу, и давай рубать орду"... Очевидно, здѣсь еще бьется жизненная жилка.

Къ статьямъ „Изъ области народныхъ преданій" близко стоитъ замѣтка г. Н. „*Къ исторіи запорожской живописи*" (въ 39 № Екат. Губ. Вѣд. 1888 г.). Рѣчь идетъ о весьма популярной въ старину картинѣ, изображающей запорожца, играющаго на бандурѣ, съ соотвѣтствующими стихами. Г. Новицкій описываетъ одну такую картинку въ Александровскѣ и приводитъ цѣликомъ находящуюся на ней пѣсню „Ой бандуро моя золотая, колыбъ до тебе жинка молодая" и пр. Такихъ картинъ сохранилось много. Г. Н. насчитываетъ три картины у крестьянъ екатерин. губ. У меня есть такая картина изъ купянскаго у. харьк. губ. Разница въ рисункѣ незначительная; чубъ загнутъ не за лѣвое, а за правое ухо, конь не на лѣвой, а на правой сторонѣ, нѣтъ шубы и нѣтъ литеры *н* на сѣдлѣ; вирша болѣе обширная, чѣмъ у г. Н.; захватывая всю эту виршу почти буквально, вирша на моемъ экземплярѣ добавляетъ еще шапки и сабли. Рисунокъ и вирша экземпляра г. Н. приведены въ I т. „Запорожья" Эварницкаго 74; сюда же отно-

сится вирша „Ихавъ козакъ“ въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго на 58 стр.

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 г. Я. П. Н. помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ „*Изъ церковной лѣтописи*“: образчикъ духовнаго суда 80 л. назадъ (№№ 18, 49), заботы епарх. начальства о воспитаніи дѣтей духовенства (№ 31), размѣръ вознагражденія духовенства за исполненіе требъ въ прошломъ вѣкѣ (№ 43) и нѣсколько другихъ (№№ 45, 47 и 77), двѣ замѣтки „*Изъ недавняго прошлаго*“ (1861 года, въ №№ 61 и 62)—о порядкѣ замѣщенія писарей и требованіе окружнаго начальника, чтобы сельскія власти носили хорошія шапки. Статью „*Итоги народнаго образованія* въ александровскомъ у. 1866—1886“ (№№ 15 и 22); въ Екатер. Губ. Вѣд. 1889 г. № 37. 40 и 43, статью *о поселенцахъ-менонитахъ*, въ №№ 1, 3, 4, 6, 8 и 9; статью „*Статистическое описаніе александровскаго уѣзда* и маріупольской округи по архивнымъ даннымъ 1836 г.“ (были оттиски), въ №№ 101 и 102 1889 г. и въ № 3 1890 г. ст. „*Городъ Александровскъ въ 1837 г.*“.

Для этнографіи имѣютъ значеніе два ряда статей г. Н., 20 замѣтокъ „Изъ народныхъ преданій“, уже разсмотрѣнныхъ нами и „*Пѣсни казацкаго вѣка*“ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888, 1889 и 1892 годахъ. Это начало новаго цѣннаго собранія малорусскихъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Новицкимъ изъ народныхъ устъ. Изъ 200 №№ напечатаны пока только 8 №№. Г. Н. снабдилъ ихъ историческими коментаріями; добавляю здѣсь нѣсколько литературныхъ:

1) *Пѣсня про гетмана Богдана* (Рожинскаго) въ 46 № Е. Г. В. 1888 г. Въ „Истор. пѣс. малор. нар.“ I 163—168 напечатано 5 варіантовъ этой думы. Варіантъ г. Н. почти дословно совпадаетъ съ варіантомъ В. изъ остерскаго уѣзда. Пѣсня сложена въ концѣ XVI в. (ок. 1575 г.). Въ варіантѣ г. Н. нѣтъ ничего, что дополняло бы извѣстные въ печати варіанты.

2) *Пѣсня про Овраменка* въ 48 № Е. Г. В. 1888 г. По содержанію эта пѣсня сходна съ думой про Ивася Вдовиченка; величиной она менѣе и стихъ короче. Ненапечатанный варіантъ, записанный г. Мачжурой въ с. Мурафѣ богодуховскаго

уѣзда харьк. губ., сходенъ съ варіантомъ г. Новицкаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ. Пѣсня начинается словами: „Оврамыха стара маты а три сына мала"... Одного сына Данила (въ варіантѣ Манжуры—Клыма) она отпустила погулять въ г. Тавань (у Манжуры—Таганрогъ). Данило ушелъ съ казаками, вступилъ подъ городомъ Келебердой въ битву съ турками и былъ убитъ. Пѣсня кончается словами: „Не потуравъ вражій сынъ, турчинъ, шо винъ козакъ молоденькій". Личность героя неизвѣстна въ исторіи. Въ пѣснѣ онъ пріурочивается къ двумъ городамъ, очень далеко отстоящимъ одинъ отъ другаго, къ Тавани у Днѣпровскаго лимана и крѣпости Келебердѣ на Днѣпрѣ недалеко отъ Кременчуга.

3) *Пѣсня про набѣгъ орды на Донщину.*—„Ой збиралыся паны—генералы все донскіи козаки" (въ 53 №). Они повели войско на турокъ, а татары напали на Донщину и разграбили. Донцы зовутъ на помощь кошевого. Послѣдній упрекаетъ ихъ въ оплошности. Пѣсня несомнѣнно заимствованная; ея родина—Донщина. Заимствованіе обнаруживается въ самомъ языкѣ: „генералы все донскіе козаки", „ой нумо листъ бумагу писать", „самъ подивишся, шо не силушка наша",—обороты рѣчи, очевидно, великорусскіе, малорусской исторической поэзіи совсѣмъ не свойственные.

4) *Дума про Перебыйниса* въ № 2 Е. Г. В. 1889 г. Перебыйнисъ—Максимъ Кривоносъ, знаменитый предводитель загоновъ во время Богдана Хмельницкаго. Въ думѣ воспѣвается его побѣда надъ поляками въ 1648 г. Въ „Ист. пѣс. малорус. нар." Ант. и Драг. II 42—48 напечатано 4 варіанта этой думы съ историческими комментаріями. Варіантъ г. Н. по полнотѣ и стройности превосходитъ другіе извѣстные въ печати варіанты. Въ содержаніи есть новая деталь—указаніе, что Перебыйнисъ загулялъ съ „кумасею Хмельницкою" и не замѣтилъ, какъ подошли поляки.

5) *Дума про Супруна*—„Ой не знавъ козакъ, не знавъ Супрунъ дебъ славы нажиты"; онъ съ козаками напалъ на орду, попался въ плѣнъ, проситъ татаръ пустить его на Савуръ могилу посмотрѣть на Украину, гдѣ козаки „какъ макъ процви-

таютъ", передать кошевому просьбу о выкупѣ (№ 7). Въ печати извѣстно з варіанта пѣсни о Супрунѣ (Чупрунѣ), два у Метлинскаго и одинъ у Костомарова (въ Ист. казач. по пѣс. 105). Варіантъ г. Н. почти тожественъ съ варіантомъ Костомарова. Лучшіе варіанты въ сборникѣ Метлинскаго. У Костомарова запорожское войско „якъ золото сяе" вмѣсто болѣе обычнаго „*якъ макъ процвитае*". Что послѣдній символъ былъ изстари популяренъ, видно изъ того, что онъ встрѣчается въ Лѣтописи Самуила Величка: „войско тое, увидѣвши съ горы якой, можно было сказать, же то сутьниви, красноцвѣтущимъ голендерскимъ албо волоскимъ макомъ засѣяни и прокввѣтнувши". Въ другихъ думахъ: Морозенко „якъ макъ роспускався".

6) *Пѣсня о Морозенкѣ* (въ № 17), весьма популярная въ Малороссіи, извѣстна во многихъ варіантахъ (указаны въ примѣчаніи самимъ г. Новицкимъ). Начало: „Ой Морозе, Морозенко, ты славный козаче". Мать его имѣетъ дурное предчувствіе. Морозенко подъ Келебердой разбитъ ордой; онъ проситъ пустить его на Савуръ могилу посмотрѣть на Украину; его убиваютъ. Между пѣснями про Супруна или Чупруна и пѣснями про Морозенка большое сходство по содержанію, такъ что, можетъ быть, онѣ относятся къ одному лицу, Супруну Морозенкѣ—современнику, служившему въ Лютенской сотнѣ Полтавскаго полку, или его однофальмильцу Нестору Морозенку (*Максимовичъ*, соч. I 713). Келеберда является роковымъ мѣстомъ не только для Морозенка, но, какъ мы видѣли, и для Овраменка. Въ варіантѣ г. Н. есть отчетливое указаніе на это укрѣпленіе: „Зостринемось зъ ордою пидъ Келебердою, а въ городи Келеберди покопани шанцы".

7) *Пѣсня про князя Голицына* (въ № 21). Г. Новицкій озаглавилъ ее „Орда и ляхи", по первымъ стихамъ, гдѣ упоминаются татары и поляки. Начало: „Наварилы ляхи пыва". Пѣсня сшивная: первые три стиха взяты изъ какой-то пѣсни про борьбу козаковъ съ поляками; слѣдующіе четыре—изъ думы о татарскихъ побѣгахъ (у Ант. и Драг. I 73), послѣдніе 11 стиховъ составляютъ историческую пѣсню не про любимца царевны Софіи Вас. Вас. Голицына о крымскомъ походѣ 1689 г.,

какъ думаетъ г. Новицкій, а про кн. Мих. Мих. Голицына и прутскій походъ 1711 г. Близкіе варіанты этой пѣсни въ сборникѣ Максимовича 1834, стр. 109 и въ Полит. пѣс. укр. народа, I 65—70 и въ особенности на стр. 92 и 102. Въ по слѣднемъ изданіи находится обширный историческій комментарій къ пѣснямъ о возвращеніи козаковъ изъ Алешковской Сѣчи и кн. Голицынѣ.

и 8) *Пѣсня про бѣгство народа во время руины изъ правобережной Украины въ лѣвобережную* въ №№ 52 и 53 „Екатеринослав. губ. вѣдом.“ 1892 г. На мой взглядъ—это одна изъ наиболѣе интересныхъ историческихъ пѣсенъ; сходная пѣсня отмѣчена въ сборникѣ Максимовича (с. 171). Въ „Политичны пѣсни“ она не вошла. Начинается она словами „Та не спалъ я ничку не одную“. Народному пѣвцу „нудно“; дожди украсили землю цвѣтами, а люди бѣгутъ, бросаютъ грунты, пасики, бѣгутъ весной, чрезъ широкій Днѣпръ. Послѣднія 9 строкъ, гдѣ противопоставляются какіе-то „вороги“ прежнимъ „добрымъ панамъ“, повидимому, взяты изъ другой пѣсни. Въ концѣ пѣсни приложено объясненіе ея содержанія пѣвцомъ, 88 лѣтнимъ дѣдомъ Джигиремъ, и обширный историческій комментарій. Приложеніе объясненія разсказчика или пѣвца—новый пріемъ, заслуживающій полнаго одобренія. Изъ объясненія видно, какъ самъ пѣвецъ понимаетъ пѣсню. Въ частности комментарій Джигиря бросаетъ на пѣсню о бѣгствѣ народа яркій лучъ свѣта.

Подлинные тексты пѣсенъ и преданій г. Н. всегда сопровождаетъ точными указаніями имени пѣвца, мѣста и времени записи, иногда историческими объясненіями.

Въ настоящее время г. Новицкій готовитъ къ печати сборникъ записанныхъ имъ изъ народныхъ устъ историческихъ пѣсенъ (болѣе 200 №№) и кромѣ того имѣетъ въ рукописяхъ до 150 разсказовъ о запорожскихъ урочищахъ и кладахъ, до 100 заговоровъ и народныхъ рецептовъ. Нельзя не пожелать скораго изданія этихъ матеріаловъ, въ особенности пѣсенъ историческихъ.

Интересныя записи г. Новицкаго, сгруппированныя въ доступномъ изданіи, несомнѣнно привлекутъ къ себѣ вниманіе историковъ и этнографовъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШМАТКОВСКІЙ

протопопъ глуховскій и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653 — 1673 гг.) [1].

(СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА).

До 1655 года Иванъ Андреевичъ Шматковскій былъ нѣкоторое время протопопомъ въ городѣ Пирятинѣ [2]) и еще до соединенія Малороссіи съ великою Россіей имѣлъ, какъ кажется [3]), случай выказать свои симпатіи къ Москвѣ. Въ концѣ 1655 года глуховчане, „желаючи поученія христіанскаго и проповѣди слова Божія" задумали построить въ своемъ городѣ соборную церковь „въ честь и память св. Тройцы". „Къ совершенію храма благополучному непреклонное желаніе имѣя" и „слыша похвальныя словеса добрыхъ людей" объ о. Шматковскомъ, глуховскіе всякихъ чиновъ люди „подняли" Ивана Андреевича „съ пирятинской протопопіи, чтобъ ему быть протопо-

---

[1]) Настоящая замѣтка представляетъ собою отрывокъ изъ приготовляемой нами къ печати работы: „О сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича". Само собою разумѣется, что въ этой работѣ будутъ опущены тѣ изъ приводимыхъ въ настоящей замѣткѣ подробностей, которыя представляютъ только мѣстный интересъ.

[2]) Объ этомъ говоритъ самъ Шматковскій въ челобитной, поданной имъ царю Алексѣю Михайловичу въ августѣ 1666 г. „въ прошломъ государь во 164 (*т. е. 1655—1656*) году подняли меня, богомолца твоего, глуховскіе всякихъ чиновъ люди съ пирятинской протопопіи, чтобы мнѣ быть протопопомъ же въ Глуховѣ (Моск. Главн. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16).

[3]) Въ концѣ 1655 года о. Шматковскій оставилъ уже пирятинскую протопопію, а 8 октября 1653 года „въ *Пирятинѣ* приходилъ" къ послу государеву „столь-

помъ въ Глуховѣ“ [1]). Въ началѣ 1657 года церковь соборная была уже заложена и приступлено было къ ея сооруженію [2]).

Пригласивъ въ свой городъ о. Шматковскаго, глуховчане дали ему запись, по которой обязались давать своему новому протопопу по двадцати рублей ежегодно „на одежду священническую“, а „на прокормъ“ дали одну изъ принадлежавшихъ ратушѣ мельницъ. Кромѣ того, глуховчане обѣщались давать протопопу „по древнему обычаю всякіе доходы церковные безо

нику Родіону Стрѣшневу *протопопъ* съ братьею да священникъ со крестомъ въ патрахѣли и говорили, чтобъ великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Руси Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель... здравъ былъ и многолѣтенъ и покорилъ бы ему, великому государю, Господь Богъ вся враги его и супостаты подножію ногъ его, а они за него, великаго государя, ради Бога молить и чтобы и всѣ они единовѣрные православные христіане подъ его государскою рукою въ совокупленьѣ были на вѣки неподвижно. И стольникъ Родіонъ того *протопопа* съ братьею потчивалъ и дарилъ“. (Акты Южн. и Западн. Россіи, т. X, № 3, стр. 98—99).

[1]) Москов. Главн. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16,—челобитная Шматковскаго.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ записи, данной жителями Глухова 19 марта 1657 г.: „отъ жителей глуховскихъ сотниковъ, атамановъ и войтовъ и всего поспольства глуховского ее да будетъ на хвалу въ Троицы Свѣтѣ и Славимаго Бога и Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ на славу-жъ отъ рода въ родъ православному христіанскому роду и на оставленіе грѣховъ, о нихъ же жертва святая приносима будетъ, храмъ святый въ честь и память Святые и Живоначальные и Нерозділимые Тройцы строити *почелисмы*. (Моск. Главн. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16). Мы позволили себѣ привести это указаніе, такъ какъ доселѣ, насколько намъ извѣстно, печатно не было еще указано время основанія нынѣшней Глуховской соборной троицкой церкви. Правда въ „Календарѣ Черниговской Епархіи на 1891 годъ“, изданномъ черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, сказано (на стр. 72), что глуховская Свято-Троицкая соборная церковь *основана* въ 1805 г., но эта дата, какъ видно изъ приводимой нами выписки, невѣрна. Преосвящ. Филаретъ не зналъ точно года основанія глуховской соборной церкви, однако онъ указывалъ на то, что церковь эта существовала уже въ 1663 году (Историко-Статистическое Описаніе Черниговской Епархіи, часть VII, стран. 273). Въ дополненіе къ сообщаемой нами датѣ замѣтимъ, что въ описаніи города Глухова, относящемся къ 1654 году (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. X, прилож. къ № 5, стр. 829) указана одна только церковь во имя архангела Михаила; священникъ этой церкви Григорій считался тогда *соборнымъ* (Ibid. стр. 828). О церкви архан. Михаила упоминаетъ и преосв. Филаретъ (Описаніе, ч. VII, стр. 272).

всякого прекословія“; съ своей стороны о. протопопъ далъ слово ничего, сверхъ обѣщаннаго „не истязати“ отъ глуховчанъ [1]).

Выборъ жителей города Глухова, желавшихъ поученія христіанскаго и проповѣди, былъ удаченъ, такъ какъ новый протопопъ оказался недурнымъ проповѣдникомъ [2]), но для самого Шматковскаго переходъ изъ менѣе значительнаго города Пирятина въ Глуховъ сдѣлался вскорѣ источникомъ тревогъ и безпокойствъ, такъ какъ въ гетманство Выговскаго въ Малороссіи начались междоусобія и смуты, во время которыхъ Иванъ Андреевичъ, какъ сторонникъ Москвы, долженъ былъ столкнуться съ мѣстною козацкою старшиной. Въ сентябрѣ 1658 года гетманъ Выговскій измѣнилъ великому государю [3]) и поднялъ въ Малороссіи бунтъ. Для подавленія возмущенія послано было въ Малороссію по указу государеву нѣсколько воеводъ съ ратными людьми. Во время вспыхнувшей такимъ образомъ междоусобной войны Шматковскому удалось оказать услугу московскому правительству.

Для того, чтобы успокоить волненіе въ Глуховѣ, долженъ былъ по указу государя пойти къ этому городу изъ Сѣвска воевода кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ [4]), но сотникъ глуховскій прислалъ къ Куракину брата своего Сенку Чернаго и Заруцкаго „бить челомъ отъ всего города, чтобы великій государь надъ ними умилосердился, войною на нихъ приходить не велѣлъ, такъ какъ они хотятъ по прежнему быть подъ высокою рукою его царскаго величества“. Черный и Заруцкій „учинили присягу“ за всѣхъ глуховчанъ, и поэтому князь Куракинъ послалъ полковника Аврама Лопухина и съ нимъ двухъ сотниковъ Ивана Кожевникова да Никиту Сивцова съ пятьюдесятью стрѣльцовъ и драгунъ принять городъ Глуховъ, а для приведенія глуховчанъ

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

[2]) Образецъ ораторскаго искусства протопопа Шматковскаго см. въ Акт. Южн. и Зап. Россіи т. V, № 85, стр. 194.

[3]) Ibid. т. VII, № 84, стр. 251—252.

[4]) Ibid. № 90, стр. 275. Нѣсколько времени передъ тѣмъ входившій уже въ силу протопопъ нѣжинскій Максимъ Филимоновичъ писалъ (Акты Южн. и Запад. Россіи, т. IV, № 101, стр. 199) воеводѣ путивльскому князю Долгорукому: „Вельми бъ добро, есть ли бы отъ Сѣвска рать его царскаго величества... Шла... на Глуховъ“

къ присягѣ посланъ былъ съ Лопухинымъ изъ Сѣвска священникъ Ипатій. Но глуховчане, забывъ страхъ Божій и свою присягу, Аврама Лопухина со всѣми государевыми людьми въ городѣ заперли, затѣмъ самого Лопухина послали къ Выговскому, а остальныхъ ратныхъ людей вывели всѣхъ на площадь казнить. Тутъ на площадь прибѣжалъ протопопъ Шматковскій съ женою и съ дѣтьми и козаковъ упросилъ, чтобы они того дни государевыхъ людей не казнили". Козаки тогда послушались протопопа и ограничились тѣмъ, что заперли государевыхъ людей въ двухъ тюрьмахъ, священника же Ипатія даже выпустили изъ Глухова [1]).

Но нѣсколько дней спустя, по приказанію полковника козацкаго, Гуляницкаго, государевыхъ людей стали мучить; 34 человѣка изъ нихъ были брошены въ одну яму и засыпаны. Протопопъ Шматковскій, видя государевыхъ людей невинную смерть, бранился съ Гуляницкимъ, проклиналъ его за безчеловѣчіе" и успѣлъ спасти изъ рукъ мучителей восемь человѣкъ (изъ нихъ 6 человѣкъ дѣтей боярскихъ), которыхъ взялъ къ себѣ въ домъ, поилъ и кормилъ ихъ на свой счетъ. Далѣе, протопопъ отъ одной изъ тюремъ „ключъ ухоронилъ и государевыхъ ратныхъ людей", тамъ заключенныхъ (14 человѣкъ), „побить не далъ и съ Божіею помощью отъ смерти ихъ избавилъ" [2]). Происходило это въ декабрѣ 1658 года [3]) въ третій годъ пребыванія Шматковскаго въ Глуховѣ.

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 99, стр. 266 и 264.

[2]) Ibid. т. V, № 85, стр. 195.

[3]) Ibid. т. VII, № 90, стр. 265—статейный списокъ маіора Григорія Булгакова, о пребываніи его въ Малороссіи въ 1659 г. По этому документу можемъ точно опредѣлить время, къ которому относится подвигъ о Шматковскаго, а именно декабрь 1658 г. Нѣкоторыя изъ сообщенныхъ нами подробностей приведены въ приказной выпискѣ изъ челобитной протопопа Шматковскаго, поданной имъ государю въ 1664 г. Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 85, стр. 195); въ этой челобитной протопопъ, упоминая о своемъ *прежнемъ* (т. е. относящемся къ 1658 г.) раденіи, приводитъ имена тѣхъ же самыхъ лицъ (Чернаго, Заруцкаго, Лопухина, Кожевникова, Сивцова и Гуляницкаго), о которыхъ писалъ въ январѣ 1659 г. Булгаковъ; далѣе, въ отпискѣ Дементья Башмакова, писанной въ октябрѣ 1663 г., читаемъ (Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы бѣлгородскаго стола, № 4439, дѣло № 3): „подъ часъ непріятельскаго приходу къ Глухову, глуховскимъ жителемъ вѣрить нечему;

О дѣятельности Шматковскаго за время съ 1659 по 1663 годъ не имѣемъ точныхъ указаній, знаемъ только, что Шматковскій съумѣлъ заслужить расположеніе своихъ прихожанъ, такъ что ему удалось доставить священническія мѣста въ городѣ Глуховѣ своему родному брату Евстаѳію Андрееву и двоюродному Григорію Иванову[1]). Что касается старшины козацкой, то и съ нею Шматковскій послѣ своего столкновенія съ Гуляницкимъ старался ладить; сохранился универсалъ, данный Шматковскому нѣжинскимъ полковникомъ Василіемъ Золотаренкомъ на владѣніе тою мельницей, которую глуховчане уступили своему протопопу. Универсаломъ этимъ, даннымъ 25 марта 1661 года, Золотаренко „ствержалъ, абы жаденъ старшинъ и меншихъ войска его царского величества запорозского не былъ перешкодою о. протопопу“ въ обладаніи „млынкомъ и ставкомъ“[2]) Такой универсалъ былъ необходимъ Шматковскому въ тяжелое для малороссіянъ время междугетманства 1660—1663 гг. Это время, а также междоусобіе, вызванное измѣною Выговскаго, такъ неблагопріятно отразились на благосостояніи глу-

---

людишки самые худые, вольные и непостоянные; опасно того, чтобы не учинили такъ же, какъ *во время измѣны Ивашки Выговскаго* надъ полковникомъ и головою московскихъ стрѣльцовъ надъ *Аврамомъ Лопухинымъ*“. Итакъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно времени, къ которому относится спасеніе Шматковскимъ государевыхъ ратныхъ людей. Однако Н. И. Котомаровъ, упоминая о подвигѣ Шматковскаго и о спасеніи имъ людей Лопухина, относитъ это событіе къ 1664 г. Ошибку эту можно объяснить только тѣмъ, что Н. И. Костомаровъ забылъ о статейномъ спискѣ Булгакова и безъ достаточнаго вниманія прочелъ приказную выписку изъ челобитной Шматковскаго: невнимательное отношеніе Н. И. Костомарова къ этому документу проявилось и въ томъ, что нашъ историкъ, ссылаясь (Историч. монографіи и изслѣдованія изд. 1882 г., т. XV, стр. 35) на 195 стр. V тома Актовъ южн. и зап. Россіи, утверждаетъ, что тамъ напечатана грамота, данная Шматковскому, между тѣмъ какъ цитуемый Н. И. документъ, дѣйствительно, напечатанный на указанной страницѣ, представляетъ собою *не грамоту, данную Шматковскому*, а приказную выписку изъ *челобитной, поданной протопопомъ*.

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 34; Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[2]) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

ховчанъ [1]), что они не имѣли средствъ закончить внутреннюю отдѣлку новой церкви и къ 1664 г. сооруженіе соборнаго храма еще не было окончено [2]).

Въ 1663 году Шматковскій имѣлъ случай снова выказать свое расположеніе къ Москвѣ. 27 сентября этого года, когда въ Глуховъ пріѣхалъ приказа тайныхъ дѣлъ дьякъ Башмаковъ, Шматковскій устроилъ ему торжественную встрѣчу [3]) и сообщилъ о ненадежности глуховчанъ, а вскорѣ послѣ отъѣзда Башмакова изъ Глухова Шматковскому удалось оказать новую весьма важную услугу московскому правительству.

8 октяря 1663 года польскій король Янъ Казимиръ съ войскомъ пришелъ въ Бѣлую Церковь [4]), откуда вскорѣ выступилъ въ лѣвобережную Малороссію [5]). Овладѣвъ нѣсколькими городами на переяславской сторонѣ [6]), король въ самомъ началѣ 1664 года подступилъ къ Глухову [7]), жители котораго были склонны къ „шатости“ [8]); поляки могли поэтому ожидать, что глуховчане охотно имъ сдадутся, но благодаря стараніямъ глуховскаго протопопа, дѣло приняло совершенно другой оборотъ: почтенный о. Иванъ и братья его, священники Евстаѳій и Григорій, взяли на себя руководство дѣломъ защиты города.

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. VII, № 90, стр. 265—266.

[2]) Ibid. т. V, № 85, стр. 193.

[3]) Книги Разрядныя, ч. II, столб. 941.

[4]) Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 78, стр. 184. № 82 стр. 188. Книги Разрядныя ч. II, столб. 948. При столь многочисленныхъ оффиціальныхъ указаніяхъ на 8 октября, однако проф. В. Б. Антоновичъ, вѣроятно, слѣдуя ошибочному показанію лѣтописца (Лѣтопись Величка, изд. 1851 г., стр. 40), полагаетъ (Историч. дѣятели юго-зап. Руси изд. 1883 г. вып. I, стр. 53.), что король польскій прибылъ въ Бѣлую Церковь 30 октября.

[5]) Книги разрядныя ч. II, столб. 964 Изъ приводимаго здѣсь письма Хлопова къ Башмакову видно, что 7 ноября король уже переправился черезъ Днѣпръ, а Н. И. Костомаровъ почему то полагаетъ (Историч. моногр. и изслѣд. т. XV, стр. 14), что король переправился 13 ноября.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. прик. № 5869—отписка Перхурова къ государю.

[7]) Утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ концѣ декабря 1663 г. король стоялъ еще подъ Сосницей, верстахъ въ восьмидесяти отъ Глухова. (ibid.).

[8]) См. выше въ прим. 11 выдержку изъ отписки Башмакова.

Когда король польскій осадилъ Глуховъ, Шматковскій и его братья „великому государю служили, городъ Глуховъ отъ польскихъ людей берегли и городовыхъ всякихъ людей уговаривали и укрѣпляли, чтобы отъ жестокихъ и крѣпкихъ приступовъ и отъ всякаго пушечного стрѣлянья не страшились и города-бъ сдати не мыслили[1]). Эти увѣщанія такъ подѣйствовали на глуховчанъ, что они оставили свою „шатость" и, не смотря на превосходство силъ непріятеля, рѣшились защищаться. Во время осады Глухова, поляки сдѣлали 12 приступовъ къ городу, но „на тѣхъ приступѣхъ глуховскіе Черкасы непріятелей побивали на голову и начальныхъ людей многихъ побили, а досталные отошли съ великимъ стыдомъ" [2]). Такъ радѣли великому государю въ 1664 году тѣ самые глуховчане, которые въ 1658 г. забыли страхъ Божій и измѣнили государю. Такая перемѣна въ настроеніи глуховчанъ произошла благодаря увѣщаніямъ протопопа Шматковскаго и его братьевъ, глуховскихъ священниковъ, которые поэтому писали въ челобитной, поданной ими государю, что они, священники глуховскіе „милостью Божіей и великаго государя счастьемъ городъ Глуховъ отстояли[3]).

Услуга, оказанная, московскому правительству протопопомъ Шматковскимъ и его братьями, имѣла большое значеніе, такъ какъ неудачный исходъ осады Глухова сильно повредилъ успѣху компаніи короля польскаго[4]), который послѣ этой неудачи не

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[2]) Акты археографической экспедиціи т. IV, № 149, стр. 198. Такой лестный отзывъ о поведеніи глуховскихъ черкасъ въ приходъ короля польскаго даетъ московское правительство. Н. И. Костомаровъ, отнеся ошибочно къ 1664 году избіеніе государевыхъ ратныхъ людей глуховчанами, происходившее въ 1658 году, полагаетъ (Историч. моногр. и Изслѣдованія, т. XV, изд. 1882 г. стр. 35), что „въ Глуховѣ во время прихода короля возникла измѣна царю" и даже приводитъ подробности „затѣи измѣнниковъ"; но всѣ эти подробности относятся къ событіямъ 1658 года и упоминаются въ статейномъ спискѣ Булгакова (Акты южн. и зап. Рос-сіи, т. VII, № 90), писанномъ въ январѣ 1659 г.!

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. приказа № 5976.

[4]) О стратегическомъ значеніи Глухова см. у Н. И. Костомарова (Истор. мон. т. XV, изд. 1882 г. стр. 29); о значеніи неудачи подъ Глуховомъ у С. М. Соловьева (Ист. Россіи т. XI, изд. 1861 г. стр. 181).

рѣшился вторгнуться въ коренныя великороссійскія области [1]) и возвратился въ свое годударство. Шматковскій сознавалъ свои заслуги и, вскорѣ послѣ ухода короля изъ Малороссіи, отправился [2]) вмѣстѣ съ другимъ священникомъ соборной церкви Михаиломъ [3]) въ Москву хлопотать о наградѣ за свою службу въ приходъ польскаго короля и за свое „прежнее радѣніе" [4]); кромѣ того Шматковскій надѣялся выпросить въ Москвѣ все необходимое для того, чтобы „устроить" глуховскую соборную церковь, которая все еще „къ совершенію придти не возмогла [5]).

Пріѣхавъ въ Москву 13 мая 1664 года [6]), протопопъ глуховскій былъ вскорѣ „допущенъ смотрѣти пресвѣтлое лицо великаго государя и лобызати его святую руку". При этомъ „всечестный господинъ отецъ Іоаннъ Андреевичъ Шматковскій, недостойный родъ и богомолецъ его царскаго пресвѣтлаго величества", произнесъ передъ государемъ витіеватую рѣчь, въ которой привѣтствовалъ „помазанника Божія, ангела Божія Алексѣя", поручалъ его молитвамъ всѣхъ святыхъ *„россійскихъ— кіевскихъ и московскихъ чудотворцевъ"*, высказывалъ пожеланіе,

---

[1]) Сравн. ibid. стр. 171. О томъ, что кампанія короля польскаго, дѣйствительно, вызвала было въ Москвѣ переполохъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ самъ принять участіе въ походѣ противъ поляковъ (Забѣлинъ, матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы, т. I, столб. 1223).

[2]) 27 февраля 1664 г. король стоялъ еще подъ Новгородъ-Сѣверскомъ (Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. приказа № 5869), въ началѣ марта Малороссія была очищена отъ поляковъ (Памятн. кіевск. комм. т. IV, отд. III, № XCIII стр. 421), а въ концѣ апрѣля о. Шматковскій собирался уже въ Москву (Акты южн. и зап. Россіи т. V, стр. 193).

[3]) Кромѣ того пріѣхалъ сынъ священника Михаила Андрей, 2 человѣка пономарей (въ поданной Шматковскимъ росписи „бѣлорусскаго письма" они названы „ключарями") да 2 челядника (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1664 г. № 3, л. 2).

[4]) Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 85, стр. 195.

[5]) Ibid. стр. 193.

[6]) О пріѣздѣ Ивана Шматковскаго въ Москву въ 1664 г. см. Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. №№ 3, 4, 34; 1666 г. № 16. Немногіе изъ заключающихся въ этихъ дѣлахъ документовъ напечатаны въ V т. Актовъ Южн. и Зап. Россіи, подъ № 85.

чтобы объединилась вся земля Россійская подъ скипетромъ великаго государя, которому она должна принадлежать, какъ наслѣдіе отъ отца его Владиміра Святаго и отъ предковъ Ярослава и Даніила Галицкаго. Далѣе, Шматковскій хвалилъ въ своей рѣчи вѣрность вѣчныхъ холопей великаго государя—малороссійскихъ жителей, которые отразили нападеніе короля польскаго, умолялъ царя быть милостивымъ ко всѣмъ малороссіянамъ, а особенно къ богомольцамъ государевымъ, къ малороссійскому духовенству. Какъ видно изъ приведенныхъ нами выдержекъ, въ рѣчи о. Шматковскаго было немало обычной въ „панегирикахъ" тогдашнихъ „кіевлянъ" лести [1]), но интересно въ этой рѣчи то, что Шматковскій высказывалъ въ ней мысль о необходимости тѣснаго сближенія Малороссіянъ съ Великоруссами: въ этомъ отношеніи „Іоаннъ Андреевичъ" не лицемѣрилъ, такъ какъ, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя переселился навсегда въ Москву [2]).

Шматковскій представлялся государю и произнесъ свою рѣчь 20 мая 1664 г.; около того же времени протопопъ билъ челомъ о награжденіи его за службу великому государю; въ челобитной своей Шматковскій обращалъ вниманіе московскаго правительства на свою дѣятельность въ приходъ польскаго короля, напоминалъ также о тѣхъ услугахъ, которыя оказаны были имъ, протопопомъ, во время междоусобной войны 1658—1659 гг., когда, благодаря протопопу, въ Глуховѣ были избавлены отъ смерти государевы ратные люди. Протопопъ просилъ, чтобы за всѣ эти услуги и за его радѣніе была ему пожалована на вѣчное владѣніе пустошь Бочково *съ правомъ поселить на этой пустоши крестьянъ* [3]). Кромѣ того, Шматковскій хлопоталъ о томъ, чтобы ему и впредь будущимъ протопопамъ глуховскимъ дана была великаго государя жалованная грамота

---

[1]) Карповъ, Кіевская Митрополія и Московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіей ст. III, М. № 1876. стр. 2. Въ этой монографіи Т. Ѳ. Карпова разсказъ доведенъ до конца 2-го десятилѣтія *второй* половины XVII в. (Сравн. Соч. Д. И. Багалѣя, Новый историкъ Малороссіи, стр. 4).

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Сибирск. Приказа № 6870 общ. (частн. 826).

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195.

„за красною печатью“ на владѣніе тою мельницей, которую глуховчане предоставили своему протопопу [1]). Ходатайствуя о такой грамотѣ, Шматковскій, вѣроятно, желалъ поставить себя въ болѣе независимое отношеніе къ старшинѣ казацкой, ибо, заручившись жалованною грамотой великаго государя, протопопъ не нуждался уже въ тѣхъ подтвердительныхъ универсалахъ на пользованіе предоставленнымъ ему „млынкомъ“, выпрашивать которые у полковниковъ нѣжинскихъ глуховчане обѣщали протопопу въ данной ему записи. Выпрашивая себѣ маетностей, Шматковскій не забылъ и родни своей: онъ билъ челомъ о томъ, чтобы пожалованы были „озера Мутинскіе и перевозъ“ къ той глуховской церкви, у которой будетъ служить родной братъ протопопа, священникъ Евстаѳій Андреевъ [2]).

Въ Москвѣ приняли Шматковскаго благосклонно. Вскорѣ послѣ того какъ протопопъ „видѣлъ государскіе пресвѣтлые очи“, ему дано было [3]) за его *службу* три сорока соболей, по тридцати рублей сорокъ (на наши деньги=1530 рублей) [4]); кромѣ того была дача протопу деньгами. Просимая Шматковскимъ пустошь была, какъ кажется [5]), ему пожалована, точно также разрѣшено было дать о. протопопу жалованную грамоту на ту мельницу, которою онъ владѣлъ по записи глуховчанъ;

---

[1]) Въ августѣ 1666 года Шматковскій писалъ въ своей челобитной: въ прошломъ, во 172 году (1664) билъ челомъ на Москвѣ тебѣ, великому государю, я богомолецъ твой, о твоей государевой грамотѣ, чтобъ владѣть мнѣ мельницею „(Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16)“.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195.

[3]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1664 г. № 4, л. 17.

[4]) Кіевск. Старина за 1891 г. ноябрь, стр. 254.

[5]) Н. И. Костомаровъ прямо утверждаетъ, что „протопопъ *выпросилъ* у царя за свое радѣніе пустошь“, (Историч. моногр. и изслѣд. т. XV, изд. 1882 г. стр. 36), но на основаніи сохранившихся документовъ нельзя категорически утверждать, что Шматковскій дѣйствительно выпросилъ себѣ пустошь. Мы можемъ только предполагать, что просьба протопопа была исполнена и на слѣдующемъ основаніи: нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возвращенія Шматковскаго изъ Москвы, Брюховецкій писалъ въ информаціи, данной его посланцамъ Лазарю Горленку съ товарищи чтобы посланцы били челомъ на поповъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманского и войскового къ Москвѣ ѣздятъ и *выправливаютъ себѣ маетности*, ибо о томъ вельми войско ропщетъ (Акты южн. и зап. Россіи, т, V, № 127, стр. 283).

не смотря на это разрѣшеніе, протопопъ глуховскій былъ почему то отпущенъ съ Москвы безъ жалованной грамоты на мельницу [1]), хотя для Шматковскаго важно было тогда же заручиться государевою грамотою, такъ какъ гетманъ Брюховецкій, недовольный тѣмъ, что вліяніе духовенства усилилось, уже въ 1664 году началъ отнимать у протопоповъ мельницы [2]).

Будучи на Москвѣ, Шматковскій не ограничился тѣмъ, что просилъ себѣ наградъ за свою службу; вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ столицу, протопопъ представилъ въ малороссійскій приказъ челобитную отъ полковника Василія Черкашеницы и отъ всего поспольства глуховскаго; челобитчики писали, что глуховская соборная церковь Живоначальной Тройцы до 1664 г. къ совершенію не возмогла придти, а послѣ прихода королевскаго они, глуховчане, совершенно разорились и такъ обнищали, что не могутъ на свои средства устроить „соборную церковь; поэтому они поручили честному господину отцу глуховскому протопопу бить челомъ великому государю о пособіи на окончаніе церковнаго строенія [3]). Вмѣстѣ съ этою челобитною протопопъ представилъ роспись того „что потребно до церкви глуховской“ соборной. Изъ этой росписи видно, что протопопъ билъ челомъ о томъ, чтобы государь пожаловалъ въ соборную церковь: „красокъ разныхъ до маліованья иконъ, золота листоваго, бѣлаго желѣза“ (на кровлю), всю церковную утварь и богослужебныя книги. По этой челобитной Шматковскаго состоялся великаго государя указъ: дать въ глуховскую церковь все, чего просилъ протопопъ [4]). Но малороссійскому

[1]) Въ 1666 г. Шматковскій писалъ въ челобитной о своемъ пріѣздѣ въ 1664 г., что въ то время ему „на мельницу великаго государя грамоты не дано“. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣло малоросс. 1666, № 16).

[2]) Мѣстечка Каменнаго протопопъ Михаилъ жаловался въ мартѣ 1665 года на Брюховецкаго, который приказалъ отнять у него мельницу (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1665 г. № 64.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 193.

[4]) „Роспись, что потребно до церкви глуховской Святой Живоначальной Тройцы: красокъ разныхъ до маліованія иконъ, золота листоваго и бѣлаго желѣза, паникадило, кадильница, сосуды, воскъ, ладонъ, вина церковнаго, евангеліе напрестольное, евангеліе толковое, крестъ, минеи мѣсячные, псалтирь съ слѣдованьемъ, требникъ, канонникъ, апостолъ, октоихъ, часословъ, матеріи на ризы и на потра-

приказу не легко было исполнить этотъ указъ великаго государя, такъ какъ всѣ предметы, которые разрѣшено было выдать Шматковскому, нужно было вытребовать изъ другихъ приказовъ, а именно изъ приказа Серебрянаго Дѣла, Оружейнаго и большаго дворца, но приказы эти прислали только часть изъ того, что было малороссійскимъ приказомъ затребовано, въ остальномъ же отказали [1]). Пока пересылались памяти изъ одного приказа въ другой, состоялся великаго государя указъ объ отпускѣ съ Москвы протопопа Шматковскаго [2]) и онъ уѣхалъ, получивъ только часть того, что пожаловано было въ глуховскую соборную церковь.

Но Шматковскій не думалъ отказываться отъ того, что пожаловано было въ глуховскую соборную церковь. 27 іюня 1664 года протопопъ уѣхалъ изъ Москвы, а въ томъ же году прибыли въ столицу братья Шматковскаго, священники глуховскіе Евстаѳій и Григорій бить челомъ о наградѣ за ихъ службу, такъ какъ они вмѣстѣ со своимъ братомъ, протопопомъ, уговаривали глуховчанъ не сдаваться королю [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Евстаѳій и Григорій подали „росписку, чего недодано съ приказу протопопѣ глуховскому“ [4]) и просили, чтобы все недоданное было съ ними послано въ Глуховъ. Опять посыпались изъ малороссійскаго приказа памяти въ Оружейный и другіе

хили, прологи, служебникъ, лихтарѣ. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 3, л. 23). По этой росписи состоялся „великаго государя указъ дать въ Глуховъ въ соборную церковь: къ писанію иконъ красокъ всякихъ пудъ, золота 500 листовъ, да бѣлаго желѣза три бочки, кадило и сосуды серебряные, пудъ ладону, 3 пуда воску, 5 вѣдръ вина, паликадило да книгъ; евангеліе напрестольное да толковое, псалтырь, минѣі мѣсячные, охтаи, часословъ, канонникъ, прологи, апостолъ, служебникъ да 4 шандана. (Ibid № 34, лл. 6—7).

[1]) Изъ предметовъ, которые указано было дать Шматковскому, малороссійскій приказъ получилъ и передалъ протопопу слѣдующее: „пудъ ладону, 5 вѣдръ вина, паликадило 4 пуда, 3 пуда воску, апостолъ да половина пролога (Ibid. № 3, л. 20), „а въ досталныхъ книгахъ—во дворцѣ, въ краскахъ и въ золотѣ въ оружейномъ приказѣ, въ кадилѣ и въ сосудѣхъ въ приказѣ Серебрянаго Дѣла отказали“ (Ibid. № 34, лл. 6—7).

[2]) 24 іюня 1664 года (Ibid. № 4).

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[4]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 34.

приказы, но и на этотъ разъ дѣло подвигалось впередъ медленно. Такъ, окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, несмотря на присылаемыя изъ малороссійскаго приказа памяти, не доставлялъ требуемыхъ изъ его приказа церковныхъ сосудовъ и кадила [1]). Тогда начальникъ малороссійскаго приказа велѣлъ на деньги, бывшія въ его распоряженіи, купить серебра и „дать дѣлать кадило и сосудъ въ приказъ Серебрянаго Дѣла" [2]).

Но священники глуховскіе не могли ждать, пока церковные сосуды буцутъ изготовлены хозяйственнымъ способомъ въ приказѣ Серебрянаго Дѣла и, пробывъ болѣе мѣсяца на Москвѣ, уѣхали въ концѣ декабря 1664 г. въ Глуховъ [3]), а на отпускѣ получили за свою службу великаго государя жалованье деньгами и соболями (по 23 рубля на человѣка) и сукнами добрыми [4]). Кромѣ того, Евстаѳію и Григорію поручено было отвезти въ Глуховъ значительную часть того, что не додано было Шматковскому [5]), церковные же сосуды, краски къ писанію иконъ и нѣкоторые другіе предметы и на этотъ разъ посланы не были.

Не имѣемъ точныхъ указаній на то, въ чемъ проявлялось радѣніе Шматковскаго великому государю въ 1665 и въ началѣ 1666 года. Въ первыхъ же числахъ іюня 1666 года пріѣхалъ въ Глуховъ стольникъ Хлоповъ для того, чтобы согласно новопоставленнымъ московскимъ статьямъ переписать глуховскихъ жителей и раздѣлить ихъ на разряды для взиманія съ нихъ всякихъ денежныхъ и неденежныхъ поборовъ въ казну великаго государя. Глуховчане, еще въ 1663 году пользовавшіеся репутаціей людей своевольныхъ, не оказали Хлопову никакого противодѣйствія, чѣмъ московское правительство было

---

1) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195—196.

2) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣло Малоросс. 1664 г. № 32 л. 7.

3) 17 Декабря 1664 г. Они были „на отпускѣ" (Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Малоросс. Прик. № 5976).

4) Ibid.

5) Съ Евстаѳіемъ и Григоріемъ послано было въ соборную церковь 3 бочки бѣлаго желѣза, да девять книгъ (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 32, л. 4).

очень довольно [1]). Есть основаніе полагать, что Хлопову оказалъ содѣйствіе протопопъ Шматковскій. Полагаемъ это на томъ основаніи, что вскорѣ послѣ отъѣзда Хлопова изъ Глухова, Шматковскій подалъ челобитную на имя великаго государя о томъ, чтобы ему, протопопу, дана была наконецъ та грамота, о которой онъ билъ челомъ еще въ 1664 году, т. е., жалованная грамота на мельницу, уступленную ему глуховчанами [2]).

Если въ 1664 г. для Шматковскаго важно было заручиться государевой грамотою на мельницу, то это было необходимо въ 1666 году, когда Брюховецкій, вернувшись изъ Москвы, не только продолжалъ притѣснять низшее бѣлое духовенство, но сталъ „заѣзжать" маетности даже такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ Иннокентій Гизель [3]) и Лазарь Барановичъ [4]); со священниками же Брюховецкій послѣ 1665 г. мало церемонился: приказывалъ ихъ хватать, заключать подъ стражу и отправлять въ Москву [5]), такъ что низшее духовенство очень боялось гетмана [6]). При такомъ отношеніи Брюховецкаго къ духовенству, понятно, почему Шматковскій сталъ усиленно просить о подтвержденіи за нимъ его „млынка".

Подавая челобитную о жалованной грамотѣ, о. Шматковскій не упустилъ случая напомнить о недоданныхъ въ 1664 г. для глуховской соборной церкви серебряныхъ сосудахъ и ка-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI № 45 стр. 120.

[2]) Дѣло о подтвержденіи за Шматковскимъ мельницы въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россія, т. VI, № 41, стр. 104.

[4]) Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., № 14, стр. 20.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Малоросс. прик. № 5872; книги малоросс. приказа № 2, л. 486; Мос Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣло малоросс. 1665 г. № 68, л. 291.

[6]) Отношеніе Брюховецкаго къ низшему духовенству прекрасно характеризуется разсказомъ современника о томъ, что духовникъ Брюховецкаго, исповѣдуя его, самъ дрожалъ отъ страха (Кіевск. Стар. за 1892 г. № 1, стр. 154). Что эти замѣтки на поляхъ книги: „Миръ съ Богомъ человѣку" принадлежатъ современнику, заключаемъ по нѣкоторымъ подробностямъ, которыя могъ знать только современникъ, напр., извѣстіе о томъ что архимандритъ Іосифъ Мещерикъ женился (стр. 150).

дилѣ. Кромѣ того, наученный неудачею 1664 года и не надѣясь при обычной въ приказахъ волокитѣ получить изъ нихъ пожалованныя по указу государя краски, Шматковскій не просилъ уже красокъ, а билъ челомъ о пожалованіи ему готовыхъ иконъ, „чтобы великаго государя богомолье впустѣ не было“.

8-го Августа 1666 года, „государь пожаловалъ, велѣлъ Шматковскому сосуды церковные и кадило серебреные и образы дать и на мелницу свою государеву грамоту, буде та мелница... дача глуховскихъ жителей“. На этотъ разъ приказы не оттягивали дѣла и 13 августа 1666 г. великаго государя грамота была уже дана.

Но въ то время какъ Шматковскій хлопоталъ о подтвержденіи за нимъ мельницы, глуховчане, понявъ, вѣроятно [1]), къ чему приведетъ статистическая экскурсія Хлопова, стали вести себя такъ, что къ нимъ посланъ былъ по указу великаго государя отрядъ ратныхъ людей [2]); послѣ принятія этой мѣры прошелъ только годъ и глуховчане наотрѣзъ отказались (въ ноябрѣ 1667 г.) давать денежные и хлѣбные поборы въ казну великаго государя, а воеводы Кологривова ни въ чемъ не стали слушать [3]). Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ февралѣ 1668 г.) Брюховецкій измѣнилъ государю [4]), глуховчане напали на ратныхъ людей, расположенныхъ въ Глуховѣ, схватили воеводу и отправили его къ Брюховецкому [5]).

---

[1]) Съ Брюховецкимъ пріѣхали въ сентябрѣ 1665 года въ Москву представители мѣщанъ отъ многихъ городовъ малороссійскихъ, а именно отъ Нѣжина, Кіева, Переяславля, Чернигова, Стародуба, Остра, Козельца, Канева (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла малоросс. 1665 г. № 68 л. 50). Гадяча (ibid. л. 412), Любеча (ibid. л. 469), Почепа, Погара (Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5873, тетрадь 1, л. 43), и Мглина (ibid. л. 37), но мѣщанъ-депутатовъ отъ города Глухова намъ не удалось найти въ документахъ, относящихся къ пріѣзду Брюховецкаго въ 1665 г. въ Москву.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 50 стр. 143.

[3]) Ibidem, т. VII, № 8, стр. 22.

[4]) Ibidem, № 18, стр. 46.

[5]) Ibid. № 34, стр. 88. Съ какою осторожностью нужно относиться даже къ оффиціальнымъ источникамъ, видно, напримѣръ изъ того, что объ этомъ воеводѣ Яковъ Ханчинскій, посланецъ Барановича, говорилъ 8 марта 1668 года, что его казаки, „выведчи изъ мѣста стали“, между тѣмъ какъ впослѣдствіи оказалось, что и этотъ воевода былъ отосланъ къ Брюховецкому (ibid. № 19, стр. 48).

При такомъ настроеніи жителей Глухова, не легко, вѣроятно, жилось въ этомъ городѣ протопопу Шматковскому, который не разъ выказывалъ свою преданность московскому правительству. Поэтому, лишь только въ Малороссіи водворилось нѣкоторое спокойствіе, Шматковскій вмѣстѣ съ сыномъ и шуриномъ уѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться въ Глуховъ.

Еще въ началѣ марта 1669 г. Шматковскій находился въ Глуховѣ и принимая участіе въ Глуховской радѣ, за что получилъ отъ боярина кн. Ремодановскаго „великаго государя жалованье"—соболи, въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ даны были столь важнымъ лицамъ, какъ генеральные обозный, есаулъ и братья гетмана. (Акт. юж. и зап. Рос., т. VIII, № 20, стр. 110); но уже въ началѣ апрѣля 1669 года онъ прибылъ въ Москву [1]) и подалъ челобитную о томъ, чтобы ему разрѣшено было поселиться въ Москвѣ и чтобы указано было ему, протопопу, служить при одной изъ церквей царствующаго града. Въ это время „кіевское вліяніе" настолько было уже сильно въ Москвѣ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ столицы прихожане чувствовали потребность имѣть ученыхъ священниковъ, знающихъ „кіевское пѣніе", умѣющихъ произносить проповѣди и учить риторскому ученію. О правѣ имѣть такого священника били, напримѣръ, челомъ прихожане церкви Іоанна Богослова, и въ декабрѣ 1667 года патріархи—александрійскій Паисій, антіохійскій Макарій и московскій Іоасафъ дали прихожанамъ грамоту, которою разрѣшалось имѣть при церкви ученаго священника, завести кіевское пѣніе и *училище* [2]). Можетъ быть, вслѣдствіе этой грамоты челобитная Шматковскаго не была положена подъ сукно, и вскорѣ, по указу государеву, велѣно было жить Шматковскому въ Москвѣ.

---

[1]) 15 апрѣля 1669 г. состоялся указъ давать глуховскому протопу Ивану Шматковскому съ сыномъ и зятемъ кормъ, пока на Москвѣ побудутъ (Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы сибирск. прик. № 6870 общ.).

[2]) Грамота хранится въ моск. синод. библіот. въ подлинникѣ (срав. преосв. Саввы, „Указатель для обозрѣнія москов. патріарш. ризницы и библіотеки. М. 1858 г. ч. II, стр. 26, выноска) и въ копіи (Рукопись синод. библ. № 130, лл. 186—187).

Онъ назначенъ былъ настоятелемъ церкви св. Іоанна Богослова въ Бронной слободѣ, за Тверскими вороты[1]). Сдѣлавшись священникомъ приходской церкви города Москвы, Шматковскій пересталъ уже писаться протопопомъ, писался просто попомъ, прибавляя иногда: „протопопъ бывый" [2]).

Узнавъ о своемъ назначеніи священникомъ при церкви Іоанна Богослова, Шматковскій пожелалъ перевезти въ Москву свою семью и послалъ за женою и дѣтьми въ Глуховъ пріѣхавшаго съ нимъ въ Москву шурина своего Алексѣя Михайлова. Вскорѣ семья Шматковскаго переѣхала въ Москву, и онъ рѣшилъ порвать всѣ связи съ Глуховомъ: 16 октября 1669 года возвратившійся недавно изъ Глухова Алексѣй Михайловъ опять посланъ былъ туда для продажи „дворишка" протопопова[3]). При этомъ малорос. приказъ пользовался поѣздками Алексѣя Михайлова и поручалъ ему отвозить государевы грамоты къ гетману; поэтому Михайловъ получалъ казенныя подводы и кормъ до Батурина.

Въ Москвѣ Шматковскій, какъ человѣкъ образованный и обладавшій ораторскимъ талантомъ выдавался между другими приходскими священниками. Такъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Шматковскаго настоятелемъ церкви Іоанна Богослова, былъ у патріарха Іоасафа большой пріемъ: 25 декабря

---

[3]) „Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ богомолецъ твои *бывшій глуховскій протопопъ* Иванъ Андреевъ: по твоему, великаго государя, указу, а по моему челобитью велѣно мнѣ жить на Москвѣ и служить въ церкви Іоанна Богослова, что въ Бронной (Ibid.).

[1]) На нынѣшній на 178 (*1669—1670*) годъ съ московскихъ и съ городовыхъ ружныхъ и съ приходскихъ церквей данныхъ денегъ взять противъ прошлаго 177 году. Церковь св. апостола Іоанна Богослова въ Бронной слободѣ, за тверскими вороты, дани рубль 19 алтынъ 4 денги и августа въ 31 день тѣ деньги взято, платилъ той же церкви попъ Іванъ Шматковскій (Моск. Арх. Мин. Юст. патріарша казен. прик. кн. № 68, л. 24). Въ 1671 г. деньги взяты 26 іюля, платилъ „той же церкви протопопъ бывый Иоаннъ Шматковскіи (Ibid. кн. 71, л. 198 на оборотѣ. Эту запись напечаталъ Ив. Ег. Забѣлинъ въ „матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы", столб. 615, причемъ вм. бывыи напечатано бывшій).

[2]) Моск.. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла малоросс. 1669 г. № 25.

1669 г. бывшіе на Москвѣ архіереи и важнѣйшіе представители столичнаго духовенства, напримѣръ, протопопы успенскій, архангельскій, благовѣщенскій славили Христа у святѣйшаго патріарха; изъ приходскихъ священниковъ одинъ только „богословскій попъ Иванъ Андреевъ, что въ Бронной слободѣ у святѣйшаго патріарха славилъ въ Крестовой и *поднесъ листъ о похвалѣ рацѣіной въ лицахъ*, и святѣйшій патріархъ—пожаловалъ ему денегъ *два рубли* [1]). Слѣдовательно, Шматковскій при домѣ святѣйшаго патріарха занималъ въ это время положеніе, отчасти напоминавшее то положеніе, которое занималъ при царскомъ дворѣ Симеонъ Полоцкій въ первые годы послѣ своего пріѣзда въ Москву [2]).

Священникомъ при церкви св. Іоанна Богослова Шматковскій былъ довольно продолжительное время, но менѣе четырехъ лѣтъ [3]), т. е. до 1673 года. Есть основаніе полагать, что и послѣ 1673 г. Шматковскій продолжалъ нѣкоторое время служить въ церкви Іоанна Богослова, но несомнѣнно то, что съ 1678 года при этой церкви былъ уже другой священникъ [4]). Почему же прекратилось служеніе Шматковскаго при этой церкви, вслѣдствіе ли смерти его или по другой причинѣ—не знаемъ.

Назначеніе Шматковскаго, малороссіянина по происхожденію, „обливанца", приходскимъ священникомъ въ Москвѣ показываетъ, что сближеніе между малороссіянами и великоруссами сдѣлало уже большіе успѣхи къ концу 60-хъ годовъ XVII вѣка, но все-таки это назначеніе обратило на себя вниманіе въ Москвѣ и служило для Крижанича доказательствомъ того, что ве-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. патріаш. каз. прик. к. № 69, л. 172.

[2]) Майковъ, Очерки изъ Исторіи русской литературы XVII и XVIII стол. Спб. 1889, стр. 17.

[3]) Въ приходныхъ книгахъ патріарша каз. приказа, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юст. №№ 68, 71 и 74 записано, что въ 1670, 1671 и 1672 годахъ данныя деньги съ церкви св. Іоанна Богослова, что въ Бронной платилъ той же церкви попъ Іванъ Шматковскій; въ кн. №№ 77 записано, что въ 1673 г. платилъ попъ Іванъ.

[4]) Въ приходныхъ книгахъ №№ 79, 82, 87, относящихся къ 1674, 1675 и 1676 гг. не указано имя священника, деньги платилъ діаконъ Никифоръ, а въ 1678 г. платилъ уже попъ Ѳома.

ликороссійская церковь не признаетъ крещенія черезъ обливаніе недѣйствительнымъ [5]).

Въ смутное для Малороссіи время „Руины", точно также, какъ и въ соотвѣтствующую эпоху въ Великой Россіи, являлись „прямые и кривые" дѣятели. Шматковскій принадлежалъ къ числу немногихъ представителей малороссійскаго духовенства, служба и радѣніе которыхъ великому государю не были соединены съ доносами и интригой, чего нельзя сказать про дѣятельность Максима Филимоновича, Григорія Бутовича, Симеона Адамовича, Виктора Загоровскаго и многихъ другихъ. „Служба" Ивана Шматковскаго напоминаетъ дѣятельность протопопа Кіевскаго Василія Бабскаго, который прямо утверждалъ, что цѣлью своей дѣятельности ставитъ сближеніе малороссіянъ и великоруссовъ, „обчую любовь" между ними.

Виталій Эйнгорнъ.

---

[5]) Крижаничъ, доказывая въ своемъ сочиненіи: „Об свêтом крещêню" (стр 51—52; цитуемъ это сочиненіе по изданію, которое вскорѣ будетъ окончано печатаніемъ въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.), что русская церковь признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе черезъ обливаніе, ссылается между прочимъ на то, что государемъ принята и свободно продается на Москвѣ книга Гизеля „Миръ съ Богомъ человѣку". Книга эта вышла изъ печати въ 1669 году. Далѣе, Крижаничъ ссылается на то, что въ Москвѣ *живутъ* малороссійскіе монахи, напримѣръ, Епифаній (Славенецкій) и Симеонъ (Полоцкій), „и тамо" продолжаетъ Крижаничъ: „живет велепочтоѓаны гдин протопоп глуховски". Епифаній скончался въ 1675 г., слѣдовательно, пребываніе въ Москвѣ протопопа глуховскаго, о которомъ говоритъ Крижаничъ, относится къ 1669—1675 гг. Такъ какъ мы знаемъ, что *именно въ эти* годы жилъ въ Москвѣ протопопъ глуховскій Иванъ Шматковскій, то *нѣтъ никакого сомнѣнія,* что упоминаемый Крижаничемъ протопопъ Глуховскій есть Шматковскій. Не можемъ не указать здѣсь на замѣчательную проницательность преосв. Филарета: хотя онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что Шматковскій переселился въ Москву, однако предположилъ (Опис. черн. Еп. VII, 273), что упоминаемый Крижаничемъ протопопъ глуховскій есть Шматковскій.

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.

(*Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII"*).

I ГЛАВА.

Съ большимъ интересомъ мы ожидали выхода въ свѣтъ сочиненія профес. Собѣстіанскаго. Отрывки изъ него докладывались въ Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ и возбуждали тамъ живой интересъ и пренія. Обличенія, въ изобиліи сыпавшіяся на историковъ славистовъ, но не имѣвшія подъ собой достаточныхъ основаній, естественно вызывали возраженія со стороны членовъ общества, относившихся болѣе спокойно и трезво къ предмету изслѣдованія. Если мы обратимся къ протоколамъ засѣданій Общества, помѣщеннымъ во 2-мъ и 3-мъ томѣ его «Сборника», то увидимъ, что и тогда уже ставили на видъ автору и его увлеченія, и недостаточную обоснованность выводовъ. И эти замѣчанія принесли пользу докладчику: онъ, напримѣръ, смягчилъ въ книгѣ свой рѣзкій приговоръ надъ Шафарикомъ [1]). Къ сожалѣнію впрочемъ общій тонъ работы, а главное ея пріемы остались безъ измѣненія; тутъ не могли, оказать своего благотворнаго вліянія совѣты и возраженія авторитетнаго и потому осторожнаго въ своихъ выводахъ харьковскаго слависта проф. М. С. Дринова. Вышедшая теперь книга носитъ на себѣ яркій отпечатокъ индивидуальности автора; вліянія школы мы въ ней не замѣчаемъ.

---

[1]) Ср. „Сборникъ Харьк. Истор.-филологич. Общ.", т. 2-й, стр. VII и сочиненіе г. Собѣстіанскаго, стр. 45.

Какія же требованія мы вправѣ предъявлять къ диссертаціи проф. Собѣстіанскаго? По справедливости мы можемъ требовать только того, что хотѣлъ дать самъ авторъ. Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ своихъ возраженій мы возьмемъ цѣли и намѣренія самого г. Собѣстіанскаго, по скольку они выражены въ его книгѣ. Полагаемъ, что такой принципъ вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ объективной критики. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью изложить и критически разсмотрѣть ученія о національныхъ особенностяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта. Посмотримъ теперь, какими средствами онъ желаетъ достичь своей цѣли, какіе употребляетъ для этого научные пріемы, другими словами, займемся разборомъ сочиненія съ *методологической стороны.* На обложкѣ соч. проф. Собѣстіанскаго мы читаемъ: «*историко критическое изслѣдованіе*». Г. Собѣстіанскій юристъ, профессоръ по исторіи русскаго права; но онъ самъ относитъ свою книгу, очевидно, къ области историческихъ наукъ. И тутъ нѣтъ ничего страннаго или необычнаго. Историческія науки тѣсно соприкасаются съ юридическими; часто бываетъ просто невозможно разграничить сферы тѣхъ и другихъ; и въ задачахъ, и въ самомъ содержаніи, и наконецъ въ методѣ мы найдемъ между ними много общаго. Если мы обратимся, напримѣръ, къ русской исторіи и исторіи русскаго права, то увидимъ, что труды русскихъ историковъ занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русскаго права и наоборотъ труды историковъ русскаго права занимаютъ видное мѣсто въ русской исторіи. Сочиненія Эверса, Соловьева, Кавелина, К. Аксакова, И. Бѣляева, В. Ключевскаго служатъ предметомъ одинаковаго вниманія и для историковъ, и для юристовъ. Добрая традиція съ честью поддерживается и молодыми учеными: спеціалистъ по русской исторіи г. Лаппо-Данилевскій недавно написалъ магистерскую диссертацію «объ организаціи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ», въ которой обнаружилъ обширное знакомство съ финансовыми теоріями обложенія и вообще юридическими науками.

Но проф. Собѣстіанскій, при защитѣ своей диссертаціи, высказалъ странную мысль, что онъ не историкъ и не филологъ, а юристъ, и что его книга удовлетворяетъ только требованіямъ, предъявляемымъ къ юридическимъ диссертаціямъ. Странно было слышать это отъ автора, который назвалъ свою книгу не юридическимъ и даже не историко-юридическимъ, а историко-критическимъ изслѣдованіемъ; да она и не рѣшаетъ по существу юридическихъ вопросовъ, а только слегка касается ихъ въ историческомъ очеркѣ ученій. Авторъ вѣдь и

не филологъ, но онъ занимается въ своемъ сочиненіи толкованіемъ текстовъ (предлагаетъ, напримѣръ, свое объясненіе термина «демократія»). Да это и понятно: для юриста также важно бываетъ понять смыслъ извѣстнаго выраженія въ памятникѣ, какъ и для филолога. Спрашивается, на какомъ же основаніи проф. Собѣстіанскій старается выдѣлить свое историческое изслѣдованіе изъ разряда историческихъ наукъ?

Но сдѣлаемъ уступку проф. Собѣстіанскому: согласимся, что онъ дѣйствительно и не историкъ, и не филологъ. Попробуемъ разсматривать его книгу исключительно какъ диссертацію на степень доктора государственнаго права. При такой постановкѣ дѣла, намъ представляется возможность не самимъ формулировать свои требованія, а взять готовую формулировку у одного изъ предшественниковъ г. Собѣстіанскаго по изучаемому имъ вопросу. Я разумѣю здѣсь быв. профессора по исторіи русскаго права Д. Я. Самоквасова и его книгу «исторія русскаго права. Томъ I-й. *Начала политическаго быта древне-русскихъ Славянъ.* В. 1878 г.», *написанную имъ на степень доктора государственнаго права.* Попробуемъ сравнить съ точки зрѣнія ученыхъ критическихъ пріемовъ столь сходныя по темѣ и цѣли сочиненія профессоровъ Самоквасова и Собѣстіанскаго.

Книга проф. Самоквасова распадается на три части или главы. Въ 1-й мы находимъ очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ славянъ; тутъ сдѣлана попытка изложить въ систематическомъ порядкѣ взгляды русскихъ и славянскихъ ученыхъ на древне-русскій политическій бытъ; здѣсь разсмотрѣны школы Татищева, Шлецеро-Карамзинская, скептическая, положительная, родовая, общинная, задружно-общинная, смѣшанная. Достоинствами этого историко-литературнаго очерка нужно признать полноту (въ немъ изложены взгляды 25 изслѣдователей) и систематичность изложенія; авторъ видимо старался дать точное понятіе о мнѣніяхъ, опредѣлить ихъ сущность, соблюдать историческую перспективу; чтобы дать болѣе отчетливое представленіе объ ученіяхъ, онъ постоянно расчленяетъ основныя понятія; характеризуя родовую теорію Соловьева, онъ, напримѣръ, указываетъ, какъ тотъ смотритъ на родовой союзъ, на политическія учрежденія древне-русскихъ славянъ, на власть вѣча, князя, на условія разложенія родоваго быта; излагая ученіе Лешкова, онъ ясно опредѣляетъ взгляды его на *происхожденіе* общины, на ея *характеръ*, *значеніе* въ сферѣ законодательства, суда и управленія, на роль *князя*, *вѣча*, *городовъ*, на причины про-

исхожденія *государства*. 2-я глава посвящена критическому анализу *основаній* всѣхъ 8 школъ. Здѣсь мы находимъ *опредѣленіе* основаній всѣхъ ученій и *критическую оцѣнку* ихъ; авторъ старается выяснить происхожденіе ученій и связь ихъ съ предшествующими и послѣдующими мнѣніями и указать сильныя и слабыя стороны различныхъ школъ. Наконецъ, эта критика мнѣній пополняется еще въ 3-й главѣ критическою оцѣнкою самихъ первоисточниковъ; здѣсь разсматриваются лѣтописи и сказанія иностранцевъ, памятники вещественные, слѣды старого быта въ позднѣйшемъ правѣ русскаго народа и, наконецъ, выводы сравнительнаго изученія историческихъ памятниковъ у разныхъ народовъ. Авторъ останавливается на вопросахъ о количествѣ источниковъ каждой группы, о качествѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, существующихъ способахъ пользованія ими для достиженія научныхъ цѣлей (стр. 158). Тутъ мы видимъ и внѣшнюю, и внутреннюю критику текстовъ, служившихъ основаніемъ мнѣній. Авторъ показываетъ намъ, какъ неодинаково различные писатели понимали и толковали одни и тѣже мѣста источниковъ. Относительно сказаній иностранцевъ проф. Самоквасовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «мы не знаемъ въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей ни одного извѣстія, относящагося къ вопросу о политическомъ бытѣ древнихъ славянъ, подлинный смыслъ котораго былъ бы возстановленъ въ ученой литературѣ вполнѣ ясно и безспорно»; ученая критика должна будетъ возстановить подлинный смыслъ извѣстій и затѣмъ отдѣлить въ нихъ вымыселъ отъ дѣйствительной исторіи (стран. 164 — 165). Точно такому критическому анализу проф. Самоквасовъ подвергаетъ и другіе виды источниковъ—памятники вещественные, данныя обычнаго права и выводы сравнительнаго изученія памятниковъ.

Въ концѣ концовъ проф. Самоквасовъ формулируетъ требованія, которымъ должно удовлетворять всякое современное историко-критическое изслѣдованіе, имѣющее въ виду не построеніе фантастическихъ гипотезъ, а положительное знаніе. Вотъ они: 1) знаніе всѣхъ воззрѣній, высказанныхъ въ ученой литературѣ по предмету изслѣдованія, и аргументаціи, на которой основаны сказанныя воззрѣнія; 2) знаніе фактовъ, сообщаемыхъ по предмету изслѣдованія древними памятниками, какъ письменными, такъ и вещественными; эти факти должны быть добыты при посредствѣ ученой критики источниковъ; 3) знаніе слѣдовъ, сохранившихся по предмету изслѣдованія въ позднѣйшихъ историческихъ памятникахъ и современномъ бытѣ изучаемаго народа; 4) знаніе фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ

предмету изслѣдованія и сохранившихся въ историческихъ памятникахъ и бытѣ другихъ народовъ (древнихъ и современныхъ) (стр. 248—249).

И нельзя не признать требованій этихъ вполнѣ законными и раціональными, въ особенности по отношенію къ такому вопросу, какой затронутъ въ книгѣ проф. Собѣстіанскаго. Чтобы разобраться въ ученіяхъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ, необходимо было пользоваться *всѣми* научными средствами, указанными проф. Самоквасовымъ. Возможно ли, напримѣръ, было бы критически отнестись къ ученіямъ, не уяснивъ себѣ ихъ основаній, взаимной связи, не подвергнувъ анализу первоисточниковъ съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней критики, не опредѣливъ достоинства памятниковъ и достовѣрности сообщаемыхъ ими извѣстій? О характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ мы имѣемъ множество сказаній иностранцевъ; извѣстія эти нерѣдко противорѣчатъ другъ другу; для того, чтобы разобраться въ нихъ, опредѣлить ихъ *относительное* достоинство, нужно было хорошо изучить ихъ въ подлинникахъ, а не переводахъ. Если проф. Самоквасовъ примѣнялъ къ своей книгѣ требованія сравнительнаго метода, то еще болѣе обязанъ былъ это сдѣлать проф. Собѣстіанскій. Онъ поставилъ себѣ и болѣе общую, и болѣе широкую задачу—критически изслѣдовать ученія о національныхъ особенностяхъ быта не однихъ русскихъ, но всѣхъ славянъ; если изслѣдователь русскаго стариннаго быта (проф. Самоквасовъ) могъ пользоваться аналогіями, находимыми имъ въ славянщинѣ, то изслѣдователь древне-славянской старины обязательно долженъ уже вторгаться въ этнографію древнихъ германцевъ, кельтовъ, вообще арійцевъ; не указавъ отличительныхъ особенностей древняго быта германцевъ, онъ не можетъ совсѣмъ рѣшить вопроса о сходствѣ древне-славянской жизни съ древне-германской. Все это долженъ былъ знать проф. Собѣстіанскій, приступая къ своей работѣ. Книга проф. Самоквасова должна была послужить исходнымъ пунктомъ и для его собственнаго труда, *по крайней мѣрѣ въ методологическомъ отношеніи.* Наука должна идти впередъ. И результаты, и научные пріемы всѣхъ прежнихъ изслѣдованій должны дѣлаться достояніемъ новыхъ работниковъ; такъ устанавливается генетическая связь между учеными трудами, и только въ узкоспеціальныхъ вопросахъ приходится иногда начинать работу, не имѣя предшественниковъ. У проф. Собѣстіанскаго были кое-какіе предшественники, его вопросъ не изъ узкихъ, и наиболѣе близкимъ по темѣ къ его сочиненію нужно признать книгу проф. Самоква-

сова. Но проф. Собѣстіанскій, вообще очень щедрый на литературныя указанія [1]), на этотъ разъ почему-то оказался слишкомъ скупымъ: *ни въ предисловіи, ни въ текстѣ, ни въ обширныхъ приложеніяхъ, ни въ перечнѣ источниковъ и пособій онъ ни единымъ словомъ не обмолвился даже о существованіи книги проф. Самоквасова.* Чѣмъ объяснить такое умолчаніе? Не знаемъ. Если бы даже проф. Собѣстіанскій хотѣлъ этимъ показать, что онъ работалъ вполнѣ самостоятельно и въ тѣхъ вопросахъ, надъ которыми раньше его трудился проф. Самоквасовъ (напримѣръ, въ изложеніи ученія славянофиловъ), то онъ все таки долженъ былъ бы сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ въ предисловіи къ своему сочиненію. Но онъ и этого не сдѣлалъ; такимъ образомъ, его сочиненіе является какъ бы оторваннымъ отъ предшествующей литературы; и такую оторванность странно видѣть въ работѣ, посвященной *исторіи ученій.*

Но мы не остановились бы такъ долго на книгѣ проф. Самоквасова, если бы дѣло шло только о возстановленіи литературной связи между двумя сочиненіями. Проф. Собѣстіанскій не только не сослался на дессертацію проф. Самоквасова, но и не принялъ во вниманіе ея научныхъ пріемовъ, ея критическаго аппарата; не постарался стать на высоту тѣхъ методологическихъ требованій, которыя ясно формулированы были его предшественникомъ. Онъ, такимъ образомъ, не захотѣлъ пойти по научной тропинкѣ, протоптанной уже 12 лѣтъ тому назадъ и выбралъ себѣ широкую дорогу односторонняго подбора фактовъ и смѣлыхъ заключеній. Если мы сравнимъ обѣ диссертаціи, то между ними окажется цѣлая пропасть: книга проф. Самоквасова, имѣющая вообще не мало недочетовъ, представляетъ недосягаемый идеалъ для проф. Собѣстіанскаго *въ методологическомъ отношеніи. «Критическое изслѣдованіе» проф. Собѣстіанскаго не удовлетворяетъ въ сущности ни одному изъ требованій, выставленныхъ проф. Самоквасовымъ. Въ немъ нѣтъ ни критическаго анализа основаній излагаемыхъ ученій, ни самостоятельной провѣрки ихъ на основаніи источниковъ, подвергнутыхъ критикѣ; въ немъ нѣтъ, наконецъ, даже намековъ на сравнительный методъ, хотя бы въ самомъ узкомъ ограниченномъ его примѣненіи. Научный методъ проф. Собѣстіанскаго представляетъ, собственно говоря, отсутствіе всякаго правильнаго метода.* Дальнѣйшія замѣчанія наши надѣюсь, вполнѣ оправдаютъ мысль, что *диссертація проф. Собѣстіанскаго не представляетъ изъ себя «критическаго изслѣдованія»*.

---

[1]) Всякій разъ онъ приводитъ точныя заглавія своихъ источниковъ и, сверхъ того, еще дѣлаетъ и общій перечень ихъ, занимающій XII страницъ.

II ГЛАВА.

Разсмотримъ прежде всего планъ научнаго зданія, воздвигнутаго проф. Собѣстіанскимъ, его архитектонику. Вся книга состоитъ изъ 208 стр. текста и обширныхъ примѣчаній, занимающихъ 128 страницъ. Въ примѣчаніяхъ вездѣ приведены подлинныя выписки изъ источниковъ на разныхъ языкахъ. Сверхъ того приложенъ еще отдѣльный списокъ источниковъ и пособій, обнимающій XII стр. Все это на первый взглядъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе: можетъ свидѣтельствовать о знакомствѣ автора съ обширной литературой, о самостоятельномъ изученіи имъ первоисточниковъ, о критическомъ отношеніи къ темѣ изслѣдованія. Самъ авторъ въ предисловіи заявляетъ, что къ избранному имъ предмету онъ относится «строго-критически» (стр. 1). Но внимательное изученіе книги проф. Собѣстіанскаго приводитъ къ заключенію, что это только декорумъ и что въ дѣйствительности «строго-критическаго» отношенія къ вопросу здѣсь именно мы и не имѣемъ. Въ самомъ дѣлѣ—въ чемъ заключается критическій элементъ сочиненія? Все оно распадается на 2 части: 1-я посвящена вопросу о характерѣ, 2-я о юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ. Планъ изложенія той и другой одинаковъ: и тамъ, и здѣсь большая часть мѣста отводится изложенію ученій; собственно критическому разбору мнѣній на основаніи свидѣтельствъ первоисточниковъ посвящено двѣ главы (7-я въ 1-й части и 4-я во 2-й), обнимающія въ совокупности 42 стр. На долю изложенія ученій приходится, такимъ образомъ, большая часть книги $^4/_5$ ея (166 стр. изъ 208). Всѣ критическія замѣчанія въ этой части сводятся почти исключительно къ попыткѣ найти въ излагаемыхъ ученіяхъ отраженіе идей Гердера и Жанъ-Жака Руссо.

Каковы эти «критическія замѣчанія» мы увидимъ въ 3-й главѣ; теперь же только констатируемъ фактъ, что «историко-критическое» изслѣдованіе пр. Собѣстіанскаго занимается главнымъ образомъ изложеніемъ ученій, а не критическимъ разборомъ ихъ; формальная сторона преобладаетъ въ немъ надъ реальной; историко-литературный элементъ—надъ историко-критическимъ. Читатель ошибется, если вздумаетъ искать въ данномъ сочиненіи положительнаго рѣшенія вопроса о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ; онъ его здѣсь не найдетъ; авторъ увлекся, очевидно, исключительно исторіей ученій и забылъ, что она представляетъ интересъ не столько сама по себѣ, сколько для уясненія древне-славянскаго быта. Но авторъ ограни-

чилъ себя еще и въ другомъ отношеніи—и это вредно отразилось уже на его непосредственной задачѣ; онъ ограничился только изложеніемъ ученій, *идеализировавшихъ* древне-славянскій бытъ и обошелъ молчаніемъ тѣхъ изслѣдователей, которые придали ему слишкомъ мрачную и притомъ тенденціозную окраску; я разумѣю Гебгарди и др. нѣмецкихъ изслѣдователей. Вѣдь они болѣе, чѣмъ кто другой, стояли на національной точкѣ зрѣнія, пытались доказать, что славянамъ принадлежали извѣстныя свойства въ качествѣ національныхъ чертъ ихъ характера [1]). Спрашивается, на какомъ же основаніи проф. Собѣстіанскій исключилъ ихъ изъ своей книги? Онъ не имѣлъ для этого никакихъ данныхъ. Тутъ мы видимъ такой же произволъ и случайность, какіе характеризуютъ всю его книгу. Между тѣмъ результатомъ этой *методологической ошибки* явилась *односторонность въ освѣщеніи и оцѣнкѣ ученій*. Крайности идеализаціи славянскаго быта у Шафарика явились прямымъ отвѣтомъ на противоположныя крайности враговъ славянства, преднамѣренно искажавшихъ факты, что-бы представить славянъ какими-то дикарями и азіатами. Справедливость и безпристрастіе требовали, намъ кажется, отъ современнаго историка уясненія этого важнаго обстоятельства. Но онъ совершенно игнорируетъ его. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ и оцѣнка должна была получиться невѣрная, односторонняя, «не строго критическая», а пристрастная. Ученія выхватываются изъ ихъ естественной остановки и оцѣниваются внѣ связи ихъ другъ съ другомъ; мы не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ совпадали, что ученіе Гебгарди имѣло сильное вліяніе на славянскую исторіографію (вспо-

---

[1]) Г. Собѣстіанскій, очевидно, понялъ, что допустилъ здѣсь серьезный пропускъ и потому въ рѣчи своей на диспутѣ сослался на книгу проф. Ламанскаго „Изученіе греко-славянскаго міра“, которая, по его словамъ, содержитъ въ себѣ изложеніе и опроверженіе западныхъ ученыхъ, изображавшихъ тенденціозно мрачными красками славянъ и ихъ бытъ. Это оправданіе очень странное. Прекрасная книга пр. Ламанскаго не касается *спеціально* ученій о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ и потому пробѣла г. Собѣстіанскаго не пополняетъ. Авторъ гл. обр. интересовался новѣйшими западными ученіями, касавшимися притомъ не одного какого-либо періода въ жизни славянъ, а всей ихъ исторіи и даже современнаго характера, преимущественно же онъ занимался происхожденіемъ и родствомъ славянъ съ арійцами. Ученія Гебгарди о бытѣ древнихъ славянъ онъ спеціально не разбираетъ, а только приводитъ изъ него небольшія выдержки для характеристики его отношеній къ славянству; тоже самое нужно сказать о Шлецерѣ, Нейманѣ и др.

мнимъ Карамзина) и, конечно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ соотвѣтствовало историческимъ даннымъ; все это нужно было разсмотрѣть пр. Собѣстіанскому—и тогда бы онъ могъ сказать, что его книга не содержитъ въ себѣ *существенныхъ пробѣловъ*. Впрочемъ это далеко не единственный пробѣлъ у г. Собѣстіанскаго; есть не мало другихъ довольно важныхъ; достаточно указать на пропускъ *Венелина*, *Морошкина* и *Савельева-Ростиславича*. Г. Собѣстіанскій цитируетъ только одно сочиненіе Венелина «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ», но игнорируетъ другія, напримѣръ, «Скандинавоманію» и вовсе не останавливается на типичнѣйшихъ представителяхъ стараго русскаго славяновѣдѣнія Морошкинѣ и особенно Савельевѣ, который написалъ цѣлую книгу, посвященную славянамъ (Славянскій сборникъ, къ которому мы будемъ еще имѣть случай вернуться). Пропускаетъ пр. Собѣстіанскій и знаменитаго автора «Исторіи русскаго народа» Полеваго, а между тѣмъ на немъ прямо отразилось столь интересующее его вліяніе Гердера: Полевой, ссылаясь на Гердера, считаетъ Венедовъ мирнымъ народомъ и характеризуетъ русскихъ славянъ, въ противоположность скандинавамъ, какъ мирное племя [1]). Г. Собѣстіанскій не подвергаетъ разсмотрѣнію почти всю современную *русскую* историческую школу объ общинѣ. Ему осталась неизвѣстна даже замѣчательная книга пр. Ламанскаго о «славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи» (Спб. 1859 г.), въ которой подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о древне-славянскомъ характерѣ (къ ней мы еще возвратимся). Что же говорить послѣ этого о пробѣлахъ въ другихъ славянскихъ литературахъ? Пусть объ этомъ выскажутся спеціалисты-слависты. Одинъ рецензентъ уже отмѣтилъ отсутствіе въ числѣ пособій г. Собѣстіанскаго замѣчательной книги г. Крека. Говоря о сходствѣ быта германцевъ и славянъ, пр. Собѣстіанскій игнорируетъ работы пр. Шпилевскаго, спеціально посвященныя *сравнительному* изученію германскихъ и славянскихъ учрежденій. Объ удивительномъ пропускѣ сочиненія пр. Самоквасова мы уже говорили выше. Столь же страннымъ представляется намъ и игнорированіе работъ А. Н. Пыпина, которыя извѣстны не только спеціалистамъ, но и просто образованнымъ людямъ; пр. Собѣстіанскій не пользовался ни «исторіей русской этнографіи», ни статьей объ успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи, ни даже критико-библіографическимъ очеркомъ о Гердерѣ (по поводу книги Гайма). Между тѣмъ здѣсь г. Собѣстіанскій

---

[1]) Исторія рус. народа. М. 1829. Т. I-й стр. 41—42 и 69.

нашелъ бы и нѣкоторыя небезъинтересныя для него фактическія указанія (напримѣръ, о пропущенныхъ имъ русскихъ славистахъ—Венелинѣ, Морошкинѣ и Савельевѣ, о славянофилахъ и т. п.), а главное увидѣлъ бы, что объяснять происхожденіе различныхъ ученій исключительно путемъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній невозможно. Нежеланіе знакомиться съ пособіями по разнымъ частнымъ вопросамъ у г. Собѣстіанскаго настолько велико, что онъ совершенно, напримѣръ, не пользуется литературой о славянофильствѣ (работами Соловьева, Бестужева-Рюмина, Кояловича и др.). Неудивительно, что его собственное изложеніе отличается односторонностью. Эта особенность книги пр. Собѣстіанскаго отмѣчена уже рецензентомъ «Вѣстника Европы». «Ограничиваясь только наиболѣе крупными фактами научной литературы и представляя мнѣнія писателя почти только голыми выписками, говоритъ г. А. В., авторъ не далъ достаточно вниманія общественнымъ, историко-литературнымъ и личнымъ условіямъ, которыя дѣйствовали на складъ мнѣній писателей; сужденія остаются слишкомъ общими, немного огульными—между тѣмъ болѣе детальная разработка этого ряда историческихъ системъ представила бы большой интересъ, между прочимъ рельефнѣе и точнѣе изобразила бы и самыя системы». (Вѣст. Европы, 1892, іюнь, стр. 847). Допуская сто̀ль существенные пробѣлы въ источникахъ и пособіяхъ, пр. Собѣстіанскій въ то же самое время не въ мѣру щедръ въ изложеніи общеизвѣстныхъ мало или совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу матеріаловъ. Его книга посвящена разбору ученій о *національныхъ особенностяхъ* древняго славянства, а теорію національныхъ особенностей проводили славянофилы (русскіе, польскіе, чешскіе); но г. Собѣстіанскій касается въ своемъ сочиненіи не однихъ славянофиловъ, а и просто славистовъ и историковъ—Иванишева, Макушева, Котляревскаго, Бобжинскаго и др. Вообще въ выборѣ ученій у пр. Собѣстіанскаго господствуетъ *случайность*, объясняемая тѣмъ, что онъ не уяснилъ ни себѣ, ни читателю понятія «о національныхъ особенностяхъ»; мы не знаемъ, какой смыслъ придаетъ ему пр. Собѣстіанскій—какія черты древне-славянскаго быта онъ признаетъ *коренными*, основными, какія—случайными, второстепенными; объ этомъ не говорится ни слова во всей книгѣ—ни въ изложеніи ученій, ни въ заключеніи, ни въ тезисахъ. Читатель неудомѣваетъ, какъ ему понимать «національныя особенности»; разумѣть ли подъ ними *всѣ* черты древне-славянскаго быта, указанныя въ изложеніи ученій, или *только нѣкоторыя*, и если нѣкоторыя, то какія именно; какъ, на-

примѣръ, смотрѣть на ихъ земледѣльческій бытъ? Коренная это черта или второстепенная? Прочитавъ всю книгу г. Собѣстіанскаго, нельзя установить себѣ опредѣленнаго взгляда на склонность ихъ къ земледѣлію. Пр. Собѣстіанскій, повидимому, отождествляетъ понятіе о національныхъ особенностяхъ съ понятіемъ о коренныхъ свойствахъ; но это далеко не одно и тоже; можно не быть націоналистомъ—и въ то-же время отмѣчать на основаніи источниковъ особенности быта, характеризующія тотъ или иной народъ въ разныя эпохи его историческаго существованія. Самъ г. Собѣстіанскій, возражая Гердеру, Шафарику и др., говоритъ, что воинственность, жестокость являютсяко ренными свойствами славянскаго характера (стр. 208). Въ какомъ смыслѣ нужно здѣсь понимать слово «коренной»? Вѣроятно, въ такомъ, въ какомъ говорили о характеристическихъ чертахъ польскихъ и балтійскихъ славянъ Бобжинскій и Котляревскій? Но почему же г. Собѣстіанскій не провелъ разницы между строгими націоналистами, въ родѣ Гердера, Суровецкаго (которые, по его словамъ, уже a priori поднимали вопросъ объ особенностяхъ германизма и славянизма) и учеными историками и славистами, въ родѣ Котляревскаго или Бестужева-Рюмина, которые стремились изучать факты, чтобы на нихъ уже строить свои выводы? Книга г. Собѣстіанскаго представляетъ какой-то пестрый калейдоскопъ лицъ и теорій: здѣсь подъ часъ рядомъ стоятъ такія имена, между которыми нѣтъ ничего общаго. Какимъ образомъ въ групиу нетрезвыхъ историковъ попали противникъ славянофиловъ С. М. Соловьевъ, на которомъ, якобы отразилось западнославянское (апріористическое) ученіе о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ, пр. Осокинъ, М. Н. Петровъ? (стр. 72). А попали они сюда только потому, что не раздѣляли усвоеннаго г. Собѣстіанскимъ мнѣнія о воинствености и жестокости, присущихъ древнимъ славянамъ, какъ первобытному народу. Но вѣдь Полевой былъ западникомъ, даже космополитомъ, философски смотрѣлъ на исторію, какъ на выраженіе міровыхъ законовъ жизни человѣчества, излагалъ постоянно русскую исторію параллельно съ западно-европейской—а между тѣмъ придерживался мнѣнія о кротости Венедовъ. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, что исторія вопроса о бытѣ и характерѣ древнихъ славянъ не совпадаетъ съ «исторіей ученій» пр. Собѣстіанскаго, который дѣлаетъ въ него случайные экскурсы, выходя изъ рамокъ собственной задачи и нарушая цѣльность своей книги. И все это объясняется тѣмъ, что г. Собѣстіанскій даже не сдѣлалъ попытки *теоретически* опредѣлить понятіе о національныхъ особен-

ностяхъ. Вотъ почему въ книгѣ, доказывающей, что у древнихъ славянъ не было никакихъ національныхъ особенностей, ни слова не говорится объ *языкѣ*, который по справедливости считается основою всякой національности.

Къ сожалѣнію, *невыясненность основныхъ понятій* характеризуетъ все сочиненіе проф. Собѣстіанскаго. Книга его посвящена вопросу о бытѣ «*древнихъ славянъ*»; такой терминъ мы находимъ даже въ заглавіи сочиненія; а между тѣмъ изъ книги г. Собѣстіанскаго не видно, что разумѣлъ авторъ подъ словомъ «древніе славяне» или, правильнѣе говоря, изъ книги читатель выводитъ различныя, противорѣчивыя представленія по этому вопросу: одинъ разъ разумѣются тутъ дѣйствительно древніе славяне до VI го вѣка по Р. X. включительно; другой разъ рѣчь идетъ о славянахъ VI—IX в., третій разъ, наконецъ, говорится о славянскихъ племенахъ X, XI и XII вѣковъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ не случайное упоминаніе, а сущность дѣла: это та часть книги, которая посвящена спеціально «критическому анализу»; здѣсь авторъ опровергаетъ «господствующій» въ наукѣ взглядъ на кроткій характеръ славянъ, приводя свидѣтельства о нихъ X, XI и XII вв. Но въ это время различныя вѣтви нѣкогда единаго славянскаго племени успѣли уже обособиться и жили отдѣльною историческою жизнью. Мало того: подъ вліяніемъ мѣстныхъ естественныхъ условій и различія въ исторической судьбѣ, среди этихъ отдѣльныхъ племенъ выработались новыя бытовыя особенности. Общій ходъ жизни древняго славянства, какъ извѣстно, былъ таковъ: единый славянскій народъ распался мало по малу на отдѣльныя племена западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянъ; тогда началось отдѣльное историческое существованіе русскихъ, поляковъ и т. д. Историческій процессъ шелъ путемъ дифференціаціи отъ простаго къ сложному, отъ единства — къ разнообразію. Такимъ образомъ, нельзя смѣшивать эпохъ въ исторіи развитія славянскаго народа, иначе получится полное несоотвѣтствіе съ исторической дѣйствительностью. Г. Собѣстіанскому невозможно было вторгаться въ XII-й вѣкъ, ибо въ это время дѣйствуетъ на исторической сценѣ не единое славянское племя и даже не племенныя этнографическія особи, а славянскія государства. Новыя условія жизни (центральная княжеская власть, а въ особенности христіанство) должны были сильно повліять (и дѣйствительно повліяли) на измѣненіе ихъ характера и юридическаго быта. Въ это время едва-ли возможно говорить о тождествѣ быта и характера балтійскихъ

славянъ, русскихъ, поляковъ, если и среди тѣхъ мелкихъ племенъ, на которыя они распались, мы замѣчаемъ разницу этнографическихъ чертъ. Возьмемъ, напримѣръ, ту черту, которой г. Собѣстіанскій придаетъ первенствующее значеніе,—воинственность. Всякій читавшій древнюю русскую лѣтопись укажетъ разницу въ этомъ отношеніи между воинственными, непокорными, свободолюбивыми древлянами и вятичами съ одной стороны и непредпріимчивыми въ военномъ отношеніи радимичами, которые, по насмѣшливому заявленію лѣтописца, «Волчія хвоста бѣгають»; здѣсь, очевидно, находитъ себѣ оправданіе извѣстіе той же лѣтописи, что всякое племя имѣло свой нравъ и обычай.

Такую же невыясненность понятій мы увидимъ при разборѣ 2-й части сочиненія проф. Собѣстіанскаго, посвященной *общинѣ*.

Вмѣсто уясненія понятія «національныя особенности», проф. Собѣстіанскій расчленяетъ его на особенности характера и юридическаго быта и сообразно съ этимъ всю книгу дѣлитъ на 2 части. Но и это дѣленіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается *невыдержаннымъ*. Въ І-й части, посвященной ученіямъ о характерѣ, говорится и о юридическомъ бытѣ, во 2-й, трактующей о юридическомъ бытѣ, говорится и о характерѣ. Такъ, на стр. 8-й, излагая ученіе Антона, г. Собѣстіанскій приводитъ и содержаніе 10-й главы его сочиненія, посвященной вопросу «о формахъ правленія, о сословіяхъ и законахъ». Такъ же точно поступаетъ онъ и съ изложеніемъ системы Суровецкаго: на стр. 30—31-й передаетъ воззрѣніе Суровецкаго на юридическій бытъ славянъ, отличавшійся, по мнѣнію этого писателя, вполнѣ демократическимъ характеромъ. Излагая воззрѣнія Карамзина, г. Собѣстіанскій приводитъ и его соображенія о ихъ политическомъ устройствѣ; это извѣстное классическое мѣсто: «славянскій народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думалъ, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка» (стр. 35—36). То же самое проф. Собѣстіанскій дѣлаетъ и съ Шафарикомъ (см. стр. 51-ю). Приводя статью Лебра (во 2-й части книги), г. Собѣстіанскій останавливается на его сужденіяхъ о національномъ характерѣ—о ихъ преданности земледѣлію, мирномъ, веселомъ нравѣ, любви къ музыкѣ и пѣнію, гостепріимствѣ (стр. 119—120). Благодаря такой системѣ изложенія, читатель не выноситъ вполнѣ отчетливаго представленія о тѣхъ писателяхъ, ученіе которыхъ излагается. А ме-

жду тѣмъ въ дѣйствительности нравы, обычаи и характеръ тѣсно связаны съ юридическимъ бытомъ. Историки касались юридическаго быта (напримѣръ, Лелевель, К. Аксаковъ), юристы—характера (напр. Мацѣёвскій). И вотъ проф. Собѣстіанскому приходится говорить о Воцелѣ и Мацѣёвскомъ и въ 1-й, и во 2-й части своей книги. Спрашивается, для чего же проф. Собѣстіанскій раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части, если этого дѣленія невозможно или неудобно было послѣдовательно держаться. Отмѣтивъ неполноту, невыясненность основныхъ понятій и невыдержанность дѣленія, обратимся къ детальному разсмотрѣнію критическихъ пріемовъ проф. Собѣстіанскаго отдѣльно въ 1-й и во 2-й части его сочиненія.

Критическія замѣчанія 1-й части разбросаны частью въ первыхъ 6 главахъ (при изложеніи ученій), но главнымъ образомъ сосредоточены въ 7-й главѣ сочиненія. Сущность всѣхъ критическихъ замѣчаній первыхъ 6 главъ сводится впрочемъ къ доказательству одного положенія — что *«господствующій нынѣ взглядъ* на характеръ древнихъ славянъ можно назвать сентиментально — поэтическимъ» (стр. 1-я), а не научнымъ и что единсвеннымъ виновникомъ этого является Гердеръ, создавшій фикцію о кроткомъ, пассивномъ характерѣ славянъ и тѣмъ повергшій въ заблужденіе почти всю славянскую научную литературу XIX в.; «трезвые» взгляды на этотъ предметъ высказывали историки XVIII вѣка, Карамзинъ, и изъ новыхъ—Дриновъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Пыпинъ, и, наконецъ, самъ проф. Собѣстіанскій.

Но здѣсь прежде всего нужно устранить одно крупное недоразумѣніе; проф. Собѣстіанскій заявляетъ, что «нынѣ господствуетъ» сантиментально-поэтическій, а не научный взглядъ на характеръ древнихъ славянъ. Съ этимъ нельзя согласиться. Современная славянская исторіографія отличается трезвымъ научнымъ характеромъ; успѣхи научнаго европейскаго движенія не могли не коснуться и ея; отдѣльные ученые, конечно, подъ часъ увлекаются національными или политическими симпатіями или антипатіями; но общимъ лозунгомъ является все таки объективность. Прогрессъ въ этой области сравнительно съ началомъ XIX и особенно XVIII в. стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Въ польской исторической литературѣ произошелъ настоящій переворотъ и поворотъ въ сторону трезвости и объективности, отмѣченный уже русскимъ изслѣдователемъ, проф. Карѣевымъ. «Исторія Польши» Бобжинскаго по научному и объективному направленію своему далеко оставляетъ за собою прежніе труды. Бобжинскій самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ

апріорнаго построенія историческихъ теорій. Что касается современной русской исторической школы, то она устами своихъ самыхъ выдающихся представителей высказываетъ совершенно трезвые взгляды на характеръ древнихъ славянъ и съ точки зрѣнія самаго г. Собѣстіанскаго. Самыми важными общими трудами по русской исторіи являются «Исторія Россіи» Иловайскаго и «Исторія русской жизни» Забѣлина. И оба автора доказываютъ, что русскіе славяне были очень воинственны; такого же воззрѣнія придерживается и проф. В. О. Ключевскій. Мало того,—вглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе и въ учебникахъ, какъ это указалъ на диспутѣ проф. Остроумовъ. Спрашивается, неужели можно отдавать преимущество передъ этими трудами печатнымъ университетскимъ курсамъ проф. Петрова и Осокина, которые, конечно, по самой задачѣ, не могли претендовать на особую самостоятельность и отвели тамъ славянамъ вообще не много мѣста. Притомъ мнѣніе Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина, Петрова и Осокина вовсе уже не такъ ненаучны и сентиментальны, какъ утверждаетъ проф. Собѣстіанскій. Во всякомъ случаѣ, если говорить о современной русской исторической литературѣ, то нужно будетъ сказать, что въ ней *господствуетъ* не поэтическій, а трезвый научный взглядъ на характеръ славянъ. Не доказываетъ намъ проф. Собѣстіанскій господства сатиментально-поэтическаго направленія въ современной чешской исторической школѣ (70-хъ и 80-хъ годовъ).

Такимъ образомъ, проф. Собѣстіанскій ведетъ борьбу не съ *господствующимъ въ настоящее время* взглядомъ, а со старыми ученіями, вліяніе которыхъ въ наукѣ онъ старается всячески преувеличить. Въ особенности это нужно сказать относительно Гердера. Этотъ послѣдній, конечно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на славянскую исторіографію. И этого не скрывали сами слависты — они вводили въ текстъ своихъ сочиненій дословныя выдержки изъ Гердера, прямо ссылаясь на него. Но не слѣдуетъ преувеличивать этого вліянія, какъ дѣлаетъ это проф. Собѣстіанскій. «Небольшое изслѣдованіе Гердера о славянахъ, говоритъ проф. Собѣстіанскій, положило начало новому направленію — сентиментально - поэтическому, которое продолжаетъ господствовать и теперь въ славянской ученой литературѣ... Подъ вліяніемъ Гердеровскаго ученія славянская историческая наука вступила на ложный путь, мѣшавшій и мѣшающій теперь правильной постановкѣ и рѣшенію многихъ вопросовъ славянскихъ древностей; личныя чувства Гердера, симпатіи къ славянамъ заглушили въ немъ голосъ научной критики (стр. 18, 17). Намъ кажется, что

г. Собѣстіанскій здѣсь сильно увлекся, и это увлеченіе заглушило въ немъ самомъ голосъ научной критики. Въ самомъ дѣлѣ: что это за *изслѣдованіе* Гердера? (такое громкое названіе даетъ ему г. Собѣстіанскій). Это небольшая характеристика славянства, занимающая 4 небольшія странички въ «Ideen zur philosophie der geschichte der menschheit». Г. Собѣстіанскій заявляетъ, что она не могла явиться «результатомъ изученія историческихъ памятниковъ или современной исторической литературы» (стр. 15). Но это не совсѣмъ вѣрно. Это на столько же философская апріорная, на сколько и историческая реальная характеристика. Вся она состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, служащихъ подтвержденіемъ общихъ выводовъ и почерпнутыхъ изъ историческихъ пособій (въ числѣ коихъ было и столь богатое фактическими данными сочиненіе Антона). Автора ея можно упрекнуть только въ нѣкоторой односторонности; но со многими его положеніями и теперь нельзя не согласиться. Онъ, напримѣръ, вовсе не отказываетъ славянамъ въ храбрости. «Главное несчастіе этого народа, говоритъ онъ, заключалось въ томъ, что, при любви его къ мирной жизни и домашнимъ занятіямъ, онъ не былъ въ состояніи дать себѣ прочную военную организацію, хотя и выказывалъ достаточно храбрости, разъ бывалъ вовлеченъ въ борьбу. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду невыгоднаго его положенія среди другихъ народовъ: съ одной стороны онъ соприкасался съ германцами, а съ другой не былъ ничѣмъ защищенъ отъ вторженій восточно-татарскихъ ордъ, въ особенности монголовъ, причинившихъ ему немало горя». Мнѣнія Гердера вовсе уже не такъ далеко отстоятъ отъ воззрѣній славистовъ XVIII в., какъ это утверждаетъ г. Собѣстіанскій; между Антономъ съ одной стороны, и Гердеромъ съ другой, нѣтъ той пропасти, о которой говоритъ пр. Собѣстіанскій. У Антона Гердеръ могъ позаимствовать не только фактическія данныя, а и общее расположеніе къ славянству; не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значенія его личныхъ симпатій къ славянству: не слѣдуетъ забывать, что въ Ригѣ онъ былъ прежде всего «балтійскій» патріотъ. Послѣдующіе слависты, въ родѣ Добровскаго, Копитара и (прибавимъ отъ себя) Шафарика, приводили въ своихъ сочиненіяхъ его характеристику *только потому, что она принадлежала нѣмцу*, а между тѣмъ не только не дышала ненавистью къ славянамъ и презрѣніемъ къ ихъ культурѣ, а наоборотъ выставляла на видъ, подчеркивала древность и самобытность этой культуры. Эта мысль о культурномъ бытѣ славянъ жила уже въ древнія времена и является самой основной, суще-

ственной во всей характеристикѣ Гердера; въ связи съ ней стояло его указаніе на мирную колонизацію; страсти къ господству надъ міромъ, къ разрушительнымъ набѣгамъ и хищничеству нѣкоторыхъ народовъ онъ противополагаетъ стремленіе славянъ къ мирному сельскому быту. Послѣдующая славянская исторіографія XIX в. все болѣе и болѣе развивала мнѣніе о культурности древнихъ славянъ — и шла по совершенно вѣрному пути. Значеніе нѣмецкихъ теорій о дикости и некультурности нашихъ предковъ все болѣе и болѣе падало. Много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Суровецкій; но особенныя услуги оказалъ своими «Славянскими древностями» Шафарикъ. Это былъ замѣчательнѣйшій *для своего времени* трудъ, не утратившій своего значенія и донынѣ. Хотя Шафарикъ и любилъ свою родину и все славянство, но это не помѣшало ему оставаться на вполнѣ научной почвѣ. И по вопросу о характерѣ древнихъ славянъ онъ высказывался на основаніи фактическихъ данныхъ, подвергнутыхъ притомъ критическому разбору. Мысль о культурности славянскаго народа получила у него твердое научное обоснованіе; онъ же подробнѣйшимъ образомъ изложилъ и исторію ихъ разселенія, подъ часъ мирнаго, а подъ часъ соединеннаго съ борьбою. Конечно, и у Шафарика были ошибки, увлеченія, но это естественное явленіе. Тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а Шафарикъ сдѣлалъ очень много. Къ сожалѣнію ему не удалось издать сочиненія, спеціально посвященнаго *быту* древнихъ славянъ; но и для этого вопроса въ «Славянскихъ древностяхъ» имѣется не мало данныхъ. Генетическая связь работъ Суровецкаго и Шафарика съ характеристикой Гердера не установлена г. Собѣстіанскимъ да и не могла быть доказана, потому что оба названные выше автора были не компиляторами и не философами исторіи, а самостоятельными историками, основывавшими свои выводы на источникахъ первой руки. Ни Суровецкій, ни Шафарикъ (въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ») не ссылаются на Гердера и утверждать, чтобы мнѣнія ихъ о характерѣ древнихъ славянъ были позаимствованы у Гердера, нѣтъ никакихъ основаній. То же самое нужно сказать и о послѣдующихъ историкахъ. Пр. Собѣстіанскій совершенно голословно заявляетъ, что мнѣнія Воцеля, Мацѣёвскаго представляютъ варіаціи идей Гердера, Суровецкаго и Шафарика. Характеристика чеховъ, сдѣланная Воцелемъ и замѣтно отзывающаяся идеализаціей, основана не на идеяхъ Гердера, а на поэтическихъ картинахъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, къ которымъ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ. Въ

обширной характеристикѣ славянъ и германцевъ, сдѣланной Мацѣёвскимъ, опять таки рѣшительно не замѣтно вліянія идей Гердера. Точно также не доказано вліяніе ихъ на Бобжинскаго, Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина, Петрова и Осокина. Г. Собѣстіанскій впрочемъ и не даетъ никакихъ *серьезныхъ* доказательствъ, а просто приводитъ выписки изъ всѣхъ авторовъ и заявляетъ, что всѣ они представляютъ развитіе идей Гердера, Суровецкаго и Шафарика. Г. Собѣстіанскій отказывается отъ изслѣдованія тамъ, гдѣ оно необходимо. Вмѣсто того, чтобы дѣйствительно разбирать мнѣнія, сопоставлять ихъ другъ съ другомъ, опредѣлять основанія и источники ихъ, указывать вѣрныя мысли, заблужденія и преувеличенія, вліяніе личныхъ, общественныхъ и литературныхъ условій, онъ ограничивается тѣмъ, что вездѣ старается уловить вредное вліяніе Гердера. Благодаря этому, все его изложеніе напоминаетъ намъ не ученое объективное изслѣдованіе, а обвинительный актъ склоннаго къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ прокурора... Но за обвинительнымъ актомъ идетъ еще судебное разбирательство, допросъ свидѣтелей, рѣчи— а тутъ нѣтъ ничего... кромѣ критики, обязанности которой оказываются вслѣдствіе этого очень сложными.

Мы разсмотрѣли критическіе пріемы проф. Собѣстіанскаго въ первыхъ 6 главахъ его сочиненія и пришли къ заключенію, что дѣйствительной критики тамъ нѣтъ и что мысль его о *полной* зависимости почти всей славянской исторіографіи XIX в. отъ Гердера представляетъ шаткую и недоказанную гипотезу. Обратимся теперь къ анализу 7-й главы сочиненія г. Собѣстіанскаго. Она отличается по-преимуществу критическимъ характеромъ. Здѣсь на *основаніи первоисточниковъ* авторъ пытается опредѣлить характеръ древнихъ славянъ. Но вглядываясь внимательнѣе въ критическіе пріемы автора, мы и здѣсь замѣчаемъ такіе же существенные недостатки, какъ и въ первыхъ 6 главахъ. Въ 7-й главѣ долженъ былъ бы быть разсмотрѣнъ на основаніи источниковъ матеріалъ, изложенный *во всѣхъ* предъидущихъ главахъ — тогда бы получилось *полное* соотвѣтствіе между изложеніемъ ученій и критическимъ обзоромъ ихъ. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Вся 7-я глава посвящена доказательству существованія у славянъ *одной* черты характера—воинственности и тѣсно связанной съ ней жестокости. Но что же думать читателю обо *всѣхъ остальныхъ* чертахъ, отмѣченныхъ самимъ г. Собѣстіанскимъ въ изложеніи ученій? Онѣ не опровергаются г. Собѣстіанскимъ. Авторъ «критическаго изслѣдованія» не только не подвергъ ихъ критическому раз-

смотрѣнію *по существу, но даже не сгруппировалъ ихъ*; эту послѣднюю работу долженъ продѣлывать самъ читатель. Но онъ не знаетъ, какъ, напримѣръ, ему смотрѣть на склонность славянъ къ земледѣлію, на ихъ гостепріимство, добродушіе, любовь къ музыкѣ и т. п.; были ли у нихъ эти черты или нѣтъ? Чтобы оріентироваться въ этомъ дѣлѣ, остается прибѣгнуть къ одному средству, которое открываетъ намъ самъ авторъ и которое повидимому отличается простотою и незатѣйливостью. Всѣхъ писателей-славистовъ проф. Собѣстіанскій дѣлитъ на 2 группы — трезвыхъ и нетрезвыхъ; первые вѣрно понимали славянскій характеръ, вторые подъ вліяніемъ Гердера впали въ заблужденіе при опредѣленіи его. Слѣдовательно, чтобы рѣшить вопросъ о какой нибудь чертѣ характера, нужно только навести справку—кто ее отмѣчаетъ: «трезвый» или «нетрезвый» историкъ; что можетъ быть проще этого? Но на самомъ дѣлѣ затрудненіе не рѣшается такъ просто. Дѣленіе на «трезвыхъ» и «нетрезвыхъ», какъ увидимъ далѣе, не выдерживаетъ критики: и трезвые, и нетрезвые отмѣчали очень часто одни и тѣ же черты у древнихъ славянъ—и книга г. Собѣстіанскаго этого вопроса не разрѣшаетъ.

Такимъ образомъ, намъ остается посмотрѣть, какъ на основаніи первоисточниковъ проф. Собѣстіанскій доказываетъ существованіе одной черты славянскаго характера—воинственности и жестокости. Въ доказательство приводится масса историческихъ свидѣтельствъ о нападеніяхъ славянъ на своихъ сосѣдей, начиная съ VI-го и оканчивая XII вѣкомъ. Вездѣ авторъ ссылается на источники первой руки и приводитъ въ примѣчаніяхъ подлинныя выписки изъ памятниковъ. Получается впечатлѣніе, что проф. Собѣстіанскій *самостоятельно* выбралъ эти свидѣтельства изъ первоисточниковъ и обнаружилъ огромную начитанность въ памятникахъ славянской исторіи. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: начитанность г. Собѣстіанскаго только кажущаяся... Фактическія данныя о походахъ и нападеніяхъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ славянъ *раньше его* были собраны уже другими историками, и онъ не пошелъ далѣе ихъ въ подыскиваніи матеріаловъ; для характеристики походовъ южныхъ славянъ онъ воспользовался богатыми указаніями, собранными въ сочиненіи пр. М. С. Дринова «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами», извѣстія о нападеніяхъ балтійскихъ славянъ онъ нашелъ въ книгахъ Гильфердинга (4-й томъ сочиненій) и Котляревскаго (Древности права балтійскихъ славянъ); наконецъ, многія свѣдѣнія о воинственности руссовъ онъ нашелъ у Д. И. Иловайскаго. Самостоя-

тельность проф. Собѣстіанскаго проявилась только въ томъ, что онъ разыскалъ и повыписывалъ мѣста изъ первоисточниковъ, указанныя въ названныхъ выше пособіяхъ. Мы не обвиняемъ, такимъ образомъ, г. Собѣстіанскаго въ какихъ либо негласныхъ заимствованіяхъ изъ пособій, а утверждаемъ только, что онъ не приводитъ почти никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя были уже въ научномъ обиходѣ. Мы не отрицаемъ даже и того, что пр. Собѣстіанскій имѣлъ формальное право ссылаться на первоисточники, а не на пособія, (хотя было бы лучше, если бы авторъ *вмѣстѣ съ тѣмъ* хотя однимъ словомъ обмолвился и о пособіяхъ, принесшихъ ему такую пользу; между тѣмъ онъ ни разу не цитируетъ здѣсь ни Гильфердинга, ни Котляревскаго); но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при такомъ несамостоятельномъ подборѣ извѣстій, какой мы видимъ у г. Собѣстіанскаго, многое—и при томъ весьма важное—могло ускользнуть отъ него. И М. С. Дриновъ, и Гильфердингъ, и Котляревскій приводили эти факты вовсе не съ тѣми цѣлями, какія поставилъ себѣ г. Собѣстіанскій; М. С. Дриновъ интересовался, напримѣръ, почти исключительно данными о заселеніи Балканскаго полуострова славянами и подбиралъ, конечно, только факты, относящіеся къ этому вопросу. Между тѣмъ проф. Собѣстіанскій, занимающійся изслѣдованіемъ древне славянскаго характера, относительно южныхъ славянъ пользуется *только* матеріаломъ, указаннымъ въ книгѣ М. С. Дринова; *новаго источника у него нѣтъ ни одного*; иногда онъ только беретъ изъ источниковъ, отмѣченныхъ пр. Дриновымъ, нѣсколько больше, чѣмъ самъ М. С. Дриновъ. (Это, напримѣръ, нужно сказать относительно Солунскаго лѣтописца). Но, вообще говоря, всѣ тѣ извѣстія, которыя приводитъ проф. Собѣстіанскій о нападеніяхъ южныхъ славянъ на Византію въ VI—VII вв. на 77—85 стр. своей книги, приведены были уже раньше на стр. 95, 97—101, 107—109, 111, 114—115, 118, 120—121, 131—133 сочиненія М. С. Дринова. Свидѣтельства Прокопія (77—80 стр. у г. Собѣстіанскаго) помѣщены у М. С. Дринова на 95, 97—100 стр. (но въ иномъ порядкѣ). На 80-й страницѣ своего сочиненія г. Собѣстіанскій говоритъ: если мы обратимся къ другимъ сочиненіямъ Прокопія, то найдемъ тамъ сильную поддержку этому предположенію (о другихъ нападеніяхъ); вслѣдъ затѣмъ приводится имъ цитата изъ Анекдотовъ. У М. С. Дринова это предположеніе и эта выдержка изъ Анекдотовъ находится на 97-й страницѣ. Такое же совпаденіе мы найдемъ и относительно Ѳеофана (80—81 стр. у г. Собѣстіанскаго, 101 стр. у проф. Дринова), Іоанна

Биклярскаго (81 стр. у г. Собѣстіанскаго, 107 стр у проф. Дринова), Менандра и Іоанна Эфесскаго (81 стр. у г. Собѣстіанскаго и 107 у проф. Дринова), Солунскаго лѣтописца (81—82, 84—85 стр. у г. Собѣстіанскаго, 114—115, 132—133 стр. у пр. Дринова), Өеофилакта Симоказы (82 стр. у г. Собѣстіанскаго, 108—109, 111 стр у проф. Дринова), посланія папы Григорія Вел. къ архіепископу Солунскому (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 118 стр. у пр. Дринова), Исидора Севильскаго (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 118 стр. у пр. Дринова), составителя 2-й части пасхальной хроники (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 120—121 стр. у пр. Дринова) и, наконецъ, Павла Діакона (83—84 стр. у г. Собѣстіанскаго и 131 стр. у пр. Дринова). Совпаденіе полное, рѣшительное и, конечно, не случайное. Настоящимъ руководителемъ проф. Собѣстіанскаго были не перечисленные выше источники, а книга проф. Дринова. Нашедши въ ней цѣлый рядъ фактовъ о нападеніяхъ славянъ, пр. Собѣстіанскій, очевидно, рѣшился немедленно утилизировать ихъ для доказательства своего мнѣнія о ихъ воинственности, но при этомъ не обратилъ должнаго вниманія на смыслъ и значеніе памятниковъ; онъ подыскалъ соотвѣтственные тексты и помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ; но эти примѣчанія и приложенія не находятся въ органической связи съ текстомъ, являются какимъ-то механическимъ придаткомъ и подъ часъ противорѣчатъ ему. Вотъ два примѣра, отмѣченныхъ уже на диспутѣ г. Вязигинымъ. На 77-й стр. проф. Собѣстіанскій говоритъ: въ 547 г. славяне вторглись въ Иллирію, проникли до Эпидамна, предаваясь ужаснымъ злодѣйствамъ: «они убивали жителей, молодыхъ обращали въ рабовъ и разграбили сокровища; они побрали тамъ много укрѣпленій, которыя до тѣхъ поръ казались неприступными, и рыскали повсюду безнаказанно». Въ примѣчаніи же 151-мъ (стр. 258) проф. Собѣстіанскій приводитъ подлинный греческій текстъ, который долженъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствовать переводу автора; на самомъ же дѣлѣ между ними оказывается полное несоотвѣтстіе. Проф. Собѣстіанскій оставляетъ безъ перевода два слова греческаго подлинника — οὐδενὸς ἀμυνομένον — которыя совершенно измѣняютъ смыслъ фразы; греческій подлинникъ говоритъ, что славяне взяли неприступныя крѣпости, *потому что ихъ никто не защищалъ* (при чемъ же тутъ храбость славянъ?); а проф. Собѣстіанскій, умалчивая объ этомъ «потому что...» просто говоритъ, что славяне побрали много укрѣпленій, которыя дотолѣ казались неприступными». Мы не допускаемъ, чтобы проф. Собѣстіанскій не понималъ греческихъ текстовъ (слишкомъ много уже

ихъ разбросано въ его примѣчаніяхъ) или сознательно извращалъ ихъ, и объясняемъ его ошибку тѣмъ, что онъ положился тутъ in verba magistri, т. е. М. С. Дринова, у котораго также эти два слова оставлены безъ перевода. Но уважаемый М. С. Дриновъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, бралъ изъ первоисточниковъ только то, что ему было нужно для вопроса о времени и мѣстѣ появленія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; для г. же Собѣстіанскаго эти два слова имѣли рѣшающее значеніе; онъ привелъ и греческій подлинникъ, и буквальный переводъ его (въ кавычкахъ); у Марина же Степановича Дринова нѣтъ ни подлинной выписки, ни буквальнаго ея перевода (см. стр. 98). На стр. 81-й проф. Собѣстіанскій говоритъ: «около 100000 славянъ, читаемъ мы у Менандра, вторглись во Ѳракію и, *разграбивъ* ее, кинулись на сосѣднія съ нею области». Въ 161-мъ прим. опять приводится греческій подлинникъ, въ которомъ говорится: ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρι πον Χιλιάδον ἑκατον Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι; тутъ неопредѣленное наклоненіе—съ *тѣмъ чтобы пограбить*—у проф. Собѣстіанскаго дѣепричастіе (*разграбивъ*), какъ и у М. С. Дринова. Но опять таки М. С. Дриновъ не приводитъ ни греческаго подлинника, ни буквальнаго перевода, а только *дѣлаетъ выводъ* изъ источника; и выводъ сдѣланъ вѣрный; онъ подтверждается и другими источниками, указанными М. С. Дриновымъ — извѣстіемъ Іоанна Биклярскаго и Іоанна Эфесскаго.

Къ сожалѣнію, дѣло не ограничивается отсутствіемъ должной осмотрительности въ текстахъ. Проф. Собѣстіанскій пользуется для доказательства своей излюбленной мысли о воинственности и жестокости славянъ и такими извѣстіями, недостовѣрность которыхъ была уже доказана и при этомъ рѣзко бросается въ глаза всякому. Разительный примѣръ этого мы видимъ въ тѣхъ же извѣстіяхъ о заселеніи Балканскаго полуострова славянами. На 78 и 79 стр. проф. Собѣстіанскій въ доказательство воинственности и жестокости славянъ приводитъ обширную выписку изъ Прокопія (на $1^1/_2$ стр.) и ни единымъ словомъ не выражаетъ сомнѣнія въ ея достовѣрности, не говоритъ даже, чтобы здѣсь были сгущены краски. Между тѣмъ извѣстіе это заключаетъ въ себѣ дѣйствительно невозможныя, невѣроятныя подробности: два маленькихъ отряда славянъ (одинъ въ 1800, другой въ 1200 челов.), дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга, разбиваютъ римскія войска, выгоняютъ изъ крѣпости многочисленный и храбрый отрядъ конницы, берутъ въ плѣнъ его военачальника Асбада,

грабятъ *всю Θракію и Иллирію*, берутъ осадою *много крѣпостей*, въ томъ числѣ приморскій и важнѣйшій городъ Топирисъ, *защищаемый гарнизономъ*, умерщвляютъ въ немъ *всѣхъ жителей мужеска пола числомъ 15000* и уводятъ *безчисленныя тысячи* невольниковъ съ собою домой; вся Θракія и Иллирія долгое время усѣяны были непогребенными трупами. Мы увѣрены, что ни одинъ читатель не повѣритъ этой небылицѣ—и совершенно необъяснимо, какъ повѣрилъ ей проф. Собѣстіанскій. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что проф. Собѣстіанскій не усумнился въ достовѣрности этого разсказа, не смотря на то, что уже М. С, Дриновъ обозвалъ его «сказкой», въ томъ самомъ сочиненіи, которое такъ внимательно изучалъ проф. Собѣстіанскій. Приведя вкратцѣ данныя о буйствахъ этихъ двухъ отрядовъ, М. С. Дриновъ замѣчаетъ: «эта *сказка* имѣетъ историческое значеніе для характеристики взгляда населенія Имперіи на славянъ, но Прокопій не сообщаетъ ее съ этой цѣлью: онъ принимаетъ содержаніе ея за сущую правду и излагаетъ ее тономъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ дѣйствительности разсказываемыхъ имъ происшествій» (стр. 100). Далѣе почтенный знатокъ славянщины даетъ объясненіе этой сказки: «состоя при Велизаріи въ качествѣ его совѣтника и находясь безотлучно при немъ въ теченіе 20 почти лѣтъ, начиная съ 527 г., Прокопій жилъ постоянно вдали отъ тѣхъ областей, на которыя простиралось давленіе славянъ. Онъ не могъ знать непосредственно славянскаго міра и его отношеній къ Имперіи; не могъ имѣть объ этихъ отношеніяхъ и правительственныхъ свѣдѣній, ибо славянскія дѣла вѣдались не въ канцеляріи Велизарія, побѣдителя Персовъ, Вандаловъ и Готовъ. О славянскихъ дѣлахъ Прокопій могъ знать только по слухамъ, доносившимся до отдаленнаго стана Велизарія, слухамъ, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ относился не критически, а съ непонятнымъ легковѣріемъ. Что дѣйствительно молва была главнымъ источникомъ его свѣдѣній о занимающихъ насъ отношеніяхъ и что *не критически* онъ относился къ этому, столь мало надежному источнику, это не трудно замѣтить при самомъ бѣгломъ чтеніи его повѣствованія о нихъ». Затѣмъ въ видѣ примѣра М. С. Дриновъ приводитъ пресловутый разсказъ о двухъ славянскихъ отрядахъ. (Заселен. Балкан. полуостр. славянами, стр. 99—100). Проф. Собѣстіанскій не замѣтилъ этой бьющей въ глаза невѣроятности, мало того — сознательно рѣшилъ игнорировать вѣскія убѣдительныя замѣчанія объ этомъ извѣстіи М. С. Дринова (которыя, конечно, не могли ему остаться неизвѣстными) и тѣмъ доказалъ отсутствіе у себя критическаго такта.

Доказательства въ пользу воинственности руссовъ также не отличаются ни самостоятельностью, ни критическимъ характеромъ (85—90 стр.) Все дѣло сводится тутъ къ нѣсколькимъ выдержкамъ изъ русской лѣтописи, Фотія, Льва Діакона, Масуди, о походахъ русскихъ славянъ на востокъ и въ Болгарію. Все это факты—общеизвѣстные; большая часть ихъ, напримѣръ, подробно изложена въ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго. (Ч. І-я. Кіевскій періодъ. М. 1876 г.)[1]. Проф. Собѣстіанскій ссылается и тутъ только на первоисточники; но тщательнаго изученія ихъ мы у него не находимъ. Сказанія арабскихъ писателей дѣйствительно заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ о воинственныхъ нападеніяхъ руссовъ на Камскую Болгарію, Хозарію и прикаспійскія области. Нужно было бы собрать всѣ эти свѣдѣнія, рисующія воинственность русичей, и подвергнуть ихъ критическому анализу. Но проф. Собѣстіанскій ограничивается только извѣстіемъ Масуди о походѣ 913 г. и игнорируетъ нападенія 944 и 968 гг., о которыхъ сообщаютъ подробныя данныя арабы; между тѣмъ походъ 968 г. былъ самымъ выдающимся; тогда русичи разгромили Вел. Болгары, Итиль, Семендеръ, страну Буртасовъ; Хозарія послѣ этого окончательно пала. Проф. Собѣстіанскому впрочемъ и не нужно было самому трудиться надъ подборомъ и критикой извѣстій о походахъ Руси на востокъ; все это онъ могъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Дорна «Каспій», которое къ сожалѣнію осталось ему неизвѣстнымъ. Но проф. Собѣстіанскій, вмѣсто того чтобы критически относиться къ источникамъ, дѣлаетъ изъ нихъ для себя тенденціозную выборку извѣстій. Чрезвычайно характерно въ этомъ случаѣ его отношеніе къ Фотію. «Бесѣды» патріарха Фотія представляютъ, какъ извѣстно, на половину историческій, на половину литературный матеріалъ; это проповѣди, ораторскія рѣчи, преслѣдовавшія главнымъ образомъ нравоучительныя цѣли. Подобнаго рода источникомъ нужно пользоваться осторожно. Но пр. Собѣстіанскій безъ всякихъ оговорокъ приводитъ цитаты изъ этого памятника, умалчивая при этомъ объ извѣстіяхъ, противорѣчащихъ его взглядамъ. Характеристика руссовъ у Фотія отличается, какъ всѣмъ извѣстно, двойственнымъ характеромъ: то онъ называетъ ихъ грозными и неодолимыми, то отзывается съ презрѣніемъ, какъ о ничтожномъ народѣ. «Какое воинство ругается надъ

---

[1]) Тутъ мы находимъ данныя о нашествіи руссовъ на Царьградъ въ 865 г. и 941 г., о нападеніи ихъ на Болгарію при Святославѣ, и въ 913 г. на каспійскія области.

тобою, обращается онъ къ Царьграду, какъ надъ рабою! Необученное и набранное изъ рабовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? *Слабый* и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя... Народъ, *ничѣмъ не заявившій себя*, народъ непочетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный, *безъ военнаго искусства* [1]). «Вотъ это то мѣсто и пропускаетъ проф. Собѣстіанскій. Мы не придаемъ ему значенія достовѣрности, а привели его, чтобы показать, какъ на историческомъ элементѣ въ бесѣдахь Фотія отразился элементъ литературный, какъ замѣтна здѣсь риторика. Конечно, риторика эта должна была сказаться и въ тѣхъ картинахъ разореній, которыя приводитъ проф. Собѣстіанскій. Не входимъ въ дальнѣйшія подробности, потому что о Фотіи и его произведеніяхъ есть цѣлая литература. Проф. Собѣстіанскій могъ, впрочемъ, найти критическій разборъ «бесѣдъ» и въ извѣстныхъ ему «разысканіяхъ о началѣ Руси» Д. И. Иловайскаго (М. 1876. стр. 195—199), гдѣ, между прочимъ, помѣщена и приведенная нами выписка изъ Фотія. Къ извѣстіямъ другихъ византійцевъ проф. Собѣстіанскій также относится безъ всякой критики; такъ, напримѣръ, онъ безъ всякой оговорки приводитъ свидѣтельство Льва Діакона о томъ, что Святославъ пересажалъ на колъ *20000 плѣнныхъ*, а другихъ *20000 бросилъ въ темницу* (стр. 88—89).

Извѣстія о военныхъ походахъ западныхъ славянъ (91—98 стр.) также не заключаютъ въ себѣ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что раньше отмѣчено было Гильфердингомъ и Котляревскимъ. Мы убѣдились въ этомъ, сопоставивъ всѣ извѣстія, приведенныя проф. Собѣстіанскимъ на 92—98 стр. его сочиненія, съ данными Гильфердинга и Котляревскаго. Чтобъ не быть голословнымъ, я отмѣчу тѣ и другія систематически по страницамъ. Начнемъ съ 92-й страницы труда проф. Собѣстіанскаго. Извѣстіе Ад. Бременскаго приведено у Гильфердинга (4-й томъ собранія сочиненій) на 28-й стр.; Гербордъ—у Котляревскаго (на 28 стр.), Безъименный авторъ—у Котляревскаго (на 143 стр.), Оттонъ Бамбергскій у Котляревскаго (на

---

[1]) Четыре бесѣды Фотія. Спб. 1864 г., стр. 18—19.

78—79 стр.), Гербордъ—у Котляревскаго (на 68—69 стр.); 93-я страница: Гербордъ у Котляревскаго (на 47 стр.); онъ же у Котляревскаго (на 49 стр.); 94-я страница: Гельмольдъ — у Гильфердинга (37—35 стр.); 95-я страница: Гельмольдъ—у Гильфердинга (27—28 стр.), англичанинъ Ордерикъ Виталій и итальянецъ Рудольфъ Глаберъ—у него же (30 стр.); 96-я страница—Гербордъ—у Котляревскаго (21 стр.); извѣстіе Гельмольда о чехахъ и полякахъ (стр. 95—96) приведено было еще Макушевымъ (158 стр. его книги); наконецъ, выдержка изъ Ѳеофилакта Симоказы (97 стр.) является уже положительно locus communis. Самостоятельный трудъ проф. Собѣстіанскаго состоялъ только въ томъ, что онъ подыскалъ въ источникахъ мѣста, указанныя Гильфердингомъ и Котляревскимъ, а не обмолвился здѣсь о нихъ ни однимъ словомъ проф. Собѣстіанскій именно потому, что это были нетрезвые слависты. Такой же несправедливый пріемъ мы замѣчаемъ и въ критикѣ извѣстія Ѳеофилакта Симоказы. «*Вникая глубже* въ разсказъ Ѳеофилакта, говоритъ проф. Собѣстіанскій, мы усматриваемъ въ немъ внутреннее противорѣчіе, которое прямо указываетъ на историческую несостоятельность». Проф. Собѣстіанскому незачѣмъ было глубоко вникать въ разсказъ Ѳеофилакта, чтобы опровергнуть его несостоятельность, ибо она доказана была уже многими другими — Шафарикомъ, Добровскимъ, Гильфердингомъ [1]). Но любопытно, что проф. Собѣстіанскій ссылается въ текстѣ своей книги только на Добровскаго (стр. 98); а между тѣмъ мнѣніе его беретъ изъ книги Шафарика; очевидно онъ считаетъ предосудительнымъ ссылаться на «нетрезваго» слависта, хотя этотъ послѣдній приводитъ и отъ себя возраженія противъ достовѣрности этого извѣстія; вотъ эти возраженія: «показанія этихъ пословъ о невоинственности народа ихъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ принимать слишкомъ строго въ буквальномъ смыслѣ. По собственному признанію ихъ, поляне отказали аварамъ въ помощи не по причинѣ своей невоинственности и неопытности въ битвахъ, но по отдаленію и трудности пути. Хотя точно въ лугахъ не родится желѣзо, однакоже военное оружіе привозилось туда изъ другихъ краевъ и, разумѣется, не было недостатка въ немъ ляхамъ, изгнавшимъ недавно передъ тѣмъ изъ Над-одерскаго края нѣмцевъ и покорившимъ себѣ половину сѣверной Германіи. Вѣроятно, греческій лѣтописецъ

[1]) Поморскіе славяне, говоритъ Гильфердингъ, уже въ IV-мъ в. были народомъ сильнымъ и воинственнымъ: иначе съ какой стати было бы Аварскаму хану звать ихъ въ такую даль на помощь противъ грековъ? (Собр. соч., IV, стр. 21).

спуталъ разсказъ пословъ о себѣ съ разсказомъ о цѣломъ народѣ. Можетъ быть, эти послы, отправленные въ дѣлѣ мирномъ, были изъ среды тѣхъ славянскихъ вѣщихъ мудрецовъ, которые никогда не занимались оружіемъ, но одной лишь поэзіей и музыкой» [1]). Одну фразу проф. Собѣстіанскій, можно сказать, буквально заимствовалъ у Шафарика.

Мы разобрали шагъ за шагомъ, можно сказать, строчка за строчкой 7-ю главу сочиненія проф. Собѣстіанскаго и убѣдились, что въ ней такъ же мало критическаго элемента, какъ и въ остальныхъ 6 главахъ.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, подвергнуть такому же тщательному анализу 2-й части сочиненія· Замѣтимъ только, что и 2-я часть построена по такому же точно плану, какъ и 1-я, и отличается такими же недостатками въ методологическомъ отношеніи. И здѣсь первенствующее мѣсто отведено изложенію ученій; но критическаго анализа основаній ихъ мы не находимъ. Въ 1-й части все сводится къ Гердеру, здѣсь къ Ж. Ж. Руссо. Онъ былъ, по мнѣнію проф. Собѣстіанскаго, истиннымъ виновникомъ ученія объ общинномъ бытѣ славянъ. Не только историки, въ родѣ Лелевеля, выработали свои теоріи общиннаго быта подъ прямымъ, непосредственнымъ вліяніемъ сочиненій Руссо, но даже изслѣдователь современной *земельной крестьянской русской общины*, извѣстный Гакстгаузенъ. «Мы полагаемъ, говоритъ проф. Собѣстіанскій, что разсужденія Гакстгаузена о славянскомъ общинномъ устройствѣ и *современной сельской общинѣ* были отголоскомъ западно славянскаго ученія», т. е. Лелевеля (стр. 161); а ученіе Лелевеля породило «разсужденія о государственномъ устройствѣ Польши» вмѣстѣ съ «общественнымъ договоромъ» и «началомъ неравенства между людьми» (стр. 113). Тутъ, очевидно, проф. Собѣстіанскій увлекся еще болѣе, чѣмъ въ 1-й части, въ изображеніи вліянія Гердера. Мы увѣрены, что доказательства проф. Собѣстіанскаго (если только можно назвать доказательствами рядъ случайныхъ сближеній) не въ состояніи убѣдить ни одного читателя въ томъ, что ученіе объ общинномъ бытѣ польской, чешской и русской исторической школы возникло подъ вліяніемъ апріорныхъ идей женевскаго философа. Руссо, несомнѣнно, оказывалъ вліяніе на поляковъ (это разъяснено раньше проф. Собѣстіанскаго); но въ свою очередь и поляки вліяли на фран-

[1]) Слав. древности, т. 2-й, кн. 2-я, стр. 143.

цузовъ и даже на самого Ж. Ж. Руссо. Затѣмъ *кромѣ* Руссо, несомнѣнно имѣлъ значеніе общій складъ идей того времени (конца XVIII в.). Что Лелевель сочувствовалъ демократическимъ принципамъ Руссо—это всѣмъ извѣстно; но чтобы и его теорія древнеславянскаго гминовладства была *исключительно* порождена сочиненіями Руссо, проф. Собѣстіанскимъ не доказано; да это и не вяжется съ утвержденіемъ его, что лекціи Мицкевича объ этомъ же гминовладствѣ были настоящимъ откровеніемъ и открытіемъ для французовъ. Едва ли возможно даже ставить въ *органическую* связь *историко-юридическія изслѣдованія* Лелевеля и *философско-публицистическія* творенія женевскаго философа; можно говорить только о вліяніи Руссо на образъ политическихъ мыслей Лелевеля; для созданія же исторической теоріи потребно кое-что и другое; во всякомъ случаѣ, нужны хотя какіе-нибудь кирпичи для постройки. И такіе кирпичи несомнѣнно существовали; вѣдь и теперь еще проф. Собѣстіанскій вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу разрушеніе *основаній* общинной теоріи (свидѣтельствъ Прокопія, Маврикія, Константина Богрянороднаго, Титмара и др.). Проф. Собѣстіанскій забываетъ, что не всякое сходство въ общихъ идеяхъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ; мало того—онъ старается найти генетическую связь и тамъ, гдѣ самъ же отмѣчаетъ существенную разницу. «Ученіе Мацѣевскаго, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная теорія общиннаго быта Лелевеля». (стр. 133); а различіе заключается въ томъ, что одинъ говорилъ объ общинѣ, какъ объ исконной формѣ, а другой таковою же считалъ общинно-родовой бытъ (соединеніе чисто родоваго быта съ общиннымъ управленіемъ) (стр. 133). Но если относительно польской исторической школы можно еще ставить вопросъ о вліяніи Руссо, то въ отношеніи чешской и русской это является уже совсѣмъ неправдоподобнымъ. Вотъ почему источникомъ заблужденія чешскихъ историковъ и юристовъ выставляется «Любушинъ Судъ»—фальсифакатъ Ганки. Совершенно законное желаніе Палацкаго, Иречка и Воцеля опредѣлить характерныя черты, особенности славянскаго права сравнительно съ нѣмецкимъ признается неправильнымъ въ основаніи, въ исходномъ пунктѣ. Если припомнить себѣ, какую огромную литературу *за* и *противъ* вызвали Зеленогорская и Краледворская рукописи, если обратить вниманіе на то, что въ числѣ защитниковъ подлинности были и очень авторитетные ученые, и что вопросъ о подложности ихъ безповоротно рѣшенъ только вослѣднее время, то мы въ значительной сте-

пени должны будемъ оправдать и тѣхъ историковъ, которые пользовались ею. Во всякомъ случаѣ нельзя называть *апріорными* тѣхъ теорій, которыя опираются на первоисточники, представляющіеся авторамъ ихъ достовѣрными. Мало того: недостаточно доказать недостовѣрность одного изъ основаній теоріи; нужно опровергнуть и другія: только тогда она будетъ поколеблена окончательно; а соображенія Палацкаго, Иречка, Воцеля, Леонтовича, Бестужева-Рюмина опираются и на другія данныя. Еще менѣе состоятельна попытка проф. Собѣстіанскаго объяснить исключительно внѣшними вліяніями происхожденіе ученія объ общинѣ русскихъ славянофиловъ. Доказательства въ пользу этого мнѣнія чрезвычайно слабы и неубѣдительны. Кого можетъ убѣдить фактъ знакомства русскихъ ученыхъ съ Лелевелемъ въ генетической связи русскихъ славянофиловъ съ Лелевелевскимъ ученіемъ о гминовладствѣ, основанномъ, по словамъ самого же проф. Собѣстіанскаго, на ученіи Ж. Ж. Руссо объ общественномъ договорѣ? Ученіе И. Кирѣевскаго и К. Аксакова находится, по нашему мнѣнію, въ прямомъ противорѣчіи съ теоріей общественнаго договора Ж. Ж. Руссо. Въ томъ то и коренное отличіе русской исторіи отъ европейской, по ихъ мнѣнію, что на западѣ господствовала формальная правда, а у насъ внутренняя; на западѣ народъ и государство слились; у насъ земля призвала государство, власть, но никогда эти двѣ силы не смѣшивались другъ съ другомъ; тамъ и завованія, и злоупотребленія, и ограниченія власти; у насъ народъ никогда не стремился къ власти, и власть сама призывала его на совѣтъ. «Общественный договоръ, говоритъ, И. Кирѣевскій, не есть изобрѣтеніе энциклопедистовъ, но дѣйствительный идеалъ, къ которому стремились безъ сознанія, а теперь стремятся съ сознаніемъ всѣ западныя общества. Онъ опредѣлялъ и опредѣляетъ весь частный и общественный бытъ запада въ противоположность Россіи». Это мѣсто привелъ самъ проф. Собѣстіанскій (стр. 175). Ученію К. Аксакова на столько самобытно и оригинально, что объяснить его происхожденіе вліяніемъ идей Лелевеля и Ж. Ж. Руссо болѣе чѣмъ странно. Точно также странно объяснять исключительно вліяніемъ Ганки мнѣнія проф. Иванишева объ особенностяхъ древне-славянскаго и древне-германскаго права. Иванишевъ не повторялъ чужой готовой мысли безъ всякихъ самостоятельныхъ доказательствъ, а писалъ спеціальныя изслѣдованія, основанныя на сравненіи памятниковъ тѣхъ и другихъ народовъ. А проф. Собѣстіанскій представляетъ своимъ читателямъ дѣло необычайно просто: явился Иванишевъ въ

Прагу—и «Ганка прежде всего постарался внушить ему, что древнеславянское и германское законодательства представляютъ двѣ противоположныя системы» (стр. 150); отсюда и пошли всѣ заблужденія Иванишева. Самъ проф. Собѣстіанскій считаетъ несомнѣннымъ отсутствіе національныхъ особенностей въ славянскомъ правѣ сравнительно съ германскимъ въ силу «универсальнаго характера права всѣхъ младенчествующихъ народовъ» (стр. 146). Эта послѣдняя мысль является въ его глазахъ какою-то аксіомой, которую не нужно и доказывать; наоборотъ онъ пользуется ею, какъ самымъ сильнымъ оружіемъ противъ всѣхъ опровергаемыхъ имъ теорій. Откуда проф. Собѣстіанскій взялъ это положеніе, не извѣстно. Судя по тому, что оно внесено было имъ въ тезисы на диспутѣ, можно предполагать, что это его самостоятельное открытіе; но такъ какъ онъ его не доказываетъ, то, быть можетъ, на него нужно смотрѣть, какъ на готовый выводъ науки сравнительной исторіи права. Какъ бы то ни было, необходимо признать, что проф. Собѣстіанскій, въ опроверженіи своихъ противниковъ, исходитъ изъ *апріорнаго* (для себя) предположенія объ отсутствіи національныхъ особенностей въ правѣ всѣхъ младенчествующихъ народовъ. Но это было бы еще ничего, если бы его мысль дѣйствительно представляла изъ себя готовый выводъ науки и притомъ была правильно примѣнена; къ сожалѣнію на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Сравнительное изученіе права открываетъ сходныя черты, но не отрицаетъ и различія въ юридическомъ быту и воззрѣніяхъ разныхъ первобытныхъ народовъ. Это разъ. А вовторыхъ,—и это главное—можно ли Славянъ *VI—XII-го вѣка* назвать первобытнымъ, младенчествующимъ народомъ? У нихъ, конечно, остались въ это время нѣкоторыя *архаическія* черты отъ праарійскаго періода, когда ни они, ни германцы не выдѣлились еще изъ общей вѣтви; но во всякомъ случаѣ многое успѣло уже появиться вновь и достичь значительнаго развитія.

Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать заключеніе о сходствѣ и разницѣ въ юридическомъ бытѣ древнихъ германцевъ и славянъ, пр. Собѣстіанскій долженъ былъ идти *не апріористическимъ* путемъ, а положительнымъ; ему нужно было опредѣлить на основаніи фактовъ важнѣйшія черты юридическаго быта древнихъ славянъ и сравнить съ ними такія же особенности быта германцевъ. Этимъ онъ долженъ былъ заняться въ 4-й главѣ 2-й части своего сочиненія, главѣ, спеціально посвященной «свидѣтельству источниковъ» (стр. 188—205). Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Каково содержаніе этой

«критической главы»? «Если юридическій быть народа, говорить пр. Собѣстіанскій, долженъ носить на себѣ отпечатокъ коренныхъ свойствъ его характера, то, доказавъ сходство древне-славянскаго и древне-германскаго характеровъ, мы *à priori* можемъ утверждать, что юридическій бытъ древнихъ славянъ весьма близко подходилъ къ быту германцевъ» (стр. 189). Ни въ первой, ни во 2-й части своего труда пр. Собѣстіанскій ничего не говорилъ намъ о древне-германскомъ характерѣ и юридическомъ бытѣ; а между тѣмъ оказывается, что онъ доказалъ ихъ сходство. Такимъ образомъ ему удалось разрѣшить неразрѣшимую задачу—произвести сравненіе двухъ предметовъ, характеризуя только одинъ изъ нихъ и не указывая признаковъ другого. Отсутствіе національныхъ особенностей славянскаго юридическаго быта онъ доказываетъ тѣмъ, что у нихъ исконн была княжеская власть, рабство и сильная отцовская власть въ семьѣ (стр. 205), другими словами, что у нихъ не было той свободы, равенства и братства о которыхъ говорятъ «писатели, противополагавшіе славянскій юридическій бытъ германскому» (стр. 189). Основное возраженіе пр. Собѣстіанскаго направлено противъ общины, которая осуществляла въ древне-славянской жизни, по его словамъ, начало внутренней свободы. Опровергаетъ же общину пр. Собѣстіанскій указаніемъ на исконное существованіе у славянъ княжеской власти. «Мы разсмотрѣли, говоритъ авторъ, цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ общественномъ устройствѣ древнихъ славянъ. Свидѣтельства эти не подтверждаютъ гипотезы о господствѣ у нихъ «общины». Они намъ, *напротивъ*, даютъ право утверждать, что княжеская власть была исконнымъ явленіемъ у славянъ...» (стр. 198). Нельзя не признать такого способа доказательствъ бездоказательнымъ. Княжеская власть и община вовсе не исключаютъ другъ друга. Яркимъ примѣромъ этого могутъ служить сѣверно-русскія общины—Новгородская и Псковская, гдѣ постоянно дѣйствовала княжеская власть вмѣстѣ съ общинными порядками, проникавшими весь ихъ бытъ. Доказательства пр. Собѣстіанскаго далеко не обнимаютъ предмета его возраженій. Здѣсь, во 2-й части, повторяется то, что мы видѣли уже въ 1-й—несоотвѣтствіе между главами, посвященными изложенію ученій и критическому разбору ихъ. Въ первыхъ 3-хъ главахъ говорится не объ одной «идеальной» общинѣ, разрѣшавшей соціальный вопросъ того времени и игравшей роль какого-то обширнаго фаланстера. Свести всѣ ученія націоналистовъ къ такому взгляду было бы и неправильно, и несправедливо. Пр. Собѣстіан-

скій опровергаетъ тутъ въ сущности не историковъ-общинниковъ, а публицистовъ—Мицкевича, Руссо, Лебра и, пожалуй, отчасти Лелевеля. Но его возраженія вовсе почти не касаются Иванишева, К. Аксакова, Гильфердинга и очень многихъ другихъ. Пр. Собѣстіанскій занимается только толкованіемъ извѣстій Прокопія, Маврикія, Константина Багрянороднаго и Дитмара, извѣстій, не имѣющихъ отношенія собственно къ Руси. Такимъ образомъ, взгляды К. Аксакова, Бѣляева, Лешкова на общинный бытъ древнихъ русичей остаются неопровергнутыми и даже неразсмотрѣнными [1]). Между тѣмъ пр. Собѣстіанскій въ приведенномъ нами выше мѣстѣ (стр. 198), заявляетъ, что онъ опровергъ гипотезу о существованіи общины (вообще общины) у древнихъ славянъ. Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такимъ же смѣшеніемъ понятій, какое характеризуетъ всю его книгу. Такой же неопредѣленный смыслъ придаетъ пр. Собѣстіанскій термину «община» и на страницахъ, посвященныхъ анализу словъ «демократія» и «анархія». Приведя извѣстное мѣсто изъ Прокопія, что славяне жили «при народномъ правленіи» (in populori imperio), пр. Собѣстіанскій заявляетъ: «по нашему мнѣнію, приведенное мѣсто изъ Прокопія... никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ господства *общины* у славянъ въ половинѣ VI столѣтія» (стр. 189). А общинный бытъ и здѣсь пр. Собѣстіанскій отождествляетъ съ отсутствіемъ княжеской власти и народовластіемъ (стр. 189). Понятно, что ему не трудно было доказать существованіе княжеской власти (такъ какъ о ней раньше говорили другіе) и тѣмъ опровергнуть «общину». Но опровергнута, конечно, только та «идеальная» община, которая не признавала никакой власти и которая дѣйствительно можетъ быть названа анархіей, а не община русскихъ славянофиловъ и многихъ «трезвыхъ» историковъ и славистовъ. Но можно ли ученіе объ «идеальной» общинѣ, дающей полную внутреннюю свободу, считать господствующимъ и въ настоящее время? Стоило ли тратить усилія на опроверженіе того, несостоятельность чего рѣзко бросается въ глаза всякому, что отжило свой вѣкъ и давнымъ давно похоронено и осуждено? Пр. Собѣстіанскій, очевидно, во чтобы то ни стало хотѣлъ побѣды; но для того, чтобы

---

[1]) Правда, у пр. Собѣстіанскаго мы находимъ еще разборъ лѣтописнаго разсказа о призваніи варяговъ; здѣсь пр. Собѣстіанскій открываетъ на Руси князей до призванія Рюрика (всѣмъ прекрасно извѣстныхъ) и этимъ открытіемъ побѣдоносно разбиваетъ русскихъ славянофиловъ (стр. 197).

побѣда была почетнѣе, онъ преувеличиваетъ силы врага. Доказавъ, что древніе славяне не знали безусловной внутренней свободы, пр. Собѣстіанскій также побѣдоносно доказываетъ, что имъ «неизвѣстны были начала безусловнаго равенства и всеобщаго братства» (стр. 198), ибо у нихъ существовало рабство, многоженство, деспотизмъ отца. Кто въ настоящее время отрицаетъ у славянъ рабство и многоженство? Нужно ли было доказывать присутствіе ихъ въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту? Обо всемъ этомъ говорится не только въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ общихъ трудахъ по исторіи славянства, даже въ учебникахъ. Но, быть можетъ, пр. Собѣстіанскій представляетъ какіе-нибудь новые факты? Ничего новаго пр. Собѣстіанскій почти не прибавляетъ. И здѣсь мы видимъ то же, что и въ 7-й главѣ 1-й части: значительную часть его данныхъ мы находимъ, напримѣръ, у «нетрезвыхъ» славистовъ—Гильфердинга, Котляревскаго, Первольфа. Освѣщеніе всѣмъ этимъ матеріаламъ дается слишкомъ одностороннее, причемъ игнорируются ученыя объясненія предшественниковъ; критики первоисточниковъ нѣтъ никакой. Единственнымъ исключеніемъ нужно признать двѣ критическихъ замѣтки о Маврикіи, которыя находятся въ полномъ противорѣчіи одна съ другой. На стр. 192-й пр. Собѣстіанскій объ имп. Маврикіи выражается такъ: «*Маврикій, указаніямъ котораго мы придаемъ особенную важность въ виду того обстоятвльства, что онъ писалъ о славянахъ по личнымъ наблюденіямъ*»; а на 202-й стр. пр. Собѣстіанскій уже не даетъ вѣры извѣстію Маврикія о кроткомъ обращеніи съ плѣнными и предпочитаетъ ему Прокопія, разсказы котораго «заставляютъ» пр. Собѣстіанскаго «*заподозрить Маврикія въ идеализаціи славянской жизни*». Чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго извѣстія, пр. Собѣстіанскій набросилъ тѣнь на писателя, котораго самъ же онъ раньше превозносилъ. При такой критикѣ источниковъ дѣло не обходится иногда и безъ курьезовъ. На стр. 202-й пр. Собѣстіанскій говоритъ: «Обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія христіанства». «Аще двѣ жены кто водитъ, говоритъ церковный уставъ кн. Ярослава, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону». Пользуясь такимъ пріемомъ доказательствъ, можно утверждать, что и въ настоящее время у насъ въ Россіи, среди православныхъ, существуетъ многоженство, ибо въ сводѣ законовъ также предусмотрѣны случаи двоеженства и наказаній за него.

Спрашивается, можно ли послѣ всего сказаннаго назвать книгу пр. Собѣстіанскаго «критическимъ изслѣдованіемъ»? Мы затрудняемся дать ей соотвѣтственное названіе, но думаемъ, что она ближе подходитъ къ понятію компиляціи, чѣмъ строго критическаго изслѣдованія.

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши).

Мы застали въ Ючевле артель изъ 80 козаковъ подъ начальствомъ зятя Ивана Солтана, который носилъ на лицѣ рубецъ отъ сабельнаго удара, полученнаго въ битвѣ подъ Кулевчей, назывался этотъ начальникъ ватажкомъ; при немъ были: эсаулъ, писарь, скарбникъ и два прикащика, остальные казаки были простыми рабочими. У артели было два воза и нѣсколько лошадей, верховыхъ и вьючныхъ. Всѣ рыбаки были вооружены. Тутъ же солили пойманную рыбу и приготовляли икру; о всякой продажѣ записывалось въ книгу, а деньги вносились въ кассу. При ватагѣ было два старика, которые надзирали за всѣмъ этимъ дѣломъ. Кромѣ того, козаки охотились здѣсь на кабановъ и водяныхъ птицъ, которыхъ на озерахъ было великое множество. Дичью кормились и солили ее въ огромныхъ бочкахъ, которыя отсылали въ Биневле для войска.

По берегамъ озеръ я видѣлъ огромные *баштаны*, на которыхъ, кромѣ арбузовъ и дынь, разводились огурцы и капуста. Огородниками были наемные болгары, такъ какъ обычай не дозволялъ ни одному некрасовцу, какъ члену военнаго товарищества, заниматься земледѣліемъ. Солили огурцы и квасили капусту еврейки, что напомнило мнѣ наши мѣста и обычаи.

Мы посѣтили развалины, или точнѣе груды кирпичей и ямы, оставшіяся отъ семи селеній. Села эти были, вѣроятно, многолюдны и богаты, что было видно по остаткамъ печей и обширныхъ фундаментовъ, но не было видно ни одного фрук-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 9.

товаго дерева. Я думалъ было, что деревья пересажены на новыя мѣста, но мнѣ объяснили, что садоводство такъ же противно обычаямъ, какъ и земледѣліе.

Проживши нѣсколько дней съ козаками—некрасовцами, охотясь съ ними и бесѣдуя, мы убѣдились, что они питаютъ сильную ненависть къ грекамъ, такъ какъ всякій разъ когда Саихъ, котораго они считали грекомъ, выпивалъ изъ какой-нибудь посуды воды или вина, посуду эту уничтожали. Съ нами, напротивъ, они не стѣснялись пить изъ одной посуды. Даже съ евреемъ-корчмаремъ пили вмѣстѣ, но никогда съ грекомъ или армяниномъ, которые были въ ихъ глазахъ нечистыми существами. Съ евреями они обращались такъ же, какъ и поляки: случится бѣда—сейчасъ къ еврею, а миновала бѣда—тѣснятъ еврея.

Мы собрали самыя точныя свѣдѣнія о Биневле, о старшинѣ, обо всемъ товариществѣ и выѣхали въ Мольгары, гдѣ находились конюшни прежнихъ сейменовъ, особаго рода кавалеріи, вербуемой и содержимой правительствомъ. Потомъ сеймены были обращены въ конныхъ жандармовъ и разосланы на службу по разнымъ санджакамъ. У этихъ сейменовъ были огромные табуны лошадей, доходившіе до 4,000 головъ. Изъ этихъ табуновъ выбирались кони для султанской кавалеріи. Мы еще застали нѣсколько сотъ лошадей, которыя продавались за безцѣнокъ. Намъ говорили, что султанъ Махмудъ послалъ было жеребцовъ—першероновъ, желая имѣть изъ этихъ стадъ лошадей для артиллеріи, но эти жеребцы были раскрадены. Огромныя конюшни теперь стояли пустыми и начали приходить въ разрушеніе.

Изъ Мольгары мы поѣхали въ „таликѣ“, родъ крытой повозки, запряженной тройкой лошадей съ привязанными хвостами, чтобы онѣ не могли отгонять мухъ и, побуждаемыя мухами, вмѣсто кнута, бѣжали быстро безъ понуканій лѣниваго возницы. Такимъ образомъ мы доѣхали до Эноса, плохого городка, построеннаго среди болотъ и славившагося своимъ нездоровымъ климатомъ, но въ то время извѣстнаго по торговлѣ. Здѣсь мы заѣхали къ родственнику Сайха, бывшему консуломъ трехъ или четырехъ европейскихъ державъ.

Въ Эносѣ я осмотрѣлъ старую крѣпость, какъ говорили, генуэзскую, взятую во время войны русскими уланами. Въ крѣпости мы застали того самаго коменданта, который допустилъ русскихъ взять ее. Это былъ старый турокъ, израненный во многихъ сраженіяхъ. Онъ разсказывалъ, что какъ только русскіе показались изъ-за болотъ, онъ тотчасъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, которыхъ у него было 6, но стрѣлять изъ нихъ можно было только поочереди, такъ какъ артиллеристовъ было всего 10 человѣкъ, и притомъ только одинъ изъ нихъ умѣлъ наводить пушки. Ядра не брали русскихъ, такъ какъ, по мнѣнію коменданта, русскіе были заговорены, а когда сами русскіе начали пальбу, то первымъ же ядромъ былъ убитъ единственный артиллеристъ, умѣвшій наводить. Тогда комендантъ велѣлъ палить изъ ружей, и хотя въ крѣпости было до 500 человѣкъ, но русскіе все шли да шли. Велѣлъ было онъ имамамъ бросать въ нихъ съ минаретовъ пескомъ, а войску кричать „гайде гитъ!“ (т. е. пошли прочь!), но и это не помогло. Между тѣмъ русскіе сошли съ коней и вступили въ крѣпость. Пришлось сдаться. Русскіе, продолжалъ разсказчикъ, вели себя хорошо, ничего не отнимали, въ мечети и въ гаремы не заходили, даже не выпороли никого.

III.

Дорога изъ Эноса въ Галиполи.—Арнаутскій бей.—Еврей изъ Бердичева—консулъ пяти державъ.—Прибытіе въ Биневле.—Нашъ пріемъ у козаковъ—некрасовцевъ.—Организація, нравы и обычаи некрасовцевъ.

Мы выѣхали изъ Эноса на почтовыхъ лошадяхъ. По дорогѣ къ намъ присоединился какой-то арнаутскій бей со свитой изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, на лошадяхъ, мулахъ, ослахъ и пѣшихъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что его зовутъ Арсланъ-бей, и что онъ ѣдетъ въ Стамбулъ хлопотать о серкердарствѣ. Арнаутъ бывалъ на Корфу, въ Тріестѣ и въ Венеціи и былъ очень пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Въ Галиполи мы остановились въ одномъ и томъ же ханѣ и вмѣстѣ отправились къ губернатору. Выходя отъ губернатора, я встрѣтилъ

запыхавшагося Саиха, который сказалъ мнѣ, что консулъ французскій, испанскій, португальскій и пр. пришелъ ко мнѣ съ поздравленіемъ и подарками, а Равскій засадилъ его ощипывать куръ, грозилъ ему нагайкой, и консулъ повиновался. Бѣдный Саихъ думалъ, что свѣтъ перевернулся вверхъ ногами, и въ его воображеніи уже рисовалось, какъ насъ будутъ четвертовать или сажать на колъ. Я побѣжалъ въ ханъ и что же засталъ? Консулъ стольких державъ оказался евреемъ изъ Бердичева, выѣхавшимъ оттуда уже послѣ 1831 года. Одѣтъ онъ былъ по еврейски въ лапсердакѣ, съ пейсами, въ шапкѣ изъ хорьковаго мѣха, но съ широкимъ галуномъ. Въ Бердичевѣ онъ былъ рабочимъ у купчихи Ривки и хорошо зналъ моихъ родныхъ и меня самого. Услышавъ въ конакѣ мою фамилію, онъ пришелъ съ подарками—головой сахару, шестью бутылками вина, бутылкой рому, окомъ кофе и нѣсколькими убитыми курами. Равскій былъ въ припадкѣ „высокой фантазіи“ и, увидѣвъ *нашего* жида, забралъ подарки и велѣлъ ему ощипывать куръ. Слуги консула, при видѣ грознаго усача съ ногайкой въ рукѣ, разбѣжались, а консулъ снялъ шапку съ галунами и сталъ исполнять приказаніе. Самъ же Равскій расхаживалъ по комнатѣ, насвистывалъ и похлопывалъ въ тактъ ногайкой по сапогамъ.

Я сдѣлалъ строгій выговоръ Равскому за его выходку и сталъ извиняться передъ консуломъ, который отнесся къ этой продѣлкѣ снисходительно и потомъ даже подружился съ Равскимъ.

Черезъ три дня мы переправились на азіатскій берегъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго затѣмъ дня пріѣхали въ Биневле. Голая степь простиралась до озеръ, которыя блестѣли, какъ зеркало, на коврѣ зелени, а за ними высились горы, сѣрыя отъ покрывавшихъ ихъ камней и безлистныхъ деревьевъ.

Село Биневле лежало въ пяти верстахъ вправо отъ большой дороги изъ Бандермы въ Михаличъ, тамъ жило козачье войско Игната Некрасова, какъ оно называлось оффиціально. На дорогѣ, которая вела въ селеніе, стояло трое вооруженныхъ конныхъ козаковъ. То была привиллегія этого войска—не допускать въ свое селеніе чужихъ людей. Мы сказали десятнику,

кто мы, и что ѣдемъ въ гости къ войску съ разрѣшенія султана, и показали подорожный фирманъ. Одинъ изъ козаковъ поскакалъ въ селеніе, а мы остались съ двумя другими. Посланный скоро возвратился съ двумя стариками и шестью молодыми козаками. Они пригласили насъ въ село. Когда мы разговаривали съ ними, на ихъ лицахъ выражалось недовѣріе и подозрительность. Мы подъѣхали къ хану, стоявшему въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ села. Здѣсь собралось человѣкъ 300 козаковъ, одни только мужчины, старшина и сельскій атаманъ, по фамиліи Бутиковъ. Они хотѣли насъ накормить, напоить и отпустить въ дальнѣйшій путь, какъ было у нихъ въ обычаѣ поступать съ беями, турецкими чиновниками и болѣе почетными проѣзжими. Послѣ того, какъ я сказалъ, что хочу посѣтить ихъ село, между ними начались толки. Одни принимали насъ за агентовъ русскаго правительства, другіе за запорожцевъ съ Азовскаго моря, которые пріѣхали высмотрѣть, нельзя ли выгнать ихъ отсюда, подобно тому какъ за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ выгнали ихъ съ береговъ Дуная, наконецъ, нѣкоторые считали насъ за чиновниковъ Муката-бея, пріѣхавшихъ обревизовать ихъ благосостояніе съ цѣлью обложить ихъ, какъ и прочихъ турецкихъ христіанъ. Въ то время некрасовцы пользовались вольностями и правами, обезпеченными прежними договорами. Одни предлагали отправить насъ подъ конвоемъ въ Бандермы или въ Михалечъ, другіе утопить въ озерѣ. Это послѣднее предложеніе достигло ушей Равскаго, который со страхомъ прибѣжалъ предупредить меня. Саихъ тоже сказалъ мнѣ по французски, что противъ насъ злоумышляютъ, хотятъ утопить насъ въ озерѣ, почему и говорятъ между собою по турецки. Видя это, я тотчасъ праказалъ сируджи взять лошадей, возвратиться въ Бандермы, передать отъ насъ поклонъ губернатору и сказать, что мы остаемся на нѣсколько дней въ Биневле. Это приказаніе было такъ быстро исполнено, что козаки не успѣли опомниться и воспрепятствовать отъѣзду сируджи. Такимъ образомъ мы остались.

Насъ выручилъ козакъ Прокопъ изъ Погребищъ, дезертировавшій изъ русскихъ улановъ, перешедшій въ старообряд-

чество и принятый некрасовцами. Услышавъ мою фамилію, онъ сказалъ, что знаетъ, кто я и откуда, что я польскій шляхтичъ, панъ, который повелъ своихъ козаковъ на войну съ Россіей и довоевался до того, что теперь принужденъ скитаться, какъ и сами некрасовцы.

Шепотъ и разговоры затихли и атаманъ Бутиковъ пригласилъ насъ въ свой домъ.

Село состояло изъ хатъ, очень исправныхъ, похожихъ на наши. Въ каждомъ дворѣ было по двѣ хаты и конюшня, но, кромѣ конюшни, не было ни одного сарая, не было также ни огорода, ни одного дерева, ни изгородей, ни канавъ, отдѣляющихъ одну усадьбу отъ другой. Обычай не дозволялъ войску заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ, овощи, мясо, даже молоко покупалось въ сосѣднихъ греческихъ селахъ, тамъ же снимали въ аренду винокурни, на которыхъ курили для своихъ надобностей водку. Скота не держали, за исключеніемъ лошадей, и то только верховыхъ, хорошей анатолійской породы, красивыхъ и хорошо выѣзженныхъ. Въ селѣ было 4 церкви, но ни одного священника. Для совершенія требъ привозили священниковъ изъ сосѣднихъ селъ и тотчасъ отвозили ихъ обратно. Въ селѣ было 4 дьячка и два старообрядческихъ монаха, которые заботились о церквахъ и отправляли нѣкоторыя церковныя службы. Въ одной изъ церквей хранились знамена и оружіе, въ томъ числѣ вооруженіе атамана Некрасова. Въ другой церкви находился козацкій архивъ: именные списки козаковъ со времени перехода въ Турцію, фирманы съ выраженіемъ благодарности султановъ за военную службу, числомъ 98, переписка атамановъ и войска, книга привиллегій войска, заключавшихся въ свободѣ отъ всякихъ податей и пошлинъ на товары и продукты для удовлетворенія потребностей войска и правѣ свободнаго выбора атамана и старшины. За эти привиллегіи козаки были обязаны выходить на войну на своихъ коняхъ и въ собственномъ вооруженіи, впрочемъ каждый козакъ получалъ 1,000 піастровъ „на подковы“, а во время войны они получали жалованье, провіантъ для себя и фуражъ для лошадей; по окончаніи войны они расходились по домамъ, если же война затяги-

валась надолго, то козаки могли смѣняться. Въ этой же церкви хранилась булава и печать Некрасова и другія булавы, золотыя и серебряныя, осыпанныя драгоцѣнными камнями,—дары султановъ разнымъ атаманамъ; между этими булавами самая богатая дана была султаномъ Махмудомъ атаману Ивану Солтану за войну 1827—28 гг., она была изъ литаго золота; тамъ же хранились печати атамановъ и большая войсковая печать и стоялъ желѣзный сундукъ съ войсковой казной. По возвращеніи съ рыбной ловли или съ ловли пьявокъ сюда складывали вырученныя деньги вмѣстѣ съ отчетами. Тотчасъ старшина подъ предсѣдательствомъ сельскаго атамана приступала къ распредѣленію денегъ. По уплатѣ суммъ, полученныхъ изъ кассы или занятыхъ для найма озеръ и болотъ, съ процентами, если таковые приходилось платить, и по выплатѣ жалованья и наградъ бывшимъ на работахъ чистый доходъ дѣлился на три части: одна поступала въ кассу на военныя надобности—на вооруженіе и на покупку лошадей; вторая на школы, содержаніе церквей и расходы по отправленію духовныхъ требъ; третья дѣлалась между вдовами, сиротами, ранеными, больными и убогими. Каждый козакъ, торгующій на территоріи ли войска, или внѣ ея, хотя бы въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, былъ обязанъ вносить $^1/_{20}$ чистой прибыли въ войсковую казну; эти деньги шли на мѣстныя потребности: на уплату жалованья должностнымъ лицамъ, на покупку пожарныхъ инструментовъ, содержаніе богадѣльни и на расходы по сношеніямъ съ турецкимъ правительствомъ. Маніовское озеро было пожаловано войску султаномъ; рыба, которую въ немъ ловили, шла на продовольствіе жителей и не поступала въ продажу.

При третьей церкви была школа, находившаяся въ завѣдываніи монаховъ и дьячковъ. Каждый козаченокъ, отъ 8 до 12 лѣтъ, посѣщалъ ее и обучался чтенію, письму и счету, а также изучалъ Священное писаніе. Съ 12 до 18 лѣтъ учились военному дѣлу подъ руководствомъ опытнѣйшихъ козаковъ. Въ 18 лѣтъ юноша становился козакомъ и могъ идти на войну, съ 30 лѣтъ козаки допускались къ занятію военныхъ должностей, а

въ 50 лѣтъ козакъ становился „старикомъ" и могъ быть выбранъ въ старшины и въ атаманы, сельскіе или войсковые.

Въ четвертой церкви только отправлялось богослуженіе. При всѣхъ церквахъ были колокольни съ огромными колоколами, въ которые звонили ежедневно утромъ и вечеромъ, а въ праздники весь день, въ случаѣ тревоги также звонили въ колокола и стрѣляли изъ пушекъ.

Въ числѣ правъ некрасовцевъ было право казнить смертью, не сносясь съ турецкими властями, въ трехъ случаяхъ: за преступленія противъ вѣры топили въ озерѣ, привязавъ къ шеѣ камень, за измѣну войску—разстрѣливали, за изнасилованіе женщины, если виновный отказывался загладить свой проступокъ, преступника привязывали обнаженнаго къ столбу и били палками до смерти. Судили старшины, которые исполняли обязанности присяжныхъ.

Постоянныхъ должностныхъ лицъ въ мирное время у некрасовцевъ было немного: сельскій атаманъ и есаулъ. Остальныя обязанности, какъ судебныя, такъ и административныя исполняла старшина. Атаманъ выбирался большинствомъ голосовъ; онъ предлагалъ трехъ кандидатовъ въ есаулы; старшина выбирала одного изъ нихъ тоже по большинству голосовъ. Старикомъ считался каждый, достигшій 50-лѣтняго возраста, если онъ былъ безупреченъ въ домашней и общественной жизни. Когда кто-нибудь изъ козаковъ достигалъ возраста, опредѣленнаго для вступленія въ число стариковъ, то происходило голосованіе, причемъ, если противъ кандидата ставились какія либо обвиненія, онъ обязанъ было опровергнуть ихъ, въ противномъ случаѣ его не зачисляли въ старики, хотя впослѣдствіи за услуги, оказанныя войску на войнѣ или въ мирное время, онъ могъ возстановить свое право на полученіе званія старика и вступить въ ряды старшины. Старики могли отлучаться по собственнымъ дѣламъ, но всегда при войскѣ оставалось 12, по очереди, которые и составляли „раду" (?).

На случай войны старшина назначала войскового атамана, причемъ принимались во вниманіе военныя заслуги и способности. Войсковой атаманъ сохранялъ свое званіе и въ мирное

время до самой смерти. Такимъ же образомъ назначались: есаулъ, нѣчто въ родѣ адъютанта, писарь—начальникъ штаба, обозный—интендантъ, хорунжій, сотники—т. е. капитаны или ротмистры, терджуманъ, т. е. переводчикъ на турецкій языкъ, и, кромѣ послѣдняго, всѣ они сохраняли свои званія пожизненно и въ случаѣ новой войны, если не совершили никакихъ проступковъ, вступали въ исправленіе своихъ должностей безъ выбора старшины.

При каждомъ отрядѣ некрасовцевъ во время войны было трое стариковъ, которые наблюдали за исполненіемъ обычаевъ и обязанностей и составляли военный судъ. Когда требовалось призвать некрасовцевъ на войну, то опредѣлялось султанскимъ фирманомъ количество пѣхоты и конницы, которое они должны были выставить. По полученіи фирмана всѣ козаки созывались на кругъ, на площади передъ арсеналомъ. Атаманъ и старики сидѣли на скамьяхъ; каждый козакъ, по очереди, подходилъ, кланялся атаману и старикамъ и клалъ у ногъ атамана свою шапку, къ которой была прикрѣплена карточка съ его именемъ. Когда всѣ сложили свои шапки, старики перемѣшивали ихъ палками, съ которыми всегда ходили, и есаулъ, по приказанію атамана, отбиралъ извѣстное количество шапокъ, соотвѣтствеино числу козаковъ, указанному въ фирманѣ; потомъ читались имена, составлялся списокъ и вручался войсковому атаману; послѣдній вызывалъ внесенныхъ въ списокъ козаковъ одного за другимъ и отдавалъ каждому его шапку, козакъ кланялся и уходилъ.

Черезъ нѣсколько дней на той же самой площади всѣ, вооруженные и на коняхъ, по одиночкѣ проѣзжали передъ стариками и сельскимъ атаманомъ и каждый спрашивалъ:

— Нѣтъ ли милосердаго человѣка, который взялъ бы на себя попеченіе предъ Богомъ о моей грѣшной душѣ?

Если спрашивающій былъ хорошаго поведенія, то одинъ изъ стариковъ отвѣчалъ:

— Я (имя и прозваніе) беру попеченіе о твоей душѣ передъ Богомъ, буду молиться, чтобы Богъ сохранилъ тебя для покаянія въ грѣхахъ, а ты привези за то намъ военную честь и доброе козацкое имя.

Если козакъ былъ дурного поведенія, то ему отвѣчали молчаніемъ и онъ отъѣзжалъ смущенный, а всѣ были увѣрены, что ему не сносить головы на войнѣ, такъ какъ у него нѣтъ поручителя и богомольца между стариками.

Послѣ этой церемоніи войско съ музыкою, подъ предводительствомъ войскового атамана, выступало въ походъ. Сельскій атаманъ со стариками отправлялся впередъ на границу земли войска, а толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей провожали отправляющихся на войну до границы. На границѣ козаки дефилировали предъ атаманомъ и стариками и продолжали путь далѣе. У некрасовцевъ былъ обычай посылать на караулы, на разъѣзды и пр. всегда трехъ человѣкъ; это дѣлалось на томъ основаніи, что одинъ можетъ погибнуть, двое могутъ сговориться между собою, а съ тремя не случится ничего подобнаго. Всѣ козаки были очень искусны въ джигитовкѣ, стрѣльбѣ, распознаваніи мѣстности днемъ и ночью и во всемъ, что необходимо хорошему солдату въ военное время. Нельзя было выставлять вмѣсто себя въ походъ замѣстителей, а тѣмъ болѣе наемниковъ; всѣ, и богатые и бѣдные, должны были нести службу. Между некрасовцами никогда не встрѣчалось ненекрасовцевъ, и потому на нихъ можно было полагаться, какъ на самихъ себя. Потому то и турки относились къ нимъ съ уваженіемъ.

Субординація и почтеніе къ старшимъ доходили у нихъ до фанатизма, и каждое ихъ нарушеніе считалось измѣной войску и каралось смертью. О дезертирствѣ между некрасовцами не было и слышно, какъ не было слышно, чтобы кто нибудь утаилъ войсковыя деньги или не уплатилъ того, что слѣдовало въ войсковую кассу, хотя у нихъ не было никакого контроля кромѣ собственной добросовѣстности.

Не было между некрасовцами зависти, интригъ и доносовъ, какъ въ другихъ обществахъ. У нихъ господствовала полная солидарность: каждый отвѣчалъ за всѣхъ и всѣ за каждаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда въ Биневле, козацкая дѣвушка, возвращаясь одна изъ Бандермы въ Биневле, подверглась нападенію одного изъ беевъ, владѣльца хутора, лежавшаго по дорогѣ. Она была приведена на хуторъ и изнасило-

вана. Возвратившись домой, она принесла жалобу сельскому атаману и старикамъ. Тотчасъ атаманъ и 40 стариковъ сѣли на коней и отправились на хуторъ, нашли тамъ бея, и удостовѣрясь въ его виновности, застрѣлили; каждый изъ нихъ всадилъ въ бея свою пулю. Затѣмъ они поѣхали въ Бандермы къ губернатору и заявили ему, что убили свинью, такъ какъ застрѣлили бея, поступившаго подобно свиньѣ, что убили его всѣ 41 и что 41 пулю можно найти въ его трупѣ и, если очищеніе края и общества отъ такихъ свиней есть преступленіе, то они отдаются въ распоряженіе султанскихъ властей. Губернаторъ отпустилъ ихъ и только донесъ о случившемся сераскиру, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго состояли козаки. Сераскиромъ былъ тогда Риза-паша. Дѣло было замято. По причинѣ такой солидарности некрасовцы пользовались вездѣ уваженіемъ. Ѣздили они всегда вооруженными, какъ солдаты султана.

Женились некрасовцы только на своихъ женщинахъ. Иногда они принимали въ свое общество и въ свою вѣру и другихъ козаковъ, но для этого требовалось много времени или особенная случайность, гдѣ бы неофитъ доказалъ отвагу, честность и пользу, которую онъ могъ бы принести войску. Иногда они принимали и женщинъ изъ Добруджи, съ Дону и съ Украйны, но всегда только козачекъ.

Некрасовцы были всѣ старообрядцы, но духовенство у нихъ, въ противоположность старообрядцамъ Добруджи, не пользовалось никакимъ вліяніемъ.

На пирушкахъ, на которыя насъ, во все время пребыванія нашего въ Биневле, всегда приглашали, присутствовали всѣ, достигшіе тридцатилѣтняго возраста, безъ различія званій; молодые люди прислуживали. Предъ началомъ пиршества есаулъ громко провозглашалъ, что нельзя хулить Бога и Его святую вѣру и позорить честь женщинъ. Послѣ этого усаживались за столы. Угощеніе уже было на столѣ. Оно состояло изъ супа съ рыбой и съ клецками, изъ рыбы жареной и соленой съ разными приправами, икры, варениковъ съ сыромъ, пшенной каши на молокѣ, а иногда изъ жаренаго мяса и печеній съ сахаромъ

или медомъ, часто съ приправой изъ мака и молока. Наѣдались досыта, запивая водкой или виномъ изъ огромной общей кружки, стеклянной или жестяной; по случаю нашего пріѣзда достали изъ войскового сундука серебряный кубокъ. Начиналъ пить сельскій атаманъ и затѣмъ кубокъ, переходя изъ рукъ въ руки, обходилъ столъ, опоражнивался и снова наполнялся, такъ какъ каждому предоставлялось пить сколько угодно, пока не доходилъ опять до атамана; тогда начиналась снова круговая. Во время нашего пребыванія атаманъ уступилъ мнѣ честь начинать круговую, и я долженъ былъ отпивать изъ каждаго кубка. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ козакъ за употребленіе неприличнаго ругательства былъ выведенъ есауломъ за воротъ изъ-за стола и передъ дверями получилъ 30 палочныхъ ударовъ. Если наказанный не унимался, то число ударовъ удвоивалось, а послѣ третьяго проступка его оставляли на дворѣ закованнымъ на всю ночь. Послѣ каждаго наказанія онъ долженъ былъ благодарить атамана и стариковъ. На этихъ пиршествахъ просиживали большую часть дня и ночи; одни приходили, другіе уходили. Водки и вина выпивалось безъ мѣры. Есаулъ не садился за столъ, а прохаживался вокругъ него съ палкой и наблюдалъ за порядкомъ.

Тѣлесныя наказанія примѣнялись довольно часто и къ мужчинамъ и къ женщинамъ, употреблялись кромѣ того кандалы. Неисправимыхъ развратныхъ женщинъ привязывали за одну ногу къ колодѣ и били батогами съ крикомъ: „вью, вью!“ до тѣхъ поръ, пока привязанная или стаскивала колоду съ мѣста, или падала въ изнеможеніи; тогда прекращали наказаніе и отпускали преступницу на волю.

Женщинъ не запирали и не скрывали, но не допускали на пирушки, гдѣ присутствовали только мужчины. Но если женщинамъ приходилось бывать при попойкахъ, то онѣ пили какъ слѣдуетъ. Въ корчмѣ онѣ могли пить и танцовать вмѣстѣ съ мужчинами.

Одна вещь очень удивила насъ въ Биневле. Тамъ не было ни одного еврея, хотя была корчма, гдѣ вино и водка лились потоками, и некрасовцы не чувствовали такого презрѣнія къ

евреямъ, какъ къ грекамъ и армянамъ. Корчмаремъ и торговцемъ въ Биневле были два брата волоха, которые много зарабатывали, но много и терпѣли и отъ отдѣльныхъ лицъ, и отъ начальства.

Военнымъ упражненіямъ молодежи очень способствовало сосѣдство съ черкесами, поселенія которыхъ находились въ горахъ, такъ называемыхъ Маніовскихъ, къ сѣверо-востоку отъ озера. Черкесы, какъ народъ безпокойный и прирожденные воры, причиняли много вреда козакамъ, козаки ихъ строго наказывали; дѣло доходило до схватокъ, экспедицій въ горы и нападеній на черкесскіе аулы; люди гибли и съ одной и съ другой стороны. Власти смотрѣли на это сквозь пальцы: пусть де учатся военному дѣлу—будутъ готовые солдаты. При насъ, съ цѣлью показать намъ и это зрѣлище, 60 молодцовъ подъ предводительствомъ молодого козака, по прозвищу Чижика, отправилось, по ихъ выраженію, „на погулянку"; не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ мы услышали выстрѣлы. Даже невооруженнымъ глазомъ, а еще лучше въ бинокль, видны были черкесы на горахъ, поросшихъ кустарникомъ и покрытыхъ камнями, видѣнъ былъ и дымъ отъ выстрѣловъ. Вечеромъ козаки возвратились; четверо было убито, а восемь ранено; возвратившіеся утверждали, что 16 черкесовъ пали въ бою и дѣйствительно они привели 16 лошадей. Убитыхъ похоронили, объ экспедиціи поговорили на вечерней пирушкѣ, а на другой день о ней уже и не вспоминали. Не было никакого протеста со стороны властей, никакого слѣдствія: козаки и черкесы не были ни турками, ни райею, платящею подати и десятину, значитъ для правительства не было никакого ущерба—пусть ихъ дерутся, сколько угодно.

Прозванія у некрасовцевъ, какъ и на Дону, великорусскія—Бутиковъ, Мазановъ, Ефремовъ, Евсеевъ и т. п. Называютъ другъ друга они всегда по имени и отечеству. Вмѣсто гербовъ они употребляютъ печати съ вырѣзанными по турецки именемъ и фамиліей; эти печати нужны имъ для торговыхъ договоровъ и при сношеніяхъ съ правительствомъ; они носятъ печати всегда при себѣ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шароваръ, кафтана и барашковой шапки съ золотымъ галуномъ, а иногда и съ золотой кисточкой. Женщины одѣваются такъ же, какъ и на Дону: на головахъ носятъ русскіе кокошники, любятъ яркіе цвѣта, блестящія украшенія, кораллы и драгоцѣнные камни. Во всѣхъ домахъ большое количество ковровъ, въ нѣкоторыхъ домахъ есть и перины. Въ каждомъ домѣ есть особая комната для гостей, убранная по турецки и уставленная софами. Въ домахъ множество образовъ въ серебряныхъ и золоченныхъ ризахъ, большею частью кіевской работы. Эти образа покрываютъ всю переднюю стѣну и каждый приходящій дѣлаетъ предъ ними три поклона. Крестятся некрасовцы постоянно—передъ и послѣ ѣды и питья, при входѣ и при выходѣ. Если въ домѣ находятся люди, которыхъ считаютъ нечистыми, то образа закрываютъ полотенцами или платками. Въ нашемъ присутствіи этого не дѣлали, что было лучшимъ доказательствомъ дружелюбнаго къ намъ отношенія.

Однимъ словомъ, некрасовцы остались тѣми же, какими вышли нѣкогда съ Дону. Они нисколько не измѣнили обычаевъ своихъ предковъ, и если бы кто нибудь изъ товарищей Некрасова могъ проснуться на берегахъ Маніовскаго озера, онъ не нашелъ бы никакихъ перемѣнъ, кромѣ новой мѣстности. Это славянское племя сохранило все и не утратило ничего изъ наслѣдія предковъ. Ни одинъ фаланстеръ не могъ дойти до такой степени единенія и согласія всѣхъ. Это единеніе и эта общественная связь были ихъ силой. Поэтому то и въ изгнаніи они не перестали быть козаками, были въ чести у всѣхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

На родинѣ Кармалюка. О знаменитомъ разбойникѣ Кармалюкѣ циркулируетъ въ народѣ множество преданій. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ «Кіевской Старинѣ», равно какъ и пѣсни о немъ [1]; кромѣ того, въ этомъ же журналѣ помѣщенъ въ переводѣ разсказъ о Кармалюкѣ польскаго писателя Ролле [2]), составленный по архивнымъ матеріаламъ.

Кармалюкъ—уроженецъ с. Головчинцы литинскаго у. подольской г. Намъ доставлены свѣдѣнія о его потомствѣ, разсказы о немъ и варіантъ извѣстной и раньше пѣсни о Кармалюкѣ, собранныя и записанныя въ самыхъ Головчинцахъ; варіантъ пѣсни отличается нѣкоторыми любопытными подробностями; преданія же отражаютъ въ себѣ отношеніе народа къ популярному разбойнику и рисуютъ его личность со стороны семейныхъ его чувствъ, которыя выражены также и въ извѣстной пѣснѣ. При всей своей краткости, о которой стоитъ пожалѣть, предлагаемое сообщеніе, полагаемъ, не будетъ лишено интереса именно вслѣдствіе того, что оно происходитъ изъ с. Головчинцы и потому стоитъ ближе къ источнику истины.

Хата Кармалюка, которую самъ онъ построилъ, цѣла и до сихъ поръ; она стоитъ посреди двора и окружена густымъ садомъ. Въ Головчинцахъ живутъ его внуки, которые чаще прозываются Карманами—прозвищемъ, вѣроятно, представляющимъ собою сокращеніе и осмысленіе фамиліи Кармалюкъ, хотя мѣстными жителями считается древнѣйшимъ по сравненію съ послѣднею. Всѣ они видные, высокаго роста, брюнеты, смотрятъ исподлобья; всѣ они люди очень бо-

---

[1]) 1882 г. № 10, 1883 г. № 2 и 6, 1884 г. № 4, 1886 г. № 6 и 7, 1887 г. № 11.

[2]) 1886 г. № 3.

гатые, но пользуются среди односельчанъ дурной репутаціей; одного изъ сыновей разбойника крестьяне убили за какія то предосудительныя продѣлки.

Самъ разбойникъ Кармалюкъ отличался видной и красивой наружностью. Онъ служилъ у тогдашняго владѣльца Головчинецъ, пана Пигловскаго, который его бралъ съ собою въ Галицію.

Своимъ всегда неожиданнымъ появленіемъ у богатыхъ мужиковъ и помѣщиковъ онъ наводилъ паническій страхъ; «хто его зна— говорятъ про него—скризь и двери заперты, а винъ пройде». Онъ прямо опредѣлялъ сумму денегъ, какую хотѣлъ получить, и, если ихъ выдавали безпрекословно, благодарилъ и уходилъ, а если нѣтъ, то прибѣгалъ къ убійству или поджогу. Тѣмъ не менѣе, крестьяне благоговѣйно хранятъ его память. «Его самъ Богъ пославъ для бидныхъ людей, говорила старуха Явдоха Рижнычка: бувало, принесе торбинку грошей, покладе на викни бидному и уйде, и хто его зна— якъ, нихто и не побачить. Люде кажуть, замѣчала она, що винъ по вулыци не ходывъ, а перелазывъ черезъ хаты. А то де котри и бачили его, якъ винъ кладе на викно гроши».

Жилъ онъ постоянно въ лѣсахъ, большею частію на вершинахъ деревьевъ и оттуда внезапно и быстро, какъ орелъ, налеталъ то на одно, то на другое село.

Жена его съ дочерью жили въ Головчинцахъ. Въ день свадьбы дочери, когда въ хату набралось много народа и «весилья» было въ полномъ разгарѣ, вдругъ является Кармалюкъ. Всѣ были страшно смущены, потому что отъ полиціи данъ былъ строгій приказъ ловить его. Кармалюкъ поздоровался со всѣми, поцѣловалъ жену, дочь и зятя, взялъ штофъ водки и началъ угощать присутствующихъ. Потомъ вынулъ изъ кармана свертокъ, высыпалъ изъ него на столъ червонцы и сказалъ дочери: «це тоби на хазяйство, дай Боже, щобъ ты була щастлыва; я знаю, шо куды я не прійду, скризь одъ мене люде тикають, а я ихъ люблю; я нещастный; дай Боже, дочко, шобъ ты була щастливійшъ за мене»,—вытеръ рукавомъ слезы и вышелъ. Сидѣвшіе въ хатѣ видѣли, какъ онъ вышелъ въ двери, но изъ бывшихъ во дворѣ никто его не видѣлъ.

Извѣстная пѣсня о Кармалюкѣ въ Головчинцахъ поется такъ:

Служивъ це я въ Галиціи
Въ казенной палати,
Розсердився панъ на мене,
Та й виддавъ въ солдаты.

„Кармалюку, вражій сыну,
Шо зъ тобою буде,
Я тебе оддавъ въ солдаты,
Служи, такъ якъ люде“.

А въ солдатахъ служба тяжка,
Мушу привыкаты,
А самъ таку думку маю,
Шо треба втикаты.
Иду степомъ-дорогою,
Самъ соби гадаю,
Шо я зъ Москвы у Варшаву
Дороги не знаю.
А Кармалюкъ гарный хлопець
Де по свиту ходыть,
Не идную дивчиноньку
Изъ розуму зводыть.
Не идную дивчиноньку,
Не идную вдову,
Щасливую, вродливую
Та ще й чорноброву.
Кажуть люде и говорять,
Шо я розбиваю,
Я жъ никого не вбиваю,
Бо самъ душу маю.
Богатого обдираю,
А бидному даю,
Идно зъ другимъ пощитаты—
То й гриха не маю.
Маю жинку, маю диты,
Та я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ життя,
Самъ гирко заплачу.
Маю хлопцивъ я хорошихъ,
Та що кому зъ того,
Засядаю край дороги,
Жду подорожнего.
Чи хто иде, чи не иде,
Мусимъ дожидаты,
Якъ немае запасного,
Треба пропадаты.
На Сибири сонце сходыть,
Хлопци, (не)зивайте,
А на мене, Кармалюка
Всю надію майте.
Пишовъ бы я рано въ городъ,
Боюсь станового,
Бо тамъ соцки та десяцки,
Посланы видъ него,
Препоганый звычай мають,
По базари шляцця.
Про ихъ люде добре знають,
Якъ чортивъ бояцця.
Тянуть мене за рукава,
Сажають за грати
На тимъ мисци выпускають,
Абы мавъ що даты.
На допросахъ гроши беруть,
Ажъ кишенямъ тисно,
А Кармалюкъ—добрый хлопець,
Всему свиту звисно.
Оце писня Кармалюцька!
А хто хоче знаты.
Нехай прійме стилько горя,
Та й буде співаты.

Сообщилъ **В. Я.**

Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. Ни Бант.-Каменскій, ни Маркевичъ не упоминаютъ объ этомъ участіи, а между тѣмъ изъ «аттестатовъ», выпрошенныхъ у разнаго начальства участвовавшими въ этомъ походѣ малороссіянами [1]) видно, что въ составъ войскъ, посланныхъ

---

[1]) Малороссіяне втор. пол. XVIII в. постоянно выпрашивали такіе аттестаты, у разныхъ великорусскихъ начальниковъ отрядовъ, въ составъ которыхъ попадали просители, чтобы затѣмъ представлять эти документы—или при просьбахъ о повышеніи чинами (во время управленія Румянцева) или—въ доказательство „благороднаго“ своего происхожденія, при хлопотахъ о дворянствѣ.

«для истребленія злодѣя и самозванца Пугачева и его толпъ», входилъ и «тысячный отрядъ» малороссійскихъ козаковъ подъ начальствомъ прилуцкаго полковника Якубовича. Малороссійскій отрядъ составленъ былъ изъ разныхъ полковъ, причемъ и старшинами были назначены въ этотъ отрядъ урядники разныхъ полковъ; такъ, обознымъ былъ—стародубскій обозный Кондратъ Лайкевичъ, хорунжимъ—нѣжинскій хорунжій Прокофій Адасовскій и др. Отрядъ этотъ былъ посланъ на востокъ въ январѣ 1774 г. и оставался тамъ, въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, до лѣта 1781 г., т. е. болѣе семи лѣтъ. После усмиренія бунта, малороссійскіе козаки, повидимому, были расквартированы по оренбургскимъ крѣпостямъ, въ помощь тамошнимъ гарнизонамъ; такъ можно заключить, читая, напр., слѣдующій аттестатъ: «Атестатъ... данъ сей отъ секундъ-маіора и чернорѣчецкой крѣпости коменданта Соболевича находившемуся въ оной крѣпости малороссійскаго войска лубенского полку сотенному атаману Емельяну Трамку о томъ, что будучи онъ въ оной крѣпости чрезъ двое лѣтъ на винтеръ-квартирахъ, содержалъ себе и команду порядочно...» (май, 1781 г.).

А. Л.

Къ исторіи Владиміро-Волынскаго базиліанскаго училища.

Въ связи съ помѣщенными въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «К. Старины» воспоминаніями священника о. Никифора Хмѣлевскаго о базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани, считаемъ умѣстнымъ передать здѣсь слышанныя нами отъ недавно умершаго священника Васильевской церкви въ г. Владимірѣ-Волынскомъ о. Даніила Левицкаго воспоминанія о его пребываніи во Владиміро-Волынскомъ базиліанскомъ училищѣ. Исторія этого училища изложена, между прочимъ, въ VI главѣ недавно изданнаго нами «Историческаго Описанія Владиміро-Волынскаго Успенскаго (Мстиславова) храма», воспоминанія же о. Даніила Левицкаго относятси къ послѣднимъ годамъ (1829—30) существованія этой нѣкогда знаменитой школы. Онъ учился здѣсь всего лишь $1^1/_2$ года въ I классѣ, и этимъ объясняется нѣкоторая скудость его воспоминаній.

Владимірское базиліанское училище состояло изъ 5-ти классовъ; первые четыре класса по программамъ почти соотвѣтствовали курсу бывшихъ уѣздныхъ училищъ. Классы были однолѣтніе. Послѣднимъ ректоромъ былъ настоятель Христорождественскаго монастыря (при

которомъ находилось училище) Игнатій Башнянскій. Профессорами были: математики и нѣмецкаго языка Народославскій (свѣтскій); французскаго языка Миллеръ (тоже свѣтскій); физику преподавалъ іеромонахъ Правосудовичъ, воспитанникъ Виленскаго университета; латинскій языкъ—іеромонахъ Юліанъ Левицкій, воспитанникъ того же университета; географію и калиграфію — монахъ Заваличъ; русскій и славянскій языкъ—полякъ Сильвестръ Шумакевичъ (свѣтскій); Законъ Божій (уніатскій)—священникъ Іоанникій Козачевскій, знаменитый въ свое время проповѣдникъ, впослѣдствіи перешедшій въ православіе. Конечно, преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ происходило на польскомъ языкѣ.

При монастырѣ существовалъ конвиктъ, въ которомъ въ 1830 году жило всего лишь 7 учениковъ; остальные помѣщались на частныхъ квартирахъ. Въ числѣ ихъ были дѣти помѣщиковъ, духовенства и мѣщанъ. Хотя въ школѣ всѣ должны были говорить по польски, но въ частныхъ отношеніяхъ между собою большинство учащихся употребляло родной языкъ — малороссійскій, и только помѣщичьи дѣти считали неприличнымъ говорить «по хлопски», по поводу чего между .учащимися нерѣдко возникали сословно-національныя распри.

По вѣроисповѣданію ученики раздѣлялись на уніатовъ (большинство) и католиковъ (меньшинство), православныхъ же совсѣмъ не было. Тѣмъ не менѣе и католики должны были присутствовать при богослуженіяхъ въ монастырской (уніатской) церкви и даже участвовать въ пѣніи на клиросахъ. Органа въ церкви не было, но въ торжественныхъ случаяхъ хоръ студентовъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ.

Въ большой училищной залѣ устроена была сцена, на которой студенты разыгрывали пьесы. Свидѣтель не могъ припомнить, чтобы при немъ происходили сценическія представленія, но слыхалъ, что передъ его поступленіемъ часто играли пьесу «Донъ-Жуанъ».

Въ февралѣ 1830 года, по случаю холеры, училище было временно закрыто; но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ польскій мятежъ, то оно никогда и не было болѣе открываемо, и лишь въ 1869 году во Владимірѣ учреждено было городское двухклассное училище, существующее и въ настоящее время.

О. Л.

Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину [1]). Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Алексѣй Ираклієвичъ!

Смѣлость моя прибѣгнуть къ Вашей благосклонности, можетъ быть, вовсе неумѣстна; но я рѣшился позволить себѣ оную единственно изъ надежды на Ваше добродушіе и память. Осмѣливаясь думать, что, можетъ быть, фамилія Срезневскаго, покойнаго родителя моего, не забыта Вашимъ Превосходительствомъ, я льщу себя надеждою, что и нынѣ буду осчастливленъ отъ Васъ тѣми ласками, коими пользовался въ дѣтствѣ.

Могу ли надѣяться, что Вы, по великодушію своему, простите дерзость мою, и удостоите милостивымъ вниманіемъ мою покорнѣйшую просьбу.

Уже семь лѣтъ я занимаюсь Исторіей Украины и Запорожья, сколько могъ прилежнѣе собиралъ для оной матерьялы доселѣ еще никому по большей части неизвѣстные, исключая памяти народной и немногихъ любителей старинныхъ рукописей,—собиралъ, сводилъ, свѣрялъ, съ цѣлью принести впослѣдствіи времени хотя нѣсколько лептовъ въ пользу той страны, которой обязанъ всѣмъ, кромѣ жизни. Я рѣшился наконецъ начать свой трудъ—и предпринялъ изданіе *Запорожской старины*, которая, знакомя читателей съ нравственно-политическимъ бытомъ войска Запорожскаго—этой души всей Украины въ XVI и XVII вѣкахъ, должна вмѣстѣ съ симъ пояснить Исторію Украины, развернуть ее съ другой, можетъ быть, обширнѣйшей стороны, раскрыть оную въ гораздо большемъ объемѣ.—Все изданіе должно составить девять частей и около 20 дополнительныхъ тетрадей. Я начинаю первыми тремя, въ коихъ раскрываю состояніе Украины и Запорожья до Богдана Хмельницкаго.

---

[1]) Настоящее письмо Изм. Ив. Срезневскаго писано къ А. И. Левшину въ бытность послѣдняго градоначальникомъ города Одессы. Сообщено намъ *Николаемъ Григорьевичемъ Тройницкимъ*, старымъ одесскимъ литераторомъ, бывшимъ когда-то (вмѣстѣ съ братомъ своимъ А. Г. Тройницкимъ) редакторомъ *Одесскаго Вѣстника*. А. И. Левшинъ передалъ письмо Изм. Ив. Срезневскаго Н. И. Тройницкому для напечатанія объявленія о *Запорожской старинѣ* въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*. Къ письму Срезневскаго приложенъ былъ печатный *билетъ* на полученіе 1, 2, и 3 кн. *Зап. старины* и выписанное на билетѣ собственноручно Срезневскимъ содержаніе этихъ книжекъ.—Ал. Ир. Левшинъ (род. 1796 г.) умеръ въ 1879 г. 16-го сент. членомъ Государст. Совѣта; передъ этимъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Изм. Ив. Срезневскій академикъ, проф. Спб. Унив. (род. 1812 г. умеръ 9 февр. 1880 г.).

Желая сдѣлать изданіе книгъ моихъ хотя нѣсколько достойнымъ предмета оныхъ, и между тѣмъ по ограниченности состоянія не имѣя возможности пожертвовать на это большими издержками, я рѣшился открыть подписку.

Ваше Превосходительство, можетъ быть, угадываете, въ чемъ состоитъ просьба моя,—просьба человѣка, который на своей сторонѣ имѣетъ одно только глубокое уваженіе къ особѣ Вашей, и надежду, что Вы, какъ сами Литераторъ [1]), и какъ покровитель Наукъ и Литературы, и какъ Украинецъ, можетъ быть, удостоите и мой трудъ хотя слабымъ вниманіемъ, и еще одну надежду—надежду, что Вы, по крайней мѣрѣ извините дерзость мою.

Прилагая при семъ одинъ билетъ на первую подписку Запорожской старины, осмѣливаюсь покорнѣйше просить милостиваго распоряженія Вашего Превосходительства по управляемой Вами части объ изданіи моемъ, на счетъ объявленія объономъ. Если будутъ желающіе подписаться на мое изданіе,—то да благоволятъ адресоваться на имя кандидата Срезневскаго въ Харьковѣ. Я не осмѣлился приложить какого бы то ни было количества билетовъ при семъ письмѣ, боясь Васъ обезпокоить слишкомъ, и не вполнѣ будучи увѣренъ, буду ли удостоенъ Вашего вниманія; а потому рѣшился ожидать на это Вашего приказанія.

Счастливъ, если Ваше Превосходительство не оставите безъ благосклонности того, который, свидѣтельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтеніе, имѣетъ честь быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Измаилъ Срезневскій.

Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ**.

Харьковъ.
1833 г. сентября 2 дня.

О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. Въ бывшей Вишневецкой картинной галлереѣ вниманіе посѣтителя обращала на себя большихъ размѣровъ картина, изображавшая бунтъ 1606 г. подъ Сандомиромъ и озаглавленная: *«Rokosz, albo facies reipublicae sub regimini Sigismundi III, anno 1606, pod Sandomirszem»*. Кар-

---

[1]) Первой изданной А. И. Левшинымъ книгой были: „Письма изъ Малороссіи“. Харьковъ. 1816 г.

тина представляетъ рядъ отдѣльныхъ аллегорическихъ изображеній, расположенныхъ неправильными поясами въ такомъ порядкѣ.

I. Съ лѣвой отъ зрителя стороны:

1) Вверху слишкомъ потертое мѣсто позволяетъ разобрать группу поляковъ, среди которыхъ выдѣляются двѣ фигуры—магната и бискупа (въ облаченіи, съ жезломъ въ рукахъ). Магнатъ держитъ знамя и цѣпь. Подъ изображеніемъ стертая надпись: . . . . . «*is conatus*».

2) Цѣпь спускается внизъ и обхватываетъ повозку (польскую бричку), запряженную парою лошадей. Лошади путаются, бричка, по-видимому, низвергается внизъ. Въ ней сидитъ другая группа людей. Надъ ихъ головами надпись «*res nostrae labentes!*»

3) Ниже повозки—два тигра. Одинъ въ полулежачемъ положеніи съ человѣческимъ лицомъ; надъ нимъ надпись: «*tigride velocius*». Другой (тигръ-ли?) въ стоячемъ,—подпись: «*voraco, sive ruina perditionis*».

II. Въ срединѣ.

4) Вверху. На двухъ лавкахъ сидятъ другъ противъ друга съ одной стороны—семеро духовныхъ лицъ въ тіарахъ, изъ нихъ трое съ жезлами, съ другой—семеро свѣтскихъ. У тѣхъ и другихъ глаза закрыты. Собраніе спитъ. Впереди—изображеніе стоящаго поляка, держащаго въ рукѣ надпись: «*deliberatio senatorum somnolenta*».

5) За спящими сенаторами книжки, поставленныя въ рядъ, возлѣ книгъ лисица, надъ нею: «*simulata amititia*».

6) Ниже лисицы волкъ (?), надъ нимъ надпись: «*praetextus. boni effectus*»....

7) Въ самомъ низу—погребальный катафалкъ, на немъ—трупъ епископа въ тіарѣ, надъ нимъ вверху евангеліе. Между катафалкомъ и евангеліемъ надпись; «*Zbyszek mortuus, veritatis imago*».

III. Съ правой отъ зрителя стороны.

8) Вверху—группа всадниковъ, солдатъ съ распущенными четырьмя знаменами.—На знаменахъ надписи: a) «*licentia*», b) «*contemptus regis*», c) «*abusus legis*», d) «*confusio fratrum*». Подъ всадниками: «*res nostrae discordia ad meliorem statum tendentes testudine tardius*».

9) Подъ всадниками—черепаха и возъ. Въ возъ впряжены двѣ лошади, но онѣ тянутъ въ различныя стороны; на возу царскія регаліи и надпись: «*pecatum*».

10) Внизу подъ всадниками и возомъ разбита палатка, возлѣ нея войска съ оружіемъ и музыкою. Впереди козакъ съ булавою. На

развѣвающемся знамени надпись: «*rocosz*». У входа **палатки крестъ** и орелъ на древкѣ. Надпись: «*ovanam, sive viribus iram*».

Надъ всѣмъ этимъ въ самомъ верху картины, посрединѣ, изображенъ столъ. На немъ--крестъ, чаша, корона и скипетръ. За столомъ сидятъ магнаты; средній изъ нихъ держитъ мечь. Къ столу подходитъ бискупъ съ жезломъ въ одной рукѣ и ключемъ въ другой. Передъ столомъ—козакъ съ протянутой рукой, надъ столомъ надпись: «*ira Dei*».

Другая картина, стоявшая не вдалекѣ отъ первой, представляла «*campus electorialis, in quo exhibetur audientia nuntii Sedis Apostolicae ex occasione electionis serenissimi Stanislavi Augusti Regis Poloniae, ducis Lituaniae, anno 1764*».

Кромѣ изображеній сеймовъ, разныхъ аудіенцій и элекцій, въ вишневецкомъ замкѣ хранилось множество портретовъ польскихъ королей, начиная съ древнѣйшихъ временъ существованія Польши. Этими портретами былъ уставленъ одинъ изъ обширныхъ залъ замка. Здѣсь были воспроизведены въ лицахъ династіи еще языческой Польши Лешковъ и Попелей (VI и VII в.), начиная отъ родоначальника этихъ династій Леска перваго, брата герцога богемскаго. Подъ изображеніемъ Леска III подпись: «*ex privato ad principatum ellectus est, guia fraudem Lesconis secundi detexit*»—Леска IV: «*filius Lesc. III, princeps bellicosus ac varius expeditionibus, clarus, contra Carolum magnum Silesitis, assistit et bellum cessit. Occubuit 815, regnavit ann. 9*». Тамъ-же находился портретъ съ подписью: «*Vismirius, nepos Lechi Primi... Plurima bella cessit cum Daniis Vismiriam urbem condidit. Regnavit anno 30*».

Рядъ христіанскихъ королей начинался Мечиславомъ I, представленнымъ на картинѣ въ вѣнцемъ на головѣ и крестомъ въ рукахъ; а оканчивается послѣднимъ польскимъ королемъ.

Кромѣ лицъ царствовавшихъ династій, здѣсь было много картинъ разныхъ историческихъ героевъ Польши какъ древняго, такъ и новаго времени. Одинъ изъ типичныхъ и выразительныхъ портретовъ—это портретъ Анны Ходкевичъ Мнишекъ, воеводины волынской: небольшой портретъ, писанный въ недавнее время, замѣчателенъ своей художественной отдѣлкой и психической экспрессіей лица.

Съ 1888 года, когда намъ довелось осматривать достопримѣчательности вишневецкаго замка, произошло не мало перемѣнъ. Вишневецкое имѣніе, находившееся долгое время въ спорѣ, перешло отъ Плятера къ Толли, а отъ Толли къ кн. Кочубею. По газетнымъ

слухамъ, картины вишневецкаго замка предназначались въ одинъ изъ кіевскихъ музеевъ. По другимъ слухамъ, много картинъ и древностей было продано съ публичнаго торга, и еще больше, должно думать, расхищено, благодаря нестрогому надзору за ними дворецкаго. Съ своей стороны, мы лично можемъ удостовѣрить крайне небрежный надзоръ за историческими цѣнностями вишневецкаго замка. Намъ приходилось видѣть въ 1888 году не мало картинъ историческаго содержанія, полинялыхъ, выцвѣтшихъ отъ времени, сваленныхъ въ какомъ нибудь углу и предоставленныхъ гніенію. Желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшая часть вишневецкихъ картинъ попала въ надежныя руки [1]).

Ѳ. Кудринскій.

Мои воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября сего года Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ.

Въ Бозѣ почившій митрополитъ Исидоръ состоялъ на кіевской каѳедрѣ два года, три мѣсяца и шесть дней. Назначеніе его изъ экзарховъ Грузіи на кіевскую митрополію послѣдовало 31 марта 1858 года, а перемѣщеніе на петербургскую каѳедру состоялось 6 іюля 1860 года. Не смотря на кратковременное управленіе кіевскою паствою, онъ оставилъ въ ней весьма добрую память о себѣ. Я принимаю на себя трудъ написать объ этомъ святителѣ только то, о чемъ не писано въ кіевскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Имя митрополита Исидора должно быть записано золотыми буквами въ лѣтопись Кіево-Кирилловской Св.-Троицкой церкви, состоящей при богоугодныхъ заведеніяхъ кіевскаго приказа Общественнаго призрѣнія. По усиленнымъ просьбамъ бывшаго настоятеля сей церкви о. Петра Орловскаго, Министръ Внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ ассигновалъ изъ суммъ упомянутаго Приказа деньги на ремонтировку ея. Къ ремонтировкѣ храма Божія было приступлено въ концѣ мая 1859 года. Когда штукатуры скребалками своими начали очищать отъ побѣлки стѣны внутри храма, на нихъ показались довольно отчетливо сохранившіеся фрески, имѣвшіе, по характеру иконописи, весьма значительное сходство съ фресками Кіево-Софійскаго собора. Отецъ Орловскій, по долгу своему, словесно доложилъ объ этомъ возвратившемуся въ Кіевъ, послѣ обо-

---

[1]) Въ настоящее время часть ихъ находится въ распоряженіи Кіевской Городской Думы.—Ред.

зрѣнія епархіи, преосвященному Исидору и просилъ его спасти дорогое открытіе, которое скребалками невѣжественныхъ штукатуровъ дня чрезъ два-три могло быть совершенно испорчено. Выслушавши такой докладъ, архипастырь послалъ о. Орловскаго къ генералъ-губернатору князю Васильчикову съ просьбою, отъ его имени, немедленно пріостановить внутреннія работы въ храмѣ Божіемъ до надлежащаго осмотра показавшихся фресковъ, а къ протоіерею Скворцову и священнику Жолтоножскому съ порученіемъ тотъ же часъ произвести обстоятельный осмотръ оныхъ и о послѣдствіяхъ сего осмотра дать свой отзывъ. Чиновникъ особыхъ порученій, по приказанію князя Васильчикова, въ тотъ же день пріостановилъ работы—и фрески были осмотрѣны. Вечеромъ того же дня оо. Скворцовъ и Жолтоножскій сдѣлали докладъ Владыкѣ Исидору о возложенномъ на нихъ порученіи. На другой день и самъ митрополитъ Исидоръ обстоятельно осматривалъ фрески и, оставляя Кіево-Кирилловскій храмъ, обѣщалъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе не только о сохраненіи, но и о возобновленіи фресковъ. Обѣщаніе приснопамятнаго святителя о сохраненіи фресковъ не заставило ожидать себя, но возобновленіе ихъ состоялось только спустя 20 лѣтъ на суммы, ассигнованныя Его Величествомъ благополучно нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ.

Митрополитъ Исидоръ только однажды обозрѣвалъ кіевскую епархію съ 7 мая по 10 іюня 1859 года. Предмѣстникъ его преосвященный Филаретъ, втеченіе послѣдняго десятилѣтія своей жизни, самъ не обозрѣвалъ епархіи, а поручалъ ежегодно это дѣло своему викарію, епископу Аполлинарію, который слишкомъ строго относился къ сельскому духовенству, если замѣчалъ даже незначительныя неисправности и упущенія по службѣ его. Строгость преосвященнаго Аполлинарія, бывшаго кіевскимъ викаріемъ болѣе десяти лѣтъ, слишкомъ памятна была духовенству. Получивши формальное извѣстіе, что епархію будетъ обозрѣвать самъ митрополитъ Исидоръ, и наслышавшись, что онъ весьма суровъ, даже по внѣшнему виду своему, сельское духовенство сильно встревожилось, опасаясь, что новый Владыка безпощадно отнесется къ нему, если замѣтитъ какую либо неисправность. Но опасеніе это было напраснымъ. Подъ суровою оболочкою архипастыря Исидора скрывалась душа съ мягкимъ, добрымъ сердцемъ, душа снисходительная къ незначительнымъ неисправностямъ своихъ подчиненныхъ и любив-

шая не только словесно благодарить, но и вознаграждать пастырей усердныхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Изъ всѣхъ предшествующихъ архипастырскихъ обозрѣній кіевской епархіи ни одно не сопровождалось такимъ обиліемъ архипастырскихъ милостей и наградъ, какъ обозрѣніе митрополита Исидора. При предмѣстникахъ его рядовые сельскіе священники не получали никакихъ наградъ даже за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу. Случалось нерѣдко, что даже священники, сряду прослужившіе въ должности благочиннаго болѣе 20 и 30 лѣтъ, не удостаивались награжденія даже набедренникомъ. Не такъ отнесся къ заслугамъ сельскихъ священниковъ митрополитъ Исидоръ,—онъ удостоилъ наградъ за добрую службу не только пожилыхъ изъ нихъ, но даже очень молодыхъ. Многіе изъ нихъ, во время обозрѣнія епархіи, получили набедренники, другіе представлены въ Св. Синодъ къ награжденію скуфіями и камилавками, а нѣкоторые къ наперснымъ крестамъ. До митрополита Исидора не было примѣра по кіевской епархіи, чтобы сельскій благочинный за безпорочную 12-лѣтнюю службу былъ представленъ къ ордену св. Анны 3 степени. Митрополитъ Исидоръ первый началъ представлять благочинныхъ къ этому ордену. Ему же принадлежитъ и починъ объ исходатайствованіи священникамъ за безпорочную пятидесятилѣтнюю службу ордена св. Владиміра 4 степени.

Насколько сельское духовенство трепетало встрѣчи съ митрополитомъ Исидоромъ и насколько онъ былъ ласковъ къ нему, считаю нужнымъ припомнить слѣдующій фактъ. Въ м. Городищѣ черкасскаго уѣзда при церкви сахарнаго завода, построенной К. Яхненко, священствовалъ глубокій старецъ о. Аѳанасій П. Прослуживши въ селѣ Черенинѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ, со дня рукоположенія своего, ни однажды не встрѣчался съ кіевскимъ митрополитомъ. Этому старцу, на закатѣ дней своихъ, пришлось въ приписанной церкви встрѣчать Владыку Исидора, о суровости и строгости котораго и до него дошла молва. Когда наступила встрѣча, когда о. Аѳанасій подносилъ Владыкѣ, при встрѣчѣ, св. крестъ, съ нимъ отъ страха и ужаса произошелъ какъ бы сильный лихорадочный пароксизмъ, вслѣдствіе котораго онъ едва держался на ногахъ и едва не уронилъ креста съ церковнаго подноса. На такой страхъ преосвященный Исидоръ обратилъ свое вниманіе и, по выходѣ изъ церкви, во время вечерняго чая въ домѣ К. Яхненка

посадилъ около себя трепетавшаго о. Аѳанасія и своею ласкою, своею любвеобильною бесѣдою такъ ободрилъ его, что онъ къ концу чаепитія совершенно успокоился и затѣмъ, по отъѣздѣ митрополита Исидора любилъ до самой смерти говорить всѣмъ, что такихъ добрыхъ митрополитовъ, какъ Исидоръ, не слѣдуетъ бояться.

18 Сентября 1892 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть седьмая, томъ II. Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1890. Стр. II + 210 + 644. Ц. 2 р.

Въ свое время въ «Кіевской Старинѣ» былъ помѣщенъ отчетъ о первомъ томѣ начатаго мѣстной Археографической Коммиссіей изданія «Актовъ о заселеніи юго-западной Россіи». Задуманное проф. В. Б. Антоновичемъ, который собралъ и приготовилъ къ печати акты для перваго тома, оно было продолжено проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, написавшимъ къ этому тому предисловіе. Въ 1890 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ, составленный уже исключительно проф. Владимірскимъ-Будановымъ, который собралъ для него матеріалы и снабдилъ ихъ обширнымъ предисловіемъ. Нижеслѣдующія строки и будутъ посвящены нами ознакомленію читателей съ этимъ вторымъ томомъ.

Вошедшіе въ него акты, охватывая собою время съ конца 15-го вѣка по 1664 годъ, въ значительномъ большинствѣ своемъ представляютъ люстраціи и тарифы украинскихъ воеводствъ, затѣмъ инвентари отдѣльныхъ имѣній, рѣже—межевые акты и жалованныя грамоты и наконецъ нѣсколько—очень немного впрочемъ—судебныхъ слѣдствій и рѣшеній по жалобамъ городовъ и частныхъ лицъ. Предисловіе, написанное г. Будановымъ къ изданнымъ актамъ, не заходитъ однако такъ далеко, какъ эти послѣдніе; авторъ его останавливаетъ свое изложеніе на моментѣ Люблинской уніи, 1569 годѣ, и только въ весьма рѣдкихъ частныхъ случаяхъ переходитъ за эту хронологическую грань. Предисловіе это, подъ общимъ заглавіемъ «Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV вѣка до

Люблинской уніи», раздѣлено авторомъ на четыре главы. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ «внѣшнюю историческую судьбу населенія ю. Руси» за данный періодъ времени или, точнѣе говоря, борьбу этого населенія съ татарами и турками и сопровождавшія ее политическія условія; во второй—онъ даетъ характеристику главнѣйшихъ своихъ источниковъ для дальнѣйшаго изложенія—люстрацій и тарифовъ, дѣлаетъ географическій обзоръ украинныхъ повѣтовъ и сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ заселеніи за избранное время; въ третьей главѣ помѣщается разборъ и оцѣнка способовъ колонизаціи, которую авторъ дѣлитъ на правительственную, городскую, землевладѣльческую и козацкую; наконецъ, четвертая глава посвящена изслѣдованію направленія колонизаціи и этнографическаго состава населенія. Таковъ въ общихъ своихъ чертахъ изданный г. Будановымъ матеріалъ и планъ основаннаго на немъ изслѣдованія. Въ своемъ разборѣ мы намѣрены коснуться только этого послѣдняго, такъ какъ самостоятельное обслѣдованіе матеріала, для него послужившаго, повело бы насъ далеко за предѣлы обычной журнальной рецензіи; мы ограничимся такимъ образомъ передачей и разборомъ положеній, выставленныхъ авторомъ, обращаясь къ матеріаламъ лишь для ихъ повѣрки. Прежде, чѣмъ приступить однако къ этому, скажемъ два слова о самомъ изданіи.

Съ внѣшней стороны настоящее изданіе безукоризненно и даже, подобно большинству изданій кіевской коммиссіи, обставлено нѣкоторой роскошью, составляющей довольно рѣзкое исключеніе по отношенію къ массѣ нашихъ ученыхъ изданій, располагающихъ весьма скудными средствами и не имѣющихъ возможности заботиться черезчуръ много о внѣшней красотѣ: въ изданномъ г. Будановымъ томѣ одинъ географическій указатель, напечатанный жирнымъ шрифтомъ въ одинъ столбецъ, занимаетъ пять печатныхъ листовъ. Что касается внутренней стороны изданія, то здѣсь приходится отмѣтить нѣкоторую неточность, иногда впрочемъ заходящую за предѣлы этого слова. Сравнительно еще не такъ важно, когда она ограничивается неправильнымъ названіемъ документовъ, хотя и это можетъ ввести иногда читателя въ заблужденіе и заставить его или искать въ документѣ то, чего въ немъ не имѣется, или напротивъ пропустить безъ вниманія важный для его цѣлей актъ. Такъ, напримѣръ, документъ, помѣщенный подъ № VI (стр. 12 актовъ), названъ у издателя «опредѣленіе границъ староства Винницкаго», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ немъ заключается описаніе границъ земель мѣщанъ г. Винницы въ грамотѣ 1530 г., и издатель, очевидно, былъ введенъ въ за-

блужденіе началомъ акта (позднѣйшаго, 1718 г.), гдѣ упоминается староство. Точно также документы, помѣщенные подъ № IX (стр. 35 актовъ), неправильно названы «актами объ опредѣленіи границъ г. Кременца и сосѣднихъ владѣльцевъ»: здѣсь тоже только въ началѣ позднѣйшаго подтвердительнаго акта идетъ рѣчь о городскихъ земляхъ, а акты, имъ подтверждаемые, содержатъ въ себѣ разграниченіе земель частнаго владѣльца, пана Лудвискаго, отъ сосѣдей, въ томъ числѣ и отъ г. Кременца. Къ сожалѣнію, неточности въ изданіи не ограничиваются одними названіями документовъ, но переходятъ порою и въ самое содержаніе ихъ; такъ напр., въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. въ опредѣленіи повинностей одной изъ деревень читаемъ: «*drew po piac i wozow* przywiescz do zamku każdi powinien» (стр. 176 актовъ); эта фраза, не дающая никакого смысла, есть несомнѣнно результатъ неправильнаго чтенія, и ее, очевидно, слѣдуетъ читать такъ: «drew po piąciu wozow и т. д. или, можетъ быть, соображаясь съ орѳографіей даннаго акта: «drew po piący» и т. д., но ни въ какомъ случаѣ не такъ, какъ она напечатана. Въ иномъ случаѣ правильное чтеніе документа сохранено издателемъ, но поставлено такъ, что способно ввести читателя, незнакомаго съ дѣломъ, въ еще бо́льшее недоумѣніе. Именно, въ грамотѣ Евстафія Дашковича, означающей границы входовъ Никольскаго Пустыннаго монастыря (№ IV, стр. 11 актовъ), одно мѣсто въ печатномъ изданіи читается слѣдующимъ образомъ: «штожъ которые входы даны пива (?) и Белобереже бобровые гоны»... Здѣсь издатель, введенный въ недоумѣніе словомъ «Пива», совершенно напрасно создаетъ недоумѣніе и для другихъ своимъ вопросительнымъ знакомъ. Все дѣло въ томъ, что «пива» означаетъ здѣсь не напитокъ, причемъ фраза теряла бы весь смыслъ, а мѣстность, и сообразно этому должно быть напечатано съ большой буквы. Такая ошибка тѣмъ болѣе неожиданна, что Пива не въ первый разъ уже является и въ печати: издатель могъ встрѣтить ее въ тѣхъ самыхъ актахъ Западной Россіи, на которые онъ ссылается въ своемъ предисловіи, могъ найти Пивскій монастырь въ географическомъ указателѣ Новицкаго къ изданіямъ Коммиссіи, да, наконецъ, и самъ онъ упоминаетъ эту мѣстность на стр. 49 своего предисловія, правда, подъ невѣрнымъ именемъ Пивова. Равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ того же акта, послѣ слова «што», совершенно излишенъ вопросительный знакъ, такъ какъ смыслъ вполнѣ ясенъ: «пакъ не велѣлъ есми вступатися у тые входы и што по старины и къ тымъ входамъ тягло и прислухало... (пропускъ; вѣроятно:

не вступатися же) ни чаркасцомъ, ни козакомъ на веки». Мы ограничиваемся только примѣрами неточностей въ изданіи актовъ, не приводя за недостаткомъ мѣста всѣхъ ихъ, хотя и должны оговориться, что другаго случая обращенія мѣстности въ напитокъ въ напечатанныхъ документахъ не встрѣчается. Нельзя не пожалѣть во всякомъ случаѣ, что почтенный издатель допустилъ такіе недосмотры, и не пожелать нѣсколько болѣе осторожности въ изданіи актовъ на будущее время.

Переходя теперь уже къ изслѣдованію пр. Буданова, мы прежде всего прослѣдимъ общій ходъ разсужденій автора, что дастъ намъ возможность отмѣтить и наиболѣе существенныя его положенія.

Въ первой главѣ г. Будановъ опредѣляетъ объектъ своего изслѣдованія. Это не вся ю. Русь въ ея цѣломъ, а «украинные» повѣты или повѣты, граничившіе со степями. Таними авторъ признаетъ: кіевскій, житомирскій, каневскій, черкасскій, винницкій, браславскій, хмѣльницкій, барскій, каменецкій и летичевскій. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ ставитъ и разсматриваетъ вопросъ, были ли благопріятны для колонизація этого края съ конца 15 вѣка до половины 16-го внѣшнія политическія условія страны, и даетъ на него безусловно отрицательный отвѣтъ. Уничтоженіе кіевскаго княжества, полное подчиненіе южно-русскихъ земель Литвѣ и Польшѣ и союзъ этихъ двухъ государствъ между собою принесли только вредъ ю. Руси, уменьшили, а не увеличили оборонительныя средства страны противъ хищниковъ, нападавшихъ на нее съ юга. Въ борьбѣ съ ними южно-руссы были предоставлены собственнымъ силамъ, такъ какъ «для государства Литовскаго... южно-русскія дѣла являлись почти чужими» (стр. 3), а «Польша иногда принимала участіе въ защитѣ *собственныхъ предѣловъ* (курсивъ автора), т. е. тогда, когда татары нападали на части Подоліи и Волыни, принадлежавшія Польшѣ» (стр. 7), но «въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ вся тяжесть борьбы падала на одну южную Русь съ нѣкоторымъ участіемъ Литвы или безъ этого участія» и «большею частію страна была безнаказанно опустошаема» татарами и турками (стр. 8—9). Въ доказательство этихъ положеній авторъ передаетъ рядъ лѣтописныхъ разсказовъ о набѣгахъ татаръ и походахъ турокъ на Украину, во время которыхъ они встрѣчали очень малое сопротивленіе и то преимущественно со стороны мѣстнаго населенія. Татарскіе набѣги становятся особенно сильными и частыми со времени признанія крымскими татарами верховной власти турецкаго султана въ 1478 г.; набѣги этого періода

со стороны татаръ и турокъ отличаются, по словамъ автора, «систематичностью, постоянствомъ и такъ сказать безотвязностью». Въ результатѣ ихъ является сильное опустошеніе ю. Руси, знаменующееся исчезновеніемъ цѣлаго ряда поселеній, и уменьшеніемъ населенія. Польско-литовское правительство, отказавшись отъ надежды возымѣть успѣхъ въ этой борьбѣ, стало уже ограничиваться заключеніемъ мира съ татарской ордой, хотя бы этотъ миръ приходилось покупать дорогой цѣной уплаты позорной дани, что давало поводъ крымскимъ ханамъ объявлять все Литовское государство, и въ частности южную Русь, своимъ владѣніемъ. Лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI-го вѣка нападенія татаръ становятся рѣже, но этотъ фактъ авторъ только отчасти ставитъ въ зависимость отъ болѣе энергическихъ мѣръ правительства; не менѣе зависѣлъ онъ, по его мнѣнію, отъ «ослабленія могущества хановъ послѣ Менгли-Гирея при его ложинныхъ преемникахъ», а «главнѣйшей причиной» такого явленія онъ ставитъ «усиленіе козачины въ приднѣпровскихъ и прибужскихъ степяхъ». Такимъ образомъ г. Будановъ рѣшительно отрицаетъ пользу союза Литвы съ Польшей для взаимной защиты отъ варваровъ. Польза эта, еслибы она существовала, должна была бы, по его мнѣнію, окончательно выразиться послѣ Люблинской уніи 1569 года, но тотъ фактъ, что въ 1575 г. татары совершили громадный набѣгъ на Волынь и Подолію и увели съ собою, по словамъ Стрыйковскаго, 55,340 человѣкъ, 150,000 лошадей, 500,000 скота и 200,000 овецъ, замѣняетъ всякіе итоги на счетъ гипотезы о пользѣ такого союза и ясно показываетъ, «сколько пользы получили русскіе и литовцы въ замѣнъ потери ими своей политической самостоятельности въ 1569 году» (стр. 19—20). Въ общемъ не только польское, но и литовское правительство въ дѣлѣ защиты своихъ южныхъ границъ отъ татаръ далеко уступало правительству Московскаго государства (стр. 74). и это даже возбуждало въ послѣднемъ желаніе «взять въ свои руки дѣло защиты и заселенія днѣпровскихъ пустынь» (стр. 85). Факты, свидѣтельствующіе о таковомъ желаніи, авторъ видитъ въ постройкѣ кн. Дм. Вишневецкимъ укрѣпленія на о. Хортицѣ и въ упоминаніи кор. Сигизмунда-Августа въ письмѣ къ Вишневецкому «объ умыслѣ вел. князя московскаго строить города на нашемъ грунтѣ» (стр. 84).

Не все въ этомъ построеніи представляется безспорнымъ; отдѣльные пункты его способны вызвать нѣкоторое сомнѣніе, еще усиливающееся при сопоставленіи отдѣльныхъ положеній автора. Въ самомъ дѣлѣ, заявляя, что вся тяжесть борьбы съ татарами и тур-

ками падала на одно южно-русское населеніе, онъ признаетъ однако же нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и Литвы и Польши. Послѣдняя, по его мнѣнію, защищала только «собственные предѣлы», но вѣдь въ эти предѣлы входила часть ю. Руси; при томъ же условіи, что Польша и Литва въ данное время составляли отдѣльныя государства, связанныя только союзомъ, защита однѣхъ своихъ границъ каждымъ изъ этихъ государствъ отъ набѣговъ является дѣломъ вполнѣ естественнымъ; совмѣстныя же дѣйствія союзниковъ проявлялись по преимуществу въ попыткахъ наступательнаго движенія на югъ, попыткахъ, существованія которыхъ не отрицаетъ и г. Будановъ. Фактъ опустошенія Украйны и малой интензивности въ защитѣ ея остается, конечно, на лицо, но мало знать фактъ, надо знать и его причины, и объ этихъ причинахъ упоминаетъ иногда и самъ авторъ, хотя только мелькомъ, какъ бы случайно проговариваясь объ нихъ. Указывая на причины малой успѣшности въ дѣйствіяхъ Литовскаго государства по защитѣ южныхъ границъ, г. Будановъ вспоминаетъ и о томъ, что, подчиняясь чужимъ интересамъ, оно истощало свои силы въ борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, также отчасти вызванной уніею Литвы съ Польшей» (стр. 3); говоря о времени Сигизмунда, онъ замѣчаетъ, что «все вниманіе вел. князя и всѣ силы государства были обращены на борьбу съ Москвою» (стр. 14), но затѣмъ онъ и забываетъ объ этомъ фактѣ. А между тѣмъ въ немъ скрывается не малая важность для разрѣшенія поставленнаго г. Будановымъ вопроса. Другое дѣло, каковы были причины борьбы Литвы съ Москвою, хотя врядъ ли эти причины можно сводить на подчиненіе Литвы чужимъ интересамъ и тѣмъ менѣе на унію Литвы съ Польшей: борьба началась раньше заключенія этой уніи и, слѣдовательно, послѣдняя никакъ не могла вызвать ее, хотя бы отчасти, а скорѣе сама была произведеніемъ этой борьбы и, въ дальнѣйшемъ, однимъ изъ условій, ее сопровождавшихъ. Во всякомъ случаѣ борьба эта существовала и должна была отвлекать средства государства въ другую сторону. Мы не можемъ не усумниться и въ желаніи защищать Украину, которое г. Будановъ приписываетъ Московскому правительству. Едвали Московское правительство, которому втеченіе долгаго времени приходилось вести борьбу съ Литвой въ союзѣ съ татарами, могло желать защищать отъ этихъ же татаръ территорію принадлежавшую Литвѣ и Польшѣ. Прежде чѣмъ стремиться «взять въ свои руки дѣло защиты и заселенія Днѣпровскихъ пустынь», ему надо было взять въ свои руки са-

мую страну и, конечно, только въ этомъ смыслѣ можно толковать приведенные почтеннымъ авторомъ факты. Наконецъ, и то обстоятельство, что татарскіе набѣги продолжались и послѣ 1569 г., а въ 1575 г. такой набѣгъ былъ произведенъ въ особенно широкихъ размѣрахъ (при чемъ цифры Стрыйковскаго можно отбросить), кажется намъ не особенно убѣдительнымъ для выставленнаго г. Будановымъ положенія. Единичные факты, сами по себѣ взятые, вообще говорятъ очень мало и на основаніи ихъ трудно придти къ какому-нибудь прочному выводу. Самъ авторъ справедливо приписываетъ Московскому государству преимущество надъ Литвой и Польшей въ дѣлѣ защиты отъ татаръ, и однако Москва въ 1571 г. была сожжена послѣдними. Значитъ ли это однако, что области, объединенныя Москвою, ничего не выиграли въ смыслѣ обезпеченія своей безопасности? Быть можетъ, было бы лучше, еслибы г. Будановъ, вмѣсто ссылки на отдѣльный фактъ, дѣйствительно подвелъ итоги своихъ возраженій противъ опровергаемой имъ гипотезы. Мы съ своей стороны, въ виду высказанныхъ выше соображеній, склонны думать, что такіе итоги не уполномочили бы автора ни на тѣ рѣшительные выводы, которые онъ высказываетъ, утверждая, что «династическое соединеніе Литвы съ Польшею не дало никакихъ благихъ результатовъ для защиты юго-восточныхъ окраинъ обоихъ государствъ» (стр. 209), ни на тотъ рѣзкій тонъ какъ бы обвиненія, въ которомъ написана эта часть его труда.

Мы остановились на первой главѣ предисловія, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ этого требовалъ ея небольшой объемъ и самый вопросъ, въ ней затронутый, но насъ побудило къ этому то соображеніе, что здѣсь особенно ярко выступаютъ какъ общая точка зрѣнія автора, такъ и пріемы его работы. Въ дальнѣйшемъ то и другое уяснится намъ еще болѣе.

Вторая глава изслѣдованія г. Буданова посвящена уже самой колонизаціи, трактуя именно вопросъ объ общемъ ея ходѣ и степени успѣшности. Разсмотрѣнію этого вопроса авторъ предпосылаетъ однако краткую характеристику тѣхъ источниковъ, на которыхъ основываются его заключенія, т. е. люстрацій и тарифовъ. Между этими двумя родами переписей имѣется коренное различіе: люстраціи описываютъ только коронныя имѣнія и ихъ населеніе, тарифы перечисляютъ населеніе всѣхъ городовъ и селъ, какъ коронныхъ, такъ и владѣльческихъ. Такимъ образомъ люстраціи не даютъ еще возможности представить себѣ полную картину населенія, хотя бы даже приблизитель-

но, такъ какъ нельзя вывести коэффиціентъ той поправки, какую надо внести въ ихъ цифры, чтобы получить дѣйствительныя, распространяющіяся на всю мѣстность. Какъ далеко можетъ иногда заходить эта разница, показываетъ хотя бы слѣдующій примѣръ: по люстраціямъ 1565 г. въ каменецкомъ повѣтѣ было 44 села и 5 пустыхъ селищъ, по тарифамъ 1530 г. въ немъ же числилось 153 сельскихъ поселенія, а по тарифамъ 1542 г.—179 (с. 34). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ дѣйствительное число поселеній оказывается въ $3^1/_2$—4 раза больше занесеннаго въ люстраціи, но ничто не можетъ ручаться за то, что въ иныхъ случаяхъ разница достигаетъ еще болѣе значительной величины. Понятно, какъ мало можно при такихъ условіяхъ питать надежду на самое приблизительное опредѣленіе количества населенія въ его цѣломъ по люстраціямъ. Между тѣмъ для повѣтовъ литовскихъ имѣются только однѣ люстраціи, по которымъ въ 6 повѣтахъ оказывается 208 поселеній, въ числѣ которыхъ и 80 пустыхъ селищъ; въ поселеніяхъ этихъ числится 3399 домовъ или до 17.000 душъ населенія обоего пола (с. 33). Г. Будановъ самъ отказывается признать это количество цифрой дѣйствительнаго населенія, въ силу какъ указанной неполноты свѣдѣній люстрацій о населеніи, такъ и существованія въ Украйнѣ бродячаго населенія, не попадавшаго въ перепись. Къ этимъ двумъ соображеніямъ, изъ которыхъ второе распространяется уже и на тарифы, можно прибавить еще третье, равнымъ образомъ общее для обоихъ этихъ видовъ переписей и заключающееся въ томъ, что владѣльцы, по показаніямъ которыхъ составлялись онѣ, могли умышленно скрывать дѣйствительное число своихъ крестьянъ и сообщать люстраторамъ невѣрныя свѣдѣнія, руководясь въ этомъ случаѣ личными своими выгодами. Подобные примѣры мы находимъ въ этихъ же самыхъ люстраціяхъ: такъ, напримѣръ, при люстраціи браславскаго повѣта, по показаніямъ владѣльцевъ, крестьянъ во всемъ повѣтѣ не оказалось; этому не повѣрилъ люстраторъ, имѣемъ всѣ основанія не вѣрить и мы. Источники въ силу своихъ свойствъ даютъ слѣдовательно весьма шаткій базисъ для статистическихъ вычисленій и эта шаткость его еще увеличится въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе еще на одну ихъ сторону. Въ источникахъ мы имѣемъ обыкновенно дѣло не съ цифрой населенія, а съ цифрой обработываемыхъ участковъ—«плуговъ» или «лановъ». Обыкновенно «ланъ» или «плугъ» принимаютъ равнымъ двумъ крестьянскимъ хозяйствамъ, но уже г. Яблоновскій отмѣтилъ, что такое соотвѣтствіе не всегда имѣетъ мѣсто, и въ изданныхъ имъ до-

кументахъ дѣйствительно встрѣчаются случаи, когда на плугъ считается 1 крестьянинъ, 3 и даже 30 крестьянъ (Źródła Dziejowe, XIX, s. 194 — 5, 192). Это замѣчаніе подтверждаетъ въ свою очередь и г. Будановъ, путемъ сличенія люстрацій 1565 г., въ которыхъ перечислены жители поименно, съ тарифами того же года, гдѣ показано количество плуговъ, и приходитъ къ тому же выводу относительно отсутствія строгаго соотвѣтствія между числомъ плуговъ и хозяевъ (с. 70), хотя въ его примѣрахъ и не имѣется такихъ рѣзкихъ колебаній.

Таковы свойства люстрацій и тарифовъ, поскольку они представляютъ изъ себя источники для статистики населенія. Какъ мы видимъ, эти свойства или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ не укрылась отъ вниманія г. Буданова, и это обстоятельство побудило его впредь ограничить свои выводы, основанные на такомъ матеріалѣ. По его собственнымъ словамъ, общія цифры, добытыя изъ люстрацій литовскихъ повѣтовъ, «не даютъ полнаго представленія о населеніи Украйны» (с. 33), а «населенность Подолья не можетъ быть выведена съ полною точностью..., ибо нельзя установить точнаго метода для вычисленія» (с 69). Казалось бы, этимъ самымъ устанавливается тотъ фактъ, что всякіе итоги, полученные изъ цифровыхъ данныхъ источниковъ, могутъ имѣть очень приблизительное значеніе и во всякомъ случаѣ уже не даютъ опоры для сколько-нибудь широкихъ выводовъ. На дѣлѣ однако оказывается не такъ: десятки страницъ авторъ посвящаетъ опредѣленію количества населенія Украйны, опредѣляетъ это количество въ 17.000 душъ для литовскихъ повѣтовъ, хотя тутъ же и прибавляетъ, что эта цифра не можетъ быть принята, разсматриваетъ населенность отдѣльныхъ повѣтовъ и сравниваетъ ихъ между собою, стараясь опредѣлить причины различія въ степени населенности ихъ, точно также опредѣляетъ количество душъ въ повѣтахъ и городахъ польскаго Подолья и, наконецъ, указываетъ въ цифрахъ постепенное движеніе успѣховъ заселенія Подолья за 100 лѣтъ, съ 1493 по 1588 годъ. Эти послѣднія цифры приводятъ автора къ тому выводу, что за данный промежутокъ времени «какъ число селеній, такъ и обработанныхъ участковъ возросло почти въ два раза» (стр. 72). Цѣнность всѣхъ этихъ вычисленій и выводовъ обусловливается, конечно, сдѣланными оговорками, но авторъ не ограничивается ими и опираетъ на своихъ выкладкахъ гипотезы, не имѣющія ничего общаго со статистикой. Замѣтивъ именно, что въ южной и восточной части Подолья имѣется весьма значи-

чительное количество мелкихъ шляхетскихъ владѣній, располагающихъ всего двумя—однимъ плугами, а то и совсѣмъ остающихся безъ крестьянъ, авторъ замѣчаетъ объ ихъ владѣльцахъ—польскихъ шляхтичахъ: «всѣ они однако (изъ цѣлей политическихъ болѣе, чѣмъ культурныхъ) получили участки земли для заселенія и поневолѣ держатся на мѣстахъ, не имѣя другаго выхода» (с. 69). Въ такомъ видѣ фраза эта представляетъ не болѣе, какъ гипотезу, ни на чемъ еще не обоснованную, но авторъ старается найти ей доказательство въ статистикѣ населенія. Въ 1493 г. въ польскомъ Подольѣ было, по его вычисленію, 216 селъ и въ нихъ 2354 дымовъ, а въ 1530—1542 гг. онъ насчитываетъ 374 села и въ нихъ 1030 плуговъ. Отсюда онъ заключаетъ, «что увеличеніе числа селеній не всегда сопровождается увеличеніемъ числа населенія, чѣмъ и подтверждается наша мысль объ извѣстномъ увеличеніи поселковъ чрезъ раздачу земель польскимъ шляхтичамъ» (с. 72). Такое заключеніе было бы правильно лишь въ томъ случаѣ, еслибы возможно было принять постоянную величину плуга въ два хозяйства или дыма, противъ чего ратовалъ г. Будановъ на 70 стр. своего предисловія. Разъ же отношеніе плуга къ числу жителей съ точностью намъ неизвѣстно, разъ плугъ представляетъ «шаткое основаніе для счисленія населенія», то нельзя дѣлать и подобныхъ заключеній, рискуя иначе попасть въ положеніе человѣка, рѣшающаго задачу однимъ уравненіемъ съ двумя неизвѣстными. Не совсѣмъ понятной представляется намъ и высказанная г. Будановымъ мысль объ «искусственномъ увеличеніи поселковъ». Нужно ли это понимать такъ, что польское правительство хотѣло отвести глаза будущимъ изслѣдователямъ колонизаціи? Если же не такъ, то почему это увеличеніе искусственное, когда даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ крестьянъ не было, владѣлецъ обрабатывалъ землю самъ или съ помощью челяди, или, наконецъ, отдавалъ ее въ аренду прихожимъ людямъ? Во всѣхъ этихъ случаяхъ заселеніе очевидно происходило. Послѣдній выводъ автора по отношенію къ успѣхамъ колонизаціи таковъ: «успѣхи колонизаціи въ XVI в. менѣе замѣтны, чѣмъ въ XIV и XV вв. Польское правительство удѣляетъ болѣе вниманія колонизаціи Подолья, но исключительно землевладѣльческой и только съ цѣлями политическими, т. е. для полонизаціи края. Оттого результаты этихъ усилій далеки отъ желаемой высоты». (с. 209). Послѣ всего сказаннаго уже по этому поводу, пожалуй, даже лишнее повторять, что мы не считаемъ возможнымъ вполнѣ согласиться въ данномъ случаѣ съ авторомъ. Первая часть его вывода основана на данныхъ сли-

шкомъ приблизительныхъ, для того, чтобы могла быть принята, а вторая не имѣетъ, на нашъ взглядъ, подъ собою никакихъ основаній.

Раньше, чѣмъ перейти теперь къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ г. Буданова на колонизацію, мы должны упомянуть еще объ одной подробности, входящей въ содержаніе второй главы его предисловія и заключающейся именно въ географическомъ описаніи отдѣльныхъ повѣтовъ. Описаніе это ограничивается однако въ большинствѣ перечисленіемъ селъ повѣта, упомянутыхъ въ источникахъ, и самымъ общимъ опредѣленіемъ границъ его, лишь въ рѣдкихъ случахъ идущимъ дальше указанія другихъ пограничныхъ съ нимъ повѣтовъ. Г. Будановъ самъ заявляетъ, что «до появленія карты г. Яблоновскаго онъ не берется опредѣлять границы повѣтовъ съ точностію» (с. 59), и въ виду этого эта часть его труда не можетъ имѣть особаго значенія.

Разъ признавъ, какъ фактъ, уменьшеніе успѣховъ колонизаціи, ихъ недостаточность, г. Будановъ отыскиваетъ причину этого и находитъ ее въ способахъ колонизаціи. Уже въ первыхъ строкахъ третьей главы своего труда онъ указываетъ искомую причину слѣдующимъ образомъ: «недостаточность успѣховъ колонизаціи объясняется несоотвѣтствіемъ мѣръ и способовъ колонизаціи со степенью опустошеній. Что касается до литовской Украйны, то со времени уничтоженія кіевскаго княжества здѣсь ослабляются правительственныя мѣры для защиты страны (разумѣемъ постройку и исправное содержаніе замковъ); ослабляются городскія общины чрезъ разложеніе ихъ личныхъ и имущественныхъ средствъ; искусственно развивается землевладѣльческій классъ въ ущербъ городскихъ общинъ и государственныхъ средствъ; наконецъ, сюда надо присоединить невниманіе къ частной свободной колонизаціи, такъ называемой козацкой». (стр. 73). Вся третья глава и представляетъ изъ себя развитіе и документированіе выставленныхъ положеній, не всегда, на нашъ взглядъ, удачное и довольно часто переходящее въ преувеличеніе. Чтобы не распространяться черезчуръ подробно, мы остановимся только на наиболѣе важныхъ и яркихъ пунктахъ несогласій нашихъ съ уважаемымъ авторомъ.

Правительственныя мѣры по отношенію къ колонизаціи выражались въ трехъ формахъ: постройкой и содержаніемъ замковъ, назначеніемъ старостъ и содержаніемъ людей для защиты замка и окружающей его мѣстности. Всѣ эти, мѣры, по мнѣнію г. Буданова, въ рукахъ польскаго и литовскаго правительствъ оказывались неудач-

ными и не достигали своей цѣли: «правительство строило и содержало украинные замки очень небрежно» (стр. 209); старосты представляли изъ себя не только орудіе государственной власти, сколько «кормленщиковъ-правителей», и мало способствовали установленію государственнаго порядка въ управленіи, а, слѣдовательно, и успѣхамъ колонизаціи; наконецъ, призывъ служилаго населенія въ украйны, выразившійся главнымъ образомъ въ назначеніи гарнизоновъ въ замки, «ограничился весьма незначительными размѣрами, а въ національномъ отношеніи приносилъ вредъ, вводя безъ нужды въ украинное населеніе чужеземный элементъ». (стр. 101). Уже первое изъ этихъ положеній подвергается существенному ограниченію на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ самимъ же авторомъ. Въ трехъ повѣтахъ польскаго Подолья мы встрѣчаемъ три сильныхъ и хорошо укрѣпленныхъ замка: Каменецъ, Баръ и Хмельникъ. Что касается повѣтовъ литовскихъ, то люстраціи представляютъ дѣйствительно здѣшніе замки довольно часто въ печальномъ видѣ, но эти же люстраціи указываютъ и примѣры успѣшныхъ заботъ правительства по постройкѣ и исправленію замковъ (стр. 85—7, 77, 81, 83). Равнымъ образомъ и среди старостъ самъ г. Будановъ отмѣчаетъ нѣсколькихъ лицъ, которые умѣло вели дѣло защиты ю. Руси отъ татарскихъ и турецкихъ набѣговъ; такими въ его изложеніи являются Евстафій Дашкевичъ и кн. Дмитрій Вишневецкій—въ Черкасахъ, Предславъ Ляндскоронскій, староста Хмельницкій, и Бернаръ Претвичъ, староста барскій. Дѣятельности этихъ лицъ авторъ находитъ однако особое объясненіе, заключающееся въ томъ, что они «не справлялись съ тогдашними видами политики виленскаго и краковскаго правительства», а «ходили въ козаки» (стр. 92), дѣйствовали вмѣстѣ съ козаками и какъ эти послѣдніе, иные же, вродѣ кн. Дм. Вишневецкаго, представляли собою «чистый типъ козака» (стр. 94). О взглядахъ автора на козачество намъ придется еще говорить ниже, пока же замѣтимъ только, что такая подстановка причинъ дѣятельности названныхъ старостъ кажется намъ нѣсколько произвольною и, прежде чѣмъ производить ее, слѣдовало бы, можетъ быть, не только сказать, но и доказать, что эти лица имѣли дѣйствительно внутреннюю органическую связь съ козачествомъ и являлись представителями его, а не польскаго государственнаго организма.

Нѣсколько сложнѣе уже представляется вопросъ о служилыхъ людяхъ въ украинныхъ повѣтахъ. Такіе служилые люди были двухъ

разрядовъ: во первыхъ, инородцы, присылаемые правительствомъ въ качествѣ гарнизона замка—поляки, нѣмцы и чехи, во вторыхъ, мѣстные уроженцы, изъ которыхъ по преимуществу составлялся классъ «слугъ» и «служекъ». По отношенію къ первымъ авторъ замѣчаетъ, что они вносили въ мѣстное населеніе чуждый элементъ и тѣмъ были вредны. Не отрицая возможности такой точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ замѣтить однако, что самъ авторъ не всегда выдерживаетъ ее, замѣчая, напр., по поводу барскаго старосты Претвича, силезца родомъ: «вмѣсто благодарности за его дѣйствительные подвиги по защитѣ границъ, польское дворянство преслѣдовало его и настаивало на удаленіи, какъ чужеземца» (стр. 95); въ этомъ случаѣ польское дворянство стояло на той же точкѣ зрѣнія, какую занимаетъ г. Будановъ по отношенію къ польскимъ гарнизонамъ, и притомъ тѣмъ болѣе понятной, что староста по обычаю назначался изъ мѣстныхъ жителей, такъ что приведенное обвиненіе странно звучитъ въ устахъ автора. «Слуги» въ литовскихъ повѣтахъ и «служки» въ польскомъ Подольѣ представляли собою классъ людей, получавшихъ земельные участки отъ государства съ обязательствомъ нести военную службу. Г. Будановъ склоненъ усматривать реальную разницу между двумя этими названіями: слуги и служки. «Обязанность ихъ, говоритъ онъ про послѣднихъ, служить замку «конемъ», но уже не столько на войнѣ, какъ при разныхъ послугахъ замку, напр. ѣздить съ письмами и проч.» (стр. 99). Показанія документовъ врядъ ли однако уполномочиваютъ на такое заключеніе: уже въ тѣхъ двухъ примѣрахъ, которые приводитъ авторъ въ подтвержденіе своей мысли, обязанности служекъ опредѣляются въ одномъ, какъ «замковыя службы», а въ другомъ точнѣе—держать сторожу на границѣ и ѣхать, куда прикажетъ подстароста. Въ документахъ же можно найти и болѣе яркія указанія: такъ, въ д. Должекѣ каменецкаго староства люстрація 1565 г. называетъ 5 служекъ и опредѣляетъ ихъ повинности слѣд. образомъ: «служки, которые ничего не даютъ, только ѣздятъ съ письмами, куда прикажутъ, и стерегутъ на границахъ» (стр. 175 актовъ). Охрана границъ уже сама по себѣ представляетъ, конечно, военную службу, но ею не ограничивались еще обязанности служекъ. По крайней мѣрѣ вотъ что читаемъ мы въ люстраціи Кременца 1565 г. о повинностяхъ служекъ д. Осниковъ: «они должны служить путную службу каждый отдѣльно конемъ съ тѣхъ ихъ земель, которыми они владѣютъ по прежнему распредѣленію, и должны ѣздить съ пись-

мами его корол. милости и съ письмами и посланниками правительственными по очереди, когда имъ прикажетъ управленіе, а во время опасности отъ непріятеля его корол. милости быть въ замкѣ и при замковомъ старостѣ или его подстаростѣ выѣзжать изъ замка противъ непріятеля его корол. милости и держать стражу отъ людей непріятельскихъ тамъ, гдѣ и прежде стерегли и гдѣ имъ приказано будетъ отъ старосты или его чиновника... А на войну замковое управленіе его корол. милости посылать ихъ не должно и никакихъ другихъ службъ и повинностей не должно на нихъ накладывать сверхъ этого нынѣшняго постановленія»... (стр. 118—119 актовъ). Приведенный текстъ съ достаточной ясностью обрисовываетъ положеніе служекъ: это своего рода мѣстная милиція, въ мирное время стерегущая границы и исполняющая порученія мѣстныхъ властей, главнымъ образомъ въ дѣлѣ пересылки писемъ, а въ военное—служащая при замкѣ въ качествѣ его гарнизона, но не посылаемая въ дальніе походы. То обстоятельство, что такое опредѣленіе обязанностей служекъ мы находимъ не въ границахъ отдѣленныхъ г. Будановымъ украинныхъ повѣтовъ, врядъ ли имѣетъ особое значеніе, такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, чтобы эти отношенія складывались различнымъ образомъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Никакой существенной разницы между повинностями слугъ и служекъ такимъ образомъ не оказывается, тѣмъ болѣе, что повинности слугъ опредѣляются иногда такъ же только перевозкой писемъ. Такъ, въ описаніи кременецкаго замка въ люстраціи 1552 г. читаемъ: «з росказанья королевое ее милости обобрано мужиковъ тяглыхъ 24 и въчинено ихъ слугами для посыланья и доведанья вестей и для ношенья листовъ где жъ кольвекъ» (стр. 29 актовъ). Точно также трудно было бы намъ согласиться и съ другимъ различіемъ, которое, хотя и не такъ уже прямо, проводитъ между слугами и служками г. Будановъ. На стр. 28 его предисловія мы узнаемъ отъ него, что слуги XV вѣка «не требовали никакихъ сословныхъ привилегій и даже нѣкоторые изъ нихъ временно давали подымщину», а на 99 стр. онъ называетъ служекъ XVI вѣка «классомъ, открывавшимъ дорогу къ привилегированному положенію», а нѣсколькими строками ниже мы узнаемъ, что и служки иногда бывали «не вполнѣ освобождены отъ податей, именно: должны давать подымное и пушкаровщину». Въ виду такого, до послѣднихъ мелочей одинаковаго, положенія и повинностей слугъ и служекъ врядъ ли удобно выдѣлять ихъ въ особые разряды и придавать имъ столь

различные опредѣляющіе термины. На нашъ взглядъ слуги и служки, отличаясь одни отъ другихъ только названіями, составляли одинъ разрядъ населенія. Авторъ ставитъ еще въ виду государству уменьшеніе количества слугъ въ XVI вѣкѣ, но самъ же замѣчаетъ, что «слуги могли превращаться въ бояръ, а бояре въ земянъ». (стр. 99).

Въ тѣсной связи съ этимъ находится взглядъ автора на городскую и землевладѣльческую колонизацію. Рисуя распаденіе общиннаго городскаго землевладѣнія въ XVI в., послѣдовавшее отсюда обѣднѣніе городовъ и потерю ими значенія для колонизаціи, авторъ видитъ вину этого въ правительствѣ, искусственно развившемъ частное землевладѣніе изъ цѣлей, имѣвшихъ мало общаго съ колонизацiей страны. Для Литвы такою цѣлью было образованіе большой подвижной арміи, необходимой въ борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, для Польши—«главнымъ было, очевидно, побужденіе политическое, т. е. полонизація края». Послѣдній выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи того факта, что въ люстраціи хмельницкаго повѣта 1565 г. отмѣчено, что нѣсколько селъ «розданы королемъ нѣкоторымъ панамъ и шляхтичамъ польскимъ». Не отрицая всецѣло у польскаго правительства «колонизаціоннаго мотива», отводя ему даже «видное мѣсто», такъ какъ онъ очень часто проявляется въ актахъ при пожалованіи напр. имѣній подъ условіемъ заселенія, г. Будановъ думаетъ однако въ то же время, что «указанные мотивы (стремленія къ заселенію страны) могли быть и здѣсь только второстепенными». Шаткость и произвольность подобныхъ построеній, всецѣло основанныхъ на предположеніяхъ, слишкомъ очевидна, чтобы ее надобно было еще доказывать. Силы частныхъ владѣльцевъ, къ которымъ обратилось государство, также не принесли пользы дѣлу колонизаціи ю. Руси. Раздача общинныхъ земель частнымъ лицамъ имѣла «отрицательные результаты для колонизаціи», говоритъ г. Будановъ на стр. 128. «Государственная общинно-городская земля, повторяетъ онъ на стр. 136, переходила въ частныя руки безъ видимой пользы для колонизаціи». Между тѣмъ самъ же онъ приводитъ факты, противорѣчащіе этому общему положенію: такъ, онъ сообщаетъ, что Гуляльники были отданы воеводой кіевскимъ кн. Острожскимъ въ 1560 г. нѣкоему Мотовидлу «на осадство» и заселены имъ въ дѣйствительности, причемъ получили и новое имя Мотовиловки (стр. 130); что владѣніе, образовавшееся изъ пожалованныхъ боярину Ѳедору Тышѣ селищъ Ходоркова и Криваго, «разрослось впослѣдствіи на всю окрестность», причемъ въ

Ходорковѣ былъ построенъ замокъ и около него «кристаллизовалась мѣстная колонизація»; что кн. Збаражскій-Верещинскій устроилъ въ своихъ владѣніяхъ, именно въ Фастовѣ и Черногородкѣ, замки и въ 1593 г. отразилъ нападеніе крымской орды, которою предводительствовалъ самъ ханъ, (стр. 131) и т. д. Эти факты далеко не соотвѣтствуютъ тому рѣшительному общему положенію, которое мы привели выше, и такое противорѣчіе не устраняется ни попыткой автора свести общіе итоги крестьянской колонизаціи съ помощью частныхъ владѣльцевъ, такъ какъ значеніе этихъ цифръ уже указано нами выше, ни указаніемъ на стремленіе землевладѣльцевъ нѣкоторыхъ мѣстностей (точнѣе—винницкаго повѣта) къ установленію прикрѣпленія крестьянъ. Вполнѣ полагаясь на заявленіе пановъ люстратору въ 1545 г., что они не имѣютъ никакой выгоды отъ крестьянъ при существованіи свободнаго перехода, г. Будановъ заключаетъ отсюда, что слѣдовательно имъ незачѣмъ было заботиться и о привлеченіи колонистовъ. (стр. 145). Между тѣмъ болѣе внимательное отношеніе къ опредѣленіямъ повинностей крестьянъ въ люстраціяхъ могло бы вывести его изъ этого заблужденія. Довѣріе г. Буданова къ показаніямъ его источниковъ въ томъ случаѣ, когда они указываютъ на невыгодное положеніе населенія, доходитъ даже до того, что на основаніи упоминанія о взаимныхъ грабежахъ на границахъ литовскихъ и польскихъ владѣній онъ считаетъ возможнымъ говорить о «постоянной партизанской (? sic) войнѣ» между пограничнымъ населеніемъ двухъ украйнъ. (стр. 148).

Какъ мы видимъ, взгляды автора на счетъ недостатковъ правительственной, городской и частновладѣльческой колонизаціи далеко не такъ прочно обоснованы, чтобы могли безъ ущерба выдержать критику. Авторъ однако убѣжденъ въ ихъ справедливости и видитъ болѣе успѣшный способъ колонизаціи только въ движеніи самихъ народныхъ массъ, въ колонизаціи козацкой. Когда правительство, города и частные владѣльцы оказались безсильны въ своихъ попыткахъ произвести заселеніе южныхъ окраинъ, тогда, по мнѣнію г. Буданова, явились «усилія народныхъ массъ колонизовать южныя пустыни самостоятельно, на собственный рискъ» (стр. 160); эти усилія выразились козацкимъ движеніемъ въ степи и повели впередъ то дѣло, отъ котораго отступились другія правительственныя и общественныя силы. Козачество и козацкая колонизація являются такимъ образомъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ изложеніи г. Будановымъ хода колонизаціи, завершаютъ собою зданіе его научныхъ

построеній по этому поводу. Въ виду этого мы попытаемся пристальнѣе приглядѣться къ этой части его изслѣдованія и провѣрить тщательнѣе заключающіеся въ ней выводы.

Прежде всего, что такое козакъ, какъ членъ гражданскаго общества, какое мѣсто занималъ онъ въ послѣднемъ въ данную эпоху? «Козакъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Будановъ, и здѣсь, какъ на сѣверѣ (напр. въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря)—батракъ, человѣкъ бездомный, бобыль» (стр. 47). «Козакомъ вообще назывался, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, бездомный и безсемейный пришелецъ» (стр. 160). Въ этихъ двухъ опредѣленіяхъ уже есть нѣкоторое, хотя и не особенно чувствительное, различіе, но посмотримъ, на сколько то и другое изъ нихъ оправдывается свидѣтельствомъ источниковъ. Въ грамотѣ Сигизмунда I Василію Тышкевичу, передающей жалобы черкасскихъ мѣщанъ и козаковъ на Евстафія Дашкевича и отмѣняющей учрежденныя послѣднимъ насилія, между прочимъ, передается и такая жалоба: «pan Ostafiey dey z každoho z nich y z naymitow ich y z kozakow po kunicy abo po lisicy biral...» (стр. 368 актовъ). Въ этомъ случаѣ козакъ и наймитъ поставлены рядомъ, какъ понятія, взаимно другъ друга исключающія и ни въ какомъ случаѣ уже не тожественныя. Съ другой стороны и понятіе неосѣдлости вовсе не соединяется неразлучно съ именемъ козака: въ люстраціи хмельницкаго староства 1565 г. въ д. Летникѣ мы встрѣчаемъ корчмаря козака (стр. 155 актовъ), въ с. Лысогорцахъ крестьянина—козака (стр. 161 ib.), въ слободкѣ Селищѣ—тоже (стр. 222 ib.). Авторъ, правда, объясняетъ эти послѣдніе факты такимъ образомъ, что часть главной бродячей массы примкнула въ этомъ случаѣ къ крестьянскимъ общинамъ (стр. 162), но это не болѣе, какъ предположеніе, не уничтожающее того факта, что съ козачествомъ не соединяется неизбѣжно бродяжничество. Въ другомъ случаѣ, впрочемъ, самъ авторъ далеко отходитъ отъ этого своего положенія, признавая т. н. «подлѣйшихъ бояръ» актовъ «особымъ видомъ козаковъ» (стр. 56) и создавая даже особый терминъ «козаковъ-пановъ» и «козацко-панскаго землевладѣнія» (стр. 120), но и здѣсь остаются не выясненными основанія такой сложной терминологіи. Въ этихъ разнородныхъ опредѣленіяхъ трудно найти какой-нибудь точный и постоянный признакъ, который бы дѣйствительно былъ основанъ на показаніяхъ источниковъ и позволялъ выдѣлить козаковъ въ особый классъ. Г. Будановъ какъ будто пытается еще указать такой признакъ, говоря о «козацкой, т. е. об-

щинно-военной службѣ» (стр. 162), но за полнымъ отсутствіемъ у него всякихъ ближайшихъ опредѣленій этого несовсѣмъ яснаго термина мы не можемъ принять и этого признака. Между тѣмъ акты позволяютъ, намъ кажется, опредѣлить роль и общественное положеніе козаковъ если и не вполнѣ точно, то по крайней мѣрѣ съ бо́льшею точностью, чѣмъ это дѣлаетъ г. Будановъ. Ни батрачество, ни бродяжничество, ни даже военная служба сами по себѣ еще не являются достаточными признаками для опредѣленія козака: козакъ можетъ служить въ наймитахъ и не служить, не имѣть осѣдлости или имѣть ее, можетъ и не ходить на войну, оставаясь козакомъ (въ люстраціи каневскаго повѣта упоминаются такіе козаки, не ходящіе въ козацтво); роль, въ которой козаки являются въ актахъ постоянно, есть роль промышленниковъ: они владѣютъ уходами, пасѣками, бобровыми гонами, занимаются охотой; занятія этими промыслами въ опасной пограничной странѣ неизбѣжно соединены съ готовностью къ самооборонѣ и самыя промышленныя предпріятія легко обращаются въ военные походы. Таковъ общій характеръ козачества, но онъ не исключаетъ, конечно, возможности для отдѣльныхъ лицъ этого класса переходить въ наймиты и даже въ тяглые крестьяне. Само собою разумѣется, и такое опредѣленіе есть лишь гипотеза, и притомъ не совсѣмъ и новая, но мы только и хотѣли указать, что факты, заключающіеся въ изданныхъ г. Будановымъ документахъ, способны подтвердить подобное предположеніе.

У г. Буданова мы встрѣчаемъ и указанія на тѣ мѣстности, откуда, по его мнѣнію, вышло козачество, но эти географическія указанія еще гораздо болѣе неопредѣленны и неясны, чѣмъ опредѣленіе соціальнаго положенія козаковъ. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія онъ отмѣчаетъ случай названія козаковъ въ Прибужьѣ «Болоховцами» и немедленно заявляетъ, что это имя было «особеннымъ спеціальнымъ названіемъ козаковъ въ этихъ мѣстахъ». Этимъ именемъ, прибавляетъ авторъ, обозначаются тѣ украинники, предшественники козаковъ, которыхъ поселенія извѣстны были подъ именемъ Болоховской земли въ до-татарское время» (стр. 59). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы узнаемъ со словъ г. Буданова, что «въ при-бужской украйнѣ сохранились и мелкія древне-русскія этнографическія особи, каковы Болоховцы, впрочемъ, въ значеніи не столько племенномъ, сколько сословномъ» (стр. 189). Эти выводы слишкомъ уже широки для того отдѣльнаго факта—упоминанія имени Боло-

ковцевъ,--изъ котораго они дѣлаются, тѣмъ болѣе, что Болоховцы и древней Руси не представляются ясно опредѣленной этнографической особью, а какой смыслъ имѣетъ эта послѣдняя въ сословномъ значеніи—остается совершенно неяснымъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ называетъ г. Баръ «исконнымъ гнѣздомъ козачины», но не поясняетъ, въ силу чего онъ употребляетъ такое названіе.

Наконецъ, третьимъ пунктомъ, съ котораго г. Будановъ пытается опредѣлить козачество, является нравственное или идейное содержаніе послѣдняго. Авторъ указываетъ его прежде всего путемъ сравненія козаковъ съ татарами. «Тѣ и другіе, говоритъ онъ, были бездомные удальцы и луговые пираты; глубокая разница заключалась не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ націяхъ, изъ которыхъ они вышли и по характеру которыхъ опредѣлялись цѣли и значеніе дѣятельности козаковъ обѣихъ странъ: татарскіе козаки были только хищники, русскіе совершали свои набѣги съ двойною цѣлію: изъ видовъ личнаго грабежа и постояннаго стремленія раздвинуть русскіе предѣлы на счетъ «поганства» (стр. 166—7). Если отбросить даже всю неловкость этой фигуральной и немного запутанной фразы, то остается еще неясность понятій. Дѣйствительно ли татары были «только хищники»? Врядъ ли такъ и мы позволимъ себѣ напомнить г. Буданову положенія, высказанныя имъ по этому поводу въ первой главѣ его труда. «Вообще, говоритъ онъ тамъ, въ дѣйствіяхъ Менгли-Гирея виденъ уже государственный смыслъ и цѣли, очевидно подсказанныя изъ Константинополя»; и еще: съ конца XV вѣка крымскіе татары «совершали свои привычные походы на южную Русь уже для двойной цѣли: ради временной добычи и въ угоду турецкому султану“ (стр. 3). Указывая далѣе на то, что въ походахъ на татаръ съ козаками участвовали и люди, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ тогдашняго общества, авторъ говоритъ: «козаковали и сами старосты; не стыдились князья вести жизнь бродниковъ [1]) и изъ этого заключаетъ: «очевидно, тогдашнее лучшее русское общество видѣло въ козакованьѣ не презрѣнный промыселъ разбоя, а богатырство—піонера національнаго движенія на югъ--къ Черному морю» (стр. 167). Такой способъ доказатель-

---

[1]) Къ слову сказать, для насъ не совсѣмъ ясно, зачѣмъ авторъ, говоря о козакахъ, употребляетъ такую массу фигуральныхъ и описательныхъ выраженій: „луговые пираты“, „бродники“, „степовики“, „лугари“ и т. д. Все это выраженія, можетъ быть, и очень красивыя, но мало относящіяся къ тому вопросу, съ какимъ мы имѣемъ дѣло, искорѣе способныя внести въ него фантастическія представленія.

ства не особенно удаченъ, что и подтверждается фактами. Мы видѣли уже, что г. Будановъ всѣхъ храбрыхъ и энергичныхъ украинскихъ старостъ зачислялъ въ козаки; изъ нихъ особенную симпатію онъ чувствуетъ къ кн. Дм. Вишневецкому, котораго и не называетъ иначе, какъ «князь-козакъ» (стр. 84, 93, 94); Вишневецкій, по его словамъ, «чистый типъ козака» (стр. 94), «истинный козакъ по натурѣ» (стр. 169), и однако этотъ самый Вишневецкій служилъ татарамъ, что довольно трудно согласить съ «богатырствомъ піонера національнаго движенія на югъ». Авторъ однако какъ будто и не замѣчаетъ опутывающихъ его противорѣчій и въ послѣднемъ своемъ выводѣ, окончательно отбрасывая первую половину выставленнаго первоначально положенія, заявляетъ, что «вся заслуга послѣдующей колонизаціи степей козачиною безраздѣльно принадлежитъ самимъ народнымъ массамъ, которыхъ влекли сюда не жажда бродяжничества и разбоя, а глубокій и здравый историческій смыслъ» (стр. 176). Четырьмя страницами раньше жажда разбоя числилась у г. Буданова въ числѣ факторовъ, толкавшихъ козаковъ въ степь, а теперь она уже вычеркнута безвозвратно. Изъ такихъ неполныхъ и противорѣчивыхъ опредѣленій трудно вынести сколько-нибудь ясное понятіе о характерѣ козачества, какъ соціальнаго ли класса или какъ представителя идейныхъ стремленій народа.

Слѣдомъ за вопросомъ о характерѣ козачества г. Будановъ рѣшаетъ и другой вопросъ, объ его организаціи. Рѣшительно отрицая предположеніе объ организаціи городовыхъ козаковъ еще Евстафіемъ Дашкевичемъ, онъ приписываетъ начало организаціи козачества никому иному, какъ царю Ивану Грозному. «Первое основаніе сплоченью бродячихъ козацкихъ силъ въ Запорожьѣ, говоритъ онъ, положено царемъ Іоанномъ Грознымъ: идя подъ Очаковъ, дьякъ Ржевскій въ 1556 г. соединилъ подъ своимъ начальствомъ днѣпровскихъ козаковъ, которыми предводительствовали отаманы Млинскій и Михаилъ Есковичъ» (стр. 168). Къ сожалѣнію, мы и въ этомъ пунктѣ не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ: разъ у козаковъ были уже въ это время отаманы, то слѣдовательно была и организація, а стало быть, не царь Грозный положилъ ей начало.

Что касается общаго взгляда г. Буданова на значеніе и успѣшность козацкой колонизаціи, то съ нимъ мы уже познакомились. Отмѣтимъ здѣсь только одну частность, которая поможетъ намъ лучше понять его возникновеніе, а слѣдовательно и оцѣнить его важность. Говоря о положеніи каневскихъ козаковъ, какъ его ри-

суютъ люстраціи, авторъ замѣчаетъ: часть козаковъ остается уже на постоянномъ жительствѣ въ городѣ въ качествѣ слугъ у мѣщанъ и бояръ; остальные, продолжающіе лѣтомъ ходить «въ козацтво», уже должны нести нѣкоторую службу начальству замка. Такъ, неожиданно заключаетъ авторъ, уже здѣсь вольная колонизація стремилась примкнуть къ городской» (стр. 164). Въ первую минуту такой выводъ можетъ показаться просто результатомъ неудачной терминологіи, такъ какъ сразу ясно, что тутъ дѣло не въ стремленіи козаковъ примкнуть къ городу, а въ притягиваніи ихъ къ послѣднему правительствомъ. Вглядѣвшись поближе, не трудно однако видѣть, что приведенное мѣсто находится въ согласіи со всѣмъ остальнымъ текстомъ автора и что терминъ поставленъ имъ въ данномъ случаѣ, если и ошибочно, то не случайно. При условіи подобныхъ пріемовъ авторъ и пришелъ къ тому своему главному выводу, о которомъ мы упомянули выше.

Намъ осталось теперь разобрать еще четвертую главу труда г. Буданова, посвященную опредѣленію направленія колонизаціи и этнографическаго состава населенія южной Руси. Источники не даютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ прямыхъ указаній ни на то, ни на другое, и въ виду этого авторъ прибѣгъ къ особымъ пріемамъ, чтобы добыть изъ нихъ нужныя ему свѣдѣнія. Такихъ пріемовъ у него два: одинъ заключается въ разсмотрѣніи прозвищъ поселенцевъ, причемъ прозвище, заключающее въ себѣ названіе какой-нибудь мѣстности, принимается за указаніе родины носящаго его человѣка, другой представляетъ собою филологическій разборъ именъ и фамилій съ цѣлью опредѣленія національности. Авторъ увѣренъ, что съ помощью этихъ пріемовъ онъ можетъ «безошибочно» опредѣлить направленіе колонизаціи (стр. 173) и «довести точность этнографическихъ наблюденій до крайней степени» (стр. 183). Мы однако не совсѣмъ раздѣляемъ это убѣжденіе, и вотъ почему: прозваніе по мѣстности далеко не всегда заключаетъ въ себѣ указаніе на мѣсто родины; оно можетъ быть дано по имени той мѣстности, гдѣ человѣкъ жилъ передъ послѣднимъ переходомъ своимъ, можетъ зависѣть и отъ многихъ другихъ причинъ. Стоитъ взять любую опись, въ которой имѣются отмѣтки о мѣстѣ родины, чтобы убѣдиться въ этомъ. Беремъ на удачу два примѣра изъ Румянцовской описи: въ с. Великомъ Хуторѣ золотоношской сотни названъ посполитый Федоръ Мошенецъ; судя по имени, онъ долженъ быть уроженцемъ Мошенъ, а на самомъ дѣлѣ въ описи отмѣчено: «родимецъ мѣстечка

Гелмязова» (Библіотека кіев. университета, Румянц. опись, золотоношская сотня, ч. 11, с. Великій Хуторъ, бѣловая опись, л. 30 об.). Или: въ слободкѣ Дуниновской имѣется семья посполитыхъ Жорноклевскихъ; родомъ они однако не изъ села Жорноклей, какъ слѣдовало бы ожидать по фамиліи, а изъ с. Нехаекъ (Ibid., сл. Дуниновская, бѣловая опись, л. 3 об.). Въ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ двѣ очень близкія мѣстности, но дѣло не въ томъ: примѣровъ болѣе рѣзкихъ можно найти массу въ той же Румянцовской описи, а разъ нѣтъ строгаго соотвѣтствія между прозвищемъ поселенца и его родиной, то какъ установить приблизительное значеніе перваго? Еще болѣе затрудненій представляетъ второй пріемъ. Въ одномъ случаѣ самъ авторъ, пользующійся имъ съ цѣлью «довести точность этнографическихъ наблюденій до крайней степени», встрѣтилъ въ этомъ затрудненіе. Въ Кіевѣ, именно по люстраціи 1552 г., оказалось 6 армянскихъ домовъ, но въ то же время нашлись армянскій попъ и армянскіе шпитали, и въ виду этого авторъ находитъ, что «вѣроятно, армянъ было нѣсколько больше и они скрываются уже подъ фамиліями русскими» (стр. 185). Ему однако не приходитъ соображеніе, что то же самое могло быть и съ другими національностями и, находя въ томъ же Кіевѣ католическую церковь, онъ рѣшительно утверждаетъ, что прихожанами ея могли быть только жолнеры гарнизона (стр. 186). Правда и то, что, встрѣтивъ въ кіевскомъ повѣтѣ какого-то Зигмунта, авторъ замѣчаетъ: «можетъ быть это только прозвище» (стр. 175). Врядъ ли это можетъ быть: Зигмундтъ или Сигизмундъ есть польское имя, а не прозвище. Можетъ возникнуть еще сомнѣніе насчетъ правильности этнографическихъ выводовъ за все населеніе по даннымъ люстрацій, охватывающимъ только часть его, но авторъ устраняетъ это сомнѣніе слѣд. заявленіемъ: «думаемъ, что процентныя отношенія, выведенныя изъ люстрацій, имѣютъ одинаковое значеніе для всего населенія», не приводя однако никакихъ доказательствъ, почему можно такъ думать, кромѣ того соображенія, будто «нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ тѣхъ частяхъ территоріи, которыхъ люстраціи не касаются, національныя отношенія имѣли почему-либо иной характеръ» (стр. 201); нѣтъ никакихъ основаній однако предполагать и обратное. Затѣмъ, убѣдившись уже окончательно въ достоинствѣ своего метода, авторъ оперируетъ съ нимъ надъ источниками и съ точностью до одной цѣлой опредѣляетъ процентное отношеніе различныхъ національностей, вошедшихъ въ составъ населенія украин-

ныхъ повѣтовъ, причемъ на долю русской народности въ повѣтахъ литовскаго государства приходится 96%, польской—2%, восточныхъ инородцевъ—1% и т. д. Къ сожалѣнію, мы должны повторить, что мы не можемъ относиться съ такимъ довѣріемъ, какъ г. Будановъ, къ этому методу. Дѣло въ томъ, что имена очень легко вообще поддаются акклиматизаціи и такимъ образомъ критерій различія ускользаетъ изъ рукъ. Это нетрудно и доказать. Въ той же Румянцовской описи, примѣры изъ которой мы уже приводили, въ с. Вознесенскомъ золотоношской сотни переяславскаго полка въ числѣ посполитыхъ Дм. Бѣлухи записанъ м. пр. Степанъ Степанчукъ; по имени и фамиліи всѣ, и, конечно, и самъ г. Будановъ, приняли бы его за малоросса, но въ отмѣткѣ о мѣстѣ рожденія читаемъ: «родимецъ польской области, с перехристовъ» (Р. О. переясл. п. золотон. с., ч. 12). Въ этомъ случаѣ исчезло хотя вѣроисповѣдное различіе, но можно привести примѣры еще болѣе рѣзкіе и притомъ болѣе близкіе. Въ изданной г. Будановымъ люстраціи Кременца 1563 г. мы находимъ въ числѣ именъ жителей и такія: «Bogdan żyd, Marko żyd»; (стр. 46 актовъ); если отбросить здѣсь это опредѣляющее національность слово, то, пользуясь методомъ г. Буданова, надо будетъ и этихъ евреевъ отчислить къ малороссіянамъ. Все сказанное даетъ намъ, повидимому, право утверждать, что орудіе, употребленное г. Будановымъ, слишкомъ грубо и примитивно для тѣхъ точныхъ выводовъ, которые онъ хотѣлъ произвести съ его помощью, благодаря чему и самые выводы лишаются въ значительной степени своей достовѣрности.

Это замѣчаніе сохраняетъ свою силу и для выводовъ г. Буданова по отношенію къ украиннымъ польскимъ повѣтамъ, избавляя насъ отъ обязанности разбирать заключенія, дѣлаемыя здѣсь авторомъ. Вмѣсто того мы остановимся на полемикѣ, какую ведетъ г. Будановъ съ г. Яблоновскимъ по вопросу о числѣ и условіяхъ существованія православнаго духовенства на Подольѣ. Происхожденіе ея таково: г. Яблоновскій обнародовалъ въ XIXтомѣ Zródla dzijeowe тарифы 1530—1542 гг. Изъ сводки и сличенія заключающихся въ нихъ данныхъ о числѣ православнаго духовенства оказалось, что на Подольѣ 1 попъ приходится на 4 села, а на Волыни 1 попъ—на 5 селъ; при этомъ наименьшее количество православнаго духовенства на Волыни приходилось на имѣнія кн. Острожскихъ, а наибольшее на имѣнія католическихъ епископовъ. По этому поводу г. Яблоновскій замѣчаетъ: «показаніе случайное, но выразительное,

что въ религіозномъ отношеніи лучше было (для православныхъ) подъ непосредственной властью Короны». Отвѣтъ пр. Буданова на это замѣчаніе такъ характеренъ, что мы позволимъ сбѣѣ выписать его цѣликомъ. «Принимая съ признательностью, пишетъ онъ, изданные имъ (Яблоновскимъ) цифровые акты и не споря о числѣ православнаго духовенства на Подольѣ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ послѣднимъ общимъ замѣчаніемъ г. Яблоновскаго: еслибы принять его толкованіе фактовъ, т. е. еслибы различіе въ числѣ духовенства зависѣло отъ доброй воли владѣльцевъ, то выходило бы, что латинскіе бискупы занимались пропагандою православія на Волыни, а католическіе паны на Подольѣ были горячими ревнителями греческаго исповѣданія, между тѣмъ какъ православные князья Острожскіе были гонителями православія. Если выводъ г. Яблоновскаго о перевѣсѣ Подолья надъ Волынью въ числѣ православнаго духовенства вѣренъ, то, конечно, онъ нуждается въ иномъ объясненіи. Мы не беремся его сдѣлать, но по общему смыслу явленій можемъ безошибочно утверждать, что въ православной церкви содержаніе духовенства зависитъ болѣе отъ прихожанъ, чѣмъ отъ владѣльцевъ, что число духовенства опредѣляется состоятельностью и набожностью приходовъ (если нѣтъ прямаго гоненія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ); быть можетъ, вѣчная опасность украинныхъ жителей Подолья возвышала ихъ набожность, а легкая возможность пріобрѣсти состояніе и даже богатство въ столь обильной странѣ, особенно путемъ добычи отъ тѣхъ же татаръ, давала возможность меньшему числу жителей содержать церковь и священника» (стр. 204—5). Въ этомъ возраженіи есть двѣ части, которыя приходится различать: мы согласны съ пр. Будановымъ въ томъ, что выводъ, сдѣланный г. Яблоновскимъ, слишкомъ поспѣшенъ и не имѣетъ за собою достаточныхъ данныхъ, главнымъ образомъ потому, что перевѣсъ числа подольскихъ поповъ надъ волынскими еще не такъ великъ, а жизнь населенія еще слишкомъ мало изучена, чтобы можно было ставить столь категорическія положенія, но съ другой стороны мы никакъ не можемъ принять и объясненія, дѣлаемаго г. Будановымъ. Не стоило, намъ кажется, посвящать всю первую главу изслѣдованія и значительную часть второй доказательству жестокаго разоренія Украйны татарами, для того, чтобы въ концѣ труда свести это разореніе на поживу отъ тѣхъ же татаръ. Тутъ мы сталкиваемся опять съ однимъ изъ тѣхъ противорѣчій, на которыя намъ не разъ уже приходилось обращать внима-

ніе въ изложеніи уважаемаго автора. На нашъ взглядъ обнародованныя г. Яблоновскимъ цифры уполномочиваютъ сдѣлать только одинъ выводъ, именно констатировать отсутствіе религіозной нетерпимости и гоненій въ то время; объяснить же представляемый ими фактъ во всей его полнотѣ при данномъ состояніи матеріаловъ мы не можемъ и думаемъ, что обѣ попытки къ этому не достигли своей цѣли.

На этомъ мы и закончимъ свое изложеніе изслѣдованія г. Буданова и тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ выводовъ мы не могли согласиться, другіе намъ представлялись возможными лишь при условіи серьезныхъ ограниченій и лишь очень немногія изъ главныхъ положеній автора мы могли бы принять безусловно. Но и помимо этихъ главныхъ положеній, представляющихъ все таки не мало интереса, въ трудѣ почтеннаго ученаго имѣется много цѣннаго: трудъ этотъ вводитъ въ обращеніе рядъ новыхъ, до сего времени неизвѣстныхъ или недостаточно извѣстныхъ фактовъ, содержитъ въ себѣ не мало частныхъ выводовъ, удачно освѣщающихъ то или другое явленіе, и такимъ образомъ содѣйствуетъ всестороннему изученію сложнаго вопроса о заселеніи Малороссіи.

Что же касается тѣхъ недостатковъ основныхъ положеній въ трудѣ проф. Буданова, на которые мы указывали, то они проистекаютъ, какъ намъ кажется, не только изъ простаго недосмотра автора, случайнаго пропуска показанія источниковъ или столь же случайнаго противорѣчія съ собственнымъ выводомъ; главная причина ихъ лежитъ глубже, заключаясь въ самыхъ пріемахъ научной работы автора, въ постановкѣ, приданной имъ вопросамъ изслѣдованія: въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ не столько слѣдитъ за происхожденіемъ и развитіемъ того или другаго явленія, не столько задается вопросомъ о его причинахъ, сколько критикуетъ самое явленіе съ точки зрѣнія собственныхъ принциповъ и желаній. Такой пріемъ открываетъ широкую дорогу субъективизму, даетъ возможность переходить съ одной точки зрѣнія на другую и вводить въ изложеніе морализирующій элементъ, причемъ автору не удается уже сохранить и безпристрастіе, о которомъ онъ довольно часто упоминаетъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ пріемъ обусловилъ собою и отношеніе автора къ его источникамъ: исходя изъ заранѣе опредѣленныхъ требованій, онъ и источникамъ ставитъ не тѣ вопросы, какіе вытекаютъ изъ ихъ содержанія, а тѣ, какіе желательны ему

въ его напередъ составленномъ построеніи. Благодаря этому, получилось то явленіе, что главные выводы автора пріурочены къ наиболѣе слабымъ пунктамъ источниковъ. Въ общемъ такой пріемъ нельзя назвать строго научнымъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ третьяго тома настоящаго изданія, который, какъ слышно, вскорѣ ожидается, удобнѣе будетъ говорить и о томъ общемъ планѣ изслѣдованія проф. Буданова, который былъ выставленъ имъ еще въ предисловіи къ первому тому, и о матеріалахъ, которыхъ мы не могли коснуться въ этотъ разъ.

В. М.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 г. Спб. 1891. Стр. CCCXXXIV+133 in 4°. Съ атласомъ и рисунками въ текстѣ. Цѣна 5 руб.

Императорской Археологической Коммиссіи, учрежденной въ Петербургѣ въ 1859 году, принадлежитъ въ археологіи Россіи заслуга первостепенной важности по систематическому изслѣдованію древнихъ могилъ классической эпохи на югѣ Россіи. Огромная масса драгоцѣнныхъ памятниковъ, открытыхъ въ нихъ, составляетъ нынѣ украшеніе Императорскаго Эрмитажа. Отчеты Археологической Коммиссіи содержатъ въ себѣ множество интереснѣйшаго матеріала по описанію открытыхъ древностей и обстоятельствъ, при которыхъ онѣ найдены; сверхъ того, къ отчетамъ часто прилагались научныя изслѣдованія объ этихъ древностяхъ.

По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, послѣ отчета за 1881 годъ, появившагося въ печати въ 1883 г., послѣдовалъ долгій перерывъ. Но въ самое послѣднее время возобновилась и издательская дѣятельность Коммиссіи и мы имѣемъ нынѣ передъ собой отчетъ за большой промежутокъ времени 1882—1888 годы; отчетъ этотъ состоитъ изъ погодныхъ докладовъ, составленныхъ частію бывшимъ предсѣдателемъ Коммиссіи Васильчиковымъ, частію нынѣшнимъ ея предсѣдателемъ гр. А. А. Бобринскимъ.

Югъ Россіи, по преимуществу окрестности Керчи и Тамань, стоялъ на первомъ планѣ въ изслѣдованіяхъ Археологической Коммиссіи и въ отчетный промежутокъ времени, подобно тому, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ указанныхъ пунктахъ производили дѣятельныя и довольно успѣшныя раскопки директоры керченскаго музея г.г. Ве-

ребрюсовъ и Гроссъ, проф. Н. П. Кондаковъ и гр. А. А. Бобринской. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ таврической губ. производили раскопки профессора В. Д. Смирновъ и Н. И. Веселовскій. Съ 1888 г. и раскопки городища Херсонеса поручены Археологической Коммиссіи и производятся и доселѣ подъ наблюденіемъ К. К. Косцюшко-Валюжинича. Съ самаго начала работъ въ Херсонесѣ, производившихся въ 1888 г. подъ руководствомъ проф. Н. П. Кондакова, раскопки привели къ важному открытію, а именно, вопреки показанію Страбало, старый языческій Херсонесъ оказался подъ развалинами позднѣйшаго, средневѣковаго: найдена лакированная расписная посуда, древность которой опредѣляется безъ особенныхъ затрудненій, а главное—мастерская и лавка терракотовыхъ издѣлій; послѣднее открытіе важно въ томъ именно отношеніи, что впервые констатировало фактъ туземной фабрикаціи терракотъ, попадавшихся часто и прежде въ греческихъ могилахъ юга Россіи. Далѣе, И. К. Суручанъ произвелъ раскопку нѣсколькихъ кургановъ въ окрестностяхъ древней Ольвіи (с. Парутино, бл. Николаева), довольно, впрочемъ, безуспѣшную. Гораздо важнѣе по своимъ результатамъ были раскопки Д. Е. Филицына близь Крымской станицы (кубанская обл.) и бар. В. Г. Тизенгаузена въ окрестностяхъ Анапы; изъ раскопанныхъ послѣднимъ особенно богатымъ по содержанію оказался большой курганъ на землѣ Благовѣщенской станицы. Раскопки скиѳскихъ кургановъ Поднѣпровья продолжалъ проф. Д. И. Самоквасовъ, изслѣдовавшій Безсчастную могилу и другія сосѣднія могилы въ александровскомъ у. екатеринославской губ., при чемъ особенно интересными оказались погребенія первыхъ вѣковъ христіанской эры. Скиѳскіе же курганы открыты и изслѣдованы г. Мазараки въ роменскомъ у. полтавской губ., что составляетъ пока самый сѣверный пунктъ для скиѳскихъ древностей.

Но что составляетъ особенность дѣятельности Коммиссіи за отчетный періодъ, это расширеніе района раскопокъ и круга изслѣдованій на области, которыя доселѣ не были затрогиваемы. Цымлянское городище на Дону, въ которомъ предполагаютъ остатки хазарскаго города Саркела, подвергались изслѣдованію проф. Н. И. Веселовскимъ; къ великому сожалѣнію, оно оказалось окончательно расхищеннымъ мѣстными жителями, алчность которыхъ къ кладоискательству была возбуждена прежней раскопкой В. И. Сизова. Затѣмъ серьезное и настойчивое вниманіе Археологической Коммиссіи въ означенное время привлекъ къ себѣ Кавказъ, гдѣ производили рас-

копки В. И. Долбежевъ, г. Пурцеладзе и гр. А. А. Бобринской, а изслѣдованіемъ церковныхъ древностей занимался г. Бакрадзе, и Средняя Азія, куда былъ командированъ на цѣлый годъ проф. Н. И. Веселовскій. Изслѣдованное имъ Афросіабово городище близь Самарканда дало массу терракотъ, носящихъ слѣды вліяній греческой, древне-персидской и китайской культуръ, и представляетъ выдающійся интересъ, особенно въ виду доказанной связи древностей Россіи съ древностями Востока. Съ нетерпѣніемъ ждемъ изданія памятниковъ, найденныхъ въ этомъ интересномъ могильникѣ съ обстоятельными комментаріями; какъ намъ извѣстно, оно уже и начато; кромѣ г. Веселовскаго, въ Средней Азіи производилъ раскопки г. Остроумовъ. Въ Сибири, давшей до сихъ поръ очень много памятниковъ, дрягоцѣнныхъ для объясненія древностей скиѳскихъ, производили раскопки Н- Н. Пантусовъ, С. Кузнецовъ и А. В. Андріановъ.

Ближайшее отношеніе къ задачамъ изданія «Кіевской Старины» имѣютъ раскопки, произведенныя Н. П. Авенаріусомъ въ гродненской губ., г. Гамченкомъ близь Житомира и проф. В. Б. Антоновичемъ въ сквирскомъ уѣздѣ. О раскопкахъ г. Авенаріуса мы имѣли уже случай говорить раньше (Кіев. Стар. 1890, томъ XXXI стр. 355—356); читатели нашего журнала имѣли также случай ознакомиться съ результатами раскопокъ г. Гамченко по рецензіи объ изданномъ имъ отчетѣ (Кіев. Стар. 1889 г. томъ XXV стр, 656—658), что же касается раскопокъ проф. Антоновича, то отчетъ упоминаетъ о нихъ кратко, обѣщая опубликовать подробныя свѣдѣнія въ особомъ изданіи.

Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ, произведенныхъ Археологической Коммиссіей, въ отчетѣ находимъ данныя о вещевыхъ и монетныхъ кладахъ, поступавшихъ въ Коммиссію. Между прочимъ, здѣсь находимъ упоминанія о кладахъ древностей великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1885 г., близь Софійскаго собора, на землѣ д. с. с. Есикорскаго, и въ 1887 году внутри ограды Михайловскаго Златоверхаго монастыря, въ Переяславѣ въ 1885 году и въ Черниговѣ въ 1887 г.

Въ приложеніи къ Отчету издано описаніе греческихъ надписей, открытыхъ въ Керчи и въ Херсонесѣ въ 1881—1888 г., составленное В. В. Латышевымъ, описаніе древностей, изданныхъ въ атласѣ, который приложенъ къ отчету, и подробный алфавитный указатель къ Отчету. Атласъ, служащій поясненіемъ къ Отчету, изданъ чрезвычайно изящно.

В. Я.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологическою Коммиссіею. Древности южной Россіи. №—9. Спб. 1891—1892 г.

Кромѣ отчетовъ о своей дѣятельности, Археологическая Коммиссія издаетъ еще «матеріалы по археологіи Россіи въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ in 4°, сопровождаемыхъ особыми таблицами рисунковъ и иллюстрируемыхъ политипажами. «Матеріалы» представляютъ собою продолженіе изданныхъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ «Древностей Геродотовой Скиѳіи», но въ послѣднее время кругъ издаваемыхъ памятниковъ расширенъ включеніемъ въ него древностей другихъ мѣстъ Россіи, т. е. и такихъ, которыя не входили въ границы Геродотовой Скиѳіи. Такимъ образомъ, послѣ втораго выпуска «Древностей Геродотовой Скиѳіи» въ 1888 году вышелъ 1-й выпускъ Сибирскихъ Древностей, въ 1890 г. Древности Сѣверо-западнаго края (изслѣдованіе Авенаріуса о Дрогичинѣ), въ 1891 г. 2-й выпускъ Сибирскихъ Древност.

Въ томъ же 1891 г. вышелъ № 6—первый выпускъ въ ряду той серіи Древностей южной Россіи, о которой мы предлагаемъ настоящій отчетъ. Онъ содержитъ изслѣдованіе проф. Юл. Кулаковскаго о керченской христіанской катакомбѣ 491 года, открытой имъ въ 1890 г. Главный интересъ вновь открытой катакомбы заключается въ хронологической датѣ и въ надписяхъ. Открытыя ранѣе въ Керчи катакомбы относятся къ I—IV стол. христіанской эры; въ 1876 г. въ мусорѣ, выброшенномъ изъ одной катакомбы грабителями, найдена была монета имп. Юстиніана II (685—695 г.); такимъ образомъ въ хронологіи открытыхъ доселѣ катакомбъ существовалъ перерывъ, который восполняется катакомбой 491 года. Для означеннаго времени погребеніе въ катакомбахъ признается г. Кулаковскимъ туземнымъ способомъ погребенія; отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ концѣ V в. на Боспорѣ сидѣло то самое населеніе, которое занимало его въ I—IV ст. христіанской эры. Встрѣчающіяся въ надписяхъ катакомбы собственныя имена могутъ быть объяснены изъ иранскаго и тѣмъ обличаютъ сарматскую національность христіанъ, погребенныхъ въ ней. Итакъ, катакомба эта свидѣтельствуетъ о томъ, что прекращеніе династіи боспорскихъ царей въ первой половинѣ IV в. не сопровождалось разрушеніемъ города и искорененіемъ стараго населенія, какъ склонны были думать доселѣ.

Въ текущемъ году вышло три выпуска «Матеріаловъ».

№ 7 содержитъ «описаніе классическихъ древностей, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 годовъ» В. К. Мальмберго и

«обозрѣніе монетъ, найденныхъ при херсонесскихъ раскопкахъ въ 1888 и 1889 годахъ» А. В. Орѣшникова. Предметы древности, разсматриваемые г. Мальмберомъ, заключаются въ формахъ для терракотовыхъ издѣлій и черепкахъ расписной глиняной посуды. Оригиналами, по которымъ выдѣлывались означенныя формы, авторъ считаетъ металлическія вещи, въ частности крышки туалетныхъ коробочекъ, мраморы, терракотовыя фигуры и пр. Изъ формъ, снятыхъ съ мраморовъ, особенно любопытна одна, въ оттискѣ дающая лицо Діониса, вполнѣ сходная съ мраморной головкой, открытой въ Херсонесѣ же, но въ другомъ мѣстѣ, въ 1890 г., съ которой, очевидно, и была снята. Эпоха открытыхъ древностей опредѣляется серединой III ст. до Р. Х. Главная масса монетъ, открытыхъ въ Херсонесѣ, относится къ IV—XI в. Особенный интересъ представляютъ неизданный серебряный статеръ съ именемъ Нанона и 2 бронзовыя монеты императоровъ Александра и Василія II и Константина XI.

№ 8. Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 г. Дѣло идетъ о серебряномъ блюдѣ безъ поддона, напоминающемъ такъ называемые подносные щиты, найденномъ въ случайно открытой катакомбѣ. Въ видахъ рѣдкости памятниковъ подобнаго рода и возможно разносторонней его оцѣнки, Археологическая коммиссія обратилась за объясненіемъ его одновременно къ двумъ лицамъ: профессору университета въ Грацѣ Іосифу Стржиговскому и профессору Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскому; изслѣдованія обоихъ названныхъ ученыхъ и составляютъ содержаніе этого выпуска, причемъ изслѣдованіе г. Стржиговскаго, написанное по-нѣмецки, напечатано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ. Главный интересъ блюда заключается въ изображеніи всадника, впереди котораго выступаетъ богиня Нике, а позади идетъ воинъ; всадникъ одѣтъ въ восточный костюмъ, равно и тѣлохранитель. Путемъ сравненія этого изображенія съ другими памятниками, оба изслѣдователя приходятъ къ одному и тому же выводу относительно личности, которая представлена верхомъ на конѣ; сличеніе его съ мозаикой въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ не оставляетъ сомнѣнія, что на блюдѣ изображенъ императоръ Юстиніанъ. Блюдо это дополняетъ небольшое число памятниковъ V—VI в., найденныхъ въ Керчи, и свидѣтельствуетъ о близости художественной культуры Боспора и Византіи.

№ 9. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 годахъ. Съ объясненіями В. В. Латышева.

Сюдо вошли древне-греческія, латинскія и греческія византійскія надписи Херсонеса, Воспора, Тиры и Танаиды. Изъ нихъ особенное значеніе имѣетъ хорошо сохранившійся текстъ гражданской присяги Херсонесцевъ, относимый г. Латышевымъ къ III—IV ст. до Р. Х. и заключающій нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній по исторіи и государственному устройству Херсонеса.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи №№ 7—9. *Письма высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго, къ Иннокентію, архіепископу херсонскому и таврическому. Сообщ. профес. Н. И. Барсовъ.* Всѣхъ писемъ 20; относятся они къ тѣмъ періодамъ въ жизни покойнаго митрополита Платона, когда онъ былъ епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовскимъ (начало 40-хъ годовъ), а затѣмъ епископомъ рижскимъ (конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ). Для насъ больше интереса представляютъ письма перваго періода. (№ 7, стр. 452—483).

Богословскій Вѣстникъ 3—8. *П. И. Казанскій. Обозрѣніе статей богословскаго и историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1891 г.* (№ 5, стр. 360—377; № 6, стр. 566—587). Между другими изложено содержаніе слѣдующихъ статей: 1) Замѣчательныя рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ тверской семинарской библіотекѣ Дм. Скворцова (Твер. Еп. В. №№ 4, 5, 6). 2) Преосв. Іоасафъ, еп. бѣлградскій и обоянскій, Ѳ. Титова (Кур. Еп. В. № 8 и 10). Преосв. Самуилъ, еп. бѣлградскій и обоянскій, преосв. Евгеній, еп. курскій и бѣлградскій, преосв. Владиміръ, еп. курскій и бѣлградскій, Ѳ. Титова (Кур. Еп. В. №№ 25, 31, 32 и 34). 4) Западнорусскія братства и ихъ церковно-общественная дѣятельность. Н. С—скаго (Кур. Еп. В. №№ 15, 16, 17 и 18). 5) Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви, прот. В. Лобачевскаго (Херс. Еп. Вѣд. №№ 10—14). 6) Мѣстечко Дмитровка, свящ. Сорокина (Херс. Еп. Вѣд. № 17, 21, 23). 7) Отчетъ Одесскаго Свято-Андреевскаго братства за 1889—90 г. (Херс. Еп. Вѣд. № 4—6). 8) Матеріалы для исторіи православія въ юго-западномъ краѣ Россіи. Матеріалы для исторіи возсоединенія жителей юго-зап. края съ православною церковію изъ Уніи (Кіев. Еп. В. №№ 2—4, 6—11). 9). Матеріалы для исторіи православной церкви въ юго-зап. краѣ до возсоединенія жителей его изъ уніи въ православіе (Кіев. Еп. Вѣд. №№ 13, 14 и т. д.)

Славянское Обозрѣніе. 4—8. *Александръ Будиловичъ. 900-лѣтіе волынской епархіи* (№ 4, стр. 511—524). Сообщаются свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ торжеству и дѣлается историческій очеркъ судебъ православной церкви на Волыни.

А. Будиловичъ. Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ западническомъ освѣщеніи (№ 5—6, стр. 45—64). Отвѣтъ на статью А. Н. Пыпина «Теорія общеславянскаго языка».

В. И. Харціевъ. Воспоминанія объ Александрѣ Аѳанасьевичѣ Потебнѣ. (№ 5—6, стр. 120—126). Воспоминанія относятся къ 1887—90 г., когда авторъ слушалъ у Потебни лекціи по русскому языку.

Проф. А. Б. Лѣтопись (№ 5—6, стр. 149—152). О волынскихъ торжествахъ и введеніи въ галицко-русскія школы фонетическаго правописанія.

Письма: изъ Львова Червоноруса (№ 5—6, стр. 157—160) и *изъ Кошицъ (въ Угріи). Ж. З. И.* (№ 5—6, стр. 160—172).

А. Л—нко. Краткій обзоръ вышедшихъ въ Россіи въ 1891 г. сочиненій на малорусскомъ нарѣчіи (въ отдѣлѣ библіографіи, № 5—6, стр. 196—201).

Странникъ 4—8. *Обзоръ журналовъ. Ко дню девятисотлѣтія на Волыни* (sic!) (№ 5, стр. 132—139). Перепечатка статьи «Почаевскаго Листка» о судьбахъ православія на Волыни.

Воззваніе къ паствѣ по случаю 900-лѣтія православія на Волыни Модеста, еп. волынскаго. (№ 6—7, стр. 211—220).

Христіанское Чтеніе 5—8. *П. Жуковичъ. Первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа.* (№ 5—6), стр. 362—398). Предметъ статьи—дѣятельность Н. Н. Новосильцева въ Вильнѣ (1824—1832 гг.): его борьба съ тайными обществами, заботы о подчиненіи учебныхъ заведеній, находившихся въ завѣдываніи католическаго и уніатскаго духовенства, правительственному контролю, мѣры къ введенію въ преподаваніе русскаго и церковно-славянскаго языка, отношеніе къ бѣлому и черному уніатскому духовенству. По мнѣнію автора «Н—въ не стремился къ разрушенію польской патріотической системы воспитанія; напротивъ, онъ иногда только мѣшалъ русскому государственному строительству другихъ на западно-русской землѣ. Все вниманіе его было направлено на усиленіе административнаго контроля надъ учебными заведеніями, въ видахъ искорененія въ нихъ антиправительственнаго духа.

Прот. П. Николаевскій. Матеріалы къ исторіи трехлѣтняго заключенія православнаго епископа Виктора Садковскаго въ польскихъ тюрьмахъ. (№ 7—8, стр. 165—201). Предисловіе, гдѣ излагаются свѣдѣнія о жизни и заключеніи Виктора Садковскаго и два документа: а) Письмо игумена Кипріана Островскаго, одного изъ находившихся въ польскомъ заключеніи съ преосв. Викторомъ, писанное изъ Варшавы въ Кіевъ по увольненіи отъ заключенія къ одному изъ его пріятелей въ 1792 г. и содержащее подробное описаніе заключенія; б) Рѣчь, говоренная иг. Кипріаномъ Островскимъ, намѣстникомъ каѳедр. слуцкимъ, 20 марта 1793 г. въ прибытіе преосв. Виктора послѣ заключенія къ своей паствѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МѢСТЕЧКО БОРИСПОЛЕ

ВЪ XVII-МЪ ВѢКѢ.

Акты мѣйскаго уряда 1612–1699 гг. съ предисловіемъ

А. В. Стороженка.

Изданіе журнала „Кіевская Старина".

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Акты, издаваемые нами въ книгѣ, предлагаемой вниманію читателей „Кіевской Старины“, составляютъ памятникъ дѣятельности „мѣйскаго уряда“ м. Борисполя въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губ. за время съ 1612 по 1699 годъ, т. е. почти за цѣлое XVII-е столѣтіе. Въ настоящемъ предисловіи мы ознакомимъ читателей съ тремя предметами: во 1-хъ, съ исторіей м. Борисполя; во 2-хъ, съ устройствомъ и дѣятельностью того присутственнаго мѣста, которое носило названіе „мѣйскаго уряда“, и, въ 3-хъ, съ рукописью, изъ которой мы извлекли напечатанные акты, а также съ тѣми соображеніями, которыми мы руководствовались при выборѣ актовъ для печати.

I. Историческій очеркъ м. Борисполя.

М. Борисполе принадлежитъ къ числу сравнительно молодыхъ поселеній переяславскаго уѣзда. Самое имя его „Борисполе“ указываетъ на то, что на мѣстѣ его было нѣкогда поле, принадлежащее какому-то Борису. Въ словарѣ Щекатова (М. 1807—1809 г.) Борисполю такъ и усвояется распространенное названіе „Борисово поле“. Народная пѣсня также называетъ Борисполе—полемъ: „Ой у поли, тай у Барышполи, тамъ сыдило тры козакы у неволи“... Въ княжескую эпоху мы не видимъ на мѣстѣ Борисполя никакого поселенія. Кажется, что въ древности, когда главными путями сообщенія и естественными водопоями служили рѣки, Борисово поле не могло быть заманчивымъ для поселенія, такъ какъ оно находилось вдали отъ какой бы то ни было рѣчки. По крайней мѣрѣ
*

всѣ поселенія, уцѣлѣвшія отъ княжеской эпохи и перечисленныя нами въ „Очеркахъ Переяславщины" (Кіевская Старина 1891 г, № 10), расположены были по берегамъ рѣкъ: Переяславъ у сліянія Трубежа съ Альтой, Баручъ (Барышевка) у Трубежа, великая и малая Каратули, Воинъ (Войнинцы) и Янчино сельцо (Воскресенское) у Каратульки, Кудново сельцо (Строкова) у Гатки, Караль у сліянія р. Карали съ Трубежомъ, Деменескъ (Демьянцы) и Глѣбовъ у Альты, Вороница (Вороньковъ) у сліянія Иквы съ Мленью, наконецъ, Саковъ (Сальковъ) у Днѣпра. На Борисовомъ полѣ поселеніе образовалось, вѣроятно, не ранѣе половины XVI-го вѣка, когда миновали уже самые опустошительные татарскіе набѣги, когда переяславскій уѣздъ началъ понемногу втягиваться въ сферу власти польскаго государства, и когда послѣ долгаго промежутка времени земледѣліе снова дѣлается господствующимъ занятіемъ населенія. Тогда лѣсъ и болото, какъ мѣста охоты, ничинаютъ терять свое значеніе и первенствующую роль занимаетъ поле, мѣсто пахоты и живъ. Тогда и Борисово поле привязало къ себѣ сначала какого-то Бориса, а затѣмъ и другихъ поселенцевъ, въ началѣ, вѣроятно, преимущественно его потомковъ, построившихъ на родномъ полѣ, въ виду удобствъ земледѣлія, свои незатѣйливыя хаты.

Въ историческихъ источникахъ Бориcполе упоминается впервые въ 1590 году, когда варшавскій сеймъ, заботясь о заселеніи пустынь [1]), лежавшихъ на пограничьи государства за Бѣлою Церковью и не приносившихъ никакой пользы ни государству, ни частнымъ лицамъ, предоставилъ королю Сигизмунду III свободно раздавать заслуженнымъ лицамъ шляхетнаго сословія слѣдующія урочища въ этихъ пустыняхъ: монастырь Черехчимеровскій надъ Днѣпромъ (нын. Трахтеміровъ); *Бориcполе* съ селищемъ Иваньковскимъ; городище Влодерецкое (нын. Володарка сквирскаго у.); селище въ Зволозѣ, называемое Великая Слобода, надъ рѣкою Росью; Рокитно надъ тою-же рѣкою и р. Рокитнею (въ нын. васильковскомъ у.); также

[1]) Превосходная характеристика пограничныхъ пустынь старой Польши сдѣлана г. Пуласкимъ въ ст. „Dzikie polia" въ сборникѣ „Szkice i poszukiwania historyczne". W. 1887.

Горопе и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ московской [1]). Съ точки зрѣнія этой конституціи Бориспole является еще не поселеніемъ, а урочищемъ, затерявшимся въ пустынѣ, которую желательно заселить. Всѣ пограничныя пустыни составляли въ то время собственность государства и поэтому понятно, что польское правительство стремилось обратить ихъ въ населенныя мѣста, которыя вмѣсто бремени для государства составляли-бы источникъ доходовъ.

Въ 1596-мъ году тотъ-же Сигизмундъ III съ разрѣшенія сейма обратилъ имѣнія Трахтеміровъ и Бориспole на нужды королевскаго стола, т. е. по теперешней терминологіи, сдѣлалъ ихъ изъ государственныхъ имуществъ удѣльными. Изъ сеймовой конституціи 1596 г. видно, что въ Бориспolѣ и его окрестностяхъ проживали уже козаки, не желавшіе подчиняться вводимымъ польскимъ правительствомъ порядкамъ,—*swowolni*, по выраженію конституціи; король заявляетъ, что онъ поручилъ гетману своего войска (тутъ подразумѣвается Станиславъ Жолкевскій) ихъ истребить (ad internecionem wyniszczyć) [2]).

Изъ приведенныхъ извѣстій очевидно, что Бориспole, какъ населенный пунктъ, существовало уже въ концѣ XVI-го вѣка, хотя жители его, привыкшіе къ вольной и свободной жизни въ переяславскихъ пустыняхъ, не хотѣли еще приспособиться къ тѣмъ гражданскимъ порядкамъ, какіе вытекали изъ строя польскаго государства, и поэтому какъ-бы игнорируются польскимъ правительствомъ, и земли, занятыя ими, признаются какъ-бы пустыней, никому не принадлежащей, хотя онѣ имѣли уже своихъ хозяевъ въ лицѣ Бориспольскихъ козаковъ, потомковъ того сѣверско-русскаго населенія, какое уцѣлѣло въ Переяславщинѣ отъ татарскихъ погромовъ 1237—1482 гг. [3]).

Имѣя въ виду, что въ описаніи кіевскаго замка 1552 г. упоминается сосѣднее съ Бориспolемъ село Иваньковъ и, вѣроятно, было-бы упомянуто Бориспole, если-бы существовало, мы полагаемъ,

---

[1]) См. Volumina Legum, 1859. Т. II, стр. 318, стл. 1.

[2]) См. Vol. Legum, 1859, Т. II, стр. 364, стл. 2.

[3]) См. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. 2, стр. 46.

что Бориспole изъ козачьяго хутора превратилось въ село послѣ 1552 г., но ранѣе 1590 г.

Столовымъ имѣніемъ короля Сигизмунда III Бориспole оставалось повидимому недолго, потому-что въ грамотѣ того-же короля отъ 27 января 1629 года, разрѣшающей открытіе въ Бориспольѣ торговъ по понедѣльникамъ и четвергамъ и двухъ ярмарокъ на Крещеніе и на св. Илію, оно называется уже „наслѣдственнымъ мѣстечкомъ" дочери Станислава Жолкевскаго, Софіи Станиславовны Даниловичъ, основаннымъ ея отцомъ [1]). Очевидно, что оно отдано было королемъ на ленномъ правѣ, какъ староство, т. е. какъ государственное имущество, знаменитому полководцу того времени польскому гетману, Станиславу Жолкевскому, въ награду за его военныя заслуги. Такъ какъ Жолкевскій былъ главнымъ дѣятелемъ при подавленіи козацкаго движенія 1596 года и разбилъ Лободу и Наливайка подъ Лубнами [2]), то можно предположить, что Бориспole, какъ одинъ изъ притоновъ возставшаго казачества, было отдано ему вслѣдъ за одержанной побѣдой съ правомъ заложить на Борисовомъ полѣ городъ и ввести въ будущемъ городѣ магдебургское право. Какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, къ 1612 г. „мѣйскій урядъ", организованный по магдебургскому праву, отправлялъ уже свои функціи [3]).

Поселеніе Борисполя въ эту пору должно было быть очень незначительнымъ, такъ какъ шестнадцать лѣтъ спустя въ 1628 году, когда составлялась подымная тарифа кіевскаго воеводства, въ Бориспольѣ показано домовъ (dymów): на рынкѣ—10, въ улицахъ—20, бѣдныхъ (nędznych chałup)—40, священника—1, портнаго—1, сапожника—1, скорняка—1, всего—74 дома [4]). Считая на каждый дворъ по 5 живущихъ, имѣемъ всего населенія обоего пола

[1]) См. приложеніе къ актамъ, стр. 111—112.

[2]) О дѣятельности Жолкевскаго въ подавленіи козацкаго возстанія 1596 г. см. ст. Николайчика „Первыя козацкія движенія въ рѣчи Посполитой"—Кіев. Стар. т. VIII, стр. 423—442 и 525—564.

[3]) Самый ранній актъ относится къ 15 января 1612 г. и напечатанъ подъ № 1.

[4]) См. Архивъ Ю З. Р. ч. VII, т. 1, стр. 365.

370 душъ. Теперь Борисполе имѣетъ 1331 домъ и 6569 душъ населенія обоего пола, т. е. населеніе увеличилось почти въ 18 разъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ принадлежность мѣстечка извѣстному владѣльцу выражалась въ томъ, что жители его платили этому владѣльцу установленныя подати. Того, что называется теперь сельскимъ хозяйствомъ, тогдашніе владѣльцы не вели: они не обрабатывали земли наемными или крѣпостными рабочими, не продавали продуктовъ земледѣлія и не занимались связанными съ земледѣліемъ промыслами, а получали только подати отъ жителей, какъ получаетъ ихъ теперь казна или земство. Въ тѣ времена государство не становилось къ своимъ подданнымъ въ прямыя отношенія, а имѣло всегда между собою и ими промежуточный классъ—земле-и душевладѣльцевъ, иначе помѣщиковъ, которые собирали налоги съ жителей и удѣляли часть ихъ государству. Такимъ образомъ государственныя прерогативы принадлежали не одному королю, а и многимъ частнымъ лицамъ, пожалованнымъ земельными угодьями изъ государственныхъ имуществъ.

Изъ ленныхъ владѣльцевъ м. Борисполя мы назвали уже двухъ: гетмана Станислава Жолкевскаго (1596—1620) и дочь его Софію Станиславовну Даниловичъ (1629). Изъ печатаемыхъ актовъ мы узнаемъ, что позднѣе бориспольское староство вышло изъ владѣнія Жолкевскихъ и что бориспольскими старостами были: въ 1637—40 гг.—Янъ Кухарскій [1]), а въ 1643—45 гг.—Варфоломей Ярунтовскій [2]). Представителями старосты на мѣстѣ и сборщиками податей являются обыкновенно начальники или намѣстники. Изъ нихъ мы знаемъ Осташа [3]) (1614), Ильяша Михайловича [4]) (1615), Матушкевича [5]) (1640 и 1643) и Никифора Букашу [6]) (1645).

---

[1]) См. акты №№ 22, 49 и 50.

[2]) См. акты №№ 55 и 61.

[3]) См. актъ № 7.

[4]) См. актъ № 10.

[5]) См. акты №№ 38, 49 и 50.

[6]) См. актъ № 61.

Война Хмельницкаго покончила и въ м. Борисполѣ съ польскими порядками, и съ 1649 года появляется здѣсь сотникъ войска его королевской милости запорожскаго. Первымъ сотникомъ бориспольскимъ былъ Антонъ Герасименко (1649—1653), за нимъ слѣдовали: Семенъ Свѣтличный (1654), Василій Волочай (1660), Григорій Гаркуша (1661—63), Василій Носачъ (1663), Иванъ Новаковичъ (1669--1677), Лукьянъ Гриненко (1678—1680), Федоръ Магеровскій (1682—1698). Когда настоящій сотникъ отсутствовалъ, то его мѣсто заступалъ наказной („на тотъ часъ будучій") сотникъ. Изъ наказныхъ сотниковъ упоминаются въ актахъ: Даніилъ Куликъ (1664), Федоръ Волкъ (1670), Василій Москаленко (1682), Иванъ Шорсткій (1687—1688) и Николай Корабанъ (1697).

Эпоха Руины не прошла безслѣдно и для Борисполя. Въ 1658 г. Кіевскій воевода Шереметевъ выжегъ и высѣкъ Борисполь, отразивъ отъ Кіева Даніила Выговскаго [1]). Въ концѣ года мѣстечко отложилось отъ Выговскаго и перешло подъ власть московскаго царя. Въ 1659 г. москвитяне перешли Днѣпръ, чтобы взять Борисполь; пограбили села около Гоголева, и отъ Борисполя были отражены Андреемъ Потоцкимъ, который, уходя, оставилъ въ Борисполѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Рущица. Въ 1661 г. польское войско, преслѣдуя москвитянъ, взяло Борисполь. Въ томъ-же году его осаждалъ Сомко.

Въ 1663 г. 24-го ноября король Янъ-Казиміръ стоялъ лагеремъ подъ Бориcполемъ и затѣмъ взялъ его [2]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Борисполь сдался москвитянамъ. Татарскіе набѣги

---

[1]) См. Костомаровъ, Гетманство Выговскаго. Моногр. т. II, изд. 1863, стр. 124. Воспоминаніе объ этомъ событіи сохранилось у бориспольскихъ жителей подъ названіемъ войны „першого Шеремета" и только въ 1677 г., т. е. почти черезъ двадцать лѣтъ разсчитались Бориспольцы съ кіевской мѣщанкой Галей Дяденчихой за тотъ порохъ, который они брали у ея мужа Семена Дяденка „не рахункомъ", „не вагою", такъ какъ подъ страхомъ „Шеремета" — „кожному о здоровя и о души шло, хто тилко на тое способный былъ до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы". См. № 120, стр. 88.

[2]) См. Костомаровъ, Руина, изд. 1882, стр. 20.

конца XVII-го вѣка (1681) еще тревожили спокойствіе Борисполя и заставляли поддерживать въ исправности валы и укрѣпленія. Но съ усиленіемъ русской власти въ Малороссіи (1709), а въ особенности съ устройствомъ украинской линіи (1734), военное значеніе Борисполя прекращается и онъ обращается въ обыкновенное село и переживаетъ вмѣстѣ съ другими селами весь тотъ процессъ, который слилъ окончательно Малороссію съ Москвой.

II. Мѣйскій урядъ м. Борисполя въ XVII-мъ вѣкѣ.

Мѣйскимъ урядомъ въ XVII-мъ вѣкѣ называлось городское управленіе, организованное по предписаніямъ такъ называемаго Магдебургскаго права. Засѣдало оно „на мѣстѣ звыкломъ судовомъ"— въ особомъ домѣ, называемомъ ратушей или магистратомъ [1]). Полное городское управленіе состояло изъ двухъ присутственныхъ мѣстъ: 1) изъ мѣйской рады изъ райцевъ подъ предсѣдательствомъ бурмистра [2]), которая должна была собираться по мѣрѣ надобности, но не рѣже, какъ еженедѣльно, въ ратушѣ, и совѣщаться объ общественныхъ нуждахъ, а именно о томъ, чтобы въ городѣ не было дороговизны на съѣстные припасы, чтобы мѣры и вѣсы были правильны, чтобы въ городѣ не происходило дракъ и буйствъ, чтобы никто не утѣснялъ вдовъ и сиротъ, чтобы не велось азартныхъ игръ въ карты, кости и проч., чтобы исправно поступали городскіе доходы въ „скрыньку месткую (мѣйскую)" [3]); 2) изъ коллегіи лавниковъ или присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ войта [4]), которая должна была творить судъ, при чемъ присяжные постановляли рѣшеніе по извѣстному дѣлу, а войтъ только его объявлялъ. Присяжныхъ въ Саксоніи бывало одинадцать, а войтъ былъ двѣ-

---

[1]) См. акты №№ 16 и 100.

[2]) См. Porządek sądow y spraw mieyskich prawa maydeburskiego w koronie Polskiey w Krakowie drukowany Roku Panskiego 1616. Teraz znowu z pozwoleniem starszych przedrukowany. W Praemyslu w drukarni I. K. M. Kollegium Societatis Iesu. Roku Panskiego 1760. Стр. 8—9.

[3]) См. актъ № 6. Впослѣдствіи въ казацкое время касса сотни или полка обозначается словомъ *„шкатула"* (войсковая). См. актъ № 114.

[4]) См. Porządek. изд. 1760, стр. 11—18.

надцатымъ, представляя собою соборъ одинадцати апостоловъ, кромѣ Іуды, съ Спасителемъ во главѣ. Позднѣе и въ Саксоніи, и въ польскихъ городахъ обходились 6 —7 или даже 3—4 присяжными.

Въ малороссійскихъ городахъ, по недостатку людей, коллегіи райцевъ и лавниковъ не были строго раздѣлены, и обѣ коллегіи собирались одновременно въ составѣ однихъ и тѣхъ-же лицъ. Кромѣ того, при тогдашней малолюдности такихъ городковъ, какъ Борисполь, многіе вопросы городскаго благосостоянія не могли и возникать въ нихъ, напр.: вопросы о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ или объ азартныхъ играхъ, а потому коллегіи райцевъ не было-бы занятій, если-бы она составляла отдѣльное присутствіе.

Въ частности въ м. Бориспол, какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, въ ратушѣ засѣдали при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ какъ войтъ, такъ и бурмистръ, и при нихъ райцы и присяжные. Райцы, какъ члены коллегіи бурмистра, называются часто бурмистрами. Такъ, напримѣръ, въ 1612 г. 15 января въ ратушѣ засѣдалъ *бурмистръ* Петръ и полная *лава*, а 1 апрѣля *войтъ* Федоръ и райцы Павелъ, Степанъ, Герасимъ, т. е. бурмистръ предсѣдательствовалъ въ присутствіи, составленномъ изъ лавниковъ или присяжныхъ, а войтъ—въ присутствіи коллегіи райцевъ, между тѣмъ какъ по буквѣ закона каждая коллегія имѣла свои спеціальныя занятія и должна была дѣйствовать независимо одна отъ другой. Въ 1614 г. 20 августа засѣдалъ съ „бурмистры и присяжными" и разбиралъ судебную тяжбу *войтъ* Кондратъ Сеновичъ, а 7-го сентября *бурмистръ* Остапъ Безбородко. Въ 1615 г. войтъ засѣдалъ съ „будучими" при немъ „бурмистромъ, райцы и присяжными". Въ 1637—38 гг. въ составъ „лавы" входятъ войтъ, бурмистры и райцы или присяжные. Такъ дѣло продолжалось до самаго конца XVII-го столѣтія. Въ составъ уряда входилъ также до 1648 г. представитель леннаго владѣльца мѣстечка, называемый намѣстникомъ или начальникомъ, а послѣ 1648 г.—казацкій сотникъ Бориспольскій.

Должностныя лица городскаго управленія были выборныя и вступали въ исполненіе своихъ обязанностей съ конца марта или

съ начала апрѣля мѣсяца каждаго года (съ Пасхи). Повидимому, они смѣнялись ежегодно, хотя иногда одно и то же лицо могло оставаться на службѣ и нѣсколько лѣтъ. Такъ, напримѣръ, войтъ Іосифъ Андреевичъ служилъ съ марта 1650 по мартъ 1654 г., войтъ Харко Куранда съ марта 1654 по мартъ 1657 г., войтъ Григорій Малышенко съ марта 1660 по мартъ 1663 г. Иногда бывшій войтъ исправлялъ должность слѣдующаго за нимъ, какъ. напримѣръ, тотъ-же Григорій Малышенко 15 октября 1664 г. заступалъ мѣсто настоящаго войта Евстафія Подгайнаго.

За отсутствіемъ потребности въ городскомъ хозяйствѣ мѣйскій урядъ въ м. Бориспольѣ скоро обратился въ учрежденіе болѣе судебное, нежели административное. Онъ составлялъ для мѣстныхъ жителей первую инстанцію гражданскаго и уголовнаго суда и въ тоже время служилъ имъ нотаріальной конторой.

Наиболѣе часто приходилось мѣйскому уряду выслушивать заявленія сторонъ о совершившейся между ними сдѣлкѣ купли-продажи недвижимаго имущества: нивы, грунта, дома. Рѣже встрѣчались сдѣлки о продажѣ или мѣнѣ движимаго имущества, напр. лошадей [1]). Затѣмъ очень часто поступали въ урядъ заявленія о занесеніи въ мѣйскія книги завѣщаній и раздѣловъ. Всѣ эти заявленія „актовались", по тогдашнему выраженію, т. е. записывались въ книги и послѣ этого актъ считался совершеннымъ. Въ этомъ проявлялась дѣятельность мѣйскаго уряда, какъ нотаріальной конторы.

Какъ судъ гражданскій, мѣйскій урядъ разбиралъ ссоры о правѣ собственности на землю [2]), о раздорахъ между родственниками [3]) и объ уплатѣ долговъ.

Въ области уголовныхъ преступленій мѣйскому уряду чаще всего приходилось имѣть дѣло съ убійствами [4]), грабежами [5]) и

---

¹) См. акты №№ 34, 38 и 91.

²) См. напр. акты №№ 6 и 9.

³) См. напр. № 60.

⁴) См. акты № 111.

⁵) См. акты №№ 10 и 22.

кражами [1]). Очень рѣдко попадались дѣла о колдовствѣ [2]) и т. п. Руководствомъ при опредѣленіи наказанія служила 4-я часть сборника „Porządek sądow y spraw mieyskich“ подъ заглавіемъ: „o karności złoczyńcow, à naprzod o męczeniu ich“ [3]). Иногда приводились довольно длинныя выписки изъ этого законодательнаго сборника, какъ, напримѣръ, въ актахъ подъ №№ 55 и 61 для точнѣйшаго опредѣленія состава преступленія кражи [4]).

Апелляціонной инстанціей для мѣйскаго уряда въ польское время служилъ „подвоевода“, т. е. помощникъ кіевскаго воеводы, въ область котораго входилъ и Борисполь [5]). Очевидно, кіевскій воевода, какъ большой панъ, не входилъ въ подробности управленія ввѣренной ему области, а слагалъ эти обязанности на подвоеводу, который и разсматривалъ жалобы жителей на судебныя рѣшенія и приговоры мѣйскаго уряда. Въ козацкое время апелляціонными инстанціями для Бориспольскаго уряда служили козацкій переяславскій полковникъ и гетманъ [6]). Разсматривая акты до и послѣ 1648 года, мы не замѣчаемъ никакого измѣненія въ кругѣ дѣятельности мѣйскаго уряда съ переходомъ Борисполя изъ польской въ козацкую власть. Единственная перемѣна заключается въ томъ, что въ засѣданіяхъ уряда вмѣсто уполномоченнаго отъ старосты участвуетъ мѣстный козацкій сотникъ сначала его королевской милости, а затѣмъ его царскаго величества войска запорожскаго [7]).

---

[1]) См. акты №№ 55, 61, 62, 68, 83, 86, 92, 94, 112, 113, 128, 132, 134, 135 и 136.

[2]) См. актъ № 69.

[3]) См. Porządek. Изд. 1760, стр. 133—155.

[4]) Въ печатномъ изданіи Porządek. 1760 отдѣлъ этотъ находится на стр. 142.

[5]) См. актъ № 7, изъ котораго видно, что Бориспольскій священникъ о. Стефанъ ѣздилъ къ подвоеводѣ, которому была подана его пасынкомъ Панькомъ апелляціонная жалоба на рѣшеніе Бориспольскаго уряда (Панько... „*апелевав* до его милости нашого милостиваго пана *подвоеводего*“).

[6]) Въ актѣ № 74 находимъ слѣдующее: „Tedy ten Ostap tego vysłuchawszy y *opelewał* do jego mosci *pana hetmana* dobrodzieja naszego wielkiego y pozwa Iesifa yz synem do *Czehiryna*, do pana hetmana“.

[7]) См. актъ № 65.

III. Рукопись актовъ и соображенія при выборѣ ихъ, а также ихъ научное значеніе.

Книга Бориспольскихъ актовъ хранится въ библіотекѣ барона Шодуара въ м. Ивницѣ житомірскаго уѣзда, волынской губ. Она попала въ наши руки, благодаря любезному посредничеству А. М. Лазаревскаго и Н. И. Петрова. Книга Бориспольскихъ актовъ представляетъ собою рукопись на русскомъ и польскомъ языкахъ, переплетенную, очевидно, въ позднѣйшее время—судя по заглавію на корешкѣ, въ началѣ 1800-хъ годовъ. Акты первоначально, какъ видно, записывались на тетрадяхъ, которыя потомъ подшивались одна къ другой. Замѣтно, что они выхвачены изъ пожара, такъ какъ на многихъ листахъ края обгорѣли, при чемъ порядокъ тетрадей былъ потерянъ, а многія тетради и совсѣмъ затеряны, и въ такомъ видѣ рукопись досталась какому-то любителю старины, который, не возстановивши хронологическаго порядка актовъ, отдалъ ихъ въ переплетъ и такимъ образомъ сберегъ для потомства. Изъ забытаго въ рукописи письма отъ 11 іюля 1795 г. можно предполагать, что этимъ любителемъ былъ Михаилъ Николаевичъ Луста, родъ котораго принадлежалъ къ старожилымъ Бориспольскимъ родамъ и угасъ сравнительно недавно. Всѣхъ актовъ сохранилось въ описываемой рукописи 878, считая въ томъ числѣ и обгорѣвшіе. Всѣ они относятся къ промежутку времени съ 1612 по 1699 г. Отъ 1612 г. сохранилось 2 акта, отъ 1614 г.—7, отъ 1615—5, отъ 1617—1, затѣмъ вовсе нѣтъ актовъ 1618—1636 гг. и непрерывно сохранились съ 1637 по 1689 г., имѣется 4 акта 1694 г., 6—1696 г., 3—1698 г. и 2—1699 г. Позднѣйшихъ актовъ не оказывается.

Документы писаны частью по-русски, частью—по-польски,—очевидно сообразно съ тѣмъ, какимъ письмомъ владѣлъ приглашенный на службу въ мѣйскій урядъ писарь. Событіе 1654 г. (соединеніе Малороссіи съ Москвой) не оказало въ этомъ отношеніи замѣтнаго вліянія, и акты, писанные по-польски, попадаются и

послѣ него. Иногда одинъ и тотъ-же писарь пробовалъ свое искусство и по-русски, и по-польски, напримѣръ, писарь Симеонъ въ 1665 г. [1]).

Языкъ актовъ, писанныхъ по-русски,—малорусскій языкъ тогдашнихъ канцелярій, и даже акты, писанные по польски, носятъ на себѣ его вліяніе, не отличаясь чистотой и правильностью польской рѣчи. Почерки, которыми написаны акты, смѣняются довольно часто, и наряду съ четкими и красивыми попадаюгся трудноразборчивые и небрежные. Иногда писаря мѣйскаго уряда, прежде чѣмъ приступить къ писанью акта, пробовали перо и писали какія-нибудь изреченія или замѣтки. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ на промежуткѣ между актами записано: Nec cras nec heri nunquam credas mulieri. Ani we wsi a ni w miescie, nigdy nie wierz niewiescie; въ другомъ мѣстѣ: Lucerna et lumen pedibus meis, semilis meis verbum tuum, Domine. Pochodnia y swiatlość nogam moim, scieżkam moim slowo twoje, Panie; въ третьемъ мѣстѣ сдѣлана замѣтка: Wojt Kuranda wynen żyta osmaczek 12, pszenicy osmaczkie...

Если послѣ записи акта оставалось пустое мѣсто, то часто позднѣйшій писарь заполнялъ его новымъ актомъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ рядъ актовъ за 1653 г. попали одинъ отъ 10 сентября 1654 г. и одинъ актъ отъ 23 февраля 1655 г.

При вступленіи въ должность новаго войта дѣлается объ этомъ отмѣтка въ книгѣ такимъ образомъ: „Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Бориспольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта [2])“, или такъ: „Книги за Харка Куранду [3])“.

При выборѣ актовъ для печати мы руководствовались слѣдующими соображеніями:

1) Изъ актовъ до 1648 г. мы не пропустили ни одного, за исключеніемъ обгорѣвшихъ и потому неудобочитаемыхъ, такъ какъ

---

[1]) См. акты №№ 103, 105 и 107.

[2]) См. ниже стр. 15.

[3]) См. ниже стр. 84.

до насъ дошло очень мало письменныхъ документовъ изъ эпохи польскаго владычества въ лѣвобережной Малороссіи.

2) Изъ актовъ послѣ 1648 г. мы выбирали такіе, которые или интересны по бытовому содержанію, или рисуютъ въ какой нибудь подробности дѣятельность мѣйскаго уряда, или даютъ намъ имя одного изъ Бориспольскихъ сотниковъ. Чтобы составить полный списокъ сотниковъ, мы взяли по одному акту за каждый годъ въ промежутокъ времени съ 1648 по 1699 г.

Такимъ образомъ выбралось 136 актовъ изъ 878. Остальные акты не даютъ почти ничего новаго, и разница только въ именахъ обращающихся къ уряду сторонъ.

Акты Бориспольскаго уряда имѣютъ довольно важное научное значеніе. Они даютъ значительный матерьялъ для тѣхъ двухъ вопросовъ, которые разрабатывались въ послѣднее время въ статьяхъ проф. Багалѣя (Ж. М. Н. Пр. 1892, мартъ) и г-жи Ефименко (Русская Мысль 1892, №№ 4 и 5), а именно: 1) вопроса о томъ, какъ примѣнялось магдебургское право въ малороссійскихъ городахъ, 2) вопроса о томъ, какіе земельные порядки существовали въ лѣвобережной Малороссіи какъ въ польское, такъ и въ московское время. Въ первомъ вопросѣ уясняется, какъ былъ организованъ мѣйскій урядъ, изъ кого состоялъ, какія дѣла рѣшалъ и какимъ закономъ руководствовался.

Во второмъ вопросѣ оказывается, что личное землевладѣніе было преобладающею формою владѣнія, начиная съ самыхъ первыхъ годовъ XVII-говѣка. Основаніемъ собственности является трудъ — „праця“ перваго заимщика свободной земли. Если человѣкъ занялъ участокъ земли, очистилъ его отъ лѣса или кустарника („копав и чистив“), сдѣлалъ пахотною нивою, то такая земля дѣлается уже его собственною, и въ случаѣ захвата кѣмъ-либо другимъ судъ востановляетъ нарушенное владѣніе перваго заимщика, оставляя землю за нимъ, какъ его „працю власную“, т. е. собственную его работу [1]).

[1]) См. акты №№ 6 и 9.

Для исторіи сельскаго населенія въ Малороссіи Бориспольскіе акты имѣютъ то значеніе, что доказываютъ преемственность населенія съ XVII-го вѣка (многія типическія Бориспольскія фамиліи того времени, какъ-то: Яцуты, Прожейки, Куранды, Козаковичи и т. д.—сохранились до сихъ поръ) и осѣдлость козаковъ, занесенныхъ въ реестръ 1649 г. (Жаданъ Кривохижа и Пилипъ Кладиноженко, занесенные въ реестръ, являются въ тоже время собственниками грунтовъ и нивъ) [1]).

Народная масса очень пассивно относилась къ внѣшнимъ событіямъ, волновавшимъ тогдашнюю Малороссію, и въ то время, какъ шла борьба между гетманами, слѣдовавшими за Богданомъ Хмельницкимъ, какъ происходили кровопролитныя войны и пр.,—жизнь Бориспольскаго „хлибороба“ шла обычнымъ порядкомъ: онъ пахалъ, пасъ скотъ, торговалъ хозяйственными продуктами, велъ тяжбы, дѣлилъ или завѣщалъ имущество, уклонялся изрѣдка съ трудоваго пути и производилъ кражи, грабежи и убійства. Акты мѣйскаго уряда идутъ изъ года въ годъ, и если не сохранились отъ нѣкоторыхъ годовъ, то не потому, чтобы ихъ не было. Даже отъ такого года, какъ 1663, когда самъ король польскій Янъ-Казимиръ осаждалъ и взялъ Борисполь (24-го ноября), до насъ дошелъ 51 актъ. Урядъ собирался довольно аккуратно и обычныя дѣла не прекращались. Народныя массы вездѣ такъ относятся къ событіямъ политической исторіи, которыя скользятъ по поверхности народной жизни, не задѣвая ея глубоко.

Матерьялъ, доставляемый Бориспольскими актами, примыкаетъ по характеру своему къ матерьялу, изданному Н. М. Бѣлозерскимъ въ Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1852 г. №№ 36—45 подъ заглавіемъ:

„Протокулъ до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690“, и извлеченному изъ рукописей бывшаго Стародубскаго магистрата.

Въ заключеніе просимъ читателя исправить двѣ ошибки, которыя вкрались въ текстъ актовъ вслѣдствіе того, что по обстоятельствамъ мы не могли внимательно слѣдить за корректурами.

---

[1]) См. акты №№ 70 и 71.

Во первыхъ, акты за время войтовства Харка Куранды, вслѣдствіе опечатокъ въ годахъ, попали въ разныя мѣста, между тѣмъ, какъ всѣ они относятся къ 1654, 1655 и 1656 гг. и должны слѣдовать другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ; № 116, 58, 59, 60, 74, 75, 76, 77, 78 и 79. Во вторыхъ, въ актѣ № 10 войтъ Сеновичъ, благодаря опечаткѣ, названъ ошибочно „Богданомъ“, а не „Кондратомъ“, какъ это слѣдуетъ; въ актѣ № 131 „писаръ мѣскій“ Григорій „*Николаевичъ*“ Талѣржевскій по ошибкѣ названъ „*Михайловичемъ*“.

А. Стороженко.

нихъ фамилѣи ханъ не избирается. Сегодня наши, рушивши отъ прорви, увойшли верстъ 9, а отъ Астрах. 528, и прийшли къ станицѣ Кузмѣнъ Ярокъ, надъ Астраханню осаженной, и тутъ стали, и отъ станицѣ сеей до крепости С. Креста 7 верстъ, а отъ Астраханѣ 535 верттъ.

19. Неделя. Сегодня рано, зъ буси переехавши на землю, былемъ у Полянского, которій просилъ у себе кушать и потому, после службы Божой, у его кушалемъ, купно зъ Василемъ Тамарою и Василемъ Дорошенкомъ, ко мнѣ до буси первей, а потомъ и къ намъ оттуду пріехавшими; а по обѣдѣ пріехалисмо ми всѣ три до буси, куда потомъ капитани Гуревъ и Ісацкій пріехали, а по отъѣздѣ ихъ и Полянскій и просидѣвши зъ нами отехалъ, а Тамара и Дорошенко тутъ остались и заночовали со мною на бусѣ. Рушилисмося бусою въ путь свой, але за противною погодою и дожчемъ заразъ знову сталисмо на якорѣ противъ квартири моей. Вина Демянъ купилъ бутилокъ 6 и цицю за полтора рубля, которіе въ его денги причтени, межи росходъ мѣючихъ быть. Отъ Полянского писма до провіянтмейстеровъ, въ Яркахъ будучого Брухова и у астраханского транжамента, Кмита, въ моемъ дѣлѣ и пакетъ до сина его получилемъ отъ его жъ на бусѣ.

20. Понеделокъ. Сего ранку Томара и Дорошенко, простившись со мною, отехали. Мартинъ бутилокъ 6 вина купилъ за рубля, а въ нихъ вмѣстилось 6 голіонковъ. Воспріялемъ путь свой, поднявши паросъ, и уехалисмо до вечора 45 верстъ. Ботъ почтовій вечеромъ проехалъ насъ.

21. Вовтор. Сегодня рано рушилисмо зъ ночлѣга своего и минувши многіе притоки (о которихъ будетъ нижей) уехалисмо толко верстей зъ 15, ради противного вѣтру, и сталисмо о полуднѣ при березѣ, минувши якъ би у версту учудъ (?) государевъ, у правой руцѣ, прозиваемий Урусламъ. Щиталемъ, що пойшло на сооруженіе буси моей и показалось росходу на оную купно зъ работниками и лоцманомъ (которому толко 10 р. дано и болшъ еще дается) 1896 зол.

22. Середа. Сегодня за противною погодою зъ мора, отъ сторони гилянской вѣявшою, доночи тутъ же, на вчорайшомъ стано-

виску, перестоялисмо, толко, отъ берега на середину зехавши, на якорѣ запустились. Вѣжевскому далемъ 4 р. на росходи. Смотрѣлемъ тютюну тур. у Вѣжевского найдуючогося и есть окъ 7, 1 фунтъ и полъ. Сегодня въ Сулакъ пріехалъ турецкій поселъ въ 20 чловѣкахъ, зовемій „ “, присланъ отъ Юсси Баши, обрѣтаючогося въ Персѣи зъ войсками, а пріехалъ зъ таковимъ договоромъ, чтобъ шафкалу, солтанскому будто подданному, нечинена была обида. Въ компанѣи нашей товаришъ бунчуковий Федоръ Рубецъ зъ горачки умеръ.

23. Четвергъ. Сегодня для того, что тихше мало показалось, рушилисмо зъ своего мѣста и минувши протокъ Чувпанъ, прійшлисмо до Илмена, Житного Бугра прозиваемаго, и тутъ на якорѣ на ночъ сталисмо уже позно, а увойшли близъ 10 верстъ. Зъ Мазуромъ Василемъ Терновцемъ въ разговорѣ бывшомъ зачулемъ, что на Терку станиць (въ которихъ козаки, особливо гребенскими називаючіеся, живутъ) есть 4, отъ моря—городъ Терекъ, а висше его гараздъ: 1) станиця Курдюковъ, 2) Гладкая, 3) Шадринъ, 4) Черніоний, а во всѣхъ станицяхъ всѣхъ семей на 1000 будетъ, а до потреби козаковъ 400, а хочъ и мало болшой; жалованне имъ дается по 4 р. въ годъ и по 8 мѣшковъ годового провіянта, а наиболше тамъ захожихъ донцовъ. Терекъ рѣка болшая и прудшая отъ Куми, а Кума узшая и болотнистая.

24. Пятокъ. Сегодня рано рушивши прийшлисмо до Яровокъ чили Ярковъ и потоковъ нѣсколько проминувши, къ гавани зближилисмося и недоеджаючи, сталисмо на якорѣ, а Гаврило зъ протчіими ездилъ туда въ самую гавань и отдалъ тамъ писмо отъ Полянского Брухову, провіянтмейстеру, и повернулись сюда до насъ. Тутъ протоки окончились и за версту отъ гавани всякій особно впадаютъ въ море, а всѣхъ малихъ и великихъ протоковъ будетъ на 77. Знатнѣишіе зась на правой сторонѣ отъ Астрахани идучи, заразъ: Солянка, Канда, еще несвѣдомій еденъ, Бертюль, Сомовка, Каранчакъ, двѣ Таракуши, Микиткина, Бесарда и проч., а по лѣвой сторонѣ тожъ недалече Астраханѣ понижей у версту или и болшъ Царевъ у верстъ 5, Кѣзанъ у верстъ 6, Башмаковка у

версту одну жъ, Мансутъ, Тепленкой Чадонъ, Іванчукъ, Борунтай, Іванчуцкее, Бѣрулъ, Коклѣй, Чувпанъ и другіе маліе даже до Еровокъ. Ездилемъ самъ, по приездѣ ко мнѣ и отездѣ отъ мене провіянтмейстера Брухова, до Еровокъ и тамъ пріехавши ходилемъ до капитановъ Рентеля, а потомъ и до фонъ-Вердина и до Брухова и, позабавившись у нихъ, отехалемъ до своеи буси уже Чекбати проминувшой и на якорѣ ставшой, и тутъ ночовалемъ. Сказивали капитани, что они 18 сего сент. вѣдомость зъ Сулаку имѣютъ, что наша компанѣя землею пошовшая, за 40 чили мало болшъ верстъ того числа отъ Сулаку найдовались. Въ Яркахъ строенія барзо мало, але на виспоноватомъ (?) мѣстцу магазейнъ округъ устроенъ, а неподалеку его домишка, да тутъ же гекъ ботамъ гаванъ опредѣленна, которихъ теперъ тутъ до 20 найдуется. Поселъ турецкій сегодня зъ крепости С. Креста отехалъ во свояси.

25. Субота. Сегодня рано отправилемъ Гаврила до Ярковъ къ Брухову Степану Васил., зъ писмомъ писаннимъ до Полянского о моемъ обращеніи, да въ томъ же писмѣ включенъ листъ до Демяна о его дѣлѣ и о покупцѣ 10 галіонковъ фронтиніаку. После повороту назадъ Гавриловoго, отпустившись, вийшлисмо зъ Волди на самий лиманъ и якъ бы верстъ зо 4 увойшовши сталисмо на якорѣ и цѣлий день тутъ простоялисмо за противною погодою. Ездилемъ шлюпкою, чили лодкою своею, до гекъ бота неподалеку отъ насъ стоявшого, на которомъ середняя машта зломанна стала на самій серединѣ мора, и осмотрувалемъ строенія его, которій на примѣръ бота простого здѣланъ, толко великъ, якъ бы у 4 буси нашихъ. Тамъ же въ коморцѣ посидѣвши зъ коммендиромъ оного гекъ бота, роспиталемъ его, хто онъ, ажъ онъ сказался быть галанцемъ, а ездилъ онъ до Остъ Индеи, где сказуетъ народъ до иностраннихъ кажется склоненъ и вмѣсто комлемента, кому оній хотятъ отдати, присѣдаютъ на колѣнка и въ долонѣ плещутъ; язикъ у нихъ на примѣръ калмицкого. Сегодня нашимъ приказъ учинился въ Сулаку прибиратись въ гори, а брать на 4-хъ бунчуковихъ 3 возка и провіянту на 2 неделѣ.

26. Неделя. Сегодня рано проминулъ насъ почтовій ботъ, подобно до Астраханѣ отправленний, а мы такъ же, же отчасти служилъ намъ косий отъ лѣвой сторони вѣтръ, такъ же двигнулись и уехали верстъ зъ 15; когда же перемѣнилась погода и стала бытъ намъ противною, того ради мусѣлисмо стать на якорѣ и до ночѣ и отъ ночи до свѣта простоялисмо. Верстъ якъ бы у 5 четыри бугри були отъ насъ у правой順 сторонѣ, которіи видно било по вежѣ въ день, а въ ночѣ по огню, который роскладиваютъ нарочно для того, жебы не наехали судна на мѣль, а щитаютъ отъ Ярковъ до оныхъ 20 верстъ.

26. Понеделокъ. Сегодня за противною погодою простоялисмо до вечора, а передъ вечеромъ дожчъ зъ вѣтромъ пройшолъ, а послѣ оного вѣтеръ учинился намъ полезній, чего ради, поднявши паросъ, рушилисмо и часовъ зъ 4 пройшовши, знову сталисмо на якорѣ, за отмѣнившимся вѣтромъ. Лоцманъ росказовалъ о звѣздѣ повижей води стоячой, близъ которой 2 знѣзди яснѣйшіе отъ другихъ стоятъ, якую звѣзду по татарску зовутъ темиръ казинъ, то есть желѣсній гвоздь, потому что всегда она на полунощной странѣ безъ перемѣни стоитъ неподвигно; да онъ же сказовалъ о Стенки Рагозину бунтовщику, что онъ зъ Дону побѣгши и въ Янку собравшись зъ другими, моремъ прийшолъ до Гиляни и тамъ ращу вирубавши и бывши въ Мазондранѣ, заехалъ и до рѣки Кури, где жестокая ему била баталѣя зъ Бакинцями; оттуду пріехавши въ Астрахань и болшъ себѣ собравши товарищей, пошолъ былъ въ гору, але тамъ отъ войскъ государевихъ побежденъ и после въ Москѣ казненъ. Переводилемъ пѣснь Якопонія латинскую: „cur mundus militat sub vana gloria etc“... на вѣрши рускіе, нижей писанніе:

Чому свѣтъ о славѣ стоитъ нестатечной
А сталости его не видно безпечной?
Такъ падаетъ сила его безъ отмѣни,
Якъ утло начинне, здѣланое зъ глини.
На ліоду лѣтерѣ болшъ вѣрь начертанной,
Нѣжъ свѣта бѣдного обманѣ убранной.

Облудный, въ заплатѣ, видомъ добротливий,
Але въ рѣчѣ самой есть завше зрадливий.
Болше повѣрити можно шклу утлому,
Нѣжели бѣдному щастю свѣтовому.
Ложное оно есть, якъ во снѣ въ марности
Омилно въ милости и въ своей сладости.
Скажи где Саломонъ шляхетне врожоний,
Албо где Самсонъ есть вожъ незвитяжоний,
Альбо Авесаломъ, лицемъ доброзрачний,
Албо Іоноѳанъ, оний барзо вдячний?
Где подѣлся цесаръ властію високій,
Албо тотъ богатий въ роскошахъ глубокий
Скажи, где Тулліушъ, ораторъ вимовний,
Албо Аристотель, философъ верховний?
Якъ барзо славнихъ премного бывало
Духовнихъ пастирей, царствъ силнихъ немало.
Сколко монархъ силнихъ на свѣтѣ живало,
А во мгненню ока всѣхъ уже не стало.
Короткое свято, свѣтъ въ славѣ хорошій,
Якъ тѣнь есть людская, такъ его роскоши,
Да еще жъ лишаютъ и вѣчной заплати
И проводятъ людей во адъ погибати.
О прахъ! земля! о нощъ! о червей потрава!
Чему такъ хлюбишся человѣча славо?
Не знаешь всякъ утро будеши ли жити,
Чини добро, поколь можеши чинити!
Такъ мирская слава висока здается,
Въ писаніи святомъ цвѣтъ селний зовется,
Якъ листя легкіе, же вѣтеръ звѣваетъ,
Такъ житте людское скоро ищезаетъ.
Не називай своимъ, що можешъ втеряти,
Що свѣтъ даетъ тебѣ, намѣренъ отняти.
Помишляй вишняя, серцемъ въ небѣ живи,
Щастливъ есть человѣкъ свѣтъ марний презрѣвий.

Сегодня бунчуковіе зъ всѣми рекгулярними и нерекгулярними войсками въ командѣ гг. генераловъ Кропотова и Шереметова рушили въ гори.

28. Вовтор. Теперъ передъ свѣтомъ наша повѣяла погода и мы рушилисмо, поднявши паросъ и шли мало не до полудня, а потомъ за премѣною погоди, знову сталисмо на якорѣ и до ночи простояли. Гекботъ виденъ намъ былъ въ правой руцѣ, которій кажется ишолъ до Ярковъ. Судно буса зъ запасомъ отъ Торноліота, после насъ зъ Астраханѣ отправленная, доехала насъ и близко жъ насъ на якорѣ также стала. Началемъ другій листъ писать до брата п. Семена протоколно и сеей ночи написалемъ два листа.

29. Середа. Отъ ночи, якъ начало качать насъ, то и черезъ увесь день барзѣй хитало пожестоко и многихъ ухитало, а по заходѣ слонца пришедшой погодѣ, будто нашой, поднялисмо паросъ и рушили. Мозури сего лѣта бывшіе у Кгилянѣ сказивали, что тамъ нефти бакѣнской барминъ продавался по 7 гривенъ, которій въ Бацѣ становится по 5 денегъ, а возятъ оную въ тулубахъ овечихъ, въ Дербенѣ и Бацѣ по 2 гривни и дешевше продаючихся; въ тулубъ еденъ 10 и болшъ батмановъ вомѣщается, а батманъ шаховъ 14, а гилянскій 12 фунтовъ содержитъ въ себѣ. Такъ засъ мягкой матеріи 8 пудъ, а твердой 13. До брата Семена еще того жъ писма листъ написалемъ.

30 Четвер. Сегодня рано показавшойся отчасти погодѣ нашой, шлисмо парусомъ мало не до полудня, а потомъ перемѣнившойся, стали на якорѣ. Отъ полудня до ночи и чрезъ ночъ жестоко хитало насъ. Листъ еще еденъ писма до брата написалемъ рано.

Октоврій мѣсяцъ. 1. Пятокъ. Сеей ночи противъ дня година 3 зъ полночи, показалася погода наша и мы поднявш парусъ ишли ажъ до вечора, а по заходѣ слонца знову наша жъ пришла погода косая, надъ мѣру жестокая и пошлисмо велми скоро. Теперъ до брата п. Семена написалемъ писма 2 листи и полъ и противъ завтрійшего дня окончилемъ оное писмо листовъ 6 и полъ. А по-

года отъ правой стороны. Ботъ почтовій зъ Аграханѣ до Астраханѣ идучій минулъ насъ.

2. Субота. Вчорайшою погодою единако черезъ цѣлую ночь тривавшою, а до полудня уже переставшею ишлисмо, а после полудня на якорѣ сталисмо. Отъ нинѣшнего дня увидѣлисмо гори кавказскіе. Минулисмо Туленѣй островъ, такъ прозиваемый, у право намъ бывшій, который въ своей околичности барзо малый, але башню на ономъ здѣланную отъ далеку видать. На томъ острови Терковци и протчіе жители рибу ловлять.

3. Неделя. Сегодня на томъ же мѣстѣ до полудня простоялисмо, а по полуднѣ, за показавшоюся отъ части нашою погодою, ехалисмо до вечора, а у вечеру знову сталисмо, потому что и погоди не стало.

4. Понеделокъ. Рано погода зъ лѣвой сторони стала жестокая, которою ишлисмо до вечора, а вечеромъ уже стали на якорѣ. Минулисмо Терекъ городъ, который намъ у правой руцѣ, зъ двома церквами, соборною и воскресеніемъ, видать било, а зайшли косу прозиваемую Кучъ у море протягшуюся, при которой и транжаментъ акграханскій, але передамъ минулисмо островъ Чечень у лѣвой руцѣ бившій намъ. Index слагалемъ Стефана Хаввѣна.

5. Вовтор. Сегодня до полудня простоялисмо на якорѣ, а жестоко насъ хитало; после полудня засъ рушилисмо и уже передъ заходомъ слонца пришли до пристанѣ у транжаменту акграханского будучой и тутъ недоходячи гекботовъ, на якорѣ сталисмо. Гаврило зъ протчіими ездилъ въ транжаментъ и, обявившись тамъ, повернулъся уже позно. Тарноліотъ Іванъ бунчуковій товаришъ по отходѣ нашомъ зъ Астраханѣ, отпустившійся бусею, прійшолъ скоро после насъ и сталъ тутъ же близъ насъ на якорѣ зъ бусею, зъ которою пріездилъ сюда, и тутъ со мною посидѣлъ доволно и до своего судна отехалъ.

6. Середа. Пріездилъ ко мнѣ рано Семенъ Карпѣка и кушалъ со мною, а по обѣдѣ пріехали на судно жъ ко мнѣ Тарноліотъ зъ старшимъ Покотиломъ и посидѣвши доволно, поехалисмо въ транжаментъ и былисмо у коменданта маіора Мерзлюкина, Ни-

кити Дмитріевича, отъ его заходили до провіянтмейстера Юрия Іванов. сина Кмита, а оттуду пріехалемъ до своей буси сюда.

7. Четвер. Сегодня коменданта Мерзлюкова 2 вѣдерками водки обослалемъ. Обѣдалъ у мене Тарноліотъ, Семенъ Карпѣка и Стефанъ Холодовичъ. Алексѣй Купчинъ, бывшій съ нами тутъ на суднѣ, вигрузился и поехалъ въ Сулакъ завознею. Получилъ копію указу сенатского до г. генерала Матюшкина о свободной безъ пошлини продажѣ вина и табаву въ крѣпости ст. Креста и по другихъ новозавоеванныхъ провинціяхъ [1]). Увѣдомилемся отъ Архипа, что взяти 3 куѳи горѣлки Якова Дуброви въ нашъ расходъ, зъ которихъ 1 меншая, въ которой горѣлки было 16 вѣдерокъ московскихъ, а вѣдерку цену торгъ людскій учинилъ по полтора рубля и за оную приходитъ грошей 24 р.; другая, въ якой было горѣлки 25 вѣдерокъ, а цена вѣдерку по 2 р., за которую приходитъ грошей 50 р.; третая невимѣрувана и теперъ зъ горѣлкою, але сподѣватись мовитъ въ оной на 20 вѣдерокъ гор. Гаврило показалъ реестъ чили вѣденіе взятимъ запасамъ рожнимъ и заплатѣ за оніе надлежащой, 1) за п. Заборовского запасъ—7 р., 16 л. и 14 д., 2) за п. Тимофея Скоропадского—2 р., 6 л., 4 д., 3) за п. Андрея Миклашевскаго—17 р., summa 26 р. 23 алт. 2 д. Составилемъ и окончилемъ реестръ чили indicem Hesaphri philosophici ordine alphabeti codigeri noth. Steph . . . . Василя Патику послалемъ въ крѣпость ст. Креста, конемъ Семена Карпѣки, о своихъ увѣдомитись.

8. Пятокъ. Сегодня рушилисмося зъ мѣста своего и приближились къ пристанѣ, жебы латвѣй было вигруживатись. Гаврило вѣденіе показалъ провіянта нашего, въ бусѣ сущего, а въ его и Архиповомъ вѣденіи будучуго, именно: бочокъ зъ борошномъ 5, барилъ зъ водкою 22, мѣховъ зъ розною мукою 15, бокуну куливъ 15, табаку зъ молодецкимъ 8, (куфъ зъ гор. 2) масла полъ 2 фаски, сухарей кулювъ 11. П. Тарналіотъ посидѣлъ у мене и въ

---

[1]) Приведенный здѣсь указъ отъ 5 августа 1725 г. напечатанъ въ изданіи 1859 г., ч. I, стр. 111.

посидѣнню говорилъ, что певное лѣкарство на сканцерованніе перси женскіе есть такое: цеглу свѣжовипаленую взять и разбивши на двое, одну объ другую часть терти и пилу цегляного натерти доволно, да до того хлѣба ситного мякушки натерти руками столко жъ и тое змѣшавши въ купу полити добримъ оцтомъ и приложить до персей. Сегодня вигружалисмо часть малую провіянта за вознею на сухо и зложили въ казарнѣ, отведенной отъ коменданта Мерзлякова. Алексѣй конюшій зъ Василемъ козакомъ пріехалъ зъ Сулаку и донеслъ о походѣ 27 сент. въ гори учинившомся.

9. Субота. Сегодня былъ праздникъ моего патрона, а отъ позавчорайшого дня мнѣ житія моего лѣтъ 29, ибо я родился 1696 року. Обѣдали у мене Тарноліотъ, Семенъ Карпѣка и Холодовичъ и по обѣдѣ отѣхали, а я на шлюпцѣ, отъ гекбота присланной ко мнѣ, ездилемъ до оного и принятъ тамъ былемъ любовно отъ мичмана Алексѣя Костинтиновича Бѣлоселского, которий уже и по отездѣ отъ его моемъ на бусу, обослалъ мене яблуками дербенскими, тютюнами картознимъ и персидскимъ. Составилемъ писма и включилемъ до Полянского въ пакетъ, въ которомъ писмо до Демяна о присилцѣ сюда горѣлки нерозведеной; до брегадира Ветеранина о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку до полковника ахтирского о пересланню онихъ же въ Роменъ, до родителя о моемъ повоженню, о присланню, весною, виправи, о тютюну въ Астраханѣ, уступцѣ мнѣ и цедулою о томъ его жъ къ Ветеранину написать (просилъ?) о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку, до жени о повоженню жъ, о виправѣ о корѣнню зъ товарищи, жебы прислать сюда по первомъ листу.

10. Неделя. Сегодня обѣдалемъ у себе самъ, а по обѣдѣ были у мене мичмани оба, въ которихъ я вчора былемъ, а потомъ и комендантъ Мерзляковъ, и, посидѣвши мало, отехали зъ буси моей. Гаврилу на покупку риби въ Терку далемъ 90 р., а у его 8 р. и 4 грив., да у Архипа 4 р. и 4 грив. Якова Дуброви, и того всѣхъ 102 р. и 8 гр. Далемъ особливе слугамъ п. Заборовского 2, а п. Тимофѣя Скорупи 3 р. Горѣлки взялемъ зъ числа въ Астраханѣ взятого ста вѣд., 2 барилѣ, зъ которихъ въ одномъ

5 вѣдерокъ, а въ другомъ 5 же безъ 4 квартъ, всѣхъ 10 вѣдерокъ безъ 4 квартъ, а въ остатку у Гаврила 90 вѣдерокъ и 4 кварти; да особливе жъ, не въ зачотъ тихъ, взялемъ 2 куфи и барило третее Яковиной горѣлки, въ 6 вѣдерокъ зъ баришемъ а всѣ вѣдерка ромен. Потребнѣйшіе рѣчи въ завозню зложивши и самъ въ оной поехалемъ при заходѣ слонца зъ 6 работниками Мозурами, да зъ 4 слугами и приехалемъ въ усте рѣчки Аграханѣ, которою до свѣта ехалемъ, але жъ на мѣлѣ стала завозня, такъ что далѣй нелзя било ехать, того ради сталисмо якъби у 6 верстъ, недоежджая нижней станицѣ. 6 пунктовъ зъ реестромъ покупокъ далемъ Гаврилови що покупать.

11. Понеделникъ. До того мѣста на Аграханѣ, где зъ завознею на мѣлѣ ставшою медлѣлисмо, пріехалъ Алексѣецъ отъ крѣпости зъ подводами, будкою и возами трома, на которіе поскладавшись зъ завознѣ, поехалемъ землею, оставивши при остатку рѣчий Гудима Грицка, и пріехалемъ до станицѣ нижней, тутъ обѣдалемъ: Дракгуне приходили коней нашихъ грабить, по жалобѣ Дончихи, будто за потравленную капусту отъ людей моихъ, еще якъ до мене ехали, и покричавши довольно, отойшли, а я ездилъ до провіянтмейстера и оного укрившогося неувидѣвши, повернулемся назадъ. Нижная станиця городкомъ здѣланна зъ роскатами, але низкими и валомъ такимъ же, а внутръ мазонки бѣдніе, на половинѣ отъ транжамента аграханского и крѣпости стоитъ у Алексѣйця увѣдомилемъся о домашнихъ жалосномъ повоженню. Поехавши по обѣдѣ оттуду, пріехалемъ позно до лагеру у крѣпости ст. Креста стоячого нашого, и тутъ зъ п. Семеномъ Чуйкевичомъ видѣлъся.

12. Вовторникъ. Рано поехалемъ въ городъ Крѣпость ст. Креста и первей, у полковника Добринея былемъ, а оттуду у Милорадовича, оттоль у генерала Матюшкина. Оттуду пошедши, обѣдалемъ у Добринея и до вечора забавившись, и въ лазнѣ его вимившись, ночовалемъ у Милорадовича. Тутъ вѣдомости веселіе о нашихъ пошовшихъ въ гори получилисмо.

13. Середа. Сегодня рано у весь корпусъ, ходившій у гори, повернулся назадъ зъ помислною Слава Богу вѣкторіею, понеже

Шафкалово владѣніе все разорено и спалено. Обѣдалисмо у Милорадовича многіе зъ бунчуковихъ, а по обѣдѣ прійшлисмо до лагеру. Куфу горѣл. визичилемъ двойной товарищамъ на гостинецъ господамъ.

14. Четвер. Сегодня рано билемъ у Михайла Афанасіевича. Росходу къ тому показалось 5 вѣдеръ гор. оковит. и барило вишневки и пуздерко розийшлось. Билемъ у Шереметева, оттуду у Еропкина, а между тимъ получилемъ вѣдомость, что въ транжаментѣ аграханскомъ бура збитъ великая била и первей наводненіе излишнее учинила, же и мою бусу и прочіе къ берегамъ позаносило, а потомъ, за перемѣною погоди, вся вода у море увойшла и сухо стало, чего ради я поехалемъ зъ лагеру туда и недоехавши оного мало, заночовалемъ зъ п. Заборовскимъ.

15. Пятокъ. Сегодня, рано поехавши передъ обѣдомъ, пріехалемъ до транжамента и тутъ бувши у коменданта, потомъ билемъ и на бусѣ своей на землѣ стоячой, до которой конемъ ездилемъ. Писма 2 писалемъ до Полянского и до Демяна, въ другомъ писалемъ о присилцѣ вина фронтиніяку 20, а ренского 40 бутилокъ и 20 куліовъ овса.

16. Субота. Сегодня тутже въ транжаментѣ покушавши зъ Заборовскимъ и Шубою, отехалемъ до крѣпости и на дорозѣ стрѣтилемся зъ атютантомъ генерала Матюшкина, Константиномъ Федоровичемъ Ушаковимъ, въ С. П Бурхъ посланнимъ, и простившись зъ нимъ, пріехалемъ позно въ лагеръ. Козаки наши и слободскіе уступили отсюду и стали лагеромъ у нѣсколько верстъ отсюду, въ лѣсахъ.

17. Неделя. Сегодня служби Божой вислухавши, прийшлисмо до своего лагеру и кушали у себе, а господа генерали и протчіе штапъ-офѣцери кушали у генерала Кропотова. Посѣщали мене капитанъ Дефаршъ и Іванъ Полянскій. Іванъ Миклашевскій зъ пистолета случаемъ разилъ козака, але куля винята. Писма до дому сочинилемъ черезъ сотника ковалювского.

18. Понеделокъ. Сегодня рано былемъ у Кропотова и Шереметева и тому листи, а сему 2 оки тютюну тур. далъ и ласкаве

отъ нихъ принятъ былемъ. Обѣдалисмо 6 чловѣка бунчукових у Матюшкина и подпіяхомъ.

19. Вовтор. Присланному вахмистру отъ Дебринея отдалемъ ложечки срѣбніе, данніе до отдачи ему отъ садовника Пасета астраханского. Миколаевичъ плутъ былъ призиванъ ко мнѣ и признанъ себе быти виннимъ за тое, что не записивалъ, почому лососѣ спродалъ у Бацѣ и что виноватъ по своемъ реестрѣ остается 14 р. Несторовичу да асаулѣ по 30 р., Конюшему 16 р. Получилемъ сегодня писма родителскіе и протчіе зъ Ромна отпущенніе юля 30-го.

20. Середа. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былемъ у Дебринея оттуду зъ Дефаршомъ осмотрувалемъ квартири мнѣ отъ Дебринея отводячойся, а по обѣдѣ Дебриней у насъ былъ и посидя отехалъ и съ нами Опачининъ обѣдалъ. Писма составилемъ въ домъ до родителя и жени о виправѣ, о присилцѣ слугамъ кошуль и чоботъ, а особливе пявокъ, и до прокурора.

21. Четвергъ. Сегодня послалемъ до Опачинина черезъ Алексѣйця 6 р. должнихъ, а Вѣжевскому 4 р. на росходъ зъ мѣшка Заборовского.

22. Пятокъ. Сегодня рано былисмо въ городѣ у генерала Матюшкина и Милорадовича. Писма до дому составленніе, до п. Федора дядка и до Демяна вручилемъ Івану Полянскому, о которихъ прежде 10 числа въ 2 нумерѣ упомянулемъ. Генералъ Матюшкинъ передъ обѣдомъ виехалъ зъ крѣпости ст Креста къ ретранжаменту аграханскому, которого оправожалисмо верстъ зъ 5 и поцаловавшись зъ нимъ нѣсколко разъ, такъ и зъ самою генералшою Софіею Дмитровною, воротилисмося, а нѣкоторіе зъ штапъ офѣцеровъ и генералъ Кропотовъ поехали зъ нимъ до ретранжаменту. Туда жъ послалемъ зъ листомъ Василя козака да Гаврила. Зъ первого лагера перейсилисьмо всѣ на другій, где и козаки малор. и слободскіе стоятъ, надъ Аграханю, пониже мало городка донского прозиваемого Кузмѣнъ Ерокъ, а отъ города крѣпости ст. Креста въ 7 верстахъ отстоящого, и тутъ ночовалисмо зъ п. Михайломъ. Сегодня Миклашевскіе и Гамалѣи зъ Завадовскимъ отлу-

чились отъ насъ и перевезлись въ старую крѣпость на кватеру, отведенную имъ отъ Сойманова.

23. Субота. Сегодня до вечора и до ночи тутъ въ лагерѣ обрѣталисмося, а остатокъ рѣчій нашихъ зъ прежнего мѣста сюда перевезено. Обѣдали у насъ Костенецкій и Григорашъ. Человѣкъ Заборовского на дорозѣ умеръ, отъ лагера сюда въ новий едучи, и поховали его.

24. Неделя. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость ст Креста и кушалисмо у генерала Шереметева, а по обѣдѣ играли у карти зъ виграшемъ. У его жъ денщикъ на дворовой женился при насъ. Гайдемиръ, владѣлецъ Андрѣевскій, ездившій къ генералу Матюшкину до транжамента, возвратившись оттуду зъ генераломъ Кропотовимъ, былъ у старой крѣпости у сина своего, котторий отъ его въ аманатчикахъ сидитъ.

25. Понеделокъ. Противъ сего числа въ ночѣ коней 4, 2 верховихъ п. Михайла, а мой верховий вороний и гнѣденкій пропали въ полѣ. Обѣдалисмо у себе, а у насъ Костенецкій, Андрѣй Трощинскій и Заборовскій, а по обѣдѣ ездилъ до города и билъ у Шереметюва и Кропотова за квартерою.

26. Вовтор. Сегодня ексекуція чинена была, 2-хъ повѣшено, а нѣсколко бито кнутомъ и ноздри вирвано салдатамъ збѣгшимъ. Обѣдалисмо у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ билемъ у Яропкина и Дебринея, и оттуду пріехалемъ въ домъ. Послалемъ рано въ транжаментъ Мартина и черезъ его писалемъ до Гаврила о его обхожденіи и поездѣ въ Терекъ и Баку и взяттю куеи Миклаш., буде конюшій незаплатилъ, и писалемъ до Мерзлякина о завознѣ вимѣраясь. Якимъ Гречаний сказивалъ мнѣ про писмо зъ Астраханѣ до мене писанное, у нѣякогось офѣцера найдуючееся.

27. Середа. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, а обѣдали у насъ Трощинскіе и Костенецкій. Ащутилемъ въ себе боль въ правой пахвѣ.

28. Четвер. Сегодня конѣ наши пропаліе обыскалися. Обѣдалисмо у себе и зъ нами Гамалѣя Стефанъ и Григорашъ. Мартинъ повернулся зъ транжамента и обявилъ, что еще вчорайшого дня

генералъ Матюшкинъ и Гаврило за непогодою нерушали и что Потапу на покупку риби далъ 1 р. Сегодня чинилась ексекуція надъ 4-ма салдатами, якихъ колесовано и положено живцемъ на колесахъ за убитте маркѣтантовъ и 2 донцовъ, за тое что вѣдали про оное убійство и умилчали.

29. Пятокъ. Сегодня п. Михайло ездилъ въ крѣпость, а я при лагерѣ дновалъ.

30. Субота. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Трощинскіе и Заборовскій. Вѣжевскому на росходи далемъ 5 р. Мартиномъ послалемъ до Еропкина 2 бутилки красного вина, а 3 ренского бѣлого (на которіе теперъ 1 р. розійшолся) и пудъ меду патоки. Грошей у мене всѣхъ осталось цѣлнихъ рубліовиковъ зъ полтинами 20, а дробнихъ 12 р. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского о здравственномъ поводженню бунчуковихъ, въ Астраханѣ обрѣтаючихся.

31. Неделя. Сегодня ездилемъ ряно въ крѣпость ст. Креста и повидѣвшись зъ Дебринеемъ, у службы былемъ, а потомъ у Еропкина обѣдалемъ и по обѣдѣ зъ Трощинскимъ Андрѣемъ пріехалемъ въ лагеръ.

Мѣсяць ноевр. 1. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у себе, а надъ вечеру извѣстились, что пятотисячной комменди маророссійской прибили нѣкоторіе уже зъ Сенецкимъ сотникомъ Криштопенкомъ въ аграханскій транжаментъ и что колмикъ 6000 сюда жъ слѣдуютъ.

2. Вовторникъ. П. Михайло ездилъ самъ въ городъ, а я зъ Костенецкимъ обѣдаемъ у себе. Василь козакъ повернулся зъ станицѣ й сказалъ, что купилъ сѣна на 6 воз. Татаре зъ горъ напавши на середній караулъ донскій, былись съ ними ноччю по заходѣ мисяца и тогда жъ, безъ вреда нашихъ, татаре уехали толко едному донцу плече копіемъ прокололъ татаринъ, а татаръ сказуютъ на 40 человѣка было.

3. Середа. Согодня было холодно и дожчъ зъ снѣгомъ прорывался, а рано ездилемъ до крѣпости ст. Креста и былемъ у Шереметева, оттуду у Кропотова, где и обѣдалемъ; по обѣдѣ ви-

дѣлемъся зъ Дефаршомъ и приговоривши коминки въ свѣтлицѣ строити, въ квартерѣ нашой, отехалемъ зъ города и заехалемъ до Миклашевскихъ и тамъ немного медля, пріехалемъ позно въ лагеръ. Вѣжовскому на расходи далемъ 4 р. Василь козакъ посланъ знову въ станицю зъ донцами куповать сѣно.

4. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Костенецкимъ, а по обѣдѣ збирались зъ товарищи и радились о покупцѣ горѣлки декльярованной нѣкоторимъ персонамъ и куфу гор. оковитой гонишковой купили у Якова Жураковского за 80 р., а простую продавали по 60 р. и меншъ отдать нехотѣли. Мартинъ посланъ въ транжаментъ для запроваженния оттуду сюда запасу нашего лодкою, на которую далемъ ему жъ 3 р. Сотникъ Сенецкій пріехалъ сюда въ лагеръ и былъ у Стефана Гамалѣи. Вѣдомость учинилась, что по совѣту генералитету приговоръ состоялся коммендировать партію въ гори въ 5000 числѣ, а коммендиромъ полковникъ Еропкинъ означенъ, а походъ зъ причини означенной числа 2-го, нумера 3-го, приговоренъ.

5. Пятокъ. Сегодня ездилъ п. Михайло въ городъ, а я оставалъся дома; онъ же пріехавши въ таборъ, обявилъ мнѣ, что поидетъ и онъ въ походъ зъ Еропкинимъ. Куріеръ зъ С. П. Бурху 8 октовр. отпущенний, пріехалъ сюда зъ указами.

6. Субота. Сегодня козаки прошлолѣтніе въ командѣ Милорадовича будучіе, отпущенни зъ самимъ Милорадовичомъ и зо всею старшиною въ доми, черезъ которихъ писалъ и я до родителей и жени, о себѣ, о виправѣ, о недоправцѣ интерессу зъ должниковъ до ясневелможн оба писалисмо о неприсланню зъ С. П. Бурху о насъ резолюцій и до брегадира Веляминова, прокурора и Петра Петровича Толстого, и листи тіе вручени самому Милорадовичу. Обѣдалемъ у Еропкина и Дебринея, и випросилемля у енераловъ ити въ партіи въ гори зъ Еропкинимъ и п. Михайломъ.

7. Неделя. Сегодня рано послалисмо вози до Ниженей станицѣ по провіантъ, котoрий мѣлъ Мартинъ водою привезти. Былъ у насъ генералъ Шереметювъ зъ полковникомъ Еропкинимъ и другими, повернувшись отъ лошадей дракгунскихъ, которихъ осмотру-

валъ. Вѣжевскому на росходи далемъ 4 р. Обѣдалисмо сами зъ Костенецкимъ и Трощинскимъ и неездили никуда.

8. Понеделокъ. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость и бывши у Кропотова, Еропкина, зайшли до Дебринея, где и обѣдалисмо, и пріехали до дому позно въ лагеръ пошумни.

9. Воотор. Сегодня пріехали вози наши отъ Нижней Станицѣ, зъ провіянтомъ нашимъ, водою, завознею, припроваженнимъ отъ транжаменту, а далѣй станицѣ зложенимъ на оніе, за 7 копъ Писалемъ писма до родителей и жени через слугу Тимофѣя Скоропадского, отпущенного землею, ознаймуючи о себе чи живъ. У вечеру посѣщалъ насъ харковскій полков. Квѣтка и посидя отійшолъ.

10. Середа. Сегодня дневали мы въ лагерѣ и въ себе обѣдалисмо ми, и у насъ Федоръ Чуйкевичъ. Бунчуковіе прійшовши до насъ, нѣкоторіи розговорували о контрибуцѣи—заплатить 5 куховъ горѣлки, и составилм оную на 600 р. Іванъ Борзна сказовалъ вѣдомость, что будто полковниця Сумская взята въ Москву.

11. Четверъ. Сегодня ездилемъ въ городъ и бувши у генераловъ Кропотова и Шереметева, обѣдалемъ у полковника Аракчѣева зъ полковниками Фонстралемъ и Харковскимъ, а по обѣдѣ у Дебринея былемъ, где и сенецкого сотника увидилемъ, и осмотрѣвши кватири своей, отехалемъ и мимоездомъ зъ капитаномъ Дефаршомъ заехавши до Миклашевскихъ и забавившись мало, пріехалемъ отъ нихъ въ лагеръ. Тамъ вѣдомо мнѣ учинилось, что п. Андрѣю Миклашевскому родился синъ Михайло. Вола нашего украдено.

12. Пятокъ. Сегодня рано послалемъ въ транжаментъ до Івана Тарноліота писмо къ Полянскоиу писанное, а въ немъ и до Демяна о томъ, чтобъ горѣлки тамъ не продавалъ, але сюда присилалъ бы и чтобъ оною обослалъ атютанта Ушакова, когда повернется зъ С. П. Бурху, а писмо до Тарноліота послалемъ черезъ Александровича Чорнуского. П. Андрѣй Миклашевскій прислалъ денги должніе мнѣ позиченніе 15 р., а за провіянтъ 3 р. зъ полтиною, такъ же и Тимофѣй Скоропадскій 3 р., якіе 3 р., далемъ Вѣжевскому на расходъ. Вола еще взять казалемъ у Якубовичевихъ людей. Мартинъ пріехалъ зъ провіянтомъ нашимъ сюда.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

1892 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го октября 1892 г.

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по гречески и по турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по гречески и по турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ

путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра за работою, надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ предъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными" [1]). По выходѣ въ отставку онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ Слободской Украйнѣ (ему пожаловано селеніе Кручикъ, въ нын. Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губ.). Проживая тамъ, онъ столкнулся съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украйнѣ. Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшаго разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ. Наѣзды польской и западнорусской шляхты представляютъ всѣмъ хорошо извѣстную особенность польской исторіи XVI—XVII вв. Такія лица, какъ Самуилъ Лащъ, создали себѣ, можно сказать, вѣчную неувядаемую славу на этомъ поприщѣ. Даже выходцы изъ Московіи, вродѣ знаменитаго кн. А М. Курбскаго, скоро входили во вкусъ наѣздовъ и обнаруживали въ нихъ энергію, которой могли позавидовать и туземцы. Въ лѣвобережной Малоросіи новое панство, подражая шляхетству Рѣчи Посполитой, также практиковало нерѣдко наѣзды на имѣнія своихъ сосѣдей, хотя повидимому не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ Правобережьѣ. Въ Слободской Украйнѣ своими наѣздами прославился выходецъ изъ Правобережной Малороссіи бѣлоцерковскій полковникъ изъ волоховъ Танскій. Ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выходцами волохами—полковникомъ Кигичемъ, офицерами Жіяномъ, Бедрягой, а также рядовыми козаками и поляками—указано было жить въ м. Мурафѣ и устроить конскій заводъ. Но эти новые поселенцы стали причинять

[1]) Г. П. Данилевскій. Украинская Старина.

мѣстнымъ обывателямъ постоянныя обиды. Въ 1720 г. ротмистръ Жіянъ избилъ мурафовскаго священника и его сына; смотрителю казенной табачной фабрики въ Ахтыркѣ поручено было произвести слѣдствіе, но Танскій и Жіянъ уклонялись отъ него. Бригадиръ слободскихъ полковъ Осиповъ писалъ, что волохи причиняютъ наглые грабежи, обиды и разоренія всѣмъ мурафовскимъ обывателямъ, отъ чего ихъ разошлось уже 70 дворовъ. Въ 1724 г. Ахтырскій полковникъ Лесевицкій выступилъ съ новою жалобою на волоховъ, заявляя, что полковникъ Танскій завладѣлъ многими землями обывателей, лѣсами и людьми, безнаказанно наноситъ побои и обиды, разорилъ и сжегъ новопостроенную слободу Шаровку. Въ 1748 и 1749 годахъ полчане снова жаловались на Танскаго и его шайку гайдамаковъ, которая грозила истребленіемъ мурафовской козацкой сотни и между прочимъ снова разорила сл. Шаровку и избила Краснокутскаго атамана [1]).

Новыя выходцы въ Слободскую Украйну при Екатеринѣ, вродѣ Ольховскаго, являются какъ бы прямыми продолжателями Танскаго и его компаніи. Не будучи въ состояніи отстать отъ привычекъ, унаслѣдованныхъ въ безпрерывныхъ войнахъ, относясь высокомѣрно къ мѣстному населенію, которое отдавалось имъ въ подданные, ссорясь и враждуя съ сосѣдями помѣщиками, неприготовленные къ мирнымъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ да и не могшіе быстро измѣнить своихъ вкусовъ, они являлись безпокойнымъ и необузданнымъ элементомъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ этомъ послѣднемъ въ свою очередь не успѣли еще утвердиться новыя гражданскія учрежденія, явившіеся результатомъ реформаторской дѣятельности Евд. Щербинина. Слободская Украйна переживала переходной моментъ своего историческаго существованія: старый козацко-военный бытъ мало-по-малу замѣнялся гражданскимъ. Новыя правительственныя учрежденія ослабили значеніе мѣстныхъ, но сами въ свою очередь не успѣли приспособиться къ чуждой ихъ формамъ средѣ. Канцелярская процедура, запутан-

[1]) Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, III, 208—209.

мота богодуховскому протопопу Димитрію Захаржевскому съ разрѣшеніемъ заложить въ сел. Кручикѣ вмѣсто прежней ветхой новую церковь на иномъ мѣстѣ. Почему нынѣ существующая деревянная церковь заложена въ 1774 году 14 сентября, а освящена 30 августа 1776 г. преосв. Аггеемъ во Имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Когда же построена была въ с. Кручикѣ прежняя церковь и съ какого времени существуетъ самое село Кручикъ—ничего не извѣстно. А такъ какъ въ 1770 году въ с. Кручикѣ была церковь уже ветхая, то можно полагать, что она построена въ концѣ 1600-хъ годовъ или же въ началѣ 1700-хъ. Нынѣшняя же церковь существуетъ уже 117 лѣтъ и, хотя была подважена въ 1840-хъ годахъ, но еще и теперь прочна; устроена въ формѣ креста и соединена посредствомъ придѣла съ колокольнею. Подъ церковью и колокольнею устроенъ склепъ, въ которомъ погребенъ умершій въ 1783 году 14 марта создатель церкви полковникъ Назарій Александровичъ Каразинъ [1]). На колокольнѣ отъ начала ея построенія были боевые часы, которыхъ уже давно нѣтъ, а колоколъ, къ которому они были приведены, до нынѣ цѣлъ. Вѣсомъ онъ въ 15 пудовъ; вокругъ него внизу литая надпись съ нѣкоторыми стертыми словами. Вотъ эта надпись въ ея нынѣшнемъ видѣ (стертыя мѣста обозначаются черточками): сей колоколъ . . . . . ющіе къ Богу людей . . . села Кручика и деревни Основинецъ . . . Васильевымъ сыномъ . . . . 1776 года августа 16 числа. Одинъ изъ потомковъ Н. Каразина поясняетъ эту надпись, какъ слышалъ отъ своей бабушки, внучки того Каразина, такъ: сей колоколъ *гласы вопі*ющіе къ Богу людей *убіенныхъ* села Кручика и деревни Основинецъ *Саввою* Васильевымъ сыномъ *Ольховскимъ* (послѣднее слово хотя и стерто, но нѣкоторыя буквы замѣтны и по нимъ можно догадаться, что оно вѣрно) 1776 года августа 16 числа.

---

[1]) Въ 1820-хъ годахъ Вас. Наз. Каразинъ просилъ преосв. Павла дозволить ему приготовить для своего гроба мѣсто подъ церковью. Но такъ какъ для этого понадобилось бы вынимать на время изъ склепа находившіеся тамъ гробы, то преосв. Павелъ на основаніи одного Синодальнаго указа отказалъ Каразину въ его просьбѣ. Подлинное прошеніе В. Н. Каразина хранится въ консисторскомъ архивѣ.

По какой же причинѣ сдѣлана надпись на колоколѣ и потомъ нѣкоторыя слова стерты — объясняютъ такъ. Помѣщики села Кручика Назарій Каразинъ и села Шаравки, отстоящаго отъ Кручика на 10 в., Савва Ольховскій спорили между собою за какую-то землю, которою хотѣлось владѣть и тому, и другому, и какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать уступки, то рѣшили овладѣть ею силою, для чего и выставили на границу своихъ имѣній (смежныхъ между собою), своихъ крестьянъ, вооруженныхъ кольями; началась битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ погибло много людей, но ольховцы все таки одолѣли. Тогда Каразинъ, въ отмщеніе Ольховскому за побѣду и въ память о своихъ побитыхъ людяхъ, вылилъ сей колоколъ съ означенною надписью и привелъ къ нему часы, чтобы всегда, во время ихъ боя, вспоминать о невинно погибшихъ своихъ людяхъ. По смерти же Назара Александровича Каразина, послѣдовавшей въ 1783 году 14 марта, сынъ его Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣднимъ помѣщикомъ.

Въ церкви находится эпитафія Назарію Каразину, написанная по преданію философомъ Сковородою. Она помѣщается въ церкви, а не надъ гробомъ, потому что хода въ склепъ не имѣется. Эпитафія написана на простой деревянной доскѣ, окрашенной черною краской, славянскими буквами, нѣкогда красными, а теперь уже побѣлѣвшими. Эта доска прежде стояла въ алтарѣ на задней сторонѣ иконостаса, а теперь въ церкви, на лѣвомъ клиросѣ, съ задней стороны заклироснаго кіота. На этомъ видномъ мѣстѣ поставлена она для того, чтобы всякому желающему можно было прочитать эту эпитафію“.

Въ общихъ чертахъ эти преданія сходны, но въ подробностяхъ (и даже весьма существенныхъ) заключаютъ въ себѣ непримиримыя противорѣчія; кромѣ того, они все таки оставляютъ въ этомъ дѣлѣ много неяснаго. Къ счастію мы имѣемъ еще и документальныя данныя, отчасти подтверждающія, отчасти дополняющія и исправляющія устныя сообщенія. Харьковское намѣстническое правленіе отправило преосв. Ѳеоктисту, епископу бѣл-

городскому оффиціальное извѣщеніе (въ 1795 году), въ которомъ просило объ освидѣтельствованіи колокола съ надписью въ с. Кручикѣ. Дѣло началось по жалобѣ, поданной въ правленіе Ольховскимъ на уѣзднаго предводителя дворянства Николая Куликовскаго. Послѣдній въ двухъ своихъ оффиціальныхъ прошеніяхъ, представленныхъ въ намѣстн. правленіе и уголовную палату, между прочимъ написалъ, что Ольховскій не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но даже не можетъ быть терпимъ въ обществѣ честныхъ людей, такъ какъ правительствующій сенатъ въ 1781 г. присудилъ его къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе подданныхъ черкасъ села Кручика, а Каразинъ въ память объ этомъ поступкѣ его вылилъ колоколъ со слѣдующею надписью: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и дер. Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ“ (1776 г.); сверхъ того, въ краснокутскомъ уѣздномъ судѣ производилось дѣло объ убійствѣ Ольховскимъ казеннаго обывателя слоб. Мурафы, при чемъ, во время повальнаго обыска, произведеннаго дворянами, о немъ былъ данъ неодобрительный отзывъ. Ольховскій заявлялъ, что все это вымыслы, пасквили, за которые Куликовскаго нужно отдать подъ судъ; они порочатъ его честь, какъ депутата, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостойны предводителя дворянства, какъ это видно изъ устава благочинія (11-го отдѣленія 271-й статьи). За эти ругательства и за распространеніе пасквиля на металлѣ нужно отослать Куликовскаго подъ судъ, а съ самимъ пасквильнымъ колоколомъ поступить по всей строгости законовъ (сжечь); до тѣхъ же поръ, пока начнется слѣдствіе, нужно немедленно предписать краснокутскому нижнему земскому суду и капитану-исправнику объ изслѣдованіи пасквильной надписи, о снятіи колокола съ колокольни и о храненіи его при судѣ; но такъ какъ этотъ пасквильный колоколъ хранился при церкви, то слѣдуетъ подвергнуть законной отвѣтственности и церковнослужителей „за храненіе при божественномъ храмѣ толико непотребной, но паче противной божественнымъ и монаршимъ законамъ вещи“, ибо этотъ „колоколъ не о молитвѣ ко исправленію, но на тяжкое

имени его, Ольховскаго, поруганіе, ко услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ нравоученіямъ сердецъ гласомъ злобы вопіетъ, чему при храмѣхъ Божіихъ быть не должно". Въ этой жалобѣ Ольховскій, какъ мы видимъ, категорически не отрицаетъ возведенныхъ на него обвиненій, а только находитъ, что ругательная надпись на церковномъ колоколѣ оскорбляетъ религію и государство. Намѣстническое правленіе, конечно, не могло оставить этого извѣта безъ послѣдствій и дало дѣлу законный ходъ. Оно прежде всего обратилось въ уголовную палату съ запросомъ, возможно-ли послѣ всего этого Куликовскому и Ольховскому оставаться при ихъ должностяхъ; затѣмъ направило дѣло объ оскорбленіи на письмѣ Куликовскимъ Ольховскаго въ волковскій уѣздный судъ, а краснокутскому нижнему земскому суду предписало изслѣдовать вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго правл. надпись на колоколѣ въ с. Кручикѣ; кромѣ того, обо всемъ этомъ было сообщено для зависящихъ распоряженій преосвящ. Θеоктисту, епископу Бѣлгородскому и Курскому. Бѣлгородская духовная консисторія предписала Краснокутскому духовному правленію осмотрѣть колоколъ, что было и исполнено. Оказалось дѣйствительно, что на большомъ колоколѣ снаружи при краяхѣ имѣются вылитыми такія слова: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня". Къ этому колоколу былъ прикрѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы; священники и церковнослужители обязаны были подпиской о сохраненіи колокола. Все это происходило въ 1795 году.

Назаръ Александровичъ Каразинъ прибѣгнулъ къ своему оригинальному мщенію повидимому только послѣ того, какъ не могъ добиться управы надъ Ольховскимъ обычными средствами суда. О его попыткахъ въ этомъ отношеніи даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія два дѣла, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. (Харьковское отдѣленіе, VI, № 286 и 188). Столкновенія между Ольховскимъ и Каразинымъ начались въ 1775 г. Савва Ольховскій, бывшій тогда капитаномъ козловскаго

пѣхотнаго полка, проживалъ въ своемъ селѣ Шаровкѣ; онъ не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской провинціальной и въ слободскоукраинской губернской канцеляріяхъ, вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ; но при немъ всетаки проживала и военная команда, что давало ему огромное преимущество передъ другими мирными помѣщиками-сосѣдями. Между прочимъ Ольховскій въ январѣ 1775 г. ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, находившейся въ чертѣ его земельныхъ владѣній на р. Мерлѣ, своего прикащика Данила Мещерякова съ командою болѣе 20 чел., вооруженныхъ ружьями, копьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили четырехъ человѣкъ подданныхъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ Шаровку. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года, по приказанію Ольховскаго, прикащики его Григорій Васильевъ да крѣпостной Митька съ шаровскими и мураховскими подданными захватили семь скирдъ сѣна, накошеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, а на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина Мандричина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому коммиссарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ, что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей, при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи „вздоръ и бредню". Каразинъ указывалъ, что это одни отговорки, и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье.

Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. На этотъ разъ Ольховскому помогала и мать его Татьяна Абазина. Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено; захвачено было также много разныхъ пожитковъ. Началось

оффиціальное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 года; но и въ этомъ году не было еще вполнѣ закончено: состоялась только сентенція (т. е. мнѣніе) слободско укр. губ. канцеляріи, которая должна была еще пойти на апробацію малорос. ген. губ. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а, можетъ быть, и Правительствующаго Сената.

Каразинъ сообщаетъ намъ содержаніе этой сентенціи, но насколько его сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности—сказать трудно по неимѣнію прямыхъ положительныхъ данныхъ. Впрочемъ косвенныя соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что онъ былъ близокъ къ истинѣ. Дѣло въ томъ, что слоб. укр. губ. канцелярія жаловалась Румянцову за разглашеніе ея сентенціи, но при этомъ не заявляла, чтобы Каразинъ невѣрно изложилъ дѣло. Каразинъ же писалъ, что мать Ольховскаго, Абазина присуждена была къ тѣлесному наказанію, самъ же Ольховскій бѣжалъ въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тамъ себѣ апелляцію. Дѣло, очевидно, должно было окончиться серьезно для обвиняемыхъ. Это видно между прочимъ и изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія, которыя принимали слободско-украинская губ. канцелярія противъ матери Ольховскаго. Когда рѣшеніе состоялось, губ канцелярія распорядилась „съискать Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губ. канц. подъ карауломъ". Для взятія ея подъ стражу былъ отправленъ въ деревню Шаровку прапорщикъ Ивковъ съ 4 солдатами и унтеръ-офицеромъ; но порученія своего онъ не могъ исполнить, потому что она . . . оказалась опасно больна. Прапорщику Ивкову не повѣрили и послали лѣкаря Михайловскаго, который нашелъ, что обвиняемая находится уже въ преклонномъ возрастѣ, болѣзненнаго сложенія и, кромѣ того, страдаетъ маточными болѣзнями. Вслѣдствіе такого заявленія Ивкову поручено было остаться у Абазиной, ожидать ея поправленія, чтобы представить въ Харьковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тайно слѣдить за тѣмъ, не появится ли у матери сынъ—и тогда арестовать и его. Но прапорщику Ивкову сдѣлалось, очевидно, скучно проводить время у старушки Абазиной, и онъ проситъ объ освобожденіи его отъ этой обязанности, ссылаясь также

на тяжкую болѣзнь. Тогда на смѣну прапорщику Ивкову отправили прапорщика Кумикина, который также долженъ былъ ожидать выздоровленія майорши Абазиной. И онъ ждалъ, и не скучалъ, и не болѣлъ. Но Каразину надоѣло ожиданіе; онъ, очевидно, не вѣрилъ въ болѣзнь Абазиной и полагалъ, что харьк. губ. канцелярія и прапорщики потворствуютъ отвѣтчицѣ. И вотъ онъ пишетъ челобитную на имя Румянцева, въ которой проситъ взять подъ стражу Абазину, иначе она можетъ убѣжать подобно своему сыну. Каразинъ, вѣроятно, хорошо зналъ старую майоршу и имѣлъ основаніе думать, что она можетъ обнаружить ловкость въ побѣгѣ, равную храбрости въ „гвалтовномъ наѣздѣ“. Да и сама губ. канцелярія также очевидно, была высокаго мнѣнія о доблести и рѣшительности Абазиной въ военныхъ стычкахъ, ибо рекомендовала извѣстнымъ уже намъ прапорщикамъ обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ мураховскому казенному управленію.

Получили ли въ концѣ концовъ должное возмездіе отъ Немезиды Ольховскій и его мать, изъ документовъ ясно не видно. Можно полагать, что Ольховскій получилъ, но съ точки зрѣнія Наз. Каразина недостаточное. О характерѣ наказанія можно судить изъ приведеннаго выше отзыва Куликовскаго. Онъ въ прошеніи своемъ, какъ мы видѣли, заявлялъ, что Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго за избіеніе Каразинскихъ подданныхъ къ лишенію чина, заключенію на хлѣбъ и воду и церковному покаянію. Мы скорѣе допускаемъ эту версію, чѣмъ ту легенду, которая сохранилась въ устной передачѣ (что Ольховскаго высѣкли въ Петербургѣ); быть можетъ, поводомъ къ этому разсказу о сѣченіи Ольховскаго послужило преданіе о приговорѣ надъ его матерью Абазиной, которая, какъ мы знаемъ изъ прошенія Наз. Каразина, была присуждена къ этому наказанію. Какъ бы то ни было, Наз. Каразинъ считалъ наказаніе, постигшее Ольховскаго, недостаточнымъ и рѣшилъ еще наказать нравственно. Мы, конечно, принимаемъ ту редакцію надписи на колоколѣ, какую намъ оставили слѣдователи; эпитета „проклятый“ (Савва) въ ней не было.

Не такъ давно въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была напечатана статья объ „историческихъ“ колоколахъ въ Россіи. Къ цѣлой серіи достопримѣчательныхъ колоколовъ, тамъ описанныхъ, мы прибавили еще одинъ, „Каразинскій“, который по справедливости долженъ занять тамъ довольно почетное мѣсто.

Д. И. Багалѣй.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Д. И. Эварницкій.

Съ этнографической дѣятельностью Я. П. Новицкаго большое сходство имѣетъ дѣятельность Димитрія Ивановича Эварницкаго. Остатки Запорожья въ народной словесности привлекли ихъ вниманіе и собраны ими въ значительной полнотѣ. Г. Эварницкій началъ съ небольшихъ статей о Запорожьѣ, затѣмъ расширялъ ихъ все болѣе и болѣе народными преданіями и отчасти архивными матеріалами, такъ что въ 1888 г. „Запорожье" вышло въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ (290+251), а въ текущемъ году въ новой переработкѣ съ дополненіями выходитъ уже въ 3 томахъ неменьшаго объема. О сочиненіяхъ г. Э. можно судить съ разныхъ точекъ зрѣнія, и, какъ уже было въ печати, можно отнестись къ нимъ съ похвалами (М. И. Семевскій, А. Н. Пыпинъ) и съ осужденіемъ (гг. Ястребовъ, Линниченко, И. Житецкій). Признавая въ „Запорожьѣ" г. Э. слабыя стороны (лирическія отступленія, недостатокъ крикритики пособій и источниковъ), мы не можемъ не признать, что авторъ по живому личному отношенію къ излюбленному имъ предмету изслѣдованія далъ широкую постановку дѣлу изученія запорожской старины, положилъ на него много труда и представилъ много новыхъ фактовъ въ видѣ разныхъ описаній и измѣреній, произведенныхъ на мѣстѣ, въ видѣ преданій, записанныхъ изъ народныхъ устъ, наконецъ, въ видѣ мно-

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 10.

гочисленныхъ фотографій съ вещественныхъ памятниковъ запорожской старины.

Д. И. Эварницкій, уроженецъ харьковскаго уѣзда, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1881 г. По выходѣ изъ университета г. Эварницкій года два состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Харьковѣ въ частной женской гимназіи, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нѣсколько лѣтъ продолжалъ педагогическую дѣятельность. Въ 1892 г. г. Эварницкій получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Э. на своей родинѣ, на границѣ харьковской и курской губерній записалъ много народныхъ пѣсенъ. Позднѣе, во время частыхъ экскурсій на Запорожскія пепелища г. Э. собиралъ пѣсни, преданія, заговоры, большую часть которыхъ внесъ въ „Запорожье“, кое-что напечаталъ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888—1890 годовъ.

У г. Э. факты документальные идутъ рядомъ съ фактами литературно-этнографическими, событія дѣйствительныя съ отраженіями ихъ въ народной памяти и пониманіи. Это имѣетъ свои удобства и неудобства. Отъ соединенія исторіи съ этнографіей „Запорожье“ выигрываетъ въ живости и занимательности разсказа и проигрываетъ въ научной точности и основательности. Этнографическія сообщенія, разсказы дѣдовъ о старинѣ располагаютъ читателя и, быть можетъ, самого автора къ такому добродушному довѣрію, которое ослабляетъ историческую критику и скептицизмъ.

Останавливаясь исключительно на этнографической части въ трудахъ г. Э., мы должны предварительно оговорить, что г. Э. всегда и вездѣ выступаетъ исключительно, какъ собиратель матеріала. Мѣстами наряду съ народными пѣснями идутъ отрывки изъ стихотвореній Шевченка и Щоголева. Путемъ провѣрокъ и сравненій можно прійти къ заключенію, что лично г. Эварницкому принадлежитъ много интересныхъ этнографическихъ записей, въ значительной степени восполняющихъ предшествовавшіе мѣстные историческіе и этнографическіе труды

Скальковскаго, архіеп. Θеодосія, Надхина и Новицкаго, составляющихъ въ совокупности цѣлый отдѣлъ мѣстной этнографіи на исторической подкладкѣ. Если бы г. Эварннцкій въ свое время выдѣлилъ этнографическій матеріалъ и издалъ его отдѣльно съ надлежащими помѣтками о времени и мѣстѣ записи и съ указаніемъ на варіанты, то получился бы оригинальный и цѣнный сборникъ народныхъ преданій о запорожцахъ. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Запорожье" г. Эварницкаго представляетъ полезный вкладъ въ малорусскую этнографію. Главное значеніе его состоитъ въ массѣ историческихъ преданій, и потому мы здѣсь прежде всего сдѣлаемъ обзоръ ихъ, затѣмъ перейдемъ къ пѣснямъ, которыя, сравнительно съ преданіями, малозначительны; многія изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ началѣ главъ, въ видѣ эпиграфовъ, и принятыхъ авторомъ за народныя, въ дѣйствительности или пѣсни искуственной фабрикаціи, или пѣсни, испорченныя посторонними вліяніями.

Кромѣ матеріаловъ, вошедшихъ въ „Запорожье", мы остановимся въ концѣ статьи на интересной „присказкѣ до нюхарей", напечатанной г. Эварницкимъ въ „Екатерин. Губер. Вѣдомостяхъ".

Разсказы Якова Литвина о привѣтливости Екатерины II и о богатырствѣ запорожцевъ: читали, не учившись грамотѣ (птица клевала въ лобъ, оттого и дѣлались грамотными); 7 лѣтній ребенокъ снесъ на колокольню пушку; въ церкви наиболѣе сильные удерживали дыханіе, чтобы не свалить съ ногъ попа; клали землю въ сапоги и шапки; дѣлались невидимками; по разрушеніи Сѣчи ушли на „райскія острова"; при кончинѣ міра возвратятся (I, 12—14). Въ этихъ разсказахъ не трудно замѣтить легкую примѣсь изъ сказокъ о богатыряхъ семилѣткахъ и сказокъ о рахманахъ.

Разсказъ Платона Завгородняго о притѣсненіи жидовъ запорожцами; какъ запорожецъ билъ жида кійкомъ и заставлялъ потомъ купить кій (I, 37—38),

Разсказъ какого-то дѣда *о сотвореніи міра*, связанный съ балкой Безпятой. Богъ создалъ сначала теленка, потомъ поро-

сенка, наконецъ ребенка, а чортъ создалъ волка, который потомъ хотѣлъ съѣсть чорта и вырвалъ у него пятки, отчего и стали черти безпятыми (I, 46).

Преданіе о построеніи Новомосковскаго собора. Св. Николай указалъ мастеру Погребняку, какъ строить церковь. Легенда, какъ указываетъ г. Э., взята имъ изъ „Церков. памятниковъ Запорожья" Надхина.

Разсказы Самойла Пруса 80 л. о набѣгахъ татаръ, о стсрожѣ запорожской и насмѣшливая пѣсня „Славни хлопци запорожци" (извѣстная: запорожцы не видали ни церкви, ни попа, за церковъ принимали скирду сѣна, а за попа козла). Преданіе о сажаніи на колъ (стовпова смерть) и о томъ, что отъ такой казни освобождали, если дѣвушка заявляла о своемъ желаніи выйти замужъ за приговореннаго къ казни (108—111).

Описаніе хаты и вечери у дѣда Дмитра Бута, хранителя преданій, свѣдѣніями котораго ранѣе уже пользовался Я. П. Новицкій. Сказанія Бута о запорожской фаунѣ (зайцахъ, волкахъ, желтобрюхахъ (152—158).

Приказка о водкѣ безъ обозначенія, когда и отъ кого записана, нѣсколько, можетъ быть, пріукрашенная: „Хто ты?"—Оковыта. „А зъ чого ты?"—Изъ жита. „А звидкиля ты?"—Изъ неба! „А куды ты?"—Куды треба. „А билетъ у тебе е?"—Ни, нема!—Такъ отъ тутъ-же тоби тюрьма! (выпивается).

Преданіе о происхожденіи мѣстныхъ названій скалъ, пороговъ и пр. I, 191, 219 и др., мелкія и малозначительныя.

Разсказы о знахарствѣ запорожцевъ I, 255, какъ они переливались въ рѣчку, плавали на войлокѣ, ловили пули, замучивали въ степи бабъ („смакувалы").

Весьма обширными, содержательными и наиболѣе цѣнными въ историко-бытовомъ отношеніи представляются разсказы дѣда *Ивана Игнатовича Россолоды* (II, 1—33). По сообщенію г. Э., Россолодѣ было около 116 лѣтъ, цыфра, вызывающая сомнѣніе, особенно, если принять во вниманіе обиліе и свѣжесть историческихъ воспоминаній Россолоды. Въ началѣ (1—3) авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго старика, затѣмъ идутъ разсказы Россолоды, что у запорожцевъ

при крещеніи ребенка въ купѣль бросали порохъ, какъ возникло Запорожье изъ всякаго рода бѣглыхъ, о густотѣ травы (у воловъ тилько роги мріють), объ обиліи лѣсовъ, звѣрей, птицъ, пчелъ, рыбъ (о дикихъ коняхъ и лебедяхъ), о запорожцахъ лыцаряхъ и гниздюкахъ, о битвахъ съ татарами и турками, объ избіеніи дѣтей татарскихъ (давили лавкой—общій мотивъ), о хвастовствѣ поляковъ, о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергали запорожцы поляковъ и жидовъ, о пристрастіи запорожцевъ къ табаку, о запорожскихъ увеселеніяхъ, о музыкальныхъ инструментахъ, занятіяхъ и ремеслахъ, объ устройствѣ куреней, бурдюговъ и зимовниковъ (цѣнныя подробности), о приготовленіи пищи и посудѣ, весьма подробныя сообщенія объ одеждѣ и оружіи (20—26), о деньгахъ, о кошевомъ, о наказаніи преступниковъ, о сложеніи пѣсенъ, о религіозности и построеніи въ Кіево-печерской лаврѣ иконостаса и о разореніи Сѣчи Екатериною.

Преданіе объ И. Д. Сиркѣ—родился съ зубами, застрѣлилъ чорта, ходитъ по свѣту до сихъ поръ (II, 76), о сѣдлѣ съ золотыми пуговицами и какъ присвоилъ его себѣ жидъ шинкарь (II, 78).

Разсказъ Прокопа Табуненка о томъ, какъ три чорта служили Грыцьку Горбатому, возили ему золото и потомъ, по его приказанію, обсадили Чортомлыцкую Сѣчу лѣсомъ (II, 89); сказаніе сложилось для объясненія названія Сѣчи и подъ вліяніемъ сказочныхъ мотивовъ о Маркѣ Богатомъ. Далѣе, Табуненко сообщилъ интересный новый варіантъ преданія о разореніи Сѣчи Екатериной, преданіе объ уходѣ подъ землю запорожской церкви и преданіе, что Галаганъ, разорившій Сѣчь въ 1709 г., знался съ чертями (II, 90—92).

Разсказы Сукура и Оникіенка о названіи казаковъ (начальникъ былъ козарь, имѣлъ тысячу козъ), о заселеніи Сѣчи дѣтьми, побѣдахъ надъ турками и ляхами, о томъ, какъ обѣдали запорожцы во дворцѣ длинными ложками (варіантъ у Новицкаго), насмѣшки надъ придворными, о нападеніи Потемкина на Сѣчь и уходѣ запорожцевъ. Потемкинъ приглашалъ ихъ возвратиться, но кошевой отвѣтилъ:—„Ой спасыби, тоби, Грыцьку,

та за твою ласку, шо мы йлы на Велыкдень та гречану паску" (II, 93—99).

Преданіе *о гибели запорожскихъ лыцарей* (II, 153) замѣчательно, какъ южнорусская параллель къ былинамъ о томъ, какъ перевелись богатыри. Лыцари изображаются настоящими богатырями (голова въ семь пудовъ, съ расправленными усами въ двери не войти, превращались въ котовъ, въ рѣчки, въ волшебныя зеркала видѣли, что дѣлается за тысячу верстъ, „знаюки", „велыть-люди"). Царица рѣшила ихъ уничтожить. Они рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Впереди выѣхали кошевой и есаулъ; они ударили рукой по камню, и на камнѣ остались слѣды отъ руки, на память потомству. Закричали казаки пугу! пугу! и бросились съ конями въ воду, и теперь они еще плаваютъ на днѣ рѣки Буга. Присутствіе въ преданіи Буга напоминаетъ пѣсни о разореніи Сѣчи въ 1709 г. „Ишли наши славни запорожци по-надъ Богомъ рикою" и др.

Сказанія о запорожскихъ *кладахъ* (II, 197—199), *флорѣ и фаунѣ* (II, 207), о мѣстныхъ названіяхъ (217, 222 и др.).

Весьма интересны *разсказы Ивана Хотюна* о запорожцѣ и его женѣ чародѣйкѣ, о Семенѣ Паліѣ и Грыцькѣ Сагайдакѣ. Преданіе о Сагайдакѣ, чисто историческое (какъ нападали татары и потомъ запорожцы отнимали у нихъ плѣнниковъ), представляетъ варіантъ преданія, зап. Новицкимъ въ 10 № „Степи", 1885 г. Въ литературномъ отношеніи любопытно преданіе о Паліѣ, обширное и содержательное (не отмѣчено въ обширной литературѣ предмета у В. В. Каллаша во II вып. „Этногр. Обозр." 1889 г.). Семенъ Палій въ молодости назывался Попильныкомъ („усе у попили валявсь"). Далѣе, какъ въ отмѣченномъ ранѣе варіантѣ г. Новицкаго, Палій застрѣлилъ черта, получилъ силу и долговѣчность (какъ мѣсяцъ измѣнялся, но не умиралъ), наводилъ на ляховъ „ману", далѣе, какъ въ вар. Менчица, Палій замурованъ въ столбъ Мазепой, освобожденъ Петромъ Великимъ, помогъ ему одолѣть Мазепу. Интересна одна деталь, напоминающая былину про Василія пьяницу и думу про Михайлика. Палій выстрѣлилъ изъ своего ружья въ чарку Мазепы и попалъ въ нее, когда Мазепа подно-

силъ ее ко рту, мелкій варіантъ общераспространеннаго литературнаго мотива на тему о мѣткости стрѣльбы (II, 233).

Дѣлая общій обзоръ преданій и сказокъ, записанныхъ г. Эварницкимъ отъ стариковъ, нужно предпочтеніе отдать разсказамъ Россолоды, Табуненка и Хотюна.

Пѣсни, нашедшія мѣсто въ „Запорожьѣ" г. Эварницкаго, большею частью фальшивыя. Есть выдержки изъ подлинныхъ напечатанныхъ думъ. Къ пѣснямъ авторъ отнесся невнимательно. Относительно печатныхъ, напр,, „Днипре-брате" (I, 253), отрывка пѣсни о казакѣ Голотѣ (I, 149) и думы о Байдѣ (I, 210), не указанъ источникъ, откуда онѣ взяты (Истор. пѣс. малор. нар.). Относительно нѣкоторыхъ новыхъ замѣчено только „народная пѣсня", что не оправдывается содержаніемъ пѣсни. Въ I т. 60 стр. пѣсня „*А вже литъ бильшъ двисти якъ козакъ въ неволи*" несомнѣнно фальшивая, уже потому, что народные пѣвцы не знаютъ цыфровой хронологіи. Далѣе, жалоба казацкой доли, что она „пидъ великимъ калауромъ у тюрьми" также обличаетъ искусственную сочиненность пѣсни.

Въ I, 252 пѣсня „*Ой гукъ, маты, гукъ*" также сомнительная. Странно, напр., выраженіе, что казаки „попередъ себе ляхивъ облавою пруть".

Отрывокъ „*закряче воронъ степомъ летючи*" (II, 36) или невѣрно переданъ, или кѣмъ либо пріукрашенъ. Въ ней рядомъ идутъ воронъ, зозуля, кречеты и орлы, что необычно для народной поэзіи; далѣе сомнительны стихи „закрюклють (?) кречеты сызи, зажахаются (?) орлы хыжи".

Пѣсня про Сирка „Ой якъ крыкне старый орелъ" (II, 74) записана г. Эварницкимъ въ с. Покровскомъ екатериносл. уѣзда. Г. Э. замѣчаетъ: „пѣсня, видимо, не народнаго склада". Это сомнѣніе, вполнѣ приложимое ко всѣмъ предыдущимъ народнымъ пѣснямъ въ „Запорожьѣ", менѣе всего вызывается пѣснью о Сѣркѣ, сотканной изъ мотивовъ вполнѣ народныхъ. Мнѣ представляются нѣсколько сомнительными только два выраженія (запорожье до Сирка „тнется" и загудило „якъ Чорное море").

Четверостишіе *про запорожцевъ и Галагана*, въ родѣ насмѣшки надъ запорожцами: „Ты казавъ, пане Галагане, що въ

насъ війска немае, а якъ выйде на таракана, такъ якъ макъ процвитае" (II, 92). Тараканъ поставленъ вмѣсто собственнаго имени, и пѣсня въ устахъ запорожцевъ имѣла серьозное значеніе. Это четверостишіе представляетъ отрывокъ исторической пѣсни про разрушеніе Чертомлыцкой Сѣчи Яковлевымъ и Галаганомъ въ 1709 г., гдѣ оно звучитъ такъ: „Казавъ еси, пане Галагане, що у Сичи Москвы не мае; колы гляну—помижъ курынями якъ макъ процвитае".

Отрывокъ народной пѣсни *про козака бандуриста* „А въ темному лузи явиръ зелененькій„ (II, 100).

Псевдо-народная пѣсня „*Ой пиднявся орелъ зъ Великого Лугу*" (II, 142). Сочиненность видна въ цѣломъ и въ частяхъ пѣсни. Орелъ созываетъ орлятъ, чтобы полетѣть „на ридны (?) могылы, бо тіи могылы славу нашу вкрылы". Образы и обороты совсѣмъ чуждые народной поэзіи.

Четырестишіе *про Алешковскую Сѣчь* (II 144) также псевдонародное. Высказывается недовольство Алешками, причемъ Алешковская Сѣчь названа „поганой лычыной" — дѣло неумѣлаго фальсификатора.

Несомнѣнно народная пѣсня *о паденіи Запорожья*: „Ой зъ-пидъ города, зъ-пидъ Елизавета" (II 163).

Также несомнѣнно народная пѣсня *про Калнышевскаго*, небольшая, „Ой полеты ты, черная галко, та на Динъ рыбы исты" (II 178); буквально сходна съ пѣсней у Максимовича (изд. 1837 г.) на стр. 128; у Максимовича только вмѣсто Калныша стоитъ „кошевой". Г. Э. записалъ эту пѣсню въ Богодарѣ александ. у. Екатер. губ.

Пѣсня о паденіи Запорожья (II 189), народная извѣстная уже въ печати: „Та ще не свитъ" и проч.

Большая народная пѣсня „Свитъ велыкый" *про паденіе запорожья*, зап. г. Эварницкимъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда (II 201—202). Варіанты этой пѣсни отмѣчены нами въ статьѣ о г. Новицкомъ при разсмотрѣніи пѣсни о Харькѣ.

Народная пѣсня „*Та черная хмара наступае*"—варіантъ извѣстной думы о Ганжѣ Андыберѣ, взята изъ какого-то печатнаго изданія (см. *Костомарова,* Ист. казач. 197).

Въ предисловіи къ „Запорожью“ г. Эварницкій говоритъ, что имъ записана для отдѣльнаго изданія тысяча пѣсенъ. И къ этимъ неизданнымъ матеріаламъ позволимъ себѣ примѣнить высказанное уже однажды нами пожеланіе, чтобы пѣсни были издаваемы не въ сыромъ видѣ, а съ критикой и разборомъ, съ устраненіемъ извѣстнаго и псевдо-народнаго. Въ настоящее время доброкачественность изданія уже не можетъ быть измѣряема объемомъ, а исключительно критическими пріемами.

Интересные этнографическіе матеріалы были напечатаны г. Эварницкимъ въ Екатеринославскихъ Губ. Вѣд., именно разсказы о кладахъ, какъ найти ихъ (1889 № 49), двѣ сказки о дурнѣ и своенравной женщинѣ, присказка до нюхарей (1889 №№ 60 и 63) и нѣсколько заговоровъ (1890 № 43). Матеріалъ записанъ хорошо. Изъ этихъ записей значительный интересъ представляетъ присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ въ Екатеринославской губ. отъ крестьянина Василія Бережнаго. Заглавіе присказки не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. О нюхаряхъ говорится только въ началѣ присказки; затѣмъ слѣдуетъ юмористическій разсказъ на некрасовскую тему „Кому на Руси жить хорошо“. Разсказчикъ, прежде чѣмъ начать свою присказку, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колѣно, нюхаетъ, потчиваетъ другихъ и затѣмъ начинаетъ присказку: „А сходьтесь, люды добри, табаки понюхаты, а рады послухаты“. Разсказчикъ говоритъ далѣе, что встрѣтилъ старика, разговорился съ нимъ объ употребленіи табаку, причемъ оказалось, что на Украинѣ табаку „тылько те и не вжыва, шо въ колысци спочива“. Но и для „малой дытыны“ приготовлена „роговына“ (нюхаютъ изъ рога). Затѣмъ рѣзкій скачокъ на эту „дытыну“. Идетъ „маненькій хохольчикъ“ сначала въ школу; здѣсь его бьетъ дьяконъ; мальчикъ бросаетъ школу и поступаетъ къ сапожнику, потомъ переходитъ къ ткачу, отъ ткача уходитъ въ городъ на легкіе заработки; но и въ городѣ ему не понравилось; онъ попадаетъ въ село въ „русскіе попы“ безъ знанія грамоты и устанавливаетъ большіе поборы (со двора по коровѣ, волу, овцѣ и пр.). Прослуживъ 5 лѣтъ попомъ, онъ ушелъ

изъ села, поссорился со своими сыновьями и очутился въ хатѣ слушателя присказки. Эта повѣсть замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ нее вошло нѣсколько „нисенитницъ“, отчего и вся повѣсть получаетъ характеръ „нисенитницы“. Подъ такой литературной формой скрыта сатирическая основа повѣсти, и скрыта настолько удачно, что повѣсть можетъ безпрепятственно фигурировать въ печати,—рѣдкое проявленіе въ народной словесности прикровенной формы рѣчи.

Въ повѣсть вошли слѣдующія нисенитницы: 1) молодецъ идетъ въ городъ Быльци; тамъ дурныи людцы косою цыбулю косятъ, вилами борщъ носятъ, 2) потомъ онъ идетъ въ городъ Вонгарь, тамъ новый анбаръ, вилъ печеный, чеснykъ товченый; стремыть нижъ — отрижъ та ижъ; 3) поступаетъ попомъ въ церковь, которая „зъ вареникoвъ злиплена, млынцями вкрыта“ и пр., 4) видитъ попа—„якъ яшный снипъ“ и пр. и 5) когда уходилъ изъ села, то сыновья его посадили на смоляного коня, который растаялъ отъ солнечныхъ лучей.

Г. Эварницкій находитъ, что „Присказка до нюхарей—малорусское Горе-Злосчастіе, переданное лишь въ простой, безъ поэтическихъ красотъ, формѣ и не съ такимъ глубоко-трагическимъ содержаніемъ, зато съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ“. Съ своей стороны мы настолько высоко ставимъ повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, какъ памятникъ нравственно-философскій, что „Присказку до нюхарей“ устраняемъ отъ серіознаго съ нимъ сопоставленія. Юморъ „присказки“ грубоватый, особенно во второй ея половинѣ, въ отношеніи малорусскаго „молодца“ къ церкви и духовенству. Нельзя сказать, чтобы эта грубость проявилась исключительно въ „присказкѣ до нюхарей“. Есть и другія подобныя присказки и пѣсни, болѣе слабыя, короткія, а подчасъ и болѣе грубыя, напр., записанныя г. Манжурой въ екатеринославской губ. Пѣсни „Якъ бувъ соби чоловикъ пророка“, „Якъ пишовъ я лужкомъ—бережкомъ“ (краткій варіантъ присказки).

Присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ, представляетъ лучшее проявленіе того новаго рода народной словесности, который мѣстами носитъ названіе „бесѣды“ и въ пе-

чати представленъ весьма незначительнымъ числомъ записанныхъ пѣсенъ—разсказовъ. Это нѣчто среднее между пѣснею и повѣстью, съ сатиритическимъ элементомъ, съ насмѣшками мужика надъ панами, духовными лицами, иногда надъ самимъ собой, своей недолей. Языкъ большею частью неправильный. Стихъ невыдержанный. Содержаніе грубоватое. Нѣсколько такихъ неизданныхъ пѣсенъ мы имѣемъ подъ руками въ сборникѣ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу. Пѣсни эти имѣютъ характеръ отдѣльныхъ частей или обрывковъ „Присказки до нюхарей“, въ отдѣльности гораздо болѣе грубыхъ. Въ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ липовецкаго у. кіев. губ. въ *VIII т.* „*Zbiór wiadomosci*“ 229—233 находится три такихъ бесѣды: 1) Бесѣда про волостнаго пана и старосту (насмѣшки надъ сельскими властями и панами), 2) Бесѣда про мужицкое горе (измѣна жены; жалобы на сельскихъ священниковъ; жалобы на панщину; на побои отъ пановъ и ихъ приказчиковъ), и 3) Бесѣда про парубоцьки заробитки (краткое описаніе одежды бѣдняка). Къ разряду такихъ же бесѣдъ принадлежитъ сказка о Кирикѣ и подобныя въ *Zbiór wiadomosci* IX, 149—152 и въ „*Малор. народ. пред.*“.

Пѣсни или точнѣе стихотворныя повѣсти „бесѣды“ въ новѣйшее время записаны также у поляковъ, притомъ поляковъ далекаго запада (въ Силезіи). По стихотворному складу, по обычаю болѣе декламировать, чѣмъ пѣть, отчасти по содержанію польскія „бесѣды“ сходны съ малорусскими. Въ польскихъ бесѣдахъ нѣтъ той бойкой, а мѣстами злой сатиры, какая пробивается въ бесѣдахъ малорусскихъ. Въ польскихъ болѣе жалобъ и сѣтованій, напр., пѣсня объ инженерахъ болѣе походитъ на малорускую пѣсню—виршу: „Нема въ свити правды“, чѣмъ на бесѣду: „W świecie wszędy prawda mała; juź ją fałesz owładała... nie uważa pan siedlaka, gdy nie zarobi piętaka“... Прусскій полякъ въ „Pieśń o naszej biedzie“ жалуется:

Zatym nastal czas takowy,
Piszą swinie, konie, krowy,
Piszą owcy i barany
Cóż poczniemy z temi pany?

Nie śmie złapać w lesie ptaka,
Ani ryby, ani raka,
Nie smie w lesie krowy popaść,
Bo cie gajny hned chce dopaść.....
Boże! zmiłuj sie nad nami,
Bychmy mogli żyć z panami (*Zbiór.* IX, 279).

Присказка до нюхарей, при всей грубости ея тона и неправильностяхъ языка, сравнительно съ малорускими и польскими бесѣдами выдается по внутренней силѣ, величинѣ и цѣльности. Оригинальна въ ней комбинація частей, соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, быть можетъ, съ мѣстными бытовыми примѣненіями или намеками. Не слѣдуетъ, однако, думать, что главная часть присказки (разсказъ о томъ, какъ невѣжественнаго молодца въ попы поставили) оригинальна. Г. Эварницкій напрасно усматриваетъ въ „русскомъ попѣ" раскольничьяго попа. Мы, кажется, будемъ ближе къ истинѣ, если, устранивъ въ данномъ случаѣ всякія бытовыя или историческія пріуроченія, весь разсказъ о томъ, какъ малорускаго молодца въ русскіе попы поставили, пріймемъ за весьма распространенный литературный мотивъ изъ весьма распространенныхъ сказокъ про дурныхъ людей или глупыхъ народовъ. Существовали такія сказки еще въ древней Греціи (абдериты) и въ древней Руси (лѣтописныя сказанія о печенѣгахъ). Въ новое время записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи (*Аѳанасьевъ*, *Чубин.*, *Мошинская* и др.), у поляковъ (*Zbiór wiadom.* VIII), у французовъ (сборники *Bladé*, *Sauvé* и др.), на Кавказѣ (*Сборн. матер.* VII) и др. Сказки о глупыхъ людяхъ состоятъ обыкновенно въ томъ, что сынъ (или мужъ), считая родителей (или жену) глупыми, ищетъ болѣе разумныхъ людей и находитъ еще болѣе глупыхъ, между прочимъ, находитъ глупыхъ литвиновъ (т. е. бѣлоруссовъ), напр. въ малорусской сказкѣ г-жи *Мошинской* въ Zbiór wiadom. IX, 143, которые избираютъ безграмотнаго героя сказки въ попы за то, что онъ прорубилъ окна въ новоотстроенной церкви. Наряду съ 5 нисенитницами въ присказку, слѣдовательно, вошла также сказка о литвинахъ.

Н. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг. [1])

II. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОПАСЕНІЯ.

Положеніе поляковъ юго-западнаго края въ первые годы царствованія Александра I.— Кіевская милиція 1806 г.—Поворотъ въ настроеніи поляковъ съ 1807 г.—Губернаторы: П. Панкратьевъ и М. Милорадовичъ.—Неудавшаяся патріотическая манифестація кіевскихъ дворянъ.—Вооруженія 1811 г. и мѣры противъ появленія польскихъ эмиссаровъ и шпіоновъ.—Доносы на поляковъ.—Кіевскіе контракты 1812 г.— Усиленный надзоръ за поведеніемъ обывателей кіевской губерніи.—Хлѣбные ревизоры.—Народное ополченіе.—Донесенія изъ уѣздовъ о настроеніи польскаго дворянства.—Евреи, „приверженные къ Россіи".—Слухи о военныхъ дѣйствіяхъ.— Столкновеніе губернскаго маршала съ губернаторомъ.—Милостивый манифестъ 12 декабря 1812 года.

„Всесильный Богъ назначаетъ участь народамъ. Когда пришелъ жребій пасть славному народу польскому, и часть провинцій его досталась во владѣніе Австріи и Пруссіи, то монархи земель тѣхъ, для уничтоженія и имени польскаго, назвали ихъ провинціями Южными, Западными и Сѣверными австрійскими и прусскими; но Александръ Первый, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, рекъ присоединенному къ Россіи польскому краю: возвращаю всѣ твои привилегіи и преимущества, дворянамъ принадлежащія; позволяю, чтобъ они судъ и расправу производили по прежнимъ своимъ законамъ и на поль-

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1891 г., № 11.

скомъ языкѣ и чтобъ судей сами себѣ избирали.—А когда сей найсправедливѣйшій нашъ монархъ обезпечилъ и утвердилъ прежде и теперь всѣ наши привилегіи и преимущества, то и мы обезпечиваемъ и ручаемся сохранить свойственную полякамъ истинную вѣрность къ своимъ монархамъ и отечеству".

Это было сказано маршалкомъ васильковскаго повѣта, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Хоецкимъ, въ торжественной рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи дворянъ кіевской губерніи, 28 декабря 1806 года. Едвали нужно пояснять, что подъ именемъ „присоединеннаго къ Россіи *польскаго края*", столь взысканнаго милостями благодушнаго Александра I, ораторъ разумѣлъ не коренныя польскія области, въ то время не принадлежавшія еще Россіи, а именно юго-западныя (и отчасти сѣверозап.) губерніи, хотя и населенныя искони русскимъ племенемъ, но и подъ русскимъ владычествомъ долго еще слывшія подъ именемъ „польскихъ" или, на оффиціальномъ языкѣ, „отъ Польши пріобрѣтенныхъ". Какъ извѣстно, императрица Екатерина II, образовавъ эти губерніи изъ земель, доставшихся Россіи послѣ раздѣловъ Польши, немедленно ввела въ нихъ русское управленіе, уничтожила дѣйствіе Литовскаго статута, учредила русскіе суды и другія присутственныя мѣста и предприняла энергичныя мѣры къ водворенію въ краѣ русскаго землевладѣнія. Сынъ и преемникъ ея Павелъ I пожелалъ исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ Польшѣ: вступивъ на престолъ, онъ велѣлъ освободить около 11,000 поляковъ, сосланныхъ за участіе въ возстаніи Костюшки, и возвратить имъ конфискованныя и уже розданныя русскимъ имѣнія, возстановилъ католическія и уніатскія епархіи, такъ какъ видѣлъ въ католичествѣ оплотъ противъ разливавшагося въ западной Европѣ свободомыслія и невѣрія, и въ 1797 г. издалъ два указа: по одному—польскимъ дворянамъ присоединенныхъ отъ Польши областей предоставлялось право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ и другихъ чиновниковъ, а по другому — имъ же даровалось право избранія генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, при чемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго

статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ юго-западныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками.

Съ воцареніемъ Александра I для поляковъ западнаго края открывалась еще болѣе блестящая эра. Всѣмъ было извѣстно, что молодой императоръ, благодаря вліянію друга своей юности, князя Адама Чарторыйскаго, преисполненъ самыми благожелательными чувствами по отношенію къ Польшѣ и искренно желаетъ облегчить ея „бѣдствія", и всѣ надѣялись, что онъ явится воскресителемъ ея. Терпѣливо ожидая этого вожделѣннаго времени, поляки спокойно могли готовиться ко дню своего государственнаго возрожденія, пользуясь тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, какое занимали они въ новомъ отечествѣ. Свободные отъ податей, рекрутскаго набора и другихъ государственныхъ повинностей, они были во всемъ уравнены съ правами и преимуществами русскаго дворянства, среди котораго тотчасъ заняли выдающееся положеніе; за ними охотно признавали довольно сомнительные графскіе и княжескіе титулы; въ ихъ рукахъ оставался судъ, школа, имъ открытъ былъ свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ мѣстнымъ населеніемъ, подъ защитой русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ и во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ тѣ времена крайняго усиленія крѣпостничества въ самой Россіи никому, конечно, не могла прійти мысль о томъ, чтобы въ видахъ хотя бы политическихъ усилить и поддержать въ новоприсоединенномъ краѣ единственный русскій элементъ—въ лицѣ милліоновъ закрѣпощеннаго народа. Еще со временъ Екатерины о немъ прилагали попеченіе только какъ о народѣ *единовѣрномъ* и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (наприм., въ манифестѣ о присоединеніи къ Россіи юго-западнаго края по второму раздѣлу Польши) вспоминали и о его *единоплеменности*, но для улучшенія быта этого единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, такъ долго стенавшаго подъ ярмомъ шляхетскимъ и въ чаяніи лучшей доли не-

удержимо рвавшагося къ соединенію съ Россіей, не было предпринято ни одного шага; напротивъ, на его плечи легла теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей и въ числѣ ихъ самая тяжелая — рекрутчина, отъ которой были освобождены не только поляки, но и евреи. Въ то же время русское правительство не дѣлало ничего для противодѣйствія открытой, систематической полонизаціи западно-русскихъ областей, которая съ такой энергіей начата была еще польской эдукаціонной коммиссіей и достигла высшаго напряженія въ эпоху Чацкаго; напротивъ, русская политика того времени открыто признавала это явленіе и содѣйствовала ему цѣлымъ рядомъ мѣръ не только школьнаго, но преимущественно административнаго характера. Всѣ эти странныя па современный взглядъ явленія происходили отъ незнанія или нежеланія знать прошлое, отъ невниманія къ интересамъ народной массы: за деревьями не хотѣли видѣть лѣса. Не одни поляки въ то время были убѣждены, что западно-русскій край есть органическая часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; то же убѣжденіе господствовало и въ русскомъ обществѣ и находило отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: вспомнимъ, что императоръ Александръ I имѣлъ серьезное намѣреніе, возстановивъ Польшу, возвратить ей русскія области по Березину и Днѣпръ.

Обращаясь въ частности къ кіевской губерніи, слѣдуетъ замѣтить, что преобладающее большинство дворянскаго сословія въ ней принадлежало польской національности. Правда, къ тому времени и русское землевладѣніе успѣло уже пустить здѣсь корни: изъ 485,000 крѣпостныхъ душъ въ губерніи почти цѣлая четверть (122,000 душъ) принадлежала русскимъ помѣщикамъ, имѣнія которыхъ сосредоточивались преимущественно въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, гдѣ и предводителями были также дворяне русскаго происхожденія. То были по большей части титулованныя лица (кн. Лопухины, графы Самойловы, Бобринскіе, Трощинскіе и др.), пріобрѣвшія покупкой или получившія отъ правительства въ даръ крупныя помѣстья изъ быв-

шихъ королевскихъ и старостинскихъ имѣній и чаще всего проживавшія въ столицахъ, при дворѣ. Общая численность русскаго дворянства въ кіевской губерніи, вмѣстѣ съ безпомѣстными русскими чиновниками, простиралась въ 1812 году всего лишь до 1170 лицъ, тогда какъ польскихъ дворянъ считалось свыше 43,600 человѣкъ. Изъ нихъ около 3000 лицъ были собственно помѣщики, владѣвшіе 363,000 душами крестьянъ, остальные 40,000 человѣкъ составляли такъ называемую мелкую *шляхту*, въ составъ которой входили: посессоры, чиншевики, оффиціалисты и другіе безпомѣстные и безчиновные шляхтичи.

Въ 1806 г. кіевскіе дворяне были порадованы новымъ необычайнымъ знакомъ царскаго къ нимъ довѣрія. Осенью этого года, какъ извѣстно, Пруссія подверглась разгрому со стороны Наполеоновскихъ войскъ и самый Берлинъ очутился въ рукахъ Бонапарте. Желая спасти союзницу, императоръ Александръ предпринялъ вступить въ рѣшительную борьбу съ счастливымъ побѣдителемъ, и въ этихъ видахъ изданъ былъ манифестъ (отъ 6 декабря 1806 г.) о созывѣ „чрезвычайнаго ополченія, подъемлемаго на защиту православной церкви“ и отечества отъ покушеній „изверга“, т. е. Наполеона, который въ этомъ манифестѣ изображался „неистовымъ врагомъ мира и благословенной тишины“, чудовищемъ, виновнымъ одновременно: въ поклоненіи идоламъ, въ принятіи мусульманства и въ желаніи объединить іудеевъ и провозгласить себя Мессіею [1]). Дворяне кіевской губерніи съ величайшимъ энтузіазмомъ отозвались на этотъ призывъ и въ короткое время изъ своихъ крѣпостныхъ (и отчасти мѣщанъ и казенныхъ крестьянъ) сформировали десятитысячную земскую *милицію*, въ составѣ которой находился особый, конный отрядъ въ 600 человѣкъ, набранный исключительно изъ польскихъ шляхтичей. Главнымъ военачальникомъ этого ополченія избранъ былъ помѣщикъ кіевской губерніи графъ

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, 1806 г., № 22394.

А. Н. Самойловъ, но за то званія повѣтовыхъ начальниковъ милиціи, тысячныхъ, пятисотенныхъ, сотенныхъ командировъ, казначеевъ, провіантмейстеровъ, адъютантовъ и другихъ чиновниковъ дворяне поляки исключительно распредѣлили между собою. По этому именно случаю и происходилъ въ Кіевѣ тотъ дворянскій съѣздъ, на которомъ васильковскій маршалъ Хоецкій произносилъ упомянутую рѣчь и отъ имени своихъ собратій торжественно ручался за неизмѣнную вѣрность поляковъ къ монарху и отечеству. „Не видитъ ли каждый добродѣтельный дворянинъ,—восклицалъ ораторъ,—сколь милосердъ и добръ монархъ нашъ Александръ Первый, поистинѣ вселюбезнѣйшій отецъ для всѣхъ подвластныхъ ему земель, а особливо для поляковъ!.. Онъ осыпаетъ насъ благодѣяніями не только наравнѣ съ древними россіянами, но, по-истинѣ сказать, еще и болѣе оказываетъ намъ даровъ своей милости, удостоивъ насъ, недавно отъ Польши присоединенныхъ, толикою же довѣренностью, какъ и древнихъ россійскихъ дворянъ [1])“. Кіевскому ополченію не пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: 25 іюня 1807 г. состоялось извѣстное Тильзитское свиданіе императора Александра съ Наполеономъ и заключеніе между ними тѣснѣйшей дружбы и союза; тѣмъ не менѣе кіевская милиція продолжала существовать нѣкоторое время какъ-бы исключительно для удовольствія мѣстныхъ дворянъ, которые видѣли въ ней эмбріонъ будущей національной арміи.

Событія 1807 года составляютъ своего рода поворотный пунктъ въ настроеніи польскихъ патріотовъ юго-западнаго края, и въ связи съ этимъ ихъ отношенія къ русскому правительству постепенно утрачиваютъ прежній, нѣсколько идиллическій характеръ: съ одной стороны—надежды уступаютъ мѣсто разочарованію, съ другой—довѣріе смѣняется подозрительностью. Лозунгъ къ этой перемѣнѣ поданъ былъ съ запада. Въ то время,

---

[1]) А. Андріевскій, „Историч. Матеріалы изъ архива Кіевск. Губ. Правленія“, вып. 2, стр. 111—135.

когда поляки западно-русскаго края убаюкивали себя сладкой надеждой, что русскій императоръ явится обѣтованнымъ исполнителемъ чаяній сердца ихъ, соберетъ разсѣянныхъ, соединитъ расточенныхъ и воздвигнетъ новый храмъ польскому Израилю,—ихъ австрійскіе и познанскіе братья нашли другого мессію—въ лицѣ перваго французскаго консула. Великія и неожиданныя перемѣны, совершившіяся въ Европѣ со времени появленія на политическомъ поприщѣ генерала Бонапарте, его безпрерывные и безпримѣрно-удачныя войны, сопровождавшіяся разрушеніемъ старыхъ и созданіемъ новыхъ государствъ, невольно влекли умы и сердца ихъ къ тому, кто такъ властно возвышалъ однихъ и низвергалъ въ бездну ничтожества другихъ и съ такой легкостью перекраивалъ политическую карту Европы. Въ восходившей звѣздѣ Наполеона сыны разгромленной Польши увидѣли зарю собственной свободы. Польская молодежь отовсюду массами стремилась подъ его знамена и съ беззавѣтною отвагою сражалась въ горахъ Испаніи, на берегахъ Прегеля, Дуная и впослѣдствіи подъ стѣнами Москвы, надѣясь этимъ путемъ завоевать свободу отечества. Во время войны 1806—1807 г.г., когда кіевскіе дворяне съ такимъ усердіемъ организовали земское ополченіе для борьбы съ „неистовымъ врагомъ мира“, ихъ заграничные братья съ особеннымъ рвеніемъ старались выразить свои симпатіи „освободителю народовъ“, сформировавъ значительный вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Домбровскаго, и въ благодарность за то получили изъ рукъ Наполеона *Варшавское герцогство*, созданное изъ земель, отнятыхъ имъ у Пруссіи въ 1807 г. Съ тѣхъ поръ въ умахъ поляковъ идея политическаго возрожденія ихъ отечества окончательно слилась съ личностью Наполеона, для котораго они готовы были приносить всевозможныя жертвы. Если до того времени не всѣ поляки беззавѣтно поклонялись „великому императору“ и многіе вліятельные вожди ихъ (А. Чарторыйскій, Огинскій) хотѣли видѣть въ русскомъ императорѣ Александрѣ будущаго возстановителя Польши, то со времени учрежденія Варшавскаго герцогства, имѣвшаго свой сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, министерства и даже собственную національную армію въ 50 ты-

сячъ человѣкъ, Наполеонъ сдѣлался безраздѣльнымъ властителемъ думъ и сердецъ всѣхъ поляковъ,—въ особенности послѣ того, какъ, снова разгромивъ въ 1809 г. Австрію, онъ присоединилъ часть Галиціи къ Варшавскому герцогству и тѣмъ еще болѣе укрѣпилъ надежды поляковъ на возвращеніе всѣхъ земель, входившихъ въ составъ Рѣчи-посполитой до ея раздѣловъ. Поэтому поляки остались глухи къ увѣреніямъ императора Александра, что „Россія—не врагъ ихъ, а истинный и естественный другъ", что она—единственная держава, которая можетъ „возродить Польшу" и даже возвратить ей нѣкоторыя русскія области по Двину, Березину и Днѣпръ, но подъ условіемъ присоединенія Польши навсегда къ Россіи, императоръ которой будетъ носить вмѣстѣ и титулъ короля польскаго.

Все, что совершалось въ коренной Польшѣ, находило естественный откликъ въ Литвѣ, на Волыни, Подольи, Украинѣ и въ другихъ русскихъ областяхъ, недавно еще входившихъ въ составъ Рѣчи-посполитой. Какъ ни велика была, по видимому, рѣшимость польскихъ дворянъ юго-западнаго края сохранить до конца чувства вѣры и долгъ вѣрности по отношенію къ испытанному „благодѣтелю поляковъ", императору Александру, и не итти вслѣдъ за своими привислинскими братьями на поклонъ къ новому мессіи, но вѣдь въ сущности и сами они жили тѣми же политическими идеями и волновались тѣми же чувствами, что и обыватели Варшавы и Кракова. И вотъ со времени провозглашенія Наполеона польскимъ мессіей начинаются побѣги волынскихъ и украинскихъ шляхтичей заграницу для вступленія въ составъ легіоновъ французскихъ. Долгое время правительство не придавало этимъ побѣгамъ важнаго значенія и относилось къ нимъ равнодушно; но со времени войны Наполеона съ Австріей и Пруссіей и еще болѣе со времени учрежденія Варшавскаго герцогства, когда побѣги эти приняли почти повальный характеръ, правительство обратило на нихъ вниманіе и учредило особыя слѣдственныя коммиссіи о бѣглецахъ, угрожая имъ конфискаціей имѣній. Въ 1807 г. была обнаружена иного рода революціонная дѣятельность среди польскихъ дворянъ кіевской губерніи: правительству сдѣлалось извѣстнымъ, будто ко-

мандиры мѣстной земской милиціи „внушаютъ рядовымъ милиціантамъ, чтобы они имѣли съ ними согласіе возвращать по прежнему свое отечество“ (т. е. Польшу). Милиція была немедленно расформирована, при чемъ ратники были обращены на укомплектованіе полковъ и при слѣдующемъ наборѣ зачтены за рекрутъ; но ея уничтоженіе вызвало такое сильное неудовольствіе среди мѣстнаго дворянства, что весной 1810 г. опасались здѣсь открытой „революціи“, и въ этихъ видахъ въ губерніи расквартировано было нѣсколько полковъ. „Революція“ не состоялась, да едва ли она и была замышляема, но съ тѣхъ поръ исчезли тѣ патріархально-благодушныя отношенія, какія до того времени существовали между кіевскими дворянами и правительствомъ. Польское общество видимо притихло, притаилось, ушло въ себя и тѣмъ давало мѣстной администраціи новый поводъ относиться къ нему все съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностью.

Ктому же, въ началѣ 1810 года умеръ кіевскій гражд. губернаторъ П. П. Панкратьевъ, пользовавшійся необыкновенною популярностью среди польскаго дворянства. Несомнѣнно, это былъ вполнѣ русскій человѣкъ и администраторъ, но онъ правилъ губерніей въ такое время, кода и въ высшемъ правительствѣ къ полякамъ относились не иначе, какъ съ величайшею благосклонностью, и потому, самъ обладая природнымъ благодушіемъ, лично поддерживалъ тѣ же отношенія. Поляки не находили словъ, чтобы вдоволь нахвалиться своимъ благодушнымъ начальникомъ. Въ извѣстной уже читателямъ рѣчи васильковскаго маршалка Хоецкаго, при перечисленіи разнаго рода „щедротъ“, какія „лучшій въ свѣтѣ Монархъ“ излилъ на своихъ „вѣрныхъ подданныхъ—поляковъ“, ораторъ на первомъ планѣ поставилъ слѣдующее: „во-первыхъ, онъ далъ намъ губернаторомъ г. тайнаго совѣтника и кавалера Панкратьева, который съ самаго начала управленія нами старался сохранить ненарушимо всѣ милости и благодѣянія, отъ милосерднаго Монарха намъ ниспосланныя, а справедливость его была всегда непремѣннымъ въ томъ залогомъ. Сей почтенный и любезный намъ губернаторъ въ нынѣшнее время (1806 г.) сдѣлалъ най-

сильнѣйшее доказательство добродѣтельнаго своего сердца и привязанности къ полякамъ, когда онъ предварилъ уже своимъ поручительствомъ о усерднѣйшей вѣрности и преданности нашей ко всемилостивѣйшему Монарху... Господинъ губернаторъ!— восклицалъ ораторъ въ заключеніе своей рѣчи:—Почтенныя твои дѣянія и теперешній великодушный поступокъ твой въ поручительствѣ за насъ предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ въ роды родовъ сохранятъ славу твою, что подъ твоимъ правленіемъ поляки во всемъ счастливы и спокойны были, а дѣти наши твоимъ дѣтямъ благодарить будутъ". Въ 1809 г. дворяне поднесли Панкратьеву золотую табакерку съ надписью на польскомъ языкѣ бриліантовыми словами: „за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской". Въ мартѣ слѣдующаго года поляки съ необыкновенною пышностью хоронили своего благодѣтеля, при чемъ предсѣдатель кіевскаго гражданскаго суда Проскура произнесъ у его гроба хвалебную рѣчь на польскомъ языкѣ. Когда оказалось, что умершій губернаторъ не оставилъ своимъ дѣтямъ никакого состоянія, дворянство кіевской губерніи, съѣхавшись въ 1811 г. на выборы, сдѣлало слѣдующее постановленіе: „Добродѣтельное и похвальное исправленіе должности умершаго кіевскаго гражд. губернатора П. П. Панкратьева содѣлало его смерть достойною общаго прискорбія. Сверхъ доброй славы примѣрнаго начальника, заслужилъ онъ весьма, чтобы мы помнили о оставшемся послѣ него въ убожествѣ семействѣ"; посему, а равно и „въ примѣръ для другихъ, ему подобныхъ", собраніе опредѣлило: составить капиталъ для содержанія дѣтей умершаго губернатора, пожертвовавъ по пяти коп. съ рубля изъ той суммы, какая отъ казны слѣдовала дворянамъ цѣлой губерніи за поставку для войскъ провіанта.

Это была своего рода манифестація со стороны поляковъ по адресу новаго начальника, военнаго губернатора М. А. Милорадовича, который въ отношеніяхъ къ нимъ такъ мало напоминалъ своего благодушнаго предшественника [1]). Онъ являлся

---

[1]) Хотя Панкратьевъ состоялъ лишь гражданскимъ кіевскимъ губернаторомъ, но такъ какъ военнымъ губернаторомъ былъ въ то время (1806—1810 г.) М. И.

представителемъ новаго направленія русской политики относительно поляковъ и хотя ни въ чемъ не нарушалъ ихъ дворянскихъ правъ и привилегій, но на каждомъ шагу давалъ понять, что видитъ въ нихъ не болѣе какъ членовъ дворянства всероссійскаго и совершенно игнорируетъ ихъ этнографическія отличія. Весьма характерно, что Милорадовичъ въ оффиціальной перепискѣ старался совсѣмъ не употреблять слова „поляки" въ примѣненіи къ дворянамъ управляемой имъ губерніи; если же являлась крайняя необходимость обозначить ихъ народность, въ такомъ случаѣ онъ употреблялъ выраженіе: „такъ называемые поляки". Мало того, его примѣру (а можетъ быть, и категорическому требованію) вынуждены были слѣдовать и сами польскіе дворяне, которые въ его управленіе никогда не выступаютъ (въ опредѣленіяхъ и представленіяхъ дворянскихъ собраній и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и лицами), какъ группа національная, а всегда лишь какъ сословная. Вотъ, наприм., какимъ языкомъ писалъ къ нему (въ іюнѣ 1810 г.) кіевскій губернскій маршалъ графъ Адамъ Ржевускій, испрашивая разрѣшеніе созвать дворянскій съѣздъ „для торжествованія" по случаю полученія высочайшей благодарственной грамоты на имя дворянства: „Блистательнѣйшую красу народовъ и крѣпчайшую подпору престоловъ составляло во всѣхъ вѣкахъ дворянство. Мужество, любовь къ отечеству, подвиги патріотическіе сего знаменитаго чина увѣнчивали народы славою и величіемъ. По воззванію монарха своего несло оно охотно имѣніе, кровь и жизнь, дабы поддержать честь короны и поразить враговъ отечества. Таковымъ вдохновенное чувствомъ дворянство россійское, и въ числѣ онаго дворянское сословіе губерніи кіевской, по гласу надобности государства, по воззванію возлюбленнаго Монарха своего, съ усердіемъ и поспѣшностью представило къ оборонѣ государства часть имѣнія, кровь свою и сограждань своихъ, составленіемъ народной милиціи въ 1806 г.—Величіемъ славы и сладостію благости

Кутузовъ, больше занятый дѣлами военными и лишь изрѣдка проживавшій въ Кіевѣ, то фактически управленіе губерніей всецѣло находилось въ рукахъ Панкратьева.

измѣряющій дни царствованія своего, всепресвѣтлѣйшій Монархъ нашъ Александръ I наградилъ преизобильно сей, славѣ державы его посвященный, нашъ подвигъ присланною ко мнѣ чрезъ г. министра внутр. дѣлъ благодарною дворянству грамотою, которая исполняетъ сердца наши живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія. Дворянство кіевской губерніи желаетъ праздновать торжественно таковую высочайшую милость, какъ дражайшую хвалу свою и незабвенный въ потомные вѣки даръ благоволенія Монарха своего. Но такъ какъ, по силѣ правъ и преимуществъ, всемилостивѣйше дворянству пожалованныхъ, губернскій маршалъ не можетъ созывать повѣтовыхъ маршаловъ безъ предварительнаго на то соизволенія главноуправляющаго губерніей, для того честь имѣю просить покорнѣйше ваше высокопр-ство, дабы изволили почтить меня дозволеніемъ къ созыву гг. маршаловъ и дворянства для торжествованія толь знаменитаго праздника нашего".—Какъ видимъ, въ этомъ краснорѣчивомъ рапортѣ, подъ которымъ свободно могъ бы подписаться предводитель дворянства любой изъ коренныхъ русскихъ губерній,—ни слова о „полякахъ"; рѣчь идетъ исключительно о „дворянствѣ кіевской губерніи", какъ составной части „дворянства россійскаго". Сопоставляя съ рапортомъ гр. Ржевускаго хотябы, напр., рѣчь маршалка Хоецкаго, сказанную въ декабрѣ 1806 г., можно подумать, будто племенной составъ дворянства кіевской губ. за истекшіе три года подвергся радикальному измѣненію.

Но внѣшняя угодливость и благопокорность на словахъ служили маской для прикрытія внутренней холодности и отчужденія. Истинныя чувства кіевскихъ дворянъ сказались не въ медоточивомъ рапортѣ губернскаго маршала, а въ томъ, вѣроятно, и для него неожиданномъ фіаско, какой потерпѣла его затѣя устроить патріотическую манифестацію по случаю полученія высочайшей благодарственной грамоты. Будь подобная грамота получена нѣсколькими годами раньше, такая манифестація удалась бы какъ нельзя лучше; но теперь обстоятельства измѣнились: дворяне не могли забыть, что ихъ благодарятъ за сборъ той самой милиціи, которая за два года предъ тѣмъ бы-

ла распущена по политическимъ подозрѣніямъ, и подъ благовидными предлогами отказались прибыть на съѣздъ. Маршалъ графъ Ржевускій вынужденъ былъ рапортовать Милорадовичу, что „какъ многіе дворяне въ сію пору занялись уже неупустительными дѣлами сельскаго хозяйства, а нѣкоторые гг. маршалки отзываются болѣзненными припадками, да и самъ я постиженъ опаснымъ приключеніемъ желчной лихорадки, для празднества же таковаго высокомонаршаго благоволенія желательно, чтобъ составилось собраніе какъ можно многочисленное, то самыя сіи обстоятельства принудили меня нѣсколько остановиться до удобнѣйшаго времени“. Но такого времени гр. Ржевускому не суждено было дождаться, и въ связи съ этимъ, вѣроятно, было то, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ сложилъ съ себя званіе губернскаго маршала и передалъ его Францу Потоцкому.

Уже въ концѣ 1810 года для всей Европы было очевидно, что война между Россіей и Франціей есть лишь вопросъ времени и притомъ весьма близкаго. Продолжая увѣрять другъ друга въ неизмѣнности своихъ миролюбивыхъ чувствъ и намѣреній, императоръ Александръ и Наполеонъ въ то же время совершенно открыто готовились къ войнѣ. Вооруженія, происходившія въ Варшавскомъ герцогствѣ, носили явно вызывающій характеръ по отношенію къ Россіи: здѣсь съ лихорадочною поспѣшностью строили укрѣпленія, формировали новые полки и заранѣе хвалились, что война будетъ предпринята въ видахъ возстановленія Польши. и возвращенія отобранныхъ у нея русскихъ и литовскихъ областей. Соотвѣтственно тому у насъ закладывали Бобруйскъ и Динабургъ, усиливали укрѣпленія Кіева и Риги и сосредоточили на западной границѣ нѣсколько дивизій. Въ Кіевѣ, между прочимъ, признано было необходимымъ срыть валы, окружавшіе Старый-городъ, и привести въ надлежащее оборонительное положеніе Печерское и Звѣринецкое укрѣпленія. Въ связи съ этимъ приняты были усиленныя полицейскія мѣры для поимки шпіоновъ и политическихъ эмиссаровъ. Въ февралѣ 1811 г. министромъ полиціи объявлено

было губернаторамъ югозападнаго края высочайшее повелѣніе, „чтобы за рѣшетниками варшавскими, получившими на въѣздъ въ Россію пашпорты и разъѣзжающими по ярмаркамъ для продажи ситъ, употребляемо было надлежащее наблюденіе, такъ какъ въ числѣ оныхъ пробраться могутъ люди съ неблагонамѣренными видами, для чего о пріѣздѣ и выѣздѣ оныхъ рѣшетниковъ увѣдомлять г. министра полиціи“. Въ маѣ новый приказъ: „до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что нѣкто полякъ Ксаверій Валевскій частыми разъѣздами въ Парижъ и обратно, въ наши польскія и прусскія провинціи, навлекаетъ на себя вѣроятное подозрѣніе въ томъ, что имѣетъ тайныя порученія отъ французскаго правительства“; поэтому полиціи вмѣнялось въ обязанность: принять мѣры къ открытію дѣйствительныхъ его намѣреній, связей и умысловъ. Въ іюлѣ военный министръ Барклай-де-Толли писалъ къ М. А. Милорадовичу: „по дошедшимъ до меня секретнымъ свѣдѣніямъ извѣстился я, что для осматриванія и съемки нашихъ крѣпостей въѣхали въ границы наши трое офицеровъ изъ Варшавскаго герцогства, посланные отъ генерала Роснѣцкаго, изъ коихъ одинъ называется Пташинскій, адъютантъ генерала Каминскаго“. Черезъ нѣсколько дней новое увѣдомленіе: „вновь до свѣдѣнія моего дошло, якобы службы Варшавскаго герцогства генералъ-маіоръ Дяконскій пріѣзжалъ однажды для осмотра нашихъ крѣпостей и вторично намѣревается пріѣхать“; поэтому министръ сообщаетъ губернаторамъ высочайшее повелѣніе: „принять мѣры для обличенія и поимки сего злонравнаго человѣка“. Подобныя увѣдомленія съ тѣхъ поръ слѣдовали непрерывно одно за другимъ. Нѣсколько разъ были повторяемы высочайшія повелѣнія: усугубить дѣятельный надзоръ и принять всѣ мѣры къ открытію всякаго рода подозрительныхъ людей, пріѣзжающихъ въ наши губерніи изъ Варшавскаго герцогства; прилежно наблюдать за исправностью карауловъ при крѣпостяхъ и военныхъ складахъ; всячески предупреждать и пресѣкать попытки злонамѣренныхъ лицъ снимать планы или собирать свѣдѣнія о производящихся крѣпостныхъ работахъ и неукоснительно подвергать аресту „лицъ польской, французской

и жидовской націй, любопытствующихъ о числѣ и о состояніи войскъ, яко о предметахъ не приличныхъ и не принадлежащихъ частнымъ лицамъ".

Какъ кажется, правительственные страхи были напрасны: не смотря на самые тщательные розыски, ни одного шпіона и ни одного эмиссара не удалось изловить. Но эти безпрестанныя предостереженія о возможности злонамѣренныхъ дѣйствій со стороны заграничныхъ поляковъ невольно порождали среди населенія, и въ особенности въ средѣ полицейскихъ чиновниковъ, чувства подозрительности и по отношенію къ мѣстнымъ полякамъ. Хотя въ то время составъ полиціи все еще не былъ вполнѣ очищенъ отъ польскихъ элементовъ, но при Милорадовичѣ значительное большинство исправниковъ и городничихъ состояло уже изъ лицъ русскаго происхожденія, которымъ въ пылу патріотическаго воодушевленія, охватившаго тогда всю Россію, такъ естественно было впадать въ преувеличенія и видѣть опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было. Еще въ мартѣ 1811 года сквирскій городничій Сафоновъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ чиновниковъ, занимавшихъ полицейскую должность еще до назначенія кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Милорадовича, конфиденціально сообщалъ послѣднему, что въ его уѣздѣ готовится ни болѣе ни менѣе, какъ „народное возмущеніе". Такъ, когда онъ настаивалъ, чтобы отобранное у бывшихъ милиціантовъ и хранившееся по уѣзднымъ городамъ оружіе, согласно правительственному распоряженію, было отправлено въ кіевскій арсеналъ, то сквирскій маршалъ оставилъ безъ вниманія его настоянія, а какіе-то поляки говорили кому-то: „Богъ дастъ, дождемся того времени, что на тѣхъ пикахъ будетъ поднятъ сквирскій городничій".—„Слѣдовательно, заключалъ Сафоновъ, сіи разбойники ожидаютъ какова народнаго возмущенія въ здѣшнемъ краѣ". Кромѣ того, ему стало извѣстно, что „въ народѣ произносятся непріятные слухи, которые не откуда больше выходятъ, какъ, думать надобно, изъ домовъ господъ поляковъ", и что „многіе знающіе (т. е. знатные) помѣщики выѣзжаютъ или собираются выѣхать въ Варшаву, будтобы на всю бывшую Польшу выбирать короля". Наконецъ онъ доносилъ „на замѣчаніе" губер-

натору еще и о томъ, что „всѣ молодые дворяне сего края выдумали отпущать себѣ усы, и по молвѣ носятся слухи, что отпущенье усовъ есть какой-то знакъ, тайно между ними положенный“. Послѣднее предположеніе казалось городничему вполнѣ вѣроятнымъ: „еслибы они носили свое національное польское платье, то бы могли къ тому запустить усы, а то многіе носятъ фраки, слѣдовательно, какъ-то выходитъ весьма странное по сему предмету ихъ положеніе или къ чему намѣреніе; а напредъ сего никогда таковаго у нихъ положенія носить усы не было, и всему тому одинъ Богъ сердцевѣдецъ ихъ мыслей, доколѣ настояще чрезъ изысканіе не откроется ихъ намѣреніе“.—Къ чести Милорадовича надо прибавить, что онъ не придалъ никакого значенія этому вздорному донесенію и даже оставилъ его безъ отвѣта.

Въ маѣ поступилъ доносъ отъ священника м. Спичинецъ, махновск. повѣта, Климента Семержинскаго „о неблагомысленностяхъ“ мѣстныхъ помѣщиковъ Франциска и Антонія Собанскихъ съ приложеніемъ компрометирующаго ихъ письма. По словамъ священника, письмо это досталось ему такимъ образомъ: Антоній Собанскій, проходя по плотинѣ, нечаянно выронилъ изъ кармана листокъ. Шедшій за нимъ Семержинскій поднялъ его, спряталъ въ карманъ и когда дома прочелъ, то пришелъ въ ужасъ: это было письмо отъ брата Собанскаго, Франциска, въ которомъ послѣдній убѣждалъ Антонія поспѣшить сборомъ денегъ и отъѣздомъ заграницу, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе, что тамъ очень нуждаются въ деньгахъ, и такъ какъ оба они порѣшили „избавиться отъ привязчивой пени и глупаго правительства“. На томъ же листкѣ былъ написанъ и отвѣтъ Антонія Собанскаго: „поелику деньги уже готовы, то и выѣхать мы можемъ въ скорости“. Увидя въ этомъ письмѣ „зловредный замыселъ противу россійского государства“, священникъ счелъ долгомъ сообщить его губернатору. Желая удостовѣриться въ справедливости доноса, Милорадовичъ отправилъ въ Спичинцы нарочнаго чиновника, маіора Бойсмана, давъ ему такую инструкцію: по пріѣздѣ туда стараться познакомиться съ тамошними помѣщиками братьями Собанскими и, не обра-

щая на себя никакого подозрѣнія, непримѣтнымъ образомъ испытать образъ ихъ мыслей и намѣренія: точно-ли они, не доброжелательствуя россійскому правительству, имѣютъ намѣреніе выѣхать заграницу. „Это вы можете узнать (прибавлялось въ инструкціи), притворясь, якобы вы сами, не довольны бывъ правительствомъ, изыскиваете возможность выѣхать изъ Россіи, но недостатокъ имущества не позволяетъ вамъ въ томъ успѣть“. Еслибы оказалось, что Собанскіе точно намѣрены выѣхать заграницу, то маіоръ Бойсманъ, „подъ благовиднымъ предлогомъ оставивъ ихъ“, долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ, а особо командированные кіевскій частный приставъ и мѣстный исправникъ обязывались остаться въ ближайшемъ селеніи, не спуская глазъ съ бѣглецовъ, и когда они тронутся въ путь, непримѣтно слѣдовать за ними по пятамъ и арестовать ихъ на самой границѣ.

Точно-ли Собанскіе были невинно оклеветаны, или имъ удалось обойти простоватаго маіора, но только послѣдній представилъ самый похвальный рапортъ объ ихъ образѣ мыслей, а о священникѣ Семержинскомъ донесъ, что самъ видѣлъ его пьянымъ, что онъ вобще „весьма дурного поведенія“ и безпрестанно ссорится съ помѣщиками. Тогда посланы были въ Спичинцы полицейскіе чиновники для производства открытаго слѣдствія по дѣлу о доносѣ, при чемъ помѣщики Собанскіе категорически отреклись отъ компрометирующаго ихъ письма и высказали подозрѣніе, что письмо это подложно составилъ самъ же священникъ, не задолго предъ тѣмъ грозившій Франциску Собанскому, что если тотъ не примирится съ нимъ, то онъ „знаетъ на него криминалъ и будетъ за то ему великая бѣда“. По сличеніи почерковъ, слѣдователи признали, что означенное письмо писано рукою брата доносителя, шляхтича Яна Семержинскаго, съ почерками же Собанскихъ не имѣетъ никакого сходства. На этомъ основаніи священникъ Семержинскій и его братъ Янъ были подъ арестомъ доставлены въ Кіевъ и за ложный доносъ преданы суду. Дѣло это постигла обычная въ тѣ времена судебная волокита. Священникъ Семержинскій скоро умеръ, а его братъ, взятый на поруки мѣстнымъ исправни-

комъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ имѣніи послѣдняго въ качествѣ дарового приказчика.

Наконецъ, въ октябрѣ 1811 года послѣдовало извѣстное читателямъ заявленіе отставного сержанта бывшей польской арміи Шимона Ковальскаго о томъ, будто польскіе дворяне западныхъ губерній тайно посылаютъ въ Варшаву денежныя жертвованія на тотъ предметъ, чтобы при удобномъ случаѣ „помочь тѣми деньгами сдѣлать революцію" для отторженія отъ Россіи присоединенныхъ къ ней польскихъ земель, и что 24 знатнѣйшихъ польскихъ помѣщиковъ изъ Волыни, Подолья и Литвы, разновременно по паспортамъ въ Варшавѣ бывшихъ, учинили якобы тамъ присягу, что они, каждый въ мѣстѣ своего пребыванія, при первомъ удобномъ случаѣ готовы будутъ „дѣлать возмущеніе" въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ.

Въ виду всего этого приняты были рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы русскіе поляки не бѣгали за границу, въ герцогство Варшавское, а заграничные не проникали въ Россію. Выдача заграничныхъ паспортовъ полякамъ производилась съ крайнею осторожностью; вдоль самой границы, въ губерніяхъ подольской и волынской, еще раньше была расквартирована цѣлая армія, и главнокомандующій ея князь П. И. Багратіонъ взялъ на себя неослабное наблюденіе за таможенными заставами. Тѣмъ не менѣе побѣги за границу, хотя и въ меньшей степени, нежели въ предыдущіе годы, все-таки продолжались. Не проходило мѣсяца, когда бы князь Багратіонъ не увѣдомлялъ кіевскаго военнаго губернатора Милорадовича, что его агенты видѣли въ Варшавѣ, въ польской офицерской формѣ, того или другого изъ кіевскихъ помѣщиковъ, нерѣдко сыновей знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Попрежнему бѣгали не только въ Варшаву, но и во Францію, даже въ Испанію, чтобы служить подъ знаменами Наполеона. При переѣздѣ черезъ границу безпаспортные шляхтичи обыкновенно подкупали таможенныхъ смотрителей, а на возвратномъ пути чаще всего практиковали такой пріемъ: разыскивали въ Варшавѣ имѣющаго законный паспортъ соотечественника и возвращались вмѣстѣ съ нимъ

подъ именемъ его служителей, оставляемыхъ въ такомъ случаѣ ихъ паномъ за границей на произволъ судьбы. Князь Багратіонъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить „закоренѣлыя злоупотребленія“ таможенныхъ чиновниковъ, нерѣдко предавалъ ихъ военному суду и приглашалъ кіевскаго губернатора такимъ же образомъ поступать съ тѣми изъ помѣщиковъ и шляхтичей, которые пользовались этими злоупотребленіями. Милорадовичъ смотрѣлъ на эти побѣги иными, болѣе спокойными глазами. „Много есть подобныхъ людей,—писалъ онъ министру полиціи,—которые, шатаясь въ чужихъ краяхъ безъ позволенія нашего правительства, принимаютъ тамъ службу и наконецъ, наскучивъ всему, возвращаются. Хотя польза въ томъ и быть можетъ та, что они вездѣ находятъ разстройку, угнетеніе и несчастное положеніе и, возвращаясь наконецъ къ покойной жизни, подъ защитою благотворительнаго правительства нашего, открываютъ глаза и тѣмъ, кои не умѣютъ цѣнить счастливаго здѣсь всѣхъ положенія“; тѣмъ не менѣе Милорадовичъ не отрицалъ, что „подобные люди могутъ имѣть и дурныя намѣренія, а по сему самому не заслуживаютъ ни малѣйшаго призрѣнія въ своемъ отечествѣ“. На этомъ основаніи онъ предавалъ бѣглецовъ суду, но дѣла о нихъ обыкновенно затягивались и, какъ кажется, не приводились ни къ какому рѣшенію.

Самымъ благопріятнымъ временемъ для наблюденія за „состояніемъ умовъ“ и политическимъ настроеніемъ поляковъ могли служить кіевскіе *контракты*, на которые въ тѣ времена съѣзжались не одни помѣщики югозападныхъ губерній, но и обыватели другихъ областей бывшей Рѣчи-посполитой, не исключая и герцогства Варшавскаго. Мѣстное губернское дворянство обыкновенно устраивало въ это время свои собранія, выборы; магнаты давали балы, вечера, на которые приглашались мѣстныя власти и представители русскаго общества; въ театрѣ [1]) бывали ежедневные спектакли, устраиваемые пріѣзжими поль-

[1]) Въ то время кіевскій театръ (деревянный) помѣщался на углу Крещатика и Александровской улицы, на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостинницы.

скими актерами. Зная обо всемъ этомъ, министръ полиціи А. Балашовъ, конфиденціальнымъ письмомъ отъ 6 января 1812 г., просилъ М. Милорадовича „увѣдомлять его о всемъ, что во время предстоящихъ контрактовъ любопытнаго или примѣчанія достойнаго ни произойдетъ“, въ особенности ему желательно было имѣть извѣстія „о дѣйствіяхъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а болѣе всего о пріѣзжающихъ изъ Варшавскаго герцогства и изъ нашихъ польскихъ и литовскихъ губерній“. Исполняя эту просьбу, Милорадовичъ писалъ ему (отъ 14-го февраля) слѣдующее: „На сихъ дняхъ всѣ пріѣзжіе сюда на контракты разъѣхались. Въ публичныхъ собраніяхъ соблюдена была вообще благопристойность; никакого шуму ни ссоръ не случилось, которыя здѣсь обыкновенно на контрактахъ бывали большею частію между русскими и такъ называемыми поляками при малѣйшемъ поводѣ, въ танцахъ и проч. Въ театрѣ даже, гдѣ прежде сиживали въ шапкахъ и много шумѣли, нынѣ соблюдена была совершенная тишина и учтивость. Все сіе было столь ощутительно, что всѣ пріѣзжіе сіе замѣтили, и чрезъ сіе самое всѣ собранія были многочисленны (т. е. многолюдны), веселы и согласны. Особо любопытнаго ничего не случилось. Въ разговорахъ вообще соблюдена была скромность; когда же что-либо касалось въ разговорахъ до герцогства Варшавскаго, то описывали оное въ самомъ жалостномъ положеніи относительно тягостныхъ налоговъ. Вообще же говорятъ о благотворительномъ правительствѣ нашемъ и преимущественномъ положеніи здѣшнихъ жителей предъ заграничными, ибо сего и оспаривать не возможно. Молодые люди въ большомъ восхищеніи о варшавскихъ войскахъ и говорятъ объ энтузіазмѣ сего войска. Сколько можно было замѣтить, то бывшій здѣсь изъ Волыніи на контрактахъ прежней польской службы генералъ Карвицкій чрезмѣрно зараженъ воображеніемъ въ возстановленіи Польши. Бывшій здѣсь сынъ великокороннаго подкоморія, графа Винцентія Потоцкаго, Францишекъ Потоцкій, сколько по слухамъ извѣстно, приверженъ къ французскому правительству, но велъ себя здѣсь скромно“.

Какъ видимъ, результаты наблюденій мѣстной администраціи были вполнѣ успокоительнаго характера. Какъ и въ прежніе годы, поляки въ огромномъ числѣ съѣхались на контракты, веселились до упаду, но вели себя скромнѣе прежняго: съ русскими не ссорились, въ театрѣ сидѣли чинно, въ разговорахъ обнаруживали полную благонамѣренность, о Варшавскомъ герцогствѣ отзывались въ тонѣ снисходительнаго сожалѣнія, а никакъ не съ чувствомъ патріотической восторженности, собственное положеніе считали самымъ счастливымъ, правительствомъ были вполнѣ довольны. Если вспомнимъ, что въ тѣ самые дни, о которыхъ писалъ Милорадовичъ, въ Кіевѣ происходило торжество, которое едвали могло наполнить радостью сердца поляковъ: на средства, пожертвованныя ими для основанія въ Кіевѣ учебнаго заведенія, долженствовавшаго служить такимъ же разсадникомъ польскаго образованія, какимъ была для Волыни Кременецкая гимназія, на самомъ дѣлѣ открыта была (30 января) *русская* гимназія, съ русскимъ учебнымъ языкомъ и отчасти русскими учителями,—то благодушное настроеніе съѣхавшихся въ Кіевъ польскихъ дворянъ, засвидѣтельствованное высшею мѣстною властью, казалось, должно было хотя на время успокоить чувство подозрительности къ нимъ, явно сквозящее въ запросѣ министра полиціи. Между тѣмъ на дѣлѣ случилось совсѣмъ иное. Въ мартѣ того же 1812 года А. Балашовъ оффиціально сообщилъ кіевскому гражданскому губернатору графу Александру Львовичу Санти о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи: имѣть „строгое наблюденіе за поведеніемъ жителей ввѣренной ему губерніи“ и доставить въ министерство списки тѣмъ лицамъ, „которыя не надежны“, раздѣливъ ихъ на двѣ категоріи: въ однихъ спискахъ помѣстить „сомнительныхъ“, а въ другомъ „совершенно подозрительныхъ“.

Это требованіе поставило графа Санти въ немалое затрудненіе: онъ былъ самъ новымъ человѣкомъ въ краѣ, всего лишь за мѣсяцъ предъ тѣмъ вступилъ въ управленіе губерніей и не успѣлъ еще, по его словамъ, „свести пристойнаго знакомства и пріобрѣсти довѣріе, и потому, не имѣя точнаго свѣдѣнія о образѣ мыслей здѣшнихъ жителей, старался сколько можно

короче узнать расположеніе ихъ къ Россіи, не полагаясь лишь на однихъ слухахъ, кои большею частію бываютъ основаны на лицепріятіи или ненависти одного къ другому". Поэтому онъ не могъ тотчасъ исполнить министерское требованіе, и только черезъ три мѣсяца, когда уже французская армія вступила въ предѣлы имперіи, и ему сдѣлалось извѣстнымъ общее впечатлѣніе въ губерніи, произведенное этимъ событіемъ, онъ представилъ въ министерство слѣдующій отзывъ о политическомъ настроеніи шляхетскаго сословія кіевской губерніи:

„Здѣшніе помѣщики, дѣти ихъ и шляхта ведутъ себя тихо, скромно и осторожно, такъ что образа ихъ мыслей никакъ проникнуть не возможно. Дворяне всѣ повинности обыкновенныя и единовременныя отправляютъ довольно поспѣшно, но въ разговорахъ и донесеніяхъ слишкомъ часто повторяютъ приверженность ихъ къ правленію (т. е. къ правительству), чтобъ принять можно было сіе доказательствомъ чистосердечнаго изъясненія ихъ чувствъ. Изъ помѣщичьихъ дѣтей никто почти въ военной службѣ не находится, а при томъ отъ ученія и наставленія господина Чатскаго [1]) столько упоены духомъ вольности, что оной въ нихъ примѣчателенъ изъ-за всей ихъ скромности. Шляхетство, въ здѣшней губерніи до 40,000 простирающееся, свойство имѣетъ приличное людямъ, не имѣющимъ никакого состоянія и находящимся большею частью въ услуженіи вельможъ.

„Изъ сего слѣдуетъ, что, при малѣйшей неудачѣ, никоимъ образомъ ни на которое изъ оныхъ состояній положиться не можно, и хотя большая часть здѣшняго дворянства, кажется, по правиламъ своимъ и вѣтренности нрава не допуститъ непріятеля до реквизиціи, но добровольнымъ приношеніемъ съ избыткомъ всѣмъ снабдитъ.

„Въ 1810 году многіе изъ здѣшнихъ помѣщиковъ самовольно отлучались въ герцогство Варшавское. Нѣкоторые изъ нихъ возвратились, другіе тамъ остались. Расположеніе семействъ

---

[1]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ ревнителѣ польскаго просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ, основателѣ Кременецкаго лицея, графѣ Тадеушѣ Чацкомъ.

тѣхъ и другихъ по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительно, для чего предписано земской полиціи имѣть за ними строгое наблюденіе. Кто же именно возвратился и кто остались за границею—прилагаю у сего вѣдомость, равно и особое замѣчаніе о тѣхъ изъ помѣщиковъ, кои кажутся мнѣ совершенно подозрительными".

Къ этому донесенію были приложены: 1) „списокъ о дворянахъ кіевской губерніи, самовольно отлучавшихся за границу и оттоль возвратившихся въ теченіе шестимѣсячнаго срока, постановленнаго высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1809 года, которые и семейства ихъ по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительны"; такихъ оказалось: въ липовецкомъ повѣтѣ 3 лица, въ таращанскомъ 2, въ сквирскомъ 8, въ уманскомъ 3, въ звенигородскомъ 3, въ радомысльскомъ 1, въ васильковскомъ 3 и въ кіевскомъ 2; всего 25 человѣкъ; 2) „списокъ о дворянахъ, самовольно отлучившихся безъ пашпортовъ за границу и тамъ оставшихся и послѣ срока, высочайше назначеннаго на возвращеніе ихъ въ Россію, которыхъ семейства по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительны"; такихъ оказалось 24 лица въ цѣлой губерніи; все это были по большей части молодые люди, или же лица, служившія въ земской милиціи, не задолго предъ тѣмъ распущенной по распоряженію русскаго правительства; и наконецъ 3) „списокъ о дворянахъ, кои по теперешнимъ обстоятельствамъ кажутся совершенно подозрительны, хотя не имѣется доказательствъ, чтобъ поведеніе ихъ было въ чемъ-нибудь предосудительно"; въ эту послѣднюю категорію губернаторъ внесъ всего 4 лица: губернскаго маршала графа Потоцкаго, бывшаго губернскаго маршала графа Адама Ржевускаго, звенигородскаго повѣтоваго маршала Обремскаго и предсѣдателя 2-го департамента кіевскаго главнаго суда Проскуру.

Въ черновыхъ спискахъ противъ многихъ именъ первыхъ двухъ категорій встрѣчаются такого рода характеристики, сдѣланныя рукою графа Санти: „оные дворяне нраву безпокойнаго и подозрительны: собираются почасту въ селеніяхъ и даже подъ видомъ охоты вооруженіе имѣютъ"; или же: „не надеженъ—часто въ зборищахъ ихъ бываетъ"; противъ одного: „примѣчательно,

хранитъ польскій мундиръ, ибо во время выѣзда служилъ въ польской службѣ"; противъ имени другого: „подозрѣвался въ учрежденіи почты для сношенія съ Франціей"; но встрѣчаются и такія характеристики: „игрокъ", „нраву развратнаго и неблагонамѣренной", „дуракъ и опасности нѣтъ".

Въ іюнѣ въ Кіевѣ получено было отъ главно-командующаго 3-тьею западною арміею генерала Тормасова предписаніе относительно принятія мѣръ на случай вторженія непріятельскихъ отрядовъ въ предѣлы кіевской губерніи. Отвѣчая на это предписаніе, губернаторъ между прочимъ доносилъ: „землемѣры здѣшней губерніи всѣ малороссіяне, въ вѣрности ихъ сомнѣнія не имѣю, окромѣ одного—и потому только, что учился въ Кременцѣ, для чего держу его въ Кіевѣ. Хотя всѣхъ повѣтовъ карты, также и почтовымъ дорогамъ, хранятся въ архивѣ города Кіева, но, при отступленіи войскъ, нѣкоторые изъ здѣшнихъ дворянъ не оставятъ снабдить непріятеля вѣрнѣйшими картами, которыя они имѣли еще во время республики".

Сознавая, однако, недостаточность вѣрныхъ свѣдѣній о настроеніи и дѣйствіяхъ польскаго дворянства въ губерніи и не полагаясь на донесенія уѣздныхъ исправниковъ и городничихъ, въ числѣ коихъ было не мало поляковъ, губернаторъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ слѣдующему средству: избравъ изъ числа засѣдателей повѣтовыхъ земскихъ судовъ болѣе надежныхъ людей, онъ командировалъ ихъ по уѣздамъ якобы для освидѣтельствованія хлѣбныхъ запасовъ въ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ, но при этомъ снабдилъ ихъ слѣдующаго рода секретными инструкціями: „Изъ кіевскаго губернскаго правленія предписано вамъ указомъ освидѣтельствовать сельскіе магазины, чтобъ вы могли подъ симъ предлогомъ объѣхать весь повѣтъ и ознакомиться со всѣми помѣщиками. Я же вамъ подтверждаю на счетъ свидѣтельства хлѣба дѣлать всякую понаровку, дабы симъ способомъ пріобрѣсти къ себѣ ихъ любовь и довѣренность; между тѣмъ ведите тайную записку, у кого окажется въ наличности въ магазейнахъ сколько хлѣба въ зернѣ и въ скирдахъ и за кѣмъ онаго не достаетъ, и сіи свѣдѣнія при свиданіи мнѣ доставите. Наконецъ, чтобъ доказать совершенную къ нимъ преданность,

я вамъ приказываю: если бы у кого изъ помѣщиковъ и посессоровъ не было въ наличности всего хлѣба или какой части, то нарочно и открытымъ образомъ, при нихъ, пишите въ правленіе рапортъ, будто хлѣбъ весь въ цѣлости; однакоже подъ видомъ дружбы совѣтуйте и подтверждайте, якобы въ собственную вашу выслугу, дабы имѣющійся въ магазинахъ хлѣбъ на случай неурожая сберегали и недостатокъ его пополнили. Такимъ образомъ пріобрѣтя ихъ довѣренность, всемѣрно старайтесь проникнуть въ ихъ мысли и расположеніе къ Россіи, причемъ замѣчайте ихъ поведеніе и обращеніе между собою въ тѣхъ отношеніяхъ, о коихъ лично вамъ отъ меня приказано, и о всемъ доносите мнѣ чрезъ вѣрныя оказіи, а въ случаѣ крайней надобности, самимъ явиться ко мнѣ".

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ.

Есть одна идея, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся нити, соединяющія въ одно цѣлое народныя малорусскія пѣсни и думы съ полународными и чисто книжными виршами: это идея матери, и притомъ въ симпатично-печальномъ образѣ матери-вдовы. Давняя это идея въ южнорусской землѣ. Еще въ начальной лѣтописи мы видимъ эту умную, глубоко озабоченную судьбою своего сына вдову, которая говорила ему: „азъ, сыну, Бога познахъ и радуюся; аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти? А дружина моя сему смѣятися начнуть“... и не послуша матери, и творяше норовы поганьскыя, не вѣдый, аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае. Се же тому гнѣвашеся на матерь. Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: „воля Божия да будеть; аще Богъ въсхощеть помиловати роду моего и земли рускые, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възраста его“ [1]).

Эти послѣднія строки невольно напоминаютъ слова малорусской думы о матери-вдовѣ, которая сына своего

«Изъ малыхъ литъ годовала, лелияла,
До зросту въ наймы не пускала,
Пры старости литъ славы да памйаты прожыты сподивала» [2]).

[1]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 41.

[2]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 36.

Не исполнились желанія матери-козачки, какъ не исполнились и желанія княгини Ольги. Конечно, причины размолвки обѣихъ матерей съ сыновьями и тамъ и здѣсь были иныя, но и лѣтописной матери-княгинѣ не чуждо было простое желаніе материнскаго сердца видѣть сына дома въ печальную пору безпомощной старости: „И рече ему (Святославу) мати: „видиши ли мя болну сущю, камо хощеши (идти) отъ мене“? Бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: „погребъ мя, иди амо же хощеши“ [1]).

Всѣ эти сопоставленія мы дѣлаемъ вовсе не для того, чтобы протянуть непрерывную линію между формами жизни княжеской и козацкой Руси. Извѣстно, что въ быту простыхъ людей того отдаленнаго времени, когда жила княгиня Ольга, родители имѣли большую власть надъ дѣтьми. Почти то же мы видимъ и позже—въ козацкій періодъ южнорусской исторіи. Такъ, въ XVI вѣкѣ, говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь южнорусской старины, „родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери-вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ“ [2]). Что же могло вызвать апотеозу метери въ думахъ, совпадающую съ настроеніемъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа—книжныхъ и некнижныхъ?

Намъ кажется, что въ XVI в. положеніе матери-вдовы сдѣлалось сравнительно болѣе тягостнымъ, чѣмъ было оно прежде. И по обычному праву власть ея не распространялась на взрослыхъ сыновей, теперь же, когда явилась для всѣхъ полная возможность поступать въ „охотне вийсько“, власть эта еще болѣе съузилась. То было время, когда для борьбы внутренней и внѣшней многіе отказывались отъ всякихъ семейныхъ узъ, какъ это мы видимъ въ Запорожьѣ,—время, когда „зъ день годыны“, какъ говоритъ дума, „счыналыся велыки войны на Вкраини“. Много было тогда злополучныхъ женъ, которыя потеряли мужей своихъ въ этихъ войнахъ,—злополучныхъ вдовъ-

---

[1]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 44.

[2]) Будановъ, „Черты семейнаго права запад. Россіи въ половинѣ XVI в.“ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 4, 77).

матерей, которыя не могли удержать взрослыхъ сыновей своихъ отъ страстнаго желанія „съ козакамы погуляты, щобъ отцевськую славу не втеряты“. И вотъ, въ виду беззащитнаго положенія матери-вдовы, творцы думъ поднимаютъ свой голосъ для возстановленія нравственныхъ правъ ея на вниманіе къ ней со стороны дѣтей ея. Во имя христіанской правды они напоминаютъ имъ о всемогуществѣ материнской молитвы, материнскихъ слезъ, и на разные лады повторяютъ слова лѣтописца: „аще кто матери не слушаеть, въ бѣду впадае“. Мотивъ этотъ, очевидно, чисто христіанскій, и такъ какъ онъ съ особенною настойчивостью развитъ въ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ, невольницкихъ думахъ, то мы не можемъ отказаться отъ мысли, что первые творцы думъ принадлежали къ сословію каликъ убогихъ, искреннихъ проводниковъ въ народныя массы гуманныхъ идей христіанства. Сохраняя основныя черты своего типа, эти калики убогіе съ теченіемъ времени, въ XVII и XVIII вв., значительно измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, такъ что въ ближайшее къ намъ время они дошли до простыхъ исполнителей народныхъ думъ. Можно думать, однако же, что въ старину между ними были и выдающіеся люди, одаренные творческими силами.

Высказывая это положеніе, мы повторяемъ, по видимому, общеизвѣстную истину. Но именно то, что кажется общеизвѣстнымъ, нерѣдко требуетъ всякаго рода объясненій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ народнаго творчества, составленныхъ безъименными авторами. Здѣсь прежде всего является вопросъ, *какъ* могла явиться стихотворная форма думъ въ средѣ каликъ убогихъ, которыхъ въ Малороссіи называютъ обыкновенно *стаци́ямы* или *дидамы*?

Обратимся къ спеціальному репертуару всей этой „нищей братіи“, которая и донынѣ распѣваетъ свои *пса́льмы* на сборищахъ народныхъ.

Въ пса́льмахъ этихъ съ ясно обозначенною книжною стихіей рѣчи мы встрѣчаемъ прежде всего глагольную рифму. Вотъ нѣсколько образцевъ изъ самой популярной пса́льмы объ убогомъ Лазарѣ:

«Де ся мени трафытъ смерть, то *откуплюся*,
А не откуплюся, то *одобйуся*,
До царства небесного самъ *доберуся*,
Господеви найвысшому не *помолюся*,
А всимъ святымъ его не *покорюся*» [1]).

Или:

«Чи не мигъ бы ты мени то *вчыныты*,
Же я тебе буду вирне *просыты*,
Свий мызельный палець въ море *вмочыты*,
Мои смажущи уста та *захолодыты*,
Той пекельный вогонь *прыгасыты*,
Мой спаленый языкъ *закропыты*» [2])

Или:

«Нехай бы я промежъ нымы хоть *пророковавъ*,
Отъ Господа Бога пророчество *извищавъ*,
Уже бъ я свое сребро, злото на церквы *дававъ*,
Еже празныкъ и недиля молебни *наймавъ*,
Тебе, брате Лазаре, всегда *помынавъ*,
И ныщыхъ, убогыхъ добромъ *надилявъ*,
Души своий царства вже бъ я *вготовавъ*» [3]).

Благодаря рѣшительному преобладанію глагольной рифмы, на первый планъ видвигается въ *псáльмахъ* цѣлое предложеніе или же самостоятельная часть слитнаго предложенія, какъ логическая основа стиха, которая не всегда можетъ совпадать съ одинаковымъ количествомъ слоговъ въ стихахъ. Отсюда неизбѣжное послѣдствіе—неравенство стиховъ, что и находимъ мы во многихъ псáльмахъ. Отсюда же и другое послѣдствіе—речитативный оттѣнокъ въ исполненіи псáльмъ. Особенно рѣзко выступаютъ всѣ эти особенности стихотворнаго размѣра въ „просьбуванняхъ", или же, такъ называемыхъ, „жебранкахъ". Приведемъ одну изъ нихъ для примѣра:

«Сынъ едыный,
Исусъ Хрыстосъ правдывый!

---

[1]) Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. III, 264.

[2]) Ibidem, 266.

[3]) Ibidem, 270.

Зошлы, Господы, Ангела-хранытеля у сей домъ
благочестывый!
Прошу тебе, отець-маты,
Нызькымъ уклономъ,
Покирнымъ словомъ,
Даруй мени едыную рубашечку, або убраннячко,
На гришнее мое тило прыкрываннячко,
Прыкрыйте жъ, отець-маты,
Мое гришне тило,
Щобъ одъ буйного витру воно не марнило,
И одъ праведного сонечка не вгоряло,
Одъ морозу не вымерзало,
Одъ дощу не вымокало,
То такъ и васъ прыкрые Митиръ Божая честнымъ
своимъ омофоромъ» [1]).

Мы имѣемъ предъ собою ту же конструкцію стиховъ, что и въ думахъ. Очевидно, что возникла она на почвѣ псальмъ виршеваго происхожденія, но проведена со всею послѣдовательностью въ думахъ, которыя дальше стояли отъ книжныхъ вліяній, чѣмъ псальмы.

Далѣе слѣдуютъ вопросы: давняя ли это конструкція? Не создана ли она позднѣйшими исполнителями думъ?

Въ послѣднія 20—30 лѣтъ въ этнографическихъ изданіяхъ не мало появилось всякаго рода сообщеній о пѣвцахъ, отъ которыхъ записаны были думы. Много симпатичнаго заключаетъ въ себѣ этотъ вымирающій уже типъ слѣпца-рапсода. Смотритъ онъ на свое ремесло, какъ на дѣло богоугодное, завѣщанное ему самимъ Іисусомъ Христомъ, который по вознесеніи своемъ предназначилъ для проповѣди своего ученія не однихъ Апостоловъ, но также хромыхъ и слѣпыхъ [2]). Глубоко вѣритъ онъ въ дѣйствительность всего того, о чемъ поетъ въ своихъ псальмахъ и думахъ [3]). Самъ онъ бываетъ сильно растроганъ содержаніемъ думъ, прерывая иногда исполненіе ихъ всякаго рода

---

[1]) Записана нами въ кобеляц. у. полт. губ.

[2]) Кіевская Старина, 1889 г., Сентябрь, 663, 672.

[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 45.

замѣчаніями и поясненіями [1]). „Боже, твоя воля, хто его повыгадувавъ, що не можна выдумать бы такъ никому въ свити!" говорилъ одинъ изъ нихъ во время исполненія думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова [2]). Въ этомъ наивномъ замѣчаніи пѣвецъ выразилъ не одно удивленіе свое къ невѣдомымъ ему творцамъ думъ, но и сознаніе полнаго безсилія своего выдумать что-нибудь похожее на думы. И дѣйствительно, въ текстѣ думъ мы не видимъ слѣдовъ творчества, современнаго самимъ записямъ, зато въ большомъ изобиліи встрѣчаемъ слѣды искаженія и забвенія стариннаго текста. Сами пѣвцы иногда съ огорченіемъ сознаютъ, что многое забыли они, пересказывая думу „черезъ десяте въ двадцяте слово" [3]) или же, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „стыхъ зъ одниеи, да зъ другои, да й извяжешъ такъ" [4]). „Мали старци насталы" [5]), говорятъ они, а когда-то, по словамъ ихъ, живали „старечи короли" [6]), или же „старечи цехмыстри", которые заводили у себя цѣлыя школы учениковъ-пѣвцевъ, собиравшихъ для своихъ учителей по городамъ и селамъ милостыню [7]). Собственно говоря, въ разныхъ концахъ Молороссіи и теперь существуютъ эти школы, или, лучше сказать, учителя, имѣющіе двухъ-трехъ учениковъ, но въ репертуарѣ современныхъ „старцивъ" очень рѣдко попадаются думы [8]). Какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забывается эта поэтическая старина, поэтому напрасно стали бы мы искать въ пѣвцахъ думъ, отъ которыхъ онѣ записаны, создателей вольнаго стихотворнаго размѣра, состоящаго въ неразрывной связи съ внутреннимъ строемъ думъ, въ чемъ собственно и заключается поэтическая форма ихъ. Надобно полагать, что и въ XVIII вѣкѣ пѣвцы думъ не обладали уже самодѣятельною творческою силой, изъ которой воз-

---

[1]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 15—42.

[2]) Ibidem, 38.

[3]) Кіевс. Старина, 1882 г., Дек., 24.

[4]) Историч. пѣсни Антон. и Драгом., I, 332.

[5]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

[6]) Ibidem, 2.

[7]) Кіевскій Телеграфъ, 1873 г., № 59.

[8]) См. объ этомъ интересную статью В. Боржковскаго подъ заглавіемъ „Лирники" въ Кіевс. Старинѣ, 1889 г., Сентябрь.

никла эта форма, ибо ни одно событіе XVIII вѣка не воспѣто въ думахъ [1]). Такимъ образомъ мы должны отодвинуть появленіе этой формы къ болѣе давнему времени. Съ приблизительною точностью оно опредѣляется хронологическою линіею событій, выше которой не поднимаются думы. Мы разумѣемъ событія XVII и XVI вв. Но, въ виду того, что думы сливаются съ пѣснями, изображающими черты народнаго быта, возникшія раньше XVI вѣка, линія эта незамѣтно теряется въ туманѣ предшествующихъ вѣковъ и совершенно уходитъ изъ нашихъ глазъ. Проникнуть далѣе, за предѣлы XVI вѣка, можно только съ помощью гипотезы. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, доступныхъ нашему зрѣнію, поэтому, въ заключеніе нашего изслѣдованія, считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько соображеній о той обстановкѣ, въ которой могли появиться творцы думъ, а равно о перемѣнахъ въ этой обстановкѣ, которыя неизбѣжно должны были отразиться на самихъ думахъ.

Мы должны поставить на видъ прежде всего то обстоятельство, что въ старину, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, нищая братія стояла подъ непосредственнымъ покровомъ церкви, которая давала ей организованную помощь въ видѣ странопріимныхъ домовъ, больницъ и всякаго рода пріютовъ [2]). Понятно поэтому громадное значеніе нищей братіи въ формировкѣ народно-поэтическихъ представленій о жизни въ направленіи христіанскомъ. Серединное положеніе ея между церковью и народомъ давало ей полную возможность вносить въ міровоззрѣніе народа широкія основы христіанской мысли, не отрываясь при этомъ отъ родныхъ мотивовъ поэтической старины, которая опиралась на языческія преданія. Отсюда произошло такъ называемое двоевѣріе, и донынѣ сохранившееся въ народной поэзіи, но уже съ преобладаніемъ христіанскаго настрое-

---

[1]) Изъ первыхъ годовъ XVIII в. мы имѣемъ полу-пѣсню, полу-думу о популярнѣйшемъ героѣ старинной Малороссіи Семенѣ Паліѣ. (См. у Максимовича въ изд. пѣсенъ народныхъ 1849 г.). Въ самомъ смѣшеніи двухъ разныхъ стилей выразилось паденіе творчества думъ.

[2]) См. объ этомъ обстоятельную статью Ефименка: „Шпитали въ Малороссіи". (Кіевс. Старина, 1883 г., Апрѣль).

нія—особенно въ пониманіи нравственныхъ задачъ жизни. Положительно можно сказать, что въ лицѣ нищей братіи церковь нашла самыхъ усердныхъ миссіонеровъ христіанства, которые съ теченіемъ вѣковъ подорвали въ народной жизни роль старинныхъ скомороховъ и другихъ представителей языческаго веселья.

Но это времена давнія.

Обращаясь къ эпохѣ пробужденія умственной жизни въ южной Руси, т. е. къ XVI вѣку южнорусской исторіи, мы встрѣчаемъ въ положеніи нищей братіи нѣчто новое. Она тоже стоитъ подъ защитою церкви, но эта церковь въ католическомъ государствѣ не пользуется покровительствомъ властей. Напротивъ того, со временъ брестской уніи она составляетъ предметъ систематическаго преслѣдованія со стороны государства. Самъ народъ долженъ былъ защищать церковь и въ ней искать опорной точки для борьбы съ врагами. Появились братства, которыя внесли въ организацію церковной жизни сознаніе народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ числѣ этихъ интересовъ выдающееся положеніе заняла филантропія—главнымъ образомъ въ видѣ устройства „шпиталей" для нищей братіи. Это были не больницы, но богадѣльни, въ которыхъ жили увѣчные старики, преимущественно слѣпые. Пользуясь пособіями отъ прихожанъ той церкви, при которой были шпитали, они промышляли и на сторонѣ посредствомъ испрошенія подаяній. Каждый шпиталь входилъ въ составъ „старечого" братства или цеха, слагавшагося изъ нѣсколькихъ шпиталей одного и того же города или деревни. Цехъ имѣлъ свое имущество, свои права и обязанности—главнымъ образомъ по отношенію къ церкви. Почти не было церкви безъ шпиталя. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ трехъ полкахъ лѣвобережной Украины было 589 шпиталей [1]). Мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ шпиталей въ болѣе раннее время, но упоминанія о шпиталяхъ встрѣчаются очень часто, начиная съ XVI вѣка и, что

---

[1]) Основа, 1862 г., Ст. А. М. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в".

въ особенности замѣчательно, въ самомъ началѣ XVII вѣка появляются шпитали военные—въ 1601 году въ Трехтемировѣ, а въ 1629 г. въ Кіевѣ „для людей рыцерскихъ, отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ[1]).

Теперь обратимъ вниманіе на обстоятельство чрезвычайной важности, именно на то, что одна и та же церковь простирала свои заботы и попеченія о шпиталяхъ и о школахъ. Оба эти учрежденія отъ нея получали свою нравственную и матеріальную поддержку и, конечно, состояли между собою въ постоянномъ и живомъ общеніи. Намъ уже извѣстны обитатели школъ съ ихъ „ораціями“ на разные случаи, съ ихъ „кунштами“ и „виршами“, „шпаргалами“ и „партесами“. Исполняли они при церкви, какъ и шпитальные „старци“, низшія обязанности. Отъ нихъ-то и получали „старци“ произведенія школьной мудрости, которыя и разносили въ народѣ. Усваивая эти произведенія, многое они измѣняли въ духѣ народномъ, ибо обязаны были примѣняться къ народному пониманію, къ народному складу рѣчи. Но странствующіе школьники требовались не въ однихъ школахъ. На нихъ былъ спросъ и въ войскѣ, гдѣ нужны были люди грамотные для войсковыхъ канцелярій. Не разъ случалось, что они мѣняли перо на саблю, участвуя въ разныхъ баталіяхъ. Они были свидѣтелями народныхъ движеній и нерѣдко играли въ этихъ движеніяхъ не послѣднюю роль. Впечатлѣнія свои они выражали тоже въ виршахъ, которыя проникали въ школы и шпитали. Здѣсь эти вирши перерабатывались тѣми же „старцями“ для народнаго обихода. Такимъ образомъ, въ школахъ и шпиталяхъ старинной Малороссіи сосредоточивалась та полународная, полукнижная среда, которая объединяла умственные интересы духовенства, козаковъ и посполитаго люда. Вотъ изъ этой именно среды и могли выходить творцы думъ. Знали они изъ народныхъ пѣсенъ о безъименныхъ герояхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами и турками, а между тѣмъ жизнь выдвигала новыхъ героевъ, о которыхъ гласила народная молва. Нужно было прославить этихъ героевъ, поэтому „старци“ соз-

---

[1]) Кіевская Старина, 1883 г., Апрѣль, 715—716.

даютъ въ честь ихъ пѣснопѣнія особеннаго рода, въ которыхъ изъ старинныхъ обрядныхъ величаній, подновленныхъ школьными кантами, берутъ элементъ славленія, а изъ народныхъ пѣсенъ яркіе и излюбленные народомъ поэтическіе образы. Знали также „старци", чего стоила народу эта безконечная борьба его съ невѣрными, какія опустошенія производила она въ мирной жизни земледѣльца, поэтому они пользуются нравоучительно-религіозною философіей псальмъ для того, чтобы внести примиряющее начало въ сознаніе своихъ слушателей. Много утѣшенія проливали они въ душу осиротѣлой матери, потерявшей сына своего въ борьбѣ съ врагами, много добрыхъ чувствъ пробуждали они въ народной толпѣ напоминаніемъ о плѣнныхъ герояхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выкупа изъ неволи.

Такъ сама собою, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ бытовыхъ условій жизни, явилась поэтическая форма думъ, какъ плодъ взаимодѣйствія вліяній школьныхъ и народныхъ.

Когда началось это взаимодѣйствіе?

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ документальной точностью. Знаемъ только, что въ XVI вѣкѣ, предъ самымъ началомъ широкой просвѣтительной дѣятельности, съ которою выступили южнорусскія центральныя братства львовское и кіевское, существовали уже въ наличности всѣ элементы, изъ которыхъ слагалось умственное общеніе между школой и народомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно завѣщаніе Василія Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго, написанное имъ въ турецкой неволѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1580 г. Онъ проситъ, чтобы къ дѣтямъ его, двумъ сыновьямъ, когда исполнится имъ по семи лѣтъ, пригласили „дьяка добре учоного", который долженъ научить ихъ „руское науки въ писме святомъ.... въ своемъ языку рускомъ". Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія онъ назначаетъ дьяку бо̀льшее денежное вознагражденіе, чѣмъ діакону и даже священнику, „абы въ тои белои избе противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему давати, вдячне училъ", а также, чтобы „книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ добраго зводу уставичне писалъ". Тутъ есть все: и дьякъ, списывающій книги и обучающій дѣтей въ школѣ, и

два шпиталя, которые по завѣщанію должны быть устроены при церквахъ—одинъ во Владимірѣ, другой въ Суходолахъ, каждый „для 12 особъ убогихъ а здоровъя неспособнаго людей". Есть даже бакаляръ статечный, котораго завѣщатель желаетъ пригласить въ домъ свой для обученія дѣтей его „науки латинского писма" [1]). Мы не имѣемъ только псальмъ и виршей, которыя тогда уже могли появиться въ школьномъ употребленіи, за то имѣемъ такія оригинальныя произведенія второй половины XVI вѣка, какъ переводы книгъ св. Писанія на народный языкъ, свидѣтельствующіе о стремленіи книжныхъ людей приблизить „рускую науку въ писме святомъ" къ народному пониманію. Поэтому мы не видимъ достаточныхъ основаній ограничивать началомъ XVII вѣка школьныя вліянія на народную мысль, слѣдовательно, и на поэтическое народное творчество. Но, конечно, вполнѣ окрѣпли эти вліянія въ XVII вѣкѣ, когда въ большемъ изобиліи появился въ школахъ извѣстный уже намъ литературный матеріалъ. По мѣрѣ накопленія этого матеріала, крѣпче стягивался узелъ, соединявшій народное пѣснотворчество съ книжными вліяніями, завязанъ же былъ этотъ узелъ, безъ сомнѣнія, раньше XVII вѣка.

Полагать надобно, что въ средѣ тѣхъ же „старцивъ", и тоже не позже XVI вѣка, установилась и заунывная мелодія думъ [2]). Въ старину, какъ и въ позднѣйшее время, когда записывались думы, пѣвецъ вносилъ въ эту мелодію особенную выразительность посредствомъ речитативныхъ вставокъ и музыкальной декламаціи, которая сопровождалась подыгриваньемъ на кобзѣ или на бандурѣ. Оба эти инструмента теперь уже вышли

---

[1]) Архивъ югозапад. Россіи, т. I, ч. 1, № 16.

[2]) Не отрицая вліянія Востока на эту мелодію, Фаминцынъ допускаетъ возможность заимствованія ея у сербскихъ пѣвцевъ, которые, по свидѣтельству польскихъ писателей XVII в., доходили въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. до Польши и Малороссіи (Домра и сродные ей музыкальные инструменты, 152). Справедливо замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи рецензентъ сочиненія Фаминцына: „дума, говоритъ онъ, создавалась подъ такимъ наплывомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ, случайныхъ вліяній, что нужно искать происхожденія этой музыки въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ—въ культурномъ вліяніи черноморскихъ Тюрковъ". (Вѣстникъ Европы, 1891, Августъ).

изъ употребленія, но въ прежнее время они составляли обычную принадлежность козацкаго быта. Особенно это нужно сказать о кобзѣ—инструментѣ болѣе простомъ и популярномъ, чѣмъ бандура [1]).

Съ кобзою въ рукахъ козакъ шелъ на любовное свиданіе:

«Не боиться козаченько ни грому, ни тучи,
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчыны йдучы» [2]).

Пѣніемъ и игрой на кобзѣ онъ выражалъ буйный разгулъ молодости:

---

[1]) *Кобза*—венгер. Koboz, турец. qopûz (Miklosich, Die Freund. Wörter in den Slaw. Sprachen, 1867 г.) музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ дереневаго дерева, о трехъ струнахъ. Это любимый инструментъ украинской молодежи; перешелъ онъ къ козакамъ отъ татарскихъ народовъ (Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г. т. XIV, 954). „Названіе *кобза*, говоритъ г. Фаминцынъ, можетъ быть прослѣжено въ старинныхъ памятникахъ славянскихъ и неславянскихъ до 1250 г. Извѣстно оно было Половцамъ, которые принесли, какъ названіе, такъ и инструментъ изъ азіатской своей родины". (Домра и сродные ей инструменты рус. народа, 91).

Бандура—италіанс. *pandóra* и *mandola*, испанс. *bandurria* и *bandóla*, португальс. *bandurra*, французъ. *pandore* и *mandole* отъ *pandura*, *pandurium*, гречес. πανδοῦρα (Diez, Etymolog. Wörterbuch der romanisch. Spr., 1870 г., I, 302; болѣе подробную этимологію слова см. у А. Н. Веселовскаго: „Разысканія въ области рус. духовнаго стиха, Прилож. къ XIV т. Записокъ Академіи наукъ, № 1. 159—161)—музыкальный инструментъ въ родѣ лютни со струнами изъ желтой мѣди, съ короткой шейкой или грифомъ, нѣкогда былъ въ большомъ употребленіи у козаковъ на Украинѣ, откуда перешелъ въ Польшу и на Русь (въ Галиціи). (См. Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г., т. II, 798—799). Въ послѣднее время высказано было иное мнѣніе о происхожденія малорусской бандуры: г. Фаминцынъ ведетъ ея исторію изъ Англіи, гдѣ она изобрѣтена была въ четвертомъ году царствованія королевы Елисаветы, т. е. въ 1561 году, оттуда распространилась она по всей Европѣ и чрезъ Польшу въ концѣ XVI в. проникла въ Малую Русь, гдѣ и сдѣлалась національнымъ инструментомъ, вытѣснивъ изъ употребленія кобзу и получивъ отъ нея названіе (Домра и сродные ей музыкальные инструменты рус. народа, 111—123). Но если названіе этого инструмента находится въ очевидной этимологической связи съ инструментомъ балканскихъ славянъ *pandura*, а этотъ послѣдній, по мнѣнію г. Фаминцына, могъ быть заимствованъ славянами чрезъ посредство Византіи изъ арабско-персидскаго Востока, то не могла ли этимъ путемъ появиться бандура и въ южной Руси гораздо ранѣе XVI вѣка,—тѣмъ болѣе, что самъ г. Фаминцынъ для подкрѣпленія своего мнѣнія о роли Византіи въ передачѣ этого инструмента славянамъ ссылается на одну изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, изображающую музыканта съ пятиструннымъ инструментомъ, похожимъ на бандуру? (Ibidem, 41).

[2]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси. I, 252.

«Ой далеко чуты козака Ворла, що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще спивае,
Та жъ бо его ненька, та его старенька
Изъ жалю омливае» [1]).

О бандурѣ мы рѣдко встрѣчаемъ упоминанія въ бытовыхъ малорусскихъ пѣсняхъ. Какъ инструментъ болѣе сложный, онъ требовалъ, повидимому, болѣе опытныхъ и искусныхъ рукъ, хотя и бандура употреблялась не для однихъ пѣсенъ общественнаго содержанія [2]). Въ виршахъ и думахъ есть упоминанія о бандурѣ. Сюда относится извѣстная уже намъ вирша, подписываемая подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, и дума о смерти козака-бандуриста, который называлъ свою бандуру *подорожною.* Есть указанія въ думахъ, что въ самыя трудныя минуты жизни козакъ не разлучался съ своею бандурою. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ говорится, что и въ Сибири искалъ онъ въ пѣніи и въ игрѣ на бандурѣ душевнаго успокоенія:

«Прыйшовъ панъ Палий додому та й сивъ у памити,
На бандурци выгравае: «Лыхо жыты въ свити!
Той, душу заклавшы, свыту, бачъ, гаптуе,
А той по Сибиру мовъ у лузи дубуе!» [3]).

Всѣ эти данныя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что не одни „старци" играли въ старину на кобзѣ и на бандурѣ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они не принимали участія въ созданіи народныхъ малорусскихъ думъ. Говоримъ это въ

---

[1]) Ibidem, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, V, 110. Папроцкій, польскій писатель конца XVI в., говоритъ: „Козаки съ большой радостью показывали невообразимыя штуки, стрѣляли, пѣли и на кобзахъ играли". (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. XIV, 254).

[2]) Козаковъ, которые играли на бандурѣ, танцовали и пѣли, называли бандуристами. При Станиславѣ Августѣ вошло въ моду не только на Украинѣ и на Волыни, но и въ самой Варшавѣ, держать исправныхъ и разряженныхъ козаковъ-бандуристовъ для утѣхи гостей посредствомъ пѣнія и танцевъ. Впрочемъ, однообразіе того и другаго не всѣмъ приходилось по вкусу. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. II, 799).

[3]) Максимовича, Украинс. народн. пѣсни, 1849 г.

виду мнѣнія, давно высказаннаго, что „воинскія думы сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“ ¹). Дѣйствительно, по мѣрѣ успѣховъ козацкаго оружія въ борьбѣ съ поляками въ эпоху Богдана Хмельницкаго, думы становятся ближе къ текущей дѣйствительности, которая отражается въ нихъ со всѣми подробностями бытовой и воинской обстановки. Въ то же время онѣ стоятъ вполнѣ независимо отъ вліянія лирическихъ пѣсенъ соотвѣтствующаго содержанія, чего нельзя сказать о думахъ болѣе ранней эпохи. По всему видно, что творцы думъ сами были непосредственными свидѣтелями событій. Мы думаемъ, однако же, что типическія особенности думъ не могли выработаться и установиться на полѣ битвы, вдали отъ культурныхъ вліяній школы, поэтому иниціатива въ созданіи думъ всегда принадлежала „старцямъ“, изъ среды которыхъ съ теченіемъ времени выдѣлился особый типъ войсковыхъ кобзарей или бандуристовъ. Ютились эти бандуристы въ козацкихъ отрядахъ и знали о происшествіяхъ своего времени не по наслышкѣ. Это были постарѣвшіе воины-козаки, которые по старости и другимъ причинамъ не владѣли оружіемъ и входили въ составъ полковой „музыки“. Они развлекали своимъ искусствомъ козаковъ въ промежутки боевыхъ часовъ, а по окончаніи похода разносили славу о герояхъ по всей Украинѣ. При всеобщей заинтересованности ходомъ событій, непосредственнымъ участникомъ которыхъ былъ самъ народъ, думы, распѣваемыя бандуристами на ярмаркахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ, доставляли ему не только поэтическое наслажденіе, но и удовлетворяли потребностямъ политическаго знанія. Такъ же популярны были думы и въ средѣ козацкой старшины, въ составъ которой входило много людей *письме́нныхъ*, требовавшихъ отъ народной поэзіи книжной припрвы. Въ одной думѣ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что онѣ распѣвались предъ слу-

---

¹) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 193. Это давнее мнѣніе недавно было высказано и г. Фаминцынымъ, который, впрочемъ, не приводитъ въ пользу его никакихъ новыхъ соображеній и доказательствъ. (Домра и сродные ей музыкальные инструм. рус. народа, 145—157).

шателями изъ этого круга людей, которые называются „народными головами“ [1]). Здѣсь уже мы видимъ молодыхъ бандуристовъ, которые изучали думы для развлеченія „народныхъ головъ“. По свидѣтельству историка Новой Сѣчи, „почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца-торбаниста“ [2]). Мода на бандуристовъ въ XVIII в. отъ козацкой старшины перешла ко двору, а отсюда къ русскимъ вельможамъ [3]). Любопытны похожденія одного изъ этихъ рапсодовъ, который состоялъ сперва бандуристомъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Леонтьевѣ, а по смерти его отправился въ Сѣчь, гдѣ и „находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою“ и „получалъ одежду и деньги за играніе имъ на бандурѣ“. Изъ Сѣчи онъ перешелъ къ гайдамакамъ,—какъ зрячій, сторожилъ гайдамацкое добро и получалъ отъ нихъ свою долю добычи. Подлинная фамилія его была Рыхлѣевскій, по уличному Бандурка [4]). Коденскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на этихъ бандуристовъ, какъ на подстрекателей народнаго возстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни [5]).

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ мы видимъ бандуристовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: являются они то въ

[1]) Метлинс., Южнорус. народ. пѣсни, 441.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1846 г., 331.

[3]) Въ дневникѣ Н. Ханенко подъ 1732 годомъ упоминается бандуристъ бывшій при Петрѣ II (не названъ по имени). (См. Кіевская Старина, 1884 г., Сентябрь, Приложенія, 81). Подъ тѣмъ же годомъ упоминается какой-то другой дворцовый бандуристъ, Ермолай Санкевичъ. (Ibidem, Августъ, Приложенія, 71). При дворѣ Елисаветы Петровны состояли бандуристами слѣпецъ Григорій Михайловичъ Любистокъ. Въ 1742 году онъ женился, въ 1743 году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники. (См. Дневныя Записки Я. Марковича, 1859 г., ч. II, 182, 191). Оффиціальный титулъ этого бандуриста былъ такой: „Двора Ея Императорскаго Величества спѣвальной музыки тенористъ и россійскій дворянинъ Г. М. Л.“. Вообще въ дневникахъ XVIII вѣка довольно часто встрѣчаются лаконическія свѣдѣнія о бандуристахъ, которые за трудъ свой получали доброхотныя даянія. Даже въ началѣ XIX в. не прекратился среди малорусскаго дворянства обычай держать въ составѣ домашней прислуги козачковъ, которые съ инструментомъ въ рукахъ отлично танцовали, акомпанируя сами себѣ. (См. объ этомъ Записки доктора де-ля-Флиза, Русская Старина, 1892 г., Февраль, 345).

[4]) Кіевская Старина, 1886 г., Октябрь, 379—388.

[5]) Ibidem, 1882 г., Апрѣль, 164—165.

народѣ, то въ домахъ малорусской и великорусской знати. Изъ одного и того же инструмента они должны были извлекать разные звуки во вкусѣ своихъ слушателей, а это не могло, во всякомъ случаѣ, благопріятствовать самобытности поэтическаго вдохновенія. Да и вкусы эти въ козацкой старшинѣ были уже не тѣ, что прежде. Довольно поспѣшно превращалась она въ малороссійское шляхетство, которое гордилось славою предковъ только лишь въ расчетахъ на сословныя привиллегіи. Снова водворялись въ странѣ крѣпостные порядки, отъ которыхъ отбилась она въ эпоху Богдана Хмельницкаго, поэтому гармонія интересовъ крестьянскихъ и козацкихъ, которою проникнуты думы, давно уже исчезла. Послѣ Палія почти не было уже всенародныхъ героевъ, о которыхъ можно было бы сказать съ положительнымъ убѣжденіемъ, какъ это обыкновенно говорилось въ думахъ, что

«Слава ихъ не вмре, не поляже,
Буде вона славна помижъ козакамы,
Помижъ друззямы,
Помижъ рыцарямы,
Помижъ добрымы молодцямы» [1]).

Одни козаки превращались въ пановъ, другіе въ подданныхъ, друзья расходились въ разныя стороны, не стало рыцарей, не стало добрыхъ молодцевъ. Какъ же могло устоять противъ теченія поэтическое творчество думъ, которое изображало всѣхъ этихъ людей на высотѣ героическаго увлеченія всенароднымъ благомъ?

Таковъ былъ общій строй жизни въ Гетманщинѣ. На правой сторонѣ Днѣпра было еще хуже. Здѣсь по старой памяти къ сословнымъ угнетеніямъ присоединялись религіозныя. Не могло уже Запорожье серьезно помочь гайдамакамъ, какъ оно помогло когда-то Хмельницкому. Славное нѣкогда сѣчевое братство само доживало послѣдніе годы свои и уже давно не распоряжалось самостоятельно своими военными предпріятіями. Въ 1775 году оно пало, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась въ прахъ послѣдняя опора козачества. Отъ старой Сѣчи остались только

[1]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 47.

скорбныя пѣсни о разореніи ея, а не думы о рыцаряхъ войска запорожскаго. А между тѣмъ, въ польской Украинѣ было совсѣмъ не до думъ. Тамъ происходила нѣкоторымъ образомъ агонія польскаго государства, которое въ послѣднія минуты своего существованія представляло патологическую картину поздняго героизма, смѣшаннаго съ старою болѣзнію нетерпимости и ожесточенія противъ народа, котораго въ свое время оно не умѣло понять и оцѣнить. Съ народомъ этимъ сводились старые счеты, вызвавшіе уманскую бойню, за которою въ видѣ возмездія послѣдовала еще болѣе ужасная, продолжительная и хладнокровно обдуманная коденская бойня. Не угасло и въ это тяжелое время поэтическое творчество народа, но оно выразилось не въ думахъ, а въ пѣсняхъ. Быстрый натискъ кровавыхъ событій, повидимому, поставилъ пѣвцевъ въ необходимость воспользоваться болѣе подвижной формой поэзіи, чѣмъ думы. Да и въ сознаніи самихъ гайдамаковъ помутились уже старые идеалы козачества, поэтому и дѣянія ихъ не могли быть воспроизведены въ думахъ съ обычнымъ окончаніемъ ихъ—прославленіемъ героевъ. Вдали передъ собою народъ не видѣлъ свѣтлаго будущаго, а отъ ужасовъ настоящаго онъ уходилъ вмѣстѣ съ своими бандуристами въ гетманщину, гдѣ думы и нашли послѣднее свое успокоеніе. Здѣсь, въ средѣ сельскаго люда, особенно въ средѣ незакрѣпощенныхъ еще козаковъ, сидѣвшихъ на своемъ грунтѣ, а также въ средѣ мелкаго хуторскаго панства, не утратившаго симпатій къ народу, сохранились еще привычки мысли и чувства къ поэтическимъ преданіямъ козацкой старины, воспѣтой въ думахъ. Привычки эти въ теченіе XVIII вѣка поддерживались старинными учрежденіями въ родѣ сельскихъ школъ и шпиталей съ ихъ обычной обстановкой, съ мандрованными дьяками и странствующими школярами. Подъ сѣнію этой старины и пріютились пѣвцы народныхъ думъ. Но это было уже новое поколѣніе пѣвцевъ, которые называли себя не бандуристами, а кобзарями. Такъ, вѣроятно, назывались и старинные бандуристы въ средѣ посполъства, ибо кобза въ старину была инструментомъ болѣе простонароднымъ, чѣмъ бандура. Съ паденіемъ козачества на трех-

струнную кобзу было перенесено представленіе о многострунной бандурѣ,—кобза же въ смыслѣ трехструннаго инструмента совсѣмъ вышла изъ употребленія. Въ связи съ этимъ смѣшеніемъ инструментовъ находится и смѣшеніе понятій о самой думѣ. Названіе этого рода поэзіи думой кой-гдѣ уцѣлѣло почти до нашихъ дней [1]), но большею частью сами кобзари называютъ думы или *псальмами* [2]), или же *пѣснями про старовину* [3]). По всей вѣроятности, въ то давнее время, когда писалъ свои Анналы Сарницкій, слово *дума*, сохраняя свое старинное значеніе, въ какомъ оно и донынѣ употребляется въ Галиціи, начало уже служить для названія пѣсенъ особаго рода, именно пѣсенъ вольнаго размѣра, исполняемыхъ подъ звуки бандуры или кобзы. Нельзя, конечно, допускать для тѣхъ отдаленныхъ временъ строгой классификаціи родовъ и видовъ въ области народной поэзіи: дума, называясь думой, въ то же время была и пѣсней, поэтому и тогда было уже возможно смѣшеніе этихъ понятій. Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ дума, не подновляемая новымъ приливомъ поэтическаго творчества, начала опускаться изъ козацкой среды въ простонародную, самое слово *дума* начало выходить изъ употребленія между пѣвцами думъ. Въ Галиціи оно сохранилось въ своемъ древнемъ южнорусскомъ значеніи, потому что *галицкая дума* не претерпѣвала тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалась *украинская дума* въ теченіе измѣнчивыхъ судебъ козацкой жизни. Зато въ Галиціи нѣтъ и думъ въ украинскомъ смыслѣ этого слова, ибо дума есть произведеніе по преимуществу козацкое, а козачество въ Галиціи никогда не процвѣтало.

Настало новое время. Надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ этихъ интересовъ онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтрешнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 28.

[2]) Историчес. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, Предисловіе, XV.

[3]) Записки юго-запад. отдѣла географичес. общества, II, 113.

ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца. „Теперъ молоди́ все позабувалы, жалуются кобзари, старыхъ писень не слухають: ему спивай про старовыну, а винъ и не знае, що воно таке е“ [1]). Мало того. Архаическая фразеологія думъ послужила матеріаломъ для одной юмористической пѣсни, которая есть ничто иное, какъ пародія на думы. Вотъ эта пѣсня:

«На сынёму мори,
Пидъ прыпичкомъ доли,
Да тамъ куца собака обметыцю ила:
Де не взялася съ помыйныци супротывна хвыля,
Тому куцому собаци хвистъ одкрутыла,
А я сыльне злякався,
На темни лугà,
На густи лисà,
На дыки степà,
На пичъ у куточокъ сховався,
Черезъ коминъ поглядаю,
Тамъ вареныкы-невильныкы въ сметани потопають,
А я на ныхъ велыке мылосердіе маю,
Въ бездонный глечыкъ скыдаю» [2]).

Такъ изъ вѣка въ вѣкъ однѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи. Но, если народъ, создающій тѣ и другія, способенъ къ самоанализу, хотя бы въ видѣ безпощадной ироніи надъ своими собственными произведеніями, то мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что онъ подлежитъ не столько стихійному насилію слѣпой эволюціи, сколько разумному и жизнеупорному закону человѣческаго прогресса.

П. Житецкій.

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 5.

[2]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 1170.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Между тѣмъ подготовленіе къ революціонному движенію шло своимъ чередомъ. Мѣсто исправника Аренса занялъ старичекъ съ удушіемъ П—овскій, хотя и православный, но совершенно ополяченный; онъ состоялъ въ полнѣйшемъ распоряженіи пановъ и на всѣ ихъ затѣи смотрѣлъ сквозь пальцы. Вскорѣ П—овскій совершилъ въ угоду богатому пану, за деньги конечно, вопіющее дѣло и по Высочайшему повелѣнію былъ отрѣшенъ отъ должности навсегда. Вотъ это дѣло. Было два родныхъ брата, богатыхъ помѣщика; фамиліи ихъ не помню. Одинъ изъ нихъ былъ холостякъ-старикъ, другой семейный человѣкъ. Сынъ послѣдняго служилъ въ гвардіи и былъ любимцемъ холостяка дяди, который объявилъ брату, что все его имѣніе онъ оставляетъ своему любимцу. Пріѣхалъ какъ-то изъ Петербурга этотъ любимчикъ въ отпускъ. Это было незадолго до смерти дяди. Дядя пригласилъ всѣхъ своихъ крестьянъ на молебствіе въ церковь; присутствовалъ и самъ въ церкви съ племянникомъ. Послѣ молебствія, при священнослужителяхъ, объявилъ своимъ крѣпостнымъ, что послѣ его смерти племянникъ наслѣдуетъ все, что онъ имѣетъ. Вотъ вашъ будущій панъ! Его одного слушайтесь. Никто другой до васъ права не имѣетъ. Никому не подчиняйтесь, кромѣ вотъ этого вашего будущаго пана. Крестьяне поклялись слушаться и повиноваться только одному племяннику и болѣе никому. Послѣ этого племянникъ

[1)] Кіевск. Стар. 1892 г. № 9.

богато угощалъ всѣхъ своихъ будущихъ крѣпостныхъ. Стараго холостяка крестьяне любили, любили и его племянника. Со стороны пана имъ не дѣлалось никакихъ ни обидъ, ни притѣсненій. Брата же его они не любили. Онъ отличался звѣрскимъ обхожденіемъ съ крѣпостными, которые у него всѣ были въ загонѣ и не отличались зажиточностью. Умеръ холостякъ. Сейчасъ послѣ его смерти пріѣхалъ его племянникъ-наслѣдникъ и собралъ народъ. Отслужилъ по покойномъ въ церкви панихиду и устроилъ богатыя поминки. Онъ объявилъ крестьянамъ, что онъ одинъ ихъ настоящій панъ, и что они должны слушаться только его и его управляющаго. Управляющимъ онъ оставилъ прежняго, служившаго много лѣтъ его дядѣ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ на службу. Между тѣмъ завѣщанія покойнаго не нашли; его покойный или не успѣлъ составить, или составленное украли. Основываясь на этомъ, братъ покойнаго, а отецъ настоящаго владѣльца послалъ своего управляющаго въ имѣніе брата съ приказаніемъ принять все дѣлопроизводство и инвентарь отъ мѣстнаго управляющаго и объявить крестьянамъ, что они поступаютъ въ его подданство. Крестьяне прогнали этого управляющаго. По требованію пана явился П—овскій съ предводителемъ дворянства и сталъ требовать, чтобы крестьяне подчинились не объявленному покойнымъ пану, его племяннику, а брату покойнаго. П—овскій, видя сопротивленіе крестьянъ, хотѣлъ было устрашить ихъ розгами. Но они не позволили себя сѣчь, а посовѣтовали ему убираться. П—овскій донесъ губернатору Друцкому-Соколинскому о бунтѣ крестьянъ и требовалъ военной команды. Двинутъ былъ баталіонъ. Экзекуція прошла по всѣмъ селеніямъ и деревнямъ покойнаго. Покойный Государь, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, былъ возмущенъ продажностью П—овскаго. Произведено было слѣдствіе, и виновные лишились мѣстъ.

На мѣсто Петре городничимъ былъ назначенъ тоже русскій, но уже ополяченный, имѣвшій нѣсколько дочерей невѣстъ, болѣе употреблявшихъ польскій, чѣмъ русскій языкъ. Я сказалъ уже, что полиція, даже изъ русскихъ, смотрѣла сквозь пальцы на приготовленія поляковъ. Предпологалось до воору

женнаго возстанія производить манифестаціи, а для этого пригоднѣе всего были женщины и дѣти, съ которыми, не роняя себя въ глазахъ Европы, правительство не могло обойтись серіозно, какъ съ полноправными гражданами. Манифестаціи были необходимы для возбужденія вниманія Европы, для запугиванья правительства и для возбужденія въ полякахъ патріотическаго духа. Не знаю, что дѣлала вначалѣ демократическая польская партія, да и дѣлала ли она что нибудь; но сколько я могъ замѣтить, въ Ровнѣ вначалѣ вся интрига сосредоточивалась въ рукахъ магнатовъ и духовенства, и изъ ихъ среды исходили всѣ распоряженія. Можетъ быть, и демократы были посвящены въ интригу; но по предначертанному аристократіею плану, время употребить въ дѣло демократію еще не приспѣло. Ввиду всего этого обращено было особенное вниманіе на учебныя заведенія. Начали опредѣлять по интригамъ и рекомендаціямъ пановъ въ начальники заведеній лицъ, хотя и русскаго происхожденія, но или ополячившихся, или ради корысти отдавшихъ себя вполнѣ въ руки пановъ. Русскіе учителя стали переводиться за Днѣпръ, а ихъ мѣста занимали или поляки, или другіе иновѣрцы. Даже стариковъ-капелановъ, на энергію и способности которыхъ мало было разсчета, замѣняли ксендзами, исключительно подготовленными въ послѣднее время къ интригѣ, молодыми, изящными, ловкими, умѣвшими пускать пыль въ глаза даже русскимъ патріотамъ. Капеланъ ровенской гимназіи, преподававшій въ ней десятки лѣтъ, получилъ приходъ. Онъ былъ обремененъ семьею племянниковъ и племянницъ; жилъ весьма скромно; привыкъ въ прежнее время всего остерегаться; о политикѣ боялся проронить лишнее слово, словомъ—отвыкъ отъ интриги и не былъ въ состояніи рисковать собою и семьею. Его мѣсто занялъ племянникъ епископа—ксендзъ Тв—скій, молодой элегантный, энергическій ксендзъ. Для него вдругъ возникла на гимназическомъ дворѣ каплица, при содѣйствіи, разумѣется, Т—нова. При его же содѣйствіи въ гимназіи стали водворяться на учительскихъ мѣстахъ одинъ за другимъ поляки. Подъ видомъ уроковъ молодой княжнѣ, они стали посѣщать князя Любомирскаго, гдѣ познакомились со всѣми

окрестными польскими магнатами. Потребовалось имѣть удобное мѣсто для заготовленія фуража, аммуниціи и оружія для повстанцевъ. И вотъ Т—новъ секретно, никому не говоря ни слова, начинаетъ ходатайствовать о возвращеніи изъ учебнаго вѣдомства обратно Любомирскимъ стараго палаца, въ которомъ имѣло нѣсколько учительскихъ семействъ даровыя квартиры. Ходатайство онъ подкрѣпляетъ указаніемъ на то, что черезъ годъ или два палацъ обратится въ груду муссора; что изъ него нельзя сдѣлать никакого употребленія, что въ немъ никто не живетъ, что онъ никогда не ремонтировался за неимѣніемъ средствъ; что теперь и невозможно ни за какія суммы его ремонтировать; развѣ на его мѣстѣ возводить новое зданіе, въ которомъ гимназія не имѣетъ никакой нужды, и что напрасно уплачиваются изъ гимназическихъ средствъ деньги сторожу. Сторожа, впрочемъ, никогда не было, а учителя сами ремонтировали на свой счетъ свои квартиры. Попортилась въ зданіи главнымъ образомъ только крыша, и въ необитаемыхъ залахъ потолки отъ течи. Все это легко было за небольшія деньги привести въ порядокъ. Зданіе же отличалось вѣковой прочностью и стоило сотни тысячъ. Для Любомирскихъ, представлялъ Т—новъ, оно имѣетъ громадное значеніе, какъ историческій родовой памятникъ, и они не откажутся принять его обратно. Любомирскіе съ своей стороны стали ходатайствовать. Зданіе разрѣшено отдать Любомирскимъ [1]). Любомирскій предложилъ семейнымъ учителямъ зимою въ три дня очистить зданіе, а послѣ трехъ дней прислалъ псарню съ псарями—и шумомъ, трубами и лаемъ собакъ приказалъ выжить учителей поскорѣе. Учителя были въ затруднительномъ положеніи. Осенью на свой счетъ они ремонтировали свои квартиры, поиздержались, а теперь вдругъ, не имѣя денегъ, въ холодъ, когда всѣ квартиры въ городѣ уже наняты, имъ пришлось въ три дорога платить за самыя мизерныя помѣщенія на окраинахъ города, далеко отъ

---

[1]) По этому поводу мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ то наше замѣчаніе, которое было помѣщено еще раньше, а именно: авторъ записокъ всюду готовъ видѣть результаты польской интриги, а потому многіе изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ требуютъ большой провѣрки.—Ред.

гимназіи. Учитель Солтановскій [1]) все это разъяснилъ въ письмѣ къ попечителю Пирогову. Письмо онъ писалъ не даромъ. Пироговъ приказалъ изъ экономической суммы отпустить Солтановскому 150 рублей. Уступленный Любомирскимъ ихъ старый палацъ цѣненъ былъ для нихъ не какъ историческій памятникъ ихъ рода, а какъ мѣсто уединенное на острову, куда прямо черезъ прудъ ночью съ поля можно было переправлять повстанскія принадлежности. Хранить ихъ тоже было удобно въ обширныхъ подземельяхъ палаца. Крупные помѣщики хватались за малѣйшій случай, чтобы собраться вмѣстѣ, не возбуждая вниманія своихъ крестьянъ, и потолковать о готовящемся дѣлѣ. Свадьбы, похороны, особенно охоты и карнавальные балы собирали во-едино пановъ не только югозападнаго края, но и сѣверо-западнаго. Являлись даже магнаты изъ царства польскаго и Галиціи. Съѣзды продолжались иногда по двѣ и три недѣли. Полиція ничего не видѣла или не хотѣла видѣть. Проѣздъ артиста скрипача К—скаго черезъ Житоміръ и Ровно въ Варшаву, гдѣ готовилось открытіе основанной имъ консерваторіи, собралъ массу магнатовъ въ Ровно. Они жили въ Ровно около мѣсяца и ежедневно собирались по вечерамъ у князя Любомирскаго. Въ зданіи гимназіи К—скій далъ три концерта въ теченіе двухъ недѣль. Четвертый концертъ онъ игралъ безплатно для учителей и учениковъ гимназіи. На этомъ концертѣ присутствовало всего десятка два магнатовъ, исключительно меломановъ. Съѣздъ пановъ заключился въ гимназическомъ залѣ лоттерееею-алегри и баломъ. Ничтожныя выигранныя вещицы опять разыгрывались аукціоннымъ способомъ и за каждую платили бѣшенныя деньги. Аукціонъ производили дамы и дѣвицы. Для какой цѣли собирались деньги—не извѣстно. Т—новъ изъ кожи лѣзъ, что бы продать болѣе билетовъ. Вскорѣ стали ходить слухи, будто то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ крестьяне оказываютъ неповиновеніе панамъ; это были простыя недоразумѣнія, съ умысломъ вызываемыя панами. Недоразумѣнія эти, при содѣйствіи полиціи,

---

[1]) Очевидно, записки писаны съ перерывами, т. к. въ началѣ онѣ ведутся отъ лица автора, а теперь онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ—Ред.

принимали въ глазахъ правительства видъ бунтовъ. Посылались военныя команды и производились безпощадныя сѣченія. Панамъ этого только и нужно было. Они разсчитывали, что обижаемые, истязуемые крестьяне возненавидятъ мучителей своихъ—правительство, и что ихъ легко будетъ склонить къ поддержкѣ повстанія. Выдумали въ то же время какую то хлопоманію. Молодежь стала наряжаться въ мужицкіе костюмы. Дѣлали это большею частью поляки, особенно кіевскіе студенты, но въ то же время распускали слухи, что хлопоманы—малороссы, и ихъ агенты мутятъ противъ пановъ крестьянъ, мечтая о самостоятельномъ существованіи Малороссіи. Пани и паненки въ то же время пытались по деревнямъ и селеньямъ основывать школки, въ которыхъ сами обучали дѣтей на польскомъ языкѣ. Въ школу обязательно должны были дворовые люди посылать своихъ дѣтей. Другія же дѣти привлекались подарками. Евреи по накладнымъ на соду и другія аптечныя принадлежности провозили въ указанныя мѣста партіи боеваго пороха. Они же провозили свинецъ, оружіе и даже небольшія пушки. Съ давнихъ временъ, еще отъ перваго возстанія, у пановъ осталось много чугунныхъ пушекъ и маленькихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ стрѣляли во время пиршествъ, такъ называемыхъ *виватовыхъ*. Все это разыскивалось, выкапывалось иногда изъ земли, гдѣ лежало съ 1731 года, и приводилось въ порядокъ. Все это дѣлалось таинственно по ночамъ, чтобы не подсмотрѣли хлопы. Кто готовился къ дѣятельному участію въ возстаніи, тотъ переводилъ законнымъ порядкомъ свое недвижимое имѣніе на свою жену или родственниковъ. Словомъ, вездѣ работа, вездѣ были приготовленія къ возстанію. Между поляками учителями выдающуюся роль игралъ учитель польскаго языка и литературы, человѣкъ молодой и энергичный, но не возбуждавшій никакой симпатіи. Онъ дѣйствовалъ весьма рѣзко, уповая на князя Любомирскаго и его делегата въ гимназіи, директора Т—ова. Съ разрѣшенія послѣдняго онъ учредилъ въ своей квартирѣ литературные вечера для учениковъ трехъ высшихъ классовъ. Вечера эти происходили ежедневно и обратились въ настоящую политическую сходку. Вечерами руководилъ этотъ учитель, а также капеланъ Т. Другіе поляки учителя на нихъ не являлись. На вечерахъ прочитыва-

лись запрещенныя сочиненія, пѣлись патріотическіе гимны, сообщались политическія новости, и наконецъ изъ болѣе энергическихъ и толковыхъ учениковъ учреждено было общество для производства манифестацій, битья оконъ, срыванья русскихъ гербовъ и проч., а также установлена была своя полиція, долженствовавшая слѣдить за всѣми учениками и учителями гимназіи и распоряжаться во время манифестацій. Другая часть этой полиціи должна была слѣдить за всѣми городскими жителями и собирать въ польскихъ домахъ и костелѣ офіару на возстаніе. Наконецъ разнесся слухъ, что на одномъ изъ вечеровъ всѣ эти лица принесли присягу: клялись крестомъ и мечемъ положить всѣ свои способности и жизнь на алтарь отечества и до тѣхъ поръ не переставать, пока оно не освободится отъ власти москаля; клялись слѣпо повиноваться велѣніямъ своего ржонда и, если нужно будетъ, отравлять и убивать всякаго, кого ржондъ приговоритъ къ смерти. Въ случаѣ неповиновенія или измѣны, они обрекали себя отлученію отъ католической церкви, вѣчному проклятію и смерти, достойной измѣнника. Присягу каждый приносилъ съ веревкою на шеѣ, въ знакъ того, что нарушеніемъ присяги обрекаетъ себя на смерть черезъ веревку. Такіе же вечера, только не литературные, а карточные, почти ежедневно имѣли мѣсто въ одномъ частномъ домѣ. Туда собирались поляки чиновники и вся окрестная польская шляхта. Рядомъ съ зажиточнымъ помѣщикомъ, на этихъ вечерахъ являлись: управляющіе, экономы, кассиры и всякіе помѣщичьи писаря и даже охотники. Такимъ образомъ имѣлось въ Ровно три политическихъ центра. Одинъ для высшей знати; другой для чиновниковъ и шляхты; третій у учителя польскаго языка и литературы—для юношества. Дамы группировались отдѣльно; онѣ приготовляли корпію, знамена и расшивали украшеніями конфедератки для вождей банды. Собирались пожертвованія по домамъ подъ разными предлогами, а въ праздники въ костелахъ. Жертвовались не только деньги, но и дорогія женскія украшенія. Кромѣ того, дамы по частямъ взялись вышить для гимназической каплицы огромнѣйшій коверъ, который долженъ былъ украсить каплицу въ день первой побѣды надъ москалемъ. Съ русскими поляки продол-

жали любезничать, но устранялись отъ посѣщенія русскихъ и у себя ихъ не принимали.

Для сформированія нерусскаго большинства въ педагогическомъ совѣтѣ начались частыя перемѣщенія учителей. Одни выбывали, другіе прибывали и затѣмъ опять выбывали. Вмѣсто нѣмцевъ, правда не въ мѣру пившихъ, плохо обучавшихъ и служившихъ потѣхою для учениковъ, стали появляться нѣмцы трезвые, строгіе къ ученикамъ, не позволявшіе съ собою шутокъ; но успѣхи у нихъ тоже оказывались посредственными. Первые были совершенно преданы правительству, хотя преданность эта проявлялась иногда безтактно; дружелюбно относились къ русскимъ и ко всему русскому. Послѣдніе считали себя наемниками русскаго правительства, считали его неразумнымъ, деспотическимъ; презирали русскихъ и все русское считали варварскимъ; сочувствовали стремленію поляковъ сбросить съ себя московскія оковы.

Одинъ изъ этихъ прежнихъ нѣмцевъ, Б-нъ, кутилъ иногда продолжительное время, кутилъ до чертиковъ, валялся пьянымъ по рвамъ, или въ одномъ бѣльѣ, въ трескучій морозъ и вьюгу пробирался домой изъ загородныхъ шинковъ. Это былъ добрякъ и хорошій товарищъ. Ученики его любили, но позволяли себѣ съ нимъ всевозможныя штуки, и каждый день измышляли надъ нимъ какія-нибудь пакости. Онъ, будучи надзирателемъ въ общихъ квартирахъ, требовалъ, чтобы ученики, по первому колокольчику въ 5 часовъ утра, поднимались съ постелей, для чего въ общей спальнѣ противъ своей кровати приказалъ поставить шкафъ съ часами. Часы отличались громкимъ боемъ. Бой часовъ поднималъ его, а онъ учениковъ. Ученики подобрали ключъ къ шкафу, и одинъ изъ нихъ прятался въ шкафъ до прихода Б—на въ спальню. Едва Б—нъ засыпалъ и начиналъ храпѣть, какъ часы били пять. Онъ вскакивалъ, поднималъ учениковъ; но затѣмъ, удостовѣрившись, что стрѣлка показываетъ не пять, а одиннадцать, опять ложился, а ученики увѣряли его, что ему приснился бой пяти часовъ. Каждую ночь эта шутка

повторялась по нѣсколько разъ. Б-нъ, при своей полнотѣ, просто изнемогалъ отъ частаго перерыва сна. Шалуны торжествовали, увѣряя его, что онъ своими галюцинаціями ихъ замучитъ. Наконецъ достигли того, что Б—нъ и тогда не поднимался съ кровати, когда дѣйствительно било пять часовъ, и ждалъ прихода лакея съ колокольчикомъ. Иногда тушили ночникъ въ общей спальнѣ и въ корридорѣ, протягивали между кроватями веревки, а въ противоположномъ отъ кровати Б—на концѣ раздавался раздирающій душу крикъ: „Господинъ учитель, спасите! меня душатъ!“ Съ просонокъ Б—нъ бросался на крикъ и падалъ, дѣлалъ скачокъ далѣе—и опять падалъ. Между тѣмъ въ спальнѣ поднимался страшный шумъ отъ летавшихъ во всѣ стороны подушекъ. Наконецъ подушками заваливали Б—на. Онъ самъ начиналъ звать на помощь и требовать огня. Пока лакей, бывшій въ заговорѣ съ учениками, являлся съ огнемъ, ученики успѣвали разобрать подушки, улечься и притворялись спящими. Б-нъ начиналъ браниться, обзывая учениковъ мятежниками, повстанцами. Они протестовали, что онъ не даетъ имъ спать, мучимый галюцинаціями. Послѣ ужина и молитвы въ первомъ этажѣ, ученики отправлялись во второй этажъ въ спальню, а Б—нъ заходилъ въ надзирательскую комнату на первомъ этажѣ—покурить. Однажды онъ слышитъ на второмъ этажѣ раздирающіе душу крики: пожаръ! горимъ! кто въ Бога вѣруетъ, спасайте! Не помня себя, Б—нъ взбѣгаетъ на второй этажъ и видитъ, что входная въ спальню дверь вся въ огнѣ, а въ спальнѣ крики о спасеніи. Б—нъ впередъ и со всего бѣгу, зацѣпившись за протянутую поперекъ корридора веревку, растягивается во всю длину, поднимается, скачокъ впередъ—и опять растягивается. И такъ почти черезъ весь корридоръ. Вдругъ пламя исчезаетъ моментально, затихаютъ вопли и настаетъ темнота и тишина. На крикъ Б. являются лакеи, приносятъ огонь. Дверь оказывается въ порядкѣ, всѣ ученики спятъ на своихъ кроватяхъ, только пахнетъ немного дымомъ. Ученики старались увѣрить его, что это одна изъ его галюцинацій, а дымъ былъ слышенъ отъ потухшихъ ночниковъ. Однажды Б. въ праздничный день повелъ учениковъ на прогулку за городъ. Вечеръ

случился великолѣпный и ученики упрашивали Б. подолѣе погулять. Когда совсѣмъ стемнѣло, все отдѣленіе прошло прямо съ прогулки въ столовую, а затѣмъ, помолившись, въ спальню. Б. былъ при ученикахъ безотлучно. Когда всѣ улеглись, онъ опустился внизъ въ свою комнату покурить. Комнату онъ запиралъ на ключъ, который хранился у него въ карманѣ. Вынувъ теперь ключъ изъ кармана и отперши комнату, онъ смѣло шагнулъ въ темнотѣ впередъ, но вдругъ, о ужасъ! онъ наткнулся на какую-то живую, мохнатую громадину, лизнувшую его по лицу. Б—нъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и съ перепугу почти безъ чувствъ упалъ на землю. Оказалось, что во время прогулки, когда стемнѣло, нѣсколько шалуновъ отлучились въ общую квартиру, поймали издыхавшую старую, престарую клячу Черчицкого, которая и день, и ночь, зимою и лѣтомъ, сама промышляла себѣ кормъ на берегу пруда, и, при помощи подобраннаго ключа отперши дверь, помѣстили ее въ надзирательскую комнату, а сами благополучно присоединились къ гуляющимъ. Ученики старались увѣрить Б—на, что это чертъ обратился въ клячу Черчицкаго, такъ какъ живая кляча никакъ не могла пробраться въ запертую комнату; жаль, что найденную клячу выпустили, нужно было окропить ее святою водою, и нѣтъ сомнѣнія, что она обратилась бы въ кусочекъ смолы. Послѣ этой исторіи Б—нъ отказался отъ надзирательства.

Изъ вновь присланныхъ нѣмцевъ отмѣчу раньше всего Д—са; его считали всѣ страннымъ, полуумнымъ, почти сумасшедшимъ; но въ сущности, это былъ высокообразованный человѣкъ и истинный христіанинъ. Онъ служилъ въ Кіевѣ въ подольскомъ училищѣ. Во время холеры какой-то мальчикъ мгновенно заболѣлъ на улицѣ. Всѣ отъ него бѣжали. Проходившій Д—съ, взваливъ его себѣ на плечи, принесъ къ себѣ на квартиру и оказалъ ему первое медицинское пособіе. Затѣмъ привелъ доктора, день и ночь возился съ больнымъ, растирая его и поя лекарствами, и такимъ образомъ спасъ его отъ смерти, рискуя заразиться отъ него. Мальчикъ былъ изъ бѣднаго класса. Д—съ не только на свой счетъ его лѣчилъ, но, когда мальчикъ выздоровѣлъ, одѣлъ его въ новое бѣлье и платье и далъ ему на улучшеніе пищи

послѣднихъ нѣсколько рублей. Въ Ровно жила старушка Адлеръ, швейцарка. Она была прежде гувернанткой, но отъ старости потеряла зрѣніе; жила въ какой-то коморкѣ, питаясь подаяніемъ. Д-съ, разыскавъ ее, кормилъ и одѣвалъ на свой счетъ и, когда она заболѣла тифомъ, по цѣлымъ ночамъ ее караулилъ. Послѣ смерти похоронилъ ее на свой счетъ. Онъ самъ лѣто и зиму ходилъ въ одной и той же одеждѣ, потертомъ вицмундирѣ и такомъ же пальтишкѣ. Питался, чѣмъ Богъ посылалъ: иногда хлѣбъ, соль и рѣдька составляли всю его пищу. Только изрѣдка онъ разрѣшалъ себѣ лакомиться кофе и тарелкой супу. Желая небольшими средствами своими помогать бѣднымъ, онъ поселился въ сарайчикѣ, въ холодной безъ печки коморкѣ, у бѣдной вдовы Лавровской, содержавшей на квартирѣ учениковъ. Желая къ ней привлечь поболѣе учениковъ на квартиру, онъ безвозмездно занимался съ ними репетиціями и сверхъ того училъ малолѣтнихъ дѣтей вдовы. Вдова эта была полька. Но для Д—са всѣ люди были равны. Да, это былъ истинный христіанинъ, какого мнѣ не случалось болѣе встрѣчать во всю мою жизнь ни между мірянами, ни между духовенствомъ.

Другой нѣмецъ Р—нъ зналъ отлично древніе языки и былъ суровъ и строгъ съ учениками. Они его сильно боялись. Отличительной чертой его характера было то, что онъ не вѣрилъ ни во что сверхъ-естественное; но нашлась бѣдная вдова полька, крѣпкона нѣкоторое время поколебавшая его невѣріе. Онъ поселился въ двухъ большихъ комнатахъ на второмъ этажѣ стараго палаца. Ходъ былъ изъ боковаго крытаго подъѣзда по витой лѣстницѣ въ его переднюю. Въ комнаткѣ около лѣстницы внизу жила бѣдная молодая вдова полька, которая пекла вкусные пироги съ мясомъ, продавала ихъ гимназистамъ и на барыши содержала и себя, и дѣтей. Квартиру ей дали даромъ. Изъ ея кухни часто угаръ поднимался по лѣстницѣ вверхъ. Р—ну это не понравилось, и онъ приказалъ вдовѣ убираться съ дѣтьми вонъ. У Р—на служилъ лакеемъ мальчуганъ католикъ лѣтъ 15-ти. Онъ у себя надъ кроватью навѣшалъ въ передней массу изображеній святыхъ. Барину это не понравилось, и онъ приказалъ мальчику убрать картины вонъ, а когда послѣдній не исполнилъ его приказанія,

изорвалъ въ кусочки всѣ эти изображенія. Мальчикъ пожаловался вдовѣ. Ловкая женщина задумала наказать Р—на и за себя, и за его невѣріе. У учителя рисованія, жившаго въ томъ же палацѣ на первомъ этажѣ, былъ ученикъ лѣтъ 20-ти, который приволакивался за молодою вдовою. Они-то втроемъ—вдова, мальчикъ Р—на и ученикъ—сыграли злую шутку съ Р—номъ, чуть не вогнавшую его въ болѣзнь и сдѣлавшую его предметомъ насмѣшекъ, такъ что онъ поторопился поскорѣе убраться изъ Ровно. Однажды Р—нъ, ночью возвратившись домой и взобравшись по винтовой лѣстницѣ на второй этажъ, стучитъ въ дверь передней и зоветъ мальчика. Послѣдній окликаетъ его и отвѣчаетъ, что баринъ давно воротился домой, и онъ никого болѣе ночью онъ не впуститъ въ квартиру. Р—нъ бѣсится, кричитъ, стучитъ, грозитъ, что завтра же прогонитъ мальчика и изобьетъ его до смерти. Мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ пойдетъ и разбудитъ барина: „пусть баринъ дѣлаетъ, какъ знаетъ", прибавляетъ онъ. Р—нъ слышитъ, что мальчикъ съ огнемъ отправляется въ его комнаты, слышитъ, какъ онъ торопливо возвращается назадъ, торопливо отворяетъ двери и съ крикомъ: ахъ баринъ, несчастье! падаетъ на землю въ обморокѣ. Р—нъ не понимаетъ въ чемъ дѣло, вспрыскиваетъ мальчика водой, толкаетъ, уговариваетъ не пугаться, всмотрѣться, что это онъ, его баринъ. Мальчикъ приходитъ въ себя и, боязливо озираясь, разсказываетъ, что часа два назадъ онъ услышалъ стукъ въ дверь и затѣмъ голосъ барина—отворяй! это я! Зажегши свѣчу, онъ отперъ. Баринъ вошелъ, выпилъ стаканъ воды, переодѣлся въ халатъ, съ полчаса гулялъ по комнатамъ, затѣмъ приказалъ снять съ себя сапоги, легъ въ кровать, закурилъ сигару и отослалъ его спать. А теперь, вы, баринъ, не выходивши, опять стучитесь и приказываете отворить! я побѣжалъ въ спальню, въ полной увѣренности, что Вы спите, съ цѣлью разбудить Васъ и доложить, что кто-то ломится въ дверь и вашимъ голосомъ, называя себя бариномъ, приказываетъ отворить. Я васъ въ кровати не нашелъ. Постель была смята, книга раскрыта, свѣча подлѣ кровати. Я страшно испугался, я не могъ понять, какъ вы вышли, и кто за вами заперъ дверь. Р—нъ выбранилъ мальчика за глупый

его разсказъ, сказавъ, что ему приспилось возвращеніе барина, и что онъ дуракъ самъ измялъ ему кровать и возился съ его книгою. Ночь прошла благополучно. Но разсказъ мальчика произвелъ на Р—на впечатлѣніе, хотя онъ не вѣрилъ въ существованіе какихъ нибудь духовъ. Р—нъ болѣе для успокоенія мальчика рѣшился слѣдующій вечеръ провести дома. Часовъ въ 12 ночи, когда Р—нъ готовился уже тушить свѣчу, вскакиваетъ въ спальную блѣдный, испуганный мальчикъ съ крикомъ: ой, баринъ! вы опять ломитесь въ двери и приказываете отворить. Р—нъ вскакиваетъ, бѣжитъ въ переднюю и слышитъ грубый, мужской голосъ, съ нѣмецкимъ выговоромъ, повторяющій слово въ слово приказанія, какими Р—нъ имѣлъ обыкновеніе будить и поднимать на ноги мальчика. „Что же ты, болванъ, не узналъ меня, своего барина!" кричитъ голосъ: „отворяй сей же часъ, а то завтра я тебя выгоню вонъ и исколочу на мясо!" Р—нъ крикнулъ, что онъ самъ дома, и никого назнакомаго въ квартиру свою ночью не пуститъ, а если силою будетъ ломаться, то онъ, Р—нъ выстрѣлитъ въ него изъ пистолета. А пистолета то у Р—на не было никакого. Послѣ этой угрозы все затихло, и онъ слышалъ, какъ очень тяжелые шаги опускались внизъ по лѣстницѣ. Р—нъ не ложился всю ночь, боясь какого нибудь нападенія и полагая, что это непремѣнно воръ. На другой-же день у полковаго командира Р—нъ занялъ пистолетъ. Когда на слѣдующую ночь повторилась та же исторія, Р—нъ приказалъ мальчику быстро отворить дверь и освѣтить выходъ и лѣстницу. Выскочивъ самъ съ пистолетомъ, но никого не замѣчая на лѣстницѣ, которая оканчивалась въ открытомъ люкѣ чердака, для острастки выстрѣлилъ на воздухъ. Все затихло. Р—нъ, въ полной увѣренности, что послѣ выстрѣла его уже никто не осмѣлится безпокоить, раздѣлся, легъ въ кровать и принялся читать книгу. Вдругъ онъ слышитъ тихіе, тяжелые шаги въ своей спальнѣ, медленно приближающіеся къ его кровати. Думая, что это мальчикъ бродитъ въ гостинной, онъ быстро соскочилъ съ кровати, бросился въ гостинную—никого нѣтъ; бросился въ переднюю—мальчикъ храпитъ на постели. У Р—на прошла дрожь за спиною и волоса стали ды-

бомъ. Ему сдѣлалось страшно; но онъ стыдился разбудить мальчика. Онъ опять легъ, положилъ около себя пистолетъ; закурилъ сигару и, путаясь въ объясненіи естественнымъ путемъ этого явленія, сталъ невольно чутко прислушиваться. Опять кто-то заходилъ по комнатѣ, то приближаясь къ его кровати, то уходя отъ нея въ уголъ. Такъ продолжалось около получаса. Вдругъ, стѣнные часы стали звонить двѣнадцать. Р—нъ лежалъ ни живъ ни мертвъ. Часы затихли и вдругъ среди спальной комнаты раздался выстрѣлъ. Не помня себя отъ испуга, Р—нъ выскочилъ въ переднюю, разбудилъ своего мальчика и приказалъ ему лечь въ спальнѣ. Самъ одѣлся и съ пистолетомъ въ рукахъ шагалъ по комнатѣ, ломая голову надъ этимъ сверхъестественнымъ явленіемъ. Такъ какъ лѣстница его была съ задней стороны палаца и съ этой стороны никто не жилъ, то, желая имѣть къ себѣ поближе живыхъ людей, Р—нъ на другой день объявилъ вдовѣ, что его намѣренія теперь измѣнились, и она можетъ оставаться въ своей квартирѣ сколько угодно. Р—нъ начиналъ невольно вѣрить въ существованіе духовъ; но ему стыдно было въ этомъ сознаться передъ другими. Слѣдующія ночи сопровождались такими же явленіями. Мальчикъ спалъ въ спальнѣ, и, когда раздавался выстрѣлъ, вскакивалъ, спрашивая барина, въ кого онъ выстрѣлилъ. Р—нъ отвѣчалъ, что онъ пробуетъ пистолетъ. Безсонныя ночи, угнетенное состояніе духа, борьба съ самимъ собою сдѣлали то, что Р—нъ обратился въ скелетъ; глаза налились кровью; его постоянно била лихорадка. Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Не можетъ быть, что бы все это было въ дѣйствительности. Это во мнѣ происходитъ что то нехорошее. Это не болѣе, какъ галюцинаціи больнаго организма. И онъ дѣйствительно былъ боленъ и могъ бы серіозно заболѣть; но не выдержалъ къ своему счастію и во всемъ признался сослуживцамъ. На слѣдующую ночь три сослуживца вызвались ночевать у него. Они удостовѣрились въ дѣйствительности всего разсказаннаго Р—нымъ: были слышны и шаги, раздался и выстрѣлъ. Р—нъ разсказалъ все это полковнику Лобанову-Ростовскому. Послѣдній вызвался самъ ночевать у него. При немъ повторилось все тоже. Лобановъ не

повѣрилъ участію въ этихъ продѣлкахъ духовъ и на слѣдующую ночь привелъ съ собою 24 человѣка солдатъ, поставилъ караулъ на лѣстницѣ, въ большихъ парадныхъ сѣняхъ, на чердакѣ и наконецъ вокругъ палаца. Ночь прошла спокойно. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей караулили солдаты, и никакихъ явленій не было. Послѣ снятія карауловъ Р—на уже болѣе не безпокоили духи; но ему сдѣлалась противною квартира и самый городъ Ровно. Онъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ Кіевъ. Послѣ отъѣзда Р — на, вдова созналась, что все это были ея продѣлки совмѣстно съ ученикомъ. Залъ, въ которомъ временно помѣщался католическій костелъ, прилегалъ къ спальнѣ Р — на Вдова мыла костельное бѣлье и потому у нея хранились ключи отъ зала. Ночью ученикъ пробирался въ залъ и до 12 часовъ мѣрно тамъ подъ стѣною спальни Р—на расхаживалъ, а въ двѣнадцать часовъ производилъ выстрѣлъ изъ ружья въ дымовой каналъ, проходившій въ той стѣнѣ. Эхо переносило эти звуки въ комнату Р—на. То же эхо пугало и на лѣстницѣ. Тутъ сама вдова на первой ступенькѣ внизу лѣстницы стучала ногами на мѣстѣ, а эхо эти звуки переносило такъ, что казалось— кто то шагаетъ по лѣстницѣ. Въ то же время ученикъ изъ люка, бывшаго въ его комнатѣ, пробирался чердакомъ къ дверямъ Р—на, стучалъ тамъ и, подражая его голосу, приказывалъ открыть дверь.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.[1])

(Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII").

III ГЛАВА.

И такъ, книга пр. Собѣстіанскаго не представляетъ изъ себя критическаго изслѣдованія. Но, б. м., она имѣетъ историко-литературное значеніе?

Авторъ, повидимому, обратилъ на эту сторону дѣла особенное вниманіе. Онъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ ученія, по большей части собственными словами писателей, въ текстѣ своей книги; мало того, не ограничиваясь этимъ, онъ приводитъ еще множество дополнительныхъ выписокъ въ примѣчаніяхъ, которымъ отведено 128 стр. (на 208 стр. текста). Вообще можно сказать, что книга производитъ впечатлѣніе какой-то хрестоматіи: такъ много въ ней выписокъ изъ источниковъ и пособій; на долю самостоятельныхъ разъясненій приходится всего нѣсколько десятковъ страницъ (каковы эти страницы, мы видѣли выше). Такимъ образомъ, у пр. Собѣстіанскаго была полная возможность дать вѣрное и отчетливое представленіе объ излагаемыхъ имъ ученіяхъ; онъ въ этомъ отношеніи былъ обставленъ очень хорошо.

Но всматриваясь внимательнѣе въ его изложеніе, сравнивая его съ подлинными ученіями, мы открываемъ въ немъ два существенныхъ недостатка—отсутствіе исторической перспективы и точности въ передачѣ чужихъ воззрѣній.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1892 г., № 10.

Отсутствіе исторической перспективы выражается въ томъ, что отводится слишкомъ много мѣста неважному, даже ненужному, и кратко излагается существенно необходимое. Примѣровъ можно было бы привести много, но мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Зачѣмъ пр. Собѣстіанскому понадобилось излагать болѣе чѣмъ на 11 страницахъ ничтожную публицистическую статейку какого-то Лебра, напечатанную въ Revue de deux mondes и представляющую компиляцію изъ лекцій? Ни малѣйшаго *научнаго* значенія она не имѣетъ. Пр. Собѣстіанскій говоритъ, что она «является лучшимъ выразителемъ впечатлѣнія, произведеннаго Мицкевичемъ на европейскую публику». Прекрасно; но къ чему же было такъ подробно излагать ея содержаніе, если она, по собственному сознанію автора, представляетъ только резюме лекцій Мицкевича? ужъ лучше было тогда остановиться подробнѣе на самомъ оригиналѣ, т. е. лекціяхъ Мицкевича. Читатель только выигралъ бы, если бы ему не пришлось читать компиляціи Лебра; а пр. Собѣстіанскій могъ бы сдѣлать интересующій его выводъ о вліяніи идей Лелевеля (при посредствѣ Мицкевича), только указавъ на существованіе статьи Лебра въ «R. d. d. m.» или въ крайнемъ случаѣ посвятивъ ей нѣсколько строчекъ. Мы не знаемъ также, почему пр. Собѣстіанскій приводитъ такъ много выписокъ изъ всѣмъ прекрасно извѣстной «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, изъ статьи Ѳ. И. Леонтовича о задругѣ, на которой онъ потомъ *вовсе* не останавливается, изъ статьи П. Кирѣевскаго, который проводитъ идею *родоваго*, а не общиннаго быта; напрасно также пр. Собѣстіанскій дѣлалъ такія обширныя извлеченія изъ Мацѣевскаго (237 — 246 стр.), Гильфердинга, Лешкова, Бестужева—Рюмина, Первольфа, Ѳ. Миллера, если потомъ онъ не сдѣлалъ никакой оцѣнки ихъ содержанія; читатель незнаетъ, какъ относиться ему къ этимъ теоріямъ; пр. Собѣстіанскій даетъ то, что не нужно (изложеніе всякому хорошо извѣстныхъ взглядовъ) и не даетъ того, что необходимо (оцѣнки ихъ).

Приводя обширныя выписки изъ общеизвѣстныхъ сочиненій, проф. Собѣстіанскій останавливается слишкомъ мало на томъ, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отводя 11 страницъ ничтожной статейкѣ Лебра, онъ посвящаетъ всего только 4 страницы замѣчательной книгѣ Антона, которая послужила исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ трудовъ и къ тому же представляетъ большую библіографическую рѣдкость (ея нѣтъ даже въ нашей университетской библіотекѣ). Изложеніе ученія Антона на столько конспективно

и сжато, что читатель не можетъ составить себя яснаго представленія о его взглядахъ на самыя важныя стороны изучаемаго явленія. Проф. Собѣстіанскій, очевидно, заботился только объ извлеченіи изъ него данныхъ, служащихъ подтвержденіемъ его излюбленной мысли о воинственности и жестокости древнихъ славянъ.

Также точно поступаетъ проф. Собѣстіанскій и со многими другими писателями: онъ подходитъ къ нимъ съ предвзятою мыслью, а беретъ у нихъ только то, что служитъ подтвержденіемъ этой мысли, и опускаетъ то, что ей противорѣчитъ. Въ результатѣ является односторонность и невѣрное освѣщеніе самихъ ученій. Это—крупный недостатокъ; онъ въ корнѣ подрываетъ историко-литературное значеніе книги проф. Собѣстіанскаго. Въ самомъ дѣлѣ: если у насъ нѣтъ увѣренности, что ученія излагаются правильно, объективно, тогда осторожный читатель, минуя книгу, обратится непосредственно къ самимъ ученіямъ.

Подъ вліяніемъ своего мнѣнія объ огромномъ значеніи Гердеровской характеристики славянства, проф. Собѣстіанскій раздѣлилъ всѣхъ славистовъ на двѣ категоріи—трезвыхъ и нетрезвыхъ. На самомъ дѣлѣ значеніе этой характеристики, какъ мы видѣли, вовсе не было столь значительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣленіе славистовъ на трезвыхъ и нетрезвыхъ оказывается несостоятельнымъ. Къ первой категоріи проф. Собѣстіанскій относитъ Мавро Орбини, Нарушевича, Іордана, Антона, Ломоносова, Татищева, Болтина, Карамзина, а изъ новыхъ Д. И. Иловайскаго, И. П. Забѣлина, А. Н. Пыпина и М. С. Дринова; ко второй—всѣхъ остальныхъ. Несостоятельность этого дѣленія обнаруживается уже изъ того, что въ основу его положенъ только одинъ признакъ—воинственность древнихъ славянъ; кто стоялъ за воинственность—тотъ оказывается трезвымъ, кто—за кротость, тотъ не трезвымъ. Но проф. Собѣстіанскій забываетъ, что та обширная группа писателей, которыхъ онъ привлекаетъ къ ученой отвѣтственности, могла высказывать свое мнѣніе не подъ вліяніемъ Гердера, а опираясь на источники; разница же взглядовъ могла зависѣть отъ различія источниковъ, отъ неодинаковаго пониманія ихъ; кромѣ того, одни писатели говорили объ одномъ времени, другіе—о другомъ; одни объ однихъ славянахъ, другіе—о другихъ. Рѣдко кто изъ нихъ давалъ общую характеристику всего древняго славянства. По большей части они имѣли въ виду опредѣленныя событія, эпохи, племена и территоріи. Суровецкій, напр., имѣлъ въ виду гл. обр. поляковъ, Гильфердинъ, Котляревскій — Балтійскихъ славянъ

М. С. Дриновъ—южныхъ, Д. И. Илавайскій—русскихъ. Трезвыми писателями оказываются, по заявленію проф. Собѣстіанскаго, слависты XVII—XVIII вв. Проф. Собѣстіанскій не остановился передъ общеисторическими соображеніями о поступательномъ движеніи славянской исторіографіи вообще; вездѣ въ ней замѣчается прогрессъ, за исключеніемъ вопроса о характерѣ древнихъ славянъ: тутъ будто бы былъ регрессъ.

Разсмотримъ однако группу старыхъ славистовъ XVII—XVIII в., которыхъ проф. Собѣстіанскій выставляетъ намъ «трезвыми». Изъ нея прежде всего позволимъ себѣ удалить Болтина. Болтинъ очень почтенный, русскій историкъ или, правильнѣе говоря, критикъ; но какъ его проф. Собѣстіанскій помѣстилъ въ одну категорію съ Антономъ и другими изслѣдователями *древнеславянскаго* быта, мы рѣшительно не понимаемъ. Проф. Собѣстіанскій ссылается на его «Примѣчаніе на исторію др. и нын. Рос. Леклерка»; но тамъ ничего не говорится ни о характерѣ, ни о юридическомъ бытѣ древнихъ *славянъ*. Книга Болтина посвящена исключительно исторіи Россіи. Затѣмъ напрасно проф. Собѣстіанскій противополагаетъ Болтина націоналистамъ; онъ скорѣе былъ предтечею націоналистовъ, чѣмъ космополитовъ. Обратимся теперь къ сочиненію другого «трезваго» слависта Мавро Урбини и посмотримъ, чѣмъ онъ объясняетъ воинственность славянъ. Но прежде всего объяснимъ, о какихъ славянахъ говоритъ Мавро Орбини. О тѣхъ, кои «озлобляли оружіемъ своимъ мало не всѣ народы во вселеннѣй, разорили Персиду, владѣли Азіею и Африкою, билися съ Египтяны и съ великимъ Александромъ... владѣли Франціею, Англіей и уставили державство во Ішпаніи [1]). Отъ нихъ произошли вандалы, готы, авары, шведы, норманны, финны и т. п. [2]). Славяне произошли отъ сына Ноева Іафета, который, по завѣту отцовскому, былъ воиномъ и царемъ; вотъ почему славяне «изходящіе отъ Іафета всегда были во оружіи храбры и начальствовали надъ многими людьми [3]). Сначала они жили въ Скандинавіи, потомъ вышли оттуда и покорили всю Сарматію; это случилось въ 3790 году отъ сотворенія міра или за 1460 лѣтъ до Р. Х. [4]). Выйдя изъ Скандинавіи, они раздѣлились на отдѣльныя племена—Венетовъ, Антовъ, Шве-

---

[1]) Книга Історіограѳія. СПБ. 1722 г., введеніе стр. 3—4.

[2]) Ib 4.

[3]) Ib. стр. 3.

[4]) Ib. стр. 3.

довъ, Финновъ и пр. «Древній обычай у славянъ былъ, еже не жити никогда во единомъ мѣстѣ, но по пристойности попасовъ или яко непріятелей отбѣгаше или казалося имъ тѣсно, премѣняли жительство и преносили свои стяжанія живуще всегда подъ шатрами, военателны, вольны и неукротимы. Во время цесаря Августа жили смѣшены между Өракіанъ, а потомъ овладѣли оружіемъ мало не всю Европу и великую часть Азіи и Аөрики». Скифы и Сарматы также были славянами [1]), Таковы представленія Мавро Орбини о древнеславянской этнографіи, характерѣ и бытѣ. А проф. Собѣстіанскій называетъ его «трезвымъ» славистомъ!.. по истинѣ своеобразное представленіе о трезвости». Въ такомъ случаѣ къ трезвымъ славистамъ прошлаго вѣка проф. Собѣстіанскій только по забывчивости не отнесъ и нашего Тредьяковскаго, который также всюду видѣлъ славянъ и доказывалъ, что Сарматы=Царьметы (т. е. хорошіе стрѣлки изъ лука); Амазоны=Омужоны (т. е. мужественные), Британія=Броданія (отъ большихъ бородъ), Германія=Ярманія (отъ ярма), Италія=Удалія (удальцы отъ сѣвера), Европа=Яропа (яровой хлѣбъ). Ломоносовъ (въ своей «Древней Россійской исторіи». СПБ. 1766) также не распространяется о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ, но высказываетъ при этомъ слѣдующее положеніе, оставленное безъ вниманія проф. Собѣстіанскимъ: «разныя славянъ поколѣнія неоспоримо разнились обычаями, хотя во многомъ имѣли сходство. Кромѣ раздѣленія по мѣстамъ, разность времени отмѣняетъ поведенія» (стр. 17). Татищевъ точно также случайно попалъ въ число славистовъ. Такимъ образомъ, количество настоящихъ трезвыхъ славистовъ прежняго времени должно значительно сократиться; въ сущности останется одинъ Антонъ. Мало того — глубокой пропасти между воззрѣніями «трезвыхъ» и «нетрезвыхъ», которую предполагаетъ уже самое дѣленіе ихъ на эти двѣ категоріи, на самомъ дѣлѣ не оказывается. И тѣ, и другіе говорятъ часто объ однихъ и тѣхъ же чертахъ древнеславянскаго характера и быта. Отмѣтимъ различныя черты славянскаго характера, указываемыя историками-славистами. Антонъ отмѣчаетъ у древнихъ славянъ веселый нравъ, любовь къ музыкѣ, отсутствіе коварства и злости, гостепріимство, отсутствіе нищенства, воровства и человѣческихъ жертвоприношеній, стремленіе къ справедливости; «*плохо понятый характеръ ихъ*, говоритъ онъ, *былъ далеко не такъ суровъ, какъ о немъ протрубили*». Такъ говоритъ Антонъ, и проф. Собѣстіан-

[1]) Ib. стр. 4—5, 7.

скій не опровергаетъ этой характеристики ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ; не говоритъ, чтобы Антонъ идеализировалъ славянскій характеръ; наоборотъ—обзываетъ его трезвымъ славистомъ и ставитъ въ примѣръ всѣмъ послѣдующимъ.

Суровецкій указываетъ на гуманность, гостепріимство и прямодушіе и считаетъ все это результатомъ ихъ любви къ земледѣлію. «Нетрезвый» славистъ говоритъ тоже самое, что и «трезвый». Основная мысль его реферата это та, что славяне *славный народъ;* и эту мысль проводили слависты XVII—XVIII вв.—Мавро Орбини, Раичъ, даже Антонъ. Но прославились они, по мнѣнію Суровецкаго, не одними военными подвигами, а и мирной земледѣльческой культурой. «Когда этотъ народъ (Венеды), говоритъ Суровецкій, предававшійся раньше мирнымъ занятіямъ, выступилъ изъ своихъ первобытныхъ жилищъ съ оружіемъ въ рукахъ, то сразу измѣнилъ всю физіономію современной Европы и, двинувшись на восточную Имперію, потрясъ до основанія этотъ колоссъ». Спрашивается, можно ли утверждать, что Суровецкій представлялъ себѣ славянъ кроткими, какъ голуби, если о полякахъ, напримѣръ, онъ выражается такъ: «поляки съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ до нашихъ дней превосходили всѣ другіе соплеменные народы какъ многочисленностью, такъ и могуществомъ (благодаря своему мужеству).

Мысль о первоначальномъ мирномъ бытѣ славянъ, смѣнившемся военными подвигами, совершенно совпадаетъ не съ мнѣніемъ Гердера, а съ ученіемъ Антона, который высказалъ слѣдующее положеніе: «Нѣкогда покорные и заслоняемые другими народами, они вдругъ вырываются на свободу и предаютъ пламени большую часть Европы». (И. М. Собѣст., стр. 5—6). Въ другой своей статьѣ Суровецкій еще приписываетъ славянамъ стремленіе къ мирной колонизаціи, простоту нравовъ, склонность къ торговлѣ и отсутствіе человѣческихъ жертвоприношеній (въ послѣднемъ пунктѣ Суровецкій вполнѣ сходится съ Антономъ). И мирной колонизаціи, и земледѣльческаго быта профес. Собѣстіанскій не можетъ отвергнуть; о земледѣліи говорятъ не одни славянофилы, а почти всѣ изслѣдователи; о немъ свидѣтельствуютъ и письменные источники, и данныя языка, и данныя археологіи. Къ сожалѣнію, проф. Собѣстіанскій вовсе не пользуется ими, между тѣмъ какъ важное значеніе ихъ уже отмѣтилъ тотъ самый Суровецкій, статьи котораго проф. Собѣстіанскій неосновательно считаетъ апріористическими. Требованія къ исторіи Суровецкій предъявляетъ очень

строгія и разумныя [1]). Прежде, говоритъ Суровецкій, довольствовались исключительно описаніемъ подвиговъ, истребительныхъ и жестокихъ войнъ; но въ мое время «всякій жаждетъ узнать людей, которые до него жили, хочетъ познакомиться съ обычаями, степенью просвѣщенія, развитія и нравственности своихъ предковъ, желаетъ изслѣдовать, откуда они черпали свои правила, вліявшія на улучшеніе ихъ общественности, какъ развивались у нихъ или падали полезныя науки» [2]). Это свидѣтельствуетъ о прогрессѣ въ области славянской исторіи сравнительно съ XVIII в. Суровецкій, такимъ образомъ, былъ истиннымъ предшественникомъ Шафарика и въ особенную заслугу ему нужно поставить то, что онъ впервые вѣрно оцѣнилъ значеніе мирной культурной дѣятельности славянскаго племени.

Въ такомъ же невѣрномъ освѣщеніи представилъ намъ проф. Собѣстіанскій и ученіе Шафарика. О значеніи «Слав. древн.» для *своего* времени мы говорили; теперь же только прибавимъ, что къ Суровецкому Шафарикъ относился критически; «любопытный читатель, говоритъ Шафарикъ, нѣкоторыя очень похожія на эти мысли, хоть разумѣется ни болѣе ни менѣе какъ догадки о прибытіи индоевропейскихъ племенъ въ Европу, въ которой еще прежде жили племена сѣвернаго поколѣнія, можетъ прочесть у Суровецкаго. (Sl. pocz. narslow., p. 177—195). Мы въ сочиненіи своемъ не смѣемъ отваживаться на эти и подобныя имъ возможности и вѣроятности» [3]). Намъ нужно также остановиться на *мнимыхъ* противорѣчіяхъ Шафарика. «Славянскія древности», говоритъ проф. Собѣстіанскій, представляютъ собой довольно рѣдкій образчикъ сочиненія, въ которомъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ высказываются по два противоположныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ взгляда. Странный пріемъ этотъ особен-

---

[1]) Суровецкій основываетъ свои сужденія на источникахъ; такъ онъ поступаетъ, напримѣръ, въ вопросѣ о склонности славянъ къ земледѣлію (Изслѣд. нач. Нар. Слов., стр. 25); на основаніи извѣстія Тацита утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ земледѣліемъ занимались женщины, старики, вообще неспособные къ труду (стр. 44). Даже въ пользу своего мнѣнія (несостоятельнаго) о неспособности къ войнѣ по причинѣ плохаго оружія приводитъ цитату изъ Прокопія (стран. 70).

[2]) Уже А. А. Котляревскій отмѣтилъ у Суровецкаго это желаніе оживить бытовыми подробностями, дополнить исторію славянъ новыми источниками, данными быта, преданій, религіи и вещественныхъ памятниковъ (Соч. А. А. Котляревскаго, изд. Ак Н., т. 2-й, 1889, стр. 444).

[3]) Слав. древн. М. 1837, т. 1-й, кн. 3-я, стр. 265, прим. 1-е.

но рѣзко бросается въ глаза тамъ, гдѣ дѣло идетъ о характерныхъ чертахъ древняго славянства» (стр. 46). Затѣмъ идутъ примѣры. Послѣдуемъ за проф. Собѣстіанскимъ. Два взаимно исключающихъ другъ друга взгляда проф. Собѣстіанскій видитъ въ § 6 и § 23; въ 6 § указывается на поразительное сходство славянскаго быта съ бытомъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. «Если мы теперь, говоритъ проф. Собѣстіанскій, отъ § 6 перейдемъ къ § 23, то здѣсь встрѣтимся съ мнѣніемъ прямо противоположнаго характера съ только что привединнымъ и которое ставитъ читателя втупикъ. › Исторія и древности наши, говоритъ въ § 23 Шафарикъ, значительно отличаются отъ исторіи и древностей прочихъ европейскихъ народовъ, имено—ѳракійцевъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ и германцевъ» (стр. 47).

На самомъ дѣлѣ противорѣчія здѣсь нѣтъ никакого: въ одномъ случаѣ (въ § 6) Шафарикъ указываетъ на принадлежность слявянъ къ индоевропейской группѣ народовъ и, какъ на результатъ ея, на сходство ихъ быта съ бытомъ другихъ индоевропейцевъ; въ другомъ, наоборотъ, онъ пытается отмѣтить характерныя особенности быта однихъ славянъ. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія, ибо рядомъ со сходными чертами, какъ послѣдствіемъ общности происхожденія, существовали и несходныя. Шафарикъ стоитъ тутъ на вполнѣ научной почвѣ и его не понялъ только проф. Собѣстіанскій. Къ этому мы должны прибавить еще одну подробность, являющуюся типическою особенностью научнаго метода проф. Собѣстіанскаго: для того, чтобы подчеркнуть читателю это (мнимое) противорѣчіе у Шафарика, онъ пропускаетъ тѣ строчки, которыя разъясняютъ мысль автора и устраняютъ самый вопросъ о противорѣчіи. Мы возстановимъ эти пропущенныя проф. Собѣстіанскимъ мѣста у Шафарика; замѣтимъ при этомъ, что они находятся рядомъ съ выдержками проф. Собѣстіанскаго; пропущены нечаянно они быть не могли.

Послѣ первой своей фразы проф. Собѣстіанскій пропускаетъ слѣдующее мѣсто: «и въ этомъ отношеніи славяне многимъ ближе къ народамъ европейскимъ, нежели къ азіатскимъ того же племени, а съ этими послѣдними несравненно въ большемъ сродствѣ, чѣмъ съ народами сѣвернаго поколѣнія, хотя въ позднѣйшее время съ нѣкоторыми изъ нихъ не только сосѣдили, но даже и перемѣшались, напримѣръ, съ Чудью въ верховьяхъ Волги, съ Булгарами въ Мизіи» [1]). Затѣмъ слѣдуютъ примѣры сходства славянъ съ арійцами,

---

[1]) Слав. древ., М. 1837 г., т. 1-й, кн. 1-я, стр. 101.

приводимые и проф. Собѣстіанскимъ. Въ заключеніи опять высказывается выводъ въ такой именно формѣ, какъ формулировали его мы. «Все это и тому подобное, говоритъ Шафарикъ, если мы хочемъ справедливо и здраво судить, ведетъ насъ къ тому, что славяне въ 5-мъ вѣкѣ не были такъ далеки и чужды прочимъ европейцамъ, какъ это обыкновенно и ошибочно полагаютъ» [1]). И этого заключенія проф. Собѣстіанскій не приводитъ. Нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія и въ другихъ выдержкахъ, приводимыхъ проф. Собѣстіанскимъ изъ «Слав. древ.» Шафарика. Противорѣчія созданы самимъ проф. Собѣстіанскимъ, сдѣлавшимъ тенденціозную выборку текстовъ и умышленно пропустившимъ выдержки, ясно указывающія точку зрѣнія знаменитаго слависта. Проф. Собѣстіанскій говоритъ, что въ «Слав. древ.» Шафарикъ взялъ на себя рѣшеніе неразрѣшимой задачи: доказать въ одно и тоже время и воинственность славянъ, и мирное разселеніе ихъ по Европѣ» (стр. 56). Ничего такого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Шафарикъ, на основаніи широкаго знакомства съ источниками, выработалъ себѣ извѣстный, опредѣленный, свободный отъ противорѣчій взглядъ на особенности внутренняго быта отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ разные періоды ихъ исторіи. Мало того, и по вопросу о воинственности, какъ одной изъ чертъ ихъ характера, у него сложилось такое же опредѣленное возрѣніе, отличающееся цѣльностью и ясностью. Оно выражено Шафарикомъ въ томъ же 23 §, изъ котораго проф. Собѣстіанскій приводитъ и свои выписки; очевидно, и оно пропущено проф. Собѣстіанскимъ умышленно. Вотъ оно въ подлинномъ видѣ: «при всей наклонности къ спокойной жизни и мирнымъ занятіямъ древніе славяне не были вовсе неспособы къ воинственности, и отнюдь не должно думать, чтобы въ ихъ родинѣ совершенно не происходило битвъ, чтобы они каждому насильнику безпрекословно подставляли шею свою въ неволю и ярмо. Напротивъ, славяне, когда требовала того нужда, умѣли такъ-же хорошо и мужественно сражаться, какъ и ихъ самые отважнѣйшіе непріятели; вся разница между ними и ихъ врагами въ томъ, что у нихъ война не составляла обыденнаго ремесла, подобно какъ у сарматовъ, готовъ, вандаловъ и др., но что оружіе они носили только для обороны, а не для истребленія. Если же разбойничьи толпы скиѳовъ, сарматовъ, германцевъ, гунновъ, аваровъ и др., хоть и немногочисленныя, но славившіяся воинственностью

---

[1]) Ibidem, стр. 104.

и ни о чемъ больше не помышлявшія, какъ только о битвахъ и грабежѣ, нашли средства покорить себѣ тѣ или другіе славянскіе народы, занимавшіеся мирными трудами, земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, раздѣленные на безчисленное множество мелкихъ частей, безъ твердыхъ связей и единовластія, не очень заботившіеся о безопасности своихъ предѣловъ къ иноземцамъ, слишкомъ довѣрчивые и не подозрительные; зато и эти послѣдніе, опомнясь въ своемъ безгодьѣ, не замедлили собрать остальныя силы воедино, насладиться прежнимъ благоденствіемъ и изгнать незванныхъ гостей, разоряющихъ ихъ своимъ грабительствомъ, вонъ. за предѣлы своего плодоноснаго отечества» [1]). Здѣсь, очевидно, славяне—осѣдлые земледѣльцы противопоставляются гуннамъ и другимъ кочевникамъ, главнымъ занятіемъ которыхъ была война и грабежъ. Понятно, слѣдовательно, почему Шафарикъ говоритъ и о военныхъ подвигахъ славянъ, и о ихъ мирной культурной дѣятельности, не впадая въ противорѣчія съ собою. Совсѣмъ невѣрно проф. Собѣстіанскій освѣщаетъ и отношеніе Шафарика къ Карамзину. «Мы уже видѣли, гогоритъ онъ, какъ строго осудилъ Шафарикъ Карамзина и другихъ русскихъ ученыхъ, не желавшихъ принять гипотезы о національныхъ особенностяхъ древнеславянскаго характера. По словамъ Шафарика, Карамзинъ былъ «въ древней исторіи славянъ неопытный и сбивчивый руководитель». Къ порицанію русскихъ ученыхъ, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, Шафарикъ возвращался нѣсколько разъ въ разбираемомъ нами трудѣ, упрекая ихъ въ отсутствіи патріотизма, легкомысліи и пристрастіи и называя ихъ характеристику древняго славянства выдумкой, клеветой, слѣпо позаимствованной у нѣмецкихъ ученыхъ прошлаго вѣка» (стр. 58). На самомъ дѣлѣ Шафарикъ высоко цѣнилъ трудъ Карамзина и, чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ нужно только выписать цѣликомъ ту цитату, начало которой приводитъ проф. Собѣстіанскій. «Карамзинъ, говоритъ Шафарикъ, въ древней исторіи славянъ неопытный, сбивчивый руководитель, вышедши изъ нея на чисто русскую почву, сталъ дѣеписателемъ, которому до сихъ поръ нѣтъ ровнаго между русами и нескоро найдется, судя по произведеніямъ непризнательныхъ его соотечественниковъ, которые, опираясь на его рамена и черпая изъ его сокровищницы, вовсе не стараясь о распространеніи и новомъ точнѣйшемъ изслѣдованіи источниковъ, *безразсудно силятся унизить заслуги великаго*

---

[1]) Слав. древ., т. 1-й, кн. 3-я, стр. 270—271.

мужа» [1]). Шафарикъ, возражая Карамзину, возстаетъ собственно противъ его мнѣнія о *дикости* древнихъ сѣверныхъ славянъ, результатомъ которой являлась будто-бы ихъ строптивость, непокорность. «Жаль, говоритъ Шафарикъ, что русскій исторіографъ..., слѣдуя превратной своей, или лучше Гебгардовской системѣ, витійствуетъ о строптивости и непокорности славянъ, происходившей будто бы отъ ихъ дикости и суровости (почему не наоборотъ? Ср. древн. грековъ»)[2]). Шафарикъ глубоко былъ убѣжденъ въ значительномъ развитіи культуры на Руси въ моментъ передъ призваніемъ князей и потому сильно возставалъ противъ всѣхъ, усвоившихъ себѣ противоположный взглядъ. «Тѣ ошибаются, говоритъ онъ, которые, увлекаясь примѣромъ Аделунга, Гебгарди и слѣпо подражающихъ имъ Добровскаго, Карамзина и другихъ новѣйшихъ русскихъ писателей, представляютъ себѣ древнихъ славянъ какими то африканскими дикарями и сомнѣваются въ этомъ призваніи, потому только, что оно обличаетъ образованные нравы, напротивъ утверждая, что образованные и сильные русы вооруженною и сильною рукою покорили и поработили себѣ звѣроподобныхъ и немногочисленныхъ славянъ» [3]). Въ доказательство Шафарикъ приводитъ выдержку изъ Добровскаго и Миллера и затѣмъ относительно Карамзина говоритъ слѣдующее: «Карамзинъ опять повторяетъ, что славяне и чудь, бывшіе де тогда еще дикарями, призвали Русовъ, какъ народъ образованнѣйшій, просвѣщеннѣйшій и т. д. (И. Г. Р. I, стр. 113)». Въ § 23 и въ другихъ мѣстахъ своей книги Шафарикъ приводитъ рядъ доказательствъ въ пользу сравнительно высокой культурности древнихъ славянъ. Можно сказать, что эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всю книгу Шафарика. И его огромная заслуга заключается въ томъ, что онъ имѣлъ мужество выступить противъ господствовавшихъ въ западной наукѣ взглядовъ и притомъ выступить не съ голословными опроверженіями, а во всеоружіи той-же науки. Мысль о дикости русскихъ славянъ царила притомъ и въ русской исторіографіи, ибо никто не осмѣливался поднять своего голоса противъ отца нашей исторической критики многоученаго Шлецера, развившаго ее въ своемъ «Несторѣ». Нашъ великій исторіографъ Н. М. Карамзинъ подвергся вліянію идей Шлецера, какъ въ вопросѣ о дикости русскихъ

---

[1]) Слав. древн., т. 2-й, кн. 1-я, М. 1848, стр. 123—124, прим. 64-е.

[2]) Ibidem, стр. 121, прим. 61-е.

[3]) Ibidem, стр. 122.

славянъ до призванія Варяговъ, такъ и въ вопросѣ о самыхъ Варягахъ—Руси. Неудивительно, что Шафарикъ указалъ на это заблужденіе Карамзина. Его огорчало и раздражало то обстоятельство, что и столпы славянской науки, въ родѣ Добровскаго и Карамзина, приняли ученіе нѣмецкихъ историковъ, основанное на мнѣніи объ огромномъ культурномъ превосходствѣ Германцевъ передъ дикарями—славянами. И. Шафарикъ былъ правъ въ этомъ дѣлѣ: дальнѣйшія изслѣдованія (въ томъ числѣ, филологическія и археологическія) блистательно подтвердили его мысль. Мнѣніе же Шлецера, усвоенное и Карамзинымъ, о дикости русскихъ славянъ до призванія находитъ себѣ теперь только одного адепта въ лицѣ проф. Собѣстіанскаго. Невѣрное и неточное воспроизведеніе сущности излагаемыхъ ученій зависитъ гл. обр. отъ той прямолинейной классификаціи писателей, какую во чтобы то ни стало хочетъ провести проф. Собѣстіанскій. Мы видѣли, что ни Суровецкій, ни Шафарикъ не замѣчаютъ въ славянахъ исключительнаго господства голубиной кротости: они говорятъ и о воинственности ихъ. Наоборотъ, Карамзинъ, который, по словамъ проф. Собѣстіанскаго, трезво смотрѣлъ на славянскій характеръ и считалъ славянъ воинственными и жестокими, отмѣчалъ у нихъ, подобно «нетрезвымъ» славистамъ, и миролюбіе. «Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV в. Готѳскимъ царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, говоритъ онъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ славянъ Балтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Ѳракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ» [1]). Карамзинъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу Ѳеофилакта о гуслярахъ. Приведя его, онъ замѣчаетъ: «такое миролюбивое свойство Балтійскихъ славянъ во времена ужасовъ варварства, *представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи.* Согласіе византійскихъ историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самими тогдашними обстоятельствами сѣвера, гдѣ славяне могли наслаждаться тишиною, когда германскіе народы удалились къ югу и когда разрушилось владычество Гунновъ» [2]). Говоря о пѣсняхъ славянъ, Карамзинъ высказываетъ слѣдующую мысль: «вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ

---

[1]) Ист. Гос. Рос., изд. Эйнерлинга. I, стр. 33—34.

[2]) Ibidem, стр. 15—16.

отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приблизился къ имперіи и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею исторіей славянскою» [1]). Приведенныя выдержки (въ особенности двѣ первыя о Венедахъ) чрезвычайно близко подходятъ къ характеристикѣ Гердера и даютъ поводъ думать (вопреки мнѣнію проф. Собѣстіанскаго), что Карамзинъ не только не полемизировалъ съ Гердеромъ, а наоборотъ усвоилъ его мысль о кротости Венедовъ. Не даромъ онъ восхищался Гердеромъ и, посѣтивъ его во время своего извѣстнаго путешествія по Европѣ, написалъ слѣдующія прочувствованныя строки: «пріятно, милые друзья мои, видѣть, наконецъ, того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ автора». Прибавимъ кстати, что и «Идеи» Гердера были переведены въ 1829 году на русскій языкъ [2]). Гердеровская характеристика славянства была извѣстна Карамзину, по признанію самого проф. Собѣстіанскаго. Мы впрочемъ не настаиваемъ на своемъ предположеніи о вліяніи Гердера на Карамзина (хотя оно имѣетъ даже большее основаніе, чѣмъ противоположное мнѣніе проф. Собѣстіанскаго); но мы подчеркиваемъ, что проф. Собѣстіанскій, умолчавъ о приведенныхъ нами выпискахъ изъ Карамзина, исказилъ его ученіе. Что касается другихъ чертъ славянскаго характера (кромѣ воинственности и жестокости), то здѣсь «трезвый» Карамзинъ ничѣмъ не отличается отъ «нетрезвыхъ» славистовъ. Изъ приведенныхъ самимъ г. Собѣстіанскимъ выписокъ видно, что Карамзинъ отмѣтилъ у славянъ *«природное добродушіе*, отсутствіе лукавства, злости, простоту нравовъ, *доброе обращеніе съ плѣнными* (назначался срокъ рабству), гостепріимство, рѣдкое въ другихъ земляхъ, цѣломудріе (стр. 33—34). Такимъ образомъ, онъ не отрицалъ у нихъ оригинальныхъ чертъ характера, не похожихъ на нѣмецкія. Наоборотъ, онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: «Тогда (въ к. V-го и нач. VI в.) начинаютъ говорить о славянахъ историки

---

[1]) Ibidem, стр. 41—42.

[2]) См. А. Н. Пыпина „Гердеръ“ (Вѣст. Европы, 1890, мартъ, апрѣль, стр. 671).

византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы славянъ, *отличные отъ характера нѣмецкихъ и сарматскихъ племенъ*» (И. Г. Рос. изд. Эйн., I, стр. 11).

Сдѣлавъ Гердера виновникомъ всѣхъ заблужденій славянской науки XIX в., (незаслуженно) проф. Собѣстіанскій, по своему обыкновенію, умолчалъ о благотворномъ его вліяніи на эту послѣднюю, не смотря на то, что оно было отмѣчено уже уважаемымъ А. Н. Пыпинымъ. Вотъ какъ А. Н. Пыпинъ опредѣляетъ значеніе Гердера для славянской этнографіи: «если мы будемъ отыскивать первые начатки новѣйшаго глубокаго интереса къ изученію народныхъ памятниковъ, то исходнымъ пунктомъ явится въ особенности Гердеръ: никто въ XVIII в. не понялъ этого вопроса такъ широко, никто почти пророчески не угадалъ будущихъ запросовъ и выводовъ науки. Послѣ Гердера понятны наши романтики народности 30-хъ годовъ, какъ Срезневскій, Бодянскій, Максимовичъ и болѣе поздніе изслѣдователи и горячіе партизаны народной поэзіи, какъ Буслаевъ и Аѳанасьевъ; къ Гердеру вообще сводятся источники новѣйшаго фольклоризма, такъ широко распространяющагося въ современныхъ литературахъ зап. Европы; имя Гердера произносилось съ сочувствіемъ и благодарностью начинателями славянскаго возрожденія... Въ «народныхъ пѣсняхъ» Гердеръ помѣстилъ переводъ нѣсколькихъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, а именно Радослава, знаменитую «жалостную пѣсню» объ Асанъ-агиницѣ, пѣсню о прекрасной переводчицѣ и пѣсню о Милошѣ Кобиличѣ Вукѣ Бранковичѣ... За тѣмъ въ «идеяхъ» Гедреръ посвятилъ славянамъ небольшую главу (кн. XVI, IV), гдѣ высказалъ сочувствіе къ этому племени и надежду, что оно будетъ имѣть лучшее будущее. Это было замѣчено славянскими патріотами к. XVIII и нач. XIX в., какъ рѣдкое въ нѣмецкой литературѣ выраженіе сочувствія къ подавленному и пренебрегаемому племени, дѣлавшему тогда первыя слабыя попытки къ національному возрожденію, тѣмъ болѣе что они находили союзника въ имени знаменитаго писателя. Колларъ, въ знаменитой поэмѣ Slavy Dcera, отвелъ мѣсто Гердеру въ ряду друзей славянства и посвятилъ ему два сонета. Поэтъ преклоняется съ благоговѣніемъ передъ могилой Гердера»: «ты, говоритъ онъ, наперекоръ обычаю, былъ первымъ защитникомъ и возвышеннымъ хвалителемъ славянъ и зато прими отъ насъ честь и благодарность» [1]).

---

[1]) А. Н. Пыпина. Гердеръ (Вѣст. Евр. 1890 г., мартъ—апрѣль, стр. 667—668).

Точно также неточно, неполно и односторонне излагаетъ и освѣщаетъ проф. Собѣстіанскій ученія о юридическомъ бытѣ. Мы видѣли уже, какъ онъ преувеличиваетъ значеніе Ж. Ж. Руссо; онъ былъ, по словамъ проф. Собѣстіанскаго, истиннымъ виновникомъ ученія о демократическомъ бытѣ древнихъ славянъ; славянская же школа XVIII в. имѣла на этотъ счетъ здравыя научныя понятія и была чужда подобныхъ взглядовъ. Между тѣмъ оказывается, что и въ XVIII в. одинъ славянскій ученый (Раичъ), книга котораго осталась неизвѣстна проф. Собѣстіанскому, говорилъ слѣдующее: «правленіе у нихъ гражданское не было монархическое или единовластное, но демократическое, сирѣчь не единъ судія общая дѣла отправлялъ, но всѣ въ томъ участницы были....; ниже могло правленіе сіе инымъ образомъ водимо быти, когда народы тіи были волни, никоему начальству не подлежащіи, храбри же и неукротимы, самоволни же и самовластни; потому частная дѣла и обыди всякъ за себе отмщалъ и отправлялъ, *общества же цѣлаго касающаяся общимъ совѣтомъ расправляли*». И весьма важно отмѣтить, что свое мнѣніе Раичъ основываетъ не на чьемъ либо мнѣніи, а на источникѣ первой руки—на извѣстіи Прокопія [1]). Онъ могъ неправильно понимать свой источникъ, но во всякомъ случаѣ его мнѣніе нельзя назвать апріорнымъ.

Изложеніе ученій русскихъ славянофиловъ насъ совершенно не удовлетворяетъ послѣ трудовъ А. Н. Пыпина, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. Я. Самоквасова, Н. И. Костомарова (о К. Аксаковѣ), проф. Кояловича, проф. Завитневича и др., которые (исключая 1-го) проф. Собѣстіанскій совершенно игнорируетъ. Едва ли удобно было послѣ всѣхъ этихъ работъ, достаточно познакомившихъ съ содержаніемъ славянофильскихъ ученій, ограничиваться одиѣми выписками изъ ученій; гораздо лучше было бы вмѣсто обширныхъ выписокъ сжато, своими словами, опредѣлить сущность мнѣній и ихъ ученыя основанія. Но проф. Собѣстіанскій не съумѣлъ даже представить ученій въ должной перспективѣ и отвелъ первенствующее мѣсто тѣмъ теоріямъ, которыя въ исторіи изученія русской общины занимаютъ менѣе важное положеніе; о Бѣляевѣ же и Лешковѣ онъ говоритъ только въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ. Едва ли нужно прибавлять, что тотъ историкъ, который не остановился внимательно на трудахъ

---

[1]) Раича. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ. 1794, стр. 57.

Бѣляева и Лешкова, не можетъ сказать о себѣ, что онъ познакомилъ своихъ читателей съ теоріей общиннаго быта русскихъ славянъ.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго мы должны повторить, что *книга проф. Собѣстіанскаго не имѣетъ и историко-литературнаго интереса*.

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ, полт. г., въ урочищѣ Лысая Гора.[1]

Несомнѣнно, что территорія къ востоку отъ средняго теченія р. Днѣпра издревле, еще до образованія Русскаго государства, была населена племенами, имѣвшими своеобразную культуру, особаго рода религіозныя вѣрованія, обычаи, обширныя торговыя связи съ отдаленными народами Востока и Юга. Почти каждый годъ появляются все новыя и новыя данныя, добытыя путемъ археологическихъ раскопокъ, которыя проливаютъ намъ нѣкоторую долю свѣта на отдаленныя отъ насъ вѣками прошлыя времена лѣвобережнаго края Днѣпра. Правда, матеріалъ по этой части еще далеко не разработанъ; добыты только немногочисленныя и разрозненныя данныя по этому вопросу, но и этотъ матеріалъ весьма важенъ для исторіи юга Россіи, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность, на основаніи найденныхъ предметовъ, пополнить хотя отчасти недостающія страницы первоначальной исторіи южной Россіи.

---

[1]) Настоящая работа моя составлена отчасти на основаніи лично видѣннаго мною во время раскопокъ на Лысой Горѣ, отчасти благодаря сообщеніямъ о нихъ владѣлицы Лубенскаго музея, Е. Н. Скаржинской, по иниціативѣ и на средства которой производились всѣ раскопки кургановъ Лысой Горы, за исключеніемъ трехъ или четырехъ изъ нихъ, въ сѣверной части горы, раскопанныхъ самостоятельно г. Каминскимъ въ 1881 г. Второй разъ раскопки были произведены въ 1883 г. Живо интересуясь археологіей, Е. Н. Скаржинская подолгу присутствовала на раскопкахъ, руководила работами и, съ теченіемъ времени, предполагала издать въ свѣтъ полный отчетъ или дневникъ всего того, что было добыто въ курганахъ на Лысой Горѣ. Судьбѣ, однако, угодно было иначе распорядиться всѣми этими благими желаніями.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, за исключеніемъ черниговской губерніи, гдѣ производились археологическія изысканія профессоромъ Самоквасовымъ, почти до послѣдняго времени, не было систематически правильныхъ, научныхъ раскопокъ древнѣйшихъ кургановъ, разбросанныхъ въ огромномъ количествѣ по всей территоріи полтавской губерніи и группирующихся въ болѣе значительномъ количествѣ по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ. А между тѣмъ, съ каждымъ годомъ разрушительная сила времени, съ одной стороны, и безъ устали работающій все на большемъ и большемъ пространствѣ нашихъ степей плугъ земледѣльца, съ другой—уничтожаютъ мало по малу драгоцѣнные памятники древнѣйшей исторіи нашего отечества. Благодаря тому, что мѣстное общество мало интересуется исчезающими съ теченіемъ времени памятниками старины нашей, въ храмъ науки немного попадаетъ археологическихъ предметовъ и еще менѣе—спеціаль-

---

Дѣло въ томъ, что Е. Н. Скаржинская, неотлучно, по цѣлымъ днямъ присутствовавшая при раскопкахъ, уполномочивала, въ ея отсутствіе, вести всѣ работы по части раскопокъ на Лысой Горѣ завѣдывающаго Лубенскимъ музеемъ, преподавателя Ѳ. И. Каминскаго. Г. Каминскій, руководившій, по порученію Е. Н. Скоржинской раскопками въ ея отсутствіе, дѣйствительно аккуратно велъ дневникъ и заносилъ въ него всѣ мелочи, встрѣчавшіяся при раскопкахъ. Впослѣдствіи времени, по окончаніи раскопокъ, г. Каминскій, удрученный болѣзнью, не могъ скоро составить по своему дневнику чистоваго отчета о раскопкахъ Е. Н. Скаржинской, и дѣло затянулось. Окончилось оно тѣмъ, чт. г. Каминскій умеръ, а дневникъ, веденный имъ по порученію Е. Н. Скаржинской, погибъ въ огнѣ, и так. образомъ исчезли безслѣдно всѣ детали нахожденія предметовъ Лысой Горы, хотя самые предметы сохранились и находятся въ настоящее время въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, въ д. Кругликѣ, Луб. у., Полт. г. Не предвидя такого исхода, Е. Н. Скаржинская, сѣтовала о неудачѣ того дѣла, для котораго она лично сама такъ долго трудилась, не жалѣя ни средствъ, ни времени, и, зная, что я часто бывалъ на раскопкахъ Лысой Горы, обратилась ко мнѣ съ просьбой, не могу ли я сообщить ей кое-чего относительно найденнаго на Лысой Г. матеріала, чтобы пополнить так. образомъ тѣ свѣдѣнія о немъ, какія остались въ памяти у нея самой. Съ большой охотой отозвался я исполнить просьбу Е. Н. Скаржинской и на основаніи сохранившихся у меня замѣтокъ о раскопкахъ я и приступилъ къ описанію послѣднихъ. Кромѣ того, трудъ мой, составленъ, какъ я уже говорилъ выше, отчасти по личнымъ моимъ наблюденіямъ раскопокъ Лысой Горы, отчасти на основаніи сообщеній о нихъ Е. Н. Скаржинской. Краткія замѣтки о раскопкахъ на Лысой Горѣ были сообщены мною въ началѣ 80-хъ годовъ профессору Кіев. университета, В. Б. Антоновичу, который и прочелъ ихъ въ одномъ изъ засѣданій „Общества Нестора Лѣтописца“ въ 1883 году.

ныхъ сообщеній по поводу послѣднихъ. Если какой либо археологическій матеріалъ и доходитъ туда, то это бываетъ, по большей части, случайно, часто даже безъ точнаго указанія о мѣстонахожденіи предметовъ и самой обстановки ихъ находки. Печальная истина эта могла бы стать еще болѣе грустной, если бы къ сохраненію памятниковъ прошедшей жизни человѣка не было сдѣлано никакихъ усилій, не было выказано никакихъ заботъ. Къ счастью, свѣтъ науки, теплящійся въ нѣкоторыхъ уголкахъ нашей земли, сохраняетъ для исторіи кое-какіе цѣнные предметы, обреченные безъ такого участія на конечную гибель въ весьма непродолжительномъ времени. Невнимательность, равнодушіе и невѣжество погубили уже не мало весьма интересныхъ и цѣнныхъ для исторіи края памятниковъ прошлой жизни нашего отечества. Можно смѣло сказать, что многія изъ уцѣлѣвшихъ и бывшихъ въ нашихъ рукахъ драгоцѣнныхъ страницъ древней нашей исторіи, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, исчезли безвозвратно, не оставя послѣ себя никакого слѣда. Правда, кое-что сохранилось и сохраняется еще въ отдѣльныхъ рукахъ, имѣя интересъ при жизни владѣльца собранныхъ археологическихъ предметовъ, но затѣмъ такая коллекція, послѣ смерти его, весьма часто выбрасывается, какъ ненужный хламъ, и цѣнный историческій матеріалъ погибаетъ. Историкъ дорожитъ самыми незначительными крохами археологическаго матеріала, которыя случайно попадаютъ ему подъ руку. Интересъ возрастаетъ еще болѣе, если археологическій матеріалъ, помимо указанія на мѣстность, гдѣ онъ былъ найденъ, переданъ съ точными по возможности замѣтками и рисунками о нахожденіи и расположеніи этихъ предметовъ древности. Это уже весьма цѣнный матеріалъ для возсозданія картины древнѣйшей культуры страны. Полтавская губернія, вообще бѣдная по части изысканій и археологическихъ раскопокъ, имѣетъ однако, нѣсколько такихъ работъ, выполненныхъ тщательно и добросовѣстно. Въ числѣ этихъ работъ можно указать на два изслѣдованія, произведенныя въ бассейнѣ р. Сулы, на правомъ ея берегу, въ верхнемъ и среднемъ теченіи этой рѣки, возлѣ гг. Роменъ и Лубенъ, полтавской губерніи. Обѣ эти раскопки, произведенныя тщательно и

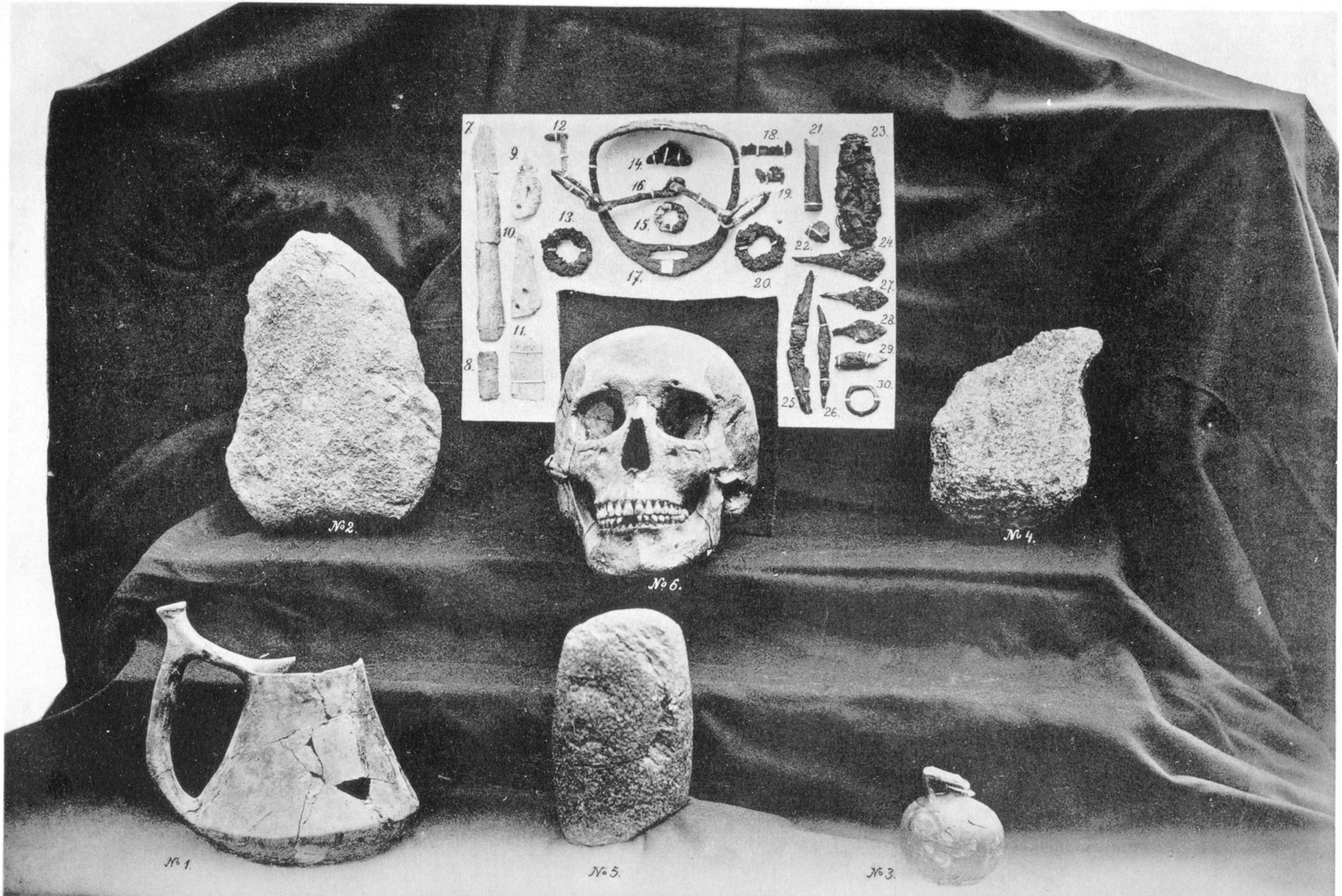
осторожно, не успѣли, однако, вполнѣ порадовать науку. Если первая работа, исполненная г. Мазараки (раскопки возлѣ гор. Роменъ), дала подробное изслѣдованіе заключавшагося въ курганахъ археологическаго матеріала, то вторая, произведенная вначалѣ г. Каминскимъ, а затѣмъ Е. Н. Скаржинской (на Лысой горѣ, возлѣ г. Лубенъ), веденная весьма тщательно, потеряла въ значительной степени свой научный интересъ. Благодаря, однако, заботамъ Е. Н. Скаржинской, принимавшей личное участіе въ раскопкахъ кургановъ Лысой горы и производившей всѣ эти раскопки на свой счетъ, фактическій матеріалъ, таившійся въ курганахъ, сохраненъ [1]), но точное описаніе нахожденія каждой вещи, вмѣстѣ съ ея расположеніемъ и отношеніемъ къ другимъ вещамъ и къ странамъ свѣта, потеряны навсегда, такъ какъ дневникъ, куда заносилось все это вмѣстѣ съ схематическими рисунками, погибъ въ огнѣ, а самъ его составитель, г. Каминскій, которому было поручено вести дневникъ, умеръ, не успѣвъ издать своей работы при жизни.

Въ виду того, что я весьма часто находился при раскопкахъ и видѣлъ многое изъ открытаго тамъ, мнѣ кажется, нелишнимъ будетъ дать хотя краткое описаніе добытаго изъ кургановъ Лысой горы археологическаго матеріала, т. к., въ противномъ случаѣ, интересный матеріалъ этотъ потеряетъ для науки значительную долю своей цѣны, оставаясь безъ всякаго почти освѣщенія касательно расположенія отысканныхъ тамъ предметовъ.

Недалеко отъ г. Лубенъ, верстахъ въ трехъ къ югу, внизъ по теченію р. Сулы, на правомъ ея берегу, находится возвышенность, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Лысой горы. Возвышенность эта представляетъ собою ничто иное, какъ часть высокаго праваго берега р. Сулы, остающагося таковымъ на всемъ почти протяженіи этой рѣки,—часть, отрѣзанную отъ возвышеннаго плато праваго берега рѣки узкою, но глубокою

---

[1]) Онъ помѣщается въ прекрасномъ музеѣ, въ д. Круглинѣ, имѣніи Е. Н. Скаржинской. Я слыхалъ, что Е. Н. Скаржинская намѣрена выстроить музей въ г. Лубнахъ, и онъ станетъ, такимъ образомъ, изъ частнаго музея общественнымъ.


№ 1.
№ 2.
№ 3.
№ 4.
№ 5.
№ 6.

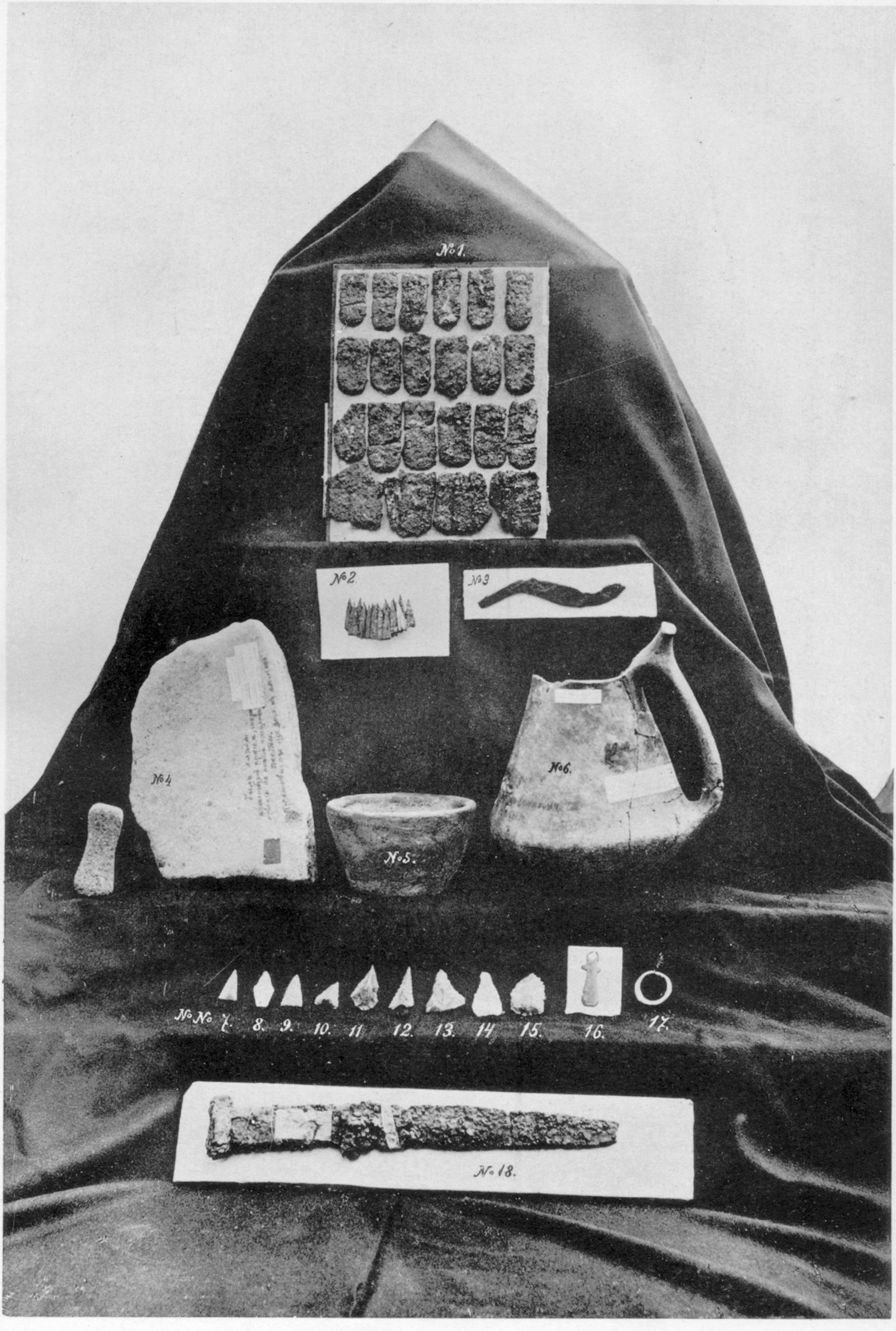


Табл. II.

ОБРАЗЦЫ ЧЕРЕПКОВЪ ЛЫСОГОРСКИХЪ.

длиною. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что долина эта, отрѣзывающая Лысую гору отъ остальной возвышенности, судя по равномѣрному слою чернозема, образовалась въ глубокой древности. Лысая гора соединяется съ остальной, возвышенной (правой) стороной рѣки узкимъ, нѣсколько ниже прилегающаго плато перешейкомъ, который ежегодно отъ дѣйствія дождей разрушается все болѣе и болѣе, и скоро наступитъ время, когда Лысая гора будетъ стоять совершенно одиноко, окруженная со всѣхъ сторонъ долинами. По своему виду Лысая гора представляетъ гребень, довольно узкій на вершинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 4—5 сажень,—гребень, который круто спускается къ сторонѣ р. Сулы и немного отлого—къ сторонѣ западной долины, окружающей эту гору. Лысая гора стоитъ не надъ самою р. Сулою, но нѣсколько поодаль отъ послѣдней, приблизительно саженяхъ въ 30—40 отъ берега этой рѣки. Пространство между берегомъ р. Сулы и горою представляетъ собою террасу, волнистаго, неправильнаго строенія, подходящую къ самой подошвѣ Л. горы, которая высится здѣсь почти отвѣсною крутою стѣною. Высота Лысой горы по отвѣсному спуску будетъ приблизительно 25—30 саженей. Обрывъ горы состоитъ изъ желтой глины, между тѣмъ какъ вершина горы и склоны ея къ долинѣ покрыты слоемъ чернозема, хотя не особенно толстымъ.

Все пространство горы лишено всякой растительности, отчего, вѣроятно, явилось и самое названіе этого урочища. Однако, позднѣйшія изслѣдованія на Лысой горѣ констатировали, что гребень ея въ древности былъ покрытъ деревьями: при раскопкахъ на этой горѣ найдены были остатки корней деревьевъ, весьма значительныхъ по своему объему.

На вершинѣ Лысой горы, на ея гребнѣ, находилось около 14—15 кургановъ разной величины. Всѣ курганы не особенно велики по объему и по высотѣ: наименьшій изъ нихъ будетъ приблизительно аршина въ 2 высоты отъ основанія его; наибольшій—около 2-хъ саженъ высоты и соотвѣтственно болѣе значительнаго объема. Курганы расположены частью рядомъ, т. е. цѣпью, частью группой, при чемъ наибольшій и по высотѣ, и по объему курганъ находится посреди малыхъ, которые груп-

пируются въ такомъ незначительномъ разстояніи вокругъ большаго кургана, что почти сливаются съ нимъ. На горѣ встрѣчаются курганы, стоящіе особнякомъ, отдѣльно отъ прочихъ. Затѣмъ, помимо кургановъ, находящихся на самой Лысой горѣ, есть еще нѣсколько кургановъ, расположенныхъ на той возвышенности, отъ которой оторвана Лысая гора. Послѣднее обстоятельство можетъ служить подтвержденіемъ тому предположенію, что эти стоящіе изолировано курганы нѣкогда входили въ рядъ кургановъ Лысой горы и составляли съ ними одну группу, разорванную уже впослѣдствіи [1]).

Раскопки были начаты г. Каминскимъ въ 1881 г. съ кургановъ, расположенныхъ въ сѣверной части горы, ближе къ такъ называемому перешейку. Первымъ раскопанъ тотъ курганъ, который обозначенъ на планѣ подъ № 11-мъ. Курганъ находился надъ самымъ обрывомъ, и въ недалекомъ будущемъ, если бы не былъ раскопанъ, онъ сползъ бы внизъ, снесенный мало по малу дождевыми водами. Труды по раскопкѣ увѣнчались успѣхомъ. Въ результатѣ раскопокъ, на самомъ днѣ кургана, котораго насыпь состояла изъ чернозема, перемѣшаннаго съ глиной, найдено было два сосуда. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою грушевидную кружку, сдѣланную изъ темной глины, коричневаго цвѣта, тщательной и чистой работы; кружка эта, расширяющаяся у основанія, снабжена особой характерной ручкой, выдающейся гораздо выше надъ отверстіемъ сосуда. Кружка сдѣлана съ помощью гончарнаго колеса; высота ея 3 вершка; она отлично сохранилась. Кружка стояла передъ пирамидальнымъ камнемъ, поставленнымъ въ основаніи кургана вертикально [2]).

Типъ сосудовъ подобной формы неоднократно встрѣчался въ курганахъ, относящихся къ Скиѳской эпохѣ [3]).

---

[1]) На вершинѣ почти каждаго кургана находилось углубленіе. Можно думать, что углубленія эти произошли отъ заваловъ пустыхъ мѣстъ, оставленныхъ при покойникахъ. Слѣды отверстій замѣчались также и у подошвы нѣкоторыхъ кургановъ съ западной стороны.

[2]) Надо замѣтить, что основаніе, составляющее дно нѣкоторыхъ кургановъ, представляетъ твердую, какъ бы убитую, утрамбованную плотно какую-то особую глину красноватаго цвѣта, которую съ трудомъ беретъ желѣзная кирка. Благодаря такому условію, предметы, находящіеся здѣсь, отлично сохранились.

[3]) Грушевидной формы сосуды были найдены между прочимъ въ Перепетыхъ.

Другой сосудъ, найденный въ томъ же курганѣ, гдѣ и кружка, представляетъ небольшой совершенно круглый, съ горлышкомъ наверху, шарообразный флакончикъ. Сосудъ сдѣланъ изъ терракоты оранжево-желтаго цвѣта; весьма тщательно отдѣланный, онъ украшенъ снаружи, на пояскѣ, изображеніемъ тигровъ или леопардовъ, въ промежуткахъ между которыми находились розетки. Краска, какой изображены животныя, темная, хорошо сохранившаяся. Надо полагать, что сосудъ этотъ назначался для сохраненія благовоннаго масла или же духовъ. Высотою сосудъ всего въ три дюйма. Флакончикъ этотъ найденъ въ курганѣ тоже передъ пирамидальнымъ камнемъ, котораго вершина была изогнута нѣсколько въ сторону [1]).

Другихъ вещей, заслуживающихъ особаго вниманія, на сколько я помню, не было найдено. Остается еще прибавить, что на днѣ кургана находился рядъ камней, расположенныхъ кольцомъ, да въ самой насыпи встрѣчались черепки битой посуды съ разнообразной орнаментировкой—пальцемъ, веревочкой, перомъ, тростникомъ и проч. Черепки были грубаго типа, сдѣланные большей частью безъ помощи гончарнаго колеса; глина для черепковъ содержала въ себѣ иногда присутствіе значительнаго количества рѣчнаго гравія.

Во второмъ курганѣ [2]), находящемся вблизи только что описаннаго, найдено было 2 покойника, положенныхъ каждый въ отдѣльной ямѣ, вырѣзанной въ твердой глинѣ. Бронзовыя стрѣлы, разбросанныя при умершихъ, характерной формы сосуды, остатки копій и проч. указываютъ намъ также на скиоскій погребальный культъ. Здѣсь же, кромѣ того, былъ вырытъ желѣзный кинжалъ, изображенный на таб. II, рис. 18. Въ третьемъ курганѣ [3]), заключавшемъ въ себѣ остатки трупа пре-

---

[1]) Къ описанію кургана № 11: относятся слѣдующія вещи:

a) Таб. II, рис. 13—кремневая стрѣлка изъ насыпи кургана.

d) Таб. I, рис. 1 и 2. Грушевидная кружка и камень, передъ которымъ она стояла.

c) Таб. I, рис. 3 и 4. Терракотовая вазочка и камень, передъ которымъ она стояла.

[2]) На планѣ № 10-й.

[3]) На планѣ № 9-й.

даннаго сожженію умершаго, найденъ былъ каменный, діоритовый, молотъ, не оконченный, но съ намѣченнымъ для отверстія углубленіемъ [1]). Здѣсь, также какъ и въ близь-лежащемъ курганѣ, встрѣчались орнаментированные черепки и кремневыя стрѣлы, характерной формы, куски черныхъ сосудовъ и проч. Три слѣдующихъ кургана [2]), съ которыхъ начались раскопки 1883 года, заключали въ себѣ не мало интересныхъ вещей— лопатчатыя желѣзныя стрѣлы, предметы украшенія и проч. Погребенный въ одномъ изъ этихъ кургановъ [3]), по всей вѣроятности былъ убитъ въ борьбѣ: между задними ребрами его найденъ обломокъ копья; на подбородкѣ слѣды пораненія кости. Характерно также содержаніе этого кургана, совершенно отличнаго отъ другихъ кургановъ Лысой Горы. Насыпь имѣла около $1^1/_2$ аршина высоты и нѣсколько аршинъ въ поперечникѣ.

Послѣ снятія насыпи, на днѣ ея оказалось пятно ямы, на сѣверномъ краѣ котораго (по правую руку покойника) находились: лошадиная голова, нога и стремя (см. таб. I, рис. 17); голова съ большой пробоиной между лѣвымъ глазомъ и ухомъ, съ удилами (таб. I, рис. 16) въ зубахъ и чернымъ отпечаткомъ уздечки на правой половинѣ нижней челюсти. Яма расположена съ В. на З; длина ея около $3^3/_4$ арш., ширина $1^1/_4$ арш. На глубинѣ $1^1/_4$ арш. яма заложена дубовыми вершковыми досками, положенными концами на выступъ земли въ головахъ и ногахъ; подъ досками яма и короче и уже. Въ ней лежалъ круглоголовый покойникъ, въ 2 арш. 6 вершк. ростомъ, вытянутъ на спинѣ, головой на В., ногами—на З; правая рука на нижней части живота, лѣвая—вдоль туловища. По бокамъ находились также 2 дубовыя доски; подъ покойникомъ досокъ не было. Въ землѣ, которою засыпана была яма, надъ досками, найдена бронзовая пряжка (таб. I, рис. 30). При покойникѣ были слѣдующіе предметы: съ лѣвой стороны гвоздевидное остріе (т. I, р. 29), три плоскихъ желѣзныхъ стрѣлы (т. I,

---

[1]) Смот. табл. I, рис. 5, на котор. изображенъ діоритовый молотокъ.

[2]) На планѣ №№ 8. 7 и 6.

[3]) На планѣ № 7.

рис. 28, 27 и 24), толстое шило (т. I, р 26), ножикъ (т. I, р. 25), брусокъ изъ тончайшаго песчаника (т. I, р. 11), двѣ костяныя пластинки, (рис. 9 и 10) съ орнаментомъ изъ кружечковъ, съ точками въ центрѣ; въ пахахъ—три желѣзныхъ кольца (таб. I, рис. 13, 20 и 15), быть можетъ, пряжки—при нихъ сохранились кусочки ткани; у праваго бока—куски кожи (таб. I, рис. 18) отъ истлѣвшей сумочки, въ которой находились—завернутое въ тряпочку кресало (т. I, рис. 23), кремень (т. I, р, 22), остатки вдвое скрученной нитки, прикипѣвшей къ кресалу, костяная трубка (т. I, р. 21) и мѣдная пластинка съ дырочкой (т. I, р. 19). Затѣмъ, у праваго же бока: длинная до 4 вершковъ, съ одной стороны округлая, съ другой—плоская кость (т. I, р. 7) отъ какого-то истлѣвшаго предмета, б. м. лука. Наконецъ, въ груди покойника между задними дугами реберъ, ущемленъ обломокъ копья (т. I, р. 14)· Рисунокъ 6-й, таб. I, представ. черепъ со слѣдами пораненія на подбородкѣ. Ни углей, ни сосудовъ при покойникѣ не было, но у подошвы насыпи, на сѣвер. сторонѣ ея, замѣтно незначит. углубленіе, въ которомъ на глубинѣ $^{3}/_{4}$ арш. оказалась глиняная миска съ густымъ рядомъ дырочекъ по вѣнцу. (Эти подробности обязательно сообщены мнѣ Е. Н. Скаржинской).

Но самымъ важнымъ, обильнымъ по количеству и разнообразію предметовъ, по характернымъ особенностямъ погребенія покойниковъ, представляется „большой курганъ (№ 4-ый)“ вмѣстѣ съ окружающими его со всѣхъ сторонъ меньшими курганами. Въ земляной насыпи кургана находилась масса битыхъ черепковъ съ разнообразными украшеніями на внѣшней сторонѣ ихъ; здѣсь встрѣчается орнаментировка: перомъ, ногтемъ пальца, веревочкой, зубчатой лопаткой, ракушкой и проч. Интересно, что нѣкоторые изъ черепковъ представляются стертыми, искуственно-закругленными, другіе имѣютъ нарочно оставленныя отверстія по вѣнцу и проч. Громадное количество черепковъ этихъ дало возможность собрать ихъ въ большомъ числѣ и съ разнообразными рисунками. Орнаменты, встрѣчающіеся на Лысогорскихъ черепкахъ, по своему рисунку, очень походятъ на

орнаменты черепковъ извѣстныхъ въ Западной Европѣ [1]). Профессоръ Иностранцевъ отыскалъ подобный типъ черепковъ въ Россіи, при раскопкахъ вблизи Ладожскаго озера.

Въ курганѣ, въ разныхъ мѣстахъ, отыскано множество всевозможнаго рода каменныхъ орудій и кремневыхъ осколковъ: стрѣлъ, наконечниковъ копій и пр. [2]), и въ томъ числѣ осколокъ тыльной части каменнаго полированнаго молота и песчаниковая плитка съ остатками растиравшейся красной краски. Внутри этого большого кургана, на значительной глубинѣ, найдено было нѣсколько, около 7 или 8, человѣческихъ скелетовъ, большинство которыхъ плохо сохранилось. Относительно странъ свѣта скелеты лежали такъ: почти всѣ они обращены головой на востокъ; только нѣкоторые изъ скелетовъ обращены головой къ другимъ скелетамъ. Измѣренія череповъ, насколько можно было прослѣдить по уцѣлѣвшимъ экземплярамъ, показали, что покойники краніологически могутъ быть относимы къ долихоцефаламъ (длинноголовымъ). Расположеніе скелетовъ въ большомъ курганѣ было слѣдующее. Въ серединѣ кургана находилось особаго рода земляное возвышеніе, поверхъ котораго лежалъ слой какого-то буроватаго порошка. Слой этотъ представлялъ собой какъ бы подстилку въ могилѣ покойника [3]). На подстилкѣ находились обуглившіяся части, собственно—нѣсколько кучекъ центральнаго скелета, остатки котораго расположены были, однако, въ правильномъ порядкѣ скелета, съ отсуствіемъ только нѣкоторыхъ его частей. Интересно при этомъ замѣтить, что въ маломъ курганѣ [4]), непосредственно лежавшемъ къ сѣверу отъ большого, найдены были какъ бы недостающія части вышеназваннаго скелета. Можно полагать поэтому, что покойникъ былъ сожженъ въ этомъ маломъ курганѣ, а отсюда уже его кости,

---

[1]) Подобный орнаментъ черепковъ попадается въ Вестъ-Кеннстѣ, въ Англіи, въ курганахъ, относящихся къ каменному вѣку. *Лебокъ*. Доистор. вр., 111.

[2]) Образецъ найденныхъ въ эт. кург. стрѣлъ см. т. II, рис. 12.

[3]) Г. Каминскій передавалъ мнѣ, что подстилка съ четырехъ сторонъ была какъ бы обита какимъ то бронзовымъ украшеніемъ, чѣмъ-то въ родѣ кусковъ бронзовой ленты.

[4]) На планѣ № 5.

въ раздробленномъ и пережженномъ видѣ, были перенесены въ большой курганъ. Судя по находкамъ предметовъ кургана центральный покойникъ этотъ былъ какъ будто убитъ кремневой стрѣлой: въ кучѣ костей, соотвѣтствующихъ мѣстоположенію сердца, между пластинками панцыря, найдена кремневая стрѣла съ надломленнымъ концемъ (см. т. II, рис. 10). При покойникѣ находилась въ безпорядкѣ куча желѣзныхъ пластинокъ, окислившихся въ землѣ и очевидно сильно прожженныхъ на огнѣ. Пластинки эти, длиною дюйма въ полтора, а шириною—въ дюймъ, составляли собою чешуйчатый желѣзный панцырь и нашивались, какъ кажется, на кожаную одежду, слѣды которой сохранились подъ нѣкоторыми пластинками. На пластинкахъ ясно видны слѣды дырочекъ, служившихъ для прикрѣпленія чешуй къ одеждѣ. Такихъ пластинокъ панцыря собрано изъ этого мѣста значительное количество [1]). Тутъ же, вмѣстѣ съ остатками панцыря, найдено около 100 бронзовыхъ, трегранныхъ стрѣлъ безъ крючка [2]), остатки кожанаго съ позолотой колчана, выкрашеннаго въ ярко-красный цвѣтъ, бронзовая крестовидная серьга и кольцо изъ электрума [3]). Въ землѣ, около центральнаго скелета, находились также прекрасно выдѣланныя кремневыя стрѣлы [4]). Въ наружномъ слоѣ насыпи больш. кургана найденъ серповидный желѣзный ножъ, б. м. древній серпъ [5]), и затѣмъ нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ. На востокъ отъ этого центральнаго покойника, который, по всей вѣроятности, былъ лицемъ знатнымъ, судя по обстановкѣ его погребенія, покоился другой скелетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Скелетъ помѣщался въ овальной ямѣ, въ утробномъ положеніи лицемъ на полдень. Надъ скелетомъ лежала кремневая стрѣла, прикрытая опрокинутой черной миской [6]). Въ скорченномъ же положеніи былъ и скелетъ младенца,

---

[1]) Образцы пластинокъ такого чешуйчатаго панцыря изображены на таб. II, рис. 1.

[2]) Табл. II, рис. 2.

[3]) Таб. II, рис. 16 и 17.

[4]) Таб. II, рис. 7, 8 и 9.

[5]) Таб. II, рис. 3 и рис. 11.

[6]) Миска эта изображена на таб. II, рис. 5.

обращеннаго лицемъ къ вышеназванному покойнику. На скелетѣ взрослаго находились, кромѣ того, куски сильно прожженной глины, вмѣстѣ съ углями. Оба скелета прекрасно сохранились, благодаря той глинѣ, гдѣ они помѣщались. Нѣсколько влѣво отъ скелета съ младенцемъ помѣщался въ такой же ямѣ, какъ и другіе покойники, скелетъ человѣка, повидимому старика, со сросшимся и искривленнымъ, какъ у горбатыхъ, позвоночнымъ столбомъ. Въ сѣверной части большого кургана открыто было 2 не вполнѣ сохранившихся скелета съ глиняными сосудами при нихъ грубой работы, поставленными въ головахъ покойниковъ. Одинъ только сосудъ грушевидной формы, найденный здѣсь, отличается болѣе тонкой работой [1]); затѣмъ, нѣсколько къ западу отъ этихъ двухъ скелетовъ, найденъ еще одинъ, обращенный головой, также какъ и другіе, на востокъ, а лицемъ—къ югу. Тутъ же, въ курганѣ находились: каменныя стрѣлы, разныя каменныя орудія, точильный камень изъ сланца, песчаниковая плитка—терка съ находящимися на ней явными слѣдами растиравшейся красной краски (бурый желѣзнякъ) и проч. [2]). Необходимо также прибавить, что при нѣкоторыхъ покойникахъ, какъ въ этомъ курганѣ, такъ и въ другихъ, встрѣчались слѣды остатковъ бересты.

Къ сѣверу отъ большаго кургана расположены 2 другихъ [3]), меньшихъ по размѣру. При раскопкѣ этихъ кургановъ, помимо встрѣчающихся во множествѣ орнаментированныхъ черепковъ вышеназваннаго рисунка, оказалось, что среди каждого изъ кургановъ находилось нѣсколько возвышенное, довольно плотно утрамбованное, смазанное сверху глиной мѣсто; глина эта очень крѣпка, отламывается кусками; при чемъ въ изломѣ видно, что верхняя часть глины краснѣе (вѣроятно, отъ дѣйствія огня) нижней, плотно приставшей къ землѣ. На этомъ возвышеніи, рядомъ съ углями, попадаются остатки обожженныхъ костей. Верхній слой глины носилъ, насколько можно было судить по наружному осмотру, слѣды пропитавшаго его

---

[1]) См. т. II, рис. 6.

[2]) См. т. II, рис. 4.

[3]) На планѣ № 5 a. и № 5 b.

какого то вещества, оказавшаго своеобразное вліяніе на лежащую подъ нимъ глину. Интересно замѣтить, что куски той же самой, или же совершенно подобной обожженной глины встрѣчаются разбросанно въ другихъ курганахъ, вмѣстѣ съ фрагментами обожженныхъ костей и черепковъ. Въ насыпи кургана отысканъ бронзовый сплавъ, бронзовая пуговица и какое-то кремневое орудіе съ отполированнымъ краемъ.

Еще дальше къ сѣверу, въ 2-хъ курганахъ, одинаковой почти величины съ только что названными, по снятіи земли сверху кургана приблизительно на глубину 1-го аршина, найденъ былъ скелетъ лошади, положенной на бокъ; въ глубинѣ же кургана покоилось два человѣческихъ скелета, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ головой на востокъ, а другой—на западъ. При одномъ изъ вышеназванныхъ скелетовъ находилось значительное количество бронзовыхъ стрѣлъ, трегранныхъ, отлично отточенныхъ и хорошо сохранившихся; при другомъ скелетѣ, хотя и были бронзовыя стрѣлы, но уже количествомъ значительно меньше, чѣмъ при первомъ. Кромѣ того, тутъ же, при одномъ изъ скелетовъ было отыскано нѣсколько сосудовъ, по своей формѣ и цвѣту сходныхъ съ вышеописанной кружкой грушевидной формы. Затѣмъ, у колѣнъ покойника лежали каменная терка съ пестомъ, на которыхъ были ясно видны слѣды красной краски (бурый желѣзнякъ). Нѣсколько кремневыхъ предметовъ и черепки въ насыпи дополняютъ собою содержимое этихъ кургановъ.

Въ курганѣ, находящемся на сѣверо-западъ отъ большого кургана, непосредственно у подошвы послѣдняго, открыта возвышенная площадка съ такимъ же характернымъ свойствомъ обожженной глины въ своей верхней части, какъ и въ 2-хъ вышеописанныхъ курганахъ. Тутъ же вырыто было нѣсколько глиняныхъ сосудовъ грубой работы, разставленныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ площадки. Ни одинъ почти сосудъ не сохранился цѣлымъ: они сильно изломаны, и иногда такъ, что, не смотря на самыя тщательныя наблюденія, невозможно отыскать недостающихъ кусковъ. При нѣкоторыхъ сосудахъ находились небольшія частицы угля, который встрѣчался и въ насыпи кургана.

Въ другомъ курганѣ, лежащемъ на юго-западъ отъ большого [1]), находился скелетъ лошади, вокругъ котораго было разбросано нѣсколько орнаментированныхъ черепковъ и небольшая часть камней; при лошади лежали удила и, кажется, на сколько я помню, стремя.

Затѣмъ, значительный интересъ представляютъ курганы южной части Лысой Горы, расположенные нѣсколько на склонѣ ея. Они не особенно велики; нѣкоторые едва замѣтны надъ поверхностью земли; числомъ ихъ—четыре или пять.

Здѣсь, въ одномъ изъ кургановъ [2]) найдено два скелета, которые вообще прекрасно сохранились, за исключеніемъ череповъ, нѣсколько попортившихся отъ давленія земли. Не смотря на это, весьма легко опредѣлить типъ ихъ. Черепы относятся къ разряду такъ называемыхъ доликоцефаловъ (длинноголовыхъ)[3]).

Скелеты своимъ положеніемъ напоминаютъ какъ бы спящихъ людей: обѣ руки ладонями положены подъ лѣвую щеку, ноги поджаты къ животу. Одинъ изъ скелетовъ головой обращенъ на востокъ, другой—головой къ первому. Интересно и загадочно вмѣстѣ съ тѣмъ, что при одномъ изъ скелетовъ оказалось три руки. Нѣтъ-ли здѣсь подтвержденія разсказу Геродота о томъ, что скиѳы отсѣкали при жертвоприношеніяхъ правыя руки плѣнныхъ вмѣстѣ съ плечомъ и отбрасывали ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ труповъ?

Въ насыпи одного изъ этихъ южныхъ кургановъ [4]) найдена была разбитая амфора, судя по остаткамъ ея довольно значительнаго размѣра; она сдѣлана изъ глины желто-оранжеваго цвѣта. Значительное число частей амфоры позволяетъ опредѣлить форму и величину ея. Въ настоящее время она прекрасно реставрирована. Судя по цвѣту и формѣ, амфора имѣетъ много

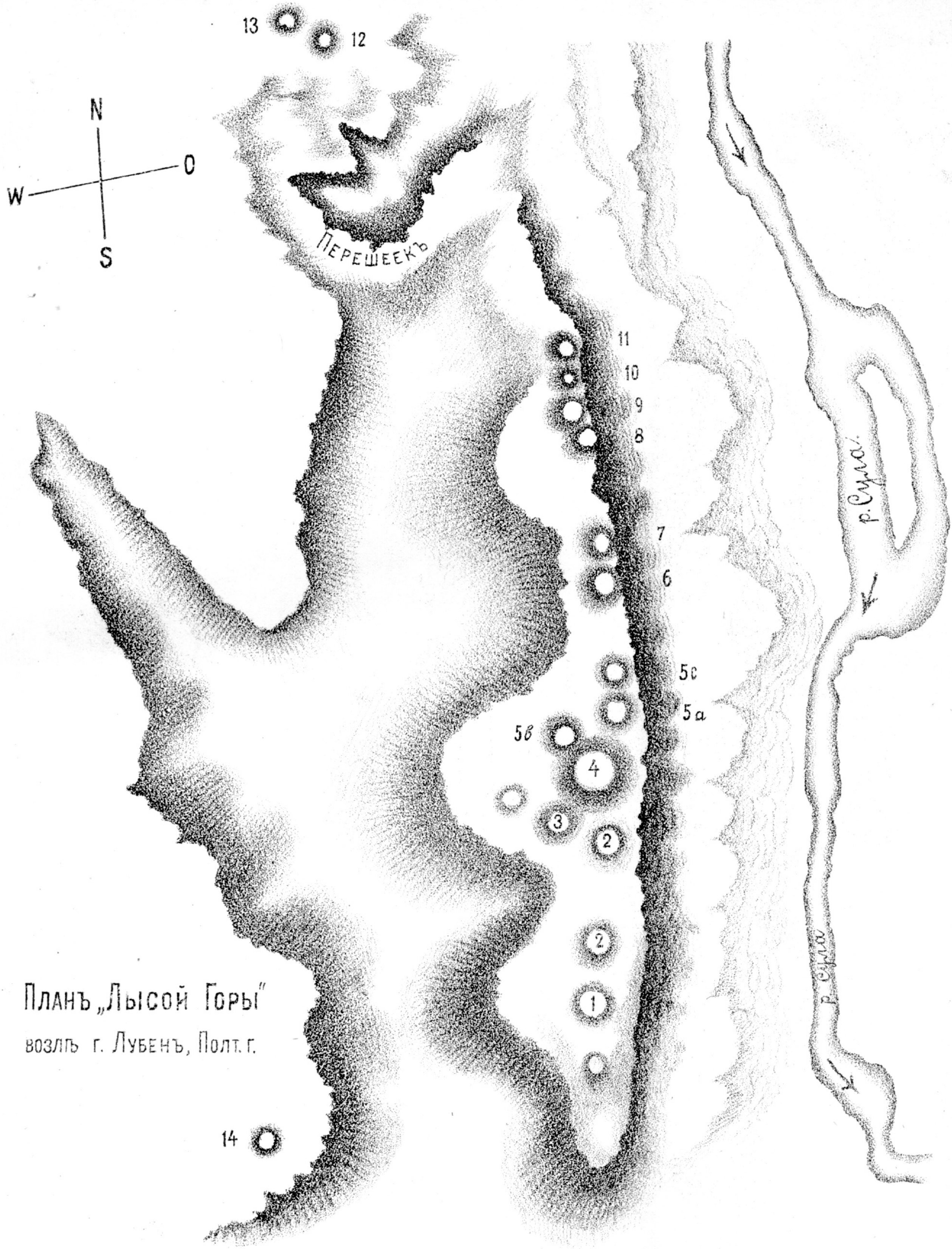
---

[1]) На планѣ № 3.

[2]) На планѣ № 2.

[3]) Одинъ изъ скелетовъ прекрасно сохранился благодаря особенно твердой глинѣ, въ которой онъ былъ положенъ. Чтобы сохранить наглядность положенія, въ какомъ былъ найденъ скелетъ, онъ былъ вырубленъ вмѣстѣ съ окружавшей его твердой глинистой почвой, и въ настоящее время сохраняется въ такомъ видѣ въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, въ д. Кругликѣ, Лубен. у., Полт. г.

[4]) На планѣ № 1.


13
12
N
W
O
S
Перешеекъ
11
10
9
8
7
6
5с
5а
5в
4
3
2
2
1
14
р. Сула
р. Сула
Планъ „Лысой Горы"
возлѣ г. Лубенъ, Полт. г.

общаго съ амфорами, находимыми на югѣ Россіи, въ предѣлахъ прежняго Босѳорскаго царства. Въ насыпи кургана попадались черепки, частью орнаментированные, частью безъ украшеній, вообще грубой работы.

Остается сказать нѣсколько словъ о черепкахъ, которые попадались при разрытіи кургановъ. Помимо грубыхъ, неискусно сдѣланныхъ и неукрашенныхъ, а также помимо орнаментированныхъ извѣстнымъ способомъ [1]), въ насыпяхъ кургановъ, въ разныхъ мѣстахъ, но больше всего возлѣ покойниковъ, встрѣчаются остатки битой посуды другого типа, болѣе тонкой работы. По своему виду, они принадлежатъ къ терракотовымъ издѣліямъ свѣтло-оранжеваго цвѣта; на разбитыхъ кускахъ нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ довольно ясно замѣтны украшенія въ видѣ какихъ-то длинныхъ, узкихъ листьевъ, исполненныхъ темной (коричневой или же черной) краской. Въ одномъ изъ кургановъ удалось отыскать остатки лопнувшаго отъ огня терракотоваго сосуда, при чемъ оказалось, что болѣе крупная часть этого сосуда находилась въ жертвенномъ отдѣлѣ, надъ могилой покойника (центральнаго); мелкія же части—въ другой ямѣ,

[1]) Орнаментированные извѣстнымъ способомъ (см. выше) черепки встрѣчаются, помимо Лысой Горы, и въ другихъ мѣстахъ, иногда въ довольно значительномъ количествѣ. Я встрѣчалъ ихъ: возлѣ Исачекъ (м. Лубенскаго уѣзда), въ Гонцахъ (село Лубен. у.), на Засульѣ (село Луб. у.), въ такъ называемыхъ песчаныхъ кучугурахъ по берегу р. Сулы; возлѣ дер. Солоницы, вблизи с. Песокъ (Луб. у.) и въ другихъ мѣстахъ. Интересно замѣтить, что черепки, съ орнаментомъ, вполнѣ сходнымъ съ тѣмъ, какой встрѣчается на Лысой Горѣ, были находимы г. Каминскимъ на берегу р. Сулы, въ слоѣ чернозема, на глубинѣ полуаршина и больше. Въ виду того, что орнаменты одного характера съ битыми черепками встрѣчаются и на цѣльныхъ сосудахъ, даже на донникахъ ихъ и на коническихъ застежкахъ, положенныхъ при покойникѣ, нельзя-ли вывести заключенія, что извѣстнаго рода орнаментъ служилъ знакомъ принадлежности тому или другому лицу или же общественному союзу. Лицо или союзъ могли опредѣлить для своихъ подданныхъ сосуды съ извѣстной орнаментаціей. Исходя изъ такого взгляда, можно думать, что каждый, принадлежавшій къ извѣстной группѣ, долженъ былъ имѣть или носить и свидѣтельства этой принадлежности, то есть—черепки съ извѣстнымъ орнаментомъ, отчего и являются въ насыпи округленные, просверленные, какъ бы стертые отъ тренія черепки. Естественно отсюда, что когда умирало лицо, которому принадлежали другія лица, то въ могилу ставили сосудъ, бросали застежки съ извѣстнымъ орнаментомъ и бросали туда и черепки съ такой же орнаментаціей; связь съ умершимъ такимъ образомъ прекращалась.

при скелетѣ покойника, рядомъ съ обожженными косточками и углями, взятыми, очевидно изъ какого-то мѣста жертвенной части.

Что касается кургановъ, лежащихъ внѣ Лысой Горы, но недалеко отъ нея [1]), я ничего не могу сказать опредѣленнаго, такъ какъ не присутствовалъ во время раскопокъ ихъ. На сколько помню, г. Каминскій передавалъ мнѣ, что въ двухъ лежащихъ на сѣверъ отъ перешейка курганахъ онъ встрѣтилъ явные слѣды жертвеннаго кострища съ характерными остатками сожженныхъ костей, углей и другихъ предметовъ. Кромѣ того, въ насыпи одного изъ этихъ кургановъ были найдены дубовые столбы въ цѣльное дерево, расположенные оваломъ или кругомъ сожженныхъ костей, углей и другихъ предметовъ. Нижняя часть столбовъ входила въ материкъ.

Одиноко стоящій курганчикъ [2]), на возвышеніи по ту сторону долины, къ западу отъ южныхъ кургановъ Лысой Горы, не содержалъ въ себѣ ничего интереснаго, кромѣ битыхъ черепковъ въ насыпи да нѣсколькихъ камней, очевидно носившихъ слѣды участія рукъ человѣческихъ въ ихъ отдѣлкѣ [3]).

Остается еще прибавить, что возлѣ Лысой Горы, по берегу рѣки Сулы, но значительно выше черты даже самаго высокаго стоянія водъ весенняго разлива, подъ слоемъ ила и пепла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыты были слѣды человѣческихъ стоянокъ, обозначенныхъ слоями угля, костей и остатками битой посуды съ орнаментомъ и безъ него, болѣе грубаго типа.

Сказанное мною далеко не исчерпываетъ собою всего того, что добыто во время раскопокъ на Лысой Горѣ. Весь собранный матеріалъ хранится въ настоящее время въ д. Кругликѣ, въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, и можетъ послужить къ болѣе подробному ознакомленію съ эпохой создателей курганныхъ насыпей Лысой Горы. Въ заключеніе всего, на основаніи найденныхъ предметовъ и ихъ обстановки, можно прійти къ тому выводу, что курганы Лысой Горы принадлежатъ къ типу такъ называемой скиѳской эпохи.

Василій Ляскоронскій.

---

[1]) На планѣ № 12 и 13.

[2]) На планѣ № 14.

Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій (1806—1892 гг.).

(НЕКРОЛОГЪ).

1-го іюля текущаго года скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни бывшій профессоръ университета св. Владиміра *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, имѣя отъ роду ровно $86^1/_2$ лѣтъ. Большую часть своей жизни покойный провелъ въ Кіевѣ, занимая не только должность профессора университета, но состоя въ то же время членомъ мѣстнаго, существовавшаго тогда цензурнаго комитета, гласнымъ думы, членомъ по воинской повинности и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, и не переставая работать для науки сначала по своей профессорской обязанности, а потомъ въ должности помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ при университетѣ; извлекаемые оттуда матеріалы по исторіи южно-русскаго права онъ частью помѣщалъ въ „Кіевской Старинѣ", частью же издавалъ на собственныя средства.

Александръ Алексѣевичъ вполнѣ принадлежитъ XIX вѣку: онъ родился на 6-мъ году отъ его начала (1 января 1806 г.) и умеръ, не доживъ лишь $7^1/_2$ лѣтъ до его конца. Отецъ А. А. (о. Алексѣй Ѳедотовъ) былъ послѣднимъ духовникомъ императора Александра I, во время пребыванія его въ Таганрогѣ, а дѣдъ— сельскимъ священникомъ воронежской губерніи; здѣсь у старика былъ небольшой хуторъ, въ которомъ онъ хозяйничалъ и въ которомъ любилъ проводить каникулярное время его горячо любимый единственный внукъ. По заведенному обычаю, отецъ опредѣлилъ А. А. въ духовную семинарію родной губерніи, пред-

полагая направить его по пути, по которому и самъ шелъ; при поступленіи въ учебное заведеніе, молодой А. А., по просьбѣ отца и съ разрѣшенія воронежскаго епископа Епифанія, былъ записанъ подъ двумя фамиліями: отца и матери (Чеховской, дочери священника волынской епархіи). О ходѣ первоначальнаго образованія А. А. намъ извѣстно очень немного. Въ то время, когда онъ вступилъ въ школу, послѣдняя была очень сурова; понятія „ученіе“ и „наказаніе“ продолжали еще быть тождественными. Причиной жестокости, по мнѣнію А. А., кромѣ характера той эпохи вообще, было еще и то обстоятельство, что семинарское воспитаніе находилось въ рукахъ чернаго духовенства, безбрачнаго и потому не знавшаго нѣжнаго отцовскаго чувства. Но А. А. ни-разу не пришлось испытать на себѣ тяжести учительскаго внушенія: отъ перваго и до послѣдняго класса онъ былъ лучшимъ ученикомъ семинаріи, а вліяніе родителей и обычныя съ ихъ стороны праздничныя приношенія начальству и наставникамъ устраняли излишнюю ихъ придирчивость къ ученику. Особенно хорошо овладѣлъ въ семинаріи А. А. древними языками: греческимъ и латинскимъ, такъ что свободно, безъ словаря, могъ читать въ подлинникѣ творенія отцевъ церкви; вслѣдствіе этого, будучи еще ученикомъ высшихъ классовъ семинаріи, А. А., за недостаткомъ учителей, былъ назначенъ преподавателемъ этихъ языковъ въ низшихъ классахъ. По окончаніи семинаріи въ 1827 г., А. А. продолжалъ съ прежнимъ успѣхомъ начатое богословское образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи, но окончить ее А. А. не удалось по слѣдующему обстоятельству. Въ то время графомъ М. М. Сперанскимъ предпринято было изданіе „Полнаго Собранія Русскихъ Законовъ“ (1830 г.) и „Свода Законовъ“ (1832 г.), при этомъ обнаружился недостатокъ въ ученыхъ юристахъ, а потому были приняты мѣры къ поднятію уровня юридической науки въ Россіи. Съ этой цѣлью изъ духовныхъ академій были выбраны лучшіе студенты и прикомандированы ко II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ подъ надзоромъ и руководствомъ самого гр. Сперанскаго молодые студенты получали предварительную юридическую под-

готовку, дополняя ее слушаніемъ лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ, по выдержаніи испытанія, отправлялись для усовершенствованія въ законовѣдѣніи въ Берлинскій университетъ. Первая партія студентовъ отправлена была въ сентябрѣ 1829 г.; въ нее, между прочимъ, вошли изъ бывшихъ потомъ въ Кіевѣ профессоровъ К. А. Неволинъ, С. О. Богородскій и С. Н. Орнатскій; въ замѣнъ отправленныхъ были избраны еще нѣсколько лицъ, изъявившихъ готовность посвятить себя изученію юриспруденціи; въ числѣ ихъ былъ и А. А. 11 сентября 1829 г. онъ былъ прикомандированъ ко II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и отсюда, уже по предварительной подготовкѣ, отправленъ по Высочайшему указу 4-го октября 1831 г. въ Берлинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотоварищами, съ которыми до конца жизни онъ находился въ самыхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сохранившаяся переписка ихъ съ А. А. (профессора Харьковскаго университета Куницынъ и Платоновъ). Въ Берлинскомъ университетѣ въ это время курсъ римскаго права читалъ Фридрихъ-Карлъ фонъ-Савиньи, глава и одинъ изъ основателей исторической школы права. Русское правительство поручило ему надзоръ и руководство въ занятіяхъ своихъ студентовъ. Вліяніе его лекцій навсегда опредѣлило направленіе работъ А. А., для котораго соч. Савиньи: „System des römisches Rechts“ служило настольной книгой и руководствомъ при разработкѣ римскаго и русскаго гражданскаго права, ставшаго спеціальнымъ предметомъ изученія и изслѣдованій А. А. Разработку римскаго права онъ началъ, такъ сказать, съ самаго основанія, избравъ для своей докторской диссертаціи: „*Законы двѣнадцати таблицъ*“, древнѣйшій законодательный памятникъ римскаго права, въ которомъ выражается первая попытка сплоченія на почвѣ права отдѣльныхъ частей націи въ одно государство. Представленная въ рукописи для защиты въ С.-Петербургскій университетъ, работа молодаго ученаго была встрѣчена весьма сочувственно, и на диспутѣ одинъ изъ оппонентовъ замѣтилъ, что въ сочиненіи А. А. каждая глава есть отдѣльная монографія, заслуживающая искомой степени. Работа эта была начата еще

въ Берлинѣ и, быть можетъ, по мысли и подъ руководствомъ Савиньи. Защита диссертаціи состоялась 4-го сентября 1835 г., т. е. почти черезъ годъ послѣ возвращенія А. А. и его товарищей (въ октябрѣ 1834 г.) изъ заграничной командировки, а въ началѣ 1836 года послѣдовало назначеніе А. А. въ Харьковскій университетъ на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ римскаго права; къ этому періоду дѣятельности А. А. относится его трудъ: *„Romanos servitutes non modo non extare, imo ne extare quidem potuisse in juro rossico“*, прочтенный имъ, какъ рѣчь, въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета 30 августа 1837 г. Пребываніе въ Харьковѣ А. А. было не продолжительно. Въ 1838 году начато передвиженіе кіевскихъ профессоровъ-поляковъ въ восточные русскіе университеты, а на ихъ мѣста были назначены русскіе ученые. Въ Кіевѣ каѳедру римскаго права занималъ родной братъ извѣстнаго польскаго поэта А. Н. Мицкевичъ, которому и пришлось обмѣняться своимъ мѣстомъ съ А. А. Дѣятельность покойнаго съ переходомъ въ Кіевъ значительно расширилась. Перейдя въ 1843 г. съ каѳедры римскаго права на каѳедру русскихъ законовъ общихъ, особенныхъ и мѣстныхъ, А. А. продолжалъ чтеніе лекцій и по римскому праву до 1846 г., когда эту каѳедру занялъ его ученикъ, К. А. Митюковъ; кромѣ того, ему пришлось читать еще въ теченіе 1842—43 и въ 1850 гг. международное право. Какъ членъ университета, А. А. исполнялъ много разъ порученія своего начальства: два раза былъ деканомъ юридическаго факультета (въ 1840—41 и въ 1848—49 гг.); между прочимъ ему пришлось принимать отъ проф. Траутфетера насажденный имъ ботаническій садъ. Въ послѣдніе годы, работая въ архивѣ, окна котораго выходятъ въ садъ, А. А., любуясь имъ въ минуты отдыха, вспоминалъ то далекое время, когда молодыя деревца были еще только посажены, и ему нужно было провѣрить метрическую, такъ сказать, запись о рожденіи каждаго изъ нихъ.

Изъ ученыхъ трудовъ А. А. къ этому періоду слѣдуетъ отнести рѣчь: *„О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ“*, напечатанныхъ Археографической Коммиссіей. Рѣчь эта была про-

чтена имъ въ торжественномъ собраніи университета 10 октября 1848 года; другимъ капитальнымъ трудомъ было изданіе въ двухъ томахъ „*Актовъ, относящихся до гражданской расправы древней Руси*“ (томъ I, Кіевъ, 1860 г.; въ немъ 110 актовъ на 407 стран.; томъ II, Кіевъ, 1863; въ немъ 73 акта на 830 стр.). Акты эти собраны были А. А. въ его поѣздку съ ученою цѣлью въ С.-Петербургъ и Москву въ 1853 и потомъ изданы на собственный счетъ; указатели и оглавленія къ нимъ вышли въ свѣтъ въ 1884 г. [1]).

Въ бытность свою профессоромъ университета А. А. состоялъ цензоромъ Кіевскаго Цензурнаго Комитета. Намъ пришлось слышать отъ А. А. любопытный разсказъ о случаѣ изъ его цензорской службы, случаѣ тѣмъ болѣе интересномъ, что онъ касается литературной дѣятельности покойнаго Н. И. Костомарова и не занесенъ имъ въ свою автобіографію. Избранный въ профессора кіевскаго университета Н. И. Костомаровъ предпринялъ изданіе матеріаловъ по исторіи Малороссіи; именно, онъ извлекъ „изъ „Полнаго Собранія Законовъ“ всѣ акты, касающіеся отношеній русскихъ государей къ южной Руси и особенностямъ ея строя. Перепечатка не противорѣчила цензурному уставу; когда же рукопись поступила на разсмотрѣніе А. А., онъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить ее къ печати на томъ основаніи, что хотя перепечатка отдѣльныхъ актовъ и могла быть допущена, но собранные вмѣстѣ, эти акты, безъ указанія поводовъ къ ихъ изданію, имѣли такой характеръ, который строго преслѣдуется уставомъ. Одинъ изъ членовъ цензурнаго комитета настаивалъ на разрѣшеніи, но А. А. остался все-таки непреклоннымъ; раздраженный отказомъ, Н. И. объявилъ, что онъ посылаетъ рукопись въ Спб. цензурный комитетъ и увѣренъ, что она найдетъ тамъ болѣе снисходительный пріемъ. Дѣйствительно, печатаніе сборника разрѣшено было въ Спб.; но когда книга уже была отпечатана и готовилась къ

---

[1]) Кромѣ того, по смерти своего товарища и друга С. О. Богородскаго, профессора Кіевскаго университета, А. А. принялъ на себя редакцію изданныхъ университетомъ лекцій покойнаго: „*Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в.*“ (т. I—II, Кіевъ. 1862, in 8, XVI+655, XVIII+438).

выходу изъ типографіи, на нее наложено было самое строгое запрещеніе. Встрѣтясь послѣ этого съ А. А., Костомаровъ первый подошелъ къ нему, извинился за свою горячность и выразилъ сожалѣніе, что не послушалъ его совѣта. Въ комитетѣ также скоро было получено увѣдомленіе о задержаніи Сборника; и тотъ изъ членовъ, который настаивалъ на разрѣшеніи Костомарову, теперь подшучивалъ надъ А. А.: „счастье ваше, А. А., что не разрѣшили печатанія, а то быть бы теперь бычку на веревочкѣ“.—И этимъ я былъ бы обязанъ вамъ, любезный коллега—замѣтилъ ему А. А. Въ должности цензора А. А. пробылъ болѣе десяти лѣтъ (съ 22 декабря 1839 года по 25 января 1851 г.); имя его часто можно встрѣтить на книгахъ, печатавшихся въ 40-хъ годахъ.

Въ октябрѣ 1861 г. А. А. вышелъ въ отставку послѣ 30 лѣтъ службы; но это не значило для него прекращеніе труда, а напротивъ было переходомъ къ живой практической дѣятельности и притомъ въ тотъ моментъ, когда спросъ на образованныхъ людей, а еще болѣе съ юридическимъ образованіемъ, былъ огромный. А. А. былъ избранъ въ члены комитета по введенію въ краѣ уставныхъ грамотъ. Вспоминая объ этой службѣ своей, А. А. всегда жаловался на массу непріятностей, которыя приходилось ему выносить изъ-за защиты интересовъ крестьянъ противъ стремленія польскихъ помѣщиковъ обдѣлить своихъ прежнихъ „подданныхъ“ землей.

Въ это же самое время А. А. принялъ дѣятельное участіе и въ дѣлахъ города, и особенно горячо хлопоталъ о введеніи въ Кіевѣ взаимнаго отъ огня страхованія. Но эти заботы А. А. объ устройствѣ пожарной части въ Кіевѣ не были единственнымъ дѣломъ служенія его городу: онъ исполнялъ и многія другія обязанности по порученію городской управы въ теченіе 20 лѣтъ, пока былъ въ силахъ; но въ мартѣ 1880 года, будучи уже 74-лѣтнимъ старикомъ, онъ подалъ въ управу заявленіе объ увольненіи, о чемъ было доложено и думѣ, которая въ засѣданіи 27 марта опредѣлила: уволивъ А. А. отъ возлагаемыхъ на него обязанностей, выразить ему признательность за понесенные труды на пользу города.

Казалось бы, кипучая практическая дѣятельность должна была подавить въ А. А., при его преклонныхъ лѣтахъ, стремленіе къ умственному труду и вызвать естественную потребность въ отдыхѣ и покоѣ. Но нѣтъ,—его духъ былъ еще бодръ; 70-ти лѣтъ онъ вступаетъ въ должность помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ при университетѣ св. Владиміра (съ 26 октября 1876 г.); здѣсь онъ проявляетъ то же въ высокой степени честное отношеніе къ дѣлу, какъ и иа другихъ поприщахъ дѣятельности: являясь ежедневно къ 9 часамъ утра, онъ просиживалъ, не отрываясь отъ работы, до 3-хъ, и нерѣдко проводилъ надъ разборомъ древнихъ актовъ и праздничные дни. При занятіяхъ въ архивѣ, А. А. предпринялъ нѣсколько весьма важныхъ научныхъ трудовъ: 1) онъ старательно прослѣдилъ примѣненіе на практикѣ перваго и втораго литовскаго статута и отступленія отъ него, въ періодъ 1529—1588 г., а также отмѣчалъ варіанты текста обоихъ статутовъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя можно было встрѣтить въ актовыхъ книгахъ. Избранный для чтенія А. А. періодъ времени важенъ въ томъ отношеніи, что тогда въ юго-западной Россіи происходило введеніе въ дѣйствіе перваго кодекса законовъ, замѣнявшаго, если и не вполнѣ, обычное право, кодекса, который былъ признанъ вскорѣ недостаточнымъ и замѣнился дополненнымъ новымъ. 2) Читая древніе акты, А. А. выдѣлялъ изъ массы ихъ такіе, въ которыхъ наблюдалъ признаки развитія понятій гражданскаго и уголовнаго права, развитіе судоустройства и судопроизводства; такихъ актовъ имъ отобрано было до $1^1/_2$ сотни, которые и переданы имъ для изданія въ кіевскую археографическую коммиссію, если она найдетъ возможнымъ таковое. 3) А. А., читая древніе акты, не могъ также не обратить вниманія на отсутствіе въ нашей учебно-вспомогательной литературѣ точнаго и обстоятельнаго словаря древнихъ актовыхъ словъ и выраженій, такъ какъ ни одинъ изъ существующихъ словарей рѣшительно не удовлетворяетъ своему назначенію, не будучи примѣненъ къ мѣстнымъ нуждамъ; нѣтъ необходимости говорить, что работа эта требуетъ долгаго труда и что при другихъ оффиціальныхъ занятіяхъ и личныхъ научныхъ интересахъ она не могла быть доведена

А. А. до конца и оставлена имъ для продолженія своимъ молодымъ преемникамъ. Отдавшись весь изученію южно-русской исторіи и права, А. А. горячо привѣтствовалъ появленіе въ Кіевѣ нашего историческаго журнала и помѣщалъ на его страницахъ важнѣйшіе историческіе документы. Такъ, имъ были напечатаны: 1) *„Инструкція гетмана Даніила Апостола малороссійскимъ судамъ“* (1887, январь); 2) *„Бракоразводный казусъ конца XVI ст.“* (ibid.); 3) *„Каштелянъ брацлавскій Василій Загоровскій въ полонѣ у татаръ“* (ibid., февраль); и 4) *„Волынская полоненница XVI ст.* и *ея „орменскій“ обожатель“* (ibid., май). Въ то же время А. А. къ юбилею университета въ 1884 г. собралъ, самъ переписалъ и издалъ на собственныя средства: *„акты греческаго Нѣжинскаго братства“*, заключающіе въ себѣ не только грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ относительно церковнаго быта, но и универсалы гетмановъ, касающіеся самоуправленія братства. Своевременно „Кіевская Старина“ познакомила въ рецензіи г. В. А. своихъ читателей съ этимъ интереснымъ и важнымъ изданіемъ.

Но съ особеннымъ интересомъ А. А. занялся въ два послѣдніе года своей службы собираніемъ *„матеріала для біографіи Лубенскаго полковаго судьи Василія Стефановича“*, одного изъ выдающихся и образованныхъ малорусскихъ юристовъ прошлаго столѣтія, предсѣдателя коммиссіи по переводу „книгъ правныхъ“, изданныхъ раньше покойнымъ проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ подъ заглавіемъ: „Права, по которымъ судится малорусскій народъ“; объ участіи Стефановича въ этомъ трудѣ до сихъ поръ ничего не было извѣстно, и собранные А. А. матеріалы проливаютъ свѣтъ на этотъ темный вопросъ, а также указываютъ на состояніе образованія среди высшихъ классовъ малороссійскаго шляхетства. Матеріалъ въ непродолжительномъ времени появится на страницахъ VII-ой книги „Чтеній въ обществѣ Нестора-лѣтописца, гдѣ онъ печатается подъ редакціей проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Нашъ перечень трудовъ А. А. былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о томъ десяткѣ „описей“ къ актовымъ книгамъ Центральнаго Архива, которыя сдѣланы

имъ по обязанности. Важность этихъ описей заключается не только въ подробной передачѣ содержанія документа, съ сохраненіемъ характерныхъ выраженій оригинала, но также и въ томъ, что они нерѣдко снабжаются справками историческими, юридическими, хронологическими и лексиконными.

Не смотря на усердные архивные отшельническіе труды, жажда практической дѣятельности не переставала томить неутомимаго А. А. и въ этотъ періодъ его жизни, третій—архивный, если можно такъ выразиться; теперь онъ внимательно слѣдитъ въ качествѣ члена за дѣятельностью кіевскаго Свято-Владимірскаго братства, какъ по обращенію иновѣрцевъ въ православіе, такъ и за успѣхами дѣтей въ братской школѣ; для послѣдней онъ не мало жертвовалъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, чтобы дать новокрещеннымъ духовную пищу, по крайней мѣрѣ, на время пребыванія ихъ въ братствѣ.

Съ постояннымъ стремленіемъ къ знанію, съ любовью къ труду, въ А. А. соединялись высокій нравственный, глубоко проникнутый духомъ Евангелія, идеалъ, прямота характера, рѣдкая доброта,—словомъ, тѣ качества души, которыя сразу сближали съ нимъ всякаго и привязывали навсегда къ не мудрыхъ. Мы просмотрѣли сохранившіяся письма А. А.; многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ или просьбы о ходатайствѣ и хлопотахъ или выраженія благодарностей за исполненіе этихъ просьбъ. Эти письма—лучшее доказательство доброты его сердца и готовности прійти на помощь ближнему.

Высокія нравственныя качества А. А. дали ему многихъ друзей, какъ по школѣ, такъ и по службѣ; въ числѣ ихъ А. А. считалъ высокопреосвященнаго Леонтія, недавно почившаго митрополита Исидора, который относился къ нему особенно радушно; преосвященнаго Порфирія Успенскаго, бывшаго викаріемъ Кіевской митрополіи, товарища А. А. по академіи; узы

тѣсной дружбы связывали его со многими профессорами не только Кіевскаго университета, но и Харьковскаго, какъ напр.: проф. Платоновъ, Куницынъ и друг.; въ числѣ почитателей А. А. были многіе изъ его слушателей въ университетѣ, занимавшіе потомъ высокіе посты въ судебномъ вѣдомствѣ и ведшіе по временамъ дружескую переписку съ А. А.

И. Каманинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Вымороченный человѣкъ“. *(Случай изъ временъ крѣпостного права* [1]). Въ 1835 г. *дворовый человѣкъ капитана турецкихъ войскъ* Балабана, Василій Заварзинъ, подалъ кіевскому губернскому прокурору прошеніе, въ которомъ заявилъ, что онъ «находится въ услуженіи у Балабана неизвѣстно по какимъ правамъ, такъ какъ онъ не знаетъ, имѣетъ-ли Балабанъ на него законныя укрѣпленія и предъявлялъ-ли правительству актъ о принадлежности его съ женою; что Балабанъ желаетъ имѣть его во услуженіи далѣе, а можетъ быть со временемъ завезть за-границу; онъ же, *опасаясь, дабы не подвергнуться какой-либо законной отвѣтственности,* проситъ учинить о немъ надлежащее разслѣдованіе».

Произведенное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что Заварзинъ былъ дворовымъ человѣкомъ помѣщика орловской губерніи трубчевскаго уѣзда с. Лопушни маіора Толбузина и достался ему по наслѣдству отъ отца его по раздѣльному акту съ родными его братьями и сестрами. Назадъ тому лѣтъ 15 *женою Толбузина* переданъ въ услуженіе поручику 21 егерскаго полка Жуковскому (въ дѣлѣ упоминается, впрочемъ, свидѣтельство о продажѣ Заварзина Жуковскому Толбузинымъ). Заварзинъ нѣсколько лѣтъ служилъ своему новому хозяину, сопровождая его въ служебныхъ разъѣздахъ; во время одного изъ подобныхъ передвиженій въ подольской губ. ямпольскаго уѣзда въ с. Петросѣ онъ женился на шляхтянкѣ Прасковіи Порохницкой. Наконецъ лѣтъ 7 тому назадъ Жуковскій умеръ въ г. Чаусахъ могилевской губ. Заварзинъ же, оставшись безъ всякаго письменнаго вида, пересланъ изъ г. Брянска въ Кіевъ и уже болѣе 5 лѣтъ находится

---

[1]) „Старыя дѣла“ К. Ц. Архива. Дѣло объ ищущемъ свободы изъ владѣнія капитана турецкихъ войскъ Балабана человѣкѣ Василіи Заварзинѣ.

въ услуженіи у Балабана, который считаетъ его своимъ крѣпостнымъ. Балабанъ въ удостовѣреніе своихъ правъ представилъ только *свидѣтельство на свободное проживаніе въ Россійской Имперіи* и заявилъ, что Заварзинъ достался ему послѣ смерти его воспитанника, поручика Жуковскаго, не оставившаго никакихъ по себѣ родственниковъ.

Кіевскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло 28 іюня 1835 г., постановилъ: «означеннаго Заварзина до явки оказаться еще могущихъ какихъ либо родственниковъ умершаго Жуковскаго, *въ теченіи десятилѣтняго срока*, не признавая его свободнаго состоянія человѣкомъ, *оставить онаго только въ должномъ къ Балабану повиновеніи и послушаніи за установленную по обыкновенію награду*, по истеченіи котораго срока и за неявкою никакихъ родственниковъ умершаго Жуковскаго останется онъ *какъ вымороченный* (sic) вольнымъ избрать себѣ родъ жизни, а до того времени, дабы не оставался прописаннымъ по ревизіи, обязать Балабана подать о немъ ревизскую сказку за наслѣдниками Жуковскаго и уплатить казенныя подати».

Уѣздный стряпчій А. П. Мануиловъ подалъ на это рѣшеніе апелляціонную жалобу, въ которой заявлялъ, что рѣшеніе уѣзднаго суда «есть вовсе неправое и съ существомъ дѣла и законами несогласное», такъ какъ 1) Балабанъ не состоялъ ни въ какомъ родствѣ съ Жуковскимъ, а потому не можетъ быть его наслѣдникомъ; 2) Балабанъ ни духовнымъ завѣщаніемъ ни другимъ какимъ либо актомъ не назначенъ на распоряженіе человѣкомъ Заварзинымъ; 3) наслѣдники Жуковскаго уже были вызываемы, но не явились и потому назначенный судомъ десятилѣтній срокъ для явки ихъ есть неумѣстный и излишній, противорѣчащій законамъ о публикаціи; 4) предположенная уѣзднымъ судомъ записка Заварзина за наслѣдниками Жуковскаго, не только неизвѣстными, но даже, какъ видно, не существующими, ни съ чѣмъ не сообразна, тѣмъ болѣе, что и самъ Балабанъ, не будучи дворяниномъ Россійской Имперіи не можетъ владѣть крестьянами и не иначе можетъ имѣть у себя въ услуженіи людей, какъ по узаконеннымъ паспортамъ на общемъ основаніи.

Кіевская палата гражданскаго суда согласилась съ мнѣніемъ стряпчаго Мануилова и 7 марта 1838 г. рѣшила предоставить Заварзину избрать родъ жизни свободнаго состоянія. Заварзину выдана была копія этого рѣшенія, по которой онъ и проживалъ въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе дѣло еще не кончилось, потому что рѣшеніе не было объявлено Балабану. Когда же въ ноябрѣ 1841 года кіевская полиція сообщила, что Балабанъ умре, палата постановила «предписать кіев-

ской полиціи указомъ, чтобы она, удостовѣрясь со всею аккуратностью, *не осталось ли послѣ смерти Балабана какихъ наслѣдниковъ и гдѣ они находятся*, донесла палатѣ немедленно; при томъ буде таковые находятся въ Кіевѣ, то обязала ихъ подпискою явиться въ палату въ семидневный срокъ для слушанія рѣшенія». Полиція въ апрѣлѣ 1842 г. донесла, что наслѣдниковъ Балабана въ Кіевѣ не оказалось. Палата, не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, постановила вызвать наслѣдниковъ посредствомъ публикаціи въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ и только, по истеченіи законнаго срока, уже въ 1843 году, т. е. чрезъ 8 лѣтъ послѣ начала дѣла, Заварзинъ былъ признанъ свободнымъ.

В. Щербина.

„Правная грамота“ православнаго священника 1777 года.

Извѣстно, что конецъ XVIII в. въ Польшѣ былъ временемъ наибольшаго угнетенія «диссидентовъ», между которыми значительное большинство составляло православное населеніе ю. з. края. Еще въ 1732 г. противъ диссидентовъ изданы были чрезвычайно суровыя постановленія. Хотя въ 1768, по требованію русскаго правительства, постановленія эти были отмѣнены, но послѣ перваго раздѣла Польши «русское правительство сдѣлало значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты въ отношеніи религіознаго вопроса» и согласилось, по трактату 1775 г., какъ на ограниченіе политическихъ правъ диссидентовъ (исключеніе ихъ изъ сената и министерствъ, почти полное исключеніе изъ сейма), такъ и на ограниченіе свободы вѣроисповѣданія (запрещеніе публичныхъ похоронъ употребленіе колоколовъ при церквахъ) и нѣкоторыхъ другихъ правъ. «Распространеніе шляхтичами уніи и изгнаніе ими послѣднихъ православныхъ духовныхъ должно было теперь продолжаться съ полнымъ успѣхомъ и достичь давно желанной цѣли» [1]).

Въ статьѣ г. Храневича, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», сообщается, на основаніи архивныхъ документовъ, множество фактовъ, рисующихъ положеніе православнаго духовенства ю. з. края въ эту эпоху. Въ дополненіе къ этимъ фактамъ считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій документъ, найденный нами въ одномъ изъ дѣлъ Кіев. центр. архива.

---

[1]) Архивъ ю.-з. Россіи, часть I, томъ IV—предисловіе В. Б. Антоновича.

Michał na Visziczu y Jarosławiu Hrabia, Swiętego Panstwa Rzymskiego Xiąze Łubomirski, Woiewodzic Kijowski, Pułkownik Regimentu pieszego Ostrogskiego, Orderu S. Huberta Kawaler, na Dubnie, Smiłey, Zabotynie y Innych Pan y Dziedzic.

Poniewaz Poddani moi Dziedziczni Dobr wsi Jablonowki klucza Zabotynskiego mieszkancy Supplikowali o to abym Konctantego Iwanowicza, Parocha przy Cerkwi Swiętego Jana Bogusława, utrzymał, przeto, zostawująс Poddanstwu względem Religii Wolnosc do nieiakiego Czasu, poki Najasnieysza Rzecz-Pospolita iakowego nie uczyni rozrządzenia, temuz swiaszczennikowi przy tey Parochiy umieszczeniasię, obowiązkow Religii swoey sprawowania y wszelkich z teyze Parochii uzytkow partycypowania dozwalam. Ostrzega się zas ninieyszym dokumentom, aby pomieniony Swiaszczennik zadney z Dworzem Dziedzicznym y Gromadą nie czynioł klotni, y aby zadney, krom własney Dziedzicznеy nie szukał Protekcyi pod niewaznoscią tegoz pozwolenia. Ktory dokument dla większy wagi y pewnosci Ręką moią Własną podpisuię 26 octobris 1777 roku, w zamku moim Dziedzicznym Zabotynskiem. Przydaiesię do tey Parochii Grontu wyrobianego w kazdą Rękę po dni pięc, iakoz sianozęc podług proporcyi. Co wszystko ma byc od zwierchnosci umiarkowane bez krzywdy iednak poddanych.—M. X. Lubomirski. L. S. [1])

Грамота эта, очевидно, замѣняла собою обычную презенту, но презента обыкновенно и служила презентой, т. е. представленіемъ

---

[1]) Михаилъ на Вышичѣ и Ярославѣ графъ, священной римской Имперіи князь Любомирскій, Воеводичъ Кіевскій, полковникъ пѣхотнаго Острожскаго полка, кавалеръ ордена Св. Губерта, господинъ и наслѣдственный владѣтель Дубна, Смѣлы Жаботина и иныхъ.

Такъ какъ мои наслѣдственные подданные, жители с. Яблоновки, Жаботинскаго ключа, просили, чтобы я оставилъ священникомъ при церкви св. Іоанна Богослова Константина Ивановича, то, оставляя за подданными свободу вѣроисповѣданія до нѣкотораго времени, пока Найясиѣйшая Рѣчь Посполитая не учинитъ какого-либо распоряженія, дозволяю этому священнику занять тотъ приходъ, исполнять то, къ чему обязываетъ его религія, и пользоваться всѣми доходами. Причемъ настоящимъ документомъ предостерегаю, чтобы упомянутый священникъ не вступалъ ни въ какія пререканія съ владѣльческимъ дворомъ и громадою и не искалъ никакой протекціи, кромѣ какъ у владѣльца; въ противномъ же случаѣ настоящее позволеніе теряетъ силу. Документъ сей для большаго значенія и достовѣрности подписываю собственною моею рукою 26 октября 1777 года въ наслѣдственномъ моемъ замкѣ Жаботинскомъ.—Придается къ этому приходу обработанной земли въ каждую руку по 5 дней и пропорціонально тому сѣнокосъ. Все это должно быть опредѣлено властями, но безъ обиды для подданныхъ—М. К. Любомирскій. М. П.

отъ помѣщика высшей духовной власти, рекомендаціею желаемаго помѣщикомъ кандидата; въ настоящемъ же документѣ помѣщикъ утверждаетъ священника своею властью. Интересны также оговорки относительно временнаго характера вѣротерпимости и относительно исканія чужой протекціи.

В. Щербина.

Индульгенція. Въ архивѣ мидской церкви, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи, хранится небезъинтересный въ историческомъ отношеніи документъ прошлаго вѣка, показывающій, къ какимъ средствамъ прибѣгало уніатское духовенство для увеличенія доходовъ своихъ, мѣстами очень бѣдныхъ, церквей. Вотъ подлиный текстъ документа:

«Кипріанъ Стецкій Божіею и Святаго престола апостольскаго благодатію екзарха митрополіи кіевскія, галицкія и всея Россіи, луцкій и острогскій епископъ».

«Всѣмъ, обще и особенно, кому принадлежитъ, а имянно: пречестнѣйшимъ, пречестнымъ, честнымъ мірскаго и монашескаго чина, всякаго достоинства и степене, пресвитеромъ извѣстно творимъ: понеже мы имѣемъ власть въ цѣлихъ луцкой и острогской діецезіяхъ привиліовати олтари, единъ, въ единокоейждо церкви, и тѣмъ отпусты на воспомоществованіе душамъ о надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя представившимся, да казней чистительныхъ свобождаются, надавати: намъ отъ святѣйшаго господина Пія Божіимъ промысломъ папы тоѣ имене ѕ҃ (данъ въ Римѣ року ҂аѱ҃о҃д, дня к҃и августа) милостивно дану; по силѣ тоей-же власти, единъ олтарь въ пароxіальной церкви *Мидцкой* подъ именемъ *Живоначальной Тройцы* водружонъ *Престолъ Великій* къ сему же намѣренію о имени Божіемъ означаемъ и къ томужъ отпусты присовокупляемъ, сице де когда либо священникъ мірскій и коего либо чина, собранія и оустава правильнаго литургію оусопшихъ о души всякого правовѣрнаго, о надеждѣ воскресенія и жизни вѣчнаго оусопшаго на означенномъ Великомъ Престолѣ сице о насъ оупривиліованномъ совершати будетъ, душа та отъ сокровища церкве помощь получитъ ко прощенію и Господа Нашего Іисуса Христа и Преблагословенныя Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ заслугами, ей помоществующими отъ чистительныхъ мукъ свободится симъ писаніемъ *на десять годовъ*, отъ вышепомянутаго дне к҃и августа числячи служити имущимъ. Въ достовѣрность

сихъ: и прочая. Дадеся въ Рожищахъ, дня к҃, мѣсяца октоврія ҂аѱо҃д року.

Кипріанъ епископъ.

Миколай Любовичъ Судовъ придвор. епископскихъ епар. луц. острог. и апостольскій писаръ.

Мидская церковь существуетъ съ половины прошлаго вѣка. Не смотря на привиллегіи великаго престола, она никогда не обладала достаточными матеріальными средствами, какъ объ этомъ можно судить по даннымъ церковнаго архива. Мидскіе отпусты и индульгенціи не нашли для себя сочувствія въ народѣ.

Ѳ. К—ій.

Вирши про панщину. Въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, сохранилась въ простонародьи такая *«байка про старе житье»*:

Вже прошлы ты несчастны часы,
Якъ колысь у неволи люде булы;
Паны былы, забывалы,
До сорочки обдыралы,
Що хотилы зъ хаты бралы,
А хто чого не дававъ,
Зъ того шкуру дралы.
Хоть бы мужыкъ и згинувъ,
А мусывъ даты десятыну.
Зналы паны добре ѣисты,
Да въ костелахъ въ лавкахъ систы:
На лавкахъ соби посядають
Зъ паненками розмовляють.
Досыть грошей воны малы,
Й по Парижамъ розъизжалы,
Зъ золотымы пидковкамы
Пидъ конскимы копытамы.
Нашу виру зневажалы,
Церквы жидамъ отдавалы,
Насъ зъ собакамы ривнялы.
Экономы зъ нагайкамы
Тялы хлопа канчукамы,
Щей лякалы рекрутамы.
Приказувалы оссаулы:

— «Гоны хлопа шибчей пули,
«Гоны хлопа на панщину!
«А якъ хочешь—лупы въ спыну!
Охъ, пришлы вже тыи лита,
Не забуть намъ того лыха!

Царь нашъ русскій змылувався,
За те луже добре взявся,
Щобы волю хлопамъ даты
Изъ рукъ лядьскихъ одобраты.
Ляхи тутъ-ся зажурылы,
Чорный трулъ [1]) воны надилы.
Ляхи свыты надивають
Воны въ тымъ-ся не встыдають,
«Бо то буйство—не подлежность,
«За те бендзе намъ хвалебность».
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костелахъ Бога молять:
— «Верны вольность и отчизну,
«Верны люде и панщизну!»
Нема ляху вже прошлого,
Нема йому й быты кого....
Першъ бувало на маіувку,
А тепера на мандрувку.
Мужикъ зъ davчкомъ, та за паномъ;
Панъ крычавъ—той не вважае,
Дручкомъ спыну винъ ровняе.
— «А почекай но ты пане,
«Побалакай но ты зъ хамомъ,
«Тра зъ тобою зквитуватысь...
«Теперъ мужикъ деликатный,
«За хлибъ за соль тоби вдячный»...
Дочекався мужикъ того—

Зловывъ за чубъ пана свого,
Звязавъ йому назадъ руки
Отдавъ його на покуты...

Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, со словъ крестьянина, слышавшаго эти „вирши" въ с. Шпановѣ того-же уѣзда.

Ѳ. К—ій.

---

[1]) Трауръ.

Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октоврія. Довбышови—110 золотыхъ, Сурмачеви—110 золотыхъ, Данылови трубачови—110 золотыхъ, Семенови слипому трубачови—50 золотыхъ, Лукьянови трубачови—15 копъ, Даныловому сынови слипому—10 копъ, а всей музыци войсковой окромъ грошевой платы поставъ сукна дарму всимъ шести человикамъ черезъ рокъ давати. Записано сіе по указу Его Милости пана Іоанна Леонтьевича Черняка полковника полтавскаго для памяти (Мѣсская полтавская книга, стр. 306 на обор. Изъ рукописей проф. А. Ѳ. Кистяковскаго).

Этотъ маленькій документъ довольно любопытенъ, ибо даетъ понятіе какъ о составѣ полковой козацкой музыки въ нач. XVIII в., такъ и о ея содержаніи.

Въ полтавскомъ полку было всего 6 музыкантовъ: одинъ довбышъ (бившій въ литавры, а, м. б., въ барабанъ), одинъ сурмачъ, трое трубачей и шестой, игравшій на неизвѣстномъ инструментѣ, быть можетъ, также на трубѣ, а, м. б., на бандурѣ, такъ какъ онъ (былъ слѣпой, хотя впрочемъ и одинъ изъ трубачей также былъ слѣпой). Документальное свидѣтельство о слѣпыхъ музыкантахъ въ козацкихъ малороссійскихъ войскахъ заслуживаетъ полнаго вниманія съ нашей стороны; оказывается, что слѣпыхъ оффиціально принимали въ полковую службу въ качествѣ музыкантовъ и выдавали имъ жалованье наравнѣ съ зрячими.

Сообщилъ **Дм. Багалѣй.**

Московскій Историческій музей. Географическая выставка 1892 года. Попавъ въ Москву недѣли черезъ 2 послѣ открытія тамъ географической выставки, я невольно заинтересовался ею и рѣшилъ осмотрѣть. Любопытнаго тутъ оказалось немало и приходилось просто подгонять себя при осмотрѣ, такъ какъ я располагалъ однимъ только днемъ для этого. Помимо общаго интереса къ ней, я направилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на то, что далъ югозападный край, Малороссія, и теперь постараюсь подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ, отсылая къ газетнымъ и журнальнымъ отчетамъ лицъ, интересующихся работами изъ другихъ областей Россіи. Повторяю, что на осмотръ всей выставки мною былъ употребленъ одинъ день, т. ч. навѣрно на ней осталось и незамѣченное мною, но общее впечатлѣніе по интересующему насъ вопросу—вѣрно. Осмотрѣна выставка была 21-го августа, послѣ чего могли прибавиться новые

экспонаты. Географическая выставка открыта въ первой половинѣ августа и расположена въ 9-ти залахъ, обставленныхъ и декорированныхъ подъ руководствомъ представителей того или другаго научнаго, общественнаго учрежденія, доставившаго свои экспонаты. Это у насъ первая попытка дать, по возможности, полную картину состоянія землевѣдѣнія Россіи. Вы тутъ находите не только результаты работъ по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія, но и характеристику тѣхъ средствъ и условій, при которыхъ совершались работы, иллюстрированныя фотографическими снимками, моделями, и, наконецъ, фотографіи представителей этихъ работъ.

При самомъ даже бѣгломъ осмотрѣ выставки, вамъ бросается въ глаза очень характерная черта ея,—какъ и вообще многихъ начинаній,—это чрезвычайная неравномѣрность распредѣленія экспонатовъ, какъ по отношенію къ территоріи, такъ и къ отдѣльнымъ отраслямъ землевѣдѣнія. На ряду съ самыми детальными и многочисленными работами, относящимися къ одной области, мы находимъ большіе пробѣлы цѣлаго ряда другихъ, заслуживающихъ не меньшаго вниманія. Такъ, «вопросу» о соединеніи Каспійскаго и Аральскаго морей отведена цѣлая зала (9-я), наполненная разнообразными экспонатами... Что же нашелъ по вопросамъ, непосредственно касающимся программы «Кіев. Старины», увидите сами, слѣдуя за мною изъ залы въ залу.

1-я зала наполнена, главнымъ образомъ, работами военнаго вѣдомства, представляя значительную коллекцію военныхъ картъ Россіи, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ и кончая работами 92-го года. Преобладающее число экспонатовъ касается Азіатской Россіи. Помимо общихъ картъ Руси, захватывающихъ, значитъ, и югъ, мы встрѣчаемъ тутъ 3 плана сторожевыхъ линій въ южной Россіи съ 14-го по 18-й в., 3 карты южныхъ областей Р., «составленныхъ во время присоединенія Малороссіи»; карту Украины, составленную въ царствованіе Анны Іоанновны. Затѣмъ, съ лѣвой стороны той же залы повѣшена карта городищъ Черниговской губ., составленная г. Самоквасовымъ. Тутъ же находится старинный планъ сраженія подъ Полтавою 1709 г. Въ концѣ этой залы на столѣ разложены изданія различныхъ отдѣловъ, «Рус. Имп. Географическаго Общества»; особенно много выставлено отдѣлами Кавказскимъ, Сибирскимъ, трудовъ же бывшаго Юго-Западнаго отд. мы ни чего немогли найти.

Во 2-й залѣ мы находимъ экспонаты министерствъ морского и путей сообщенія, и Главн. Управленія почтъ и телеграфовъ. Работы самыя разнообразныя: карты путей сообщенія, виды и фотографіи ихъ работъ, труды гидрографическихъ экспедицій и пр. пр.

На столѣ въ нѣсколькихъ папкахъ лежитъ подробный планъ Днѣпра. На стѣнѣ съ лѣвой стороны отъ входа виситъ довольно большая карта 3-хъ Днѣпровскихъ пороговъ: Кодацкаго, Сурскаго и Лоханскаго, а около нея виситъ 10 фотографій Ненасытецкаго порога съ разныхъ сторонъ. Работа хорошая, но, какъ сами видите, это какіе-то островки, случайныя присылки изъ интересующихъ насъ уголковъ Руси.

3-я зала заключаетъ экспонаты Горнаго, Лѣсного департ. и департ-а земледѣлія и сельской промышленности, изданія центральнаго статистическаго комитета, нѣкоторыхъ земствъ и работы отдѣльныхъ лицъ по относящимся сюда вопросамъ. Тутъ изслѣдованіе Малороссіи входитъ кой-гдѣ въ общія карты Россіи; спеціальныхъ работъ нѣтъ. Изъ земствъ одно только Полтавское представило болѣе 50-ти томовъ своихъ изданій по изслѣдованію Полтавской губерніи и различнымъ вопросамъ текущей земской статистики.

Слѣдующія двѣ залы (4-я и 5-я) заключаютъ въ себѣ экспонаты географическаго кабинета Московскаго Универ. и межеваго вѣдомства; для нашей задачи мало интересны. Кромѣ стереоскопическихъ видовъ Днѣпра, Подоліи да сборника кружка студентовъ естественниковъ Харьк. Унив-а, тутъ указать не начто.

6-я зала представляетъ наибольшій интересъ для публики, благодаря этнографическому матеріалу. Помимо разнообразныхъ экспонатовъ отъ Москвы и Петербурга, дающихъ наглядную картину жизни этихъ городовъ прежде и теперь, не мало тутъ матеріала, относящагося къ различнымъ областямъ Россіи. Тутъ вы найдете типы, виды Кавказа, Сибири, Твери, Ярославля и др.;—этнографическую карту Пермской губ. Не мало здѣсь предметовъ по этнографіи Бѣлоруссіи (отъ Романова, Добровольскаго и др.); помимо фотографіи, цѣлая бытовая обстановка ихъ (отъ Романова); инородцамъ удѣлена тоже достаточная сравнительно, доля вниманія. Кромѣ всего этого имѣется нѣсколько щитовъ экспонатовъ по этнографіи Сербіи, Греціи, Чехіи, Герцеговины и др.

Посреди зала, на одномъ изъ щитовъ залы съ надписью: «виды западной Россіи» размѣщено небольшое число фотогр. снимковъ Кіева, въ центрѣ которыхъ большая, роскошная фотографія съ надписью: «малороссійскіе кобзари». Вы, дѣйствительно, видите группу слѣпцовъ—кобзарей съ очень типичными физіономіями, въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ располагаются они при исполненіи своихъ пѣсенъ. Здѣсь же виситъ нѣсколько типовъ Галичанъ, пришедшихъ «на заработки»,

виды Подоліи и типы малоросовъ съ Подлясья (Сѣдлицкой и Гродненской губ.); послѣднія (16 фотогр.)—отъ г. Янчука.

На одной изъ стѣнъ расположено нѣсколько этнографическихъ картъ Россіи. Особенный интересъ представляетъ «карта южно-русскихъ нарѣчій и говоровъ, составленная въ 71 году по указанію Чубинскаго и Михальчука». Въ общемъ экспонаты, относящіеся до юго-западнаго края, Малороссіи по исполненію хороши, но число ихъ слишкомъ мало, они совершенно теряются среди массы другихъ предметовъ...

Слѣдующія двѣ залы наполнены работами, изданіями различныхъ картографическихъ заведеній, учебными пособіями.

О послѣдней залѣ (9-й) сказано съ самаго начала.

Вотъ и все. Подводя итогъ всего замѣченнаго нами, съ грустью можемъ резюмировать такъ: чрезвычайная скудость экспонатовъ изъ интересующихъ насъ областей! Какъ же объяснить такое явленіе, что цѣлый край, и край обширный, съ тремя университетами въ своихъ предѣлахъ, почти ничего не далъ хотя бы для поверхностнаго уясненія того, что съ детальною подробностью обрисовано во многихъ изъ нашихъ окраинъ на той же самой выставкѣ?!

Причинъ такого явленія не мало, но одна изъ нихъ теперь является особенно наглядною. Это—отсутствіе особаго отдѣла Географическаго Общества, который бы имѣлъ въ виду изученіе даннаго края. И такъ, о такомъ цѣнномъ органѣ, какъ бывшій юго-западный отдѣлъ Геогр. Общ—а, можно пожалѣть, а частнымъ лицамъ, изучающимъ этой край и такъ мало давшимъ выставкѣ, можно сдѣлать даже упрекъ. Еще два слова. Я подвелъ итогъ выставкѣ и по интересующему вопросу нашелъ ее неудовлетворительною. Также точно можете и вы не удовлетвориться моей замѣткой, не найдя въ ней почти ничего, кромѣ перечисленія предметовъ въ извѣстномъ порядкѣ. Но... моя цѣль представить фактическое доказательство моего общаго вывода, изъ котораго слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ для лицъ, могущихъ примѣнить его на будущее время. Подробный и обстоятельный разборъ экспонатовъ былъ бы интересенъ тогда, еслибы они, вмѣстѣ взятые, давали что нибудь цѣлое, систематичное, а не представляли изъ себя что-то случайно—попавшее и такъ растерявшееся въ массѣ предметовъ, что его надо выискивать, «открывать» на выставкѣ! [1]).

Сл. Ук.

---

[1]) Желающіе подробнѣе ознакомиться съ бывшей въ Москвѣ Географической выставкой могутъ найти перечень всего въ недавно изданномъ „Каталогѣ выставки“ М. 1892 г. (I—XVI; 1—140 стр. и отд. приложеніе „Каталогъ выставки г. С.-Петербурга“, 1—12 стр.).—Ред.

Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка. Варлаамъ Ванатовичъ, милостію Божіею православній архиепископъ киевскій і галицкій і Малия Росии.

Всѣмъ обще духовнаго чина правителемъ катедри нашой кіевской, а іменно пречестнимъ отцемъ протопопамъ: кіевскому, козелецкому нѣжинскому, борзенскому, конотопскому, вороницкому, глуховскому, івановскому, честнимъ намѣстникомъ, презвитеремъ, діакономъ і всему причту духовному ознаймуемъ, пастирско приказуемъ и пилно імѣти хощемъ, даби вси священници, от вишняго до нижняго, отселѣ хранили на себѣ, яко служители Божіи и престолу Господню выну предстоящіи, всякое благообразие; понеже доносится намъ, что за давностию посѣщенія архиерейскаго епархии кіевской зѣло развратишася заднѣпрскіе попи і в безчинія уклонішася, а имянно: чтобъ одѣяніе ихъ верхнее въ возможности, хотя убогое, но чистое, і не краткое, з рукавами широкими было, и едино черной всячески, а не иной краси, якоже духовний Регляментъ повелѣваетъ в 28 пунктѣ 24 прибавленія; не ходили простовласи, не важили бъ ся по стогнах и по путям спать, не пили бъ по кабаках и по корчмахъ, не шумѣли бъ ходя по улицях пяніи, не сварилися бъ на обѣдах по мужиччу, не храбровали бъ во бояхъ кулачнихъ і прочіи би безчинія и неблагообразія не показовали, от них же миру всѣ происходятъ соблазны. Такожде і шапки не инимъ образомъ дѣлали бъ, но якоже обичай есть іереомъ—бобровие, з вершками черними, імѣли бъ; а в мирскихъ одѣяниях і шапках з духовнихъ членовъ отсели никтоже да не дерзнет ходити; і не носили б леверендъ [1]) на опашкахъ, з чого показуется великое неистовство и кичение, весма іерейскому чину не приличное. Аще кто сему регляменталному і нашему указу пастирскому з духовних членовъ ослушнимъ явится і станет противо указу ходити, з таковаго повелѣваемъ протопопамъ і намѣстникомъ за первимъ примѣтомъ і постереженіемъ штрафной послини брати по рублю, за другимъ—по два, за третимъ—по три, за четвертимъ—по чотыри рублѣ, а за пятимъ—таковаго, яко презирателя і прислушника пастирскаго нашего указу, в катедру нашу для жестокого і не поблажного наказанія приказуемъ протопопамъ і намѣстникомъ присилат без всякои поблажки и утайки, подъ лишеніемъ сана. Ітакъ вы, протопопи і намѣстницы зо всѣмъ духовенствомъ, скоро сей нашъ пастирский указъ получите, і вы бъ оний по всѣмъ цер-

[1]) Reverenda—одежда духовныхъ; здѣсь разумѣется ряса.

квамъ своимъ промулзовавши (?), во всемъ подлугъ онаго непремѣнно исправлялися, опасаяся на себе лишения чести и жестокаго штрафу; і всякъ би протопопъ, з сего себѣ списка списавши і по всѣмъ попамъ своимъ разославши, вездебы къ дверемъ церковнимъ поприбивати приказал, даби никто невидениемъ не одговоривался. А штрафніе денги собирати праведно і совѣстно, в единъ ковчежецъ, з запискою, і при доношеніи своемъ въ катедру присилат. Данъ в катедри архиепископской Свято-Софійской кіевской, іануария 20, року 1724.

Звишменований архиепископъ кіевскій рукою власною.

Да при сим же нашомъ указѣ вамъ, протопопамъ и намѣсникомъ, властию нашею архиерейскою повелѣваемъ, даби всякъ протопопъ іли намѣстникъ въ своей протопопіи по всѣмъ церквамъ особно всякаго прихода самое т..мо число, а не именованіе нарожденихъ младенцовъ, також вѣнчающихся і погрѣбаемихъ людей отъ ануарія прошедшаго 1723 до сего настоящаго 1724 году по того жъ ануарія первое число з матрикъ перечни исписавши начисто, якъ хто возможетъ, найскорае присилали въ катедру, подлинние о томъ метричніе книги всякъ би приходскій священикъ у себя імѣлъ того ради, чтобъ какъ із святѣйшаго правителствующаго синода о томъ ревѣзия (будетъ), імѣли бъ чимъ подлено отвѣтствовать і невидѣніемь никтожъ не отговаривался бъ.

Сообщилъ О. Л.

Первые кіевскіе нотаріусы (1765—68). Учрежденіе въ Кіевѣ должности публичнаго нотаріуса вызвано было интересами великороссійскаго купечества, проживавшаго въ Кіевѣ, Первымъ нотаріусомъ былъ мценскій купецъ Василій Лукьяновъ сынъ Москвитиновъ, отецъ котораго служилъ прикащикомъ у калужскаго купца Семена Матвѣевича Афончикова, давно уже проживавшаго своимъ дворомъ въ Кіевѣ. Юношей 24 лѣтъ Василій Москвитиновъ, женившись на дочери Афончикова, добылъ себѣ въ С.-Петербугѣ въ Декабрѣ 1765 г. указъ Комерцъ-Коллегіи о назначеніи его нотаріусомъ въ Кіевъ. Но служить въ этой должности пришлось ему очень не долго. Въ 1767 году его подвелъ подъ отвѣтственность извѣстный кіевскій дѣлецъ прошлаго вѣка, бывшій кіевскій сотникъ, а тогда отставной полковый осаулъ Павелъ Гудимъ. У этого послѣдняго имѣлись на значительную сумму векселя мѣщанина Петра Жура-

ховскаго, съ которымъ онъ по торговымъ дѣламъ велъ тяжбу, доходившую до Пр. Сената. Москвитиновъ, въ нарушеніе вексельнаго устава, протестовалъ векселя Жураховскаго, когда имъ прошелъ уже срокъ, причемъ приходилъ къ свидѣтелямъ на домъ, убѣждалъ ихъ подписаться на протестѣ, и вообще допустилъ въ угоду Гудиму цѣлый рядъ неправильностей, при которыхъ потерпѣлъ и казенный интересъ. По жалобѣ Жураховскаго и по представленію Кіев. Губ. Канцеляріи, послѣдовалъ указъ Комерцъ-Коллегіи отъ 25 іюля 1767 г. объ отрѣшеніи Москвитинова отъ должности и о назначеніи на его мѣсто другаго по усмотрѣнію Кіев. Губ. Канцеляріи. Послѣдняя порѣшила препроводить Москвитинова подъ конвоемъ въ Мценскій магистратъ «для учиненія съ нимъ по законамъ». [1])

Для отрѣшеннаго отъ должности Москвитинова начался цѣлый рядъ злоключеній! Нанявъ для себя и для своихъ конвойныхъ извощика, онъ доѣхалъ только до Семиполокъ, а здѣсь извощикъ умеръ. Похоронивъ своего извощика и взявши о смерти его удостовѣреніе отъ мѣстнаго священника, Масквитиновъ на тѣхъ же лошадяхъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ, гдѣ на постояломъ дворѣ три великороссіянина опознали лошадей знакомаго имъ извощика и „по сумнительству“ представили Москвитинова къ городничему. Послѣ снятаго съ него въ Нѣжинскомъ градскомъ судѣ допроса, онъ былъ отправленъ съ провожатыми въ Кіевъ въ Губ. Канц. Изъ м. Броваровъ его конвоировалъ одинъ только козакъ, котораго онъ, перешедши р. Днѣпръ, угостилъ въ кабакѣ на Невольницкой пристани и убѣдилъ вернуться во свояси, давши ему 10 коп. и расписку отъ себя въ томъ, что де онъ, Москвитиновъ, въ К. Г. К. принятъ. Не являясь въ Губ. Канц., Москвитиновъ сталъ устраивать въ Кіевѣ свои дѣла и черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Москву къ брату своему Спиридону и пробылъ тамъ до февраля мѣсяца слѣдующаго 1768 г. Получивши затѣмъ, благодаря поручительству брата, паспортъ изъ Мценскаго магистрата на 10 мѣсяцевъ, онъ ѣздилъ по разнымъ мѣ.

---

[1]) К. Г. Канцелярія, видимо, не знала, гдѣ собственно должнѣ судиться Москвитиновъ и подписавшіеся на протестѣ свидѣтели, и, представляя произведенное по этому дѣлу слѣдствіе въ Комерцъ-Коллегію, просила дальнѣйшихъ распоряженій, но Ком. Коллегія отвѣтила, „что бъ та К. Г. Канц. о всемъ представляемомъ и ею требуемомъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинила сама, ибо оная тѣже законы имѣетъ, каковые и Камерцъ-Коллегія, къ тому жъ вексельныя дѣла и разсмотрѣнію не до Ком.-Кол., но до Глав. Магистрата принадлежатъ, понеже въ Ком. Кол. судятся по векселямъ одни только англійскіе купцы, а болѣе никто“.

стамъ и, наконецъ, прибылъ въ Кіевъ, разсчитывая взять съ собой жену, но здѣсь былъ арестованъ, посаженъ на гауптвахту, откуда однако тою же ночью бѣжалъ, и только послѣ поѣздки въ Васильковъ былъ вновь задержанъ знакомымъ канцеляристомъ Губ. Канц. и представленъ въ Губ. Канц. 19 Сентября 1768 г. Дальнѣйшая судьба этого перваго кіевскаго нотаріуса неизвѣстна.

Между тѣмъ, по удаленіи Москвитинова отъ должности, поступили въ Губ. Канц. прошенія о назначеніи на его мѣсто отъ двухъ проживавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ: калужскаго—Бориса Кашина и орловскаго—Никиты Пирошкова. Оба они представили одобрительныя свидѣтельства отъ торговавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ. На аттестатѣ Кашина было 28 подписей, а у Пирошкова 19. [1])

28 Августа 1767 г. Губ. Канц. опредѣлила нотаріусомъ Пирошкова, и 30-го Августа онъ б. приведенъ къ присягѣ священникомъ церкви преп. Ѳеодосія Дм. Барзаковскимъ. Въ указѣ К. Г. К., данномъ Пирошкову, идетъ обращеніе къ нему съ мѣст. *ты*: «опредѣлить *тебя*... привесть *тебя* къ присягѣ».

И этотъ второй нотаріусъ служилъ очень недолго: и году не прошло, какъ онъ «за слабостію здоровья нести обязанности нотаріуса не пожелалъ и объ увольненіи отъ должности подалъ прошеніе въ Губ. Канц. Но послѣдняя, не давая ему увольненія, обратилась по этому поводу съ запросомъ въ Глав. Магистратъ, а какой послѣдовалъ отвѣтъ изъ дѣла невидно. Пирошковъ же 17-го іюля 1768 г. вторично подалъ о своемъ увольненіи прошеніе, заявляя, что де онъ назначенъ былъ по собственному желанію и по опредѣленію Г. Канц., а не Глав. Магистрата, а потому и указу отъ этого послѣдняго ждать не резонъ.

---

[1]) Многіе изъ этихъ купцовъ имѣли собственные дворы въ Кіевѣ, но числились въ великороссійскихъ городахъ и жили по годовымъ паспортамъ. Желавшіе выбрать Кашина и подписавшіе ему одобреніе были слѣдующіе купцы: *калужскіе*—Кирилъ Рѣшетниковъ, Петръ Быльцовъ, Федоръ Грековъ подписалъ вмѣсто Григ. Болотина, Левъ Сонинъ, Степ. Мамонтовъ, Никита Быльцовъ, Ларіонъ Ивановъ, Петръ Котуновъ, Иванъ Рѣшетниковъ, Степ. Струговщиковъ, Петръ Макаровъ, Фед. Полежаевъ, Иванъ Ивановъ, Лазарь Воротынцевъ, Андрей Быльцевъ, Степ. Каратаевъ, Дм. Пашковъ, Никифоръ Турищевъ, Алексѣй Шемякинъ и Мих. Золотаревъ; *тульскіе*—Ѳедосей Бѣлобородовъ и Павелъ Бубновъ; *путивльскіе*—Николай Калачниковъ, Артамонъ Молчановъ и Петръ Рыжковъ; *вологодскій*—Матв. Винокуровъ, *елисавецкой* (Елисаветградскій) Авр. Долженковъ, *московскій*—Ашляринъ, за котораго расписался Василій Часновъ.

Во время своего исправленія должности нотаріуса Пирошковъ въ Декабрѣ 1767 г. потребовалъ, чтобы Губ. Канц. обязала великороссійскихъ купцовъ являться къ нему по очереди по два человѣка „для свидѣтельства протесту векселей и подписанія". По этому поводу Губ. Канц. предписала Полиц. Конторѣ сообщить точную вѣдомость, сколько именно великороссійскихъ купцовъ живетъ *въ верхнемъ городѣ и печерскомъ* форштатѣ. По представленной въ февралѣ 1768 г. вѣдомости оказалось такихъ купцовъ въ верхн. городѣ 3 (въ томъ числѣ и самъ Пирошковъ, жившій въ наемномъ домѣ), въ форштатѣ 5 и на крещатикѣ 1. Всѣ они, кромѣ Пирошкова, жили въ собственныхъ домахъ. Очевидно, вся остальная масса великороссійскаго купечества жила на подолѣ, хотя это и нарушало привилегіи кіевскаго магистрата. Это, конечно, хорошо было извѣстно и Губ. Канцеляріи, которая въ своемъ ордерѣ Полиц. Конторѣ игнорировала жительствовавшихъ на подолѣ великороссіянъ, предписывая вызывать къ нотаріусу только тѣхъ, кто жилъ въ тѣхъ частяхъ города, въ которыхъ имѣли право жить великороссійскіе купцы. Въ репортѣ Полиц. Конторы читаемъ: «а хотя показанный нотаріусъ Пирошковъ въ Полиц. Конторѣ объявилъ, что въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ великороссійскихъ купецкихъ людей имѣется жительствомъ своими дворами и въ наймахъ у кіевскихъ мѣщанъ довольное число, но токмо о описаніи и присылкѣ вѣдомости о помянутыхъ живущихъ на подолѣ купцахъ и о опредѣленіи ихъ къ помянутому нотаріусу Пирошкову къ протесту векселей и подписанію съ прочими въ томъ указѣ не изображено, и К. П. Контора безъ указу К. Г. Канцеляріи описать не смѣетъ.»

Надо думать, что такое обязательство являться къ нотаріусу въ роли дежурныхъ свидѣтелей и не могло осуществиться: и стѣснительно, и обидно было это для зажиточныхъ купцовъ, которые избирали въ нотаріусы людей «маломочныхъ» и смотрѣли на нихъ просто, какъ на своихъ наемныхъ писарей.

А. А.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской І-й гимназіи и Виленской римско-католической семинаріи. Вильно. 1892 г.

П. Полевой. Русская исторія съ портретами и картами въ текстѣ. Курсъ элементарный. С. Петербургъ. 1892 г.

При составленіи и изданіи «Хрестоматіи по исторіи западной Россіи» г. Турцевичъ имѣлъ цѣлью лишь удовлетворить нужду въ такомъ пособіи мѣстной средней школы, стоящей въ особыхъ спеціальныхъ условіяхъ, созданныхъ исторіей юго-западнаго края. Но несомнѣнно, что трудъ составителя принесетъ не малую пользу среднимъ учебнымъ заведеніямъ и всей Россіи вообще. Мы не видимъ, собственно говоря, рѣзкой разницы въ положеніяхъ (что касается преподаванія русской исторіи) гимназій всей Россіи, и для общерусской исторіи мы имѣемъ или многотомные труды, или отдѣльныя монографіи по спеціальнымъ вопросамъ или эпохамъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Турцевича имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ придаетъ ему самъ составитель, которому всякій, интересующійся успѣхомъ преподаванія отечественной исторіи, долженъ принесть искреннюю благодарность.

Составлена «Хрестоматія», на нашъ взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Статьи, помѣщенныя въ ней, принадлежатъ, по большей части, самымъ выдающимся нашимъ ученымъ. Тамъ, гдѣ это было необходимо, сокращенія и передѣлки сдѣланы весьма удачно. Статьи, составленныя самимъ г. Турцевичемъ на основаніи спеціальныхъ работъ, отличаются легкимъ и яснымъ изложеніемъ. Особенную благодарность слѣдуетъ принести составителю за включеніе

въ составъ Хрестоматіи историческихъ памятниковъ. Таковы: Судебникъ Казимира Ягайловича, Литовскій Статутъ, инвентари, рѣчь посла Древинскаго, письмо Льва Сапѣги Іосафату Кунцевичу и другіе. По нашему мнѣнію, только ознакомленіе съ первоисточниками, хотя-бы лишь съ главнѣйшими, даетъ возможность учащемуся представить себѣ картину жизни народа прошедшихъ вѣковъ. Ужъ одно то обстоятельство, что, читая памятникъ, мы слышимъ какъ-бы живыхъ людей говорящими своимъ языкомъ, имѣетъ громадное значеніе. Никакое историческое изложеніе, никакое научное изслѣдованіе не произведетъ на молодую душу такого сильнаго впечатлѣнія, какъ прочтеніе письма Сапѣги или рѣчи посла Древинскаго. Исходя изъ этой мысли, мы считали-бы не лишнимъ, если-бы г. Турцевичъ привелъ цѣликомъ два-три выдающихся мѣста изъ русско-литовскихъ лѣтописей.

Всѣ главнѣйшіе вопросы западно-русской исторіи, всѣ важнѣйшія эпохи ея, можно сказать, нашли себѣ отвѣтъ и выраженіе въ хрестоматіи Г. Турцевича; тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній о составѣ этой безусловно хорошей книги. Первая статья («Сѣверо-западная Русь подъ властью русскихъ князей») и вторая («Юго-западная Русь подъ властъю русскихъ князей») взяты изъ изданія Батюшкова: «Бѣлоруссія и Литва» и «Волынь» и принадлежатъ перу профессора Петрова. Мы ничего не можемъ сказать противъ нихъ уже по одному тому обстоятельству, что въ данный моментъ разбираемъ не ихъ, а «Хрестоматію», но предполагаемъ, что составитель поступилъ бы цѣлесообразнѣе во многихъ отношеніяхъ, если бы воспользовался не указанными уже готовыми статьями, а спеціальными монографіями, которыя, особенно по исторіи юго-западной Россіи, имѣются, какъ напр.: Андріяшева, Дашкевича, Молчановскаго, Грушевскаго и др. Далѣе. Намъ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько больше удѣлить мѣста Ливамъ, т. е., сдѣлать тоже, что и въ отношеніи Литвы. Послѣдней посвящены три вступительныя главы: «Древняя Литва», «Литовская миѳологія», «Бытъ древнихъ литовцевъ». О бытѣ ливовъ въ Хрестоматіи г. Турцевича мы не находимъ ничего, потому что нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ этому вопросу въ «Исторіи Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ» г. Чешихина, нельзя принимать въ разсчетъ. Намъ, конечно, понятна причина, почему составитель обратилъ бо́льшее вниманіе на бытъ литовскаго племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется несовсѣмъ вѣрнымъ взглядъ г. Турцевича на важность роли ливовъ въ исторіи сѣверо-западной Россіи, не говоря уже о финскомъ племени вообще.

Въ настоящее время ливовъ нѣтъ (есть горсть), а между тѣмъ въ то время этотъ народъ занималъ почти все пространство, занятое теперь латышами. Уже этотъ одинъ вопросъ настолько интересенъ, что долженъ былъ-бы найти себѣ мѣсто въ «Хрестоматіи». Затѣмъ отношенія ливовъ въ частности и финскаго племени вообще къ Руси были настолько тѣсны, что это племя заслуживаетъ бóльшаго вниманія. Оставивъ статьи изъ «Исторіи Ливоніи» г. Чешихина или въ томъ видѣ, какъ они и теперь есть въ Хрестоматіи, или въ нѣсколько сокращенномъ, слѣдовало-бы предпослать хоть одну общую статью, посвященную быту эстовъ и ливовъ (и финновъ вообще) на основаніи трудовъ Кастрена, Видемана, Коскинена, Бэра и др.

Относительно выбора статей нельза спорить, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Но все-таки намъ кажется нѣсколько непонятнымъ, почему статьи о Гедыминѣ, Ольгердѣ и Кейстутѣ взяты не изъ монографій Антоновича, а изъ Исторіи Россіи Иловайскаго; почему такъ мало мѣста отведено протестантскому движенію въ Литвѣ? Совершенно оставлены безъ вниманія работы Любовича. Весьма интересныя и назидательныя картины изъ исторіи просвѣщенія и протестантскаго движенія въ западной Россіи можно-бы извлечь изъ статей Ор. Левицкаго, печатавшихся въ журналѣ «Кіевская Старина».

Все сказанное нами о желательныхъ пополненіяхъ «Хрестоматіи» г. Турцевича, о выборѣ статей и ихъ замѣнѣ другими—все это нисколько не убавляетъ значенія разсматриваемаго труда. «Хрестоматія по Исторіи Западной Россіи» является цѣннымъ вкладомъ въ нашу богатую не качественно, а лишь количественно, учебную литературу.

Переходя теперь къ «Русской Исторіи» г. Полевого, мы должны сказать, что издана она довольно изящно, по изложенію и выбору матерьяла удовлетворяетъ цѣли быть учебникомъ въ III классѣ, хотя учебникъ могъ-бы быть и нѣсколько менѣе подробенъ, особенно не мѣшало-бы сократить число рѣчей и великихъ словъ дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что они не вездѣ точно приведены. Но признавая разсматриваемую книгу удовлетворяющею своему назначенію, мы не можемъ однакоже не высказать своихъ pia desideria относительно нѣкоторыхъ фактическихъ пополненій и измѣненій. Намъ кажется, напримѣръ, что можно бы учебникъ и не начинать фразой: «тысячу лѣтъ тому назадъ, т. е. въ IX в. по Рождествѣ Христовѣ, нынѣшнее обширное и могущественное Россійское государство еще не существовало». Дѣло

въ томъ, что въ IX в. оно уже существовало, если мы даже возьмемъ лѣтописную дату *862 г.*, и что наука русской исторіи въ настоящее время пришла къ выводу, что Русское государство образовалось раньше 862 г., хотя на вопросъ «когда?» и нельзя дать отвѣта. Къ этому приводятъ работы ученыхъ и норманской школы. Впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ особой важности. Гораздо важнѣе неясности, недомолвки, неточности и пропуски, которые мы находимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ учебника.

Прежде всего необходимо, чтобы для ребенка такого возраста, какъ ученикъ III класса, было все ясно, точно, опредѣленно. Разсчитывать на то, что преподаватель-де добавитъ недосказанное, не слѣдуетъ: въ классѣ можно дѣлать добавленія, чтобы придать уроку болѣе интереса, но все, что нужно для яснаго пониманія изучаемаго предмета, все это должно быть въ самомъ учебникѣ. Такъ напр., на стр. 22 авторъ говоритъ: «такъ называемая Ливонія». Почему «Ливонія», какъ образовался Ливонскій орденъ —ничего этого въ учебникѣ нѣтъ. Полевой, видимо, самъ чувствовалъ, что отвѣтить на эти вопросы надо, а потому на 33 стр. устроилъ надъ текстомъ маленькое примѣчаніе съ этою цѣлью.

Ученикъ на 22 стр. будетъ запоминать «такъ называемую Ливонію» и долженъ догадаться, что черезъ 11 страницъ есть объясненіе сему выраженію. Вообще у автора народы падаютъ съ неба: являются печенѣги, половцы, татары, литва; всѣ они выростаютъ, какъ грибы, на равнинѣ восточной Европы. Почему также къ хазарамъ прилагается эпитетъ «хищные»—для насъ непонятно: исторія хазаръ достаточно извѣстна, и по отношеніямъ своимъ къ нашимъ предкамъ они заслуживаютъ лучшей памяти. Замѣтимъ еще, что печенѣги при Святославѣ были уже народъ не новый, ибо явились при Игорѣ. Обращаютъ на себя вниманіе и нѣкоторыя неточности. Такъ въ XII вѣкѣ показаны отдѣльно княжества Черниговское и Сѣверское, а между тѣмъ обособленности между ними не было: въ такомъ случаѣ надобы уже раздѣлить княжества Рязанское и Муромское. Затѣмъ, хотя родъ св. Ѳеодосія происходилъ изъ г. Василіева, но пришелъ онъ въ Кіевъ изъ Курска, о чемъ и слѣдовало сказать. Неизвѣстно, какой былъ князь Мстиславъ Удалой. Да ихъ было на Калкѣ цѣлыхъ три, и они заслуживаютъ быть упомянутыми. Калкская битва происходила не въ 1224 г., а въ 1223. Интересно намъ также, почему такъ подробно разсказано объ осадѣ Пскова Баторіемъ, и такъ сжато передано о взятіи Казани. По крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ второе событіе

имѣетъ громадное значеніе въ Русской исторіи, а первое никакого. Если говорить о нравственно-воспитательномъ значеніи этихъ событій, то они не уступаютъ одно другому въ этомъ отношеніи. Намъ кажется также, что разсказъ объ уніяхъ люблинской и церковной долженъ быть нѣсколько подробнѣе. Что особенно поразило насъ въ разбираемомъ учебникѣ, такъ это полнѣйшее несоотвѣтствіе между современнымъ состояніемъ русской исторической науки и изложеніемъ исторіи смутнаго времени г. Полевого. Мы, какъ раньше при разборѣ учебниковъ, такъ и теперь держимся того мнѣнія, что матерьялъ для умственной работы воспитанника долженъ даваться свѣжій, незалежалый, то есть, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагается современной наукой, какой-бы отрасли знанія это ни касалось. Заканчиваемъ нашъ краткій отчетъ пожеланіемъ пересмотра разсматриваемаго учебника, который, не смотря на всѣ указанные недостатки, имѣетъ и положительныя качества.

П. Г.

Aleksander Czołowski. Z przeszłości Jesupola i okolicy. Lwów, 1890. (Ал. Чоловскій. Изъ исторіи Езуполя и окрестностей). Стр. 163, in—16.

Въ незначительной по объему монографіи г. Чоловскаго (появившейся первоначально въ журналѣ «Ppzewodnik naukowy i literacki») весьма добросовѣстно и умѣло сгруппированы всѣ данныя для исторіи галицкаго с. Чешибисы, впослѣдствіи г. Езуполя, какія удалось автору извлечь изъ напечатанныхъ уже актовъ и мѣстныхъ архивовъ. Исторія незначительнаго села, возникшаго вѣроятно не ранѣе 14 в. на правомъ берегу Днѣстра въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Галича, какъ въ фокусѣ отражаетъ въ себѣ судьбы галицкаго Покутья, извѣстныя уже въ общихъ чертахъ, но требующія детальной разработки. Своевременность и польза подобныхъ изысканій, число которыхъ замѣтно возрастаетъ, не требуютъ поясненій.

Сопоставленіе названія села съ Бессами Птоломея и Биссами-Печенѣгами принадлежитъ, какъ кажется, къ разряду догадокъ неудачныхъ и во всякомъ случаѣ безплодныхъ. Корнесловіе Чешибисовъ не требуетъ, повидимому, углубленія въ туманную даль вѣковъ. Впрочемъ, эта слабая сторона работы г. Чоловскаго не играетъ особой роли, тѣмъ болѣе, что авторъ пользуется случаемъ для сообщенія любопытныхъ мѣстныхъ повѣрій о чертяхъ, вѣдьмахъ, вовкулакахъ, ве-

летняхъ, о провалившемся монастырѣ, колокола котораго и теперь еще слышны въ глубинѣ земной, поглотившей во времена оны впавшихъ въ грѣхъ роскоши чернцовъ. Переходя къ эпохѣ исторической, авторъ просто и безхитростно разсказываетъ о дѣяніяхъ владѣльцевъ Езуполя и приводитъ немало новыхъ данныхъ для характеристики мѣстнаго быта и экономическихъ отношеній на протяженіи четырехъ вѣковъ. Длинной вереницей проходятъ передъ читателемъ вельможные Бучацкіе, Тенчинскіе, Зборовскіе, Потоцкіе, Яблоновскіе, картины пограничныхъ и внутреннихъ междоусобій и разбоевъ, какой-то судорожной, безтолковой сутолоки, наряду съ менѣе кричащими фактами кровавыхъ усилій мѣстнаго насенія, искавшаго опорныхъ пунктовъ для мирнаго труда и для защиты собственнаго существованія. Въ мастерскомъ пересказѣ г. Чоловскаго, судьбы Чешибисовъ—Езуполя полны глубокаго, захватывающаго интереса, если при чтеніи исторіи этой пограничной крѣпостцы не забываешь общей исторіи Галичины въ связи съ исторіей поглотившаго русскую окраину польскаго государства,—таково свойство безпритязательной манеры изложенія, образчикъ которой представляетъ монографія г. Чоловскаго. Въ концѣ книги издано нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ актовъ, относящихся къ исторіи Езуполя.

Современнаго положенія города и окрестныхъ селъ авторъ почти не касается, не слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру историка сосѣдняго Станиславова г. Шарловскаго (см. Кіев. Стар. 1891 г. февр.). Г. Чоловскій меланхолически отмѣчаетъ лишь, что характеръ поселенія нынѣ измѣнился: исчезли замковыя стѣны, населеніе увеличилось, мѣщане превратились въ мужиковъ, повсюду пустилъ корни пришлый еврей, благосостояніе далеко не бросается въ глаза, и только остатки стѣнъ, слѣды рвовъ и валовъ, могилы на окрестныхъ поляхъ да повѣсть селянина напоминаютъ давно минувшее. Книга г. Чоловскаго даетъ основаніе припомнить, что и въ давно минувшемъ «благосостояніе» далеко не било въ глаза.

Н. М.

Изданія общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ:—

Экономическое изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей. Съ приложеніемъ плана вѣтвей и 196 таблицъ (Кіевъ, 1890). Стр. 289, in—4.

О постройкѣ Херсонскихъ вѣтвей. Съ приложеніемъ 10 верстной карты района вѣтвей и 49 таблицъ (Кіевъ, 1891). Стр. 89+34, in—4.

Въ приведенныхъ изданіяхъ (не имѣющихся въ продажѣ) сгруппированы главнымъ образомъ цифровыя данныя, выясняющія значеніе проектированныхъ рельсовыхъ путей для грузоваго и пассажирскаго движенія въ районахъ и, въ зависимости отъ этого, степень выгодности предположенныхъ сооруженій. Чисто практическая задача обоихъ сборниковъ не лишаетъ ихъ однако и общаго интереса, особенно если принять въ разсчетъ чрезвычайную скудость точно провѣренныхъ и научно разработанныхъ данныхъ для характеристики экономической жизни юга Россіи и, въ частности, губерній не—земскихъ. Редакторы сборниковъ воспользовались всѣми изданными уже оффиціальными и частными матеріалами, но кромѣ того, большимъ подспорьемъ служили данныя, собранныя непосредственно отъ волостныхъ правленій, опросы мѣстныхъ торговцевъ и земледѣльцевъ, донесенія желѣзнодорожныхъ агентовъ, выписки изъ книгъ и документовъ мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ и конторъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, свѣдѣнія волостныхъ правленій, собранныя по листамъ, не могутъ отличаться точностью, но и они были подвергнуты провѣркѣ въ случаяхъ явныхъ несообразностей. Точно также и сообщенія городскихъ управъ весьма часто оказывались прямо невѣроятными, что отнюдь не ускользнуло отъ вниманія редакторовъ, употребившихъ немало труда на провѣрку и систематизацію собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ.

Районъ изслѣдованія обнимаетъ уѣзды хотинскій, сорокскій, бѣлецкій, оргѣевскій, балтскій, ольгопольскій, ямпольскій, могилевскій, ушицкій, каменецъ-подольскій, уманскій, звенигородскій, чигиринскій, гайсинскій, елисаветградскій, ананьевскій, тираспольскій и одесскій. Кромѣ подробныхъ данныхъ о ввозѣ и вывозѣ грузовъ разнаго рода и размѣрѣ пассажирскаго движенія, для уѣздовъ района Новоселицкихъ вѣтвей приведены указанія на главные торговые пункты и ихъ обороты по ввозу и вывозу, ярмарки и базары, фабрики и заводы. Статистическимъ перечнямъ въ обоихъ изданіяхъ предпосланы подробныя техническія и топографическія описанія районовъ и, по возможности, геологическіе очерки мѣстности. При

сводкѣ цифровыхъ данныхъ редакторами обращено, конечно, особенное вниманіе на сельскохозяйственную производительность, какъ самую интересную для предпріятія. Въ подробныхъ таблицахъ указано распредѣленіе земель каждой волости по угодьямъ, роду засѣваемыхъ хлѣбовъ, по количеству мѣръ зерна, высѣваемаго на десятинѣ, среднему сбору съ десятины; размѣръ производства, сбыта и потребленія хлѣбныхъ продуктовъ въ каждой волости выдѣленъ въ специальныя таблицы. Подобная же система принята редакторами и для характеристики всѣхъ другихъ отраслей мѣстныхъ производствъ и распредѣленія послѣднихъ. Значеніе торговыхъ пунктовъ въ отношеніи ввоза, вывоза и внутренняго оборота по возможности выражено въ точныхъ цифрахъ, сгрупированныхъ въ рядѣ таблицъ.

Изъ этого простого перечня можно заключить о разносторонности задачъ, предстоявшихъ редакторамъ, и обширности исполненныхъ по такой программѣ предварительныхъ работъ.

Особенною обстоятельностью отличается изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей, исполненное подъ руководствомъ инженера К. Завадскаго. Помимо указанныхъ выше подробныхъ цифровыхъ данныхъ, въ этомъ сборникѣ сообщаются нѣкоторыя историческія справки и приводятся общія характеристики не только природы и условій производительности, но и живыхъ людей. Въ послѣднемъ отношеніи болѣе всего удѣлено вниманія сѣвернымъ уѣздамъ бессарабской губерніи. Условія сельскаго хозяйства части подольской губерніи, входящей въ описываемый районъ, какъ аналогичныя, г. Завадскій счелъ излишнимъ характеризовать особо, во избѣжаніе повтореній. Приводимыя въ книгѣ наблюденія общаго характера мало утѣшительны. Въ системѣ обработки земель и въ орудіяхъ производства улучшеній или вовсе не видно, или они ничтожны; крестьянскія земли уже достаточно истощены и ухудшаются съ каждымъ годомъ; площадь луговъ и пастбищъ быстро сокращается; огородничество, садоводство, винодѣліе, шелководство не развиваются; табаководство (введеніе котораго въ Бессарабіи въ началѣ XVII в. приписываютъ малороссійскимъ поселенцамъ) постепенно приходитъ въ упадокъ и быстро сокращается; пчеловодство ничтожно; истребленіе лѣсовъ, до изданія лѣсоохранительнаго закона, сдѣлало гигантскіе шаги; скотоводство, съ давнихъ временъ составлявшее главное занятіе жителей Бессарабіи, значительно сократилось, вывозъ скота (исключая свиней) ничтоженъ; овцеводство не развивается и не даетъ значительнаго заработка крестьянскому населенію; фабричная и завод-

ская промышленности находятся на низкой степени развитія. Заработки отъ побочныхъ промысловъ уменьшаются еще отъ невыгодныхъ условій сбыта и зависимости отъ спекулянтовъ разнаго рода, особенно евреевъ. «Для молдаванъ и малороссовъ—сообщаетъ г. Завадскій—табаководство не особенно выгодно, такъ какъ они находятся въ рукахъ евреевъ. Поэтому, главнымъ образомъ, табаководствомъ въ хотинскомъ уѣздѣ занимаются греки и армяне, которые умѣютъ обходить и евреевъ» (стр. 70). «Табаководство почти прервало всякія связи съ хозяйствомъ, вышло изъ рукъ поселянъ и стало спекулятивнымъ. Такъ напр., въ 1886 году въ хотинскомъ уѣздѣ изъ числа всѣхъ плантацій только 12% обрабатывалось самими владѣльцами ихъ, а 88% сдавалось въ аренду. Въ числѣ арендаторовъ 87% было евреевъ... Съ образованіемъ спекулятивныхъ плантацій и отдѣленіемъ ихъ отъ хозяйства, если и увеличился спросъ на рабочія руки, то—взрослыхъ рабочихъ; главный же источникъ выгоды крестьянина (трудъ дѣтей и женщинъ на табачныхъ плантаціяхъ) изсякъ, ибо лично свой трудъ онъ и безъ того можетъ продать или полезно помѣстить во всякомъ другомъ дѣлѣ. Сравнительно большой спросъ на трудъ крестьянина, какъ *рабочаго* на чужой плантаціи, не вознаграждаетъ ему той потери, которую онъ понесъ, какъ *предприниматель*, въ формѣ предпринимательской прибыли. Это потеря не только его личная, но и потеря всего края, потому что получавшаяся имъ предпринимательская прибыль не отчуждалась изъ страны, какъ это происходитъ въ большинствѣ случаевъ въ настоящее время, когда главнымъ спекулирующимъ табачною культурою предпринимателемъ является еврей, нисколько съ хозяйствомъ края не связанный». Для поднятія табаководства въ Бессарабіи, по мнѣнію г. редактора сборника, слѣдуетъ лишь допустить пріемъ обществомъ на коммиссію, съ выдачею ссудъ, даже самыхъ мелкихъ партій табака, исключительно отъ владѣльцевъ плантацій, а не отъ арендаторовъ... (стр. 74 сл.).

Не лучше поставленъ и сбытъ шерсти. Ожидаемые запасы обыкновенно запродаются крестьянами спекулянтамъ за 4—5 мѣсяцевъ до стрижки, по убыточнымъ цѣнамъ. Крупные покупатели вынуждены обращаться къ евреямъ—скупщикамъ; цѣны несоразмѣрно возвышаются, товаръ фальсификуется всевозможными способами. Система надувательства крестьянъ мелкими спекулянтами—скупщиками доведена до художественности (стр. 96 сл.). Summa summarum—«вслѣдствіе полной апатіи какъ самаго населенія Бессарабіи, такъ и

его представителей—земскихъ дѣятелей, евреи являются главными распорядителями и хозяевами края» (стр. 108).

Наблюденія, вродѣ цитированныхъ выше, допускаютъ самую разнообразную оцѣнку,—все зависитъ отъ угла зрѣнія. Такъ напр., съ точки зрѣнія коммерческихъ интересовъ общества, мало вѣроятно принятіе рекомендуемой г. редакторомъ мѣры для поднятія бессарабскаго табаководства; съ точки зрѣнія историко-экономической, мало вѣроятно, чтобы подобная мѣра, если даже будетъ принята, привела къ какимъ-либо замѣтнымъ результатамъ; съ точки зрѣнія мѣстныхъ табаководовъ, мѣра эта возвратитъ производству прежнее процвѣтаніе. Вотъ еще образчикъ поспѣшнаго обобщенія, навѣяннаго сообщеніями мѣстныхъ корреспондентовъ: «все населеніе Бессарабіи вообще очень плохіе работники. Въ годы урожая винограда мѣстнаго рабочаго почти невозможно найти ни за какія деньги, такъ что землевладѣльцы вынуждены приводить рабочихъ изъ другихъ губерній. Добросовѣстнѣе другихъ это, впрочемъ, руссины хотинскаго уѣзда». Поденная плата колеблется между 40 коп. и 1 р. 50 коп. (стр. 109). Какъ фактъ, сообщеніе очень интересно; какъ сужденіе—цѣнность его весьма незначительна.

Должно жалѣть, что настоящіе сборники не поступали въ продажу.

Н. М.

Обозрѣніе журналовъ [1]).

Русская Мысль 1892 года № 4—9. *А. Я. Ефименко. «Дворищное землевладѣніе въ южной Руси»* (IV, 156—177; V, 1—16).

Авторъ имѣетъ цѣлью объяснить происхожденіе сябриннаго землевладѣнія въ Малороссіи, связавъ его съ такъ наз. дворищнымъ землевладѣніемъ литовской Руси. «Начало исторіи формъ малорусскаго землевладѣнія, говоритъ онъ, надо отнести къ литовско-русскому періоду, дальше котораго, за отсутствіемъ документальныхъ свидѣтельствъ, все погружается въ мракъ».

Исторія эта начинается господствомъ дворищной формы. Дворище является основною ячейкой: уяснить себѣ его существо—значитъ понять главную нить въ развитіи формъ малорусскаго землевладѣнія. Но понять организацію дворища лишь при помощи сохранившихся историческихъ документовъ почти не-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ № 10.

возможно, если не призвать на помощь аналогію сѣверно-русской «деревни», что авторъ и дѣлаетъ.

Въ заключеніе онъ высказываетъ, хотя нѣсколько парадоксально, положеніе, что личное землевладѣніе было господствующею формою въ Малороссіи и что общиннаго землевладѣнія не существовало. Исходя изъ такого положенія, авторъ критикуетъ и извѣстныя статьи проф. Лучицкаго о землевладѣніи въ Малороссіи.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены отзывы о книгахъ 1) *Г. Джаншіева* «Изъ эпохи великихъ реформъ. М. 1892 г.; 2) *А. Г. Брикнера* «Потемкинъ»; 3) *Н. Ѳ. Сумцова* «Культурныя переживанія» К. 1890; 4) *А. Соболевскаго* «Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика». М. 1891. 5) *Его же.* Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2-е Спб. 1891. (Кн. IV). 6) «*Кіевскій Сборникъ* въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая»» К. 1892; 7) *Торбына реготу* (по отзыву рецензента—«сплошная пошлость»); 8) Хутиръ. Малорусскій литературный збирныкъ на 1890 рикъ. Зибравъ *Т. В. Калениченко.* Кобеляки 1891; 9) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.* Вып. IV. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Спб. 1891; 10) Матеріалы для статистики Одессы. Статистическое Обозрѣніе Одессы за 1890 г.; 11) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892; 12) Кубанскій Сборникъ т. II; 13) *В. В. Докучаева* «Наши степи теперь и прежде» Спб. 1892; 14) *И. М. Рева* «Кіевское сельско-хозяйственное О—во, его дѣятели и его дѣятельность; 15) Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. *А. Совѣтова и В. Докучаева.* Выпускъ VII. Спб. 1892; статья г. Богушевскаго о почвеннымъ типахъ Гадяцк. уѣзда (VI); 16) *А. М. Скабичевскій* «Очерки по исторіи русской цензуры; 17) *Е. Р. Романова* «Бѣлорусскій Сборникъ»; 18) Статистика Россійской Имперіи: XIII. Проституція въ Россійской имперіи; 19) Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго о—ва за 1890 годъ, (VII); 20) *Д. И. Эварницкій* «Исторія запорожскихъ козаковъ; 21) *Ев. Гаршина* «На Донцѣ»; 22) *Г. И. Осадчаго* «Щербановская волость елизаветградскаго уѣзда херсонской губ.; 23) Руска Исторична Библіотека, пидъ редакціею *Олександра Барвѣнского,* Т. I—XIV. 1886—1892; 24) *Кіевская Старина* № 1—6 (IX).

Сѣверный Вѣстникъ № 7—10. Въ іюльской и сентябрьской книгахъ продолжается статья г. *И. Бѣлоконскаго «Земство и народное хозяйство»*, въ которой, какъ мы уже отмѣчали, видная роль отведена дѣятельности нашихъ южно-русскихъ земствъ. Въ іюльской книгѣ затрогивается отношеніе земства къ земельному вопросу (18—29), въ сентябрьской—къ платежамъ и повинностямъ крестьянства (33—57).

Въ отдѣлѣ *«изъ «провинціальной печати»*: замѣтки о проказѣ въ таврической губерніи и о мудромъ фельетонистѣ «Кіевскаго Слова» и его критикѣ суда присяжныхъ (VII). Въ X книгѣ весь отдѣлъ посвященъ «общественному движенію въ области самообразованія и народнаго образованія», причемъ отмѣчается фактъ развитія на югѣ воскресныхъ школъ, народныхъ библіотекъ и проч. (X).

Въ отдѣлѣ *«Внутреннее обозрѣніе»* въ X книгѣ довольно обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ о еврейской эмиграціонной ассоціаціи. Авторъ обсуждаетъ вопросъ по существу, съ точки зрѣнія человѣка, руководствующагося только истиной и не ослѣпленнаго никакими національными предразсудками. Онъ вѣрно говоритъ, что «эмиграція евреевъ изъ предѣловъ Россіи, никоимъ образомъ не можетъ способствовать разрѣшенію злополучнаго еврейскаго вопроса, какъ склонны думать нѣкоторые, да и вообще эмиграція въ экономической исторіи народовъ представляется крайнимъ и радикальнымъ средствомъ, къ которому обращаются когда всѣ другія, внутреннія, средства уже истощены, подобно тому, какъ въ отношеніи человѣческаго организма приступаютъ къ ампутаціи лишь послѣ того, какъ испробованы внутреннія лекарства и предписанія такъ наз. консервативной хирургіи» (X, 117—118 стр.

Къ вопросу о евреяхъ относится и замѣтка г. *А. Субботина.* Нѣсколько словъ о редакціонной замѣткѣ «Русскаго Богатства» по еврейскому вопросу (IX, 135—142). Г. А. Субботинъ высказываетъ свои недоумѣнія по поводу нѣкоторыхъ положеній «Русскаго Богатства» и старается предотвратить могущіе возникнуть отсюда кривотолки.

Въ отдѣлѣ библіографіи отмѣтимъ отзывъ о книгѣ *Эварницкаго*: Исторія запорожскихъ козаковъ Т. I. Спб. 1892. (IX, 102—103).

Русская Старина №№ VI—X. *«Студенческія волненія въ Казани 1887 года.* Посмертныя записки б. попечителя Казанскаго учеб. округа П. Д. Шестакова».—Есть нѣсколько замѣчаній по поводу студенческихъ безпорядковъ въ Кіевѣ въ 1884 году во время празднованія 50-лѣтняго юбилея университета Св. Владимира. (V. 501—503).

«Пасторъ Вигандъ: его жизнь и дѣятельность въ Россіи 1764—1808 гг. Сообщ. *В. В. Тимощукъ.*—Пасторъ Вигандъ, мистикъ и членъ секты гернгутеровъ, былъ проф. московскаго у—та, а затѣмъ агентомъ и священникомъ гернгутерской общины въ Спб. Въ 1767 г. онъ былъ въ Харьковѣ въ качествѣ гувернера въ домѣ Щербинина, по этому случаю онъ дѣлаетъ нѣсколько ничтожныхъ замѣчаній о тогдашнемъ воспитаніи. Записки Виганда вообще, если имѣютъ интересъ, то только для массонскаго движенія при Екатеринѣ II, да и то интересъ очень ограниченный. Отмѣтимъ также въ запискахъ: приготовленіе къ оборонѣ Харькова въ 1763 г., о чумѣ

1774 г. и о пугачевцахъ, хотя все это изложено до того поверхностно, что почти ничего новаго не даетъ. Вигандъ былъ, видно, человѣкъ малонаблюдательный (VI, 545—568).

Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода, А. Н. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. *Н. В. Масловичъ*. Сообщаются нѣкоторыя біографическія и библіографическія свѣдѣнія, и приводится нѣсколько басенъ (VII, 136—142).

«Доброе старое время» —статья И.С. (главы I и II августъ, ст. 479—495, главы III—V (окончаніе) сентябрь, стр. 615—631). На основаніи «предложеній» губернскому правленію бывшаго въ 60-хъ годахъ херсонскаго губернатора Клушина, авторъ рисуетъ дореформенный бытъ уѣздной администраціи и суда. Картина получается темная, но заподозрить автора въ сгущеніи красокъ нельзя, такъ какъ всѣ его данныя основаны на оффиціальныхъ документахъ. Авторъ вспомнилъ «доброе старое время» не безъ задней мысли. «Бываютъ такіе историческіе моменты, говоритъ онъ, когда возобновленіе въ памяти картинъ «добраго стараго времени» получаетъ не только историческій, но и живой современный интересъ. Въ такія эпохи мрачное прошлое, вмѣсто того, чтобы быть урокомъ для современниковъ, показывающимъ картины общественныхъ золъ, является вопреки исторической логикѣ, идеаломъ; о немъ вздыхаютъ, его рисуютъ свѣтлыми красками и стараются реабилитировать. Для такого перемѣщенія идеаловъ изъ области будущаго въ прошедшее необходимо позабыть реальное содержаніе картинъ «добраго стараго времени» и замѣнить ихъ фантастическими представленіями о хорошихъ порядкахъ и добрыхъ нравахъ, будто-бы процвѣтавшихъ на почвѣ крѣпостныхъ отношеній. Въ такое время, когда старческая мысль отыскиваетъ идеалы въ прошедшемъ, какъ нельзя болѣе кстати вспомнить старину, смести архивную пыль съ картинъ «добраго стараго времени» и показать ихъ всѣмъ, вздыхающимъ о старинѣ» (VIII, 479).

Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. Глава I. Сообщ. С. Н. Кулябка.—Г. Кулябка характеризуетъ симпатичную личность бывшаго попечителя кіевскаго округа, его гуманное отношеніе къ подчиненнымъ и т. п. Сообщается нѣсколько данныхъ для исторіи тогдашняго общественнаго движенія въ Кіевѣ: открытія воскресныхъ школъ, даровагo приготовленія въ университетъ лицъ, не имѣющихъ средствъ пройти гимназическій курсъ и пр. (IX, 725—745).—Воспоминанія г. Кулябки интересны, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ продолженія и можемъ только пожалѣть, что въ слѣдующей X-ой книгѣ «Русской Старины» продолженіе это не напечатано.

Надежда Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, духовная мать Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ. Статья эта говоритъ о томъ чувствѣ глубокаго уваженія, которое питалъ Гоголь къ старушкѣ Шереметевой. Она была его «духовная мать», и онъ «повѣрялъ ей часто то,

въ чемъ страшился признаться самому себѣ». Въ заключеніе своей статьи г. Шенрокъ дѣлаетъ нѣсколько хронологическихъ поправокъ къ письмамъ, напечатаннымъ въ извѣстномъ изданіи сочиненій Гоголя, сдѣланномъ г. Кулѣшомъ. Въ «библіографическомъ листкѣ» даны краткіе отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся къ югу Россіи: 1) *Бернгарда Таннера.* Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. (VI); 2) *Эварницкаго.* Исторія Запорожскихъ козаковъ томъ I Спб. 1892 (VIII); 3) Жизнь и Труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга VI. Спб. 1892; 4) Бессарабія. Историческое описаніе; посмертный выпускъ историческихъ изданій *П. Н. Батюшкова.* (IX). 5) *А. А. Титовъ.* Рукописи славянскія и и русскія, принадлежащія Вахрамѣеву; 6) *О. И. Левицкаго* «Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма (X).—

Русскій Архивъ №№ 7—9. Объ Украинско-Славянскомъ Обществѣ (Графъ С. С. Уваровъ и графъ С. Г. Строгановъ), 1847-й годъ (VII, 324—359)—документы относящіеся къ исторіи такъ наз. кирилло-меѳодіевскаго общества, за которое пострадали Шевченко, Костомаровъ и др. Документы эти заключаютъ въ себѣ *докладъ графа А. Ѳ. Орлова*, въ которомъ разсказано начало дѣла, ходъ слѣдствія, поименованы всѣ привлекавшіяся къ слѣдствію лица и опредѣлено примѣрное наказаніе имъ, смотря по мѣрѣ вины; здѣсь же на дѣлахъ положена и резолюція имп. Николая, причемъ нѣкоторымъ изъ обвинявшихся наказанія были измѣнены, другимъ же утверждены на основаніи мнѣнія шефа-жандармовъ. Кромѣ доклада, напечатанъ циркуляръ м-тра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ отъ 27 мая 1847 г. съ изложеніемъ видовъ правительства на Славянство. (Циркуляръ этотъ раньше былъ напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» за январь этого года). Затѣмъ мы находимъ здѣсь частное письмо министра Уварова къ попечителю Строганову—родъ инструкціи для исполненія циркуляра. Отвѣтное письмо Строганова съ отказомъ исполнить циркуляръ и съ просьбой сообщить ему характеръ всего дѣла, вызвавшаго подобный циркуляръ, потому что онъ, попечитель, находитъ «страннымъ и необычнымъ у насъ" способъ «касаться двусмысленными и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса». Не зная дѣла, я, писалъ попечитель министру, въ предстоящемъ случаѣ могу затрудниться въ основаніи собственнаго своего мнѣнія и тѣмъ менѣе направлять мнѣнія другихъ; ибо Вашему Сіятельству не безъизвѣстно, что инструкціи и письменные наказы столько же безсильны въ управленіи людскими мнѣніями, сколько и оффиціальные министерскіе циркуляры». Такой отвѣтъ повелъ къ замѣчанію Строганову, а этотъ подалъ въ отставку, исторія которой и разсказана здѣсь же редакторомъ «Русскаго Архива».—Всѣ указанные нами документы очень важны, особенно докладъ Орлова, который проливаетъ много свѣта на все еще темное дѣло о кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ.

По поводу разсказаннаго г. А. Корсуновымъ въ февральской книгѣ «Русскаго Архива» «*трагическаго случая прошлаго вѣка*» и пріуроченія его къ г. Екатеринославлю *г. Д. Ильченко* сообщаетъ два новыхъ варіанта того же разсказа съ новыми мѣстами дѣйствія. Очевидно, значитъ, мѣсто это потеряно, удержалось только воспоминаніе о происшествіи.

Историческій Вѣстникъ №№ 7—9. «*До и послѣ.... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). (Окончаніе), И. Н Потапенко* (VII, 33—46, VIII, 262—275).—Въ этихъ двухъ статьяхъ авторъ продолжаетъ описаніе своего путешествія съ архіереемъ, описываетъ свое возвращеніе въ бурсу, пріѣздъ ревизора, ревизію и затѣмъ реформу бурсы. Начались новые порядки, на введеніи которыхъ авторъ и оканчиваетъ свои воспоминанія.

Воспоминпнія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева гл. IX—XI (VII, 94—118).—Авторъ описываетъ свою артистическую дѣятельность на югѣ Россіи, давая много характеристичныхъ бытовыхъ подробностей для исторіи театральнаго дѣла въ Россіи вообще и на югѣ въ особенности.

«*Ясновельможный панъ Янъ Сапѣга*» (Опытъ исторической характеристики) *П. Н. Полеваго* (VII, 141—150)--Къ VII книгѣ «Историческаго Вѣстника» приложенъ портретъ извѣстнаго гетмана, осаждавшаго Троицкую Лавру, Яна Сапѣги, портретъ, сдѣланный съ весьма рѣдкой гравюры XVII вѣка Хондеуса. По поводу этого портрета г. Полевой и написалъ свою статейку. Не соглашаясь съ характеристикой Сапѣги, сдѣланной Костомаровымъ, г. Полевой говоритъ о знаменитомъ гетманѣ: «припоминая всѣ «подвиги» Сапѣги и вглядываясь въ его портретъ, мы, кажется, безъ большой ошибки можемъ сказать, что видимъ въ немъ прототипъ тѣхъ людей, которые своею шатостью, своимъ двоедушіемъ, своимъ непомѣрнымъ корыстолюбіемъ и полнымъ отсутствіемъ прочныхъ нравственныхъ основъ, погубили Польшу и отняли у нея всякую возможность дальнѣйшей самостоятельной жизни.... (VII, 150).

Гоголь, какъ историкъ Ф. А. Витберга (VIII, 390—424). Очень подробно разсказанъ эпизодъ гоголевской профессуры, его стремленіе въ Кіевъ, его научныя зиписки и пр. Для своего очерка авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ, чѣмъ только могъ, и очеркъ съ этой стороны заслуживаетъ всякаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ написанъ живымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ.

Въ отдѣлѣ Смѣси: Девятисотлѣтіе православія на Волыни. Археологическія находки въ Кіевѣ. Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности С. И. Пономарева (VII). Полувѣковая дѣятельность профессора П. В. Павлова (VIII). Какъ мы хранимъ наши памятники (IX).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: 1) *Г. Джаншіева* Изъ эпохи великихъ реформъ (VII).—2) Девятисотлѣтіе православія на Волыни 992—1892. Часть I и II. Жит. 1892.—3) *О. И. Левицкій.* Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма. К. 1892.—4) *М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли К. 1892. 5) *Холмскій народный календарь* на 1893 г. (IX).

Юридическій Вѣстникъ № 4—10. *П. Дашкевичъ* оканчиваетъ въ апрѣльской книгѣ свою статью о *предбрачныхъ убыткахъ по обычаямъ малороссовъ.* Разсмотрѣвъ довольно подробно различные виды этихъ убытковъ, авторъ критикуетъ ихъ, высказываетъ и свои практическія замѣчанія. Въ заключеніе статьи г. Дашкевичъ высказываетъ, между прочимъ, надежду, что съ одной стороны Сенатъ рано или поздно измѣнитъ свои взгляды на предбрачные убытки, а съ другой, «составители у насъ будущаго гражданскаго уложенія примутъ во вниманіе существующіе у русскаго народа его гражданско-правовые обычаи и позаимствуютъ изъ нихъ то, что не противно правдѣ и христіанской нравственности». «И когда посчастливится разсматриваемому обычаю, прибавляетъ авторъ, то практическая цѣль его работы оправдается» (IV, 546).

Трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ. Максима Ковалевскаго (переводъ съ французскаго Н. В—ча) (V—VI, 3—35).—Авторъ имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія три положенія:

«Прежде всего, что въ противоположность происходившему въ предѣлахъ Московскаго государства, заимка была въ Малороссіи и на Украинѣ наиболѣе часто встрѣчавшимся способомъ установленія недвижимой собственности.

Во вторыхъ, что въ этихъ странахъ заимки производились то семейными общинами (сябрами), то товариществами поселенцевъ (товариществами), которыя не разверстывали земли между собою, а сохраняли ее нераздѣльною.

Въ третихъ, что аграрный коммунизмъ, въ томъ видѣ, какъ его практиковали малороссійскіе и украинскіе козаки, не зналъ періодическихъ передѣловъ земли и не заботился о равенствѣ надѣловъ, предоставляя каждому присваивать столько земли, сколько ему нужно не на всегда, а до тѣхъ поръ, пока земля не будетъ истощена непрерывною обработкой. Тогда пашни переходили на новое мѣсто, всегда оставаясь въ границахъ общины» (V—VI, 32). Свою статью авторъ написалъ на основаніи только печатныхъ матеріаловъ.

Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древнерусскаго боярства въ юго-западной Руси XIV—XV в.—И. А. Линниченко (іюль—августъ, 275—313).

Напередъ скажемъ, что подъ именемъ юго-западной Руси авторъ разумѣетъ не то, что обыкновенно разумѣютъ въ настоящее время, а исключительно

только Червоную Русь (Галицію) и, говоря о шляхетскомъ землевладѣніи и судьбахъ боярства юго-западной Руси, говоритъ о землевладѣніи и боярствѣ галицкомъ.

Г. Линниченко имѣетъ задачей разсмотрѣть значеніе соединенія Галиціи съ Польшей въ исторіи галицко-боярскаго сословія и его землевладѣнія. Указавъ на широкое развитіе въ Польшѣ правъ шляхетства и на основу шляхетскаго землевладѣнія, не обязаннаго почти никакими повинностями по отношенію государства, авторъ отмѣчаетъ тѣ особыя условія, въ которыя была поставлена Червоная Русь вслѣдъ за своимъ присоединеніемъ къ Польшѣ.

Въ этой же книгѣ (іюль—августъ) Юридич. Вѣст. г. *В. Л. Бинштокомъ* помѣщены въ высшей степени любопытные *матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.* Матеріалы эти заключаютъ въ себѣ: 1) дѣло объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ отъ наказанія плетьми. 2) Дѣло объ отмѣнѣ публичнаго наказанія женщинъ. 3) Записку князя Орлова и обсужденіе его въ особомъ комитетѣ при II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. 4) Мнѣнія министровъ, главноуправляющихъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 5) О наложеніи на преступниковъ клеймъ. 6) Окончательное заключеніе комитета.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета № 3—5. Отмѣтимъ имѣющую общій интересъ статью *проф. Г. Шершеневича «Наука гражданскаго права въ Россіи»*. Въ 5-й книгѣ напечатано только начало. Статья имѣетъ въ виду посредствомъ хронологическаго обзора русскихъ книгъ по гражданскому праву дать имъ въ родѣ исторіи развитія науки гражданскаго права въ Россіи.

Русское Обозрѣніе № 4—7. *Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (Виленскій) въ главнѣйшія эпохи дѣятельности государственной и общественной. Князя Н. Имеретинскаго.* (№ 6, стр. 530—570). Самое заглавіе указываетъ и содержаніе статьи; надо отмѣтить только, что большая часть ея не представляетъ новаго матеріала, а повторяетъ данныя изъ извѣстнаго сочиненія Д. Кропотова (жизнь графа М. Н. Муравьева) и только въ извѣстной долѣ вноситъ новые факты изъ рукописнаго матеріала (рукописная копія записокъ Муравьева). Наиболѣе охарактеризованной является дѣятельность его во время польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ и гораздо слабѣе—въ періодъ возстанія 1863 года, причемъ здѣсь въ нестройную кучу сведены характеристики разныхъ періодовъ—60-хъ и 70-хъ годовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. № 7—10. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщенъ разборъ извѣстнаго труда *В. С. Иконникова*, профес. уни-

верситета св. Владиміра «Опытъ русской исторіографіи» т. I. (въ двухъ книгахъ). Разборъ принадлежитъ *К. Бестужеву-Рюмину* (стр. 179—201).

Библіографическія записки № 6—9. Въ отдѣлѣ критическихъ замѣтокъ находимъ мелкія рецензіи о книгахъ: 1) *Д. И. Эварницкаго* «Исторія запорожскихъ козаковъ». Т. I. (№ 9, стр. 667); 2) *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» Т. I (ibid., стр. 669).

въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 нумера „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходитъ два раза мѣсяцъ).—12 нумеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій.—12 выкроекъ въ натуральную величину.—Четыре картины извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 нумера „Образцовъ для выпиливанія“ по новѣйшимъ рисункамъ.—12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).—Стѣнной календарь (съ картою Россіи). „Жизнь и хозяйство“ и „Забавы для юношества“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано *полное иллюстрированное собраніе сочиненій*

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ П. А. Каншина, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій. Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета Н. И. Стороженко и П. И. Вейнберга, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся ка біографіи, виньеткам и и грвюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. К. Е. Маковскаго, Грюцнера, Пилотти, Тумана, Каульбаха и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ *„СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!“* (*„ECCE HOMO!“*). Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины Гвидо Рени (разм. 11×13 дюйм.). Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, *одно* изъ *четырехъ* новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки 75 к., съ доставкою *одинъ* руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою—*два* руб. за каждое.

Художественная новость (первый разъ въ Россіи).

1) Двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) *„СВИДАНІЕ“* (отдѣльно не выдаются) б) *„ПРИЗНАНІЕ“*. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ* **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**. Е. И. В. изображенъ на сѣромъ скакущемъ конѣ, въ парадной Лейбъ-Гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ проф. В. Виллевальде и отпечатана въ 23 краски. (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйма).

3) *Княжна Тараканова (во время наводненія)*. Проф. К. Д. Флавицкаго. Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм., шир. 17½ д.).

4) *Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный художникъ Н. Каразинъ. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

Подписная цѣна на журналъ прежняя:

На годъ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ дост. и пересылкой по Имперіи 8 р.
№—3. *Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

13. Субота. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, пообѣдали у себе зъ Гамалѣею Стефаномъ, Трощинскимъ и Костенецкимъ, по обѣдѣ жъ пріездилъ ко мнѣ сенецкій сотникъ Криштоповъ и, посидѣвши, отийшолъ. Онъ же потвердилъ про полковницу Сумскую, что въ Москву взята. У вечеру велено на завтрее приготоватись всѣмъ наряженнимъ въ походъ. Церкви войсковой посвященіе въ лагерѣ било и въ первое служба Божая была.

14. Неделя. Сегодня рано, когда стали були рушать въ походъ, принесенна вѣдомость, что отставленъ походъ до завтрего. Билемъ весь день въ лагерѣ, а п. Михайло ездилъ въ городъ. Дофаршу коня п. Федорового, кучеравого, вороного даровалемъ. Маргинъ зъ всзами поехалъ до Нижней станицѣ по провіянтъ, черезъ которого писалемъ до Гаврила въ Терекъ, чтобъ онъ о себѣ увѣдомилъ мене, и Мартину казалемъ, чтобъ далъ рубля на рибу лососѣ и щукъ купилъ бы и посолилъ, на що такъ же и на протчіе потребы далъ Вѣжевскому еще 3 р.

15. Понеделокъ. По ранномъ обѣдѣ віехалемъ зъ лагера въ городъ и тутъ пожекгнавши генераловъ и Дебринея, поехалемъ въ походъ зъ партіею въ 4000-мъ числѣ, а именно: дракгунъ 1000, малороссійскихъ и слободскихъ 1000, донскихъ и яицкихъ зъ колмиками 2000, коммендиромъ главнимъ полковникъ Еропкинъ, полуполковниковъ 2, Соймоновъ и Сомовъ, маіора 2, Аргаровъ и другій мнѣ несвѣдомъ, зъ бунчуковихъ на два зъ п. Михайломъ, Худолѣй, Метелскій, Богаевскій меншій, Голубъ и Солонина, а пошли просто къ Таркамъ, у лѣво понедалеку мора Каспѣйского, и увойшовши того дня верстъ 10, ночовали у сухого Сулаку. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского, зъ Астраханѣ, объ отправленномъ моемъ человѣку сюда оттуду зъ водкою и виномъ.

16. Вовтор. Пошли 3-го часа зъ полночи и увойшовши болшъ 20 верстъ, стали на ночлѣгъ при очерету, а на всѣхъ становискахъ заказано имѣти огонь, трубки курить, и бить въ барабани, але зъ якою могли тихостію и молчаніемъ, такъ себе содержали, нерозбираючись и сами, и коней отъ себе нѣкуда непускаючи.

17. Середа. Рушилисмо 3-го часа зъ полночи и пройшовши верстъ нѣсколко, прійшлисмо надъ рѣку Кумъ-Таркалскую, отъ Кум-

таркаловъ текучую и неподалеку упадаючую въ море, которая хочай собою топка и немѣлка, однакъ всѣ конми переходилисмо и перебравшись всѣ черезъ оную, зближалися къ Таркамъ, куда якъбы верстъ у 7 недоижджаючимъ намъ, ординовано донцовъ, яицкихъ и колмикъ, также малор. и слободскихъ, на полтори тисячи передомъ къ Таркамъ, которіе, не увидѣвши близъ Тарковъ нѣкого, за Тарки побѣгли и тамъ, наехавши на татаръ, бились зъ ними и зъ нихъ 11 чловѣка убито, а 3 татаръ, до насъ пріехавшихъ уже къ Таркамъ и лагеромъ противъ самихъ Тарковъ ставшихъ, приведено также татарку едну и малчика едного татарчука; тогдажъ и потомъ обежджаючи помянутое легкое войско, около мора, наехали на стада татарскіе и загорнули товару рогатого на 400 штукъ и болшъ, але толко 212 пригнали до лагеру, а на 200 колмики покололи; що-жъ могли забрати на вюки, тое забрали, а остатокъ поколотивъ товару, покидали на килнадесятъ. Тогда жъ коммендированъ былъ маіоръ Аргаровъ, зъ двома ротами дракгунъ за Тарки, якъбы у 5 верстъ, для того что сказано тамъ татаръ быти многое число и скоту, але нѣчого не винайшовши, назадъ повернулся. Ездилемъ нарочно въ Тарки, уже разореніе, однакъ полатъ еще показалось много цѣлихъ, кромѣ що стелѣ поупадали, и видѣлемъ строеніе онихъ избъ ихъ нехудое и на примѣръ иноземского, понеже въ нихъ окна великіе, стелѣ мѣрно високіе, коминки у стѣнахъ подѣланніе гладко и мѣстерно (?), матеріялъ же камѣнне самое поскладанное порадне и равно у стѣну, да потомъ глиною, зъ посѣченою яринною соломою змѣшаною, помазано, а потомъ крейдою отинковано, равно и гладко, а между камѣння, где двери, албо окна, дерево укладовано для крѣпости. Зъ мѣстца того надъ вечоръ рушилисмо назадъ зъ боемъ барабаннимъ и не такъ тихо, якъ туда ишли, и перейшовши знову черезъ прежде помянутую Кумъ-Таркалскую рѣку, где за темность ночную немалая учинилась конфузѣя, стали заразъ на ночлѣгъ, и тутъ оній имѣвши часовъ зъ 6, поколь мѣсяцъ подобралъся, рушили оттуду далѣй.

18. Четвер. Въ порушенню нашомъ свѣтать стало и, уже пройшовши чимало, доехали заливи морской и черезъ оную здѣлавши

греблю зъ комину, переправились всѣ, и проехавши еще нѣсколко верстъ на степу, сталисмо на ночлѣгъ, недоежджаючи Сулаку верстъ за 20.

19. Пятокъ. Рушилисмо уже передъ свѣтомъ зъ ночлѣга и недоежджаючимъ намъ Сулаку, віехалъ противъ насъ Аракчѣевъ полковникъ и другіе, и привитавшись зъ оними, зближились къ рѣцѣ Аграханѣ и, переехавши бродомъ черезъ оную, пріехалисмо зъ Еропкиномъ въ крѣпость ст. Креста, где, у генераловъ побувавши, до своей квартери прійшлисмо и тутъ ночовали оба зъ п. Михайломъ. П. Михайла конь, въ ровъ городовий упавши, здохъ.

20. Субота. Обѣдалисмо оба у своей квартерѣ, а по обѣдѣ, побувавши у господъ генераловъ, пріехалисмо въ лагерь. Верблюдовъ зъ Астраханѣ государевихъ пригнато 132 сюда для возѣння фашинъ и протчего. Андрушко, человѣкъ мой сухоносовскій, зъ Астраханѣ отъ Демяна посланний, пріехалъ и привезлъ гор. 4 барилѣ, а въ нихъ вѣдеръ 15 и квартъ 13 и полкварти, да вина фронтиніяку сулѣю и половину боклажка. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. Вола купилисмо за 9 копъ, и того у насъ 5 воловъ.

21. Неделя. Въ лагерѣ по набоженствѣ кушалисмо у себе зъ Трощинскими. У донца купилемъ коберецъ татарского издѣлія за полъ 9 зол. Поехалемъ зъ лагера и заехалемъ въ старую крѣпость, до Соймонова, куда потомъ Еропкинъ и Дебриней пріехали и, забавившись тамъ до полночи, пріехалисмо въ новую крѣпость, и заехали на квартеру Еропкина, которій тамъ мнѣ пѣщаль татарскую, сего походу добутую, подарилъ; оттуду билисмо у Дебринея, оттоль у нашой квартерѣ, знову у Дебринія, у насъ и у Дефарша, таковое до свѣта бдѣніе отправивши, розійшлись.

22. Понеделокъ. Припималемъ electuarium laxativum. Еропкинъ и Сойманов были у насъ. По сѣно, звезти оное до лагеру, послани подводи зъ Василемъ, которій, надъ сѣномъ заставши яицкого козака, коня взялъ у его бѣлого и сюда запровадилъ. Бутилокъ, опрочъ фрон. (тиньяку?), 19 повнихъ.

23. Вовтор. Сегодня обѣдалисмо у себе и по обѣдѣ были у генерала Шереметева и у Дебринея, а я нѣкоторую въ себѣ ощу-

тилъ. Послали Василя отсюду за сѣномъ и грошей ему черезъ Вѣжевского дано 3 р. Яицкіе козаки два пріездили за конемъ, вчора при сѣнѣ отъ Василя пограбленнимъ, которимъ казали завтра явитись. Отъ Дебринея черезъ п. Михайла увѣдомилемся о нѣкоторомъ specі (?). Король французькій нинѣшній понялъ себѣ въ жену дочь Лящинского, самъ будучи 16 лѣтъ, а ей 23, да ему жъ, Лящинскому, дается жалованне по 200,000 р. въ Франціи.

24. Среда. Сегодня праздновали день стія вел. мучен. Екатерини, ради тезоименитства ея величества, въ свѣтлихъ одеждахъ, а подъ часъ молебня 3 рази зъ всѣхъ пушекъ стреляно, потомъ штапъ офѣцери гуляли у Кропотова, у вечеру же фейверкъ мелкій отправлялся. Зъ п. обознимъ прилуцкимъ въ первое увидѣлемъся и листъ Демяновъ получилемъ, въ которомъ пишетъ, что въ Астраханѣ цѣна гор. вѣд. 3 р. 14 а., 4 д. и что сюда зъ Андрушкомъ прислалъ гор. вѣтер. 15 и квартъ 14. Гулялисмо у Дебринея въ глубокую ночь.

25. Четвер. Сегодня обѣдалисмо оба у Еропкина и по обѣдѣ играли въ карти.

26. Пятокъ. Сегодня въ кватери своей былисмо. Кропотову генералу гостинецъ далъ. Писма до дому составляли. Кочубей зъ Сулимою, посидя у насъ, отойшли.

27. Субота. Сегодня кушалисмо у себе и у насъ Іванъ Тарновіотъ. У вечеру былемъ у Шереметева, оттуду у Дебринея, до которого тогда жъ Гайдемиръ прислалъ въ гостинецъ кумичку дѣвчину и вина. Консилѣумъ генералѣтета состоялось о походѣ будущемъ.

28. Неделя. Сегодня на водки были у насъ генерали оба и другіе штапъ офѣцери. А обѣдалисмо сами зъ Тарновіотомъ. Отправили писма въ Пѣтербурхъ, до Петра Андрѣевича, и въ домъ черезъ Бейкѣчева прапорщика, а въ домъ до родителей и жени о своемъ поведеніи, и чтобъ виправа зарання была прислана. О поведеніи жъ до брегадира, прокурора и Петра Петровича, особливо до ясневелможной, а до Демяна о покупцѣ тамъ разнихъ рѣчій въ Астраханѣ до кухнѣ и смушковъ и чтобъ кромѣ 4 барилъ розведеной водки болшъ не продавалъ, тамъ теперъ у его 10 барилъ

горѣлки всеей. Писалемъ и до Полянского о пересилки писемъ и до ахтирского полковника.

29. Понеделокъ. Сегодня рано булисмо у Дебринея, оттуду у Кропотова и кушалисмо тамъ оба, я и п. Михайло. Шереметевъ подарилъ стогъ сѣна п. Михайлу и посланъ за тимъ Алексѣй. У вечеру Дебриней, Дефаршъ, Діонетъ и Макарте были у насъ и просидѣли долго, въ карти играючи, въ ломбаръ и пѣкетъ, и потомъ отойшли. Щиталемъ сколко разій писалемъ въ домъ, зъ дому рушившись, и показалось, отъ мая 21-го до ноевр. 28, 18 разъ. Писалемъ до Кандиби, упоминаючись о куфу гор. мою позиченую. П. Михайло Вѣжевскому далъ въ росходъ своихъ грошей 10 р.

30. Вовтор. Сегодня рано по службѣ Божой былъ я въ Еропкина, оттуду въ квартеру прійшолъ и кушали у себе, оба, зъ обознимъ прилуцкимъ и Панченкомъ. По обѣдѣ Еропкинъ и Сомовъ были у насъ и играли до позна въ карти. У лазнѣ, въ кватирѣ Кочубея, милисмося, а по лазнѣ у Дефарша, где и Дебриней зъ Макартіемъ и зъ ихъ женами былъ, и тамъ танчили, и до полночи просидѣли.

Мѣсяцъ Декав. 1. Середа. Сегодня рано былисмо у генераловъ Шереметева и Кропотова, у которого и кушалисмо оба зъ Кочубеемъ, а оттоль были у Еропкина, и тамъ зъ нимъ и зъ Сомовимъ играли въ карти за полночъ, зъ виграшомъ. Капитана, зъ epistema болѣзни умершого, ховано, и стреляно. Получилъ писмо Гаврилово, зъ Терку 23-го ноевр. писанное, въ которомъ обявляетъ, что онъ лососіовъ насолилъ 1370.

2. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ, а у вечеру былъ у насъ Дебриней, Дефаршъ и Макарте, и посидя отойшли, зъ которими ми пойшли къ Дебринею и тамъ прозабавили до полночи, и о Дефаршу его перепросили.

3. Пятокъ. Сегодня обѣдалъ у насъ Худолѣй. Мартину далемъ 10 р. на розніе потреби и на заплатку вола. Извѣстилисмося, что позавчорайшого дня принесенъ указъ споминать въ церквѣ его королевское височество князя Голштинскаго зъ супругою его, государинею цесаревною Анною Петровною.

4. Субота. Сегодня рано были мы въ службѣ Божой, въ церквѣ малой, зъ Кочубеемъ, а по службѣ обѣдали у себе и зъ нами Петракий. Извѣстно учинилось, что угнато слободскихъ 42 лошадѣ, якобы татарами, которіе пріехавши, будто хотѣли и часового схватать, але за суккурсомъ донскихъ прогнани зостали. Ходилемъ смотрѣть работи козацкой около валу, оттуду зайшолъ до оберпровіянтмейстера Лутавина, оттуду въ Еропкина и оттоль въ Дебринея, где прогуляли за полночъ.

5. Неделя. Сегодня былъ я въ церквѣ великой на службѣ, а по службѣ, прійшовши въ домъ, обѣдалисмо оба зъ Костенецкимъ и Тимофѣемъ Скоропадскимъ. Терковскіе козаки и татаре пріехали сюда для походу, и являлись Еропкину у Дебринея. У вечеру ходилисмо до Гевалдіера енер., где генерали были. Чепанъ Шафкалъ отзивался сюда, якоби съ тимъ, что мѣетъ пріехать къ генераламъ и отдать своего унука въ аманати.

6. Понеделокъ. Сегодня по службѣ Божой былисмо у генераловъ и кушали зъ Еропкиномъ у Кропотова, а после у Шереметева играли въ карти. Отъ княгинѣ Братунской пріехали 2 посланца и були у генерала Шереметева, и писма, на малихъ карткахъ состоящіе, вручили. Гудимъ посланъ въ лагеръ затимъ, чтобъ оттуду по провіянтъ до Нижней станицѣ, где Потапъ уже найдуется. Василь козакъ, пріехавши зъ лагера, донеслъ, что накосили трави на насъ 25 копиць въ двохъ мѣстцахъ.

7. Вовторокъ. Сегодня обѣдалемъ у Еропкина, по обѣдѣ пріехалъ Гаврило слуга п. Михайла зъ Астраханѣ и сказалъ, что привезлъ онъ овса четвертей 10, да вина бочонокъ, Демяномъ купленніе. Прошлой ночи татаре подбѣгали и пололи донца одного. У вечеру играли въ карти у Шереметева зъ Еропкиномъ и офѣцеромъ.

8. Середа. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ заходилъ до насъ Еропкинъ и харковскій полковникъ Квѣтка, и играли въ карти. Милисмося въ лазнѣ у кватирѣ Кочубея, а потомъ до Шереметева ходили. Въ лагерѣ полку лубенского куреней скилка згорѣло.

9. Четвер. Сегодня рано муштровались полки великор. рекгулярніе и стреляли, куда генерали смотрѣть и протчіи ходили на

валъ, где и я былъ. Кандиба присилалъ Андрѣя Трощинского ко мнѣ уговоруватись, за куфу гор. оковитой, у мене позиченой, чтобъ я, цену оной сказавши, денгами, а не горѣлкою взялъ. Зъ нимъ же Трощинскимъ обѣдали ми въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ ездилемъ посѣщать болѣзнуючихъ Андрѣя Миклашевского и Василя Гамалѣю, и посидѣвши у нихъ, отехалемъ на свою квартеру. Получилемъ писма отъ Полянского и Демяна зъ Астраханѣ, Демянъ пишетъ, что онъ писалъ ко мнѣ 4 рази и что послалъ овса четвертей 10 и вина ренского, черезъ Гаврила, п. Михайлового слугу, и что зъ Бухарѣ въ каравану часть, а горѣлка въ Астрах. по 3 р. подробицею, а гуртомъ по 2 р. зъ полтиною продается.

10. Пятокъ. Сегодня былисмо въ своей квартерѣ. Оглядалемъ тют. тутъ, которого будетъ 3²/₁ (¹/₂?) окъ. Сало малое, позиченное у лубенского чловѣка, и куль овса, отослалъ къ Еропкину. Ходилемъ у вечеру зъ п. Михайломъ до Шереметева и, тамъ игравши въ карти зъ Еропкиномъ и комисаромъ Шеншиномъ зъ виграшомъ, прийшолъ въ домъ.

11. Субота. Сегодня по службѣ Божой былъ у Кропотова и тамъ оба кушалисмо, а по обѣдѣ были у Дебринея и тамъ въ ломбаръ играли. У вечеру билъ у насъ Дебриней, Макарти и Дефаршъ, и посидя отойшли. Сегодня малороссійскіе и слободскіе козаки и бунчуковіе, рушивши зъ своего лагеру, прійшли къ крѣпости ст. Креста и стали лагеромъ на первомъ мѣстѣ близъ города. П. Михайло своихъ грошей далъ Мартину 5 р. на розніе потреби, по отходѣ нашемъ. Вѣжевскому далемъ 3 р.

12. Неделя. Сеей ночи противъ неделѣ татаре отогнали лошадей 22 полку чернѣговского. Мартину далемъ 3 червонихъ на потреби. Ему жъ зъ Алексѣемъ наказъ далемъ, що мѣютъ по отходѣ нашемъ дѣлать, а сами по службѣ Божой, покушавши, были у Дебринея и у Шереметева, откуду зъ Кропотовимъ прійшли до Кочубея, а оттоль и въ нашей квартирѣ. О полднѣ рушили въ походъ мы при генералахъ Кропотову и Шереметеву, и дойшовши лѣса, прозиваемого татарскимъ языкомъ Дурвасъ, въ 20 верстахъ отъ крѣпости отстоящого, тутъ на ночлѣгъ стали лагеромъ, а ла-

геръ устроенъ былъ фѣкгурою баталіонъ де каре; въ переду ишли передъ авангардіею терковскіе и гребенскіе козаки, потомъ авангардія, а въ корпусѣ въ чолу пѣхота и на задѣ по бокамъ дракгуне, которихъ было на 4000, а зъ нерекгулярними всѣхъ 9404 чловѣка; поузъ дракгунъ по бокахъ малороссійскіе и слободскіе, и донскіе козаки ишли. Въ мѣсто брегадира отправлялъ полковникъ Аракчѣевъ, надъ нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, надъ пѣхотою полковникъ Фонстраль, да подполковникъ Лопухинъ. Сеей ночи къ нашему лагеру подбѣгало татаръ нѣсколконадцять чловѣка подсмотрувать и провѣдувать о насъ; огнѣ на горахъ видни были. Бунчуковіе за авангардіею при генералу Кропотову ишли и становились за ними жъ, за палаткою Еропкина.

13. Понеделокъ. Сегодня рушили зъ вчорайшого ночлѣгу свѣтомъ уже, и ишли верстъ зъ 10 отъ лѣса Дурвасу, взявши у право и пройшовши степъ безтравний и безводний, прийшли до води солодкой, болотомъ стоячимъ, и тутъ на травѣ нехудой стали лагеромъ.

14. Вовтор. Сегодня рушилисмо свѣтомъ зъ вчорайшого ночлѣга, и пройшовши около 10 верстъ, прійшли къ горамъ кавказскимъ къ ущеллю, къ правой руцѣ отъ Кумъ Таркаловъ будучому, въ которое первей легкіе войска, потомъ авангардія и особливо коммендированнихъ зъ полковъ кавалеріи 400, а пѣхоти 400 увойшли, а после и увесь корпусъ. Ущелле тутъ весма натурою крѣпкое, ибо сквозь камяніе гори вмѣсто валу, за которими еслибы моглъ непріятель зъ пушками засѣсти, то зъ великою развѣ-бъ трудностю входъ моглъ быти, але зъ непріятеля жадного чловѣка невидать было. Близъ сего ущелля нѣкоторіе лошадѣ, отгнанніе татарами 12-го числа, найшлися. Таковимъ ущеллемъ, инде узкимъ барзо, инде поширшимъ, ишлисмо верстъ зъ 6, поминувши у лѣво шляхъ до деревнѣ Капчударъ, шафкалского владѣнія, и прійшовши стали подъ горою, поколь обозъ сталъ надходити, а потомъ, оставивши дорогу, у право идучую до Андрѣевой деревнѣ, у лѣво на гору пошлисмо и, зійшовши на гору, увидѣли тамъ раздолъ пространний, толко на немъ мало трави, и пройшовши онимъ верстъ зо двѣ, спустились зъ гори у низъ, и стали на низу лагеромъ межи горами,

куда нескоро вози наспѣли за гороватою збитъ дорогою. Ординансъ при Шереметеву отправовалисмо, оба зъ п: Михайломъ. Вечералисмо у Еропкина оба.

15. Середа. Сегодня рано рушилисмо зъ вчорайшого ночлѣга и, роздоломъ пройшовши верстъ около 5, прийшли надъ рѣчку Кумтаркалскую и, минувши въ лѣво дорогу, ущелемъ до Кумтаркаловъ ведучую, пошли вправо ущелемъ и, пройшовши ущелемъ верстъ зо двѣ, прийшли до Капчудаю, деревенки разоренной, и отъ оной пройшовши и переправившись черезъ тую жъ рѣчку, стали лагеромъ на пригорбку, гте и первого походу стояли. Обѣдалисмо у капитана Никити Іван. Уварова. Зъ сего лагера побѣгли донскіе козаки, яитскіе и колмики 150 чловѣка впередъ къ кумикамъ, и напавши на татаръ, подля лѣса найдовавшихся 20 чловѣка, былись зъ ними и отъ нихъ живцемъ одного взяли, а двохъ убыли, протчіе же порозбѣгались въ гори, и отбыли у нихъ 135 товару рогатого, да 400 овецъ; оний татаринъ, живцемъ взятий, сказалъ себе быти слугою владѣлца деревнѣ Капчудай. Да онъ же въ допросѣ сказалъ, что впереду многое число татарскихъ ауловъ есть, и что шафкалъ въ селѣ своемъ Кайдарахъ обрѣтается и много число всякаго скота вчорайшого дня отсюду далѣй загнато, чого ради 700 чловѣка нерекгулярнихъ со всѣхъ камандъ наражено посилать въ погоню.

16. Четверъ. Сегодня зъ вчорайшого ночлѣга рушили мы свѣтомъ, а за 3 часа до свѣта комендировано вишепомянутихъ козаковъ, которихъ мы, не доежджая села Капиркумикъ, доехали и увѣдомились, что они никого невидѣли, толко въ Капиркумикахъ застали хати затопленіе, а татаре знать передомъ порозбѣгались. Въ маршу нашемъ нинѣшнемъ, охотники зо всѣхъ командъ нерекгулярніе, побѣгши влѣво на гори, напали на аулнихъ татаръ, которихъ было чловѣка зъ 30 и, учинивши съ ними бой, убыли одного, а другіе въ гори порозбѣгались, женъ зась ихъ и дѣтей обоего пола многое число забрали и припровадили до лагера, такъ же и скоту всякого. Идучи мы до Капиркумикъ, видѣли, что вода ровомъ текла у гору на килка верстъ, импетъ забираючи отъ рѣчки бистро текучой, отъ которой тотъ ровецъ улѣво здѣланъ, и помалу внизъ то

вгору, для забрання болшого импету, прокопанъ, на которомъ и мелницци маліе, при водяниxъ колахъ сторчъ стоячихъ, построени. Пройшовши мы до села Капиркумики, отъ вчорайшого ночлѣга якбы у 6 верстъ отстоящого, увидѣли оное разореное, а на другой сторонѣ рѣчки въ другомъ селѣ, Халѣбѣкгай называючомся, хочай разоренномъ, было вновъ уже строячихся, але недостроенниxъ хатъ нисколко.

17. Пятокъ. Сего ранку рушивши зъ вчорайшого лагера зъ подъ деревнѣ Халѣбѣкговъ ишли все роздоломъ и видѣли деревню, Шуру зовемую, якая намъ была влѣво отъ дороги за версту, спаленную подчасъ первого еще походу, а ишли мы отъ Халѣбикгава, завернувши вправо, Казаниши же за горою были намъ влѣво, и пришлисмо къ селу Ірпелямъ нижнимъ и стали лагеромъ, недоходя села, якъ бы у полъ версти. Зъ маршу сего нашего, до Ірпеліовъ недоходя оних, коммендѣрованно рекгулярниxъ нѣсколко сотъ и нерекгулярниxъ близъ двохъ тисячъ передомъ къ селу Ірпелямъ и далѣй, которіе пройшовши къ Ірпелямъ, нѣкого тамъ зъ татаръ незастали, для чого за Ірпелѣ пошли и, пройшовши мало, рекгулярніе стали, а нерекгулярніе къ вишнимъ Ірпелямъ пошли, где на многихъ местахъ наехавши татаръ, съ ними бой имѣли и зъ ущеллей ихъ повиганяли въ гори болшіе, по близу будучіе, а пожитки ихъ розніе, въ ярахъ, въ гарбахъ лежавшіе, позабырали, и убито тамъ татаръ много число, около 100 чловѣка, а зъ нашой сторони убито 6 чловѣка, а ранено около 10, между которими драгунъ еденъ убитъ, а другій раненъ. Ірпелѣ Нижніе съ приходу нашего сидятъ на роздолѣ великомъ, а отъ горъ високиxъ зайшолъ яръ барзо глубокій, въ которомъ вода течетъ, въ онихъ жилля 300; строеніе противъ другиxъ деревень горскихъ хорошіе, особливе домъ каменний князя ірпелѣнского, каменний, въ которомъ на верху и на сподѣ жилля доволно, въ которихъ зъ генералами ходилисмо. Князь сей ірпелѣнскій до владѣнія шафкалского надлежитъ. По обѣдѣ коммендировано рекгулярниxъ и нерекгулярниxъ въ вишніе Ірпелѣ того жъ владѣнія для спаленния оних, которими подъ висшими горами сидятъ, отъ сихъ Ірпелей будетъ туда верстъ зъ 4, а въ нихъ жилля было 600. Татаръ 2 взято въ полонъ и козакъ

единъ донскій, прошлого року взятий въ полонъ подъ Дербентомъ, вийшолъ и сказовалъ, что за сими висшими горами еще суть снѣговіе гори еще висшіе.

18. Субота. Сей день дновали мы на семъ же мѣстцу, откуду коммадированъ подполковникъ Лопухинъ въ деревнѣ, именуеміе Каранай и Медичинъ, для спаленния онихъ, и при немъ 400 інфантеріи, а 400 кавалеріи, нерекгулярнихъ зась пѣшихъ и коннихъ на 3000 зъ 2-ма пушками, которіе за прибытіемъ своимъ туда оніе деревнѣ запалили, а татаръ, при ущелляхъ стоявшихъ, розигнали, вистрѣливши залпомъ нѣсколко на нихъ, а пожитки татарскіе, въ ярахъ зложенніе, побрали, которихъ было многое число, медныхъ посудъ, ковровъ и проч. Тамъ же знайдено двохъ козаковъ нашихъ раненихъ, которіе вчорайшого дня зъ другими бувши тамъ и неуспѣвши повернутись, а видячи близко татаръ, приходившихъ къ тимъ пожиткамъ, схоронились тамъ же межи пожитки и лежали до сего часу, которіе сказовали, что татаре черезъ всю ночь вивозили оттуду лутшіе свои пожитки далѣй въ гори; тогда жъ убито козака едного донского и 2 ранено, и съ татаръ такъ же убито, а сколко несвѣдомо. Караначай и Медичинъ деревнѣ князя ірпелѣнского, владѣнія шафкалского, въ Каранаи дворовъ 100, а въ Медичинѣ 60, сидятъ оніе подъ болшими горами, между глубокими и крутими ярами, къ которимъ жадного проезду возами немашъ. Надъ вечоръ запалени нижніе Ірпелѣ, при которихъ мы лагеромъ стояли, и всю ночь горѣли. Бунчуковій товаришъ Леонтій Чуйкевичъ, житель полтавскій, въ той же партіи бывшій, невѣдомо где подѣлъся.

19. Неделя. Сегодня поутру много кгрузинцовъ зъ женами своими поприходило къ намъ. Рушилисмо зъ прежнего лагера и, назадъ повернувши, ишлисмо поузъ прежде реченной деревнѣ Шуру и Халѣбикгавъ, и минувши Халѣбикгавъ, повернулисмо улѣво назадъ къ ущеллямъ Кумтаркалскимъ, и недоходя Капчудаю якъ бы верстъ у 5 отъ Халѣбикгава, стали лагеромъ на горѣ. Сегодня передъ вечоромъ коммендировано 100 нерекгулярнихъ къ ущеллямъ, черезъ рѣчку Кумтаркалскую будучимъ, которіе наехавши на татаръ аулнихъ, прогнали онихъ, а взяли верблюдовъ 7 и коровъ зъ быками

около 40, и пригнали въ лагеръ; тогда жъ взятъ и полоняникъ еденъ, взятий еще малимъ у Камянного Затону, который сказалъ себе вѣдаючого многихъ татаръ аулнихъ, при которихъ многое число всякой скотини обрѣтается.

20. Понеделокъ. Сегодня рано, по сказцѣ вчора припроваженного полонянина руского, комендировано въ партію маіора Аргарова къ онимъ 400 драгунъ и гранадеровъ 50, особливе нерекгулярнихъ и полтори тисячи на аулнихъ татаръ, о которихъ помянутий полонянинъ говорилъ, чего ради мы на семъ мѣстѣ дновали. А въ день генерали оба были въ насъ и посидѣвши отойшли. Маіоръ Аргаровъ зъ партіи позно возвратилъся, которій за прибытіемъ своимъ обявилъ, что татаръ аулнихъ на томъ мѣстѣ незасталъ, где полонянинъ застать надѣялся, того ради, что оніе татаре передомъ съ того мѣста отойшли, якъ пойманний тамъ татаринъ обявилъ, и раздѣлились надвое, едни пошли влѣво въ яри глубокіе и лѣси, а другіе поишли жъ къ Казанишамъ, которихъ оставивши, за першими слѣдовалъ, и наехалъ онихъ, межи горами кріючихся, где до 50 мужеска и женска барзѣй полу отъ нашихъ убито зостало, а живихъ татаръ приведено въ лагеръ 4 чловѣка, межи которими и мурзи аулного племенникъ приведенъ, и татарокъ зъ дѣтми около 40 душъ и скотини съ ними взято рогатой до 1500, овецъ до 1200 и нѣсколко верблюдовъ зъ гарбамы. Тогда жъ грузинцовъ чловѣка около 10 вийшло зъ неволѣ къ намъ.

21. Вовтор. Купилемъ татарчука малого, якобы троелѣтного у яицкихъ козаковъ, и далъ за его 7 р. Сегодня рано рушившись мы зъ понеделкового ночлѣга, ишли поузъ деревню Капчудай и тимъ же ущелленъ виходили въ межигоръ, якимъ первого походу октовр. 11, о чомъ на концу сеей книги описано, виходили, и вишедши стали лагеромъ на томъ же мѣстѣ, где и прежде, проминувши у право стоячій городокъ Кумтаркали на горѣ, куда оба зъ полковникомъ Еропкиномъ ездилисмо и видѣли увесь разоренний першого походу и, пройшовши мало, неподалеце стали пещанихъ горъ на сей же сторонѣ.

22. Середа. Сегодня на свѣтанню енералъ Кропотовъ и мы всѣ бунчуковіе рушили съ нимъ съ подъ Кумъ Таркаловъ до Су-

лаку, оставивши коменду генералу Шереметеву, да при немъ же дракгунъ 2 роти и козаковъ нерекгулярнихъ 1000, а доехавши лѣсу, зовемого Дурвасъ, въ половинѣ дороги отъ Кумтаркаловъ до Сулаку будучой, тутъ опочили годинъ на 2, оттуду рушивши, онъ же зъ притомними себѣ приближился къ Сулаку, противъ которого за 2 версти отъ города виехалъ на встрѣчъ полковникъ Лѣцкинъ, зъ синами Кропотова и другими офѣцерами, и когда вежджали въ крѣпость вистрелено зъ пушокъ 7-ми, честь ему отдаючи.

23. Четвер. Сегодня поутру милися мы у банѣ зъ Кучубеемъ и другими. Въ обѣднюю годину генералъ Шереметевъ зъ всѣмъ корпусомъ пріехалъ, которому честь отдано зъ 7 пушокъ. Дебриней зъ прорви пріехалъ, у которого, также и у Еропкина, билемъ. Мартину 4 р. вернулемъ, якіе онъ стратилъ, а Вѣжевскому до прежнихъ 3 р. придалемъ еще 7 р. и того всѣхъ 10 р., на власніе мои потреби. Получилемъ 2 писмѣ Демяновихъ, 13-го и 19-го ноевр. писанніе, въ которыхъ пишетъ, что водка дешева въ Астраханѣ и табакъ; и Стефанъ Миклашевскій зъ Шираемъ послали въ Гилянъ свою водку. У вечеру былъ у насъ Дебриней, а потомъ мы у его сидѣли до полночи.

24. Пятокъ. Сегодня ездилемъ въ лагеръ, и тамъ ночовалемъ у п. Трощинского. Яицкимъ козакамъ, продавшимъ въ походѣ еще татарчука мнѣ, заплатилемъ 7 р., позичивши у пана Борзни (sic), а червоного отобралемъ. Получилемъ писмо зъ Астраханѣ отъ Дорошенка, въ которомъ пишетъ, что Павелъ Козловскій умеръ 14-го ноевр. и погребенъ при лазаретѣ.

25. Субота. Рождество Христово. Сегодня рано пріехалемъ зъ лагера въ крѣпость и былъ у генераловъ и Еропкина, а обѣдалисмо у себе зъ Лазаревичомъ; по обѣдѣ были у Шереметева, а оттуду у Кропотова, а у вечеру былисмо оба зъ п. Михайломъ и Кочубей у полковника Дебринея и просидѣли до полночи, гуляючи, того ради, что онъ сей день своего рожденія празднуетъ. Зъ Гиляни пріехалъ мичманъ Норовъ и сталъ тутъ 19-го дня своей езди, того ради, что таковіе вѣтри жестокіе и противніе ему были, ради которихъ мусѣлъ на якорѣ стоять.

26. Неделя. Согодня были по службѣ у полковника Лѣцкина, а оттуду у Дебринея, где и кушали и за полночъ прогуляли, а компанѣя была: насъ 2, Кочубей, Дефаршъ, Макарти; Панченко, асаулъ прилуцкій, потомъ пришолъ, за которого перепросили Дебринея. Отъ Гаврила получилъ зъ Терку писмо, писаное 21 ноевр., въ которомъ писмѣ тожъ що и въ первомъ ознаймуетъ декавр. 1, числа 3 го полученомъ намъ, и что покупалъ 100 лососей по 6 р. и по 6 р. съ полтиною. Василь козакъ, при мнѣ бувшій, отойшолъ. Черезъ того донца, котормй Гавриловъ листъ привезлъ, и риби лососей 15 прислалъ онъ же Гаврило, а самъ въ путь (?) рушилъ (?).

27. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у Кочубея. Дебриней поехалъ въ прорву. Полковникъ Андрей Яковлевичъ Лѣцкинъ въ розговорѣ, съ нами бывшомъ своемъ, сказовалъ, что когда онъ прошлого року ездилъ зъ командою встрѣчу принцу Грузинскому, пришолъ до Кабарди меншой и болшой, въ горахъ кавказскихъ будучой, где видѣлъ рѣку Аксай, многократно въ маліе ровчаки розделенную, которими оная въ гору на 100 и болше саженъ идетъ бистро; да онъ же говорилъ про состояніе Грузинского государства, что прежде сего за 60 лѣтъ, оное государство силно было и принца сего прадѣдъ былъ абсолютъ, имѣлъ свое государство, составленное зъ 4 провинцій, Милитійской, Грузинской, Георгіянекой и Кахетанской, который, умираючи, помянутое свое государство роздѣлилъ синамъ своимъ тромъ, старшому 2 провинцѣи, а меншимъ обоимъ по одному, зъ которихъ середній синъ, не контентуючись тимъ, зъ братомъ своимъ старшимъ войну имѣлъ и, немогучи одолѣть, подъ протекцѣю торецкую удался, зъ которою брата своего побѣдилъ и войска турецкіе впровадилъ, которіе, тамъ осѣвши, гварнѣзони завели и подъ область турецкую все пригорнули, а теперъ и самий столичний городъ Тевризъ (sic) взяли, отъ якого гоненія тогда еще старшій братъ еще удалился подъ протекцѣю россійскую, а теперъ и нинѣшній принцъ того жъ племени, за кгвалтовное насиліе, отъ турковъ и горскихъ чинившееся ему, мусѣлъ уехать и поддатись тожъ подъ россійскую протекцѣю.

28. Вовтор. Сегодня по службѣ Божой билисмо у Кропотова и тамъ кушали, а по обѣдѣ заходили до Кочубея и тамъ посидѣли. У вечеру полковникъ Лѣцкинъ призивалъ по насъ, до себе зовучи, у которого былисмо и, просидѣвши до позна, прийшли въ свою квартеру. Мартинъ станицкому донцеви степану далъ гор. на вишинкъ. Кандиба зъ прочіими товарищи былъ у насъ и разговорували о посилцѣ писма къ Матюшкину генералу.

29. Середа. Сегодня рано были у насъ Кочубей, Сулима и Шидловскій капитанъ, а ми сами по одходѣ ихъ кушали у себе. У вечеру были у Шереметева и тамъ играли въ карти зъ Еропкинимъ и Пронтищевимъ, а потомъ вечерали.

30. Четвергъ. Сегодня рано былисмо въ банѣ, обрѣтаючойся въ квартерѣ Кочубея и зъ нимъ же Кочубеемъ, а по банѣ призивани были до Шереметева и тамъ кушалисмо; по кушанню играли въ карти зъ виграшомъ. Мартинъ въ лагеръ поехалъ, а прежде тутъ насипалъ вина красного 20 бутилокъ. Капитанъ Діонетъ, бывшій при прорвѣ, пріехалъ и обявилъ, что вскорѣ загачена будетъ оная и вода сюда пойдетъ.

31. Пятокъ. Сегодня рано отправленъ Потапъ въ лагеръ, а зъ нимъ и писмо до Кандиби, упоминателное про горѣлку мою позиченную. Мартинъ далъ на вишинкъ горѣлки козаку лукомской сотнѣ, жителю села Онушокъ Яцку Шендрикови, чарка по копейки. Василь козакъ былъ тутъ рано и подалъ карту чили реестръ Миколаевича и про тютюнъ астраханскій говорилъ, что кромѣ куховъ по лѣчбѣ его показалось папушъ 8950, зъ которого продалъ Юско толко два пуда. Кропотову подалемъ доношеніе о пропуску Грицку Гудиму въ Астраханъ. Обѣдалисмо у Яропкина, где капитанъ Титъ Петровъ синъ доволно плутовалъ до увеселенія нашего. Отправилемъ писмо отвѣтное до Дебринея, что теперъ на прорву быть не можемъ за виправою слуги въ Астраханъ и отсилкою коней на прорву. Сегодня впервое снѣгъ малій спалъ и лежалъ оній часовъ зъ два, а противъ завтрейшего дня показалъся морозъ, а то до селѣ держало погодою теплою сухо.

Короткое описаніе походу великороссійского и малороссійского и слободского войска, такъ жъ донцовъ и колмикъ въ гори противъ Шафкала. 1725 року, септ. 26 дня при Сулаку.

Мѣсяц. Септ. день 26, неделя. По обѣдѣ малороссійскіе козаки и товариство бунчуковое рушили зъ лагера и ишли вкругъ города крѣпости ст. Креста, за рекгулярними заразъ, по 4 чловѣка въ шеренкехъ. Одийшовши отъ города за версту, стали лагеромъ впереду регулярнихъ, а въ передѣ донскіе козаки, фѣкгурою баталѣонъ де кари. Компанѣя сія состоялася въ слѣдуючемъ числѣ: было рекгулярнихъ інфантеріи 2 полка, надъ которихъ имѣлъ комменду полковникъ фонъ Страль; а 2 полка кавалеріи, надъ ними полковникъ Аракчѣевъ; бунчукового товариства 70, малороссійскихъ козаковъ 2000, слободскихъ 1000, донскихъ 3000, яитскихъ 1000, терковскихъ и гребенскихъ 300, колмикъ, около Черкаского кучуючихъ, 700, пѣшихъ донскихъ зъ станицъ, по надъ Сулакомъ рѣкою осаженнихъ, нѣсколко десятковъ; а надъ всѣми за генерала аншефта правилъ генералъ маіоръ Кропотовъ, да другій генералъ маіоръ Шереметевъ, надъ малоросс. и слободскими и другими нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, а вмѣсто брегадира полковникъ Лѣцкинъ, да въ рекгулярнихъ же въ кавалеріи зъ штапу полуполковника 2—Сомовъ и Соймоновъ; при рекгулярнихъ было пушекъ 8, а при слободскихъ 2.

27. Понеделокъ. Рано сегодня пріехалъ въ лагеръ генералъ Матюшкинъ и генералъ Кропотовъ и рушили 8-го часа по полночи, къ Таркамъ видомъ, и когда рушали полки, оба генерали Кропотовъ и Шереметевъ винявши шпадъ, отдали честь генералу порутчику Матюшкину и вдарили везде по полкамъ въ барабани, когда генералъ Матюшкинъ всѣ комменди обездилъ, и опровадивши компанѣю верстъ за 5 отъ города, пожекгнался со всѣми и вернулся назадъ, а корпусъ увойшовши отъ города верстъ зъ 15, стали лагеромъ 3-го часа пополудни, на степу, недоходя верстъ за 7 лѣса, зовемого Дурвасъ, и тутъ ночлѣгъ имѣли.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

Дозволено цензур. Кіевъ, 1-го декабря 1892 г.

МИХАИЛЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ XII ВѢКА.

(1131—1147 года).

Оставленіе кіевской каѳедры митрополитомъ XII вѣка Михаиломъ и дальнѣйшая судьба его остаются доселѣ неразгаданными въ исторіи русской церкви. Никоновская лѣтопись говоритъ, а за ней каталоги русскихъ митрополитовъ повторяютъ, что митрополитъ кіевскій Михаилъ, называемый 2-мъ, удалился изъ Кіева въ Царь-градъ и не хотѣлъ возвращаться въ Россію вслѣдствіе междоусобія нашихъ князей [1]). Митрополитъ кіевскій Евгеній говоритъ опредѣленнѣе, что митрополитъ Михаилъ, старавшійся примирить князей русскихъ, отъ несогласія ихъ оставилъ свой престолъ въ 1145 г. и скончался въ Константинополѣ въ 1147 г. [2]), но не указываетъ источника, откуда взяты эти свѣдѣнія. Преосвященный Филаретъ черниговскій, полагая также, что митрополитъ Михаилъ удалился въ Грецію въ 1145 г. вслѣдствіе междоусобія князей, добавляетъ, что въ Руси ждали его возвращенія или смерти [3]). Митрополитъ московскій Макарій Булгаковъ, раздѣляя общее мнѣніе нашихъ историковъ объ удаленіи митрополита Михаила въ Константинополь въ 1145 г. и о смерти его тамъ, считаетъ однако не излишнимъ замѣтить, что о кончинѣ митрополита Михаила въ Греціи гово-

[1]) Никон. Лѣт. кн. 2., стр. 152.

[2]) Опис. Кіево-Соф. собора. Стр. 71.

[3]) Икторія рус. церкви, Филарета, періодъ 1, стр. 169.

ритъ только каталогъ Новгородс. Соф. библіотеки, но ни одна изъ древнихъ лѣтописей не говоритъ о семъ, и посему въ примѣчаніи высказываетъ сомнѣніе объ удаленіи его въ Грецію [1]). Древнія наши лѣтописи дѣйствительно не говорятъ ни объ оставленіи митрополитомъ Михаиломъ своей каѳедры, ни объ удаленіи его въ Царь-градъ [2]). Изъ кіевской лѣтописи извѣстно только, что онъ оставилъ „рукописаніе", которымъ воспрещалось епископамъ служить безъ митрополита въ каѳедральной церкви св. Софіи [3]) и что на это рукописаніе ссылались въ 1147 г. на кіевскомъ соборѣ епископы, какъ на препятствіе поставить въ преемники его на кіевскую каѳедру избраннаго Изяславомъ Мстиславичемъ Климента Смолятича, игумена Зарубскаго монастыря. Чтобы сколько нибудь уяснить конецъ жизни и святительскаго служенія сего іерарха русской церкви, приведемъ кратко лѣтописныя свѣдѣнія о немъ и о событіяхъ, современныхъ его служенію у насъ.

Митрополитъ Михаилъ, по всей вѣроятности грекъ, прибылъ въ Кіевъ лѣтомъ 1131 года [4]) и состоялъ на митрополичьей каѳедрѣ кіевской около 15 лѣтъ, при великихъ князьяхъ кіевскихъ—Мстиславѣ Владиміровичѣ, братѣ его Ярополкѣ и зятѣ Мстислава Всеволодѣ Ольговичѣ.

Первымъ дѣломъ м. Михаила у насъ было освященіе въ Кіевѣ церкви св. Андрея въ Янчинѣ монастырѣ, устроенномъ дочерью великаго князя Всеволода Ярославича Анною или Янкою. Въ слѣдующемъ 1132 году заложена при немъ каменная церковь Богородицы въ Кіевѣ, называемая „Пирогощею". Въ

---

[1]) Исторія рус. церкви, м. Макарія. Т. III, стр. 9; Т. II, стр. 20, прим. 16.

[2]) Въ Лаврентьевской (Суздальской) лѣтописи подъ 1145 годомъ сказано: „И митрополитъ Михаилъ Цесарю городу", къ чему издатели лѣтописи добавили слово „иде"; но съ равнымъ правомъ можно вставить здѣсь и слово „ходи", такъ какъ митрополитъ могъ возвратиться въ Кіевъ въ томъ же 1145 или въ 1146 году, во всякомъ случаѣ до смерти Всеволода Ольговича, послѣдовавшей 1-го августа послѣдняго года. Притомъ нужно замѣтить, что авторъ Лаврентьевской лѣтописи вообще мало знакомъ съ событіями княженія Всеволода Ольговича, вѣроятно по отдаленности отъ мѣста событій.

[3]) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 241.

[4]) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 212.

1133 году митрополиту Михаилу пришлось похоронить вел. князя Мстислава I-го и благословить на кіевское княженіе брата его Ярополка Владиміровича, по словамъ лѣтописи, „кроткаго, смиреннаго, милостиваго и имѣющаго въ душѣ своей страхъ Божій". Семь лѣтъ спустя сколчался Ярополкъ, и митрополитъ Михаилъ въ 1140 г. встрѣчалъ въ св. Софіи, съ честію и славою многою, новаго вел. князя Всеволода Ольговича. Онъ же, вѣроятно, освящалъ и построенныя Всеволодомъ Ольговичемъ, донынѣ существующія церкви, Кирилловскую въ Кіевѣ и Георгіевскую въ Каневѣ. Изъ церковныхъ событій въ управленіе митрополита Михаила русскою церковью нужно отмѣтить учрежденіе имъ новой епархіи въ Смоленскѣ, гдѣ до этого времени не было епископской каѳедры, и поставленіе епископовъ: въ 1137 г. Мануила въ Смоленскъ [1]), въ 1141 г. Ефимія въ Переяславль, въ 1143 г. Онуфрія въ Черниговъ и Космы въ Полоцкъ и въ 1144 Іоакима въ Туровъ.

Благоустрояя русскую церковь, митрополитъ Михаилъ принималъ живое участіе и въ государственныхъ дѣлахъ своего времени. Такъ, находясь въ 1134 году по дѣламъ церкви въ Новгородѣ, онъ старался отклонить Мстиславичей—новгородскаго князя Всеволода-Гавріила и брата его Изяслава отъ похода на ихъ дядю, суздальскаго князя Юрія Долгорукаго, отнявшаго у нихъ Переяславль при кроткомъ в. князѣ Ярополкѣ. Но воинственная партія превозмогла, и митрополитъ Михаилъ, за противодѣйствіе ей своими увѣщаніями, посаженъ подъ стражу. Вскорѣ открылся походъ; но когда новгородцы потерпѣли отъ суздальцевъ сильное пораженіе на Ждановой горѣ, митрополитъ былъ освобожденъ изъ своего заключенія и отпущенъ въ Кіевъ съ честію [2]). Вѣроятно, въ это же время послѣдовало сближеніе его съ новгородскимъ епископомъ Нифон-

---

[1]) Мануилъ „пѣвецъ гораздый", одинъ изъ 3-хъ греческихъ пѣвцовъ, прибывшихъ къ намъ съ митрополитомъ Михаиломъ, при вел. князѣ Мстиславѣ, отъ которыхъ началось у насъ ангело-подобное пѣніе. Ипат. лѣтоп. стр. 215.

[2]) Исторія Россіи—Иловайскаго. Періодъ I, стр. 203.—Лѣтописецъ новгородскій, стр. 17.

томъ, смѣло отстаивавшимъ впослѣдствіи его рукописаніе на кіевскомъ соборѣ.

Болѣе трудная задача предстояла митрополиту Михаилу спустя два года, по возвращеніи въ Кіевъ. Въ 1136 г. готова была возникнуть война между сыновьями Владиміра Мономаха—Ярополкомъ, Вячеславомъ, Юріемъ и Андреемъ съ одной стороны и между Ольговичами—Всеволодомъ, Игоремъ и Святославомъ съ другой стороны. Яблокомъ раздора были города: Переяславль и Владиміръ волынскій, на владѣніе которыми одновременно предъявили притязаніе Мономаховичи и ихъ племянники Мстиславичи, поддержанные зятемъ своимъ, черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ и его братьями. Но „честный митрополитъ Михаилъ", какъ говорится въ лѣтописи, прошелъ съ крестомъ между рядами готовыхъ вступить въ битву и не допустилъ до кровопролитія, а вел. князь Ярополкъ въ тоже время отдалъ Ольговичамъ владѣніе ихъ отца [1]).

Такимъ же ангеломъ-примирителемъ явился митрополитъ Михаилъ и въ 1140 году, по смерти в. князя Ярополка, когда подступили къ Кіеву съ военною ратью Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, чтобы изгнать изъ Кіева Вячеслава Владиміровича, по праву своего старѣйшинства занявшаго кіевскій престолъ своего брата, на кототорый желалъ взойти теперь Всеволодъ, женатый на дочери Мстислава I-го. Уже войска Всеволода ворвались въ Подолье и стали зажигать дворы въ Копыревомъ концѣ, на которомъ стояла церковь св. Симеона; но предъ ратью явился митрополитъ Михаилъ, и отъ имени Вячеслава объявилъ Всеволоду, что Вячеславъ, не желая кровопролитія, уступаетъ ему Кіевъ. Самое отреченіе Вячеслава Владиміровича отъ законныхъ своихъ правъ на кіевскій престолъ, безъ сомнѣнія, было слѣдствіемъ архипастырскихъ увѣщаній митрополита, проявившаго уже не разъ заботу о примиреніи враждующихъ [2]).

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, окончившихся совершеннымъ примиреніемъ сторонъ, въ правленіе митрополита

---

[1]) Ипат. Лѣтоп. стр. 215.

[2]) Ibid., 217.

Михаила русскою церковью, до самой смерти Всеволода Ольговича въ августѣ 1146 г., не было между русскими князьями особенныхъ междоусобій, а слѣдовательно не было и такихъ причинъ, которыя заставляли бы митрополита Михаила оставить свою первосвятительскую каѳедру, на которой онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его слова останавливали готовыхъ вступить въ кровопролитный бой. Правда, внутренняя политика Всеволода Ольговича вызывала неоднократно недовольство противъ него то его родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, то Мономаховичей, но до кровопролитія между ними не доходило. Попытка Всеволода Ольговича отнять въ 1140 г. Владиміръ волынскій у Изяслава Мстиславича, а у Андрея Владиміровича Переяславль окончилась миромъ. Также примиреніемъ князей, при посредствѣ препод. Николы Святоши, закончился походъ Ольговичей противъ Вячеслава Владиміровича, за котораго вступились Мстиславичи. Походъ этотъ, хотя сопровождался отбитіемъ Ольговичей отъ Переяслава и разграбленіемъ ихъ волостей по Сожу и Деснѣ Мстиславичами, не имѣлъ однако никакого вліянія на Кіевъ. Двукратнаго похода Всеволода Ольговича въ 1144 и 1146 г. въ далекій отъ Кіева Галичъ противъ непокорнаго ему Владимірка мы также не относимъ къ междоусобіямъ, которыя могли бы сильно обезпокоить кіевскмго митрополита. Еще менѣе было у него другихъ побужденій удаляться изъ Кіева именно въ Грецію, въ которой тогда происходили дѣйствительныя нестроенія на патріаршемъ престолѣ, такъ какъ бывшій въ 1145 году патріархомъ Михаилъ Окситъ, въ слѣдующемъ 1146 г. замѣненъ Космою Аттикомъ, а сей въ февралѣ 1147 г. низложенъ за покровительство богомильской ереси и затѣмъ патріаршая каѳедра въ теченіе 10 мѣсяцевъ оставалась праздною[1]). Нужно признать при этомъ вѣрнымъ и замѣчаніе ученаго изслѣдователя рус. исторіи, профессора Е. Голубинскаго, который говоритъ: „междоусобія князей въ до-монгольскій періодъ были у насъ такъ обычны, что если бы митрополиты хотѣли оставлять изъ за нихъ престолъ,

---

[1]) Татищ. II, 301; Евг. опис. Соф. собора—76.

то ни одинъ изъ нихъ не оставался бы до смерти“ [1]). А что удаляться въ Грецію не особенно желательно было для нашихъ митрополитовъ, показываетъ примѣръ одного изъ ближайшихъ преемниковъ митрополита Михаила, митрополита Константина, который, будучи по обстоятельствамъ отставленъ отъ кіевской митрополичьей каѳедры, не пошелъ обратно въ Грецію, а предпочелъ поселиться въ Черниговѣ, у тамошняго епископа—грека Антонія. Лѣтописи, какъ замѣчено выше, и не говорятъ объ удаленіи митрополита Михаила въ Грецію, а мнѣніе о семъ есть не болѣе какъ догадка историковъ нашихъ, желавшихъ чѣмъ нибудь объяснить двухгодичное молчаніе лѣтописей о митрополитѣ Михаилѣ съ 1145 г. до собора о избраніи ему преемника въ 1147 году [2]). Основаніемъ для таковой догадки послужило оставленное имъ „рукописаніе“, которымъ воспрещалось епископамъ служить въ св. Софіи кіевской безъ митрополита, такъ какъ издавать подобное рукописаніе могъ только митрополитъ, оставляющій свою каѳедру. „О митрополитѣ въ лѣтописяхъ не упоминается въ теченіе 2—лѣтъ; значитъ онъ уѣхалъ далеко и всего естественнѣе туда, откуда прибылъ, въ Грецію“. „Рукописаніе его содержитъ въ себѣ нѣкотораго рода индердиктъ на митрополичій храмъ, въ которомъ совершаются нарочитыя церковныя торжества и хиротоніи епископовъ; слѣдовательно поводомъ къ изданію его было недовольство митрополита кіевскимъ княземъ или современнымъ состояніемъ кіевскаго княженія вообще“. Такъ или почти такъ разсуждали наши историки. Но съ заключеніями этими нельзя согласиться. Изъ содержанія митрополичьяго рукописанія слѣдуетъ только то, что митрополитъ Михаилъ дѣйствительно оставилъ свою каѳедру и оставилъ невольно, уступая труднымъ объстоятельствамъ, дѣлавшимъ дальнѣйшее управленіе паствою невозможнымъ, или покоряясь насилію; но нисколько не слѣдуетъ, чтобы онъ въ тоже время удалился изъ Россіи въ Грецію. Въ

---

[1]) Исторія рус. церкви, т. I., періодъ I, стр. 261.

[2]) Умолчаніе въ Лѣтописяхъ о томъ или другомъ митрополитѣ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ ничего особеннаго не представляетъ.

томъ-же 12 вѣкѣ владимірскій епископъ-грекъ Ѳеодоръ, по неудовольствію къ суздальскому князю Андрею Боголюбскому, въ 1172 году наложилъ запрещеніе не только на каѳедральную владимірскую церковь, но и на всѣ церкви въ г. Владимірѣ, а также по многимъ городамъ и селамъ, но нисколько не думалъ бѣжать въ Грецію, даже оставался въ своемъ епископскомъ городѣ, и только по требованію митрополита, вслѣдствіе жалобы князя и народа, долженъ былъ слѣдовать на судъ въ Кіевъ [1]).

Что же могло побудить митрополита Михаила издать свое запретительное рукописаніе и оставить митрополичью каѳедру? Для разрѣшенія сего вопроса обратимся къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ смерти великаго князя кіевскаго Всеволода Ольговича. Вступивъ на кіевское княженіе вопреки постановленію любечскаго съѣзда князей, Всеволодъ Ольговичъ, не смотря на это и на шаткость своихъ отношеній къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ своимъ, имѣлъ въ виду устранить Мономаховичей отъ кіевскаго престола и передать его послѣ своей смерти роднымъ своимъ братьямъ Ольговичамъ. Преемникомъ себѣ онъ избралъ своего брата Игоря Ольговича и счелъ нужнымъ объявить объ этомъ, еще за годъ до своей смерти, призвавъ къ себѣ въ 1145 году родныхъ братьевъ Игоря и Святослава, двоюродныхъ Владиміра и Изяслава Давидовичей и шурина своего Изяслава Мстиславича, а для большей вѣрности въ исполненіи этого своего завѣщанія, предложилъ имъ цѣловать крестъ. О митрополитѣ при этомъ не упоминается; но нельзя думать, чтобы такое важное дѣло, какъ назначеніе преемника великому князю и присяга этому преемнику произошли безъ вѣдома и благословенія митрополита, помогшаго самому Всеволоду занять кіевскій престолъ. Братья—Ольговичи и Давидовичи охотно цѣловали крестъ, но Изяславъ Мстиславичъ исполнилъ это только послѣ внутренней борьбы съ собою въ виду нарушенія правъ

---

[1]) Лѣтописецъ говоритъ: „церкви вси Володимири затвори и ключи церковныя взя, и небѣ звоненія, ни пѣнія по всему граду". Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 377.

его рода. Въ слѣдующемъ 1146 году Всеволодъ, по возвращеніи изъ похода въ Галицію, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ кіевлянъ (старѣйшинъ) и взялъ съ нихъ слово въ признаніи ими своего ставленника, а самому Игорю поручилъ цѣлованіемъ креста привести всѣхъ кіевлянъ на вѣрность ему, какъ великому князю. Присяга, данная Игорю кіевлянами подъ Угорскимъ, повторена ими въ самомъ Кіевѣ на Ярославовомъ дворѣ—2 августа, на другой день по смерти Всеволода Ольговича. Нельзя также думать, чтобы и присяга народа новому князю состоялась безъ участія митрополита (непосредственнаго) или безъ его благословенія на приводъ къ присягѣ чрезъ духовенство. Участіе это тѣмъ возможнѣе, что Всеволодъ Ольговичъ въ свое княженіе показалъ большое усердіе къ устроенію храмовъ Божіихъ. Для успокоенія народнаго надлежало еще Святославу Ольговичу цѣловать крестъ въ томъ, что его братъ, новый князь, не дастъ народа въ прежнюю обиду. Непосредственно за симъ самъ Игорь Ольговичъ долженъ былъ цѣловать крестъ предъ лучшими людьми въ исполненіе обѣщанія, даннаго за него его братомъ. Повидимому, все было сдѣлано для взаимнаго успокоенія и для упроченія рода Ольговичей на престолѣ Мономаховичей. Но уже разграбленіе кіевскою чернью домовъ кіевскихъ мечниковъ вслѣдъ за присягой Игоря достаточно показывало непрочность установляемаго Всеволодомъ престолонаслѣдія. События не замедлили подтвердить это. На посланный Изяславу Мстиславичу Ольговичами запросъ о вѣрности его присягѣ, данной Игорю Ольговичу въ 1145 г., онъ не далъ отвѣта и даже не отпустилъ посла; заручась же заявленіями кіевлянъ о желаніи имѣть его самого своимъ княземъ и встрѣтивъ тѣже желанія со стороны черныхъ клобуковъ и жителей Поросья, Василева и Бѣлгорода, Изяславъ Мстиславичъ, съ благословенія переяславскаго епископа Ефимія, двинулся съ ратью изъ Переяслава къ Кіеву, перейдя Днѣпръ у Переяслава. Для отраженія его Игорь и Святославъ Ольговичи съ сыномъ Всеволода Святославомъ выставили свои полки впереди валовъ Кіева. Но вслѣдствіе перехода кіевлянъ на сторону Изяслава Мстиславича потерпѣли, 13 августа, полное пораженіе

на Дорожичахъ (что нынѣ Лукьяновка): полки ихъ обратились въ бѣгство, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ за Днѣпръ, на устье Десны, Святослава Всеволодовича схватили въ Ирининскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ укрыться; Игорь Ольговичъ, спасаясь бѣгствомъ, увязъ съ конемъ въ Дорожичскомъ болотѣ (на Сырцѣ), гдѣ его нашли уже на 4-й день послѣ битвы; прочихъ бѣжавшихъ преслѣдовали по всѣмъ путямъ къ Вышгороду, до Днѣпра и до кіевскаго перевозу; дома Игоревой и Святославовой дружины въ Кіевѣ разграблены. Возблагодаривъ Бога за пораженіе противниковъ своего рода, Изяславъ Мстиславичъ вступилъ въ Кіевъ съ великою честію и славою. На встрѣчу ему вышли со множествомъ народа игумены съ монахами и священники всего города въ ризахъ. Новый великій князь пріѣхалъ къ св. Софіи, поклонился Спасу и св. Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отца своего и дѣда своего. Приведеннаго къ нему Святослава Всеволодовича Изяславъ Мстиславичъ простилъ, сказавъ: „ты сынъ моей сестры", и оставилъ ѣздить при себѣ, но Игоря Ольговича отослалъ въ Выдубицкій монастырь, тамъ заковалъ въ оковы и отправилъ въ Переяславль, гдѣ его посадили въ порубъ въ монастырѣ св. Іоанна.

О митрополитѣ Михаилѣ при этомъ государственномъ переворотѣ вовсе не упоминается: „не сталъ онъ съ крестомъ между воюющими, чтобы отклонить кровопролитіе, не вышелъ во главѣ духовенства на встрѣчу великому князю, не удержалъ народъ отъ послѣдовавшаго затѣмъ грабежа". Что съ нимъ сталось въ это время,—лѣтописи умалчиваютъ. Но не говорятъ онѣ и о смерти его предъ тѣмъ, хотя въ нихъ тщательно отмѣчены годы кончины епископовъ ближайшихъ къ сему времени: Андрея Переяславскаго (1117 г.), Даніила Юрьевскаго и Амфилохія Владимірскаго (1122 г.), Сильвестра Переяславскаго и Ѳеоктиста Черниговскаго (1123 г.), Марка Пороскаго (1134 г.) и Пантелеимона Черниговскаго (1142 г.). Не имѣя причинъ считать митрополита Михаила умершимъ раньше смерти Всеволода Ольговича, нужно признать, что положеніе его въ 1146 году было весьма затруднительно. Нельзя было ему протестовать противъ распоряженія великаго князя о престоло-

наслѣдіи, которое было утверждено присягой князей, дружины и народа и которое уже было санкцировано вступленіемъ Всеволода Ольговича на кіевскій престолъ мимо Мономаховичей, но не могъ онъ и спѣшить на встрѣчу побѣдителю Ольговичей, когда ему было извѣстно, что самъ Изяславъ Мстиславичъ, за годъ предъ тѣмъ, цѣлованіемъ креста призналъ Игоря Ольговича преемникомъ Всеволода на кіевскомъ княженіи. Тяжело было ему видѣть битву родственныхъ князей, но еще тяжелѣй было слышать, какъ жестоко поступлено съ братомъ великаго князя, на вѣрность которому такъ недавно присягали князья и кіевскіе граждане. Соображая эти обстоятельства, нельзя не прійти къ убѣжденію, что митрополиту Михаилу, при вступленіи Изяслава въ Кіевъ, оставалось только скрыться въ какое нибудь уединеніе, пока утихнутъ страсти враждующихъ и установится твердая верховная власть. Но могло случиться и то, что по всей вѣроятности и случилось, что новый, воинственный князь, не видя митрополита во главѣ духовенства при своемъ торжественномъ вступленіи въ Кіевъ и считая его сторонникомъ Ольговичей, поступилъ съ нимъ такъ, какъ впослѣдствіи поступилъ съ защитникомъ его рукописанія Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ [1]), другомъ Святослава Ольговича, т. е., что Изяславъ Мстиславичъ, удаливъ м. Михаила съ митрополичьей каѳедры, заточилъ его также въ Печерскій монастырь, въ которомъ сей святитель, при старости лѣтъ, отъ скорби и болѣзни, вскорѣ окончилъ свою жизнь, въ особенности, если его заточеніе было сколько нибудь подобно заключенію Игоря Ольговича въ Переяславскомъ монастырѣ, гдѣ вынули его потомъ едва живымъ изъ поруба для постриженія въ монашество. Въ 14 вѣкѣ Владиміръ Ольгердовичъ подобнымъ образомъ по-

[1]) Нифонтъ Новгородскій не только возражалъ на кіевскомъ соборѣ 1147 г. противъ поставленія Климента Смолятича въ преемники митрополиту Михаилу, ссылаясь на его „рукописаніе“, но и послѣ поставленія Климента не хотѣлъ признавать его митрополитомъ и поминать его имя при богослуженіи въ Новгородской епархіи. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ Мстиславичъ вытребовалъ Нифонта въ 1149 г. въ Кіевъ и заключилъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ онъ оставался и въ 1150 году до вступленія въ Кіевъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукаго. Лѣтоп. Новгор. I. стр. 10.

ступилъ съ митрополитомъ Діонисіемъ, совмѣстникомъ кіевскаго митрополита Кипріана, заточивъ его въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Что удаленіе митрополита Михаила съ каѳедры было насильственное, это подтверждается и его рукописаніемъ, которымъ воспрещалось служить въ св. Софіи безъ митрополита. Рукописаніе это не могло бы имѣть мѣста, еслибы удаленіе было добровольнымъ. Постигшее митрополита Михаила заточеніе было для него лишь повтореніемъ того, какъ поступлено съ нимъ, за его миротворную попытку въ Новгородѣ, при томъ же князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ [1]). Смерть м. Михаила нужно полагать не позже 1147 года, такъ какъ въ этомъ году послѣдовало избраніе ему преемника. Она и дѣйствительно послѣдовала въ это время, какъ значится въ выпискѣ изъ одной лѣтописи въ сводѣ лѣтописей, извѣстномъ подъ именемъ исторіи Россійскаго государства—Татищева; здѣсь говорится: „Тогоже (1147) году умре въ Кіевѣ митрополитъ Михаилъ [2])". Татищевъ приводитъ и рѣчь великаго князя Изяслава Мстиславича къ избирателямъ новаго митрополита на мѣсто умершаго, въ которой, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его кончинѣ, упоминается и о тогдашнемъ состояніи дѣлъ Константинопольской патріархіи. Князь говорилъ на соборѣ: „Нынѣ митрополитъ русскій умре, и церковь русская осталась безъ пастыря. Въ Царьградъ же послать къ патріарху *для учинившагося тамъ смятенія и многихъ междоусобій* не можно... Того ради изберите себѣ достойнаго и посвятите на митрополію русскую" [3]). При молчаніи

---

[1]) Святославъ Ольговичь былъ также новгородскимъ княземъ при епископѣ Нифонтѣ въ 1138—1139 г., и въ Лѣтописи замѣчено: „Любовь имяше (Нифонтъ) съ Святославомъ Ольговичемъ" (Ипат. лѣтоп. стр. 332-я).

[2]) Исторія Росс. Татищева. Книга II, стр. 301—302.

[3]) На свидѣтельство лѣтописи, приводимое у Татищева о смерти митрополита Михаила, тѣмъ болѣе можно положиться, что историкъ нашъ С. Соловьевъ даетъ такой отзывъ объ исторіи Россійской Татищева: „Татищевъ, говоритъ онъ, собралъ матеріалы и оставилъ ихъ неприкосновенными; не исказилъ ихъ крайнимъ своимъ разумѣніемъ, но предложилъ это крайнее свое разумѣніе въ примѣчаніяхъ, не тронувъ текста". (Архивъ Историко-Юредич. свѣдѣній, кн. 2-й половина 1-я, отдѣленіе III-е, стр. 20 и 21).—Знаніе состоянія церковныхъ дѣлъ въ Царьградѣ показываетъ, что запись о смерти митрополита Михаила принадлежитъ современнику.

нашихъ древнихъ лѣтописей объ удаленіи митрополита Михаила въ Грецію, мы признаемъ несомнѣннымъ лѣтописное свидѣтельство о смерти его въ Кіевѣ, приведенное въ Исторіи Татищева [1]).

Гдѣ погребенъ митрополитъ Михаилъ? Всѣ митрополиты 1-го періода погребались въ Кіевской Софіи. Но для погребенія опальнаго и удаленнаго въ заточеніе митрополита, конечно, не могло быть мѣста въ Кіевской Софіи, на которую, притомъ, наложенъ имъ интердиктъ. Еще менѣе возможно было погребеніе его въ Десятинной церкви, которую, по ея положенію среди княжескихъ дворцовъ, нужно считать придворною великихъ князей, почему она и вручена св. Владиміромъ не митрополиту, а протопопу Анастасу Корсунянину. Но не могло быть особеннаго препятствія къ тому, чтобы мощи святителя-страдальца, возсѣдавшаго 15 лѣтъ на митрополичьей каѳедрѣ кіевской, были положены въ почетной усыпальницѣ монашествующихъ древняго времени—въ одной изъ пещеръ монастыря преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, въ которомъ онъ, по всей вѣроятности, и скончался, гдѣ покоились уже мощами своими епископы: Ефремъ Переяславскій, Симонъ Суздальскій, названный въ Тератургимѣ митрополитомъ, и Меркурій Смоленскій и гдѣ, недолго спустя

---

[1]) Въ Oriens Christianus Ле-Кіена (стр. 1264) говорится, что митрополитъ Михаилъ 2-й присутствовалъ на соборѣ Константинопольскомъ, бывшемъ въ 1156 г. Но изъ нашихъ лѣтописей извѣстно, что въ 1156 г. поставленъ въ Константинополѣ въ митрополиты кіевскіе Константинъ 1-й на мѣсто удаленнаго съ каѳедры митрополита Климента и что его прибытія въ этомъ году въ Кіевъ ждалъ епископъ Новгородскій Нифонтъ и не дождался, скончавшись 17 апрѣля въ Печерскомъ монастырѣ. Сей то митрополитъ Константинъ, а не Михаилъ, участвовалъ въ 1156 г. на Константинопольскомъ соборѣ противъ еретика Сотериха и по сему, вѣроятно, случаю запоздалъ своимъ прибытіемъ въ Кіевъ. Присутствіе его на семъ Константинопольскомъ соборѣ подтверждается и актами сего собора (Дѣянія собора у Тафеля: Supplem. Historiae. Grecae, secul. XI--XII, Tubing. 1832; Исторія русской Церкви—митрополита Макарія, Т. III. примѣч. 20, на стр. 18). При томъ нужно замѣтить, что въ каталогѣ Ле-Кіена хронологія русскихъ митрополитовъ идетъ въ разрѣзъ съ хронологіей ихъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ напримѣръ, у него говорится, что митрополитъ Михаилъ 2-й былъ на Кіевской каѳедрѣ съ 1142 по 1161 г., митрополитъ Климентъ съ 1156 по 1174 г., а митрополитъ Ѳеодоръ съ 1182 по 1186 г., что совершенно невѣрно.

послѣ сего, дано мѣсто и мощамъ Нифонта Новгородскаго. Митрополитъ Михаилъ могъ быть положенъ здѣсь и непосредственно, послѣ своей смерти; могли быть и перенесены сюда его мощи спустя три года по кончинѣ его, именно въ 1150 году, такъ какъ въ это время Юрій Долгорукій, изгнавши Изяслава Мстиславича изъ Кіева, освободилъ новгородскаго епископа Нифонта изъ заключенія въ Печерскомъ монастырѣ [1]) и дозволилъ союзнику своему, Святославу Ольговичу, взять изъ кіевской церкви св. Симеона мощи князя—инока Игоря Ольговича, неповинно убитаго кіевлянами, сторонниками Изяслава Мстиславича, и съ причисленіемъ къ святымъ положить въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ „въ теремѣ" [2]), т. е. подъ балдахиномъ, для открытаго ихъ чествованія. Вѣроятно, тогда же, вступивши на великокняжескій престолъ, Юрій Владиміровичъ, сынъ Мономаха, почтилъ и страстотерпца—митрополита Михаила дозволеніемъ положить мощи его въ Антоніевой пещерѣ Печерскаго монастыря, если онѣ не были положены здѣсь непосредственно по его кончинѣ въ затворѣ сего монастыря [3]). Въ томъ же 1150 году смоленскій епископъ Мануилъ въ окружной грамотѣ своей называетъ уже митрополита Михаила, учредителя

---

[1]) Новгород. Лѣтоп., стр. 11.

[2]) Ипат. Лѣтопись, стр. 202.

[3]) Въ русскихъ лѣтописяхъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, упоминается о погребеніи въ Антоніевой пещерѣ и заточеннаго въ Печерскій монастырь и скончавшагося въ немъ 15 октября 1385 года, митрополита (московскаго) Діонисія, коего мощи нетлѣнны (Описаніе кіевопеч. Лавры м. Евгенія, стр. 90; Исторія русс. церкви—м. Макарія, т. IV, стр. 74).—Въ томъ же описаніи кіевопеч. Лавры, на стр. 80, митрополитъ Евгеній говоритъ: „по перенесеніи Печерскаго монастыря на нынѣшнее его мѣсто, въ прежнемъ оставлено лишь нѣсколько братіи для поминовенія и погребенія усопшихъ, коихъ изъ монастырскихъ полагали въ пещерахъ, вырывая могилы по бокамъ улицъ, а для мірянъ было открытое кладбище на горѣ. Другая пещера—Антоніева также обращена въ кладбище и въ жилище нѣкоторыхъ затворниковъ". Кальнофойскій въ своей „Терратургикѣ" пишетъ, что „много еще мощей осталось сокрытыхъ (въ пещерахъ) и что трудно нынѣ опредѣлить, сколь далеко простираются пещеры, такъ какъ онѣ обвалились за 60 лѣтъ до его времени (т. е. до 1638 г.), а, по словамъ митрополита Евгенія, и теперь есть склепы и келіи закрытые.— Впослѣдствіи ниши пещеръ, въ которыхъ оказались нетлѣнныя тѣла, оставлены открытыми.

смоленской епархіи, *святымъ*[1]). А по свидѣтельству Палинодіи онъ былъ не только святой, но и чудотворецъ, и за исцѣленіе дочери ногайскаго царика получалъ отъ него ежегодную дань. О дани этой говорится также въ книгѣ Льва Кревзы: „Оборона уніи" и въ Печерс. Патерикѣ митр. Сильвестра Коссова[2]). Остается за симъ разрѣшить вопросъ: существуютъ ли въ настоящее время и гдѣ находятся мощи Михаила, кіевскаго митрополита 12 вѣка?

П. Л.

---

[1]) Дополненіе къ истор. Актамъ. Т. I, № 4: грамота смоленск. епископа Мануила.

[2]) Русс. Истор. библіотека. Т. IV. Палинодія, стр. 1013. Тамъ же, „Оборона уніи", стр. 228—229.—Патериконъ Коссова, въ каталогѣ митрополитовъ.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.[1])

(ОКОНЧАНІЕ).

Пока хлѣбные ревизоры успѣли разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и приступили къ замаскированнымъ наблюденіямъ, для кіевскаго губернатора представился весьма удобный случай самому наблюсти „образъ мыслей" подвѣдомаго ему дворянства и лично убѣдиться въ томъ, каково именно его „расположеніе къ Россіи". Въ началѣ іюля послѣдовалъ извѣстный манифестъ съ призывомъ всѣхъ и каждаго „съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ" ополчиться на защиту отечества. Извѣстно, съ какимъ энтуазіазмомъ откликнулась на этотъ призывъ Россія, выставившая добровольно 320,000 ратниковь и пожертвовавшая болѣе ста милліоновъ на дѣло ополченія. Какъ отнеслось къ этому дѣлу населеніе кіевской губерніи—лучше всего видно изъ слѣдующаго донесенія графа Санти министру полиціи:

„Получивъ высочайшій манифестъ, приглашающій всѣ состоянія къ ополченію для защиты отечества нашего, я созвалъ дворянство въ губернскій городъ на 26-е число іюля, а прочимъ состояніямъ предложилъ сдѣлать ихъ положеніе по городамъ и обществамъ.

„Извѣстно, что помѣщики въ здѣшней губерніи состоятъ изъ двухъ націй: россійской и польской; по сихъ послѣднихъ

---

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1892 г., № 11.

въ пять разъ болѣе, нежели первыхъ. По прочтеніи манифеста и предложенія моего о предметѣ, для коего дворянство созвано, два маршала россійскаго дворянства, въ повѣтахъ черкасскомъ и чигиринскомъ состоящаго[1]), съ перваго слова объявили, что они полагаютъ вооружить по *одному со ста*, а десять маршаловъ польской націи считали достаточнымъ дать только по *одному изъ 250-ти душъ*.

„Нѣсколько дней прошло въ склоненіяхъ и совѣтахъ между обѣими сторонами, и хотя маршалы польскаго дворянства прибавили еще по одному изъ 500 на тотъ конецъ, чтобы и русскіе маршалы, отставъ отъ своего намѣренія, согласились на сіе уменьшенное количество, но какъ тѣ два маршала и русское дворянство рѣшительно отозвались, что они не могутъ дать менѣе, какъ со ста одного, да и въ прочихъ десяти повѣтахъ находящееся россійское дворянство на то же единогласно вызвались, то и составлено отъ нихъ особенное о томъ положеніе, а маршалы польской націи сдѣлали свое особое, то есть: россійской націи помѣщики даютъ съ 500 по пяти, а польской—съ 500 *по три*.

„На содержаніе сихъ воиновъ первые назначили по 50 р. на человѣка, а послѣдніе гораздо меньше, да и то назначили не отъ себя, а отъ такъ называемыхъ *поссесоровъ* и мелкой шляхты.

„Кромѣ сего положено въ семъ общемъ собраніи—изъ 40000 душъ чиншевой, безпомѣстной и безчиновной шляхты, подобно какъ и въ прежнюю милицію было, составить особой баталіонъ шляхетскій изъ 600 человѣкъ.

„Между тѣмъ, изъ помѣщиковъ польской націи согласились съ помѣщиками россійскими: генералъ-аншефъ графъ Браницкій, имѣющій 78,000 душъ, губернскій маршалъ графъ Потоцкій и графиня Потоцкая, у коей состоитъ 40,000 душъ, предсѣдатель Проскура и васильковскій маршалъ Руликовскій, у коихъ 5000, почему и составилось въ губерніи количество

---

[1]) Таковыми были въ то время: Ив. Красовскій (черкасскій) и Ив. Беклемишевъ (чигиринскій). Насколько умѣрены были ихъ предложенія, видно изъ того, что дворянство другихъ, пограничныхъ съ кіевской, губерній постановило воору-

дающихъ изъ ста одного (ратника) превосходнѣе, то есть 245 тысячъ, а тѣхъ, что изъ 500 по три, 240 тысячъ душъ; посему и выходитъ, что дворянство кіевской губерніи вооружаетъ собственно изъ своихъ крестьянъ: россійское 2450, польское 1440, да изъ чиншевой шляхты 600; итого 4490 человѣкъ.

„Мѣщане городовъ Кіева и Богуслава съ особливымъ усердіемъ даютъ: первые—для употребленія въ полѣ, гдѣ будетъ назначено, *одного со ста*, то есть изъ 5 тысячъ 50 человѣкъ, да на случай нужды для защиты города вооружаютъ, по своимъ правамъ и привилегіямъ, пѣшихъ и конныхъ до тысячи человѣкъ, кои внутри города должны быть употребляемы; а богуславскіе даютъ для службы въ полѣ *четырехъ со ста*, то есть изъ 1300 мѣщанъ—52 человѣка. Изъ прочихъ городовъ я надѣюсь получить подобные же отзывы и полагаю, что все ополченіе кіевской губерніи будетъ составлять войска съ оберъ-офицерами около *пяти тысячъ*.

„Для начальствованія симъ ополченіемъ избранъ единогласно помѣщикъ сей же губерніи, генералъ-маіоръ и кавалеръ Алексѣй Петровичъ Орловъ, извѣстный по отличной своей службѣ и достоинствамъ, какъ равно и по достаточному имѣнію. Сборныя мѣста, по уваженію здѣшнихъ обстоятельствъ и по согласію моему съ симъ губернскимъ начальникомъ, назначены въ двухъ городахъ, надъ самымъ Днѣпромъ лежащихъ: Черкасахъ и Каневѣ, и срокъ доставки и отдачи (ополченцевъ) положенъ съ 10 по 20-е августа.

„Достойно замѣчанія, что и въ семъ пунктѣ дворянство польской націи съ россійскимъ не согласилось, а назначило въ своемъ опредѣленіи, чтобы людей собирать и пріемъ дѣлать самимъ ихъ маршаламъ, что срокъ пріема, вмѣсто 10-го, назначаютъ кончить 30-го числа августа, да и то по повѣтамъ, порознь, что самое и произвело бы неминуемое промедленіе до

ружить гораздо большее число ратниковъ. Такъ, въ черниговской губ. было собрано по 6 со ста и сверхъ того нѣсколько козачьихъ полковъ; въ полтавской—по 4 со ста и кромѣ того 9 конныхъ козачьихъ полковъ (по 1200 ч. въ каждомъ), да собрано денежныхъ пожертвованій до 3-хъ милліоновъ рублей; въ екатеринославской—по 4 со ста, въ херсонской—по 2.

октября мѣсяца. Даже самое снабженіе ратниковъ своихъ не приняли они на себя, а возложили на поссесоровъ, не имѣющихъ своей осѣдлости, и на мелкую шляхту, въ бѣдномъ положеніи состоящую.

„Считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что многіе дворяне и изъ польскихъ склонялись къ единогласію съ россійскими, но три маршала были найболѣе противны симъ полезнымъ намѣреніямъ, а именно: богуславскій (Головинскій), таращанскій (Порай-Медынскій) и липовецкой (графъ Нарцизъ Красицкій), кои и цѣлое собраніе увлекли на свою сторону; ибо, послѣ разъѣзда ихъ, губернскій маршалъ и еще два повѣтовыхъ, васильковскій (Руликовскій) и уманской (Стахурскій), пристали къ положенію дворянъ россійскихъ".—Въ виду этого губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія министра полиціи: „не удалить ли сихъ трехъ маршаловъ и еще нѣкоторыхъ особъ, подозрительныхъ по своему вліянію надъ прочими и не благорасположенныхъ къ правительству?"

Но правительство, всецѣло тогда поглощенное заботами о борьбѣ съ непріятелемъ, безпрепятственно подвигавшимся къ древней столицѣ, не дало разрѣшенія на эту экстренную мѣру, не желая безъ нужды раздражать польское дворянство. При томъ же, убѣдившись, что число ратниковъ, добровольно предложенныхъ населеніемъ, далеко превышаетъ мѣру дѣйствительной въ нихъ потребности, правительство нашло необходимымъ умѣрить патріотическій порывъ, и манифестомъ отъ 18 іюля было объявлено, что государь счелъ излишнимъ общее вооруженіе распространять на всю Россію и положилъ оставить его только въ 17 губерніяхъ (округовъ: московскаго, петербургскаго и казанскаго), во всѣхъ же остальныхъ велѣно ратниковъ не собирать, а собранныхъ распустить. Взамѣнъ того объявленъ былъ въ этихъ губерніяхъ рекрутскій наборъ, со ста душъ по 2 рекрута, въ подольской же и волынской губерніяхъ велѣно было собрать, вмѣсто одного рекрута, по 4 строевыхъ лошади. Независимо отъ сего, въ іюнѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до войны, полковнику графу Витту высочайше повелѣно было сформировать *Украинское конное войско*, въ числѣ четырехъ козачьихъ

полковъ, куда поступали мѣщане, цеховые, помѣщичьи, казенные, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по образцу. Въ полки приглашались отставные офицеры и служившіе въ милиціи, чиншевая шляхта и отставные унтеръ-офицеры. Полки именовались *Украинскими козачьими* и поступили въ армію Тормасова; въ нихъ числилось 3600 человѣкъ.

Отмѣна ополченія въ кіевской губерніи глубоко огорчила мѣстнаго губернатора графа Санти, и онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы убѣдить правительство въ необходимости продолжать наборъ ополченцевъ, какъ дѣло крайне полезное по мѣстнымъ условіямъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ представленіи министру полиціи отъ 10 августа: „Теперь изъ Московкихъ Вѣдомостей хотя узналъ я о высочайшемъ манифестѣ, что вооруженіе въ здѣшней губерніи не считается нужнымъ, однако, видя на опытѣ расположеніе умовъ большей части дворянства польской націи и обстоятельства, открывшія уже предъ правительствомъ, что даже припасы, для арміи отправленные, одинъ польскій помѣщикъ около Пинска предалъ въ руки непріятельскихъ аванпостовъ, притомъ же примѣчая въ нихъ какое-то ожиданіе,—я нахожу съ моей стороны по совѣсти и преданности моей отечеству необходимымъ доложить вашему превосходительству слѣдующее:

1) Что предложенное теперь и почти уже приготовленное вооруженіе пяти тысячъ войска весьма бы полезно было если не для того предмета, для коего въ прочихъ губерніяхъ оно собирается, то для употребленія къ препровожденію плѣнныхъ, гошпиталей, магазейновъ и тому подобнаго, и тѣмъ бы облегчило регулярныя войска, отъ 3-ей арміи и отъ внутреннихъ здѣшнихъ гарнизоновъ отлучаемыя, такъ что теперь, по забратіи всѣхъ внутреннихъ гарнизоновъ для препровожденія плѣнныхъ до Тамбова, гражданскіе караулы по необходимости занимаются регулярными войсками.

2) Что въ здѣшнихъ губерніяхъ владѣльческіе крестьяне состоятъ изъ древняго россійскаго народа, и много есть между

ними семей, происходящихъ отъ малороссійскихъ козаковъ, имѣвшихъ толь сильныя войны и ненависть противу польской республики; они же, бывъ единовѣрны и преданы Россіи, могутъ весьма съ пользою быть употреблены при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, а особливо естьли дать имъ древнее названіе *козаковъ* пѣхотинцовъ, могущее не только удержать ихъ отъ побѣговъ, но и родить въ нихъ отмѣнное усердіе и ревность къ службѣ россійской. Сіе тѣмъ болѣе считаю я возможнымъ, что и московское ополченіе также получило названіе козаковъ.

3) Изъ предписанія г. министра военныхъ силъ видно, что и изъ кіевской губерніи выводятся нѣкоторыя тяжести и депо и что сія губернія можетъ войтить въ операціонный планъ войны; почему, кажется, лучше бы воспользоваться теперь собрать сихъ людей въ пользу россійской арміи и имѣть бригаду изъ людей усердныхъ и преданныхъ при такомъ начальникѣ, какъ г. Орловъ, нежели оставить ихъ здѣсь, предвидя, что, въ случаѣ нашествія непріятеля, они могутъ быть отданы польскими помѣщиками непріятельскимъ войскамъ, по ожиданію ихъ будто идущимъ въ сей край подъ начальствомъ генерала Заіончека.

„По всѣмъ симъ обстоятельствамъ считая полезнымъ собрать назначенное дворянствомъ ополченіе, я испрашиваю, во-первыхъ, на сіе начальничьяго вашего разрѣшенія; во-вторыхъ, какъ теперь большая половина губерніи соглашаетcя дать по пяти человѣкъ со ста, то по большинству сему не взять ли и у польскихъ дворянъ равное съ россійскими число людьми и деньгами, отъ чего все ополченіе можетъ составить до шести тысячъ одѣтаго и по 50-ти рублей на человѣка снабженнаго деньгами войска; въ-третьихъ, казенные и старостинскіе крестьяне, равно какъ и мѣщане, даютъ съ охотою равное же число ратниковъ, то можно ли принять и ихъ въ число сего ополченія, котораго прибавится чрезъ то еще до 500 человѣкъ? въ-четвертыхъ, нѣкоторыя духовныя и свѣтскія особы дѣлаютъ денежныя и другаго рода приношенія на сіе же кіевской губерніи ополченіе: принимать ли оныя, естьли не будетъ здѣсь ополченія, или на какой другой предметъ обращать?

„На все сіе ожидаю начальничьяго разрѣшенія, дабы можно было еще успѣть собрать сіе ополченіе, а до тѣхъ поръ я отнесусь къ г. Орлову и къ маршаламъ, чтобы они не останавливались съ своими раскладками и расчисленіями, поколь получено будетъ отъ вашего превосходительства разрѣшеніе, до полученія коего самый сборъ людей мною пріостановленъ“.

Правительство, однако, не убѣдилось этими соображеніями губернатора, и въ концѣ августа послѣдовало рѣшительное распоряженіе объ отмѣнѣ сбора ратниковъ въ кіевской губерніи. Какими соображеніями руководились въ этомъ случаѣ—намъ не извѣстно, такъ какъ въ дѣлѣ не сохранилось текста правительственнаго распоряженія. Во всякомъ случаѣ общее политическое настроеніе въ губерніи не давало повода къ какимъ-либо преувеличеннымъ опасеніямъ: не говоря о непоколебимой вѣрности и патріотическомъ усердіи всѣхъ классовъ русскаго населенія губерніи, съ такою готовностью отозвавшихся на призывъ къ защитѣ общаго отечества, даже настроеніе польскаго дворянства въ общемъ далеко не было революціоннымъ. Какъ мѣтко выразился графъ Санти, поляки юго-западнаго края находились тогда въ возбужденномъ состояніи „ожиданія“—какой исходъ пріиметъ происходившая на глазахъ у нихъ гигантская борьба „двухъ великановъ“, но сами не обнаруживали никакого серьезнаго намѣренія (за исключеніемъ немногихъ единицъ) принять въ ней участіе. Даже въ то время, когда Москва была занята французами и шансы успѣха, по общему убѣжденію, клонились въ ихъ сторону, польскіе шляхтичи хотя и злорадствовали иногда по этому поводу, но никто изъ нихъ не подалъ достаточнаго повода къ подозрѣнію относительно существованія въ ихъ средѣ какихъ-либо революціонныхъ намѣреній. Исправники, городничіе и тѣ спеціальные ревизоры хлѣбныхъ магазиновъ, которыхъ губернаторъ командировалъ въ нѣкоторые уѣзды съ нарочитою цѣлью „проникнуть въ мысли и расположеніе къ Россіи“ польскихъ дворянъ, какъ ни старались открыть что-либо преступное въ ихъ дѣйствіяхъ, въ сущности сообщали начальству одни лишь пустые слухи и предположенія, не подтвержденные ни какими фактами.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ полицейскихъ донесеній, нужно замѣтить, что ихъ достоинство, какъ историческихъ матеріаловъ для характеристики эпохи, крайне незначительно. Все вниманіе наблюдателей было исключительно направлено на польскихъ помѣщиковъ, и потому они совсѣмъ почти не говорятъ о настроеніи другихъ классовъ тогдашняго населенія губерніи. Между тѣмъ польское дворянство крайне подозрительно относилось къ русскимъ чиновникамъ и вовсе не было расположено къ тому, чтобы допустить ихъ въ свою среду и тѣмъ болѣе— открывать предъ ними свои задушевныя мысли и чувства. Мало того, отъ своихъ единоплеменниковъ, занимавшихъ видныя положенія во всѣхъ губернскихъ учрежденіяхъ г. Кіева, уѣздные помѣщики своевременно и аккуратно были предупреждаемы о томъ, кто и что именно доноситъ на нихъ губернатору; поэтому положеніе полицейскихъ агентовъ, въ особенности же спеціальныхъ ревизоровъ, иногда бывало просто невыносимымъ, и они обращались нерѣдко съ такими просьбами къ губернатору: „покорнѣйше прошу, ваше сіятельство, сіе донесеніе мое держать въ тайнѣ, чтобы никто, кромѣ вашей особы, не зналъ объ немъ, и дальше отъ надзора сего меня увольнить, чтобъ не было мнѣ бѣды; ибо я вижу уже, что всѣ въ повѣтѣ имѣютъ зазрѣніе на меня: узнали отъ кого-то съ Кіева... Сохраните меня, ваше сіятельство! я уже напужанъ отъ нихъ (поляковъ) довольно за прежнія донесенія, о коихъ не знаю, какимъ образомъ они въ Кіевѣ дознались". Лишенные непосредственнаго доступа въ помѣщичью среду, полицейскіе чиновники по неволѣ ограничивались собираніемъ ходячихъ слуховъ и должны были обращаться къ содѣйствію *евреевъ*, „расположенныхъ къ Россіи", которые просто-напросто торговали нужными свѣдѣніями и при случаѣ служили, конечно, „нашимъ и вашимъ"... Сверхъ того, многіе изъ этихъ чиновниковъ были люди мало образованные, мало опытные въ своей профессіи и часто до смѣшного наивные. За недостаткомъ фактовъ, они наполняли свои донесенія совершенными пустяками: увѣреніями въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, совѣтами начальству о мѣрахъ предосторожности „въ разсужденіи идущаго смутнаго сего времяни", голословными

увѣреніями въ существованіи якобы среди поляковъ „заговоровъ", сообщеніемъ о самыхъ малозначительныхъ случаяхъ, слухахъ, предположеніяхъ и т. под. Стоитъ упомянуть, въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, что одинъ изъ такихъ доносителей (сквирскій городничій А. Сафоновъ), въ оправданіе малосодержательности своего обширнаго рапорта губернатору, приводитъ даже разсказъ о томъ, какую инструкцію онъ „имѣлъ счастіе", получить когда-то отъ князя А. В. Суворова въ проѣздъ его черезъ г. Могилевъ-Подольскій, гдѣ Сафоновъ служилъ тогда городничимъ. Преслѣдуя польскія бригады, бѣжавшія за Днѣстръ, Суворовъ спрашивалъ его: „съ молдавской стороны нѣтъ ли какихъ извѣстіевъ, и что поляки думаютъ?"—на что городничій отвѣтилъ: „хотя и есть народные слухи, но по маловажности вѣры дать имъ не можно". По этому поводу Суворовъ прочелъ ему слѣдующее наставленіе: „Слушай! не только о всякомъ важномъ дѣлѣ, но и о слухахъ народныхъ, которые ты почитаешь малозначущими,—обо всемъ доноси своему начальнику непремѣнно, потому что твой начальникъ не отъ одного тебя получаетъ свѣдѣнія, а отъ многихъ, то уже онъ, соображая съ донесеніями вообще къ нему дошедшими, судить и трактовать долженъ. Но выйдетъ иногда такъ, что ты судишь маловажнымъ, а по изслѣдованіи начальникомъ твоимъ откроется весьма важное; а которое ты почитаешь важнымъ, то иногда выйдетъ малозначущее. Но даже и мнѣніе свое объясняй—и то начальникъ твой разсмотритъ: если согласно и справедливо, пріиметъ во уваженіе, а если не такъ—оставитъ".—Помня таковое наставленіе „великаго полководца", Сафоновъ и теперь старается слѣдовать ему—и дѣйствительно, безъ разбора доноситъ начальству обо всемъ, что только взбредетъ ему на мысль.

Не имѣя въ виду исчерпать все содержаніе этихъ безпорядочныхъ и часто крайне мелочныхъ доношеній, мы попробуемъ извлечь изъ нихъ лишь болѣе важныя извѣстія о настроеніи польскаго дворянства кіевской губерніи въ тѣ знаменательные дни, когда вся западная половина Россіи объята была пламенемъ войны и на развалинахъ сожженной Москвы рѣшался близкій его сердцу вопросъ—о политическомъ существованіи Польши.

Одинъ изъ самыхъ усердныхъ полицейскихъ чиновниковъ, засѣдатель сквирскаго земскаго суда Наумъ Кузьменко-Гвоздевичъ, доносилъ губернатору слѣдующее: „Честь имѣю донести вашему сіятельству, что я, объѣхавши весь махновскій повѣтъ, подъ видомъ ревизіи сельскихъ запасныхъ магазиновъ, имѣлъ случай ознакомиться съ господами помѣщиками-поляками, входилъ съ ними съ крайнею осторожностью въ дискурсъ о политическихъ нонишнихъ обстоятельствахъ и съ того замѣтилъ, что расположеніе ихъ къ Россіи не поселилось еще до сихъ поръ въ сердцахъ такъ, какъ быть должно и существуетъ въ вѣрныхъ сынахъ россійскаго отечества, по причинѣ той, что непріятель нашъ, французскій императоръ Наполеонъ, который напалъ съ войною на отечество наше, возмущаетъ ихъ и увѣрилъ, что онъ воскреситъ и возстановитъ имъ покоренную россійскимъ оружіемъ польскую корону, и обѣщаетъ имъ прежнюю волю и независимость республики. Надеждою сею будучи обольщенные, какъ того и желаютъ, они жертвовали и тайно, и явно, вспоможеніемъ Варшавскаго княжества, своему національному войску разнообразно, а наконецъ и сами, своими особами, въ 1809 г. нѣкоторые посылали своихъ сыновъ, а другіе и сами бѣжали туда, безъ позволенія правительства, для составленія войска. Они имѣютъ и теперь съ непріятелемъ переписку, но открыть ее весьма трудно, потому что она идетъ между ними чрезъ ихъ самихъ. И хотя нынѣ явно не вооружаются, потому что не знаютъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, однако духъ, поселенный въ нихъ, патріотизма польскаго на лицахъ написанъ и явно доказываетъ противоположность ихъ къ Россіи, что тотчасъ бы въ нихъ возгорѣлось, когда только были бы хотя мало увѣрены (чего Боже не допусти!), что непріятель надъ нами верхъ взялъ".—Онъ же доноситъ въ другой разъ: „Поляки (въ махновскомъ и сквирскомъ повѣтахъ) вообще всѣ коль скоро извѣстіе получили, что Россія имѣетъ войну съ французами и что французы ворвались уже въ нашу имперію, чрезвычайно начали быть веселаго духа, а особливо молодежь

и палестранты[1]); напротивъ мы, всякъ россіянинъ, какъ вѣрные и преданные сыны отечества и монарха своего, оскорбляемся этимъ и объяты жалостію. Многіе, особливо съ низкаго состоянія, шляхта, отзываются съ непріятными рѣчьми для Россіи и благоустроеннаго правленія ея". Въ подтвержденіе этихъ голословныхъ увѣреній Гвоздевичъ приводитъ лишь одинъ фактъ, и то слышанный отъ еврея, будто въ м. Володаркѣ, во время ярмарки, нѣкій лѣсничій изъ таращанскаго повѣта (мелкій шляхтичъ), поссорившись въ корчмѣ съ евреемъ, въ отвѣтъ на угрозу послѣдняго, что онъ будетъ жаловаться начальству, сказалъ: „Не боюсь! Не долго вы будете съ москалями: мы, ляхи, будемъ землю свою отбирать!" Въ слѣдующемъ донесеніи Гвоздевичъ снова упоминаетъ „о выговорѣ и разглашеніи непріятныхъ на счетъ Россіи словъ дворовыми помѣщиковъ людьми, экономами и чиншевою шляхтою въ немаломъ количествѣ и во многихъ мѣстахъ", о чемъ ему „многіе евреи, приверженные къ Россіи, доносили". По его предположенію, дворовые въ своихъ преступныхъ рѣчахъ повторяютъ лишь то, что слышатъ въ домахъ отъ своихъ господъ. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе: нѣтъ ли у поляковъ общаго заговора? Не даромъ, по его наблюденію, „поляки-помѣщики всѣ вообще, замѣтно, чрезвычайно какъ въ рѣчахъ начали берегтись... Когда бы были привержены къ Россіи и не скрывалось у нихъ какого зла, нечего было бы имъ самимъ на себя давать сею бережливостью подозрѣнія. Не разсудите ли, ваше сіятельство, за благо послать знающихъ французскій и польскій языки военныхъ надежныхъ офицеровъ обревизовать секретно кабинеты подозрительныхъ помѣщиковъ и тѣхъ, коихъ сыновья ушли за границу? Но (прибавляетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ) съ этимъ надо осторожно, чтобъ не раздражить пылающаго въ нихъ скрытаго ненависти огня".

О возмутительныхъ рѣчахъ доносили и изъ другихъ мѣстъ. Такъ звенигородскій исправникъ писалъ, что помѣщикъ Росци-

[1]) *Палестрантами* (отъ лат. palaestra) именовались въ Польшѣ адвокаты, ходатаи по судебнымъ дѣламъ, и молодые люди, пріучавшіеся юридической практикѣ при судебныхъ учрежденіяхъ.

шевскій говорилъ какимъ-то евреямъ: „Дай Боже, чтобы пропалъ гетманъ Браницкій, какъ и Потоцкій, за то, что они навели въ нашу землю Москаля, который отбираетъ нынѣ у насъ деньги и души[1]). Далѣе до того дойдетъ, что мы, согласившись всѣ помѣщики, будемъ сами оборонять свои имѣнія и ничего не дадимъ". А на балу у одного посессора подвыпившіе шляхтичи хвалились, что „въ скоромъ часѣ будетъ Польша".

Когда приступлено было къ формированію козачьихъ полковъ графомъ Виттомъ, полиція и здѣсь въ дѣйствіяхъ польскихъ дворянъ усматривала много подозрительнаго. „Ни за какое дѣло такъ охотно (поляки) не брались—доносилъ одинъ изъ полицейскихъ агентовъ—какъ за собраніе козаковъ. Этимъ что-то подаютъ на себя великое подозрѣніе, а особливо тѣмъ, что палестранты и молодежь, какъ я въ Махновкѣ и въ Сквирѣ слышалъ, пьютъ и пѣсни составленныя стихами поютъ на счетъ сбора сихъ козаковъ, что-то непріятное и въ критику для Россіи". О нѣкоторыхъ помѣщикахъ были донесенія, будто они, собравъ и вооруживъ своихъ дворовыхъ людей въ количествѣ большемъ противъ того, какое по раскладкѣ отъ нихъ требовалось, отправляли ихъ не на сборные пункты, а куда-то за границу губерніи. Кромѣ того, нѣкоторыя лица, избранныя въ качествѣ оберъ-офицеровъ для командованія ополченцами, по своей личной неблагонадежности вызывали тревожныя опасенія администраціи. Въ особенности возбуждалъ опасенія помѣщикъ сквирскаго повѣта, нѣкто Калиновскій, о которомъ доносили, будто онъ прежде служилъ генераломъ въ арміи французской и не присягалъ на вѣрность государю, между тѣмъ состоялъ довѣреннымъ лицемъ у главнаго командира украинскихъ козачьихъ полковъ графа Витта. По справкѣ оказалось, что Калиновскій, именовавшій себя графомъ, дѣйствительно числился вестфальскимъ подданнымъ и носилъ званіе генералъ-маіора, пріобрѣтенное тамъ на службѣ. Его заставили принять русское подданство и, на основаніи существовавшаго тогда закона объ

---

[1]) Разговоръ шелъ по поводу рекрутскаго набора и формированія козачьихъ полковъ.

иностранцахъ, отправили на жительство во внутреннія губерніи. Были также опасенія и относительно самого графа Витта, которому Высочайше поручено было формированіе украинскихъ козачьихъ полковъ. Объ немъ звенигородскій исправникъ доносилъ слѣдующее: „На сихъ дняхъ (въ началѣ августа) слышалъ я, что формирующій въ г. Умани украинское козачье войско полковникъ графъ де-Виттъ якобы нѣкоторымъ полякамъ говорилъ сіи слова: „Что я съ этими козаками буду дѣлать? Ежели я поведу ихъ къ арміи и попадутся мнѣ на встрѣчу французы, то я скажу имъ, что я сихъ козаковъ къ вамъ веду".—„Сей графъ (пояснялъ исправникъ) женатъ на одной изъ Потоцкихъ, знатной фамиліи, коихъ два брата и теперь за границею, и одного имѣніе было взято въ секвестръ за самовольный уходъ, и Калиновскій ему родня по женѣ изъ Потоцкихъ же. А въ насъ теперь внутри войска нѣтъ: чтобы не вышло на то (чего Боже сохрани), что мы сами на себе дадимъ имъ способъ и въ руки мечъ".—Наконецъ какой-то шляхтичъ Жаборовскій 14 іюля, во время ярмарки въ м. Лысянкѣ, говорилъ будтобы въ еврейской корчмѣ: „козаковъ не нужно уже давать, ибо Польша отъ Россіи уже отобрана и здѣсь скоро отобрано будетъ, и козаки останутся польскими". Слова эти передалъ исправнику еврей-корчмарь.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ любопытный фактъ, что въ то тревожное время евреи, въ глазахъ полиціи, представлялись едвали не самымъ благонадежнымъ элементомъ въ краѣ. Почти во всѣхъ доношеніяхъ полицейскихъ чиновниковъ упоминаются „приверженные къ Россіи евреи", какъ отличные „лазутчики" и дѣятельные ихъ пособники въ собираніи свѣдѣній о настроеніи поляковъ; лица другой національности никогда въ этой роли не появляются. Конечно, эта „приверженность" оказывалась далеко не безкорыстной: чиновники безпрестанно требуютъ у губернатора новыхъ ассигновокъ „на наемъ лазутчиковъ". Но кромѣ денегъ, евреямъ, за ихъ вѣрную службу, сулились какія-то другія еще приманки. Въ донесеніи одного исправника губернатору встрѣчается таинственная фраза: „евреи обнадежены, какъ приказано". Въ чемъ ихъ „обнадеживали"—трудно дога-

даться. Вѣроятно. подъ вліяніемъ этого обнадеживанія иные изъ евреевъ открыто спекулировали своими талантами, доходя до крайнихъ степеней безстыдства и наглости: получивъ отъ агента плату за услуги, они давали ему понять, что обладаютъ и болѣе важными свѣдѣніями, но согласны открыть ихъ лишь высшему начальству непосредственно и то въ такомъ только случаѣ, если оно окажетъ имъ покровительство въ томъ или другомъ ихъ частномъ дѣлѣ. Такъ, извѣстный уже читателямъ Гвоздевичъ, донося губернатору, со словъ одного еврея, о преступныхъ якобы дѣйствіяхъ помѣщиковъ Сабанскихъ, прибавляетъ: „Еврей сей и болѣе извѣстенъ, что сіи помѣщики съ пріѣзжающими шпіонами имѣютъ сношенія, но разсказать мнѣ всего не захотѣлъ, а сказалъ, что лично вашему сіятельству объяснитъ, ибо хотитъ вашего начальничьяго покровительства въ какомъ-то своемъ дѣлѣ, безъ чего, еслибы я не увѣрилъ его именемъ вашего сіятельства, и вовсе открыть сего дѣла мнѣ не захотѣлъ". Читая это донесеніе, не знаешь, чему больше дивиться: наглости ли „лазутчика", или чиновничьей наивности. Вообще надо замѣтить, что евреи въ то время часто пользовались у русскихъ властей совершенно незаслуженнымъ фаворомъ; извѣстенъ, напримѣръ, случай, что послѣ отступленія французовъ и занятія русскими войсками г. Гродна, гражданское начальство въ этомъ городѣ, въ пику мѣстнымъ полякамъ, поручено было „преданнымъ Россіи" евреямъ, хотя за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, во время движенія Наполеоновской арміи черезъ Бѣлоруссію, не кто иной, какъ именно евреи служили для французовъ проводниками, факторами и лазутчиками.

Не всѣ исправники исключительно пылали рвеніемъ открыть преступные польскіе замыслы во ввѣренныхъ имъ повѣтахъ; иные сверхъ того считали своею обязанностью доносить начальству и о томъ, какіе слухи ходили въ народѣ о военныхъ событіяхъ и какое впечатлѣніе производили они на населеніе. Конечно, такія донесенія имѣли бы первостепенную важность для исторіи тревожнаго времени 1812 г., но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ мало въ тогдашней перепискѣ и они

слишкомъ отрывочны и скудны. Радомысльскій исправникъ доносилъ отъ 14 іюля: „слухи носятся, что якобы непріятельскія французскія войска за Мозыремъ не болѣе какъ въ 40 верстахъ находятся, отъ чего, а тѣмъ болѣе что съ волынской губерніи выѣзжаютъ въ здѣшнюю разные помѣщичьи домы, да и волынскій г. губернаторъ Комбурлей отправилъ въ свои отчины изъ Житомира весь свой экипажъ и обозъ, дѣлается въ народѣ смятеніе и страхъ, но я стараюсь всячески народъ ободрять". Но 2 недѣли спустя (отъ 26-го іюля) тотъ же благодушный исправникъ писалъ уже другое: „въ ввѣренномъ мнѣ повѣтѣ повсемѣстно состоитъ тишина и спокойствіе; прилипчивыхъ и опасныхъ болѣзней на людяхъ и скотахъ не имѣется и непріязненныхъ между народомъ слуховъ не происходитъ. А только носится тихая молва—но вѣрная иль нѣтъ, утвердить не могу—что непріятельскія войска съ Пинска, за благословеніемъ Божіимъ, нашими храбрыми воинами вытѣснены и—что всего лучше—наши завладѣли почти всѣмъ Варшавскимъ княжествомъ и самою Варшавою, а также сдѣланный нами съ аглинскимъ съ моря десантъ войскъ сближается къ Парижу, для спасенія коего французскій императоръ Наполеонъ, оставя арміи, отправился въ свое отечество, и что войска его находятся въ великомъ замѣшательствѣ". Отъ 20 августа махновскій городничій доносилъ: „слухи отъ двухъ дней сильно умножаются и даже отъ особъ намъ равно сострадающихъ и вѣры достойныхъ, что 3-я армія якобы отретировывается къ Дубну и къ симъ околицамъ и что адмирала Чичагова войска не подоспѣваютъ на помощь противу силамъ немалымъ непріятельскимъ. Дубно же отъ сихъ мѣстъ не болѣе 250 верстъ, а къ подольской губерніи и гораздо ближе. Здѣсь по сіе время, слава Богу, все спокойно, но многіе изъ здѣшнихъ дворянъ благомыслящихъ Бога молятъ о спокойности и тревожатся удалиться отъ послѣдствій несчастія войны—одни къ Елисавету (Елисаветграду) другіе къ Екатеринославлю".

Судя по тому, что подобныя донесенія поступили лишь изъ двухъ уѣздовъ, да и то мимоходомъ, можно полагать, что населеніе кіевской губерніи вообще довольно спокойно относи-

лось къ ходу военныхъ дѣйствій—прежде всего, конечно, потому, что мало и вѣдало о немъ. Не смотря на сравнительную близость театра военныхъ дѣйствій, извѣстія оттуда доходили крайне медленно и часто въ извращенномъ видѣ. Даже въ самомъ Кіевѣ такія, наприм., высокопоставленныя лица, какъ митрополитъ и др., далеко не стояли au courant событій: о сдачѣ французамъ Москвы кіевскій владыка достовѣрно узналъ лишь три недѣли спустя послѣ событія, о выступленіи изъ нея непріятелей—лишь черезъ 15 дней, и т. д.[1]). Если такъ было въ Кіевѣ, то что и говорить объ уѣздномъ захолустьѣ. Тѣмъ не менѣе событія отечественной войны были настолько важны и знаменательны, такъ близко затрогивали самые завѣтные чувства и интересы народной массы, что извѣстія о нихъ, хотя бы и очень запоздалыя, проникали въ самыя глухія захолустья и, безъ сомнѣнія, всюду производили глубокое и сильное впечатлѣніе; и если чины кіевской уѣздной полиціи умалчиваютъ о немъ въ своихъ многорѣчивыхъ рапортахъ и доношеніяхъ, то это можно объяснить лишь тѣмъ, что ихъ вниманіе всецѣло было поглощено въ то время спеціальною задачею: „проникнуть въ мысли“ польскихъ дворянъ и помѣщиковъ и точно опредѣлить ихъ „расположеніе къ Россіи“.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ привела эта нарочитая ревизія „мыслей“, стоившая казнѣ немалыхъ расходовъ, помѣщикамъ—немалыхъ страховъ и опасеній, а самимъ ревизорамъ—немалыхъ хлопотъ и непріятностей? Можно сказать—ни къ какимъ. Не смотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ агентовъ открыть что-нибудь новое и важное, не смотря на массу голословныхъ оговоровъ цѣлаго ряда лицъ, губернское начальство путемъ ревизіи не узнало ничего, что не было ему извѣстно и раньше о политическомъ настроеніи польскаго дворянства. Такъ можно заключить хотя бы по тому, что ни одинъ изъ польскихъ помѣщиковъ, голословно опороченныхъ ревизо-

---

[1]) См. Отрывки изъ дневника кіевск. митрополита Серапіона—„Кіевск. Старина“ 1884 г., іюль, стр. 451—454.

рами, не подвергся никакимъ мѣрамъ судебнаго или административнаго взысканія, не смотря на широкія полномочія, предоставленныя въ то тревожное время губернаторамъ югозападнаго края. Потерпѣли лишь тѣ немногія лица, въ неблагонамѣренности которыхъ кіевскій губернаторъ убѣдился не по доношеніямъ чиновъ полиціи, а непосредственно, во время засѣданій дворянскаго съѣзда, обсуждавшаго проектъ губернскаго ополченія. То были извѣстные уже намъ три повѣтовыхъ маршалка (богуславскій, липовецкій и таращанскій), болѣе другихъ упорствовавшіе въ вопросѣ о числѣ ратниковъ,—лица, объ удаленіи которыхъ губернаторъ ходатайствовалъ еще въ началѣ августа. Въ то время правительство отказало въ этомъ ходатайствѣ, не желая безъ нужды раздражать поляковъ въ такое время, когда всѣ силы государства были напряжены въ борьбѣ съ опаснымъ врагомъ, овладѣвшимъ первопрестольной столицей. Но въ концѣ 1812 года, когда Наполеонъ постыдно бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи, а отъ его „великой арміи" остался лишь жалкій сбродъ, безъ сопротивленія сдававшійся въ плѣнъ,—правительство стало дѣйствовать болѣе энергично по отношенію къ полякамъ и рѣшило посчитаться съ тѣми изъ нихъ, которые навлекли на себя особенное неудовольствіе въ опасную годину. Между прочимъ, кіевскому губернатору предоставлено было распорядиться по своему усмотрѣнію съ тѣми польскими маршалками, о высылкѣ коихъ онъ раньше ходатайствовалъ. Маршалки эти теперь были высланы во внутреннія губерніи. Это событіе взволновало все польское дворянство и вызвало рѣзкій протестъ со стороны губернскаго маршала графа Потоцкаго. Вотъ что писалъ по этому поводу графъ Санти министру полиціи отъ 18 декабря 1813 года:

„По прибытіи моемъ въ Кіевъ къ должности, засталъ я, что здѣшній губернскій маршалъ графъ Потоцкій былъ въ сильномъ несогласіи съ г. военнымъ губернаторомъ, который отзывался мнѣ о немъ со всѣхъ сторонъ невыгодно. Сколько по сему, столько и по настоящимъ обстоятельствамъ я съ самаго пріѣзда моего сюда обращалъ особенное вниманіе мое на поведеніе губернскаго маршала графа Потоцкаго и старался про-

никнуть въ моральныя свойства и способности его; однако онъ казался мнѣ сначала простымъ человѣкомъ, какъ о томъ и его свѣтлость бывшій кіевскій военный губернаторъ, нынѣ главнокомандующій арміями, князь Михайло Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій заключалъ въ своемъ отношеніи къ г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею отъ 29 генваря, 1807 года, по случаю связи его съ тайнымъ совѣтникомъ Чацкимъ, на коего тогда открывалось гласное подозрѣніе. Но когда Москва была въ рукахъ общаго врага Европы и когда всѣ поляки съ внутреннимъ удовольствіемъ ожидали постыднаго для Россіи мира и возстановленія Польши, въ сіе время поведеніе губернскаго маршала графа Потоцкаго яснѣе обнаружилось и показалось мнѣ весьма подозрительнымъ: онъ предписалъ было въ послѣднихъ числахъ сентября нѣкоторымъ повѣтовымъ маршаламъ, подъ предлогомъ убійства, случившагося въ махновскомъ повѣтѣ, учредить внутреннюю дворянскую полицейскую стражу, которая легко могла быть обращена къ неблагонамѣреннымъ противъ нашего отечества предпріятіямъ [1]); однако я успѣлъ остановить сіе распоряженіе его, и оно дѣйствія своего не имѣло, а между тѣмъ усугублялъ я еще болѣе замѣчанія мои за поступками его. Наконецъ 9-го декабря, по случаю удаленія извѣстныхъ вашему превосходительству трехъ маршаловъ, замѣченныхъ при назначеніи общаго ополченія, получилъ я отъ г. Потоцкаго столь нескромное отношеніе, что оно подтверждаетъ уже совершенно неблагонамѣренное его расположеніе къ Россіи,—не потому только, что онъ позволяетъ себѣ требовать отъ меня отчета въ дѣлѣ, по объявленному мнѣ секретно Высочайшему повелѣнію исполненномъ, а потому, что онъ вступается за сихъ маршаловъ, какъ единодушныхъ наперс-

---

[1]) Противъ этого мѣста рукою графа Санти сдѣлана приписка: „Примѣчанія достойно, что Москва взята французами 2-го сентября, гдѣ они оставались до 11-го октября, подавая надежду полякамъ на возстановленіе Польши, и что въ сіе самое время губернскій маршалъ графъ Потоцкій придумалъ учредить внутреннюю полицейскую стражу изъ польскаго шляхетства, которая тѣмъ удобнѣе могла быть обращена къ неблагонамѣреннымъ предпріятіямъ, что учреждалась въ повѣтахъ, ближайшихъ къ Волынской губерніи и такихъ, гдѣ нѣтъ русскихъ помѣщиковъ“.

никовъ своихъ, и что сужденія его по сему случаю и вліяніе, какъ губернскаго маршала, на дворянство могутъ дѣйствительно возмущать духъ онаго. Изъ всего сего почитая теперь графа Потоцкаго единственнымъ даже виновникомъ и въ томъ, что неблагонамѣренное расположеніе здѣшняго польскаго дворянства при назначеніи ополченія обнаружилось, я полагаю необходимо нужнымъ отдалить его отсюда хотя въ Харьковъ, въ разсужденіи старости лѣтъ его, но таковое предположеніе мое осмѣливаюсь прежде представить на утвержденіе вашего превосходительства, подноси при семъ къ лучшему удостовѣренію и самыя отношенія г. Потоцкаго какъ о предназначенной было имъ дворянской полицейской стражѣ, съ учиненнымъ по оному отъ губернскаго правленія распоряженіемъ, такъ и по случаю удаленія маршаловъ, на которое (отношеніе) я не отвѣчалъ ему.

„Я не рѣшился самъ собою, безъ утвержденія вашего превосходительства, воспользоваться на сей разъ даннымъ мнѣ отъ васъ дозволеніемъ на счетъ удаленія изъ ввѣренной мнѣ губерніи подозрительныхъ людей потому только, что графъ Потоцкій занимаетъ здѣсь почетное мѣсто и что, благодаря Всевышнему, непріятель прогнанъ уже побѣдоносными нашими войсками изъ предѣловъ Россіи, слѣдственно и злонамѣреніе скрытнаго и лукаваго нрава графа Потоцкаго не такъ нынѣ опасно, тѣмъ болѣе, что онъ, по обязанности губернскаго маршала, останется до будущихъ контрактовъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ я, до полученія отъ вашего превосходительства разрѣшенія, буду имѣть болѣе удобности продолжать за нимъ секретныя свои наблюденія, и отправленіе его отсюда нынѣ или черезъ мѣсяцъ будетъ все равно“.

Долго не было отвѣта на это представленіе; наконецъ въ февралѣ 1813 г. изъ прусскаго г. Вилленберга, главной квартиры русскаго Императора въ его заграничномъ походѣ, получено было увѣдомленіе отъ А. И. Балашова, что Государь, разсмотрѣвъ представленіе кіевскаго гражданскаго губернатора, „на оное отозваться изволилъ: что, по силѣ изданнаго въ 12-й день истекшаго декабря манифеста, не прилично было бы теперь удалять графа Потоцкаго, но тѣмъ не менѣе не только не

должно ослаблять, но паче усилить вниманіе на лица, подвергающія себя подозрѣнію".

Манифестъ 12 декабря 1812 г. представляетъ чрезвычайно поразительный и едвали не единственный въ исторіи примѣръ безграничнаго милосердія Монарха къ своимъ подданнымъ, легкомысленно забывшимъ долгъ вѣрности и самымъ фактомъ своей измѣны поставившимъ себя въ самое безвыходное положеніе. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи процитировать этотъ замѣчательный документъ, столь краснорѣчиво свидѣтельствующій о великодушіи, благости и человѣколюбіи Монарха, которому не даромъ усвоено имя Благословеннаго: „Въ настоящую нынѣ войну съ французами главная часть жителей въ прежде бывшихъ польскихъ, нынѣ же россійскихъ областяхъ и округахъ пребыли Намъ вѣрны, почему и раздѣляютъ со всѣми Нашими вѣрноподданными Нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный Нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе, которыхъ число меньше, но преступленія несравненно больше, пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца и, подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ Насъ, восхотѣли лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими вѣрноподданными. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосудія; но, видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ Насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ Наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ Насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступокъ (sic) и черезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ Нашихъ непріятелей, не желая во-

пользоваться сею Нашею милостію и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ Мы послѣдовать движеніямъ Нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ, и они въ свое время вступятъ въ право сего Нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи сихъ всенародныхъ враговъ и да приноситъ съ неугнѣтеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе. Между тѣмъ надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею“ [1]).

Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ великій актъ милосердія, нужно, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, вспомнить о томъ, какъ вели себя польскіе обыватели Литвы и Бѣлоруссіи во время французскаго нашествія. Едва русскія войска, уступая напору непріятеля, вышли изъ г. Вильны, какъ члены магистрата и большая часть жителей пошли на встрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи отъ города. Французамъ устроена была самая торжественная встрѣча: дома увѣшаны были коврами, дамы махали платками изъ оконъ, жители рукоплескали и привѣтствовали Наполеона радостными кликами. Вечеромъ городъ запылалъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ; въ прозрачныхъ картинахъ сіяло торжество враговъ, изображалось паденіе Россіи. Ослѣпленные называли этотъ день „днемъ освобожденія гнѣзда Гедиминова“. Четыре дня, проведенные Наполеономъ въ Гроднѣ,

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXXII.

прошли въ нескончаемыхъ пиршествахъ, устраиваемыхъ мѣстными дворянами, которые, по его приходѣ, тотчасъ начали сзывать конфедерацію и ополчаться противъ русскихъ. Въ Минскѣ, при вступленіи французовъ, звонили въ колокола, гремѣла музыка на галлереѣ ратуши, дорогу усыпáли цвѣтами[1]). Не довольствуясь восторженными привѣтствіями своихъ „освободителей", поляки съ готовностью оказывали имъ и матеріальную помощь и содѣйствіе: формировали регулярные и волонтерскіе полки, собирали денежныя и вещевыя пожертвованія, доставляли припасы, измѣннически предавали въ руки французовъ русскіе транспорты, и наоборотъ—всѣми мѣрами старались вредить своимъ соотчичамъ. Въ числѣ другихъ причинъ, по коимъ армія Тормасова не могла долѣе оставаться въ предѣлахъ гродненской губерніи, была и та, что она встрѣчала со стороны населенія неодолимыя препятствія въ продовольствіи. „Всѣ жители,—доносилъ Тормасовъ,—взбунтовались противъ насъ, вооружались вилами и косами, укрывались въ лѣсахъ, убѣгали отъ войскъ нашихъ и нападали на малые отряды и на курьеровъ" [2]).

Поляки юго-западнаго края во всѣхъ отношеніяхъ оказались благоразумнѣе своихъ собратій, обывателей Литвы и Бѣлоруссіи. Не говоря уже о кіевской губерніи, какъ болѣе удаленной отъ театра военныхъ дѣйствій, обыватели Подолья и даже Волыни, западные уѣзды которой были временно заняты непріятельскими силами, нигдѣ открыто не нарушили своего вѣрноподданническаго долга по отношенію къ русскому правительству, не смотря на самые страстные призывы и воззванія со стороны варшавскихъ патріотовъ поднять знамя бунта и присоединиться къ генеральной конфедераціи. Правда, лишь только армія князя Багратіона двинулась изъ Волыни въ Литву, нѣсколько молодыхъ помѣщиковъ и шляхтичей бѣжали подъ знамена Понятовскаго, а въ Житомирѣ на тріумфальной аркѣ, противъ губернаторскаго дома, и на стѣнахъ присутственныхъ мѣстъ поли-

---

[1]) „Описаніе отечественной войны", Михайловскаго-Данилевскаго, т. I, стр. 165, 196, 199 и др.

[2]) Ibidem, стр. 342.

ція всякое утро должна была смывать обидныя для чести и славы русскихъ польскія надписи и сдирать поносительныя цыдулки; четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ и нѣсколько шляхтичей пришлось даже подвергнуть высылкѣ во внутреннія губерніи [1]). Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самого Тормасова, которому, по выступленіи князя Багратіона, ввѣренъ былъ высшій надзоръ за политическимъ состояніемъ юго-западнаго края,— во все продолженіе войны спокойствіе и порядокъ не нарушались здѣсь, и ему не пришлось употреблять въ дѣло тѣ чрезвычайныя полномочія, коими онъ облеченъ былъ по званію главнокомандующаго. Правда, мѣстными обывателями не было принесено никакой особенной жертвы отечеству, но повиновеніе властямъ пребыло во всей силѣ: жители безостановочно составляли подвижные магазины, подвозили продовольствія для войскъ, ставили рекрутовъ и лошадей. Находившійся въ то время въ Варшавѣ французскій резидентъ Прадтъ откровенно сознается, что всѣ его старанія завязать сношенія съ Волынью остались тщетными, хотя онъ не щадилъ для этого никакихъ средствъ Въ одной изъ прокламацій, обильно распространяемыхъ тогда изъ Варшавы, волынскимъ обывателямъ дѣлаемы были даже упреки за ихъ равнодушіе къ возстановленію отечества [2]).

Тѣмъ не менѣе и въ юго-западныхъ губерніяхъ (не говоря уже о сѣверо-западныхъ), если бы только правительство пожелало произвести слѣдствіе о поведеніи мѣстной шляхты въ опасную годину, число лицъ такъ или иначе скомпрометированныхъ составило бы между ними весьма значительный процентъ. Этого именно и опасались многіе, особенно въ виду попытокъ мѣстной администраціи свести счеты съ лицами, болѣе другихъ навлекшими на себя ея неудовольствіе, какъ то было на Волыни и даже въ кіевской губерніи. Со времени выступленія французовъ изъ Москвы, когда фортуна видимо стала измѣнять имъ, будущее должно было рисоваться русскимъ полякамъ въ самомъ безотрадномъ видѣ. По свидѣтельству современника, можетъ быть

---

[1]) „Волынская революція", Кіевск. Старина, 1883 г., январь, 133, 134,

[2]) „Описаніе отечественной войны", т. III, стр. 191—192.

нѣсколько и преувеличенному, волынскіе поляки долго не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ со времени оставленія Наполеономъ русской столицы; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ или безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то сердца всѣхъ были объяты ужасомъ. Не зная намѣреній правительства и боясь возмездія за прошлое, волынскіе поляки, „снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агнчью и съ трепетомъ взирали на мечъ правосудія, висѣвшій надъ главами измѣнниковъ“ [1]). Подобное же настроеніе духа господствовало, конечно, среди дворянства и другихъ юго-западныхъ и въ особенности сѣверо-западныхъ губерній. Томительная неизвѣстность продолжалась не долго: манифестъ 12-го декабря, подобно лучу солнца, внезапно заблиставшему среди безпросвѣтнаго мрака и холода, оживотворилъ тысячи сердецъ, пораженныхъ смертельнымъ ужасомъ. Поляки ожили и, какъ дѣти, избѣгшіе наказанія, стали ожидать новыхъ милостей. Когда въ 1814 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о доставленіи свѣдѣній, во что обошлась дворянству каждая земская повинность во время войны,—на Волыни и въ Украинѣ былъ распущенъ слухъ, что указъ этотъ явился результатомъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, принесенной имъ лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ на мѣстное губернское начальство... Въ томъ же году взятъ былъ Парижъ, и остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе возвратиться въ Варшаву. А вскорѣ пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское и русскій императоръ возложитъ на себя корону Пястовъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ; не оправдались лишь пылкія желанія и неразумныя надежды поляковъ—обывателей Литвы, Волыни, Подолья и Украины, что и эти области будутъ включены въ составъ возстановленнаго царства.

Ор. Левицкій.

---

[1]) „Волынская революція“, стр. 136—137.

Божій часъ.[1]

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Дядько Степанъ вернулся на полѣсье изъ Волыни, куда ходилъ на „заробки“. Съ его прибытіемъ, глухое село Холупы на нѣкоторое время оживилось. Степана на улицѣ закидали вопросами.

— Разскажите-но, дядьку, де бувалы, що бачилы на далекому свити? що чувалы добренького?

Дядько Степанъ вообще не любилъ много говорить, а теперь онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ и угрюмъ. Далекое и непривычное путешествіе сильно утомило его. Онъ вздохнулъ, медленно сѣлъ на заваленку, закурилъ люльку и молчалъ. Казалось, онъ хранилъ какую-то тайну. Это еще болѣе подзадоривало любопытствующихъ. Толпа не отступала. Просьбы настойчиво повторялись.

— А що чуты?! Отозвался, наконецъ, дядько. Кепське одне чуты, бильшъ ничого. Баують люде, що до насъ *иде*. Въ мисти вже есть...

Онъ не договорилъ, но всѣ знали о чемъ рѣчь.

— Въ Тучини, въ Александріи вже бере людей, продолжалъ дядько. Въ Александріи я ишовъ досвиткомъ, передъ схо-

---

[1]) Сюжетъ и матеріалы разсказа заимствованы изъ народныхъ разсказовъ о холерѣ прежнихъ временъ на волынскомъ полѣсьи (ровенск. уѣзда).

домъ сонця. Иду коло могилокъ, глянувъ и дуже здывовався: всюды довги ряды свижихъ могилъ и зъ ныхъ выходыть, Господь его знае... нибы билый паръ, нибы туманъ, биле таке... и стелется соби по надъ могилкамы. Сумно такъ стало на души...

— Щожъ воно таке?

— Люде гныють,—отвѣтилъ дядько. Въ *пару* переходять.

Крестьяне опустили головы и задумались.

— Щожъ теперъ буде зъ намы, якъ Боже бороны...

— Що Богъ дасть, те и буде. Може Господь помылуе... Божій часъ настае...

— Ото не дарма сегодня дятелъ ґасло [1]) дававъ,—сказалъ дѣдъ Нечепайло—высокій крѣпкій старикъ, стоявшій позади всѣхъ.

— Де? одновременно спросило нѣсколько голосовъ, и всѣ обратились къ дѣду.

— А на церкви. Стукавъ тай стукавъ, на лыху годыну.

Кто-то прибавилъ, что вчера пущикъ пищалъ въ тополяхъ, на могилкахъ. Не могло также скрыться отъ холуповцевъ, что не такъ давно собаки безъ всякой причины выли „коло става“.

Всё это не предвѣщало, конечно, ничего хорошаго. Полѣшуки смутились. Стукъ дятла въ стѣну, пискъ пущика, вой собакъ—„це не добре, якъ той казавъ“...

— А чи есть ратунокъ противъ холеры?—робко спросила громаду одна „молодиця“, державшая на рукахъ ребенка.

— Горилку треба пыты, то не прыстане... — отвѣтилъ одинъ голосъ.

— Кровъ пускаты,—прибавилъ другой.

— Ходыты треба въ баню и якъ зробытся дуже горяче, то грудью впасты на землю...

— Саме найкраще цеглою живота потерты... Было высказано много и другихъ различныхъ мнѣній.

— Ни, кажуть люде, нищо не помогае. Люде вмирають якъ мухи въ окропи, тылько ноги протягають—заключилъ дядько всѣ мнѣнія и замолкъ.

---

[1]) Сигналъ.

Степанъ былъ авторитетный человѣкъ. Его словамъ можно было вѣрить. Послышался глубокій вздохъ. Кто-то хотѣлъ что-то возразить, но раздумалъ.

Крестьяне молча стали расходиться. Грустно было всѣмъ. Съ пріѣздомъ Степана, не слышно стало на улицѣ ни пѣсенъ, что раздавались иногда, ни оживленныхъ разговоровъ, ни даже голосовъ пьяныхъ. Всѣ были задумчивы и сосредоточены. Только дѣти рѣзвились на улицѣ по прежнему, да воробьи неугомонно чирикали по огородамъ. Дни стояли августовскіе, удушливые.

II.

Не долго пришлось ожидать *её*. Спустя недѣлю, мельникъ Миронъ заболѣлъ „ризачкою"—корчами въ животѣ. Хотя крестьяне знали, что холера не далеко и говорили о ней, но когда эпидемія явилась, всѣ удивлялись ея появленію, словно случилось нѣчто нежданное, негаданное. До сихъ поръ каждый питалъ внутреннее убѣжденіе: „Богъ помылуе... не допустыть... пройде обикъ села"...

Говорятъ, что знахари, которыхъ было нѣсколько въ Холупѣ, взялись отвернуть „хоробу". Они выходили ночью на плотину, говорили по нѣсколько разъ „Отче нашъ" и шептали:

На мори барабанъ стоить,
На тому барабани дивка седыть,
Не вміе ни шиты, ни прасты,
Оно разну хоробу замовляты:
Боровый дидоньку поможи,
А ты злый духъ не можи,
Не розлывайся якъ вода,
Не росходься якъ дымъ,
Годи пануваты,
Свою сылу маты,
Иды соби—де боры вымокають,
Де болота высыхають,
Боровый дидойко...[1]).

---

[1]) Этотъ же заговоръ произносится на кровь рогатаго скота или лошадей, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Онъ читается такъ:

На мори барабанъ стоить,
На тому барабани дивка седыть,

Но ничто не помогло. Эпидемія застала крестьянъ врасплохъ. Никто не зналъ, что дѣлать съ больнымъ. Къ нему сначала боялись приступить. Онъ лежалъ на полу, „въ хати", мучился и просилъ умоляющимъ голосомъ, „даты ему яку небудь раду". Родные больнаго побѣжали къ батюшкѣ. Старичекъ о. Григорій, видѣвшій на своемъ вѣку не одну эпидемію и пережившій нѣсколько холеръ, не нашелъ лучшаго совѣта, какъ дать больному кусокъ просфоры съ богоявленской водой.

— Якъ Богъ дасть, то выдужае,—сказалъ онъ и на всякій случай, захвативъ съ собою св. Дары, отправился къ больному.

— Отъ не була, не була, тай настала,—говорили крестьяне.

— Господне наказаніе...

— Божа воля...

Старые люди помнили, что заболѣвшему холерой слѣдуетъ животъ растирать щеткой или суконцемъ. Тотчасъ-же нѣсколько человѣкъ схватили больнаго за руки и ноги и начали растирать его тѣло, кто руками, а кто тряпками.

— Цеглою, цеглою лучше, здоровійшъ,—посовѣтовалъ кто-то.

Принесли кирпичъ, нагрѣли его въ печи и терли животъ несчастнаго Мирона почти до крови, но безуспѣшно. „Ризачка" не унималась.

Пришелъ еврей Ицко и далъ новый совѣтъ—кровь пустить. Сначала поставили пьявки. Но пьявки не приставали къ тѣлу. Тогда поставили „баньки". Для этого въ Холупѣ производилась слѣдующая примитивная операція. На груди больнаго дѣлалась легкая ранка и къ ней приставлялось горлышко бутылки. Бутылку снизу нагрѣвали горящей „скалкой". Если кровь не шла, то больнаго „сѣкли бритвой", т. е. наносили ему удары бритвою до тѣхъ поръ, пока кровь не шла и не наполняла бутылку.

Не вміе ни шиты, ни прасты,
Оно товарачу кровь замовляты
Изъ рабои масти (или красной—смотря по масти)...
И сыниxъ жилъ.
А тупыця мерця сиче
И кровь не тече.

При этомъ нужно прочитать нѣсколько разъ „Богородице Дѣво". (Заговоръ читается въ м. Степани, Тучинѣ и др.).

Здоровый мужикъ былъ мельникъ Миронъ и къ тому-же семейный. Страхъ не хотѣлось ему умирать. Онъ все вытерпѣлъ, позволялъ дѣлать надъ собой какія угодно операціи, только бы выздоровѣть.

Къ вечеру у него открылась страшная жажда. Ему дали воды, но жажда не унималась. Онъ продолжалъ кричать— „воды! воды!" Что было дѣлать? Всѣ почти средства были испытаны; стали Холуповцы „на скору руку мирковать" и такъ и сякъ, какъ быть и что дѣлать... Кто-то побѣжалъ съ ведромъ „до ставу". Но не пришлось Мирону видѣть больше ни воды, ни свѣта божьяго. Выбѣжавшая изъ хаты „жинка" со слезами на глазахъ объявила, „що чоловикъ уже захрапивъ и сконався"... и „кривый" пономарь Антошко поплелся на колокольню отзвонить по Мироновой душѣ.

Больно отозвался въ сердцахъ крестьянъ первый ударъ колокола, возвѣщавшаго начало эпидеміи въ Холупѣ. Потѣшуки благоговѣйно крестились и вздыхали.

Наскоро сколотили гробъ, и черезъ два часа молодой мельникъ, еще наканунѣ совершенно здоровый, лежалъ въ песку, подъ крестомъ. На могилу ему положили вѣтку, денегъ и высыпали кварту маку, „щобъ не ходывъ лякаты людей" [1]).

— Накричався небоžакъ передъ смертью.

— Царство небесное! легка ему земля!

— А все оттого, сказалъ дѣдъ Нечипайло, що воды не далы. Колыбъ воды бильшъ далы, можебъ и выдужавъ. Божій часъ...

— Эге, воля Божа.

Съ слѣдующимъ больнымъ крестьяне расправились смѣлѣе. Когда Пилиппъ Багній, промучившись сутки, закричалъ „воды", его стали обливать холодной водой, а затѣмъ, два крестьянина взяли его за спину, а другіе два за ноги и оттащили къ ставу. Тамъ раздѣли до нага и спустили въ воду. Больной покачался въ водѣ, „выручковався добре" и, къ общей радости товарищей, почувствовалъ себя лучше, всталъ на ноги и выздоровѣлъ.

---

[1]) По повѣрью, мертвецъ, прежде чѣмъ идти въ село, долженъ сосчитать всѣ маковыя зернышки, чего онъ не успѣетъ сдѣлать до пѣнія пѣтуховъ.

Полѣшуки ободрились.

Эпидемія разошлась по селу. Видъ Холупы измѣнился. У каждой хаты, по обѣимъ сторонамъ улицы, были „курища"— костры, на которыхъ сжигались сметье и разныя нечистоты. Въ воздухѣ несло угаромъ и вонью. Въ хатахъ, для очистки воздуха, крестьяне жгли разное зелье, особенно, такъ называемый „нехворощъ". Батюшка то и дѣло ходилъ исповѣдовать больныхъ подъ навѣсы, въ клуни, хлѣвы, на поле, на огороды, подъ „барканы".

Входя въ хату къ больному, каждый вкладывалъ свою руку подъ „паху" и нюхалъ свой потъ. Это, по убѣжденію полѣшуковъ, дѣлало посѣтителя безопаснымъ отъ болѣзни.

Воровство въ селѣ страшно развилось. По повѣрью, краденные хозяйственные продукты во время эпидеміи здоровѣе, чѣмъ свои... Если въ Холупѣ заболѣетъ, напр., дитя, то нерѣдко родители купаютъ его въ ухѣ, сваренной непремѣнно изъ краденнаго поросенка. Это, говорятъ, помогаетъ... Такъ было и теперь. Больному кликали здоровье, т. е. кормили его провизіей, тайно взятой изъ здороваго, незараженнаго дома. Часто хозяева знали, куда дѣвались ихъ курка, гуска, капуста, картофель и пр., но молчали въ виду такого часа. Но строго, впрочемъ, воспрещалось обычаемъ брать что либо изъ зараженнаго дома. Народъ вѣрилъ, что вещь, взятая въ больномъ домѣ, „показуе дорогу холери".

III.

Было воскресенье. День выдался особенно жаркій. Такой „пекоты" еще не было въ это лѣто. Холупская церковь, издали напоминавшая небольшихъ размѣровъ бесѣдку межъ липами, была полна крестьянами. Не смотря на жару, холуповцы, вѣрные роднымъ обычаямъ старины, были одѣты по праздничному: кто въ толстыя свитки, кто въ жупаны.

Въ церкви они набожно молились объ избавленіи отъ эпидеміи, но слова, которыя они произносили, не походили на общеизвѣстныя молитвы. Тутъ слышались: и „оссіянска гора",

и „церковка на гори“, и „святый Дывень зъ гордою“, и „Яне, Яне, Божій каплане“. Холуповцы не столько просили Бога о прекращеніи холеры, сколько просили самоё холеру поскорѣе оставить село. Многіе усердно клали поклоны и говорили: *„отступы, одыйды и бильше не прійды во вики виковъ—аминь“.*

Послѣ литургіи, о. Григорій говорилъ проповѣдь. Батюшка напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы доказать давно извѣстную холуповцамъ истину, что „холера есть Божье попущеніе, что въ смерти и животѣ Богъ воленъ, что на все воля Божія“...

Послѣ литургіи о. Григорія просили въ этотъ день отслужить водосвятіе и молебенъ на рѣкѣ. Начался крестный ходъ.

На отлогомъ берегу, недалеко отъ мельницы крестьяне накрыли столъ хлѣбомъ и солью. Мѣсто кругомъ стола было очищено, подметено. Къ водѣ положили доску, а передъ столомъ разостлали полотенце.

Въ ожиданіи церковнаго шествія, тутъ собралась кучка крестьянъ и повела такой разговоръ.

— Ото пекота, хоть бы трохи подуло.

— Эге, лыстъ на дереви сохне, оце дыво! Николы ще такъ не було.

— Треба-бъ рака въ землю закопаты, може погода переминытся.

— А таки такъ. Може похолоднійшае, а тоди и холера, дасть Богъ, пройде.

Молчаніе.

— А чулы? спросилъ одинъ парень: ажежъ баби Устыми прыснылася.

— Хто?

— Атже сама вона—холера. Устыма каже; нибы явылася їй и сказала: „готуйте мени оно трохъ, бильше я не визьму“. Такъ и сказала...

— Та що то баби Устыми, перебилъ другой крестьянинъ: Ось Харита своимы очима іи саму бачила, якъ ходыла по за селомъ.

Изумленіе пробѣжало по лицамъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Ой? невжежъ? колы?

— Вчора ввечери.

— Господне наказаніе. Що се таке? За що Господь Богъ наказуе насъ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

Къ толпѣ подошла старуха съ бойкими, плутоватыми глазами. Это и была Харита. Къ ней тотчасъ-же всѣ обратились:

— Бачила?

— Бачила,—рѣшительно отвѣчала Харита, и ея глазки забѣгали по сторонамъ.

— Яка-жъ вона?

— Якъ-то яка? Звистно—така сама... баба тай годи, якъ нибы ляхивка въ зеленій хустци. Иде, головою хитае, да все шепче щось таке...

— Щожъ вона тоби казала?

— Стала зъ далеку, за гордомъ дай пытае:—„Харито, а якъ у васъ ложки мыють: въ одній води, чи въ двохъ?"— „Ажежъ въ двохъ", кажу.—„Ну, то добре, каже. Буду у васъ четыре недили". Такъ и сказала. Я кинула за нею дубовымъ лыстомъ, а вона и счезла.

Послышался трезвонъ.

„Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецѣмъ грѣшніи", раздался голосъ дьячка за сосѣднею хатою. Приближалось шествіе.

Крестьяне поскидали шапки, плотно окружили батюшку и стали молиться.

Пламя свѣчей горѣло въ воздухѣ ровно и неподвижно. Хоть-бы маленькій вѣтерокъ...

Лица у всѣхъ были загорѣлыя и потныя. За толпой лежали на песку холерные больные и стонали. Когда причтъ запѣлъ „Спаси Господи" и батюшка освятилъ воду, больныхъ тотчасъ-же взяли подъ мышки и посадили въ ставъ. Затѣмъ, послѣ водоосвященія, надъ ними начался молебенъ объ избавленіи отъ эпидеміи и о ниспосланіи дождя на сухую землю.

Долго стояли послѣ молебна холуповцы на берегу у стола и то посматривали на больныхъ, то показывали рукою на горизонтъ. Отъ первыхъ они ожидали выздоровленія, а отъ втораго—тучи и дождя. Но такъ какъ небо было по прежнему ясное и безоблачное, а больные стонали все громче и громче,

то крестьяне, сказавши нѣсколько разъ—„Божа воля, якъ той казавъ“, разошлись по домамъ. Больныхъ оставили въ водѣ, подъ присмотромъ дѣда Нечипайла; а чтобы кто нибудь изъ нихъ не отплылъ на глубокое мѣсто, возлѣ каждаго вбили по столбу, къ которому и привязали больнаго веревочкой, протянутой подъ мышки.

На берегу сидѣла родня и, не зная чѣмъ помочь бѣдѣ, плакала. „Молодыци“ съ плачемъ мыли тутъ-же бѣлье, а ихъ маленькіе ребятишки удили рыбу.

IV.

Солнце склонялось къ западу. Вечерѣло, но жара не унималась. Дѣдъ Нечипайло сидѣлъ надъ водой и плелъ „постолы“. На больныхъ онъ не обращалъ большого вниманія. Онъ уже привыкъ къ ихъ стонамъ. Порою онъ откладывалъ „постолы“ въ сторону, вздыхалъ и говорилъ: „Божа воля, Божій часъ“...

Вдругъ, по ту сторону става послышался колокольчикъ. Дѣдъ сталъ прислушиваться. Колокольчикъ звенѣлъ яснѣе. Дѣдъ поднялся на ноги и приставилъ руку къ глазамъ. Давно уже въ Холупѣ не было слышно звонка.

„Щобъ се таке... Кого Богъ несе...“ Колокольчикъ раздавался все ближе и ближе. Дѣдъ замеръ въ положеніи наблюдающаго. Вотъ, наконецъ, на горкѣ, за сосновой рощей, показалась въ облакѣ густой пыли тройка лошадей, и скоро бричка въѣхала на тряскую плотину, поросшую по обѣимъ сторонамъ старыми вербами.

„Ой, начальство!...“ пронеслось въ головѣ дѣда. „Що тутъ теперъ робыты?“ Первой его думой было поскорѣе бѣжать. Онъ уже взялъ лыко подъ мышку и заложилъ ногу черезъ огорожу, но мысль, что онъ поставленъ тутъ громадой и служитъ громадѣ, удержала его отъ бѣгства. Онъ вернулся, поспѣшно сложилъ „постолы“ и рѣшилъ: „нехай буде—що буде“...

Тройка проѣхала плотину и направилась къ дѣду. Въ бричкѣ сидѣлъ исправникъ съ докторомъ. Исправникъ еще на

плотинѣ замѣтилъ холуповскій карантинъ. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ начать распеканцію.

— Это... это... это, закричалъ исправникъ, когда тройка остановилась. Онъ отъ волненія говорить не могъ. Кулаки его сжимались.

Дѣдъ окончательно оробѣлъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ и водилъ изъ стороны въ сторону глазами.

— Что это такое? закричалъ исправникъ.

— Простите, помилуйте, просилъ Нечипайло, падая въ ноги. Это не я... ей-богу, не я... Це тылько молебствіе було. Мыръ, значить, положивъ ихъ сюда въ Божій часъ.

— Что? что такое? положилъ міръ... кто позволилъ? по чьему распоряженью? какъ смѣли? продолжалъ кричать исправникъ. Глаза его налились кровью отъ злости.—Докторъ, посмотрите, что такое, до чего додумались?

Докторъ—нѣмецъ, солидный, ветхій мужъ съ жирнымъ лицомъ и густыми бакенбардами, болѣе наклонный къ послѣобѣденному сну въ эту знойную пору, чѣмъ къ энергическимъ изслѣдованіямъ, смотрѣлъ безучастно въ воду и говорилъ: о mein Gott, o mein Gott!"

— Ва-вашей милости, ой, не погубите! молилъ дѣдъ. Я имъ ничого... то було молебствіе... воны самы, вашей милости, воны рачкують тылько... то ничого...

— Что? рачкуютъ?

— Эге, рачкують. Якъ пидыйде до ныхъ, значить, ця сама хороба, то воны, проше вашей милости, рачкують по води и перекидаются, перекидаются и рачкують... Якъ хто не вмре, то певне одужае. Пилипъ Багній вже одужавъ. А я ничого, вашей милости...

Исправникъ окликнулъ одного изъ сидѣвшихъ въ водѣ. Тотъ не отзывался. Исправникъ повторилъ вопросъ—отвѣта не было.

— Воны не чують, проше милости, бо трохи вчадилы, объяснилъ дѣдъ Нечипайло.

— Какъ вчадилы?

— Нибы того... пьяненькіи, бо я имъ давъ таки трохи, ось тутъ... Дѣдъ указалъ на пустую бутылку, лежавшую въ пескѣ.

— O, mein Gott! O, mein Gott! не переставалъ повторять удивленный докторъ.

— Позвать сюда старосту и крестьянъ! приказалъ исправникъ.

Дѣдъ почесалъ голову и потянулся къ его рукѣ.

— Вашей милости, будьте ласкавы, простить, бо люде на сели повтикалы, порозбигалысь, оно зачулы вашъ дзвонокъ.

Дѣйствительно, въ селѣ изъ взрослыхъ никого почти не было, исключая развѣ больныхъ да стариковъ, которымъ не служили ноги. Всѣ остальные прятались. Кто не успѣлъ скрыться при первомъ звукѣ колокольчика, тотъ, заслышавъ голосъ исправника, спѣшилъ поскорѣе убраться куда глаза глядятъ:бабы—въ огороды, въ коноплю, въ фасолю, ,,чоловики"—въсѣно, въ поля.

Исправникъ разсвирѣпѣлъ, но сдержался... Дѣдъ стоялъ на вытяжку.

— Слушать! крикнулъ исправникъ. Чтобы все это сейчасъже было убрано. Больныхъ немедленно перенести въ домъ, тамъ и лѣчить! Въ воду не смѣть сажать... Такъ и сказать старостѣ! Если не будетъ исполнено, я вамъ покажу. Исправникъ поднесъ свой кулакъ къ самому носу дѣда. Я черезъ дня два буду назадъ, чтобы было исполнено.

— Слушаю, покорно отвѣтилъ дѣдъ: не погубите, вашей милости!...

Исправникъ съ докторомъ посѣтили на короткое время панскій дворъ и отправились дальше. Скоро отъ пана вышло распоряженіе перенести больныхъ въ старую баню, что стояла за помѣщичьимъ садомъ, и лѣчить какими-то каплями, которыя докторъ оставилъ у пана. Это распоряженіе не встрѣтило, впрочемъ, у крестьянъ довѣрія. Крестьяне не довѣряли ни начальству, ни панамъ.

Когда колокольчикъ затихъ далеко за селомъ, у става собрались крестьяне.

— Ну, що казавъ капитанъ-справникъ?

Дѣдъ передалъ распоряженіе.

— Це дуже кепсько, рѣшили крестьяне. Певне послидній часъ намъ настае. Божее наказаніе.

Очень боялись крестьяне своего строгаго исправника. „Богъ помилуе за грѣхъ, говорили они, а начальство не помилуе; значить, треба покорыться". Такъ и сдѣлали. Почернѣвшихъ больныхъ вынули изъ „освяченои" воды, одѣли, напоили крѣпкой водкой и разобрали по домамъ. Всѣ они въ тотъ же день и померли.

... „Отъ того, що зъ воды повыймалы... Нехай бы оставалысь, може-бъ и одужалы", говорили холуповцы.

V.

Миссія дѣда Нечипайла кончилась. Онъ былъ бобыль и своего хозяйства не имѣлъ. Во время жнивъ, его обыкновенно нанимали сидѣть на „вышныци—коловоротку", т. е. у выѣздныхъ воротъ села, и слѣдить, чтобы свиньи, гуси и скотъ не ходили въ поле; но теперь почти все уже было собрано съ полей, и въ дѣдушкѣ не было нужды.

„Куды-жъ це мени иты теперъ? думалъ дѣдъ: ни хаты, ни родни... Люде не примуть, бо холера. Да и страшно межь людьми... Хиба до кума Данылa? нехай и такъ... пиду".

Забралъ дѣдъ свои небольшіе пожитки и отправился за село, въ пасѣку, къ Данилу, котораго дѣдъ по дружбѣ называлъ всегда кумомъ.

Дорогою дѣда больше всего занимали распоряженія капитана-исправника.

„Якъ це воно такъ—дывно? Вода здается освяченая—и не можно... Пинъ—одне, начальство—друге. И що-жъ воно шкодыть? Вода чистая, здоровая, теплесенькая и освяченая... и „не смѣть"... Ни, тутъ щось... нема тутъ ладу, якъ той казавъ".

Даныло пасѣчникъ жилъ за селомъ, въ своей глухой пасѣкѣ. и уже послѣ обѣда дремалъ, когда къ нему пришелъ Нечипайло.

— Добры вечеръ!

— Добре здоровье! Що на сели чуваты? спросилъ Даныло.

— Одне кепське. Пріизжавъ капитанъ-справныкъ и повыймавъ зъ воды... казавъ „не смѣть". Теперъ ходыть чутка, що слабыхъ будуть браты до пана.

— Ой, не брешешь?!

— Щобъ мени бильшъ тебе не бачиты, якъ брешу.

Кумъ покачалъ головой.

— Недобре-жъ, колы такъ. До сеи поры хоть хто небудь выздоровивъ, а теперъ—протягай ноги да скидай постолы[1]).

— А таки такъ, запевне; и я те скажу...

Они замолчали.

— Отъ що куме, сказалъ дѣдъ, я за тымъ до тебе и прышовъ, щобъ не жить у сели. Въ тебе тутъ за селомъ и помирать легче буде—вольнійшъ.

— Э, диду, Богъ знать що выдумалы. Нехай Богъ крые...

— Ну, а всежъ?!. Хто-жъ его може знаты?!

— Не бійтесь, диду. Ходить-но, я де-що хочу вамъ показаты.

Кумъ отвелъ дѣда по глухой тропинкѣ въ конецъ пасѣки, гдѣ межъ бурьяномъ стоялъ пустой улей. Кумъ отворилъ дверцу улья.

— Дывитесь-но, диду, сюды...

Дѣдъ присѣлъ и нагнулъ голову. Въ ульѣ стояло нѣсколько бутылокъ.

— Горилка, чи що?

— Эге, горилка, але яка? Вгадайте-но.

— Гмъ... а доправди яка?

— Паньская, чистый спрытусъ. Тылько тс...

Кумъ приложилъ палецъ ко рту.

— Не вжежъ? усумнился дѣдъ, усмѣхаясь.

— Правда.

Дѣдъ ударилъ себя по бедрамъ и проглотилъ слюну.

—А де доставъ?

— У пана въ комори черезъ тыхи двери, отвѣтилъ въ полголоса Даныло. Теперъ, диду, мое слово таке: намъ нема чого боятысь, бо я добре знаю,—цю штуку панъ для себе прыпасъ на случай холеры, але не вгадавъ, кому вона достанется. Хе, хе, хе...

---

[1]) По повѣрью полѣшуковъ, въ „постолахъ“ или „чоботахъ“ грѣшно умирать.

— Хе, хе, вторилъ дѣдъ, и глаза его замаслились отъ удовольствія.

— А сядайте-но, дидуню, выпьемъ по едненькій, щобъ вона не бояласся насъ, прывыкала до мужицькои глотки.

— Ай да кумъ, сказалъ дѣдъ, усаживаясь и сбрасывая шапку.

Они усѣлись на прогалинѣ. Ихъ окружалъ высокій бурьянъ, какой бываетъ въ глухихъ садахъ. Кумъ нарочно выбралъ это мѣсто для безопасности. Вынули бутылку.

— Але яка зелена, певне заморська...

— Звистно—не отъ холупского Ицка.

Выпили по одной.

— Добро, лыхо-ма.

— Добро... хе, хе... Ай да кумъ! Зразу въ животи поздоровійшало.

— От-же, диду, такъ и памятайте, якъ бороны Боже чого, то заразъ бижить до улья... и пройде.

— А якъ не пройде?

— А якъ не пройде, то роздягайтесь да лизьте въ сю крапыву зъ будякамы и качайтесь доты, поки не перестане. Мусыть одыйты.

— Чи жъ то може буты? усумнился дѣдъ.

— Ни, безъ жартъ, таки правда: одъ людей чувъ.

— Ай да кумъ—бувалый чоловикъ! За твое здоровье!

Выпили по другой.

— А чи то правда, куме, началъ дѣдъ, що, кажуть, въ Казимирци люде не слабіютъ николы, и холеры тамъ не може буты.

— Кажуть, що правда. Звистно, бо тамъ въ костели шкаплежи и цудовна Матка Боска.

— Эге, ото и я тее не разъ соби думавъ. Такъ, такъ шкаплежи... А налый но ще!...

Выпили третью.

— То, кажешъ, шкаплежи, сказалъ дѣдъ, утирая рукавомъ ротъ.

— Эге...

— Гмъ... многозначительно подтянулъ, поглядывая на бутылку, дѣдъ, скептицизмъ котораго увеличивался по мѣрѣ выпиваемой водки.

— Такъ, такъ! на все Божа воля, сказалъ онъ и потянулся къ четвертой...

VI.

Какъ ни берегся однако дѣдъ Нечипайло отъ „хоробы“, не устерегся таки. Заболѣлъ одинъ его знакомый холерой и померъ. Отъ покойнаго достался дѣду кунтушъ, „гарный такій кунтушъ зъ червоными путежками“.

Не успѣлъ дѣдъ его примѣрить, узнать, „чи добре винъ на стегни выдае“, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно. Въ животѣ началась „ризачка“.

Дѣдъ бросился опрометью бѣжать за село. Помня по недавнему опыту благотворное вліяніе на здоровье „зеленого спрытусу“, онъ бѣжалъ напрямикъ въ пасѣку, къ куму.

— Ратуй, куме, кричалъ онъ ему издали, бо прышла вже моя годына.

Кумъ, не медля ни секунды, дотянулъ его до улья и крѣпко напоилъ. Дѣдъ еле стоялъ на ногахъ. У него заморочилась голова. Данило, не долго думая, сбросилъ съ него кунтушъ, раздѣлъ до нага, бросилъ въ густую крапиву и, не обращая вниманія на крикъ дѣда, качалъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не почувствовалъ головокруженія и тошноты. У Данила тоже приближалась рвота.

— Ну, це дило зовсимъ вже погане, подумалъ онъ, досталъ другую бутылку и, затѣмъ, добровольно повторилъ надъ собой туже операцію, которую незадолго передъ тѣмъ продѣлалъ съ дѣдомъ. Наконецъ, они оба впали въ забытье и заснули крѣпкимъ сномъ.

Когда на слѣдующій день кумъ очнулся, лежа въ крапивѣ, предъ его глазами словно выросъ капитанъ-исправникъ съ докторомъ. Они въ этотъ день возвращались съ объѣзда.

— Вставать! крикнулъ исправникъ.

У кума хмѣль вышелъ изъ головы. Онъ сталъ на ноги. Все его лицо и тѣло было покрыто опухолью и синяками.

— Ты что тутъ?...

Данило водилъ глазами и не сразу понялъ въ чемъ дѣло. Увидя опухшаго дѣда, онъ сказалъ:

— Це дидъ Нечипайло; у него, проше вашой милости, холера... а я ничого...

Докторъ сталъ осматривать дѣда. Чрезъ нѣкоторое время проснулся и дѣдъ.

— Въ больницу, распорядился исправникъ.

— Ваша милость, будьте ласкавы, молилъ кумъ: не хочемо до лазарету. Змылуйтесь... у мене жинка и диты.

Докторъ, впрочемъ, нашелъ состояніе больныхъ удовлетворительнымъ. Онъ только велѣлъ сжечь ихъ прежнюю одежу, что и было тутъ-же исполнено. Больнымъ принесли другую одежу. Исправникъ махнулъ на нихъ рукою.

— Мерзавцы... Ничего съ вами не подѣлаешь. Гони изъ воды—лѣзутъ въ крапиву, выгонишь изъ крапивы—еще куда нибудь полѣзутъ...

— Простите, вашей милости... значить—Божій часъ такій прыйшовъ, сказалъ дѣдъ Нечипайло, къ которому вернулась его прежняя смѣлость...

— И що то за напасть!? Тьфу! сказалъ въ сердцахъ, по уходѣ начальства, дѣдъ, подходя къ костру, на которомъ догорали остатки его кунтуша. Що воно ему шкодыло? Тожъ здается не крадяный—люде подаровалы... Бачъ-ни, треба таки спалыты... Въ воду свячену не можна лизты, въ кунтуши не можна ходыты... Не зрозумію я цёго. А подывысь-но куме...

Дѣдъ мотнулъ куму головой въ сторону улья.

Кума также тянуло къ улью. Обоимъ хотѣлось опохмѣлиться. Данило пошелъ къ улью и досталъ послѣднюю бутылку.

VII.

Много жертвъ унесла эпидемія въ Холупѣ.

Никогда авторитетъ знахарей не палъ такъ низко, какъ въ это время. Разсказываютъ, что одного холупскаго знахаря, который взялся вылѣчить больнаго и не вылѣчилъ, крестьяне сильно побили, впрочемъ не за то, что онъ не вылѣчилъ, а за то, что онъ будто-бы нарочно далъ такое зелье, отъ котораго больной умеръ. По этому, болѣе разсудительные знахари не рѣшались пускаться въ лѣкарскую практику въ это критическое время и подъ различными предлогами отказывались лѣчить.

Подъ осень эпидемія въ Холупѣ прекратилась по слѣдующему поводу, какъ разсказываетъ народъ.

Одной богомольной старушкѣ приснилась *она* самая. Явилась она страшная-престрашная и приказала: „наварите мнѣ міромъ всякой стравы, наготовьте всякаго питья, угостите меня музыкою, да колядою, да щедривкою по шляху, то я пиду отъ васъ до Кракова, бо тамъ люде крипкіи да здоровыи“. Старушка даже спросила ее:—„якъ же ты пидешь?“—„Сошныкомъ пиду, поверхъ людей, якъ стрила“. Такъ и сказала.

Вѣсть объ откровеніи облетѣла село. Некогда было разсуждать. „Жинки“ тотчасъ-же наварили всего, что могли, „чоловики“ повыносили столы на улицу, собрались всѣ вмѣстѣ и позвали батюшку благословить трапезу. Затѣмъ позвали музыку и началась попойка. По селу пошли колядники Христа славить. Разсказываютъ, что когда первый разъ запѣли:

„Два скота служило: и волъ, и оселъ
Впалы на колина коло тыхъ яселъ...“

то, Богъ вѣсть откуда, взялась какая то черная корова и металась по улицѣ, не находя покою. Когда запѣли коляду подъ послѣднею хатою, она быстро побѣжала къ ставу, перешла воду, рыкнула на вѣтеръ и скрылась въ лѣсу.

Ѣли холуповцы, пили, пѣсни пѣли, танцовали цѣлую ночь кругомъ стола и костровъ и только передъ утромъ уснули. Гдѣ кто стоялъ,—тутъ и спалъ.

Восходившее солнце освѣтило картину. Среди опрокинутыхъ столовъ лежали и спали крѣпкимъ сномъ крестьяне обоего пола. Межъ ними ходили свиньи, гуси, куры и доѣдали недоѣдки.

А тамъ, за селомъ на песчаномъ холмѣ, межъ тополями бѣлѣли ряды свѣжихъ могилъ. Съ восходомъ солнца онѣ дѣйствительно дымились отъ испареній свѣжихъ тѣлъ, какъ разсказывалъ дядько Степанъ, и бѣлый паръ ихъ стлался легкой полосой по выжженному отъ солнца кладбищу.

Оргія кончилась, а съ ней кончилась, говорятъ, и эпидемія. Народъ до сихъ поръ живо помнитъ страшную гостью и лѣтнюю коляду.

Ѳ. Кудринскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

М. А. Андріевскій.

Въ фольклористикѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, возможны научно-популярныя изслѣдованія, и здѣсь они болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстны и желательны. Современное народоизученіе нуждается еще въ сыромъ матеріалѣ, и такой матеріалъ все болѣе и болѣе нагромождается. Чувствуется, съ одной стороны, настоятельная потребность въ общественномъ сочувствіи и поддержкѣ, съ другой—необходимость по возможности регулировать такую поддержку указаніемъ правильныхъ методическихъ пріемовъ и опредѣленіемъ главныхъ потребностей науки. Къ сожалѣнію, такихъ указаній сдѣлано мало. Научная критика, дѣльная и спокойная, въ нашей печати составляетъ рѣдкое явленіе. Отъ развитія въ обществѣ интереса къ исторіи и этнографіи зависитъ успѣшное развитіе историческихъ и этнографическихъ изданій, появленіе этнографическихъ музеевъ, выставокъ, съѣздовъ и тому подобныхъ несомнѣнно просвѣтительныхъ учрежденій. Въ то же время, несомнѣнно, что интересъ къ исторіи, этнографіи, антропологіи и др. соціальнымъ наукамъ можетъ развиться лишь при живомъ общеніи спеціалистовъ съ интеллигентнымъ обществомъ, при доброжелательномъ отношеніи присяжныхъ дѣятелей науки къ научно-популярной литературѣ и при благоразумной сдержанности постоянныхъ журнальныхъ обозрѣвателей.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 11.

Понятіе о научно-популярной литературѣ въ приложеніи къ точнымъ и выработаннымъ наукамъ, напр.—астрономіи, можетъ опредѣляться иначе, чѣмъ по отношенію къ новымъ не вполнѣ еще установившимся отраслямъ знанія, напр.—фольклору. Въ послѣднемъ случаѣ мы считаемъ недостаточнымъ популярную передачу добытыхъ свѣдѣній. Въ научно-популярныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, при первомъ и необходимомъ условіи—ясности изложенія, на ряду съ извѣстными фактами должны быть неизвѣстные, или извѣстнымъ фактамъ должно быть дано такое освѣщеніе, какое даетъ имъ вся совокупность мѣстныхъ жизненныхъ условій.

Въ научно-популярной литературѣ по фальклору имѣютъ, кромѣ того, большое значеніе два обстоятельства, несуществующія для другихъ отраслей научно-популярной литературы: что и гдѣ популяризуется, другими словами—выборъ темы и мѣсто изданія статьи. Этими обстоятельствами опредѣляется многое: пониманіе статьи, степень возбуждаемаго ею въ обществѣ интереса, возможность воздѣйствія ея на развитіе мѣстныхъ научныхъ разысканій. Напримѣръ, небезразлично—гдѣ выйдутъ статьи объ олонецкихъ сказителяхъ, о малорусскихъ кобзаряхъ, о коломыйкахъ, о заплаткахъ, о думахъ—однѣ статьи будутъ понятнѣе и плодотворнѣе на сѣверѣ, другія на югѣ. Можно, напримѣръ, на югѣ еще говорить въ научно-популярной книгѣ „о пивничномъ океанѣ“, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ явленіи природы, хотя, быть можетъ, статья о морѣ Черномъ или Азовскомъ была бы и здѣсь болѣе умѣстна; но напрасная трата времени и средствъ распространяться здѣсь о временномъ и измѣнчивомъ культурномъ явленіи, напр., дѣвичникѣ, свадебныхъ плачеяхъ, люкшинъ прячѣ или турпанѣ (свадебные хлѣбы). Съ другой стороны, для сѣверянъ мало интереса и мало пользы представляли бы, напримѣръ, статьи о забытыхъ здѣсь давно яичныхъ писанкахъ, особенно на дальнемъ сѣверо-востокѣ, гдѣ самое куриное яйцо, по мягкости скорлупы, не годится для окраски. Научно-популярная литература по фольклору, абсолютно не признающая мѣстно-этнографической точки зрѣнія, легко можетъ превратиться въ собраніе курьезовъ и раритетовъ.

Установленіе этихъ общихъ требованій считаемъ не лишнимъ предпослать разсмотрѣнію брошюры М. А. Андріевскаго о думѣ про азовскихъ братьевъ. На мой взглядъ, сочиненіе это представляется весьма полезнымъ въ научно-популярномъ отношеніи, не смотря на неполноту и погрѣшности въ объясненіи нѣкоторыхъ частностей думы.

Въ III т. „Истор. русск. этногр." А. Н. Пыпина М. А. Андріевскій не упоминается. Довольно подробная біографія М. А. Андріевскаго, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ брата его А. А. Андріевскаго, напечатана въ I т. „Крит.-біографич. словаря" *Венгерова*, стр. 963—964. Въ настоящемъ случаѣ мы заимствуемъ изъ этой біографіи нѣсколько главныхъ фактовъ. Митрофанъ Александровичъ Андріевскій, сынъ священника, родился въ г. Каневѣ кіевской губ., получилъ образованіе въ кіевской 2 гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по историко-филол. факультету въ 1862 г. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ учителемъ русск. словесности въ ровенской гимназіи, потомъ въ коростышевской учительской семинаріи, въ 70-хъ—въ екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, съ 1885 г. инспекторомъ народныхъ училищъ въ г. Мелитополѣ. Скончался въ 1887 г. У М. А. Андріевскаго была склонность къ научнымъ занятіямъ, но разныя житейскія невзгоды и кочевая учительская жизнь помѣшали ему заявить себя крупными научными трудами. Съ университетской скамьи у М. А. были двѣ излюбленныя темы: изслѣдованіе малорусскаго глагола и изслѣдованіе текста Слова о Полку Игоревѣ. Послѣднее изслѣдованіе выразилось въ 2 печатныхъ выпускахъ. Здѣсь много произвольныхъ и ошибочныхъ толкованій текста. Въ „Кіев. Старинѣ" М. А. напечаталъ нѣсколько статей по южно-русской исторической топографіи (1882, № 9, 1883, № 9—10 и 1885 № 6).

Въ основу статьи объ азовскихъ братьяхъ легла публичная лекція, прочитанная 20 марта 1883 г. въ г. Екатеринославѣ съ благотворительной цѣлью. Выборъ темы весьма удачный. Сцена дѣйствія въ думѣ—восточная часть екатеринославщины; вся историческая и бытовая обстановка думы отчасти можетъ быть разъяснена тѣми историческими преданіями, которыя до сихъ

поръ сохранились въ наднѣпрянскихъ селахъ екатеринославской губ., въ окрестностяхъ самаго Екатеринослава. Исполненіе также удачное. Наряду съ извѣстными данными, которыя авторъ располагаетъ въ ясномъ, систематическомъ порядкѣ и излагаетъ яснымъ языкомъ, идутъ интересные научные комментаріи, освѣщающіе думу въ цѣломъ и въ частяхъ, съ сохраненіемъ жизненнаго ея колорита.

Малорусскія думы и колядки, болѣе чѣмъ какіе-либо другіе отдѣлы народной словесности, заслуживаютъ популяризаціи въ виду ихъ высокихъ художественныхъ достоинствъ и глубоко проникающаго ихъ чувства человѣколюбія. „Истинная жизнь, говоритъ гр. *Л. Н. Толстой* (въ „Ma religion“), есть та жизнь, которая прибавляетъ нѣчто ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ“. Относительно эпическаго творчества прямая преемственная нить потеряна безвозвратно; но возможно еще удержать и распространить его нравственные элементы въ хорошо поставленной народно-популярной и педагогической литературѣ. Здѣсь умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе знаменитаго покойнаго слависта Миклошича: „Съ теченіемъ времени, когда подъ вліяніемъ наступательнаго движенія цивилизаціи заглохнутъ послѣдніе звуки эпическихъ пѣсенъ, дѣти новаго времени станутъ обращаться къ этимъ прекраснымъ созданіямъ народной мысли и фантазіи и въ эпическихъ пѣсняхъ переживать свою молодость и юность своего народа (*Miklosich*, Die Serbische Epik, 3).

Для Россіи сѣверной и южной наступило уже такое время. Сказители и кобзари отошли въ область историческаго прошлаго; но значительная часть ихъ прекраснаго достоянія закрѣплена въ печати, и теперь представляется вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ дать этому достоянію широкое распространеніе доступными книжными средствами. Относительно великорусскаго эпоса такое дѣло уже начато и ведется довольно успѣшно, чего нельзя сказать про памятники болѣе художественнаго и болѣе сильнаго нравственными элементами эпоса малорусскаго. Составители и издатели дѣтскихъ книгъ давно уже обратили вни-

маніе на русскія былины, и главнѣйшія былины нѣсколько разъ изданы въ передѣлкѣ и въ пересказахъ. Сначала появились пересказы отдѣльныхъ былинъ: „Добрыня Малковичъ“ *Разина*, „Послѣдняя богатырская дружина“ *Разина*, „Илья Муромецъ“ *Острогорскаго*. Книжки эти вышли въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ. Въ нихъ отмѣчены выдающіеся моменты дѣятельности Добрыни и Ильи. Авторы кое гдѣ вставили собственные стихи въ духѣ былинъ. Въ 1880 г. вышелъ уже сводъ изданныхъ образцовъ народной эпической поэзіи,—„Книга былинъ“—*Авенаріуса*. Появленіе этого свода былинъ, предназначеннаго для дѣтскаго чтенія, было привѣтствовано въ педагогической литературѣ, какъ явленіе радостное, удовлетворяющее потребности сближенія общества съ народомъ, и вскорѣ вызвало подражанія. Такъ за „Книгой былинъ“ Авенаріуса послѣдавало изданіе редакціей журнала „Русскій начальный учитель“ составленнаго Бунаковымъ сборника былинъ для народнаго чтенія, съ примѣчаніями, и изданіе Девріеномъ сборника народныхъ былинъ въ пересказѣ *О. И. Шмидтъ-Москвитиной*. Послѣдній сборникъ представляетъ большой томъ, съ восемью хромолитографіями, исполненными по акварелямъ Н. Н. Каразина. Въ „Русскіе Богатыри“ Москвитиной вошло 15 былинъ кіевскаго цикла и 2 былины цикла новгородскаго. Изданіе „Русскихъ Богатырей“ Москвитиной сопровождалось слѣдующей дѣльной по мысли рекламой: „Ребенокъ живетъ преимущественно чувствомъ, воображеніемъ, легко увлекается силою физическою, безъ труда чудесное, сверхъестественное признаетъ за дѣйствительное...; ему родственны произведенія народнаго чувства; онъ способенъ ихъ понять непосредственнымъ чувствомъ. Русскому ребенку особенно близки русскія былины. Въ нихъ выражается міросозерцаніе нашихъ предковъ, ихъ отношеніе къ природѣ, тѣ вѣрованія, стремленія, которыя легли въ основу народнаго міросозерцанія. Вотъ почему былины составляютъ необходимый воспитательный элементъ; чѣмъ полнѣе ребенокъ проникнется ихъ духомъ, чѣмъ точнѣе онъ ихъ усвоитъ, тѣмъ болѣе данныхъ постичь впослѣдствіи индивидуальное воззрѣніе русскаго народа. Національность одно изъ необходимыхъ условій здороваго вос-

питанія". Это замѣчаніе, справедливое относительно былинъ, съ полной основательностью можетъ быть приложено къ колядкамъ и думамъ, какъ къ художественнымъ и правдивымъ произведеніямъ народнаго словеснаго творчества. Извѣстный переводчикъ Пушкина и Лермонтова нѣмецкій поэтъ *Фр. Боденштедтъ* при изданіи перевода избранныхъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ, „Die poetische Ukraine, eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder" (Stuttgart, 1845), замѣтилъ, что „ни въ какой другой землѣ дерево народной поэзіи не принесло такихъ величественныхъ плодовъ, нигдѣ духъ народа не запечатлѣлся такъ живо и свѣтло въ пѣсняхъ. какъ у малоруссовъ. Какое трогательное вѣяніе грусти, какія прямо человѣческія чувства высказываются въ пѣсняхъ, которыя козакъ поетъ на чужбинѣ! Какая нѣжность вмѣстѣ съ мужественною силою проникаетъ его любовныя пѣсни! Надо еще особенно выставить на видъ тактъ и цѣломудріе, которые господствуютъ въ этихъ пѣсняхъ". *Лукичъ* въ Slavische Blätter говоритъ, что „народная поэзія малороссовъ самая богатая въ Европѣ. Она отличается эстетическими достоинствами и поэтическимъ вдохновеніемъ, мѣткостью выраженія и имѣетъ въ себѣ нѣчто поднимающее, величественное, нѣчто чувствительно трогательное, меланхолическое и живописное". *И. В. Ягичъ* въ статьѣ „Дунай въ славянской народной поэзіи" называетъ малорусскую народную поэзію самой богатой, задушевной и прекрасной славянской народной поэзіей [1]). Подобнаго рода отзывы о малорусской народной поэзіи находятся въ сочиненіяхъ другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, у Тальви, Рамбо, Ральстона [2]).

Въ колядкахъ и думахъ заключаются прекрасные элементы для развитія въ молодежи гуманизма, ласки и привѣтливости, напр., въ колядочныхъ пожеланіяхъ добра, въ колядочныхъ описаніяхъ семейныхъ добродѣтелей (напр. у Головацкаго IV, 128—129), въ описаніи военныхъ доблестей, въ высокой постановкѣ въ думахъ матери.

---

[1]) *Archiv*, fur. Slav. Phi ol. 1876. I.

[2]) Записки Юго-Запад. Огд. Геогр. Общ. т. II, стр. 48.

Научно-популярной статьѣ М. А. Андріевскаго о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова предшествовала одна попытка популизировать эту замѣчательную думу среди юношества—разумѣемъ пересказъ трехъ казацкихъ думъ о турецкой неволѣ, сдѣланный *А. Степовичемъ* въ изданномъ въ 1879 г. редакціей журнала „Женское Образованіе" Сборникѣ статей и разсказовъ для юношества. Г. Степовичъ перевелъ прозой на русскій языкъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самуилѣ Кошкѣ и о Марусѣ Богуславкѣ, съ небольшимъ предисловіемъ. Въ „Сборникѣ" статья г. Степовича стушована другими болѣе обширными статьями инсереснаго историческаго содержанія („Магометанство и арабы Ѳ. Булгакова, Микель-Анджело А. Прахова и др.). Статья г. Степовича исключительно популярная и ничего не вноситъ собственно для объясненія текста думъ. Авторъ и не задавался какими-либо научными цѣлями.

Иначе поставлено дѣло популяризаціи думы въ статьѣ М. А. Андріевскаго. Авторъ, подчеркивая въ предисловіи популярное назначеніе своей статьи, въ смыслѣ преднамѣреннаго выбора общезанимательной темы и общедоступнаго изложенія, въ то же время добавляетъ, что желаетъ „сохранить сколько-нибудь и характеръ научный". И дѣйствительно, статья М. А. А. представляется полезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова, а если принять во вниманіе, что объ этой думѣ въ научной печати есть только нѣсколько краткихъ замѣчаній Потебни, то статью А. можно признать почти единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ думы. Научное значеніе статьи обусловливается не столько малочисленными примѣчаніями, на которыя ссылается авторъ, сколько самой статьей, гдѣ подробно (на 68 стран.), ясно и послѣдовательно обозрѣно содержаніе думы и характерныя ея подробности.

Въ началѣ статьи находятся вступительныя замѣчанія о думѣ, ея варіантахъ и изводахъ, затѣмъ слѣдуютъ предварительныя географическія поясненія пути, которымъ бѣжали братья, и историческія поясненія времени возникновенія думы (въ XVI стол.), времени бѣгства (весной) и изложеніе самаго содержанія думы, въ которомъ авторъ различаетъ основную часть и заклю-

чительную. Въ основную часть входитъ описаніе бѣгства братьевъ по степи азовской (по мнѣнію А. на лѣвомъ берегу Дона, нынѣ задонской степи), въ зеленыхъ байракахъ (по Міусу, Калміусу и Волчьей рѣкамъ) и на Муравской дорогѣ (между Волчьей и Самарой). Авторъ при этомъ дѣлаетъ характеристику старшаго, средняго и младшаго брата. „Дума наша, говоритъ А., не описываетъ наружности братьевъ, тѣмъ не менѣе личности каждаго изъ трехъ братьевъ по своимъ внутреннимъ душевнымъ качествамъ, обособляются или, какъ говорится, индивидуализируются съ поразительнымъ мастерствомъ. Дума слѣдитъ за малѣйшими душевными движеніями братьевъ, читаетъ сокровенное въ ихъ сердцахъ". Въ заключительную часть А. относитъ пребываніе старшихъ братьевъ у Самары, на родинѣ и воспоминанія о младшемъ братѣ. Въ концѣ статьи авторъ слишкомъ много распространяется о призракѣ младшаго брата, упоминаемомъ мимоходомъ въ одномъ лишь варіантѣ думы.

Въ V кн. „Кіевской Старины" 1884 года *г. Нейманъ* помѣстилъ обширную рецензію на статью Андріевскаго. Отзываясь съ похвалой о намѣреніи А. популяризировать думу о бѣгствѣ 3 братьевъ, г. Н. къ 9 варіантамъ думы, указаннымъ А., добавляетъ 10-ый Браецы во II т. Зап. юго-запад. отд. Геогр. Общ. и основательно отвергаетъ дѣленіе варіантовъ думы на три редакціи и дѣленіе содержанія думы на основную и заключительную части. Г. Нейманъ находитъ далѣе, что авторъ придаетъ слишкомъ много цѣны географическимъ названіямъ думы и по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ (напр. Савуръ могилѣ) насильно сводитъ географическую терминологію думы къ современной картѣ. Далѣе г. Нейманъ также вполнѣ основательно указываетъ на произвольную замѣну кукушки ласточкой, на ошибочное предположеніе о существованіи у турокъ срочной и безсрочной неволи и на нѣсколько мелкихъ погрѣшностей при переводѣ словъ „леліе" (не чернѣетъ, а блеститъ) „вакуваты" (корень слова латинскій, а не татарскій), „отцева-матчына молитва" (молитву не объ отцѣ и матери, а о себѣ). Г. Нейманъ находитъ въ характеристикѣ братьевъ произвольныя подчеркиванія и ставитъ автору въ вину, что въ статьѣ

нѣтъ ничего ни о формѣ думъ, ни о пріемахъ эпическаго сравненія, ни о языкѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ мы добавимъ немногое. При спеціальномъ изученіи думы о трехъ братьяхъ нужно имѣть въ виду историческія комментаріи Антоновича и Драгоманова, филологическія—Потебни и географическія—Андріевскаго. При всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ остается еще довольно обширное поле для спеціальнаго изученія этой въ высокой степени замѣчательной думы. Что въ особенности выдается въ этой думѣ—это общая историческая правда, рядомъ съ которой частныя характеристики имѣютъ мало значенія. Важно не то, что какихъ-то три брата бѣжало по описанному пути въ данной обстановкѣ, а то, что тутъ собраны всѣ характерныя черты всѣхъ побѣговъ малорусскихъ невольниковъ изъ азовскаго плѣна, что дана широкая и правдивая историческая картина страны и народа въ XVI ст. Самый основной мотивъ думы—три брата, по моему мнѣнію, не бытовой, а эпическій. Трудно допустить, чтобы три брата были въ одно время взяты въ плѣнъ, въ теченіе многихъ лѣтъ жили у одного хозяина, на одномъ мѣстѣ и бѣжали въ одно время, чтобы старшій былъ такъ безсердеченъ и жестокъ, а младшій такъ довѣрчивъ и добродушенъ. Я думаю, что и здѣсь обнаружилось обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ троеніе, что три брата думы такіе же, какъ въ сказкахъ, два жестокихъ, третій добрый. Троеніе захватываетъ многіе предметы (три дороги, три сада, три недоли и пр.), захватываетъ, между прочимъ, и семейно-родственныхъ лицъ. Извѣстны, напримѣръ, пѣсни о вдовѣ и трехъ ея дочеряхъ (въ Zbiór wiadomosci VIII 42), о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ (малорусская дума), болгарская колядка о трехъ братьяхъ (*въ Сборн.* за нар. умотв. VII, 15).

Въ предѣлахъ содержанія думы заслуживаютъ вниманія двѣ интересныхъ подробности—способы указанія пути сломанными вѣтвями и кусками платья. Любопытно было бы сопоставить ихъ съ другими архаическими способами извѣщенія, криками (слава! караулъ!), свистками, сожиганіемъ костровъ (позднѣе смоляныхъ бочекъ), зарубками на деревѣ. Любопытно, что

обычай обозначить путь по зарубкамъ на деревѣ упоминается въ малорусскихъ актахъ XVI вѣка.

Францъ Ржегоржъ.

Имя г. Ржегоржа совсѣмъ неизвѣстно въ научной русской литературѣ. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ его ни разу ни въ Исторіи рус. этнографіи г. Пыпина, ни въ обстоятельныхъ библіографическихъ отчетахъ Этнографическаго Обозрѣнія. Эта неизвѣстность г. Ржегоржа обусловливается тѣмъ, что онъ пишетъ исключительно о галичанахъ, пишетъ на чешскомъ языкѣ, въ чешскихъ большею частью малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Но въ Галичинѣ хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ г. Р., какъ трудолюбиваго, свѣдущаго и гуманнаго изслѣдователя мѣстной народной жизни. Въ 15 № „Зори" за 1891 г. напечатана г. Белеемъ небольшая біографія г. Ржегоржа и приложенъ портретъ. Къ сожалѣнію, это біографія жидкая; въ ней нѣтъ указаній, гдѣ напечатаны статьи г. Ржегоржа, нѣтъ обзора ихъ содержанія. Указанія этого рода тѣмъ болѣе умѣстны, что *г. Белей,* повидимому, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ г. Ржегоржу и, главное, что труды г. Ржегоржа, между прочимъ, печатались въ такихъ чешскихъ изданіяхъ, какъ Světozor, Zlata Praha, Lada, Vesna, Květy, Lumir, Ruch, изданіяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Россіи. Г. Белей подчеркиваетъ доброжелательное отношеніе г. Ржегоржа къ галицко-русскому народу, что тѣмъ болѣе обязываетъ галицкаго писателя къ подробному обзору литературно-научной дѣятельности г. Ржегоржа. Затѣмъ, помимо доброжелательства, статьи г. Ржегоржа представляются интересными съ научной точки зрѣнія. На мой взглядъ, такая статья, какъ печатаемая въ настоящее время въ Osvěta, объ отношеніи галицкихъ жидовъ къ русинамъ, представляетъ высокій интересъ, этнографическій и соціальный, и по изложенію, и по содержанію, можетъ быть признана образцовой научно-популярной статьей.

Ф. Ржегоржъ—чехъ по происхожденію, медикъ по спеціальности. Онъ родился въ 1857 г. въ Чехіи въ крестьянской семьѣ,

получилъ образованіе на родинѣ (въ краледворской гимназіи), въ 1877 г. переселился въ Галицію и здѣсь занялся сельскимъ хозяйствомъ, сблизился съ малорусскимъ народомъ, полюбилъ его и посвятилъ рядъ статей описанію его быта. Г. Белей упоминаетъ только о статьяхъ: „Pan i chlop v rusinske vsi v Haliči," „Prochazka rusinskou vsi", „Rusinsky zahorodnyk", „Rusiny v domacim hospodarstvi" и „Ze života židův mezi Rusiny". Годи намъ, говоритъ г. Белей, наводыты ось-тутъ вси писаня Ф. Ржегоржа; есть ихъ дуже багато".

Въ началѣ 1892 г. Ржегоржъ напечаталъ въ галицкихъ газетахъ воззваніе о доставленіи ему свѣдѣній по этнографіи Галицкой Руси, причемъ г. Р. сообщаетъ, что онъ подготовляетъ полное изданіе своихъ этнографическихъ статей о галицкой Руси на чешскомъ языкѣ. Первый томъ онъ предполагаетъ посвятить описанію галицко-русской свадьбы и обычаевъ, связанныхъ съ различными днями церковнаго года по уніатскому календарю. Особенное значеніе г. Р. приписываетъ народнымъ обычаямъ русскихъ горцевъ подъ Бескидами (*Славян. Обозр.* 1892 г. II 289).

Мнѣ извѣстны двѣ статьи г. Р.: „*Lidova lečba* и *haličskych Malorusů* въ „Časopis Musea českeho" 1891 г. LXV и „*Židé v Haliči*" въ „Osveta" 1892.

Въ статьѣ о народной медицинѣ галицкихъ малоруссовъ перечислены, а мѣстами и описаны народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, лишаевъ и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ чего либо оригинальнаго. Указано много лѣчебныхъ травъ. Вообще, эта статья составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. Въ послѣднее время въ западной Европѣ и въ Россіи обращено серіозное вниманіе на народную медицину. Въ научной литературѣ извѣстны довольно крупные сборники и изслѣдованія—*Блэка* (Black) объ англійской народной медицинѣ, *Рубіо*—испанской, *Яна* (и др.)—нѣмецкой, *Удзѣлы*—польской, *Флоринскаго*—о старинныхъ травникахъ и лѣчебникахъ, *Демича* о народномъ акушерствѣ и гинекологіи, *Даля* и *Аршинова*—о великорусской народной медицинѣ, *Чу-*

бинскаго (въ „Трудахъ") и *Коваленка* (въ Этногр. Обозр. 1891 г.) о малорусской.

Гораздо болѣе крупной статьей представляется статья объ экономическомъ и соціальномъ положеніи евреевъ въ Галиціи въ 5, 6, 7 и 8 №№ „Osvěta" 1892 года. Авторъ по личнымъ наблюденіямъ обрисовываетъ печальную картину порабощенія и развращенія галичанъ, преимущественно лемковъ, въ рукахъ хищнаго еврейства. Главное соціальное зло Галиціи, по словамъ г. Р., есть кабакъ, немыслимый здѣсь отдѣльно отъ еврея. Это очагъ лихоимства, пьянства, разврата и преступленія. Евреи спаиваютъ народъ всѣми средствами, поддерживаютъ и развиваютъ въ селахъ воровство, награждая дѣтей за покражу яицъ, укрывая конокрадовъ, передерживая и сбывая уворованныя вещи. Здѣсь все построено на обманѣ, начиная отъ фальшивыхъ мѣръ и вѣса. Еврейская корчма поглощаетъ въ 19 разъ болѣе средствъ, чѣмъ сколько идетъ на школу. Всякая заботливость объ экономическомъ, соціальномъ, духовно-нравственномъ подъемѣ народа со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ среды галицко-русской интеллигенціи идетъ въ разрѣзъ съ еврейскими интересами и встрѣчаетъ прямое противодѣйствіе со стороны евреевъ. Число евреевъ, ихъ благосостояніе увеличивается въ прямой ущербъ христіанскому земледѣльческому населенію страны.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы познакомились въ первый разъ съ старинною записью народныхъ малорусскихъ думъ, принадлежавшей нѣкогда покойному А. А. Котляревскому. Тогда же явилось у насъ желаніе заняться изученіемъ думъ, но, подготовляя матеріалъ для этого изученія, мы упустили изъ виду самую рукопись, и только благодаря любезности Н. А. Котляревскаго, предоставившаго ее въ распоряженіе редакціи „Кіевской Старины", рѣшились мы привести наши мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ въ систематическій порядокъ.

Отрывки изъ девяти думъ, помѣщенныхъ въ рукописи, напечатаны были Н. И. Костомаровымъ въ извѣстномъ трудѣ его, помѣщенномъ въ „Русской Мысли" за 1880 и 1883 гг. подъ заглавіемъ „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества". Въ видѣ дополненія къ нашему труду издаемъ полный текстъ всѣхъ тринадцати думъ, находящихся въ рукописи, освободивъ его отъ своеобразной транскрипціи, которую сообщилъ ему Н. И. Костомаровъ, и сохранивъ всѣ орфографическія особенности подлинника.

Рукопись, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ такого изданія, потому что она представляетъ едва-ли не самую давнюю запись малорусскихъ думъ прямо изъ устъ народныхъ. На заглавномъ листѣ ея стоятъ слѣдующія любопытныя строки, написанныя, судя по почерку, рукою самого составителя рукописи: „Повѣсти

малороссійскія числомъ 16[1]). Списаны изъ устъ слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка". Кто былъ этотъ списатель, не видно изъ рукописи, но слова его находятся въ полномъ согласіи съ водяными знаками бумаги, на которой написана вся рукопись: на синихъ листахъ ея, на которыхъ помѣщены самыя „Повѣсти малороссійскія", водяные знаки относятся къ 1808 году, а на бѣломъ заглавномъ листѣ, который пришитъ къ рукописи, повидимому, послѣ того, какъ она была написана, водяные знаки указываютъ на 1827 годъ. Принимая во вниманіе эти данныя, можно полагать, что рукопись современна первому (цертелевскому) изданію малорусскихъ думъ (1819 г.), а можетъ быть, и древнѣе его.

Всѣхъ листовъ въ рукописи включительно съ заглавнымъ, составляющимъ обвертку ея, восемь съ половиною, полулистовъ семнадцать. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пьеса отмѣчена числомъ. Думы и пѣсни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкассъ, 3) Пирятинскій поповичъ Алексѣй, 4) Федоръ безродной, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ да сестра, 9) Кишка Самыйло, 10) Иванецъ богославецъ гет: Запорож:, 11) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ), 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ, 16) Вдова Сирка Ивана. Послѣ этой послѣдней думы стоитъ непонятное для насъ слово: *Сабардакъ*. Отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто. Едва-ли, впрочемъ, это есть заглавіе новой, не записанной пьесы, потому что передъ нимъ нѣтъ обычной нумераціи.

За исключеніемъ перваго полулиста, всѣ остальныя пьесы писаны въ сплошную строку, безъ раздѣленія на стихи. Нерѣдко встрѣчаются сокращенія обычныхъ, часто повторяющихся фразъ и собственныхъ именъ. Вообще же письмо четкое и до-

---

[1]) Есть въ рукописи, кромѣ думъ, три извѣстныя *пѣсни*—тоже изъ кобзарскаго репертуара: „Дворянская жена", „Чечотка" и „Попадья".

вольно разборчивое. Только буквы *е* и *я* въ окончаніяхъ словъ пишутся однообразно и сбивчиво. Что касается до правописанія рукописи, то въ этомъ отношеніи она представляетъ немало любопытныхъ данныхъ, для объясненія которыхъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя историческія справки.

Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка литературная русская рѣчь, регулированная Ломоносовымъ, начала проникать въ кіевскую академію, которая въ то время была еще всесословнымъ учебнымъ заведеніемъ и, вмѣстѣ съ коллегіумомъ харьковскимъ и семинаріями переяславской и черниговской, служила разсадникомъ просвѣщенія для всего юга Россіи. Этому много содѣйствовали митрополиты кіевскіе, заканчивавшіе свое образованіе на сѣверѣ или же являвшіеся оттуда на митрополію. Таковъ былъ Гавріилъ Кременецкій (1770—1783), при которомъ началась реформа въ положеніи малорусскаго духовенства, и особенно Самуилъ Миславскій (1783—1796), при которомъ послѣдовало приведеніе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Оба они всѣми мѣрами старались поставить кіевскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ во всемъ государствѣ, поэтому они стремились уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Какъ смотрѣлъ Кременецкій на старинную малорусскую рѣчь, видно изъ доклада его св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кіевской оказался между прочими лѣтописцами одинъ лѣтописный въ семидесяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славенскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“ [1]). Синодъ приказалъ кіевскому митрополиту послать эту хронику къ архіепископу Платону. Самуилъ Миславскій былъ членомъ россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ

[1]) О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода, Д. Полѣнова. 7.

считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи россійскаго слова“ [1]). Неудивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ кіевской академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“ [2]). Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигаревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи-же—по правиламъ господина Ломоносова“ [3]). „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ историкъ кіевской академіи Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даніилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобъ въ ихъ урокахъ не страдалъ русскій языкъ. Іеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно болѣе, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Са-

---

[1]) Исторія россійской академіи, Сухомлинова, 186.

[2]) Ibidem, 189.

[3]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, Аскоченскаго, т. II, 342.

муила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о своей неспособности исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора“ [1]).

Въ такомъ же духѣ и направленіи составлялись грамматическіе учебники и руководства для малороссіянъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 г.“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ, безъ разбору, *и* какъ *ы* (стр 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный, мольва*) (стр. 13), отъ произношенія *ѣ* какъ *и*—„что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ, превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ, дорокъ*, вмѣсто *берегъ, дорогъ*) (стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. мужес. и сред. р. *во* вмѣсто *го* (ibid.), произношеніе *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда, говоритъ онъ, пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему московской нѣжной выговоръ необходимо произноситъ *о* какъ *а*“ (стр. 42).

Другой подобнаго рода учебникъ правописанія изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 году подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинского діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненныя“ [2]). Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается

---

[1]) Ibidem, 343.

[2]) Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ Академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

ссылками на соотвѣтствующіе параграфы въ грамматикѣ Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ (напр: *бере, ѣдемо, писавъ* вмѣсто *беретъ, ѣдемъ, писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ не употребительное"), но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „Крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и изъ употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купылъ мило*; *онъ въ небитность вашу меня былъ предъ всѣмы*; *противъ нашей мислы и волы*; *чѣмъ бить, тѣмъ и слить*" (стр. 15). „Различіе, говоритъ онъ, должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто, нѣкто; никакой, нѣкакой; нигдѣ, нѣгдѣ; никогда, нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другаго безъ разбору иногда употребляютъ" (стр. 18). „Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, наприм. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлаю зъ* дерева, пришли *зъ города, выѣхали зъ лѣсу*, выволокли *зъ ямы*, вмѣсто *здѣлаю* (sic) *изъ дерева*" и т. д. (стр. 28).

Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе волы, гонитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *воловъ, овецъ*" (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты слова любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе".

Конечно, составитель нашей рукописи, записывая малорусскія думы изъ устъ лучшаго народнаго *рапсодія* своего времени, не могъ вполнѣ исправить въ себѣ самомъ *поползновенія* къ малорусской рѣчи, которую зналъ онъ, повидимому, съ дѣтства, поэтому во всей рукописи преобладаютъ звуки и формы малорусскія. Тѣмъ не менѣе есть въ ней нѣчто чуждое малорусскому нарѣчію.

Больше всего бросается въ глаза употребленіе буквы *ѣ*, посредствомъ которой изображается звукъ *е*, поэтому *ѣ* стоитъ

на мѣстѣ *е*, и обратно—*е* на мѣстѣ *ѣ*: *хмѣль* и *хмель*, *сѣдла* и *сéдла*, *слѣзами* и *слезами*, *наимѣньшій* и *наименьшому*, *тоненькѣ* (покрывало) и даже *поглядаѣ* рифмуется съ глаголомъ *не мае*,—*кроме*, *выбегали* и проч.

Основные *о* и *е* большею частію замѣняются позднѣйшимъ *и* и даже *ы*, но встрѣчаются и такія начертанія, какъ *соль*, *пойди*, *на чужой* (сторонѣ), *только*, *дробными* (слезами).

Основное *и* выдерживается правильно, но попадается и *ы* вмѣсто *и*, напр. *милы* (имен. множ. отъ *милый*).

Въ словахъ отъ корня *бы* безразлично употребляются то *ы*, то *у*, впрочемъ, съ преобладаніемъ этого послѣдняго звука: *была*, *не бывала*, *прибывати* и *була*, *бувала*, *прибувати*.

Въ правописаніи согласныхъ звуковъ отмѣтимъ *л* вмѣсто *в*: *желтый*, *жилъ*, *выгонялъ*, *скаралъ*,—твердое *ц*: *отецъ*, *отца*, *сердцу*,—отзвучные согласные вмѣсто звучныхъ: *свалился*, *отцуралисъ*, *не сбудили*, *отгадати*.

Но если всѣ эти фонетическія особенности правописанія (за исключеніемъ употребленія буквы *ѣ*) могли появляться и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, и въ письменности малорусской первой половины XVIII вѣка, то нельзя того же сказать о словахъ и многихъ формахъ словъ, усвоенныхъ составителемъ рукописи не отъ народнаго *рапсодія*, который заинтересовалъ его своими *повѣстями*. Совсѣмъ не помалорусски звучатъ, напримѣръ, слова: *гдѣ*, *что*, *чтобы*, *какъ*, *недалече*, *понедельникъ*, *человѣка*, *пчолы*, *отвѣчаетъ*. Сюда же относятся формы именъ существительныхъ: *маткѣ*, *въ пыли*, *въ степѝ*, *братцы* (есть и *братця*), *братьевъ*, *небывальцовъ* (есть и *братывъ*, *небывальцывъ*), формы именъ прилагательныхъ: *великое*, *божьей* (церкви), *божьяго* (есть и *божого*), *славнаго*, даже *другова*,—мѣстоименныя формы: *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (есть и *мени*, *мини*, *тоби*, *соби*), *меня*, *тебя*, *себя* (есть и *мене*, *тебе*), *онъ* (есть и *винъ*).

Все это формы великорусскія. Часто стоятъ онѣ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, рядомъ съ малорусскими, особенно въ рифмахъ съ глагольными окончаніями: *догоняе*=*сѣдаетъ*, *збудовавъ*=*скаралъ* и проч. Иногда онѣ оказываютъ

вліяніе одна на другую, и тогда получаются смѣшанныя комбинаціи—не то великорусскія, не то малорусскія, напр.: *не ймѣтъ* (мечъ), *втикалъ, не малъ, скорейше, мене, тебе* (дат. пад.), *тебѣ* (винит. пад.).

Можно полагать, что составитель рукописи не былъ твердъ и въ русскомъ правописаніи, основанномъ на грамматикѣ Ломоносова: объ этомъ свидѣтельствуютъ такія формы, какъ *въ поле, на горе, на море* вмѣсто *въ полѣ, на горѣ, на морѣ*, а также начертаніе предлоговъ въ предложныхъ словахъ и сліяніе ихъ съ управляемыми словами, напримѣръ: *втикало, безъневинно, ввойнѣ, сплечь, вруки, справой* (руки) и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ нѣкоторые пріемы грамматическаго письма, поддержанные привычкой къ литературной русской рѣчи въ живомъ употребленіи. Это видно, между прочимъ, изъ того, что ему чужды были нѣкоторыя грамматическія формы малорусскихъ словъ. Онъ пишетъ, напр: „Старшая сестра *выходила* (вмѣсто *выхождала*),

«Коня за поводы *хватала*»,—

или же:

«Бодай ты щастя—доли *не имѣлъ*» (вмѣсто *не мавъ*),
Что ты намъ объ меньшемъ сыну правды *не сказалъ*»,—

или же: „*по имѣнію*" (вмѣсто *по именню*), что совсѣмъ искажаетъ смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣдовательной и опредѣленной системы правописанія. Вотъ это отрицательное качество и сообщаетъ тексту ея внутренній признакъ достовѣрности. Составлена она, очевидно, безъ всякой предвзятой цѣли, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ поэтическаго матеріала, который передается въ сыромъ видѣ, безъ стилистической подкраски,—составлена при этомъ въ такое время, когда старинное малорусское правописаніе было уже забыто, а новые методы правописанія не были еще предложены, т. е. въ промежутокъ времени между 1808 и 1827 годами, отмѣченный водяными знаками бумаги, о которыхъ мы говорили выше.

Безъ всякаго сомнѣнія, свойствами рукописи въ значительной степени опредѣляется и цѣнность думъ, записанныхъ въ ней. Рукопись надежная и въ то же время давняя, слѣдовательно, мы имѣемъ въ ней твердую точку опоры для сравненія думъ въ разныхъ позднѣйшихъ записяхъ. Несовершенство правописанія не могло, конечно, не отразиться на художественномъ обликѣ нѣкоторыхъ думъ, заключающихся въ рукописи, но, вообще говоря, стоятъ онѣ на значительной высотѣ художественной техники и силы. Ко всему этому нужно прибавить, что, сверхъ десяти варіантовъ извѣстныхъ уже думъ, въ рукописи нашей сохранились три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Сирка Ивана, 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Помѣщаемъ сперва думы семейнаго содержанія, всѣ же остальныя мы расположимъ по сходству или однородности мотивовъ, которые въ нихъ развиваются.

1.

Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ) [1].

Содержаніе этой думы въ болѣе архаическомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о томъ, что безбожный сынъ прогналъ свою мать изъ дому: „будутъ, говоритъ онъ, у мене кумы—побратымы, а ты, маты, въ латаний свытыни“. Вышла бѣдная мать за ворота, некуда дѣваться ей. Встрѣтилась она съ замужней своей дочерью и проситъ ее, чтобы она приняла её къ себѣ въ домъ, но и здѣсь получаетъ отказъ: „лыхого я мужа маю, говоритъ дочь, викномъ зъ хаты утикаю“. Не успѣла мать разговориться съ своей дочерью, какъ бѣжитъ за нею сынъ и проситъ ее вернуться

[1]) Четыре варіанта этой думы помѣщены въ сборникѣ Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 345—355), пятый записанъ Костомаровымъ (Труды экспедиціи, Чубинс., V, 847—849), шестой Кулишемъ (Запис. о Юж. Руси т. I, 19—24), седьмой—Русовымъ (Записки юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общества, I, 11—14), восьмой—Горленкомъ (Кіевс. Старина, 1882 г., Декабрь, 497—499), девятый—печатаемый по рукописи А. А. Котляревскаго.

домой,—случилось съ нимъ несчастіе, убило „жинку мыленькую и дытынку маленькую“. Это тебя наказываетъ самъ Богъ, отвѣчаетъ ему мать, за мои кровавыя слезы [1]). Въ думѣ объ изгнаніи матери уже не одинъ сынъ, а три. Послѣ изгнанія живетъ она у „блызького сусиды“. Преступныхъ дѣтей ея караетъ не только Богъ, но и общественное мнѣніе. Во всѣхъ варіантахъ этой думы причина изгнанія матери есть семейный разладъ, или ожидаемый, какъ у Кулиша, или же состоявшійся вслѣдствіе женитьбы ея сыновей, какъ въ остальныхъ варіантахъ. Основная мысль думы заключается въ нравоученіи, которымъ она во всѣхъ варіантахъ заканчивается: „щаслывый то чоловикъ въ свити бувае, который отця и матирь почытае“.

Для выраженія этой мысли, которая въ варіантѣ Котляревскаго высказана сжато, въ другихъ варіантахъ болѣе подробно, совершенно достаточно основныхъ фактовъ, т. е. разсказа объ изгнаніи матери и о несчастіяхъ сыновей ея, которые раскаялись, да поздно. Но въ нѣкоторыхъ варіантахъ рѣчь идетъ еще о томъ, что она сдается на просьбу дѣтей своихъ возвратиться домой, и тогда „ставъ имъ Господь помагаты“. По нашему мнѣнію, это позднѣйшая прибавка, отъ которой основная мысль ничего не выигрываетъ, поэтому думы съ этой прибавкой мы считаемъ болѣе поздними. Есть она въ четвертомъ варіантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго (352—354), а также въ варіантахъ Кулиша и Котляревскаго. Что касается до указанія въ этомъ послѣднемъ варіантѣ на происхожденіе вдовы изъ города Чечельницы, то оно имѣетъ такое же фиктивное значеніе, какъ и въ варіантѣ Кулиша упоминаніе о томъ, что вдова жила „въ славнимъ городи у Крылови“.

Въ недѣлю рано пораненько
Не у бору сосна зашумѣла,
Не съ буйнымъ вѣтромъ говорила,
То вдова, старенькая жена, на подворье выходила,
Трехъ сыновъ маленькихъ на рукахъ выносила,

---

[1]) Головацкаго, Народ. пѣсни, т II, 577, т. III, 158,—196—198.

Господа милосерднаго на помощъ просила:
«Господи милостивый, пречистая мати!
Поможи мини сихъ дѣтей погодовати!»
То вдова, старенькая жена, 20 лѣтъ пробувала,
Сыновъ своихъ годовала,
Сыновъ поженила.
Якъ стали сыны господарство соби собирати,
Стали они матку стареньку изъ хаты выгоняти:
«Пиди ты, мати,
Съ нашей хаты:
Нехай мы не будемъ черезъ тебе женъ своихъ молодыхъ страхати,
А дѣтокъ маленькихъ лякати».
То въ недѣлю рано-пораненько
Идетъ вдова изъ сынового двора, спотыкае,
За слѣзами свѣта Божьяго не видае,
На улицу выходила,
Близкую сусѣду, молодую челядину, тамъ забачала,
Словами промовляла,
Дробными слезами обливала:
«Молодая челядино, близкая сусѣдо!
Пріими ты мене до свого дому пробувати,
Буду я тебѣ при старости лѣтахъ дѣтокъ маленькихъ доглядати,
Аби мене (sic) дала въ своемъ куту до смерти доживати».
Вдова, старенькая жена, 19 лѣтъ въ чужомъ домѣ пробувала,
Ни которой соби кривды не мала,
Своихъ сыновъ проклинала.
Якъ стала вдова своихъ сыновъ лаяти и проклинати,
Не стали они щастья и доли соби мати.
Старшій сынъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Якій я бувъ соби домъ коштовный збудовавъ,
Та мене Господь громомъ и тучею скаралъ,
Що я свою матку стареньку изъ хаты выгонялъ».
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Радъ бы я свою матку стареньку до себе взяти,
Бѣда мнѣ, що жена у меня безбожная,

Що день у насъ сварка буває».
Меньшей (sic) братъ словами промовляе,
До сусиды прихожае,
Матку свою стареньку до себе ублагае:
«Иды ты, мати,
До нашей хати,
Далась намъ, мати,
Безъ тебя бѣда знати».
Вдова до своихъ сыновъ приходила,
Ни которой соби отъ нихъ кривды не мала,
Рано-пораненько на подворье выходила,
Господа милосерднаго просила:
«Господи милостивый!
Прости ты мнѣ сіи слова, що я своихъ сыновъ проклинала,
Бо я отъ нихъ великую кривду мала,
А теперь я у нихъ пробуваю,
Нѣ которой соби кривды не маю».
Якъ стала вдова, старая жена, у своихъ сыновъ пробувати,
Сталъ имъ Господь помогати,
Стали они господарство собирати,
Стали одинъ другому словами промовляти:
«Щастливый то человѣкъ въ свѣтѣ бувае,
Который отца и матерь почитае,
Тому Господь Богъ помагае».

2.

Братъ да сестра[1]).

Для уясненія этой думы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни, въ которой нарушеніе добрыхъ отношеній между братомъ и сестрой считается преступленіемъ, неизбѣжно вызывающимъ кару небесную:

[1]) Намъ извѣстны шесть варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ 1819 г., 57—58); Максимовича (Украинс. народ. пѣсни 1834 г., 63—64; Сборникъ украинс. пѣсенъ 1849 г., 9—10); Метлинскаго (Народ. южнорус. пѣсни, 355—357); Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I, 24—28); Чубинскаго (Труды экспедиціи, V, 468—470); варіантъ, помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г., Августъ; варіантъ Котляревскаго.

«Тымъ на свити хлибъ не родыть,
Що братъ до сестрыци не говорыть,
Тымъ на свити теряеться,
Що братъ сестры цураеться,
Тымъ на свити добра нема,
Що братъ сестры за ридъ не ма» [1]).

Мы считаемъ болѣе поздними тѣ варіанты думы о братѣ и сестрѣ, въ которыхъ братъ говоритъ сестрѣ, что онъ не можетъ навѣстить ее такъ-же, какъ не можетъ „писокъ на билимъ камени схожаты, рикы о Петру замерзаты, калына о Риздви процвитаты“. Это очевидная вставка изъ думы объ отъѣздѣ козака изъ родины. Есть она въ варіантахъ Кулиша и Чубинскаго. Болѣе древними мы считаемъ тѣ варіанты, которые заканчиваются жалобой сестры на измѣнчивость людскихъ привязанностей. Таковы варіанты Максимовича и Котляревскаго.

Встрѣчается эта дума въ пѣсенной переработкѣ [2]). Слѣды размѣра думы еще видны, но въ угоду пѣсеннаго размѣра вольное теченіе рѣчи ограничено. Особенно это ясно видно изъ послѣдняго четверостишія..

Въ недѣлю рано-пораненько
Не сива зозуля заковала,
Якъ сестра до брата съ чужой стороны поклонъ посылала,
Жалибненько до себе прохала:
«Братику мій ридненькій,
Якъ голубоньку сивенькій!
Прибудь ты до мене,
Отвѣдай мене
На чужой сторонѣ,
При несчасливой фортувинѣ!»
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестро моя ридненька!

[1]) Чубинскій (Труды экспедиціи, V, 929); см. также Головацкій (Народныя пѣсни, I, 232).
[2]) Чубинскій... V, 928—929.

Радъ бы я до тебе прибувати,
Да не знаю, гдѣ тебе шукати:
Не можно мени, сестро, за темными лугами,
За быстрыми рѣками,
За широкими степами».
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе,
Дробными слезами облывае:
«Братику мій ридненькій!
Черезъ луги темные, высокіе, яснымъ соколенькомъ перелини,
Черезъ рѣки быстрые, глубокіе, бѣлымъ лебеденькомъ переплыви,
Черезъ степи широкіе малымъ—не великимъ перепелонькомъ перебѣжи,
На мій двиръ, брате, сивымъ голубонькомъ прилени,
Жалибненько загуди.
Тугу сердцу моему раздѣли,
Що въ нашей, брате, земли христіанской людямъ Богъ праздныкъ дае,
Люди до церкви идутъ,
Якъ бчелки гудутъ,
Изъ церкви выступаютъ,
Якъ рожа процвѣтаютъ,
Одно до одного приступаютъ,
По приятельству на хлѣбъ, на соль до себе зазывае,
Мене, брате, нещаснои мовъ нихто родомъ не знае,—
Що якъ бувъ у насъ отецъ и мати,
Тогди могли насъ всѣ люди родомъ знати,
Якъ померъ отецъ и мати,
Не сталъ насъ нихто вже знати,
Не стало ни кума, ни побратима,
Пришибла мене, брате, на чужой сторонѣ злая, нещасливая година,
Отцуралась сердечна названа родина;
Тылко у мене, брате, сердечнаго роду,
Що выйду я въ божій храмъ, на святые отци подивлюся,
Господу Богу помолюся:
Ото у мене, брате, отецъ и матуся»!

3.

Козакъ прощается съ сестрами [1]).

Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ отъѣздъ козака изъ родины. Въ разныхъ пѣсняхъ причины отъѣзда разныя: или мать-вдова сама снаряжаетъ своего сына на войну [2]),—или, скрѣпя сердце, покоряется своей участи и только умоляетъ сына на войнѣ „не забавляться" [3]), или же, наконецъ, прогоняетъ его изъ дому [4]). Вотъ этотъ послѣдній мотивъ семейныхъ недоразумѣній подробно развитъ въ думахъ съ замѣной матери, какъ главнаго дѣйствующаго лица, отчимомъ. Повидимому, пѣвцы думъ не могли помириться съ представленіемъ безсердечности не только въ матери, но даже и въ отцѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ изъ нихъ [5]). Во всѣхъ варіантахъ этой думы выступаютъ сестры отъѣзжающаго козака— одна или двѣ, но большею частію три; младшая отличается особенною сердобольностью. Такъ-же точно и въ пѣсняхъ соотвѣтствующаго содержанія провожаютъ козака сестры. Онѣ спрашиваютъ его, когда онъ воротится назадъ, а онъ отвѣчаетъ имъ загадками, въ которыхъ звучитъ печальная нота вѣчной разлуки. Намъ кажется, что это и есть первооснова думы, осложненная позднѣйшими прибавками; поэтому мы считаемъ наиболѣе древнимъ варіантомъ думу, помѣщенную въ сборникѣ Метлинскаго, такъ-какъ нѣтъ въ ней ни матери, ни отчима, ни заключительныхъ размышленій пѣвца о тяжелой жизни вдали отъ

---

[1]) Варіантъ этой думы помѣщенъ у Цертелева (Опытъ собранія народ. малорус. песенъ, 1819 г., 57—58); отсюда перепечатанъ Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 61—62; Сборн. украинс. пѣсенъ, 1849 г., 7—8). См. также варіанты: у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 434—436), у Лукашевича (Малор. и червонор. думы и пѣсни, 59—61), въ Записк. юго-западн. отдѣла геогр. общ., I, 14—16; въ „Кіевской Старинѣ" за 1882 г., Декабрь, 490—491. Къ этимъ пяти варіантамъ нужно присоединить печатаемый нами шестой варіантъ по рукописи Котляревскаго.

[2]) Чубинскій, Труды... V, 882; 907—908. Максимовичъ, Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 157. Головацкій, Народн. пѣсни..., ч. I, 24—25; ч. III, 12.

[3]) Чубинскій, Труды... V, 864. Головацкій, Народ. пѣсни... III, 97.

[4]) Чубинскій, Труды... V, 864; 890; 948.

[5]) Записки юго-западн. отдѣла геогр. общ. I, 14.

родины. Въ замѣнъ этихъ размышленій сестра, прощаясь съ братомъ, переживаетъ мыслію своею положеніе его въ чужой сторонѣ. Остальные варіанты, не исключая варіанта Котляревскаго, представляютъ уже болѣе или менѣе подробную картину всѣхъ семейныхъ отношеній—матери къ сыну и его отчиму, отчима къ молодому козаку, и самаго козака къ роднымъ сестрамъ его.

Есть двѣ пѣсни, передѣланныя изъ этой думы [1]). Одна изъ нихъ, помѣщенная у Закревскаго, явственно образовалась изъ варіанта Максимовича. Чтобы выдержать однообразный пѣсенный размѣръ, употреблены слѣдующія средства:

1) Повторены кое-гдѣ тѣ или другія слова думы, напр.: „иды, сыну, *иды, сыну*, мижъ чужии люде“.

2) Въ нѣкоторые стихи вставлены цѣлыя слова, напр.: „чи *вже, брате, тебе ждаты* видъ чыстого поля?“

3) Одинъ разъ вставленъ даже цѣлый стихъ: „*хочъ же довго его ненька вичмы провожала*“.

4) Четыре стиха думы соединены въ два:

1) Що найменьшая рыдае, да такъ промовляе:
2) Изъ якои тебе, брате, сторононькы ждаты?

Въ недѣлю рано-пораненько
Не во вся звоны зазвонено,
Якъ у крайнему дому говорено:
Отецъ и мати сына своего у чужу сторону выпроважае.
Словами промовляе:
«Пойди ты, сыну, въ чужую сторононьку межъ чужіе люди,
Чи не лучше тамъ тебе буди» (sic)?
Промолвитъ сынъ словами:
«Не хотѣлось мини, мати,
Въ чужой сторонѣ пробувати,
Что будутъ мене пришельцемъ называти».
Якъ сталъ козаче изъ двора исхожати,
Стало три сестрицы рыдненькія его выпровожати.
Старшая сестра выходила,

---

1) „Кіев. Стар.“ 1882 г., декабрь, 492. Закревскій, Старосвѣт. Бандуриста, 62—63.

Коня за поводы хватала,
Середунщая сестра выходила,
Опрощенія прохала,
Меньша сестра выходила,
Брата жалибненько пытала:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Коли жъ ты будешъ до насъ въ гости прибувати?
Видкиля тебе, брате, выглядати:
Чи изъ чистого поля,
Чи отъ чорного моря,
Чи изъ славнаго люду—Запорожья»?
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестрица моя ридненькая,
Якъ зозуленько сивенькая!
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати,
Якъ буде на бѣломъ камени желтый песокъ исхожати,
Будетъ синимъ цвѣтомъ процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды бѣлый каминь устилати,
Будетъ, сестро, объ Рожествѣ червона калина процвѣтати,
Будетъ объ Новымъ годѣ, объ святомъ Василіе, ягоды изрожати,
Будутъ, сестро, о Петрѣ рѣки замерзати:
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати»!
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Яка я на свѣтѣ стала,
Що я отъ старыхъ людей сего не чувала,
Що уже жолтому песку на бѣломъ камени не всхожати,
Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды не встилати,
Объ Рожествѣ червоной калинѣ не процвѣтати,
Объ Новымъ годѣ ягодъ не зрожати:
Такъ тоби, брате, до насъ въ гости не бувати,
Знать, тебе, брате, намъ въ очи не видати...

Ты, брате, сего не гнѣвися,
Назадъ завернися,
Отцеви своему и пани-матцѣ въ ноги уклонися,
Будешъ ты, брате, на чужой сторонѣ пробувати,—
Будетъ тоби, брате, Господь помагати»...
Бо якъ трудно-нудно, тяжко та важко недолугому чоловѣку противъ силы важкий камень сняти,
Такъ же трудно на чужой сторонѣ безъ родины сердечнои помирати.

П. Житецкій.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Теперь скажу нѣсколько словъ о перемѣнахъ болѣе крупныхъ должностныхъ лицъ въ Ровно, происшедшихъ незадолго до „повстанья" 1863 г. Когда бывшій директоръ ровенской гимназіи Т—овъ получилъ назначеніе члена совѣта въ бѣлостокскомъ институтѣ, его мѣста сталъ добиваться инспекторъ К—ко; но учителя, опасаясь, какъ-бы онъ не былъ утвержденъ на директорствѣ, послали, вопреки закону, попечителю Пирогову коллективную просьбу о назначеніи на это мѣсто прослужившаго уже 20 лѣтъ Н—ова. Н—овъ былъ добрякъ, но недалекій человѣкъ, и конечно не соотвѣтствовалъ директорскому мѣсту. Онъ могъ совсѣмъ распустить гимназію. Пироговъ уничтожилъ незаконную просьбу скопомъ но К—ка не допустилъ однакожъ занять директорское мѣсто, все таки догадываясь о его непопулярности и непригодности. Директоромъ назначенъ былъ инспекторъ, кажется житомірской гимназіи, Автономъ Григоріевичъ Теодоровичъ, человѣкъ честный, тактичный и трудолюбивый; онъ былъ рекомендованъ Пирогову его помощникомъ Осипомъ Григорьевичемъ Михневичемъ, которому Теодоровичъ какъ-то приходился сродни. Теодоровичъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 10.

скоро понялъ К—ка и ограничилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. И взятки, и сѣченья прекратились.

На мѣсто П—аго исправникомъ назначенъ былъ подполковникъ Г—ъ. Онъ въ азовскомъ полку, стоявшемъ въ Ровно, командовалъ баталіономъ. Это былъ шагистъ изъ сдаточныхъ; читалъ плохо, а писалъ еще хуже. Когда запрещено было сѣченіе солдатъ безъ суда, Г—ъ думалъ, что армія безъ розогъ взбунтуется и забудетъ и шагистику, и выправку. А тутъ вдругъ новый учебностроевой уставъ! Г—ъ видѣлъ, что не совладать ему со всѣми этими революціонными новшествами, и подалъ въ отставку. Его уволили подполковникомъ. Когда открылась вакансія исправника, Г—ъ поѣхалъ въ Житоміръ и выхлопоталъ себѣ это мѣсто. Онъ былъ семейный человѣкъ, но семью свою давно бросилъ.

Ко времени предстоящихъ политическихъ манифестацій опредѣленъ завѣдующимъ провіантскимъ ровенскимъ магазиномъ интендантскій чиновникъ, полякъ К—скій. У него была немолодая жена и двѣ взрослыя падчерицы, блѣдныя брюнетки. Онѣ по пріѣздѣ своемъ, сейчасъ стали являться въ костелѣ и на улицахъ въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ съ плерезами. Сначала на это никто не обращалъ вниманія; думали, что это трауръ по комъ нибудь изъ родныхъ. Но вотъ и мѣсяца не прошло со дня ихъ прибытія, какъ всѣ польки всѣхъ званій и положеній облеклись въ болѣе или менѣе глубокій трауръ. Разумѣется, жены чиновниковъ подали примѣръ. Разнеслись глухія вѣсти о варшавскихъ манифестаціяхъ, о манифестаціяхъ во всемъ царствѣ польскомъ и сѣверо-западномъ краѣ. Молодежь стала появляться въ штыфляхъ (походные ботфорты), чемеркахъ и даже въ конфедераткахъ. Появились подметныя, угрожающія письма, обѣщавшія пожары. По ночамъ стали исчезать съ фронтоновъ и казенныхъ зданій государственные гербы. Явилась

партія странствующихъ музыкантовъ, и кто то распорядился, что-бы они попеременно на окраинахъ города, то въ одной сторонѣ, то въ другой, играли всю ночь; а играли они запрещенный маршъ Кошута и jeszcze Polsza nie zginela. На слѣдующій день музыкантовъ въ городѣ не оказалось. Ученики высшихъ классовъ совсѣмъ перестали учиться и по вечерамъ собирались въ квартирахъ гимназическаго капелана и учителя польскаго языка и литературы. Исправникъ Г—ъ ругался, плевался, но не принималъ никакихъ мѣръ. Не знаю, доносилъ ли онъ начальству о всѣхъ этихъ выходкахъ. Слухи носились, что поляки запасаются порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, что жиды все это доставляютъ имъ черезъ австрійскую границу и изъ Одессы. Жиды вдругъ стали на польскую сторону, стали звать себя поляками мойсеева закона. „Россіи теперь не сдобровать“—говорили они: „въ крымскую войну ее побили, а теперь будетъ и совсѣмъ конецъ москалю. Самъ Наполеонъ со всею Европою, и Англичаниномъ, и Австріакомъ, идетъ на помощь полякамъ; онъ хочетъ возстановить крулевства. Явились среди евреевъ массы фальшивыхъ, и русскихъ и польскихъ, денегъ. Правительство, казалось, на все это смотрѣло сквозь пальцы. Поляки становились все смѣлѣе и смѣлѣе. У чиновниковъ поляковъ, особенно акцизныхъ, явился на рукавахъ трауръ. Нашъ гимназическій капеланъ былъ замѣчательная личность. Онъ былъ очень высокаго роста, сухой, костлявый. Лицо въ морщинахъ, цвѣта желтой юфти. Пальцы на рукахъ необыкновенно длинные, костлявые. Глаза вѣчно были опущены; но когда онъ ихъ поднималъ, въ нихъ свѣтился какой то особенный огонекъ. Ходилъ онъ какъ то нервно, какъ человѣкъ пьяный, и вообще вся фигура его заставляла предполагать, что это подвыпившій человѣкъ. Но это предположеніе было ошибочно. Первый разъ я встрѣтилъ его у инвалиднаго начальника на первый день Свѣтлаго Воскресенія. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ хозяйки и молчалъ, опустивъ глаза и покачиваясь. Я заподозрилъ, что онъ крѣпко уже подвыпилъ. Хозяйка стала

меня разспрашивать о здоровьи моего двухлѣтняго сына Владиміра, больного лихорадкой. Его замучила лихорадка до такой степени, что онъ оставался постоянно въ полусонномъ состояніи, не принималъ пищи, не могъ удерживать на шеѣ головы, когда его поднимали, и совсѣмъ высохъ, какъ скелетъ. Доктора назначили ему жить не болѣе трехъ-четырехъ сутокъ. Все это я разсказалъ въ отвѣтъ на вопросъ хозяйки. Капеланъ вдругъ обратился къ ней, прося дать ему веревочку вродѣ такой, какою обвязываютъ сахарныя головы. Хозяйка недоумѣвала, на что вдругъ потребовалась веревка, но, конечно, сейчасъ-же приказала подать. Тутъ я по голосу рѣшилъ, что этотъ господинъ не пьянъ, но что онъ ужасно странный. Онъ сталъ мять веревку въ рукахъ подъ столомъ и по-прежнему молчалъ. Когда стали прощаться, простился и онъ, и мы вмѣстѣ вышли на улицу. „Гдѣ ваша квартира?"—спросилъ онъ: „я желаю видѣть вашего ребенка; я помогу ему!" Дорогою онъ все мялъ въ рукахъ веревку. Мы шли молча. Когда вынесли показать ему ребенка, онъ долго въ него всматривался, послѣ повѣсилъ ему на шею принесенную веревку и сказалъ, чтобы ее до тѣхъ поръ не снимали, пока мальчика не броситъ совсѣмъ лихорадка. „Ручаюсь,—сказалъ онъ,—что у него не будетъ больше ни одного пароксизма. Въ теченіе трехъ дней у него будетъ небольшой ознобъ и посинѣютъ ногти на рукахъ, и только; но онъ вдругъ оправится. Сегодня у него появится аппетитъ, но на первыхъ порахъ не давайте сразу много пищи: лучше давайте чаще, но понемногу. Пищу давать сначала удобоваримую, послѣ давать все безъ разбора, къ чему привыкъ уже его желудокъ. Онъ уже никогда въ жизни не будетъ имѣть лихорадки. Могутъ случаться другія болѣзни; но лихорадки онъ никогда не будетъ имѣть!" Мы поблагодарили его за его доброжелательную услугу; но не повѣрили въ цѣлебность мятой имъ веревки. Однакожъ все сказанное имъ сбылось въ точности. Послѣ трехъ сутокъ мальчикъ, приговоренный докторами къ смерти, совсѣмъ оправился, повеселѣлъ, сталъ кушать съ большимъ аппетитомъ и бѣгать по комнатѣ. Онъ подвергался въ своей жизни

разнымъ дѣтскимъ болѣзнямъ, перенесъ сильнѣйшій брюшной тифъ, дизентерію, но никогда уже не страдалъ лихорадкой, даже тогда, когда служба занесла его въ мѣстность, гдѣ лихорадки весною и осенью составляютъ обыкновенное явленіе, отличаются иногда упорствомъ, а иногда и печальнымъ исходомъ. Капеланъ, безъ сомнѣнія, вылечилъ магнетизмомъ. Стоило бы, чтобы врачи наши не пренебрегали такими способами и средствами, которыя, хотя не входятъ въ кругъ алопатіи, но несомнѣнно исцѣляютъ, и которыя иногда практикуются лицами, не учившимися никогда медицинѣ.

Не только въ другихъ вѣдомствахъ сплошь и рядомъ служили передъ возстаніемъ поляки, но даже полиція была ими переполнена. Секретари, столоначальники и писцы въ полицейскомъ управленіи были все поляки. Старшіе засѣдатели, помощники приставовъ и даже становые пристава тоже были поляки. И весь этотъ людъ дѣятельно способствовалъ къ подготовленію революціи.

Въ городѣ жила жена управляющаго имѣніями графа Кр—каго В-ская, которой родная сестра была прежде замужемъ за ея теперешнимъ мужемъ, но развелась съ нимъ и вышла за графа. Такимъ образомъ В—скій не только занялъ мѣсто управляющаго у Кр—каго, но вступилъ съ нимъ въ родство. Когда Кр—кій принялъ дѣятельное участіе въ мятежѣ, В—скій и его семейство посвятили себя всецѣло польской справѣ. В—скій умеръ въ тюрьмѣ въ Каменцѣ. Два сына его, кончившіе ровенскую гимназію и бывшіе въ университетѣ, поступили въ банду и были взяты съ оружіямъ въ рукахъ и сосланы въ Сибирь. У В—скаго были еще двѣ дочери. Для воспитанія ихъ и сыновей сама В—ская жила въ Ровно. Хотя дѣти уже были на возрастѣ, но она была красивая блондинка; манеры ея были мягки, симпатичны и вкрадчивы. Въ домѣ ея собиралось все учительство. Время тамъ проходило весьма ве-

село. При гостепріимствѣ и любезности хозяйки и ея дочерей всѣ были какъ дома: играли въ карты по маленькой, играли въ игры и танцовали. Наряду съ пріемами и угощеніями русскихъ учителей, В—скіе принимали у себя и учениковъ, и юнкеровъ, и солдатъ, и офицеровъ поляковъ. Это былъ родъ конспиративной квартиры въ Ровно. Дочери шили конфедератки, значки и готовили корпію. Но самымъ важнымъ центромъ польской организаціи въ ровенскомъ уѣздѣ былъ домъ аптекаря. Тамъ ежедневно собирались и совѣщались и паны, и ихъ офиціалисты, и чиновники поляки. Для гимназистовъ мѣстомъ совѣщаній, какъ было сказано, были квартиры: гимназическаго капелана и учителя польскаго языка; для магнатовъ такимъ мѣстомъ былъ домъ князей Любомирскихъ; для зажиточныхъ помѣщиковъ—квартира предводителя дворянства, помѣщавшаяся прямо противъ квартиры исправника; для мелкопомѣстныхъ панковъ—дома гимназическаго врача и уѣзднаго доктора. Разъ я встрѣтилъ, возвращаясь изъ лавокъ, исправника Г—а и пошелъ съ нимъ рядомъ по тротуару. Разговоръ вертѣлся на злобѣ дня—польскихъ манифестаціяхъ. Г—ъ грозилъ, что онъ заставитъ нашихъ дамъ снять трауръ вдругъ изъ-за директорской квартиры по направленію къ гимназической каплицѣ показалась княгиня Любомирская съ дочерью въ глубочайшемъ трауръ съ плерезомъ. На обѣихъ были простыя шерстяныя черныя платья и такія же шляпки; даже чулки были черные шерстяные. Въ рукахъ онѣ держали переплетенныя въ траурную обложку молитвенники, на которыхъ красовались сломанный крестъ и якорь. Вотъ думалъ я, произойдетъ сцена; вотъ Г—ъ себя покажетъ. Дѣйствительно, Г—ъ рысцой бросился на встрѣчу княгинѣ. Подбѣжалъ, снялъ кепи, приложился къ ручкамъ съ траурными молитвенниками и пошелъ провожать ихъ въ гимназическую каплицу. Траура на нихъ онъ какъ будто не замѣтилъ. Разумѣется, при такихъ дипломатическихъ пріемахъ не легко было остановить ношеніе траура и манифестаціи. Знатнымъ все доз-

волялось, бѣдняковъ преслѣдовали; они переносили наказанія и считали себя искупительнымы жертвами польской справы. Г—ъ, а за нимъ и другіе чиновники русскаго происхожденія служили и вашимъ и нашимъ. Я полагаю, что не только масса польскаго народа, но даже люди средняго класса, такъ называемая интеллигенція края, сжились бы съ Россіей. При всемъ желаніи, всосанномъ съ молокомъ матери, видѣть Польшу свободной и самостоятельной, они никогда не прибѣгли бы къ манифестаціямъ и оружію, если бы правящіе ими люди, при постоянной энергіи и твердости управленія, щадили самолюбіе поляковъ и поступали съ ними гуманно и справедливо. Тогда магнатамъ и ксендзамъ никогда не удалось бы устроить революцію. Магнаты никогда не забудутъ того произвола, которымъ они жили въ Рѣчи Посполитой. Стоитъ иностранной державѣ или папѣ кивнуть пальцемъ, и они готовы, держась впрочемъ въ сторонѣ, на почвѣ законности, употребить и деньги, и интригу, чтобы взбудоражить и поднять противъ Россіи среднее сословіе и ремесленниковъ, а также, насколько возможно, и народъ. Ксендзы настолько фанатики, настолько сжились съ магнатами, настолько ненавидятъ схизматиковъ русскихъ и Россію, что всегда, безъ устали интригуютъ противъ Россіи. У нихъ въ рукахъ страшное орудіе—исповѣдь; ихъ покорные и умѣлые агенты—женщины. Власть ксендза надъ женщиной такъ велика, что нѣтъ жертвы, которую бы женщина не принесла ксендзу. Замужняя и дѣвушка, магнатка и шляхтянка—во всякое время готова для ксендза жертвовать даже своею честью. Ксендзы пользуются всякой слабостью, всякимъ промахомъ русскихъ, которымъ приходится управлять поляками и служить въ Польшѣ. Если русскій—любитель женскаго пола, ксендзъ окружаетъ его женщинами и пользуется имъ, какъ своимъ орудіемъ. Если русскій любитъ роскошно жить, покутить—ксендзъ окружаетъ его людьми по его вкусу и тоже приберетъ его въ свои руки. Если онъ взяточникъ—ксендзъ облегчитъ ему полученіе взятокъ. Если онъ деспотъ, жестокъ, грубъ,—ксендзъ старается эти качества развить въ немъ до безобразія, и ука-

жетъ на нихъ всякому въ интимномъ разговорѣ, укажетъ на нихъ даже на исповѣди. Если русскій слѣдитъ за собою, если ксендзъ не можетъ открыть слабости, посредствомъ которой можетъ эксплоатировать русскаго,—тогда горе послѣднему: объ немъ пойдутъ разсказы одинъ злѣе другаго; на него взведутъ такія преступленія, о которыхъ ему никогда не приходило на умъ. Ему ни на минуту не дадутъ покоя. Его выживутъ или посредствомъ его начальства, или самого заставятъ убраться, пока цѣлъ. Словомъ, ксендзъ самый неутомимый борецъ за освобожденіе Польши. И борется онъ не безъ успѣха.

Въ одинъ прекрасный день, помнится въ великій постъ, по улицамъ города Ровно потянулись кареты, почтъ-кареты, фаэтоны, брички, нейтычанки, шарабаны, фургоны и фуры съ рухлядью и кухнею. Всѣ заѣзжіе дома, всѣ свободные уголки въ городѣ были заняты панами ровенскаго уѣзда и ихъ семействами. Паны бѣжали отъ мужиковъ, которые будто собирались на Пасху вырѣзать всѣхъ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мужики косо смотрѣли на всѣ панскія затѣи; что они зорко наблюдали за панами и ихъ челядью; но чтобы они рѣшились вырѣзать пановъ, безъ позволенія правительства — это было невозможнымъ дѣломъ. Скорѣе нужно полагать, что слухи о рѣзнѣ распущены были агентами польскаго ржонда, чтобы вдругъ собрать подъ благовиднымъ предлогомъ въ одно мѣсто всю массу пановъ для совѣщаній. Сверхъ того, могли разсчитывать на отвлеченіе отъ пановъ вниманія мѣстныхъ властей. Наконецъ ксендзы могли разблаговѣстить по всей Европѣ, что хлопы, подстрекаемые правительствомъ, собираются рѣзать пановъ. Въ трактирѣ, винномъ-складѣ, у предводителя дворянства, у князя Любомирскаго, въ аптекѣ, у ксендза капелана и въ другихъ мѣстахъ пошелъ дымъ коромысломъ: игра въ карты, совѣщанія, пѣсни... Г—ъ потерялъ голову. Онъ съ утра до ночи метался по панамъ, уговаривая ихъ возвратиться во свояси и ручаясь своею полков-

ничьею честью, что ни одинъ мужикъ не осмѣлится тронуть даже панскій волосокъ. Что онъ вслѣдъ за панами поѣдетъ въ уѣздъ и строго прикажетъ мужикамъ сидѣть смирно и слушаться пановъ.

Всѣ до сихъ поръ напечатанные нами отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго принадлежатъ къ той части его рукописи, которая носитъ характеръ воспоминаній, изложенныхъ въ болѣе или менѣе строгой послѣдовательности. Вся-же дальнѣйшая часть представляетъ собой дневникъ, веденный по числамъ, съ обозначеніемъ состоянія погоды въ Ровно, съ краткими записями разныхъ городскихъ происшествій, и тутъ-же находятся въ громадномъ количествѣ различные эпизодическіе разсказы, на первый взглядъ кажущіеся несвязанными другъ съ другомъ. Однако связь эта устанавливается легко тѣмъ обстоятельствомъ, что весь интересъ разсказовъ сосредочивается около польскаго возстанія 1863 года, а потому всѣ передаваемыя событія въ суммѣ своей даютъ довольно полную картину этого печальнаго момента въ жизни юго-западной Руси. Конечно, мы лишены возможности подѣлиться съ читателями всѣми фактами, сообщаемыми авторомъ записокъ, т. к. часть изъ нихъ затрогиваетъ слишкомъ еще животрепещущіе вопросы недавняго прошлаго, а часть — едва-ли когда нибудь попадетъ въ печать, касаясь слишкомъ мелочныхъ, и даже личныхъ, отношеній людей другъ къ другу, въ чемъ нельзя отыскать почти никакого общественнаго интереса. Мы ограничимся въ дальнѣйшемъ текстѣ нашихъ „отрывковъ“ помѣщеніемъ тѣхъ эпизодовъ, которые являются характеризующими пережитой историческій моментъ и умонастроеніе извѣстныхъ общественныхъ группъ.

Начинается эта часть записокъ-дневника февралемъ 1862 года. Начало дневника носитъ характеръ очень сухого изло-

женія въ такой формѣ: „15-го, 16-го, 17-го, при сѣверномъ вѣтрѣ, буря и мятель; пропасть снѣгу", или въ другомъ мѣстѣ: „25 — 28-го при сильнѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ — снѣгъ. Въ городѣ улицы мѣстами засыпаны снѣгомъ на сажень, въ полѣ занесены дороги, нѣтъ проѣзду". Тутъ-же, напримѣръ, встрѣчаемъ такія любопытныя справки: „11 — 15-го іюня на сѣверо-западѣ комета.. 6-го іюля солнечное затменіе неполное. 31-го іюля сильное сѣверное сіяніе".

Наряду съ этими справками, имѣющими преимущественно значеніе для метеорологіи, авторъ сообщаетъ черезъ нѣсколько строкъ уже факты общественнаго характера, къ которымъ мы и обратимся теперь, повторяя, что они будутъ имѣть видъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

19-го октября. Дождь. Разнеслась молва, что будетъ сожжена вся тополевая улица. Жители всю ночь бодрствовали. 20. Солнце; тепла 10°. Явились подметныя письма. Одни найдены около квартиръ акцизнаго надзирателя. Онъ все водился съ окрестными панами, и всѣ его надсмотрщики поляки, готовящіеся въ банды. Говорятъ, что при въѣздѣ назначеннаго вмѣсто графа Лямберта 1-го намѣстникомъ генерала Лидерса, поляки манифестировали и обливали русскихъ, проходившихъ по троттуарамъ, изъ оконъ 2-хъ этажей нечистотами. Инспекторъ К — ко страшно труситъ. Онъ присмирѣлъ, ученики дѣлаютъ ему всевозможныя дерзости, особенно ученики, удаленные изъ житомірской гимназіи и по ходатайству пановъ у попечителя принятые въ ровенскую гимназію.

Помощникъ исправника привезъ въ засѣданіе педагогическаго совѣта подметныя письма. Въ одномъ извинялись, что еще не успѣли исполнить обѣщаннаго въ прежнихъ письмахъ— сжечь тополевую улицу, и угрожали исправнику Г—у домъ его сжечь, а его самого повѣсить. Тутъ же нарисована была висѣлица съ висящимъ на ней полковникомъ Г—мъ, въ мундирѣ и орденахъ, а внизу подпись „o tak lajdakovi“. Въ другомъ письмѣ отъ какого то полковника Б. извѣщалось, что Г—у грозитъ дѣйствительная опасность. Подозрѣвались въ сочиненіи писемъ ученики гимназіи, и частный врачъ, которому прежній агентъ польскаго движенія въ городѣ Ровно, ксендзъ Т., передалъ свою власть, данную ему волынскимъ комитетомъ польскаго возстанія, и оставилъ подробныя инструкціи.

Октябрь. 23, 24, 25 и 26. Приморозки по ночамъ; днемъ солнце и грязь. Ученики становятся съ русскими учителями дерзки до крайности: не раскланиваются на улицѣ, на корридорѣ толкаютъ, грубятъ, не готовятъ уроковъ, неисправно ихъ посѣщаютъ, и въ классѣ молитвы читаютъ на польскомъ языкѣ съ колѣнопреклоненіемъ. Я стоялъ въ корридорѣ противъ 2-го класса. Въ ожиданіи учителя въ дверяхъ 2-го класса стоялъ ученикъ Б. Вдругъ изъ четвертаго класса выскочилъ одинъ рослый ученикъ, католикъ, и, смотря мнѣ прямо въ глаза, отпустилъ Б. двѣ пощечины. Я пригласилъ виновнаго идти къ инспектору, а мнѣ вслѣдъ принятые изъ житомірской гимназіи ученики гаркнули „полицмейстеръ!“.

Черезъ Ровно провезли въ Житоміръ, бывшаго ученика 2 класса, помѣщичьяго сына П—ча, который на чью то свадьбу явился въ кунтушѣ, штыфляхъ, конфедераткѣ, при парабелѣ (саблѣ) и пилъ тостъ за тостомъ за успѣхъ возстанія и истребленіе москалей. Г—у опять подбросили письмо отъ какого то проблематическаго полковника Б., въ которомъ извѣщается, что ученики такіе-то съ экономомъ князя составили заговоръ убить Г—а. Въ заговорѣ участвуютъ также врачъ и княжескій ловчій.

Ученикъ Н—ій сбилъ съ тротуара начальника телеграфной станціи со словами: „precz moskalu“.

30 дождь. За манифестаціи отправили высиживать въ тюрьму въ Житоміръ падчерицу интендантскаго чиновника, Т—скую, жену гимназическаго врача—Б. и дворянку дѣвушку—Ц. Послѣдняя плакала и говорила, что у нея вѣрно конфискуютъ наслѣдственный капиталъ въ 10000 руб.; что лично она ничего не боится, готова страдать и жертвовать собою и своимъ тѣломъ.

Старый палацъ Любомирскихъ [1]).

Любомирскіе князья, владѣльцы г. Ровно, для поднятія его и оживленія въ немъ торговли, хлопотали о перенесеніи гимназіи изъ Олыки, мѣстечка, въ Ровно, куда перешли уже изъ Олыки и присутственныя мѣста. Для помѣщенія гимназіи Любомирскіе построили двухъ-этажное каменное зданіе и сверхъ того пожертвовали подъ учительскія квартиры старый свой палацъ на островкѣ, лежащемъ среди прудовъ: двухъ-этажное каменное зданіе, съ каменнымъ сараемъ подлѣ упразднявшейся оранжереи, и два каменныхъ, а также два деревянныхъ дома.

Когда польское панство стало готовиться къ возстанію, происходили частые съѣзды помѣщиковъ подъ разными предлогами: охотъ, похоронъ, имянинъ, концертовъ, лотерей въ пользу костеловъ. Оо혈бенно былъ большой съѣздъ титулованныхъ пановъ въ Ровно по случаю концерта Контскаго. Съѣздъ этотъ продолжался недѣли три. На немъ паны рѣшили между прочимъ исходатайствовать: 1) преподаваніе польскаго языка и словесности въ гимназіяхъ юго-западнаго края и допущеніе въ эти гимназіи на службу поляковъ, во—2-хъ) для приданія гимназіи чисто польскаго и католическаго характера—постройку на гимназическомъ дворѣ деревянной каплицы, въ которой предполагалось производить политическо-религіозныя манифестаціи и въ—3-хъ) отобрать у учебнаго вѣдомства старый палацъ, каменные

---

[1]) Часть фактовъ объ этомъ дворцѣ была уже сообщена авторомъ (см. № 7, стр. 200—201.

подвалы котораго могли служить удобнымъ мѣстомъ для склада пороху, свинца, оружія и амуниціи и устройства даже мастерскихъ, чему особенно способствовало его уединенное на острову положеніе. Директоръ Т. взялся исходатайствовать постройку каплицы и возвращеніе палаца. Онъ немедленно вошелъ съ представленіемъ, что за отдаленностью католической каплицы ученики, особенно въ зимнее и осеннее время, простуживаются, и болѣютъ. Разумѣется, онъ ни словомъ не напомнилъ о положеніи православныхъ учениковъ, которымъ слѣдовало ходить въ церковь, не только далеко отстоявшую отъ гимназіи, но помѣщавшуюся въ самомъ грязномъ мѣстѣ города среди еврейскихъ лачугъ. О палацѣ-же онъ написалъ, что это зданіе совсѣмъ валится, что поддерживать его нѣтъ никакихъ средствъ и что въ немъ никто не живетъ, тогда какъ въ немъ жили учителя. По случаю частыхъ обысковъ не удалось въ этомъ палацѣ устроить депо повстанскихъ принадлежностей. Палацъ этотъ по преданію построенъ на острову, который насыпанъ среди прудовъ плѣнными татарами и хлопами. Онъ соединенъ двумя разваливающимися мостами съ городомъ и нѣкогда представлялъ не только роскошное помѣщеніе для князей и ихъ челяди и войска, но служилъ мало доступнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Пруды теперь заросли очеретомъ, особенно вокругъ острова.

Аптекарь С., былъ весьма зажиточный человѣкъ и патріотъ перваго сорта, но считался между поляками ловкимъ дипломатомъ: онъ велъ дружбу съ русскими чиновниками и особенно съ городничими и исправниками. Говорилъ только на польскомъ языкѣ и незамѣтно пріучалъ къ польской бесѣдѣ за картами такихъ русскихъ, которые вовсе не знали польскаго языка. С. особенно сдружился съ исправникомъ Г—омъ, который днемъ ежедневно бывалъ у него, а вечера почти ежедневно за картами проводилъ или у него или у себя.

Революціонный комитетъ назначилъ С. начальникомъ города Ровно и его уѣзда. И такъ, революціонный начальникъ и правительственный начальникъ были самыми близкими дру-

зьями. Г—ъ просто скучалъ, если какой день не случалось выпить и закусить съ С. и поиграть съ ними въ карты. А С. былъ себѣ на умѣ и подъ покровительствомъ Г—а обдѣлывалъ дѣла и свои личныя, и польской справы. У С. все чаще и чаще стали собираться изъ уѣзда гости: у него обѣдали, у него игрывали по вечерамъ въ карты, и тутъ-же присутствовалъ и Г—ъ. Засадятъ Г—а играть въ карты, подпоятъ, а въ другихъ комнатахъ совѣщаются, дѣлаются революціонныя распоряженія. Между тѣмъ С. становился все смѣлѣе и смѣлѣе въ своей дѣятельности и между своими обзывалъ Г—а пьянымъ, крикливымъ дуракомъ. „Онъ глупый, но впрочемъ добрый человѣкъ, прибавлялъ С. Я его не позволю повѣсить! Прикажу только закатить ему двѣсти нагаекъ, сдеру съ з.... полковничью шкуру и отпущу на всѣ четыре стороны“.

С. у себя на хуторѣ заготовлялъ сухари, окороки, вялилъ сало и колбасы, пріобрѣталъ свинецъ, порохъ, оружіе, даже запасся двумя небольшими пушками. Всѣ въ городѣ знали, что онъ начальникъ, что онъ дѣлаетъ запасы продовольствія и оружія; передавали объ этомъ Г—у; но тотъ даже сердился, говоря, что все это сплетни; что это нарочно выдумываютъ на С. мятежники за то, что онъ возстаетъ противъ ихъ глупыхъ затѣй. Г—ъ ручался за С., какъ за себя самого. Между тѣмъ одинъ ровенскій еврейчикъ въ огромной еврейской извощичьей *халабудѣ* четверкою здоровыхъ лошадей везъ изъ Одессы по накладной въ Ровенскую аптеку соду. Онъ благополучно добрался, до Острога. Въ Острогѣ предъявилъ паспорты, свой и извощика, и накладную. На заставѣ сняли съ повозки прикрытіе — нашли соду, и пропустили черезъ заставу. Извощикъ по требованію доставщика не остановился въ Острогѣ кормить усталыхъ лощадей, а потянулся далѣе. На дорогѣ подъ Острогомъ есть деревня. Въ деревнѣ возлѣ самой дороги стоитъ капличка со статуей какого то святого и тутъ колодезь. Извощикъ остановился подлѣ колодца кормить лошадей. Сельская стража осмотрѣла паспорты и накладную, получила на водку и отправилась въ корчму. Крестьянскія дѣти стали собираться вокругъ повозки и шалить. Нѣкоторые посмѣлѣе стали взбираться на

повозку и подползать подъ нее. Извощикъ еврей спалъ. Доставщикъ прогонялъ дѣтей нѣсколько разъ и наконецъ употребилъ въ дѣло кнутъ. Онъ хватилъ одного упрямаго мальчика кнутомъ по лицу. Тотъ драла съ крикомъ: „жиды бьютъ, жиды везутъ панскій порохъ!“ Его крикъ подхватили всѣ дѣти, и крича: „бьютъ! порохъ!“ разбѣжались по деревнѣ. Мгновенно повозка окружена была мужиками и бабами. Побитый мальчикъ клятвенно увѣрялъ, что въ повозкѣ порохъ. Приступили къ обыску. Доставщикъ вдругъ отвязалъ пристяжную и сталъ на ней удирать. Мужики выпрягли остальную тройку, погнались за нимъ и поймали его. Тутъ уже соду прямо стали ссыпать на землю и въ содѣ нашли нѣсколько боченковъ пороху и свинецъ. Евреевъ съ поимкой доставили въ Острогъ. Г—ъ только что вовратился отъ С., гдѣ обильно позавтракалъ и выпилъ и гдѣ С. распинался, что никакой революціи не будетъ; что нѣсколько дурней пошалятъ, поманифестируютъ, и все дѣло этимъ кончится; что напрасно правительство суетится и принимаетъ ненужныя стѣснительныя мѣры, которыя не могутъ не вызывать общаго неудовольствія. Только что Г—ъ, размышляя обо всемъ этомъ и частью соглашаясь съ С., принялся за свое разоблаченіе, желая передъ обѣдомъ часикъ всхрапнуть, какъ вдругъ отъ воинскаго острожскаго начальника секретная телеграмма: немедля произвести въ квартирѣ и аптекѣ С. самый тщательный обыскъ и о послѣдствіяхъ сообщить ему телеграммой. Г—ъ разсердился. „Вотъ какъ повстанцы гадятъ С.! въ другіе уѣзды доносятъ на него!“—сказалъ онъ. Но нечего дѣлать: собралъ козаковъ и понятыхъ и отправился для обыска. Обошли домъ, аптеку, конюшню, сарай, погребъ и даже садъ и ничего не нашли. Козацкій офицеръ и Г—ъ выпили у С. по чаркѣ старой водки, распустили козаковъ и понятыхъ и отправились во свояси. Г—ъ, пославъ телеграму въ Острогъ, что ничего подозрительнаго не найдено, пообѣдалъ и залегъ спать, приказавъ ранѣе извѣстнаго часа не будить себя. Между тѣмъ вѣсть объ обыскѣ у С. быстро разошлась по городу. Въ аптеку прилетѣли отъ князя живописецъ, врачъ и доѣзжачій. Въ аптекѣ пошла суетня. Выкатили изъ сарая повозку; стали

вырывать изъ земли въ саду боченки и огромныя аптечныя бутыли съ порохомъ, ружья, свинецъ и тащить въ повозку. Все это видѣлъ сквозъ заборъ какой то мальчикъ, который съ матерью тутъ по сосѣдству жили въ жидовской лачугѣ. Собрались и другіе любопытные. Повозку наполнили, покрыли сѣномъ, запрягли лошадку; врачъ и живописецъ сѣли на козлы и выѣхали за ворота. Мальчикъ послѣдовалъ за ними. Чтобы не возбудить подозрѣнія, а частью для безопасности, т. к. повозка была тяжела, двигались шагомъ. Особенно медленно ѣхали возлѣ квартиры Г—а. Мальчикъ, сообразивъ, что все это везутъ на хуторъ, прямо свернулъ во дворъ Г—а и потребовалъ, чтобы его представили полковнику. Разсыльные хотѣли его прогнать; но онъ сталъ кричать, что онъ хочетъ сообщить о повстанцахъ очень важное и экстренное. Разбудили Г—а. Тотъ напустился на мальчика и потаскалъ его за уши. Но мальчикъ ревѣлъ, чтобы сейчасъ послали погоню за живописцемъ и докторомъ, которые повезли изъ аптеки на хуторъ цѣлую повозку пороху. Г—ъ прогналъ мальчика, но мальчикъ не унимался—ревѣлъ на всю улицу; сталъ собираться народъ. Г—ъ приказалъ арестовать мальчика и послалъ въ догонку за повозкой конныхъ разсыльныхъ. Черезъ полчаса они были доставлены. Въ повозкѣ оказались порохъ, свинецъ, оружіе. Волей неволей Г — ъ опять собралъ козаковъ и понятыхъ и произвелъ второй обыскъ. Найденъ еще порохъ, свинецъ и двѣ небольшія пушки. Получена вторая телеграмма изъ Острога съ указаніемъ поимки и требованіемъ вторичнаго обыска. Г — ъ арестовалъ С. и донесъ губернатору. Приказано виновныхъ прислать въ Житоміръ; имущество С. опечатать, а аптеку взять въ администрацію. Жена С. съ дѣтьми оставила свой домъ; но Г—ъ позволилъ имъ забрать всѣ драгоцѣнности и наличныя деньги, въ томъ числѣ и народовыя. До высылки С. составленъ былъ планъ защиты: дали денегъ женѣ поставщика пороху и свинца, чтобы онъ принялъ всю вину на себя, и обѣщали, въ случаѣ его ссылки, обезпечить его семейство. Еврей показалъ, что С. подрядилъ его перевезти изъ Одессы одну соду; но онъ самъ, въ виду хорошихъ барышей,

1892 года

Не смотря на почтенные лета, Бибиковъ-кн. я сказалъ — своею молодцеватостію, ростомъ, стройнымъ станомъ, горевшими страстнымъ огнемъ черными глазами и своимъ поведеніемъ пленялъ не только замужнихъ дамъ, но и девицъ. Къ другимъ дамамъ онъ самъ ездилъ на свиданія, но жена его правителя канцеляріи Писарева сама являлась къ нему по ночамъ по его востребованію. Это была молоденькая красавица-брюнетка, весьма грацiозная, съ оживленнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Мужъ ея за то пользовался безграничнымъ доверіемъ Бибикова и безграничною властью. Онъ продавалъ все вакантныя места въ генералъ-губернаторстве по таксамъ; выжималъ изъ полицейскихъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи — а случалось что все были подъ надзоромъ — все, что можно было выжать; налагалъ руку и на разныя суммы, состоявшія въ распоряженіи генералъ-губернатора, и все дела вершилъ по своему усмотренію. Бибикову на него нередко жаловались въ Петербургъ. Бибиковъ его отстаивалъ. На требованіе Государя уволить Писарева, Бибиковъ принимался делать ему замечанія; Писаревъ отвечалъ обыкновенно, что это сплетни и клевета его враговъ, направленныя столько противъ него, Писарева, сколько противъ генералъ-губернатора; верить имъ не следуетъ. Будто не клевещутъ, будто его Высокопревосходительство состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ его женою; будто его жена, по приглашенію, по ночамъ посещаетъ Дмитрія Гавриловича. Но Писаревъ, какъ здравомыслящій человекъ, не даетъ веры этимъ злонамереннымъ сплетнямъ, вредящимъ впрочемъ доброму имени его жены. Бибиковъ прекращалъ после такого объясненія внушенія и предоставлялъ по прежнему отстаивать ловкаго чиновника, мужа своей любовницы. Разсказываютъ, будто во время обеда Николая и наследника Престола въ квартире Бибикова, Писаревъ расхаживалъ за столомъ въ камергерскомъ мундире съ огромнейшими золотыми ключами сзади.

намѣстникъ преемника смотритъ грозно, что отъ [illegible], карету, приходится ко всѣмъ пикантер-камъ мѣстныхъ паповъ, и по аттестату получить тутъ же выговоръ отъ Государя.

(2) Въ Кіевѣ считалось в 1846 г. около 600 жителей, такъ что при пространству почти города, онъ казался малолюднымъ, и только во время контрактовъ и весною, когда стекались богомольцы со всей Россіи, замѣтна была многолюдность и движеніе. Весною почти всегда являлась въ Кіевъ А. А. графиня Орлова-Чесменская съ компаньонкой, извѣстная вкладчица в монастыри, чрезвычайно богатая помѣщица-дѣвица. Она съ компаньонкой, съ ключами в рукахъ, в простомъ костюмѣ монахинь переходила из монастыря в монастырь, из церкви в церковь. Иногда она являлась в монастырь в богатѣйшей каретѣ, запряженной прекрасными лошадьми съ форейторомъ и лакеями. Она пожертвовала — карету — в 1847 г. серебряную раку и балдахинъ съ каменьями для мощей св. Варвары, почивающихъ в Михайловскомъ монастырѣ. Графинѣ казалось на видъ лѣтъ за 50. Она была преданною духовною дочерью и привязаннымъ другомъ извѣстнаго архимандрита Фотія. Объ нихъ сложены стихи, приписываемые Пушкину:

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грѣшною плотію
Архимандриту Фотію.

и другое стихотвореніе — разговоръ Фотія съ Орловой

"Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой"
— Но что жъ ты дѣлаешь со мной?
"Я тѣло в душу превращаю!"

Лавра и другіе монастыри, а также церкви, гдѣ находились чудотворныя иконы, получали отъ денегъ значительный доходъ. Въ Софійскомъ соборѣ на хорахъ передъ иконой чудотворной Божіей Матери съ утра до вечера служили акафисты и молебны.

назидательно было видѣть такое усердіе и вѣру народа. Но противно было смотрѣть на алчность духовенства: къ пароходу приходящему сюда подскакивали священники и иногда протоіерей, предлагая свои услуги помолиться и на ухо шептали, что они возьмутъ дешевле другихъ. Точь в точь мизгири в еврейскихъ мѣстечкахъ, зазывающіе пріѣзжаго на постоялый дворъ. Времена разгула, раздолья и баснословныхъ богатствъ для монастырскаго духовенства миновали съ отобраніемъ у монастырей огромнѣйшихъ земельныхъ пространствъ, заселенныхъ монастырскими крѣпостными душами. На 40 вер. кругомъ Кіева раскинуты были села, поселки и деревни монастырскія. Въ 20 в. по дорогѣ в Васильковъ была главная лаврская экономія. Сколько экономомъ-монахомъ по очереди назначалась братія погулять и в сосновомъ бору нагулять здоровья. Какихъ медовъ, наливокъ тутъ только не было? Какихъ только красавицъ не доставлялъ экономъ къ услугамъ св. отцовъ? Напившись до чертиковъ в лунные вечера, они впрягали по 12-16 такихъ красавицъ дѣвокъ и катались в саняхъ и в лѣсу по аллеямъ бѣлымъ пескомъ катались по утреннимъ часамъ, погоняя красавицъ длинными бичами и распѣвая пьяными хорами ихъ пѣсни, стоны и ругательства. Вездѣ повторялось одно и тоже: и в западной Европѣ, и у насъ. Никто не обнаруживалъ такого непониманія, равнодушія и пренебреженія къ св. евангельскому слову Богочеловѣка, Живаго Бога, какъ служители церкви Живаго Бога. Напыщенная ихъ обрядность и догматизмъ послужили имъ средствомъ властвовать надъ религіозными чувствами массъ и умами интеллигенціи. Евангеліе Христа Спасителя міра у католическаго духовенства сдѣлалось такою же запретною книгою для народа, гдѣ каждый найдетъ благонравственныя жизненныя, и украшенныя безнравственными

картинками. Гдѣ духовенство достигло высшей власти, тамъ оно становилось грабителемъ, истязателемъ человѣка. Оно, то злобный, то алчный, необузданный звѣрь находило наслажденіе въ крайнемъ надругательствѣ надъ душой и тѣломъ человѣка. Видъ мученій, истязаній, кровь, ломка суставовъ и костей опьяняли духовенство. Посредствомъ пытки и бича оно мечтало вѣчно властвовать надъ міромъ, растоптавъ и унизивъ его до безсловеснаго стада рабовъ животныхъ. Костры, на которыхъ сжигали живыхъ людей, даже младенцевъ, предварительно истерзанныхъ палачомъ и измолотыхъ пыткой, — это было высшее торжество духовенства надъ человѣчествомъ; высочайшая злая иронія надъ ученіемъ Христа Спасителя; это былъ апоѳеозъ надругательства надъ нимъ; и все это свершалось во имя Его, пролившаго свою неповинную кровь за грѣхи міра, для спасенія рода человѣческаго. Личность и ученіе Христа были присущи этимъ книжникамъ и фарисеямъ, что если они сами не были во власти и силѣ мучить немощныхъ и слабыхъ, то прислуживали власти и были ревностнымъ орудіемъ палачей и казней, не имѣющихъ ничего общаго съ божественнымъ ученіемъ Богочеловѣка, отдаленныхъ отъ него духовно непроходимою пропастью. У насъ духовенство никогда не достигало власти, которой оно достигло въ католической церкви; но то, что было и на сколько было, оно проявляло себя тѣми же грязными инстинктами, которые составляютъ принадлежность католическихъ духовныхъ. Въ духовныхъ училищахъ сѣкли безщадно по всякому поводу дѣтей, начиная съ 8 лѣтъ и далѣе, не потому что въ этомъ настояла нужда,

что того требовала современная педагогія; стояли безпрестанно потому, что іереи, прото-іереи и монахи находили наслажденіе въ созер-цаніи мукъ и вздрагиваніи наказуемаго про-вавшися бросавшагося малолѣтняго упругаго чело-вѣческаго тѣла; ихъ слухъ наслаждался воплями и стонами истязуемыхъ; ихъ властолюбіе и гордость упивались сознаніемъ власти надъ подвластными имъ человѣкомъ. Болѣе добрыя особы среди духовенства руководились приличіемъ и привычкой. — И крупностиные души монастырей истязуемые были страшно жестоко, также жестоко, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ крѣ-постные дворянства во времена его неогра-ниченной власти. Христіанинъ надъ христіа-ниномъ не долженъ имѣть власти выше той, которая опредѣлена словами Божіими въ Евангеліи: „кто хочетъ между вами быть боль-шимъ, да будетъ вамъ слугою (Ев. Мат. 20, ст. 26)
Старожилы въ Вяткѣ разсказывали, что посре-ди экономическаго двора былъ столбъ; на-ніемъ вертящійся колесо. Къ колесу привязы-вали лѣвыя руки малыхъ мужчинъ, жен-щинъ и дѣвокъ, а въ правыя давали каждому по палкѣ, свитой изъ крѣпкаго пеньки и насыпанной пескомъ. По приказу эконома монаха привязанные пускались бѣгать вокругъ столба, нанося другъ другу удары по спинѣ, задней части и ногамъ. Отъ боли каждый раздражался и все сильнѣе колотилъ бѣгущаго впереди. Кара эта неудержимо принимала участіе багровой сари. Стояв-шіе вокругъ монахи хохотали и отпу-скали остроты. Эти наказанія произво-дили каждую субботу; а по воскресеніямъ и праздникамъ, когда монахи изъ Лавры монахи хотѣли шутить, послѣ обѣда и за-куски съ выпивкой, наконецъ вызывали задняго

и маменьками, пускали ихъ для потѣхи нагихъ бѣгать вокругъ стола на колѣняхъ съ пуками свѣчей, намоченными въ растворѣ березовыхъ розогъ. Дѣвушки покрывались кровавыми ударами, кровь брызгала на деревья и лица монаховъ, а они смѣялись, рукоплескали и подзадоривали дѣвокъ сѣчь другъ дружку посильнѣе. Послѣ такой потѣхи окровавленныхъ дѣвокъ, не позволяя имъ ни одѣться, ни омыться, сажали съ собою за трапезу, опаивали и клали съ собою спать. Отцы и матери не смѣли противорѣчить, не смѣли жаловаться; да некому было жаловаться на всесильныхъ монаховъ.

Я упомянулъ о помощникѣ попечителя Лофедровичѣ. Онъ прежде служилъ въ кавалеріи, затѣмъ назначенъ былъ въ чинѣ ротмистра инспекторомъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа и наконецъ помощникомъ попечителя. На послѣдней должности онъ оставался до выхода въ отставку. Послѣ него инспекторомъ училищъ былъ Могилянскій, впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебнаго округа. Могилянскому въ этой должности наслѣдовалъ Туловъ, профессоръ нѣжинскаго лицея. Я помню первый день Лофедровича въ качествѣ инспектора училищъ въ пріѣздъ его на ревизію Немировской гимназіи. Его не ожидали. Онъ прямо подъѣхалъ къ зданію и вошелъ въ третій классъ, находившійся прямо противъ входа. Въ дверяхъ показалась высокая повелительная фигура. Ученики невольно привстали, привсталъ и старикъ учитель, коллежскій совѣтникъ Чарнецкій. Лофедровичъ направился прямо къ каѳедрѣ и, положивъ руку на плечо Чарнецкому, сталъ спрашивать громовымъ повелительнымъ голосомъ: „Ты давно служишь? сколько тебѣ лѣтъ? въ какомъ состоишь чинѣ? Чему обучаешь?

пріѣзжай, посмотри тогда плачевную такое ученіе.
Мы ученики поражены были страхомъ, видя такое обращеніе
съ старикомъ-учителемъ, наставникомъ, какъ мы его
иногда величали. Мы недоумѣвали - кто этотъ важ-
ный и гордый ревизоръ? не самъ-ли министръ? Мы ви-
дѣли, попечитель фонъ-Брадке не такъ обращался съ
учителями. Кромѣ того, мы стали думать: это было
четвергъ масляницы, и послѣ уроковъ мы ожидали
отпуска на нѣсколько дней, до среды будущей недѣ-
ли включительно. А тутъ министръ, экзаменъ...
пропала наша масляница. За нѣкоторыми вос-
питанниками родители прислали уже лошадей.
Гдѣ тутъ думать объ экзаменахъ? Экзамены про-
исходили при свѣчахъ и тянулись всю ночь. Дѣти
были запуганы и утомлены. Учителя, которыхъ
бранилъ при ученикахъ Юзефовичъ и постоянно
на нихъ прикрикивалъ, обращаясь къ нимъ на
ты, совершенно потерялись. Юзефовичъ многихъ пред-
метахъ не смыслилъ. Онъ бралъ программу
и читалъ по ней вопросы выученнымъ по раз-
нымъ предметамъ ученикамъ. Кто былъ смѣлъ
и несъ смѣло всякую чепуху, того Юзефовичъ хва-
лилъ; кто же робѣлъ, отвѣчалъ мало или запу-
тывался въ отвѣтахъ, тѣхъ прогонялъ,
какъ незнающихъ. Мы думали, что бѣднаго
учителя геометріи Самойленко, человѣка по-
жилого и тучнаго, убьетъ апоплексія. Это былъ
хорошій учитель и человѣкъ. У другого учите-
ля математики Андріевскаго отъ волне-
нія спустились на землю очки и разбились вдре-
безги. Онъ весь краснѣлъ. Не держался на
ногахъ. Это былъ плохой учитель и страшный
взяточникъ. Ученики его не терпѣли и были
очень довольны его позоромъ. Андріевскій
вечеромъ послѣ этой ревизіи купилъ себѣ на занимо-
[illegible] у учениковъ деньги у правителя
канцеляріи округа Лаврова мѣсто инспек-
тора Бѣлоцерковской гимназіи. Пришла очередь
географіи. Хромой учитель Макіевскій на

прочитанный вызванному ученику вопросъ: перечислить во всѣхъ частяхъ свѣта колоніи Англичанъ, затѣмъ Французовъ и т.д. — поэтому можно заключить, что хотя пріобрѣтенія каждой части свѣта указываютъ колоніи европейскихъ государствъ, почти подробно этотъ вопросъ проходимъ, и это вытекаетъ изъ самой программы, въ концѣ года, — получилъ отъ Іосифовича грозное: молчать! и совершенно стушевался. Вызванный ученикъ не потерялся: быстро указывалъ колоніи, конечно, съ пропусками и ошибками. Моисеевъ краснѣлъ и трепеталъ. Но вотъ раздалось: превосходно! прекрасно! Заглянулъ Іосифовичъ въ журналъ отмѣтки и объявилъ, что если ученикъ съ отмѣткой 3 въ состояніи проявить такое знаніе географіи, то преподаваніе географіи въ училищѣ на высотѣ, и изъ этого предмета нечего дальше испытывать. Затѣмъ позвалъ Моисеева, одобрительно похлопалъ его по плечу и перешелъ къ экзаменамъ изъ другихъ предметовъ. Моисеевъ послѣ обнималъ и цѣловалъ отвѣчавшаго ученика и объявилъ, что этого ему никогда не забудетъ. Моисеевъ сдержалъ слово: какъ надзиратель въ общей квартирѣ, онъ покровительствовалъ постоянно этому ученику, а при экзаменѣ въ VII кл. настоялъ на повышенной отмѣткѣ ему др. испытаній. Заступничество Іосифовича и ободряющее отношеніе Моисеевскаго повліяли на ученика благотворно: онъ сдѣлался не только первымъ ученикомъ по географіи, но, переходя изъ класса въ классъ, оказывалъ все лучшіе и лучшіе успѣхи, а въ VII кл. занялъ первое мѣсто. Несмотря на весьма строгіе экзамены и особенно строгой обстановкой, онъ удостоенъ золотой медали. Ученикамъ оказывали поддержку въ торжественный разъ и не давали времени на обдумываніе предлагаемыхъ вопросовъ.

Въ этомъ выпускѣ изъ 33 порядочныхъ учениковъ только 3 удостоились аттестатовъ. Моисеевъ очень не дурно преподавалъ географію; онъ былъ малороссъ и постоянно въ обращеніи съ учениками отпускалъ малороссійскія шутки и остроты; ученики подхватывали тѣ же шуточки и разговаривали съ нимъ, но повиновались ему и любили его, а потому у него былъ постоянный успѣхъ и порядокъ въ общей квартирѣ. Моисеевъ дотащилъ учителемъ до выслуги лѣтъ. Андреевскій представлялъ ему прямую противоположность: онъ дурно преподавалъ, но еще хуже обращался съ учениками, — его терпѣть не могли, и предметъ Андреевскаго былъ въ плачевномъ состояніи. Онъ успѣвалъ сконфузить или обругать ученика, прежде чѣмъ послѣдній доходилъ до доски и бралъ въ руки мѣлъ. Болѣе самолюбивые ученики послѣ такого вызова засыпали и сердились и [illegible] на мѣсто отвѣчали, что они ничего не знаютъ. Съ учениками, которые ему платили, онъ обращался хорошо, но это большею частью были [illegible] неразвитые и лѣнивые, дѣти состоятельныхъ родителей, избалованные своими маменьками и [illegible], считавшіе что знаніе и образованіе для нихъ лишняя вещь, имъ нужно было свидѣтельство изъ уѣзднаго класса или аттестатъ.

Каедровичъ мало по малу отвыкъ [illegible], потерялъ свою военную грубость, сталъ лучше обращаться съ учителями гимназіи. Онъ даже пріобрѣлъ многотомныя сочиненія по предметамъ гимназическаго курса, сталъ читать и даже пустился въ писательство. Онъ былъ вообще человѣкъ не дурной и старался плавать по вѣтру, приспособлялся къ [illegible] [illegible]. Между нимъ и Писаревымъ существовала дружба. Не знаю, на сколько это справедливо, но мнѣ приходилось слышать, что Писаревъ

порядочныя имѣнія на имя Корфовича, чтобы избавить ихъ [illegible], такъ какъ онъ считался и въ [illegible] и въ Петербургѣ первымъ [illegible].
Пока онъ былъ правителемъ канцеляріи Бибикова и [illegible] генералъ-губернаторомъ, Корфовичъ отдавалъ ему отчетъ въ управленіи. Но когда Писаревъ за дозволеніе раскассировать [illegible] и [illegible] старыми [illegible], вопреки высочайшему повелѣнію, былъ отрѣшенъ отъ должности и попалъ, какъ говорится, въ крѣпость, Корфовичъ прекратилъ съ нимъ сношенія и оставилъ его [illegible] на [illegible]. Жена Писарева, по разсказамъ [illegible], въ Парижѣ такъ покутила, что попала въ долговую тюрьму.
Могилянскій получилъ университетское образованіе и служилъ [illegible] въ Петербургскомъ университетѣ [illegible], потомъ былъ [illegible] министерства финансовъ. [illegible] встрѣтилъ Могилянскаго случайно, узналъ его и пригласилъ на службу въ Министерство финансовъ, а послѣ доставилъ ему много [illegible]. Могилянскій былъ весьма [illegible] человѣкъ, но не любилъ [illegible]. Онъ все время свое посвящалъ [illegible] и свѣтскому обществу.
Въ дѣлѣ преподаванія очень важную роль играетъ не только умѣніе излагать ясно, заинтересовать вниманіе учащихся, но и умѣніе поощрить и ободрить во время учащагося. Учитель долженъ любить свой предметъ, любить дѣтей, не отвлекаться отъ предмета никакими занятіями и развлеченіями [illegible] достигнуть. По моему мнѣнію [illegible] иногда даже [illegible] на [illegible] учителя. Учащіеся, о которыхъ я упоминаю, что [illegible] курсъ [illegible] съ [illegible] медалью

в первомъ классѣ за малоуспѣшность оставался 2 года, во второмъ тоже, в 3 едва-едва удерживался на отмѣткахъ 2-3. Вдругъ случай визитацiи попечителя разбудилъ в немъ дремавшiя способности и вотъ онъ в 4 кл. занимаетъ 5 мѣсто, в 5 кл. – 3, в VI – 2, а в VII – первое. У нихъ дѣтей способности развиваются очень поздно, и потому весьма несправедливо запрещать дѣтямъ, по крайней мѣрѣ до IV кл. включительно, оставаться в классѣ по 2 года.

Iюль 1892

(1) Высшiе власти относились съ отвращенiемъ къ этимъ упражненiямъ и наставляли ежедневно читателю Туманова. Онъ употреблялъ все свое красноречiе на то, чтобы убѣдить непокорныхъ, что воля начальства выше всего на свѣтѣ... "Поставятъ палку, слушайся и палки, иначе ты погибъ на всю свою жизнь. Не только законное требованiе – требованiе, но и всякiй капризъ начальника долженъ исполняться безпрекословно, ибо и самые капризы начальства имѣютъ в виду высшiя цѣли, клонящiяся къ общему благу. Туманов ничего не зналъ, не могъ бы преподавать ни одного предмета, но онъ хватилъ все-таки верхушекъ, и начальниками, авторитетно вѣщалъ на нихъ.

(2) толкъ болѣе, что в Россiи столько денегъ, что ихъ и куры не клюютъ. Впрочемъ самъ Туманов былъ первѣйшiй мастеръ хватать и частную, и общественную копейку.

(3) былъ агентомъ предпринимателемъ и поставщикомъ в одно и тоже время.

(4) Магазинъ провiантскiй былъ переполненъ доставленными имъ на свои деньги продуктами и вещами, тысячъ на 50-60; но деньги еще не были ассигнованы, даже не представлено было еще требованiй. И вотъ все это достоянiе безконтрольно и безъ вознагражденiя поступило в казну, ибо все оно было выдано отцамъ Туманова.

(5) и мѣстное начальство, узнавши о перепискѣ съ Казанью, преклонялось предъ нимъ. Туманов [illegible] и бралъ

Озеркой; чтобы поддержать огонь дружбы, аккуратно ѣздилъ въ Кіевъ для свиданія съ Лазаревымъ и каждый разъ въ знакъ дружбы подносилъ ему цѣнные подарки.

(6) Послѣ ея смерти, случившейся въ Ровно, Тумановъ повелъ сейчасъ жизнь разсѣянную. Онъ волочился за юбками только было мало. Но особенно увлекался онъ весьма симпатичною и молоденькою женою учителя и надзирателя общей квартиры Соханскаго. Онъ его освобождалъ отъ дежурствъ, пускалъ ночевать дома, часто давалъ подарки. Соханскій, увѣренный въ женѣ, на все это смотрѣлъ сначала сквозь пальцы, но когда онъ понялъ что-либо замѣтилъ, или предвидѣлъ въ будущемъ увлеченіе своей жены, только онъ отказалъ Туманову отъ дома. Тумановъ сталъ вымещать ему всевозможными придирками, особенно какъ надзирателю общихъ квартиръ. Траутфеттера увѣрилъ, что Соханскій отлучался часто отъ дежурства, что не ночевалъ въ свою очередь въ общихъ квартирахъ, что покупалъ вдорого отъ подрядчика и т. п., что опаздывалъ на уроки, что вмѣсто занятій пускался во время классовъ **въ насто-ящія бесѣды** съ учениками, что онъ непочтителенъ, неопрятенъ, но Траутфеттеръ говоритъ, что послѣдній не на своемъ мѣстѣ, что ничего не смыслитъ, что не быть его брату ректоромъ, Траутфеттеръ былъ бы дилетантомъ, а не директоромъ гимназіи. Тумановъ самъ увольнялъ и отвлекалъ Соханскаго отъ дежурствъ; самъ посылалъ къ подрядчику за разными продуктами для Соханскаго и вкрадчиво-самымъ въ дружеской бесѣдѣ высказывалъ все то Траутфеттеру, что послѣ приписалъ Соханскому. Зная обо всемъ этомъ, Соханскій подалъ Траутфеттеру докладную записку, въ которой жаловался на притѣсненія и клевету о немъ Туманова и въ заключеніе пояснялъ подарки Туманова отъ подрядчика и другія взятки. Послѣ этого прошла тихо цѣлая недѣля. Наконецъ Соханскій получаетъ отъ Траутфеттера повѣстку явиться къ нему немедленно въ полной мундирной формѣ. Траутфеттеръ въ нижней уборной и крикомъ остановилъ Соханскаго у порога въ своемъ кабинетѣ... Ручку позвалъ! Доносчики на начальство шипятъ мѣсто у порога.

Лень не буду, если вам не накинут белую ленту через плечо (т.е. отдадут в солдаты). Вот вопросные пункты по вашему доносу. Я назначаю формальное следствие. Покамест вы под судом, я приказываю вам ко мне и к г. инспектору являться по вторникам в полной мундирной форме, так как вы совсем забыли, что означает начальство, в своем доносе доказали это. Сверх того через каждые сутки, по окончании дежурства в общих квартирах, вы должны являться ко мне и инспектору с рапортом в полной мундирной форме. Ступайте прочь." Каковы в это далекое время служебные отношения между начальством и подчиненными наблюдались из примеров употребленными Траутфеттером и Сахаровским, но все таки по учебной части были несколько приличнее чем по другим. Учителей не ругали и не сажали под арест. Сахаровского удержало это наказание Траутфеттеру обиды действием, благополучно приказанных во время и маленьким вниманием. Сахаровский с рапортом не являлся и стал готовить ответ на вопросные пункты. Этого начальство не ожидало и сильно струсило, тем более, что сами не покорились и вращались. С ними вместе учителей, за исключением Петра Дмитриевича Каменка. Траутфеттер принимал защиту Туманова на себя, без сомнения и т.ч. [illegible] стороны начальника, по тогдашним понятиям, всегда должен был быть защищаем от подчиненного, иначе мог ослабнуть авторитет начальства в глазах подчиненных; начальник в это время считался непогрешимым в отношении подчиненных, как римский папа; с другой стороны впрочем, были нас-давние долгие отношения между Траутфеттером и Тумановым, и первый хотел защитить последнего, чтобы сберечь собственную шкуру. Траутфеттер рассчитывал застращать Сахаровского, а тут выходило совершенно иначе. Туманов заведовал одно подрядчика,

отставного штабс-капитана Кейбиша, и Саханский в свою
сторону упросил Кейбиша, показать-де он все по правде?
Кейбиш прямо отвечал, что показывать правду не в его ин-
тересах, потому рассчитывать на благородство Саханского,
что он оставит его в стороне и не принудит давать лож-
ные показания и ложно присягать. Это смутило Сахан-
ского. А тут лошади и сбруи [illegible] не впутывались, а была
с такими главными лицами: Туманов, у кого же печати Лазова,
и Траутфеттер, у кого же печати [illegible] ректора
Віленского университета, и сверх того [illegible] предвари-
тельная неудача в борьбе с начальством все это застав-
вило Саханского смириться. Он все таки не чув-
ствовал себя в состояніи лично переговорить с
Тумановым и Траутфеттером и просил меня быть
посредником. Я передал его желание Туманову. Вместо
же него Траутфеттер потребовал к себе Саханского,
заговорил с ним отеческим наставительным
тоном и разорвал в мелкие куски докладную записку Са-
ханского. Запросные же пункты на 10 листах остались у
Саханского. Это весьма любопытный документ. Вскоре
через [illegible] Саханский был переведен в уездные [illegible] учи-
лища в [illegible] по старанию Туманова и Траут-
феттера, но [illegible] учитель и не [illegible] такого права. Я ока-
зал услугу Траутфеттеру и Туманову, но последний
вследствие своей нечистой совести и подозрительности,
решил, что подача докладной записки Саханским
было мною внушено. И этим он, кажется, успел убе-
дить и Траутфеттера; по крайней мере последний в
обращении со мною сделался осторожен и сух.
(7) при таможне у Туманова все больше и больше [illegible]
на [illegible] руку. Траутфеттер после истории с Саханским
стал все больше и больше разочаровываться в дурных
качествах Туманова, но подвести его под ответ-
ственность [illegible] вся с Лазовым, патроном
Туманова, оказывались невнимательными, он
(8) но на [illegible] и взяточничество должен был убраться
из Тифлиса. И [illegible] он рекомендовал далее
Гимназіи и [illegible] в пугу, что
(9) Непосредственным был в это время [illegible], [illegible] [illegible]

съ Котенко воспитывающ на казенномъ содержаніи в университетѣ. Онъ теперь жилъ набобомъ: экипажи самой изящной и модной фирмы отъ кареты до дрожекъ, исключительно подъ заводскихъ выѣздныхъ лошадей, верховыя лошади, повара, поваренки, лакеи, кучера, форейторы и т.д. Котенко увивался около него и шутками и остротами забавлялъ его молодую супругу, грандессу, [illegible]-вышедъ изъ положительной нищеты — у матери вдовы Вахарчикъ въ Дубно она носила съ заплатами ситцевыя платья и штопанные чулочки и башмаки — сдѣлалась недоступной даже для чиновной аристократіи. Однако каждый день въ бархатѣ и бриллiантахъ, она сидѣла въ гостиной по цѣлымъ утрамъ, принимая своихъ являющихся къ ней съ поклономъ — визитеровъ дамъ и показывала видъ, что читаетъ дорогія изданія въ дорогихъ переплетахъ, раскинутыя по столу. На самомъ же дѣлѣ она всего только читала поваренную книгу въ дорогомъ переплетѣ, по которой заказывала являющемуся къ ней ежедневно повару завтраки, обѣды и ужины. Мужу некогда было развлекать свою аристократическую супругу, и онъ очень обязанъ былъ услугамъ Котенка, и по приказанію его давали каждое воскресеніе фаэтонъ и пару отличныхъ лошадей, въ которомъ Котенко сталъ возить Косоваженко съ семействомъ въ церковь и на прогулки. Задолго еще до благовѣста Котенко являлся къ директорской квартирѣ и просиживалъ на крыльцѣ цѣлые часы, пока Косоваженки поднимутся, обуются, станутъ пить чай, и только тогда пригласятъ его и отправятся въ церковь.

Насколько Котенко былъ низкопоклоненъ, льстивъ и заискивающъ передъ высшими и богатыми, на столько онъ былъ грубъ и жестокъ къ низшимъ и подчиненнымъ. Это особенно онъ обнаружилъ, состоя инспекторомъ гимназіи, а потомъ директоромъ Ровенской и Житомірской гимназіи и наконецъ директоромъ училищъ Подольской губерніи. Ухаживанія и низкопоклонство Н.Д.

Коленко достигъ таки того, что Косовищенко Ганъ
приглашалъ его къ себѣ на чай и принималъ на
равнѣ съ другими своими гостями и игрывалъ съ
нимъ въ карты.

(10) Френкель исправникъ былъ удивительно ловкій и счаст-
ливый [illegible]. По окончаніи университета, онъ посту-
пилъ въ канцелярію генерал-губернатора; затѣмъ
былъ назначенъ исправникомъ и такъ велъ ловко
свои дѣла, такъ умѣлъ изъ своей должности извлекать
пользу, что и начальство его ставило въ примѣръ,
и [illegible] полицмейстеромъ, получая дохода
по слухамъ отъ 14 до 16 т. руб. сер. Но душа его рвалась
къ болѣе раздольной жизни, къ настоящей роско-
ши. [illegible] и [illegible] Френкелю доставили
ему вскорѣ мѣсто окружнаго интенданта въ Одессѣ. Въ на-
чалѣ войны 1877 г. онъ былъ назначенъ генерал-
интендантомъ дѣйствующей арміи сопровожд-
ствовавъ [illegible]. Онъ подписалъ зна-
менитый контрактъ съ подрядчиками Гре-
гергъ Коганъ и К°; на судѣ указывали, что онъ по-
лучилъ за каждую букву этого контракта по
полуимперіалу. Вслѣдъ за подписаніемъ, по болѣз-
ни Френкель уѣхалъ за границу лечиться, гдѣ ос-
тавался до конца кампаніи. Подчиненные
ему и ставившіе его мѣсто лица подверглись су-
ду и нѣкоторые осуждены, напр. Макѣевъ и сосла-
нъ въ Сибирь по лишеніи чиновъ, орденовъ и дворян-
ства, а онъ остался цѣлъ, не смотря и фигуриро-
валъ на судѣ только въ качествѣ свидѣтеля. Теперь
онъ служитъ въ интендантствѣ въ СПБ, пользу-
ясь по слухамъ репутаціей въ тайныхъ совѣтни-
ки и - говорятъ - ведетъ жизнь въ столицѣ на самую
широкую ногу. Родственникамъ своимъ
покровительствомъ онъ оказалъ много пользы:
всѣ они въ разныхъ мѣстахъ Подольской и Волынской
губ. заняли мѣста: кто уѣзднымъ врачомъ, кто
приставомъ, кто [illegible] по раз-
мѣщенію полицейскихъ и крестьянскихъ земель.

(11, Еще были на миру все учительницы, съ которыми онъ безцеремонно вводилъ интимныя отношенія

(12, Онъ подарилъ Лазову такой хрустальный приборъ, что даже попечитель, присутствовавшій на свадьбѣ Лазова, заинтересовался имъ. Лазовъ женился на дочери смотрителя подольскаго уѣзднаго училища, дѣвицѣ Козелло

13 Учитель математики Савичъ женился на дочери Абрамова, который выхлопоталъ ему въ приданое мѣсто инспектора въ Черновецкой гимназіи. Жена у Савина скоро умерла. Онъ, красивый мужчина, скоро завязалъ связи съ какой-то богатой вдовой-помѣщицей (Дунина-Борковская, урожд. Щербакова). Сыновья ея служили въ кавалеріи. Узнавши, что мать публично живетъ съ Савинымъ, они пріѣхали къ ней, уговаривали ее бросить постыдную связь, уговаривали и Савина; но когда это не помогло, и мать объявила, что она связь свою съ Савинымъ покроетъ бракомъ, сыновья подкараулили въ глухую ночь Савина, когда онъ возвращался отъ ихъ матери, и избили его до полусмерти. Мать прокляла сыновей и, лишь Савинъ оправился отъ болѣзни, сочеталась съ нимъ бракомъ и передала въ его распоряженіе всѣ свои капиталы и имущества. Савинъ сдѣлался помѣщикомъ. При Абрамовѣ гимназія никуда не годилась. Воспитанники ея съ золотыми медалями не выдерживали повѣрочнаго испытанія въ университетъ.

(14, Городовой врачъ [illegible] еврей Тарногродскій за картами у Козловскаго дѣлилъ общество городское на 4 категоріи: 1 категорія — управляющіе отдѣльными частями чиновники, директоръ и инспекторъ гимназіи, 2 — писцы разныхъ канцелярій, 3 — чиновничьи лакеи и повара, 4 — сторожа канцелярій и учителя гимназіи, заключая, прибавлялъ отъ Н. Д. Кокенина. И это была правда — чиновничьимъ лакеямъ и поварамъ жилось въ это время лучше, чѣмъ учителямъ гимназіи.

(15, и еще знаменитый Славутинскій, который картами прилично содержалъ себя съ семьею. Онъ постоянно обыгрывалъ городничаго Петра и аптекаря Степунскаго сильно.

(16, Между учителями пилъ больше другихъ Виттенбургъ, [illegible] картежникъ, никогда не протрезвлялся; но это былъ скромный

высокій мужчина, и потому трудно было — при спокой-
номъ его характерѣ — замѣтить — пьянъ-ли онъ, или
нѣтъ. Однообразнымъ словомъ пьяницей, но это
н.т. — крѣпко выпивши — терялъ память, валялся гдѣ
попало, разбивался въ одной рубахѣ и пальтомъ
какъ по морозу пробирался домой. Вообще профессора
пили чаще и больше нежели русскіе. Одинъ только
Траутфеттеръ отличался трезвостью.

(16) касались правительству подозрительными, а
участвовавшіе въ нихъ рисковали попасть подъ
надзоръ полиціи и даже потерять мѣсто.

(17) Епифановичъ, въ домѣ котораго поселились Колен-
ко Петръ, а затѣмъ и Иванъ и гдѣ жилъ Яновскій,
кончилъ воспитаніе въ духовной академіи.
Онъ былъ страшно жаденъ на деньги и подачки,
но впрочемъ былъ смиренъ. Молодая жена держа-
ла его въ ежовыхъ рукавицахъ, и онъ у нея спалъ
чуть не въ передней. Онъ женился на дочери вдо-
вы какого-то чиновника и получилъ за него 2
деревянныхъ дома. Это была молодая, пол-
ная страстная брюнетка, вышедшая за
Епифановича не по любви, а чтобы быть
учительшей, инспекторшей и директоршей.
Первый воспользовался ея благосклонностью
Абрамовъ, а затѣмъ и другіе, кто искалъ его,
или кто у нея квартировалъ. Отъ Яно-
вскаго имѣла она дочь, похожую какъ 2 капли
воды на Яновскаго, а отъ Коленко Петра
другую дочь, похожую на своего отца. И Янов-
скій и Коленко тратились на нее, такъ что
она отдавалась не по одной страстно-
сти, но также по расчету

(18) Онъ роскошно угощалъ Министра н. пр. графа
Д.А. Толстаго во время посѣщенія имъ [illegible],
и Толстой въ видѣ вознагражденія
за гостепріимство, а также имѣя въ виду
порядочное состояніе и представитель-
ность Яновскаго пригласилъ его помощникомъ
попечителя Петербургскаго округа. Но настоя-

щее время Яновский попечитель кавказского учебного округа.
Славутинский занимал денег у аптекаря Степулковского и купил посредством Туманова у Ласова место смотрителя уездного дворянского училища. Точно также поступил Гриневский, занявши денег за большие проценты у Линдена. Канаги и Босевич, разжившись на подрядах и материалах от тифлиса бе-му, перешли в гимназию учителем истории.

19 У Линдена между прочими детьми была невеста дочь, красавица лет 20. Женихов не имелось и потому когда произошла молва, что Невгодов получил значительное наследство от отца, все семейство Линденов стало за ним ухаживать. М-ль Линден между тем давно нравилась Невгодову, но он не смел мечтать о браке с нею, так как подозревал, что родители ищут для нее состоятельного жениха. У самой Линден было какое-то увлечение шляпника подъ Ковако, то что она считала себе полицейской и мечтала выдать дочь за полицейского, но теперь все изменилось: Невгодов понял, что на него имеют виды и по обращению с ним невесты заключил, что она в него страстно влюблена. Линденам сказали, будто Невгодов получает не 3т, а 30т р. наследства. Все таки не доверяя Линденам, боясь получить отказ и по робости характера не смея, сам объясниться с родителями и дочерью, Невгодов прибег к посредничеству Славутинского. Линдены выразили согласие за себя и за дочь и Невгодов был объявлен женихом. Он сейчас же выписал для невесты бывший старинный прибор в несколько сот руб., состоявший из серег, броши и браслета. Невеста от подарка была в восторге. Затем купил прекрасный венский экипаж, дарил кружева, бархат, конфеты.

назначено было время для вѣнчанія.(х) Линденъ, до-
вольно хорошій стрѣлокъ, настаивалъ на [illegible], но
властвовавшая и доминировавшая и перевѣшивав-
шая и настойчиво добивавшаяся матушка невѣсты все-
противилась. Невгадовъ просто унывалъ. Вдругъ
въ городъ вошелъ Азовскій полкъ. У Линденовъ ста-
ли бывать офицеры и командиръ полка баронъ
Криднеръ, бывшій корпусный командиръ, по-
мощникъ командующаго войсками Вар-
шавскаго военнаго округа, потерпѣвшій бе-
стыдное пораженіе подъ Плевной. Среди офице-
ровъ оказался весьма состоятельный человѣкъ,
бывшій полковой казначей и притомъ со связя-
ми. Невѣста и Линдены устремили на него
все свое вниманіе, а Невгадовъ остался въ
тѣни. Невѣста стала избѣгать его, а когда
это было замѣчено состоятельнымъ офи-
церомъ, прямо объявила Невгадову, что она
его никогда не любила и не любитъ, а покори-
лась только волѣ родителей. При этомъ она
считаетъ себя даже обиженной Невгадовымъ
т. к. онъ не обратился къ ней лично, а ста-
рался прямо ея волю, черезъ родителей по-
сягнуть на ея свободу. Эта выходка оше-
ломила офицера, получившаго въ Крым-
скую войну [illegible], нар-
вшаго порядочное состояніе, но вскорѣ со-
шедшаго съ ума и умершаго отъ паралича
и любившаго похожденія красавицы Вѣры. Вдо-
ва вскорѣ утѣшилась, вступивши въ новый
бракъ съ [illegible] адвокатомъ поля-
комъ, прожившимъ ея состояніе, сильно
разбогатѣвшимъ. Съ Невгадовымъ вскорѣ со-
всѣмъ Линдены прекратили всякое сно-
шеніе съ чувствомъ презрѣнія

(х) По возвращеніи со свадьбы М. Линденъ стала подъ-
вергаться [illegible] Невгадова о наслѣдствѣ, и вдругъ
послѣ этого разговора стала откладывать подъ
разными предлогами день вѣнчанія

(20) Съ приходомъ Азовскаго полка за M-lle Щуровской сталъ приволакиваться офицеръ Лемартовичъ, изъ мелкопомѣстныхъ политиковъ, и наконецъ объяснился въ любви и получилъ согласіе невѣсты и родителей. Война помѣшала сватовству. Щуровская почти слала Лемартовичу деньги и вещи, думая, что онъ въ Крыму во всемъ нуждается. Кончилась война. Лемартовичъ остался цѣлъ и невредимъ, но, свѣдавъ, что Щуровская безъ имѣнія и что у нея нѣтъ никакого состоянія, прекратилъ съ невѣстой переписку и больше никогда не [illegible] на [illegible]. Щуровская была покинута.

(21) О M-me Линденъ, которая еще хорошо сохранилась, говорили, что въ Иркутскѣ она держала мужа подъ башмакомъ, сама всѣмъ распоряжалась, вела массу романовъ, водила знать въ порядочныхъ домахъ; жила страшно роскошно, но хватила кое-что черезъ край, натолкнулась на кого-то, и бѣдному Линдену предложили выйти въ отставку съ половиннымъ пенсіономъ.

(22) Дочери были недурныя, одна изъ нихъ, старшая Софья, вышла за казначея Азовскаго полка Харевича, другая Марія за маіора стрѣлковаго батальона. По выходѣ замужъ изъ дома, Софья повела такую роскошную жизнь, что мужъ не только издержалъ свои 20 т. р. с., но прихватилъ еще 10 т. казенныхъ. Эта растрата, да еще злоупотребленія [illegible], заставили Харевича застрѣлиться. Софья возвратилась къ матери въ томъ, что было на ней, такъ какъ все имущество описали за похищеніе казенныхъ денегъ. У матери она родила дочь. Безъ любовныхъ похожденій обойтись она не могла, а пріискать вновь мужа, послѣ такого дебюта, было весьма трудно. M-me Линденъ, жившая съ Павловой въ дружбѣ, указала на вдовца купца Туманова, котораго при помощи Любомірскихъ, ихъ друзей и родственниковъ, польскихъ магнатовъ, можно потянуть вверхъ

тый онъ человѣкъ еще молодой, довольно способный и находчивый. Тумановъ сблизился постепенно съ семьей Павловыхъ. Ему это было очень кстати. У Павловой былъ братъ, служившій чиновникомъ особыхъ порученій при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, теперь богатый, будущій полицмейстеръ. Ожидали, что именно его предстоитъ къ бракамъ Павловой. Сынъ Павловой, въ чинѣ полковника, молодой ещё, былъ любимымъ адъютантомъ генералъ-губернатора со всѣми [illegible]. За Павлову стояла вся мѣстная военная аристократія. М-ме Линденъ нашептывала Туманову, что Софья влюбилась в него, что просто таетъ по немъ, что мать Павлова не въ состояніи будетъ противиться влеченію дочери, что и мать его [illegible]. У Туманова закружилась голова. А тутъ начались любительскіе спектакли: Софья стала принимать въ нихъ участіе вмѣстѣ и Тумановымъ и одновременно питомица его. Мать Туманова, старушка, предупреждала ему, что его ждетъ участь Юревича, онъ и самъ сначала трусилъ, но послѣ спектаклей, на него возымѣвшихъ вліянія, влюбился въ Софью до безумія. Свадьба была великолѣпная въ домѣ, принадлежавшемъ Любомирскому, гдѣ во время квартированія Псковскаго полка помѣщался офицерскій клубъ. На свадьбѣ присутствовалъ князь Любомирскій, нѣсколько другихъ крупныхъ помѣщиковъ-поляковъ и богатый братъ Павловой, на счетъ котораго и справлена была свадьба. Онъ, между прочимъ, для гостей поставилъ нѣсколько ящиковъ сигаръ, настоящихъ гаванскихъ съ золотыми головками, каждый стоимостью въ 100 р.

23. Какъ ни великъ былъ доходъ Шумилинскаго отъ постановки, его все таки не хватало. Шумилинскій, понимая духъ своего времени и господствовавшіе порядки, мыслилъ по своему: онъ устроилъ ихъ.

болѣе способныхъ и ловкихъ солдатъ моей команды отличную шайку воровъ подъ командой унтеръ-офицера. Команда воровала во время пожаровъ въ Ковно и окрестныхъ мѣстечкахъ, стала выставлять окна и двери въ погребахъ, кладовыхъ и домахъ еврейскихъ, пробиралась [illegible] въ домахъ мѣщанъ, затѣмъ перешла въ дома прочихъ обывателей и чиновниковъ. На всѣхъ напала паника. Стали изнутри [illegible] окна и двери — ничего не помогало, замаскированные люди съ ножами и пистолетами все таки проникали. Угрозами смертью проснувшимся или пытавшимся оказывать сопротивленіе, приказывали первымъ лежать смирно, а вторыхъ перевязывали и обирали весь домъ дочиста. Если удавалось кому-нибудь ускользнуть изъ дому на улицу, поднять крикъ — грабители удирали. Ночной обходъ, изъ инвалидныхъ солдатъ и десятскихъ, хотя онъ-то всегда оказывался поблизости ограбленнаго дома, преслѣдовалъ грабителей, даже стрѣлялъ по нимъ, но поймать кого-либо не удавалось. Команда крала и грабила все, что попадало подъ руку: вино, водку, масло, сыръ, яйца, куръ, индюковъ, гусей, утокъ, свиней, муку, хлѣбъ въ мѣшкахъ, деньги, серебряныя вещи, драгоцѣнныя украшенія, подушки, одѣяла, перины, бѣлье, одежду и т. п. Часть всего поступала въ натурѣ къ Шилинскому, часть раздавалась грабителямъ, часть прочей инвалидной командѣ и часть еврею-фактору, который возилъ самую крупную часть краденаго изъ города въ разные пункты губерніи и тамъ его сбывалъ. Вырученныя деньги поступали къ Шилинскому и отчасти къ городничему Петру. Оказалось послѣ, что шайка оперировала подъ руководствомъ двухъ воровъ, выпущенныхъ на волю изъ тюрьмы. Эти воры, когда начальство надъ ними постановило имъ былъ приговоръ, выпустили совсѣмъ на свободу. И вотъ стали сначала говорить, что

грабили у благочинія изъ товарищи арестанты, потомъ мало по малу пало подозрѣніе на инвалидовъ и самаго Шилинскаго, который зажилъ на славу.

(24) Когда въ городѣ уже почти нечего было грабить, команда гуляла по окрестностямъ. Масса путниковъ у Шилинскаго оказывалась всегда забытыми погребъ винъ въ томъ или другомъ мѣстечкѣ.

(25) Онъ накупилъ дорогихъ бархатныхъ и шелковыхъ матерій тысячи на 4 и отправилъ въ корпусную квартиру. Корпусная была модница и своего супруга, настоящаго дикаго и жестокаго звѣря, говорившаго на смотрахъ, что онъ засѣкаетъ насъ до смерти 9 изъ, лишь бы 10й былъ вышколенъ какъ слѣдуетъ, держала подъ башмакомъ. Узналъ Шилинскій и его еврей фактотумъ. Посылаетъ пріемъ доложить генеральшѣ, что богатый купецъ проѣзжалъ ѣхать на ярмарку въ Харьковъ и везетъ великолѣпныхъ дамскихъ принадлежностей. Генеральша соблаговолила посмотрѣть товаръ — у нея глаза разбѣжались. Товаръ былъ хорошъ, но и цѣна кусалась. У генерала въ наличности оказалось немного денегъ. Купецъ, раздразнивъ аппетитъ у генеральши, объявилъ ей, что всѣ эти матеріи, стоимостью будто въ 8 т., и ей уступаетъ даромъ, если она выхлопочетъ у генерала согласіе оставить Шилинскаго на мѣстѣ. Купецъ такъ болталъ, что этотъ подарокъ для него ничего не значитъ; а между тѣмъ онъ сдѣлаетъ доброе дѣло; и генеральша сдѣлаетъ доброе дѣло, защитивъ честнаго чина, жертву злобныхъ его враговъ. Генеральша отправилась въ кабинетъ мужа и черезъ нѣсколько минутъ дѣло было улажено: матеріи остались у генеральши, а Шилинскій остался въ Ровно. Грабежи и воровства въ Ровно дошли до крайняго предѣла. Повсюду было нала-

деніе на аристократическій домъ майора, покойнаго инженера. Я слабыхъ упомянуть объ этомъ домѣ. Майоръ былъ на линіи. Въ домѣ оставалась жена, ея 2 дочери невѣсты и красавицы отъ перваго брака, женская прислуга, лакей и денщикъ. Замаскированные люди моментально выставили всѣ ставни и окна во всемъ домѣ, перевязали прислугу, барышнямъ подъ угрозой смерти приказали смирно лежать и обобрали весь домъ; сняли даже платья съ барынь, выставили надъ ними перины и подушки, и оставивъ ихъ въ однихъ ночныхъ рубахахъ спокойно удалились. Присутствіе [illegible] майоръ поручикъ съ гражданскимъ [illegible], по словамъ самого губернатору и генералу [illegible]. И тѣмъ было и кончилось. Тотчасъ произошли слухи, будто [illegible] перевели въ другое мѣсто. Корпусному командиру отдѣльнаго корпуса внутренней стражи должно поступать со всѣмъ стараніемъ, но послѣ полученія [illegible], все оставили [illegible] даже не производилось разслѣдованій.

(26) Не смотря на караульнаго подлѣ лица у квартиры Бибикова, воры пробрались въ нее и утащили нѣсколько цѣнныхъ вещей и порядочную сумму денегъ. Разузнавши отъ евреевъ о постоянныхъ воровствахъ и грабежахъ и о подозрѣніи на инвалидовъ и Ипполитскаго, Бибиковъ принялъ видъ, что не слишкомъ волнуется случившимся у него воровствомъ, взялся знать виновныхъ, въ томъ числѣ и Ипполитскому, говорилъ, что все это пустяки, которые повторяются сплошь и рядомъ вездѣ по городамъ, а въ столицахъ или также необходимы, по полиціи и жандармы. Ипполитскій былъ недоволенъ нападеніемъ на Бибикова, не смотря на порядочную добычу; но спокойствіе и благодушность послѣдняго его ободрили. Недолго спустя опять начались грабежи. Бибиковъ двинулъ въ казармы, [illegible]

2 батальона подъ личнымъ своимъ распоряженіемъ. Ночь была темная, хотя снега выпало, и вотъ при взламываніи кладовыхъ у склада [illegible] накрыта была одна партія грабителей изъ 14 человѣкъ, а при ограбленіи винного погреба [illegible] другая въ 20 чел. Все это показали чинамъ инвалидной команды, и писаремъ были на военную гауптвахту, гдѣ во время чистосердечно сознались. Бибиковъ, узнавъ ихъ на гауптвахтѣ
(27) и жители [illegible] и окрестностей должны были бы еще долгіе годы въ страхѣ и трепетѣ за свое имущество проводить ночи. А тогда, какъ и всѣ послѣдствія, можно было бы развивать и заключать подозрѣнія.

Теперь по уголовному уставу всякаго [illegible] обманщика влечетъ за собою тюремное заключеніе. Въ настоящее время служащіе все больше и больше начинаютъ проникаться сознаніемъ своей безнаказанности, особенно если у нихъ есть какія-нибудь связи. Примѣровъ искать не надо — довольно губернатора [illegible], управлявшаго 2 года в Подольской губ., а теперь правящаго Екатеринославской. Онъ наводнилъ своими родственниками протежируемыми всю Подольскую губ.: кто сталъ мѣстоисправника, кто помощника, а прежде всего эта шайка была распоряжаться письмомъ въ почтовыхъ конторахъ, служила въ [illegible]. Брацлавскій исправникъ Иванъ Михайловичъ Зайцевъ даже другихъ вошелъ въ современную роль. Онъ стоялъ надъ всѣми и всѣмъ и закономъ, позволялъ, что дѣло [illegible] писать на все. Бралъ онъ взятки и дѣлалъ вымогательства публично. Танцовалъ съ любовницею своего, немного азіатскаго надзирателя Барановскаго, в публичныхъ собраніяхъ [illegible], и наконецъ выгналъ ея мужа изъ ея квартиры, грозя донести на него, что будто онъ [illegible], а жена пригрозила мужу отравой. Зайцевъ человѣкъ 28 лѣтъ

атлетъ и прегорькій пьяница. Нѣсколько дней онъ не въ силу и какому-то [illegible] [illegible], который нынѣ не на днѣ, высылаемаго въ мѣста отдаленныя административнымъ порядкомъ. Писалъ на весь [illegible], столько [illegible] съ ними [illegible] и по требованію полицейскаго Пр. великаго [illegible] и суда [illegible] семейства лишились пропитанія и обученія, и 80-лѣтній старикъ, часто [illegible] Николаевской богадѣльни [illegible], теперь [illegible] въ награду за свои подвиги переведенъ [illegible] полицеймейстеромъ въ Ростовъ на Дону Екатер. губ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Вашу [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] онъ носитъ [illegible], [illegible] [illegible] съ своими [illegible], представителемъ [illegible] палаты. Этотъ [illegible] [illegible] онъ [illegible], считаясь образованнымъ и [illegible] [illegible], но имѣетъ страсть къ женщинамъ. Объѣзжая [illegible] имущества своего округа, онъ по возможности [illegible] разными [illegible] [illegible] женщинъ и вдовъ, представляя [illegible] [illegible] [illegible]. Старушки и [illegible] [illegible] эту страсть [illegible] его [illegible] всегда [illegible] лучшихъ [illegible], которая больше другихъ во время [illegible] [illegible], ту бралъ онъ къ себѣ на ночь [illegible]. Эта страсть до такой степени имъ овладѣла, что перешла въ настоящую манію. Послѣ свадьбы на 3 день онъ [illegible] уже свою [illegible] жену, [illegible] [illegible] по [illegible]. [illegible] онъ ее [illegible] изъ кровати и [illegible] во [illegible]. Бѣдная молодая женщина [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. Но [illegible] [illegible] въ отсутствіи мужа она [illegible] [illegible] по тротуарамъ и на [illegible] [illegible] съ начальникомъ телеграфной станціи [illegible]овичемъ и его помощникомъ Мееромъ. [illegible] они [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] не [illegible], особенно Мееръ. Онъ [illegible] [illegible] [illegible]

Вслѣдъ когда она была вдовушкой, но не смѣла меч-
тать о бракѣ съ нимъ. Теперь напротивъ сказать, она
влюбилась, не смотря на то, что онъ женатъ, схватилъ
ее въ объятія и сталъ цѣловать лицо. Вскорѣ онъ съ
трудомъ ее освободилъ. Вечеромъ пришелъ мужъ
и она въ слезахъ разсказала о нанесенной ей Мас-
теромъ обидѣ. Мужъ сейчасъ же разсчиталъ его и по об-
ворованному счету взыскалъ съ него до 100 рублей. Такой
операціи она еще не испытывала, и едва уго-
ворилъ мужа, пѣшкомъ убѣжала къ отцу за 20 в. въ
деревню. На другой день отецъ привезъ ее обратно,
упросивъ мужа не наказывать за бѣгство.
(28, Братъ ея, красивый мальчикъ, былъ въ III кл. гимназіи. Учился онъ
весьма плохо, п. ч. постоянно занятъ былъ развлеченіями
въ кругу ухаживателей за сестрой, да наконецъ мастерицы
дамы умѣли его уже ознакомить съ тайнами любви,
развративъ въ 15 лѣт. мальчика преждевременно чувствен-
ностью. Отецъ опредѣлилъ его передъ крымской войной въ воен-
ную службу, сдавъ на попеченіе дяди. По старанію по-
слѣдняго за переходъ черезъ Дунай молодой Тарногрод-
скій 16 лѣтъ былъ награжденъ Георгіемъ съ производствомъ
въ прапорщики. Говорили, что онъ умеръ отъ чахотки
рано, непомѣрно предаваясь любви съ обожательни-
цами его красоты [illegible].
29 За то жители никогда не имѣли нужды хорошей го-
вядины; часто они добрыми были довольствоваться
гнилою съ червями, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Та-
кое же существовало отличаніе и всѣ продукты, про-
даваемые на базаръ.
(30, Пріѣзжалъ инспекторъ врачебной управы, игралъ въ
3 въ карты у Тарноградскаго и находилъ все у него
въ порядкѣ, а всѣ расходы признавалъ правильными.
(31, Учителей они у себя всегда принимали и - я думаю -
не прочь были выдать за нихъ дочерей, не смотря на
различіе національности и религіи.
(32, На вопросъ не знаю, но - отецъ - онъ замѣшанъ былъ
въ революціи 1863 года.
(33, Домъ Цыганковыхъ состоялъ изъ стараго отца Цыган-
ковскаго, изъ мужа-врача Цыганковскаго, изъ маленькихъ

братей и сестры Цомановского. Говорили, что отец Цомановского давно уже отравился. Отец Цомановского резал перед-ками себе горло; а молодая, статная, ухаживала жена Цомановского, из ревности к мужу, содержавшему при буфете свою любовницу, повесилась в сарае и - по медицинскому исследованию - оказалась беременной. После ее смерти Цомановский закрыл в Ровно винную торговлю и буфет и куда-то переехал. Из собственной семьи оставалась только сестра его Кузмевич, принимавшая с Олимпией Левинсон участие в манифестациях и вместе с нею выдержавшая арест в Житомире.

34/ Аль-нарецкий. Довольно пускал в общество молодую жену, сам же, несмотря на 70 л. продолжал любовные похождения, терял деньги на хорошеньких и охотно бесплатно лечил молоденьких женщин всех званий. Говорили, что он в молодости был красавец, и что ни одна женщина не была в состоянии противиться его ухаживаниям; что главным состоянием он обязан славным образом покойным пациенткам; что жизнь его полна любовных приключений.

35/ Между жителями города еще известен был дом отставного военного доктора Цыбульского и секретаря суда Сущевского, остатки шляхты тянувшейся к аристократии. Цыбульский жил в имении; а молодая жена его жила во собственном каменном доме и воспитывала в гимназии 2 сыновей; оба хорошо учились, старший окончил в университете с золотою медалью; кончил университет доктором медицины, был в нескольких местах служащим, умер от карбункула. Цыбульские оба поляки, но не патриоты; они охотно водились с русскими и на вечерах у них всегда присутствовали учителя гимназии. M-me Сущевская была красавица, брюнетка, полная, статная и имела дочь такую же красавицу лет 14. Учителя у них не бывали, исключая Степановича. У Сущевской толклись постоянно военные, и она увлекалась была многими любовными похождениями; но связь ее с командиром полка была совершенно открытая.

Когда полкъ перешелъ в Варшаву, полковникъ сдалъ ей въ
наймы подарки на казенный счетъ, часто самъ къ ней
пріѣзжалъ и часто ее забиралъ съ собою в Варшаву. Хоро-
шенькой дочери мать подавала хорошій примѣръ. Суцев-
скій повѣстелемъ былъ хотя большимъ любителемъ выпивки.
Элегантнѣйшимъ домомъ считался домъ гимназиче-
скаго врача Богуцкаго. Этотъ домъ принадлежалъ къ
аристократіи, но учителя тамъ бывали и запро-
сто и на вечерахъ. Богуцкая была красивая молодая
кокетка; она отличалась любовниками одного за другимъ;
но учитель Ив. Вас. Коленко, здоровый и красивый брю-
нетъ, недолго подчинилъ ее своей власти. Когда Д-ръ Богуц-
кій за участіе в революціи 1864 г. былъ высланъ админи-
стративнымъ порядкомъ на житье в Казань, Колен-
ко до его возвращенія жилъ съ Богуцкой какъ съ женой со-
вершенно открыто и обиралъ ее безъ совѣсти. У Коленка
явились полупатріоты и онъ повелъ двойную игру
въ интересахъ. Коленко отъ Богуцкой зналъ о всѣхъ движені-
яхъ и замыслахъ польскихъ бандъ и обо всемъ доносилъ
секретно ген.-губернатору. Онъ притворялся демократич-
но вынуждался по-польски говорить и в бесѣдахъ съ поляками вы-
казывалъ полное сочувствіе къ польскимъ руководителямъ; Богуц-
кая считала его преданнѣйшимъ польскому дѣлу че-
ловѣкомъ, была увлечена имъ и потому передъ нимъ не
могла скрыть никакихъ тайнъ. За доносы Коленко получилъ
300 р. пенсіи пожизненно сверхъ жалованья. Когда поля-
ки проникали о его доносахъ, перевелся-наконецъ-в Черни-
говъ; но предварительно женился на старшей и весьма не-
красивой старшей дочери Линдемана. M-me Линдемъ падче-
рица Туманова, который былъ правителемъ канцеля-
ріи виленскаго ген.-губ. Назимова, а за нимъ и Му-
равьева, доставила Коленку в приданное мѣсто ин-
спектора в Черниговской гимназіи. Затѣмъ Коленко былъ
директоромъ Новгородсѣверской гимназіи и за то, что Новго-
родская гимназія - по его почину - приняла участіе в ма-
нифестаціи по случаю смерти Тургенева - лишился
мѣста, впрочемъ съ сохраненіемъ и личной и заслужен-
ной по должности директорской пенсіи и умеръ еще во цвѣтѣ

лѣтъ въ минувшемъ 1884 г.

(36) О ней говорили, что в молодости своей она вела множество романовъ, особенно любила военныхъ.

(37) Онъ читалъ Законъ Божій также, какъ читаетъ его почти весь законоучители казенныхъ заведеній. Заставлялъ зубрить наизусть, особенно тексты и ничего не объяснялъ; но за то и не препятствовалъ ученикамъ при переводахъ, и старался русскихъ православныхъ поддерживать въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта. На первой исповѣди моей, онъ — сознавшись передо мною [въ] предписаніи начальства — спросилъ, не принадлежу-ли я къ славянофиламъ. Затѣмъ во исполненіе предписанія сталъ внушать мнѣ, что великій грѣхъ предательства принадлежать къ обществу, которое не нравится государственному правительству, и наконецъ добавилъ, что онъ весьма счастливъ, что между семинаристами никто на исповѣди не объявилъ себя славянофиломъ, что ему не придется доносить на кого-либо начальству.

За директорской квартирой находился каменный двух-этажный домъ принадлежавшій полицмейстеру Черчицкому [?], который жилъ съ своимъ квартирантомъ полицмейстеромъ Калкевичемъ [?] весьма дружно, годъ про[водили] въ гостяхъ, играя въ карты. Дочь Черчицкаго, выйдя замужъ, на [?] 40 занималась посѣщеніемъ театра и политикою, а за манифестаціи сидѣла въ тюрьмѣ въ Житомірѣ [?]. Черчицкій у себя никогда не бывалъ вечеромъ, но его всегда приглашали, какъ игрока, Калкевича раза 2 въ годъ приглашалъ къ себѣ на чай и карты учителей, такъ же его 2 сына воспитывались въ гимназіи.

(38) У Багуцкихъ въ домѣ жилъ секретарь опеки Володзько. Некрасивый, подслѣповатый на одинъ глазъ, но здоровый парень онъ жилъ у Багуцкой на посылкахъ, составлялъ партію въ преферансъ дамамъ и пользовался благосклонностью Багуцкой, пока она не сошлась съ Иваномъ Коленко. Тогда онъ былъ удаленъ Багуцкою изъ ея дома, а вмѣсто его поселился Ив. Коленко. Получивъ мѣсто секретаря предводителя дворянства Володзько выпросилъ у помѣщиковъ тѣ деньги, которыя

причитались имъ отъ казны за землю, уступленную или подъ шоссе. Изъ этихъ денегъ накопилось 100 т. р. Съ этихъ поръ онъ повелъ большую игру въ карты, сталъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ аристократическихъ вечеровъ и непремѣнно пользовался благосклонностью разныхъ дамъ изъ этого круга, особенно Тумановой.

Августъ 1892 г.

(1) Протоіерей хорошо зналъ объ этомъ обманѣ, но молчалъ, получая ежегодно отъ Любомірскаго несколько сотъ руб. жалованья и всякую провизію.

(2) при наступникѣ его управляющій князя Рылько изъ лѣсныхъ матеріаловъ и силою рабочихъ построилъ подлѣ гимназіи 2хэтажный каменный домъ и длинный одноэтажный флигель и службы

(3) У него были въ гимназіи 2 сына; одинъ изъ нихъ въ чинѣ полковника теперь прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда.

(4) Она и Голтынская были православнаго исповѣданія, Венцель-католикъ. У Фридрихсъ было 2 красавицы дочери: одна лѣтъ 20, другая 14. Сама Фридрихсъ еще этихъ не сохранилась и была весьма красива; но ее безобразила необычайная полнота

(5) Впрочемъ она и сама не прочь была повести романъ. Степуновскій аптекарь съ нею чрезвычайно сдружился и пользовался ея благосклонностью несколько лѣтъ, пока не подросла старшая дочь, которая вскоре забеременѣла отъ Степуновскаго ребенка самой ма-го. Степуновскій по общей молвѣ далъ лекарство, чтобъ выкинуть плодъ. Но-принявъ лекарство-она почувствовала тошноту, и черезъ часъ ее не стало. Въ это время была холера и смерть ея мать отнесла къ эпидеміи. На слухи же объ отравленіи пріятель Степуновскаго городничій Петре не обратилъ никакого вниманія. Степуновскій опять сошелся съ M-me Фридрихсъ, но вотъ младшей дочери исполнилось 15 л., у нея былъ ухаживатель, учитель гимназіи Суворовъ. Мать-ли сама выдала дочь своего любовника Степуновскому; или онъ самъ угадалъ,

неизвестного. Только стали говорить, что и этот ребенокъ у[же] забеременела. Степуловскому опять уступила камера: Ю.к.?, ребенокъ сначала принятъ ее симпатичнымъ, что и старшая сестра. Тутъ долго не размышлялся, не смотря на свою скупость, и бѣдный Суворов не отходил от мертвой своей невѣсты в течении 3 сутокъ, ожидая, что она оживет. Конечно онъ ничего не зналъ ни о ея беременности, ни объ отношеніяхъ ея къ Степуловскому.

(6) Мужъ ея служилъ фейерверкеромъ и женатъ былъ на неодвенчанной красавице. Ю.Кн. Константинъ Павловичъ увидалъ ее и предложилъ ея мужу место гораздо лучшаго в Ровно и 20 т. за уступку жены. Впредь съ тѣмъ обязался, что если фейерверкер женится на другой, то жена и дѣти ея сыновья до совершеннолетія, а дочери до выхода замужъ будутъ получать обеспечивающую их пенсію. Фейерверкер уступилъ Ю.к. свою жену, ему данъ былъ развод, женился на другой, тогда красавица, которая оставалась вдовою-действительно аккуратно получала обещанную пенсію, не смотря на то, что Ю.к. давно уже было в живых.

7) Затемъ пощечинами свалилъ съ ногъ стрѣлочника, стал его топтать каблуками и-наконецъ-кликнувъ казаков-приказалъ бить стрѣлочника нагайками и отправить в крепость. Стрѣлочнику тут же дали более сотни нагаекъ и в бесчувственномъ состояніи отправили въ крепость в одиночное заключеніе

(8) Стрѣлочник 2 года томился в крепости и-вероятно-убил бы и кончил свою несчастную жизнь. Но разъ приглашенъ былъ Николаемъ Павловичемъ какой-то корпусный генерал для смотра в Варшаву что ли. Узнавши от стрѣлочника всю его историю, онъ доложил В. князю, что по его приказу томится в крепости арестантъ, ни в чемъ особенномъ не виновный. Князь вспомнилъ свой гнусный проступокъ, прика-

залъ его отпустить и дать на дорогу 300 р. ас. Но генералу
сказалъ, что все таки по заслугамъ страннику - не будетъ
докучать доносами.

9, Собственноручно надавалъ ему пощечинъ и приказалъ заклю-
чить в крепость в ту самую камеру, в которой томился Бур-
чи

10, Губернаторъ ползалъ передъ нимъ на коленяхъ, целовалъ
ему колени и руки; ничего не помогло.

11, Отецъ рассказалъ [illegible] губернатора Петрова
въ 40-хъ годахъ управлявшаго Подольской губернiей. Онъ былъ вдов-
цомъ военныхъ и имѣлъ 2 красавицы дочери. По прiѣздѣ въ
Каменецъ, онъ сейчасъ обзавелся фактотумомъ жидомъ
и установилъ таксу на всѣ должности. Прежде взяточничали
не столько губернаторы, сколько губернаторши, и особенно пра-
вители канцелярiи губернатора. Въ Каменцѣ славился пра-
витель канцелярiи, выкрестившiйся изъ жидовъ и происходи-
вшiй изъ духовнаго званiя, нѣкто Осетскiй. Онъ нажилъ
большой капиталъ, купилъ огромное имѣнiе и в 60-хъ годахъ
уже бывши въ отставкѣ - перестроилъ себѣ [illegible]?
За нимъ слѣдовалъ жидъ и отчаянный игрокъ въ карты Бочка
Онъ то и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Петровымъ, но довольн-
ствуясь продажею должностей, Петровъ хотѣлъ вдругъ нажить
состоянiе, прибѣгая къ помощи помѣщиковъ. Дворян-
ство давало балъ в честь губернатора. Петровъ обратился на
балу къ одному изъ 2х братьевъ Ташковскихъ, помѣщиковъ-[illegible]
стовъ, владѣвшихъ подъ Каменцомъ огромнымъ имѣ-
нiемъ, съ просьбою занять ему на годъ 15 т.р. Помѣщикъ тут-
же вручилъ ему ордеръ в кассу на полученiе денегъ. Недѣли
спустя, опять на дворянскомъ балу Петровъ у того же по-
мѣщика попросилъ 10 т.р. Помѣщика такое обращенiе
озадачило. Онъ сказалъ, что теперь у нихъ сдѣланы большiя
затраты на имѣнiе; онъ не знаетъ, имѣется-ли что
в кассѣ, онъ долженъ посовѣтоваться съ братомъ, т.к. они
нераздѣльно владѣютъ имѣнiемъ; во всякомъ случаѣ
онъ сообщитъ губернатору отвѣтъ дней черезъ 5. Ровно
черезъ 5 дней губернаторъ получилъ просимое. Не прошло
мѣсяца, что губернаторъ изъявилъ желанiе сдѣлать по-
мѣщикамъ визитъ. Они приняли его по царски, подали

однако потребовалъ опять впередъ 5 т. р. Британецъ на этотъ разъ ему отказали. Между тѣмъ онъ успѣлъ надавать долговъ въ Англіи и у другихъ полицейскихъ нѣсколько десятковъ тысячъ, а у евреевъ въ лавкахъ все бралъ въ кредитъ. Купцы евреи тщетно приставали съ деньгами. Распространились толки объ огромныхъ долгахъ, которыми вдругъ обременилъ себя губернаторъ; наши туземцы стали догадываться, что это не даромъ, а вслѣдъ денежные Британцы. При новыхъ обращеніяхъ онъ сталъ это всюду получать отказы. Чтобы разъ навсегда получать помощь, устроилъ онъ съ 2 братьями-полицейскими комиссарами интригу-провокацію: въ день именинъ одного изъ братьевъ, когда у него помѣщалось съ приглашенными множество гостей, лакей на подносѣ принесъ вдругъ имениннику письмо. Прочитавъ письмо, именинникъ прочелъ его громко гостямъ, протестуя, что онъ не имѣетъ никакихъ связей съ эмиграціей и что это письмо подкинуто ему съ какимъ-то умысломъ. Между тѣмъ человѣкъ, вручившій письмо, исчезъ: его никто не могъ разыскать. Вдругъ раздался колокольчикъ и въ гостиную вошелъ становой приставъ со словами: здѣсь получено изъ-за границы письмо. Ему отвѣчали утвердительно и показали врученное письмо. Не успѣли расспросить, какъ онъ провѣдалъ о письмѣ, и объяснить, при какихъ обстоятельствахъ оно было получено, явился исправникъ, а затѣмъ жандармскій офицеръ съ приказаніемъ отъ губернатора арестовать хозяевъ и посадить въ каменецкій замокъ, если у нихъ окажется эмиграціонное письмо. Полицейскіе были посажены въ старый замокъ. Начало ихъ мытарствъ, фрагменты губернаторскіе, и предложилъ имъ сдѣлку: уплатить немедленно 10 т. р., тогда ихъ освободятъ и все дѣло замнетъ губернаторъ, иначе ихъ ожидаетъ каторга и конфискація всего имущества. Пораженные такимъ насиліемъ, нахальнымъ грабежомъ, при томъ не чувствуя за собой никакой вины, они настойчиво объявили, что не входятъ съ губернаторомъ ни въ какія сдѣлки. Ихъ разсадили по одиночкамъ, стали допрашивать; морили голодомъ, кормили солеными селедками, не давая воды, послѣ 2х

невзявъ такого заключенія съ нихъ губернаторъ потребовалъ 150 т.р. Между тѣмъ предводители дворянства, родственники ихъ и друзья, не дремали. Дѣло сдѣлалось извѣстнымъ в Кіевѣ и СПб. Полицмейстеръ перешелъ стоять в кіевскую крѣпость. Для производства слѣдствія назначенъ былъ какой-то генералъ-адъютантъ изъ СПб. Дѣло, впрочемъ, тянулось недолго. Черезъ мѣсяцъ снятъ былъ секвестръ съ имѣнія, а еще черезъ мѣсяцъ были освобождены напрасно заключенные; имъ назначали за незаслуженныя страданія по Станиславу 3 ст. Между тѣмъ исправникъ и приставъ, арестовавшіеся, были посажены в крѣпость. Одинъ изъ нихъ отравился, другой повесился в заключеніи. Оказалось, что все это дѣло было ими устроено в угоду губернатору Петрову; ими же было сочинено и подослано письмо. Жандармскій полковникъ изъ СПб. по высочайшему повелѣнію ночью арестовалъ и увезъ в СПб губернатора Петрова. Дальнѣйшая его участь неизвѣстна. Вотъ какія дѣла у насъ возможны были в самомъ близкомъ прошедшемъ, и то не в глуши какой-нибудь, не в Сибири, а на самомъ виду, на европейской границѣ. При отсутствіи гласности противъ нихъ и цензура, и вліяніе апатіи, и самый судъ, такія дѣла всегда могутъ повториться, лишь бы отъискались сильныя личности, обезпеченныя в добываніи связями и покровительствомъ. Спрашивается: что можетъ выиграть государство, что даже выигрываетъ правительство отъ такого порядка. Каменецъ-подольскій губернаторъ Батюшковъ, перешедшій в Екатеринославъ, побудь долѣе в Подольской губ. съ своими племянниками-исправниками и ихъ помощниками выкинули бы еще и не такія штуки.

(12) и страдала отсутствіемъ высшихъ разумныхъ началъ. Чиновники, представители правительства, и надзирали слабо и шайку законныхъ грабителей, опутавшихъ [illegible] и мѣшавшихъ правильному развитію общественной жизни, и в тоже время обманывавшихъ и обкрадывавшихъ само правительство. Это дало [illegible] отрицающее [illegible], христіанское ученіе, семейныя и нравственныя начала, чуждо собственности, [illegible] честныхъ и личностныхъ человѣка, равно до-

нарывы и пробуждались. Неудивительно, что в такой среде таились буржуазия сплошь нигилизма и что такие представители правительства не внушали къ нему ни любви, ни доверія. Они угнетали народъ, глумились надъ нимъ. Они внушали покорность и повиновеніе всякому произволу и всякой неправдѣ. Они обогащали развратъ, наживу и истязанія

(13, но такъ какъ между всѣми этими чиновниками появлявшееся большинство принадлежало польской національности, тогда возстановленія поляки играли не последнюю роль в ихъ служебной дѣятельности. Грабя и истязая, развратничая и играя въ карты, они имѣли постоянно въ виду внушить этимъ русскому народу неудовольствіе, недовѣріе и нелюбовь къ правительству, которое давало имъ право бесчинствовать и издѣваться

(14, такимъ было что она русскимъ состояла подъ надзоромъ полиціи и даже подвергалась допросу на исповѣди. Чиновная жизнь не могла не вліять и на учительскую среду, т.е. что и среди учителей явились теперь взяточники, в семействахъ учителей царилъ теперь развратъ

(15, которые заплатили за свои мѣста дорогую цѣну — за аренду — старались изъ этой аренды извлечь [illegible] выгоды. Мѣста покупались — конечно — [illegible] в правительственныхъ отношеніяхъ людей, [illegible] съ совѣстью своею не церемонились и на учительство, а съ [illegible] властно — и давно перестали церемониться.

(16, Имъ нечего было убить свой досугъ и скуку, какъ картежною игрою и поддержаніемъ связей съ чиновнымъ мѣстнымъ элементомъ.

(17, можно было и до смерти засѣчь, если попадешь по интригамъ ладить съ властями. Жены и дочери чиновниковъ служили посредницами попамъ и панамъ. Женщинъ стали наравнѣ съ мужчинами

18 стали даже изъ животной страсти видѣть въ страданіяхъ страдающаго человѣческаго тѣла, видѣть слезы и потоки крови. Отсюда роль Ковенскаго предводителя

дарственна, женщина молодая лет 20 и весьма приличной [illegible] натуры весьма [illegible] предпочитала [illegible] лица наказания молодых мужчин по голому телу до крови. [illegible] средне в течении часа [illegible] подводили [illegible], на [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] по 6 [illegible]. [illegible] начало и [illegible]. [illegible] просто [illegible]: [illegible] ее тело [illegible] от наслаждения. [illegible] не чувствовали [illegible] [illegible]: [illegible], что [illegible] под розги, [illegible] удовольствие [illegible] просто [illegible] по очереди. При [illegible] [illegible], [illegible] очередные были [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не было уже [illegible] прежнего наказания.

19 [illegible] [illegible] всех [illegible], [illegible] [illegible] от Стецкой — [illegible] ее [illegible]. Между [illegible] она [illegible] [illegible]; вдруг

20, Раскаленными щипцами [illegible] ей [illegible] удъ и [illegible] стала [illegible] от [illegible] до [illegible] сзади и спереди. Вся комната [illegible] кровью; [illegible] [illegible] [illegible] на пол. [illegible] присадки [illegible] — она умерла [illegible]. Стецкая призвала [illegible] повара и приказала ему [illegible] ужасной смерти — [illegible] [illegible] приготовить для [illegible] [illegible], [illegible] сама [illegible] его, [illegible] после [illegible], [illegible] чего они приготовлены.

21, По одну сторону [illegible] был устроен барьер, по его [illegible] справа собирались все [illegible] женщины — [illegible] было [illegible] в ряд [illegible] спиною ко [illegible]; [illegible] приказали их мужьям и ставились по другую сторону ряда. Женщинам [illegible] юбки и сорочки, а мужьям приказывали по [illegible] части тела угадывать своих жен, кому удалось угадать свою жену, тот получал от присутствовавшего [illegible] рубль. А кто ошибался, тому [illegible] [illegible] 100 розог. После этой игры собирали [illegible] и приказывали [illegible] через [illegible].

22, Эту процедуру [illegible] сколько [illegible] собственноручно, [illegible]

тывали и часто отправляли на службу, где за ничтожное приношеніе квартальный надзиратель, а иногда и сами депутатскія раскладывали еврейскую или христіанскую прислугу и отсчитывали удары сотни. Полицейскому чину, чинов и полиціи казали ихъ казаку приготовить спины и задніи части простого народа изъ чиновъ, ... несчастныхъ в военной службѣ. Такое сѣченіе превосходило всякое вѣроятіе - это было просто умопомраченіе. Нужно удивляться искусству и выносливости русскихъ спинъ и задницъ, выдерживающихъ безпрестанно въ теченіи 25 л. службы почти непрерывныя истязанія. Нужно было видѣть сколько изуродованныхъ мужчинъ и женщинъ крѣпостныхъ или солдатовъ. Ни у кого изъ нихъ не оставалось задней части, неиспещренной выпуклостями, рубцами, царапинами, подтеками и углубленіями; а у вторыхъ спины и задніи части при пеленахъ ... имѣли такой видъ, что будто ихъ вымазали сажей. Фельдм. Лауницъ, ... и другіе твердили подчиненнымъ, что надо калѣчить 9 солдатъ, чтобы 10й достигъ совершенства въ выправкѣ, маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ.

(23) Полицейскій должен быть крѣпостного продать, проиграть въ карты, отдать въ наемъ, сыскать разныхъ бѣглыхъ или, что равносильно, домашнихъ, или вѣрующаго вездѣ. Церковь признавала такой порядокъ отношеній между людьми вполнѣ согласнымъ съ ученіемъ Спасителя міра, завѣщавшаго міру христіанскую любовь, любовь даже къ врагамъ и гонителямъ, и требовавшаго, чтобъ большій былъ слугою всѣмъ. Правда въ западномъ краѣ ...

(24) и доносили, т.е. жандармы, о всякомъ малѣйшемъ словѣ или признаніи по духу, противорѣчащемъ существующему порядку.

(25) Все это совершалось подъ покровомъ полиціи, жандармовъ и секретарей православныхъ консисторій.

(26) Много фельдшеровъ оставались старинными стряпчими, вѣрующими ... и писателями. Шпионству служили собаки полицейскихъ ... на ... фельдшерской.

Сентябрь 1892.

(1, дослуживая 25-летія и не имея никакого ордена, искал случая воспользоваться и в отставку

(2, что сбывалось этими деньгами, оставалось неизвестным.

(3, Туманов только в экстренных случаях являлся в гимназію; бегал по коридорам, кричал: негодные сорванцы! Разбой! Грабеж, кровь! Это было в тех случаях, когда праздность Каменка выводила из этой претензіи, доводила некоторых до преступленія. Нужно было поддержать авторитет инспектора, санкционирующего запрещенія. Во время испытаній Туманов всенепременно присутствовал, ни в чем не мешал, но только покрикивал. ~~[illegible]~~

(4, в то же время он был не столько честен, что в книгах не считал возможным наверстывать на счет ученических издержек, то мало по малу у него стали заводиться долги. До сих пор он в стороне семейство директора и инспектора, с назначеніем Косаревского он еще отказался принимать на свой счет и гостей их. Но теперь сверх всего Туманов потребовал от него в год для себя 500 р., а Каменка 200 р. Между тем у Туманова почти ежедневно стали бывать гости. Без них Софи обойтись не была в состояніи, не чувствуя призванія ни к чтенію книг, ни к рукодѣліям, ни к домашнему хозяйству.

(5, около амбара и ледника нельзя было проходить, не зажавши платком нос. Ученики с отвращеніем смотрели, как по выгружаемой с возов говядине ползали черви; как вся земля под возами была буквально покрыта. И все прочие правила отличались таким же добронравственностію.

6 В столовой стояла вонь, было не убрано, часто под ногами [illegible]. Воспитатели отправляли вопросы передать директору.

(7, что стали громко говорить, что если Государь, во время ожидаемого проезда, посетит гимназію, то они засвидетельствуют ему коллективно жалобу. Туманов тем был уверен, что Государь не будет в какой-нибудь уездной гимназіи, что и дало довольствіе

(8, особенно в пылу спора с дамами, он умел свернуть бумажку, у него всегда в руках тянувшуюся, что она принимала форму не-

скромнѣй частицевскаго типа. Дамы вооружились и разо-
гнались, черниговскій разсвирѣпствовался.
9, Государыня вошла въ свою спальню и стала раздѣваться; сначала
искала на балконъ дверь. Вдругъ дверь отворяется и врывается
10 Государыня испугалась и стала звать Государя; дамы также
струсили, явился Государь, распорядился, чтобы не смѣли опять тревожить
Государыню и что они проникли въ ея спальню. Дамы объясняли,
что онѣ лично хотѣли подать прошеніе Государынѣ; но по-
рядочнаго хода имъ не пустили. Князь распоряженіе коменданта
они вошли въ садъ и не видя никого при входѣ изъ балкона во-
шли въ домъ, не предполагая встрѣтить Государыню.
11 Начальникъ внутренней стражи — по повелѣнію Государя — былъ
посаженъ на сутки подъ арестъ за то, что не поставилъ
на балконѣ караула
12 Проѣздъ Николая наводилъ на всѣхъ панику, если народъ и
встрѣчалъ его и кричалъ: ура!, то это все было вслѣдствіе
распоряженія полиціи. Новый же
13 съ кулаками напустился на студента, ругая его непристой-
ными словами. Это было подлѣ Аничковой гауптвахты на
перекресткѣ. Брилленъ приказалъ въ заключеніе караулу и прика-
залъ студента въ замкѣ тащить на гауптвахту. Студентъ
успѣлъ дать знать своимъ товарищамъ о случившемся.
Послана депутація непремѣнно съ требованіемъ осво-
божденія студента, а товарищи настаивали, чтобы Брилленъ явился
въ университетъ и извинился въ присутствіи всѣхъ студентовъ
передъ обиженнымъ. Студентъ былъ освобожденъ, но нѣсколько сотъ сва-
ихъ товарищей ... умилительнымъ днемъ по площади пош-
ли на квартиру предъ малочисленной въ присутствіи, малочисленной
Брилленъ тогда объявилъ, что онъ извиниться не намѣренъ
14 пока офицеры съ обнаженными саблями выскочили изъ
театра на помощь своему полковому командиру
15 Попытка поповъ сторожевыхъ ... крестнаго хода
хорошо произведена была Тумановымъ, что уче-
ники въ 3 дня вынесли на подобіи всѣхъ своихъ са-
новъ всего храма, не оставивъ ни слова. Кутеи-
ли по прежнему невыносимо дурно, а Вилейко бралъ
и обрывалъ уши всѣмъ изъ учениковъ, которые
не платили ему дани.

16 что нужно было заниматься нашею литературою прошлаго столетія и что некоторыми из текущаго: Тредьяковскими, Ломоносовыми, Сумароковыми, Державиными, Фонвизиными и даже Карамзиными, Жуковскими, Капнистами, Хемницерами, Крыловыми. У них есть чему научиться. Жуковский тоже хорош, положим, можно оплакивать его только(?) ... Но чему можно научиться у Пушкина, Лермонтова? Правда — стих у них хорош, но содержание пустое. А Гоголь? чему хорошему он научит? Белинский — тот еще вреднее.

17 Он весьма дурно обращался с учениками и со учителями — постоянным не считал за нахала(?). Он играл роль уковщика(?) его министра. Ничего не понимая, весьма читал наставления. Он был и стоковался(?) у нескольких Коленко, товарищ его по университету. Ничего не смысля в истории русской словесности, он ограничивался задаванием по программе вопросов. Но при экзамене на деле(?), стал вмешиваться, делая промахи в области преподавания. Учитель Словесности на ухо вежливо доказал ему, что Востоков и Буслаев иначе трактуют. Каменский вспылил: я сам читал Русский язык и знаю его практически — теорий Востокова и Буслаева мне не надо.

18 Одним словом он хотел доказать, что и он знаток словесности, и что не следует считать преимущественно относящимся к познаниям Коленко, чтобы людям не стал бы только вмешиваться на экзаменах, а теперь надоедался Каменскому.

19 Коленко после рассуждал, что Каменский сделал учителю Словесности, сделал ему выговор, чтобы убавить излишнюю самоуверенность и самомнение в этом господине. Коленко ошибся. На первом же испытании, где(?) Коленко стал предлагать бесчисленные ученикам вопросы, учитель сконфузил его и заставил замолчать. Коленко мешался с ученикою(?) ..., а иногда нас(?) тоже; при учении VII кл. Кузнецов Эдуард отличался действительным даром писать упражнения, ...

сенія вниманія. Онъ не только овладѣлъ русскимъ языкомъ, что экзаменное его сочиненіе, писанное экспромтомъ подъ наблюденіемъ всего совѣта, учителя прочли съ удовольствіемъ и всѣ поставили ему отмѣтку 5. Одинъ Коленко поставилъ ему 2. На вопросъ учителя словесности указать основанія для подобной отмѣтки, указавъ недостатки сочиненія — Коленко отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ давать объясненій, что онъ поставилъ отмѣтку ни начальникамъ, ни инспектору! Кулешъ былъ бойкій мальчикъ, сынъ вдовы, жившей во флигелѣ у учителя Стефановича. Съ Кулешомъ нечего было связываться, но ему нужно было отомстить за то, что Кулешъ невольно наткнулся на самую откровенную сцену между Mme Стефановичъ и Коленкомъ. Кулешъ проболтался товарищамъ, а лазутчики Коленка объ этомъ передали ему. Были въ IV кл. гимназіи 2 брата Иваницкіе изъ Иванича. Всѣ утверждали, что они-кome уже и обзавелись, но все таки еще весьма застѣнчивы; что Иваницкій младшій питаетъ влюбленность къ францужанкѣ. Они не дурно учились и вели себя скромно, не грубили и молча Коленка отвѣчали смиреннымъ молчаніемъ. Коленко и Тумановъ не знали, ни къ чему придраться, чтобы заставить платить дань себѣ. Итакъ Иваницкіе возвратились съ каникулъ. Старшій братъ явился къ инспектору Туманову явиться по заведенному порядку. У Иваницкаго нѣсколько отросли волосы на головѣ и при мундирѣ не оказалось пуговицъ. Тумановъ, какъ звѣрь, набросился на него: какъ онъ смѣетъ въ такомъ видѣ являться къ начальству? Какъ смѣетъ выражать такую дерзость и непочтительность? Мерзавецъ, скотина, дуракъ, свинья, прохвостъ, каналья! я тебя запорю. Ты никакой не выдержанъ: я потомственный дворянинъ, членъ честныхъ помѣщиковъ. Вы не имѣете права ни меня позорить и ругать прохвостомъ.
- Ты вотъ я тебя въ придачу - ревущій Тумановъ, и влѣпилъ Иваницкому пощечину. Иваницкій бросился на Туманова. Но Тумановъ былъ крупнѣе, повалилъ Иваницкаго на землю, таскалъ за волосы, билъ по лицу и вытащивши въ переднюю - приказалъ

отправиться къ инспектору Киненау подъ арестъ, - далѣе я съ тѣмъ сверхъ 10 ворую, прибавилъ в непунктное Тумановъ. Иванницкій отправился на квартиру, гдѣ еще ожидали привезенныя имъ лошади. Написалъ записку, в которой объяснилъ все случившееся съ нимъ, и изъ рукъ даннаго имъ для безопасности отъ волковъ въ дорогѣ, тутъ же застрѣлился. Губернаторъ Шеттер, другъ Туманова, записку уничтожилъ; но до его появленія, ее читали нѣсколько человѣкъ, такъ что причина самоубійства сдѣлалась въ тотъ же вечеръ извѣстною всему городу. На слѣдствіе былъ присланъ чиновникъ особыхъ порученій попечителя, ибо впослѣдствіи исполнялъ должность директора Немировской гимназіи, откуда былъ вызванъ Пироговымъ. Онъ замялъ все, доказавъ самоубійство Иванницкаго на его семейныя обстоятельства и душевно-разстроенную его любовь къ горничной, за которой Иванницкій ухаживалъ. Словомъ Тумановъ и Киненау оправдали такую стычку, объ которую всякій могъ разбить бы голову лбомъ. Никакихъ выгодъ и личныхъ имъ не вредили. Слѣдователи оказывали такихъ сторонъ и выгоды вслѣдствіе ихъ преступленіе

(20) На педагогическомъ совѣтѣ протоіерей Кияновскій съ пѣною у рта гремѣлъ, что представители власти, что они очутились тамъ, куда Макаръ не гоняетъ овецъ, или украсятся бывшими лентами.

(21) Правда при дурныхъ директорахъ и инспекторахъ, въ общихъ квартирахъ дѣти питались весьма скверно, или голодали и мерзли. Но при честныхъ и заботливыхъ, какъ Егоръ Яковлевичъ Зимовскій, директоръ Немировской гимназіи, ничего не могло быть лучше общихъ квартиръ и для начальства, и для дѣтей, и для ихъ родителей. Квартиры раздѣлялись на нѣсколько отдѣленій по удобствамъ. Въ Немировской гимназіи было 4 отдѣленія; в самомъ дорогомъ за полное содержаніе взималось в годъ 150 р, в самомъ низшемъ 50 р; в одномъ изъ среднихъ 100, в другомъ 70 р. Въ самомъ низшемъ ученики имѣли завтракъ, обѣдъ изъ 2х блюдъ, полдникъ, ужинъ изъ 2х блюдъ и хлѣба

съ мальчикомъ на перемѣну во время большой перемѣ-
ны. Сверхъ того полицейскіе, лавочники и прислугу.
Кромѣ того имѣлись на квартирахъ бдительный надзоръ
со стороны надзирателей, помощниковъ изъ
учителей гимназіи, и старшихъ учениковъ, которые
в то же время репетировали учениковъ младшихъ
классовъ. Правительству было выгодно, т.к. при
такомъ надзорѣ трудно было устроить между
дѣтьми какой-нибудь политическій союзъ и
вести пропаганду. Дѣтямъ было также удоб-
но и легко, и кромѣ того они пользовались
совѣтами учителей и подготовлялись къ клас-
самъ репетиторами. Родителямъ выгодно
было т.к. за недорогую плату они могли быть
увѣрены, что дѣти ихъ кончатъ все и сдѣлаются
подъ хорошимъ нравственнымъ и педагогиче-
скимъ надзоромъ и руководствомъ, но поль-
ской пропагандѣ общія квартиры стали
поперекъ горла. Она вопіяла, что это воен-
ныя казармы, что дѣтей москалятъ, дѣлаютъ
по [illegible] тд, кд дѣтей
брали ни съ того, ни съ сего обучать выправкѣ
и маршировкѣ. А инспекторъ Петръ Дмит-
ріевичъ простеръ военщину до того, что тре-
бовалъ, чтобы дѣти спали лицомъ вверхъ, вытя-
нувши ноги и руки имѣли по швамъ на верх-
ку одѣяла. Они точно являлись въ общія
квартиры съ стараніемъ для провѣрки и раз-
гоняли, и тутъ же стыдили тѣ не по формѣ, полу-
сонныхъ старшихъ переворачивали на правый бо-
къ и спать давали по такому типу. Если сто-
рона, стоялъ, поднимали, все отвращеніе не
помогло. Конечно, платившіе дань Коненку,
могли спать в какой-угодно позиціи - они этого
не замѣчали. Доставалось тѣмъ только,
кто или не могли платить и давать взят-
ки, или упрямились. Замѣчательно, что
противъ общихъ квартиръ мелкихъ раздава-
лись исключительно въ магнатскихъ кругахъ

низовой интеллигенціи, прачъ воспитывала своихъ дѣтей не въ правительственныхъ заведеніяхъ, а дома, или заграницей, и — по видимому — не добрна бы была имѣть никакого касательства къ этимъ заведеніямъ.

Софи Туманова привыкла столько издерживать въ годъ, что ни жалованья, ни доходовъ Туманова не хватало. Она успѣла прокутить и приданое его первой жены, хранившееся въ банкѣ, и которое по всей справедливости принадлежало не Туманову, а его дѣтямъ отъ первой жены — 3 сыновьямъ, изъ которыхъ младшій былъ еще груднымъ ребенкомъ, а старшій уже оканчивалъ гимназію. Это былъ серьезный, красивый и умный юноша, но не въ отца, а въ мать. Софи сначала очень усердно занималась, таскала его всюду по гостямъ и видимо хотѣла добиться отъ него признанія въ любви и завязать съ нимъ связь. Но юноша ничего этого не понялъ. Тогда Софи возненавидѣла его и привела въ ужасъ стыдливаго, нравственнаго юношу. Онъ сталъ избѣгать ее. Это ее обидѣло, и она стала страшно преслѣдовать его. Натравила на него отца. Только бабушка поддерживала его, и ему удалось окончить гимназію. Но Тумановъ — по волѣ Софи — не далъ ему никакихъ средствъ для поступленія въ университетъ. Бѣдный юноша долженъ былъ для пріисканія ихъ прибѣгнуть къ обману: онъ за порядочное вознагражденіе явился въ повѣрочную комиссію въ университетѣ вмѣсто другого, и былъ пойманъ. Его исключили изъ университета. Что потомъ съ нимъ было, не знаю; но онъ уже больше въ домъ своего отца и мачехи не являлся никогда. — При расточительной жизни Софи, при ея любовныхъ похожденіяхъ, при той раздражительности, съ которой она третировала мужа, Тумановъ исхитрялся, чтобъ добыть побольше для нея денегъ, и даже сталъ брать взятки. Но вотъ съ неба свалилось счастіе. Кромѣ разныхъ реквизицій, разрѣшено было продать все отчужденное имущество, собравшееся

ихъ мебели, тюфяковъ, шерстяныхъ одѣялъ, посуды
и серебра, что за много лѣтъ накопилось много: каж-
дый ученикъ при поступленіи в отдѣленіе вноситъ
8½ руб. на ложку, вилку и ножъ. При выбытіи его, серебро ос-
тавалось в буфетѣ отдѣленія. Этого серебра на-
бралось несколько пудовъ. Вместо торговъ, Ту-
мановъ и Коленко стали продавать серебро ко-
лѣдно и — отобравши лучшее для себя — оцѣнили
его черезъ подставное лицо по 15 к. лот, какъ истер-
тый и испорченный ломъ, и это лицо подпи-
салось, что пріобрѣтатель на торгахъ. Составленъ
былъ актъ мнимыхъ торговъ, запечатанъ в книгу,
подписанъ Тумановымъ и Коленкомъ, посланъ
для подписей членамъ педагогическаго совѣта.
Туманов и Коленко такъ увѣрены были в покор-
ности и зависимости членов совѣта, что не
сомневались в ихъ покорности и в этомъ
случае. Большинство подписало; но Святополк-
Мовскій и Видутъ-Стогрецкій отказались под-
писать такой грабительскій актъ. Между
тѣмъ евреи, узнавъ о продажѣ серебра такимъ
образомъ, послали донос попечителю. Ко-
мандированъ былъ на слѣдствіе тогда-
шній инспекторъ казенныхъ училищъ Ту-
голъ. Кромѣ еврейскихъ доносовъ къ попечи-
телю поступило много анонимныхъ
писемъ, в которыхъ указывалось, что Тумановъ
за право содержать на частныхъ квартирахъ
учениковъ съ содержателей и содержатель-
ницъ беретъ огромныя взятки; что сверхъ
того онъ принимаетъ на себя роль факто-
ра: кто изъ содержателей ему больше пла-
титъ, къ тому онъ посылаетъ состоятельныхъ
учениковъ, а кто меньше платитъ, къ то-
му бѣднѣйшихъ. — Туголъ расположился въ
канцеляріи дома, видимо все со Коленкомъ,
Туманова почти устранили от гимназіи.
Допросилъ онъ содержателей и содержательницъ
квартиръ, учениковъ, ихъ родителей. Прорывъ

онъ недѣли 3. Къ нему пріѣхала и его жена. Онъ
познакомилъ ее съ интимною чиновнаго ду-
ховнаго товарищества; особенно Тулова подружилась
съ баронессой Шоптеръ, гражданской. У ней
она почти жила, обѣдала и ужинала. Ве-
черами играли въ карты. Къ картамъ пристрас-
тилась и Туманова, Туманова тоже подру-
жилась съ Туловой, а Тумановъ составлялъ
всегда Тулову партію. Но тянулось 3 не-
дѣли. Вдругъ по Салтыковскому и Андр...
Стасерному является представитель
Туманова и показываетъ отъ имени Ту-
манова Благотворительный подписать про-
токолъ о торгахъ. Протоколъ оказался
утвержденнымъ: вмѣсто 15 р. ...
за пудъ 75. Они подписали, не желая губить
Туманова. Въ тотъ же день Туловъ при-
гласилъ къ себѣ на квартиру съ интимнаго
разговора Каменко во главѣ. Разговари-
вая за чаемъ то о томъ, то о другомъ,
Туловъ вдругъ заговорилъ: господа, я имѣю
съ Вами дѣло. Вы знаете, да и я вамъ не
скажу откровенно, что я производилъ дозна-
ніе о мошенничествахъ вашего директо-
ра Туманова. Всѣ данныя на него подтвер-
дились. Онъ остается на директорствѣ
только до тѣхъ поръ, пока я успѣю доѣхать
до Кіева и доложить всѣ дѣла начальнику.
Очень жаль, что семейный человѣкъ, хоть не-
тающійся малости до высшихъ почестей, поз-
волилъ себя погрузиться въ такую грязь.
Я давно узналъ. Позвольте съ вами про-
ститься. Для Вашихъ совѣстей, а также для
порядка я доложу вамъ и отъ васъ пока-
заніе на счетъ Туманова. Скажите откро-
венно: мошенникъ онъ, или нѣтъ. Всѣ мол-
чали, такое позорное паденіе человѣка
возбуждало ~~[illegible]~~ жалость. Каменко,
хоть и пользовался милостью, рисовалось

уже в представительство директорства, сказалъ, что онъ по мѣрѣ возможности старался удерживать Туманова отъ злоупотребленій; но подѣлать ничего не могъ - его было подчиненные. Видусъ-Стоцкій понесъ какую-то чепуху объ отвѣтственности столика, кроме былъ уступленъ Тумановымъ Въ торговъ не ему, а какому-то еврею. Никто больше не сказалъ ни слова. Вечеромъ Туловы у Шапперовъ играли съ Тумановыми въ карты; на слѣдующій день они всѣ внезапно уѣхали. Черезъ нѣсколько дней пронеслась глухая молва, что на последнемъ вечерѣ Туманова черезъ баронессу Шапперъ вручила Турловой 500 р. Одни говорили, что это его не спасетъ, несмотря на Турлова; а другіе утверждали, что перевести въ другую гимназію. Мѣсяцъ спустя, когда я получалъ у Туманова жалованье, последній вручилъ мнѣ какое-то письмо, предлагая его прочесть. Это писалъ къ Туманову попечитель округа. Письмо состояло изъ увѣщеній, что безпрерывные жалобы дошли до начальника его и настолько Турлова произвести формальное слѣдствіе. Результатъ этого слѣдствія таковъ, что попечитель остается убѣжденъ въ правотѣ [illegible] и просить Туманова по прежнему продолжать свою службу. По получ. письма попечитель выразилъ мнѣніе, что вся эта интрига идетъ изъ среды учителей, почему онъ проситъ Туманова назвать ему лицъ, коихъ онъ считаетъ виноватыми и они немедленно будутъ удалены отъ службы. Я ничего ему не отвѣтилъ. Тумановъ имѣлъ благоразуміе никого не называть по именам. Все осталось по прежнему. Къ Туманову вскорѣ далъ показанія Коленкина, т.е. изъ сердечныхъ друзей они вдругъ сдѣлались страшными врагами. Тумановы открыто стали твердить, что онъ будетъ

изъ-за мерзкихъ дней этой зимы, [illegible]
пригрѣть на своей груди и возвеличить [illegible]
[illegible]. По [illegible]
произвело такое впечатлѣніе, что онъ не-
медленно попросилъ перевода въ Черниговъ и
въ томъ же году, пріобщившись св. Таинъ
въ монастырѣ, расположенномъ возлѣ
города въ имѣніи надъ рѣкой, тутъ же подъ
оградою [illegible]. Ту-
мановъ на [illegible] время притихъ
въ своихъ поборахъ и [illegible].
(22) Разумѣется, врагъ [illegible] Туманова, разсказы-
вали, что Кедиклидзе [illegible] и тре-
бовалъ, чтобы онъ со всѣми [illegible]
старался ладить. Значитъ Кедиклидзе не
совѣтникъ [illegible] Туманова, если
писалъ Туманову письмо, то писалъ
его сгоряча, не обдумавши всѣхъ подроб-
ностей.
(23) и предоставилъ ему свободу [illegible] и
[illegible], впрочемъ навѣрно, что онъ
рано или поздно, а непремѣнно пой-
мается
(24) Впрочемъ Тумановъ [illegible] на счетъ его
[illegible], т. е. [illegible]
[illegible].
(25) Одинъ изъ учениковъ [illegible] его по-
[illegible]; но [illegible] его,
что [illegible] даже [illegible]-
[illegible] по [illegible] его [illegible].
26 Самъ же написалъ частное письмо [illegible]
ву, прося въ спискѣ наградъ министерство
пропустить Султановскаго, [illegible]
[illegible] помѣчено [illegible] уже своего [illegible]
и даже [illegible] Султановскаго.
27 Получилъ 2 учителя, [illegible]
[illegible] Туманова: Епифановичъ ла-
тин. и рус. яз. и недавно поступившій на служ-
бу учитель математики Суворовъ. Тумановъ

со мелочами на глазах прикащ против по-грешностей, отказывал в округе, и прибавил – этого я так не оставлю; я буду писать. Вероятно

27 Вот и произошел случай, что Лазарь подал в отставку; вот мы узнали, что Пирогов предложил Туманову немедленно удалиться, а Туманову оставалось до пенсии ½ года. Жена Туманова, пользовавшаяся нравом (?) жены Виленского ген.-губ. Каханова, по просьбе Ивановой Каханов хлопотал за Туманова у Мин. Нр. Пр. и у Пирогова. Пирогов наконец согласился отсрочить отставку Туманова, объявив, что до выхода этого дела, он не считает возможным ревизовать Ковенскую гимназию. Этот ответ явно одна отговорка: весь уч. округ – одна Ковенская гимназия не удостаивалась его посещения.

Ноябрь 1892,

1/ В доме у него господствовал польский яз. Он был вдов. Дочь, страдавшая падучею болезнью, бледная и некрасивая девушка лучше владела польским, чем русским. Сын, оканчивавший гимназию, тоже сочувствовал полякам и вполне владел польским языком. Он окончил курс медиков и имел практику у польских панов, которые даже в крайних случаях неохотно пользовались услугами русского врача. Дочь его вышла за молодого учителя Суворова. Суворов кончил педагогический институт на казенном содержании, был очень беден, но преподавал хорошо. Ученики его уважали, товарищи любили. После смерти Фридрихса, Суворов поселился в квартире учителя Грабовского.

Молодостью и красотою Клавдина, жена
Зражевского страдающая чахоткою, стала ласкать
и ухаживать за Суворова. Было заметно ин-
тимные между ними отношения, она дол-
жна, что попала с мягким характером
Суворова, но он ей уже стал приедаться-
вать. Она обратила внимание на нового
ухаживателя учителя Скворцова, зна-
ющего предмета с изящными манерами,
приглашенными во время увеселения
в доме генерала Красовского. Зражевская
была пансионною подругою Погоновской.
Они состояли в постоянной дружбе. Док-
тора утверждали, что если Погоновская
выйдет замуж, то падучая болезнь у нее
пройдет сама собою. Погоновская имела
на 4 т. приданого. Зражевская стала уго-
варивать Суворова жениться на Погонов-
ской, утверждая, что Погоновская больна
а у него будет жена, падучая пройдет и он
получит красивую, приданую, влюбленную
жену и деньги. Да может быть после смер-
ти Погоновского еще что ему достанется.
Погоновская стала свидетель свиданий
с Суворовым у Зражевской, Суворов привык
к ней, привязался и сделал предложение.
Зражевская после этого почувствовала склонность
с Скворцовым, чтобы стал у нее столо-
ваться. Между ними стар...
2, заболел и умер. Брат Погоновской из оставленного
отцом имущества и денег не дал никакого сестре
более 4 т.р. приданого, за собою оставил и дом, куп-
ленный отцом у Горяновичей; позволил только Су-
воровым в нем жить и содержать на квартиру
учеников гимназии.
3, окружили селение. Стали пороть по очереди мужчин
и женщин. Пороли до тех пор, пока начальство
не приносит повинной и не давала служебных ука-

зываемаго ему пана.

(4) Замучено было больше 30 мужчинъ и женщинъ. Нѣсколько душъ умерло спустя нѣсколько дней послѣ экзекуціи. И такимъ образомъ новый панъ еще до рѣшенія суда и до введенія во владѣніе былъ водворенъ в имѣніи покойнаго. „Колоколъ" подробно описалъ это трагическое событіе, заключивъ описаніе словами: неправильникъ Поголовскій [illegible], продалъ тѣло и кровь цѣлыхъ тысячъ крестьянъ мужчинъ и женщинъ.

(5) Между ними можно было замѣтить графовъ Браницкихъ и молодого графа Велиховскаго, маркиза Мышковскаго, мужчину средне-маленькаго роста.

(6) по городамъ всѣ объ этомъ знали, не знало и не подозрѣвало ничего одно только правительство. Его агенты или сами участвовали въ приготовленіяхъ, или, задобренные, смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, или — наконецъ — были столь глупы, что ничего не замѣчали.

7 отчасти в домѣ уѣзднаго врача Лавинскаго, отчасти в домѣ гомеопатическаго врача Богуцкаго.

(8) Между участниками заговора еще обращали на себя вниманіе: Гродецкій, весьма любезный и изящный немолодой брюнетъ, губернскимъ секретаремъ у магнатовъ нажившій изрядный капиталъ; Вронскій также немолодой человѣкъ, бывшій губернаторомъ, нажившій капиталъ, спустившій его в Штатахъ и теперь большую часть своего времени посвящавшій игрѣ. Оба они были католиками. Учитель Скальскій, человѣкъ семейный, [illegible] в [illegible]. Онъ копилъ [illegible] и самымъ преданнымъ народовой справѣ и в тоже время в глазахъ русскихъ совершенно благонадежнымъ. Его поляки употребляли, чтобъ узнавать, что говорятъ и что думаютъ русскіе, [illegible] у нихъ онъ постоянно увивался. Когда весь польскія дамы надѣли трауръ, жена Скальскаго продолжала носить

в застиранномъ платьицѣ, и полное — неупоминаемое будущимъ дамамъ за нарушеніе траура — повидимому не обращали на Спальскую никакого вниманія. Спальская же утверждала, что она никогда не допуститъ меня соблюдать глупый мадм-местный трауръ.

(9) Между воспитанниками замѣчательны Кедеминъ, Дикгуфъ и Франкъ.

(10) Баландинъ составилъ и напечаталъ граматическія таблицы, по которымъ преподавалъ нѣмецкій яз. Виттенбургъ также преподавалъ этотъ языкъ по собственной грамматикѣ.

(11) Баландинъ имѣлъ жену и 2 дочери, очень красивыхъ, учившіяся въ пансіонѣ Mme Баландиной. При всемъ томъ ему не ставало средствъ на прокормленіе. Попечитель дня подворнаго землякъ доставилъ ему мѣсто надзирателя в одной квартирѣ.

12 Баландинъ почти никогда не жаловался на учениковъ. Виттенбургъ же почти каждый день доносилъ директору, учениковъ наказывали, но цѣли не достигалось. Они выказывали ему тысячи пакостей: поджигали верхнее платье, шубу, калоши; помещали въ карманахъ вицмундира человѣческій калъ съ надписью 300 червонцевъ. Виттенбургъ никогда не жаловался до начальства, но за то былъ вѣчно подъ хлыстомъ. Онъ болѣе прочихъ ругался въ классѣ съ учениками, обзывалъ поросятами, мошенниками, чаще всего именуясь преподавателемъ нѣмецкаго яз. Мѣсто Виттенбурга занялъ Дикгуфъ,

(13) вѣтхъ вѣроисповѣданій: католическихъ, православныхъ и протестантскихъ. Дикгуфъ хотя бывалъ у товарищей, но на рѣшетъ ему не обращали никакого вниманія — онъ положительно не знался съ прежнимъ пѣніемъ. Дикгуфъ былъ протестантъ

французъ былъ очень способенъ. Онъ отлично владѣлъ рус-
скимъ, но еще лучше польскимъ яз., которымъ онъ никогда
не употреблялъ. Онъ родился въ лоз. гран. Онъ былъ
страшный задира, съ учениками обращался впро-
чемъ не дурно. Но учителей задѣвалъ своими нас-
мѣшками, а еще больше своими мнѣніями, что
рѣшительно письменно, а совѣтъ, котор. отплачивалъ ча-
сто неосновательными обвиненіями. На него
смотрѣли, какъ на ябедника. Но главный его не-
достатокъ — это непомѣрная похотливость,
направленная къ замужнимъ женщинамъ.
Дѣвушекъ онъ избѣгалъ, боясь увлечься и жениться.
О женитьбѣ онъ не думалъ. Ему чрезъ мѣру доста-
точно было массы его замужнихъ любовницъ;
онъ среди нихъ всегда удовлетворялъ свой жаръ,
избѣгая въ тоже время холостыхъ шиповъ семейной
жизни. При этомъ нисколько не уважая у за-
мужнихъ женщинъ, онъ смотрѣлъ вообще на
женщинъ, какъ на существа весьма слабыя и
похотливыя, которыя не въ состояніи противостоять
ея ухаживанію, согласно новымъ наслажденіямъ.
Онъ былъ увѣренъ, что всѣ замужнія женщины безъ
исключенія при первомъ случаѣ подадутъ, украшая
своихъ мужей болѣе или менѣе вѣсистыми
рогами. Дѣвушка же боится того п.ч. боится имѣть
ребенка, или — въ лучшемъ случаѣ — оставить себя
платоническимъ романомъ, что помѣшало бы ей
добыть мужа, вѣчнаго ея крѣпостнаго раба. Жен-
щина въ интеллигентномъ классѣ — по его мнѣ-
нію — добивающая мужа, чтобы имѣть защитника и
раба, который своими трудами давалъ бы ей не только
кусокъ хлѣба, но и возможность наслаждаться
жизнью: блистать, удовлетворять своей похот-
ливости. Другой цѣли женщина не имѣетъ, выхо-
дя замужъ. Если она увлекается мужемъ, вы-
ходитъ за него по любви, то это ничуть не
гарантируетъ мужа отъ участи другихъ людей.
Медовый мѣсяцъ скоро проходитъ. Самолюбіе,

честолюбiе и положительность скоро вступаютъ въ свои права. Женщина молода, скоро забываетъ свой долгъ и свои обѣты. Она не въ состоянiи управлять своими дурными наклонностями. Она начинаетъ скучать съ мужемъ. Ей необходимо новое: новые поклонники, новыя ласки, новые медовые мѣсяцы. Она до старости стремится имѣть супружескiе медовые мѣсяцы. Если она богата, она не щадитъ денегъ на покупку медовыхъ мѣсяцевъ. Самая влюбленная женщина ищетъ власти надъ мужемъ. Мужъ или становится рабомъ, или мужъ и жена всю жизнь тягаются, или - наконецъ - расходятся въ разныя стороны. Замѣчу, при измѣнѣ съ любовниками, женщина всегда предпочитаетъ дѣтей отъ своего мужа, хотя бы она вначалѣ не любила его. Вообще много счастливыхъ браковъ - они кажутся счастливыми для посторонняго глаза. Иногда мужъ и жена не хотятъ допускать въ свою интимную жизнь посторонній глазъ, отъ того кажется ихъ жизнь счастливою. Но если въ нее проникнуть, то окажется совсѣмъ иное. Часто видимъ доброю женщину въ старости лѣтъ, чтобы имѣть денегъ сколько угодно, чтобы не смотрѣть ревниво; напротивъ нужно смотрѣть на ея шалости сквозь пальцы и давать ей средства блистать. Она въ такомъ случаѣ окажется признательною и можетъ даже уважать уже немощную старость мужа. Главное же для мужа - онъ не останется одинокимъ, что весьма на старости и неудобно, и скучно. Мой другъ [illegible] на [illegible] браки. Онъ разсказывалъ, что первая женщина лѣтъ 40, за которой онъ еще мальчикомъ 15 л. прiударилъ, сурово обошлась съ нимъ: она отхлестала его пощечинами и выдрала его за уши, обозвавъ дерзкимъ мальчишкой. Но не прошло и 3-хъ мѣсяцевъ, что она вдругъ сама отдалась ему. Было это такъ: послѣ обѣда въ саду, она отдыхала въ бесѣдкѣ въ весьма легкомъ костюмѣ и вытягивала на бѣлую ногу,

Французъ ее подкараулилъ, подкрался къ ней. Затаивъ дыха-
ніе, онъ осторожно поднялъ ей легкое платье до колѣнъ
и страстно впился поцѣлуемъ в колѣни. Она проснулась,
но сначала осталась неподвижной, видимо на-
слаждаясь такимъ обращеніемъ и горячими поцѣлу-
ями мальчика. Это ободрило француза. Онъ еще
сталъ подымать ее выше и выше сорочку. Вдругъ
онъ почувствовалъ на лицѣ полновѣсную пощечину,
потомъ другую, а потомъ его схватили обѣими руками
за уши и стали больно драть. У него выступили слезы.
Дама обозвала его мальчишкой и грозила, что если
онъ опять осмѣлится на подобную дерзость - она
его высѣчетъ до крови. На слѣдующій день дама от-
дыхала опять в беседке и при томъ в позе весьма
соблазнительной, давшей возможность легко обнажить
ее съ ногъ до самаго пояса. Французъ не выдержал и
обнажилъ. Дама продолжала спать, или притворялась
спящею. На слѣдующій день таже исторія. Это про-
должалось дней 10. Французъ любовался ея формами,
но далее къ ней прикоснуться боялся, боялся пощечинъ, а
теперь бить - и розогъ. Но это ухаживаніе француза
наскучило дамѣ - она быстро встала, французъ удрал.
Встрѣтившись съ нимъ наединѣ отъ луга, она ста-
ла его бранить и приказала ему, чтобы онъ не смѣлъ по-
являться въ обычные часы въ беседку безъ розогъ. Французъ на
слѣдующій день явился съ розгою. Обнаживъ свою даму,
онъ приникъ къ ней съ поцѣлуями. Дама раскрыла
глаза и долго наслаждалась ласками француза, потомъ
стала играть его волосами на головѣ, затѣмъ под-
манила и суровымъ голосомъ спросила: приготовилъ
розгу? Французъ вручилъ. Дама приказала ему разуться
и лечь, угрожая больно обсѣчь его. Французъ исполнилъ ея
приказаніе. Дама, отбросивъ розгу, стала гладить
и щипать его обнаженное тѣло, а потомъ расцѣловала
его в глаза и въ голову и приказала приходить къ ней
в беседку, гдѣ спитъ лугъ, а въ его отсутствіе ночью
въ спальню. 2 мѣсяца она игралась съ нимъ, щипая,
выкручивая, цѣлуя и порою слегка оглаживая
ноги. Наконецъ, замѣтивъ, что французъ еще неловко

не отвѣчены, что самъ не понимаетъ, чего хочетъ, она сама посвятила его в тайну полового наслажденія. Сколько разъ, гдѣ французъ, мнѣ приходилось получать пощечины в Вильно не даромъ. Разъ это пришлось французу заплатить дорого, Адарьевичъ и учительницы литературы в Ковенской гимназіи: онъ сталъ ухаживать за женою своего сослуживца Гейнриха. Mme Гейнрихъ была молода и красива, съ богатыми разсыпными волосами. Необыкновенный блескъ тёмно и умеренная полнота дѣлали ее весьма лакомымъ кускомъ. Гейнрихъ вскорѣ умеръ отъ чахотки. Вдова изъ материальныхъ сталa содержать себя, давая квартиру и столъ ученикамъ. Французъ тотчасъ ей помогалъ. Она отдалась ему съ увлеченіемъ, если онъ на ней непремѣнно женится. Между тѣмъ она забеременела и французъ отказался жениться на ней. Гейнрихъ обратилась къ попечителю округа. Французъ объяснилъ, что Mme Гейнрихъ развратнаго поведенія, причина ребенка съ учениками и онъ хочетъ домѣшать, чтобы заставить его жениться на ней. Гейнрихъ вслѣдствіе того запретили держать учениковъ. Легко отдѣлавшись отъ бѣдной вдовы такой анекдотъ, французъ уже наметилъ новую жертву и проводилъ у ней вечера. Къ несчастью Гейнрихъ имѣла братьевъ-военныхъ, они ей помогли материально и рѣшено отомстить за ее безчестье подлому соблазнителю. Подкараулили его ночью, когда онъ возвращался отъ новой любовницы, они повалили его и избили до полусмерти. Между тѣмъ попечитель устранилъ его отъ должности. Французъ цѣлый годъ провалялся послѣ этой операціи и навсегда остался калѣкой. Но это все таки не помѣшало ему в Каменцѣ обольстить вдову, сосѣдняго съ уѣзднымъ учителемъ Малиновскаго, которая послѣ смерти своихъ родителей Кобыренки получила в наслѣдство дома и капиталъ. Обольщеніе - впрочемъ - кончилось женитьбой на обольщенной, теперь французъ комфортабельно, не служа живетъ на счетъ своей супруги в Каменцѣ. Про похожденія француза узнали ученики гимназіи - конечно - это не могло хорошо вліять на ихъ нравственность, но спрашивается, кто в это время могъ поддержать нравственность? Не директоръ-ли Абрамовъ? Не зять-ли его Савицкій? Не учительская-ли семья? Не семья-ли чиновниковъ и полицейскихъ?

не интеллигентные ли семинарии Каменко Петръ и директоръ Туманов? Конкубинатъ и картежи процвѣтали все и всюду въ это время. Другихъ забавъ и утѣхъ не представляла тогдашняя жизнь и не давала имъ мѣста. Молодое поколѣніе чутко прислушивалось и присматривалось къ жизни старшаго поколѣнія. Меньшинство относилось къ ней критически, чувствовало даже къ ней отвращеніе. Большинство строго подчинялось преданію, а мень-шинство также... Въ мое время почти всѣ безъ исключенія дамы развлекались конкубинатомъ. Конечно приходилось это считать сплетни. Они-то и злословили. Они никого не отличали и молвили другъ передъ другомъ. Другъ на друга сочиняли басни и небылицы, при всемъ не оставались добрыми друзьями. Даже сколько-нибудь сохранившіяся матери взрослыхъ дочерей, матерей, про-добрали свои любовныя похожденія, навязывая себя первому встрѣчному, особенно неопытнымъ сильно влюбляясь. 2 эти дамочки, молоденькая и очень красивая, не могли идти по общему теченію — это жена новаго страннаго Братовскаго, кончившаго университетъ, и жена министра, учителя гимназіи Трофимова. Бра-товскій квартировалъ въ домѣ Черницкаго на второмъ этажѣ. Прислуги не держали. Жена и стряпала, и топила печи; что никто не отнимало ее красоты (а она дѣйствительно была красавица, лѣтъ 20), Братовскій стригъ ей подъ гребенку волосы на головѣ, за всякое непослушаніе подвергалъ ее разнымъ наказаніямъ: ставилъ на колѣни съ поднятыми вверхъ руками, заставлялъ ночевать на голомъ полу, а иногда поскакалъ розгами. При такихъ суровыхъ порядкахъ ей и въ голову не приходили тѣ вольности, которыми развлекались другія дамы, да и некогда было развле-каться. Братовскій никогда не бывалъ, ни съ кѣмъ не знакомился, у себя никого не принималъ. Иногда вечерами, когда оставался вполнѣ довольнымъ женою и самъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, во-дилъ ее гулять за городъ, а въ лѣтнее время за городомъ самъ ее купалъ. Любопытные удалялись обозрѣвать по-смотрѣть красоту Братовской во время купанья.

Жена Трофимова была тоже хорошенькая, молоденькая дамочка, небольшого роста. Она бывала у всѣхъ товарищей съ мужемъ, принимала участіе въ танцахъ и въ играхъ. Но если Трофимову казалось, что или она на кого-либо нѣжно посматриваетъ, или кто-нибудь изъ знакомыхъ ей прислуживается, Трофимовъ по возвращеніи домой розгами жену сѣкалъ. Это удалось подмѣтить учителю нѣмецкаго яз., который нанималъ у Трофимова комнату подлѣ его кабинета. Нѣмецъ любилъ по вечерамъ читать и потомъ гулять на бульварахъ; но въ этотъ разъ, страдая мигренью, остался въ квартирѣ и тихо легъ на кровать, заперши изнутри комнату. Онъ услыхалъ, что вошедшій въ сѣни Трофимовъ попробовалъ отпереть его дверь, затѣмъ заглянулъ съ крыльца въ окно комнаты и, видя, что въ комнатѣ темно, возвратился къ себѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ нѣмецъ услыхалъ, что отворилась изъ квартиры Трофимова другая дверь въ сѣни, а затѣмъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ сквозь щели блеснулъ свѣтъ и зашуршали женскія юбки. Нѣмецъ полюбопытствовалъ заглянуть въ щель. Трофимовъ, обнявъ свою жену, требовалъ, чтобы она ложилась подъ розги, толкая ее на диванъ. Она плакала, цѣловала ему руки и нѣкоторое время упиралась. Но затѣмъ легла. Трофимовъ вытянулъ ея руки параллельно съ головой и связалъ ихъ около кистей утиральникомъ; затѣмъ засвистала по обнаженному тѣлу розга; она силилась сдержать стоны; между тѣмъ насчиталъ двадцать ударовъ и потекли струйки крови. Трофимовъ развязалъ руки жены, поцѣловалъ ее сперва въ заднія посѣченныя мѣста, потомъ въ лицо, расцѣловалъ руки, и они удалились въ свои комнаты. Спустя 1/2 часа нѣмецъ зашелъ нарочно къ Трофимову посмотрѣть [illegible] сѣченій и разсказать о своей мнимой прогулкѣ. Трофимова была совершенно спокойна, лицо улыбалось. Нѣмецъ въ разное время насмотрѣлъ 8 такихъ сѣченій. Трофимовъ — подобно [illegible] — самъ по вечерамъ купалъ свою жену [illegible]. Вѣроятно у нея никогда не сходили съ тѣла слѣды розогъ. Тираня и ревнуя жену, Трофимовъ не стѣснялъ себя въ отра-

щенія съ дамами. Послѣ смерти учителя Тышецкаго, Трофимовъ сблизился съ его вдовою, и она перешла къ нему на жительство. Неизвѣстно, что думали они съ Трофимовымъ, но она и года не пережила этого сожительства: она зачахла и умерла.

Нигилисты рядомъ съ поляками и малороссами стали проникать въ составъ педагогическаго совѣта Ровенской гимназіи. Таковы были: Рощинъ, Лапицкій, Трофимовъ и Чарсевскій(?). Замѣчательно, что весь нигилизмъ сводился къ связи съ романами и сожительницами, съ животными или бездушными вещами. Рощинъ былъ въ гимназіи недолго; онъ нарочно носилъ фуражку и кивера(?), чтобы щеголять въ нигилистическомъ духѣ; былъ очень симпатиченъ и неглупъ, а вдобавокъ никогда не горячился; онъ перешелъ, не помню куда: въ Маріуполь или въ Петербургъ. Его мѣсто занялъ учитель Житомирской гимназіи Лапицкій. Прибылъ онъ съ женою Житомирскаго директора Яковлева и привезъ съ собою 2 дѣтей, прижитыхъ съ нею. Въ Ровно у нихъ родилось еще 2 дѣтей. Живя съ мужемъ, Яковлева вездѣ бывала(?), изъ гостей не выходила(?), принимала ежедневно у себя гостей, словомъ жила по своему вкусу, весело. Бѣжавши отъ мужа съ Лапицкимъ, она оказалась у него горемычной невольницей, рабою своихъ дѣтей и служанкой похоти своего повелителя. Онъ не выпускалъ ее изъ квартиры ни на шагъ, никому ее не показывалъ, заставлялъ стряпать и нянчить дѣтей. Иногда только можно было видѣть ее на прогулкѣ провѣтриться и добавилъ(?) билъ по чему попало — по лицу и по всему прочему. Бывши учителемъ въ Вологдѣ(?), Лапицкій — высокій и плотный блондинъ — соблазнилъ жену учителя Малевскаго. Она оставила мужа и жила въ запертой комнатѣ мѣсяца 3 съ Лапицкимъ. Но когда онъ сталъ ее немилосердно драть и — привязавъ изъ дома выпирать на холодъ — она бросила отъ Лапицкаго и — выпросила у мужа прощенія — была опять имъ принята. Малевская родила отъ Лапицкаго мальчика. Дѣтей у Малевской больше не было. Этотъ мальчикъ, воспитывавшись въ Кіевскомъ университетѣ, принялъ значительное участіе въ тѣхъ самыхъ анархическихъ трудахъ, попалъ подъ — арестъ — при раскрытіи на-

ствомъ нигилистическихъ манифестацій и былъ сосланъ по неблагонадежности прямо в Сибирь на поселеніе. Лапицкій вообще человѣкъ былъ весьма толковый молодой и преподавалъ намъ математику, физику и химію. Сверхъ того онъ отличался умѣніемъ передавать свои знанія ученикамъ. Онъ вѣчно возился былъ опытами в лабораторіи и лучшіе ученики работали вмѣстѣ съ нимъ. Трофимовъ и Лапицкій были по своимъ убѣжденіямъ нигилистами; но они держались еще в сторонѣ и своихъ убѣжденій не навязывали никому; тѣмъ болѣе незамѣтно, работая в лабораторіи, а иногда и в классѣ Лапицкій отпускалъ упоминалъ какое-либо нигилистическое положеніе. Трофимовъ позволялъ себѣ иногда рискованные выходки в чтеніи исторіи. Но все это было еще малозамѣтно и не вело ни къ чему. На нихъ смотрѣли, какъ на людей своеобразныхъ, своеобразно мыслящихъ, хотя и нас, учениковъ стали. Гордѣевскій, сынъ начальника мѣстной команды в уѣздномъ городѣ, былъ очень способный человѣкъ, но страшно самоувѣренный, самолюбивый и властолюбивый. Онъ преподавалъ в младшихъ классахъ французскій яз., хотя самъ зналъ весьма плохо. Онъ былъ убѣжденъ, что cheval, и вспоминая jeux, что двигалъ. Онъ постоянно кашлялъ, и всё повторялъ в немъ что-то точнаго. Жена у него была нѣмка, молодая, рослая и красивая женщина, была ему вѣрна, и онъ ее колотилъ, по чемъ попало, а иногда и плетками. Онъ заставлялъ ее дома ходить босикомъ, и при выходѣ в городъ надѣвать башмаки на босую ногу. У нихъ былъ ребенокъ мальчикъ 2-3 лѣтъ, и тотъ и зиму и лѣто в комнатахъ и на дворѣ ходилъ босой и в коротенькой ситцевой рубашкѣ. Гордѣевскій говорилъ, что онъ хочетъ изъ него сдѣлать истиннаго человѣка, какіе скоро в Россіи понадобятся. Но мальчикъ не перенесъ этой спартанской жизни, схватилъ воспаленіе легкихъ и умеръ. Гордѣевскій не стѣснялся своими идеями: отъ него доставалось и Богу, и правительству, и попамъ, и чиновникамъ, и помѣщикамъ. Относительно послѣднихъ онъ былъ правъ: онъ мастеръ былъ ярко обрисовать ихъ черты. Но всѣ смотрѣли на выходки Гордѣевскаго какъ на праздную, безвредную болтовню. Никто не пред-

вызвалъ будущаго, а подготовительный курсъ онъ самъ участвовалъ. Вообще, живущимъ у насъ, жилось хорошо. Всѣ они могли, сколько угодно, безнаказанно самодурствовать, играть въ карты и развратничать. Притѣсненіе слабыхъ считалось дѣломъ, широко сдавать, законнымъ, даже обязательнымъ дѣломъ. Кто поступалъ иначе, тотъ считался вольнодумцемъ, опаснымъ человѣкомъ: отъ него сторонились, за нимъ зорко слѣдила полиція. Взятка считалась во всѣхъ вѣдомствахъ самымъ законнымъ и необходимымъ дѣломъ. Кто не бралъ взятокъ, тотъ становился подозрительнымъ въ глазахъ полиціи и жандармовъ. Не играть въ карты и не развратничать было вполнѣ не совѣтно учителямъ.

Пріѣхалъ въ Ковно на должность младшаго учителя русскаго яз. вдовецъ, высокаго роста блондинъ по фамиліи Петровъ. Пріѣхалъ онъ зимою въ трескучіе морозы въ лѣтнемъ легкомъ, коротенькомъ, ничѣмъ не подбитомъ холодномъ пальто; а нѣсколько ходилъ по городу и на уроки. Простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и по переводѣ его въ Кіевъ умеръ на рукахъ вдовы матери отъ чахотки. Петровъ былъ сынъ полковника 12 года; мать-вдова жила въ Кіевѣ небольшою пенсіею послѣ смерти мужа и воспитывала 3х дочерей и сына. Она продала все, что имѣла. Осталась у нея одна мужнина енотовая шуба, стоившая когда-то руб 600. Вдова берегла для подростающаго сына, ея единственная память отца наслѣдство. Когда сынъ окончилъ университетъ со степенью кандидата, она вручила ему отцовскую шубу. Самъ онъ получилъ мѣсто по учебной службѣ, чтобъ пособлять матери и сестрамъ. Онъ явился къ всемогущему правителю канцеляріи Лазову. Лазовъ принялъ его ласково, но сказалъ, что у нихъ штата встрѣчаются рѣдко, при томъ ихъ слѣдуетъ беречь для нуждающихся воспитанниковъ; онъ не знаетъ, есть-ли въ настоящее время вакантное мѣсто. Лазовъ совѣтовалъ Петрову переговорить со столоначальникомъ Качинскимъ — у него списки вакансій. Качинскій былъ фактотумомъ Лазова и черезъ него Лазовъ торговалъ мѣстами, повышеніями и наградами. Петровъ былъ знакомъ съ Качинскимъ и тотъ объявилъ, что есть вакантное мѣсто въ ровенской гим-

место русского яз., но на него имеется уже 3 кандидата. Вся остановка в назначении заключается в том, что нужно кому-то больше дать: все они предлагают свое третное жалованье, но этого мало, объяснил Рачинский. Петров признался, что он третного жалованья не может дать, т.к. часть нужно оставить матери, а на другую часть экипироваться. — Ну знаете, сказал Рачинский: ваше дело! и стал провожать Петрова в переднюю. Петров снял с вешалки шубу. У Рачинского разгорелись глаза: богатая соболья такой шубы не носят, сказал Рачинский: а еще жалуется, что не на что купить место! Петров рассказал историю шубы. — Знаете, давайте шубу — место ваше, и завтра отправляйтесь в Ровно. — Вы не шутите, сказал Петров. — Совсем серьезно, отвечал Рачинский. Так условимся, продолжал Петров: эта шуба очень дорого стоит: на нее, пожалуй, можно приобрести и инспекторское место. Знаете что? Я вам оставляю шубу, но с условием: первая открывающаяся вакансия старшего учителя в какой-нибудь провинциальной гимназии должна быть за мною, а пока я принимаю должность младшего учителя в Ровно. Шуба осталась у Рачинского. Петров в трескучий мороз в одном пиджачке приехал домой. Мать ахнула, думая, что грабители стащили с плеч шубу. Матери эта сделка была не по вкусу, но она должна была помириться с нею. На другой день получил назначение и выдано вперед третного жалованья и прогонов по тогдашней подорожной. Он построил себе на третное жалованье учительский виц-мундир, жилет, штаны, сапоги, купил [illegible] белья и наконец сшил ватное пальто, в нем зимою отправился в Ровно и в пути переезжал вал, простудился и за бедность и взяточничество начальства поплатился жизнью. Сравнительно с нынешними временами служащих начальства министерства народного просвещения дряни меньше, но это т.к. и бедняков не много могло быть собрано.

Декабрь 1892 г.

1) Инспектор П. Д. Клименко стал исправлять директорскую должность. Туманов по обсуждении [illegible] был удален в отставку. Шурин его Павлов, [illegible] Максимова, подготовил ему в Благовещенском женском институте место члена совета по экономической части. Словом [illegible] в благородный институт по огороду. Туманова до [illegible] станции провожали первые из учителей, предававшихся его надзору у Максимова, [illegible] был под сапогом у Павлова и [illegible]. Суворов, Гаанит, Невадов, Клименко Иван поднесли [illegible] 2 бутылки шампанского и распили на почтовой станции. Туманов велел оставить на попечении у матери ее любовника Володзьки. Из-за [illegible] право, по ступать на должность, получать оклад и жалованье и пенсию. Когда Туманов получил место правителя канцелярии Максимова, он на свое место в [illegible] институт определил Невадова. Суворову достал место директора в [illegible] гимназии, Клименку Ив. — место инспектора в [illegible] гимн., а Гаанит получил также место в Ковенской гимназии. На последних [illegible] Туманова, хотя они [illegible] в отсутствие мужа. Володзьки ей было мало.

Клименко стал [illegible] с [illegible] настойчивостью: [illegible] в гимназии не прерывались, [illegible] Клименку [illegible]. Я сам был свидетелем вопиющей несправедливости и [illegible] Клименка: в V кл. 1-м учеником считался 14-летний мальчик Кудрицкий: он по всем предметам учился одинаково отлично и скромно вел себя, что по поведению считался в гимназии образцовым учеником. Отец был очень бедный, обремененный семейством вдовец. Однажды во время перемены, когда товарищи [illegible] и бегали по двору из класса, Кудрицкий остался просмотреть свой будущий урок и оставался на месте. Когда раздался

первый помощникъ, онъ бросился сзади и ударилъ по мордѣ, что во время возвращенія класса до прихода учителя. Къ несчастію съ разбѣга онъ столкнулся въ дверяхъ съ и. д. директора К. Каменко. Тотъ моментально схватилъ Рудницкаго, допросилъ его, выругалъ съ головы до ногъ и - [illegible] - прогналъ на мѣсто. Едва начался урокъ, что Каменко востребовалъ в инспекторскую Рудницкаго и сталъ немилосердно сѣчь. Рудницкій подавалъ стоны, а послѣ заревѣлъ, такъ что кончилось сѣченіе. Ему дано было по правилу меньше 50 ударовъ. На другой день Рудницкій лежалъ в тифу. Еле спасшись отъ смерти, онъ былъ уволенъ навсегда изъ гимназіи и былъ подвергнутъ семьи отправленъ куда-то писцомъ. Товарищи

(2) Николаевскаго времени; одинъ учитель солдатъ, подъ старость попавшій на островъ. Солдаты у него не столько шагали и выправлялись, сколько парились подъ окнами моей квартиры. Отъ 5 до 12ч. утра слышалось бывало свистъ розогъ и скорбные возгласы: помилуйте, в. высокоблагородіе! Меня [illegible] истрепанными розгами, [illegible] употреблялъ на растопку дровъ в печи. Гоцъ [illegible] проводилъ времени около [illegible], чѣмъ около шагающаго батальона. Постоянно гремитъ на весь [illegible] голосъ: Подтянись, подбрюнись! вотъ начальство; пори его, пори! Пусть отплатится мальчишка, солдатская! Гоцъ самъ свелъ не одну тысячу розогъ и палокъ - онъ былъ изъ солдатчины; читалъ плохо, а писалъ еще хуже.

(3) При немъ жила вдовица, простая солдатская вдова, съ чьею онъ прижилъ штукъ 8 дѣтей. Законная дочь Гоца вышла замужъ в бывшей Церкви за учителя гимназіи Василія Васильевича Вилуева, служившаго тамъ въ гимназіи учителемъ математики. Вилуевъ послѣ былъ директоромъ 2 Кіев. гимназіи и начальникомъ варшавской учебной дирекціи, проѣзжая в Варшаву черезъ Ровно, Вилуевъ навѣстилъ Гоца [illegible] дочери его увидѣться съ отцомъ. Гоцъ, что не встрѣчался с дочерью, уѣхалъ в уѣздъ. Вилуевы ночевали в Ровно на постояломъ дворѣ. Послѣ Гоцъ послалъ зато [illegible] письмо и двѣ дочери в подарокъ

замѣтное замѣшеніе частей. Кд Вильевъ произведенъ былъ въ Д. Ст., совѣтникомъ, тогда часто хвасталъ, что одна изъ его дочерей за генераломъ.

(4) Жильцы въ него столовались, что уже давать было значилось невыгоднымъ. Его натура всего симпатичнѣй мягкимъ съ хлѣбомъ

15) Ея родная сестра была предана Велиховскимъ, который служилъ экономомъ въ одномъ изъ имѣній Красицкаго. Возвращаясь съ охоты, Красицкій случайно остановился въ квартирѣ своего эконома, увидѣлъ его жену и моментально влюбился. Онъ сталъ чаще охотиться въ той сторонѣ и чаще посѣщать своего эконома. Наконецъ командировалъ его за какими-то покупками въ Кіевъ на 2 недѣли. Кд Велиховскій возвратился изъ командировки, жены его уже не было дома: она переселилась въ палацъ Красицкаго. При первой встрѣчѣ съ Велиховскимъ Красицкій объявилъ ему, что бросить его онъ не намѣренъ: онъ постарается развести его скоренько и самъ женится на ней. За уступку жены Красицкій предложилъ ему мѣсто управляющаго и 10т р. Велиховскій согласился и - послѣ развода съ правой(?) женой - женился на ея младшей сестрѣ. Красицкій женился согласно обѣщанію на Велиховской.

16) Старшій Николай умеръ въ Сибири, а младшему позволено было возвратиться въ среднюю Россію, гдѣ онъ до сихъ поръ служитъ въ Курскомъ банкѣ.

7) Она имѣла еще любовниковъ, между ними особенно былъ близокъ къ ней помощникъ станового пристава изъ [illegible] Бобровичъ.

8 Учитель Андрущенко влюбился въ фигуру Велиховскую и имѣлъ намѣреніе на ней жениться. Онъ объяснился ей и сталъ бывать, какъ женихъ. Однажды онъ вошелъ въ ея комнату невзначай и засталъ ее съ подвязанными юбками на колѣняхъ у Бобровича. Онъ выскользнулъ изъ комнаты и за нимъ совсѣмъ перестали бывать у Велиховскихъ. Бобровичъ, какъ она казалось вела любовную связь съ матушкой, но - и дочерью. Между тѣмъ фигура потеряла надежду

сойтись съ Амбрущенко, чтобы ей нравились руки таль
имѣлъ небольшое имѣніе въ Малороссіи, была красивой
брюнеткой и отличалась великолѣпными польскими
манерами, — признавалась въ началъникомъ теле-
графной станціи Далматовымъ. Этотъ русскій
швейцарецъ, плохо понимавшій и плохо говорившій по рус-
ски; по разсказу однихъ, воспитывавшійся [illegible]
[illegible], воспитывался [illegible]
подъ покровительствомъ Ѳед. Ѳед. Витте, попе-
чителя уч. округа послѣ Пирогова. Достаточно
овладѣть было не трудно, но при его застѣнчи-
вости Фрида [illegible] пришлось самой объяс-
ниться въ любви, чего она къ Далматову вовсе
не питала. Далматовъ женился на Фридѣ, а его
дядя, жившій въ Швейцаріи, другъ и [illegible] по
воспитанію Витте, выхлопоталъ посредствомъ
Витте Далматову мѣсто начальника губерн-
ской телеграфной станціи въ Житомірѣ. Позже
Далматовъ въ качествѣ начальника телеграфа
юго-западныхъ дорогъ, мѣсто, которое ему доставилъ
Витте, получаетъ 15 т. р. в годъ. Но этихъ денегъ
мало для Фриды, играющей въ Кіевѣ роль модни-
цы и первой кокетки. Она [illegible]
мужа, [illegible] любовниковъ и [illegible]
совершенно разорила. Она патріотка до фа-
натизма, и поляки исключительно почти
опредѣляются по телеграфному вѣдомству
ю.-з. ж. дорогъ. Сестра ея [illegible] вышла за-
мужъ за венгерца Муравскаго, механика
при сахарномъ заводѣ Браиловскаго уѣзда.
9 [illegible] молодежь [illegible]
постоять за польскую справу.
10 портретъ Государя былъ вынесенъ изъ аптеки въ ко-
мнату и употребленъ вмѣсто прицѣла для
револьверной стрѣльбы, въ коей упражнялась
молодежь, пріучаясь в то же время [illegible] на
[illegible].
(11, для мелкопомѣстныхъ чиновниковъ и офиціан-
товъ домъ аптекаря Степуловскаго, о чемъ уже,

что онъ назывался назначенъ начальникомъ города Ровно и его окрестностей. Кромѣ Тварковскаго бывалъ в домѣ Владиміровыхъ; но собственно онъ узнавалъ все, что происходило у Владимір-скихъ отъ Софьи Тулиновой, ея матери, подъ лицомъ Павловой, у ея онъ постигалъ ежедневно. Тварковскій былъ красивый молодой человѣкъ и Софья Тулинова въ отсутствіе мужа [illegible] на себя сблизилась съ Тварковскимъ самымъ ин-тимнымъ образомъ.

У Тулиновой малолѣтнему сыну Тулинова репе-тировалъ ученикъ VI кл. Домарадскій, юноша скромный, хорошо учившійся и представитель и весьма привлекательный. Домарадскій былъ бѣденъ и содержалъ себя [illegible] уроками. Тулинова-подъ видомъ участія - когда мужъ уѣзжалъ бывало [illegible], предложила ему у себя столъ и квартиру подъ предлогомъ, что она боится ночью оста-ваться безъ мужчины в квартирѣ, помѣстила его кровать в кабинетѣ мужа, рядомъ съ своей спальней. Ночью она стала зазывать къ себѣ Домарадскаго, заставляя его садиться на ея кровать, ссылаясь на безсонницу и какой-то не-опредѣленный страхъ. Домарадскій молчалъ в одномъ бѣльѣ и конфузился, хотя в комна-тѣ не было огня. Тулинова, видя на-стойчивость и непонятливость Домарад-скаго, стала сама съ нимъ заигрывать. Но онъ и тутъ не догадался и робѣлъ. Тогда она сама взяла его руку и приказала гладить себя всю по голому тѣлу. Раздразнивъ юношу до ого [illegible], она дала свѣчу и - показала ему себя обнаженную по тѣло, приказала ему обнажиться и лечь подлѣ нея. Долго она ласкала и цѣловала нагого Домарадскаго и наконецъ посвятила в таин-ство плотской любви. Домарадскій послѣ вы-зыва изъ Ровно Тулиновой все это передалъ своимъ товарищамъ, Домарадскій съ этой

любовный пыл почти совсем перестал учиться. Ему приходилось по целым ночам удовлетворять похотливость Тумановой, хотя посетительница годилась почти ему в матери. Он совсем истаскал себя и – [illegible]. Аттестата в гимназии он не получил.

12 на улице, покрытой текущей жидкой грязью в выбоинах и достигавшей местами по брюхо, попадалась бричка и в ней 2 деревенских барышни, вероятно одного семейства, в шерстяных цветных платьях и таких же шляпках. Гоц закричал: "Эй! вы шляпки, засранки, пошли в полицию! сейчас протокол и в тюрьму. Как вы смеете носить цветные шерстяные платья? В тюрьму, непременно в тюрьму!" Барышни выскочили из брички и бух! в грязь по колени перед Гоцем: "Смилуйся, наше панско милау, мы не в трауре, мы [illegible] по случаю грязи. Мы не знали, не знали, что черное платье запрещено. Не губи нас тюрьмой, смилуйся, пожалуйста!" – "Нет, шельмы," ревел Гоц: "не помилую! Ведь вас засранок в тюрьму." Барышни приползли к Гоцу по пояс в грязи и стали целовать ему руки. "Вон, шельмы, из города; сию минуту, чтоб и духа вашего не пахло!" Барышни, по горло измаранные в грязи, спорхнули на бричку и драла. – Вот видите, пр. Гоц: их испугались! Бьют их раз, шельмы. О я заставлю их бросить этот проклятый траур. Так говоря, мы подошли к перекрестку улиц и вдруг

(13) в[illegible] руководительство встречает червя, хотя ни на одно мгновение не прекращает своей подземной работы – подтачивания русской власти и русского авторитета среди поляков.

14 указать на многие все недостатки Русских, от которых приходится страдать полякам. Если нужно все недостатки того или другого русского сделать известными не только в целой Польше, в Петербурге, но и за границей.

15 После разведывания начальства хотят и удостоверяется, что все эти рассказы и доносы не более как вымысел, как клевета;

имѣется въ накопившейся силѣ плѣнной
Возвратъ этой массы, что не видитъ быта Хранцу, и понимаетъ на подвижнаго смотрѣть косо и недовѣрчиво. Если Польша до сихъ поръ не свободна, тогда то и Австрія не съ освобожденіемъ не засматриваетъ, и въ благопріятный моментъ достигаетъ признанія. Во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть непослѣдовательность и слабое колебаніе со стороны русскаго правительства. Теперь время и съ этимъ; но тогда его будетъ ... безнадежна.

17 1862 г. Ковельско-Волынскій уѣзд. Февраль. 6 ... снѣга. 15,16,17 при св. вѣтрѣ бури и метель. Пропало снѣга. 18,19,20. солнце тихо, днемъ оттепель, ночью морозъ. 21 и 22 - св. вѣтеръ и снѣгъ. 25,26,27 и 28 при сильнѣйшемъ св. вѣтрѣ снѣгъ. Въ городѣ улицы мѣстами засыпаны снѣгомъ на сажень, на поля занесены дороги, нельзя проѣхать. 29 - 6° холода. Солнце.

Мартъ. 1 холода 12°, тихо, солнце. 2,3,4,5,6,7,8 солнце, тихо. Днемъ оттепель, ночью 3 и 4° холода. 9,10 - холода 10°, солнце. Через пруды отличная санная дорога. 11 - холода 6°: солнце, къ вечеру при юв. вѣтрѣ начинаетъ таять. 12 - сильный юз, юв. вѣтеръ, оттепель. 13,14 - дождь. 15,16,17 то дождь, то снѣгъ. Оттепель. 18,19 - пасмурно, оттепель. 20,21 - солнце, оттепель, ночью 4° холода. 22-28 тоже. 29-31 солнце, тепла 10°, теплый юз. вѣтеръ.

Апрѣль. 1-2 небо въ тучахъ, сильнѣйшій юз. вѣтеръ. Въ предмѣстіи дворецъ горитъ 8 хатъ: сгорѣла женщина, вскочившая въ горящую хату, чтобъ вытащить изъ-подъ печи деньги, закопанныя тамъ въ горшкѣ. Страстная суббота. 3 Свѣтлое Христово воскресеніе, сильный юз. вѣтеръ. Пасмурно. 4 тоже вѣтеръ. Многоводье - посносило мосты и разорвало плотины. 5-8 солнце; вѣтеръ сз., тепла 3°. 9 - тучи при сильномъ юз. вѣтрѣ, тепла 15°. 10 - сильнѣйшій юз. вѣтеръ. Въ 12 ч. при 20° тепла гроза и 2 удара грома. 11-15 то дождь, то солнце, тепла 15°. 16 - небо во мглѣ, парно, тепла 18°. Воздухъ пропитанъ грибнымъ ароматомъ весны и слышатся трели соловья. 17-18 дождь. 19-20 солнце, парно, тепла 20°. 21-23 холодно, сз. вѣтеръ, тепла 6°. 24 - сильнѣйшій сз. вѣтеръ, тучи; тепла 3° и снѣгъ. 25 - тоже вѣтеръ и крупа. 26-27 юз. вѣтеръ, тепла 16, солнце. 28-30 - жара, солнце, тепло

22° в тени. Май. 1-2 тепло 19°, солнце,
и морозно(?), вечером мокро(?). 3 жара. Ст[illegible] учителя.
вечером теплый дождь. 4- душно, гроза. 5- солнце, после
тучи и теплый дождь. Цветет сирень и [illegible]. 6-тучи ве-
тер з, ночь холодная. 7-ю ветер, проливной [illegible]
дождь. Тихий теплый вечер. 8-9 тепло 18°, ю. ветер. солнце.
10-12 жара. 13-тучи и крупный дождь, но не долго; после солн-
це, с 14 по 31 ровно солнце; холодные ветры и дождь. Раза 2 буря.
Июнь. 1-4 солнце, ветер юз, тепло 15°. 5-8 то солнце, то ту-
чи и дожди. 9-10 солнце, тепло 24°. Купаются. 11-15 то солн-
це, то грозы с громами и молнией. Новая комета (1856 года)
16-19 солнце, жара, парной дождь. 20-холодный с. ветер. С 21-31 ровно
солнце, холодные с. ветром дождь.
Июль. С 1 по 31 почти каждый день дождь или гроза с громами и
молнией. Холодных дней более, чем теплых. [illegible] ра-
стение хлеба. 6 Июля солнечное затмение не полное. 31 ию-
ля сильное сіяніе
Август 1. Солнечно и душно. К вечеру сильная гроза, 2-9 жара;
10 пасмурно, 2 раза проливной дождь. 11-21 жара, засуха, пыль. С
20-30 жара, 2 раза небольшой дождь. Весь сентябрь прошел в
частых дождях. До Октября жара или дожди. Ученики
VI кл. Венцель Игнатий, Кнечковский(?), Лемарис(?) и Аксаментий(?)
сильно посекли по голому телу взрослого ученика VI кл.
Болеслава Мицкого(?) за то, что он дурно отзывался о
своей двоюродной сестре Пружевской(?), мать которой содержит
ученическую квартиру и вместе с дочерью ведут не-
добрые связи со взрослыми учениками. Ученик VI кл. Хру-
щинский(?) открыл в своей квартире у молодой вдовы
Сузинской(?) для учеников гимназии бордель. Совет опреде-
лил его исключить из гимназии, равно и [illegible]
Мицкого(?), но предводитель дворянства Залесский(?)
и князь Любомирский добились оставления их в гим-
назіи.
18 Собранного(?), [illegible] патріота [illegible] руками(?).
19 Инспектор Кименко(?) [illegible] лицо V кл. [illegible]
чика. Заметив на коридоре много учеников, он при-
гласил их идти в класс и там ждать учителя. [illegible]
[illegible] других на коридоре был [illegible] уче-
ник Аневич-Аневский(?), [illegible].

Вошелъ в классъ, онъ сталъ требовать отъ товарищей наказать инспектора за грубое обращеніе. Ученикъ Ромашевичъ, тихій мальчикъ, выскочилъ на коридоръ, чтобы сбѣгать за забытой тетрадкой. Инспекторъ его возвратилъ в классъ. Это подняло массу в огонь. Алевичъ-Алевскій и др. житомірцы: Фадей и Адамъ Доторовскіе, Прутинскій, Чапницкій и Дверницкій вытолкнули Ромашевича на инспектора, требуя, чтобы онъ побилъ инспектора, а инспектору в открытую дверь кричали: инспекторъ мерзавецъ! Ромашевичъ оробѣлъ и сталъ извиняться передъ инспекторомъ, а товарищи продолжали ревѣть: инспекторъ мерзавецъ. Совѣтъ — по разсмотрѣніи дѣла — рѣшилъ исключить изъ гимназіи Алевича-Алевскаго и Чапницкаго, но польскіе учителя ихъ отстаивали, прямо заявляя, что достанется всѣмъ тѣмъ, кто подастъ голосъ за исключеніе

20 особенно графиня Милятицкія

21 княгини Любомірская и Потоцкая

22 Милятицкіе, Адомскій Венцель и Николай Венковскій

23 Любомірскаго Даниловичемъ

24 Во время директорства Александра Дмитріевича Туманова, который при посредствѣ своей жены Софіи (Раковой) былъ своимъ человѣкомъ в домѣ княгини Любомірской

25 Въ этомъ союзѣ были между прочими сынъ извѣстнаго графа Велеопольскаго и графиня графа Браницкія.

26 а лицеисты заранѣе помнили, если, когда поляки стали, намъ ..., готовившіеся к революціи, они направляли пистолеты и кинжалы на палачей.

27 Степуховскій хотя былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но влюблялся за кѣмъ только могъ. Жила недалеко отъ него, получая пансіонъ, вдова гражданскаго Фридриха. Это того Фридриха, чью первую жену красавицу В. князь Константинъ Павловичъ взялъ в любовницы. Вторая жена Фридриха тоже была хороша, пока не совсѣмъ состарилась. Степуховскій велъ съ нею романъ. Подросла ея старшая дочь — Степуховскій лишилъ ее невинности. Она забеременѣла — Степуховскій отравилъ ее. Подросла другая дочь — ее постигла та же участь: она умерла скоропостижно в холеру и ея смерть приписали холерѣ.

28 Какъ послѣ обѣда Гоцъ настаивалъ на тостѣ за Государя. Онъ самъ выпилъ, а гости и Степурковскій пригубили только чуть изъ бокаловъ. Гоцъ [illegible] играть въ карты, а Степурковскій съ гостями отправился въ комнату. Въ этотъ день бокалъ [illegible] невыпитаго ~~[illegible]~~ шампанскаго. По приказанію Степурковскаго его лакей снялъ въ аптекѣ со стѣны портретъ Государя и прикрѣпилъ его къ каменной стѣнѣ кнопками. Степурковскій провозгласилъ тостъ на погибель русскаго царя и за успѣхъ революціи, за тѣмъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лицо портрета. Гости съ крикомъ: niech żyje Polska! повторили выстрѣлы въ портретъ и растрепали его въ лоскутки. Прислуга Степурковскаго присутствовала при разстрѣливаніи портрета русскаго царя. Въ числѣ прислуги была [illegible] Бабенка, которая имѣла отъ Степурковскаго парнишку лѣтъ восьми или десяти. Она возмутилась разстрѣливаніемъ царя и стала бранить на чемъ попало и пророчить имъ гибель. Лакей донесъ объ этомъ Степурковскому. Бабенка вмѣстѣ съ побочнымъ сыномъ Степурковскаго немедленно была изгнана [illegible]. По городу пошли слухи о разстрѣливаніи портрета государя и русскіе обращались къ Гоцу съ вопросомъ: правда-ли это? Гоцъ ругался [illegible], что все это клевета, что онъ самъ былъ на обѣдѣ, что Степурковскій [illegible] пили въ его присутствіи тостъ за государя.

купилъ пороху и свинцу, а оружіе, выкопанное въ саду Степулковскаго, было объяснено такъ, что провизоръ, занимаясь охотою, имѣлъ у себя ружья, порохъ и свинецъ, давно купленные по дешевой цѣнѣ. Опасаясь, что теперь у него все это могутъ отнять, онъ, тайкомъ отъ С., все это спряталъ въ землю въ саду. Послѣ-же обыска испугавшись, онъ вырылъ все это и хотѣлъ спрятать на хуторѣ. О мортирахъ же никто не зналъ— это виватувки польскія, закопанныя Богъ зняетъ въ какое время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.[1]

(Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII“).

(ОКОНЧАНІЕ).

IV ГЛАВА.

О положительныхъ результатахъ работы проф. Собѣстіанскаго подробно говорить не придется: они болѣе чѣмъ скромны по размѣрамъ и при томъ сомнительны. Да иначе и быть не могло. Если примѣненіе правильнаго научнаго метода обязательно во всякомъ ученомъ трудѣ, то еще въ большей степени это относится къ «историко-критическимъ изслѣдованіямъ». Мы же видѣли, что проф. Собѣстіанскій не даетъ намъ ни правильнаго изложенія ученій, ни научной критической оцѣнки ихъ. Новаго матеріала его книга въ научный обиходъ также не вводитъ. Спрашивается, могутъ ли, при такихъ условіяхъ, получиться *новые* и *важные выводы?* Конечно, нѣтъ! И такихъ выводовъ, дѣйствительно, не имѣется. Во 2-й главѣ своей статьи мы подвергли критическому разбору по существу нѣкоторыя изъ заключеній проф. Собѣстіанскаго. Теперь мы еще приведемъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе того, что вѣрные выводы проф. Собѣстіанскаго не отличаются новизною. *То, что ново—невѣрно, то, что вѣрно—не ново.*

Проф. Собѣстіанскій вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу опроверженіе господствующаго нынѣ сентиментально-поэтическаго взгляда на кроткій, пассивный характеръ древнихъ славянъ. «Объективное изу-

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 11.

ченіе памятниковъ, говоритъ онъ, напротивъ, показываетъ, что древніе славяне были народъ воинственный предпріимчивый и жестокій и весь ихъ бытъ долженъ носить отпечатокъ этихъ коренныхъ свойствъ ихъ характера» (стран. 208). Мы выше замѣтили, что теперь этотъ взглядъ уже не господствуетъ. Теперь же постараемся сгруппировать мнѣнія найболѣе авторитетныхъ современныхъ изслѣдователей о воинственности славянъ, чтобы воочію убѣдиться, какъ похоже на нихъ мнѣніе самого проф. Собѣстіанскаго; тамъ же, гдѣ онъ отступаетъ отъ нихъ, ближе къ истинѣ оказываются старые изслѣдователи. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Д. И. Иловайскій въ своей рецензіи на курсъ всеобщей исторіи проф. М. Н. Петрова: «воинственность свою славяне ясно обнаружили, вытѣснивъ германцевъ силою оружія, на глазахъ исторіи, изъ восточной и отчасти средней Европы и занявъ огромныя пространства. Тотъ не историкъ, кто не понимаетъ, что даромъ, безъ кровопролитныхъ битвъ съ другими народами, было бы невозможно имъ занять свою обширную территорію. Далѣе у славянъ, точно также какъ и у германцевъ, была княжеская власть, были военныя дружины и были высшіе дружинники или бояре—слѣдовательно, была военная (и прибавимъ поземельная) аристократія, были также и рабы. Пора оставить *сентиментальныя* и совершенно неосновательныя мнѣнія старыхъ австрійскихъ славистовъ о мирномъ земледѣльческомъ и *пассивномъ* характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ необыкновенной общественной свободѣ и общемъ равенствѣ и по преимуществу демократическихъ учрежденіяхъ. Родовыя общины и народныя собранія или вѣча равно встрѣчаются у германцевъ и славянъ рядомъ съ княжескою властью. Славяне были такъ же способны къ образованію государства, какъ и нѣмцы» [1]). Внимательный читатель книги проф. Собѣстіанскаго непремѣнно замѣтитъ, что всѣ эти мысли Д. И. Иловайскаго усвоены проф. Собѣстіанскимъ и фигурируютъ въ качествѣ его основныхъ выводовъ. Проф. Собѣстіанскій заявляетъ безъ оговорокъ, что жестокость является кореннымъ свойствомъ славянъ (стр. 208). И. Е. Забѣлинъ, на нашъ взглядъ, высказалъ по этому вопросу болѣе вѣрный взглядъ. «Само собою разумѣется, говоритъ онъ, что въ своихъ отважныхъ набѣгахъ они производили величайшія жестокости, которыя однако не составляли какую либо особую черту славянскаго характера, а принадлежали больше всего характеру вѣка, потому что образованные христіане греки не только не уступали въ

[1]) Рус. Вѣстникъ, 1888, Декабрь, стр. 16.

этомъ всѣмъ сосѣднимъ варварамъ, но по большей части и превосходили ихъ. Варвары выучивались у тѣхъ же грековъ нѣкоторымъ тонкостямъ и великой изобрѣтательности ихъ искусства казнить и терзать своего врага разнообразнѣйшими мученіями... Хитрости и опасности войны воспитывали въ этой Украйнѣ свои добродѣтели и, конечно, свои пороки или свои особые нравы, которые на все здѣшнее племя (карпатскихъ славянъ) налагали особый обликъ, во *многомъ очень различный отъ остальнаго славянскаго населенія»* [1]). Здѣсь проводится мысль объ этнографическихъ особенностяхъ быта разныхъ славянскихъ племенъ, мысль, которая, какъ извѣстно, находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ источникахъ. Макушевъ доказываетъ намъ, что воинственность славянъ нисколько не мѣшала ихъ земледѣльческому быту. Славяне, по его словамъ, занимали мѣста для жительства частью вооруженною рукою, а частью путемъ мирной колонизаціи, селясь съ разрѣшенія правительства на пустопорожнихъ земляхъ. «Славяне, читаемъ мы далѣе, народъ по преимуществу земледѣльческій. Нѣмецкіе путешественники, пріѣзжавшіе изъ самыхъ обработанныхъ странъ южной Германіи къ славянамъ, удивлялись воздѣланности ихъ земель, изобиловавшихъ всѣми родами произведеній». Но воевали они, не только отстаивая свою свободу, не только для защиты родины, но и для военной добычи (вспомнимъ нападенія на Византію, походы руссовъ за Каспій). «Иностранцы удивлялись храбрости и ловкости славянъ, а потому старались заманить ихъ въ свои войска. Такъ мы знаемъ, что тысячи славянъ находились въ войскахъ греческихъ, аварскихъ, хазарскихъ и арабскихъ.

Быстрые и стремительные въ нападеніи, мужественные въ защитѣ своихъ городовъ, славяне умѣли также брать чужіе города. Густымъ строемъ, положивъ щиты на спину, шли они на приступъ. Исторія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ подтверждаетъ эти отрывочные сказанія иностранцевъ о военномъ промыслѣ у славянъ: она представляетъ намъ цѣлые ряды фактовъ, изъ которыхъ мы видимъ, что славяне были также искусны въ наступательной, какъ и въ оборонительной войнѣ. Борьба западныхъ славянъ съ нѣмцами, войны южныхъ славянъ съ византійцами и восточныхъ съ различными сосѣдними народами въ Европѣ и Азіи ознаменованы не только мужествомъ и смѣлостью, но также воинскимъ искусствомъ» [2]). Такъ гово-

---

[1]) Исторія Русской жизни, I, стр. 413, 417.

[2]) Сказ. иностр. о бытѣ и нравахъ славянъ, стр. 2, 118, 129, 132—133.

рилъ Макушевъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальной работѣ, посвященной вопросу о бытѣ и нравахъ древнихъ славянъ—а проф. Собѣстіанскій этого мнѣнія не приводитъ. Остался не извѣстенъ ему также чрезвычайно вѣскій отзывъ о воинственности славянъ проф. В. И. Ламанскаго, который посвятилъ 13 страницъ своего труда разбору ложныхъ мнѣній о характерѣ русскихъ славянъ. «Къ сожалѣнію, говоритъ В. И. Ломанскій, еще по недавнее время раздавались голоса, отрицающіе почти всякую способность движенія и дѣятельности въ славянахъ русскихъ до Варяговъ. Это какъ бы послѣдніе отголоски и остатки нѣкогда весьма сильнаго и многораспространеннаго воззрѣнія на древнихъ славянъ, пущеннаго въ оборотъ Гебгарди и другими авторами, которые вообще не отличались особеннымъ безпристрастіемъ взгляда на славянъ. Строго и рѣзко, но не несправедливо, отозвался однажды Шафарикъ о такомъ воззрѣніи, по которому—«холопство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ удѣломъ славянъ» (затѣмъ В. И. Ламанскій приводитъ этотъ отзывъ Шафарика). Нѣкоторые, рисуя себѣ славянъ совершенно невоинственными, народомъ, легко гнувшимъ шеи и равнодушнымъ къ рабству, и безмѣрно возвышая доблести варяговъ, полагали даже возможнымъ найти подтвержденіе своихъ словъ въ мнѣніи Шафарика о характерѣ древнихъ славянъ. Историкъ не идилликъ; рисовать себѣ древнихъ славянъ онъ можетъ только двояко: или то былъ народъ грубый, мало развитой умственно, но сильный, здоровый, бодрый, любящій законъ отецъ своихъ, всегда готовый постоять за свою свободу, за свои старые обычаи, за свою родину; или же то былъ народъ слабый, забитый, задавленный, повитый въ рабствѣ, слѣдовательно, трусливый, подлый, хитрый, коварный..... Положимъ даже, наконецъ, что незабвенный Шафарикъ нашъ когда нибудь говорилъ такимъ образомъ о славянахъ русскихъ, и все таки строгая критика не позволила бы остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ, не допускающемъ никакой апеляціи, рѣшеніи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ языку славянскому и доказать, что онъ весьма бѣденъ словами военнаго и морскаго дѣла, опровергнуть то, что военныя и морскія слова почти общи всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, слѣд. вещи и предметы, обозначаемые ими, были извѣстны имъ издревле, опровергнуть то, что въ народной поэзіи славянской, въ пѣсняхъ чеховъ, словаковъ, сербовъ, хорватовъ, болгаръ, малороссіянъ, великороссіянъ, лужичанъ, поляковъ—выражается духъ не подлый, не рабскій, а свободный... Но Шафарикъ никогда

не могъ и подумать ничего подобнаго. Шафарикъ, напротивъ, указываетъ на географа Баварскаго, доказывающаго, что у славянъ русскихъ были укрѣпленные города, Нестора, показывающаго, что Русская земля была населена многочисленными славянскими поколѣніями, съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще цѣлой исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, о которой Матвѣй, епископъ краковскій (ок. 1150 г.) воскликнулъ: «Русь... это словно иной міръ... народъ русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ... Вслѣдъ за тѣмъ В. И. Ламанскій приводитъ свидѣтельства о храбрости воинственности и другихъ чертахъ славянскаго характера Прокопія, Маврикія, Льва VI Мудраго, Гельмольда, Дитмара, Видуникда, Адама Бременскаго, Глабера Родульфа, Руотгера... Морскіе грабежи славянъ македонскихъ и адріатическихъ, поселенія славянъ въ Мореѣ и въ Малой Азіи, переходы къ арабамъ, участіе въ ихъ войскѣ—не позволяютъ добросовѣстному ученому и на мигъ усомниться въ присутствіи въ нихъ дерзкой отваги, удальства и предпріимчивости... Вообще обращающіяся у насъ мнѣнія о недостаткѣ энергіи и воинственности у славянъ держатся благодаря слабому нашему знанію, а проще и полному невѣдѣнію славянской исторіи».

Славянская народная поэзія, образцы которой приводитъ пр. В. И. Ламанскій, также убѣждаетъ его въ томъ, что сляване не были слабы и кротки. Воинственность свою они не позаимствовали отъ варяговъ-нѣмцевъ;—это была отличительная черта ихъ собственнаго характера. «Нельзя, такимъ образомъ, согласиться съ тѣми, что упрекаютъ Шафарика въ непослѣдовательности за его объясненіе извѣстнаго мѣста Ѳеофилакта о Славянахъ. Шафарикъ разумѣлъ славянъ невоинственными въ томъ смыслѣ, что они не жили исключительно грабежемъ и насиліями, а не въ томъ, что легко переносили чужія обиды. Напрасно также, кажется намъ, упрекали нѣкоторые Палацкаго за его мнѣніе, ни болѣе ни менѣе какъ справедливое, о томъ, что Фредегарово описаніе обращенія Аваровъ со славянами понимать буквально нельзя и не слѣдуетъ... Позволяемъ себѣ заключить замѣчанія наши о характерѣ Славянъ, объ ихъ удали и предпріимчивости словами знаменитаго ученаго арабскаго XI вѣка, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, Дози, ставитъ такъ высоко, какъ едвали возможно поставить многихъ его западно-европейскихъ современниковъ и по учености, и по уму, и по дарованіямъ; разумѣю слѣдующ. слова славнаго географа Абу-Обеидъ-Иллахъ аль-Бекри († 1094 г.),

которыя привожу во французскомъ переводѣ Шармуа: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus differentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête. Почти такъ-же говоритъ о славянахъ Иродотъ Арабскій, Массуди. Шармуа приводитъ слѣдующія слова Казвини: (1275): Les Slaves, dit Massoudy, se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace[1]) (Charm. p. 340)». Мы привели только отрывки изъ книги пр. К. И. Ламанскаго, чтобы восполнить существеннѣйшій пробѣлъ, допущенный пр. Собѣстіанскимъ. Отсюда видно, на какую широкую почву пр. В. И. Ламанскій ставитъ изслѣдованіе древнеславянскаго характера и какими разнообразными доказательствами онъ пользовался. Между тѣмъ пр. Собѣстіанскій рисуетъ намъ исключительно батальныя картины славянской жизни, собираетъ свѣдѣнія только объ ихъ войнахъ, а извѣстно, что à la guerre, comme à la guerre... Любопытны также замѣчанія В. И. Ламанскаго относительно Шафарика... Гильфердингъ и Котляревскій, которыхъ пр. Собѣстіанскій причисляетъ къ «нетрезвымъ» славистамъ, твердо обосновали вопросъ о воинственности западныхъ Славянъ. Гильфердингъ говоритъ, что главною чертою балтійскихъ Славянъ была воинственность. Всѣ писавшіе о нихъ иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, нерѣдко изображаютъ ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество лютичамъ (Велетамъ)... Другіе балтійскіе Славяне впрочемъ немногимъ, кажется, уступали лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости... «Славянамъ, говоритъ Гельмольдъ, была врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ». Гильфердингъ же отмѣчаетъ суровое обращеніе съ плѣнными, но при этомъ замѣчаетъ [2]), что всѣ эти черты характера западныхъ Славянъ были вызваны мѣстными историческими обстоятельствами. «Условія мѣстности и историческія обстоятельства» породили безконечную борьбу балтійскихъ Славянъ съ ихъ сосѣдями—Нѣмцами и Скандинавами [3])... «Что значитъ захватъ нѣмецкихъ и датскихъ неволь-

---

[1]) О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Спб. 1859, стр. 125—138.

[2]) Собр. Соч. Гильфердинга, т. IV, стр. 30, 35—37. 41.

[3]) Ibidem, стр. 67—68;

никовъ Славянами, что значатъ всѣ ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія цѣлыхъ племенъ, такъ что у Нѣмцевъ и Датчанъ слово Славянинъ стало синонимомъ раба... Что значатъ тѣ, правда страшныя, мученія, коимъ славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали) противъ систематическаго истребленія всего народа славянскаго на балтійскомъ поморьѣ?» [1]).

А вотъ что говоритъ А. А. Котляревскій о внутреннемъ бытѣ балтійскихъ славянъ. «Характеръ занятій народа былъ попреимуществу земледѣльческій»; скотоводство также находилось въ цвѣтущемъ состояніи, также точно какъ и рыболовство, пчеловодство и торговля. «Поморяне пріобрѣли славу искусныхъ воиновъ своими удачными пиратскими набѣгами, а не веденіемъ настоящей войны»; «ожесточенная дикость поморянъ не отъ низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, а была слѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ; это видно изъ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеній и изъ того, что имъ вообще не остались чужды нѣкоторые успѣхи образованности». «Народъ жилъ семействами, а не родами. Власть отца, можно думать, была очень велика, но уже не имѣла той абсолютной безпредѣльности и суровости, какою обыкновенно отличаются чисто патріархальныя семьи. Единственный остатокъ быта такой отдаленной грубой эпохи уцѣлѣлъ въ обычаѣ предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ». «Населеніе жило въ формѣ единоженства; только князь и знатныя богатыя лица пользовались старымъ правомъ многоженства; но при этомъ одна жена считалась законной, остальныя же—наложницами». «Положеніе женщины не было низкимъ: въ качествѣ жены она пользовалась въ семьѣ и обществѣ значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ, а по смерти мужа могла получить даже и нѣкоторую юридическую власть и стать правительницею семейнаго имущества». Княжеская власть не была развита въ Поморьѣ. Религія носила печать, съ одной стороны, мирнаго земледѣльца, боготворащаго силы природы, съ другой — воина-пирата, вносящаго грозу къ сосѣдямъ [2]). Выводы А. А. Котляревскаго, основанные на первоисточникахъ расходятся во многомъ съ заключеніями пр. Собѣстіанскаго. А. А. Котляревскій признаетъ и воинственность, и жестокость, и

---

[1]) Ibidem, стр. 38.

[2]) Сказ. объ Оттонѣ Бамб. Прага. 1874 г., стр. 110, 111, 112, 113, 114, 115, 118, 122.

умерщвленіе дѣтей, но далеко не въ такой безусловной формѣ, какъ пр. Собѣстіанскій; и намъ кажется, что старый изслѣдователь быта Поморянъ ближе къ истинѣ, чѣмъ новый историкъ, оставившій безъ вниманія выводы своего авторитетнаго предшественника, а между тѣмъ онъ долженъ былъ считаться съ ними хотя бы, напримѣръ, въ вопросѣ о многоженствѣ.

Но пр. Собѣстіанскій имѣетъ обыкновеніе, какъ мы видѣли, оставлять безъ вниманія выводы, несогласные съ его мнѣніями. Вотъ почему онъ не привелъ заключенія о характерѣ южныхъ славянъ того автора, котораго онъ самъ считаетъ «трезвымъ», М. С. Дринова. М. С. Дриновъ характеризуетъ не такъ, какъ пр. Собѣстіанскій, отношенія южныхъ славянъ къ Византіи. Начавшись уже въ то время, когда Имперія была еще довольно могущественна, съ конца II-го стол., водвореніе Славянъ въ предѣлахъ ея сначала шло до нѣкоторой степени *тихо и мирно*. Съ согласія правительства, иногда даже по его настоянію, переходили сюда славянскіе переселенцы и занимали отводимыя имъ для жилищъ земли. Тутъ они постепенно привыкали въ дѣйствующимъ въ Имперіи порядкамъ, становились гражданами ея, служили ей, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, давали ей императоровъ, Юстина и Юстиніана и отличныхъ полководцевъ—Анегискловъ, Онагостовъ, Доброгостовъ, Всегоридовъ, Сваруловъ, Велизаріевъ, Татимировъ и пр. Но по мѣрѣ изнеможенія Имперіи, и водвореніе Славянъ въ областяхъ ея измѣнялось, пока не приняло, наконецъ, завоевательную окраску. Временемъ этого перелома въ ходѣ дѣла слѣдуетъ считать послѣднюю четверть V-го вѣка. Съ этой поры начинаются бурныя вторженія воинственныхъ славянскихъ дружинъ, истреблявшихъ власть Имперіи на полуостровѣ и завоевывавшихъ себѣ привольныя жилища въ ея областяхъ. Этотъ способъ заселенія Балканскаго полуострова Славянами проходитъ и черезъ весь VI вѣкъ [1]). Такимъ образомъ, М. С. Дриновъ говоритъ не только о завоеваніяхъ и нападеніяхъ, но и о мирной колонизаціи, которую игнорируетъ проф. Собѣстіанскій. Оставляетъ безъ вниманія проф. Собѣстіанскій и соображенія С. М. Соловьева относительно рабства и человѣческихъ жертвоприношеній. «Развитіе рабства бываетъ или у цивилизованныхъ народовъ, съ развитымъ экономическимъ бытомъ, или у дикихъ народовъ, но завоевателей, которые считаютъ занятіе войной и ея подобіемъ охотой за звѣрями единственно

---

[1]) Засел. Балк. пол., стр. 148—149.

приличнымъ для свободнаго человѣка. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи» [1]). Развитіе человѣческихъ жертвоприношеній у славянъ С. М. Соловьевъ ставитъ въ связь съ историческими условіями ихъ быта.

Ближе къ истинѣ стоятъ прежніе изслѣдователи и въ частныхъ вопросахъ, разбираемыхъ проф. Собѣстіанскимъ. Возьмемъ, напримѣръ, взгляды его на польскія историческія школы. Они представляютъ повтореніе мнѣній Бобжинскаго и Карѣева, только съ однимъ видоизмѣненіемъ, которое впрочемъ оказывается ошибочнымъ. Характеристику Лелевеля проф. Собѣстіанскій беретъ у Карѣева и Бобжинскаго [2]), но при этомъ причисляетъ Нарушевича къ «трезвымъ» славистамъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Нарушевичъ такъ-же идеализировалъ польскую исторію какъ и Лелевель. Вотъ что говоритъ о немъ Бобжинскій: «задача исторіи, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы, описывая великія событія и дѣянія прошлаго, вызывая воспоминанія о минувшей славѣ, пробуждать благородныя чувства въ народѣ, павшемъ отъ узкаго, личнаго эгоизма» [3]). «Классическая манера этой школы (Нарушевича), говоритъ проф. Карѣевъ, выдвигала на первый планъ славныя дѣянія, нисколько не пріучая проникать вглубь духовной и общественной жизни націи». Идеализація характеризуетъ и Нарушевича, и Лелевеля съ тою только разницею, что «классическій стиль, приведшій къ риторикѣ (у Нарушевича), уступилъ мѣсто романтическимъ вліяніямъ» [4]). Мы видѣли, что выводы проф. Собѣстіанскаго не отличаются новизною. Въ самомъ существенномъ вопросѣ о характерѣ древнихъ славянъ онъ высказываетъ мнѣніе, *господствующее* нынѣ въ русской исторической школѣ. Разница между взглядами Ламанскаго, Макушева, Иловайскаго, Забѣлина, Гильфердинга, Котляревскаго—съ одной стороны, и проф. Собѣстіанскаго, съ другой заключается только въ томъ, что послѣдній совершенно голословно и неосновательно считаетъ славянъ первобытнымъ, мла-

---

[1]) Архивъ Калачова, кн. 1-я, М. 1850, стр. 7, 50—51.

[2]) Въ характеристикѣ Лелевеля пр. Карѣевъ сходится съ проф. Бобжинскимъ: тутъ дѣйствовали принципы апріорной философіи, родственной нѣм. національному идеализму того времени, догматы политическаго радикализма, шедшаго изъ Франціи и представленія поэтическаго романтизма, получившаго религіозную мистическую окраску (Вѣст. Евр. 1886, декабрь, 539).

[3]) Исторія Польши, I, 12.

[4]) Вѣстн. Европы 86, декабрь, стр. 538.

денчествующимъ народомъ и слишкомъ категорически говоритъ о его жестокости, игнорируя и этнографическія особенности, и разницу въ историческихъ условіяхъ его существованія.

Въ заключеніе намъ остается отмѣтить еще одну особенность работы проф. Собѣстіанскаго, которая производитъ крайне тягостное впечатлѣніе—его отношеніе къ почетнымъ, авторитетнымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ науки. Особенно строгъ онъ къ Шафарику: его обвиняетъ онъ въ позаимствованіяхъ изъ Гердера, Суровецкаго и Коллара и приводитъ отзывъ о немъ Добровскаго, который заявилъ, что «Шафарикъ—жалкій компиляторъ и фразеръ» (стр. 45); «вся V-я глава, говоритъ проф. Собѣстіанскій, къ составленію которой Шафарикъ приступалъ «съ чувствомъ религіознаго страха», принадлежитъ не ему и является дословнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ, съ незначительными лишь сокращеніями, двухъ церковныхъ проповѣдей Коллара, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать возрожденію чешскаго народа... Просматривая V-ю главу Шафарика, мы нигдѣ не встрѣчаемъ ссылокъ на трудъ Коллара и лишь въ концѣ главы, въ послѣднемъ примѣчаніи, въ числѣ пособій упоминаются «Dobre wlastnosti narodu slowanskèho» (стр. 45). Тутъ ужъ прямое обвиненіе въ плагіатѣ; не упомянуто только самое слово плагіатъ.

На сколько же основательно это тяжкое обвиненіе патріарха нашего славяновѣдѣнія?

Проф. Собѣстіанскій совершенно игнорируетъ то, что сказалъ самъ Шафарикъ въ предисловіи къ своему труду относительно способа пользованія источниками. «Jch habe, говоритъ онъ, das in meinen Plan passende meist wörtlich daraus entlehnt...» [1]). Въ его планъ прямо входило по большей части буквально заимствовать изъ источниковъ. Спрашивается, можно ли послѣ этого обвинять Шафарика въ плагіатѣ или негласномъ позаимствованіи? Почему проф. Собѣстіанскій умолчалъ объ этомъ заявленіи Шафарика? Въ какомъ свѣтѣ теперь выступаетъ передъ нами проф. Собѣстіанскій, въ особенности, если мы вспомнимъ, что самъ онъ далеко не безупреченъ въ этомъ отношеніи. Мы видѣли (во 2-й главѣ), какъ онъ пользуется источниками, какъ онъ, ссылаясь на Добровскаго, дѣлалъ на самомъ дѣлѣ буквальное заимствованіе у Шафарика, мы отмѣтили сходство его выводовъ съ заключеніями прежнихъ изслѣдователей. Приведемъ въ дополненіе къ этому только еще одинъ характерный примѣръ. Наибо-

---

[1]) Geschichte der slawischeu Sprache und Ziteratur. Ofen. 1826, p. VII.

лѣе самостоятельными представляются тѣ страницы книги проф. Собѣстіанскаго, которыя посвящены уясненію вліянія Гердера. На самомъ же дѣлѣ вопросъ о вліяніи Гердера на славянскую исторіографію не новъ—онъ имѣетъ уже цѣлую исторію, которую впрочемъ игнорируетъ проф. Собѣстіанскій и, что любопытнѣе всего—первую нить далъ проф. Собѣстіанскому все тотъ же осуждаемый и обвиняемый имъ въ компиляторствѣ Шафарикъ: въ текстѣ своей книги (исторіи славянскаго языка и литературы) онъ привелъ большую часть того отрывка изъ Гердера, которымъ воспользовался и проф. Собѣстіанскій [1]).

Изъ русскихъ славистовъ упрекали Шафарика за усвоеніе мнѣнія Гердера о кротости славянъ Венелинъ и Савельевъ. «Ужели Шафарикъ не замѣтилъ, что со временъ Карла Великаго... славянскія племена всегда были бойчѣе и буянистѣе тевтонскихъ и что съ тѣхъ поръ уже слова кроткіе, спокойные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами именно принадлежатъ нѣмецкому характеру. Но увы! *Шафарикъ начиталъ это мнѣніе у Гердера»* [2]). Савельевъ-Ростиславичъ пишетъ: «удивительно, какъ не пришли на память эти мѣста изъ Гельмольда и Юлія Цезаря (о морской предпріимчивости балтійскихъ венедовъ) прежнимъ изыскателямъ, толковавшимъ о балтійской славянщинѣ и вообразившимъ, будто венеды были народъ миролюбивый, не знавшій оружія. Добрый, благородный Гердеръ, умѣвшій цѣнить нравственныя достоинства нашего племени, самъ однакоже ошибся и другихъ вовлекъ въ ошибку мнѣніемъ о тихомъ, спокойномъ характерѣ этихъ племенъ, представляемыхъ вездѣ какими то аркадскими пастушками вопреки всѣмъ событіямъ достовѣрныхъ временъ балтійской Славіи. Въ Германіи, пишетъ Гердеръ, славяне занимались земледѣліемъ, плавленіемъ металловъ, добываніемъ соли, приготовленіемъ полотна, варили медъ, сажали растенія и вели жизнь мирную и музыкальную. Они были кротки, гостепріимны до расточительности; несчастіе и порабощеніе славянъ произошли отъ того, что они не умѣли дать себѣ прочнаго военнаго устройства, хотя и не имѣли недостатка въ оборонительной храбрости. Нѣмцы много передъ ними виноваты—«заключаетъ Гердеръ (Ideen zur qeschichte der Menschheit)». Этотъ благородномыслящій нѣмецкій писатель не старался, во

---

[1]) Ibidem, p. 16—17, 51.

[2]) См. этотъ отрывокъ въ Слав. Сбор. Савельева-Ростиславича. Спб. 1845, стран. CCIII.

преки исторіи, представить славянъ варварами; но вполнѣ раздѣлять его мнѣнія не дозволяетъ логика, соображающая такое описаніе съ событіями, засвидѣтельствованными исторіею среднихъ вѣковъ, и съ разсказомъ Цезаря. Славный исторіографъ нашъ (т. е. Карамзинъ), увлеченный тѣми же понятіями, писалъ: «миролюбивое свойство балтійскихъ славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ *картину счастія*, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи» (Ист. Государ. Рос., изд. 2 е I, 27)... Далѣе Савельевъ опровергаетъ мнѣніе одного бросателя высшихъ взглядовъ, «кандидата въ Нибуры», основанное на характеристикѣ Гердера (разумѣется Полевой). «Извѣстный авторъ «Россіи» (т. е. Булгаринъ) замѣтилъ: весьма странно, что наши историки приписываютъ славянамъ исключительное занятіе земледѣліемъ и какую то страсть къ нему или врожденную склонность! Это свойство всѣхъ европейскихъ туземцевъ, а не однихъ славянъ. Положеніе обитаемой страны опредѣляетъ занятія народа» [1]).

Обобщая все сказанное, мы должны сознаться, что для уясненія вопроса о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ нужно написать новое сочиненіе, ибо книга проф. Собѣстіанскаго его совсѣмъ не разрѣшаетъ.

Д. И. Багалѣй.

---

[1]) Слав. Сборникъ, стр. 95—96, прим. 40-е, ч. II, стр. 115.

Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ харьковскомъ университетѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

4-го ноября сего 1892 года исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины истиннаго виновника основанія университета въ Харьковѣ—Василія Назарьевича Каразина.

Состоящій при университетѣ Каразинскій комитетъ, занимающійся изысканіемъ средствъ для постановки ему памятника, по-

далъ мысль о необходимости устройства въ этотъ день чествованія этого замѣчательнаго дѣятеля, оказавшаго огромныя услуги и университету, и городу Харькову, и всему южно-русскому краю. Предложеніе это было встрѣчено сочувственно въ совѣтѣ, утверждено имъ и днемъ чествованія назначено воскресенье 8 ноября (опредѣляя праздничный день, совѣтъ желалъ дать возможность присутствовать на торжествѣ и тѣмъ лицамъ, которымъ обычныя ихъ занятія не позволили бы явиться въ будничное время). Къ участію въ актѣ чествованія были приглашены мѣстныя власти — военныя и гражданскія, а также представители всѣхъ тѣхъ сословій, которыя нѣкогда откликнулись на призывъ В. Н. Каразина и дѣлали значительныя пожертвованія на заведеніе университета въ Харьковѣ.—Чествованіе состоялось по заранѣе составленной и отпечатанной программѣ, раздававшейся всѣмъ присутствовавшимъ на актѣ; на первой страницѣ этой программы былъ помѣщенъ портретъ В. Н. Каразина, который мы здѣсь воспроизводимъ.

Послѣ заупокойной литургіи и панихиды, совершенныхъ проф. богословія о. Вас. Добротворскимъ, приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ чай въ помѣщеніи библіотеки, а по окончаніи его всѣ перешли въ актовый залъ, биткомъ набитый разнообразною публикой. Величественный видъ представлялъ въ это время залъ. Съ одной стороны каѳедры стоялъ большой, писаный масляными красками, портретъ В. Н. Каразина [1]), роскошно декорированный тропическими растеніями и вѣнками; съ другой—цѣлая коллекція фотографій и рисунковъ, имѣющихъ отношеніе къ виновнику торжества; тутъ были фотографіи съ трехъ портретовъ, воспроизводившихъ его изображеніе въ разные моменты жизни (одинъ въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ, два другіе — въ старческомъ); тутъ было два портрета его жены (внучки извѣстнаго собирателя документовъ о дѣяніяхъ Петра Вел.—Блинова); на одномъ она изображена еще дѣвицей, на другомъ—60-ти лѣтней старушкой; здѣсь былъ видъ села Кручика,

[1]) Портретъ этотъ былъ исполненъ въ 1817 г. въ Петербургѣ академикомъ Шведе и представляетъ копію съ миніатюрнаго портрета, написаннаго въ 1803 году франц. эмигрантомъ гр. де-Шатобуромъ.

принадлежавшаго Каразину, и надгробной часовни его въ г. Николаевѣ; эскизъ памятника, исполненный Микѣшинымъ, и друг. Первые ряды креселъ заняты были почетными посѣтителями: тутъ былъ г. начальникъ губерніи, корпусный командиръ, начальникъ штаба его, начальники дивизій, вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, исправ. д. предсѣдателя губернской земской управы, городской голова, in corpore со всѣми гласными думы, ректоръ университета, всѣ деканы, много профессоровъ; наконецъ, спеціально пріѣхавшій на торжество изъ Петербурга, внукъ В. Наз. и единственный его потомокъ по прямой линіи, извѣстный художникъ и литераторъ Ник. Ник. Каразинъ; далѣе, сидѣло множество публики, а за колоннами и на хорахъ расположились студенты. Студенческій хоръ подъ управленіемъ г. Туровѣрова исполнилъ молитву „Царю Небесный", послѣ которой взошелъ на каѳедру ректоръ университета проф. М. М. Алексѣенко и открылъ собраніе краткою рѣчью въ которой указалъ на постановленіе совѣта о чествованіи памяти В. Н. Каразина и выразилъ глубокую признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, откликнувшимся на призывъ университета и явившимся на настоящее торжество; въ заключеніе онъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ то обстоятельство, что среди присутствующихъ находится и внукъ В. Н., художникъ Ник. Ник. Каразинъ. Вслѣдъ за тѣмъ заслуженный орд. проф. деканъ историко-фил. факультета А. Е. Лебедевъ сказалъ рѣчь: „Объ учрежденіи университета въ Харьковѣ въ 1805 г., при участіи сословій, по почину В. Н. Каразина". Вотъ полный и подлинный текстъ этой прочувствованной рѣчи.

Имя В. Н. Каразина, память котораго мы собрались теперь чествовать, неразрывно связано съ именемъ Харьковскаго университета. Ему принадлежала мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ же съ изумительною настойчивостію, какую могла давать ему только его горячая любовь къ родинѣ и просвѣщенію, достигъ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, и осуществленія ея—къ великой радости всего мѣстнаго населенія, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ въ значительной степени, нужно впрочемъ сказать, имъ-же (Каразинымъ) внушеннымъ, отнесша-

гося къ учрежденію въ Харьковѣ университета. Воодушевленное его пламенными рѣчами о тѣхъ выгодахъ — духовныхъ и матеріальныхъ,—какія могъ-бы доставить Харьковской губерніи учрежденный въ Харьковѣ университетъ, дворянство Харьковской губерніи жертвуетъ значительную сумму въ 400,000 рублей на устройство университета, изъяснивъ въ протоколѣ засѣданія по этому предмету (1 сент. 1802 г.), что оно, „обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди изобилія природнаго, на представляемыя этимъ изобиліемъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить университетъ". Вмѣстѣ съ этимъ оно приглашало—и не напрасно—къ пожертвованіямъ на этотъ предполагаемый университетъ дворянства и другихъ южныхъ губерній, выставляя имъ на видъ, что въ выгодахъ учрежденія университета въ Харьковѣ будутъ участвовать и они. Такимъ образомъ, екатеринославское дворянство постановило пожертвовать на учрежденіе этого университета 108,200 р.; херсонское дворянство 40,500 р. По примѣру дворянства харьковской губерніи, и соревнуя ему, и горожане харьковскіе, съ своей стороны, въ засѣданіи городской думы постановили: вносить въ пользу университета въ продолженіи 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то есть— по одному проценту съ четвертью ежегодно, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города,—мотивируя это постановленіе тѣмъ, что „независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія производитъ просвѣщеніе на жителей", отъ учрежденія университета предвидятся и прямыя матеріальныя выгоды для города, какъ то: „умноженіе его населенности, распространеніе торговли и промысловъ, приращеніе въ оборотѣ денегъ"; причемъ добавлялось, что съ теченіемъ времени, „какъ благосостояніе города умножится, могутъ они и увеличить сумму взноса, или прибавить число лѣтъ", и выражалась увѣренность, что „достаточные изъ купцовъ, независимо отъ тѣхъ, обязательныхъ по постановленію думы, взносовъ, готовы будутъ и на частные взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго". И эта увѣренность не была напрасною: извѣстно напримѣръ, значительное по-

жертвованіе харьковскаго купца Аникѣева—въ 3000 руб.—Подобнымъ же образомъ и уѣздные города харьковской губерніи изъявляли готовность отчислять въ пользу университета половину, или двѣ трети откупной суммы, а равно также представляли отъ наиболѣе состоятельныхъ горожанъ и особыя жертвованія.—Общая сумма этихъ денежныхъ взносовъ и жертвованій на учрежденіе въ Харьковѣ университета отъ дворянъ и горожанъ харьковской губерніи исчислялась въ 618000 рублей. Не остались безучастными къ учрежденію въ Харьковѣ университета и харьковскіе войсковые обыватели, пожертвовавшіе въ пользу университета 150 десятинъ земли—теперешній университетскій садъ съ окрестностію. А войсковой обыватель купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизненно жертвовать на университетъ по 50 р. въ годъ.—Но еще, быть можетъ, знаменательнѣе выразило свое сочувствіе зарождавшемуся университету—хотя и не денежными уже жертвованіями — духовенство, особенно въ лицѣ самаго епископа тогдашняго — Христофора Сулимы. При праздновани открытія университета 17 генв. 1805 года учредительная грамота университета торжественно, при колокольномъ звонѣ, внесена была въ соборный храмъ, гдѣ принялъ ее—предъ началомъ литургіи—самъ преосвященный и положилъ на особо приготовленный для нея аналой, на которомъ она и оставалась до конца службы. Въ концѣ литургіи преосвященный, до того времени никогда не говорившій при торжественныхъ собраніяхъ проповѣдей, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. Затѣмъ грамота, въ сопровожденіи преосвященнаго же и служившаго съ нимъ духовенства, въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, перенесена была въ университетъ, гдѣ и положена была архіерейскими руками на предназначенное ей мѣсто. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ цар. Имп. Александра 1-го“, *Сухомлинова*, въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“... стр. 139—140.) Лѣтъ 45 прежде, великій дѣятель и ревнитель просвѣщенія Ломоносовъ, проэктируя устройство Университета въ С.-Петербургѣ, въ числѣ „привилегій“ будущаго университета находилъ необходимымъ поставить и такую, какъ условіе спокойной и безпрепятственной дѣя-

тельности университета: „духовенству, къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. („Матеріалы для біографіи Ломоносова“, собранные *Билярскимъ*, стр. 418). При открытіи Харьковскаго университета, представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку; свое довѣріе и сочувствіе къ университетской наукѣ представитель духовенства—преосвященный Христофоръ Сулима явилъ и потомъ, когда дозволилъ Харьковскимъ семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи въ университетѣ, особенно нуждавшіяся тогда въ слушателяхъ, не боясь для будущихъ служителей алтаря вреда отъ ученій, правду физическую показующихъ. Такимъ образомъ, по иниціативѣ В. Н. Каразина, при общемъ и дѣятельномъ сочувствіи всѣхъ слоевъ общества, начался Харьковскій университетъ, теперь ужъ близъ столѣтія совершающій свою просвѣтительную миссію для края, Россіи, и, наконецъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ дѣятелей, имена которыхъ пользуются почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ и принадлежатъ уже всемірной исторіи просвѣщенія, несущій посильную лепту и въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній! Значеніе этой просвѣтительной дѣятельности университета не нуждается въ доказательствахъ; доказывать его значило-бы возвращаться къ тому темному и давно минувшему времени, когда, скажемъ словами сатирика того времени—Кантемира, какой-нибудь—

„Critонъ съ четками въ рукахъ вздыхалъ и ворчалъ,
И просилъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами“.

Не нуждаясь въ доказательствахъ полезности научнаго знанія, Харьковъ можетъ считать себя—только счастливымъ, что именно въ немъ устроился такой просвѣтительный центръ, такъ высоко поднявшій значеніе города, и благословлять память лица, такъ много для этого дѣла потрудившагося.—А еще болѣе, конечно, долженъ благословлять—и благословляетъ—эту память

самъ университетъ, усиліями этого лица созданный. Совершенно естественно поэтому, что именно здѣсь, въ университетской средѣ, и возникла впервые мысль, теперь, повидимому, близкая уже къ осуществленію, о сооруженіи памятника виновнику основанія Харьковскаго университета,—мысль, уже въ 1873 году такъ твердо и горячо высказанная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ въ его актововой университетской рѣчи о В. Н. Каразинѣ. Совершенно понятно также и это, совершаемое теперь, всесословное чествованіе памяти В. Н. Каразина въ торжественномъ собраніи, въ зданіи университета и по почину университета.

Да празднуется же свѣтло въ нашемъ соединенномъ и единствомъ настроенія объединенномъ собраніи эта дорогая для всѣхъ насъ память неутомимаго, для блага земли родной, радѣтеля просвѣщенія, вдохновляя и насъ къ тому добру, которому онъ былъ неустанный служитель!

Рѣчь эта была принята весьма сочувственно публикой и ораторъ награжденъ аплодисментами. Затѣмъ хоръ студентовъ исполнилъ отрывокъ изъ знаменитаго Requiem'а Моцарта (Dies irae), а студенческій оркестръ—Chant sans paroles—Чайковскаго. Послѣ этого взошелъ па каоедру орд. проф. Д. И. Багалѣй и произнесъ обширную рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина". Вотъ краткое изложеніе этой рѣчи, какъ она воспроизведена на страницахъ мѣстныхъ „Губ. Вѣд." (полный текстъ рѣчи появится въ 1-й книжкѣ „Ученыхъ Записокъ Имп. Харьк. Университета", которыя начнутъ выходить съ января 1893 года).

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя была посвящена выясненію одной, но самой важной стороны въ жизни В. Н. Каразина—его просвѣтительной дѣятельности. За страстную любовь къ просвѣщенію, Каразина называли украинскимъ Ломоносовымъ—и между ними были дѣйствительно нѣкоторыя точки соприкосновенія. Дѣятельность В. Н. Каразина на пользу просвѣщенія дѣлится на 3 момента—служба въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, заботы объ устройствѣ университета въ Харьковѣ и занятія въ с. Кручикѣ.

У Каразина выработался чрезвычайно широкій взглядъ на задачи литературы, что видно изъ его рѣчи, произнесенной въ

обществѣ любителей Россійской Словесности. Народное образованіе онъ ставилъ на первомъ планѣ среди всѣхъ государственныхъ заботъ. Въ такомъ направленіи онъ дѣйствовалъ и на практическомъ полѣ—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которое ему главнымъ образомъ было обязано и своимъ существованіемъ: онъ подалъ императору Александру I-му идею о его основаніи; онъ же былъ потомъ назначенъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ; но служба его здѣсь была непродолжительна: министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій не долюбливалъ его и устранилъ отъ должности.

Состоя на службѣ въ министерствѣ и проживая главнымъ образомъ въ Петербургѣ, В. Н. не забывалъ роднаго Харькова, въ немъ старался учредить университетъ—и его усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: университетъ его трудами былъ созданъ и открытъ въ 1805 году. В. Н. Каразину принадлежитъ *первая* мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, какъ это видно изъ письма его къ извѣстному священнику Фотіеву, относящагося еще къ началу 1802 г. Онъ составилъ „предначертаніе" будущаго университета и прочиталъ его въ общемъ собраніи харьковскаго дворянства. Новый университетъ, по мысли В. Н., долженъ былъ представить нѣчто грандіозное; въ немъ предполагалось 9 отдѣленій (вмѣсто четырехъ обычныхъ факультетовъ), въ томъ числѣ богословское, военное, инженерное и т. п. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стояли и самыя постройки: онѣ должны были представлять цѣлый учебный городокъ. Но любопытно, что всѣ средства, необходимыя на содержаніе этого всеучилища, В. Н. надѣялся получить изъ общественныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ, Харьковскій университетъ, по проекту Каразина, долженъ былъ явиться подобіемъ нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки. „Предначертаніе" Каразина было одобрено слободско-украинскимъ дворянствомъ и вызвало извѣстное пожертвованіе въ 400,000 руб. Здѣсь проф. Багалѣй подробно остановился на просвѣтительныхъ теченіяхъ въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ во 2-й половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія; они подготовили почву для В. Н. Каразина. Было два такихъ теченія, двѣ сти-

хіи—западно-русская и европейская. Выразителями первой былъ украинскій философъ Гр. С. Сковорода и харьковскій коллегіумъ, второй—литературный кружокъ сумскаго помѣщика А. А. Палицына. Д. И. Багалѣю удалось доказать, что лица, обнаружившія особенную ревность къ идеѣ Каразина, были частію духовными учениками Гр. С. Сковороды, частію же входили въ литературный кружокъ Палицына. Гр. С. Сковорода насаждалъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества *культъ* науки и былъ ходячимъ университетомъ; вліяніе его выразилось даже на В. Н. Каразинѣ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и Харьковскій коллегіумъ, представлявшій всесословное учебное заведеніе. Въ Сумскомъ уѣздѣ нашло себѣ пріютъ европейское просвѣтительное движеніе; еще въ 1767 г. сумскіе дворяне выражали желаніе имѣть университетъ у себя въ Сумахъ; въ томъ-же Сумскомъ уѣздѣ возникъ и литературный кружокъ помѣщика и архитектора Палицына, къ которому (кружку) принадлежалъ Каразинъ. В. Н. Каразинъ опирался на сочувствіе къ его идеѣ всѣхъ этихъ лицъ, но это нисколько не уменьшаетъ его личной заслуги въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета; онъ долженъ былъ побѣдить равнодушіе однихъ и противодѣйствіе другихъ. Онъ привлекъ къ пожертвованіямъ всѣ сословія: одни давали отъ своихъ имуществъ, другіе отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) предоставили землю, которая еще не такъ давно представляла изъ себя дикое поле и была отвоевана у татаръ ихъ предками. В. Н. Каразинъ принималъ также живѣйшее участіе въ подготовительной дѣятельности для открытія университета, работая совмѣстно съ Тимковскимъ.... Подобныя заслуги, конечно, не могли остаться незамѣченными—и современники признавали Василія Назарьевича истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ аттестатъ, выданный Каразину общимъ собраніемъ харьковскихъ дворянъ послѣ прочтенія его „предначертанія"; въ немъ дворянство выражаетъ ему глубокую признательность за идею объ устройствѣ въ Харьковѣ университета и за готовность ходатайствовать объ этомъ передъ Государемъ. Это сознаніе нашло себѣ выраженіе и со стороны

частныхъ лицъ—проф. харьковскаго университета Реммеля и священ. Фотіева, который написалъ Василію Назарьевичу, сейчасъ-же послѣ открытія университета, сердечное письмо, отражавшее въ себѣ настроеніе и отношеніе къ Каразину всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ посѣтителей. Затѣмъ профес. Багалѣй привелъ еще 3 весьма знаменательныхъ свидѣтельства, доказывающихъ, что сознаніе это не сгладилось и въ послѣдующее время—протоколъ совѣта о выборѣ Василія Назарьевича въ почетные члены университета, письмо попечителя на имя предсѣдателя Гражданской Палаты съ указаніемъ на собранные профессорами 1280 руб. для погашенія долга Василія Назарьевича графу Подгоричани и такое же письмо Харьковскаго городскаго головы, вручившаго для той же цѣли сумму въ 1200 р.

Послѣ выхода въ отставку В. Н. поселился въ своемъ селеніи Кручикъ и тамъ сталъ заниматься научными изслѣдованіями и опытами; химія, агрономія и метеорологія въ особенности привлекали его вниманіе. Кромѣ духа научной пытливости, его влекла къ этимъ занятіямъ и любовь къ родной Украйнѣ, желаніе поднять ея культуру; эта любовь подвинула его прежде къ основанію Харьковскаго университета; она же теперь увлекала его къ занятіямъ, которыя могли имѣть непосредственное практическое примѣненіе и принести пользу населенію. Трудно перечислить всѣ опыты его. С. Кручикъ было по истинѣ однимъ изъ видныхъ просвѣтительныхъ центровъ всего Харьковскаго края. Тутъ была химическая лабораторія, опытное поле, особыя зернохранилища, метеорологическая станція (первая въ губерніи), огромная библіотека, производились опыты унавоживанія, велась хозяйственная статистика. Отрицая коренное основаніе крѣпостнаго права—власть помѣщика надъ личностью крестьянина, В. Н. роздалъ своимъ поселянамъ земли въ собственность за извѣстныя опредѣленныя повинности и ввелъ у нихъ особое самоуправленіе подъ именемъ сельской думы; онъ же урегулировалъ отношенія ихъ къ священнику и построилъ сельское училище. Все это не могло остаться (и дѣйствительно не осталось) безъ вліянія на окружающую среду. Кромѣ того, Василій Назарьевичъ, живя въ

Кручикѣ, писалъ статьи для тогдашнихъ „Харьков. Губ. Вѣд.“ и проводилъ въ нихъ свои просвѣтительные взгляды. Въ одной изъ нихъ онъ, напримѣръ, доказывалъ необходимость устройства въ Харьковѣ женскаго ремесленнаго училища, изъ котораго выходили-бы народныя учительницы, экономки и т. п.; женское образованіе онъ считалъ необходимымъ не только для средняго, но и для низшаго класса общества (и это онъ говорилъ за годъ до смерти, на 69-мъ году жизни!). Умеръ онъ въ гор. Николаевѣ за работой на пользу общества. Немедленно послѣ его смерти появился въ высшей степени сочувственный некрологъ въ „Моск. Вѣд.“, а затѣмъ оцѣнкой его дѣятельности занялись ученые изслѣдователи, которые всѣ сходятся другъ съ другомъ въ признаніи его огромныхъ заслугъ передъ своимъ краемъ и даже всей Россіей. Особенно интересенъ отзывъ извѣстнаго историка Погодина, лично знавшаго В. Н. Каразина. По мнѣнію проф. Балалѣя, В. Н. вполнѣ заслужилъ себѣ памятникъ въ Харьковѣ: нѣкоторыя отрицательныя свидѣтельства вызваны главнымъ образомъ характеромъ В. Н. Каразина. На выясненіи особенностей характера В. Н. Д. И. Багалѣй остановился съ особеннымъ вниманіемъ и представилъ опытъ психологической характеристики Каразина. Въ заключеніе было высказано нѣсколько пожеланій—чтобы поскорѣе было издано въ свѣтъ собраніе сочиненій Василія Назарьевича съ оцѣнкою ихъ содержанія, чтобы мысль о его заслугахъ перешла изъ книгъ въ живое сознаніе массы и чтобы Каразины чаще являлись у насъ, дабы двигать общество по пути всяческаго прогресса.

Лекторъ и встрѣченъ, и провожаемъ былъ громкими и продолжительными аплодисментами. Нѣсколько прочувствованныхъ словъ, какъ бы въ отвѣтъ на двѣ предъидущія рѣчи, произнесъ представитель рода Каразиныхъ—Ник. Ник. Каразинъ. Указавъ, какова была основная идея дѣятельности Васил. Назарьевича, стремленіе къ совершенствованію во всѣхъ сферахъ жизни, онъ заявилъ, что испытываетъ чувство величайшаго счастія и отрады, присутствуя на *свѣтломъ* праздникѣ своего дѣда; я вижу, говорилъ онъ, что надъ этимъ университетомъ *какъ будто вѣетъ что-то*, оставшееся послѣ моего дѣда; это что-то любовь къ свѣту, знанію.

Эти прочувствованныя слова, это приподнятое настроеніе сообщились и присутствовавшимъ и дополнили впечатлѣніе, произведенное рѣчами двухъ первыхъ ораторовъ. Въ антрактѣ спѣтъ былъ хоръ изъ оперы „Нижегородцы“ Направника и съигранъ маршъ Мендельсона изъ сочин. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Послѣ этого вице-предсѣдатель комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину орд. проф. Ю. И. Морозовъ прочелъ краткій историческій очеркъ возникновенія вопроса о сооруженіи памятника Каразину и отчетъ комитета о результатахъ сбора пожертвованій на него. Мысль о памятникѣ, оказывается, возникла еще въ 1865 году, на обѣдѣ у тогдашняго ректора университета проф. Кочетова. Затѣмъ ее печатно проводили проф. Н. А. Лавровскій и писатель Г. П. Данилевскій. Сочувственно относился къ ней и извѣстный русскій историкъ М. П. Погодинъ, который писалъ Н. А. Лавровскому: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію, долженъ засвидѣтельствовать благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденіи дасть вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того какъ поставленъ Вилье. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе, члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержатъ мнѣніе“. Въ 1874 г. вопросъ о памятникѣ былъ поставленъ на практическую почву: харьковское губернское земство пожертвовало для этой цѣли 5000 р., которые въ настоящее время наращеніемъ процентами достигли суммы 8000 руб. Въ 1875 г. была Высочайше разрѣшена повсемѣстная подписка; но она не дала почти никакихъ результатовъ, потому что свѣдѣнія о ней вовсе почти не были распространены. Въ виду этого въ 1888 году совѣтъ университета избралъ коммиссію изъ четырехъ профессоровъ—Багалѣя, Додукалова, Куплевасскаго и Морозова—и поручилъ этой коммиссіи рѣшить вопросъ о мѣрахъ къ распространенію свѣдѣній о подпискѣ въ обществѣ. Коммиссія въ 1891 г. была преобразована въ комитетъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ 4-хъ названныхъ выше профессоровъ, ректоръ университета, предсѣдатель губернской земской

управы и два родственника покойнаго Вас. Наз.—богодуховскій землевладѣлецъ И. И. Каразинъ и петербургскій художникъ Н. Н. Каразинъ. Мѣрами бывшей коммиссіи и комитета собрана сумма около 3000 руб.; такъ что всего имѣется на памятникъ 10904 руб. 48 коп. Сверхъ того, 4-го ноября харьковская городская дума ассигновала изъ городскихъ средствъ 1000 руб., а среди гласныхъ по подпискѣ было собрано 600 руб. Нельзя не отмѣтить здѣсь въ высшей степени сочувственнаго отношенія городской думы къ вопросу о памятникѣ. Тутъ, очевидно, имѣлъ вліяніе интеллигентный составъ нынѣшняго городскаго представительства. 4-го ноября, когда исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина, въ помѣщеніи думы была отслужена панихида по Вас. Назарьевичѣ и произнесены рѣчи о его заслугахъ на пользу города Харькова; горячее слово между прочимъ сказалъ заступающій мѣсто городскаго головы членъ управы Ѳ. А. Павловскій; другіе также говорили въ пользу ассигновки; въ результатѣ и явилось то пожертвованіе, о которомъ мы говорили выше. Кстати замѣтимъ, что сборъ пожертвованій на памятникъ продолжается и въ настоящее время и долженъ быть направляемъ въ Харьковъ, въ университетъ, на имя предсѣдателя комитета—ректора университета или членовъ его—названныхъ выше профессоровъ [1]).

Общее впечатлѣніе отъ акта чествованія было самое лучшее. Всѣ вышли съ чувствомъ удовлетворенія, что изумительная по своей энергіи дѣятельность В. Н. Каразина на пользу просвѣщенія харьковскаго края нашла себѣ въ настоящее время всеобщее признаніе. Самыя свѣдѣнія о личности В. Назарьевича, всегда стремившагося впередъ, не падавшаго духомъ отъ неудачъ и до самой глубокой старости сохранившаго свѣжесть мысли и чувства, производили ободряющее впечатлѣніе; являлась вѣра въ силу и значеніе индивидуальной дѣятельности даже и среди неблагопріятныхъ общественныхъ условій.

На другой день состоялось засѣданіе Каразинскаго комитета. Комитетъ воспользовался присутствіемъ въ своей средѣ ху-

---

[1]) Редакція „Кіев. Стар.“ также принимаетъ пожертвованія для этой цѣли.—*Ред.*

дожника Ник. Ник. Каразина и осмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ различныя мѣста въ городѣ, гдѣ можно было бы поставить памятникъ; намѣчено три мѣста (университетская горка, Николаевскій скверъ и университетскій садъ), но окончательный выборъ одного изъ нихъ отложенъ еще на нѣкоторое время. По окончаніи засѣданія уважаемый ректоръ университета Мих. Март. Алексѣенко пригласилъ почтеннаго гостя Ник. Ник. Каразина, членовъ комитета и гг. декановъ къ себѣ на обѣдъ; всѣ собравшіеся были проникнуты и согрѣты однимъ общимъ чувствомъ— любовью къ университету и глубокою благодарностью къ виновнику его основанія В. Наз. Каразину. Какъ бы живымъ напоминаніемъ объ этомъ послѣднемъ являлся внукъ его Ник. Ник. Каразинъ; онъ былъ своимъ, какъ бы роднымъ, въ этомъ обществѣ, съ которымъ онъ познакомился только наканунѣ...

Ближайшимъ результатомъ чествованія памяти В. Н. Каразина можетъ явиться изданіе его сочиненій, что лежитъ, конечно, на обязанности харьковскаго университета. Мѣстная харьковская пресса давно уже говоритъ о необходимости подобнаго изданія; теперь съ прекращеніемъ правъ литературной собственности и возобновленіемъ „Ученыхъ Записокъ", это дѣлается и вполнѣ возможнымъ. Редакцію изданія, какъ слышно, желаетъ на себя принять проф. Багалѣй. Предисловіемъ къ этому труду будутъ служить статьи профессоровъ-спеціалистовъ, заключающія въ себѣ оцѣнку работъ В. Н. Каразина по различнымъ отдѣламъ знанія (по химіи, агрономіи, метеорологіи, статистикѣ, исторіи, государственному праву). Желательно, чтобы на это доброе дѣло откликнулись лица, имѣющія въ своихъ рукахъ рукописи, записки, письма В. Н. Каразина. Извѣстно какова была судьба его бумагъ: часть ихъ сгорѣла во время пожара въ с. Кручикѣ еще при жизни владѣльца, другая погибла благодаря небреженію [1]) и только третья, попавшая въ руки

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо извѣстнаго Бецкаго къ М. П. Погодину: „безъ меня умеръ здѣсь Каразинъ... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. Дневникъ самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь, вообразите, пріѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ дневникъ—свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой

сына его Филадельфа Васильевича, была спасена; но къ сожалѣнію, Фил. Вас., желавшій издать полное собраніе писемъ и бумагъ покойнаго своего отца, не успѣлъ привести своего намѣренія въ исполненіе, хотя онъ все-таки опубликовалъ наибольшее количество матеріаловъ для біографіи Вас. Наз. Каразина (въ Рус. Стар. 70-хъ годовъ). Случайно стало извѣстнымъ, что бумаги Фил. Вас. хранятся у матери Харьк. студента г. Петровскаго и, по всей вѣроятности, поступятъ въ распоряженіе издателей сочиненій Каразина. Желательно, чтобы и другія лица, владѣющія Каразинскими рукописями, прислали ихъ по крайней мѣрѣ на время (для снятія копій) въ Харьковъ, въ университетъ, проф. Дм. Иван. Багалѣю.

безпокойной—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Дневникъ его—это, ей-ей рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто узналъ, что это былъ за человѣкъ-феноменъ покойникъ".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. — Судьба Румянцевской Описи Малороссіи. Вопросъ о сохраненіи архивовъ въ послѣднее время трактуется очень часто. Всѣ согласны въ томъ, что существовавшій до сихъ поръ порядокъ дѣлъ, при которомъ архивы уничтожались безъ предварительнаго осмотра лицами свѣдущими, никуда не годится; что благодаря этому истреблено много цѣннаго матеріала и будетъ истреблено, если на это не обратить серьезнаго вниманія; что, наконецъ, и не истребленные еще архивы поставлены въ большинствѣ случаевъ въ такія неблагопріятныя условія по части управленія и хранятся въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ сама природа, и безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ, рано или поздно должна ихъ истребить.

Вопросъ, *какъ* сохранять и *гдѣ* сохранять, какъ извѣстно, особенно сильно занималъ покойнаго Калачова; не разъ поднимался онъ и на археологическихъ съѣздахъ. Сначала была пущена въ ходъ мысль о централизаціи нашихъ архивовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но потомъ мысль эта была оставлена. И дѣйствительно, противъ этого есть много серьезныхъ возраженій: всѣ они сводятся, конечно, къ тому, что такая централизація вредно отразится на развитіи и разработкѣ исторической науки, такъ какъ провинціальные университетскіе центры будутъ лишены возможности пользоваться архивными матеріалами, а Петербургъ и Москва не располагаютъ, да и въ ближайшемъ будущемъ врядъ ли будутъ располагать, такимъ количествомъ рабочихъ силъ, которыя замѣнили бы провинціальныхъ работниковъ. Какъ противовѣсъ централизаціи, выдвинули децентрализацію, которая и осуществляется, можетъ быть и не совсѣмъ удачно, въ видѣ такъ называе-

мыхъ архивныхъ коммиссій, задачею которыхъ является, между прочимъ, и забота объ охраненіи провинціальныхъ архивовъ.

Но и подобную постановку дѣла нельзя назвать удачно разрѣшающей архивный вопросъ. Конечно, архивныя коммиссіи принесли, приносятъ и будутъ приносить много пользы по части охраненія архивовъ; но онѣ являются только лишь палліативнымъ средствомъ, потому что ихъ дѣятельность ограничивается только этимъ охраненіемъ, а не направляется на научную разработку архивовъ. Мы говоримъ *вообще* и принимаемъ въ соображеніе отдѣльные случаи, напримѣръ, хотя бы дѣятельность г. Дубасова, рисующаго намъ тамбовскую жизнь прошлаго вѣка на основаніи документовъ тамбовской архивной коммиссіи; но такіе случаи являются исключеніями. Они зависятъ, съ одной стороны, отъ появленія въ извѣстномъ городѣ человѣка способнаго работать, а съ другой—и отъ характера хранящихся документовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только хоть поверхностно ознакомиться съ дѣятельностью нашихъ архивныхъ коммиссій. Мы, конечно, не обвиняемъ отдѣльныхъ дѣятелей и вполнѣ понимаемъ, что характеръ ихъ дѣятельности, ихъ изданія получили то или иное направленіе подъ вліяніемъ необходимости; но должны сказать, что ихъ изданія, ихъ дѣятельность приносятъ мало въ существѣ пользы для науки, такъ какъ вся эта дѣятельность носитъ частичный, фрагментарный характеръ, а что-нибудь серьезное парализуется невозможностью работать въ глуши, безъ руководствъ, книгъ, справочныхъ лексиконовъ и т. д. Къ тому же мы должны отмѣтить и невозможность писать серьезную научно-историческую роботу на основаніи только матеріаловъ, относящихся къ одной губерніи: ужъ тутъ никакихъ выводовъ дѣлать нельзя и вся работа должна свестись только къ пересказу матеріаловъ или къ составленію статистическихъ таблицъ, т. е. къ одной только, такъ сказать, черной работѣ. Полезно и это, несомнѣнно, и если бы подобная работа у насъ была хорошо организована, если бы въ губернскихъ центрахъ было много работниковъ, могущихъ посвящать ей свой досугъ, и если бы они были равномѣрно распредѣлены,—тогда мы стояли бы за такую мелкую децентрализацію архивовъ. Теперь же мы высказываемся противъ нея—и вотъ почему. *Во 1-хъ,* потому, что, какъ мы выше сказали, въ глуши никакая серьезная работа не возможна; *во 2-хъ*—работниковъ въ провинціи очень мало, такъ что нѣкоторыя коммиссіи почти не функціонируютъ или функціонируютъ въ такой степени слабо, что когда появляются ихъ труды, то бываешь пораженъ, что въ городѣ N

существуетъ архивная коммиссія; въ *третьихъ*, наконецъ, разбросанность архивовъ еще больше отражается на успѣшности историческихъ работъ и развитіи исторической науки, чѣмъ ихъ строгая централизація въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ какъ если человѣку часто невозможно бываетъ поѣхать въ столичный городъ, то ужъ разъѣзжать по губернскимъ городамъ и рыться въ тамошнихъ архивахъ ему и думать нечего. Къ этому можно еще присоединить и меньшую обезпеченность отъ пожаровъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ архивы помѣщаются часто въ наемныхъ деревянныхъ домахъ, сараяхъ, амбарахъ и пр., а архивныя коммиссіи по своей бѣдности не могутъ обзавестись извѣстной архивной обстановкой.—Все это, заставляетъ насъ высказаться противъ мелкой децентрализаціи архивовъ. Мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ избрать путь средній и сконцентрировать ихъ въ главныхъ пунктахъ, которые составляютъ естественно-историческіе центры для той или другой мѣстности. Такими пунктами у насъ могутъ считаться учебные округа. Не предрѣшая напередъ дѣлежа архивовъ между Петербургомъ и Москвой, мы можемъ отмѣтить, что Казань, напр., можетъ служить удобнымъ центромъ для соединенія въ ней матеріаловъ относящихся къ исторіи и теперешнему состоянію Поволжья; Томскъ—для Сибири; Тифлисъ—для Кавказа, Харьковъ—для такъ называемой Слободской Украйны; Одесса—для Новороссіи; Кіевъ—для Малороссіи и Юго-Западнаго Края; Вильна—для Бѣлоруссіи и Литвы; Варшава—для Польши, Дерптъ—для Остзейскаго края, Оренбургъ—для Степныхъ губерній и Ташкентъ—для Туркестана. Это дѣленіе вовсе не искусственно, такъ какъ названные города—тѣ, къ которымъ тяготѣютъ извѣстныя области и которые явились вполнѣ естественнымъ путемъ, исторически, именно благодаря этому тяготѣнію. Благодаря, конечно, этому и матеріалъ, относящійся къ этимъ областямъ, могъ бы имѣть свой особый характеръ. Это *первый* доводъ за такое дѣленіе архивовъ.— *Второй*—заключается, конечно, въ успѣшности разработки документовъ, такъ какъ большинство названныхъ городовъ являются университетскими городами или большими административными центрами, гдѣ скопляется интеллигенція, которая могла бы заняться разработкой архивовъ.—*Третій*—въ томъ, что всѣ матеріалы были бы подъ руками, не было бы надобности отыскивать ихъ въ разныхъ мѣстахъ, на что требуется много времени и матеріальныхъ средствъ;—при подобной концентраціи матеріалъ могъ бы быть разработанъ полнѣе, предпринята коллективная разработка его. Это повело бы въ свою очередь къ по-

становкѣ и обсужденію разныхъ вопросовъ въ историческихъ обществахъ и т. д. Разработка этихъ вопросовъ могла бы идти успѣшнѣе въ этихъ центрахъ, такъ какъ изслѣдователи могли бы располагать средствами для изслѣдованій въ видѣ университетскихъ и большихъ публичныхъ библіотекъ. При концентраціи можно лучше приспособить архивы для занятій, обезопасить ихъ въ большей степени отъ пожаровъ и т. д.

Противъ всего этого можетъ, конечно, быть возраженіе—какъ это можно разбить матеріалъ на группы, отдѣлить одну группу отъ другой? Это дѣло трудное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо таки невозможное.

Мы не отрицаемъ ни трудности этого дѣла, ни невозможности разбить матеріалъ на такія группы, чтобы одна группа не входила тѣми или другими сторонами въ другую. Невозможность эта обусловливается тѣмъ, что жизнь отдѣльныхъ областей, за исключеніемъ извѣстныхъ періодовъ, не была обособлена, а протекала въ связи съ другими областями, входящими въ составъ русскаго государства. Но это не можетъ служить препятствіемъ для дѣленія архивовъ. Дѣленіе по областямъ имѣетъ больше смысла, чѣмъ дѣленіе архивовъ по губерніямъ, потому что это послѣднее дѣленіе носитъ ужъ чисто случайный характеръ, какъ и административная единица, легшая въ основу этого дѣленія. Затѣмъ въ основу дѣленія должна лечь не абсолютная обособленность, а относительная, т. е. матеріалъ долженъ поступать въ тотъ изъ областныхъ архивовъ, къ которому онъ имѣетъ *преимущественное* предъ другими отношеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Кіевскій архивъ. Къ Кіеву, мы сказали, тяготѣетъ Малороссія и юго-западный край—слѣдовательно, и всѣ матеріалы, относящіеся къ прошлому и настоящему этой области, должны быть взяты изъ Харькова, Екатеринослава, Москвы, Чернигова, Вильны, Варшавы и сосредоточены въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Поэтому, если, напр., въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находятся спорныя пограничныя дѣла малороссовъ съ великороссами, то какъ ихъ дѣлить, гдѣ ихъ оставить—въ Москвѣ или перевезти въ Кіевъ? Тутъ можетъ быть двѣ точки зрѣнія—или, такъ сказать, *территоріальная*, о чьей территоріи идетъ рѣчь, малороссійской или великороссійской, или *юридическая*—какія правовыя нормы имѣютъ преимущественное значеніе, великорусскія или малорусскія? Болѣе правильное основаніе при дѣленіи, конечно, второе; но въ виду его трудности, можно, конечно, войти въ извѣстнаго рода компромиссъ, оста-

вивъ всѣ дѣла въ одномъ какомъ-нибудь архивѣ, руководствуясь, съ одной, стороны ихъ характеромъ, а съ другой чисто-практическими соображеніями—гдѣ, въ какомъ центрѣ, документы могутъ скорѣе подвергнуться научной разработкѣ. Въ данномъ случаѣ мы, напримѣръ, высказались бы за Кіевскій архивъ, такъ какъ для человѣка, занимающагося исторіей Малороссіи, важнѣе и интереснѣе вопросъ о пограничныхъ столкновеніяхъ малороссовъ съ великороссами, въ виду того что эти столкновенія имѣютъ значеніе не только гражданско-правовое, но и политическое: они проливаютъ много свѣта на тѣ условія, на которыхъ послѣдовало соединеніе Малороссіи въ Россіей, соединеніе, имѣвшее большое значеніе въ судьбахъ малорусскаго народа, а не великорусскаго. Напротивъ, если бы шелъ вопросъ объ актахъ, напр., малороссійскихъ земскихъ соборовъ—мы бы высказались за Москву, такъ какъ, при всей важности ихъ для Малороссіи, они имѣютъ бо̀льшее значеніе для исторіи московскаго государства и ими въ цѣломъ воспользуется, конечно, историкъ Москвы.

Мы признаемъ трудность подобнаго рода дѣленія. Оно, конечно, должно и можетъ быть произведено людьми свѣдущими какъ въ архивномъ дѣлѣ, такъ и въ исторіи той или другой области. Но такая работа непремѣнно должна быть и будетъ произведена, когда, оставивъ всевозможныя побочныя разсужденія, дѣятели русской исторической науки серьезно взглянутъ на архивный вопросъ, съ одной стороны, и на успѣшность разработки русской исторической науки—съ другой, и когда люди, отъ которыхъ все зависитъ, убѣдятся и поймутъ всю важность и значеніе децентрализаціи архивовъ. Какъ скоро такая работа будетъ произведена, будутъ устроены областные архивы и масса свезеннаго въ Москву изъ провинцій матеріала, возвратится опять въ провинцію, тогда и архивное дѣло можетъ быть поставлено серьезно, и пополненіе архивовъ можетъ идти посредствомъ простой передачи учрежденіями своихъ старыхъ дѣлъ. Этимъ будутъ достигнуты всѣ тѣ выгоды, на которыя мы указывали выше, разборъ архивовъ, не загроможденныхъ такой массой дѣлъ, какъ въ Москвѣ, можетъ идти успѣшнѣе а извѣстный опредѣленный характеръ областныхъ архивовъ дастъ возможность изслѣдователю разобраться въ нихъ, опредѣлить, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ онъ можетъ найти матеріалы для того или другаго вопроса, для той или другой мѣстности: пріѣзжая въ извѣстный архивъ, изслѣдователь можетъ ужъ быть увѣренъ, что здѣсь найдетъ онъ все существенное.

Такая увѣренность можетъ быть обусловлена только добросовѣстной разборкой архивовъ, на что, конечно, необходимы средства. Для этого не нужно забывать во 1-хъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужъ есть центральные архивы, которые придется только расширить; во 2-хъ, сокращеніе архивовъ въ различныхъ учрежденіяхъ должно понизить суммы, отпускаемыя на ихъ содержанія, въ 3-хъ наконецъ, устройство архивовъ можетъ производиться постепенно, чтобы избѣжать излишняго обремененія и безъ того разстроенныхъ нашихъ финансовъ.

До сихъ поръ у насъ какъ то много говорили о томъ, что нужно, сохранять архивъ, но мало обращали вниманія на вопросъ, гдѣ же сохранять. Вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что какъ только ткнулъ какую нибудь серію документовъ въ какой-нибудь архивъ, значитъ-все уже для науки сдѣлалъ. А между тѣмъ вотъ отъ этой, такъ сказать, безалаберности въ дѣлѣ сохраненія матеріаловъ научная разработка исторіи теряетъ очень много. Возьмемъ, напримѣръ, внутреннюю исторію Малороссіи. Изслѣдователь найдетъ главную массу матеріаловъ сконцентрированной въ Кіевѣ: здѣсь большая часть Румянцевской Описи, затѣмъ большая часть Генеральнаго Слѣдствія 1729—1730, много монастырскихъ документовъ въ Кіевской Духовной Академіи и Центральномъ Архивѣ при университетѣ Св. Владиміра; здѣсь же много гражданскихъ дѣлъ, компуты и т. д. Въ Кіевѣ же изслѣдователь найдетъ матеріалъ для исторіи юго-западной и южной Руси до Богдана Хмельницкаго, а между тѣмъ однимъ этимъ ограничиться нельзя, если только изслѣдователь человѣкъ добросовѣстный и захочетъ, по возможности, полно изслѣдовать вопросъ и сдѣлать не какіе-нибудь, а серьезные выводы. Онъ долженъ посѣтить Москву, гдѣ въ Архивѣ М—ва Юстиціи находится масса дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, переданныхъ туда при закрытіи уѣздныхъ судовъ; а въ Румянцевскомъ Музеѣ хранятся бумаги Маркевича, взятыя имъ изъ бывшаго архива Черниговскаго Губернскаго Правленія, перевезеннаго теперь почему-то въ Харьковъ, гдѣ имъ *серьезно* никто не занимается и заниматься не будетъ. Послѣ Москвы изслѣдователь долженъ посѣтить и Харьковъ: здѣсь онъ найдетъ и бывшій Черниговскій и Полтавскій архивы; затѣмъ Черниговъ, гдѣ въ казенной Палатѣ въ образцовомъ, должны мы прибавить, порядкѣ хранятся однородные съ кіевскими документы по исторіи монастырскаго землевладѣнія. Въ Черни-

говѣ же въ такъ называемомъ Центральномъ Архивѣ сохранились нѣкоторыя чрезвычайно важныя дѣла уголовныя и гражданскія прошлаго вѣка, не переданныя еще въ Москву. Такія же дѣла есть и въ Полтавѣ, посѣтивъ которую изслѣдователь долженъ ѣхать...... въ Петербургъ, куда недавно въ библіотеку Академіи Наукъ передана часть Румянцевской Описи, хранившаяся до тѣхъ поръ въ Черниговѣ. Посѣтивъ только Петербургъ, добросовѣстный изслѣдователь можетъ считать свой трудъ по собиранію матеріала законченнымъ. Нечего и говорить, на сколько неудобны подобные переѣзды и съ точки зрѣнія матеріальной, и затѣмъ съ точки зрѣнія успѣшности работы, когда тратится такъ много времени на устройство въ незнакомомъ городѣ, на знакомство съ характеромъ архива, съ его порядками, на сношенія съ разными начальствами и т. д. Человѣкъ, который испытывалъ всѣ эти неудобства, пойметъ, конечно, всѣ прелести работы въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточены всѣ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе матеріалы.

До чего, напр., дошло дробленіе матеріаловъ по малорусской исторіи, можно заключить изъ того, что часть Генеральнаго Слѣдствія о маетностяхъ 1729—1730 года находится въ Кіевѣ, а часть въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Или вотъ *Румянцевская Опись.* Большая часть ея, обнимающая половину Полтавской губерніи (Приднѣпровье) и часть Черниговской (Кіевскій полкъ), находится въ библіотекѣ Кіевскаго университета, куда она передана изъ Кіевской Казенной Палаты еще въ 50-хъ годахъ по распораженію генералъ-губернатора Бибикова; нѣсколько связокъ *Описи,* обнимающихъ двѣ сотни Миргородскаго и 4 сотни Полтавскаго полковъ, находятся въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ, куда онѣ перевезены проф. Д. И. Багалѣемъ изъ Полтавы; часть же, меньшая, чѣмъ та, которая хранится въ Кіевѣ, открыта А. М. Лазаревскимъ въ Черниговской Казенной Палатѣ и до этого года принадлежала Черниговскому Статистическому Комитету; 148 фоліантовъ ея обнимали полки Черниговскій, часть Кіевскаго, Нѣжинскій, Стародубскій, часть Прилуцкаго и Смѣлянскую сотню Лубенскаго полка. Теперь эта часть *Описи,* какъ мы сказали, передана въ библіотеку Императорской Академіи наукъ, которая, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не имѣла рукописей, относящихся къ Малороссіи и по характеру своему подходящихъ *къ Румянцевской Описи.*

Какіе резоны были передавать *Румянцевскую Опись* въ Академію? Никакихъ. Это случилось такъ, какъ часто у насъ случается..... неожиданно.

Нужно сказать, что Кіевскій университетъ давно хотѣлъ присоединить (чего требовалъ и здравый смыслъ) Черниговскій Отдѣлъ *Описи* къ Кіевскому, чтобы ужъ вся коллекція была въ одномъ мѣстѣ и при томъ въ такомъ, гдѣ сосредоточено много и другихъ матеріаловъ. Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ профессоровъ возбуждали въ совѣтѣ университета объ этомъ вопросъ въ началѣ 80-хъ годовъ, но лицо, стоявшее тогда въ главѣ университета св. Владиміра, не дало хода ходатайству, заподозрѣвъ въ немъ...... *«украинофильство»*. Какъ ни странно это было, но вопросъ о *Румянцевской Описи* не могъ быть поднятъ до конца прошлаго года, когда профессоръ В. С. Иконниковъ предложилъ Совѣту ходатайствовать о передачѣ Черниговскаго Отдѣла Румянцевской Описи въ библіотеку Кіевскаго Университета. Совѣтъ согласился. Но когда ректоръ Университета обратился къ Черниговскому губернатору, то получилъ отвѣтъ, что *Опись* передана уже въ Академію Наукъ.

Какимъ образомъ? Почему жъ не дали знать въ Кіевъ, куда, казалось, естественнѣе всего было передать ее? Вопросъ объясняется просто.

Черниговскій Статистическій Комитетъ помѣщался раньше въ зданіи Губернскаго Правленія, рядомъ съ типографіей. Расширяя помѣщеніе для послѣдней, губернаторъ приказалъ Статистическому Комитету выселиться, ассигновавъ ему 15 рублей на наемъ квартиры. Секретарь комитета заявилъ, что за 15 рублей для комитета нельзя найти помѣщенія, потому что есть въ библіотекѣ громоздкая вещь—*Румянцевская опись*. Суммъ на наемъ второй комнаты для Комитета не оказалось—и рѣшили передать *Опись*. Куда? Рѣшили обратиться въ Кіевскій университетъ и въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ. Но тутъ судьба насмѣялась надъ Кіевомъ. Секретарь Статистическаго Комитета въ Нѣжинъ, написалъ предложеніе, а написать въ Кіевъ забылъ. Въ Нѣжинѣ конечно, согласились получить такой цѣнный подарокъ; молчаніе же Кіева сочли за отказъ. Дѣло о передачѣ *Описи* въ Нѣжинъ губернаторъ переслалъ на заключеніе Центральнаго Статистическаго Комитета, который, руководствуясь одному ему понятными резонами, рѣшилъ передать *Опись* въ библіотеку Академіи Наукъ, куда *Опись* ужъ и перевезена.

Теперь вопросъ, нормальна ли эта передача и умѣстно ли *Описи* быть въ Петербургѣ, гдѣ, кромѣ нея, нѣтъ другихъ (кромѣ наказовъ депутатамъ, конечно) важныхъ матеріаловъ для соціальной исторіи прошлаго и позапрошлаго вѣка?

Отвѣчая на эти вопросы отрицательно и признавая, что разрозненность однородныхъ матеріаловъ можетъ только вредно отозваться на успѣшности научныхъ работъ, историко-филологическій факультетъ университета Св. Владиміра обратился, какъ намъ передавали, къ Академіи Наукъ съ просьбой передать *Румянцевскую Опись* въ Кіевъ. Полагая тѣ резоны, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ соединить *Опись* вмѣстѣ въ Кіевѣ, факультетъ выражаетъ надежду, что Академія, для которой дороги интересы науки, не откажетъ въ просьбѣ.

Въ свою очередь мы тоже не сомнѣваемся, что Академія уважитъ просьбу историко-филологическаго факультета. Доводы факультета такъ логически сильны и разумны, что только посторонія соображенія, не имѣющія ничего общаго съ наукой, могли бы побудить къ отказу. Но развѣ могутъ быть такія соображенія у людей, которые своей цѣлью имѣютъ *«споспѣшествовать развитію наукъ»?*....

Н. В.

Для характеристики „багатырей“. Часто приходится встрѣчать въ рукописныхъ спискахъ стихотворныя произведенія юмористическаго и сатирическаго содержанія неизвѣстныхъ авторовъ на малороссійскомъ языкѣ, напримѣръ—вирши рождественскія, воскресенскія и друг. стихотворенія. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ и помѣщаемое ниже, сообщенное мнѣ однимъ изъ бывшихъ статистиковъ, С. М. Блекловымъ, переписанноеимъ, кажется, въ Прилукскомъ уѣздѣ.

Въ стихотвореніи довольно характерно обрисованъ честолюбивый «багатырь», возмущенный намѣреніемъ своего сына вступить въ бракъ съ дѣвицею бѣднаго состоянія. По знакомству богатыря съ стряпчимъ и комисаромъ (позже—земскіе исправники) можно предполагать, что стихотвореніе относится къ 1830—1840-мъ г. Въ тѣ времена, и даже нѣсколько позже, у богатыхъ чумаковъ стадо въ 40 паръ воловъ и табунецъ лошадей дѣйствительно встрѣчались. Въ моихъ бумагахъ есть запись въ Опошнѣ о томъ, что въ с. Котельвѣ

(харьк. губ.) былъ чумакъ, по фамиліи Маляръ, снаряжавшій собственную «валку» до 40 паръ воловъ, и подъ своимъ атаманствомъ ходившій «у Крымъ по силь» въ Опошнѣ же, а также въ Еремѣевкѣ, Ирклѣевѣ были чумаки, имѣвшіе по 15—20 «паровиць», при чемъ для каждыхъ 2—3 возовъ былъ наемный чумакъ во время пути.

Вспоминаю, что въ концѣ 1850-хъ г. былъ въ Хорольскомъ уѣздѣ волостной голова, принимавшій у себя не только окружнаго начальника и уѣзднаго исправника, но водившій знакомство съ однимъ изъ совѣтниковъ палаты государст. имуществъ. Голова любилъ похвастаться тѣмъ, что во время пріѣздовъ въ Полтаву, посѣщаетъ совѣтника на дому и играетъ «у прохвыранца». Очевидно, съ подобнымъ типомъ мы имѣемъ дѣло, читая слѣдующее стихотвореніе.

Багачемъ безмирнымъ въ повити слывусь,
Хазяиномъ первымъ по волости чтусь,
Що я всего маю—всякъ те може знать,
Якъ же мени бидну та за сына взять?!
Волыкивъ рогатыхъ маю сорокъ паръ,
Коныкивъ грыватыхъ табунець чималъ,
Поля стильки маю, що й не изорать—
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Грошей ажъ дви скрыни, пасикы гудуть,
По всій Украины имя мое чтуть,
Въ Крыму мене знають, знають на Дону—
Дакъ якъ-же я бидну за сына визьму?!
Стряпчый съ комысаромъ бувають въ мене,
Мабуть що не дарма чтуть имя мое,
Село наше звется зъ прызвища мого—
Якъ-же взяты бидну за сына свого?!
Пипъ мене вважае, кланяетця дякъ,
Жыдъ шапку здіймае—мабуть не пустякъ!
Всимы я вважаемъ—всякъ те може знать—
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Що я прерозумный—знають те паны,
Бувъ я головою—мабуть не дурный!
Що въ лоби не клочья—всякъ те може знать,
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Що я прерозумный и тяжко багатъ,

Почетный и мудрый, всимъ биднымъ не братъ,
Взяты у двиръ бидну—буде стыдъ мени,
Ни! цего не буде! ни, ни, ни, ни, ни!

В. Василенко.

Изъ архивныхъ мелочей.—VI. (См. «Кіевскую Старину» 1890 г. № 5, стр. 379; № 6, стр. 544; № 9, стр. 497; 1892 г. № 2, стр. 349; № 5, стр. 294).—*Десятня коротоякцкихъ и урывскихъ новаго выѣзда черкасъ 1653 года (смотръ и раздача денежнаго жалованья коротояцкаго воеводы О. Ив. Сукина.*

«Лѣта 7162 году (1653) декабря въ 5 день. По г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи указу и по грамотѣ изъ розряду за приписью дьяка Григорья *Ларіонова* стольникъ и воевода Осипъ Ивановичъ *Сукинъ* да Розрядного приказу подъячей Яковъ *Чертенковъ* коротояцкихъ и урывскихъ нового выѣзду черкаскихъ сотниковъ и редовыхъ черкасъ смотрили на коняхъ, съ ружьемъ по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за дьячьею приписью, и, пересмотря, роздали имъ, черкасомъ, г. ц. и. в. к. А. М. в. Русіи денежное жалованье на нынѣшней на 162-й годъ: *сотникомъ* по 8 руб. человѣку, *знаменщикомъ* по 7 руб. человѣку, *попу* одному человѣку 3 руб., *редовымъ* черкасомъ по 5 руб. человѣку, сполна, всѣмъ на лицо, съ порукою; и сказали имъ, чтобъ они в. г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи служили, и противъ ево государевыхъ недруговъ стояли, и государства московского отъ бусурманъ оберегали, и на вѣчное житье строилися, и указные свои земли пахали и хлѣбъ сѣяли. А кому именемъ сотникомъ, и знаменщикомъ, и попу, и редовымъ черкасомъ государево денежное жалованье дано и хто по комъ въ государевѣ денежномъ жалованьѣ и въ службѣ, и коротоятцкомъ вѣчномъ житьѣ порука, и что у нихъ дѣтей мужесково полу и колькихъ лѣтъ которые дѣти, и что у ково земель дальнихъ и ближнихъ, и хто сколько *десятинъ* къ нынѣшнему ко 162 году ржи посѣялъ, и кому за чѣмъ государева денежнова жалованья не дано, и что за роздачею денегъ осталось,—и то писано въ сей *десятнѣ* подлинно по статьямъ.

А на жалованье государевы денежные казны *коротоятцкимъ и урывскимъ* черкасомъ прислано съ Москвы съ подьячимъ съ Яковомъ Чертенковымъ 1074 рубли (л. л. 47—49).

I) Коротояцкіе черкасы (л. 49).

a) *Сотники* (л. 49).

1) Мартынъ *Кудиновъ*—на меринѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей: сынъ Ивашко 12 лѣтъ, Алешка 8 лѣтъ, ржи посѣялъ полторы десятины. Дано ему государева жалованья 8 рублевъ; порука по немъ въ государевѣ жалованьѣ и въ службѣ сотникъ С. Ѳедоровъ, знаменщикъ П. Ивановъ и всѣ редовые черкасы.

2) Саѳонъ *Ѳедоровъ*—на конѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей: сынъ Васко 15 лѣтъ съ рогатиною, съ государевою; ржи посѣялъ двѣ десятины. Дано ему г. жалованья 8 руб.; порука по немъ въ службѣ и въ деньгахъ сотникъ М. Кудиновъ, знаменщикъ П. Ивановъ.

b) *Знаменщикъ* (л. 50).

3) Павелъ *Ивановъ*—на меринѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей мужсково полу нѣтъ; ржи *не* сѣялъ для тово: кормитца мельницею. Дано г. жалованья 7 рублевъ; порука по немъ въ службѣ и въ деньгахъ сотники М. Кудиновъ, С. Ѳедоровъ и всѣ редовые черкасы.

c) *Рядовые* (л. 50).

Всего рядовыхъ перечислено 87 человѣкъ [1]), *не* считая служилыхъ и не служилыхъ дѣтей мужского пола (среди рядовыхъ *десятники* Карпъ *Ивановъ*, Ѳедоръ *Савельевъ*, Василій *Ондрѣевъ*, Михайло *Петровъ*, Онтонъ *Васильевъ*, Илья *Мартыновъ*, Иванъ *Ондрѣевъ* и Василій Андреевъ Сынъ *Воронцовъ*).

II) Урывскаго острога черкасы (л. 70).

a) *Сотникъ*.

91) Тимоѳей *Ивановъ*—на конѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей у нево: сынъ Ѳедька году, племянникъ Ондрюшка 20 лѣтъ, Захарка 15 лѣтъ, ржи посѣялъ три десятины да полдесятины пшеницы. Дано ему г. жалованья 8 руб.; порука по немъ въ г. жалованьѣ и въ службѣ знаменщикъ Ив. Кондратьевъ и всѣ рядовые черкасы.

b) *Знаменщикъ* л. 70 об.).

92) Иванъ *Кондратьевъ*—на меринѣ, съ пищалью; дѣтей у нево: Ромашка 10 лѣтъ, Павликъ 3 лѣтъ; ржи посѣялъ двѣ десятины.

---

[1]) Встрѣчается прозвище „Черное лихо" (л. 50 об.). Поручительство записывается въ такой формѣ: „порука въ государевѣ жалованьѣ и въ службѣ десяткомъ своимъ, сами межъ себя другъ по другѣ" (л. 52).

Дано ему государева жалованья 7 руб.; порука по немъ въ г. жалованьѣ и въ службѣ сотникъ Т. Ивановъ и всѣ рядовые черкасы.

c) *Попъ* (л. 71).

93) Яковъ *Петровъ*—дѣтей у нево: Демьянка 2 лѣтъ, братъ Лавринка 12 лѣтъ; ржи посѣялъ полъ третьи десятины, пшеницы полъ десятины. Дано г. жалованья 3 руб.; порука по немъ въ деньгахъ и въ житьѣ сотникъ Т. Ивановъ и знаменщикъ Ив. Кондратьевъ и всѣ рядовые черкасы.

d) *Рядовые* (л. 71).

94—211) Всего рядовыхъ перечислено 118 человѣкъ [1]), не считая служилыхъ и неслужилыхъ дѣтей мужского пола (среди рядовыхъ десятники Климъ *Яковлевъ*, Иванъ *Павловъ*, Мишка *Прокофьевъ*, Герасимъ *Өедоровъ*, Василій *Ивановъ*, Степанъ *Ивановъ*, Иванъ *Михайловъ*, Логвинъ *Васильевъ*, Ехимка *Микитинъ*, Васька Алексѣевъ и Михайло *Семеновъ*). Кромѣ 211 лицъ, получившихъ денежное жалованье, на л. 98 об. перечислены 2 урывскихъ черкаса *не* получившихъ. На л. 97 читаемъ итогъ денежной раздачи (458 руб. коротяцкимъ и 608 р. урывскимъ черкасамъ, а всего 1066 руб.); оставшіеся за роздачей 8 руб. отосланы обратно въ Москву.

Въ заключеніе десятни, послѣ итоговъ, читаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія объ устроеніи черкасъ землею:

(Л. 98 об.) «а на пашню паханые земли дано коротоятцкимъ нового выѣзду черкаскимъ сотникомъ и редовымъ черкасомъ, позади коротоятцкихъ стрѣльцовъ и пушкарей, по Острогожщинской лѣсъ и по земляной валъ, изъ *поружіе* и изъ *помѣсные земли* коротояченина сына боярсково Мпкифора Манаева да коротоятцкіе Съѣзжіе избы подьячева Ивана Никитина, по 2 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ, отъ города Коротояна въ трехъ верстахъ, да имъ же коротоятцкимъ черкасомъ дано изъ *дикова поля*, изъ поружихъ земель отъ города въ 4-хъ верстахъ за казачьею пашнею къ Терновскому лѣсу, на пашню земли сотникомъ по 13 чети, рядовымъ по 10 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ.—И всего за черкасскими сотники ближніе и дальніе земли по 15 чети за человѣкомъ, за редовыми по 12 чети за человѣкомъ; а сѣнные покосы даны имъ за рѣкою за Боровленкою вверхъ по рѣкѣ по Дудони вполы ихъ земляныхъ дачъ.

[1]) л. 71 об. „дѣтей у нево нѣтъ; *батракъ* у нево 13 лѣтъ Өедька съ государевою рогатиною“—отмѣтка при одномъ лицѣ.

А урывскимъ нового выѣзду черкасомъ дано пашенные земли изъ поружихъ земель сотнику 15 чети, редовымъ черкасомъ по 15 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому-жъ; да урывскимъ же черкасомъ 100 человѣкомъ дано въ прибавку земли, по памяти изъ розряду за приписью дьяка Ивана Сѣверова, изъ помѣсные земли *урывчень дѣтей боярскихъ*. Стенки Труѳонова съ товарищи 15 чел. да урывскихъ пушкарей 2 человѣкъ, сотнику да попу по 3 чети человѣку, рядовымъ 98 человѣкомъ по 2 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому-жъ подъ Урывскимъ острогомъ [1]) позади ихъ черкаскихъ дворовъ.—Всего за урывскими черкасы пашенные земли за сотникомъ 18 чети, за попомъ 15 чети, за редовыми за 98 человѣки по 14 чети за человѣкомъ въ полѣ; а въ дву потому-жъ, а за двадцатью за однимъ [2]) человѣкомъ, которые пришли опослѣ, пашенные земли дано по 12 чети въ полѣ а въ дву потому-жъ; а сѣнные покосы даны урывскимъ черкасомъ по обѣ стороны Мастюгина боярина вверхъ по рѣкѣ по Дѣвицѣ, а двадцати одному человѣку даны сѣнные покосы по другую сторону рѣки Дѣвицы; да урывскимъ же черкасомъ даны сѣнные покосы въ прибавку по памяти изъ розряду за рѣкою за Дономъ противъ Урывского острогу половина Зарутцкіе поляны».

Документъ, содержаніе котораго приведено выше, находится въ «дѣлахъ Бѣлогородскаго стола» московскаго архива министерства юстиціи (кн. 28, л. л. 47—101), въ книгѣ, носящей общее заглавіе: «книга роздаточная коротоятцкимъ и урывскимъ черкасомъ разныхъ годовъ; тутъ же и отказные коротоянчень дѣтей боярскихъ многіе воеводы Осипа Сукина». Документъ представляетъ интересъ для исторіи колонизаціи, особливо въ связи съ другими его окружающими въ той же книгѣ; интересенъ онъ и самъ по себѣ, такъ какъ представляя изъ себя обычный довольно типъ раздаточной книги денежнаго жалованья, называетъ себя *десятней*—документъ, которому мы склонны придавать особливо присущее ему значеніе (см. наши работы о десятняхъ въ VII и VIII томахъ. «Описанія документовъ и бумагъ архива министерства юстиціи). Черкасы, поселенные въ Коротоянѣ, вышли изъ литовской стороны на государево имя въ Путивль въ

[1]) Нынѣ слобода Воронежской губ.. Коротоякскаго уѣзда на правомъ берегу Дона въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города.

[2]) Устроены землею въ августѣ 1653 г. (дѣла Бѣлг. ст. 28, л. 23.).

первой половинѣ 1652 года: въ маѣ этого года ихъ привели ко кресту, переписали съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и отправили въ Коротоянъ съ путивльцемъ Гавриломъ Вощининымъ съ товарищами (всего сто одна семья, а приводныхъ ко кресту съ 15 лѣтъ сто сорокъ шесть человѣкъ; см. дѣла Бѣл. ст. 28, 1 об.). Во главѣ этихъ выѣзжихъ черкасъ стоялъ атаманъ Тимоѳей Ивановъ, у котораго животовъ было: «лошедь, два вола, три коровы съ потелки; два быка, двоя свиней» (у одного изъ десятниковъ было «двоя лошедей, два вола, корова съ потелкомъ, двадцать двѣ овцы», л. 4) [1]). Въ августѣ 1653 г. коротояцкій воевода Сукинъ (ib. л. 30) устроилъ «дворовыми усады и пашенною землею и сѣнными покосы тринадцать [2]) *семей* противъ прежнихъ коротоятцкихъ черкасъ 77 человѣкъ, которые устроены въ 1652 году». А тринадцати *человѣкомъ* [3]) отведено мѣста въ длину по 20, а поперегъ по 10 саженъ подъ городомъ Кортояномъ въ Царевой лукѣ возлѣ прежнихъ перехожихъ черкасъ 77 человѣкъ, устроенныхъ въ Коротоянѣ землею въ сентябрѣ 1652 г. (дѣла Бѣлг. ст. 28, л. 102 и л. 35). Всѣ эти нововыѣзжіе черкасы (77+13+100+21), приписанные къ Коротояну и Урыву, и перечислены въ десятнѣ 1653 г. Посаженные на Коротоякѣ и Урывѣ черкасы и записанные въ десятню, а не въ обычную раздаточную книгу ничѣмъ однако не напоминаютъ дѣтей боярскихъ, даже казаковъ, которые служили съ извѣстныхъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; у нихъ нѣтъ и окладчиковъ, поручительство круговое въ каждомъ десяткѣ «сами межъ себе другъ по другѣ». Нечего и говорить, какое можетъ имѣть значеніе подробное изученіе документовъ подобнаго рода и какую яркую картину постепеннаго заселенія выходцами изъ за московского рубежа можно по нимъ нарисовать. Документы подобнаго рода даютъ матеріалъ и для экономической исторіи: въ нихъ находимъ свѣдѣнія о количествѣ скота, съ какимъ садился на землю выходецъ, и количество обрабатываемой земли.

Въ заключеніе привожу начало документа, которымъ земля отдавалась во владѣніе черкасамъ.

---

[1]) Ихъ изъ Коротояна направили въ урывскій Острожекъ; см. десятню 1653 г.

[2]) Перешло собственно 10 семей, а три отдѣлилось отъ прежнихъ 77 семей.

[3]) Всѣ эти 13 человѣкъ и среди нихъ Якушко Ивановъ *Щербина* (л. л, 32 об. и 66 об. съ женою Ѳедоркою и сыновьями Аѳонькой 18 лѣтъ, Тараской 10, Мишкой 7 и Куземкой одного года; животовъ у него одна лошадь, ружья нѣтъ; въ декабрѣ 1653 г. онъ служитъ на летинѣ съ рогатиной да топоркомъ да имѣетъ полдесятины озимой ржи) перечислены въ десятнѣ 1653 г.

(л. 102 и сл.) Лѣта 7161 (1652 г.) году сентября въ—день. По г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи указу и по памяти изъ розряду за приписью дьяка Ив. Сѣверова стольникъ и воевода О. Сукинъ *отдалъ* помѣсную землю *коротоянченина сына боярсково* Микифора Манаева да коротояцкой Приказной избы подъячево Ив. Микитина коротояцкимъ нового выѣзду черкасомъ сотникомъ М. Кудинову, да С. Федорову съ товарищи 77 человѣкомъ въ прибавку къ ближней ихъ пашенной землѣ, что дано имъ черкасомъ возлѣ той помянной земли М. Монаева да Ив. Микитина ближніе земли по конецъ стрелетцкихъ и пушкарскихъ земель по двѣ чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ а по *строельнымъ* коротояцкимъ книгамъ стольника и воеводы Данила Яковлева *156 году* дано было коротоячанину нововерстанному сыну боярскому М. Ив. Манаеву на пашню земли 15 чети въ полѣ, а въ дву потому же изъ поружей земли изъ дикова поля по конецъ стрѣлетцково и пушкарсково поля по сторонь Толстой Дубровки за большимъ бууракомъ,—а коротояцкой Съѣзжей избы подьячему Ив. Микитину дано было по г. грамотѣ изъ розряду за приписью дьяка Гр. Ларіонова на пашню земли десять чети въ полѣ, а въ дву потому жъ за стрѣлетцкими жъ и пушкарскими пашенными землями въ дикомъ полѣ вверхъ по рѣкѣ по Тихой Соснѣ отъ межи и отъ граней пашенные земли коротояченина М. Манаева ниже дороги, что дорога къ рыбному плесу и отъ той дороги промежъ большого буярака, что отъ Толстой Дубровки и промежъ малово буярака, что отъ Острогощинсково лѣсу ровнымъ полемъ къ рѣкѣ Тихой Соснѣ по воеводцкихъ луговъ.

Сообщилъ **В. Сторожевъ.**

Изъ моей записной книжки. Года два тому назадъ я завелъ записную книжку, въ которую вписываю все, что мнѣ удается услышать интереснаго изъ народной жизни и мѣстной исторіи: туда попадаетъ преданіе объ основаніи и названіи села, указанія на урочища и мѣста, гдѣ зарыты клады съ признаками, по которымъ можно отыскать ихъ; мѣстныя преданія и легенды, колядки и щедривки, поговорки и пословицы съ исторіей ихъ происхожденія, пѣсни и пр. Обыкновенно самый обильный матеріалъ даютъ священники, экономы, винокуры, мельники и т. д. Все это люди, большею частію обреченные на скучную роль надсмотрщиковъ за работами; они охотно болтаютъ съ рабочими, слушаютъ пѣсни молодежи и

мимо воли пріобрѣтають громадный запасъ матеріала, интересный для историка и этнографа. Для образца выписываю изъ моей книги нѣсколько таких записей.

1. *Молитва.*

У одной «пани» было шесть сыновей, а одинъ только «подданный» (крѣпостной), которому приходилось работать въ теченіе недѣли по одному дню по очереди каждому паничу, а въ воскресенье идти съ самой «пани» въ костелъ въ качествѣ лакея. За такую тяжелую и вѣрную службу паничи справили своему рабу *рядняны штаны, свынячи постолы* и *портяну свитку*, а старая пани, чтобы параднѣе выступать, идучи въ костелъ, сшила ему *козячу шапку*. Кто то надоумилъ бѣднаго мужика бросить своихъ пановъ и убѣжать отъ этого египетскаго рабства. Онъ послушалъ и помандровалъ на слободу. Вотъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ, женился и дождался дѣтокъ. Когда дѣтки подросли, онъ сталъ ихъ учить повседневнымъ молитвамъ, но въ концѣ присоединялъ и свою, собственнаго сочиненія такого содержанія:

Избавы, Боже, видъ семы панивъ,
Видъ ряднянныхъ штанивъ,
Видъ свынячихъ постоливъ,
Видъ козячои шапки
И портянои свытки.

Однажды совершенно случайно одинъ изъ паничей попросился на ночлегъ къ бывшему своему подданному; его очень удивила странная молитва, которую читали дѣти его хозяина. Догадавшись въ чемъ дѣло, онъ, однакожъ, промолчалъ и, только уѣзжая, просилъ хозяина объяснить ему содержаніе молитвы. Хозяинъ и разсказалъ ему о своей былой долѣ, о службѣ семи панамъ, ихъ подаркѣ и пр.

— Такъ ты въ такомъ случаѣ мой подданный! воскликнулъ паничъ.—Почему же раньше не сказалъ мнѣ, кто ты? спросилъ хозяинъ.—Э! сказалъ гость, я уже по молитвѣ твоихъ дѣтей сталъ догадываться, кто-ты, да боялся сказать съ вечера, чтобъ ты не прогналъ меня противъ ночи изъ хаты.

(Записано отъ Ивана Письменнаго въ мѣстечкѣ Кунѣ Гайсинскаго уѣзда).

2. *Политическая сатира.*

Не ворчы ты, старый,
Папо римскій святый!
То не жартъ! Бонапартъ
Въ нимцивъ сивъ коло картъ;
Не пришле вже зуавъ,
Бо виддавъ всихъ, що мавъ,

Ворогамъ-прусакамъ,
И самъ саблю поклавъ.
Вси органы гудуть,
Папу зъ Рыму ведуть,
А за нымъ, передъ нымъ
Лобобрію женуть:
Іезуитивъ впередъ,
Що служылы во вредъ
И царямъ, и панамъ,
Всему мирови й намъ:
А монашки вслидъ ихъ,
Кныжечкы забравъ въ михъ,
И крычать, и ячать:
Возьмить всихъ насъ дивчатъ!
Съ кардиналивъ сеньоръ
Антонели мосье
Буллы взявъ, завязавъ,
За святымъ поскакавъ.
Якъ ты, папо, святый,
То никого не бый.
Якъ ты царь, то не шарь,
Де лежыть мечъ-татарь.

(Изъ рукописнаго сборника) [1]).

3. *Легенда.*

Бувъ у идного чоловика сынъ едынакъ, та винъ его такъ пѐстывъ, такъ пѐстывъ, що винъ ставъ ледащо и ничого не хотивъ робыты. Отъ якъ цей хлопчиско та ставъ паробкомъ, то захотилось ему пожыты въ свою волю. Покынувъ винъ батька, тай пишовъ до гайдамакивъ.—Хлопци молодци, каже винъ имъ, прыймить вы мене до своей компаніи.— Добре, хлопче! видказують оны ему, але иды перше та вбый свого батька, тогди мы и прыймемъ тебе. Пишовъ винъ до батька, та и клыче его до лиса, нибы то на пидмогу. Прышлы въ лисъ, сынъ пидводытъ батька до молодого дубка, тай каже:— лизь, батьку, на цего дуба, схваты его за верхъ и прыгны́ додолу. Батько вылизъ, взявъ за верхъ, та и прыгнувъ его ажъ до земли. Идимъ, батьку, дали, каже сынъ, и прыводыть его до бильшого дубка, та знову каже батькови прыгну́ты, якъ и перше. Полизъ батько, взявъ за верхъ, але до земли не мигъ прыгнуты, хочъ тильки не прыгнувъ въ вышыну въ ристъ чоловика.—Идимъ, тату, дали, шукаты третьего дуба. И выбравъ сынъ ще бильшого дуба.—Лизь, батьку, каже, на цёго дуба, тай прыгны его. Полизъ старый, схватывъ за верхъ, тай спустывся, прыгну́въ трохи, але земли не доставъ и повысъ.— Злизай, каже, тату! Якъ той злизъ, отъ и каже сынъ батькови: и я бувъ колысь, якъ той першый дубокъ,—можно було и мене гнуты, куды хочешь, а ты мене тильки плекавъ, та мени догожавъ. Бувъ я и такій, якъ и другый дубокъ, хоть и тяжче було его нагнуты, але

---

[1]) Очень жаль, что не указано авторомъ никакихъ подробностей объ этомъ сборникѣ, т. к. небезъинтересно было-бъ опредѣлить, кто являлся авторомъ такихъ сатиръ въ недавнее еще время.

все жъ нагнувъ, и на ноги ставъ и въ рукахъ втрымавъ: бувъ бы и мене втрымавъ, якъ я еще бувъ въ такій доби. Отъ теперъ я такій, якъ той остатній дубъ: вже и зовсимъ его зигнуты не можна, бо якъ ставъ ты его гнуты, то повысъ межы небомъ и землею.—Не нагнувъ ты мене до добра, до праци, видвичай же за свій тяжкій грихъ! Взявъ тай вбывъ его, а тило его занисъ въ гущавыну, прыкрывъ сухымъ лыстомъ, и зновъ иде до гайдамакивъ и просытся, щобъ его прыпялы до своій компаніи. А гайдамаки пытаютъ его:—Що-жъ ты вбывъ батька?—Та вже-жъ вбывъ, одповидае.—Иды жъ, кажутъ ему, переночуй коло его тила, та не сны, послухай, що тамъ будутъ говорыты. Отъ винъ пишовъ и лигъ коло батькового тила, якъ ему прыказалы гайдамаки, та не спытъ, и сонъ его не бере,—сумно ему було. Отъ коло опивночи чуе винъ голосъ батькивъ:—Богъ бы его покаравъ за то, шо винъ у мене, старого короткій викъ виднявъ. А зъ неба рече:—Кара ему прыйде черезъ сорокъ литъ, а теперъ не пора. Ставъ сынъ рано, прыходытъ до гайдамакивъ и каже имъ такъ и такъ.—А колы такъ, кажутъ ему, то ты нашъ. И ставъ винъ съ того часу зъ ными грабыты и розбываты. Чы довго, чы коротко—я не знаю, але ставъ винъ миркуваты, що пора вже зъ небомъ помырытысь, кынувъ товарыщивъ и ставъ наймытомъ у чумака. Чумаковавъ винъ довго, бо и самъ прыдбавъ соби килька паровыць, та и ставъ на своихъ власныхъ мажахъ ходыты въ Крымъ по силь. Разъ сталы оны таборомъ коло одного миста, а винъ пишовъ на базаръ и купывъ кабанячу голову; зачепывъ клыкамы за батигъ, закынувъ на плечи и пишовъ до своихъ. Ажъ слухае кругомъ его крычать:—Стій! куды идешъ? чыю голову несешъ? А дали обступылы, тай не пускаютъ: пытаютъ, де голову взявъ. Винъ и каже, що купывъ на базари у седухы. Повелы его до седухы и пытаются іи, чы купывъ оцей чоловикъ у тебе голову.—Та купывъ, каже, але кабанячу, а я у него бачу чоловичу. Скынувъ винъ зъ плечъ свою ношу, глянувъ, а то голова батька. Подумавъ, полічывъ, килько годивъ прошло, якъ винъ батька вбывъ; тай каже людямъ: отъ такъ и такъ, берить мене, вяжить и судить мене. Судылы его, видсыдивъ винъ свое, и пустылы его: батько самъ вынепъ бувъ, що не научивъ его.

(Сообщено тѣмъ же Письменнымъ).

4. *Основаніе и названіе гор. Ольгополя*.

Разсказывалъ мнѣ гайсинскій протоіерей, что въ первой четверти настоящаго столѣтія уѣзднымъ городомъ теперешняго ольго

польскаго уѣзда было м. Чечельникъ, имѣніе фельдмаршала Гудовича. Это былъ баринъ стараго закала, неимовѣрно гордый и надменный. Про него въ то время разсказывали, что когда единственная его дочка бѣжала изъ его дома и тайно обвѣнчалась съ поручикомъ Лизогубомъ, то Гудовичъ на другой день послѣ бѣгства дочери одѣлъ всю свою челядь въ трауръ, а комнату бѣглянки обтянулъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами и объявилъ о смерти дочери.

До самой своей смерти онъ ничего не далъ дочери; потомъ только братья отдѣлили ей часть чечельницкаго имѣнія. Такъ вотъ этому гордецу ужасно не нравилось, что въ его резиденціи есть еще власти, которыя не подчинены ему, да притомъ уѣздное чиновничество таки частенько надоѣдало ему своими просьбами: тотъ проситъ соломы, тотъ дровъ, а кто и лѣса на постройки....

Однажды кто-то подъ сердитую руку графа несвоевременно сунулся съ какой-то просьбой, и графъ, разгнѣвавшись, приказалъ собрать значительное количество подводъ, забрать всѣхъ чиновниковъ съ ихъ имуществомъ и казенными дѣлами и вывезти на границу своего имѣнія. Судьбѣ было угодно, чтобы графскій управитель выбралъ мѣстомъ высадки бѣдныхъ изгнанниковъ именно то, гдѣ теперь стоитъ Ольгополь. Такимъ образомъ всѣ уѣздныя власти очутились на «голомъ полѣ», отчего мѣстные крестьяне и до сихъ поръ называютъ свой уѣздный городъ «Голопиль», а оффиціально для приличія назвали его Ольгополемъ.

Сергѣй Венгрженовскій.

Розмова Хведора та Даныла про Каина та про Авеля.

(Записано въ полтавской губ., лубенск. у.).

Данило. Хведоре, чи ты не чувъ, за що Каинъ Авеля вбывъ?
Що винъ ему зробывъ,
За що воны вдвохъ завелыся?
Хведоръ. Бачъ не однакови воны соби вдалыся:
Каинъ оравъ та сіявъ,
А Авель-то сёго не діявъ;
Не любывъ може цёго клопóту
А тильки кохавъ багацько скоту.
Сталы воны колысь Богу молытця—
Трывай, колы бъ не збытця—

Каинъ положывъ на дрова сина копыцю,
А Авель одну тильки ягныцю.
Запалылы дрова; тамъ чи воны хрестылись,
А звисно, що щыро передъ Богомъ молылысь.
Одъ сина дымъ розвіявся по полю
На Каинову голову та на ёго гирку долю.

Дан. Дакъ може тогди велыкій витеръ бувъ....
Одъ кого це ты, Хведоре, чувъ?

Хвед. Э! одъ кого! Иванъ Дяченко колысь у граматци читавъ,
А я сыдивъ на лави, та замичавъ.

Дан. Дакъ мабуть розумный той Дяченко?

Хвед. Куды тоби! не сикайся проти его й писарь Степанченко.
Передъ нымъ вси правлять мовчака;
Куды—въ ихъ мова не така!...
Дакъ объ чимъ це я балакавъ,
Чого ще не доказавъ?
Ага! Чого дымъ розвіявся по полю
На Каинову голову та на ёго гирку долю?
Того, бачъ, що не свитлымъ окомъ на Бога дывывся,
Не до ладу мабуть винъ, молывся.

Дан. Дакъ Каинъ мабуть дурный бувъ.
Колы-бъ Адамъ, батько ихъ, почувъ,
Винъ бы ему хлосту давъ,
До новыхъ вينыкивъ бы знавъ.
Якъ Бога треба просыты, та молыты,
Що-бъ его не гнивыты.

Хвед. О, що-бъ тебе Данило, молодець!
Слухай—швыдко буде кинець:
А одъ ягныци дымъ якъ закурывся,
Та ажъ пидъ небомъ опынывся,
Черезъ те, що Авель Бога чтывъ,
Поважавъ, та щыро любывъ.

Дан. Дакъ за що-жъ Каинъ Авеля вбывъ?

Хвед. Та за те-жъ що Бога дужче любывъ.

Дан. Дакъ онъ бачъ за-що!
Дакъ Каинъ мабудь бувъ ледащо?
Куды-жъ винъ писля похылывся
Якъ брата свого вбывъ?

Хвед. Богъ его знае, де вже винъ дивався,

Тильки чутка, що до дому й не вертався.
Дан. А до Авеля мабудь выиздивъ становый,
Ликарь, стряпшый та окружный?
Хвед. При тимъ дили я, брате, не бувъ
Да таки ни одъ кого й не чувъ—
Чи воны его пошматувалы, чи такъ поховалы.
До попа ходимъ—хай винъ роскаже.
Дан. Э, пипъ роскаже, якъ розмаже.

Приказъ уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ бѣлоцерковскаго округа, послѣдовавшій 18 декабря 1784 г., касательно платы за требоисправленія.

Когда іезуитскими происками и насиліями уніатскаго митрополита Леона Шептицкаго въ 1778 и 1779 годахъ въ брацлавскомъ воеводствѣ всѣ православные жители насильно обращены были въ унію [1]), когда унія утвердилась даже во многихъ мѣстахъ козацкой Украины,—уніатскіе парохи (священники), находясь подъ особенною защитою войсковыхъ и гражданскихъ чиновъ Посполитой Рѣчи, а также польскихъ помѣщиковъ, безбоязненно начали вымогать отъ своихъ прихожанъ слишкомъ большую плату за всѣ религіозныя требы, а по преимуществу за совершеніе браковъ и погребеніе покойниковъ. Вымогательства ихъ въ бѣлоцерковскомъ округѣ дошли до того, что крестьяне и самъ графъ Браницкій въ 1784 году вынуждены были занести, по этому предмету, жалобы тогдашнему уніатскому митрополиту Іасону Смогоржевскому, преемнику Леона Шептицкаго, скончавшагося 13 мая 1779 года въ г. Радомыслѣ.

Послѣдствіемъ таковыхъ жалобъ былъ приказъ Смогоржевскаго, отданный изъ радомысльской уніатской консисторіи 18 декабря 1784 года на имя всѣхъ уніатскихъ священниковъ бѣлоцерковскаго графства. Приказъ этотъ, написанный на польскомъ языкѣ, найденъ мною въ архивѣ кіевской духовной консисторіи въ дѣлѣ по описи № 38 1796 г. [2]), и я счелъ небезъинтереснымъ въ переводѣ на русскій

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ напечатаны мною въ Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1891 годъ.

[2]) Приказъ этотъ 9 марта 1797 г., при своемъ коллективномъ прошеніи, священники бѣлоцерковской протопопіи представили кіевскому митрополиту Іероѳею Малицкому.

языкъ напечатать оный, тѣмъ болѣе, что въ немъ помѣщена такса, узаконявшая плату за совершеніе браковъ и погребеніе умершихъ, и что эту таксу желали сохранить священники бѣлоцерковскаго округа и по возсоединеніи въ 1794 г. съ православною церковью, но встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны главноуправляющаго бѣлоцерковскими имѣніями Яна Барковскаго, желавшаго всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами вредить духовенству за переходъ изъ уніи въ православіе [1]).

«Іасонъ Юноша Смогоржевскій Божіею и святой апостольской столицы милостію архіепископъ кіевскій, галицкій и цѣлой Руси митрополитъ, архимандритъ кіевопечерскій и овручскій, орденовъ Бѣлаго Орла и святаго Станислава кавалеръ».

«Всѣмъ вообще и каждому порознь, въ особенности же пречестнымъ парохамъ (священникамъ), въ графствѣ бѣлоцерковскомъ находящимся, миръ о Господѣ и наше архипастырское благословеніе предпославши, даемъ знать»:

«Хотя никому не безъизвѣстно, что трудящійся во всякомъ родѣ занятій и даже служащій стаду Христову достоинъ награды; однако, не смотря на это, прихожане изъ крестьянскаго званія, не принимая во вниманіе того, что духовные отцы ихъ, обладающіе малыми средствами къ жизни и лишенные десятины, узаконенной правомъ Божіимъ, видимо обременены при обрядахъ погребенія и проводами по-

---

[1]) Этотъ Барковскій, вслѣдъ за возсоединеніемъ уніатовъ въ послѣднюю четверть 1794 года, обложилъ православныхъ священниковъ бѣлоцерковскаго округа чиншемъ даже за убогія ихъ жилища въ землянкахъ, бралъ десятину съ священно и церковнослужительскихъ пчелъ, употреблялъ священниковъ и причетниковъ на разныя помѣщичьи работы, какъ-то: обработку полей, исправленіе дорогъ и плотинъ, уборку и свозку хлѣба, для охраны помѣщичьихъ лановъ и хлѣбныхъ магазиновъ, сдавалъ священническихъ и причетническихъ сыновей въ рекруты на томъ единственно основаніи, что дѣды ихъ по прежнимъ ревизскимъ сказкамъ были записаны между крестьянами; практиковавшееся съ давнихъ временъ на Украйнѣ медовареніе къ храмовымъ праздникамъ обложилъ большимъ акцизомъ (по 50 копѣекъ съ каждаго ведра) и обязалъ священниковъ къ храмовымъ праздникамъ брать у жидовъ арендарей не менѣе двухъ спустовъ (10 ведеръ) водки на церковныя деньги. Кромѣ того, церковные дома, а также усадебныя, пахатныя и сѣнокосныя поля онъ, отнявши у православныхъ священниковъ, передавалъ во владѣніе уніатскаго духовенства, отказавшагося отъ возсоединенія съ православіемъ, а за неимѣніемъ гдѣ либо таковаго духовенства церковныя руги передавалъ во владѣніе жидовъ, изъявившихъ желаніе заниматься хлѣбопашествомъ. Всѣ эти обиды православные священники прописали въ своемъ выше упомянутомъ прошеніи, поданномъ 9-го марта 1797 г. митрополиту Іерофею.

койниковъ въ стужу, зной и слякоть, часто изъ самыхъ отдаленныхъ домовъ до самыхъ отдаленныхъ могилъ, и пѣніемъ жалобныхъ панихидъ, и совершеніемъ заупокойныхъ литургій, и траурнымъ звономъ въ колокола, и шарпаньемъ церковныхъ и собственныхъ одеждъ, а при бракахъ—ассистенціею трехъ заповѣдей (оглашеній), записью метрикъ о бракахъ, погребеніяхъ и крестьбинахъ и многими иными парохіальными обязанностями, лишающими ихъ возможности заниматься, какъ надлежитъ, хозяйствомъ,—постоянно, почти ежедневно заносятъ къ намъ самимъ и нашему жонду (управленію) жалобы на своихъ пароховъ за вымогательства ихъ при совершеніи случающихся погребеній и браковъ».

«Имѣя въ виду положить предѣлъ всякаго рода вымогательствамъ и вытекающимъ изъ нихъ постояннымъ жалобамъ, распрямъ, ссорамъ враждѣ, а нерѣдко и мести, желая водворить въ нашей архидіецезіи миръ и согласіе между парохами и парохіанами, также удовлетворить усиленнымъ, по этому дѣлу, просьбамъ бѣлоцерковскаго графскаго двора и вмѣстѣ съ тѣмъ себя самихъ освободить на будущее время отъ постоянныхъ жалобъ, подаваемыхъ намъ крестьянами бѣлоцерковскаго графства, приказываемъ парохамъ, находящимся въ семъ графствѣ и подвѣдомственнымъ нашей архипастырской власти, дабы они, подъ угрозою нашего строгаго суда и нещадной кары, по обнародованіи сего приказа, не осмѣливались требовать отъ своихъ парохіанъ болѣе того, сколько опредѣлено въ нижеслѣдующей таксѣ:

	Малый безъ процессіи.		Малый съ процессіею.		Большой безъ процессіи.		Большой съ процессіею.	
За погребеніе:	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.
Убогихъ безплатно	—	—	—	—	—	—	—	—
Бездворныхъ	—	15	1	10	1	10	2	17
Имѣющихъ пѣшій грунтъ	—	25	1	20	2	—	3	4
Однотяглыхъ	1	5	2	—	2	20	3	21
Двутяглыхъ	1	15	2	10	3	10	4	8
Трехтяглыхъ	1	20	2	20	4	—	4	25
Четыретяглыхъ	2	—	3	—	4	20	5	12
Полноплуговыхъ	2	10	3	15	5	10	7	—
За браки:								
Убогихъ по усмотрѣнію	—	—	—	—	—	—	—	—
Бездворныхъ	1	—	—	—	—	—	—	—

За браки.	Малый безъ процессіи. Злот.	Грош.	Малый съ процессіею. Злот.	Грош.	Большой безъ процессіи. Злот.	Грош.	Большой съ процессіею. Злот.	Грош.
Имѣющихъ пѣшій грунтъ . . .	2	—	—	—	—	—	—	—
Однотяглыхъ	4	—	—	—	—	—	—	—
Паротяглыхъ	6	—	—	—	—	—	—	—
Полуплуговыхъ	8	—	—	—	—	—	—	—
Имѣющихъ 6 воловъ.	10	—	—	—	—	—	—	—
Имѣющихъ 8 воловъ.	12	—	—	—	—	—	--	—
Художники и промысломъ занимающіеся за погребеніе большихъ и малыхъ, а также за браки должны платить столько же, сколько полноплугов., т. е.								
За погребеніе.	2	10	3	15	5	10	7	—
За браки.	12	—	—	—	—	—	—	—

Кромѣ того всѣмъ парохамъ запрещаемъ, безъ дворскаго вѣдома и согласія, брать отъ своихъ парохіанъ за парохіальныя услуги воловъ, коровъ и лошадей и принуждать ихъ къ заказу сорокодневныхъ заупокойнымъ литургій. Брать за исповѣдь отъ доброхотно дающаго не возбраняемъ; что же касается дачи роковщины или десятины, то желаемъ, чтобъ эта офяра (приношеніе) и впредь была даваема парохамъ; плату за крестьбины предоставляемъ доброй волѣ воспріемниковъ, но за запись всякой метрики назначаемъ платить по десять грошей.

Если бы кто либо изъ пароховъ, по обнародованіи сего нашего приказа, вымогалъ отъ парохіанъ своихъ больше, чѣмъ опредѣлено нами, то виновный, по полученіи нами доноса съ надлежащими доказательствами и по опредѣленію нашего суда, за вынужденную сверхъ таксы плату обязанъ будетъ уплатить втрое,—одну часть въ пользу обиженнаго, другую въ кассу церковнаго братства, а третью въ кассу семинарскую.

А чтобы сей приказъ нашъ какъ можно найскорѣе былъ приведенъ въ исполненіе, мы властію, данною намъ отъ Господа Бога, повелѣваемъ превелебнымъ порохамъ (протоіереямъ) Бѣлоцерковскому и Ставискому и инымъ деканамъ, въ томъ Бѣлоцерковскомъ графствѣ

находящимся, объявить оный всенародно и, прибивши на стѣнахъ церквей Божіихъ, тщательно и строго наблюдать за исполненіемъ его.

Сей приказъ, по распоряженію нашего архипастыря, съ приложеніемъ его официальной печати своеручно подписуемъ. г. Радомысль 1784 года декабря 18 дня.

Михаилъ Зѣлень Мѣленевскій, каннонникъ катедральный Львовскій, намѣстникъ и официалъ генеральный Кіевской митрополіи».

Выше прописанная такса въ имѣніяхъ бѣлоцерковскаго графства соблюдалась только во времена уніи, но вслѣдъ за возсоединеніемъ уніатовъ, въ концѣ 1794 года, вмѣсто этой таксы составлена была главноуправляющимъ бѣлоцерковскими имѣніями Барковскимъ новая такса, уменьшенная въ десять разъ. О таковомъ уменьшеніи таксы Іасона Смогоржевского православные священники въ прошеніи своемъ, поданномъ кіевскому митрополиту Іероѳею 9 марта 1797 года, между прочимъ такъ писали: «нынѣ ихъ графскихъ сіятельствъ экономы собираютъ всѣхъ прихожанъ и, призвавши въ собранія священника, приказываютъ, дабы прихожане за преподаяніе требъ священнику больше не давали, какъ по наданной отъ главнаго ихъ эконома Яна Барковскаго таксѣ, притверждая прихожанамъ какъ найстрожайше и страша тѣлеснымъ наказаніемъ, естьли кто съ нихъ осмѣлится сверхъ показаннаго давать; а какъ въ уніи была такса, то противъ оной и десятой доли намъ не прописано получать, которую при семъ Вашему Высокопреосвященству въ оригиналѣ на благоусмотрѣніе прилагаемъ и просимъ всемилостиваго архипастырскаго призрѣнія, уваживъ на наше бѣдственное положеніе, дать намъ защиту...».

Вслѣдствіе настоятельной просьбы преосвященнаго Іероѳея, такса за требоисправленія, составленная Яномъ Барковскимъ, по распоряженію графини Александры Васильевны Браницкой, къ которой по этому дѣлу письменно обращался кіевскій архипастырь, была уничтожена. Но была-ли, согласно желанію православнаго священства, возстановлена такса Смогоржевскаго, изъ дѣлъ кіевской консисторіи не видно.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Глуховскіе серебряныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). Кіевскіе мѣщане серебряныхъ дѣлъ мастера Демьянъ *Любецкій* и Федоръ *Барановичъ* въ

1778 году жаловались магистрату на тайный увозъ отъ нихъ работниковъ въ Глуховъ; но магистратъ, видно, безсиленъ былъ помочь имъ. Въ 1780 году имъ удалось поймать одного такого бѣглеца и привлечь къ отвѣтственности того, кто содѣйствовалъ побѣгу. Такимъ пособникомъ оказался кіевскій почтмейстеръ полковый асаулъ Петръ *Жураковскій*. Дѣло было такъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1780 г. пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Глухова мастеръ Никита *Басовичъ* и, остановившись на квартирѣ у Жураковскаго, пріискивалъ себѣ рабочихъ. По его подговору, ученикъ мастера Барановича Антонъ *Шигура* 10 февраля оставилъ своего хозяина и бѣжалъ въ Глуховъ. На другой день Барановичъ заявилъ объ этомъ об. ком. Ельчанинову, обвиняя бѣглеца въ воровствѣ вещей. При этомъ Барановичъ заявлялъ, что еще въ 1778 году бѣжалъ отъ него, не выживъ урочнаго времени, подмастерій Иванъ *Понятовскій*, захвативъ съ собой нѣсколько цѣнныхъ вещей, и живетъ теперь въ Глуховѣ же у мастера Остапа Иванова, а въ 1679 г. бѣжали ученики Дмитрій Якубовскій и Никита Балковскій.

Между тѣмъ гостившій въ Кіевѣ мастеръ Басовичъ, при несомнѣнномъ содѣйствіи почтмейстера Жураковскаго, успѣлъ сманить еще отъ Ивана Атаназевича одного работника и отправить въ Глуховъ, и отъ мастера Михаила *Бѣляевскаго* другого работника, но этого послѣдняго, Федора *Терпилова*, доставить въ Глуховъ не удалось: его за Кіевомъ поймали мастера Любецкій и Барановичъ, устроившіе, очевидно, засаду, и представили въ магистратъ. Данное здѣсь бѣглецомъ показаніе, обнаруживъ пособничество Жураковскаго, и дало основаніе магистрату жаловаться въ Малороссійскую Коллегію на дѣйствія почтмейстера.

Федоръ Терпиловъ показалъ, что его дѣйствительно уговаривалъ ѣхать въ Глуховъ мастеръ Басовичъ, увѣрившій его, что вмѣсто всякаго пашпорта онъ получитъ отъ почтмейстера «цѣдулу», съ которой и проѣдетъ «при ординарной письменной почтѣ» вмѣстѣ съ почталіономъ. Такую «цѣдулу» онъ дѣйствительно и получилъ и 13-го февраля выѣхалъ изъ Кіева. Поймавшіе его мѣщане, «задержуя сумнительство, что и ихъ работники по таковымъ же оного Жураковскаго цѣдуламъ изъ Кіева въ Глуховъ отправлены», просили о «поступленіи съ онымъ Ж. по законамъ». Кіевскій магистратъ, обстоятельно изложивъ показаніе Терпилова и жалобу поймавшихъ его мѣщанъ, писалъ въ своемъ доношеніи отъ 17-го февраля: «Мал. Коллегія со всего вышеписаннаго усмотрѣть изволитъ ту непристой-

ность, которая употреблена почтмейстеромъ Жураковскимъ дачею цѣдулы вѣдомства магистратскаго людямъ, и паче отъ хозяевъ своихъ бѣглымъ съ подговору, и сколь много сей г. Жураковскаго поступокъ не приличествуетъ его должности и противенъ возложенной на него довѣренности».

Жураковскій, узнавъ, по всей вѣроятности, о поданномъ отъ магистрата доношеніи, отправилъ 20-го февраля и съ своей стороны въ Малорос. Коллегію рапортъ, въ которомъ изобразилъ поимку Терпилова, какъ разбойническое нападеніе на почту. Онъ сообщалъ, что Терпиловъ, явившись въ «почтовое правленіе» съ просьбой о разрѣшеніи ему проѣхать съ почтою въ Глуховъ, представлялъ свидѣтельство мастера Ивана Атаназевича, что онъ, Терпиловъ, «по выжиткѣ пятолѣтномъ въ обученіи сребнихъ дѣлъ майстерства при немъ, Атоназевичу, велъ себя честно и добропорядочно и прошлого 1779 г. ноября 10-го отпущенъ отъ его свободно»; почтовое правленіе посылало де къ матери Терпилова узнать, съ ея ли вѣдома онъ ѣдетъ изъ Кіева, и только тогда, «не имѣя за онымъ просителемъ никакова сумнѣнія», предоставило ему право ѣхать съ почталіономъ; «но какъ только оные съѣхали на рѣку Днѣпръ противъ бровара братскаго, вдругъ тамо появились на двохъ саняхъ многимъ числомъ невѣстимо какіе люди, обступя съ келепами и дручьемъ, напавъ на почту, почталіона, ѣздока и писаря ночью разбойническимъ образомъ и пріостановя почту, схватя съ саней ѣздока Терпилова невѣстимо куда увезли съ собою; за возвращеніемъ же на другой того день почталіона и писаря репортовано о вышеписанномъ въ сіе почтовое правленіе и что изъ того многолюдного разбойнического нападенія примѣчено писаремъ только двохъ жителей кіевскихъ: Федора Барановича и Михайла Хвостина, онъ же и Бѣлявскій, кой въ здогонъ писаря и келепомъ ударилъ въ плечи; а какъ сей дерзновенный поступокъ навелъ не малое сумнѣніе въ интересѣ, чтобъ иногда по такому сумасбродству не могло послѣдовать впредь въ интересѣ государственномъ при отправленіи почты какова похищенія, то о томъ кіевскому магистрату отъ сей конторы письменно извѣщено съ тѣмъ притомъ, дабы благоволено было, призвавъ во оной магистратъ Барановича, Хвостина и ихъ товарищей, разбойническо напавшихъ на почту, выизслѣдовать и въ страхъ виновныхъ наказать, чтобъ неповадно было и другимъ шалунамъ (по неимѣнію здѣсь строгой въ ночномъ дозорѣ полиціи) отваживаться нападать ночью на почту; но ни то отъ оного магистрата нонынѣ сіе почтовое правленіе никакова увѣдомленія не имѣетъ,

для того о вышеписанномъ М. К. репортуя пок. прошу указомъ кіев. магистрату предложить, дабы прописанныхъ Б. и Х. и ихъ товарищей за учиненной ими таковой дерзновенной въ ночномъ нападеніи на почту поступокъ, призвавъ въ оной магистратъ, въ страхъ другимъ безъ оштрафованія не оставлено бы, а впредь чрезъ строгую полицію въ ночномъ дозорѣ магистратъ кіевскій всѣхъ своихъ подчиненныхъ отъ таковыхъ шалостей пріудержалъ».

Изъ отрывковъ переписки, давшихъ матеріалъ для настоящей замѣтки, не видно, какъ отнеслась къ этому дѣлу Малороссійская Коллегія и удовлетворена ли была поданная Ельчанинову просьба одного изъ мастеровъ о возвращеніи бѣжавшихъ отъ него работниковъ или взысканіи похищенныхъ ими вещей съ «передержателей и увозителей».

А. А.

Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни. Нами получено нижепечатаемое приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника Алекс. Афан. Потебни при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Не только сочувствуемъ мы этому дѣлу, но охотно предлагаемъ свои услуги и покорно просимъ читателей «Кіевской Старины» откликнуться на этотъ призывъ и поспособствовать скорѣйшему осуществленію намѣченной цѣли. Всѣ пожертвованія будутъ немедленно передаваемы нами по указанному ниже адресу.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе состоящему при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Историко-Филологическому Обществу открыть въ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ имперіи подписку для собранія капитала на учрежденіе при Обществѣ преміи имени умершаго профессора названнаго университета *А. А. Потебни* за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и русской словесности, преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій профессора Потебни. Въ виду этого Всемилостивѣйшаго соизволенія Историко-Филологическое Общество обращается съ просьбой о пожертвованіи къ ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ, заинтересованнымъ въ развитіи филологическихъ знаній въ Россіи,

въ частности въ изученіи русскаго языка и словесности, причемъ покорнѣйше проситъ Васъ, дать ходъ прилагаемому при семъ подписному листу и собранныя по сему листу деньги препроводить на имя профессора харьковскаго университета Николая Өедоровича Сумцова. Отчетъ о пожертвованіяхъ будетъ приложенъ къ ближайшему V т. Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Предсѣдатель проф. *М. С. Дриновъ.*

Секретарь проф. *Н. Ө. Сумцовъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографическая замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малороссіи.

Опись дѣлъ секретнаго повытья Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба (47 опись) Москва. 1890 г. Вып. I. Каталогъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба. Опись дѣлъ воинской комиссіи и кабинета (121 и 119 описи). Вып. II. Спб. 1891—Вып. III. Спб. 1892. (описи 193 и 194).

Въ бытность мою лѣтомъ этого года въ Москвѣ, уважаемый архиваріусъ Московскаго архива министерства юстиціи Н. Н. Оглоблинъ обратилъ мое вниманіе на вышедшія въ свѣтъ въ теченіе 1890—1892 г.г. подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ описи Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, предоставивъ ихъ, съ обычною своею любезностью, во временное мое распоряженіе. Достаточно было одного бѣглаго просмотра этихъ описей, чтобы сказать, что въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба находится масса очень интересныхъ дѣлъ,—но въ этомъ я вполнѣ убѣдился, проникнувъ, съ разрѣшенія Главнаго Штаба, въ самый архивъ. Здѣсь я увидѣлъ груду описей, изъ которыхъ напечатана только самая незначительная часть,—и за это должно воздать великую благодарность автору соч. «Русская армія въ семилѣтнюю войну» ген.-м. Масловскому и его сотруднику поручику Ильенко: до изданія ими 3-хъ вышепоименованныхъ описей, сокровища Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба оставались почти неизвѣстными нашимъ историкамъ; послѣдніе, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ (ген. м. Масловскаго, г. Забѣлина), совсѣмъ, кажется, и не заглядывали въ этотъ архивъ. Могу, напр., указать на г. Эварницкаго, который, всюду разыскивая матеріалы для исторіи Запорожья, не обратилъ, однако, вниманія на названный архивъ, гдѣ, между прочимъ, хранятся очень цѣнные документы для этой исторіи.

Да и вообще здѣсь, судя по напечатаннымъ описямъ (въ особенности интересны описи 193 и 194 дѣла гр. Румянцева-Задунайскаго и кн. Потемкина-Таврическаго), есть масса чрезвычайно важнаго матеріала для исторіи южно-русскаго края въ XVIII в.

Позволю себѣ назвать нѣкоторыя дѣла, относящіяся къ исторіи Малороссіи и Запорожья:

1732, 1745 и 1753 годовъ. Постановленія войсковой малороссійской старшины 1732 г., генеральной войсковой канцеляріи 1753 г. и «копія генеральнаго мнѣнія въ 1745 году іюня 13 дня учиненнаго» о сборѣ и расходованіи суммъ, на содержаніе войска малороссійскаго назначаемыхъ. Здѣсь же вѣдомость о числительности войска малороссійскаго и отпускаемаго на содержаніе его жалованья въ мирное и военное время, составленная къ 1732 г.

1733 г. О постройкѣ украинской линіи.

1760 г. Переписка по устройству украинской линіи.

1751—1752 г. Копія съ грамоты малороссійскому гетману гр Кириллу Разумовскому о расположеніи въ Украйнѣ 6 драгунскихъ и Глуховскаго гарнизоннаго полковъ.

1752—1753 г. Сообщеніе гетмана Разумовскаго о состояніи въ заднѣпровскихъ командахъ малороссійскихъ козаковъ.

1755 г. О ссылкѣ взятыхъ въ службу и бѣжавшихъ посполитыхъ Малороссіянъ и отсылкѣ ихъ по прежнему въ команды. Рапорты о собранныхъ въ Стародубѣ малороссіянахъ.

1756—1761 г. Сборъ 10 тыс. малороссіянъ для отправленія въ армейскіе и прибалтійскіе гарнизонные полки для опредѣленія въ деньщики, извощики и на прочія нестроевыя должности; о препровожденіи ихъ въ назначенныя мѣста и выдачѣ имъ жалованья.

1756—1757 г. Экстрактъ о содержаніи въ Малороссіи на безденежномъ довольствіи полковъ.

1765 г. Справка воинской комиссіи о размѣрахъ вычета изъ содержанія повышенныхъ въ чинахъ въ пользу учреждаемой въ Малороссіи образцовой военной школы.

1774 г. Доклады кн. Потемкина на Высочайшее имя: о довольствіи формируемаго изъ малороссійскихъ казаковъ тверскаго карабинернаго полка. О выводѣ части войска изъ Малороссіи.

1782—1787 г. Дѣло по переформированію 3-хъ легкоконныхъ и 9 малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 10 карабинерныхъ. Отчеты о ходѣ переформированія. Вѣдомость о числѣ дворовъ и жителей въ казачьихъ полкахъ. Свѣдѣнія о состояніи казачьихъ и легкоконныхъ полковъ.

1785 г. Прошенія чиновъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ, переформированныхъ въ карабинерные, объ увольненіи ихъ отъ службы (съ формулярными списками).

1786 г. Черновые рапорты въ Военную Коллегію и ордера гр. Румянцева—Задунайскаго за 1786 г. Свѣдѣнія о сформированіи Малороссійскаго гренадерскаго полка и о наборѣ рекрутъ (съ собственноручными замѣтками графа).

1787г. Свѣдѣнія о постройкѣ новыхъ редутовъ по кіевской границѣ.

Свѣдѣніе о наборѣ рекрутъ съ казаковъ и поселянъ монастырскихъ имѣній Черниговскаго намѣстничества.

1787—1789 г. Дѣло «о наборѣ въ Малороссіи фуръ, воловъ и погонщиковъ».

1788 г. Рапорты Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстническихъ правленій о наборѣ рекрутъ за 1788 г.

Секретное дѣло о излишнихъ церковникахъ и праздныхъ выходцахъ» (о зачисленіи ихъ въ военную службу).

1786 г. Исходящій журналъ канцеляріи гр. Румянцева-Задунайскаго по намѣстническому правленію въ 1786 г. (съ подробнымъ изложеніемъ бумагъ.

1786—1789 г. Рапорты Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстническихъ правленій, Черниговской палаты уголовнаго и гражданскаго суда и Кіевской казенной палаты съ представленіемъ экстрактовъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, полученныхъ ими въ 1781—89 г.

1789 г. Рапорты губернаторовъ Бибикова и Ширкова о благосостояніи ввѣренныхъ имъ губерній за 1789 г.

1795—1796 г. Рапорты и сообщенія губернаторовъ Кіевскаго, Екатеринославскаго, Волынскаго, Брацлавскаго, Подольскаго, Новгородсѣверскаго, Харьковскаго, Курскаго, Орловскаго.

1796 г. Описи бумагамъ канцеляріи Генер. Фельд. графа Румянцева-Задунайскаго, составленныя по случаю сдачи дѣлъ въ разные архивы и по другимъ причинамъ.

1774 г. Докладъ кн. Потемкина на Высочайшее имя: о дарованіи привилегіи полтавскому купечеству для поощренія развитія морской торговли (черезъ Херсонъ).

1783—1784 г. Свѣдѣнія о цѣнахъ на жизненные продукты въ Малороссіи 1783 и 1784 г.

1785 г. Свѣдѣнія о побѣгахъ великороссовъ и малороссіянъ въ Землю Войска Донскаго.

1787 г. Дѣло объ ограниченіи въ Малороссіи винокуренія и о средствахъ продовольствія народонаселенія въ виду неурожая.

1788—89 г. Рапорты и сообщенія Черниговскаго губернатора Милорадовича, Новгородсѣверскаго губернатора Бибикова, Кіевскаго губернатора Ширкова; намѣстническихъ правленій Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, казенной палаты, палаты уголовнаго суда, губерн. прокурора и совѣстнаго суда за 1788—89 г. Здѣсь свѣдѣнія объ открытіи народныхъ училищъ, о мѣропріятіхъ по случаю неурожая, объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и о пополненіи ихъ, о переселенцахъ на Кавказъ и въ Екатеринославскую губ., о постройкахъ г. Глухова (послѣ пожара), о численномъ составѣ гарнизонныхъ командъ въ Новгородсѣверской губ. Вѣдомости о числѣ умершихъ, вступившихъ въ бракъ и родившихся въ Черниговской губерніи, о числѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ Новгородсѣверской губ. и пр.

1788 г. Свѣдѣніе о малороссійскихъ селитренныхъ заводахъ и о цѣнахъ на селитру.

1794 г. Свѣдѣніе о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ 1794 г. въ Прилуц. уѣздѣ.

1794 г. Вѣдомость о доходахъ и расходахъ суммъ въ Кіевской губер. за 1794 г.

1786 г. Письма Самуила, митропол. Кіевскаго, Феофила епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго и Илларіона—еп. Новгородсѣверскаго объ устройствѣ монастырей въ ихъ епархіяхъ и о порядкѣ встрѣчи Государыни Императрицы.

1788 г. Свѣдѣніе о монастырскихъ деревняхъ въ Малороссіи въ 1788 г.

1724—1725 г. Книга о крымскихъ и запорожскихъ извѣстіяхъ. Сообщенія генерала кн. М. Голицына. 1730 г. Мѣры предосторожности отъ Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ, турокъ и запорожцевъ

1733 г. О польскомъ шляхтичѣ, собравшемъ запорожцевъ для польской службы.

1742 г. Разборъ недоразумѣній между запорожцами и поляками.

1742 г. Копія съ указа Военной Коллегіи отъ 27-го Августа 1742 г. объ отпускѣ провіанта Запорожскому войску.

1744 г. Назначеніе слѣдствія надъ Запорожскими казаками за ихъ своевольства.

1749 г. Недоразумѣнія донскихъ козаковъ съ Крымцами, Кубанцами и запорожскими козаками.

— О недопускѣ Запорожскихъ козаковъ до своевольства.

— Предосторожности на границахъ отъ Крымскихъ, Кубанскихъ и Турецкихъ сторонъ и Запорожской сѣчи.

1750. Подробныя донесенія Кіевскаго генер.-губ. Леонтьева о ходѣ болѣзни въ Новосѣченской крѣпости. О нападеніи запорожскихъ козаковъ на форпосты, учрежденные въ виду появленія опасной болѣзни.

— О сыскѣ и поимкѣ преумножающихся въ заднѣпровскихъ и около оныхъ, въ тамошнихъ лѣсныхъ, степныхъ и польскихъ мѣстахъ, гайдамацкихъ партій (подробное описаніе заднѣпровскихъ форпостовъ).

1753—1756. Переписка по учрежденію съ турецкой и здѣшней сторонъ заставъ (отъ Буга до Днѣпра). Командированіе въ запорожскую сѣчь, къ правленію комендантской должности, изъ полковъ кіевскаго гарнизона, шт.-офицера и при немъ изъ конныхъ полковъ ландмилиціи команды въ 100 человѣкъ съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, 200 малороссійскихъ и 100 запорожскихъ козаковъ.

1760—1761. Охраненіе западной и южной границъ Россіи отъ крымскихъ и гайдамацкихъ набѣговъ со стороны Польши, бывшихъ вслѣдствіе неопредѣленности границъ съ нею. (Здѣсь переписка съ кошевымъ атаманомъ Бѣлицкимъ).

1760. Учрежденіе въ запорожской сѣчи коммиссіи для разбора недоразумѣній между крымскими татарами и запорожцами.

— Оставленіе старшинъ и писаря Чугуевца при запорожскомъ войскѣ.

1769 г. Награжденіе по Высочайшему повелѣнію запорожскаго старшины Чернаго 100 рублями.

1775 г. Дислокація корпуса генер.-пор. Текелли въ Новороссійскую и Азовскую губерніи.

1772 г. «О причиненныхъ командующему Чугуевскимъ полкомъ генер.-м. Булацелю и артил. маіору Истоксу отъ запорожскаго полковника Гораджи обидахъ и притѣсненіяхъ въ отнятіи и разореніи поселенныхъ ими слободъ».

1775—1778 г. Рапорты Новороссійской канцеляріи и ген.-пор. Текелли за 1775—76 г. о запорожскихъ безчинствахъ и объ уничтоженіи Сѣчи запорожской. Здѣсь же приложены допросы Запорожцевъ.

Документы, найденные при уничтоженіи Сѣчи запорожской въ Кошевой церкви.

1783 г. «Рапорты и представленія съ прошеніями бывшаго запорожскаго войска козаковъ о принятіи ихъ охотниками къ отправ-

ленію козачьей службы, называемыхъ нынѣ черноморскимъ войскомъ» и о награжденіи ихъ армейскими чинами 1783—1790.

1784. Докладъ кн. Потемкина 6 апр. 1784 г. о возстановленіи войска запорожскаго на основаніяхъ, на которыхъ существуетъ Донское козачье войско.

Къ величайшему сожалѣнію, занятіямъ въ Московскомъ архивѣ Главнаго Штаба я могъ посвятить всего лишь нѣсколько дней и вслѣдствіе этого не имѣлъ возможности хотя вскользь ознакомиться со всѣми названными только что мною дѣлами; мнѣ удалось только просмотрѣть нѣкоторыя, но за-то я сдѣлалъ изъ нихъ довольно обширныя выписки. Послѣднія, впрочемъ, не могутъ быть напечатаны въ Кіевской Старинѣ, такъ какъ главный Штабъ, хотя и допустилъ меня въ московское отдѣленіе его архива для занятій, съ цѣлью извлеченія матеріаловъ по исторіи Южной Руси въ XVIII в., но «съ тѣмъ, чтобы отдѣльные матеріалы, почерпнутые» мною «въ архивѣ, не были печатаемы въ журналахъ».

Въ числѣ просмотрѣнныхъ мною дѣлъ находятся и документы, найденные во время разоренія Сѣчи ген.-пор. Текелли въ сундукѣ подъ престоломъ сѣчевой церкви. Документы эти не что иное, какъ часть, несомнѣнно, драгоцѣнная, сѣчеваго архива, и до сихъ поръ, кажется, неизвѣстны публикѣ [1], —вотъ почему я считаю необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Документы эти составляютъ небольшую связку (опись 194, св. № 181), въ которой находятся:

1) Грамота Екатерины II, данная на имя кошеваго атамана Калнишевскаго въ г. Полтавѣ 28 ноября 1771 г. Въ грамотѣ говорится о награжденіи запорожскаго полковника Колпака за оказанныя услуги золотою медалью съ портретомъ государыни, для ношенія на шеѣ, и о томъ, что означенная медаль препровождается при грамотѣ Калнишевскому, для врученія по назначенію.

2) 6 подлинныхъ грамотъ Анны Іоановны и одна копія: отъ 6-го марта, 20 іюля 1735 года, 18-го іюня, сентября (число не проставлено) 1735 г., 2 сентября 1736 г. (и копія), 14 января 1737 г.

---

[1]) Изъ приводимыхъ ниже дѣлъ, насколько мнѣ извѣстно, „Универсалъ“ Богдана Хмельницкаго и Высочайшій Указъ 14 іюня 1688 г. напечатаны въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго и въ „Разсужденіи о Запорожцахъ“ г. Миллера (изд. въ 1847 г. Бодянскимъ); и Скальковскій, и Миллеръ, однако, пользовались при печатаніи не тѣми списками, которые хранятся въ архивѣ.

3) Сорокъ шесть подлинныхъ грамотъ Елизаветы Петровны отъ разныхъ годовъ (до 1759 г. включительно).

4) Копія съ указа Елизаветы Петровны отъ 1743 г. сент. 20-го.

5) Копія съ копіи Высочайшаго Указа отъ 10 мая 1759 г.

6) Копія съ копіи Указа изъ кіевск. губ. канцеляріи отъ 10 мая 1759 г.

7) Листъ кошевого атамана Григорія Федорова «разнимъ проезжаючимъ, великороссійскимъ и малороссійскимъ купцамъ, чумакамъ и иностраннимъ людямъ, а особливо запорожскимъ козакамъ чрезъ сей нашъ войсковий листъ вѣдомо да будетъ», отъ 7 апр. 1758 г.

8) Универсалъ гетмана богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. съ подтвержденіемъ грамоты короля польскаго Стефана Баторія, данной войску запорожскому 20 авг. 1575 г. [1]) и опредѣлившей границы владѣній послѣдняго. Универсалъ въ 3-хъ экземплярахъ; изъ которыхъ на одномъ вверху помѣтка «копія», на другомъ— «копія съ копіи». Эта послѣдняя копія засвидѣтельствована такъ: «съ копиею унѣверсала свидѣтельствовалъ войска запорожскаго Низового войсковій писарь Артемъ Василиевъ». 3-й экземпляръ—на простой бумагѣ, безъ помѣтки «копія», безъ подписи и печати.

9) Выписка з писма з договору вѣчного мира Россійского с Поляками 1686 году третего пункта в Бѣлоцерковки» о границахъ присоединенныхъ къ Россіи областей.

10) Высочайшій Указъ 14 іюня 1688 г. на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго о построеніи города на р. Самарѣ и о движеніяхъ запорожцевъ на промыселъ противъ крымцевъ—3 экземпляра; изъ нихъ 2 съ помѣткою «копія», и одинъ безъ таковой помѣтки. Послѣдній написанъ на вощеной бумагѣ, съ поправками, безъ подписи и приложенія печати [2]).

11) Записка, составленная по распоряженію кошевого атамана Ивана Малашевича, подъ заглавіемъ: «Въ память потомную сие вѣдомо да будетъ, много чысломъ лѣтъ войско запорожское низовое под кримъскою протекциею мешкало, и в колыких мѣстцех кошемъ своимъ, чыто сѣчью сыдѣніе мѣло, року 1734 мая 29 запысуется».—Къ запискѣ этой приложена большая печать войска запорожскаго; есть и

---

[1]) У Скальковскаго и у Миллера—1576 г.

[2]) На одной изъ копій надпись: „съ копиею сводилъ войска запорожскаго низового войсковый писарь Артемъ васильевъ".

копія съ нея (т. е. записки). Документъ этотъ сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи запорожцевъ отъ 1709 по 1734 г. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи по исторіи запорожцевъ («Ист. запорожск. козаковъ» т. I) г. Эварницкій говоритъ: «послѣ Чортомлицкой Сѣчи запорожцы сидѣли сперва Сичею Каменскою, потомъ Алешковскою, потомъ снова Каменскою» [1]). Изъ нашего же документа видно, что запорожцы, послѣ разоренія чертомлыцкой Сѣчи, «внызъ Днепра въ року 1709 мая 12 чысла избѣгшы, и совокупившыся з своимъ же войскомъ якая часть была при помянутому Мазепѣ и шведу, когда онъ король шведский значне под полтавою тогжъ року 1709 іюня 27 чысла от войска жъ московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подъ кримъскую державу за девлетъ герей-хана удавшися сѣчъ были себѣ при солешках и кордашину над конскою завелы, где лѣтъ девятнадцать мешкалы, и пакы збунтовавшыся и кошевого себѣ Ивана гусака изобравши и расколъ между собою вчинивши на тое ж выш помянутое старое мѣстце и къ чортомлику в гору днепра сошедлы и сѣчью два года сыдѣлы, а потомъ за беглы гдерей хана указомъ, внызъ днепра спустившыся выше казикермена над камянъкою в третемъ мѣстцу сосѣли булы кошемъ и четири года мешкали». Пробывъ на этихъ мѣстахъ 25 лѣтъ подъ «крымскою протекціею», Запорожцы, «за благоразсуднымъ поводомъ и урядомъ на той час его милосты пана Ивана Малашевыча атамана кошового курѣннаго Пашковскаго, гды Капланъ герей ханъ Кримъский з гетманомъ орликомъ станѣславу Лещынскому и зордами своими пшолъ на помоцъ под хотѣнь и камянець подолский, проты Саса короля полского и проти войска московскаго, хотячи его кролемъ полскимъ постановит и войско запорожское низовое туда ж ганъ (sic) кримъский затягалъ во помоцъ, то в той часъ неизволившы рукъ на войско христіанское московское подымат, и жалѣючи кревныхъ своихъ и всего народу христіанского малороссійского, же бы орда выбравшы в неволю не запровадыла, з тое помянутой камянъской сѣчы а с под протекціи кримъской, в року вышъ описанъномъ 1734 марта 28 чысла рушывшысь, судомъ воднымъ и трахтомъ степовымъ, и прибувшы того ж марта 31 в гору днепра, и выше базавлука над подполною мѣстце изобравши, кошемъ по прежнему под владѣніемъ своего ж православнаго монарха московскаго, си есть за державы Имъператрицы Анны Иоановны водворылися, именуючыся и по ней державцамъ всероссийскимъ во вѣчніе часы служить».

---

[1]) Ист. Зап. козак. стр. 157.

Изъ приведенной выписки ясно, что дѣло обстояло нѣсколько не такъ, какъ разсказываетъ г. Эварницкій, основываясь на свидѣтельствѣ историка запорожскихъ козаковъ кн. Семена Мышецкаго и другихъ лицъ [1]). Нечего, конечно, и говорить, что свидѣтельству «записки»,—составленной сейчасъ же по выходѣ запорожцевъ изъ-подъ «крымской протекціи» и подъ редакціей такого очевидца, какъ Иванъ Малашевичъ, котораго и до 1734 г. 3 раза выбирали кошевымъ [2]),—должно быть отдано предпочтеніе предъ всякими другими свидѣтельствами, на которыя ссылается г. Эварницкій.—Оказывается, что запорожцы, ушедши изъ Чертомлыцкой сѣчи 12 мая 1709 г., нашли себѣ пріютъ въ предѣлахъ крымскихъ владѣній и основали свою сѣчь «при олешкахъ и кардашину над конскою», гдѣ и жили до тѣхъ поръ (19 лѣтъ), пока между ними не произошелъ изъ-за чего то «бунтъ». Избравъ кошевымъ Ивана Гусака [3]) и «расколъ между собою вчинивши», запорожцы опять перешли на старое мѣсто къ Чертомлыку, гдѣ и сидѣли сѣчью 2 года, пока не вышелъ указъ хана Беглы Гирея [4]), въ силу котораго запорожцамъ пришлось спуститься внизъ по теченію Днѣпра и «осѣсть кошемъ» «выше казикермена над Камянькою въ третемъ мѣстцу».—Въ источникахъ г. Эварницкаго нѣтъ этого упоминанія о возвращеніи запорожцевъ къ мѣсту старой Чертомлыцкой Сѣчи [5]), за-то въ нашей «запискѣ» нѣтъ свѣдѣнія о двукратномъ пребываніи ихъ сѣчью надъ Каменкой. При томъ, на мѣсто Каменской сѣчи запорожцы перебрались не изъ Алешекъ, какъ говоритъ г. Эварницкій, а изъ Чертомлыцкой сѣчи.

Г. Эварницкій пишетъ: «кн. Мышецкій даетъ поводъ думать, что запорожскіе козаки держались въ Каменкѣ до того самаго момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, они вновь перешли въ предѣлы Россіи, въ 1734 году». Въ подтвержденіе своего предположенія г. Эварницкій ссылается еще на свидѣтельство протоіерея Григорія Кремлянскаго [6]).

---

[1]) „Ист. запор. козаковъ“ т, I, стр. 157.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи“, ч. III, стр. 328.

[3]) Въ спискѣ кошевыхъ, помѣщенномъ въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго (ч. III, стр. 328), Иванъ Гусакъ значится только подъ 1691 г., въ 1725—1731 г. показаны кошевыми Василій Гужъ и Иванъ Малашевичъ.

[4]) Беглы-Гирей, ханъ-тотъже Менгли Гирей II ханъ, сынъ Селимъ Гирея-хана. Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч, III, стр. 287.

[5]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи ч. II. стр. 37.

[6]) „Исторія запорожскихъ козаковъ“, т. I, стр. 157.

Въ данномъ случаѣ источники г. Эварницкаго и наша «записка» показываютъ согласно, и неправъ г. Скальковскій, утверждающій, что Запорожцы перешли въ новую сѣчь на р. Подпольной изъ Алешекъ, и что Каменская сѣчь была только одинъ годъ [1]).— Запорожцы прожили въ Каменской сѣчи 4 года, до 28 марта 1734 г., когда двинулись отсюда, съ Высочайшаго разрѣшенія Анны Іоанновны, въ предѣлы Россіи, и 31 марта того-же 1734 г. положили основаніе новой сѣчи «выше Базавлука над подполною».

Записка заканчивается слѣдующими словами: «чего рады в незабвенную потомъность за кошовства того ж выш нареченного пана Ивана Малашевича веленно, выжей именованънъного ж року и дня запысать, и лучшаго вѣроятія кто сего потребоваты мѣл войсковою кошовскою печатью при кошѣ подполной утвердить».

12) Подлинный универсалъ гетмана гр. Разумовскаго отъ 9 ноября 1750 г., данный войску запорожскому, по случаю вступленія на гетманство. Гр. Кириллъ Разумовскій въ этомъ своемъ универсалѣ говоритъ: «по волѣ всемогущаго Бога и по послѣдовавшому Ея И. В. соизволенію всѣ духовные и мірскіе чины, войско и весь народъ Малороссійскій вольнымъ и согласнымъ желаніемъ по правамъ и волностямъ своимъ изобрали насъ во всей Малой Россіи, обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманомъ, а минувшого іюня 5 дня сего года Ея И. В. Всемилостивѣйшая Государыня імяннымъ за подписаніемъ собственныя своея Высокомонаршія руки указомъ оное избраніе конфирмовать соблагоизволила». Гр. Разумовскій увѣдомляетъ объ учрежденіи имъ («съ Нашего въ Малую Россію прибытія») «правительства» и о посланныхъ имъ во всѣ малороссійскіе полки универсалахъ съ приказаніемъ, «дабы всѣ обще и каждій особливо вѣдая о таковой волѣ и опредѣленіи нашемъ тому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего правительству во всемъ были послушны и въ чемъ подлежитъ въ тѣ обѣ правителные мѣста (разумѣются—войсковая генеральная канцелярія и генеральный судъ) отзивались и требовалы отъ туду надлежащыхъ резолюцій». Гетманъ Разумовскій даетъ затѣмъ знать запорожскому войску о послѣдовавшемъ 19 октября того-же 1750 года Высочайшаго указа, коимъ повелѣно, какъ пишетъ гр. Разумовскій, вамъ сѣчовому запорожскому войску съ вашымъ атаманомъ и кошемъ такожде съ пренадлежностмы быть въ вѣдомствѣ у насъ Гетмана, какъ-то и въ

[1]) Скальковскій. „Ист. Нов. Сѣчи“, ч. II, стр. 47. Эварниц. Ист. запор. козак. т. I, стр. 158.

прежнія времена до 1708 года было». Далѣе, «властью гетманскою» повелѣваетъ, чтобы запорожцы, «будучи въ томъ извѣстны, дабы такъ до насъ гетмана о состояніи своемъ и въ чемъ нужда и случай укажетъ, яко и къ помянутому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего въ Малую Россію правительству отзивалися и требовалы во всемъ въ чемъ подлежитъ резолюціи», и заключаетъ универсалъ слѣдующими словами: «а мы съ всею Малою Россіею васъ войско запорожское низовое по вашей къ Ея И. В. вѣрносты и рачителному къ намъ усердию содержать въ нашей собственной дирекціи и призрѣніи декляруемъ».

13) Черновыя бумаги по перепискѣ коша съ Правительствующимъ Сенатомъ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ, съ гр. Разумовскимъ и разными учрежденіями за 1755—1759 г., выясняющія права и привилегіи войску запорожскому, внутреніе его распорядки и недоразумѣнія съ Крымомъ». Эти «черновыя бумаги» представляютъ особенный интересъ. Здѣсь мы находимъ, напр., свѣдѣнія о двухъ запорожскихъ посольствахъ въ Петербургъ: въ 1755—56 г. по нуждамъ Коша были посланы сюда бывшій кошевой атаманъ Данило Стефановъ, Петръ Калнишевскій и Иванъ Глоба, въ 1759 г.—Павелъ Кирилловъ, Петръ Калнишевскій и писарь Артемій Васильевъ. Къ величайшему моему сожалѣнію, вслѣдствіе недостатка времени, я могъ подробно разсмотрѣть только бумаги, относящіяся къ первому посольству. Въ числѣ этихъ бумагъ обращаютъ на себя особенное вниманіе краткій «журналъ», веденный запорожцами въ Петербургѣ, письма (оригиналы), которыя послы запорожскіе получали изъ коша, и письма (черновки) самихъ пословъ въ кошъ. Изъ «журнала» и писемъ видно, какъ принимали запорожцевъ въ Петербургѣ, какъ относились къ ихъ дѣлу разныя высокопоставленныя лица и къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать имъ, чтобы склонить на свою сторону нужныхъ лицъ, добиться у нихъ обѣщанія «служить» имъ, запорожцамъ.—Здѣсь же находимъ свѣдѣніе и объ универсалѣ Богдана Хмельницкаго. Послы ссылались на этотъ универсалъ, но имѣли съ него одну лишь копію, подлинника же, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могли найти. Въ первомъ письмѣ въ кошъ послы сообщаютъ: «а о земляхъ фундамента нѣоткудова взять. На малороссійскую архиву хотя и зсилалисъ однак пан писарь (Безбородко) объявилъ что Хмелницкого архива в измѣну Мазепи увезена Орликомъ писаремъ тогдашнимъ генералним. А пункта хотя і есть да перевернени на копияхъ нашихъ». Въ слѣдующемъ письмѣ чи-

таемъ: «архива с половину разбили толко унѣверсала еще на сыскали. А имѣють послать в Москву послѣднюю старинную осмотреть архиву там не сищут ли». Но и здѣсь не нашли.

Объ отношеніяхъ запорожцевъ къ крымскимъ татарамъ и наоборотъ даютъ свѣдѣнія 2 документа на татарскомъ яз. съ переводами на рус. яз. Одинъ изъ нихъ озаглавленъ такъ (въ рус. переводѣ): «жалобы хана крымскаго на войско запорожское, сообщенные отъ Порты»; годъ написанія документа не указанъ; 2-й писанъ, по мусульманскому лѣтосчисленію, мѣсяца шевала 1177 года и представляетъ собой «квитанцію», выданную крымскими уполномоченными запорожцамъ, въ удостовѣреніе того, «что крымскіе, едисанские, джумцилацкие і очаковские жители обиды свои вовсе оставили і впредь об онѣхъ претензій никаких імѣть не будутъ». Эта «квитанція» явилась результатомъ мировой сдѣлки, заключенной между русскими уполномоченными (въ числѣ которыхъ были и представители отъ запорожья) и крымскими при р. Днѣпрѣ, въ урочищѣ Муматеки.

Этимъ я и закончу обзоръ сохранившейся части сѣчевого архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обзоръ напечатанныхъ уже описей московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба.

П. Ивановъ.

М. А. Дикаревъ: Воронежскій этнографичсекій сборникъ. Воронежъ. 1891 г., стр. 314 стр. [1]).

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ новое доказательство работы провинціальной мысли въ лицѣ вышеназванной книги. Это трудъ во всякомъ случаѣ цѣнный; какъ бы кто [2]) ни смотрѣлъ на составленный г. Дикаревымъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйнорусскимъ (?) нарѣчіемъ» (1—68 стр.), однако собранный въ книгѣ огромный этнографическій матеріалъ, записанный, какъ и по-

---

[1]) Помѣщая пока эту коротенькую замѣтку о книгѣ, издан. М. А. Дикаревымъ, мы надѣемся впереди еще разъ остановиться на ней и удѣлить ей нѣсколько больше мѣста Ред.

[2]) Въ краткой замѣткѣ г. А. С—каго, помѣщенной во второмъ выпускѣ „Живой Старины“ и, правду сказать, третирующей книгу г. Дикарева, а особенно его „Очеркъ“ нѣсколько свысока, выражено, напрuм., неудовольствіе на отсутствіе въ книгѣ указаній, какъ произносится въ воронежскомъ краѣ буква *г* (т. е. какъ *g, h?*), замѣняется ли *в* чрезъ *у* и т. д.

добаетъ подобнымъ вещамъ, довольно точнымъ звуковымъ письмомъ, заслуживаетъ всяческой признательности со стороны людей науки. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе 7700 пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и повѣрій, затѣмъ довольно большой «Расказъ про хахлацьку свальбу» (вѣроятно *свадьбу*; въ числѣ опечатокъ не имѣется этого слова), снабженный всѣми поющимися при ней пѣснями, наконецъ, нѣсколько пѣсенъ разнаго содержанія, записанныхъ собственно въ острогожскомъ уѣздѣ—все это является достаточно солиднымъ этнографическимъ собраніемъ, которому еще суждено будетъ найти въ свое время изслѣдователя... Должно, однако же, замѣтить, что точная звуковая запись собраннаго матеріала, которую издатель не безъ основанія считаетъ краеугольнымъ камнемъ своего труда, налагала на него и слишкомъ серьезную отвѣтственность въ смыслѣ безусловной исправности печатанія текстовъ; а между тѣмъ, не говоря уже о крайнемъ обиліи весьма непріятныхъ «замѣченныхъ» опечатокъ, въ книгѣ мы нашли нѣсколько и «не замѣченныхъ», что уже значительно подрываетъ довѣріе читателя къ дѣйствительной, а не предполагаемой лишь точности звуковой передачи текстовъ.... Замѣчаніе это мы приводимъ, конечно, не съ цѣлію непремѣнно умалить значеніе разсматриваемой нами книги, а лишь желая видѣть въ будущихъ подобнаго рода работахъ *безусловную* исправность печатанія текстовъ, которые только при этомъ условіи и могутъ имѣть дѣйствительную научную цѣну.

А. Степовичъ.

Dr. Cornelius von Paygert. Die sociale und wirthschaftliche Lage der galizischen Schuhmacher. Eine Studie über Hausindustrie und Handwerk auf Grund eigener Erhebungen. (Д-ръ К. Ф. Пайгртъ. Соціальное и экономическое положеніе галицкихъ башмачниковъ). Leipzig, 1891. Стр. XIV+193. (Staats-und socialwissenschaftliche Forschungen hrsgb. v. Gustav Schmoller. XI Band, 1 Heft).

По методу и направленію, монографія д-ра Пайгерта примыкаетъ къ цѣлому ряду историко-экономическихъ изслѣдованій о положеніи рабочаго класса, которыми такъ богата новѣйшая литература Германіи. Уроженецъ Галичины, авторъ имѣлъ возможность ознакомиться съ вопросомъ на мѣстѣ, и первоначально предполагалъ изобразить положеніе всего промысловаго люда своей родины, но вскорѣ убѣдился, что подобная работа потребуетъ многихъ лѣтъ, и потому рѣшилъ ограничиться болѣе скромной задачей, въ выполненію кото-

рой ему оказали содѣйствіе профессора Шмоллеръ въ Берлинѣ и Леръ въ Мюнхенѣ. Данныя оффиціальной статистики и личныя наблюденія были недостаточны для научной разработки вопроса,—пришлось собирать необходимыя свѣдѣнія путемъ разсылки вопросныхъ пунктовъ 480 ремесленнымъ обществамъ Галичины, по весьма широкой программѣ (до 300 вопросныхъ пунктовъ, съ бланками для статистическихъ показаній).

Работа распадается на два отдѣла: очеркъ положенія башмачнаго производства какъ домашней промышленности, характеризуемой наличностью побочныхъ промысловъ (главнымъ образомъ, земледѣлія), и очеркъ башмачнаго ремесла въ собственномъ смыслѣ. Для характеристики быта рабочихъ перваго разряда авторъ избралъ городъ Уновъ (округъ Рава Русская), изъ 2681 постоянныхъ жителей котораго (не считая евреевъ) до 1300 заняты башмачнымъ производствомъ. Въ живомъ и интересномъ очеркѣ г. Пайгертъ сводитъ обстоятельныя данныя о положеніи и населеніи города, характеризуетъ имущественныя отношенія обывателей и ихъ занятія, описываетъ организацію и технику башмачнаго ремесла, условія питанія и помѣщенія работниковъ, одежду, освѣщеніе и отопленіе, приводя въ большинствѣ случаевъ данныя для сравненія съ бытомъ башмачниковъ прочихъ городовъ Галичины и болѣе значительныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы. Далѣе авторъ приводитъ примѣрные бюджеты рабочей семьи и переходитъ къ характеристикѣ нравовъ, обычаевъ и степени образованія уновскихъ башмачниковъ, заканчивая очеркъ описаніемъ мѣстной ремесленной школы. По той же приблизительно программѣ сведены авторомъ собранныя имъ данныя для характеристики положенія башмачнаго ремесла на всемъ пространствѣ Галичины; иллюстрируется изложеніе многочисленными сводными табличками, наглядно рисующими ту или другую сторону отношеній. Въ концѣ книги приложена программа вопросовъ, по которой собраны были необходимые для изслѣдованія матеріалы.

Въ намѣченныхъ авторомъ скромныхъ рамкахъ, работа исполнена съ истинно нѣмецкою добросовѣстностью и безспорно представляетъ цѣнный вкладъ въ историко-экономическую литературу Германіи. Нарисованная картина достигаетъ изумительной полноты и рельефности, и читателю остается лишь сожалѣть, что недостатокъ времени не позволилъ д-ру Пайгерту расширить рамку изслѣдованія. Но если взять въ разсчетъ, что настоящая книга посвящена всестороннему изображенію быта 16.000 самостоятельныхъ башмачниковъ, не

считая подмастерьевъ и учениковъ, то избранная авторомъ область для изученія отнюдь не можетъ быть признана узкою.

Благодаря извѣстной отсталости Галичины въ промышленномъ отношеніи, тяжесть конкуренціи еще не достигла здѣсь тѣхъ предѣловъ, которыми обусловливался коренной переворотъ въ положеніи ремесленниковъ большихъ городовъ Зап. Европы. Работникъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ отдѣленъ отъ заказчика или покупателя, въ большинствѣ случаевъ онъ еще владѣетъ орудіями производства и пріобрѣтаетъ необходимый матеріалъ за свой счетъ. Преобладающій земледѣльческій характеръ края обусловливаетъ невысокій уровень требованій, при которомъ еще возможна до поры до времени борьба съ надвигающейся конкуренціею машиннаго производства. Владѣніе клочкомъ земли, усадьбой или огородомъ даетъ возможность ремесленнику съ грѣхомъ пополамъ пополнять прорѣхи своего бюджета и сохранять стародавніе пріемы производства. Но въ болѣе крупныхъ городскихъ центрахъ вліяніе иностранной конкуренціи гораздо чувствительнѣе. Чтó ремесленникъ теряетъ на цѣнѣ своего товара, то пополняетъ онъ усиленнымъ трудомъ, сокращеніемъ потребностей. Условія кредита складываются для него невыгодно, заемный процентъ высокъ, необходимость кредитныхъ сдѣлокъ при всякой значительной заготовкѣ матеріала отдаетъ рабочаго въ руки спекулянта или ростовщика и постепенно подтачиваетъ самостоятельное его существованіе, низводя башмачника на степень обыкновеннаго мануфактурнаго или фабричнаго рабочаго. Словомъ, и въ Галичинѣ наблюдаются, лишь въ смягченныхъ формахъ, признаки того же неумолимаго процесса, который переживаютъ или пережили уже болѣе крупные промышленные центры Зап. Европы: необходимость концентраціи капитала и рабочихъ силъ для борьбы съ конкуренціей и завладѣнія рынкомъ подрываетъ значеніе мелкаго ремесла и влечетъ за собою глубокія измѣненія въ соціальномъ положеніи ремесленнаго люда.

Цеховыя учрежденія прежняго времени, путемъ весьма сложныхъ пріемовъ, стремились облегчить ремесленнику условія производства и сбыта, обезпечить за нимъ постоянный рынокъ. Демократическія законодательства новѣйшихъ государствъ не допускаютъ и мысли о возможности возврата искусственной организаціи ремесла средневѣковой эпохи. Вѣроятно, потомки нынѣшнихъ ремесленниковъ или потомки ихъ потомковъ будутъ пріобщены къ благамъ культурно-прогрессивнаго движенія законодательства. Но переходныя эпохи, въ

родѣ переживаемой нынѣ башмачниками Галичины, страшно тяжелы для извѣстныхъ классовъ населенія. Ремесло переполнено,—казалось-бы, запросъ возростаетъ. Въ дѣйствительности, бываетъ какъ разъ обратное. Поэтому, велика заслуга людей науки, которые углубляются въ изученіе вопросовъ, повидимому столь мало занимательныхъ и скучныхъ, какъ напр. вопросъ о положеніи галицкихъ башмачниковъ, освѣщаютъ пройденное и указываютъ средства для возможнаго облегченія золъ переходной эпохи.

Н. М.

Антикварный каталогъ № LI. Коллекція сочиненій, большею частью на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля въ Ригѣ. 1892 г.

Книгопродавческая фирма Киммель существуетъ съ 1763 года. Уже это одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе и показываетъ въ представителяхъ ея умѣніе вести книгопродавческое и издательское дѣло и всегда стоять на высотѣ своего назначенія. Существованіе такихъ крупныхъ, солидныхъ книгопродавческихъ фирмъ является необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія науки во всѣхъ ея отрасляхъ. Слѣдуетъ вспомнить только гибель множества рѣдкихъ и цѣнныхъ книжныхъ собраній, пошедшихъ на макулатуру, чтобы согласиться съ только что нами сказаннымъ. Если коллекціи ученыхъ сочиненій и сохраняются, если цѣнныя изданія не уничтожаются, а переходятъ или въ другія библіотеки ученыхъ учрежденій, или въ руки людей, занимающихся наукой, то этимъ мы обязаны единственно фирмамъ, къ числу которыхъ относится, по праву, фирма Киммеля. Къ числу заслугъ послѣдней слѣдуетъ, напр., причислить сохраненіе извѣстной библіотеки Смирдина. Всѣ свои новыя пріобрѣтенія, какъ свѣже—появляющихся изданій, такъ и раритетовъ, добытыхъ, иногда послѣ большихъ усилій, антикварнымъ путемъ, магазинъ Киммеля помѣщаетъ въ католагахъ за №№ и распространяетъ послѣдніе среди публики. Стоитъ въ требованіи указать только на № католога и № сочиненія, и послѣднее немедленно высылается, если только, конечно, оно уже не куплено. Въ настоящее время вышелъ № LI каталога. Для читателей Кіевской Старины мы считаемъ не лишнимъ перечислить и другіе главнѣйшіе каталоги Н. Киммеля, посвященные наукамъ историко-филологическимъ. № XXIV: Bib-

liotheca rossica, № XXV: Bibliotheca polonica, № XXVI: Bibliotheca rossica, № XXVII: Bibliotheca baltica, № XXIX: Коллекція старыхъ и новыхъ сочиненій по географіи, антропологіи, этнографіи, зоологіи и ботаникѣ, № XXXVI: Антикварный католог, заключающій въ себѣ перечень книгъ изъ библіотели А. Смирдина, № XLII: Bibliotheca slavica, безъ № каталогъ подъ заглавіемъ: sciences historiques. Archéologie, généalogie, Heraldique, Numismatique. Что касается до каталога № LI, то для интересующихся исторіей Ю.-Россіи мы укажемъ изданія въ немъ перечисленныя, къ послѣдней относящіяся. Они слѣдующія: *Аскоченскій*: Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіей. 2 ч. Кіевъ. 1856 г. (№ по каталогу 36), *Багалѣй*: Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ. 1889 г. (№ 42), *Бантышъ-Каменскій*: Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи. М. 1805 г. (№ 45), *Бартеневъ*: Пушкинъ въ южной Россіи. 1820—1823 г. (№ 50), *Брунъ*: О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ. Одесса. 1877 г. (№ 104), *Данилевскій*: Украинская Старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Харьковъ. 1866 г. (№ 258), *Дубровинъ*: Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ т. II и III. Спб. 1886 г. (№ 307), *Закревскій*: Описаніе Кіева. 2 ч. М. 1868 г. (№ 343), Исландскія саги въ ихъ отношеніи къ россійской исторіи. *Сенковскаго*. Лейцигъ. (№ 391), *Календарь Новороссійскій*, на 1845 г., изд. отъ Ришельевскаго лицея. Одесса. 1844 г. (№ 403), *Класенъ*. Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи славянъ вообще и славяно-руссовъ дорюриковскаго времени въ особенности. 3 вып. Съ 10 табл. М. 1854—1856 г. (№ 434), *Корольковъ*: Двадцатилѣтіе журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи (1860—1879 г.). Кіевъ. 1883 г. (№ 451), *Его-же*: Преосвящ. Филаретъ, еписк. Рижскій, какъ ректоръ Кіевской дух. академіи. Кіевъ. 1882 г. (№ 452), *Костомаровъ*: Богданъ Хмельницкій. 2 ч. Спб. 1859 г. (№ 461), *Марковъ*: Очерки Крыма. Спб. 1884 г. (№ 573), *Масловъ*: Т. Г. Шевченко. М. 1874 г. (№ 575), *Некрасовъ*: Означеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи рус. литературы. Од. 1887 г. (№ 636), *Некрологъ* А. Н. Зернина. Харьковъ. 1866 г. (№ 639), *Повинскій*: О нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1871 г. (№ 694), *Павлищевъ*: Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. 3 ч. Спб. 1878 г. (№ 696), *Полевой*: Исторія рус. народа. 6 ч. М. 1829—1833 г. (№ 748), *Поповъ*: О Малороссіи и Малороссахъ. М. 1877 г. (№ 758), *Поляковъ*:

Дневникъ археологич. работъ, веденныхъ въ закавказкомъ краѣ осенью 1879 г. и *Антоновичъ*: Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ осенью 1879 г. (№ 753), *Правда Русская* или Законы Великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха. М. 1799 г. (№ 764), *Смирновъ*: Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII в. Спб. 1887 г. (№ 887), *Уманская рѣзня*. Записки Вероники Кребсъ. Кіевъ. 1879 г. (№ 1009), *Шарковъ*: По поводу столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. Симфер. 1883 г. (№ 1075), *Шевченко*: Кобзарь. Спб. 1840 г. (№ 1084), *Шевченко*: Кобзарь. Переводъ Чмырева. М. 1874 г. (№ 1085), *Шестой съѣздъ* археологическій въ Одессѣ. 15 авг. 1884 г. Од. 1883 г. (№ 1101), *Юргевичъ*: Краткій указатель Музея Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей. Одесса. 1887 г. (№ 1136).

П. Г.

Обозрѣніе журналовъ [1].

Kwartalnik Historyczny. 4. *Iwan Franko. Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII wieku.* Авторъ начинаетъ съ разбора книги Ом. Огоновскаго «Исторія литературы русской» (почти исключительно I тома) и указываетъ ея недостатки: невѣрное пониманіе термина «народная литература», такъ какъ Огоновскій единственнымъ критеріемъ народности произведеній принимаетъ ихъ языкъ, и основанное на внѣшнихъ фактахъ раздѣленіе исторіи южно-русской литературы на пять періодовъ, авторъ предлагаетъ свое дѣленіе на три періода: 1-й до половины XVI в. (1560 г.), съ подраздѣленіемъ на эпохи удѣльно-княжескую и литовско-русскую, 2-й до конца XVIII в. (1560—1798), съ 3 подраздѣленіями (1560—1648, 1648—1708 и 1708—1798), 3-й русско-народный или русско-украинскій съ 1798 г. до нашего времени. Далѣе авторъ указываетъ на значеніе Люблинской и церковной уніи для южнорусской цивилизаціи и литературы, значеніе козацкихъ бунтовъ и, наконецъ, дѣлаетъ характеристику южно-русской литературы первой эпохи втораго періода (т. е. 1560—1648 гг.), говоритъ объ образованіи южно-русскаго литературнаго нарѣчія, останавливается также на значеніи козачества и возстанія Хмель-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." №№ 10 и 11.

ницкаго въ исторiи южно-русскаго просвѣщенiя и затѣмъ дѣлаетъ характеристику литертуры 1648—1798 гг. (Стр. 693—727).

A. Prochaska. Konfederacya lwowska 1464 roku. Авторъ полагаетъ, что конфедерацiя мѣщанъ и земянъ львовскихъ была направлена противъ Андрея Одровонжа, старосты львовскаго и воеводы русскаго, что причиной ея были долголѣтнiя притѣсненiя тѣхъ и другихъ со стороны воеводы, притѣсненiй незаконныхъ, такъ какъ воевода, вопреки привилегiй города 1388 г., владѣлъ всѣми королевскими имѣнiями въ землѣ львовской, жидичовской и самборской. Въ приложенiи напечатаны: «Wiersz z powodu z gonu Andrzeja Odrowąża» и «Письмо Григорiя изъ Санока, архiепископа львовскаго къ папѣ Павлу II, (1465 г.). (Стр. 728—780).

Въ отдѣлѣ рецензiй помѣщены слѣдующiе отзывы: 1) Д-ра Зигмунда Лисевича о «Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. I Najstarsza księga miejska 1382—1389 wydał d-r Aleksander Czołowski. Lwów. 1892». (Стр. 849—855). 2) А. П-ски о «Jabłonowski Alexander: Zasiedlenie Ukrainy w epoce litewskej (Ateneum, 1891, 12); стр. 865—866.

Revue des traditions populaires. № 1—9. *T. Volkov. A. A. Potebnia.* Краткiй некрологъ покойнаго харьковскаго профессора (№ 1, стр. 59 — 60).

T. W. Рецензiя на книгу проф. Сумцова «Культурныя переживанiя» (№ 4, стр. 254—255).

Th. Volkov. L'église engloutie en Podolie. Передается народный разсказъ, напечатанный г. Боржковскимъ въ № 4 «Кiевской Старины» текущаго года. (№ 8—9, стр. 561).

Ateneum № № 4—11. *D-r Zygmunt Lisiewicz. Z przeszłości miast.* Разборъ книги «Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum miasta. 1. Najstarsza księga miejska 1382—1389, wydał d-r Al. Czołowski». (№ 9, стр. 578—585).

K. Gòrski. Wojna z wojewodą wołoskim ichalem w roku 1600-ym. Очеркъ изъ военной исторiи. (№ 11, стр. 251—270).

Biblioteka Warszawska №№ 9—11. *K. Górski. Druga wojna Batorego z w. ks. Moskiewskim.* Военно-историческiй очеркъ. (№ 10, стр. 1—26).

Его-же Trzecia wojna Batorego z w. ks. Moskiewskim w r. 1581. (№ 11, стр. 228—258).

Kronika Galicyjska. Авторъ указываетъ на упадокъ средняго землевладѣнія въ Галиціи. (№ 11, стр. 52—60).

Русская Школа № 1—8. Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщенъ разборъ книги «Сынъ гетмана», историческая повѣсть для юношества. *О. И. Роговой.* (№ 2, стр. 158—160).

Въ данный обзоръ журналовъ (№№ 10—12) вошли слѣдующія изданія: 1) Ateneum № 4—11; 2) Богословскій Вѣстникъ (№ 5—8); 3) Библіографическія записки (№ 6—9); 4) Biblioteka Warszawska (№ 9—11); 5) Журн. Мин. Нар. Просв. (№ 7—10); 6) Историч. Вѣстн. (№ 7—9); 7) Kwartalnik historyczny (№ 4); 8) Православный Собесѣдникъ (№ 4—8); 9) Русское Обозрѣніе (№ 4—7); 10) Русская Мысль (№ 4—9); 11) Русская Старина (№ 6—10); 12) Русскій Архивъ (№ 7—9); 13) Русская Школа (№ 1—8); 14) Странникъ (№ 4—8); 16) Славянское Обозрѣніе (№ 4—8); 17) Сѣверный Вѣстникъ (№ 7—10); 18) Revue des Traditions populaires (№ 1—9); 18) Труды Кіев. Дух. Акад. (№ 7—9); 19) Учен. Запис. Имп. Казан. Унив. (№ 3—5); 20) Христіан. Чтен. (№ 5—8); 21) Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. (№ 4—8); 22) Юридическая Лѣтоп. (№ 4—8); 23) Юридич. Вѣстн. (№ 4—10).

Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи.

Адрессы должностныхъ лицъ, правительственныхъ учрежденій и частныхъ фирмъ, находящихся въ г. Каменецъ-Подольскѣ и должностныхъ лицъ учрежденій М—ва Внутр. Дѣлъ въ уѣздахъ Подольской губ. Каменецъ Подольскъ, 1892. in 8. 81+10 стр.

Андріевскій А. Крымъ и крымскіе татары. Чтеніе. Изд. 3-е исправленное Кіев. Ком. Нар. чтеній. К. in 8. 34 стр. ц. 10 к.

Antiquités de la Petite-Russie. Collection du comte Alexis Bobrinskoy. Спб. 1892. in-8. 19 стр.

Бессарабія. Историч. описаніе. Съ Высоч. соизволенія изд. при М—вѣ Вн. Дѣлъ. Посмертный выпускъ историч. изданій П. Н. Батюшкова. (Съ 3 фототипіями 53 грав. и картой). Спб. 1892. in-8. XLIII+177+95 стр.

Бестужевъ-Рюминъ К. Князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его Мономаховичи, или о временахъ княжескихъ смутъ и усобицъ. Спб. 1892. in-8. 36 стр.

Бухаревъ С. Жизнь, убіеніе и чудеса св. благов. князей страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, во св. крещеніи нареченныхъ Романомъ и Давидомъ. (Съ изображеніемъ ихъ), Изд. 5-е. М. in-16. 32 стр.

Василевская М. Б. Къ вопросу о насажденіи садоводства въ Черниговской губ. Изд. ред. «Земск. Сборн. Черн. г.». Черниговъ. 1892. in-8. 38 стр.

Веселовскій К. С. И. М. Каманинъ. Статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во 2-й половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791). Рецензія. Спб. in-8. 9 стр.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Перев. съ русск. (на армянскій яз.) Тифлисъ. 1892. in-8. 161 стр.

Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 2 част. М. 1892. in-16. 156+3 нен. стр.

Громачевскій С. Г. Ограничительные законы по землевладѣнію въ Западномъ краѣ. съ мотивами и разъясненіями, Изд. неоф. Н. Мартынова. Спб. 1892. in-8. 21 стр. ц. 30 к.

Данилевичъ В. Е. Монетные клады, принадлежащіе мюнцъ-кабинету университета св. Владиміра. I. (Отт. изъ Унив. Изв.) К. 1892. in-8. 20 стр.

Дубровскій П. Отчетъ о дѣятельности правительственнаго агронома по Полтавской губ. за 1891 г. in 8. 40 стр.

Жилинскій І. И. Очеркъ работъ экспедиціи по орошенію на югѣ Россіи и Кавказѣ. Спб. 1892. in-8. 403+IV стр.

Житіе преп. Антонія и Өеодосія, чудотворцевъ печерскихъ. М. in-16. 36 стр.

Земско-медицинскій отчетъ по Борзенскому уѣзду за 1891 г. Черниговъ. 1892. in-8. 45 стр. и I табл.

Іосифъ епископъ. Виленскій православный Некрополь. Вильна. in—8. 406 стр.

Зотовъ Р. В. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изд. археограф. коммиссіи. Спб. 1892. in—8. 327+47 стр.

Kalender für die deutschen Ansiedler in Süd. Russland aus das Jahr nach Christi Geburt 1893. Рига. in—8. 96 стр.

Кіевскій всенародный календарь на 1893 г. Изд. Т. Губанова. К. 1892. in—8. 211 стр. ц. 20 к.

Кіевскій всеобщій календарь на 1893 годъ. М. in—8. 175+III стр. ц. 20 к.

Кіевскій календарь на 1893 г. (простой). Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—8. IV+231 стр.

Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1893 г. (простой). Годъ 29. Ред.-изд. А. Андріяшевъ. К. in—8. 194 стр.

Клебановскій П. Богуславскій монастырь и его тяжелые дни. 1808—1860 гг. К. in—8. 12 стр.*

Коммерческій карманный путеводитель по Москкѣ, Одессѣ и Кіеву. Изд. И. С. Метакса. Од. 1892. in—16. 145 нен. стр.

Короленко П. П. Первые четыре атамана бывшаго черноморскаго (нынѣ кубанскаго) казачьяго войска. Екатеринодаръ. 1892. in—16. 36 стр. ц. 10 к.

Короленко П. П. Черноморское казачье войско (1775—1792). Истор. очеркъ. Екатеринодаръ. 1892. in—16. 64 стр. ц. 15 к.

Крещановскій. Шелководство въ трипольскомъ районѣ кіевской губ. (отчетъ о командировкѣ). Черниговъ. in—8. 20 стр.

Кудринскій Ѳ. Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи. Историч. очеркъ. К. 1892. in—8. 39 стр.

Матеріалы по археологіи Россіи. № 9. Древности южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 гг. Съ объясненіями В. В. Латышева. Съ I отд. табл. и II политип. Спб. 1892. in—4 64 стр.

Матеріалы по археологіи Россіи, изд. имп. археолог. коммиссіею. Византійскій памятникъ найденный въ Керчи въ 1891 г. изслѣдованія Іос. Строниговскаго и Н. В. Покровскаго. Съ 5 табл. рис. и 9 политип. въ текстѣ. Спб. 1892. in—4. 37 стр.

Милорадовичъ, графъ. Андрей Степановичъ Милорадовичъ, командиръ сѣвскаго пѣхотнаго полка 1763—1771, генералъ-поручикъ 1779—1796. Біогр. очеркъ. Изд. 3 е Черниговъ. 1892. in—8. 65 стр.

Мюллернъ-фонъ Р. А. Опытъ веденія многопольнаго сельскаго хозяйства въ юго-западномъ краѣ и краткія агрономическія свѣдѣнія. К. 1892. in—8. VIII+233; ц. 1 р. 50 к.

Нанлеръ В. К. Нашествіе и чума. Эпизодъ изъ одесской старины. Од. 1892. in—8. 23 стр.

Народный календарь для южной Россіи на 1893 г. Изд. И. Федорова и К° (годъ 29-й). Од. 1892. in—4. 55 стр.

Нектарій, архим. Свято-Троицкій Густынскій монастырь. Ист.-статист. очеркъ. Лубны. in—8. VII+84 стр.

Neuer Haus—und Landwirthschafts Kalender für deutsche Ansiedler im sudlichen Russland auf das jahr. 1898. Од. in—8. 168 стр.

Николай (Далматовъ) архим. Супральскій Благовѣщенскій монастырь. Ист.-стат. описаніе, съ 15 рис. въ текстѣ и 2 въ приложеніи. Спб. in—8. XV—611 стр.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1893 г. Од. in—16. 31 стр.; ц. 5 к.

Очеркъ житія митрополита тобольскаго и всея Сибири Іоанна Максимовича. М. in—8. 68 стр.

Петровичъ А. А. Желѣзнодорожный путеводитель и справочная книга для пассажировъ, заключающая въ себѣ спутникъ по городамъ: Харькову, Ростову на Дону и Кавказу и пр. Изд. 1-д. М. in—8. 47 стр.

Петровскій Г. Игорь и Ольга. (По преданію). Орша. in—8. 15 стр.

Реутскій Н. В. Княжество Луцкое и луцкое православное Крестовоздвиженское братство. Краткій историч. обзоръ. Кіевъ. 1892. in—16. 36 стр.

Рындинъ А. Е., поручикъ. Г. Ромны. Военно-историч.,очеркъ. Вильно. 1892. in—8. XI+48 стр.; ц. 30 к.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 4-й. Хар. 1892. in—8, XXVII+292 стр.; ц. 3 р.

Słòwnik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajéw słowianskich, wydany pod red. B. Chlebowskiego według płanu F. Sulimierskiego. T. XII. Zesz. 137. Варш. 1892. in—4. 321—400 стр.

— Zesz. 138. Варш. 1892. in—4. 401—480 стр.

Слѣпой кобзарь. Украинская былина изъ казачьей жизни. М. 1892. in—16. 72 стр.

Статистическій обзоръ дѣятельности Харьковскаго губернскаго земства 1865—1890 г. Кн. 2-я. Историч. и статист. очеркъ по взаимному земскому страхованію въ періодъ съ 1867—1890 г. Составленъ К. Н. Куколь Яснопольскимъ. Кар. 1892. in—8. 111+182 стр. и XVI табл.

Татуръ Г. Х. Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губ. и ея археологическое значеніе. Минскъ. 1892. in—8. II+276 стр.

Тандѣтниковъ, Иванъ. Жидивська порада. Малороссійская комедія въ 2 дѣйств. К. 1892. in—8. 33 стр.; ц. 30 к.

Украинская красавица въ плѣну у турокъ. (На латышск. яз.). Рига. 1892. in—16. 48 стр.

Чайченко В. Скарбъ та други вирши. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—16. 23 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга 6-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. К. 1892. in—8. V+26+261+142+XIV+88 стр.: ц. 3 р. 50 к.

Чулай Грыцько. На сьвятимъ вечори. Оповидання. Изд. В. Наголкина. К. 1892. in—16. 16 стр.

Яйце-райце. Народня сказка. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—16. 24 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIX, 1892 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 нумера „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходитъ два раза мѣсяцъ).—12 нумеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій.—12 выкроекъ въ натуральную величину.—Четыре картины извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 нумера „Образцовъ для выпиливанія“ по новѣйшимъ рисункамъ.—12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).—Стѣнной календарь (съ картою Россіи). „Жизнь и хозяйство“ и „Забавы для юношества“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано *полное иллюстрированное собраніе сочиненій*

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ П. А. Каншина, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій. Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета Н. И. Стороженко и П. И. Вейнберга, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся ка біографіи, виньетками и гравюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. К. Е Маковскаго, Грюцнера, Пилотти, Тумана, Каульбаха и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ *„СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!“ („ECCE HOMO!“)*. Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины Гвидо Рени (разм. 11×13 дюйм.). Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, *одно* изъ *четырехъ* новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки 75 к., съ доставкою *одинъ* руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою—*два* руб. за каждое.

Художественная новость (первый разъ въ Россіи).

1) Двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) *„СВИДАНІЕ“* (отдѣльно не выдаются) б) *„ПРИЗНАНІЕ“*. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ* **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**. Е. И. В. изображенъ на сѣромъ скакущемъ конѣ, въ парадной Лейбъ-Гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ проф. В. Виллевальде и отпечатана въ 23 краски (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйма).

3) *Княжна Тараканова (во время наводненія)*. Проф. К. Д. Флавицкаго. Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм, шир. 17½ д.).

4 *Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный художникъ Н. Каразинъ. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

Подписная цѣна на журналъ прежняя:

На годъ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ дост. и пересылкой по Имперіи 8 р.
№—2. *Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

Въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

„Университетскія Извѣстія" въ 1893 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій" безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій" при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета св. Владиміра платятъ за годовое изданіе „Университетскихъ Извѣстій" 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продаже отдѣльныхъ книжекъ не допускается. №—2.

чевскаго. 2) Янъ Амосъ Каменскій. 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди). Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Маріинской женской гимназіи). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ общественныхъ задачахъ образованія. П. Ѳ. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физическихъ упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравственнаго уровня дѣтей въ одной изъ начальныхъ городскихъ школъ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагогическое значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ свя и съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутскаго; 20) О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками историческихъ альбомовъ. К. А. Иванова; 23) Народное образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санитарномъ состояніи школъ въ Московской губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому профессіональному образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сентъ-Илера; 19) Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ за текущій 1892 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“ проф. Д. Ѳ. Бѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ѳ. Соколова, А. Г. Шалыгина и многихъ другихъ (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ доставкою СЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу—ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельскимъ

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ 1893 году.

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ январг, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сербіи).

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи.

4) Хроника извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедифіяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отнощеніе къ Восточной Россіи.

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнвграфіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи.

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографія Восточной Россіи.

Въ первыхѣ книжкахъ „Извѣстій“ за 1893 г. будутъ напечатанф между прочимъ, слѣдующія статьи: „Данныя о городахъ Волжскгй Булгаріи“ П. А. Пономарева; „Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ“ Его же, „Древнія мѣдныя орудія въ Кавк. губ.“ А. А. Штукенберга, „Древности Костром. губ.“ Его же, „Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.“ А. А. Спицына „Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи“ (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ, Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), „Мордва. Историко-этнографическій очеркъ“ И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), „Черемисы Арбанской лолости“ Н. Троцкій, „Замѣтки о Мордвѣ Нижегородскй губерніи“ А. Д. Смирнова, „Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у Зырянъ“ А. В. Красова, „Кара-Якубовская волостл Белеб. у. Уф. г. б.“ И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіями“ будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. „Черемиско-русскій словарь“ В. П. Троицкаго, II, „Мордовско-русскій словарь“ М. Е. Евсевьева.

2) Археологическая библіотека Извѣстій“. I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. II р. съ нѣм.

---

28. Вовторокъ. Сего дня передъ свѣтомъ коммендировано донскихъ, яитскихъ и колмикъ зъ капитаномъ Павловимъ подъ деревенку, неподалеце Тарковъ будучую, для взяття язика, а корпусъ увесь рушившись зъ становиска, увойшли верстъ зъ 15 и стали подля рѣчечки малой; посиланний зась капитанъ Павловъ зъ комендою, повернувшись до лагера, обявилъ, что имѣли они бой зъ татарами при оной помянутой деревнѣ, и ранено нашихъ 8 чловѣка, а татаръ убито 10 и ранено нѣсколко; зъ тихъ же убитихъ татарина едного голову привюзъ колмикъ.

29. Середа. Сегодня рушивши 6 часа по полночи зъ ночлѣга вовторкового, обходили озера вправо и, недоходя горъ, при Кумтаркалахъ будучихъ, увидѣли татаръ отъ Тарку маршируючихъ на суккурсъ Кумтаркалцамъ по пудъ горами, противъ которихъ ординовано нерекгулярнихъ войскъ всякихъ довольное число, и когда наши перейшли яръ, въ которомъ вода по каменню течетъ, начался у нашихъ зъ татарами бой и стали татаре конніе тилъ подавати и утѣкати до горъ, за якими угнавшись наши нерекгулярніе войска, набѣгли на пѣхоту татарскую (которихъ, якъ самовидци сказуютъ, неболшъ било отъ 300 чловѣка) тайно засаженную, тогда устрашившись наши оной, стали назадъ черезъ яръ, где рекгулярніе фрунтомъ стояли, утѣкать, которихъ оборотясь конніи татаре нагоняючи разили и стреляли, и тутъ нѣсколко чловѣкъ забили, между которими и полковнику донскому тат(ар?)инъ, набѣгши, шию утялъ; а отъ корпуса зъ такой причини коммендировано туда, на тотъ бокъ яру, где билъ неприятель, 2 роти инфантеріи и 4 роти дракгунъ зъ 2-ма пушками; а по сей сторонѣ яру палено на нихъ зъ 3 пушекъ, толко имъ некакового вреда неучинено. Перебравшимся черезъ яръ рекулярнимъ 6 ротамъ, рота одна дракгунская, пошла фрунтомъ къ нимъ, якую заразъ 2 другіе дракгунскіе жъ суккурсовали, и когда увидѣли татаре, что прамикомъ къ нимъ идутъ, то стали по малу до горъ братись, стреляючи отводомъ по ротахъ и по малу утѣкати, за которими подъ саміе гори подогнались; татаре зась, зайшовши за каменне и въ ущелля въ горахъ, стали по нашихъ палить, и бувъ бой зъ обоихъ сторонъ до заходу слонца,

и вибили наши рекгулярніе и некгулярніе татаръ зъ ущелліовъ и немало число оныхъ поранено и побыто. При томъ полковникъ Аракчѣевъ отъ корпуса коммендированъ зъ 2-ма ротами дракгунъ, для спаленния городка Кумтаркаловъ, и якъ смеркло запалили городокъ. Того жъ вечора живцемъ двохъ чловѣка татаръ привезено. Городокъ Кумтаркали зъ приходу отъ крѣпости ст. Креста сидитъ надъ крутою горою, тако жъ и отъ горъ раздѣленіемъ яра, зъ другой сторони зъизду до его немашъ, отъ Тарку ровнина, где и бой билъ; валъ въ немъ каменний вишиною въ чловѣка, жилцѣ татаре, жилля мазанки, толко велми чисто дѣланніе; въ которомъ городку шафкалского зятя дворъ былъ; подъ онимъ городкомъ течетъ рѣчечка по каменню въ яру, по обоихъ сторонахъ рѣчки сади виноградніе и другихъ деревъ израдніе, поузъ сади починени канали, которими вода течетъ мѣстами и въ гору. Лагеромъ стояли по сей сторонѣ отъ Сулаку рѣчечки надъ горою, которій въ разстояніи былъ отъ вовторкового ночлѣга около 20 верстъ.

30. Четверъ. Сегодня днювали на томъ же мѣстѣ и помянутого допалювали городка.

Мѣсяця Октовр. 1. Пятокъ. Сегодня рушивши отъ Кумтаркаловъ 8-го числа зъ полночи, пришли на ночлѣгъ 5 часа по полуднѣ, подъ деревенку невеликую, отъ Тарковъ въ 5 верстахъ отстоящую, въ которихъ никого зъ жилцевъ тамошнихъ не было, бо разбѣжались, а помянутая деревенка сидитъ подъ горою шафкалскою, по которой многіе татаре на коняхъ ездили и ходили тогда. Увойшли сегодня верстъ около 15 отъ Кумтаркаловъ.

2. Субота. Отъ ночлѣга вчорайшного рушивши 7-го часа по полночи, ишли два часа и прийшли 9 часа по полночи подъ городокъ Тарки, и стали лагеромъ на лугу, видомъ къ городку, куда отъ ночлѣга вчорайщого будетъ верстъ 5, а въ городку жителей никого не було, для чего безъ опасенія многіе зъ рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ ездили въ городъ и забирали покиданніе татарами рѣчи, именно: коберцѣ, килими, пашню, ячмень, пшеницю и иншіе мелкіе рѣчи. Тарки городокъ сидитъ подъ самою крутою горою, пріездъ до оного зъ одной сторони отъ моста, отъ

котораго проспектъ веселий до самаго моря, въ 3-хъ верстахъ въ разстояніи будучого, жилля въ немъ 1000 дворовъ, а двори строеніемъ израдно мазанками, где и самаго шафкала домъ былъ каменний, въ якомъ самъ онъ живалъ; а въ ономъ дому 2 фонтани чистой води натурално текутъ. Надъ вечоръ, призапасившись въ фуражъ, запалили городокъ Тарки и 5 малихъ деревеніокъ, около Тарку по близу будучихъ, двѣ отъ пріезду Кумъткалского, а 3 отъ Дербенскаго, такъ же по подъ горами имѣючіе свою осѣдлость. Тогда жъ поймали колмики татарина близъ Тарковъ, которій въ допросѣ своемъ сказалъ, что шафкалъ вчорайшого дня о полуднѣ зъ Тарковъ зъ пріездившимъ въ Сулакъ посланникомъ турецкимъ отехалъ, толко невѣдаетъ куда; да и тое обявилъ, что шафкалъ писалъ до владѣлцовъ горскихъ другихъ, просячи себѣ въ людехъ помоществованія, въ чемъ оніе владѣлци ему отказали, а его шафкалскихъ людей до бою болшъ 3000 нѣтъ, и тіе не барзо имъ доволни.

3. Неделя. Сегодня рано коммендировано 300 чловѣкъ, зъ розниxъ командъ, Тарковъ допалювать и разбивать доми въ ономъ мѣстечку и впомянутіе 5 деревнѣ близъ Тарковъ сидячіе, которіе, спаливши и разоривши, возвратились надъ вечоръ въ лагеръ, где дневали. Казанскихъ татаръ чловѣка 2, въ полону бившихъ въ горахъ, вийшли зъ горъ и прийшли въ лагеръ.

4. Понеделокъ. Сегодня 7-го часа по полночи, рушивши отъ лагера, ишли все по дирбенской дорозѣ по пудъ горами, которіи были намъ у право, а въ лѣво Каспѣйское море, и отийшовши отъ Тарковъ впередъ верстъ около 15, повернули вправо, внутръ горъ и ишли ущелемъ между високими горами, сажень на килкадесятъ протягшимъся, безъ трудности, а после вийшли на ровное мѣсто, а пройшовши оттуду, где повернули вправо, верстъ 5, прийшли подъ городокъ, зовемій Карантаки и стали недоходя помянутого городка лагеромъ на горѣ високой, а въ городокъ коммендировано 5 ротъ дракгунскихъ и нерекгулярнихъ число особливое, и когда оніи спустились съ гори и начали приходить подъ городокъ близко, то тамъ татаръ чловѣка зъ 10, вистреливши зъ пѣщалей своихъ., побѣгли

въ гори и оставили приречоний городокъ безлюденъ, въ которій войшовши наши брали що могли застать зъ всякихъ вещей. А колмики, передомъ и по сторонамъ бѣгаючи, спалили много число кутановъ, между горами построеннихъ, то есть дворовъ загороднихъ. Городокъ Караптаки сидитъ на горѣ, на мѣстцу веселомъ, вкругъ оного сади израдніе винограднія и другихъ деревъ, а именно: кедровіе. сливяніе, дулевіе и волоскихъ орѣховъ, которіе такъ суть великіе, же заледво 2 чловѣка могутъ обнять дерево; фруктовъ всякихъ доволно всему войску было, а найбарзѣй дуль дивной величины. Дворовъ въ ономъ 790, строеніемъ тожъ чисти противъ кумтаркалского жилцѣ татаре владѣнія мафкалского, води чистіе вокругъ оного текутъ, чистіе и холодніе по камѣнню, гдѣ многіе были устроенни мелници и канали починени, которими оная вода имѣетъ свое въ гору теченіе. По обѣдѣ запалили городокъ и сади порубали, и татаръ 3 чловѣка поймали.

5. Вовтор. Сегодня рано, спустившись зъ високой гори, гдѣ лагеромъ стояли, на низъ маршировали по пудъ самими Караптаками и, отойшовши отъ оного за версту впередъ къ Казанишамъ, стали лагеромъ и тутъ начовали.

6. Середа. Сегодня 7-го часа по полночи рушивши отъ лагера, маршировали поузъ двѣ деревнѣ большіе, зовеміе Гиле и Перавль, въ которихъ зъ жителей никого небыло, а що наши застали тамъ, тое забырали, а именно: посуди мѣдніе, коберцѣ и другіе дробязки, тако жъ много ячменю и пшеницѣ и набравши доволно фуражу, обѣ деревнѣ помянутіе запалили и, отийшовши отъ деревнѣ Перавль въ глибъ въ гори верстъ у 5, стали на ночлѣгъ лагеромъ. Увойшли тогда отъ Караптаковъ до ночлѣга верстъ около 15, въ дорозѣ по полю и по подъ деревнями просовъ въ копахъ стоячихъ, сѣна много попалили Обѣ деревнѣ Гиле и Перавль шафкалского владѣнія, сидятъ оніе на хорошихъ мѣстахъ противъ другихъ, при всякомъ доволствѣ; дворовъ въ деревнѣ Гиле 400. Якъ стали лагеромъ рекгулярніе войска, тогда нерекгулярніе побѣгли впередъ подъ городокъ, прозиваемій Чумгуте, въ 5 верстахъ отъ лагера въ глибъ отстоящій, гдѣ татаре бывшіе имѣли зъ нашими баталѣю пе-

редъ городкомъ, а посля, немогучи татаре устояти, уступили за помянутій городокъ и, роздѣлившись на 3 части, былися до заходу слонца, противъ которихъ коммендированніе 4 роти, когда прийшли, заразъ татаре уступили и розбѣглись въ ущелля, за которими, же позно уже было, нелзя было гнати, але взяли наши немало пожитковъ, въ гарбахъ зложеннихъ, коберціовъ, килимовъ и проч. Городка сего не палили для того, что оній не шафкалского владѣнія, але тавлинского, толко фуражу доволно набрали. Подъ часъ бою нашихъ донскихъ козаковъ 3 чловѣка ранено, а татаръ немало побито. Городокъ сей сидитъ подъ самими горбами лезкгійскими, при всякомъ доволствѣ противъ другихъ.

7. Четвер. Сегодня рано зъ ночлѣга вчорайшого рушившись, ишли назадъ поузъ село Перавль, для того, что минули були дорогу, до Казанишъ лежачую отъ села Перавль въ лѣво, и маршировали тогда часовъ около 6 и, увойшовши верстъ зъ 13, стали лагеромъ, не доходя Казанишъ въ 2 верстахъ тамъ тревога учинилась, едно отъ того, что поехавшихъ по фуражъ нашихъ въ деревню Будленъ, которая вълево лежитъ, едучи до Казанишъ, за горою, напали татаре, которіе, за прибуттемъ нашего суккурса, прогнани, другое, что отъ Казанишъ показался булъ непріятель.

8. Пятокъ. Сегодня поутру рушившись, перейшли гору, недоходя Казанишъ будучую, и прийшли подъ село Казаниши, къ которимъ коммендировано заразъ пѣхоти 200, драгунъ 300, козаковъ всѣхъ командъ 2000 конно, и когда оніе спустились зъ гори и подійшли подъ помянутіе Казаниши близко, то начали татаре около онихъ Казанишъ и въ нѣсколко будучіе кричати и шапками махати, до которихъ посилани били наши сами первей толмачи, и зъехавшись они зъ татарами сажень якобы 10, розговоръ чинили и, повернувшись толмачѣ нами до генераловъ обявили, что просятъ татаре, жебы деревень не палили, тако жъ пашень и другихъ вещей не пустошили, чего ради посланъ Соймоновъ подполковникъ для розговору, которій въ такой силѣ предлагалъ имъ, что дается татарамъ на 2 часа времени и чтобъ оніе между тимъ въ аманати 2 чловѣка знатнихъ прислали, а после самъ шафкалъ приехалъ бы

къ генераламъ, албо синовъ своихъ или зъ первѣйшихъ татаръ для переговору прислалъ; а по вистю 2-хъ часовъ, ежели не являтся аманати, то повелено будетъ войскамъ вступить въ Казаниши и и разорять оніе. По оконченню таковаго розговору, повернулся Соймоновъ и сказалъ, что просятъ, мовитъ, татаре милости немножко подождать, поколь о томъ увѣдомлятъ шафкала, котораго будто тогда былъ у Вишнихъ Казанишахъ; и данъ былъ онимъ срокъ, которіе первей бѣгали то взадъ, то впередъ черезъ Казаниши и по за Казанишами, а потомъ, по прошествію 4-хъ часовъ, не явилися, а такъ комендированимъ нашимъ войскамъ, которіе подъ Казанишами стояли, повелено, перейшовши черезъ Казаниши, на той сторонѣ стати, а протчіе, въехавши въ Казаниши, брали що могли найти, коберцѣ, килими и протчіе мелкіе рѣчи. Оніе татаре, что розговоръ чинили, знатно, что обманували нашихъ тимъ своимъ розговоромъ, а то для того, чтобъ имъ пожитки свои, которихъ прежде зъ Вишнихъ Казанишъ не успѣли вивезти въ гори, теперъ убрать било можна, якожъ и учинилось; а до Вишнихъ Казанишъ отъ сихъ будетъ 2 версти. Казаниши село болшое, сидитъ болшая часть оного на ровнинѣ, а другая на горѣ и въ яру, строеніе противъ другихъ городковъ; подъ онимъ текутъ рѣчечки по камѣнню чистой води и на онихъ много мелницъ; оное село шафкалъ вмѣсто приданого за женою взялъ. Тогда війшолъ рускій пензовскій житель зъ женою и зъ синомъ, въ Казанишахъ прижитимъ, который кубанцями взятъ былъ въ неволю и проданъ жителю казанишскому, где черезъ 7 годъ жилъ, толко сказовалъ, что нужди и бѣди жадной не имѣлъ. Лагеромъ стояли зъ приходу нашего, не доходя болшихъ Казанишъ у полъ версти.

9. Субота. Сегодня комендировано зъ лагера 200 чловѣка пѣхоти и 200 дракгунъ зъ 2-ма пушками до Вишнихъ Казанишъ, для спаленния оной деревнѣ; тако жъ велено охотникамъ нерекгулярнимъ, по вѣдомостямъ виходніовъ, вдарить на пожитки татарскіе, которіе влѣво отъ Казанишъ въ лѣсу на гарбахъ були, и недоходячимъ нашимъ нерекгулярнимъ, которихъ около 4000 было до Вишнихъ Казанишъ, стрѣтили онихъ татаре конніе и пѣшіе, и

стали зъ нашими давать бой, куда въ скоромъ времени и вишеречеиніе рекгулярніе прибули, и начался въ нашихъ такъ рекгулярнихъ, яко и нерекгулярнихъ зъ татарами великій огонь и битва, и була палба отъ 9-го часа до 12-го, безъ перериvки, и випалено зъ пушокъ по нихъ 64 раза, и такъ прогнавши татаръ въ саміе лезгийскіе гори и ущелля, пожитки ихъ, на гарбахъ въ лѣсу лежачіе, отбили. Зверхъ вишъпоказанного числа рекгулярнихъ коммендировано еще 200 пѣхоти и 200 дракгунъ на суккурсъ нашимъ, противъ неприятеля зъ едною пушкою, которій по окончаніи уже акцѣи и по прогнаттю въ гори неприятеля, туда приспѣли и, совокупившись зъ протчіими, пошли до Казанишъ Вишнихъ, где брали всякіе пожитки, якіе тамъ були и передъ вечоромъ, запаливши оніе, возвратились паки до лагера. На оной акцѣи убито нерекгулярнихъ 3-хъ чловѣка, а ранено 31, дракгунъ 6 чловѣка ранено; а зъ непріятелской сторони по даннимъ вѣдомостямъ отъ комендъ да и по сказкамъ, взятихъ въ полонъ, после 2-хъ татаръ, убито болшъ 300 и ранено немало число. Якіе полоняники и тое сказивали, что на ономъ бою были и иныхъ опрочъ шафкала владѣлцовъ люде, а именно: усмойци, суркайци, тавлинци, а въ якомъ числѣ невѣдомо. Толко усмойцовъ побито и ранено на ономъ бою болше всѣхъ; да и самъ шафкалъ издалека, изъ дачи, будто смотрѣлъ на то, а синъ шафкалскій, якобы убитъ тамъ зосталъ. Бой у нашихъ зъ помянутими татарами бувъ подъ самими почитать горами болшими, прозиваемими лезгійскими, отъ Казанишъ Вишнихъ въ 3-хъ верстахъ влѣво, между ярами и пригорбками, окритими густо дубовими кущами. Вишніе Казаниши отъ Нижнихъ въ 3-хъ верстахъ сидятъ, владѣнія шафкалского, сидятъ оніе надъ ярами, подъ самими горами Лезгійскими при всякомъ противъ протчіихъ деревень угодіи. Сегодня надъ вечеръ, вивезли наши що лутшое зъ Нижнихъ Казанишъ и запалено оніе, которіе черезъ всю ночъ горѣли, чего для на едномъ семъ мѣстцу сей день простояли.

10. Неделя. Сегодня 7-го часа зъ полночи, рушивши зъ подъ Казанишъ Нижнихъ, пошли круто направо и прийшли до села, зовемого Кумики, которое въ владѣніи сина шафкалского обрѣтается.

Отъ Казанишъ около 7-ми верстъ до оного села есть; въ ономъ селѣ на скалѣ построенъ дворъ помянутого сина шафкалского високій; и пройшовши отъ оной деревнѣ около 8 верстъ, стали лагеромъ подля деревнѣ, Капчудай призиваемой, которая сидитъ при самомъ ущеллю, якимъ до Сулаку виходили. Въ дорозѣ, идучи еще до предреченого села Кумикъ, спалили по лѣвой сторонѣ 2 села великіе, прозиваеміе Мизулмавъ и Шура зъ двома деревенками со всѣми угодіями въ нихъ бывшими, а перебравшись черезъ село Кумики, и оное такъже спалили, и еще одно село черезъ рѣчечку, якоби у полъ версти отъ Кумикъ лежачое, именуемое Холѣбѣкчавъ, спалили жъ зъ сѣнами и зъ кутанами, при ономъ бывшими, да еще жъ зверхъ показаннихъ, деревенки 3 маленкіе, въ сторонѣ бывшіе, тогда жъ разорени. Оніе села и деревнѣ шафкалского были владѣнія, осаженни при водахъ живихъ и при всякомъ угодіи, строеніе такъ якъ и въ другихъ селахъ.

11. Понеделокъ. Сегодня, рушивши 7-го часа зъ полночи, ишли поузъ деревню Капчудай, якая сидитъ подъ самимъ ущелленъ, и пройшовши запалили оную и вступили въ самое ущелле, которимъ (нѣмъ и йшли до Кумтаркаловъ, где перший зъ татарами бой былъ) ишли верстъ болшъ 7, и війшовши, стали на прежнемъ мѣстцу лагеромъ, неподалеку пѣщанихъ горъ. Оное мѣсто узкое, називаючоеся ущелле, мѣстами такъ узко, что толко чотиромъ человѣкомъ можна проехать верхи, и внутръ оного вода, отъ деревнѣ Капчудай начавшись, течетъ по дорозѣ до самихъ Кумътаркаловъ, глубиною у полъ колѣна; по обоихъ сторонахъ оной дороги, превисокіе каменніе гори, а мѣстцами есть и широко, тако жъ и полянки, да тамъ же и черезъ гору переездъ есть и до проходу оное мѣсто весма есть трудное противъ того, которимъ входили внутръ горъ, где еслиби неприятель засѣлъ на версѣ горъ, то би не толко моглъ стрелбою вредить внизу, но и камѣннемъ побилъ би, а супротивъ наши ниякого вреда онимъ не могли бъ учинити, однакожъ безъ всякой перепони перейшли черезъ тое мѣсто.

12. Вовтор. Сегодня, 6-го часа зъ полночи рушивши зъ подъ Кумтаркаловъ, пришли 4-го часа по полуднѣ до лѣса, зовемого

Дурважъ, и пройшовши лѣсъ, не доходя крѣпости ст. Креста, лагеромъ стали, куда отъ Михайла Афанасіевича Матюшкина до генераловъ присланъ зъ поздравленіемъ Ушаковъ, атютантъ его.

13. Середа. Сегодня рано генералъ Кропотовъ, передомъ другихъ, при ему и бунчуковое товариство, въ крѣпость приехали ст. Креста, а потимъ и увесь корпусъ. А сколко деревень разорено и якіе именно, и сколко въ нихъ дворовъ, также кутановъ, то есть загороднихъ дворовъ, и мелницъ разорено, и сколко чего добуто зъ виднѣйшихъ рѣчій, о томъ слѣдующій реестръ приложенъ: села: 1) Кумътаркали, а въ нихъ дворовъ 200, 2) Сиса, двор. 200, 3) Туркали, двор. 90, 4) Амерхалникъ, двор. 60, 5) Тарки, двор. 1000, 6) Вилдиръ, двор. 60, 7) Канадуръ, двор. 200, 8) Агаксулъ, двор. 100, 9) Караптаки, двор. 790, 10) Гиле, двор. 400, 11) Барикентъ, 400, 12) Двургели, двор. 200, 13) Губленъ, двор. 200, 14) Болшіе Казаниши, двор. 1000, 15) Маліе Казаниши, двор. 300, 16) Мамликъ, двор. 100; 17) Шура, двор. 100, 18) Капиркумикъ, двор. 100, 19) Халимъбекъ, двор. 60, 20) Капчегай, двор. 50, summ. 6420 дворовъ. Спалено жъ и разорено кутановъ 1000, мелницъ 400, судовъ морскихъ полбусковъ—2, лодокъ 5, пушокъ взято 5, ядеръ пушечнихъ 34, гранату 1, цепъ желѣзнихъ 2, ядеръ судовихъ 2.

Конецъ первой части.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717 — 1767 гг.).

Изданіе „Кіевской Старины“,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Ал. ЛАЗАРЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1717 — 1725 гг.).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

Предисловіе.

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1770), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ цѣнный матеріалъ для изученія внутренней жизни Малороссіи XVIII в.—Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при гетманѣ Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при президентѣ малороссійкой коллегіи Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ перваго изданія „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал—ндръ Мих—чъ Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако съ значительными сокращеніи и, главное, съ весьма частыми поновленіями языка... Насколько сокращенъ дневникъ въ изданія 1859 г. видно изъ того, что первая часть нашего изданія, вмѣщающая въ себѣ болѣе 20-ти листовъ и оканчивающаяся 1725-мъ годомъ, по изданію А. М. Марковича занимаетъ всего только *девять листовъ* (собственно 142 стр.) разгонистой печати; можно сказать, что дневникъ Марковича по изданію 1859 г. сокращенъ не менѣе какъ наполовину. А какъ значительны измѣненія въ

языкѣ, допущенныя редакторомъ перваго изданія съ цѣлію поновить языкъ, читатель можетъ самъ усмотрѣть, сравнивъ на-выборъ страницу-другую прежняго изданія съ настоящимъ, причемъ можно иногда замѣтить замѣну однихъ словъ другими даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого вовсе нетребуетъ принятое первымъ изданіемъ поновленіе языка [1]).

Отсюда видно почему дневникъ Марковича требуетъ новаго изданія,—полнаго и во всемъ точнаго съ подлинникомъ.— Такое изданіе мы и желаемъ представить, воспроизводя въ немъ подлинникъ памятника безъ какихъ либо сокращеній и измѣненій собственно самого дневника.

Для оцѣнки дневника Марковича, какъ историческаго памятника, считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о личности его автора.

Марковичи заняли видное мѣсто въ рядахъ козацкой старшины по вліянію гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ Марковичей—Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ [2]). Здѣсь онъ женился на до-

---

[1]) Для примѣра измѣненій въ языкѣ и замѣны однихъ словъ другими, приводимъ однакоже и здѣсь нѣсколько строкъ.

Подлинникъ. У тіотки немоществующей былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехалемъ пообѣдать, а потимъ знову, у вечеру, поехалемъ и допозна пробавилемъ. (1729 г., дек. 14).

Изданіе 1859 г. У тетки немоществующей былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ пообѣдать, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и допоздна пробылъ.

Подлинникъ. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетманова, сего ранку, год. сполночи 7, мѣнутъ 40, временное сіе окончила житіе. Болѣзнь была горячка. Толко при христіанской доброй рефлексѣи, ибо, при кончинѣ, Господа Бога отъ сердца своего призывала и наконецъ сказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная тамъ радость. (Дек. 19).

Изданіе 1859 г. Тетка моя, Анастасія Скоропадская, гетманова, сего утра годины съ полночи 7, минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіонской доброй рефлекціи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: „о тяжкая временная жизнь, о вѣчная будущей радость“!

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. Черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1659 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, ко-

чери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка [1]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій", заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. „Арендарскій" промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно, этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество за людей большею частью очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья [2]) выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; Марина—за лохвицкаго протопопа Павла Импенецкаго, Прасковья—за журавскаго сотника Демьяна Якубовича и только пятая дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка Андрея Кондзеровскаго, котораго впослѣдствіи Скоропадскій устроилъ „маршалкомъ двору гетманскаго". Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ.—Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, стала, въ ноябрѣ 1708 г., гетманшей. Зять-гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г., какъ видно изъ сохранившагося письма Скоропадскаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ шурина своего Андрея М—ча, что ни онъ, ни „Настуся" на похороны пріѣхать не могутъ [3]). Кромѣ пяти дочерей, у Марка Ав-

торая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Родоначальникъ Марковичей, Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[1]) Отъ него пошли настоящіе полтавскіе дворяне Огроновичи.

[2]) Портретъ ея приложенъ къ изданію 1859 г. Подлинникъ этого портрета находился въ Гамалѣевскомъ монастырѣ (глуховск. уѣзда), но недавно мы его видѣли далеко уже отъ монастыря...

[3]) Украинскій Журналъ 1824 г. № 21, стр. 130—132.

рамовича было столько же и сыновей. Межъ ними самимъ замѣтнымъ былъ старшій—Андрей, который пользуясь положеніемъ близкаго человѣка къ гетману и полковничьимъ урядомъ, нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ полов. XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марко́вича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—авторъ дневника Яковъ. Яковъ М—чъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Феофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды въ будущемъ. Ка̀къ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма послѣдняго, которое онъ писалъ къ своему въ то время двадцатилѣтнему ученику. Вызванный Петромъ Великимъ, въ 1716 г., въ Петербургъ, Феофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ здѣсь повидаться съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо, съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, *о какихъ и помышлять не могутъ украшенныя митрами головы*; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“ [1]. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы, по твоему прекрас-

---

[1]) „Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь. 141—142.

ному примѣру, во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ: всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и, конечно, я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учителя лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [1]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ и „украситься митрою", но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать; въ такомъ же возрастѣ оставилъ академію и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Марковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который помогалъ-бы ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, частью, отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ старшемъ сынѣ любимаго брата Андрея, почему и взяла этого племяника подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить Якова М—ча, чтобы онъ, ставъ семьяниномъ, могъ начать устройство особаго своего „господарства". Выборъ жены при этомъ гетманша взяла на себя и прежде всего позаботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, изъ котораго любимый племянникъ будетъ брать себѣ жену. Первымъ богачемъ, въ это время, въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ, а у него оставалась еще невыданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Мар-

---

[1]) Тамъ-же, 141—150. См. также „Интимную переписку Ѳеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ". „Кіевск. Стар." 1882 г., II, 498 и слѣд.

ковичъ самъ по себѣ, и собственно по своему происхожденію, не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племяника и—бракъ состоялся. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть надѣлилъ свою дочъ впрочемъ лишь одними „фантами“ и „клейнодами“, а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время еще не успѣлъ нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ въ годъ женитьбы сына. Ждать маетности отъ гетмана Якову М—чу было еще рано, такъ какъ маетности давались за „службы“, а ихъ за молодымъ академистомъ и быть не могло.—Спустя четыре года послѣ женитьбы племяника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатного войскового товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая“, далъ ему хорошее село Сварковъ, къ тому же находившееся около Глухова, тогдашней гетманской резиденціи. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаемъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ гетманъ назначилъ, неожиданно для всѣхъ полчанъ, старшаго полковничьяго сына—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ. Назначеніе это конечно возбудило неудовольствіе полковой старшины, которая въ этомъ назначеніи должна была увидѣть кромѣ личной обиды еще и попраніе старыхъ войсковыхъ обычаевъ родства ради... Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и, вѣроятно, за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему, въ слѣдующемъ году, еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ-же году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое

значеніе. Но судьба Марковичу повидимому благопріятствовала: послѣ Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ тесть Марковича—Павелъ Полуботокъ. Послѣдній, какъ извѣстно, началъ борьбу съ президентомъ только что устроенной тогда въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, стараясь защитить старшинскія маетности отъ налоговыхъ посягательствъ Вельяминова. Но та старшина, интересы которой Полуботокъ отстаивалъ, уклонялась отъ помощи своему предстателю, боясь навлечь на себя подозрѣніе правительства въ оппозиціи.—Зять Полуботка дѣйдѣйствовалъ, какъ и остальная старшина, избѣгая при этомъ даже встрѣчъ съ тестемъ... А когда въ 1723 г. пріѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, присланный Петромъ Великимъ для разслѣдованія объ участіи старшины и народа въ жалобахъ Полуботка на Вельяминова, то Марковичъ такъ ловко повелъ себя въ отношеніи къ царскому слѣдователю, что заслужилъ полное расположеніе послѣдняго [1]). Такимъ своимъ поведеніемъ Марковичъ прежде всего заслужилъ себѣ репутацію человѣка „неподозрительнаго", а съ такою репутаціею можно было разсчитывать на полученіе всякихъ житейскихъ благъ. А ихъ то Марковичъ главнымъ образомъ и искалъ. Житейскія блага, по міросозерцанію тогдашняго малорусскаго чиновнаго человѣка, заключались въ полученіи вліятельнаго уряда, на которомъ можно было бы наживать всякія движимыя и недвижимыя имѣнія.

Въ годъ смерти Скоропадскаго, отецъ Марковича былъ отправленъ командиромъ отдѣльнаго козачьяго „корпуса" въ дербентскій походъ, при чемъ исправленіе должности лубенскаго полковника поручено было снова Якову Марковичу. И на этотъ разъ порученіе исходило отъ близкаго человѣка,—отъ тестя, который при этомъ прислалъ зятю и наставленіе—какъ вести себя, въ виду конечно, того-же неудовольствія полковой старшины, которое должно было снова при этомъ проявиться противъ ужъ слишкомъ молодаго „наказнаго" полковника. Около двухъ лѣтъ правилъ М—чъ на этотъ разъ лубенскимъ

---

[1]) См. подробности въ Кіевск. Старинѣ 1884 г., № 1, „Марковичи".

полкомъ и не смотря на открытую непріязнь къ нему старыхъ полковниковъ, громко называвшихъ Марковича „новокрещеннымъ жидомъ“ [1]), устроилъ наилучшія отношенія съ тѣми царскими совѣтниками, которымъ тогда было ввѣренно главенство надъ Малороссіей (А. И. Румянцевъ и кн. М. М. Голицынъ). Въ другое время М—чъ конечно съумѣлъ бы извечь плодотворные результаты изъ своихъ отношеній съ такими людьми, но это время для Малороссіи было слишкомъ тревожно, что-бы можно было дѣйствовать по обычному порядку вещей. Въ началѣ 1725 г. отецъ Марковича вернулся изъ похода и принялъ отъ сына полкъ, а вслѣдъ затѣмъ, весною начались сборы въ такъ называемый сулацкій походъ отряда малороссійскихъ козаковъ, съ которымъ вмѣстѣ должны были идти въ походъ и— почти всѣ тогдашніе бунчуковые товарищи; высылая въ походъ поголовно этотъ цвѣтъ молодой старшины, стоявшей неудѣлъ и носившей почетное званіе бунч. товарищей, правительство точно боялось этихъ давно уже облѣнившихся полувоиновъ... Въ число отправленныхъ къ Сулаку бунч. товарищей попалъ и Яковъ М—чъ. Почти два года пробылъ онъ въ сулацкомъ походѣ, записавъ за это время въ своемъ дневникѣ интересныя свѣдѣнія, какъ бунчуковые товарищи, которые были побогаче, разнаго рода подарками улучшали свое положеніе... Очень умѣло въ этомъ отношеніи велъ свои дѣла и М—чъ, чрезъ что и получилъ возможность вернуться изъ похода въ числѣ тѣхъ, которые были „аттестованы больными“. Вернулся М—чъ домой весною 1727 г. и не успѣлъ отдохнуть, какъ снова долженъ былъ испытать разнаго рода треволненія, когда новопоставленный гетманъ Апостолъ обрушился съ своимъ гнѣвомъ на семью Марковичей. Марковичъ - отецъ лишенъ былъ полковничества и на него было подано, отъ обиженныхъ полчанъ, множество всяческихъ жалобъ. Защищаться отъ этихъ обвиненій М—чи поѣхали въ Москву и пробыли тамъ полтора года, отыскивая покровителей и заискивая у нихъ. Всѣ эти искательства велъ главнымъ образомъ Яковъ М—чъ и велъ съ обычнымъ

---

[1]) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 190.

своимъ умѣньемъ—добиваться у сильныхъ людей благопріятныхъ результатовъ въ исканіяхъ... Уладивъ не только отцовскіе, но и дѣла тетки Скоропадской—объ оставленіи въ ея владѣніи части мужниныхъ имѣній,—Яковъ М—чъ вернулся въ Глуховъ и зажилъ тутъ мирною жизнью „пана", на рукахъ котораго лежало распоряженіе значительнымъ хозяйствомъ въ нѣсколькихъ маетностяхъ. Изъ обыденнаго его житья, за время гетманства Апостола, можно отмѣтить два факта: попытка М—ча взять на откупъ „индукту" (сборъ ввозной пошлины), платежъ за которую простирался до 20 тысячъ, и исканіе одного изъ генеральныхъ урядовъ. Попытка съ индуктой не удалась потому что она осталась за прежнимъ откупщикомъ, съ ловковстью котораго трудно было бороться, но эта попытка указываетъ, что М—чъ не боялся браться за такое большое по тогдашнему дѣло, требовавшее и капитала, и умѣнія. Не удалась и другая его попытка—получить урядъ генер. бунчучнаго, кандидатомъ на который онъ былъ „опредѣленъ" лѣтомъ 1732 г.—Въ январѣ 1734 г. умеръ Апостолъ и правителями Малороссіи стали назначаться генералы. Для Марковича настала забота искательства пріязни у этихъ генераловъ. Пріязнь послѣднихъ онъ пріобрѣталъ, повидимому, безъ труда, благодаря своему умѣнію вовремя поклониться, вовремя поднести подарокъ, но результатовъ, въ смыслѣ служебнаго движенія впередъ, М—чъ ни какъ не могъ добиться. Въ 1739 г. производились выборы кандидатовъ на урядъ генер. судьи, при чемъ въ число трехъ кандидатовъ былъ выбранъ и М—чъ, но при наилучшихъ отношеніяхъ къ тогдашнимъ правителямъ, М—чъ и на этотъ разъ былъ обойденъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1740 г., отставленъ былъ Марковичъ-отецъ отъ уряда генер. подскарбія, за старостью; выбраны были три кандидата и на этотъ урядъ, при чемъ въ число ихъ опять попалъ М—чъ. Малороссіей въ это время временно правилъ Шиповъ, настолько благорасположеный къ М—чу, что поручилъ послѣднему временное исправленіе уряда генер. подскарбія, „до указа". А когда вслѣдъ засимъ пріѣхалъ въ Глуховъ новый правитель Малороссіи генералъ Кейтъ, то и благорасположеніе этого замѣчательнаго по честности и образован-

ности шотландца-масона М—чъ съумѣлъ сразу же пріобрѣсти. М—чъ умѣлъ угодить Кейту—историческими своими знаніями и своего библіотекою; образованный Кейтъ пріѣхавъ въ Малороссію, захотѣлъ познакомиться съ исторіею послѣдней и источники для этого знакомства, повидимому, могъ найти у одного М—ча. Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда Кейта въ Глуховъ, М—чъ везетъ уже ему Пасторія—„De bello scytico-cosacico“ и еще двѣ книги, въ которыхъ, повидимому, тоже заключались историческія свѣдѣнія о Малороссіи. Снабжая Кейта книгами, М—чъ нерѣдко и „подпивалъ“ съ нимъ, повидимому заслуживъ расположеніе и этого правителя; но и изъ этихъ отношеній ничего существеннаго М—чъ не получилъ. Весною 1741 г. Кейтъ замѣненъ былъ Неплюевымъ, а вслѣдъ за отъѣздомъ Кейта изъ Малороссіи, полученъ былъ изъ Спб. указъ о назначеніи генер. подскарбіемъ Мих. Скоропадскаго, а не Марковича. На этотъ раза М—чъ кажется совсѣмъ оскорбился и находя, что оставаться ему, 45-тилѣтнему человѣку, въ подчиненномъ положеніи бунчуковаго товарища, уже не приличествовало, обратился къ тогдашнему правителю Леонтьеву съ просьбою выхлопотать ему по краней мѣрѣ чинъ „вакансоваго“ полковника; такъ какъ это былъ чинъ, а не должность, то Леотьевъ и не затруднился послать въ Спб. представленіе о „награжденіи“ М—ча этимъ чиномъ.—Затѣмъ, тогда же, М—чъ „подалъ генералу челобитье—о бытіи ему подъ особливою дирекціею войсковой генеральной канцеляріи“. Видимо, М—чъ находилъ неловкимъ оставаться въ средѣ той молодой по лѣтамъ старшины, которая, нося почетное званіе бунчуковыхъ товарищей состояла на посылкахъ у „генераловъ“ и генер. канцеляріи. Отличенъ былъ М—чъ въ концѣ 1741 г., когда онъ былъ выбранъ, въ числѣ трехъ, депутатомъ для посылки въ Спб., для поздравленія императрицы Елисаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ. Цѣлый годъ пробылъ М—чъ въ Петербургѣ и сохранилъ въ своемъ дневникѣ интересныя подробности о начальномъ времени возвышенія Разумовскаго. Никакихъ повышеній въ служебной лѣсницѣ М—чъ не добился и во время своеко пребыванія въ Петербургѣ; не сдѣлали его тамъ даже и

„вакансовымъ“ полковникомъ, чѣмъ М—чъ думалъ хотя нѣсколько успокоитъ свое честолюбіе. Вернулся М—чъ въ Глуховъ тѣмъ же бунчук. товарищемъ, и—потянулась для него тутъ прежняя однообразная жизнь, неизмѣнившая своего характера и съ возстановленіемъ гетманства. Въ Глуховѣ вмѣсто велико русскихъ „генераловъ“, явились свои—въ лицѣ Теплова, Семена Кочубея... Теперь пришлось годитъ имъ. Но скоро М—чъ убѣдился, что ни на какія служебныя повышенія ему за старостью разсчитывать нечего и—успокоился. Въ пятидесятыхъ годахъ стали умирать его друзья и „кондисципулы“ (М. Скоропадскій, Петръ Валькевичъ, Н. Ханенко); увидѣлъ и Марковичъ свою старость, и сталъ проситься у гетмана въ отставку, которую, въ мартѣ 1762 г., и получилъ, при чемъ „награжденъ“ былъ *чиномъ* генеральнаго подскарбія. Въ слѣдующемъ году окончилось въ Малороссіи и гетманство, на смѣну которому явился президентъ малороссійской коллегіи, сынъ стараго благопріятеля Марковича, Александра Ив—ча Румянцова. Пріязненныя отношенія установились у М—ча и съ этимъ президентомъ коллегіи тѣмъ болѣе, что президентъ, не располагая капиталами, принужденъ былъ обращаться за ссудою ихъ къ М—чу.—Въ апрѣлѣ 1767 г. посѣтилъ М—ча и предвѣстникъ конца жизни — параличъ, лишившій его возможности быть лично въ „собраніи шляхетства глуховскаго повѣта“, выбиравшаго депутата въ коммисію о сочиненіи уложенія. Впрочемъ черезъ два мѣсяца послѣ паралича М—чъ, будучи въ это время семидесятилѣтнимъ старикомъ, пробовалъ—„верхомъ поѣздить“... Но старость брала свое: въ декабрѣ 1767 г. М—чъ прекратилъ даже писаніе своего дневника, потому что потерялъ отъ старости зрѣніе. Проживъ слѣпцомъ почти три года, М—чъ умеръ 9 ноября 1770 г.—Къ этому бѣглому очерку жизни М—ча прибавимъ нѣсколько словъ о его семьѣ. Мы видѣли уже, что М—чъ 18-ти лѣтнимъ юношею женился на дочери Павла Полуботка. Отъ этой жены онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, Анна и Пелагея; обѣ онѣ были выданы замужъ за людей малозамѣтныхъ (старшая—за Степана Есимонтовскаго, а младшая—за Степана Пиковца); М—чъ не нашелъ „знатныхъ“ зя-

тей, соотвѣтствовавшихъ его достаткамъ [1]), или потому что дочери его были некрасивы или вслѣдствіе его скупости... Обѣихъ этихъ дочерей М—чъ пережилъ. Умерла въ 1745 г. и первая жена Марковича, долго передъ тѣмъ болѣвшая. Три года оставался М—чъ вдовцомъ и скучая полнымъ одиночествомъ, женился во второй разъ, имѣя отъ роду уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ старой Малороссіи соблюдался обычай, что вдовецъ можетъ жениться только на вдовѣ. Такую невѣсту М—чъ подыскалъ себѣ сначала въ лицѣ вдовы кіевскаго полковника Танскаго; но посватавшись на ней (въ февралѣ 1748 г.) М—чъ черезъ два дня почему то отъ этой невѣсты „политично“ отказался, а женился (въ маѣ того же года) на вдовѣ бунч. товарища Яворскаго. Отъ этой жены родился у М—ча, въ 1752 г., сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. О воспитаніи этого сына М—чъ очень заботился, какъ заботился, онъ впрочемъ и о воспитаніи всѣхъ дѣтей. Сначала „Миша“ учился дома, а четырнадцати лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка“. Но ученіе у этого Верта отца не удовлетворило и онъ, лѣтомъ 1767 г., отправилъ своего Мишу въ Москву, „для наученія, съ Иваномъ Осинскимъ и камердинеровъ при немъ два“... Отъ этого сына родилось нѣсколько сыновей, межъ которыми было два такихъ же книжныхъ человѣка, какимъ былъ и дѣдъ ихъ: одинъ Яковъ, начавшій было печатаніемъ свои „Записки о Малороссіи“ (первая и единственная книжка (98 стр.) которыхъ напечатана въ 1798 г.), но кончившій жизнь рано, самоубійствомъ (1804 г.), а другой—Александръ, издавшій въ 1859 г. дневникъ своего дѣда и вообще занимавшійся мѣстною стариною.—Происхожденіе этого дневника объясняется тѣмъ, что Яковъ М—чъ по природѣ своей былъ человѣкъ что называется книжный. Любилъ онъ книгу отъ младыхъ ногтей и за эту любовь къ ней былъ отличенъ знаменитымъ своимъ учителемъ Феофаномъ Прокоповичемъ.—Ближайшимъ поводомъ

---

[1]) У Марковича, въ 1744 г., было сто дворовъ крестьянъ, а изъ дневника видно, что немалый имѣлся у него и капиталъ, которымъ онъ не отказывался ссужать пріятелей, обыкновенно, обезпечивая себя при этомъ залогомъ.

къ началу дневника послужила коротенькая малороссійская „кроничка“, записанная Павломъ Полуботкомъ въ одномъ его рукописномъ сборникѣ, который потомъ попалъ къ Якову М—чу; встрѣтивъ эту „кроничку“, на ряду съ рецептами разныхъ водокъ, М—чъ сначала дополнилъ ее нѣсколькими событіями, потомъ, продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ“, какъ называлъ сначала онъ свой дневникъ [1]). Такіе дневники велись нерѣдко людьми книжнаго характера. Въ польской литературѣ напр. извѣстенъ „diaryusz priwatny“ витебскаго воеводы Храповицкаго, веденный во второй половинѣ XVII в. [2]). Въ Малороссіи такой дневникъ велъ, какъ извѣстно, „кондисципулъ“ М—ча по кіевской академіи—генер. хоружій Ханенко. Историческое значеніе этого рода памятниковъ заключается въ томъ, что въ нихъ мы находимъ достовѣрное изображеніе домашняго быта со всѣми мелочами ежедневной житейской сутолоки. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается значеніе и дневника М—ча, при чемъ важность собственно этого дневника значительно увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ обнимаетъ собою цѣлое полустолѣтіе. — Слабая сторона дневника М—ча заключается въ незначительности въ немъ политическаго матеріала. М—чъ по характеру былъ человѣкъ мелочной и скопидомъ. Эти главныя черты его характера всецѣло отразились и въ его дневникѣ. Всѣ мелочи жизни М—чъ старательно и неуклонно записывалъ въ своемъ дневникѣ отъ молодости и до глубокой старости. Мелочность записей доходитъ до того, что М—чъ съ точностью означаетъ напр. результаты принятія „порошку пургуючого“... Будучи скопидомомъ, авторъ

---

[1]) Мы нашли нелишнимъ внести въ текстъ дневника и „кроничку“ Полуботка, напечатавъ ее мелкимъ шрифтомъ, для отличія отъ прибавокъ Марковича.

[2]) Dyaryusz wojewody Witepskiego J. A. Chrapowickiego, wyłany z autentyku przez J. Rusieckiego z Trojanki. Odział pierwszy. Варшава. 1845. 8°. Изъ этого дневника, издатель ограничился напечатаніемъ только четырехъ лѣтъ (1668—672), обѣщавъ остальную часть его напечатать послѣ, но обѣщаніе это, сколько мы знаемъ, осталось неисполненнымъ. Въ дневникѣ Храповицкаго, между прочимъ, можно найти нѣкоторые нелишенные значенія факты для исторіи заднѣпровскаго козачества времени Дорошенка и Мих. Ханенка.

дневника неуклонно записывалъ мелочи своихъ хозяйскихъ дѣлъ и въ этихъ записяхъ сохранилъ для насъ частью—цѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ „пана“ къ его „подданнымъ“, а главнымъ образомъ—обильныя свѣдѣнія о тогдашней сельско-хозяйственной промышленности. Въ этомъ отношеніи дневникъ М—ча навсегда останется драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи экономической жизни старой Малороссіи. Политическій элементъ въ дневникѣ М—ча, какъ уже сказано, незначителенъ, быть можетъ по причинѣ особой осторожности автора, усвоенной имъ, кажется, послѣ тревожныхъ годовъ Полуботковой исторіи. Изъ дневника мы видимъ, что ко времени проѣзда А. И. Румянцева, въ 1723 г., на слѣдствіе въ Малороссію, М—чъ вырываетъ изъ этого дневника нѣсколько листовъ, боясь конечно, что царскій слѣдователь можетъ и до дневника добраться... Насколько справедливы были такія опасенія, мы не знаемъ, но эта боязнь М—ча могла отразиться и во всемъ послѣдующемъ содержаніи дневника. М—чъ, записывая факты изъ общественной жизни своей родины, ограничивается тѣми изъ нихъ, которые большею частью сохранились и въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе только описанія походовъ—сулацкаго, въ 1725—727, и—хотинскаго,—въ 1739 гг. Въ обоихъ описаніяхъ найдется немало любопытныхъ чертъ изъ военнаго быта „гетманскихъ козаковъ“, которые, какъ воины, въ это время, повидимому, потеряли уже совсѣмъ прежнюю свою славу и заслужили отъ Миниха сравненіе ихъ—въ походѣ—съ „мышами, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ“... Незначительны свѣдѣнія дневника и объ отдѣльныхъ лицахъ. Въ этомъ отношеніи дневникъ даетъ впрочемъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для знакомства съ личностью гетмана Апостола, этого героическаго еще козака, принужденнаго дѣйствовать подъ ферулою глуховскихъ „министровъ“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ подобныхъ свѣдѣній въ дневникѣ меньше и меньше.—Такимъ образомъ главное значеніе дневника М—ча заключается въ томъ, что онъ рисуетъ намъ ежедневную, будничную жизнь малорусскаго пана прошлаго столѣтія, который будучи вовсе не обремененъ общественными обязан-

ностями, проводилъ трудовую жизнь—въ заботахъ объ увеличеніи своихъ достатковъ, а отдыхъ—въ „подпиваніи“, соединенномъ съ игрою въ карты. Умственная жизнь въ этомъ обществѣ была развита мало, не смотря на то, что большинство средняго по достаткамъ малорусскаго панства получало образованіе въ кіевской академіи. Такія личности, какъ Яковъ Марковичъ и товарищъ его по академіи Николай Ханенко, въ этомъ обществѣ были исключеніями. И вотъ благодаря образованію и литературнымъ наклонностямъ этихъ двухъ „кондисципуловъ“, оба они и оставили намъ по дневнику. Дневникъ Ханенка уже напечатанъ. Дневникъ Марковича,—въ полномъ объемѣ,—начатъ печатаніемъ въ настоящей книгѣ. Остается пожелать, чтобы печатаніе его было доведено до конца... Дѣло это нелегкое по недостатку матерьяльныхъ средствъ—въ виду весьма значительнаго объема памятника, рукопись котораго состоитъ изъ *десяти* книгъ въ листъ. Объемъ и содержаніе ихъ слѣдующее:

1) Въ сборникѣ Полуботка находится начало дневника, обнимающее собою 1717—1722 гг. и начало 1723-го года, оканчивающееся записью 20-го февраля (стр. 12-я настоящаго изданія). Всего дневникъ здѣсь занимаетъ, съ „кроничкою“ Полуботка, 7 лл.

2) Заключаетъ въ себѣ записи, начиная съ 7-го марта 1723 г. и оканчивая 31-мъ декабря 1724 г. Начало рукописи утрачено. Въ настоящее время въ ней 75 лл. (См. стр. 178 настоящаго изданія).

3) Четыре года, 1725—1728.—300 лл., изъ которыхъ 21 листъ—чистые.

4) Два года, 1729—1730.—106 лл.

5) Шесть лѣтъ, 1731—1736.—271 лл.

6) Четыре года, 1737—1740.—188 лл.

7) Три года, 1741—1743.—164 лл.

8) Четыре года, 1744—1747.—204 лл.

9) Семь лѣтъ, 1748—1754.—212 лл. (Первые четыре листа заняты рецептами).

10) Восемь лѣтъ, 1755—1762 и 28 дней января 1763 г., при чемъ эта запись 1763 г.—переписана, чужою рукою, и въ слѣдующемъ томѣ.—210 лл.

11) Пять лѣтъ, 1763—1767 (13-го декабря).—160 лл.

Подлинникъ рукописи писанъ мелкимъ почеркомъ, который очень нерѣдко, особенно при выцвѣтшихъ чернилахъ, читается съ трудомъ. Нѣкоторыя слова остались нами неразобранны; они обозначены точками съ знакомъ вопроса въ скобкахъ. Во всемъ остальномъ—дневникъ печатается полностью, за исключеніемъ нѣкоторыхъ внесенныхъ въ дневникъ актовъ и выписокъ изъ книгъ и газетъ, которые если опускаются, то объ этомъ дѣлается оговорка. Поясненія въ подстрочныхъ выноскахъ, къ отдѣльнымъ мѣстамъ дневника, принадлежатъ намъ.

Подлинная рукопись дневника принадлежитъ нынѣ внуку его автора, Пармену Андреевичу Марковичу, и сохраняется въ той усадьбѣ села Сваркова, которую когда то съ такою заботливостью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

24 ноября, 1892 г. — Ал. Лазаревскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.